

Язык мой – Враг мой (12-я ред.)
«Печальные Откровения о Великом Лицемере и Могучем Душегубе»

Павло Даныльченко

[Предисловие \(12\)](#)

[Антропологическая лингвистика и лингвокультурология \(15\)](#)

[Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык \(20\)](#)

[Языковая картина мира \(22\)](#)

[Предвосхищение Фёдора Достоевского \(25\)](#)

[Ментальность, как архетипы бессознательного \(27\)](#)

[О возможности коррекции ментальности с помощью изменения или разрушения прежних «вербальных очков» \(31\)](#)

[О роли языка в формировании личности \(35\)](#)

[Язык, как главное средство подчинения \(42\)](#)

[О доминировании в русскоязычном примитивном обществе второй сигнальной системы над первой \(61\)](#)

[Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир вечно детства на новые орбиты развития \(71\)](#)

[Об аутистичности психики русскоязычного людашки \(77\)](#)

[От нереальности задач и целей всего лишь один шаг к депрессии \(83\)](#)

[О мнимости Правды и о действительности Кривды \(88\)](#)

[Идеализм, как основа примитивного общества челядишек \(94\)](#)

[Мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности \(105\)](#)

[Пристрастие русского синтаксиса к безличным оборотам \(107\)](#)

[Отождествление Кривды с Ложью \(109\)](#)

[Именно русский язык убеждает человека в том, что он является ничтожеством \(114\)](#)

[О правовом нигилизме \(117\)](#)

[Об отличном и конформизме \(129\)](#)

[О формальном отношении к выполняемой работе и пренебрежительном отношении ко всему окружающему \(132\)](#)

[Измененные состояния сознания русскоязычного человека \(136\)](#)

[О взаимном и возвратном влиянии слов на наш разум \(137\)](#)

[О неразличении в русской ЯКМ чувства, как ощущения, и чувства, как переживания \(146\)](#)

[Психическая или ментальная инфантильность русскоязычного населения \(156\)](#)

[Приверженность к коллективной ответственности и низкая индивидуальная гражданская активность русскоязычного населения \(144\)](#)

[Неспособность феминного и психически инфантильного русскоязычного населения к самостоятельному обустройству своей жизни \(176\)](#)

[О прогрессировании психической инфантильности в русскоязычном примитивном обществе \(191\)](#)

[О травмирующем воздействии на психику русскоязычных людей попыток](#)

[насильственного привития им нехолопского образа жизни \(192\)](#)

[Способствование русской ЯКМ развитию необратимого лингвopsихогенного инфантилизма \(196\)](#)

[О неизбежности ощущения проживания в «кольце врагов» у психически инфантильного русскоязычного населения \(207\)](#)

[Преобладание простодушного варианта органического характера психики у русскоязычного населения \(218\)](#)

[Заблуждение о генетической склонности россиян к развитию у них психической инфантильности \(221\)](#)

[О формировании легко зомбирующегося и абсолютно послушного властям холопа – гомосоветикуса \(235\)](#)

[О причинах более низкой, чем у украинцев, эффективности трудовой деятельности психически инфантильного русскоязычного населения \(249\)](#)

[Боязнь и избегание свободы \(267\)](#)

[Угрызения и муки совести, как следствие бессознательных лингвopsихических установок национальной ЯКМ \(282\)](#)

[Чрезмерная обострённость и эмоциональная окрашенность бессознательных реакций русскоязычного человека \(283\)](#)

[Постепенное извращение исихастской традицией и холопской культурой смысла нравственной лексики \(287\)](#)

[Индукцирование примитивизма и негативизма у русскоязычного населения его национальной ЯКМ \(294\)](#)

[Положительная комплементарность русскоязычных людей со всеми другими туранцами \(322\)](#)

[Лицемерие, ложь и безалаберность, как норма поведения психически инфантильного русскоязычного населения \(343\)](#)

[О величии и могуществе русского языка \(344\)](#)

[Влияние особенностей национальных ЯКМ на точность передачи образов и фраз \(364\)](#)

[Преимущественно безрассудное поведение русскоязычного человека \(366\)](#)

[Внутренняя форма слов \(368\)](#)

[Маложестность русскоязычного человека \(371\)](#)

[Седьмое – вербальное «чувство» русскоязычного людишки \(372\)](#)

[О неврожденности ментальности нации \(373\)](#)

[Значимость влияния исихазма на ментальность русскоязычного населения \(379\)](#)

[Черносотенство и большевизм как причина гибели русской культуры \(391\)](#)

[Русский мир «вечного детства» как кажимость \(407\)](#)

[Преимущественно оценочное восприятие действительности в русской ЯКМ и присущая ей лексическая шизофрения \(410\)](#)

[Соответствие ментальности населения его национальной ЯКМ \(415\)](#)

[Иррационализм и непродуктивность мышления русскоязычного человека \(419\)](#)

[Отсутствие любознательности у русскоязычных людей как следствие склонности их к психической гипердинамичности и фатализму \(462\)](#)

[Примитивность русскоязычного общества челядишек \(477\)](#)

[Поверхностное восприятие действительности русскоязычными людьми \(483\)](#)

[Природная жестокость русскоязычного людишки \(485\)](#)

[Природная лень русскоязычного людишки \(495\)](#)

[Вера в чудо и мечты о халяве как следствие психической инфантильности русскоязычного населения \(498\)](#)

[Переосмысление москвитями древнекиевской лексики \(502\)](#)

[Тотальное переосмысление морально-этической лексики русского языка \(503\)](#)

[Холопский образ жизни психически инфантильного русскоязычного населения \(504\)](#)

[Сочетание чрезмерно низкой самооценки с публичным высокомерием \(516\)](#)

[Бесчестье как основная черта характера русскоязычного людишки, уверовавшего, что уважение может быть вызвано лишь страхом \(520\)](#)

[Принципиальная неприемлемость понятия «честь» для холопского русскоязычного населения и его примитивного общества \(528\)](#)

[Пережиточная русская ЯКМ примитивного общества как источник бессмысленной жестокости и слепой ненависти \(535\)](#)

[Антиномичность сознания и поведения русскоязычных челядишек \(543\)](#)

[Подверженная усыплению совесть как неполноценный заменитель чести \(549\)](#)

[Обруселая Чудь не обогатила русского лексикона, но существенно обогатила великороссов в этнографическом отношении \(553\)](#)

[Тождественность русской и мокшанской ЯКМ \(557\)](#)

[Тюркские корни русскоязычного туранского этноса \(559\)](#)

[Влияние народного эпоса на ментальность русскоязычного населения \(564\)](#)

[Влияние русской ЯКМ на формирование алкогольной зависимости у потомков туранцев \(565\)](#)

[Индивидуальная стимуляция труда, как оказалось, слабо применима в России \(580\)](#)

[Парадигма вечно «бороться за светлое будущее» есть негативистский нонсенс \(603\)](#)

[Нерадивое отношение к работе и патологическая приверженность к халяве русскоязычных челядишек \(607\)](#)

[Приверженность к безответственному холопскому образу жизни \(621\)](#)

[Патологическая лживость русскоязычного людишки \(626\)](#)

[Наследие арианства, несторианства и мусульманства \(629\)](#)

[Циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству \(636\)](#)

[Негативные ассоциации, вызываемые в подсознании определительным местоимением «сам» \(640\)](#)

[Переосмысление москвитями церковнославянской и древнекиевской лексики \(643\)](#)

[Отсутствие у русскоязычного людишки бессознательного противления преступной деятельности \(645\)](#)

[Лексическая шизофрения \(652\)](#)

[Мат как основа лагерного и садистического административного жаргонов \(657\)](#)

[Садическая лексика – основное богатство русского языка \(666\)](#)

[Переосмысление москвитями древнекиевской \(праукраинской\) лексики \(668\)](#)

[Вполне закономерное вырождение русского новояза \(671\)](#)

[Немного о лексике украинского языка \(672\)](#)

[Изуродование ментальности русскоязычного человека \(677\)](#)

[Мы все выросли под впечатлением, что центральная Россия – это великая держава, а земля по ту сторону Волги – это ее колония \(681\)](#)

[В Россию надо просто верить \(700\)](#)

[Переход московитской знати на употребление вместо татарского тюрки и многочисленных славяно-финских суржиков французского языка \(701\)](#)

[Что ни слово в русском словаре, то иностранного происхождения! \(702\)](#)

[Русский язык – ксенофоб \(705\)](#)

[Мечты русскоязычных челядишек о предоставлении в России их мнимой «русской цивилизации» – «русскому миру» национальной резервации \(710\)](#)

[Последняя империя на планете Земля \(720\)](#)

[Амбициозность, беспомощность, обидчивость и паразитический образ жизни русскоязычных челядишек \(734\)](#)

[Весь строй, «склад или слог» русского литературного языка «варварски искажён» \(747\)](#)

[Начав говорить «словами без корня», русскоязычный человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться \(754\)](#)

[Фатализм и беспечность русскоязычного людишки \(760\)](#)

[Многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках \(762\)](#)

[Невозможность демократии в России ввиду низкой гражданской активности русскоязычного населения \(769\)](#)

[Непредсказуемость судьбы России как следствие непредсказуемости иррационального поведения её психически инфантильного населения \(778\)](#)

[Склавины же и анты судьбы не знают и не склонны к подчинению никому \(781\)](#)

[Холопство московитской знати \(790\)](#)

[Племена склавов, антов и полян \(русов\) никоим образом не склонны ни стать холопами, ни повиноваться \(795\)](#)

[Склонность к холопству и неимоверная злобность завистливых русскоязычных потомков туранцев \(797\)](#)

[Отрицательная комплементарность вольнолюбивого сарматского этноса балто-славян и русскоязычного холопского этноса туранцев \(801\)](#)

[Общепородного разговорного языка в Киевской Руси X – XII вв. не было \(814\)](#)

[Наследники Боспорского царства и Киевского государства \(820\)](#)

[Ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле \(826\)](#)

[Отвращение украинцев к москалям является таким большим, что это можно назвать презрением \(829\)](#)

[Благородные \(верховные и смуглые\) \(835\)](#)

[Атавистическое стремление психически инфантильного русскоязычного этноса к верховенству над всеми инородцами \(839\)](#)

Различие между россиянами и украинцами отчетливо проявляется как в их поэзии, так и в их песнях (842)

Холопы Лжи (845)

Франко-славяно-финно-тюркские пиджины бар (дворянства) и их прислуги (челяди) (846)

Мы, русские, от природы слишком беспечны, ленивы, равнодушны (848)

Притерпелость (849)

Естественная потребность примитивного общества в принуждении (851)

Имитация демократии (854)

Многочисленные переосмысления славянской лексики туранским этносом (857)

Специфика понимания концепта «УСПЕХ» в русской лингвокультуре (860)

Бесчестие и вороватость русскоязычного населения (864)

Аморальность, как естественное поведение русскоязычного людишки (872)

Воровство и обман в простом народе часто считаются похвальными (875)

Ложь и обман для русскоязычного этноса не являются серьёзными пороками (888)

Над пропастью во лжи (893)

У нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями (903)

Не избежала этой же участи и «обрусевшая» за советское время Украина (906)

Наиболее же склонными к лицемерию и лжи являются чиновники (907)

Неизбежность всеобъемлющей и тотальной лжи заложена в самом русском языке (910)

Крайний индивидуализм на фоне мнимого коллективизма (911)

То, что хорошо для умного подлеца, – хорошо для всей страны (922)

Черно-белое восприятие мира и апофатическое мышление, присущие примитивному сознанию и тоталитарным режимам (924)

Полярность и слабоумие русскоязычного людишки (933)

От преданности до предательства всего лишь один шаг (935)

«Трафарет ситуации», семантическое «заражение» и эмоциональная амбивалентность (941)

Варварство и вандализм русскоязычного человека (948)

В России для убийства не нужны никакие мотивы (965)

Власть шири над русской душой порождает ряд русских качеств и русских недостатков (968)

Стремление к покорению всех и вся в единении со смирением и с покорностью (973)

Учителя это начальники над детьми и не более того (975)

Подлый люд (983)

Науками в Москве вовсе не занимаются; они даже запрещены (985)

Слово «подлец» произошло не от слова «подлый» (991)

Бедный не лучше богатого, а хуже его во всех отношениях (992)

Россию населяет множество людей, которые просто органически не способны жить в современном мире (993)

Подобно тому, как русские по природе жестокосерды и как бы рождены для рабства, их и приходится держать под жестоким и суровым ярмом (1002)

Злоупотребление, перемешавшее значение слов: страх и страсть, преобратило и подобострастие в боязливую покорность (1004)

Необходимость заботиться не является нравственной потребностью для большинства русскоязычных людей (1006)

Умение знать истину без рассуждений (1011)

«Доброе хотение совести» русскоязычным людям так и не удалось привить (1012)

Под ответственным поведением в русской ЯКМ понимается вовсе не разумное и не мудрое, а всего лишь сознательное поведение индивидуума (1015)

А нынче нам нужна одна победа, одна на всех – мы за ценой не постоим (1020)

Все силы русского правописания – на стороне «мы» (1026)

Русско-советские люди – это и не народ и не нация, а всего лишь языковая общность людей (1028)

Чем меньше у личности самостоятельности в основном виде деятельности, тем вероятнее формирование у нее эмоциональных расстройств (1036)

Авторитарный принцип власти как необходимое условие существования психически инфантильного этноса (1040)

Трагические последствия переосмысления русской лексики (1043)

Неписанный закон русской жизни: «жить хорошо – плохо, а жить плохо – хорошо» (1053)

Использование пейоративной и энантиосемичной лексики и другие действенные способы эмоционального и образного воздействия на русскоязычного человека (1072)

О мнимом богатстве русского языка (1086)

Наружный лоск и «образованщина» (1094)

Историческое недоразумение... (1100)

...Или Паханат Россия (1113)

Население Паханата Россия (1116)

Раб не стремится стать вольным – он стремится стать господином (1119)

Озверение и склонность к суициду русскоязычного людишки (1127)

Склонность к эремофобии русскоязычного людишки (1134)

Наличие в русском языке весьма большого количества омонимов – вовсе не случайно (1134)

Предопределенность застоя и порухи в России (1137)

В России все носит печать рабства – нравы, стремления, образование и даже вплоть до самой свободы (1140)

Выражаясь поэтически, Размах а, выражаясь сухо, «отсутствие чувства меры» (1142)

Тоталитаризм и беспредел в русскоязычном примитивном обществе (1146)

Родина – уродина (1153)

Даже турки, гораздо семейственнее нас, великороссов (1160)

Туранское наследие (1191)

Начался новый имперский цикл, причем империя на наших глазах «руссеет» (1195)

Аз есмь зверь! И над зверьми царствую (1197)

Важнейшие атрибуты российской власти – несбыточные обещания и свирепая репрессия (1203)

Негражданственность русскоязычного населения (1206)

Дискредитация мужчины в быдлотворной русской ЯКМ (1210)

У славян было уважительное отношение к баранам: они почитались за символ силы, взросления, созревания (1213)

Нет, наверно, в мире литературы, столь же агрессивной и дидактичной, как русская (1219)

В стаде гамадрилов, на зоне и в России те, кто распределяет и контролирует, всегда выше тех, кто производит (1225)

Отличие ментальности русскоязычного людишки от ментальности романтического украинца (1230)

Несоответствие действительности понятия «восточнославянское языковое единство» (1232)

Дисгармоничное поведение русскоязычного человека (1236)

Одинокие в мире, мы миру ничего не дали (1237)

Есть две разные страны – Россия и Рассея (1240)

Не только ментальность русскоязычного населения, но и фонетика самого русского языка стала женственной (1243)

Уклончивость и размытость русской мысли (1246)

Русскоязычные люди научились не только «класть поруху на честь», но и крепко усыплять «гложущего их беса», то есть свою совесть (1248)

Просто надо потерпеть, пока народ-ребенок повзрослеет (1262)

Для обладателя рабских тенденций мышления рабство комфортно, а свобода выглядит пугающе (1264)

Русские стали жертвами собственных «добродетелей». Я не знаю ни одного другого народа, у которого бы деградация зашла так далеко, как у русских (1266)

Неспособность русскоязычных людей инкорпорироваться в нехолопские этносы и насильственная консолидация их с помощью круговой поруки (1278)

Попытки уничтожения великорусской меланомы русской культуры (1282)

Закостенелый порочный этнотип легко поборол не только насажденные элементы европейской культуры, но и языковую «вакцинацию» (1291)

Нация, чье прошлое не указываем властно того пути, по которому она должна двигаться, чьи традиции бессильны создать ее будущее (1295)

Русская ЯКМ обрекла Россию лишь на репрессивные модернизации (1298)

Может быть, всё же требуется новый подобный Петру Великому деспот, способный насильно избавить потомков россиян от пережиточной имперской русской ЯКМ? (1302)

Не на говорах своих предков, а на литературных языках своих господ во все времена и во всех государствах воспитывались лишь рабы и холопы (1312)

Использование знатью пережиточной имперской латыни для воспитания своих детей погрузило европейские народы в «темные века» (1317)

[Пока еще не преодолен инфантильный страх у русскоязычного населения перед вполне естественной стратификацией их примитивного общества](#) (1319)

[Возрождение общества принципиально невозможно без отказа от архаичной имперской русской ЯКМ](#) (1324)

[Русскоязычное население находится в Украине в гораздо лучшем положении, нежели в России](#) (1328)

[Как украинцам, так и россиянам всё-таки необходимо отказаться от своей убогой русскости и, наконец-то, стать просто людьми](#) (1331)

[Империя быдла и её два народа – гопники и лохи](#) (1333)

[Украина – не Россия](#) (1344)

[Украина, в отличие от России, никогда не станет государством-нянькой](#) (1350)

Приложение

Экскурсы в историю взаимоотношений туранцев и балто-славян с другими народностями

П.1. Азийская прародина гиксосов и всех других потомственных индоевропейцев

1.1 [Праиндоевропейцы – обитатели высокогорных котловин и предгорий Азии](#) (1354)

1.2 [Горцы-кривы, обитавшие в теснинах – ущельях и в гирлах рек](#) (1358)

П.2. Гиксосы и их потомки эдомиты и евреи ашкеназы (1369)

П.3. Арии и туранцы

3.1 [Концепт «славяне»](#) (1409)

3.2 [Неиндоевропейское происхождение русскоязычного населения России](#) (1426)

3.3 [Благодатная земля суперэтнуса краснокожих и брахикранных индоевропейцев](#) (1438)

3.4 [Миграция прабалто-славян из Индии в Китай и далее в Европу](#) (1439)

3.5 [Балто-славяноязычные жуны \(гунны\) – горцы](#) (1442)

3.6 [Балто-славяноязычные сарматы утии \(согдийцы\)](#) (1455)

3.7 [Прабалто-славяне – потомки кауравов и других ядавов](#) (1472)

3.8 [Угро-самодийские динлинские племена – потомки прадравидов](#) (1475)

3.9 [Сибирские предки бледнолицего долихокранного русскоязычного населения](#) (1482)

3.10 [Полиэтничный скифский мир](#) (1491)

3.11 [Народы, почитавшиеся как древние и благородные](#) (1518)

3.12 [Славянофонные дреговичи и древляне](#) (1520)

3.13 [Славяноязычие большинства болгарских племен](#) (1525)

3.14 [Балто-славяноязычие темно-краснокожих брахикранных сарматов и утиев](#) (1528)

3.15 [Угрозязычные сарматские и болгарские племена](#) (1530)

3.16 [Алтайская этнонимия и славяноязычие печенегов и предков таджиков](#) (1531)

3.17 [Происхождение современных германцев](#) (1544)

3.18 [Финноязычные скифы \(саки\) и их иранизированные потомки](#) (1571)

3.19 [Формирование протогерманской группы народов](#) (1581)

3.20 [О более позднем прибытии в Европу славян, нежели протогерманцев и балтов](#) (1588)

- 3.21 [Последствия вытеснения жунов циньским Му-гуном из Северного Китая](#) (1591)
- 3.22 [Скифские и дако-фракийские предки россиян](#) (1597)
- 3.23 [Участие потомков ахейцев морисенов в этногенезе марийцев](#) (1607)
- 3.24 [Предки мишар и мокшан, а также родственные им азийские племена](#) (1619)
- 3.25 [Протогерманцы первой волны миграции в Европу](#) (1627)
- 3.26 [Другие возможные потомки индийских ядавов](#) (1633)
- 3.27 [Ранние проникновения потомков ядавов в Восточную Европу](#) (1634)
- 3.28 [Миграция брахикранных ядавов в Малую Азию и на Балканы](#) (1636)
- 3.29 [Переселение потомков ядавов на Аппенины и далее в Западную Европу](#) (1648)
- 3.30 [Легендарная страна Дильмун – прародина индоевропейцев](#) (1655)
- 3.31 [Индия – прародина индоевропейских наречий и консонантно-слогового письма](#)
(1661)
- 3.32 [Исход брахикранных праевропейцев из Индии на Запад](#) (1665)
- 3.33 [Исход прабалто-славян из Индии в Южную Сибирь и в Северный Китай](#) (1668)
- 3.34 [Участие прабалтов в этногенезе карасукских племен и усуней](#) (670)
- 3.35 [Миграции на запад славяноязычных сарматов жунов](#) (1673)
- 3.36 [Первая миграция праславян на Северный Кавказ и в Европу](#) (1688)
- 3.37 [Загадочные акациры, вытесненные на север славяноязычными гуннами](#) (1701)
- 3.38 [Прабалто-славянская знать, контролировавшая торговые пути в Азии](#) (1702)
- 3.39 [Иранизация, германизация и тюркизация знати балто-славян](#) (1715)
- 3.40 [Балтоязычие именьковцев и финнизация потомков сарматов и юэчжи в Поволжье](#)
(1718)

П.4. Праиндоевропейцы не только горцы и «украинцы», но и первые металлурги на нашей планете (1725)

П.5. Смуглые европейцы – потомки азийских темно-краснокожих горцев

- 5.1 [Темно-краснокожесть древних индоевропейцев](#) (1728)
- 5.2 [Славяноязычие тёмно-краснокожих сарматов, юэчжийцев, аланов и античных германцев / сермендов](#) (1737)
- 5.3 [Славяноязычие свебов \(славов\) – предков балтийских славян и юго-западных финнов \(финнедов\)](#) (1740)
- 5.4 [Проблема этногенеза современных германцев](#) (1744)
- 5.5 [Черноволосяе потомки античных германцев варяги-вагры](#) (1752)
- 5.6 [Формирование современных германских языков на неиндоевропейских этнических субстратах](#) (1775)
- 5.7 [Переосмысление этнонима германцы и перенос его в средневековье на долихокранных потомков аборигенов Европы](#) (1778)
- 5.8 [Тёмноволосая сарматская знать европейских народов](#) (1780)
- 5.9 [Деградация и опрощение \(редукция\) чуждой европейским аборигенам и сако-массагетам балто-славянской лексики](#) (1793)
- 5.10 [Мелодичность речи потомков лангобардов итальянцев и потомков свебов швабов](#)
(1803)
- 5.11 [Своеобразная комбинация антропологических черт у средневекового населения](#)

Швеции и Дании (1807)

5.12 Литературный готский язык славянской знати (1809)

5.13 Славяноязычные готы гревтунги (хорутаны) предки не только южных австрийцев и словенцев, а и горидов украинцев (1816)

5.14 Славяноязычие винулов (лангобардов), вандалов и англов (1822)

5.15 Тёмно-краснокожие предки славян – аланы, античные германцы и гунны (1825)

5.16 Славяне, германцы, галлы и римляне, приносящие дары Оттону III (1827)

5.17 Краснолицые князья Древней Руси (1830)

П.6. Праиндоевропейцы – этнос брахикранных потомков «змей» и «лунной расы»

6.1 Брахицефалия древних славян (1833)

6.2 Метисные потомки индоевропейцев (1847)

6.3 Культ змеи у индоевропейцев (1851)

6.4 Этимология этнонима сакалиба (1859)

6.5 Участие частично тюркизировавшихся потомков славяноязычных сарматов и юэчжи в этногенезе японцев (1862)

6.6 Славяно-японские лексические схождения (1868)

6.7 Славяно-тунгусо-маньчжурские и славяно-китайские лексические схождения (1884)

6.8 Славяноязычные юэчжи – элита сяньбийских и тунгусо-маньчжурских племён, мигрировавших в Японию (1889)

6.9 Приход предков славян в Европу из Северного Китая и Южной Сибири (1892)

6.10 Индия – колыбель цивилизации (1893)

6.11 Европейцы – потомки «лунной расы» (1901)

6.12 Возможный исход прабалто-славян из Индостана вследствие катаклизмов (1904)

6.13 Дравидский суперстрат, индоарийский и тохаро-балто-славянский адстраты в языках финно-угров и самодийцев (1913)

6.14 Антропологическая и этнографическая неоднородность финно-угорских народностей (1918)

6.15 Свидетельства проживания предков славян в Азии и на Северном Кавказе (1922)

П.7. 7.1 Византийцы нарекают их русийа – темно-красные, рудые (1925)

7.2 Преимущественная славяноязычность большинства аланских и юэчжийских племен (1971)

П.8. Темно-краснокожие и брахикранные жуны, сарматы, юэчжи и аланы – предки балто-славян

8.1 Темно-краснокожие русы и карахазары тоже – предки украинцев (1980)

8.2 Германизация знатных родов тёмно-краснокожих и брахикранных готов (1996)

8.3 Миграция славяноязычных и тюркоязычных аланов на Северный Кавказ и в Европу (2046)

8.4 Брахикранные жуны и юэчжи – основные предки балто-славяноязычных племен (2053)

П.9. Этимология этнонима хурусы и других родственных ему этнонимов

- 9.1 [Мужские воинские союзы](#) (2058)
- 9.2 [Этимология и возможные переосмысления этнонима русы](#) (2062)
- 9.3 [Возможная тождественность смыслов этнонимов арии, жуны \(гунны\) и хурусы \(русы\)](#) (2064)
- 9.4 [Значение слова русый](#) (2067)
- 9.5 [Возможная связь многих экзоэтнонимов с краснотой или же со смуглостью кожи их носителей](#) (2069)
- 9.6 [Возможность иных переосмыслений экзоэтнонимов краснокожих народов](#) (2075)
- 9.7 [Поляне, чёрные клобуки \(черкасы\) и их потомки запорожские казаки – основные предки украинцев](#) (2078)
- 9.8 [Тёмно-краснокожие финно-угроязычные и тунгусо-маньчжуроязычные ас-сакалиба](#) (2081)

П.10. Славяноязычие полян (ясов, касогов, торков, берендеев, черкас) и многих других сармато-аланских и гуннских (жунских) племён

- 10.1 [Кубанские и пятигорские черкасы](#) (2085)
- 10.2 [Загадочные чиги](#) (2092)
- 10.3 [Существенное древнее влияние славянских наречий на кавказские языки](#) (2096)
- 10.4 [Брахикранные предки украинцев и других потомственных славян – горцы и жители предгорий](#) (2102)
- 10.5 [Горная этимология этнонима аланы](#) (2111)
- 10.6 [Изгнание из Северного Китая прабалто-славяноязычных европеоидов ди и других жунов](#) (2114)

П.11. [Историческая миссия сарматов и алан](#) (2119)

П.12. 12.1 [Все потомственные индоевропейцы испокон веков – «украинцы»](#) (2121)

12.2 [Тождественность концептов «uttama», «ḍkroṣ» и «оукраина»](#) (2126)

1) [«Высший, верхний»](#) (2129)

2) [«Наружный \(внешний\), поверхностный, отдельный»](#) (2137)

3) [«Крайний»](#) (2158)

4) [«Наилучший, превосходный, отличный \(отменный, уютный, укромный\)»](#)

(2163)

12.3 [Украинцы – обитатели благодатной земли Украина](#) (2174)

12.4 [Украинцы – горцы, верховинцы, верховные](#) (2176)

12.5 [Возможные этимологии этнонимов анты, венеды, таджики и дулебы](#) (2178)

12.6 [Возможные этимологии этнонима северяне](#) (2184)

П.13. [И ведь же не только индоевропейцы были «украинцами»](#) (2188)

П.14. 14.1 [Несклонность славян к подчинению а, следовательно, и к созданию централизованных государств и империй](#) (2193)

14.2 [Украинцы – бережане](#) (2195)

П.15. 15.1 [Праиндоевропейцы и опекаемые ими инородцы](#) (2196)

15.2 [Древние цяны эпохи Шан-Инь – возможные предки как тунгусо-маньчжурских и некоторых финно-угорских племён, так и малых юэчжи](#) (2200)

П.16. [Перечень иллюстраций](#) (2202)

Предисловие

В последнее время появились работы, связывающие менталитет русских людей с их генотипом. Кое-кто на основе особенностей русского менталитета даже пытается ввести в обиход такое понятие как «русская раса». И это имеет место, несмотря на наличие строгих доказательств, как физиологами, так и психиатрами того, что человеческий мозг полностью сформировался уже в глубокой древности и что латентные умственные способности человека никак не зависят от его расовых анатомических и физиологических особенностей. Поэтому-то, если бы удалось клонировать человека, проживавшего несколько тысячелетий назад, то развитие его психики определялось бы преимущественно процессом созревания лобных долей коры головного мозга. И, следовательно, его интеллектуальные способности, и его менталитет были бы примерно такими же, как и у большинства современных людей, воспитанных как на общей с ним языковой картине мира (то есть в той же самой языковой среде), так и в одной и той же культурной среде. Конечно же, эволюционный процесс брахицефализации человека у долихокранных этносов немного отстает. Однако же это вовсе не означает, что латентные способности их индивидуумов к умственному развитию существенно хуже, нежели у индивидуумов брахикранных этносов (круглоголовых, «яйцеголовых»). Ведь ранняя брахицефализация праиндоевропейцев была вызвана всего лишь более ранним переходом их (по сравнению с туранцами) к оседлости и к новому типу хозяйства – земледелию. Именно это и является основной причиной долихокранности большинства нынешних русскоязычных потомков туранцев.

В предлагаемом обобщении всех известных автору фактов и наблюдений других лиц показано, что менталитет русскоязычного человека формируется в процессе созревания лобных долей коры головного мозга непосредственно его языковой картиной мира (мировосприятием и мировоззрением, запечатленными в языке), а именно – основанным на ней бессознательным становлением личности и существенно менее – осознаваемым личностью воспитанием. Как русскоязычные россияне, так и русскоязычные украинцы, евреи, немцы, армяне и др. имеют одни и те же порочные черты характера, и поэтому-то на Западе и принято всех русскоязычных людей называть русскими, независимо от их национального происхождения. Разница между ними заключается, прежде всего, в том, что одни из них абсолютно не стесняются своих порочных черт характера и беспрекословно покоряются стихии своих необузданных разумом влечений, другие же тщательно их скрывают и предаются разуму вместо чувств, подавляя свое бессознательное влечение к порокам волевыми усилиями. Не соответствовать полностью родному языку языковая картина мира может лишь в случае, если дети воспитывались на картине мира, запечатленной в каких-либо базах знаний. Так, например, многие русскоязычные евреи, ознакомившиеся с самого детства с картиной мира Торы (благодаря постоянному общению со своими родителями), бессознательно используют внутренние формы не русских слов, а соответствующих им слов Торы. И, тем самым, они частично подменяют пережиточную русскую языковую картину мира языковой картиной мира Торы. Это-то и позволяет им существенно снизить пагубное влияние порочной русской языковой картины мира на свой

менталитет. Однако же бытовая ментальность русскоязычных евреев всё же очень близка к бытовой ментальности и всех других психически инфантильных русскоязычных людей. Поэтому-то за рубежом и бывших советских евреев тоже называют русскими. Многие русскоязычные евреи подобно русскоязычным туранцам страдают детским зазнайством и нетерпимостью к инакомыслию других людей. Стоит кому-нибудь лишь немного усомниться во мнимом величии их предков или же нации, так они сразу же обзовут его антисемитом, подобно тому как туранцы в таком же случае обзывают русофобом. Если же они не в состоянии возразить на обоснованные доводы собеседника, то часто подобно туранцам впадают в истерику и даже раздражаются бранью.

Как видим, любые объяснения несовершенства ментальности русскоязычных россиян и украинцев (хорошо известного и им самим) ущербностью их национального генотипа не имеют под собой никаких оснований и являются ни чем иным, как проявлением расизма. Психологи «расисты» коллективное сознательное народа – народную культуру ошибочно противопоставляют некому врожденному национальному генотипу, а не коллективному бессознательному народа, несущему в себе информацию психического мира всей нации и закрепляющемуся в подсознании каждого индивидуума вместе с национальной языковой картиной мира в процессе длительного созревания лобных долей коры головного мозга. Именно дефицитарность (неполнота, ущербность, незрелость, плохая детализированность, поверхностность) и порочность (несовершенство, пережиточность, крайняя примитивность, превратность, ложность) русской языковой картины мира, а не мнимый русский национальный генотип, ответственны как за психогенную (лингвопсихогенную) инфантильность, так и за порочный холопский менталитет большинства русскоязычных людей. Эти ментально инфантильные люди, обладающие преимущественно простодушным вариантом органического характера психики, не способны или же просто не привыкли подавлять волевыми усилиями свои бессознательные влечения, вызванные соответствующими их пережиточной языковой картине мира порочными и тлетворными бессознательными лингвопсихическими установками.

Учитывая важность для русскоязычного человека преимущественно убедительности, а не доказательности утверждений (как это подметили многие философы и психологи), автор вполне сознательно максимально обнажил все недостатки русскоязычного человека, приведя самые нелюбимые откровения не только всемирно известных философов, психиатров, психологов, лингвистов и филологов, но и историков, писателей, журналистов и даже просто очень наблюдательных рядовых людей. Поэтому-то он, конечно же, рискует быть обвиненным ультрапатриотами или же ценителями русского языка в русофобии, несмотря на то, что и сам является русскоязычным и, к тому же, с самого детства привык мыслить на русском языке. Однако, так как это – вполне естественная реакция для русскоязычного человека, то никаких обид со стороны автора на это не будет. Автор живет среди русскоязычных людей. Большинство его родственников, друзей и просто знакомых тоже русскоязычны. И вот им то всем он и хочет помочь избавиться своих потомков от лингвопсихогенной инфантильности и связанного с ней порочного менталитета. Возможно, некоторые из них не поймут его и затаят на него обиду. И с этим, конечно же, придется смириться, – ведь насильно мил не будешь. Как говорят французы: «Такова жизнь».

Так как всё излагаемое далее является публицистическим произведением, а не строго научной работой, то с целью придания большей убедительности некоторым своим утверждениям автор вполне сознательно не избегал также и экспрессивной лексики, и эмоционально окрашенных оценок возможных последствий влияния быдлотворной русской языковой картины мира на судьбы людей и государств. Такие же эмоциональные высказывания содержатся и во многих цитатах, воспроизводящих взгляды других людей на рассматриваемые здесь проблемы. Поэтому, чтобы те люди, которые искренне относят себя к воображаемому ими русскому этносу (русскому миру), не слишком травмировали свою психику, им нужно четко понимать следующее. Там, где авторы цитируемых здесь печальных откровений используют терминологию «русский», все же следует понимать «русскоязычный человек». Большинство рассматриваемых здесь проблем являются, прежде всего, языковыми (лингвопсихогенными), а не этническими.

По заключению многих российских психиатров и психологов почти половина населения России является человеком-ребёнком, фактически тождественным как холопу (человеку-рабёнку), так и психическому инфантилу в соответствии с взглядами западных психиатров и психологов на это отклонения от присущей европейцам психической нормы. Однако, несмотря на то, что на Западе это считается отклонением от нормы, в русскоязычном примитивном обществе это может рассматриваться как присущая его индивидуумам самобытность, являющаяся вполне приемлемой нормой как для россиян, так и для некоторых других недостаточно цивилизованных народов.

Конечно же, никакого четкого разграничения между нормальным и психически или же ментально инфантильным человеком (человеком-ребенком) провести принципиально не возможно, так как всем людям в той или иной степени присущи детские реакции на вызовы окружающей их действительности. И, следовательно, среди русскоязычных людей тоже можно найти определенное количество вполне самостоятельных и критически мыслящих людей, которых не возможно отнести к психическим инфантилам. Конечно же, пусть даже и небольшое количество таких психически неинфантильных русскоязычных людей не должно принимать на свой счет все изложенные здесь негативные черты характера психически инфантильного русскоязычного человека. Поэтому автор использовал здесь не только более лаконичный, но и толерантный термин «людишка» (уменьш. от ст.-слав. «людинъ» – «свободный человек», подобно «Ивашка» – уменьш. от «Иван»), формально тождественный как российскому термину «человек-ребенок», так и западному термину «психический инфантил». Подобным образом характеризовали себя психически инфантильные бояре Московии, подписывая свои челобитные к Ивану Грозному следующим образом: «Твой холоп Степашка». Во избежание же применения во множественном числе имеющего негативную оценочную коннотацию слова «людишки» использованы присущие русскому языку семантические связи. А именно: «людишка, но мн. ч. челядишки» (мн. ч. уменьшительного от устарелого «челядин» – слуга, что подобно: «человек, но мн. ч. люди», причём понятие «слуги государства» рассматривается здесь в более широком смысле, нежели государственные служащие).

В ходе исторических и лингвистических исследований автору удалось проникнуть в некоторые исторические «тайны» и установить возможные этимологии многих этнонимов, а

также и концепты, соответствующие, как термину «Украина», так и наименованию державы Украина. Некоторые исторические гипотезы, высказанные автором, конечно же, являются очень смелыми и нуждаются в дальнейшем более детальном обосновании. Для того чтобы предлагаемый материал был доступен для понимания как можно более широкому контингенту интересующихся проблемами, находящимися на стыке многих наук (лингвистики, психологии, философии, истории, археологии, антропологии, генетики и др.), автор старался употреблять как можно меньше специальных терминов. Поэтому, он приносит свои извинения всем специалистам в области этих наук за возможные терминологические некорректности.

Многие цитируемые документы снабжены непосредственно по тексту цитат необходимыми пояснениями или же уточнениями автора данного аналитического исследования. И это имеет место особенно тогда, когда информация, содержащаяся в цитатах, допускает двоякое толкование её или же не отвечает полностью воззрениям, к которым пришёл автор в процессе своего исследования.

Так как исторические экскурсы, сопутствующие изложению основного материала, оказались весьма объёмными, то во избежание негативного влияния на его восприятие постоянных отвлечений на исторические темы последние вынесены в Приложение и доступны благодаря возможности перехода к ним по внутренним гиперссылкам.

Для возможности ознакомления с полным текстом документов (статей, книг) извлеченные из них цитаты, как правило, снабжены внешними гиперссылками. Однако же некоторые из внешних гиперссылок могут не активироваться в самом тексте из-за предусмотренной программным обеспечением защиты документов от источников информации, к которым имеется не достаточно высокое доверие. Тогда такие гиперссылки следует скопировать и поместить в любом из поисковиков Интернета. Если же гиперссылки «устарели», то тогда, конечно же, поиск необходимого документа придётся производить размещением в поисковике небольшой части текста цитаты.

Антропологическая лингвистика и лингвокультурология

«Переход лингвистики на антропологическую парадигму, совершившийся в последние десятилетия XX в., стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит триединство «человек – язык – культура»... В основе сопоставительной лингвокультурологии как самостоятельного научного направления лежит конкретная лингвокультурологическая концепция, согласно которой взаимопроникновение языка и культуры представляется настолько тесным, что по сути количество языковых единиц, не содержащих в той или иной степени культурный компонент, минимально» (Гаухар Алимжанова, Диссертация «Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы», <http://kk.convdocs.org/docs/index-2724.html?page=5>).

Различные направления антропологической лингвистики восходят, как известно, к концепции Вильгельма фон Гумбольдта, который видел в языке воплощение и проявление

духа народа, его миропонимания и менталитета:

«Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе, те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Эдуард Сепир, цит. по: Бенджамин Ли Уорф, «Отношение норм поведения и мышления к языку», <http://kant.narod.ru/whorf.htm>);

«Лингвистическая относительность означает, что мировосприятие человека обусловлено языковыми структурами:

- язык определяет человеческое мышление и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании;
- люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира;
- язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека;
- от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления;
- лингвистическая система в известной мере определяет связанную с ней понятийную систему;
- основа лингвистической системы в значительной степени предопределяет связанное с ней мировоззрение;
- кроме проблемы языкового представления достигнутого знания, есть проблема понимания этого знания адресатом.

Гипотеза Сепира – Уорфа показывает, что материальный мир в различных языках представлен по-разному. Так как истина – это соответствие знания действительности, а любое теоретическое построение – текст, то (с учетом гипотезы лингвистической относительности) очевидно, что адекватного отражения реальности быть не может. Используемый язык ограничивает исследователя, ставит его в определенные рамки. Иными словами, реальность преломляется через призму языка, и для разных языков (народов) угол этого преломления различен. Знание поэтому не столько идеальный образ действительности, сколько некое приближение к этому идеальному образу. Следовательно, язык не просто средство отображения мысли, но и средство формирования ее» («Краткий курс лекций по дисциплине «Философия» // Язык и сознание», http://studme.org/37258/filosofiya/eticheskiy_smysl_soznaniya);

«Тема языка – одна из центральных тем интеллектуальной и культурной жизни

нашего столетия. Такого внимания к нему ни одна из предыдущих эпох не знала. Над природой языка размышляли много и давно, по крайней мере, со времен античности, но в XX веке в развитии европейской культуры произошло то, что можно назвать – «лингвистическим поворотом»: стало осознаваться, что язык – не только, даже не в первую очередь, – «орудие мысли» и посредник между человеком и реальностью. Он был открыт как самостоятельная реальность, которая создает и самого человека, и его мир. Оказалось, что его можно сделать моделью понимания и человека, и многих человеческих явлений. И даже не только человеческих. Это – одно из важнейших открытий нашего века, у которого были большие последствия... «Открытие» языка в качестве самостоятельной реальности – это, по сути дела, не столько открытие, сколько воспоминание. Ведь слово уже было самостоятельной реальностью и имело онтологический статус, причем даже гораздо ранее и христианства, и ветхозаветного иудаизма: в магии и, шире, вообще в магических культурах. Чувство реальности и власти слова для человека на самом деле изначально. Память об этом сохранялась всегда, просто оказывалась вытесненной в определенные культурные эпохи, но настало время, и она вернулась...» (Ольга Балла, «Примечания к ненаписанному», т. 1, http://imwerden.de/pdf/balla_primechaniya_k_nenapisannomu_tom1_2010.pdf; <https://docplayer.ru/45274253-Olga-balla-primechaniya-k-nenapisannomu.html>);

«Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» (Лев Выготский, «Мышление и речь», http://pedlib.ru/Books/1/0162/1_0162-324.shtml ; <https://studopedia.org/13-57010.html>);

«Слово – первичная характеристика природы человека, так как всё сущее для человека первоначально предстаёт в слове. Слово необходимо человеку для того, чтобы высказывать мысли, через него человек воспринимает других людей, происходящее. Слово характеризует и самого говорящего. Через отношение к слову нередко выносятся оценка не только индивиду, но и большой совокупности людей (народ, нация). Слово может использоваться как орудие манипуляции сознанием и поведением людей...» (Елена Шатова, автореф. дис. «Философская антропология Томаса Манна в контексте немецкой философии XVIII – первой половины XX вв.», <http://www.dissercat.com/content/filosofskaya-antropologiya-tomasa-manna-v-kontekste-nemetskoi-filosofii-xviii-pervoi-polovin>);

«Под манипуляциями общественным мнением обычно понимают способ управления народными массами путем сознательного обмана, а также создания иллюзий и условий для контроля над их поведением. На самом деле речь идет о прямом вмешательстве в глубинные психические структуры огромных масс людей с целью лишить их свободы выбора и сделать марионеткам власти в готовящейся холодной или горячей войне. Главным средством такой манипуляции становятся «ложь, в которую хотят верить» и «спекуляция на вождельниях, которые хотят разжечь». Конечной целью зомбирования или «промывки мозгов» (brainwashing) становится контроль над народонаселением, его абсолютная управляемость и

послушность, а также внедрение в сознание масс ложных идей и представлений путем бесперебойного массированного распространения необходимой власти информации...» (Игорь Гарин, «Искаженные мозги», <https://www.proza.ru/2015/06/29/1128>);

«Слово настолько сильно воздействует на человека, что оно может превратиться в орудие манипуляции его сознанием, поведением. Оно необходимо человеку для того, чтобы «снискать себе любовь и создать согревающее единство душевным выражением простейших и самоочевидных истин» [Т. Манн, «Марио и волшебник», 1930, с. 248]. Рассказывая «побасенки», «сказки-басни», которые представляют собой повествование любой истории, происшедшем, человек «обвораживает людей» [там же, с. 250]. К слову часто прибегают, руководствуясь потребностью достижения единомыслия и сплочения, используя его потенциал не всегда в благих делах [там же, с. 246]. Благодаря мастерскому владению словом человек имеет возможность «расположить к себе» людей, при этом он вовсе не обязательно наделён *sympatico* (ит. симпатичными) «моральными и этическими мерилami» нрава [там же, с. 251]. И если это удаётся подобному мастеру красноречия, «очень бойкому на язык и находчивому», то последствия для остальных могут быть очень плачевными [там же, с. 251]. Ярким примером подобного воздействия на людей словом является созданный Манном образ фокусника Чиполлы («Марио и волшебник», 1930). Изъясняясь «чётко и свободно», «обольщая ... своими речами», волшебник побеждал «личную апатию и молчаливое возмущение», достигал эффекта «магнетического внушения» [там же, с. 247, 249, 251, 253]... Именно слово представляет собой те «избитые образцы», по которым течёт «жизнь человеческая», ибо «жизнь стара и косна только в словесном обличье, сама же по себе она всегда нова и молода» [Т. Манн, Избранник: роман; новеллы; статьи]...» (В.А. Скоробогатов, Е.Н. Шатова, «Слово как феномен человеческого бытия в философской антропологии Томаса Манна», Вестник ЛГУ, Философия, 2015, №3, <http://philosophy.lengu.ru/wp-content/uploads/2015/10/Слово-как-феномен-человеческого-бытия.pdf>; <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-kak-fenomen-chelovecheskogo-bytiya-v-filosofskoy-antropologii-tomasa-manna>);

«Я не верю ни одному русскому слову: ни официальному, ни печатному, ни оппозиционному, ни независимому, ни бытовому – каждое слово содержит в себе подвох, угрозу, насилие, опасность для жизни. Я научен, естественно, горьким опытом, но я невольно поддаюсь слову, потому что, как у всякого русского, у меня тоска по надежде. В такой неловкой ситуации, с воспаленными нервными окончаниями я изобретаю для себя субъективно авторитетное слово, которое становится со временем авторитарным. Я ищу и пытаю его методом исключения из исключения: прогоняю через медные трубы, вывариваю в кипятке, проверяю на запретность и разрешенность, сверяюсь с друзьями, перечеркиваю и воскрешаю. Или, забыв обо всем, просто влюбляюсь в слово и верю ему «на слово»...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Любимый писатель», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в

устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем не заменимо... Лишь при помощи языка созданы грамматические категории и параллельные им общие разряды философской мысли; вне языка они не существуют и в разных языках различны. Самое содержание мысли относится к этим категориям различно в разных языках даже народов сродных и живущих в сходных физических условиях, неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо. Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усиление его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияние лишь посредственно. Это усиление может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» (Александр Потебня, «Язык и народность» // «Эстетика и поэтика», http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml);

«Из громадного многообразия созданных человеком систем разговорный (или естественный) язык является одной из самых сложных и загадочных. С началом расширения и развития языка многие ученые связывают начало выделения homo sapiens из мира остальных живых существ Земли. Мы в своей повседневной деятельности привыкли рассматривать разговорный язык в основном как средство общения и пользуемся им, порой не задумываясь о тех скрытых или неявно выраженных интеллектуальных ресурсах, которые в нем заложены. Тесная связь между языком и мышлением понимается многими людьми, не связанными профессионально с философией или лингвистикой, весьма поверхностно. Для многих очевидно, что мышление – это некий сложный процесс, с помощью которого решаются житейские, научные или философские проблемы и рождаются гениальные идеи или роковые заблуждения. Язык же понимается многими просто как средство, с помощью которого результаты мышления можно передать современникам или оставить потомкам. Но, связав в своем сознании мышление с понятием «процесс», а язык с понятием «средство», мы по сути перестаем замечать тот непреложный факт, что в данном случае «средство» не подчинено полностью «процессу», а в зависимости от нашего целенаправленного или неосознанного выбора тех или иных словесных штампов оказывает сильнейшее влияние на ход и результат самого «процесса». Причем известно немало случаев, когда такое «обратное влияние» оказывается не только тормозом для правильного мышления, но порою даже его разрушителем» (д.ф.-м.н. Борис Кулик, «С чем идет современная логика в XXI век?», http://logic-cor.narod.ru/s_chem.htm);

«Я вижу Россию не вчуже,
И нет у меня удивления:
Разруха – в умах, а снаружи –
Всего лишь её проявления»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/02.htm>).

Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык

Действительно: «Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык. Различия в философии и духовной жизни стоят в неосознаваемой зависимости от классификации, которую осуществляет язык» (Иоганн Лео Вайсгербер):

«С точки зрения Л. Вайсгербера, попытки людей (в том числе и ученых) освободиться от власти родного языка всегда обречены на провал. В этом состоял главный постулат его философии языка. Объективный (= безъязыковой, невербальный) путь познания он не признавал. Отсюда следовало и его решение вопроса о соотношении науки и языка: раз уж от влияния языка наука освободиться не в состоянии, то надо превратить язык в ее союзника. ...его логика в этой статье, как и в его дальнейшем научном творчестве, всегда опиралась на понимание языка как промежуточного мира (Zwischenwelt) между человеком и внешним миром. Под человеком здесь надо иметь в виду и ученого, который, как и все прочие, по Л. Вайсгерберу, не в состоянии в своей исследовательской деятельности освободиться от уз, налагаемых на него картиной мира, заключенной в его родном языке. Он обречен видеть мир сквозь призму родного языка. Он обречен исследовать предмет по тем направлениям, которые ему предсказывает его родной язык... Но наибольшими «мировоззренческими» возможностями обладает лексическая система языка. Вот почему вайсгерберовская концепция языковой картины мира является подчеркнута словоцентрической. Вот почему центральное место в ней занимает категория *Worten der Welt* (вербализации или ословливания мира). Вот почему его образ языковой картины мира выглядит по преимуществу как система лексических полей» (Валерий Даниленко, «Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера», <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>);

«Не язык как таковой, а заключённая в нём особая точка зрения на мир со стороны его носителей всегда находилась в центре внимания Л. Вайсгербера. Подобную позицию по отношению к своим героям занимал в своих полифонических романах Ф.М. Достоевский. М.М. Бахтин писал: «Герой интересуется Достоевского как особая точка зрения на мир» (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 54). Язык интересуется Л. Вайсгербера, скажем мы, как особая точка зрения на мир. Выходит, Л. Вайсгербер в языкознании – это всё равно что Ф.М. Достоевский в искусстве...» (Валерий Даниленко, «Введение в языкознание: курс лекций // Контрастивная лексикология», <http://flibusta.site/b/370243/read> ; <https://librolife.ru/g4299457>);

«На мой взгляд, сегодня на место мысли встал язык. Мы имеем дело с событиями языка. Какая тут философия! Ну разве философия была когда-нибудь событием языка? Нет! Язык – это дело десятое, двенадцатое, ну неизвестно какое. Если вы следите за философией, то вы не можете не видеть, как язык проникает в неязыковое. Следовательно, сегодня современная философия является тем, что прямо противоположно духу античной философии... Я стараюсь работать с языком, я пытаюсь его почувствовать, потому что

русская философия вообще была близка к литературе, и эта близость лежит на нас тяжелым бременем... Но, если язык встал на место мысли, – это смерть...» (Фёдор Гиренок, «Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними», <http://fedorgirenok.narod.ru/stenogramma.htm>);

«Язык – это не только способ называния и обмена информацией – это особенный способ мышления. Если у человека нет этого корня – языка, культуры, земли своих предков, его легко зомбировать – посмотрите на восток Украины. Когда мы поднимаем вопрос языка, в первую очередь говорим о его национальной принадлежности. Но мы забываем, что язык – один из мощнейших инструментов развития словесно-логического мышления...» (филолог Оксана Тищенко, из интервью Алексею Батурину, «Языковой барьер. Как политика влияет на украинский язык», <https://focus.ua/society/368165/>);

«Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в системе аспектов языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа» (Виктор Виноградов, «Основные типы лексических значений слова», Избр. тр.: Лексикология и лексикография, М., 1977, С. 162–189, <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm>);

«Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что выше определялось словом культура в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Метафора с зеркалом уже не так точна, как казалась вначале, потому что зеркало оказывается кривым: его перекосят обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением» (Светлана Тер-Минасова, «Язык и межкультурная коммуникация // Язык как зеркало культуры», <http://www.uraledu.ru/node/8373>; http://sbiblio.com/biblio/archive/ter_jasik/01.aspx; www.npu.edu.ua/e-book/book/djvu/A/iif_kgpm_terminasova-mizhkyltyrna.doc);

«Ситуация выглядит несколько странно: философия всегда озабочена тонко

дифференцированной экспозицией смысла, но столетие назад она на первый взгляд «вдруг» обратилась к языку, причем не столько к языку, на котором она мыслит, а к языку, обитающему на такой территории, территории «здорового смысла», *sensus communis*, где философия просто невозможна. Более того, такой язык стремится не просто поглотить философию, но и заместить саму действительность мышления. Агрессивность языка здорового смысла выливается в его неукротимую тотализацию, – он стал всем и неумолимо заместил собой все, причем таким образом, что «мир» превратился в «отражение», «отблеск» языка», языковая данность – в онтологическое доказательство существования. Безусловно, язык обладает почти мистической силой. Еще Хайдеггер отмечал, что перевод греческой философии на латынь был величайшей трагедией для философского мышления. И самым главным эффектом этого перевода было уничтожение одного из оснований философии, – понятие логоса, уничтожение, приведшее к расколу логоса на язык и мышление. И это расщепление охватило и Я. Язык действительно способен навязывать свою «логику», более того, он может стать единственно возможным критерием существования, – «принцип Шахразады», и тогда язык перестает говорить о «мире», Я и т.п., – *der Sprache spricht*, замещая в этом «говорении» бытийность как таковую бытийностью языка, существованием в языке. Все это предполагает не только тщательность и осторожность в обращении с когитальными предложениями языка, но требует «войны против языка», «войны с языком», и как это ни звучит парадоксально, «войны во имя языка», во имя языка, дабы вернуть ему его истинную бытийность и интеллигибельность. Эта война разворачивается на территории мышления и ведется за смыслы, способные взрывать язык и раскрывающие сопряжение, часто трагическое, «логики языка» и «логики мышления», а цель этой борьбы – связать язык и мышление и включить эту связанность в бытийную размерность» (Вячеслав Сухачев, ««Совращение языком» и во имя чего стоит с ним вести борьбу», <https://cyberleninka.ru/article/n/sovraschenie-yazykom-i-vo-imya-chego-stoit-s-nim-vesti-borbu>; <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/2181/1983>).

Языковая картина мира

«Объектом семантического описания стало мировидение, отображенное в структуре языка, получившее название языковая картина мира (ЯКМ). Понятие «ЯКМ» основано на положении о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. воплощает в значениях слов и их композиций свой специфический способ концептуализации действительности, и, следовательно, можно утверждать, что каждый конкретный язык отражает обыденное мировидение, интерпретирует и формирует этнокартину мира... Языковые репрезентации этих смысловых универсалий в их связи со специфичностью языка становятся объектами семантических исследований, объединенных общей задачей показать, как тот или иной язык отображает мир... Хотя ЯКМ не тождественна мировоззрению, она тесно связана с ним, поскольку отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира (мировосприятия через «вербальные очки», – П.Д.), характерный для представителей определенной культуры. Кроме того, ЯКМ отчасти формирует тип отношения человека к миру и задает нормы его поведения. Н.Д. Арутюнова замечает: «Мир

для современного человека двойственен. Он распадается на Универсум, или Чуждый мир (ср. «Оно» М. Бубера, «Autre» французских экзистенциалистов), и мир человеческого существования, «наличного бытия» (ср. «Dasien» М. Хайдеггера). Первый бесконечен, безграничен, но (в принципе) исчислим. В Универсуме все подчинено законам, единым для всех. В мире человека царствует его величество случай: представления человека о жизни национально специфичны. Естественный язык отражает мир человека в национально специфических вариантах...» (Лариса Никитина, «Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка», http://www.modernlib.ru/books/larisa_borisovna_nikitina/antropocentristskaya_semantika_obraz_homo_sapiens_po_dannim_russkogo_yazika/read_1/; «Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности», http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_KM_2.pdf).

«Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике. Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа... Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов» (Валентина Маслова, «Лингвокультурология», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php; <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/yazik-kultura/yazikovaya-kartina-mira-i-empiricheskoe-obidennoe-soznanie-chast-3/1918/?q=641&n=1918>; см. также: «Статус картины мира в антропоцентрической парадигме», <http://www.linguisticj.stateuniversity.ks.ua/archive/2013/18/6.pdf>).

«В исследовании любых фрагментов языковой картины мира ведущей является

лексическая система языка. «Отображенная в лексических единицах – словах и словосочетаниях – абстракция представляет собой «отсроченное» мышление, вербально выраженное знание внешнего мира». И далее: «Лексико-семантическая система больше, чем какая-либо другая, обеспечивает функционирование языка как средства общения». Основным содержательным элементом языковой картины мира, по Ю.Н. Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка» (К.В. Томашевская, «Способы мифологизации сознания через экономический дискурс», <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1290>).

«Представления о месте человека («я») в мире и в обществе входят в ряд важнейших философских понятий, обусловленных характером национального менталитета. Язык определенным образом «подсказывает» человеку, каким образом он должен строить свои отношения с окружающими, с «другими», близкими или далекими ему. В роли «подсказок» очень часто выступают оценочные коннотации. В случае с местоимениями они неявны, проявляются лишь в конкретной речевой ситуации. Однако и в самой системе языка оценочные коннотации местоимений могут проявляться достаточно наглядно, например, в производных словах, в устойчивых выражениях (фразеологизмах) с отчетливо обозначенной оценкой, в типичном употреблении в текстах...» (Л.Г. Смирнова, «Оценочность местоимений в русском языке», <http://russkayarech.ru/files/issues/2011/1/11-smirnova.pdf>).

«Вопрос о векторе детерминированности национального менталитета и языка решается следующим образом: на этапе становления этноса и его языка внешняя среда обитания (климат, рельеф, растительность и т.п. факторы) играет решающую роль в формировании генотипа народа (точнее, этнотипа народа, так как генетическим кодом менталитет не закрепляется, а передается вместе с традициями от поколения к поколению, – П.Д.), включающего основные черты национального характера и национального менталитета. Эти черты запечатлеваются в матрицах национального языка (прежде всего в лексике). На более поздних этапах развития социума роль внешней среды уменьшается или совсем перестаёт существовать, язык становится основным фактором преобладания национальных особенностей характера и менталитета, выполняя роль «когнитивно-этнической вакцины», с помощью которой более поздним поколениям «прививаются» сформированные ранее национально-специфические черты ментальности и характера» (Олег Корнилов, автореф. дис. «Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов», <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-kartiny-mira-kak-otrazheniya-natsionalnykh-mentalitetov>).

«...менталитет в своих признаках есть наивно целостная картина мира в её ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных

экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; менталитет проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создаёт этноментальное пространство народа на данной территории его существования» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность», – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; «Русская ментальность в языке и тексте», <https://www.litmir.me/br/?b=561147&p=3>).

«Кроме того, языковой образ внутреннего человека, в отличие от его рационально созданных научных моделей, не осознается или слабо осознается носителями языка, ибо представления, его образующие, существуют главным образом в качестве внутренней, содержательной формы языковых и речевых единиц. Формирующие ЯКМ представления о мире, в том числе о внутреннем мире человека, находящие отражение в семантике языка, в спонтанной речи как бы «навязываются» всем говорящим на нем в качестве обычных, стереотипных, конвенциональных способов репрезентации реальности, так как они относятся в своем большинстве к «области действия бессознательной социальной психологии» [Постовалова 1998: 22]. Целенаправленным, осознанным является лишь осуществляемый в ходе решения специальных коммуникативных задач творческий поиск наиболее адекватного варианта передачи формирующейся мысли средствами языка [Бондарко 1978: 87], что характеризует далеко не всех носителей языка, а только тех, для кого работа со словом – профессия, увлечение, образ жизни» (Елена Коськина, дис. канд. филолог. наук: «Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент», <http://www.ref.by/refs/105/1860/1.htm>).

«В логике внимание направлено на специальные языковые структуры, на однозначное связывание посылок и заключений, на простые схемы рассуждений. Всеми другими языковыми структурами в логике пренебрегают. Эти структуры могут получаться, например, благодаря ассоциациям между определенными промежуточными значениями слов; так, например, второстепенное значение слова, почти не оставляющее следа в нашем сознании, может все же существенно повлиять на содержание предложения, когда это слово произнесено. Тот факт, что любое слово может вызвать в нашем мышлении многие, только наполовину осознаваемые движения, может быть использован для того, чтобы выразить с помощью языка определенные стороны действительности более отчетливо, чем это было бы возможно с помощью логической схемы...» (Вернер Гейзенберг, «Физика и философия», <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1120000859&p=14>).

Предвосхищение Фёдора Достоевского

О существовании неосознаваемой внутренней формы лексической информации, содержащейся в ЯКМ, догадывался уже Достоевский:

«Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые;

таких идей много как бы слитых с душой человека... Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать бессознательно» (Федор Достоевский, «Дневник писателя», 1873, <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn01.htm>);

«Иными словами, это культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления (и ему соответствующая ЯКМ, – П.Д.), порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения. Подобные представления часто не осознаются на рациональном уровне самими носителями той или иной культуры (точнее ЯКМ, – П.Д.), но могут быть выделены в результате специального научного описания... Для нас принципиально важно то обстоятельство, что приводимые выше суждения о бессознательном Достоевский высказал уже в январе 1873г. Еще не сформулированы фрейдовские постулаты о личном бессознательном, тем более юнгианские тезисы о бессознательном коллективном. В «Дневнике писателя» не только «предвосхищаются» эти научные идеи, но и вполне отчетливо говорится о коллективном бессознательном народа, которое «передается из поколения в поколение», имеет именно православную основу, определяющую, в конечном итоге, все другие стороны жизни христианской России, включая, разумеется, и собственно культурные предпочтения» (И.А. Есаулов, «Культурное бессознательное и русская словесность», <http://www.orthodoxy.lt/zapisi/kulturnoe-bessoznatelnoe-i-russkaya-slovesnost>);

«Как писал Бахтин (впрочем, он здесь не оригинален): «Идей в себе», в платоновском смысле или «идеального бытия» в смысле феноменологов Достоевский не знает, не созерцает, не изображает. Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими – были бы «в себе» («Проблемы поэтики Достоевского»). «Мир идей» для Достоевского – это лишь просвечивание в словесное бытие внутренней сущности человека. Поэтому его роман – это вовсе не «идеологический роман», не «роман идей», а роман антропологический, где личность рассматривается через смутную, но единственно возможную для писателя призму – призму словесного мира. Личность не живет в этом мире, а осуществляется через него и тем самым обнажается, становится относительно понятной, понимаемой. Идеи в романах Достоевского постоянно трансформируются, но эта трансформация иллюзорна. Идеи неподвижны и статичны. В мире идей нет времени (Платон). Но сама личность крайне динамична и ее переход от одной идеи другой, внешне спонтанный, но внутренне, подсознательно обусловленный, не только возможен, но и закономерен. Эту закономерность и исследует Достоевский. Вот почему сами идеи ему не интересны – они для него иллюзия, мираж. «Что мысли. Мысли бывают разные»...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«Вот в этом вся суть: у нас, русских, нет внутреннего понятия о времени, о часе, о «пора». Мы и слова этого почти не знаем. Ощущение это чуждо. Рано для революции (ну, конечно) и поздно для реформ (без сомнения!)... Нет выхода. Но и не может быть его у народа, который не понимает слова «пора» и не умеет произнести в пору это слово... Если мы ничего не сделаем – сделается «что-то» само. И лик его темен» (Зинаида Гиппиус,

«Дневник», 17.11.1916, <https://project1917.ru/heroes/zinaida-gippius>);

«Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается полной загадкой для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем, и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и решений составляют некоторую черту нашего характера. Я убежден, что народный характер необычайно устойчив, быть может, он даже всегда остается тем же, и самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают только его скрытые, но всегда присутствовавшие потенции; так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его судьбу... Характер человека не есть, однако, что-то явное, очевидное; напротив, он есть нечто скрытое. Поэтому трудно понять характер и возможны неожиданности. Как часто люди говорят: «Вот этого я от тебя никогда не ожидал». Характер имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания. Там, в этой подпочве, подготавливаются землетрясения и взрывы, которые нельзя объяснить, если смотреть на внешнюю поверхность (surface exterieure). В особенности это применимо к русскому народу. Все герои Достоевского поражают такими выходками и вспышками. И весь русский народ в целом поразил мир своим революционным извержением. Нужно сказать, что область подсознательного в душе русского человека занимает исключительное место. Он чаще всего не знает, чего он хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело» (Б.П. Вышеславцев, «Русский национальный характер», <http://www.kph.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/vopros/11.html>);

«Мы, русские, на мифы падки.
Хоть землю ешь, хоть спирт глуши,
Мы все – заложники загадки
Своей же собственной души.
Змею истории голубим,
Но как словами ни криви,
Себя до ненависти любим
И ненавидим до любви.
Заздравные вздымая чаши,
Клянем извечную судьбу, –
Болит избранничество наше,
Как свежее клеймо во лбу»

(Инна Лиснянская, «Мы, русские, на мифы падки...», 2001, <http://libverse.ru/lisnianskaya/mu-rysskiye-na-mifi-padki.html>).

Ментальность, как архетипы бессознательного

«Ментальность есть естественное духовное проявление самобытности мироощущения, миропонимания и мироотношения к природе и обществу, как отдельного

индивида, так и определенных сообществ. Ментальность не рефлексруется сознанием, а эмоционально отражается в поступках людей. К.Г. Юнг это называл: «архетипы бессознательного» (К.С. Романова, «Российская ментальность и либерализм», <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-mentalnost-i-liberalizm>; www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2005/11.pdf).

«К.Г. Юнг считал, что все люди обладают врожденной способностью подсознательно образовывать некоторые общие символы – архетипы, которые проявляются в сновидениях, мифах, сказках, легендах. В архетипах, по К. Юнгу, выражается «коллективное бессознательное», т.е. та часть бессознательного, которая не является результатом личного опыта, а унаследована человеком от предков (с помощью бессознательных лингвопсихических установок их ЯКМ, – П.Д.). Архетип – это «психический орган», вырастающий в душе человека «как цветок». Современная наука подтвердила, что архетип – это глубокий уровень бессознательного. В рамках генетической теории К. Юнг устанавливает тесную связь архетипа с мифологией: мифология – хранилище архетипов. Таким образом, первобытный образ, названный однажды архетипом, всегда коллективен, т.е. он является общим для отдельных народов и эпох. По всей вероятности, наиболее важные мифологические мотивы общи для всех времен и народов. Человек находится во власти архетипов до такой степени, какой он себе и представить не может, т.е. современный человек даже не понимает, насколько он находится во власти иррационального» (Валентина Маслова, «Лингвокультурология», <http://robotlibrary.com/book/396-lingvokulturologiya-maslova-v-a/17-Page17.html>; <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/osnovnie-ponyatia/obekt-i-predmet-issledovaniya-v-lingvokulturologii-chast-2/1909/?q=641&n=1909>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php);

«Как отмечал Г. Лебон: «каждый человек – представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все индивидуумы одной и той же расы, образуют душу народа». Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих направлениях. По Лебону народ, раса должна быть рассматриваема как постоянное существо, которое состоит не только из живущих индивидуумов, но также из длинного ряда мёртвых, которые были их предками. Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Мы несём тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели. Фрейд сделал важный вывод, что во сне люди дикари, сон – из древних пластов неосознаваемого и в нем память пращуров. Он же первым научно обосновал, что в подсознании человека отложились (с помощью бессознательных лингвопсихических установок национальной ЯКМ, – П.Д.) опыт и заповеди его пращуров. Подсознание выступает как величайший компьютер, в котором содержится информация, воспринятая в течении жизни многих поколений, (а также и программное обеспечение с алгоритмами, запечатленными как в грамматике языка, так и в архетипах, сформированных ЯКМ, народными преданиями, обычаями и суевериями, – П.Д.). Как бы дополнением к сказанному служат слова Либона: «умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию, но и внушают нам также свои мысли». Эта общность чувств, наследственных

традиций, интересов, вкусов, верований, моральных и интеллектуальных способностей, климатических условий формируют основную черту характера народа... Ученые и мыслители давно отмечали в своих наблюдениях над характером того или иного народа преобладание мужских (янских) или женских (иньских) качеств. Существуют существенные различия в языковом строе народов с женским и мужских началом, в самой структуре словообразования лексемы... Тип ян характеризуется чувствительностью к окружению и стремлением изменить окружающую среду, инь – тип не чувствителен к окружению и адаптирует себя к среде, а не среду к себе. Существуют и смешанные типы более устойчивые, приспособляемые чем ян и инь. Формальными маркерами янских языков является больше употребление глагольных форм, выражающих действие – процесс, иньских языков – преобладание прилагательных форм, смешанные типы в зависимости от преобладания у них инь и ян образуют в диалоге устойчивые пары на лингвистическом уровне – это признак конструктивной коммуникации. Языковые особенности характеризуют предрасположенность субъекта общения к определенному способу вербального поведения человека на трех уровнях, который позволяет реконструировать глубинные процессы психологии личности, с помощью языковых черт. Австрийский ученый О. Вейнигер считал: «Нельзя считать ни мужчину, ни женщину по отдельности выразителем человеческой сущности, таковыми они являются только в их совокупности. Нельзя также думать, что каждый отдельный человек целиком принадлежит одному полу: в каждом мужчине есть женские черты характера, в каждой женщине – мужские. Характер человека и многие его склонности и привычки определяется соотношением и того и другого начала в его душе»...» (Н.М. Будаев, «Западные тюрки в странах Востока. Лексические параллели японского и карачаево-балкарского языков» <https://www.rulit.me/books/zapadnye-tyurki-v-stranah-vostoka-leksicheskie-paralleli-yaponskogo-i-karachaevo-balkarskogo-yazykov-read-456416-92.html>);

«...стоит задача отрационализировать, перевести в план сознания и сформулировать некоторые ценностные структуры, существующие в каждом социализированном культурном существе на бессознательном уровне. Точно так же, как грамматические правила порождения высказывания известны каждому носителю языка, хотя он исключительно редко формулирует их для себя в вербальной форме, эти бессознательные ценностные структуры существуют в каждом представителе данного этноса, представляя собой порождающую грамматику поведения. В каждом человеке, принадлежащем к тому или иному обществу, они заложены воспитанием. «Именно лингвистика, точнее, структурная лингвистика, – пишет Леви-Стросс, – приучила нас к мысли о том, что фундаментальные духовные явления, которые обуславливают и определяют общие формы языка, располагаются на уровне бессознательного». Между языком (точнее: запечатлённым в языке мировосприятием – языковой картиной мира, – П.Д.) и культурой (точнее: запечатлённой в культуре государственной идеологией, – П.Д.) есть прямая связь, и не только по аналогии: «Язык является условием культуры, поскольку последняя обладает сходной с языком архитектурой... Язык также можно рассматривать как основу, на которую нередко накладываются более сложные структуры того же типа, соответствующие различным аспектам культуры» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном

характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava2.php);

«Понимание лексики как материализации национального видения мира предполагает нечто большее, чем то, что поддаётся логическому исчислению и кодификации. Такие категории как дух народа, дух языка, красота и колорит языка, эстетическое наслаждение языком и т.п. выходят за рамки формально-логического описания и относятся уже к сфере эмоциональной интерпретации языковых фактов. В этом смысле понятие НЯКМ (национальная ЯКМ, – П.Д.) шире и менее определённо, чем понятие лексико-семантической системы языка. Лексика становится воплощением национального мироощущения (точнее, мировосприятия, – П.Д.), мироосмысления и мирооценки, когда человек начинает её чувствовать (бессознательно воспринимать, – П.Д.), а стадии чувствования языка неизбежно предшествует стадия знания, состоящая именно в чётком представлении места любого слова в трёхмерном семантическом пространстве и в составе определённой рубрики идеографической классификации национальной лексики... Лексика – главный элемент языка, понимаемого как «дом бытия духа народа». В этом качестве она с полным правом может претендовать на роль картины мира – языковой картины мира того или иного народа, несущей в себе не только его представления о мире, но и ценнейшую информацию о самом народе, его характере и ментальности» (Олег Корнилов, автореф. дис. «Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов»),

<http://www.dissercat.com/content/yazykovye-kartiny-mira-kak-otrazheniya-natsionalnykh-mentalitetov>);

«Феноменология образа и символа, знака и кода получила глубокое развитие в рамках семиотики, особую ценность в этом плане имеют труды Ф. Де Соссюра, Р. Барта, М.М. Бахтина, В.Я. Проппа. Лейтмотив семиотических исследований единый: образ связывает текст и внетекстовую реальность. Методами семиотического анализа представители этого направления детально изучили конструкцию текста, с помощью которой задаются контуры словесного образа. Было показано, что специфика языка, посредством которого осуществляется конструирование, определяется социальным контекстом. Контекстуальность языка образа, на которой акцентируют исследовательское внимание многие семиологи, представляет собой не просто пассивное отражение условий общественной жизни, но и несет в себе идею активного воздействия на социальные процессы. В полной мере эта идея получила развитие в концепции «война языков» Р. Барта. В соответствии с этим подходом образ, который формируется в рамках определенного дискурса, продуцирует на общество отношения доминирования и является средством социальной борьбы. Вопрос о роли бессознательного в процессе конструирования образов рассматривается представителями психоаналитического направления. Первые подходы к данной проблеме сделал в своих трудах основатель психоанализа З. Фрейд. Бессознательное, согласно фрейдизму, скрыто управляет сознательной жизнью людей...» (Петр Корнилов, автореф. дис. «Конструирование образа современного военного конфликта средствами массовой информации: Социологический анализ», <http://www.dissercat.com/content/konstruirovanie-obraza-sovremennogo-voennogo-konflikta-sredstvami-massovoi-informatsii-sotsi>).

О возможности коррекции ментальности с помощью изменения или разрушения прежних «вербальных очков»

«Важнейшей из семиотических систем является язык, с помощью которого и на территории которого может осуществляться разрушение духовных оснований жизни народа через изменение или разрушение языковой картины мира (прежних «вербальных очков», – П.Д.). Такие изменения и разрушения заметны сегодня в большом потоке лексических заимствований из английского языка, а также в заимствовании стиля жизни и образа мысли, которые также находят свое выражение в языке и вносят изменения в языковую картину мира, неразрывным образом связанную с национальным характером, особым духом народа, его менталитетом как особым вариантом представления бытия, с которым и связана сохранность его культуры и его исторической жизни» (Л.П. Лобанова, «Языковая картина мира в информационных войнах», <http://www.portal-slovo.ru/philology/43814.php>).

«Конечно, прежде всего, следует иметь в виду, что исторические (даже и на уровне микродиахронии) изменения словарного состава нередко свидетельствуют об изменениях ментальности (иногда – и о чьих-то попытках изменить её). Ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Владимир Колесов, «Язык и ментальность», СПб., 2004, 15]. Трансформировать ментальность, таким образом, можно с помощью «обратной связи», то есть путем регулирования частотности каких-то слов и устойчивых словосочетаний, их переосмысления, придания им коннотаций, стилистической маркированности либо ремаркации и прочее. С течением времени – при условии определенной настойчивости пропагандистов и агитаторов (иначе – политтехнологов) и эффективности имеющихся у них технических возможностей, времени исторически непродолжительного – в сознании этносоциума, носителя конкретного языка и соответствующей ментальности, происходят метаморфозы, программируемые идеологами-языкотворцами» (А.Д. Васильев, «Игры в слова: население вместо народа», <http://www.philology.ru/linguistics2/vasilyev-07.htm>).

«Интересный факт, который упускают из виду историки и политологи: в 1914 году наряду с защитой границ и территориальной целостности Российской империи во время Первой мировой войны вопрос языка был равновелик. Священный Синод начал проводить контрреформы языка. Именно в это время Санкт-Петербург превратился в Петроград, аэроплан стал самолетом, локомотив – паровозом. Это было иммунное противостояние тому, что я сейчас бы назвал процессом, сходным с трансгенными технологиями – когда генетическому коду прививается чуждый ген. Соответственно, организм становится другим. Это другой биологический вид. И наши с вами соотечественники 100 лет тому назад без всяких наук это понимали на уровне метафизики. Это было то, что не нуждается в объяснениях. В это время нация была синонимом языка» (Роман Газенко, из интервью: «Духовный черныбыль как необъявленная агрессия», <http://zavtra.ru/content/view/duhovnyj-chernobyil-kak-neobyavlenaya-agressiya/>).

«Русская ментальность ближайшим образом отражается в словах. Именно слова быстрее всего отзываются на изменения, происходящие в жизни и в сознании человека. Но они же и сохраняют в своем образном подтексте старинные свои смыслы – образные в своей «внутренней форме» и символические в устойчивых сочетаниях слов, данных с типичным признаком определения» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-297.html>).

«Язык – то, чем дети заболевают как скарлатиной, когда они «переползают» в так называемый «символический порядок» и когда возникает эффект сообщающихся сосудов в смысле приобщения к языку. Одновременно происходит вербализация оптики. С возрастом возникают сложные языковые отношения – например, перенос смысла с «отца» на «отечество», с «отечества» на литературу или искусство и т.д. В символическом регистре перенос – это эйдетическая, то есть трафаретная, как ты (фотограф Борис Михайлов, – П.Д.) говоришь, операция. Но до актуализации языка, до приобщения младенца к языковому миру он – предположительно – видит лишь то, что видит глаз, то есть созерцает «чистую» визуальность... Дитя улыбается, когда к нему подходят мать и отец. У него есть визуальные сенсации. Но дело не в этом. Когда говорят о вхождении в речь, то предполагается, что мы купили билет в одну сторону, то есть туда, но не обратно...» (Виктор Тупицын, «Смысл подмены истории в выстраивании своей истории...», <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Smysl-podmeny-istorii-v-vystraivanii-svoej-istorii>).

«Учение о языке как идеологической надстройке открывает перед языкознанием совершенно новые перспективы, которые вряд ли пока оценены в полной мере. Одно ясно уже сейчас: языковедное направление, которое рассматривает и изучает язык как идеологическую надстройку, должно во главу угла всей работы поставить семасиологию, понимая ее в широком смысле, т.е. имея в виду не только развитие значения слов, но также формальных элементов, синтаксических и стилистических типов, короче говоря, всего, в чем так или иначе выявляется надстроечная природа языка» (Василий Абаев, «Понятие идеосемантики», 1948, <http://www.philology.ru/linguistics1/abaev-48.htm>).

«Человек пребывает в определенной картине мира, но во всех деталях ее не знает, а часто и не догадывается о ее организующей силе. При этом для субъекта картина мира всегда является внутренне безусловно достоверной, и фрагменты ее воспринимаются субъектом как сама реальность. В. Набоков сказал в интервью телевидению Би-Би-Си: «Реальность – вещь весьма субъективная. Я могу определить ее только как своего рода постепенное накопление сведений и как специализацию. Если мы возьмем, например, лилию или какой-нибудь другой природный объект, то для натуралиста лилия более реальна, чем для обычного человека. Но она куда более реальна для ботаника. А еще одного уровня реальности достигает тот ботаник, который специализируется по лилиям. Можно, так сказать, подбираться к реальности все ближе и ближе, но все будет недостаточно близко, потому что реальность – это бесконечная последовательность ступеней, уровней восприятия,

двойных доньшек, и потому она неиссякаема и непостижима. Вы можете узнавать все больше о конкретной вещи, но вы никогда не можете узнать о ней всего: это безнадежно». Это относится и к экономической реальности и ставит перед вопросом о типах языковой личности, ее постигающих, и о лексической структуре их экономического дискурса» (К.В. Томашевская, «Способы мифологизации сознания через экономический дискурс», <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1290>).

«Язык способен создавать вербальные иллюзии, как бы словесный мираж, который подменяет собой реальность. Вербальные иллюзии играют большую роль в создании социальных стереотипов, например, национальных стереотипов «немца», «чукчи», «лиц кавказской национальности», которые формируют национальные предрассудки. В умы людей внедряются словесные штампы, которые окрашивают мир в нужный цвет: светлое будущее, великая нерушимая дружба народов, великие свершения и т.д. Неслучайно правители тоталитарных государств проявляют особое внимание к языку: борьба Ленина за «очистку» языка, статья Сталина о языке, борьба Брежнева с «заражением» языка иностранной лексикой и т.д. Ведь именно благодаря языку человек воспринимает вымысел как реальность, переживает и осмысливает несуществующее, страдает и наслаждается, испытывает катарсис (ср. слова русского поэта – «над вымыслом слезами обольюсь»). Все это возможно лишь благодаря естественному языку, а также другим семиотическим системам (языкам кино, красок, жестов). Ведущее место среди всех языков занимает естественный язык, ибо языковой знак способен стать экспонентом культуры. Язык тесно связан с мифологией, религией, наукой и другими формами познания мира. Х.Г. Гадамер писал, что философия срослась с языком и только в языке имеет свое бытие» (Валентина Маслова, «Лингвокультурология», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php; <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/yazik-kultura/vzaimosvyaz-yazika-i-kulturi-prodolzhenie/1915/?q=641&n=1915>).

«Люди боятся воспринимать мир трезво. И именно поэтому хотят укрыться в иллюзиях (и, в том числе, и в вербальных иллюзиях своей пережиточной национальной ЯКМ, – П.Д.) и искажениях, частным случаями которых являются такие зависимости как алкоголь, наркотики, игровые зависимости и пр. Игромания, алкоголизм очень хорошо позволяют исказить реальность, позволяют избежать столкновения с ней. Ненадолго, но тем не менее. Спрятавшись в иллюзиях, человек пытается уйти в свой нереальный мир, спрятаться в нем, чувствовать себя комфортнее. Это очень похоже на то, когда маленький ребенок, закрыв свои глаза ладонями, думает, что его никто не видит. Логика простая: Если я не вижу мир, то и мир меня не видит. Вот мы по такой логике и пытаемся жить. Но если нам и кажется что мы ушли от реальности, то реальность никогда не уходит от нас. Наши детские с ней игры только отсрочивают на время столкновение с ней. И вот в момент такого столкновения (а это обычно происходит в кризисы) розовые очки разбиваются об реальность. Стекла летят во все стороны, кажется, что мир рушится. И вот именно в этот момент у нас появляется прекрасная возможность посмотреть на мир реально. Но мы

настолько привыкли смотреть на мир через очки (своей пережиточной ЯКМ, – П.Д.), что опять делаем глупость. И теперь меняем розовые очки на черные. И опять убеждаем себя в том, что реальность черная, ужасная, безвыходная. И опять не хотим видеть без очков. Теперь уже черных. Казалось бы, и не так все плохо. Если человеку комфортно иметь розовые очки с определенным количеством диоптрий и возможностями искажения, пусть он их носит. А кому-то удобно носить черные или фиолетовые. Зачем им мешать (и избавлять их от вербальных иллюзий пережиточной ЯКМ, – П.Д.)? Но опять скажу, что беда в том, что реальность-то другая! И если ты нацепил очки, которые искажают расстояние, пространство, свет, то когда ты, например, переходишь дорогу, ты ничего не видишь или видишь неправильно, и тебя, скорее всего, собьет машина. Мир (цивилизованный, – П.Д.) не одевает очков. Вот в чем конфликт! Людей (и даже целые этносы, – П.Д.) с искажениями можно сравнить с пьяными. Они находятся в своем видении, в своем мире, в своем цвете. Именно поэтому я сторонник того, что на мир надо смотреть без очков. И менять одни очки на другие бессмысленно. Потому что реальность постоянно динамично меняется (и не является лишь двухуровневой черно-белой или же черно-розовой, – П.Д.). Нам приходится к ней приспособливаться, во многом что-то изменять. Внутри себя запускать процессы изменения. И вот именно поэтому люди и пытаются уйти от реальности. Они не хотят меняться, принимать на себя ответственность за свою жизнь. А очки (и, в том числе, и пережиточной национальной ЯКМ, – П.Д.) – это такая «отмазка», которая позволяет ничего не делать. ...снимать очки или оставить – человек должен решить сам. Это его выбор. Это вопрос его ответственности перед собой за то, каким он решит видеть мир. Это вопрос его дальнейшей жизни. Я в своей работе никогда не стараюсь срывать эти очки. Это небезопасно для человека. Сорвав силой с человека очки, вы можете довести его до самоубийства...» (кризисный психолог Михаил Хасьминский, «Если вы не снимете розовые очки, реальность сделает это за вас», <http://www.realisti.ru/main/you/esli-vi-ne-snimete-rozovie-ochki.htm>).

«На долю людей, обладающих мрачным и мнительным характером, выпадает больше таких горестей и страданий, которые существуют лишь в их воображении, – чем на долю eucholos (людей легкого нрава, – П.Д.); но зато реальные неудачи будут в их жизни реже, чем у последних: кто видит все в черном свете и готов к худшему, тот ошибается реже в своих расчетах, чем человек, смотрящий на жизнь сквозь розовые очки...» (Артур Шопенгауэр, «Афоризмы житейской мудрости», http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt_with-big-pictures.html).

Так, например, русское слово «порядочный» приобрело новый смысл – «немалый, достаточный, значительный» и вследствие этого стало амбивалентным, то есть обладающим не только позитивной, но и негативной коннотацией. И в том числе оно стало означать «нестоящий, чванный, обалденный», «первоклассный, завидный, посредственный», «важный, второстепенный», «плохой, скверный, дрянной, нехороший», «распрекрасный, неважный», «жестокий, страшный, чудовищный» (Синонимы к слову «порядочный», <https://kartaslov.ru>).

И вот после этого-то филологи и стали вопрошать с удивлением: «Куда же подевалась порядочность?»:

«Вот, например, лет 25 назад многие люди независимо друг от друга стали замечать, что куда-то подевалось слово «порядочность». То есть, оно не то чтобы исчезло совсем, но как-то потеряло свою силу. Это, пожалуй, было еще до начала эпохи тотального и циничного прагматизма и постмодернистского релятивизма. Мы еще не знали, что нас ждет, а язык уже знал» (Ирина Левонтина, «Стыд в узде», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=8825>);

«Власть в человеческом обществе – всегда власть языка. А потому первая задача человека размышляющего – противостоять языковому убожеству, собственному и тому, что навязывает власть предрежащая... Язык, на котором мы заговорили в последнее десятилетие («крутой», «наехали», «заложились» и т.п.) – это язык русских летописей удельной эпохи» (Михаил Афанасьев, «От вольных орд до ханской ставки» // «Pro et Contra», Лето 1998, Т. 3, https://web.archive.org/web/20160304115542/http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1998/3/ProEtContra_1998_3_01.pdf);

«Слово по существу своему не есть мысль. Ибо по существу оно состоит из законченных смыслов и значений и поэтому всегда готово к употреблению. Не может быть так, чтобы ты обратился к слову, а оно еще не было готово к употреблению, т.е. в нем еще не осели смыслы и значения, и нужно немного подождать, пока они осядут. Вот эта тотальная готовность слова к употреблению и исключает мысль. Ни одна мысль не имеет права пользоваться готовыми словами. Мыслить – значит приводить слова к неготовности что-либо значить, приводить слова в негодность, замешательство. На невозможности слова быть полусловом и строится мысль. Мысль есть воздержание от использования готовых слов, создание вербальных пауз, смещение границ смыслов. Всякая мысль одной своей частью коренится в слове, другой – в дословном. Изобретение смысла и есть мысль. Власть нуждается не в мыслях, а в словах. Представительствовать от имени знания перед лицом власти – значит иметь в распоряжении специализированные смыслы слов, готовых к употреблению. Интеллектуал как персонифицированный носитель порядка знания уже одним тем фактом, что он есть, претендует на власть. В каких дозах и формах эта власть будет распределена между капиталом, государством, знанием и идеологией не имеет особого значения...» (Фёдор Гиренок, «Почему мысль приводит слова в замешательство?», <http://fedorgirenok.narod.ru/warum.htm>).

О роли языка в формировании личности

Поэтому-то язык и формирует личность человека значительно сильнее, нежели его воспитание:

«Из всех социокультурных факторов особую роль в становлении менталитета играет язык. Слова, в которых зафиксирован человеческий опыт, и грамматический строй языка оказывают влияние на самые различные компоненты менталитета. Усваиваемый человеком с детства язык влияет на особенности его эмоционального реагирования, на принятие им тех

или иных ценностей; язык формирует способы аргументации, воздействует на гибкость, глубину и широту мышления. Усваивая язык, ребёнок бессознательно овладевает имплицитно содержащимися в языковых структурах законами логики, хотя и не изучает науку логику. Язык представляет собой систему знаков, структурирующих картину мира. Поэтому, овладевая языком, ребёнок бессознательно формирует у себя некоторые общие представления о мире – то, что А.А. Мельникова называет национальной онтологией... Один из важных способов изучения группового менталитета – исследование языка. Между менталитетом и языком как системой знаков, используемых для мышления и общения, существуют прямые и обратные связи. Содержащиеся в менталитете способы мышления и восприятия мира в ходе филогенеза формируют морфологию и синтаксис языка. Сложившаяся структура языка, в свою очередь, оказывает существенное влияние в ходе онтогенеза на формирование менталитета вступающих в жизнь новых поколений людей. Поэтому «именно исследование языка позволяет получить достаточно полное представление о ментальности народа». Интересный опыт установления некоторых компонентов русского менталитета на основе анализа языка представлен А.А. Мельниковой. Так, она полагает, что свободный способ соединения слов в русском языке свидетельствует об идее мира, «в котором нет универсальной жёстко организующей системы, нет однозначных причинно-следственных связей...» (Николай Губанов, диссертация: «Менталитет: Сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе», <http://www.bmstu.ru/dissertation/content/files/45/dissertation.pdf>);

«А вот в XX веке уже никому особенно не резало слух, когда философ и психоаналитик Жак Лакан сказал свое знаменитое: – «Бессознательное структурировано как язык». Напротив! Будучи представлено по аналогии с языком, нечто (в данном случае такая не вполне понятная вещь, как бессознательное) тем самым сразу же становится как будто более пригодным для исследования – еще до исследования как такового, как будто более понятным – еще до понимания: делается яснее, какие исследовательские стратегии тут могут оказаться пригодными... Дело, то есть, вовсе не в том, что язык – «на самом деле» похож на живой организм, а бессознательное – на язык (вполне возможно, что у них ничуть не более общего между собой, чем у любых произвольно взятых явлений). Дело тут в интеллектуальной – «оптике» времени, которая делает людей восприимчивыми к одним аспектам изучаемых явлений и, наоборот, нечувствительными к другим. В ней есть своя логика, и вот ее то очень во многом определяют базовые, – «маточные», порождающие метафоры. Именно такую роль выполняли в разные периоды европейской интеллектуальной истории образы механизма, организма, языка... Философ Мартин Хайдеггер, пожалуй, первым всерьез заговорил о том, что в языке следует видеть нечто большее, чем предмет лингвистического анализа. Он, по Хайдеггеру – дом Бытия, пронизанный его строем; через него постигается само Бытие. О чем-то подобном говорил и Фрейд, считавший язык одним из изначальных условий человеческого опыта. Можно предполагать, что оба этих столь различных и очень влиятельных в XX веке мыслителей выговорили здесь общие интуиции времени: в языке стали видеть основные механизмы формирования опыта, исходные схемы человеческой ориентации в мире, которые предшествуют понятиям, тем более рефлексии...»

(Ольга Балла, «Примечания к ненаписанному», т. 1, <http://oso.rcsz.ru/inf/pp/208>; http://imwerden.de/pdf/balla_primechaniya_k_nenapisannomu_tom1_2010.pdf; <https://docplayer.ru/45274253-Olga-balla-primechaniya-k-nenapisannomu.html>);

«Язык, после того как ребенок начинает говорить и обретает внутреннюю речь с ее специфическим синтаксисом, становится глубинной психологической структурой и в этом качестве неуничтожим, пока жив носитель языка. В пространстве культуры постоянно идет борьба с лингвистическим разрывом, с провоцирующим человека на рефлексию языком и речью как в их глубинной, так сказать, «тихой» форме (внутренняя речь, но также и внутреннее интериоризированное письмо/печать, лакановская «инстанция буквы в бессознательном»), так и в открытой (громкая речь, видимое письмо). Способы этой борьбы весьма разнообразны... Если мы понимаем начало говорения и овладения родным языком как актуализацию врожденной «языковой матрицы» в духе универсальной генеративной грамматики Н. Хомского, то важно, что вне языковой среды, вне речевого опыта эта актуализация «языкового априори», «инстинкта языка» невозможна. Возникновение фонемной речи, коммуникативная реализация возможности самореферентной языковой деятельности является той особенностью, которую я называю «лингвистической катастрофой» как в рамках истории индивида, так и в истории человеческого вида в целом... Моя гипотеза состоит в том, что как, в основном, бессознательная, так часто и вполне осознанная и радикальная борьба человека с языком-сознанием как в социальной, так и в личной истории перманентна. Она такова в силу невозможности уничтожить при жизни саму языковую деятельность, порождающую разрыв... Повторим: язык и важнейшая его форма – внутренняя речь недоступны для прямого воздействия и неуничтожимы, пока человек жив и лингвистически здоров, то есть не болен тяжелыми формами неизлечимой органической афазии (полной потери внутренней речи). Это означает, что часто желанное человеку «невербальное» состояние в этом качестве абсолютно недостижимо, как бы он не стремился при жизни к невербальности, и как бы он не убеждал себя, что его достиг. Этот факт фундаментален и нуждается в специальном внимании, когда речь идет о контекстах самонаблюдения (интроспекции), истории мировых культур, шаманистских, ритуальных и медитативно-религиозных практик. Важно отдавать себе отчет, что то, что обычно представляется человеку (на протяжении его личной или всеобщей истории) «невербальным», и что, действительно, очень похоже до неразличимости на невербальность, на самом деле имеет глубоко вербальную, более того, в письменных культурах – «буквенную» природу» (Михаил Аркадьев, «Лингвистическая катастрофа», <https://snob.ru/profile/23839/print/60241>; <https://www.liveinternet.ru/users/rinagit/post275459315/>; http://www.academia.edu/4468330/Лингвистическая_катастрофа_с_картинками);

«Мост между языком и социальной структурой может быть найден в психологии. С одной стороны, конкретная социальная структура требует и обеспечивает определенные общие навыки мышления. С другой стороны, эти преобладающие навыки мышления оказываются отраженными в языке, прежде всего в лексике, а в конечном итоге до некоторой степени и в морфологии, а также в синтаксисе, поскольку язык постепенно

приспосабливается к наиболее эффективному выражению того, что прежде всего необходимо или желательно выразить большинству говорящих на нем» (Дж. Фишер, «Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе», <http://www.philology.ru/linguistics4/fischer-75.htm>);

«Синтаксис естественного языка – это не просто особый случай формальной организации знаков в имеющие различные структуры модели. Он также кодирует определенный способ осмысления мира и, усваивая его, человек таким способом (разумеется, не единственным) приобщается к национальному миропониманию» (Алла Мельникова, «Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский анализ», <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz>);

«Категория времени в русском языке, безусловно, может быть признана самой «психолингвистической» категорией. Ещё В.В. Виноградов в своём знаменитом грамматическом учении о слове на основании досконального разбора взглядов на формы времени русского глагола делает вывод о том, что все они проникнуты «субъективно-психологическим представлением»: «Таким образом, в грамматической традиции чаще всего речь идёт не столько о языковых формах глагольного времени и их значениях, сколько о психологических планах времени, об абстрактных линиях и точках времени. Система живых форм времени русского глагола в их основных значениях и их сложном грамматическом взаимоотношении с другими глагольными формами почти никем из русских лингвистов последнего времени (кроме акад. А.А. Шахматова) не осмыслялась. На этой почве складывается убеждение: время русского глагола психологично и субъективно. Оно не вполне «грамматикализовано». Оно определяется больше психологически, чем грамматически» (Елена Бекасова, «Психолингвистические аспекты оппозиции настоящего и прошедшего времени в русском языке», <https://core.ac.uk/download/pdf/42051387.pdf>; <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-aspekty-oppozitsii-nastoyashego-i-proshedshego-vremeni-v-russkom-yazyke>);

«Даже пунктуация и орфография играют роль, вот, в формировании личности. Что значит «формирование личности»? Это взгляд на жизнь, взгляд на мир, отношение к людям. Очень много всего. Система ценностей. И, вот, я специально подбираю такие аспекты, которые, ну, вот, не лежат, как бы, на поверхности, хотя все мы знаем их. ... язык – это еще и орудие, инструмент, формирующий личность. И мы пленники своего языка. Сопротивление бесполезно. С первой минуты, с нашего рождения, язык – умелый и опытный мастер – начинает свою работу... Он инженер человеческих душ. Он нас творит, и он уже сотворил миллионы своих подданных и творит новых» (Светлана Тер-Минасова, «Язык – творец человека» (1-я лекция), http://metaslov.blogspot.com/2012/04/1_27.html);

«Словообразовательные средства суггестии включают коннотативные особенности суффиксации, словосложения, сокращения и т. д., а также паронимии и паронимии,

вызывающих эффект наложения или развития значений (ср. исламисты, беспредел, голодомор, федералы, совок, VIP-персона). Морфологические средства воздействия связаны с определенным восприятием частей речи. Подчеркнутое преобладание той или иной части речи, несомненно, оказывает на человека суггестивное воздействие. Так, многочисленные качественные прилагательные формируют оценки, конкретные существительные помогают нарисовать в воображении образы, так или иначе воздействующие на сознание, абстрактные существительные и глаголы общей семантики позволяют реципиенту спроецировать сообщение на свой личный опыт, акциональные глаголы косвенно побуждают к действию. Повелительное наклонение и его синонимичные формы делают любой глагол побудительным. Лексический уровень анализа суггестивности предполагает исследование выбора слов и эквивалентных им сочетаний. Суггестивной может быть эмоционально-оценочная лексика (ср. огромный, ужасный) и лексика с устойчивыми стереотипно-символическими и культурными ассоциациями (ср. инквизиция, демократия, благодать). Специфические номинации представляют особый интерес с точки зрения суггестивности. Механизм их воздействия заключается в «прозрачности» (реже – «затемненности») внутренней формы соответствующего слова, которая способна сама по себе быть носителем сигнификативного и коннотативного содержания, практически независимо от денотата, которое обозначает это слово» (Елена Шелестюк, «Речевое воздействие: онтология и методология исследования», <http://www.academia.edu/3435561/>; http://shelestiuk.narod.ru/publications/Shelestiuk_Rechevoye_Vozdeistvie_1-1.pdf);

«В «Новых недугах души» Юлия Кристева, французский психоаналитик и литератор, следуя лакановским попыткам совместить проблематику языка с проблематикой психики, провела границу между двумя базовыми для этой традиции понятиями. Подобно Лакану, Кристева определяет Символическое как «дискурсивные практики, сформировавшиеся на основе логических и грамматических правил речи». В свою очередь, лакановское Воображаемое трактуется у Кристевой как «репрезентация идентификационных стратегий (интроекций и проекций), которые, используя первичные процессы (сгущения и смещения), приводят в движение индивидуальное Я, Другого и образ тела». Отталкиваясь от этого исходного различия между дискурсивным (то есть Символическим) и идентификационным (то есть Воображаемым), Кристева выделяет два способа производства смысла. Это «...с одной стороны, семиотическое (the semiotic), состоящее из смысла, тесно связанного с влечением и эмоциями и организованного согласно первичным процессам, чьи чувственные аспекты зачастую носят невербальный характер (звук, мелодия, ритм, цвет и т. п.), и, с другой, лингвистическое означивание (linguistic signification), проявляющее себя в лингвистических знаках и их логико-синтаксической организации. В отличие от семиотического уровня, данный лингвистический уровень предполагает наличие определенных дополнительных биологических и психологических условий». Таким образом, если Воображаемое, наделенное эмоциональным «смыслом», еще не получило собственного формального, «знакового» выражения, акцентирует определенный временной зазор между процессом «о-смысления» и процессом «о(бо)значения», то Символическое подчеркивает структурную (то есть «синтаксическую») принадлежность, структурную «встроенность» того

или иного знака-символа в уже существующий интерпретационный (то есть «логический», «линейный») контекст. Используя терминологию Лакана, можно сказать, что в основе данного различия лежит осознание несовпадения «русла смысла» и «русла знака», осознание разрыва между руслом значимого и руслом артикулированного/артикулируемого, руслом пережитого и руслом выраженного» (С.А. Ушакин, «Загадки «Русской Души»: обзор монографий Е. Хеллберг-Хирн, Д. Ланкур-Лаферрьера, Д. Песмен», <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01ush.html>; <https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/oushakine/files/100-33450265.pdf>);

«По мнению французского структуралиста Мишеля Фуко, инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком ее понимании принято называть дискурсом. Дискурс – это одновременно и процесс и результат – в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо. При таком употреблении дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его. Иначе говоря, при таком подходе понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества. В рамках такого подхода дискурс понимается как социальная деятельность, происходящая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей. «Дискурс, – пишет Ю.С. Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». И разъясняя смысл этой черты, указывает на «особое использование языка» для выражения особой ментальности и даже «особой идеологии». Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, – в конечном счете – особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивная практика», под которым понимается «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла») описывает способ интерпретирования, способ говорения. Исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология» (Ольга Михалева, «Способы представленности субъекта действия в политическом дискурсе», <http://ruslang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state3/>, <http://slovo.isu.ru/ru/philology/ruslang/mikhaleva.html>;

см. также: «Дискурс как объект исследования», <http://any-book.org/download/54968.html>; автореф. дис. «Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия», <http://docplayer.ru/53824923-Politicheskij-diskurs-kak-sfera-realizacii-manipulyativnogo-vozdeystviya.html>);

«Советский дискурс возник в результате двоякого разрыва. Во-первых, с православием. Во-вторых, с русским дискурсом. Или, что то же самое, с языком дословности. На языке дословности говорил и понимал себя, свои чувства общинный крестьянин, верующее мышление которого было разрушено атеизмом телеграфиста. Крестьянин запутался в своих мыслях. Распутала их советская ментальность, базировавшаяся на космополитических представлениях полуобразованного слоя России. Культивирование обезличенного языка науки заполняет образовавшиеся после разрыва пустоты и составляет тело кодирования советского дискурса. Идеологические упрощения марксистов сделали мир понятным. Эти упрощения выступали и как самоочевидность и как заглушка для мышления и веры, а также как средство самоконтроля человека над своим поведением. Наиболее яркое письмо на теле бесцветности принадлежит Э. Ильенкову, М. Мамардашвили и Г. Щедровицкому. Советский дискурс определен тройким образом:

1. Языком, на котором разговаривала новая демократия и левая интеллигенция. В этом языке слова-фикции доминировали над словами-предметами так, что даже реальность могла быть в нем представлена только через слова-фикции.

2. В нем была развита языковая поверхность. То есть в советском дискурсе нет дна, конечной инстанции понимания. Нет места национальному образу мира. На этом языке нельзя было понимать. На нем можно было симулировать.

3. Советская философия – это эффект работы с языком. Это языковое явление, утратившее связь с неязыковой реальностью» (Фёдор Гиренок, «Советский дискурс», <http://fedorgirenok.narod.ru/Sprache.htm>);

«Надо отдавать себе отчет в том, что в языке заключены не только неограниченные возможности, но и большие опасности – нестрогость, фетишизация используемых знаковых систем, подмена реальности словами, подчинение человека ложным языкам и командам, магическое отношение к знаковым системам, догматизм слова. Учитывая сложность «картины мира» и крах ряда его описаний, необходимо расстаться с представлением о существовании незыблемого фундамента знания, который искали Просвещение, позитивизм, Джордж Эдвард Мур, отчасти Бертран Рассел. Особо опасно смешение языков знания и веры, подмена одного другим. В самом деле, понятие знания обладает неким «гипнозом», уже само это слово создает впечатление надежности, неоспоримости, респектабельности. Отсюда возможность использования слова «знаю» для придания своему мнению дополнительного веса, авторитетности. Можно даже говорить о языковых болезнях или языковых вирусах, как и о терапевтических функциях языка – лингвистической терапии, отыскивающей и диагностирующей собственные «завихрения», околдованность нашего сознания нашим языком...» (Игорь Гарин, «Язык как средство познания», <https://www.proza.ru/2015/09/20/1688>);

«Язык – это в принципе очень сильный рычаг влияния на население и его поведение, сознание. Мы можем наблюдать зависимость ментальности человека от того, на каком языке он разговаривает. Например, носители украинского из-за его ценностей и содержания более толерантны. Русский язык агрессивнее...» (Профессор Киево-Могилянской академии Василий Лучик, «От "жлобского" к модному. Что будет с украинским и русским языком», <https://focus.ua/society/368853/>).

Язык, как главное средство подчинения

И, действительно:

«Язык как система понятий, слов, в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения. В культурный багаж современного человека вошло представление, будто подчинение начинается с познания, которое служит основой убеждения. Однако в последние годы все больше ученых склоняется к мнению, что проблема глубже, и первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие – внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство. Известно, что даже современный рассудочный (русскоязычный, – П.Д.) человек ощущает потребность во внушении, ищет совета у случайных людей. И слова «Не горюй», «Возьми себя в руки», «Все образуется», не неся никакой полезной информации, оказывают большое целительное действие. Внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, чем способность к аналитическому мышлению (слова табу). Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин «искусственная шизофренизация сознания». Шизофрения (от греч. «schizo» – расщепляю + «phren» – ум, рассудок) – это расщепление сознания. Один из характерных симптомов шизофрении – утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями (и, как следствие этого, замена слов их матерными речевыми клише, – П.Д.), то есть люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать» (К.В. Томашевская, «Способы мифологизации сознания через экономический дискурс», <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1290>);

«Возвращаясь к протоватному населению и лженауке. Почему эти идеи так активно поглощаются? Потому что люди хотят чуда, быстрого результата без усилий. Старшее поколение может вспомнить Кашпировского, да и сегодня много таких лжепрактик, то же НЛП. На это падки люди с недостаточно развитым критическим мышлением. Это люди клипового сознания, сознания ребёнка: увидел картинку и сразу сделал вывод, не раздумывая – кто это сказал, зачем, не хромает ли логика, какой из этого следует вывод. Развивая язык, мы развиваем мышление. Нам и в школе нужно отходить от акцента на изучении структуры языка. Мы учим находить окончание и корень слова, но не учим критически осмысливать информацию. Например, в Крыму многие считают, что если бы Россия туда не зашла, там была бы гражданская война – в то, что она идёт на востоке Украины, они свято верят, им так сказали. И мало кто задумывается, что если бы Россия не

вмешалась, то и войны бы не было. Причина и следствие перепутаны. Понятно, что представить килограмм колбасы проще, чем такое абстрактное понятие, как «достоинство»...» (филолог Оксана Тищенко, из интервью Алексею Батурину, «Языковой барьер. Как политика влияет на украинский язык», <https://focus.ua/society/368165/>);

«Внушение – воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счет ослабления контрольно-регулятивной функции сознания, снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, благодаря отсутствию целенаправленного активного понимания, развернутого логического анализа и оценки со стороны реципиента [Черепанова 1995, Панкратов 2001, Головин 2003]. На внушении отчасти основано воздействие средств массовой коммуникации, рекламы, моды, обычаев, формирование веры... Внушение достигается языковыми средствами – словами, интонацией и невербальными – мимикой, жестами, действиями, внешней обстановкой. Отмечается, что содержанию сознания, усвоенному внушением, в дальнейшем присущ навязчивый характер; оно с трудом поддается осмыслению и коррекции, являя собой совокупность «внушенных установок». Внушение – компонент обычного человеческого общения, но оно может выступать и как специально организованный вид коммуникации, предполагающий некритическое восприятие сообщаемой информации, противоположный убеждению» (Елена Шелестюк, «Речевое воздействие: онтология и методология исследования», http://shelestiuk.narod.ru/publications/Shelestiuk_Rechevoye_Vozdeistvie_1-1.pdf; <http://www.academia.edu/3435561/>).

И это, ведь, всегда хорошо понимали власть имущие и политики:

«Сталин означает максимальную за всю нашу историю мощь государства, а значит и максимальный логоцентризм, предельную власть языка над любым (экономическим, военным, социальным) фактом, насильственную победу ноумена над феноменом. Логоцентризм – максимальное подчинение экономики политике. В сталинском космосе медиум языка (приказ и решение), а не медиум денег (финансирование и целевое использование) делает вещи и людей такими, какими они являются. Происходит не имеющий в человеческой истории аналогов переход с медиума денег на медиум языка правящей партии ... Полемизируя по вопросам языкознания с академиком Марром и отвечая на вопросы трудящихся в «Правде», Сталин пришел к выводу, что язык не есть часть надстройки, заданной классовым базисом, как это считалось ранее. Язык – это общее средство производства сообщений и прообраз общенародной собственности, не подлежащей приватизации. Язык это медиум между базисом и надстройкой, с помощью которого надстройка влияет на базис, передаёт обратный сигнал от следствия к причине, а это и есть власть в её стерильно чистом сталинском виде. Из мира естественных и привычных парадоксов человеческой природы Сталин перевел всех в мир предельно искусственной философской тотальности. Философские противники Сталина начали с критики тоталитарности языка, а позже, обратив эту критику уже на собственный мир и самих себя, изобрели постструктурализм и постмодернизм...» (Алексей Цветков, «Сталин в городе»,

<http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Stalin-v-gorode>);

«Язык в современном мире стал политическим фактором, средством политического воздействия и влияния, и, следовательно, изменения жизни всей нации. Причем есть средства грубые в политике, скажем, грубое насилие, но есть и утонченные, изощренные. Воздействие через язык относится к числу самых изощренных. Внедряя в язык некоторые слова и выражения, формируют на скрытом уровне соответствующее бытие народа. Регулируя язык, регулируют и управляют жизнью народа. Когда овладевают этим средством, необходимость в других, более грубых отпадает. Через язык можно вести захватнические войны, подчинять себе другие народы, менять общество и общества в нужном ключе. Причем те, с кем это будет производиться, не будут сопротивляться, ибо чаще всего этого они не почувствуют и не осознают. Кроме того, все это делается на глубинном, скрытом уровне, что обеспечивает особую эффективность осуществляемых замыслов. И даже если отдельные представители народа почувствуют и осознают это воздействие, то повлиять на само это воздействие и регулирование они не смогут. Ибо слишком сильна сила этого воздействия. И слишком неравны будут силы этих отдельных осознающих и силы языкового воздействия. Кто владеет сферой языка, тот владеет обществом; кто управляет языком, тот и управляет обществом. И это верно как по отношению к другим народам и обществам, так и относительно своего народа и своего общества» (д.ф.н. И.М. Меликов, «Язык как целостное выражение национальной культуры», http://www.dialog21.ru/vestnik/vestnik_71.pdf; http://platon.net/load/zhurnaly_po_filosofii/magazins/vestnik_rossijskogo_filosofskogo_obshestva_2014_3/39-1-0-5133);

«Повторю старую мысль: первая причина неудач – отсутствие своего языка, использование языка противника, который владеет смыслом своих понятий, а мы – нет. Давно известно: кто владеет языком, тот и властвует. Уже около ста лет философы бьются над этой загадкой: что за сила в слове? Почему язык – главное средство господства? Есть разные теории, но факт несомненный. Потому-то такая борьба идет за школу – она дает детям язык, и его потом трудно сменить. Писатель Оруэлл дал фантастическое описание тоталитарного режима, главным средством подавления в котором был новояз – специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов. Понятие Оруэлла вошло в философию и социологию, создание новоязов стало технологией реформаторов – разве мы этого не видим сегодня в России!» (Сергей Кара-Мурза, «Старые вопросы», http://gromada-ks.blogspot.com/2011/06/blog-post_01.html).

А то, что искусственный язык (инструментарный новояз) может уродовать психику и ментальность общающихся на нем людей, многие понимали и до Оруэлла:

«Критику бытующих взглядов на природу языка ученый (Потебня, – П.Д.) начинает с аргументированного разбора теории сознательно-намеренного изобретения языка, которая предполагала, что природа и формы человеческой жизни способны принимать любые виды в зависимости от произвола человека. Эта теория, основанная на вере во всемогущество человеческого разума и воли, строилась на убеждении, что посредством законодательства

возможно сообщить языку все необходимые для реализации его функций качества. В этой связи Потебня замечает, что язык приобретает все необходимые качества не по произволу людей, а в силу естественной эволюции. Не соглашаясь с мнением Ломоносова, считавшего, что использование слов позволяет человеку стать выше животных, Потебня замечает, что значимость слова еще не объясняет природу языка, так как упование на врожденное и сразу данное слово исключает долгий и непростой путь развития языка от мимики и отдельных звуков до членораздельной речи, передающей все изгибы мысли. «Язык, – пишет Потебня, – подобно всем человеческим изобретениям, вначале груб и только исподволь достигает совершенства» (Н.И. Безлепкин, «Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии» // «Язык как психологический феномен: философско-лингвистическая теория А.А. Потебни», http://sbiblio.com/biblio/archive/beslepkin_fil/04.aspx);

«Набоков, пожалуй, как никто из русских писателей чувствовал инструментальный характер русского языка. Он это чувствовал так глубоко и остро, что даже к английскому относился чисто «технологически». Возможно, это и поразило его англоязычных читателей. А, с другой стороны, может быть именно идеальное владение чужим языком и помогло ему понять инструментальный характер русского слова и русского мышления. Мне кажется, только три человека в достаточно полной степени воспроизвели, так сказать, «исихастский» характер нашей словесной культуры. Это Достоевский, Розанов и Набоков. (И, конечно, Пушкин, но в неявной форме, как тенденцию. Ведь все его творчество – это «тенденция», «возможность», «хромосома» современной культуры). Достоевский, будучи философом, воспользовался единственно возможной для русского мышления формой выражения – литературной. Это привело его к интуитивному воспроизведению подсознательного иррационального опыта, того, что называют «русской душой», «широтой русской души». «Широта» души в данном случае синоним душевного равнодушия к идеям, к миру идей...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html).

К такому лингвопсихическому воздействию наиболее восприимчивым всегда было слабо интеллектуально развитое население (челядишки, дурашки, ивашки), которому вместо активного погружения в действительность и критического мышления прививались соответственно пассивное созерцание действительности через «розовые очки» и слепая вера как в его предназначение спасти и осчастливить весь мир, так и в другие наивные догмы, искусно навязываемые не только родовой знатью (аристократией) или же любой другой элитой, но и государственной авторитарной Властью:

«У самого крыльца стояло человек до десяти исполинов, еще десять Антонов, которые, однако, назывались не Антонами, а Фильками, Фомками, Васьками, Федьками, Яшками и Дормидошками. Все они, впрочем, имели одно общее название малый. Эти «малые» были небриты и облечены в сюртуки до пят. С первого взгляда их невозможно было отличить друг от друга; но глаз зоркий и наблюдательный по заплатам, оборванным локтям и пятнам на сюртуках их, вероятно, успел бы подметить, чем Филька отличался от Васьки, а Васька от Федьки и так далее» (Иван Панаев, «Актеон», <https://www.litres.ru/ivan-panaev/akteon/chitat-onlayn/>);

«Другая полата, а в ней казенки старост Андрюшки Васильева да Федьки Петрова. Третья полата, а в ней две казенки старосты Юрки Семенова. В той же полате две казенки боевых. А в той полате мастера Ганка Берсенев с товарищи. Да в казенке бойцы Ивашко Федоров и Афонька Семенов. Четвертая полата волочиальная, а в ней 6 станов. А в другой казенке волочиальщик Федька Петров. В четвертой Ондрюшка Колкота. В пятой Федька Ульянов. В шестой Трошка Федоров. Пятая волочиальная полата Сеньки Устинова с товарищи. Первая деревянная изба старост Ивашка Власова да Ивашка Тарасова. И Ивашка Тарасов взят в Конюшенную, а на иво место, из мастеров взят Левка Микитин. Другая деревянная изба, а в ней казенки старост Куськи Кузьмина да Авдюшки Васильева, да приемщик Тимошка Иванов. В той же избе Васька Иванов да Гришка Колов, взят к Тайным делам. Третья изба старосты Проньки Володимерова. В той же избе приемщик Офонька Федоров да тут же казенка Фомки Иванова...» (Документ № 3, «Опись построек на Денежном Английском дворе по осмотру думного дворянина Ивана Павловича Матюшкина и перечисление служащих двора по докладному списку за приписью дьяка приказа Большой Казны Ивана Патрикеева», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Nov_angl_den_dvor/text3.phtml);

«Тут презрение к русским чистеньким простачкам, которых примитивно используют. «Вы-то куда полезли, дурашки». Но более интересно другое, сказанное невольно: и Онегин, и Печорин оказываются манифестациями центрального персонажа, который не 50, а 950 лет усваивался русским сознанием. Подмечено не просто детское честолюбие и детское же желание понравиться, столь развитое в «русачках», а форма, в которой все это проявлялось. Каждый русский, хочет он этого или не хочет, является маленьким Христом, который пришёл в мир всех спасать. Это тайная, интимная мечта любого русского. Даже у умнейших, серьёзнейших русских так это ясно, так видно. Разве Достоевский с его, по леонтьевскому определению, «розовым христианством» это не «христосик»? «Я приду в мир, буду всем помогать, писать полезные книги. И увидят все, что это хорошо и станут жить дружно. И настанет рай». – Мечта Достоевского, мечта Толстого, мечта Чехова. Неважно, что это не говорится прямо (хотя, в сущности, и говорится), всё видно с одного взгляда...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Да и сейчас-то лингвопсихическое воздействие не менее успешно влияет, именно, на примитивное русскоязычное население, реагирующее преимущественно на слова, а не на проявления им игнорируемой действительности. И поэтому-то психически инфантильное русскоязычное население и легко зомбируется телевидением и всеми другими российскими средствами массовой дезинформации, подконтрольными «Удивительному Волшебнику из Страны Ощипанных Коз» – Пахану Балэ-рубиновой Залешанщины (бледно-розовой Агатирсии) – Путину Великому и Ужасному:

«Того, что в России идет систематическая промывка мозгов народонаселения, не понимают не только мальчики и девочки, которые ходят с георгиевскими лентами, но и те 86%, которых готовят к ритуальному закланию во имя очередной «великой идеи», а на самом

деле – всевластия очередного «отца и учителя» Путина Владимира Владимировича. Благо, технологии промывки мозгов и дебилизации населения доведены до абсолютного совершенства: они столь массивированы и мощны, что разрушают мозг, извлекают из человека всю глубинную мразь и темные страсти. Никому не велено иметь больше мозгов, чем требует начальство...» (Игорь Гарин, «Зачем диктаторы оболванивают народ», http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=511018; <https://nv.ua/opinion/zachem-diktatory-obolvanivajut-narod-191097.html>; «Все диктатуры опираются на самую безмозглую часть населения, – учёный», <http://politolog.net/hot/vse-diktatory-opirayutsya-na-samuyu-bezmozgluyu-chast-naseleniya-uchyonyj/>; http://expressua.blogspot.com/2016/08/blog-post_11.html#.XEwz3zWdcSU);

«Поддающихся гипнозу людей довольно много, порядка 86 % – говорит Бильжо. – Я не знаю, откуда телеведущие научились поразительным порой закадровым интонациям тревоги и ужаса даже в те моменты, когда говорят о какой-нибудь ерунде. Даже спортивные новости сегодня анонсируют так, что возникает чувство тревожности, как будто кто-то умер на футбольном поле. Домохозяйка, которая готовит, может даже не смотреть в экран, но она слышит голос, и ей уже страшно, учащается пульс. Это влияет на людей с неустойчивой психикой – не психически больных, а впечатлительных, неспособных анализировать, что им говорят» (Вера Юрченко, Татьяна Васильчук, Вячеслав Половинко, «Как агрессия рождается в телеэфире и проникает в зрительское сознание», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/26/74337-telepatologicheskaya-svyaz>);

«...я имела возможность наблюдать из года в год, как все нахальнее цензурируются в России, например, переводы американских и британских новинок, как в них появляется то, чего в оригинале в помине не было или имело другую смысловую нагрузку... И одно время было даже забавно читать в «Иностранке» их аналитические статьи о каких-нибудь международных писательских форумах, на которых сама выступала: видеть, как они тенденциозно подают материал, как манипулируют, как тупо врут своему читателю. Это уже не литературная журналистика – это полная лажа, пропаганда из расчета на тех, кто не способен проверить факты... А ведь с тех пор российская издательская машина уже полностью перешла под контроль властей, считайте, превратилась в департамент ФСБ. Сегодня российский рынок – это поставщик (или разносчик) в первую очередь токсичной, отравленной информации, так сказать, «гибридных книг». В общем, не пейте из этого копытца, козленочком станете. Если уж такой, вроде бы, «нейтральный» сектор, как переводы современной зарубежной литературы и способы их презентации, заражен, то что говорить о прямой антиукраинской пропаганде? И не верьте, когда вас уверяют, будто из-за этого самого московского «поробрика» вам якобы открывают еще одно «окно в мир», – это давно уже «окно в антимир», в полный мрак и системное безумие...» (Оксана Забужко: «Сегодня не нужно бомбить города, достаточно разбомбить мозги», <https://apostrophe.ua/article/society/culture/2017-04-18/oksana-zabujko-segodnya-ne-nujno-bombit-goroda-dostatocno-razbombit-mozgi/11737>);

«Обмануть – изящно обмануть. Это именно то, что сейчас происходит... Наша главная сказка – про Иванушку-дурачка: хитрит, ничего не делает, как вдруг и слава, и богатство у него возникают из ничего. И вот она в «свернутом» состоянии – эта сказка. Причем главное в ней – как обмануть. Почему Путин понравился народу? Потому что он красиво обманывает. И это попадает на подготовленную почву – на эту сказку, которая предназначена нам, обществу. Главная задача спецслужб всегда была – обмануть. Любой ценой заставить людей поверить, подчинить и провести свою линию...» (эксперт в области виртуалистики, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН доктор медицинских наук Георгий Юрьев, цит. по: Владимир Абаринов, Галина Сидорова, «Русский мир», бессмысленный и беспощадный, <http://ru.krymr.com/a/26856592.html>);

«1. Не любой народ позволяет себя обманывать.

2. Народ, который позволяет себя обманывать веками, можно обманывать сколь угодно долго...

3. Народ, любящий тиранов, любит, чтобы его обманывали.

4. Народ, который позволяет себя обманывать и любит своих обманщиков, заслуживает, чтобы его обманывали.

Или я что-то не так сказал?...» (Игорь Гарин, «Как долго можно обманывать народ?», <https://www.proza.ru/2015/08/22/1355>);

«Дело в том, что между мной и достаточно близкими приятелями, с которыми всю жизнь дружу, которые много хорошего для меня сделали, с которыми, не знаю, съели пуд соли, пролегла черта. Причем совершенно неожиданно, потому что мы всегда были людьми одних взглядов, одного отношения к власти, начиная с советской, долгое время одного отношения и к Путину – резко негативного. Что произошло, что нас разъединило, для меня не загадка, результат совершенно оглушительной и виртуозной работы российской пропаганды. Мы не могли даже подозревать, что она на такое способна. Замечу, что старая, брежневских времен, пропаганда, над которой смеялись и о которой рассказывали анекдоты в курилках, не имеет абсолютно ничего общего с нынешней. То были детские забавы. «Они» сумели зомбировать народ, 24 часа в день буквально вдалбливая одно и то же, создавая картину мира, не имеющую никакого отношения к реальности. Этой стране сделали лоботомию. Произошли изменения. Боюсь сказать, что необратимые, но очень серьезные...» (Игорь Иртенев, «Обязательно следует помнить: всю эту кашу заварил Россия!», <http://yкpoп.org/obyazatelno-nuzhno-pomnit-odnu-ochen/>; <http://news.bigmir.net/ukraine/954273-Irten-ev--Vsju-etu-kashu-zavarila-Rossija>; <https://gordonua.com/publications/irtenev-obyazatelno-nuzhno-pomnit-odnu-ochen-vazhnyuyu-veshch-vsyu-etu-kashu-zavarila-rossiya-107246.html>);

«Власть (и ее демагогию, – П.Д.) в России предпочитают реальности... оборотничающая, взаимно инверсионная мнимость, где всякая вещь означает в меру выгоды всякую иную, и переход возможен в форме обмена «данного» на «данное» же; где сознание лишено поэтому права запрашивать собственные координаты, а его связь с

реальностью подтверждает лишь удовлетворение спонсора и готовность премировать клиента за безукоризненный стиль автоманипуляций...» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>);

«Один мой пожилой знакомый рассказывал такую историю. Его, 9-летнего мальчишку, отец взял тогда на демонстрацию. Толпа шла по Красной площади мимо мавзолея, на котором стоял Солнцеликий, хотя и немного рябой на рожу, Вождь и Учитель. И в какой-то момент, зайдя на Красную площадь, мальчишка вдруг увидел, что толпа при подходе к мавзолею начинает меняться. До этого шли нормальные граждане, о чем-то друг с другом разговаривали. А у подножия мавзолея это были уже не люди. Истериически-восторженные вопли, слезы, лихорадочно блестящие глаза, повернутые к Вождю лица, окрашенные нездоровым румянцем. Они себя не контролировали. Это было состояние бесноватости, состояние транса. – Видел? – Спокойно спросил потом отец сына. Тот потрясенно кивнул. Он запомнил это превращение на всю жизнь...» (Александр Никонов, «Открытое письмо к быдлу», <https://rufabula.com/articles/2014/12/23/open-letter-to-the-cattle> ; http://www.infoorel.ru/forum/forum_read.php?f=27&id=646880; Комментарии, тома 18, <https://echo.msk.ru/programs/oldmsk/1615332-echo/>; <http://blog.i.ua/user/2517430?filter=blog&p=8>);

«Как говорят наши респонденты, «я с детства знал, что Америка нам вредит, мне это еще мама говорила», – объясняет Гудков. – Это можно воспринимать как шутку, но на самом деле в этом есть большая правда. Если учесть возраст (как правило, пожилые люди так говорят), посмотреть на время, когда были усвоены эти представления, мы получим брежневский период. И сегодня всплывают клише, тезисы, мифы, стереотипы, которые запали в сознание или стали основой политической и идеологической социализации того времени. Это глубоко лежащие слои представлений и установок, они не могут быть осознаны самим человеком, воспринимаются как самоочевидность именно потому, что усвоены в раннем детстве. Антизападные стереотипы, мировой заговор против России – все эти самые простые тезисы оказываются и самыми действенными» (Екатерина Буторина, «И мальчики распятые в глазах», <http://www.profile.ru/politika/item/103665-i-malchiki-raspyatye-v-glazakh>);

«Главная беда ведь не в том, что граждан разлучили с правдой, и они мечутся во тьме, обманутые и соблазненные. Главная беда в том, что гражданам внушили чувство ненависти к иностранным врагам и пятой колонне внутри страны, и они сроднились с этим чувством. Оказалось, что постельцинская Россия нуждалась во вранье как терапевтическом средстве, излечивающим от правды, которой ее перекормили в годы перестройки и в страшные девяностые. А в лучшем случае оно равнодушно ко всему на свете, кроме личной жизни, это подавляющее путинское большинство... А мысль о том, что бывает жизнь после смерти, примиряет с жизнью. Иначе, как у нас даже дети малые вытверживают в центре Москвы, кто снес бы униженья века, неправду угнетателей, вельмож, заносчивость, отринутое чувство... Будем уповать на чудеса» (Илья Мильштейн, «Отринутое чувство...» / «Россия нуждается во

вранье», <https://snob.ru/entry/130994>; <https://charter97.org/be/news/2017/6/12/252914/>;
<http://newsland.com/community/6535/content/rekviem-po-zhurnalu-novoe-vremia/5863076>);

«...особенно просто манипулировать детьми. Они часто попадают в дурные компании, потому что у них нет опыта, чтобы перепроверить навязываемые ценности. У них нет базы, чтобы переосмыслить услышанное. К примеру, к ребенку может подойти какой-нибудь человек и попросить украсть что-то за конфету. Со взрослым попробуй повернуть подобное. Скорее всего, не получится, потому что взрослый знает о возможных последствиях, о привлечении к уголовной ответственности, а самое главное, что конфета для взрослого не ценность! Ребенок не может оценить степень социальной опасности своих поступков, а конфета, наоборот, является ценностью. Не только с ребенком такие вещи возможны. Умственно отсталых (или даже всего лишь психически инфантильных, – П.Д.), людей тоже можно уговорить совершить подобный поступок. В частности, больных болезнью Дауна, поскольку они не могут переосмыслить сказанное и оценить последствия своих поступков. Даун может убить человека, чтобы сделать приятное и понравиться тому, кто к нему обратился с добром и теплом. Потому что такое обращение для него высшая ценность. Чтобы успешно манипулировать в своих интересах человеком, надо изменить у него систему ценностей. Успешность манипуляции человеком также напрямую зависит от степени интеллектуального развития личности, степени осмысления реальности того, кем манипулируют...» (кризисный психолог Михаил Хасьминский, «Если вы не снимете розовые очки, реальность сделает это за вас», <http://www.realisti.ru/main/you/esli-vi-ne-snimete-rozovie-ochki.htm>);

«Русское слово «посредственный» по своей морфологии позволяет понять его по-разному: посредственный как нечто посредине, ни то ни се – или иначе: как человека, которому необходима опосредованность, который воспринимает все только через готовые, опосредованные формы: он не может перенести прямого неопосредованного, непосредственного отношения с миром (с действительностью, – П.Д.). ...какую же опасность представляет собой человек, который не может открытым образом встретить реальность? ...Во-первых, это человек бесконечно манипулируемый, тогда как того, кто не так боится, труднее принудить к чему угодно. Во-вторых, он постоянно настаивает на все большей и большей герметизации мира, замкнутости от всего иного, поскольку во всем другом есть риск...» (Ольга Седакова, «Посредственность как социальная опасность», <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>);

«Антропологические последствия такого положения дел заключаются в том, что такой человек характеризуется а) очень коротким радиусом доверия или устойчивым опытом недоверия ко всему, что лежит за пределами повседневного круга общения, кроме самых близких людей, ко всему, что отдает отвлеченной и непонятной риторикой или демагогией; б) подавляемой агрессией, непреходящим раздражением, порожденным хронической неудовлетворенностью жизнью, социальной завистью, сознанием несправедливости жизни; в) отказом от участия в общественной жизни, пониманием невозможности что-то изменить в

окружающей действительности, отсутствием солидарности и ответственности за происходящее, кроме того, что затрагивает опять-таки самый узкий круг людей; г) фрагментированностью существования, партикуляризмом норм морали и права (то, что позволено своим, то осуждается в чужих); д) боязнью, фобиями нового и незнакомого, переносом своих представлений на всех других, неспособностью к формальным договорным отношениям. Такого рода навыки, накапливающиеся на протяжении десятилетий, образуют прочный пласт нерационализируемого и табуированного социального опыта и правил повседневного поведения, неформализуемого и редко выговариваемого. Отсутствие публичной жизни, дискуссий, общественных авторитетов, условий рафинирования и облагораживания внутренней жизни оборачивается тем, что воспроизводится как раз тип человека усредненного, разочарованного, недовольного, лукавого (склонного к лицемерию и демонстративному поддакиванию тем, кто выше или от кого он зависит: от власти, от администрации, полиции, работодателя). В силу своей массовидности и деиндивидуализированности, примитивности запросов такой тип человека легко доступен для контроля, им легко управлять и манипулировать, но одновременно это означает его инерционность и косность, устойчивость к изменениям» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>).

Не лицедреть непосредственно действительность, а лишь впитывать в себя, как губка, сформированные опекунами её словесные образы и описания, – это и есть именно та жалкая участь, которая постепенно превратилась в холопский образ жизни, вполне комфортный для психически инфантильного русскоязычного населения:

«И вообще, все мы, не-натуралисты, большею частью слепы, немы и глухи к природе, умственно тупы, равнодушны, бесчувственны к ее повсеместным <...> впечатлениям и явлениям. По-настоящему все воспитание наше и потом вся деятельная, трудовая, рабочая жизнь наша должны быть практическим развитием естествознания, осмысленным, разумно-сознательным осуществлением и уяснением законов природы <...> Мы же, наоборот, большею частью тотчас после детства, а часто и в детстве еще, и потом в наших отвлеченно-схоластических и большею частью прямо противоестественных школах, каковы, напр., бурсы, институты, забываем в себе всякое живое естественное чувство природы» (Афанасий Щапов, «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», <http://anatoligreen.dreamwidth.org/32679.html>);

«В столетнем глумливом и со стороны русских совершенно бессмысленном все сказались очень неприятные свойства нашего сознания. Во-первых, его вычурность, холодная неестественность, совершенно игнорирующая реальность, природное и естественное положение вещей (что очень легко позволяет использовать русских: им только бросить два-три силлогизма, они отца родного зарубят). Во-вторых, способность русских к юродству, глумлению, травле. «Учёбе» других дубиной и дреколём. Русский учитель – фигура страшная, фантазмагорическая. Это ещё хуже русского врача (так как русских врачей всё-таки мало и обращаются к ним в основном на склоне лет). Призыв Гиппократов «не

навреди» для русского не существует. У него другой принцип: «помоги». При этом вопрос – а способен ли он оказать помощь? – даже не возникает. Мысль в голову ударила: этому вот руку отрезать – он режет. А потом забывает, зачем резал-то, и бросает в урну. Тут ещё и страсть к господству, объяснению. Разбору...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«При болезненной (точнее, недоразвитой, – П.Д.) нервной системе, при ее парадоксальном состоянии теряется восприимчивость к действительности, а остается восприимчивость только к словам. Слово начинает заменять действительность. В таком состоянии (а, тем самым, и в оторванном от действительности вайсгерберовском «промежуточном мире», – П.Д.), по мнению академика Павлова, находится сейчас все русское население. «Вообще, – закончил академик Павлов, – я должен высказать свой печальный взгляд на русского человека. Русский человек имеет такую слабую мозговую систему, что он не способен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексы координированы не с действительностью, а со словами» (Бенедикт Сарнов, «Начало мира в слове», <http://www.lechaim.ru/ARHIV/115/sarnov.htm>; Н.А. Гредескул, «Условные рефлексы и революция: По поводу выступления акад. И.П. Павлова», «Звезда», 1924, №3, 70., С.149; <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=2&razd=biblio/1924.htm>);

«В нашем обществе издерживается ужасное множество слов. Говорят много и бестолково или говорят остроумно, но, нисколько не углубляясь в дело: это наша страсть и наше бедствие. Оттого всякое дело у нас начинается словами и испаряется в словах. Оно и остается только при своем начале, а чаще всего при одном проекте. Точных сведений мы ни о чем не имеем, да и не очень заботимся иметь их. Между тем приговоры о людях и вещах произносятся самые решительные и безапелляционные» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 22 ноября 1865г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«В самом деле, для русского менталитета является центральной, фундаментальной такая особенность, как «тотальная словесность», специфическое «лингвистическое чутьё», поэтому русская культура – это всегда особое лингвокультурное пространство, в котором любые макро- и микродинамические изменения характеризуются тесной связью глобальных социально-культурных процессов и языка. Всякий момент русской культурной истории имеет соответствующее вербальное оформление, отражающее основные черты его мироощущения и миропонимания» (Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина, «Культура и этнос // Язык как основа национальной культуры», http://www.sbiblio.com/biblio/archive/sheglova_kultura/02.aspx; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/02.php);

«В древнерусском языке, например, указание на время действия можно было передать самыми разными грамматическим формами одного и того же слова: местным падежом пространственного значения «зимѣ», предложным падежом активного действия «по зимѣ»

или неопределенным по смыслу творительным времени «зимою». Сегодня в нашем владении только последняя, третья форма, потому что – и это понятно – в общем «со-знании» происходило уточнение и обобщение «идеи» времени. Представление о времени отслоилось от пространственных его наполнений, а затем разошлось и с указанием на действие, на движение, которым измерялось время, – и вот оно перед нами в сегодняшнем, вполне отвлеченном от конкретности, виде: «зимой». Примеров такого рода множество; собственно, из них и состоит русская морфология, насыщенная смущающими нетвердые души «исключениями» из правил. Но «правила» – это логика, ищите ее в другом месте; у нас же правит язык...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-314.html>);

«Русский менталитет возник во всей своей полноте вместе с современным русским языком, что совершенно естественно... Наши предки, мысля на древнерусском, представляли (в отличие от нас!) свое прошлое именно процессом, причем весьма сложным, поскольку древнерусский язык (в отличие от современного) имел четыре формы прошедшего времени глагола (сейчас – ни одного). Не вдаваясь в подробности, приведем пример. Такой простенький древнерусский оборот, как «писали бяхомъ», на современный русский приходится переводить следующей громоздкой конструкцией: «мы, мужчины, в количестве не менее трех человек, перед тем, как натворить еще что-то в прошлом, – писали...» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://libking.ru/books/sf/sf/34413-evgeniy-lukin-manifest-partii-natsional-lingvistov.html>; <https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html>);

«В немецком языке есть время и есть «если бы». А в русском времена все перепутаны, а «бы» переворачиваемо (на что я раньше уже обращал внимание). По-русски «если бы я знал, но я не мог этого знать» и «если бы я знал, то сделал» звучит одинаково. Поэтому всё сбывается. Такой язык сам по себе плесневеет, запутывается и гибнет. Ему нужны люди. «Россия останется, если будет жить хоть один русский». Соловьёв хотел показать язык «как он есть». И русский язык ему показал язык. По-русски гениев быть не может. Все русские гении конвенциональны. Их так считают. Вот почему Запад бьётся над самым великим русским гением – Пушкиным – и понять не может: что же здесь гениального? в чём? А Пушкин гений потому, что его считают гением. И он будет гением, пока живы русские люди. Очень субъективная, максимально живая культура...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«У русских назвать кого-либо собакой – значит обидеть. Для Годара, как и для античных греков, собака является образцом верности, естественности и мудрости. Собаке хватило ума не отделяться от природы. Для нее мир – это не образ, а то, частью чего она является. Собака не изобретает язык, не изобретает знаки. Ей достаточно сигналов и признаков, ориентируясь на которые она определяет логику своего действия... Животное лишено одежды, но оно не является голым. У него нет языка, но оно не заблудилось среди вещей. Собака справляет нужду, но это не вызывает протеста. Годар зовет Европу назад, к

вещам, к природе. Он хочет смотреть на мир глазами животного, ибо этот взгляд не опосредован языком. «Мир – это не язык, а русские – это не Европа», – говорит Годар в фильме «Прощай, речь». Прощай, Европа, – говорят русские, – ты никогда уже не будешь тем, чем ты была для нас... Люди запутались в словах. «Скоро каждому, – говорит Годар, – потребуется переводчик, чтобы понимать собственные слова...» (Фёдор Гиренок, «Жить или рассказывать», <http://fedorgirenok.narod.ru/Godar.html>);

«В теории идеального, понимаемого Ильенковым как момент публичной деятельности, постулируется существование чувственно-сверхчувственных вещей. В теории восхождения от абстрактного к конкретному предполагается, что жизнь, как и мысль, может быть истинной и ложной. Абстрактная жизнь ложна, конкретная – истинна. Э. Ильенков обосновывает коллективистские представления советского дискурса, которые не имеют никакого отношения к принципу соборности хотя бы потому, что собор ориентирован на обычай и традицию, а коллектив – на интересы. В соборе доминирует дословность. В коллективе – публичность. В споре о том, существует ли идеальное под черепной коробкой или не существует, Ильенков отдавал предпочтение объективированному в пространстве социума процессуальному. Тем самым он удовлетворял потребность интеллигенции в спекулятивном мышлении. То есть философия Ильенкова – это обоснование возможности и необходимости философствования в эпоху доминирования позитивного знания. Э. Ильенков разорвал связи истины и дословности и тем самым разрушил возможности созерцания, характерного для русского дискурса. Он истину связал со словом, сознание – с предметной деятельностью, устранив игру тел дословности в жизни и созерцании. В терминах философии Ильенкова нельзя сформулировать проблему индивидуализации, потому что в рамках его философии внутреннее задается предметностью, а движение по логике предмета составляет смысл человеческого существования...» (Фёдор Гиренок, «Советский дискурс», <http://fedorgirenok.narod.ru/Sprache.htm>).

Как видим, у русскоязычного людишки, реагирующего, как правило, вовсе не на проявления действительности, а сугубо на словесные команды (указания, приказы) своих опекунов (в детстве – родителей) и господ (опекающих его чиновников), условные рефлексy формируются преимущественно не вызовами окружающего его мира, а внутренними формами лексических единиц русской языковой картины мира. Он согласно наблюдениям физиолога Павлова – словоцентричен, а вовсе не природоцентричен и, к тому же, согласно мнению философа Бердяева – ещё и женственен. Поэтому-то русскоязычный человек и познаёт всё его окружающее отнюдь не непосредственно с помощью зрительного восприятия, а преимущественно через речевые словесные описания (образы) органами слуха и к тому же подобно женщине «любит не глазами, а ушами».

Предпочтение же слухового восприятия зрительному восприятию действительности тормозит не только реагирование человека на её вызовы, но и развитие его мышления. Ведь зрительное восприятие всего – существенно богаче (образнее) и более выработаннее мозгом нежели слуховое. Мозг позволяет правильно воспринимать даже преднамеренно искажённую информацию. Если в словах текста поменять местами некоторые буквы, то в

процессе чтения вы хорошо поймёте смысл текста и даже не обратите внимание на ошибки в написании слов. Вот почему для их обнаружения и приходится неоднократно его прочитывать. Если же вы невнятно прочтёте в слух этот текст, то слушатели его могут и не понять:

«Наша особенность – в том, что мы слуховая культура, oral culture. У нас племенное общество, по большому счёту. У нас общество основано не на грамотности, не на том, что люди читали какие-то книжки, понимают какие-то тексты. У нас общество основано на том, что мы все время любим болтать. Мы друг с другом разговариваем, мы устные люди. Мы понимаем друг друга через устную речь. И на самом деле, главное противоречие между нами и таким Западом воображаемым, – как раз в этом. Наше сознание принципиально другое. Поэтому нам действительно очень трудно временами находить понимание... Минусы наши в том, что у нас есть осложняющие обстоятельства. Например, все ведущие у нас сейчас – большая часть, большая часть нашего политического класса, большая часть наших журналистов, ученых, экономистов, кого угодно, – эти люди, когда учились в университете, списывали. Потому что у нас в девяностых годах пришел интернет, учителя еще не знали, что это такое. Одни из первых проектов были банки рефератов. И люди начали вместо своих мыслей сдавать чужие. Корень зла на самом деле в этом» (Иван Засурский, «17 процентов россиян способны самостоятельно воспринимать и анализировать информацию. 17 процентов – меньше, чем каждый пятый», <http://newsland.com/user/2629127125/content/17-protsentov-rossiian-sposobny-samostoiatelno-voospriniimat-i-analizirovat-informatsiiu/2578426>; <http://www.city-fm.ru/programs/issues/show/447733.html>).

Само же бессознательное предпочтение слухового восприятия зрительному восприятию заложено непосредственно в русской ЯКМ:

«...В.Г. Гак, в частности, указывает на тот факт, что во французском более широко используются зрительные метафоры и метонимии, тогда как в русском – слуховые (так, русское прилагательное «глухой» может использоваться в переносном значении в таких выражениях, как «глухое место», «глухое окно», «глухое платье», что во французском невозможно), зато в нём, в отличие от русского, употребляются такие выражения, как examen blanc – «экзамен без оценки, зачёт»; etre vert – «быть крепким» и т. п., где употреблены прилагательные со значениями «белый» и «зелёный»...» (Валерий Даниленко, «Введение в языкознание: курс лекций // Контрастивная лексикология», <http://flibusta.site/b/370243/read>; <https://librolife.ru/g4299457>; <https://unotices.com/book.php?id=135193&page=57>).

Тоже самое, ведь, имеет место и при сравнении украинской и русской ЯКМ. Если укр. «сліпа мутра» – «глухая гайка», «пробачити» – «простить», «необачно» – «опротечливо» и «щільно» – «плотно» являются зрительными метонимиями (укр. «бачити» – видеть; «щілина» – щель), то русск. «глагол» (укр. «дієслово»), «гласность» (укр. «відкритість, явність, публічність»), «единогласно» (укр. «одноставно»), согласие (укр. «згода, порозуміння, лад»), «согласование» (укр. «узгодження»), «наговор» (укр. «наклеп»), «выговор» (укр. «догана»), «наказание» (укр. «покарання»), «дача показаний» (в суде; укр. «свідчення»), «доказательство» (укр. «доведення»), «высказывание» (укр. «вислів»),

«сказание» (укр. «оповідь, оповідання»), «рассказывать» (укр. «розповідати»), предсказывать (укр. «провіщати, віщувати»), «казаться» (укр. «здаватися»), «слыть» (укр. «вважатися»); словен. «slúti, slóvem, slújem» – «славиться, звучать», – Фасмер) являются рече-слуховыми метонимиями.

К тому же, если в украинской ЯКМ можно слушать (укр. «слухати») и не слышать (укр. «не чути»), то русская ЯКМ совершенно не различает природу этих понятий. Для подсознания русскоязычного человека ослышаться (укр. «не дочути») – то же самое, что и послушаться (укр. «ослухатися»). Тем самым русская ЯКМ не признаёт возможность сознательного непослушания (укр. «непослуху») а, следовательно, и неповиновения (укр. «непокори») русскоязычного человека кому-либо. Да и непокорившийся человек согласно русской ЯКМ фактически является виновным. Согласование же чего-либо (в отличие от укр. «узгодження») не предусматривает в русской ЯКМ стремления к усовершенствованию (обеспечению пригодности) согласовываемого и для подсознания русскоязычного человека оно тождественно холуйскому соглашательству. С другой стороны и внутренняя форма слова «разрешено» (укр. «дозволено») несколько не побуждает ленивого русскоязычного человека воплотить в реальность разрешённое. Он бессознательно реагирует лишь на лексему «запрещено» (укр. «заборонено»), и поэтому-то требует, чтобы всё, являющееся негативным с его точки зрения, обязательно было бы запрещено.

Совокупность именно таких словотворных условных рефлексов и образует бессознательное как психически инфантильных, так и психически зрелых людей. И тем самым формируются как неосознаваемые ими внутренние побуждения, так и основные черты поведения, характеризующие их ментальность. Однако же в отличие от психически зрелых людей, познающих действительность непосредственно, психически инфантильные русскоязычные люди, взращенные и выдрессированные своими родителями в тепличных условиях (почти в полной изоляции от «жестокой» действительности), воспринимают речевые образы, как правило, дословно (буквально), не подвергая логическому анализу смысл самой речи (укр. «мови, промови»). Одним из подтверждений этого является использование для сравнения в русском языке союза «словно», вместо украинского союза «мов, немов».

Именно русская ЯКМ и диктует (предписывает) русскоязычному людишке такое словоцентричное мировосприятие. Всё, что ему известно о мире, он извлекает согласно ЯКМ преимущественно из вестей (известий) и сообщений (чужих мнений; польск. «obсу» – чужой) средств массовой информации или же из любых других источников информации, а вовсе не из собственных наблюдений. Да и само то слово «весть» (др.-киев., ст.-слав. «вѣсть», словен. «vêst» – знание) утратило в русской ЯКМ свой былой смысл:

«Синонимы к весть – весточка, известие, извещение, новость, сообщение, уведомление, ведомость, повестка, сведение; молва, слух. Приехала баба из города, привезла вестей с три короба (посл.). Пропал без вести; о нем ни слуху, ни духу. Сказать вам радость (радостную весть)» (Словарь синонимов: «Весть», http://sinonim.su/word_s-63399.html).

Словоцентричности русскоязычного людишки способствует и омонимия внутренних форм слов «весть» и «вещь» (вещий, вещание, совещание, оповещение, навещать).

А вот слово «наблюдение», вообще, никак и не связано ни с познанием действительности, ни со знанием, так как означает всего лишь отслеживание чего-нибудь. Ведь синонимами к нему являются слова: «надзирание, приглядывание, присматривание, слежение, слежка, контролирование». Поэтому-то русскоязычный человек всё, что он видит и наблюдает, вовсе не анализирует и не познаёт.

Русскоязычный человек всё делает вовсе, не исходя из требований, предъявляемых действительностью, а лишь под диктовку своих опекунов – господ, начальников или же чиновников. Поэтому-то диктатор в русской ЯКМ – всего лишь наставник или же назидатель, а вовсе не деспот и не тиран. И вообще внутренняя форма слова «диктатура» вызывает у словоцентричного русскоязычного человека лишь позитивные бессознательные реакции и эмоции. И это вполне естественно, так как уклоняющиеся от самостоятельного принятия решений и избегающие любой ответственности психически инфантильные люди – челядишки (мн. ч. уменьш. от устар. «челядин» – слуга; в данном случае «слуга государя», обладающий более широким смыслом, нежели государственный служащий) действительно предрасположены всё делать преимущественно лишь под чью-либо диктовку. И их более всего устраивает именно самый жестокий диктаторский режим в государстве:

«...Человечки (точнее, челядишки, – П.Д.) в России имеют какую-то патологическую склонность к Режиму, путиным или джугашвили он представлен тут, человечкам уже неважно. Российские граждане как рабские немецкие овчарки регулярных вертухаев от власти – без команды прогибаются под хозяина и рвут всё инородное по духу. Подлая склонность. И каждый раз прикрываются старым, залоснившимся уже одеяльцем – «родину с колен поднять», будто родина хронический инвалид, ни на что сама не способна...» (Аврора Сонер, из ответа на рецензию к её произведению «Вы когда-нибудь любили мумию?», <http://www.proza.ru/comments.html?2012/04/02/1882>);

«Есть толпа генетических рабов и холопов, полностью принадлежащих своему господину (в нашем случае государству), который кормит и содержит своих рабов в обмен на их рабскую покорность, работу и исполнение всех его приказов и прихотей. Есть, допустим, 1, или даже 10 человек, которые не желают быть рабами и открыто выступают против рабства и против хозяина. Запрограммированная в этом случае реакция толпы рабов – накинуться на этих «смутьянов» и «международных террористов» и порвать их в клочья, – самим, даже не дожидаясь приказа от хозяина. Ибо если деятельность данных десятерых «смутьянов» в конце концов приведет-таки к падению рабства и исчезновению хозяина-благодетеля, – всей толпе рабов станет нечего есть. Более того, – им придется самостоятельно жить на воле, самим зарабатывать на хлеб, самим принимать все решения и отвечать за их последствия. А этого рабы не умеют и больше всего в жизни боятся, – ибо и они, и их отцы, и деды с прадедами были рабами и к свободной самостоятельной жизни совершенно не приспособлены. Это для них настоящая катастрофа. Таков вкратце исторический алгоритм русского рабства. Именно в нем – причина всех неудач демократических и либеральных начинаний в России...» (Борис Стомахин, «О русском рабстве» / «Преступления России уже взвешены на весах истории», [http://kavkazcenter.com/russ/content/2005/11/01/38932/prestupleniya-rossii-uzhe-vzvesheny-na-](http://kavkazcenter.com/russ/content/2005/11/01/38932/prestupleniya-rossii-uzhe-vzvesheny-na)

vesakh-istorii.shtml, <https://graniru.org/Society/Media/d.114646.html>);

«Государство Владимира Путина – это государство диктатуры люмпен-пролетариата. Люмпены являются основным конечным бенефициаром политики Путина. Политический строй современной России совершенно адекватен ее социальному строю – состоянию российского общества, и в этой адекватности кроется секрет его стабильности. Пока в самой структуре общества, в положении его основных классов, в их самосознании не произойдет радикальных перемен, Путину ничего не угрожает. Современная Россия – это страна победившего люмпена. Несмотря на то что количественно люмпены не преобладают, они, безусловно, доминируют сегодня в российском обществе, навязывая последнему свои «правила поведения». А уже как следствие, они являются и политически господствующим классом, распоряжающимся государственной властью, как трофеем. Проще говоря, Россия сегодня – «босаяцкое государство», а Путин – «босаяцкий царь»...» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Главный выгодоприобретатель», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«...После распада СССР в 1991 году была совершена большая ошибка – в обществе не провели десоветизацию и декоммунизацию. Никто не работал с постсоветским обществом, не переубеждал его, не учил людей быть свободными и цивилизованными гражданами. В России по-прежнему осталась совершенно дикарская советская психология, ее нужно было выдавливать так же, как из немцев выдавливали нацизм... Но, еще раз повторю, дело не только в Путине, дело в обществе, в котором не произошло сознательной десоветизации. У меня не осталось надежд, что Россия когда-нибудь станет частью европейского сообщества и цивилизованного мира. Условный Путин – это все, что нужно россиянам. Не будет Путина, все равно ничего не изменится. Совсем... Российское общество очень инфантильно. Несколько лет назад ему начали твердить: «Нужна стабильность, а несогласные с политикой Кремля этому мешают» и тут же большая часть населения подхватила: мол, из-за оппозиционных маршей мы не можем гулять в центре города, нам нужна стабильность. Вдруг потребность в стабильности отпала – нужна война. Опять общество массово согласилось: «Будем воевать» – и сотни молодых людей без мозгов поехали в Донбасс, чтобы убивать граждан Украины... Россияне в массе своей – дети, которым нужно пояснять, как живет мир. Ведь они этого до сих пор не знают, сколько бы ни ездили в Египты и Турцию. Именно потому так легко им вбили в головы стереотипы, вроде: «Запад мечтает поставить Россию на колени, уничтожить ее»...» (Рустем Адагамов, из интервью Наталии Двали «Адагамов: В России осталась дикарская советская психология, ее нужно было выдавливать, как из немцев выдавливали нацизм», <http://gordonua.com/publications/Adagamov-V-Rossii-ostalas-dikarskaya-sovetskaya-psihologiya-ee-nuzhno-bylo-vydavlivat-tak-zhe-kak-iz-nemcev-vydavlivali-nacizm-64698.html>);

«В самой же России попытка реформаторов 1990-х организовать страну по западной модели привела к еще одному краху, поскольку население не могло отказаться от утопической модели абстрактного мышления, даже если оно вообще мало о чем думало.

Расплатой за провал реформ и стал приход и скоростное возвышение самого Русского Начальника. Русские стали заложниками военного образа мысли нового самодержца... Над степями Донбасса столкнулись две грозные тучи (потомки полян и обрусевшие потомки половцев, – П.Д.), как в русских летописях сталкивались славяне и половцы, и вместо дождя хлынули с неба потоки людской крови...» (Виктор Ерофеев, «Как начиналась Третья мировая?», <http://volgograd.yabloko.ru/news/index.phtml?id=5355>; <https://snob.ru/selected/entry/84873>; <http://www.3world-war.ru/3-mirovaya-voyna/338-russkie-cennosti-protiv-zapadnyh-cennostej.html>; https://polpred.com/news/?cnt=195&person_id=5503).

Как видим, путинский российский нацизм практически ни чем не отличается от гитлеровского немецкого нацизма:

«Кульм личности лидера нации. Искренние исповеди рядовых немцев позволяют узнать мотивы большинства из них: чем их привлек национал-социализм и его «фюрер» в начале 1930-х годов. «В хаосе, который царил в стране, нам был нужен человек, способный взять руководство на себя», – написал, например, в своем произведении один из участников конкурса произведений. Другой очарован «новыми целями и новыми ценностями», которые предложил лидер нации. Третий (точнее, третья) считала вполне логичным, что «после всех трагических событий», которые понесла страна, она ждала человека, способного «железной метлой очистить эти авгиевы конюшни». Еще один немец твердо верил (о чем и пишет), что «наш лидер послан народу судьбой», что он – «светлый избавитель», побеждающий тьму. Другой верит, что национал-социализм неизбежно станет «мировоззрением всех чистокровных народов мира». Третий в восторге от цели «фюрера», которую тот, по его словам, видит в том, чтобы «укрепить единство народа», сделать этот народ «таким сильным, чтобы он всегда оставался великим». Насчет единства народа и духовных скреп писали, кстати, многие авторы сочинений. А один учитель средней школы благодарил «спасителя немецкого народа» за то, что благодаря ему страна наконец «расправляет плечи и встает с колен». Униженные «встают с колен». Этот мотив – «вставать с колен» – звучит и во многих других произведениях убежденных нацистов (ранее гитлеровской Германии, а ныне и путинской России, – П.Д.). «Многие чувствовали себя униженными поражением в Первой мировой войне и Версальским договором, – указывает составитель книги. – Борьба против этого «позорного», как они считали, договора (в России договора, заключенного в Беловежской пуще, – П.Д.) была одним из центральных мобилизующих факторов национал-социализма». Широко распространенными среди рядовых нацистов были не только «доказательства» превосходства немцев над всеми другими народами и вера в единый «арийский мир», но и теории заговора, происки мирового закулисья. Кто-то писал, что «темные силы пытаются сбросить Германию (а теперь Россию, – П.Д.) в пучину». Другие уверены, что Германия никогда не претерпела бы поражения в Первой мировой войне, если бы «еврейство, марксисты и тайные масонские ложи не воткнули бы ей нож в спину». Пещерный антисемитизм был типичен для аргументации авторов произведений: мол, евреи заполонили все на свете. Между тем, как указано в комментарии, когда нацисты пришли к власти, доля еврейского населения Германии составляла менее одного процента! Вторая особенность – коммунистическое прошлое многих мелких национал-социалистов.

Некоторые из них откровенно рассказывают о своей трансформации из крайне левых в крайне правые, или о том, как им удалось привлечь в ряды НСДАП бывших коммунистов. Почти половина участников конкурса, как минимум, симпатизировала в прошлом левым политическим организациям» (Никита Жолквер, «Тема сочинения: Почему я стал национал-социалистом», <https://p.dw.com/p/35EmD>);

«По всему Мюнхену были расклеены красочно оформленные объявления и листовки, но ближе к назначенной дате Гитлер забеспокоился, как бы ни пришлось выступать в пустом зале. Мероприятие должно было начаться в семь тридцать вечера в одной из крупнейших пивных города. Когда Гитлер вошел, зал был полон – собралось около двух тысяч человек. Его сердце «разрывалось от радости». Особенно он был доволен тем, что большую часть публики составляли коммунисты и левые социалисты, многих из которых он надеялся обратить в свою веру... Гитлер не привык выступать перед большими аудиториями – голос его то срывался на крик, то затихал. Но такая неопытность многим даже нравилась. Двадцатилетний студент-юрист Ганс Франк был поражен его искренностью. «Гитлер производил впечатление человека, честно говорящего о том, что он чувствует, и убежденного в своей правоте. После банальных фраз предыдущего оратора его слова производили взрывной эффект. Они были часто грубыми, но всегда выразительными. Даже те, кто пришел его освистывать, вынуждены были слушать... Он мог раскрыть суть вещей даже самому заскорюзлому тугодуму»... Когда оратор покинул трибуну, последовала бурная овация, и молодой Франк уже не сомневался, что «если кто и может решить судьбу Германии, то это Гитлер»... Эта зима оказалась очень суровой. Будучи на грани банкротства, Германия должна была заплатить по репарациям 134 миллиарда марок. Значительная часть населения была вынуждена жить в неотопливаемых квартирах, люди голодными ложились спать. Возмущение было настолько сильным, что все крупные политические партии рассматривали вопрос о проведении общей демонстрации протеста на центральной площади Мюнхена, однако отложили ее, опасаясь выступлений красных. Гитлер негодовал. Он решил организовать митинг в одиночку. Управляющий цирком был членом его партии, и они быстро договорились о проведении этого мероприятия вечером 3 февраля. Цирк вмещал 6 тысяч человек. Когда Гитлер появился в зале, он был переполнен. Через полчаса Гитлер убедился, что контакт с аудиторией установлен – его выступление (на тему «Будущее или гибель») часто прерывалось аплодисментами. Когда оратор закончил речь, публика устроила овацию и стихийно запела гимн «Германия превыше всего» (Джон Толанд, Адольф Гитлер // Основание НСДАП и начало национал-социализма), <http://rushist.com/index.php/toland-adolfgitler> Часть II. «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО», <http://rushist.com/index.php/toland-adolfgitler/116-toland-4>);

«При бурном развитии движения нормальное соответствие между формой и содержанием невозможно. Законченность, неизменность формы противоречили бы характеру партии, которая сознательно шла на то, чтобы приспособиться к обстановке и в случае нужды сгибаться перед сильным. Вызвавшие столько толков «двадцать пять пунктов» (Речь идет о первоначальной программе национал-социалистов, сформулированной в 25

пунктах) не являются программой в серьезном смысле слова. Но отсутствие программы – не просто маневр, рассчитанный на общую беспринципность; оно покоится на сознании, что движения возникают вследствие определенных причин, а не для достижения известных целей, и что для людей важнее вожди, нежели правила поведения. Несомненно, здесь сказалась своего рода вера в силу рока, рождающего могучие идеи и в то же время вызывающего активное противодействие против себя же самого. Как и во многом другом, национал-социалисты учились у марксизма подходить к вопросам исторического развития с точки зрения диалектики. Однако в то время как марксисты желали претворить стихийный характер политики в «науку», более практичные национал-социалисты принимали политику такой, какая она есть. Этому соответствует следующая концепция: народу принадлежат чисто растительные функции жизни – деторождение и рост, а ниспосланные свыше вожди вносят в нее порядок, оформленность и целеустремленность» (Конрад Гейден, «История германского фашизма», <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>, ч.1, гл.1 «Три корня национал-социализма», <http://militera.lib.ru/research/heiden/01.html>).

И ведь же, именно русская ЯКМ ответственна и за воинственность (укр. «войовничість») психически инфантильного русскоязычного населения, привыкшего как к прозябанию в нищете, так и к своему животно-растительному образу жизни и поэтому не способного обустроить свою жизнь без тотальной опеки жестокого вождя. Если в украинской ЯКМ словообразование большинства военных (укр. «військових») терминов основывается на лексеме «войско», то в русской ЯКМ оно основывается непосредственно на лексеме «война» (ст.-слав. «повинѣти» – покорить, – Фасмер; укр. «військовозобов'язаний» – военнообязанный; «військовослужбовець» – военнослужащий; «військово-промисловий» – военно-промышленный). И не зря же слово «завоевание», как и слово «покорение» стало обладать в русской ЯКМ позитивной коннотацией и стало одним из наиболее употребительных слов (завоевание, достижение, вклад, успех, победа; покорение, пленение, захват; свершение, триумф, шаг вперед, занятие, взятие, колонизация, торжество, приобретение, снискание, фурор, – «Словарь русских синонимов», <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-20792.htm>):

«...автомат Калашникова – настоящий, можно сказать, культурный бренд России» (Министр культуры России Владимир Мединский, из новостного сообщения: «Мединский назвал автомат Калашникова культурным брендом России», <https://lenta.ru/news/2017/09/19/kalash/>).

О доминировании в русскоязычном примитивном обществе второй сигнальной системы над первой

Словоцентричность, конечно же, приводит к доминированию в русскоязычном примитивном обществе второй сигнальной системы над первой:

«Слово – тоже символ. Слово создает эту цельность мысли. Не «дискурс» в речевом потоке, а именно слово. Для русской ментальности слово важнее предложения. Платон (и

русский реализм) исходит из цельности слова, Аристотель (и западный номинализм) – из суждения, в дискретности предложений развивающего мысль, уже заложенную в слове» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-309.html>);

«Стиль мышления – вербальный: восприятие, переработка и воспроизведение информации опираются на слово, смысловую основу, содержательный анализ. В стрессе – склонность к стоп-реакциям, то есть к блокировке активности, или ведомое поведение, внешне проявляющееся как подвластность лидирующей личности, внутренне – пассивная тенденция к сохранению своей индивидуальности. ...для данного типа характерен фатализм: сами того не осознавая, они безропотно несут свой крест» (Людмила Собчик, «Управление персоналом и психодиагностика», <http://psychobook.ru/cs-standartizirovannyi-mnogofaktornyj-metod-issledovaniya-lichnosti-smil-adaptirovannyi-test-mmpi/page3>);

«Филогенез внушения (суггестии) связан с эволюцией второй сигнальной системы. Основатель палеопсихологической теории суггестии Б.Ф. Поршнев полагает, что суггестия является особой системой сигнальной регуляции, лежащей в основе формирования сознания, второй сигнальной системы. Опровергая тезис о том, что у истоков второй сигнальной системы лежит обмен информацией, т. е. сообщение чего-либо от одного к другому, он подчеркивает важность особого рода влияния одного индивида на действия другого – специфического общения «еще до прибавки к нему функции сообщения» [Поршнев Б. Ф. 1974]. По своему физиологическому генезису суггестия связана с возбуждением навязанных реакций и торможением естественных импульсов ЦНС (центральной нервной системы, – П.Д.) на раздражители. Она в значительной степени противоречит первой сигнальной системе – тому, что подсказывает и диктует организму его собственная сенсорная сфера, осуществляя замену сигналов, поступающих с сенсорно-афферентного блока, или реакций, свойственных эффекторному блоку, другими, вызываемыми по второй сигнальной системе. Этот вид влияния обеспечивает запуск бессознательных программ, так что психика и/или физиология человека должны приспосабливаться, находя во внешней среде пути к выполнению внушенных заданий. Рассматривая филогенетическое развитие суггестии, Б.Ф. Поршнев отмечает, что она является межиндивидуальным регулирующим механизмом взаимодействия, формирующимся вслед за такими формами взаимодействия, как имитация, интердикция (запрет), ипрескрипция (прямое приказание). Впоследствии функция контроля над бессознательным, которая изначально является социально-обусловленной, становится способом самоорганизации деятельности одного индивида, интерпсихическое действие превращается в интрапсихическую саморегулирующуюся систему. Суггестия развивается в автосуггестию, которая и завершает формирование второй сигнальной системы. Параллельно развивается контрсуггестия, которая предполагает выработку системы способов противостояния суггестивному воздействию на бессознательное. Б.Ф. Поршнев постулирует существование «третьей сигнальной системы», отвечающей за контрсуггестию – механизмы противостояния суггестивному навязыванию чужой воли. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет косвенное внушение, основанное на суггестии,

поскольку оно труднее поддается выявлению и анализу, чем прямое внушение, интердикция или прескрипция. По содержанию суггестивное внушение может быть неоднородным. Мы выделяем в нем три аспекта: аффективное (эмоциональное) внушение, внушение бессознательных образов и мыслей (эйдетико-когитивное) и внушение бессознательных установок. При этом эйдетико-когитивный, эмоциональный и установочный виды суггестии могут сопутствовать тем или иным типам речевого воздействия. Так, аффективное внушение свойственно социальному речевому воздействию (приветствие, прощание), аргументации, уговариванию, побуждению, моральным оценкам; эйдетико-когитивное внушение – аргументации, художественному рассказу / изображению; внушение установок играет важную роль в РВ (речевом воздействии, – П.Д.) «безоценочной информации», доказательствах и аргументации и основывается на отборе и расстановке фактов, тезисов и аргументов. Особенно выражено внушение установок в психическом программировании. Однако зачастую разные виды внушения сочетаются в одном коммуникативном акте. Ученые отмечают важность внушения на начальном этапе аргументации, так как оно приводит реципиента в нужное для успеха РВ состояние, подготавливает почву для убеждающего воздействия. Как отмечает О.А. Феофанов: «Разум требует высшей степени дисциплины, концентрации внимания. Много легче обычное впечатление. Разум отталкивает зрителя, логика досаждаёт ему. Эмоции возбуждают, они ближе к поверхности, мягче куются» [Феофанов О.А. 1974: 227]. Кроме того, часто внушением образов, эмоций, установок восполняется недостаток содержательных знаний и фактов» (Елена Шелестюк, «Речевое воздействие: онтология и методология исследования», http://shelestiuk.narod.ru/publications/Shelestiuk_Rechevoye_Vozdeistvie_1-1.pdf; <http://www.academia.edu/3435561/>).

По заключениям психологов бессознательные лингвопсихические установки несодержательной (слабо детализированной и чрезвычайно наивной) русской ЯКМ вместе с консервацией детского аффективного восприятия действительности существенно тормозят развитие критического мышления а, тем самым, и развитие «третьей сигнальной системы», отвечающей за контрсуггестию. Именно это и делает его весьма подверженным зомбированию пропагандой:

«Выходец из России, журналист издания Business Insider Виталий Каценельсон, проживающий в США, решил на протяжении недели читать и смотреть только российские средства массовой информации, отказавшись от альтернативных источников... «Я всегда считал интернет неостановимой демократической силой, которая всегда позволит правде проскользнуть через трещины в даже самой мощной стене пропаганды. Я был неправ. После просмотра российского телевидения вы не хотите читать западную прессу, потому что вы убеждены, что она лжет. И что более важно, российское ТВ настолько мощно, что вы даже не хотите смотреть что-нибудь еще, потому что убеждены, что имеете в распоряжении неоспоримые факты», – утверждает Каценельсон. По словам журналиста, пропаганда «заставляет правое полушарие мозга (эмоциональное) преобладать над левым (логическим), в то же время засоряя все логические фильтры». «Факты – это не то, чем обеспокоено российское телевидение. Как только эмоциональные образы и много дезинформации

наполняют правое полушарие мозга, оно побеждает левое, которое капитулирует и прекращает ставить под сомнение представленную информацию», – резюмировал Каценельсон...» («Журналист Business Insider неделю смотрел российское ТВ, чтобы оценить ущерб для мозга», <http://gordonua.com/news/worldnews/ZHurnalist-Business-Insider-nedelyu-smotrel-rossiyskoe-TV-chtoby-ocenit-ushcherb-dlya-mozga-52383.html>);

«Чем занималось наше телевидение с середины нулевых годов, а особенно интенсивно – в последние три года? Оно последовательно отключало у людей способность к критическому мышлению, способность к рефлексии. Поэтому я всегда повторяю своим студентам: запомните, что телевидение – это не для умных людей. За полгода просмотра по три часа в день даже человека с зачатками критического мышления и неплохим образованием оно способно превратить... Помните – «Незнайка на Луне», остров, где превращались в осликов? Вот и вы начнёте превращаться в осла. И это сделано в общенациональном масштабе...» (Валерий Соловей: «Ни один заговорщик не сделает того, на что способны полтора идиота», <http://www.fontanka.ru/2017/05/12/126/>);

«Телевидение в России можно сравнить с наркотиком – народу постоянно вкалывают «сыворотку удовольствия». Даже само «Останкино» – символ иглы. Что это, как не «теленаркоторговля»? Почему именно телевидение? Да потому, что никакой другой пропаганды нет, все остальное – пренебрежимо малые величины. Расходы на «теленаркотик» – денежные, а прибыль – моральная. Причем невероятная: 140 млн человек под кайфом. Для того чтобы вызвать, условно говоря, 1кг удовольствия (улучшить качество жизни) у пенсионеров, можно потратить 1 тонну денег, раздав их им. А можно потратить 20кг денег, и удовольствие у пенсионеров будет то же самое (сознание, что живем в великой стране, встаем с колен и т.д.). При этом ни один пенсионер ни копейки не получит. В общем, траты на «телегероин» – простейший способ экономии госбюджета. В сущности, кормить людей при этом можно по минимуму...» (Леонид Радзиховский: «Телегероин» как простейшая экономия, <http://sobesednik.ru/politika/20151223-leonid-radzihovskiy-telegeroin-kak-prosteyshaya-ekonomiya?luchshee>);

«Средства массовой информации стали способом производства реальности. Они переводят реальное в режим представления, репрезентации. Представление перестает сопоставляться с реальностью и само становится реальностью. Виртуальной. Представлению противостоит не реальность, а другое представление. У каждого представления есть свой субъект, свои режиссеры и актеры. Объективированный смысл представления не случаен. Представление можно забыть. Реальное забыть нельзя. Оно дает о себе знать через немоту дословного, нерепрезентативного. Всякая повседневность пузырится смыслами, а не событиями. Чтобы получить виртуальную реальность, нужно раздуть смысл, превратить его в событие. Заставить его выйти за свои пределы, совершить трансгрессию. СМИ выхватывают смысловые пузыри обитаемого мира, раздувают их до события и подают как чистую репрезентацию. Как объективированное представление, как спектакль. Масс-медиа превращают смысл в событие, а событие – в представление события. В сообщение. Этими

превращенными формами существует субъект. А именно: идеология, капитал, власть, знание. СМИ не нейтральны. Они прикрывают, делают невидимым субъекта производства реальности. Ни один смысл не нуждается в информации. Всякий смысл эзотеричен. Полнота смысла дана вещам, о которых нет никакой информации. Всякое событие нуждается в информации. По нехватке информации можно судить о приближении события. Чем больше поглощают информацию, тем яснее ощущают ее нехватку. Информация стала наркотиком для интеллектуалов, которые перестав реконструировать события, стали их комментировать. Интеллектуалы масс-медиа более опасны, чем наркоманы. Ибо они производят события...» (Фёдор Гиренок, «Почему мысль приводит слова в замешательство?», <http://fedorgirenok.narod.ru/warum.htm>).

Из-за восприимчивости преимущественно к словам (словоцентричности), а не к действительности, русскоязычный человек принципиально не может быть реалистом и прагматиком (природоцентричным), но при этом он всё же пытается скрыть от всех окружающих эту нелицеприятную свою особенность, несмотря даже на то, что такое его неблагоприятное поведение и может выглядеть весьма цинично:

«Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать, «патентованным» проповедником «прекрасного и высокого», вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить своё мнение в каком-нибудь деле (но уже «настоящем» деле, практическом, текущем, а не то что там в какой-нибудь поэзии, в деле уже важном и СЕРЬЁЗНОМ, так сказать, в гражданском почти деле), и заявить не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтоб высказать решающее и судящее слово, и с тем, чтоб непременно иметь влияние, – то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завязанного реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подаёт мнение и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стишки; наместо них одна «реальная правда», но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет её, в цинизме-то и предполагает её. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее. Отчего это так? А потому, что наш идеалист, в подобном случае, непременно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажут: «ну, вы идеалист, что вы в «делах» понимаете; проповедуйте там у себя ПРЕКРАСНОЕ, а «дела» решать предоставьте нам...» (Фёдор Достоевский, «Дневник писателя», 1876. Июль и август. Глава вторая. I. «Идеалисты-циники», <https://www.livelib.ru/book/36704/read-dnevnik-pisatelya-fjodor-dostoevskij/~53>; https://imwerden.de/pdf/dostoevsky_pss_tom23_1981_text.pdf; http://www.pseudology.org/Literature/DostoevckiFM_Dnevnik2.pdf).

Поэтому-то психически инфантильный русскоязычный человек и обречен, быть закоренелым идеалистом, предпочитающим потугам к достижению реально возможных успехов бездейственное пребывание в состоянии постоянного словесного самообмана и ожидания чуда или же «халявы» (подарка или подачки):

«Американец уверяет себя и других, что его «мечта» – исполнена, что вот это, что его

окружает, и есть мечта. «Все разумное – действительно». Англичанин знает, что его окружает отнюдь не идеальный мир, но он знает, что в этом неидеальном мире только человек может быть источником идеального» (Яков Кротов, «Свойства без человека // Идеализм, идейность», http://krotov.info/yakov/essai/2_svoystva/2_glaza_proroki.htm).

Русскоязычный людишка уверяет себя и других, что достаточно безропотно переносить все невзгоды и верить в светлое будущее. И тогда-то непременно наступит выслуженное им благополучие (укр. «добробут»). И, конечно же, это «благо получит» он в награду за свое смирение от господ-благодетелей (номенклатурной элиты государства), не понуждающих его самостоятельно стремиться к достижению желаемого.

Как видим, в соответствии с русской языковой картиной мира стремление к достижению блага (благополучия) бессмысленно и даже не этично, так как любое благо легко можно выслужить, а не заработать и, следовательно, получить его и «на халяву» (то есть, даром), подобно божьему дару – «манне небесной» или же «лёгкому хлебу».

Поэтому-то по-детски наивный русскоязычный людишка и может быть всего лишь сладострастным и бесплодным маниловским мечтателем-утопистом, прячущимся от реальности во внутреннем мире своих чувств и словесных переживаний. И из-за своей «обломовской» лени он будет довольствоваться лишь невоплотимыми в действительность «миражами» своего буйного воображения и вызванным ими непомерным тщеславием, а тем самым и параноидальным ощущением своего мнимого величия и непревзойдённой «духовности»:

«Поскольку в мифологическом сознании представление о мире и сам этот мир совпадают, то русским тяжело дается усвоение того, что же такое «объективная истина». В глубине души многие русские искренне сомневаются в ее существовании. Субъективное мнение русского человека о реальности и есть для него сама реальность. Обратной стороной субъективизма русского сознания является его мечтательность. Русская фантазия имеет огромный простор для полета, так как гораздо меньше, чем у других европейских народов, прошедших через муштру логического восприятия мира, ограничена чем-то внешним. Практически она ничем не ограничена, кроме внутренней интенции» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«Обойдя в свое время почти всю Русь, чтобы понять дух родного народа, вдумываясь в его полуязыческие представления о боге, в творчество его духа, как оно выразилось в былинах, песнях, сказках, поговорках, я везде видел одно и то же: слабость воли, шаткость и неустойчивость мысли, отсутствие твердо-намеченных целей, живых забот о будущем, печальную склонность к расплывчатой мечтательности и туманному философствованию на восточный манер... Всё это – наши национальные черты, одинаково свойственные людям всех сословий: посмотрите внимательно и Вы увидите, что Обломов не только тип русского барина – это тип вообще русского человека; среди купцов, мужиков, чиновников Вы найдете сколько угодно лентяев Обломовых» (Максим Горький, из письма Василию Брееву, председателю нижегородского отдела Союза русского народа,

<http://fakeoff.org/culture/ariyskaya-krov-zovet;> <http://rigort.livejournal.com/354616.html;>
https://imwerden.de/pdf/gorky_pss_pisma_v_24t_tom09_2002_ocr.pdf);

«Пускай пустой иллюзией согреты
Бывали все надежды на Руси –
Однако же вращаются планеты
Вокруг воображаемой оси...
С утра пирует суета,
Чуть остывая ближе к ночи,
Бездарной жизни пустота
Себя подвижностью морочит...»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«У нас же что значит это философствование, как не преждевременная гнусная похоть, как не онания, порождающая хилые, болезненные создания, способные только бредить и заниматься сладострастными мечтами, а не мыслить и действовать. Можете ли вы доказать, что то, что вы проповедуете, есть истина? А если нет, так зачем же вы проповедуете?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 13 марта 1864г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Возьмите вы наших славянофилов. Что в то время сделала Россия для культуры? Какие образцы показала она миру? А ведь люди верили, что Россия «протрет глаза» гнилому Западу. Откуда эта гордость и уверенность? И вы думаете, что жизнь изменила наши взгляды? Нисколько! Разве мы теперь не читаем чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества! И не свидетельствует ли это, до какой степени мы не знаем действительности, до какой степени мы живем фантастически!» (Иван Павлов, «О русском уме», https://m.censor.net.ua/forum/2296242/o_russkom_ume;
<https://www.psychologos.ru/articles/view/o-russkom-ume-i.p.-pavlov;>
[http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf;](http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf)
https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php);

«Фантастическое житие в России всегда предпочитали реальному, к этому нас официальная церковь приучила. Она же культивировала не только поношение инославных-иноверных, всего Запада, но и самопревознесение, которое, конечно же, позаимствовал у нее наш третьесортный патриотизм. Такого беспардонного бахвальства, как у нас, видимо, нигде в мире не сыщешь. Оно с необходимостью сопровождает поношение иных и есть проявление все того же комплекса неполноценности. Тут совсем нет меры, наши самовосхваления, помимо всего прочего, это чудовищно дурной вкус. Он проявляется и в позерстве, которое тоже есть следствие неуверенности в себе, в кривлянии и ломании, в стремлении, во что бы то ни стало «удивить мир», а не получается – так «показать кузькину мать». Иначе самоутвердиться третьесортный патриот никак не может. Он постоянно ждет восхищения собой, бывает страшно разочарован, не дождавшись такого: «не понимают нас, не ценят,

не любят». И – страстная жажда всяких неполноценных людей: чтоб поняли, оценили, полюбили. Об этом мечтал Достоевский, который все ждал, что «удивятся, и придут, и поклонятся». Не пришли, не поклонились, а вот что до «удивятся», то и впрямь удивились – нашему XX веку. Никто не предполагал, что все «издохнет» столь унижительно...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«В отличие от западного реализма, русские (восточные) ценности базируются на утопии, которая исторически меняет свои цвета (царизм, коммунизм, русский мир и прочее), но остается верна себе в том, что человек подчинен высшим и подчас невыразимым идеалам. Его жизнь сама по себе не имеет суверенного значения. Бог, государство, военная присяга – по сути дела, эта троица тождественна себе – требуют от него полного самопожертвования во имя абсолютной истины. Русские ценности в основе своей религиозны, построены на вере и не доказываются картезианским знанием. Русские (восточные) ценности близки исламским идеалам, которые также пришли в сильное движение благодаря падению Берлинской стены, и искусство русской дипломатии, в конечном счете, должно было их успешно соединить для взаимной пользы» (Виктор Ерофеев, «Как начиналась Третья мировая?», <http://volgograd.yabloko.ru/news/index.phtml?id=5355>; <https://snob.ru/selected/entry/84873>; <http://www.3world-war.su/3-mirovaya-voyna/338-russkie-cennosti-protiv-zapadnyh-cennostej.html>; https://polpred.com/news/?cnt=195&person_id=5503);

«Когда («абсолютную», – П.Д.) истину долго отстаивают, вера выпадает в осадок» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>).

Однако же за всё это ответственна не столько религиозность русскоязычного человека сколько его национальная ЯКМ:

«Из Руси церковной ну никак нельзя вывести Русь советскую. Зато анализ русской словесной культуры XIX – XX веков (а раньше ее как таковой и не было) показывает, что Россия была уже давно обречена. 95% нашей научной и публицистической литературы явно социалистично. Нацизм и германская культура несовместимы, социализм и русская культура – почти синонимы. Нацизм по своей сути доидеен и лишь эманурует в германский словесный мир, большевизм – это именно вербальная идея, идея, привнесенная извне, а не выросшая изнутри – интернациональная идея. Вообще, русский, захваченный какой-либо конкретной идеей, ушедший в конкретную идею, это страшный человек. Игла логоса уколола его в сердце и, носясь по миру с этой холодной иглой в груди, он способен на все. Бойтесь этого человека. Личность, сущностью которой стало русское слово, русская кривая мысль – мрачна, ужасна. Русский «деятель», то есть человек, захваченный метафизической идеей и стремящийся к претворению ее в жизнь, это человек узкий, ограниченный и злой. (Увы, я это слишком хорошо знаю, так как сам русский). Еще Белинский отличался своей злобой. «А-а, с-сука, мысль по веревочке водить, мать твою так-распротак». И пошло-поехало!» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«...гибридный крестовый поход «Русского мира» против Запада замешан на

глубочайшем комплексе неполноценности, на осознании того, что ни в чем содержательном конкурировать с Западом Россия органически не способна. И это мучительное унижительное чувство, которого при всей исторической фарсовости коммунистических вождей и в помине не было ни у Сталина, ни у Хрущева, эта психопатология «человека из подворотни» характерны не только для нашего национального лидера, но и для всей постсоветской «элиты». Поражение в холодной войне, а главным образом – четвертьвековое разграбление собственной страны перевело эту «элику» из суперлиги в лучшем случае в первый, если не во второй дивизион мировой политики. И этот статус воспринимается очень болезненно, как чувствительный удар по персональному эго. Да, конечно, все они, от нефтегазовых генералов до интеллектуальной obsługi из Совета по внешней и оборонной политике, материально очень неплохо устроились, как и представить невозможно было в Советском Союзе – сплошь долларовые миллиардеры и мультимиллионеры. Сыновья и внуки – все в западных университетах и компаниях. Но не случайно же вся эта грязь в шелковых чулках непрестанно вещает о своей уникальной и высочайшей духовности, которой у меркантильного упаднического Запада нет ни ***. Мало им материального благополучия. Величия, величия и еще раз величия жаждет российская политическая «элита»! Увы, нет ни малейших объективных признаков этого величия – ни в степени влияния России на тенденции мирового развития, ни в показателях ее экономического и технологического роста, ни в уровне жизни, образования, здоровья (в том числе психического) окормляемого этой элитой «народа»...» (Андрей Пионтковский, «Трижды над бездной», <http://www.svoboda.org/content/article/26921530.html>);

«Разговоры о российской духовности, исключительности и суверенности означают на самом деле, что Россия – бросовая страна с безнадежным населением. Глубокая уверенность в некачественности, неисправимости, исторической потерянности этого населения вообще свойственна спецслужбам с их демоническим презрением к гражданам. И надо сказать, основания для такого презрения мы им действительно даем, так и не выучившись эффективно противостоять их немудрящим разводкам. Большая часть российского населения ни к чему не способна, перевоспитывать ее бессмысленно, она ничего не умеет и работать не хочет. Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости, пичкая соответствующими зрелищами...» (Дмитрий Быков, «Программа Путина», <http://www.profile.ru/arkhiv/item/61171-programma-putina-61171>);

«Россия – фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов... Русской душе не сидится на месте. В душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни» (Николай Бердяев, «Судьба России // Психология русского народа», 1914-1917, <https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/dusha-rossii-17807512/chitat-onlayn/>; <https://www.rulit.me/books/dusha-rossii-sbornik-read-427400-6.html>; http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaev_sudba_rossii.pdf);

«...иррациональность» (или «нерациональность») – в противоположность так называемому научному мнению, которое официально распространялось советским режимом; подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни...» (Анна Вежбицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm);

«...идея непредсказуемости мира (она заключена в целом ряде русских слов и выражений, напр.: а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добратся; счастье)» (И.И. Богатырёва, «Языковая картина мира», <http://www.portal-slovo.ru/philology/43646.php>).

Поэтому-то:

«Как рыба уходит на глубину, если на поверхности корма нет, так и русский человек, не находя радости в устройстве земной жизни, существуя с сознанием греховности плотской, материальной жизни, поневоле переходит с материального уровня существования на метафизический, там подчас находя успокоение. Русский человек любит философствовать, рассуждать, говорить, утверждая себя (и ощущая свою ценность) не в реальных делах, а на уровне представлений. Поэтому в реальной жизни ему важнее казаться, нежели быть... Как человек с парализованными ногами подчас имеет гипертрофированно развитые руки, так русский народ, не обладая способностями (и желанием) к самоустройству, организации быта и жизни, отличается гипертрофированно развитым символическим уровнем существования: легко порождает разнообразные идеи, но не в состоянии использовать их для жизнеустройства. Эти особенности, конечно, сказались и на «душе народа» – в его языке» (Михаил Берг, «Истоки русского пессимизма», <http://www.mberg.net/istoki/>; <https://publizist.ru/blogs/108412/26195/5>).

«Русское влияние опасно: ибо в России идеи остаются достаточно туманными, они не переводятся неукоснительно в практику. Они ограничены глубоким скептицизмом. У нас те же самые идеи, если они соблазняют – а они соблазнительны – немедленно преобразуются в рациональные формы, которые можно воплотить в виде законов» (Пьер Паскаль, «Дневник», Петроград, 15.07.17, <https://project1917.ru/heroes/per-paskal/>);

«Мы крайне незрелы во многом еще, особенно незрелы характером. Нас беспрестанно увлекают чужие примеры. Нам мешают спать репутации героев европейской истории. Мы чувствуем в себе потребность служить отечеству, но не столько заботимся о том, чтобы действительно для него что-нибудь сделать, сколько о том, чтобы казаться сделавшими...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 28 марта 1860г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Русские любят рассуждать и анализировать до корня. Когда же все их рассуждения заканчиваются и начинаются действия, то получается как всегда. Власть и корысть не

мешают рассуждать, предполагать и мечтать, но именно в действиях они сбивают русских с их прекрасных намерений. Видимо, русская душа слишком отзывчива на эти 2 импульса... Во всем мире, исходя из реальности, идут к идее, в России идею натягивают на реальность» (Ѓomumi бэхэс, «Мысли о России»).

Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир вечного детства на новые орбиты развития

Однако же:

«Идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов, и рамки нужно расширить, а совесть слегка подрастянуть, подправить, приспособить... Ну что же, сказала совесть, поморщившись, придется мне слегка огрубеть ради великого дела...» (Аркадий и Борис Стругацкие, «Обитаемый остров», <https://www.lingq.com/it/lesson/chast-chetvertaia-vospituemyi-glava-15-338583/>; <http://book-online.com.ua/read.php?book=3807&page=94>);

«Здесь темнее с утра, чем ночью,

А преступники – не злодеи,

Здесь идеями дышит почва

И беспочвенны все идеи»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«В этой атмосфере было много бессознательной лживости и самообмана, мало было любви к истине. Хотели быть обманутыми и соблазнёнными. Терпеть не могли критики. Все захотели быть приобщенными к истинному розенкрейцерству, как это было у нас в масонских течениях конца XVIII и начала XIX века. Но тогда было больше наивности... В десятые годы XX века в России многие культурные, но творчески бессильные молодые люди более всего мечтали о том, чтобы быть приобщенными к тайне розенкрейцерства. И молодые девушки влюблялись в тех молодых людей, которые давали понять о своей причастности к оккультным обществам, как в другие годы и в другой обстановке влюблялись в тех молодых людей, которые давали понять о своей причастности к центральному революционному комитету. Эротика всегда у нас окрашивалась в идеалистический цвет. В 30-е годы она носила шеллингианский характер, в 60-е нигилистический, в 70-е народнический, в 90-е марксистский, в начале XX века она приобретала окраску «декадентскую», в десятые годы XX в. она делалась антропософической и оккультистской. Это явление смешное, в нём обнаруживается недостаточная выраженность личности, но оно свидетельствует о русском идеализме...» (Николай Бердяев, «Самопознание // Метафизика пола и любви», <http://www.vehi.net/berdyaev/samopoznanie/007.html>; <https://profilib.org/chtenie/58742/nikolay-berdyaev-samopoznanie-50.php>);

«Сей «идеализм» выражался в постоянной идеологической стилизации принципиально неидеологизируемых вещей. В результате идеальная жизнь общества очень грубо просачивалась в реальность. Идеи импортировались с Запада и становились модой. Став же модой, они незаметно переплетались с модной одеждой или мебелью. Томик Гегеля и портсигар становились явлениями одного порядка. При этом не только Гегель воспринимался на уровне портсигара, но и портсигар на уровне Гегеля. Чтение Гегеля самым прямым образом сказывалось на состоянии портсигароделательной промышленности, а курение сигар напрямую влияло на изучение Гегеля в университетах. Это можно назвать крайним идеализмом, крайним материализмом, крайним эклектизмом, крайним примитивизмом. По-моему, точного названия этому вообще найти нельзя. Я бы так сказал: это крайнее сбывание и крайняя стилизация...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Тут очень отдает паранойей, однако ее норовят выдать за самобытность, о которой столько толкуют и которой так гордятся. Самобытность нередко истолковывают в том духе, что мы не принадлежим ни Западу, ни Востоку отсюда, дескать, все наши особенности. На самом деле эти «ни... ни» служат для оправдания межуточного состояния. П.Я. Чаадаев писал: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами – Запад и Восток, обладает еще третьей стороной». И пока это никем не доказано. Между тем у нас с легкостью необыкновенной вещают миру с этой недоказанной «третьей стороны». Если бы речь шла об обыкновенной самобытности – в добрый час, можно даже сказать: «берите самобытности столько, сколько сможете проглотить». Никто на нашу драгоценную специфику и самобытность не покушается – в Европе нет страны без самобытности, ни одна ею не поступалась. Но дело в том, что наша самобытность уж очень специфична. В частности, она включает требование: все должны нами восхищаться, все должны верить по-нашему, должны «удивиться, прийти и поклониться». Нет, значит, они наши смертельные враги, бороться с ними надо. И борются не на жизнь, а на смерть...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>).

И ведь же действительно же «Обитаемый остров Русь» можно уподобить лишь душевнобольному идеалисту-инфантилу, принимающему за действительность свои грёзы и галлюцинации:

«Говоря, что всякий идеализм был до сих пор чем-то вроде болезни, Ницше имел в виду притязание разума на творение абсолютных идей. Творчеству жизни должно соответствовать свободное сознание, отказавшееся от догм и авторитетов. Идеализм – болезнь, ибо приписывает миру существование чего-то надмирного, вечного, неизменного, незыблемого, то есть всеми своими свойствами противостоящего этому текучему, изменчивому миру физических тел. Идеализму в философии Ницше противопоставлял психологию человека, считал, что она «есть путь ко всем основным проблемам». Ницше полагал, что философия – признак здоровья, но не способ лечения болезни...» (Игорь Гарин,

«Философия жизни, человека, культуры», <https://www.proza.ru/2015/11/05/906>);

«...если бы можно было видеть носителей русского самосознания в тех новейших националистах, которые отрицают всякие объективные нормы для мысли и жизни, – тогда пришлось бы уподобить Россию душевнобольному, который принимает все свои дикие и уродливые галлюцинации за настоящую действительность...» (Владимир Соловьев, «Национальный вопрос в России», http://85.17.122.177/chapter.php/89166/46/Solov'ev_-_Nacional'nyii_vopros_v_Rossii.html);

«...все образованные русские европейцы поколениями жили вне народа, в каких-то искусственных конструкциях. И притом жили в стране, которая от традиционной жизни уже ушла, а в Европу еще не пришла. В этом смысле вся Россия, целиком, висела между двух реальностей, до конца не принадлежа ни одной из них. Вся Россия, целиком, весь императорский период нашей истории. А образованный слой находился вне того, что тоже находится вне нормальной человеческой жизни. Отклонение от отклонения, и не в сторону нормы – а в сторону чего-то еще более безумного. Стоит ли удивляться, что русские европейцы не столько изучали и объясняли, сколько выдумывали действительность? Да еще и пытались втиснуть реальность в свои выдумки» (Андрей Буровский, «Вся правда о Русских: два народа // Отрыв от реальности», http://www.e-reading.link/chapter.php/145504/60/Burovskiii_-_Vsya_pravda_o_Russkih_dva_naroda.html);

«В N 68 «С.-Петербургских ведомостей» напечатано описание обеда, данного здешним дворянством князю Щербатову. Тут было выпито и провозглашено обедавшими бесчисленное множество тостов в честь князя и друг за друга. Взаимным восхвалениям и прославлениям не было конца. Все это похоже на какое-то детство, так что становится и жалко и смешно. Как дети, обрадовавшиеся, что им можно пошуметь и поскакать на воле и без гувернеров, почтенные дворяне кричали, пили, шалили, играя в либерализм в полном веселье и самодовольствии... Если мы возрождаемся и преобразуемся, то, правду сказать, начинаем это при довольно неблагоприятных предзнаменованиях. При нашей незрелости и безалаберности мы готовим себе еще худший разлад и еще много разочарований» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 10 марта 1866г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Отличие героя Гоголя от героя «Записок из подполья» Достоевского в том и состоит, что безумие Поприщина развертывалось в согласии с самим собой, а безумие героя «Записок из подполья» в парадоксальном несогласии с собой. В первом случае мы имеем дело с безумием без бреда. Во втором мы видим бред без безумия. Поприщин как ребенок. Его безумие разновидность детства, следствие пропущенной возможности взросления... У Поприщина начались галлюцинации, видения. Он влюбился, ибо любовь – это не что иное, как социально приемлемая галлюцинация... Человек становится природой для самого себя лишь в той мере, в какой он способен грезить. Такой природой стал для самого себя Аксентий Иванович Поприщин. У Поприщина нет никакой иной природы, кроме грез. Его

грезы – это сущность, которая сама себя раскрывает и показывает... На этом свете нет места тем, кто воображает и грезит. Объективная реальность льет нам на голову холодную воду, выбивает из нас наши смыслы, нашу субъективность...» (Фёдор Гиренок, «Н.В. Гоголь. Сущность человека и его грезы», <http://fedorgirenok.narod.ru/gogol.htm>);

«80% (преимущественно русскоязычных, – П.Д.) людей – это неповзрослевшие обиженные дети. Почему? Да просто потому, что взрослый человек – это автономный человек. (Автономия – индивидуальная свобода действия; самостоятельность.) Автономный человек живет интуицией, а не строго в тех рамках, которые приписали ему его родители. Вторая характеристика автономного человека – спонтанность, или находится «здесь и сейчас», а не «там и тогда». Вы твердо уверены в том, что люди находятся «здесь и сейчас»? В большинстве случаев люди «витают в облаках», физически присутствуют, а сами живут «там и тогда» где-то далеко в своем прошлом, или «там и тогда» мечтая о будущем, которое может быть вообще не придет и таки умирают не подозревая, что единственный вариант жизни – это жить в настоящем моменте» (Оксана Весна, «Большинство людей взрослыми не становятся»);

«Так оказывается, что развитие мысли идет не от фразы к фразе, не в речи, не в конкретном «дискурсе». Мысль мужает в языке, откладываясь в грамматических категориях. История – да! история логична, как логична в своем развертывании идея. Конкретность вещи не вправе с ней спорить, опровергая ее, ибо вещь преходяща. Об этом и слово славянофила, сказавшего так: «Рассудок зреет в человеке гораздо легче, чем разум» [Зеньковский 1955] – но разум есть сущность, а (детская, – П.Д.) сущность – не в вещи. Сущность в идее. И потому нам следует «прежде всего одолеть соблазн рассудочного формализма» [Ильин]. Вернемся к упрекам в том, что русская ментальность страдает «отсутствием формы», «образным мышлением», впадает в «интуитивизм» и прочее. Всё перечисленное – вовсе не пороки языка и мысли, но и не добродетели русской ментальности. Это просто другая ментальность (примитивная первобытная – туранская, – П.Д.)... Но отсюда же возникает и отмечаемое многими русское стремление к практическому приложению идей. Идеи вообще признаются лишь действенные, действительные, они непременно должны воссоздаваться в жизненном потоке действительности. Идеи всегда уже есть (заданы кем-то другим ранее, – П.Д.), их не нужно выдумывать (русская «нелюбовь к абстракциям»), ими следует осветлять и жизнь («этическое выше гносеологического») в конкретном «вос-про-из-вед-ении» концептов (пресловутый психологизм русской ментальности)» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-314.html>);

«Русская лингвокультура характеризуется синкретизмом эмоционального и рационального отношения к действительности (с позиций западного мировосприятия это выглядит как эмоциональность русской культуры). В английской лингвокультуре последовательно противопоставляется рациональное и эмоциональное отношение к миру. Русское мироощущение бинарно в другом отношении: противопоставляется здешнее,

внешнее, земное и нездешнее, внутреннее, небесное. Соответственно подлинной красотой признается красота внутренняя. Поэтому и самым существенным противопоставлением признаков концепта «красота» в русском языковом сознании является контраст между красивым и прекрасным, чего нет в английском языке. Английское мироощущение, напротив, синкретично в этом отношении: для англичан внешнее и внутреннее неразрывно связаны, они акцентируют внимание на внешнем, полагая, что оно должно коррелировать с внутренним содержанием, хотя признают, что внешность может быть обманчива. Следующее существенное различие между сравниваемыми культурами касается активности субъекта эстетической оценки. В английской лингвокультуре субъект вообще более активен. Применительно к оценке красоты здесь подчеркивается идея выбора как действия субъекта. В русской лингвокультуре, которая сориентирована не столько на деятеля, сколько на созерцателя, акцентируется сверхъестественная сила красоты, субъект оказывается более пассивным, зависящим от обстоятельств и судьбы» (Юлия Мещерякова, автореферат дис. «Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах», <http://cheloveknauka.com/kontsept-krasota-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah>);

«Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи...» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>).

И поэтому-то:

«Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир (вечного детства, – П.Д.) на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается. Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнороркость (к сожалению, лишь в мнимом «должном», а не в действительном «сущем» пространстве, – П.Д.). Что рядом – покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне – видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому (как правило, несбыточному «должному», – П.Д), чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к (заведомо безрезультатным, – П.Д) поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение, если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей» (один из авторов очередной официальной стратегии-утопии развития России Владислав Сурков, «Русская политическая культура. Взгляд из Утопии», <http://www.kreml.org/opinions/152681586>);

«Следующий момент, цивилизационного ядра – особый познавательный и оценочный конструкт «должное-сущее». Есть в сознании русского человека идея должного. Должное – это некоторый небесный идеал совершенства, которому должна соответствовать реальность.

Должное наделено абсолютной ценностью и, в некотором высшем смысле, абсолютно подлинно. А – сущее, это тот профанный, мир, в котором мы живем. Сущее второстепенно, не значимо и как ни странно, не является подлинным. Возьмем классического советского интеллигента. Жил он неустроенно, квартира сыпалась, быт ложился на жену. А наш интеллигент читал книжки, сидел за рюмкой чая на кухне с приятелями и рассуждал об идеальном устройстве мира. Поскольку главная, подлинная его жизнь разворачивалась в идее должного, в мыслях, размышлениях, об абсолютном добре. Бескрылый западный буржуй или отечественный мещанин живет в мире реальности: зарабатывает деньги, обустроивает свой мир, свой дом, поднимет детей. Это совершенно иная ценностная позиция. Установка на должное и отторжение сущего будет обязательно задавать загаженные лестничные проемы, заборы с выдранными штакетинами, раздолбанные дороги. Все это – вещи не случайные, глубоко укорененные в культуре...» (Игорь Яковенко, «Культурные истоки тоталитаризма в России», <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko3.html>);

«Пренебрежение земными делами у нас изящно называют «практическим монофизитством». На монофизитство указывали давно, В.В. Розанов писал о нашем православии: «...оно все – монофизично, хотя именно на Востоке монофизитство как догмат было отвергнуто и осуждено. Но как догмат – оно осудилось, а как факт – оно обняло, распространилось и необыкновенно укрепило в Православии и стало не одной из истин Православия, а краеугольным камнем всего Православия. Все это выросло из одной тенденции: истребить из религии все человеческие черты, все обыкновенное, земное и оставить в ней только небесное, божественное, сверхъестественное». Это побудило одного автора (Б.Н. Алмазова, – П.Д.) еще в середине XIX века написать стишки, начало которых (про широту «русских натур», идеал правды которых не влезает в «формы узкие / Юридических начал») цитируют у нас часто, а вот окончание – редко, почему и стоит его привести:

«Не к пути земному, тесному,
Создан, призван наш народ,
А к чему-то неизвестному,
Непонятному, чудесному,
Даже, кажется, небесному
Тайный глас его зовет...»

(А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <https://www.rulit.me/books/sol-poteryavshaya-silu-read-76481-7.html>);

«В дом заходишь как все равно в кабак,
А народишка: каждый третий – враг!
Своротят скулу: гость непрошенный.
Образа в углу и те перекошены...»

(Владимир Высоцкий, «Что за дом притих, погружен во мрак...», <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=15462>);

«Серый («серая» русскоязычная посредственность, – П.Д.) не любит хаоса – но хаос любит Серого во все дыры. В доме у Серого нет правильного вида вещей. Они у него напозаюют: вещь на вещь. Зверски синего цвета стены. Ковер напозаюет на стену, стена – на диван, нож – на скатерть, собака – на будку, грядка – на лук, огурцы – в ароматных пупырышках. Лампа висит криво, иконы висят вверх ногами, земное притяжение – не указ, ватерпас отменен, табуретки неровные, калитка покачнулася, забор рухнул, зубы черные, выключатель отвалился, буквы гнутые, проводка искрит, у вилки нет ложки. Щеколды щелкают. Подоконник потрескался. Плитка колотая...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Дом Серого», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Ну, вот послушайте. Однажды, несколько лет назад, ко мне сюда приехал мой внук Коля, который вырос в Германии. Мы с ним ехали на дачу. А называет он меня Вовой. И он говорит мне: «Вова, а почему вот этот столб стоит криво?» У него в Германии все столбы прямые, понимаете?! А я столько лет ежy по этой дороге, и я не замечаю, что столб стоит криво. Ну, стоит и стоит. А Коля приехал из Германии и видит, что у меня столб кривой. Я, конечно, смог бы ему объяснить, почему он кривой, но для начала мне просто нужно это заметить. А я не замечаю» («Владимир Познер: в России есть журналисты и нет журналистики», <https://pozneronline.ru/2013/12/6389/>).

Нормальный человек добивается воплощения в реальность вполне достижимой своей цели. Психически же инфантильный русскоязычный человек (людишка) подменяет реальную цель какой-либо идеей, как правило, оторванной от действительности и поэтому несбыточной. Не является ли это следствием того, что, в отличие от украинского слова «уявлення», соответствующего «яви» – действительности, сопоставляемое же ему лишь формально русское слово «представление» (англ. «idea», «represent»; укр. «подання») соответствует оторванному от действительности буйному воображению русскоязычного человека и репрезентации им своих наивных взглядов и вымыслов?

Да, ведь же, и слово «мнение» (англ. «view, opinion»; укр. «думка») вовсе не случайно имеет общую внутреннюю форму именно со словами «мнимый» (англ. «putative, imaginary»; укр. «уявний, удаваний») и мнительный (англ. «spleeny»; укр. «помисливий»).

Об аутистичности психики русскоязычного людишки

Такое мировосприятие характерно для людей, обладающих шизоидностью (аутистичностью) психики:

«Шизоидный тип (максим). Шизоидные черты выявляются раньше, чем все иные. С первых детских лет поражает ребенок, который любит играть один, не тянется к сверстникам, избегает шумных забав, предпочитает держаться среди взрослых, иногда подолгу молча слушает их беседы. К этому иногда добавляется какая-то холодность и недетская сдержанность. Недостаток интуиции проявляется как отсутствие непосредственного чутья к действительности, неумение проникнуть в чужие переживания,

угадать желания других, догадаться о неприязненном отношении к себе, или наоборот, о сильнейшем расположении, уловить тот момент, когда не следует навязывать свое присутствие, или когда, напротив, надо выслушать, посочувствовать, не оставлять собеседника наедине с самим собой... К дефициту интуиции следует добавить тесно с ней связанный недостаток сопереживания – неумение разделять радость и печаль другого, понять обиду, почувствовать чужое волнение и беспокойство. Иногда это обозначают как слабость эмоционального резонанса. Недостаток интуиции и сопереживания обуславливает, вероятно, то, что называют холодностью шизоидов. Их поступки могут быть жестокими, что скорее связано с неспособностью вчувствоваться в страдания других, чем желанием получить садистское удовольствие. Недоступность внутреннего мира и сдержанность в проявлении чувств делают непонятными и неожиданными для окружающих многие поступки шизоидов, ибо все, что им предшествовало, весь ход переживаний и мотивов – осталось скрытым... Замкнутость затрудняет шизоидным подросткам вступление в группу; попав же в нее, нередко случайно, они подвергаются насмешкам и даже жестоким преследованиям со стороны сверстников. Иногда же, благодаря своей независимости, холодной сдержанности, неожиданному умению постоять за себя, они внушают уважение и заставляют соблюдать дистанцию. Успех в группе сверстников может оказаться в сфере сокровенных мечтаний шизоидного подростка...» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас // Акцентуации характера подростков», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18470/>);

«При условии, когда принципы мироописания являются общими для разных людей, они начинают ассоциативно связываться с содержанием интуиции присутствия. Соответственно, коллективное мироописание воспринимается как самая надежная защита от вторжения страха, а всякое несоответствие коллективному мироописанию порождает чувство незащитности перед иррациональным страхом. Поэтому любое несоответствие человека принципам коллективного мироописания воспринимается в обществе как умственная или психическая неполноценность, и это общественное осуждение мотивировано боязнью незащитности. Человек оказывается привязан к коллективному мироописанию, которое превращается для него в систему фильтров сознания, отсеивающих в восприятии все принципиально новое и, тем самым, препятствующих творческой самореализации. Подлинный мир вне этой системы фильтров бесконечно многообразен и допускает бесконечные способы мировосприятия и мироописания. Однако переход к принципиально иному видению мира, основывающемуся на других принципах мироописания, встречает естественный барьер – иррациональный страх... Стихийный прорыв иррационального страха, лишаящий возможности укрыться в коллективном мироописании, может привести в качестве защитной реакции к упрощению картины мира: ведь чем проще мировосприятие, тем надежнее его законы. В результате человек попадает в упрощенный мир, теряя какую-либо связь с коллективным мироописанием. Это аутистское замыкание в собственном мире окружающими людьми воспринимается тоже как сумасшествие, хотя многие из нормальных являются точно такими же «сумасшедшими», лишь симулируя нормальность. При этом следует отличать аутистский мир сумасшедшего, выстроенный им для собственной

психической самозащиты, от аутистского мира сумасшедшего, который возник стихийно в результате разрушения переживания единства мира. Последний носит адский характер. В соответствии с различием этих двух типов аутистских миров сумасшедшего следует различать и два типа тоталитарных сект – одни из них, которые носят рациональный характер, предлагают упрощенную картину мира, в рамках которой происходит полный контроль сознания адептов и их изоляция от остального мира, другие же представляют собой чистый прорыв иррационального, и здесь уже никто ничего не контролирует, полностью отдаваясь во власть потусторонних сил» (Николай Карпицкий, «Переживание целостности жизни как опыт мира в бытии человека», <http://anthropology.ru/ru/text/karpickiy-nn/perezhivanie-celostnosti-zhizni-kak-opyt-mira-v-bytii-cheloveka>);

«Каждый конфликт возвращает страну в состояние изоляции – отказ от изменений, готовность дальше терпеть. Это приводит к консолидации власти. Российское общество еще в большой степени советское общество – закрытое, с сильными военизированными представлениями. Пропаганда не только дискредитирует такие западные ценности, как либерализм, демократия, права человека и достоинство. Реанимируются представления из советской эпохи, например, о том, что Запад – враждебный и что нужно приносить в жертву и страдать ради безопасности страны» (Лев Гудков: «Молодежь больше всего поддерживает Путина», <http://newsland.com/community/4375/content/molodezh-bolshe-vsego-podderzhivaet-putina/5948046>, <https://inosmi.ru/politic/20170809/240006242.html> / «Jugendliche unterstützen Putin am meisten», <https://www.welt.de/politik/ausland/article167432863/Jugendliche-unterstuetzen-Putin-am-meisten.html>);

«Мы с детства уже старики,
Детьми доживая до праха;
У страха глаза велики,
Но слепы на все, кроме страха»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«...Эйген Блейлер придумал оба термина: и «аутизм», и «шизофрения». Но сам он полагал, что шизофрения – это более объемный феномен, чем аутизм. Однако уже в 40-е годы XX века был выделен ранний детский аутизм как особый феномен. А в последнее время часто говорят об аутизме не как о болезни, а как об отклонении от нормы. Это так называемый «функциональный аутизм», который позволяет жить и функционировать в социуме. Эта странная характеристика не позволяет квалифицировать человека в качестве больного. Меня интересует именно функциональный аутизм. По моему мнению, это более фундаментальный феномен, чем шизофрения... В пространстве аффектов инстинктивные реакции невозможны, потому что в этом пространстве нет каких-то значимых феноменов, которые определяли бы ход человеческих реакций. Фактически с этого момента начинается отрыв от природы, как если бы кто-то отнимал младенца от груди матери. Этот отрыв от природы, мира реальности, есть первая характеристика аутиста. Любая попытка продумать сценарий появления сознания приводит к вопросу о сценарии появления в этом мире

аутиста. То есть человека, который обладает некоторыми феноменальными способностями: он никогда не видит мир предметно – он видит его в целом, у него вырабатывается особое децентрированное периферическое зрение...» (Фёдор Гиренок, из интервью Михаилу Бойко: «Грезы – это разверзшаяся бесконечность», http://www.ng.ru/person/2008-09-04/9_girenok.html);

«Суть одухотворенно-философской аутистичности – в способности отрешаться от непосредственной реальности, в которую мы все погружены, так что в этой отрешенности из далекой глубины начинают проступать тайные письмена. К ним шизоид (людишка, – П.Д.) начинает подбирать символический ключ, который находит в сокровищницах своей души. Он стирает налет второстепенностей, шелуху малозначимых подробностей, и его взору открывается более широкое панорамное видение. Все это делает шизоида углубленным той самой глубиной, что лежит по ту сторону непосредственной действительности. В идеалистических построениях как вечный лейтмотив звучит: реальный мир – только покрывало, срывая которое, обретаешь всю полноту реальности, той самой, глубже и помимо которой уже ничего нет, ту самую, что не происходит из чего-то иного, а лишь из себя же самой, а все остальное из нее. Эта Реальность и есть Аутистичность с большой буквы. Если аутистичность есть самособойность (перевод термина), то эта Реальность и есть высшая самособойность,вершенная и завершаемая сама собой, осуществленная, сама в себе живущая Гармония. Для верующего шизоида – это Бог, для неверующего – что-то, что Бога заменяет. Шизоидная (аутистическая) душа живет под знаком поиска высшей Гармонии. И мука такого человека – завершить свою аутистичность, замкнуть ее Гармонией... Аутистическое (самособойное) размышление и чувство мало опираются на реальные земные факты, однако это не ошибочность, а особенность такого мышления. Реалисты живут и мыслят в тесном соприкосновении с реальной жизнью, а шизоиды поднимаются, отрываясь от реальности, все выше и выше к вершине Духа. По мере этого восхождения мысль отталкивается уже не от фактов жизни, которые остались далеко внизу, а сама от себя. Одно понятие переходит в другое, третье, между ними возникает сложная мыслительная игра. Мысль все более очищается от аромата земной реальности и входит в разреженный воздух царства чистых понятий» (Павел Волков, «Разнообразие человеческих миров», <https://www.rulit.me/books/raznoobrazie-chelovecheskih-mirov-read-84750-51.html>).

Подобное же мировосприятие присуще и большинству поэтов. С самого своего зарождения русский язык был языком поэзии, а не прозы и общения:

«Русский язык и польский очень похожи, особенно если убрать маскировку псевдолатиницы и писать польские слова кириллическими буквами (как они первоначально и писались). Но польский язык развивался более-менее самостийно, и что выросло, то выросло. Русский язык был создан в 18 веке под ключ, с использованием достижений лучших литературных языков Европы. Как следствие, писать стихи на русском очень просто – легко находить богатые рифмы, менять стихотворные размеры и входить во всякого рода фонетические тонкости. Польский язык по своей фонетике очень неудачен (переизбыток шипящих), ударение строго фиксировано, что крайне обедняет орнаментовку стихов и практически уничтожает мужские рифмы (они возможны только в односложных словах,

которых очень мало)...» (Дмитрий Галковский, «О Пушкине», <http://cehov.info/2017/11/15/o-pushkine/>; «Что необходимо знать о Пушкине», <http://galkovsky.livejournal.com/262681.html?media>).

Российское дворянство очень долго вело переписку, разговаривало и мыслило вовсе не на русском, а на французском языке и по причине как плохого владения тогда ещё слабо развитой русской словесностью, так и угнетения малейшей склонности к мышлению слагало преимущественно безвкусные оды и пошлые панегирики своим кумирам и господам:

«Состояние нашей литературы наводит тоску. Ни светлой мысли, ни искры чувства. Все пошло, мелко, бездушно. Один только цензор может читать по обязанности все, что ныне у нас пишут. Иначе и быть не может. У нас нет недостатка в талантах; есть молодые люди с благородными стремлениями, способные к усовершенствованию. Но как могут они писать, когда им запрещено мыслить? Тут дело вовсе не в том, чтобы направлять умы или сдерживать еще неопределенные, опасные порывы. Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит. Из этого выходит, что посредственным людям ничего больше не остается, как погрязать в скотстве. Люди же с талантом принуждены жить только для себя... Кажется, наша литература в последнее время уж очень скромна, так скромна, что люди образованные, начавшие было почитать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться к иностранным, особенно французским, книгам...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 11 апреля 1835г.; 18 марта 1850г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин», <http://www.poetry-classic.ru/3-26.html>);

«Автор записок (А. Пушкин) решительно отвергает упреки, обращенные к читательницам, в том, что они «по-русски не читают и не умеют будто бы объясняться на русском языке». Бедность русской литературы – вот причина равнодушия светских дам к русскому языку и русской литературе. Русская литература «конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только «Историю Карамзина»; первые два или три романа появились два или три года назад... Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то, воля

ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом, и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода)» (Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm).

Это неизбежно должно было привести не только к длительному отставанию развития русскоязычной прозы от поэзии, но и к плохой детализованности и к идеалистичности русской ЯКМ, основывающейся преимущественно на поэтическом – поверхностном и идеализованном восприятии действительности:

«Анализируя изменения семантики соответствующих терминов в начале XIX в., Ю.С. Сорокин отмечает, что «поэзия как «мир идеальный», область творческого воображения противопоставляется прозе как миру действительности, практической жизни и т. д.» (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-х гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 463)» (Михаил Гиршман, «Проза», http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_9_150);

«Когда нужно быть прямой, русская речь избыточно метафорична, говорящие отвлекаются на второстепенные детали и никогда не могут довести до разумного конца ни одного сколько-нибудь серьезного умственного начинания. Отчасти, но только отчасти, скрадывают эту фатальную афилософичность русского языка неоспоримые поэтические достоинства. Но они же, эти достоинства творческой фантазии, и мешают носителям русского языка всерьез относиться к слову как таковому. Мечтательность и поэтичность природы подавляют само желание сопротивляться кричащему, скандальному алогизму политиков, за который греки или французы, наверное, прогнали бы своих властителей тряпками, увлажненными мочой» (Гасан Гусейнов, «Почему Россия осталась без философии», <http://www.russian.rfi.fr/obshchestvo/20140112-pochemu-rossiya-ostalas-bez-filosofii>);

«На вершине свободного ассоциативного творчества – в поэзии – нужно было в максимальной степени укутаться в сеть придаточных, чтобы не разорваться, не превратиться в ничто. Чем свободнее русский, тем назойливее он лезет в трясины оговорок. Ему надо зацепиться за корни языка, а иначе его шариком воздушным унесёт, он начнет заговариваться. Поэтому творчество Цветаевой это не выражение русского сознания, предопределённого русским синтаксисом, а максимальное использование русского синтаксиса для выражения противоположного ему свободного скольжения мысли. Уникальность поэзии Цветаевой не в собственно методе, а в уровне свободы... Структура языка направлена на выпускание сути, а не на её защиту. Но если русский язык чужой, то он мгновенно выворачивается наизнанку. «Говорить, чтобы молчать» превращается в «молчать, чтобы говорить». Навряд ли из этого что-либо получится, так как русский язык удивительно неполон, основан на умолчаниях. Опора на него приводит к страшному обеднению личности...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», [82](http://duckling-</p></div><div data-bbox=)

abc.ru/bt_new.html#ch4).

К тому же, введение в новояз большого количества заимствований, не увязанных никак с базовой его лексикой, лишило русскоязычного человека возможности аналитической обработки его подсознанием цельного массива взаимоувязанных элементов языковой картины мира а, тем самым, лишило и возможности детального восприятия им действительности:

«Ватрушки. Это мучное сдобное изделие славянской кухни. В России сие название появляется только 150 лет назад – как перенятое у славян-соседей. И это очень странно, так как это название распространено исстари у всех славян – в украинском, польском, чешском, белоруском, сербском, хорватском языках. «Крамольный нюанс» в том, что название происходит от древнеславянского слова ВАТРА – очаг, огонь (авест. «атр» – огонь, – П.Д.), имеющего одинаковый исходный смысл у всех славянских языков. А вот в юном русском языке его нет. Так ватрушки показывают совершенно юное рождение русского языка (искусственного и не исторического славянского), не имеющего никаких древних славянских традиций» (Артем Деникин, «Кулинарные тайны истории» / «Русская кухня», <http://forum.secret-r.net/viewtopic.php?f=1&t=1125&p=44328> ; «Миф о триедином народе», <http://archive.li/gOD3K>).

Изменение же богословами и поэтами семантики (значения) многих слов весьма поспособствовало отрыву русскоязычных людей от окружающей их действительности и, тем самым, привело и к уродству (ущербности) их ментальности. Такова судьба многих народностей, отказавшихся от естественно сложившейся ЯКМ своих предков и перешедших на ЯКМ, искусственно сформированную инородцами (богословами и поэтами):

«Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды» (Сергей Есенин, Письмо Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913г., <http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/es6/es6-0352.htm?cmd=p>).

От нереальности задач и целей всего лишь один шаг к депрессии

И ведь же идеальность (нереальность) поставленных перед собою целей, как и любые другие ложные побуждения, обычно приводят к разочарованию, апатии, депрессии и примитивному (детскому, депрессивному) мышлению а, тем самым, и к потере веры в свои силы и к застойной деградации русскоязычного примитивного общества:

«Чтобы лучше понять депрессивные нарушения мышления, полезно рассмотреть их с точки зрения используемых индивидом способов структурирования реальности. Если разделить последние на «примитивные» и «зрелые», то очевидно, что в депрессии человек структурирует опыт сравнительно примитивными способами. Его суждения о неприятных событиях носят глобальный характер. Значения и смыслы, представленные в потоке его сознания, имеют исключительно негативную окраску, они категоричны и оценочны по содержанию, что рождает крайне отрицательную эмоциональную реакцию. В противоположность этому примитивному типу мышления, зрелое мышление без труда

интегрирует жизненные ситуации в многомерную структуру (а не в какую-то одну категорию) и оценивает их скорее в количественных, нежели качественных терминах, соотнося их друг с другом, а не с абсолютными стандартами. Примитивное мышление редуцирует сложность, многообразие и изменчивость человеческого опыта, сводя его к нескольким самым общим категориям. Нам представляется, что эти типичные характеристики депрессивного мышления аналогичны особенностям детского мышления, описанным Пиаже (1932/ 1960). Условно мы называем данный тип мышления «примитивным», чтобы отделить его от более адаптивного мышления, наблюдаемого на поздних стадиях развития...» (А.Т. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери, «Когнитивная терапия депрессии // Концепция когнитивной триады», <https://bookap.info/genpsy/kogterdep/gl7.shtm>; <http://scibook.net/besplatno-psihoterapiya/kontseptsiya-kognitivnoy-triadyi-19748.html>);

«Иллюзии обладают большой поддерживающей силой. Вера помогает справиться с переживанием бессилия, мечта – с чувством бессмысленности бытия, идентификация с героем – найти выход из внешне безвыходной ситуации. Без иллюзий человек, ограничивший свой мир реальностью, ощущает себя вынужденным к ее принятию и неспособным что-либо в ней изменить... Противоположным состоянием является магическое всемогущество и ожидание несбыточного (в отличие от несбывшегося), завершающееся травматичным разочарованием» (Д.С. Рождественский, «Иллюзия и рождение реальности», <http://russia.ecpp.org/text/rozhdestvenskiy-ds-illyuziya-i-rozhdenie-realnosti>);

«Знаете ли вы, как разбиваются мечты? Вообще-то у всех по-разному. У кого-то они разбиваются громким ломким хлопком, словно уронили лампочку, у кого-то они идут мелкими трещинками как стеклопакет при ударе и хватает порой одного неосторожного движение, чтобы они всем тем же цельным, но уже искаженным куском мягко упали в траву. Такие случаи не замечаются почти никем, кроме самих мечтателей... А может маленькая мечта, теплящаяся в сердце человека и не требующая материальных затрат разбиться, нет, взорваться, словно фабрика по производству фарфоровых и стеклянных изделий попавшем в нее снарядом? Поверьте, может. Ах да, а вы заметили, что мечту часто, даже почти всегда, сравнивают со стеклом? Почему? А потому что оно хрупко само по себе, но разбиваясь, может ранить почище ножа» (Дариа, «Как разбиваются мечты», <http://www.proza.ru/2013/01/31/2169>);

«Когда человек в результате встречи с реальностью убеждается, что все не так прекрасно, как ему представлялось, он переживает страшный кризис разочарования. Тогда на место романтизму приходит цинизм, обратная сторона романтизма. В норме это подростковый кризис. Подросток циничен, нигилистичен, все опровергает, все кумиры у него падают в грязь и он их топчет. Циник – это разочаровавшийся подросток, не повзрослевший человек. – Циники, как правило, очень убежденные люди, закрытые для идей, не совпадающих с их мнением. – Не обязательно. Есть циники, которые хотят, чтобы их разуверили: «Убедите меня, что я неправ». Но это детская позиция, потому что только на

собственном опыте можно понять и принять реальное положение вещей» (Андрей Лоргус, «Инфантилизм: негласная добродетель или болезнь современности?», <http://www.pravmir.ru/infantilizm-neglasnaya-dobrode/>);

«Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет. Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе. Никогда не принимай одолжений. Одолжение чаще всего – предательство. – Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает. Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею...» (Александр Пушкин [23 года], из письма к 17-тилетнему брату Льву, цит. по: Дмитрий Галковский, «О Пушкине», <http://cehov.info/2017/11/15/o-pushkine/>);

«Эти русские мальчики никогда не были способны к политике, к созиданию и устройению общественной жизни. Все перемешалось в их головах, и, отвергнув Бога, они сделали Бога из социализма и анархизма, они захотели переделать все человечество по новому штату и увидели в этом не относительную, а абсолютную задачу. Русские мальчики были нигилисты-апокалиптики. Начали они с того, что вели бесконечные разговоры в вонючих трактирах. И трудно было поверить, что эти разговоры о замене Бога социализмом и анархизмом и о переделке всего человечества по новому штату могут стать определяющей силой в русской истории и сокрушить Великую Россию. Русские мальчики давно уже провозгласили, что все дозволено, если нет Бога и бессмертия. Осталось блаженство на земле, как цель. На этой почве и вырос русский нигилизм, который казался многим наивным и благожелательным людям очень невинным и милым явлением...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://lib.com.ua/books/6/521n3.html>);

«Однако стоит большой вопрос относительно целесообразности возвращения таких (психически недоразвитых или же всего лишь психически инфантильных, – П.Д.) существ в нашу цивилизацию. Во-первых, они никогда не смогут в ней адаптироваться, если прожили слишком много лет наедине с природой (или же в холопском обществе СССР, – П.Д.). Даже если этот срок был всего несколько лет, но в детстве, то все равно их уже невозможно будет приблизить к нам ввиду неосуществимости наверстать упущенное возрастное развитие. По большому счету, когда они жили в лесу (или же в СССР, – П.Д.), то были по-своему

счастливы и находились в привычной им обстановке. Когда же их возвращают обратно, то все кардинально меняется. Они попадают в неизвестное место с неизвестными существами, полностью теряют ориентацию в пространстве и не способны адекватно оценивать происходящее. Через несколько лет у них начинают наблюдаться некие сдвиги в положительную сторону, но все равно всегда они скучают по лесу (или же по СССР, – П.Д.) и не ощущают себя в своей стихии. Поэтому не совсем понятно, зачем их возвращать? Полноценный человек из них все равно не получится. Разве что очередной вечный пациент неврологического учреждения...» (Михаил Радуга, «Загадки человека // Кто он, человекозверь?», http://www.e-reading.club/chapter.php/88785/26/Raduga_-_Zagadki_cheloveka.html);

«Довольно легкое, спокойное отношение россиян к экономическим санкциям Запада заслуживает отдельного анализа. С одной стороны, это – проявление инфантилизма («пусть об этом думает власть»), с другой – некоторая переоценка роли и экономической мощи России. Согласно результатам опроса «Левада-центра», менее 10% респондентов в начале марта 2014г. были крайне обеспокоены возможной международной изоляцией России, политическими и экономическими санкциями (в том числе 4% – прекращением импорта товаров и продуктов с Запада, 6% – возникновением препятствий поездкам в страны Запада)» (Леонтий Бызов, «Украинский кризис и внешнеполитические приоритеты российского общества», http://www.perspektivy.info/misl/idea/ukrainskij_krizis_i_vneshnepoliticheskiye_prioritety_rossijskogo_obshhestva_2014-09-02.htm);

«Русское сознание тотально, оно не может видеть двух сторон одной медали – только одну, да еще и с учетом колоссальных фантомных болей, которые остались в коллективной душе русского народа. Сейчас демонстрация Путиным силы, помноженная на тоталитарную пропаганду государственного телевидения, представляется значительной части россиян более важной, чем потенциальные экономические санкции, которые они на себе пока еще не ощутили. Когда же через несколько месяцев последствия санкций начнут ощущаться, в том числе и в бюджетном секторе, и России придется сокращать бюджетные расходы, вот тогда ситуация может поменяться. Тогда, может быть, из маниакальной стадии восприятие нынешней политической ситуации перейдет в депрессивную...» (политолог Станислав Белковский, «В вопросах Украины санкции Путина не остановят. Любое давление побуждает его действовать наоборот», <http://gordonua.com/publications/Belkovskiy-V-voprosah-Ukrainy-sankcii-Putina-ne-ostanovyat-Lyuboe-davlenie-pobuzhdaet-ego-deystvovat-naoborot-34269.html>).

Как видим:

«Если европеец любит Христа и подражает ему, считает его своим идеалом, то русский считает себя Христом. Нелепо, безумно, и никогда ни один нормальный русский не признается в этом, но это так. Но как же жить «Христом» в миру? Только за счёт тончайшего, веками вырабатываемого механизма глумливой адаптации. И что же тогда русский романтизм? то есть перенос на абсолютно чуждую почву западного

мирочувствования? – Лишь форма издевательства над миром, над самим собой. Русский романтик это христосик, идиотик, дурачок. Сама идея романтизма так и ощущалась русскими...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Русский человек склонен все переживать трансцендентно, а не имманентно. И это легко может быть рабским состоянием духа. Во всяком случае это – показатель недостаточной духовной возмужалости... Великим русским писателям раскрывались такие бездны и пределы, которые закрыты для западных людей, более ограниченных и закованных своей имманентной душевной дисциплиной. Русская душа более чутка к мистическим веяниям, она встречается с духами, которые закрыты для забронированной западной души. И русская душа легко поддается соблазнам, легко впадает в смешение и подмену. Не случайно предчувствие антихриста – русское предчувствие по преимуществу. Чувство антихриста и ужас антихриста были в русском народе, в низах и у русских писателей, на самых вершинах духовной жизни. И антихристов дух соблазнял русских так, как никогда не соблазнял он людей западных... Русский человек находится во власти ложной морали, ложного идеала праведной, совершенной, святой жизни, которые ослабляли его в борьбе с соблазнами. Эту ложную мораль и ложную святость Достоевский раскрыл и предсказал их последствия, Толстой же проповедовал их...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции» // «Из глубины», <http://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/klasik/data/berd/01/5.html>).

К тому же русскоязычного человека эта ложная мораль и ложная святость: «Ослабляли настолько, что не было у него ни сил, ни возможности противостоять злу – и он сам, сознательно, погружался в него, погружался в скотство» (Николай Бердяев):

«Русский человек либо свинья, либо уж сразу святой, а быть простым законопослушным гражданином ему скучно» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>).

И совсем не случайно истинным для русскоязычного человека является формируемое лишь словесно в его воображении принципиально недостижимое идеальное – совершенное (возвышенное) и справедливое (как не жестокое, так и не милосердное), а не окружающее его реальное – практичное (будничное) и несправедливое (как милосердное, так и жестокое):

«Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? Ведь все они не похожи друг на друга. Тут – и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и еще сегодня не умерла – тяга к живой справедливости» (Александр Солженицын, «Россия в обвале // Быть ли нам, русским?», <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>);

«Российской справедливости печальники
Блуждают в заколдованном лесу,

Где всюду кучерявятся начальники

С лицом «не приближайся – обоссу»...»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Противопоставление справедливости и законности, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно... Одна из особенностей русской культуры состоит в том, что в ней справедливость относится к сфере эмоционального: в русском языке есть чувство справедливости... Для русской языковой картины мира характерно представление, в соответствии с которым гораздо выше справедливости доброта (добродушие, – П.Д.) и милосердие. Ср. следующий диалог: – Что может быть важнее справедливости? – Важнее справедливости? Хотя бы – милость к падшим (С. Довлатов, Соло на ундервуде)...» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», <http://lingvotech.com/zaliznyak>; http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Русский человек в настоящий момент не знает ни права, ни закона. Вся мораль его основана на случайном чувстве добродушия, которое, не будучи ни развито, ни утверждено ни на каком сознательном начале, иногда действует, а иногда заглушается другими, более дикими инстинктами. Единственную узду его до сих пор был страх. Теперь страх этот снят с его души. Слабость существующей еще над ним правительственной опеки такова, что он опеку эту в грош не ставит. Бездна наказанности при полном отсутствии нравственных устоев подстрекает его к подвигам, которые он считает простым молодечеством, а нередко и корысть руководит им... Бездна наказанности и «дешевка» – вот где семя этой деморализации, которая свирепствует в нашем народе и превращает его в зверя, несмотря на его прекрасные способности и многие хорошие свойства» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 15 октября 1864г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml).

Однако же часто оказывается, что не только право (законность), но и справедливость на русскоязычных людей практически не влияет:

«Датский посланник при Петре Юл сделал такой общий вывод: «На русских надо влиять лестью, водкой и взятками; все же другие средства, вроде справедливости, права, на них не действуют». Юл забыл прибавить к перечню этих средств еще одно – именно страх...» (Историк Павел Милюков, «Очерки по истории русской культуры», в 3 т. Т. 3, СПб., 1903. Ч. 1. С. 145, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», <http://notbeeknees.blogspot.com/2017/05/blog-post.html>).

О мнимости Правды и о действительности Кривды

И это вполне логично. Ведь в повседневной реальности и нет ничего, как идеально совершенного и справедливого, так и абсолютно правильного и прямого. Всё в ней, как правило, насыщено определенными недостатками и проявлениями несправедливости и,

поэтому-то, линии нашей жизни и являются кривыми (санскр. и хинди «vakṛa», узб. «букри», чагат. «bogri», исл. «boginn» – кривой; бенг. «bakratā» – кривизна):

«Если взять гидронимию и топонимию Украины, то увидим изрядное количество названий на Кривой, Крив-: Кривая Вода, Кривая Почайна, Кривой Ташлык, Кривой Торец, Кривой Рог, многочисленные Кривухы и т.д. Это согласуется и с сакральностью кривого, изогнутого. Кривое или левое характеризует наземные явления, земных персонажей – в противовес небесным («правда на небе, кривда на земле»). Сюда же ложатся и распространенные украинские фамилии на «Крив», в основе которых не обязательно лежит какой-то физический недостаток: Кривонос, Кривошея, Кривоступ, Кривохижа, Криворучко, Кривоп'ят и т.д.. Сочетание значения «кривой» и определенной части тела относится к типу описаний, распространенных у многих народов. Украинскому «Кривонос» отвечает санскритское «Вакранас», укр. «Кривоп'ят» – санскр. «Вакрапад», укр. «Кривоzub» – санскр. «Вакрадант» и т.д. Совершенно очевидно: украинскому «Крив» – отвечает санскритское «Вакр», «Укр». Этот компонент вполне может входить в название «Украина» (Степан Наливайко, «Триполье и Халепье: удивительные параллели», <http://www.sonyah.narod.ru/paraleli.html>); [см.: П.1].

Да и все естественные процессы описываются графически «кривыми», а не «прямыми», и даже пространственно-временной континуум, как оказалось, обладает кривизной. И, если бы на самом деле все было бы прямым (ровным, гладким), и за всё воздавалось бы лишь по заслугам, то постоянно грешащий психически инфантильный русскоязычный человек просто не смог бы выжить в таком немилосердном идеальном мире:

«Если бы в России строго выполнялись все законы, и никто не брал взятки, жизнь в ней была бы совершенно невозможна» (Александр Герцен, <https://city.info/quote/258082>).

Поэтому-то, санскритскому «vakṛa» – «кривой» соответствуют как нем. «wahrheit» и «wahr» – «правда, истина; настоящий, истинный, верный, действительный, сущий, правильный, подлинный, правдивый», так и нем. «wohl», бенг. «bhāla», сакск. «phaṅga» – благо. А латинскому «grāvus» – кривой, искривленный, неровный, несправедливый соответствуют греч. «πράξις» – практика и «πραγματικός» – реальный; индонез. «praktā» – «естественный, природный»; швед. «prakt» и нем. «pracht» – «блеск, величие, великолепие»; а также укр. «правда», «правий» – правый, «правити» – «управлять чем-либо, искривляя требуемым образом траекторию его движения или же корректируя темпы и направления реализации каких-либо его функций» и укр. «правець» – «столбняк, приводящий к тоническому сокращению мышц спины и шеи а, тем самым, и к искривлению позвоночника».

Русские же слова «правильный» и «неправильный» не имеют точного соответствия в латинском языке. Имеет место лишь «буквальное» совпадение слов «правильный» и «grāvus», так как их смысл на самом деле взаимно противоположен (в латинско-русском словаре слово «grāvus» переводится и как неправильный). Это указывает на переосмысление данной латинской лексемы в русском языке. Тем самым, подтверждается и нелогичность отождествления желаемой (мнимой) правды с истинными проявлениями действительности,

преимущественно являющимися не только не желаемыми, но даже и нелюбимыми:

«Слово «правда» для Ивана Пересветова и для очень многих его современников обозначало уверенность в вещах невидимых, то есть то, что мы называем словом «вера», а словом «вера» называется обряд крещения, принятия святого причастия. То есть на Руси все крещеные, и все к причастию ходят, но, извините, «не веруют». А Магмет-салтан некрещеный, но он искренне верует. Что проще: крестить уверовавшего или заставить уверовать крестившегося? Это проблема, которая в 16-м веке очень серьезно занимала русское общество, потом она будет занимать и в 17-м веке, и в 20-м веке, и в 21-м веке, наверное, тоже занимает. Проблема очень серьезная. Вот о чем, собственно говоря, пишет Иван Пересветов. Но тут слова вроде бы, знакомые, а они нам начинают мешать» (Игорь Данилевский, «Историческая реконструкция – между текстом и реальностью», <http://metaslov.blogspot.com/2012/04/blog-post.html>);

«Исходя из слова (что верно), настоящий носитель русской ментальности вовсе не стоит на «слове», а вот именно «опираясь на смысл слова», пытается увязать заложенную в нем от века идею (содержание понятия) с предметной реальностью (объем понятия), с тем, чтобы приступить к делу-вещи как идее или к идее как к вещи-делу. Ссылка на великую русскую литературу как на свидетельство неиссякаемого «словоизвержения» тоже не доказательство; не раз показано, насколько «точно» литература отражает русскую ментальность, и особенно современная русскоязычная литература. Привожу это высказывание как образец одной из возможных «правд», но никак не соответствие истине» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-293.html>);

«...данные, приведенные в книге Б.А. Успенского [1994: 191 – 192], свидетельствуют, что в языке древнерусских (древнекиевских, прукраинских, – П.Д.) памятников соотношение понятий «правда» и «истина» было едва ли не противоположным (по отношению к нынешней русской ЯКМ, – П.Д.): «правда» воспринималась как принадлежность Божественного мира («Божья правда»), а «истина» относилась к человеческому миру (действительности, – П.Д.). Как же могло получиться, что соотношение «правды» и «истины» оказалось инвертированным?... Современное русское понятие «истина» предполагает соответствие действительности, которую во всей полноте может знать только Бог (т.е. принадлежит «горнему» миру). Русское «правда» относится к человеческому, «дольнему» миру и при этом предполагает соответствие моральным нормам, предписывающим «говорить правду» (Алексей Шмелев, «Русский язык и внеязыковая действительность», М.: «Языки славянской культуры», 2002г., Серия: «Язык. Семиотика. Культура», С. 442, http://ai-systems.ucoz.ru/_ld/0/42_SHM2002.pdf; <http://docplayer.ru/71183715-Russkaya-yazykovaya-k-model-mira.html>);

«Даже ложь Хлестакова – чисто русская, бесцельная, бесхитростная, бессмысленная, необязательная. Необязательность – типично русская черта, русское обещание – самое ненадежное в мире, такова же и русская ложь, о которой так много говорили Гоголь и

Достоевский. Ложь Хлестакова имеет нечто общее с творческим вымыслом художника. Он опьяняет себя мечтою до полного самозабвения. Меньше всего думает о реальных целях, выгодах. Это ложь бескорыстная – ложь для лжи, искусство для искусства. Ему в эту минуту ничего не надо от слушателей: только бы поверили. Он лжет невинно, бесхитростно и первый сам себе верит, сам себя обманывает – в этом тайна его обаяния...» (Игорь Гарин, «Личность Гоголя», <https://www.proza.ru/2014/07/06/699>);

«Только в России можно встретить так много людей, которые сначала лгут, а потом искренне верят в то, что ими же придуманная ложь есть правда. В конечном счете, все это нашло свое лингвистическое воплощение в разделении понятий «истина» и «правда», практически невозможном в рациональной Европе и считающемся трудно объяснимым. Ничего трудного здесь нет. Правда – это субъективная истина, которая вполне может быть и ложью, но это не имеет никакого значения, если есть субъект, готовый в нее поверить» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character).

Это то и есть основной причиной отсутствия взаимопонимания в русскоязычном примитивном обществе. Ведь, если истина (коми-перм. «быль») одна для всех, то правда у каждого своя:

«Есть правда гордая,
Есть правда скромная,
Такая разная всегда она,
Бывает сладкая,
Бывает горькая,
И только истина всегда одна.
Есть правда светлая,
Есть правда темная,
Есть на мгновенье
И на времена.
Бывает добрая,
Бывает твердая
И только истина всегда одна»

(Леонид Дербенёв, «Да только истина одна», <http://allforchildren.ru/songs/film7-6.php>).

То есть «правда» – это такое же относительное понятие, как и «справедливость». Поэтому-то часто и говорят: «пошел искать правду» вместо «пошел искать справедливость».

В прямой же наследнице древнекиевской ЯКМ природоцентричной украинской ЯКМ это инвертирование не произошло:

«Кривое, как левое, характеризует именно земные явления в противоположность небесным – правым: «правда на небе, кривда (несправедливость, являющаяся истинной, а не мнимой философской категорией, – П.Д.) на земле» (Дан Берест, «Вероисповедание запорожских казаков», <https://history.vn.ua/book/berest/8.html>).

Для украинца важна именно истина, какой бы горькой она и не была, а вовсе не мнимая сладкая правда, которую обречен вечно искать занимающийся самообманом русскоязычный людишка. Для склонных же ко лжи психически инфантильных русскоязычных россиян истина никогда не была важна, а отрицаемая ими ненавистная действительность, конечно же, стала связываться в их подсознании с «яростным земным миром». Поэтому-то и слово «неистовый» вполне закономерно потеряло у них прежний свой смысл – «неистинный» и стало означать «яростный»:

«...др.-русс. «неистовъ» (XVII – XVIII вв.) – «ненастоящий, неподлинный», ст.-слав. «неистовъ»... От «не» и др.-русс., ст.-слав. «истовъ» ἀληθινός (Бернекер 1, 435); см. истина...» (Этимолог. словарь Фасмера, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8347.htm>).

Очевидно, инвертирование соотношения «правды» и «истины» в абсолютно словоцентричной русской ЯКМ произошло из-за отторжения от себя русскоязычным «правдоискателем» соответствующего истине реального мира и погружения его во внутренний словесный мир своих чувств (аффективных переживаний). Истинным в извращенной русской ЯКМ стало всё идеальное (божественное, «небесное», «горнее»), а не реальное (действительное, «земное», «дольнее»), а само русское языковое сознание стало сугубо оценочным:

«Национальная специфика русского и украинского языков демонстрирует оценочность русского языкового сознания и эмоциональность украинского языкового сознания... В описанных нами контрастивных парах больше русских лексем с оценочным компонентом, в украинском языке больше лексем эмоциональных. Выявлены несовпадения в эмоциональной дифференциации: русским лексемам, присущи компоненты пренебрежительное, презрительное, иронично-фамильярное, а украинским – ироничное, сочувственное, ласкательное» (Наталия Проценкова, автореф. дис. «Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках: на материале имен существительных русского и украинского языков», <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-semantiki-slova-v-blizkorodstvennykh-yazykakh-na-materiale-imen-sus>);

«На русском языке практически невозможно выразиться точно, объективно, терминированно: сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, приходится сплошь и рядом заимствовать иностранную лексику. Нам явно мало «руководителя», «начальника», «заведующего», «директора», «администратора», «управленца» и т.д. (мы знаем, что это такое – ничего хорошего), и теперь подавай нам компетентного «менеджера», который квалифицированно и грамотно (объективно!) будет заниматься «маркетингом», «промоушеном», «лизингом» и т.п. И вот уже этот «менеджер» приобретает оценочный окрас. Русский язык – стихия столкновения позиций, игры амбиций и страстей, самовыражения и самоутверждения. Он глубоко лично интонирован – само собой в речи, но прежде всего – самой лексикой. Это язык

художественной, но не научной литературы. Поэтому наша художественная литература полна личностных неологизмов, оценочно адаптированных говоров, а научная – заимствований терминологии. Этот язык дал великую художественную литературу, отразившую и выразившую нравственные искания и борения высшего накала страстей. Но этот язык не ориентирован на объективную истину. Точнее, он ориентирован на поиски и выражение правды, но не истины, на идеал и соответствие идеалу, но не реальности» (Доктор философ. наук Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>);

«...когда мне нужно выразить своё отношение к чему-либо, красочно передав нюансы, я безоговорочно выбираю русский язык. Но если необходимо разобраться в ситуации и составить план действий, я мыслю только по-английски. И поэтому в моей голове нет того хаоса, о котором говорил профессор Преображенский в «Собаьем Сердце». Помните? «Разруха не в сортирах, а в головах.» Думаю, если бы Булгакову позволили, он бы обязательно продолжил мысль и добавил: «А чтобы не было путаницы в мыслях, надо оперировать чёткими и ясными категориями.» Которых в русском языке даже с фонарём не сыщешь. Многовариантность словесных сочетаний приводит к неизбежной смысловой расплывчатости, поэтому всё у нас всегда относительно и приблизительно. От внутренней политики до ситуации в семьях, где люди зачастую домысливают совсем не то, что пытались сказать им близкие» (Volnaya Strannitsa, «Великий и могучий враг», <http://gidepark.ru/user/Volnaya/article/352445>; <https://newsland.com/user/Volnaya/content/velikii-i-moguchii-vrag/746937>).

«Правда», помещаемая сознанием в «дольнем» мире (в соответствии со смысловым содержанием русской ЯКМ), для подсознания так и осталась сокрытой вместе с Богом (заменяющей его идеологией) в «душе» русскоязычного людишки. Внешний (дольний) мир русскоязычный человек-ребенок (людишка) наполнил вместо «Правды» тотальной «Ложью», отождествив последнюю с «Кривдой» а, тем самым, и с реальной кривизной (др.-киев., укр. «кривина»):

«И.В. Ягич отметил, что слова типа «кривина» «совершенно не известны в старом языке» (Ягич, Мар, 454, имеется в виду древнецерковно-славянский язык, по терминологии Ягича). Греч. «dSixta» обычно в таких рукописях передается словом «неправьда» (Р.М. Цейтлин, «Лексика старославянского языка // Лексико-семантическая группа -крив-», http://bookzie.com/book_516_glava_10_Leksiko%3Cspan_lang=RU%3E-semantic.html).

Поэтому-то сама жестокая «Действительность» и стала для русскоязычного людишки нелицеприятной «Ложью» (обманом чувств, миражем, майей), от которой легко можно «укрыться» (спрятаться) в словесном мире своих переживаний. Однако же такое «страусиное» поведение русскоязычного человека часто заканчивается для него какими-либо неприятностями:

«Русских часто упрекают в отсутствии предусмотрительности. Действительно, им постоянно приходится бывать захваченными врасплох последствиями их собственных

поступков, запутываться в тупиках, больно ушибаться о жесткую логику событий. И в то же время нельзя сказать про русских, чтобы они были беззаботны относительно будущего; думать о нем – они много думают, но не умеют его предвидеть, потому что они его не видят» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml).

Идеализм, как основа примитивного общества челядишек

Неоднократные попытки насаждения иудеями первобытного социализма [см.: [П.2.](#)] народам, среди которых они проживали, увенчались успехом лишь после организованного ими большевистского октябрьского переворота и развязанной ими в России очередной кровавой гражданской войны. И то ведь этот успех стал возможным лишь благодаря предрасположенности к утопическим мечтаниям и к нищенскому существованию холопского человеческого гумуса, позволившего религии добровольных рабов (холопов, психических инфантилов) – исихастскому православию вытеснить верования своих предков, а искусственному русскому новоязу, формирующему холопский менталитет, – постепенно заместить собою в общении все прежние естественно сложившиеся говоры:

«Большевизм делал ставку и на это. Он принял во внимание эту природу (психически инфантильного российского, – П.Д.) «простонародья»: себялюбие, глубокое (можно сказать – онтологическое) равнодушие ко всему, что не касалось лично каждого конкретного человека... Струве тонко подметил: большевизм – это «азиатский марксизм», законченная форма народничества, аккумулировавшая в себе все антикультурные и антиевропейские энергии и комплексы последнего...» (Юрий Пивоваров, академик РАН, «Истоки и смысл русской революции», «Полис», <http://old.politstudies.ru/fulltext/2007/5/4.htm>; http://www.zlev.ru/162/162_28.htm ; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11622724>);

«Большевизм – типично русский феномен, связанный с отечественной традицией понимания социальных конфликтов и технологии власти. Большевизм закрепил преемственность российской истории и культуры. Ленин с дружиной «профессиональных революционеров» и наследники Ленина с кликами «аппаратчиков» – это продолжатели дела Ивана Калиты, Алексея I, Петра I, Екатерины II, Николая I. Они обновили политическую теологию (модель суверена) и политическую технологию царизма (правила реализации планов в соответствии с доктриной *raison d'état* – государственного разума, которая приобрела ранг государственных интересов). ...задолго до советологов марксисты Р. Люксембург и К. Каутский говорили о русско-татарском происхождении большевизма и подчеркнули экзогенность большевистской патологии. Ханна Арендт («Люди в тёмные времена») отмечает, что события доказали правоту Р. Люксембург: ужасно быстрое моральное вырождение коммунистических партий во всем мире является прямым следствием русской революции. Отсюда вытекает, что большевизм как русский продукт чужд и враждебен европейской культуре, политической мысли и действию, является азиатской агрессией в отношении Европы...» (Виктор Макаренко, «Советская катастрофа: от азиатской чумы до основной личностной структуры»),

[http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_\(Bolqsevizm_i_Rossiq\).pdf](http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_(Bolqsevizm_i_Rossiq).pdf));

«Спустя многие годы, уже другие писатели подведут итоги эпохе большевистского мрака: «Коммунисты настолько просмердили общество, что сделали его невосприимчивым к «святым надеждам», сделали его слишком циничным. Превратили мою землю в самый дерьмовый ад – и слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставлять напоказ!.. О, низкие сволочи! Не оставили людям ничего, кроме «скорби» и «страха», и после этого – и после этого у них смех публичен, а слеза под запретом!.. Сейчас снова трещит радио: партия должна перейти в наступление. В какое еще наступление? Геноцид? – Уже сделали. Генофонд? Уже изувечили. В какое еще наступление? Чего еще надо? Последней крови? А может быть, уже не крови – сукровицы? Ну, допустим, они «вылезут из окопов» и снова возьмут власть. Они возьмут власть в разваленной, разворванной, обезумевшей стране. Они уже не те, что были даже десять лет назад, когда рабов заставляли вкалывать призывами и бичами. Как ею управлять? Об этом «вылезшие из окопов» не имеют даже представления... Мы научились только врать. Вранье стало понятием, признаком ума. Обмануть, обдурить, облапошить, размахивая непобедимым знаменем марксизма-ленинизма. Эта светлая наука стоит на двух действиях: стрелять и врать. Детское слабоумие возведено в ранг государственной политики. За вранье дают звания, за слабоумие повышают в чинах. Сорок пять лет войны с мирным населением – вот и весь ленинизм...» (Игорь Гарин, «Моя жизнь – литература», <https://www.proza.ru/2014/03/19/1633>).

Становиться добровольными рабами – холопами (от укр. «хлоп'я» – малыш, мальчик) могли лишь психически инфантильные люди (челядишки) или же чрезвычайно отсталые народности, не способные самостоятельно защитить себя от врагов. Поэтому-то в Древнекиевской конфедерации княжеств и различали холопов и рабов. Холопство стало добровольно-принудительным лишь значительно позже и достигло своего апогея при Иване Грозном, когда в тоталитарном Московском государстве государевыми холопами стали именовать себя и все знатные люди:

«Домонгольская и домосковская Русь вполне сопоставима с Европой по эко-технологическому способу производства, нарастающему индивидуализму в дуалистическом строе соседской общины, по дружинному, патрон-клиентному способу новой, нетрадиционной социальной интеграции. ...гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины. Коренное изменение политического порядка состояло в смене вольной личной службы полной и безусловной личной зависимостью всех служилых людей (бояр, детей боярских, дворян), которых с XV в. стали называть «государевыми холопами». Сложившийся порядок вотчинного самодержавия (ордынства, – П.Д.) воспринимался наблюдателями-иностранцами уже как принципиально отличный от европейских сословных монархий. «Перебор» людей и земель, практиковавшийся уже Иваном III, а при Иване Грозном принявший характер революции «сверху», изменил не только отношения землевладельцев с государем, но всю систему социальных отношений, основанных на обычаях и договорах...» (Михаил Афанасьев,

«Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=5>);

«Заметим, что право именоваться государевыми холопами было привилегией дворян и других служилых людей, а лишённые этого права посадские люди и крестьяне называли себя государевыми сиротами» (Александр Станиславский, «Гражданская война в России XVII в.», http://Annales.info/rus/stanislav/gv_01.htm);

«Мне кажется, что Путин решил, что он такой реалист, который должен каждый день решать какие-то проблемы... И он видит, что пока он не взял и не создал институт, присущий России, «сильный царь, несколько боярских домов (назовем их государственными корпорациями) и опричники (то есть силовые структуры)», ничего не будет. Будет низкая дисциплина, не будет наполняемости бюджета и будет что-то такое. Поэтому модель, которую он создал, можно по-разному называть, но она сильно похожа на модель классического русского монархического управления, в котором есть царь, есть самые влиятельные, богатые вот эти структуры, которые контролируют все денежные потоки в стране, и есть очень сильно выросший до нескольких миллионов человек силовой аппарат. Точка...» (Константин Ремчуков, из интервью Татьяне Фельгенгауэр «20 лет стагнации – это приговор России?», http://www.ng.ru/politics/2016-10-31/100_echo31102016.html);

«Полицейская культура России базируется на культурах репрессивного закона, военщины, политического сыска. Эти качества государства воспроизводились на протяжении столетий – от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ (см.: Анисимов, 2001). Армия и органы госбезопасности способствовали тому, что госаппарат России/СССР культивировал холопство на протяжении столетий, включая советское время и современный этап (см.: Хелли, 1998, с. 19). В российском обществе до сих пор господствует репрессивное сознание, отождествляющее экономический и административно-полицейский порядок. Составным элементом такого тождества является «народная любовь к армии и чекистам», недоверие к суду, воздействие на власть через родственно-дружеские и криминальные сети: «В результате молодая Россия (слой современных российских предпринимателей. – В.М.) выступает сегодня... в роли главной наследницы и продолжательницы советского образа жизни эпохи разложения» (см.: Клямкин, Тимофеев, 2000, с. 129)...» (Виктор Макаренко, «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>);

«...те «цивилизационные устои», которые лежат в основе ордынского «патриотизма» или «соборности» как российского неприятия национальной демократии и свободы, личности (а не государевых холопов, – П.Д.) и правового государства, носят стадийный, архаический характер. Конечно, в перспективе они обречены на исчезновение. Однако ближайшей или весьма отдалённой является эта перспектива? Ответ на данный вопрос имеет жизненно важное значение для тех, кому доводится жить в период обострения этого коллективного архаического бессознательного. Ведь нельзя исключить и того, что

господство архаичной идеологии способно привести общество к гибели ещё до того, как оно сумеет выработать из себя гражданскую нацию. Такая опасность весьма реальна для сегодняшней России. Кроме того, как мы отлично знаем по истории XX века, реванш архаики опасен не только тем, что надолго задерживает развитие страны, но и тем, что всегда оказывается кровавым...» (Ярослав Бутаков, «Призрак полпотовщины ...или Война цивилизаций в современной России», <https://rufabula.com/articles/2014/10/08/pol-pots-ghost;http://dv-gazeta.info/news/prizrak-polpotovshhinyi-ili-voyna-tsivilizatsiy-v-sovremennoy-rossii.html>).

Поведение холопов во многом аналогично поведению малолетних детей, полностью зависимых от своих родителей. Поэтому-то холопский менталитет – это фактически гипертрофированный детский или же подростковый менталитет, присущий в настоящее время лишь психически (ментально) инфантильным взрослым людям (челядишкам), а также и народностям, у которых процентное количество жестоких челядишек довольно таки велико:

«Нам свойственна детская непосредственность во всём. И детская жестокость. Ещё Пушкин называл наш народ младенческим. Но он не имел в виду его возраст. За время, которое прошло после поля Куликова, мы всегда опекались батюшками. Таковыми были государь, барин, священник. Мы привыкли перекладывать свои проблемы, заботы, ответственность на их плечи: «Вот приедет барин – барин нас рассудит»...» (Борис Васильев, «Я верю в будущее России», <http://www.lgz.ru/article/N41--6245---2009-10-07-/Boris-VASILYEV%3A-%C2%ABYa-v%D0%B5ryu-v-budusht%D0%B5%D0%B5-Rossii%C2%BB10430/>);

«Грозный заявил, что потворствует играшкам из снисхождения «к немощи человеческой», из-за народного «младенства». Народ подобен ребенку. Народ любит веселье – и «ради младенства», духовной своей незрелости заслуживает снисхождения...» (А. Панченко, в Диалоге: «Чтобы свеча не погасла // Кумир их – Ложь», <http://gumilevica.kulichki.net/TNEC/tnc03.htm>);

«Реально совершеннолетними в Московии считались разве что царь да патриарх. Подданные, в том числе и высшие, оставались «духовно младыми» и вполне серьезно именовали себя «худыми и малоумными» холопами. «Младшим» считался вообще всякий подчиненный по отношению к господину или к начальнику. Отцы – и биологические, и по должности – непосредственно вторгаются решительно во все сферы жизни «детей», при необходимости наказывая их вполне так, как неумные отцы – детей. «Взрослые» черты характера вовсе не нужны почти никому; большинству людей и большую часть жизни нужны как раз качества подростка: эмоциональная преданность «своему» клану, храбрость, доходящая до беспечности, умение не задумываться, не задавать вопросы, жить больше руками и ногами, нежели головой. Большинство населения Московии, уже имея собственных детей и даже внуков, остается большими детьми; государство и общество такие черты только культивирует. Это проявляется во множестве чисто бытовых деталей: в спонтанности

поведения людей, в принятии ими чисто эмоциональных решений. В легкости, с которой они идут сами и посылают на смерть. В неумении видеть причинно-следственные связи, в нелюбви ко всему вообще сложному. И даже в чисто бытовом аспекте (разгильдяйстве)...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было 2. Русская Атлантида», http://thelib.ru/books/bushkov_aleksandr_aleksandrovich/russkaya_atlantida_istoricheskoe_rassledovanie_rossiya_kotoroy_ne_bylo_2-read-32.html; <https://mybiblioteka.su/6-9741.html>; http://loveread.ws/read_book.php?id=9876&p=114; <https://history.wikireading.ru/231>);

«Читал, между прочим, «Москвитянин». Чудаки эти москвичи (даже Шевырев). Ругают Запад на чем свет стоит. Запад умирает, уже умер и гниет. В России только и можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучия и великих убеждений. Если это искренно, то москвичи самые отчаянные систематики (то есть люди, не способные критически и диалектически мыслить, – П.Д.)... Они похожи на школьников, которые считают себя всемирными мудрецами, все знают и все могут. Они действительно являются выражением нашей «младенчествующей самостоятельности». В таком случае они, говоря их словами, исторические явления...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 28 июля 1841г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«У нас есть юноши, недавно вышедшие из школы, потом юноши, трудящиеся в жизни более или менее по своему школьному направлению или по наитию современных мыслей, потом есть юноши седые, потом юноши дряхлые, а старцев у нас нет. Старчество предполагает предание – не предание рассказа, а предание обычая. Мы всегда новенькие, с иголки; старина у народа. Это должно бы нам внушить уважение; но у нас не только нет обычая, не только нет быта, могущего перейти в обычай, но нет и уважения к нему. Всякая наша личная прихоть, а еще более полудетская мечта о каком-нибудь улучшении, выдуманная нашим мелким рассудком, дают нам право отстранить или нарушить всякий обычай народный, какой бы он ни был общий, какой бы он ни был древний... Наука, несмотря на слепое сопротивление книжников и на ленивую устойчивость полукнижного большинства, не только начинает обращать внимание на истинные потребности русской жизни, но, освобождаясь мало-помалу от прежних школьных оков, уже показывает стремление к сознанию своих родных начал и к развитию истин, до сих пор бессознательно таившихся в нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсем без награды: им сочувствуют многие, им сочувствуют по всей земле Русской и, может быть, еще более в ее дальних областях, чем в тех мнимых центрах нашего просвещения, которые до сих пор суть действительно только центры западного школьничества. Им сочувствуют даже некоторые просвещенные люди на Западе, готовые уважать нашу мысль, когда она действительно будет нашею собственной, а не простым подражанием мысли чужой. Успех искусства медленнее, чем успех науки. Разумеется, так и следует быть. Искусство требует внутреннего мира и внутренней полноты, которых у нас еще быть не может, но, за всем тем, в нем сильнее и сильнее начинает пробегать струя русской мысли...» (философ, публицист Алексей Хомяков, «По поводу Гумбольдта», http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_po_povodu_gumbolta.html);

«Русский народ – младенец с не заросшим родничком. Пока он не зарастет, нам можно будет вложить в голову все что угодно...» (Виктор Шендерович);

«Что такое вообще «российский менталитет»? Всё, что говорится об особенностях психологии россиян, вполне сходится с психологией нормального ребенка. Это богатая душевная и эмоциональная внутренняя жизнь, но спонтанная. Отсюда невозможность себя контролировать, сдерживать обещание. Маленький ребенок бывает очень жесток, он не понимает, что такое боль, не ценит жизнь. У нас затянувшееся детство, никак не удается повзрослеть. Низкая ценность жизни и своей, и чужой... Многие вещи – от невозможности связать причины со следствием. Нет чувства времени, динамики изменений, Россия озабочена территориями, тем, чтобы ни пяди не отдать. У нас практически отсутствуют социальные институты. Госдума похожа на детский сад в «тихий час», когда воспитательница вышла. Каждый выкрикивает свое» (Психолог Дмитрий Леонтьев, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«Это такая же детская жестокость. Обычно взрослые люди не доходят до такого состояния ненависти, агрессии, желания беспричинно навредить, причинить боль, сделать плохо. Во взрослом мире, где есть семья, дети и ответственность, это не принято. Срабатывает система сдерживаний и противовесов. Это крайности. Так стремительно впадать в состояние жестокости и так стремительно менять объект своей ненависти могут только инфанты. Это такое же детское абсолютное непонимание ценности жизни. У взрослых людей не принято надувать жаб через соломинку. Отрезать головы щенкам. Утюжить жилые кварталы оружием неизбирательного поражения. Фигачить из «Бука» по самолетам по принципу «пассажирский-не пассажирский, какая, к черту разница, ура, птичкопад, предупреждали же: не летать в нашем небе!» Непонимание ценности жизни – в том числе и своей – пожалуй, главная черта инфантила. Ну и, конечно, отсутствие логических цепочек. Существование в мире, в котором нарушены причинно-следственные связи. В котором деяние и последствия не связаны никак. Где кидание из окна яйцами и надранные уши – две совершенно разные вещи. Как и оккупация части соседней страны и санкции, и обрушение нефти. Это просто «пиндосы ненавидят все русское», а отнюдь не заслуженное наказание за идиотизм...» (Аркадий Бабченко, «Успех эксперимента по дебилизации России», <http://archive.li/XrPwU>; <http://www.bezrodnycosmopolit.com/single-post/2015/12/21/Эксперимент-по-дебилизации-целой-страны-можно-признать-успешно-состоявшимся>; <https://nv.ua/opinion/uspeh-eksperimenta-po-debilizatsii-rossii-86507.html>);

«Подростковое пренебрежение к жизни пронизало политику страны. Складывается впечатление, что политикой в России занимаются люди, не давшие жизни детям, не вкладывавшие в их взросление своего труда, не защищавшие их от угроз, а потому не способные понимать значимость жизни другого человека. Подростки, не задумываясь подвергаящие риску жизнь себе подобных, как правило, не осознают, что подвергают

опасности не просто биологическую особь, а результат многолетнего труда, затраченного его родителями, преподавателями, социальной прослойкой. Но неспособность задумываться над этим отличает большинство наших сограждан... Перспективы взросления туманны – лечиться от правового нигилизма и коррупции российские политики не желают в принципе. Тех, кто пытается противостоять этому варварству, попросту убивают» (Георгий Рамазашвили, «Общество, не желающее взрослеть», <http://index.org.ru/journal/23/ramaz23.html>);

«По мнению философа и культуролога Александра Никонова, российское массовое сознание напоминает психологию подростка: инфантильного, зависимого и одновременно агрессивного, самолюбивого и эмоционально неустойчивого» (Артем Кречетников, «Так чья же земля Крым?», http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/03/140313_crimea_history_law.shtml);

«Да, были времена – были казаки. Их вольный дух передался потомкам и очень пригодился сейчас, когда в Украине снова заревели пушки. Но, горькая ирония судьбы, теперь на месте казацких паланок самые индустриализованные и русифицированные области Украины, с рабским по духу населением, которому менее всего нужна слава и воля. Оно голосует за своих хозяев-бандитов и приветствует оккупантов, в том числе и шваль, называющую себя донскими казаками. Что можно сказать в заключение? То, что Украина давно переросла всю эту казацкую романтику и хочет построить достойную, ответственную страну. Тогда как Россия навечно застряла в подростках, она не может и не хочет обустроить свой дом, не хочет взрослеть и отвечать за свои поступки. Отсюда (и в качестве компенсации собственной неполноценности, зависти к взрослым странам) – хамство и непомерное хвастовство, перманентная лживость – и президент Путин, этот инфантильный Питер Пэн, пытающийся установить в мире нравы питерской подворотни...» (Юрий Кирпичев, «Казацкий марш», <http://newsland.com/community/828/content/kazatskii-marsh/4974406>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=20870>);

«Складывается впечатление, и за этим столом тоже, и вообще, в общенациональном масштабе, что мы все живем в таком обществе, где борются комплекс неполноценности и комплекс превосходства. И когда нам паршиво, у нас играет комплекс неполноценности, а когда чуть-чуть мы вылезли из дерьма, то у нас сразу же, немедленно... начинает работать комплекс превосходства. И так по всей России, на самом деле. И так и отношение к Западу» (российский писатель Василий Аксёнов, в программе Владимира Познера «Какой себя хочет видеть Россия», <http://pozneronline.ru/2006/11/8692/>);

«...стремление власти пугать окружающий мир соответствует потребности самого общества, не понимающего, как иначе заявить о себе в стремительно меняющемся мире. Украинцы оказались объектом ненависти просто потому, что их государство ослабло из-за мародерства кремлевских марионеток, – и еще потому, что никогда и не помышляли стрелять в русских. Так юный хулиган, только вышедший на большую дорогу, первой грабит беззащитную женщину, которая не может дать ему сдачи. Для хулигана главное –

преодолеть стыд и ощутить пьянящее чувство безнаказанности...» (Виталий Портников, «Потребность в страхе», <http://www.svoboda.org/content/article/25320784.html>);

«Самая болезненная точка – это самоопределение русского как державного. Россия должна быть великой державой, великая держава – это та, которую боятся. Если уважают, тоже неплохо, но лучше, чтобы боялись. Мы с коллегами всегда описывали комплекс «особого пути» России как компенсаторный. С хозяйством плохо, сами ничего всерьез изменить не можем, власти обкрадывают налево и направо – компенсация за эти вещи выражается в поддержке «особого пути», на котором Россия якобы всегда и становилась великой. На самом деле Россия становилась великой именно тогда, когда выходила на общий путь с большей частью мира, находила общие ориентиры. Но компенсаторика побеждает, и в итоге людям нравится, что Россия ухитрилась поставить на голову весь мир. О чем еще может мечтать хулиган во дворе? Чтобы все вокруг боялись...» (Борис Дубин, «Нам нести всю тяжесть расплаты», <http://www.colta.ru/articles/society/4319>);

«Для того чтобы трезво оценить место России в сегодняшнем мире, надо выкинуть из головы навязчивые идеи русского мессианства, а из сердца – пламенную любовь к Родине... Нам следует отказаться от державной психологии, изгнать с политической арены идеологов шовинизма и построить цивилизованное правовое государство с надёжными демократическими институтами. Тогда экономическая мощь страны не обернется трагедией для народов других стран. А пока этого не происходит и мы остаёмся на политически неандертальском уровне, пусть Россия остаётся в экономическом отношении слабой, а в военном – немощной. Так будет спокойнее всему миру, да и нам, россиянам, в сущности, тоже» (Александр Подрабинек, руководитель правозащитного информационного агентства «Прима», обозреватель «Новой газеты», «Опасность сильной России // Экспресс хроника», 2000, <http://savok.name/forum/topic/760-podrabinek-aleksandr-pinhosovich/>; <http://textarchive.ru/c-2453131-p2.html>);

«Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил. ...Тогда вы оскорбились на «сырьевой придаток», а сегодня? Сегодня что-то изменилось в этом плане? Ась? Не слышно! Где ваш обличительный пафос, гондоны? Вы только говном бросаться можете. А правда вам всегда глаза колет. Тьфу на вас, мокрицы, а не люди. Да, кстати. Единственное в чем вы были правы, так это в редакции моей фразы. Россия, действительно, никому не нужна. И самой себе – тоже. Судя по поведению и народа и власти. Они сговорились её прикончить. Поматросят еще немного – и бросят. И все. А что будет потом – неведомо... И им самим – в том числе. Они даже думать об этом боятся. И другим запрещают: страшно... Этой простой вещи не могут понять россияне. Никому они в этом мире не нужны: ни их полезные ископаемые, ни народ, живущий на территории 1/9 земной суши. Пока миру нужны углеводороды – они могут прожить более-менее нормально. Кончится эта эра (а она уже подходит к концу) – и кончится страна. Тем более, что самые

умелые и головастые за это время покинут страну – при этом режиме они никому не нужны. Останется на этой части Земли никому не нужная вата – безрукая и без мозгов. Печально будущее некогда великой страны» (Альфред Кох, «Россия никому не нужна...», <http://nabat-alarm.narod.ru/Koh.html>; <http://voronz.in.ua/note/28-12-15-29195>; <http://old.subscribe.ru/group/klub-lyubitelej-politiki/13529940/>);

«Ровно 100 лет назад, в Российской Империи произошло невиданное событие. В огромной стране, раскинувшейся на два континента, во власть пришло быдло. Причем, чем быдлее это быдло было, тем больше у него имелось шансов стать старшим, главным или даже генеральным быдлом. В отличие от римского пролетариата, в России это было именно быдло, специально и старательно выращиваемое. Оно гордилось тем, что оно – быдло и ненавидело тех, кто быдлом быть не мог или не хотел. Страна победившего быдла не просто зорко следила за чистотой быдла, но принимала все меры для того, чтобы развить новые качества быдлчества. Подобно знаменитым селекционерам от абсурда Мичурину и Лысенко, работавшими на выведении морковки и ананаса, тыквы и ящерицы, партия и правительство вели искусственный отбор среди популяции быдла. Это начиналось с заполнения анкеты, где надо было указать свое происхождение. Если в Германии требовали доказать чистоту арийской крови до седьмого поколения, то в совке надо было доказать безусловную принадлежность к самому мерзкому быдлу. Это открывало двери социальных лифтов и скоро, быдлоэлита стала обретать свой законченный вид. Старая когорта, кроме самого духа, имела еще и обязательный опыт сидения в царских тюрьмах. Так что быдло, являющееся еще и уркой, становилось особенно востребованным в таком необычном государстве» (anti-colorados, «Быдло-мутант», https://antikor.com.ua/articles/191565-blogger_rovno_100_let_nazad_v_ogromnoj_strane_raskinuvshejsja_na_dva_kontinenta_vo_vlastj_p_rishlo_byd; <http://ukrmir.info/byidlo-mutant/>);

«И мерзко, и гнусно, и подло.

И страх, что заразишься свинством.

А быдло сбивается в кодро

И счастливо скотским единством»

(Игорь Губерман, «Гарика на каждый день», http://m.tululu.org/bread_44867_8.xhtml);

«С конца 1917 года большевики вели в России непрерывную социальную войну. Врагами объявлялись дворяне, купцы, представители духовенства, казаки, бывшие офицеры, члены других политических партий, белогвардейцы и белоэмигранты, затем кулаки и подкулачники, «буржуазные спецы», вредители, снова священнослужители, участники оппозиционных группировок. Общество держалось в постоянном напряжении. Массовые пропагандистские кампании позволяли проводить мобилизацию в карательные органы представителей социальных низов, для которых преследование мнимых, явных и потенциальных врагов открывало возможности в карьере. Типичный пример – будущий министр госбезопасности и генерал-полковник Виктор Абакумов, родившийся, по официальной версии, в семье прачки и рабочего и выдвинувшийся во время ежовщины»

(Историк Кирилл Александров, «Осужденным к расстрелу рубили головы топором», http://newrezume.org/news/2017-08-13-23167?utm_source=email);

«Это рассказ (фильм о возвращении Крыма, – П.Д.) настоящего пацана о том, как он всех уделал. И ему нужно было обязательно этот рассказ рассказать. Потому что если настоящий пацан не рассказал, как он всех уделал, то, как же все узнают, что он настоящий пацан? ...монарх стоит выше закона. А раз он стоит выше закона, он имеет легитимное право лгать. Это не является нарушением. Наоборот, чем больше он лжет, тем больше он демонстрирует, что он выше закона, и тем больше он монарх, который качественно отличается от всей остальной быдло массы, припадающей к его ногам и падающей ниц. Как говорилось в стихах сталинской эпохи, – «глава великой державы, шагающей в коммунизм в стихах, что на ощупь шершавы, смиренно падаю ниц»...» (политолог Станислав Белковский, из интервью Ольге Журавлёвой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1517426-echo/>);

«Знаете, в чем уникальность России? Нормальные страны при хорошей экономике всегда нормальны. Россия же становится вменяемой во внешней политике только тогда, когда испытывает серьезные экономические проблемы. Как только в РФ появляются лишние деньги, у Кремля едет крыша: пацаны забываются и расставляют пальцы веером. Россия – страна нетрадиционной ориентации, в том смысле, что в стратегическом плане в ней все делается через одно место. Если Запад не снимет санкции, через два года Россия рухнет... Россия не усвоила важнейшей аксиомы: памперсы и политиков нужно менять регулярно. Страна продолжает ходить в использованных памперсах, а все, кто приходят в Кремль, пытаются остаться там навечно, превращая страну в болото. Это национальная идея и трагедия России, которая ее погубит. Именно поэтому существование открытой, демократической и успешной Украины для Кремля как кость в горле... Но если во главе стаи львов стоит баран, то львы превращаются в стадо баранов. Не важно, сколько умных людей в российских структурах, если их возглавляет Вова Путин» (Юрий Швец, из интервью Наталии Двали «Путин стал президентом только потому, что на этом месте всех устраивало серое ничтожество», <http://ehorussia.com/new/node/10858>; <http://m.gordonua.com/publications/Sokursnik-Putina-eks-razvedchik-KGB-Vy-serezno-dumaete-cto-Putin-delayushchiy-podtyazhku-lica-razvyazhet-yadernuyu-voynu-U-nego-ot-straha-botoks-potechet-77899.html>);

«Да, мы быдло! Мы отжали Крым, мы наплевали на все международные обязательства, мы – гопники. Мы можем делать все, что захотим, и нам за это ничего не будет. Потому что мы – быдло, а не какие-то ботаны типа выпускников Оксфорда и Кембриджа. Мы – медведи, и своей тайги никому не отдадим. И отожмем чужую, если захотим. А если что не так – весь мир в радиоактивный пепел! Именно в этом квинтэссенция русской «духовности», которая была выпестована через оголтелую пропаганду...» (Алексей Гвоздев, «Да, мы быдло, и гордимся этим!» Суть современной России, http://zgexpress.blogspot.com/2015/05/blog-post_18.html; https://ingrator.blogspot.com/2015/05/blog-post_58.html);

«Мозги уплыли за границу – а остатки серого вещества сидят у компьютеров, произведённых на гнилом Западе, и строчат о том, какие они великие, и какое дерьмо весь окружающий их мир. Быдло, хронически больное галлюцинаторно-параноидальным бредом и манией величия, уже никогда не вернётся ко времени построек БАМа и заводов-гигантов. Деграция общества достигла кульминации – нереально перевоспитать уголовника-рецидивиста, привыкшего воровать, убивать и грабить. Нереально поставить к станку хронического алкоголика – бомжа. Ценности и скрепы Русского мира уже накрепко въелись в голову шестилетнего русского ребёнка – что украсть и перепродать – забрать, сказав «МОЁ!», лучше, чем работать. А примеры для самообразования сидят на самом вершине, и не очень скрывают свою систему обогащения. Поэтому не надо питать иллюзии – что Россия образумится и когда-то начнёт жить по правилам добрососедства и нормального развития. Мы все обречены на быдло-соседа с ядерным пеплом в голове и дубинкой в руке. Русский шестилетний мальчик будет жить следующие 60 лет так же, как живут его родители – с бутылкой в руке и ненавистью к окружающему миру. И, конечно, воспитывать в этом духе своих детей» (Хавер, «Почему россияне обречены быть быдлом», https://ingrator.blogspot.com/2015/05/blog-post_25.html);

«Россия – это сложившаяся 150-летними войнами агрессивная нация. Войны и захват чужих земель, покорение целых народов является ее национальной идеей. Россия другой быть не может. И это нужно учитывать, формируя свою внешнюю политику и отношения с Россией. История России – это войны, бунты, голод, постоянные политические и экономические кризисы. Россиянин рождается, живет и действует в экстремальных условиях. Война для него – это образ жизни... Опасность российской политики удваивается тем, что она базируется на концепции защиты россиян, живущих за пределами России, защиты православно-христианской веры. Речь идет о своеобразных православно-крестовых походах, которые освящаются Московским патриархатом. Корни российской агрессивности очень глубоки. Россиянин сам себя обесценивает. Главное в России – не человек, а Россия: «была бы страна родная и нету других забот»...» (Леонид Кравчук, «Идеология войны России против Украины: война или АТО? Первое письмо Кравчука украинцам», <http://gordonua.com/publications/ideologiya-voyny-rossii-protiv-ukrainy-voyna-ili-ato-pervoe-pismo-kravchuka-ukraincam-203000.html>);

«А святость зрит из окон
И в глубине,
На облупленной и шершавой стене,
Висит икона,
На ней Господь восседает
На золоченом троне,
Перед ней сложив на груди ладони,
Молятся монахи без доли страха,
Господа неистово моля,

Чтобы свободной
И богоугодной
Стала их родимая земля!
По кельям гуляет сырость,
Но что бы там ни случилось,
Они пойдут следом
За игуменом святым,
Пренебрегая бытием своим!..»

(Виктор Матюк, «Per aspera ad astra... Русский вариант», <http://www.stihi.ru/2011/08/22/500>);

«Я ненавижу эту державу, кровожадную, как хорек, шершавую, как наждак, ограниченную, как Устав караульной службы и однозначную, как дубинка омонца. ...я ненавижу ее шесть веков, и мою ненависть к этой вечной зоне вместе со мной не похоронят, она будет летать над Россией... Держава Российская потерпела фиаско. Не потому, что была слаба, а потому, что была подла. Она историческая клякса, нонсенс... СССР казался таким прочным, а где теперь? РФ тоже не из базальта...» (Валерия Новодворская, «Еврейское неверие моё», «Огонек», 1993. N 13, http://yakov.works/library/14_n/ov/ovodvorskaya_0213.htm).

Мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности

Как видим, в русскоязычном примитивном обществе «великовозрастных подростков» (недорослей) вездесущая и могущественная кривда рассматривается вовсе не как правда жизни, а как ложное наваждение (сюрреальное искажение идиллии). А именно, – как обман чувств (ощущений), от которого легко можно избавиться, погрузившись в поисках «истинной» правды во внутренний мир чувств (словесных переживаний), а то – и в пьянящий туман алкогольного забвения:

«Даже пьяный, малоросс хочет контролировать свои чувства. Свободный малоросс пьет с наслаждением и с радостью, а великоросс-крепостной пытается потерять свое сознание. Поэтому малоросс пьет только в веселом обществе, а великоросс один наестся и напьется или, если он относится к высшему сословию, то ему надо максимум единомышленника, верного слугу, чтобы поскорее упасть под стол...» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt).

И это ведь имеет место, несмотря даже и на то, что столь долготерпеливых русскоязычных людей презираемая ими «жестокая действительность» (кривда) постоянно карает – обижает (укр. «кривдить» от «кривда» – «обида, несправедливость»):

«Русский ум удивительно склонен довольствоваться словами вместо дел – начинать и оканчивать одними хорошими намерениями, которыми, как говорится, вымощен ад...»

(Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 16 октября 1855г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Это приговор над русской мыслью, она знает только слова и не хочет прикоснуться к действительности... Мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности» (Иван Павлов, «О русском уме», http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf; http://talgujad.tartu.ee/13_teinepool/pavlov.html; <http://svetiteni.com.ua/akademik-ivan-pavlov-o-russkom-ume-1918-god>; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php)

«То, что бурьян коммунизма пророс именно на российских землях, во многом обязано русскому преклонению перед словами при их же наплевательском отношении к делам. Между русской магией литературы и торжеством большевизма (словесным преображением бытия) отнюдь не опосредственная связь: плата за это – упования на преобразующую мощь слова, «просветительство», «моралька», социалистический реализм» (Игорь Гарин, «Русская литература как Кассандра», <https://www.proza.ru/2015/04/02/1949>);

«На Западе следуют максиме: «Своя рубашка ближе к телу». Русский душу отдаст ради спасения других. В политике – большевизм. В философии – малое значение, придаваемое объективной реальности. В практической жизни любое средство становится нежелательным, если в нем вскрывается малейшее несовершенство. Как следствие – меланхолия и склонность к отчаянию, к моральной капитуляции; будучи не в силах достигнуть абсолютного блага, бросаются в абсолютное зло» (член франц. воен. миссии Пьер Паскаль, «Дневник, Петроград, 27.10.17, <https://project1917.ru/heroes/per-paskal>);

«Воображение русских так устроено, что оно им никогда отчетливо не рисует самых очертаний. Русский видит впереди только далекие убегающие горизонты, туманные, смутные дали. Понимание реальности в настоящем и грядущем доступно русским лишь при помощи грез...» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«Дело в том, что когда мы грезим, мы все имеем свой внутренний мир. И это хорошо. Плохо то, что мы не умеем отличать грезы от реальности. Поэтому лучше всего не грезить, а бодрствовать, ибо, бодрствуя, мы имеем общий для всех людей мир. И этот мир называется социумом. Вот он-то и репрессирует внутренний мир. И с ним лучше не вступать в конфликт. Уже во времена Канта Европа начала решительно расставаться с внутренним опытом, учреждая общий мир для всех, в котором важно сделанное человеком. Тогда как герои Годара понимают, что для человека важно не то, что им сделано, а то, что им не сделано. Сделанным определяется общество, а несделанным – человек. Творчество свободно от социума. Дело – нет, ибо думаем мы в одиночестве, а действуем социально...» (Фёдор Гиренок, «Жить или рассказывать», <http://fedorgirenok.narod.ru/Godar.html>).

В русском языке украинское слово «казати» заменено в настоящем времени словом «говорить» (укр. «ну що ти мені кажеш?» – «ну что ты мне говоришь?»), в то время как в прошедшем и будущем времени это слово всё же используется (сказал, скажешь). Это весьма красноречиво **указывает** на то, что русскоязычные люди живут лишь в прошлом (воспоминаниями) и в будущем (мечтаниями). В настоящем же времени они просто существуют (нельзя же это жизнью назвать). Или же вообще настоящее для них нисколько неважно (вляется просто кажимостью – майей, от которой следует избавиться, погрузившись в сладостный туман алкогольного забвения). Вот и маяются подобно маятнику как в жизни, так и в бреду (укр. «маячні»), устремивши свой внутренний взгляд на маяк светлого будущего.

К тому же от корня «каз» в русском языке образовались не только слова «сказка, сказание, рассказ, прическа, высказывание» (всё от форм прошлого и будущего с новым корнем «сказ»). Настоящему же времени с корнем «каз» соответствуют в русском языке преимущественно слова с негативной коннотацией (искажение, казаться, показалось, показной, указ, указка, указатель, приказ, приказание, приказчик, показания, наказание, казнь).

Согласно мировоззрению русскоязычных холопов именно слово – это дело, за которым может последовать не только словесное (высказывание порицания), но и телесное наказание:

«У русских есть воображение. Они умеют рассказывать. Русский мир состоит из слов. Он словесный (словоцентричный, – П.Д.). Убрать слова – ничего не будет» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Очарованная Русь», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

Пристрастие русского синтаксиса к безличным оборотам

Русскоязычный людиска, находясь в отрешенном от действительности состоянии, не способен контролировать свои действия. Ему кажется, что они совершаются сами по себе и, следовательно, – помимо его воли, как и в окружающей его природе:

«Труд в России гасится с двух сторон. Со стороны позыва и – результата. Я хотел поправить каждый забор, выпрямить столбы, но понял: делаю не то. Сделанное не стоит, но потому и делается плохо, что оно все равно упадет. С другой стороны, потому и не стоит, что делается плохо. В России не надо ничего самому делать. Все равно как-то само по себе делается...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Труд», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

Поэтому-то все свои неприглядные поступки он и оправдывает перед своей совестью действиями «злого рока» или же «жизненной необходимостью». И, следовательно, вполне закономерно и то, что:

«Творятся (сами по себе, – П.Д.) дела и совсем мерзкие – могут разрыть могилу покойника на второй-третий день, чтобы содрать с него костюм, такие случаи у нас тоже описаны. И тоже не вызывают почти никакого отторжения – занятие как занятие, «всем жить

надо». Или даже наше обычное: «Во дают!» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>).

Сопровождая словом паразитом «давай» какую-либо свою просьбу, мы тем самым превращаем ее в требование, заставляющее зависимого от нас человека безоговорочно удовлетворить ее. Когда же мы обращаемся к независимым от нас людям оно, наоборот, отражает лишь нашу неуверенность в возможности удовлетворения нашей просьбы. Ведь слово «давай» может вызвать у них лишь отрицательные эмоции, соответствующие настороженности или даже протипвлению, из-за того, что их подсознание воспримет это, как необходимость лишиться чего-нибудь. Поэтому-то и призыв: «Ребята, давайте жить дружно» (Аркадий Хайт, «Кот Леопольд») вызывает у человека бессознательную реакцию, совершенно противоположную смыслу этого призыва. И, следовательно:

«...не только слова, но также некоторые грамматические конструкции подсказывают носителям языка некую картину мира. Например, есть основания думать, что богатый репертуар дативных безличных конструкций, которым обладает русский язык, дает говорящим возможность говорить и думать о мире так, как, например, по-английски говорить невозможно и думать трудно. Например, такие предложения, как «мне подумалось...» или «мне верилось...», невозможно перевести на английский язык, не теряя некоторых элементов смысла (чего-то вроде «не потому, что я этого хотел») ... в Великобритании профессиональный союз учителей предложил недавно запретить употребление учителями слова «fail» как слишком негативного и порицательного. Трудно себе представить подобный запрет на фразу «не удалось» (например, «На этот раз тебе не удалось...»), которая звучит скорее как оправдание, чем как осуждение. Строго говоря, «тебе не удалось» непереводимо на (идиоматичный) английский язык, а «you failed» непереводимо на русский. (Сказать «тебе не удалось, и это твоя вина», конечно, можно, но это звучит несколько странно)» (Анна Вежицкая, «Имеет ли смысл говорить о русской языковой картине мира», http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Kniga_2008.pdf; <http://codenlp.ru/books/mod.pdf>);

«Безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и прочие типы предложений создают совершенно непереводимое на другие языки представление о зыбком внешнем мире, который является своего рода отражением мира другого, реального, существующего в сознании человека до встречи с миром внешним. Отсюда многочисленные конструкции типа «про батарею Тушина было забыто» у Льва Толстого, неопределенные выражения вроде «бывает», «ладно», «давай-давай» и др.» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность // Основные признаки русской ментальности в языке», СПб, 2004, с. 24-31, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82395>);

«О пристрастии русского синтаксиса к безличным оборотам написано много. В этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед неопознанным и агностицизм русского народа. Возможно, в этом и есть что-то правильное. Действительно, если европейские сказки начинаются со слов

«Однажды король вырастил дерево в своем саду», русский рассказчик начнет сказку словами: «Однажды в королевском саду выросло дерево». Обычно считается, что богатство и разнообразие безличных конструкций («светает, мне хорошо, штормило») отражает тенденцию рассматривать мир совокупность событий, не поддающихся человеческому разумению. Конструкций типа «солдата ранило миной, крышу сорвало ветром» относятся к фатальным ситуациям войны и бушевания стихий. Русский язык, таким образом, подчеркивает действия высших потусторонних сил и скрывает человека как активного действующего за пассивными и безличными конструкциями. Думается, что одним из объяснений этого синтаксического пристрастия русского языка может быть все тот же коллективизм менталитета, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это, кстати, и снимает ответственность за происходящее)» (Светлана Тер-Минасова, «Язык и межкультурная коммуникация // Россия и Запад: сопоставление идеологий», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_23.php; <https://www.vuzlib.su/beta3/html/1/28076/28121/>; «Война и мир языков и культур», <http://www.regionalstudies.ru/publication/monograph/war/55-chapter4.html>);

«Как было установлено в ходе специальных исследований развития безличных (или инперсональных) конструкций, в текстах древнекиевских (украинских, – П.Д.) памятников письменности они сначала выражали только стихийные природные процессы, а впоследствии, начиная с XV – XVII вв., получили широкое распространение (в Московии, – П.Д.) и при обозначении человеческой деятельности» (Е.В. Петрухина, «Русская языковая картина мира и православное сознание», <http://www.pravoslavie.ru/smi/36502.htm>).

И произошло это под непосредственным влиянием именно финно-угорских языков:

«Мария Лейнонен в своём сравнительном анализе безличных конструкций в русском и финском языках приходит к выводу, что сходство их слишком велико, чтобы быть случайным» (Leinonen 1985: 4)...» (Евгений Зарецкий, «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazyikovye-71902.html>; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf).

Отождествление Кривды с Ложью

Отождествление же вездесущей и могущественной кривды с лукавством, а тем самым и с ложью привело к тому, что и сама ложь стала столь же вездесущей и могущественной реальностью в русскоязычном примитивном обществе:

«Нужно заметить, что лукавство фигурирует в числе отрицательных черт русского национального характера [Воркачев 2013]: «Русский человек как ни склонен к лукавству, но любит, чтобы с ним поступали справедливо. Странное противоречие: сами обмануть готовы, а к себе требуют справедливости» (Дмитриев); «Кроме некультурности в европейском смысле, подтверждающей наше азиатство, огромнейшую роль в русской жизни играет лукавство, тоже чисто восточная черта» (Скальковский)... В русской лексикографии

«лукавство» стоит в синонимическом ряду, открываемом «хитростью», а его «соседом справа» здесь оказывается «коварство». «Внутренняя форма» основы «лукав-» («кривизна», «извилистость») в современном языке, очевидно, жива и поддерживается однокоренными лексическими единицами «лук» и «излучина»... Изменения в российской политической системе определили выбор в массмедиа для обозначения лжи в качестве вполне «политкорректного» глагола «лукавить», а становление рыночных отношений вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана. Активизация «лукавить» в современной речи обусловлена еще и его собственно языковыми свойствами, такими, как словарная широкоохватность номинации обмана, возможность выступать в качестве эвфемизатора лжи и экспрессивность, порождаемая сменой стилового регистра» (С.Г. Воркачев, «THE KINDS OF LIE: ЛУКАВСТВО», <http://www.philology.ru/linguistics2/vorkachev-13.htm>);

«Известное, хоть и не совсем понятное дело: русские люди – самые изолгавшиеся люди в целом свете, а ничего так не уважают, как правду, – ничему так не сочувствуют, как именно ей...» (Иван Тургенев, «Новь», 1877, http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0300-1.shtml);

«У нас лгут и только лгут – лгут энтузиазмом, который есть не что иное, как натянутая и искусственная вспышка, которую мы тут же готовы тотчас и осмеять, и лгут затем беспрестанно, обманывая друг друга, составляя, например, общества, где каждый имеет в виду будто бы какую-нибудь похвальную цель, а потом спешит обворовать это же самое общество или сделать его орудием каких-нибудь других своих мерзостей, и проч., и проч.» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 27 мая 1872г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Слово было сильнее человека, он не мог быть ответственным, находясь во власти слова; он чувствовал себя глашатаем чужой правды, в высшей власти которой он находился. Он не чувствовал своего сыновства и этой власти правды. Элемент холода и отчуждения в правде. Только контрабандой проникали в нее элементы добра и любви, ласки и радости. Согревающей правды еще не было, была только согревающая ложь. Творческий процесс есть всегда процесс насилия, совершаемого правдой над душой. Правда никогда еще не была родной человеку (очевидно, лишь интеллектуально незрелому человеку, – П.Д.), не приходила к нему изнутри, а не извне; она всегда была одержимостью. Она была откровением, но не была откровенной; она всегда что-то умалчивала, окружала себя тайной и, следовательно, насилием. Она побеждала человека, она была насилием, не было сыновства. Кто в этом виноват, правда или человек. Человек встречается с правдой о себе как с умерщвляющей силой. Благодать всегда сходила извне...» (М.М. Бахтин, «Риторика, в меру своей лживости», собр. соч., М.: Русские словари, 1996, – Т.5, – С. 63-70, http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_rhetor.htm);

«Впрочем, легко ужиться с заведомой ложью,
Правда колола глаза, и намаялись с ней.

Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей...»

(Владимир Высоцкий, «Притча о Правде», <http://www.wysotsky.com/1049.ru/151.htm>);

«Я не стану отрицать, что на Руси, даже среди профессиональных воров и убийц, есть очень много "совестливых" людей – это всем известно; ограбит человек или убьет ближнего, а потом у него "душа сучает" – болит совесть. Очень многие добрые русские люди весьма утешаются этой "скукой души", – им кажется, что дрябленькая совесть – признак духовного здоровья, тогда как, вероятнее всего, это просто признак болезненного безволия людей, которые, перед тем как убить, восхищаются скромной красотой полевого цветка и могут совмещать в себе искреннего революционера с не менее искренним провокатором, как это бывало у нас слишком часто. Я думаю, что мы все – матросы и литераторы, "буржуа" и пролетарии – одинаково безвольны и трусливы, что отнюдь не мешает нам быть жесточайшими физическими и моральными истязателями друг друга» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«Лживость, вороватость свойственны характеру многих русскоязычных (и это не мешает многим из них почитать себя истинно русскими), вследствие чего некоторая часть из них активно работает на порабощение и закабаление других, подчас того не понимая. И происходит это при безволии и трусливом попустительстве окружающих, которые видят и понимают, как в действительности живёт общество, но полагают, что они – «люди маленькие», от которых ничего не зависит. И этот порочный стиль бытия общества воспроизводится на основе русскоязычной культуры на протяжении веков. Иными словами, «магия слова» и «магия текста» как объективные возможности воздействия на течение событий в Мире, открываемые носителям языка Свыше или закрываемые от них, обусловлены тем, в каких целях употребляется язык как средство передачи и хранения информации в жизни общества. Соответственно этому изменяется и язык во всех его составляющих» (Константин Петров – Внутренний предиктор СССР, «Язык наш: как объективная данность и как культура речи», <https://www.rulit.me/books/yazyk-nash-kak-obektivnaya-dannost-i-kak-kultura-rechi-read-100608-9.html>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/ling/01.php).

А безволие то россиянам испокон веков насаждается именно наивной русской языковой картиной внутреннего (психического) мира человека:

«Особый способ изображения внутренних состояний человека как независимых от его воли и им не контролируемых – использование семантико-синтаксической модели с квазиагенса (метафорической модели – в обозначении С.Н. Цейтлин). Она представляет собой, в сущности, структурно-семантическую модификацию исходной номинативно-глагольной модели: роль агенса – субъекта активного действия, названного предикатом, отводится не реальному субъекту (человеку), а отчужденной «части» его внутреннего мира (чувству, эмоции, результатам ментальных операций и др.). Эти психические феномены

семантически репрезентируются как не поддающиеся контролю разума, воли человека: они «как бы отделяются от него и начинают свое независимое существование. Происходит олицетворение, одушевление подобных имен, которые, сочетаясь с предикатами активного действия, становятся активными субъектами, определяющими поведение человека» [Стексова 2002: 124], а последний, утрачивая активность, осмысливается как объект воздействия (пациент), нередко эксплицируясь в речи в соответствующей грамматически зависимой форме. Например: «Горло сдавила жалость и нежность к жене» (В. Белов. Кануны); «Отчаянье душило его» (Д. Гранин, «Вечера с Петром Великим»); «Тщеславие должно руководить нами, актерами... Такова наша профессия» (из телеинтервью с А. Калягиным)...» (Елена Коськина, «Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент», <http://www.ref.by/refs/105/1860/1.html>).

Это является еще одним важным подтверждением существенного влияния на психику русскоязычного человека также и грамматики русского языка, позволяющей ему спонтанно входить (вживаться) в отрешенные от собственного «Я» состояния с полным отсутствием контроля за своими действиями не только подсознания (совести), но и сознания (разума). В таких отрешенных от мира сего состояниях все связанные с русскоязычным человеком события воспринимаются им как происходящие помимо его воли. А именно, – под влиянием неких высших сил (неподвластного воли человека его тщеславия, неконтролируемых им проявлений гнева, ненависти и других чувств):

«Метафоры субъектного типа характеризуют чувство как субъект, способный двигаться или находиться в каком-либо пространстве (при этом человек может выступать как ориентир движения эмоции или пространство, в котором она находится): на меня находит тоска, к сердцу подступила грусть, в душу вторгалась радость... Субъектные метафоры представляют чувство как самостоятельный субъект передвижения, по отношению к которому человек выступает ориентиром – определенной точкой, к которой приближается эмоция, или замкнутым пространством, вместилищем, в которое она проникает. Метафорические номинации субъектного типа воплощают одно из существенных свойств эмоций: они внешне обусловлены, являются непосредственной реакцией человека на внешние события, поэтому в языке эмоции часто концептуализируются как приходящие извне. Объектные метафоры связаны со степенью интенсивности: образ чувства-пространства, в которое человек впадает, погружается или может быть повергнут, указывает на то, что эмоция полностью владеет человеком, как бы вбирая его в себя целиком... Субъектная разновидность представлена глаголами стиснуть, сжать, сдавить, подавить, смять, согнуть (деформация), разрушать, крушить, разорвать, раздирать, надломить, сломить (деструкция). Для метафор подобного рода характерна связь с телесной сферой: осознается, что негативное воздействие эмоции направлено на определенные органы, функционирующие как вместилища эмоций (грусть стиснула сердце, тоска давит грудь, отчаяние раздирает душу), или вызывает нежелательные изменения внешности человека (горе согнуло его плечи, тоска придавила), причем выражения, использующие исходный образ давления, могут описывать физиологические симптомы проявления определенных эмоций. Одним из таких

симптомов является затруднение дыхания: [Орлов] сидит, охваченный глухой и тяжелой злобой, которая давит ему грудь, затрудняя дыхание (М. Горький)...» (И.А. Гусейн-Заде, «Метафорические образы эмоциональных состояний в русской языковой картине мира: модели движения и воздействия», <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-obrazy-emotsionalnyh-sostoyaniy-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-modeli-dvizheniya-i-vozdeystviya>; <http://journals.tsu.ru/uploads/import/860/files/347-011.pdf>);

«Многие исследователи русского языка, прежде всего зарубежные, отмечали обилие в русском языке глаголов, глагольных форм и конструкций, выражающих произвольные, спонтанные действия, которые происходят как бы сами по себе, без усилий и контроля со стороны производителя. Речь идет прежде всего о возвратных глаголах типа привелось, довелось, пришлось, образуется, обойдется, успеется, удалось, засмотрелся, заработался, а также о безличных конструкциях с возвратными формами и дательным падежом субъекта Ему не сидится на одном месте; Мне здесь хорошо работается; Мне сегодня не спалось. Приведем несколько примеров на употребление таких глаголов в художественной литературе: Нет, собраться с мыслями мне не удалось (В. Некрасов). Скрипку ее, довольно ценную, провезти не удалось, – но, кажется, ей такая и не понадобилась в Бостоне, США, с концертами у нее пока не выходит, она дает уроки музыки и этим зарабатывает столько, что «двум нашим семьям, – как она пишет, – с голоду умереть не удастся» (Г. Владимов). Как-то ранней осенью мне пришлось плыть на пароходе по нижней Волге (И. Соколов-Микитов). ...Не было слышно песен, не сыпались шутки и прибаутки, без которых не работается русскому человеку (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Пропадаю, мальчики, ... не любитесь, не работается и, стало быть, не живется, потому пропадаю (М. Анчаров)... За подобными формами, по мнению известной польской лингвистки А. Вежбицкой, которая живет в Австралии, стоит «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий»; «пассивность и ощущение того, что человеку неподвластна его собственная жизнь, что его способность контролировать жизненные позиции ограничена; ощущение непостижимости и неконтролируемости жизни» (А. Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996. С. 34-79). Трудно отрицать рациональное зерно во всех этих рассуждениях и связь такого толкования языковых форм с некоторыми чертами русского национального характера» (Е.В. Петрухина, «Русская языковая картина мира и православное сознание», <http://www.portal-slovo.ru/philology/39036.php>);

«...весьма точно подмечена основа традиционного мировоззрения народной жизни того времени, полностью зависимой от внешних по отношению к нему сил. Колмогоров А.И. писал: «Все в жизни чухаря – доброе и злое, радость и горе, болезнь и смерть, урожай хлеба и падеж скота – все зависит не от него, всюду действуют силы, а он только свидетель, сторонний наблюдатель...» (З.И. Строгальщикова, «Вепсы. Очерки истории и культуры», https://studydoc.ru/doc/2237055/vepsy-ocherki-istorii-i-kul_tury; <http://forumnarodov47.ru/docs/-ZIJ.pdf>; <http://msu.lenobl.ru/Files/file/vepsu.pdf>);

«...в частотном словаре русского языка среди наиболее часто встречающихся в нашей речи слов – глаголы в неопределённо-личной форме, вроде «обойдётся», «утраётся», «(само собой) образуется» и т.п. Мы любим выражения вроде «что ни делается, всё к лучшему», «перемелется – мука будет». Если случается что-то непредвиденное, то это «откуда ни возьмись», «как гром среди ясного неба». Все эти слова в большинстве совершенно непереводимы на другие языки. Общий их смысл – беда приходит откуда-то извне, непонятно откуда. Беда не «обойдёт» тебя, она случается как-то сама. И можно надеяться, что, как она сама пришла, так сама и уйдёт, всё «обойдётся»...» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими», <http://flibusta.site/b/314253/read>; <https://psy.wikireading.ru/89073>; https://bookap.info/sociopsy/zhelvis_nablyudaya_za_russkimi_skrytye_pravila_povedeniya/gl13.shtml; <http://profilib.com/chtenie/136502/vladimir-zhelvis-nablyudaya-za-russkimi-skrytye-pravila-povedeniya-14.php>);

«Смотря на страдания, глупости человеческие, на всю эту жалкую процедуру жизни, оканчивающуюся смертью, невольно спрашиваешь себя: с какой целью все это сделано или сделалось? В отчаянии, право, иногда кажется, что это действительно сделано, а не сделано, а потому тут о цели и спрашивать нечего» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 26 апреля 1861г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml).

Поэтому-то с помощью своей внутренней речи русскоязычный человек и способен спонтанно превращаться в безвольного «зомби» или же в жестокого зверя, действующего лишь по наитию (бессознательно) а, следовательно, и без зазрения как совести, так и разума.

Именно русский язык убеждает человека в том, что он является ничтожеством

Как видим, русский язык обладает обширным арсеналом средств для убеждения человека в том, что он является ничтожеством, не способным контролировать свои поступки:

«Все это, в конце концов, формирует критическое отношение к человеческим способностям: «Мы, русские, всегда так. Может быть, это и хорошая наша черта – способность видеть свои недостатки, но мы пересаливаем, мы утешаемся иронией, которая у нас всегда готова на языке» (Лев Толстой, «Анна Каренина»). Возможно, с этим связаны русские «всепонимание» и «всепрощение», ведь они возникают из убеждения, что люди – грешны и слабые существа. В любом случае, русский язык обладает самым большим арсеналом для того, чтобы убедить человека, что он «прах и в прах обратится» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», «Наука, релігія, суспільство», №3, 2010, <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/33635>).

«В построении НЯКМ участвуют все компоненты языкового сознания, однако роль

каждого из них в формировании специфики семантического универсума конкретного народа не одинакова. В наибольшей степени неповторимость национального вербализованного мира определяется работой логико-понятийного и нравственно-ценностного компонентов сознания... Ведущую роль в категоризации, как объективного мира, так и мира, порождаемого сознанием, играет логико-понятийный компонент обыденного сознания. Его работа во многом определяется существующими в данном социуме культурно-этническими доминантами, которые неизбежно порождают фиксируемые лексикой национально-специфические концепты, отсутствующие в других языках. Логика национального языка часто обнаруживает различия в категоризации мира на самом базисном уровне вне зависимости от влияния каких-либо факторов национальной культуры. «Простое» различие в категоризации мира может становиться одной из причин формирования культуuroобразующих особенностей национального мировосприятия (т.е. тех же культурно-этнических доминант)» (Олег Корнилов, автореф. дис. «Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов», <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-kartiny-mira-kak-otrazheniya-natsionalnykh-mentalitetov>).

Именно чрезвычайно примитивная логика русского словоцентричного бессознательного и приводит к психической инфантильности большинства русскоязычных людей (челядишек), не подкрепляющих ее логикой сознательного мировосприятия:

«...ныне пользующиеся русским языком поколения никогда на всем протяжении своей жизни не учились логике. Что это значит практически? Например, в русском языке чрезвычайно сложная система отношений между грамматически слабым временем, грамматически сильным видом и мало-помалу исчезающим наклонением глагола. Для освоения этой премудрости как раз совершенно необходима логика. Если ею не заниматься в детстве, то, формально взрослея, человек так и не научится понимать, например, разницу между причиной и следствием...» (Гасан Гусейнов, «Почему Россия осталась без философии», <http://www.russian.rfi.fr/obshchestvo/20140112-pochemu-rossiya-ostalas-bez-filosofii>).

Моральные убожества, приучившие себя прозябать в нищете, мечтая лишь о возвышенном – неземном, к тому же страдают еще и снисходительным отношением, как к праву, так и ко всему материальному – земному:

«Интеллигенция первого, идеалистического лагеря страстно и, надо думать, искренно ищет абсолютного добра и абсолютной правды; в этих исканиях она делится на кружки и секты, обнаруживает огромную напряженность нравственного чувства, а часто доходит даже до глубочайшего религиозного пафоса. Но в то же самое время в деле практического устроения жизни она оказывается какой-то беспомощной, а иногда даже, приходится сказать, и бесчувственной. Ища абсолютной правды, она совсем не обращает внимания на тот мир относительного, в котором мы живем; жаждающая абсолютного добра, она плохо следит за тем практическим путем, по которому нам по необходимости приходится идти. Вследствие этого часто случается, что мы, как бы ослепленные нашим внутренним видением, идем напролом, безжалостно сокрушая множество таких ценностей, которые мы сами хотели бы утвердить.

Ради «дальнего» мы душим «ближнего», ради свободы мы совершаем бездну насилий. И так получается то, что, погруженные в мечты о насаждении царства Божия на земле, мы совершенно не умеем устроить нашего обыкновенного нынешнего царства. Мечтая об абсолютной правде, мы живем в ужасающей неправде; мечтая о горней чистоте, мы пребываем в невылазной нравственной грязи. По этой же причине мы свысока и с презрением относимся к праву. Мы целиком в высших областях этики, в мире абсолютного, и нам нет никакого дела до того в высокой степени относительного и несовершенного порядка человеческого общения, которым является право» (Иосиф Покровский, «Перуново зачатие», в сб. «Из глубины», <http://www.vehi.net/deprofundis/pokrovsky.html>);

«Пренебрежение к закону, разнузданность власти, неготовность людей к взаимному сотрудничеству, пассивность при столкновении с трудностями, отсутствие гражданского сознания и крайне эгоистическое преследование личных интересов вот главные черты крестьянского сознания. Конечно, эти малоприятные проблемы встречаются и в других странах, даже в таких, как Америка или Швеция. Но, в России так же, как и в Латинской Америке и в Африке, вышеперечисленные явления исключительно остры и играют колоссальную роль в торможении развития общества» (Андрей Кончаловский, «Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс», <http://www.liberal.ru/articles/4960>);

«Будучи иррациональным, русский человек и ведет себя соответственно, руководствуясь не рассудком, а чувством, сердцем. С этим связаны и доминирующие в русской культуре представления о морали. Моральное поведение у русских не формализуемо. Русские предпочитают поступать по совести, а не руководствоваться правом и законом. Все, даже юристы, у нас прекрасно осознают, что можно быть хорошим добрым человеком, не соблюдая закон, и поступать плохо, живя в соответствии с ним. Закон и суд – это одно, а справедливость – это другое. В словаре Даля «на 89 пословиц, выражающих сомнение в существовании судебной справедливости, приходится лишь 17 изречений, утверждающих обратное» (А.Е. Сериков, «Что значит быть русским: русская языковая картина мира, русский характер и восприятие русских со стороны», <http://www.phil63.ru/chto-znachit-byt-russkim>);

«Русский дискурс на удивление нерационален – в том смысле, что не озабочен рациональной аргументацией (что с неизбежностью сказывается, кстати, на правовой и политической культуре). Это и повергающие иностранцев в шок иррациональные глубины русского «ничего» (например, на вопрос: «Как дела?» или «Как живешь?») или «Да нет». Логическая культура российским духовным опытом востребована мало. Да и какая в ней необходимость, если «Закон что дышло...», «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». Обездоленность лишает собственности, а значит, интересов, произвол власти лишает смысла их обсуждение. Дискурс, аккумулируя духовный опыт, лишь адекватно реагирует на опыт исторический» (Григорий Тульчинский, «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы», 1996, <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-323.html>).

О правовом нигилизме

Именно эта иррациональность русскоязычных людей, связанная с глубокой внутренней архаичностью восприятия ими мира и консервируемая в их национальной ЯКМ, и ответственна за их правовой нигилизм:

«Как это и всегда было принято на Руси, интеллигенция судила не по закону и праву, а по правде и справедливости: «Через всю историю русской религиозной мысли если и не красною линией, то все же красным пунктиром проходит домысел, что право – могила правды, что лучше быть бьющим себя в перси грешником, чем просто порядочным существом, что быть хорошим человеком – вещь вообще стыдная, ибо обладатель нравственных качеств – нечто вроде капиталиста этической сферы...». В этом ключе, скажем, оправдательный приговор Вере Засулич, совершившей политическое убийство, является примером тезиса о том, что правда существует помимо права. Очень часто этот пример преподносится нам как верх гуманизма, либерализма, европейскости, начала которых стали проникать в российское общество вместе с реформами 60-х гг. Это глубокое заблуждение. Как раз оправдание Засулич есть наивысшее проявление «русскости», антиевропейскости, есть проявление в практике все тех же мифических верований в высшую, не от мира сего справедливость, в Град Китеж, в чудное Беловодье, где все будет по истине, где все будет соответствовать верховной правде того и этого мира. Совмещение этих поверий, превратившихся в архетипы коллективного русского бессознательного, с умственными достижениями европейской цивилизации (в частности, с таким достижением в области права, как независимый суд присяжных заседателей), и дало в результате ту самую русскую «полуобразованность», то есть глубокую внутреннюю архаичность восприятия мира с вкрапленным в нее весьма своеобразным восприятием последних успехов цивилизации. Самым вопиющим примером такой «полуобразованности» является, конечно, судьба идей Маркса, которые, будучи пересажены на русскую почву, в среду русских мифов, поверий и бывальщин, дали в реальности гибрид совершенно монструозный, немыслимый, напоминающий образы Босха. Это угадал проницательный Масарик»

(Сергей Магид, «Т.Г. Масарик и предыстория «Русской акции», https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=282&ELEMENT_ID=2898; <http://ruslo.cz/images/Nomera/RS-2011-12i.pdf>);

«Истекший год вообще принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения. Многие сочинения в прозе и стихах запрещались по самым ничтожным причинам, можно сказать, даже без всяких причин, под влиянием овладевшей цензорами паники... Цензурный устав совсем ниспровержен. Нам пришлось удостовериться в горькой истине, что на земле русской нет и тени законности. Умы более и более развращаются, видя, как нарушаются законы теми самими, которые их составляют, как быстро одни законы сменяются другими и т.д. В образованной части общества все сильнее возникает дух противодействия, который тем хуже, чем он сокровеннее: это червь, подтачивающий дерево...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 30 декабря 1830г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«В русской традиции категория закона известна с древнейших времен в противопоставлении к благодати, и потому закон вообще имел отрицательный смысл (Russian Mentality); ... Отношение к закону в классический период амбивалентно, в современном общем представлении является в целом отрицательным... Общее определение: Закон – это символическая система ценностей как предел возможности существования на основе бесправия (источники: Вышеславцев, Флоренский, Шестов, Ключевский). ... Закон – священная форма ментальности, но не единственный регулятор общественных отношений, заменяющий (личную) совесть (источники: «Аргументы недели», М. Попов, «Известия», «Гаврилин»). ... «Священный ранг» Закона остается на поверхности имени, по традиции его воплощающего. В целом прохладное отношение к закону определяется реальным несоответствием действий и его содержания. ... В конце концов, до сих пор остается в силе утверждение шефа жандармов графа Бенкендорфа: «Законы пишутся не для власти». А это остается национальной проблемой, особенно в связи с усилением заимствований с Запада с его ориентацией на номинализм и концептуализм, представители которых, напротив, отличаются законопослушанием» («Сила есть – ума не надо»)...)» (Владимир Колесов, «Концептуальное поле русского сознания: концепты власть, закон и народ», <http://politlinguist.ru/current.html>);

«Русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым и он мало почитает качества в личности. Это связано с тем, что личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана. Такое состояние нравственного сознания порождает целый ряд претензий, обращенных к судьбе, к истории, к власти, к культурным ценностям, для данной личности недоступным. Моральная настроенность русского человека характеризуется не здоровым вменением, а болезненной претензией. Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме, в претензии за всех. Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам – кузнец своей судьбы» (Николай Бердяев, «Дневник», 10.05.1917, <https://project1917.ru/heroes/nikolay-berdyayev/>);

«В Европе были, есть и постоянно развиваются понятия главенства закона, договора, клятвы и святость их соблюдения, у нас же по указанным выше причинам мы имеем правовой нигилизм, рабскую ментальность («...из грязи в князи» и на оборот), возможно и в этом тоже корень зла. Видимо необходимо, хотя бы по капле выдавливать из себя раба и «азиатчину», в смысле – «холопства», «быдлости» и пресмыкания перед властью имущими. Нужно перенимать лучшие образцы западного правоведения в области свобод и прав личности» (Сергей Епишин, «Откуда взялись проблемы русского народа и как с ними бороться», http://www.protos7.ru/Morali/Problema_rus.htm).

Совершенно же иное отношение к праву имеет место у украинцев:

«Ни одна нация не проявляет столько умеренности в разногласиях, как жители

Малороссии. Там оба противника (не ставшие сразу же врагами, как в Великороссии, – П.Д.) спокойно едут одной и той же телегой, пьют, едят и спят вместе, даже когда надо проехать 300 верст, чтобы добраться до судьи. И когда они, наконец, к нему добираются, каждый представляет свои доказательства и начинает дело против другого. Такое поведение, несомненно, является одним из лучших свидетельств того, как они уважают законы, а также беспристрастности и справедливости тех, кто обеспечивает их выполнение» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>);

«...у украинцев суггестия (внушение) происходит по так называемой «деловой логике», которая отвечает за честный труд, соблюдение правил, процедур, законов, поэтому украинцы любят, чтобы все было «по закону», согласно обычаям и традициям. У русских иначе – «деловая логика» является «уязвимой функцией». С одной стороны, это дает основания для нестандартного мышления, когда отбрасываются любые правила и авторитеты и появляется возможность прийти к уникальным решениям. С другой стороны, пренебрежение прошлым опытом нередко приводит к тому, что развитие часто начинается «с чистой доски» и идет «своим особым путем», на что обратил внимание еще Петр Чаадаев в своих «Философических письмах» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/33635>).

«Согласно концепция З. Фрейда человеческая психика неустойчива, внутренне разорвана, лишена цельности и выглядит – как сфера сложного и противоречивого взаимодействия трех составляющих «Я – Сверх Я – Оно» (эго – суперэго – ид). В интерпретации Ж. Лакана, переформулировавшего фрейдовские понятия в языковом аспекте, тема о расщепленности человеческой психики выражена в «инстанциях» Воображаемого, Реального и Символического. Воображаемое – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и который играет важную роль его психической защиты или, вернее, самозащиты. Символическое – это система социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает, в основном, бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном ему обществе. Реальное – это совокупность биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые не даны сознанию индивида в сколько-нибудь доступной для него рациональной форме. Биопсихическая конституция человека такова, что он, прежде всего, стремится к удовлетворению требований, порождаемых инстинктами. Однако существование в сообществе себе подобных делает необходимым ограничение инстинктивных импульсов человека посредством введения запретов. Запреты усваиваются человеком рациональным путем, но также на подсознательном уровне, под влиянием языкового общения в виде различного рода комплексов (например, «эдипов комплекс»). Поэтому мы считаем, что «подлинная» реальность права заключается в коллективном бессознательном нации. В подоснове действительности (если угодно, эффективности) УК РФ лежит заложенная в

психике народа готовность соблюдать определенную систему запретов. Этот психический механизм (аппарат) блокировки асоциальных желаний имеет языковую подкладку. Право является лингвопсихическим явлением. Психическая реальность права укоренена в его знаковой (текстовой) инстанции. В ходе интерпретации текста закона выявляется его значимость как психического явления императивно-атрибутивного характера. Таким образом, «право» состоит в актуализированном речью смысле текста закона и сопровождающих его психических эмоциях и переживаниях. Психический феномен права возникает из восприятия речи другого, из диалога. Поэтому подтверждение значимости запрета и наказания для аудитории происходит в процессе перевода текста уголовного закона в контексте речевой коммуникации (диалога, борьбы интерпретаций) по данному уголовному делу. «Объективные» основания наказания находятся в тексте, «рассказанном» сторонами (преимущественно во время судебного следствия), который предположительно имеет отношение с реальной действительностью. Заметим, психика индивида детерминирована дважды: в сфере Реального – импульсами «биопсихического бессознательного», в сфере Символического – надличностными языковыми кодами «социального бессознательного». В сфере Символического благодаря языку формируется готовность человека подчинения социальным велениям. Социальные (культурные) нормы, начиная с ритуала, речевого этикета и заканчивая законом, происходят от древних табу, направленных против сильнейших вожелений людей, разрывающих тело социального организма. Однако подавляемое культурой желание нарушать эти запреты сохраняется на бессознательном уровне. Люди, подчиняющиеся законодательным запретам, имеют амбивалентную склонность к тому, что запрещено... Справедливое наказание опирается на риторику права. Именно риторика актуализирует лингвопсихические структуры общественного бессознательного в ходе судебного разбирательства, чтобы убедить судебную аудиторию в том, что решение по делу справедливо... Слова, произнесенные в судебном заседании, становятся фактами, когда они овладевают составом суда и делаются убеждением судей. Внутреннее убеждение судьи, которое и дает бытие фактам, есть определенное состояние разума судьи. Однако разум судьи есть, в свою очередь, продукт языка. Речевая компетенция для различения истины и лжи закладывается в разум судьи подобно программному обеспечению компьютера. По лингво-психологическим схемам собирается интеллектуальный продукт под названием «судебная истина» (А.С. Александров, И.А. Александрова, В.И. Круглов, «Назначение уголовного судопроизводства и наказания», Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ, 2005, гл. 3.1. «Язык, как подкладка судебного-правовой оболочки общества», <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov2005/03.htm>).

И ведь справедливым то наказание в русскоязычном примитивном обществе никогда и не было, да и не могло быть из-за крайней жестокости и несправедливости самих обычаев и законов:

«Когда читаешь наш Уголовный кодекс, в глаза бросается, что почти все статьи заканчиваются конфискацией имущества. Я раньше и не знал, что в западных странах имущество конфискуется только в том случае, если оно получено преступным путем, притом не все, а только то, по которому доказано судом, что оно получено преступлением.

Остальным своим имуществом заключенный может пользоваться и распоряжаться, хотя бы и в тюрьме. У нас же стоит просто: «с конфискацией имущества». Хотя бы ты и подделал справку, что у тебя в данный день отсутствует триппер. Вот как наше государство и сегодня любит наше имущество. Если кто-то из читателей попробует это спереть на коммунистическое прошлое, я его догоню и покажу ему все судебники русские, где с 12 века всегда стояло: «с конфискацией имущества в пользу князя» (Борис Синюков, «Загадочная русская душа на фоне мировой еврейской истории», гл.11 «Русское рабство – совершенно уникально», <http://www.borsin1.narod.ru/download/glava11.htm>).

Когда же человеку за какое-либо правонарушение судьи дают лишь «условный срок», то он воспринимает это как должное и знает, что за это кого нужно «отблагодарили» его близкие. Ведь ему хорошо известно, что в его стране всё условно. И даже Законы (Положения о чем-нибудь) и те, как правило, тоже условны, а их действие на самом деле зависит от того, на кого «ориентируются» судьи:

«Например, едва ли значения слова положение (о чем-нибудь): 1) закон, правило или свод правил, касающихся чего-нибудь, и 2) логическое научное утверждение, формула, сформулированная мысль (положение о внутренних законах развития) могут быть объединены с такими значениями слова «положение» как «местонахождение (и ориентация, – П.Д.) в пространстве», «постановка тела или частей его», «состояние», «обстоятельства», «обстановка общественной жизни», «роль в общественной жизни», «распорядок государственной, общественной жизни» и т. п.» (Виктор Виноградов, «Основные типы лексических значений слова», Избр. тр.: Лексикология и лексикография, М., 1977, с. 162–189, <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm>).

Однако же подсознание русскоязычного человека, вполне естественно, их объединяет. Вот поэтому-то и имеем, как народную мудрость: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло», так и соответствующие ему «правопорядки» в русскоязычном примитивном обществе:

«Москвитяне обыкновенно справедливость своего иска доказывают посредством свидетелей, которых закупают за небольшие деньги; дело той стороны считается более правым, которая представит в свою пользу более свидетелей. Взятки и подарки весьма также способствуют решению дела в ту или другую пользу. В приказах нельзя начинать дела, пока не приобретешь себе золотом и серебром благоволение дьяков и писарей. Эти люди гораздо жаднее гарпий, и до того нравы их испорчены, что обыкновенно никто не может вырвать из их рук следуемого себе годового жалования до тех пор, пока не вызовет расположения со стороны всех служащих в приказе, от дьяка до последнего писаря, пожертвовав в их пользу известное количество денег из своего жалования. Кто начинает иск, не закупив в пользу свою свидетелей и не снискав золотом расположения дьяков и писарей, тот начинает дело, которое не предвещает ничего доброго: он станет жертвой неправосудия, и несправедливость продажного суда легко сделает белое черным и черное белым» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text6.phtml?id=741>);

«Ну что ж, разве мы серьезно относимся к законам, к правам? Это только игра в законы и в право. Хотели судов не для того, чтобы они решали дела по закону, а для того, чтобы они решали их по-прежнему, то есть как прикажут губернаторы, министры, администрация. О пучина всяческих лжей!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 31 марта 1867г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Развитие частной собственности вносило противоречия в племенную организацию, но сломать ее она не могла. Эту организацию не сломает и внешняя власть, хотя она и будет к этому стремиться. Именно на этой российской территории вплоть до XIX века сохранится обычное право, противостоящее государственному законодательству. Это обстоятельство обыграл А.Н. Островский в драме «Горячее сердце»: градоначальник обращается к купцам с вопросом, судить ли их «по закону, или по совести», пугая пухлыми томами Полного собрания российских законов. Купцы апеллируют к «совести» не только потому, что «законов у нас много», но и потому, что законы редко считались с действительностью. Общество откупалось от внешней власти взятками, но внутри его продолжали действовать законы, которые нельзя было обойти: законы традиции» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI-X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=7>);

«Чтобы представить достоверную картину народного государственного сознания и государственной психологии, нужно прочувствовать ощущение совершенного бессилия «частного» человека «без связей», «без значения», которое запечатлено в русской литературе, мемуарах и дневниках. Неправый суд и закон-«дышло» вошли в поговорку. При нужде в каком-либо официальном решении и в отсутствие возможности «ублажить» начальство оставалось искать заступничества лица, обладавшего каким-то влиянием, могущего если не решить вопрос, то хотя бы «попросить» за ходатая. Заступников искали и отдельные люди, и «общества», посылавшие по инстанциям доверенных лиц – ходоков. Весьма характерно, что появившиеся в пореформенное время адвокаты – частные поверенные, которые, в отличие от ходоков, апеллировали, конечно, не к «правде» и обычаю, а к закону, нередко шли тем же путем: продвигали дело по неофициальным каналам, используя свои личные связи. Клиентелистские отношения, пронизывавшие бюрократическую империю, коренились в самых основах ее административного и правового устройства...» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=6>);

«Гердер находит семена добра даже в хитрости, лени, легкомыслии русских. И лишь одно внушает ему глубокую озабоченность. Непременным условием и главной движущей силой законодательных реформ, задуманных Екатериной, должны были стать честь и достоинство народа. Но как раз этих качеств в русском народе не обнаруживается. Русский лишен их «по своей природе». Он – «раб, могущий превратиться лишь в деспота». В такой социальной среде законы бессильны...» (Дитер Гро, «Россия глазами Европы», цит. по реферату Б. Горохова, http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevropy_2011-09-

[28.htm](http://www.strana-oz.ru/2007/5/rossiya-glazami-evropy); <http://www.strana-oz.ru/2007/5/rossiya-glazami-evropy>);

«В России жил я, как трава,
И меж такими же другими,
Сполна имея все права
Без права пользоваться ими»

(Игорь Губерман, «Иерусалимские гарики», <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki.txt>);

«Загадка: «Чем отличается обычное буржуазное правительство от необычного, революционного, за буржуазное себя не считающего?». Говорят, следующим: обычное буржуазное правительство может запрещать манифестации, лишь считаясь с конституцией и вводя сначала военное положение. Необычное и почти социалистическое правительство может запрещать демонстрации без всяких условий и ссылаясь на «факты», известные только ему одному...» (Владимир Ульянов [Ленин], «Правда» № 79, 24 (11) июня 1917г., <https://leninism.su/works/71-tom-32/1848-zagadka-32.html>);

«Вчера в передаче «Грани времени» на Радио Свобода я кратко постарался сформулировать, что государство разрушают не демонстранты на улицах, а исполнительная власть, в упор не желающая видеть обязательное для нее Постановление Конституционного Суда от 14 февраля 2013г., полиция, подчиняющаяся незаконным приказам, а потом фальсифицирующая протоколы, Следственный комитет, продолжающий раскручивать дела, даже когда у него в руках с самого начала есть абсолютные доказательства алиби обвиняемых, суды – и районные, и Мосгор, когда делают вид, что законы и опять же постановления Конституционного суда к ним не относятся. И это вполне очевидно, потому что государство, плюющее на свои же законы, стремительно становится – да уже стало! стало! – бандитской шайкой, занятой устрашением и прессованием попавшегося под руку докучливого населения. А ведь Постановление Конституционного Суда от 14 февраля 2013г. №4 – П (чтоб уж быть точным), оно что, за нас? Оно за человек? Да ни хрена! – это постановление – своего рода шпаргалка для власти, как формально ничего не нарушая, лишая людей их прав, записанных в таких фантастических романах как Конституция или переводных-подрывных, как Европейская Конвенция по защите прав человека (нет-нет, не того, о ком вы подумали, а всех!) и основных свобод (опять же свобод всех человек). Так вот власть и на эту шпаргалку плевать хотела, используя ее разве что «по назначению»...» (Сергей Шаров-Делоне, «В тупике горизонтов нет», <http://ehorussia.com/new/node/14249>).

Как видим, и сейчас практически ничего то и не изменилось. Как был неправым суд в русскоязычном сообществе, так неправым он и остался там до сих пор:

«Поскольку законы и подзаконные акты в России в суммарном выражении принципиально невыполнимы, и подавляющая часть населения их нарушает, практика избирательного применения карающих норм составляет главный ресурс (устрашения, господства, подчинения) российской власти... В традиционном обществе, каковым во многом продолжает оставаться и общество российское, сила, т.е. примененная развернутая

репрессия, – главный легитимирующий власть момент. Любые соображения и аргументы морального или правового характера – внешняя, чуждая внутренней природе вещей форма. Власть принадлежит тому, кто эффективно легитимирует себя насилием. Мы часто слышим о «политической воле». Как правило, авторы этих высказываний имеют в виду волю и способность к эффективному насилию...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Коррупция. Размер взяток в России удесятерился, а суды между собой наших олигархов в Лондоне стали посмешищем для мирового бизнес-сообщества. Безнаказанность в правовой сфере дошла до того, что против погибшего в тюрьме юриста Магнитского возбуждено уголовное дело. В Европе подобный инцидент последний раз случился в XVII веке!..» (Андрей Кончаловский, «Ужаснись сам себе», 2012г., <https://www.kommersant.ru/doc/1878376>);

«До маразма полного дожили –
Даже Гитлера посмертно не судили...
Онанизм судебных бюрократов –
Без подсудимого и без адвокатов...»

(Александр Варзарь, «Неправый суд (суд над убитым в тюрьме Сергеем Магнитским, раскрывшим хищение из госказны более 5 млрд. рублей)», http://samlib.ru/w/warzarx_a_a/bajki-1557.shtml).

Об отличном и конформизме

Конечно же, вполне предсказуемо и качество изделий, выпускаемых по «Техническим условиям». Ведь для подсознания изготовителя все технические требования, изложенные в этом документе, являются не Законом, а всего лишь некоторой Условностью. И поэтому-то, если он найдет причины, из-за которых он не смог добиться хорошего качества изделия (а их то практически всегда можно найти в русскоязычном безалаберном обществе), то никаких угрызений совести у него и не возникнет. Когда же русскоязычный человек лжет, утверждая, что качество изделия не просто хорошее, а даже отличное, то его подсознание и не заметит в этом ни лукавства, никакого-либо подвоха. Ведь отличаться от определенной нормы всё может в любую сторону – как в хорошую, так и в плохую:

«Верили в лозунг: «Советское – значит отличное», и лишь много лет спустя, уже сегодня, добавили к нему полное иронии окончание: «Советское – значит отличное... от иностранного» (Владимир Познер, «Прощание с иллюзиями // Послесловие», <http://lib.rus.ec/b/364085/read#t10>; <http://www.famhist.ru/famhist/pozner/000ede07.htm>; <https://biography.wikireading.ru/59635>).

И, следовательно, для подсознания и все худшее, как и все лучшее, тоже является отличным от нормы. С другой стороны завистливый русскоязычный человек, как правило, ненавидит тех, кто благодаря своим способностям или же своему трудолюбию все же сумел

как-то выделиться из «серой массы» посредственностей. И это является следствием консервации у него детского аффективного и некритического восприятия действительности:

«Малые дети хотят быть как все. И других к этому склоняют. Поэтому дразнят толстых, очкариков, рыжих и прочих непохожих. Стадный инстинкт так срабатывает. Детеныш ведь еще очень мало знает о мире. Поэтому, чтобы выжить, он должен учиться, то есть подражать. Выделишься, сделаешь не так – сожрут. Из этого первобытного, животного подражательного поведения вытекает животное же понимание справедливости как равенства всех. Почему Ване дали две конфетки, а мне одну? Чем он лучше? У людей, которые набрались знаний, но не поумнели (точнее, стали психически инфантильными, – П.Д.), эта детская обида сохраняется до гробовой доски» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», <https://public.wikireading.ru/19105>; <http://fb10.online/b/466781/read>; <https://profilib.org/chtenie/25525/aleksandr-nikonov-mezhdu-stsilloy-i-kharibdoy-posledniy-vybor-tsvilizatsii-56.php>).

Поэтому-то в школе ученики, как правило, и не любят «отличников», старающихся учиться прилежно, а не кое-как. Это же, в свою очередь, воспитывает у подрастающего поколения самонадеянность и презрение ко всему отличному а, тем самым, и будет бессознательно подавлять в будущем малейшее желание как что-либо улучшить, так и выполнить свою работу тщательно:

«Но окончательно «шапкозакидательство» скомпрометировало себя во время русско-японской войны 1904 – 1905 годов. С ее началом русская пресса всю потешалась над японскими войсками, уверяя, что русская армия легко одолеет отсталых азиатов. Все сходились в том, что Япония для России просто смешной соперник и «мы их шапками закидаем». Плачевный итог войны всем известен. Полная неподготовленность царских генералов, их неспособность использовать боевую доблесть русских солдат и моряков, а главное, политическая и экономическая отсталость России привела нашу страну к позорному поражению. По грустному определению одного генерала, это была «война макаков с коекаками». Последними, к сожалению, оказались мы... Тогда-то слова «шапками закидаем» сделались ироническим определением глупой самонадеянности» (Сергей Цветков, «Закидать шапками», http://zaist.ru/news/vyrazheniya/zakidat_shapkami/);

«Надо всегда отдавать себе отчет, что «кое-какство», т.е. небрежность, неточность, недобросовестность – есть один из основных факторов русского народа. Кто хочет ему добра, кто его любит, непременно должен с этим считаться и никогда этого не забывать» (Василий Шульгин, «По поводу одной статьи», Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина, http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/shulgin/shulg_maklak.htm).

«И так сойдет», – вот основной принцип жизнедеятельности русскоязычного человека. А о том, куда же все это «сойдет» он никогда и не задумывается.

Как видим, принцип «будь как все», соответствующий презиранию «отличников», является характерной чертой не только первобытных людей, но и большинства детей. В соответствии с этим господство коллектива над индивидуумом а, тем самым, и следование

принципу «будь как все» неизбежно присущи и современным народностям, у которых весьма значителен процент психически инфантильных людей (челядишек), обладающих конформным типом психики и называемых психологами России человеком-ребенком:

«Конформный тип (есенин). Основные черты – постоянная готовность подчиниться голосу большинства, шаблонность, банальность, склонность к ходячей морали, благонравие, консерватизм. Однако это вовсе не связано с низким интеллектом. Подобные субъекты нередко хорошо учатся, получают образование, при определенных условиях успешно работают. Главная черта – конформность к своему непосредственному привычному окружению. – Под конформностью принято понимать подчинение индивидуума мнению группы в противоположность независимости и самостоятельности. В разных условиях каждый субъект обнаруживает ту или иную степень конформности. Однако при конформной акцентуации характера это свойство постоянно выявляется, будучи самой устойчивой чертой. Конформные подростки – люди своей среды. Главное их качество, основное жизненное правило – думать «как все», поступать «как все», стараться, чтоб у них было всё, «как у всех» – от одежды и домашней обстановки до мировоззрения и суждений по животрепещущим вопросам. Под «всеми» подразумевается обычное непосредственное окружение. От него не хотят ни в чем отставать, но и не хотят выделяться, забегать вперед. В жизни они любят руководствоваться сентенциями, в трудных ситуациях искать в них утешения («Утраченного не воротишь ...»). Стремясь всегда быть в соответствии со своим окружением, они совершенно не могут ему противостоять... Многие конформные подростки «за компанию» легко спиваются, могут быть втянуты в групповые нарушения. Конформность сочетается у них с поразительной некритичностью. Всё, что говорит привычное окружение, всё, что идет через привычный канал информации, – это для них истина. И если через этот канал начинают поступать сведения, явно не соответствующие действительности, они по-прежнему принимают их за чистую монету. Конформные субъекты – консерваторы по натуре. Они не любят новое, потому что не могут к нему быстро приспособиться, трудно осваиваются в новой ситуации. Конформные личности не инициативны. Они могут легко двигаться по социальной лестнице, если занимаемая должность не требует постоянной личной инициативы. Если именно этого требует от них ситуация, они дают срыв на любой, самой незначительной должности, но выдерживают гораздо более высококвалифицированную и даже напряженную работу, если она четко регламентирована...» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас // Акцентуации характера подростков», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18474/>);

«Сам этот принцип имеет две стороны. 1) Коллектив препятствует выделению индивида, негативно оценивает или даже пытается устранить его отличие от других. 2) В другом случае – поддерживает индивида в трудную минуту. В первом случае принцип «будь как все» приобретает ограничение: «не отрывайся от коллектива», что проявляется в осуждении общественным мнением желаний казаться «умнее всех», быть «самым деловым», быть «самым чистеньким» и т.п. Западный человек демонстрирует свои отличительные качества, российский человек, напротив, не должен «высовываться». Не случайно главный

герой многих русских сказок – дурак. Попытка выделиться, показать свою исключительность, своеобразие наказывается, репрессируется коллективом. Нежелание «быть как все» высмеивается. Кстати, волна анекдотов про «новых русских», в которых создан негативный образ современного предпринимателя – действие данного регулятивного механизма, высмеивания. Если насмешка не срабатывает, включается более сильный механизм – зависть. Она призвана уравнивать амбиции индивидов. Крайней формой «уравнивания» является «раскулачивание». Раскулачивание построено на формуле Шарикова: «Взять все и поделить». Эта формула характерна не только для люмпена, это общий регулятор (русскоязычной, – П.Д.) культуры. Не случайно фразу «делиться надо» можно слышать не только от криминалитета, но и от государственных чиновников. Совсем иначе принцип «будь как все» действует, когда индивиду «хуже», чем другим. В России наверняка нет ни одного человека, не испытавшего на себе в трудных условиях поддержку коллектива. Именно это и есть другая сторона принципа «будь как все». Особенность действия этого принципа в том, что окружающие приходят на помощь потерпевшему зачастую тогда, когда он об этом не просит. Существует как бы негласное правило: нуждающийся не просит о помощи, коллектив сам приходит ему на помощь. Именно во взаимопомощи проявляются лучшие черты российского человека. Всевидение, взаимонаблюдение друг за другом – еще одна черта русских коллективов, действие которой постоянно и всепроникающе. Всевидение рождает у индивидов чувство, что «от общества ничего не утаишь». Взаимообщение – превентивный регулятор принципа «будь как все». Именно в общении человек открывает себя. Постоянное общение и постоянная открытость – характерная черта русских коллективов. Поэтому даже на работе общение, «чаепитие», «курение» преобладает зачастую над делом» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0077>);

«Из деревни к нам пришел передельный дух русского социума. Наши с вами предки жили не просто в общине, а в передельной общине, где регулярно перераспределялась земля. Это очень хорошо сформулировал более ста лет назад Петр Струве в сборнике «Вехи», когда отметил, что на Западе преобладает творческий импульс создания нового, а у нас – передела старого. Все главные события русской истории XX века тоже связаны с переделом. В 1893 году перераспределение земли в общине стало осуществляться через каждые двенадцать лет: в 1905-м, 1917-м, и, наконец, в 1929 году, когда началась сталинская коллективизация, установившая в деревне второе крепостное право. Поэтому передельные инстинкты в русском обществе до сих пор очень сильны. Мы все всегда что-то делим: премии, бюджеты, полномочия, ресурсы...» (Академик Юрий Пивоваров, «У советского человека виноваты все, кроме него самого», <https://lenta.ru/articles/2016/01/16/homosoveticus/>).

Это-то существенно и отличает русскоязычных людей от украинцев, являющихся преимущественно нонконформистами и поэтому-то не только презирающих холопский образ жизни россиян, но и не желающих снова стать частью их холопского «русского мира»:

«Странности Гоголя – от его нонконформизма, мужественного противостояния общественному мнению, желания «пить из своего (а не чужого) стакана». Даже бегство свое

из России Гоголь объяснял нежеланием слиться с другими, отстранением, необходимостью «ухода». Н.В. Гоголь – П.А. Плетневу: «Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живой мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими». Сохранилось множество свидетельств гоголевского нонконформизма, его нежелания быть «как все», следовать общепринятому, идти на поводу...» (Игорь Гарин, «Личность Гоголя», <https://www.proza.ru/2014/07/06/699>);

«Так вот. Века экспериментов с шариками под давлением в России закончились. Продукт выведен. Теперь средний мокша добровольно, как пчела, лепит вокруг себя гексагон, упираясь в соседей, таких же конформистов и законопослушных лжецов и воров. Круглого просто раздавят угловатые соседи, и чтобы вписаться в структурную решетку надо принять форму, уже predeterminedенную тысячелетним отбором. Эволюцией сволочей. Все по природе. Все естественно, как число «пи». Народ послушный, но врет и ворует. Ну, что поделывать, число «пи» тоже правильное, но иррациональное. Округли его до трех – оно станет красивым, но перестанет работать. Отучи раба врать и воровать – он перестанет быть рабом. Одно без другого не бывает. Когда вас (украинцев, – П.Д.) манят в «мышебратья», понимайте правильно – если вас плотно прижмут к себе, вам придется принять форму шестиугольной ячейки. Или будете раздавлены. Может, вы и лопнете с непривычки, но уже ваши дети вполне шестиугольно научатся врать и воровать, притворяться и насиловать, стараясь потратить меньше материала и гармонично растворившись в гексагональной решетке «русского мира»...» (Look Gorky, «Шестиугольность общества, або Люди, пчелы, огурцы», https://site.ua/look_gorky/17221/; https://gorky-livejournal.com/266725.html?utm_source=fbsharing&utm_medium=social&fbclid=IwAR3svZG30YX24_EL0H-tiOYeIyH2WUaW5sYaCmlBw-MJrf_QQ5Srr_XzgJ8);

«Вспомним основные черты фашизма. Экономически – милитаризация, «пушки вместо масла». Политически – диктатура (но не наследственная монархия), презрение к демократии. Умение пользоваться демократией, чтобы уничтожить ее, установить диктатуру. Социально – опора сначала, в период борьбы за власть, на маргиналов, на разоряющиеся классы общества (при одновременном заигрывании с «пушечными баронами» ВПК), а затем, после прихода к власти, – социальный каток, «утрамбовывающий» все общество (в гексагональную структуру, – П.Д.). Каток, у руля которого плотно (гексагонально, – П.Д.) сидит бюрократия. Геополитически – агрессия и только агрессия, или глобально-мирового, или регионального характера. «Вперед – по могилам». Внутри самой фашистской партии – та же диктатура. Вождь – и рабское подчинение ему. Состав партии – маргиналы, жадные до власти и обозленные неудачники. «Ставка на негодяев»...» (Егор Гайдар, «Ставка на негодяев», <https://avramenko-konst.livejournal.com/9629867.html>; <http://www.gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3505>);

«Фашизм в России имеет глубокие корни и популярную мифологию. Режим близкий к

фашистскому мог сформироваться и при Николае II, если бы он продержался до окончания Первой мировой, и после Гражданской войны, в случае победы в ней белых. Россия еще тогда была беременна фашизмом. Роды задержались на сто лет. И состоялись уже при Путине. К протофашистскому движению начала века можно отнести не только черносотенцев (см. например книгу известного историка Уолтера Лакера «Черная сотня: происхождение русского фашизма»), но и членов думской «фракции националистов», высших царских чиновников из числа радикально правых и т.п. А главное, ультрареакционерами были сам последний царь Николай II и имевшая на него огромное влияние жена. Николай, под давлением революционных событий 1905-го года, вынужденно пошел на уступки обществу, но даже после объявления Октябрьского манифеста, ожесточенно цеплялся за реакционные, архаичные, авторитарные политические традиции и социальные институты. Он усилил политику государственного антисемитизма и русификации национальных окраин. Поддерживал самых махровых клерикалов и обскурантов. Некоторые его решения прямо предвосхитили нацизм, Нюрнбергские законы Гитлера. Например, совершенно беспрецедентный запрет производить в офицеры людей, имевших хотя бы одну четверть еврейской крови. Это был шаг от традиционного для России религиозного к нацистскому расовому антисемитизму» (Игорь Эйдман, «Война с Украиной – следствие фашизации России», <http://ehorussia.com/new/node/10480>);

«Я хотел бы умереть в сознании, что мой вклад в науку способствовал ее развитию и что она от этого лучше помогает моей любимой стране двигаться к процветанию. Я хотел бы думать, что страна на подъеме. О мере моего вклада не мне судить, но, к моему глубочайшему сожалению, я понимаю, что страна движется к пропасти. Что Россия глубоко больна. Возможно, менее глубоко, чем я, не так неизлечимо, как я, но, в отличие от меня, она не понимает всей глубины своей болезни, не принимает никаких мер, и поэтому болезнь стала смертельно опасной. Менее десяти лет назад ошеломленный успехом националистической партии Жириновского на выборах, Карякин брякнул с экрана телевизора: «Россия, ты сдурела!» С тех пор Россия не поумнела. Есть же такие парадоксы истории! Россия вступила на тот путь, который прошла побежденная ею Германия. Что это за путь? Это путь нацизма...» (российский археолог и историк Лев Клейн, «Диагноз. Рак», <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/9/kl12.html>).

О формальном отношении к выполняемой работе и пренебрежительном отношении ко всему окружающему

В русском языке отсутствует глагол, соответствующий точно украинскому глаголу «поратися» – «направлять все свои усилия на достижение желаемого результата, успеха в работе» («спорый» – быстрый, успешный, объемистый..., др.-киев. «споръ» – обильный, – Фасмер). Производному от него украинскому глаголу «впоратися» соответствует лишь русский глагол «справиться». А это то же самое, что и «расправиться» (разделаться) с выполняемой работой. Именно это «справиться с работой» и является в подсознании русскоязычного человека основной лингвopsихической установкой на чисто формальное

(поверхностное) отношение к выполняемой работе:

«А у меня, что дело, что не дело, обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой» (Александр Грибоедов, «Горе от ума», 1, 4, Фамусов, <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=1434>).

К тому же, что бы ни делали русскоязычные люди, их никогда не интересует результат работы а, следовательно, – и приносимая их примитивному обществу этой работой польза (укр. «користь», вовсе не тождественная русск. «корысти»). Ведь никакая ими выполняемая работа не позволяет им воплотить в реальность свои маниловские мечтания. Поэтому-то для них наиболее важной пользой и является вовсе не долгосрочное благополучие, а облегчение самой работы, то есть сиюминутная выгода. И, в лучшем случае, им важен именно получаемый на халяву барыш или какая-либо другая личная нажива – корысть («пóльза» – диал. «пóльга» – то же, арханг., укр. «пíльга» – облегчение, успокоение... Этимолог. словарь Фасмера; «польза» жен. и «польга»-сев., вост. (льга, легко) льгота, облегченье; помощь, прок, подспорье, улучшение; выгода, прибыль, барыш, нажива, – Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка»):

«Есть мнение, что русским плохо дается формальная логика (такое утверждение можно часто встретить на Западе или в среде русских «западников»). Думаю, что это ошибочная точка зрения, русские прекрасно владеют формальной логикой и с успехом применяют ее, но только в прикладных целях: доказательство лежит под рукой в виде Империи на одной седьмой части суши (а было и больше). Но они научились со своей формальной логикой «договариваться» и выключать ее «из оборота», когда она мешает их адаптивным способностям. К сожалению, такие адаптивные механизмы хорошо работают на коротких и средних дистанциях, но в долгосрочном плане они приводят к необходимости постоянных болезненных революционных коррекций. И тогда в конце происходит то, что Виктор Черномырдин, – один из самых парадоксально мыслящих и говоривших деятелей посткоммунистической России, – называл: «Никогда такого не было, и вот опять»...» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?...», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«...Тщеславные и жадные до наживы, продавшие душу и телом государству, они сами в то же время ежедневно и ежечасно пытаются продать его по мелочам, если это может дать им какую-либо выгоду... Благодаря этой категории людей и процветает главным образом та громадная коррупция как в гражданской, так и военной областях, которая пронизывает все звенья государственного аппарата в России» (Фридрих Энгельс, «Армии Европы», <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/11/1012.htm>);

«И всё же имеют полное право на своё законное место в историографии оценки специалистов, вроде той, что дал академик В.Л. Янин, великий знаток истории Новгорода: «Александр Невский, заключив союз с Ордой, подчинил Новгород ордынскому влиянию. Он распространил татарскую власть на Новгород, который никогда не был завоёван татарами. Причём выкалывал глаза несогласным новгородцам, и много за ним грехов всяких». Точно

таким же душителем русского сопротивления иноземным поработителям, ордынским холопом, наводившим ордынцев разорять русские земли, предстаёт первый великий князь московский Иван I по прозвищу Калита, как ни пытайся его оправдать и идеализировать. И вообще вся история «возвышения Москвы» предстаёт как история сплошного вероломства и насилия московских князей по отношению к другим русским князьям и их лизоблюдства по отношению к Золотой Орде. Можно, разумеется, возразить, что в те времена почти все вели себя так, стараясь извлечь выгоду, и доля истины в этом, конечно, будет. Но всё-таки вещи нужно называть своими именами, а не возводить порок и преступление в нравственную добродетель» (Ярослав Бутаков, «Настоящее есть следствие прошедшего», <http://ehorussia.com/new/node/10666>);

«Внук Александра, Иван Даниилович Калита, князь московский, вошел в историю благодаря тому, что сам решил собирать дань для татар, предложив свои услуги вместо услуг баскаков. «Таким образом, часть дани оставалась в Москве, упрятываясь от хана, и этот фактор содействовал укреплению Московского княжества», – умиляются историки. При этом, не указывая на один существенный момент: грабил-то Калита свой собственный народ...» ...Стоит ли после этого удивляться, что русские офицеры в массовом порядке продавали оружие чеченским террористам? ...изворотливость все же уступает главной двигательной силе – корыстности. Вообще коммунизм развил это качество до размеров вселенского генетического голода: во всех постсоветских паханатах это качество национальных бандократий доминирует надо всеми остальными» (Игорь Гарин, «Русский коллаборационизм во время Второй мировой», <https://www.rulit.me/books/russkij-kollaboracionizm-vo-vremya-vtoroj-mirovoj-read-352372-2.html>).

Как видим, все беды и невзгоды отчетливо отражаются в языковой картине мира, формирующей ответственные за них бессознательные лингвопсихические установки а, тем самым, и порочную ментальность русскоязычного населения. Например, в украинском языке немецкое слово «krum» – «крам, материал, товар, мелкий товар» не сопровождается никаким эмоционально-оценочным отношением говорящего к предмету речи. В русском же языке оно наделяется негативной оценочной коннотацией, так как является в нем мелочным товаром, хламом, барахлом или же рухлядью. И таких-то примеров влияния русского языка на менталитет общающихся им людей можно привести сколь угодно много. Поэтому-то, русскоязычная Россия принципиально и не может быть богатой и процветающей. Она обречена – прозябать в нищете и цвести лишь цвелью (цвилью, плесенью):

«Светло-серебряная цвель над зарослями и бассейнами», – Марина Цветаева, 1922, <http://www.tsvetayeva.com/poems/svetloserebrannaja>).

Ведь всё, к чему ни прикоснутся небрежный взор и беспощадная длань деспотичного русскоязычного человека, действительно обречено на постепенное «увядание» и запустение. И, следовательно, все ему подвластное, в конце концов, непременно становится хламом, барахлом или же рухлядью:

«И верно, все в России постепенно становится всем же. Неблагоприятные факторы –

упущенными моментами, отсутствие всякого смысла – осмотрительностью, идиотское руководство оборачивается «курсом консенсуса» (что правда!), а ярый конформизм русологов – их академическим нейтралитетом. Анализ всякий раз оказывается невольной маскировкой включенности. Ясно, что особый характер прихотливой – недостаточно похотливой реальности, что одним дала, а другим не дала, не говоря о мировой среде, где «судьбы свершаются» (и назначение которой – быть пустым ящиком русских метаморфоз: ведь то, что «свершается», дело уже решенное), не составляет тайны для нас» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>).

Измененные состояния сознания русскоязычного человека

И, конечно же, русскоязычного людишку, чувствующего свое всемогущество, все это нисколько и не волнует. Ведь его сознание оторвано от будто бы подвластной ему окружающей действительности и погружено во внутренний мир чувств и словесных переживаний, побуждающих к бесплодным мечтаниям о чем-то более «возвышенном». И фактически оно становится «плавающим сознанием», отличающимся трудноуловимыми выпадениями в измененные состояния сознания:

«Измененные состояния сознания (ИСС) и их «заменители» (экстатические, трансовые состояния, одержимость) представляют собой неотъемлемую часть религиозно-культурной жизни архаических и традиционных обществ. Глубокие уровни погружения в ИСС, которые описываются как ощущение растворенности в безвремяе, потери пространственного местонахождения, как «слияние со всем миром», имеют инволюционный характер и неизбежно сопровождаются утратой индивидуальности и способности к рефлексии. Исследователи указывают на то, что, помимо метафизических прозрений, ИСС улучшает отношения между людьми, благотворно влияет на эмоциональное состояние, т.е. выполняет компенсаторную функцию. Зрелая цивилизация формирует нормальное или бодрствующее состояние сознания, которое оперирует культурными смыслами, соответствующими субъект-объектному разделению мира, пребыванию человека в физическом времени и пространстве. Между тем практикам ИСС «относительно близки исторически первые практики развития сознательного». Первобытный человек воспринимает мир как всеохватный. Его сознание лишь иногда поднимается из океана бессознательного и вновь погружается в него. Но это касается не только глубокой архаики. Специалисты говорят о «плавающем сознании», отличающемся трудноуловимыми выпадениями в ИСС из бодрствующего состояния. Прежде всего, это относится к детям и старикам, но присуще и всем остальным людям (преимущественно психически инфантильным, – П.Д.). А само ИСС «характеризуется максимально возможным (но далеко не полным) освобождением от культуры и субъектности, развитие которых составляет доминанту исторического процесса». Это важный вывод. Человек, принадлежащий зрелой цивилизации, по преимуществу пребывает в бодрствующем состоянии, архаик и традиционалист – в разных модификациях ИСС» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Что касается власти над окружением, то существуют определенные аналогии между описанной ситуацией и той, в которой находится человек в начале своего онтогенетического развития, когда его сигнальная система еще функционально очень слабо развита. Подобно низшим формам жизни, в эмбриональном периоде и младенческом возрасте он полностью зависит от его окружения, без него перестает жить. Окружение принадлежит исключительно ему; он имеет над ним полную власть, ибо оно выполняет все его потребности, либо, если это не так, ему грозит смерть. Многие психиатры, особенно те, которые занимаются переживаниями раннего детства, считают, что чувство всемогущества (характерное для многих русскоязычных челядишек, – П.Д.) и неразличение между собственным миром и миром окружающим характерно для младенца. Достаточно частое проявление переживаний этого типа в шизофрении считается регрессией к самым ранним периодам развития. Деспотизм общепризнанно считается осевым проявлением эмоционального инфантилизма. Абсолютная власть связывается с абсолютной зависимостью. Властитель, подобно младенцу без матери, не может существовать без своих подданных. Он также утрачивает границу между собой и подчиненным ему окружением, как у Людовика: <L'etat c'est moi>» (Антон Кемпинский, «Экзистенциальная психиатрия // Психопатология власти», https://bib.social/psihiatriya-psihologiya_915/psihopatologiya-vlasti-94901.html; psihoanalitik.net/library/books/7120/7121/);

«Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица» (Петр Чаадаев, Философические письма, <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>);

«Если бы нужно было особенное доказательство нашей умственной незрелости, недостатка в нас основательного знания и вообще недостатка нашего образования, то его нашли бы в той ребяческой самоуверенности и заносчивости, с какими наши так называемые передовые умы решают самые трудные вопросы человечества» (Александр Никитенко, «Дневник», СС, Т. 3, 28 сентября 1876г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Мы не виноваты, что в быту нашем много грубости и чувственности, что так называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не делать, или делать вздор, что, не ценя и не прислушиваясь к нашей главной народной силе, здравому смыслу, она кидается на первый фосфорический свет, где бы и откуда ни мелькнул он, и детски верит, что в нем вся сила и спасение! В начале нашего труда, при раздавшемся около нас со всех сторон говоре, шуме треске, ясное предчувствие говорило нам, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извне, а отчасти появившееся от поднявшейся снизу разной дряни. События как нельзя лучше оправдали наши ожидания» (Алексей Писемский, «Взбаламученное море», <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00148491261062311285/page/28/>);

«– В России с народом уже никогда не повезет. Нужно иметь в виду, что сейчас там проснулся первобытный человек, оказавшийся еще и весьма агрессивным. Вместе с тем, мы видим, что на него значительно влияет пропаганда – поверил же он, например, в то, что на просторах Донбасса воюет не с украинцами, а с американцами и в прочую чушь. Представим, что придет здравый, умный правитель, допустим, с идеями Петра Первого. И тогда старую пропаганду можно будет каким-то образом перекодировать на другую. Видите ли, России крайне необходимо просвещение. Это очень тяжело воплотить в жизнь, но без него – никак. Как рыбий жир для детей – никто не любит, но нужно. Если будет просвещение (и избавление от архаичной русской ЯКМ, – П.Д.), выйдем на уровень определенной политической культуры – главное, чего нам не хватает. Если в России политическая культура «начнет работать», вы встретитесь с другим народом. Уверен, это можно сделать. Трудно, но можно. В то же время, методы Петра Первого, загонявшего народ в Европу насильственным бритьем и рубкой бород, не пройдут в XXI веке, когда действуют Интернет и другие новейшие технологии. То есть мы сталкиваемся с народом, который, с одной стороны – архаичен, с другой – сидит у компьютеров. Это удивительное сочетание архаического сознания с постмодернизмом свойственно и Путину тоже. Тут они встретились – народ и Путин. Может быть, первый раз за историю России соединились правитель и народ. Уникальное соединение, которое, кстати, должно было быть разгадано гораздо раньше...» (Виктор Ерофеев, из интервью Ларисе Козовой, <http://www.unian.net/politics/1151935-rossiyskiy-pisatel-viktor-erofeev-v-rossii-s-narodom-uje-nikogda-ne-povezet-seychas-tam-prosnulsya-pervobyitnyiy-chelovek-okazavshiysya-esche-i-vesma-agressivnyim.html>);

«– Мы говорим о 86%. Эти люди всерьез смотрят «Битву экстрасенсов» или стоят в очереди к какому-нибудь поясу какой-нибудь Богородицы, забавляются верой в Бога или другими неолитическими радостями. О чем мы можем говорить, о каком уровне? Бесконечные проявления архидремучести, невероятной потери ориентации в пространстве, в современности, в мире, – во всем. И попы захватили командные высоты не только потому, что предлагали хорошие откаты и умеют наряжаться, но и потому, что такая возможность представилась. Сбросьте народ со счетов, в России это фактор несущественный. В России всегда все устраивают 2-3% отщепенцев, которые обладают креативностью, дерзостью, умом, просвещенностью и силами, а «большинство» поменяет политические и религиозные

взгляды в течение 12 часов на полностью противоположные...» (Александр Невзоров: «русские нелюди хотят войны», из интервью Радио Польши, <http://vesti.lv/news/nevzorov-russkie-nelyudi-hotyat-voiny>);

«Статус самой читающей страны (нации) мира мы утратили, устойчиво поддерживаем репутацию одной из наиболее пьющих наций, агрессивны и, что характерно, сами себя не любим, часто предпочитая на отдыхе за границей держаться подальше от соотечественников. Так называемая элита (от звезд шоу-бизнеса до крупных чиновников) предпочитает не только отдыхать, но и жить за рубежом, рассматривая Россию лишь как место, где они зарабатывают на эту самую «шоколадную» жизнь...» (А.А. Бесков, «Субъективный взгляд на объективные проблемы укрепления российской нации», <http://www.deppolitiki.admhmao.ru/upload/iblock/012/chast-2.docx>);

«Я часто почитываю мемуары Милюкова и удивляюсь их общей политической наивности – эти господа думали, что старая Россия была европейской страной, и не учитывали того, что половина ее населения всегда были ворами, душегубами, ночными татями и разбойниками. И этих разбойников власть держала на цепи, как хищных зверей. Отпусти жесткий ошейник с шипами – и эта стая зверья тут же начинает всех бить, душить, жечь и грабить. Само русское простонародье в тех губерниях, где было когда-то крепостное право, не способно управлять своими территориями и ждет, когда придет западная элита и снова организует здесь государство. Тогда, под защитой этих новых правителей без примеси угро-финской крови, снова постепенно восстановится порядок и даже появятся условия для возникновения науки и культуры» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Жители одной деревни в Тульской губернии два года назад пышно похоронили на общественный счет дочь своего бывшего помещика, убитого на войне. Даже часовенку возвели над могилой и т.д. Недавно они принялись грабить собственность, раскопали могилу, вскрыли гроб и сняли с трупа ботинки» (член французской военной миссии Пьер Паскаль, «Дневник», Петроград, 23.11.17, <https://project1917.ru/heroes/per-paskal>);

«Видите ли, Юрочка, – говорит правозащитная дама – вот вы умный мальчик и сами понимаете – русский народ сплошное быдло. Мы, элита, единственные нормальные люди в этой стране, мы мыслим цивилизованно, а остальные просто дикари-алкоголики. Их нельзя предоставлять самим себе, они представляют собой угрозу не только и даже не столько для нас, сколько для всего западного мира. Вы поймите, мы же единственная надежда европейской цивилизации, чтобы эти вандалы не вырвались наружу – они же понимают свободу как анархию, они могут только разрушать. Поэтому в интересах Евросоюза и США, чтобы мы прочно контролировали положение в стране и не позволяли низам выйти из-под нашего контроля. Я только боюсь, что объяснить это Западу будет очень сложно – вы знаете, мне приходится сталкиваться с тем, что у них столько предвзятых идей... Европейский гуманизм никак не может прилагаться к русским, он рассчитан на нормальных людей, а не на

быдло» (Юрий Аммосов, Дваждырожденные: «Вся надежда на быдло», http://becmology.blogspot.com/2012/04/blog-post_3988.html);

«Целая страна агрессивных, жестоких, застрявших в развитии малолеток. Страна, где классом-гегемоном являются гопники. Воле удалось. Ничего не скажешь. Но долго такие конструкции существовать не могут. Они не способны к самоорганизации без внешнего управления. Чем все это закончится? Да понятно, чем. Оставлением на второй год. И повторным прохождением материала. Жизнь – лучший учитель. Сумеет объяснить. Не через мозг, так через задницу. Всех научит. Всех воспитает. Всем мозги поставит на место. Будет драть уши, ставить в угол, пороть ремнем, но правилам поведения во взрослом обществе и границам допустимого – научит обязательно. Даже через «не хочу». Даже при полной неспособности к обучению. Так что взросление произойдет. Обязательно произойдет. Но, правда, будет очень больно» (Аркадий Бабченко, «Успех эксперимента по дебилизации России», <http://archive.li/XrPwU>; <http://www.bezrodnycosmopolit.com/single-post/2015/12/21/Эксперимент-по-дебилизации-целой-страны-можно-признать-успешно-состоявшимся>; <https://nv.ua/opinion/uspeh-eksperimenta-po-debilizatsii-rossii-86507.html>);

«Почему-то в русской речи предисловия типа: «не хочу тебя огорчать», «не хочу тебя обижать», «не хочу тебя учить»... означают совершенно обратное?» (Стас Янковский, «Русский вопрос», <http://syy.narod.ru/russian.htm>).

О взаимном и возвратном влиянии слов на наш разум

Чем же всё это можно объяснить? В начальный период своей жизни человек не знает никаких словесных маркеров объектов воспринимаемой им действительности. В это время он мыслит лишь образами, формируемыми в его памяти сигналами от органов ощущения. И, поэтому-то, он пока еще и не оторван от действительности и даже не способен различать собственный мир и мир окружающий. Когда же наглядно-образное мышление начинает заменяться словесным мышлением, человек невольно становится рабом своего языка. Он начинает, как правило, ограничиваться в своей повседневной жизни лишь тем количеством градаций звукового тона, запахов, вкусовых ощущений и цвета, которые позволяет описать его язык:

«Для китайского языка в задаче представлено шесть цветов, и в нём, в отличие от русского, не различаются красный и коричневый. В языке индейцев навахо (пять цветов) также используется одно слово для красного и коричневого, и к какому-то цвету должен «примкнуть» и зелёный. В эскимосском языке тоже пять цветов, зелёный обозначается так же, как синий... ..в навахо одно слово для зелёного и синего, как в эскимосском, а в эскимосском одно слово для красного и коричневого, как в навахо. В тонганском языке четыре цветообозначения, в том числе одно для красного и коричневого и одно для синего, зелёного и чёрного... Из данных по языкам помо и тив становится ясно, что если язык различает только три цвета, то жёлтый присоединяется к красно-коричневому. И наконец, в языках дугум дани и нгомбе, где цвета всего два, одно и то же слово используется для

красного, коричневого, жёлтого и белого, то есть все цвета условно делятся на тёмные и светлые» (Ксения Гилярова, «Языки-дальтоники», <http://elementy.ru/problems/302>).

В соответствии со сложившейся языковой картиной мира (с отраженным в языке мировосприятием этноса) вырабатываются и навыки поведения людей в окружающей их обстановке а, тем самым, и их менталитет:

«Человек (сказал Бэкон) думает, что ум управляет его словами, но случается также, что слова имеют взаимное и возвратное влияние на наш разум. Слова, подобно татарскому луку, действуют обратно на самый мудрый разум, сильно путают и извращают мышление» (Александр Афанасьев, «Поэтические воззрения славян на природу», т.1 «Происхождение мифа, метод и средства его изучения», http://polbu.ru/afanasiev_poeticnature/ch01_i.html).

И, следовательно:

«После приобретения навыков самостоятельности биологически обусловленные особенности детско-подростковой психики, преимущественно стимулирующие процессы экстенсивного познания, обычно утрачивают свое значение. Более того, они могут даже мешать, отвлекая от необходимой для жизнеобеспечения размеренной деятельности, которая чаще ограничивается относительно узким кругом потребностей. Для более полного удовлетворения этих потребностей требуется детальная проработка сложившихся относительно стабильных условий своей жизни. В этой ситуации повышается значение логического мышления. Собственно, доминирование наглядно-образного мышления стирается еще до подросткового возраста, если ребенок растет в культурально развитой, а не примитивной среде (т.е. навык логического мышления прививается относительно быстро, если в нем имеется потребность). По мере созревания и приобретения самостоятельности утрачивается необходимость в слепой привязанности к коллективу, к тому же после создания собственной семьи она занимает приоритетное место» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>).

О неразличимости в русской ЯКМ чувства, как ощущения, и чувства, как переживания

После же стирания наглядно-образного мышления все ощущения, воспринимаемые органами зрения, слуха, обоняния и осязания, принципиально могут анализироваться нашим мышлением перед тем, как мы их эмоционально окрасим и выразим свои чувства по отношению к воспринимаемой действительности. Поэтому-то в буддизме и принято, что:

«...существует шесть видов первичного ума, или сознания: зрительное сознание, сознание слуха, обонятельное сознание, вкусовое сознание, осязательное сознание и ментальное сознание. Шестой вид – главный» (Геше Джампа Тинлей, «Характеристики ума», <http://spiritual.ru/lib/harakum.html>).

В русской же ЯКМ для того, чтобы человек начал осознавать действительность, его необходимо «привести в чувства». И, если уверенно ощущаемый раздражитель можно

назвать осязаемым (укр. «відчутним»), то уверенно ощущающий его объект (человек или даже какой-либо прибор) в русском языке может быть назван лишь чувствительным (укр. «чутливим»). Тем самым русский язык фактически не признает разницы между ощущениями и чувствами. Русскоязычные люди, как правило, говорят, что чувствуют тепло, чувствуют соленость воды, чувствуют давление предмета, чувствуют голод. Поэтому-то глаголы «ощущать» и «ощутить» в частотном списке глаголов «Нового частотного словаря русской лексики» стоят аж на 467-м и 705-м местах соответственно, в то время как глаголы «чувствовать» и «почувствовать», употребляемые в совокупности более чем в четыре раза чаще, нежели оба первые, вместе взятые, занимают в этом списке довольно таки престижные 77-е и 192-е места соответственно (см.: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, «Новый частотный словарь русской лексики», <http://dict.ruslang.ru/freq.php>).

В украинском же частотном словаре художественной прозы глаголы «ощущать» (укр. «відчувати») и «ощутить» (укр. «відчути») в совокупности употребляются примерно так же часто, как и глаголы «чувствовать» (укр. «почувати») и «почувствовать» (укр. «почуватися»), учитываемые тоже совокупно (см.: «Частотний словник художньої прози», <http://www.mova.info/freqcard.aspx?11=97&sl=proza>).

Тем самым, в русской ЯКМ не различаются не только чувства (эмоции) и чувствительность (сентиментальность), но и чувства – как переживания, и чувства – как ощущения:

«...Не лучшей крайностью эмоционального воспитания является чрезмерная и ложно раздутая чувствительность, которую следует отличать от чувства. Под чувствительностью надо понимать такие формы эмоциональных реакций, когда эмоция не связывается ни с каким действием и вся без остатка разрешается в тех внутренних реакциях, которые ее сопровождают. <...> Насколько эмоция могущественна и важна для действия, настолько сентимент бесплоден и ничтожен. Что касается воспитания эмоций в собственном смысле этого слова, насущной педагогической задачей здесь является овладение эмоциями, т. е. такое включение их в общую сеть поведения, когда бы они тесно связались со всеми другими реакциями и не врывались в их течение нарушающим и расстраивающим образом...» (Лев Выготский, «Воспитание чувств», <https://mydocx.ru/11-35708.html>; <http://samzan.ru/39180>; http://psyjournals.ru/files/89752/vestnik_psyobr_2012_n4.pdf; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/hrestomatia/42.php);

«...проводится разделение понятий «эмоция» и «чувство», или «сентимент», что на русском языке разделить трудно, поскольку в разговорной речи слова эти постоянно употребляются как взаимозаменяемые. «Эмоции» – это переживания, подобные гневу, страху, радости; «чувства» же представляют собой более сложные комплексы: например, «дружба», «материнская любовь» и др. В западной литературе эти понятия разведены: там слово «сентимент», «сентиментальный» никогда не являлось синонимом «чувственного», «эмоционального», а некоторым образом противостоит ему. Под привитием человеку «человеческой природы» Ч. Кули понимает именно воспитание в нем этой способности –

переживать «чувства» или «сентименты». «Сентимент», по Кули, такое образование, в которое обязательно входит «симпатия», т. е. способность сопереживать другим. Это слово получило свою дополнительную нагрузку («нравиться», вызывать положительное отношение), с которой и укоренилось в нашем языке значительно позднее. Первоначально же оно употреблялось психологами и этиками в том значении, в каком сейчас употребляется ставшее термином понятие «эмпатия», т. е. умение чувствовать другого «изнутри», как бы умение «войти» в другого...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava3.php);

«Итак, одним названием обозначаются два явления: а) восприятие впечатлений от состояния тела и б) состояние души при хаотическом смешении этих впечатлений с впечатлениями других чувств, еще не сложившимися в образ внешнего предмета. Общее чувство, принятое в первом смысле, имеет, хотя не выразимое, но определенное содержание, сообщает душе такие данные, каких она не может получить ни от какого другого чувства, и только сопровождается удовольствием и неудовольствием, а не исчерпывается ими; во втором смысле – оно лишено определенного содержания, есть только известная форма отношения души к неопределенным членам и вполне заключается в категориях удовольствия и неудовольствия. В первом смысле общее чувство однородно со зрением, слухом, обонянием, во втором – со скукою, ожиданием и т. п. И в том и другом значении общее чувство характеризует первое время жизни. Субъективные ощущения состояний организма отодвигаются на задний план лишь по мере того, как образуется для души различие между внешним и внутренним, то есть по мере проекции впечатлений объективных чувств» (Александр Потебня, «Мысль и язык», V. «Чувственные восприятия», <http://crecleco.seriot.ch/textes/POTEBNJA-MiJaz/5.html>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/05.php).

Как видим, уже Потебня заметил, что неразличение чувства, как ощущения (укр. «чуття»), и чувства, как переживания (укр. «почуття»), свойственно обычно лишь детскому возрасту (первому времени жизни). У инфантильных же обществ (примитивных групп), как и у отсталых (первобытных) народов, взаимное различие этих двух видов чувств, хотя и осознается, но не учитывается подсознанием их индивидуумов из-за дефицитарности (несовершенства, отсталости) их языковой картины мира. И это хорошо подтверждается тем, что в языке ментально инфантильного (ЯКМ-дефицитарного) населения России органы зрения, слуха, обоняния и осязания рассматриваются именно как органы чувств, а не ощущений (чутья) или же «первичного ума» (сознания). Русский язык, тем самым, провоцирует и взрослого человека на детское аффективное (повышенно-эмоциональное) восприятие действительности а, следовательно, – и на мгновенное проявление чувств (эмоций) без предварительного осмысления своих ощущений. Тем самым, чувство у русскоязычного человека не является результатом действия (укр. «подією», англ. «event» – событием) ощущения, а отождествляется (сливается) с самим ощущением. Из-за своей инерции мышление просто не успевает вносить необходимые коррективы в эмоциональные реакции на изменения действительности и его вмешательство в этот процесс теряет свою

актуальность. К тому же:

«В когнитивной сфере у детей доминирует наглядно-образное мышление, которое эмоционально насыщеннее, чем логическое, но, главное, не нуждаясь в тщательности сопоставлений и последовательности анализа, требует меньше времени для умозаключений» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>).

Поэтому-то у детей постепенно и вырабатываются и закрепляются стандартные эмоциональные реакции на однообразные изменения, осмысление которых на первый взгляд не является для них крайне необходимым, но все же было бы желательным для предотвращения возможных отрицательных последствий в будущем. Такие реакции обычно рассматриваются как рефлексy. И эти рефлексy могут являться ответной реакцией на позывы не только органов человека и окружающей его действительности, но и внутреннего (психического) мира достаточно взрослого человека, проявляясь в виде мук совести, мук творчества и множества других бессознательных призывов, сформированных какими-либо морально-психическими установками.

Детское аффективное восприятие постепенно вытесняется осмысленным восприятием под влиянием заложенных в языке (языковой картине мира) бессознательных лингвопсихических установок, так что аффекты (эмоции) подключаются преимущественно лишь на стадии восприятия сознанием осмысливаемого им словесного образа:

«1. Я думаю, что никакой след памяти не может быть сохранен в психической системе без того, чтобы какой-либо из аффектов не был бы в этом задействован.

2. Восприятие, в плане возможности осознания воспринятого, не может протекать без вмешательства аффектов.

3. Чтобы новорожденный мог перешагнуть границы осознания, аффект должен ускорить восприятие. Восприятие может начать существование тогда, когда аффект придал ему длительность, определил биологическое время. Только тогда может развиваться когерентность как связь между восприятием и восприятием, восприятием и аффектом» (Spitz, 1972, с. 731, с. 733-734, цит. по А. Хайгл-Эверс, Ф. Хайгл и др. «Базисное руководство по психотерапии», <http://medbookaide.ru/books/fold1002/book2013/p13.php>).

Использование же русскоязычными родителями примитивного «языка нянь» на ранних стадиях воспитания своих детей вместе с самой пережиточной и примитивной (слабо детализированной) русской ЯКМ весьма способствует не только консервации детского аффективного восприятия действительности, но и вообще к доминированию у взрослого человека правого полушария мозга:

«Любое воспитание – это самовоспитание, и мы как учителя и воспитатели представляем собой только окружение для самостоятельно воспитывающих себя детей. Мы должны создавать благоприятную среду (включая и ЯКМ, – П.Д.), чтобы ребенок, глядя на нас, так воспитывал себя, как он должен воспитываться своей собственной внутренней судьбой» (Рудольф Штайнер, «О четырех основных принципах учителя», Дорнах, 20 апреля 1923г., <http://waldorf-samara.ru/filosofskie-osnovy/shtayner/>);

«Ребенок постепенно учится реагировать на речь, вступает в диалог. На первом году жизни он может пользоваться лишь невербальными знаками (так называемым протоязыком: взглядом, улыбкой, жестом). Общение с самого начала носит характер диалога, причем мать обучает малыша партнерству в этом диалоге с использованием средств, доступных ему по возрасту. Не все матери, однако, ведут себя одинаково. Недавно проведенные на Западе исследования показали, что есть два преобладающих типа матерей: одни (в Украине, как правило, русскоязычные, – П.Д.) преимущественно предписывают ребенку, что ему следует делать (императивный стиль общения), другие (как правило, украинки, – П.Д.) преимущественно рассказывают ему о происходящем (декларативный стиль общения). В речи одних преобладают побудительные высказывания, в речи других – повествовательные и вопросительные. Заметим, что в чистом виде эти стили встречаются не так уж часто. Случается, что мать может переключаться с одного стиля на другой – в зависимости от своего настроения и настроения ребенка, от окружающей обстановки и многого другого. Несомненно, различия в общении необычайно существенны и во многом определяют будущее когнитивное и речевое развитие ребенка. Императивный стиль является преобладающим у нянь и воспитателей в дошкольных учреждениях, что вряд ли следует считать положительным фактором воспитания. Регулировать поведение ребенка, используя побудительные конструкции, необходимо, но столь же необходимо и объяснять ему мир, действия взрослых, изменения в природе, комментировать его поступки и эмоции. Особое место в общении с ребенком принадлежит обращенным к нему вопросам взрослого. Вопросы используют в общении с детьми часто, особенно матерями, которые относятся к разряду декларативных. Мать задает вопросы уже двух-трехмесячному малышу. Характерно, что, задав вопрос, она некоторое время словно ждет ответа, оставляя время для ответной реплики ребенка, а потом сама же за него в большинстве случаев отвечает. Почему вопросы занимают такое большое место в речевой продукции матери? Дело в том, что они как нельзя лучше активизируют малыша, заставляют его так или иначе отреагировать на реплику матери. К тому же вопросительные реплики обычно ярко интонационно окрашены, что облегчает их восприятие ребенком... Адаптация речи матери к возможностям малыша выражается не только в конструировании предложений. Имеет свою специфику и лексика, используемая при общении с детьми. В большинстве семей традиционно существует специальный лексикон, ориентированный на ребенка (его обычно называют язык нянь, другие названия – автономная детская речь, baby-talk). Это сравнительно небольшой репертуар слов, отработанный и отшлифованный предшествующими поколениями и предназначенный для общения с ребенком. Большая часть слов относится к разряду звукоподражаний (ономатопей)... Распространение «языка нянь» целиком определяется социокультурными традициями. В русскоязычных семьях этот язык распространен намного шире, чем, например, в англоязычных. Есть, впрочем, и у нас семьи, в которых не пользуются «языком нянь»...» (С.Н. Цейтлин, «Язык и ребенок: Лингвистика детской речи», <http://studopedia.org/3-129795.html> , <http://studopedia.org/3-129796.html>);

«Конкретное и образное русский менталитет предпочитает умственному и рационалистическому. Именно потому, что оно образное, в нем нет расклассифицированной

единичности. Толкование конкретного как материально единичного вытекает из номиналистического взгляда эмпирика и полностью соответствует современному уровню научного позитивизма. Менталитет русского – не *ratio*, но и не односторонний сенсуализм, хотя некоторые русские историки (например, Щапов) и пытались уверить в склонности русского человека к чувственному восприятию мира («всё хочет пощупать»; как раньше об Аввакуме («всё хочет понюхать»), а позже о Розанове («всё хочет полизать»). Никакого восхождения от конкретного к абстрактному и наоборот подобная форма познания не предполагает, поскольку для нее абстрактное воплощено в конкретном – в единосущности с ним, присутствует в конкретном, которое само по себе есть всего лишь знак отвлеченного и всеобщего» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-298.html>);

«Соотношение восчувствованного, непосредственного и рацию- восприятия и мышления менялось в ходе истории человечества (филогенезе), в становлении человека (онтогенезе), в развитии науки и в языке (на разных ступенях его развития). Оно связано с разной активностью правого и левого полушарий головного мозга. Правополушарное мышление целостно, образно, одновременно обрабатывает многие параметры ситуации в их связи, формирует многозначный контекст. Левополушарное мышление – логическое, дискретное, последовательно обрабатывает информацию, выявляет лишь существенные для анализа признаки, формирует жесткие причинно-следственные связи и однозначный контекст. В раннем филогенезе – досимволическом и символическом, мифологическом мышлении – преобладали восчувственный тип восприятия, активность правого полушария головного мозга, как и в мышлении ребенка до года-полутора лет, черты правополушарности у него сохраняются до семи-восьми лет (у большинства русскоязычных людей – до глубокой старости, часто переходя в старческий маразм, – П.Д.)» (С.Я. Пименова, «Об изменениях в языке: различные типы восприятия и синтаксическая система», http://evolsoznanie.narod.ru/Pimenova_izm_yazyk.htm);

«У мифологического сознания, как у исторически первой формы мышления, имеются свои уникальные черты. Среди прочего его отличают образность, непосредственность и чувственность. Человек, находящийся во власти мифологического мышления, не рассуждает, его представления об окружающем мире и о себе возникают как бы сразу, в готовом виде, в формате не тронутых логическим анализом образов. Эти образы настолько свежи и непосредственны, что человек затрудняется провести четкую границу между реальностью и ее отражением в собственном мозгу. Для «человека мифологического» («*homo mythical*») его представления о реальности – это и есть реальность. И наоборот, реальность – это всего лишь его представление о ней. Об этом стоит помнить всем тем, кто так удивляется эффективности государственной пропаганды в России. Переживания русского человека поэтому всегда очень эмоционально окрашены (ему вообще свойственна высокая эмпатия – способность к сопереживанию), потому, что напрямую завязаны на чувственное восприятие и интуицию, а не на «сцеженный» через сито логики опыт. Именно «непереваренная» мифологичность, не замещенная логическим мышлением, и предопределила, по моему

мнению, многие базовые свойства «русского характера». Отечественные историки и философы проделали за 100 с лишним лет, минувших с того дня, как Тютчев вынес свой приговор, огромную работу по кодификации черт «русского духа». Поэтому, не претендуя ни на полноту, ни на новизну, остановлюсь только на тех трех его «сквозных» свойствах, которые сегодня мне кажутся главными: фатализм, алогизм и релятивизм» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«О взаимосвязи языка с мышлением и культурой написано немало. Действительно, мышление народа, бытовые и географические особенности, культурные и исторические реалии, несомненно, отражаются в его менталитете и языке. Однако представляется не менее очевидным и то, что существует и обратное влияние языка на быт, мышление и культуру народа, на нем говорящего.... Исследования связи речевых способностей с межполушарной асимметрией начались с 1861 года с работ П. Брока и К. Вернике. Их открытия положили начало клиническому изучению мозговой организации речевой способности человека. Был сделан вывод: тот факт, что зоны Брока и Вернике расположены в левом полушарии, и нарушения в правом полушарии, как правило, не влекут за собой речевых аномалий, означает, что левое полушарие является «доминантным», наиболее человеческим, а правое – это что-то вроде атавизма, наследия животного состояния человека... Левое полушарие человека ответственно за речепродукцию и логическое мышление, а правое – за интонационное оформление речи, мимику, жестикуляцию, расстановку ударений и акцентов. Что касается речевого восприятия, то оказалось, что правое полушарие играет в нем очень важную роль. Если оно не действует, то любые, самые ничтожные помехи сбивают левое с толку, и оно не может воспринимать речь. Но даже если помех нет, человек с отключенным правым полушарием не способен уловить интонацию...» (И.В. Парфёнова, Суй Сюфан [Мария Рубец], «Иероглифика как основа восприятия мира носителями китайского языка [Влияние китайского языка на мышление и культуру его носителей]», http://www.synologia.ru/a/Влияние_китайского_языка_на_мышление_и_культуру_его_носителей ; http://ellib.library.isu.ru/docs/yazikoznan/p1878-06_E17_9481.pdf).

К сожалению, бессознательные лингвопсихические установки, формируемые русской языковой картиной мира, существенно тормозят развитие критического левополушарного мышления и, поэтому-то оно не успевает полностью сформироваться до того момента, когда начинает снова интенсивно развиваться образное правополушарное мышление:

«...в раннем детстве доминирует правое полушарие, обеспечивающее целостность «схватывания» реальности и целостное на нее реагирование, но правая лобная доля еще не успела созреть; на следующем этапе начинает быстрее развиваться и доминирует левое полушарие с его функцией речи, и этот этап завершается созреванием левой лобной доли, ответственной за формирование однозначного контекста и логического мышления; на последнем этапе, в подростковом возрасте, вновь происходит функциональный сдвиг в сторону правого полушария и дозревает правая лобная доля, ответственная за организацию многозначного контекста... Интересно, что созревание мозга (особенно правой лобной доли)

происходит у мужчин дольше, чем у женщин. Это может объяснить большее отклонение психического развития мужчин в обе стороны от средней нормы: чем дольше развивается и не достигает полной зрелости какая-либо структура, тем она более уязвима для воздействия вредных факторов. С этим может быть связано преобладание некоторых форм психопатологии (например, шизофрении) у мужчин по сравнению с женщинами» (Вадим Ротенберг, из интервью А. Константинова «Правая и левая стороны души», http://www.rjews.net/v_rotenberg/interview.html#.UnlTCyfMXFw);

«Живой – действующей – признается целостная вещь, а не элементы отношений, порождающие такую вещь в сознании. Кстати сказать, именно из этой основополагающей идеи исходит и русское понимание системности. Не переосмысленная на европейский манер «система как относительность» чистых «отношений» (идея иудейская, по авторитетному мнению Осипа Мандельштама), но «живое целое, органическое единство». Дело в том, что только, исходя из целостности вещи, мы можем полагать, что она открывается «как бы сама собою», не требует объяснений с помощью специального логического аппарата. Что «целое первоначальнее элементов», что «элементы способны существовать и возникать только в системе целого» – это основные положения русской гносеологии [Лосский 1917], основанной, между прочим, и на языковой интуиции... Для русского сознания первична не множественность, но единичность цельного. Единственное число ни в спряжении, ни в склонении не воспринимается как числовая мера, оно абсолютно и в принципе многозначно, т. е. может обозначать и собирательное множество (ср. «вещь» как один предмет и «вещь» как всякая вообще вещь)» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-293.html>).

Именно из-за недоразвитости лобной доли левого полушария мозга многие черты доминирующей правополушарности, и в том числе целостное (аутистичное) и чувственное (эмоциональное) восприятие внешнего мира, преобладают у русскоязычных людей не только в младенчестве, но и в зрелом возрасте:

«Сознанию русского человека предшествует бытие и избыточность чувственно-душевных восприятий внешнего мира. И, если у Канта обретение избыточности души в мышлении есть результат становления совершенной эстетической формы мыслящей личности, то на русской почве, наоборот, избыточность души – это норма жизнедеятельности, а для развития мысли необходимо обрезание чувственных восприятий, интеллектуальная аскеза работы со словом для развития понятийного языка национальной философии» (И.В. Горина, «Философские основания становления личности в русской истории», <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-stanovleniya-lichnosti-v-russkoy-istorii>; http://www.terrahumana.ru/arhiv/15_04/15_04_07.pdf);

«Чувственное восприятие жизни русских объясняет, почему в них больше восточной иррациональности, чем западной рациональности, откуда идет их особая страстность. Эмоции у них чаще преобладают над разумом, а страсти – над материальными интересами. При решении трудного вопроса русский человек будет руководствоваться чаще «голосом

сердца», а не рассудком. От него трудно требовать объективности, «разумности», спокойного подхода к делу и жесткой логики... Они долго, сложно и глубоко думают над серьезными вопросами бытия. Но это совсем не значит, что долгие раздумья приведут их к определенным решениям или решительным переменам в жизни. Способность мобилизовать себя для конкретной деятельности у них не развита, находится «на уровне ребенка». Поэтому любая критическая ситуация, когда нужно собрать волю, проявить самостоятельность, может вызвать у русского «детские реакции» (Алла Сергеева, «Русские: стереотипы поведения, традиции и ментальность», <https://profilib.net/chtenie/87631/alla-sergeeva-russkie-stereotipy-povedeniya-traditsii-mentalnost-34.php>; <http://www.narcom.ru/publ/info/618>; <https://culture.wikireading.ru/38235>; <http://lib.rus.ec/b/265695/read>);

«В составе населения СССР различались три типа масс: представители рода homo sapiens жили в рамках первой реальности; представители рода homo communisticus были сосредоточены в партийно-государственном аппарате и жили в рамках второй реальности; представители рода homo soveticus жили одновременно в двух мирах. У homo soveticus существовал чисто материальный интерес к «строительству нового общества». На этой основе в СССР появилась новая порода человеческих особей. Она сохраняла анатомию и физиологию homo sapiens, но отличалась от прародителей способом чувственного восприятия мира и логики суждений о нем. Этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания (на основе архаичной русской ЯКМ, – П.Д.) и до поры до времени сравнительно бесконфликтно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но разрыв во взглядах на мир между представителями homo communisticus и homo sapiens свидетельствовал о глубокой трещине в структуре массового сознания. Широкие массы не поддались на удочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Предпочитали реализовывать не общественные, а собственные жизненные цели – без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство породило в массовом сознании конфликты, чреватые серьезными негативными последствиями (Грушин, 2006)» (Виктор Макаренко, «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>).

С другой стороны недоразвитость лобной доли своего левого полушария русскоязычный человек вынужден компенсировать более высокой вербальной активностью его, что естественно сопровождается угнетением деятельности его доминантного правого полушария, а тем самым и неизбежно превращает самого русскоязычного человека в аутиста-шизоида:

«При угнетении доминантного левого полушария речь претерпевает такие изменения: количество слов уменьшается; высказывание в целом укорачивается; синтаксис упрощается; уменьшается количество формально-грамматических слов и увеличивается количество полных слов; при этом существительные и прилагательные доминируют над глаголами и местоимениями – то есть лексика правого полушария более предметна, менее концептуальна; обострено восприятие конкретных явлений и предметов внешнего мира.

Когда же угнетено правое полушарие, то происходит нечто противоположное: количество слов и длина высказывания увеличиваются (человек становится разговорчив); при этом абстрактная лексика (включая и обобщающие матерные выражения, – П.Д.) превалирует над конкретной, а грамматические формальные слова (и в том числе и не правильно склоняемая по падежам редуцированная лексика, – П.Д.) – над полнозначными; усиливается тенденция к рубрификации, к наложению абстрактных классификационных схем на внешний мир. Иными словами, если правое недоминантное полушарие (у украинцев и других европейцев, – П.Д.) воспринимает внешний мир со всеми его красками и звуками, то левое полушарие одевает это восприятие в грамматические и логические формы. Правое полушарие дает образ для мышления, левое мыслит. Интересно, что человек с угнетенным доминантным левым полушарием ведет себя как реалист-сангвиник (см. характерология), а (русскоязычный, – П.Д.) человек с угнетенным правым – как аутист-шизоид...» (Вадим Руднев, «Словарь культуры XX века // Функциональная асимметрия полушарий головного мозга», <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>).

Психическая или ментальная инфантильность русскоязычного населения

Преимущественно правополушарное чувственное восприятие и в зрелом возрасте и соответствующая ему необратимая лингвopsихогенная (ментальная) инфантильность – «холопство» (от англ. «infant» – младенец и от укр. «хлоп'я», болг. «хла́пе» – малыш, ребенок; укр. «хлопець», чеш. «chlapec», болг. «хлапа́к», польск. «chłopak», в.-луж. «kħtor» – мальчик) сопровождаются, прежде всего, пониженным уровнем интеллектуального развития взрослого русскоязычного человека:

«Инфантил (холоп с пониженными интеллектуальными способностями, – П.Д.) – взрослый (по паспорту) человек с психическим инфантилизмом. Инфантил – совсем не то же, что человек-ребенок (людишка – уменьш. от ст.-слав. «людинъ» – «свободный человек», подобно «Ивашка» – уменьш. от «Иван», – П.Д.). Инфантил отстает от среднестатистической нормы развития, человек-ребенок (фактически – то же самое, что и холоп в Московии, – П.Д.) – от возможности стать взрослым человеком. Инфантил – выход за границы нормы, вариант некоторой патологии. Человек-ребенок – привычная норма (в России и в русскоязычных регионах Украины, – П.Д.), поскольку душевно взрослых людей вокруг нас не много. Каждый второй вокруг нас – человек-ребенок (точнее, человек-рабёнок, то есть холоп, – П.Д.), – когда непонятно зачем обижается, без цели ругается, прилипает к телевизору и покупает яркое и вкусное, а не нужное и полезное...» (Николай Козлов, «Энциклопедия практической психологии // Инфантил», <http://www.psychologos.ru/articles/view/infantil>);

«– Доверие к телевизору за последние четыре года упало довольно сильно – примерно на треть или чуть больше. Но зависимость от телевидения все равно остается очень высокой: оно главный конструктор реальности и самый авторитетный источник. Здесь важно подчеркнуть слово «авторитетный», потому что информация на ТВ подается от имени государства, власти. Дело не только в пропаганде, которая, безусловно, очень эффективна.

Цензура подавляет саму возможность выражения различных групповых интересов, стерилизует публичное пространство, уничтожая многообразие мнений. Государство уничтожает то, что является основой общества, – межгрупповые коммуникации. А вместе с ними и условия для понимания других людей, их взглядов, способность к воображению и сочувствию – то есть основания для солидарности общества. Государство фактически выступает как единственная инстанция, структурирующая поток событий. Отношение к телевидению – это выражение безальтернативности подачи государственной информации. Поэтому частичное недоверие не компенсируется, не заменяется на другую конструкцию реальности, которая бы расценивалась как более адекватная или лучше объясняющая, что происходит. Способность кремлевских пропагандистов навязать свое толкование событиям держится на том, что перед этим создается атмосфера неясности, неопределенности и тревоги, дискредитируются другие позиции рассмотрения, а лишь затем вводится своя интерпретация. Причем она строится как единственно возможная, безусловная трактовка события с точки зрения интересов «большинства», присваиваемая себе нынешним режимом. В этом и заключается особенность нынешней технологии власти. Происходит не просто навязывание каких-то идеологических представлений и мнений, но прежде всего – разрушение других точек зрения, отсутствие альтернативы. Поэтому человек подвисает в ситуации неопределенности, и это крайне важный эффект для манипуляции общественным сознанием...» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>).

Формально сам по себе «людишка» – всё тот же свободный человек (людинь). И это имеет место пока бессознательные лингвопсихические установки русской ЯКМ не начинают спаивать его в стаду подобный коллектив (в обоих смыслах слова «спаивать», – как от «спаять», так и от «споить»):

«...она [Россия, – П.Д.] представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: «Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками»; страны, где, наконец, нет, не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. ...постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да ещё так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!» (Виссарион Белинский, Письмо Гоголю Н.В., 15 июля н.с. 1847, <http://www.rulit.me/books/gogol-v-vospominaniyah-sovremennikov-read-367714-93.html>);

«По благому русскому обычаю, отец мой, разумеется, сек своих дворовых людей. Еще теперь слышу их вопли, как их драли, в конюшне. Мать подсылала меня к отцу ходатайствовать за Яшку или Ваську. Я плакал, умолял, целовал руки у отца, и иногда мне

удавалось смягчить суровость русской судьбы...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«У русского человека от тоски, чернухи и безнадеги, которая его окружает и той беспросветности, в которой он живет, выхода только два – алкоголизм и война. Война не важно где, не важно с кем, не важно за что. А в девяноста процентов случаев война еще и совмещенная с алкоголизмом... И в Чечне таких людей было дофигища. Просто дофигища. Кругом говно, смерть, живет в крысиной норе под обстрелом, месяцами солнца не видит, на роже уже пять сантиметров грязи, а – доволен. Спрашиваешь его – чего ты лыбишься, дурак? А он: слава Богу в армию попал, хоть мир посмотрел. Когда бы я еще горы увидел?... Столетия алкоголизма и рабства – это так сразу не исправить. Поэтому и на смерть и на увечья ему изначально плевать. И так и так подыхать, так хоть побывал где-то. Хоть на войне. Поучаствовал в чем-то. Хоть какие-то перемены в том депрессняке, который его окружает...» (Аркадий Бабченко, «У русского человека от тоски, чернухи и безнадеги выхода только два – алкоголизм и война», <http://elise.com.ua/?p=62400>);

«Мне наплевать, что там писал Булгаков,
Мне по душе бабло и автомат.
Тоскую я по лагерям барачников,
И я на вышке – доблестный солдат...
Когда за волосы ты тащишь чью-то бабу,
И бьёшь с размаху в почки сапогом,
И получаешь орден за отвагу:
Приятно быть подонком и козлом!
Я мародёрствовал в Чечне – пытал и вешал,
Грузинов резал, а теперь Донбасс...
Чтобы убить, мне не нужны приказы,
Вот снегиря России очень жаль!»

(Хавер, «Русский солдат», <http://www.my-works.org/mw/text/131941>);

«Кое-кто уже к нам возвращается,
упакованным в струганный тес
и в земле втихаря погребается,
в безымянной могиле, как пёс.
Имбецилов взросло поколение,
не умеющих думать и жить,
и для, блага всего населения,
кто-то выродков должен убить.
Поколение злобных баранов,
русской нации мусор и брак,
в генах ваших сплошные изъяны,
потому и в головках бардак.

А бардак там весьма капитальный,
а бардак в головах будь здоров!
Потому и легко пропаганде
сделать вас инструментом воров.
Сделать вас инструментом террора,
натравить на свободных людей,
чтоб продолжить правление глав.вора
с верной кодлой «озёрских» блядей.
Потому ваша глупая гибель
доброй вестью считаться должна
ибо в ней избавление России,
от тупого и злого говна»

(Алекс Ширков, «Благая весть», Химки, Россия, ноябрь 2014,
<https://zbut121.livejournal.com/28799.html>);

«Сегодня многие россияне удивились бы, как тогда иудеи: от какого такого рабства нас освободить, если никаким рабовладельцам мы не принадлежим, нет даже крепостного права, зачем нам какая-то иллюзорная свобода? Тем не менее, с формальной отменой крепостного права российское рабство никуда не делось, оно просто перешло в другие, более изощрённые и скрытые формы, а «сумма» несвободы, количество зависимости осталось тем же самым, если не прибавилось ещё больше. Кстати, алкоголизм и прочие подобные «привычки» – это тоже одна из форм воплощения рабства, легко перетекающего из одной формы зависимости в другую. Пресловутое российское пьянство – это «привет» от крепостного права – «я тут, я никуда не делось...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?», http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/;
http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33; <https://7x7-journal.ru/post/48786/2014/10/18>);

«Это рабство проявляется в способе мышления и восприятия мира. Русскими всегда кто-то должен руководить. Он должен сказать им, что делать. Десять лет свободы уничтожили Россию. Русские так и не воспользовались ею для создания чего-то положительного. большей частью, за исключением горстки бизнесменов, которые сделали себе миллионные состояния, они воспользовались свободой только для того, чтобы обеднеть. Это только указывает на то, что российской культуре не нужна свобода. Ибо права человека и гражданина не могут существовать без обязанностей человека и гражданина. Если ты хорошо исполняешь свои обязанности, честно работаешь, не крадешь, платишь налоги: тогда ты свободен. А какие права человека у тебя могут быть, когда ты не исполняешь ни одной из этих обязанностей?... Русские очень плохо работают, не платят налогов, выбрасывают своих детей на улицу. Таких детей в России миллионы!» (Андрон Кончаловский, из интервью Доминике Рафальска-Кусь «На Востоке без изменений»,
<http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/10/m27756.htm>;
<http://www.uznaipravdu.info/topic-2815.html> ; <http://inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html>);

«Включаю приёмник по вечерам, а там мир шумит, переливается, шевелится, шелестит. Музыка и радости, и нерадости – все там вместе. И мы тут – в богатейшем, изумительном и засранном краю! И вся жизнь этих людей, так же как жизнь всех нас, убога и гнусна в своей убогости. И в то же время чистота проникает сквозь всё это. И как возможно все соединить? Удивительный народ. Великий. Рабский. Живет себе спокойно в этом ужасе, считая всё это единственно возможной жизнью. И не потому, что не знает жизни другой. Другая ему «ни к чему». А главное, если и попытаешься открыть ему глаза на всё, так он сам же тебя и растерзает. Живут люди, ругаются, плюются, но живут, и ничего другого будто и не нужно. Для них есть кто-то, кто ими руководит, тот, кто «Начальник», и его дело решать всё самому. Царь он, и всё тут! И больше ничего не нужно! Что же делать? Зажимай народ этот – терпит. Отпусти вожжи, тебя же и сомнут. Так что же?» (Дневник Никиты Михалкова: «Удивительный народ. Великий. Рабский», http://tfolk.ru/articles/dnevnik_nikityi_mihalkova_udivitelnyiy_narod_velikiy_rabskiy; <http://newrezume.org/news/2017-01-27-19123>).

Поэтому-то и имеет глубокий смысл сопоставление слову «людишка» в качестве множественного его числа именно слова «челядишки» (мн. ч. уменьш. от устар. «челядин» – слуга; подобно тому как: человек, мн. ч. люди). И здесь, конечно же, имеются в виду именно беспрекословно послушные авторитарной власти «слуги государства» (добровольные его рабы – холопы) и, причём в более широком смысле, нежели «государственные служащие».

На основании же русской народной мудрости: – «Мужчину от мальчика отличает лишь стоимость игрушек, которыми они играют» – ментальную инфантильность, конечно же, можно отличать от психической инфантильности и рассматривать ее как лингвопсихогенную инфантильность, не подлежащую клинической медицинской коррекции. Поэтому-то применительно к нынешней ситуации в России вполне приемлемым может быть и следующее заключение:

«В экстремальных ситуациях логическое обдумывание ситуации замедляет необходимые действия. Из всего этого понятно, что для благополучного существования популяция должна включать оба варианта эмоционального и когнитивного функционирования: как с утратой, так и сохранением детских особенностей. Поэтому и тот, и другой следует рассматривать как норму...» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>).

Весьма выразительно эта «норма» отражена Достоевским в романе «Подросток»:

«Название романа – метафора. Аркадий Долгорукий – подросток не в прямом, а переносном смысле. Хотя герой и настаивает, что по закону и жениться может, он еще не повзрослел не физически, но в духовном смысле» (В.Н. Захаров, «Творчество как осознание Слова», <http://www.portal-slovo.ru/philology/37162.php>);

«Русский народ очень сложный, нервный. Даже простой крестьянин, рабочий сложен, запутан. Непредсказуем. Иван Карамазов говорит: «Я как та крестьянская девка... знаете, как

это: «Захоцу – вскоцу, захоцу – не вскоцу». За ней ходят с сарафаном, али с панёвой, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: «Захоцу – вскоцу, захоцу – не вскоцу»... Это в какой-то нашей народности...» ...Русские вечные подростки, доноры. Чужая кровь со времен варягов у них проталкивается в центр, становится основой для русских вливаний. Русские живут 1000 лет, но всё ещё «развивающаяся нация», подростки. Неслучайно роман, где так много говорится о сути национального характера, Достоевский так и назвал: «Подросток»...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

И ведь же действительно:

«Весь наш народ – подросток, а постперестроечные искусы – взрослая жизнь (косвенно, такое подтверждают все те же опросы: иностранной молодежи Россия импонирует на 20% больше, нежели пожилым; рыбак рыбака видит издалека). Так хочется сверкнуть перед окружающими элементами взрослой и роскошной жизни – пафосной иномаркой, домом, яхтой... Крикнуть завистливому плебсу на нашемарках – «А я смог! Я всех вас сделал и имею!» (в виде бесправных наемников и лохонутого электората). Пошлый кич стал элитарной модой. Старый и новый свет переболел этим давно. Он живет разумом, а мы – эмоциями. Там задумываются и спрашивают – «Зачем тебе трактороподобный джип, если ты не фермер? Зачем БМВ, если ты не банкир, сутенер или мафиози? Зачем золотой мобильник, если ты не эпатажный фрикер из гламурного журнала? Зачем океанская яхта на Москве-реке? Пять спален на пяти этажах для бездетного тебя и жены?». Все, что не рационально – эмоционально. А крайние эмоции, страсти – удел подростков и бабуинов, что отрачивают статусные гривы для устрашения соплеменников. Быть гамадрилом и взрослым подростком в цивилизованном мире – дурной тон. А в ином мире – хамло на джипе по встрече, усматривается смелым наглецом» (Станислав Михайлюк, «За что Россию не любят иностранцы?», <http://newsland.com/news/detail/id/1244675/>; https://www.discred.ru/news/nash_perekhodnyj_vozrast_zatjanulsja_vremja_nacionalnogo_vzrosle_nija_podstupilo_eshhe_vchera_pochem_k_rossii_neljubov/2013-09-12-3679);

«У нас в стране все больше людей становятся детьми. Общество переживает инфантильный, или морально-нравственный, кризис, который проявляется во всем: в быту, в экономике, в политике, в выборах, все голосуют за одного лидера. Люди недостаточно ответственны, взрослые ведут себя, как дети... Из инфантильности общества вытекает отношение не только к животным, но и к людям. Чтобы к больным, престарелым и инвалидам относиться толерантно, человек должен быть зрелой личностью, морально до этого дорасти. А у большинства наших сограждан – обычная детская жестокость, которая выражается в том, что они мучают тех, кто на них не похож. Только дети могут затравить всей «стаей» того, кто на них не похож: «другой» вызывает у них раздражение и агрессию. То же самое делают инфантильные взрослые» (психотерапевт Марк Сандомирский, «Россияне впадают в детство», <https://utro.ru/articles/2015/08/25/1253243.shtml>);

«...мы имеем не клиническое явление болезни, а явление социальное. Как говорил о

подростковой истерии мой безвременно ушедший друг, выдающийся психотерапевт Хараш, «в её основе – попытки обратить на себя внимание негодными средствами, всегда есть желание заявить, что я – существую!». Эта истерия обычно присуща подросткам 13–15 лет. У нас социальная истерия от подростков перекочевала во властные круги – туда, где принимаются политические решения. Так те или иные политические игроки, через демонстрационные формы поведения, убеждают нас в своей значимости. Вы бы никогда не узнали, кто такой депутат Федоров, если бы он вдруг не заявил, что Виктор Цой был агентом ЦРУ. Это – демонстративная социальная истерия. Она заразна, инфекционна. Она ведет нас к архаике в сетевом веке, к времени стирания альтернатив – туда, где все вокруг либо черное, либо белое. Вспомним еще раз Кавафиса: «...Ведь варвары сегодня прибывают. Зачем законы издавать сенату? Прибудут варвары, у них свои законы»... Варвар (быдло, гопник, – П.Д.) не различает ваших контекстов, у него непроницаемое сознание. Только реальное изменение жизни, показывающее невозможность принятых ими типов адаптации, может привести к крушению фанатичного варварского поведения. Но психически они нормальны. Это – тяжелая психологическая норма...» (Академик Александр Асмолов, «Нашествие варваров», <http://www.novayagazeta.ru/society/63508.html>);

«Главными особенностями психики истеричных являются: 1) стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих и 2) отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и к самому себе ... Во внешнем облике (истериков) особенно обращают на себя внимание ходульность, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами. В благоприятной обстановке, если ему представится соответствующая роль, истерик и на самом деле может «отличиться»: он может произносить блестящие, зажигающие речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собой толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убеждён, что им любуются и восторгаются. Горе истерической личности в том, что у неё обыкновенно не хватает глубины и содержания для того, чтобы на более или менее продолжительное время привлечь к себе достаточное число поклонников. Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их не способна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленных лавр и восхищения со стороны окружающих... Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путём воспитания и развёртывания действительно имеющихся у неё способностей, толкает её на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения. Некоторые авторы особенно подчёркивают инфантильное строение эмоциональной жизни истериков, считая его причиной не только крайней поверхностности их эмоций, но и часто недостаточной их выносливости по отношению к травмирующим переживаниям. Надо только отметить, что и в области реакции на психические травмы нарочитое и выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения...» (Пётр Ганнушкин, «Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика // Особенности эмоционально-

волевой сферы при психопатиях. Группа истерических характеров», Н. Новгород, 1998, http://www.delovoy.net.ua/pisatel/8479/book/31198/gannushkin_petr_borisovich/klinika_psihopatiy_ih_statika_dinamika_sistematika/read/5; http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=512);

«Нынешняя патриотическая истерия – внешняя деформация общественного сознания, не затронувшая его глубинные основы. Путинская пропаганда обеспечила лояльность общества новой идеологии, но не сделала россиян ее активными, убежденными сторонниками. Поэтому граждане (точнее гопники, не способные сплотиться в гражданское общество, – П.Д.) не рвутся на всякие патриотические манифестации, и властям приходится загонять туда работников коммунальных служб и студентов. Патриотизм – просто новая штучка на старом ценностном каркасе общества, ориентированном на сугубо частные неидеологические цели. Этот макияж в случае политических перемен может также быстро осыпаться, как и появился...» (сциолог Игорь Эйдман, «Типичный портрет homo putinisticus: страх и ненависть», <http://newsonline24.com.ua/tipichnyj-portret-homo-putinisticus-strax-i-nenavist-sociolog>);

«Субкультура гопников уникальна. С одной стороны, о ней говорят как об общности социально отчужденной, испытывающей трудности в социальной адаптации, с другой стороны, это очень крупная общность, которая насчитывает миллионы человек и включает людей разных поколений – от подросткового возраста до тех, кому за сорок. Кроме того, в последние годы она начинает влиять на поведение, стиль, мировоззрение среднего класса, представители которого в эту общность раньше не входили. Гопники встраиваются в социальную систему, находят хорошую работу, а вместе с ними на особый манер усвоенная криминальная культура начинает проникать в молодежную культуру в целом. Кто же такие гопники? Гопниками называют сообщества молодых людей, которые исповедуют культ физической силы, ориентируются на криминал в стилистике и во взаимоотношениях, а зачастую связаны с криминалом напрямую. Однако последнее не обязательно: можно никогда не заниматься вымогательством, не платить «дань», но быть «гопником» по мировоззрению. Они воплощают свои идеалы мужского братства, по транслируемым потребностям ориентированы на материальный успех, который демонстрирует «крутость». В среде гопников выражен культ компании и команды: любое дело совершается в компании...» (Сергей Кара-Мурза, Оксана Куропаткина, «...«Гопники»: молодежь в отсутствие альтернативы», <http://old.centero.ru/videoblog/gopniki-molodezh-v-otsutstvie-alternativy>; <http://newsland.com/community/5862/content/gopniki-molodezh-v-otsutstvie-alternativy/3285419>);

«В нас пульсом бьется у виска
Душевной смуты злая крутость;
В загуле русском есть тоска,
Легко клонящаяся в лютость»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/01_01.htm);

«Когда руководство первого телеканала и контролирующие его политики назначили постоянным ведущим ежедневной аналитической программы Михаила Леонтьева, идеологическая составляющая государственной пропаганды приобрела стойкую подростковую интонацию. Сам Леонтьев определяет свою функцию как «промывку мозгов», из чего можно понять, что в собственной аудитории он видит лишь психиатрического пациента, которому нужно дать психологическую установку, раз уж невозможно подвергнуть лоботомии... Создается впечатление, что не только народ, но и государственный аппарат видит свои жизненные перспективы с позиций подростка. Нынешним обитателям Кремля (причем в этом плане выходцы из ФСБ не особо отличаются от комсомольских активистов из СПС), вероятно, кажется, что «вся жизнь впереди». Когда Жириновский призвал журналистов не показывать пожилых людей по телевидению, дабы они не создавали негативное представление о России, а заодно не портили настроения молодежи, провокатор-политик лишь использовал это подростковое отношение к возрасту. Спорить с тем, что в России редко проявляют уважение к возрасту, бессмысленно. Люди, которым хотя бы за пятьдесят, презрительно именуется хамским словом «старпёры». Меня неоднократно поражало, что, по-хамски обращаясь с людьми, годящимися им в отцы, а то и деды, подростки ведут себя так, словно бы видят в них не зрелых людей, а таких же, как они сами, подростков, которые по непонятной причине преждевременно физически состарились. То есть с Петром Ивановичем Растаковским обращаются, как с корешем Петькой, у которого всего лишь больше морщин, да волосы поседели» (Георгий Рамазвашвили, «Общество, не желающее взрослеть», <http://index.org.ru/journal/23/ramaz23.html>);

«— Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово «ну». Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: «Ну, пойдём...», «Ну, сейчас будем обедать...» Постоянное «ну», привычка обращаться с понуканием вошла в язык. Помню, как в 37-м году, когда начались массовые аресты в Петербурге, вдруг я услышал, что на почте мне говорят «гражданин», милиционер говорит «гражданин», кондуктор в трамвае говорит «граждане», а говорили всегда «товарищ». А случилось то, что каждый человек был подозреваем. Как же сказать «товарищ» — а может быть, он шпион в пользу какой-нибудь Исландии?.. Общая деградация нас как нации сказалась на языке прежде всего. Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения назвать? Недаром в книге Бытия Бог, создав животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек бы не отличил коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил...» (Академик Д.С. Лихачев, «Я живу с ощущением расставания...», «О русском языке и ненормативной лексике. Литература, история, кинематограф», http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_1591.html);

«Особенностью русского языка на сегодняшний момент является то, что в нем отсутствуют общепринятые нейтральные слова-обращения к незнакомому собеседнику — мужчине или женщине. До революции 1917 года такие специальные слова были: сударыня и сударь, господин — госпожа. Революция изменила не только русскую жизнь, но и русский

язык и речь. В речи начало активно использоваться универсальное слово «товарищ», с которым обращались и к мужчине, и к женщине. При официальных отношениях, особенно в письменной форме, документах использовалось слово «гражданин». Вместе с распадом Советского Союза «ушло» и советское слово «товарищ», а ничего нового не появилось. Пустующее место заняли сочетания «Молодой человек!» и «Девушка!». Сегодня, если вы хотите о чем-то попросить или задать вопрос незнакомому человеку, вы обратитесь к нему «Молодой человек!». Обратите внимание – совершенно неважно, сколько лет этому человеку – 20 или 60. То же самое, когда вы обращаетесь к женщине: вы можете сказать «девушка!» даже женщине, которой больше 50-ти лет. Не смущайтесь, смело используйте эти слова и выражения, не обращая внимание на их прямое значение...» («Время говорить по-русски!», http://speak-russian.cie.ru/time_new/rus/course/lesson02.php/country_info.php; http://www.irlc.msu.ru/irlc_projects/speak-russian/time_new/rus/country_info/).

Аналогично тому, как нет резкой границы между человеком, слегка помешанным на чем-то, и акцентуированной личностью, нет ее и между психическим инфантилом и холопом (человеком-ребенком, людишкой). К тому же за пределами России, вообще, отсутствует такое понятие как «человек-ребенок», а соответствующее ему понятие «холоп» потеряло былой свой смысл из-за взросления наций и стало употребляться лишь в качестве оскорбления. Поэтому то, что является нормой в России и в некоторых других нецивилизованных государствах, нормой для Западной Европы, конечно же, может и не быть. И, следовательно, ментально инфантильный русскоязычный человек вполне справедливо там может рассматриваться как психически инфантильный человек и научно классифицироваться как инфантил, а не как «человек-ребенок» (людишка):

«Вообще английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми. «Не тронь его, – говорят здесь на улице, – это иностранец», – что значит: «Это бедный человек или младенец» (Николай Карамзин, «Бедная Лиза», <http://www.litmir.co/br/?b=95279&p=174>; http://www.loveread.ec/read_book.php?id=13621&p=150);

«Типичный вопрос, обращенный к ребенку: «Ну и кем вы хотите стать, когда вырастите, молодой человек?» – наводит на мысль о том, что детство – это лишь тот период, который надо пережить, чтобы стать нормальным, то есть взрослым, человеком. Подобные строгости, хотя и вызывают, порой, естественное недоумение, дают в чем-то неплохие результаты. Англичане не только завоевали в свое время полмира, но и смогли в этой половине выжить и закрепиться. Путешественники, мореплаватели, открыватели земель – это настоящее дело для англичан, умеющих бросить вызов судьбе и не бояться трудностей. Причем вызов для них порою важнее победы, проигрывать они не боятся» (Анна Павловская, «Особенности национального характера, или за что англичане любят очереди», <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/512/>).

Приверженность к коллективной ответственности и низкая

индивидуальная гражданская активность русскоязычного населения

Психическая (ментальная) инфантильность русскоязычного человека сказывается и на его приверженности лишь к коллективной ответственности а, тем самым, и на его весьма низкой индивидуальной гражданской активности:

«Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общественнаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: «Богъ да царь во всемъ!», знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Мы, русские, не понимаем еще, что такое гражданин, и считаем его зверем, мы чуждаемся действий публичных, да и не чувствуем охоты, не умеем заниматься общественными делами» (Михаил Погодин, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Понятие «подданный» лучше воспроизводит суть взаимоотношений между государством и отдельным человеком. В Европе есть два понятия: «sujet» и «citoyen». Первый – объект государственного механизма, верховной власти; второй – законный пайщик этой власти; к нему государство имеет такие же обязательства, как и он к ней. В России присутствует слово, но отсутствует понятие «гражданин» (укр. «громадянин», – П.Д.), и когда его искусственно придумали в конце XVIII века, его употребление сразу же было запрещено Павлом I, чтобы в гармоничную систему российской государственной идеологии не было внесено никакой путаницы. Эта практика не означает какого-либо сумасбродства, она только воспроизводит бесправное положение личности в России» (Дмитрий Донцов, «Дух России», <http://dogend.ru/docs/index-404056.html?page=3>);

«А что в обществе? Интеллектуальная часть его в тревоге и волнении; но она бессильна, и притом в ней самой разлад идей, взглядов и убеждений. Что касается до других классов, то они обретаются в глубоком невежестве, без малейшего понятия о политических и общественных интересах. Они готовы признать все, что исходит от власти и служит опорой для удостоверения, что Россия вовсе не выросла для каких-либо свободных учреждений. Значит, мы пойдем туда, куда поведет нас реакция. Таким образом, что остается мыслящему и честному человеку, который стоит совсем одиноко? Крайний индифферентизм нашего общества в целом ко всему, что не относится к личным выгодам отдельных личностей, крайняя неразвитость умов отнимают у первого возможность, а подчас и охоту что-либо делать в этой странной, мутной среде, где сегодня бывает одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигает людей ни к чему определенному и разумному...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 9 февраля 1872г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Наше так называемое общество есть миф, которому я давно перестала верить. Оно не существует! Есть дамы нарядные, вистующие, судящие, но вовсе не о литературе; есть старички, служащие и нет, кушающие, злобствующие, – а из всего этого общества не делается, а общественного мнения еще менее. Каждый сам по себе и остается при своем» (Графиня Евдокия Ростопчина, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«В российском менталитете общность выше, чем личность. Поэтому «государство – все, а мои усилия – ничего». Пускай кто-то что-то делает, борется, а у меня своих проблем хватает... – Мы не граждане, а какое-то племя!» (Председатель правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс, <http://kp.ru/daily/24559/733919/>);

«В России никогда не было граждан, только подданные, никогда не было закона и права, только имитации, никогда не было свободы, только патримониальные вотчины, всевластные самодержцы и хлопающие в ладоши холопы. Россия – это полное торжество воруемого самодержавия, торжествующего самообмана, глубочайшего искажения реальности, череды цивилизационных катастроф. Вместо демократии и инноваций – опрощение жизни, историческая архаика, торжество анахронизма. Здесь всё – имитация, пародия, бутафория, грубая подделка: конституции, партии, выборы, суды, демократические установления. Сама политическая система России является коррупционной, воровской, разбойной, застойной, принципиально немодернизируемой. Даже революции здесь лишь усиливали насилие и укрепляли архаику. Даже «русская идея» и «русский мир» – яркие примеры неспособности эффективно мыслить и принимать ответственные решения, даже политика – череда ошибочных ответов на вызовы истории. Во все времена здесь доминировали два образа – вездесущего врага и царя-батюшки, спасающего народ от мировой нечисти. Сама идея провиденциалистской избранности и мировой миссии России – идея глубоко ущербная, если учесть вековечное историческое запаздывание страны» (Игорь Гарин, «Что ведет РФ к окончательному распаду», <https://nv.ua/opinion/chto-vedet-rf-k-okonchatelnomu-raspadu-72285.html>; http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=521827);

«Люди не составляют общество. Общество составляют граждане, а граждан у нас очень мало. Так как граждан мало, будем считать, что общества нет – есть население и власть. Как в Африке. Население само по себе живет, власть сама по себе. Поскольку ни население, ни власть не заинтересованы во взаимодействии, власть делает то, что считает целесообразным. Поэтому говорить об обществе бессмысленно. Люди, которые являются гражданами и как-то выражают свое мнение, составляют ничтожную часть российского государства, и их можно не принимать во внимание. – Почему так получилось? – Так было всегда – и до революции, и после революции, и сейчас. Я написал большую статью о том, что есть малый народ и большой народ, европейский народ и гигантский российский народ.

Гигантский российский народ никогда не имел гражданского сознания» (Андрей Кончаловский, «О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья», <http://www.konchalovsky.ru/press/interviews/o-krizise-cerkvi-prezidente-predatele-i-poiske-schastya/>; «Киевская Русь была разрушена татарами при помощи Московского княжества», https://censor.net.ua/resonance/245893/konchalovskiye_kievskaya_rus_byla_razrushena_tatarami_pri_pomoschi_moskovskogo_knyajestva);

«Пробужденья гражданского долга
Кто в России с горячностью жаждал –
Охлаждался впоследствии долго,
Дождаясь отставших сограждан»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени – не предполагал. Есть отдельные достойные сохранившиеся люди, но что они на громадную толпу?.. Не хочется ни торопиться, ни участвовать в различных процессах, происходящих в обществе. Хочется тихо, молча, смакуя, не озираясь, не надеясь, не рассчитывая...» (Булат Окуджава, из письма, осень 1989г., цит. по Яков Белявский, «Такого Окуджаву мы ещё не знали», <http://www.liveinternet.ru/users/jostr/post379763508/>; <http://newrezume.org/news/2016-01-04-12550>);

«– Можно ли предположить, что раз люди стали больше интересоваться новостями и использовать сразу несколько источников информации, то это может быть сигналом о начале роста гражданского самосознания? – Нет, это скорее невротическая зависимость от новостей. Наши новостные каналы работают по двухтактной схеме: сначала напугать, а потом развлечь. И это чрезвычайно успешная технология манипулирования общественным мнением. Пугают многообразно: через сообщения и о преступности, и о стихийных бедствиях, и о внешних угрозах, исходящих от Запада, ИГИЛ и украинских «фашистов». Создается горизонт страха, назначение которого – раздробить общество. А затем – консолидировать население вокруг власти как его защиты. А попутно с этим развлекать зрителя всевозможными комеди-клабами и сибирскими пельменями. Смысл этого в том, чтобы разрушить межгрупповую коммуникативную структуру, размыть представление о многообразии разных точек зрения, позиций, оценок происходящего. А ведь общество создают такие важные вещи, как возможности и условия для дискуссии, обмена мнениями. Общество – это не совокупность массы населения, а система взаимодействия и социальных связей, основанных на отношениях солидарности и взаимных интересов, без догмы «господство – подчинение», без оси власти. Но вместо него возникает одномерная масса или плазма разрозненных, напуганных, озлобленных людей, которыми очень легко манипулировать и подчинять их себе. Это новая технология господства. В отличие от классических форм тоталитаризма, тут совсем не обязателен тотальный террор и массовые репрессии. Вполне достаточно точечных профилактических репрессий и манипулирования сознанием. Раньше это нельзя было реализовать из-за отсутствия медиатехнологий и низкого

уровня образования населения» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>);

«Со времен конца СССР российское общество (точнее, атомизировавшееся население – охлос, – П.Д.) не было в таком страшном моральном состоянии, как сейчас. Сегодня Россия – это страна, идеально готовая к фашизму. Фашизм – это когда миллионы людей счастливы от ненависти, когда вражда питает настроение народа, когда инакомыслие становится государственным преступлением. Фашизм – это когда государство выращивает народ войны. Министерство пропаганды, которым стала по существу вся российская государственная власть, затянуло в свои болота такую огромную часть народа, что сегодня можно с глубоким прискорбием сказать: народ войны возобладал в России над народом мира...» (Лев Шлосберг, «Путин вырастил в России народ войны, неспособный быть гражданским обществом», <http://ehorussia.com/new/node/10439>);

«Все фашизм ассоциируют с немцами. Но родина фашизма не Германия и не Италия. Родина фашизма – Россия. Фашизм как идеология и движение родился во времена первой русской революции 1905–1907 годов и назывался он черносотенным движением, а его члены – черносотенцами (по аналогии итальянцы своих фашистов называли чернорубашечниками). Он сыграл свою историческую роль в страшной гибели первой русской буржуазно-демократической революции, в росте шовинистического угара в России того времени и в появлении первого во всемирной истории прецедента русского «холокоста». Во время еврейских погромов времен первой русской революции были уничтожены десятки тысяч евреев всех возрастов, включая грудных младенцев. В Казахстане сублимации русского фашизма проявились особенно наглядно во время подавления национально-освободительной борьбы казахского народа против царизма в 1916 году. Делалось это так: вначале царские войска окружали мятежный казахский аул. Затем все взрослое население истреблялось до последнего человека. Детишки сгонялись в центр аула, в землю закапывался столб, и после этого какой-нибудь здоровенный солдат брал детишек за ноги и разбивал их головы об этот столб. Мозги казахских детишек разбрызгивались по ромам солдат. Эта казнь вызывала у них невообразимый хохот и доставляла каннибальское наслаждение. Так что немцы были куда «гуманнее» этих русских солдат, зараженных черносотенной идеологией. В силу своей организованности они внесли в процесс уничтожения людей достижения технического прогресса: еврейских детишек они сжигали в печах Майданека. Во вторую и третью русские революции русский фашизм успеха не имел, и он эмигрировал в Европу в обоях русских белогвардейцев. Так и попал в Германию, Италию, Испанию и т.д. На генном уровне психология фашизма живет в определенной части русского народа. Долгие годы вирусы русского фашизма находились в стадии анабиоза, но вот сложились, наконец, такие долгожданные для фашизма исторические условия, что он начал развиваться буйным цветом и не по дням, а по часам. Такова еще одна причина появления фашизма в России» («Трагедия», <http://wap.latvija.borda.ru/?1-1-90-00000394-000-0-0>);

«До появления довольно сплоченных групп остзейских немцев в Мюнхене и Берлине никакого фашизма в Германии вовсе не было. Именно остзейцы подобрали в пивнушках Гитлера и его людей, которых потом финансово поддерживали сам Великий князь Кирилл Владимирович и его супруга. Эта группа ставила своей целью не допустить в Германии того, что произошло в России. Я помню напечатанную фразу Розенберга о том, что он задумал свою книгу, глядя на чернь, беснующуюся на улицах Петрограда. Известно, что Ленин и его доверенное лицо Карл Радек отправляли в Германию вагоны со слитками русского золота. Но вернувшиеся с проигранной войны немецкие солдаты перебили своих офицеров и убили руководство немецких социал-демократов. В дневниках Блока много фраз об арийстве, Блок посещал собрания философского общества в Петрограде, на которых присутствовал и Розенберг. Мережковский и Гиппиус ездили к Муссолини; Коваленский знал Розенберга и наверняка обсуждал с ним проблемы арийства в России. Все это звенья одной цепи, и недаром Шульгин говорил, в том числе и мне лично, когда я с одним пожилым монархистом посетил его во Владимире, что фашизм – русское изобретение. Наверное, основная причина возникновения фашизма именно в России связана с крахом в горниле большевистского пожара европейских организующих начал» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>, <https://baltvilks.livejournal.com/10208.html>);

«Ответственность русской культуры за срывы русской истории стала очевидной не сегодня. И, конечно, это не фарс повторения, а многовековая тенденция. Русская культура оказалась не способной создать гражданскую нацию. Она не смогла создать и социальное пространство вмещающей, в котором непротиворечивые, общепризнанные символы и ценности не вызывают дискуссий и массового отторжения. И нет никаких симптомов изменения (улучшения) ситуации в будущем: русская культура предъявила свою полную несостоятельность в социальном строительстве общества. Как ингредиент, как специя, как составная часть мировой культуры, она способна обнаруживать неожиданные смыслы для тех, кому и мировая культура не чужда; но быть самодостаточной, служить источником создания и воспроизведения общеупотребительных смыслов и ценностей, быть не только элитарной и парадоксальной, но и массовой, регулярной она не может» (Михаил Берг, «Русская культура как приговор», <https://rufabula.com/articles/2014/04/14/russian-culture-as-adjudication>);

«Построение какого-либо общества в условиях России – дело глубоко безнадежное, и наша история служит неопровержимым тому свидетельством. В свое время мы, как явствует из трудов Сергея Михайловича Соловьева, не смогли достроить феодализм; попытки построения капитализма кончились Октябрьской революцией; крах строительства коммунизма произошел на наших глазах. Историки утверждают также, что Древняя Русь каким-то образом миновала рабовладельческий период, из чего мы имеем право вывести заключение, что и эта формация была нами просто-напросто недостроена. Чем окончится вновь начатое построение капитализма, догадаться несложно» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://libking.ru/books/sf/sf/34413-evgeniy-lukin-manifest->

partii-natsional-lingvistov.html;
499904-2.html);

[https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-](https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html)

«Народы Европы до того созрели, что порешили жить самостоятельно, для самих себя. Франция, по обыкновению, подала пример. За ней последовали Германия и Италия. Авторитет лиц уничтожен, и на место его водворен авторитет человечности, законности и права. Холопы нравственные и политические возмущены. Они называют это безначалием, своевольным ниспровержением освященного преданием порядка. Но ведь порядок, по их мнению, в том, чтобы масса людей пребывала в скотской неподвижности и страдала ради величия и благополучия немногих. Оно, может быть, и верно для некоторых обществ... азиатских. Но народы Европы приобрели себе право – и приобрели не дешевой ценой – право быть тем, чем они хотят быть... Но, по мере того как в Европе решаются вопросы всемирной важности, у нас тоже разыгрывается драма, нелепая и дикая, жалкая для человеческого достоинства, комическая для постороннего зрителя, но невыразимо печальная для лиц, с ней соприкосновенных... И вот в городе вдруг узнают, что вследствие этих доносов учрежден комитет под председательством морского министра ... Цель и значение этого комитета были облечены таинственностью, и оттого он казался еще страшнее. Наконец постепенно выяснилось, что комитет учрежден для исследования нынешнего направления русской литературы, преимущественно журналов, и для выработки мер обуздания ее на будущее время. Панический страх овладел умами. Распространились слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникли в публику. «Отечественные записки» и «Современник», как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей. Министр народного просвещения не был приглашен в заседания комитета; ни от кого не требовали объяснений; никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяжкие. Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей...» (Акад. Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 25 апреля 1848г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Моя империя опаслива:

При всей своей державной поступи

Она привлечь была бы счастлива

К доносной службе наши простыни»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_09.htm);

«Я свободомыслящий человек, а они (большинство остальных учёных СССР, – П.Д.) жалкие холуи, и прежде всего чувствую своё превосходство» (академик Лев Ландау: «Наши есть фашисты с головы до ног», <http://argumentua.com/stati/akademik-landau-nashi-est-fashisty-s-golovy-do-nog>);

«У нас абсолютно рабская психология! А демократия – это ответственность, – объясняет Алексей Серебряков, почему в России по-прежнему авторитаризм. – Народ в лучшем случае делегирует кого-то во власть. Мол, вот мы тебя выбрали – ты за всё и отвечай, решай наши проблемы! Демократия – это принятие решения на основе знаний, четкого понимания, между чем и чем ты выбираешь. А я лично не вижу сегодня повального желания людей образовываться, развиваться, повышать свою квалификацию, работать и, в конце концов, нести ответственность – в том числе за страну, за власть. А тех, кто хочет – капля в море...» (Андрей Низельский, «Алексей Серебряков: Хам в России победил», http://antikor.com.ua/articles/10057-aleksej_serebrjakov_ham_v_rossii_pobedil);

«Что символизирует закрытие Макдоналдса? Некоторое количество холуев хотят понравиться главному негодяю... они не знают, каким образом это сделать. Они точно знают, что таким образом они понравятся! Ведь это же не думаю, что было заседание Совета Безопасности, где Путин велел закрыть «Макдоналдс». Я думаю, что это инициатива с мест. Что это игра на понижение – и поскольку в окружении остались одни холуи, других уже просто вымыло, кто-то раньше ушел, давным-давно, кого-то вымыло – последних приличных – уже в последние годы. Остались только те, кто пытаются угадать, чем бы еще угодить; угадать, как угодить! И вот они делают это. ...Абсолютный вакуум. Нет человека, который скажет ему, как министр из «Голого короля»: ты голый, старый дурак...» (Виктор Шендерович, из интервью Карине Орловой, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1383080-echo/>);

«...психологический тип полицаев я сравнил с членами фракции «Единая Россия». Их сейчас жуликами и ворами называют, а раньше их обычно андроидами величали. Действительно тип полнейшего исполнителя (холуя, – П.Д.), делай, что прикажут, он психологически близок типу коллаборациониста. То есть в лагерях, вспоминал Михаил Хейфец, ленинградский диссидент, из бывших полицаев вербовали доносчиков, они готовы были кому угодно служить... То есть самое главное – служить власти и пользоваться привилегиями, которые это дает...» (Александр Гогун, из интервью Дмитрию Волчкеу «Запрещенный Бандера. Книга «Между Сталиным и Гитлером» исчезает из продажи. Предлог – сравнение полицаев с членами «Единой России»», <http://www.svoboda.org/content/article/25355555.html>);

«Конечно, остается мощный ресурс общественного идиотизма. С виду он в полном порядке. Попы блаженствуют, набор скреп пополнился «Буком». Обновилась и витрина: путем сложнейших манипуляций в Госдуме удалось собрать почти все известные образчики патриотических и религиозных деменций. В подборе парламентариев чувствуется рука опытного специалиста по проблемам развития и экспериментаторский задор. Володин, конечно, научит депутатов синхронно моргать и даже пользоваться пальцами. Но на большее Кремлю рассчитывать не следует. Дело в том, что любовь депутатов к своему отечеству пронзительна и бескомпромиссна. А это верная примета их отчаянного страха за недвижимость на первой береговой линии в Кашкайше, Марбелье или в каком-нибудь

другом милом уголке. Впрочем, не надо драматизировать. Не все так скверно. Среди избранников есть и нормальные жулики, ловко симулирующие задержку. Их патриотизм не так истеричен, потому что они сумели спрятать недвижимость получше, чем их коллеги. Но это не значит, что при случае они откажутся махнуть голову главы государства на сумочку из новой коллекции Gucci. Конечно, нет. Сумочки превосходны и всегда будут лучшим подарком. Беспокоиться за главу тоже не следует. Россия и создала полицейское государство специально для того, чтобы такой случай избранникам не представился. Это спасает президента, но не делает Думу опорой в пикантном деле разжигания (третьей мировой войны, – П.Д.). И симулянты, и настоящие дементники в равной степени ненадежны. Положиться там не на кого...» (Александр Невзоров, «Ноев «Титаник»», https://lardi-trans.com/forum/topics/19/96103_page2202/; <https://snob.ru/selected/entry/115090>; <https://forum.pravda.com.ua/index.php?topic=959222.0;wap2>);

«А Госдура? А всякая мелкая шелупонь при мелких должностях? Со всеми группировками, имеющими свой гешефт и интерес, и грызущими друг друга по той же причине – бандитская шайка. Впрочем, Государство – это нечто, выдуманное нами. Или не нами. Но существующее нашим молчанием. Покорностью и трусостью. И его мне вообще особо не жалко, а сейчас не жалко ничуть. От слова совсем...» (Сергей Шаров-Делоне, «В тупике горизонтов нет», <http://ehorussia.com/new/node/14249>);

«В России много дураков, но особенно их много в «Единой России». Их идеал – это образ какого-то монстра, выдуманного в недрах института этнологии. Какого-то полутатеиста, полуправославного, полумусульманина, полуиудея. Одним словом – россиянина. И бродит этот монстр по просторам России и нигде нет ему места. Везде он не у дел. А мы ждем, когда он обрусее и станет полным наконец... О какой свободе мы можем говорить, если у нас и парламент, и конституция никакой опоры не имеет, кроме воли правителя. Как же могут они его ограничивать, если они на него опираются. У нас дух святой исходит только от отца – самодержца. На всем остальном он только лежит. В том числе и на законах парламента. Он от этих законов не исходит, он ими не рождается. Нам чужда мысль о филиокве. Поэтому наш народ будет выбирать депутатов, как выбирал своих старшин и голов, но не будет придавать им никакого иного значения, как только слуг царя, как только (холуйствующих, – П.Д.) исполнителей воли президента. Поэтому русский депутат – это, как заметил когда-то Данилевский, просто шут гороховый, а русская конституция, русский парламент... возможны только как мистификация, как комедия. Вот эту комедию мы ломаем уже 13 год. И когда будет этому конец одному Богу известно...» (Фёдор Гиренок, «...О РОССИИ», <http://fedorgirenok.narod.ru/oros.htm>);

«Его благородство никого не умиляло, скорее наоборот, как и должно быть в державе холуёв...» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», <https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/NAGIBIN/tonnel.dhtml>);

«Если бы на посту президента РФ был не Владимир Путин, а кто-нибудь тупее, то мы

бы даже не смогли нормально беседовать по телефону, говоря о главе страны. Предположим, что вместо аккуратного и взвешивающего все 50 тыс. раз чекиста Путина пришел человек, который полностью пошел на поводу народного настроения, митингов, торжествующих мракобесов, шовинистическо-милитаристской истерики – тогда ситуация была бы гораздо хуже. Путин вменяемый и осторожный человек. И, как бы парадоксально это ни звучало, предельно точен в крайне неприятных вопросах. Парадокс, но он работает сдерживающим фактором. В любом обществе правитель всегда детерминирован тем народом, которым управляет. Не бывает чудес, когда царь не зависит от толпы...» (Александр Невзоров, «Шовинистическая истерия РФ», <http://nvua.net/opinion/nevzorov.html>; <https://vyshgorod.in.ua/novini/1200-shovinisticheskaya-isteriya-rf>);

«Власть пошла старым путем. Почему и книга называется «Время секунд хэнд», потому что ничего нового не придумали. Вспомнили давно забытое старое: самодержавие, православие, народность. Опять насилие, опять «сильная рука». И самое главное, нам – интеллигенции, это не нравится, но Путин не сам по себе существует, это заказ общества. Или Лукашенко. Он – не сам по себе, это такое общество. Он соответствует каким-то представлениям большей части общества. И мое поколение живет с чувством поражения. Мы не смогли, мы не сделали... Я думаю, что у нас нет опыта свободы. Если говорить общо, русский человек никогда не был свободным. Была царская власть – тоже очень мощная авторитарная власть. Потом – советская власть. Это, в общем-то, диктатура. В разных вариантах, но это все-таки тоталитарный режим. Поэтому о свободе никто не имеет ни малейшего представления...» (Светлана Алексиевич: «Русский человек никогда не был свободным», <http://www.ehorussia.com/new/node/11602>);

«Наша система – это диктатура класса чиновников, класса бюрократов. Я отвергаю, что наша система является социалистической, потому что средства производства принадлежат никак не народу, а бюрократу» (академик Лев Ландау: «Наши есть фашисты с головы до ног», <http://argumentua.com/stati/akademik-landau-nashi-est-fashisty-s-golovy-do-nog>);

«Бюрократия царской, советской и нынешней России есть класс властителей-собственников, а связанные с нею круги интеллигенции – группа властителей-жрецов государства. Авторитарно-бюрократические тенденции русских революций – это воспроизводство силовых министерств и ведомств в процессе роста социальной и политической мимикрии, политической демагогии, бумаготворчества, реакционно-бюрократического контроля, политического консерватизма и иллюзий. Указанные тенденции привели к тому, что партийно-государственный аппарат СССР стал суперклассом, сосредоточил в своих руках экономическое, социальное, политическое и духовное господство. Аппарат нынешней России есть наследник данного суперкласса. В России/СССР сложилась и воспроизводится экономическая, социальная, политическая и идеологическая бюрократия. Политическая структура нынешней России включает все элементы бюрократических отношений, государственного формализма и политического рассудка и охватывает мнимо противоборствующие политические силы. В общем виде политическая

оппозиция – партии, группы и движения, которые действуют организованно, стремятся взять власть из рук правящей бюрократии и передать ее другой политической силе. Оппозиция в той форме, в какой она существует в России, есть часть государственного аппарата» (Виктор Макаренко, «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>);

«Больше всего не любили мы термин «классовая борьба» – казалось, придумали этот термин дураки-основоположники в своих низменных целях. И хотелось шагнуть в цивилизацию, которая всех уравнивает. Но в результате усилий возник именно класс, с обособленными интересами, с собственностью, с моралью. Этот класс – традиционная российская номенклатура, но с некоторыми особенностями. Казарменный капитализм – строй прогрессивный, теперь начальство олицетворяет не только власть, но исторический прогресс. Раньше начальник был лицемером, сам не верил в то, что говорит. Раньше начальник знал, что прогресс – на Западе, а положено врать, что прогресс – в России. Но разве сегодня лицемерят? Отнюдь: выходят на трибуну и хвастают от души, празднуют личные приобретения. Новое капиталистическое начальство есть гарант движения от тоталитаризма к демократии. Новая номенклатура имеет моральное право грабить. Это моральное право она получила от российской интеллигенции, устами прогрессивного поэта однажды сказавшей: «ворюга мне милей, чем кровопийца». Поэтическая формула всем хороша, не учитывает она одного: кровопийцы берутся именно из воругов – больше им и взяться неоткуда. Мнилось, что прагматизм защитит от утопий – но казарменный капитализм от казарменного социализма отличается не сильно. Путин ввел в обращение фразу «централизованная демократия», а при Брежнев мы говорили «демократический централизм»...» (Максим Кантор, «Казарменный капитализм. Левый поворот Михаила Ходорковского», <http://www.maximkantor.com/articles/kapitalism.htm>);

«За редкими исключениями, чем выше находится человек в российском обществе, тем он грубее. Те, кто на самом верху, обращаются с подчинёнными как с дерьмом – именно поэтому демократия является для них такой угрозой, и поэтому страной приходится управлять с помощью обмана и силы» (Иэн Митчелл, цит. по: «Топ-5 различий голландского и российского менталитетов», <https://yktoo.com/ru/blog/post/249>);

«Всякий чиновник есть раб своего начальника, и право, нет рабства более жестокого и позорного, чем это рабство. Чиновник еще счастлив, если он глуп: он тогда, пожалуй, даже может гордиться своим рабством. Но если он умен, положение его ужасно. Он должен насиловать перед своим господином свою волю, свое чувство, свои убеждения, и как вообще начальник не любит в подчиненном ума, то этот подчиненный каждую минуту должен трепетать или за свою честь, или за свой жребий. Положение его несколько смягчается, когда начальник сам настолько умен и просвещен, чтобы не слишком бояться ума у других, и чувствует потребность в умных подчиненных, умея извлекать из них пользу. Но и в таком случае бедный чиновник только терпим. Внутренне его боятся и ему не доверяют. Понимая это, он поставлен в необходимость льстить, делать вид, что он разделяет взгляды и

убеждения своего начальника, когда он вовсе их не разделяет и когда его собственные мнения диаметрально противоположны мнениям, которые он, однако, должен чтить как закон. Кто в состоянии эмансипировать этих рабов в таком бюрократическом государстве, как Россия, где, кроме того, произвол начальника не находит нигде обуздания: и общественное мнение, и печать ему нипочем» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 22 сентября 1865г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«...уровень сколько-нибудь организованного социального протеста неизменно остается весьма низким. В существующей расстановке общественно-политических сил такой протест просто некому организовать и возглавить, да и надежда на заботливую власть еще остается. Но другая, и не менее важная, причина в том, что лукавая покорность «гасит» общественный протест: зачем открыто выступать против несправедливого порядка, если его можно обойти, если к нему можно и привыкнуть? Когда-то, в советские годы, в ходу была ироническая формулировка обоудно-лукавого общественного согласия: «они делают вид, что работают, а мы делаем вид, что им платим». Сегодня ее можно без конца повторять и перелицовывать («...делаем вид, что подчиняемся» или еще как-нибудь)...» (Юрий Левада, «Условные люди. В России ищут человека. Ищут давно, но не могут найти», <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/43n/n43n-s17.shtml>);

«За падением очередного самолета с пассажирами авиационные начальники и эксперты бубнят знакомые мантры о неисправных закрылках, птицах в двигателях, перегрузах и прочей чепухе, цель которой - отвлечь внимание от главного: кто на самом деле виноват в трагедии?.. Почему же при обилии катастроф в истории России и СССР снято так мало независимых расследований? Потому что наши власти скрывают от нас и всего мира простой факт: выводы из аварий не делаются. Ответственных (в психически инфантильном обществе, – П.Д.) – нет. И каждая новая авария оценивается как будто впервые произошедшая. Это же у нас, кажется, популярна поговорка про грабли...» (Сергей Львов, «Трагедия Ту-154: где искать виноватых. И почему авиационные власти России молчат о главном», <http://www.newizv.ru/society/2016-12-29/250683-tragedija-tu-154-gde-iskat-vinovatyh.html>);

«Жизнь после Беслана показывает чрезвычайно горькую вещь – не только гражданского, вообще общества в стране, похоже, нет. Люди хорошие есть, их много, а общества нет. Сейчас везде говорят только про Беслан. Как будто не было взрывов в Москве, гибели пассажиров самолетов, не вспоминают Ингушетию, Дубровку и все то, что за эти годы произошло в Чечне. Привыкание и страх перед властью диктует линию поведения абсолютного большинства – покорность и всеядность... Что случилось с Россией? Она утонула. Во лжи и цинизме...» (Григорий Явлинский, «Что случилось с Россией?», <https://iq.hse.ru/news/177726743.html>; <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=1789>);

«Самое главное – происходит процесс разложения социума. Раньше мне казалось, что все-таки в России есть какие-то уровни существования коллективного, которые не затронул

процесс распада. Но сегодня я думаю, что нет угла, не затронутого этим распадом. Здоровые, казалось бы, люди готовы верить совершенно невыносимым глупостям, отстаивать мнение, которое они никогда в жизни не считали своим, впадать в раж, терять голову и способность к критическому мышлению. Не говоря уже о потере человеческой солидарности, желания понять другого. Теоретически мы думали, что это состояние привычности, бессилия, общего неучастия, раздробленности, размазанности, рассеянности будет приводить к гниению и загниванию строя. Но оказалось, что можно быстро перевести его в состояние экстраординарности, очень свойственное России. Чрезвычайность – это мощное орудие власти, которая другими способами не может воздействовать на население» (Борис Дубин, «Нам нести всю тяжесть расплаты», <http://www.colta.ru/articles/society/4319>);

«В восприятии многих людей, не только политиков, как это было прежде, а именно в массовом обыденном сознании мира, Россия попала в касту неприкасаемых. Я имею в виду классическое значение этого понятия, где эта каста – самый низший слой людей, исключенных из всех общественных отношений... Вакцина для нас – развитие у каждого человека критического мышления и компетентности, рефлексия. Это замечательная психотехника – работа отстаивания себя в этом мире. Если я не рефлексирую ситуацию, я превращаюсь в зомби. А зомби – это всегда безответственное поведение. Рано или поздно настанет час, и ты выходишь из поля заражения, как у Стругацких в «Обитаемом острове», с вопросами: «Что, разве это я? Что было со мной? Разве я покалечил или унизил людей?» Сбитый «Боинг» поставил под сомнение миф о том, что в России возникает гражданское общество. Мы стали жертвами коллективного аффекта. Колокол сегодня звонит по эмбриону гражданского общества в России...» (Академик Александр Асмолов, «Психологическая депортация России», <http://www.novayagazeta.ru/comments/64656.html>);

«Сталин на самом деле ничего не создал, он просто «завинтил гайку» и создал порядок – тюремный. Людям, ностальгирующим или мечтающим о таком порядке, можно предложить выбор. Либо порядок лагерный, когда всем по куску хлеба, и все в одинаковых штанах, и все на одинаковой тяжелой работе, и все помирают. Либо другой порядок, когда человек руководствуется голосом совести и разума. Конечно, трудно этого ждать от людей, воспитанных советской властью, которые жили, оглядываясь на вышку, на которой стоит человек с автоматом, готовый в тебя выстрелить совершенно безжалостно. Вот когда человек знает, что его посадят, если на 10 минут опоздал, тогда он подтягивается, на работу не опаздывает. А если не подстегивать, все распускаются. Что нам устроил Сталин? То, что мы из великого народа, владеющего шестой частью суши, превратились в самый ужасный народ на всей земле по количеству выпиваемого на душу населения, по уровню преступности, проституции, наркомании, аборт... И по коррупции мы впереди планеты всей, то есть, все извращено. Человека доброго, честного, ответственного, дисциплинированного, – днем с огнем не найдешь. Предают друг друга и партнеры, и соратники, и родные. Каждый день приносит сведения о каких-то чудовищных происшествиях, преступлениях... И при этом, огромная часть людей наживается на грехе человеческом...» (Протоиерей Димитрий Смирнов, «Либо порядок лагерный, либо порядок совести и разума», <http://belrussia.ru/page->

[id-932.html](#));

«(Психически инфантильным, – П.Д.) Людям не понятно, что любое ограничение базовых свобод для мыслящего человека ужасно. Что использование рабского труда безнравственно по определению. И неважно, роет раб канал, строит железную дорогу, трудится на галерах или проектирует космические корабли, неважно, чем его кормят и на чём подают – он несвободен. Он раб. Мне возразят, что лучше быть рабом, чем мертвецом, а я отвечу, что страна, которая даёт своему гражданину такой выбор, – херовая страна. Когда очередной дебил начинает мне рассказывать, что Сталин был прекрасным эффективным менеджером, появляется большое желание двинуть этого дебила тяжёлым по темечку, чтобы мозги стали на место. Эффективный менеджер, эксплуатировавший рабский труд, загнавший страну в лагеря и шарашки, людоед и кровный брат Гитлера, создатель и наследник одной из самых страшных, античеловеческих и неэффективных систем в мировой истории для этих людей – герой... Меня уже не удивляет раб, восхваляющий рабовладельца, не поражает гражданин тирании, обожающий тирана, не возмущают убийцы, превозносящие убийцу. Но жертвы, тоскующие по палачу – это уже слишком...» (Ян Валетов, «Кружка Королёва Или как удалить лагерное мышление из страны», <https://inforesist.org/kruzhka-korolyova-ili-kak-udalit-lagernoe-myishlenie-iz-stranyi/>);

«Сталин стал идеальным ответом на мазохизм восточной толпы, которая любит, когда «отец» целится в неё из винтовки. Азиатская толпа понимает равенство так, чтобы всем было одинаково плохо, страшно и опасно, чтобы в насилии было как можно меньше рационального смысла, чтобы оно просто создавало невротическую атмосферу, распределяясь по жребиям. В этом смысле, чем больше вагонов с людьми отправлялось в ГУЛАГ, тем выше рос энтузиазм азиатской массы («Судьба неумолима и ненасытна!»), склонной к самоистреблению. На Востоке личность не производится и не культивируется, тогда происходит восстание масс, т.е. перманентный кровавый спектакль непрерывного жертвоприношения. Нужно разбудить частную инициативу и наладить на рынке массовый спрос и предложение на самостоятельных личностей, свободных от восточной мифологии в новой и открытой России. Сталин нужен как антигерой и главное доказательство / напоминание варварской природы местного населения, требующей радикального «окультуривания». В крайней версии смысл портрета таков: доверять решение своей судьбы можно лишь состоятельным и образованным (т.е. знакомым с европейским гуманизмом) людям, иначе азиатская чернь всегда притащит к власти деспота и любая революция, и любая демократия закончится новым Сталиным...» (Алексей Цветков, «Сталин в городе», <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Stalin-v-gorode>);

«Ни один другой язык мира не смог бы дойти до такого уровня самораспада. Другие языки могли бы изменить свое содержание, но не свою сущность. В них бы не произошло такого скольжения, такого «дрейфа понятий» как в русском языке XX века. В фашистской Германии слово гуманизм было дискредитировано и вычеркнуто из лексикона, у нас же оно год от года упоминалось все чаще и чаще, приобретая при этом все более зловещий оттенок

и превратившись, наконец, в «гуманизм Сталинской Конституции». Как это по-русски! Гуманизм в виде раздачи печатных пряников на чуть присыпанных могилах. Смех, шутки, истерические здравицы, клоуны на ходулях... и красные пятна, проступающие сквозь песок» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...все, что в Советском Союзе происходило, даже в самых страшных не описано сказках – это жуткий, абсурдный, затянувшийся на 70 лет фильм ужасов: настолько тяжелый, что мы до сих пор от просмотра его не отошли и ни к какой другой картинке привыкнуть не можем. Вы только внимание обратите: сколько о зверствах в сталинских лагерях известно, о баржах, которые вместе с инакомыслящими затапливали, о расстрелах прямо на рабочих местах, о миллионах сирот – детей врагов народа, а поди ж ты, находятся те, кто Волгоград вновь хотят Сталинградом назвать или на митинги компартии выходят, которую Ельцин лишь потому, что водка помешала, не запретил, и кричат: «Ста-лин! Ста-лин!». Дураки, вы хоть знаете, что кричите? Я страшную вещь скажу: даже Гитлер и то лучше Сталина! Да-да, и хотя Гитлера я ненавижу, уважаю на полграмма больше, потому что он хотя бы своих, немцев, почти не трогал, а этот косил всех подряд: и осетин, и грузин, и русских, и украинцев... Как чувствовал, что спустя десятилетия отыщется такой, как Зюганов, способный многомиллионному народу доказывать, что Сталин дороже и ценнее Пушкина, потому что сделал больше...» (Леонид Броневои: «...не смейте тосковать по аду – помнить нужно добро, а не зло!», <http://www.bulvar.com.ua/arch/2014/48/5481175ae1341/>);

«Нацизм и сталинизм – это типологически сопоставимые образования... И для нацистского, и для сталинского режима характерно господство человека-массы – серого усредненного человека. Человека, который не является личностью и стремится раствориться в массе. У такого человека двойственная натура: он хочет быть великим – и видит свою никчемность, он хочет быть счастливым – а постоянно несчастен, он хочет быть преуспевающим – а у него не получается...» (Юрий Афанасьев: К концу 80-х годов социум был уже крайне аморален, из интервью Игорю Сяндюкову, «О причинах поражения демократии в России», <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/o-prichinah-porazheniya-demokratii-v-rossii>);

«Да, Сталин вернулся (в облики Путина, – П.Д.). И не только он. К человеку вернулось сознание рабства, желание жесткой руки. Мол, пусть у нас любой ценой будет сильная власть, и мы уж тогда покажем всем кузькину мать. Пусть все нас боятся. Но ведь есть и другие вещи, кроме страха! Мне кажется, чтобы разобраться сейчас в самих себе, мы должны наконец-то подвести итоги нашего недавнего прошлого. Ведь у нас до сих пор, например, открыто не осужден коммунизм, его страшные страницы истории. Не были опозорены, осуждены коммунистические тираны. Поэтому нашими кумирами снова становятся палачи. И что же тогда удивляться, если мы умеем сейчас так праведно ненавидеть, но совершенно не умеем никого любить...» (Протоиерей Алексей Уминский, из интервью Екатерине Кузнецовой, «К человеку вернулось сознание рабства, желание жесткой руки», <http://spb.mk.ru/articles/2014/09/11/k-cheloveku-vernulos-soznanie-rabstva-zhelanie>);

zhestkoy-ruki.html);

«Именно Путин блестяще воплотил наше коллективное бессознательное. И выяснилось: что пятнадцать лет имперской пропаганды прошибают не только люмпенов, а апелляция к истории не работает, увы, почти нигде; что под тонкой пленкой универсальных ценностей по-прежнему побулькивает на малом огне звериное этническое чувство; что никакой Христос сюда еще не дошел, и Просвещения не было; что мы все так же изгоняем бесов и скачем по средневековым равнинам, и только нам и радости – чего-нибудь отхватить от соседей, дабы расширяться и тем возгордиться...» (Виктор Шендерович, «Ясность как форма тумана», <http://www.newtimes.ru/articles/detail/81866/>);

«Народы России понесли в XX веке такие невосполнимые потери, настолько утратили веру в возможность определять свою судьбу, что сегодня люди, вполне, казалось бы, образованные и культурные, покорно позволяют сгонять себя на митинги в поддержку действующей власти, голосуют по указанию начальства и участвуют в фальсификации выборов, пресмыкаются перед самым ничтожным «столоничальником». А сами «столоничальники», такие надменные, безжалостные и хамоватые в общении с подчиненными, опасаются свободно разговаривать по телефону и пишут записки в собственном кабинете, подозревая, что все прослушивается, избегают общения с людьми, которых они подозревают в нелояльности к власти, готовы поддержать и публично оправдать любую мерзость, если на то будет указание сверху. Один авторитарный лидер прошлого изрек: «Я не выдумал свою идеологию, я извлек ее из подсознания народа»... В наше время из подсознания народа извлечено все худшее, что вбивали туда столетиями авторитарные и тоталитарные режимы: страх, покорность, ненависть к свободомыслию, показное благочестие, растерянность перед внешним миром и ненависть к нему в сочетании с острым чувством зависти, обожествление государства и его вождя, презрение к человеческой личности...» (Николай Гульбинский, «Удержание власти как самоцель», http://www.ng.ru/ng_politics/2016-09-06/15_power.html);

«Как за Россию мне обидно:
могла б великой быть страной,
не будь в народе столько быдла,
и будь в ней власть совсем иной.
Но ныне всем нам на беду
у быдла власть на поводе»

(Михаил Бучек, «Заметки на полях. О стране», <http://www.verses.ru/show/14776-zametki-na-polyah-o-strane.html>);

«...советской власти приходилось тратить огромные усилия на убеждение граждан в том, что она лучшая из лучших. Сегодня этого можно не делать просто потому, что в стране не осталось граждан. Ее в основном населяют люди, желающие есть и спать, зарабатывать деньги и свободно действовать в своем ограниченном пространстве, видеть реалии другого

мира, но удовлетворяться (и даже гордиться) своими (а порой и тем, на что они даже не претендуют). Обычная жительница провинциального российского городка, приехавшая в первый раз в Париж, сказала экскурсоводу: «А в Москве-то машины куда покруче будут!». Даже в том, что ей самой никогда не будет принадлежать, она видит плюс – а не минус, – собственной страны. Путин может спать спокойно. Под ним – абсолютно деструктурированное общество, liquid postmodernity, структура, не способная к самоорганизации и не имеющая общих задач и единых целей» (В. Иноземцев, «Потерянное десятилетие», <http://msps.su/files/2013/01/INOZEMCEV-1.pdf>; «Как санкции ударят по России», <https://www.rulit.me/books/kak-sankcii-udaryat-po-rossii-read-376414-5.html>; <https://www.litres.ru/vladislav-inozemcev/kak-sankcii-udaryat-po-rossii/chitat-onlayn/>);

«С распадом СССР мы потеряли очень много. Но приобрели Свободу. Сначала ей очень обрадовались, ликовали. А теперь испугались. Не знаем, что с ней делать, не можем справиться. Свобода накрыла нас с головой, и мы в страхе позорно побежали. Хотим избавиться от нее, раз и навсегда, чтоб не мешала тут строить великую Россию, не соблазняла... Пасту вдавливаем опять в тубик, фарш проворачиваем назад. И у нас получается! Мы – чемпионы мира по этому виду спорта... Постсоветский человек все-таки изменился, так казалось. Изгнанники простили нас, а мы раскаялись, осознали свою вину. Мы думали, это навсегда. Вдруг время стало возвращаться, повернулось вспять. Появились люди, активисты, которые захотели стать святее даже того, кто их приручил (Путина, – П.Д.). Они чувствуют: что-то стало меняться в воздухе. Они идут на зов, вечный зов. Нет, они бегут впереди мчащегося назад паровоза. «Этот поезд в огне и нам некуда больше жать» – пели мы когда-то с уверенной радостью вслед за Гребенщиковым. Теперь побоку, никому неинтересно. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны? Как бы не так, мы опять летим на всех порах back in USSR» (телекритик Александр Мельман, «Русский клоун или немецкий шпион?», http://echo.msk.ru/blog/melman_a/1869708-echo/);

«И 92-й год нам показал, что вот, смотрите: сломана вся система, полная свобода, давай, кто во что горазд – проходит 20 лет, и мы видим тот же авторитарный строй, который есть естественная форма самоорганизации русского народа. Естественная. Поэтому не надо говорить, что Путин плохой, в Кремле сидят люди плохие. Это правительственная персонификация всего народа. И если поверить – а почему ж не поверить? – что рейтинг Путина 80% за и так далее, расходы на образование падают, на медицину падают, продолжительность жизни, как упала по сравнению с советской властью, так и есть, но народ, тем не менее, сплотился, – следовательно, политтехнологи рассчитали абсолютно правильно: его не надо кормить, его не надо образовывать, ему не надо давать свобод; ему нужно дать предмет национальной гордости и тогда государство будет цельным. Это весьма пессимистический диагноз. Я не думаю, что здесь, что бы то ни было можно изменить...» (Михаил Веллер, «Правильно сказать о такой интересной и неисследованной вещи как системное качество народа», <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1338362-echo/>);

«...я совершенно согласен с тем, что Путин плоть от плоти народа. Если не ста

процентов, сто процентов не бывает, то подавляющего большинства народа, безусловно... 86, 72, 61 – поэтому не надо плакать, если вам хамят в больницах или в ДЕЗах или где-то еще. Это вы сами себе, вы сами проводите соответствующие компании эвакуировать за деньги большие машины с улицы, это вы сами сносите ларьки, это вы сами угоняете бабло за границу. Это вы сами занимаетесь подтасовками на выборах, уважаемые, милые, затурканные, добрые, хорошие школьные учительницы и их директрисы. Это вы сами породили систему, где вы нищие...» (Михаил Веллер, из интервью Марине Королёвой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1419826-echo/>);

«Российское людское сообщество к началу XXI века было уже почти полностью расчеловеченным за годы так называемого построения социализма. В строго социально-психологическом смысле это был, разумеется, уже никакой не народ, а человекомасса из атомизированных злостно и агрессивно ненавидящих и всегда готовых уничтожить друг друга индивидов. Это было людское сообщество в состоянии ресентимента. В то же время, эта человекомасса видела происходящее, думала о нем и даже чувствовала, вернее, оставалась бесчувственной к любому «Другому», особенно, если этот «Другой» в горе или ему очень больно. Словом, смотрела на происходящее и на боль и страдание «Другого» глазами, будучи в состоянии эмпатии, присущей одному-единственному человеку – безразлично, равнодушно безжалостно и с неизбывной ненавистью ко всем. Особенно наглядно это безразличие и беспомощность к самому себе этого людского сообщества проявились, когда путинская власть в несколько хорошо осознанных, тщательно продуманных и целеустремленных приемов, последовательно, шаг за шагом, как в экспериментальной лаборатории осуществляла устранение людского сообщества из сознательной, суверенной жизни страны, из экономической, социальной и политической жизни...» (Юрий Афанасьев, «Соотношение времени и пространства в перспективе *longue duree* истории Руси/России/СССР/России», <http://archive.li/yX4hA#selection-1445.0-1445.93>; http://mizugadro.mydns.jp/t/index.php/Соотношение_времени_и_пространства; <http://mysliwiec.livejournal.com/2333926.html>);

«Негодование копилось, и кто-то подсказал сатане, что это может плохо кончиться для него, и он загнал в лагеря (поучаемых, – П.Д.) спасителей его шкуры, и не только маршалов и генералов, но тучи солдат, офицеров, и они полегли в этом беспощадном сражении. Но никуда (наказанные, – П.Д.) не делись, все они лежат в вечной мерзлоте с бирками на ноге, и многие с вырезанными ягодицами, пущенными на еду, ели даже и свежемороженые, когда нельзя было развести огонь. О-ох, мамочки мои, и ещё хотят, требуют, чтоб наш народ умел жить свободно, распоряжаться собой и своим умом. Да всё забито, заглушено, и истреблено, и унижено. Нет в народе уже прежней силы, какая была, допустим, в 30-х годах, чтоб он разом поднялся с колен, поумнел, взматерел, научился управлять собой и Россией своей, большой и обескровленной...» (Виктор Астафьев, из письма Светлане Новиковой, 26.07.2000, цит. по Алексей Тарасов, «Надо становиться на колени посреди России и просить у своего народа прощение», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/26/63539-171-nado-stanovitsya-na-koleni-posredi->

[rossii-i-prosit-u-svoego-naroda-proschenie-187](#));

«И в XXI веке воскресли вы, псы Джугашвили, только называетесь по-другому: «Ваша честь» да «Господин следователь». «Дела» стряпаете на компьютере и «воронки» на «мерседес» поменяли, а людей сажают не хуже сталинских опричников... Ты, видите ли, судишь его за беспорядки и сопротивление вашей полиции, но давай оставим эти сказки для спившейся и скурвившейся 88-процентной массы, которую и народом-то назвать – язык не поворачивается. Как и его прадед, Иван чист и перед своей Родиной, и перед своей совестью. И это – главное. А сажают вы его за то, что не хочет он быть вашим и ничьим рабом, за то, что нет у него страха перед вами, за дух свободы, который не расстреляешь. На тебе, «судья», не судейская мантия, а плащ Сатаны, подручные твои носят костюмчики следователей или омовские каски. Ленины, сталины, вышинские, берии гордятся вами и ведут вас – дорогой в ад...» (Андрей Непомнящих, «1938 и 2015», <http://www.svoboda.org/content/article/26952773.html>);

«То, что выборы всех уровней у нас сломаны, известно не первый год. Прежде, однако, предполагалось, что ломали их профессионалы своего дела и с конкретной целью. Электоральные циклы должны были работать так, чтобы оппозиционеры и смутьяны не проникли ни на одну сколько-нибудь значимую должность. Выборы фактически превратились в систему квот для представителей правящей партии – «Единой России», которые собирались править до скончания веков, охраняя стабильность... С одной стороны, дискредитированная уже на старте электоральная кампания и полная неспособность властей добиться избрания во власть кандидатов, которым хотя бы немного доверяли избиратели. Взяться таким людям, собственно, неоткуда, потому что сделать карьеру публичного политика, не связанную с «Единой Россией» или группой «сторонников президента» в «системной оппозиции», в последнее десятилетие было невозможно. С другой – активное недовольство граждан, стоящих на защите своих экономических и социальных прав. Для последних единственной формой политического представительства на ближайшие годы останутся уличные протесты, ведь избрать своих кандидатов им не дадут» (Кирилл Мартынов, «Сломанная Россия. Выхолощенная за последние годы система выборов угрожает своим создателям», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/06/29/81070-slomannaya-rossiya>);

«Это – тот случай, когда независимо от того, какая была экономическая ситуация и как долго продолжалась стагнация, например, в СССР или как она долго продолжается на Кубе или какая экономическая катастрофа в Северной Корее, уровни политической поддержки и социологической поддержки соответствующего руководства остаются высокими, иногда зашкаливающими – независимо от экономической, социальной или какой-то иной ситуации. К большому сожалению, судя по всему, Россия вошла в этот не очень большой круг стран, в которых политическая и психологическая поддержка руководства никоим образом не связана или полностью оторвана от экономической ситуации. Это характеристика несвободного общества и даже не «полусвободного» общества. Это

характеристика авторитарного режима с элементами тоталитарного. Независимо от того, что происходит в реальной жизни, имеет роль та картинка, которая создается в глазах людей. Известное российское выражение: «водка подорожала – папа ты будешь меньше пить? Нет, детка, ты будешь меньше есть»... На выборах в жестко-авторитарных режимах, с элементами тоталитарных, оппозиция к власти придти не может, какой бы она ни была. И весь исторический опыт об этом свидетельствует. К сожалению, в этой ситуации остаются только другие методы (государственный переворот и кровавая гражданская война? – П.Д.)» (Андрей Илларионов: «Высокий рейтинг популярности российского президента не связан с экономическими проблемами страны», <http://www.golos-ameriki.ru/content/illarionov-on-putin-and-russia/2486498.html>);

«Не от того ли проистекает эта парадоксальная «имперскость» либерального сознания, что мы, либералы, «элита страны», по-прежнему отождествляем себя с российской властью (которая по определению своему должна быть имперской для сохранения авторитарного режима правления), а не с собственным народом, нерадивым ребенком, которого нужно поучать и наказывать?» (Мария Снеговая, «С кем вы, господа либералы?», <http://www.liberal.ru/articles/5036>);

«Криминальная стихия, как вирус, живет внутри любого здорового общества на протяжении всей его жизни. И любое общество на протяжении всей своей жизни борется с этим вирусом. Победить криминальную стихию, как и вирус, окончательно нельзя, но можно и нужно держать ее под контролем. Стоит, однако, обществу ослабнуть, а его социальным и политическим институтам отклониться от тщательного исполнения заложенных внутри них программ, как «криминальный вирус» берет реванш и начинает поедать еще живое общество изнутри. Социальный иммунодефицит опасен так же, как и биологический. Как правило, эта «вирусная атака» на ослабленное общество заканчивается быстро и печально. Общество умирает, а вместе с ним умирают и те паразиты, которые его пожирала. Но, если это общество в свою очередь оказывается паразитическим и само живет за счет какого-то неограниченного внешнего ресурса (находится, так сказать, на искусственном питании и дыхании), то драма может затянуться. Возникает паразитическая цепочка, на вершине которой оказывается криминал, в середине – подмятое им под себя при помощи подконтрольного ему государства общество, а в основании лежит тот самый ресурс, за счет которого они оба существуют» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Православный вайнахат», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«Ощущение, что в России нет «политической нации», что здесь вообще не понятно кто живет, что «народ безмолвствует», что он распался на плесень и липовый мед – было всегда... Вдруг к началу «нулевых» с такой любовью выстроенное здание пошло трещинами и частями посыпалось. Вылезли откуда-то косноязычные боевые генералы, такие как Примаков, переродились в красно-коричневых упырей Глазьев и Делягин, прочая нечисть разлепила свои тусклые глаза. Кто же, кто дал этому импульс?! Кто этот огромный, «нутрянной», «подспудный», неостановимый? Тот самый, что переделывал одного царя за

другим, замучил совесть Грозного, обтесал Петра, свернул мозг Ленину, вывернул наизнанку Сталина и даже Ельцина загнал в Чечню воевать? Не понятно кто! Потому что тут никого не было, кроме вот этой самой отсутствующей напрочь «политической нации», «народа безмолвствующего», быдла в ватничке... Снова выяснилось, что видимость – реальна и ничего тут прикольного нет. Все живое и кровоточит. Кто это сделал, ау? Да черт его знает. Не Путин же. И не новый Киселев. И не старый Эрнст... Ничего еще не случилось, но все равно всех, всех, всех не покидает ощущение: «здесь кто-то (точнее, что-то, – П.Д.) есть». «Где здесь?» – «Не знаю где – там внутри, в печке, в подполе – там кто-то живет!» Там кто-то живет, да. Оно (чудо-юдо поганое – медузоподобное бесхребетное быдло, – П.Д.). Оно все время требует своего (внедрения империей-меланомой своих щупалец-метастаз в окружающие её территории и народы, – П.Д.). И даже время от времени – добивается. Только одно непонятно: как оно это делает? Оно же ничего не делает! Ни-че-го! Оно просто живет внутри (а, поэтому-то, и является лишь расходной питательной биомассой – атомизированным протоплазменным гумусом для произрастания паразитирующих на нём жестоких упырей-тиранов и прочей имперской нечисти, поддерживающей жизнеспособность своего слизистого гумуса за счет ассимиляции и поглощения им соседних народов, – П.Д.)...» (Захар Прилепин, «Оно оживает», <http://svpressa.ru/society/article/98227/>; <https://sofya1444.livejournal.com/2655560.html>);

«Глупо недооценивать: украинский народ, или серьезная часть украинского народа, переживает то, что называется «пассионарным взрывом». Когда мы говорим о патриотическом чувстве русских людей, десятках тысяч ополченцев, о гуманитарных поставках, в которых принимают участие многие и многие россияне, – надо отдавать себе отчет, что в Украине имеет место то же самое, но в гораздо более радикальных и более масштабных формах. Украину, грубо говоря, «прет». И основная причина – вовсе не пресловутое стремление в Европу, в цивилизованных ценностях, комфорте и разнообразных свободах. Основная причина – это четкое и безумное осознание борьбы с той силой, что, как кажется украинцам, всегда тяготела над Украиной. Сила эта: Россия, россияне. Они почувствовали, что не просто страстно хотят, но, наконец, и могут победить пресловутого «старшего брата» и назначить «старшим братом» себя... Тогда вековая мечта осуществится: они посмотрят на это безобразное, огромное, тяжелое образование сверху вниз. И, возможно, даже поспособствуют распаду этого подлого государства, которое тысячу лет присваивает их славу, их государственность, их культуру. Ради такого дела можно пожертвовать многим и многим. Украина слишком долго ждала этого, она, по сути, именно сегодня отвоевывает свой вожделенный суверенитет, создает свою новейшую мифологию. Украинцы ощущают себя древними греками, они часто ведут себя почти так, как вели себя русские в самые страшные моменты нашей истории. Все эти четыре, или шесть, или восемь русско-украинских войн, которые они там ретиво преподают в школах и университетах и о которых не знают только в России (и в остальном мире тоже), именно сегодня должны увенчаться решительным сражением. Ставки их не просто высокие – они абсолютные: Украина или должна родиться, или роды не состоятся...» (Захар Прилепин, «Тот, в котором надо угадать себя», <http://www.meso Eurasia.org/archives/date/2016/05>).

Неспособность феминного и психически инфантильного русскоязычного населения к самостоятельному обустройству своей жизни

И, конечно же, все это проявляется, как в неспособности русскоязычных людей самостоятельно (без тотальной опеки государства) обустроить свою жизнь, так и, вообще, в их детской беззащитности:

«Таким образом, выявляются признаки эмоциональной незрелости, более характерные для женского типа поведения с известным инфантилизмом, жеманством, иждивенческими тенденциями. Несмотря на выраженный эгоцентризм и склонность жалеть себя, эти личности стремятся к нивелировке конфликта и придают большое значение корпоративно-коллегиальному или семейному статусу... Эти люди «сжигают» себя своими противоречивыми эмоциями, стремясь преуспеть в основном за счет помощи других, но, приписывая заслуги только себе... Проблему «быть или казаться?» личности данного типа решают преимущественно в пользу последнего, то есть постоянно озабочены тем, какое производят впечатление» (Людмила Собчик, «Управление персоналом и психодиагностика», <http://psychobook.ru/cs-standartizirovannyi-mnogofaktornyiy-metod-issledovaniya-lichnosti-smil-adaptirovannyi-test-mmpi/page4>);

«Меня поражает неумеренная тревога русских касательно мнения, какое может составить о них чужестранец; невозможно высказать меньше независимости; русские только и думают, что о впечатлении, которое произведет их страна на стороннего наблюдателя. Что стало бы с немцами, англичанами, французами, со всеми европейскими народами, опустились они до подобного ребячества? К концу дня мои бедные мысли начинают путаться, и я решительно теряюсь; это-то и нравится русским; когда мы перестаем понимать, что говорить и думать об их стране, они торжествуют. Россия – страна, где беда покрывает незаслуженным позором всех, кого постигает. В России разговор равен заговору, мысль равна бунту: увы! Мысль здесь не только преступление, но и несчастье. Прослыть впавшим в немилость – значит, заживо себя похоронить...» (Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 году», <https://lib.misto.kiev.ua/HISTORY/KUSTIN/rossia1839.dhtml> ; <https://coollib.net/b/177906/read>);

«Мой разум слабый, женственный, слишком легко перескакивает нахальным галчонком с одного на другое. А в эмоциональном отношении я очень впечатлителен, склонен к мнительности и вообще легко вводим в то или иное психическое состояние. И, тем не менее, я очень рационален. Почему? – Мой разум всегда находился в положении третьего радующегося. Он ловко сталкивал лбами химер бессознательного, и пока, скажем, стремление к смерти боролось с волей к власти, разум, оставленный в покое, бродил по осеннему саду, дышал морозным октябрьским воздухом. Во мне силен дух противоречия, поэтому я совсем не противоречивый человек. Я вспоминаю о своей юности. Жажда любви компенсировалась ощущением собственной ничтожности и стремлением к власти. Поэтому я не сделал ни одной глупости... Что является глупостью абсолютной. Ошибка в том, что я никогда не совершал серьезных ошибок. То есть вся моя жизнь – сплошная ошибка. Я жил «внутри». Говорят: «Сам не живёт и другим не даёт». Одна часть моего «я» не давала жить

другой. Они дрались и мучили друг друга, мои страсти. А кто жил? Разум? Но разум сам по себе жить не может. Он может быть. Разумной можно сделать и машину. Но от этого она не станет существом. Трагедия человека в том, что он разумен и, тем не менее, существует как существо. А в какой степени я существовал как существо? – В очень незначительной. Ел, спал... Вот, пожалуй, и всё. Зато необыкновенно много думал. Но ведь это как раз не центр моего «я». Я гораздо более одарён в эмоциональной, а не интеллектуальной сфере. Поэтому отрыв от реальной жизни является для меня трагедией. Я потерял слишком много. Почти всё...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Признавалось, что русский народ во всей его совокупности (или его некоторые социальные слои), так сказать, женственно несовершеннолетен; что его легко эксплуатировать, легко сбить с «праведного пути»; что его, поэтому, надо как-то поддержать и защитить мерами государства; защитить против других элементов, более сильных» (Василий Шульгин, «Что нам в них не нравится?», 1930, http://lindex.ru.org/Lindex3/Text/shulgin/02_5.htm ; <http://lib.rus.ec/b/306943/read>);

«Жить в деревне и теперь уже противно. Мужики вполне дети, и премерзкие. «Анархия» у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание не то что «лозунгов», но и простых человеческих слов, – изумительные. Ох, вспомнит еще наша интеллигенция – это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа, – вспомнит мою «Деревню» и пр.!» (Иван Бунин, «Воспоминания», 10.06.1917, <https://project1917.ru/heroes/ivan-bunin>);

«Русский взрослый мужчина отзывается на «Ивана Ивановича», американец откликается и на простецкое «Джон» – в любом обществе, не только среди близких. Более того, говорит Вежбицка, уменьшительные русские имена получают форму женского рода, они как бы смягчаются, становятся «более домашними», возвращая взрослого мужика в детство. Борис – Боря, Дмитрий – Митя, Станислав – Слава.... В англо-американской практике обращений (не имен!) возможны формы типа «Боб» вместо «Роберт», «Дик» вместо «Ричард», «Алекс» вместо «Александр», «Билл» вместо «Уильям» и т. д. Вежбицка в простоте своей полагает, что такими и должны быть энергично-мужские, мужественные имена, в отличие от «женственных» русских «Ваня», «Саша» и прочих. Оказывается, американские обращения не только демократичнее, но еще и мужественнее. К тому же они и короче – единственное условие, признаваемое в сфере делового обращения. Тем более что и американцы говорят (даже в отношении к президенту) «Джонни, Джимми, Томми»...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте // Собственное имя», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-307.html>).

И эта психологическая феминность подростков и мужчин-недорослей хорошо коррелирует с их соматической феминностью:

«Самым значительным результатом исследования связи антропометрического пола с психологическим полом (тест С. Бем), была математически достоверная корреляция этих

двух признаков: соматически андрогинные подростки характеризуются выраженной психологической тенденцией к андрогинии, а соматически фемининные юноши психологически также фемининны, тогда как соматически маскулинные девушки также психологически маскулины (т.е. андрогинные девушки и фемининные юноши характеризуются выраженной тенденцией к гинандроморфии)» (Е.А. Скворцова, Л.А. Рудкевич, «Психологические особенности подростков с разной степенью выраженности половых различий», <http://www.psy.su/interview/2308/>).

И ведь присущая большинству русскоязычных людей так называемая «женская логика» (а точнее «детская логика») – это не что иное, как основанная на бессознательных ассоциациях «логика подсознания», а вовсе не «логика сознания»:

«Я почему-то сразу вспомнила анекдот про женскую логику: Мужчина в автобусе просит женщину: «Рыбка моя, пробей билетик». Женщина думает (бессознательно ассоциирует, – П.Д.) – ага, он меня рыбой обозвал, а рыба – это щука, а щука – это зубы, а зубы – это собака! И, громко кричит: «Граждане! Он меня с.....кой обозвал!»... Нееееет.... пока эта страна непобедима.... И не потому что в оборонку столько бабок вгрохивают и ракетами с Обамой меряются.... Не... как и прежде, потому – что логикой ее понять не возможно. Ну никак... даже россиянину самому...» («Журнал отчаянной самаритянки // Умом Россию не понять», <http://ellago.livejournal.com/228870.html>).

Конечно же, женщины, а также и мужчины, обладающие «женской логикой», всё же, стараются осознать свои бессознательные логические заключения, и даже чаще, нежели неинфантильные мужчины, задействуют свое логическое левополушарное мышление. Однако же из-за недоразвитости левой лобной доли мозга их логические построения являются чрезмерно примитивными, схематичными и, как правило, не выходящими за рамки ранее уже усвоенной жесткой логики.

Психическая инфантильность довольно таки резко проявляется и в полной социальной несостоятельности русскоязычных людей, так ещё и не доросших до сих пор ни до демократии, ни до потребности отстаивать свои права:

«Это были три замечательных дня безвластия. Приказы ГКЧП в Ленинграде не выполнялись, войска в город не вошли, никто ничего не захватывал и ни в кого не стрелял. Робкий русский бунт завершился победой восставших, озадаченных тем, что власть сама упала к ним в руки, и не знавших, как ею распорядиться. Вот строят смехотворные баррикады на подступах к Ленсовету – их не только танк, но и грузовик может снести... «...Что меня поразило, когда я еще раз посмотрел этот материал после того, как сделал фильм «Майдан», – я отчетливо увидел, насколько иная интенция была у людей, которые вышли на улицу в августе 91 года. Основное чувство, эмоция, которую вы читаете на лицах людей, – это удивление, изумление, непонимание того, что происходит, даже страх за то, что будет дальше. Это хорошо видно, поскольку снята картина так, что камера все время показывает лица, она движется по толпе. Очень много лиц вы можете увидеть за эти три дня...» [Сергей Лозница]» (Дмитрий Волчек, «Робкий русский бунт», <http://www.svoboda.mobi/a/27195206.html>);

«В августе 1991 года в Петербурге руководитель студии документальных фильмов на утро, когда ГКЧП объявило о своем существовании, отправил всех операторов на улицу с установкой зафиксировать все происходящее. Талантливые операторы и режиссеры, получив, по-моему, по коробке пленки, сняли большой объем летописи, который в свое время частично вошел в какой-то киножурнал, но в целом так и остался лежать и ждать лучших времен в архиве студии. Лучших времен он не дождался, потому что они в России еще не наступили, а вот Лозницу этот материал дождался в очень важный для сути фильма момент. Фильм рассказывает о несостоявшейся революции, о проигрыше, результаты которого мы расхлебываем по сей день. И фильм очень убедительно – потому что почти дистанцированно – предъясняет это общество, оказавшееся неспособным взять власть в свои руки. Общество, которое оказалось слишком наивным и слишком инфантильным для прорыва, которое само во всем виновато. Эта картина, конечно, смотрится как глубочайшее разочарование в самих себе. В самом себе, потому что я застал путч в Ленинграде, я заканчивал свою единственную игровую картину на студии Германа. Все эти три дня я провел на улицах в бессмысленном строительстве баррикад, блужданиях и, как оказалось, ничемных разговорах – вместо того, чтобы действовать...» (Виталий Манский, «Документальный фильм Сергея Лозницы «Событие»», <http://ehorussia.com/new/node/11947>);

«Глубина экономического кризиса объясняется не только ошибками приватизации, но и менталитетом российского народа. Рядовые участники экономического процесса проявили редкостный инфантилизм, отказываясь не только принимать участие в управлении своими акциями или заниматься предпринимательством, но и менять свою работу, даже если за нее месяцами не платили зарплату. В сочетании с хищничеством новых капиталистов и страшной коррупцией чиновничества такая инфантильность породила явления, невиданные во всем мире. Экономика перешла на бартер, зарплата работникам не выплачивалась, а ресурсы и деньги вывозились и вывозились из страны. Удивительно не то, что популярность демократов упала, а то, что демократические лозунги еще пользовались хоть какой-то популярностью вплоть до 1999 года» (Алексей Мазур);

«Думаю, я достаточно знаю русский национальный характер – с его достоинствами и недостатками. К последним отношу излишнюю инфантильность, с которой связаны многие неурядицы российской общественной, государственной, экономической жизни в прошлом и настоящем, преувеличенное представление о своей духовности, богоносности тоже не способствовало взрослению нации» (Семен Резник, «Вместе или врозь? Судьба евреев в России. Заметки на полях диалогии А.И. Солженицына «Двести лет вместе», <https://coolib.com/b/111531/read>; https://www.e-reading.club/bookreader.php/150239/Reznik_-_Vместe_ili_vroz%27_Sud%27ba_evreev_v_Rossii._Zametki_na_polyah_dilogii_A._I._Solzhenicyna.html; <http://flibusta.site/b/223626/read>);

«...при обсуждении разных жизненных ситуаций люди в последнее время часто как-то по-детски восклицают: «Как же этим чиновником не стыдно?»... Солидные люди, все

понимающие и умеющие объяснить про сложность жизни и относительность всех оценок, любое понятие способные ловко обратить в его противоположность, вдруг с наслаждением обращаются к этому детскому слову («стыдно», – П.Д.)» (Ирина Левонтина, «Стыд в узде», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=8825>);

«Исходные чувства: к себе – стыд, к другому – жалость, к Богу – благоговение. Богословские отношения: к себе – вера, к другому – любовь, к Богу – надежда. Философские категории: к себе – мера, к другому – мужество, к Богу – мудрость. Категории Блага: к себе – красота, к другому – польза, к Богу – истина. Мирские добродетели: к себе – терпение, к другому – великодушие, к Богу – искренность» (Владимир Соловьев, «Оправдание добра. Нравственная философия», 1897, 2-е изд. 1899, <https://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv05.htm>);

«Восток – это культура стыда. А Запад – культура вины. Стыд и вина – два принципиально разных регулятора поведения. Для японца, араба, китайца (и психически инфантильного русскоязычного туранца, – П.Д.) главный регулятор – стыд. Для них важно, что о них подумают представители своей группы. ...для американца, европейца главный регулятор – внутреннее чувство вины. Перед Богом, перед собой. Главным образом перед собой. По-другому это называется совестью. Почему психологи называют разницу между стыдом и виной принципиальной? Потому что европейцу может быть жалко убитого араба, он может испытывать чувство вины за его смерть. А араб (и русскоязычный туранец, – П.Д.), убив европейца, стыдиться не будет. Стыдно может быть только перед своими. Стыд работает лишь внутри группы. А люди вне группы, например американцы, воспринимаются арабами (и русскоязычными туранцами, – П.Д.), как нелюди, которых можно уничтожать безжалостно и бесстыдно... Русские как всегда сидят на двух стульях. Мы и те и те. Вот пример: американцам дико слышать, что японцу может быть стыдно не за себя, а за представителя своей группы. Им непонятно, как можно испытывать это чувство за другого человека. А я вот иногда стыжусь за русских, когда вижу за границей, как они себя ведут... – Вот видите! Наша культура синтетична. Несмотря на весь свой индивидуализм, вы можете чувствовать как араб...» (Татьяна Стефаненко, из интервью Александру Никонову «Восток-Запад: культура стыда против культуры вины», <https://www.kommersant.ru/doc/2289201>);

«Один неглупый человек сказал, что авторитарные государства ведут себя так, словно их жители – подростки. А тоталитарные ведут себя так, словно их жители – дети. Известно и то, что более развитым, более цивилизованным народам первобытные кажутся подростками или детьми. «Большими детьми» называли африканцев и индейцев почти все европейские переселенцы; кто с раздражением, кто с умилением, но называли. Менее известно, что «большими детьми» считали окрестные племена жители Древнего Египта еще во II тысячелетии до Рождества Христова, а Овидий, сосланный на берега Черного моря, писал о «взрослых детях» этих краев. Русские часто... слишком часто оказывались в этой же малопочтенной компании. Но позволю себе заметить, что немцы и жители Западной Европы никогда не держали за великовозрастных детишек ни поляков, ни западных русских

(украинцев и беларусов, – П.Д.)...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида // Цивилизация подростков», https://www.e-reading.club/chapter.php/9699/93/Bushkov_Burovskiii_2_Rossiya_kotoroi_ne_bylo_2_Russkaya_Atlantida.html); <http://texts.news/alternativnaya-istoriya-literatura/tsivilizatsiya-podrostkov-43287.html>);

«Мне кажется, что, вводя определение народа «взрослого» и «невзрослого» (точнее, «первобытного психически инфантильного», – П.Д.) для характеристики его склонности соответственно к демократии или авторитаризму, мы можем с неожиданной легкостью прояснить картину многих исторических процессов, до сих пор затуманенную сбивающими с толку эмоциями участников дискуссии. В свете всего вышесказанного нелепо обвинять Достоевского и Солженицына в ретроградстве: ведь не такой это смертный грех – знать и понимать детскую душу своего народа! И даже их претензии к скучным колбасникам-швейцарцам меняют свою первоначальную окраску – непристойно злобные в устах взрослого, они звучат почти мило в устах ребенка, которому жизнь взрослых кажется скучной. Ему отвратительны взрослые дяденьки и тетеньки, ведущие бесконечно занудные разговоры о политике, ценах и налогах. Народ-ребенок хочет играть в «сыщики-разбойники» или в «дочки-матери» – как же не опасаться той детской бесшабашности, с которой этот народ может злоупотребить равноправием, полученным не по чину, вернее – не по возрасту?!» (Нина Воронель, «Либералы против ретроградов», http://sunround.com/club/22/137_ninavoronel.htm);

«Набоков не понимает, что гениальное детство – это не привилегия русских детей «определенного времени и круга», а вообще свойство русской души. Гениальные дети – это и есть лучшее название для русских. Гениальные дети и тупые, злые, оглушающе бездарные взрослые. Русский талантлив, поскольку сохраняет связь со своим детством, со своим бессознательным и бессловесным «я», в немом восторге, «на коленях» смотрящим на мир сквозь стекло ночного вагона. Об этом же чувстве говорит и Розанов, человек другого поколения и круга, но человек, как и Набоков, русский... Набоков, говоря о «гениальном детстве», в сущности, забыл добавить: «гениальная тоска русского детства». Внутренний трагизм и нигилизм жизни был у него выведен во вне, в хрустальные ностальгические сны... Детство Набокова ничем не отличается от провинциального детства Розанова или современного «пионерского» детства. Я не знаю, как еще сказать об этом, но мне это так ясно, так понятно. ...я закрываю глаза и вижу свою безнадежно потерянную Россию. Набоков так и остался Володей Набоковым, «русским мальчиком». Его фантазмагорическая судьба ни капельки его не затронула. А если затронула бы, навалилась всей массой переживаний, то не было бы Набокова, как русского не было бы. Он скорлупой творчества защитил свое гениальное русское детство. И этой своей замкнутостью он мне ближе Розанова. Но Розанов милей...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«И Соловьев, и Бердяев, и Розанов говорили о народе, т. е. о чем-то сугубо взрослом,

оттого и символы они брали взрослые – «женское», «мужское». А народ-то был дитятей; вот в чем дело! Но и о детской душе России, учитывая все ее ужасы, говорить нелегко. Какое уж тут «детство», если – моря крови и горы костей? Нет, не просто наивность, доверчивость, сказочность – детскость или инфантильность, – а первобытность, дремучесть, пещерность... Не терпимость, доброта, душевность, всечеловечность, а первобытный коллективизм, вседозволенность, разнузданность, торжество хлыстовской стихии, безответственность, произвол, сделки с совестью, насилие, насилие, насилие... Н.А. Бердяев: Личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме. Совершенно безразлично, будет ли этот всепоглощающий коллективизм «черносотенным» или «большевистским». Русская земля живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, она не совместима с личными достоинствами и личной ответственностью...» (Игорь Гарин, «Запад и Восток // Я и МЫ», <https://www.proza.ru/2015/01/17/864>);

«Наверняка многие задавались вопросом, отчего именно русская ментальность (МЕНТальность!) генерирует национализм, шовинизм столь яркий, свирепый, оголтелый, вакханальный, беспредельно (запредельно) экстремистский... Пожалуй, можно назвать причину сего печального явления. Мировоззрение формируется, определяется не только воспитанием, образованием, воздействием идеологий, религий и т.д. Мировоззрение – ещё и продукт внутреннего мира, то есть душевных предпосылок. И предпосылки эти у разных народов весьма разнятся... Обобщения в данном случае уместны, ибо упомянутые свойства не ограничиваются индивидуальностями, а проявляются массово, в масштабе социума. Как и в дикой природе, в России всё решает грубая сила. Российское общество пронизано, пропитано культом грубой силы, культом насилия. Именно физическое превосходство, а также превосходство стада, своры над одиночками, как и у первобытных людей, является для большинства россиян и поныне главным критерием, которым они руководствуются в отношениях. То, что для цивилизованного европейца окажется шокирующим и совершенно неприемлемым и с моральной, и с юридической точки зрения, для «обычного» русского – незыблемая норма, в основе которой принцип простейший и подлейший: подавлять слабых («маргиналов», индивидуалистов) и – пресмыкаться перед сильными, перед сплочённой массой – отсюда и стремление с этой массой слиться, стать её неразличимым элементом. (Меня простят за сию суровую правду русские интеллигенты, коих я никоим образом к вышеназванной обширной «обычной» категории не причисляю). Многовековое торжество насилия в русской среде настолько отравило психику, мировосприятие этого народа и, вероятно, «детерминировало» его генокод, что любые проявления жестокости, произвола, тирании подавляющим большинством русских приветствуются!» (Эдуард Бернгард, «Троглодиты XXI века», <http://lebed.com/2013/art6162.htm>);

«Как бы потом ни колебалась линия партии, какие бы оттепели и перестройки ни тревожили стоячих вод нашего бытия, лишённого действительности, отношение к евреям – лакмусовая бумажка любой политики – не менялось, ибо неизменной оставалась основа – русский шовинизм. И никакой другой эта страна быть не может... Но никто нас (русскоязычных, – П.Д.) не любит, кроме евреев, которые, даже оказавшись в безопасности,

на земле своих предков, продолжают изнывать от неразделённой любви к России. Эта преданная, до стога и до бормотания, не то бабья, не то рабья любовь было единственным, что меня раздражало в Израиле... Есть замечательное высказывание: еврей – тот, кто на это согласен... Есть одно общее свойство, которое превращает население в нечто общее... Это свойство – антисемитизм... Господи, прости меня и помилуй, не так хотелось бы мне говорить о моей стране и моем народе! Неужели об этом мечтала душа, неужели отсюда звучал мне таинственный и завораживающий зов? И ради этого я столько лет мучился! Мне пришлось выстрадать, выболеть то, что дано от рождения. А сейчас я стыжусь столь желанного наследства. Я хочу назад в еврей: там светлее и человечнее... Истинная вера не требует доказательств. А что может быть истиннее, чище и незыблее веры антисемита: все зло от евреев... Как хочется поверить, что есть выход! Как хочется поверить в свою страну! Трудно быть евреем в России. Но куда труднее быть русским... И всё же есть одно общее свойство, которое превращает население России в некое целое, я не произношу слова – народ, ибо, повторяю, народ без демократии – чернь (быдло, – П.Д.). Это свойство – антисемитизм (и ксенофобия, вообще, – П.Д.)» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», https://pikabu.ru/story/yunagibin_ya_khochu_nazad_v_evrei_tam_svetlee_i_chelovechnee_696486_1, <https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/NAGIBIN/tonnel.dhtml>);

«Любую стадную коммуу
Вершит естественный финал:
Трибун восходит на трибуну,
Провозглашая трибунал...
Ни в чем и ни в ком не уверен,
Сбивается смертный в гурты,
Колебля меж Богом и зверем
Повадки свои и черты...»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Народ как был языческим, так во многом им и остается, а государство и народ не соединяются, как в Африке. Народу не важны цели государства. Он хочет, чтобы ему платили пенсию, на дорогах не было больших ям и чтобы лифты ходили. Народу неинтересно, что делают губернаторы. Люди заранее знают, что начальник по своему призванию – вор, но он по этому поводу ничего не делает. На мой взгляд, российская Церковь находится в удручающем состоянии. И не потому, что там какие-то плохие люди с бородами, а потому что, во-первых, я согласен с Антоном Павловичем, русский человек о религии не знает ничего либо знает очень мало, и потом религия – это не ритуал, это ощущение своих обязанностей – сначала перед собой, перед семьей, а потом перед Богом. Если не будет ответственности перед семьей, неважно, как он относится к Богу, 1,5 тыс. малолетних детей в год будут изнасилованы и убиты, как у нас сейчас происходит» (Андрей Кончаловский, «О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья», <https://glavcom.ua/publications/120940-andrej-konchalovskij-o-krizise-tserkvi-prezidente-predatele-i-poiske-schastja.html>; <http://kinsoyuz.com/news/index.htm?pub=1868>).

Как видим, всё ещё не доросшие до демократии русскоязычные («советские») челядишки являются не только по-детски наивными, но и абсолютно безответственными и не способными жить по-человечески. И, поэтому-то, полагаться на их «благоразумие» весьма опасно:

«...построенную русскими систему можно коротко и просто определить как «сами не живут и другим не дают». Свое рабство, варварство и духовную ничтожность они непременно хотят навязать и другим народам, «осчастливить» их достижениями своей несказанной «духовности», состоящей целиком из запретов, заставить точно так же отказаться от своей свободы и подобострастно смотреть в рот любому самому мелкому начальничку...» (Борис Стомахин, «Может ли Чечня победить Россию?», <http://rko.marsho.net/articl/chechnya.htm> ; <http://chechenews.com/1-2978/>);

«Требование запрета – признак дурака. К сожалению, дураков много. И, к великому сожалению, люди уже привыкли к инфантилизирующему влиянию государства. Помню, еду в машине, услышал по радио обсуждение какого-то очередного запретительного закона. И ведущий произнес: – А сработает ли запрет? Вот нам уже запретили пить пиво на улицах... Я поразился построению фразы. Она прозвучала совсем обыденно. «Нам запретили...» Как будто есть некие воспитатели-марсиане, которые нам, словно детям, что-то запрещают, а мы проглатываем. Люди низкоинтеллектуальные подсознательно считают себя детьми под присмотром строгого Отца. Они полагают, что им можно что-то запрещать для их же блага, что их необходимо наказывать за нарушение запрета, потому как: «Ну, вот такие мы люди, без кнута никуда. Сталина на нас нет...» Но если у этих дураков вдруг отобрать право голоса, они будут искренне возмущены! Хотя детям голосовать не положено в силу незрелости... С другой стороны, избирательное право всем уже даровано. А подаренное не вырвешь из рук, ибо оно уже воспринимается как свое. Что же делать? Выход лежит на поверхности: платные выборы. Состоятельный и здравомыслящий человек – тот, кто платит налоги и тем самым содержит государство, придя на выборы, с полной ответственностью заплатит за свое голосование. Предлагают и более щадящий, хотя и несколько замысловатый вариант: за месяц до выборов человеку выделяется из бюджета некая сумма, которую он должен внести в выборную кассу перед тем, как бросить свой бюллетень в урну. Если он эти деньги пропил или потратил, на выборах ему делать нечего. И, слава богу! Нам не нужны маргиналы и деграданты, продавшие свое первородство за миску похлебки и стопку водки» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», <https://7lafa.com/book.php?id=223016&page=59>; <http://lib.rus.ec/b/466781/read>; <http://fb10.online/b/466781/read>);

«Собственно, всеобщее избирательное право является главным источником тех катастрофических изменений, которые произошли с рождаемостью, с образованием, с пенсией, с медициной, с управлением государством. И во всех случаях основная причина катастрофы была одна и так же: политики, действующие в рамках системы всеобщего избирательного права под видом обеспечения справедливости и заботы о несчастных

обездоленных умножали число людей, которые являются зависимыми от государства. Они умножали, давая пособия матерям-одиночкам, превращая эмигрантов из бедных стран из самого деятельного сословия нации в ее самый государственно-зависимый сегмент; превращая пенсионеров, бюджетников, врачей, учителей, зависимых от государства, превращая школы из социального института, обеспечивающего отбор и социальный лифт, в институт, выращивающий инфантильных избирателей, считающих, что им все должны. По сути дела, всеобщее избирательное право – это такой гигантский эксперимент по превращению большинства населения страны в зависимых от государства – не от работодателя, от государства – людей» (Юлия Латынина, «Если даже родительских прав мы лишаем алкоголичек, то почему мы оставляем им избирательные права?», <http://echo.msk.ru/programs/code/1470780-echo/>);

«Но если это так, тогда возникает срочная практическая проблема: как быть с Конституцией? Если мы имеем такую конституционную политическую систему, к которой не хотим допускать (нераболепствующее, – П.Д.) население, т.к. боимся, что оно вступит в союз с террористами и демонтирует государство, то тогда надо срочно рассматривать вопрос о демократии. Тогда мы загоняем сами себя в ловушку, развивая политические институты демократического характера, куда не допускается население! Этот парадокс приведет только к очень серьезному моральному и национальному поражению» (Глеб Павловский – Президент Фонда эффективной политики, член Общественной палаты РФ, <http://www.kreml.org/interview/64955218>);

«Таким образом, развитие России (и СССР, – П.Д.) через несвободу в духе распределительной восточной системы воспроизводства сформировало менталитет рабского (холопского, психически инфантильного, – П.Д.) типа, не соответствующий традиционным рыночным отношениям. Поэтому попытки шоковой трансформации российской (и постсоветской украинской, – П.Д.) системы закономерно приводят в тупик с криминальной самоорганизацией. Этот тупик сегодня стал фатальной реальностью. Социальная «температура» в нем столь высока, что возможен любой скачкообразный переход: найдись только соответствующий пассионарий-«вожак», ментальность «бегства от свободы» сработает немедленно» (Доктор эконом. наук Людмила Мясникова, «Российский менталитет и управление», <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-49-33>);

«На рубеже XX и XXI веков в русский город с гиком и свистом ворвался самодовольный, наглый и беззастенчивый уголовник. Двух десятилетий ему хватило для того, чтобы подмять городскую, полугородскую и крестьянскую культуру под себя и свести на нет политические достижения 200-летней европеизации страны. Криминализация общества всегда является свидетельством его социальной деградации, провалом в архаику, возвратом к наиболее примитивным формам социальных отношений, основанных на насилии и грабеже. Повинуясь основному инстинкту, криминальные элементы стихийно сбиваются в стаи, которые терзают «тяглых» людей и потрошат их кошельки. Периодически внутри этих стай случаются свары, как между собаками, не поделившими кость. Но все тот

же инстинкт заставляет их снова объединяться. Их много. Они – главная социальная база нынешнего режима. Это их режим. Криминальная опухоль пустила метастазы повсюду, она проросла «снизу», так же как и «сверху», проглотила государство, подмяла под себя общество. В России не осталось ни одной социальной или политической институции, которая не была бы покорена уголовщиной. По сути, нет никакой разницы между кушевскими бандитами и кремлевскими олигархами. И те и другие – типичные люмпены и уголовники по своим повадкам, ценностям, менталитету. А вся Россия снизу доверху – сплошная «кушевка»...» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Варвар в городе», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«Коммунисты и фашисты – не две противоположности, а лишь две разные идеологические ипостаси этатизма в политике и распределительной (реструктурирующей) экономике, как ее 50 лет называют на Западе, используя латинский аналог слова «распределение». На древность этой модели еще в 1922г. обратил внимание Питирим Сорокин, когда писал о РСФСР: «То, что у нас введено было под именем государственно-капиталистической системы, представляет буквальное повторение хозяйственной системы древней Ассирии-Вавилонии, древнего Египта, древней Спарты, Римской империи периода упадка (III-V вв. по Р.Х.), государства инков, Перу, иезуитов, системы, не раз имевшей место в истории древнего Китая, напр., при Ван-ан-Ши и др., древней Японии, системы, близкой к состоянию ряда государств ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т.д.». Увы, Маркс со своей моделью социализма открыл не новое, а забытое старое. Вместо шага вперед, он сделал шаг назад. Сталин и Гитлер лишь поставили эту авторитарно-распределительную модель на индустриальную основу и довели примитив авторитаризма древности до тоталитаризма, используя научно-технические средства. Режим Януковича того же типа, но он не успел выкристаллизироваться и обзавестись идеологией, сложно требовать идеологию от криминалитета и коммунистов-распределителей, утративших ориентацию в идейном пространстве. Путинский режим в советскую модель экономики распределения добавил лишь перераспределение на верхних этажах, отсутствовавшие в СССР, и копирует немецкий национал-социализм в идеологии...» (Сергей Климовский, «Куда движется мир и Украина?», <http://hvylya.net/analytics/history/kuda-dvizhetsya-mir-i-ukraina.html>);

«В какой-то степени это неизбежно было. Это была идея создания фашистского государства, т. е. люди, которые делают революцию, чтобы они получили за это в качестве оплаты управление государством. Это был лозунг, который был реальным и который имел грандиознейший успех. Причем он имел социалистическую часть: сбросить буржуазию и строить социализм. Но он имел и фашистскую часть, этот лозунг: взять государство в свои руки... Я должен тебе сказать, что я считаю, что наша система, как я её знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система и она такой осталась и измениться так просто не может. Поэтому вопрос стоит о двух вещах. Во-первых, о том, в какой мере внутри этой фашистской системы могут быть улучшения. Во-вторых, я считаю, что эта система будет всё время расшатываться. Я считаю, что, пока эта система существует, питать надежды на то, что она приведет к чему-то приличному, никогда нельзя было, вообще это даже

смешно. Я на это не рассчитываю» (академик Лев Ландау: «Наши есть фашисты с головы до ног», <http://argumentua.com/stati/akademik-landau-nashi-est-fashisty-s-golovy-do-nog>);

«Российский казарменный капитализм немного напоминает корпоративное государство Муссолини, немного – латиноамериканский режим, а больше всего – традиционную российскую действительность. Ту самую действительность, которую некогда декорировал Потемкин, – только теперь дизайнеры декорировали ее так ярко, как Потемкину не снилось. Вы предлагаете пересмотреть отправные послышки. Вы произнесли слова «левый поворот»; эти слова многих напугали. Вот бойкий журналист пишет, что нужна не справедливость, а свобода. Вот бравый телеведущий говорит, что в целом жизнь улучшается. Есть, мол, отдельные недостатки, а все-таки – прогресс. Их трудно будет убедить в том, что стране необходим левый поворот. Но даже если убедить данного субъекта повернуть влево (уверить, что свобода слова сохранится, и дачу не отымут), все равно влево повернуть будет сложно. Чтобы был возможен левый поворот, нужно, чтобы было лево и право. В России левых и правых нет – есть нижние и верхние. Верхний может себя называть как левым, так и правым – нижнему от этого ни левее, ни правее не сделается» (Максим Кантор, «Казарменный капитализм. Левый поворот Михаила Ходорковского», <http://www.maximkantor.com/articles/kapitalism.htm>).

И ведь же:

«Вера в Отца (небесного или земного – без разницы) тоже есть свидетельство инфантильности мышления. Если человек до седых волос не созрел для того, чтобы выйти из-под опеки строгого Папы, о чем тут еще говорить?...» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», <https://public.wikireading.ru/19105>; <http://lib.rus.ec/b/466781/read>; <http://fb10.online/b/466781/read>);

«Речь не о личном мужестве, и не о мужестве народа, а о том, что инфантильные люди не способны сами делать то, что должен делать Отец. Именно таким Отцом, точнее, «тенью Отца» стал Владимир Путин для части русско-советских людей. Дети успокоились на время. Не понимая, что под эти их страхи вполне могут дать и другого папаньку, который опять их построит в колонны, и они снова будут ходить строем. И этот новый Отец может дать им ПОРЯДОК, о котором они так тоскуют. Но порядок этот он даст не во имя заботы о них, а во имя интересов элиты. Но детям ведь неважно в чем заключается ПОРЯДОК. Важно, чтобы восстановились правила игры. Важно, что снова есть Отец, и он строг, и он знает, как и что нужно делать. И тогда для русско-советских людей мир снова наполнится гармонией» (Александр Самоваров, «Инфантильный СССР. Советский человек так и не вырос», <http://www.apn.ru/special/article21079.htm>);

«Прядка мы жаждем! Как формы для теста.

И скоро мясной мускулистый мессия

Для миссии этой заступит на место,

И снова, как встарь, присмиреет Россия»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/SD.htm>);

«У нас ведь инфантильный зритель. Он знает, что папа с ним играет, но папа плохо не сделает. И, если папа в конце сделал бяку, и нет катарсиса, и нет развязки, и такой длинный, нудный, бесконечный сериал закончился нашим поражением, то зритель будет страшно удивлен, как же так. И поэтому российское руководство как страус прячет голову в шахты Донбасса и оттягивает момент расставания со зрителем. Понятно, что если бы Россия сегодня сказала, что сепаратистов не поддерживаем, оружие перестала поставлять, добровольцев перестала поставлять, деньги перестала платить. То в течение очень короткого срока, недели, 10 дней все это безобразие бы закончилось. Но это было бы тяжелое моральное разочарование для российского зрителя. Папа не хочет обижать ребенка и тянет, и тянет в надежде непонятно на что. Потому что никакого иного финала у этого сериала быть не может. Увы. Для папы и для ребенка. ...единственное, что папу по каким-то необъяснимым причинам интересует это любовь маленького. Ребенок должен любить папу. А для того чтобы ребенок любил папу, папа ему делает все. То крымский торт принесет на день рождения, то расскажет, какой чужой дядя злой, а папа защищает и бьет этого дядю и возит этого дядю фейсом по тейблу. То еще что-то такое. Но ребенок должен любить. Любовь ребенка это главное утешение для папы. Поэтому они связаны. И признаться, что я ошибся, грубо ошибся, абсолютно ошибся. И проиграл просто, я взял и проиграл. Это значит уронить папин авторитет, нанести тяжелую травму неокрепшему детскому сознанию. И, в общем, неприятно это. А признавать придется. Какой же выход тянуть, тянуть, тянуть и тянуть. Авось как-нибудь, вот какие-то безумные идеи распространяются в Интернете, что глядишь в декабре подойдет генерал Морозов и задушит украинцев, как задушил Наполеона и Гитлера. Вот еще что-то. И они на брюхе приползут, как написал один великий русский писатель Прилепин: как приятно будет, когда они избитые, оплеванные приползут на брюхе и мы вытрем об их братскую лысину свои сапоги. Вот такие садистские надежды. Разные духовные порывы есть в сознании общества. Но факт заключается в том, что кончится этот бой совсем не так, как хочет, ждет и уверен зритель. И чем больше зритель уверен, тем дольше его тянут...» (Леонид Радзиховский, из интервью Оксане Чиж, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1380744-echo/>);

«Мне уже довелось писать на страницах «МК» (30.03.2014) о распаде межличностных отношений, что делает наше общество похожим на хаотическое движение 143 миллионов экстремальных индивидуалов, которые утратили всякую способность самоорганизоваться. Единственное оставшееся управленческое начало – «ручной режим», когда сверху подается команда (многократно усиливаемая пропагандистской машиной) «что делать» и «кто виноват». Очень напоминает отношения вожака-вождя первобытного племени со своими сородичами...» (Евгений Гонтмахер, «Языческая Русь», <http://www.mk.ru/social/2014/06/30/yazycheskaya-rus.html>);

«К чему ломать голову над разными тонкостями управления? Они существуют для Западной Европы, а у нас вся мудрость государственная заключается в двух словах: быть по

сему» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 12 февраля 1872г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

Конечно же, если вероломный Отец (вожак) проявит хоть малейшую слабость, то тотчас же будет отстранен народом-ребенком (челядишками) от власти, и именно его то и сделают москвиты и их потомки козлом отпущения всех грехов этого психически инфантильного и кровожадного этноса:

«Великий русский писатель Михаил Салтыков-Щедрин еще в 19-м веке заметил: «Если русским предоставить право выбрать себе предводителя, они выбирают самого лживого, подлого, жестокого, вместе с ним убивают, грабят, насилуют, впоследствии сваливают на него свою вину. Спустя время церковь провозглашает его святым». Сказано так, будто Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин смотрел в наше время. Вы скажете, что сейчас совершенно другое время, оно течет, как река, в которую не войти дважды. Время меняется, техника меняется, еще 20 лет назад мы ничего не знали о мобильниках, интернете, Скайпе. Но человек (очевидно, русскоязычный человек-ребенок – людишка, – П.Д.) остается таким же, каким был и 200 и 2000 лет назад – жадным, хитрым и плотоядным» (Владимир Левин, «Знак беды», <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=4049>);

«Царь Васька (Василий Шуйский, – П.Д.) – порождение своего общества, не более того. Самый подлый, самый хитрый, самый ничтожный? Может быть. Лучше всех умеющий преследовать свои и только свои эгоистические цели? Лучше умеющий гадить, предавать и подличать? (Как говаривает один мой знакомый «коммерсант»: «коленки можно потом и отряхнуть»...). Допустим, что все это так. Ну, а остальные-то... Вся огромная страна куда смотрела?! Московия видела, кого выбирала, – это раз. И заслуживала того, кого выбрала, – это два. Подлое, не ведающее чести, не знакомое с порядочностью общество, в котором и полагается всячески задирать пяточок, получило истинно своего лидера. Готовая к смуте страна выбрала того, кто ее стряхнет в Смуту. Настанет день, и «царя Ваську» скинут с трона, постригут в монахи, отдадут полякам. На заседании Сейма он будет валяться у поляков в ногах, плакать и просить прощения, а потом незаметно помрет в 1612 году, уже никому не интересный» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида // Обвал в смуту», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=60; <https://history.wikireading.ru/247>; http://iwiwarouz.atSPACE.name/mvpeoiva79_0.html);

«Николай Павлович хотел управлять государством как казармою. Заботясь единственно о дисциплинировании своего народа, он убивал в нем систематически его умственные силы и дошел до того, что не имел ни генералов, ни администраторов, а имел одних холопов, которые умели только говорить ему: «Слушаю-с». Он дошел, наконец, до Севастополя. Он считал себя полицмейстером Европы; с высокомерием старался подавлять в ней всякое свободное движение, как у себя дома, посреди пораженных страхом своих рабов, но, посрамленный в Севастополе, умер от стыда и отчаяния. До чего были доведены умы в царствование Николая (Николаски, – П.Д.), видно из того, что многие люди, честные и мыслящие, желали, как единственного обуздания грубой воли повелителя, чтобы нас побили

в Севастополе. К сожалению, это исполнилось. Много ли от этого урока выиграла Россия? Говорят, что от этой встрепки мы прозрели. Правда, на минуту, для того чтобы, зевнув, потянувшись, снова погрузиться в сон...». (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 6 декабря 1872г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«...Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60-ти, «и такой серьезный», Новгородской губернии, выразился: «из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть». Т. е., не сразу сорвать кожу как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой. И что ему царь сделал, этому «серьезному мужичку». Это к вопросу о народной любви к царю (Николашке, – П.Д.), за которого якобы тоже народ «стоял горой». На самом деле известие о зверском убийстве царя и его семьи встретили или равнодушно или даже со злорадством. Очевидцам тех событий все виделось не так, как нашим нынешним охранителям. Один из этих очевидцев (Георгий Иванов) писал:

«Овеянный тускнеющею славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орел Двуглавый,
А жутко, унижительно издох»...»

(А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Насчет живучести СССР ошибались – на поверку он оказался огромной армией алчных номенклатурных воров в погонах и без погон. Всегда были страшны рожи на мавзолее, но теперь среди самых богатых людей страны появились физиономии чисто апокалиптические, взглянешь – вздрогнешь. Я почти перестал смотреть телевизор: сплошной поток кровавого насилия и высокопоставленной шпаны носит тотальный характер. В современном эрэфовском безвременье, при полном одичании и безмозглости населения, возможно абсолютно все...» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>).

И ведь же действительно, ничего-то и не изменилось с тех пор в России. И нынешний царь-батюшка России (Вовка Путин) управляет ею тоже как казармою, не подозревая даже о том, как может «любить» его психически инфантильный русскоязычный охлос:

«В результате двадцатилетних усилий построен казарменный капитализм. Я думаю, словосочетание «казарменный капитализм» точно описывает сегодняшнее сознание – смесь горделивого предпринимательства с привычным холуйством. Это нездоровое сочетание, процветания оно не сулит. Казалось бы, все видят, что общество больно: вот сыпь увидели, вот язву заметили, вот шанкр разглядели – а диагноз никто не ставит. Напротив, говорят: как хорошо, что у нас не чума тоталитаризма. И, правда – хорошо, что нет чумы. Но то, что есть сифилис, – плохо. Идеологией стали деньги, и это вроде бы лучше, чем лицемерные лозунги. Плохо то, что распределение денег осуществляется согласно привычной идеологической иерархии. Про коррупцию пишут, не стесняясь: само собой понятно, что некоторым брать можно, а некоторым – нельзя. Не взятки берут, как при старике Брежневе – но заводы, земли, недра. Собственно говоря, уже разобрали – те, кому разрешили. Сформировался класс

богатых холопов – и это в обществе, которое хотело избавиться от марксистского наследия...» (Максим Кантор, «Казарменный капитализм. Левый поворот Михаила Ходорковского», <http://www.maximkantor.com/articles/kapitalism.htm>).

О прогрессирующей психической инфантильности в русскоязычном примитивном обществе

К тому же в русскоязычном примитивном обществе, как правополушарное мышление, так и связанная с ним психическая инфантильность все еще продолжают прогрессировать, что проявляется даже в синтаксической системе русского языка:

«Правополушарные тенденции усиливаются в наши дни: Сопоставим признаки, характерные для логизированной (а) и аналитической, актуализированной фразы (б) по параметрам: 1) общая форма: (а) более длинное развернутое высказывание в виде одного предложения с непрерывностью синтаксической цепочки; (б) высказывание состоит из нескольких более коротких отдельно оформленных предложений; усиливается роль вставочных конструкций; 2) ритм: (а) сравнительно небольшая загруженность интонации; (б) разделение на отдельные предложения приводит к учащению ритма: интонационно и ритмически выделяются отдельные части; 3) иерархия: (а) иерархический характер строения с яркой выраженностью подчинительных отношений от словосочетания до сложного предложения, (б) подчинительных конструкций значительно меньше, преобладает бессоюзие и сочинение; 4) способ обрисовки ситуации: (а) смысловые элементы максимально эксплицированы; видна, с нашей точки зрения, некоторая дистанцированность автора от ситуации; (б) не все смысловые элементы эксплицированы; по нашим наблюдениям, дискретность ведет к созданию в сознании воспринимающего живого образа ситуации. Г.Н. Акимовой отмечается все возрастающее присутствие говорящего в цепочке предложений, построенных по принципу сокращения: В доме бегают и шумят дети – В доме шумят – В доме шумно – В доме шум – Шумно – Шум. Ситуация в (б) воссоздается «мазками», как в импрессионизме (и в анекдотах, – П.Д.). Говорящий и воспринимающий активно вовлечены в нее, большую роль играют невербальные средства общения...» (С.Я. Пименова, «Об изменениях в языке: различные типы восприятия и синтаксическая система», http://evolsoznanie.narod.ru/Pimenova_izm_yazyk.htm);

«Анекдот – единственная форма русского самопознания. Род терапии. Больше того, род выживания. С другой стороны, это род отчаяния. Любимые герои анекдота – элита бестолковых людей. Бестолковщина не раздражает, а стимулирует. Не сообразили, не предусмотрели – нарвались на реальность. Опростоволосились, опозорились. И смех, и грех. Мы коллективно бестолковы. Соборно – без головы. Взялись за что-нибудь – не получилось... Русское слово подыгрывает анекдоту. В русском синтаксисе спрятан эмбрион анекдота. Анекдотический вирус. Избыточное воображение и недостаточная рефлексия. Из мира выхватывается и развивается до предела его несуразность...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Анекдот», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

И, к большому сожалению, никаким воспитанием подрастающего поколения, заключающемся в воздействии вовсе не на подсознание, а лишь на сознание воспитуемых, прогрессирование психической инфантильности в русскоязычном примитивном обществе приостановить принципиально не возможно. Бессознательные лингвопсихические установки пережиточной русской (туранской) ЯКМ неизбежно будут конфликтовать с насильно прививаемой лишь через сознание новой системой мировоззрения, способствуя тем самым развитию неврастении:

«Важно, чтобы система стала именно подсознательной. В тех случаях, когда система, в простые и ясные схемы которой должно укладываться все (внешний мир, мысли, поведение, быт), осознается как таковая и постоянно пребывает в поле сознания, она превращается в «навязчивую идею» (*idee fixe*), человек, одержимый ею, – в маньяка-фанатика, лишённого всякой душевной ясности и спокойствия. Это бывает тогда, когда система неуклюжа и плоха, так что бытие в нее укладывается не само собой, а путем насилия над природой. Такой случай возможен, если человек туранского типа почему-либо откажется от той удобной, выработанной постепенными усилиями многих поколений системы мировоззрения и быта, которой живут другие его соплеменники, и попытается сам создать совершенно новую систему. Не будучи способен плодотворно мыслить (а, следовательно, и искать новую систему) без наличия в подсознании уже готового твердого устоя, такой человек большею частью создает именно плохую, неудобную систему, топорно переработав и упростив какую-нибудь чужую. Случай этот, разумеется, редкий, и вследствие неудобства той системы, которую создают подобные люди, система эта у других людей туранского типа обычно не имеет успеха. При особенно сильном темпераменте и при исключительной одаренности создателям таких доморощенных систем – *idee fixes* – удается собрать вокруг себя разве только небольшую секту таких же фанатиков этой «идеи», как они сами...» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49, <http://www.gumilev-center.az/o-turanskom-ehlemente-v-russkojj-kulture/>; http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1992/no1/1992_1_092_Trubetskoi.pdf).

О травмирующем воздействии на психику русскоязычных людей попыток насильственного привития им нехолопского образа жизни

По утверждению академика РАМН, профессора, доктора медицинских наук, ученого с мировым именем, Директора ГНЦ социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского и министра здравоохранения России (1996–98) Т.Б. Дмитриевой (1952–2011) и многих других российских экспертов:

«...каждый четвёртый россиянин нуждается в психиатрической помощи» (П.Е. Газукин, В.В. Прибыловский, «Правительство Российской Федерации (биографии) // Дмитриева Татьяна Борисовна», <http://www.panorama.ru/gov/gov20019.shtml>);

«Эксперты отмечают: по сравнению с 90-ми количество клиентов психиатрических клиник в России увеличилось почти в два раза. Выросло число страдающих такими серьезными психическими заболеваниями, как шизофрения, маниакально-депрессивный

психоз и эпилепсия. А невротические расстройства и депрессии приобрели статус массовых. Они уже заняли «почетное» второе место после сердечно-сосудистых заболеваний. По словам психотерапевта Александра Полеева, число страдающих от этого заболевания в мире ежегодно увеличивается на 0,1%. А это в планетарном масштабе немало. В России ситуация обстоит еще хуже. «Сейчас 15–20% населения планеты нуждается в помощи врачей-психиатров и психотерапевтов, – рассказала «Новым Известиям» исполнительный директор Независимой психиатрической ассоциации России Любовь Виноградова. – В России этот показатель достигает 20–25%» (Нина Важдаева, Карина Нараевская, «Великая депрессия», <http://www.newizv.ru/society/2007-01-30/62224-velikaja-depressija.html>);

«Сегодня в России 157 тысяч граждан фактически обречены на медленное и мучительное уничтожение в психоневрологических интернатах (ПНИ). Они все – в «слепой зоне» общества. В защиту этих взрослых и детей пока не было ни одного пикета, они не были и вряд ли будут символами гражданского протеста. Психоневрологические интернаты в стране всегда были традиционно закрыты для внешнего мира. Ровно так, как закрыты тюрьмы... В России насчитывается более 500 ПНИ. Большинство из них переполнены. Подавляющая часть пациентов лишена дееспособности, причем единственным опекуном, решающим все вопросы жизни таких людей, является директор интерната. Фактически они попадают в полную и абсолютную зависимость от него. 75% их пенсии, по закону, отчисляются на счет ПНИ... Слово «милосердие» здесь полностью утратило смысл, и сердечность уступает место равнодушию, непрофессионализму и расчеловечиванию...» (Наталья Чернова, «Здесь смерть наступает раньше, чем заканчивается жизнь», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/06/30/81076-zdes-smert-nastupaet-ranshe-chem-zakanchivaetsya-zhizn>; Нюта Федермессер, «Качество жизни и медицинской помощи в отделениях милосердия в ДДИ и ПНИ», Москва 24 июня 2019, http://old.novayagazeta.ru/storage/b/2019/06/03/SPCh_Kachestvo_zhizni_i_medicinskoj_pomoschi_v_otdelenijah_miloserdija_v_DDI_i_PNI_s_zagolovkami.pdf);

«Когда я выхожу на русскую улицу, оказываюсь в русской толпе – мне не страшно, наоборот, мое ухо наслаждается любой формой живой русской речи, но я ощущаю, что нахожусь среди нездоровых, психически больных людей. Я присутствовал на застольях, где все, и гости, и хозяева, были тяжело психически больными, хотя и более нормальными, чем русская простонародная толпа, которая нынче пришла в такое состояние, что готова растерзать любого, кто вызовет раздражение или чем-то выделится...» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>).

И действительно:

«Специалисты считают, что население России не приспособилось к новому ритму жизни, сказываются последствия «глобальной посткоммунистической травмы, перемены сознания, изменения общественных отношений». Кроме того, ситуацию усугубляют ставшие уже традиционными «российские» факторы: алкоголизм, наркомания, пищевые отравления, массовая бедность, отсутствие работы. Отсутствие уверенности в будущем, вызванное

экономической ситуацией в стране, также способствует расшатыванию психики. Немалый вклад в увеличение числа психически больных людей вкладывают и российские власти, культивируя образ врага. Россияне начинают видеть врагов повсюду: среди выходцев с Кавказа и из Азии, приезжих из других регионов. Специалисты отмечают также, что многие психически больные люди находят себя в политике или становятся лидерами экстремистских организаций. В этом качестве они начинают «заражать» своими бредовыми идеями (в том числе и «образом врага») здоровых людей. Массовая невротизация связана также с участвовавшими катастрофами и терактами. По словам специалистов, сейчас каждая восьмая москвичка боится спускаться в метро, а каждая двенадцатая – пользоваться лифтом...» («Россия лидирует по числу психических расстройств», <http://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html>);

«Разрушение государственной системы социалистического общества с его комплексом (советско-холопских, – П.Д.) духовных ценностей, на которых было воспитано три поколения, обнищание значительной части населения, безработица, неуверенность в завтрашнем дне всех слоев населения, недовольство населения снижением уровня социальной защиты, включая личную и общественную безопасность, пропаганда средствами массовой информации, особенно телевидением, насилия и духовной вседозволенности на фоне гнетущего ощущения проигранной «холодной войны», падений мирового престижа и мощи России породили разрушение духовного стереотипа и постоянный эмоциональный стресс людей, который проявился расширением алкоголизации, беспрецедентным ростом наркомании и детской токсикомании, ростом экономической и уголовной преступности, убийств, в том числе беспричинных убийств подростками. Широко распространилась деятельность бандформирований, коррупция в государственном аппарате на всех его уровнях. Агрессия становится доминирующей формой поведения людей... Число впервые выявленных больных с психическими заболеваниями увеличилось с 14,6 в 1988г. до 36,2 в 1998г. на 10.000 населения. Из них выявленных с умственной отсталостью 3,0 (1998) и 4,5 (1999). Особенно обращает на себя внимание рост за последние десять лет психических расстройств не психотического характера с 7,1 до 26,0 на 10.000 населения, т.е. в 3,7 раза. Количество детей с психическими расстройствами, находящимися под наблюдением выросло с 2070 (1989) до 2624 (1999) на 100.000 детского населения, в том числе с расстройствами не психотического характера – более чем в 2 раза. Умственная отсталость увеличилась за период 1994–1999 гг. на 76%, психозы – на 30,3%. Заболеваемость подростков с 1994 по 1999 гг. увеличилась соответственно с 405,6 до 549,5 на 100.000 подросткового населения, в том числе с 257,7 до 349 – по расстройствам не психотического характера, и с 53,6 до 84,8 – по умственной отсталости. В анализе наиболее интересным является феномен постоянного нарастания показателей болезненности, который характеризует хронизацию болезней и пораженность населения. Так болезненность у взрослых с 1991 по 2001 гг. выросла на 70% по болезням мочеполовой системы, на 60% – по нервным болезням и органам чувств, болезням эндокринной системы и нарушениям обмена веществ, на 50% – по болезням системы кровообращения, а по заболеваниям крови, кроветворных органов и иммунной системы – почти в 3 раза. Заболеваемость подростков

увеличилась за те же десять лет в 1,6 раза, а показатели болезненности по эндокринной патологии, нарушению обмена, иммунной системе, болезням крови и кроветворных органов возросли в 4 раза, по инфекционным и паразитарным болезням, заболеваниям органов пищеварения и органов чувств – в 2 раза, по болезням органов дыхания – в 2,5 раза, костно-мышечной системы – в 3,8 раза. Хронизация заболеваний у детей и подростков – будущего потенциала нации – представляет угрозу национальной безопасности России, поскольку 50% подростковой популяции покидают школу, отягощенные хроническими болезнями. От 20 до 50% из них имеют ограничения в выборе профессии и службе в армии по состоянию здоровья (А.А. Баранов, 1997). К этому следует добавить данные о том, что до 70% школьников употребляют алкоголь, 30% курят, а 6% время от времени принимают наркотики... Анализ состояния здоровья населения свидетельствует о том, что основной причиной сложившейся ситуации следует признать разрушение традиционной среды обитания. Это проявляется как социально-экономической сфере, так и в медико-биологической. Причины ухудшения здоровья населения следующие: – разрушение традиционного уклада жизни; – потеря социальных ориентиров; – снижение жизненного уровня; – нарушение внутрисемейных отношений; – невостребованность личности; – неполучение необходимой медицинской помощи» (Александр Соколов, «Влияние политических и социально-экономических факторов на здоровье населения в постсоветской России», <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-politicheskikh-i-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-zdorovie-naseleniya-v-postsovetskoy-rossii-1>; http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/1/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/sokolov.pdf; <http://www.medcoref.ru/mref-907.html>).

Как видим, всё это является следствием не только негармоничного образа жизни россиян, но и травмирующего воздействия на их психику нерезультативных попыток насильственного привития им сначала советско-холопского, а затем, наоборот, нехолопского образа жизни, абсолютно не соответствующего пережиточной русской языковой картине мира:

«Мне кажется, мы сильно недооцениваем влияние трагедий российского прошлого на психику сегодняшних поколений. Нашу с вами психику. По сей день, прощаясь, мы говорим друг другу – «До свидания!», не сознавая, что «свидание» вообще-то слово тюремное. В обычной жизни бывают встречи, свидания бывают в тюрьме. По сей день мы легко пишем в смсках: «Я напишу, когда освобожусь!» Когда ОСВОБОЖУСЬ... Оценивая масштаб трагедий российского прошлого мы обычно считаем погибших. Но ведь для того, чтобы оценить масштаб влияния этих трагедий на психику будущих поколений, считать нужно не погибших, а – выживших... То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас, через детские воспоминания, через взаимоотношения с родителями. Просто, не зная, мы этого влияния не осознаем и поэтому бессильны ему противостоять. Самое страшное последствие наследственной травмы – это неспособность ее осознать. И, как следствие – неспособность осознать то, до какой степени эта травма искажает наше сегодняшнее восприятие действительности...» (Владимир Яковлев, «То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас», <http://ehorussia.com/new/node/12901>);

«Сейчас много пишут о том, какие необратимые подчас изменения рождает психическая травма на мозговом, эндокринном и эпигенетическом уровнях. Раньше о разрушительном действии травматического переживания говорили на языке метапсихологии и феноменологии, но теперь работы в области нейропсихологии и применяемые в них методы визуального исследования мозга позволяют утверждать, что травма воздействует непосредственно на структуры мозга, которые отвечают за развитие специфических высших функций. Она затрагивает отделы мозга, отвечающие за установление близких, интимных и теплых отношений, за регуляцию аффекта и за определенные аспекты познавательной деятельности. ...травма приводит к эмоциональным и поведенческим искажениям, которые могут воздействовать на следующее поколение» (Н.И. Кигаи, «Травма – прошлое и настоящее», <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2608>).

«Достаточно длительное время считалось, что психогенный инфантилизм принципиально обратим в силу отсутствия нарушений со стороны Центральной нервной системы. Однако современная практика и научные исследования показывают, что социально-педагогическая запущенность и недостаточность психологической стимуляции развития (а также и дефицитарность положительных бессознательных лингвопсихических установок национальной ЯКМ, – П.Д.) в большинстве случаев сочетаются с явлениями незрелости мозговых структур, что в комплексе значительно усложняет процесс преодоления рассматриваемого нарушения» (Л.Г. Мустаева, «Коррекционно-педагогические и социально-психологические аспекты сопровождения детей с задержкой психического развития: Пособие для учителей начальной школы, психологов-практиков, родителей // ЗПР психогенного характера (психогенный инфантилизм)», – М.: АРКТИ, 2005, 2005, <http://do.gendocs.ru/docs/index-305263.html?page=2>).

Способствование русской ЯКМ развитию необратимого лингвопсихогенного инфантилизма

Лексика русского языка развитию необратимого лингвопсихогенного инфантилизма (холопства) у русскоязычных людей (детинушек, челядишек) способствует не только косвенно, но и непосредственно. Ведь древнекиевское слово «чадо» в психически инфантильном русскоязычном обществе полностью вытеснено словами «дитя» и «ребенок». И теперь слово «дети» в русском языке имеет уже не один, а два основных смысла: 1) младенцы, малыши (укр. «діти», «малюки»); 2) рожденные, потомки (укр. «чада», «щадки», «нащадки»). В Толковом словаре Ушакова: «Дети – 1. Малолетние. Спектакль для детей. Вы уж не дети! 2. Сыновья, дочери. К старику собрались все его дети». В Толковом словаре Ефремовой: «Дети – 1) а) Мальчики, девочки в раннем возрасте, до отрочества... 2) а) Сыновья, дочери (любого возраста)...». Поэтому-то, сколько бы не было чаду лет, оно для своих русскоязычных родителей всегда будет дитём или же даже ребенком а, тем самым, и объектом тотальной опеки:

«Если для Европы ребенок в 15–16 лет – взрослый человек, способный решать свои

проблемы самостоятельно, то для русских в этом возрасте он еще «неразумное дитя». Русских приводят в ужас рассказы о том, что в Европе или в Америке дети, достигнув совершеннолетия, уходят из семьи и ведут свою жизнь, не посвящая в нее родителей... Когда ребенок школьник, родители будут постоянно звонить с работы, проверяя, благополучно ли разогрет суп, достаточно ли тепло ребенок оделся для прогулки и сделал ли он уроки, какие отметки получил в школе, расспрашивая о каждой мелочи. И даже если «ребенку» уже за 30, то и тогда он не лишается беспредельной заботы своих родителей, которые стараются принять участие во всех моментах его жизни, переживают все его проблемы, стараются быть ему полезными и оказать посильную помощь. Они страшно обижаются, когда «ребенок» отдаляется от них, не посвящая в свои проблемы. Уже немолодыми родителями такое поведение детей (в общем-то, нормальное!) воспринимается тяжело – как черная неблагодарность, черствость и эгоизм» (Алла Сергеева, «Русские: стереотипы поведения, традиции и ментальность», <https://culture.wikireading.ru/38226>; http://www.xliby.ru/kulturologija/russkie_stereotipy_povedeniya_tradicii_mentalnost/p1.php; <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/29275/ogl.shtml>; <http://bookitut.ru/Russkie-stereotipy-povedeniya-tradiczii-mentaljnostj.html>);

И, следовательно, дети быстро взрослеют не только на Востоке, но и на Западе. Большинство же русскоязычных детей так и остается «детьми» до глубокой старости. Поэтому-то Россия, действительно, – не Восток и не Запад, а какое-то историческое недоразумение. И сколько бы не было столетий самому Российскому государству, населяющие его русскоязычные люди так и будут оставаться «коллективом недорослей» (инфантилов):

«Воспитание детей строится по схеме стимулирования инфантильного поведения среди детей, иными словами, искусственно затягивается процесс наступления социальной зрелости. Делается это для того, чтобы утилизировать энергию молодых людей в период ее наибольшей активности (от 15 до 25 лет). Дело в том, что во все исторические времена основную массу революционеров составляла именно данная категория населения. У молодого мужчины наступает пик физической и интеллектуальной активности к 20 годам, он здоров, умен, горяч, принципиален и бескомпромиссен. Опасен, не так ли? ... Вот на это и рассчитано воспитание социального инфантилизма, превратить вершителя истории в здоровую и безопасную детину. А излишки энергии пусть сольет где-нибудь, ну, например, в беспорядочных половых связях, в алкоголе, наркотиках или в уличном криминале...» (Андрей Романов, «Выродки» http://samlib.ru/k/kerr_r/wyrodki.shtml, «8 технологий, с помощью которых нас превращают в выродков», <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/psihologiya-lifestyle/2014/10/8-tehnologiy-s-pomoshhyu-kotoryikh-nas-prevrashhayut-v-vyrodkov/>);

«Интересно проследить, как проявилась эта невзрослость в фигурах речи. Русский язык на удивление богат ссылками на постоянную игру в «дочки-матери»: тут тебе и «матушка Волга», и «родина-мать», и «Кузькина мать» и «еб твою мать», и «мать зеленая дубравушка» – на любой вкус. Недаром русская брань называется матом – вся она построена

на изощренном хитросплетении разнообразных бранных слов вокруг имени матери. И как они порой хитро сплетены! А порой ничего и не надо – достаточно воскликнуть: «У, мать твою!» – и всем все ясно. Заговор детей, так сказать, потому что весь народ выступает здесь как коллектив недорослей, связанных с матерью пуповиной садо-мазохистской любви-ненависти. Зато никто ни за что не ответствен и неподсуден по причине несовершеннолетия. Мне думается, что неизбежность падения России в пропасть тоталитаризма в результате любого революционного взрыва определяется этой незрелостью русского народа» (Нина Воронель, «Либералы против ретроградов», http://sunround.com/club/22/137_ninavoronel.htm).

Как видим, в отличие от большинства других языков, русский язык посредством основанных на нём бессознательного формирования личности и осознаваемого индивидуумом воспитания консервирует у русскоязычных людей детское аффективное и восчувствованное восприятие действительности. Тем самым, тормозится их цивилизационно-интеллектуальное развитие и прививается им холопский (инфантильный) менталитет, а именно: инфантильная несамостоятельность в деятельности и при принятии каких-либо решений, боязнь и избегание любой ответственности:

«Инфантильные люди склонны навлекать на себя болезни, унижительные нравственные и правовые ситуации, намеренно принижать и ослаблять себя. Несмотря на их уверенность в том, что они попадают в такое положение волею судьбы или случая, анализ их бессознательных мотивов показывает, что ими движет одно из самых иррациональных побуждений в человеке – быть слабым и безвольным. Они стремятся отказаться от многих естественных прав и свобод, отдать свою жизнь силам, над которыми не властны, чтобы избежать личной ответственности и независимости от своих иррациональных страстей. Их инфантилизм принимает мазохистские формы, которые не всегда бессознательны, поскольку проявляются на поверхности сексуального мазохистского извращения, когда оскорбление и унижение является условием удовлетворения. На макросоциальном уровне инфантильно-мазохистская «любовь» проявляется в отношении к могущественному вождю и государству во всех авторитарных общественных системах, когда происходит отказ от собственной свободы во имя фюрера, партии, нации или государства. Все авторитарные лидеры стремятся культивировать инфантильно-мазохистские отношения... В «Судьбе России» Бердяев пишет о том, что русский народ «всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери». Поэтому личное начало не получило достаточного развития в русской жизни. Многие российские граждане, обладая такими свойствами, как безличность и инфантильность, не могут проявить мудрость и зрелость, дабы дать реалистическую и трезвую оценку государственной власти. Они демонстрируют всему миру инфантильное смирение, доводящее их до самоуничтожения. Они отказываются от многих прав и свобод, принятых в цивилизованном мире, в пользу инфантильного права ни за что не отвечать, в том числе, и за нарушение ими закона...» (Вячеслав Гуляихин, «Психосоциальные формы правового нигилизма человека», http://e-notabene.ru/lr/article_240.html);

«Незнакомый русский если начинает с вами разговор, то всегда чрезвычайно конфиденциально и дружественно, но вы с первой буквы видите глубокую недоверчивость и

даже затаившееся мнительное раздражение, которое, чуть-чуть не так, и мигом выскочит из него или колкостью, или даже просто грубостью, несмотря на все его «воспитание», и, главное, ни с того ни с сего. Всякий как будто хочет отомстить кому-то за свое ничтожество, а между тем это может быть вовсе и не ничтожный человек, бывает так, что даже совсем напротив. Нет человека, готового повторять чаще русского: «какое мне дело, что про меня скажут», или: «совсем я не забочусь об общем мнении», – и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают. Это происходит именно от глубокого в нем затаившегося неуважения к себе, при необъятном, разумеется, самомнении и тщеславии. Эти две противоположности всегда сидят почти во всяком интеллигентном русском и для него же первого и невыносимы, так что всякий из них носит как бы «ад в душе...» (Фёдор Достоевский, «Дневник писателя», <http://www.croquis.ru/2176.html>);

«В российском обществе огромное количество морально незрелых, инфантильных, неуравновешенных и безответственных людей, не способных адаптироваться к трудностям жизни. На это повлияли многие причины, но в том числе и чрезмерная любовь их родителей. С другой стороны, такая участливость преувеличивает роль родительской опеки, «давит» на детей, лишает их самостоятельности, ответственности и воли преодолевать жизненные сложности без посторонней помощи... Люди с детства привыкали к положению иждивенцев и привычно рассчитывали на то, что государство обязано им помогать. Они разучились надеяться на себя, на свои силы и возможности. Консервативный синдром ухудшает и без того нелегкое положение многих россиян. К чему еще на практике приводит такой синдром? Постоянное стремление «быть как все» у русского приводит к тому, что духовные потребности и моральные императивы могут замещаться внешними стандартами поведения или идеологическими установками. Для человека становится более важным общественное мнение («А что скажут люди?»), чем внутренний контроль и чувство личной ответственности» (Алла Сергеева, «Русские: стереотипы поведения, традиции и ментальность», <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/29275/ogl.shtml>; <http://bookitut.ru/Russkie-stereotypy-povedeniya-tradiczii-mentalnostj.html>; http://www.xliby.ru/kulturologija/russkie_stereotypy_povedeniya_tradicii_mentalnost/p1.php; <https://culture.wikireading.ru/38226>);

«Дети не готовы к решению собственных проблем, жизнь кажется им лёгкой игрой. Тем более что родители своей бесконечной опекой готовы это заблуждение подтвердить... Самые лучшие родители – это те, которые смогут дотянуть своих детей до пенсии. А там можно и помирать... Сейчас, когда у нас уже много лет не было большой войны, беспризорных детей у нас огромное количество. Детские дома переполнены, пьянство родителей приводит к ужасающему числу умственно неполноценных детей и, соответственно, росту количества специальных школ для них. Появилось несколько ханжеских терминов, вроде «неблагополучные семьи» или «трудные подростки». В первом случае имеются в виду семьи, где родители пьют и меньше всего думают о детях, во втором – о результате такого, простите за выражение, воспитания, когда заброшенные при живых

родителях, недокормленные и недоразвитые дети сбиваются в банды, наводящие ужас на всю округу. Парадокс: в нормальных семьях родители изо всех сил стремятся дать своим дорогим деткам высшее образование, даже если интеллектуальных предпосылок для такой карьеры у ребёнка – кот наплакал, а дети из семей пьяниц вообще учиться не хотят, да порой и не могут. Результат? У нас переизбыток людей с высшим образованием и катастрофически не хватает техников, слесарей, машинистов, просто рабочих. В производственно-технические училища молодёжь не идёт: непрестижно, хоть и довольно денежно. Хороший сварщик получает куда больше университетского профессора, но учиться на сварщика неохота, да и работа физически тяжёлая и неприятная. К тому же и интеллект тут, как ни странно, нужен...» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими // Скрытые правила поведения», <https://sv-scena.ru/Buki/Nablyudaya-za-russkimi-Skrytyye-pravila-povyedyeniya.html>; <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/5664/ogl.shtml>).

Да и устойчивость то самого консервативного поведения русскоязычных челядишек обеспечивается именно их языковой картиной мира. «Настоящее» (укр. «теперішнє») для них буквально настаёт периодически и застывает надолго в подобном застою статическом состоянии (оно ассоциируется в подсознании с лексемами «стоять», «состояние», «постоянство», «застой»). Будущее же для них является грядущим и приходит внезапно подобно раскатам грома:

«...«грясти, грянуть»... – «однокр. набегать, налетать, наскакивать, накидываться на кого»; «ударить»; в сем знач. употр. *курск. «грякать, грякнуть». Гром грянул, ударил. Грянем на врага! Грянул дождь, как из ведра... посему «грянуться, удариться, грохнуть, упасть со стуком, треском, обрушиться». Как нагрянули, так и отгрянули, ни с чем» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка», <http://dalonline.ru/g/5924-gryasti.html>);

«Гром не грянет, мужик не перекрестится» («Словарь пословиц и поговорок», <http://slovarick.ru/293/>);

«...жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко-самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с ее рокового пути даже на пядь неспособны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилье немцев и пр., но даже крупные исторические события – 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних, завоеваний» (Михаил Гершензон, Переписка Розанова с Гершензоном, <http://www.fedy-diary.ru/?p=1111>).

В то время как олицетворяющий созидание укр. глагол «будувати» ассоциируется с поступательным продвижением в будущее, соответствующий ему русский глагол «строить» ассоциируется в подсознании с незыблемостью нынешнего государственного строя и соответствующего ему советско-холопского уклада жизни. Укр. же «майбутнє» – это не просто неизбежное «будущее», а именно то, что должно быть (укр. «має бути» от «мати» – иметь). То есть украинцы, в отличие от русскоязычного плебса, владеют своим будущим. И

следовательно, украинская языковая картина мира – это ЯКМ созидателей (укр. «будівників») своего будущего, тогда как русская ЯКМ – это ЯКМ всего лишь ожидателей (выжидателей) своего будущего. А русский фразеологизм «будь, что будет», конечно же, является олицетворение безучастности в продвижении к своему будущему русскоязычного обывателя («быдла» от глагола «быть»), а тем самым, – и безысходности его животного-растительного существования (прозябания в нищете):

«Как быстротечны наши дни.
Куда-то вдаль летят они.
Но я, как птицелов, их не ловлю.
Все эти годы напролет
Живу всем тем, что Бог дает,
И сам себе при этом говорю:
Будь, что будет!
Эх, будь, что будет!
С обрыва в омут лечу.
Будь, что будет!
Эх, будь, что будет!»

(Филипп Киркоров, «Будь, что будет», <http://www.megalyrics.ru/lyric/filipp-kirkorov/bud-что-budiet.htm>).

Для подсознания русскоязычного человека лексема «измена» (укр. «зрада»), не имевшая прежде негативного смысла (устар. «измена» – «замена, перемена, выкуп»), и лексема «изменение» (укр. «зміна») являются и сейчас тождественными. И обе они ассоциируются с предательством чего-либо (нации, хозяев, старых обычаев и др.):

«Эти ребята взяли на себя функцию решать кто русский, а кто «жидовствующий» (изменник, – П.Д.). Кому жить, а кто по их теории подлежит уничтожению. Есть только белое и черное. И никаких полутонов. Что есть белое, а что есть черное – определяют они сами. И никаких глупостей про милосердие, сострадание, нравственность, этические нормы, честность, благородство, уважение. Этого больше нет. Нет больше и такого понятия как истина, как нет больше на России и самого православия. Есть язычество, обернутое в фантик с названием «православие». И всё это никуда не денется, даже если черти утащат самого Путина в преисподнюю...» (OfeliyaDD [Алла], «Апофеоз Русского мира», <http://ofeliyadd.livejournal.com/99662.html>, http://ukropnews.com/article/_3287.html);

И, конечно же, этими психически инфантильными «ребятами» любые изменения отождествляются с предательством своих прежних взглядов – пусть даже и заведомо ошибочных:

«Нам всегда тяжело признавать свои ошибки. Всегда проще настаивать на своем, пусть даже ошибочном, мнении, чем изменять себя. Изменения всегда даются с большим трудом. Они предполагают тяжелую внутреннюю работу над собой, которая неизвестно чем завершится. Не все хотят искать в себе силы для серьезной внутренней работы над собой. Поэтому проще внушать себе представление о таком мире, каким ты его хочешь видеть.

Очки в этом помогут. В этом случае мы действуем по принципу «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнется под нас». И вот чтобы не меняться самим, подстраиваем мир под себя в собственных фантазиях. Только реальность под нас не прогибается, и прогибаться не будет. В один момент она просто нам разобьет очередные очки. И мы начнем стонать о том, какой мир плохой. Только винить надо собственные искажения, а не мир. И чем раньше мы это поймем, тем меньше боли нам доставит очередной кризис...» (кризисный психолог Михаил Хасьминский, «Если вы не снимете розовые очки, реальность сделает это за вас», <http://www.realisti.ru/main/you/esli-vi-ne-snimete-rozovie-ochki.htm>).

Поэтому-то русскоязычные холопы так истово и преданы не только порочным обычаям своих предков, но и своим господам, и закабалившему их тоталитарному государству:

«Люди холопского звания –

Сущие псы иногда:

Чем тяжелей наказания,

Тем им милей господа»

(Николай Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо // Про холопа примерного – Якова верного», <http://lingvomania.info/krylatye-slova/60-2>);

«Эта страна (Россия, – П.Д.) – страна рабов, но рабов преданных, своим хозяевам не изменяющая, других хозяев ненавидящая и чувствующая всегда ослабление деспотизма в них, и из-за этого время от времени их сменяющая...» (Ѓомуми бэхэс, «Мысли о России»).

Русскоязычный человек, для которого холопский образ жизни испокон веков является вполне комфортным, бессознательно боится, как «черт ладана», и старается избегать любых возможных эволюционных изменений в своем патриархальном укладе жизни:

«Западническая концепция «догоняющего развития» России порочна не по причине русской самобытности, а в силу русской неререформируемости, нетерпимости, неспособности к самокритике, упрямого архаизма, старолюбия, застоя, с такой силой проявившихся как в русском Расколе, так и в русской революции. Как писал Петр Струве, революция и реакция в этой стране стоят друг друга: они равно безнадежны в своем «тупом упоре»... Даже апологеты русской церкви констатировали бездвижность русской жизни, в основе которой лежит «упорный консерватизм русского православия, не позволяющий изменить ни одной буквы, ни одного движения в обряде» (П. Флоренский)... Мы лучше всех культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души. На дне величайших созданий русского слова открывается нечто общее с примитивом народного фольклора. Тютчев, Толстой и Розанов как бы дистиллируют, перегоняя в приборах высокого духовного напряжения, первобытную материю русского язычества. Дело не в язычестве. Дело – в низком качестве жизни, рождающем дикие фантазии о другом мире, о радикальном изменении, о бессмертии, о спасении тела, жизни на небе, преодолении времени – отсюда «воскрешение отцов», «революция», «великие социальные эксперименты», мавзолеи,

космические полеты, «догоним и перегоним»... Русский народ самый покорный из всех, когда им сурово повелевают; но он не способен управлять сам собою... И сама революция, и ее методы, и ее результаты – тоже плоды «синдрома сдавливания», вечного запаздывания, отказа от преобразований и реформ, русского «авось», русской зависти и русской лени – самых трагичных наследий русской несвободы и русского безверия... Благодность русской истории, которой так гордились отечественные почвенники, – всего лишь пропагандистский фетиш, камуфлирующий беспощадное государственное насилие, жестокость, махровую реакцию, уничтожавшую все способное к росту. Даже призванная изменить историю России большевистская революция оказалась еще более «подмораживающей», чем русский царизм...» (Игорь Гарин, «Запад и Восток // Я и МЫ», <https://www.proza.ru/2015/01/17/864>).

И, следовательно, хоть как-то (пусть даже временно) изменить уклад жизни русскоязычных «детинушек» могут лишь новые более «сильные» господа после кровавых революционных преобразований их примитивного общества:

«В Москве я сохранил бы мавзолей
Как память о повальном появлении
Безумных и слепых учителей
В помешанном на крови поколении»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Эта постоянная «память о смерти» и готовность к страданиям и есть основание той кроткой и смиренной личности, идеал которой занимает такое высокое место в нашей этнической культуре... Это мироощущение мудрое и одновременно детское. Недаром отец Александр Ельчанинов написал: «Общение с детьми учит нас искренности, простоте, умилению, умению жить данным часом, делом – основному в Православии». Дети каждый день как бы снова рождаются – отсюда их непосредственность, несложность души, простота суждений, действий. Это очень мудрая простота, освобождающая человека от множества мыслей, целей и планов, которые при несколько ином взгляде, а именно – с той самой точки зрения вечности, оказываются совершенно ненужными. Этой же общей ориентированностью культуры на вечность объясняется и отсутствие в ней разработанной временной перспективы и вообще временного измерения. Будущее в своих основных чертах должно быть похоже на настоящее, из прошлого же закрепляются в памяти только обобщенные вехи, имеющие значение в вечности, – все остальное опускается как несущественное... В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается. Отсюда та характеристика, которую так точно подметил в ней Бердяев: апокалиптичность мышления, внеисторичность его. Историчность (которую в данном случае Бердяев отождествляет с культурой вообще, поскольку для него «культура» – только то, что соответствует западноевропейскому представлению о культуре, все остальное – вне культуры) «предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное». Вот этой историчности изначально нет в культурах, ориентированных на вечность. Это и понятно: какая же относительность в вечности – в

вечности может оставаться только абсолютное. Отсюда – невероятная трудность и сложность реформации в ареалах таких культур. Они очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, он касается ни много ни мало абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, страшно разрушительный характер: апокалиптическое сознание «устремляется к концу, к пределу», минуя «всю середину жизненного процесса»...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php);

«Разве можно говорить, что у нас нет истории, что мы исторически ничтожны, что Россия сонная, немая и пассивная. У нас другая история. У нас Петр I – это целая всемирная история. Правда, его реформы обрекли духовных лиц на бедность и невежество, родив в народе презрение к попам. До Феофана Прокоповича склонного к католицизму, и Стефана Яворского, малоросса, заражённого протестантизмом, у нас были патриарх и поместный собор. И была соборность, симфония властей, которую Петр по научению Лейбница заменил коллегиальностью. Но Петр I царь, а царей не выбирают: они нисходят к нам. В России общие дела граждан вел царь, то есть человек, родившийся с этим правом. Царь – помазанник Божий. Бог определяет ту душу, которая должна родиться и быть монархом. Демократия же позволяет заниматься общими делами частным лицам и поэтому она делает возможным, чтобы общие дела велись в частных интересах какого-либо лица. Следует заметить, что если закон формален, то сознание чиновника неформально. Следовательно, оно корыстно. Чтобы избежать корысти, демократии нужно деперсонализировать правоприменение, формализовать действие так, чтобы любой его мог исполнить. А это значит, что если все люди равны, то и кухарка может управлять государством. То есть демократия колеблется в исполнении общих дел между корыстью и некомпетентностью. Поэтому Пушкин называет демократию «забавой взрослых шалунов»...» (Фёдор Гиренок, «Пушкин и Чаадаев: Ум в поисках слова», <http://fedorgirenok.narod.ru/puwk4ad.htm>);

«Событие с большой буквы в этой стране всегда одно и то же – это смена власти на новую власть. Причастность к Событию означает предпочтение власти – той или иной, еще неведомой, но непременно «сильной» (никто ни разу не расшифровал это слово; оно не имеет рационального смысла, но любой русский (подобно собаке, – П.Д.) всегда узнает и отличит дух более сильного зверя от слабого. Так признавали своего в Сталине в 1929-м, в Ельцине – в 1990-м...)» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>);

«Операцию спасения семьи предпринял отец – генерал в отставке, человек не менее крутого нрава, чем его сын. На него наш герой равнялся всю жизнь, и это был единственный человек, к мнению которого он прислушивался, поскольку был воспитан так же, как воспитывал своих детей, жену и собаку. Генерал срочно прилетел и сели они с сыном поговорить по душам на кухне. Собака под столом, как всегда, ни на шаг от хозяина, особенно, когда в доме посторонние. Разговор был не очень длинным. Генерал в какой-то

момент повысил на сына голос и стукнул кулаком по столу. А сын инстинктивно вжал голову в плечи. Как вы думаете, что произошло немедленно? Не правильно. В живых остался генерал. Алабай, которого с двухмесячного возраста чуть что лупили поводком по морде, увидев, что его мучитель не бог, а у него самого есть бог – в виде отца-генерала, во мгновение ока опрокинул стол и вырвал горло своему тирану. Вывод? В обществе надо воспитывать человечность, а не угнетать его до животного состояния, наслаждаясь властью и любовью рабов, приспешников, поделщиков, – любовью, обусловленной инстинктом выживания, которое стало (в России, – П.Д.) синонимом благополучия...» (Александр Иличевский, «Крысобою и волкодав: этология аморальной власти», <http://www.aboutru.com/2015/12/22158/>);

«Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить – но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей!» (Михаил Лермонтов, «Вадим», <http://mikhailermontov.ru/vadim-04.htm>);

«Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи «сильной власти» – власти, которая права, потому что сильна, и которой, поэтому, не дай Бог ослабеть?! У русского народа, как это видно и из его истории, и из его настоящего, есть, во всяком случае, одна идея, кажущаяся позитивной: это идея справедливости. Власть, которая все думает и делает за нас, должна быть не только сильной, но и справедливой, все жить должны по справедливости, поступать по совести. За это можно и на костре сгореть, а отнюдь не за право «делать все, что хочешь»! Но при всей кажущейся привлекательности этой идеи – она, если внимательно посмотреть, что за ней стоит, представляет наиболее деструктивную сторону русской психологии. «Справедливость» на практике оборачивается желанием, «чтобы никому не было лучше, чем мне». Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот – заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы...» (Андрей Амальрик, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», 1969, <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>);

«Генеральная репрессия – чрезвычайное событие, характеризующееся уровнем насилия, резко превышающим устойчивые значения. В ходе такой репрессии выбивается существенный сегмент общества. Притом, что она охватывает все слои населения, наблюдается закономерность: самый мощный удар падает на субъектный слой общества. Все слои и уровни элиты, производящие смыслы, переживают радикальное «прореживание». Большая репрессия – событие, конституировавшее русский мир и возрождавшее его после серьезных переформатирований. Событие, в котором революционная эпоха нашла свое завершение. После этого космос выстроился, и русский мир воссоздался заново. Важно помнить об эсхатологическом измерении Большой русской репрессии, для этого мира характерном. Формирование российской цивилизации завершается в начале Нового времени.

Мы имеем в виду эпоху Ивана Грозного. Обстоятельства возникновения и природа доминирующего сознания диктовали эсхатологический комплекс как базовое для традиционного российского сознания переживание истории...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«История России – это опричнина Грозного, проигравшего, кстати, при всей грозности, все Ливонские войны. Это крепостное право, которое продержалось аж до 1861 года, причем чиновничество не позволило царю-освободителю Александру II освободить крестьян с землей, в итоге нищие, не освобожденные, а выброшенные с земли крестьяне устремились в города, превратившись в люмпенов, и в конце XIX- начале XX веков в Москве всего-то в километре от Кремля образовалась гигантская воровская Хитровка, куда не осмеливался зайти ни один городской – потом люмпены стали основой революции 1917-го. История России – это убийство всех главных реформаторов, желавших направить страну по цивилизованному пути: Бориса Годунова, упомянутого Александра II, Столыпина. Это история кровавых гражданских войн от битв государства с профессиональными воинскими казачьими соединениями под руководством Разина и Пугачева до гражданской войны XX века и бандитских разборок за передел собственности в 1990-е. Это история сознательного уничтожения интеллектуальной элиты после революции (от подобного вообще не оправилась бы ни одна страна) и крестьянства в 1930-е. Это история страны, где рядовому человеку постоянно объясняют, что он обязан отдать свою жизнь ради государства, хотя этот рядовой во все века жил на порядок беднее и несвободнее, чем рядовой человек на Западе...» (Юрий Гладильщик, «Враг мой», <https://www.facebook.com/gladil/posts/760863010642993>);

«То, что родилось при Иване IV под именем «першого государствования», то, что привело к национальной катастрофе, с описания которой начинается эта книга, не умерло, как бы парадоксально это ни звучало, и в наши дни. Только сейчас называется оно Русским проектом (или Русским реваншем). Право, трудно не расслышать это миродержавное притязание Грозного царя в сравнительно недавнем публичном заявлении Г.О. Павловского, человека близкого, по общему мнению, к правящим кругам сегодняшней России: «Следует осознать, что в предстоящие годы, по крайней мере, до конца президентского срока Путина и, вероятно, до конца президентства его ближайших преемников, приоритетом российской внешней политики будет превращение России в мировую державу XXI века, или, если хотите, возвращение ей статуса мировой державы XXI века». Сказано это было на пресс-конференции в Агентстве новостей в присутствии великого множества журналистов. Павловский подчеркнул, что цель «отвоевания статуса мировой державы» разделяют «не только власти России, но и её общество и даже оппозиция»...» (Александр Янов, «Конец европейского столетия. Завязка трагедии», <http://www.polit.ru/article/2005/09/05/traged/>);

«Подчеркиваю еще раз: выродки, которые обкрадывали родителей и друзей, были и раньше. Но это не принимало характер эпидемии! Причем, обратите внимание: чисто формально расчет беспроигрышный, потому что на близких людей, как правило, редко заявляют в полицию... То есть, выбирается наиболее слабый и наиболее великодушный. Это

порождает не менее страшное явление: полное отсутствие доверия даже между близкими людьми. Налицо нравственная деградация, результатом которой стало полное разрушение социума. Вы спросите о причинах... Так вот они, на поверхности! Это результат пропаганды ненависти, пропаганды «права сильного», пропаганды полного снятия моральных устоев. Вот вам результат растоптанных договоров с Украиной! Ядовитые всходы телезомбирования взошли. Но, взойдя, они разрушили российское общество изнутри, уничтожили социум – что мы и наблюдаем во всей красе! Предвижу, возражения: мол, эта пропаганда направлена на тех, кто вне России – на разных там украинцев, американцев и прочих... Мол, есть «мы» – а есть «они». Есть «духовный русский мир» – а есть «бездуховный Запад»... Нет, друзья мои! В результате мы получили результат куда хуже: в современной России никто никому не свой! Отсюда и рост подобных диких случаев, которые растут, как грибы после дождя. И уверяю вас: это будет множиться в геометрической прогрессии! ...Выпустивший на волю монстра, не ожидал, что, в первую очередь, этот монстр пожрет его самого... Но это уже реальность...» (Юрий Гемильфарб, «Разрушение социума» / «Российский народ можно считать приговоренным...», <http://www.aboutru.com/2017/02/37551/>; <http://newsland.com/community/7552/content/iurii-gimmelfarb-razrushenie-sotsiuma/5675521>);

«43 процента россиян, опрошенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), считают, что без репрессий невозможно было сохранить порядок в СССР периода правления Иосифа Сталина, передает ТАСС. Опрос провели в начале июня среди 1200 россиян в возрасте от 18 лет. 5 июля 2017» (Виктория Владимирова, «43 процента россиян оправдали сталинские репрессии», <https://snob.ru/news/140561>);

«Кровавая история России – это ходьба по кругу, кружение на одном месте и возврат в исходное положение татарской орды. Всеобщее мошенничество и подозрительность. Вот и выросло агрессивно-послушное быдло, коллективный имперский Хам. Он лопається от гордости за великое государство, в котором человек был щепкой, которая далеко летит. Сталинизм это раковая опухоль, которая еще долго будет мучить Россию, пока она не развалится, как империя зла» (Владимир Левин, «Вонь в ушах», Нью-Йорк, <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=print&id=1881>).

О неизбежности ощущения проживания в «кольце врагов» у психически инфантильного русскоязычного населения

Ассоциативная связь, запечатленная в подсознании между лексемами «изменение» и «изменник», накрепко спеленала разум больных «величием» русскоязычных людей, сделав их абсолютно неприхотливыми и агрессивно-послушными:

«Как показывает опыт, русский народ в ответ на даже весьма осторожно высказанные сомнения в его ошеломляющем величии раздражается гнусной бранью. Почему? Возможно, потому, что стране, ютившейся в бараках и коммуналках, ожидавшей арестов по ночам, проводившей дни в бесконечных очередях за туалетной бумагой и картошкой, ездившей из деревень в города покупать хлеб, боявшейся открыть рот, не оглядевшись по сторонам, –

этой стране в течение многих поколений вдалбливали в мозги: несмотря на кое-где отдельные все еще недостатки, вы – самые великие. Догоним от тайги и перегоним до британских морей. Так создавался народ-шизофреник... Это исходит не из Кремля и не с Лубянки. Это – глас народа, у которого давным-давно отняли свободу, на десятки лет изолировали от всего мира, уничтожили до седьмого колена всех, кто мог даже помыслить о сопротивлении режиму, в котором с мичуринской кропотливостью поколениями культивировали подлых хамов... Единственный народ, которому некуда деться от собственной ненависти к другим – это вы сами (русские). Это вы лишаете себя надежды решить свои проблемы, обвиняя в них других. Это вы калечите собственные души, отравляя их ненавистью. Это вы самих себя исключили из человечества, твердя из поколения в поколение, что живете в окружении врагов» (Захар Либерберг, «Открытое письмо великому русскому народу», <http://russiandenver.50megs.com/liberberg.html>);

«В России часто встречается такой тип шизофрении: Русский иногда понимает, что происходит, и, возможно, даже почему, но хочет непременно верить в обратное. Прежде всего, во времена кризиса прибегают к шаблонам, которые предлагают ненавидеть другую власть. Таким образом, очень удобно направлять людей. Правящая элита управляет телевидением. По вопросу об Украине подавляющее большинство людей в России верят, тому, что им непрерывно повторяет российское телевидение: что фашисты убивают мирных россиян, чья вина только в том, что они хотели разговаривать на родном языке. Никто не спросит себя, почему Путин якобы не имеет никакого влияния на сепаратистов, которых он открыто поддерживает. Потому что на телевидении это не обсуждается. Тем временем, медийная машина работает на полной скорости, так что «никто уже не знает, как ее можно было бы контролировать»...» (политолог, бывший советник в администрации президента Путина Глеб Павловский, цит. по: Spiegel.de, «Общественное мнение в России: параллельная вселенная Путина», <http://voronz.in.ua/recomend/8-8-14-21475>; <http://newsland.com/user/4297818796/content/spiegel-parallelnaia-vselennaia-putina/4628921>);

«← В России всегда выделяли внешнего врага – такова история и с Украиной. Всегда все вокруг у России были виноваты. Воевали с поляками, боролись с евреями, с бунтующими студентами, какое-то время с немцами, сейчас корень зла – в американцах и т.д. Когда этот «внешний враг» внедрен окончательно в головы людей, наступает полная беда. Потому что совесть, как бы, чиста: дескать, обижают тебя, а не ты обижаешь. В общем-то, это – форма шизофрении. Поведение шизофреника неадекватно реальной ситуации. Например, достаточно неправильно поставить чашку на стол, чтобы шизофреник начал орать и бить тарелки. Это, как на рентгене, проявилось на событиях в Украине. Во время конфликтов с Польшей, Чехословакией еще верили, цеплялись за какую-то надежду, а, когда люди показали свою чевенгуровскую сущность, стало страшно...» (Виктор Ерофеев, из интервью Ларисе Козовой, <http://www.unian.net/politics/1151935-rossiyskiy-pisatel-viktor-erofeev-v-rossii-s-narodom-uje-nikogda-ne-povezet-seychas-tam-prosnulsya-pervobyitnyiy-chelovek-okazavshisya-esche-i-vesma-agressivnyim.html>);

«У нас в России есть свои империалисты, которые постоянно муссируют разговоры о том, что мы окружены врагами, что против нас плетутся заговоры. Но это вредно для наших национальных интересов...» (Евгений Ясин: «Найдут язык – сохранят лицо», <http://www.liberal.ru/articles/384>);

«У нас народ всегда почему-то объединяется против врага. Просто так объединиться, сделать что-то полезное для страны не получается. Вот с врагом – да... Более того, в России нет никаких практически политических свобод, поэтому, как правильно заметил тот же Путин, Майдан в России невозможен. Я с ним согласен, Майдан, то есть бескровная революция здесь невозможна...» (Степан Демура, «Рубль пошел в последний путь», <http://www.svoboda.org/a/26729113.html>);

«Общество все глубже вязнет в паранойе якобы неизбежного существования в «кольце врагов», упорно коснеет в фобиях, вместо того чтобы их вылечить и утвердить свой авторитет, предложив адекватное видение и варианты солидарных ответов на реальные вызовы современности...» (Фёдор Шелов-Коведяев, «Россия как локомотив мирового развития», http://www.globalaffairs.ru/number/n_6811);

«...Из-за кризиса россияне мутируют и превращаются в шизофреников – заявление сделали психиатры на встрече в Общественной палате РФ. Доктора душевные отчитались: с конца прошлого года Россию одолевает эпидемия шизоидных состояний. Число шизофреников стремительно растет. Причины – экономический кризис, постоянные скачки курсов валют и прочая нестабильность. Последствия, по утверждениям специалистов, могут стать необратимыми – шизоидная мутация начнет распространяться с невероятной скоростью. Теперь внимание! Психиатры утверждают: именно больные шизофренией склонны к выполнению задач неординарными способами. А мы-то удивляемся: что в стране происходит? Что они там наверху творят? Что творят – выполняют задачи! Неординарными способами. Свинину жгут, пармезан с ландшафтом равняют, по персикам на катках катаются. На прошлой неделе Минпромторг предложил расширить список медицинских изделий и оборудования, запрещенных к ввозу в Россию. Предложено запретить презервативы, антисептики, дефибрилляторы, протезы сердечных клапанов, тест-полоски для определения диабета... Кстати, о погоде. Погода неустойчивая, как психика сильных мира сего. Впереди осеннее обострение и, соответственно, масса новых шизоидных инициатив...» (Мария Лондон, Из телепрограммы, цит. по: Марина Токарева, «И, кстати, о погоде ...», <http://www.novayagazeta.ru/society/71313.html>);

«Хотят ли русские войны? Хотят! Им нужен враг, им нужно кого-то ненавидеть. Потому что ненависть – единственное, что в России при отсутствии науки, собственной культуры, других существенных факторов, позволяет объединиться и испытывать общенациональный оргазм, синхронный. Злоба хорошо объединяет академика и милиционера, полотера и генетика...» (Александр Невзоров: «русские нелюди хотят войны», из интервью Радио Польши, <http://vesti.lv/news/nevzorov-russkie-nelyudi-hotyat-voiny>);

«Отношение к соседям-народам складывалось не только настороженно-эгоистическое, как отношение к соседним сёлам, а прямо неприязненное, враждебное, а к странам Запада ещё и завистливое. Между общинами во время вспышек вражды в ход шли колья, в державных масштабах это были войны, иного типа межчеловеческих контактов 70 % русских не знало и себя частью большого мира не представляло. Это нормально для закрытого общества, как и его исконная агрессивность. Московское княжество разрослось до размеров империи почти исключительно благодаря этому этнопсихологическому качеству. Другие великоросские княжества – соседи Москвы – имели сходные перспективы, но были поглощены Москвией, ибо не обладали столь целеустремлённой и последовательной агрессивностью, заложенной в устройстве московского княжества и не обладали московской беспринципностью, позволявшей москвитам приглашать для кровавого подавления своих русских братьев – единоверцев кого угодно со стороны. В первой половине XVIII века барон Гакстгаузен из Ганновера писал, что «монголов, португальцев испанцев на завоевание огромных территорий вели монархи и полководцы. Москвиты же – едва ли не единственный агрессор, который никогда не нуждался ни в понукании, ни в гениальных предводителях, и захватывал чужие края, не испытывая в этом нужды. «История не донесла до нас вестей ни об одном народе, который бы с самого начала своего становления, и на протяжении всех времён испытывал бы столь явную, упорную, неутомимую жажду к колонизации, как русский народ». (В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 31)» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Страна подонков и рабов. С виду – по улицам российских городов ходят вроде бы нормальные люди, некоторых по виду и одежде даже от европейцев не отличишь. Но... «У советских – собственная гордость». Эти нравственные ничтожества так привыкли к официальной лжи, что и сами поверили, будто бы живут в «осажденной крепости» и «кругом враги». И искренне, истово верят, что украинцы, поляки, эстонцы, латыши, не говоря уж об американцах или, упаси боже, чеченцах, – это «враги России», желающие ей всяческого зла. ...сознание надежно, намертво заблокировано от любого проникновения извне любой информации, не совпадающей с матрицей официальной (а чаще – еще кондово-советской) пропаганды. Заблокировано той самой великодержавно-шовинистической, имперской и ксенофобской паранойей, на которой с ясельного возраста воспитывают в России детей вот уже много столетий... Отношение русских ко всем соседям, к народам своих вчерашних колоний – это просто-напросто комплекс неполноценности в концентрированном виде. Шовинизм в России – это не какие-то маргинальные группы неонацистов, скинхедов и прочей нечисти. Нет, шовинизм, переходящий в русский фашизм, – это глубинное, искреннее мировоззрение именно самого русского народа, пресловутого «старшего брата». Очень показательна их отношение к украинцам (и не только к ним) в свете нынешней «газовой войны», – это типичное поведение типичного совка в коммунальной кухне: плюнуть в кастрюлю соседу, раз уж выжить его совсем из квартиры не удастся...» (Борис

Стомахин, «Может ли Чечня победить Россию?», <http://rko.marsho.net/articl/chechnya.htm>; <http://chechenews.com/1-2978/>);

«В Думе Рогозин потерпел поражение в результате закулисных интриг и кремлевских игр. Но за него голосовали массы избирателей. Они знали, кого выбирают. Их симпатии и антипатии не меняются от межфракционных комбинаций. Народ сочувствует ксенофобам, это сочувствие массовое, и колебания его конкретных выражений не меняют этой главной и печальной сути» (Лев Клейн, «Диагноз. Рак», <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/9/k112.html>);

«...еще есть момент, на который очень правильно отреагировал один из социологов: чем несчастнее жизнь, тем больше хочется чего-то выдающегося, а самое простое выдающееся – это враг. Создать себе врага – значит затенить неуспехи своей жизни, ты получаешь какую-то цель в жизни, не зря все свои невзгоды терпишь. В СССР всегда пытались создавать себе врагов, потому как жизнь в самой совдепии была омерзительной и совершенно безнадежной, никакого просвета. А тут нашелся враг, и ты как бы при деле, ты уже что-то героическое совершаешь... И вот на почве таких настроений некая радость возникает, некая консолидация. Это довольно типично для России. И люди, которые на эти настроения «покупаются», – типичные советские люди» (Владимир Буковский, «Россия похожа на Совдепию», <http://www.svoboda.org/content/article/26533613.html>);

«Тьма народов и народцев, культур и культов бросили нам, русским, смертельный вызов. Запад как цивилизация отказывает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от него (холопской, – П.Д.) цивилизацией – и это война. Наши бывшие братья по единому государству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб (звериной жестокости, – П.Д.) – и это тоже война. Западные соседи, поощряемые атлантистским могуществом, угрожающе потрясают нас хилыми рыжими кулачками – и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы – и это война. Наша добрая весть, выстраданный, выплаканный, отвоеванный нами восторг русской духовной мечты (о «лёгком хлебе» и животнорастительном существовании, – П.Д.), оплеваны сторонниками иных культурных форм – и это война. Мы стремительно растворяемся в небытии как призрак, теряя свое единство, свою сплоченность, свое русское, самобытное (холопское, – П.Д.), уникальное, тревожное и необъятное «я» – и это война. Нас окружает, призывно лижет нас шершавым языком пламя войны... Но, если бледное, преступное обывательское отродье, разобрав заголовок этой главы, скривит губы и бормотнет раздраженно – «опять нас хотят сделать пушечным мясом» – пусть захлебнется вчерашним обедом, поперхнется мишурным рекламным роликом. Хорошо, из-за них мы скажем иначе: ладно, война – не ваша, но наша, наша, наша Мать» (А.Г. Дугин, «Война наша Мать», <http://arctogaia.com/public/rv/15.shtml>);

«Русская идея – наматывать чьи-то кишки на гусеницы танков, потому что декларация собственной исключительности, неподражаемости, особого пути русского народа подразумевает необходимость объяснить это миру. Но мир с этим не согласен! У России

никогда не было своей собственной культуры. Это сказки. Матрешка – куда уж более национальный символ! Но матрешка – это Фукурокудзю, японская традиционная игрушка, которую привезли в конце XIX века. Она попала в руки каким-то токарям – и японская игрушка стала символом русского народа. Если мы сейчас оглядимся, то вряд ли увидим кого-нибудь в кокошнике. Я подозреваю, что даже Дугина никогда не видели в кокошнике. То есть все, что нас окружает, – это Европа... Россия зависима от этого мира. Именно потому, что у нее нет своей культуры. Роман – исконно русская литература? Это же все европейские формы. Самовары? Петр I из Голландии привез. У России культурная и материальная зависимость от Европы. Большевики умели обеспечить свое общество наукой. Но сейчас науки у нас тоже нет. И вот, лишённая всего этого, Россия просто не сможет существовать...» (Александр Невзоров, «О сплочении народа, об отсутствии альтернативы Путину и о том, почему русскую национальную идею придумали братья Grimm», https://www.dp.ru/a/2014/09/05/Nikto_nichego_ne_proglotil);

«Будем отрицать, что мы уже находимся в ситуации самой настоящей войны, войны на уничтожение – нас действительно прикончат. Со всей нашей наивностью и инфантилизмом. Но это я так считаю. Какая она – реальность, придётся решать каждому самому. И то, что будет с нами, будет определяться по интегралу нашего понимания...» (Искандер Валитов, «Нас действительно хотят уничтожить, или так думать – опасная паранойя?», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00123350.htm>);

«С тех самых пор, как Путин в 1999 году впервые вышел на российскую политическую арену, он упорно выстраивал вокруг себя крайне централизованный авторитарный режим. Его культ личности подчеркивает его мужественность и его контроль над преклоняющимся перед ним обществом. Путинская система перестала быть обычным авторитарным режимом во главе с лишённым харизмы правителем без сексуальности и без господствующей идеологии. И по структуре, и по стилю она все сильнее напоминает старые фашистские режимы. Как и Советский Союз, путинская Россия лелеет антагонизм к Западу, а также считает необходимой экспансию – но не обязательно быстро, не любой ценой и не сквозь «непреодолимые преграды»...» (Александр Мотыль, «Истоки российского поведения», <http://inosmi.ru/russia/20141119/224363388.html>; <http://4vlada.net/v-mire/putinskaya-rossiya-stremitelno-priblizhaetsya-k-bezvozvratnomu-upadku>);

«Представьте себе, что ваш деловой партнер годами поливает вас грязью, как на международной арене, так и дома. Запад преподносится как враг номер один, вокруг этой идеи мобилизуется общественное мнение. Эта тенденция вызывает беспокойство, но мы закрывали на нее глаза, пусть и не осознанно... В информационном поле это заметнее всего, Россия там начала доминировать. Огромные деньги вбухиваются сегодня не столько в массмедиа, направленные на внутренний российский рынок, сколько нацеленные на иностранного потребителя. Бюджет RT, Russia Today, составляет более 300 миллионов долларов в год, в ближайшее время он должен возрасти еще почти на 50 процентов. Это – невероятные суммы! В «Россию сегодня», поглотившую РИА Новости, также вкладываются

большие деньги, при этом все дополнительные капиталовложения в государственные российские СМИ идут на развитие информационных каналов за пределами России. Пару недель назад стартовал новый канал Russia Today в Великобритании, скоро планируется добавить вещание на французском и немецком языках. Это те СМИ, в которых дезинформация и ложь используются как инструменты, направленные на то, чтобы помешать общественной дискуссии на Западе или направить ее в нужное Кремлю русло. Эта война ведется не из «Буков», но ее последствия будут намного разрушительнее, чем пальба из оружия. В этом-то и заключается идея ведения нелинейной, гибридной войны – мягкие методы борьбы оказываются намного эффективнее военного вмешательства. Военный конфликт в Украине можно рассматривать как материализацию того, что до сих пор было лишь пиар-концепцией путинской идеи... В самой России во все большей степени проявляется политический каннибализм. – В основе его политики лежит желание продлить жизнь созданной им системы. В геополитическом смысле Кремль стремится к созданию многополярной модели мира. Иными словами – Кремль хочет прекратить гегемонию США, а также ослабить и желательнее всего как можно больше коррумпировать Европу. То есть изменить окружающий мир по собственному подобию, сделав основными способами ведения игры шантаж, подкуп, экономическое и политическое давление... Путинская власть очень эффективно маргинализовала российское гражданское общество. Оно ослаблено, оно превращено в симулякр...» (Журналист Ханс Лоос, из интервью Софьи Корниенко «Цинизм на экспорт», <http://www.svoboda.org/content/article/26703938.html>);

«...Россия потому и симулякр, что она ничего не начинает. В мистериальном поле вяжутся концы, а не начала. Нам никогда не удастся связать концы с началами. Ибо, если мы это сделаем, мы перестанем быть Россией. Мы – похоронная команда. Мы провожаем в последний путь. Социализм, капитализм, гуманизм, антропологизм – все это мы уже похоронили...» (Фёдор Гиренок, «Мистериальные игры», <http://fedorgirenok.narod.ru/oros.htm>; http://www.universalinternetlibrary.ru/book/80353/chitat_knigu.shtml);

«Главным свойством симуляции, по утверждению философа, является имитация несуществующего, в отличие от сокрытия чего-либо. «Скрывать [dissimuler] значит делать вид, что не имеешь того, что есть на самом деле. Симулировать [simuler] значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле. Одно отправляет к присутствию, другое – к отсутствию». Однако по уточнению Бодрийера, очень важно различать такие понятия, как, например, изображать болезнь и симулировать болезнь. «Тот, кто изображает болезнь, может просто лечь в постель и заставить поверить в то, что болен. Тот, кто симулирует болезнь, определяет в себе ее симптомы». Сущность симуляции заключается в том, что она, по выражению автора, ставит под сомнение отличие «настоящего» от «ложного», «реального» от «воображаемого». В то время как делать вид, изображать или скрывать не затрагивает сам принцип реальности: «различие всегда ясно, оно только замаскировано». Не имеет уже значения, болен на самом деле симулятор или нет, важно, что он производит «настоящие» симптомы. Объективно его нельзя посчитать ни больным, ни здоровым. Речь идет о «потерянном» принципе реальности, перед чем, по мысли самого философа, бессильны и

медицина, и психология, и психоанализ. «Разумеется, врач-психиатр уверяет в том, что «для каждой формы умопомешательства есть особое место в последовательности симптомов, о которых симулятор не знает, и чье отсутствие не ввело бы в заблуждение психиатра». «Все это для того, чтобы, во что бы то ни стало, спасти принцип истинности и избежать вопроса, который задает симуляция – понять, что правда, референция, объективная причина перестали существовать». Сам дискурс отныне не может быть определен ни как ложный, ни как истинный. «Что может поделаться психоанализ с раздвоением дискурса бессознательного в дискурсе симуляции?». Невозможным также становится различие между симптомами произведенными и аутентичными. «Если он так хорошо изображает сумасшедшего, значит, он таким и является». Таким образом, проявления симуляции повсеместно затронули различные области человеческого существования, медицины, психоанализа, религии и другие. Говоря о различии между симуляцией и репрезентацией, Жан Бодрийяр выводит, что последняя исходит, прежде всего, из принципа эквивалентности знака и реальности («даже если этот эквивалент утопичен, это фундаментальная аксиома»). Симуляция исходит, наоборот, из «утопии принципа равенства, она исходит из радикального отрицания знака как ценности, исходит из знака как возвращения к прежнему состоянию и уничтожения всякой референции...» (Ольга Печенкина, «Эра тотальной симуляции, или искусственное воскрешение реальности», вступ. статья к кн.: Жан Бодрийяр, «Симулякры и симуляция», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/387890-1-1-pechenkina-etika-simulyakrov-zhana-bodriyyara-analiz-postmodernistskoy-receptii-eticheskogo-zhan-bodriyyar-simulya.php>; https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/).

К тому же благополучие животно-растительного существования безвольного народа-шизофреника, стремящегося всего лишь непрерывно «жиреть» подобно личинке короеда, ставится маргинализирующей пропагандой в полную зависимость от «силы» и «величия» закабалившей и опекающей его Державы-Империи, лицемерно отождествляемой с Родиной:

«Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни (и поэтому постоянно ищет

мнимых внешних и внутренних врагов, чтобы опекаемое население непрерывно находилось в состоянии экзистенциального страха, – П.Д.). Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве...» (Николай Бердяев, «Судьба России // Психология русского народа», <http://www.xwap.me/books/9239/Sudba-Rossii-Sbornik-statey-1914-1917.html?p=4>);

«В Ленине, в большевиках победила бессмысленность русской истории. Какая ошибка считать, что сила русских социал-демократов в четкой программе! На самом деле в результате общего разложения победила совершенно хаотическая и беспорядочная партия, партия, прославившаяся своими скандалами и раздорами. Хаос и беспорядок большевизма попал в резонанс с хаосом и беспорядком российской жизни. И далее вся его деятельность это примитивнейший, низменно-биологический метод проб и ошибок, слепого кутёнка, тыкающегося во все стороны, или, ещё лучше, «метод» личинки короеда, которая то, что может есть, – ест, а чего не может – не ест: гвоздь, вбитый в ствол, или, наоборот, наружное, внествольное пустое пространство. Личинка жиреет и безвольно, механически следует за направлением сладкой рыхлости окружающей среды. Большевизм – итог русской истории, её символ, галактическое «авось». Зачем думать – надо жрать. «Мы будем петь и смеяться, как дети». Смысла же нет. Приложение ко всему этому какого-либо смысла: а почему? зачем? для чего? – смехотворно. «Сама пошла...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Такие понятия, как «модернизационный режим», «диктатура развития» или «консервативная модернизация» описывают сходный класс явлений. Все эти феномены возникают в ситуации вторичной или догоняющей модернизации. Они утверждаются в слабоурбанизированных (примитивных, – П.Д.) обществах, тяготеющих к авторитарным или тоталитарным формам с высокой степенью огосударствления экономики и особой идеологией, в рамках которой создание современной экономики объявляется целью всего общества. По существу, диктатура развития есть не что иное, как компромисс между традиционным сознанием и императивом исторического развития, понимаемого как промышленный прогресс. Здесь традиционного человека вписывают в особый род динамики – плановой, организованной государством. При этом цели промышленного роста традиционны и сакральны – величие Державы и Идеи...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«В Европе есть такие ценности, как порядочность, легальность, справедливость, доброта, толерантность, это противоположно тому, как действует Путин. Его действия основаны на страхе, лжи и фанатизме. Его государство – это хищник, который является

врагом гражданина и общества. Это очень ясно показывают опросы общественного мнения в России, люди не верят, что государство может их защитить в повседневной жизни. Там очень высокий уровень коррупции и захвата частного бизнеса. Людей заключают в тюрьму абсолютно незаконно...» (Эдвард Лукас, «Путинское государство – хищник, враг гражданина и общества», <http://ehorussia.com/new/node/10117>);

«И тогда я сказал ему: «Вы ведете себя как царь». Я сказал: «Что делали цари? Они отстроили два города, Санкт-Петербург и Москву, как витрину. Что бы вы ни пожелали, вы найдете там. Остальная часть России, как Нигерия, покрытая снегом. Ваши люди умирают. Вы не даете им жизнь. Вы думаете, что они простят вас?» «Почему Америка прекрасна?» – спросил я его. «Потому что они дарители. Почему у Европы проблемы? Потому что они берущие. Америка дает. Люди думают, что это потому, что они щедры. Я думаю, это потому, что они мудры. Если вы даете, вы создаете друзей. Самая полезная инвестиция – заводить друзей. «Америка имела мужество принять план Маршалла, огромный кусок своего ВВП они дали этой умирающей Европе. И таким образом, они показали, что это лучшая инвестиция в мире...» (Шимон Перес о Путине и Америке, <http://www.tabletmag.com/jewish-news-and-politics/214621/one-last-interview>; <https://www.liveinternet.ru/users/1723251/post424493893/>, https://peaceinukraine.livejournal.com/2075909.html?utm_source=fbsharing&utm_medium=social)

«Но нет спасенья от раба,
Который стал царем!
Он в созиданьи бестолков,
А в разрушеньи скор,
Он глух к рассудку – криком он
Выигрывает спор.
Для власти власть ему нужна,
И силой дух поправ,
Он славит мудрецом того,
Кто лжет ему: «Ты прав!»
Он был рабом и он привык,
Что коль беда пришла,
Всегда хозяин отвечал
За все его дела.
Когда ж он глупостью теперь
В ад превратил страну,
Он снова ищет на кого
Свалить свою вину.
Он обещает так легко,
Но все забыть готов.
Он всех боится – и друзей,
И близких, и врагов.
Когда не надо – он упрям,

Когда не надо – слаб,
О раб, который стал царем,
Ведь раб, всё тот же раб»

(Редьярд Киплинг, «Раб, который стал царём», <http://blog.i.ua/user/1163205/842115/>;
<http://skurlatov.livejournal.com/1506419.html>);

«Если власти хотели завести людей, не интересующихся политикой, абсолютно лояльных Путину, то они нашли самый верный способ. Как сказали бы в 1937 году, в московскую мэрию прокрались вредители. Такое создаётся ощущение, что они хотят, во что бы то ни стало, эту среду раскачать. И лучших способов нельзя было придумать. А так ведь происходит по всей России. Я давно говорю: политикой правят не хитрость и заговор, а глупость, жадность и трусость. И сейчас в России мы это видим как нельзя лучше. Ни один заговорщик не придумает того, что способны сделать полтора-два идиота» (Валерий Соловей: «Ни один заговорщик не сделает того, на что способны полтора идиота», <http://www.fontanka.ru/2017/05/12/126/>);

«Что бросается в глаза, когда сопоставляются два мира – латинско-германский, к которому относятся западные славяне вместе с украинцами, и русско-московитский? Богатство красок, возвышенность на протяжении всей истории, подвижность народных масс, напряжение в конфликтах, свободная игра сил, мощная роль великих личностей, примат права и логики – на Западе; монотонность, угнетенное положение личности, бесцветность исторических событий, недифференцированность элементарных сил народа, излишне велика роль государства – в России» (Дмитрий Донцов, «Дух России», <http://dogend.ru/docs/index-404056.html?page=3>);

«И ватников – кондовых, настоящих,
Готовых жрать и всё, и всех подряд,
Плодит, как инкубатор, телеящик,
Покуда птицефабрики стоят.
Их девяносто с чем-то там процентов,
Ревущих и рычащих как один,
И среди них полно интеллигентов,
А кто-то даже типа дворянин.
Ну те-то ладно, «творческие люди» –
Короче, проститутки, как всегда.
Те выживут... а что с другими будет?
А ватникам потом бежать куда?»

(Владимир Бунякин, «Слово о ватниках», <https://www.proza.ru/2014/11/17/2006>).

Преобладание простодушного варианта органического характера психики у русскоязычного населения

Преобладающим среди русскоязычных челядишек является простодушный вариант органического характера психики:

«Это распространенный в России тип органического акцентуанта, по-своему интеллигентного и благородного. Огрубелость души в отношении этих людей – слишком резкое слово. Уместней говорить об опрощенности, духовной ограниченности, простодушии. При этом нельзя однозначно сказать, что эта опрощенность хуже рафинированной духовной тонкости. Скорее, речь идет об ином качестве души. Простодушие проявляется как искренность, доверчивость, бесхитрость, душевность, доброжелательность, скромность, своеобразная душевная чистота. С простодушием малосовместимо коварство, мстительность, фальшь, искусственность, извращенность. Как интересно заметил про простодушных один из участников моего семинара по характерологии: «Может быть, им чего-то и не хватает, но в них нет ничего лишнего». Этот характер имеет свое отражение в образе Иванушки-дурачка русских народных сказок. В отличие от своих старших братьев он не напряжен корыстью, живет легко и просто, так, что жадные братья его считают дураком. Однако когда нужно спасти царевну, он оказывается самым смекалистым, смелым и благородным, и никто его уже дураком не назовет. Обычно он всегда выходит победителем, и, как хочется того простому народу, все заканчивается для Иванушки счастливым концом (в жизни, увы, все часто для простодушного не так хорошо – отсюда и рождается потребность в сказке)... Простодушным людям характерны мягкость, слабоволие, внушаемость и компенсаторное упрямство. Большинство из них совестливы, добросердечны и жалостливы, теплы душой. Иногда такие люди не прочь прихвастнуть. Способны простодушно лгать в защитных целях, не думая о том, что их могут с легкостью разоблачить. Телосложение обычно крепкое, атлетоидно-диспластическое, но может быть иным. В их манере говорить, можно услышать задушевную протяжность интонации, а в жестах увидеть чистосердечную размашистость, порой с элементами добродушной неуклюжести. Мимика обычно проста. Простодушные отличаются скромными культурными запросами. За сложной книгой засыпают, в музее маются, не понимают оперу и балет (как некоторые из них говорят: «срам смотреть на мужиков в колготках»), зато любят веселую лихую оперетту. После работы включают вечером телевизор и частенько похрапывают под звуки телепередач. Их беда – частое пьянство с быстрым (1–3 года) формированием алкоголизма. Пьют, чтобы успокоиться после обид: рассуждением им это сделать трудно, проще выпить. В общении для них важна доверительность, открытость без подвоха. Опьянение помогает соприкоснуться с собеседником душой, делает общение веселее. Многие пьют, чтобы приятно «забалдеть» и не маяться от скуки. Алкоголизм относительно мало вредит их работе, связанной с мастерской умелостью рук или с тяжелым физическим трудом. Порой алкоголь даже помогает легче выполнять монотонный физический труд» (Павел Волков, «Разнообразие человеческих миров», <https://mydocx.ru/1-99648.html>; <https://mybiblioteka.su/8-30671.html>; <http://geum.ru/next/art-11157.leaf-13.php>);

«Люди пьют по-разному. Иначе пьют, отмечая какие-то праздники, для того, чтобы вызвать приятное настроение в обществе, иначе – с горя и т. д. Можно выделить несколько стилей выпивки: неврастенический, контактивный, дионисийский, героический и самоубийственный. Неврастенический стиль состоит в том, что пьют небольшими дозами, но часто, в состоянии утомления и раздражения, стало быть, при главных симптомах неврастенического синдрома. Достаточно одной-двух рюмок, чтобы поправить самочувствие и уже в лучшем настроении продолжать повседневную жизнь. Разумеется, врачующее действие алкоголя – мнимое, так как постоянное его употребление усиливает симптомы неврастенического синдрома. Под влиянием алкоголя человек все чаще становится утомленным и раздраженным, что, в свою очередь, вынуждает к дальнейшему, все более частому употреблению алкоголя; типичный пример порочного круга. Контактный стиль наблюдается у тех, для кого важнее всего достижение лучшего контакта с другими людьми. Уже после небольшой дозы алкоголя человек несмелый становится более уверенным в себе, уменьшается дистанция в отношении к «важной» персоне, становится легче общение, молчаливая компания оживляется, люди становятся более симпатичными и более интересными, возрастает чувство социальной связи «iwee feeling». Это – стиль выпивок, общий, пожалуй, для всех культурных кругов; в общем, здесь достаточно небольших доз алкоголя. Легко, однако, перейти от этого стиля к следующему – «дионисийскому», также распространенному во многих культурных кругах. Здесь пьют уже много, так как речь идет о достижении помраченного состояния, в котором можно было бы оторваться от повседневной действительности. По Ницше, «аполлонийская установка ценит ясность, прозрачность, выдержанность, уравновешенность, замкнутость, совершенство, гармонию. Дионисийский же стиль ценит прежде всего полноту и плодотворность жизни, ее порыв, который сносит все границы, отрицает все законы, разбивает любые гармонии, для которого динамика важнее совершенства. Два описанных Ницше стиля соответствуют тому, что Минковский обозначает как «ясное пространство» и «темное пространство» и что можно связать с основным биологическим ритмом – дня и ночи. День – царство разума и реальности, ночь – власть темных сил, диких страстей, экстаза, озарения и панического страха. Человек не может жить только днем, ему необходима также и ночь. Отсюда – его влечение к психозу, к иным «видениям мира», к отрыву от реальности. Алкоголь и наркотики облегчают удовлетворение этого влечения. Алкоголизм такого типа встречается довольно часто у художников или у людей с художественными амбициями, а также у людей, утомленных жизнью» (Антон Кемпинский, «Алкоголь», <http://www.travelled.ru/forum/viewtopic.php?p=7997>);

«Если под внушаемостью иметь в виду несамостоятельность в оценках и трактовках, то такая особенность когнитивной сферы настолько широко представлена в (русскоязычной, – П.Д.) популяции, что считать ее специфическим проявлением инфантилизма сложно (но все же логично, – П.Д.). Речь может идти как о сниженных умственных способностях, так и об отсутствии мотивации к формированию собственных понятий, о предпочтении штампов и заимствований в когнитивной сфере» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>).

А обижаться по любому поводу и даже без повода – это ведь неотъемлемая черта характера, как детей, так и психически инфантильных челядишек:

«Обида – это жалость к себе, соединенная с претензией к другому. Обида возникает в том случае, когда другой человек оказал мне недостаточное внимание (не справился о здоровье), проявил неуважение (пренебрег моим мнением или просто выразил низкую оценку моих достоинств – например, талантов), недоверие (не рассказал мне чего-то важного, не поручил трудного дела, не поверил моему обещанию и т. п.)» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», http://lang-brain.blogspot.com/2013/04/blog-post_25.html; http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Обида – мотор утопического человека. Вот почему в России столько много обиженных, практически все...» (Виктор Ерофеев, «Как начиналась Третья мировая?», <https://snob.ru/selected/entry/84873>; <http://liport.ru/politika/92012-kak-nachinalas-tretya-mirovaya.html> ; https://polpred.com/news/?cnt=195&person_id=5503);

«И воззвал: «А не лучше ли вам быть обиженными?» И понял – для некоторых лучше! Когда «обсасываешь» свою обиду, то при этом никакой ответственности не несешь. Все виноваты, но только не я!» (Vik, комментарий к статье Станислава Вершинина, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>);

«Не тупиковый вариант разжигания обиды и ненависти, на который настраивают нас герои информационной войны. А правильный, созидательный. Прежде всего, необходимо задать себе вопрос: А что мы сделали такого, чтобы нам сочувствовали?... За что нам сочувствовать? В таких условиях, при таком образе жизни, когда мы гробим сами себя – потери неизбежны. Если заплевывать все колодцы – пить будет неоткуда. Если задираться к мастерам спорта по единоборствам – рано или поздно получишь в дыню. Единственная эмоция, которую по отношению к нам может испытывать мир – это жалостливая брезгливость, в которой жалость от того, как человек, общество, может себя довести до такого и брезгливость как естественная реакция на грязь и мерзость. Многие из нас сочувствуют алкоголику? Или наркоману? Вот когда мы поймем, что сочувствие надо заслужить уважением, а уважать нас не за что совсем – только тогда мы поймем, что делать. И решение это не будет таким простым, как кажется некоторым. Не из серии «кто-то нам сделает атомные торпеды, попадающие в побережье и все начнут нас бояться» или «свергнем Путина – и заживем». Придется искать, как строить, а не как разрушать. Разрушать у нас и так получается – причем, за что ни возьмемся. Пока у нас и торпеды не доплывут или приплывут обратно, и Путина мы так свергнем, что он у нас царем окажется. Если нам не сочувствуют – это наши проблемы, а не тех, кто не сочувствует. Пора становиться взрослыми, переставать искать виноватых и брать ответственность на себя» (Вячеслав Новицкий, «Как правильно выпрашивать сочувствие. А не как мы это делаем», http://echo.msk.ru/blog/viacheslav_sn/1659908-echo/).

Заблуждение о генетической склонности россиян к развитию у них психической инфантильности

В то время как согласно наблюдениям Волкова среди русского населения преобладает простодушный вариант органического характера психики, а интеллигенции присущ шизоидный психотип, то по заключению Валентины Чесноковой русскому населению, наоборот, соответствует эпилептоидный генотип психики (точнее, этнический психотип):

«Таким образом, мы не есть чистые эпилептоиды. Мы – культурные эпилептоиды... Эпилептоидный генотип как бы «проглядывает» из-за нашей этнической культуры, как бы «прощупывается» под ее покровами. Но если мы возьмем за исходный продукт, что наша этническая культура (точнее: мировоззрение этноса, запечатлённое в его культуре, – П.Д.), формировалась как ответ на этот генотип (точнее: на мировосприятие, запечатлённое в русском языке, – П.Д.), как способ его обработки и преодоления, то многие вещи увяжутся для нас в некоторое осмысленное целое, и мы поймем значение отдельных моментов, которые до сих пор считались «пережитками», смешными остатками прошлых исторических этапов, когда человек не понимал окружающей его действительности и строил о ней самые фантастические представления» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «Особенности русского национального характера», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava9.php).

А это значит, что в соответствии с выводами Валентины Чесноковой преобладающий в России простодушный вариант органического характера психики формируется вследствие компенсации эпилептоидного этнопсихотипа (генотипа по её ошибочному мнению) русскоязычных людей шизоидным типом русской этнической культуры, а шизоидность психики русской интеллигенции тогда является результатом перекомпенсации (чрезмерного репрессирования) его. Такое чрезмерное репрессирование, вызванное очень ранним и интенсивным воздействием родителей на сознание ребёнка, приводит не только к раннему его взрослению, но и к дефициту у него интуиции, развиваемой преимущественно бессознательными лингвопсихическими установками национальной ЯКМ.

Однако же вывод Валентины Чесноковой о тяготении русскоязычного населения к построению сложных и тщательно разработанных планов вовсе не согласуется не только с плохой детализированностью русской ЯКМ, но и с заключениями Николая Трубецкого и многих других мыслителей и бытописателей о тяготении туранцев и их русскоязычных потомков к примитивному схематическому мышлению:

«Парадокс заключается в том, что именно мы, эпилептоиды, про которых психиатры говорят, что их характернейшей чертой является некоторая изолированность, углубленность в свои дела, тяготение к построению сложных и тщательно разработанных планов и преследование поставленных целей, «невзирая ни на какие препятствия», – именно мы выработали культуру, которая эти наши личные цели и планы репрессирует с особенной силой» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «Особенности русского национального характера», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava11.php);

«Русскому человеку генетически передались противоречивые свойства славянского

(на самом деле, туранского, – П.Д.) эпилептоидного типа характера (по определению Валентины Чесноковой). Эпилептоид в обычных ситуациях спокоен, терпелив, основателен и запаслив, но способен к срыву в раздражающей ситуации, если долго давить на него – он взрывоопасен. Он задаёт свой темп жизни и целеполагание, стремится действовать в собственном ритме и по своему плану. Ему присущи основательность, последовательность, упорство в достижении цели, могущее переходить в упрямство... Эпилептоидному характеру свойственны замедленные реакции, некоторая «вязкость» мышления и действий (русский мужик задним умом крепок). В спокойных состояниях эпилептоидный тип склонен к легкой депрессии: вялости, апатии, плохим настроениям и пониженному тону деятельности, что характеризовалось как русская лень. Переключение на другой вид деятельности происходит с трудом, а мобилизация сил для этого – замедленна, ибо требуется время для раскочки, привыкания к новым обстоятельствам» (Виктор Аксютин, «Русский характер – современные выводы», <http://www.apn.ru/publications/article23413.htm>);

«Эпилептоидный тип (наполеон). С первых лет такие дети могут подолгу, многими часами плакать, и их невозможно бывает ни утешить, ни отвлечь, ни приструнить. В детстве дисфории (Дисфория – эмоциональная подавленность, расстройство.) оборачиваются капризами, стремлением нарочито изводить окружающих, хмурой озлобленностью. Рано могут обнаружиться садистские наклонности. Такие дети любят мучить животных, исподтишка избивать и дразнить младших и слабых, издеваться над беспомощными и неспособными дать отпор. В детской компании они претендуют не просто на лидерство, а на роль властелина, устанавливающего свои правила игр и взаимоотношений, диктующего всем всё, – и всегда в свою пользу. Можно также видеть недетскую бережливость в отношении одежды, игрушек, всего «своего». Любые попытки покуситься на их ребячью собственность вызывают крайне злобную реакцию. В первые школьные годы выступает мелочная скрупулезность в ведении тетрадей, всего ученического хозяйства, но эта повышенная аккуратность превращается в самоцель и может полностью заслонить саму учебу. В подавляющем большинстве случаев картина эпилептоидной психопатии разворачивается лишь в период полового созревания от 12 до 19 лет. Аффективные «разряды» могут быть следствием дисфории – подростки в этих состояниях ищут повод для скандала, но аффекты могут быть и плодом тех конфликтов, которые возникают у эпилептоидных подростков вследствие их властности, неуживчивости, жестокости и себялюбия. Повод для гнева может быть мал и ничтожен, но он всегда сопряжен с хотя бы незначительным ущемлением интересов. В аффекте выступает безудержная ярость, циничная брань, жестокие побои, безразличие к слабости и беспомощности противника, неспособность учесть его превосходящую силу. Эпилептоидный подросток способен в ярости ударить по лицу наотмашь престарелую бабушку, столкнуть с лестницы малыша, показавшего ему язык, броситься с кулаками на заведомо более сильного обидчика. В драке обнаруживается стремление бить соперника по гениталиям... Самооценка эпилептоидных подростков носит односторонний характер. Как правило, они отмечают в себе отсутствие застенчивости и склонность к ревности, к мрачному расположению духа, а также свои соматические особенности: крепкий сон и трудность пробуждений, желание сытно и вкусно поесть, силу и

напряженность сексуального влечения. В отношениях же с окружающими они представляют себя более конформными, чем они есть на самом деле» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас // Акцентуации характера подростков», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18471/>);

«В экспериментальных исследованиях физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова были определены следующие типы нервной системы: сильный, уравновешенный, подвижный тип; сильный, неуравновешенный, подвижный; сильный, уравновешенный, инертный; наконец, слабый, неуравновешенный, инертный. Эти классические физиологические типы высшей нервной деятельности человека соответствуют основным традиционным типам темперамента: сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик... В современной психологии рядом авторов выделены следующие типы характеров: гипертимный, циклоидный, лабильный, астено-невротический, сенситивный, психоастенический, шизоидный, эпилептоидный, истероидный, неустойчивый, конформный и смешанный. Основные характеристики каждого типа таковы:

- гипертимный психотип – общительность, самостоятельность, находчивость, живой ум, хорошее настроение, плохая переносимость жесткой дисциплины, монотонного труда, однообразной обстановки;
- циклоидный психотип – частая смена фаз повышенной активности фазой пониженной деятельности; в субдепрессивной фазе отмечается вялость, упадок сил, тогда как в фазе подъема циклоиды похожи на гипертимов;
- лабильный психотип – крайняя подвижность настроения, меняющегося часто и по незначительным поводам;
- астено-невротический психотип – повышенная утомляемость, раздражимость и склонность к ипохондрии;
- сенситивный психотип – чрезмерная впечатлительность и чувство собственной неполноценности;
- психоастенический психотип – нерешительность, склонность к бесконечным рассуждениям, тревожная мнительность (в виде опасений за будущее), склонность к самоанализу, легкость возникновения навязчивых опасений;
- шизоидный психотип – замкнутость и недостаток интуиции в общении;
- эпилептоидный психотип – склонность к периодам злобно-тоскливого настроения с накапливающим раздражением и поиском объекта, на котором можно сорвать зло;
- истероидный психотип – эгоцентризм, ненасытная жажда внимания окружающих к своей особе, потребность вызывать удивление, восхищение, почитание, сочувствие;
- неустойчивый психотип – повышенная тяга к удовольствиям, развлечениям, праздности, безделью;
- конформный психотип – постоянная и чрезмерная приспособляемость к своему непосредственному окружению, жизненное правило: «думать, как все», «поступать, как все»;
- смешанный психотип – различные сочетания тех или иных черт характера; наиболее распространенный тип характера...» (М.П. Переверзев, Н.А. Шайденко, Л.Е. Басовский, «Менеджмент», <http://lib.sale/osnovyi-menedjmenta-besplatno/harakteristiki-modeli-lichnosti->

Как видим, Валентина Чеснокова и её сторонники считают, что присущая русскоязычным людям лень генетически обусловлена. На самом же деле вполне естественная потребность в «раскачке» и в связанной с ней «бессознательной лени» – это вовсе не генетическое явление, а всего лишь следствие бессознательных лингвопсихических установок пережиточной русской ЯКМ и сформированной ими (в процессе созревания лобных долей коры головного мозга) психической инфантильности:

«Что же собственно позитивного есть в лени? На самом деле, ее можно рассматривать, как своего рода нежелание совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую (точнее, нежелание совершать любые недостаточно стимулированные или же слабо мотивированные действия, что наиболее характерно для детей и первобытных племен, – П.Д.) – то, что в слове «лень» на первом месте стоит именно экономия усилий, отчетливо видно при его сравнении со словом «неохота». В последнем делается упор на предпочтении, поэтому в ситуациях, описывающих именно экономию усилий, «лень» не может быть заменена на «неохота» (например, в высказывании «Вообще-то я хочу туда поехать, но ужасно лень» замена на «неохота» не может быть произведена, ибо «хочу» выступило бы в этом случае антонимом к «неохота» и превратило бы высказывание в бессмысленное)» (Алла Мельникова, «Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский анализ», <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz>).

Однако же всем потомственным славянам, являющимся, в отличие от лишь славянофонных туранцев России, преимущественно высокорослыми брахицефалами, а не низкорослыми долихоцефалами, такой «эпилептоидный» тип характера вовсе не присущ. Это хорошо коррелирует и со многими другими антропологическими и ментальными отличиями русскоязычных потомков долихоцефальных (длинноголовых) степняков туранцев от потомственных славян и других потомков брахикранных (короткоголовых) горцев индоевропейцев:

«Распределение генных частот по системе Спицына показывает, что основные человеческие расы на биохимическом уровне отличаются друг от друга на 30–40%. Выражаясь языком Библии, Бог лепил нас из разной глины, потому что между различными породами животных биохимические различия и то меньше. «Человечество с его общечеловеческими ценностями» – это генетически неопределяемый фантом. По этой же схеме установлено, что русские явно и отчетливо отличаются от татар, евреев и даже украинцев» (Владимир Авдеев, Александр Севастьянов, «Раса и этнос», <https://unotices.com/book.php?id=48227&page=4>; «Чем отличаются расы?..», <http://politiko.ua/blogpost44610>).

И поэтому-то, казалось бы, действительно напрашивается расистский вывод, основывающийся на преимущественной низкорослости и на отставании эволюционного процесса брахицефализации долихоцефальных россиян:

«Давно известно и доказано, что высокие люди зарабатывают больше денег, взбираются выше по социальной лестнице, более честлюбивы, чем люди низкорослые, ниже среднего роста. Казалось бы, малорослые мужчины достаточно обижены судьбой – низкий доход, низко котируются на любовном рынке, меньше ценится их вклад в местный банк спермы – так недавно было добавлено еще одно унижение: малорослые люди глупее, чем высокорослые. Два экономиста из Принстона доказали – обидно для тех из нас, которые ниже 5 футов 9 дюймов, – что более высокие мужчины потому и зарабатывают больше, что они, попросту говоря, умнее. Причем разница в познавательной способности становится очевидной с трех лет. На протяжении всего детства более рослые дети проявляются значительно лучше на тестах по умственному развитию» (Елена Клепикова, «Чем выше, тем богаче и умнее», <http://russian-bazaar.com/ru/content/9840.htm>);

«...г. Шавэ утверждает, что умственное превосходство принадлежит другой (короткоголовой, – П.Д.) расе. «Посмотрите, – говорит он, – на превосходно сформированную голову иранцев и индусов, столь интеллигентную и столь хорошо развитую. Посмотрите на совершенство этих удивительных языков – санскрита и зенда. Немцы лишь обезобразили и испортили прекрасное строение первоначального арийского языка». Уйфальви говорит, что «если превосходство состоит лишь в физической энергии, в охоте к предприятиям, нашествиям, завоеваниям, то белокурая длинноголовая раса может требовать себе титула расы руководящей миром (ввиду своей стайности и агрессивной послушности паханам, – П.Д.); но, если мы обратимся к духовным качествам, к артистическим и умственным способностям, тогда первенство переходит к короткоголовой расе». Де Мортилье столь же сильно выражается в этом смысле. Европа, утверждает он, обязана своей цивилизацией короткоголовой расе...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Что касается гениальных людей, то для нас, конечно, всего интереснее антропологические данные о них, указывающие на принадлежность их к белой расе (к смуглым потомкам тёмно-краснокожих горцев праиндо-европейцев, – П.Д.). Сюда относится, прежде всего, тот несомненный факт, что все великие люди, выработавшие европейскую цивилизацию, были белые, и что цветных гениев мы почти не знаем. Далее, из черт белого диллювиального человека у гениев наблюдалась большая емкость черепа. По словам Ломброзо, «многие из гениальных людей обладали чрезвычайно большим черепом». Эта мысль прекрасно иллюстрируется следующей таблицей:

Емкость черепа: У Вольты 1865 куб. см. У Канта 1740 куб. см. 8 итальян. велик. людей 1611 куб. см. У итальянцев вообще 1553 куб. см. К этому надо добавить со слов Карла Фохта, что череп был очень велик у Кювье, Шиллера и Наполеона 1-го. Так как большая емкость черепа, по Велькеру, сочетается с большей величиной тела, то, следовательно, гениальным людям должен быть свойствен и высокий рост. И действительно, Ломброзо приводит из данных, полученных в Италии при наборе рекрутов, что наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных встречается в тех областях Италии, где всегда было много даровитых людей. Напротив, в тех провинциях, где процент

рекрутов высокого роста меньше, – число гениальных личностей заметно понижается. Кроме того, по словам Ломброзо, гениальные люди чаще выходят из горцев, которые в Европе вообще отличаются высоким ростом. «Уже издавна замечено было, – говорит автор, – как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах особенно много гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: «у горцев ноги толстые, а мозги нежные». В горах Тосканы между пастухами встречаются много поэтов и импровизаторов. В гористых местах Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Брешии и Комо число великих людей гораздо больше, чем в низменных». Во всех низменных странах, по словам Ломброзо – гениальные люди чрезвычайно редки» (В.А. Мошков, «Новая теория происхождения человека и его вырождения», Варшава, 1907, <http://www.idiinvest.narod.ru/new/zoloto-nechvolodov/Moshkov-Book.html>);

«Долихоцефальные европеоиды имеют сходство по главным расовым признакам с негроидами, в своем развитии и по своей физиологии стоящими ближе всех к неандертальцам. Длинный и узкий череп является общей характерной особенностью негроидов и европеоидов. Сходство главных расовых признаков указывает на генетическую близость долихоцефальных европеоидов и негроидов. Близкое родство негроидов и длинноголовых европеоидов отражено в так называемой «популяционно-генетической классификации». Согласно этой классификации негроиды и европеоиды объединены в общий расовый ствол. Этот расовый ствол называется «евро-африканским» или западным... В результате ошибочных выводов немецких ученых в XIX в., – пишет современный русский археолог и расолог Ю.Д. Петухов, – длинноголовые-долихоцефалы были объявлены предками «арийских» племен, «арийцами». Из чего в дальнейшем был сделан ряд неверных выводов, заведших Германию времен нацизма в полный научный и политический тупик. Ошибка немецких ученых-«романтиков» была вопиющей. Скорее всего это даже была не ошибка, а выполнение политического заказа. В Германии того периода значительную часть населения составляли долихоцефалы, представители средиземноморской подрасы, приходившие со средиземноморского юга на «германский» север в течение многих веков и даже тысячелетий, прочно осевшие в Германии, Австрии (о Франции здесь и говорить не приходится). Ни малейшего отношения эти ассимилированные, псевдо-германские долихоцефалы, зачастую перенявшие основные признаки ариев (светлоглазость и светловолосость, утратив пигментацию «южан»), к арийским народам (на самом деле к смуглым потомкам тёмноглазых, черноволосых и к тому же тёмно-краснокожих ариев, – П.Д.) не имели. Ошибка и политический заказ привели к трагическим последствиям. На самом деле, если мы рассмотрим и проведем замеры черепов архантропов – Homo Habilis, Homo Erectus, Homo Neanderthalensis (и все без исключения промежуточные формы) – мы убедимся, что они обладают свойством длинноголовости-долихоцефальности. И напротив черепа Homo Sapiens-Sapiens, т. е. кроманьонцев, антропоидов прогрессивного типа – брахицефальны, круглоголовы. Длинноголовость есть пережиток глубокой древности, атавизм... Специалисты-антропологи считают, что свойственный европеоидам ослабленный рельеф черепной коробки позволяет свободнее развиваться головному мозгу, и поэтому череп раздается вверх и вширь. В то же время само по себе прогрессивное развитие

головного мозга приводит к ослаблению рельефа черепа, череп от этого становится выше, лоб поднимается круче (а ведь именно лобные доли мозга отвечают за умственные способности), форма черепа делается более округлой. В процессе роста лобные части черепа у короткоголовых срастаются поздно, отчего остается т. н. метопический шов, который свойствен, прежде всего, брахицефалам» («Неандертальские истоки генезиса человеческих рас», Ч. II «Долихоцефалы против брахицефалов»),

<http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?jpostid=206761246&journalid=2918592&go=next&categ=1>);

«Долихоцефалия – один из признаков самых ущербных и отсталых в развитии этносов. Монголоидные и прочие среднеазиатские племена, будучи брахицефальны, на самом деле стоят на много уровней выше по умственным способностям и организации жизни, нежели негроиды (а, соответственно, и подобные им длинноголовые россияне, – П.Д.), для коих, как правило, характерна долихоцефалия» (Денис Иванов [Одинцов], «Долихоцефалия – один из признаков самых ущербных и отсталых в развитии этносов», http://branibor.blogspot.com/2010/12/blog-post_9290.html?zx=14cf7b99818c8460);

«По своим душевным способностям негритёнок не уступает белому ребёнку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. Но как только наступает роковой период возмужалости, то вместе со сращением черепных швов и выступанием вперёд челюстей у них наблюдается тот же процесс, как у обезьян: индивидуум становится неспособен к развитию. Критический период, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого, именно за это говорит более раннее срастание швов черепа у негра» (В.А. Мошков, «Новая теория происхождения человека и его вырождения», Варшава, 1907, <http://www.idiinvest.narod.ru/new/zoloto-nechvolodov/Moshkov-Book.html>).

На самом же деле, более высокий рост а, следовательно, и более высокие умственные способности людей определяются не только проживанием их в горных местностях, но и урбанизацией их общества, а тем самым и значительно лучшим благосостоянием родителей, позволяющим им улучшить питание своих детей. Так, например, еще двести лет назад нидерландцы вовсе не являлись самыми высокорослыми европейцами. Однако то, что буржуазная революция свершилась в их низменной стране (Нидерландах) ранее, чем в других европейских государствах, позволило им раньше выйти и на достаточно высокий уровень питания своих детей:

«...в средневековье брахицефализация идет параллельно с увеличением скулового диаметра, и никаких признаков грацилизации не наблюдается. Скорее наоборот, горожане отличаются более массивным, во всяком случае в широтном направлении, лицевым скелетом. Брахицефализацию городского населения, видимо, можно объяснить, вслед за В.В. Бунаком (1951), как «частный случай общей проблемы ускорения роста», причины которого лежат в изменении условий социальной среды. Что же касается причин, приводящих к расширению скулового диаметра, то вполне вероятно, что они кроются в изменении уровня

питания в сторону повышения его у горожан. Не исключено, что и вообще городское население имело более крупный костяк. Судя по работам Г.Ф. Дебеца, посвященным изучению древних эскимосских скелетов на мысе Хоп (Аляска), размеры скулового диаметра дают большие коэффициенты корреляции с размерами костей конечностей. Имея в виду, что морфологические корреляции проявляются более или менее одинаково во всех группах, можно заранее предположить, что более широкое лицо у городских жителей является частным выражением общего процесса укрупнения костяка в условиях города... Во-вторых, некоторые особенности в антропологическом облике городского населения по сравнению с сельским, обнаруживающие одну и ту же закономерность, независимо от территории и этнической группы объясняются, вероятно, изменением условий социальной среды и связи с урбанизацией, брахикефализация городских жителей, по-видимому, является частным выражением общего процесса ускорения роста под влиянием изменений в социальной среде, а расширение лица – частным выражением общего процесса укрупнения костяка в условиях города, опять-таки в связи с изменением уровня социальной жизни» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», <http://www.vkist.ru/58478/58478.pdf>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/04.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>; <https://docplayer.ru/52715514-Etnogenez-vostochnyh-slavyan.html>).

Существенным снижением уровня жизни, а также и наличием постепенного понижения уровня цивилизационного и интеллектуального развития (оглупления средствами массового зомбирования) большинства современных россиян может быть объяснена и значительная их дебрахикефализация:

«Исследователи отмечают, что на фоне некоторой ретардации сроков полового созревания происходит дальнейшее нарастание астенизации телосложения в сочетании с интенсивным изменением формы головы (дебрахикефализация). Высказано предположение, что изменение формы черепа современного населения является надежным популяционным маркером, свидетельствующим о пребывании популяции (московской) в качественно новых условиях жизнеобитания. Это предположение подтвердилось в ходе сравнения московских и белорусских детей... Четко выражена эпохальная тенденция уменьшения головного указателя. Русские дети, измеренные в последние годы, имеют заметно более длинную голову. В соответствии с эпохальной тенденцией польские дети 1991г. измерения занимают промежуточное положение. Отмеченные закономерности прослеживаются у представителей обеих полов, что подтверждает надежность полученного результата. Особенно наглядно эпохальные тенденции проявляются по результатам кластерного анализа (К-кластерный анализ) этнотерриториальных групп мальчиков и девочек. В первый кластер вошли группы, где процессы эпохальной трансформации формы черепа не проявляются либо выражены слабо (Польша, 1991г.). Средняя величина головного указателя в группах этого кластера – 83,8, что значительно выше, чем у (московских, – П.Д.) детей, образовавших второй кластер – 80,3. Разницу около одной единицы стандартного отклонения следует считать очень большой. Она приблизительно соответствует групповым различиям в 6 см по длине тела. Очевидно, в группах из России в последнее десятилетие произошли качественные изменения

в морфологии черепа, знаменующие вхождение популяции в новый этап микроэволюционных преобразований, аналогичный предшествующему, характеризовавшемуся секулярным увеличением длины тела. Изменение формы черепа происходит удивительно быстрыми темпами (в течение 10–15 лет), что полностью подтверждает предположение, высказанное В.В. Бунаком... Итак, процесс дебрахицефализации у русских налицо. За 35 лет (с 1963г. по 1997–1999 гг.) средний головной указатель у московских детей снизился на 3 единицы» (Malinowski A., «Tendencja przemian rozwoju glowy u dzieci i mlodziezy poznannia // Ontogeneza i promocja zdrowia», Zielena Gora, 2002. S. 74-82 / «Дебрахицефализация у русских», <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=3103>; http://branibor.blogspot.com/2010/12/blog-post_4195.html; <http://aquilaaquilonis.livejournal.com/27879.html>).

Более же раннее срастание черепных швов у большинства долихоцефалов является вовсе не причиной а, наоборот, следствием более раннего прекращения интенсивного развития (созревания) лобных долей полушарий коры головного мозга:

«Классической школой антропологии И.Ф. Блюменбаха (1752–1840) было выявлено, что именно развитие мозга задает формирование черепа человека, но никак не наоборот. Ее представитель С.Т. Зоммеринг (1755–1830) писал: «Надо полагать, что природа формирует черепные кости так, чтобы они могли приспособиться к мозгу, но не наоборот». Много позднее известный советский генетик Н.П. Дубинин в книге «Что такое человек?» (М., 1983) изложил сходный комплекс идей: «Мозг человека обладает генетически детерминированными свойствами. Для нормального развития мозга нужна нормальная генетическая программа. Доказано, что 5/6 мозга формируется у человека после рождения». Антропологический сборник «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) не оставляет никакой неясности в этом вопросе: В.П. Алексеев в передовой статье под названием «Некоторые соображения о динамике корреляционных отношений у человека и ее эволюционном значении» обобщает: «В паре «мозг – черепная коробка» ведущим был мозг». Поэтому так важно знать и правильно интерпретировать расовые различия черепа в динамике их возрастного развития... Несомненно, что наличие лобно-височного шва в большой мере зависит от относительной величины мозга. Чем сильнее мозг распирает череп, тем больше будут расходиться лобная и височная кости, тем реже они смогут соединиться в шов... Именно лобные доли мозга, отвечающие за высшие проявления человеческой психики и интеллекта, у некоторых индивидуумов в процессе начальной фазы роста оказывают повышенное давление на соответствующие отделы лобной кости, раздвигая их, что, в свою очередь, и вызывает появление лобного шва под названием метопизм». По наблюдениям Анучина, метопические, то есть с лобным швом, черепа имеют вместимость на 3–5% большую по сравнению с обыкновенными... Известное соотношение существует, по-видимому, между наклоном к метопизму и интеллигентностью (а также и интеллектуальностью, – П.Д.) расы. Мы видим, например, что во многих расах более интеллигентные (преимущественно короткоголовые, – П.Д.) племена представляют больший процент метопических швов. У высших представителей монгольской и белой рас он выражается цифрой, по крайней мере в 8–9 раз большею, чем у (длинноголовых, – П.Д.)

австралийцев и негров (а также и у ведущего подобно неграм холопский образ жизни психически инфантильного русскоязычного населения, – П.Д.)... Детский рот с нечеткими контурами, как у европейских детей, встречается у (психически, – П.Д.) инфантильных примитивных рас» (Владимир Авдеев, Александр Севастьянов, «Чем отличаются расы?..», <http://politiko.ua/blogpost44610>; «Раса и этнос», <https://unotices.com/book.php?id=48227&page=6>, <https://unotices.com/book.php?id=48227&page=7>, <https://unotices.com/book.php?id=133858&page=38>).

И это более раннее прекращение интенсивного созревания лобных долей полушарий коры головного мозга у примитивных этносов (психически инфантильных наций) происходит конечно же из-за отсутствия или же слабости необходимых стимулов (бессознательных лингвопсихических установок) в их национальных ЯКМ, являющихся более пережиточными и примитивными по сравнению с национальными ЯКМ наций, находящихся на более высоком уровне общественного развития:

«Х.В. Родригес детально изучил явления эпохальной изменчивости – секулярного тренда – в Америке, убедительно показав, что в ряде районов Нового Света, начиная с III-I тысячелетия до н.э., и в особенности, – после X-XI веков н.э., происходил быстрый процесс брахицефализации, так что без какого-либо притока инородных генов черепной указатель в ряде регионов быстро менялся, долихокранные формы сменялись мезокранными и далее – брахикранными. Автор объясняет этот феномен переходом к оседлости и новому типу хозяйства – земледелию, что вызывает «пищевую революцию», ослабление нагрузок на зубочелюстной аппарат и соответствующую перестройку связанных с жевательной мускулатурой отделов черепа (а также и потребность в более осмысленном отношении человека к окружающей его действительности, – П.Д.)...» (А.А. Зубов, «Биолого-антропологическая характеристика коренного доевропейского населения Америки», http://www.indiansworld.org/Nonmeso/new_world_people1.html#U5c4k3J_tzp).

Следствием более раннего прекращения интенсивного развития лобных долей полушарий головного мозга как у негров, так и у туранцев (из-за отсутствия соответствующих лингвопсихических стимулов в их национальных ЯКМ) является и пониженный объем черепной коробки как у негров, так и у большинства русскоязычных длинноголовых туранцев:

«Если у европеоидов усредненный IQ (показатель интеллекта) равен 100, то у негроидов (и у долихокранных туранцев, – П.Д.) не более 70, а у монголоидов (но не у всех: у китайцев, японцев) 102. Таковы же различия и в скорости реакции. Канадский профессор Дж. Филипп Раштон в наделавшем много шума исследовании «Эволюция и поведение рас» пишет в этой связи: «Головы больших размеров (содержащие более развитые мозги) находятся в прямой корреляции с интеллектом. Большие головы имеют тенденцию блистать своим интеллектом. Эта корреляция верна и по отношению к разным расовым группам. В возрасте семи лет африканские дети на 16% больше европейских детей, зато периметр их мозга на 8% меньше... Негры имеют в голове в среднем на 480 миллионов нейронов меньше,

чем (брахикранные, – П.Д.) белые. С маленьким мозгом в большом теле они менее одарены интеллектуально, потому что большая часть мозга негров (как и русскоязычных туранцев, – П.Д.) занята жизненными функциями, а не сознательными мыслями» (Владимир Авдеев, «Расология», <https://unotices.com/book.php?id=133858&page=67>; http://www.universalinternetlibrary.ru/book/77408/chitat_knigu.shtml; «Чем отличаются расы?..», <http://politiko.ua/blogpost44610>);

«Хотя по черепному указателю восточные славяне не проявляют никаких закономерных различий, в отношении абсолютных размеров длины и ширины черепа наблюдается уменьшение их к северо-востоку и востоку. Особенно это касается продольного диаметра. Однако здесь следует заметить, что в контактных финно-угорских группах, которые нам известны, распределение этих признаков весьма мозаично. Тем не менее, в группе из могильника Сють-Сирми отмечается минимум величины продольного диаметра черепа, а у населения, известного по краниологическим сериям из Цнинских могильников [Дебец, 1948] и Муранского, очень небольшие размеры поперечного диаметра. Изменчивость высотного диаметра черепа у восточнославянских групп невелика; значения этого признака у различных групп очень близки, однако более высокая черепная коробка чаще свойственна краниологическим сериям из западной зоны расселения восточных славян... Сопоставление с окружающими этническими группами показало, что в формировании антропологического состава восточных славян наибольшее участие принимали финно-угорские группы Восточно-Европейской равнины и балты. Влияние первых сильнее чувствуется у крайне восточных групп славян – среди вятичей и кривичей ярославской, костромской и владимирской групп, влияние вторых – у крайне западных – у волынян и древлян» (Татьяна Алексеева, «Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/20);

«Кроме того, лингвистика установила и наличие финно-угорского субстрата (здесь: субстрат [от лат. «substratum» – основа] – язык местного населения, вытесненный языком пришельцев, но оказавший на него влияние. – Примеч. ред.) в славянских языках, что позволяет предполагать его влияние уже в праславянскую эпоху [Покорны Й. Теория субстрата и прародина индогерманцев, 1936)]. Но здесь это может раскрыться только в качестве внутренних языковых форм, в то время как на севере России присутствие более молодого и уже западно-финского слоя ощущается также в названиях населенных пунктов и рек [Васмер М. Очерки по исторической этнографии Восточной Европы. Былое распространение западных финнов в современных славянских странах, 1934)]. С этого момента можно перейти к обсуждению проникновения славян на финские территории уже с позиций исторической науки. При этом весьма интересен с расово-психологической точки зрения сам вид и способы этого проникновения: «Всюду, где славяне в процессе своего расширения на восток вступают в контакт с различными финскими племенами, последние отступают или демонстрируют определенную пассивность. Если же они иной раз и вступают

в борьбу, то она ведется, вне всяких сомнений, вяло и в течение длительного времени сопровождается ощутимыми территориальными утратами в пользу славян» [Нидерле, Л.: Вожди древних славян]. Все говорит за то, что подобно тому, как совершалось это столкновение между древними славянами и древними финнами, то же самое должно было также происходить и между их далекими пращурами (в Индии и в Восточной Сибири, – П.Д.). Но в подобной ситуации данное историко-лингвистическое заключение вполне соответствует антропологическим фактам: для всех в общей сложности групп древних славян (точнее славянизовавшихся в древности предков нынешних долихокраних славян, – П.Д.) зафиксирована нордическо-восточноевропейская смесь, которая так или иначе должна была возникнуть уже в праславянскую эпоху. При этом восточноевропейский компонент воспринимается как изначально связанный с финно-угорской народностью, для подтверждения чего мог бы быть приведен целый ряд антропологических находок из районов Северной и Центральной России. Далее, на северо-востоке, а именно там, где встречаются финские географические наименования, можно распознать следы более молодого наслоения, которое обращает на себя внимание более высокой долей участия восточноевропейцев и определенным примешиванием коротких голов из альпийского круга» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», <https://profilib.net/chtenie/83367/isaak-teylor-slavyane-i-ariyskiy-mir-75.php>).

К тому же, в отличие от славянизовавшихся долихокраних потомков туранцев (жестоких и психически инфантильных московитов-россиян), родственные им и антропологически близкие к ним германизовавшиеся потомки туранцев сако-массагетов (саксы, саксонцы и долихокраних бледнолицые скандинавы) весьма успешно смогли избавить нынешних своих потомков от жестокости и психической инфантильности, перейдя не только на общепонятный индоевропейским германским языком, но и на европейскую языковую картину мира. И поэтому-то они и являются теперь одними из самых успешных наций мира:

«Характер древних саксов демонстрировал качества бесстрашных, деятельных и удачливых пиратов... Их жестокий характер сформировала склонность к беспорядочному разбою. Именно из-за жестокости и всеразрушения, равно как и от внезапности вторжений, их боялись более других племен. Подобно датчанам и норвежцам, их преемникам и противникам, они подвергали опустошению все, где появлялись с мечом и пламенем. Это были люди, презирающие опасность. Они спускали свои разбойничьи корабли на воду и позволяли ветру нести их к любому заморскому берегу, безразлично, являлись ли результатом их похода не встретивший сопротивления грабеж или смертельная схватка. Такова была их алчность, или нечеловеческая смелость, что они зачастую предпочитали выходить в море в сильнейшую бурю, с легкостью способную погубить их корабль, только из-за того, что в такой момент их жертвы бывали менее осмотрительны. Их военные приемы были порождением скорее низких страстей, так свойственных людям, нежели благородства. Они явились результатом зачаточного состояния их развития. Их мечи вынимались из ножен не в порыве честолюбивого стремления или обиды. Тяга к разбою и жестокости являлась их излюбленной забавой, а посему они нападали абсолютно на любой берег, которого только могли достичь... Жестокость саксонского характера, казалось бы, более подходила смуглым

и гневливым лицам представителей Азии и Африки, чем тому белокурому, привлекательному и голубоглазому внешнему облику, каким наших предков изображали древние авторы. И хотя природа снабдила их зачатками тех притягательных качеств, которые позднее стали отличительным национальным признаком их потомков, зловещие обычаи саксов, их приобретенные страсти и варварская культура сводили на нет все положительные склонности. Способности человека приспособиться к обстановке столь значительны, что ни цвет кожи, ни телосложение, ни климат не влияют на нравственные качества столь заметно, как хорошие или вредные привычки, равно как и воспитание, которому они подвергнуты...» (Шэррон Тёрнер, «История англо-саксов», Дополнения к кн. II «Устои саксов времён язычества», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2ADD_01.htm).

Но, если славяноязычные англосаксы смогли, в конце концов, навязать туранцам саксам свою европейскую ЯКМ и тем самым их окультурить и цивилизовать, то саксонцы и современные фризы (потомки покинувших туманный Альбион саксов) еще долго не могли избавиться от своей туранской ментальности:

«Имеют ли англичане во главе себя монарха, как в Англии, или президента, как в Соединённых Штатах, их образ правления будет всегда иметь те же основные черты: деятельность государства будет доведена до минимума, деятельность же частных лиц – до максимума, что составляет полную противоположность латинскому идеалу. Порты, каналы, железные дороги, учебные заведения будут всегда создаваться и поддерживаться личной инициативой, но – никогда не инициативой государства. Ни революции, ни конституции, ни деспоты не могут давать какому-нибудь народу тех качеств характера, какими он не обладает, или отнять у него имеющиеся качества, из которых проистекают его учреждения. Не раз повторялась та мысль, что каждый народ имеет ту форму правления, которую он заслуживает. Трудно допустить, чтобы он мог иметь другую» (Гюстав Лебон, цит. по: Игорь Осовин, «Загадочная русская душа», <http://www.conspirology.ru/2011/01/zagadochnaya-russkaya-dusha.htm>);

«В сочинении Фридриха Ницше (Friedrich Wilhelm Nietzsche; 1844–1900) «По ту сторону добра и зла» (1886г.) есть определение особенностей немецкого национального характера, практически идентичное особенностям характера русского. У Ницше (отдел восьмой, глава 244) читаем следующее: «В немецкой душе есть ходы и переходы, в ней есть пещеры, тайники и подземелья; в её беспорядке много прелестного и таинственного [...]. Иностранцев изумляют и привлекают те загадки, которые задаёт им противоречивая в своей основе природа немецкой души». Замените слово «немецкая» на «русская» – и вы легко сможете убедить собеседника в том, что Ницше писал эти строки именно о русских» (Игорь Осовин, «Загадочная русская душа», <http://www.conspirology.ru/2011/01/zagadochnaya-russkaya-dusha.htm>).

Как видим, несмотря на почти безупречную логику и множество других достоинств работы Валентины Чесноковой, абсурдность расовой теории, на которой основываются ее выводы, достаточно очевидна:

«Если мы принимаем положение о генетической детерминированности ментального, тогда, по всей видимости, необходимо возродить и учение о наследовании приобретенных признаков, предложенное Ж.Б. Ламарком в начале XIX в. и позднее «доработанное» Т.Д. Лысенко: как иначе можно объяснить «зарождение» новых ментальных структур под влиянием внешней среды и их дальнейшее распространение в обществе? С. Блэкмор в своей работе «Машина мемов» (1999), предложившая оригинальную концепцию распространения в культуре новых моделей поведения, мышления и понимания, сравнивает их с генами живого организма, подчеркивая при этом, что данное сравнение – лишь аналогия, эвристическая находка, позволяющая до определенной степени объяснять функционирование некоторых культурных механизмов; эта аналогия ни в коем случае не предполагает реальной, онтологической взаимосвязи между сравниваемыми явлениями» (Ю.Н. Митрофанова, В.А. Спирин, «К проблеме дефиниции ментальности в культурной антропологии», <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-definitsii-mentalnosti-v-kulturnoy-antropologii>; http://www.terrahumana.ru/arhiv/14_02/14_02_16.pdf);

«Говорить о каких-то генетических свойствах русских – глупо. Русский – это не группа крови. Это такие же люди, как все, если попадают в нормальные условия. Но вот когда они подпитываются этой культурой, когда заводятся черносотенные кружки, пропаганда, военный патриотизм, православие начинают будоражить темные тупые силы, вот тогда темные силы превращают рейтинги вокруг «Крым наш» в 82%...» (Александр Невзоров, «О сплочении народа, об отсутствии альтернативы Путину и о том, почему русскую национальную идею придумали братья Гримм», https://www.dp.ru/a/2014/09/05/Nikto_nichego_ne_proglotil).

Однако же не только так называемый «генотип», но и культура, и насаждаемая нации идеология вовсе не являются факторами, преобладающими в формировании её ментальности. Ведь исихастское православие навязывало свою культуру, а коммунистическая идеология – во многом совершенно противоположную ей. Результат же является одним и тем же – слабо развитое критическое мышление, низкая индивидуальная активность со склонностью к паразитированию, неустойчивое психическое состояние с постоянным метанием от одной крайности к другой, слабоволие, «беспробудное» пьянство, склонность к апатии, к депрессии, и даже к суициду большинства, как долихоцефальных, так и брахицефальных русскоязычных людей, то есть всё то, что наиболее резко выражено, именно, у психических инфантилов:

«Ежегодно официально за психиатрической помощью в России обращаются 8 млн граждан, сообщила директор Центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского Татьяна Дмитриева журналистам на пресс-конференции в пятницу. «Один миллион из них имеют инвалидность, семь миллионов включены в общественную жизнь с различной степенью активности», – сказала она. По словам директора Центра, 3% населения страдают депрессией и 1% – шизофренией...» («В России 1,5 млн человек страдают шизофренией», <http://www.newsru.com/russia/07oct2005/psycho.html>);

«Очень тревожен показатель самоубийств, который в России в среднем в два раза выше в сравнении со странами Запада. Молодежные самоубийства – самый высокий показатель в мире. И если количество взрослых суицидов уменьшается, то среди молодежи они продолжают расти – такое распределение не свойственно для развитых стран. «Как говорят хорошие специалисты, самоубийства на 90% обусловлены общим психическим здоровьем. Здоровый человек справляется с большинством жизненных невзгод и депрессий. Такой уровень самоубийств, особенно среди молодых людей, означает растущий уровень количества психических расстройств и заболеваний. Проще говоря, речь идет о деградации населения. По этому показателю мы не можем принадлежать к великим державам», – объяснил Урнов... Многие болезни, от которых страдает население, имеют сложную психосоматическую природу, и именно ее необходимо лечить. Чтобы изменить эту ситуацию, нужны инвестиции не столько в медицину, сколько в образ жизни...» (Сергей Простаков, «Прощание с великими державами», <http://rusplt.ru/society/proschanie-s-velikimi-derjavami-13869.html>);

«В отчете Росстата говорится, что за 10 месяцев 2015 года от самоубийств погибло больше россиян, чем в результате дорожно-транспортных происшествий. Согласно данным статистики, с января по октябрь покончили с собой 21,3 тысячи человек, в то время как 20,1 тысячи погибли в результате несчастных случаев на транспорте...» («Росстат отчитался по демографической ситуации в РФ: от суицидов погибло больше людей, чем в ДТП», <http://www.newsru.com/russia/30dec2015/demo.html>).

В то же время явно просматривается главная роль во всем этом направляемого языком бессознательного формирования личности, а именно – формирования русской языковой картиной мира соответствующих ей бессознательных лингвопсихических установок (бессознательно индуцирующихся ЯКМ-обусловленных рефлексов). А, тем самым, – формирования и отвечающего этим установкам уродливого холопского мировосприятия и бессознательного порочного поведения, весьма характерного для ментальности самых примитивных обществ.

Предпринимавшиеся же в советское время попытки коррекции ментальности русскоязычных людей соответствующим их воспитанием, заключающимся в целенаправленном привитии им через сознание иных моральных и культурных ценностей, оказались неэффективными из-за доминирования в формировании менталитета человека вовсе не воспитания, а именно бессознательных лингвопсихических установок его национальной ЯКМ.

О формировании легко зомбирующегося и абсолютно послушного властям холопа – гомосоветикуса

К тому же, советское воспитание было ориентировано, прежде всего, на формирование легко зомбирующегося и абсолютно послушного властям холопа – гомосоветикуса, а вовсе не личности, становление которой приравнялось к преступлению.

Неспроста же в русской ЯКМ выражение «с поличным» означает «на месте преступления». Всё это вместе с тотальным лицемерием, царившим в советском примитивном обществе (во всех его «примитивных группах»), не только не устраняло вызванных психической инфантильностью пороков а, наоборот, значительно усиливало их:

«Коммунистическая идеология инфантилизировала наше общество. Не было необходимости самостоятельно мыслить, брать ответственность за свою жизнь. Советское государство боялось хозяина, лидера, самостоятельного мужчину, ответственного за свой двор, улицу, город. Ему нужны были послушные, инфантильные граждане, которым не надо принимать самостоятельные решения, которым все подадут. К сожалению, и сегодня инфантильность остается негласной добродетелью. Главное, чтобы человек брал кредиты, дрожал за работу, соцпакет, боялся пришельцев. Таким человеком проще управлять. Продолжается вырождение хозяина, самостоятельной фигуры, прежде всего мужской» (Андрей Лоргус, «Инфантилизм: негласная добродетель или болезнь современности?», <http://www.pravmir.ru/infantilizm-neglasnaya-dobrode/>);

«Опыт советской империи – едва ли не эталонный пример быдлократии. Тогда работал механизм отбраковывания и селекции поднимавший наверх наиболее хитрожопых представителей последнего и загонявший личность в щели и поры маргинального бытия. Даже там, где нельзя было обойтись без людей определенного уровня – экспертов, специалистов, ученых – они находились на вторых ролях, были неусыпно подконтрольны и существовали как неизбежный компромисс. Достаточно вспомнить стиль, поведение, образ жизни, культурные рефлексы советских руководителей всех времен и уровней. Чтобы снять любые возражения, надо признать, что при всей сложности отношений к власти до самого последнего времени рядовой совок чувствовал, что на верху «свои». И лишь в последние годы что-то стало смещаться... Сегодня, несмотря на все разглагольствования, власть по-прежнему предполагает быдло основным социальным субъектом. Ориентируясь на его социальную психологию и ценностные установки власть, тем самым, воспроизводит тупиковую, безысходную ситуацию...» (Андрей Пелипенко, Игорь Яковенко, «Быдло», <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>; http://design.bigler.ru/forum_vb/showthread.php?t=14581; «Быдло как социальное явление», <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>);

«По принятии христианства, человек становится рабом Христовым и находится в послушании Богу. Но при этом, он свободен, имеет обостренную совесть. А лишение и подмена духовных понятий ведет к низведению человека в область материальных, низших потребностей, однако послушание и покорность тому, кто оказывается вместо Бога, остается. Духовный кризис начала XX века привел к революции. Тоталитарное государство заменило идеологию христианства на социалистическую идеологию, Бога заменило партией как высшую инстанцию, как высшую совесть народа. Советская власть сознательно воспитывала в людях инфантилизм. Вся советская государственная система была настроена на инфантилизм. Когда инфантилизм воспитывается, то для людей, искренне принявших его, он становится их жизнью» (Лилия Остапенко, «Проявление инфантилизма как черты народного

характера в ранних рассказах В.М. Шукшина», <http://открытыйурок.рф/статьи/531052/>);

«Слово «военный» всегда ассоциируется с некой твердостью, мужеством, суровой прямоотой и преданностью своему народу. Но все эти общепринятые представления надо отбросить при описании образа военного в русской армии (кроме твердости лба). Тут снова вступает в силу правило – не путать Россию с остальным миром. Это в Латинской Америке, в Африке военные могут свергнуть слишком зарвавшегося президента. В России такой сценарий невозможен не из-за «цивилизованности» государства, а из-за того, что быдловая покорность, характерная для всех слоев населения, в первую очередь присуща военным» (Саад Минкайлов: Взгляд на русскую действительность (без оглядки на политкорректность), <https://ruskie-svinii.blogspot.com/2018/04/vzglyad-na-russkuyu-dejstvitel'nost-bez-oglyadki-na-politkorrektnost.html#more>);

«69 лет выращивали рабов. Безвольных рабов, которые должны были сидеть как мыши. Главная идея советского человека – послушание хозяину. С детства ребенку внушали, со школьной скамьи – не беги впереди паровоза, не отрывайся от коллектива, не выделяйся, будь как все. «Ты что, самый умный?» – это было оскорбление для тех, кто посмел выделиться. Советскому человеку с детства внушали, что думать не надо. Думать за тебя будет Партия. Партия знает. Решения за тебя тоже будет принимать Партия – Партии виднее. Будь как все, твоей жизни уже приготовлен сценарий. Вначале детский садик, потом школа, потом институт или техникум, потом тебя распределят куда-то. Потом ты будешь работать на каком-то заводе, у этого завода будет профильный санаторий в Крыму, где ты будешь отдыхать. Тебе дадут комнату в общежитии, а потом квартиру. А в 65 лет ты выйдешь на пенсию, тебе подарят корзину с розами, грамоту и столовый сервиз с гравировкой от трудового коллектива. Партия решит, в каком городе тебе жить, партия решит, в какую страну тебе можно выезжать, а в какую нет. Партия напишет тебе характеристику, выделит тебе пайку, скажет, с какой прической ходить и какую музыку слушать, а какую нет. В конце концов, Партия расскажет тебе, кто друг, а кто враг. Кого надо ненавидеть, а кого любить. Самое страшное, что может сделать раб – это начать думать и самостоятельно принимать решения... Отношение к государству как у ребенка к родителю. Можно покапризничать, пока папа ремень не достанет. Но никто не должен забывать свое место... Учиться? Зачем учиться. Работать? Зачем работать? Люди хотят получать деньги, но не работать. Вот это безответственное инфантильное общество – это же метастазы Совка...» (Илья Варламов, «25 лет без Совка», http://echo.msk.ru/blog/varlamov_i/1824174-echo/);

«Такой (психически инфантильный, – П.Д.) человек легко переходит от состояния апатии к авральной деятельности, от недоверия к практической сметке и цепкости, от быстрой удовлетворенности к состоянию эмоционального истощения и астении, неконтролируемой тревоги и возбуждения. Поскольку у него нет будущего (ибо он не в состоянии полностью поверить в то, что обещают политики), он склонен ностальгировать по идеализируемому или придуманному прошлому, которое утешает его или выступает в качестве основания для критики и выражения недовольства настоящим. Тем более если в

этом ему помогает пропаганда, с некоторых пор все чаще поющая песни о главном. Как показывают исследования, в концентрированном виде эти черты характерны для 35–40% населения России, но отдельные характеристики и способы поведения, жизненных стратегий, элементов идентичности распространены гораздо шире, охватывая в моменты возбуждения и мобилизации до 80% российского общества. Именно с апелляцией к таким структурам сознания и связана успешность той или иной пропагандистской кампании...» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>);

«Я смотрел в их обыкновенные, крестьянские лица, я слушал их обыкновенные, крестьянские речи, и минутами мне казалось, что нет в их резолюции вины, а есть беда – беда затмения, сонной одури и возвращенного столетиями недоверия. Недоверия к кому? К Николаю II, к Скобелеву и к Церетели, к генералам и офицерам, к Керенскому, к помещикам или, как теперь говорят, к «буржуа», – к каждому, кто не держит в руках винтовки и у кого нет мозолей. Завтра явится Ленин. Поверят ли они Ленину? Я не думаю. Слово «социалист» им так же чуждо, как слово «помещик». В России наполовину еще непроглядная ночь. В России наполовину люди верят только себе, да и себе, конечно, не верят...» (Борис Савинков, «Из действующей армии», 20.06.1917, <http://wwi.rhga.ru/upload/iblock/a09/83савинков.pdf>);

«Советский человек, подчиняясь власти, получал психологический комфорт. Он ей подчинялся, а за это власть опекала его с самого рождения до смерти. И это было действительно комфортное состояние. Я веду себя правильно, а за это я должен получить то, что должен. Но именно это и делало советских людей абсолютно инфантильными. Неспособными на поступки. Проявить какую-то инициативу, начать свое дело, создать свою организацию и защитить свои права – это не для советского человека. Это то напряжение, которое для него невыносимо. И это напряжение невыносимо для большинства нынешних русско-советских людей. Эта советская инфантильность сказалась в начале 90-х годов, когда через Советы люди могли взять власть в свои руки, но это оказалось им не по силам. Власть – ведь это обуза для них... Это абсолютная черта советского человека – я веду себя хорошо, я честный и правильный, я законопослушный, в ответ власть должна обеспечить мне все, она должна: думать о моем здоровье, защищать меня от эксплуатации работодателя и т.д. Хотя власть давно уже другая, она скинула с себя обузу защиты человека, но она охотно пользуется инфантильностью русско-советских людей (идеальных потребителей, – П.Д.) и живет именно за счет этого припеваючи» (Александр Самоваров, «Инфантильный СССР. Советский человек так и не вырос», <http://www.apn.ru/special/article21079.htm>);

«Кто такой идеальный потребитель? Это абсолютно невежественный, жизнерадостный придурок, живущий элементарными эмоциями и жадной новизны. Можно сказать, не придурок, а деликатнее – шестилетний ребёнок. Но если в тридцать лет у тебя психика шестилетнего – ты всё рано придурок, как ни деликатничай. У него гладкая, не обезображенная лишними мыслями физиономия, обритая бритвой «жилет», белозубая

улыбка, обработанная соответствующей зубной пастой. Он бодр, позитивен, динамичен и всегда готов. Потреблять. Что именно? Что скажут – то и будет. На то он и идеальный потребитель. Он не будет ныть: «А на что мне новый айфон, когда я старый-то не освоил? И вообще мне это не надо». Ему должно быть надо – всё. Схватив новую игрушку, он должен немедленно бросать прежнюю...» (Вячеслав Оробинский, «Невежество и мракобесие», <https://eve-finance.net/t/topic/3076>; <http://www.sdelanounih.ru/glavnyj-resurs-sovremennogo-kapitalizma-debily/>; <http://zavtra.ru/blogs/glavnyj-resurs-sovremennogo-kapitalizma-debily/>);

«В американской прессе стало уже общим местом сравнение Путина с Дональдом Трампом, особенно после того, как первый похвалил второго, а второй не только не отверг похвалу, но и ответил своими комплиментами. Думаю, что это явления все же не идентичные – хотя бы потому, что Трампу приходится вести свою кампанию в гораздо менее комфортной среде и терпеть постоянные насмешки. Но есть у них и общая черта – инфантилизм. Оба ведут себя как *enfant terrible* – капризное, невыносимо назойливое дитя, делающее ужасные вещи в приличном обществе, дабы обратить на себя внимание. Обязательное условие для этого шалуна – безответственность. Взрослые при очередной его проказе стыдливо отводят взор. А публика воспринимает такие проказы с восторгом, потому что сама никак не повзрослеет... Инфантилизм граждан – оборотная сторона патернализма власти. В Советском Союзе люди не выросли. До 40 лет числились «молодыми специалистами», жили с мамой и папой и смотрели мультики. Вся страна была «Сказкой о потерянном времени»: старички и старушки говорили и действовали как школьники младших классов. Брать на себя ответственность было не за чем и не за что – государство заботилось о гражданах с пеленок до гробовой доски. Вечный ребенок – *puer aeternus* – один из юнгианских архетипов. Сегодня это, как правило, страстные геймеры, потребители жанра фэнтези и обладатели новейших гаджетов – поклонники всего, что помогает забыть о реальности. Социальный инфантилизм – великое зло. Я смотрел в социальных сетях, «ВКонтакте» и «Одноклассниках», личные страницы военнослужащих 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии, погибших на востоке Украины, российских пилотов, воюющих в Сирии. Судя по записям и картинкам, это дети, в лучшем случае подростки. Да ведь у нас и президент, как Дориан Грей, не хочет стареть, он должен постоянно демонстрировать свою молодость, а на ракету или танк новой модели смотрит как на новую игрушку, которую не терпится испытать. И до глубины души обижается, когда взрослые дяди и тети ставят его в угол. Чтобы утешиться, остается одно: включить телевизор и услышать, как гроссмейстер Путин в очередной раз блестяще разыграл «гамбит», всех победил, всем утер нос. Правда, играл он при этом в поддавки» (Владимир Абаринов – вашингтонский обозреватель Радио Свобода, «Вечный ребенок», <http://www.svoboda.org/content/article/27444675.html>);

«Надежда на то, что в России не исчерпан человеческий потенциал, оказалась слишком прекраснотушной. Россия не принадлежит к культурам, способным к самоопределению. Это исторически нечестная страна. Она покоится на лжи. В России можно прожить только на лжи, включая гуманистическую ложь интеллигенции... Коллапс жизни в

коммунальной квартире – русский не коммунален. Коллапс русского коммунизма – русский не любит людей. Он – человек необщинный и, в основе своей, необщительный. Русский не врос в мир, как немец. Он летит, парит над миром. Русский не овладел миром, не справился с ним и провис. Из этого «провис» возникла русская духовность. Бесценен опыт полного неудачника. «Зачем?» – центровое русское слово. Оно тычется в смысл. Без него нет ответа, на него нет ответа, потому что безбытийность – русское дело. Все бросить – и пойти. Русский – не путь; он – дорога. Русская духовность – беседа о бренности. Но русский – вынужденный аскет. Не справившись с миром, он говорит о тщете мира. Он отворачивается от мира, обиженный, и культивирует в себе обиженность, подозрительность к миру как дорогую истину в последней инстанции...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Оправдание русского мира», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Мы потому клеймим ложь наибольшим позором, что из всех дурных поступков этот всего легче скрыть и проще всего совершить» (Мари Франсуа Аруэ [Вольтер], Афоризмы, <http://www.orator.ru/volter.html>);

«Почти все советские люди – психические больные. Их неспособность слушать, темная убежденность в крошечных истинах, душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер. Это не просто национальные особенности, как эгоцентризм, жадность и самовлюбленность у французов, это массовое психическое заболевание. Проанализировать причины довольно сложно: тут и самозащита, и вечный страх, надорванность – физическая и душевная, изнеможение души под гнетом лжи, цинизма, необходимость существовать в двух лицах: одно для дома, другое для общества. Самые же несчастные те, кто и дома должен носить маску» (Юрий Нагибин, «Дневник», <http://kuvaldinur.narod.ru/kuvaldin-ru/nagibin-dnevnik.html>);

«Лучше других преуспевали те, кто более умело приспособивался к извращенным и искаженным ценностям этого престранного общества: чем больше чего-то хотелось, тем сильнее притворялись в обратном, чем сильнее это ненавидели, тем громче признавались этому в любви. Главным правилом этого общества было: делай, как я. Вряд ли можно оценить всю глубину и масштаб коррупции, порожденной такой шизофренией. Но если верно, что это поколение презирает своих отцов за чистоту помыслов, за веру, то себя оно презирает еще сильнее за то, что притворяется верующим. Чем выше это поколение поднималось по иерархической лестнице, тем глубже оно погружалось в собственные мерзости; вместе с тем оно утешалось уверенностью в своей власти, в своем всемогуществе, в том, что никто не посмеет бросить ему вызов, и никто никогда не заставит его вернуться в нормальный мир и посмотреться в зеркало...» (Владимир Познер, «Прощание с иллюзиями», <http://www.famhist.ru/famhist/pozner/000ede07.htm>; <https://biography.wikireading.ru/59635>; <http://lib.rus.ec/b/364085/read#t10>);

«...фатализм делает русских заложниками перманентного кризиса доверия. «Некооперативность» заставляет их видеть в окружающих исключительно помеху, а не

средство для достижения цели. Многие русские полагают, что справедливость существует только в сказках, что если ты не обманешь первым, то тут же станешь жертвой обмана, если не оттолкнешь локтем ближнего, то будешь затерт толпой. Русское общество – это поле очень жесткой и даже жестокой конкуренции. Наконец, фатализм делает бессмысленным формирование чувства персональной ответственности. Какую ответственность может нести человек за то, что предрешено, что все равно нельзя изменить? Как все, так и я, какой со всех спрос, такой и с меня. Концепт человека-винтика в этом смысле очень русский» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?...», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в РОССИИ человеческий образ, что личность человеческая подыметя во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре (в архаичной русской ЯКМ, – П.Д.). Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://lib.com.ua/books/6/521n2.html>; <https://constitutions.ru/?p=6141&attempt=1>);

«...социологические опросы в России демонстрируют высокое восприятие коррумпированности всех без исключения уровней и ветвей государственной власти и одновременно – готовность отдать государству больше полномочий: регулировать цены, зарплаты, управлять собственностью. Такая законсервированная социальная шизофрения. Низкий уровень доверия друг другу создает спрос на государственное регулирование, которое плодит коррупцию, которая снижает экономический рост и воспроизводит недоверие и нормы патернализма... Сегодняшние события в России и на Украине влияют не только на прибыли «Газпрома» и политическое будущее отдельных лидеров – они формируют «картину мира», которая будет влиять на наши решения еще много лет...» (научный сотрудник ЭФ МГУ, соавтор учебника по институциональной экономике [под редакцией А.А. Аузана] Владимир Иванов, «Это у нас психосоматика», http://www.gazeta.ru/comments/2014/03/24_x_5961941.shtml?utm_source=gazeta&utm_content=gazeta&utm_medium=240&utm_campaign=self_promo);

«В России законы, направленные против взяточничества, не работают, на них попросту не обращают внимания. В начале XX века крестьяне вообще имели смутное представление о преступлении, руководствуясь в повседневной жизни понятием греха: «Грех

важнее преступления... К правительственным судам крестьяне относятся с отвращением, редко там ищут защиты своих прав, поэтому стараются решить дело, договорившись между собой полюбовно». Действия, называемые сегодня коррупцией, как мы видели, грехом не считались, скорее обычаем, которому должно следовать. Это относилось также к чиновничеству более высоких рангов. Чиновник-взяточник стал одним из главных героев художественной литературы XIX и начала XX века. Московский генерал-губернатор граф Ф. Ростопчин констатировал в XIX веке: «Ныне, кто не крадет, почитается дураком». Его современник М. Погодин утверждал: «Служба до сих пор у нас есть кормление. Никакими средствами нельзя исцелить нас от этой болезни, кроме гласности. И гласность принесет пользу, может быть, только на несколько лет, а потом мы привыкнем к ней». Справедливость этих пророческих слов подтверждает настоящее. В 2000 году ученые-эксперты отмечали, что «коррупция стала нормой российской жизни». Сегодня мы вынуждены констатировать, что «на сообщения о фактах коррупции в прессе (...) правоохранительные органы никак не реагируют. Как отмечают исследователи, российские властные институты ни на национальном, ни на региональном, ни на местном уровне не имеют политической воли бороться с коррупцией». Получается, что в соответствии с нашей правовой культурой «взяточник» вправе не только идентифицировать себя с хорошим, отзывчивым человеком, но и укрепляющим таким образом авторитет государственной власти...» (Виктор Бочаров, «Закон и обычное право», <http://magazines.russ.ru/neva/2007/9/bo11.html>);

«То, что сейчас происходит в России, политический режим, который установился, можно назвать «новый феодализм». Ричард Пайпс, историк России, в свое время назвал тот строй, который всегда был в России, вотчинной автократией. Он и сейчас такой. Феодализм чем характерен? Центр делегирует, отдает часть суверенитета своим вассалам. В феодальном строе суверен дает суверенитет своим вассалам, потом они делают что хотят на местах, главное, чтобы платили оброк, выполняли какие-то военные повинности. А то, что происходит на местах, совершенно не касается центра. Северный Кавказ как вотчина, им отдали в феодальное управление, центр дает только какие-то преференции, а местные князьки там правят. Человека сажают на место, он с этого места кормится. В допетровской России это называлось более откровенно – кормление. Но боярин должен брать по чину. Если возьмет много, то верхним останется меньше. Если для компенсации верхам еще больше – начнутся волнения, тоже непорядок. Центр периодически вмешивается, паше отрубает голову, вместо него становится другой паша, он воюет со своим соседом, потом этому паше тоже отрубает голову. Кому-нибудь секир башка, но система остается прежней... Подобного рода феодальные режимы могут быть очень устойчивыми. Если они не лезут вовне, что Россия сейчас делает, тогда внешний мир просто теряет к ним интерес, в этой консервной банке пауки могут себя жрать долго, пока не хватит внутренних ресурсов. Власть в общественном восприятии выглядит не самоочищающейся, а сгустком коррупции и криминала. Так что «точечные репрессии» в квазибериевском духе не успокоят общество, а лишь подбросят дров в разгорающийся костёр ненависти к чиновникам. Россия сейчас переходит от модели государства, которое было в эпоху модерна, к архаичному государству. Откат даже не к Московской Руси, а к Золотой Орде» (Валерий Лебедев, «Московский улус

клана Арашуковых (обзор)», <http://lebed.com/2019/7499.htm>);

«Мистика русской души, о которой так много философствуют все кому не лень, есть не что иное, как проявление рабского (точнее, – холопского, – П.Д.) менталитета. Он выражается и в мещанстве, и в вере и неверии, и в покорном «трудолюбии», в бесшабашности и хулиганстве, и в отваге воинов, и в отсутствии достоинства в российском характере. Он проявился и в ленинском синтезе несвободы и социализма, приведшем к народному государству, построенному на несвободе. Заметим, демократия с ее преклонением перед властью большинства и фактическим подавлением сферы индивидуального мышления – новая логика рабства» (Доктор эконом. наук Людмила Мясникова, «Российский менталитет и управление», <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-49-33>);

«Человек, воспитанный в интеллигентской традиции, скажет нам, что рабство чудовищно и противоестественно. Чудовищно – суждение ценностное. Что же касается противоестественности рабства, то это иллюзия. Есть свободные люди, и есть рабы. Разумеется, я говорю не о социальном статусе, а о человеческой природе. О некоторых базовых характеристиках личности, которые формируются в раннем возрасте (под влиянием бессознательных лингвопсихических установок пережиточной национальной ЯКМ, – П.Д.) и, по всей видимости, имеют предпосылки во врождённых характеристиках психики. Для свободного человека рабство – ужасно. А для раба – нормальное, психологически освоенное и комфортное состояние. За тебя думают и отвечают другие. Мир устойчив и стабилен. Ты делаешь то, что положено, и в урочный час тебя ждут котлы с дымящейся пищей. Наконец, и это, возможно, самое главное, раб переживает исключительно важное, сверхзначимое чувство принадлежности к надличностным общностям – роду, племени, идеологии, конфессии. Помните Маяковского: «каплею литься с массами»? А свобода раба пугает, рождает чувство обнажённости, непереносимого одиночества, утраты подлинности собственного бытия. Свобода органична для автономной личности, а это – совершенно иная ментальная и психологическая конструкция. Раб держится за свой – рабский мир, дорожит им, терпит тяготы такой жизни во имя того значимого и бесконечно важного, что даёт ему рабское состояние. А если нам не дано понять и пережить внутренний мир раба, то это ни о чём, кроме узости нашего сознания, не говорит. Свобода прекрасна, но она есть бремя. Подлинно свободный человек платит за свою свободу утратой иллюзий, постоянной работой над собой, подчинением этической и интеллектуальной самодисциплине, особым чувством экзистенциального одиночества... Добровольное рабство и связанные с ним страдания – одно из выражений универсальной трагедии бытия. Далеко не всякий, рождённый к жизни на земле, способен нести на своих плечах бремя жизни. Люди этого типа сходят с ума, спиваются и становятся наркоманами, маргинализуются, бродяжничают, кончают жизнь самоубийством...» (Игорь Яковенко, «Рабы не мы?», <http://www.liberal.ru/articles/406>);

«В одной и той же ситуации английский и русский ребенок по-разному ответят на вопрос: «Почему ты такой грустный?» Русский скажет: «Меня наказали», а английский:

«Учитель наказал меня». Это не просто разные языковые традиции. Это разное отношение к ситуации, заложенное с пеленок. Для английского ребенка – наказание – это гражданско-правовой акт, имеющий и объект и субъект, где он выступает в качестве, пусть и пострадавшей, но значимой стороны, наделенной четкими правами. Именно поэтому для него важно указать все стороны, участвующие в этом акте, и он использует для этого активный залог. Для русского ребенка – наказание – это не гражданско-правовой акт, а инцидент, вроде стихийного бедствия, где есть только одна, пострадавшая и бесправная сторона – сам ребенок. Кто и за что наказал – неважно, так как по умолчанию автоматически подразумевается, что наказавший имел право это сделать. Именно поэтому он прибегает к пассиву. Точно так же, как в сознании крепостного холопа был важен лишь сам факт наказания, а не его обстоятельства. Какая разница, кто тебя высек, барин или урядник. Тот, кто высек – имел на это право, он – хозяин, это и так понятно, персонификация тут совершенно излишня. Вы скажете, что за чушь! Так можно притянуть за уши, что угодно. Может и притянута за уши, но ведь статистику употребления актива и пассива в разных языках не скроешь. В каждом языковом учебнике написано, как часто используется пассив в данном языке. Поинтересуйтесь такой статистикой и выводы напросятся сами собой. Язык – основа национальной коммуникации. Если ребенка с самых пеленок учат говорить в пассиве, это, несомненно, накладывает свои черты на сознание. Про негативную роль пассива – это ведь не я придумал. «Пассивный залог» – это профессиональная международная лингвистическая терминология. В самом русском языке для пассива существует другое более распространенное обозначение – «страдательный залог». Именно под таким названием его и проходят в школах на уроках русского языка. Прочувствуйте – «Страдательный». Такое ведь название у русского народа-страдальца не случайно появилось! И чего ж вы хотите-то от людей, которым с пеленок на базовом языковом уровне пропихивают в подсознание базовую идею «страдания», бесправия и зависимости от какого-то абстрактного хозяина!» (Андрей Шипилов, «Язык рабов, язык господ», <http://shipilov.com/zhurnalistika/1342-yazyk-rabov-yazyk-gospod.html>; <http://forumodua.com/showthread.php?t=3069694&page=114>);

«Совершенно очевидно, не надо иметь большую фантазию, чтобы Россию-рабу увидеть и в недавнем Советском Союзе, который тоже был Союзом-рабом, превратив весь советский народ в народ-раба, все «народы России» в народы-рабы колоссального военно-промышленного комплекса Советского Союза – раба, и с помощью грандиозной вооруженной мощи этого военно-промышленного комплекса наше «интернациональное государство народов-братьев» уже соревновалась не с какими-то Крымом, Литвой, Польшей, а по сути со всем миром, навязывая всему миру «русскую идею», «русское дело» под видом то ли социализма, то ли коммунизма. «Коммунизм победит во всем мире». Не победил, а рухнул. Но это вовсе не означает, что потерпела крах «русская идея», и мы видим, как она мимикрирует и в каких способах выражается ее выживание, непременно – за счет других» (Евгений Гуцало, «Ментальность Орды // Рабы рабов», или же: «Какую Россию мы потеряли?», <http://exlibris.org.ua/orda/r08.html>).

Конечно же, без этой «русской идеи», заключающейся в тотальной опеке твердой и

решительной властью, русскоязычные челядишки не могут обойтись и сейчас:

«И как бы ни назывался подобный творец культуры – диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что пред нами чудо и живое явление творческой мощи человечества» (Павел Флоренский, «Предполагаемое государственное устройство в будущем»),

http://dl.biblion.realin.ru/text/8_Biblioteka_Bakulina/Bolshaya_Biblioteka/florensky_gostr.html).

И поэтому-то:

«Это не русский народ. Это толпа с мироощущением маниакально-депрессивных рабов. Где вы видели русский народ в большом количестве? Я его видела 15 марта, 50 тысяч, которые пришли защищать Украину, о чем советское телевидение до сих пор с ненавистью вспоминает. Это был русский народ. Остальное – советский народ. Для советского народа набор нормальный: вставание с колен, «покажем кузькину мать», нищета, разруха, любимое начальство пинает ботинком – имеет право, всех зажать, никого никуда не пускать. Ничего не надо – что надо, сами стащим, что плохо лежит. Нормальная советская психология. Почему молчали, когда гнали в Магадан, раскулачивали...? Привыкли молчать. А тех, кто не хотел молчать, истребили за 70 лет советской власти. Остались только отдельные особи, выродки, Борис Немцов, Константин Боровой, на которых не действуют останкинские башни патриотического излучения. А черносотенцы – это не русский народ, а его позор. Русский народ еще где-то надо приобрести» (Валерия Новодворская, «Почему молчит русский народ?», <http://www.echo.msk.ru/blog/novodvorskaya/1353560-echo/>);

«Послушать. И слышать одно: – Захватывай! Немедленно! Хватай все, что плохо лежит. А нынче все «плохо лежит». Все лежит, ничем, в сущности, неохраняемое. Ничем, кроме до сих пор здравого русского смысла. Захватывай землю... Захватывай банки, фабрики. Захватывай власть! Что будет после этого завтра – какое дело! Какая там Россия. Валяй! Хватай! Бери! И люди с изумлением слушают, смотрят на этого энтузиаста в захватном экстазе. Это писатель? Учёный? Теоретик? Пророк новой – новой! – жизни? Позвольте! Позвольте! Да тут не новое. Совсем не новое. Тут что-то старое, очень старое слышится.словно откуда-то из далекой-далекой могилы, с кладбища семнадцатого века, доносится... Да это же: «Сарынь на кичку! Гайда! Это что? Банк? Сарынь на кичку банк! Сарынь на кичку фабрики, заводы! Сарынь на кичку власть! Сарынь на кичку землю!». Хватай всякий, что может. На шарап! Ребята на шарап! На шарап всю Россию! Тащи, кому что подвернётся под-руку... Ленин – это легенда семнадцатого века, капризом взвинченной фантазии перенесенная в двадцатый. Это: – Игра в Стеньку Разина...» (Влас Дорошевич, «Стенько-Разинщина», 26.06.1917, http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_1917_8_stenko-razinshina.shtml);

«Что бы там ни говорили, а жизнь России меняется к лучшему. Если раньше у нас воровали всё, что плохо лежит, то теперь – всё, что хорошо» (Стас Янковский, «Русский вопрос», <http://syy.narod.ru/russian.htm>);

«Действуя и приспособляясь к примитивной группе... субъект обязан всячески отрицать это, обосновывая свои поступки любыми рациональными, моральными или другими доводами, какие только доступны его интеллекту. Если он не в состоянии таким способом оправдать свое поведение, в примитивной группе его считают глупым. Субъект, находящийся внутри примитивной группы, обычно не способен сформулировать «правила», по которым она функционирует. Поймав себя даже на мысленной попытке их сформулировать, он испытывает страх расправы, легко превращающийся в опасение, что с его психикой не все в порядке», – пишет Дроганов. Это важнейшее свойство примитивной группы – отказ от осознания реалий собственного поведения и потребность в оправдании. Не стоит удивляться злобе множества читателей либеральной прессы и критических статей, письменным выкрикам «полная хрень», «Слава России», «продались гомосекам» и «не нравится – убирайтесь». Авторы не злы и не злонамеренны – им просто очень страшно, когда кто-то пытается заставить их «мысленно попытаться сформулировать» правила, по которым мы живем. Легко увидеть, что все: президент, СМИ, чиновники, интернет-тролли и интернет-протестующие, интеллигенты и «простой народ» – заняты придумыванием бесконечных оправданий чему-то, что не называется вслух...» (Андрей Мовчан, «Мораль в России: оправдание зла в примитивной группе», <https://republic.ru/posts/1/1119610>; http://slon.ru/russia/moral_v_rossii_opravdanie_zla_v_primitivnoy_gruppe_-1119610.xhtml);

«По результатам фокус-групп я написал анализ на 20 страниц, в котором убедительно показал, что избиратель подсознательно желает видеть в начальственном кресле вора и лживого подонка, но живущего «по понятиям», а человек честный и правдивый – это как немой укор всей этой тупой, лицемерной, трусливой и гнилой массе, деликатно именуемой «электоратом». Кандидат, имеющий имидж «чистенького святоши» вызывает подсознательное но стойкое отторжение у электората, и потому шансов на победу не имеет по определению. К сожалению, доказать правильность моих выводов на практике не получилось. Выборы в городе вообще отменили от греха подальше, стали назначать сити-менеджеров. С тех пор уже трое сменились – один омерзительнее другого. Все они пользовались неизменной любовью населения, которое они со вкусом нагибали и обворовывали. Однако во многих других случаях ситуация была хоть и не столь вопиющей, но схожей: электорат с огромной охотой голосовал за мудаков, воров и даже пидорасов (у нас губернатор-гей более 80% голосов набрал!), отлично зная, с кем имеет дело. Как практик, я совершенно ответственно заявляю, что так называемый русский народ – это масса трусливых, тупых, агрессивных и алчных моральных уродов, которые искренне уверены, что богатство – мерило успеха, и при этом твердо убеждены, что честно разбогатеть в России невозможно. Так они и живут в этой шизофренической раздвоенности. Мне, как политтехнологу, выпало сомнительное удовольствие иметь дело с истинной сущностью человека. И потому приходится быть реалистом...» (Политтехнолог Алексей Кунгуров, «Идеология России – идеология самоубийства», <https://kungurov.livejournal.com/135033.html>; <https://cont.ws/@anaxoret/148661>);

«Изучение жизни по новостям СМИ – это попытка определить сорт пармезана по вкусу кала того, кто этот пармезан съел. По всей вероятности, это непростой, но увлекательный процесс. Мы слышим, как население РФ все громче чавкает новостями, вникая в тайны войны и мира. Оно так увлеклось дегустацией, что начисто забыло о своей первоначальной задаче. То есть о своей попытке все же узнать сорт пармезана. Просмотр новостей в РФ превратился в гражданский обряд, стал важнейшей частью пещерно-черносотенного культа. Пережеванность информации, ее обработанность кислотами и желудочными соками идеологии, ее странствие по извилистому кишечнику СМИ уже не играют никакой роли. Продукт прекрасно употребляется и пользуется огромной популярностью. К тому же массмедиа России научились начинять его газами чистой духовности. Это придает моменту выхода продукта к потребителю характерную, легко узнаваемую звучность. В данной метафоре нет ни драматизации, ни натяжки. Изготовление медиапродукта и не может быть иным, нежели это прописано в «третьем законе» профессора Гитлера. (Да-да, того самого. Помимо всего прочего, Гитлер, разумеется, был почетным профессором девяти университетов только в одной Германии.) Третий закон гласит: «Всякая пропаганда должна быть доступна для массы: ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень» (А. Гитлер. Моя борьба)...» (Александр Невзоров, «Вкус кала», https://censor.net.ua/resonance/298956/vkus_kala; <http://www.snob.ru/selected/entry/79864>; <http://www.3republic.org.ua/ru/recommend/13950>);

«Вы еще никогда не встречали такого человека, как я, который так ненавидит русский народ за то, что он отбросил свободу, которую мы в течение многих десятилетий так сильно стремились помочь ему ее обрести... Я пришел к выводу, что русские люди философически ущербны, они не способны сами править, и они это знают – отсюда их любовь к тиранам. Они хотят иметь всё, угнетать и эксплуатировать друг друга, пока не будут удовлетворены их сердца. Я не хочу тратить ни единого цента в попытке это изменить. Мы затратили миллиарды долларов на крушение Советского Союза, а русские быстро перевернулись и возвратили свою страну, добровольно, бывшему главарю КГБ. «Хватит!», как говорится. Не нужно тратить хорошие деньги на плохое. Русский народ заслуживает того, что бы с ним ни случилось» (Американский писатель Глен Донован, «Я ненавижу русский народ за то, что он отбросил свободу», <http://ehorussia.com/new/node/6990>);

«...в стране заключен пакт: свобода в обмен на колбасу. Получили колбасу – отдали свободу. По Андропову. Этот пакт закончится ровно в тот момент, когда закончится колбаса. И потому, когда с ней начнутся перебои, надо будет очень быстро бежать в сторону первой же шенгенской страны. – А она может закончиться? – Запросто. Это все связано с нефтью, и народ в курсе: посмотрите, какое количество народа осведомлено о ценах на нефть. Например, мой администратор – 56-летняя женщина, предельно далекая от какого бы то ни было бизнеса» (Ксения Собчак, «Я не светская львица», <http://forum.meta.ua/topic/t/94388/asc/0.html>);

«Любопытны подробности недавних встреч фронтовых войск с большевистскими (где всегда есть агитаторы). Войска начинают с озлобления, со стычек, с расстрела... а большевики, не сражаясь, постепенно их разлагают, заманивают, и, главное, как зверей, прикармливают. Навезли туда мяса, хлеба, колбас – и расточают, не считая. Для этого они специально здесь ограбили все интенданство, провиант, заготовленный для фронта. Конечно, и вином это мясо поливается. Видя такой рай большевистский, такое «угощение», эти изголодавшиеся дети-звери тотчас становятся «колбасными» большевиками. Это очень страшно, ибо уж очень явственен – дьявол» (Зинаида Гиппиус, «Дневник», 18.11.1917, <https://project1917.ru/heroes/lenin>);

«История России показывает, что люмпен-пролетариат, составляющий основу российского населения, способен прожить достаточно долго за чертой бедности, не испытывая никаких сложностей. Эти люди быстро привыкают к дальнейшему снижению жизненного уровня и не готовы «ломать устои» ради колбасы. Обнищание населения не приводит к недовольству. Более того, пример донецко-луганских люмпенов, однородных по постсоветской идентичности большинству российских, показывает, что богатая и сытая Европа отвращает своей чужеродностью...» (Валерий Пекар, «Сценарии будущего для России», <http://hvylya.net/interview/politics2/stsenarii-budushhego-dlya-rossii.html>);

«Успешность манипуляции человеком также напрямую зависит от степени интеллектуального развития личности, степени осмысления реальности того, кем манипулируют. Кстати, именно поэтому в переходные периоды времени (подобные нашему) манипуляторам необходимо снизить интеллектуальный уровень и степень образованности людей, которыми они собираются управлять. Умными и образованными людьми очень сложно манипулировать. Но, снизив интеллектуальный и образовательный уровень развития человека до примитивного, до животного (до холопского, до быдлярного, – П.Д.) – становится легко исказить реальность, а соответственно становится и легко управлять. Особенно успешной будет манипуляция, если еще и удастся навязать человеку нужные манипулятору примитивные ценности, одновременно уничтожив духовные, которые делают человека человеком. При выполнении этих трех условий человек сводится к животному. А любую собаку (или же русскоязычного людишку, – П.Д.) можно дрессировать с помощью куска колбасы. Смотрите: интеллект у собаки животный + ценность в виде колбасы, которую собака принимает. А тут так начинают дрессировку примитивного (русскоязычного, – П.Д.) человека. Из групп людей получается стадо. Только животные не ощущают манипуляции. Сейчас с (психически инфантильными русскоязычными, – П.Д.) людьми происходит то же самое... Посмотрите, за разноцветные резаные куски бумаги люди убивают друг друга, предают, бросают детей и родителей. Разве это нормально? Мне это еще очень напоминает дрессировку собак. О том, кто является дрессировщиком в данном случае, говорить в этой теме не будем, но то, что дрессировщик искажает реальность собаки через кусок колбасы – несомненно. А если учитывать, что все в той или иной степени пытаются манипулировать другими (сознательно и подсознательно), искажая реальность, то проблема встает глобально.

И реальное видение начинается с того, что ты понимаешь то, что ты не можешь видеть реальность из-за искажений «Я» и искажений вносимых в тебя извне. А если ты этого не хочешь признавать, то одеваешь очки, которые помогают создать иллюзию, что у тебя хорошее, пусть и субъективное зрение...» (кризисный психолог Михаил Хасьминский, «Если вы не снимете розовые очки, реальность сделает это за вас»,

<http://www.realisti.ru/main/you/esli-vi-ne-snimete-rozovie-ochki.htm>);

«Большинство «уважаемых людей страны» все эти годы в свое оправдание заявляли: «Мы – вне политики!» Мы честно делаем своё дело: учим, лечим, строим, пишем картины и сценарии, ваяем культурные ценности и вообще помогаем стране подниматься с колен. Для оправдания своего холопства и приспособленчества к подлой жизни эти граждане включали аргументы типа «от нас ничего не зависит», «нам надо кормить семьи, детей, внуков», зато напрочь отключали совесть, честь и нравственность. За ненадобностью в утиль ими отправлялись также старомодные моральные ценности и политические убеждения. Ничуть не лучше проявил себя в «тучные годы» и последующий период «простой народ», окончательно и вполне добровольно утративший способность думать, читать и размышлять: информационное суррогатное пойло, подававшееся к дивану по «зомбоящику» 24 часа в сутки, стало для большинства основой их куцевого мировоззрения на всё, что случилось с Россией. (Потом, конечно, наш «простой народ», как всегда, заявит, что «он-де ничего не знал»). Словом, метод непрерывного массового ТВ – зомбирования, осуществленный властями в отношении граждан России (в режиме без отрыва одного мягкого места от другого), оказался чрезвычайно эффективным и дешевым...» (Геннадий Гудков, «Прогноз – деградация», <http://echo.msk.ru/blog/gudkov/1727516-echo/>).

О причинах более низкой, чем у украинцев, эффективности трудовой деятельности психически инфантильного русскоязычного населения

Как несвойственность психически инфантильному русскоязычному населению деловой предприимчивости и стремления к инновациям, так и административное подавление деловой активности предпринимателей в России обрекают россиян на нищенское прозябание на задворках мировой цивилизации:

«Предпринимателей у нас тоже нет, а есть коммерсанты, которые рискуют на административном рынке в отношениях с бюджетом. Это совсем иные риски, чем на рынке. У предпринимателей риск – что ты разоришься, если товар не купят. А здесь риск – что тебя посадят и все отберут, если ты не поладишь. Предприниматели не иерархизированы, они могут быть только богатыми и бедными. А у коммерсантов есть иерархия: есть купцы первой гильдии – члены РСПП, есть вторая гильдия – «Деловая Россия», и есть купцы третьей гильдии – члены «Опоры». Это чисто сословное деление, унаследованное от имперских традиций. Купцы, в отличие от предпринимателей, работают с бюджетом. Они конкурируют за госконтракт. Вся коммерция у нас при бюджете. Почему такая фигня идет с 94-м законом – о госзакупках? Потому что все от него зависит. Весь крупный бизнес в той или иной степени обслуживает государство через бюджет. Есть еще мелкий бизнес, бизнес

выживания. Но найдите в любом сельском муниципальном районе предпринимателей, не зависящих от районного бюджета. Не найдете. Всех вывели под корень. Это и есть административный рынок: происходит конверсия статуса в деньги. Власть обменивается на деньги. Вы статус конвертируете в финансовый ресурс, финансовый ресурс – в деньги, а деньги – опять в статус: покупаете место во власти. А через статус получаете доступ к ресурсу» (Юлия Вишневецкая, Симон Кордонский: «Как устроена Россия», http://expert.ru/russian_reporter/2012/08/kak-ustroena-rossiya/);

«Время от времени «земля» еще заявляла о себе. В Смутное время начала XVII века она восстановит снизу развалившееся из-за пороков «верхов» государство. А отремонтированная машина отблагодарит «землю» введением крепостного права, все более освобождая общину от прав и нагружая ее всевозможными обязанностями. В XVIII веке разрыв станет непереходимым. Свояк Петра I, известный дипломат Б.И. Куракин, сокрушался: высший правящий слой поразила коррупция, и никакая перспектива на улучшение уже не просматривалась. А в России повторялось именно то, что уже бывало ранее, что было, в частности, в Византии VI века. Оторвавшаяся от народа власть служит лишь «мнимому» государству, спекулирует на идее «общего блага», занимаясь вымогательством всюду, где только возможно. «Земля» же откупается взятками, и никакие иные отношения между занятой делом «землей» и паразитирующей на теле государства внешней властью невозможны...» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI–X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=12>);

«Страна (Россия, – П.Д.) будет терять свои позиции. Она будет оттеснена в культурном смысле. Здесь будет хуже жить. Потому что нам нечего будет давать окружающему миру в обмен. Нефть, газ – они конечны. Ну, еще немножко подраздаем. Но энергоресурсы будут становиться, в смысле затрат, все дороже и дороже. Так что на это надеяться больше нельзя. Я считаю, что лидерами в будущем будут только те страны, которые способны к инновациям. Только те, которые способны придумывать. Но инновации являются продуктом культуры. Причем определенной культуры, которая не только поощряет образование, но еще и поощряет предпринимателей предъявлять спрос на инновации – чтобы победить в конкуренции. А это требует свободы. Несвободные люди могут только заимствовать... Я понимал, что будет очень трудно, что потребуются менять культуру (формируемую бессознательными лингвопсихическими установками русской ЯКМ, – П.Д.) – это же страшное дело. Уровень социального цинизма, который у нас сегодня, знает мало прецедентов. Можно, конечно, обвинять реформаторов 90-х, что они того не сделали, этого не предусмотрели... Да, есть исследование, которое провели в шести странах, в том числе в России, на Украине и в ряде европейских стран, и пришли к выводу, что всюду приватизация привела к повышению эффективности, кроме России...» (интервью с Евгением Ясиным: «Авторитаризм мы еще не выдохнули», <http://www.liberal.ru/articles/4265>).

И это более значительное повышение эффективности производства в Украине, чем в России, конечно же, вызвано гораздо большей раскрепощенностью и предприимчивостью

вольнолюбивых украинцев, нежели психически инфантильных русскоязычных россиян:

«Касаясь психических функций украинской и русской души, еще стоит сказать о, так называемом, «наиболее уязвимом месте» – психической функции, по которой лицо – менее уверено, подвержено упрощенному пониманию мира, действует прямолинейно, нетворчески. Для украинской души это так называемая черная сенсорика – психическая функция, которая «специализируется» на таких аспектах, как волевое давление, власть, принуждение, подчинение, агрессивность и т.д. В результате украинцы испытывают отвращение к любой грубой власти, любое внешнее волевое давление они воспринимают очень болезненно, и эта их черта прослеживается, по крайней мере, со времен Киевской Руси. Поэтому неудивительно, что в украинском языке отсутствует слово «пытка» – для этого употребляется латинское «тortуры». Зато есть слово «поступ», которого нет в русском языке, поэтому-то русские пользуются латинским – «прогресс». В отличие от украинцев, у русских «черная сенсорика» является «ценностью», так как выражается в «суггестивной» психической функции, по которой информация воспринимается некритично, производит эффект внушения, гипноза. Поэтому русские лучше воспринимают твердую, решительную власть, без которой им угрожают анархия и хаос» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/33635>);

«Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны (и это действительно было так, так как в архаичной русской ЯКМ в то время ещё отсутствовали соответствующие им понятия, – П.Д.)» (Иван Тургенев, «Отцы и дети», <http://www.ilibrary.ru/text/96/p.10/index.html>);

«Что за прогресс!!! Прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах» (Пометка Александра II на докладе министра народного просвещения Е.П. Ковалевского, http://www.e-reading.club/chapter.php/21750/15/Dushenko_-_Citaty_iz_russkoi_istorii._Ot_prizvaniya_varyagov_do_nashih_dneii._Spravochnik.html).

Отсутствует в украинском языке и исконный эквивалент чуждому украинцам славянизму «влада» – «власть, деспотия (греч. «δεσποτία»; ст.-киев. «деспот» – властелин, государь)». У несклонных к холопскому образу жизни украинцев испокон веков отсутствовало такое понятие как «власть», пока опекуны российских холопов имперцы не навязали и им славянизм «влада» с переосмысленным русскоязычными холопами его нынешним значением:

«Необходимо иметь в виду, что и слово «владение» под пером летописца означало нечто иное, нежели позднейшее феодальное или княжеское владение. В славянском языке не случайно (так же, как в кельтском) одним словом обозначалась и земля, и управление на ней: власть (волость). «Владение» в этом смысле не означало ни господства, ни собственности. Это была форма почетной и доходной, но все-таки обязанности. На практике, конечно,

владельцы стремились стать и господами и собственниками. Тем не менее, княжеский удел никогда не сливался с государственным владением. Да и в рамках домена собственность князя ограничивалась» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI–X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=7>).

Ведь же, украинцы испокон веков сами были собственниками, а отнюдь не чьей-либо собственностью а, следовательно, и не холопами и не «быдлом», чтобы ими кто-либо владел:

«В Великом Княжестве Литовском, особенно в украинских землях, наличие крестьянина-собственника было явлением широко распространенным. Бесцеремонное лишение крестьян их земли помещиками, начавшееся в середине XVI в. вызывало яростный протест и сопротивление. На протяжении долгих веков, вплоть до XX века украинский крестьянин будет бороться за свою землю. Несмотря на то, что перед Люблинской унией нормы права на украинских землях были подведены под стандарты всей Речи Посполитой, невозможно было сразу изменить менталитет. Крестьяне украинских земель столетиями имели право на равных с другими социальными слоями обращаться в суд и распоряжаться своей землей. Да и местные дворяне видели в своих крестьянах если не равных себе, то и не «быдло»... Рост эксплуатации со стороны польской шляхты приводил к массовому бегству крестьян из западных и центральных районов Украины... Существование огромных незаселенных территорий на юго-востоке Украины создавало уникальную возможность для появления слободок свободных поселенцев и началу процесса колонизации этих земель. Южная Киевщина и Брацлавщина, а также территории так называемого Дикого Поля, становились главными регионами этой колонизации. В актовых книгах польской администрации насчитываются сотни дел о «беглецах», которых их бывшим хозяевам практически никогда не удавалось вернуть. Если в середине XVI века на линии Киев-Брацлав вообще не существовало сел, то в первой половине XVII века тут уже имелись сотни сел и десятки местечек. Особенно разрастается Брацлавское староство, заселяется пустовавшая Умань, появляется Чигиринское староство. Активизация казачества, и как результат, уменьшение татарской угрозы, еще больше способствовало этому процессу. В результате колонизации численность людей в восточной Украине увеличилась почти в 20 раз. Это были уже совершенно другие люди, не забитые крепостные, а свободные поселенцы, привыкшие зарабатывать собственными руками и с оружием в руках защищать себя и свои семьи от набегов татар... Формирование менталитета жителей пограничья стало одной из важнейших предпосылок для будущего нового социального образования – казачества. Многие поселенцы имели наделы, равнявшиеся наделам шляхтичей или превосходившие их... Национальный, духовный и религиозный кризис, в котором оказались украинские земли во второй половине XVI века, завершился так называемым украинским возрождением – необыкновенным подъемом, который с одной стороны был поддержан и защищен новой политической элитой в лице казачества, а с другой стороны – сам вдохновил и укрепил эту зарождавшуюся украинскую элиту. Украинское казачество далеко не сразу после своего возникновения выделилось в отдельную социальную прослойку с собственными интересами и менталитетом. Формирование его растянулось более чем на сто лет. Стремление бежать от гнета, приобрести свободу и независимость породили

типологически схожие явления во многих других регионах Европы: можно вспомнить донское казачество в Московском государстве, граничар в Хорватии, гайдуков в Венгрии и др. Однако только украинскому казачеству было свойственно стремление не обособиться в вольных краях, но управлять своей страной. Поэтому им удалось возглавить религиозную и духовную борьбу Украины, стать носителями национальной идентичности и, в конечном счете, создать свою форму государственности. Этому имелся целый комплекс экономических, политических, военно-стратегических и социальных причин и предпосылок. Одной из причин, объяснявших быстрое развитие казачества, была его широчайшая социальная база, постоянно обновлявшаяся и развивавшаяся. Школу казачества прошли за разные годы сотни тысяч представителей различных социальных слоев украинского общества, включая шляхту, крестьян и мещан. Что касается казаков-земледельцев, то их весьма прогрессивная форма свободного хозяйства многими историками рассматривается как элемент буржуазного способа производства» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=27>).

И поэтому-то, в отличие от россиян, у украинцев как никогда не было, так никогда и не будет сакрального отношения к чиновникам (укр. «урядовцям») и к любым другим должностным лицам (укр. «посадовцям»), включая и самых высокопоставленных (укр. «високопосадовців»):

«Украинцы не уважают собственную власть (точнее «високопосадовців») так, как уважаем ее мы, у них нет сакрального отношения к верховной инстанции власти, а у нас оно еще до сих пор есть... Я – гражданин большой страны, Российской Федерации и как-то я не вижу, чтобы я смог чего-то сделать, чтобы обеспечить защиту своих прав и свобод на собственной территории, где я родился...» (политолог Станислав Белковский, из интервью Марине Королёвой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1262874-echo/>).

Как видим, украинцам не нужна никакая власть, а навязанный им имперцами славянизм «влада» конечно же целесообразно заменить грецизмом «деспотия». Ведь любая власть является деспотической. Действительно слово «влада» завораживает чиновников и прививает им вседозволенность. Пока мы не устраним это слово из украинского лексикона, чиновники и не станут слугами народа, а так и будут продолжать повелевать нами. Вместо же советских и российских органов власти (укр. «деспотії») в Украине должны быть лишь органы «врядування» и «самоврядування».

Весьма примечательно то, что в русском языке вообще отсутствуют строгие эквиваленты украинских слов «врядування» и «самоврядування». Поэтому-то они и переводятся на русский язык лишь сугубо условно как «управление» (укр. «керування») и «самоуправление» (укр. «самокерування») соответственно.

Слово «влада» следует исключить в первую очередь из конституции Украины и из всех других государственных документов, а русскому слову «власть» в русско-украинских словарях сопоставить эллинизм «деспотія». Все государственные (укр. «державні», «країнні») и региональные (краевые) органы управления должны стать органами «врядування» или же «самоврядування», а не органами власти. Регионы же Украины следует

называть не областями, а краями (словац., чеш. «kraј» – область): Киевщина – Киевский край, Черкащина – Черкасский край, Донетчина (укр. «Донеччина») – Донецкий край (подобно Приморскому, Хабаровскому, Камчатскому, Забайкальскому, Красноярскому, Алтайскому, Краснодарскому и Ставропольскому краям России, заселённым преимущественно брахикранными потомками украинцев). Ведь славянизм «область» для подсознания тождественен лексемам «волость» и «владение»:

«...область – (об-власть) великая власть, широкая сила, право и мочь. Коею областью сие твориши, кем дана тебе власть, откуда она? Область бесов изгонять» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка»); «область – заимств. из цслав., ст.-слав. область... Исконно др.-русск. оболость (Нестор, Жит. Феодос.; см. Срезн. II, 533). Из об- и *volstь (см. во́лость)» (Этимологический словарь Фасмера).

И, следовательно, лексема «область» (укр. «ділянка, округа, царина, край») провоцирует руководителей региональных органов самоуправления бессознательно становиться властелинами регионов (местными князьками). Было бы целесообразным и термин «держава» (государство) заменить в конституции и во всех других официальных документах на термин «страна» (укр. «країна»). Ведь украинцы испокон веков уважают лишь свою страну, а не государство, и им абсолютно чужды имперское мышление и имперская культура россиян:

«Власть в России носит сакральный характер, и это – достаточно очевидно. Власть есть высшее выражение идеи иерархии. Она не подконтрольна обществу, лежит над законом, не познаваема и т.д. Русская культура по своей природе – имперская. Идея империи лежит в ядре культуры. Мы можем наблюдать как легко, и просто реставрируются имперские смыслы, как поднимаются имперские настроения, с каким энтузиазмом подхватывает эти настроения молодежь. Те, кто в нашей стране называют себя националистами, на самом деле никакие не националисты. Это – имперские реставраторы. Данное различие важно и существенно. Сегодня самый надежный способ закопать русский народ и разрушить российскую государственность – реставрация империи...» (Игорь Яковенко, «Культурные истоки тоталитаризма в России», <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko3.html>);

«Я считаю, что русские и украинцы не один народ, потому что они сформированы в совершенно разных политических культурах. Русский народ в монархической культуре, где есть идея царя и монархический ритуал как основа легитимности существующей власти. У украинского народа этого нет. ...жители Украины, особенно за постсоветское время, что коренится еще в старых временах, они привыкли, в общем, к достаточно скептическому и светскому отношению к власти. В то время как у русского народа отношение к власти сакральное. Именно поэтому на Украине за последние 10 лет произошли две революции, которые Путин не смог не только принять, но и понять. Просто банально понять, как человек...» (политолог Станислав Белковский, из интервью на «Эхо Москвы», <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1534116-echo/>).

Чиновники же должны служить не державе (государству), а народу. И поэтому-то их следует величать не государственными служащими (укр. «державними службовцями»), а народными служащими (укр. «народними службовцями») и это должно быть чётко отражено в Конституции Украины. И в первой же статье Конституции, прежде всего, должно быть провозглашено предназначение всего, что вмещает в себя в понятие Украина, именно во благо Человека (всех населяющих её земли людей):

«В первой статье польской Конституции указано: «Республика Польша есть общее благо всех ее граждан». В первой же статье Конституции Украины говорится совсем другое: «Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, правова держава». Здесь человека нет! То же и в первой статье Конституции России: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Здесь его тоже нет! Сейчас на наших просторах, по меткому выражению моего почти однофамильца экономиста Александра Иосифовича Пасхавера, происходит важный исторический процесс: «Украина покидает русский мир (вечного детства, – П.Д.)». Хорошо бы отчалить в сторону Человека...» (Александр Пасховер, «Украина покидает Русский мир. Куда дальше?», https://enovosty.com/news_politics/full/634-ukraina-pokidaet-russkij-mir-kuda-dvigatsya-dalshe; <https://nv.ua/ukr/opinion/ukraina-pokidaet-russkiy-mir-kuda-dalshe-17019.html>).

И ведь же не случайно, иерархия межличностных отношений в украинской ЯКМ формируется вовсе не сверху, как в германской и в русской ЯКМ, а снизу, как и в древней славянской ЯКМ:

«Главный признак славянской системы организации – делегирование снизу вверх. Бакунин верно уловил эту специфику славянского общежития, выстраивая на ее основе концепцию идеального общественного устройства, резко отличающегося от германского государства» (Аполлон Кузьмин, «Истоки русского национального характера», http://www.zlev.ru/51_4.htm).

Украинское слово «підлегли» буквально означает лишь добровольно и временно подчинившиеся вышестоящему представителю их коллективных интересов, а не директивно подчиненные своему начальнику, произвольно назначаемому вышестоящими органами управления или власти. А, следовательно, оно и не является точным эквивалентом русскому слову «подчиненные», бессознательно побуждающему русскоязычных людей безропотно подчиняться (укр. «підкорятися») своим господам (высшим чиновникам) и начальникам (менеджерам):

«Привычка высших российских чиновников унижать подчиненных, и даже независимых от них людей, публично, в том числе в прямом эфире, принятый фамильярно-хамский стиль обращения менеджмента с сотрудниками, традиции многочасовых ожиданий в высоких приемных или приезда высокого начальства своими корнями уходят в армейскую систему управления войсками охраны и жесткую дисциплину для обитателей колонии» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml);

«Это совершенно русское чувство – благоговение перед начальством. Постоянно необходимо из себя «выдавливает» это, доставшееся в наследство, византийское свойство – липкое чувство угодливости, раболепия, подобострастия и заискивания. Это ужасно, но Важной Персоне улыбаешься особенно энергично. Если человек «не власть имущий» или уже не стал таковым – можно и нахамить, а то и плюнуть вслед с презрением...» (Андрей Кончаловский, «Недавний раб», http://www.konchalovsky.ru/works/articles/recent_slave/; <http://www.konchalovsky.ru/works/articles/tag/рабство/>);

«Порой создаётся впечатление, что ваша страна таит в себе что-то непредсказуемое. А это всегда пугает. ...я вижу в россиянах ещё очень много раболепия. Вижу огромную готовность подчиняться, преклоняться перед властью. Меня это несколько удивляет, поскольку я думал, что рабская психология будет уходить гораздо быстрее...» («Мы вас боимся». Кшиштоф Занусси – о стереотипах, страхе и политике, <http://www.aif.ru/society/people/1324649>).

И ведь же, этим «подчиняться» буквально пронизана вся русская ЯКМ, в которой упорядочивание неотменно связано лишь с подчинением (укр. «підпорядкування» – подчинение). И это четко постулируется даже в грамматике русского языка (укр. «складнопідрядні речення» – сложноподчиненные предложения), и к тому же имеет место, несмотря на то, что др.-русск. «чинити» означало лишь совершать какие-либо действия, а вовсе не проявлять своё верховенство над кем-нибудь или же, наоборот, с удовольствием унижаться перед своим начальником и любимыми чиновниками.

Слово же «підлеглі», ведь, тоже ассоциируется в подсознании украинцев с унижением. Однако же оно вовсе не возбуждает у украинцев мазохистского удовлетворения этой участью а, наоборот, побуждает их бессознательно стремиться к самостоятельности и к самодостаточности. С этим, конечно же, связана и извечная выборность органов правления в украинском обществе:

«В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности, от десятника до гетмана, были выборными. Заметьте, республика эта просуществовала с XIII века до XVIII, беспрестанно обороняясь от великороссов, поляков, литовцев, турок и крымских татар...» (Александр Герцен, «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону, письмо первое, 1858», т. XII, 1957, в кн.: «А.И. Герцен о социализме», <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/russie-vieux-monde/russie-vieux-monde-staryj-mir-i-rossiya.htm>; http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_1854_stary_mir.shtml; https://imwerden.de/pdf/herzen_ss_v_30_tt_tom_12_1957_text.pdf);

«...вождей (запорожских казаков, – П.Д.), которым судьба не способствует, лишают почестей, и, если на них падает подозрение в каком-либо преступлении, толпа их убивает...» (Историческая диссертация о казаках, представленная в помещении философского факультета на публичное рассмотрение под председательством мессира Готфрида Вейса из Торуня в Пруссии. Автор Иоганн-Иоахим Мюллер // Київська старовина, – 1996 № 4-5. –

С.76; цит. по: «Формування українського козацтва (кінець XV – середина XVII ст.)», http://www.br.com.ua/kurs/History_of_Ukraine/105194-14.html);

«Гетманы вообще очень строги; но они ничего не предпринимают без военного совета, называемого радой. Чтобы избежать опалы, гетману необходимо иметь чрезвычайную осторожность в своем поведении, особенно, когда он ведет казаков на войну, чтобы не потерпеть какой-либо неудачи: в случае неблагоприятной встречи он должен обнаружить находчивость и отвагу, ибо, если он выкажет малейшую трусость, его убивают, как изменника, затем немедленно выбирают другого начальника обычным у них порядком, как я уже рассказал выше. Должность предводителя и командира – обязанность трудная и составляет истинное несчастье тому, на долю которого она выпадет. В течение семнадцати лет, которые я провел на службе в этой стране, все те, кто занимал эту должность, несчастливо окончили жизнь...» (Гильомом Левассер-де-Боплан, «Описание Украины», <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text2.phtml?id=190>);

«Непревзойденный знаток, как истории Запорожской Сечи, так ее внутреннего строя Д.И. Яворницкий, отмечая демократизм устройства Сечи, писал: «В основе порядков запорожского устройства лежала община, громада, мир, товарищество... Внешним проявлением этой общины был совет..., народное вече. На этом совете могли присутствовать все без исключения сечевые казаки, начиная от войсковой старшины и кончая простой «беднотой», или простонародьем, «чернью». Здесь царило полное равенство между всеми членами общины; каждый мог отвергнуть предложение другого и взамен предложить собственные планы и соображения о том; но, когда решение было принято большинством голосов на совете, оно становилось необходимым и обязательным для всех» (Дмитрий Яворницкий, «История запорожских казаков», Т.1. – с. 149-150)... Отказываясь признать авторитет любого правителя, запорожцы осуществляли самоуправление согласно тем обычаями и традициями, которые формировались на протяжении поколений. Все имели равные права и могли участвовать в достаточно бурных советах, в которых чаще побеждала сторона, которая громче кричала. На этих стихийных собраниях выбирали и с такой же легкостью сбрасывали казацких вожаков – гетмана, атамана, есаулов, писаря, обозного, судью... Вообще принцип единоличной власти, военной диктатуры, возникавший в условиях исключительной опасности, постоянно боролся с принципом казацкого народовластия, согласно которому осуществлялась выборность и коллегиальность казацких чинов. Обычным было участие казацких масс в их деятельности; казацкая община имела право в любой момент требовать отчета, могла заменить недавно выбранное лицо другим и требовала от каждого строгой ответственности. Эти республиканские принципы были выработаны в казацких кругах длительным существованием казацкой республики. Важно, что гетман избирался казацким советом, который, как и его прототип – древнерусское вече, никаких норм представительства не знал. В совете участвовали все явившиеся казаки, голосуя каждый за себя... Все учреждения, и духовные, и светские, занимали выборные люди, и все дела решались волей веча – казацкого совета, или сельской общины...» (Н. Матвеева, «Традиции Запорожской Сечи и становление современной украинской

демократии», <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/pidruchnuku/21/9.pdf>).

То же самое имеет место и сейчас:

«В Украине точно нет такого жесткого противопоставления, например, интеллигенции и людей от земли. Там последние, как раз самые уважаемые, потому что земля всегда тебя прокормит, при любом режиме. И это – почва для личного достоинства. Там ценностный ресурс больше, чем у нас. Есть русская поговорка: «Любовь за деньги не купишь». Но нет понимания, что за деньги не купишь, вообще, ни одну ценность – свободу, жизнь, талант, дружбу...» (Психолог, писатель Ольга Маховская, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«Здесь (в Украине, – П.Д.) есть тот дух свободы и надежды, которым и не пахнет на моих родных российских просторах и в душах моих родных соотечественников. Здесь нет рабства. Люди поднимают головы, и теперь уже без страха. Это и есть великое достижение украинского народа, к которому мы пока даже не приблизились. И как бы сегодня или завтра ни было трудно, украинцы точно знают, что могут выкинуть любого чиновника с его места, включая президента, если он будет действовать не в интересах людей. Они долго терпят, а потом сносят все говно к чертовой матери...» (известный российский музыкант Алексей Лебединский, https://www.dialog.ua/news/130785_1505314248);

«В Украине никогда не было царского двора или знати. Лидера всегда выбирал народ, а не «Бог». Причём отношение к лидеру всегда было скептическое. Каждый год он должен был доказывать свою смелость и лидерские качества. Существовала традиция: гетман, которого выбирали, должен быть втопан в грязь для того, чтобы не забывал, откуда вышел, чтобы помнил, где окажется, если не будет выполнять свои функции. И зачастую оказывался в грязи в прямом смысле этого слова. То же самое мы видим и сейчас. Какой бы ни была власть в Украине, она всегда будет непопулярной. Что бы президент ни делал, сразу «зрада» и «геть». Любой здравомыслящий украинец знает, что если лидер не будет делать то, что должен, без проблем или перевыберем, или сместим, поставив на его место другого...» (Александр Стражний, «Мудрый, хитрый, толерантный. Кто такие украинцы – уроки самоидентификации», <https://focus.ua/society/358317/>).

И если у украинцев мнение большинства является всего лишь «преобладающим», то есть лишь более весомым (укр. «переважна більшість» – «подавляющее большинство»), то у не терпящего инакомыслия психически инфантильного русскоязычного населения меньшинство всегда буквально подавляется большинством:

«В чём сила москитов (очевидно, моск[ов]итов, – П.Д.)? В подавляющем большинстве!» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>).

Как видим, не только у евреев, но и у украинцев, имеется бессознательная солидарность, консолидирующая их при необходимости и без волевого принуждения

ненавидимой ими авторитарной властью. Подтверждением этому являются, как русская народная мудрость, отражающая наличие среди украинцев большого количества интровертов-сенсорики-логов-рационалов (ISTJ):

«Там, где хохол прошел, еврею делать нечего»,

«Хохол без «лычки» не хохол»,

так и значительная роль украинцев в бывшем Советском Союзе:

«Вероятно, ни в каком другом типе чувство ответственности и прагматичность не развиты так сильно, как в интровертах-сенсориках-логиках-рационалах (ISTJ). Во имя ответственности эти интроверты овладевают навыками общения, выражения своих мыслей и установления межличностных контактов в любой момент – лишь потому, что «так надо». В определённых обстоятельствах они могут казаться такими открытыми и общительными, что их можно принять за экстравертов. Но не делайте этой ошибки: будучи самым закрытым из всех шестнадцати типов, эти интроверты лишь надевают маску экстраверта при необходимости, а их внутренняя сущность при этом не меняется. Корни исключительной ответственности ISTJ лежат в сенсорном предпочтении их функции сбора информации. Другими словами, внимание ISTJ направлено вовнутрь и сосредоточено на объективных, сиюминутных, конкретных и реалистичных данных. Живя «здесь и сейчас», они не делают предположений и ничего не принимают на веру. Все, что попадает им на глаза, они осмысливают объективно и материалистично (логика), а затем немедленно организуют и раскладывают по полочкам (рациональность). Поскольку для них это очень просто и естественно, они ожидают такого же поведения буквально от всех окружающих. Они чрезвычайно требовательны и дома, и на работе, и даже на отдыхе, им нередко бывает свойственно навязывать другим людям свою волю. Некоторым они кажутся чрезмерно нетерпеливыми, настойчивыми и упрямыми. Как и INTJ, с которыми они разделяют три общих предпочтения (интроверсия, логика и рациональность), они часто демонстрируют превосходные успехи в учёбе и работе, нередко достигая высокого положения – староста класса, менеджер проекта и лидер сообщества, которое может казаться неподходящим для интровертного типа. Но ISTJ не считают, что им это не подходит, они просто выполняют свой долг – «делают, что должно» (хотя и не то, что для них естественно. Несомненно, «долг» – ключевое слово мантры ISTJ, как и всех остальных рациональных сенсориков. Для них главное – это результат, поэтому они отдают предпочтение не удобной и привычной интроверсии, а сложной и отнимающей силы экстраверсии)... Дом ISTJ можно узнать издали: во дворе несколько аккуратных кустиков и растений, дом, скорее всего, выкрашен в пастельные цвета, велосипеды и игрушки спрятаны, в общем, – скромно, но со вкусом. Ничего лишнего, и все на своём месте... Что касается близких отношений, слово ISTJ ценится на вес золота: если он сказал: «Я тебя люблю», можно быть уверенным, что он останется верным этому чувству в течение долгих лет – даже если говорит об этом он не очень часто. Причина этого проста: ISTJ считают, что дела говорят лучше, чем слова, и истинная любовь выражается в действиях, а не в возвышенных речах – быть рядом с любимым каждый день, помогать ему в трудную минуту, стать для него поддержкой и опорой. Этот невербальный стиль выражения привязанности часто становится причиной того, что ISTJ считают бесчувственными и бессердечными. Но это не так. У ISTJ,

безусловно, есть чувства, которые они демонстрируют посредством своего потрясающего чувства ответственности. (Бесспорно, они предпочли бы умереть, чем показаться кому-то безответственными.) Они абсолютно верны – и людям, и учреждениям – и порой их чувство долга доходит до фанатизма. Из них выходят отличные солдаты, и буквально, и фигурально...» (Отто Крегер, Дженет Тьюсон, «Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим» / «Делать, что должно», <http://udik.com.ua/books/book-546/chapter-18673/>; <https://lektsii.com/3-100026.html>);

«Постоянное парадоксальное сочетание в социальном бытии украинцев самых передовых черт с глубоко архаичными привело к формированию у них такой наиболее значимой черты ментальности, как химерность (скажем, само слово «химерный» характерно для поэтического лексикона того же Т.Г. Шевченко). Как известно, химеры – фантастические существа, которые соединяют в себе вообще не соединимые черты. Так же и в ментальности украинцев, даже на бессознательном уровне оптимизм причудливо переплетается с фатализмом, индивидуализм – с готовностью ко всяческим (часто даже излишним) компромиссам, прагматизм (деловитость, достижение практически полезных результатов, – П.Д.) – со стремлением «всегда идти в обход» (даже вопреки здравому смыслу; как правило, отказ от сиюминутной выгоды во избежание неприятностей в будущем, – П.Д.), т. е. та черта, о которой французский путешественник Г. Де Боплан когда-то сказал: «У них нет ничего простецкого». Эта тема, безусловно, заслуживает отдельной детальной разработки» (Игорь Рассоха, «Народы, опередившие свое время, и общества, выпавшие из истории», http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rass33vrem.html);

«Вспомним присказку, – «в армейскую часть привезли новобранцев. Русский первым делом интересуется, где столовая, украинец – где сержантская школа. С очень глубоким подтекстом шутка. Если под «армейской частью» понимать СССР... то роль в нем украинцев просматривается неплохо». Действительно, не только большой удельный вес украинцев среди сержантского и офицерского состава Советской армии – факт общеизвестный, но и огромное количество хозяйственных и партийных руководителей разных рангов, разбросанных по всем областям и странам бывшего Союза» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://www.navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0073>);

«Нельзя при этом упускать из виду и то, что в советские времена население Украины было неизменным и основным поставщиком кадров в высшие эшелоны государственной власти. Как заметил один отечественный историк, «к концу правления Хрущева руководство ЦК КПСС состояло на 40% из выходцев из Украины. И переворот 1964 года продемонстрировал одну интересную особенность: критическая масса украинцев в Москве была таковой, что на смену украинцу Хрущёву мог прийти только украинец Брежнев – при поддержке украинцев Подгорного, Семичастного, Шелеста...» (Александр Мучник, «Философия достоинства, свободы и прав человека», http://samlib.ru/m/muchnik_a_g/book1954.shtml);

«Мы простили долги, черт знает кому – КНДР, Кубе, Африке, Латинской Америке и многим другим, а вот Украине не то что не простили ни копейки, но еще и посадили на такой дорогой газовый тариф, которого не знает ни один газовый потребитель в мире. А газ-то не кремлевский, а тюменский, то есть Ханты-Мансийский. В советское время эти месторождения разрабатывали множество украинцев, семьями. Концентрация этнических украинцев была такова, что Ханты-Мансийский округ в шутку называли тогда Хохло-Мансийским. Экономика СССР вообще построена руками татар и украинцев. Это были самые мобильные и предприимчивые национальности в СССР. То, как сейчас поступает Россия по отношению к Украине, нельзя назвать ничем иным, как подлостью...» (Саша Келлер, «Письмо Путину и ИСПОВЕДЬ», <http://newrezume.org/news/2016-01-27-12894>).

Да и на протяжении то многих веков украинцев, в отличие от русских (в СССР), никому не требовалось защищать ни от самих проживавших на их территории евреев, ни от еврейского протекционизма. У русскоязычных же людей бессознательная солидарность отсутствует, и они могут быть консолидированы лишь грубой авторитарной властью:

«Среди людей можно тоже себе представить эти два типа солидарности. Солидарность бессознательную, или непосредственную, и солидарность – «через фокус». В первом случае люди стремятся к одной цели без видимого приказа кого-нибудь – это, скажем, случай пчелиный или еврейский; во втором случае люди делают общее дело только по приказу своего видимого вожака или владыки – это, скажем, случай бычий или русский... Эти два типа психики, к которым по принадлежности тяготеют два рассматриваемых нами народа, являются, на мой взгляд, своего рода фатумом. Эта разница психической структуры и обуславливает полярность стихий еврейской и русской, по крайней мере, в плоскостях политической и общественной... Итак, взаимоотталкивание русских, при явно выраженной их же любви к русскости, есть для меня факт. Но факт этот должен иметь многообразные последствия. В частности – и то, о чем я уже говорил: невозможность для русских совершать большие дела при помощи одной только самозарождающейся (из взаимного влечения) организованности... Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вождь» (Василий Шульгин, «Что нам в них не нравится?», 1930, <https://www.rulit.me/books/chto-nam-v-nih-ne-nravitsya-read-208134-36.html>; <http://lib.rus.ec/b/306943/read>);

«– Да-с, непременно, – самодовольно заговорил Мотовилов. – Дело надо держать в руках. Без хозяина нельзя. Мы, русские, не можем жить без руководства» (Федор Сологуб, «Тяжелые сны», 1894, <http://sologub.narod.ru/novels/tiazhelyesny.htm>);

«Не имеющий контроля и самодисциплины, русский народ бушует в хаосе, и «хаос бушует в нём». Инертное углубление в ту или иную область, желание познать и прочувствовать приводят к тому, что зачастую русский человек уходит в духовный мир, его нет на поверхности жизни, он всё время где-то внутри жизненных явлений. Поэтому русский народ даже подвержен некоторой опасности в связи со своей почти что несостоятельностью в жизни мирской. По мнению Бердяева, ему нужен заступник: «Со всех сторон чувствовал

себя русский человек окружённым огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда выводит русского человека, спасает его». Следовательно, отмечаем ещё одну особенность русского менталитета: русский человек – ведóмый человек. Русским свойственно бегство от личного выбора в критических ситуациях и полагание на «ведущего», повышенная зависимость от лидеров, потребность в опоре на власть и руководство. «Русский народ, с присущей русской душе страстностью, – отмечал Бердяев, – всегда ожидал и ожидает «властелина». Русские издавна привыкли возлагать на лидера заботы и ответственность за происходящее, полагаться на мудрого рулевого, с ним связывать надежды и усилия по преодолению трудностей, что в условиях постоянного стресса внутри российского государства особенно повышает спрос на такого лидера. Причём лидер такой – чаще всего чужеземец. По мнению Гачева, России, такой необъятной и «расползающейся» необходимо завести мужа «заставой богатырской», «железным занавесом», «и этот мужик – чужеземец». Недаром привлекались варяги на Русь править и царствовать. Роль второстепенного ведущего в русском народе всегда играла вера, вера во что бы то ни было – в доброго царя или в судьбу. «Сколько бы ни заводили неведомо куда, он всегда верит в то, что придёт тот кто-то, кто проложит новую дорогу из кирпича справедливости, возьмёт за руку(!) и поведёт за собой», – пишет в своих работах А.И. Рёдель. Для русского верить – значит жить, руководствоваться не расчётом, не соображением выгоды, а принципами, убеждениями, эмоциями, душой. Также необходимо отметить, что вера исходит и из того, что у русского народа существует мнение, что жизнь движется отчасти по неизвестным человеку законам – по законам судьбы, и из того, что просто нужно на что-то положиться. Однако наличие лидера влияет на русских довольно неблагоприятно, так как в условиях защищённости рождается пассивность и полное бездействие. Народ опять начинает «углубления» в жизненные явления, в поиск смысла жизни, забывая жить вообще. Такую пассивность Н. Бердяев называет «вечно-бабьим» в русской душе, то есть недостатком мужественного начала» (Вероника Иванова, «Менталитет русского народа через призму русской литературы 19-го века», <http://5rik.ru/myref/myref-22689.php> ; <https://pandia.ru/text/78/249/20938.php>).

Однако же, если русскоязычные люди и полагаются всегда лишь на своего лидера, то на них может положиться лишь недальнозоркий и неосмотрительный лидер. И это действительно так, несмотря даже на то, что «русские – народ покладистый... куда положили, там и лежат!» Ведь, покладистость, прилежность и положительность в подсознании русскоязычного человека ассоциируются с лежанием [на печи], что и провоцирует у него леность, а то и бездеятельность, вообще, вместо безотлагательного исполнения поручений своего лидера. Поэтому-то русскоязычный человек – и «тяжел на подъем»:

«Каждому кумиру возжигаем свечки,
Да грозимся миру, встать с холодной печки:
Вот подыдем знамя да пройдем с боями,
Тем же, кто не с нами, гнить в зловонной яме!
Вытопчем дорогу к вашему порогу,

Пусть идем не в ногу, но зато нас много.
Пыл наш не умерить, рвемся в бой отважно,
Главное – чтоб верить, а во что, неважно.
Не считаем трупы, не боимся мести,
Ничего, что глупо, главное, что вместе!»

(Юрий Нестеренко, «Русская идея», 1995, <http://www.netslova.ru/nesterenko/russian.html>,
<http://yun.complife.ru/verses/contrall.txt> ; <http://politiko.ua/blogpost129100>).

Конечно же:

«Поведение личности может протекать на двух уровнях – как импульсивное и регулируемое сознанием. В первом случае направленность поведения определяется установкой, возникающей при взаимодействии потребностей человека и ситуации, в которой они актуализируются. На более высоком уровне поведения человек не подчиняется импульсу, а находит такой вид поведения, за который может взять на себя ответственность. Это происходит благодаря механизму объективации, согласно которому человек противопоставляет себя внешней среде, начинает сознавать действительность такой, какая она есть, и объективировать свое поведение» (П.П. Горностай, «Психологические теории и концепции личности. Краткий справочник // Теория установки Д.Н. Узнадзе», <http://psylib.org.ua/books/psiteol/txt41.htm>; <https://studopedia.org/4-188235.html>;
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Psi_Teo/41.php).

Русская языковая картина мира формирует согласно классификации Узнадзе переменный тип личности, обладающей достаточной легкостью объективации, но не имеющей из-за своей лингвopsихогенной инфантильности как стремления для ее реализации, так и, вообще, желания отстаивать свои взгляды и пересматривать свои устоявшиеся убеждения. И поэтому-то, как правило, такая «личность» перекладывает ответственность на других и реагирует преимущественно на слова, а не на вызовы действительности:

«Не знаю, заметили ли вы, что в Украине (как и во всём постсоветском пространстве, – П.Д.) людьми со сложным характером обычно называют тех, у кого он просто есть. То есть, когда ты имеешь определенные четкие принципы и не боишься их декларировать, не идешь на компромиссы в отношении определенного устоявшегося поведения и, соответственно, конфликтуете с носителями противоположных взглядов, то получаешь ярлык человека со сложным характером. В Украине (как и в России, – П.Д.) невероятный дефицит на людей со сложным характером и на честность. Не делайте компромиссы, когда ваша совесть говорит вам, что что-то не так. Не бойтесь прислушиваться к вашему внутреннему голосу, не заключайте союзы или партнерства со злом с хорошими намерениями; не легитимизируйте зло – боритесь с ним; называйте вещи своими именами и говорите правду. Вас будут называть конфликтным, сложным, неустойчивым или тяжелым человеком... Конфликт в отношении собственных убеждений – это проявление честности, в то время как страх быть честным очень часто толкает нас к компромиссам со злом. Не бойтесь, говорите правду» (Ульяна Супрун, «Из речи на встрече выпускников Украинского

католического университета», <https://zbruc.eu/node/83009>).

Из-за этого-то и имеют место в привыкшем к холопской неволе русскоязычном примитивном обществе как подмена чести и честности соответственно совестью и святостью, так и пренебрежение личным и гражданским достоинством:

«Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера» (Николай Чернышевский, «Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася», http://dugward.ru/library/turgenev/chernish_asya.html);

«Нужно признать, что личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют. Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских. Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной» (Николай Бердяев, «О святости и честности» в кн. «Судьба России», 1918г., <https://www.rulit.me/books/sudba-rossii-sbornik-read-81295-17.html>);

«Я бежал из России, как бегут из зачумленного города. Тут нечего рассуждать – чума никого не щадит – особенно людей слабого сложения. А я предчувствовал, предвидел, я был уверен, что если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером я бы непременно сделался подлецим верноподданным чиновником или – попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал, не оглядываясь, для того, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«...он [министр Ковалевский, – П.Д.] умен, а главное, честен, – и этого уже много. Прочие далеко не так умны, а о добросовестности уже и говорить нечего. Каково, однако, положение государя: не иметь возможности положиться ни на ум, ни на честность окружающих его... Много приходится сносить тому, кто хочет быть вполне честным человеком. Стоит только немного изучить и узнать людей, чтобы почувствовать глубокое презрение к тому, что в большинстве случаев отнимает у вас или дает вам их сердце» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 25 апреля 1861г., 1 марта 1862г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Гражданское достоинство человека – это его чувство собственного достоинства, отстаивающее себя в государстве и, если надо, от самого государства. Готовность же подчиняться любым, даже бесчеловечным, законам – это готовность подчиниться не справедливости, а власти как таковой, – и есть рабство. Можно смело сделать вывод о том, что гражданское достоинство – это противоположность рабской (точнее, холопской, – П.Д.) психологии» (Александр Круглов [Абелев], <http://www.alkruglov.narod.ru/dignity.html>);

«В Московском государстве чересчур мало и редко было тогда чувство чести быть свободным; звание несвободного не тяготило человека. Это было естественно там, где все, до самого родовитого князя, были холопы царя. Исключение составляло козачество на юге: беглецы в козацкое общество разрывали связи с московскими порядками; там зачиналось общество на иных началах, и притом под сильным влиянием Южной Руси, где были иные убеждения, иные предания, где остатки удельно-вечевой старины смешивались с польскими понятиями о рыцарстве, заимствованными с Запада и переделанными в славянской жизни. Там образовались понятия о свободе; там ценилось звание вольного человека, и козак с гордостью называл себя: «вольный козак». В Московском государстве считали наравне – что служить государству, что быть холопом: последнее казалось сноснее; правительство постоянно должно было, ради удержания на службе дворян и детей боярских, запрещать им вступать в холопство к боярам» (Николай Костомаров, «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия 1604–1613»,

http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_smutnoe_vremya1.html);

«В 1612 году, когда Кузьма Минин собирал ополчение, чтобы выбить поляков из Москвы, он продал часть населения Нижнего Новгорода в рабство. И на эти деньги сформировал для князя Пожарского ополчение. ...то есть Россия всегда использовала свои природные ресурсы» (академик Юрий Пивоваров, сообщение в Горбачев-фонде, на круглом столе «Становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина», <http://www.rulit.me/books/gazeta-svoimi-imenami-7-ot-11-02-2014-read-335106-13.html>);

«Сначала Минин «пробил» решение, по которому все его приказания выполнялись беспрекословно (за тем, чтобы это соблюдалось, следили ратники князя Пожарского). И разослал по Нижнему многочисленных оценщиков. Имущество каждого было оценено со всем возможным рвением, после чего с жителей в приказном порядке потребовали отдать пятую часть имущества (а кое от кого – и треть). Когда собранных денег не хватило, Минин без колебаний «пустил на торг» наименее зажиточную часть горожан. Их небогатое имущество продавали целиком, кроме того, отдавали в кабалу и их самих, и их семьи. Холопы, надо отметить, шли за бесценок, потому что их было довольно много. Именно такими средствами и были собраны нужные суммы. Нравится это потомкам или нет, разрушает это иконописный образ или нет, но без подобных крутых мер нижегородское ополчение вряд ли смогло бы снарядиться в поход и изгнать интервентов...» (Александр Бушков, «Тайны Смутного времени», http://loveread.ec/read_book.php?id=9893&p=16);

«Кому не известны много раз повторенные в разных книгах слова, произнесенные Мининым при первом возбуждении нижегородцев: «Животы, дворы наши продадим, жен и детей в кабалу отдадим» («буде намъ похотеть помощи Московскому Государству, и то нам не пожалети животов своих, да не токмо животов своих, и дворы свои продавати, и жены и детей закладывать», – Козьма Минин)... Минин обложил всех пятою деньгою (по некоторым, даже третьею), т.е. пятою (или третьею) частью состояния; но этого было мало, потому что ему, конечно, не удалось бы взять от богачей положенной части: богачи без

крайней нужды не покажут, сколько у них есть того, о чем, кроме них, никто не знает; самопожертвование могло быть уделом только немногих, вроде той вдовы, которая своею искренностью, по выражению источников, всех в страх вложила; но у большинства человеческая природа должна была брать верх. И вот Минин для приобретения денег пустил в торг бедняков: за неимением у них денег, оценивали и продавали их имущества и отдавали их семьи и их самих в кабалу. Кто же мог покупать дворы и животы, кто мог брать людей в кабалу? Конечно, богатые люди. Этим путем можно было вытянуть от них спрятанные деньги. Само собою разумеется, имущества и люди шли за бесценок, потому что в деньгах была нужда, а выставленного товара было много...» (Николай Костомаров, «Личности смутного времени. Михаил Скопин-Шуйский. Пожарский. Минин. Сусанин», http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_lichnosti_smutnogo_vremeni.html);

«...ведь мы живем в стране с тяжелой наследственностью, и это не только советская наследственность, она ведет свою историю еще от Ивана Грозного, царствования Николая I. Недавно я как раз в связи с нашей темой, о возможности соотношения жесткой власти и свободного рынка, читал интервью с Андреем Кончаловским, который высказал четко обозначенную позицию: русскому народу свобода не нужна. Спросите у любого русского человека, что он предпочтет: свободу или безопасность. Конечно, он выберет безопасность. На вопрос, как русский человек понимает свободу, Кончаловский ответил: «Как независимость от государства». На мой взгляд, это совсем не плохо. Это близко к моему пониманию свободы. Мы с тобой прожили в системе, когда государство управляло всем, и каждый человек получал свою миску баланды из рук государства и не мог получить ее каким-то другим способом. Поэтому освободиться от государства – это тоже немало» (Бенедикт Сарнов, «Хорошо, когда в стране есть три-четыре крупных моральных авторитета», <http://izvestia.ru/news/287709#ixzz1yQ6RhjB>);

«Установить точную дату возникновения современного русского языка (а стало быть, и русского менталитета) дело весьма сложное. Ограничимся осторожным утверждением, что это произошло где-то между грозным царем и крутым протопопом. Именно тогда наш язык (а стало быть, и мышление) упрощается до предела. Мы теряем добрую половину склонений и все формы прошедшего времени, довольствуясь жалкими огрызками перфекта, которые... и глаголами-то не являлись. Любопытно, что именно с этого момента русская история обретает странную цикличность: каждая первая четверть века знаменуется гражданской войной и вторжением интервентов... Кстати, о гражданских и прочих войнах. Замечено, что в русском языке пропасть между витиевато сложной литературной речью и предельно упрощенной речью нелитературной особенно глубока. Думается, что именно в этом кроется одна из причин зверства отечественной цензуры, которая, заметим, всегда в итоге терпела поражение. Скажем, до войн с Наполеоном слово «черт» считалось безусловно неприличным и на письме обозначалось точками. А малое время спустя (у того же Николая Васильевича Гоголя, к примеру) оно уже красуется в первоизданном виде без каких бы то ни было точек. Подобных примеров можно привести множество, и изобилие их наводит на мысль, что ненормативная лексика (как и вся устная речь вообще) прокладывает себе дорогу с помощью

войн и гражданских смут. Отсюда недалеко до вывода, что всякая революция есть результат напряженности между двумя стилистическими пластами. Иными словами, борясь за чистоту языка, ты приближаешь революцию» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://libking.ru/books/sf/sf/34413-evgeniy-lukin-manifest-partii-natsional-lingvistov.html>; <https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html>).

Боязнь и избегание свободы

Вот, именно, этой-то свободы – «независимости от государства» русскоязычные челядишки больше всего и боятся. Ведь получить независимость от государства – это, прежде всего, лишиться тотальной опеки со стороны государства, без которой психически инфантильный человек (людишка) будет вынужден стараться перебороть свой холопский менталитет. А ведь это большинству недееспособного психически инфантильного русскоязычного населения, как раз-то, и не надо. Ему гораздо проще обойтись миской баланды из рук государства и беззаботно продолжать свое животно-растительное нищенское существование:

«Пожалуй, нет сейчас более вредного ошибочного лозунга – не сознательно лживого, таких-то полно, а именно ошибочного – чем «Россия будет свободной!»... Россия никогда не будет свободной, ибо свобода – это то, что русские сильнее всего ненавидят. Как метко заметил Александр Протопопов, русские мечтают быть даже не рабовладельцами, а надсмотрщиками. Ибо рабовладелец – это все-таки хозяин, на котором лежит ответственность за его хозяйство. А русские мечтают не работать, безнаказанно измываться над другими и при этом ни за что не отвечать. Россия, ставшая «свободной» – это Лугандон. Бандитский беспредел, быстро превращающийся в новую тиранию. Но при этом, возможно – получивший очередной кредит доверия от наших западных идиотов, не понимающих, что смена вывески не меняет содержимого, и вот это – перезапуск того же кошмара на новый круг – будет хуже всего» (писатель и поэт Юрий Нестеренко, «Оксюморон», <http://demset.org/f/showthread.php?p=30379>);

«Ожидать свободы от внешней системы, это значит принять, подчиниться этой новой внешней системе, стать ее винтиком. Свобода под крылышком «мудрого» Сталина или самого всемогущего и мудрейшего господя Бога – это в лучшем случае свобода ребенка. То есть человека еще физиологически зависимо от заботы родителей. Эта объективная физиологическая несвобода постепенно уменьшается по мере физиологического роста и обретения средней стандартной силы взрослого человека. Свобода по своей природе есть акт, атрибут субъекта, личности. Свобода может быть только изнутри.

«Сказали рабам: «Вы свободны, идите».

И ключ повернули, и цепи упали.

Но люди стояли безмолвны как рыбы,

Но люди молчали как дыры-могилы.

Ослабшие души назад потянули

Комфорт одеяла цепей...»

(1985)» (Юрий Дюбенко, «О «внутренней свободе» по реплике Бунтаря и о понимании вполне человека по реплике Э.М. Сороко с поворотом к реплике И.И. Кондрашина «О лучшем типе государственного устройства»,

<https://groups.google.com/forum/?fromgroups=#!msg/freephil/aQqxQ50Syyk/uUFPvo7D-e4J>);

«Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность – это дико для народного сознания...» (Андрей Амальрик, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», 1969,

<http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>);

«Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвись от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit яркую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон!»

(Максимилиан Волошин, «Китеж», 1919, Коктебель, <http://slova.org.ru/voloshin/kitej/>);

«Русский человек сторонится порядка, бежит от его монотонности к согревающему душу материнскому хаосу. Он убегает. Отечество его догоняет. Он прячется. Отечество его ищет и находит. Спрятавшись, русский человек не покинет своей берлоги, не пойдет на агору, на собор для изъявления своей воли. Его туда нужно притащить, сволочь. Отечество его тащит и называет сволочью, а родина укрывает и оправдывает. Поэтому у нас, у русских, есть те, кто ходит сам, а еще есть те, кого волокут. Кто на помочах. Первых мало. Вторых

много. Если бы у нас сволочей было мало, то мы бы не прятались. И у нас были бы дороги. И избы наши топились бы по-белому. А поскольку мы прятались по медвежьим углам, постольку дорог мы не строили. Боялись, что по этим дорогам к нам придет отечество и обложит данью. По этим же причинам и избы наши топились по-черному. Из опасения встречи с отечеством, наша культура строилась вне связи с цивилизацией. Оттого-то у русских много культуры и мало цивилизации...» (Фёдор Гиренок, «...О РОССИИ», <http://fedorgirenok.narod.ru/oros.htm>);

«Но я не понимаю логики россиян, которые дали сделать себя ментальными заложниками убийц и, радостно зажмурившись, дружными колоннами маршируют навстречу аду. Аду – как минимум социально-экономическому... И ладно бы, действительно речь шла только об оруэлловских «пролах», пришибленных пропагандой (этих в пору пожалеть), – но в поощрении ада принимают участие люди, вполне владеющие компьютерной «мышкой», а значит, имеющие легкий доступ к реальной информации. И вроде бы не идиоты, чтобы не видеть на шаг вперед... Что же заставляет их делать это? Ответ банальный: трусость. И уже как следствие трусости – «стокгольмский синдром». Ментальная сдача бандиту, избавляющая человека от экзистенциального личного выбора. Этот синдром уменьшает шансы заложников на коллективное освобождение – и, в конечном счете, опасен, не говоря о нравственной стороне вопроса. Ибо хорошо умирать в мире с собой, но стыдно умирать в мире с бандитом... Все тоталитарные режимы набиты изнутри этим диагнозом. И чем опаснее режим, тем, как правило, бесстыднее выражение радости по поводу того, что твоя жизнь в руках у бандита. В Северной Корее миллионы людей истерически визжат при виде третьего по счету Кима... Они визжат, чтобы заглушить свой страх. Мы еще не визжим массово, но страх сидит уже в подкорке...» (Виктор Шендерович, «Вопрос ребром», <http://mvvc44tv.cmle.ru/?a=note&id=28270#>);

«Раскрывающий маховик репрессии деспотический режим обретает мощнейшую подпитку снизу, которая позволяет преодолеть сопротивление как элиты, так и модернизированных слоев. Современники событий, затрудняющиеся точно выразить дух той страшной эпохи, рисуют мир, погруженный в сумеречное, призрачное, отчасти бредовое состояние. Это и есть образ вчера еще рационального мира, переживающего погружение в дорациональное и довербальное, палеолитическое сознание. Большая репрессия на полную мощность запускает механизм Стокгольмского синдрома. Любовь и иррациональная преданность власти разгоняется до фантастических значений. Она же рождает иррациональный ужас и окончательно десубъективирует не только массового человека, но практически каждого. Только глубинно модернизированный человек, сохраняющий ясность ума в любой ситуации, способен противостоять иррациональному ужасу и выработать некоторую рациональную стратегию в соответствии со своими принципами в этой трагической ситуации. Великий откат психологически комфортен и целителен. Архаики – люди довербальные. Им не дано выражать свое отношение в связном дискурсе, но своим нутром они чувствуют – это та самая, наша, правильная жизнь, комфортное, органичное самоощущение, правильный мир. Таким образом, Большая репрессия предстает как

специфический механизм включения огромных традиционно-архаических масс в реальность модернизирующегося общества. Здесь мы сталкиваемся с парадоксальной диалектикой. Массовый террор «срезает» верхушку общества, отбрасывает его от достижений лидирующих групп и слоев, усредняет его, примитивизируя общую картину бытия» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Обращу ваше внимание на любопытный феномен: логика системы ведет к ужесточению режима; но логика выживания правящего класса требует сохранения пристойного лица, без чего лично интегрироваться «в Запад» невозможно. Поэтому демонстрация кнута не мешает помахиванию «пряником». Власть продолжит приглашать «на чай» с лидерами тщательно отобранных интеллектуалов (но больше никаких Шевчуков!). А избранные будут преданно и с восторгом ловить взгляд лидера, как это продемонстрировал нам Ярмольник. Либо с обожанием восклицать: «Вы хороший мужик!», как это сделала великая актриса, встретившись с «национальным лидером» (и великие, увы, оказываются слабы, оказываясь рядом с властью). Объятия власти с избранными будут лишь только подчеркивать репрессивную тенденцию – и чем жестче будет кнут в отношении нелояльных, тем больше «пряников» власть будет предлагать лояльным. Боюсь, что немало последних с радостью воспримут подмигивание власти как индульгенцию и как повод остаться в тени власти. Впрочем, может быть, я ошибаюсь? ... У нас же интеллигенции сломали позвоночник. Власть ее слишком долго насилвала, причем при добровольном согласии многих ее представителей. Может ли задавленное и затравленное «думающее сообщество» попытаться сыграть ту роль, которую сыграли интеллектуалы в других странах? ...» (Политолог, сотрудник Центра Карнеги Лилия Шевцова, «Про слойки», <http://www.liberal.ru/articles/5038>);

«Наши люди удивительно адаптивны, способны выживать в самых тяжелых, подлинно нечеловеческих условиях, чего в помине нет у современных западных наций. Эти условия упростили и примитивизировали нашу жизнь, разрушили нашу культуру и социальность, превратили страну в территорию ненависти, но обострили наши чувства и наши инстинкты, закалили нашу волю. Мы стали более жизнестойкими и научились жить на руинах. То, что не убило нас, сделало нас сильнее – примитивнее, но значительно сильнее. Нигде нет такого торжества воли – воли к власти и воли к жизни – как в современной России. И эта воля – единственное, что способно дать надежду – надежду не на лучшее будущее, а на будущее вообще...» (Доктор истор. наук Валерий Соловей, «Кровь и почва русской истории», <https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-207.html>; «Контуры нового мира», <http://magazines.russ.ru/neva/2007/7/so7.html>);

«Судьба России – в борьбе духов государственной и культурной системы, складывавшейся на перекрестке нескольких миров, все время в ломках, в перестройках – или в забытии после судорог. В этом пространстве живут большей частью русские, но не только. И каждый человек, попавший на русскую сцену, начинает играть русскую роль, кто бы он ни

был: Фальконе, Фонвизин, Левитан, Бенкендорф, Френкель или Троцкий. Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой; тот, кто ассимилирован российской политикой, – вероятным палачом. С одной стороны, Мандельштам, с другой – Блюмкин; с одной – Пушкин, с другой – Аракчеев...» (Григорий Померанц, «Сны Земли», http://pomerez-mirkina.com/wp-content/uploads/2014/02/Snyu_Zemli_PDF.pdf);

«...бытие в недрах огромной империи, в прочных тисках государства и «коллектива» страшно уродует людей. Мало того, что человек отвыкает (точнее – смолоду не приучивается) жить сам, без подпорок государства и общины, – об этом уже сказано немало. В самом обществе утверждаются самые примитивные формы общежития, даже «вспоминаются», казалось бы, давно умершие. Защищая себя и свой образ жизни, люди придумывают самые несусветные способы идеализировать эту архаику, показать всем (и самим себе), до чего же им хорошо без свободы. Бывший советский, нынче российский человек так привык быть несвободным, что вообще плохо понимает эту потребность и еще хуже понимает, до какой степени несвободен» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.ec/read_book.php?id=9876&p=148).

В русской ЯКМ культ правителя государства (сакрального пахана России) лицемерно называется «культом личности», в то время как на самом деле в ней превозносится коллектив (бесправное и безвольное стадо психически инфантильных холопов и лохов), а личность же является заурядным ничтожеством, беспрекословно подчиняющимся воли вожака стада и его опричников (чиновников и других гопников):

«Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие «период культа личности» стал у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее. Вдобавок постоянно ведется пропаганда, которая всячески стремится противопоставить «личное» – «общественному», явно подчеркивая всю ничтожность первого и величие последнего. Отсюда всякий интерес к «личному» – естественный и неизбежный – приобрел уродливые эгоистические формы...» (Андрей Амальрик, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», 1969, <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>).

В украинской же ЯКМ любая личность (укр. «особа») является незаурядной и особенной, однако при этом не сакрализуется и уважается лишь за свои заслуги перед обществом, а не за статус её в обществе и в государстве. Поэтому-то украинцы и становятся незаурядными личностями, обладающими чувством собственного достоинства и предпочитающими максимально возможную свободу от государства:

«Отношение к земле украинского крестьянина граничило с ее обожествлением. Земледельческий образ жизни в совокупности с близостью к природе, вообще, рождал не только лиричность или провинциальную сентиментальность, но и чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, в какой-то мере – индивидуализм. В чувстве

собственного достоинства, значимости коренится острое, даже болезненное чувство справедливости, ненависти к ущемлению, толкающие украинца к перманентному поиску правды... Начиная от восточнославянского веча и казацкой рады, украинский народ всегда тяготел к более демократичным и республиканским формам правления, в отличие от других европейских стран с их идеями «цезарепапизма». Но все тот же индивидуализм, выступающий обратной стороной демократизма, являлся одной из главных причин отсутствия на протяжении длительного времени собственной государственности» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://www.navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0073>).

Однако же такое поведение было свойственно испокон веков, как древним славянам, так и всем другим индоевропейцам – горцам:

«Афганские племена враждуют друг с другом и между ними часто бывают кровавые стычки. Когда Эльфинстон спросил об этом афганцев и посоветовал им обзавестись королем, он получил ответ: «Пусть лучше вражда и кровь, только не верховный правитель». Так мог бы ответить какой-нибудь барон германского происхождения во франкской Франции. Афганцы – пример индоевропейского господствующего слоя. Во времена Якоба Грима такими представляли себе индоевропейцев вообще: воинами-кочевниками. Но это состояние не могло быть изначальным, так как именно иранская группа индоевропейцев сначала имела характерные черты воинов-крестьян, мировоззрение которых нашло свое выражение в маздеизме» (Ганс Ф.К. Гюнтер, «Нордическая раса среди индоевропейцев Азии и вопрос о прародине и расовом происхождении индоевропейцев», <https://velesova-sloboda.info/antrop/gyunter-nordicheskaya-rasa-sredi-indoeuropeytsev-azii.html>; <http://geum.ru/next/art-90585.leaf-15.php>; <http://textarchive.ru/c-1930427-pall.html>; www.jagannath.ru/users_files/books/PROROK_NORDI4ESKOI_RASY.doc);

«...у хеттов царская власть никогда не была в такой степени деспотичной, как у вавилонян, египтян и ассирийцев. Семиты считали царя божеством и поклонялись ему. Для персов и для хеттов царь – гораздо более скромная фигура. Уж никак не бог, даже не сын и не родственник бога. Это очень типичная арийская черта. Не известен ни один арийский народ, который обожествлял бы своих владык. И всегда арийцы ограничивали их власть советом старейшин, мудрецов или членов правящего рода. Вот и у хеттов царь Телепин в 1525 году до Р. Х. завещал: «Всегда и вовеки при том, кто будет царем после меня, должны собираться его братья, сыновья, свояки, кровные родственники и воины... Ведь и в Парфянском царстве власть царей ограничивалась «советом сородичей» и «советом мудрых и магов». И в Персии царя окружали родственники и маги. Вовсе не был священным существом Дарий, избранный по жребию. Вовсе не считал царскую власть божественной Гобрий, отказавшийся от короны... И хетты, и другие арийцы считали, что царь и его приближенные вводят законы, чтобы самим их тоже исполнять. «Царь первый из блюдущих закон» – считали хетты» (Андрей Буровский, «Арийская Русь. Ложь и правда о «высшей расе», http://thelib.ru/books/andrey_burovskiy/ariyskaya_rus_lozh_i_pravda_o_vysshey_rase-read-4.html);

«Самая древняя запись о саксонской форме правления на континенте содержится в этом коротком, но ясном пассаже Беды: «Древние саксы (как и славяноязычные тёмно-краснокожие германцы – фризы, англ, юты и др., – П.Д.) не имеют короля, но только нескольких сатрапов, которые управляют народом и в случае войны бросают жребий, подчиняясь на время войны тому, на кого он падает. Когда же война кончится, они снова становятся сатрапами, равными по власти». Что континентальные саксы до восьмого столетия находились под властью племенной аристократии и не имели королей, кроме как во время войны, и что выбранные короли-воины, складывали с себя власть при восстановлении мира, засвидетельствовано другими древними источниками. Более поздние историки использовали это утверждение в своих работах. Цезарь рассказывает практически то же самое о форме власти, бытовавшей в его время у германцев... Англосаксы действительно нуждались в продолжение полномочий своих королей-воинов, пока, наконец, не была установлена постоянная, хотя и ограниченная монархия. Их вожди или wítена продолжали обладать своим влиянием и властью. Именно они выбирали нового короля, хотя выбрали его уже из семьи покойного правителя, и их согласие на собрании старейшин (gemot) продолжало оставаться необходимым условием для свершения наиболее важных решений королевской власти...» (Шэрон Тёрнер, «История англосаксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm#28);

«Варяги привносили с собой вовсе не монархическую систему, а что-то вроде афинского полиса. Древнейшие города севера, включая Поволжье, управлялись примерно так же, как и города балтийских славян. Кончанская система Новгорода близка аналогичному территориальному делению Штеттина. Даже необычно важную роль архиепископа Новгорода мы поймем лишь в сравнении с той ролью, которую играли жрецы в жизни балтийских славян, по крайней мере, некоторых из них... Варяжский тип социально-политического устройства – это, в конечном счете, тот же славянский (во всяком случае, более славянский, чем собственно русский), основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях и совершенно не предусматривающий возможность централизации. Отличительной особенностью этого типа является большая роль города вообще и торгово-ремесленного сословия в частности. Именно высокий уровень материальной культуры и отлаженность общественного управления обеспечили преобладание переселенцев на обширных пространствах севера Руси, а также быструю ассимиляцию местного неславянского населения... Варяги и отчасти фризы, включившиеся в колонизационный поток с конца VIII века, могли пополнить княжеские дружины, но самостоятельной роли все-таки не играли, а на севере Руси именно они повлияли на создание полисной системы, не принимающей централизации...» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=10>);

«Как правило, никто не сомневается в европейском характере Киево-Новгородской, домонгольской Руси. Но существует расхожее мнение, что монгольское иго радикально изменило общественный и политический архетип русского народа (в то время никакого

русского народа ещё и в помине не было, а была лишь русская земля, населённая в Залешанщине и в Поволжье преимущественно финно-угорскими и тюркскими племенами и лишь небольшим количеством славянизовавшихся потомков этих же туранцев, – П.Д.). Был народ европейский (на самом деле преимущественно лишь славянофонный туранский, – П.Д.), а стал – совсем другой. А дальше начинаются споры, какой именно. Но почему-то испанцы остались испанцами за 700 лет арабского владычества; греки, сербы или болгары сохранили свою идентичность после 400 лет владычества турецкого, а русские (и только русские!) перестали быть самими собой из-за того, что 250 лет выплачивали дань Золотой Орде! А между тем, ведь даже оккупации русской земли в те времена не было, были только эпизодические карательные набеги...» (историк русской церкви Лев Регельсон, «Самодержавию Ивана Грозного предшествовал абсолютизм европейского типа», <http://www.liberal.ru/articles/4534>);

«Выяснилось, что христианство проникало на Русь, по меньшей мере, пятью (шестью, – П.Д.) различными путями: из Византии на юг Руси, из Болгарии туда же, с Северного Кавказа (от алан и абхазов, а также и от славяноязычных тёмно-краснокожих торков = таркасов / черкасов / циркас и других славяноязычных карахазар, – П.Д.) тоже на юг Руси, из Германии (Фризии = Руси, – П.Д.) на север и на юг Руси и из Ирландии на север Руси (а также и из несторианских общин Поволжья в Московию, – П.Д.). Памятью о множественности истоков русского христианства служат как различия в устройстве церкви и церковной терминологии в различных частях древней Руси, так и сохранившиеся до сих пор не византийские, западные термины «поп» (от латинского «папа») и «церковь» (от латинского «циркус» – круг; ср. немецкая Kirche, английская Church и т.д.; по-гречески же церковь – «экклезиа», откуда её названия в романских странах: итал. Chiesa, франц. Eglise и т.д.). Первая церковь, выстроенная в Киеве Владимиром I после «крещения», была названа Десятиной, так как на её содержание шла десятая часть княжеских доходов. Но обычай церковной десятины был свойствен как раз западной, католической церкви, и никогда – византийской. Ещё любопытно, что в Риме долгое время прославляли русского князя Ярополка – предшественника Владимира «святого» – как «крестителя» Руси...» (Ярослав Бутаков, «Настоящее есть следствие прошедшего», <http://ehorussia.com/new/node/10666>).

Совсем иное поведение было свойственно славянофонным бледнолицым потомкам финно-угров (вепсов, мери, мокшан и др.) и тюркоязычных половцев, ассимилировавшим, в конце концов, незначительное количество пришлых тёмно-краснокожих славян Залешанщины (будущей Московии) и привившим большинству из них свою туранскую холопскую ментальность задолго до нашествия татаро-монголов – ещё во времена княжения Андрея Боголюбского и позже:

«Впоследствии, когда аморфное образование, называемое условно Киевской Русью или древнерусским государством, распадается, появляются самостоятельные государственные образования: земли и княжества, каждое из которых, так или иначе, развивает исходную основу. В результате формируется три базовых типа государственности, причем все зависит от того, какая из перечисленных сил стоит наверху треугольника власти.

«Республиканский» Новгород, а затем Псков и в какой-то степени Полоцк за основу берут вечевые собрания, которые приглашают князя с дружиной для выполнения вполне определенных военных функций. На юге и юго-западе образуется то, что условно можно назвать раннефеодальной монархией. Там, казалось бы, присутствует довольно сильная власть князя. Но власть старшей дружины (боярства) явно ее перевешивает. Бояре контролируют действия князя, причем очень уверенно и успешно. Это им делать тем более легко, что фактически они возглавляют вечевые собрания (в таких городах, как Галич). Боярство здесь в состоянии иногда даже заставить «высшего» представителя власти в лице князя поступать вопреки его собственным желаниям и планам. И, наконец, третий тип государственности, сложившийся на северо-востоке, – тот самый, который – увы! – развивается в нашей стране уже на протяжении многих сотен лет. Это – деспотическая монархия. Основу ее закладывает в XII веке Андрей Боголюбский, который изгоняет старшую дружину и остается с той организацией, которую мы до поры до времени не видим. Это «служебная организация». Грубо говоря, обслуживающий персонал, состоящий из холопов, которые до того занимались лишь хозяйственными вопросами. Новое окружение, набранное князем Андреем из холопов, – это теперь уже не товарищи, а милостники, подручники. Мало того, он и со своими родственниками начинает поступать как с подручниками. Что, понятное дело, их очень обижает. Василий Иосифович Ключевский одним из первых очень четко зафиксировал эту «самодержавную революцию» Андрея Боголюбского. ...особенность деспотического государства заключается в том, что изменить его природу невозможно, а можно лишь устранить деспота, на место которого неизбежно придет другой деспот. Так вот, как раз Андрей Боголюбский был первым, кто это на себе и испытал. Впоследствии, кстати сказать, картинка будет приблизительно такая же. Фактически все наследники Боголюбского, так или иначе, испробовали эту линию поведения в более или менее жесткой форме. Ордынское нашествие и включение северо-восточной и северо-западной Руси в сферу влияния Великой Монгольской империи лишь обеспечили этому процессу более благоприятные условия. А Иван Грозный просто доводит эту систему государственного управления до логического конца, отождествив себя со Спасителем...» (Игорь Данилевский, «Деспотическое государство возникло и стало воспроизводиться на Руси с XII века», <http://www.liberal.ru/articles/4534>);

«У меня вышел третий том «Истории Российского государства». Называется «От Ивана III до Бориса Годунова». Первые два тома я писал в совершенном хладнокровии, словно про какую-то другую страну (от той Руси действительно ничего или почти ничего не осталось), а тут не оставляло ощущение, будто рассматриваешь детские снимки кого-то хорошо знакомого. Это уже наше государство – то самое, в котором мы живем поныне. Оно пока еще в младенческом возрасте, но глаза, нос, уши не спутаешь, да и некоторые черты характера распознаются. Мне в свое время на моем историческом отделении почему-то не объяснили очевидную истину: что Российское государство возникло не в девятом веке при Рюрике и Вещем Олеге, а в пятнадцатом, при великом князе Иване Васильевиче III. Так мы с тех пор в этом доме и обитали, только обои меняли, мебель переставляли, да иногда управдомов в окно выкидывали» (Борис Акунин, «Зима! Крестьянин торжествуя»,

<http://akunin.mirtesen.ru/blog/43471870287/Zima!-Krestyanin-torzhestvuya>);

«Используя основную характеристику этнической истории – уровень пассионарного напряжения, – легко обобщить различия между Киевской и Московской Русью, указать на два разных потока русской истории. Попытаемся представить это в виде таблицы, на которой более наглядно видно, что этногенез Московской Руси – России только в XX в. подходит к тем финальным фазам, в которых прошла вся история Киевской Руси. Москва НЕ ПРОДОЛЖАЛА традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их ДРУГИМИ НОРМАМИ поведения, во многом заимствованными у монголов, – системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности» (Лев Гумилёв, «От Руси к России. Очерки этнической истории», М.: Экспресс, 1992, <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r03f.htm#r2r03chapter7>);

«В беседах с Москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом Польским и также приобрести свободу. Но Русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя... Если же сам государь поступит несправедливо, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света» (Самуил Маскевич, «Дневник», 1594-1621, <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frameset1.htm>);

«Русские публицисты разных направлений были согласны в том, что Бог – «царь небесный», а царь – «земной бог». Эта мысль в XVI веке имела широкое, даже повсеместное распространение, что подтверждается наблюдениями иностранных путешественников. Немец П. Одерборн в памфлете на Грозного (1585 год) заметил, что при жизни царь – земной бог, одновременно император и папа для своих подданных. Еще в 1612 году, в разгар Смуты, голландец Исаак Масса писал, что москвиты считают царя «почти земным богом». Нечто подобное писал Грозному из крымского плена опричник Васюк Грязной: «Ты, государь, аки Бог», ты делаешь человека и малым, и великим. Это, конечно, слова пустого бахвала и застольного шута, деятеля «исторического» в ноздревском смысле. Но они тем более показательны: значит, мысль о «земном боге» стала расхожей, перешла в общее пользование» (А. Панченко, в Диалоге: «Чтобы свеча не погасла // Кумир их – Ложь», <http://gumilevica.kulichki.net/TNEC/tnc03.htm>);

«Исаак Масса полагал, что москвиты «считают своего царя за высшее божество». С ним согласен Г. Седерберг: москвиты «считают царя почти за бога». И Иоганн Георг Корб: «Москвиты повиновались своему государю не столько как подданные, сколько как рабы, считая его, скорее, за бога, чем за государя». В более позднее время, конечно, и подданные Российской империи осознают, что их официальная религия обладает этим странным, не вполне христианским свойством. Павел Флоренский прямо заявлял, что «в сознании русского народа самодержавие есть не юридическое право, а проявленный самим Богом факт, – милость Божия; а не человеческая условность... Интересное суждение высказал

Всероссийский поместный собор 1917/18 года: для императорского периода «надо говорить уже не о православии, а цареславии»... На Московской же Руси полагают, что только в общении с Богом проявляется человеческая природа царя. В отношениях же с подданными он – Бог...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида // Обожествление царя», <https://mydocx.ru/8-26403.html>; https://www.e-reading.club/chapter.php/9699/75/Bushkov%2C_Burovskii_2_Rossiia%2C_kotoroi_ne_bylo_2_Russkaya_Atlantida.html; <http://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=1120000101&p=103>);

«Уже во времена правления Ивана III в русском государстве складывается система авторитарной власти, имевшая значительные элементы восточных деспотий. «Государь всея Руси» обладал объемом власти и авторитетом, неизмеримо большим, чем у европейских монархов. Все население страны – от высшего боярства до последнего смерда – были подданными царя, его холопами. По мнению многих историков отношения подданства ввела в закон Белозерская уставная грамота 1488 года. По этой грамоте все сословия были уравнены перед лицом государственной власти. Широкое распространение в нашей исторической науке получила точка зрения, что в это время между князем и всеми слоями общества, включая и высшие, устанавливались четкие служебно-подданнические отношения. В их основе лежали не договорные отношения, характерные для стран Западной Европы и фиксировавшие как обязанности, так и права и даже привилегии тех или иных социальных групп, а жесткое подчинение и покорность воле великого князя. Прекращаются отъезды бояр от князя. Утверждается форма обращения бояр и князей к государю: «Я есмь холоп твой», – немыслимая для отношений между сюзереном и вассалом. Посол Германской империи Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. отмечал: «На Руси (в Московии, – П.Д.) все они называют себя холопами, т.е. рабами государя... Этот народ находит больше удовольствие в рабстве, чем в свободе... Основанные на защите и доверии взаимные отношения между властителем и вассалом, при которых властитель предоставлял защиту, а вассал обещал хранить верность, противоречили духу московского самодержавия. Московские князь и царь, хотя и требовали подчинения и клятвы в верности, но сами если и давали, то были вольны отказаться от них. Принцип взаимности, включавший в себя на Западе также и право сопротивления, не согласовывался с московским самодержавием, по представлениям которого господство исходило лишь из одного центра, поэтому и могущественные бояре оставались «холопами»... Любопытно мнение одного голландца побывавшего в России в начале правления Михаила Федоровича Романова, приведенное историком Костомаровым: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем: ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив». Это мнение интересно и тем, что холопское состояние как естественное для русского человека отмечается уже тогда» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml);

«Вспомним знаменитого публициста той эпохи Пересветова. Он говорил, что Россию может спасти только «гроза». Примеры он приводил публицистически-страстные: «Царские

вельможи благодаря своему коварству и дьявольскому соблазну додумывались до того, что выкапывали только что захороненных покойников из могил, пустые могилы засыпали, а покойника, исколов рогатиной или изрубив саблей и измазав кровью, подбрасывали в дом богача. Потом выставят истца-клеветника, который Бога не боится, и, осудив несправедливым судом, разграбят двор его и все богатство. Нечисто богатели они дьявольским прельщением, а царской грозы к ним не было». Поэтому и советовал Пересветов малолетнему царю, будущему Грозному, напустить на бояр «грозу». Призывы его звучали страшно: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножались беды...» (Владимир Кантор, «В России не было ни одной книги, посвященной праву, которая прозвучала бы так же сильно, как «Дух законов» Монтескье или «Философия права» Гегеля», <http://www.liberal.ru/articles/4534>);

«Коммунизм имел успех в России в значительной [мере] благодаря национальному характеру русского народа – благодаря его слабой способности к самоорганизации и самодисциплине, склонности к коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска. Вследствие своего национального характера (психической инфантильности, – П.Д.) русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию...» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент», https://www.e-reading.club/chapter.php/104264/38/Zinov%27ev_-_Planiruemaya_istoriya_%28Sbornik%29.html; <https://litlife.club/br/?b=199472&p=11>; <https://unotices.com/book.php?id=126615&page=112>);

«Русский коммунизм, – по верному замечанию г. Сыромятникова, – есть исконное разрушительное начало русского народа, есть растрата природных богатств его страны, растрата природных богатств его природы. Излечиться от него можно только вольным свободным трудом и твердым правом собственности. Тогда, – говорит он, – возможно, будет осуществление мечты о мире между Европой и Россией. До тех же пор мира не будет, как бы мы его ни желали, потому что элементы России и Запада суть элементы разных эпох человеческого развития, и Запад может только либо бояться нас, как разрушительной силы, либо презирать нас, как силу разрушающуюся...» Совершенно верное рассуждение. «Удивительный это народ русский, – заметил со своей стороны покойный А. Рубинштейн в своих «Афоризмах», – он ленив как животное, горчайший пьяница, хитер до обмана, набожен до ребячества, монархичен до рабства. Природа так удивительно его приспособила, что он ко всему пригоден... но он имеет в характере особенность, которая его губит и во многом ему вредит. Он или покорен до унижения «что я?», «да могу ли я?», «да смею ли я?», или уже сам черт ему не брат «не подвертывайся», «все могу, что захочу!»...» Многие

называют это «широкою натурой». Вернее считать это отсутствием воспитания, выдержки, остатками какого-то кочевого первобытного состояния. Скачут же у нас сломя голову и интеллигенты по Невскому, точно они у себя в азиатской степи. Характерность этого скакания отметил еще покойный историк Соловьев...» (Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Марксистская опричнина – частный случай российской опричнины». – «Сталинское варварство – прямое продолжение варварства России». – «Царизм и коммунизм – один и тот же противник». – «Всё перешло в руки деспотизма не в 1917, а в 1689» (по другому варианту – в 1564). – «Русский мессианизм под псевдонимом марксизма». – «Разделение русской истории на дооктябрьскую и послеоктябрьскую – под сомнением...» – «Коммунизм – идеологическая рационализация русской империалистической политики, – более универсальная, чем славянофильство или православие». – «Нет изменения в русской политике с 1917 года». – «Преувеличенное отношение к октябрьскому перевороту: ...уничтожение первоначальной модели (революции), возврат русской истории на круги своя». – «Семена социализма погибли в русской почве» (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять). – «Как до революции господствовало зло и подавлялось добро, так и после революции». – «Между царизмом и советизмом прямая преемственность в угнетении», «качественное сходство» (Александр Солженицын, «Наши Плюралисты», <http://www.rodon.org/sai/np.htm>);

«Общество, отказавшись от понятия добра как такового, вынесло себе тем самым смертный приговор. Но внешне, в словесной форме это все еще выглядело легковесно, умозрительно. Однако, оказалось, что язык – это и есть основа мира. Его искажение породило уродливые мысли, а уродливые мысли – кровавые поступки. Набоков показал нам не поступки-события, и даже не большую мысль, а суть – мертвый язык. Язык, вырезающий ножницами лжи картонную реальность...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Непосредственная цель революции в России состояла в уничтожении буржуазии – «великой гниды земного шара». Средством был специфический человеческий материал: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, «ублюдки» истории и делали прежде революции... Да здравствуют безымянные «ублюдки» и всякие «отбросы» человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием – счетоводы» и т.д.)... Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться в провинции». «Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно контрреволюция, т.е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства». На деле «великая гнида» и «ублюдки» сыграли роль исторического навоза: «В революцию выигрывает «боковая сила», т.к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет

историю». Иначе говоря, реальная революция в России оказалась мучительством масс ради победы мещан под видом революционных преобразований... «Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все»...» (Андрей Платонов, «Деревянное растение // Из записных книжек», http://modernlib.ru/books/platonov_andrey_platonovich/derevyannoe_rastenie/read_1/; цит. по: Виктор Макаренко, «Русская власть и бюрократическое государство», ч. 1, <http://os.x-pdf.ru/20ekonomika/506671-1-trudi-sovmestnoy-laboratorii-teoreticheskogo-rossievedeniya-vipusk.php>);

«...большевистская революция есть исторический срыв, своего рода контрреформа, прервавшая противоречивую российскую модернизацию 1861–1917 гг.; сталинский социализм – это традиционное российское государственное крепостничество, лишь обряженное в марксистские одежды. Преемственность московской политической культуры и ее автократический характер подчеркивали такие западные историки и политологи, как Ричард Пайпс, Эдвард Кинан, Збигнев Бжезинский, Стефан Уайт. Понятно, что такой взгляд обуславливает и пессимизм в отношении очередной попытки российской реформации. Близка к указанной позиции концепция А. Янова, согласно которой история российской модернизации имеет устойчивый, укорененный в структуре и культуре российского общества циклический алгоритм: от реформ к контрреформам. В конце 80-х годов к мысли о традиционных корнях большевизма обратились многие российские ученые и публицисты (Ю.Н. Афанасьев, Л.С. Васильев, В.И. Селюнин и др.), которые либо размышляли о традиции государственного и революционного деспотизма в духе Н.А.Бердяева, либо рассматривали советский социум как вариант азиатского способа производства» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=7>);

«...от модернизации стране никуда не деться – разве что на обочину мирового развития. Но осилит ли она ее, искусственно сохраняя архаичный тип государства? Не наблюдаем ли мы желание двигаться вперед, остановив время? Или, спрошу по-другому, желание модернизироваться, используя доживающую свой век архаику культурную? Да еще при идеализированном о ней представлении? Закончу пословицей, которая, по-моему, очень точно передает смысл выбора, перед которым оказалась сегодня Россия. «Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь» – разве это не в самую точку?» (Павел Солдатов, «Русский народный судебник», <http://www.liberal.ru/articles/4801>);

«В диктатурах развития успешно идет разрушение чистого архаика, но в них рождается не человек динамический, а формируется паллиат, сохраняющий старую доминанту. Статичная ориентация подавляется, но человеческой природой не изживается. Советский Союз можно рассматривать как диктатуру развития, построенную вокруг эсхатологически трактуемой коммунистической доктрины. Классический, сталинский этап истории СССР стал безусловной вершиной обозначенной диктатуры. Сталинский режим пытался сконцентрировать функции творчества, управления и сложной интеллектуальной

деятельности в узком секторе «белых воротничков», для которых создавались сравнительно свободные условия. При этом остальное общество должно было жить и работать в традиционно репрессивном режиме, воплощая предначертания Власти. В этой конфигурации репрессия выступала фактором модернизации общества. В данном отношении советская модернизация принципиально не отличалась от модернизационной стратегии Петра I. На определенном этапе исторического развития такая конструкция достаточно эффективна. ...важно особо подчеркнуть, что эта стратегия эффективна лишь на определенном этапе. По его завершении сталинская диктатура развития с необходимостью обернулась застоєм и крахом. В стратегическом плане ничего, кроме разрушения сословного общества, перехода к парадигме свободы и акцента на поощрении не может разрешить проблем зашедших в тупик обществ, ведомых диктатурами развития. В практическом же плане это означает окончательную деструкцию традиционного мира, поскольку такие диктатуры есть последний этап существования традиционного общества. В диктатурах развития достигается временный компромисс между императивом изменения и задачей сохранения устойчивых форм и глубинных оснований традиционного целого...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>).

Как видим, в России испокон веков всё держалось и продолжает держаться на склонности её населения к подчинению деспотичной и репрессивной власти а, тем самым, и на страхе перед неминуемым наказанием за неподчинение ей:

«Признавая репрессивный характер традиционной культуры, носитель ценностей исторической динамики осуждает репрессию. Однако как признание репрессивности, так и ее осуждение проговариваются скороговоркой. В этом содержится указание на серьезную проблему, с которой не может совладать сознание отечественных идеологов модерна. Ибо реальность мира репрессии слишком глубока и многослойна; к тому же она напрочь отрицает любые перспективы модернизации. Снять этот невротический комплекс, мучающий сознание российского интеллигента, можно, только исследовав саму реальность. Феномен традиционной репрессивности должен быть осознан в его социокультурной природе, соотнесен с процессами модернизации и вписан в контекст глобальной трансформации... Исходное значение – давление, подавление чего-либо – описывает наиболее универсальное смысловое пространство понятия репрессии. Она есть подавление чего бы то ни было вне зависимости от природы субъекта и объекта подавления. Подавление некоторых импульсов, процессов или тенденций соответствует целям субъекта репрессии и рационализируется им определенным образом. В конечном же счете, репрессия работает на воспроизводство устойчивого социокультурного целого. Понятно, что репрессия неотделима от насилия, формы которого бесконечно многообразны. В результате такого насилия подавляются одни (нежелательные) импульсы и тенденции и формируются другие (требуемые)...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Подобный этнос должен иметь деспотическое правление, он требует такого правления, как наркоман нуждается наркотиков, такое деспотическое правление из природы

подобного этноса, это во-первых, а во-вторых, деспотическое правление автоматически побуждает подобный этнос находиться в том состоянии и виде, в котором он находится, органично требуя, опять же, деспотического правления» (Евгений Гуцало, «Ментальность Орды // Рабы рабов», или же: «Какую Россию мы потеряли?»), <http://exlibris.org.ua/orda/r08.html>);

«Жена одного дьяка (как кажется, приказного) проходила мимо виселиц, воздвигнутых перед Кремлем во время последнего бунта, и, увидя повешенных, выказала к ним сострадание, без особой, впрочем, цели громко сказав: «Кто знает, виноваты ли вы, или нет?». Кто-то сведал про эти слова и тотчас донес боярам, давши словам женщины столь дурное толкование, как будто бы в них было что-то особенно худое. Сострадание женщины к осужденным государственным преступникам показалось опасным. Немедля приводят ее с мужем к допросу: открылось, что это было простое, свойственное женщинам сострадание к несчастным, без малейших признаков злого умысла. Тем не менее, обоих, освободив от смертной казни, отправили в ссылку. Так-то наказуется простая и неумышленная свобода слова там, где подданные только одним страхом держатся в повиновении...» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text2.phtml?id=737>).

Угрызения и муки совести, как следствие бессознательных лингвопсихических установок национальной ЯКМ

Именно условные рефлексы (морально-психические установки), координированные в «промежуточном мире» Вайсгербера с «внутренними формами» слов, и являются ответственными как за бессознательные проявления застенчивости, стыда, сострадания, страха и чувства вины, так и за испытания мук и укоров (упреков, угрызений) совести:

«В этом представлении совести никакой связи с сознанием как интеллектуальным действием нет. Совесть – это совестный акт, акт духовный, а не рассудочный. Если люди ждут от совести суждения (*indicium*), то есть облеченного в понятия и слова приговора, то это ошибка: конкретно мысль и губит совесть... и «совесть перестаёт быть силою», потому что вообще – «совестный акт не есть акт интеллекта» (Владимир Колесов, «Русская ментальности в языке и в тексте // Честь и совесть», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82396>);

«Мысль, двигаясь между совестью и приговором, начинает сначала заслонять показание совести, потом насильственно укладывает его в логические формы, искажать его своими рассуждениями и даже выдавать себя за необходимую форму совестных показаний. Ум заслоняет совесть; он умничает поземному, по-человеческому, внося свои эмпирические соображения о целесообразности, пользе и т. д. От этого человек теряет доступ к совестному акту и начинает принимать рассудочные соображения своего земного ума и земного опыта за показания самой совести... Итак, совестный акт осуществляется не в порядке рассудочного умничания, суждений, рассуждений, выводов, доказательств и т.п., но в порядке иррационального сосредоточения души. Он не нуждается ни в каких теоретических

«построениях», метафизических или эмпирических обобщениях и т.п.» (Иван Ильин, «Путь духовного обновления», гл.4, «О совести», <https://religion.wikireading.ru/62615>; <http://mспu.org.ua/pulicistika/9880-o-sovesti.html>; <https://www.paraklit.org/aktual/iljin-o-sovesti>; http://www.rusinst.ru/docs/books/I.A.Ilin-Put_duhovnogo_obnovleniya.pdf);

«Сознание, понятийное мышление, логичность, системность – только тончайшая пленка на поверхности жизни. Осознанным мышлением философа, полагал Ницше, тайно руководят его инстинкты. Именно глубинная структура сознания заставляет его двигаться определенным путем. Приоритет телесности перед духовностью для Ницше означал производность сознания из бессознательного почти в духе Фрейда. Он даже ввел понятие «Оно»: «Оно господствует и является даже хозяином над Я. За твоими мыслями и чувствами стоит более могущественный хозяин, неведомый мудрец, который называется Оно. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело». Телесность, жизненность, бессознательность для Ницше первичны и синонимичны. «Творческое тело сотворило себе дух как длань своей воли». Поскольку сознание производно от воли, поскольку жизнь есть бытийное условие сознания, разум не может быть высшей инстанцией процесса жизни. Само человеческое существование должно прислушиваться к «зову жизни», «зову Диониса», («зову бытия» на языке Хайдеггера): «...под мистичный радостный зов Диониса разбиваются кандалы неволи индивидуации и открывается широкая дорога к Матери бытия, к тайной сути вещей»...» (Игорь Гарин, «Философия жизни, человека, культуры», <https://www.proza.ru/2015/11/05/906>).

Но всё же:

«Скажи (в России!) «и мальчики кровавые в глазах» – никому не придёт в голову, что это ужас коммерсанта, которому – во сне или наяву – явились тамбовские либо измайловские. Никто не подумает (хотя и испытает соответствующие бессознательные ассоциации, – П.Д.) о кровавых убийцах из знаменитых боевиков. Для (просвещённых, – П.Д.) русских «кровавые мальчики» – это муки совести, это Годунов, убивший ребёнка ради короны. Царевич Димитрий, конечно, лежал окровавленный. Но Пушкин написал «кровавые мальчики» – и всё. Язык подчинился...» (Александр Минкин, «Человек цитирующий», <http://www.mk.ru/social/2012/04/05/689826-chelovek-tsitiruyuschiy.html>).

Чрезмерная обострённость и эмоциональная окрашенность бессознательных реакций русскоязычного человека

Чрезмерная обострённость таких бессознательных реакций (рефлексов) и ответственна, как за торможение рассудочных суждений, так и за то, что человек осознаёт себя погружённым не во внешний мир окружающей его действительности, а лишь во внутренний мир своих чувств и страстей:

«Русские в поведении руководствуются эмоциями но, увы, не отличают позитивные от негативных» (Ѓomumі bэхэs, «Мысли о России»);

«Русский характер, если можно говорить о нем как о чем-то едином в стране,

населенной многими народами, практически безразличен к ценности времени и места; главное для него – чувства, а еще больше, пожалуй, – выражение чувств, так что он не успевает достигать своих целей до того, как новые волны чувств смывают их прочь» (Джон Голсуорси, «Еще четыре силуэта писателей», 1928г.

http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy16_4.txt);

«Русские живут исключительно впечатлениями и мыслями текущего момента. То, что они вчера чувствовали и думали, сегодня для них более не существует. Их настоящее настроение порой уничтожает в них самое воспоминание об их прежних взглядах» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«Русские слащавы и пафосны. Тонна жирного крема. Женщины называют мужчин «котик», а те им в ответ – «моя зая». Матери сюсюкают. Во всем задушевность и клич умиления. Но это никому не мешает бить друг друга ногами. Резкое, ничем не обоснованное изменение настроения основа здешней шизофренической жизни» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Нежности», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«...эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков... ...Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера (Bauer, Raymond; Inkeles, Alex; Kluckhohn, Clyde. 1956. «How the Soviet system works», Cambridge, MA.: Harvard University Press., 141), русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность» (Анна Вежбицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm);

«Категория состояния, также присущая русскому языку, кажется странной, потому что явлена лишь в речи. В грамматике это употребление наречий либо модальных слов, либо столь же второстепенных форм – но в диалоге это постоянно выражение личного переживания внешних событий: мне жаль... Как стыдно! Ничего нельзя... Никакой предикативной связи нет, действие не обозначено. Это состояние души, в чувстве переживающей событие» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и в тексте», <http://www.menetie.ru/r421f-6.html>);

«Использование большого количества разнообразных междометий, союзов и частиц, таких как «да, и, а, ну, же, -ка» и пр., а также частые повторы сказуемого, обстоятельства образа действия или обращения делает русские директивы более эмоциональными и усиливает их иллюкутивную силу» (Ярослав Еремеев, «Национально-культурные и языковые особенности британских и российских директивных высказываний», <http://antinomy.narod.ru/sbor.htm>).

Но с другой стороны использование частиц-паразитов существенно уродует русскую речь:

«В русском языке перепутанность времен и нехорошая частица «бы», которую ни один уважающий себя язык не потерпел... бы» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

И все это, конечно же, связано не только с негармоничностью лаконичных высказываний на русском новоязе, но и с тем, что:

«...содержание аффективно насыщенных представлений, возникающих из бессознательного, должно мобилизовать в бессознательном другого человека содержание аналогичного смысла, которое проникает в сознание как внутреннее восприятие» (Deutsch, 1926).

Поэтому-то русскоязычный людишка и старается эмоционально окрасить всё в своей речи, заставляя, тем самым, и воспринимать её эмоционально:

«В Новоязе эвфония перевешивает все соображения смысла. Ей в жертву часто приносятся законы грамматики ... В результате слова ... однотипны. Они состоят из двух-трёх слогов, с равными ударениями на первом и последнем. Это создает «тараторящий» стиль речи, одновременно стаккатный и монотонный, что и требуется, ибо цель – сделать речь, особенно о предметах идеологически окрашенных, по возможности независимой от сознания. Для повседневных нужд, безусловно, надо было подумать прежде, чем сказать, но правильные политические или этические суждения у члена партии должны были вылетать автоматически, как пули из ружья ... Сама текстура слов, резко и неприятно звучащих, соответствовала духу Ангсоца ... В идеале должна была быть создана речь, производимая непосредственно гортанью, без включения мозга. Эта цель отражалась в слове «уткоречь», означавшем «говорить так, как крикает утка»...» (Джордж Оруэлл, «1984» // Приложение: «Принципы Новояза», <http://chalikova.ru/dzhordzh-oruell-principyi-novoyaza.html>).

Трезвое же рассудочное, а не эмоциональное восприятие как действительности, так и речи не приемлемо для русскоязычных челядишек, и называется оно в русском языке равнодушием. А это значит, что для них важна не доказательность, а лишь убедительность воспринимаемой речи:

«Эмоция убеждения важнее логики доказательства, поскольку назначение подобного диалога вовсе не в передаче информации: не коммуникативный аспект речи кажется существенно важным в диалоге, а речемыслительный, формирующий это высказывание. Мысль соборно рождается в «думе», с той лишь разницей, что не индивидуальная мысль направлена словом, а что «думу строит слово»: по старому различию смысла у слов «дума» и «мысль» мыслит каждый сам по себе, думу же думают вместе, и дума – важнее мысли, поскольку как законченное воплощение мысли дума освящена признанием Другого. Своя правда удостоверяется правдой собеседника, и с этого момента становится истиной для всех» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-35.html>).

Однако же используемые в русском языке приёмы эмоционального усиления убедительности высказываний часто приводят к логическим противоречиям:

«...Воланд спрашивает буфетчика: «У вас сколько имеется сбережений? – Вопрос был задан участливым тоном, но все-таки такой вопрос нельзя не признать неделикатным». Здесь мы видим двойное отрицание, которое применяется как основной способ непосредственного умозаключения – превращения суждения. Двойное отрицание встречается часто – и для усиления значения сказанного, и в качестве стилистического приема, как в данном случае. Логическая схема превращения: Все S есть P. Ни одно S не есть не-P. Употребляя двойное отрицание, нужно быть очень внимательным, иначе можно сказать противоположное тому, что хотелось сказать. Так, более или менее известная журналистка, которая специализируется на критике кремлевских властей, однажды сказала по радио: «Они думали, что это получится, но это не могло не получиться». Раз не могло не получиться, значит, получилось. Но она-то хотела сказать другое...» (Н.З. Ярошук, «Логико-философские проблемы в художественной литературе», http://www.intelros.ru/pdf/gumnauka/2012_02/03.pdf; <https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-filosofskie-problemy-v-hudozhestvennoy-literature-na-primere-romana-m-bulgakova-master-i-margarita>).

Неоднозначность эмоционально окрашенных высказываний, конечно же, дезориентирует не только сознание, но и подсознание русскоязычного человека и, тем самым, весьма способствует развитию у него некритического восприятия информации.

В славянских же языках, как и в большинстве других индоевропейских языков, такая неоднозначность отсутствует:

«Центром славянского предложения является сказуемое (предикат), и предложение считается отрицательным, а точнее общеотрицательным, когда частица «не» относится к сказуемому, т.е. делает его отрицательным. В русском языке, как отмечалось выше, частица «не» может относиться не только к сказуемому, но и к другим членам предложения, и место отрицательной частицы «не» в предложении формально определяет тип отрицания: общее (полное) или частное (частичное)... Трудны для славян и русские общеотрицательные предложения типа «Некуда пойти», «Нечего читать», в которых употребляются отрицательные местоимения и наречия с приставкой «не-»: «некого, нечего, негде, некогда, некуда, неоткуда, незачем» и др. + «инфинитив». В славянских языках нет эквивалентов русских отрицательных местоимений и наречий, и им соответствует глагольное словосочетание: «не иметь» + «относительное местоимение и наречие». Под влиянием родного языка славяне и в речи на русском языке употребляют предложения с глаголом «иметь / не иметь», что приводит к следующим ошибкам: «Я не имею что читать» вместо «Мне нечего читать»; «Я не имел куда пойти» вместо «Мне некуда было пойти»... Отличительной чертой русского языка является возможность выражать словом-предложением «нет» утверждение, что недопустимо в других славянских языках. Например: «Ты не пойдешь сегодня в кино? – Нет, пойду». «Ты не любишь кино? – Нет, люблю» (Л.Н. Ольхова, «Как сказать «нет»», http://bookz.ru/authors/ludmila-ol_hova/kak-skaz_167/1-kak-skaz_167.html).

Да и к тому же:

«Что такое предложение? Чему оно предлежит? Или оно что-то предлагает? Что именно? Это сентенция (английское «sentence»)? Высказывание? Сообщение? Суждение? Определение предложения как единицы речи не выдерживает никакой критики: больно уж «резиновая» эта единица. «Эй!» – это предложение? «А?» – это какое предложение? «Угу» – тоже предложение? А толстовские необъятные периоды – тоже предложения? тоже единицы речи? Думаю, что единственное подходящее слово для всего этого – высказывание (болг. «изречение», хорв., босн. «rečenica», сербск., македон. «реченица», укр. «речення» – «высказывание, изречение», ложно ассоциируемое в псевдославянской русской ЯКМ со словом «предложение», – П.Д.)... Вообще, с этими анахронизмами (подлежащее, сказуемое, главные и второстепенные члены и проч.) надо что-то делать – они давно уже потеряли свой первоначальный смысл; их просто запоминают, не вдумываясь в их этимологию» (В.С. Лысенко, «Какому русскому языку учат в школе?», <https://cyberleninka.ru/article/n/kakomu-russkomu-yazyku-uchat-v-shkole>).

Постепенное извращение исихастской традицией и холопской культурой смысла нравственной лексики

Однако же само слово «равнодушие» первоначально обладало лишь позитивной коннотацией (эмоционально-оценочной окраской). И только позже под влиянием исихазма оно приобрело негативную оценочную коннотацию и, поэтому-то, в настоящее время и весьма осуждается в русскоязычном примитивном обществе:

«В русском литературном языке XVIII в. слово равнодушие употреблялось в значении: «Внутреннее спокойствие, твердость, постоянство, свойство человека, которого внезапность или опасность возмутить и дух встревожить не может» (сл. АР 1806–1822, ч. 5, с. 781). А равнодушный значило: «Спокойным духом на все взирающий». Равнодушный человек не восхищается счастьем и не унывает в нещастии» (там же). Однако уже в начале XIX в. эти слова приобретают новый семантический оттенок. Равнодушие выражает «холодность, невнимательность к чему-либо, безразличие». В связи с этим и равнодушный становится синонимом слов холодный, бесстрастный, безразличный, индифферентный (сл. 1867–1868, 4, с. 2)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/ravnodushie.html>).

В отличие же от сознания, в подсознании сохранилось прежнее позитивное бессознательное реагирование на используемое во внутренней речи слово «равнодушие», то есть практически такое же, как и на слово «прямодушие»:

«Главное, нам недостает искренности и прямодушия в так называемых реформах. Одную рукою мы производим или стараемся произвести улучшения, а другою их подрываем; одною даем, а другою отнимаем. Мы устанавливаем новые порядки, и тотчас же спешим сделать их недействительными, лишь только они начнут производить свойственные им последствия. Нам хотелось бы нового в частностях, с тем чтобы все главное осталось по-старому» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 19 мая 1869г.,

И, поэтому-то, русскоязычный человек, как правило, и не испытывает никаких угрызений совести за равнодушное отношение к своим согражданам, а иногда даже и к своим близким. К сожалению, такая же судьба постигла и слова «прямолинейный», «прямолинейность»:

«Слово «прямолинейный», кроме математического значения («расположенный, идущий по прямой линии»: «прямолинейное направление», «прямолинейное движение»), в современном книжном стиле выражает также переносное качественно-оценочное значение «чуждый уклончивости, колебаний и задних мыслей, направленный или устремляющийся прямо к цели, независимо от обстоятельств, обстановки, не считаясь с ними». Например, «прямолинейный характер», «прямолинейный ответ» (см. у Ушакова). В связи с этим качественным значением имени прилагательного «прямолинейный» находится производное отвлеченное существительное «прямолинейность» («прямота», «откровенность», «прямодушие»)… У Д.В. Григоровича в «Литературных воспоминаниях»: «Увлечаться могут только люди, у которых в душе священная искра, – люди, одаренные богатою, одушевленною натурой, способные сильно испытывать впечатления и горячо принимать их к сердцу или мозгу… От них больше пользы, чем от людей ко всему равнодушных, прямолинейных, обсахаренных в узком эгоизме, прикрывающих его видом благоразумия и строгой рассудительности» (с. 164). У А.Ф. Писемского в «Мещанах»: «Тюменев был человек, по наружности, по крайней мере, чрезвычайно сухой и черствый – «прямолинейный», как называл его обыкновенно Бегушев…». У И.С. Тургенева: «Критики упрекали меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве и т. п. Мне напротив кажется, что меня скорее можно упрекнуть в излишнем постоянстве и как бы прямолинейности направления» (Восп.)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/prjamolinejni.html>).

Именно Виктором Виноградовым, а также и его учениками, и другими его последователями скрупулёзно отслежена история постепенного извращения исихастской традицией и холопской культурой смысла как древнекиевской, так и церковно-славянской нравственной (морально-этической) лексики, неизбежно приведшего к консервации нравственного вырождения русскоязычного населения. Так что, современный русский язык, к большому сожалению, уже не является не только литературным «русским языком» всех славян, но даже и изысканным литературным языком Александра Пушкина, Льва Толстого и Николая Гоголя:

«Анализируя «Список русских городов дальних и ближних» (1375–1381). М.Н. Тихомиров обратил внимание, что к числу «русских» в нем отнесены, помимо собственно восточнославянских, также города болгарские, валашские, польские и литовские. Это заставило исследователя прийти к выводу: «в основу определения того, что́ считать русскими городами, был положен принцип языка». Это подтверждается и другим свидетельством источника, что «болгаре, басани, словяне, сербяне, Русь – во всех сих един язык». Этот-то язык, судя по всему, и назывался «русским». Речь, очевидно, идет о

литературном (книжно-письменном) языке, который в современной славистике принято называть церковно-славянским (или староболгарским). Уже само его условное название показывает, что он был непосредственно связан с конфессиональной общностью: именно на него свв. Кириллом и Мефодием были «переложены» книги Священного Писания, именно на нем написаны богослужебные и богословские тексты. Так что летописное прилагательное «русский» вполне может соответствовать не собственно этническому, а этноконфессиональному определению, близкому к тому, что сейчас именуется термином «православный». Это позволяет дать нетрадиционное определение «широкого» значения словосочетания «Русская земля»: все территории, на которых христианская служба ведется на славянском языке. Такое понимание определения «русский» существенно изменяет восприятие текстов, в которых оно встречается» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=16>);

«После нашествия монголов славяне (на самом деле славянизовавшиеся потомки туранцев, – П.Д.), до того один из свободнейших народов мира, попали в рабство сначала к завоевателям, а затем к своим собственным князьям. Тогда рабство сделалось не только реальностью, но и основополагающим законом общества. Оно извратило человеческое слово до такой степени, что русские стали видеть в нем всего лишь уловку; правительство наше живет обманом, ибо правда страшит тирана не меньше, чем раба. Поэтому, как ни мало говорят русские, они всегда говорят больше, чем требуется, ибо в России всякая речь есть выражение религиозного или политического лицемерия...» (Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 году», <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1120000244&p=10>);

«...посреди чужеземной жизни нашего общества, так мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значение коренных русских слов: одним приписывается другой смысл, другие позабываются вовсе...» (Николай Гоголь, «Материалы для словаря русского языка», <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps9/ps9-439-.htm>);

«Синодальный перевод, заверченный в 1876г., до сих пор является самым распространенным переводом Библии на русский язык. Пользуясь им, нельзя не заметить, как сильно изменился «великий и могучий» за какие-то 130 лет. Одни слова вышли из употребления и забыты; другие поменяли свое значение, порой на противоположное; третьи обрели двусмысленность. Язык, имеющий, как минимум, две составляющие – духовную и практическую – стал более «приземленным», приобрел черты «новояза». Наряду с «естественными» жаргонами преступников, медиков, ученых появилось множество новых, «искусственных»: молодежный, номенклатурный, жаргон музыкантов, наркоманов и даже верующих!» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>);

«Да и язык за последние полвека изменился в сторону упрощения, он просто вульгаризирован. Не язык, а набор речевых формул, конторских штампов, удобных в целях формального общения, но разрушающих речемыслительный и художественно-образный

потенциал языка. Примеров множество, приводить их не стоит: достаточно раскрыть любую книжку современного автора. По традиции русский писатель творит не идеи (идеи «висят в воздухе») и не действительность вещи, а слово, новый язык для своих современников. Он пытается соединить идеи и вещи и в одной действительности, и в одной идеальности, но всё труднее совершать это тяжелое дело сегодня «вне языка...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-62.html>);

«Можно просмотреть груды подростково-молодежных газет, журналов, сотни молодежных телепрограмм и убедиться в том, что различия в них носят чисто формальный характер, а идеология и технология абсолютно идентичны: ребят усиленно приобщают к рок-секс-наркотической культуре. Как? Прежде всего, через молодежный жаргон, который сейчас весь, так или иначе, связан с наркотической стихией. Слова ведь не просто сочетание звуков: слово настраивает человека на определенный лад по отношению к реальности. Одно дело сказать: «Я без тебя жить не могу». И совсем другое: «Я от тебя тащусь». «Он вколол себе наркотик, и у него галлюцинаторный бред» – это один образ. А «он заторчал на игле» – совершенно другой... Это и прямо, и косвенно способствует оглушению. Прямо потому, что голову напрягать не нужно. А косвенно потому, что такой дебильный текст (как и все, впрочем, что исходит от журналистов) воспринимается подростками в качестве эталона. И о каких бы вещах ни шла в тексте речь, все непременно сдобривается смешком, ерничаньем. Причем смех этот особый: не добрая улыбка, не умная ирония, не «смех сквозь слезы» и даже не уничтожающий сарказм. Это тупой, бессмысленный смех над тем, что на жаргоне называется «прикольно». Вставить кольцо в пупок – «прикольно». Старушка упала – «прикольно». Кому-то голову размозжили, так что мозги брызнули во все стороны – тоже «прикольно»...» (Ирина Медведева, Татьяна Шишова, «Безобразия в образовании», <http://profi-rus.narod.ru/semya/bezobrazija-v-obrazovanii---i.ja.-medvedeva--t.l.-shishova.htm>);

«Я от тебя тащусь, я от тебя в шоке,
Ты не из многих одна, меня бьет током,
Когда ты рядом, и говорить незачем,
Это по-любому дурдом – причин перечень»

(Слава Прокс, «Я от тебя тащусь, я от тебя в шоке», http://mp-3s.ru/songs/slava-proks_ja-ot-tebja-tashus-ja-ot-tebja-v-shoke);

«Я от тебя балдею!
Я от тебя тащусь.
Но об этом сказать не умею,
И наплывает грусть...»

(Виктор Амурский, «Я от тебя балдею! Я от тебя тащусь», <https://www.stihi.ru/2014/10/24/1933>).

После того, как возвращенные на исихастском православии «высокородные холопы»

приспособили этот литературный новояз для общения и всех других «холопов», он естественным образом превратился в обыденный язык холопов, а русская ЯКМ стала диаметрально противоположной украинской ЯКМ. На это же указывают как непересекаемость систем ценностей русскоязычных и украиноязычных людей (отрицательная комплементарность их друг к другу), так и типологические и генетические отличия русского и украинского языков:

«...соционические закономерности касаются не только национальной психики, но и языка. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить языковые системы, которые отвечают этнопсихикам, принадлежащим к разным социотипам. Чем больше психика одного народа отличается от психики другого, тем отчетливее наблюдаются различия и в их языках. Наша задача заключается в попытке сравнить украинский и русский характер с их языковым выражением. И. Каганец отмечает, что украинский характер описывается социотипом «этико-интуитивный интроверт» (ЭИИ – сенситивный тип и, как правило, интроверт-сенсорик-логик-рационал [ISTJ] – П.Д.), а русский – «интуитивно-этический интроверт» (ИЭИ – меланхолик, склонный как к депрессиям и к ипохондрии, так и к шаблонности, к крайностям и к подчинению мнению большинства, – П.Д.), они принадлежат к противоположным квадрам (группам), то есть таким, где системы ценностей «не пересекаются», а отношения между ними называются «квазитождественными». Для «квазитождественных» типов характерно внешнее сходство при противоположных системах ценностей, чем и объясняется то, что иногда украинцы и русские внешне кажутся подобными [Игорь Каганец, «Психологические аспекты в менеджменте: Типология Юнга, соционика, психоинформатика», Киев-Тернополь, Мандривець-Port-Royal, 1997, с. 76-79]» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», «Наука. Релігія. Суспільство», №3, 2010, <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/33635>);

«...«Белая» этика, этика отношений (ЭИИ, как природоцентричность, так и кордоцентричность, – П.Д.):

(+) хорошие отношения – любовь, дружба, симпатия, притяжение, теплота отношений, общительность, близкая психологическая дистанция, добро, жалость; (на первом месте эта функция у Достоевского)... Сенситивный тип... Рано формируется чувство долга, ответственности, высоких моральных и этических требований к окружающим и к самому себе. Сверстники ужасают грубостью и жестокостью, циничностью; в себе же видится множество недостатков, особенно в области морально-этических и волевых качеств. Чувство собственной неполноценности у сенситивных подростков делает особенно выраженной реакцию гипер-компенсации. Они ищут самоутверждения не в стороне от слабых мест своей натуры, не в областях, где могут раскрыться их способности, а именно там, где они особенно чувствуют свою неполноценность. Девочки стремятся показать свою веселость, робкие и стеснительные мальчики натягивают на себя личину развязности и даже нарочитой заносчивости, пытаются показать свою энергию и волю. Если удастся установить с ними доверительный контакт, если они чувствуют симпатию и поддержку собеседника, то за

отпавшей маской «все нипочем» оказывается жизнь, полная укоров и самобичеваний, тонкая чувствительность и непомерно высокие требования к самому себе. В ответ на неожиданное участие и сочувствие могут сменить заносчивость и браваду на бурно хлынувшие слезы. Намерение избавиться от робости и слабости толкает мальчиков на занятия силовыми видами спорта: борьбой, гантельной гимнастикой и т. п. В отличие от шизоидов, чувствительные подростки не отгораживаются; от товарищей, не живут в воображаемых фантастических группах и не способны быть «белыми воронами» в обычной подростковой среде. Они разборчивы в выборе приятелей, предпочитают близкого друга большой компании, очень привязчивы в дружбе. Некоторые из них любят иметь более старших по возрасту друзей. Ни к алкоголизации, ни к употреблению наркотиков, ни к делинквентному поведению чувствительные подростки не склонны: они, как правило, не курят; алкогольные напитки способны внушить им даже отвращение. Самооценка чувствительных подростков отличается довольно высоким уровнем объективности. Подмечается свойственная с детства обидчивость и чувствительность, неприязнь к авантюрам и приключениям, всякого рода риску и острым ощущениям, отвращение к алкоголю, нелюбовь к флирту. Они подчеркивают, что не склонны ни легко ссориться, ни быстро мириться. Питая отвращение ко лжи и маскировке, они предпочитают отказ неправде. Слабым звеном чувствительных личностей является отношение к ним окружающих. Непереносимой для них является ситуация, когда они становятся объектами насмешек или подозрения в неблагоприятных поступках, когда на их репутацию падает малейшая тень» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18454/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18468/>);

«Есенин. Интуитивно-этический интроверт (ИЭИ). Никто не чувствует так глубоко и не принимает всё так близко к сердцу, как он. Их эмоциональная жизнь является основой их личности, и её нельзя игнорировать или принижать. Они являются самыми идеалистичными из всех типов. Вечные мечтатели, ИЭИ верят, что все предметы в мире обладают своим собственным значением и душой. Они нуждаются в постоянной любви, поддержке и защите от делового, иногда бесчувственного мира. Предпочтение в специальностях и профессии. В силу сильной «интуиции времени» и «этики эмоций» лучше отдать предпочтение этическим, гуманитарным профессиям. Любят историю. Им с трудом даётся деловая активность, избегают её, идут на поводу у других, часто колеблются в выборе того или иного решения. Есенины обладают отличной координацией движений, поэтому достигают успехов в спорте. Они отличные тренеры, инструкторы. У них, как правило, высокие способности к языкам» (Из книги: Пол Тайгер, Барбара Эррон-Тайгер, «Какого типа ваш ребенок?», <http://social-design-studio.com/child-te-ie/>);

«...«Белая» интуиция, интуиция времени (ИЭИ, как словоцентричность, так и конформность, – П.Д.):

(–) прошлое, учет ошибок, избегание опасности, тревожность, смутное беспокойство, назревание кризиса, революция, скачок во времени, умение застраховаться от неприятностей, резкие сдвиги, противоречивость, момент решительных действий,

расхождение, дивергенция. (на первом месте эта функция у Есенина)» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18454/>);

«Главная проблема в жизни ИЭИ – это то, что ему трудно постоянно заставлять себя заниматься повседневными, неинтересными делами, которые носят сугубо материальный характер. Например, ему может быть очень сложно приспособиться к школьной дисциплине, нацеленной на обязательный результат. Он считает, что в жизни нет такой вещи, ради которой стоило бы спешить или менять свой внутренний ритм. Если он не хочет что-то делать, то уговорить его на это практически невозможно – он сумеет увернуться. Легче убедить его уверенным волевым решением: «НАДО!» В делах он может быть необязателен, избегает брать на себя ответственность. ИЭИ довольно сильно напрягает необходимость (а куда денешься?) материального обеспечения собственного существования. «К обыденным теням жизни следовало, по ее мнению, относиться с деликатным терпением гостя, который, застав дом полным народа, ждет хлопотавшегося хозяина, ютись и питаясь по обстоятельствам» (Александр Грин, «Алые паруса».) В случае появления проблем, с которыми ИЭИ не может (или не хочет) справиться самостоятельно, его наиболее типичная реакция – ничего не скрывать от окружающих. Любой оказавшийся под рукой человек может стать объектом, на который будут изливаться его жалобы... Он очень неуютно чувствует себя в условиях, когда обстоятельства требуют проявлять самостоятельную деловую инициативу, заниматься индивидуальным бизнесом, «крутиться» или же зарабатывать себе на жизнь скучной, жестко регламентированной работой. Вместе с тем практически любые деловые советы, рекомендации, а тем более критика со стороны окружающих способны только накалить обстановку и ничего не решить. В делах ему нужна конкретная помощь окружающих, и он, с уверенностью в своем праве на нее, ожидает ее от них. Тепла цветочку недостает... Найдя возможного «могущественного» покровителя, ИЭИ всеми силами попытается «прилепиться» к нему, найти себе теплое местечко в его сфере влияния. К сожалению, в детстве он может обнаруживать сильный конформизм, постоянную готовность присоединиться к голосу большинства (и будет бояться высказывать своё мнение, – П.Д.). В этом случае его основное жизненное правило приобретает новое звучание – думать «как все», поступать «как все», ни в чем не выделяться и не отставать от этих «всех». И получается, что его личность в большой мере является продуктом среды и значимого для него окружения. Он становится довольно некритичен к информации, поступающей извне. Истинным для него будет все, что говорят «свои», которых он склонен идеализировать» (Евгения Горенко, Владимир Толстиков, «Природа собственного «Я»», <http://www.deir.org/libr/?go=book&id=113&p=45>).

И поэтому-то несколько не удивительно и то, что:

«– В России примерно с середины 2000-х годов сформировалось мнение, что «теперь уже надо бояться». Речь идет именно о коллективных представлениях, которые обладают принудительной силой по отношению к отдельному человеку. Примерно 55-60% опрошенных говорят, что большинство окружающих их людей боятся высказывать свое

мнение, свободно всегда и везде говорить о политике, скрывают свое отношение. Но при этом о себе так говорят только 18-20% респондентов. Дескать, я-то не боюсь, но другие... Этот разрыв между представлением о характере общих мнений и собственной позиции или оценках с социологической точки зрения чрезвычайно важен. Он указывает, что есть давление коллективных представлений и правил поведения на сознание и поведение отдельного человека. Если хотите, то можете назвать это правилами конформизма, массовым общественным приспособлением к государственному принуждению... Значит, фактически нет авторитетного и независимого источника мнения, которое бы мотивировало людей на высказывание собственной точки зрения. С другой стороны, это значит, что у людей собственного мнения просто нет, коллективное мнение – это и есть их точка зрения» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>).

Индукция примитивизма и негативизма у русскоязычного населения его национальной ЯКМ

На ранней стадии развития любого языка, как и в современных примитивных языках, вместо прилагательных использовались сложные существительные слова:

«На этой стадии, как во многих более примитивных языках, имя, поставленное рядом с другими именами, приближаясь по своему значению к современному прилагательному (качественному слову) – по типу «кремень-человек» (в значении «твердокаменный человек»). Потешня приводит пережитки этого явления, сохранившиеся в русском народном языке, в особенности – в фольклоре: жар-птица (в значении «огненная птица»), бой-баба («боевая женщина»), царь-девица («царственная девица»), светы-яхонты сережки («светлые яхонтовые сережки»), рать-сила («сильная рать»), мост-камень («каменный мост») и мн. др. ... К той же языковой стадии восходят так называемые *bahuvrihi-composita*, сложные слова, в которых второй элемент является существительным (название предмета), а целое слово – прилагательным с значением «обладающий свойством (присущим данному предмету)»....» (В.М. Жирмунский, «Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индо-европейскими языками», http://altaica.ru/LIBRARY/AN_SSSR/zhirmun2.pdf).

Описание многих понятий, маркированных в украинском языке одним словом, в русском новоязе является многословным. Это, конечно же, связано со стратегией весьма ограниченного допущения в этот новояз финно-угорской и тюркской народных лексик аборигенов России и делает его существенно более бедным по сравнению как с украинским языком, так и с другими языками, эволюционно сформировавшимися в течение длительного времени:

«множина» – «множественное число»;

«однина» – «единственное число»;

«нагода» – «благоприятные для осуществления чего нибудь обстоятельства»;

«назола» – «причиняющий много хлопот»;

«напризволяще» – «на произвол судьбы»;
«насамперед» – «прежде всего»;
«насправді» – «на самом деле»;
«найпізніше» – «позже всего»;
«щонайпізніше» – «позднее всего, (при указании крайнего срока) самое позднее»;
«щонайстарший» – «самый старший из всех»;
«щонайшвидше» – «как можно быстрее»;
«необзир» – «без оглядки»;
«непотріб» – «ненужный хлам»;
«горілиць» – «лицом вверх»;
«вщертъ» – «до самих краёв»;
«обабіч» – «с обеих сторон»;
«безліч» – «несметное количество»;
«щонайбільше» – «возможно больше»;
«щонайповніше» – «как можно полнее»;
«задосить» – «больше, чем достаточно»;
«попри» – «несмотря на»;
«вдвічі» – «в два раза»;
«жодний» – «ни один»;
«щонайперший» – «один из первых»;
«щодоуху» – «во всю прыть, во весь опор»;
«щосили» – «изо всех сил»;
«чимдуж» – «изо всех сил»;
«щомога» – «сколько можно, по возможности»;
«щокроку» – «на каждом шагу»;
«щоправда» – «что является правдой, правду говоря»;
«зрештою» – «в конце концов»;
«досі» – «до сих пор»;
«торік» – «в прошлом году»;
«позаторік» – «в позапрошлом году»;
«відсьогодні» – «с этого дня»;
«відтоді» – «с тех пор, с того времени»;
«оттоді» – «вот тогда»;
«щойно» – «только что»;
«щомить, щомиті» – «каждое мгновение»;
«щораз, щоразу» – «каждый раз»;
«щопівгодини» – «каждые полчаса»;
«щоднини» – «по всем дням»;
«щовечора» – «каждый вечер»;
«щоночі, щоніч, щонічоньки» – «каждой ночи»;
«щовесни» – «с наступлением каждой весны»;
«щосуботи» – «каждую субботу»;

«зрання» – «с самого утра»;
«спросоння» – «сразу после сна»;
«щосвята» – «по всем праздникам»;
«щонайгірше» – «в худшем случае»;
«щонайлегше» – «как можно легче»;
«пересму́га» – «поперечная полоса»;
«погоддя» – «благоприятное время»;
«покуття» – «красный угол»;
«попідтинню» – «недалеко от забора»;
«попідвіконню» – «невдалеке от окна»;
«притінок» – «затенённое место»;
«нівроку» – «ничего себе, неплохо, так как нужно, нечего сказать, не сглазят бы»;
«принаймні» – «по крайней мере»;
«тощо» – «тому подобное»;
«жоден» – «ни один»;
«щораз» – «каждый раз»;
«нівроку» – «не сглазят бы, ничего себе, так как надо»;
«добридень» – «доброго дня»;
«добраніч» – «доброй ночи»;
«добривечір» – «доброго вечера»;
«готар» – «межа между землями соседних сёл»;
«узлісся» – «полоса возле леса»;
«путівець» – «проселочная дорога»;
«залізниця» – «железная дорога»;
«статок» – «материальное благополучие, большое количество чего-нибудь»;
«тримкість» – «несущая способность»;
«закорочення» – «короткое замыкание»;
«ухвала» – «положительное решение, определение»;
«будень» – «будний день»;
«бо» – «так как»;
«завтовшки» [як] – «такой же толщины» [как];
«притінок» – «затенённое место»;
«теревілля» – «место, очищенное от зарослей»;
«тиховід / тиховіддя» – «место на реке с тихим течением»;
«майдан» – «незастроенное пространство, приданое какому-либо строению»;
«літепло» – тёплая вода;
«вирій» – «тёплый край»;
«верем'я» – «хорошая погода»;
«провесінь» – «начало весны»;
«вербина» – «одно ивовое дерево»;
«дубарь» – «большой дуб»;
«довкілля» – «окружающая среда»;

«долілиць» – «лицом вниз»;
«схованка» – «место сокрытия»;
«шибка» – «оконное стекло»;
«комин» – «печная труба»;
«брить» – «соломенная шляпа»;
«слухавка» – «телефонная трубка»;
«буцегарня» – «следственный изолятор, помещение для временного /
предварительного содержания заключённых»;
«мито» – «таможенная пошлина»;
«достойник» – «достойный уважения человек»;
«кметиня / кметиця / кметя» – «хорошая хозяйка»;
«бублейниця, бублешниця» – «пекущая бублики и торгующая ими»;
«гонтарь» – «кровельщик, покрывающий крыши гонтом»;
«льодовище» – «ледяное покрытие»;
«жерех» – «мелкий лёд на реке»;
«джерелиця» – «чистая вода из источника, родниковая вода»;
«молодик» – «новолюбие, молодой месяц, молодой человек»;
«стрий, стрийко, вуйко» – «брат отца / дядя по отцу»;
«звезденята» – «дети от разных отцов, проживающие совместно»;
«крікси» – «бессонница ребенка, сопровождаемая плачем»;
«бомбетль / бамбетель» – «комнатная раздвижная лавка со спинкой»;
«лембик» – «перегонный куб»;
«шилуватий» – «продолговатый предмет, суживающийся к одному концу подобно
шилу»;
«щокатий» – «имеющий большие щеки»;
«широковерхий» – «широкий вверху»;
«ширококрижий» – «с широким задом»;
«шияка» – «большая шея»;
«ширник» – «хотя и ограниченное чем-либо, но всё же достаточно широкое
пространство»;
«шкарбан, шкарбун» – «истоптанный башмак, сапог»;
«щаблястий» – «имеющий перекладыны»;
«щаблюватий» – «худой с выпнутыми рёбрами»;
«олія» – «растительное масло»;
«вибухівка» – «взрывчатое вещество»;
«складник» – «составляющая часть»;
«гарбник» – «дубильное вещество»;
«в'язівник» – «вяжущее вещество»;
«знебарвник» – «обесцвечующее вещество»;
«живило» – «оживляющее средство»;
«жовтило» – «желтая краска»;
«далечінь» – «бесконечная даль, далёкий простор, то, что находится вдалеке»;

«облі́й» – «талый, покрытый водою снег»;
«ро́змай» – «буйная зелень»;
«ві́шар» – «прошлогодня трава»;
«ви́шник, ви́шняк» – «вишневый сад»;
«лі́сові́на» – «лесное дерево»;
«лопу́хатий» – «имеющий большие листья»;
«віні́вка» – «винная бочка»;
«ві́дник» – «сосуд для воды»;
«ві́дталь» – «время, когда снег весною тает»;
«ві́дтоді» – «с тех пор, с того времени»;
«водноста́ль» – «в одну нить»;
«гні́дан» – «гнедой конь»;
«маруда» – «медлительный человек»;
«кажан» – «летучая мышь»;
«дзюба́нь» – «птица с большим клювом»;
«дзяв́кало» – «постоянно лающий щенок»;
«жаби́ще, жабе́луха» – «большая лягушка»;
«запи́сник» – «блокнот, записная книжка»;
«бібу́ла, бібу́льник» – «промокательная бумага; грубая оберточная бумага»;
«кри́івка» – «тайное убежище»;
«книга́рня» – «книжный магазин»;
«корабе́льня» – «судостроительный завод»;
«збро́ярня» – «оружейный завод»;
«цвя́харня» – «гвоздильный завод»;
«це́гельня» – «кирпичный завод»;
«лива́рня» – «литейный завод»;
«мыло́варня» – «мыловаренный завод»;
«цукро́варня» – «сахарный завод»;
«чбо́тарня» – «сапожная мастерская»;
«мебля́рня» – «мебельная фабрика»;
«ві́тряк» – «ветряная мельница»;
«нана́шко» – «крестный отец»;
«па́ртач» – «работник, который портит все, за что берется»;
«незгра́ба, нестеле́па» – «неловкий, неповоротливый, неуклюжий человек»;
«немо́вля» – «грудной младенец, неговорящий ребёнок»;
«неприві́тниця» – «неприветливая женщина»;
«неспо́кійник» – «беспокойный человек»;
«про́міт» – «разбитной, бедовый человек»;
«обри́дник, оги́дник» – «гадкий, противный, отвратительный человек»;
«гавза́» – «гнусливый человек»;
«забу́дько» – «забывчивый человек»;
«гло́дянка» – «каменная соль»;

«забрось» – «плодовая почка»;
 «завічно» – «при жизни»;
 «завертайло» – «профессиональный кастратор животных»;
 «загальник» – «общее место»;
 «заглемедзок» – «грубо сделанный предмет»;
 «загорянин» – «тот, кто живёт за горой»;
 «зайда» – «захожий человек»;
 «заколоток» – «яйцо без зародиша»;
 «закуток» – «укромный уголок в каком-нибудь помещении»;
 «закутень» – «глухое место»;
 «закордонец» – «заграничный житель»;
 «закоханец» – «влюблённый человек»;
 «залетуха» – «залётная птица»;
 «замор'я» – «заморский край»;
 «занапрасно» – «без вины»;
 «запинало» – «всё, чем можно завеситься, закрыться»;
 «зарічанин» – «житель заречья»;
 «затишок» – «место, закрытое от ветра»;
 «примара» – «то, что померещилось»;
 «прáло» – «место на речке, где стирают белье»;
 «підпрани́че» – «часть белья, которая укладывается совместно под праник»;
 «перепи́ранка» – «изношенная рубашка, которую одевают пока стираются другие»;
 «вживаний» – «уже бывший в использовании»;
 «закорковчий» – «предназначенный для закупоривания пробкой бутылки»;
 «кородливий» – «чувствительный к боли»;
 «крижастий, крижатий» – «широкий в спине, в плечах»;
 «становий» – «соответствующий определенному состоянию»;
 «кукібник» – «рачительный, заботливый человек»;
 «хилкий» – «легко нагибающийся, склоняющийся»;
 «стрибкуватий [рух]» – «[движение], сопровождающееся прыжками»;
 «кореняк» – «коренной житель»;
 «кринічувата» – «[местность], богатая родниками»;
 «крячисте» – «[поле], покрытое кустарником».

К тому же весьма ограниченное количество суффиксов, а также бедность и других средств словообразования является причиной весьма чрезмерного использования в русском новоязе субстантивированных прилагательных и причастий в роли существительных:

прилагательное (укр. «прикметник»);
 существительное (укр. «іменник»);
 русские (укр. «росіяни»);
 кладовая (вместо уменьшительного «кладовка»; укр. «комора»);
 котельная (укр. «котельня»);

прачечная (укр. «пральня»);
парикмахерская (укр. «перукарня»);
гостинная (укр. «вітальня»);
приёмная (укр. «приймальня»);
пивная (укр. «пивниця»);
столовая (укр. «їдальня»);
кондитерская (укр. «цукерня»);
пироженное (укр. «тістечко»);
мороженное (укр. «морозиво»);
жаркое (укр. «жареня, печеня»);
борзая (укр. «хорт»);
гончая (укр. «гончак»);
мостовая (укр. «бруківка»);
дарственная (укр. «дарча»);
легкие (укр. «легені»);
портной (укр. «кравець»);
неблагодарный (укр. «невдячник»);
отчаянный (укр. «відчаяка»);
нищий (укр. «жебрак»);
бесплодная (укр. «неплідниця»);
бездомный (укр. «безпритульник, безхатченко, галайда»);
безбородый (укр. «безбородько»);
безработный (укр. «безробітник»);
рабочий (укр. «робітник»);
крепостной (укр. «кріпак»);
учёный (укр. «науковець»);
военный (укр. «військовик»);
заключенный (укр. «в'язень»);
нападающий (укр. «нападник»);
долговязый (укр. «довгань, довгаль»);
долгоногий (укр. «довгоніг»);
бывалый (укр. «бувалець»);
щербатый (укр. «щербань»);
картавый (укр. «гаркуша»);
глухой (укр. «глушан, глушко, глушман»);
немой (укр. «німтур»);
недозрелый (укр. «надзелень»);
бессмертный, неумирающий (укр. «невмірака, невмірайко»);
неумытый (укр. «невмивака»);
приданое (укр. «посаг, віно»);
заведующий (укр. «завідувач»);
служащий (укр. «службовець»);

приезжий (укр. «зайда»);
провожающий (укр. «проводжальник»);
заблудившийся (укр. «заблуда, заблуканець»);
приблудившийся (укр. «приблуда»);
отдающий (укр. «віддаха»);
клюющий (укр. «дзюбун»);
долбящий (укр. «довбало, довбач»);
отдыхающий (укр. «відпочивальник»);
желанная (укр. «жаданка»);
влюблённые (укр. «закоханці»);
гулящая (укр. «повія»).

В украинском языке, как и в других индоевропейских языках, наиболее распространёнными являются экспрессивные аффиксальные способы словообразования – префиксация, суффиксация и т.п., что указывает на большую абстрактность и позитивизм языкового мышления украинцев. В русском же языке, как и в китайском и в немецком языках, большинство слов образованы за счёт словосложения, что связано как с большей конкретностью, наглядностью и образностью, так и с примитивностью и негативизмом языкового мышления русскоязычных туранцев. Словосложением образованы русские слова, соответствующие, например, таким украинским однокоренным словам:

«займенник» – местоимение;
«статура» – телосложение;
«циферник» – номеронабиратель;
«вантажність» – грузоподъёмность;
«літовище» – аэродром;
«літак» – самолёт;
«чайка / шаланда» – плоскодонка;
«байк» – мотоцикл;
«ровер» – велосипед;
«общеньок» – гвоздодёр;
«подорож» – путешествие;
«мандрівник» – путешественник;
«керівник» – руководитель;
«висвячений» – рукоположен;
«тиснява» – столпотворение;
«каменяр» – каменотёс;
«коминяр» – трубочит, сажотрус;
«вінник» – винокур;
«грабар» – землекоп;
«мірник» – землемер;
«натирач» – полотёр;
«гаптарь» – золотошвей;

«голяр / цирульник» – брадобрей;
«перукар» – парикмахер;
«ковзаняр» – конькобежец;
«домонтарь / домотур» – домосед;
«базікало» – пустомеля;
«базікання» – краснобайство;
«канапка» – бутерброд;
«ожеледиця» – гололедица;
«ожеледь» – гололёд;
«вир, говбур» – водоворот;
«блискавично» – молниеносно;
«блискавичка» – громоотвод;
«Громовик» – Громовержец;
«молодята» – молодожёны;
«білявий» – белокурый;
«чорнявий» – черноволосый;
«панцерник» – броненосец;
«кисень» – кислород;
«вуглець – углерод;
«водень – водород;
«запаморочення» – умопомрачение / головокружение;
«запашність» – благоухание;
«пахощі» – благовония;
«розмаїття» – разнообразие;
«променистість» – лучезарность;
«коштовності» – драгоценности;
«гарячка / пропасниця» – лихорадка;
«травлення» – пищеварение;
«нестравна» – неудобоваримая;
«кисляк» – простокваша;
«савці» – млекопитающие;
«байкар» – баснописец;
«віршування» – стихосложение;
«друкарня» – типография;
«тартак / тартачина / трачка / трачевня» – лесопилка;
«маслярня» – маслозавод;
«молочарня» – молокозавод;
«гуральня / гуральня» – винокурня / спирто-водочный завод;
«броварня» – пивоварня;
«олійниця» – маслобойня;
«рільництво» – полеводство;
«рослинництво» – растениеводство;

«садівництво» – садоводство;
«скотарство» – скотоводство;
«вівчарство» – овцеводство;
«конярство» – коневодство;
«бджільництво» – пчеловодство;
«рибальство» – риболовство;
«рибалка» – рыболов;
«косовиця» – сенокос;
«сінник» – сеновал;
«спозирати» – лицезреть;
«запліднити» – оплодотворить;
«родючість» – плодородие;
«родовище» – месторождение;
«працьовитість» – трудолюбие;
«доцільність» – целесообразность;
«неохайність» – нечистоплотность;
«роззява» – ротозей;
«недоліток» – малолетка;
«першачок» – первокласник;
«прихильність» – благосклонность;
«шляхетність» – благородство;
«вдячність» – благодарность;
«подяка» – благодарение;
«сприятливість» – благоприятность;
«зичливість» – благожелательность;
«гречність» – благодравие;
«добротливість» – добродушие / благодушие;
«розважність / розсудливість» – благоразумие;
«гонористий» – тщеславный;
«розсудливий» – здравомыслящий;
«дотепний» – остроумный;
«сумлінний» – добросовестный;
«пиха / пихатість / зарозумілість» – високомерие;
«недоумкуватість» – скудоумие;
«недоумство» – слабоумие;
«зганьбитися» – опростоволоситься;
«гостинність» – гостеприимство;
«обжерливість» – чревоугодие;
«надужиток / надужиття» – злоупотребление;
«цнота, чеснота» – добродетель;
«цнотливість» – целомудрие;
«хтивість» – любострастие / сладострастие;

«перелюб / перелюбство» – прелюбодеяние / прелюбодейство;
«зажерливість» – любостяжание;
«підлесливість» – подобострастие;
«цікавість» – любопытство;
«допитливість» – любознательность;
«недорікуватість» – косноязычие;
«позачасові» – вневременные;
«чужинці» – чужестранцы;
«пересуди» – кривотолки;
«прочухан(ка)» – головомойка;
«хабарництво» – мздоимство;
«глитай» – мироед;
«гицель» – живодёр / шкуродёр;
«облудник» – двурушник;
«загальність» – всеобщность;
«затовмистий» – тупоугольный;
«шпичастий» – остроконечный;
«писака» – бумагомаратель;
«лобур, лобуряка» – лоботряс;
«неборак» – горемыка;
«ласун» – сладкоежка;
«навіженість» – сумасбродность;
«норовливість» – своенравность;
«підступність» – злокозненность / вероломность;
«злостивець» – злопыхатель;
«зобливий» – зловредный;
«нудотний» – тошнотворный;
«сморід» – зловоние;
«численні» – многочисленные;
«мальовничий» – живописный;
«осяйна» – светозарная;
«уклінний» – коленопреклоненный;
«чванькуватий» – велеречивый;
«лопухуватий» – широколистный;
«лапатий» – лаповидный;
«клинуватість» – клиновидность;
«дуплинність / порожнинність» – пустотелость;
«відцентрова» – центробежная;
«кирпатий» – курносый;
«гучний» – громогласный;
«неймовірний» – баснословный;
«склуватий» – стеклообразный;

«кривулястий» – зигзагообразный;
«стрічкуватий / стьожкуватий» – лентообразный;
«порохуватий» – пылеобразный / пылевидный;
«хрещатий / крижовий» – крестообразный / крестовидный;
«каблукуватий» – дугообразный;
«кулястий» – шарообразный / шаровидный;
«плідний» – плодотворный;
«сміховинний» – смехотворный;
«жалісливий» – сердобольный / душещипательный;
«несамовитий» – душераздирающий;
«неупереджений» – нелицеприятный;
«клубата» – широкобедрая;
«клишавий» – косолапый;
«худорлявий» – худосочный / сухопарый;
«довколишній» – близлежащий;
«заманеться» – заблагорассудится;
«калячити» – ротозейничать;
«перечити» – прекословить;
«дякую» – спасибо[Г];
«дякувати» – благодарить;
«завдяки» – благодаря;
«прожогом» – стремглав;
«сумлінно» – добросовестно;
«завчасно» – заблаговременно;
«передчасно» – преждевременно;
«літошній / торічний» – прошлогодний;
«тижневик» – еженедельник.

И действительно:

«Наличие большего потенциала возможностей экспрессивного словообразования в украинском языке по сравнению с русским, определяется как чисто лингвистическими факторами (народноразговорная основа формирования украинского литературного языка), так и этнопсихологическими («кордоцентричность» украинской психики). Отсутствие формантного выражения коннотаций попра́ния (пренебрежения), пренебрежительности и иронии в украинском и наличие этого явления в близкородственном русском языке свидетельствует о существенных психологических различиях этих народов, о большем позитивизме украинцев по сравнению с русскими... Анализ национально-языковых картин мира четырёх типологически и генетически отличных языков (украинский, русский, английский, китайский) показал, что понятие языковой картины мира в современной антропологической лингвистике должно определяться исходя из того смысла, который В. Гумбольдт вкладывал в понятие «формы языка» (сумма всего языкового содержания, внутренняя форма языка в целом)» (Ирина Голубовская, автореф. дис. «Этноспецифические

константы языкового сознания», <http://dissertation.com.ua/node/684661>).

Наличие же нарочитой уменьшительности в русском словообразовании неизбежно приводит к бессознательному пренебрежительному отношению русскоязычного населения к вербально принижаемым починам, а тем самым и к неполной реализуемости их или даже к их оглушительному провалу:

«...«Опредмечивание мира» в русском слове осуществляется многими средствами языка. Обычно это происходит путем создания имени существительного (существительного), например, с помощью суффикса «-к-», который способен образовать имя от любой части речи, начиная с глагола (перестроить – перестройка [укр. «перебудова», – П.Д.] и кончая наречием или частицей (авось – авоська). Одновременно это суффикс уменьшительности, так что всё, явленное в предметности (вещности, телесности), немедленно уменьшается в размерах, принижается до малых степеней. Древнерусские полновесные «чара, чаша, вила, дева...» становятся «чаркой, чашкой, вилкой, девкой», то есть по смыслу своему «чарочкой, чашечкой, вилочкой, девочкой...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-309.html>).

Признаком негативистского мышления русскоязычного человека является и исчезновение в нем позитивных лексем, от которых образовались негативные, например: небрежно, неваляшка, невежда, негодование, недомогание, недотрога, недуг, нельзя, нелюдим, непоседа, неряха, неудачник, неужели, нечаянно, неуч, нечисть, неясить, неразлучный, нерушимый, незыблительный, непреложный, ничтожество.

«В обиходе осталось очень много слов с приставкой «НЕ» – т.е. отрицательные (негативные, – П.Д.), а их положительные формы изъяли под видом устаревших слов, или как любят их называть – анахронизмов – то, что в хроники не входило. Т.е. убирали и убирают позитив, а отрицательные формы оставляют.

Неужели – Ужели или сокращённая форма «ужель», как у одного поэта: «Ужель та самая Татьяна...».

Негоже – Гоже. Т.е. положительная форма «гоже» исчезла, хотя в летописях встречаем: «Гоже нам други».

Нетопырь – Топырь. «Нетопырь» осталось, это тот, кто тянет к себе. Нетопырём называли вампира, летучую мышь. А «топырь» как чистое слово – ушло. Оттопыра – как бы «вырядился».

Нелюдь – Людь. Осталась отрицательная (нелюдь) и общная форма (люди), а единичную форму (людь) убрали. Также как человек и человеки, человечество. Но наши Предки не говорили «человеки», а была форма «человеце» – это много, и «человече». А сейчас осталась «человек», но когда много – «люди». Т.е. подмена идёт, множественную форму оставляют, одинарную убирают.

Недоросль – Доросль. Т.е. «недоросль» – тот, кто не дорос, а «доросль» – тот, кто дорос до понимания какого-то значения – эту форму изъяли.

Невежда – Вежда. Но это слово писали с буквицей Ять (невѣжда) – т.е. незнающие связи Земного и Небесного. А потом Ять заменили на обычную «Е» (невежда) – т.е. который

вообще ничего не знает.

Непоседа – Поседа. Т.е. «поседа» – тот, кто сидит, в смысле «посиделки».

Небылица – Былица. Былица – это маленькая былина (быль), т.е. то, что было на самом деле. А небылица – то, чего не было в данном месте, но могло быть в другом. Т.е. небылица – это для тех, к кому пришли и поведали о чём-то, чего не было в их жизни, поэтому для них это небыль (небылица).

Нерадивый – Радивый. Радивый – тот, кто радеет за дело, за Отечество.

(«Из русского языка убирают положительные образы», <https://cyberpedia.su/7x23e.html>, <http://referad.ru/urok-1-kurs-2-konspekt-v2/index.html>).

Многим украинским словам, не содержащим отрицательных частиц, соответствуют русские слова, содержащие их:

«брак» – нехватка;

«вертуха» – непоседа;

«кілька» – несколько;

«колись» – некогда;

«наречена» – невеста;

«казна [хто]» – невеста [кто];

«обурення» – негодование;

«прикрість» – неприятность;

«спроквола» – неторопливо;

«навіжений, зайдиголова» – неуравновешенный;

«плутанина» – неразбериха;

«щось» – нечто.

Особенно уродливое воздействие на бессознательное восприятие оказывают слова с двойным отрицанием: небезвредно, небезнадежно, немаловажно, небезопасный, небескорыстный. Обманывать же свое подсознание успешно помогает русскоязычному туранцу двойное отрицание в предложениях и фразеологизмах:

«Также нами были исследованы утвердительные и отрицательные предложения, в которых наблюдается несовпадение формы и содержания. Такое несовпадение проявляется в том, что отрицательное по форме предложение может выражать утвердительное значение и, наоборот, предложение без отрицательных средств может выражать отрицание. При этом в составе этих синтаксических конструкций обязательными элементами являются вопросительные местоимения и различные слова в функции частиц. Мы относим такие конструкции к синтаксическим фразеологизмам, потому что они образуются по определенным схемам при помощи вопросительных местоимений, частиц и т.д. Несмотря на то, что в составе этих предложений употребляются различные вопросительные местоимения и частицы, не формируются собственно-вопросительные предложения, образуются лишь вопросительно-риторические предложения. Они служат для выражения различных модальных оттенков значений и имплицитного отрицания. Все средства, употребленные в составе конструкции, составляют предикативное ядро предложения. Отрицательное значение некоторых синтаксических конструкций может выражаться только интонационно, без

использования лексических, морфологических и словообразовательных средств выражения отрицания. Интонация вместе с порядком слов служит средством имплицитного выражения экспрессивного отрицания. Ср. выражение отрицания во фразеологизмах: «Он и добрый?!», «Пойду я просить?!», Буду (стану) я танцевать!».

И для синтаксиса русской разговорной речи характерно использование утвердительных по форме конструкций в функции отрицательных. В имплицитном выражении отрицания определенную роль играет и контекст наряду с порядком слов и интонацией: «Такую, как моя подруга, по всему свету поискать». Лишь по контексту становится ясно наличие отрицания (такой подруги нет ни у кого). Отрицание может имплицитно выражаться в вопросительном предложении: «Зима. Что делать нам в деревне?»

В русском языке также существуют предложения, являющиеся отрицательными в плане выражения, но не в плане содержания: «Цветы жизни! Кто вас не любит!». Как видно из приведенного примера, аналогичные предложения и в русском языке формируются при помощи вопросительных местоимений. Особое место среди них занимают односоставные инфинитивные предложения с обязательным компонентом как не. Основную модель составляют три компонента (как+не+инфинитив): «Как же не плакать?» Как в русском, так и в персидском (в туранском новоперсидском, – П.Д.) языках в одном, причем достаточно простом по своей синтаксической структуре, предложении могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм и лексических единиц одновременно: «В наших магазинах никогда ничего не найдешь».

Пытаясь понять роль косвенных способов выражения смысла, в частности, таких приемов, как двойное отрицание, ирония, сарказм и прочие, среди ценностных социокультурных составляющих персидского менталитета, целесообразно обратиться к тому, как их интерпретируют сами носители этой культуры. Так, например, сравнивая русскую и персидскую культуры, можно отметить следующее: Если поразмышлять над психологией и философией отрицания, тем более двойного, то становится понятно, что специфика употребляемых отрицательных форм является отражением национального характера, национального менталитета и прочих явлений. Из культурологической литературы известно, например, что в одних культурах отрицательные формы используются гораздо меньше, чем в других, и связывают это с национальной привычкой стараться никогда не давать отрицательных ответов, но, наоборот, выражать отказ косвенным образом и завуалированно. Пытаясь понять роль отрицания с психологической и когнитивной точек зрения, можно обнаружить практически единодушное мнение психологов в вопросе о том, что отрицание действительно осложняет речь. Утверждение о том, что такого рода структуры очень запутывают читателя или слушателя и поэтому, как считают некоторые языковеды, совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий» (Хосейни Амир, Ганбари-Эрди Фузие Сейфалиевна «Двойное отрицание в русском и персидском языках», <https://moluch.ru/archive/83/15372/>).

Бедность русского новояза обусловлена, прежде всего, недопущением в него как живой народной лексики, так и народных стилей формирования речи:

«Еще до сих пор в наших областных наречиях и в памятниках устной народной

словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но что в то же время оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления. Приведем примеры: зыбун – неокрепый грунт земли на болоте, пробежь – проточная вода, леи (от глагола лить) – проливные дожди, сеногой – мелкий, но продолжительный дождь, листодер – осенний ветер, поползуха – мятель, которая стелется низко по земле, одран – тощая лошадь, лизун – коровий язык, куроцап – ястреб, каркун – ворон, холодянка – лягушка, полоз – змей, изъедуха – злобный человек, и проч.; особенно богаты подобными речениями народные загадки: мигай – глаз, сморкало, сопай и нюх – нос, лепетайло – язык, зевало и ядало – рот, грабилки и махалы – руки, понура – свинья, лепета – собака, живулечка – дитя и многие другие, в которых находим прямое, для всех очевидное указание на источник представления» (Александр Афанасьев, «Происхождение мифа. Метод и средства его изучения», <https://mybook.ru/author/aleksandr-nikolaevich-afanasev/mify-drevnih-slavyan/read/>; <http://booksonline.com.ua/view.php?book=101448>);

«Формы разговорных светских стилей, осложненных и упорядоченных западноевропейской семантикой, поднятых до высоты буржуазно-европейского мышления, – основа той системы литературной речи, которая предносилась, например, «школе Смирдина», т. е. «Библиотеке для чтения», с ее вождем и руководителем О.И. Сенковским. «Расторгнуть дружбу русского слова со славянским, утвердить самостоятельность русского языка и положить между двумя языками предел, так чтобы вперед они не смешивались, но шли каждый своим путем» – лозунг этой социальной группы. «Это расторжение должно быть подвинуто еще далее, до словарей и грамматики, которых сочинители странным образом перемешали слова и формы двух языков, совершенно различных. Грамматики, которые мы имеем, занимались все этой смесью, языком условным, воображаемым, несуществующим в природе, чисто-книжным; из чего следует, что мы не имеем грамматики... Какое славное поприще предстоит у нас еще тому, кто бы взял живой русский язык, как он теперь есть, подслушал его настоящие формы и написал первую чисто-русскую грамматику!» (Виктор Виноградов, http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm).

Отсутствие же народно-разговорной основы в русском языке, очевидно, вызвано не только произволом его творцов, но и весьма малой длительностью славянофонности московитов на момент начала формирования этого новояза, а также и этнической неоднородностью населения малопродуктивного Нечерноземья Московии, склонного к архаичному коллективизму и к лишь формальному усвоению всего, насильно насаждаемого ему:

«Неучи беспрестанно искажали свое наречие смешением слов татарских, польских и других, а грамотные беспрестанно очищали и возвышали его, держась коренных слов и оборотов славянских. Перевод священных книг был у них всегда перед глазами, как верный путеводитель, которому следуя, они не могли сбиться. И вот чему мы обязаны, даже в последнее время, воскресением нашего языка при Ломоносове, а без того он сделался бы не

тем чистым, коренным, смею сказать, единственным в Европе языком, но грубым, неловким, подлым наречием, пестрее английского и польского» (Павел Катенин, «Сын отеч.» 1822, ч. 77, № 18, 173, «Ответ на ответ», http://az.lib.ru/k/katenin_p_a/text_1822_otvet_na_otvet.shtml);

«Работа же на плодородных землях украинской Степи и Лесостепи способствовала (в отличие от природных условий северо-восточных окраин Киевской Руси) формированию малых социальных групп. Взрослые дети не оставались (как это было на северо-востоке) в отцовской семье, а образовывали свои семьи. Отсюда присущий еще праукраинцам индивидуализм, соединенный с идеей равенства, с уважением к отдельному индивидууму и к его свободе, острое неприятие деспотизма, абсолютной монархической власти. Поэтому на мировоззренчески-ментальном уровне украинский национальный характер проявляется в доминировании в нем экзистенциальных (ориентированных на обособленное человеческое существование во всем разнообразии его эмоционально-психологических проявлений) мотивов, в плюралистическом (полифоническом) видении окружающего мира, в диалогическом общении с природным и человеческим окружением... К сказанному следует добавить еще одно – длительное (еще с «киммерийских» времен) проживание на рубеже враждебной кочевой степи выработало у наших предков специфическое «экзистенциально-предельное» мироощущение – остроэмоциональное переживание сейчасности жизни, жизнелюбие, поэтическое, песенно-лирическое восприятие окружения (укр. «зoкiлля», – П.Д.), приоритет «сердца» над «головой» (преимущественно в маловажных вопросах, – П.Д.). Это дало основания говорить о «кордоцентричности» (от лат. «cordis» – сердце) украинского национального характера...» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint2.html>).

Это-то и было основной причиной неизбежного исчезновения народно-литературного языка в Московии:

«С нашей точки зрения, подлинного двуязычия, при котором необходим перевод с одного языка на другой, в Московском государстве XVI в. все же не было. В этом случае лучше говорить о сильно разошедшихся между собою стилистических разновидностях по существу одного и того же литературно-письменного языка. Если в киевский период, по нашему мнению, целесообразно выделять три основные жанрово-стилистические разновидности литературно-письменного языка: церковнокнижную, деловую и собственно литературную (или народно-литературную), – то московский период, и XVI в. в частности, имеет лишь две разновидности – церковнокнижную и деловую – поскольку промежуточная, народно-литературная разновидность к этому времени растворилась в двух крайних разновидностях литературно-письменного языка...» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php);

«Одоевский считал художественно оправданным употребление простонародного

языка только у одного Гоголя. «Простонародный язык», по мнению В.Ф. Одоевского, «хотя груб, но силен и живописен; а употреблять его все еще нельзя; публика еще не доросла до него; а с так называемых руссизмов наших романистов и век не дорастет» (Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm).

Негативность мировосприятия русскоязычными людьми отчетливо проявляется и в самой русской лексике:

«В соответствии с оценочной асимметрией (слов с отрицательной оценкой в русском языке приблизительно в три раза больше, чем с положительной), местоимения разных разрядов реализуют отрицательную оценку чаще. Например, определительные местоимения весь, всякий, усиливающие обычно оценку, присущую определяемому ими слову, чаще встречаются в составе отрицательно маркированных выражений: «на все корки, на все лады, не все дома, пускаться во все тяжкие, кричать на всех перекрестках, склонять во всех падежах, во всей своей красе (обычно используется иронически), всеми правдами и неправдами, всякое лыко в строку, всякая всячина». Фразеологических выражений с положительной оценкой в русском языке меньше: «брать всем, взять всем – «иметь все достоинства» (о физических и духовных качествах кого-либо), на все сто, мастер на все руки, от всего сердца, по всей форме», всем миром «сообща, коллективно»...» (Л.Г. Смирнова, «Оценочность местоимений в русском языке», <http://russkayarech.ru/files/issues/2011/1/11-smirnova.pdf>).

С не обладающим оценочной коннотацией английским словом «history» отождествляется слово «история», не только несущее в русской ЯКМ преимущественно смысл негативного происшествия, но и вызывающее при этом гордость и интерес:

«Гордиться придуманным прошлым или настоящим? – недоумевает историк. – Я всегда считал, что для наших патриотов-государственников народ это ребёнок, причём ребёнок умственно неполноценный. – Всякая власть хочет, чтобы её облизывали, – говорит ведущий. – И чем она самоуправней, чем она беззаконней, тем больше нуждается в подтверждении, что всякая власть от Бога. И церковь уже тысячу лет как откликается на этот запрос...» (Николай Кофурин, «Философия крещения – правда и домыслы», <http://www.philosophystorm.org/filosofiya-kreshcheniya-pravda-i-domysly>);

«А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз. – Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу, ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история (обезглавливание Берлиоза трамваем, – П.Д.)» (Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», <http://www.serann.ru/text/master-i-margarita-8800>);

«В России историю заменила литература. До сих пор в нашей стране не написана история XIX века. Такой книги нет. Я не говорю об уровне – хоть что-нибудь. Ничего. Зато изданы полные собрания сочинений и писем нескольких десятков писателей. Толстого в 90 томах издали. Это больше, чем весь Брокгауз, – самая объёмистая русская энциклопедия. И

если бы хоть там что-нибудь. Но там: «один департамент», «парчовый мешок». Загадочная страна. Иногда кажется: а была ли Россия? может быть, никакой России и не было?» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Все в современном мире сдвинулось, сместилось: по-русски «камера» означает «тюрьма», табаком у русских называется то, что табаком не является, жизнь замещается рассказом о жизни. Если рассказывать, то значит не жить. Если жить, то не рассказывать. Если не рассказывать истории, то не будет никакой истории, а будет непрерывно длящееся настоящее и бесконечное множество его симптомов. «Жить без истории» – это значит утратить будущее и прошлое, не различать начало и конец...» (Фёдор Гиренок, «Жить или рассказывать», <http://fedorgirenok.narod.ru/Godar.html>).

С таким позитивным явлением как рождение в русском языке ассоциируется, прежде всего, негативное понятие «уродливый», в то время как укр. «вродливий» означает, наоборот, красивый:

«Закончим этот небольшой экскурс «уродом», что по-древнеславянски значит красавец, тот, кто уродился на славу. Это старое значение сохранилось в польском и некоторых других славянских языках. Скажите тамошним красавицам: «Урода ты моя!» – и они разомлеют от удовольствия» (Сергей Цветков, «Непотребные глаголы», http://zaist.ru/news/slova/nepotrebnye_glagoly/);

«...в польском языке слово uroda [ур`ода] обозначает (как и укр. «врода», – П.Д.) не что-нибудь, а красоту, тогда как в русском слова с похожим корнем имеют совершенно противоположный смысл: урод – некрасивый, безобразный человек. И польское uroda, и русское урод связаны с род, рождать. Только в польском языке uroda – это качество того, кто уродился, удался на славу (то есть гармоничного, красивого человека), а в русском языке всё наоборот: урод соотносится с выродок, то есть так называется человек, выделяющийся из ряда уродившихся, красивых» (Светозар, «Занимательная лингвистика»);

«1. В русском языке акцентируется врожденность безобразной внешности, в английском (польском и украинском, – П.Д.) подчеркивается то, что человек или объект стал отталкивающе некрасивым в силу причинения уродства.

2. В английском языке выделяется грубость, необработанность и отсутствие украшения как причина того, что объект вызывает отрицательную эстетическую оценку.

3. В русском языковом сознании отрицательную оценку вызывают хилость, отсутствие должного здоровья, которое признается неотъемлемым атрибутом красоты.

4. В английском языке отрицательно оцениваются убожество, нищета и грязь, поскольку подразумевается, что нужно жить в чистоте и достатке, прилагая определенные усилия для этого.

5. Русскому языковому сознанию свойственно специфическое основание для отрицательной эстетической оценки – маленький рост, в то время как в английском маленький размер вызывает положительно-эмоциональную оценку (что также подспудно

способствует возникновению у низкорослых россиян не только зависти, но и ненависти к высокорослым потомкам аланов-торков и готов – англичанам и украинцам, – П.Д.).

6. В русском языке прослеживается ассоциативная связь между отрицательно оцениваемой внешностью и чувством жалости (особенно к себе, – П.Д.).

7. Показателен гендерный признак в отрицательной оценке применительно к женщинам в русской лингвокультуре, из этого вытекает признание того, что нормальная женщина должна быть красивой» (Юлия Мещерякова, автореферат диссертации «Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах», <http://cheloveknauka.com/kontsept-krasota-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah>).

В отличие от большинства других славянских языков слово «вонь» (укр. «сморід») стало отождествляться в русском языке со зловонием, а не с благовонием – благоуханием (укр. «воня» – запах, др.-киев. «воня» – 1. благоухание, 2. запах..., сербохорв. «воњ», «воња» – запах, словен. «vónja», чеш. «vůně» – благоухание, аромат, запах, – Фасмер; польск. «woń» – аромат, запах):

«Похожим образом обстоит дело со словом «вонь». Когда-то оно имело значение «запах», независимо от его качества (до сих пор остались в нашем языке слова «благовоние» и «зловоние», свидетельствующие о старом, ныне утраченном значении слова «вонь»). Потом в русском языке это слово стало обозначать сильный, резкий неприятный запах. А в польском и чешском – наоборот: сходное слово (в польском woń [вон'], в чешском vůně [вуне]) означает запах именно приятный. Неслучайно духи по-польски будут «вонявки»...» (Светозар, «Занимательная лингвистика»).

И это, конечно же, не случайно. Ведь понятия, закреплённые в языке, отображают и отражают вовсе не исключения, а наиболее вероятные проявления действительности.

Подобная же судьба и у слов «дерзкий», «дёрзок», «дерзка́», «дёрзко», укр. «дерзкий», ст.-слав. «дръзь» θρασύς (Супр.), словен. «drž», ж. «drža», чеш. «drží», др.-польск. «darski», соврем. «dziarski» (Этимолог. словарь Фасмера), сменивших в русском языке позитивную коннотацию слов «быстрый», «решительный» на негативную коннотацию слов:

«1. Непочтительный, наглый, оскорбительно-грубый. Дерзкий мальчишка. Дерзкий ответ. Дерзко отвечать.

2. Вызывающе смелый, выказывающий пренебрежение к возможному сопротивлению, противодействию опасности. Дерзкий налет. Дерзкое ограбление. Дерзкий враг.

3. Самоуверенный, надменный. Дерзкий ум» (Толк. словарь Ушакова);

«В Москве очень много разбойников. Дерзость их более еще, чем численность, составляет отличительную черту Москвы. Лютость, развивающаяся в разбойниках избранной ими жизнью, заглушает в их сердцах всякое чувство человеколюбия и стыда. Они даже при совершенном дневном свете не боятся показываться. При первых сумерках, так что было еще светло, напал один из разбойников на слугу, следовавшего за своим господином, царским врачом Цопотом, и обобрал его; он бы и убил его, по своему зверскому обычаю,

если бы врач, заметя происходившее, не помешал мошеннику исполнить его замысел, подав, с некоторыми прохожими, попавшимися ему по счастью навстречу, скорую и неожиданную помощь...» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text3.phtml?id=738>).

Негативистское восприятие действительности отражено в русской ЯКМ также и такими словами, как:

любой (др.-инд. «lúbhyati» – желает; укр. «любий» – «любимый, желанный», а не всякий);

черствый (чеш. «čerstvý» – свежий);

дебил (ст.-слав. «дебель» – «дебелый, грубый, крепкий, сильный»; ст.-слав. «добль» – «доблий, доблесный, искусный, родовитый», словен. «dóbəlj» – «способный, годный»);

буйный (чеш. «bujařý» – весёлый; «bujně» – пышный; беларус. «буйны» – крупный; укр. «буйно» – «очень сильно»);

жадный, жадно (укр. «сприйняжливо, жадібно» – «восприимчиво, жадно, алчно», укр. «жадібно», беларус. «прагна» – «с желанием, со стремлением», укр. «жаданий» – «желанный, вожденный»);

наглый (укр. «наглий» – «скорый, быстрый, внезапный»);

мразь (босн. «mráz», чеш. «mráz», сербск., македон. «мраз» – мороз);

жуткий (лит. «gūdas», лтш. «drūms» – «мрачный, дремучий [тёмный]; англ. «dark» – «мрачный, тёмный, смуглый»).

На это же указывает и более частое употребление из пар слов с противоположными значениями именно тех слов, которые лишены достиженческих амбиций и отражают ленность русскоязычного человека:

спуск (укр. «узвіз» – подъём);

выключатель (укр. «вмикач» – включатель);

разъём (укр. «з'єднувач» – соединитель).

Тогда как имеющей позитивную коннотацию укр. лексеме «нагода» (предоставившаяся возможность) вообще отсутствует соответствующая ей лексема в русском языке, то подобной ей укр. лексеме «пригода», обладающей тоже позитивной коннотацией соответствует лексема «приключение» с преимущественно негативной коннотацией. Ведь можно сказать лишь приключилось несчастье, а не приключилось счастье.

На существенное отличие русской ЯКМ от украинской ЯКМ указывает и несовпадение грамматического рода у многих украинских и русских имен существительных. Очень большому количеству украинских имен существительных мужского грамматического рода соответствуют в женственном русском языке имена существительные женского рода:

«Місяць» – Луна; «Сибир» – Сибирь; «степ» – степь; «насип» – насыпь; «висип» – сыпь; «накип» – накипь; «гар» – гарь; «кір» – корь; «біль» – боль; «глиб, глибінь» – глубь; «дріб» – дробь; «пил» – пыль; «дриль» – дрель; «кухоль» – кружка; «барліг» – берлога; «одяг» – одежда; «капелюх» – шляпа; «кашкет» – фуражка; «собака, пес» – собака; «птах» –

птица; «посуд» – посуда; «оселедець» – сельдь; «буханець» – буханка; «полин» – полынь; «ступінь» – степень; «папір» – бумага; «цебер» – бадья; «полин» – полынь; «човен» – лодка; «млин» – мельница; «сволок» – матица; «дах» – «крыша, кровля»; «барліг» – барлога; «бублик» – баранка; «кордон» – граница; «гудзик» – пуговица; «вишкіл» – выучка; «зошит» – тетрадь; «живопис» – живопись; «рукопис» – рукопись; «літопис» – летопись; «запис» – запись; «перепис» – перепись; «підпис» – подпись; «розпис» – роспись; «кошторис» – смета; «прибуток» – прибыль; «прошарок» – прослойка; «видобуток» – добыча; «кошик» – корзина; «зв'язок» – связь; «смуток» – грусть; «сум» – печаль; «острах» – боязнь; «натовп» – толпа; «сполох» – паника; «захист» – защита; «гармидер» – кутерьма; «спалах» – вспышка; «пролом, прорыв» – брешь; «поклад» – залежь; «бруд» – грязь; «сморід» – вонь.

И, наоборот, многим украинским словам женского рода соответствуют русские слова мужского рода:

«путь» – путь; «доповідь» – доклад; «теза» – тезис; «адреса» – адрес; «вага» – вес; «худоба, скотина» – скот; «людина» – человек; «примара» – призрак; «мова» – «язык»; «розмова» – разговор; «догана» – выговор; «несінитниця» – вздор; «рада, порада» – совет; «шана» – почёт; «година» – час; «ділянка, діляниця» – участок; «потилиця» – затылок; «косовиця» – сенокос; «блощиця» – клоп; «бахча» – баштан; «бавовна» – хлопок; «картопля» – картофель; «редиска» – редис; «булька» – пузырь; «виїмка» – выем; «затока» – залив; «протока» – пролив; «притока» – приток; «водойма» – водоём; «пожежа» – пожар; «границя» – предел; «втеча» – побег; «витрата» – расход; «заборона» – запрет; «провина» – проступок; «доповідь» – доклад; «стать» – пол; «підлога» – пол; «стеля» – потолок; «баня» – купол; «цегла» – кирпич; «спека» – зной; «кулька» – шарик; «каблучка» – перстень; «краватка» – галстук; «комора» – амбар; «сокира» – топор; «шафа» – шкаф; «труна» – гроб; «мара» – призрак; «вечеря» – ужин; «кава» – кофе; «самогонка» – самогон; «шкода» – вред.

Но всё же наибольшее несоответствие русской ЯКМ славянской ЯКМ проявляется в среднем роде. Как в русском, так и в украинском языках имеется много слов среднего рода. Однако же чаще всего слова среднего рода в них соответствуют не одним и тем же понятиям, что красноречиво указывает на неиндоевропейское происхождение русскоязычного туранского этноса. Например, русские слова с другими грамматическими родами соответствуют следующим украинским словам среднего рода:

«дієслово» – глагол; «борошно» – мука; «гноно» – гроздь; «багно» – «топь, грязь»; «вапно» – известь; «рядно» – дерюга; «вітрило» – парус; «джерело» – «источник, родник»; «барило, барильце» – бочонок; «мастило» – смазка; «світло» – свет; «гасло» – лозунг; «коло» – круг; «село» – деревня; «стебло» – стебель; «кувадло» – кувалда; «пасмо» – прядь; «гальмо» – тормоз; «кермо» – руль; «око» – глаз; «ліжко» – «постель, койка, кровать»; «свято» – праздник; «місто» – город; «вогнище» – очаг; «середовище» – середя; «селище» – посёлок; «горище» – чердак; «летовище» – аэродром; «призвіще» – фамилия; «узбічча» – обочина; «повітря» – воздух; «життя» – жизнь; «вороття» – возврат; «взуття» – обувь; «сміття» – «сор, мусор»; «багаття» – костёр; «безробіття» – безработица; «безладдя» – «беспорядок, неурядица»; «дозвілля» – досуг; «вугілля» – уголь; «весілля» – свадьба; «свавілля» – произвол; «оторопіння» – оторопь; «марення» – бред; «сумління» – совесть; «кохання» – любовь; «листування» – переписка; «оповідання» – рассказ; «звітування» –

отчётность; «доручення» – доверенность; «замовлення» – заказ; «питання, запитання» – вопрос; «заслання, посилення» – ссылка; «скасування» – отмена; «знімання» – съёмка; «реєстрування» – регистрация; «оздоблення» – отделка; «балансування» – балансировка; «прибирання» – уборка; «навантаження» – нагрузка; «полювання» – охота.

И, наоборот, русские слова среднего рода соответствуют, например, таким украинским словам с другими грамматическими родами:

«займенник» – местоимение; «вигук» – междометие; «подоба» – подобие; «велич» – величие; «комаха» – насекомое; «потвора» – чудовище; «тулуб» – туловище; «ущелина» – ущелье; «сукня» – платье; «рушник» – полотенце; «ганок» – крыльцо; «ранок» – утро; «хмара» – облако; «луна» – эхо; «ковдра» – одеяло; «олія» – масло; «ланка» – звено; «тягар» – бремя; «час» – время; «прапор» – знамя; «дитина» – дитя.

И, если в украинском языке большинство глаголов образуется от существительных, то в русском языке, наоборот, преобладает отглагольное образование существительных и, именно, преимущественно среднего грамматического рода:

«Грамматический строй сохранял стойко то, что роднит наш язык с европейскими, но пренебрегал многими исконными своими преимуществами. Так, отглагольные существительные предпочитались среднего рода, длинные, на немецкий лад (когда их на – ЕНИЕ скопится кряду четыре-пять, выламывается язык и чуть ли зубы не болят), а мужского и женского рода – краткие, сильные, поворотливые (украинские, – П.Д.) – опадали, терялись. Кто скажет УБЫВЬ (действие по глаголу), НАГРОМОЗДКА? Обязательно: «убывание», «нагромождение». Кто напишет ДЛЯ СОХРАНУ? Нам подай «для сохранения». И ПРИНОРОВКА нам не свычна, то ли дело «приноравливание»! И ПЕРЕТАСК мебели нам не так надежен, как «перетаскивание». Образование существительных склейкой по два, по три вместе («речестрой» Югова, «Литературная газета» от 28 октября с. г.) – тоже ведь не наше. Со взгляду кажется: речестрой! ах, как по-русски! Ан – по-немецки... И избыток отвлеченных существительных – это тоже не наше, надо искать, как содержать их во фразе поменьше...» (Александр Солженицын, «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана», см. также Бенедикт Сарнов, «Феномен Солженицына», <http://iknigi.net/avtor-benedikt-sarnov/55832-fenomen-solzhenicyna-benedikt-sarnov/read/page-25.html>);

«Касательно языка русского перевода знаменитого романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» Д.О. Жданов отмечает, что разнообразие как глагольных, так и субстантивированных форм в языке оригинала главным образом соответствует однообразию отглагольных существительных, образованных в языке перевода с помощью суффиксов - (е)ние и -(а)ние...» (Гариба Мамедова, «О некоторых разнообразиях отглагольных имен в разнотипных языках», <http://conf.uni-ruse.bg/bg/docs/cp10/6.3/6.3-9.pdf>).

Такое примитивное однообразное словообразование, очевидно, связано с искусственным формированием этого новояза, не сумевшего, несмотря на все потуги Николая Гоголя, усвоить краткость и выразительность украинской лексики мужского и женского грамматического рода:

«плазун» – пресмыкающееся; «сsaveць» – млекопитающее; «тварина» – животное; «копалина» – ископаемое; «печеня» – жаркое; «доданок» – слагаемое; «від'ємник» – вычитаемое; «іменник» – существительное; «прикметник» – прилагательное; «присудок» – сказуемое; «підмет» – подлежащее; «прислівник» – наречие; «дієприкметник» – причастие; «дієприслівник» – деепричастие; «дієвідміна» – спряжение; «наголос» – ударение; «добуток» – произведение (матем.); «подив» – удивление; «зір» – зрение; «підозра» – подозрение; «омана» – заблуждение; «мана» – наваждение; «розвага» – развлечение; «зневага» – небрежение; «повага» – «почтение, уважение»; «увага» – внимание; «вияв» – проявление; «поява» – появление; «заява» – заявление; «наявність» – наличие; «розв'язок» – решение; «дозвіл» – «разрешение, позволение»; «заборона» – запрещение; «поведінка» – поведение; «рух» – движение; «обіг» – обращение; «течія» – течение; «вплив» – воздействие; «дія» – действие; «подія» – «событие, происшествие»; «пригода» – приключение; «збіг» – стечение; «потяг» – влечение; «тиск» – давление; «потиск» – пожатие; «утиск» – «ущемление, притеснение»; «тиснява» – столпотворение; «зміна» – изменение; «розвиток» – развитие; «поділ» – «деление, разделение»; «розподіл» – распределение; «розтин» – расчленение; «руйнація» – разрушение; «струс» – сотрясение; «мить» – мгновение; «замах» – покушение; «подув» – дуновение; «повінь» – наводнение; «навала» – нашествие; «напад» – «нападение»; «наступ» – наступление; «відступ» – отступление; «виступ» – выступление; «відчай» – отчаяние; «напруга» – напряжение; «опір» – сопротивление; «послух» – послушание; «вказівка» – указание; «образа» – оскорбление; «безликість» – безличие; «відзнака, відміна» – отличие; «вираз» – выражение; «відраза» – отвращение; «відбиток» – отражение; «порятунок» – избавление; «знемога» – изнеможение; «поразка» – поражение; «відплата» – «возмездие, воздаяние»; «кара» – наказание; «винагорода» – вознаграждение; «стосунок» – взаимоотношение; «краса, пишнота» – «велелепие, великолепие»; «пиха, пихатість» – высокомерие; «відвідини» – посещение; «перешкода» – препятствие; «подорож» – путешествие; «супровід» – сопровождение; «жада, жадоба» – вожделение; «розсуд» – усмотрение; «спогад, спомин» – воспоминание; «роздум» – размышление; «думка» – мнение; «свідомість» – «сознание»; «сумнів» – сомнение; «великодушність» – великодушие; «прямодушність» – прямодушие; «довіра» – доверие; «безстрашність» – безстрашие; «проклін» – проклятие; «єдиноначальність» – единоначалие; «одностайність» – единомушие; «одноголосність» – единоголасие; «спів» – пение; «безгучність» – беззвучие; «безмовність» – безмолвие; «викрик, вигук» – восклицание; «брязкіт, бренькіт» – бречание; «заповіт» – завещание; «обіцянка» – обещание; «винагорода» – вознаграждение; «подяка» – благодарение; «звістка» – известие; «відозва» – воззвание; «назва» – название; «предмова» – предисловие; «післямова» – послесловие; «вимова» – произношение; «вислів» – «изречение, выражение»; «додаток» – приложение; «виняток» – исключение; «висновок» – заключение; «примітка» – примечание; «витяг» – извлечение; «опис» – описание; «правопис» – правописание; «посібник» – пособие; «твір» – сочинение; «виклад» – изложение; «розклад» – расписание; «зміст, вміст» – содержание; «заголовок» – заглавие; «освіта» – образование; «просвіта» – просвещение; «умова» – условие; «вимога» – требование; «засторога» – предостережение; «наснага» – воодушевление; «пахощі, запашність» – благоухание; «вправа» – упражнение; «злочин» – преступление; «виступ» – выступление; «вистава» –

представление; «нарада» – совещание; «збори» – собрание; «заклад» – заведение; «установа» – учреждение; «постанова» – постановление; «стан» – состояние; «спокій» – спокойствие; «стриманість» – воздержание; «дружелюбність» – дружелюбие; «волелюбність» – свободолюбие; «здобуток» – достижение; «набуток» – достояние; «добробут» – «благополучие, благосостояние»; «відбудова» – восстановление; «побудова» – построение; «будова» – строение; «будівля» – здание; «маєток» – имение; «огорожа» – ограждение; «відстань» – расстояние; «водотонажність» – водоизмещение; «винахід» – изобретение; «витвір» – «создание, произведение»; «отвір» – отверстие; «виріб» – изделие; «вимір» – измерение; «годівля» – кормление; «сморід» – зловоние; «байдужість» – безразличие; «безбожність» – безбожие; «спокуса» – искушение; «безшлюбність» – безбрачие; «безплідність» – бесплодие; «піхва» – влагалище; «цвинтар» – кладбище; «скарб» – сокровище; «притулок» – «пристанище, прибежище»; «закуток, глушина» – захолустье; «білизна» – бельё; «страва» – кушанье; «брехня» – враньё; «бездумність» – бездумье; «істота» – существо; «втеча» – бегство; «витонченість» – изящество; «властивість» – свойство; «речовина» – вещество; «заграда» – зарево; «простір» – пространство; «проща» – паломничество; «держава» – государство; «уряд» – правительство; «засіб» – средство; «пристрій» – устройство; «подібність» – сходство; «довід, доказ» – доказательство; «сталість» – постоянство; «обставина» – обстоятельство; «зверхність» – превосходство; «першість» – первенство; «більшість» – большинство; «кількість» – количество; «майстерність» – мастерство; «мужність» – мужество; «завзятість» – упорство; «гідність» – достоинство; «гостинність» – гостеприимство; «неспокій, клопіт» – беспокойство; «впертість» – упрямство; «єдність» – единство; «самотність» – одиночество; «достаток» – довольство; «балощі» – баловство; «нерозсудливість» – безрассудство; «безсоромність» – бесстыдство; «сказ» – бешенство; «крадіжка» – воровство; «підступність» – коварство; «зрада» – предательство; «лист» – письмо.

Превалирование в русском новоязе, как одного – среднего рода, так и большого количества постфиксов в одном слове (особенно в отглагольных прилагательных и в отглагольных существительных среднего рода), очевидно, связано не только с отсутствием грамматического рода в угоро-финском и тюркском языках, субстрат которых присутствует в нём, но и с весьма развитой системой постфиксации в этих языках:

«Большинство финно-угорских языков относится к агглютинативным, общими особенностями которых является изменение слов с помощью добавления суффиксов (вместо предлогов) и синтаксическая координация суффиксов. Кроме того, в финно-угорских языках отсутствует категория рода. Поэтому существует только одно местоимение со значением он, она и оно, например, «hn» в финском, «tm» в водском, «teta» в эстонском, в венгерском, «сій» в языке коми, «тудо» в марийском языке, «со» в удмуртском языке» («Финно-угорские языки», <http://federalnews.in.ua/novosti-ukrainy/item/1426-1453340394>);

«В чем особенность узбекских имен существительных? Если говорить об их лексическом составе, то это обилие арабских и персидских имен, особенно абстрактного свойства. Но это достаточно освещенный и осмысленный факт. Если же говорить о

грамматических особенностях, то сразу же обращает на себя внимание отсутствие в узбекском языке категории рода. Чем объяснить этот факт? Одно из возможных объяснений вытекает из все той же природы диалогических отношений. В рамках прямых отношений «я-ты» языковая дифференциация рода излишня, поскольку это различие очевидно и налично: «я вижу, что ты женщина, ты видишь, что я мужчина». Ясно, что эта самая языковая дифференциация более значима в отношении третьего лица, но поскольку, как мы наблюдали выше, третье лицо имеет в природе этого языка довольно опосредованное положение, то и родовая дифференциация оказалась несущественной. И, с другой стороны, этот факт также может служить лишним доказательством большей значимости в узбекском языке, а стало быть и в узбекском сознании, непосредственных, прямых, лицом к лицу отношений. Другая особенность имен существительных узбекского языка, впрочем, равно как и других частей речи, – это их разнообразнейшая аффиксация. По существу, весь узбекский язык представляет собой почти бесконечное варьирование определенных и неизменных основ посредством прибавления к ним разнофункциональных аффиксов (постфиксов, – П.Д.). Это языковое явление фундаментально для узбекского языка и, можно предположить, для узбекского сознания: определенная, неизменяющаяся (консервативная?) основа прибавляет к себе известные, стабильные приложения, и в результате этой комбинаторики меняется целое. Не знаю, можно ли напрямую сравнить флективно-флукуационные внутренние изменения в индоевропейских языках с революционными, мутационными, качественно-скачкообразными процессами, а происходящее в узбекском и сходных с ним агглютинативных языках (и даже во флективном русском новоязе, – П.Д.) – с эволюционными, адаптационными, количественно-накопительными явлениями, но подобная параллель напрашивается сама собой. Во всяком случае, заманчиво распространить эту параллель и в сферу узбекского (а также и во многом подобного ему русского, – П.Д.) менталитета, достаточно консервативного в своей основе и эволюционного в своем развитии» (Абдулхамид Исмоили, «О философии узбекского языка», <http://www.fergananews.com/zvezda/hamid.html>);

«В якутском языке аффикс, образующий имя существительное от глагола, был и в древние времена главным источником словообразования, терминообразования. Зафиксированные примеры показали, что они были образованы давно, большинство из них трудно разобрать по составу. Тем не менее, следует отметить, что новообразования, типа «сытыарчы» – «горизонтальные линии», «эрилбэ» – вьюнок, «эрчилбэ» – тренажер, «араарынньык» – выключатель, являются довольно удачными и адекватными словами для обозначения соответствующих понятий...» (Ирина Иванова, «Исчезнувшие из употребления аффиксы отглагольных имён существительных якутского языка», <http://cyberleninka.ru/article/n/ischeznuvshie-iz-upotrebleniya-affiksy-otglagolnyh-imen-suschestvitelnyh-yakutskogo-yazyka>);

«Способ аффиксации состоит в присоединении к корням аффиксов. Аффиксы – это морфемы с грамматическим значением. Аффиксы не существуют в языках вне слов, они сопровождают корень, служа для словообразования и словоизменения. Есть языки, не

употребляющие префиксов (тюркские, угро-финские), всю грамматику они выражают постфиксами; другие языки предпочитают префиксацию и не употребляют (за редкими исключениями) постфиксов; например, язык суахили (группа банту, Восточная Африка). Индоевропейские языки, к которым принадлежит и русский язык, употребляют и префиксы, и постфиксы, но с явным перевесом в сторону последних (причём наиболее выражено – именно в русском языке, – П.Д.); ср. «пред-став-и-тель-н-ый», где один префикс и четыре постфикса...» (Надежда Решетникова, Анастасия Савинова, «Языки аналитические и синтетические», <http://moluch.ru/archive/59/8466/>);

«Все уральские языки являются агглютинативными, но в большинстве из них, особенно в прибалтийско-финских, самодийских и саамских, имеются также элементы флективного строя (неоднозначность суффиксов, фузия на стыках морфем). Абсолютно во всех языках отсутствует категория рода... Уральские языки в целом относятся к синтетическим, но в них немало и элементов аналитизма: наличие отрицательного спряжения со вспомогательным глаголом, послеложные конструкции и др.» («Уральские языки», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/URALSKIE_YAZIKI.html);

«По своей грамматической роли суффиксы – словообразовательные аффиксы, а флексии – словоизменительные... Однако и с постфиксами не всегда все так просто, в частности в русском языке. Если сравнивать падежные флексии от существительного «зло» («зл-о, зл-а, зл-у» и т. д.) или прилагательного «злой» («зл-ой, зл-ого, зл-ому» и т. д.) внутри каждой парадигмы склонения, то это явно словоизменительные аффиксы, так как они различают формы одной и той же лексемы, не меняя лексического значения; но если сравнивать соответствующие падежные формы двух этих слов друг с другом («зл-о – зл-ой; зл-а – зл-ого; зл-у – зл-ому» и т. д.), то те же постфиксы различают разные лексемы и служат признаками: одни – существительных, другие – прилагательных, лексическое значение которых различно. Следовательно, это словообразовательные постфиксы («зл-» без них не слово, а с ними – слово: «зло, злу; злой, злому» и т. д.). Итак, в русском языке падежные флексии и словоизменительны и словообразовательны одновременно; правильнее всего было бы называть их суффикс-флексиями...» (А.А. Реформатский, «Введение в языкознание», http://www.xliby.ru/jazykoznanie/vvedenie_v_jazykovedenie/p7.php).

Как видим, древнетюркский новояз, сформировавшийся в Саянах на основе лексически бедных угро-самодийских наречий динлинов со значительным славянским суперстратом пришлых гянгуней (ганьсуйских жунов), смог усвоить лишь корневую праславянскую лексику этих восточных кангюйцев. Категорию же грамматического рода и флективность праславянских наречий и санскритской письменности гянгуней примитивный туранский этнос динлинов не в состоянии был усвоить. Очевидно, поэтому-то древнетюркские региональные наречия сложились под влиянием вовсе не близких к санскриту письменностей (не сохранившейся гянгуньской, тохарских, хотаносакской и др.), а под влиянием славянской речи гянгуней и разработанной ими для ассимилированных динлинов и других восточных туранцев пратюрко-германской рунической письменности:

«Самодийские языки обычно делятся на северную (ненецкий, энецкий, нганасанский) и южную (селькупский язык) ветви. К мертвым саяно-самодийским языкам, исчезнувшим в связи с переходом их носителей на тюркские языки или на русский язык, относятся маторско-тайгийско-карагасский, камасинский и койбальский...» («Уральские языки», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/URALSKIE_YAZIKI.html).

В отличие от древнетюркского новояза, русский новояз, сформировавшийся на основе двух литературных языков украинцев (старокиевского и церковно-славянского киевской редакции), а также французского, немецкого и польского адстратов (французской, немецкой и польской речи аристократов России) с охранением некоторых особенностей финно-угорского и тюркского субстратов (чрезмерной синтетичности, строгого сингармонизма, слов-повторов и др.), всё же смог усвоить как флективность, так и категорию грамматического рода индоевропейских языков. Однако же подобно финно-угорским и тюркским языкам он накрепко законсервировал былую слабо детализированную туранскую языковую картину мира, основывающуюся не только на консерватизме и словоцентризме, но и на поверхностном восприятии действительности, и на примитивном сугубо схематическом конкретно-предметном мышлении:

«Для русского сознания первична не множественность, но единичность цельного. Единственное число ни в спряжении, ни в склонении не воспринимается как числовая мера, оно абсолютно и в принципе многозначно, т. е. может обозначать и собирательное множество (ср. «вещь» как один предмет и «вещь» как всякая вообще вещь). Выйдя из языка, мысль опять возвращается в его глубины. Мысль направлена словом... Систематическое изложение есть изложение нормативное, то есть уже и предписывающее. Русская же философская традиция долго понимала «систему» только как «систему мнений» о чем-то и по поводу чего-то. Совершенно внешнюю сторону дела, результат анализа, а не самый объект такого анализа. Однако не секрет: всякое мнение внушает со-мнение... Таким образом, для синкретичности русского сознания в действии синтезирующего его языка более подходит модель синтеза – в противоположность аналитической процедуре выявления различительных признаков, частиц, элементов целого» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-294.html>).

Английский же язык, сформировавшийся на туранских сако-массагетских наречиях тюрко-германоязычных саксов со значительным славянским суперстратом англов (хунор / оногуров = угличей / *унгличей), ютов (юэчжей / *утиев = утигуров = ютунгов / витингов) и гуннов фризов = хросов / русов (велетов = вильцев / лютичей / *ютичей), наоборот, хотя и не приобрёл индоевропейскую синтетичность (из-за распада индоевропейских флексий), и не сохранил категорию грамматического рода у воспринятой славянской лексики, но всё же воспринял вместе с ней индоевропейскую языковую картину мира, основывающуюся как на вольнолюбии и природоцентризме, так и на детальном восприятии окружающей действительности, и на критическом абстрактно-логическом мышлении.

Положительная комплементарность русскоязычных людей со всеми другими туранцами

Противоположность ценностей в русской и в украинской ЯКМ, формирующих соответственно психически инфантильное некритическое и критическое мышление, неизбежно проявляется в противоположности черт характера русскоязычных и украиноязычных людей а, следовательно, и в отрицательной комплементарности их друг к другу (см.: Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://www.navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0073>):

«Русский характер»	«Украинский характер»
«Широкая, открытая русская душа», расточительность	Бережливость (но всё же и склонность к меценатству, – П.Д.)
Коллективизм (но «каждый сам за себя» и солидарность лишь «через фокус», – П.Д.)	Индивидуализм, «моя хата с краю» (но взаимовыручка товарищей и бессознательная солидарность, – П.Д.)
Открытость, доверчивость (однако презрение всего чуждого и боязнь всего нового, – П.Д.)	Недоверчивость, подозрительность к новому / неизвестному (но легкая усваиваемость нового и нечуждость неизвестного, – П.Д.)
Эмоциональная преданность лидеру	Вольнолюбие, подчинение ради выгоды
Трудолюбие в коллективе (благодаря низкой интенсивности коллективного труда, – П.Д.)	«Хозяйственность», трудолюбие (для себя)
Конформизм (коллективная ответственность, стремление переложить ее на других, – П.Д.)	Самостоятельность в суждениях, «себе на уме»
Великодержавность, высокое самомнение, уровень притязаний («Дикарь всем сердцем знает, что он – лучший, но не лично, а в рядах лучшего племени», – Колкер, П.Д.)	Постколониальный синдром периферийности, провинциальность, комплекс «младшего брата» (присущ, как правило, русскоязычным украинцам, – П.Д.)
«Не выделяться», «быть как все», Не «отрываться от коллектива» («роевое начало»: все против одного выделяющегося, – П.Д.)	Личная инициативность (предприимчивость и организаторские способности; стремление выделиться из толпы, – П.Д.)
Импульсивность, неорганизованность, спонтанность (но притерпелость к нищете, к негораздам и к унижениям – П.Д.)	Терпеливость, смирение (однако лишь с временными неудобствами и с неунизительными отягощениями, – П.Д.)
Тяготение к тоталитаризму, авторитарной власти, «твердой руке» («лучше жить на коленях, чем умереть стоя», – П.Д.)	Тяготение к более демократической, республиканской форме управления («лучше умереть стоя, чем жить на коленях», – П.Д.)
Щедрость (исходя из принципа «как пришло – так и ушло», – П.Д.)	Жадность (но на хорошее и полезное дело ничего не жалко отдать, – П.Д.)
Прямота (но склонность к лицемерию, к обману и к предательству, – П.Д.)	Лукавство, скрытность (но честность с близкими и товарищами, – П.Д.)
Лень (пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий; «жить плохо – хорошо, жить хорошо – плохо», – П.Д.)	Трудолюбие (достиженческая мотивация, стремление за счет дополнительных серьезных усилий улучшить свою жизнь, – П.Д.)
Участливость (часто лишь показная или же	Равнодушие (лишь к ничего не значимым в

связанная со стремлением к святости, – П.Д.)	их жизни, то есть к совершенно посторонним людям, – П.Д.)
Упрямство	Гибкость, изворотливость
Социальная активность	Социальный фатализм (развитость сверхвысоких адаптивных навыков, – П.Д.)
Нетерпимость	Толерантность к др. нациям, сообществам
Большая склонность к агрессии, криминалу, насилию	Терпимость (склонность к добрососедским отношениям и к поиску компромисса, – П.Д.)

Положительная же комплементарность имеет место между русскоязычными людьми и финно-угорскими народностями, принадлежащими к одному и тому же туранскому этносу:

«Процесс обрусения финно-угорских группировок – мери, белозерской веси, муромы и др. – закончился лишь в XIII-XIV вв., а местами и позднее. Поэтому в литературе представлено мнение, что перечисленные финно-угорские группировки послужили компонентом не столько древнерусской, сколько русской (великорусской) народности. Материалы этнографии точно так же свидетельствуют, что финно-угорские элементы в культуре и быту были характерны для старинной сельской культуры лишь волго-окского и северного русского населения. Но археологические и исторические данные говорят о том, что в ряде местностей процесс обрусения финно-угорского населения завершился или зашел очень далеко уже к XI-XIII вв. К этому времени вошли в состав древнерусской народности значительные группы мери, веси и окских племен, а также отдельные прибалтийско-финские группы на Северо-Западе. Поэтому финно-угры не могут быть исключены из числа компонентов древнерусской народности, хотя этот компонент и не являлся значительным (неужели же более значительным был половецкий компонент преимущественно долихокранной великорусской народности? – П.Д.)» (Пётр Третьяков, «На финно-угорских окраинах Древней Руси», <https://www.rulit.me/books/u-istokov-drevnerusskoj-narodnosti-read-426553-58.html>);

«Финно-угорский вопрос – это без сомнения и русский вопрос. Вопрос этнической идентификации великорусского этноса. На всех территориях Русской равнины, где теперь проживают русские, раньше проживали финно-угры. Большая проблема, каков был характер славянской колонизации. Ведь русские сохраняют одну и ту же материальную и духовную традиционную культуру именно с финно-угорскими народами, а не с южными славянами или тюрками. Психологические особенности населения, его национальный характер, особенно на севере, северо-западе и северо-востоке Европейской части России (самой коренной части России) у русских и финно-угров тоже общие... Это объяснение делает понятными множество культурных фактов в жизни и развитии русской нации. В конце концов, и Московская Русь, и Новгород развивались именно на землях заселенных финно-угорскими племенами чуди, мери и мещеры, а также на мордовских, вепсских, водьско-ижорских, карельских и пермских территориях. Славяне не ассимилировали финские племена. Это финно-угры адаптировались под новый язык и приняли часть византийской духовной культуры. Поэтому, у русских есть возможность выбора. Осознать свою

укорененность на этой земле, разглядеть в предках не только и не столько славян, ощутить, что культура русского народа базируется на финно-угорской основе» (Сост.: В.А. Пипунырова, М.А. Першина, «Страна Финно-угория: путеводитель // Финно-угры», <http://neb.nbrkomi.ru/docs/common/RU+NBRKOMIBIBL0000019181> ; <https://zrada.org/history/1-dati-podiyi-fakti/367-finno-ugry-v-krovi-rossijan.html>);

«В конце I – начале II тыс.н.э. финны Верхнего Поволжья испытывали, судя по всему, сильный экономический подъём. Активно развивалась торговля. Привозная медь, на базе которой выросло местное ювелирное дело, стала настолько дешёвой, что из неё начали изготавливать даже рыболовные крючки; резко увеличилось количество металлических атрибутов в женском костюме. Естественно, что стал очень заметен приток из русских городов ремесленной продукции, что называется, дешёвого ширпотреба общерусского облика, находки которого на том или ином памятнике зачастую служат основанием для утверждения о славянской колонизации, о том, что памятник оставлен славянскими колонистами. Между тем сугубо «колониальных», славянских поселений и могильников, без финской «примеси», в Верхнем Поволжье, по нашим сведениям, не выявлено ни одного» (Павел Травкин, «Особенности формирования верхневолжской городской провинциальной культуры», http://merjamaa.ru/load/arkheologija_meri/travkin_p_n_osobennosti_formirovaniya_verkhnevolzhskoj_gorodskoj_provincialnoj_kultury_po_materialam_rannesrednevekovogo_goroda_pljosa/1-1-0-33);

«Признание финно-угорского происхождения могло бы усилить российскую идентичность самым позитивным способом и вместо того, чтобы быть искусственной конструкцией, созданной иноземными интеллектуалами, оно могло бы стать естественной реализацией и привести к согласию с самим собой... А потом мы, финны, могли бы сказать, что самые близкие к нам братья и сёстры – великороссы» (Кай Муррос, финский публицист, <http://uralistica.com/profiles/blogs/intervyu-s-kaem-murrosom>);

«...мало кто знает про болгар, кыпчаков, финно-угров, чья кровь как раз течет в казанских, мишарских и других татарах. Мало того, открою вам секрет: русские и татары очень близки по происхождению. Потому что в основе и тех и других течет кровь финно-угорских народов. Этого не хотят признавать ни в среде русской, ни в среде татарской интеллигенции. Или просто не знают об этом. А данные генетиков показывают именно это. Да и самим не трудно догадаться, ведь древние насельники восточноевропейских лесов и лесостепей – «затираемые» в истории финно-угры. А уж потом сюда пришли славяне и тюрки. Причем, они не составляли большинство, но передали свой язык, часть культуры и самосознание. Поэтому я давно переделал бы поговорку: «Поскреби русского, отскребешь татарина», в исторически более верную: «Поскреби русского, отскребешь финно-угра» (Историк Вадим Рудаков: «Основой русских и татар являются финно-угры», <http://finugor.ru/comment/1420793>);

«При сравнительном анализе филогенетических отношений по микросателлитным маркерам Y-хромосомы исследованных популяций татар с представителями европеоидных групп Евразии, можно отметить наличие общего кластера, образованного представителями славянской группы – русскими (Свердловская область), западно-финскими группами (финны и эстонцы) и собственно татарами. Присутствие русских в данном кластере, скорее всего, объясняется близким географическим расположением РТ и Свердловской области, что не исключает такие процессы как метисация. А образование общего кластера между татарами и финскими группами может являться отражением сложных взаимодействий финно-угорских и тюркских племен, происходивших в эпоху формирования поволжских татар. ...при анализе данных микросателлитных локусов выявляется наличие общего кластера, образованного в основном тюркоязычными представителями, внутри которого отдельный кластер составляют коми-пермяки, марийцы и чуваша, а две этнографические группы татар кластеризуются с коми-зырянами. При этом отдельные ветви образуют башкиры и удмурты. Интересно, что примерно такую же топологию получила в своих работах Хуснутдинова Э.К. (Лимборская, 2002). В той работе также показано наличие общего кластера между татарами и коми-зырянами, также отдельный кластер формируют марийцы и чуваша, а удмурты и башкиры объединяются в общую группу. Данные кластеризации лишь частично соответствуют лингвистической классификации, также подобную топологию довольно-таки трудно объяснить территориальной близостью Республики Коми и Республики Татарстан» (Ольга Кравцова, Ильгизар Газимзянов, «Генетический портрет поволжских татар», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/791546-4-oglavlenie-predislovie-vvedenie-glava-antropogenez-povolzhskih.php> ; <http://kpfu.ru/docs/F1612718864/buchblock.pdf>);

«Сознательное [или бессознательное] исключение русской историографией Эрзи (Мери, Муромы, Мещёры) и других финнов [и балтов] из русской истории [или отведение им третьестепенной роли] не только является её фальсификацией, но и величайшей исторической ошибкой, ибо заставляет русских мыслить себя не теми, кем они являются» (Александр Шаронов, «Народ Эрзя и Русь: в фокусе русского неславянина», http://deralex-erzya.blogspot.com/2014/02/blog-post_15.html; <http://uralistica.com/forum/topics/narod-erzya-i-rus-v-fokuse?commentId=2161342%3AComment%3A15591>);

«Наиболее распространенной версией о происхождении татар-мишарей является версия, отрицающая татарское происхождение мещеры. Она стала уже устоявшейся концепцией в отечественной историографии. При этом мещера объявляется угро-финноязычным народом, отюречившимся (точнее, отатарившимся в XIV – XV вв. под влиянием золотоордынских татар. Признание каких-либо татар на Руси явно противоречит официальной доктрине русско-татарских отношений)... В свое время судьбой татар-мишарей занимался известный российский ученый П.П. Семенов. Он обнаружил остатки мещеры в Рязанской, Тамбовской и Пензенской областях. По его мнению, многие из мещеры были поглощены русским населением во время колонизации новых земель. При этом обрусевшие мещеряки сохранили татарский облик и цокающий акцент. Цоканье в говоре, характерное для некоторых групп русского населения, заинтересовало специалистов из

Института языкознания АН СССР. Собрал богатый фактический материал по Московской, Владимирской, Рязанской областям, они пришли к выводу о том, что цокающий говор – это реликт тюркской мещеры... Ссылаясь на труды В.Н. Татищева, С.М. Соловьева и комментируя их, Л.В. Шенников пишет, что в XV – начале XVI вв. некие рязанские казаки, они же мещерские, сыграли важную роль в русской колонизации Среднего и Нижнего Подонья и в создании донского казачества в частности. Данную версию никто не отвергает. В новейшей литературе они повторяются редко, но не потому, что с ней кто-то не согласен, а лишь потому, что современная история считает не заслуживающим внимания ранний этап развития казачества. В.Н. Татищев писал: «Донские казаки. Начало сиих казаков из двух мест. Одни жили в Мещере по городам, и главный их город был на Дону, называемый Донской, где монастырь Донской». Эволюция донского казачества, его обрусение, христианизация происходила в течение нескольких веков, начиная с XIV в. и заканчивая XVIIIв. ... Редко кто обращает внимание на тот факт, что весь словарь донского казачества, особенно верховых, пронизан тюркизмами, словами татарско-мишарского происхождения. Миртов, исследовавший язык и быт донских казаков, особенно верховых, пришел к заключению о том, что их быт и язык сформировались под влиянием татар-мишарей. В словаре донских казаков он обнаружил около 1000 слов татарского, мишарского (очевидно, половецкого, – П.Д.) происхождения. Более того, в XVI – XVII вв. официальным языком донского и яицкого казачества считался татарский. Сохранились письма донских казаков к волжским и яицким татарам, написанные донскими атаманами на татарском языке. В 1614 г. грамота князя Одоевского к донским, яицким татарам была составлена на татарском языке. Ознакомил нас с письмом Одоевского толмач Софроний Очарков» (А.М. Орлов, «Татары-мишари в панораме веков», http://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/hist_orlov.htm);

«...проф. В.М. Насилов обращает моё внимание на обилие в южных местах б. Рязанской губернии фамилий Кобякин и Кончакин... Потомки половецких племён, живущие где-нибудь на юге, колена, роды племён, перемешавшись, носят теперь, быть может, имя вождя, вокруг которого были когда-то объединены» (Владимир Гордлевский, «Что такое «босый волк»?», <http://feb-web.ru/feb/izvest/1947/04/474-317.htm>);

«...надо заметить, что Рязанское княжество никогда не входило в состав Северо-Восточной Руси и его князья как раз с точки зрения «княжого права» не могли претендовать, да и никогда не претендовали, на стол Владимирского великого княжения и на роль собирателей Руси [Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929, с.73]» (Владимир Кучкин, «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв.», <http://www.rusarch.ru/kuchkin2.htm>);

«Неудивительно, почему в начале XVII века на Верхнем Дону началось строительство русских крепостей, якобы для обороны от крымцев. И выгоду от этих городков донским кипчакам посулили очевидную – первое время у кипчаков скупали излишки урожая. Им это было очень кстати. С 1613 года строилась дальняя оборонительная система: Сокольск,

Добрый, Белоколодск и другие русские городки появились в Степи... Каждой своей акцией Москва притягивала к себе Степь, заманивала ее в лоно своих интересов, погружала в трясины своей политики. В январе 1646 года началось ее первое «тихое» вторжение на Дон. Вроде бы с миром шли сюда, отпустив 3,205 вольных людей, чтобы те поселились среди кипчаков, но около новых русских городков. Однако не прижились русские на Дону – сразу же началось их бегство с Дона. На следующий год прислали новых 2,367 русских на подселение, но те убежали еще быстрее. Эта статистика приведена в книге В.Г. Дружинина «Попытки Московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века». Там на цифрах показано, что не на Дон бегали русские люди, а с Дона. В 1653 году владелец Романова городища (и не он один) жаловался атаману, что драгуны из Сокольска чинят насилие: «Разбивают и крадут, по дорогам бьют и грабят, ездят, собравшись заговором, свозят с покосов сено, насильственно захватывают землю». Кипчаки поставили на место зарвавшихся гостей. Да не надолго. На следующий год все повторилось. Городки эти интересны и другим: там впервые начали приглашать тюрков на службу в русскую армию – сперва в обоз, а потом и в строй. Всё новые и новые кипчаки отходили от своего народа, становясь служивыми российскими людьми. В 1671 году им разрешили даже принять присягу на службу русскому царю и получать щедрое царское жалованье. Хотя они оставались подданными своей страны... По степному адату принять присягу можно только раз в жизни и оставаться верным ей до конца. И это учли в Москве, создавая «пятую колонну» в Великой Степи! А еще служивые получали вместе с царским жалованьем и имя – казак, что уже означало не степное сословие, как прежде, а «участник казачьего войска». Прежде слово обычно писали через «о» – «козак». Дальше все шло как по писаному... Петр I в Азовских походах окончательно завоевал донских кипчаков их же руками и ввел в 1723 году на Дону наказное атаманство. Это означало, что атаман не избирался, как было всегда, а назначался Москвой. Всё. Конец вольницы казачьей – откушали степняки дармовые пряники, остался им один кнут... Назначался атаманом только русский, он теперь командовал казаками. Первое, что учинили наказные атаманы, – обязали казаков учить русский язык, без его знания не брали в войско. А не служивый казак что за казак? Он лишился льгот и привилегий, которые давала служба. Вот почему казаки начали цепляться за службу. В XVIII – XIX веках на Дону было как бы два Дона – мужчины обязаны были говорить на русском языке (языке службы!), а женщины по-прежнему гуторили на родном тюркском языке. Любопытно, что свой родной язык казаки до сих пор не забыли на Дону, на Урале; он называется у них «домашним», но прячут его теперь как что-то неприличное» (Мурад Аджи, «Дешт-и-Кипчак – страна неизвестная?» / «Европа, тюрки, Великая Степь», http://www.pseudology.org/tatary/Kipchaky_Epilog.htm);

«Южно-великорусское наречие возникло ещё в Рязанском княжестве, где появились первые казаки (казаки-кипчаки, – П.Д.), охранявшие границы этой территории (Великое Вольное Рязанское княжество, в те времена было самым большим, и простиралось от Каспийского моря и до Чернигова, гранича с Киевом; но это является заблуждением, так как большая часть указанной территории была заселена не подчинявшимися рязанским вельможам украинскими козаками-черкасами, – П.Д.). В дореволюционной и

послереволюционной литературе заметны отголоски местных южно-великорусских наречий, на которых говорили донские казаки. Массовый же наплыв южновеликороссов на Дон – явление сравнительно позднее, и относится ко второй половине XVII века. Донской историк и писатель Евлампий Кательников в вопросе о языке и происхождении донских казаков считал, что «донцы-верховцы могут быть признаны в происхождении из той части России, где употребляют слова: «што, чаво, яво, ишшо» и подобные им вместо: «что, чего, его, ещё» (то есть из Рязанщины)». Существует довольно хорошо исследованный учёными рязанский диалект великорусского языка, область распространения которого, в основном, совпадает с границами бывшего Великого княжества Рязанского. Но вот что любопытно. Многие диалектизмы, уже вышедшие из употребления на своей исторической родине, продолжают жить в разговорной речи донских казаков. В предисловии к изданному в 1991 году в Ростове-на-Дону «Словаре донских говоров» отмечается, что «донские говоры сохраняют многие материнские диалектные слова, уже утраченные материнскими говорами, но известные по документам – рязанские, воронежские, тульские». В связи с этим вспомним, что и Воронежская, и значительная часть Тульской земли длительное время входили в состав Рязанского Великого княжества, а затем – в Рязанский уезд Московского государства. Верховые казаки, прожив среди русских, пришли на Дон с чистым русским языком (если, конечно же, ядрёную смесь славянской и тюркской лексик считать чистым русским языком, – П.Д.). Они принесли в своей речи диалекты тех местностей, где им пришлось перед этим проживать. Отразились места их предыдущего пребывания и на личных прозвищах: Мещеряк, Рязанец и т. п. Встречались такие фамилии, как Мещеряковы. С ними же на Дону появились некоторые служилые понятия, в том числе термин «станица» получил большое распространение и со временем станицами стали называть не только общины, но и самые поселения, в которых станицы размещались. Исследователь быта и языка донских казаков А.В. Миртов заметил, что быт и язык донских казаков, особенно верховых, испытали сильное влияние рязанцев – выходцев из мещёрских мест. Он считает, что «орязанились» в первую очередь все виды и названия одежды, пищи, утвари, т. е. бытовой язык...» (Валерий Розанов-Разоренов, «Родина казаков – Рязань», <http://ari.ru/ari/2012/08/03/rodina-kazakov-ryazan>).

На то, что языки предков русскоязычного населения России были агглютинирующими (агглютинативными), а не фузионными, как у индоевропейцев, указывает множество фактов. Именно из-за отсутствия фузии в агглютинирующих финно-угорских и тюркских языках русский язык и не воспринял чередование гласных в открытых и закрытых слогах и некоторые другие черты фузионности, присущие славянским языкам:

«...в именной парадигме русский язык, в отличие от украинского и западнославянских, устранил такие чередования внутри каждого числа (вместо прежних рука – руце, нога – нозе, блоха – блосе: руке, ноге, блохе – унификация по аналогии)... § 9. Не только основа, но и само слово (лексема) в языках агглютинирующих и в языках фузионных морфологически различно. Эти две грамматические тенденции – агглютинация и фузия – морфологически по-разному организуют лексему и словоформу. Благодаря указанным выше условиям (однозначность, стандартность, регулярность аффиксов), в агглютинирующих

языках все «просто», как этого требует машинный перевод. Для построения лексемы в этих языках надо знать: 1) № аффикса (это как бы «словарь» алгоритма), 2) порядок нанизывания звеньев аффиксальной цепи и 3) полагающиеся по законам внутренних сандхи звуковые изменения на стыках морфем (главным образом корня и первого аффикса), а также законы действия сингармонизма, управляющего лексемой в целом. В языках же фузионных, наоборот, все – «не просто» (и тем они труднее для машинного перевода!), так как аффиксы принципиально многозначны и не стандартны, а потому и не регулярны, чем повышается «словарный характер» грамматической части лексемы» (А.А. Реформатский, «Лингвистика и поэтика // Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова», – М., 1987, с. 52-76, <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87c.htm>).

При агглютинации префиксы и аффиксы приставляются к таким корневым элементам (не подвергшимся фузии основам), которые являются одновременно и «самостоятельными словами». Это из всех славянских языков наиболее характерно русскому языку, существенно подавшемуся влиянию не только финно-угорского, но и тюркского субстратов (поле – полевой, полевик; горе – горевать, горестный; кофе – кофейный, кофейник; боль – больная, больница; сталь – стальной; сорок – сороковый, сороковка). Такими «самостоятельными словами» – основами, не изменяющимися как при склонении их, так и при использовании их для словообразования, являются преимущественно краткие прилагательные мужского рода (глуп – оглуплять, глупость; груб – грубить, огрублять, грубиян; добр – подобреть, доброта; храбр – храбреть, храбрость; молод – молодеть, молодец; стар – стареть, старец). Ими же являются и существительные мужского рода, оканчивающиеся в единственном числе согласной (лом – преломлять, поломка; граф – разграфлять, графа, график, графика; улов – уловлять, уловка; таран – таранить; стол – столешня, столяр, столярничать; холод – холодить, холодец, холодильник; плут – плутовать, плутовка; блуд – блудить, блудница; голод – голодать, голодание; ворот – воротить, воротник; брат – побратимы, братство).

Так что, на самом деле русскоязычных потомков финно-угров и половцев связывает с украинцами лишь их нынешняя славянофонность:

«Русский литературный язык является общеславянским элементом в русской культуре и представляет собой то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим «единственное», ибо другие связи – иллюзорны. «Славянский характер» или «славянская психика» – мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психологический склад, и по своему национальному характеру поляк точно так же похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. «Славянская культура» – тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других нисколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, турок и греков на тех же славян. Более того, славяне принадлежат к различным этнографическим зонам. Итак, «славянство» – понятие не этнопсихологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое. Язык, и только язык, связывает славян друг с другом. Язык является единственным звеном, соединяющим Россию со славянством» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy->

[90.htm](#));

«Мы с вами (украинцы) – часть индоарийской расы, являемся европейцами. Секрет полишинеля состоит в том, что в генетическом плане нет понятия славяне. Никакого славянского общества нет. Есть индоарийцы, есть тюрки (русскоязычные туранцы – потомки финноязычных скифов и тюркоязычных половцев, – П.Д.). Вот мы с вами являемся намного ближе к немцам генетически, чем к русским. В Киеве в Первую и Вторую мировую существовал украинско-немецкий суржик. В Нежине огурцы называют «гурок». На украинском – «огірок», а по-немецки «гурке» (Gurke). Наречия и диалекты украинские ближе к немецкому языку, чем к русскому» (Психоаналитик Александр Зеленко, из интервью Татьяне Зарвной, «Как Уланова, Ступка и разработки КГБ помогли русскому гопнику оттяпать Донбасс и Крым», <http://ord-ua.com/print/2015/10/27/kak-ulanova-stupka-i-razrabotki-kgb-pomogli-russskomu-gopniku-ottyapat-donbass-i-kryim/>).

Да и основой то русского языка являются на самом деле не южные украинские (дулебские, болгарские, хазарские другие полянские), а северные лехитские (великопольские) и полабские (вендские) славянские диалекты:

«Установление суммы отличий древненовгородского диалекта, естественно, направило исследовательскую мысль на поиски аналогов этим диалектным признакам в других славянских языках. Результатом таких поисков стал вывод о том, что исходная область славянского заселения Псковского и Новгородского регионов находилась на территории славянской южной Балтики. Именно в языках живших здесь славян, в первую очередь в лехитских (древнепольских), обнаружена сумма аналогов древненовгородскому. Этот вывод совпал с капитальными наблюдениями над древностями курганов и поселений недавно ушедшего из жизни выдающегося исследователя древнего славянства академика Валентина Васильевича Седова» (Валентин Янин, «Истоки новгородской государственности», <http://www.nkj.ru/archive/articles/1100/>);

«Как показал материал берестяных грамот, почти все указанные диалектные особенности возникают очень рано (а не в конце древнекиевского периода, как предполагалось прежде): они отражены уже в самых древних берестяных грамотах и, следовательно, возникли не позднее, чем в самом начале письменной истории русского языка. В целом стало ясно, что уже в XI – XIIвв. древненовгородский диалект отличался от наддиалектного («стандартного») древнекиевского по целому комплексу фонетических и морфологических черт. Древненовгородский диалект сосуществовал в новгородском обществе с наддиалектной («стандартной») формой древнекиевского языка. В шкале социолингвистической престижности он стоял ниже... Находки последних лет показали, что наддиалектный древнекиевский употреблялся относительно более широко в среде, близкой к княжеской администрации. Это могло быть частично связано и с тем, что в этой среде постоянно присутствовали и неновгородцы, в частности, приезжие из Киева... Расширение знаний о древненовгородском диалекте привело к падению традиционного представления о монолитном единстве правосточнославянского языка. Стало понятно, что внутри

восточнославянской зоны имелось очень древнее противопоставление, по крайней мере, двух диалектов – прановгородско-псковского и южного (или юго-восточного)» (Андрей Зализняк, «Значение берестяных грамот для истории русского языка», в сб.: «Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения» – М., 2003, С. 218-223, <http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak-03.htm>);

«Средневековое (XI–XVI вв.) население Новгородской земли антропологически довольно отчетливо делится на две хронологические группы, разграничиваемые рубежом XIII–XIV вв. Группы населения XI–XIII и XIII–XVI вв. в целом различаются по следующим признакам: углу выступания носа, длине и высоте черепной коробки и ширине орбиты. Величины данных признаков у первых значительно больше, чем у вторых. Кроме того, по результатам канонического анализа высота переносья в ранних группах понижена по отношению к углу выступания носа, а в поздних зачастую повышена. Межгрупповая изменчивость высоты переносья и угла выступания носа в данном случае противоположна внутригрупповой. Ранние новгородские группы (кривичи и другие днепровские балты, – П.Д.) характеризуются однородностью, а в большинстве поздних (завезённых после геноцида новгородцев финнов как из более северных регионов, так и из Залешанщины, – П.Д.) отмечается повышенная изменчивость и выделяется комплекс взаимосвязанных признаков. В соответствии с последним у индивидуумов с тенденцией к длинно- и высокоголовости более наклонный лоб, выше и шире лицо, выше и уже нос, шире орбиты, резче горизонтальная профилировка лица и переносья. Увеличение черепного указателя и уменьшение высоты черепа и лица сопровождаются ослаблением горизонтальной профилировки и т. д. Первый антропологический вариант связан с ранним населением Новгородской земли, второй имеет аналогии в местных финских группах XIII–XV вв. ... Ранние новгородцы более всего схожи с балтами, а население от верховьев Припяти до Прутско-Днестровского междуречья имеет также аналогии в наиболее массивных и высоколицых («балтоидных») славянских сериях Средней Европы I и начала II тысячелетия н. э. Ранние новгородцы более всего схожи с балтами, а население от верховьев Припяти до Прутско-Днестровского междуречья имеет также аналогии в наиболее массивных и высоколицых («балтоидных») славянских сериях Средней Европы I и начала II тысячелетия н. э. ... Не подтвердилось сходство антропологических комплексов, характерных для ранних новгородцев и славян балтийского побережья (ободритов и поморян). Сильное сходство последних (славянизированных свевами / свавами / *славами и готами долихокранных «северных иллирийцев», – П.Д.) с германцами свидетельствует о далеко зашедшем смешении. Западные славяне в целом отличаются от новгородцев более узкими и высокими орбитами и носом. Ранние новгородцы гораздо ближе к балтам, но даже с поздними новгородцами сходство сильнее, чем со славянами балтийского побережья. Тем не менее, уже упоминавшееся сходство населения Восточной Прибалтики и части восточных и западных славян (славянизированного долихокранного населения, – П.Д.) может говорить о первоначальном единстве происхождения. Довольно быстрое растворение физических особенностей небольшой группы норманнов в антропологически чуждой среде иллюстрируется на примере скандинавского кладбища XI–XII вв. на Земляном городище в

Старой Ладогe. В серии отмечена сильная неоднородность. Костяки из глубоких погребений (ранних по времени) отличались более резкой горизонтальной профилировкой лица, сильнее выступающим носом и большей длиной тела от костяков из неглубоких могил. Хотя обе подгруппы находятся в пределах вариаций германских серий, можно предположить, что в дальнейшем усиливались черты, характерные для местного населения. В облике новгородцев не прослеживается значительного воздействия германского комплекса (сочетание низкого черепа, высоких лица и орбит). Западнославянское и скандинавское влияние на культуру населения Новгородской земли фиксируется данными археологии, этнографии, лингвистики. Данные краниометрии, однако, пока не подтверждают того же в отношении антропологических особенностей этого населения. Возможно, элементы культуры и языка распространялись здесь (как и в Залешанщине, – П.Д.) более активно, нежели их носители» (Серафима Санкина, «Этническая история средневекового населения Новгородской земли», <http://a-nevsky.ru/library/etnicheskaya-istoriya-srednevekovogo-naseleniya-novgorodskoy-zemli15.html>);

«Археологические данные позволяют говорить, что в основе восточного славянства находятся четыре больших племенных образования праславянского начала: антское и дулебское на юге, русы на юго-востоке и среднеевропейские переселенцы на севере. Нанесение древностей этих групп на диалектологическую карту показывает, что они ареально соответствуют современным наречиям восточнославянских языков. В этой связи допустима мысль о том, что группировка среднеевропейского населения (гревту́нги / груту́нны = хорутаны, – П.Д.), расселившаяся около середины I тыс. н. э. в лесной зоне Восточно-Европейской равнины среди финноязычных племен (и балтизированных потомков финноязычных скифов – днепровских балтов, – П.Д.), заложила основы будущего северновеликорусского наречия; носители волынцевских древностей были отдаленными предками восточных славян, образовавших южновеликорусское наречие (точнее, подвергшееся позже русификации юго-восточное украинское наречие, – П.Д.); основу украинского этноса составили антская и дулебская праславянские группы (а также как потомки гревту́нгов / груту́ннов и готов тетракситов – черноморские русы-торки = таркасы [лат. *Tarcazi*] / черкасы, потомки караболгар-согдийцев утигуров – аланы-руссы = ясы, кутригуров – угличи / уличи / валахи и тиверцы, так и потомки карахазар-согдийцев бораны = *барангуры / беленджеры = берендеи, кавары = ковуи и касоги; троксоланы / роксоланы, аланы-торки и огузы-торки, – П.Д.). Верхнее Поднепровье и смежные с ним земли, как свидетельствуют материалы археологии, до славянского расселения были плотно освоены местными балтами (балтизированными потомками финноязычных скифов, – П.Д.), которые в значительной массе не покинули мест своего обитания и были постепенно славянизированы (гревту́нгами / груту́ннами = хорутанами = полянами-руссами и донскими аланами-торками / аланами-руссами, – П.Д.), что и обусловило формирование в этом регионе особых восточнославянских диалектов, а позднее – беларуской народности... Общие элементы, свойственные как новгородским, так и псковским говорам (в том числе и отсутствие второй палатализации), очевидно, принадлежат к языковым особенностям, сформировавшимся в третьей четверти I тыс. н. э., к эпохе культуры псковских длинных

курганов, носители которой позднее дифференцировались на словен ильменских и кривичей псковских. К тому же некоторые общие черты новгородских и псковских говоров обусловлены единым прибалтийско-финским субстратом. Таковым, в частности, скорее всего, является цоканье (в памятниках письменности это диалектное явление проявляется с конца XI в., но его возникновение должно быть отнесено к более раннему времени). Значительно и общее лексическое проникновение в новгородско-псковские говоры. Заметные диалектные различия между кривичами псковскими и смоленско-полоцкими с исторической точки зрения абсолютно правомерны. В отличие от Псковской земли, где дославянским населением было прибалтийско-финское, в верхнем и среднем течении Западной Двины и в Смоленском Поднепровье до прихода славян (славяноязычных аланоторков и готов, – П.Д.), довольно плотным массивом проживали балты. Последние не покинули мест своего обитания и вместе с пришлым населением во второй половине I тыс. н. э. образовали славяно-балтский симбиоз, который в результате инфильтрации из ареала культуры псковских длинных курганов с севера и дунайских славян с юга пополнился славянским этническим компонентом. Только после этого и сформировалась смоленско-полоцкая группа кривичей. В диалектном развитии она естественно отчленилась от остального массива северновеликорусов. Смоленско-полоцкий диалект первых веков II тыс. н. э. стал основой севернобеларуского говора. Вместе с тем, смоленско-полоцкие говоры сохранили и элементы северновеликорусского начала... Ныне не подлежит сомнению, что белорусский этнос и его язык формировались в условиях взаимодействия славянского населения с местными балтами. Территория становления белорусов, начиная с отдаленной древности, была довольно плотно заселена населением, принадлежащим балтскому этноязыковому массиву, которое в процессе славянской миграции в основном не покинуло мест своего обитания и, как свидетельствуют данные археологии, гидронимики и антропологии, оказалось ассимилированным и вошло в состав древнерусского населения этого края. Среди балтского населения современной Беларуси и Верхнего Поднепровья отчетливо выделяются две древние этнокультурные группы. Одна из них в раннем железном веке представлена культурой штрихованной керамики, занимавшей среднебеларуские земли, современную Литву и часть Латвии. Ее носителями были срединные балты – предки раннесредневековых летто-литовских племен. Вторую группу составляли племена – носители весьма близких между собой культур – днепро-двинской, юхновской и верхнеокской. Это днепровские балты (балтизированные усунями финноязычные скифы, – П.Д.), позднее растворившиеся в восточнославянской среде» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование // О диалектном членении древнерусского языка», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/19);

«Выходит скифские (прафинские, – П.Д.) языковые реликты являют ближайшее родство с вост.-балт. языковым типом (сформировавшемся на финноязычном скифском этническом субстрате, – П.Д.), чем с зап.-балт. или праслав. Это не удивительно в виду их территориального соседства с ареалом лесостепной зоны, где многочисленные вост.-балт. топонимы хорошо известны. Обширный ареал балтийской гидронимии простирается к

северу от Скифии и страны будинов, в бассейне верхнего Днепра (Топоров, Трубачёв 1962: карты № 2, 3, 8)» (Александр Шапошников, «Скифский и Прабалтийский языки – соседи или родственники? Земля будинов – промежуточная прародина прабалтийского этноса», https://www.academia.edu/30339975/Скифский_и_прабалтийский_языки_-_соседи_или_родственники.pdf);

«В формировании кривичской культурной общности ведущую роль играли балтийский и финно-угорский субстраты. Вплоть до X в. территория современной Беларуси, на которой и сегодня говорят на одном из восточнославянских языков, была заселена восточными балтами (предками современных литовцев и латвийцев), причем балтийский этнический компонент сохранился даже после того, как там утвердились славяне. Упомянутое в Начальной русской летописи балтийское племя голядь (голинцы) жило в бассейне верхней Оки к юго западу от Москвы вплоть до XII в. Медленную ассимиляцию балтов славянскими племенами подтверждают археологические находки и данные антропологических исследований. Погребальные обряды балтов, приемы изготовления одежды и украшений обнаруживаются в бассейне верхнего Днепра на протяжении X и даже начала XI в. Беларуский физический тип сходен с балтийским: долихоцефалический (удлиненный) лицевой тип со средним размером черепа не похож на мезоцефалический (широколицевой) тип людей, живших на Западной Украине. Различие можно объяснить тем, что местные жители некогда ассимилировали балтов. Отметим, что распространение балтийских названий рек, типов погребений и физического типа ограничивается границами Беларуси» (Мария Гимбутас, «Славяне. Сыны Перуна», <http://metodich.ru/perevod-nauchnoe-redaktirovanie-fedor-kapica-i-tateyana-kolyad/index8.html>);

«...исследование В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева (1962) показало: во всяком случае, в Верхнем Поднепровье балтские гидронимы зачастую оформлены славянскими суффиксам. Это означает, что славяне появились в этом регионе позже балтов» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php; http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf);

«Полабский язык имеет также ряд древних структурных соответствий русским языковым явлениям. Сюда относятся, в частности, полабск. «kok» – как..., «nit'ide» < *nekъde – нигде (укр. «ніде»), «plasa» < *plešqъ – пляшут (укр. «танцюють»), «l'ân» – лён (ст. укр. «лен»); «râzi» < *rъze – ржи (ср. рожь, ржи), «zobâl-să» < *zabyľ-sę – забыл (русск. разг. «я забылся» – забыл), «tok kăk bōdē» < *tako kako bōdetъ – «как-то будет» и много других качеств. Порой полабский выглядит радикальней русского, например, в обязательном переходе «ё» (ять) в «о» под ударением... Как и в русском, существуют формы партитиву (частичного падежа) «drāv vist» < *drъvъ vezti – «(при) везти дров» (чего?). Лехитские черты языка полабян-вендов (Wenden, Winden) ведут на славянский север и укрепляют доказательства подлинности, вечности отдельного названия «древних» россиян (NB термин) и нынешней России в языках финских народов – Venäjâ, veneläinen... Так было показано, что белорусский сформировался позже двух отчетливо отличных диалектных групп –

предшественниц будущего украинского и будущего русского, в каждом из которых, таким образом, была и есть своя история. На большую древность языковых явлений, разграниченных лидско-лоевским комплексом изоглосс, указывает как фронтальный характер комплекса, так и системность и многочисленность признаков, испытывающих на нем перебой. Методологическая ошибка (подделка?), которую сознательно лелеют великодержавные идеологи – в надании приоритета в древнем развитии славянских языков не диалектам, а именно этноязыкам. На нее указывает и Х. Шустер-Шевц: «Невнимание к сложности и многослойности языковых (в данном случае фонологических) изменений влияет и на методологию исследования. Поскольку не признается исходное единство диалектных процессов, в них видят или позднее параллельное развитие, или, как в случае $g > h$, устанавливается даже факт вторичного воздействия других языков (здесь речь идет о влиянии чешского языка на верхнелужицкий)» [Шустер Шевц 1983, 34]» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка», <http://www.pravda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>; https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf).

Стремление же, навязать всему миру мнение об общем происхождении русских белорусов и украинцев, вызвано болезненным самолюбием русскоязычного психически инфантильного этноса и желанием присвоить себе героическое прошлое предков белорусов и украинцев:

«Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления...» (Петр Чаадаев, «Философические письма // Письмо первое», <http://libclub.com/C/ChaadaevPYa/ChaadaevPYa-263-2.htm>);

«Есть проблема отношения русских к истории. Я не хочу возвращаться к чаадаевским перепевам, но, строго говоря, Чаадаев по-медицински прав. Проблема в том, что сегодня в России историческое сознание вытеснено артефактом квазизнания о том, что было...» (Российский политолог Глеб Павловский, http://www.compromat.ru/page_9989.htm);

«...если история страны – это история «тысячелетнего рабства» или унаследованного от монголов и ставшего русским генетическим кодом «ордынства», то в отечественном прошлом нам с вами опереться не на что. Тогда наше историческое сознание обречено быть исключительно негативистским. А это значит, что тогда у нас нет в стране своего прошлого и, следовательно, нет и будущего... Повторю еще раз: если ничего такого в российской истории не было, а были лишь «тысячелетнее рабство» и «ордынство», то у нас с вами нет не только прошлого, но и будущего. С нуля в истории ничего не начинается, преемственная нить в ней даже при самых резких переменах никогда не рвется, при них всегда что-то из уходящего наследуется. А потому наше идеологическое обнуление прошлого, т.е. признание его полностью чужим и чуждым, может означать лишь добровольное согласие на сохранение или возрождение «ордынства» в новых формах...» (Игорь Клямкин, из обсуждения доклада Александра Янова «Европейская и «холопская» традиции в России»,

<http://www.liberal.ru/articles/4534>);

«Не секрет, что многие великие нации в период своей молодости имели свойство, или если хотите закономерную тенденцию, приписывать себе историю других наций. Древний Рим в начале расцвета приписывал себе историю древней Греции. Все великие нации средневековой Европы, объявляли себя законными наследниками истории Римской империи. Поэтому нет ничего удивительного в том, молодая Русская нация приписывает себе историю Украины. Это совершенно естественно с точки зрения великодержавного шовинизма. Да и с точки зрения бытовой логики, наверное, приятнее чувствовать себя наследником великой истории, а не молодым байстрюком (не знаю перевод, дословно: – зачат в результате изнасилования), стоящим по пояс в крови выпотрошенной родни. Хотя я и не хотел об этом говорить, но, надеюсь, вы в курсе факта самого крупного геноцида за всю историю человечества?» (Виталий Локотарёв, «Русские, вы кто?»),

<https://sites.google.com/site/lokotarev/home/filosofia/russkie-vy-kto->);

«Выводы, к которым приходит Духинский: название Русь узурпировано москвитями. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intrus (франц. «злоумышленники» / «незаконно вторгшиеся», – П.Д.), которых требуется опять прогнать за Днепр... Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы, по крайней мере, этот взгляд стал господствовать среди славян...» (Энгельс – Марксу, 15 июля 1865г.: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Сочинения, Т 31, Москва, 1963, http://warrax.net/2016/08/marx_russia.html; http://ander.ladimir.kiev.ua/pq/show/istoriya-K.-Marks-i-F.-Ehngelxs%602C-sobranie-sotchinenij%602C-tom-31.txhtml?page=136&b_a=istoriya);

«...украинцы правы, называя только себя «природными русскими», потому что на нынешней их территории, да еще по великим путям «из варяг в греки», начиная с Новгорода, и развивалась исторически жизнь русской нации первого времени. ...третья русская нация включила в себя народы тюркские, и много славных русских фамилий звучит по-татарски, иногда и не очень благозвучно. Образовался великорусский народ. А современный русский явился с конца XIXв., может быть даже позже, только в советское время, когда под именем русского мог быть любой, живущий в Союзе. Цвет великорусской нации изгнан, замучен в лагерях или уничтожен физически. «Человеческий материал», русский этнос потерпел ущерб, и значительный, но остались: 1 – язык, 2 – вера, 3 – национальный характер, выкованный веками в неволе (не-свободе), а сверх того еще и границы, пространства, Земля, ее рубежи. Как тут не вспомнить слов Ключевского, с горечью сказанных в 1905г.: «России больше нет: остались только русские». Расплывание народа как цельности идеи связано не только с формированием нации – государственным варианте народа, но и с параллельным тому размыванием собственно народа – как этноса, как природной среды: на народ и на «публику» (Константин Аксаков), на народ и на «массы». Реальность «народ», подмененная идеальностью «нация», сама по себе рассыпалась на осколки разного веса и достоинства, создавая вязкие, рыхлые, холодные «народные массы»...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v->

yazyke-i-tekste-read-426966-63.html);

«Мы проследили логику основных событий этнической истории Руси и России. Легко увидеть, что изложение этой логики вовсе не похоже на повествование об истории социальной. Этническую историю любой страны, то есть историю населяющих ее народов, нельзя рассматривать так, как мы рассматриваем экономические отношения, политические коллизии, историю культуры и мысли. Не составляет исключения и история России, изложенная в этническом аспекте: ее невозможно представить в виде линейного процесса, идущего от Рюрика до Горбачева. События этногенезов народов нашего Отечества составляют историческую канву жизни, по крайней мере, двух различных суперэтносов. Поэтому необходимо различать историю Древней Киевской Руси (с IX до XIII в., включая и историю Новгорода до его падения в XV в.) и историю Московской Руси (с XIII столетия до наших дней)... Действительно, если мы имеем в виду культуру, то есть все созданное людьми, то с тезисом о преемственности с грехом пополам можно согласиться. Но коль скоро речь идет об энтогенезе, то к нему этот тезис вообще неприменим. В отличие от культурной традиции, традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей, поддерживаемое их пассионарностью. Что же касается стереотипов поведения людей в Киевской Руси и в Московском государстве, то они, как мы убедились, отличались весьма существенно» (Лев Гумилёв, «От Руси к России. Очерки этнической истории», М.: Экопрос, 1992, с. 292-296, <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r03f.htm#r2r03chapter7>);

«А Россия имеет к историческому и культурному наследию Киевской Руси приблизительно такое же отношение, как к соответствующему наследию Римской Империи (Roma) имеет ее бывшая колония Румыния (Romania)...» (Михаил Красуский, «Древность малороссийского языка», Одесса, тип. Ульриха, 1880, 28 с., <http://ukrainaforever.narod.ru/ykrgovir.html>);

«Итак, имеющийся в распоряжении учёных фактический материал доказывает, что «русский брат» по возрасту вовсе не «старший», а самый младший. Да и в общей колыбели он никогда не был, потому что пока родился, «колыбель» уже развалилась. К Киевской Руси россияне имеют ту причастность, что их земли некоторое время полуформально входили в состав этого государства, и будущие россияне усвоили христианскую культуру Киевской Руси со многими украинскими влияниями, поскольку творцом Киевского государства был украинский этнос, а также переняли этническое название – Русь. Полностью прав известный украинский историк Л. Зализняк, отметив, что «права Москвы на историческое и культурное наследие княжеского Киева не больше и не меньше, чем права Мадрида, Лиссабона, Парижа и Бухареста на историю и культуру латинского Рима. Как романские народы унаследовали определённые достижения римской культуры, так и беларусы и россияне вобрали в свой этноопределяющий комплекс определённые элементы культуры княжеского Киева. Однако, как первые не являлись непосредственными создателями латинской культуры Рима, так и вторые имеют косвенное отношение к созданию культуры Киевской Руси. Ведь

подавляющее большинство элементов последней появились в пределах Южной Руси, пусть и под внешним воздействием культуры Византии. К тому же, произошло это в значительной степени ещё до появления беларусов и россиян на исторической арене Восточной Европы» (Григорий Пивторак, «Происхождение украинцев, русских, беларусов и их языков. Мифы и правда о трёх братьях славянских из общей колыбели», orthodox-odessa.ucoz.ua/_id/2/237_--_.doc; https://otherreferats.allbest.ru/history/00072430_1.html; http://www.lucorg.com/block.php/block_id/39/lang/ua);

«Казаки, не имеют ничего общего с русскими, разве что греческую религию и испорченный язык (на самом же деле испорченным славянизмами, галлицизмами и тюркизмами является не украинский, а русский язык, – П.Д.). Их обычаи, наоборот, образ жизни, еда, войны – совершенно различные, если не принимать во внимание общих сходств, которые всегда существуют между граничащими народами. Казаки намного красивее, выше, активнее, умелее, изобретательнее и особенно намного честнее русских, менее привыкшие к рабству. Они искренни, отважны и говорят смелее. Их превосходство менее однообразно, и клеймо, которое накладывает рабство, их еще не вполне осквернило и не предало холопству... Казаки жестокие и кровавые, но только в разгаре военного действия, русский же является по природе хладнокровно-беспощадным и суровым... Казацкая нация теряет независимость, которую имела до своего объединения с Россией. Ее перестают щадить с того момента, когда уверяются, что это пройдет им безнаказанно. Восстание великого гетмана Мазепы вызвано плохой трактовкой [договора], послужило началом угнетения их (казаков-украинцев) еще в царствование Петра I. Этот император отобрал у них право выбирать своего руководителя. Он ввел принудительные отягощения в их стране и ограничил казацкие контингенты, которые отныне могли быть только периодическими и временными. Разгневанный их преданностью Карлу XII, он уничтожил казацкие соединения и разбросал их войско по разным областям своего безграничного государства. Однако его преемники уважали последние казацкие военные и общественные институты, так как боялись, чтобы окончательно, ущемляя их бесконечно, не бросить в подданство туркам или Польши, или крымским татарам. И с того момента, когда эти три врага перестали быть страшны для России, казаки оказались в рабстве царизма. Теперь их древняя республиканская конституция не существует, равенство между ними исчезло...» (Шарль Франсуа Массон, «Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I», М., 1996, с. 56, <http://www.livelib.ru/book/1000261505>).

Поэтому-то многие украинцы постепенно и порусели, а под тлетворным влиянием патогенной быдлотворной русской языковой картины мира стали психически инфантильными и предались великорусской мерзости:

«Действительно, хохлы здешние порусели, русские утратили чистоту речи и особенность своего народного типа. Здешних крестьян-малороссов где-нибудь «под Полтавой» дразнят москалями, а русские бранят хохлами. Говорят они и по-малороссийски, и по-русски, и на обоих наречиях дурно; одеваются по-хохлацки, а между тем отпускают бороду по русскому обычаю. Мещане и мещанки, носившие прежде малороссийское платье,

теперь его сбросили и надели русское, т.е. немецкое. Победоносен элемент великорусский и мало-помалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трактирно-московский, расейско-лакейский. У нас, в России, мы говорим, что народ портится благодаря подражательности Западу нашего сословия, – но то, что мы признаем искажением нашего быта, является в Украине образцом чисто русского быта...» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Том 2. Письма и мемуары 1838–1849гг. – М.: Русская книга, 2003, с. 227, http://archive.org/stream/ivansergieevich03aksagoog/ivansergieevich03aksagoog_djvu.txt).

Почти вся официальная история ныне русскоязычного психически инфантильного этноса – всего лишь наглейшая Ложь:

«Незнание наших историков удивительно... Что слово, то несправедливость...» (Александр Пушкин, «История Пугачова», из первой редакции, Т. 8 «Из ранних редакций», ПСС в 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979, <http://www.as-pushkin.net/pushkin/text/zametki/rannie-redakcii.htm>);

«Должен еще заметить, что Герарду Миллеру русская историческая наука обязана многим – он ведь был ее основателем и зачинателем, первым официальным русским историографом. Он был основателем исторического и первого научно-популярного журналов, первым ректором Петербургского университета, инициатором экспедиций в Камчатку и Сибирь, за 50 лет трудов создал историографическую школу, оставил библиотеку(!) впервые изданных чужих и своих работ, в том числе первую «Историю Сибири», описание языков сибирских и поволжских народов, многое другое. Он вошел в историю уже тем, что первым начал изучать и публиковать летописи! Именно по инициативе Миллера в 1732 году впервые начали выходить на немецком языке сборники древнерусских литературных памятников. Но – в сокращенном виде, отрывками, выдержками. Когда же в 1734 году Академия – по инициативе Миллера, разумеется, – обратилась к Сенату за разрешением на издание летописей в полном виде, то Сенат переадресовал прошение ученых Синоду, а Синод запретил, постановив, что летописи полны лжи и позорят русский народ... Поверьте, я не из числа тех, кто любит возмущаться «засильем иностранщины». А по отношению к тем временам, я считаю, это подло и неблагодарно. Ибо иностранцы создавали русскую науку, русскую академию. И плевать им вслед, вначале воспользовавшись их умом и трудами, – предел плебейства и хамства...» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«...«Российская история» Татищева: «Брат на брата, сынове против отцев, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий «сдвиг» к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому! Вся беда (и

страшная), что никто даже малейшего подлинного понятия о «русской истории» не имел...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», http://rulibrary.ru/bunin/okayannye_dni/19; <http://izbrannoe.com/news/mysli/okayannye-dni-ivana-alekseevicha-bunina/>);

«Русская история в своих корнях бессловесна. Быть историком России может только человек с феноменальным чутьем, смотрящий внутрь слов. В то, не что сказано, а как сказано. Содержание для русского не важно. Важна манера, тембр голоса, интонация, жесты, оговорки, запинки. Тогда чувствуешь человека...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«Вся российская и советская история сфальсифицирована на 90%» (известный российский историк Юрий Афанасьев, 2005, http://jn.com.ua/History/nez_2810.html; <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2008/10/24/4453600/>);

«С детства, со сказок и со школьных уроков вбитая мифология. А если проще говорить – прямая ложь, разжигающая вражду между народами. По ней, по этой лжи, Дмитрий Донской «боролся против татаро-монгольского ига» и на Куликовом поле воевал «против хана Золотой Орды». Никогда Дмитрий Иванович, с детских лет опекаемый ханами Золотой Орды, не боролся против этого самого «ига», а, наоборот, всеми силами поддерживал законную власть законного хана Золотой Орды. Что и доказал на Куликовом поле, выступив против Мамаю. Который никогда ханом не был и не мог быть, а был смутьяном, мятежником и узурпатором, общим врагом и для Дмитрия, и для Тохтамыша. То есть и для Руси (на самом деле для Московии, тогда отнюдь не отождествлявшее себя с Русью, – П.Д.), и для Золотой Орды. И т. д. и т. п. Но эта ложь поддерживается веками и живет донныне» (Сергей Баймухаметов «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«Когда историю постоянно фальсифицируют, когда страна погружена в мифологию и конспирологию, когда вместо исторической ответственности власть формирует реликтовые неолитические представления о мире, когда историческую несвободу укрепляют очередной порцией мифологием, можно ли ожидать ликвидации нравственной деградации, бытовой агрессивности и разрушительности? Новейшая история страны – бесконечная череда убийств, насилий и войн. Российская власть никогда не скрывала свою ненасытно-агрессивную сущность: территориальные захваты без каких-либо раздумий о судьбе и эффективном предназначении захваченного, торжество алчности и звериной ненасытности ордынства, бесконечная война против собственного народа, неспособность к самокритике, самоорганизации и саморазвитию» (Игорь Гарин, «Что ведет РФ к окончательному распаду», <http://nv.ua/opinion/garin/chto-vedet-rf-k-okonchatelnomu-raspadu-72285.html>; <https://www.proza.ru/2015/11/25/864>);

«Все слова русских, в частности относительно Истории, нужно понимать прямо противоположно. Но мало кто из обладателей цивилизованной мысли, даже строя картину

русского анти-мира, способен самостоятельно представить факты, ставшие известными вопреки многолетней вакханалии красной пропаганды... Мы принесем Правосудие на оружейной стали в проклятую землю большевистских вырожденцев. Бездна и торжество отбросов человечества продолжались десятилетиями, но История не знает преступлений, длившихся вечно. Чем дольше праздновал свою лже-победу совковый сброд, тем сильнее будет карающее Возмездие мира потомков цивилизованных наций – благородная миссия, вдохновляемая памятью каждого из нас» (Einsamer Krieger, «Взламывавшие крови. Зверства русских на территории Германии» [Article, all English-Russian translations and compilation are made by Nicolas von Schatz, a.k.a Einsamer Krieger, for Free Speech of MFF], <https://russkie-svinii.blogspot.com/2016/10/ruzke.html#more>, <https://russkie-svinii.blogspot.com/2016/>);

«Но самое поучительное, в том числе для ситуации, складывающейся у нас сегодня с гуманитарными науками, произошло после «зачистки» Академии наук. Сталин до поры до времени верил «покровцам», что они и есть настоящие советские историки, которых «не пускают» в серьёзную науку историки антисоветские. Соответственно, когда их, наконец, ликующей, галдящей толпой «запустили в закрома», он ждал от них результата. Но тут вышла заминка. Результата не могло быть в принципе. И дело даже не в очевидной бесталанности «покровцев». Будь они и семи пядей во лбу, никакой пользы от них государство всё равно не имело бы. Ибо, согласно основной исторической концепции их «гуру», у Российского государства не было истории, потому что и государства не было. А что же было? Ну, говоря современным языком, «экономические отношения между хозяйствующими субъектами». А всё остальное придумали «продавшиеся царизму историки»...» (Андрей Воронцов, «Дело историков», http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/delo_istorikov_457.htm);

«...одним из первых декретов, подписанных Лениным после октябрьского переворота, был Декрет о печати, который, по существу, вводил цензуру в России, а потом – и в целом Советском Союзе. И под этой цензурой понималась не только идеологическая цензура, когда можно было расхваливать коммунистов и позорить всех остальных. Это была также и цензура историческая. И, практически, несколько поколений людей очень плохо знали реальную историю не только Советского Союза, но и того периода, когда еще была Российская империя. ...все переиначивалось, скрывалось, и никто не объяснял людям, каким же образом возникло это странное образование, в котором «русские», как я сам себе, шутя говорю, это общественно-криминальная группировка, так же, как оргпреступная группировка, какие-то там «солнцевские», «тамбовские»... Хотя трудно рассказывать правду людям, которые абсолютно не имеют желания слушать и слышать эту правду. Или попробуйте мне объяснить, что такое русские фамилии? Но половина из них – тюркского происхождения, треть – украинского, а есть еще же и французские, и польские, и немецкие. Поэтому иногда приходится шутить. Ну, например, если бы каждый «русский» покопался бы в своей родословной, то половина из них снова стали бы татарами, как, например, Булгаков, Кутузов, Аксаков, Тургенев, треть – стали бы украинцами, потому что и украинцы

приняли участие, в значительной степени в этом странном этногенезе под названием «русские». Кто-то стал бы снова немцем, французом, поляком...» (профессор, писатель, публицист Олег Панфилов, «Национализм нынешней России – не современная болезнь, она старая, имперская», <http://www.ukrinform.ru/rubric-culture/2062606-oleg-panfilov-professor-pisatel-publicist.html>);

«В целом же западные, в частности немецкие, источники дают ценный и в основном объективный материал о бурной и сложной эпохе истории Украины. И что важно отметить, они опровергают ту (ложную, – П.Д.) официальную версию событий в Украине, «измены Мазепы», которая была спешно состряпана в канцелярии Петра I и которой придерживались, как в царской России, так и в СССР. Как показывают эти источники, «предательство» Мазепы было ответом на политику Петра I относительно Украины, направленную на полную ликвидацию ее автономии, прав и привилегий казачества. Прусский посол Кайзерлинг докладывал по поводу перехода Мазепы на сторону Карла XII: «Не следует думать, что этот человек, которого народ так любит, как и уважает, не имеет своих сторонников. Казаки очень недовольны московским правительством, которое жестоко с ними обращается и часто нарушает их вольности. В воспоминаниях Вюртембергского принца Масимилиана-Эманюэля, командовавшего в армии Карла XII драгунским полком, говорится, что «казаки – это свободный народ, который не хочет быть ни под Польшей, ни под Москвой», что «политика ограничений и ликвидации автономии вызвала возмущение у них и их гетмана». Ф.Й. Штраленберг справедливо отмечает в своих мемуарах, что когда Мазепа «решил перейти на сторону шведов, его намерением было сделать свою страну независимым королевством»... Так, в 1772 г. были напечатаны «Заметки по пути из Петербурга в Крым» неизвестного автора, где значительное место занимает рассказ об Украине. Зафиксировано в очерке недовольство украинского народа российским господством и отмечается: «Весь народ с удовольствием вспоминает времена, когда он имел собственное государство (Гетьманщину. – Д.Н.) и с негодованием смотрит на попытки правительства лишить его широких прав, которыми он ранее владел»...» (Дмитрий Наливайко, «Немецко-украинские отношения XVIII ст., рецепция Украины в Германии, ее этапы и тенденции», http://chtyvo.org.ua/authors/Nalyvaiko_Dmytro_Serhiiovych/Nimetsko-ukrainski_vzaiemny_XVIII_st_Retseptsiia_Ukrainy_v_Nimechchyni_ii_etapy_i_tendentsii/; http://shron1.chtyvo.org.ua/Nalyvaiko_Dmytro_Serhiiovych/Nimetsko-ukrainski_vzaiemny_XVIII_st_Retseptsiia_Ukrainy_v_Nimechchyni_ii_etapy_i_tendentsii.pdf).

Даже история с освобождением Тараса Шевченко от крепостной зависимости до сих пор в России покрыта налётом лжи. Лицемерно скрывается то, что он фактически сам заработал средства для выкупа себя из крепостного рабства:

«Свободу Тарас заработал буквально своими руками, нарисовав портрет Василия Жуковского, покровительствовавшего молодому живописцу. В 1838 году портрет был продан на аукционе за 2500 рублей, которые и стали «вольной» для Тараса Шевченко» (Вадим Давыденко, «Шесть выдающихся россиян, вышедших из крепостных», <http://www.rg.ru/2014/03/03/krepostnie-site.html>).

Лицемерие, ложь и безалаберность, как норма поведения психически инфантильного русскоязычного населения

Лицемерие и Ложь стали нормой поведения русскоязычных челядишек, а откровенность ими стала осуждаться и презираться. Фраза: «Вот уж разоткровенничался!» говорит весьма о многом. Поэтому-то русскоязычный человек вовсе и не краснеет, когда нагло лжёт подобно своим мерянским предкам (то есть «врет, как сивый меря»). И, наоборот, он сразу же смущается и краснеет, когда у него случайно прорываются какие-либо откровения:

«Безалаберность – вот девиз нашего общества, а ложь его кумир. Оно лжет ежеминутно мыслью и делом, сознательно и бессознательно. Под влиянием последних чрезвычайных событий в нем как будто и начала шевелиться мысль: она куда-то рвется, что-то хочет понять, выяснить. Но ей не удалось развиться логически, ей недостает опоры науки, она кружится в пространстве, бьется, как подстреленная птица... Нет, тут надо еще целое столетие, чтобы могла выработаться какая-нибудь разумная сила... Полуобразованность – наше бедствие. Отсюда лживость и поверхностность – эти два бича, удручающие наше так называемое образованное общество. Чем больше и основательнее будем мы учиться, тем скорее от них избавимся» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 28 октября; 19 декабря 1854г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Не «историческую», а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною. Черты эти суть: благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся с одной стороны в непрерывном мордобитии, с другой – в стрельбе из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности не краснеть лгать самым бессовестным образом» (Письмо М.Е. Салтыкова в ред. журн. «Вестник Европы», 1871, <http://haharms.ru/saltykov-shchedrin-istoriya-goroda-19.html>; <http://lib.rus.ec/b/47781/read>);

«За более чем семьдесят лет советской власти и двадцать три года постсоветской создана лицемерная нация, у которой сложилось несколько отвратительных черт характера: хамство, чванливость и высокомерие, отвращение ко всему непонятному, нетерпимость к чужому языку и чужой культуре, хвастовство несуществующими победами и достижениями, желание разрешать конфликты только силой, отрицание компромиссов, стремление захватить чужое, объявив его «исконно» своим. Само собой, у этой нации есть язык – мат и жаргон. И территория – «русский мир»...» (Олег Панфилов о путинско-советской России: «Самая читающая нация» оказалась самой лживой?, <http://ru.krymr.com/a/25463498.html>);

«– Я считаю, что существующая система в России нежизнеспособна в дальнейшем. И население России, между прочим, несмотря на массовую эмиграцию, становится более зрелым. Люди все же, несмотря на массовую пропаганду, имеют возможность

путешествовать, видеть мир. Они не могут отрицать реальность коррупции и беззакония в России. Конечно, имеет место патриотическая истерика и шовинистическая эйфория, которая отвлекает внимание, но это не будет работать вечно. Поэтому, я думаю, что изменения будут, мы должны просто надеяться, что они будут мирными, без жертв. И думаю, что пришел момент, когда люди должны психологически, морально и интеллектуально готовиться к переменам. И первая необходимость – это понимать, что было. Если Россия вновь будет оперировать ложью, ничего хорошего из этого не выйдет. Ничто не отражает это лучше, чем взрывы 1999 года. Исторически свойственная России концепция, что индивидуальный человек ничего не стоит, что только великие политические цели имеют значение, пагубна...» (Дэвид Саттер: «существующая система в России нежизнеспособна в дальнейшем», <http://ehorussia.com/new/node/14166>).

В русскоязычной культуре откровенничать перед близкими и знакомыми очень стыдно. Постоянное сокрытие своих мыслей и тотальное контролирование своей речи, конечно же, сильно утомляют психику русскоязычного человека. Со временем этот негатив и подавление эмоций накапливаются в нем и выливаются в стресс. Если же русскоязычному человеку все же удастся найти постороннего собеседника, то есть незнакомого ему и ничего не значащего в его жизни человека, то он получает возможность, наконец-то, выплеснуть наружу всё то, что он раньше от всех скрывал, и, тем самым, избавить свою психику от накопившегося в ней напряжения. Вот почему русскоязычный человек начинает бесконтрольно а, следовательно, и нелицемерно изливать свои чувства перед незнакомыми ему людьми и, в том числе, и перед иностранцами:

«Русские имеют тенденцию «открывать душу» абсолютно незнакомым людям, рассказывая о себе все, даже если собеседник и не очень-то хочет об этом знать» (Элизабет Робертс, «Ксенофобский путеводитель по русским», Великобритания, <http://www.vzov.ru/2016/06-08/34.html>).

О величии и могуществе русского языка

Русскоязычные люди игнорируют тот факт, что не всякое большое количество переходит в новое качество. Старославянское слово «великъ» и украинское «великий» означают всего лишь «большой». И лишь большие размеры территории, освоенной русскоязычным населением, вовсе не достаточны для того, чтобы все преклонялись перед его мнимым величием. Но, несмотря на это, мы все же вынуждены признать «Величие» самого русского языка. Ведь смысл многих слов-оборотней русской нравственной лексики перестал соответствовать их внутренней форме, а сам «богатый» русский язык, тем самым, стал Великим Лицемером. Общаюсь на нем или же употребляя его лексику во внутренней речи, теперь можно вовсе и не бояться ни угрызений, ни мук совести и, следовательно, совершенно безнаказанно как лицемерить, выдавая ложь за правду, так и совершать любые злодеяния:

«Как беден наш язык! – Хочу и не могу.

– Не передать того ни другу, ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною.

Напрасно вечное томление сердец,

И клонит голову маститую мудрец

Пред этой ложью роковою...»

(Афанасий Фет, «Как беден наш язык! – Хочу и не могу», <http://www.stihi-rus.ru/1/Fet/48.htm>).

Да в этом-то и не приходится даже сомневаться:

«Душевная жизнь европейски образованного барина, помнившего бульвары Парижа, получавшего письма из Бадена и Женевы, спорившего о последнем романе Жанэ и о «Фаусте» Гете, была предельно далека от любых душевных движений крестьянина. Не только потому, что крестьянин не читал Гете, а еще и потому, что сами основы душевного устройства барина и его кучера оказывались различны. Одни и те же слова русского языка имеют для них разный смысл. Одни и те же события осмысливаются не просто по-другому, а в других категориях» (Андрей Буровский, «Запретная правда о русских: два народа», <https://www.litmir.me/br/?b=210117&p=21>);

«...Синодальный перевод (Библии, – П.Д.), вместе с произведениями наших классиков, позволяет увидеть, как сильно изменился язык, а вместе с ним и менталитет народа. Удивляет, как при столь изменившейся ментальности с нами остались такие черты, как бесшабашность, пьянство, лень, воровство и глупость. Чем только жив великорусский шовинизм! Эти «родимые пятна» – почти единственное, что подтверждает нашу русскость. По сути дела, это другой народ при тех же недостатках. Вот тема исследования для философов: куда деваются достоинства и почему остаются недостатки? ... Прочитав хотя бы словарь Даля, вы согласитесь, что даже в совершенно ясные слова и фразы раньше вкладывался другой смысл. Повторюсь, эти языки похожи, но это языки двух разных народов, двух разных культур» (Станислав Вершинин, «Осторожно: Синодальный перевод!», <http://www.doposle.ru/?id=1066> ; <http://www.doposle.ru/?id=806>).

А недостатки эти запечатлены, ведь, не только в самой русской ЯКМ, но и в отчетливо воспроизводящем её русском народном творчестве:

«Теперь посмотрим, [о чем мечтает] чего желает русская сказка, каковы бессознательные мечты (reves) русской души. Прежде всего – это искание «нового царства и лучшего места», постоянное стремление куда-то «за тридевять земель». Здесь есть, конечно, нечто общее сказочному миру всех народов: полет над действительным к чудесному, но есть и нечто свое, особенное, какое-то странничество русской души, любовь к чужому и новому здесь, на земле, и за пределами земли: «Града грядущего взыскуем». Замечательно то, что вся гамма желаний развернута в русской сказке – от самых возвышенных до самых низких. Мы найдем в ней и самые заветные мечты русского идеализма, и самый низменный житейский «экономический материализм». Прежде всего, это есть мечта о таком «новом царстве», где распределение будет построено на принципе «каждому по его потребностям», где можно наесться и напиться, где стоит «бык печеный», где молочные реки и кисельные берега. А главное – там можно ничего не делать и лениться. Сказка о дураке-Емеле

рассказывает, что он проводит время на печи и на всякое предложение пальцем пошевелинуть для какого-нибудь дела неизменно отвечает: «Я ленюсь!» Но ему, дураку, принадлежит волшебная щука, которая исполняет все его желания. Все работы выполняются сами собою, «по щучьему велению». Из этой сказки взято это популярное выражение, ставшее поговоркой: «по щучьему велению» (Б.П. Вышеславцев, «Русский национальный характер», <http://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/klasik/data/vopros/11.html>);

«Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность – вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко! Это род нервной болезни, а вовсе не знаменитые «запросы», будто бы происходящие от наших «глубин»...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», <http://knigger.com/texts.php?bid=12169&page=26>);

«Русские, если почитать фольклор, всегда хотели получить все сразу и много, и при этом не работать. Русские сказки – это и есть, к сожалению, национальная идея. Менталитет, который, мягко сказать, симпатии не вызывает. Лучшие люди в России всегда существуют вопреки ему...» (Эльдар Рязанов, <https://esquire.ru/wil/eldar-ryazanov>).

И, конечно же, сформировавшее лексикку русского языка дворянство и постепенно переосмыслившие ее холопы таки действительно были разными народами, да и культура то у них была разная. Ведь на самом-то деле вовсе и не одна была, а две были России:

«...процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми. Всего глубже была пропасть между простым народом, живущим еще обломками прежней национальной культуры, и слоями, уже начавшими европеизироваться. В отношениях между этими двумя слоями социальный момент смешивался с национально-культурным: барин был для простого народа не только представителем господствующего класса, но и носителем чужой культуры; мужик же был для так или иначе европеизированного или хотя бы только прикоснувшегося к европеизации человека не только представителем бесправного сословия, но и темным, дикарем. Так или иначе, в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы под иноземным игом, другие – как бы в завоеванной ими стране или в колонии. Изуродование русского человека привело к изуродованию самой России...» (Николай Трубецкой, «Наследие Чингисхана», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1018007/41/Trubeckoy_-_Nasledie_Chingishana.html);

«...Две разных России... община и дворянство, более ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презирая и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона» [А.И. Герцен, «Письма издалека: Избранные литературно-критические статьи и заметки», – М.: Современник, 1984, С. 208]. Итак, возникли две России – не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они

зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве» (Юрий Пивоваров, академик РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, «Истоки и смысл русской революции», «Полис», <http://old.politstudies.ru/fulltext/2007/5/4.htm>; http://www.zlev.ru/162/162_28.htm; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11622724>);

«Отчего, по-видимому, ты так безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, – как лицо красавицы в кривом зеркале, – всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно уродливым дивом?.. Тебя ли не наряжали, не румянили, не белили? За тобой ли не было ухода и призору? Тысячу прислужников холят тебя и денно и ночью, выписаны из-за моря дорогие учителя; есть у тебя и немцы-дядьки, и французы-гувернеры, – а все-таки не впрок идет тебе ученье, и смотришь ты неряхой, грязным неучем, вся в заплатах и пятнах, и, как дурень в сказке, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умеешь!.. Оттого я так безобразна, отвечает святая Русь (обрусевшая Тартария, – П.Д.), что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи во немецкий тесный... кафтан!.. И связали, и стянули, да и нудите: ходить по полю да не по паханому, работать сохой неприлаженной, похмеляться во чужом пиру, жить чужим умом, чужим обычаем, чужой верою, чужой совестью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодетели! Не лелейте меня, вы незваные и непрошенные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители да учителя! Мне невмочь терпеть вашу выправку! Меня давит, томит ваш тесный кафтан, меня душат ваши путы чужеземные!.. С тех пор, как расстроились отправления цельного организма, нарушилось единство в русской земле, отшиблась память, и взаимное недоверие и непонимание разделило простой народ от служилой и образованной части общества, русская земля подвергалась всякого рода пробам и испытаниям... Пусть же воздержатся молодые доктринеры от всякого нового насильственного искажения Русской земли, пусть не накладывают они ни белил, ни румян, чтобы сделать ее европейскою красавицей: она ответит еще пущим безобразием!..» (Иван Аксаков, «Народный отпор чужестранным учреждениям», http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_narodn_otpor.html);

«Нарушение баланса интересов и мотивов участников клиентарных отношений, совместившись с культурным расколом нации на «Россию имперскую» и «Россию крестьянскую», обусловили глубокое отчуждение между людьми «государства» и людьми «земли» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=5>);

«...в расколоте на «общество» и «народ» России петербургского периода секуляризованная культура верхов часто воспринималась низами как ересь, вероотступничество, уход «в немцы». За одежду, манеры, музыку, непонятный православному уху разговор, французскую кухню и т. п. – за всю западную плоть, которая выросла на барской белой кости, приходилось страдать. Так Пугачев вздернул астронома за

астрономию (поближе к звездам). Так в 1905 году и позднее скопидомные и бережливые крестьяне жгли помещичьи усадьбы – не строения жгли и не то, что находилось внутри, а великую, но чуждую им усадебную культуру, которая возникла недавно, в XVIII веке» (А. Панченко, в Диалоге: «Чтобы свеча не погасла // Кумир их – Ложь», <http://gumilevica.kulichki.net/TNEC/tne03.htm>);

«С точки зрения законопослушания почти непреходимая грань разделяла Власть и Общество. Общество откупалось от внешней власти взяткой, а внутри его продолжали действовать свои законы, которые нельзя было обойти: законы традиции. В послемонгольское время в относительно редкие периоды намечались возможности сближения Власть и Земли. Таковы, в частности, мероприятия XVI века (законодательство и деятельность «Избранной рады»), начало XVII столетия (попытки законодательного ограничения самодержавия и обеспечения прав местного самоуправления). С конца же XVII века Власть пошла в резкий отрыв от Земли, и этот разрыв не был преодолен ни до 1917 года, ни после. Известный дипломат В.И. Куракин, свояк Петра I, сокрушался в 20-е годы XVII столетия: коррупция поразила высший правящий строй и путей ее преодоления не видно. Нынешние власти «войной законов», а точнее беззаконием оставляют далеко позади все худшее, перешедшее к нам из истории» (Аполлон Кузьмин, «Истоки русского национального характера», http://www.zlev.ru/51_4.htm);

«Напрасно полагают, что с принижением дворянства у нас образуется настоящая демократия, а с нею вместе и свобода. Забывают при этом одно, что у нас не может быть сплошной демократии, что народ наш всегда разделялся и всегда, или еще, по крайней мере, очень долго, будет разделяться на народ собственно и на чиновничество, или бюрократию, которая и будет стоять во главе его, потому что она непосредственно связана с самодержавием... Самодержавие обеими руками держится за свою божескую власть; чиновники держатся за самодержавие и поддерживают его, потому что они, как насекомые, появляющиеся с сиянием солнца и с ним исчезающие, только им и держатся; народ, еще не пробудившийся от тысячелетнего сна, шевелится, переваливаясь с боку на бок и не зная, идти ли ему и куда идти; интеллигенция борется с чиновничеством, стараясь скрыть, что она посягает на самодержавие, хотя посягает на него уже тем, что дерзает бороться с его орудиями и рабами. Что из всего этого выйдет?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 31 января, 4 февраля 1871г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«По мнению одного из самых известных русских националистов – публициста и депутата II-IV Дум В.В. Шульгина, русская нация в начале XX века представляла собой «население, резко различающееся на две части. Так называемый «народ», в общем, физически и душевно здоровый, но ленивый, невежественный и лишенный одного из существенных элементов культуры – уважения к «чужой» собственности. Другая часть населения, так называемая «интеллигенция», полубольная, вечно всем недовольная (наполовину «нытики», наполовину «бомбисты»), мало способная к практической деятельности», словом, «смесь дегенеративных эстетов с анархизированными

дегенератами»...» (Даниил Коцюбинский, «Об исторической несовместимости России и русского национализма», <http://www.apn-spb.ru/publications/article377.htm>);

«Антропология русского сознания обусловлена разрывом между философами и интеллигенцией. Интеллигенция стала чистой негативностью русского сознания. Она все разрушает. Философы восстанавливают разрушенное. По выражению К. Аксакова, они ищут пути возвращения домой. К обжитому, обитаемому, родному. В России всегда было слишком много интеллигенции. И мало философов. Интеллигенция – неудачное изобретение русской истории...» (Фёдор Гиренок, «Антропологическая катастрофа», <http://fedorgirenok.narod.ru/Katastrophe.htm>);

«Вот, – думал я, – стоим мы, малая кучка интеллигентов, лицом к лицу с неисчислимым, самым загадочным, великим и угнетенным народом на свете. Что связывает нас с ним? Ничто. Ни язык, ни вера, ни труд, ни искусство. Наша поэзия – смешна ему, нелепа и непонятна. Наша утонченная живопись – для него бесполезная и неразборчивая пачкотня. Наше богоискательство и богостроительство – сплошная блажь для него, верующего одинаково свято и в Параскеву-Пятницу и в лешего с баешником, который водится в бане. Наша музыка кажется ему скучным шумом. Наша наука недостаточна ему. Наш сложный труд смешон и жалок ему, так мудро, терпеливо и просто оплодотворяющему жестокое лоно природы. Да. В страшный день ответа что мы скажем этому ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану? Ничего. Скажем с тоской: «Я все пела». И он ответит нам с коварной мужицкой улыбкой: «Так поди, же попляши»...» (Александр Куприн, «Попрыгунья-стрекоза», 1910г., <https://freedocs.xyz/pdf-453882117>; http://rulibrary.ru/kuprin/tom_5_proizvedeniya_1908-1913/102);

«Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. КАКОВЫ МЫ ЕСТЬ, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной» (Михаил Гершензон, «Творческое самосознание», <http://www.vehi.net/vehi/gershenson.html>).

А вот большинство недостатков у потомков инородцев (дворян, чиновников, интеллигенции) и у потомков туранцев (холопов, гопников, образованцев), конечно же, были и есть одинаковыми, так как до сих пор соответствуют одной и той же русской языковой картине мира:

«Не надо забывать, что «в возможном идеале своём народ есть именно то, что представляют собой дворяне, не менее, но и отнюдь не более... Едва освободили крестьян, как по деревням пошёл тот же, совершенно дворянский кутёж, те же по натуре барские,

лёгкие нравы насчёт женщин, то же отлынивание от труда, то же безверие, та же беспечность к образованию и поразительное равнодушие к дельным книгам, тот же анархический нигилизм, то же, в общем, печальное легкомыслие нашей расы» (Михаил Меньшиков, «Письма к ближним», СПб., 1906, цит. по: Александр Ципко, «Россия для русских» – игра со смертью», <https://www.nkj.ru/archive/articles/20227/>);

«Русские ученые также обсуждали вопрос о культурных «стратах» в русском социуме. Страты Н.И. Толстого, например, это именно культурные различия, но все-таки не различия в ментальности, понятой как духовность, т. е. как совокупность души, духа, воли и разума; у народа и его «элиты» они одни и те же, как раз благодаря общности идеологических установок (реализм) и общности русского языка. В них находим глубинное залегание ментальных концептов, представленных как генная память народа. Конечно, у русскоязычных имеются некоторые несводимые в общий фокус реакции на русские концепты, это часто совсем другая реакция на те же символы-знаки: слова те же, а понимаем иначе. И это также проблема народной ментальности, которая хранится в глубинах подсознательного» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-69.html>);

«Примеры подобной же нищеты легко указать в России с ее тоже арийским населением. Освобожденный от крепостного рабства народ не поднялся, а заметно упал – и в самых разнообразных отношениях. Он вышел из постоянного, систематического труда, разорился, попал в лапы ростовщиков, запьянствовал, заленился, надорвал свое питание и заметно выродился. Водка, сифилис, голод, эпидемии... На здоровый и крепкий в прежнем рабстве народ нападают великие и малые напасти, с которыми он справиться сам как будто не в силах. Меня берет иногда тяжелое раздумье: а что, если большинство человеческого рода – прирожденные рабы?.. Никто не имеет такого волчьего аппетита к знанию, как талантливые невежды. Наоборот, дайте университетское образование бездарному человеку – он останется таким же, как был, скотом в своих вкусах, развлечениях, в приложении избытка средств и сил. Образованная чернь – как она грязнит знание, прикасаясь к нему! Как она протитует его!» (Михаил Меньшиков, «Письма к русской нации // Размышления», 15 мая 1911 г., <http://www.russdom.ru/oldsayte/mom/m5/m534.html>);

«Перспективы дальнейшего просто плачевны, и в результате на роль интеллигента всё чаще приходят деловитые иноземцы, и не обязательно зарубежные – «инородцы». Потому что русский интеллигент – интеллигент особый, на новый аршин его не натянешь. Как начинали в XVIIIв. при Алексее Михайловиче, так и теперь повелось: в университетах России русских не много» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-69.html>);

«Я из людей, влачащих дни
Со мною около и вместе,
Боюсь бездарностей – они

Кипят «законной» жаждой мести»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«У нас с людьми часто совершаются странные метаморфозы. Вот, кажется, умный, хороший человек; поставили его на видное место, дали ему власть – и выходит человек такой посредственный, что только вздохнешь от глубины сердца и с сокрушением скажешь: как бедны мы в настоящее трудное время деятелями серьезными, истинно государственными» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 12 января 1868г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«...мы плохо надеемся на свои силы... Мы разрозненны. «Волевые свойства нашей племенной психики» не только «антигосударственны», но в принципе враждебны «всякому порядку», – отмечал публицист В. Онежский, – нигде народ не испытывает такое отвращение к «праву, закону, общественной морали», как в России». «Заметьте любопытное совпадение, – делился мрачным наблюдением Меньшиков. – В века крепостного права затихла анархия. Она была подавлена, и возможная свобода граждан была осуществлена. С отменой рабства, с развитием т.н. демократии, вновь поднимается анархия, и общая свобода печально никнет...» (Даниил Коцюбинский, «Об исторической несовместимости России и русского национализма», <http://www.apn-spб.ru/publications/article377.htm>).

Однако, как видим, менталитет преобразился вместе с ЯКМ лишь у дворянства и интеллигенции. У крестьянства же он как испокон веков был, так и остался таким – холопским. Так что, порочный этнотип потомков финно-угров и половцев в очередной раз «успешно» поборол языковую прививку, сделанную им франкоязычным дворянством. И ведь же это вековечное холопство унаследовали и нынешние русскоязычные россияне:

«Так до сих пор и соревнуются друг с другом артисты: у кого больше знакомств в правительстве, кто с кем из них водку пьет. Замашки эти, как эстафета, переходят от поколения к поколению. Молодежь видит, что в театре есть посредственности, добившиеся высоких званий и положения не талантом своим, а знакомствами и песнями под пьянку, где надо и кому надо. Видят молодые, что певцов, давно потерявших голоса, уволить невозможно, потому что у них есть покровители в Кремле...» (Галина Вишневская, «Элита? Нет, это продолжительная селекция худшего // Галина. История жизни», <http://ehorussia.com/new/node/12537>);

«Притом что мы видим: эта цензура, это лакейство Министерства культуры, лакейство театральных коллективов – оно прогрессирует. Вы будете очень смеяться, оно не направляется из Кремля. Этот резонанс лакейства, который вдруг подхватил всех: а давайте мы, прокатная организация, сами запретим себе прокат такого-то фильма, потому что он, может быть, не вполне благонадежен. Уверяю вас, никто с маузером у виска не стоял над этой конторой. Мы видим, как артисты Псковского театра, люди, которые всю жизнь, как все артисты, занимаются исключительно блудом, пьянством, плохой игрой, вдруг переполнившись гражданских и религиозных чувств, отказываются играть в спектакле,

который оскорбляет их нравственность. Спектакль всего-навсего, как я понял, это «Монолог банщика». Человека, который тонко подмечает особенности подходящих к нему персонажей...» (Александр Невзоров, «Я никогда никого не предавал, потому что никогда никому не присягал», <https://nevzorov.tv/tvorcheskiy-vecher-16-04-2015-v-sankt-peterburg/>; <https://credo.press/160277/>; <https://snob.ru/profile/20736/blog/92098?v=1453979582>).

Само же обрусевшее дворянство архаичная русская ЯКМ превратила, хотя и в «посвоему благородных», но всё же государевых холопов (быдло – скотину):

«...На того [на царя Николая I] я перестал сердиться, потому что, toute réflexion faite [в сущности, говоря], не он виноват в свинстве, его окружающем. А, живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух...» (Александр Пушкин, из письма жене [Н.Н. Пушкиной, 585] от 11 июня. 1834 г., <http://www.wysotsky.com/0009/269.htm>; https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1834/1773_585.htm);

«Все тот же Герцен, имея в виду Чаадаева, говорил: вот, смотрите, в России страдает всякий, кто не хочет быть скотиной, кто хочет жить по-человечески. Католик де Кюстин поддакивал Герцену и хвалил Чаадаева за смелость, с которой он критиковал греческую веру в пользу католицизма. Затем случилось страшное: Пушкин написал «Клеветникам России» на взятие Варшавы русскими войсками. Масоны всполошились, заерзали как пауки в банке, проведя заседания своих лож, подготовив реакцию общественного мнения. Рупором этого мнения стал Вяземский, друг Пушкина. Офицер, герой многих сражений, человек, под которым во время войны с французами были убиты две лошади, а он не покинул боевых порядков. Вяземский назвал стихи Пушкина промахом, ошибкой. Нам, – говорил он, – надоела географическая фанфаронада. Ну, разлеглась Россия от Перми до Тавриды. И что? Чем же здесь можно хвастать? Ведь у нас от мысли до мысли пять тысяч верст. Конечно, никаких мыслей в патриотических стихах Пушкина Вяземский не видел...» (Фёдор Гиренок, «Пушкин и Чаадаев: Ум в поисках слова», <http://fedorgirenok.narod.ru/puwk4ad.htm>);

«Желание Бенкендорфа и царя «направить перо» Пушкина в нужном для них направлении хорошо чувствовал и сам поэт. 21 июля 1831г. он через того же Бенкендорфа предлагает царю свои услуги. «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей» (А. Пушкин, СС, т. 10, с. 499). Предложение приняли с удовлетворением. И вот уже, как свидетельствует П.И. Бартенев, Пушкин «пишет по желанию государя» (В. Вересаев, «Пушкин в жизни», с. 268) свое послание «Клеветникам России». Сын царя, будущий император Александр Второй, тоже оставил свидетельство: «Когда Пушкин написал эту оду, он, прежде всего, прочел ее нам» (Вер., с. 268). Оба стихотворения, созданные в духе великодержавности и имперского мышления, опубликованы в августе 1831г.» (доктор филолог. наук Иван Лепешев, «Правда о Пушкине. «Секретные исследования» о «великом и могучем», <http://vlasti.net/news/90699>);

«Тьмы низких истин мне дороже

Нас возвышающий обман...»

(Александр Пушкин, «Герой», <http://pishi-stihi.ru/geroj-pushkin.html>);

«Многовековая борьба за самостоятельность (XIII–XVII века) воспитала поистине мистифицированный культ государства, как гаранта самой возможности выживания. За «государственную измену» в России всегда карали более сурово, чем за воровство, и это всеми сословиями принималось как должное. Но при этом сохранялось противостояние Власти и Земли, причем в качестве одной из кардинальных черт социально-политической жизни и основы своеобразной психологии: приверженность государственности проецируется на монарха, а отрицательное отношение к внешней жизни концентрируется на низших чинах администрации и бюрократии, то есть на тех представителях власти, с которыми гражданам приходится непосредственно иметь дело. Кстати, и ныне именно на этом держится монархизм обывателя, на которого мало действуют и вскрываемые факты наибольшего размаха коррупции именно в высших этажах власти» (Аполлон Кузьмин, «Истоки русского национального характера», http://www.zlev.ru/51_4.htm).

Конечно же, лексика привитого новояза легко была переосмыслена просвещенными холопами под свое архаичное а, следовательно, и по-детски наивное мироощущение. И, если же воображаемое «Величие» русского языка и можно всё-таки поставить под сомнение, то способность его к подспудному «повелеванию» общающимися им людьми и связанное с этим его быдлотворное «Могущество», конечно же, являются неоспоримыми. Ведь действительно же так уродовать ментальность (душу) и жизнь взращённых на родной языковой картине мира людей, как это делает русский язык, не в состоянии ни один другой язык в мире:

«Нынче это глупость или ложь –

Верить в просвещение, по-моему,

Ибо, что в помой ни вольешь, –

Теми же становится помоями»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/SD.htm>);

«Два противоположных, но дополняющих друг друга свойства русской души: склонность к анархии и привычка к подчинению» (Луис Фишер);

«Для русских характерно желание подчиняться власти – любоначалие, покорность, терпение к принуждению властью – как это неудачно называют. В этом важная основа государственности, так как государство есть организованное властвование. Но одновременно моральная неустойчивость, которая чаще всего проявляется в легкой перемене настроения, легкой дикарской возбудимости и бунтарстве. И желание подчиняться, и неустойчивость связаны с неотчетливостью русского сознания. Оно смутно. Отсюда непредусмотрительность и легкомыслие, непостоянство в направлении деятельности – живут настоящим, будущее в тумане, прошлое забыто. Отсюда неуверенность в себе и заставляет

предоставлять властям думать и заботиться о них... Профессор Яковлев насмеялся, что русская государственность имеет три основания:

- 1) русские против внешних врагов сражаются как львы;
- 2) между собой человек человеку – волк;
- 3) перед начальством – «чего изволите?», по-собачьи.

Над этим можно смеяться, но в этом глубокий смысл – именно сочетание этих трех качеств и создает государственность: национальная солидарность, взаимный контроль и желание подчиняться...» (Всеволод Веселовский, «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>);

«Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности...» (Виктор Астафьев, «Последний поклон», <http://www.astafjev.ru/content/view/525/457/>);

«Российская империя – это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведенное в ранг нормального состояния общества. По их понятиям, быть цивилизованным – значит, быть покорным...» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839г. – Николаевская Россия», www.litmir.me/br/?b=102574&p=42);

«Любые мечты о свободе, любые попытки цивилизаторства наталкиваются в России любого века на непреодолимую стену рабского, холопского менталитета народа, не умеющего и не желающего самостоятельно работать и жить на заработанное, а мечтающего лишь о добром хозяине, стойле и корыте с пойлом, которое хозяин не забывает регулярно наливать. В самом деле, «к чему стадам дары свободы»? И к чему обеим сторонам – и народу-быдлу, и властям-пастухам – какие-то болтающиеся под ногами любители свободы, талдычащие о каких-то там своих правах и назойливо требующие их соблюдения? В психушку их, в лагерь, в СИЗО – под одобрительное мычание и бляение народа! ...Так было в России всегда, и так будет всегда... пока будет существовать сама Россия. Тоталитарное, изуверски жестокое государство, тирания международных преступников с одобрения массы люмпенизированного быдла, добровольно отказывающегося от своих прав в обмен на «социальные гарантии» в стойле...» (Борис Стомахин, «Новый сталинизм» / «Террор нового сталинизма», <http://kavkazcenter.com/russ/content/2004/05/21/21290/terror-novogo-stalinizma.shtml> ; <http://rko.marsho.net/articl/stalinizm.htm>; «Распад империи – единственный выход», <https://www.rulit.me/books/raspad-imperii-edinstvennyj-vyhod-read-302006-1.html>, <https://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A1/stomahin-boris/raspad-imperii--edinstvennij-vihod>);

«Четыре века Россией управляли психиатры. Они знали, что ей нужно. Затеяв афганскую войну, Политбюро проводило психотерапию: давало волю маниакалу агрессивных совков, дабы держать пассивных в депрессии. О, Жириновский хорошо вас понял. Одним он обещает завоевательную войну, ибо маньяков надо занять делом. Другим – паек, ибо депрессивных, никчемных зомби надо пасти. Они будут молчать, если им дадут бесплатное пойло. Вот за это вы и проголосовали, 9/10 палаты №6 под кодовым название

«Россия». Вам не дают травку или ЛСД, и вы бьетесь о стенку, и строите баррикады, и поджигаете мэрию, и готовы спалить в атомном пламени весь мир, чтобы получить назад маятник маниакально-депрессивного психоза. Страна болтается между фашизмом и коммунизмом, как цветочек в проруби. С ней мне все ясно...» (правозащитница Валерия Новодворская, «Россия №6», «Новый взгляд», №1 от 15 января 1994г., <http://www.ds.ru/vnstat.htm>);

«Никак не получается увидеть себя такими, какие мы на самом деле. Что-то мешает. Не потому ли русские – не Монтени, то есть не способны к самопознанию, что иначе – беда? Предусмотрительно заблокированная система. Если ее взломать, то получится, что национальная идея русских – никчемность. Нет никакой другой идеи, которую русские проводили в жизнь более последовательно. Во всем непоследовательны, в никчемности стойки. На такой идее каши не сварить. И не надо. Национальная идея – не надо варить кашу. Кто берется варить кашу – тот не русский. Никчемность – нулевая степень созидательности, неумение что бы то ни было довести до конца. Самолеты падают, автомобили глохнут. Никчемность – пустоцветная духовность, близость к религиозному сознанию, но с противоположной стороны. Крайности склонны путать. Отсюда вечное недоразумение с богоносцем... Каждый в России – лишний. Однако из социального ряда, где это звучит настораживающе, лишнего человека достаточно перевести в метафизический, чтобы никчемность превратилась в добродетель и все встало на свое место...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Лишние люди», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Подойдет время отпуска – нужно будет побегать, и не одну неделю, доставая путевку в дом отдыха. Если не удалось ее добыть, то лучшая школа коммунизма – поехать на юг «дикарем». После этого вояжа он может писать новеллы о том, как, приехав в приморский город и, помаявшись весь день на адской жаре, он, наконец, арендовал койку в комнатенке, где уже ютятся несколько таких же «счастливиц» – «дикарей»; как рано утром он сломя голову летел на пляж, чтобы успеть занять там полтора метра земли нашей необъятной Родины; как часами под палящим солнцем стоял в очереди в ресторан, чтобы хоть раз в день поесть; как, зажав нос, прыгал вокруг пляжной уборной, пытаясь проскочить внутрь, делая головокружительные виражи вокруг холмов и возвышенностей, оставленных ночью на земле такими же, как он, «дикарями». Я всегда жила реальной (никчемной, – П.Д.) жизнью моего народа. Много раз «отдыхала» на юге таким же вот образом и могла бы дать массу полезных советов, как физически выжить, сохранить свой человеческий облик и не превратиться в обезьяну в столь первобытных условиях. И вот, поживи они, наши вожди, этой нормальной для советских людей жизнью, без глобальных проблем и патетических восклицаний, может, и пришло бы им в головы, что живут-то советские люди по-скотски. Да о скотине хоть человек заботится, а о человеке-то – кто?» (Галина Вишневская, «Элита? Нет, это продолжительная селекция худшего // Галина. История жизни», <http://ehorussia.com/new/node/12537>);

«Паситесь, смиренные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство вам из рода в роды
Ярмо с гремушками и бич»

(Александр Пушкин, «Изыде сеятель сеяти семена своя», <http://www.stihi-rus.ru/Pushkin/stihi/195.htm>);

«Однако, что бы ни говорили эти покорные подданные, что бы они ни делали, восторг их остается принужденным: это – любовь стада к пастуху, который кормит его, чтобы зарезать. У народа, лишенного свободы, есть инстинкты, но нет чувств, инстинкты же нередко дают о себе знать в форме грубой и навязчивой: покорство подданных не может не утомлять российских императоров; порой и кумиру надоедает ладан...» (Астольф де Кюстин, «Россия в 1839г.», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kus_10.php);

«Сильна Россия чудесами
И не устала их плести:
Здесь выбирают овцы сами
Себе волков – себя пасти»

(Игорь Губерман, <http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/54550.html?page=4>);

«Не ввязывайся в варварские игры,
Не обольщайся, землю их любя,
Татарское немереное иго
Сломало их, – сломает и тебя.
Беги, покуда не увязнул в рабстве.
Пусть голову не кружит ерунда
О равенстве всеобщем и о братстве:
Не будешь ты им равен никогда,
Хрипящим, низколобым, бесноватым.
Отнявшие и родину, и дом,
Они одни пусть будут виноваты
В холопстве и палачестве своём.
Не проживёшь со стадом этим вровень,
Не для тебя их сумеречный бред, –
Здесь все они родня по общей крови,
А на тебе пока что крови нет»

(Александр Городницкий, «Беги, пока не поздно», <http://newrezume.org/news/2016-11-27-18067>);

«...«Национализация будущего», конечно, быстро обернулась в России

«национализацией прошлого» также и потому, что в основе ее лежала идея «самости» и «особости». Мы не смогли, да чего греха таить, и не захотели принять как свои собственные ценности индивидуальной свободы, эффективной экономики и бытового комфорта. Как оказалось, о личных стремлениях «по-русски» говорить невозможно, на этом новоязе можно лишь рассуждать о государственных интересах, при этом не вступая ни с кем в диалог, а вещая в некое пустое пространство. Идея особости ни в коем случае не могла ассоциироваться с будущим как минимум по двум причинам: с одной стороны, успешность в XXI веке выступает следствием скорее способности принимать мир таким, каким он является, чем пытаться остановить его развитие, и, с другой стороны, особость «в будущем» предполагает необходимость создать что-то новое, к чему наша элита оказалась неспособной...» (Владислав Иноземцев, «Перечитывая Суркова», https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/9712739.shtml);

«Обычно соответствующая политическая мысль легитимирует ордынское устройство государственности, используя два базовых мифа. Во-первых, это постулирование «войны всех против всех» в качестве основного состояния людей при отсутствии внешнего управляющего воздействия на них. И, во-вторых, миф о патернализме, о том, что низы не смогут выжить без заботы о них верхов. И понятно, что основа политической мысли неордынской традиции – мудрость коллективного разума человеческой общины – в случае ордынской традиции обычно «вытеснена за пределы», что порождает хороший критерий идентификации ордынского устройства наличествующего социального порядка, заключающегося в ответе на вопрос: насколько обычное социальное место рядового обывателя изоморфно месту овцы в стаде при пастухах? Именно такая дегуманизирующая практика, как низведение социальных низов в представлениях верхов до «скота в ландшафте», и фиксация этого в повседневных рутинных социальных порядках, четко позволяет определить ордынское устройство рассматриваемого социума. Например, в СССР обыватели были не только практически полностью подобны «овцам в стаде», но и более того, от них требовалось быть именно что «овцами-автоматами», поскольку им (в отличие, например, от классических ордынств / монархий) не позволялось даже «взбрыкнуть» при случае, что есть обычно «прошитое» в социальности неотъемлемое «право» всего живого. Таковая девитализация людей придавала особый «шарм» ордынской сущности советского социального порядка...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухаи, партизаны. Российское общество и его политический класс: взаимосвязь некоторых особенностей», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>);

«← Психотип ордынца и психотип донбассянина близки. Социопатическая установка ордынца гласит: я уважаю сильного, сильный берет свое, а кто начинает разбираться, галдеть о справедливости – тот слаб, слабость не заслуживает уважения. И этот экспансивный тип изменить невозможно. Они получают удовольствие от расширения земель, но не от возделывания. Сосед для ордынцев может быть или врагом, который еще не подчинен, или рабом – так русские смотрят на соседей. Паритет для них невозможен, равноправие для ордынца означает неопределенность. Так, что бы никто никого не угнетал – не получится.

Ведь иначе – как определить, кто из нас старше, кого слушаться? Состояние агрессии – нормальное состояние ордынца. Они говорят: бьет – значит любит. Любовь – это сопли и слабость, а сильный – завоевывает. Самый лучший царь с точки зрения россиян – тот, который их угнетет: Иван Грозный, Сталин. А что такое для русских Ельцин или Николай Кровавый? Они ничтожные...» (Психоаналитик Александр Зеленко, из интервью Татьяне Заровой, «Как Уланова, Ступка и разработки КГБ помогли русскому гопнику оттяпать Донбасс и Крым», <http://ord-ua.com/print/2015/10/27/kak-ulanova-stupka-i-razrobotki-kgb-pomogli-russkomu-gopniku-ottyapat-donbass-i-kryim/>);

«Самое страшное для быдла – лишиться своего хозяина, и получить свободу. Потому что быдло не может жить в условиях свободы, оно не может зарабатывать самостоятельно, оно боится брать на себя ответственность за собственную жизнь, боится передрасться друг с другом, боится наступления хаоса. Зато быдло стремится переложить ответственность за самого себя – на своего хозяина. При этом социальный статус быдла, воспитание, образование, уровень доходов и прочее, значения не имеют. Быдлом может быть и бомж, и состоятельный человек в галстук. Быдлом может быть вполне приличный по жизни человек, отличный семьянин, хороший друг и т.д. Быдло жуёт сено, пьет воду. И очень любит своего хозяина, который его периодически режет и стрижет, как барана. Потому что, с точки зрения быдла, хозяин его – это благодетель, без которого бы быдло пропало, без стога сена, ведра поила, крыши над головой. А как иначе, ведь другой жизни быдло не знает, сравнивать не с чем. Не рассуждать – таков долг быдла, и в то же время его счастье – ибо сие избавляет быдло от труда думать самому и принимать самостоятельные ответственные решения. Отсюда имеем неискоренимое желание быдла – набросить на себя ярмо, выбрать себе царя. Быдло является оппозицией к личности. Быдлу необходима несвобода...» (Борис Миронов, «Категории народа: адекватные, дураки, негодяи, быдло», <http://newsland.com/community/129/content/iavliaetsia-li-nashe-obshchestvo-bydlom/6589469>; <http://my.mail.ru/community/poistine/7F8EB7C16CFF8AFE.html>);

«Судьбой, природой, Божьей властью,
Но кем-то так заведено,
Что чем постылей наше счастье,
Тем комфортабельней оно»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«На проверку, этот «успешный» человек суть не более, чем образ идеального раба системы. Галстук, пиджак, головокружительная карьера, отличный дом, дорогое авто, отдых за границей, ирландский виски. Здорово, да? «Вот повезло человеку!» – с завистью говорят о таком менее «успешные» граждане, не понимая того, что на самом деле этот «успешный» человек – идеальный раб, ведь полностью зависит от своего «статуса» и будет делать всё, чтобы сохранять стабильность системы, винтиком которой он является. Он будет терпеть любые унижения на пути по карьерной лестнице, он пойдёт на всё, ради достижения своих целей и постепенно сам не заметит, как превратится в человекоподобное существо – в

выродка» (Андрей Романов, «Не превращайтесь в выродков!», <http://rodkom.com.ua/ne-prevrashhajtes-v-vyrodkov/>);

«Отчего, между прочим, у нас мало способных государственных людей? Оттого, что от каждого из них требовалось одно – не искусство в исполнении дел, а повиновение и так называемые энергические меры, чтобы все прочие повиновались. Такая немудреная система могла ли воспитать и образовать государственных людей? Всякий, принимая на себя важную должность, думал об одном: как бы удовлетворить лично господствовавшему требованию, и умственный горизонт его невольно суживался в самую тесную рамку. Тут нечего было рассуждать и соображать, а только плыть по течению» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 8 октября 1855г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Русские более всего хотят обладать властью, менее всего ей подчиняться, при этом не склонны ни к какому порядку и повинуются только силе и принуждению (жестокой и беспощадной властью, – П.Д.)» (Ѓomumi бэхэс, «Мысли о России»);

«...ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего, – в этой произвольной беспочвенности и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа. Нас очень трудно сдвинуть; но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии до крайности...» (Дмитрий Мережковский, «Грядущий хам», http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml).

Чего только стоят жизненная потребность в страдании (психический мазохизм) и связанная с нею «белая интуиция»:

«Я думаю, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем... Страданием своим русский народ как бы наслаждается...» (Федор Достоевский, «Дневник писателя», 1873, <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn01.htm>);

«Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски» (Анатолий Чубайс, цит. по: Аркадий Островский, «Преступление и наказание Чубайса», <https://rg.ru/2004/11/19/chubajts.html>);

«Другой путь заглядывания в мир подлинного проходит через боль и страдание. Страдать – значит обрести свою самость, чтобы быть собой от начала и до конца. Быть собой крайне обременительно, ибо это означает перестать быть частью мира, который, конечно же, начинает за это мстить всеми возможными способами. «Человек, – писал Достоевский, – любит жизнь потому, что любит боль и страх». Боль является внутренним распятием человека. От внутренней боли нет обезболивающих средств. Боль сопротивляется

развёртыванию нашей субъектности. Ибо в боли инициатива принадлежит боли, а не сознанию. Боль приходит тогда, когда её не ждут. Она застаёт нас врасплох, и следовательно, её нельзя означить, нельзя найти в интенциональной направленности на мир нашего сознания. Боль не интенциональна. Итак, язык русской религиозной философии рационализировал страхи и боли русского сознания, показывая ему его невидимую сторону...» (Фёдор Гиренок, «Мы и русская философия», <http://fedorgirenok.narod.ru/rusfil.htm>);

«Наш главный капитал – страдание. Не нефть, не газ – страдание. Это единственное, что мы постоянно добываем. Все время ищу ответ: почему наши страдания не конвертируются в свободу? Неужели они напрасные? Прав был Чаадаев: Россия – страна без памяти, пространство тотальной амнезии, девственное сознание для критики и рефлексии» (Светлана Алексиевич, «О проигранной битве // Нобелевская лекция», http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html; <http://www.kp.ru/daily/26467/3338061/>);

«Зачем Миколка хочет страдания? По-видимому, для того чтобы выработать из себя личность. «Мужественная душа инстинктивно ищет жертвы, случая пострадать, и духовно крепнет в испытаниях», – записал в дневнике отец Александр Ельчанинов, почти наш современник. Но ценность, величие человека, умеющего переносить страдания, признавалась во все века и во всех культурах. Уже Священное Писание устами мудрейшего Соломона говорит: «лучше муж долготерпелив, паче крепкаго, удерживаяй же гнев, паче вземлющего град» (т. е. умеющий справляться со своим гневом сильнее того, который может завоевать город) (Притчи, 17,32). И Иоанн Лествичник говорит: «Терпеливый есть непадающий делатель», – и еще: «Временем оскудевает море, говорит Иов (Иов, 14,11); временем и терпением мало-помалу снискиваются добродетели, о которых говорим». Но если умение переносить страдания и не бояться их и первая ступень этого умения – терпение – во всех культурах пользуются признанием и уважением – то такого глобального значения, принципа, определяющего почти все поведение и мировоззрение, эти умения достигают далеко не везде. В нашей культуре они играют особую, очень важную роль: «Становясь православными, мы становимся все отчасти аскетами», – написал тот же Александр Ельчанинов. Это наш способ делать дело, наш способ ответа на внешние обстоятельства, наш способ существования в мире – и основа всей нашей личности (точнее: нашей мазохистской холопской натуры, так как холоп принципиально не способен быть личностью, – П.Д.)...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php);

«Живя в загадочной отчизне,
Из ночи в день десятки лет
Мы пьем за русский образ жизни,
Где образ есть,
А жизни нет...»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_02.htm);

«Заметим, что в России человек, который любит вкусно поесть и выпить, любит женщин и любим женщинами, живет красиво, обустроивает свою жизнь – вызывает иррациональное отторжение. Другое дело – человек, который страдает, живет неустроено, все у него наперекосяк – это наш, правильный человек. Наконец, русская культура – манихейская. Русское сознание делит мир на черное и белое, представляет противника как абсолютное зло (сразу же, как врага, – П.Д.). Любопытно, что в силу логически не объяснимой закономерности, «мы» – всегда Свет, «они» – всегда Тьма...» (Игорь Яковенко, «Культурные истоки тоталитаризма в России», <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko3.html>);

«Пока мы, русские, не избавимся от пристрастия к мазохизму, так и будем в дерьме сидеть...» (Анна Борисова / Борис Акунин [Григорий Чхартишвили], «VREMENA GODA», http://www.aif.ru/culture/vremena_goda_otryvok_iz_novogo_romana_anny_borisovoy; <http://www.meloman.kz/pub/files/16468/44/ASE000000000720289.pdf>);

«Поскольку «интуиция способностей», прежде всего, нацелена на выявление у человека творческого потенциала, то неудивительно, что украинцы – народ с чрезвычайно развитым магическим мышлением, большой магической традиции. Если проанализируем украинское песенное творчество, то увидим чрезвычайно популярный мотив чародейства. У русских он отсутствует, за исключением одной былины, и то киевского цикла. С этой функцией также связано традиционное украинское уважение к индивидуальности, доверчивость, лиризм, склонность видеть Божий замысел в простых вещах, стремление к самосовершенствованию. У русских хорошо развита психическая функция «белая интуиция», которая также сфокусирована на человеке, но интересуется несколько иным. «Белая интуиция» позволяет прекрасно разбираться в таких аспектах, как страдания человеческой души, ее слабость, бессилие, обездоленность, помогает видеть спрятанную в человеке опасность» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», «Наука. Релігія. Суспільство», №3, 2010, <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/33635>; <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>).

Поэтому-то и несколько неудивительно то, что русский язык – не только Великий Лицемер, но еще и Могучий Душегуб:

«Духовный опыт аккумулируется в языке. И опыт этот может быть разным, в том числе и злокачественным, – он тоже хранится и накапливается в языке. Такие сгустки зла, «родимые пятна», могут стать привычными от повседневности и повсеместности стереотипами, шаблонами осмысления действительности, легко узнаваемыми чертами уютного дома души. Живет себе человек, целое общество в понятном мире, уму и душе удобно, нигде не жмет и не больно. Но не приведи Бог скovyрнуть такую «родинку», добраться до буквального смысла таких расхожих стереотипов! Или от сотрясений и

перегрева общественного организма значения и смыслы некоторых родимых слов начинают распухать, изъязвляться... Весь знакомый, привычный, удобно понятный мир расплзается на глазах, превращаясь в омертвевшую ткань, отравляющую своими соками живое. Казавшийся крепким и уютным дом души разваливается, рушатся склепы осмыслений совместной жизни, и человек остается беззащитным. Меланхолия понимания – то, что переживает сейчас наше общество: все, чего оно ни коснется, превращается в собственную противоположность. Демократия – в игру самозванческих амбиций, кооперативы – в усиление монополизации и мощный механизм инфляции, акции – в форму изъятия средств у граждан, аренда – в средство закабаления, правовое государство – в гонку законотворчества на все случаи жизни... Речь идет о языке – «великом и могучем», как велик и могуч российский духовный опыт...» (Доктор философских наук Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>);

«Один из лучших писателей эмиграции Гайто Газданов хорошо когда-то высказался о том, что у нас – «условная мораль». Знаем, как себя вести, но ведем себя относительно той или иной ситуации. Наша мораль ситуативная. И это после ужасов, которые произошли в Украине, включая чудовищный Голодомор, и в Беларуси, где во время войны погиб каждый третий, и в России, где вечный ГУЛАГ. Французы, англичане, поляки скажут: «Так нельзя!», а русские: «Так нельзя, но я так сделаю»...» (Виктор Ерофеев, из интервью Ларисе Козовой, <http://www.unian.net/politics/1151935-rossiyskiy-pisatel-viktor-erofeev-v-rossii-s-narodom-ujenikогда-ne-povezet-seychas-tam-prosnulsya-pervobyitnyiy-chelovek-okazavshiysya-esche-i-vesma-agressivnyim.html>);

«...главная беда России – не в правительстве, а в деморализации. В России не боятся разложения нравственности. А это страшно. Потому что при деморализации возможно всё – жестокость, разжигание национальной розни, предательство, коррупция. ...та дикая алчность, которую я в последнее время вижу в России, даже в сравнение не идёт с американской. В России её уже не замечают. Привыкли, наверное. Недавно говорил с людьми из интеллигентных кругов Москвы и Петербурга (включая просвещённых бизнесменов и чиновников). 90 процентов разговоров – о деньгах» (философ Александр Пятигорский, «Большинство людей не понимают, что они одержимы деньгами!», <http://www.aif.ru/archive/1665324>);

«В спектакле Константин Райкин напомнил об искалеченных судьбах русских поэтов. И чем выше, мощнее поэт, тем сложнее у него отношения с властью: расстрелянный Гумилев, повесившаяся Цветаева, повесившийся Есенин, застрелившийся Маяковский, изгнанный из страны Бродский, уничтоженный в лагере Мандельштам, преданный всенародному позору Пастернак... Многие гонения исходили из Петербурга – «прекрасного и ужасного», который хранит эти традиции и сегодня. «Наш город бережлив – в этом его счастье и несчастье», – сказал Райкин. Как подчеркнул актер, на родине выдающиеся авторы вытравливались, пока не умирали. «У нас некрофильское государство, оно любит мертвых

больше, чем живых, – цитирует Райкина корреспондент «Авангарда». – Потом их именами называем улицы, площади, станции метро, а до этого убиваем». Актер сожалеет, что в российском обществе «нет нравственной прививки», в результате мы все время наступаем на те же грабли: меняется власть, но не меняется суть...» (Константин Райкин: «У нас некрофильское государство», <http://avangard.rosbalt.ru/2017/02/06/rajkin-u-nas-nekrofilskoe-gosudarstvo/>);

«Нравственность у русских – перевернута: «Русским присуще пренебрежение традиционной моралью. Противоречивость и стала особенностью русской нации: с одной стороны – восточная покорность и раболепие, с другой распущенность, разнузданность; с одной стороны – страх перед авторитетом, с другой – презрение к традициям, отказ от общепринятых принципов морали и нравственности. Это приводит к тому, что грубость они принимают за доблесть, расхлябанность и хаос – за демократию, лакейство – за добродетель» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«Интересно получается: не любишь евреев – ты антисемит, не любишь негров – ты расист, а если ты не любишь лжецов, воров и негодяев – ты русофоб» (Пётр Николаевич Врангель <https://passatworld.ru/showthread.php/239493-Politika-novosti-komentarii-11/page489>);

«...именно отсутствие критического отношения у русских к своим недостаткам и является объективным основанием для того, что в самой России воспринимается как русофобия. «Русофобия» это скорее самоидентификация, самохарактеристика восприятия окружающего мира, самоощущение страны, находящейся в условиях изоляции и конструктивной критики, чем характеристика ее окружения. И так ли уж неправ выходит Милан Кундера, который говорил, что Россия это другая цивилизация в свете отсутствия у русских, по крайней мере «en masse», критического отношения к себе? ...Не в победах ли русского оружия, не отягощенных размышлениями и саморефлексией, что и составляет суть культуры, находятся причина не критического отношения к себе у русских? Не здесь ли кроются истоки русофобии как самоощущения России? ...Выходит, что никакой русофобии нет; есть лишь подростковая (вспомним «незрелость» Гомбровича) реакция (естественная, что не мешает ей быть негативной) закрыться, зажаться, замкнуться в себе в ответ на конструктивную критику. Русофобия, как и германофобия, это самоощущение страны под огнем критики, не случайно это понятие возникло в самой России...» (Валерий Коновалов, «Почему Бродский несправедлив к Милану Кундере? // Русофобия», <http://www.proza.ru/2014/11/15/40>).

Как видим, русскоязычные челядишки переосмыслили даже такое всемирное понятие как «фобия» из-за боязни признаться себе в том, что по отношению к ним можно испытывать лишь жалость (маньчжур. «djilun») или же презрение, а вовсе не страх (фобию). Понятие «руссофобия», отождествляемое русскоязычными людьми с ненавистью ко всему русскому, льстит их подростковому самолюбию: «боятся – значит, уважают», а поэтому-то и хорошо

согласуется с их извращенным мировосприятием.

Влияние особенностей национальных ЯКМ на точность передачи образов и фраз

Большинство индоевропейских грамматических форм сложилось уже в глубокой древности и наиболее полно они были зафиксированы в грамматике санскрита Панини. Перешедшие же на общение индоевропейскими наречиями народности существенно их упростили, приспособив их под своё примитивное мышление и соответствующие ему национальные ЯКМ:

«Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимой ответственности слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального. Кажется, что бы могло быть ближе прозаического перевода, в котором переводчик нисколько не связан, а между тем прозаический перевод есть самый отдаленный, самый неверный и неточный, при всей своей близости, верности и точности» (Виссарион Белинский, «Гамлет, принц датский... Сочинение Виллиама Шекспира...»),

http://ruslib.3dn.ru/publ/belinskij_vissarion_grigorevich_gamlet_princ_datskij_sochinenie_villiama_shekspira/1-1-0-18);

«Недаром одно из самых древних значений слова «язык» – это «народ». История народа не только проявляется в его языке, но, в свою очередь, и определяется им. Вероятно, не случайно так трудно в русском языке складывается нормативная лексика, в то время как, скажем, латинские языки уже давно пришли в нормативное состояние. Труден русский язык и для перевода, особенно когда речь идет о переводе художественном и, тем более, поэтическом, то есть о «переводе души» из своей среды обитания в чужую. Но это только одна сторона вопроса...» (Михаил Берг, «Истоки русского пессимизма», <http://www.mberg.net/istoki/> ; <https://publizist.ru/blogs/108412/26195/5>).

Наибольшая деградация грамматических форм, зафиксированных в санскрите, произошла у русифицировавшихся туранцев:

«Почему у нас есть будущее время, настоящее и прошедшее, но всё равно настоящим временем мы можем выразить и прошедшее («Иду я вчера по улице...»), и будущее («Завтра я иду в кино»), а прошедшим временем мы можем выразить приказ («Быстро ушёл отсюда!»)?...» (Леонид Нисман, «Русский язык. Трудности, тайны, тонкости и не только... // 12 тонкостей русского языка», https://bash.news/sputnik/6280_o_strannostjakh_russkogo_jazyka; <http://kakzachem.ru/12-tonkostej-russkogo-yazyka/>; <https://www.dnilife.ru/12-tonkostej-russkogo-jazyka-kotorye-privedut-v-stupor-ljubogo-inostranca/>);

«Хорошо известны и трудности перевода на русский временных форм английских глаголов. Богатство и развитость этих форм чрезвычайные – по сравнению с российским арсеналом аналогичных языковых средств. Англичанин стремится к точности, определенности временных параметров жизнедеятельности, русский же знает или «миг между прошлым и будущим», или застывшую вечность прошлого и метафизическую беспредельность будущего. И в том и в другом случае точность ни к чему. В русском имеется лишь 2000 лексических единиц (слов) для выражения индивидуальных черт личности. Для сравнения: в немецком таких слов 4000, в английском – 17000. Индивидуальность, неповторимость другого человека – явно не предмет повышенного интереса в этом (лишенном свободы духа, – П.Д.) коллективистском вонне и внутренне самозванческом опыте. Язык, разумеется, лишь выражает этот духовный опыт, но он же, будучи инструментом выражения, и определяет, задает этот опыт. И когда реальная жизнь требует новых мыслей и поступков, проявляется неоднозначная роль языка. Если мы имеем дело с целыми яблоками, достаточен будет язык натуральных – целых положительных чисел. Но как только возникает ситуация с половинками и дольками яблок, язык натуральных чисел ведет к парадоксам, противоречиям, «сползает» с реальности, освобождая место новому, более точному языку, использующему дроби. Тот же, кто будет упрямо пользоваться только целыми числами, обрекает себя на тупики мысли и истерические проклятья в адрес ускользающей реальности» (Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>);

«Ради этой свободы духа Набоков задушил в себе «достоевщину», хитрое и коварное, но чистое и наивное русское мышление. Он не хотел и не мог мыслить на русском языке, языке не приспособленном для передачи мысли и в этом отношении грубым, материалистичным и вообще безнадежным. Ведь не в том дело, что в русском языке нет философского категориального аппарата, а в том, что его и не может быть. Не в том дело, что сейчас вместо категорий мы имеем лишь насильственно привитые латинские и немецкие кальки, только разрушающие национальную филологическую структуру. Не в этом дело, а в том, что наш язык слишком зыбкий. Понятия в нем легко трансформируются. Поэтому либо в русском языке будут термины, но как устойчиво чужеродное начало, вроде «дуршлага», «кашне» или «ягдташа», либо они разомкнут и расплывутся в отечественном киселе, превратятся в «пальтецо» и «кофеек». Набоков писал: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливающиеся оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями... – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма». Поверим Набокову, ведь может быть, это единственный писатель, создавший одинаково гениальные произведения на двух совершенно разных языках. Кому, как не ему, чувствовать всю схожесть и все различия русского и английского языковых миров. Но отказ от мышления по-русски подарил Набокову свободу. И в полете фантазии, в мышлении иррациональном он воспроизвел структуру духовного мира русского человека и

тем самым поднялся до высот философских обобщений. Логический обод «Дара» – это туго скрученная в пружину спираль свободного и естественного филологического творчества...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«В отличие от английского языка, русский исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами. Приведу здесь лишь сравнительно небольшую выборку наиболее типичных глаголов, большинство из которых совершенно не переводимо на английский язык: «радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, негодовать, томиться, нервничать» и т. д. ...Во-первых, многие (хотя и не все) русские глаголы эмоций являются рефлексивными, образованными формально с помощью суффикса «-ся». Это усиливает впечатление, будто соответствующие эмоции возникли не под действием внешних факторов, а как бы сами по себе. Во-вторых, многие русские эмоциональные глаголы – в отличие от прилагательных (и наречий...) – способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом «о» (об, обо). Этот факт служит аргументом в пользу того, что эмоциональные глаголы связаны с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс... Русские же глаголы чувств типа «удивляться» или «обрадоваться» используются как «чисто» речевые, а не как глаголы способа ведения речи (manner-of-speech verbs). В этом я вижу еще одно проявление упомянутого выше культурного различия: англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» (Анна Вежицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm).

Преимущественно безрассудное поведение русскоязычного человека

Преимущественно чувственному, а не рассудочному, поведению человека способствует размеренность и однообразность примитивного образа его жизни, ориентированного на следование как жестким светским и религиозным предписаниям (а также словесным командам опекунов и господ), так и сформированным на их основе бессознательным морально-психическим установкам:

«Физически Россия – смутная, неоформленная Европа. Белорусы, украинцы и великорусы – это три зародышевых лепестка европейского разнообразия. В Европе какой спектр: от Швеции до Италии. В России на том же протяжении унылая равнина с всё тем же населением. Лишь с каким-то глухим намеком на разнообразие. Все-таки поморы и терские казаки – это одно и то же по сравнению со шведами и итальянцами. У которых при общей переплетённости истории (викинги основали государство на юге Италии) различие удивительное. Такая монотонность делает в идеальной сфере Россию увеличителем Европы. Всё происходит грубо и в гигантских размерах. Россия увеличивает европейские идеи и доводит их до абсурда. Там муха пролетела – Байрон. В России писатель – божество. В

России восемь столетий одну книгу читали. Читали. Вычитывали, вычленили. Разбирали по писаному, разбирались, разбирали мир, проникали внутрь его и себя. Занимались начётничеством, начитали себе ум, начитали себе мир. Подсовывание под нос другой книги вызвало разрушение мироздания, изменение гена культуры. Сложнейший период европейского Возрождения, европейской Реформации, европейского Просвещения в России произошёл, нет – проскочил, до страшного просто. Сидел человек, книгу глазами ел: аж дрожь била, слёзы лились. Ему подсунили другое. Он стал в это другое вворачиваться так же упорно, с дрожью» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Поэтому-то, такое чувственное поведение современного русскоязычного человека и весьма мало отличается от поведения домашних животных, малолетних детей и холопов (добровольных рабов):

«Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином (или же поработившей его тоталитарной системой, – П.Д.), есть холоп, хам» (Владимир Ульянов – Ленин, ПСС т.16, с. 40, <http://leninvi.com/t16/p040>).

Очевидно, всё это и приводит к тому, что русскоязычный человек не только бессознательно, но и осмысленно (рассудочно) реагирует преимущественно на слова, а не на вызовы действительности и может просто заболтать любое полезное начинание:

«Мы от нечего делать болтаем, болтаем, болтаем...» (А.С. Суворин, <http://my-dict.ru/dic/tolkovo-frazeologicheskiy-slovar-mihelsona/962103-ot-nechego-delat>);

«Метод «забалтывания» используется, когда необходимо снизить актуальность или вызвать негативную реакцию к какому-либо явлению. Используя его, можно успешно бороться с противником, непрерывно восхваляя его к месту и неуместно говоря о его необыкновенных способностях, постоянно держа на слуху его имя, явно преувеличивая его способности. Очень быстро это всем надоедает и одно имя этого человека вызывает раздражение. Авторы такого мероприятия очень трудно уличить в намеренной дискредитации, так как формально они прилагают все усилия для восхваления... Еще метод забалтывания нередко применяется для создания т.н. «информационного шума», когда за потоком второстепенных сообщений нужно скрыть какое-то важное событие или главную проблему...» (Виктор Сороченко, «Забалтывание // Энциклопедия методов пропаганды», <http://psyfactor.org/propaganda.htm>).

А русскоязычная женщина, вообще, даже «любит ушами»:

«Логический процесс у женщины быстр – она обходится без большой посылки (которая находится в подсознании и сразу же соотносится с конкретной ситуацией) – это воспринимается как работа немотивированной интуиции, как женский дар предвидения. Мужчина непременно хочет знать, женщина довольствуется верой, поэтому ей подозрительны всякие доказательства: ведь ее интересует не истинность, а подлинность.

Русская ментальность также ценит подлинную правду, а не доказанность истины» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>);

«Сначала любовь, затем созерцание с любовью и из любви, затем действие, соответственное волевой установке. И только затем разумное осмысление любимого, постигнутого, пережитого» (Иван Ильин, цит. по: Виктор Аксючиц, «Миссия России // Опыт историософии России», <https://refdb.ru/look/1137628-pall.html>; <http://www.nauka.x-pdf.ru/17istoriya/578689-8-missiya-rossii-beliy-gorod-moskva-soderzhanie-vvedenie-chast-kollizii-russkoy-istorii-h-hih-veka-russkaya-ideya-rus.php>).

Поэтому-то русскоязычные люди и крепки «задним умом»:

«Великорус – историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее; он не всегда догадается, что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не догадался. Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности...» (Василий Ключевский, из записной книжки, 1893г., <http://sadsvt.narod.ru/kluch1.html> ; <https://pandia.ru/text/77/375/20166.php>);

«Смотрясь весьма солидно и серьезно
Под сенью философского фасада,
Мы вертим полушариями мозга,
А мыслим – полушариями зада»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Кстати, наших ребят очень любят в Армии обороны Израиля, культивируя мнение, что «русские предпочитают сначала стрелять, а потом разбираться, им развязать руки – наведут порядок» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p07.dhtml);

«Американские евреи – дипломаты, а советские (русскоязычные, – П.Д.) евреи, как и все советские люди, сначала говорят, а думают потом...» (Яков Рубенчик, «Советские евреи и я, или «50 лет вместе и раздельно», <http://www.lebed.com/2004/art3643.htm>);

«Фортуна с евреем крута,
Поскольку в еврея вместилась
И русской души широта,
И задницы русской терпимость»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_10.htm).

Внутренняя форма слов

По этой же причине русскоязычный человек преимущественно понимает буквальный

смысл услышанных им фраз, то есть:

«...внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме... Отсюда требование метода, которое формулирует Кавелин: при изучении народных обрядов, поверий, обычаев искать их непосредственный, прямой, буквальный смысл – это то самое, что позднее лингвисты назвали внутренней формой (слова, обычая, обряда)... Термин «внутренняя форма» считается изобретением Вильгельма фон Гумбольдта (1787–1835), однако у Гумбольдта имеются только общие философские рассуждения о форме, в частности о форме языка, которые вряд ли можно на деле применить к исследованию. Общие соображения Гумбольдта пытался конкретизировать Густав Густавович Шпет (1879–1940) (книга «Внутренняя форма слова», М., 1927). Наиболее четкое и «работающее» определение дал Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891). Потебня определяет внутреннюю форму слова как «способ, каким в существующем слове представлено прежнее слово, от которого произведено данное». Таким образом, определение Потебни относится только к словам и притом к словам производным. Но благодаря такому сужению оно четко и может послужить исходной точкой для дальнейших обобщений на несловесные явления» (Юрий Степанов, «Словарь русской культуры. Опыт исследования: Концепт», М.: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 40-76, <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>);

«Выделение общества как той среды, где в действительности развивается язык, взаимная потребность людей в понимании обусловили, считает Потебня, невольное и бессознательное создание человеком, помимо членораздельного звука, еще одного орудия – внутренней формы слова. Это понятие играет ключевую роль в потебнианской философии языка. Первоначально внутренняя форма слова выступает в работах Потебни как синоним двух понятий: этимологического значения слова и «представления» в слове. В более поздних работах он расширяет понимание внутренней формы до «способов представления внеязычного содержания» в языке, т. е. языкового значения. Если в работе «Мысль и язык» внутренняя форма есть отношение содержания мысли к сознанию и она показывает, как представляется человеку его собственная мысль, то в «Записках о русской грамматике» она – средство разграничения значения слова (денотата) и его смысла... Потебня считал, что посредством восприятий, возникающих в процессе взаимодействия с окружающим миром, у человека возникает сумма представлений, отражающих разнообразные признаки явлений. Поэтому в языке любого народа можно обнаружить достаточно большое количество слов, обозначающих разнообразные признаки одного и того же явления. Чтобы какие-либо знания стали доступны и другим в процессе общения, человек выделяет из всей совокупности один, важный на его взгляд признак, который образует ближайшее этимологическое значение слова. Оно объективно по своему содержанию и составляет внутреннюю форму слова, благодаря которой становится возможным установить взаимопонимание между людьми. Слово образуется посредством соединения звука, т.е. внешней формы и этимологического значения, которое тоже есть форма, но только внутренняя» (Н.И. Безлепкин, «Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии» // «Язык как психологический феномен: философско-лингвистическая теория А.А. Потебни»,

«Для русского сознания внутренняя форма слова имеет первостепенное значение. На ней крепится символ, ею определяется содержательный смысл слова – она структурирует духовность. Русский человек не разбрасывается словами попусту; и не случайно столь развиты у нас народная этимология, игра словами, всякие парадоксы, основанные на переосмыслении коренного значения русского слова. Особенно много такой языковой игры в произведениях народной поэзии...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-314.html>).

Однако же переосмысливаемые «задним умом» фразы могут нести и совершенно иной устоявшийся в русскоязычном примитивном обществе их смысл, часто не соответствующий внутренним формам слов из-за произвольного изменения или даже извращения их смысла (переосмысления галлицизмов, славянизмов, архаичных русизмов и переносных значений научных терминов). Так, например, хотя бессознательные процессы в коре головного мозга и происходят не только в бессознательном состоянии (укр. «у непритомному стані») человека, к этому не возможно прийти, исходя лишь из внутренней формы неоднозначной лексемы «бессознательное». А ведь же восприятие таких неоднозначных лексем осуществляется сначала подсознанием, а выработанная мгновенно на них нежелательная для рассудка эмоциональная реакция, как правило, опережает возможный последующий акт переосмысления их сознанием. Необходимость же быстрого изменения эмоциональной окраски переосмысливаемого сознанием бессознательного восприятия внутренних форм слов и образуемых ими фраз приводит к постоянным приливам и отливам в эмоциональном состоянии русскоязычного человека в виде волн чувств, как верно подметил Голсуорси. Ведь иначе же имела бы место диссоциативная неконтролируемость своих чувств:

«Как мы уже видели, русский язык обладает большим запасом средств, позволяющих носителям говорить о своих чувствах, как об активных и будто бы вполне осознанных. Ниже я покажу, что русский язык располагает также богатым арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими не контролируемых. Говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и можно – как о пассивных экспериенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, обе ориентации играют одинаково важную роль. Это, в частности, означает, что пассивно-экспериенциальный способ в русском языке имеет более широкую сферу применимости по сравнению с другими славянскими языками, еще более, нежели в немецком или французском, и значительно более широкую, чем в английском. При экспериенциальном способе представления лица, о котором говорится в предложении, как правило, выступает в грамматической форме дательного падежа, а предикат обычно имеет «безличную» форму среднего рода. Одним из основных семантических компонентов, связанных с таким способом представления, является отсутствие контроля... Безличная форма глагола и дательный падеж имени в предложениях, где идет речь о человеческих чувствах, тоже

выражают отсутствие контроля. В русском языке есть целая категория эмоциональных слов (особого рода наречия и наречные выражения), которые могут употребляться только в синтаксических конструкциях с этими формами и которые обозначают, главным образом, пассивные неволевые эмоции. Нередко такие наречные конструкции морфологически связаны с глаголами «активных» эмоций, например: а) «Он завидовал», б) «Ему было завидно» (Анна Вежицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm).

Маложестность русскоязычного человека

Из-за всего этого русскоязычный человек не может одновременно воспринимать информацию и окончательно осмысливать ее. Всегда требуется дождаться того момента, когда всё же сработает «задний ум». По этой же причине им не отслеживаются изменения действительности в процессе формулирования своих переосмысленных фраз. И чтобы максимально обезопасить себя, он вынужден не предпринимать никаких действий во время изложения своих мыслей:

«Русские разговаривают непрерывно. К сожалению, им трудно ходить, пока они разговаривают. Пойти с русским на загородную прогулку практически невозможно – всякий раз, когда они пускаются в очередную теорию по поводу смысла жизни, они останавливаются. Некоторых ученых наблюдателей это привело к выводу о том, что у русских (единственных во всей человеческой породе) участок мозга, управляющий ногами, связан с языком» (Элизабет Робертс, «Xenophobe's guide to the Russians»; цит. по: Вадим Смоленский, «Как гайдзин гайдзину», <http://www.susi.ru/gaijinu.html>).

Очевидно, по этой же причине русскоязычный человек и не подкрепляет свою речь жестикомиями, а жестикомии других даже могут раздражать его:

«...русский человек, в отличие от других народов, маложестен... Убедительно подтверждают мысль о необходимости полагаться на само слово и избегать многожестия русские пословицы: «Языком не расскажешь, так и пальцем не растычешь». «Нечего руками рассуждать, коли бог ума не дал»... Излишняя жестикомия раздражает аудиторию. «Посмотрите на людей, у которых много бессознательных движений, у которых руки все время мешиваются в разговор, – пишет известный театральный педагог С. Волконский («Человек на сцене», – СПб: Аполлон, 1912. С. 126), – как трудно их слушать и как ужасно на них смотреть» (З.В. Савкова, «Искусство оратора // Язык чувств (Жесты и мимика как средство общения)», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Savk_JazChuv.php; http://magicspeedreading.com/books/a_govori/iskusstvo_oratora/iskusstvo_oratora_021.html; http://master-slova.narod.ru/book/savkova_iskusstvo_oratora.pdf).

И это имеет место, несмотря на то, что:

«...в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные еще из классических работ неврологов XIX столетия, таких как Брока, Вернике, Лихтхайм, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность.

Участие этих зон обеспечивается в процессе их практически мгновенной и автоматической активации, которая начинается спустя менее чем 100 миллисекунд после предъявления слов акустически и имеет место автоматически, даже когда человек не прислушивается к предъявляемым ему словам» (Юрий Штыров, «Традиционные представления о восприятии языка неверны», http://www.gazeta.ru/science/2014/04/23_a_6002413.shtml).

Седьмое – вербальное «чувство» русскоязычного людишки

И, конечно же, ни сколь не случайно и то, что в русском языке слово «буквально» является синонимом подменяемого им слова «действительно» (Толковый словарь Ушакова). Ведь русскоязычные большее время своей жизни проводят во внутреннем мире своих чувств а, следовательно, и в «промежуточном мире» своего языка, а не во внешнем мире окружающей их действительности. Поэтому-то русскоязычный человек и относит слова к сфере чувств, а разум рассматривает как седьмое, вербальное чувство:

«Для того чтобы живые существа могли ориентироваться в пространстве и во времени, контактировать с другими существами, сохранять себя и размножаться, Природа наделила их чувствами. Практически всех млекопитающих – шестью: зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом, интуицией. А человека – еще и седьмым, вербальным, то есть словесным, то есть разумом, выраженным в произносимых или произносимых нормативных или ненормативных словах и словосочетаниях. Прямым доказательством того, что слова относятся к сфере чувств, может служить уже само наличие в человеческой речи вышеупомянутых ненормативных лексических форм. Так же, как и другие чувства, седьмое чувство может притупляться, что создает для человека опасность искаженного восприятия окружающей среды – природной и социальной, чревато принятием неадекватных решений, не способствующих самосохранению. Когда такое притупление охватывает не единичные особи, а значительную часть общества, оно принимает меры к освежению, обострению седьмого чувства путем изменения смысла наличных слов и введения в обиход новых. В особенно кризисные эпохи, когда седьмое чувство не просто притупляется, но и способно обманывать людей, они прибегают к его ограничению или даже полному отключению – возникают обеты молчания, игра в молчанку, выражения типа «Слово – серебро, молчанье – золото», «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь», «Мысль изреченная есть ложь» и даже «Язык мой – враг мой...» (Валентин Рабинович, «Седьмое чувство», http://www.pseudology.org/Rabinovich_VI/Sedmoe_Chuvstvo.htm);

«Мы до того опошлились, гоняясь за изысканною будто бы простотою, что кто хорошо говорит, тот уже подвергается нареканию. Отсутствие всякого оживленного выражения, всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считают за достоинство, точно так, как молчание принимают некоторые за доказательство ума» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 4 июня 1872г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

Как видим, казалось бы, простая «мелочь» – представление об органах ощущения

(восприятия информации), как об органах чувств, и какие трагические последствия этого. А ведь подобные «мелочи» в русском языке сплошь и рядом, и от них никуда-то не деться. Возникает вопрос, – а «не сгущаем ли мы здесь краски»? Может, наоборот, эти особенности русского языка следствие природного русского менталитета? Да, действительно, здесь существуют, как прямые, так и обратные причинно-следственные связи. Но это, отнюдь, – не проблема «первичности курицы или яйца». Ведь влияние менталитета на язык сказалось в филогенезе языка, то есть в процессе его формирования в примитивном обществе, в то время как влияние языка на менталитет происходит в онтогенезе психики каждого человека отдельно. И, если мы поместим какого-либо человека в начале формирования его психики а, следовательно, – и его менталитета в иную языковую среду, то и менталитет, ведь, у него сформируется иной:

«...становление ментальности определялось развитием самого языка. Конечно, в общем масштабе действий мысль и язык развиваются параллельно и совместно, но для каждого отдельного человека, вступающего в ментальное пространство народной речи, «мысль направлена словом». Это слова Александра Потебни, но другой писатель, Михаил Пришвин, сказал не хуже: «Жизнь происходит от слова» – тоже. Такова формула русского реализма, который в своих восприятиях мира и движении мысли исходит из слова с тем, чтобы соединить идею мысли и вещь мира в их общем движении вперед и ввысь» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность // Основные признаки русской ментальности в языке», СПб, 2004, с. 24-31, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82395>);

«Мой верный друг! Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб! Родной язык!...
Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил...
Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей – отзвук твой!...»

(Валерий Брюсов, «Родной язык», <http://scanpoetry.ru/poetry/9279>).

О неврожденности ментальности нации

Языковая картина мира и бессознательные морально-психические установки не передаются по наследству, а формируются в подсознании ребенка по мере усвоения им языка родителей и созревания лобных долей полушарий головного мозга. Поэтому-то и соответствующая им ментальность, отнюдь, не является комплексом безусловных рефлексов (генетически заданных поведенческих, познавательных или же каких-либо других нелингвопсихических установок):

«Человек с характером не рождается, он рождается с темпераментом, а характер формируется в течение жизни. Уступчивый – это не темперамент. Если я боюсь принимать на себя ответственность, я всегда буду искать, на кого ее свалить. Если что – потом есть,

кого обвинить. И поиск виноватого – одно из ярких проявлений инфантильности» (Психолог Ольга Красникова в статье: Инна Карпова, «Инфантилизм: жизнь как магазин игрушек», <http://www.pravmir.ru/infantilizm-zhizn-kak-magazin-igrushek/>).

Вполне очевидно, конечно же, и заблуждение Валентины Чесноковой и всех солидарных с ней в том, что ментальность народа (этноса) определяется соответствующим ему генотипом а, следовательно, и является врожденной, а не формируется бессознательными лингвопсихическими установками национальной ЯКМ в процессе созревания лобных долей коры головного мозга:

«Социальный архетип передается человеку по наследству от предыдущих поколений, существует в его сознании на невербальном, чаще всего неререфлексируемом уровне, но «вмонтирован» в него очень глубоко, и импульс, им возбуждаемый, бывает очень сильным, как правило, гораздо сильнее всего того, что может пробудить в психике человека любой элемент развитой рефлексивной структуры. Согласно развиваемой здесь концепции, ценностная структура личности «погружена» в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром – «типичные действия» – и составляют ее этнический характер, лежащий в основании характера индивидуального... Можно выдвинуть осторожную гипотезу, что в какие-то достаточно древние времена, когда оформлялись наши «социальные архетипы», процесс этот происходил на популяции с довольно хорошо выраженными чертами эпилептоидного генотипа, – и так получилось, что наши культурные параметры этим генотипом заданы. В ходе истории, нашествий и миграций, генотип мог смягчаться и понемногу «размываться», но не исключено, что главные его характеристики сохранились. И в этом живучесть наших этнических архетипов, они приспособлены именно к этим характеристикам, они им нужны. Тот «портрет», который снимается тестом на современной популяции, не есть чистый генотип, а есть продукт длительного взаимодействия между природой и культурой. Культура в этом процессе противостоит генотипу. Ее задача не отражать и не закреплять его, а приспособлять к среде, к окружению, некоторым образом «обрабатывая», культивируя его. Дело генотипа – создавать затруднения, дело культуры – их преодолевать...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava3.php; http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava9.php).

«Психологической составляющей менталитета является национальный характер. К. Касьянова утверждает: «Национальный характер наиболее просто определяется по двум своим основным компонентам: это – генотип плюс культура. При этом культура не представляет собой пассивного слепка с генотипа, она во многих моментах активно ему противостоит, поскольку главная задача культуры адаптировать генотип человека к его окружению и условиям существования. В таком постоянном взаимодействии противостоянии генотип и культура выработали на протяжении многих веков и даже тысячелетий устойчивые модели поведенческих комплексов и систем установок, применяемых для множества сходных ситуаций, которые можно назвать здесь социальными архетипами». Они и представляют собой внешние, фиксируемые проявления ментальности»

(К.С. Романова, «Российская ментальность и либерализм»,
<https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-mentalnost-i-liberalizm>;
www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2005/11.pdf).

Коллективному сознательному народа – народной культуре Валентина Чеснокова ошибочно противопоставляет национальный генотип. Им она фактически подменяет коллективное бессознательное народа, несущее в себе информацию психического мира всей нации (<https://www.psychologos.ru/articles/view/bessoznatelnoe>). Этот неосознаваемый человеком мир не является врожденным, а формируется языком нации и постепенно развивается у каждого индивидуума вместе с осознаваемой им национальной языковой картиной мира:

«Наличие в мире законов, причинно-следственных связей, пространственно-временных отношений, а также случайных событий, т.е. онтология мира, задается языком, а не устанавливается независимо и до него. На истории языка Потебня показал, что врожденных категорий пространства, времени и других человек не имеет, что они не существуют а priori, безотносительно к человеческому опыту. То, что в пространстве и во времени существуют объекты и вещи, находящиеся между собой в причинно-следственных связях, ни у кого не вызывает сомнения, однако эти понятия суть не что иное, как конструкторы языка. Сами же категории не даются непосредственным восприятием, они результат исторического развития мышления» (Н.И. Безлепкин, «Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии» // «Язык как психологический феномен: философско-лингвистическая теория А.А. Потебни», http://sbiblio.com/biblio/archive/beslepkin_fil/04.aspx).

Подтверждением неврожденности менталитета является хотя бы уже то, что психически инфантильным принципиально нельзя быть с самого рождения. Все дети, независимо от их расы и национальности, рождаются с детским менталитетом. И только у недостаточно цивилизованных народов под влиянием несовершенства их «языковой картины мира» некоторые особенности детского менталитета консервируются и, тем самым, резко проявляются и у большинства взрослых индивидуумов их примитивного общества:

«И если вы возьмете младенца-бушмена из тропического леса Экваториальной Африки и отдадите его в семью русского колхозника, проживающего в деревне Большое Лядино, то вырастет у вас там коротконогий и короткошей, кучерявый, кособрюхий мужичонка, дикого и даже страшноватого вида – черный какой-то, глаза буравчики, лицевой угол, как у неандертальца, но во всех остальных отношениях – нормальный мужик: пьющий, как все, как все матерящийся, как все – семейный, как все неприхотливый и терпеливый. Ну, может быть, чрезмерно вспыльчивый, сварливый и драчливый – да с кем не бывает? Ну, характер у человека такой, чего вы к нему привязались!...» (Борис Стругацкий, «Больной вопрос», <http://rusf.ru/abs/books/publ41.htm>);

«Выросшие среди девственного леса и диких зверей напрочь лишены типичного для нас интеллекта и логического мышления. Мы привыкли думать, что человек великое существо, но, как ни крути, его развитие определяется исключительно обучением и

воспитанием. При отсутствии этого «великий» человек не будет отличаться по своим способностям и возможностям от лесных зверей. Как ни прискорбно отметить, но выросший в лесу человек по своему развитию и способностям совсем не отличается, например, от гориллы. Многие спорят о происхождении человека – вот лишний повод призадуматься. От приматов люди-звери не отличаются не только по своему развитию, но и по поведению, если оно не было скопировано с других животных. Они очень пугливы и часто это компенсируют агрессией... Получается, что ребенок – сырой материал, из которого можно получить в итоге любое существо, для чего его нужно лишь поместить в соответствующую (языковую и культурную, – П.Д.) среду. Стоит еще раз заострить внимание на вопросе влияния социума на человека, так как это не только объясняет все характеристики людей-зверей, но дает повод к размышлению относительно всего человечества, поскольку его развитие и устройство распространены на земле крайне неравномерно. Человек становится животным в среде животных, и человек становится человеком в среде человеческой. Угодив под опеку каких-либо зверей, он полностью перенимает их жизненное устройство вне зависимости от логики, потому что у ребенка ее нет и ему гены говорят учиться у ближних. Вот и получается, что, попав изначально в семью европейца, он развивается иным путем, нежели если бы родился на Востоке или в Африке. Исходя из этого человеку ничего не остается, как перенимать (вместе с языковой картиной мира, – П.Д.) развитие и культуру, которая вокруг него и которую практически невозможно потом выкорчевать из сознания, даже если она противоречит разуму. Многие люди на нашей планете совсем не так развиты, как образованное население Европы, а в некоторых уголках они больше похожи на зверей, и их детям ничего не остается, как стать такими же. Вывод: детям всегда нужен хороший пример и обучение (основанное на благотворной, а не на быдлотворной ЯКМ, – П.Д.)» (Михаил Радуга, «Загадки человека // Кто он, человекозверь?»),

http://www.e-reading.club/chapter.php/88785/26/Raduga_-_Zagadki_cheloveka.html);

«Мы исходим из того, что в культурной памяти всякого человека от рождения присутствуют блоки программ и моделей соответствующие всем стадиям и фазам культурного развития от архаики и варварства до развитой личности. Соотношение этих блоков богато варьируется в зависимости от сочетания множества факторов, анализ которых – отдельная большая проблема. Далее, в возрасте трех-шести лет происходит качественный выбор в сторону той или иной ментальной программы самоосуществления. Рождение и воспроизводство быдла задано, прежде всего, социальной средой, в которой рефлекс, сценарии и априорно присутствующие бессознательные программы быдла (бессознательные лингвопсихические установки пережиточной национальной ЯКМ, – П.Д.) оказываются адаптивными. Разумеется, нельзя валить все на среду, но из любого психически здорового ребенка (с помощью быдлотворной национальной ЯКМ, – П.Д.) можно вырастить как минимум заурядного обывателя свободного общества. Примечательно, что дети, вырастающие в порождающей быдло среде, могут проявлять незаурядные способности, яркость ума, зачатки личностного мировосприятия, которые однажды (в 15-17 лет) совершенно бесследно исчезают, уступая место бесхребетной позиции дрейфа по течению жизни с более или менее активным подгребанием под себя. Иногда применяя все

отпущенные Создателем таланты для того, что бы не стать личностью...» (Андрей Пелипенко, Игорь Яковенко, «Быдло», <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>; http://design.bigler.ru/forum_yb/showthread.php?t=14581; «Быдло как социальное явление», <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>);

«Анализ социальных портретов еврейской когорты зарубежных почитателей политики В. Путина позволяет выявить общие свойства современного зарубежного «Русского мира», и при этом сразу же отбросить некоторые мифы по поводу этой общности. Эти мифы почти одинаково распространены как у российских консерваторов, так и у российских либералов-прогрессистов. И те, и другие часто заявляют о природном антилиберализме русских людей, об их извечном ордынском «культурном коде», в котором якобы запрограммирована неизбежность имперских взглядов. Консерваторы об этом говорят с умилением, либералы – с сожалением, но обе группы доказывают этим фатальную неизбежность как особого русского пути, так и идейного единства «Русского мира» на всей планете. Так вот, я привожу данные о той части «Русского мира», к которой никак не применишь измышления о прирожденной евразийской ментальности, поскольку этой небылицей о русских уж точно не объяснишь настроения евреев. Великодержавный шовинизм, поддерживаемый ныне частью из них, явно не наследственный... В Израиле дети эмигрантов из России, пройдя школу и армию, неизбежно переходят на иврит в качестве своего основного языка и быстро интегрируются в жизнь израильского общества, а внуки российских эмигрантов, как правило, и вовсе плохо владеют русским и, безусловно, не участвуют в трансляции мемов российского телевидения. В США подавляющее большинство евреев-выходцев из России ныне живут за пределами таких русско-еврейских заповедников, как Брайтон-Бич, и уже поэтому хорошо интегрируются в американскую среду, при этом внуки российских эмигрантов становятся полноценными янки (не обладающими холопской ментальностью русскоязычных людей, – П.Д.)» (Эмиль Паин, «Евреи «Русского мира». Социальные портреты на фоне Израиля, Германии и США», <http://www.novayagazeta.ru/comments/71974.html>).

Те недостатки, которые в детском возрасте обычно рассматриваются как «детская невинность» (наивность, шалость), у психически инфантильного взрослого человека под влиянием пережиточной и порочной «языковой картины мира» могут стать скверными чертами его характера, независимо от его этнического происхождения. И, как правило, психически инфантильный взрослый человек аморален подобно малолетнему ребенку:

«Маленький ребенок аморален, у него нет никаких внутренних торможений против стремления к удовольствию» (Зигмунд Фрейд, Афоризмы, <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=131>).

Поэтому-то с целью снижения уровня аморальности своего поведения психически инфантильные русскоязычные люди и вынуждены, прежде всего, сознательно подавлять свои бессознательные стремления к удовольствиям (а то и, подобно Рахметову, даже и по-мазохистски абсолютно бескомпромиссно):

«Радость – это чувство, а удовольствие – всего лишь «положительная чувственно-физиологическая реакция»... – пишет кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН Анна Зализняк. – «Радость» относится к высокому, духовному миру, в то время как «удовольствие» – к низкому, профанному, телесному». Еще строже русское сознание относится к «наслаждениям». Если английский официант может, принеся вам блюдо, запросто улыбнуться и сказать: «Enjoy your meal» («Наслаждайтесь своей едой»), то хороший переводчик никогда не переведет это буквально, заменив на «Приятного аппетита!» или «Кушайте на здоровье!». Анну Зализняк это приводит к радикальному выводу: «Сама идея удовольствия чужда русской жизни...» (Ольга Андреева, «Картина мира, нарисованная языком», http://expert.ru/russian_reporter/2008/44/psiholingvistika/).

Малолетние дети любой национальности часто обманывают своих родителей во избежание наказания за какие-либо свои проступки:

«В школьном возрасте желание избежать наказания за полученную двойку приводит к дальнейшему обману, например, к исправлению оценок в дневнике механическими средствами или к «потере» дневника. На вопрос родителей: «Зачем ты это сделал?» чаще всего следует молчание или новое вранье. А всё потому, что родители не научили ребенка говорить о своих чувствах: «мне страшно, когда ругают, «больно и обидно, когда меня бьют»... С раннего детства во многих семьях культивируется ложь как наиболее выгодный способ коммуникации. Дети берут пример с родителей. Пресловутое телефонное «не могу встретиться, много работы» вместо прямого «не хочу с тобой общаться», воспитывает у ребенка привычку избегать выражения негативных чувств, формирует лицемерие. Ребенок замечает утаивание родителями денег друг от друга. Мамы порой сознательно обучают этому дочерей, а впоследствии удивляются, почему их дочь лжет. Она просто приспособливается к жизни привычным способом. Зная, что её не отпустят в ночной клуб, дочь лжёт – «переночую у подружки». Дети лгут потому, что это выгодно, потому, что иначе – «не разрешат». Отдельно следует коснуться темы вранья как чрезмерного фантазирования. Если ребенок рассказывает о несуществующих друзьях, встречах с инопланетянами, феями и другими вымышленными персонажами, не стоит обрывать его презрительным – «хватит врать». Скорее всего, ему очень не хватает вашего внимания. Отчасти это может быть признаком психического инфантилизма...» (психолог – В17 Ольга Шамсутдинова, «Детская ложь – причина обращений к психологу», <https://www.b17.ru/article/59538/>).

Однако же эта наивная детская ложь, как правило, лишена присущего многим взрослым лицемерия, и у цивилизованных народов дети по мере своего взросления от нее постепенно избавляются:

«Это проблема, которой очень много сейчас занимаются в мире, – менталитет, отраженный в языке. Каждый язык в окаменевшем виде отражает многовековые привычки на что-то обращать внимание, на что-то не обращать. Что-то классифицировать одним способом, что-то другим. На какие-то явления ставить больше плюсов, чем другие народы, на какие-то меньше...» (Академик РАН, лингвист и филолог Андрей Зализняк, «О языке древней Индии», <http://elementy.ru/lib/431350>);

«Опыт предков содержится в наших поступках и привычках, в нашем поведении, манерах и традициях, в сказках и колыбельных, которые мы слушали в детстве. Он, несомненно, содержится там, хотя это не всегда очевидно. И совсем скрытно, а порой – подобно чуду! – опыт предков (их отношение к миру, их ценности) передает детям язык. Нам, родителям и педагогам, очень важно помнить, что язык – это не только средство общения. Обучаясь говорить, овладевая языком как инструментом общения, мы одновременно невольно и незаметно осваиваем картину мира, которая запечатлена в языке, мы открываем и узнаем мир таким, каким он виделся нашим предкам. Конечно, мы можем так и не осознать, что, говоря «спасибо», мы желаем – «спаси тебя Бог», что тот, кто благодарит, дарит благо, что «целовать» и «исцелять» – это «делать целым». Но в глубине души у носителя русского языка живут эти связи и делают наш мир стройным, упорядоченным, соответствующим картинке мира в той или иной культуре» (чл.-корр. Акад. педагог. и социал. наук, детский писатель, Вадим Левин, «Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии», <http://stomfaq.ru/t-m-balihina/25902.pdf> ; www.bilingual-online.net/index.php%3Foption%3Dcom_simpledownload%26view%...).

Значимость влияния исихазма на ментальность русскоязычного населения

Представление об органах ощущения (чутья), как об органах чувств, очевидно, сформировалось в московитском примитивном обществе и закрепилось в русском языке под влиянием мистического учения монахов-исихастов:

«В истории восточнохристианской культуры XIV век по праву можно назвать «православным Возрождением». Богословским течением, определившим характер всей византийской церковности этого времени и объединившим греков, болгар, сербов, русских, грузин и румын, стало мистическое учение монахов-исихастов (в буквально переводе «молчальников»), считавших внутреннюю жизнь инока «мысленным деланием», «деланием сердечным», «хранением сердца» и «умной молитвой» (Василий Калугин, «Второе южнославянское влияние в Древней Руси: историко-культурные условия и книжные центры», <http://rusolimp.kopeisk.ru/history/?file=125>).

Именно такое «бесплодное» созерцание действительности, воспринимаемое чувствами («сердцем») и подсознанием, а не сознанием и разумом, фактически проповедует и Иван Ильин:

«Надо побороть в себе ложный стыд, мешающий нам любить и созерцать из любви; надо почувствовать всю оплодотворяющую силу этого акта; надо будить его в детях и завещать новое воспитание внукам и правнукам; надо внести этот оживший дар во всю человеческую культуру – от религиозной веры до архитектуры, от научной лаборатории до концертного зала, от судебного присутствия до земледельческого труда, от законодательного собрания до народной школы и армии. Надо доверить все свое творчество и всю свою судьбу – этой благодатной, евангельски-христианской силе сердечного созерцания, издревле жившей в восточном Православии...» (Иван Ильин, «О духовном излучении // О сердечном

созерцании», http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_ochevidnosti/19.html).

Многие русскоязычные люди, к сожалению, не просто чувствуют ее, а коварно поражены этой «оплодотворяющей силой», приводящей к безволию, к безынициативности, к холопской покорности и к неспособности самостоятельно (то есть без пастыря или же какого-либо опекуна) обустроить свою жизнь:

«...созерцание сердцем – первенство чувственной составляющей в триаде национального сознания «воля – чувства – мышление», что выражается в иррациональности и некритическом, по-детски доверчивом, характере мышления...» (Валерий Трофимов, автореф. дис. «Истоки и сущность русского национального менталитета: Социально-философский аспект», <http://www.dissercat.com/content/istoki-i-sushchnost-russkogo-natsionalnogo-mentaliteta-sotsialno-filosofskii-aspekt>, <http://cheloveknauka.com/istoki-i-suschnost-russkogo-natsionalnogo-mentaliteta>).

Не исключено, конечно же, и то, что, именно, в этом и кроется ответ на вопрос Петра Чаадаева:

«Почему, наоборот, русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских?... А между тем, историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах!» (Петр Чаадаев, «Философические письма», Телескоп, 1836 г., <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>);

«Для Щербатова православие – это отсталое умоначертание, идиотизм деревенской жизни, который должен быть заменен рациональным вероисповеданием. Если Щербатов возлагал надежды на естественную религию, то его внук Петр Чаадаев довольствовался малым. Он жаждал замены православия католицизмом. Идеи князя Щербатова нашли свое отражение в «Философских письмах» его внука, Петра Чаадаева» (Фёдор Гиренок, «Пушкин и Чаадаев: Ум в поисках слова», <http://fedorgirenok.narod.ru/puwk4ad.htm>).

Нестяжательность, отсечение воли и послушание, умная молитва – основные идеи исихазма:

«Устроитель братства отец Паисий написал и ввел устав по чину св. Василия Великого, Феодосия Великого, Феодора Студита и Афонской горы. Основные идеи этого устава: нестяжательность, отсечение воли и послушание, умная молитва и чтение книг, непрестанное рукоделие и бытовое благочиние (образцовая больница, странноприимница, церковные художества и др.)» («Краткое житие преподобного Паисия Величковского», <http://azbyka.ru/days/sv-paisij-velichkovskij>; <http://www.isihazm.ru/?id=409>);

«Св. Григорий Палама на суде над ИСИХАЗМОМ представил письма, которые составили книгу «Триады в защиту священно-безмолствующих». Только в 20 веке исследования американских психологов показали, что когда доводов, объектов, вещей или

людей больше семи, человек начинает путаться, не комфортно себя чувствует, начинает забывать. Вот такое оно магическое число семь. Св. Григорий Палама использовал это в 14 веке. «Триады в защиту священно-безмолствующих» состоят из трёх глав, каждая из которых делится на три части, внутри каждой части десятки вопросов. У тех, кто судил, не было возможности сосредоточиться на чём-то одном, проверить это на собственном опыте, сформулировать своё мнение. Св. Григорий Палама выиграл суд, исихазм признали эзотерическим учением православной церкви» (Игорь Леванов, «Гайна исихазма свт. Григория Паламы», <http://www.proza.ru/2011/02/14/1450>).

Следует, конечно же, признать, что исихастское православное воспитание, направленное на отсечение воли и привитие послушания а, следовательно, и на формирование психически инфантильных добровольных рабов – холопов, было наиболее эффективным для поддержания порядка в нецивилизованном и слабо интеллектуально развитом московитском этносе:

«Изучая нашу древнюю историю, я удивлялся не тому, что у нас явилось крепостное право, но тому, что оно образовалось так поздно... Можно думать, что в некоторые эпохи эта тяжелая опека, которая называется крепостным правом, решительно необходима для того, чтобы приучить народ к труду и образовать богатое и образованное сословие, которое так необходимо для государства. Характер людей первобытного состояния почти всюду одинаков: лень, непредусмотрительность будущего и отсутствие умения делать сбережения а, следовательно, отсутствие возможности накопить богатство – вот общая характеристика народов, еще не вступивших в цивилизацию. Приучить общество к постоянному труду – вот цель крепостного права. В нашей истории, как известно, факт прикрепления совершился дважды, и второе прикрепление совершилось при Екатерине II, в 1783 году. В обоих случаях причиной была та же необходимость заставить трудиться бродячее народонаселение. Итак, личный интерес Бориса здесь совпадал с экономическими потребностями общества...» (Н. Хлебников, «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории», СПб., 1869. С. 253, 46, 190-191, <http://russiahistory.ru/znachenie-krepostnogo-prava/>).

Но оно же и затормозило цивилизационное и интеллектуальное развитие исповедовавших его народов России, и тем самым весьма поспособствовало формированию как быдлотворной русской ЯКМ, так и воспроизводимой ею холопской ментальности:

«О рабская Византия! Ты сообщила нам религию невольников. Проклятие на тебя! ...приняты все меры, чтобы сделать Россию Китаем... Европа становится какою-то обетованною землей... Нас бичуют, как во времена Бирона, нас трактуют как бессмысленных скотов. Или наш народ, в самом деле, никогда ничего не делал, а за него всегда делала власть и лица? Неужели наш народ всем обязан только тому, что всегда повиновался – этой гнусной способности рабов? Ужас, ужас, ужас!..» (Акад. Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 15 ноября 1843г.; 19 марта 1844г.; 21 октября 1845г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

И ведь нигде же православие то и не изуродовало так сильно ментальность людей, как

в Великороссии, превратив человека в легко зомбируемое и покорное ничтожество:

«То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же – строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения. Стоит только почитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни...» (Лев Толстой, «Ответ на определение Синода от 20-22 февраля 1901г...», http://finalbible.com/books_articles/world/14_tolstoy_anafema.html);

«Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мѣрѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южнорусскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобы бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокѣ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей – духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобы дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Феодора, который, добываясь прознанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадаша челоуѣци отъ него въ держаньи его, и сель изнебывши и оружья и конь; друзии же и работъ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣмемъ; безжалостивъ сый мучитель, другимъ челоуѣкомъ головы порѣзывалъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная на стѣнѣ и мучи немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье; имѣнья бо бѣ несуть яки адъ)» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Надо отметить, что украинское православие к моменту Люблинской унии значительно отличалось от других восточных церквей, прежде всего своей близостью к мирянам и сохранением многих раннехристианских обычаев. Как в древние времена, миряне в Украине имели право голоса при выборе епископов и даже настоятелей монастырей (в частности, Киево-Печерской Лавры – святыни украинского православия), право участия в заседаниях соборов. Это делало мирян значительно более вовлеченными в церковные дела, которые соответственно рассматривались ими как их собственные. Первым примером

активного участия мирян в делах церкви служат события во Львове в 1530-х годах, когда совместная борьба духовенства, православной шляхты и мещан привела к возобновлению Галицкой православной кафедры (т. е. церковной иерархической структуры)» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=29>);

«Церковь в средние века сыграла важнейшую роль в консервации на Руси (точнее, лишь в ордынской Московии – П.Д.), древней языческой нетерпимости, обогатив её библейским манихейством. Токи этой архаичной человеконенавистнической идеологии пронизывали историю России и придали особо мрачный и кровавый характер социальным бурям XX века. После распада СССР естественно было ожидать изменений в идеологии и структуре русской православной церкви, которые сделали бы её способной не только к евангельскому несению креста, но и оливковой ветви всеобщего примирения. Этого не случилось и вот почему. При переходе Киевской митрополии в Московскую церковь были утрачены весьма многообещающие начатки учёности; да и позже украинская Киево-Могилянская академия оставалась для русского православия недостижимой в научном смысле высотой, не говоря уже о западных католических научно-богословских центрах. Монастыри и теологические университеты Европы в Средневековье и Новое время активно участвовали в научном развитии общества и в его повседневной жизни. Католические монахи и северные протестантские пасторы знали толк в агрономии, технике, астрономии, медицине, создавали новые научные направления и школы в области этнографии, фольклористике, биологии, химии и т. п., и, конечно же, теологии, в творческом и глубоком изучении не только Библии, но и Корана. (см.: В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 49). Русскую церковь не затронули ни великие европейские взлёты Возрождения, Реформации и Просвещения. Московское православие осталось фактически на провинциальном, удельно-княжеском уровне, обращённое в старину, в самое себя. Историк церкви пишет: «Не материализм, не корыстное скопидомство и эгоизм чревоугодия делали русскую иерархию глухой и не способной сдвинуть дело... просвещения, но честный консерватизм и почти фанатизм бесшкольности – ни уму, ни сердцу русского монаха и епископа ничего не говорил призыв к науке и школе» (А.В. Карташев. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. II. – С. 543-544). «Не скопив за прошедшие столетия ничего, кроме канонически-молитвенного опыта, не воспитав в пастве уважения к личности и человеческим свободам, к закону и частной собственности, одряхлевшая РПЦ оказалась в 1917г. неспособной противопоставить ничего большевистской идеологической агитации, скороспелой, но достаточно грамотной, вполне современной и гораздо более национальной и понятной массам, чем христианское учение». (В.Е. Возгрин. Указ. соч... Т. 1. – С. 50)» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Я думаю, что одна из величайших трагедий для России – принятие православия... Я считаю, что православие явилось тяжелой ношей для России» (Владимир Познер, в ст.: Елена Тельпиз, «Искусство жить», <http://vladimirpozner.ru/?p=3492>).

И ведь же действительно:

«Духовно народ русский слишком подчинился чуждой ему Византии, и это подчинение многое исковеркало в душе его. Византизм тяжелым гнетом лег на русскую жизнь. И под этим гнетом подымалась, бушевала и трепетала русская хлыстовская стихия. В самом русском православии было какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства. Русское православие – оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого. Я говорю не о Вселенской Церкви, заключающей в себе единую истину, я говорю о своеобразной религиозности русского народа. Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культе святых и святости. Православная церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское» (Николай Бердяев, «Философия неравенства», <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>);

«Бесплодность православия в качестве государственной веры была продемонстрирована еще в Византии. Она совершенно бесславно пала под напором ислама – и дала ему миллионы адептов. Не так давно Ален Безансон напомнил, что арабов, путившихся на завоевания, было не так уж много, но входившие в состав Византийской империи страны не оказали им практически никакого сопротивления и относительно легко и быстро покорились им. Так что основной массив нынешних мусульман – это потомки православных, не посчитавших нужным держаться своей веры. Вся Северная Африка, Сирия, Палестина и другие страны, некогда принадлежавшие христианству, были отданы исламу. Почему это произошло? Ответ на этот вопрос дал Владимир Соловьев. Православие уже в Византии стало «храмовой религией»: верил человек только в храме а, выйдя из нее, мог спокойно нарушать все заветы Христа, никак не сообразуя с ними свою жизнь. Такая вера не имеет силы, она не в состоянии быть путеводителем человека. «Византийцы полагали, – писал В.С. Соловьев, что для того, чтобы быть воистину христианином, достаточно соблюдать догму и священные обряды православия, ни мало не заботясь о том, чтобы придать политической и общественной жизни христианский характер; они считали дозволенным и похвальным замыкать христианство в храме, предоставляя всю общественность языческим началам» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Вообще, у нас в России, в деле церкви, как и во всем, ревнивей всего охраняется благовидность, desogum, – и этим большею частью и удовлетворяется наша любовь к церкви, наша ленивая любовь, наша ленивая вера! Мы охотно жмурим глаза и в своей детской боязни «скандала» стараемся завесить для своих собственных взоров и для взора мира многое, многое зло, которое, под покровом внешнего «благолепия», «благоприличия», «благообразия», как рак, как ржавчина, точит и подъедает самый основной нерв нашего духовно-общественного организма... Нигде так не боятся правды, как в области нашего

церковного управления, нигде младшие так не трусят старших, как в духовной иерархии, нигде так не в ходу «ложь во спасение», как там, где ложь должна бы быть в омерзении. Нигде, под предлогом змеиной мудрости, не допускается столько сделок и компромиссов, унижающих достоинство церкви, ослабляющих уважение к ее авторитету. Все это происходит, главным образом, от недостатка веры в силу истины» (Иван Аксаков, Сочинения, т. IV, цит. по: Владимир Соловьев, «Русская идея» / «Россия и вселенская церковь» гл. «И.С. Аксаков об официальной русской Церкви», 1888, http://www.1260.org/Mary/Church/Church_ROC_Aksakov_about_ru.htm; <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html>).

Поэтому-то:

«Русский простолюдин – православный – отбывает свою веру как церковную повинность, наложенную на него для спасения чьей-то души, только не его собственной, которую спасти он не научился, да и не желает: «Как ни молись, а все чертям достанется». Это все его богословие» (Василий Ключевский, Разрозненные афоризмы, 1900 – 1911гг., http://www.e-reading.club/chapter.php/1047429/362/10000_aforizmov_velikih_mudrecov.html; <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-klyuchevskogo>);

«Политическая вера, как и всякая другая, по существу своему требовала подвига; но со всякой верой повторяется одна и та же история: так как на подвиг способны немногие, то толпа, неспособная на подвиг, но желающая приобщиться к вере, изготавливает для себя некоторое платоническое исповедание, которое собственно ни к чему практически не обязывает, – и сами священнослужители (позже – коммунисты, – П.Д.) и подвижники молча узаконят этот обман, чтобы хоть формально удержать мирян в церкви (позже – в колхозах и других трудовых коммунах, – П.Д.). Такими мирянами в нашем политическом радикализме была вся интеллигентская масса: стоило признавать себя верным сыном церкви (позже – коммунистической идеологии, – П.Д.) да изредка участвовать в ее символике, чтобы и совесть была усыплена, и общество удовлетворялось. А вера была такова, что поощряла самый необузданный фатализм, – настоящее магометанство. За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие (любая государственная власть, – П.Д.), – личность признавалась безответственной. Это была очень удобная вера, вполне отвечавшая одной из неискоренимых черт человеческой природы – умственной и нравственной лени» (Михаил Гершензон, «Творческое самосознание», <http://www.vehi.net/vehi/gershenson.html>).

Как видим, не только быдлотворная русская ЯКМ, но и косное (закостенелое) русское православие прививало психически инфантильному туранскому этносу вместо активного, ответственного и исполненного смысла образа жизни исполненное пассивности, созерцательности и безмыслия бессмысленное животное-растительное прозябание:

«Славяне, приняв христианство как созерцание, умели только страдать и терпеть. За эту религиозную бездейственность казнили их сначала татары, потом русская историческая государственность, которая говорила народу: «Будь распят, терпи и смирайся, как терпел и

смиряться Христос, – и спасешь душу свою» (Дмитрий Мережковский, «Было и будет. Невоенный дневник», 1914 – 1916,

http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/97227/Nevoennyii_dnevnik_1914-1916.html);

«С такой нашей созерцательной православной духовностью, наложенной на русскую лень и разгильдяйство, конечно, за всю свою историю ничего нормального в технократическом плане создать мы якобы не могли. Воровали, это было (это как раз по-нашему). Там стащим у американцев чертежи атомной бомбы, там – самолет братьев Райт перерисуем. Блоху подковать еще можем. Но к эффективному труду не годимся в принципе. И все попытки власти развивать нанотехнологии, компьютеры, станкостроение – это все бред сумасшедшего. Или пиар. Единственное, к чему мы приспособлены, так это возить пеньку, лес, нефть да газ в оплату за «все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный». И дергаться по этому поводу не надо. Таково наше историческое место во всемирном разделении труда» (Владимир Мединский, «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», Серия: Мифы о России, Изд.: Олма Медиа Групп, 2008 г.,

<https://www.rulit.me/books/o-russkom-vorovstve-osobom-puti-i-dolgoterpenii-read-96587-1.html>,

<http://booksonline.com.ua/view.php?book=104558>; <http://lib.rus.ec/b/132883/read>);

«События на Западе вызвали страшный переполох на Сандвичевых островах [понимай: в России]. Варварство торжествует там свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться. Но образование это и мысль, искавшая в нем опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли первого же дуновения на них варварства. И те, которые уже склонялись к тому, чтобы считать мысль в числе человеческих достоинств и потребностей, теперь опять обратились к бессмыслию и к вере, что одно только то хорошо, что приказано. Произвол, облеченный властью, в апогее: никогда еще не почитали его столь законным, как ныне. Западные происшествия, западные идеи о лучшем порядке вещей признаются за повод не думать ни о каком улучшении. Поэтому на Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и гибели. И готовность, с какою они гибнут, ясно свидетельствует, что на Сандвичевых островах и не было в этом роде ничего своего, а все чужое, наносное. Поворот назад, таким образом, сделался гораздо легче, чем ожидали и надеялись некоторые мечтатели. Это даже не ход назад, а быстрый бег обратно по плоской возвышенности... Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему. Еще немного – и все, в течение полутора лет содеянное Петром и Екатериной, будет вконец низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохом твердят: «видно, наука и впрямь дело немецкое, а не наше»...» (Акад. Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 2 декабря 1848г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Цезарь знал, куда ведет Рим и ради чего узурпирует власть. Петр знал. Наполеон знал. Сталин, ненавидимый мной за людоедство, знал. Знал Ли Куан Ю. Даже Саакашвили знал. Любая порядочная страна заслуживает вождей, которые знают, какой она должна стать.

И тем более заслуживает этого бывшая сверхдержава. А те, кто рулят Россией, не знают. Звонят народу с анонимными опросами ФСО – как бы посоветоваться, а народ уже телевизора насмотрелся, понимает, что сказать. Нет у них никакой цели, кроме как продолжать рулить Россией до своей тихой смерти, кроме как завещать Россию в собственность своим детям. Бесцельность, ненаправленность, бессмысленность, нерешительность, непоследовательность, это бесконечное тырканье, метания, телепание – это и есть самая большая трагедия России. Никто не хочет ни за что брать ответственность, поэтому Россия и ее народ предоставлены сами себе... Болтаемся на волнах, никуда не плывем. Побарахтаемся для виду, надуем щеки, и на спину – отдыхать. Вокруг один океан, направление выбирать – ответственность слишком большая. И грести некому... Они потому не решаются на что-то одно, ясное, что просто понятия не имеют, что им нужно с Россией делать. Не ждите, что с ними Россия станет великой, что воспрянет из пепла, что рухнет, что ворвется в нанобудущее, что превратится в опричное мракобесное царство. Ничего с ней при них не станет. Так и будет в мути валандаться. Застрявшая нигде по пути в никуда....» (Дмитрий Глуховский, «Россия нигде», <https://snob.ru/selected/entry/82817>; <http://newsland.com/community/politic/content/dmitrii-glukhovskii-rossiia-nigde/3069920>);

«Как известно, у идеологии «самобытной и неповторимой русской цивилизации» существует небольшая проблема. Что-нибудь «русское» (в черносотенном смысле этого слова) обнаружить в общественных пейзажах практически нереально. Абсолютно все, из чего соткана современная жизнь РФ, имеет строго западное происхождение. И никакого другого. Вторично и заимствовано все, без исключения. Включая, кстати, и культуру. И «Евгений Онегин», и «Анна Каренина» – продукты «лицензионные», изготовленные по тем западным литературным технологиям, которые Европа вырабатывала несколько столетий. Россия не имела ни малейшего представления даже о существовании рифм. Европа оттачивала формы поэм, романов и симфоний, она же задавала их стилистику и дизайн. Так что «русского» в «Евгении Онегине» не больше, чем в «Форд-Фокусе», собранном во Всеволожске. (Забавно было бы посмотреть на это произведение, выполненное в древлеправославной стилистике «Четых миней» или «Октоиха»...)» (Александр Невзоров, «Вкус кала», https://censor.net.ua/resonance/298956/vkus_kala; <http://www.snob.ru/selected/entry/79864>; <http://www.3republic.org.ua/ru/recommend/13950>);

«Если хотите про великую русскую культуру, то надо честно признать, что её никогда не существовало в принципе. Всё, что мы имеем, – это производные от западной цивилизации. Матрёшки, и те были придуманы в Японии, а в Россию их завезли только в конце XIX века. Оглянитесь вокруг себя! Вы что-нибудь исконно русское видите?.. Всё более-менее национальное, русское было брошено как хлам при переезде из XVII века в XVIII. Пётр I решил, что с этим нельзя идти в цивилизацию, нельзя показываться миру...» (Александр Невзоров: великой русской культуры никогда не существовало, http://www.aif.ru/society/people/aleksandr_nevzorov_velikoy_russkoy_kultury_nikogda_ne_sushchestvovalo);

«Не случайно... клич «ура!» содержится в словах «дурак» и «дура»... ..может ли существовать такой народ, который пользуется всем чужим, но утверждает, будто он сам это придумал и сделал? Который приписывает себе чужие доблести, а чужим приписывает свои пороки? Который отличается крайней жестокостью и подлостью, но заявляет о своей беспримерной доброте и душевности? Который живет в бардаке, грязи и дерьме, но поучает других? Который прозябает в рабстве, но любит свое рабство и ставит его в пример? Который не понимает, что такое величие, но провозглашает своё несравненное величие, исходя из размеров занимаемой им – большей частью присвоенной чужой – территории?» (Эдуард Бернгард, «МУДРЕЦ Я.Д.», <https://www.proza.ru/2012/11/20/1587>);

«Так «исконно русским» стал «Авиамарш» – «все выше, выше и выше стремим мы полет наших птиц...», на деле – сворованный немецкий марш «Das Berliner Jungarbeiterlied», известный еще с 20-х годов прошлого века. И популярная советская песня «Маленький барабанщик» была сворованной и изначально называлась «Lied vom kleinen Trompeter». Ворovali в советское время безбожно, безбоязненно и бессовестно. Страна была закрытая, за «железным занавесом», у кого ворovali, те не знали. А что ворovali, в советские люди тоже не знали. Ворovali идеи, песни, сценарии, изобретения, самолеты и танки, автоматы и автомобили, называли ворованное советским или «русским», главное – убеждали население, которое беспрекословно верило вранью...» (Олег Панфилов о путинско-советской России: «Самая читающая нация» оказалась самой лживой?, <http://ru.krymr.com/a/25463498.html>);

«Западное христианство пережило Великую Реформацию. Ренессанс ознаменовался и сопровождался великой религиозной революцией – за правду, совесть и справедливость. Протестантизм изменил сознание Европы. Предельная простота обряда, упразднение роли церкви, чистота нравов и трудолюбие отличали жизнь германских народов. Нравственность, трудолюбие и достаток были утверждены как взаимозависимые черты богопослушания и богоизбранности. Богат – значит, избран Господом к хорошей жизни по угодности своей Ему за нрав и труд. Богатый – значит достойный по морали и перед лицом Бога. Разницу с русской точкой зрения чувствуете?.. Российское же христианство, ставшее после раскола церковью Рима и Византии православием – это совсем другая история. Оно было принесено и посажено приказом власти, оно подчинялось власти, и редкие и слабые случаи протеста церкви против власти давились жестоко и начисто. Церковь призывала к лояльности властям, и простому люду оставалась сторона религии и веры утешительная, примиренческая, бессильная что-то изменить на земле, но обещающая воздаяние на том свете и призывающая любить все и вся. Всепрощение и милосердие к врагам своим, а уж не личным врагам – так тем более. Не тот угоден, кто богат, такого Бога русский крестьянин принять не может в нищете и несправии своем, Христос – Бог угнетенных. А тот угоден, кто сир и наг, несчастен и страдает. Трудись не трудись – это русскому Богу без разницы. Страдай, кайся, люби и жалей всех – тогда ты Ему угоден. Страдающий на каторге вор ближе русскому Богу, чем богач. И пожалеть страдающего вора – дело богоугодное. А богач пусть лезет в Царствие Небесное сквозь игольное ушко» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p07.dhtml);

Обладая холопским менталитетом, крестьянство постепенно восприняло животворную для себя исихастскую духовную традицию, а освободившаяся от холопского менталитета часть российской знати, в конце концов, сумела противопоставить ей свою гуманистическую культурную традицию, которая естественно оказалась абсолютно чуждой крестьянству:

«И теперь, окончательно возвращаясь к России, я констатирую, что здесь именно что не сложилось вот этого сочувственно-примыкающего отношения двух традиций. А сложилась раздвоенность бытия. Сложилась конфликтность. То, что я называю духовной традицией, в русском случае есть духовная практика, выработанная православием, исихастская традиция. Сама по себе она является очень узким сокровенным, заглубленным духовным явлением. И духовная традиция, обнимающая эту духовную практику, столетиями существовала на Руси отдельно, особняком от культурной традиции. Так получилось, что духовная традиции оказалась феноменом, как говорят культурологи, низовой культуры. Монашеской, простонародной. А великая русская культура, которая создавалась последние три или два с половиной столетия – она была чужда духовной традиции» (Основатель и директор Института Синергийной Антропологии Сергей Хоружий, «Духовная практика и духовная традиция. Концепт // Российский конфликт традиций», <http://www.intelros.org/lib/statyi/horuzjy3.htm>);

«Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» (Александр Грибоедов, «Загородная прогулка», 1826, http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/orlov/sta59_9.htm);

«В очерке «Подозреваемые» Успенский говорит о ненависти крестьян не только к «барину» – помещику, но и ко всем, кого они называли «господами», куда они включали и всю интеллигенцию. Они не понимали, чем занимаются интеллигентные люди, воображали, что это люди праздные, неработающие. Отчуждением от других классов общества Успенский объясняет то, что деревенские кляузники писали доносы на учителя, священника, станового» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=16>);

«Не менее показательны народные волнения, сопутствующие эпидемии и голодовке, столь частым в России. При каждом голоде появляется обычный слух: «Это господа и чиновники припрятали хлеб» или же «чиновники и господа нарочно хотят извести народ, чтобы захватить себе землю». При эпидемиях ненависть толпы всегда обращена против

врачей, являющихся в их глазах представителями власти. «Говорят они непонятные вещи, чуют и разводят холеру, отправляя, по приказанию начальства, крестьян на тот свет». Толпа сжигает больницу, громит лабораторию и иногда убивает врача. Писатель Вересаев, дающий столь яркие картины русской жизни, нисколько не грешит против истины, описывая печальный конец доктора Чекиянова; пылкий доктор решил посвятить свою жизнь служению народу; во время холерной эпидемии он проявляет чудеса самопожертвования; и все же невежественная толпа обвинила его в отравлении, всячески оскорбляла его и, наконец, избил до полусмерти. Чуть живой от побоев, он не только не винит своих мучителей, но чувствует к ним безграничную жалость; он пишет в своем дневнике: «Я хотел помочь народу, хотел отдать ему свои знания и силы, а он избил меня, как последнюю собаку. Только теперь я понимаю, как я любил народ; но я не сумел заслужить его доверие. Крестьяне уже начали чувствовать ко мне доверие, – но появилась четверть водки, и дикий примитивный инстинкт взял верх. Я чувствую, что умираю. Но ради кого я боролся? Во имя чего я умираю? Видно, так суждено было: народ всегда видел в нас чужих. Мы сами высокомерно отодвигались от него, не хотели его знать; непроходимая пропасть отделяет нас от него» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«Рабство, крепостничество, подавление личности, шпицрутены у русской профессуры омерзения не вызывали, сострадания не возбуждали; французские романы, «картина страданий и унижения человеческого» ставили их в стойку... Об этом мало кто знает, но «делу врачей» сталинской эпохи предшествовали дела и похуже. При жизни Гоголя, во время эпидемии холеры летом 1831-го, народ вытаскивал врачей, не имевших средств остановить эпидемию, из их квартир и с криками «отравители!» вершил расправу на месте... Не потому ли Б.Л. Пастернак говорил: «Нам, русским, всегда было легче выносить и свергать татарское иго, воевать, болеть чумой, чем жить»?..» (Игорь Гарин, «Личность Гоголя», <https://www.proza.ru/2014/07/06/699>);

«Народ ропщет и по обыкновению верит разным нелепым слухам, как, например, будто доктора отравляют больных, будто вовсе нет холеры, но ее выдумали злонамеренные люди для своих целей, и т.п. Кричат против немцев лекарей и поляков, грозят всех их перебить. Правительство точно в усыплении: оно не принимает никаких мер к успокоению умов...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 20 июня 1831г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Хорошо там, сидя в Петербурге под охраной легионов полиции, дворников, швейцаров и лакеев, разглагольствовать о страданиях народа, о его принижении и о том, что он пикнуть не смеет. Пожили бы они с этим народом лицом к лицу, изо дня в день, вот как я, запели бы иную песню. Наглости в этом народе, лжи, озорства, требовательности не оберешься. Верите ли, что пьяные мужики не один раз вламывались ко мне в больницу, били окна, озорничали, ругали в глаза и меня, и персонал самыми непотребными словами. Да. Мой предшественник завел тут в числе служителей одного атлета, чтобы силой удалять

буянов, и я его держу. И ему нередко приходится буквально вступать в рукопашную, брать буянов за горло и выносить вон...» (И.А. Родионов, «Наше преступление», <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012161>);

«...Наш народнический социализм переkreщается с черносотенством, образуя с ним некоторое внутреннее духовное единство. Сущность и белого, и красного черносотенства заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противопоставляется народу, как враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому, как марксизм есть учение о классовой борьбе в обществах, – черносотенство... есть своего рода учение о борьбе культурной» (Петр Струве, «Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910)» 1911, СПб, С. 16).

Черносотенство и большевизм как причина гибели русской культуры

Черносотенцы и большевики весьма поспособствовали тому, что обманутый и направляемый ими «простой человек», недалеко «ушедший» от своих обезьяньих предков и превратившийся из архаичного холопа в русскоязычного люмпена, истребил носителей русской культуры, а вместе с ними уничтожил и саму «великую» русскую культуру:

«Русская культура – это повелось еще с Петра – срывает со всемирной только хлестаковские «цветы удовольствия», снимает с нее только лакомую пенку или накипь: плоды высшего западноевропейского просвещения проникают в Россию вместе с прочим «галантерейным товаром», наравне с «голландскими рубашками» и «особым сортом французского мыла, которое сообщает необыкновенную белизну и свежесть» русской дворянской коже. Из всемирной культуры выбирает Чичиков то, что нужно ему, а все прочее, слишком глубокое и высокое, с такую же гениальной легкостью, как Хлестаков, сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, расплющивает до последней степени плоскости и краткости...» (Дмитрий Мережковский, «Гоголь», <http://gogol.lit-info.ru/gogol/bio/merezhkovskij-gogol-1.htm>);

«Так судят нашего брата все макаки. Племя рабское, лукавое, в десяти поколениях запуганное кнутом и кулаком, трепещет, умиляется и курит фимиам перед насилием, но впусти его в свободную область, где его некому брать за шиворот, там он развертывается и дает себя знать. Посмотри, как он смел на картинных выставках, в музеях, в театрах, или когда судит о науке: он топорщится, становится на дыбы, ругается, критикует... и непременно критикует – рабская черта! Ты прислушайся: людей свободных профессий ругают чаще, чем мошенников, – это оттого, что общество на три четверти состоит из рабов, из таких же вот макак...» (Антон Чехов, «Палата №6 // Дуэль», <http://book-online.com.ua/read.php?book=1713&page=80>);

«Но если и допустить недопустимое, что могут быть найдены такие приемы, при которых искусством – тем искусством, которое у нас считается искусством, – будет

возможно пользоваться всему народу, то представляется другое соображение, по которому теперешнее искусство не может быть всем искусством, а именно то, что оно совершенно непонятно для народа. Прежде писали произведения поэтические на латинском языке, но теперешние произведения искусства так же непонятны народу, как если бы они были писаны по-санскритски. На это обыкновенно отвечают тем, что если народ теперь не понимает этого нашего искусства, то это доказывает только его неразвитость, что точно то же было со всяким новым шагом искусства. Сначала не понимали его, а потом привыкали к нему» (Лев Толстой, «Что такое искусство?», <http://fotostudio.com.ua/whatistheart.shtml>).

Большевики и коммунисты восприняли лишь мертвую оболочку русской культуры, извратив ее сущность и насытив лицемерием и ложью ее мертвое тело:

«Практически весь текст книги написан на самом настоящем большевистском новоязе, который впервые как явление был высмеян Андреем Платоновым в романе «Котлован», в котором были использованы фразы вроде: «Кругом беспрестанно нагнеталась общественная польза». Большевистский новояз использует ситаксическую структуру русского языка, при этом в предложениях либо полностью отсутствует смысл, либо они описывают какую-то выдуманную реальность взамен реально существующей действительности» (Максим Минович, «Страшная книга о советской идеологии», https://maxim-nm.livejournal.com/520757.html?utm_medium=email&utm_source=JournalNewEntry);

«Да и этот светильник, зажженный буржуазной рукой или рукой полубуржуазного интеллигента, почти бессильно чадит, почти все они тусклы, но их много, и дело заключается не в том, чтобы гасить их, а в том, чтобы заставить их гореть ярче и путем процесса, трудность и медленность которого колет глаза всякого наблюдателя, переработать весь этот аппарат в подлинное орудие социалистической культуры» (Анатолий Луначарский, «Проблема социалистической культуры», <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/problema-socialisticeskoj-kultury>);

«Луначарский доказывал, что все великое в нынешней культуре – антибуржуазно, что из наследия капитализма нельзя воспользоваться даже малой долей; настаивал на необходимости «лабораторного строительства» особой, самостоятельной, абсолютно пролетарской культуры» (В.Ф. Пустарнаков, «Культурология. XX век», Энциклопедия, 1998, http://sociolog.in.ua/view_person.php?id=96);

«От художников требовалось писать так, чтобы это понял «простой человек». От музыкантов требовалось писать такие мелодии, которые «простой человек» (то есть, не получивший музыкального образования и, возможно, не отягченный особо тонким слухом – иначе он уже не «простой») может с первого раза запомнить и спеть; философ не должен был говорить «заумного», «сумбурного» и «непонятного», как это делали Гераклит, Гегель и другие «несознательные и буржуазные», и так далее, и так далее. Был ли этот «простой человек» реальностью или он был конструкцией? – Это вопрос. Я думаю, изначально он был

конструкцией, моделью «нового человека», «человека воспитуемого», но постепенно эта официальная болванка наполнилась содержанием, и мы увидели этого «простого человека» вживе; его «воспитали», ему внушили, что он имеет право требовать, чтоб угождали его невежеству и лени. О, сколько раз я видела «простого человека» в действии. На выставках он писал книгах отзывы: «Для кого это все выставлено? Простой человек этого понять не может». Он строчил в редакции, он сам стал воспитателем. Да, люди стали такими, какими их хотели видеть. Видимо, это было удобно. Заметьте, как мало говорится о том, какое удобство реальный социализм, во многих отношениях мучительный, предлагал человеку, чем он соблазнял его: возможностью безответственности, свободы от личной вины, свободы от «комплекса неполноценности» перед всем, что превышает его понимание и его опыт. Это прекрасно описал Пауль Тиллих, анализируя тоталитаризм в своем «Мужестве быть». Без согласия среднего человека на режим, без этого добровольного совпадения населения с режимом мы мало что поймем в происшедшем у нас...» (Ольга Седакова, «Посредственность как социальная опасность», <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>);

«Именно эти люди (психически инфантильные русскоязычные посредственности, – П.Д.) столкнувшись с любым сколько-нибудь не банальным, выходящим за рамки стандартного советского масскульта, явлением – фильмом, телеспектаклем, романом – писали письма в «инстанции», где осуждали, требовали искоренения, искренне поражались зачем и кому это нужно, риторически вопрошали – так вот на что идут народные деньги? – и так далее. Быдло исходит из принципиально гомогенной картины мира, культура которого соответствует его, вкусам и представлениям. Отсюда устойчивое стремление к упрощению культурного контекста и примитивизации культуры...» (Андрей Пелипенко, Игорь Яковенко, «Быдло» / «Быдло как социальное явление», <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>; http://design.bigler.ru/forum_yb/showthread.php?t=14581; <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>);

«Я очень культурный человек. А наша культура бесчеловечна. Умом я понимаю всю её глупость, но всё равно живу в ней. Тут своеобразная поэтика. Смотрю фильм. А там целуются. И только начинают целоваться, показывают лампочку, окно, а за окном дурак на гармошке играет и всё такое. Человек бескультурный, антисоциальный в таком мире здоров, на него [ничто] не действует. А на способного к восприятию действует – взгляд его соскальзывает на лампочки и гармошки. Тоже воспитание. Собственно, я необычайно воспитанный. Я всегда всё понимал с полуслова и всерьёз. Всегда слушался, да не формально, а по сути. Очень наивно. Шизофреническое, бессмысленное ханжество стало моей сутью. Я это всё всерьёз воспринял. Я максимально советский человек, и именно советский человек определённой эпохи. Мне сказали: надень пиджачок и иди. И я пошёл, пошёл. По горам, по болотам и пустыням. В пиджаке, с портфелем в руке и «Комсомольской правдой» в кармане. Про любовь же мне ничего не сказали. Отец сказал: «Учи уроки». А на уроке сказали только: «Будешь анкету заполнять, так там вторая графа «пол». Напишешь «муж». Отец покупал бормотуху и, помню, радовался: «экономия». И через четыре года на пятый умер. Умер как раз от болезни, которую вызывал этот суррогат. Отец был неглуп, но у

него была русская мыслишка: «Раз продают, значит безопасно. Не будут же они...» – Будут. В том-то и дело, папочка, что будут. И меня, и я попал – сексуальным денатуратом опоили. Это не есть люди...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Таким образом, русская культура давно уже почилла в бозе вместе со своими былыми носителями. Занимающиеся же самолюбованием русскоязычные челядишки, так и, не создав вместо нее ничего стоящего, фактически превратились в «некрофилов» и всё еще продолжают насиловать ее бездыханное «тело», изуродованное до неузнаваемости пролетарско-холопскими интерпретациями:

«Характерен пышный расцвет театра и театрально-декоративного искусства в начале века. Балет, опера, драма, цирк, стилистика маскарада и массовой культуры – всё это свидетельствовало о заигрывании, погружении в театральное действо. Именно в этот период впервые в русской истории (если не считать наивного начала XIX в.) получила широкое развитие масонская мифология. Привлекал театрально-декоративный характер масонства, эстетика тайных эмблем и капюшонов... Русская литературочка начала потихохоньку сбываться. Перед концом чрезвычайное значение приобрела тема смерти на сцене, тема красивой смерти, сладкой смерти, порочной смерти. Некрофилии. Театрализованная, карнавализованная декадентщина с её пляшущими скелетами и покойницами. Тема тлена, эстетики умирания, мёртвых красавиц и оживших мумий. Это осуществлённый онанизм, попытка вырваться в реальность. Это осуществление «программы» Гоголя – первого русского драматурга. Не случайно, что его стали более-менее адекватно понимать именно в эту эпоху. Дело, конечно, не в импортированности нашей литературы. Это лишь частность. Суть в том, что русские религию заменили литературой. То есть неким мифом. Мифом принципиально антимифологическим: «натурализмом», «реа-лизмом». Реальность стала Богом. Причём не собственно реальность, а то, что подразумевалось под реальностью...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«К сожалению, литературный процесс в бывшей России и бывшем СССР и в настоящей Эрэфии носит точно такой же характер: все, что пишется и издается на темы окружающей действительности, носит психопатологический характер и представляет собою интерес для психопатолога. Государство со времен Сталина делает все, чтобы доказать, что СССР (а теперь Эрэфия) – нормальная культурная страна. Для этих целей держат придворный балет с кремлевскими суперблядами, заставляют старых театральных обезьян играть в здании бывшего Художественного театра пьесы самого Чехова, который в одном из писем Суворину писал, что если в России к власти придут социал-демократы, то их с Сувориным времена покажутся золотым веком, а на литературном Олимпе будут восседать чудовищные земноводные. Что и случилось, и теперь Россия не страна Чехова, а страна имитаторов Чехова, готовых разорвать и героев драматурга, и его самого. Здесь не нужна ни симфоническая музыка, ни литература: это страна опасных человекообразных обезьян, которые имитируют наличие какой-то культуры. И в кино, и в детективной литературе пропагандируются только одни сюжеты: как славянские и инородческие выродки убивают и

разделяют трупы детей, девушек, женщин и просто знакомых и прохожих. Это же нескончаемо демонстрируют милицейские хроники. Уже окончательно ясно, что изнутри эта страна (и не Россия, не СССР, не Эрэфия), или точнее – территория, если угодно, никогда не сможет самоорганизоваться, покончить с повсеместной уголовщиной и бандитизмом и в недалеком будущем сгниет на обочине не собственной истории (которой у нее больше нет), а в придорожных ямах соседних государств, куда бульдозером будут спихивать останки морально сгнившего населения» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Мы сырьевая экономика. Мы пользуемся газом и нефтью, которые созданы не нами, но находятся на нашей территории. Поэтому мы считаемся великой страной с огромными ресурсами. Наша культура тоже сырьевая. Мы пользуемся великим классическим наследием, к которому не имеем никакого отношения. Русской культуры как таковой уже нет – она осталась в XIX веке. Сейчас у нас дотационная периферийная культура. Большой театр долгое время был национальным символом. Он считался великим, потому что у него было великое прошлое. Сейчас он перестает быть даже брендом... Большой театр стал надгробием русской культуры» (Композитор Владимир Мартынов, «Большой театр стал надгробием русской культуры», <http://izvestia.ru/news/544391>);

«Мартынов говорит: «классическая музыка умерла в собственной постели». Никто ее не убивал. Ее продолжают исполнять и слушать. Как будто смерти и не было. Для того, чтобы понять, что сказал Мартынов, я стал читать его книги. Читая «Зону opus posth» я понял то, что не мог понять, слушая музыку Владимира Мартынова. Что я понял? Что музыка и мысль плодотворно совместились, и получился Мартынов – археоавангардист, хотя он об этом своем имени и не знает. Также я понял, что если наступил конец времени музыки композиторов, то этого никто не заметил. Так же как никто не заметил и конца философии, ибо преподаватели философии успешно создают иллюзию ее существования, играя в бисер с философскими именами и текстами. Мысль не завершилась знанием, научившись отсылать одну мысль к другой. И этот отсыл делает невозможной любую систему мысли. Последовательность, систематичность позволяет тебе думать, что ты поймал истину и держишь ее за поводок. А если система невозможна, то и истина на поводке невозможна и, поэтому, не надо искать то, что замыкает, завершает мысль, превращая ее в нечто законченное. Да и само общество уже давно перестало быть системой, а социологи и политики этого не замечают, делая вид, что оно существует в виде чего-то законченного, хотя оно уже существует как внутренне пустое и внешне упорядоченное образование, как симулякр, как живой труп...» (Фёдор Гиренок, «Начало музыки Мартынова и конец времени композиторов», <http://fedorgirenok.narod.ru/martin.htm>);

«Старая вера русской интеллигенции в то, что жить надо как можно хуже, но лишь стремясь к идеалу, была именно верой литературной, а тот факт, что идеалы носили весьма утилитарный характер, лишь облегчал литературную задачу их оформления. Как следствие, безусловное доверие вызывал сам ряд напечатанных типографским способом литер,

составленных в слова, которыми был составлен текст, и само по себе это опосредование выступало как бы гарантом подлинного смысла... Можно сказать, Текстом стало всё – чувства, истина, патриотизм, вера в коммунизм и само существование мира. Отдельные книги лишь тиражировали его, а буквы заполнили все советское пространство, подменяя любые иные субстанции: они проникли в картины художников, стали архитектурными украшениями, подменили музыку в песнях и операх, даже пластика балета стала сводима к либретто, даже эротика превратилась в бесконечный диалог, и сам мир превратился в букварь, где, скажем, арбуз существовал лишь как иллюстрация для литеры «А», а словосочетание «мама мыла раму» приобрело какое-то чувственное и легкое очарование уютного идиотизма, как созерцание облаков дикарем или финал повести Гайдара «Чук и Гек». Социализм стал апофеозом тотальности российской словесности, как сам Советский Союз – российской государственности, и что ж теперь удивляться, что и то, и другое рухнуло в одночасье. То и другое рухнуло в одночасье, ибо построено было не на жизни, не на истинных человеческих качествах, не на укорененной в жизни и человеческих качествах культуре, не на правде жизни и законах бытия, а на химерах... На химерах слов, на красотях речи, на словесных облатках, на высоких, но пустых звуках. Еще – на царских велениях, указах, служивости, верноподданничестве в самом широком смысле слова, стыдливо скрываемом снова-таки за высокими словами о «службе отечеству»...» (Игорь Гарин, «Химерический реализм, или блаженный идиотизм», <https://www.proza.ru/2014/09/03/756>);

«В России литература становится механична потому, что только при этом она чувствует себя в безопасности: вольная трактовка темы неизбежно увлекла бы ее в «уклон». Это особенно видно на языке. Кто читает советские журналы, тот знает этот нестерпимый, мертвый, казенный советский язык, составленный не столько из комбинаций слов, сколько из комбинаций готовых фраз, всегда одинаковых, неизменно повторяемых. Да и слова одинаковые! Сказал о ком-то Сталин «головотяп»: через неделю не было статьи без головотяпа... Таких примеров сколько угодно. Мы возмущаемся, пожимаем плечами. Наше возмущение справедливо, конечно, но должно бы относиться не к языку, а к тому, что за ним. Обезличение, схематизация языка есть явление глубоко закономерное в теперешней России, его не могло не быть. Фраза сколько-нибудь индивидуальная сразу выделяется в советском тексте, сразу кажется подозрительной: что ему надо, этому «личинку», отчего не хочет уложить он свою мысль в готовую форму, уж не такова ли у него и мысль, что ее в дозволенные формы не уложить. И так далее, и так далее. Действительно, – если мысль общая, чем же для нее плохи общие слова? План требует языкового штампа. Проникновение его в литературу, называемую художественной, приводит к таким же результатам и в ней» (Георгий Адамович, «План», <https://lit.wikireading.ru/29864>);

«Россия была страной писателей без читателей, точно так же, как сейчас Россия страна читателей без писателей. В 1861 году в России было всего 20 тыс. чел. с высшим образованием. А если учесть, что уровень образования по сравнению с передовыми странами был крайне низок, то эту цифру следует уменьшить вдвое... В том-то и состоял парадокс,

что по количеству и качеству людей одарённых Россия являлась вполне европейским государством, а по количеству и качеству образованного слоя – азиатским или, по крайней мере, латиноамериканским. Современным русским это особенно трудно понять, ибо сейчас пропорция обратная: Россия похожа на пирамиду со срезанной верхушкой – огромное количество потребителей культуры при отсутствии людей с вполне оригинальным и творческим мышлением. И то и другое состояние поддерживалось искусственно. В XIX веке Россия в культурном отношении пыжилась, становилась на цыпочки, в XX её причесали машинкой для стрижки газонов. В русском государстве всегда было нечто неестественное, специальное. Достоевский назвал Петербург умышленным городом. Но и раньше. Разве именование деревянной избяной Москвы («большой деревни») Третьим Римом не было тоже чем-то умышленным и специальным?» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Полвека назад В. Набоков показал, что именно СССР заложил основы примитивной, провинциальной, политизированной, консервативной, трафаретной литературы. Истинным героем всех советских романов было полицейское государство. Поэтому пошлость реализуется не только в литературе, но и в правительстве и рекламе. Советское правительство – это самая пошлая организация на свете, не допускающая индивидуального поиска и творческой смелости. «В современной России, – констатировал классик русской литературы, – стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил – перестали замечать пошлость, поскольку в Советской России развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающего деспотизм с поддельной культурой»... Сталин создал, а его последователи применяли методы, которые привели к ряду последствий: полной деморализации художников и ученых («интеллигенции»), поскольку единственным шансом выжить была поддержка абсурдных политических принципов; истощению умственных способностей данного слоя людей в борьбе со смертельной опасностью («невозможно обдумывать собственные замыслы или скрываться в крепости своего внутреннего мира, оставаясь тайным еретиком»); минимизации контактов между научными учреждениями, лабораториями и институтами, блокировка появления влиятельных интеллектуальных центров; подавлении идей как таковых... Советская культурная политика тождественна интеллектуальной кастрации людей, занятых культурой...» (Виктор Макаренко, «Советская катастрофа: от азиатской чумы до основной личностной структуры», [http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_\(Bolqsevizm_i_Rossiq\).pdf](http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_(Bolqsevizm_i_Rossiq).pdf); <http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/04.pdf>);

«Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое» (Евгений Замятин, «Я боюсь», 1921, http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1921_ya_bous.shtml);

«Наша здешняя литературная яма имеет, конечно, уездный масштаб. Но источаемая ею вонь качественно та же, что и от ямы всесоюзной» (Георгий Демидов, из письма Шаламову, цит. по предисловию к «Два рассказа» Виталия Шенталинского, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/5/dem.html);

«Обо всем, что писалось и пишется на территории бывшего Советского Союза, страны изначально дефективной и социально извращенной, я вообще говорить и писать не хочу и не буду. Был, правда, душевно здоровый писатель – Варлам Шаламов, есть автор одной повести – Лидия Корнеевна Чуковская, есть еще несколько авторов, писавших на советском материале, в чем-то близко подошедших к правдивому описанию окружавшего их нездорового и извращенного мира. А так все писали со страшной цепной собакой в конуре своей души. Я имею в виду внутреннюю цензуру. Я сам с величайшим трудом в конце концов отточил напильник, сделал острую заточку, полез в свою внутреннюю будку и зарезал эту страшную собаку. Эта внутренняя ложь похожа на совокупление с нелюбимой партнершей: как ее ни переворачивай, а удовольствия нет, и поневоле из сожаления имитируешь страсть, как имитируют ее порой с помощью стонов и криков, подсмотренных в дешевых завозных порнофильмах, женщины, не испытывающие оргазма со своими мужьями-алкоголиками. Вот так же жили и живут советские и постсоветские литераторы, обманывая себя и своих читателей. Постылая жизнь и постылая холодная литература, своего рода продукт принудительного, несвободного творчества, вроде стенгазет и «боевых листков», по определению Ильи Кабакова... Иван Бунин был последним крупным русским писателем – на нем российская словесность закончилась, около его разложившегося и растекшегося тела развелось нескончаемое число русскоязычных писателей. Чехов сказал: «Вот Толстой умрет – и все кончится». – «А что кончится, Антон Павлович?» – «Все кончится», – ответил Антон Павлович. Ну а потом умер Бунин, описывавший осенний дождик лучше, чем сам Толстой, в чем он признавался...» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Я считаю, что литература у нас очень бедненькая. Неяркая, как среднерусский пейзаж. Первый русский поэт Василий Васильевич Тредиаковский в XVIII веке бывал порою бит при дворе палками. Ни русского Вольтера, ни русского Руссо, ни Свифта, ни Гете, ни де Сада у нас не было. Ну, скажем, из Ломоносова мог бы в других условиях получиться энциклопедист Дидро. А вообще-то ничего выдающегося в нашей литературе не наблюдается до середины XIX века. Хваленый Пушкин – банален, Пушкиных во Франции было в его времена завались – штуки три или пять... вот тычу наугад: Проспер Мериме, Альфред де Мюссе, Альфред де Виньи... Потом появился уникальный загадочный Гоголь, и после него дело поправилось. С 1850-го по 1920-е годы мы стали поставлять, если не уникальных мэтров литературы, то поставили все же несколько тяжеловесов хорошего уровня. (Пока при Советах не образовалась опять мерзость запустения.) Мыслители появились, несколько оригинальных, во второй половине XIX века (но думать всегда русские могли плохо, русский писатель – это большей частью дурак. Редко кто у нас умеет думать).

А если кто умел думать, как Герцен, или Константин Леонтьев, или Бакунин, то их мало читают и читали... Но то, что у нас была бедненькая культура, еще полбеда. Настоящее нашей культуры и вовсе ничтожно. Из-за диктаторской руки советской власти у нас отсутствуют целые два-три поколения творцов, которые поместили бы нашу нацию в современность... «Страна великой культуры» – видите ли. Вранье! Страна с посредственным историческим багажом культуры. И с полным отсутствием современной культуры... Надо смирить свой гонор и согласиться, что в общем литература у нас бедненькая. Можно по своему понять всяких наших опрашиваемых «политиков» или «элиту», когда они на вопрос «Ваш любимый писатель?» вдруг объявляют: «Пушкин» или «Толстой». Потому что ничего более современного и бесспорного каталог российской культуры им предложить не может. Не Бубеннов же какой-нибудь, не советские же литераторы с испитыми лицами партбюро? «Деревенщики» – не литература, а вопли Руси уходящей. Нет, ушедшей... А без современной литературы страна себя понимать не может...» (Эдуард Лимонов, «Контрольный выстрел // Мы страна великой культуры...», <http://mognovse.ru/oor-kontrolenij-vistrel-stranica-30.html>);

«...отсутствие явного лидера есть важное свидетельство естественности литературного процесса. Это один из характерных признаков культур мирового значения... В этом смысле у русских всё очень плохо. Пушкин это типичный Эминеску. Его творчество полно заимствований, за пределами России он не популярен, а внутри страны раздут в «наше всё». Это очень точный маркер национальной дефектности и вторичности...» (Дмитрий Галковский, «Что необходимо знать о Пушкине», <http://club.stafka.ru/viewtopic.php?f=6&t=1697>; <http://galkovsky.livejournal.com/262681.html?media>);

«Впрочем, магия литературы до конца не преодолена даже и ныне: инфантильное сознание не отпускает. Как всякое детство, коммунизм должен – и будет – вызывать сильнейшую ностальгию. Естественно, что больше всего ей будут предаваться литературные критики. Забавный случай профессиональной аберрации зрения: они надеялись на то, что ликвидация коммунизма приведет к расцвету «полнокровной реалистической литературы»; кое-кто, кажется, еще и сейчас надеется, до сих пор не поняв, что коммунизм и литература одно. Эти чудачки (укр. «диваки»; чеш. «chudák» – «негодяй, мерзавец, злодей», – П.Д.) так и не удосужились прочитать Фрейда, которым сейчас... завалены все книжные прилавки в Москве: у него-то дан ответ на вопрос, что такое цензура, якобы мешавшая окончательному расцвету русской словесности. Да она его и обусловила, этот расцвет, он уже был, а нынче отцветает... Искусство говорит всегда и только на эзоповом языке. Для него необходима атмосфера темноты и страха... Детство кончилось, поезд ушел, коммунизм обрушился...» (Игорь Гарин, «Русская литература как Кассандра», <https://www.proza.ru/2015/04/02/1949>);

«Если только Россия откажется от бесконечных разговоров об особой духовности русского народа и особой роли его, то тогда реформы могут появиться. Если же они будут замыкаться на национальном самолюбии, и искать какого-то особого подхода к себе, и

думать, что булки растут на деревьях... Они так собой любуются, они до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что они уже не в состоянии ничего нового сделать» (Альфред Кох, из интервью А. Минкину «Прощай, умытая Россия. Признания бывшего вице-преьера», http://www.compromat.ru/page_25887.htm; <http://wiki.dataved.ru/knol/corruption/koch>; <http://newsland.com/community/8259/content/alfred-kokh/6305601>).

Как видим, психически инфантильным русскоязычным населением понятие культура стало отождествляться преимущественно с литературой и с искусством, а вовсе не с манерами поведения а, тем более, и не с нравами людей:

«Что такое «культура»? Часто под этим понимают творения искусства и литературы или манеры воспитанного человека. Но это понятие имеет и другие более глубокие смыслы. Французский социолог Алексис Де Токвиль в середине 19-го века, изучая американскую ментальность, определил её словом «нравы». Он писал: «благодаря своим нравам народ может извлечь пользу даже из самых неблагоприятных климатических условий и самых скверных законов. Никакую конституцию не обеспечишь, если нравы населения этому сопротивляются» (Цитирую по памяти)» (Андрей Кончаловский, «Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс», <http://www.liberal.ru/articles/4960>);

«Прежняя культура была ориентирована не на личность и интересы каждого человека, а на социум, стадное начало, общественную пользу. Вместо культивации естества индивида, иерархии общества, истинного единичного бытия – рационалистами развивались идеи общественной пользы, равенства, общественного благополучия, либерализма и демократии. Выравнивая природно разных людей, культура подавляла движущие силы жизни, вела к утрате подлинного бытия, обращала людей в манкуртов. Теряя свою волю к могуществу, лишаясь природных инстинктов, человек превращался в робота, не способного утверждать себя и выбирать то, что ему полезно. Культура убила человеческую подлинность, под видом «высоких чувств» и «идеалов человечества» создала «прирученного» человека, все больше дегенерирующего в меру отдаленности от природы. «Недостаток личности мстит за себя» – эта максима Ницше не просто краеугольный камень философии персонализма, но и глубочайшее предвидение судьбы общества, ориентированного на подавление человека и предпочитающего соборность индивидуальному началу...» (Игорь Гарин, «Философия жизни, человека, культуры», <https://www.proza.ru/2015/11/05/906>);

«В России практически отсутствует научная журналистика. А серьезные ученые мало и редко пишут популярные книги даже по своей специализации, что уж тут говорить о работах, которые переходили бы границы между дисциплинами. У нас любят только философствовать об общих законах мироздания, а рассказчиков интересных историй почти нет. Дело, думаю, в нашем образовании, потому как гуманитарии воспитываются в духе воспроизведения полученной суммы знаний, а не создания новых проблемных направлений. Мне же всегда казалось странным, что ученые-гуманитарии пишут сухим, невразумительным языком: в конце концов, мы все движимы одним желанием – понять что-

то про человека. Не надо отгораживаться железобетонным забором от обычного взыскующего сознания неспециалиста, нужно идти к нему навстречу – только, естественно, при условии, что научное исследование при этом не подменяется пустопорожними рассуждениями. Умение выразить мысль доступно – это достоинство, и очень хотелось бы, чтобы наше гуманитарное сообщество развивалось в этом направлении» (профессор Сергей Иванов: «Русская власть взяла себе из Византии только цацки», <http://argumentua.com/stati/professor-sergei-ivanov-russkaya-vlast-vzyala-sebe-iz-vizantii-tolko-tsatski>);

«Но разве не правда, что большинство наших соотечественников по сей день не приняли те ценности, на которых зиждется западная цивилизация? (А те, кто в заметном числе уезжает на постоянное жительство в успешные страны, как раз представляют другую, меньшую часть общества, которая истончается.) Разве полное равнодушие к политике и нежелание проявлять даже минимальную общественную активность являются выдумкой? Разве многие наши общественные деятели и представители творческих профессий не демонстрируют публично примеры рабской психологии? Как писал в одной из своих работ культуролог Игорь Яковенко: «Подавление личностного начала – одна из магистральных функций русской культуры». А известный философ Вадим Межуев подчеркивал: «Отличие России от Запада следует... искать не в цивилизации – здесь можно говорить лишь об отсталости России от Запада, – а в культуре» (генеральный директор журнала «Знание-сила» Игорь Харичев, «О народе России», <http://www.ej.ru/?a=note&id=11500>);

«Теперь уточню вопрос: свободно ли современное российское государство и общество, его властители и интеллектуалы от советской пошлости, экономической и идеологической эксплуатации?.. По идее, развитием теории, осмыслением и применением западного опыта к российским реалиям должны заниматься академические или университетские ученые. Но этого не происходит из-за низкой квалификации персонала, отсутствия когнитивной культуры, критических дискуссий, незнания языков и литературы. Прежняя функциональная роль общественных наук пока не потеряла значение. Понятие академической автономии в большинстве голов обществоведов не возникло. Они по-прежнему готовы обслуживать власть. Верноподданническая и клиентельная установки практически полностью парализуют познавательные интенции в этих дисциплинах. За это же время увеличилось число докторов в сфере социально-политических наук на 26%. Философский и исторический факультеты в МГУ, а также Институт философии РАН превратились в прибежище захолустного антисциентизма, имперской геополитики, религиозного национализма. Короче говоря, социальные науки до сих пор занимаются защитой распавшегося советского порядка и его идеологических постулатов. Образовательные учреждения являются не столько генератором инновационных разработок, а системой консервации старого знания и идеологических предрассудков, средством блокировки процессов модернизации» (Виктор Макаренко, «Советская катастрофа: от азиатской чумы до основной личностной структуры», [http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_\(Bolqsevizm_](http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Sovetskaq_katastrofa_(Bolqsevizm_)

[i_Rossiq\).pdf](#); politconcept.sfedu.ru/2009.4/04.pdf);

«У нас элита – что, прости господи, художественная элита – вся она, так сказать, на прикорме, вся кушает с ладони – вся! Вся слава России, все великие имена, все эти музыканты, артисты... – все едят с путинской ладони и кланяются. И за это страна – вот за такую элиту совершенно продажную, очень тяжелую – будет платить очень тяжело, конечно...» (Виктор Шендерович, из интервью Ирине Воробьевой, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1482700-echo/>);

«Вот, проблема в том, что у нас и интеллигенция такая же, в общем, тупая и дерьмовая как всё остальное. Она тоже заражена нелепыми иллюзиями, невежественна, заряжена имперщиной, патриотизмом. Она преимущественно религиозна, что лучшим образом говорит о ее уровне развития. Она видит проблему в Путине, а не в том страшном смысле, который зашифрован в слове Россия. Она не понимает, что Путин просто очень тщательно материализует исторические химеры, традиции и представления об этой стране. То есть причинно-следственная связь интеллигенции, в общем, недоступна» (Александр Невзоров, из интервью на «Эхо Москвы», <https://echo.msk.ru/programs/neysredy/2594540-echo/>);

«Удручает обидленная пассивная постсоветская масса и ее пастыри-паханы, но самое страшное явление в новой русской жизни – это заплывшая жиром, тупая, купленная на корню творческая интеллигенция, вытравившая в себе все человеческое в обмен на награды и «черный нал» от КГБ и воров в законе. Всегда обижался на Рахманинова. В интервью американскому журналисту в тридцатых годах на вопрос, тоскуете ли Вы по России, он ответил: «России больше нет». До самого последнего времени я думал, что Рахманинов ошибался. И только в эти, последние, московские гастроли 2010 года, я понял – он был прав» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«Торгующие порядочностью мужчины выстраиваются в длинные очереди, дабы прилюдно лизать задницы высшего начальства – подписывают верноподданнические петиции, всеми частями тела демонстрируют преданность жабам на трубе, участвуют в травле предателей отечества, манифестируют мужество борьбы за великую идею – так нынче зовется духовная проституция. Некоторые из них действительно верят в такого рода патриотическое служение, но абсолютное большинство прекрасно знает его цену – тридцать серебрянников... В русском языке рекордное количество слов, характеризующих продажность, и, остерегаюсь, самое большое количество продажных «образованцев», как называл совковых проститутки А.И. Солженицын. Так что для продажного типа огромный выбор лейблов: холуй, холоп, лизун, шавка, льстец, лакей, низкопоклонник, подхалим, прислужник, прихвостень, прихлебатель, угодник, подлипала, прилипала, шавка, шустряк, шустрован, жополиз, поджоппник, алюсник...» (Игорь Гарин, «Продажность как самая выгодная профессия», <https://www.proza.ru/2015/10/02/711>);

«Говоря об идеальном государстве, мы должны поставить культуру и искусство на одно из первых мест, ибо культура, это единственное, что делает из народа нацию, а искусство, это единственное, что выводит человека из грубо материального мира в сферу чистой божественной Игры. У многих, конечно, нынешнее состояние культуры и искусства вызывает обоснованный скепсис в отношении знака полярности ее влияния, и в чем-то с ними можно согласиться, но было бы странно, если бы мы, говоря об идеальном государстве, ограничились тем, что имеем на сегодня. К тому же, их видимый упадок может и не означать упадка, потому что культура, и особенно искусство, как квинтэссенция культуры, это не нечто уже сотворенное, это процесс, это экзистенциальное наслоение в каждый миг времени невидимых энергий, даруемых пространству творческими людьми...» (Михаил М., «Идеальное государство: Россия процветет искусством», <http://rospil.ru/culture/culture-31.htm>)

«Культура в Москве – это когда люди, заплатившие 700 рублей за билет, смотрят на «Стрелке» или в «Гараже» последний каннский хит, который никогда не выйдет на экраны других городов, потому что политическая и экономическая цензура добила независимый прокат. Но будь ты хоть трижды «Гаражом», тебе никогда не позволят показать фильм Лозницы «Донбасс», потому что вопрос о предельном состоянии постсоветского человека и постсоветского пространства нельзя задавать всерьез и вслух. Руководитель штаба Собянина Константин Ремчуков говорит что-то о глобальной конкуренции городов, в которой обновленная столица России принимает участие наравне с Нью-Йорком, Парижем и Лондоном, забывая о том, что Нью-Йорк, Париж и Лондон производят идеи для всего мира, а Москва, окруженная воображаемыми врагами и реальной обескровленной страной, не производит даже гибридную пропаганду of international fame, поскольку «ольгинские тролли» находятся в другом месте (как известно, за четыре года по квоте для «полезных специалистов» российское гражданство получили 12 человек). Единственный сегодня крупный российский феномен международного масштаба – дизайнер Гоша Рубчинский – в своих коллекциях эксплуатирует нечто, совершенно противоположное собянинскому украшательству: «эстетику****», ностальгию по бесформенности и неустроенности. Единственное яркое поп-культурное явление последних лет – рэп-баттлы – зародилось в Краснодаре и прогремело в Петербурге; в Москве для них не хватило бы энергии, бескомпромиссности и внутренней свободы» (Мария Кувшинова, «Москва и москвичи», <https://www.colta.ru/articles/society/19036>).

К тому же в России имеет место тенденция и далее продолжать считать культурным вовсе не гуманное толерантное и не правовое демократическое поведение большинства европейцев, а присущее русскоязычным челядишкам свинское поведение с преобладанием в нем как звериной жестокости, так и бессознательного стремления к разорению всего их окружающего:

«Русская религия – вера, немецкая – знание. Русские живут у Бога (если произнести вслух, получится грустный каламбур), немцы живут около Бога, думают о Боге. Для немца христианство – основа культуры, для русского христианство докультурно, и часто культура начинается там, где кончается христианство. Русский народ по культуре неизмеримо ниже

немцев и европейцев вообще. По культуре русские звери, свиньи. И русская культура (в узком смысле этого слова), может быть, гораздо менее христианская, чем культура западная... Вся послепетровская Русь питалась немецкими идеями. И прекрасно делала. Но ошибка заключалась в том, что русские волей или неволей хотели переделать саму физиологию своей нации. Розанов ошибочно ругал немцев за то, что они заменили понятие культуры понятием образования и трудолюбия. Он не понимал, что вне рации в Германии возможен только фашизм. Или протестантская кирха, или «Нибелунги». Немцам нужно было окончательно отказаться от дословесного опыта...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html).

И такое дикарское и деструктивное поведение психически инфантильных русскоязычных людей вовсе не удивительно, так как лексема «культура» ассоциируется в их подсознании не только с лексемой «культ», но и с лексемой «культивация», соответствующей обработке культиватором вспаханной (разоренной оралом) земли с непременным разрушением (разрыхлением) ее комьев и с подрезанием корней сорняков. Да и ассоциация-то её с лексемой «культя» (укр. «кукса»), соответствующей остатку какой-либо искаленной или же ампутированной конечности, не предвещает ничего хорошего:

«Томясь тоскою по вождю,
Россия жаждет не любого,
А культивирует культу
От культа личности рябого»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>).

Какие уж тогда ассоциации следует ожидать в подсознании русскоязычного людишки с таким уродливым словом как «культпросвет»:

«Культ личности Сталина сменил культ безличности Брежнева. В России всегда жили в эпоху «культпросветов» – просветов между разными культурами. После некоторого ослабления тоталитарного контроля система возрождалась, поскольку ее мощная матрица существовала в сознании. Система ведь задала определенного рода мифологию, а с ней, как с формой религии, трудно бороться. Советская мифология жива и все время пытается вновь вернуться на трон. За всеми ностальгическими переживаниями и рассказами о том, что, может быть, вновь возродится «золотой век» СССР, стоят мощные архетипы именно советского человека» (Александр Асмолов, из интервью Денису Ермакову «Советский человек оказался на редкость мощной конструкцией»,

<http://www.profile.ru/obsch/item/121081-sovetskij-chelovek-okazalsya-na-redkost-moshchnoj-konstruktsiej>);

«Никогда Россия не будет демократическим правовым государством. Тысяча лет истории не дает оснований для прекраснодушных иллюзий. Ты можешь мечтать и хотеть, бороться и добиваться, но ты не должен быть идиотом. Таково социальное качество народа. Есть гении и трудоголики, меценаты и святые, но, собравшись вместе со всеми, они имеют в результате то, что все мы и имеем. Культпросвет – это просвет между двумя культурами. Всем

изучать национальный характер как коллективный феномен, реализующийся в объективных следствиях. Нет и не будет для людей власти более благословенной, чем власть кесаря Тиберия! В чем секрет превращения заурядного Джугашвили в великого Сталина? В том, что народу потребно было иметь великого вождя, грозного и мудрого. Представление народа о величии вождя и воплотилось в великий сталинский миф...» (Михаил Веллер, «Крымнаши и Намкрыши», http://echo.msk.ru/blog/weller_michael/1422560-echo/).

Как при Джугашвили так и позже в качестве наивысшего достижения пролетарской культуры лицемерно декларировались принципы гуманизма. Человек провозглашался коммунистами наивысшей ценностью в советском государстве. А на самом же деле они превратили советских людей в ничтожества – в простые винтики сложного государственного механизма, в расходный материал для своих изуверских экспериментов, в холопов, гордящихся закабалившим их государством. И, в конце концов, доведя советское государство до краха, коммунисты бросили людей на произвол судьбы во взлелеянном русским языком и «коммунистическим исихазмом» состоянии агрессивно-покорного быдла (психически инфантильных гопников, алкашей, наркоманов и бомжей):

«Я никогда не был заражен народническими иллюзиями и идеалами, всегда считал их ошибочными, а частью фальшивыми, поддельными, основанными на незнании жизни вообще, и народной в особенности. Еще в 1904-1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т.е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом. Если бы не мировая война, то м(ожет) б(ыть) еще десяток – другой лет недоразумение осталось бы невыясненным, но конец, в общем, можно было предвидеть. Последние ветви славянской расы (на самом деле, лишь славянизовавшихся туранцев, – П.Д.) оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой глав(ым) образом иностранных, особенно немецких, инструкторов и поддерживал ее выносливостью, плодливостью и покорностью, а не способностью прочно усваивать культурные навыки, вырабатывать свое право и строить прочные ячейки государства. Выносливость и покорность ему пригодятся и впредь, а чтобы плодиться, придется, пожалуй, отправляться в Сибирь» (Историк академик С.Б. Веселовский, из дневника, 28 марта 1918; Вопросы истории, 2000, №6, <http://zavalinka.org/read.php?id=502973>);

«Российские компании начали жаловаться на отсутствие специалистов. Согласно недавнему опросу Института Гайдара, 23% промышленных предприятий упомянули нехватку квалифицированных кадров как одно из основных препятствий для своего развития. Проблема нехватки работников беспокоит промышленные компании сильнее, чем недостаток оборотных средств или конкуренция с импортом. В «Мониторинге экономической ситуации в России», который совместно готовят Институт Гайдара и РАНХиГС, дефицит рабочих кадров называют «главной ресурсной проблемой» промышленности. С нехваткой рук сталкивается не только промышленность. Председатель

совета Центра стратегических разработок Алексей Кудрин, который по заданию президента Путина написал программу долгосрочного развития России, неоднократно заявлял, что плохая демография станет серьезной помехой росту российской экономики в будущем. С этим соглашались как эксперты, так и чиновники. На прошлой неделе на Международном финансовом конгрессе на нехватку кадров пожаловались и банкиры. Председатель совета директоров «Тинькофф Банка» Олег Тиньков назвал нехватку кадров главной угрозой для банковской отрасли. Пример банков показывает другую сторону кадровой проблемы – недостаток знаний и навыков у российских работников... Различные исследования и опросы показывают, что дело не только в нехватке работников, но и несоответствии обладаемых ими знаний и квалификации требованиям современного рынка... В январе Всемирный банк представил доклад о преградах, мешающих российской экономике расти быстрее. Среди главных препятствий названо фактическое отсутствие в России непрерывного образования, из-за чего навыки людей устаревают... По данным международной программы PISA, российские школьники демонстрируют средний уровень знаний по математике, естествознанию и читательской грамотности по сравнению со странами ОЭСР, куда входит большинство развитых государств. При этом в России заметно ниже доля учащихся с высоким уровнем знаний этих предметов... В Россию в I квартале 2017 года на постоянное место жительства прибыли 122 тысячи иностранных мигрантов – это примерно на 8,1% меньше, чем год назад. Причина снижения в том, что в Россию в этом году приехало примерно на 40% меньше украинцев, чем в 2015-2016 годы. На эти годы пришелся приток беженцев с востока страны...» (Эхо России: «В России стало некому работать», <http://ehorussia.com/new/node/14514>);

«Русский народ ни на что не способен без иностранцев: «...Достижения России всегда были связаны с иностранцами. Как только русские сами брались за дело, так всё быстро разваливалось. Причиной являлась их неспособность к самоконтролю, управлению собой. В России всегда преклонялись перед Западом... Как ни старались русские европеизироваться, однако на европейцев они не похожи. Во многом они больше схожи с татарами. Точнее сказать, по формальным признакам – это цивилизованное общество, но внутри – чисто русская начинка. За внешней благопристойностью легко проглядывается истинная грубая натура» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«В Китае... Выросло целое научно-техническое поколение. Если посмотреть материалы научно-технических конференций, то заметно нарастающее участие китайских специалистов. Это один из основных прорывов Китая – создание собственной интеллектуальной научно-технической базы для создания и развития самых современных технологий. К сожалению, в отличие от Китая, в России в 1990-е гг. и до сего дня идет обратный процесс. Слово «разработка» вызывает аллергию у наших экономически-финансовых менеджеров от науки, а слово «инженер» вообще лучше не произносить «в приличном обществе». Произошла сильнейшая деградация вузов. Анализ подавляющего большинства публикаций в научно-технических журналах вызывает как минимум удивление

своим содержанием и отсутствием современных направлений исследований, в частности, в области спутниковых систем связи и вещания. При этом следует отметить, что базовое образование (математика, физика и т.п.) сохраняется на достаточном уровне, а вот прикладное, связанное с современными технологиями и системами, практически сведено к нулю...» (Валентин Анпилов, «История ограничений на использование импортных технологий, систем и оборудования спутниковой связи в РФ», <http://tssonline.ru/articles2/sputnik/andrey-romulov-generalnyy-direktor-oao-kb-iskra>).

Русский мир «вечного детства» как кажимость

«Идеальное это не просто нематериальное в объективном смысле, а кажущееся, причем эта кажимость есть иллюзорное восприятие материальных нейрофизиологических процессов, отвечающих на комплекс внешних и внутренних раздражителей. Но в то же время у человека создается иллюзия нематериальности (невещественности) собственных представлений, и эта иллюзия служила и до сих пор еще служит поводом для всякого рода дуалистических теорий, допускающих совместное существование материального и нематериального. Таким образом, диалектика материального и нематериального может быть представлена только в понятии, т.е. в чисто человеческой специфике отражения. В объективном же мире, т.е. в мире, не зависящем от сознания человека, подобное противопоставление не имеет смысла. Известен парадокс, который часто приписывают материалистическому пониманию мира. Когда утверждается, что материя и сознание не одно и то же, но в то же время говорится о материальности сознания, то возникает логическое противоречие. Чтобы избавиться от парадокса, мы вынуждены признать, что материя, хотя и объективно существует (аксиома, которую признавал даже классический «солипсист» Дж. Беркли), но воспринимается нами только через сознание, которое с технической точки зрения можно представить не только как своеобразный фильтр, но и как преобразователь поступающих из внешнего мира воздействий и сигналов. В то же время одним из неизбежных свойств материального сознания является иллюзорное восприятие окружающего мира, включая и восприятие самого себя. Данную иллюзию нет смысла воспринимать как стопроцентный обман. Это необходимое свойство сознания. И, может быть, именно этой иллюзией, как раз, и обусловлена наша способность мышления» (д.ф.-м.н. Борис Кулик, «Феномен нового знания: постижение истины или сотворение мифа?», ч.1 «Лингвистическая гипотеза научной интуиции», <http://logic-cor.narod.ru/fenom1.htm>).

Вопреки этому быдлотворная русская ЯКМ и исихазм всё же привили россиянам вместе с чувственным восприятием действительности и величайшую из иллюзий: «мир – как кажимость» (марево, майя, [https://ru.wikipedia.org/wiki/Майя_\(философия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Майя_(философия))).

Исихастское православие, подобно индуизму, рассматривает действительность преимущественно как обманывающее человека наваждение – иллюзию, от которой можно легко избавиться соответствующими молитвенными заклинаниями. Ведь, в нем настойчиво проповедуется уход помыслов человека от действительности к Богу. И эта проповедь,

конечно же, упала в весьма благодатную почву. Русскоязычный человек на собственном опыте многократно убедился в том, что если постоянно настаивать на чем-то, включая и откровенно ложное, то вполне можно выдать его и за некое настоящее (наставшую действительность). Благодаря русскому языку наставшая действительность для его подсознания является лишь результатом постоянного настаивания на этом враждебного к нему внешнего мира. Поэтому-то русскоязычный человек обычно и уходит от недружелюбного к нему настоящего (действительности) во внутренний мир своих чувств, в котором он фактически и помещает Бога или же заменяющие его другие свои возвышенные представления. Тем самым, он бесплодно витает в облаках и не желает (а, возможно, даже и боится) спуститься с них на грешную Землю, то есть вернуться к окружающей его повседневной и нелюбимой для него действительности.

Возможно, именно, из-за чувственного восприятия всего окружающего и подменяется легко действительность у русскоязычного человека какими-либо свыше установленными правилами или же, вообще, – верой во что-либо, соответствующее господствующей идеологии в его примитивном обществе (и, как правило, весьма далекое от истины). Ведь соответствующее действительности представление о чем-либо в русском языке рассматривается как правильное или же – как верное, достоверное (к сожалению, не от лат. «vera» – правда, «vero» – истина), в то время как в украинском языке оно рассматривается как действительное (укр. «дійсне») или же точное (укр. «достеменно») представление (укр. «уявлення»). Николай Трубецкой сближает глагол «верить» с авестийским (язык священных книг зороастрийцев) «varavaiti» – выбирать:

«Надо думать, что предки славян так или иначе принимали участие в той эволюции религиозных понятий, которая у их восточных (в те времена у западных, – П.Д.) соседей, праиранцев, в конце концов, привела к реформе Заратуштры. При таких условиях весьма вероятным становится предположение А. Meillet о тождестве славянского глагола «вльритпи» с авестийским «varavaiti», означающим тоже «верить», но имеющим первоначально значение «выбирать», так как, по учению Заратуштры, истинно верующий есть тот, который сделал правильный «выбор» между добрым богом (Ормаздом) и злым (Ариманом)» (Николай Трубецкой, «Верхи и низы русской культуры. Этническая основа русской культуры», журнал «Золотой Лев» № 245-246, <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=41&article=2389>).

Поэтому-то любая нелюбимая истина и отвергается бессознательными лингвопсихическими установками русской ЯКМ, как не соответствующая тем ложным представлениям, в которые русскоязычный человек уже уверовал (как говорится: «не верь глазам своим»):

«Верно связано со словами «верить», «уверить» и «уверен», а также со словом «проверить», и хотя морфологические связи не доказывают (синхронных) семантических связей, они, тем не менее, очевидны: грубо говоря, «верно» утверждает о чем-то не только, что это правда (и что в это можно верить), но еще и что это – «объективная правда» (или же «сладостная ложь», в которую очень хочется верить, – П.Д), то есть что-то, что можно проверить и в чем можно быть уверенным, тогда как «неверно» утверждает о чем-то, что в

это не нужно верить, потому что это (как можно доказать) ошибочно (в русской ЯКМ, к сожалению, чаще ошибочно не потому, что не соответствует истине, а потому, что не соответствует убеждениям или же уже ранее сложившимся наивным представлениям, – П.Д). Кроме того, и «верно», и «неверно» предполагают оценку: в случае «верно» – «хорошо», в случае «неверно» – «нехорошо» (Анна Вежбицкая, «Русские культурные скрипты и их отражение в языке», <http://philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm>);

«У нас верят не потому, что знают и любят, а именно – для спокойствия души, – это вера созерцателей. бесплодная и бессильная, она – «мертва есть». Верой, единственно способной горы сдвигать, мы не обладаем. Теперь, когда наш народ свободно развернул перед миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начинаем кричать: – Не верим в народ!.. Нам необходимо учиться и особенно нужно выучиться любви к труду, пониманию его спасительности. Вера – это очень приятно, но необходимо знание... Верить нужно в самого себя, в свою способность к творческой работе, остальное приложится. «Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться», чтобы спорить с мерзостями жизни и преодолеть их. Верить – это удобно, но гораздо лучше иметь хорошо развитое чувство собственного достоинства и не стонать по поводу того, в чем все мы одинаково виноваты...» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«...не ломайте комедию, не смешите людей, а устраивайте свою жизнь вне зависимости от того, как разрешится вопрос о правде-справедливости. А мы смешим, т.е. ломаем, вернее, бьемся, да и как нам не биться, если наша жизнь зависит от правды-истины, вернее, даже не истины, потому что истина слишком правильна, а нам эта правильность поперек горла, т.е. нам надо то, что пусть и неправильно, но зато верно. И это правда, иначе говоря, правда то, что мы люди веры, а не истины, но не в том смысле, что мы холим и лелеем свое православие, мы его не холим и не лелеем, хотя пора его уже и холить, а в том смысле, что у нас и неправославные как православные, т.е. они одной с нами веры и поэтому наша жизнь строится вокруг того, что существует, если к нему относятся как к чему-то действительно существующему. И поэтому-то наша жизнь верная, т.е. не потому она верная, что чему-то соответствует, она ничему не соответствует, а потому, что в ней было что-то, что мы очень хотели, чтобы оно было. Словом, была у нас жизнь верная, а сейчас она неверная, хотя она, может быть, и правильная, и истинная, а все-таки нет в ней того, что существует, когда мы к нему относимся как к чему-то действительно существующему. Жаль, что не пожалели мы эту нашу жизнь верную. Пусто без Китежа. Тоскливо» (Фёдор Гиренок, «Мистериальные игры», <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Misterialnye-igry>).

Аналогично, русскоязычные люди утверждают, что ответ на какой-либо вопрос является правильным или же верным, в то время как у украинцев ответ на него, как правило (укр. «завичай»), является точным или же истинным и, следовательно, соответствующим истине, а не какому-либо правилу или же вере. Ошибка в определении количества чего-либо в русском языке называется погрешностью (от слов «грех, грешить»). И, следовательно, она

является отступлением не от истинного (действительного) его значения, а лишь от того его значения, которое общепринято быть верным (то есть, в которое лишь уверовало примитивное общество, как в правильное). А это-то и есть не что иное, как подмена действительности соответствующей ей ментальной картиной в вербальном пространстве своего языка (в вербальной тюрьме народа) а, следовательно, – и проявление вызванной ею ментальной относительности восприятия действительности:

«Россия непостижна для ума,
Как логика бессмысленна для боли;
В какой другой истории тюрьма
Настолько пропитала климат воли?»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Умом Россию не понять!
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!»

(Федор Тютчев, 28 ноября 1866, <http://ilibrary.ru/text/1276/p.1/index.html>);

«Верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры» (Николай Бердяев, «Судьба России», 1914-1917, <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>).

Преимущественно оценочное восприятие действительности в русской ЯКМ и присущая ей лексическая шизофрения

Конечно же, лексическая шизофрения является всего лишь одним из большого множества проявлений весьма грубого оценочного (расплывчатого) восприятия действительности в русской ЯКМ:

«Стакан на столе стоит, а вилка лежит. Если мы воткнем вилку в столешницу, вилка будет стоять. То есть стоят вертикальные предметы, а лежат горизонтальные? Добавляем на стол тарелку и сковороду. Они вроде как горизонтальные, но на столе стоят. Теперь положим тарелку в сковородку. Там она лежит, а ведь на столе стояла. Может быть, стоят предметы готовые к использованию? Нет, вилка-то готова была, когда лежала. Теперь на стол залезает кошка. Она может стоять, сидеть и лежать. Если в плане стояния и лежания она как-то лезет в логику «вертикальный-горизонтальный», то сидение – это новое свойство. Сидит она на попе. Теперь на стол села птичка. Она на столе сидит, но сидит на ногах, а не на попе. Хотя вроде бы должна стоять. Но стоять она не может вовсе. Однако если мы убьем бедную птичку и сделаем чучело, оно будет на столе стоять. Может показаться, что сидение – атрибут живого, но сапог на ноге тоже сидит, хотя он не живой и не имеет попы. Так что, поди ж пойми, что стоит, что лежит, а что сидит» (Леонид Нисман, «Русский язык. Трудности, тайны, тонкости и не только... // 12 тонкостей русского языка», https://bash.news/sputnik/6280_o_strannostjakh_russkogo_jazyka; <http://kakzachem.ru/12->

[tonkoste-j-russkogo-yazyka/](https://www.dnilife.ru/12-tonkoste-j-russkogo-jazyka-kotorye-privedut-v-stupor-ljubogo-inostranca/); <https://www.dnilife.ru/12-tonkoste-j-russkogo-jazyka-kotorye-privedut-v-stupor-ljubogo-inostranca/>);

«Этот (русский, – П.Д.) язык действительно уникален и резко выделен среди любых других языков. Прежде всего, тем, что свыше 40 процентов его лексики носит оценочный характер! (В любом другом языке оценочная окрашенность его словарного запаса не превышает 15 процентов.) Этот факт хорошо известен лингвистам и культурологам, но не привлекал, к сожалению, достойного его внимания» (Доктор философских наук Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>).

«Учение об относительности («релятивизм») в лингвистике возникло в конце 19 – начале 20в. в русле релятивизма как общеметодологического принципа, нашедшего свое выражение, как в естественных, так и в гуманитарных науках, в которых этот принцип трансформировался в предположение о том, что чувственное восприятие действительности определяется ментальными представлениями человека. Ментальные представления, в свою очередь, могут изменяться под воздействием языковых и культурных систем. Поскольку в конкретном языке и, шире, в конкретной культуре концентрируется исторический опыт их носителей, ментальные представления носителей различных языков могут не совпадать» («Энциклопедия Кругосвет // Лингвистической относительности гипотеза», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/LINGVISTICESKO_OTNOSITEL_NOSTI_GIPOTEZA.html?page=0,0).

Присущее русскоязычным людям чувственное восприятие действительности, возможно, и ответственно за многие их беды и, в том числе, и за весьма болезненное восприятие психически инфантильными обывателями громадного отрыва комфортной для них убогой культуры от пропагандируемой в литературе и в средствах массовой информации чуждой им «высокой культуры» (нем. Hochkultur), являвшейся на самом деле всего лишь химерической советской эрзац-культурой:

«Закостенелый догматизм, отказ от эксперимента, от новых форм, от глубины, политизация, прислужничество, engage – вот суть «самого передового и прогрессивного искусства». Художник низведен до уровня иллюстратора идей, форма и стиль рассчитаны на быдло. Вместо гуманизма, духовности, любви – классовая борьба, ненависть, практичность. Плюс карьеризм и лизоблюдство служивого люда, пером пробивающегося в привилегированный клан «слуг народа». А вы спрашиваете: откуда эти ограниченность, тенденциозность, постоянная деградация творчества? Провидя результаты, Хаксли писал: «Мы пожертвовали высоким искусством. Вместо него у нас ощущалки». Еще раньше это провидел Достоевский. Когда он писал стихи капитана Лебядкина, он намекал на то, что ждет культуру. Вот вы, а вот ваше искусство, говорил он. – Таким оно будет, если вы победите. Таким оно стало... Методом «культурной революции» стала площадная брань. Сторонники «культурной революции» с полной безнаказанностью расправлялись с творческой интеллигенцией и партийным активом...» (Игорь Гарин, «Химерический

реализм, или блаженный идиотизм», <https://www.proza.ru/2014/09/03/756>).

И вполне естественно то, что некомфортная для обывателей «литературная высокая культура» и отождествлялась ими, как правило, лишь с русской литературой. В советские же времена русская литература, вообще, описывала лишь идеализированную действительность и фактически подменяла нелюбимую действительность приукрашенной ложью и «маниловскими» несбыточными мечтаниями и грёзами. Поэтому-то наступившее после краха советского режима всеобщее разочарование и привело не только к глубокому упадку культуры в русскоязычном примитивном обществе, но и к забвению самой русской литературы:

«Однако где же великая русская классика и современная новая литература? Широкий российский читатель, кажется, не желает смотреть на самого себя даже в зеркале современного литературного произведения. Ему не нужна ни горькая правда, ни изысканная ирония, его привлекает грубо раскрашенный вымысел чужой, сладкой и заведомо нереальной жизни. Он знает, что не один из великих русских романов Толстого или Достоевского не имеет «хеппи-энда», что все они полны размышлений и пророчеств о судьбе русского человека и России, но только самые мрачные из них воплощаются на наших глазах. Русская литература всегда была духовна, метафизична, озабочена поисками смысла жизни и ответами на «проклятые вопросы бытия», боролась против цензуры за свободу слова и народа. И не имеющий свободы народ жадно читал, вместе с героями Чехова мечтая о будущем, а с Достоевским о грядущем величии России. Но вот наступила свобода – и реальность не совпала с мечтой. И рядовой российский читатель, ощущая себя обворованным, отвернулся и от реальности, и от литературы. Современная русская литература в лице самых характерных ее представителей – Владимира Сорокина, Саши Соколова, Виктора Ерофеева, – ужасающе пессимистична и беспощадна. В ней нет ни пушкинской легкости, ни гоголевского спасающего смеха, ни чеховского сочувствия к «маленькому человеку». И доказывает она только то, что в условиях несвободы русский человек духовен и мечтателен, а при наступлении свободы становится мрачным, беспомощным и неприспособленным к жизни» (Михаил Берг, «Страшные сказки для взрослых», 1994, <http://radov.dlvk.com/press/skazki.htm>).

«Человек живет в ментальном пространстве своего языка, причем ментальность – это мировосприятие через категории и формы родного языка, и на уровне символа через язык он воспринимает мир» (В.В. Колесов, «Язык как действие: культура, мышление, человек // Разные грани единой науки», СПб., 1996. С.58-69). «Вернейший способ узнать человека, его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит» (академик Д.С. Лихачёв). «Но культура отражается и в себе самой. Все заметные девиации «психического фона» тут же, как фотокамерой, фокусируются языком. Мы живем среди слов и того, что можно ими выразить. Словарь любого языка одновременно является полным каталогом доступных восприятию этой культуры феноменов, когда изменяется лексика, изменяется и наш мир, и наоборот. Попробуем очень коротко списать механику этого процесса. Язык содержит «единицы смысла» (термин Карлоса Кастанеды),

используемые в качестве строительного материала для создания лексического аппарата, соответствующего культуре психической деятельности. Эти «единицы смысла» уже есть – они сформированы в далекой древности и, как правило, соответствуют корням слов. Лексика, отвечающая новому «психическому фону», возникает как результат переработки имеющихся смысловых единиц и формирования их новых сочетаний. Полная контролируемость этого процесса делает его удивительно точным зеркалом реальной природы нового состояния сознания; одновременно само это новое сознание формируется возникающей лексической структурой, дающей ему уже упоминавшуюся «установку». Любое слово, каким-то образом соединяющее единицы смысла, подвергается подсознательному анализу; сами смысловые единицы не оказывают никакого воздействия (к сожалению, – это не всегда так, – П.Д.), потому что одновременно служат строительным материалом и для самой культурной личности – а воздействует энергия связи. Происходит внутреннее расщепление слов, каждое из которых становится элементарной гипнотической командой. Это свойственно и устоявшимся лексическим конструкциям, но энергия связи смысловых единиц (ее можно сравнить с энергией химической связи), существующая в них, как раз и поддерживает то, что называют национальным менталитетом, формируя ассоциативные ряды, общие для всех носителей языка» (Виктор Пелевин, «Зомбификация: Лексическая шизофрения», http://books.rusf.ru/unzip/xussr_mr/pelevv22.htm?3/4; <http://allbooks.in.ua/read.php?id=2048&page=6>).

По мнению Фёдора Гиренка («Пато-логия русского ума: Картография дословности», – М., 1998, С.374):

«...русский дискурс включает: национальные идиомы – смыслы пословиц, поговорок, сказок, притч, прибауток; славянофильский язык; культурно-символическое содержание православия; рационализацию крестьянского сознания. Все это разрушила советская философия как часть советского дискурса... Советский дискурс – это язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Он утвердился в России после 1917 года и обоснован советской философией» (Виктор Макаренко, «Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки», http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html);

«Поскольку социум – это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, расплавляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вяжущие связи языка, то нельзя освободить свое уже-сознание. А без уже-сознания люди – социальные куклы. Если язык укрепляет социальные связи, то сознание расшатывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадежной попытке извлечь новый смысл, затрудняющий превращение человека в марионетку... Русская философия возникает вне философии, поэтому в ней нет желания разрушать подручный мир обжитого. Функцию разрушения берет на себя русская интеллигенция. Философы – охранители преданий, они, как Аксаков, отзываются не на зов бытия, а на зов дома. Бытие – это не дом, и язык – это не дом. Как говорил Шпет, язык наш – враг наш. Бездомность

является отличительным признаком мысли интеллигента. В России философы – не интеллигенты, а интеллигенты – не русские философы...» (Фёдор Гиренок, «Философия это поступок», <http://zavtra.ru/content/view/2011-03-2971/>);

«Русский язык. В какой степени русский язык может быть материалом для построения философской системы? Ответ прост: «В никакой». Это принципиально «нефилософский» язык. Русский язык мним. Он постоянно раздваивается, «двусмыслится», неуловимо перетекает из одной формы в другую, мнится. Слово «мнится», мерцающее своей субъективностью и бесплотной неистинностью, есть самое русское слово. Мнимость как сомнительное мнение есть символ смутной призмы русской культуры и постоянной русской смуты. Сама манера письменной фиксации русской речи весьма сомнительна. Для русского человека характерно пристрастие к запятым. Ему очень важно как-то структурировать свою речь, разбить ее на ряд соподчиненных элементов. Но одновременно он органически неспособен на короткие фразы. Предложения все тянутся и тянутся, нанизываясь придаточными, причастными и деепричастными оборотами, вводными словами, словосочетаниями и предложениями. Как бы в ужасе перед этим разрастающимся потоком слов русский сыплет пригоршнями знаки препинания, но это, в свою очередь, лишь запутывает обрывки мыслей в безобразный лохматый узел. Если взять не фиксацию речи, а фиксацию мышления как такового, то тут картина еще хуже. Отсутствие стандартного ударения и стандартной интонации, бесконечные перескакивания членов предложения с места на место и масса различных окончаний, судорожно пытающихся связать рассыпающийся текст в единое целое – все это делает наш язык темным, аморфным и парадоксальным. Русская речь похожа на мед в сотах. Она сладко тягуча и одновременно пронизана пресными восковыми перегородками. Бердяев как-то в сердцах сказал: «Мое мышление интуитивное и афористическое. В нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать». Заметьте, это сказано не походя, а на склоне лет, в итоговом произведении (в «Самопознании»), то есть, конечно, не из кокетства. Но как же может философ так вот признаться в том, что он, в сущности, просто некомпетентен, так как не то что мысль какую-то развить, а два предложения вместе связать не может? И это сказал Бердяев, человек, который считается одним из умнейших людей России. О какой же «русской философии» может идти речь после этого?» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Существовала гипотеза А.А. Зиновьева, что советский человек (псевдолат. «homo sovieticus») является тем новым типом человека, на создание которого была нацелена образовательная программа коммунистов. По его же мнению, формирование советского народа было неразрывно связано с созданием системы средств «советского языка». Расхожими выражениями стали «подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», «весь советский народ, всё прогрессивное человечество». Понятие «советский народ» также употреблялось как коллективный образ, от имени которого действовала и мнение и интересы которого, как декларировалось, выражала советская власть» (Юрий Соломатин, «Мы – советские люди. Мы – СОВЕТСКИЙ НАРОД!», <https://vla->

Соответствие ментальности населения его национальной ЯКМ

Как видим, философами, психологами, литературоведами и филологами установлено, что в языке фактически проявляется менталитет общающегося на нем населения:

«Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое. В самом деле, умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам. Язык есть как бы внешнее проявление духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» (Вильгельм фон Гумбольдт, «О различии строения языков и его влияние на человечество», Избр. труды по языкознанию, М., 1984, с. 68, <http://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm>).

И наиболее выразительно это проявляется в жаргонах, используемых для общения в определенных социальных группах. К тому же замечено, что жаргон неизбежно выполняет функцию отрицательной обратной связи, обеспечивающей устойчивость выработанных норм поведения использующей его социальной группы и, тем самым, фактически предотвращает постепенное неограниченное падение нравов в ней. Не исключением является и государственный язык, используемый для общения всего населения в любом конкретном государстве. Если человек на нем мыслит, то он и воспроизводит в своей жизни именно тот менталитет, который неявно заложен в этом языке:

«Есть веские основания именно языковую деятельность считать основной, первичной стороной мышления, а поток языковых представлений – лишь переходным элементом, формой связи между материальными языковыми объектами и совокупностью всех (а не только языковых) представлений. В самом деле, ведь именно языковые объекты являются хранителями и передатчиками информации, а также элементами языковых моделей действительности. Ребенка обучают языковой деятельности подобно тому, как его обучают другим видам деятельности: хождению, стрельбе из лука, забиванию гвоздей. В результате он как бы подключается к языку, использует уже имеющиеся в нем модели и обогащает его новыми... Выполняя свою коммуникативную функцию – общение между людьми, передача опыта от поколения к поколению, стабилизация социальных групп, он (язык, – П.Д.) служит на пользу людям» (Валентин Турчин, «Феномен науки. // Язык и мышление», <http://refal.net/turchin/phenomenon/chapter07.htm>).

Весьма отчетливо всё это проявляется, как в рассеянности внимания русскоязычного человека, так и в созерцательно-догматическом (некритическом) восприятии им действительности, а тем самым и в соответствующей им ментальности, искусно эксплуатируемой властью имущими:

«Созерцательность русского человека можно понять в свете его ориентации на вечность. Перед лицом вечности нет особого смысла устраиваться, укореняться во

временном существовании. Такая ориентация выражается, в частности, в относительной бедности временных грамматических категорий русского языка, если его сравнивать с английским. Она же проявляется в отношении русских людей к труду и его результатам» (А.Е. Сериков, «Что значит быть русским: русская языковая картина мира, русский характер и восприятие русских со стороны», <http://www.phil63.ru/chto-znachit-byt-russkim>);

«Воля и познание мужчины направлены к общему, у женщины – к целому. Русская мысль также исходит из целого (целое – живое; всякая проблема осознается в целом), а не из аналитических частей. Все представления эмоционально и этически окрашены – и это тоже совпадает с особенностями русской ментальности, как они выражены в языке. Женщина мыслит словами или образами, а не понятиями, что также соответствует духу русской ментальности, которая основана на работе с символическим образом в составе словесного знака, а не с понятием» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>);

«Приведу удивительное по краткости и глубине определение Ивана Ильина: «Русская культура есть (аутистичное, – П.Д.) созерцание целого». Что-то похожее находим и у Бердяева: «Русские призваны дать... философию цельного духа... Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». О том же у Трубецкого: «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчлняя его рассудком на составные части для анализа...». Иосиф Бродский писал о «русском хилиазме», предполагающем «идею перемены миропорядка в целом» и даже о «синтетической (точнее, неаналитической) сущности русского языка» (Владислав Сурков, «Русская политическая культура. Взгляд из Утопии», <http://www.kreml.org/opinions/152681586>);

«Среди учёных распространено мнение о том, что сознание, так или иначе, связано с познанием. Для нас, русских, это мнение кажется особенно убедительным, ибо наш язык связал знание с сознанием. Но на самом деле сознание существует не для познания, а для бытия человека. Если бы оно существовало для познания, то оно должно было бы познавать и себя в качестве познающего и нужно было бы подождать, пока оно себя полностью не познает. Поскольку познание бесконечно, постольку ожидание появления сознания биологического смысла не имеет. Сознание нужно для того, кто не знает, как вести себя, кто существует сразу в нескольких мирах, кого страсти влекут в разные стороны. Тому, кто знает, как вести себя, сознание (точнее, осознание, – П.Д.) не нужно. Кто не знает, тот должен смириться с тем, чтобы сознание ограничивало его существованием только в одном мире, который он называет реальным... Для того чтобы говорить, сознание не нужно. Понимание сказанного не рождается самим актом говорения. Для того чтобы оно появилось, требуется соединить в речи воображаемое и реальное...» (Фёдор Гиренок, «Игра с сознанием», <http://fedorgirenok.narod.ru/soznanie.html>);

«Это симптом паралича сознания. Одним из главных механизмов зрелого сознания считается критичность – способность фильтровать поступающую извне информацию, отделять сказку от бытия, трезво понимать ограниченность собственного знания. Сейчас, похоже, все естественные фильтры слетели. Сознание перестает работать, оно просто заглатывает готовые расфасованные тексты и выдает их же обратно. Как только ты пытаешься в дискуссии что-то уточнить, конкретизировать – оппонент, как гегелевская торговка, в ответ начинает до бесконечности расширять предмет разговора, вплетая туда все, что можно. И это – самый главный способ бессознательной чаще всего манипуляции, который сейчас используется: валить все в одну кучу. Предмет разговора размывается, в разговор вплетается множество деталей, не имеющих к теме никакого отношения...» (Психолог Дмитрий Леонтьев, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«Над способностью хорошо мыслить и хорошо чувствовать есть еще высшая способность или сила организовывать эти мысли и чувства, сосредоточивать их, возводить в творческий акт постоянной, систематически развивающейся решимости действовать в одном определенном направлении. Это характер, всегда верный самому себе и всегда готовый господствовать и над понятиями и над чувствами во имя одной, глубоко запечатленной в душе, идеи. Вот этой-то силы, этого характера может не хватать целым нациям, как и отдельным лицам... Есть умы до того крепкие, что могут переваривать огромную массу принятого ими знания, не впадая от того в замешательство, в судороги или опьянение. Но, наоборот, есть такие слабые головы, которые не переносят и самого слабого приема знания. Они пьянеют от него, как дети от нескольких капель вина, путаются, впадают в хаос, но полные надменности несут вздор, считая его за великие будто бы ими открытые истины» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 16, 17 марта 1862г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Первое свойство ума, которое я установил, – это чрезвычайное сосредоточие мысли, стремление мысли безотступно думать, держаться на том вопросе, который намечен для разрешения, держаться дни, недели, месяцы, годы, а в иных случаях и всю жизнь. Как в этом отношении обстоит с русским умом? Мне кажется, что мы не склонны к сосредоточенности, не любим ее, мы даже к ней отрицательно относимся. Я приведу ряд случаев из жизни. Возьмём наши споры. Они характеризуются чрезвычайной расплывчатостью, мы очень быстро уходим от основной темы. Это – наша черта... Вы видите, до чего русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова, и ими оперирует. Таким образом, мы видим, что русская мысль совершенно не применяет критики метода, т.е. нисколько не проверяет смысла слов, не идет за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни» (Иван Павлов, «О русском уме», https://m.censor.net.ua/forum/2296242/o_russkom_ume http://psyjournals.ru/files/27572/vestnik_psyobr_2009_3_Pavlov.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php);

«Мы ужасно далеко идем в нашей прилепленности к фактам, то есть мы стараемся только добыть факт и вовсе не заботимся о том, чтобы приобрести о нем ясное и точное понятие. Да на какой же черт нам дан ум, как не на то, чтобы судить о факте, добиваться его значения и отношения к другим фактам!.. Всякая пошлость, всякая бездарность прячется ныне за факты, за положительность. Собрав горсточку фактов или фактиков, бездарность громко восклицает: «Вот труд науки!» – и с гордым презрением смотрит на всякое движение ума, который требует в фактах смысла и цели, с презрением слушает всякое живое или изящное слово» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 16 октября 1865г., 2 февраля 1866г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Если попытаться охватить нынешнюю жизнь и деятельность нашего государства целиком, то картина, я вам скажу, получается какая-то неоднозначная и суетливая. Много лишних телодвижений там, где нужно остановиться, много никчемного шума там, где нужно помолчать. Слишком витиеватые цепочки действий там, где все ясно как божий день. Зацепишься за что-то одно мозгом – и потянулись-закружились бесконечные смысловые «многоходовочки». Не жизнь – мечта абстракциониста. «Война в Украине нужна, чтобы отвлечь внимание от Крыма», «война в Сирии нужна, чтобы отвлечь внимание от Украины», «чтобы отвлечь внимание от неудач в Сирии, надо опять вернуться в Украину» (по крайней мере, об этом поговаривали незадолго до недавних терактов). И это, если можно так выразиться, – глобальные «отвлекалки». Как страну отвлекают по мелочи – мне даже представить страшно. Я, если честно, диву даюсь: доколе люди будут покупать на все эти отвлечения? Сколько ни отвлекай – все переварят и проглотят. Ну нельзя же, ей-богу, так вестись каждый раз. Ведь не надо семи пядей во лбу быть, чтобы понять, что доотвлекались уже... И если судить по тому, как мучительно власти оттягивали момент истины, момент раскрытия этого секрета Полишинеля, как юлили и в очередной раз жонглировали версиями говорящие головы в телевизоре, по ним это откровение ударило сразу и больно. Но, смотрю, ничего: тихо все. И это переварил народец-то. Проехалось катком и дальше покатилося. Так, соцсети немного поворковали себе под нос. Да отвлеклись... Бесконечный дешевый фарс – вот к чему все последние годы шла и наконец-то пришла страна Россия. Во всем, везде, всегда. Оглядываемся, сравниваем, меряемся. Главное – отвлечь, главное – рассеять внимание. Главное – не дать сосредоточиться. Небось целый научно-исследовательский институт работает на отвлечение. Слишком высока цель – удержать власть. А цена вопроса – сущий пустяк: жизнь и жизни граждан. Я все жду, когда же люди очнутся от этого морока, когда народ мысли в кучку соберет да и увидит, что все вокруг – один сплошной отвлекающий маневр. И что других тактических приемов в «инструкции по эксплуатации страны» у власти нет. Эксплуатации в самом что ни на есть буквальном смысле слова. И что пока нас отвлекают, в самой стране творятся непростительные, уму непостижимые жестокости и беззаконие...» (Oksana Paskal, «Отвлекающие маневры», <https://openrussia.org/post/view/10686/>).

И, поэтому-то ни сколько не удивительно и то, что бесконечные прения (дебаты) русскоязычных парламентариев неотличимы для подсознания от прения (гниения) их

правосознания, – «рыба, как известно, гниёт с головы».

Все это, конечно же, указывает на отсталость (пережиточность) русской ЯКМ, консервирующей архаичную ментальность у русскоязычного населения:

«По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения» (Валентина Маслова, «Лингвокультурология», <https://studfiles.net/preview/2491315/page:12/>; <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/yazik-kultura/yazikovaya-kartina-mira-i-empiricheskoe-obidennoe-soznanie/1916/?q=641&n=1916>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php);

«Россия сейчас непредсказуема. Впервые после распада Советского Союза никто не знает, что будет дальше. То, что выходит из этой страны, вряд ли приведёт к цивилизации. А ведь русские хотят жить, как все... В сознании русских ничего не изменилось с 17 века. Их менталитет никогда не был политическим, он архаичен и примитивен, и, конечно, не национален. И это то, что происходит сегодня в этой стране, является его результатом. Запад может сказать, что Россию оккупирует власть, но это русский народ или, если говорить мягко, его менталитет оккупирует свою страну. В России война менталитетов... ..те, кто говорит, что я гажу в собственном доме (буквально, оправляюсь в собственное гнездо, *kala własne gniazdo*, – П.Д.), не видят, что таким образом я пытаюсь лечить Россию... Ясно, что с Россией многое надо сделать, и лучше всего было бы ее заморозить, чтобы не воняла. А что воняет больше всего? Менталитет...» (Виктор Ерофеев, из интервью польской редакции журнала Newsweek, «Rosję trzeba zamrozić, żeby nie śmierdziała», <http://kultura.newsweek.pl/powiesc-jerofiejewa-na-deskach-teatru-w-lodzi-newsweek-pl,artykuly,350327,1,3.html>; «Россию нужно заморозить, чтобы не воняла», <http://glavred.info/mir/rossiyu-nuzhno-zamorozit-chtoby-ne-vonyala-pisatel-rf-293882.html>);

«Мифологическому герою, каковым каждый оказывается уже в процессе обучения русскому языку, хотелось бы совершить подвиг и под видом истолкования прельстить, обрюхатив Россию миссией ея. Цитируя политологов, «Россия смыслоносна» – а в слове сем пульсирует Мысль Слона и Смысла Нос, как мощный абрис эрегированной потентности Мысленосителя...» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>).

Иррационализм и непродуктивность мышления русскоязычного человека

Задумать или же замыслить что-либо – означает в архаичной русской ЯКМ вовсе не

проявить свои мыслительные способности (пусть даже и мизерные), а только лишь намереваться это «что-либо» совершить. Ведь умышленные действия – всего лишь преднамеренные, а не предварительно обдуманые действия:

«По-русски достаточно не то что задумать преступление, а только помечтать о нём, и однажды всё внезапно перетечёт в реальность. Впрочем, Иван даже не мечтал, а просто были какие-то смутные полумысли, нехороший туман в углу черепа. И вот – убийца...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...мысль расценивается как дело, за мысли можно судить так же, как и за совершенное дело. «Мысль» как личный результат мышления не принимается во внимание, но коллективная мысль – «дума» – может выходить за пределы традиции, поскольку «думает» не один, а многие; можно «по-мыслить, при-мыслить, за-мыслить», даже «вы-мыслить» и произвести прочие неблагопристойные дела, но глагол «думати» с подобными приставками и в данных значениях до XVIIв. не встречается, «при-думать» нечто непотребное невозможно. Такое понимание мысли стало формальным основанием для борьбы с ересями и вообще трагически отозвалось в нашей истории. Для русского философа мысль предстает как «проект дела» (Н.Ф. Федоров), а следовательно, как реальность такого дела: «сказано – сделано...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-42.html>).

И эта пережиточность русской ЯКМ отчетливо проявляется, как в иррационализме, так и в «пустоте» (произволе, беглости, непродуктивности, расхлябанности и мечтательности) мышления русскоязычного человека:

«Русский мыслящий человек мыслит, как русский царь правит; последний при каждом столкновении с неприятным законом говорит: «Я выше закона» – и отвергает старый закон, не улаживая столкновения. Русский мыслящий человек при встрече с вопросом, не поддающимся его привычным воззрениям, но возбуждаемый логикой, здравым смыслом, говорит: «Я выше логики» – и отвергает самый вопрос, не разрешая его. Произволу власти соответствует произвол мысли» (Василий Ключевский, «Из записных книжек / Тетрадь с афоризмами», М., «ЭКСМО-Пресс»; Харьков, «Око», 2001г., с. 226-227, <https://www.litres.ru/vasilij-kluchevskiy/aforizmy-i-mysli-ob-istorii/chitat-onlayn/page-2/>);

«Еще одна нравственная болезнь нашего так называемого мыслящего поколения – это беглость мысли. Мы не идем по пути мысли твердым логическим шагом, а бежим сломя голову, и притом без всякой определенной цели, часто влекомые одним только желанием отличиться и обратить на себя внимание. На этом бегу мы схватываем кое-какие идеи, познания, кое-какие убеждения без основательности, без глубины, без опоры доблестного и трезвого труда...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 12 марта 1856г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«А по-моему, нет в печальной русской жизни более печального явления, чем эта расхлябанность и растленность мысли» (Александр Куприн, «Яма»,

<http://itmydream.com/citati/book/aleksandr-ivanovich-kuprin-yama/2>);

«Остановимся еще на одном очень важном понятии ДУМАТЬ (встретилось в качестве реакции на 299 разных слов-стимулов). Так что же такое думать по-русски: это, прежде всего, мечтать (17)... и мыслить (17)... И чаще всего русские думают о нем (21) и о жизни (14)... Ну, как тут не вспомнить такое наблюдение В. Розанова: «Русский, кроме того, что он прямо говорит или делает, вечно что-то еще около этого думает. Это – народ, вечно оглядывающийся на себя, смотрящий «вслед себе»... Однако, если, как указывает Т.И. Вендина, в старославянском языке нет глаголов со значением «мечтать», то данные РАС говорят нам, что думать для нашего современника очень часто означает именно мечтать...» (Наталия Уфимцева, «Образ мира русских: системность и содержание», <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie>; <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349304/08/image/08-098.pdf>);

«Русский ум – задний ум, запоздалый. Русский Бог, авось, небось да как-нибудь. Русский час, невесть сколько. Русское: сухо, бреди (подымайся) по самое ухо!» (Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка // Русак», <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/1507.htm>);

«Авось, небось и как-нибудь»
Вершат, как прежде, русский путь,
Хранят убогую судьбу,
Что миг, и вылетит в трубу.
И дым развеется вокруг,
И нервы вымотает друг
Средь тихо тающей зимы,
Где явлен лик предвечной тьмы.
Где сто дорог закрыты нам.
Где душу рвет напополам
Больная муть чужих страстей,
И время мелких новостей.
Зачем мы живы, для чего?
Куда ни глянешь – все мертво...»

(А. Даль, «Авось, небось и как-нибудь», <http://samlib.ru/a/adalx/dal238.shtml>);

«Русский народ не знал доселе ни религии, ни нравственности, ни знания, как те, которые вбивали в него насильственно и механически. Мудрено ли, что к нему ничего из этих благодатей не пристало, ничего не вошло внутрь, не сделалось моральною силою и побуждением души. Он нравственен, религиозен по внешности, по обряду, по преданию, без малейшей внутренней уверенности и сознания. Знание ему тоже навязывается извне посредством или угроз, или поощрений» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 16 апреля 1864г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри и книги приучали нас веровать, во все веровать и всему веровать. Это было очень хорошо, п[отому] что в том возрасте, какой мы переживали в те века, вера – единственная сила, которая могла создать сносное нравственное общежитие. Но не хорошо было то, что при этом нам запрещали размышлять, – и это было нехорошо больше всего потому, что мы тогда и без того не имели охоты к этому занятию. Нам указывали на соблазны мысли прежде, чем она стала соблазнять нас, предостерегали от злоупотребления ею, когда мы еще не знали, как следует употреблять ее... Когда нас предостерегают от злоупотребления тем, чего мы еще правильно употреблять не умеем, всегда можно опасаться того, что при встрече с опасным предметом мы прямо начнем злоупотреблением. Так случилось и с нами. Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя, раньше, чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков. Мы вольнодумничали по-старообрядчески, вольтерьянствовали по-аввакумовски. Как старообрядцы за церковный обряд разорвали с церковью, так мы из-за непонятого научного тезиса готовы были разрывать с наукой. Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний. Под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под западноевропейским стали холопами чужой мысли. (Мысль без морали – недомыслие; мораль без мысли – фанатизм)...» (Василий Ключевский, «Неопубликованные произведения // Верование и мышление», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st032.shtml>, <http://www.culttoday.ru/cultstorys-231-10.html>);

«Сколько предрассудков искоренили, а рассудка все нет и нет» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Логика здесь была такая: пытаться улучшить, ничего не меняя. Есть мемуарные свидетельства, как Брежнев искренне и откровенно говорил в узком кругу своих спичрайтеров: не надо ничего трогать, тронешь – развалится. Важно не движение, не развитие, а привычная структура отношений, прикрытая флером никому не нужного марксизма-ленинизма, как говорил тот же Брежнев, «стабильность». Сейчас та же самая логика плохого равновесия: давайте не будем ничего трогать, иначе будет только хуже. Это свидетельствует об отсутствии стратегического мышления, что может быть описано формулами «после нас хоть потоп» и «на наш век хватит». То, что к уходу этого поколения управленцев с исторической сцены система будет доведена до истощения, – их не волнует» (Андрей Колесников, «СССР еще продолжает разваливаться. 1991-й был не концом, а началом распада империи», <http://carnegie.ru/2016/12/08/ru-pub-66441>);

«Здесь ложь заменила воздух. Здесь злобу зовут любовью.
Услужливая шестерка здесь выросла до туза.
Страна, где процесс мышления наносит ущерб здоровью,
Где больно дышать, где стыдно смотреть зеркалам в глаза.
И снова на те же грабли! Опять – в выгребную яму,
Что вечно другим копаем, да сами – ее улов!
Здесь что говорить о мертвых – живые не имут сраму,
И бьют колотушки кривды в тамтамы пустых голов.
И вновь чем тупей, тем ближе. Опять чем грязней, тем лучше.
Внушает не страх – брезгливость казенных шакалов вой.
Дурдом пополам с борделем. Стабильность протухшей лужи.
Пародия на державу, кто нынешний фюрер твой?»

(Юрий Нестеренко, «Послушайте эти речи. Взгляните на эти морды»,
<http://yun.complife.info/verses/rashka.txt>).

И поэтому-то:

«Во-первых, мы бедны, а во-вторых, глупы... Мы глупы – это значит, что огромное большинство наших мозгов находится почти в полном бездействии и что, может быть, одна десятитысячная часть наличных мозгов работает кое-как и вырабатывает в двадцать раз меньше дельных мыслей, чем сколько она могла бы выработать при нормальной и несколько не изнурительной деятельности...» (Дмитрий Писарев, «Реалисты»
http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml);

«По статистике одного американского астронома, занявшегося определением научной производительности различных народов, наша русская производительность ничтожная. Она в несколько десятков раз меньше производительности передовых культурных стран Европы» (Иван Павлов, «О русском уме», https://m.censor.net.ua/forum/2296242/o_russkom_ume;
http://psyjournals.ru/files/27572/vestnik_psyobr_2009_3_Pavlov.pdf;
https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php);

«В среднем по числу цитируемости в расчете на одну статью российская наука занимает 120 место среди 145 стран (то есть скатились уже с 89 места). Российские статьи цитируют в среднем в 1.6 раз реже, чем, к примеру, греческие. Вывод отсюда совершенно простой – в настоящее время имеет место опасная тенденция к провинциализации и деградации российской науки. Даже Греф обратил внимание на то, что доля научных публикаций за последние 10 лет сократилась в два раза, и по этому показателю мы уж отстаем от США в 15 раз. По данным В. Маркусовой, научного руководителя гранта INTAS (европейское агенство, финансирующее совместные проекты ученых Европы и стран бывшего СССР), вклад России в мировую науку за 15 лет сократился в 15 раз и ныне составляет 3.75%...» («Движение за возрождение отечественной науки», <http://old.zanauku.ru/?mode=text&id=1684>);

«В настоящее время Россия отстает от США в 10 раз по вкладу в мировую науку (3,7% и 37%), в сфере социальных наук почти в 15 раз (3,41% и 49,93%); по показателю цитируемости Россия занимает 35 место в мире, отставая даже от маленьких стран (от Чехии и Польши в 2 раза, а от Словакии на 0,2%). При этом самая низкая доля цитируемости приходится на российскую социологию, хотя она идет в числе первых по количеству опубликованных работ в социальных и гуманитарных науках» (Ирина Маршакова-Шайкевич, «Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук» // Вопросы философии, 2000, №8. С.139-149; «Вклад России в развитие мировой науки: библиометрический анализ», http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_39-pr.html; «Россия в мировой науке. Библиометр. анализ», https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2008/Shaykevich_1.pdf);

«Производительность труда в ряде российских отраслей ниже американских и европейских показателей в десятки раз, в целом же мы работаем хуже граждан развитых стран в 4-5 раз. Если быть точнее, в прошлом году средний янки за час своего доблестного труда выдал на-гора \$32 благ, норвежец – \$38, француз и бельгиец куёт на \$35, а вот русский – на целых \$5-6. ...космические предприятия РФ ежегодно выполняют работ из расчета \$14,8 тысячи на одного рабочего или инженера; этот показатель на аэрокосмическом комплексе ЕС составляет \$126,8 тысячи, а в НАСА США – \$493,5 тысячи (выше в 33,3 раза). Средний рабочий электровозо- и вагоностроительных предприятий России осваивает \$20-25 тысяч в год, что в четыре раза хуже француза и в восемь – канадца. Такая же картина на кораблестроительных верфях страны: наш судостроитель работает в три раза медленнее южнокорейца при одинаковом объеме металлоконструкций; то же самое наблюдается в автомобильной промышленности...» (Александр Ситников, «Производительность труда россиянина в десятки раз ниже, чем у европейца», http://www.equipnet.ru/articles/other/other_377.html).

И, на что же тогда можно надеяться, если для подсознания русскоязычного человека жалование (зарплата, плата, оклад) совершенно не отличается от жалования (дарения, благотворительного содержания):

«Да и действительные представители науки пользы приносят мало. У нас нет до сих пор, например, русской истории, кроме отрывочных курсов или плохих учебников. Возьмите наших ученых профессоров, академиков, которые, конечно, имеют всякие цензы и выдержат какие угодно проверочные испытания, – до какой степени незначительны их научные труды, как идут они мимо русской жизни и безрезультатны. Оттого легко имеют успех разные шарлатаны, и на провинциальную жизнь наши «рассадники науки» почти не влияют... Образование не содействовало и поднятию нравственного уровня: воровство и взяточничество несколько не сократились, и чем выше учебный патент человека, тем более он требует мзды. К тому же приводит и улучшение содержания. «Ты мне дай такое жалование, – заметил один исправник, – чтобы никто ко мне меньше, как с синенькой, не смел подъехать». Таково воззрение значительной части так называемой «интеллигенции». ...Петр, по капризу и слепому подражанию Западу, которое у нас было сильно уже и в XVII столетии, переделывал материал далеко не культурный. Потому реформа, сделанная при

помощи немцев, польских поповичей и всяких авантюристов, коснулась одних поверхностных слоев общества, только слегка взбудоражив остальные глубинные. Устроив по иностранным образцам высшее общество, бюрократию и военные силы, Петр в действительности затормозил на целый век духовное и нравственное развитие народа, который по почвенным и климатическим условиям и без того не быстро развивался...» (Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Наши корни погнили, нет у нас корней. Мы не хотим производить, нам это невыгодно, нас государство заставляет или воровать, или лениться. На барина никто никогда не работал хорошо, на барина можно только филонить. За 800 лет рабства мы отработали эту систему блестяще. Производительность труда в России в 20 раз ниже, чем в Америке, это уже нельзя объяснить отставанием в технологиях... Я создал свободное государство в рабовладельческом строе. Представляете, как это раздражает рабовладельцев? А тут ещё появилась внутри института пятая колонна, которая хочет много зарабатывать и подворовывать. Сегодня в медицине все берут взятки, а я не разрешаю, несколько человек уже выгнал, несмотря на то, что они доктора наук. [...] Рабская страна. Холопская! Холопы – да какие! Занюханые, боящиеся! С уничтоженным генотипом активных инициативных людей, где бабы рожали от рабов ещё больших рабов. Страшно все это осознавать...» (Святослав Федоров, из интервью: «Рабская психология и возможность свободного труда в России по С.Н. Фёдорову», <http://vikent.ru/enc/3914/>).

Иррационализм же мышления ответственен также и за непредсказуемость русской души:

«Можно отметить в ряду наиболее существенных черт русской ментальности наличие двух привычек: «утрата охоты к размышлениям» (это тот самый «русский авось» «да небось»). Мы даже в качестве защитной формы изобрели поговорку «Семь раз отмерь – один раз отрежь», но на деле никогда ей не следуем: сначала режем – «была не была», «авось как-нибудь» – а потом страдаем, жертвуем, винимся, каемся и как-то пытаемся устранить последствия, а если они вообще неустранимы, то пеняем на судьбу и смиряемся) и «потеря понимания действительности». Но, пожалуй, одна из самых центральных черт русской культуры, которая стоит на первом месте и в автостереотипах и в гетеростереотипах, – иррационализм мышления, выражающийся в непознаваемости и непредсказуемости русской души, «загадочной» не только для внешнего наблюдателя или исследователя, но и для самой себя» (Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина, «Культура и этнос // Место русской культуры в дихотомии «Восток-Запад»

http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/740/45740/22358?p_page=6;

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/02.php);

«О русском типе как о типе человека несостоявшегося, изломанного, некультурного, непредсказуемого, то впадающего в спячку, то в буйство, говорили всегда. Но никогда, по-моему, так плотно и яростно, как теперь. Я не имею в виду врагов

России, там все понятно и неинтересно. Но и сами мы, составляющие сердцевину этого типа... знаете, как искры с треском из костра, взвиваемся и вопрошаем: что мы за люди?! Что в нашей душе такого, что мы только и можем, что радоваться яруму и сталкивать друг друга в яму? От каких несчастий мы произошли? Еще Достоевский говорил: «народ весь загноился»...» (Валентин Распутин: «От каких несчастий мы произошли?», <http://www.aif.ru/archive/1636409>).

И не только непродуманность решений, но и являющаяся её следствием непредсказуемость, как результатов жизнедеятельности, так и поведения русскоязычного человека накрепко запечатлены в русской ЯКМ, да и провоцируются ведь непосредственно самим русским языком:

«Согласно определению Малого академического словаря русского языка, добраться означает «с трудом или нескорю дойти, доехать и т. п. до какого-то места, предмета». Однако этот глагол включает еще одну идею – представляя процесс преодоления пространства не только как долгий и трудный, но еще и в какой-то степени непредсказуемый, т. е. неподконтрольный субъекту. Естественно предположить, что долгий соответствует пресловутым «русским просторам», трудный – знаменитому качеству российских дорог, непредсказуемость же возникает как результирующая множества факторов, препятствующих успешному достижению цели путешествия, среди которых можно назвать: нерегулярность движения общественного транспорта, его поломки, отсутствие бензина на бензоколонках и т. п., просто отсутствие регулярного сообщения на каких-то участках дороги (когда нет другого способа добраться, кроме как на попутном транспорте или пешком), вообще отсутствие дороги или ее непроходимость из-за дождей или снежных заносов и, наконец, просто опасность «разбоя»... Идея непредсказуемости результата перемещения, обозначаемого глаголом «добраться», включает этот глагол в широкий круг лексических и грамматических средств русского языка, позволяющих представить собственное действие как не полностью контролируемое. В частности, «добраться» входит в группу глаголов с тем же корнем: «собраться <что-то сделать>» и «выбраться <куда-то или к кому-то>»; содержательно они связаны между собой таким образом, что все три глагола описывают разные стороны состояния человека, находящегося перед необходимостью куда-то перемещаться: для этого надо собраться, выбраться, а потом еще и добраться. Все три глагола могут обозначать движение в метафизическом пространстве, разделяющем намерение от его осуществления, которое затрудняется метафизическими же причинами: выражение «Никак не доберусь» почти так же характерно, как «Никак не соберусь» или «Никак не выберусь»...» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Широка страна моя родная», <http://www.strana-oz.ru/2002/6/shiroka-strana-moya-rodnaya>);

«Язык не только определяет научное мышление человека. По мнению многих лингвистов и психологов, язык в научной, общественной и повседневной жизни людей оказывает немалое влияние на их действия и поступки. Американский лингвист Л. Блумфильд в статье «Философские аспекты языка» писал: «Позвольте мне выразить уверенность, что свойственный человеку своеобразный фактор, не позволяющий нам

объяснить его поступки в плане обычной биологии, представляет собой в высшей степени специализированный и гибкий комплекс и что этот фактор есть не что иное, как язык ... Так или иначе, но я уверен, что изучение языка будет тем плацдармом, где наука впервые укрепится в понимании человеческих поступков и в управлении ими» [Звегинцев, 1968, стр.20]. В последних десятилетиях XX столетия предсказание Л. Блумфильда начало частично сбываться. Появились научные обоснования для управления действиями человека с помощью языка – одно из известных направлений в этой области носит название нейролингвистическое программирование (НЛП)» (д.ф.-м.н. Борис Кулик, «Феномен нового знания: постижение истины или сотворение мифа?», ч.1 «Лингвистическая гипотеза научной интуиции», <http://logic-cor.narod.ru/fenom1.htm>);

«Как представляется, именно столь сложный вид согласования в языке (род, число, падеж плюс разнообразные способы их выражения) продуцирует и сложный способ психологического и общественного согласования, то есть сложная структура взаимосвязей и влияний друг на друга различных частей речи в русском предложении, внедрившись на уровень бессознательного, оказывает непосредственное влияние на специфику формирования межличностных отношений, которая отличается высоким уровнем дифференцированности (а, тем самым, приводит и к высокому уровню непредсказуемости самих межличностных отношений, – П.Д.)» (Алла Мельникова, «Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский анализ», <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz>).

И, конечно же, эта непродуманность решений и иррациональность поведения вполне естественны для русскоязычного людишки. Ведь русская языковая картина мира ум и интеллект относит к «низкой» сфере бытия:

«Относительно места интеллекта в русской языковой картине мира можно сказать следующее. Показательным является уже само по себе отсутствие в ней концепта, по своей значимости сопоставимого с душой (значимость концепта проявляется, в частности, в его разработанности, т.е. богатстве метафоричности и идиоматики). Ни ум, ни разум, ни рассудок, ни даже голова (имеющая наиболее богатую сочетаемость) на эту роль претендовать не могут. Но главное – в том, что ум в русском языковом сознании являет собой относительно малую ценность. В известном стихотворении Тютчева «Умом Россию не понять...» содержится не только соответствующее явное утверждение, но еще и скрытая импликация (вытекающая из сопоставления со следующей строкой «аршином общим не измерить») – что истинное знание умом и не достигается; впрочем, тот же смысл дальше выражен явно («в Россию можно только верить»). То есть то знание, которое является истинно ценным, локализуется в душе или в сердце, а не в голове. Это представление, являющееся специфическим для русского языкового сознания, подтверждается также употреблением слов радость и удовольствие, из которого следует, что, оказавшись перед необходимостью вписать интеллект в рамки бинарной оппозиции «душа – тело» русский язык отводит ему место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с «телесным» и противопоставляя его «душевному». Согласно

представлению русского языка, красивое доказательство теоремы или остроумная шутка доставляет нам именно удовольствие, а не радость. Интеллектуальные удовольствия стоят в русском языке в одном ряду с физиологическими и моторными и не пересекаются с тем рядом, где находятся радости. Таким образом, удовольствие, будучи само по себе аксиологически, по меньшей мере, нейтральным, в русской языковой картине мира обнаруживает явную тенденцию к скатыванию в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый жаждой удовольствий (а, следовательно, и жаждой знаний, – П.Д.) и проводящий свою жизнь в погоне за удовольствиями, нам жалок» (Анна Зализняк, «Языковая картина мира»,

http://bruma.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html);

«Смысл слова «радость» в русском языке неслучайно отличён от смысла слова «удовольствие»...» (Роберт Льюис Стивенсон).

Поэтому-то не стоит удивляться и тому, что, в отличие от «украинской речи» (укр. «української мови»), «русский язык» бессознательно ассоциируется вовсе не с речевыми зонами коры головного мозга (мозглый – «сырой, гнилой, затхлый»), а всего лишь с органом воспроизводства речи – языком.

Презрение обладающих незаурядными умственными способностями а, тем самым, и нежелание развития своих умственных способностей формируются у русскоязычного человека бессознательными лингвопсихическими установками, например, таких обладающих негативной коннотацией лексем, как «умничать», «мудрствовать», «намудрил», «умудрился», «слишком мудреное», «заумное»:

«У Ивана перед разговором со Смердяковым проносится в мозгу: «Госка до тошноты, а определить не в силах, чего хочу. Не думать разве...» Ни в одном языке мира не звучит это так издевательски, так ехидно и злобно: «Ты у-умный»...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения, (не застывшим) заумным...» (Поэт и теоретик футуризма Алексей Крученых, «Декларации слова как такового», <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/zaum.htm>).

Как же тогда можно ожидать в русскоязычном примитивном обществе хотя бы элементарных проявлений любви к философии или к мудрости (а не всего лишь к примитивному «мудрствованию»):

«Там, где в Европе философу достаточно было слова, в России нужно было поставить на кон жизнь. В России философия сопряжена с сумасшествием. И первым в ряду сошедших с ума стоит Чаадаев» (Фёдор Гиренок, «Пушкин и Чаадаев: Ум в поисках слова», <http://fedorgirenok.narod.ru/puwk4ad.htm>);

«Что такое философ? Слово «философ» у нас на Руси есть слово бранное и означает: дурак» (Федор Достоевский, Из черновых набросков, цит. по: А.В. Гулыга, «Русская идея и ее творцы», http://sbiblio.com/biblio/archive/guliga_rus/02.aspx);

«Ариец вместо стены видит окно. Куильти под дулом набоковского пистолета шметтерлинком ускользает от смерти, не может её осознать. Он слеп, не видит, не может увидеть смерть. Русский не может увидеть жизнь. У него самовар погас, а он говорит о гибели вселенной (Федька Каторжный в «Бесах»). Это тоже неспособность к философии. Полное отсутствие введений. Одна суть. Всё превращается в философию, и, следовательно, всё рассыпается в ничто. Всё начинается у русских не с введения, а, хе-хе, с заключения...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Наши философы стремятся быть не столько умными, как мудрыми, не столько мыслителями, как мудрецами (а на самом-то деле – всего лишь мудрствующими бездарностями или же посредственностями, – П.Д.). Русский характер ли, исторические условия влияли тут – не берусь решать. Но несомненно, что философии «головной» у нас не повезло. Стародумовское: «ум, коли он только ум, – суцая безделица», – находит отклик, кажется, во всяком русском» (Павел Флоренский, <http://www.aphorism.ru/authors/pavel-florenskij.html>);

«Учитель-надзиратель (он был коренной русский) пансиона рассказывал нам с большим вкусом – *con gusto* {со вкусом (ит.).} – великие подвиги Екатерины II – не те подвиги, которые история записала на своих скрижалях, а другие, принадлежащие к тайной придворной хронике. Придворная жизнь, со всеми ее подробностями, была в глазах его высоким идеалом, к которому всем должно стремиться. Он же научил нас петь следующую песенку:

«Толкуют о философии,
Не зная, что и сказать.
Моя философия – жизнь прожигать,
Улыбаться милым безумствам –
Жизнь прожигать! –
Веселее плыть по течению
И чувства менять.
Мудрецы Древней Греции
Мудры не всегда:
Пред любовью их мудрость
Сдает иногда...»

Вот в каких принципах воспитывалось русское дворянство. В этом случае я отдаю пальму Кессману: он, по крайней мере, дал моему уму более серьезное направление. Чего уж не преподавали в этой пресловутой гимназии! Даже психологию и римское право! Но все – ужасно поверхностно! Никто и ничему и не учился основательно. Это была фразеология, фантазмагория, «пыли в глаза бросание» – словом – умственный разврат! Если не ошибаюсь,

таков был дух всех лицеев, школ, гимназий того времени. Невольно подумаешь с Скалозубом, что уж лучше бы было учить там по-нашему: раз-два, а книги сберечь для важных лишь okazji...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Я не специалист в области сравнительного языкознания, но эксперты разъяснили мне, что в русском языке рекордное количество синонимов слова «дурак» (более 300) и очень ограниченное – слова «мудрец» (20). При этом частота употребления слова «дурак» (как и слова «философ», – П.Д.) в русской речи также в 15 раз выше, нежели слова «мудрец» (150 против 10 раз на 3 млн. слов). По моему пониманию, распространенность первых и вторых среди народонаселения находится в еще большей пропорции: на одного умного приходится на порядки больше дураков, тогда как гениальность – явление вообще уникальное и исключительное...» (Игорь Гарин, «О величии и ничтожестве», <https://www.proza.ru/2015/06/30/1562>);

«В умственной истории русского народа: много веков не было мыслящего класса. В России никогда не было своих самостоятельных философов и философских школ, вроде европейских средневековых схоластиков, номиналистов и реалистов, и тем более не было Декартов, Бэконов, Локков, Кантов, Гегелей, Фихте и Шеллингов и т.п.... Восточно-византийская доктрина имела своей задачей, как известно, не интеллектуальное, не научно-мыслительное развитие русского народа, а одно нравственно-религиозное воспитание. Поэтому в программу ее не входило ни возбуждение всеобщей самодеятельности мышления, разума, ни распространение таких способов в развитии мыслительных способностей народа, как классическая литература и наука...» (Афанасий Щапов, «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», <http://anatoligreen.dreamwidth.org/32679.html>);

«Было время, что нельзя было говорить об удобрении земли, не сославшись на тексты из священного писания. Тогда Магницкие и Рунички требовали, чтобы философия преподавалась по программе, сочиненной в министерстве народного просвещения; чтобы, преподавая логику, старались бы в то же время уверить слушателей, что законы разума не существуют; а преподавая историю, говорили бы, что Греция и Рим вовсе не были республиками, а так, чем-то похожим на государство с неограниченной властью, вроде турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой-нибудь плод, будучи так извращаема? А теперь? О, теперь совсем другое дело. Теперь требуют, чтобы литература процветала, но никто бы ничего не писал ни в прозе, ни в стихах; требуют, чтобы учили как можно лучше, но чтобы учащие не размышляли, потому что учащие – что такое? Офицеры, которые управляют с истиной и заставляют ее вертеться во все стороны перед своими слушателями. Теперь требуют от юношества, чтобы оно училось много и притом не механически, но чтобы оно не читало книг и никак не смело думать, что для государства полезнее, если его граждане будут иметь седую голову вместо светлых пуговиц на мундире... В третьем номере «Журнала министерства народного просвещения» напечатана статья профессора философии в Страсбурге Ботэна. Он говорит, что все философии вздор и

что всему надо учиться в Евангелии. Министр приказал, чтобы профессора философии и наук, с нею соприкосновенных, во всех наших университетах руководились этою статьею в своем преподавании... Опять гонение на философию. Предположено преподавание ее в университетах ограничить логикою и психологию, поручив и то и другое духовным лицам. За основание принимается шотландская школа. Говорят, Блудов настаивает, чтобы в программу была включена и история философии. Министр не соглашается. У меня был Фишер, теперешний профессор философии, и передавал свой разговор с министром. Последний главным образом опирался на то, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 4 апреля 1833г.; 7 мая 1834г.; 16 марта 1850г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Достаточно сказать, что первый философский журнал («Вера и разум») был основан у нас лишь в 1884 году, то есть более чем столетнего существования русской журналистики. (...Философская аудитория появилась в России лишь в конце XIX века. И удалось ее создать именно пропагандистам марксизма...). Однако причина популярности марксизма в конце прошлого века не исчерпывается его маскировкой под философию. Все-таки нельзя объяснить все эти «мировоззренческие катаклизмы» русской интеллигенции лишь естественной эволюцией русских философских воззрений. Есть в этом и нечто болезненное, выявляющее какой-то органический порок тогдашней культуры. Все эти скачки от поверхностной и плоской критики социальной несправедливости к глубочайшему и изощреннейшему умозрению свидетельствовали о каком-то культурном распаде, о потере цельности и органичности миропонимания. Россия находилась на переломе и этот перелом искалечил и разбил на трудносоединимые звенья творчество русских философов...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...Для великих и долговечных созданий в области философии прежде всего нужно верить в самозаконную и неограниченную силу человеческого ума... Безусловно независимая и в себе уверенная деятельность человеческого ума есть собственная стихия философии. Невозможно произвести что-нибудь истинно великое в какой бы то ни было сфере человеческой деятельности, если нет полной уверенности, что именно эта сфера есть самая важная и достойная, что деятельность в ней имеет самостоятельное и бесконечное значение. Так, для великих и долговечных созданий в области философии прежде всего нужно верить в самозаконную и неограниченную силу человеческого ума, в безусловное превосходство чистого мышления перед всеми прочими видами деятельности. Но, наблюдая особенности нашего национального характера, легко заметить, что чисто русский даровитый человек отличается именно крайним недоверием к силам и средствам человеческого ума вообще и своего собственного в частности, а также глубоким презрением к отвлеченным, умозрительным теориям, ко всему, что не имеет явного применения к нравственной или материальной жизни. Эта особенность заставляет русские умы держаться преимущественно двух точек зрения: крайнего скептицизма и крайнего мистицизма. Ясно, что та и другая – исключают возможность настоящей философии... Итак, мы не находим никаких положительных задатков или хотя бы сколько-нибудь определенных вероятностей (в данной

действительности, при данных условиях) для великого и независимого будущего России в области мысли и знания» (Владимир Соловьёв, «Национальный вопрос в России. VI. Россия и Европа», <http://www.litmir.me/br/?b=137578&p=23>);

«Русская философия умерла. На ее месте возникла история русской философии. Историки, как патологоанатомы, принялись изучать её труп. Результатом их труда стали путеводители по русской философии. В результате нам теперь ближе Маркс, а не Булгаков, Фуко, а не Самарин, Хайдеггер, а не Флоренский. Соловьёв (смуглый и черноволосый потомок украинского философа Сковороды, – П.Д.) для нас – это теперь бесконечно далёкий безжизненный космос. Почему? Потому что первые – это те, к кому мы идем, а вторые – это те, от кого мы ушли. Между нами и русской религиозной философией нет ничего общего: ни предмета, ни понятийного языка, ни смысла. Но и в пространстве европейской философии мы не можем найти себе места, ибо не мы начинали тот разговор, который столетиями длит европейская философия. Так в пространстве современной философии образовался еще один разрыв. Мы не знаем, кто мы. КТО МЫ? Заимствуя термины европейской философии, мы не присутствуем в европейском метафизическом пространстве. Философы современной России оказались в двусмысленном положении. Посредством языка они соотносят себя с русским дискурсом. Но русская религиозная философия умерла. Поэтому в этом отношении у нас есть только язык и мёртвые мысли. Посредством немногих мыслей мы соотносим себя с европейской философией. Но для этих мыслей у нас нет языка. Европейские мысли на русском языке, как сарафан на корове. Нельзя удержать метафизическое мышление в языке, для этого непредназначенном. Поэтому философы современной России мечутся между языком без мыслей и мыслями без языка. И не знают, что им делать. Вернее, всё, что они делают, получается либо безъязыким, либо сплошным безмыслием. В этой ситуации нужно признать, что мы путники, заблудившие в лесу. За нами нет никакой интеллектуальной традиции. Мы всякий раз вступаем в беспредметный разговор с надеждой, что появится предмет разговора. И понимаем, что предмет разговора существует до разговора только в Европе. Ибо только в Европе есть мыслительные традиции. Мы безнадежные одиночки. У нас каждый сам за себя. Для европейской философии мы являемся почти никем, какими-то дальними бедными родственниками. Мы интересны только как рынок сбыта для их идей. Как потребители их философских текстов. Мы еще можем понимать то, что сказано философами Европы. Но мы не можем понимать того, что ими недосказано и, тем более, сверхсказано. В этой ситуации нам, видимо, нужно признать свою бедность и отказаться от попыток договаривания того, что не нами говорилось, а также от попыток угадывания смыслов сверхсказанного европейской философией. Нам нужно попытаться найти в нас то, что началось раньше нас на другом берегу, в пространстве русской религиозной философии. Нам нужно научиться делать бессмысленные шаги с надеждой, что смыслы, может быть, появятся потом, с задержкой во времени. Либо они не появятся никогда...» (Фёдор Гиренок, «Мы и русская философия», <http://fedorgirenok.narod.ru/rusfil.htm>).

Не поэтому ли до сих пор в русскоязычных «научных кругах» приветствуется лишь математика, а научная философия так и продолжается всеми презираться: «Нам ваша

философия не нужна» – заявление на конференции одного из «маститых» космологов России:

«...научная философская методология не дает никаких оснований настаивать исключительно на принципе локальности, либо исключительно на принципе нелокальности. Более того: законы диалектики содержат прямой запрет на подобные односторонности, и требуют признать наличие в мире как локальных, так и нелокальных связей. А современный физический опыт дает этому массу подтверждений. Однако воинствующее философское невежество физиков не позволяет им учесть ни этот результат научного понимания мира, ни реальные и многочисленные физические опыты, ни прямые указания синергетики. Оно заставляет их веками искать потерянные ключи от истины только под фонарем принципа локальности, бесполезно тратя на это колоссальные материальные, интеллектуальные и жизненные ресурсы. По этому печальному поводу позволю себе еще одну самоцитату: «Громадными деньгами, жизнью сотнями обходится плохая философия!» Итак, философия не нужна народу в собственном смысле данного слова, и (другая сторона того же вывода) она не нужна современному среднему человеку. Она непонятна даже многим современным представителям частных наук. Но философия нужна человечеству, как система стратегических маяков в его историческом плавании. Философия нужна верхушке интеллектуальной элиты, ради построения осмысленной личной жизни и ради успеха в общественной деятельности. Философия нужна государству, деятельность которого имеет по существу стратегический характер. Особенно если это государство претендует, как российское, на роль одного из лидеров человечества. Без серьезного отношения к философии, без высокого уровня ее освоения сознанием образованных слоев, и без создания передовой рациональной философии на собственной почве, ни одно государство, ни один народ (в широком смысле слова, народ как нация) не могут достичь этой высокой цели...» (Владимир Самченко, «Философия в России: откуда и куда?», <http://credo-new.ru/archives/1189>).

В русской языковой картине мира учёный (укр. «науковец») – это не тот, кто обладает неординарными мыслительными способностями, а лишь тот, кого просто обучили чему-нибудь:

«Неученые люди самые гениальные» (Николай Фёдоров);

«Экзаменовали учеников гимназии (Петрозаводска, – П.Д.). Копасов хороший учитель. Здесь еще процветает система заучивания наизусть – впрочем, где она у нас еще не процветает? Обедали у вице-губернатора: он очень скучает и рвется отсюда всеми силами. Вечер я провел очень приятно у милой моей ученицы Александры Алексеевны Корибутовой, институтки прошлого выпуска. Она до слез мне обрадовалась: грустно живется ей здесь. Она очень одинока. Прочие девицы называют ее в насмешку «учёною» и распускают на ее счет разные сплетни в отмщение за ее нравственное превосходство над ними» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 23 июля 1834г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Поэтому-то для подсознания самого учёного и нет особой разницы между человеком

учёным и котом учёным:

«У лукоморья дуб зелёный;

Златая цепь на дубе том:

И днем и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом»

(Александр Пушкин, «Руслан и Людмила»,

http://www.razumniki.ru/u_lukomorya_dub_zelenyi.html).

И действительно, как «кот учёный», так и даже «маститый учёный» (академик) должны всего лишь отработать для своего «благодетеля» (хозяина, государства или любого другого «дрессировщика») средства, затраченные на их обучение. А ничего большего-то от русскоязычных учёных и не возможно ведь требовать, так как в коррумпированном примитивном обществе психических инфантилов ими становятся преимущественно угодные властям и связанные друг с другом круговой порукой посредственности:

«Б.Г. Юдин показал, что в России на протяжении XX в. не сложилось нормальное научное сообщество. Вторичная институционализация науки после 1917г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных учёных: установка на самоизоляцию; отсутствие автономии и самоорганизации; определение приоритетов развития науки путём закулисного сговора политической и академической бюрократии. А в философии и социальных науках эти нормы привели к формированию следующих типов личности: 1. Твердолобый ортодокс. Он уходил от острых вопросов и дискуссий на любую тему, пользовался поддержкой «инстанций» и был защищён от любой конкуренции. 2. Образованный ортодокс, для которого марксизм был внутренним убеждением и источником конфликтов с идеологическим начальством. 3. Циник, не имеющий никаких убеждений. Он использовал любые концепции и интеллектуальные моды в единстве с административными рычагами для собственной карьеры. 4. «Бравый солдат Швейк», который верил в марксизм и знал зарубежную литературу. Однако его стремление переосмыслить официальную идеологию и связанные с ней концепции в системе социальных наук всегда наталкивалось на противодействие внутри «научного сообщества»...» (Виктор Макаренко, «Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки // Существует ли русский ум», <http://texts.news/raznyih-stran-filosofiya/suschestvuet-russkiy-18570.html>);

«Мы переживаем сейчас закат российской науки. Россия выходит из числа великих держав еще по одному параметру – по науке. Судьба ее в очень малой мере зависит от самих ученых, да и среди них слишком мало думающих о благе науки и понимающих, что для этого надо. Из тысячи с лишком академиков и членкоров всего семь десятков отказались войти в новую «Академию», лишенную имущества и авторитета. Большинство беспокоится о своих собственных интересах, а они у слишком многих, обладающих формальным статусом ученых, не совпадают с интересами науки... А что же сами ученые? Они тоже раздроблены. Часть по застарелой привычке и по близости к вертикали готова поддержать любое повеление начальства. Сколько их, не знаю. Кажется, мало. Другая часть, весьма значительная, как ни странно, тоже ностальгирует по советской науке. Нет, не по шарашке,

конечно. И даже вообще не по сталинской эпохе, а скорее по брежневской. Тогда же так было все спокойно: работа шла ни шатко, ни валко, можно было не очень шевелиться, а сравнительно высокие зарплаты маститым начислялись. Сравнение с Западом не так уж и тревожило: оно в основном проводилось по идеологической линии, а тут все было в ажуре. А что нобелевские в основном уходили в США и другие капстраны, так об этом не очень и распространялись, да и языки-то знали немногие. А ведь кризис академической науки и падение авторитета Академии были заложены еще тогда. Это тогда в академики валом пошли директора и чиновники, и состав ее разжижился» (Лев Клейн, «Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль», <http://www.sib-science.info/ru/ras/reforme-akademii-nauk-02072017>);

«Разговоры привластных либеральных клептократов о «возрождении России» и «развитии российской науки» уже давно никого не обманывают и не вызывают ничего, кроме усталого отвращения. Достаточно привести простой пример: средний месячный доход российского (липового, – П.Д.) доцента (говорить о зарплате некорректно, так как она завышается ради улучшения статистики при оформлении текущих доходов ученых как 1/2, 1/4 и даже 1/10 «ставки») оценивается научным сообществом в 18 тыс.руб. (работают и за 12 тыс., и за 10). Для американских, например, ученых это – стоимость одной лабораторной мыши... Поэтому российское либеральное в своей основе государство будет продолжать разрушать и дебилизировать российское общество – пока Россия не рассыплется в агонии очередной Смуты либо пока общество (абсолютно чуждое холопскому населению России, – П.Д.) не принудит государство к ответственности» (Михаил Делягин, «Оптимизация: российский доцент стоит столько же, сколько американская лабораторная мышь», <http://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/53648-optimizatsija-rossi-ski-dotsent-stoit-stol-ko-zhe-skolko-amerikanskaja-laboratornaja-mysh>; <http://newsland.com/community/603/content/optimizatsiia-rossiiskii-dotsent-stoit-stolko-zhe-skolko-amerikanskaia-laboratornaia-mysh/5900943>).

Так называемая «научная школа» – это не что иное, как та же мафия, отстаивающая «научные» взгляды своего боса или же почившего в бозе кумира. Чего уж тогда можно ожидать от простых науч[ен]ных (научных) работников, наученных не столько горьким опытом (самой жизнью), а всего лишь словесными наставлениями, содержащимися в учебниках. Жизнь словоцентричных русскоязычных людей, к большому сожалению, ничему не учит, так как они погружены отнюдь не в действительность, а в словесный мир своего болезненно обостренного воображения. Наука для научных (наученных) работников вовсе не собрание истин, которое требуется непрерывно пополнять и даже при необходимости пересматривать, а всего лишь застывшее учение (обучение), в которое можно уверовать сразу и навсегда так, чтобы в дальнейшем вполне достаточно было лишь слепо следовать ему. Этому способствует и то, что в подсознании русскоязычного человека словоформа «научный работник» в отличие от укр. «науковий працівник», ассоциируется, прежде всего, не со словом «наука», а со словами «учение», «научение» и «обучение»:

«Всегда так будет, как бывало:

Таков издревле белый свет:

Ученых много – умных мало,
Знакомых тьма – а друга нет!»

(Александр Пушкин, 1817-1825, dubia, <http://stih.pro/vsegda-tak-budet-kak-bivalo/ot/pushkin>);

«Общество вяло и холодно. Ученые едва сами себя понимают...» (П. Плетнев, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Что касается до учебных заведений, то известно, в каком почете находилась у нас наука. Наука может процветать только там, где оказывается ей уважение, где она пользуется независимостью и самостоятельностью. Можно ли сказать, что наука пользовалась у нас преизбытком самостоятельности и независимости и что отсюда проистекли те пагубные последствия, с которыми теперь так трудно справиться? О ее интересах никто не заботился, потому что ни в ком не жил этот интерес, а в ком он и жил, так те ничего не значили. Никто не помышлял дать воспитанию правильные основы, никто не соображал условий воспитания ввиду его истинных целей... Бюрократическая администрация могла заботиться только о том, чтобы сохранялся внешний порядок, чтобы воспитанники учебных заведений были гладко подстрижены, чтобы все имело приличный вид, и чтоб исполнялась буква уставов. Не всегда можно винить лица, имевшие в руках своих административную власть; вина падет не столько на лица, сколько на порядок вещей, который делал бесплодными даже самые энергические усилия к лучшему. Всякая сила может развиваться и давать плод только там, где предоставлено ей самостоятельное существование, где живо чувствуется ее особенный, только ей свойственный интерес. В противном же случае она будет явлением фальшивым, будет призраком, а не действительностью, видом, а не сущностью. Бюрократическая администрация имеет свою сферу, где она может действовать с неоспоримой пользой и порождать не призраки и пустоцветы, а то, что необходимо для благоустроенного общества. Но коль скоро она ставит себя на место других сил, то ничего, кроме призраков, пустоцветов и явлений вредных, произойти не может. Быт наш был полон пустоцветов и злоупотреблений. Причиной тому был, конечно, не преизбыток самостоятельного развития разнообразных сил жизни, а, напротив, подавление и поглощение всех одною. Наука? Науки не было, была бюрократия...» (М.Н. Катков, «Исключительное господство бюрократии и Верховная власть», http://dugward.ru/library/katkov/katkov_gosp_burokr.html);

«Наука никогда не проникала в Россию, но оставалась в положении касательной линии» (М.Н. Муравьев, 1861, цит. по: Григорий Джаншиев, «Эпоха великих реформ. Исторические справки», <http://unotices.com/book.php?id=136886&page=64>);

«В полтораста лет после Петра мы не убедились, что наука полезна. Какое разительное доказательство нашего варварства» (Михаил Погодин, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Теоретическая, научная истина, строгое и чистое знание ради знания, бескорыстное стремление к адекватному интеллектуальному отображению мира и овладению им никогда не могли укорениться в интеллигентском сознании. Вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет. Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах и кончая самоновейшими научными увлечениями вроде эмпириокритицизма, наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции. Именно эту психологическую черту русской интеллигенции Михайловский пытался обосновать и узаконить в своем пресловутом учении о «субъективном методе». Эта характерная особенность русского интеллигентского мышления – неразвитость в нем того, что Ницше называл интеллектуальной совестью, – настолько общеизвестна и очевидна, что разногласия может вызывать, собственно, не ее констатирование, а лишь ее оценка. Еще слабее, пожалуй, еще более робко, заглушенно и неуверенно звучит в душе русского интеллигента голос совести эстетической...» (Семён Франк, «Этика нигилизма», <http://www.vehi.net/vehi/frank.html>);

«Отец однажды сказал мне: «Вот я тебе дам 500 рублей, поезжай в Харьков и купи себе диплом». Боже милосердный! Можете себе представить, с каким негодованием я принял это предложение. Я не диплома искал, а науки. Но как же это рисует русские нравы, русский взгляд на вещи! В других странах стараются развить человека, а у нас об одном хлопчут: как бы сделать чиновника, а после этого хоть трава не расти...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«У нас обычай воспитывать молодых людей «для света», а не для «общества». Их ум развивают на разных тонкостях внешнего приличия и обращения, а сердце предоставляют естественным влечениям. Гувернер-француз ручается за успех «в свете», а за нравственность отвечает один случай. Почти то же следует сказать и об общественном воспитании у нас. Добрые нравы составляют в нем предмет почти посторонний. Наука преподается поверхностно. Начальники учебных заведений смотрят больше в свои карманы, чем в сердце своих питомцев. В одном только среднем классе заметны порывы к высшему развитию и рвение к наукам... До сих пор я успел заметить только то, что существа, населяющие «большой свет», сущие автоматы. Кажется, будто у них совсем нет души. Они живут, мыслят и чувствуют, не сносясь ни с сердцем, ни с умом, ни с долгом, налагаемым на них званием человека. Вся жизнь их укладывается в рамки светского приличия. Главное правило у них: не быть смешным. А не быть смешным, значит, рабски следовать моде в словах, суждениях, действиях так же точно, как и в покрое платья. В обществе «хорошего тона» вовсе не понимают, что истинно изящно, ибо общество это в полной зависимости от известных, временно преобладающих условий, часто идущих вразрез с изящным. Принужденность изгоняет грацию, а систематическая погоня за удовольствиями делает то, что они вкушаются без наслаждения и с постоянным стремлением как можно чаще заменять их новыми. И под всем этим таятся самые грубые страсти. Правда, на них набрасывают покров внешнего приличия, но последний так прозрачен, что не может вполне скрыть их. Я нахожу здесь

совершенно те же пороки, что и в низшем классе, только без добродетелей, прирожденных последнему...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 3, 24 января 1826г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

В Украине же, как и в большинстве высоко развитых стран, знания никогда не насаждались свыше, а добывались желающими их приобрести. Для приобретения знаний украинцы в средние века даже объединялись в братства:

«Под влиянием начала борьбы за православие и роста интереса к просвещению, деятельность братств начинает расширяться и приобретать новые черты. Постепенно они превращаются в особые церковные союзы по обновлению религиозной жизни, наведению порядка в киевской митрополии и защите православной веры. До 1593г. постоянные или единичные контакты со львовской ставропигией поддерживают тринадцать братств: Рогатина, Гологор, Сатанова, Городка, Галича, Перемышля, Комарно, Красного Става, Вильно и Бреста, а также три львовских – Вознесенское, Благовещенское и Богоявленское. Вступить в братство мог каждый: богатый и бедный, шляхтич, горожанин, духовное лицо и мирянин, местный и иногородний. Часто членами братств становились и женщины. Одной из главных задач братств становится образование. Понимая, что бороться с католиками можно только их же оружием, они стремились создавать собственные образовательные учреждения в противовес католическим. При братствах открывали школы и типографии, печатали книги. Типографии имелись при братствах во Львове, Стрытине, Рогатине, Крислое, Кутеине, Угорцах. Широкое распространение книжного дела в украинских землях стало одной из главных предпосылок начала духовного возрождения. Для сравнения, в Московском государстве даже к концу XVIIв. существовали только две типографии в Кремле, находившиеся под строгим контролем патриарха. Обучение в братской школе осуществлялось по принципу западных гимназий (разработанному итальянскими гуманистическими гимназиями еще в XVв., а затем использованному в иезуитских коллегиумах и протестантских школах). Изучали грамматику, поэтику и риторику (философия и богословие уже относились к уровню «академий»)...)» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=31>);

«Новый куррикулум (концепция обучения в Финляндии, – П.Д.) основан не на преподавании, а на обучении, когда ученики не получают готовые знания (пассивно), а как бы «добывают» их (активно). В основу положено изучение не предметов, а феноменов в комплексе проявлений. Например, вода – это и физика, и химия, и биология, и здоровье... Преподаватель при этом выполняет роль тренера, тьютора, но не учителя. Он помогает, но не учит. Ученики сами принимали решения, каков будет конечный результат недельной работы, как они будут его презентовать. Сами решали, что и как они будут делать в течение недели. В пятницу проходила презентация недельной работы и снова задание на следующую неделю...» (Татьяна Швец, «Учить по-фински. Чему может научить украинцев финская школа», https://focus.ua/society/369758/?utm_campaign=web_push&utm_source=628).

Несамостоятельному же, пассивному и неспособному критически мыслить

русскоязычному людишке обязательно нужен учитель (наставник) – преподаватель (укр. «викладач»), подающий ему, как ребёнку «на ложечке», чужие мысли – разжёванные выжимки из русской ЯКМ и марксистско-ленинской философии, ну и, конечно же, наставления, весьма угодные для чиновников, клерикалов, коммунистов и иных чудаковатых имперцев:

«При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли... Мы всегда размышляем не своими мыслями, а [занимаемся] пережевыванием чужих...» (Василий Ключевский, из записной книжки, 1 января 1898г., <http://sadsvt.narod.ru/kluch1.html>);

«У нас неплохая философская школа. Но из нее выходят не философы, а преподаватели. Философом считают специалиста по текстам. Этого мало для философа! Мы в России живем в мире неизвлеченного опыта. Последние 10 лет – следствие жизни в таком мире. Но чтобы извлечь опыт пережитого, надо быть абсолютно свободным! – Вы абсолютно свободны? – Я абсолютно свободный человек. Мне все «по барабану»...» (Фёдор Гиренок, «Русская философия – ловушка для чудаков? // Пато-логия русского ума», <http://fedorgirenok.narod.ru/pat.htm>);

«В России человек не учится – в России человек получает знание. Знания в России не приобретаются, но передаются. Сколько ваших друзей обучаются в университете дистанционно? Вы вообще что-нибудь слышали про дистанционное образование? Какой процент ваших знакомых получают знания сами? За исключением нескольких университетов (с которыми государство исправно борется), российская система высшего образования по-прежнему предпочитает самостоятельной работе передачу знания. Тьютораты, семинары – все это пустое! К чему? Зачем? В самой большой стране мира по-прежнему обожают торжественные поточные лекции. Во время этих мероприятий от вас не требуется участие, от вас требуются лишь покорность и принятие. Услышали, записали, выучили, сдали. Не нужно спрашивать – необходимо хоть что-то запоминать. Как результат: мы получаем огромное количество людей, которые начинают фразу с оборота «на самом деле». Почему? Потому что они привыкли к тому, что им передают условно «выверенное» знание. «На самом деле я знаю ответ!» – «Почему?» – «Потому что я что-то где-то об этом слышал, мне кто-то что-то говорил, то ли в школе, то ли в кино!»...» (Саша Филипенко, «Культура сомнения», <http://una-unso.com/politika/ny-odyn-normalnyj-chelovek-ne-smozhet-sushhestvovat-v-etoj-navoznoj-kuche.html> ; <http://uargument.com.ua/novosti-dnya/v-rossii-ne-somnevayutsya/>).

Или же, в крайнем случае, русскоязычному людишке нужен учебник, изложенным в котором догмам и наставлениям можно было бы слепо верить. Ведь, если укр. «підручник» – это всего лишь вспомогательное средство для облегчения пополнения своих знаний (укр. «підручний» – ПОДРУЧНЫЙ, -ая, -ое. 1. Находящийся под руками, поблизости. Подручный инструмент. Переправа на подручных средствах. 2. Помогаящий, являющийся помощником. Столяр с подручным (сущ.), – «Толковый словарь русского языка», <http://www.vedu.ru/expdic/24022/>), то соответствующий ему русский «учебник» – это

собрание догм, которые обучающийся должен неукоснительно усвоить и соблюдать:

«Готовые правила и выводы, услужливый учитель и учебник, где есть все, чего требует экзаменатор, стали стеной между учеником и божьим миром; за этой стеной ученик ничего не видит своими глазами, не соображает своим умом; его память воспринимает только чужие наблюдения, чужие обобщения, чужие правила, чужие мысли. Ничего своего – вот девиз такой школы и такой учебы. Умственное рабство – вот ее результат» (Василий Вахтеров, «Избранные педагогические сочинения // Наши методы преподавания и умственный паразитизм»,

http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=vahterov_izbrannye-pedagogicheskie_1987).

Как видим, бессознательная лингвопсихическая установка, формируемая русским словом «учебник», навязывает не критическое восприятие содержащихся в учебнике догм, тогда как бессознательные лингвопсихические установки, формируемые укр. словом «підручник», вовсе не навязывают обучающемуся этого. Да, к тому же они и не понуждают его ограничивать имеющуюся свободу выбора средств информации для пополнения своих знаний и для формирования своего мировосприятия.

Др.-киев., ст.-слав. «пособъ», укр., блр. «пособа» означают «пособие, помощь, поддержка», а синонимами слова «способствующий» являются слова «содействующий, поддерживающий, помогающий». Поэтому-то фраза «способность к наукам» будет восприниматься подсознанием, всего лишь, как «восприимчивость навязываемых научных представлений», что фактически является тождественным «пригодности к научению». И, следовательно, в отличие от праслав. *съдобьность > др.-киев. съдобьность > ст.-укр. здѣбнѣст' > здуобнуост' > здуебнуест' > здуїбнуїст' > здїбнїст' > зд'їбн'їст' (здїбність), русское слово «способность» формирует бессознательную лингвопсихическую установку на принципиальную невозможность самостоятельного изучения или же освоения чего-либо человеком. Аналогично и фраза «приспособляемость человека» воспринимается подсознанием всего лишь как «пригодность человека к адаптированию его», а вовсе не «возможность человека самостоятельно адаптироваться» к чему-нибудь. А это значит, что лексема «приспособиться» (в отличие от укр. «пристосуватися»), конечно же, не способна вызвать ожидаемого от нее бессознательного влечения человека.

И, поэтому-то, всё это тоже весьма способствует как развитию психической инфантильности у большинства русскоязычных людей, так и пассивному отношению их к обретению знаний. Если украинец «здобуває знання і освіту» (буквально, «добывает знания и образование» своим напряжённым трудом), то в соответствии с русской ЯКМ россиянин получает знания и образование лишь на халяву в школе и в других учебных заведениях, не затрачивая при этом никаких собственных усилий.

Об отсутствии у москвитов (россиян) взаимосвязанности идей а, следовательно, и о неспособности их к глубокому анализу и к обобщению пришел к выводу уже Петр Чаадаев:

«В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу... В наших головах решительно нет ничего общего. Все в них частно, и к тому же

неверно, неполно. Даже в нашем взгляде я нахожу что-то неопределенное, холодное, несколько сходное с физиономией народов, стоящих на низших ступенях общественной лестницы... Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве; ни одной великой истины не возникло среди нас» («Философические письма», <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>).

На несвойственность русской мысли аналитического мышления обращали внимание многие и, в том числе, Николай Гоголь и Иван Павлов:

«Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном, ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого решительно бросаю теперь всякую художественную отделку, а тем более – желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю вдаль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитую через год. – Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народ бесцветный, как Петербург...» (Николай Гоголь, Письмо П.М. Погдину 14 декабря 1834г., ПСС, т. X, с. 344, <http://n-v-gogol.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st231.shtml>).

«Русский человек, не знаю почему, не стремится понять то, что он видит. Он не задает вопросов с тем, чтобы овладеть предметом, чего никогда не допустит иностранец. Иностранец никогда не удержится от вопроса. Бывали у меня одновременно и русские, и иностранцы. И в то время как русский поддакивает, на самом деле не понимая, иностранец непременно допытывается до корня дела. И это проходит насквозь красной нитью через все... Нарисованная мною характеристика русского ума мрачна, и я сознаю это, горько сознаю...» (Иван Павлов, «О русском уме»,

https://m.censor.net.ua/forum/2296242/o_russkom_ume;

[http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf;](http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf)

https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php).

Так почему же, всё-таки, русскоязычный человек не склонен задавать вопросы, когда что-нибудь не понимает?

Во-первых, он привык лишь создавать у окружающих положительные впечатления о себе, а не культивировать у себя соответствующие им положительные черты характера. И, следовательно, для него более важно лишь казаться умным, а не быть им на самом деле. И поэтому-то, опасаясь испортить у окружающих навязанное им впечатление о себе, как о всё понимающем с полуслова умном человеке, он и пренебрегает возможностью повысить уровень своих знаний, получив ответ на непонятный ему вопрос.

Во-вторых, он привык довольствоваться лишь поверхностными, а не глубокими знаниями:

«Русский ничего не знает досконально и не стремится ничего постичь основательно. Он очень легко добирается до определенной незначительной глубины, но потом внезапно останавливается и дальше не идет. Я посетил все школы, все гимназии, присутствовал на

всех экзаменах, которые сдавали как молодые люди, так и девицы, и не встретил то, что называют талантом. Будучи столь посредственным, русский необычайно горделив, обладает большой сноровкой разгадывать человека и еще больше способен погубить его, если решил это сделать. Самое большое преступление в его глазах – это желание быть более утонченным, чем он, и об этом иностранцу никогда не следует забывать. Для того чтобы добиться всего возможного в этой стране, надо быть добрым малым или казаться таковым. Если вы решили обходиться с ним более тонко, он приходит в негодование, считая, что вы посягаете на него, и не преминет обесславить вас или как-нибудь навредить. В чужих краях вы можете посмеяться над ним, но в его стране лучше оставить его в покое и не слишком обнаруживать перед ним свой ум (20 июля/1 апреля 1809г.)» (Жозеф де Местр, «Религия и нравы русских», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1020666/56/De_Mestr_-_Religiya_i_nravny_russkih.html);

«Мы вообще мало любим останавливаться на предметах и углубляться в их суть. Все, что отзывает трудом, для нас нестерпимо. У нас многие люди, даже с талантом, заражены язвою лени и стремятся легким способом добывать похвалы и удивление. Для них все решает минута энтузиазма: они называют это вдохновением и уже ни о чем больше не заботятся. В числе наших модных литераторов немало таких. Я знаком с иными и часто удивляюсь их невежеству, с одной стороны, и резкости суждений – с другой, о предметах, им вовсе или очень мало известных. Труд они называют педантством. Для них довольно познакомиться с французским языком и прочесть на нем несколько книжек, чтобы считать свое образование оконченным. Написав потом несколько журнальных статей, несколько мадригалов и песенок, которым аплодируют в гостиных, они принимают важный вид заслуженных литераторов и величественно успокаиваются на лаврах, мечтая по очереди о потомстве и о сытном обеде у какого-нибудь мецената...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 10 февраля 1826г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

И в-третьих, в отличие от украинского слова «запитання», соответствующее ему русское слово «вопрос» отвечает не пытливости ума спрашивающего (вопрошающего), а унижающей его перед окружающими просьбе (укр. «проханню»), на которую спрашиваемый (вопрошаемый) вправе, вообще, никак не отреагировать. Уже само это бессознательно удерживает русскоязычного человека от задавания «лишних вопросов». Тем более, исходя из былого униженного положения его предков, задавание им «лишних вопросов» господами не только не приветствовалось, но даже и пресекалось наказаниями. Холоп ведь должен был беспрекословно выполнять все указания своих господ. И, конечно же, и само то слово «лишние» (укр. «зайві») тоже бессознательно удерживает русскоязычного человека от задавания «лишних вопросов». Ведь оно ассоциируется в его подсознании со словами «лишение» (укр. «позбавлення») и «лишения» – бедствия (укр. «бід», «лиха», «нещастя»): «ЛИШЕНИЕ, лишения, ср.. 1. Действие по глаг. лишить и лишиться. Лишение избирательных прав. Лишение свободы. Лишение имущества. 2. только мн. Нищета, недостаток. Терпеть лишения. Перенести множество лишений» (Толковый словарь Ушакова).

К тому же, как видим, уже физиолог Павлов заметил, что для русскоязычного человека слово «понимать» (укр. «розуміти») вовсе не означает разуметь видимое или же услышанное. Русское слово «понять» фактически означает лишь воспринять (поять, принять) навязываемое ему определенное поверхностное представление о чем-либо, не вникая ни в его детали, ни в какие-либо другие подробности, и номинализовать в своём сознании примитивный образ воспринимаемого без формирования какого-либо суждения о нём, то есть всего лишь примитивно сообразить (укр. «збагнути») его сущность или же точнее вообразить (укр. «уявити») некое подобие ей:

«Номинализация, или «идентификация», есть «процесс опредмечивания идеи в слове», непосредственное согласование слова с вещью, «остановка в понятии», прежде всего – в отглагольных и отадективных именах. То, что когда-то было достаточно уразуметь (пытливому уму, – П.Д.), а затем осмыслить, теперь оказалось необходимым глубоко понять (поять – примитивно воспринять обладателями холопской ментальности, – П.Д.)... Соотнесение «вещи» (явления) напрямую со словом, минуя сущность «идеи» – болезнь современного интеллигентского сознания (людишки, – П.Д.). Именно этим объясняется, например, бурное заимствование иностранных слов, призванных заменить понятие, вызревшее в формах родного языка (в виде чего-то непостижимого разумом – «вещи в себе», – П.Д.)» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-41.html>).

И, ведь, это навязываемое государством или же обществом представление (понятие) русскоязычный человек, как правило, воспринимает просто на веру, не подвергая его никакому критическому анализу, а лишь создавая примитивный образ его (воображая что-либо, приемлемое для его несовершенного сознания). И этому-то весьма способствует и сам грамматический строй русского языка:

«В романских языках прилагательные обладают большей предикативностью, способствуя указанию на новое качество (они «рематичны» – выступают сказуемым о предмете), в русском же языке они, и особенно полные прилагательные, обозначают скорее признак постоянный, следовательно, участвуют не в образовании суждения, а в создании понятия... Сознание в виде мышления (одновременно и представление, и суждение) направлено и на явление, и на его сущность, но, кроме того, важно следующее: понятие как явление концепта (Генрих Риккерт называет это «долженствованием») отталкивается от суждения. В суждении мы находим содержание понятия, а в понятии его опредмечиваем как предметное значение (объем понятия)... Образность русской мысли проистекает из особенностей слова, которым пользуются для ее оформления. «Мысль направлена словом», – справедливо утверждал Александр Потебня...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-312.html>).

Но даже и способность всего лишь примитивно вообразить вовсе не приветствуется русской ЯКМ. Ведь понятие «воображуля» получило негативную окраску не только в сознании, но и в подсознании (укр. «образа» – оскорбление). Соответствие же

разнокоренным украинским словам «розуміння» (понимание) и «поняття» (понятие) однокоренных русских слов существенно способствует бессознательному формированию психической инфантильности у русскоязычных людей.

Большинство из них из-за своих низких умственных способностей (неразвитости мышления) лишь просто «зазубривают» изучаемый научный материал, не разумея часто даже его истинного смысла:

«Наша современная школа построена ровно на тех принципах («учёбы», – П.Д.), которые отвергал Катков, она дает на выходе именно то, что и должна давать, и удивление вызывает в этой ситуации только одно: то, что мы удивляемся этим результатам. Дурная школа не только не приносит пользы, но и прямо причиняет великий вред. Лучше простой человек со здравым умом, нежели воспитанный в таком извращенном училище полужайка. Забота школы – «приучить юные силы мало-помалу, без напряжения и надрыва, к серьезному и сосредоточенному труду, вызвать все способности, необходимые для полной умственной организации, развить их по возможности равномерно, укрепить и умножить их, утвердить в уме лучшие навыки, которые должны стать для него второю природой, поселить в нем здоровые инстинкты, ознакомить его со всеми процессами и приемами человеческой мысли не на словах, а на деле, на собственном труде, вкоренить в молодом уме чувство истины, чувство положительного знания, чувство ясного понятия, так чтоб он во всем мог явственно и живо различать дознанное от недознанного, понятное от непонятного, усвоенное от неусвоенного». А если что нужно добрать по части знаний – с этим легко справится окрепший ум. Сообщение сведений – дело второстепенное; на него должно отводить столько времени, сколько остается от главного» (Алексей Любжин, «Старый спор», http://www.academia.edu/16737974/1-2015_Lubzshin; <https://cyberleninka.ru/article/n/staryy-spor>)

«...«учёба» в своем коренном значении – это бездумное заучивание, что прекрасно видно хотя бы по ленинской фразе: «Старая школа была школой учёбы, школой муштры, школой зубрежки...». Это сказано именно тогда, когда слово «учёба» активно входило в советский быт, вытесняя «учение». Итак, слово «учёба» имеет право на существование только в ограниченном смысле (заучивание) и никак не может считаться полноправным синонимом слову «учение». Пожелание успехов в учёбе даже оскорбительно для учащихся. И не дай Бог, чтобы в наших школах и ВУЗах учение превратилось в учёбу. Кстати, система ЕГЭ предполагает именно последнее. Учащиеся – от слова «учение». А «учёбой» занимаются, извините за выражение, учёбнутые (психические инфантилы, – П.Д.)» (Сергей Цветков, «Учение и учёба – почувствуйте разницу», http://zaist.ru/news/slova/uchenie_i_uchyeba_pochuvstvuyte_raznitsu/);

«Беда в том, что как не учили школьников работать над совершенствованием своего разума (это я вспомнил известный трактат Б. Спинозы), так и не учат. И как не знали школьники, что совершенствовать свой разум – это хорошо, а не совершенствовать – плохо, так и не знают. И как захламляли головы школьников тем, что и не интересно им, и не полезно, и не применимо в жизни, так и продолжают захламлять. Только с помощью электроники это лучше получается, вот и все. Ergo: надо менять содержание обучения. Ну и,

разумеется, формы, методы, способы учения / обучения. Да. И кто же это будет делать? Не те ли, кто во время оно занимался не совершенствованием разума, а захлалением мозгов, собственных и чужих? Кто паразитировал на теоретических и практических достижениях великих педагогов, создавая – тысячами монографий, диссертаций, статей, выступлений на конференциях – видимость почитания «великого, могучего и свободного» и не делая ничего, чтобы великий и могучий воскрес своими делами и стал жить в живой практике школы. Или, может быть, это будут делать те, кто не преуспел на ученой стезе и подался в область не пыльную, но благоприятную для карьерного роста – в администрирование? По собственному опыту знаю, что и у тех, и у других есть проблемы с родным языком – и в стилистике, и в грамматике, и в пунктуации, и только редакторы – особенно той, старой закалки – выводят их в свет «причесанными» и даже благородными. Что могут предложить они такого, что повысило бы грамотность школьников во владении родным языком? Вопрос риторический. Ничего не могут» (В.С. Лысенко, «Какому русскому языку учат в школе?», <https://cyberleninka.ru/article/n/kakomu-russkomu-yazyku-uchat-v-shkole>);

«...знание языка перестает поощряться в обществе. Снижается ценность этого знания для экономически активного индивида, язык не способен поднять стоимость работника в конкурентной борьбе на рынке труда. На первое место при трудоустройстве выходят личные связи и требования по минимальной зарплате, поэтому в структуре занятости преобладают «блатные» на вершине пирамиды и «гастарбайтеры» в её основании. Государство без видимых протестов общества сокращает часы преподавания родного языка в школе, экзамены по нему проходят в виде обезличенных тестов. Снижается общий уровень грамотности теле- и радиовещания, газеты выходят с опечатками и ошибками, которые никто не замечает» (Каин Стюарт, «Русский язык больше не язык», http://rkou.org.ua/zozuleni_yyca.pdf; <https://reporter-ua.com/2012/08/13/uchenye-russkiy-yazyk-otmiraet-ego-mogut-isklyuchit-iz-spiska-yazykov-mira>);

«Наше обращение к проблемам русского языка – не праздное время препровождение. Оно в первую очередь связано с проведением Тотального диктанта, с ситуацией, сложившейся на журфаке МГУ, которая заключается в следующем. Из 229 первокурсников на страницу текста (проверочный диктант) сделали 8 и меньше ошибок лишь 18%. Остальные 82%, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок. Итак, что такое, например, по-вашему, «рыца»? Рыться. Или, скажем, «позиэнт» (пациент), «судастса» (удастся), «врочи» (врачи), «нез наю» (не знаю), «генирал», «через-чюр», «оррестовать»... Уважаемые читатели, а как вы считаете: русский язык наш (мой)?.. А СМИ – рупор речевой нормы?.. Напомним, что собой представляет русский язык. Характерные особенности русского языка, хотим мы этого или нет, отражаются в ментальных признаках нашего сознания. Именно благодаря своему языку русский человек обнаруживает свой внутренний мир... Мысль рождается в думе – с той разницей, что индивидуальная мысль только направлена словом, а совместная дума способна строить новое слово. Мыслит каждый сам по себе, думу же думают вместе, и дума (в холопском обществе, – П.Д.) – важнее мысли, она, как личная мысль, освящена признанием всех других... Красота важнее

пользы, так как польза – компонент красоты. Негативное отношение к практицизму и позитивизму – характерная черта русской философской мысли (и некритического русского мышления вообще, – П.Д.), берущая начало в народном понимании красоты как пользы. Владимир Соловьев говорил в свое время: «Мир спасет божественная красота, а не буржуазная польза». Красота девушки равна силе и здоровью молодца (гопника, – П.Д.), красота и доброта – это внешняя и внутренняя характеристика молодых людей в соответствии с общим пониманием пользы их и для них. Из этого следует, что русский язык – это чарующее (инфантилизирующее, – П.Д.) действие, (быдлотворное, – П.Д.) колдовство, которое сохраняет нас, русскую (холопскую, – П.Д.) нацию вместе с нашими вековыми соседями, как идентичность, как божественных посланников на земле (обязанных демонстрировать землянам, как не следует жить, – П.Д.)... Однако время от времени находятся люди, которые по доброте или наитию, по умыслу или чьему-то провидению нет-нет да делают своего рода наскоки на нашу святыню – русский язык, заявляя, что наш язык (и их тоже) не хорош, труден, пора его улучшить...» (доктор филолог. наук В.Г. Маслов, «Русский язык – чарующее действие», <http://www.sovross.ru/articles/1537/31903/comments/1>).

Такое некритическое восприятие изучаемых предметов культивировалось испокон веков в русскоязычном примитивном обществе. Ведь всегда требовалось, чтобы «подлый люд» понимал всё лишь именно так, как это нужно было власти имущим, и не задавал бы им своих «лишних вопросов». Этому-то весьма и поспособствовало постепенное вытеснение в русской ЯКМ слова «разуметь» словом «понимать», более приемлемым для холопского образа жизни, нежели устаревшее «разуметь». Тем самым, с помощью бессознательных лингвопсихических установок порочной русской ЯКМ российская знать и советское руководство фактически выращивали психических инфантилов, неспособных как к критическому восприятию информации, так и к аналитическому мышлению и к интеллектуальной деятельности. А именно, – челядишек, живущих лишь по навязанным им понятиям, а не в соответствии с собственным разумением и с разумом вообще:

«У нас сильно обесценилось значение слова «мнение». Любой бред, который человеку приходит в голову, называют мнением. Это порождение так называемого постмодернизма – считать, что все мнения равноценны. Раньше, когда мнения спрашивали у экспертов, предполагалось, что оно производится с помощью умственной работы, и именно в той области, которой человек профессионально занимается. Тогда могут развиваться настоящие дискуссии, можно найти того, кому можно верить. Сейчас же обычно называют мнением то, в чем чаще всего нет и следа аналитической и интеллектуальной работы. Откуда-то ветром занесло «как бы» «типа» информацию. Такие «мнения» не укоренены, они легко меняются на диаметрально противоположные. Поэтому я с большим скепсисом отношусь к цифре 85% населения, которые, по данным социологов, поддерживают сегодня все действия президента России в Украине. Это во многом явление погодное, ветер надул такой градус, а подует в другую сторону – всё упадет ниже нуля...» (Психолог Дмитрий Леонтьев, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«У преобладающего большинства россиян отсутствует критическое мышление, вернее, отсутствует напряжение к анализу. Народ очень ленив, а лень распространяется не только на физический труд, но и на мышление. Гораздо легче просто верить, чем верить и проверять. Вот и живет народ по принципу: «люминий, так люминий». Отсюда безбрежная и бесконечная вера во все услышанное. А если вести идут от непорочных чиновников или всевидящих и всезнающих телевизоров и газет, то «истина» становится непререкаемым доказательством верного пути Президента и Правительства. Российские царедворцы, да и мелкие чиновники давно заметили, что народу гораздо дешевле дать идею, чем кусок хлеба, хорошую дорогу, возможности развиваться. Вот и носится, беснуется голодный российский народ с идеей о своем величии, которого нет и не было...» (Юра Барановский, «Орда дала миру новый этнос. Главным и единственно правильным государством на земле является Россия», <http://ehorussia.com/new/node/9674>);

«Мышление русского похоже на заевшую пластинку. Если дать ему выговориться, то вы с удивлением увидите, что через определенный промежуток времени он начнет повторяться. Его мысль описывает круг и вновь и вновь возвращается в исходную точку... Конечно, диаметр логического круга сильно колеблется, так как зависит от уровня развития говорящего. Пластинка может начать повторяться через три дня, а может и через пять минут. В последнем случае ее диаметр равен поросычъему пятакчу, да и содержание мало отличается от хрюканья и визга. Но как бы то ни было, важно одно: мышление русского замкнуто и отстранено от его подлинной сущности. Если западный человек живет в мышлении, то русский – осуществляет себя через мышление. Отсюда интересная закономерность: чем абстрактнее и туманнее русская речь, тем конкретнее и яснее цель, которую пытаются достигнуть с ее помощью. Нельзя сказать, что русские не понимают дефектности своего вербального бытия. По крайней мере, они ее чувствуют и даже как-то пытаются скорректировать. Страшным усилием воли русский все приподнимает, приподнимает логическую линию повествования и в результате (иногда) игла логоса не возвращается в исходную точку, а проходит на волосок над ней. Тогда русская рожица топорщится в довольной улыбке: «Диалектика». Вот где истоки отечественного гегельянства, которое, таким образом, является скорее уж антигегельянством...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html).

Русское слово «мысль» означает лишь произвольное блуждание сознания в пространстве ЯКМ и, следовательно, не является актом интеллектуальной деятельности:

«Еще точнее определяет «свежесть» русского мышления академик Овсяннико-Куликовский [1922]: «Наше мышление орудует не «чистыми» понятиями и представлениями, а понятиями-словами и представлениями-словами, следовательно, и образы, входящие в психологический состав или «механизм» понятий и представлений, суть не просто образы, а образы-слова», такая «мысль – словесна». Действительно, такая мысль исходит из слова и им определяется, она заряжена энергией словесного знака, что вызывает естественную реакцию на каждый образ: «Обыденное сознание мыслит образами, и тогда заговорит совесть... зашевелится грусть, навернется слеза, или вдруг промелькнет ирония,

послышится смех...» [Там же]» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-319.html>);

«Мысли роятся в голове день и ночь, наяву и во сне» (Владимир Даль, «Толковый словарь... // Мысль», <http://www.mobyart.ru/node/16160>);

«Читаешь Канта или Гегеля, а в голове туманом клубятся русские мысли. Совершенно произвольно. Мысль работает чётко, аккуратно следует за написанным, но что-то параллельно летит, недоумеваешь. Связано ли это с собственно «думанием»? Да, и очень тесно. Но на ассоциативном конце этой связи совсем не то, что на конце логическом...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«В моей старой голове две, от силы три мысли, но они временами поднимают такую возню, что кажется, их тысячи» (Фаина Раевская, цит. по О.А Морозова, «Фаина Раевская. Как сказано», http://www.e-reading.club/bookreader.php/1042010/Morozova_-_Faina_Ranevskaya_Kak_skazano.html);

«Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством» (Константин Станиславский, «Мудрые мысли», <https://citaty.info/quote/258602>).

А это значит, что «русская мысль» – всего лишь фоновый шум, налагающийся на воспринимаемую информацию, или же просто бесплодные спонтанные размышления, связанные, как правило, со сладостными мечтаниями о несбыточном будущем или же с горькими воспоминаниями об ужасном прошлом, а то и вообще лишь с мнимым ощущением своего «величия» или же непризнанной всеми другими своей «гениальности»:

«Беда! У нас кто получил от природы ума на 10%, тот думает, что ему отпущено его на 100%, а всем другим на 1 или на 0. Нет никакой правильной меры в суждениях о самих себе и о других; ни малейшей заботливости быть справедливым. Кричат, чтобы перекричать других и сделать свою мыслишку господствующей над мыслями всех своих знакомых, приятелей, незнакомых и неприятелей, – в этом главная цель наша, а там хоть трава не расти. Черт с ней, с правдой; ведь от нее я не покажусь гением ни в собственных своих глазах, ни в глазах других. Правда слишком проста. У гениев все не так, как у обыкновенных смертных, – а мы гении!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 15 октября 1861г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Высечено: «Мысль изреченная есть ложь». Как частный вариант этой истины можно сказать, что мысль, изреченная по-русски, иррациональна. Даже сама по себе рациональная мысль в устах русского приобретает иррациональную окраску. А это, из-за несоответствия формы и содержания, приводит к худшему виду иррационализма, к иррационализму вульгарному, плоскому, или, короче говоря, просто к глупости. Но именно из-за принципиальной иррациональности нашей языковой культуры сциентизм и пустил такие глубокие корни на русской почве. Обращение к западной схеме мышления – это результат

смутного осознания ирреальности нашего словесного мира, его вторичности. Русский позитивизм – это вульгарная попытка окончательной «филологизации» национальной сущности, уничтожения ее тайны за счет словесного выражения... Русские по своей природе слабые мыслители, так как уже сам наш язык – язык глубоко «недоказательный». Слова путаются, мысли ветвятся и растекаются по дереву. Хочется говорить кратко и ясно, «по-немецки». Но в результате получается одна «афористичность». Хочется «вырубать монументы», но перед скульптором не гранит и не мрамор, и даже не известняк, а дикий мед, в котором беззвучно тонет резец. Мед этот можно крошить сотами «афоризмов». И только» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Поэтому-то лексема «мыслитель» и не вызывает в подсознании русскоязычных челядишек вообще никаких ассоциаций с интеллектуальной деятельностью. Тем более что и сама иностранная лексема «интеллект» принципиально не может вызывать в их подсознании никаких ассоциаций. На это указывает и отсутствие в русском языке каких-либо исконных (не заимствованных) лексем, связанных сугубо с интеллектуальной деятельностью.

И даже поэзия в русской ЯКМ вообще не связывается с интеллектуальной деятельностью и является всего лишь продуктом бессознательного (стихийного) наития, а вовсе не осознанного (сознательного) творчества. Ведь, неспроста же слова «стих» и «стихия» в русском языке являются однокоренными. Любое творчество, как и искусство, не относится в русской ЯКМ к естественным явлениям а, поэтому-то, и презирается русскоязычными людьми как сугубо искусственное (неприродное) явление. К тому же и в таком, в общем-то, вполне безобидном вопросе: «Что ты там опять натворил (укр. «накоїв»)»? тоже, ведь, бессознательно проявляется негативная коннотация лексемы «творить».

С лексемой же «ум» (укр. «розум») ассоциируются в подсознании не только лексемы: «умный» и «умник», но и относящиеся к производственной деятельности лексемы: «уметь» (ст.-слав. «оумѣти»), «умение» (ст.-слав. «хытрость») и «умелый» (укр. «вправний»):

«Праслав. *uměti связано с ум» (Этимол. словарь Фасмера).

Очевидно, для подсознания русскоязычного человека внутренние формы лексем «умный» и «умелый» являются тождественными. И, следовательно, умный человек – это, прежде всего, умелый человек, и в том числе, даже всего лишь умеющий вести себя адекватно сложившимся обстоятельствам. Поэтому-то в русской ЯКМ умный человек – это и не обязательно человек, обладающий интеллектуальными способностями:

«Беда, когда ум есть только стремление, а не сила. В самом деле, есть умы только стремящиеся и есть умы действующие. Одни захватывают себе огромное поле, которое не в состоянии возделывать; другие довольствуются небольшим участком, но разрабатывают его со всех сторон. Первые со своею гордостью похожи на завоевателей обширных пустынь, которые, ничего не производя, никому не нужны; вторые подобны мудрым правителям укромных уголков земли, где царствуют изобилие, порядок и благоденствие... Удивительно странен наш русский ум! Он с чрезвычайною легкостью усваивает себе летучие идеи времени и часто умеет высказывать их так ловко, с видом такого убеждения, как будто они были его собственными. Эта восприимчивость, соединенная с большою живостью его

натуры, мешает ему углубиться в то, что он сгоряча принимает за непреложную истину, мешает ему быть самостоятельным и твердым. В нем все как-то легко, ненадежно, непрочно; чувствуешь, что то, что он сегодня принимает и отстаивает с жаром, скоро перестанет занимать его, что оно не пустило в его сознании глубоких корней и что он так же скоро охладет к принятому, как скоро привязался к нему» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 24 ноября 1839г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml; Т. 3, 12 ноября 1866г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Самая русская черта в Пушкине, – его литературная одаренность. Самая нерусская – его ум (отмечаемый всеми современниками). То, что он вообще был умён, это уже редкость, но при этом он был умён не как русский. Умные русские люди склонны к истерическим взбрыкам (Достоевский) или быстро теряют достоинство и самоуважение (Розанов). Русский интеллект это эксцентрика, находчивость, умение встать на чужую точку зрения, неожиданные повороты и импровизации, но также, как это ни парадоксально, крайнее доктринёрство, приводящее к социальной конфликтности. У Пушкина были состояния помрачения рассудка (без-умия, когда разум просто «отключается»), но сам ум его был трезв и соразмерен. Он прожил жизнь шалопая (выражение Бенкендорфа), обычную для русских и типичную для любого поэта. Но мыслил он удивительно ясно. Пушкинский ум был исключителен не своей мощью и интенсивностью (этого не было), а своим строением и настроем. Взвешенностью, мерой, ироничностью, – иногда злой, но не в той степени, когда эмоции начинают преобладать над рациональным анализом...» (Дмитрий Галковский, «Что необходимо знать о Пушкине», <http://galkovsky.livejournal.com/262681.html?media>; <http://cehov.info/2017/11/15/o-pushkine/>);

«Симпатичный шалопай – да это почти господствующий тип у русских» (Василий Розанов, «Опавшие листья», <https://unotices.com/book.php?id=69674&page=39>);

«Русский ум всего ярче сказывается в глупостях» (Василий Ключевский, «Из записной книжки», Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, <http://sadsvt.narod.ru/kluch1.html>);

«Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью...» (Отто фон Бисмарк, <http://citaty.info/man/otto-fon-bismark?page=2>);

«Вопрос «что делать?» бессмыслен, потому что можно делать все. И, следовательно, ничего... С внерациональной позиции ответ прост: «Ничего не делать!». Русские самый бездеятельный народ. Чем умнее европеец, тем он активнее, деятельнее. У русских «делание» – синоним глупости. Идеал русского – чисто созерцательное отношение к миру. Достоевский писал в черновиках «Бесов»: «Нечаев глуп... глупый-то и сделает. Умные только скитаются, а чтобы быть деятелем, надо непременно хоть с одной какой-нибудь стороны быть дураком». Это очень русская мысль. Русское сознание – это трансформация

наоборот Ленинградской симфонии Шостаковича: мелодия души, истекающая в реальность сатанинским ритмом...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум» (Русская народная мудрость);

«В эти же времена (XVI в., – П.Д.), кстати, впервые на Руси слово «глупый» («холопáй» – холуй; словен. «hlāp» – болван; р.-исл. «glópr» – идиот; ст.-слав. «хлапъ» – мальчик <незрелый мужчина>, русск. диал. «глúпой» – «неспелый [плод]», – Фасмер) употребляется в положительном значении. Иван Вишенский в своем трактате «Зачапка мудраго латынника з глупым русином» уверяет не только, что «латынского языка вседушне дьявол любит», но и что «глупым» быть хорошо (точнее комфортно, – П.Д.). «Глупый» у Вишенского, конечно же, означает не современное «дурак». Слово употребляется в смысле, хорошо знакомом россиянину по сочинениям графа Льва Толстого, где «глупость» – это умение знать истину без рассуждений, превосходить ее умозрительно и не нуждаться в рациональных способах ее узнавания. Так (только у Толстого, конечно) знают истину те, кто (являясь недорослем – психическим инфантилом, – П.Д.) не хочет «умствовать» и рассуждать...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=63);

«...имейте в виду и расскажите своим друзьям. Вы живете не на внутренней поверхности шара. Вы живете на внешней поверхности шара. И таких шаров еще множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых – гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее...» (Аркадий и Борис Стругацкие, «Обитаемый остров», <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=4567&page=54>);

«В Москве людей нет, всё люд глупый, жить не с кем... Землю сеют рожью, а живут всё ложью... Глупостью мир удивляют...» (Князь Иван Хворостинин, «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России», ок. 1619 – 1624, <http://novayagazeta.spb.ru/articles/11894/>);

«Осуждены мы навсегда делать глупости или они составляют только одну из переходных ступеней нашего развития? Ведь вот до сих пор случалось так, что даже из всего, что мы возьмем у других, мы непременно выберем самое худшее и спешим его усвоить себе так, как будто оно составляет единственную важнейшую сторону вещей. Встретимся мы с разными улучшениями и благами внешнего быта – мы непременно позаимствуем от них всякие излишества, блески, чрезмерную роскошь и начнем с невероятною быстротою проматывать достояние наше и отцов наших. Научимся мы иностранным языкам – мы прежде всего прочтем на них самые пустые или забористые статьи и начнем болтать на них всякий вздор, забывая свой родной язык. Поедем ли за границу – вместо того чтобы лицом к лицу ознакомиться с плодами и успехами чужой образованности, мы постараемся побывать там прежде всего во всех притонах иноземного

разврата, проиграться до последней нитки в каком-нибудь Бадене или Висбадене да провезти контрабандою несколько запрещенных книг или вещей, чтобы потом с гордостью сказать дома своему приятелю: «Ну, брат, продулся я в Париже» или там-то и там-то. Поедут наши юноши за границу с благою целью учиться – они начнут с того, что окрикут и обругают тамошних профессоров, а кончат тем, что, возвратясь домой, станут с видом всемирных гениев и знатоков повторять поверхностно схваченное и вовсе не переваренное знание, заимствованное у этих же профессоров, – и на том застынут...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 13 июня 1865г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Портрет этот (русскоязычного людишки из типичного русского города Глупова, – П.Д.) производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит исключительно им одним. Издали может показаться, что это люди хотя и суровых, но крепко сложившихся убеждений, которые сознательно стремятся к твердо намеченной цели. Однако ж это оптический обман, которым отнюдь не следует увлекаться. Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа, которые ломают вперед, потому что не в состоянии сознать себя в связи с каким бы то ни было порядком явлений... Если бы, вследствие усиленной идиотской деятельности, даже весь мир обратился в пустыню, то и этот результат не устранил бы идиота. Кто знает, быть может, пустыня и представляет в его глазах именно ту обстановку, которая изображает собой идеал человеческого общежития?.. На лице его не видно никаких вопросов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то солдатски-невозмутимая уверенность, что все вопросы давно уже решены. Какие это вопросы? Как они решены? – это загадка до того мучительная, что рискуешь перебрать всевозможные вопросы и решения и не напасть именно на те, о которых идет речь. Может быть, это решенный вопрос о всеобщем истреблении...» (Михаил Салтыков-Щедрин, «История одного города», <http://www.klassika.ru/read.html?proza/saltykovshedrin/istoria.txt&page=31>);

«Глуповский градоначальник Дементий Варламович Брудастый имел уникальную анатомическую особенность: у него внутри совершенно пустой головы, в уголке размещался небольшой органчик, который мог исполнять две пьесы – «Не потерплю!» и «Разорю!». Головы тех, кто живет в путинском телевизоре, устроены еще проще: внутри каждой из них расположен там-там, по которому беспрерывно лупит находящаяся там же, внутри черепа, колотушка. В рабочее состояние колотушку приводит вид направленной телекамеры или запах поднесенного ко рту микрофона. Часто там-тамчик начинает звучать, войдя в резонанс с другим там-тамчиком, находящимся неподалеку. Когда в студии находятся несколько там-тамчиков, звуки, которые они все вместе производят, вызывают в аудитории немотивированную агрессию, стремление немедленно начать войну и искоренять внутреннюю измену, прямо не выходя из студии...» (Игорь Яковенко, «Медиафрения:

Общество русской мракобесности», <http://www.kasparov.ru/material.php?id=574D3647923DC>);

«Да, это наше исконное: упростить, оглушить, отделить «чистых» от «нечистых» – и разоблачить. Содержание неважно. Наш метод столь универсален, что разбираться, в сущности, не нужно: чужой – значит враг. Упростители, писал Достоевский, стремятся не столько разобраться в сложном явлении, сколько поскорее произнести приговор над ним, чтобы тоже поскорее успокоить себя и других...» (Игорь Гарин, «Химерический реализм, или блаженный идиотизм», <https://www.proza.ru/2014/09/03/756>);

«Но не следует забывать, что глупость – это не только отсутствие ума, но что это такой ум. В глухие и темные годы мировой истории лучше всех низменные интересы людей, стоящих у власти, могут удовлетворять именно дураки, ничтожества и мерзавцы. В глухие и темные годы истории расползаются по земле тупые и самонадеянные гады и правит миром торжествующая бездарность» (Аркадий Белинков, «Юрий Тынянов», <https://www.litmir.me/br/?b=122179&p=112>);

«Глупость всегда была и будет в фаворе у бюрократического аппарата, где высоко в цене беспрекословное послушание, готовность исполнять не рассуждая. Чиновники не только не видят в глупости угрозы для себя, но и пытаются использовать ее преимущества каждый на свой лад. В итоге глупцы, пользуясь невероятным спросом, добираются до высоких чинов. У глупости два чина: дурак и дурачина. Тем не менее, как писал Гельвеций: «Когда глупец занимает должность, с ним обращаются как с гением»...» (Пётр Ковалёв, «Качества личности // Глупость», <http://podskazki.info/glupost/>);

«Не случайно многие мудрецы сетовали, что Бог был несправедлив, ограничив возможности человеческого ума и не ограничив масштабы человеческой глупости: «для гения существуют границы, а для дурачества – нет». Есть даже такое выражение: «Знание – сила, глупость – мощь!» Прожив значительную часть жизни при тоталитаризме, мне часто казалось, что человеческая глупость дает представление о бесконечности. Впрочем, наша «демократия» тоже продемонстрировала, что в отличие от Вселенной, глупость человеческая беспредельна: «Мудрость существует в единственном числе и имеет точные границы, а глупостей – тысячи и все они безграничны» (Генрих Гейне). Гитлеризм, сталинизм и нынешняя наша «демократия» были бы в принципе невозможны, не будь вокруг столько дури или задурености. Впрочем, еще Артур Шопенгауэр заметил: то, что людьми принято называть судьбою, является, в сущности, лишь совокупностью бесконечного ряда учиненных ими глупостей и бесчинств. Универсальность слова «дурак» и уникальность слова «умный» подтверждают даже русские народные сказки, в которых дурак умнее всех...» (Игорь Гарин, «О величии и ничтожестве», <https://www.proza.ru/2015/06/30/1562>).

Лексема же «разуметь» («разумѣти», – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/ss5/ss5-0071.htm>) воспринимается подсознанием русскоязычного человека аналогично лексеме «разучиться», то есть, как перестать уметь что-

либо делать. Возможно, поэтому она и была легко вытеснена лексемой «понимать» и стала анахронизмом, употребляемым преимущественно в смысле подразумевать, а не понимать.

В отличие от укр. «розум» русский «разум» не связан с аналитическим мышлением, так как патогенная русская ЯКМ, вообще, не формирует бессознательные лингвопсихические установки, побуждающие человека анализировать что-либо воспринятое и лишь поверхностно познанное им:

«Русские не способны глубоко мыслить, анализировать и делать глубокие обобщения. Они воспринимают все явления слишком поверхностно (по-детски, – П.Д.), слишком конкретно, они не видят факты в их последовательности, в их связях, они не способны думать, обобщать и абстрагироваться. Для них каждый случай – только случай, как бы часто он не встречался. Они говорят: «Лучше меньше, да лучше», «Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым и больным» (Мнения «нерусских» о русских, – Николай Чукин, «Россия и ее выбор», http://zhurnal.lib.ru/c/chuksin_n_j/russia9.shtml);

«Мы видели, что недостаточная дифференцированность личности отсталого ребенка равняет его с нормальным ребенком более младшего возраста, а, как известно, конкретность и примитивность мышления составляют отличительные свойства младшего возраста. Трудности, которые обнаруживает слабоумный ребенок в области абстрактного мышления, сохраняются, однако, и в том возрасте, когда нормальный ребенок уже оставляет позади себя конкретность и примитивность мышления. Конкретность мышления слабоумного ребенка означает, что каждая вещь и каждое событие получают для него свое значение, т. е. определенную ситуацию. Он не может выделить их как самостоятельные части независимо от ситуации. Поэтому абстрагирование, т. е. образование группы и обобщение ее на основании известного существенного родства между предметами, крайне затруднено у ребенка. По своей сути абстракция требует некоторого отграничения от ситуации, которая целиком связывает отсталого ребенка. Особенно трудны для него обобщения, требующие наибольшего отвлечения от ситуации и располагающиеся в связях фантазии, понятий и ирреальности» (Л.С. Выготский, «Проблема умственной отсталости», <http://psixologiya.org/specialnaya/umstvennaya-otstalost/1623-problema-umstvennoj-otstalosti-ls-vygotskij.html>);

«Некоторые исследования обнаружили наличие когнитивного дефицита (например, ослабление способности к абстрактному мышлению, повышенную селективность внимания) у депрессивных и суицидальных пациентов...» (А.Т. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери, «Когнитивная терапия депрессии // Концепция когнитивной триады», <https://i-cbt.org.ua/wp-content/uploads/2017/11/Когнитивная-терапия-депрессии.pdf>; <http://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/tpft/data/WOLG%20%23%202/bookchap/978531800689.html>; <https://syntone.ru/article/kognitivnaya-terapiya-depressii/>);

«Прежде всего, следует хорошо осознать то обстоятельство, что слабое развитие способности к абстрактному мышлению в медицине принято увязывать с теми или иными нарушениями высшей нервной деятельности, обобщенно обозначаемыми как

интеллектуальная неполноценность (синонимы: слабоумие, деменция) и характеризующимися 3-мя степенями выраженности: дебильность, имбецильность, идиотия. Дебильность проявляет себя практически во всех сферах русской социальной жизни. Наиболее значимые её последствия существуют в области отношения русских к закону как таковому. Центральной мыслью любого «правильного» русского мышления является твёрдая уверенность в том, что закон создан лишь для того, чтобы запретить плохим людям делать плохие дела. Из этой центральной установки автоматически, как легко можно увидеть, следует вывод: «А раз я и мои знакомые все являются, без сомнения, людьми хорошими, то закон писан не для нас!» Отсюда легко следуют и все особенности русского делопроизводства – т.е. вот та вся «русская бюрократия», весьма отличающаяся от бюрократии, скажем, немецкой, – столь часто ставящие иностранцев в тупик. Если целый этнос проявляет не просто задержку в культурно-историческом развитии, но и широко распространённое в популяции снижение способности к оперированию абстрактными понятиями как таковой, то в таком случае практически однозначно следует, что причиной распространённости этой сниженной способности являются нарушения генетические (очевидно, всё же преимущественно лингвопсихические, – П.Д.), накопленные в популяции (прежде всего в пережиточной русской ЯКМ, – П.Д.) в ходе локальных эволюционных процессов и экспрессируемые, в полном соответствии с законами популяционной генетики, с устойчивой частотой во всех поколениях. В 21 веке нарушений психической сферы вообще и интеллектуальной в частности у населения «обновлённой» России стало намного больше: Умственная отсталость увеличилась за период 1994–1999 гг. на 76%, психозы – на 30,3%. Заболеваемость подростков с 1994 по 1999 гг. увеличилась соответственно с 405,6 до 549,5 на 100.000 подросткового населения, в том числе с 257,7 до 349 – по расстройствам не психотического характера, и с 53,6 до 84,8 – по умственной отсталости...» (Валентин Спицин, «Заройте ваши денежки», <https://www.proza.ru/2015/07/14/1864>);

«...если народ идиот, то чего от него можно требовать? Ты ж не пытаешься объяснить дебилу, как устроен двигатель внутреннего сгорания. Зачем? Он же всё равно не поймёт! Олигофрену нет смысла рассказывать о правилах приличия (где приличия, а где олигофрен?!). К анацефалу бессмысленно приставать с фразой «включи мозги!» Что он включать будет, если ему включать нечего? С народом то же самое. Если народ что и задумает, то до ума никогда ничего не доведёт. Потому, что задумать не сможет и что такое ум – понятия не имеет. А вот если ему какую-нибудь морковку покрасивше показать, тут он точно подскочит и помчится куда сказали: хоть за Геббельсом, хоть за Фиделем, хоть последнюю иголку у Горыныча отымать: «Иголка у Горыныча в яйце!». Нормальный бы человек переспросил: «Точно в яйце? Почему в яйце? С каких это пор иголка в яйце бывает? Может, просто метафора и речь об урологии?» Но то нормальный человек. А народ ничего такого спрашивать не будет: пойдёт, всё тридевятое царство поломает, Калинов мост снесёт, рыбу в речке Смородине отравит, Фролке-сидню (у бедного Фролки ДЦП было, видимо) морду начистит, всё горынычево хозяйство (утка, заяц, сундук) пропъёт, потом вернётся, скажет: «Три-Девятое-Царство-Наш!». И, понятное дело, вернётся без иголки. Ну, идиот, что с него взять! Может, еще и лучше, что без иголки, не хватало острое ему в руки давать! И

сам поранится и тем, кто вокруг, разбежаться придётся. Пускай лучше так сидит и мечтает. А мечтает идиот постоянно. И ещё ему надо верить во что-то хорошее. Плохое у него и так на каждом шагу, а хорошего душа требует. Мозги – нет, мозги как раз ничего не требуют и сами не требуются, а вот душа у него хоть и вспыльчивая, но нежная...» (Phil Suzemka, «Идиот», <http://worldcrisis.ru/crisis/2622971>; <https://republic.com.ua/article/45393-esli-narod-idiot.html>; <https://granelli.ru/file/fil-suzemka-zhzh.html>).

В дефицитарной русской ЯКМ такие понятия украинской ЯКМ как «смысл» и «сенс» вообще не различаются:

«Как можно видеть, оба слова (укр. «смысл» и укр. «сенс», – П.Д.) этимологически содержат и «мнение», и «ощущение». Иногда они могут использоваться параллельно: «смысл» бытия и «сенс» бытия, скрытый «смысл» и скрытый «сенс». Но оба они имеют свои особые области значения, где (в укр. ЯКМ, – П.Д.) не взаимозаменяемы. «Смысл» не употребляется там, где речь идет о разумных основаниях чего-либо: иметь «сенс», в этом есть «сенс». А «сенс» не употребляется там, где речь идет о представлении, понятии, понимании чего-либо: вкладывать «смысл», исторический «смысл» там, где речь идет о смысловой нагрузке, смысловых оттенках, осмысленных действиях» (Максим [Видайчук Т.Л.], «Значення, зміст, сенс, смысл, суть», <https://ua-etymology.livejournal.com/276521.html>; http://centrkum.blogspot.com/2017/10/blog-post_18.html; <http://centrkum.blogspot.com/2017/10/studiap.kubg.edu.ua/index.php/journal/article/.../238/222>).

В то время как понятие «разумный человек» в русской ЯКМ сводится лишь к способности человека поверхностно воспринимать что-либо, то понятие «разумное поведение» – к избеганию им любой ответственности. В соответствии с примитивным мировосприятием русскоязычного человека для того, чтобы что-либо было «разумным», ему вполне достаточно всего лишь иметь какой-либо простой смысл:

«В синодальном переводе Библии словом «разум» (3Цар.4:29; Иез.28:4) переводят то, что на церковнославянский переведено как «смысль»; «Разум позволяет людям обретать нравств. понятия. Именно наличием разума человек отличается от «неразумных животных» и поэтому может господствовать над ними (Быт 1:28; ср. Пс 48:21). Т.о., разум – это духовная (а не интеллектуальная, – П.Д.) сущность человека, он дает человеку способность искать ответы на вопросы бытия. Разум – это вместилище человек. мыслей и планов. Разум и разумение человек получает от Бога (Исх 31:3; Иов 32:8; 3Цар 4:29). Библия нередко воздаёт хвалу разумному поведению (1Цар 25:3; Притч 1:4; 17:27; 19:14; 23:12; 28:2)» («Библейская энциклопедия Брокгауза // Ум, разум...», <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/4135>);

«2) Везде, где есть душа, там есть и ум, так же как там, где есть жизнь, там есть и душа. Но у тварей бессловесных душа есть чистая жизнь, лишённая ума. Ум есть добродетель только человеческих душ, он их ведёт к их Благу. У животных он действует сообразно их природе (Скотт; в согласии с особым видом инстинкта, присущего каждому виду животных), у человека же – в противоположном направлении (Скотт: действует

вопреки природному инстинкту)... 4) Напротив, души человеческие, не имеющие ума как поводыря, находятся в том же состоянии, что и души тварей бессловесных. Ум оставляет их плыть по течению желаний, которые насильно увлекают их приманкой вожделений к безрассудному, как тварей бессловесных. Отвращение и вожделение, одинаково слепые, предадут их злу так, чтобы они никогда не насытились в своих пороках...» (Гермес Трисмегист, «О всеобщем уме», <http://rukopisi-ne-gorjat.narod.ru/germes2.htm>);

«Вот всего 3 слова, часто встречающиеся вместе: мудрость, разум, ум. Для нас «ум» и «разум» – одно и то же, «мудрость» – это когда «много разума». Кажется, что соавторы Слова употребляют их одно за другим, чтобы не повторяться. На самом деле, словарь Даля говорит нам, что мудрость – это «соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины». (То, что мы сегодня имеем в виду – это мудрость бесовская). По Далю, «ум – способность мыслить». «Разум – духовная сила, могущая помнить, судить и заключать». «Есть умные животные, но разумен только человек». Так ли мы понимаем эти слова?» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

И с чем же тогда их ассоциирует подсознание русскоязычного человека?

Ведь такого понятия, как укр. «тяма» – способность детально анализировать и осмысливать что-либо («здатність осмислювати що-небудь; кмітливість, тямущість; розум», – «Укр. тлум. словник», <http://sum.in.ua/s/tjama>), в русском языке вообще нет. Так как укр. «тямити» переводится не как – «понимать что-либо», а «разбираться в чем-нибудь», то слово-оборотень «понятливость» отнюдь не соответствует ему:

«Одним из признаков инфантилизма психологи считают уверенность человека, что его не понимают – причём не понимают вопреки ясности произносимых слов. Не понимают по глупости, со зла, от греховности или невнимательности, – неважно... Трагично, что в русском языке «понятливость» есть слово-оборотень, обозначающее именно отказ от понимания, рассуждения и решимость выполнить непонятный приказ, коли уж он исходит от кого-то очень важного или (и) очень опасного... Тоталитаризм насаждает понятливость в русском значении слова... «Я Вас понял» – «Я Вас разобрал на части и выкинул» (Свящ. Яков Кротов, «Свойства без человека // Понятливость и понимание», <https://yakov-krotov.livejournal.com/1198048.html>; <https://podskazki.info/ponyatlivost/>).

К тому же и внутренняя форма слова «разбираться» (разобраться в чем-нибудь), вообще, не ассоциируется с интеллектуальной деятельностью, так как соответствует лишь бездумной разборке на части чего-нибудь:

«Мысль... в первых своих приемах всегда неизбежно имеет разлагающее свойство: самая этимология слов «рас-суждать», «раз-бирать» показывает, что она необходимо начинается с анализа, с разъятия предмета на части. К этому надобно прибавить еще другую характеристическую черту: мысль всегда, непременно является в бесчисленных формах, высказывающих о предмете или различные, или противоположные суждения, – истину или ложь, всего чаще истину с примесью лжи или ложь с примесью истины. Ложь составляет

такую же необходимую, органическую принадлежность мысли, как истина, и чем разнообразнее и полнее выражается и та и другая, тем больше, лучше выясняется предмет» (Кавелин, 1859, цит. по: Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-292.html>).

Да и укр. слову «отямитися» лишь весьма условно ставятся в соответствие такие русские понятия, как «прийти в себя» и «опомниться». Как видим, в русской ЯКМ для того, чтобы вернуться к нормальному состоянию, достаточно начать воспринимать окружающую действительность лишь осознанно, а не разумно. Поэтому-то украинскому «нема тями» в русском языке ставится в соответствие «нет сознания» или же «нет чувства», вместо «нет ума» (укр. «нема розуму»), несмотря на то, что в украинском языке «нема тями» означает почти то же самое, что и «нет ума».

Лексема «думать» фактически тождественна лексеме «мыслить» (укр. «думка» – мысль). И прежде всего она означает – «концентрировать свое внимание на чём-либо» или же «предполагать что-нибудь (гадать, угадывать)». На это указывает и бывшее значение слова «вніманне» – «мнение, суждение, догадка» («Зведений словник застарілих слів», <http://storinka-m.kiev.ua/article.php?id=213>).

С другой стороны украинскому слову «заманеться», означающему всего лишь захочется (вследствие появления бессознательного желания), как правило, ставится в соответствие русское слово «вздумается». Это ещё раз указывает на то, что в русской ЯКМ слово «думать» относится к сферам подсознания и чувств, а вовсе не к сферам сознания и разума. Конечно же, на уровне сознания мы можем и не отождествлять лексему «думать» с «роем мыслей», но в нашем подсознании это тождество все равно сохранится:

«Чтобы жить, в современном мире думать уже не обязательно. Можно делать, как говорят, и будет неплохо. Можно жить чувствами, вообще без головы, и во многих ситуациях этого будет вполне достаточно... Люди не всегда живут головой, по крайней мере, многие женщины вне пределов работы, большую часть своей личной жизни живут, в малой степени думая и в большей степени руководствуясь своими чувствами. Однако, если и когда человек живет головой, как часто человек при этом думает? И что это такое, думать? Включать голову – еще не значит думать. Думать – это не просто пользоваться умом. Люди с включенным умом часто довольствуются прошлыми решениями, привычными конструкциями ума, специально не обдумывая настоящую ситуацию. Уметь думать, уметь обдумывать – это уметь включать голову в активный (внимательный) режим, начинать действовать осознанно, учитывать последствия и делать выводы. Думать – это, включив ум и внимание, активно и самостоятельно решать жизненные или ситуативные задачи. Как много люди думают? Думают люди не всегда, некоторые – не часто. Специальные исследования, посвященные вопросу «как часто люди думают», нам неизвестны. Согласно экспертным оценкам в процессе естественного наблюдения, большинство людей действует чаще на основе автоматизмов и думает едва ли более 5% времени. Как понять, думает человек или нет? В первую очередь – по выражению глаз. Когда люди включают голову, у них появляется особый, внимательный и осмысленный взгляд, его вполне можно заметить.

Дополнительным признаком является качество коммуникации и деятельности. Бесцельная болтовня и безадресные, не служащие ничему переживания – признак бездумности. Точные и глубокие вопросы, качественный анализ происходящего, адекватные выводы – признак того, что человек думал и умеет думать. Что включает, что запускает голову, которая начинает думать? Тут многое неясно. Ясно то, что думать – это тоже умение, которое можно и нужно развивать. Развитие умение думать – это привычка думать целесообразно, только про то, что нужно, и так, как нужно: позитивно, конструктивно, ответственно. Это умение грамотно распорядиться своими ресурсами, организовать свое мышление, память и внимание. Это умение помнить все что нужно, не отвлекаться, изобретать... К сожалению, умение думать в малой степени развивается в школе и даже в вузах, соответственно многие люди думать толком не умеют. Более того, когда их голова работает сильно криво, достаточно удачным (иногда) решением оказывается «отключить голову и пользоваться в большей степени автоматизмами и чувствами». Рекомендация «отключить голову» среди части психологов является очень распространенной, однако делать это жизненной стратегией и учить себя жить бездумно, без головы – едва неправильно. Правильнее все-таки – учиться думать!» (Николай Козлов, «Энциклопедия практической психологии // Что такое – Думать? А вы этим занимаетесь?», <http://www.psychologos.ru/articles/view/dumat>);

«В гимназиях, например, набивают головы детей бесчисленным множеством предметов, то есть имен и цифр, без всякого смысла и сознания цели, куда это и к чему поведет. Да и теперь еще не решен знаменитый спор: быть ли гимназиям классическими или реальными? А педагогика наша с новыми теориями, взглядами и проч. пришла, наконец, в такое состояние, что решительно всех запутывает, как и чему должно теперь учить. Во всем этом классическом один хаос. А между тем материалистическое и нигилистическое направление растет в юношестве и грозит приготовить из него дурных людей и дурных граждан. Но какое кому до этого дело!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 3 октября 1865г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«В этих условиях и заботы об инфраструктуре, и образование, и распространение полезных сведений об усовершенствованиях и изобретениях – все падало на плечи правительства. Но правительственная опека, заменяя ту деятельность, которая должна была бы осуществляться обществом и которой неразвитое общество осуществлять не желает, не развивает в этом обществе «самостоятельной и последовательно-прогрессивной мыслительности», не воспитывает «интеллектуальной способности и стремительности к самостоятельной рациональной инициативе в тех или других вопросах умственной жизни России. Отдадим Щапову справедливость: о подавлении инициативы он не говорит и, по-видимому, не думает, поскольку сам расценивает общество очень низко. Но как вырваться из этого порочного круга? Правительство виновато в том, что народообразовательная система опеки имела существенной своей задачей не свободное развитие русской мысли, а согласное с видами и намерениями правительства направление и регулирование ее», что обусловило казенный характер соответствующих учреждений. Вреднее всего сказывались «боязливый дух» этой опеки с хроническими реакциями и непоследовательность, которая мешает

органическому росту. Отдельная беда – цензура, враждебная философскому умозрению, которое было так необходимо народу, воспитанному в вековой школе физической работы. Цензура вывела из области общественной дискуссии множество тем – как естественно-научных, так и социологических. Правительственный запрос на физический, материально-производительный труд народа привел к тому, что низшим сословиям было отказано в праве на интеллектуальное развитие, в превращение «из допетровского невежественно-рабочего класса в класс образованно-рабочий, естественно-научно работающий и мыслящий...» (Алексей Любжин, «Старый спор», http://www.academia.edu/16737974/1-2015_Lubzshin; <https://cyberleninka.ru/article/n/staryy-spor> – краткое изложение с комментариями монографии Афанасия Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», <http://anatoligreen.dreamwidth.org/32679.html>);

«Когда теперь припоминаю тогдашний Петербургский университет, то так и руки опускаются. Ведь, действительно, никакое самостоятельное развитие не было возможно. В преподавании не было ничего серьезного: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессоров, да и сам профессор преподавал по тетрадкам, им же зазубренным во время оно. Да и теперь, по слухам до меня дошедшим, не много лучше. Да что ж это за напасть такая, что нам наука не дается? А вот в чем загадка: законодательствуйте, сколько хотите, но ничто вам не пойдет впрок, если вы идете наперекор народному духу. Для русского свежего практического народа надо бы преподавание ограничить предметами первой необходимости, практически-полезными для государственной жизни, например, восточными языками, науками физико-математическими, медициною и чем еще? Юриспруденцией? Ну, тут, кажется, надо еще немножко подождать, когда у нас будут законы, а то из чего же хлопотать? Какое тут законоведение, когда вы не уверены, что вчерашний закон не будет завтра же отменен?» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Если рейтинг новостей запредельно высок, то это означает, что «дно тупости» уже достигнуто. Ведь публика обожает однозначность. Особенно российская. Она умеет быть благодарной тому, кто избавляет ее от мерзкой необходимости думать. Уже избавлено порядка 88%, и эта цифра все растет. Виртуальный пещерно-черносотенный мир оказался для них очень уютным местечком. Во всем этом нет никакой трагедии и никакого посягательства на личность. Ведь если мировоззрение человека сформировано телевизором, это значит, что его никогда у него и не было. Конечно, все это мешает населению осознавать реальность, но она интересует народ примерно так же, как вкус пармезана. То есть вообще никак. Более того, реальность по самой своей природе штука русофобская и антигосударственная. Ей и не должно быть места в России, а нетерпимость к ней должна стать обязательной чертой истинного патриота. Смущает только то, что еще не везде и не во всем над ней одержана победа. К примеру, в вопросе об абсолютной самобытности и уникальности «русского мира», «русской цивилизации» нет-нет да и покажется мерзкое рыло реальности, способное попортить всю красоту патриотической картины...» (Александр Невзоров, «Вкус кала», https://censor.net.ua/resonance/298956/vkus_kala;

<http://www.snob.ru/selected/entry/79864>; <http://www.3republic.org.ua/ru/recommend/13950>);

«Закон пропаганды прост: чем тупее особь, тем сильнее на неё воздействует пропаганда. Причем убийственная сила пропаганды уже исчислена математически. Американский экономист Дэвид Янагизава-Дротт, исследовавший знаменитый африканский геноцид тутси против хуту, показал, что в тех местностях, где лучше принималась радиопрограмма, призывавшая убивать тутси, уровень убийств выше до 70%, чем в радиотени. Под воздействием радио-башен мужья хуту убивали своих жен тутси, матери резали детей, рожденных от «врагов народа». И не нужно для этого никакого загадочного излучения от братьев Стругацких. Достаточно какого-нибудь кости эрнста. Понимаю, что ты не виновато. Гены (и лобные доли полушарий коры головного мозга, «созревшие» под влиянием бессознательных лингвопсихических установок быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.) пальцем не исправишь, и если уж родился (точнее, вырос, – П.Д.) дураком, так и будешь всю жизнь хлебать телебаланду. Однако наука говорит, что лишь 80% наших способностей определяются генами. А на 20% можно попытаться улучшить себя тренировками. Попытайся уцепиться за эту мысль...» (Александр Никонов, «Открытое письмо к быдлу», <https://rufabula.com/articles/2014/12/23/open-letter-to-the-cattle>; http://www.infoorel.ru/forum/forum_read.php?f=27&id=646880; Комментарии, тома 18, <https://echo.msk.ru/programs/oldmsk/1615332-echo/>; <http://blog.i.ua/user/2517430?filter=blog&p=8>);

«Думается, пропагандистская машина в России так славно работает только потому, что никто ни в чем не сомневается. Телезрители не удосуживаются ставить под сомнение то, что им показывают федеральные каналы. Работники федеральных каналов не сомневаются, что за содеянное им ничего не будет. Более того, они уверены, что «на самом деле» передают истину. Вероятно, и первым, и вторым не хватает фантазии. Для того чтобы засомневаться вдруг, необходимо предложить самому себе хотя бы один альтернативный вариант. Для того чтобы предложить хотя бы один альтернативный вариант, необходимо поднапрячься. Возникает вопрос: зачем? К чему сомневаться, если «на самом деле» все и так понятно. Если «на самом деле» есть люди, которые уже все сделали и решили за тебя. К чему колебаться, если «на самом деле» ничего не изменить, если «на самом деле», «на самом деле», «на самом деле»...» (Саша Филипенко, «Культура сомнения», <http://una-unso.com/politika/ny-odyn-normalnyj-chelovek-ne-smozhet-sushhestvovat-v-etoj-navoznoj-kuche.html>; <http://uargument.com.ua/novosti-dnya/v-rossii-ne-somnevayutsya/>).

«..Когда Буратино кинул в ямку на Поле Чудес пять золотых, в то, что вырастет дерево с монетами на ветках, верил только он один. А когда в Стране Дураков рассказывают, будто на Донбассе боеприпасы, танки и орудия сами собой появляются из ниоткуда, то в это должны верить все 140 миллионов дураков...» (Phil Suzemka, «Мичуринцы», <http://fakeoff.org/freak-show/michurintsy>; <http://suzemka.livejournal.com/>);

«До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя

сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?» (Аркадий и Борис Стругацкие, «Хищные вещи века», <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/fant/strugatskie/hischnye/03.html>).

Но как же может русскоязычный людишка научиться плодотворно думать – в смысле научиться использовать свои интеллектуальные способности, если дефицитарность необходимых бессознательных лингвопсихических установок русской ЯКМ не позволила ему развить критическое левополушарное мышление? И ежели тем самым эти интеллектуальные способности являются у него такими же примитивными, как и у малолетнего ребенка? Ведь вызванный бессознательными лингвопсихическими установками процесс формирования психической инфантильности является необратимым. Как гласит народная мудрость:

«Горбатого лишь могила исправит».

И, если же вы попросите такого недоросля «думать прежде, чем что-либо предпринимать или же делать», то он даже и не сможет понять, что же вы всё-таки от него хотите добиться. Он ведь и малейшего представления, очевидно, не имеет о том, что же это такое «думать», а не просто «мечтать».

Отсутствие любознательности у русскоязычных людей как следствие склонности их к психической гипердинамичности и фатализму

Отсутствие у русскоязычных людей, как желания думать, так и упорного стремления к познанию вызвано консервацией у них бессознательными лингвопсихическими установками патогенной русской ЯКМ не только детского – преимущественно иррационального восприятия действительности, но также и детской склонности к психической гипердинамичности:

«Нетрудно понять, что сенсорики и интуиты руководствуются в своих поступках непосредственным контактом с внешним миром, в то время как логики и этики отстранены от этой непосредственности. Функции логики и этики являются в этом смысле признаком особого, несколько «дистанцированного» (и, следовательно, менее эмоционально окрашенного, – П.Д) отношения к объектам внешнего мира, в связи с чем представителей этого типа Юнг назвал рациональными, а людей с преобладающей сферой сенсорики и интуиции – иррациональными. Почти все действия «иррационального» типа основаны на абсолютной силе восприятия и, следовательно, в высокой степени эмпиричны. Иррациональный:

- действует импульсивно, применяясь к ситуации;
- может начать сразу много дел, с трудом заканчивает их или не заканчивает вовсе;
- предпочитает быть свободным от обязательств и делает то, что предложит случай;
- любопытен, любит новый взгляд на вещи;
- работоспособность зависит от настроения, которое может меняться без видимых причин;

– часто действует без подготовки, рассчитывая на везение»

(Е.С. Филатова, «Соционика для вас», <http://udik.com.ua/books/book-542/>;
<http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18454/>);

«Гипердинамичный ребенок любопытен, но не любознателен. Он на все смотрит, но в результате ничего не видит. Если не заниматься его воспитанием (на не формирующей психическую инфантильность ЯКМ, – П.Д), он таким и останется: не глупым, но и не умным по-настоящему. Поверхностными будут его знания, рассуждения, умозаключения, ибо и в мыслях он торопится, ни на чем не задерживаясь. Хаос в голове гипердинамичного ребенка сродни хаосу в его карманах и портфеле, где в беспорядке перемешаны случайные и разрозненные предметы. Без должного воспитания он ограничится простыми вопросами «кто это?» и «что это?», «где?», «куда?» и «откуда?». Основополагающее «почему?» прозвучит, но гипердинамичный ребенок удовлетворится простейшими ответами, а вопросы «зачем?» и «что будет?» могут так и не возникнуть. В результате его ориентация сведется к поверхностным представлениям о предметах и людях, к упрощенному и конкретно заземленному знанию жизни, ограничится ближним пространством и суженной микросоциальной средой... Однако проявления синдрома, очевидные у ребенка уже на первом году жизни, при неправильном воспитании (или под влиянием бессознательных лингвопсихических установок патогенной русской ЯКМ, – П.Д) начинают сокрушительно сказываться как раз с 13 лет и старше, определяя в таком случае судьбу уже взрослого человека» (В.И. Гарбузов, «Нервные дети: Советы врача». Л.: Медицина, 1990, «Психический инфантилизм», с. 99, <http://practic.childpsy.ru/prophylaxis/books.php?ID=8225> ; <http://childpsy.ru/lib/books/id/8225.php>);

«У меня совсем нет потребности в потреблении искусства. Делать – да, но быть зрителем, читателем... Зачем? Никакого искусства РОССИИ не нужно совсем. Ну его. Искусство – «иди, я тебе что-то покажу». А русский не хочет смотреть. Он знает, что где-то там есть, и ему, как скупому рыцарю, «достаточно сознания сего». Пожалуй, ни у одного народа любопытство не пользуется таким неуважением. «Любопытный» это почти ругательство. «Ишь, прыткий какой»...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«У нас есть любопытство, но мы равнодушны к абсолютности, непреложности мысли. Или из черты детальности ума мы вместо специальности берем общие положения. Мы постоянно берем невыгодную линию, и у нас нет силы, идти по главной линии. Понятно, что в результате получается масса несоответствия с окружающей действительностью. Ум есть познание, приспособление к действительности. Если я действительности не вижу, то как же я могу ей соответствовать? Здесь всегда неизбежен разлад. Долг нашего достоинства – сознать то, что есть. А другое, вот что. Всегда полезно знать, кто я такой» («Лекции, прочитанные И.П. Павловым в 1918 году // Из лекции №2», <http://newan10.eto-ya.com/perechen-metodov-po-imeni-avtora/pavlov-ivan-petrovich/>).

Подавление жажды к познанию и невдумчивое поверхностное усвоение информации прививаются русскоязычному человеку с самого детства бессознательными лингвопсихическими установками его языковой картины мира. Соответствие украинскому слову «жадоба» русских слов «жажда», «алчность», «жадность» указывает на их былую синонимию а, следовательно, и на позитивность их прежних оценочных коннотаций:

«Что ты жадно глядишь на дорогу

В стороне от веселых подруг?

Знать, забило сердечко тревогу –

Всё лицо твое вспыхнуло вдруг»

(Николай Некрасов, «Тройка», <http://ilibrary.ru/text/1027/p.1/index.html>).

И сейчас ведь англ. «acquisitively» наиболее полно соответствует укр. «сприйнятливо, жадібно» – «восприимчиво, жадно, алчно». Однако же англ. «greedily», укр. «жадібно» – «алчно, жадно» со временем приобрело в русской ЯКМ смысл «непомерности, ненасытности»:

«ЖАДНО, нареч. 1. С жадностью, проявляя ненасытное, непомерное желание. Жадно ел. Цветы жадно поглощали влагу. Жадно я припал к волне. Лермонтов. 2. перен. С напряженным интересом, с большой охотой. Жадно слушали оратора. Жадно набрасываться на книги» (Толковый словарь Ушакова).

А укр. «жаданий» – «желанный, вожеленный», вообще, было переосмыслено в «жадный, скупой» и стало обладать в русской ЯКМ негативной оценочной коннотацией. Эти-то негативные бессознательные ассоциации и провоцируют русскоязычных людей усваивать информацию невосприимчиво, нежадно, неалчно а, следовательно, и нехотя, невдумчиво, кое-как («в одно ухо влетает – в другое вылетает»). В процессе же взросления русскоязычного человека такое поверхностное усвоение им информации неизбежно закрепляется недоразвитостью у него соответствующих мозговых структур (лобных долей полушарий головного мозга) и приводит его к психической инфантильности.

Об этом «кое-какстве» и о связанном с ним отсутствии жажды к познанию у русскоязычного человека, конечно же, знали, да и сейчас-то хорошо знают не только специалисты (психиатры и психологи), но многие весьма наблюдательные люди:

«Ум притуплен, воля ослабела, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления» (Михаил Погодин, из историко-политического письма, адресованного Фёдору Тютчеву, цит. по: Федор Иванович Тютчев, Полное собрание сочинений и писем в шести томах, Том 3. Публицистические произведения, http://www.e-reading.club/bookreader.php/98345/Tyutchev_3_Tom_3_Publicisticheskie_proizvedeniya.html);

«Мы ленивы и нелюбопытны... (точнее, не любознательны, – П.Д.)» (Александр Пушкин, «Путешествие в Арзрум», <https://ilibrary.ru/text/483/p.3/index.html>);

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь» (Лев Толстой, «Война и мир», Том 3, <http://yak15.narod.ru/warpIII.html>);

«Что же это за мертвая пустыня Россия, – где думай, открывай, изобретай – и никому даже не захочется подойти и посмотреть, что ты делаешь...» (Василий Розанов, «Литературные изгнанники», СПб. Т. 9, 13. С. 130, <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49888.html?page=3>);

«Если вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было исчезнуть все то, что тот народ выдумал, – наша матушка, Русь православная, провалиться могла бы в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы, родная... потому, что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – это наши знаменитые продукты – не нами выдуманы... Старые наши выдумки к нам приползли с Востока, новые мы с грехом пополам с Запада перетащили, а мы все продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два тоже четыре...» (Иван Тургенев, «Дым», <http://rulibrary.ru/turgenev/dym/46>).

И ведь не только несклонность к мышлению, но и фатализм весьма характерен для русскоязычных посредственностей:

«Нет! Все наши государственные люди решительно ниже посредственности, люди бездарные, неспособные ни к какой светлой, широкой мысли, ни к какому благородному усилию воли. Какая нравственная сила в состоянии поддержать правительство, состоящее из таких гнилых элементов, из этих бюрократических ничтожеств» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 9 мая 1862г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Русский интеллигент испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни; будучи социальным реформатором, он вместе с тем и прежде всего – монах, ненавидящий мирскую суету и мирскую забаву, всякую роскошь, материальную и духовную, всякое богатство и прочность, всякую мощь и производительность. Он любит слабых, бедных, нищих телом и духом, не только как несчастных, помочь которым значит сделать из них сильных и богатых, то есть уничтожить их, как социальный или духовный тип, – он любит их именно, как идеальный тип людей ... Его влечёт идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни; Иванушка-дурачок, «блаженненький», своей сердечной простотой и святой наивностью побеждающий всех сильных, богатых и умных – этот общерусский национальный герой есть и герой русской интеллигенции ... её идеал – скорее невинная, чистая, хотя бы и бедная жизнь, чем жизнь действительно богатая, обильная и могущественная... Прежде всего интеллигент и по настроению, и по складу жизни – монах. Он сторонится реальности, бежит от мира, живет вне подлинной исторической бытовой жизни, в мире призраков, мечтаний и благочестивой веры...» (Семён Франк, «Этика нигилизма», <http://www.vehi.net/vehi/frank.html>);

«Он думал о том, как много берет жизнь за те ничтожные или весьма обыкновенные блага, какие она может дать человеку. Например, чтобы получить под сорок лет кафедру, быть обыкновенным профессором, излагать вялым, скучным, тяжелым языком обыкновенные и притом чужие мысли, – одним словом, для того, чтобы достигнуть положения посредственного ученого, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лет, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болезнь, пережить неудачный брак и проделать много всяких глупостей и несправедливостей, о которых приятно было бы не помнить. Коврин теперь ясно сознавал, что он – посредственность, и охотно мирился с этим, так как, по его мнению, каждый человек должен быть доволен тем, что он есть...» (Антон Чехов, «Чёрный монах», http://rulibrary.ru/chekhov/chyornyj_monax/17);

«Это люди, главное свойство которых – отчужденность от жизни, бесталанность... Нужда в схеме, неспособность выйти за пределы этой схемы, неспособность допустить открытый мир, будь это мир искусства, мир морали, мир чего угодно – все для них должно быть упорядочено раз навсегда, решено и закрыто, как в старой песенке: «Касса закрыта – ключ у меня...» (Ольга Сedaкова, «Посредственность как социальная опасность», <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>);

«Тут важно, что «посредственность – не врождённое свойство человека», но выбор (его воспитателями архаичной языковой картины мира, – П.Д.), позиция – культурная и этическая, а в конечном счёте, и метафизическая: отказ от критичного отношения к заданному и навязанному, от готовности видеть сквозь него. В ловушку такой посредственности, по мысли автора, и попало наше общество в постсоветские годы – да так до сих пор там и остаётся. Это о социальном. Но понятно – и в этом вторая главная мысль Сedaковой – что социальное тут – только следствие, хотя и вполне неминуемое...» (Ольга Балла-Гертман, «Умри и стань // Посредственность как социальная опасность», <http://www.svoboda.org/content/blog/2336952.html>);

«Альтернативные характеристики и качества человека (например, предприимчивость, способность к сопереживанию, альтруизму или, напротив, алчность, хищничество) чаще представлены как партикуляристские характеристики отдельных групп, но никогда не «большинства», то есть не обычного, не «простого человека». Специфические черты всегда приписываются либо властной элите, либо тем, кто вытесняется на периферию общества, маргинализируется или вообще выдавливается из страны. Выход этого человеческого типа на первый план может рассматриваться как симптом стагнации общества или даже – его растущей деградации» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>);

«Генеральной для быдла (русскоязычного «простого человека», посредственности, гопника, – П.Д.) является интенция к упрощению. При более глубоком рассмотрении стремление к упрощению оказывается стремлением к «усинкретичиванию», к созданию структуры максимально подобной структуре традиционно-патриархальной. А, поскольку

быдло – мигрант заставший традиционную культуру в пору ее распада – его эстетический идеал представляет собой обедненную и предельно упрощенную версию традиционной культуры. Субкультуру слободы, рабочих бараков, предместий...» (А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, «Быдло», http://design.bigler.ru/forum_vb/showthread.php?t=14581; <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>; «Быдло как социальное явление», <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>);

«Задолго до чисток 30-х годов, в 1919 году в обеих столицах прошли мощные демонстрации под лозунгом «Требуем массового террора!». (В. Артамонов. Национальный характер и история // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры. – М., 1990. – С. 74). Многие современные аналитики, заглядывая в глубинную суть исторических процессов, обоснованно утверждают, что террор «был выгоден» большинству советского народа. «Мир сделался простым, упорядоченным, плоским. На всё существовал заранее готовый ответ» (А. Яковлев. У большого террора свой юбилей. // ОГ. 14-20. 08. 1997. – С. 5.) «Этот вывод подтверждается сухой статистикой. В годы расцвета КПСС, когда она уже выступала перед лицом всего цивилизованного мира как партия палачей, несравнимая даже с гитлеровской, её популярность в империи поднялась до высшего уровня: почти каждый 13-й советский гражданин, учитывая и детей, был коммунистом (около 20 млн. человек на 250 млн. населения)...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Поверхностное и чисто фактологическое описание скрывает суть эпохи. Все то, что происходило в массе населения, т.е. основной поток истории, вообще не принимается во внимание или затрагивается лишь в ничтожной мере и как нечто второстепенное. Потому сталинизм представляется как всего лишь обман и насилие, тогда как в основе своей он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей (психически инфантильного русскоязычного быдла, – П.Д.), лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия среди прочих средств... Сталинский период был периодом подлинного народовластия, был вершиной народовластия. Если вы не поймете эту фундаментальную истину, вы ничего не поймете в этой эпохе. Народовластие (быдлократия – власть Шариковых, – П.Д.) не есть нечто очень хорошее – пусть слово «народ» не сеет на этот счет иллюзий. Сталинский террор, массовые репрессии и все такое прочее – это суть признаки именно (холопского – П.Д.) народовластия... Важнейшим элементом народовластия была оргия разоблачений врагов (обычно – воображаемых), открытых и тайных доносов, репрессий. Сейчас предают анафеме тайное доносительство. Но открытое доносительство и разоблачительство было распространено еще более, приносило еще больший эффект» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент // На пути к сверхобществу», <https://litlife.club/br/?b=199472&p=18>; https://studopedia.ru/20_67424_glava-XI-evropeynichane--bolezn-russkoy-zhizni.html; <https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/ZINOWXEW/naputis.dhtml>);

«Поскольку в существенной степени мифологическом русском сознании представления о мире формируются в значительной части подсознательно и «вплывают» в

область сознательного в виде практически готовых и плохо поддающихся изменениям образов, то для этого сознания характерно аналогичное восприятие мира, как чего-то статичного, раз и навсегда данного, и потому почти целиком детерминированного. Русские – фаталисты вдвойне, когда речь заходит об общественной и политической жизни. Они (как и большинство других туранцев, – П.Д.) асоциальны, потому что им априори чужда мысль о том, что они могут на что-то влиять в собственной стране. Именно поэтому, им глубоко безразлична политика, участие в которой они принимают спорадически и бестолково. Это, однако, не значит, что русские пассивны вообще. Отнюдь, но русский человек не видит обратной связи с окружающим его политическим миром, ему не интересны партии, выборы, политическая борьба. Он как бы знает заранее, что его обманут, и привык принимать этот обман как должное. Русский фатализм – особого рода. В отличие от восточного фатализма, он является не созерцательным, а деятельным. Русские – «активные фаталисты». Они не ждут милости от природы, а всегда готовы отнять у природы все, что можно, и даже то, что нельзя. Как следствие, русский фатализм – бунтарский, он не усыпляет, а будит. Он заставляет русских людей идти все время вперед, не оглядываясь и не рассуждая. Это позволило русским (преимущественно потомкам половцев – донским и уральским казакам, а также комичам и другим туранцам, – П.Д.) колонизировать огромные, не очень приспособленные для нормальной жизни пространства, создать на этих просторах империю и отстоять ее независимость в бесчисленных войнах...» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..»

http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«Некоторые люди должны называться не иначе как проходами для пищи, производителями дерьма и наполнителями нужников, потому что от них в мире ничего другого не видно, ничего хорошего ими не совершается, а потому ничего от них не остается, кроме полных нужников» (Леонардо да Винчи, Forst. III, 74, цит. по: В.П. Зубов, «Леонардо да Винчи», <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49163.html?page=2>; http://vinci.ru/z5_04.html);

«Оригинален наш русский психический строй, между прочим, и тем, что до сих пор, кажется, в истории не было ещё народа менее творческого, чем мы. Разве турки. Мы сами, люди русские, действительно, весьма оригинальны психическим темпераментом нашим, но никогда ничего действительно оригинального, поразительно-примерного вне себя создать до сих пор не могли» (Константин Леонтьев, «Кто правее?», Письма к В.С. Соловьеву, http://knleontiev.narod.ru/texts/kto_pravee.htm);

«...К. Леонтьев говорил и многое другое. Например, о вреде естественно-научного образования и науки в целом для России. Так, проводимую реформу РАН следовало бы подкрепить вот этим: «На ученых съездах все только разбирают, собирают, постигают, определяют, распределяют, но ничего не созидают и создать не могут. Ибо действительное созидание бывает всегда полусознательное, или почти бессознательное, а не рациональное...» («Журнал «Русская мысль»», Варшава, 22 марта,

http://knleontiev.narod.ru/texts/peredovie_1880.htm). Ну и самое главное: необходимо «закалить наши силы терпением и любовью к предрержащим властям за то уже, что они Власть...», а как венец всего – вечно-классическое: «...надо подморозить Россию, чтобы она не «гнила»...» [Сергей Сергеев, «Путинист Константин Леонтьев», <http://www.apn.ru/publications/article30191.htm>]. Иначе говоря, Власть (государство) превыше всего, все остальное, в том числе и русский народ, и его культура и идентичность, – всего лишь материальные и духовные скрепы государства...» (Е.В. Моргунов, «Российская Versus Русская идентичность: экономические причины антиномии», http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/05/%D0%92%D0%93_2_2017_001-144-1.pdf; http://www.academia.edu/8366941/Российская_versus_русская_идентичность_экономические_причины_антиномии; <https://www.socionauki.ru/journal/articles/877313/>).

Леонтьев неспроста здесь упоминает турков. Ведь ментальность большинства русскоязычных людей (психически инфантильных посредственностей: холопов, быдла, гопников и даже философов), склонных лишь к поверхностному восприятию, к уютному упрощению и к жёсткому упорядочиванию всего весьма небогатого и рудиментарного материала, очень близка к ментальности тюркских народов и других туранцев:

«Определения русских философов проигрывают в сравнении со строго логическими и лаконичными утверждениями западных ученых. Происходит это из-за склонности русского сознания к символическим замещениям и метафорическим уподоблениям. Русское мышление образно-символическое. ... «Необработанность» русской идеи «Причинности» не в ее незавершенности, но в ее идеальности, в соответствии с представлениями русского реализма. Причинность противоположна номиналистической Причине. А «история зависит от различных уровней привычного понимания причинности» (Поль Рикёр)» («Сила есть – ума не надо»)» (Владимир Колесов, «Концептуальное поле русского сознания: концепты власть, закон и народ», <http://politlinguist.ru/current.html>);

«Русский философ всегда интересен как личность, его же мышление пусто и плоско в отрыве от внутренней подоплеки. Розанов сказал, что в Соловьеве интересен чертик, который сидел у него на плече, когда тот плыл на пароходе по Балтийскому морю, философия же его так... У Гегеля никаких чертиков, я думаю, не было. Он их и в глаза не видел. Но когда читаешь его «Науку логики», то чувствуешь запах серы. Гегель иррационален в рационализме. Русский (туранский, – П.Д.) иррационализм глубже, он под рационализмом. Под русским рационализмом, поверхностным и плоским. Говоря иначе, гегелевский рационализм объемлен и объем его есть иррациональная экзистенция. Его тайна – словесна и выразима. Это инфернальное противоречие. Русская православная тайна – невыразима, и эта невыразимость уютна, сладка. Божественна. Вот почему все-таки русское мышление уютнее. Оно, конечно, ограничено... Трагедия русского сознания в его рассыпанности. Русский изначально имеет внутреннее зрение, но не понимает этого...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«Таким образом, мы не ошибемся, если скажем, что во всем духовном творчестве

тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала. Отсюда позволительно сделать выводы и о самой тюркской психологии. Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и в запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные и простые схемы (парадигмы, – П.Д.). Однако следует остерегаться от возможных неправильных толкований этих положений. Так, ошибочно было бы думать, что тюркский ум особенно был бы склонен к схематическому отвлечению. Конкретные этнографические данные, из которых мы извлекли указание на характер тюркского психического типа, не дают нам оснований для подобного заключения. Ведь те схемы (косные парадигмы, – П.Д.), на которых, как мы видели, строится тюркское духовное творчество, отнюдь не являются продуктом философской абстракции и даже вовсе не носят характера чего-то нарочито обдуманного. Наоборот, они – подсознательны и существуют в психике как неосознанная причина той психической инерции, благодаря которой все элементы психического материала сами собой укладываются именно в таком, а не в ином порядке: это возможно благодаря особенной элементарности и простоте этих схем. С другой стороны, ошибочно было бы думать, чтобы шорность (метафоричность, – П.Д.) или схематичность (парадигмальность, – П.Д.) тюркской психологии препятствовала широкому размаху и полету фантазии. Содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению. Тюркская фантазия не бедна и не робка, в ней есть смелый размах, но размах этот рудиментарен: сила воображения направлена не на детальную разработку, не на нагромождение разнообразных подробностей, а, так сказать, на развитие в ширину и в длину; картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками. Это стремление к разрастанию вширь, глубоко характерное для тюркского творчества, внутренне обусловлено теми же основными чертами тюркской психики... Описанная психология типичного тюрка определяет собой и жизненный уклад, и миросозерцание носителей этой психологии. Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано (в виде сугубо механистических и других простых обыденных метафор, – П.Д.), а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни (и, следовательно, не выходило за рамки общепризнанных в его примитивном обществе парадигм и обычаев, – П.Д.): разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и миросозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования. Но, конечно, не всякое чужое миросозерцание приемлемо для тюрка. В этом миросозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Раз, уверовав в определенное миросозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему, и достигнув, таким образом, состояния устойчивого равновесия на ясном основании, – тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование. Смотри на миросозерцание именно как на незыблемое основание душевного и бытового равновесия,

тюрк в самом мирозерцании проявляет косность и упрямый консерватизм. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристаллизуется, ибо она там призвана играть роль незыблемого центра тяжести – главного условия устойчивого равновесия... И не мудрено поэтому, что, ища необходимой базы для устойчивого равновесия, тюрк постоянно выбирает такой базой плод творчества семитского духа. Но, заимствуя этот плод чуждого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает его статически, в готовом виде, и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз навсегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так, тюрки не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам как завершенное данное... Московская Русь, несмотря на всю силу и напряженность религиозного горения, определявшего не только ее бытие, но и само ее возникновение, не дала ни одного православного богослова, совершенно так же, как турки не дали ни одного сколько-нибудь выдающегося мусульманского богослова, хотя всегда были набожнее арабов. Здесь сказываются общие черты религиозной психологии: и там и здесь догмат веры рассматривается как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего быта, а не как предмет философской спекуляции; и там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в Древней Руси (Киевской Руси, – П.Д.) получилась некоторая, словами не выраженная, «подсознательная философская система», стройная, несмотря на свою формальную неосознанность, и нашедшая выражение не в богословских трактатах, а во всем житейском укладе, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой (и от греко-латинской украинской, – П.Д.), несмотря на свое догматическое тождество с этой последней, и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было, и быть не могло...» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49, http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.html; http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1992/no1/1992_1_092_Trubetskoi.pdf; <http://www.philology.ru/linguistics2/trubetskoy-93.htm>).

А ведь большинство то современных темноволосых и смуглых турков, включая всё городское население, являются прямыми потомками эллинов (греков ионийцев), хетто-лувийцев и других древних анатолийцев (византийцев). Генетически и антропологически они относятся к переднеазиатскому варианту балкано-кавказской расы (средиземноморской расе):

«Хетты не имели никакого отношения к «нордической расе». Не были они голубоглазыми и рослыми, светловолосыми и бородатыми. По внешности они напоминали скорее современных турок или армян» (Андрей Буровский, «Арийская Русь. Ложь и правда о «высшей расе»,

http://thelib.ru/books/andrey_burovskiy/ariyskaya_rus_lozh_i_pravda_o_vysshey_rase-read-4.html)

Как древний грек, так и любой древний анатолиец (фригиец, кариец, ликиец, лидиец и

др.) был чрезвычайно любознательным, предприимчивым и не довольствующимся достигнутым:

«И он готов все отдать за свежую мысль, новость, теплое слово. Он любит открывать неизведанное, размышлять, изобретать. Вспомнив, сколько орудий труда и предметов роскоши «рассеяно» по музеям мира, можно лишний раз и не говорить о том, что ремесленники микенской эпохи были истинными художниками и, даже вдохновляясь сирийскими, кипрскими или критскими образцами, всегда творили нечто свое. Они отвергали копирование, серийность, заданность. Во всех коллекциях не найти двух абсолютно одинаковых сосудов. Так же человек творит и самого себя, не останавливаясь на достигнутом. Таким образом, грек придает собственной судьбе исключительный характер: он превращает ее в оригинальное приключение, достойное эпической поэмы. И это не удивительно: поэт в душе, он спонтанно самовыражается в образах, стихах, музыке» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны // Психология», <https://history.wikireading.ru/89211>, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/59/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiny.html; <https://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-grecii-vo-vremena-troyanskoj-vojny-read-206795-22.html>; <http://testlib.meta.ua/book/1594/read/>; <http://lib.rus.ec/b/302423/read>).

Принесшие же в Малую Азию тюркский язык преимущественно светловолосые (белокурые и рыжие) огузские племена в основном так и живут до сих пор родообщинным строем, занимаясь высоко в горах скотоводством (см. «Этнический состав тюркских племен Анатолии», <http://turkmenhistory.narod.ru/anatoliya-turkmen.html>).

Поэтому-то:

«В целом анатолийские турки характеризуются всеми признаками европеоидной расы, а также брахицефалией и преобладанием темных оттенков волос и глаз. Однако специфические черты ассириоидного, или арменоидного, типа (в строении носа и других признаках) для турок не характерны, и, несмотря на брахицефалию, они примыкают скорее к западной средиземноморско-балканской группе южных европеоидов... При этом как раз собственно тюркские племена (сельджуки и др.) играли, вероятно, в этногенезе турок количественно весьма небольшую роль» («Языковые и антропологические итоги этногенеза народов Передней Азии», <http://lib7.com/aziatyya/366-itog-etnogenez-asia-pered.html>).

Как видим, после перехода населения бывшей Византии на общение турецким языком менталитет его кардинально преобразился. Гены же турков к их ментальности никакого отношения не имеют. И, следовательно, они и не ответственны ни за пассивное познание действительности, ни за консервативное мышление турков.

Такое пассивное познание действительности, примитивная систематизация и упрощенная схематизация познанного, а также и непреодолимый ничем консерватизм мышления были присущи преимущественно первобытным людям из-за их «любви к подчинению» и «невероятной внушаемости» а, тем самым, и из-за слабой развитости у них критического левополушарного мышления:

«Но что больше всего поражает европейца, это не само содержание представлений первобытных людей, а их крайняя устойчивость, нечувствительность к данным опыта. Первобытное мышление невероятно консервативно и замкнуто. Очевидные факты, которые, по мнению европейца, должны были неизбежно изменить представления первобытного человека, заставить его пересмотреть какие-то убеждения, не оказывают почему-то на него никакого действия. А попытки убедить и доказывать приводят зачастую к результатам, диаметрально противоположным тем, которые ожидались. Именно в этом, а не в вере в существование духов и мистической связи между предметами состоит наиболее глубокое отличие первобытного мышления от современного» (Валентин Турчин, «Феномен науки. // Первобытное мышление», <http://refal.net/turchin/phenomenon/chapter08.htm#08.02>);

«Исследованию первобытного сознания посвящено огромное количество работ, в которых показано, что окружающий мир открывается взору первобытного человека прежде всего своими враждебными сторонами. Воистину дикарь живет «во вражеском окружении», видя другого людоеда под каждым кустом и крокодила в каждой луже. К тому же первобытное сознание является дологическим, т. е. оно чуждо элементарным законам мысли и не способно осознавать, судить и рассуждать подобно тому, как это делают цивилизованные люди. Там, где мы ищем причины, источники, связи, первобытное сознание обращает внимание исключительно на происки темных сил или врагов, мистические причины и заговоры, действие которых оно чувствует повсюду. Иными словами, первобытное сознание в высшей степени конспирологично и подвержено страхам. Почти все те причинно-следственные связи, которые мы видим в явлениях и предметах, ускользает от внимания дикарей или безразлично им. Зато первобытный человек очень страшится собственной или чужой тени. Скажем, в Западной Африке ритуальные «убийства» иногда совершаются путем вонзания ножа или гвоздя в тень врага. Огромную роль в жизни дикаря играют сновидения и темные фантазии, часто для него более важные, чем феномены реальной жизни. Не удивительно и то благоговение, которое питают дикари к племенным шаманам, вещателям и вождям, а часто даже к сумасшедшим. Им приписывается особая способность общаться с невидимой злой реальностью, т. е. способность высшего восприятия. Таким образом, первобытное сознание чаще всего безразлично к реальным связям вещей и даже к опыту, но весьма чувствительно к вымышленным связям, темным силам и заговорам» (Игорь Гарин, «Доминанта первобытного сознания», <https://www.proza.ru/2014/12/05/889>);

«Для примитивного человека мир полон демонов и таинственных сил, которых он боится; для него вся природа одушевлена этими силами, которые на самом деле не что иное, как его собственные внутренние силы, спроецированные во внешний мир. Христианство и современная наука дедемонизировали природу, что означает, что европейцы последовательно вбирают демонические силы из мира в самих себя, постоянно загружая ими свое бессознательное. В самом человеке эти демонические силы восстанут против кажущейся духовной несвободы христианства... Немцы (как и россияне, – П.Д.) проявляют особенную слабость перед лицом этих демонов вследствие своей невероятной внушаемости. Это обнаруживается в их любви к подчинению, в их безвольной покорности приказам, которые

являются только иной формой внушения. Это соответствует общей психической неполноценности немцев (как и большинства русскоязычных людей, – П.Д.), следствием их неопределенного положения между Востоком и Западом. Они единственные на Западе, кто при общем исходе из восточного чрева наций оставались (подобно россиянам, – П.Д.) дольше всех со своей матерью. В конце концов, они отошли, но прибыли слишком поздно, тогда как мужик (the mujik) не порывался освободиться вообще. Поэтому немцев (подобно русскоязычным россиянам, – П.Д.) глубоко терзает комплекс неполноценности, который они пытаются компенсировать манией величия...» (Карл Густав Юнг о лечении от нацизма, из интервью швейцарской газете «Die Weltwoche»: «Все были причастны к ужасам», http://tvrain.ru/articles/vse_oni_prichastny_k_uzhasam_karl_gustav_jung_o_le-387159/);

«Первобытный человек был аутистом. Неолит начался с буйства галлюцинаций, в котором зародились образы... – Я могу объяснить, как в аутистическом пространстве возникает аффект: это результат отрыва от сферы бессознательного. В самом деле, для того чтобы была внешняя реакция, требуется внешний стимул. У животного есть набор готовых реакций, но нужен какой-то повод, стимул, который запускает реакцию, как в опыте с собакой и звонком. У собаки могут течь слюни, она может приходить в ярость. Но должен быть какой-то запускающий фактор. А теперь представим, что мы убрали все внешние поводы и стимулы. Создали ситуацию, когда нет замыкания. Тогда появляются грезы, иллюзии. Возникает человек грезящий. Грезы – это констатация факта воздействия на самого себя, самовоздействия. Этот акт самовоздействия совершенно нехарактерен для природы... Аутист отличается тем, что он открывает возможность воздействовать на самого себя. Аффект – это воздействие человека на самого себя. К сожалению, если посмотреть все, что пишется по поводу аффекта или эмоции в философской литературе, то это просто никуда не годится. Повсюду предполагаются внешние источники. Из ситуации самовоздействия начинает раскручиваться все остальное. Самовоздействие это верный признак того, что мы попали в пространство грез, уводящих от мира реальности...» (Фёдор Гиренок, из интервью Михаилу Бойко: «Грезы – это разверзшаяся бесконечность», http://www.ng.ru/person/2008-09-04/9_girenok.html);

«Революционная демократия видит в русской революции свет с Востока, который должен просветить все народы Запада. Но свет этот, долженствующий покорить весь мир, выражается исключительно в потоке слов, выветрившихся и опошлившихся, вроде «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и т. п. Все это самодовольное пустословие уже полгода деморализует и разлагает русский народ и русскую армию... Г. Ленин счел возможным заявить, что в конце февраля в России была революция буржуазная, свергнувшая царизм, а в конце октября произошла революция социалистическая, свергнувшая буржуазию, т. е. процесс, который у западных передовых народов совершается столетия, в отсталой России произошел в несколько месяцев. Так как жизнь наша очень начинает напоминать кошмар, то все представляется нам в преувеличенном виде. Мы совершенно утратили перспективу событий. Я позволю себе думать, что все происходящее в России – чистейшие призраки и галлюцинации, во всем этом нет ничего существенного и

подлинно реального» (Николай Бердяев, «Дневник», 10-11.11.1917, <https://project1917.ru/heroes/nikolay-berdyayev>).

И, ведь же, эта психическая неполноценность, заключающаяся в аутистичности и психической инфантильности, в настоящее время наиболее присуща именно русскоязычным туранцам (евразийцам):

«Русский человек не выносит трех вещей: труда, порядка и своего величия» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 21 января 1863г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Кровосмесительный кошмар, ублюдок Азии с Европой,
Он послан миру в назиданье, жестокий и несчастный зверь.
Ест в основном своих детей, а что ему – сиди и лопай!
Глаза потухли, зубы стерлись, но голод мучит и теперь...»

(Юрий Нестеренко, «Мой друг, отчизне посвящать что бы то ни было нелепо...», 1995, <http://yun.complife.ru/verses/contrall.txt>; <https://www.litmir.me/br/?b=218915&p=2>;
<http://www.bards.name/index.php?page=userinfo&userID=88&whatToShow=2&showSong=294>);

«Почему же должны мы признать своим домом Москву – этого ублюдка, происшедшего от изнасилования Русской суеверной бабы кровожадным татаринном? Не можете ли Вы мне указать, какой след во всемирной истории оставила Москва в течении своего семивекового существования? Зародилась ли там какая-либо мысль, плодотворно повлиявшая на развитие человечества; раздалось ли оттуда какое-либо свежее, просветляющее слово; показалось ли там какое-либо вековечное произведение искусства? Да и нам-то самим что оставила Москва в наследство? Раскол, стрельецкие бунты, кормление воевод, приказную волокиту, а вместо памятников искусства Ивановскую колокольню, царя-пушку да царя-колокола!» (Василий Полетыка, Открытое письмо Кокореву, «Русский архив», № 8, 1887, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Странные и нелепые люди эти москвичи в своей непомерной заносчивости и высокомерии. Они думают, что публика должна верить каждому их слову, как священному писанию, и горе тем окаянным, которые вздумают усомниться в их праве на умственную диктатуру!.. Я не знаю, есть ли существо на свете столь неприятное, как московский ученый, литератор или московский так называемый передовой человек? Детская заносчивость, бабское умничанье, дух нетерпимости, хвастовство и дерзость их нестерпимы, еще нестерпимее петербургской распушенности и глупого западничанья» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 8 июля 1863 г., 2 мая 1864 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его

идеализировали свободолюбивые славянофилы. Лучше был киевский период и период татарского ига... Киевская Россия не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость... С Киевской Россией, с Владимиром Святым связаны былины и богатыри. Но рыцарство не развилось на духовной почве православия. В мученичестве св. Бориса и св. Глеба нет героизма, преобладает идея жертвы. Подвиг непротivления – русский подвиг. Опрошение и уничтожение – русские черты. Также характерно для русской религиозности юродство – принятие поношения от людей, посмеяние миру, вызов миру. Характерно исчезновение святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских. И не случайно произошло вообще оскудение святости в Московском царстве...» (Николай Бердяев, «Русская идея: основные проблемы русской мысли в IХХ века и начала ХХ века», <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>);

«Я с глубочайшим омерзением и страхом отношусь к послетатарской Московии, всем этим Рюриковичам – Даниловичам и Романовым. Недалеко от тех мест, где я пишу эти строки (версты две), на Троицкой дороге есть бывший путевой дворец Ивана Грозного, а в нем – засыпанная после раскопок содомская палата, где на потеху царю Ивану плясали голые «кромешники»-опричники, имели друг друга в зад, а потом мучили своих жертв. Еще при Карамзине вдоль дворцового пруда находили скелеты в цепях; в сырых камерах содержали русскую родовую аристократию. Опричники также очень любили распиливать пополам пилами через промежность русских боярынь или перетирать им веревками половые органы до внутренностей. Нравилось им также связывать пленных новгородцев пучками, как снопы, и топить в Волхове. Я десятилетиями с ужасом присматривался и вчитывался в постепенное отатаривание Московии, приведшее ее к ленинизму и сталинизму» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«В татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица. Этот тип психологически представляет сплав северного великоросса (славянизовавшегося потомка финно-угров, – П.Д.) с кочевым степняком (славянизовавшимся потомком мещеряков и половцев, – П.Д.), отлитый в формы иосифлянского православия. Что поражает в нем, прежде всего, особенно по сравнению с русскими людьми ХIХ века, это его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивляемости. Без громких военных подвигов, даже без всякого воинского духа – в Москве угасла киевская поэзия военной доблести, – одним нечеловеческим трудом, выдержкой, более потом, чем кровью, создал москвитянин свою чудовищную Империю. В этом пассивном героизме, неисчерпаемой способности к жертвам была всегда главная сила русского солдата – до последних дней Империи. Мироззрение русского человека упростилось до крайности; даже по сравнению со средневековьем – москвич примитивен. Он не рассуждает, он принимает на веру несколько догматов, на которых держится его нравственная и общественная жизнь... Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, насколько вылез на свет Божий из Московского царства» (Георгий

Федотов, «Россия и свобода // Судьба и грехи России», Том 2, – С.-Петербург, 1991, http://www.odinblago.ru/rossia_i_svoboda, http://legitimist.ru/lib/ideology/007_g_fedotov_sudba_imperij.pdf).

Пассивность же героизма москвитов неизбежно должна была привести и к переосмыслению заключённого в нём понятия:

«Со времен Петра понятие героизма всё же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обрусело, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось маловразумительное для европейца словосочетание «массовый героизм», то есть что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом. Это всего лишь один из примеров того, как в одни и те же слова люди Запада и русские люди вкладывают весьма различное содержание. Подробный семантический анализ лексики – предмет особого исследования...» (Фёдор Нестеров, «Связь времён», <https://e-libra.ru/read/228533-svyaz-vremen.htm>).

Примитивность русскоязычного общества челядишек

Поэтому-то психически инфантильное русскоязычное население, неспособное самоорганизоваться в гражданское общество, и объединяется лишь в так называемые примитивные группы людей, подобные стадам гамадрилов:

«Примитивная группа не занимается сложными творческими процессами, не производит сложный продукт. Она может добывать, распределять, потреблять – решать простые, стандартные задачи в рамках неограниченного ресурса. Уровень сотрудничества в таких группах минимален, само сотрудничество механистично (иначе в иерархии ценилась бы способность сотрудничать), результат (объем приобретаемых ресурсов) мало зависит от качества действий членов группы (иначе в иерархии ценились бы эффективные игроки). В условиях, когда личные свойства индивидуума незначительно влияют на изменение общего результата действий, дифференциация происходит только по способности индивидуума присвоить себе большую часть общего дохода. Члены примитивной группы оцениваются исключительно с точки зрения положения в иерархии, которое, в свою очередь, определяется силой (в широком смысле) и корреспондирует с правом на распределение (и в первую очередь отбор в свою пользу) имеющихся у группы ресурсов. Примитивная группа уходит корнями в сообщества давних предков человека. Ученые изучают такие группы на примерах современных обезьян, в частности гамадрилов, макак, некоторых павианов. «Экономика» стада гамадрилов на сто процентов дистрибутивна: во главе стада стоит вожак (альфа) и несколько самцов «ближнего круга» (бета); добыча сдается вожаку, который ее распределяет; самостоятельное потребление найденного пресекается. Социальная иерархия определяется физической силой и смелостью; самцы стоят выше самок, ниже бета в иерархии находятся гамма-самцы – ведомые, послушные вожаку, и еще ниже дельта – забитые, не имеющие почти никаких прав. «Ниже в иерархии» и «ты для меня как самка» – синонимы: утверждающий свое превосходство самец может имитировать половой акт с более слабым. Демонстрация силы не ограничивается собственными возможностями –

вожаки имеют «охрану». Другие стада гамадрилов воспринимаются только в качестве претендентов на ресурсы твоей территории. При встрече вожаки «ведут переговоры» на границах территорий, окруженные с тыла телохранителями. Люди воспринимаются гамадрилами прагматически: понимая невозможность конкуренции, гамадрилы знают – у людей можно выпрашивать подачки; можно даже воровать, пока сородичи отвлекают выпрашиванием подачек. При этом идей сотрудничества с людьми у гамадрилов не возникает. В современной человеческой жизни нет ярче примера примитивной группы, чем российские места лишения свободы (да и сама-то Россия, являющаяся ни чем иным как страной-зоной, – П.Д.)...» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml).

А ведь же не критическое мышление, подобное первобытному догматическому и иносказательному мышлению, разнообразные наивные представления и многие другие проявления психической инфантильности прививаются россиянам и русскоязычным украинцам, как русскоязычным бессознательным формированием личности, так и осознаваемым ими русскоязычным воспитанием:

«Наивные представления о системе органов внутренней жизни (функционирование которых обеспечивает протекание психических процессов), представляют собой, как полагают исследователи, осколки первобытной концептуальной картины мира. Они закреплены в семантике языковых единиц (полюбить всем сердцем, напрячь память, дойти умом, ненавидеть всеми фибрами души и др.), составляют важную часть наивной (русской, – П.Д.) языковой картины мира и, таким образом, определяют языковое поведение говорящих, хотя и не соответствуют концептуальному знанию о человеке современных носителей языка. «...Эти примитивные представления практически вытеснены из сознания современного носителя языка более поздними знаниями анатомии, физиологии и психологии» [Урысон 1995: 15]...» (Елена Коськина, «Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент», <http://www.ref.by/refs/105/1860/1.html>).

Однако же эти первобытные «детские» представления так до сих пор и не изжиты и всё ещё продолжают бессознательно уродовать, как психику, так и менталитет русскоязычного человека:

«Директор Санкт-Петербургского института мозга Святослав Медведев считает, что «сейчас идет такая политика – подмена разума эмоциями. Мозг так устроен, что зомбирование всегда происходит только через эмоциональную сферу, через газеты и телевидение людей «оболванивают», специально «оглушают», так как управлять умными людьми очень трудно. Некоторые телеканалы намеренно настроены на массовое зомбирование. Например, многие государственные деятели намеренно искажают свою речь алогичным построением, акцентом, неправильным употреблением определенных слов. Они говорят вроде бы по-русски, но как-то неправильно. На самом же деле каждое слово, каждая «ошибка», каждый жест – тщательно выверены. Просто они нас таким образом приводят к

тому, что мы им начинаем неосознанно доверять, потому что воспринимаем данные слова не рассудком, а на эмоциональном уровне. Еще пример – этот чудесный лозунг «Голосуй сердцем!». Мы проголосовали. Жить легче стало? А почему никто не сказал: «Подумай и голосуй?»» (К.В. Томашевская, «Способы мифологизации сознания через экономический дискурс», <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1290>);

«Профессор Катасонов рассказал в ЛГ. Он любит задавать студентам такой вопрос: «Что является главным ресурсом современной экономики?» Ответы разные: нефть, деньги, знания. И всё мимо. «Главный ресурс современной экономики, – торжественно возглашает профессор, – это дурак. Ему можно впарить всё». Смех в зале. Забавно, правда? А на самом деле это не шутка, а, как говаривал Остап Бендер, «медицинский факт». Мотором современного развития (России, – П.Д.) являются невежество и мракобесие... На своих занятиях с продавцами прямых продаж (практически все с высшим образованием, полученным ещё в советское время – учителя, инженеры, экономисты, врачи) я многократно убеждалась: людям не нужна аргументация. Она только занимает время и попусту утяжеляет выступление. Аргументированное выступление воспринимается как нудное. «Вы скажите, как оно есть, и дело с концом». Гораздо лучше всяких аргументов воспринимается то, что Руссо называл «эмоциональными выкриками» и приписывал доисторическим дикарям. Привычка созерцать любимых телеведущих формирует представление (возможно, неосознанное): главное не что говорится, а главное – кто говорит. Если говорит человек уважаемый, любимый, симпатичный – всё принимается за истину, «пипл схавает». Люди испытывают потребность видеть «говорящую голову» на телеэкране, восприятие даже простого текста в печатном виде очень трудно. Недаром многие мои слушатели охотно приобретают видеозаписи моих выступлений, хотя гораздо проще (с точки зрения традиционной) их прочитать... В этом деле достигнуты огромные успехи. Мне иногда приходится беседовать с молодыми людьми, поступающими к нам на работу. Они прилично держатся, опрятно выглядят, имеют некоторые навыки селф-промоушена и при этом являются совершенными дикарями: не имеют представления ни об истории, ни о географии, ни о базовых законах природы. Так, у нас работала учительница истории по образованию, не знающая, кто такие большевики...» (Вячеслав Оробинский, «Невежество и мракобесие», <https://eve-finance.net/t/topic/3076>; <http://www.sdelanounih.ru/glavnyj-resurs-sovremennogo-kapitalizma-debily/>; <http://zavtra.ru/blogs/glavnyj-resurs-sovremennogo-kapitalizma-debily/>);

«При психическом инфантилизме отмечаются крайняя неустойчивость настроения и внимания, склонность к фантазированию, лёгкая внушаемость, обидчивость, робость перед всем новым. Суждения неглубоки и поспешны. В поведении беззаботность и легкомыслие сочетаются с эгоцентризмом, детской требовательностью» (Н.Р. Шастин, «БСЭ», <http://www.aggregateria.com/I/infantilizm.html>, <http://bse.sci-lib.com/article056016.html>);

«Игнорирование перспективных задач в сочетании с непродолжительностью эмоциональных реакций дает основание многим психиатрам говорить о свойственной детям «поверхности». Понятно, что этот описательный термин не вполне корректен, поскольку

на самом деле эмоциональные реакции у детей глубокие, хотя и короткие. Л.Н. Толстой, описывая неприязнь Николеньки к учителю, когда тот его будит, отмечает, что она включает даже отвращение к его одежде. Уже через несколько минут он меняет отношение на противоположное, кисточка на колпаке учителя из противной превращается в милую, причем раскаивается ребенок до слез. Не случайно, что яркие эмоции в народных поговорках соотносятся с чувствами именно детенышей животных: «телячьи нежности», «щелячий восторг», «поросычий визг» (для сравнения: «собачья жизнь», «свинское поведение», «бычья сила»)...)» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>).

И ведь же, это игнорирование перспективных задач и поверхностность мышления свойственны испокон веков не только детям, но и всем лишь формально взрослым русскоязычным людям, являющимся на самом деле «вечными детьми»:

«Молодые умы не значит лучшие умы, а только более энергические. Но энергия столько же может быть направлена к худому, как и к хорошему. Молодые умы способнее к делу. Но делают ли они его как должно? По крайней мере, у нас можно сильно усомниться в этом. Способность к делу узнается не только из желания, из стремления делать, но и из стремления делать хорошо. Хорошо же делать значит, во-первых, составить хороший план дела, основанный на знании, следовательно, на изучении вещей; во-вторых, значит иметь сколь возможно больше основательных удостоверений в осуществимости плана и, наконец, в-третьих, значит иметь цель плана, столько же справедливую, как и разумную. Если хорошенько всмотреться в молодые умы нашего времени, то окажется, что всех этих условий им решительно недостает. Им недостает главного – знания и изучения; недостает также удостоверений в осуществимости плана. Положим, что у них цели хорошие, но, при недостатке этих качеств, хорошими целями, как говорит пословица, мостят ад» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 7 февраля 1863 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Каждый четвертый житель России убежден, что это Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот, рассказал в интервью «Известиям» гендиректор ВЦИОМа Валерий Федоров. Социологи на протяжении нескольких лет задают россиянам этот вопрос, и всякий раз значительная часть населения демонстрирует приверженность альтернативному взгляду на устройство мира. «По данным опроса ВЦИОМ, четверть россиян верит в то, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вокруг Земли. Это социологический факт, который мы установили, затем перепроверили и снова подтвердили», – сообщил Федоров...» (Глава ВЦИОМа: «Четверть россиян верят, что Солнце крутится вокруг Земли», <http://izvestia.ru/news/670923>);

«Научный дух отсутствует у русских, – прибавляют мои противники, – у них нет творческой силы, ум у них по природе ленивый и поверхностный. Если они и берутся за что-либо, то только из страха. Страх может толкнуть их на любое предприятие, но он же мешает им упорно стремиться к заранее намеченной цели. Гений по натуре сродни героизму, он

живёт свободой, тогда как страх и рабство имеют лишь ограниченную сферу действия, как та посредственность, орудием которой они являются... Уму русских не хватает импульса, как их духу – свободы. Вечные дети, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда не будут победителями в области мысли» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839г. – Николаевская Россия», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st016.shtml>);

«Один из первых (по времени) схоластиков – Rabanus (или Hrabanus) Maurus, в сочинении своем «De nihilo et tenebris» («О ничем и о мраке»), между прочим, замечает, что «небытие есть нечто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слез над таким прискорбным состоянием». Эти слова чувствительного монаха невольно вспоминаются, когда подумашь о русской философии. Не то чтобы она прямо, открыто относилась к категории «небытия», оплаканного Рабаном Мавром: за последние два десятилетия довольно появлялось в России более или менее серьезных и интересных сочинений по разным предметам философии. Но все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже. Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одною пустою претензией. А между тем русские несомненно способны к умозрительному мышлению, и одно время можно было думать, что философии предстоит у нас блестящая судьба. Но русская даровитость оказалась и здесь лишь восприимчивою способностью, а не положительным призванием: прекрасно понимая и усваивая чужие философские идеи, мы не произвели в этой области ни одного значительного творения, останавливаясь, с одной стороны, на отрывочных набросках, а с другой стороны, воспроизводя в карикатурном и грубом виде те или другие крайности и односторонности европейской мысли» (Владимир Соловьев, «Национальный вопрос в России. VI. Россия и Европа», <http://www.litmir.me/br/?b=137578&p=23>);

«На Западе 100 лет смеялись над русскими. Почему они чуть ли не молятся на Пушкина. Это же компилятор... Потом европейцы стали считать, что в Пушкине что-то они не поняли, пропустили. Что это человек со своей философией, русский Гёте. Это уже ближе к реальности. Но все же – не то, не то. Тут иная культура, иной взгляд на мир. Смех над собой, величие для более тонкого сознания собственной ничтожности, и всё это вовсе не вывороченно, а спокойно, ясно, бездумно...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Малоросс движется полем науки однозначно с большей благосклонностью, с большим талантом и большей самостоятельностью, чем великоросс. Если малоросс рассматривает науку как свою жизненную задачу и отдается ей без побочных намерений, то великороссы, кажется, чаще видят в науке исключительно средство достижения внешнего признания. Поэтому великороссы часто отворачиваются от блестяще начатой научной карьеры, как только случается другое занятие, которое скорее приведет к высшему положению и к вознаграждениям. Великоросс с его практическим умом и его отличным

талантом к подражанию легко усваивает (подобно и любому другому туранцу, – П.Д.) соответствующий научный материал, но ему несравненно труднее, чем малороссу, дается самостоятельно двигаться дальше в этом материале. Научные труды великороссов очень часто имеют энциклопедический характер, а еще чаще характер компиляций, и великороссы чувствуют себя здесь уверенно и с чувством собственного достоинства, осознавая свой талант к подражанию. Есть такие, которые делали кропотливые наблюдения, и, кажется, делали их только с целью повторить ранние наблюдения, без выражения собственного мнения, к которому самостоятельно бы дошли. Если живые головы переступают эту границу, то часто случается так, что оказываются научные взгляды, которые без малейшего зазрения совести враждебно выступают против всех обоснованных во взвешенном исследовании результатов без любых других очевидных мотивов, кроме как с целью вызвать шумиху и наиболее коротким путем утвердить свой авторитет. Есть примеры, когда освещались научные ошибки и самостоятельные факты, чтобы в противовес всеобщей мысли завоевать авторитет противоречием. Напротив, среди малороссов мы чаще находили примеры, когда они подсознательно придерживались взвешенной середины между этим упрямым подражанием и необходимой оригинальностью. Это были люди, которые имели богатые результаты собственного исследования и собственных размышлений, но не считали нужным поднимать по этому большую шумиху...» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt).

И такому невзвешенному поведению русскоязычных людей, конечно же, способствует именно русская ЯКМ. Ведь, если в благотворной украинской ЯКМ взвешенное (укр. «виважене») поведение является, несомненно, важным (укр. «важливым»), благодаря наличию между лексемами «виважене» и «важливе» ассоциативной связи, вызывающей бессознательную лингвопсихическую установку на важность взвешенного поведения, то в быдлотворной русской ЯКМ этого, конечно же, нет. Внутренняя форма лексемы «взвешенное» тождественна внутренним формам лексем «повешенное» и «висящее», а вовсе не внутренней форме лексемы «важное». Пользоваться большим весом (укр. «вагою») в русскоязычном примитивном обществе, конечно же, можно, так и не создав для него ничего важного.

Поэтому-то для русскоязычного людишки и вполне достаточно лишь создавать соответствующие ложные впечатления о себе, то есть казаться умным и рассудительным а, вовсе, не быть таковым. Он может лицемерно важничать (кичиться, превозноситься), даже и не добившись никаких важных результатов, благодаря царящей в русскоязычном этносе тотальной лживости:

«...важничать, важничаю, важничаешь, несов.. 1. без доп. Напускать на себя важность в обращении, принимать внушительный вид. Важничать с подчиненными. || Придавать себе значение не по заслугам. После удачного дебюта актер стал важничать. 2. чем. Кичиться чем-н. Важничать своими заслугами, своим происхождением (Ушаков, «Толковый словарь русского языка», <http://slovar.cc/rus/ushakov/385923.html>);

«Господствующий порок людей нашего времени: «казаться, а не быть». Все и во всем ложь: ложь в сапоге, который жмет ногу, вместо того чтобы служить ей обуви; ложь в шляпе, которая не защищает головы от холода; ложь в кургузом, нелепом фраке, который покрывает зад и оставляет открытым перед; ложь в приветной улыбке, в уме, который обманывает и обманывается; в языке, который употребляется, по выражению Талейрана, для того, чтобы скрывать свои мысли; ложь в образовании наружном, поверхностном, без глубины, без силы, без истины, – ложь, ложь и ложь, бесконечная цепь лжей. И всего удивительнее в этом порядке вещей то, что он есть ложь и в то же время порядок. Толкуйте тут о необходимости истины, когда без нее так хорошо и с такою пользою для себя можно обходиться. Но, несмотря на такие очевидные преимущества лжи, я никак не могу победить в себе глубокого отвращения к ней. Есть люди, великие величию своего положения или судьбы, а не величию своего гения и характера. Это значит, они предъявляют миру обязательство без исполнения. Такие люди всю жизнь свою пародируют великих людей, бросают современникам пыль в глаза, а потомству дают уроки ничтожества человеческого» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 16 марта 1855г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

В этом русскоязычные люди почти ничем не отличаются от таких же чувственных, лживых и привыкших лишь производить лживые впечатления о себе современных арабов:

«Ложь весьма распространена среди арабов, и правда у них ничего не стоит. Араб не испытывает угрызений совести, если благодаря лжи достигает своей цели... Он более прислушивается к чувству, чем к фактам, скорее заинтересован произвести впечатление, чем рассказать что-либо правдиво. Более того, арабский язык (как и русский, – П.Д.) дает его носителю возможность преувеличения» (Социолог Сании Хамади, «Характер и темперамент арабов», цит. по А. Красильщиков, «Арабы и ложь», http://a.kras.cc/2015/12/blog-post_97.html)

Действительно, ведь и русский язык в этом мало отличается от арабского: «Старый / устарелый – престарелый, красивый / красный – прекрасный, лестный – прелестный, большой – большой-пребольшой / большущий, синий – синющий, болящий – больноющий, вредный – вреднющий, злой – злющий, сильный – сильнющий; глаза – глазищи, зубы – зубищи, рука – ручища, вонь – вонища, сила – силища, баба – бабища, рыба – рыбища, мат – матерщина, скопление – скопище, собрание – сборище, суд – судилище, бой – побоище, смех – посмешище, чудо-юдо – чудище / чудовище»; укр. «тулуб» – туловище.

Поверхностное восприятие действительности русскоязычными людьми

Для психически инфантильных русскоязычных людей, как и для детей, характерно сугубо поверхностное восприятие как действительности, так и любых знаний:

«То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед,

пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи вымываются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы» (Пётр Чаадаев, «Философические письма», Письмо первое, <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>).

И подтверждений всему этому можно найти сколь угодно много. Русскоязычный людишка действительно воспринимает любой предмет поверхностно, и его, как правило, не интересует неизведанное ранее содержание самого предмета. Например, сорванный с дерева лист он воспринимает лишь как нечто обыденное, не содержащее в себе ничего, стоящего его внимания, подобно чистому листу (укр. «аркуш», англ. «sheet») бумаги. В отличие же от русского, укр. слово «лист» соответствует русск. слову «письмо». И, следовательно, как и англ. «list» – «список, перечень, реестр, перечисление, ведомость», оно является не просто листом бумаги, а содержательным посланием кому-нибудь.

Русский язык формирует негативную бессознательную лингвопсихическую установку по отношению и к письменности. Если неисписанный лист бумаги является чистым, то лист, содержащий какие-либо записи, естественно будет вызывать в подсознании лишь негативные ассоциации, связанные со словом «грязный» (укр. «брудний»). Все это, как раз, и способствует как бессодержательности и примитивности (убогости) жизни русскоязычного людишки, так и потере им интереса к познанию окружающего мира:

«Обстоятельность, детальность мысли, использование числа и меры. Русские оперируют общими положениями, не желают знать меру и число. Тяга к общим положениям и психологии – свойство примитивного ума. Русский ум не может обобщать или его обобщения ложны. Стремление мысли к простоте и ясности как идеалу познания. Каждый должен постоянно сопоставлять небольшое известное и огромное неизвестное. Русские обычно молчат, не задают вопросов (чего никогда не допускают иностранцы), равнодушны к своему непониманию. Нет стремления понять предмет. Русский человек не стремится понять то, что видит [акад. Иван Павлов, – П.Д.], предпочитает туманное и темное. Тяга к истине включает стремление к приобретению новых и постоянную проверку старых истин. Русский ум ограничивается стремлением к новизне без проверки добытых истин» (Виктор Макаренко, «Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки», http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html).

Если укр. слово «письменник» ассоциируется в подсознании человека с созданием шедевров письменности, то соответствующее же ему русское слово «писатель» ассоциируется лишь с процессом писания, с писарем и с письмом а, следовательно, и не несёт никакой интеллектуальной нагрузки:

«Я очень хорошо понимал, что в тогдашней России, где невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить, где даже высшего разряда умы чахли и неизбежно гибли под нестерпимым гнетом, – в тогдашней России, с моей долей способностей, я далеко бы не ушел. Я скоро бы исписался и сделался бы мелким пошленьким писателем со всеми его низкими слабостями, – а на это я никак согласиться не мог...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml).

Поэтому-то в примитивном русскоязычном обществе и закрепилось лишь пренебрежительное отношение к профессии писателя, как правило, являвшегося всего лишь мелким пошленьким писателем (укр. «писакою» – бумагомарателем):

«В былые времена со словом «писатель» связывалось чрезвычайно много: это – известный долг, известная сумма вкусов, во главе всего – это некоторое врожденное призвание. К писательству готовились, и, кто готовился, с мучительным чувством думал о себе, как и о нем самом спрашивали другие: есть ли у него это таинственное неуловимое и неопределимое, а вместе и велительное «призвание»? Все это ужасно изменилось сейчас. Писателем просто делают, кто хочет и когда захочет. Вчера был чиновником, сегодня – писатель; или еще вчера был сапожником, сегодня – писатель» (Василий Розанов, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«...Есть у меня знакомый писатель, впрочем, многие мои знакомые – писатели, как я уже сказал, пишут сейчас почти все. Молодой совсем парень вдруг сочинил роман – и попал в десятку! Успех, реклама, пиар! И с тех пор, не покладая рук, печет романы один за другим. Как-то спросил его: – Ты пишешь быстрее, чем нормальный человек читает (это, кстати, характерно для некоторых писателей, плодовитость фантастическая!). Сам-то ты читаешь, что пишешь? – Ну, вот еще, – отвечает, – буду я всякую лабуду читать! Пусть другие читают! И потом, мне читать некогда, писать надо...» (Глеб Сахаров, «Читатели и писатели», <http://magazines.russ.ru/ra/2012/4/s29-pr.html>).

Само же русское слово «письмо», никак не отражает предназначение обозначаемого им предмета. Для подсознания русскоязычного человека – это просто «писулька», а для его сознания – лишь «отписка». Не вызывает в подсознании надлежащих ассоциаций и слово «переписка» (укр. «листування»), так как непосредственно связано оно не со словом «письмо», а со словами «перепись» и «переписывание». И не только письма, но и любые документы русскоязычные люди рассматривают пренебрежительно как бумаги, а то и, вообще, весьма презрительно как бумажки: «Без бумажки – ты букашка».

Природная жестокость русскоязычного людишки

Если же дополнить это крылатое выражение ассоциирующимся с ним другим крылатым выражением русской ЯКМ: «раздавлю как букашку», то невольно проявятся и соответствующие черты менталитета русскоязычного человека – звериная жестокость,

пренебрежение как человеческим достоинством, так и ценностью человеческой жизни, вообще:

«Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас на Руси. «Дать в морду», «под душу», «под микитки», «под девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылок», «пустить из носу юшку» – все это наши русские милые забавы. Этим хвастаются. Люди привыкли к тому, что их бьют – родители, хозяева, полиция. И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью» [Максим Горький, "Новая Жизнь" № 207, 21 декабря 1917г.]. В 1919 году ВЦИК (законодательный орган) утвердил положение о революционных трибуналах. Председателя и двух членов трибунала подбирать «из числа ответственных политических работников». Еще раз отметим: не юристов! ВЦИК разъяснил: трибунал, получивший право приговаривать к смертной казни, сам решает – вызывать ли свидетелей, приглашать ли защитников. Это формальная санкция самоуправства и беззакония...» (Леонид Млечин, «Страна под замком», <http://www.kommersant.ru/doc/2614861>);

«Трудно представить себе народ, который был бы более благосклонен к мучениям себя и других. Русский любит испортить другому жизнь, засадить в тюрьму или хотя бы измотать нервы. У русского глубоко в душе спрятано желание убивать. Русский всегда любил публичные казни. Всегда переживал и за палача и за повешенного. Он был пополам. Это и есть русский национальный театр, а МХАТ – это только Чехов» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Радость убийства», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Жестокость – это не Путин. Жестокость – это русские. Русская культура очень жестока. Это может проиллюстрировать тот факт, что ежегодно 24 тысячи человек погибает в России в результате убийств или напившись до смерти. Похоже, что «Дом дураков» – это метафора России после упадка тоталитарной системы. Например, мы видим, как, после того, как его покидает персонал, там воцаряется тотальный хаос. Многие современные российские художники пользуются подобными метафорами. Некоторые даже утверждают, что русские не могут функционировать без опеки «Большого Брата». Русским, так же, как мусульманам, не нужна свобода. И не следует им «помогать», потому что это только ведет к несчастью...» (Андрон Кончаловский, из интервью Доминике Рафальска-Кусь «На Востоке без изменений», <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/10/m27756.htm>; <http://inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html>);

«Безусловно, в любом народе есть ублюдки, но тогда пусть кто-нибудь найдет объяснение тому факту, что в современной России количество таковых зашкаливает и превысило все допустимые пределы?! Путинская пропаганда лишь подтолкнула эту массу, освободив их от любых нравственных ограничений, сняв последние моральные «табу», превратив многих адептов «евангельских путиниан» в толпу... Хотел сказать «дикарей», но в данном случае это будет неверно. Дикарь убивает ради пропитания, дабы получить

территорию для охоты, женщину и тому подобное – но то, что мы наблюдаем в России вряд ли можно назвать дикарями. Это уже толпа нелюдей. Именно из таких моральных уродов и получаются идеальные палачи и идеальные рабы. Все их развлечение либо в том, чтобы издеваться самим – либо радостно взирать на мучения других и при этом смертельно ненавидеть каждого, кто пытается разорвать путы рабства. ... Этого народа уже давно не существует. Есть лишь масса, которая ждет момента, дабы быть освобожденными от последней ответственности за содеянное. Дабы крушить, громить, ломать, пытаться... Кого? А им не все равно? Что животных, что людей... Лишь бы «по приколу»... Лишь бы «весело»...» (Юрий Гиммельфарб, «Идеальные палачи, идеальные рабы», <http://www.aboutru.com/2015/12/22130/>);

«...у нас не то, что есть проблемы в прошлом, у нас есть большие проблемы с будущим. Потому что, конечно, та степень агрессивности, предательства, жестокости, измен, садизма, с которыми мы не можем никак справиться в нашем образовании, не находим ключа, не находим инструмента куда-то это направить, а считаем, что у нас все в порядке с будущим. Так вот эти люди вырастут такие озлобленные. ...заглянул в интернет и увидел, что у нас проблемы жуткие с наркоманией в старших классах – там зашкаливает за 70%. А сколько женщин оставляют детей в родильных домах, а сколько у нас сирот, а сколько этого и этого, и когда мне тут начинают говорить, что у нас население, наши жители, наши граждане лучше всех, и что мы, интеллектуалы хромы на всю голову, то если этот слой людей здравомыслящих – я имею в виду интеллигенцию нашу, независимых, добьют, то просто страна кончится, она рухнет...» (Виктор Ерофеев, Из интервью Татьяне Фельгенгауэр, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1469162-echo/>);

«Сейчас, когда цивилизованное человечество увидело истинное лицо русского мира (вечного детства, – П.Д.), пора признать, что милосердие и отзывчивость русского народа – один из самых лживых и опасных мифов последнего столетия. Хладнокровная, обыденная жестокость, о которой век назад писал Максим Горький, никуда не исчезла с тех пор, хотя страна пережила индустриализацию и переселилась в города. Массовое образование и советская прогрессорская утопия успели повлиять на эту особенность лишь в малой степени. Российское общество продолжает оставаться жестоким, как и любой постаграрный социум незавершенной модернизации, в котором ценность личности и её жизни ещё равна нулю, а ценностей большой семьи и общины уже не существует» (Елена Галкина, «Русский мир на выезде», <http://nvua.net/opinion/galkina/Russkiy-mir-na-vyezde-6394.html>);

«Почему в России так мало доноров, благотворителей, волонтеров, зато так много особо циничных преступлений – против детей, стариков, неимущих? Оказывается, в примитивной группе действует «правило безразличия»: «...Проявляется в бестрепетном отношении к физическому или душевному страданию другого. Это легче понять, когда человек трусит, имея дело с трудностью или опасностью. Но в данном случае субъект становится безучастным, даже если ему ничего не грозит» (Дроганов)» (Андрей Мовчан, «Мораль в России: оправдание зла в примитивной группе»,

http://slon.ru/russia/moral_v_rossii_opravdanie_zla_v_primitivnoy_gruppe_-1119610.xhtml);

«Я понял: то, что мы добродушная, духовная нация, – это легенда. Мы народ с жестокими традициями, которые углубила советская власть. Милосердие в нашем народе не ночевало... Мы сами себя убиваем и вообще безразличны к собственной судьбе...» (Анатолий Приставкин, цит. по: «Беседа И. Руденко с председателем Комиссии по помилованию А. Приставкиным», http://www.tsput.ru/res/fizika/4/bad_day/g10_1.htm);

«– Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим «милосердие», «доброжелательность»? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот «порядочность». Николай Калининвич Гудзий меня всегда поражал – о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: «А он порядочный человек?» Это означало, что человек не доносчик, не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова. А «любезность»? «Вы оказали мне любезность». Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому оказывается. «Любезный человек». Целый ряд слов исчезли с понятиями. Скажем, «воспитанный человек». Он воспитанный человек. Это, прежде всего, раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут» (Академик Д.С. Лихачев, «Я живу с ощущением расставания...», «О русском языке и ненормативной лексике. Литература, история, кинематограф», http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_1591.html);

«Русская жизнь извечно была замешана на беспощадной жестокости и приторной лжи в отношении властей» (Юрий Нагибин, «Дневник», <http://kuvaldinur.narod.ru/kuvaldinur/nagibin-dnevnik.html>);

«Когда сердце русского человека руководствуется злыми помыслами и намерениями, то поражают его жестокость и необузданный нрав. Ф.М. Достоевский описывает методические и систематические избиения фельдъегерями ямщиков. Выпив водки и вскочив в тележку, фельдъегерь всегда начинает с битья и бьет безо всякой вины, бьет ровно, подымает и опускает, соскучится и опять бьет. «Я никогда, – пишет Ф.М. Достоевский, – не мог забыть фельдъегеря и многое позорное и жестокое в русском народе...» По Достоевскому, не только вино свирепствует и развращает русский народ. В русском народе повсеместно распространяется какой-то дурман разврата, заключающийся в поклонении материализму, под которым он разумеет в данном случае преклонение русских перед деньгами и властью золотого мешка. Суждения писателя, как нам представляется, весьма актуальны для постсоветской России, в которой сознательно культивируемой в русском народе ценностью объявляется золотой телец. Логическим следствием изменения духовных ориентиров в русской душе является невиданный на протяжении многих десятилетий разгул преступности и разврата в поражающих воображение жестоких и циничных формах. Мысль о том, что если богатый, то все дозволено, развратительна по своей сути. Она разлагающе действует на нравственно-духовные устои русского менталитета в современной России...» (Валерий Трофимов, «Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского

менталитета», <http://morozov-klio.narod.ru/Text/1glavnaya/Bibliotek/Rossiya/Trofimov.pdf>; <https://docplayer.ru/49386582-V-k-trofimov-dusha-russkogo-naroda.html>);

«Жестокость русских. Генерал Давыдов, Вольтер русских степей, знаменитый русский патриот 1812г., обнаружив несколько ружей в доме г-на Чарнолуцкого в Воляни, приказал расстрелять без суда этого злосчастного дворянина и затем распорядился, чтобы его тело было повешено на дереве на растерзание хищным птицам; но, желая оправдать это варварство, он приказал задним числом составить в Владимире приговор о казни своей жертвы и заставил нескольких человек подписаться под этим посмертно составленным документом. Нет такого преступления, которое этот генерал не разрешал бы своим солдатам. Были свидетели тому, как они грубо издевались над одной очень порядочной женщиной, которая была беременна: они приставляли к ее груди заряженные ружья, сорвали с нее жемчужное и бриллиантовое ожерелье и напугали ее до того, что она была вынуждена выпрыгнуть в окно; и если бы над ней не сжалился подполковник Димитриев, ее бы постигла верная смерть («Польский Вестник», последний № от 30 июня 1831 года. Всего 34 номера)» (Петр Вяземский, «Записная книжка», кн. 9 (1832-1850), <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/zapisnaya-knizka/knizka-9-1832-1850.htm>);

«Вплоть до зимы 1918 года «триумфальное шествие советской власти» сопровождалось бесчинствами и массовыми убийствами русских обывателей по социальному признаку. Выдающийся ученый и герой Первой мировой войны генерал-лейтенант Николай Головин в эмиграции справедливо отмечал: «Признание лидерами большевиков крайнего террора за основной метод утверждения своей власти, стало естественным... Для того, чтобы оставаться вождями дичающих толп, Ленин и его сторонники должны были руководствоваться в предпринятом ими кровавом завоевании России правилами первобытных дикарей». Исторические факты подтверждают слова профессора Головина. Красный террор против российского общества начался не в ответ на сопротивление контрреволюционеров, а с первых дней после Октябрьского переворота. Превентивное истребление граждан всех сословий и профессий позволяло ленинской партии не только предотвратить потенциальное сопротивление, но и сохранять манипулирование отсталыми народными массами, натравливая одни социальные группы на другие. 4 декабря 1917 года, выступая на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Троцкий открыто заявил, что «не осудит народа, который в минуту беспредельного отчаяния, возмущенный саботажем имущих классов, прибегнет к репрессиям, и возможно даже – к гильотине». Совнарком еще непосредственно не декретировал массовых убийств, но Ленин предоставлял «инициативу» в этом вопросе местным «коммунам и общинам». И убийства совершались по инициативе многих представителей новой власти, а также её местных органов...» (Борис Вишневский, «Шаги истерии – 2», <http://belrussia.ru/page-id-6740.html>);

«В Крыму сразу после его захвата коммунистами истребили нескольких десятков тысяч русских «монархистов, патриотов и офицеров». Именно на этом основании зимой 1920/1921 годов были истреблены все, кто не эвакуировался вместе с войсками Врангеля.

Сначала объявили регистрацию офицеров, и те в массе своей явились – ведь остались в Крыму те, кто не хотел уезжать с Родины и кто поверил обещаниям большевиков. Все эти люди были уничтожены. Уцелели только те, кто почувствовали что-то и убежали в горы, к партизанам. Потом погнали на расстрел членов семей офицеров, а также вообще всех, кто имел хоть какое-то образование и хоть где-нибудь служил. Для этого на улицах арестовывали всех, кто прилично одет, кто говорит, как образованный человек. Потом устраивали облавы, население целых кварталов сгоняли в концлагеря и потом «сортировали», истребляя всех «классово неполноценных». И тоже, разумеется, целыми семьями. Людей истребляли по спискам, чистойшей воды геноцид: «за дворянское происхождение», за «работу в белом кооперативе», «за польское происхождение». «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагающихся трупов расстрелянных, которые даже не закапывали в землю. Ямы за Воронцовским садом и оранжереи в имении Крымтаева были полны трупами расстрелянных, слегка присыпанными землей, а курсанты кавалерийской школы (будущие красные командиры) ездили за полторы версты от своих казарм выбивать золотые зубы изо рта казненных, причем эта охота давала всегда большую добычу» (Андрей Буровский, «Вся правда о Русских: два народа», <http://testlib.meta.ua/book/41847/read/>; http://loveread.ec/read_book.php?id=9880&p=86; http://historylib.org/historybooks/Andrey-Burovskiy_Evrei--kotorykh-ne-bylo--Kniga-2/12);

«Недавно матрос Железняков, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей. Я не считаю это заявлением хвастовством, и хотя решительно не признаю таких обстоятельств, которые смогли бы оправдать массовые убийства, но – думаю – что миллион «свободных граждан» у нас могут убить. И больше могут. Почему не убивать? Людей на Руси – много, убийц – тоже достаточно. От Ивана Грозного до Николая II-го этим простым и удобным приемом борьбы с крамоллой свободно и широко пользовались все наши политические вожди – почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема?» (Максим Горький, «Дневник», 17.01.1918, <https://project1917.ru/heroes/lenin>);

«Ещё свидетельство: письмо Дзержинского Ленину от 19 декабря 1919 года. В нём указывалось, что на тот момент в плену у большевиков содержалось около миллиона казаков. Вождь наложил резолюцию: «Расстрелять всех до одного». На Кавказ Ленин периодически отправлял телеграммы – «Перережем всех». Тогда у советов просто физически сил не было, чтобы осуществить все директивы «человечного» Ильича. Имеет непосредственное отношение к происходившему на казачьих землях, как и вообще на Юге России, ещё одно распоряжение Ленина – посылать красных головорезов-интернационалистов в районы, где действовали «зелёные»: «Вешать под видом «зелёных» (мы потом на них и свалим) чиновников, богачей, попов, кулаков, помещиков. Выплачивать убийцам по 100 тысяч рублей...». Вспомним, как советская пропаганда долгие годы утверждала, что на совести казаков карательные акции Белой Армии против мирного населения. Нет ли и здесь кровавого ленинского следа случаем?» (Георгий Кокунько, «Как коммунисты уничтожали казаков» / «Рассказывание: 1917 – 1947 гг.»),

<http://kazanka.my1.ru/raskazach.htm>; <https://freedocs.xyz/docx-437513499>; см. также В. Федорович, «Кровь и боль моя, казачество!», <http://vbkv.ru/knigi/kniga.pdf>).

Эту же изуверскую большевистскую политику советская власть применяла и в Украине, и отнюдь не только по отношению к УПА, лицемерно обвиняемой в преступлениях, совершенных спецподразделениями НКВД против поляков, евреев и даже самих русских, принесенных в жертву с целью дискредитации УПА. Она многочисленными расправами, в концлагерях и голодоморами превентивно уничтожила украинскую интеллигенцию и многие миллионы сельских жителей Украины, понимая, что для них, в отличие от природных холопов России, советско-холопский колхозный образ жизни не будет комфортным:

«При совке, центральные органы власти зорко следили за общим уровнем обидления и принимали меры, для его равномерного распространения. Поскольку основным носителем этого замечательного качества были русские, то ими разбавляли население колоний, почему-то названных республиками. Причем, общий уровень обидления балансировался притоком свежего и наиболее агрессивного быдла, успешно вошедшего в необратимую фазу. При этом, путем голода, расстрелов или депортаций, уменьшалось количество местного населения, и добавлялось количество быдла. В разных местах и в разных пропорциях, возникала точка равновесия, когда индуцируемые приезжим быдлом волны уже легко воспринимались местным населением и оно включалось в процесс деградации...» (anti-colorados, «Быдло-мутант», <http://newsua.one/avtorskie-blogi/bydlo-mutant.html>; <http://ukrmir.info/byidlo-mutant/>; https://antikor.com.ua/articles/191565-bloger_rovno_100_let_nazad_v_ogromnoj_strane_raskinivshejsja_na_dva_kontinenta_vo_vlastj_p_rishlo_byd; «Русское быдло», <https://everyday.in.ua/?p=16287>);

«Голодомор был задуман русской администрацией, как акция особой важности, в Москве, осуществлён из Москвы, руками Москвы и с помощью московских штыков и местных сатрапов, посланных и поставленных Москвой. В целях ликвидации украинцев и заселения Украины послушными отбросами русского общества – как это сделали с землями немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев, калмыков, карачаевцев, балкарцев и др. Что и было осуществлено в Восточной Украине. Живущая там сегодня пятая колонна русских, настроенных на Москву, в буквальном смысле поёт и пляшет на костях миллионов украинских мучеников. Всё это подтверждается фактом беспредельного по своему масштабу уничтожения украинской интеллигенции в период Голодомора. Его размах на порядок, если не больше превосходит общеизвестный Большой Террор против русской культуры. Представьте себе физическую ликвидацию всего русского Серебряного века и всех молодых писателей 1920-х годов. Именно это произошло в Украине. «Были убиты все подряд», – именно так сказал мне когда-то мой покойный отец, начинавший свою карьеру в столице Советской Украины Харькове на киностудии «Кинорабмол», основанной чудом выжившим Леонидом Луковым. Символисты, неоклассики, футуристы, члены объединений «Гроно», «Гарт», «Ланка», «Арена», «Плуг», «Молодняк», «Союз писателей западной Украины» и других были вырезаны почти полностью. Кто не был вырезан – покончили самоубийством,

как Хвелевой, Любченко, Борис Тенета, или умерли на улице, как академик Михайло Слабченко. В истории Украина это так и называется – расстрелянное возрождение. Пик террора – 3 ноября 1937 года, когда в Сандормохе (Карелия) был расстрелян Лесь Курбас и с ним 198 писателей, художников и учёных из Украины... Коль скоро вместо покаяния и извинений Москва принимается в очередной раз тащить и не пущать украинцев в Европу, невольно возникает вопрос о психической нормальности московской администрации, которая с холодным садизмом ждёт, пока Украина окончательно задохнётся в её братских объятиях. О нравственности московской администрации вопроса не возникает уже давно. Россия превратилась в грудную жабу постсоветского пространства...» (Андрей Бессмертный-Анзимиров, «Удушение Украины как русская национальная идея», <http://redchenko.com/?p=1120>; http://5.153.55.144/library/02_b/es/smertny_35.htm);

«Пришли в Киев вагоны, а когда раскрыли их, то оказалось, что вагоны загружены человеческими трупами...» Единственной целью этой «тайной операции» на тот момент могла быть попытка донести реальную ситуацию в регионах до центральной власти, ибо никаким другим путем эта информация не доходила... По Украине будто Мамай прошел... Людей тогда на Украине просто «тянули» во враги. Была уничтожена вся верхушка руководящих работников, несколько раз сменялись кадры и вновь подвергались арестам и уничтожению. Украинская интеллигенция, особенно писатели, композиторы, артисты и врачи, тоже была под наблюдением, подвергалась арестам и расправам...» (Никита Хрущёв, «Записки», ч. 4, http://sobytiya.net.ua/archive.date-2008_09_15,article-nikita_hryshev_pochti_kajduiy_den_1/article.html);

«Сталин провозгласил, что настало время сделать Украину «настоящей крепостью СССР, подлинно образцовой республикой». С этой целью требовалась более жесткая тактика. Эта более жесткая тактика включала внесение в черный список многих украинских городов и деревень, которым было запрещено получать промышленные товары и еду. Также она запрещала украинским крестьянам покидать республику и выставляла блокпосты между деревнями и городами, препятствуя внутренней миграции. Команды активистов прибыли в украинские деревни и конфисковали все съедобное, не только пшеницу, но и картошку, свеклу, тыкву, бобы, горох, сельскохозяйственных животных и даже домашних питомцев. Они обыскивали амбары и кладовые, разносили стены и печи в поисках еды. Результатом стала гуманитарная катастрофа: по крайней мере, 5 млн. человек погибли от голода в 1931-1934 годах в Советском Союзе. Среди них было примерно 4 млн. из 31 млн. украинцев, и они умерли не из-за нерадивости или неурожая, а потому что у них забрали еду. После голода Сталин дал старт новой волне террора. Украинские писатели, деятели искусства, историки и интеллектуалы – все, кто имел связь с националистскими правительствами или армиями 1917–1919 годов – были арестованы, отправлены в ГУЛАГ или казнены» (Anne Applebaum, «Why does Putin want to control Ukraine? Ask Stalin», https://www.washingtonpost.com/outlook/why-does-putin-want-control-ukraine-ask-stalin/2017/10/20/800a7afe-b427-11e7-a908-a3470754bbb9_story.html?utm_term=.4ffd79898d49; «Washington Post: Почему Путин хочет контролировать Украину? Спросите у Сталина»,

<https://www.lrt.lt/ru/novosti/38/190916/pochemu-putin-hochet-kontrolirovat-ukrainu-sprosite-u-stalina>; <https://www.inopressa.ru/article/23oct2017/wp/ukraine.html>);

«Несчётны русские погосты
с костями канувших людей –
века чумы, холеры, оспы
и несогласия идей»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/02.htm>).

И ведь же, обманутые большевиками русскоязычные психические инфантилы (челядишки), являясь чрезвычайно жестокими подобно неразумным детям, были настолько простодушны, что даже не осознавали бесчеловечности своих действий:

«Попадали к нам в камеру иногда и коммунисты – «преступники по должности». Обычно они скрывали, кто они, и мы могли только об этом догадываться. Однако я помню одного, который прямо назвался каким-то комиссаром из Уральской области... В его краях были контрреволюционные восстания казаков. «Мы эту гидру выжигали каленым железом»... Как-то раз ему, комиссару, пришлось вести в степь группу приговоренных к расстрелу казачек... «Девки и молодки подвернулись как на подбор красавицы, – говорил комиссар. – В самом соку, значит... Прямо жаль расстреливать... Ну, думаю, им все равно умирать, зачем же им перед концом ребят не утешить... одну и самому себе выбрал. Вас, говорю, от этого не убудет... Ну, а они и слышать не хотят, кричат, ругаются, ну прямо – несознательные... Ничего не поделаешь, согласия не дают, чего, думаю, на них, контрреволюционерок, смотреть... мы уж без согласия...» – «Что же, потом вы их расстреляли?»... – «А то, как же? – ответил комиссар. – Все как полагается, мы свое дело знаем. Ни одна не ушла!...» Поразителен был тон комиссара: он говорил совершенно без цинизма, даже как-то простодушно. Было видно, что он совершенно уверен в своей полной правоте и искренно не понимает, в чем его, собственно, может винить начальство: ведь свое дело – расстрел – он произвел, «как полагается»...» (Князь Сергей Трубецкой, «Минувшее» – М.: ДЭМ, 1991, с. 247-248, <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7227>);

«Ну и почему же Голиков взял себе в псевдонимы хакасское слово «куда»? – А его так хакасы называли. Кричали: «Прячьтесь! Бегите! Хайдар-Голик едет! Хайдар-Голик едет!» А прилепилось это словечко к нему потому, что он у всех спрашивал: «Хайдар?» То есть куда ехать? Он ведь других хакасских слов не знал. А искал он банду Соловьева. И самого Соловьева ему хотелось поймать. Его из Москвы специально прислали Соловьева ловить, а никто ему не говорил, где Соловьев прячется. Он подозревал, что хакасы знают, где Соловьев, знают, а не говорят. Вот он и спрашивал у каждого встречного и поперечного. «Хайдар?» Куда ехать? Где искать? А ему не говорили. Один раз в бане запер шестнадцать человек хакасов. «Если к утру не скажете, где Соловьев, всех расстреляю». Не сказали. А может, и не знали, где Соловьев, тайга ведь большая. Утром он из бани по одному выпускал и каждого стрелял в затылок. Всех шестнадцать человек перестрелял. Своей рукой. А то еще, собрал население целого аила, ну, то есть целой деревни... Семьдесят шесть человек там

было. Старухи и дети, все подряд. Выстроил их в одну шеренгу, поставил перед ними пулемет. «Не скажете, всех перекошу». Не сказали. Сел за пулемет и... всех... А то еще в Соленом озере, да в Божьем озере топил. В прорубь под лед запихивал. Тоже – многих. Тебе и сейчас эти озера покажут. Старожилы помнят...» (Владимир Солоухин, «Солёное озеро», http://gosudarstvo.voskres.ru/solouhin/slt_lake.htm);

«И снова вспоминает И. Варивода: «Голые, как попало набросанные на гарбы – кто висел через драбины головой, у кого руки висели до земли, кто одну или обе ноги задрал вверх – ооченелые, «враги народа» совершали последний путь на цэгэльную, на Бакай. Там был раньше кирпичный завод и глину брали из карьера. Бросали всех в братскую могилу, от младенцев до бородачей. Бросали и живых еще, но таких, что уже все равно дойдут, умрут... Ночью Зайцев, комендант, вызывал к себе председателей колхозов, – Я – под окно, подслушиваю, – Вызовет председателей колхозов и спрашивает: – У тебя сегодня сколько сдохло? – 70 человек. – Мало! А у тебя? – 50 человек. – Мало!» (Георгий Кокунько, «Как коммунисты уничтожали казаков», <http://uargument.com.ua/istoriya/kak-kommunistyi-unichtozhali-kazakov-chast-pervaya/>, <http://molodidov-cossacks.com/?p=7656>).

«Георгий Жуков ввел свою практику разминирования минных полей пехотой. Президент США Эйзенхауэр вспоминал встречу с Жуковым на Потсдамской конференции в 1945 году: «Господин маршал, как вы решали проблему немецких минных полей? Мы в 1944 году имели огромные трудности с этим в Европе». А Георгий Константинович ему так бодренько и отвечает, что есть два типа минных полей: противопехотные и противотанковые. При столкновении с противопехотным минным полем он посылал вперед одно воинское соединение. Потери войск при этом были равносильны бою с сильным немецким укреплением. После того как пехота углублялась вперед, усеяв поле оторванными конечностями, заходили саперы и разминировали противотанковые мины» (Историк Виктор Король, «Ветеран заградотряда вспоминал, что за сутки расстреливал около двадцати человек», Андрей Топчий, «ФАКТЫ», 28.07.2011, <https://fakty.ua/137152-istorik-viktor-korol-veteran-zagradotryada-vspominal-chto-za-sutki-rasstreival-okolo-dvadcati-chelovek>; <http://providenie.ucoz.ru/news/231/2016-05-16-255>).

И ничего-то не изменилось и в настоящее время:

«Владимир Полеванов, такой был прежде председатель Госкомимущества, цитирует вас (Чубайса, – П.Д.). Я хочу вас спросить, он правильно цитирует или это выдумка? Он давал в свое время интервью газете или журналу, называется «Промышленные ведомости», и он говорит следующее – и в эфире это тоже было: «Чубайс заявил мне открытым текстом: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут»... – Это абсолютная, 100%-я ложь господина Полеванова [Чубайс]» (Моисей Гельман, «Ночной стриптиз Анатолия Чубайса», <http://www.apn.ru/publications/article21395.htm>);

«И вот под этим, с позволения сказать, «укрытием», рядом с потухшим костром,

свернулся калачиком на охапке веток и листьев, какой-то человек. Дрожь пробирает от одного только взгляда на этого бездомного, спящего (а может, уже и неживого) под хлопьями падающего снега (вперемешку со струями ледяного дождя)... Этот человек не заблудился в безлюдной тайге, или в бескрайней пустыне. Его не ищут с вертолётами и собаками спасатели из ведомства господина Шойгу. И телевидение не прерывает своих передач, чтобы взволнованным голосом телеведущего в очередной раз сообщить зрителям о ходе поисков. Человек погибает среди десятиmillionного города (Москвы, – П.Д.) – одного из крупнейших и богатейших мегаполисов планеты» (Олег Боровских, «Записки БОМЖа: хуже – может быть всегда», <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=5&id=11110>)

И этому-то не стоит и удивляться. Ведь не только жестокость, но и, вообще, ненависть ко всему нерусскому и склонность к насилию прививаются русскоязычным челядишкам с самого детства как бессознательными лингвопсихическими установками быдлотворной русской ЯКМ, так и «шедеврами» русской литературы, и устным народным творчеством:

«То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть»

(Николай Некрасов, «Замолкни, Муза мести и печали!»,
<http://www.stihi-rus.ru/1/Nekrasov/33.htm>);

«Вот, например, считалочки. Всем хорошо известная: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить». Причем сколько считалочек моего детства умерли и не дожили до моих внуков, но эта жива. Мой трехлетний внук ее знает. Понимаете?... Мы говорим даже о маленьком ребенке: «спит, как убитый». Мы говорим: «мертвый час», – в детском садике. И так далее. ... Не слыша языка, а дети слышат язык» (Светлана Тер-Минасова, «Язык – творец человека» (1-я лекция),
http://metaslov.blogspot.com/2012/04/1_27.html).

Природная лень русскоязычного людишки

Конечно же, для удовлетворения своей любознательности или же любопытства необходимо прилагать определенные усилия. А кому же это надо? Ведь ленивый русскоязычный человек вполне может обойтись и «маниловскими» сладостными мечтаниями о «светлом будущем» или же о «золотой рыбке», исполняющей желания:

«Лень отличается от нежелания совершать действие тем, что осознается как некоторое особое состояние. Надо сказать, что онтологическая сущность лени неочевидна, и это проявляется в таксономической размытости существительного «лень». «Лень» – это, с одной стороны, состояние, которое, как и многие другие состояния, концептуализуется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. «лень-матушка одолела»; «лень раньше нас родилась»; «пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень»; «лень нападает, одолевает, лень обуяла» и т. п. С другой же стороны, «лень» – это и свойство человека; ср. «Меня раздражают его лень и глупость»... В русской культурной традиции

вообще можно заметить некоторую неуверенность в осуждении «лени». Из пословиц видно, что «лень» оценивается отрицательно в основном потому, что «ленивый» человек, отлынивая от работы, перекладывает ее на других. «Лень» же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простибельная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти («Ленивому всегда праздник»). Это представление хорошо согласуется с тем, что чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно. Пословица «Охота пуще неволи» выражает отчужденное недоумение в адрес человека, развивающего бурную деятельность. Главным «ленивцем» в русской культуре является Обломов. Показательно, что, в отличие от Добролюбова, заклеившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. Его лень приводит к жизненному краху и распаду личности, но он вызывает больше симпатии, чем деятельный Штольц. Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру. Сочетания «русская лень» столь же стандартно, как «русская душа». Заметим, что «русская лень» скорее не вялая, не сонная, а мечтательная. Русские интеллектуалы даже любят признаваться в «обломовщине». Василий Розанов писал: «Я вечный Обломов». Журналист Максим Соколов в одном из интервью («Итоги», 28.01.97) говорит: «Идея у нас действительно ценится. Но я думаю, что это скорее проявление русской лени. Концепцию складывать легче, нежели наблюдать факты». Ему замечают: «Вы для многих тоже ассоциируетесь с обломовским типом». – «Я люблю лежать на диване», – с готовностью отвечает он. Русская культура допускает и философское оправдание лени. Она не только глубоко впитала комплекс экклезиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности и о птицах небесных, которые не жнут и не сеют. Она еще и интерпретировала их как апологию бездеятельности. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о ее экзистенциальном смысле, как хлопотливый Кочкарев из гоголевской «Женитьбы»: «И спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает?» В этом контексте бездеятельность может восприниматься как проявление высшей мудрости, а «лень» – чуть ли не как добродетель» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», https://studopedia.ru/6_38894_glavnoe--sobratsya.html; <https://mydocx.ru/1-104999.html>; <http://lingvotech.com/zalitznyak>; http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf; <https://www.liveinternet.ru/community/2322318/rubric/1109310/page1.html>);

«Может быть, Илюша уж давно замечает и понимает, что говорят и делают при нем: как батюшка его, в плисовых панталонах, в коричневой суконной ваточной куртке, день-деньской только и знает, что ходит из угла в угол, заложив руки назад, нюхает табак и сморкается, а матушка переходит от кофе к чаю, от чая к обеду; что родитель и не вздумает никогда поверить, сколько копен скошено или сжато, и взыскать за упущение, а подай-ка ему не скоро носовой платок, он накричит о беспорядках и поставит вверх дном весь дом. Может быть, детский ум его давно решил, что так, а не иначе следует жить, как живут около него взрослые. Да и как иначе прикажете решить ему? А как жили взрослые в Обломовке? Делали ли они себе вопрос: зачем дана жизнь? Бог весть. И как отвечали на него? Вероятно,

никак: это казалось им очень просто и ясно. Не слыхивали они о так называемой многотрудной жизни, о людях, носящих томительные заботы в груди, снующих зачем-то из угла в угол по лицу земли или отдающих жизнь вечному, нескончаемому труду. Плохо верили обломовцы и душевным тревогам; не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то, к чему-то; боялись, как огня, увлечения страстей; и как в другом месте тело у людей быстро сгорало от вулканической работы внутреннего, душевного огня, так душа обломовцев мирно, без помехи утопала в мягком теле. Не клеймила их жизнь, как других, ни преждевременными морщинами, ни нравственными разрушительными ударами и недугами. Добрые люди понимали ее не иначе, как идеалом покоя и бездействия, нарушаемого по временам разными неприятными случайностями, как-то: болезнями, убытками, ссорами и между прочим трудом. Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным. Они никогда не смущали себя никакими туманными умственными или нравственными вопросами; оттого всегда и цвели здоровьем и весельем, оттого там жили долго; мужчины в сорок лет походили на юношей; старики не боролись с трудной, мучительной смертью. а, дожив до невозможности, умирали как будто украдкой, тихо застывая и незаметно испуская последний вздох. Оттого и говорят, что прежде был крепче народ. Да, в самом деле, крепче: прежде не торопились объяснять ребенку значения жизни и готовить его к ней, как к чему-то мудреному и нешуточному; не томили его над книгами, которые рождают в голове тьму вопросов, а вопросы гложут ум и сердце и сокращают жизнь. Норма жизни была готова и преподана им родителями, а те приняли ее, тоже готовую, от бабушки, а бабушка от прабабушки, с заветом блюсти ее целостность и неприкосновенность, как огонь Весты. Как что делалось при дедах и отцах, так делалось при отце Ильи Ильича, так, может быть, делается еще и теперь в Обломовке (то есть в России, – П.Д.)» (Иван Гончаров, «Обломов»,

<http://www.klassika.ru/read.html?proza/goncharov/oblomov.txt&page=23>);

«Потому ведь мы, русские, какой народ? Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь – и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной зуб. Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!!! Это все – лень, вялость, недомыслие!» (Иван Тургенев, «Новь», 1877, http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0300-1.shtml);

«От дикости в народе осталось много дряни, злобности, зависть, жадность. Хозяйство мужицкое, как следует, вести не умеют. Бабы всю жизнь пекут плохой хлеб. Бегут смотреть на драку или на пожар и сожалеют, если скоро кончилось. По праздникам и на ярмарках в бессмысленных кулачных боях забивают насмерть. Дикий азарт. На Бога надеются и ленятся. Нет потребности улучшать свою жизнь. Кое-как живут в дикарской беспечности. Как чуть боженька не уродил хлеб – голод...» (Иван Бунин в воспоминаниях Всеволода Веселовского «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>);

«Долго спустя я понял, что русские люди, по нищете и скудости жизни своей, вообще

любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными. В бесконечных буднях и горе – праздник, и пожар – забава; на пустом лице и царапина – украшение...» (Максим Горький, «Детство», <https://www.litmir.me/br/?b=222837&p=35>).

И в этом ведь нет ничего удивительного, так как праздник для русскоязычного человека это вовсе не священный день (укр. «свято»), а всего лишь праздный – свободный (буквально: порожний – пустой) от обыденной работы день, в который можно избавиться от любых сдерживающих его в будни «тормозов»:

«Песочные часы бегут быстрее,
Когда бесплодно капанье песка;
Нет праздничности в праздности моей,
Удушливой, как скука и тоска»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>).

На негативность в русской ЯКМ понятия «праздник» указывает также и глагол «упразднить» (укр. «скасувати»).

Вера в чудо и мечты о халяве как следствие психической инфантильности русскоязычного населения

Да и неплохо бы было, чтобы по «щучьему велению, по нашему хотению» государство (в лице одних лишь чиновников) само решало все проблемы, не заставляя слишком напрягаться в этом своих недееспособных граждан-холопов, не верящих в собственные силы и не желающих нести никакой личной ответственности за судьбу своего примитивного общества. Авось, и само собой все благополучно разрешиться. А ведь слова «аво», «авось» означают на украинском языке всего лишь «гляди, глянь», а предшествовавшие им наречия «авосе», «осе» означали на древнекиевском языке просто «вот» (Макс Фасмер). И только в русском языке слово «авось» стало символом слепой веры в чудо, осознание несбыточности которого не в состоянии противостоять чувственным желаниям и парадоксальной бессознательной надежде на возможность все-таки его свершения (склад ума – «головой понимаю, а умом – нет»):

«Это народ, вся жизнь которого строилась на «авось» и на мечтах о помощи откуда-то извне, со стороны... и ни у кого нет веры в свои собственные силы» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», <http://www.pseudology.org/NM/02.htm>);

«Тем более – не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов. В противоречие тому – жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда» (Александр Солженицын, «Россия в обвале. // Быть ли нам, русским?», <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>).

И это, конечно же, связано с высокой степенью аффективности русского языка:

«Собственно, язык чуда и нес в себе эту архаическую составляющую. Semeion, знак, –

слово, используемое для обозначения чуда в Новом Завете, – как раз предполагает иной характер отношения образа и знака. Чудо – это специфический образ-знак (или даже, в интерпретации Пауля Тиллиха, «знак-событие»), в котором изобразительное предельно стерто, превращено в «мутное стекло», а смысл, напротив, обнажен, смысл, материализованный в свидетельстве, не предполагающем вопросов, как и в неразрывности знамения и веры. В чуде как образе-знаке, знаке-событии дано нечто, что хоть и необычно, но принадлежит материальной стороне мира и что воспринимается только в экстатическом опыте. Без последнего не было бы чуда, а только знание о чуде. В отличие от откровения (арокаліпсис), указывающего на нашу конечность, на непереваемость божественного Слова, образы-знаки составляют язык человеческой общности, язык, в котором абсолютная переводимость осуществляется за счет устранения различий между адресатом и адресантом, между означаемым и означающим. Это не язык понимания, а аффективный язык действия, язык веры и любви» (Олег Аронсон, «Кинематографический образ: переизобретение чуда» <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/118060294>; [https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/78/15490424444755c0d164484fcef0594d13044bea0/Экранная культура. Теоретические аспекты.PDF](https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/78/15490424444755c0d164484fcef0594d13044bea0/Экранная%20культура.%20Теоретические%20аспекты.PDF)).

Вера в чудо и в возможность «сказку сделать былью» испокон веков были присущи психически инфантильному этносу Московского государства:

«Ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов» (Николай Бердяев, «Философия неравенства», <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>).

Это отчетливо проявилось и в его народном творчестве:

«Если же народ, пережив мифический и героический период своей жизни, не пробуждается к сознанию и переходит не в гражданственность, основанную на разумном развитии, а в общественность, основанную на предании, и остается в естественной бессознательности семейного быта и патриархальных отношений, – тогда у него не может быть художественной поэзии, не может быть ни романа, ни драмы. Эпос его составляют сказка и историческая песня, которой характер, по большей части, опять-таки сказочный. Сравнение казацких малороссийских песен с русскими историческими песнями лучше всего подтверждает нашу мысль: характер первых – поэтически-исторический; характер вторых, как мы увидим далее, чисто сказочный, и притом больше прозаический, чем поэтический» (Виссарион Белинский, «Статьи о народной поэзии», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml).

И вера то советских людей в мифический «коммунизм», ведь тоже была фактически верой в чудо:

«Русский человек способен истово поверить в сказку, особенно обращенную в будущее (об этом много писал Николай Бердяев). Вся история с русским коммунизмом – наглядное тому подтверждение. К сожалению, мечтательностью русского народа можно легко воспользоваться, его ничего не стоит обмануть, потому что он внутренне склонен

схватиться за любую фантазию, за самую что ни на есть разухабистую небылицу, и поверить в нее истово, практически религиозно. При этом свойственное русским «двоемыслие», о котором шла речь выше, проявляется в этом случае в особо извращенной форме. Даже зная о том, что некое утверждение есть, если и не ложь, то уж точно фантазия, русские обладают поразительной способностью полностью вытеснить из своего сознания в глубокое подсознание это неудобное знание...» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..»),

http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character).

Партийные функционеры хорошо знали менталитет русскоязычного люда и длительное время успешно использовали это в своих целях. Для поддержания веры наивных русскоязычных людей в «светлое будущее» многие достижения советского государства преподносились им как рукотворное чудо:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (Павел Герман, «Марш Сталинской Авиации», 1926г., <http://www.pseudology.org/songs/MarchStalinAviation.htm>).

Да и в процессе постсоветских реформ вера в чудо русскоязычного люда, конечно же, эксплуатировалась недобросовестными чиновниками и разными проходимцами:

«В общем контексте мифологического сознания с его упованиями на чудесное разрешение неразрешимых проблем можно рассматривать и веру в «хорошего экономиста» в том виде, в каком она бытует в современном российском обществе. На волне напряженных социальных ожиданий данный персонаж стал бесспорным героем нашего времени. Ему, «хорошему экономисту», значительная часть общества готова практически безоговорочно вручить и судьбу страны, и свои собственные судьбу и деньги. Вопрос лишь в том, чтобы такой человек, наконец, пришел и «все наладил», стал экономистом-волшебником, человеком, способным совершить чудо (в данном случае – «экономическое чудо»). Характерно, что с данным образом нередко сопряжена вера в некий уникальный «рецепт», способный разом изменить самую безрадостную ситуацию... В целом из высказываний теоретиков, публицистов, менеджеров, представителей государственных структур, лидеров и идеологов политических партий, живущих в поле экономического мифа и созидających его своими совокупными усилиями, видно, что «хороший экономист» – это, прежде всего, искусный манипулятор, добивающийся «больших результатов» посредством хорошо рассчитанных и скоординированных «точечных воздействий». В этом искусственном мире экономист-манипулятор, видимо, чувствует себя как оператор перед компьютерным дисплеем, на котором он несколькими нажатиями клавишей может вызвать любое изображение. Завораживая публику своими манипуляциями, он и сам незаметно для себя оказывается в мире иллюзий. Об этом писал П. Авен, зафиксировавший у «молодых реформаторов» гайдаровского призыва склонность к подмене реального мира игрой в символы, за которой они чувствовали себя всемогущими. Потребитель же через коммуникацию стремится забыться, «заболтать» свою потребность в самопознании. Человек бежит из физического пространства в мир знаков и образов. Объединение субъектов в информационные сети и артифицирующая деятельность субъекта в области знаков и

образов, несущая магические черты, упрощает задачу воздействия на него через знаки и образы, «ибо языковые конструкции, опирающиеся как на жизненный опыт, так и на правила формальной логики, живут самостоятельно, по своим собственным законам, с их помощью можно построить научные теории, создать литературные произведения и внедрить в сознание людей ложные идеи». Выделяется функция создания иллюзий языка, благодаря его относительной независимости в совокупности «человек – реальность – языковая система» язык «может создать иллюзорную действительность, подменяя его (человека) реальный мир» (К.В. Томашевская, «Способы мифологизации сознания через экономический дискурс», <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1290>);

«Этнокультурная специфика отношения к чуду на материале сравниваемых языков заключается в том, что для англичан чудо – это, прежде всего, нечто озадачивающее, необъяснимое и вместе с тем неожиданно приятное, для немцев – нечто волшебное и притягательное, для русских – таинственное, божественное и прекрасное. Разница в представлении этой идеи состоит в едва заметных нюансах соотношения между рациональным и эмоциональным восприятием чуда. В английской культуре отношение к чуду носит более рациональный характер, в русской культуре – более эмоциональный, в немецкой культуре мы видим промежуточную позицию в языковом представлении чуда. Английский стереотип поведения требует активности от человека. Встреча с чудом, осмысление чуда показывают человеку, что его активность ограничена, интеллектуальное затруднение и беспомощность (*bewilderment, puzzlement*) вызывают отрицательные эмоции, которые уравниваются радостным удивлением (*something unusually beautiful – COBUILD*). Характерным является словосочетание «*to work /to perform / to do wonders*» – творить чудеса. В немецкой картине мира применительно к концепту «чудо» переход к положительным эмоциям совершается легче, выделяется идея причастности чуду особых людей: «*Nur das Genie beherrscht das Chaos*». В русском языке прослеживается идея непостижимости и высшей силы, связанной с чудесным явлением: чудом очутиться, чудом спастись» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>).

Но если мы, все же, устремим свой взор туда, где еще не успел «похозяйничать» русскоязычный человек, то, конечно же, поймем, что:

«Чудеса-то, оказывается, рукотворны. Но для этого надо напрягаться. Здорово напрягаться. А мы этого не любим. Поэтому не ждите чудес от каждой новой власти. Какой бы она ни была, она не Господь Бог. Она – это мы с вами. Те же: жаждущие и алчные, ленивые и вороватые, мстительные и агрессивные граждане этой страны, но облеченные властью. И какой бы прекрасной не была наша Конституция, она останется красивой сказкой. Поэтому ждать от власти мы можем того же, что и от себя. А что было бы, если бы Всевышний провел эксперимент по ротации населения? Взял бы, да и поменял местами (русскоязычное, – П.Д.) население Украины с населением «туманного Альбиона», или штата Калифорнии в США, или Германии? Думаю, англичане, американцы или немцы за несколько лет сотворили бы на наших землях настоящее чудо. Я уже не говорю о японцах или

голландцах. А во что превратили бы мы их землю? – трудно даже представить» (Валерий Гагин, шеф-редактор газеты «Деньги», «Нечего на зеркало пенять...», <http://gagin.vov.ru/Nechego%20na%20zerkalo%20penyatj.htm>).

Переосмысление москвитами древнекиевской лексики

Древнекиевское слово «очутити» означало лишь заметить, узнать и не имело никакого отношения к украинскому слову «опинитися» и к соответствующему ему русскому слову «очутиться». Очевидно, словосочетание «чудом очутити» в древнекиевском литературном языке означало то, что сейчас выражается всего лишь одним словом – «чудиться» или «почудиться». А так как финские слова «tuntui» и «tuntua» и эстонские слова «tundus» и «tunduma» не только формально соответствуют, но и созвучны русским словам «чудиться» (казаться) и «чувствовать» (ощущать), то слово «очутиться» стало восприниматься, как почувствовать (ощутить) себя находящимся в неожиданном месте:

«Подобно тому веник получил в загадках название Митя, по созвучию этого слова с глаголом мести, мету: туда Митя, сюда Митя (первоначальная форма, конечно, была: туда мете, сюда метё), и под лавку ушел» (Александр Афанасьев, «Происхождение мифа. Метод и средства его изучения», http://ezoteric.polbu.ru/afanasiev_poeticnature/ch01_vi.html);

«По-видимому, на основе значения «прийти в чувство и увидеть себя в новом положении» в просторечии у глагола «очутиться» развивается значение: «неожиданно попасть куда-нибудь, оказаться в другом месте»... Во всяком случае, в словарях Академии Российской глагол «очутиться» отмечается уже только в современном нам значении: «Вдруг появиться, показаться где». Поехал было в дорогу да вдруг опять здесь очутился» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/otcutitsja.html>).

Общее происхождение с этими финскими словами имеют и балтские слова. Латышские слова «jūst» и «jūsties» и литовское слово «pažūsti» тоже означают чувствовать. Этимология слова «очутиться» предложена Фасмером:

«Невозможно родство с «чуть, чу́ю», потому что последние содержат праслав. «ч-», тогда как здесь имеется рефлекс «tj-». Предполагают чередование с очну́ться (см.) и происхождение из «ot-jutiti» путем переразложения приставки. Начальный слог в таком случае соответствует литовскому «at-», а основа «jutiti» родственна литовскому «jaũsti, jaučiũ» – чувствовать, «atjaũsti» – переживать, сочувствовать», «jũsti, juntũ» – ощутить, «jutėti, jutũ» – чувствовать, «jautrũs» – чувствительный» (Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/44644/очутиться>).

Как видим, слово «чувствовать», как и слово «очнуться» (прийти в чувства), произошло не от русского слова «чутьё» и не от украинских слов «чу́ю», «чути», «чутливий», а от близкого к финскому слову «tuntui» мерянского слова (сравните словен. «tujes» и макед. «туѓинец» – «чужак, чужой»; лит. «itin» и лтш. «loti» – очень) или же от балтских слов «just», «juntũ», тоже означающих чувствовать. В Московию

славянизировавшиеся днепровские балты (литвины = беларусы) вполне могли занести его, как и балтизм «очень», из Смоленщины, Дебрянщины и других литвинских земель вместе со своим аканьем:

«В памятниках XV и особенно XVI вв. (после войны 1654–1667 гг., в течение которой московиты захватили в рабство почти триста тысяч литвинов-беларусов, – П.Д.) аканье становится господствующей чертой московского произношения, причем такое произношение распространяется и на северорусскую по происхождению лексику: см. написание «парядня» (домашнее хозяйство) в Коншинском списке «Домостроя» («Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <http://ksana-k.narod.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>);

«Мало- и великорусский говоръ на О, бѣлорусский на А, по его вліянію Москва стала говорить слегка на А и этотъ говоръ сдѣлался условно-чистымъ. Надо бы изслѣдовать Литовский (грудский) языкъ, не онъ ли придасть бѣлорусскому говоръ на А?» (Владимир Даль, Письмо Михаилу Максимовичу, С.-Пб., 12 Ноября 1848, <http://www.ya2004.com.ua/2008/03/18/988/>);

«Среди многих русских говоров Поволжья, подвергающихся значительному украинскому влиянию, нет ни одного, воспринявшего характерное украинское различие гласных неверхнего подъема в безударном положении, т. е. сменившего произношение типа «дамой, пашли, карова, драва» на «домой, пошли, корова, дрова» и т. д. Это означает, что аканье в русских говорах представляет устойчивую черту их фонологической системы» (Б.А. Серебренников, «Территориальная и социальная дифференциация языка», <http://www.philology.ru/linguistics1/serebrennikov-70a.htm>).

Тотальное переосмысление морально-этической лексики русского языка

Морально-этическая лексика русского языка является преимущественно переосмысленной и поэтому-то, как правило, и обладает взаимно противоположной оценочной коннотацией для подсознания и сознания. Подобно переосмысленной лексике классической латыни, она нередко обладает скрытой негативной коннотацией (негативной эмоциональной окраской своей внутренней формы) при описании нею положительных явлений и, наоборот, скрытой позитивной коннотацией при описании нею отрицательных явлений. Само же наличие множества слов-оборотней сообщает ей отрицательный ментально-психический потенциал, способствующий формированию и консервации холопского менталитета у общающегося на русском языке населения:

«Не является ли в свою очередь русский язык великим литературным языком за счёт своей низменности? Или, точнее, пронизанности, сетчатости, через которую просвечивают архетипы – бездушные, бездонные, стоящие вне критериев человечности...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

И это ни сколько не удивительно, так как этот искусственный язык, зонально

сконструированный из элементов естественных языков, создавался первоначально как апосторный эстетический язык и предназначался преимущественно для литературного использования:

«...в тогдашней Московской Руси господствовавшие классы и идеологи складывавшегося в те годы самодержавного строя стремились возвысить над обычными земными представлениями все, связанное с его авторитетом. Отсюда и желание сделать официальный литературно-письменный язык как можно больше отличающимся от повседневной разговорной речи, противопоставить его ей. Имело значение и то обстоятельство, что церкви в это время приходилось бороться со многими антифеодальными идеологическими движениями, выступавшими в форме Ересей (стригольников и др.), а эти последние опирались на поддержку народа, были ближе и к народной культуре, и к народной речи» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php).

И лишь позже этот новояз постепенно был приспособлен для общения франкоязычных господ со своими крепостными рабами (холопами) и стал использоваться также и в качестве средства регионального межнационального общения вместо татарского тюрки. Сам Александр Пушкин, вдохнувший в него жизнь, не являлся славянином по происхождению и, как и вся российская знать, с самого детства общался со своими родными и друзьями на французском языке:

«Он, напомним, по-французски начал говорить раньше, чем по-русски (лицейское прозвище – «Француз»), и, стало быть, еще в младенчестве бессознательно усвоил чувство меры, гармонию и изящество, присущие как раз галльскому мировосприятию и языку. Этого нет у всех других русских писателей и поэтов, русский гений – мрачен и тяжеловесен, и только «наше все» обладает перечисленными выше свойствами в избытке, и его изящество и легкость, скорее всего, объясняются ранним усвоением французского языка. Что нисколько не умаляет величия всего совершенного им для русской словесности и культуры...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>).

Холопский образ жизни психически инфантильного русскоязычного населения

Переход же инородческой знати на общение русским языком существенно снизил ее пассионарность и, в конце концов, привел к тому, что более пассионарные иудо-большевики практически полностью ее истребили с помощью обманутых ими люмпинизировавшихся холопов великороссов:

«Из всех народов, населяющих Россию, хуже и гнусней всех оказались великороссы... В тупик становишься перед этой грубой, жестокой, тупой и холодной, беспросветно толстокожей злобностью... Как могли мы, культурные классы, проморгать то обстоятельство, что имеем дело со зверем, притаившимся, скрывающим свои инстинкты, но при первом случае бывшим наготове вцепиться нам в горло» (Ф. Винберг, «В плену у

обезьян», Киев, 1918, цит. по: М. Агурский, «Идеология национал-большевизма», Paris, 1980, <http://macbion.narod.ru/s4/soviet2.htm>; <http://aleksandr-kommari.narod.ru/agursky.htm>).

Негативно искусственный русский язык сказался на менталитете и всех других разговаривающих на нем сословий и народностей. Вместе с языком они переняли у русифицировавшихся холопов многие отрицательные черты характера и, в том числе, и звериную жестокость, и нелюбовь к труду, ассоциирующемуся в подсознании с рабством.

Согласно «Лексису» Лаврентия Зизания (<http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>) церковнославянское слово «работа» означает неволю (рабство). Слова же «рабочий» и «раб» в русском языке не только однокоренные, но и, в отличие от других славянских языков, имеют одинаковую огласовку, да и по смыслу они всегда мало отличались друг от друга из-за по-рабски нерадивого отношения рабочих к своему низкооплачиваемому труду.

И наличие этого соответствия, конечно же, связано с испоконвечным добровольно-принудительным рабством (холопством) практически всего населения Московии, а позже и царской России:

«Отмена права отъезда произвела глубокую перемену в положении высшего класса населения, бояр. Из вольных слуг своих сюзеренов они превратились в невольных служилых людей. Такая же глубокая перемена произошла в течение XV – XVI веков в положении служебных князей; сначала закреплены были за государством территории их уделов; затем закрепили самих владетельных князей...» (Дмитрий Калужный, Ярослав Кеслер, «Другая история Московского царства // Закрепощение бояр и князей»,

https://www.e-reading.club/chapter.php/25158/23/Kesler%2C_Kalyuzhnyii_-_Drugaya_istoriya_Moskovskogo_carstva.html; <http://testlib.meta.ua/book/107089/read/>;
https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kalug/03.php);

«Общество, которое создавал Петр, только очень условно можно назвать европейским. Да, внешне дворяне становятся похожи на европейцев – манерами, одеждой, едой, утварью. Но образ жизни дворян не имеет ничего общего с жизнью европейского дворянства. Никакого разделения общественной и частной жизни, никакой частной собственности, никакого верховенства закона над произволом отдельных лиц или группировок! Петр вовсе не давал дворянам свободу. Он сделал их еще более страшными рабами государства, чем крестьян. Во времена Петра дворянин служил всю жизнь, с 15 лет до полной дряхлости. Он должен был начинать служить с солдата или матроса и только постепенно получал офицерские чины... Дворяне постоянно подвергались унижительным наказаниям. История России знает такие удивительные события, как порка придворной дамы или порка боевого офицера... Естественно, если человек и сам себя считает холопом государства и монарха, и все окружающие о нем такого же мнения – при чем же тогда европейство?!» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида // Поколения поротые и непоротые, или Когда дворяне стали европейцами?», http://loveread.ec/read_book.php?id=9880&p=18; https://www.e-reading.club/chapter.php/145504/28/Burovskiii_-_Vsy_a_pravda_o_Russkih_dva_naroda.html);

«Печальное зрелище представляет наше современное общество: в нем ни великодушных стремлений, ни правосудия, ни простоты, ни чести в нравах, словом – ничего свидетельствующего о здравом, естественном и энергическом развитии нравственных сил. Мелкие души истощаются в мелких сплетнях общественного хаоса. Нет даже правильного понятия о выгодах и твердого к ним стремления. Все идет, говоря русским словом, «на шаромыжку». Ум и плутовство – синонимы. Слова «честный человек» означают у нас простака, близкого к глупцу, то же, что и добрый человек. Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаками романтической восторженности. И понятно, ведь с ними не соединяется ничего существенного, – это пустые, книжные слова. Образованность наша – одно лицемерие. Учимся мы без любви к науке, без сознания достоинства и необходимости истины. Да и в самом деле, зачем заботиться о приобретении познаний в школе, когда наша жизнь и общество в противоборстве со всеми великими идеями и истинами, когда всякое покушение осуществить какую-нибудь мысль о справедливости, о добре, о пользе общей клеймится и преследуется как преступление? К чему воспитывать в себе благородные стремления: ведь рано или поздно все равно придется пристать к массе (то есть к агрессивно послушному вертухаям-чиновникам и пахану-монарху быдлу, – П.Д.), чтобы не сделаться жертвою...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 15 января 1841г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«В журнале «Огонекъ» №47 от 23 ноября 1908 года были опубликованы рассуждения госпожи Северовой (литературный псевдоним Натальи Нордман, невенчанной жены Ильи Репина) о жизни домашней прислуги в Российской империи начала XX века... «Наши черные лестницы и задние дворы внушают омерзение, и мне кажется, что нечистоплотность и неаккуратность прислуги («бегаешь, бегаешь, некогда себе пуговицы пришить») являются в большинстве случаев недостатками вынужденными. На голодный желудок всю жизнь подавать собственными руками вкусные блюда, вдыхать их аромат, присутствовать, пока их «кушают господа», смакуют и хвалят («под конвоем едят, без нас не могут проглотить»), ну как тут не постараться стащить хоть потом кусочек, не полизать тарелку языком, не положить конфетку в карман, не глотнуть из горлышка вина...» «Извѣстно, что столичная домашняя прислуга глубоко и почти поголовно развращена. Женская, большею частью незамужняя молодежь, массами прибывающая изъ деревень и поступающая въ услуженіе къ петербургскимъ «господамъ» кухарками, горничными, прачками и пр., быстро и безповоротно вовлекается въ развратъ и всей окружающей обстановкой, и безчисленными, нецеремонными ловеласами, начиная съ «барина» и лакея, и кончая гвардейскимъ щеголемъ-солдатомъ, велемощнымъ дворникомъ и т. д. Развѣ закаленная въ цѣломудрії весталка устояла-бы противъ такого непрерывнаго и разнороднаго соблазна со всѣхъ сторонъ! Можно положительно сказать, поэтому, что огромнейшая часть женской прислуги въ Петербургѣ (въ сложности, ея около 60 т.) сплошь проститутки, со стороны поведенія» (В. Михневич, «Исторические этюды русской жизни», С.-Петербург, 1886 г.)... Свои рассуждения г-жа Северова заканчивает пророчеством: «...еще 50 лет назад слуги назывались «домашней сволочью», «смердами» и именовались так и в официальных бумагах. Теперешнее

наименование «люди» также уже отживает свое время и лет через 20 будет казаться диким и невозможным. «Если мы «люди», то кто вы?» – спросила меня одна молодая горничная, выразительно глядя мне в глаза...» («Раскрепощение прислуги»: как жилось господской прислуге перед революцией, <http://www.factroom.ru/life/liberating-workers;> <http://bigpicture.ru/?p=820338>);

«Социальная успешность вертухайского сообщества в РФ (как и ранее в Царской России и в СССР, – П.Д.) сильно влияет и на разметку той части социального поля, которая с точки зрения самих вертухаев схлопнута в точку «П», но где в то же время обитает основная масса населения страны («лузеры», «лохи», «сволочи» и другое психически инфантильное «быдло», – П.Д.). При этом следует отметить, что для многих автохтонов Русской равнины моральные издержки пребывания среди вертухаев излишне велики, и поэтому они стараются прожить свою жизнь так, чтобы иметь дело с вертухаями лишь «по минимуму». Относительно субъектная часть данной группы, которую можно определить термином «партизаны», будучи постоянно «тренируемой» вертухайским произволом уже вполне восприняла правила вертухайской игры, и не останавливается перед нарушениями правил сама, особенно по отношению к вертухаям. Передвигаясь по заминированному вертухаями пространству партизаны стараются слиться с ландшафтом, чтобы платить вертухаям поменьше. Вертухай же в свою очередь ведут за партизанами «охоту», целью которой является снимаемый с партизан доход – вертухайская административная рента. Не так щепетильны в моральном плане некоторые этнические меньшинства. Их представители без видимых моральных проблем для себя стремятся в ряды вертухаев с тем, чтобы не только приладиться к доходам, снимаемым с прочего населения, но и активно гнобить «быдло», теша свою спесь...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухай, партизаны. Российское общество и его политический класс», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>);

«Бесспорно, вирус быдла неизбежно переносится с его коренного носителя на тех, кому пришлось с ним контактировать. Но и обратный процесс тоже шел довольно бодро. За примерами далеко ходить не будем и просто посмотрим на то, что мы имеем в Украине. А тут – все просто. Регионы, подвергшиеся массовому заселению быдлом, в наибольшей степени поражены этим тяжелым недугом. Собственно говоря, для понимания картины заражением этой дрянью, можно посмотреть на электоральную карту страны. Наиболее точно передает картину карта голосования за коммунистов. Сейчас это сделать и труднее, и легче одновременно. Наиболее пораженные регионы находятся под оккупацией. А в остальном – труднее, ибо электорат коммунистов дрейфовал к популистам и там разбавлен другой странной публикой. Это все мы прекрасно знаем и тут нет никаких новаций. Но дело в том, что на земле Украины быдло мутирует и дает неожиданные сорта. Россиянам следовало бы понять, что родственное им быдло в Украине мутировало и приобрело некоторые качества от нормальных людей. Не секрет, что в совке и на постсовковом пространстве были и есть две национальные группы, отличающиеся умением все делать очень хорошо, а иногда – слишком хорошо. Если евреи не имеют какой-то конкретной территориальной привязки, то украинцы живут в Украине. Вот именно там быдло

подстерегают жестокие мутации. Некоторые из них доводят сам принцип быдла до невиданных высот, и когда такой мутированный экземпляр запускается к простому быдлу, то ему [простому быдлу, – П.Д.] становится очень некомфортно, ибо кто-то обыгрывает его на собственной площадке, а отсутствие умений и талантов, не дает простому быдлу тягаться с мутантами» (anti-colorados, «Быдло-мутант», <http://newsua.one/avtorskie-blogi/bydlo-mutant.html>; <http://ukrmir.info/byidlo-mutant/>; https://antikor.com.ua/articles/191565-bloger_rovno_100_let_nazad_v_ogromnoj_strane_raskinuvshejsja_na_dva_kontinenta_vo_vlastj_p_rishlo_byd; «Русское быдло», <https://everyday.in.ua/?p=16287>);

«Я хочу напомнить о том, что у нас проблемы с самим существованием того, что называют обществом. На мой взгляд, у нас нет общества. Вернее, нет структурированного общества, нет групп людей, которые ясно могут сказать, что они хотят, а чего – не хотят. У нас партии – это не партии, а политический палимпсест. Наши профсоюзы – это не профсоюзы, а политический пастиш эпохи труда и капитала. То, что называют российским обществом, является на самом деле «пассажиrom без места», который не может, даже если захочет, оказать институциональное сопротивление власти. Единственное, что ему остается сделать, это стать «партизаном». Все мы сегодня в некотором смысле партизаны, и многие из нас держат кукиш в кармане. Проблема состоит в том, что у большинства из нас нет воли к власти. Отношение русских к собственному государству определяется следующим обстоятельством. У русских никогда не была развита воля к власти. Этой воли лишили нас дворяне, которые взяли на себя функцию управления. Оставшись без дворян, мы склонились к номадическому образу жизни, к анархизму, к отшельничеству. Воля к власти связывалась у нас с государством. У него было право править, у нас – право соединять свободу с бытом. Поэтому свободу мы усвоили не как политическую, а как бытовую. Но быт – это основа цивилизации, и вот это-та основа и была у нас разрушена. То есть мы лишились основы и стали культурной ризомой, которой хотят привить просвещенный консерватизм... В политическом пространстве России есть много причин для беспокойства. Например, не может не беспокоить то, что интересы русских и современного государства не совпадают. Это несовпадение дает о себе знать в идее федерализма, равно как и в идее парламентаризма. Как сказал Данилевский, мы всегда будем видеть в депутатах шутов гороховых, а федерализм понимать, как гостиницу, в которой русским жить неудобно. Но что мы можем сделать? Ничего. Просвещенный консерватизм, привитый культурной ризоме, означает только одно: рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь...» (Фёдор Гиренок, «Политический палимпсест России», <http://fedorgirenok.narod.ru/politpalim.htm>).

Неудобство же это испокон веков и поныне, хотя и является «тяжким», но не настолько, чтобы связанный с ним советско-холопский образ жизни перестал быть комфортным для психически инфантильного русскоязычного населения «Русской равнины», не способного обустроить свою жизнь без тотальной опеки жестокой авторитарной властью, а поэтому-то и вынужденного беспрекословно повиноваться ей:

«И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались

отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству (законсервированному быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.), еще более тяжкому, и притом освященному самим фактом нашего освобождения...» (Петр Чаадаев, «Философические письма», <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>);

«Россия, однако, тоже не послушалась грозного предостережения самого выдающегося из своих политических мыслителей. И заплатила она за небрежение советом Чаадаева неимоверно, умопомрачительно дорого – не только затянувшимся на столетия крестьянским рабством или десятками миллионов жизней, поглощенных ГУЛАГом, но и тем, что, оказавшись отрезанной от нормальной (европейской, по Чаадаеву) жизни, обречена, мириться с произволом власти и с унижительной второсортностью своего быта, не говоря уже о неуверенности в завтрашнем дне, терзающей её и по сию пору (достаточно вспомнить хотя бы о «проблеме 2008»). Но главное обречена, оказалась страна мириться с тем, что брела по истории, спотыкаясь, то и дело, попадая в глубокие, затягивавшиеся на долгие годы, если не на поколения, исторические тупики... Еще важнее, однако, что и сегодняшние лидеры страны (поставившие себя выше закона и откровенно лживые, – П.Д.) по-прежнему ведут её курсом, противоположным совету Чаадаева. Курсом, вполне возможно чреватом еще одним историческим тупиком...» (Александр Янов, «Европейское будущее России», http://www.slovofera.ru/history/yanov_resume.html);

«А раз он («лидер страны», – П.Д.) стоит выше закона, он имеет легитимное право лгать. Это не является нарушением. Наоборот, чем больше он лжет, тем больше он демонстрирует, что он выше закона, и тем больше он монарх, который качественно отличается от всей остальной быдловой массы, припадающей к его ногам и падающей ниц. Как говорилось в стихах сталинской эпохи, –

«глава великой державы,
шагающей в коммунизм,
в стихах, что на ощупь шершавы,
смирненно падаю ниц»...»

(политолог Станислав Белковский, из интервью Ольге Журавлёвой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1517426-echo/>).

И этот-то чреватый еще одним историческим тупиком курс холопской России является вполне закономерным, так как пережиточная имперская русская ЯКМ прочно законсервировала у быдлых россиян предрасположенность к психической инфантильности и к соответствующей ей холопской ментальности:

«Я хотел бы только сделать попытку перенести некоторые черты Московии в нынешний, 2000 год и посмотреть, сильно ли мы их искоренили, эти недостатки? Начну с того, допускается ли «осмелиться, в чем-нибудь противоречить ему (государю), или быть другого мнения»? Один прокурор «осмелился», или «был другого мнения» – посадили, другого, несмотря на существенную поддержку «заграницы», – выгнали с позором с работы. Третий же быстро научился делать так, чтобы не «осмеливаться» и «не быть другого

мнения» и, представьте себе, сидит, не в тюрьме, а в прокурорском кресле. Вы только представьте себе ситуацию, прокурор нарушает не только закон, но и здравый смысл, и ничего – сидит, правит» (Борис Синюков, «Загадочная русская душа на фоне мировой еврейской истории», гл.11 «Русское рабство – совершенно уникально», <http://www.borsin1.narod.ru/download/glava11.htm>);

«Любой (русскоязычный, – П.Д.) подонок, любая мразь, ни в чем не преуспевшая, любой обсевок жизни рядом с евреем (да и с украинцем, ведь тоже, – П.Д.) чувствует себя гордо. Он король, орел, умница и красавец. Он исходит соком превосходства. Последний из последних среди своих, и вдруг без всякого старания, на которое он и не способен, некая подъемная сила возносит его выспрь. Эта подъемная сила идет от беззащитности евреев, пасынков его законной родины. Нет лучше карты для дурных правителей, чем играть на жидофобии низших слоев населения. А население в своей массе принадлежит к низам (к психически инфантильному быдлу, – П.Д.), даже те, кому светит семейная люстра, а не трущобная лампочка-сопля. Людей высшего качества (в России, – П.Д.) ничтожно мало, они не образуют слоя, так, прозрачная пленка» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», https://pikabu.ru/story/yunagibin_ya_khochu_nazad_v_evrei_tam_svetlee_i_chelovechnee_696486_1; <https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/NAGIBIN/tonnel.dhtml>).

И, следовательно, вовсе не удивительно и то, что в русском языке этноним «русский» (укр. «росіянин») является притяжательным прилагательным, указывающим на принадлежность кому-то или чему-то, и соответствует ответу не на вопрос «кто ты?», а на вопрос «чей ты?» (то есть, – чей ты холоп?):

«На северо-восточных землях топоним «Русь», а также производный от него этноним распространяется, вытесняя местные земельные названия, позже, с конца XIII века, но уже в форме «русские», образованной совсем по другой, нетипичной модели. «Русин» (как и «литвин», «мордвин», «немчин», «волошин» и т.д.) с самого начала выступало субстантивом, означая человека. «Русский» же сначала было атрибутивом, обозначая принадлежность человека «русскому» князю, и только со временем превратилось в субстантив...» (Василий Балущок, «Когда же родился украинский народ?», <http://archive.li/c2oN7>; <http://newsland.com/community/437/content/kogda-zhe-rodilsia-ukrainskii-narod/2026371>; https://zn.ua/SOCIETY/kogda_zhe_rodilsya_ukrainskiy_narod.html).

Русский язык закрепляет и сейчас обязательность принадлежности людей кому-либо или же к чему-либо (русские, московские, питерские, тамбовские) а, тем самым, и навязывает неизбежность зависимости их от кого-либо или же от чего-либо. Да и многие русские фамилии ведь тоже отвечают на вопрос: «чей ты холоп или же сын, ребенок?» (например: Князев, Баринов, Панов, Попов, Дьяков, Кузнецов, Гончаров, Петров, Иванов):

«Право на самоидентификацию со своими нациями мы признаем за представителями так называемых малых народов, населяющих Российскую Федерацию: коряки, алеуты, юкагиры, нивхи, ахвахи, ижорцы... Даже для исчезнувших народов в нашем языке нашлись существительные: иссидоны, керкеты, киммерийцы, меоты, половцы, сарматы, синды,

скифы, хазары и т. д. Лишь себя мы никак не идентифицируем. И потому на вопрос о своей национальной принадлежности отвечаем не существительным, а прилагательным: русские. Другими словами, ссылаемся на свою принадлежность к чему-то (народу? географическому пространству? [очевидно, к Русской Церкви, – П.Д.]), что само нуждается в определении. Русский язык чуток к нюансам и не позволяет слукавить даже в малом. В результате часто случается так, что мы, произнося что-либо вслух, имеем в виду одно, а язык сообщает другое. Возьмите такое заурядное явление, как знакомство. Представители всех народов говорят о себе: «Мое имя такое-то». Русский человек, представляясь, скажет: «Меня зовут Петр, Василий, Анна». То есть, не мы идентифицируем себя со своим именем, а нас так называют, мы лишь подтверждаем свою принадлежность к данному нам имени... Безволие, покорность судьбе, ни на чем не основанная уверенность, что рано или поздно все образуется, – без нас образуется, но образуется для нас, – вот что стало определяющим в жизни русских. Эти же причины превратили нацию в подопытных кроликов, над которыми проводятся опыты по искусственной «европеизации». Автор предисловия к многотомной антологии для юношества «Благая весть» Григорий Померанц пишет: «Как империя, Россия – обрубок. Как нация Европы, она неполноценна, не научилась жить, как европейские нации живут, а научиться этому не просто, за короткое время – даже совсем невозможно...» (Владимир Меженков, «Русские: какие мы?»), http://thelib.ru/books/vladimir_mezhenkov/russkie_otkuda_my-read.html).

Церковнославянское слово «раб», являющееся синонимом не только слова «невольник», но и переосмысленных древнекиевских слов «отрок» и «холоп», созвучно финскому слову «lapsi» и эстонскому слову «laps», означающим ребенок. Именно от этого финского слова происходят и русские слова лапушка, лапочка-дочка, «лопух, лопушок» – несмышлёныш, облапошить – «обмануть как ребенка» (аналогично объегорить), детский лепет, лепетать (фин. «lepetellä»); «лепета» – собака (в русской загадке). Возможно всё это и содействовало закреплению производных от слова «раб» слов «ребенок» и «ребята» (ср.: слон, слонёнок, слонята) именно в русском языке, на котором стали общаться между собой потомки мерян, эрзян, чуди, води, веси и других финских народностей, а не в каком-либо другом славянском языке (Фасмер: диалектное «робёнок», «робьята», др.-киев. «робья», мн. «робьята», «робь» – раб, ст.-слав. «рабь»):

«А робкий – это от робя. Так называли когда-то детей. Робя – ребенок, от этого слова – робость, робкий» (Дмитрий Кобяков, «Приключения слов», <https://www.litmir.me/br/?b=58302&p=4>).

Возможно, именно с этим связано также и то, что в отличие от украинского слова «дитина», слово «ребенок» подобно слову «человек» является словом не женского, а мужского грамматического рода. Конечно же, на всё это могло повлиять и то, что после ухода исконно славяноязычных людинов – истинных европейцев старообрядцев (староверов) на окраины или же вообще за пределы государства в деревнях и в городах помимо знати остались лишь добровольные рабы (людишки – холопы) преимущественно финно-угорского и тюркского происхождения:

«...«Настоящие русские европейцы – это старообрядцы»... Суть Реформации и у нас, и в Европе – не в различиях вероучения или форме обряда, но в борьбе за независимость от церковной (а заодно и от государственной) власти. И эту борьбу старообрядцы выиграли: они стали самым свободным, самым инициативным и деятельным сословием в России. Они создали то, что называется старообрядческим капитализмом, – с его деловой этикой, мировым размахом, с его высокой культурой и социальным служением: благодаря им возникали народные школы, больницы, библиотеки, музеи» (историк русской церкви Лев Регельсон, «Самодержавию Ивана Грозного предшествовал абсолютизм европейского типа», <http://www.liberal.ru/articles/4534>);

«Церковь была подчинена государству не только со времен Петра Великого, но и в Московской России. Понимание христианства было рабье. Трудно представить себе большее извращение христианства, чем отвратительный «Домострой». Ив. Аксаков даже отказывался понять, как такую низкую мораль, как мораль «Домостроя», мог породить русский народный характер. Идеология Москвы, как Третьего Рима, способствовала укреплению и могуществу Московского государства, царского самодержавия, а не процветанию церкви, не возрастанию духовной жизни. Христианское призвание русского народа было искажено... Московская Россия шла к расколу, который стал неизбежен при низком уровне просвещения. Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством. И вместе с тем, в этом тоталитарном царстве не было цельности, оно было чревато разнообразными расколами. Раскол XVII в. имел для всей русской истории гораздо большее значение, чем принято думать. Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера... В Московской России была настоящая боязнь просвещения. Наука вызывала подозрение, как «латинство». Москва не была центром просвещения. Центр был в Киеве. Раскольники были даже грамотнее православных» (Николай Бердяев, «Русская идея: основные проблемы русской мысли в XIX века и начала XX века», <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>).

Однако же староверов-раскольников (старообрядцев) в России было пренебрежительно мало по сравнению с многочисленными холопами, постепенно переосмыслившими русскую ЯКМ под свою холопскую ментальность. Поэтому-то, вовсе ни сколько не удивительно и то, что большинство нынешних русскоязычных родителей (не обязательно являющихся потомственными холопами) максимально ограничивает свободу своих детей, рассматривая их буквально как свою собственность (то есть как своих «рабенков»). И ведь подавляют они, тем самым, у своих детей как малейшие способности к проявлению общественной активности, инициативности и предприимчивости, так и веру в себя и в справедливость:

«В старые времена учеников школы часто пороли, нередко даже без какой-либо вины наказуемого. Если наставник (устар. «наказатель» – учитель, наставник, – П.Д.) проявлял особое усердие, и ученику доставалось особенно сильно, его могли освободить от дальнейших порок в текущем месяце, вплоть до первого числа следующего месяца. Именно так возникло выражение «всыпать по первое число...» («Откуда появились крылатые

выражения // Всыпать по первое число», <https://www.facenews.ua/articles/2013/99879/>).

И это ведь в России всегда рассматривалось, как наилучшее средство для воспитания покорности:

«Детей бьют тоже очень усердно. Желая ознакомиться с характером преступности населения губерний Московского округа, я просмотрел «Отчеты Московской судебной палаты» за десять лет – 1900–1910 гг. – и был подавлен количеством истязаний детей, а также и других форм преступлений против малолетних. Вообще в России очень любят бить, все равно – кого. «Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Изд. И. Ладыжникова, Берлин, 1922, <http://www.rulife.ru/mode/article/68&print>);

«И воспитание рабства у детей начинает не в школе, а обычно в семье. Скажем, когда бабушка наставляет внука: «Не делай так! Что люди скажут, что люди подумают?», она приучает его следовать внешней (не своей, чужой) оценке, стирая значимость оценки собственной, насаждает социозависимость. Когда мама с гордостью заявляет, что живёт, де, исключительно ради ребенка, то это автоматически означает, что и ребенок будет жить ради кого-то или чего-то внешнего (воспитание происходит в основном по принципу копирования родителей). Счастье и радости свободного человека такому ребенку, вроде бы обласканному родительской заботой, перекрываются воспитанием...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода? (препарация российского рабства)», <https://7x7-journal.ru/post/48786/2014/10/18>; http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/; http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33);

«Жертвенность, смирение, подчинение голосу совести, патриотизм – это то, что воспитывать ни в коем случае не следует, особенно в России. Почему? Потому что, воспитывая, внушая ребенку это, вы, по сути дела, приделываете к нему рычажки управления, и кто воспользуется этими рычажками? Красноносый, обдолбанный коньяком полковник в какой-нибудь очередной Чечне? Какой-нибудь просто идиот, который в очередной момент скажет: «Это надо, потому что у меня золотые звезды на погонах и это надо». Этого ни в коем случае воспитывать нельзя. И патриотическую гражданскую позицию ни в коем случае воспитывать нельзя, потому что она работает как фактор управляемости человека. Воспитывать, вероятно, надо прежде всего свободу и понимание того, что личные интересы, если они будут здоровыми и неприступными, – это лучшая основа, это лучший кирпичик, в том числе и для любого социума. Это гораздо более справедливая, точная и всегда находящая себе предназначение конструкционная деталь, нежели все эти жертвенности, подчинение голосу совести и так далее, и так далее. То есть, не надо делать ребенка безоружным перед очень варварским, очень свирепым и очень тупым государством» (Александр Невzorov, «Я никогда никого не предавал, потому что никогда никому не присягал», <https://snob.ru/profile/20736/blog/92098>; <https://lovehate.io/blog/225/comments/>; <https://nevzorov.tv/tvorcheskiy-vecher-16-04-2015-v-sankt-peterburg/>; <https://credo.press/160277/>).

И, ведь же, как родителей, так и наставников (наказателей) к воспитанию соответственно у своих детей и у учеников жертвенности, смирения и всех других «добродетелей» холопской ментальности понуждает не только «тупое государство», но и подспудно (то есть на уровне подсознания) их родной русский язык. Согласно русскому языку, любая социальная зависимость является жизненной нормой, так как человек, разорвавший ограничивающие его свободу какие-либо путы, является «распутным, беспутным, непутевым» и, поэтому, буквально заслуживает лишь всеобщего осуждения. И, следовательно, не стоит удивляться и тому, что у беспутного русскоязычного населения, привыкшего к своим путам и яростно ненавидящего всех избавившихся от них:

«Все дороги России – беспутные,
Все команды в России – пожарные,
Все эпохи российские – смутные,
Все надежды ее – лучезарные»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>);

«Личностей не было – была однородная (беспутная, – П.Д.) масса, потому что каждая личность духовно оскоплялась уже на школьной скамье. Откуда было взяться ярким индивидуальностям, когда единственное, что создает личное своеобразие и силу – сочетание свободно раскрывшейся чувственности с самосознанием, – отсутствовало? Формализм сознания – лучшее нивелирующее средство в мире. За все время господства у нас обществу яркие фигуры можно было встретить у нас только среди революционеров (позже, политзаключенных, – П.Д.), и это потому, что активное революционерство было у нас подвижничеством, т. е. требовало от человека огромной домашней работы сознания над личностью, в виде внутреннего отречения от дорогих связей, от надежд на личное счастье, от самой жизни; неудивительно, что человек, одержавший внутри себя такую великую победу, был внешне ярок и силен. А масса интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью...» (Михаил Гершензон, «Творческое самосознание», <http://www.vehi.net/vehi/gershenson.html>);

«Давно замечено кардинальное различие между русским и западным отношением к проблеме «общество и личность». На Западе исходят из потребностей личности, сумма которых составляет общество, у нас «живет» общество (точнее стадо, – П.Д.), а личность есть часть общества (а вовсе не стада, – П.Д.). Пока живо целое – живы и его части. Направление мысли всеохватно. «Германские племена запустили руку в христианский сундук и вытащили оттуда личность, потому что она у них уже была. Русские опустили руку в сундук и выбрали смирение, потому что оно у них также было раньше»; германцы постоянно воевали и «спасение от опасности они нашли, выработав в себе структуру личности. Русских заел домашний быт. Семья. У них не было чувства опасности. Им не нужна была личность» [Гиренок: 1998]» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-67.html>)

«По духу русского языка слово «сознание» связано с мыслью об отрицательном отношении к себе, о самоосуждении. Активного глагола «сознавать» вовсе нет в народной русской речи, а есть только возвратный «сознаваться». Сознаются люди в своих недостатках, грехах и преступлениях; сознаваться в своих добродетелях и преимуществах так же противно духу русского языка, как и духу христианского смирения... Если в самом деле наша «моральность» колеблется между святостью и нечестностью, избегая той необходимой нравственной середины, которая определяется добросовестным отношением к своим обязанностям и к чужим правам, если в самом деле у нас легче встретить святого, чем просто честного человека (как я это слышал от некоторых славянофилов), то ведь это есть национальный недостаток, в котором должно «сознаться», а не преимущество, которым можно хвалиться...» (В.С. Соловьев, «Самосознание или самодовольство?», 1891, http://www.odinblago.ru/soloviev_5/2_8);

«Душа не терпит пустоты,
И потому нам стала родиной
Земля подонков и святых,
Страна мерзавцев и юродивых»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>).

Конечно же, такое примитивное воспитание подрастающего поколения, прививающее косность, лень и нечестность, является вполне комфортным для большинства русскоязычных людей вследствие принадлежности их к туранскому этносу:

«Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладываются сами собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, «подсознательной философской системы». В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. Притом «система» уже не сознается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой всей душевной жизни. Благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное, неразделимое целое. Отсюда – ясность, спокойствие и, так сказать, самодовление. Практически это состояние устойчивого равновесия при условии некоторой пониженной психической активности может привести к полной неподвижности, к косности...» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49, <http://www.philology.ru/linguistics2/trubetskoy-93.htm>; http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1992/no1/1992_1_092_Trubetskoi.pdf; <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm>).

И ведь же эту косность и лень, являющиеся характерными проявлениями туранской ментальности, русский язык успешно навязывает российскому примитивному обществу и в настоящее время, а солидные ученые лишь ищут этому всяческие оправдания:

«Достаточно большое количество слов в русском языке на тему лени говорит о

значимости ее в структуре нашего менталитета. Мы употребляем такие слова, как «лень» (в качестве существительного и предикативного наречия), «ленца», «лентяй», «лодырь», «лоботряс», «ленивый», «лениво», «ленивец», «полениться», «разленииться», «неохота», весьма выразительное междометие «да ну!»; кроме того, идея лени может выражаться в русском языке посредством специфической словообразовательной модели, образующей особые, «ленивые» глаголы – «попивать», «поживать», «посиживать», «полеживать» и пр. Было бы неверно утверждать, что лень – сугубо отрицательное качество. Разумеется, оно имеет негативные стороны, что нашло свое отражение и в языке: так, «лоботряс», «лентяй», «лодырь» являются явно отрицательными определениями. Однако наряду с отрицательными лень имеет и свои положительные стороны – некоторые слова, содержащие идею лени, выражают симпатию, граничащую с нежностью (например, «ленивец»). Из пословиц видно, что лень оценивается отрицательно в основном потому, что ленивый человек некооперативен: отлынивая от работы, он перекладывает ее на других. Лень же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти («Ленивому всегда праздник»)… Итак, лень в качестве присущей русскому менталитету специфике отношения к деятельности не является сугубо отрицательной характеристикой, помогая человеку не растрчивать силы на соблазны, избегать ненужной суеты, бессмысленных дел; желание человека всегда натывается на его же нежелание совершать усилие, и результат борьбы зависит от соотношения сил желания и тенденции к экономии усилий. Такая позиция по отношению к деятельности соотносится с отсутствием жесткого порядка расположения членов предложения, так как деятельность является организующей и структурирующей процедурой, а отсутствие жесткого порядка расположения членов предложения предрасполагает к неприятию того, что выступает в качестве внешней организующей силы» (Алла Мельникова, «Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский анализ», <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz>).

Сочетание чрезмерно низкой самооценки с публичным высокомерием

Английское слово «silly» – дурак, глупыш, несмышлениш и украинское слово «нетяма» – бестолочь являются пейоративной (уничижительной или же просто обладающей неодобрительным оттенком) лексикой. Соответствующее же им русское слово «несмышлениш» может, как быть пейоративным (глупыш, глупышка, дурашка, лопушок, несмысль, – Словарь русских синонимов), так и не быть им (малыш, – Словарь русских синонимов):

«Когда я еще несмышленишем был, – меня матушка на поклон к крестной матери посылала» (Виссарион Саянов, «Небо и земля», <https://www.litmir.me/br/?b=234239>).

Как видим, русский язык допускает отсутствие мыслительных способностей даже у умеющего ходить ребенка, очевидно, ошибочно отождествляя их всего лишь с низкими уровнями знания и жизненного опыта. Соответствующее же (по уровню развития ребенка)

слову «несмышлениш» украинское слово «немовля» указывает лишь на неумение разговаривать новорожденного, но ни сколь при этом не подвергает сомнению наличие у него способности осмысленно воспринимать действительность. И, если в украинской ЯКМ подросток (укр. «підліток»), хотя и недостаточно зрелый (недозревший), но всё же умственно полноценный и по многим признакам уже взрослый человек, то в слабо детализированной и являющейся отображением лишь крайностей (бинарной черно-белой) русской ЯКМ он всё ещё не взрослый человек (укр. «дозрівання» – созревание, «дорослішання» – взросление). Да, и русское слово «детина», ведь, тоже ставит под большое сомнение наличие у характеризуемого им психически инфантильного молодца надлежащих его возрасту умственных способностей.

И, ведь же, русскоязычные люди вовсе и не стремятся развивать свои умственные способности, а лишь приучили себя создавать ложные впечатления о них:

«Им нравится демонстрировать понимание, когда на самом деле они не понимают, о чем идет речь, а также они имеют тенденцию говорить вещи, которые, как они думают, вы хотите услышать (восточная черта), поэтому не воспринимайте слишком серьезно все, что слышите...» (Известный культуролог Ричард Льюис, «When Cultures Collide», цит. по: А.Е. Сериков, «Что значит быть русским: русская языковая картина мира, русский характер и восприятие русских со стороны», <http://www.phil63.ru/chto-znachit-byt-russkim>).

И даже, наоборот, они стараясь выглядеть умными, на самом деле стремятся обалдеть (одуреть), так как испытывают от этого животный кайф:

«Обалденно – восхитительно, на удивление, как бог, замечательно, прекрасно, дивно, волшебное, кайфово, сильно, божественно, здорово, изумительно, великолепно, классно, офигенно, потрясающе, исключительно, отлично, офигительно, первоклассно, бесподобно, блестяще, блистательно, шикарно, потрясно, на загляденье» («Словарь русских синонимов», // Обалденно», <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-46632.htm>);

«Антон Палыч Чехов однажды заметил,
что умный любит учиться, а дурак учить...
Дураки обожают собираться в стаю,
впереди главный – во всей красе.
В детстве я верил, что однажды встану,
а дураков нету – улетели все!..
Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
Умным очень хочется, да кончится битьем...
У природы на устах коварные пророчества.
Но может быть, когда-нибудь к среднему придем?»

(Булат Окуджава, «Песня о дураках – Из жизни начальника уголовного розыска», <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=10326>);

«Мы холопы, вот ведь в жизни как
Русский ВАНЯ, он всегда дурак

Злой, голодный ходит здесь народ

Страшно мне и всё меня гнетёт...»

(Анжела Таран, «Возможно дураком быть легче», <http://www.stihi.ru/2009/08/21/4074>).

В отличие от большинства других славянских (укр. «слов'янських») ЯКМ в русской ЯКМ мы не словене (от «слова»), а славяне (от «славы» – молвы), что и соответствует рабской (холопской) славе, запечатленной почти всеми народами Евразии. Этнонимы: английский «slave / слав» и восточный «сакалиба», означающие буквально раба, почти всеми историками идентифицируются лишь со славянами. И, следовательно, славить – это не только «воздавать хвалу», но и «распространять порочащие мнения». Как видим, лексема «слава», подобно лексеме «замечательно», может иметь в русском языке как позитивный, так и негативный смысл: «Каков Савва, такова ему и слава».

И, конечно же, она не совсем соответствует древнему индоевропейскому концепту «Фарн» (протоиндоевроп. «B(h)erǵ»; праслав. «Skvara»; старослав. «Хвала»; древнеинд. «Svarga»; древнеиран. «Hvarnah»; авест. «Xardnah»; осет. «Farn»; перс. «Farr»; согд. «Prn»; сакск. «Pharra»; санскр. «Bhāvya», бенг. «Bhāla»; англ. «Plenty»; лит. «Palaima»; нем. «Fülle» и «Wohl»; лат. «Pollens», «Fortuna» и «Gratia»; др.-греч. «Χάρις» и «Κρατία»; рум. «Fericire»; исл. «Frægd», швед. «Bra»; арм. «Bagi»; вал. «Bliss»; алб. «Bollëk»; др.-киев. и ср.-укр. «Болого» – благо), олицетворяющему, как достоинство и заслугу, так и благодать:

«Фарн [восходит к древнеиранскому «hvarnah-», обычно трактуемому как обозначение солнечного сияющего начала, божественного огня, его материальной эманации (ср. ведическое «svag» – «свет, сияние, блеск, солнце»), возрастающей, прибывающей, расширяющейся силы (ср. индоевроп. «sueg o / -nes-»), нечто желанное, достигнутое; откуда – «хорошая (благая) вещь», «желанная вещь», «благо», «имущество». Авест. «Xardnah» – «слава, величие, блеск, сияние, харизма» и т.п.; согдийское «rpn» – «слава, знамение» и т.п.; осет. «farn» – «обилие, счастье, мир»; древнеперсидское «farna», ср.-перс. «xvarrah» – «царская слава», «царское величество»; персидское «farr» – «блеск, великолепие, пышность» и т.п.; согдийское «rpn», «frn», сакское «pharra» – «положение, ранг, достоинство, звание» и т.д.], в иранской мифопоэтической традиции божественная сущность, приносящая богатство, власть и могущество; державная сила» (В.Н. Топоров, «Фарн», <http://www.mifinarodov.com/f/farn.html>) [см.: II.3.].

И, ведь же, такая:

«...слава – товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется недолго...» (Оноре де Бальзак, «Шагреновая кожа // Талисман», <http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/shagren.txt>).

К тому же, как и понятие «слава» (honor), понятия «благо» (farn) и «благодать» (gratia) в недееспособном русскоязычном примитивном обществе а, тем самым, и в самом современном русском языке исказились и обесценились – «благими намерениями дорога в ад выстлана»:

«В русском языке известна большая группа слов с корнем «благ- / блаж-». В литературном русском языке само прилагательное «благой» в значении «хороший, добрый»

является устаревшим, известно существительное «благо» – «благополучие, счастье, добро», но чаще всего «благо-» является первой частью сложных слов со значением «хорошо, добро» (благоволить, благодарить, благоустроенный, благоразумный, благополучие и т. п.). С корнем «блаж-» употребительны в литературном языке «блаженный» – «в высшей степени счастливый» (блаженно, блаженство, блаженствовать), разговорное: «глуповатый, чудаковатый» (блаженненький; первоначально «нюродивый»), «блажь» – «нелепая причуда, прихоть, дурь», в просторечии – блажить – «поступать своенравно, сумасбродно; дурить» (блажной). В диалектных вариантах русского языка иная картина: «благой» – реже «хороший, добрый», чаще – «глупый, взбалмошный, капризный, злой и плохой»; «благо» – «хорошо» и «плохо»; «благо» (сущ.) – «добро» и «все плохое, злое» (Л.П. Дронова, <http://mirznanii.com/a/270481/prilagatelnoe-blagoy-v-istoriko-kulturnom-kontekste>).

На энантиосемичность этого слова одним из первых обратил внимание Владимир Даль:

«Благий – или благой, выражает два противоположных качества: церк. стар., а частью и ныне: добрый, хороший, путный, полезный, добродетельный, доблестный; в просторечии же: благой, злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный, неугомонный, беспокойный; дурной, тяжелый, неудобный» (<http://dal.sci-lib.com/word001842.html>).

Очевидно, древнекиевское слово «благий (-ой)» – «добрый, хороший, благоприятный, приятный, красивый» и староукраинское слово «плохий», происходящее от старославянского слова «благъ» – «добрый, милостивый; хороший, приятный» и означающее всего лишь «смирный, тихий, кроткий», под влиянием литовского (балтского) слова «blogas» (старолитовского «blagnas» – «негодный, злой, плохой») и произошедшего от него же белорусского слова «блага» – «плохо» стали иметь в русском языке негативную коннотацию, означая «плохой, гадкий». И лишь позже под влиянием церковнославянского языка в русском литературном языке позитивная коннотация слова «благой» восстановилась, а коннотация родственного ему слова «плохой» так и осталась негативной.

Ранее близкое к прилагательному «славный» прилагательное «пресловутый» сейчас имеет, лишь негативный смысл, хотя прежде оно могло обладать, как позитивной, так и негативной коннотацией:

«Слово «пресловутый» в современном русском языке значит «приобретший печальную известность, знаменитый в кавычках, пользующийся дурной славой, дурной репутацией». Оно употребляется лишь с оттенком иронии и осуждения и свойственно преимущественно стилям книжного языка. Это слово представляет собой старое книжное образование. В «Материалах для словаря древнерусского языка» указаны лишь старославянские образования: «пресловый» и «пресловущий» со знач. «славный, знаменитый, почитаемый, прославляемый». Например, в Минее 1096г. (окт.): «пресловии» Вакхе; в Минее праздничной XII в.: Павле «пресловоущии»; в Житии Стефана Пермского: В «пресловоущемъ» граде Москве... Е. Станевич в «Рассуждении о русском языке» писал об этом слове: «Другие слова стали нам темными потому, что не знаем их корней, а иные производим не от тех, от коих произошли они. К последним можно причислить

прилагательное «пресловутый», истолкованное в церковном словаре «преизящный», «преславный» – да и многими так понимаемое – однако корень оно не имеет «слава», «славный...», но «слово...». Следственно «пресловутый» не значит «преславный», но «прослывшийся», сделавшийся «известным», отличным в народе, а потом уже «славным, преславным» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/preslovutij.html>).

Однако же, вопреки отнесению себя к этносу славян:

«Вся эта громадная масса народа, волнуемая на улицах и площадях в праздничном и праздном возбуждении чувств, производит странное впечатление. Чувствуешь силу, но силу грубую, почти дикую. И этой массе хотят наши либералы навязать конституцию! Ей нужна не конституция, а общественное и гражданское воспитание. Дело в том, что конституционалисты хотят не того, чтобы она управляла сама собою, но чтобы они могли ею управлять. Но они-то сами должны быть также воспитаны для политической жизни и деятельности; а так, как они есть, они способны только к глупостям. Они ни к какому серьезному делу не годятся, потому что серьезно ничему не учатся и ни о чем серьезно не думают» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 20 апреля 1864 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«...обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения. И в этом есть что-то рабье, какое-то не гражданское, догражданское состояние» (Николай Бердяев, «О святости и честности» в кн. «Судьба России», 1918 г., <http://www.biografia.ru/arhiv/630.html>; http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_Piece100.02).

К тому же весьма символична и негативность коннотации в русском языке самого слова «недостаток», являющегося синонимом слова «порок». Это весьма символично означает, что в русскоязычном примитивном обществе может иметь место недостаток (нехватка) лишь положительных явлений и свойств, а негативных, следовательно, в нем всегда будет лишь избыток. И поэтому-то избавление русскоязычного населения от своих негативных привычек и обычаев можно ожидать лишь только в бесконечно далеком «светлом» будущем. На это же указывает и народная мудрость:

«У России ужасное прошлое и великое светлое будущее, и так будет вовеки веков» (Александр Арефьев, «Мудрость с улыбкой», https://escalibro.com/uk/poetry/book/read/19475_mudrost-s-ulyibkoj-tom-2/).

Бесчестье как основная черта характера русскоязычного людинки, уверовавшего, что уважение может быть вызвано лишь страхом

Тем самым, русским языком фактически программируется устойчивое негативное поведение общающихся на нем людей. И, следовательно, о том, что они когда-нибудь все же станут людьми чести, может мечтать только лишь весьма наивный человек:

«У нас беда: у нас боязни

И страхи лепятся на месте
Любви, сочувствия, приязни,
Желаний, совести и чести»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Бесчестный искатель пишет бесчестному покровителю и, зная совесть его, как свой или его карман, с которым и с которою он часто бывал в личных или наличных сношениях, без сомнения не прячет от него и своей совести. Легко представить себе разговор этих совестей, подающих весть друг другу. В конце письма, однако же, выставляет проситель, как будто ни в чем не бывало: с искренним почтением имею честь и проч. О почтении не говорю: каждый друг друга почитает тем, чем он есть на самом деле. Но куда спряталась бедная честь?» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

А прятаться то и нечему было, так как в русскоязычном архаичном и рабском обществе, на самом деле, имели место лишь лицемерие и чиновничество:

«На самом деле проблема России – это россияне. Главный враг России – это мы сами, наше многовековое рабство, лицемерие и одновременно чиновничество, желание «облизать» начальника независимо от его ранга. Типичное поведение нашего человека: сначала самозабвенно облизывать начальника – директора корпорации или президента страны – и получать от этого глубокое удовольствие, а затем, когда этот человек споткнется, воткнуть ему нож в спину. Таков народ, другого нет...» (Борис Немцов, «Исповедь бунтаря», <https://www.litmir.me/br/?b=92007&p=12>).

А о том, что такое настоящая честь, – не то что простолюдины, но и подавляющее большинство знати ни малейшего представления даже не имело. Уважаемый человек (укр. «поважна людина») – это всего лишь человек, имеющий определенный вес (укр. «вагу») в обществе и то, как правило, не благодаря каким-либо своим заслугам, а в соответствии со своим должностным положением. Уважать же кого-либо – это значит, просто ему оказывать (уделять) внимание (укр. «приділяти увагу») в соответствии с занимаемым им положением (укр. «уважати» – принимать во внимание, считать, блр. «уважаць» – соблюдать [существующее положение дел, – П.Д.], – Этимолог. словарь Фасмера).

Уважать же за какие-либо достоинства (укр. «шанувати за чесноти») в российском примитивном обществе просто не возможно было. Ведь вызывающих уважение (укр. «шанування») достоинств никак не может быть там, где честность приравнивается к глупости:

«Много людей честных благодаря тому, что дураки» (Федор Достоевский, «Братья Карамазовы», http://rulibrary.ru/dostoevskiy/bratya_karamazovy/560);

«Осёл был самых честных правил!..
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу

Стеречь свой огород»

(Иван Крылов, «Мужик и Осел», <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/krylov145.html>);

«Лукавый дедушка с гранитной высоты

Глядит, как резвятся у ног его ребята,

И думает: милейшие зверята,

Какие, выросши, вы будете скоты»

(Шумахер, Надпись к памятнику Крылова, что в Летнем саду, цит. по: Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 12 января 1868г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Обмануть вовсе не считается стыдным: стыдно быть обманутым. Первое (в России, – П.Д.) всегда считается признаком ума, ловкости; второе означает воронью простоту, тупость, слабоумие. Сколько раз я был наказан за пренебрежение предосторожностью в обращении с людьми!.. Человек одарен особенною способностью запутывать и усложнять самые простые вещи. Иному хочется показаться во что бы то ни было умнее других, и он, как говорится, из кожи лезет в изобретении разных утонченностей, соображений, воззрений и проч.» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 4 мая 1863 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Лжив ли русский народ? Совсем нет. Понятие «лжи» предусматривает наличие «правды». Лгун знает правду. Русские же (из-за своей психической инфантильности, – П.Д.) как-то не совсем различают эти понятия. Получается нерасчленённая «правдаложь», когда всё принимается на веру и сказанное отождествляется с существующим (и наоборот). Но при всём этом у русских существует глубокое и абсолютное недоверие к слову как таковому. Они говорят, и верят во что-то, и живут этим «что-то», но могут в любой момент подняться и уйти, куда глаза глядят. Истина и ложь заменяются категориями «много» и «мало». Мало говорят – истина. Много говорят – ложь. (Начинают заговариваться, теряться в слове.) Отсюда русский талант высокого молчания – безмолвствования. Христос Достоевского ничего не говорит Великому Инквизитору. И это Русский Христос. Поэтому никакой лжи в русских нет. Ложь в слове это не совсем ложь, так как правда находится не в слове же, а под словом, в молчании...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«В практических делах большинство (русскоязычных, – П.Д.) людей допускают мелкий обман, расценивая абсолютную честность как наивность или даже глупость» (Николай Козлов, «Энциклопедия практической психологии // Честность», <http://www.psychologos.ru/articles/view/chestnost>);

«Честность обладает таким свойством, что требует ее соблюдения даже при обещаниях, данных врагу» (Джованни Джовиано Понтано).

И конечно же фраза:

«Он уважать себя заставил» (Александр Пушкин, «Евгений Онегин») означает всего лишь – «Всё же вынудил обратить на себя внимание» или же просто «привлек к себе внимание»:

«И смысловой «повтор»: «Самых честных правил» – «уважать себя заставил», – вовсе не тавтология; его функции многообразны: это и раскрытие, и усиление выраженных в первых строках чувств удовлетворения и одновременно иронии, эти честное – но не без юмора – сознание героем своего цинизма; это, наконец, толчок к рекомендации остальным «родным»: «...И лучше выдумать не мог. Его пример другим наука», – не худо, чтобы и «другие» заслужили «уважение» (точнее, внимание к себе, – П.Д.), последовав дядину примеру» (В.С. Непомнящий, «Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина», <http://www.speakrus.ru/articles/uncle1.htm>).

И, что это есть именно так, а не иначе, красноречиво следует из не находящегося под контролем разума общения русскоязычных людей, употребивших изрядную дозу алкоголя. Как гласит народная мудрость:

«Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

Когда один из собутыльников, находясь практически в бессознательном состоянии, спрашивает у другого (или же у бездомного пса, а то даже и у обнимаемого столба): – «Ты меня уважаешь?», а другой бессознательно отвечает ему: – «Уважаю», то в этом нет ни капли лицемерия. Ведь на самом деле первый спрашивает: – «Ты мне внимаешь?» (укр. «ти мене уважно слухаєш?») – ты меня внимательно слушаешь?), а другой ему отвечает: – «Внемлю» (укр. «уважно слухаю» – внимательно слушаю).

Если же, наоборот, трезвый русскоязычный человек утверждает, что он Вас или же ваши взгляды уважает, то почти со стопроцентной гарантией он просто лицемерно лжет. Ведь в присущей русскоязычному человеку традиции полярного отношения ко всему сущему – чужие взгляды или же осуждаются и категорически отвергаются им, как чуждые, или же он беспрекословно подчиняется (покоряется) им. Что-либо иное и, в том числе, и уважение (в смысле укр. «шанування») вовсе не соответствует холопскому менталитету русскоязычного людишки.

И поэтому-то, если в каком-либо русскоязычном коллективе Вас примут за чужака или же, тем более, за потенциального противника, то любое ваше несогласие с чем-либо всеми дружно будет «встречено в штыки», невзирая ни на какие ваши доводы. И диалог станет просто невозможным, так как само общение фактически примет форму допроса несогласного с мнением коллектива:

«Говорить что-либо против общего настроения было невозможно. Вас стаскивали с места, называли чуть ли не шпионом. Но это бывает у нас не только в молодые годы. Разве наши представители в Государственной Думе не враги друг другу? Они не политические противники, а именно враги. Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, сразу же предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т.д. Какая же это свобода?» (Иван Павлов, «О русском уме», http://psyjournals.ru/files/27732/vestnik_psyobr_2009_4_Pavlov.pdf; <https://www.psychologos.ru/articles/view/o-russkom-ume-i.p.-pavlov>; https://m.censor.net.ua/forum/2296242/o_russkom_ume;

https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pavl_russum.php);

«Не только простолюдины проявляли удивительную спесь в сочетании с таким же удивительным отсутствием чувства собственного достоинства и элементарного самоуважения. Бояре в Боярской думе вполне могли плевать, пинаться, таскать друг друга за бороды, то есть вести себя как малые дети. Драки бояр в думе – это не поединки по неким правилам, не «божий суд», а примитивный мордобой, в котором «порвать пасть» или «выткнуть моргалы» – вещь совершенно обычная. Что не вызывало осуждения» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=48);

«...в русских Запад и Восток сошлись. Сошлись в масштабах грандиозных, циклопических. На огромных просторах, в огромной массе людей. Сошлись, но не слились. Все перемешалось, и получилась какая-то каша. От этого русский логос испорчен, смещён в основе, в корне. Каково неформальное русское общение? – «Водка и огурец». Трезвая форма диалога груба, деревянна, и чтобы поговорить, русские должны её разрушить. Получается слезливое, очень эмоциональное и почти бессловесное общение. И общение в итоге тяжёлое, неправильное, с неизбежным похмельем. Это общение неформальное. Формальное по-русски вообще ужасно. Бормотушное бормотание, спор ни о чём имеет свой трезвый коррелят – спор однонаправленный и очень целеустремлённый, жёсткий. То есть ДОПРОС. Россия это страна допросов. Это уже из анализа художественной литературы ясно. Где вершина русских диалогов, наиболее напряженный и философичный их уровень? – В допросах... А что такое вообще «допрос»? – Крайне формализованная (протокол) беседа, лезущая в самые неформальные и нерегламентируемые, интимные, части внутреннего мира (и основывающаяся на предубеждении, что допрашиваемый преступник и враг, – П.Д.)... Форма допроса безлика и равнодушна, но содержание предельно интимно и эмоционально. От формы, поверхностной и стёртой, необязательной, случайной (следователь всегда случаен), зависит судьба и жизнь. Эта допросная тема тончайшим тленом распространилась по русскому миру. Сами допросы это лишь некое средоточие общего тона, вершина, покоящаяся на громадном фундаменте... И при этом органическая неспособность включиться в диалог естественный. Постоянно переход на личности, юродство, просто грубый обман, и вообще сбивается на допрос: либо принимает роль следователя и начинает орать, вворачиваться кривым лбом в душу («я хочу посмотреть, какой ты есть, падла, как ты жизнь понимаешь и что об себе думаешь»); либо принимает роль подследственного, и тогда русский сморщивается, замыкается, ему кажется, что все сговорились, что не так всё говорят, а «специально» и т. д. Дело тут не только в отсутствии навыков свободного общения, а и в органической бесформенности русского сознания. И обратная сторона бесформенности – крайняя формализация» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Заметной особенностью русской ментальности является избегание законченных форм. «Русские совсем почти не знают радости формы», так что «гений формы – не русский

гений» [Бердяев 1918]. Никакое культурное движение в защиту «чистой формы», структурализма, формализма неприемлемо, что удивляет западного человека, в выразительности формы усматривающего содержательность смысла. Многие русские писатели попросту непонятны на Западе, и именно по этой причине. «Иностранцы наблюдатели не подметили того, что форма есть и у нас – только это другая форма. Может быть, даже форма, находящаяся несколько в другом измерении» [Солоневич 1991]. Андрей Синявский говорил, что Розанов в высшей степени национален «в своей бесформенности». Русский национальный гений состоит именно в «бесформенности», что проявляется и в жизни, и в культуре. В этом и преимущество, и недостаток русского сознания. Но причину видят в одном: «бесформенность связана с нашей духовностью, ибо дух не имеет формы, как об этом говорит и Розанов. С той же бесформенностью связана и широта русской природы, и стихийность русской души... Но с другой стороны, поскольку нам не хватает именно внутренней формы, внутренней структуры, мы, чтобы не расплыться и не рассеяться ветром, держимся подчас сильнее других народов именно за внешнюю форму (навязываемую русскоязычному населению насильно государством подобно неразумным детям их родителями, – П.Д.) как за какую-то узду или коросты. Отсутствие внутренней формы возмещается формой внешней» [Синявский 1982]... Внутренняя форма организуется словом – равным образом и пространство души структурируется идеей. «Форма есть деспотизм идеи, готовой разбежаться», – говорил Константин Леонтьев, и смысл его слов искажается, если не привести их полностью (как и поступает Синявский [Синявский 1982]). Иллюзия отсутствия внешней формы объясняется и различным пониманием формы. Форма как норма и стандарт непонятна русскому: нормализация обедняет возможности выражения и насилует волю. Она, действительно, «структурирует», но делает это извне, со стороны – принуждением. А всякое понуждение ненавистно русскому человеку (хотя и воспринимается им как насущная необходимость ввиду его холопского образа жизни, – П.Д.)» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте // Бесформенность сущего», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-315.html>).

Всё это позволило психически инфантильным русскоязычным холопам переосмыслить и известную истину: «раз нас опасаются, то и вынуждены обращать на нас внимание» в хотя и весьма абсурдное, но всё же льстящее их больному самолюбию заблуждение – «раз боятся – значит уважают»:

«Любовь невозможна без уважения, а для кого-то (очевидно, для психически инфантильных россиян? – П.Д.) уважение зиждется на страхе, ничего не поделаешь, это истина, с которой нужно считаться...» (Никита Михалков, «Холодный разум не понимает, что такое русский характер», <http://argumenti.ru/society/n491/403336>);

«Ответственность могла бы легко вырождаться в желание превосходства и господства, если бы не было компонента любви: уважения. Уважение – это не страх и благоговение; оно означает в соответствии с корнем слова (*respicere* – смотреть на) способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает желание, чтобы другой человек рос и развивался

таким, каков он есть. Уважение, таким образом, предполагает отсутствие эксплуатации. Я хочу, чтобы любимый мною человек рос и развивался ради него самого, своим собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким, каков он есть, а не с таким, как мне хотелось бы, чтоб он был в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости, если я могу стоять на своих ногах без посторонней помощи, без потребности властвовать над кем-то и использовать кого-то. Уважение существует только на основе свободы: *l'amor est l'enfant de la liberte* – как говорится в старой французской песне, любовь дитя свободы и никогда – господства. Уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание...» (Эрих Фромм, «Искусство любить», <http://psylib.org.ua/books/fromm03/txt02.htm>);

«УВАЖЕНИЕ определяется наличием сознания и сознательности у человека. Возьмем контекст нашего государства. Уважаем ли мы свою страну? С одной стороны мы с экранов телевизоров можем демонстрировать словесное уважение к абстрактному понятию Родина, однако патриотизм, как сознательное чувство красноречивее можно увидеть в деле. Мы все, в душевном порыве жить лучше и под воздействием рефлексов мозга, находясь якобы в сознании, ездим на автомобилях зарубежных фирм и осуждаем наших отечественных производителей в том, что те плохо делают автомобили. Здесь идет неверное понимание смысла транспортного средства, ведь мы с помощью него реализуемся в обществе, так как автомобиль четко показывает наш социальный статус. Что значит, изменились условия! Вчера еще наши предприниматели стояли у станков и были простыми рабочими, изготавливающими один сплошной брак сами, а сегодня надели иностранные пиджачки и раскупают дворянские титулы, которые сами же себе и придумывают. Патриотизм – это УВАЖЕНИЕ к своему народу и своим предкам. Уважать свой народ – это значит не обирать его, не расточать его достояния, а всячески стараться утвердить его в мире, как равный всем другим нациям. Как мы будем поднимать промышленность и развивать экономику, если вся страна наводнена зарубежными товарами, защищенными нашим же законодательством. Здесь не может быть и речи о конкуренции, ведь мы предоставляем экономическое пространство не одной стране, у которой промышленность развита на несколько порядков выше, чем у нас, а многим развитым странам. Одним красованием друг перед другом зарубежными товарами, мы обрекаем своих же детей на нищенское существование и пресмыкание перед зарубежными друзьями, которые над нами, конечно же, смеются. Машина нужна для того, чтобы на ней ездить и только. Достоинство личности определяется совсем не ценой ее автомобиля. Поэтому мы здесь говорим, что никакого уважения ни к своей стране, ни к своему народу ни чиновники, ни другие граждане не испытывают. Мы испытываем страх перед государственным аппаратом власти, потому что им нас могут в любой момент подавить и сочувствие друг к другу, в основе которого лежит лицемерие. Поэтому мы выбегаем встречать государственных деятелей своими лицемерными улыбками, чтобы показать, что мы довольны всем и ни в чем не нуждаемся, а заодно и выслужиться перед своим непосредственным начальником, который показывает, как нам надо улыбаться и указывает, что можно говорить, а что нельзя. Здесь нет

УВАЖЕНИЯ, здесь трусость, потому что личность подавлена. И сознание никогда не проснется, пока мы эгоисты, пока каждый сам за себя» («Мир будущего // Пробуждение разума – Уважение и страх», <http://mirbudushego.ru/kpb/pary/p117.htm>).

С другой стороны, если человеку в украинской ЯКМ на что-либо следует обратить своё внимание (укр. «увагу») именно потому, что оно может оказаться для него важным, то в русской ЯКМ – лишь потому, что это следует внятно воспринять и безоговорочно принять к исполнению:

«Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит»

(Михаил Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу», <http://ilibrary.ru/text/1033/p.1/index.html>).

Как видим, смысл почти всей морально-этической лексики современного русского языка изрядно извращен и абсолютно не соответствует ни современному гуманистическому, ни христианскому мировоззрению:

«Вместе со сменой мировоззрения, или идеологии, ослабевает и даже полностью исчезает и мировоззренческий компонент в семантике языковых единиц. Например, в современном русском языке можно легко найти лексемы, которые когда-то были выразителями основных идей христианского мировоззрения, т.е. являлись идентификаторами религиозной, христианской КМ (Картины Мира, – П.Д.), но в настоящее время полностью утратили былую связь с этой КМ, хотя по внутренней форме лексем она легко может быть восстановлена. Например, этикетное слово коммуникативной ситуации расставания Прощай(те)! своей внутренней формой напрямую связано с одной из христианских заповедей и этических норм прощать и просить прощение за обиды и проступки, но в современном русском языке в этой связи оно уже не осознается – сохранилось лишь «техническая», в данном случае коммуникативная, семантика формы прощания при расставании надолго или навсегда. Известны «тесты» Д.С. Лихачева на «чувство русского языка», которые он проводил среди заключенных, попавших, так же как и он, в Соловецкий лагерь. Одним из пунктов этого теста было использование выражения «большое спасибо», которое Д.С. Лихачеву представлялось абсурдным: ведь невозможно «большое "спаси Бог"» (что бы он сказал по поводу современных шуточных форм типа спасибки! спасибочки! ?!). Изменение семантики данных и других слов связано с утратой христианского мировоззрения и с секуляризацией русской общей КМ, а вслед за ней и ЯКМ, причем подобные изменения могут носить разрушительный характер. Так, церковнославянские слова «вертеп, злачное место, тварь, прозябать» и др., войдя в русский язык, приобрели диаметрально противоположное значение и оценку (например, злачное место: церковносл. «райские кущи, цветник», в Словаре русского языка в 4-х томах (МАС 1999) – «где кутят и развратничают»)» (Е.В. Петрухина, «Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе», <http://www.portal-slovo.ru/philology/47479.php>);

«Старославянский язык имеет дух, которого нет в современном русском утилитарном

«новоязе». Для многих православных служителей даже Синодальный перевод – паллиатив, переход к худшему, некоторое обмирщение, уступка современности» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

Как видим, сам этот утилитарный «новояз» из доброкачественного постепенно превратился в злокачественное новообразование. И поэтому-то, к большому сожалению, он вовсе и не является уже русским языком Пушкина и Толстого.

Принципиальная неприемлемость понятия «честь» для холопского русскоязычного населения и его примитивного общества

«Концепт «честь» составляет одно из важнейших ментальных образований в оценочной картине мира. Этимологический словарь М. Фасмера устанавливает корреляцию русского слова «честь» и древнеиндийского «cetati» – «соблюдает, мыслит, понимает, думает»... Сравнивая языковые способы выражения концепта «честь» в американской и русской лингвокультурах, Г.Г. Слышкин (1996, с. 57) отмечает, что в американских толковых словарях «честь» трактуется большей частью как высокая репутация, т.е. высокое уважение со стороны окружающих, в русских толковых словарях этот концепт раскрывается в единстве внутреннего качества и отношения окружающих. Американское «honor» ассоциируется с титулами, наградами, привилегиями и т.д. В историческом плане американское понимание чести, по мнению автора, есть развитие западноевропейского концепта рыцарской чести, изначально связанного с соревновательностью и утверждением в обществе, в то время как «древнерусская (точнее, московитская туранская, – П.Д.) семья воспитывала своих членов по веками выработанному шаблону, в основе которого лежали религиозные предписания. Понятие чести не фигурирует среди христианских добродетелей, а соревновательность чужда идеалу ортодоксального христианства, культивировавшего терпение и послушание». Поэтому понятие чести соотносится в русской культуре с внутренними качествами человека (там же, с.59). Что же касается понимания женской чести как добрачной девственности, то такое понимание данного концепта, по справедливому замечанию Г.Г. Слышкина, объясняется экономической зависимостью женщин в прошлом. С.В. Вишаренко анализирует принципы структурирования концепта honour на материале ранненовоанглийского периода и выделяет в когнитивном пространстве этого концепта, воплощенного в значениях 80 существительных (из них ядерные – honour, dignity, chastity, valour, reverence, glory, praise, worship, boast, fame, renown, reputation), следующие признаки: 1) благородство характера, 2) чистота духа, 3) целомудрие, 4) неустрашимость, 5) физическая сила и мужество, 6) блеск, великолепие, 7) амбициозность, тщеславие, 8) сакральное величие и благость, 9) почитание, поклонение, 10) уважение, одобрение, 11) общественная известность, 12) высокое положение в социальной иерархии (Вишаренко, 1999, с.22). Интересно отметить, что концепт «честь» специфически проявляется как апелляция к моральному стандарту поведения в английской лингвокультуре применительно к жанру договора. Известно, что английские бизнесмены весьма часто заключают устную

договоренность, и на этом основании совершаются сделки на большую стоимость. В том случае, если партнер повел себя не должным образом, произносится фраза: «You have dishonoured your agreement». В русском деловом общении апелляция к чести в такой ситуации представляется маловероятной, особенно применительно к современному состоянию отечественного предпринимательства» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>).

Как видим, для российской элиты, являющейся сугубо примитивной группой, понятие чести вообще не приемлемо как таковое:

«У наших элит не заложены основы ни чести, ни достоинства, ибо в холопах этих качеств не может быть по определению. Они способны лишь раболепно прислуживаться пред президентом, а досаду от своей холопской зависимости вымещают на презрении к тем, кто ниже их. – Наши элиты склонны к тотальному воровству, ибо у них, никогда не располагавших своей собственностью, не зависящей от благоволения высшей власти, генетически не привито уважение к собственности, как таковой. Они всегда склонны воспринимать все вокруг себя как предмет присвоения, ибо отождествляют себя с властью, а власти в их понимании дозволено все. – У них веками выхолащивали вкус к инициативе, заменяя ее директивными указаниями. Отсюда хроническая неконкурентоспособность наших элит по сравнению с элитами западными, положение которых зависело всегда не столько от благоволения сюзерена, сколько от собственной предприимчивости. – Наши элиты не служат ни государству, ни обществу, они служат только вышестоящему начальнику и себе. – У наших элит в крови пренебрежение к народу, как бывает всегда у холопов, выбившихся в начальники и потому всем своим поведением подчеркивающих свою отдаленность от среды, их взрастившей. – Наши элиты склонны к шутовству, причем это характерно как для политических элит (те же депутаты в Госдуме, жириновские и пр.) так и культурных, которые прислуживают власть предержавшим» (Георгий Киреев, «Российские элиты как угроза национальной безопасности», <http://lebed.com/2010/art5705.htm>, <http://piooss.net/blog/history/2300.html>);

«Субъекты «гамма» (ведомые), в свою очередь, ранжированы как по вертикали, т. е. по степени приближенности к Главарию и Авторитету, так и по горизонтали – имеется в виду «ролевое качество» места в группе. Ведь, помимо ведомого-Приближенного, здесь возможны: ведомый-Подхалим (Угодник) и ведомый-Марионетка, ведомый-Шут и ведомый-Недовольный... Весьма полезен так же и Шут (Жириновский, – П.Д.). Этот субъект располагает правом публичной насмешки над приближенными Главаря и даже над ним самим. Такая насмешка – прекрасный регулятор эмоционального напряжения в группе. Устами Шута «выговаривается» неустрашимое чувство протеста и обиды, накапливающееся у ведомых. Шут высказывается на грани риска: кажется, вот-вот и не сносить ему головы. Он умен и не переходит этой грани, однако у группы возникает иллюзия, что Главарь терпим к критике. Кто-то, поддавшись этой иллюзии, решается на собственные критические суждения – в шутовой или иной форме. Так с помощью Шута, выявляется оппонент Главаря. Обезвредить его немедленно или отложить расправу – вопрос тактики, решаемый

субъектами «альфа» и «бета». Но Шут выполнил свою функцию. И ценность этой фигуры для Главара доказывается не только тем, что Шута не карают за его выходки, но и тем, что Главарь решительно защищает его от собственных приближенных, которых тот привел в ярость... Очень важно заметить следующее: хотя такая группа держится на примитивизме своих участников и выталкивает из себя любого, кто не примитивен, даже здесь закономерности группового взаимодействия в известной степени ограничивают примитивные реакции каждого участника группы...» (Виктор Дроганов, «Малые Социальные Группы», http://samlib.ru/d/droganow_w_i/socialniegrupi.shtml);

«На какие группы ориентируется (этот Шут, – П.Д.) Жириновский? Как известно, на все и обращается к каждой адресно и четко. Но в действительности он делает ставку не на те или иные группы, а на носителей вполне определенного менталитета внутри любой группы: грубо-агрессивного, полуграмотного (того, что Солженицын назвал «образованщина»), никогда не видящего недостатков в себе, ничего не прощающего другим и свято верящего, что только насилие дает истинное решение всех проблем. В психологии такие люди называются носителями тоталитарного, фашизоидного сознания, авторитарного типа личности. Немудрено, что их много в распавшемся тоталитарном обществе, причем, отнюдь, не только среди тех, кому действительно живется плохо. Такие люди есть и среди тех, кто уже преуспел на «диком рынке», орудуя зачастую кулаками, вырвал первые деньги, первый успех и возомнил себя «хозяином жизни». Эти люди не склонны слишком задумываться над глобальными социально-экономическими условиями, способствующими и препятствующими развитию рыночных отношений. Они не читали фон Хайека, но твердо знают свои заповеди: «кто смел, тот и съел», «бей первым», «мертвые не кусаются». Это и есть рэкет-рынок, рынок, который хорошо вписывается в фашистскую идеологию. В свое время «мы диалектику учили не по Гегелю», а сегодня нам предлагают рынок строить не по Фридману, а по Жириновскому. Он обращается к «своим» бизнесменам, почтительно называет их «молодыми волками», молодыми вольфами, так сказать, и претендует быть их лидером, отцом-вожаком стаи. Стаи, в которую обещает превратить всю Россию, сделать ее страной алчных волков и запуганных овец. При этом он, конечно, клянется, что волки будут сыты и овцы целы. Как ни банально это выражение, но нельзя не сказать: редко когда действительно «волчий оскал» фашизма выступает так ясно, так наглядно...» (Егор Гайдар, «Ставка на негодяев», <https://avramenko-konst.livejournal.com/9629867.html>; <http://www.gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3505>);

«Тушите свет, попёрло быдло кверху,
Как будто дрожжи кинули в дерьмо.
Россия открывает путь к успеху
Крутому и отвязанному чмо...
Я понимаю, что из грязи в князи,
Но где взять столько грязи на князей.
Какой народ, такие и бояре.
Так что ж теперь на зеркало пенять...»

(Сергей Трофимов, «Аристократия помойки», <https://unotices.com/page-text.php?id=82195>);

«Мы доллары черпали полною чашей.
Пока вы тут пили, мы вас разорили,
Заводы продали, богатыми стали.
И вам всем «здоровья», живите «богато»,
А мы отправляем ресурсы на Запад...
Валяйтесь, как свиньи, вблизи вашей хаты.
Для нас вы все быдло: дерьмо, папуасы.
Зачем папуасам земные запасы?
Вы слышите, свиньи, мы стали богаты.
Мы скоро отнимем у вас ваши хаты...
Так будьте «здоровы», живите «богато»,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
А если зарплата вам жить не позволит, –
Так вешайтесь, быдло, – никто не неволит»

(Наталья Игнатьева, «Последнее пожелание «Иванам»...»,
<http://forums.drom.ru/vladivostok/t1151233351.html>).

И ведь же само слово «разорили» (укр. «сплюндрували», «понищили») не вызывает в подсознании русскоязычного человека никаких негативных ассоциаций, так как его внутренняя форма «орать», означает всего лишь «пахать землю» (укр. «розорювати» – распахать). И поэтому-то русскоязычные челядишки и разоряют всё вокруг себя абсолютно без зазрения своей совести а, следовательно, и не испытывают при этом её угрызений.

И такое бесжалостное и бесчестное поведение особенно «буйно расцвело» в Московии после ужасающего разорения ими Новгородской и Псковской республик и бесжалостного истребления (геноцида) новгородцев и псковичей, имевших в Европе репутацию самых честных деловых партнеров:

«Русские, живущие в Великом княжестве Литовском и Русском, описываются без особых эмоций. Народ такой... Один из многих, как и все народы, со своими особенностями и только. Новгородцы и псковичи описываются скорее как люди, отличающиеся от европейцев в лучшую сторону: честные, порядочные, достойные. Московиты предстают недостаточно цивилизованными и к тому же испорченными дурными нравами и традициями своего государства... И московиты как ни отвратительны, но все равно вполне объяснимы, совершенно обычные жулики, воры, вруны и сволочи...» (Владимир Мединский, «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», Серия: Мифы о России, Изд.: Олма Медиа Групп, 2008 г., https://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/4//3905/3905893_Medinskiy_Vladimir.doc, <http://textarchive.ru/c-2217826-pall.html>);

«Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских, и в особенности на них нельзя положиться в исполнении контрактов. Они сами знают об этом, и когда им

случится иметь дело с иностранцами, то для возбуждения большей к себе доверенности они называют себя не москвичами, а приезжими» (Сигмунд Герберштейн, «Записки о московитских делах», XVI в., <http://bibliotekar.ru/index.files/uuG5.htm>);

«Мы уже в Архангельске... Город разделяется на две части: немецкую и русскую. Торговля в руках иностранцев – сосредоточивается главным образом в доме Бранта, состоящем из девяти братьев. Восемь из них живут в разных частях света, но зависят от старшего брата, который здесь пребывает. Капитал их простирается до 20 миллионов рублей. У них масса кораблей, на которых они вывозят из Архангельска лен, пеньку, сало, лес и привозят колониальные товары. Немецкая часть города отличается опрятностью и милостивостью домиков. Русские купцы живут в грязи и торгуют как плуты. Пьянство в большом ходу. Губернатор жаловался, что у него нет ни одного чиновника, который не был бы вор или пьяница. Он должен наблюдать за ними, как за испорченными детьми. Чтобы они по возможности меньше пили, он старается их держать больше при себе, часто заставляет с собою завтракать и обедать. Кто не явился по приглашению, за тем уже приходится посылать дрожки, чтобы привезти хоть пьяного. Надо сначала его отрезвлять, а затем уже поручать ему дело» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 31 июля 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«В «С.-Петербургских ведомостях» напечатана статья, извлеченная из отношения нашего консула в министерство финансов о нетерпимом мошенничестве наших купцов, которые поставляют на заграничные рынки лен низшего разряда, выдавая его за первый сорт и беря за него деньги как за первый. И подобное мелкое гнусное надувательство встречается уже не в первый раз, так что иностранцы отказываются иметь дело с русским купцом. Консул говорит, что это угрожает закрытием иностранных рынков для нашей торговли» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 8 мая 1865 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Если русский что-то пообещал вам, а потом у него возникли какие-либо трудности в выполнении обещанного, он больше не станет с вами об этом разговаривать – такова его манера. Ему никогда не придет в голову спросить себя: «Что он обо мне подумает и скажет? Ведь он решит, что я человек, который не умеет держать слова». Это ему не важно. Даже в том случае, когда он с самого начала прекрасно знает, что не сможет исполнить вашу просьбу, он все равно почти всегда скажет вам «да», оставляя за собой право ничего не делать и молчать (16/28 марта 1810 г.)» (Жозеф де Местр, «Религия и нравы русских», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1020666/55/De_Mestr_-_Religiya_i_nravyy_russkih.html);

«Разумеется, среди россиян есть люди, живущие по принципам демократии. Есть просто истинные христиане, которые не способны лгать, обманывать, халтурить на работе, но – увы! – демократию создают не исключения... Мне трудно представить ситуацию, при которой немецкий редактор обещал материал напечатать и этого бы не сделал. Вообще неумение держать свое слово многие эмигранты привезли из России в цивилизованные

страны, в которых – во всяком случае, на деловом уровне – нарушить слово (не клятву в любви милой девушке) считается солидным пороком, к тому же могущим поставить под вопрос успех в деле» (Герман Андреев, «Обретение нормы», Новый мир, 1994, №2, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/2/andreev-pr.html);

«Когда россиянин говорит о честности, то это все равно, как бы глухой говорил о музыке» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 27 августа 1864 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Русские могут быть честными и справедливыми там, где от них ничего не зависит. В тех вещах, где есть их влияние или власть и вследствие которых возникает корысть или иная какая-нибудь заинтересованность, эти 2 качества не встречаются» (Ѓomumi бэхэс, «Мысли о России»);

«Что за люди эти педанты-патриоты, которые думают, что для того, чтобы прослыть патриотом, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: «Давайте будем патриотами, будем народными!» Они забывают, что прежде всего надо быть человеком, притом честным. Патриотизм есть плод чести, а где у нас эта честь?» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 5 февраля 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«К. Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность – западноевропейский (и украинский, – П.Д.) идеал. Русский идеал – святость... Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым и подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным. А так как сверхчеловеческое состояние святости доступно лишь очень немногим, то очень многие не достигают и человеческого состояния, остаются в состоянии свинском» (Николай Бердяев, «О святости и честности», в кн.: «Судьба России», 1918г., <http://www.biografia.ru/arhiv/630.html>);

«Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи...» (Николай Гоголь, письмо Погодину М.П., 23 апреля (5 мая) 1839, г. Рим, http://rulibrary.ru/gogol/perepiska_n_v_gogolya_v_dvux_tomax/232);

«Все ново; да тот же в нас норев!

Мы песенку тянем все ту же!

Так дочиста вымытый борев

В зловоннейшей хлюпает луже»

(Вячеслав Иванов, «Порочный круг», 19.12.1917, <https://project1917.ru/heroes/vyacheslav-ivanov>);

«В Братском говне романтики нет ни грамма. Поскольку оно ненастоящее, не природное, берется не из жопы. По происхождению оно абсолютно химическое. Но

становится от этого еще гаже. Любой засанный кошками и бомжами подъезд после посещения Братска покажется курортом для страдающих легочными заболеваниями. Честное слово. И что ужасней всего – спрятаться от вони некуда. Ни в доме, ни в продовольственном магазине, ни в поликлинике. Разве что опять же в общественном сортире, где природа по идее должна брать верх над гидролизом. Но в Братске, увы, общественных сортиров пока не придумали... А сибиряки совсем опустились. Дело не в деньгах, а в свинстве. Мусор выбрасывают буквально на улицу, перед крыльцом. Свиньи... Они здесь уже белок начинают жрать и комбикорм. Я не верил. Но это ужасная правда. И жалко, и страшно. Каждый в отдельности – хороший. А все вместе – беспомощное трусливое быдло, которое за обрез никогда не возьмется. Сплю с блокнотом. Мысли от увиденного разрывают мозг. Проезжали поднятую целину. Зрелище не для слабонервных: огромные клочья земли разбросаны по всему полю. Меня несколько раз просили написать в какую-нибудь московскую газету про то, как они здесь живут. Когда я сказал, что все это – «чернуха», меня не поняли. А когда объяснил, обиделись. «Ведь это же наша жизнь. А чернуха – это «Дом-1», Сванидзе, Собчак...»...» (EchoMSK [Alzheimer], «Братство конца», <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/711527-echo/>);

«Смотришь на обочину леса и думаешь: сколько отключившегося самосознания побывало здесь! Я не боюсь показаться занудой – меня реально бесит отношение наших соотечественников к природе, к тем местам, где они отдыхают, жарят шашлыки и пьют водку. То, что они оставляют после себя, нельзя объяснить ничем иным, кроме как отключившимся самосознанием. Ну зачем продолжать поддерживать многовековой стереотип, что русские – свиньи? Господа, пора меняться!» (Светлана Сурганова, «Тетрадь слов», <https://7lafa.com/book.php?id=107854&page=32>);

«70 лет наглого издевательства над общепринятыми нормами международных отношений, подлой, низкой мелочности, выгадывания копейки на чужом горе, предательства, открытого и уверенного воровства «в глаза», и наконец пустопорожней, неправдоподобной до глумления демагогии. И эта колоссальная «дипломатическая активность» – к чему она привела? К скрытой, глубоко затаённой ненависти со стороны ВСЕХ союзников и к холодному, равнодушному презрению со стороны Запада. Который давно уже русских и за людей не считает. Получилось-то по «наивному» Достоевскому: «Политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но может быть, и самая ВЫГОДНАЯ политика для великой нации, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и непрерывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасушнее, избличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение. Дипломатический ум, ум практической и НАСУЩНОЙ выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали». Ирония в том, что русские совершили исторический опыт отказа от правды и чести, вполне предвидя его конечный результат. И всё равно сделали так. Более того, именно исключительное уважение и поклонение правде и чести сыграло с русскими злую шутку. Это, может быть, суть трагедии по-русски. Предвидеть ошибки и всё же совершать их» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный

тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово – одно, а дело – другое! Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!» (Иван Бунин, «Деревня», [из диалога Кузьмы с Тихоном], <http://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=112100012&p=2>).

И, конечно же, не правы те россияне, которые обвиняют британские власти в извечной ненависти к России. Британские политики, хотя и считают русскоязычных шариковых и свинтусов нечеловеческими существами, но всё же их любят:

«Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов» (Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, Москва 14 августа 1942г., цит. по: Олег Ржешевский, «Сталин и Черчилль», https://www.e-reading.club/chapter.php/1016480/56/Rzheshevskiy_-_Stalin_i_Cherchill.html);

«Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх. Кошки смотрят на нас сверху вниз. Свиньи смотрят на нас как на равных» (Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, <http://www.orator.ru/churchill.html>).

Пережиточная русская ЯКМ примитивного общества как источник бессмысленной жестокости и слепой ненависти

Таким образом, честь и, вообще, мораль имеют громаднейшее значение для цивилизованного общества самостоятельных и ответственных граждан. У индивидуумов же примитивного общества под влиянием бессознательных лингвопсихических установок пережиточной ЯКМ легко просыпаются звериные инстинкты, а в переломные моменты своего развития такое отсталое общество становится подверженным в целом коллективной истерии и звериной стихии – нетерпимости, слепой ненависти и бессмысленной жестокости:

«Три типичные черты характеризуют современное русское, так называемое общественное мнение: беспочвенность, нетерпимость чужих мнений и самомнение...» (Кн. В. Мещерский, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«При отсутствии у нас самостоятельности нам, кажется, следовало бы особенно уважать друг в друге его свое, свою мысль, свое мнение и помогать таким образом вырабатываться определенному, своеобразному характеру. Но этого-то нам и недостает. Мы готовы с яростью преследовать каждого, кто захочет думать и поступать независимо. Дух нетерпимости и страсть к умственному и нравственному деспотизму составляют язву нашего так называемого передового общества» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 27 октября 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«...чем выше у человека или общества IQ, тем меньше они склонны верить в бога. И

наоборот, чем больше в человеке инфантильного, чем выше склонность без раздумья следовать за Авторитетом, чем сильнее в нем нетерпимость к чужому и новому, чем больше иррационального страха перед неведомым, чем крепче привязанность к поверхностно-ритуальному, но привычному, тем больше в нем зверя» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», гл. 7 «Религия vs интеллект», <https://public.wikireading.ru/19091> ; <http://flibusta.site/b/338639/read>);

«Российский нрав прославлен в мире,
его исследуют везде,
он так диковинно обширен,
что сам тоскует по узде»

(Игорь Губерман, «Иерусалимские гарики», <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki.txt>);

«Слишком легко инстинкт со вспышками берёт у них верх над ровным светом разума, они с лёгкостью отдаются стихии. Эти толчки во внезапное разнуждание инстинктов меняют русский характер до неузнаваемости» (Морис Палеолог – последний французский посол в дореволюционной России, 1917г. Цит. по: кн. Александра Солженицына, «Россия в обвале», 1998г., <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>);

«В русских удивляет сплав расслабленной доброты с крайней жестокостью, причем переход от одного к другому молниеносен...» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», http://m.tululu.ru/bread_75751_192.xhtml);

«Россия – страшная страна
Безжизненных полей.
Бывали хуже, чем она,
Но не было подлей.
Пусть много где плохи дела
И мрази нет числа,
Россия – это полюс зла,
И это – компас зла...
Кровь Новгорода, кровь Твери,
Ливонской кровь войны;
Вы в Беларуси, упыри,
Сгубили полстраны,
И заглушал победный гром
Младенцев польских крик,
Суворовским «богатырем»
Насаженных на штык...
Какой сосед ваш – хоть один! –
Не пострадал от вас?
Швед? Финн? Литвин? Туркмен? Румын?

Япония? Кавказ?

Что, кроме смерти и плетей,

Вы миру принесли?..»

(Юрий Нестеренко, Стихи и песни, «Поэма пощечин // Гимн России», 2014, <http://yun.complife.info/1st.htm>);

«Здесь рождается любопытный вопрос: а что бы я сделал, если б, действительно, пришлось к делу? Остался ли бы верным дружбе до конца? – или, может быть, по русской натуре я сподличал бы в решительную минуту, предал бы друзей и постоял бы за начальство? Ей-Богу – не знаю! Трудно отвечать... Как скоро я узнал, что Кессман попал в немилость, я охладел к нему. Я хотел быть порядочным человеком и стоять хорошо в глазах начальства. Я равнодушно смотрел на его приготовления к отъезду. Вот это-то равнодушие нанесло ему смертельный удар. Бедный Кессман! Не первый ты и не последний, кто обманулся в русском юноше! Да где нам! Какого благородства от нас ожидать? Рабами мы родились, – рабами мы живем, – рабами и умрем. «Рабы, влачащие оковы, высоких песней не поют!»...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Это волчье племя – откуда оно в нашем народе взялось? Не нашего оно корня? не нашей крови? Нашей. Так чтобы белыми мантиями праведников не шибко переполаскивать, спросим себя каждый: а повернись моя жизнь иначе – палачом таким не стал бы и я? Это – страшный вопрос, если отвечать на него честно...» Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», том 1, <http://book-online.com.ua/read.php?book=4604&page=61>);

«А в трюме в это время стоял шум и гам, вой и бой. Женщины не хотели расставаться со своими вещами, особенно теплыми, так необходимыми на Колыме! Но блатные еще более разъярились и на глазах у них резали и полосовали шубы, здесь же кроили из них воротники; примеряли содранные с плеч зимние пальто, сшибали шапки, сдирали платки, раздевали донага – и все отбирали; заглядывали в рот: «А ну, раззуй свое хавало!» – приказывали они и если обнаруживали золотые коронки или зубы, выбивали их оловянной ложкой; тем из фраерш, кто особенно яростно сопротивлялся, полосовали бритвой руки, лицо... Никакая фантазия человека, наделенного даже самым изощренным воображением, не дает представления о том омерзительнейшем и безобразном действе жестокого, садистского массового изнасилования, которое там происходило... Насиловали всех: молодых и старых, матерей и дочерей, политических и блатных... Не знаю, какой вместимости был мужской трюм и какова была плотность его заселенности, но из проломленной дыры все продолжали вылезать и неслись, как дикие звери, вырвавшиеся на волю из клетки, человекоподобные, бежали вприпрыжку, по-блатному, насильники, становились в очередь, взбирались на этажи, расползались по нарам и осатанело бросались насиловать, а тех, кто сопротивлялся, здесь же казнили; местами возникала поножовщина, у многих урок были припрятаны финки, бритвы, самодельные ножи-пики; время от времени под свист, улюлюканье и паскудный непереводаемый мат с этажей сбрасывали замученных, зарезанных, изнасилованных;

беспробудно шла неустанная карточная игра, где ставки были на человеческую жизнь. И если где-то в преисподней и существует ад, то здесь наяву было его подобие... А тогда, тогда... тросами поднимали с двойного второго дна наверх трупы замученных, удушенных, изнасилованных, зарезанных, казненных и бросали за борт в Охотское море... За три-два дня до прибытия в Магадан, усеченная «зона» на палубе была настолько плотно забита вырвавшимися из трюмного ада женщинами, что, буквально слипшись в неразрывный ком, мы не имели никакой возможности из него вырваться: мочились под себя, стоя – нас превратили в скот, хуже, чем скот... По прибытии к месту назначения солдаты открыли, наконец, выходной люк трюма, но никто наружу уже не выходил. Приказы конвоиров: «На выход!» – рассеивались в воздухе... Уголовники не отпускали женщин, а тех, кто пытался выползти, – казнили на месте... Никакие меры не действовали: ни окрики, ни приказы, ни стрельба...» (Елена Глинка, «Трюм, или Большой колымский трамвай», http://www.a-z.ru/women_cd1/html/raduga.htm);

«Три больших комнаты, две мертвые женщины и три мертвые девочки, юбки у всех задраны, а между ног донышками наружу торчат пустые винные бутылки. Я иду вдоль стены дома, вторая дверь, коридор, дверь и еще две смежные комнаты, на каждой из кроватей, а их три, лежат мертвые женщины с раздвинутыми ногами и бутылками. Ну предположим, всех изнасиловали и застрелили. Подушки залиты кровью. Но откуда это садистское желание – воткнуть бутылки? Наша пехота, наши танкисты, деревенские и городские ребята, у всех на Родине семьи, матери, сестры. Я понимаю – убил в бою, если ты не убьешь, тебя убьют. После первого убийства шок, у одного озноб, у другого рвота. Но здесь какая-то ужасная садистская игра, что-то вроде соревнования: кто больше бутылок воткнет, и ведь это в каждом доме. Нет, не мы, не армейские связисты. Это пехотинцы, танкисты, минометчики. Они первые входили в дома...» (Леонид Рабичев, «Война все спишет», <https://biography.wikireading.ru/60048>);

«Они рассекли тело одной из них вдоль и влили внутрь банку машинного масла, которое пытались поджечь. Русский выстрелил в гениталии другой из них, перед тем, как отрезали её груди. Раздался громкий вой одобрения, когда кто-то принес пилу из ящика с инструментами. Они отрывали пилой груди остальным, и скоро пол был залит кровью. Русские были в кровавом бешенстве. Они приводили все новых жертв. Я наблюдала эти кошмарные действия будто через красный туман. Снова и снова я слышала ужасный крик, сопровождавший отрезание груди, и громкий стон при раздирании гениталий... С одинаковой вероятностью, такое можно было увидеть на всем пути следования красного сброда насильников, убийц и мародеров от оккупированной ими повторно Украины. По мере продвижения большевистских орд на Запад, росла степень их красного бешенства, вызванная лишь одной причиной. Вырвавшись из своего загаженного стойла, русский скот увидел, что есть цивилизованный мир, отличный от привычной им вечной мерзости и не желающий добровольно уподобиться скоту. Коммунячьи вожди напрасно опасались за идеологическую защищенность своих рабов, питавших первородную ненависть ко всему человеческому. Антиселекция вечного совка оказалась саморегулирующимся процессом, пережившим его

создателей» (Einsamer Krieger, «Взалкавшие крови. Зверства русских на территории Германии» [Article, all English-Russian translations and compilation are made by Nicolas von Schatz, a.k.a Einsamer Krieger, for Free Speech of MFF], <https://russkie-svinii.blogspot.com/2016/10/ruzke.html#more>, <https://russkie-svinii.blogspot.com/2016/>);

«Я живу в ожидании краха,
Унижений и новых утрат.
Я, рожденный в империи страха,
Даже празднествам светлым не рад.
Все кончается на полуслове
Раз, наверное, сорок на дню...
Я, рожденный в империи крови,
И своей-то уже не ценю»

(Булат Окуджава, «Я живу в ожидании краха...»),
<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=42226>);

«Насилие у русских в словах, в делах и в крови... Давайте начнем с того, что насилие для России – это образ жизни. Государство под названием Россия изначально создавалось как садомазохистский проект. Страна, где одна часть населения может существовать только в том случае, если сделает больно другой... Да, мы уверены, что корректировка насилия приводит к еще большему насилию. Все 90-е были наполнены страхом. Как это можно: идти на выборы и самим все решать? А начальство, что, будет стоять и смотреть, как его выбирают? Есть четкая уверенность, подкрепленная вековым опытом, что любая власть, даже своя собственная, сделает все, чтоб тебе было плохо. В оправдание этих страхов придумана лукавая народная мудрость: «Лучшее – враг хорошего». А кончается тем, что «с нами по-другому нельзя». И это тоже источник насилия. В этой цепи социально-политических страхов один переходит в другой. Все равно нас прессанут. Значит, надо скорее чем-нибудь провиниться перед властью, что-нибудь страшное сотворить, чтоб нас было за что наказывать. Таким, как мы, свободу давать нельзя. Так скорей уж посадите, чтоб обезопасить нас от самих себя. Это в воздухе разлито...» (писатель Игорь Яркевич, из интервью Льву Дроздову: «От страха власти нас избавят психологи», «Деловая газета ВЗГЛЯД», 22 марта 2010, <http://www.vz.ru/culture/2010/3/22/385781.print.html>);

«Вот, такой замечательный словарь-тезаурус современной русской идиоматики Добровольского и Баранова, Баранова и Добровольского, недавно изданный – три года назад. Прекрасный словарь. И там все разделы представлены тематически и антонимически (противоположные – под противоположными рубриками). И, вот, физическое воздействие, физическое насилие дает 98 (по-английски я бы сказала: «entries»), ну, вот, выражений и словосочетаний, выражающих физическое насилие в самом отвратительном виде. Читать страшно. И из них более 80 имеют пометы: народное, просторечное, жаргонное, неприличное и нецензурное. То есть, это абсолютно народные средства и народный язык. Это то, как говорит русский народ – 80 из 98. Сразу следом за физическим насилием идет

рубрика «Доброта, безобидность, гуманность, смирение». Вот, в арсенале русского языка существует целых 7 способов выразить доброту, безобидность, гуманность и смирение. Из них 3 имеют пометы «книжное» («ангел во плоти», «подставить другую щеку») и одно – «журналистское» («с человеческим лицом»). И всего 3 оставшихся... Потому что, кто сейчас пишет в книжном стиле? И кто сейчас читает книжный стиль? Три оставшиеся – это, как раз, вот, оппозиция 98-ми. Это очень интересный показатель» (Светлана Тер-Минасова, «Язык – творец человека» (1-я лекция), http://metaslov.blogspot.com/2012/04/1_27.html);

«Те, кто читал мой роман «Аристонмия», знают, что у меня большие проблемы с выбором моей стороны на Гражданской войне. Обе стороны мои – и не мои. И красные, и белые вызывают у меня сложное чувство, в котором восхищение смешивается с отвращением, и всех жалко...» (Борис Акунин [Григорий Чхартишвили], «Жизнь и смерть веселого человека», http://loveread.ec/read_book.php?id=73573&p=19; <https://snob.ru/profile/5232/print/52882>; <http://borisakunin.livejournal.com/75923.html>);

«...мы, бежавшие из этой прекрасной страны, не будучи в силах вынести вида ее крови, грязи, лжи, хамства, низости, не желая бесплодно погибнуть от лап русской черни, подонков русского народа, поднятых на неслыханные злодеяния и мерзости соратниками Горького, мы, трижды несчастные, с ужасом принуждены свидетельствовать, что совсем, совсем не так твердо уверены в том, в чем будто бы так уверен Горький. Мы не уверены, невзирая на все его послания к Уэллсам, что и впрямь стали пламенными борцами за Интернационал мужики из Чухломы и все те черемисы, чуваша, зыряне, в лесах которых всего каких-нибудь тридцать лет тому назад были обнаружены человеческие жертвоприношения. Мы не уверены, что русское «деяние», оно же было началом всех начал, еще не дошло до супа с человеческими пальцами, не говоря уже о том, что каннибальство не всегда же заключается только в самом подлинном людоедстве: ибо разве не злейшее каннибальство этот трехлетний «опыт» над страной, каннибальски алчущей и жаждущей, замерзающей во тьме и снегах, до нага раздетой и разутой, заедаемой вшами, под пятой свирепейших в мире деспотов? Разве не сверхканнибальство – петь бесстыднейшие гимны этому опыту, соловьем заливаясь о всяческих культурах, о русской литературе и науке – в то время как Россия по горло потонула в крови и всяческих нечистотах, и моральных и физических, и почти вся русская интеллигенция перебита в «чрезвычайках», раздавлена морально и физически, поколела с голоду, разбежалась, куда глаза глядят...» (Иван Бунин, «Суп из человеческих пальцев*» / Открытое письмо к редактору газеты «Таймс», <http://romanbook.net/book/8482613/?page=12>);

«В 1949 году возле одного из колымских концлагерей по приказу Москвы живьем потоплено в болоте около трех тысяч украинских девочек в возрасте 12-14 лет – «чтоб было некому бандеровцев рожать»:

«А их вели ... И в бездну просто гнали...

Уж до сих пор то в тундре болота дрожат.

Ведь из Москвы так приказали генералы:

«Чтоб было некому бандеровцев рожать»...» (Дмитро Шупта, «Колымские девочки», https://ua.ua/top/21654/?fbclid=IwAR08GHaURdj21pysNMyz2vUH6qMPlPqW_IF5PvAu6CwQgjEj4oWuyzHMBVk);

«Если бы факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц, – о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека. В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда – вниз головой – пленных красноармейцев, оставляя ноги их – до колен на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землей, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнется позднее других. Забайкальские казаки учили рубке молодежь свою на пленных. В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям на высоте метра над землей и наблюдали, как эти – нарочито неправильно распятые люди – мучаются. Кто более жесток: белые или красные? Вероятно – одинаково, ведь и те, и другие – русские» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Берлин, 1921, <http://sadsvt.narod.ru/gorky.html>).

И ведь же эти «коллективные забавы русских» сродни коллективным забавам детей и подростков а, следовательно, тоже являются подтверждением психической инфантильности как самих русскоязычных челядишек, так и их неимоверно жестоких правителей:

«Детская эмоциональность предпочтительно откликается на настроение в группах (сверстников и близких), а не на индивидуальные переживания окружающих. Н.Г. Помяловский описывает как, встречая новичка в бурсе, ученики по очереди для забавы издеваются над ним, хотя полностью понимают его мучение и даже притворно сочувствуют ему, чтобы снова под общий хохот обидно подшутить. Действительно, при индивидуальных беседах со школьниками можно убедиться, что они часто беззлобно настроены к жертвам коллективных издевательств, по существу ничего против них не имеют и даже понимают неприятные последствия своего поведения, но сдержаться не могут. Предпочтительность групповой, а не индивидуальной эмпатии, видимо, также имеет биологическую основу, поскольку дети не подготовлены к достаточной самостоятельности и им почти всегда безопаснее держаться коллектива, чему и способствует эмоциональная сопричастность к нему» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>);

«Русские переоценивают не только самих себя, но и своих детей. В каждом отделении милиции расскажут об их подвигах. В русском детском мире полагается быть жестоким. Мне рассказывали уличные проститутки, что самое страшное – оказаться во власти подростков. Знакомый бандит, свидетель рассказа, кивнул: – Так везде. И в зоне. И тут, в Москве. Пацаны звереют. Бьют до смерти. Драку заказывали? Ничего не изменилось со времен моей школы, где на перемене можно было влегкую получить по морде – просто так...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Мелкая совесть», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Подросток агрессивен и охотно дерется с другими только для того, чтобы «знали наших» или чтобы «показать им, чтоб не дразнились, а то они дразнятся». Подросток жесток, плохо понимая разницу между игрой и реальностью. Подросток любит объединяться с другими, чтобы быть сильнее «других» и чтобы вместе конкурировать с тем, кто больше, сильнее и агрессивнее каждого по отдельности. Подросток легко принимает самую примитивную иерархию и хочет только занять в ней «подобающее» место. Государство, запрещая «бесовские игрища» или вторгаясь в частную жизнь людей, тоже обращается с ними как с подростками или даже как с детьми. Оно всю эксплуатирует особенности подросткового возраста, давая взрослому младенцу то, чего жаждет его душа: иерархию, «свой» клан, полную возможность самоутвердиться, делая карьеру или побеждая кого-то. Возможность обожать и ненавидеть одновременно коллективного жестокого «отца», на месте которого каждый подросток легко может себя представить. Подросток легко доходит до крайностей во всем, а как раз умеренность, самоограничение, дисциплина раздражают его, кажутся предельно скучными... Так же и биологически взрослый москвит любит бежать в «своей» группе, вторгаться в Ливонию и Великое княжество Литовское, показывая всем окружающим, что он и его стая большие, сильные и страшные. Он может рубить саблей и стрелять почти так же, как настоящие солдаты (чтобы совсем так же – это надо учиться, а вот этого он и не умеет и не любит). Он наводит страх на европейцев (на скучных взрослых!) – и получает от этого такое же наслаждение, какое получает в подворотне шайка четырнадцатилетних хулиганов, при виде которых пожилая пара ускоряет шаги» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=48);

«Советские солдаты обращали на себя внимание своим видом. Одна жительница городка Дисна Виленского воеводства, описывала их так: «Они были странные – маленького роста, кривоногие, уродливые и страшно изголодавшиеся. На головах у них были причудливые шапки, а на ногах – тряпичные ботинки». В виде и поведении солдат была еще одна черта, которую местные жители заметили еще отчетливее: животная ненависть ко всему, что ассоциировалось с Польшей. Она была написана на их лицах и звучала в их разговорах. Могло показаться, что кто-то уже давно «пичкал» их этой ненавистью, и лишь теперь она смогла вырваться на свободу. Советские солдаты убивали польских пленных, уничтожали мирное население, жгли и грабили...» (Лешек Петшак, «Вторжение варваров», <https://gulags.wordpress.com/category/psrs/page/6/>);

«...нам все время напоминали, что враг не дремлет, надо готовиться. Мы живем с судорожной готовностью или бежать – или нападать. И рано или поздно человек не удержится и пойдет на конфликт, пусковым крючком может служить незначительный повод... Печально, что уровень нашей психологической культуры таков, что мы не справляемся с такими искажениями сознания. Еще страшнее, что таков уровень политиков и челяди, которые индуцируют ненависть, транслируют негативные стереотипы на всю страну» (Психолог, писатель Ольга Маховская, из интервью Галины Мурсалиевой

«Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«Институт социологии РАН выиграл конкурс на написание научно-исследовательской работы о духовных скрепах России. Ученые, в числе прочего, попытаются составить «перечень исторических маркеров, способных выполнять функцию духовной скрепы». За это администрация президента заплатит почти 1,5 млн руб... Ненависть – вот наша настоящая духовная скрепа. Ненависть объединяет всех. Любовь, сочувствие, всепрощение требуют сил. Ненависть, как сорняк, растет сама по себе. А если ее усиленно подкармливать (что сейчас и происходит) – цветет и пахнет. И не нужно полуторамиллионных исследований, чтобы увидеть это» (Лена Климова, «Духовные скрепы? Не-а, не слышали», <http://www.rosbalt.ru/generation/2013/10/03/1183359.html>);

«На пляже постоянно слышны крики: «Дура, ты куда пашла?», «Хватит на меня брызгать», «Куда ты с телефоном в море? Чьо вашше?», «Я сказала атвали ат меня!» На набережной молодая мамочка за руку вытягивает полуторагодовалого малыша с коляски, который капризничает, прижимает одной рукой к себе, а второй рукой лупасит по заднице и спине. Малый захлебывается в истерике, народ в радиусе 50 м в шоке ... Так они с детства воспитывают ненависть и другие скрепы» («...«Дура, ты куда пашла? Хватит на меня брызгать»: как русские с детства воспитывают ненависть», <https://uainfo.org/blognews/1531503353--dura-ty-kuda-pashla-hvatit-na-menya-bryzgat-yak-rosiyani.html>);

«Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю – стоит; ибо это – живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной» (Максим Горький, «Детство», <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/detstvo/detstvo-12.htm>).

Антиномичность сознания и поведения русскоязычных челядишек

Одним из проявлений психической инфантильности является и антиномичность как сознания, так и поведения русскоязычных челядишек:

«Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства. Противоречие русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двойится, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей национальной идеологии – славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении – Достоевском – русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатлелась на славянофилах и Достоевском. Лик

Достоевского так же двоится, как и лик самой России, и вызывает чувства противоположные. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христа (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?» (Николай Бердяев, «Судьба России // Психология русского народа», <http://www.xwap.me/books/9239/Sudba-Rossii-Sbornik-statey-1914-1917.html?p=3>);

«Как произошло, что антиномичность стала базовой ценностью российской культуры? Почему во всех ее исторических переменах антиномичность сохранялась? Можно ли преодолеть антиномичность? Является ли антиномичность неполноценностью, ненормальностью, дисфункцией? Что определило антиномичность России? Наличие переживания всех четырех времен года и их перепутанность? Внезапные переходы леса в степь? Неброскость, размытость пейзажа? Мужественность женщин? Женственность мужчин? Инфантильность родителей и зрелость детей? Ответ Бердяева не социокультурный, не политический, а скорее сексуально-мистический: «Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере» [Бердяев 1990, 15]. Но даже и в этом гадательном ответе есть что-то верное. Женщина в России более свободна (Татьяна, Ася, Наташа и т.д.), чем мужчина. Но более верный и верифицируемый ответ состоит в том, что Россия принадлежит бета-паттеральному ансамблю мировой социокультурной системы, т.е. в ней доминирует колеблющийся, «пульсирующий» паттерн-хамелеон. В нем соприсутствуют альфа-паттерн («Восток») и гамма-паттерн («Запад»), или, иными словами, коллективизм и индивидуализм («мы» и «не мы», и «я» и «не я»), безостановочно взаимопревращаясь. Эти взаимопревращения то усиливают, то подавляют дополнительный альфа-паттерн и рецессивный гамма-паттерн. Бета-паттерн определяет быструю смену состояний, чувств, поступков, покоя и движения, долготерпения и нетерпеливого порыва, расчетливости и безрассудства, гордости и пресмыкательства, милосердия и жестокости, поклонения и проклятия, расправы и покаяния по отношению к одним и тем же лицам, идеям, порядкам...» (Карл Кантор, «Россия – бета-паттеральный ансамбль», http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=647&Itemid=52);

«...меткое наблюдение русского мыслителя Бердяева объясняет, почему этот народ в решающие минуты мог сконцентрировать такую массу сил и энергии. Женственность не без оснований приравнивалась к стихийному началу, которое с трудом выносит любые ограничения. Познавать душу такого народа, конечно, полезно. Тем более что в сознании русских этот необычайный потенциал связан с еще одним качеством. Известный швейцарский психолог Карл Густав Юнг называл это качество несостоятельностью и отказом принять свою тень. Любой человек, отказывающийся принять свою тень, отдан на произвол своих собственных демонов, писал профессор Юнг. Что же это означает? Выражаясь проще, это нежелание взять на себя ответственность и повиниться за поступки, о которых человек лучше бы не знал, которые он сознательно выталкивает из своего сознания.

Но так они превращаются в трудно контролируемую часть нашей души. В таком случае не остается ничего иного, как все, что в нас есть негативного, излить на других. И еще одно свойство русского народа проявляется здесь особенно опасным образом. Речь идет о потребности почитать или даже обожествлять какого-нибудь современника, отца народа и прочее. Все это еще усиливается за счет свойственной всему человечеству склонности к массовости, толпе. Как пишет профессор Карл Густав Юнг: «Мы пребываем в блаженном неведении относительно этих сил, поскольку они никогда (или почти никогда) не касаются наших личных дел в обычных обстоятельствах. Но стоит людям собраться вместе и образовать толпу, как высвобождается динамика коллективного человека – звери или демоны, сидящие в каждом человеке, не проявляют себя, пока он не сделался частью толпы («человеческого стада», – П.Д.)...» (Мирослав Жак, «Ключ к русской душе», <http://blog.aktualne.cz/blogy/miroslav-zak.php?itemid=24974>, <http://zakonvremeni.ru/analytics/7-3-/20714-klyuch-k-russkoj-dushe-qaktualnecq-chexiya.html>);

«Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой». «Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей, и самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним». «В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя господином». Иными словами, все рецидивы первобытного сознания в толпе резко обостряются, а индивид деградирует. Это, так сказать, тот юнговский след того коллективного бессознательного, которое уводит современного человека к первобытному состоянию» (Игорь Гарин, «Доминанта первобытного сознания», <https://www.proza.ru/2014/12/05/889>).

Большевики во время гражданской войны цинично воспользовались психической инфантильностью, антиномичным поведением и «стадностью» русскоязычного крестьянства России:

«Большевики выиграли, ибо вместо орудия духовного и прежде всего морального самосовершенствования, вместо освобождения себя от зависти к чужому успеху они предложили русскому человеку топор и вилы и, самое главное, право участвовать в «расправе», право убивать тех, кто своим умом, талантом, образованностью напоминал миллионам русских о том, как много надо с собой сделать, чтобы стать вровень с ними, с успешными...» (Александр Ципко, «Россия для русских – игра со смертью», <http://www.nkj.ru/archive/articles/20227/>);

«Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобивостью, даровитостью и смирением? А теперь – это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве. Совершилось какое-то черное преображение, народ Божий стал стадом гадаринских свиней»

(Сергей Булгаков, «На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги», в сб.: «Из глубины». М., 1918. Отд. изд.: Киев, 1918; София, 1920г., <http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>)

«Русские эмигранты доходили до крайностей; пример тому – Федор Викторович Финберг, бывший полковник царской армии, в берлинской эмиграции ставший писателем и философом. Он писал, что покойный блаженной памяти царь по ошибке идеализировал русский народ, который на деле ни к чему не пригоден и заслуживает наказания за измену царю. Это – «человекоподобное стадо», слепая, бессмысленная масса, многоликий хам, не ведающий ничего, кроме самых низменных материальных потребностей» (Уолтер Лакер, «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», <https://litlife.club/br/?b=239101&p=16> ; <https://romanbook.ru/book/6927606/?page=12>).

Цинично пользуются психической инфантильностью и «стадностью» русскоязычного населения российские политики и сейчас. Они, как и прежде, продолжают культивировать у склонного к истерии и легко зомбирующегося инфантильного населения двуличье и нетерпимость к инакомыслию, детскую озлобленность и ненависть к тем, кто не желает быть «как все» и вести их холопский образ жизни, прививая тем самым ему холуйство, свинство и субкультуру подонков:

«Убоги слова и жесты, бессмысленен каждый шаг.

Холуйская добродетель потомственного двуличья,

Грызня из-за места в стойле, а всякий вне стада – враг...»

(Юрий Нестеренко, «Послушайте эти речи. Взгляните на эти морды»,

<http://yun.complife.info/verses/rashka.txt>);

«Физически уничтожить носителей чужой идеологии, всех «не наших» – вот решение по-русски неудобной проблематики. Зачем думать над теоритическим опровержением идей или снятием причин, порождающих проблемы. Для снятия социального напряжения затевались кровопролитные войны, а в промежутках между ними – не менее кровавые внутренние кампании. Сталинские казни поддерживались многомиллионной массой, требовавшей ожесточения наказания. И это не только «массовый психоз», дело гораздо хуже. Психозы не передаются по наследству на протяжении десятков поколений. В период революции народ решал проблему имущественного неравенства (духовное неравенство его не беспокоило) искоренением буржуев, от которых всё зло. Современный исследователь морально-политической физиономии русского народа В. Дибич, тщательно отсеявший всё наносное, случайное, все партийные «пропагандистские приёмы», приходит к выводу: «Люди на самом деле с восторгом принимают идею концлагерей для инакомыслящих и тех, кто «не с нами». И это после сталинизма, немецкого «нового порядка», гетто и прочих зверств, которыми так изобилует наша история. Непостижимо!» (ЧП. 24.05.1995). О концлагерном идеале говорили Дибичу вчерашние общинники, петербуржцы XXI века, земляки депутата Государственной думы А. Неврозова, лично помогавшего единоверным сербам убивать мусульман-боснийцев только за различие в вере. Это не психоз, вызванный внешней ситуацией, а стойкий и массовый стереотип мышления, постоянно

самообновляющийся без внешних раздражителей. «Это результат воздействия на психику подсознательных (коллективно-бессознательных) импульсов (русской языковой картины мира, – П.Д.). Только так можно объяснить и массовый страх перед любой личностью (группой), авторитетно объявленной агентом Зла. Здесь исток не только высокой массовой агрессивности, но и возможности для государства, для тотемного его лидера (неважно, Пётр это или Иван Грозный, Разин или Пугачёв, Сталин или Ельцин) не стеснять себя Законом при массовых казнях, повальных арестах, карательных войнах, дискриминации целых страт по признакам социальному (торговцы, кулаки), конфессиональному (административные решения о разрушении крымских мечетей выносилось и в 1990-х, когда повсюду шло восстановление церквей), национальному (погромы, геноцид малых народов, изгнание кавказцев из Москвы), политическому (здесь примеры излишни). И это далеко не всё» (В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 41)» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Что делает Россия на оккупированных территориях? Она проводит тотальную деукраинизацию. Закрываются украинские школы, церкви, СМИ, ведутся жесткие преследования и убийства тех, кто идентифицирует себя украинцем. То же самое происходит и в отношении крымских татар. Их снова выдавливают из Крыма, ликвидируют их органы самоуправления, преследуют их язык и символику. Причем, все это делается на государственном уровне, по высочайшему повелению...» («Здравствуйте, я – Россия и я – геноцид», https://antikor.com.ua/articles/170066-zdravstvujte_ja_rossija_i_ja_genotsid);

«Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно... Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!..» (Фёдор Достоевский, «Бесы», <http://poiskpravdy.com/demons/>);

«Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи. Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, которые так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни... Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получал смердяковскую прививку. Смердяков предъявил право на бесчестье, и за ним многие побежали...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <https://www.rulit.me/books/duhi-russkoj-revoljucii-read-58738-7.html>);

«Всегда побеждает в борьбе за умы та партия, которая разрешает свинство. То есть,

если разрешить людям быть немножко нелюдями, дать им право на ненависть, право на погром – отклик будет массовый и очень радушный и искренний...» (Дьякон Андрей Кураев, из интервью Татьяне Фельгенгауэр, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1395896-echo/>);

«Мы потеряли свой народ. Русской нации больше нет. Есть жуликоватая шпана, мычащее стадо» (Виктор Астафьев: «Мы не на земле живем – на мешке с костями», <http://lr4.lsm.lv/lv/raksts/chto-bilo/1-maja.-pisatel-viktor-astafev.a85650/>);

«Неудивительно, что политики видят в своем электорате толпу подростков, к которым нужен лишь умелый эмоциональный подход, поскольку никаких иных те и не признают. Владимир Жириновский, выступая по телевидению, несколько раз повторял оппонентам, представлявшим демократически настроенных избирателей, что они проигрывают ему в зрительских симпатиях, поскольку апеллируют к человеческой логике, в то время, как он обращается к инстинктам. И аудитория его поддерживает. Наблюдая этот стабильный спрос на Жириновского, сложно не заподозрить, что люди, охочие до такого политического кликушества, не только во время телеэфиров Жириновского, но и повседневно живут теми инстинктами, к которым обращается их политический кумир. В определенном смысле эти люди психологически находятся на уровне развития подростка. Неслучайно, именно в подростковом возрасте люди наиболее охотно подчиняют свое поведение инстинкту, когда чувства опережают любое разумное осмысление. Даже истеричность, психопатическая возбужденность Жириновского сродни подростковой истеричности – дикому гормональному всплеску, сопровождаемому взрывом агрессии, злобы или немотивированной жестокости» (Георгий Рамазвашвили, «Общество, не желающее взрослеть», <http://index.org.ru/journal/23/ramaz23.html>);

«ЛДПР и ее лидер, господин Ж. это уникальный пример, когда субкультура подонков институционализована и просто целым эшелонам входит во власть. То, что представляет собой эта организация и ее лидер, вполне исчерпывающе описал Егор Гайдар в своей статье «Ставка на негодяев», опубликованной в мае 1994 года. Именно через эту «партию негодяев» во власть пришло немалое число реальных уголовников. Не коррупционеров, а настоящих бандитов, «авторитетов» и держателей «общаков». Субкультура подонков, проникающая во власть довольно сильно ее ослабляет. То, что власть, изъеденная изнутри этой ядовитой субкультурой, еще держится, вызвано, в том числе тем, что субкультура подонков проникла и в гражданское общество и в независимые СМИ и в оппозицию...» (Игорь Яковенко, «Субкультура путинских подонков», <http://fakeoff.org/politics/subkultura-putinskikh-podonkov>; http://www4.kasparov.ru/material.php?id=566BB2C62621E§ion_id=5285E13C93AA8);

«Когда популярный политик публично приказывает жестко изнасиловать журналистку, не стоит ошибочно считать, что он подстрекает на тяжкое преступление, и даже – что он оскорбляет женщину. Он всего лишь в рамках нашей системы ценностей и морали обращает внимание женщины на ее место в иерархии – традиционным (еще со времен, когда его предки были похожи на гамадрилов) способом, путем объяснения, кто

может быть инициатором полового акта. Кстати, Государственная дума, ограничившаяся по этому поводу «порицанием», вполне понимает невинность данного действия и его соответствие нашим нормам» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml; <https://republic.ru/posts/1/1114094>);

«Только осознание трагедии развала, перед которой оказалась Россия, принуждает меня «выступать», чтобы озвучить видимую мной реальность. Вот она: Россия стоит на краю пропасти. Что будет? Какая беда ждет нас? – Бог знает. Мудрец Губерман в эссе о Сократе с тревогой предупреждает: «Самое жестокое похмелье – от опьянения коллективным единоподушием». Господи, дай нам разум услышать эту простую истину! Не дай окончательно сойти с ума, за компанию с безумцами во власти! Она, Украина, родила нас, русских. Выкормила, выпестовала и вывела в люди целый народ. Дала нам письменность и веру. Потому она и «ненька», а Киев – «мать городов русских». Рожденные в днепровской купели, мы выросли, разбрелись по свету, разбогатели, заматерели... И теперь, навалившись на Украину всей своей огромной сыновней тушей, мы реально насилуем собственную мать. Причем делаем это с восторгом и удальским гиканьем... Эй вы, русские мужики, вас еще не тошнит от этой мерзости?» (Аркадий Тигай: «За всю тысячелетнюю историю России это первая война, в которой у нас нет союзников», <http://www.lifeinvest.com.ua/?p=12426>).

Подверженная усыплению совесть как неполноценный заменитель чести

Отсутствие же честности и других моральных качеств у примитивных обществ и народов, стоящих на более низких ступенях интеллектуального и цивилизационного развития, компенсируется наличием у их индивидуумов (не осознающих свою гражданскую ответственность и уклоняющихся от нее) бессознательных реакций, проявляющейся в виде «совестных актов» и других не осознаваемых внутренних побуждений. Все эти побуждения вызываются соответствующими морально-психическими установками, навязанными им религией или же любой другой господствующей идеологией. Однако же совесть является лишь неполноценным заменителем чести, то есть эрзац-честью. Ведь нечестные люди научились ее обманывать и усыплять. Когда же обман и усыпление совести осуществляются с помощью используемого в общении языка, в примитивном обществе формируется аморальный (порочный) и деструктивный менталитет:

«Любопытно диалектическое кружение мысли меж идеями чести, и совести. Объективно обе они воплощают единство личного и общего, но взор на единство – различный. Человек чести связан законами долга, наложенными на него обществом, но воспринимает решение сам, лично – по чувству ответственности. Совестьливый человек весь – в плену личного «беса», тотчас иссушающего душу, но конкретно таковой человек решается на поступок время от времени вопреки своему «я» – по зову совести. Там начинают с долга и кончают ответом на нравственный вызов; тут начинают с личной ответственности, завершая исполнением долга. Герои западной литературы индивидуалисты, персонажи Хемингуэя либо Ремарка живут понятием чести; герои российской литературы погружены в

пучины совести. У европейца границы свободы определены долгом, у россиянина воля ориентирована совестью. Когда Аарон Штейнберг пишет о диалектике свободы у Достоевского, он ни словом не поминает основной для писателя идеи совести (проработка концепта «совесть» – награда писателя в развитии мировой философии). Совесть постоянно борется с волею – это и есть понимание свободы по-русски: ограничение своеволия и самоволия совестью» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и в тексте // Честь и совесть», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82396>).

Как видим, являющаяся «продуктом» подсознания совесть важнее являющейся «продуктом» сознания чести, именно, в недостаточно зрелых обществах. В таких примитивных обществах (у «народов, стоящих на низших ступенях общественной лестницы», – П. Чаадаев) моральные качества и человеческое достоинство еще не ценятся высоко а, следовательно, и снисходительно относятся в них ко многим недостойным человека поступкам (подобно к детским шалостям):

«Я хотел содействовать утверждению между нами владычества разума, законности и уважения к нравственному достоинству человека, полагая, что от этого может произойти добро для общества. Но общество на Сандвичевых островах [читай в России, – П.Д.] еще не выработалось для этих начал: они слишком для него отвлечены; оно не имеет вкуса к нравственным началам; вкус его направлен к грубым и пошлым интересам. В нем нет никакой внутренней самостоятельности: оно движется единственно внешнею побудительною силой; где же тут место разуму, законности?.. Сколько раз бывал я обманут притворным и лицемерным изъявлением уважения к добру и истине! У всех на самом деле одна цель – исключительность положения, без всякого внимания к нуждам, правам и достоинству других. А сколько еще, в пылу своей эгоистической деятельности, переходят от этого отрицательного равнодушия к действительному притеснению всех, кого могут теснить безнаказанно. Иные подчас принимают на себя личину образования, выказывают стремление к умственным или нравственным интересам. Не верьте, это чистая фальшь. Они похожи на дикарей, которые вместо куска грубой туземной ткани драпируются в европейский плащ, но ни сшить его сами, ни носить, как должно, не умеют...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 20 декабря 1848 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Россия – это дикарская сила, мир беззакония, мир враждебный любому закону и, прежде всего, моральному закону. Русский не имеет самого ценного, что имеет человек – это способности чувствовать моральное добро и зло. А эта способность есть основой всей человеческой культуры...» (Жюль Мишле, «Польша и Россия. Легенды о Костюшко», 1851 г.);

«...Мы, оставившие Россию только для того, чтобы свободное русское слово раздалось, наконец, в Европе, – мы тут налицо и считаем долгом подать свой голос, когда человек, вооруженный огромным и заслуженным авторитетом, утверждает, что «Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла» (Александр

Герцен, «Русский народ и социализм», письмо к Ж. Мишле, 1851г., <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/le-peuple-russe-et-le-socialisme/russkij-narod-i-socializm.htm>);

«– И знать не хочу звероподобную пародию на людей, и считаю для себя большим несчастьем, что родился в таком государстве (России, – П.Д.). Ведь вся Европа, любезнейший, смотрит на русского чуть ли не как на людоеда. Ты ведь не путешествовал по Европе, а мы в ней жили и не раз испытали стыд, что принадлежим к дикой нации...» (В.П. Боткин – активный сотрудник журнала «Современник», 1855–1857 г., цит. по кн.: Евдокия Панаева, «Воспоминания», гл. 16, с. 349, http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Panaeva/Panaeva_17.htm);

«Одно, что мы можем и должны сказать русскому интеллигенту, это постарайся стать человеком... Потому что мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов, и уродство наше – даже не уродство роста, как это часто бывает, а уродство случайное и насильственное. Мы калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растёт заодно с волею, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь» (Михаил Гершензон, «Творческое самосознание», 1909г., <http://www.vehi.net/vehi/gershenson.html>);

«Общая характеристика человека: «Типичный человек нашего времени: это голый – без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое». «Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец – вот сущий тип нашего времени». «Сознание себя Иваном-дураком – это самосознание народа (класса)». «Каждый человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все (русскоязычные, – П.Д.) люди на самом деле замаскированы» (Платонов, «Записные книжки материалы», 2006, https://imwerden.de/pdf/platonov_zapisnye_knizhki_materialy_2000_text.pdf)...» (Виктор Макаренко, «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>); <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka-1>);

«Страну населяет звероподобный сброд, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать. Этот сброд должен мычать в стойле, а не ломиться грязными копытами в мой уютный кондиционированный офис. Для этого и придуманы «Наши», «Молодогвардейцы» и прочий быдлоюгенд. Разве не понятно, что при свободных выборах и равном доступе к СМИ победят как минимум ДПНИ и прочие коричневые? ...Просто не надо принимать пропаганду на свой счёт. Ей не нас дурят, ей нас защищают от агрессивной-тупой-нищей массы, которая всё пожрёт, только дай ей волю. Слава России!» (Юрий Гусаков – видный идеолог «Единой России», основатель официозного телеканала russia.ru, цит. по: Михаил Вербицкий, «Россию населяет звероподобный сброд», <https://svpressa.ru/blogs/article/23906/>).

И ведь же потомственные славяне, в отличие от славянизовавшихся дикарей, издревле были честными:

«Честность же и товарищество среди них (славян, – П.Д.) таковы, что они, совершенно не зная ни кражи, ни обмана, не запирают своих сундуков и ящиков. Мы там не видели ни замка, ни ключа, а сами жители были очень удивлены, заметив, что вьючные ящики и сундуки епископа запирались на замок. Платя свои, деньги и разные драгоценности они содержат в покрытых чанах и бочках не боясь никакого обмана, потому что они его не испытывали» (Из «Жизнеописаний Оттона Бамбергского», 1124-1127г.г., Кн. II, гл. 41., <https://constitutions.ru/?p=18335&attempt=1>).

В том же, что: «...бесчестье и ложь – неотъемлемая черта русского человека» (Николай Бердяев, «Духи русской революции») ответственны, всё же, не только православие и «татарщина»:

«Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: «Да будет мне стыдно!».
На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле –
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече – каганская воля!...
Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!...»

(А.К. Толстой, «Змей Тугарин», <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=16352>).

Виноват в этом, конечно же, и русский язык, прочно законсервировавший пренебрежение к честности и к необходимости блюсти свою честь даже и у атеистов. Ведь древнекиевское слово «честить» (оказывать честь, уважение), как и многие другие слова, приобрело в русском языке негативную коннотацию и стало означать:

«...называть какими-нибудь обидными словами, ругая, хуля» (Толковый словарь Ушакова):

«Кто он такой, чьего роду и племени – бес его ведает, да бояр честит лихо» (Иван Тургенев, «Новь», <http://www.ivan-turgenev.ru/roman/006-32.html>);

«ГОНОР [лат. «honor» – честь] – (для обладающих же холопской ментальностью и негативистским мышлением русскоязычных людей, – П.Д.) преувеличенное чувство собственного достоинства, чванливое высокомерие, заносчивость, спесь» («Словарь иностранных слов русского языка», https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/15510).

Обруселая Чудь не обогатила русского лексикона, но существенно обогатила великороссов в этнографическом отношении

Но все же, слово «честить» так и не смогло вытеснить, как из разговорной речи, так и из литературного русского языка слово «ругать», созвучное означаемому то же самое финскому слову «göykyttää».

Точно также и древнекиевское слово «хромать» не смогло полностью из них вытеснить чудское слово «ковылять» (фин. «kavalla» и венг. «keverés» – «шаркать ногами, тащиться, слоняться»).

Финская же форма лексемы «канал» – «kanava» в русском языке стала синонимом слова «ров». Финнизмами, возможно, являются также слова как «мир» (эст., фин. «maailma»; удм., марийск. «мер» – община), «сапоги» (фин. «saappaat», эст. «saapad»), «рига» (эст. «rehi», фин. «riihi»), «макушка» (фин. «mäki» – «холм, возвышенность»), «тоска» (фин. «tuska» – агония) и «тундра» (фин. «tunturi», саам. «tundar», «tuoddar» – гора, – Фасмер).

Заимствованное из чудского языка слово «поганий», являвшееся родственным эстонскому слову «prüha» и финскому слову «руһän», было переосмыслено в русском языке и стало означать вовсе не святой, как в них, а нечто совершенно противоположное ему, так как было отождествлено с язычеством. А от коми-пермяцкого слова «вежа», тоже означающего святой, было образовано (возможно, под влиянием ст.-киев. «вжливий» – сметливый) русское слово «невежа» – «грубый, неучтивый человек» (укр. «невіглас», «нечема»). Коми-пермяцкое происхождение имеют слова «кулёма» – неряха и «туес» – «берестяной короб». Да и русское слово «кузнец», очевидно, происходит от коми «куснявны» – «гнуть, изготавливать гнутьём». Финно-угорское происхождение имеют, если и не все выявленные Тараненко русские слова, то многие из них и, очевидно, даже те, которые в глубокой древности попали в финно-угорские языки из балтских и славянских наречий античных готов и сохранились преимущественно лишь в них:

«Так, например «русская» околица происходит от карел. «okollisa», волость от карел. «volost», финск. «volosti», округ(а) от карел. «okruuka», коми «oukruga», деревня от вепс. «deruun», «deron», «derevn», погост от вепс. «ragast» и карел. «rogostu», поселок от карел. «posolku», гряда от карел. «kriadu(a)», капуста от карело-финск. «kapustahuhta, нива от карело-финск. «niiva», огород от карел. «ogrodu» и коми «akgarod», пусто, пустошь от карел. «puustos» и вепс. «puust», усадьба от карел. и коми «usat'bu», участок от карел. «ucuasku», поляна от карел. «pluanu», роща от карел. «roshsu» и коми «rossha», «roshta», тундра от прибалт.-финск. «tunturi», «tuntur», канава от карел. «kanoava», «konuava», пруд от карел. и ср.финск. «pruttu», «pruudu», брод от карел. «brodu» и коми «brцdu», верста от коми «vers» и карел. «virsta», путь от карел. «puwtti» и коми «PUTINA» (происхождение фамилии Путин), телега, тележница от карел. «telegu» и коми «teleshnei», тропа от карел. «tropru» и коми «triopru», крюк от карело-финск. «kruwga», «kruwkka», волок от коми «vцlek», «vццк», место от карел. и коми «mesta», кряж (крутой берег) от вепс. «kгdz», «krez», омут от коми-карел. «omutta», плешь от карел. «plesatti», родник от финско-карел. «rodniekku», «rodñikka», бугор от карел. «bugurіssu» и т.д. и т.д. Кто-то может возразить, что эти слова наоборот пришли из русского в карельский, вепс. и т.д. Но, увы, это не так, похожих с ними

однокоренных слов почти нет в других славянских языках» (Светлана Тараненко, «Тайны России – правда и ложь – 15 главных мифов российской истории», <http://svetonline.wordpress.com/2012/09/23/15-glavnyh-mifov/#more-2359>).

Подавляющее же большинство других финнизмов так и не было допущено из российских говоров в русский литературный язык:

«Восточные инородцы, русея, вообще переиначивали усвояемый язык, портили его фонетику, переполняя ее твердыми гласными и неблагозвучными сочетаниями гласных с согласными. Обруселая Чудь не обогатила русского лексикона: академик Грот насчитал всего около 60 финских слов, вошедших большею частью в русский язык северных губерний; лишь немногие подслушаны в средней Великороссии, например, пахтать, пурга, ряса, кулепня (деревня). Но, не пестря лексики, чудская примесь портила говор, внося в него чуждые звуки и звуковые сочетания» (Василий Ключевский, Сочинения: В 9-ти т. Т. I., «Курс русской истории», <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch17.htm>).

Но зато чудь и другие славянизировавшиеся финно-угры существенно повлияли на строение русского языка:

«В. Веенкер отмечает следующие виды воздействия финно-угорского субстрата на русский язык: упрощение морфологического различия по родам, особенно у прилагательных (в этом отношении русский обогнал остальные славянские языки) (Veenker 1967: 78 f), исчезновение двойственного числа (в этом русский также обогнал всех славянских соседей) (Veenker 1967: 80), сохранение падежной системы (из-за многочисленных падежей в финно-угорских языках), причём Веенкер полагает, что система падежей русского языка в перспективе даже может расшириться до тринадцати: Nominativ, Genitiv, Dativ, Akkusa-tiv, Instrumental, Lokativ, Casus obiecti animati, Casus negationis, Genitivus partitivus, Locati-vus interior, Essiv, Nominativ II, Vokativ (Veenker 1967: 80-83); употребление артиклевой частицы «-то/та» в некоторых северо-восточных диалектах (Veenker 1967: 88 f), сокращение количества времён (Veenker 1967: 95-97), упомянутая выше элизия глагола «быть» (Veenker 1967: 109-117) и т.д. Примечательно также совпадение русской системы гласных с мордвинской (Wagner 1959: 149)» (Евгений Зарецкий, «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazyikovyye-71902.html> ; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf).

Да и русские говоры, в отличие от литературного языка, весьма насыщены финнизмами и существенно подверглись влиянию финно-угорских языков:

«Такие слова, как «уландать, вадья, вачкан, черема и упаки», представляют собой заимствования из финно-угорских языков. Им оказывают сопротивление другие слова русского языка, не говоря уже о том, что они этимологически не связаны ни с одним русским словом. Такие синтаксические особенности некоторых северно-русских говоров как, например, замена в некоторых случаях родительного падежа именительным вроде «В лесу никакие грибы нет» или пропуски предлогов типа «Ухте живет», также не могли бы распространиться в среднерусских говорах. Вышеуказанные явления возникли под влиянием финно-угорского языкового

субстрата» (Б.А. Серебренников, «Территориальная и социальная дифференциация языка», <http://www.philology.ru/linguistics1/serebrennikov-70a.htm>).

К тому же чужд существованию обогатила великороссов в этнографическом отношении:

«В русско-финском костюме есть несколько характерных общих черт (лапти, косоворотка, женский головной убор), неизвестных романогерманцам и славянам (лапти существуют у литовцев; что может быть связано с происхождением восточного населения Летувы от родственных чуди финноязычных ливов, – П.Д.). Но происхождение всех этих элементов до сих пор еще нельзя считать вполне выясненным. Таким образом, в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем славянства. Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и со славянством и с туранским Востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее. Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь. В народном характере русских, безусловно, есть какие-то точки соприкосновения с туранским Востоком. То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими азиатами, основано на этих невидимых нитях расовой симпатии. Русский национальный характер, впрочем, достаточно сильно отличается как от угро-финского, так и от тюркского, но в то же время он решительно не похож и на национальный характер других славян. Целый ряд черт, которые русский народ в себе особенно ценит, не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике. Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком. Удадь, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» (Николай Трубецкой, «Верхи и низы русской культуры. Этническая основа русской культуры», Журнал «Золотой Лев» № 245-246, <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=41&article=2389>);

«Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных. А современная уголовная антропология установила: у огромного количества так называемых «прирожденных преступников» – бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза. Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих (Шариковых, – П.Д.)?.. А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, – сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме!..» (Иван Бунин, «Окаянные дни», http://rulibrary.ru/bunin/okayannye_dni/57);

«Тейлор убедительно доказал, что индоевропейцы были брахицефалами, а более поздние исследования, о которых я уже упоминал, только усиливают его выводы. Они, если

быть кратким, сводятся к следующему. Европейские брахицефалы разделились на две части: низкорослые и темные с одной стороны, высокие и светловолосые – с другой. Обе эти ветви были азиатского происхождения. Первая из них включала в себя предков финнов и басков, а вторая, которая обосновалась в северной части Центральной Европы (и являлась метисными потомками брахикранных балтоязычных савроматов и долихокранных финноязычных скифов, – П.Д.), превратилась в индоевропейцев. С другой стороны, длинноголовые жители севера не были изначально индоевропейцами, а стали ими только посредством контактов с брахицефалами. Тейлор с особым удовлетворением отмечает, что древние германцы исказили индоевропейский язык, свидетельством чего являются изменения в произношении согласных... С другой стороны, большинство антропологов теперь предпочитают считать, что высокие светловолосые брахицефалы, жители берегов Вислы и строители круглых курганов, которые вторглись в Британию, появились в результате смешения между жителями Севера и более темными брахицефалами. Фактически сам Тейлор должен признать наличие контактов между высокими долихоцефалами и высокими брахицефалами в период индоевропейского единства. Разве не более разумно, спрашивает Заборовски, связать переход, который признает и сам Тейлор, от доиндоевропейской к индоевропейской речи с этими долихоцефалами?» (Чайлд Гордон, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации», <http://testlib.meta.ua/book/89386/read/>);

«Лингвистическая карта России показывает спорадические группы финнов (мордва, вотяки, черемисы), рассеянные вдоль по долине Волги и мало-помалу усваивающие славянский язык. Москва в XII веке находилась на финской территории; в настоящее время она составляет сердце России. В VII веке вся долина Двины была финской, а в настоящее время она вся вполне славянская. Население половины России принадлежит к финской расе по крови, и на основании этого мы можем ожидать, что встретим здесь особенности угро-финской фонологии. Андерсон собрал множество примеров того, что угро-финские языки склонны изменять гортанную в шипящую. Надо заметить, что такое же изменение встречается в славяно-литовских языках, которыми говорят расы, более всех других арийских рас приближающиеся к угро-финскому типу... Поэтому кажется вероятным, что многие из фонетических и грамматических отличий, которыми различаются арийские языки, обязаны своим происхождением тому факту, с которым нас уже освоили исследования антропологов, именно, что народы арийского языка принадлежат не к одной расе, но ко многим расам, в отдаленные времена променявшим свой первобытный язык на язык арийских завоевателей» (Исаак Тейлор, «Происхождение арийцев // Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Что Погодинъ ни говори, а гораздо болѣе половины земляковъ нашихъ – обрусѣвшая чудь; отъ этого, вѣроятно, и различные говоры. Посмотрите въ Тверской на Карель, въ Нижегородской, Пензенской, Симбирской и др. на Мордву, Чувашь – они обрусѣли въ глазахъ нашихъ, и нынѣшнее поколѣнiе не знаетъ болѣе своего языка. Тоже видѣлъ я въ Пермской, Вятской и – Орловской; пусть рѣшить Погодинъ, какъ Историкъ, какого поколѣнiя чухны жили въ орловской, но это чудь. Одна половина Курскаго населенiя

также... Вы, кажется, первые замѣтили сходство сѣвернаго великорусскаго нарѣчія или говора съ южнымъ, новгородскаго съ кіевскимъ. Это потому, что на югѣ сидѣли славянѣ, а во – всей Великоруссіи чухны разныхъ поколѣній» (Владимир Даль, Письма Максимовичу Михаилу, 10 февраля 1850, Нижній, <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vidahl/dahllet/letmax.htm> ; http://merjamaa.ru/news/bol_e_poloviny_zemljakov_nashikh_obrus_vshaja_chud/2011-03-24-206 ; <http://www.predanieneo.com/t4170-topic>);

«...речь идет о расширении лица (которое у жителей Орловской и Курской губерний оказывается наиболее широким по сравнению со всеми русскими группами, в то время как северяне не отличались этой особенностью) и о сравнительно малом увеличении угла выступления носа. Русские этой территории (очевидно, являющиеся потомками вепсов / чуди и половцев / мишар, – П.Д.) характеризуются несколько меньшим выступанием носовых костей и несколько большим зигомаксиллярным углом горизонтальной профилировки, чем русские соседних областей. Вряд ли эти особенности мог привнести в физический облик современного населения Северской земли контакт с литовцами. Последние отличаются более узким лицом, большим выступанием носа и более резкой горизонтальной профилировкой... Мне кажется, что не будет преувеличением наметить определенные связи между русскими Петербургской губернии и широколицыми финно-угорскими группами, между русскими Архангельской и Олонецкой губерний и узколицыми местными (карельскими, – П.Д.) группами. Известную преемственность можно отметить в отношении русских Вологодской и Вятской губерний и кривичами ярославской и костромской групп, по отношению к которым различия легко объясняются характером эпохальных изменений...» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/06.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>).

И конечно же, так беспощадно (подобно предкам современных германцев) изуродовать навязанный Петром Великим аборигенам России старокиевский литературный язык могло лишь преобладающее в ней туранское (неиндоевропейское) население [см.: [П.3.2](#)]. Но, если предки современных германцев исказили всего лишь произношение индоевропейской лексики, то предки нынешних русскоязычных туранцев переосмыслили её под своё холопское мировосприятие.

Тождественность русской и мокшанской ЯКМ

Несмотря на незначительное присутствие финнизмов в русской лексике, русская и мокшанская (мордовская) языковые картины мира являются практически тождественными:

«На основе сравнительного анализа социокультурной модели русского, мордовского и английского языкового сознания выявлено, что все философские объекты и явления в различных языковых картинах мира конъюгированы, т.е. изменены под воздействием структур, имеющих в языке. Установлено, что русский, мордовский и английский менталитеты при наличии сходных компонентов отличаются отношениями к моделируемому

в них системам и способам интерпретации мыслительных рефлексий... По результатам концептуального анализа мы заключаем, что русское и мордовское мировосприятие обладают сходными характеристиками... Проведя сравнительное исследование мотивационного аспекта ядра концепта, представленного в сферах бытия и духовного мира этносов – русского, мордовского и английского мы определили сходство русско-мордовских концептов и существенные различия русско-мордовских и английских. Суть русского и мордовского космо-психо-логоса – субстратная рефлексия (т. е. онтологическое отношение к физической и духовной реальности); суть английского (и украинского, – П.Д.) – функциональная рефлексия (т. е. гносеолого-эстетическое восприятие мира). Сравнение церковно-славянского и современного русского языков показал, что в русском языке наблюдается понижение «нравственного языкового кода» выбранных концептов, так как язык отражает изменения, происходящие в жизни этноса, а в настоящее время происходит отказ от первоначальных ценностей, подмена истинных значений» (Татьяна Юркина, автореф. дис. «Культурологические основания лингвоментальных структур этнического самосознания», <http://www.dissercat.com/content/kulturologicheskie-osnovaniya-lingvomentalnykh-struktur-etnicheskogo-samosoznaniya>);

«На основе проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что русское и мордовское мировосприятие обладают сходными характеристиками... Отличия западной (английской) картины мира от русской и мордовской проявляются в рационалистическом, гносеолого-эстетическом, цивилизационном подходе к физической и духовной реальности» (Татьяна Юркина, <http://do.gendocs.ru/docs/index-34632.html>).

Связанная с этим культурная отсталость русскоязычного населения является следствием и многовековой цивилизационной отсталости его финно-угорских и тюркских предков:

«Важным является вывод о том, что для финно-угорского населения характерно своеобразное запаздывание в использовании типов каменных орудий (наличие архаичных форм), а затем длительное использование микролитов в эпоху раннего металла и бронзы (Гурина, 1961, 1977). В эпоху раннего железа финно-угорские племена, находившиеся на территории Поволжья, Зауралья, Западной Сибири и Северной Европы продолжают активно использовать металлургию бронзы, медленно внедряя железо (Бельтикова, 1994, с.7). ...передвигаясь с территории первоначального расселения, уральский тип проникает в Северо-Восточную Европу, вплоть до побережья Фенноскандии, и оказывает довольно значительное влияние не только на антропологический состав населения, но и на его культурные особенности, привнося с собой ряд кремневых изделий из определенных пород кремня, а также их форму. Подобное продвижение на запад вполне можно объяснить распадом прауральской общности, которая, однако, не потеряла сходства вещественного и антропологического комплексов» (Николай Щербаков, автореф. дис. «Формирования финно-угорских народов: эпоха камня – раннее железо: Проблемы изучения», <http://www.dissercat.com/content/formirovaniya-finno-ugorskikh-narodov-epokha-kamnya-ranee-zhelezo-problemy-izucheniya>);

«Сложнее обстоит дело с феннами, про которых другие авторы вообще ничего не говорят. Остается предположить, что эти племена могли бы располагаться где-то в зоне распространения финно-угорской топонимики, южная граница которой проходит приблизительно по линии от северной части полуострова Курземе в Прибалтике до Подмосковья. Тацит говорит о «поразительной дикости, жалком убожестве» феннов. «Их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля», они занимаются охотой и пользуются костяными наконечниками стрел (Тас. Germ. 46). И действительно, на значительной части этой зоны мы находим памятники, на рубеже эр еще сохраняющие неолитический облик (Фосс 1952; Гурина 1961; Сакса 1996)... Даже поверхностное знакомство с культурами лесной зоны «Европейской Сарматии», находящейся за полосой «взаимного страха», действительно производит впечатление попадания в «другой мир», где-то более патриархальный, если не застойный, не стремящийся к внешней эффектности и комфортности. Многочисленные городища, каждый поселок сам по себе; очень простая, если не примитивная, посуда. Редкость находок из металла, отсутствие могильников (очевидно, применялись обряды, не оставляющие следов для археологов) не дают возможности проследить динамику развития культуры и устанавливать какую-то, даже приблизительную, хронологию. Это не означает, что уровень культурного и духовного развития населения лесной зоны был ниже или примитивнее, чем у окружающих народов Центральной Европы или Евразийских степей, с культурами внешне более яркими и динамичными. Быть может, как раз наоборот: и «в области балета» они были «впереди планеты всей», а их удивительная деревянная резьба или кожаные изделия, кружева и вышивки по льну до нас просто-напросто не дошли... И культуры славян (точнее славянизовавшихся потомков финноязычных скифов, – П.Д.), появляющихся на исторической арене в VI веке, выглядят весьма чуждыми среди культур центральноевропейских (то есть среди культур кельтов и потомков славяноязычных сарматов античных германцев, – П.Д.) и, действительно, напоминают «лесной мир». Это И. Вернер почувствовал достаточно тонко» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php; http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf).

Тюркские корни русскоязычного туранского этноса

Тюркизмам же повезло гораздо больше, нежели финнизмам, так как татарский язык очень долго господствовал в Московском улусе Золотой Орды, и его бытовая лексика фактически вытеснила даже у дворян соответствующие лексические единицы всех других языков:

«Казимир Валишевский о культурном влиянии татар на русских образно писал: «Завоеватели XIII века не мешали культурному развитию Руси. Напротив, они сами, до некоторой степени, передали ей свою цивилизацию. Взгляните на москвича XVI века: он, кажется, с ног до головы одет по-самаркандски. Башмак, азым, армяк, зипун, чебыги, кафтан, очкур, шлык, башлык, колпак, клобук, тафья, темляк – таковы татарские названия различных

предметов его одеяния. Если, поссорившись с товарищем, он станет ругаться, в его репертуаре неизменно будет фигурировать дурак, а если придется драться, в дело пойдет кулак. Будучи судьей, он наденет на подсудимого кандалы и позовет ката дать осужденному кнута. Будучи правителем, он собирает налоги в казну, охраняемую караулом, и устраивает по дорогам станции, называемые ямами, которые обслуживаются ямщиками. Наконец, встав из почтовых саней, он заходит в кабак, заменивший собой древнюю русскую корчму». Все эти слова татарского происхождения... Особенно осязаемый след татары оставили в русском языке, что говорит о влиянии на русских и материальной культуры своих соседей. В области торговли татарскими являются слова: алтын, амбар, аршин, базар, бакалея, балаган, барыш, батман, деньга, караван, лабаз, магарыч и т.п., в одежде, обуви и принадлежностях костюма: башлык, башмак, бешмет, кисет, кошель, кушак, сафьян (сафьяновые сапоги) и т.п. Названия тканей атлас, бязь, камка, кармазин, кумач и др. также татарские. По-татарски названы украшения: алмаз, бирюза, жемчуг и т.д. В области военного дела татары дали названия: атаман, есаул, казак, улан, богатырь, ертоул, кремль, бахтерец, кинжал, кобура и т.д., в скотоводстве – аргамак, аркан, кошира, отара, буланый и т.д., в строительстве – каланчи и калитки, в средствах передвижения – кибитка и кошева, в домашних вещах – барахло» (Риза Бариев, «Волжские булгары: история и культура», <http://bulgarizdat.ru/book2402.shtml>).

К тому же под влиянием былых татарских наречий не только о-кающее древнекиевское, но и а-кающее и я-кающее балтские (гудские и глудские) произношения звуков были вытеснены во многих славянских словах их тюркскими е-кающим и э-кающим произношениями (буква «э» означает звук, промежуточный между «а» и «э»). И поэтому-то, в отличие от слова «бесермен» (басурман), как е-кающее и э-кающее произношения, так и написание «е» в них прочно закрепились в современном русском языке. Например, беларуским (гудским) словам: «вожык, жоўты, жолуд, палон, попел, чорта, чорт, шолах, шост, Алена, жалеза, маю, нафта, пшано, рамень, цалаваць, чарцёж, шалупіна, шасцёрка, корань, Ямеля, Ярома, пясок, бялка, бяда, бляск, вядро, дзясны, дзяўчынка, змяя, лясной, мясцовы, мятла, спяваць, сяўба, сям'я, сядло, сцяна, цясніна» стали соответствовать русские слова: «ежик, желтый, желудь, плен, пепел, черта, черт, шелест, шест, Елена, железо, имею, нефть, пшено, ремень, целовать, чертёж, шелуха, шестёрка, корень, Емеля, Ерема, песок, белка, беда, блеск, ведро, десны, девочка, змея, лесной, местный, метла, петь, сев, семья, седло, стена, теснина».

Однако же из-за отсутствия письменности на татарском языке, как вся переписка, так и путевые, и хозяйственные записи велись тогда в Московии, как правило, на древнекиевском или же на церковно-славянском языках. При необходимости, конечно же, использовались также и еврейский, и арабский языки. Отдельные записи на них иногда включались и в славянский текст. Да и многие-то так называемые русские слова, даже имевшие и праславянское происхождение, ведь, попали же в русский новояз всё же из финских и тюркских наречий:

«Толковый словарь... немца В. Даля, является уникальным изданием российской лексикографии. Уникальность этого словаря в том, что там: тюркским, финским, угорским и другим словам, дано русское начало. Их, Владимир Иванович сделал исконно русскими.

Отшлифовав до зеркальности. Вот в чем уникальность этого дивного творения! Моему удивлению не было предела, когда рядом с книгой Луганского казака, я открыл – «древнетюркский словарь», и увидел у Даля русские слова древнетюркского корня. Сын Датчанина, не моргнув глазом, сделал их исконно русскими. Казак рубанул шашкой по живому. Не оставив никакой надежды. Исследовав вдоль и поперек этот научный труд, я пришел к «шокирующему» выводу. Оказывается, русского языка в древности не было. Его не существовало в природе. Это фантом. Арифметика здесь простая, как дважды два. Ошибиться очень сложно. Если из этой книги убрать западноевропейские слова, так же убрать тюркские и финские то, книга приобретёт чистые страницы. А если их вырывать: останется одна обложка. И вывод один. В средневековье, – русские люди говорили на пальцах, или были немymi (гот. «slawan» – «молчать, быть немым», – Фасмер). Каждый сегодня может присоединиться к моему «шокирующему» выводу. Благо есть «Древнетюркский словарь», Ленинградского издания 1969 года. Можно скачать его даже из Интернета. И ответить себе на вопрос, – на каком языке говорили русские?» (Наиль Гил, «Что скрыл немец Владимир Даль – от русского народа?»),

http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=384966&fullscreen=1;

http://samlib.ru/g/gil_n_f/vladimirdal.shtml).

Конечно же, Владимиру Далю в этом весьма поспособствовало наличие в тюркских языках значительного прабалто-славянского суперстрата, благодаря которому большинство тюркских слов и имеет редуцированные индоевропейские корни. Ведь и сами-то пратюркские наречия сложились в Южной Сибири преимущественно на угро-самодийском, юкагирском и енисейском этнических субстратах будущих тюркских народностей именно под влиянием прабалто-славяноязычных сарматов и прабалто-ираноязычных саков:

«Внедрение тюркских слов в русский язык имеет очень древнюю историю. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, говоря о связи тюркских и индоевропейских языков в древние времена, подчеркнули, что еще за тысячи лет до нашей эры наблюдалось влияние индоевропейского языка на тюркский (3, т. 2, с. 637, 656, 658, 661, 940). В словаре М. Фасмера также подчеркивается связь тюркских и славянских языков, в пользу чего приводятся определённые доводы. Часть словарных единиц, некоторыми учеными отнесенные к тюркским, на самом же деле не имели отношения к тюркским языкам, поскольку они, будучи иранскими (и балто-славянскими, – П.Д), пришли в тюркский (в угро-самодийский, юкагирский и енисейский субстраты тюркского, – П.Д) и, приняв некоторые его звуковые особенности, были заимствованы в русский язык» (Мадинахон Искандарова, автореф. дис. «Исконно-таджикские и ирано-славянские изоглоссы в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера», <http://cheloveknauka.com/iskonno-tadzhikskie-i-irano-slavyanskije-izoglossy-v-etimologicheskom-slovere-russkogo-yazyka-maksa-fasmera>);

«Весьма значимы для палеоисторического исследования лексические заимствования, объединяющие тюркские и самодийские [Хелимский 1983:6-8; Róna-Tas 1988:743-746] и тюркские и угорские языки [Róna-Tas 1988:749-751]. С самодийским праязыком можно предполагать контакты тюркского праязыка до его распада, причём, в силу специфики

заимствований («лошадь», «писать», «сто» из тюркского в самодийский, «соболь», «сосна-ель», «лиственница-кедр» из самодийского в тюркский), их можно локализовать на границе степи и сибирской тайги где-то ближе к концу I тыс. до н.э. [Хелимский 1983:7]... Проблема тюркских заимствований в общеугорский праязык более сложна [Róna-Tas 1988], если тюркизмы в праугорском всё-таки есть (мне представляется возможным предполагать это для слов со значением «лебедь», «бобр», «лодка», «песок», «писать», «лето»), этот контакт был весьма непродолжителен и, видимо, имел место лишь в самом конце общеугорской эпохи. Древнейший слой тюркизмов в венгерском также, как и в пермских языках, происходит уже из языка чувашского типа («R-тюркского») и вряд ли может быть датирован более древним периодом, чем рубеж эр (в пермских языках, исходя из исторических соображений – не ранее VIII вв. н.э.). Таким образом, ранние слои тюркских заимствований в самодийских и угорских языках (и самодийские заимствования в пратюркском) должны быть интерпретированы как свидетельства выхода тюрков в степи юга Сибири и движения с востока, возможно, от верхнего Енисея, где можно локализовать ранние тюрко-самодийские контакты (или же формирование пратюркских наречий на основе угро-самодийских субстратов, – П.Д.), на запад в I тыс. до н.э.» (Владимир Напольских, «Предистория уральских народов», <http://vkist.ru/download/101334>; «Введение в историческую уралоистику», Часть II. «Предистория уральских народов: введение в проблематику уральской прародины», V. «Внешние связи уральского, самодийского и финно-угорского праязыков», <https://coolib.com/b/288533/read> , <http://flibusta.site/b/381071/read>);

«Оказывается, что значительное количество пратюркских заимствований мы находим, во-первых, в общем праязыке самодийских народов. Самодийцы – это ветвь уральской семьи, это ненцы, энцы, нганасаны, селькупы и исчезнувшие к настоящему времени языки: маторский, качинский, карагасский и камасинский. Праязык этих народов распался тоже около рубежа новой эры. В этом праязыке, то есть в лексиконе, который для них восстанавливается, находится значительное количество заимствований, возводящихся к пратюркскому состоянию, а именно: числительные, названия оружия, названия некоторых культурных понятий, названия рыбы. Очень похожий набор пратюркских заимствований мы находим в праязыке енисейских народов. Из енисейских народов сейчас сохранились только кеты, но еще в XVIII веке были котты, аринцы и еще несколько племен, от которых остались исследовательские записи XVIII века. И на основании сравнения данных кетского языка и этих записей упоминавшийся выше Сергей Анатольевич Старостин восстановил праенисейский лексикон. В этом лексиконе имеется примерно тот же набор заимствований из пратюркского (на самом деле, праенисейской и прасамодийской субстрактной лексики значительно более молодого пратюркского языка, – П.Д.), что и в прасамодийском, время распада – тоже рубеж нашей эры. Таким образом, пратюрки более или менее надежно фиксируются в этом регионе, то есть в окружении: а) Древний Китай, б) древние самодийцы и в) древние енисейцы [а также и г) балто-славяноязычные юэчжийцы – ганьгуни, – П.Д.]» (Анна Дыбо, «Контакты протюркского языка», <https://postnauka.ru/video/47455>);

«Типологически небезынтересно, что, например, достижимая глубина тюркского

реконструируемого состояния – всего 550 – 560 годы н.э.» (Pritsak O. The Slavs and the Avars. Estratto da Settimane di studio del Centre italiano di studi sull'alto medioevo XXX. Spoleto, 1983. 385, цит. по: О.Н. Трубачев, «Этногенез славян и индоевропейская проблема», Этимология, 1988 – 1990, – М., 1992, С. 12-28, <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-92.htm>).

Так что большинство позаимствованных в Золотой Орде русских тюркизмов легко можно было выдать и за архаичные славянские слова, лишь частично переосмысленные москвитями под свою холопскую ментальность:

«А.И. Солженицын переиздал свой «Русский словарь языкового расширения» (М.: Русский путь, 2000). Книга представляет собой выписки из словаря В.И. Даля. ...Попытаемся создать текст на том языке, который хочет возродить А.И. Солженицын, дабы «обустроить» русский язык. Вот текст, написанный нами на «языке» словаря А.И. Солженицына: «Растопыря или Необходная баба. Ерыжливый дурносоп верстан, достодолжный жегнуть шершавку, любонеистово хайлил жиротопное шурьё. Зябкоподжимчивый валява остробучил, жубря: «Хунды-мунды, вахлюй! Отрезно ты фефёлу дочул, иззаплаченный дурандай!» «Да, жемнул я мормотень! – отжегнулся дурносоп верстан, – «а тебе вот маламзя с расщепырей!» «Да, ить здеся одна жирным-жирнешенька шеврюжка!» – верстанулся прощепырник. «А ты чо выхайлился, захухряев оторвяжник?» – утомчился зябкоподжимчивый дурносоп. «Эвось! – защепырил прожубрястый валявка, – «я то – чуфырь! А ёна ведь неутомчивая жемжурка. Коли ей баларыст за жирнить в шабры, так расщепырится захухрястой профефёлой!» Тутока верстаный дурносопак дочуял страстоубийственный хлясь. Отрезный захухряй прожемнул поконец и ущепырил растопырю». Получился, как видим, художественный текст совершенно неопределенный по смыслу. К сожалению, ни обращение к словарю А.И. Солженицына, ни обращение к словарю В.И. Даля не прояснит его смысла, хоть он и написан «языком», эксплицированным в словарях этих уважаемых авторов. Проблема в том, что в этих словарях определения значений либо отсутствуют, либо строятся из слов этого же самого языка. То есть язык-объект и язык-описание здесь не различаются: балахрыст – «шатун», «шлэнда» (у Даля: «шатун», «слон», «шленда», «потаскун», «тунеяд»); верстан – «долгай», «жердай» (у Даля: «долгай», «верзила», «болван»); ерыжливый – без опред. знач. (у Даля: «склонный к ерыжничеству»); жубря – «мешкотно жующий» (у Даля – «мешкотно жующий или глухо и немоговорящий»); маламзя – без опред. знач. (у Даля: «пинюгай»); фефёла – «растопыря», «необиходная баба» (у Даля: «простофиля», «растопыря», «необиходная баба»). Созданный на языке А.И. Солженицына искусственный текст под названием «Необиходная баба» показывает, с одной стороны, что лексика такого рода действительно имеет определенную литературную ценность, поскольку обладает исключительной экспрессивностью. С другой стороны, совершенно очевидно, что возродить эти слова в облике некоего нейтрального пласта кодифицированного литературного языка совершенно невозможно. Да и не нужно, потому что в этом последнем случае она утратила бы всю прелесть своей маркированности...» (Алексей Плутсер-Сарно, «О «Словаре языкового расширения» А.И. Солженицына», http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5).

Влияние народного эпоса на ментальность русскоязычного населения

К большому сожалению, не только сама быдлотворная русская ЯКМ, но и многие русские народные сказки тоже существенно содействуют формированию у русскоязычного населения порочного холопского менталитета. Из-за этой порочности менталитета:

«...вероломство и лживость у них так велики, что опасность от этих свойств угрожает не только чужим людям и соседям, но и брату от брата или одному супругу от другого» (Адам Олеарий, «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text5.phtml?id=1030>);

«Историю считаешь – волосы дыбом станут: брат на брата, сват на свата, сын на отца, вероломство да убийство, убийство да вероломство... Былины – тоже одно удовольствие: «распорол ему груди белые», «выпускал черева на землю»... Илья, так тот своей собственной родной дочери «ступил на леву ногу и подернул за праву ногу»... А песни? Все одно, все одно: мачеха – «лихая да алчная», свекор – «лютый да придиричивый», «сидит на палате, ровно кобель на канате», свекровь опять-таки «лютая», «сидит па печи, ровно сука на цепи», золовки – непременно «псовки да клязницы», деверья – «злые насмешники», муж – «либо дурак, либо пьяница», ему «свекор-батюшка вялит жану больней бить, шкуру до пят спустить», а невестушка этому самому батюшке «полы мыла – во щи вылила, порог скребла – пирог спекла», к муженьку же обращается с такой речью: «Встань, постылый, пробудися, вот тебе помой – умойся, вот тебе онучи – утрися, вот тебе обрывок – удавися»... А прибаутки наши, Тихон Ильич! Можно ли выдумать грязней и похабнее! А пословицы! «За битого двух небитых дают»... «Простота хуже воровства»...» (Иван Бунин, «Деревня», http://www.loveread.ec/read_book.php?id=1988&p=90);

«В формировании национального сознания и выработки менталитета устное творчество у каждого народа играет огромную роль и у Русского народа тоже. В процессе лет идет наслоение продуктов творчества разных периодов. В сказках запечатлена информация о принципах самовыживания наших предков. На протяжении длительного периода истории, с учетом всех трагедий и взлетов, выпавших на долю этноса, весьма трудно согласиться с тем, что все принципы выживания были правильными. Но ведь и сомнительные принципы оставались в каком-то пласте народного творчества. Никто не анализирует на вредность эти перлы народного творчества, что осталось, то осталось, хорошо, что хотя бы это сохранили. Порой мы даже не осознаем, какое убеждение формируем у своего чада, когда читаем ему сказки. Доброту, сострадание, помощь слабому? Возможно, возможно. Но давайте посмотрим, что еще? Курочка ряба снесла, по простоте душевной, золотое яичко. Хозяйка и хозяин, вместо радости и обсуждения пользы, зачем-то долго и усердно разбивали золотое яйцо без всякой конкретной цели. Когда это сделала мышка – они начали плакать, странные какие-то люди. Сказка про медведя и мужика, пытавшихся вместе заниматься деревенским трудом «Тебе вершки, а мне корешки» – жульничество в совместном предпринимательстве. Другая сказка: лису пустили переночевать и пристроили ее багаж – курицу. Она ночью встала, курицу съела, а утром

добрым хозяевам претензию: отдайте за курицу гуся. В несколько таких приемов – добыла бычка. Это обман и шантаж. Царь посылает своего сына: «Иди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Не купи, отработай, обменяй или отвоюй, а просто принеси – укради значит. Емеля на печи: получил возможность исполнения любого своего желания и что? Как он этим воспользовался? Облагородил свою деревню или хотя бы свою избу? Даже и мысли не возникло. Хулиганил, рассекая по улице на печи, пугал народ. Потом захотел, чтобы царевна в него влюбилась. Имея такие возможности, не создал что-либо, поразив воображение девушки, а одурманил ее по велению щуки – коварное использование необыкновенного дара» (Валерий Сибиряк [Козлов], «Русский менталитет», <https://www.chitalnya.ru/work/179136/>).

Влияние русской ЯКМ на формирование алкогольной зависимости у потомков туранцев

Слова «пьющий», «напиться» и «выпивать» в русском языке преимущественно ассоциируются с алкоголем. Согласно русскому языку пиво формально является основным напитком, так как коренную основу «пив», входящую только лишь в его название, содержат и слова «запивать», «выпивать», «напиваться», относящиеся к употреблению и любой другой жидкости:

«...глагол «пить» у нас как бы сам собою равняется глаголу «пьянствовать». Только в России вопрос «Пить или не пить» приобретает поистине гамлетовский накал. Причем, речь идет, разумеется, не о простом утолении жажды. И, наконец, слово «гулять» имеет у нас не менее яркий оттенок, который прекрасно отражен в следующем историческом анекдоте. Однажды императрица-мать Мария Федоровна встретила с графом Матвеем Ивановичем Платовым. В разговоре выяснилось, что храбрый атаман Донского казачьего войска только что вернулся из Царского села. Императрица спросила: – «Ну, милейший, и что же вы там делали? Гуляли?» – «Нет, государыня!» – ответил атаман, по-своему понимая слово «гулять». – «Никакой особой гульбы не было, а так бутылочки по три винца на брата осушили...»...» (Сергей Цветков, «Брать, пить и гулять», http://zaist.ru/news/slova/brat_pit_gulyat/).

Слова «водка» и «вода» являются однокоренными и имеют один и тот же буквальный смысл, что способствует их формальному отождествлению в состоянии опьянения. Подсознание, в отличие от сознания, реагирует преимущественно на буквальный смысл и игнорирует столь незначительные отличия однокоренных лексем. А это значит, что оно принципиально не в состоянии установить разницу между напитками, обозначаемыми этими двумя словами. Поэтому-то в состоянии сильного, но все же не предельного опьянения русскоязычный человек, скорее всего, не остановится, пока не употребит всю «оставшуюся» водку: «русскому человеку пол-литра нормально, два много, но три уже мало».

Да и в сознательном состоянии по этой же причине подспудно тормозится психическая установка на неприятие алкоголя, так что эмоции и бессознательные (не иницируемые разумом) влечения начинают преобладать над доводами разума. Осознание

же своей ничтожности и полной зависимости от сложившихся обстоятельств неизбежно приводит к бесплодной мечтательности легко ранимой чувственной души:

«Мечтательность есть великий дар и великий соблазн русского человека. Через неё он вкушает призрачную свободу, а сам остается в мнимости и ничтожестве. Это есть своего рода душевное «пианство», которое слишком часто ведёт к бытовому пьянству и завершается запоем» (Иван Ильин, «Пророческое призвание Пушкина», <https://3rm.info/publications/31824-prorocheskoe-prizvanie-pushkina-filosof-ia-ilin-chast-2.html>).

Резкое изменение уклада жизни, а также и то, что ни великорусской культурой, ни российским государством пьянство не только не осуждалось, но и, наоборот, лишь всячески поощрялось, и привело к формированию русской ЯКМ у населения Московии соответствующего ей холопского менталитета:

«В России бюджет и финансы
Глубокой загадкой богаты:
Доходы от общего пьянства –
Обильнее общей зарплаты...
Мы за вождями дружной гущей
Готовы лезть в огонь и воду,
Властям опасен лишь непьющий,
Но он враждебен и народу...»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga003.htm>);

«...все славяне расточительны и любят попить; однако ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают...» (С.М. Соловьев, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва, 1862 – 1879. Т. XIII, с. 197, http://www.odinblago.ru/istoriya_rossii/solovyev_istoria_/1_13/13_1_8_/);

«Насколько они умеренны в пище, настолько же безудержно предаются пьянству везде, где представится случай. Почти все они не скоро поддаются гневу и горды в бедности, тяжелым спутником которой является рабство...» (Сигизмунд Герберштейн, «Записки о Московии», середина XVI в., <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/text4.phtml>);

«Нас опять напугал пожар, который произошел вследствие непрерывного пьянства простого народа. У Русских чем больше праздник, тем сильнее повод к широкому пьянству. Смешно, что старики вместе с детьми забавляются одними и теми же играми...» (Иоганн-Георг Корб, «Записки о Московии секретаря австрийского посольства», <http://rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1335>);

«Русские преданы пьянству более всех народов в мире. ...Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у

высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно...» (Адам Олеарий, «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text5.phtml?id=1030>);

«Иван Грозный, взяв Казань, где был «ханский кабак», пожелал эксплуатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска, и в Московской Руси является «царев кабак», а «вольных винщиков» начинают преследовать и «казнить». Новую государственную операцию наряжены были править особые «кабацкие головы», а к самой торговле «во царевом кабаке» приставлены были особые продавцы «крестные целовальнички», т. е. люди клятвою и крестным целованием обязанные не только «верно и мерно продавать вино во царевом кабаке», но и «продавать его довольно», т. е. они обязаны были выпродавать вина как можно больше. Они имели долг и присягу об этом стараться и действительно всячески старались заставлять людей пить, как сказано, «для сбора денег на государя и на веру». Такой же смысл по существу имели контракты откупщиков с правительством в 28 великороссийских губерниях в откупное время. В должность целовальников люди шли не всегда охотно, но часто подневольно. Должность эта была не из приятных, особенно для человека честного и мирного характера. Она представляла опасность с двух сторон: где народ был «распойлив», там он был и «буйлив», – «чинился силен», и присяжных целовальников там бивали и даже совсем убивали, а государево вино выпивали бесплатно; в тех же местностях, где народ был «трезвен и обычаем смирен» или «вина за скудостью не пьют», – там целовальнику «не с кого было донять пропойных денег в государеву казну». И когда народ к учетному сроку не распил все вино, какое было положено продать в «цареве кабаке», то крестный целовальник являлся за то в ответе. Он приносил повинную и представлял в свое оправдание, что ему досталось продавать вино «в негожем месте меж плохих питухов». Нередко целовальник рассказывал, что, «радея про государево добро, он тех плохих питухов на питье подвеселял и подьохочивал, а кои упорны явились, тех не щадя и боем неволил». Другие же чины в этом усердии крестному целовальнику помогали приучать народ к пьянству. В таких заботах, как видно из «Истории кабаков», дело не ограничивалось одним «боем», а иногда доходило и «до смертного убийства». И вот тоща, как отмечает Сильвестр в своем Домострое, «множество холопов» стали «пьянствовать с горя», и мужики, женки и девки, «у неволи плакав» (заплакав), начали «красти и лгати, и блясти и в корчме пяти и всякое зло чинити». Сначала народ и духовенство просили «снести царевы кабаки», потому что «подле государева кабака жить не мочно», но потом привыкли и перестали жаловаться. Удивительно ли после этого, что люди, от природы склонные к пьянству, при таких порядках распились еще сильнее, а те, которым и не хотелось пить, стали прилежать сему делу, «заневолю плакав», чтобы только избежать «смертного боя»...» (Николай Лесков, «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу», <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>);

«Зелье же пить вволю, нежели ноги держат, буде откажут – пить сидя. Лежачему не подносить, дабы не захлебнулся, хотя бы и просил. Захлебнувшимся же слава, ибо сия

смерть издревле на Руси почетна» (Из указа Петра Первого, «Указ о достоинстве гостевом на ассамблеях имеющем...», <http://ukrhistoria.at.ua/publ/40-1-0-688>);

«Все закончилось тем, что нового «князя-папу» посадили в ковш, принесенный «плешивыми», они же и понесли «понтифика» в сопровождении всего «собора» в дом его, где, его раздели, и опустили голым в гигантский чан, полный пива и вина. Там счастливый Петр Иванович Бутурлин плавал в ковше. Гости, мужчины и женщины, принадлежавшие к высшим боярским фамилиям, в обнаженном виде, пили вино из этого чана. Дальше произошло нечто невообразимое – голым гузном князя А. Толстого разбивали яйца в лохани, затем ему забили свечу в задний проход и все это сопровождалось пением ирмосов, и распеванием непристойных песен на церковные мотивы. После чего этот гордый и свободный аристократ отдал Богу душу... Именно таким образом начинались «славные дела» и появилась новая, просвещенная Россия...» (историк Андрей Щеглов, «Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кощунства), [http://www.staropomor.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomor.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html));

«Никогда, кажется, в Петербурге не совершалось столько мерзостей, как ныне, в управление гуманного болвана генерал-губернатора Суворова. Воровство, дневное и ночное, в огромных размерах каждый день и каждую ночь разбой, пьянство, небывалое даже в России, так что пьяные толпами скитаются по улицам, валяются и дохнут как скоты, где попало. Между опивающимися есть мальчики пятнадцати лет, а сегодня извозчик мне говорил, что он видел четырехлетнего ребенка» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 6 января 1864г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Вот, например, в 19-м году в Дорогобуже, Смоленской губернии, мы стояли на квартире в доме протопопа благочинного. Уж чего бы, кажется, лучше? Вот отец так и отдал меня ему в науку, и старик учил меня всему, что сам знал, – разумеется, когда был трезв. А то ведь он часто, как разгуляется, так хоть святых вон неси, так и пойдет в потасовку с своим сыном, парнем лет 20-ти. Не раз я видел, как этот благовоспитанный молодой человек таскал за бороду своего почтенного родителя...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Часу в первом в больницу привели страшно стонавшего мужика. Оказалось, что он, немного выпивши, пришел к жене, с которой не жил, и стал ломиться к ней в комнату, но она не пускала. Тогда муж, стоя у окна, с бранью и угрозами потребовал, чтобы жена отдала ему серебряные часы с цепочкой и жилетку. Она не отдавала, а насчет брани в долгу не оставалась. В пылу ссоры муж разбил окно и полез в комнату. Жена облила ему лицо серной кислотой. Часам к 4-м с ближнего гончарного завода привезли совершенно пьяного, бородатого, азартно, бессмысленно ругавшегося мужика с перерубленными топором поясничными позвонками. В понедельник утром полиция доставила из предместья пятерых парней, изрезанных и изрубленных в пьяной свалке топорами и ножами, а вечером привезли бабу, которую муж избил лампой. У нее оказалось три переломанных ребра; лицо, грудь,

ноги, бедра представляли сплошные кровоподтеки; на голове вспухшая кожа вместе с волосами отстала от черепа... За время начиная с ночи на воскресенье и до утра понедельника в больницу доставлено 12 человек. Все это были тяжело изувеченные в праздничных пьяных драках. ...потерпевшая и обвиняемая стороны по закону могут покончить миром, и тогда дело это прекращается. Тогда с плеч следователя сбрасывается целая обуза: ему не придется ездить на место происшествия, не придется рассылать тучи повесток, биться по целым часам с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, часто пьяными, лживыми, грубыми или бестолковыми, записывать их показания в протоколы и т.п... – Батенька, да какого вы еще хотите развращения, какого ожесточения? Ведь в деревнях, не говоря уже о взрослых, дети дуют водку, половой разврат среди даже подростков стал обиходным явлением; его не стыдятся, им не стесняются, а кровь льется рекою» (И.А. Родионов, «Наше преступление», <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012161>);

«Поэты и прозаики, изображавшие картины русского распойства, не преувеличивали дела, а, напротив, художественная литература наша не выразила многого, ибо она гнушалась простонародности до Пушкина (в поэзии), до Гоголя (в повествовании) и до Островского (в комедии). А потому вначале в литературе замечался недостаток внимания к сельскому быту, и она впала в ошибочный сентиментализм. Иначе художественная литература отметила бы сцены еще более возмутительные, как, напр., старинное пропойство жен и уступку их во временное пользование за вино и брагу, что, как явствует из дел, еще не совсем вывелось и поныне» (Николай Лесков, «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу», <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>);

«Удивительно, как наши женщины низкого сословия преданы пьянству. Весь дом, в котором я квартирую, не исключая и моей хозяйки, наполнен сими грубыми творениями, которые не упускают случая предаться самому бесшабашному разгулу. Ссоры и форменные побоища обыкновенно заключают их беседы, и одна угроза квартального заставить их мести улицы умирят этих жалких детей невежества» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 1 января 1829г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Употребление алкоголя для психически инфантильных русскоязычных истериков и психастеников стало наиболее доступным способом, как притупления мук от осознания своей ничтожности, так и снятия накопившегося эмоционального напряжения а, тем самым, и наиболее действенным средством для предотвращения соответственно суицида и депрессии:

«И для одних и для других главным вопросом жизни является вопрос: «что другие обо мне подумают?» Истерик стремится завоевать одобрение окружения блеском, фанфаронством, блистательностью, а психастеник – тихой обязательностью. Подобные формы поведения свидетельствуют о самолюбовании («автопортретом»), образом «я» (self-concept). Пользуясь модным ныне в психологии и психиатрии определением, можно было бы сказать, что в этом выражается определенная психическая незрелость (инфантильность, – П.Д.). Ибо одной из черт психической зрелости является умение объективного восприятия

самого себя и способность ответить на вопрос «каков я?» Это вопрос, типичный для молодежного возраста. В этом периоде жизни он может стать источником мучительных переживаний. При отрицательных оценках самого себя дело может даже до попыток самоубийства. Чтобы отличиться перед самим собой и перед окружением, такой человек способен рисковать своей жизнью (молодежная героическая установка). Алкоголь уменьшает мучительность вопросов, связанных с образом самого себя. Под его влиянием человек кажется самому себе лучше, благороднее, интеллигентнее, отважнее и т. п. Приходится, однако, пить до дна, чтобы дойти до дна своей души. А поскольку дна этого в действительности не существует, чем глубже погружаешься, тем темнее становится, и охватывает желание покончить с собой, в чем также алкоголь помогает, принося вместо смерти потерю сознания» (Антон Кемпинский, «Экзистенциальная психиатрия // Алкоголь», <http://psihoanalitik.net/library/books/7120/7121/> <http://www.travelled.ru/forum/viewtopic.php?p=7997>);

«Говорят: целый народ нельзя подавлять без конца. Ложь! Можно! Мы же видим, как наш народ опустошился, одичал, и снизошло на него равнодушие уже не только к судьбам страны, уже не только к судьбе соседа, но даже к собственной судьбе и судьбе детей. Равнодушие, последняя спасительная реакция организма, стала нашей определяющей чертой. Оттого и популярность водки – невиданная даже по русским масштабам. Это – страшное равнодушие, когда человек видит свою жизнь не надколотой, не с отломанным уголком, а так безнадежно раздробленной, так вдоль и поперек изгаженной, что только ради алкогольного забвения еще стоит оставаться жить. Вот если бы водку запретили – тотчас бы у нас вспыхнула революция...» (Александр Солженицын, «В круге первом», <https://www.liveinternet.ru/users/delgita/post187462103/>);

«В России сегодня большая беда,
Понятная взрослым и чадам:
Россия трезвеет, а это всегда
Чревато угаром и чадом»

(Игорь Губерман, «Гарики предпоследние», <http://guberman.lib.ru/gariki/5PPG/08.htm>);

«Для большинства русских идеальный досуг выглядит так: собрать как можно больше людей, еды и выпивки и наслаждаться всем этим в течение целого дня» (Элизабет Робертс, «Xenophobe's guide to the Russians», цит. по «Воспрянет русская душа», <http://www.bibliograf.ru/materials/news/2219/>);

«Изначально мне казалось, что разговоры о том, что русские много пьют, – не более чем устоявшийся стереотип. Но здесь я убедилась в обратном. Профессор из университета, который позвал меня к себе, однажды напился до такой степени, что ситуация начала выходить из-под контроля, и мне пришлось убежать от него прямо посреди ночи. Сейчас я уже месяц в Москве. Честно говоря, по ночам здесь я не чувствую себя в безопасности. Хотя сам город мне нравится. Люди очень отзывчивые и всегда готовы прийти на помощь. Но есть исключение – бабушки в метро и музеях, настоящее зло во плоти» (Майя Койаниц, Италия,

«Американцы, европейцы и другие иностранцы о России и русских»,
<https://lenta.ru/articles/2016/08/02/russians/>);

«Во всех наших собраниях, начиная от крестьянской мирской сходки до всяких возможных ученых и прочих комитетов, если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать...» (Николай Гоголь, «Мертвые души», т. 6,
http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml ; http://rulibrary.ru/gogol/mertvy_e_dushi/111);

«Важность закуски для русского застолья объясняется той ролью, которую для русских играет душевное общение и характерная для русской традиции особая культура питья. В соответствии с русским представлением о хорошей трапезе, самостоятельной ценности не имеет не только выпивка, но и еда как таковая. Главное для русского застолья – не поесть и даже не выпить, а, разомлев от хорошей выпивки и закуски, открыть свою душу другому человеку. Связь закуски и общения не случайна. Если человек выпьет мало, то не достигнет того состояния раскрепощенности и душевной распахнутости, которое рассматривается как специфически русское и оценивается положительно. Если же человек выпьет слишком много, то рискует оказаться выключенным из общения. Закуска позволяет снизить этот риск. Именно такой модус, при котором люди выпивают, потом закусывают, потом «повторяют», и может привести их в искомое состояние. Поэтому закуска и представляет собою не менее важный компонент русского застолья, нежели выпивка... Часто, говоря о закуске, используют «гастрономические диминутивы»: «селечка, грибочки, огурчики». В интервью газете «Известия» в феврале 2000 г. некий ресторатор даже сказал, что уменьшительные существительные превращают еду в закуску. Это связывает закуску с уютной атмосферой, которая также создается употреблением диминутивов» (Алексей Шмелев, «Русский язык и внеязыковая действительность», М.: «Языки славянской культуры», 2002 г., Серия: «Язык. Семиотика. Культура», С. 424, http://ai-systems.ucoz.ru/_ld/0/42_SHM2002.pdf; <http://docplayer.ru/71183715-Russkaya-yazykovaya-k-model-mira.html>).

Как видим, пьянство в русскоязычном примитивном обществе зиждется на поддерживаемой пережиточной русской языковой картиной мира порочной традиции, позволяющей челядишкам с помощью выпивки добиться как временного забвения нелюбимой для них действительности, так и снятия накопившегося у них эмоционального напряжения. Благодаря, именно, ей русскоязычные люди и чтут до сих пор благословивший выпивку «Указ Петра Первого», несмотря даже и на своё прогрессирующее вырождение.

А ведь же так было не всегда:

«Впрочем, москвитяне (Mosci), татары и турки хотя и владеют землями, родящими виноград, однако вина не пьют, но, продавая христианам, получают за него средства на ведение войны. Они убеждены, что исполняют волю божью, если каким-либо способом

истребляют христианскую кровь... В Московии (Moscovia) же нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью и его соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение. С соседями обходятся так сурово, поскольку [считается, что] они заражены этим общением и [являются] сообщниками страшного преступления» (Михалон Литвин, «О нравах татар, литовцев и московитян», 1550, <http://oldvostlit.info/Texts/rus/Litvin/text2.htm>);

«Резко меняется ситуация с 1552 года, когда царём Иваном Грозным был открыт сначала царёв кабак для опричников, а потом и для всего люда, где спаивали уже не 16-градусным вином, а 40-градусной водкой» («Алкоголь – Правда и вымысел», <http://newzz.in.ua/ob/1148826093-alkogol-pravda-i-vymysel.html>).

Именно Иван Грозный и Романовы, заменившие в Московии исихастским православием близкое к мусульманству золотоордынское несторианство, ответственны за алкоголизацию населения России:

«Пьяным народом легче управлять», – любила говорить Екатерина II. «Так благодаря алкоголю исчезла с земли русской династия Рюриковичей. Но ведь и род Романовых – до XVI века Кошкиных, сменивший Рюриковичей, недалеко ушёл» (Николай Кривомазов, главный редактор журнала «Русская водка», «Федот, да не тот», <http://kp.ru/daily/25692/896146/>);

«Ошалевшие от вина отцы напивали своих малолетних детей и тешились их опьянением... Деревня в эти дни представляла собой необычное зрелище. Вытянутые в две линии, лицом друг к другу сто дворов с бревенчатыми старыми и новыми избами, амбарушками, хлевушками, покосившимися и стоявшими прямо, крытыми соломой и дранкой, без единого деревца под окнами или на задворках и вся длинная улица, разделяющая эти два ряда дворов, были переполнены лохматыми, странными, раздерганными, шатающимися из стороны в сторону, дико орущими двуногими существами... Казалось, все эти люди вдруг заболели острым помешательством и вместо степенной, полной достоинства речи, во все горло выкрикивали непотребные слова, точно все другие ими забыты и только одними ими, этими непотребными словечками, они выражали и радость, и злобу, и дружеский привет, и смертельную угрозу... – И ни одному народу в целом Божьем мире вино не причиняет столько зол, сколько народу русскому, потому что ни один народ не падок так до вина, как мы. Это наш национальный порок, наше национальное бедствие. У нас пьют везде, пьют все, пьют наверху, упиваются внизу, пьют от богатства, пьют от бедности, пьют с радости, пьют с горя, пьют на свадьбах, упиваются и на похоронах. И если наверху люди пьют прилично, то чем ниже мы будем спускаться по общественной лестнице, тем приличие все больше и больше уступает место бесшабашности, разнузданности, а уж в самом низу – в мужицкой или рабочей среде пьют безобразно, отвратительно, до полной потери образа и подобия человеческого...» (И.А. Родионов, «Наше преступление», <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012161>);

«Легчает русский быт из года в год,
Светлей и веселей наш дом питейный,
Поскольку безыдейный идиот
Гораздо безопасней, чем идейный»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>).

На то, что именно русская языковая картина мира является одним из основных факторов, закрепляющих у населения любовь к алкоголю, указывает ошеломляюще более значительная распространенность алкоголизма в русскоязычных регионах Украины, нежели в украиноязычных:

«На Украине по числу заболеваний алкогольным психозом лидирует Донецкая область. Медики свидетельствуют: если, например, в западных областях Украины на 10 тысяч человек в год приходится до 200 психозов, то в Донецкой области их ежедневно регистрируется – 30–40, а это в год до 6 – 7 тысяч» («Чему удивляться?»), https://censor.net.ua/forum/2308863/chemu_udivlyatsya_odonetskaya_oblast_lidiruet_po_kolichestvu_belyh_goryachek; <https://www.ostro.org/donetsk/society/news/16040/>).

И это несмотря на то, что русскоязычные регионы являются наиболее промышленно развитыми и наименее депрессивными. Ведь согласно той же статистике алкоголизму более подвержено сельское, а не городское население:

«Мы ежедневно сталкиваемся с осложнениями алкоголизма: у нас довольно большой процент бытового и производственного травматизма, смертность в трудоспособном возрасте достигает 20 – 25%... Предлагаю «взглянуть» на ситуацию в нашем, Старобешевском районе. Если взять статистические данные по Украине, то у нас в районе должно состоять на учёте 790 (1,7%) пациентов, а не выявленных 6256 (13,6%) человек. Это только алкоголизм, без учёта наркомании. Наркомания – это отдельная позорная страница нашего общества. На сегодняшний день по Новозарьевской семейной амбулатории должно состоять 42 человека, а не учтённых 336. Так оно и есть, только я поставил на учёт 116 пациентов, что составило 30% от общего количества. Это те люди, которым лечение уже вряд ли поможет. Во внимание не брались лица, страдающие бытовым пьянством, семейным алкоголизмом, не учитывался пивной алкоголизм подростков... Медики не должны социальные проблемы тащить на своих плечах, и в то же время мы не можем пассивно наблюдать за вымиранием общества... Профилактика алкоголизма – это не только разговоры о том, что пить вредно. Нам необходимо изменить стереотип поведения в обществе, оградить детей от взрослого застолья. Необходимо менять традиции и установки» (Юрий Зинчук, главврач Новозарьевской семейной амбулатории Старобешевского района Донецкой обл., «Алкоголь», <http://family-doctor.com.ua/280/>).

Россия же, вообще, превратилась в кладбище для молодежи:

«В маленьких городах и сельской местности, где трудно найти работу, пьянство как косо выкашивает самое активное и трудоспособное население – молодых мужчин» (Алла

Сергеева, «Русские: стереотипы поведения, традиции и ментальность // Феномен российского пьянства», <https://sv-scena.ru/Buki/Ruskiye-styeryeotipy-povyedyeniya-traditsii-myentaljjnostjj.html>; <https://culture.wikireading.ru/38248>; <https://litlife.club/br/?b=158078&p=54>).

Этому, конечно же, весьма способствовали не только резкие экономические преобразования в российском государстве, но и психическая инфантильность его населения:

«Вся человеческая культура (я употребляю это понятие вслед за Шпенглером как антитезу понятию цивилизации) является продуктом сферы иллюзий. Цивилизация – это реальность: достижения науки, промышленности, сверхновые технологии. Культура подстраховывает от травмы принятия реальности, давая людям веру, искусство, нравственные ценности, традиции. Культура живет внутри человека, цивилизация – вне его и независимо от него. Противоречие между реальностью и иллюзией, цивилизацией и культурой стало предельным в XX столетии – с научно-техническим прогрессом и развитием индустрии. Говоря словами Ницше, «умер старый Бог». Говоря словами Винникотта – человечество потеряло иллюзии и столкнулось с малопривлекательной реальностью. Последствия этого наиболее ярко отразились в судьбе народностей, чей характер мировосприятия близок к детскому, – например, северных народов России. Когда цивилизация отняла у них традиции, анимистическое мировоззрение, возможность беседовать с духами предков – на смену пришел практически стопроцентный алкоголизм» (Д.С. Рождественский, «Иллюзия и рождение реальности», <http://russia.ecpp.org/text/rozhdestvenskiy-ds-illyuziya-i-rozhdenie-realnosti>; <http://rudocs.exdat.com/docs/index-571093.html?page=4>).

Самая ужасная картина имеет место в русскоязычных регионах России, заселенных после геноцида новгородцев и псковичей москвитями (мерянами и мокшанами), потомкам которых испокон веков был присущ явно выраженный холопский менталитет. Социолог Маргарет Саттеруэйт о результатах обследования Псковской, Тверской и Новгородской областей, где неестественная смертность является рекордной в мире, сообщает следующее:

«Алкоголизм, наркотики привели к деградации. Каждый раз, когда я посещаю их, я не нахожу половину деревень и половину молодежи из населённых пунктов. В средней картине судьба молодежи до наступления совершеннолетия такова: спиться, спяну погнубить в драке или автопроисшествии, сгореть, утонуть, быть задавленным или убитым пьяным собратом. Если этого не происходит, остаётся две вероятности: попасть в тюрьму или погнубить от руки пьяного хирурга (случается при половине элементарных операций)» (Маргарет Саттеруэйт, «Назад дороги нет», «Эксперт» №23 (564), Ответы на комментарии, http://expert.ru/forum/expert-articles/1438/?cmt_page=21&page=21).

То же самое ведь сообщают и другие невольные наблюдатели апокалипсиса России:

«То, что здесь происходит, – это не просто ужас, это апокалипсис в натуральном виде. Как люди спиваются и как они вымирают! Прямо на глазах моих [люди] просто вымирают, за эти девять лет просто вымирают от пьянки. Вот здесь, в деревне Долосец, когда мы приехали, было еще стадо коров, овец. В стаде было около 9 коров – это приличное стадо для деревни, в которой всего-то 16 домов. И овечек было штук тридцать, а то и побольше.

Теперь нет ни одной овечки и ни одной коровы. А сколько людей за это время умерло... Не знаю, человек 10 за это время умерло. При этом с нами, приезжими, осталось (двое нас) – шесть человек. То есть – четверо, всего четверо! Я уже не говорю о соседней деревне. Там было коров тридцать, а осталась одна корова. За ней дачники гоняются, чтобы молока взять. А главное – это пьянка, абсолютное безразличие, к тому, что происходит вокруг!.. А когда мы не так давно спасали человека? Он живет в этой деревне на отшибе... А что сказали местные, когда мы хлопотали?! Сказали – не надо заглядывать в чужие окна. Вот! Вместо «возлюби ближнего своего» – не надо заглядывать в чужие окна... Пущай бы помер!.. Хрен с ним!» (Марина Салье о судьбе псковской деревни: «Это апокалипсис в натуральном виде», http://gubernia.pskovregion.org/number_584/09.php);

«Резко снизилась населенность не только деревень, которые просто исчезают с карт, но и малых городов и поселков. Не стоит думать, что это только районы Дальнего Востока, – это и области, находящиеся в 200–300 километрах от Москвы. Конечно, в зоне притяжения крупных городов это не проблема. Но достаточно выехать недалеко за пределы этой зоны, и вы увидите, что там происходит. Возьмем, к примеру, Тверскую область, которая исторически разрывается между Петербургом и Москвой. Миграция в эти два мегаполиса в совокупности с высокой смертностью и низкой рождаемостью приводит к обезлюдению региона» (Сергей Захаров, «Как вымирает Россия. Карта опустевших городов», <http://politiko.ua/blogpost95651>; <http://www.mirvboge.ru/2013/03/prodolzhaetsya-massovaya-likvidaciya-gorodov-i-poselkov-rossii-problemu-pochti-nikto-ne-obsuzhdaet/>; http://slon.ru/economics/kak_vymiraet_rossiya_karta_opustevshikh_gorodov-920081.xhtml);

«Почти во всех семьях – в недавнем прошлом случаи насильственной смерти: утопление, взрывы петард, убийства, исчезновения в Москве. Все это создает тот фон, на котором разворачивается жизнь и нашей семьи в частности. Нередко приходится иметь дело с женщинами, похоронившими обоих своих взрослых детей...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>).

Но и в других то регионах России эта картина не на много краше:

«Но ведь кроме государства есть еще и страна. На которую смотреть страшно, и с каждым днем все страшнее. Сядьте на самый комфортный поезд Москва-Петербург – только на дневной! – и смотрите, смотрите в окно не отрываясь и не закрывая глаза! И чуть отъехав от Москвы вы увидите зарастающие кустовьем поля, руины каких-то заводов и мастерских, бурьян и бесконечную свалку. Как будто «фашист пролетел». Или сядьте на дневной поезд до Ярославля, Владимира, Рязани – и смотрите, смотрите в окно внимательно! – то же самое. И это вдоль главных дорог. Сверните с них чуть вглубь, если не страшно... Или пройдите по окраинным районам Ярославля или Новосибирска, Твери или... А ведь я опять о крупных, а потому еще как-то выживающих городах. Только вот у нас треть страны живет в поселениях поменьше, в городках и «поселках городского типа», в которых работы нет никакой, а весь было проросший местный бизнес давно прибрали к рукам или попридушили местные начальники да силовики. Даже тот, что и кормил-то разве что не впроголодь – нехрена тут

самостоятельно!» (Сергей Шаров-Делоне, «В тупике горизонтов нет», <http://ehorussia.com/new/node/14249>);

«Я думаю, 2–3 поколения, и провинциальной России в средней полосе просто не останется. У нас в машине был атлас с картосновой примерно 20-летней давности. Выбирая тот или иной медвежий угол, мы часто приезжали в никуда. Еще обозначенные деревни теперь попросту не существуют – и это даже не брошенные дома, а бурьян и деревья. Дома сгнули в землю, сгнили, растворились и ничего уже не напоминает о былом. 90% дорог внутри районов – направления, последний раз знавшие инструмент дорожника еще при Брежневле или Горбачеве. Полное разрушение транспортных и, как следствие, экономических и социальных связей. Горстки людей, проживающих, например, в деревнях Куньенского района, разбросаны по лесам и буеракам и никуда не перемещаются в принципе. Не на чем и нет дорог. Второе ощущение: люди ничем не заняты. Я сейчас про деревни, не города. Практически нет огородов, не видно ремонта жилых домов, прочей хозяйственной деятельности. Я не знаю, что там с плодородием почв, но с плодородием рук и голов точно беда» (Денис Блищ, «Россия обречена», <http://firtka.if.ua/blog/print/rosia-prirecena-foto54919>);

«Вот эта полумертвая страна,
И этот вымиравший народ...
Стоит в округе тьма и тишина,
Тоска сквозит из душ, который год
Здесь не о чем давно уж говорить,
Здесь сердце помнит только злую боль...
И нужно жизнь с судьбою примирить,
Играя кем-то писаную роль.
И я пройду дорогами надежд,
Чтобы исчезнуть в закоулках лет,
И задохнуться в обществе невежд,
С восторгом погружающихся в бред
Пустых событий и ненужных слов,
Что сотканы из скучной суеты...
И только вечность ледяных ветров
Хранит мои свирепые мечты»

(А. Даль, «На окраине мира», <http://samlib.ru/a/adalx/dal382-1.shtml>);

«Дюжина домов, пять из которых вот-вот рассыплется в прах, да несколько кур на пустыре. Таковую картину увидел корреспондент The Guardian Люк Хардинг, посетивший одну из деревень в западной части России в 2008 году. Местная жительница Тамара Матвеева рассказала ему, что после недавней смерти троих мужчин в деревне остались только женщины. Хардинг выяснил, что эта деревня не была чем-то из ряда вон выходящим. Иностранцы, посещающие только Москву и Санкт-Петербург, представить себе не могут, что на просторах бывшей сверхдержавы полно призрачных деревень, где осталось всего по

несколько человек, в основном – пожилых женщин. Население покинуло эти районы не только из-за сокращения занятости в сельском хозяйстве и процесса урбанизации. Это лишь вершина айсберга. В сентябре американская журналистка российского происхождения Маша Гессен опубликовала длинную статью в издании *New York Review of Books*, в которой описала явление, давно вызывающее у нее беспокойство: огромное количество ее знакомых умерли с 1993 года. Кто-то в результате несчастных случаев, кто-то по другой причине, но все они ушли из жизни до срока. Она описала, как, приехав в Москву, хотела встретиться с двумя друзьями, но выяснилось, что один разбился на вертолете, а второй утонул. «Люди падают с поездов, угорают от газа, гибнут под колесами автомобиля на тротуарах, тонут в озерах, купаясь в пьяном виде, травятся паленой водкой и наркотиками, или в молодом возрасте умирают от инфарктов и инсультов», – написала Гессен. Она привела цитату своей подруги, которая сказала, что так и выглядит гражданская война: не когда по улицам бегают толпы с автоматами, а когда люди умирают один за другим...» (Тали Шамир, «Тайна исчезающего народа», http://mnenia.zahav.ru/Articles/5422/taina_ischezaushego_naroda);

«Вот уже немало лет, как Россию захлестнула наркомания. Официально наркоманов у нас полмиллиона, но на деле их в разы больше. Те, кто не может найти деньги на укол, нюхают различные химические препараты. А если учесть, что алкоголики – те же наркоманы, то... По нормативам ВОЗ, наркотический порог, после которого государство вступает в стадию необратимого разрушения, – 7% населения. Так вот у нас этот рубеж давно пройден. В газете «Известия» можно прочесть: Россия потребляет 20% мирового количества героина. Наше население – 2,5% населения Земли. Наркотики россияне начинают употреблять с 15–17 лет. Ежегодно 70 тысяч наших граждан погибает от передозировки. А если сюда прибавить болезни, которые сопутствуют наркомании, то это уже не 70, а 200 тысяч погибающих ежегодно. Специалисты утверждают, что именно рост наркомании – главная причина увеличения количества преступлений в стране. К этому прибавим, что за свою недолгую жизнь наркоман успевает сделать себе подобными, по разным подсчётам, от десяти до тридцати человек... Справка: мужчины в России живут в среднем 58 лет, меньше только в самых бедных африканских странах. Ежегодно у нас по неестественным причинам (то есть не по болезни) умирает 200 тысяч мужчин. Главная причина – водка. По мнению специалистов, сокращение продолжительности жизни на десять лет равносильно сознательному физическому уничтожению приблизительно сорока миллионов граждан. Добавим к этому, что сравнительно с ценами на прочие продукты водка нынче стоит непростительно дёшево, но для безденежных пьяниц дорого и это. Поэтому в ход у них идёт даже не просто отвратительный самогон, но и все спиртосодержащие смеси, вплоть до средства для мытья окон или политуры. Именно вот эти самые натуральные яды убивают людей больше, чем магазинная водка. Оттого и повышать цену на водку опасно: будут пить всё, что пахнет спиртом. Русские женщины пьют меньше мужчин, но довольно быстро дистанция здесь сокращается. Вам не встречалась молодая женщина, одной рукой ведущая коляску с малышом, а другой ухватившая банку с пивом? Пьют даже беременные, а это ведь означает, что младенец в утробе матери тоже пьёт, ведь кровеносная система у них одна. Мать выпила рюмочку, и младенец выпил рюмочку. Вот вам и готовый кандидат в

спецшколу для умственно отсталых детей. Сейчас потребление водки чуть-чуть понизилось за счёт увеличения потребления пива. Люди наивно полагают, что пиво – это не так плохо, как водка. Разница здесь – как между хреном и редькой, только пиво коварнее: оно действует медленнее и поэтому не так заметно. А результат точно такой же...» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими // Веселие Руси», <https://psy.wikireading.ru/89091>; https://bookap.info/sociopsy/zhelvis_nablyudaya_za_russkimi_skrytye_pravila_povedeniya/gl32.sh [tm](https://bookap.info/sociopsy/zhelvis_nablyudaya_za_russkimi_skrytye_pravila_povedeniya/gl32.sh));

«День десантника» и всех иных защитников родины непременно сводится к драке. Да что ложь, что воровство, что драки – на убийство нет никакого внутреннего запрета. Убить просто так, ни за что – это в России самое обычное дело. Сын убивает отца по пьянке, отец сына по той же пьянке – кто не слыхал об этом? Нет деревни, где бы сын-пьяница не избивал старуху-мать и что? Где осуждение? Только похохатывают – «Во допился!» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Благовещенский городской суд приговорил 41-летнего Сергея Бродникова за убийство отца, которое он совершил в ночь на 2 декабря прошлого года. Сначала они мирно пили спиртное, но потом возник пьяный спор о том, где находится Китай – южнее реки Амур или севернее. В итоге всплывший Бродников-младший до полусмерти избил Бродникова-старшего, а затем наполнил ванну водой и утопил» (<http://www.specletter.com/news/2012-08-02/55783.html>);

«Среднестатистический россиянин потребляет 18 литров спирта в год. По заключению экспертов ООН, годовое потребление 8 литров спирта на душу населения приводит к серьёзной деградации населения» («Население России: шокирующая статистика», <http://installsoft.ru/viewtopic.php?f=429&t=6250>);

«И никто не возмущается, не протестует. Современное общество воспринимает это (употребление алкоголя), как норму. Многие ли замечают, что это уже не нормы человеческого общества, в котором слово человек (украинское «чоловік»: чоло – чело – ум; вік – более древнее значение – говорить; т.е. человек – говорящий ум) понимается в своем изначальном смысле. Это уже нормы человекообразного стада, потерявшего (пропившего) ум и вид человеческий. Почему процесс падения человеческого общества до уровня стада не заметен? Потому, что каждый новорождённый человек попадает в давно сложившуюся и чётко регламентированную систему ложных стереотипов, «заботливо» созданных и укрепляемых в социуме одной из его «богоизбранных» прослоек» (Валерий Фомин, «Мы пропиваем сотни лет своей жизни!», <http://eliseeva-eliseeva.blogspot.com/2011/04/01-2011.html>);

«Католичество построено на детстве (как и православие). На впечатлениях детства. Протестантизм построен на юности. Трагизм юного, только что рождённого разума. Интересна причина убогости русской молодёжной (интеллигентской) культуры. Интеллигенция не ощущала себя юной, в ней был нелепый переход от детства ко «взрослости». Отсюда инфантильность русского либерализма (протестантизма, штунды). Те

же дети, только с «водкой». Интересно, что типичная русская юность начинается с водки. Трагедию рождающегося разума русские просто пропивают» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Слово «забаловал» до такой степени не подходит к сорокалетнему мужественному бородатому мужику, что не понимаешь даже, как он может в объяснение своего поведения употреблять такие выражения, приличные только разве малому ребенку. Но Иван не находит другого точного выражения. – Вот и стал баловаться... При покойнике тятеньке, бывало, капли в рот не брал. Убьет, если узнает, на смерть уколотит своими руками... Да и после тятеньки, когда уж оженился, своим хозяйством стал жить, и то позволял себе – когда угостят, да на праздниках, да иной раз со скуки – стаканчик. Все опасался и покуда чего было – берегся... Ну, а уж тут, на вокзале, как стала мне воля, стало мне, значит, раздолье, стал я – одним словом, коротко сказать – барин, тут-то я и пошел... Жрешь, бывало, целые сутки, а все до верху нехватает... Я как сейчас помню, с чего начал: у дорожного мастера Ивана Родионовича именины были на Ивана Постного. Ну он мне и налил виноградного стакан – «портвин» прозывается... Я как двинул его – понравилось. Я и давай... А там и коньяк, лимонад. Вот с этих самых пор и завел себе язву. А отчего? – Все от воли!.. Все от непривычки, от легкой жизни... Вот отчего!.. Бывало, денег полны карманы набью... Ну, и стал через это самое вроде последней свиньи... Таким образом оказывается, что «воля, свобода, легкое житье, обилие денег», то есть все то, что необходимо человеку для того, чтоб устроиться, причиняет ему, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается «вроде последней свиньи» (Глеб Успенский, «Власть земли», <http://www.libros.am/book/read/id/355268/slug/vlast-zemli-1>);

«Конечно, наше пьянство обычно переходит в свинство. Но и свинство есть наша национальная черта. Пьянство без свинства – это вовсе не пьянство, а выпивка в западном стиле. Или грузинство. Русский человек пьянствует именно для того, чтобы впасть в свинство и учинить свинство. Выпивка предполагает выбор компании, душевное состояние и прочее. Пьянство ничего не предполагает. Пьянство – это когда попало, где попало, что попало, с кем попало, о чем попало. Это – основа для всего прочего: и для компании, и для душевной близости, и для любви, и для дружбы...» (Александр Зиновьев, «Иди на Голгофу», Мюнхен, июль 1986 г., <https://www.litmir.me/br/?b=48910&p=5>; <http://lib.com.ua/books/6/378n3.html>).

А ведь предки потомственных славян северокитайские дисцы, хотя и любили употреблять алкогольные напитки, но в отличие от русскоязычных потомков туранцев (финно-угорских и тюркских народностей) не становились мрачными пьяницами:

«Но будучи бродячим народом, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы дают нам на этот счет множество доказательств. Восприимчивые, легко возбуждающиеся, дисцы искали общества. Их собрания, отличавшиеся редким весельем, сопровождалась музыкой и пляской. Про них китайцы писали, что «они умели весело пить вино», не делаясь мрачными пьяницами...» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы

рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://archive.li/TPE47>;
http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p30.php).

Индивидуальная стимуляция труда, как оказалось, слабо применима в России

Синонимом слова «тяжело» в русском языке является слово «трудно», что тоже не удивительно. Труд русскоязычным людям в тягость и не является для них ценностью:

«По данным Обратных словарей (РАС, Т. 2, 4, 6), слово-реакция «вместе» появляется на такие стимулы: «мы, собраться, все, собираться, бедствовать, жить, гулять»... и лишь затем «работать». А поскольку труду в системе ценностей русской культуры, в отличие от протестантизма, отводится место отнюдь не главное (см. объяснение этому у К. Касьяновой), то и это находит свое отражение в языковом сознании русских. Работа для русского, прежде всего, трудная (33), а труд – тяжелый (40), непосильный (7), напрасный (6), каторжный (5), бесполезный (4), хотя иногда и облагораживает (10), если имеет, заметим, цель, лежащую за пределами чисто материальными. Да и поговорки, которые фиксирует РАС (русский ассоциативный словарь, указывающий удельное количество ассоциаций в русской речи между какими-либо двумя словами, – П.Д.), говорят о пренебрежительном отношении к труду: «работа – не волк» (22), «работать – спустя рукава» (8)» (Наталья Уфимцева, «Образ мира русских: системность и содержание», <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie> ; <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349304/08/image/08-098.pdf>);

«Чтобы человек описал свое времяпрепровождение посредством глагола гулять, оказывается достаточным ощущение праздности и праздника (замечательно, кстати, что сами слова праздность праздник в русском языке связаны). Не случайно во многих случаях прямо противопоставляются гулять работать. Отсюда и такие слова, как прогул отгул (а также просторечное выражение гулять отпуск)» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Широка страна моя родная», http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf).

Такое отношение русскоязычного человека к труду провоцировалось испокон веков не только его национальной ЯКМ, но и православием:

«Индивидуальная стимуляция труда, как оказалось, слабо применима в России. Это вызвано тем, что организация потребностей в российском обществе имеет иной этический строй, нежели на Западе. Так же, как и «правильный» способ действия является не «рациональным», а иным. Организация потребностей в российском обществе (этический строй) возник не на фундаменте протестантской этики, а на базе православной, заложившей совсем иную нравственную основу. Образно и ярко ее формулирует Серафим Саровский: «Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа». Российская нравственная парадигма предполагает обретение самоактуализации не в удовлетворении потребностей, а в сдерживании страстей, источников

греха: «мир душевный приобретается скорбями» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0077>);

«Пастыри учили древнерусского человека жить «косня и ожидая», восхваляли косность даже на государственной службе: «Убо к земному царю аще кто приходит прежде и пребывает стоя или сидя у полаты всегда, ожидая царева происхождения, и коснит, и медлит всегда, и тако творяй любим бывает царем». «Косность» была равновелика церковному идеалу благообразия, благолепия и благочиния. Это слово приобрело пейоративный оттенок не раньше середины XVII века. В эту эпоху мир стал восприниматься иначе – это уже не мир вечных идей, которому мысль о новизне прямо-таки противопоказана, враждебна, а исполненный движения, подчиняющийся единому «цивилизационному» времени мир» (академик А.М. Панченко, «Русская культура в канун петровских реформ», <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?PageContentID=152&tabid=2344>);

«Обычно источником системы этики и морали является религия. В иудео-христианской морали человек ответственен перед Богом за все свои деяния – будь то отношения к людям или к труду. Но в разных конфессиях мера ответственности различна. Более того проступки и нарушения морали возможно или невозможно искупить. Отсюда в разных культурах индивидуальная ответственность личности очень разнится... В отсталых странах к труду относятся как к повинности. Работают чтобы жить. В динамических – живут чтобы работать. Новаторство воспринимается как угроза установившейся стабильности, как ересь. Отношение к богатству определяется ложной концепцией, что богатство существует в неизменном количестве, и его только перераспределяют. Следовательно, экономическое процветание другого воспринимается, как лишение тебя куска. Успех соседа – это угроза твоему благополучию. В динамической культуре богатство понимается, как постоянно прирастающая величина, прирабатываемая трудом, и поэтому исключаящая сам феномен перераспределения» (Андрей Кончаловский, «Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс», <http://www.liberal.ru/articles/4960>);

«Впрочем, дело далеко не в том, что для всех традиционных обществ этика праздности вытекает из особенностей конфессионального религиозного сознания. Скорее сам русский человек искал в православной вере то, что можно было привлечь для обоснования и оправдания сложившегося отношения к труду. А само это отношение отражало реальность жизни, в которой русский человек собственно никогда не трудился на себя, а потому ему бессмысленно было накапливать богатства и проявлять трудовой энтузиазм. И не природная лень, а именно труд на «чужого дядю» порождал желание как можно более расширить поле праздности, которое единственно можно было употребить на себя самого» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml);

«Для православных труд есть наказание за грехи. А у протестантов труд – мерило оценки человеческой добродетели и посмертной участи человека. Если у протестантов

накопленное богатство есть показатель благодати Божьей, то у россиян показатель святости – нищета» (Николай Кофьрин, «Как живут финны», <http://www.liveinternet.ru/users/1287574/post147518415/>).

К тому же, историк Ключевский, вообще, полагал, что:

«...нищенство считалось в древней Руси (Московии, – П.Д.) не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа...» (Василий Ключевский, «Добрые люди Древней Руси», <https://www.litres.ru/vasilij-kluchevskiy/dobrye-ludi-drevney-rusi/chitat-onlayn/>).

Прозябание в нищете – это, именно, тот образ жизни, который влачит в настоящее время большинство русскоязычного населения:

«Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из коренных его свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим, и их благодетелям. В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству, приживальству, а в средних и высших – ко всякого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям, уступкам, скидкам, льготам... Все эти одолжения, любезности, уступки, скидки и льготы не так невинны, как кажется... за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произвол, насилие над чужой совестью, эксплуатация чужого чувства, преступление. Разве начальник станции, дающий даровой билет, не крадет? Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру? Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд» (Антон Чехов, «Наше нищенство», <http://chegov.niv.ru/chegov/public/nashe-nischenstvo.htm>).

И ведь этот образ жизни является, согласно русскому языку, даже и не животным (скотским), а растительным образом жизни. Первоначально слово «прозябать» означало «проростать», «произростать» и не имело никакой негативной коннотации, пока его не стали использовать преимущественно в переносном негативном смысле:

«Так, у П.А. Вяземского в «Очерках Карлсбада» производное наречие «прозябательно» звучит ироническим синонимом слова «растительно»: «Жизнь в Карлсбаде беззаботно льется тихим ручейком; прозябательно, животно, по-Карлсбадски здесь живем». Ироническая экспрессия резко меняет и смысловые очертания слова. В слове «прозябать» все более ступшевается старое прямое значение «произрастать, расти», а выступает переносное «вести растительную жизнь, лишенную глубокого внутреннего духовного содержания, осмысленной цели». Этот новый оттенок ярко выступает уже в литературных стилях 20 – 30-х годов XIX в... У А.Н. Вульфа в Дневнике (15 ноября 1829 г.): «Тягостно мыслящему существу прозябать бесполезно, без цели» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/prozjabat.html>).

Однако в подсознании русскоязычного человека, очевидно, так и сохранилось лишь не переосмысленное значение слова «прозябать» и, поэтому-то убогость собственного существования – прозябание в нищете и в нужде уже давно является для него вполне комфортным образом жизни:

«Величие своими руками сотворенных храмов, необъятность полей и тьма лесов – и рядом с ними убогость собственного существования – не эти ли крайности вековечно разрывали душу русского человека и сказались на его характере? Не в этом ли истоки российского максимализма: пан или пропал... и в то же время дикой кичливости собственной же нищеты: полюбите нас черненькими – беленькими нас всяк полюбит?.. И еще много чего в народном характере можно вывести из этой картины. Только боюсь уподобиться той части российской интеллигенции, которая «загадку России» сделала своей профессией. И тем самым недалеко ушла от массового сознания, потому что в основе ее метаний лежит все тот же принцип максимализма: или мы – все, или мы – ничего, или мы – и то и другое вместе... Ведь менялись времена – а у нас менялись только названия. На месте курных изб возникли бараки, времянки, соцгородки, и стояли они уже на фоне дымящих труб и корпусов, гигантов индустрии, дворцов молодежи, дворцов советов и дворцов съездов. Менялись идолы и кумиры, боги и князья – а мы все те же, а мы живем все так же. Все – для Бога и князя, и ничего – для себя...» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«Таковыми поклонницами были все дочери знаменитых московских профессоров, дамы чистые, нежные, старавшиеся подкормить тощего поэта (Даниила Андреева, – П.Д.), одеть в обноски своих близких и особенно старавшиеся купить ему носки и ботинки, так как он вечно ходил в стоптанной обуви с отваливающимися подошвами, которые он привязывал веревочками, и в носках с голыми пятками. Дочери профессоров да и сами профессора были тоже полунищими и годами собирали деньги на приличное пальто, и им было трудно накопить деньги на хорошие ботинки для поэта, поэтому покупали недорогую полурабочую обувь. Да о чем говорить? В те далекие годы будущий академик и будущее знамя горбачевской перестройки Лихачев ходил в белых парусиновых туфлях, которые подбеливал мелом. На очень тощем пайке жила советская довоенная интеллигенция...» (Алексей Смирнов, «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smironov.html>);

«Вот идеология Российской Федерации, наконец-то сформировалась: быть самыми нищими, самыми отсталыми, самыми покорными, самыми архаичными и всех победить» (Александр Невзоров, интервью на «Эхо Москвы», <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2356863-echo/>);

«Россия выдержит громадные бедствия... Русские приучили себя к нищете – не то, что народы Запада; они могут жить и работать при условиях, которые нам покажутся нестерпимыми...» (Бертран Рассел, цит. по: П.С. Таранов, «Золотая книга руководителя»);

«В древней Руси прилагательное «нужный» значило не только «необходимый», но

применялось и в значении «трудный»... В наше время значение слова «нужда» осталось только в производных словах нудило, зануда, принуждение, принудительный, нужный, нужник. Да и само слово «труд» когда-то значило «мучение», «горе», «страдание». А страдальник (ср. страда) по-древнерусски значило «работник». И сейчас у нас существует слово «страда» – напряженная летняя работа на полях...» (Дмитрий Кобяков, «Приключения слов», <https://www.litmir.me/br/?b=58302&p=4>).

Действительно, на церковнославянском языке слово «троудъ» («труд») означает, прежде всего, болезнь, боль, боли, болезнь, хворь, хворость, хвороба, недуг, недужина, немощь или немочь, немогута, скорбь, хиль, хилина, вообще нездоровье (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка // Хворь», <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/372438>)

Аналогично, и на чешском, и на словацком языках слово «trud» тоже означает своего рода кожное заболевание – прыщ, пупырышек. Очевидно, рассматривание болезненного состояния человека, как тяжелого и стало причиной отождествления смысла слов «трудный» и «тяжелый» в некоторых частных случаях их использования. На древнекиевском языке слово «трудъ» означает труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь (Фасмер). Наиболее же близким по смыслу к русскому слову «труд» является польское слово «trud», означающее «ciężka praca» (польск.), «важка праця» (укр.), тяжелый труд (русс.). Но ведь тогда получается, что на русском языке – это то же самое, что сказать «масло масляное», а любовь не к сильной, а к тяжелой работе – трудолюбие, вообще, может рассматриваться, как своего рода мазохизм.

Как видим, слово «труд» в русском языке имеет лишь негативную эмоциональную коннотацию. Аналогичного ему слова, обладающего позитивной коннотацией, в этом языке просто нет. А это значит, что и в настоящее время за нерадивое отношение русскоязычного населения к труду ответственен в первую очередь сам русский язык. И никакие ни агитации, ни воспитательные меры не помогут избавиться от такого отношения к труду, пока в русском языке не появится соответствующее ему слово с позитивной эмоциональной коннотацией.

А ведь и производное от слова «труд» слово «трутень», означающее на церковнославянском языке всего лишь немощный (в смысле немогущий заготавливать мед), вообще является синонимом слов «бездельник» и «туняедец». И подсознание русскоязычного человека неизбежно вырабатывает соответствующую этой лексической связи амбивалентную эмоциональную реакцию, несмотря на то, что он и не обращает внимание на родственность этих концептов, имеющих, на самом деле, не одну и ту же:

«...внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней – словесной форме» (Юрий Степанов, «Словарь русской культуры. Опыт исследования: Концепт», М.: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 40-76, <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>).

Какое же тогда может быть положительное отношение к труду при такой энантиосемичности (лексической «шизофрении»)? И ведь это же – сплошь и рядом:

«Почти все мы, в начальной школе читая басню И.А. Крылова «Стрекоза и муравей»,

сочувствуем бедной (хотя и бездельнице) стрекозе и считаем труженика муравья неоправданно жестоким и черствым. А французские дети, читая басню Ж. Лафонтена «La cigale et la fourmi», как правило, оказываются не на стороне беспечной цикады и не осуждают хозяйственного муравья, а точнее – муравьицу. И этот факт имеет очень понятное и логичное объяснение. Поскольку во французском языке и цикада, и муравей оказались грамматически женского рода, то и в сознании носителей языка они мыслятся как существа одного (женского) пола. А значит, они имеют равные права и равные обязанности. Одна кумушка-соседка работала, не покладая рук, в то время, когда другая развлекалась, не думая о своем будущем. Вполне понятным и не вызывающим неодобрения выглядит нежелание муравьицы помогать своей легкомысленной соседке цикаде. У Крылова же герои басни оказались разнополыми (по причине несовпадения грамматического рода у этих насекомых в русском языке), а потому и их поступки оцениваются нами иначе. Да, барышня-стрекоза пела и плясала (но она же «девочка!»), ничего не делала, и это не похвально. Но поступок муравья («мальчика») выглядит совсем не по-мужски, и потому муравей не прав, а стрекозу жалко. Вот так трансформировались образы этих насекомых и соответственно смыслы басен из-за того, что у одного из слов в русском языке оказался «не тот» грамматический род» (И.И. Богатырёва, «Грамматический взгляд на мир», <http://www.portal-slovo.ru/philology/47290.php>);

«Так, в рассказах В. Шукшина, воплощающих народно-речевую стихию, глагол бурлачить со стандартным значением «заниматься исключительно тяжелой физической работой» представлен с полярной семантикой «чудить», «дурака валять». Ср.: «...хоть гори все вокруг синим огнем – он в воскресенье наденет черные плисовые штаны... и пойдет по деревне – просто так, бурлачить» (В. М. Шукшин, «Гринька Малюгин»). В контрастные отношения вступают семы глагола бурлачить «работать» («+») и «бездельничать» («-»)...» (Люция Махмутова, «Основные типы энантиосемии в современном русском языке», www.ksu.ru/uni/sank/db/filebase/files/779.doc).

А вот «бурлацкое» выражение «тянуть лямку» так и осталось нарицательным обозначением тяжелого труда. «J. Kalima (Die ostseefinnischen Lehnwörter in Russischen, Helsinki, 1919. С. 158–159) сопоставляет слово «лямка» с финским словом «lämsä» – лассо. Для оправдания этого сопоставления приходится предполагать морфологическое переразложение: из «lämsä» образовалось слово «лямец», параллельно с которым уже возникло с суффиксом -ка «лямка». В украинский язык слово перешло из великорусских говоров. Польск. «lamiec» press из беларус., польск. «lamka» – из украинского (Виктор Виноградов, «История слов», http://wordhist.narod.ru/tjanut_ljamku.html).

В то время как русское слово «труд» вызывает лишь негативную бессознательную реакцию у человека, соответствующее ему укр. слово «праця» вызывает вполне позитивную бессознательную реакцию, так как соответствует деятельности и активности (др.-греч «πρᾶξις» – «деятельный, активный», «πράσσω» – «делать, совершать, приводить в исполнение»). Оно имеет общую внутреннюю форму и ассоциируется в подсознании с

такими укр. словами как: «прати» (беларус. «праць») – стирать, «праска» – утюг, «праса» – пресс, «напряг» – напряг, «пружний» – упругий, «напирати» – напирать, «перти» – переть, «прагнути» – стремиться, «поратися» – «направлять все свои усилия на достижение желаемого результата, успеха в работе» и имеет общее происхождение с лат. «*praelum*», англ. «*press*» – «давить, жать»; англ. «*forser*» – «поршень, якорь»; англ. «*force*», нем. «*kraft*» – «действие, воздействие, сила».

К тому же не только слово «праця», но и имеющие для сознания негативную коннотацию определения укр. «важка, тяжка» – тяжёлая не ассоциируются в подсознании украинца с чем-либо негативным.

Так словосочетание «важка праця» – «тяжелый труд» имеет общую внутреннюю форму со словосочетаниями «вагома праця» – «весомый труд» и «важлива праця» – «важный труд». И эта внутренняя форма провоцирует лишь позитивную бессознательную реакцию человека.

Слово же «тяжка» ассоциируется в подсознании со словами «тяга» и «тяготение», буквальным смыслом которых является влечение к чему-либо, а в данном случае – к достижению желаемого результата труда (укр. «праці»). Очевидно, украинские словосочетания «тяжка праця» – «тяжёлый труд» и «притяжна праця», «притягальна праця» – «притягательный труд» тоже имеют общую внутреннюю форму, бессознательно возбуждающую у украинцев притягательность труда.

Поэтому-то украинцы, в отличие от русскоязычных людей, и не испытывают бессознательного отвращения к любому труду как к вполне комфортному, так и к невероятно тяжелому:

«...Технически примитивный труд деревни невероятно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать»...» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Берлин, 1921, 29, <http://sadsvt.narod.ru/gorky.html>).

И именно бессознательное отвращение к труду, отождествляемому в русской ЯКМ со страданием, и ответственно, прежде всего, за патологическую лень русскоязычного человека:

«И это накладывает отпечаток на отношение к труду, он у нас воспринимается либо как страдание, а выполняющие грязную, не престижную работу выглядят героями-мучениками. Либо как неудача. А много работающий – как дурак, лох, человек, на котором воду возят. Самая желанная участь у нас быть баринном, а труд часто воспринимается как проклятие. Крепостное право задает у нас в культуре и социальную дистанцию – человек ассоциируется с его положением, его статус прибит к нему гвоздем. И все, ты уже кость белая. Все это остается и передается у нас со времен крепостного права через службу. Через работу. Через учебу. Такое историческое наследование. И оно всюду. В больницу пойдешь, в школу, оно всюду разлито. Не хочу сказать, что оно роковое, но оно есть» (Филолог Георгий Хазагеров, из интервью Елене Яковлевой «Воля неволей. 150 лет назад в России отменили крепостное право», <http://www.rg.ru/2011/02/18/kpravo.html>);

«Работа, работа, перейди на Федота» («Ничего не делать – отличное занятие.

Афоризмы и статусы о работе», <http://333afo.ru/aforizmy/nichego-ne-delat-otlichnoe-zanyatieaforizmy-o-rabote.html>);

«Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот – лень, или, лучше сказать, болезненное усыпление, одолевающее русского. Много мыслей, не сопровождаемых воплощением, уже у нас погибло бесплодно...» (Николай Гоголь, Письмо к К.С. Аксакову, март 1841, Рим, <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/psb/psb-3372.htm>).

Поэтому-то и ни сколько не удивительно и то, что:

«...только русские с их нежеланием работать могли назвать включатели (укр. «вмикачі», – П.Д.) выключателями» (Александр Арефьев, «Мудрость с улыбкой», https://escalibro.com/ru/poetry/book/read/19475_mudrost-s-ulyibkoj-tom-2/).

И лишь только у них – «как только заканчиваются временные трудности, так сразу же наступают трудные времена», а плодотворной – результативной является любая работа и, в том числе, и «ничего неделание» – бездействие. Ведь, часто и бездействие приводит к весьма печальным и плачевным (негативным) результатам:

«Здесь всегда перестройка и перелом. Здесь всегда трудные и смутные времена. Здесь всегда опричники и ФСБ. Здесь всегда оброк и откат. Здесь всегда светлое будущее отвлекает от темного настоящего. Здесь всегда и ни церковь, и ни кабак, ничего не свято...» (Юрий Бутусов, «Лучшее, что вы читали о «Боинге» и о России, которой нет» <https://www.facebook.com/butusov.yuriy/posts/808306602542971>).

Не способствуют привитию трудолюбия русскоязычным людям и не относящиеся к труду ассоциации со словом «орудовать», возникающие в его подсознании:

«Другой пример – слово «орудовать», слово современного обиходного языка, внешне прозрачное и потому, казалось бы, малоинтересное. Интерес к его истории гасится убеждением, что это – отыменный глагол от современного же существительного «орудие». Внешне все правильно: *figura etymologica* «орудовать орудием», в смысле «манипулировать инструментом». Однако нужно и тут приглядеться внимательно. Глагол «орудовать» ведет себя все-таки не совсем так, как подобает прямому производному от «орудие». Налицо формальные отличия, а потом этот не очень уловимый отвлеченно-иронический оттенок глагола «орудовать»: «обдeldывать свои делишки»... Дальше делается понятно, что Даль ориентировался на язык древней книжности. Ср. «орудовати» – «действовать» (Срезневский II, 708), «обратиться по делу» (СлРЯ XI-XVII вв. 13, 71, в обоих словарях один и тот же пример XIV в.). Здесь, как видим, нет и тени значения «действовать орудием, инструментом». Впрочем, нельзя не обратить внимания на то, что древнейшим и первым, по сути, значением также слова «орудие» в наших памятниках оказывается «дело», далее, следом – «судебное дело» и только более позднее – «орудие», «инструмент»; наличие среди последних отвлеченных словоупотреблений типа «орудие дьяволе» тоже несколько усложняет картину» (Олег Трубочёв, «Праславянское лексическое наследие и древнерусская

лексика до письменного периода», <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-94.htm>).

Да и обозначение то словом «орудие» не только инструментов труда (укр. «знаряддя»), но и средств массового поражения (артиллерийских орудий и другого оружия) тоже ведь не способствует привитию русскоязычным людям как трудолюбия, так и стремления к созиданию, а не к разрушению.

Нежелание трудиться запечатлено в подсознании русскоязычного человека бессознательными лингвопсихическими установками его языковой картины мира. И, поэтому-то, для преодоления своей природной лени ему и приходится обманывать свое подсознание, заменяя не только слово, означающее разрыхлять землю (укр. «орати»), но даже и слово «трудиться» словом «пахать», воспринимаемым подсознанием всего лишь как «подметать» (ст.-слав. «опашь»..., болг. «па́хам» – мету, чищу..., сербохорв. «па̀хати», «па̀хам» – обметать пыль, сдувать, «па̀хати», «па̀ше́м» – сдувать, чистить от пыли, словен. «páhati», «páham» – обмахивать, – Фасмер). Возможно, с этой же целью прежде табуированное слово «орать» было наполнено новым смыслом – «громко кричать» (укр. «горлати», «волати»).

Слово «расписание» (укр. «розклад») отражает вовсе не суть предмета, а лишь письменную форму его представления и, тем самым, в русской ЯКМ результат работы по составлению расписания не является ее главной сущностью. Да, и многие другие русские слова ведь тоже не отражают сущности заключённых в них понятий, а лишь указывают на способы их воспроизведения или регистрации, а то и вообще лишь на инструменты труда (орудия), предназначенные для воплощения означаемого словом понятия:

- укр. «родовід» – родословие;
- укр. «післямова» – послесловие;
- укр. «догана» – выговор;
- укр. «злагода» – согласие (единомыслие);
- укр. «згода» – согласие (разрешение);
- укр. «угода» – соглашение;
- укр. «запрошення» (от «просить») – приглашение (от «глас» – голос);
- укр. «нашіптування» – наушничанье;
- укр. «пристріт», «врóки» – сглаз;
- укр. «привид» – призрак (от «зрачок»);
- укр. «примара» (от «марити» – грезить) – призрак (от «зрачок»);
- укр. «виховання» – воспитание;
- укр. «урочистість» – торжественность (от «торг» – рынок);
- укр. «освіта» – образование;
- укр. «їдальня» – столовая;
- укр. «крамниця, крамар» – «лавка, лавочник»;
- укр. «злочин» – преступление;
- укр. «гоління» (от «голый») – бритьё (от «бритва»).

Это весьма красноречиво подтверждает вывод лингвопсихологов о том, что, если у англичан в работе главным является результат, а у немцев – старательность (прилежание), то

у русских главным является побороть нежелание работать, то есть наконец-то «собраться» выполнить работу, и побыстрее отделаться от неё:

«Русский человек владеет делом, которое результирует в вещи. Действительность понимается как система собственных действий, на что указывает и внутренняя форма отвлеченного имени «действительность». Таким образом, в установочном треугольнике «вещь» заменяется «делом», что и определяет предпочтение глагола имени, а процесса (чаще всего лишь имитации деятельности, – П.Д.) – результату. Сложная история самого слова «вещь» показывает внутреннее развитие этого представления» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-41.html>);

«В значении целого ряда русских языковых выражений содержится общее представление о жизни, в соответствии с которым активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно мобилизовал внутренние ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте (как бы собрав их воедино). Чтобы что-то сделать, надо «собраться с силами, с мыслями» – или просто «собраться». В русской речи часто встречаются такие выражения, как «все никак не соберусь» или «собирался, но так и не собрался». Слово «собираться» указывает не просто на наличие намерения, но и на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом. «Собраться» – это самая трудная часть дела. Мы говорим: «Наконец собрался ответить на письмо»... Хотя глагол «собираться» указывает, прежде всего, на определенное ментальное состояние субъекта, в нем достаточно сильна и идея процесса, ср.: «Хорошо, что ты позвонила, а то я уже целый час лежу и собираюсь встать»; ср. также: «Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула» (И. Бунин). Это отчасти обусловлено связью с другими значениями «собираться». Показательно, что в тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, слово «собираться» не может быть заменено на «намереваться, намерен» и т. п., ср. «Лежу и намереваюсь встать». Процесс, подразумеваемый глаголом «собираться», отчасти может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов (в последнем случае просвечивает другое значение; так, «Собираюсь завтракать» значит не только, что я решил позавтракать, но и что уже начал накрывать на стол). Однако в гораздо большей степени «собираться» предполагает сугубо метафизический процесс, который не имеет никаких осязаемых проявлений. Идея такого процесса составляет специфику русского «собираться» и отличает его как от близких слов русского языка («намереваться, намерен»), так и от его эквивалентов в европейских языках (которые соотносятся скорее с «намереваться», чем с «собираться»), ср. англ. «to intend to, to be going to», франц. «avoir l'intention», итал. «avere intenzione», нем. «beabsichtigen, die Absicht haben, vorhaben» (укр. «мати намір, наміряться», – П.Д.)» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Мы очень естественно можем сказать, что человек «собирался» что-то сделать, но так и «не собрался», – говорит Шмелев. – А уж если человек «собрался», то он, считай, почти уже «сделал» (и именно – «почти сделал», так как психически инфантильному русскоязычному человеку свойственно не доводить дело до благополучного его завершения, – П.Д.)». То есть процесс «собираения» по-русски гораздо более существенная часть действия, чем оно само. Возможно, предполагают лингвисты, это связано с нашими большими пространствами. Не случайно же, готовясь к отъезду, мы именно «собираем» вещи. Англичане и французы, например, их «пакуют». Мы, конечно, их тоже пакуем, но языку важнее, чтобы все было «собрано», а уж упаковать-то мы сумеем. Расстояние между английским «I am going», которое обычно переводят как «собираться», и самим действием гораздо короче. Если русский часовой на посту ночью закричит прохожему что-нибудь вроде: «Стой, я собираюсь стрелять!» – прохожий вряд ли испугается – когда еще этот разиня соберется! А вот английское «I am going to fire!» означает, что вы уже под прицелом и курок взведен для выстрела. А вот когда я попыталась объяснить значение русского глагола «собираться» (японцу, – П.Д.) Киеси Огури, ни я, ни переводчик сделать этого не смогли. Огури долго качал головой и пожимал плечами. Что поделаешь – у него другая картина мира» (Ольга Андреева, «Картина мира, нарисованная языком», http://expert.ru/russian_reporter/2008/44/psiholingvistika/).

И именно это: «все никак не соберусь» весьма красноречиво отражено в русской народной мудрости: «лиха беда начало» (почин). Начинать любое дело трудно, потом будет легче.

В украинском же языке нет аналога не только словосочетанию «собираться сделать что-либо», но и словосочетанию «решиться сделать что-либо». Укр. «зважитися» и «наважитися», точно соответствуют лишь русск. «отважиться», то есть проявить отвагу, смелость. И если русское «решиться» означает «наконец то, принять определенное решение и приступить к соответствующим действиям», то украинское. «вирішитися» означает «наконец то найти определенное решение» или же «окончательно определиться с чем-либо» (Словник української мови / «Вирішитися», <http://sum.in.ua/p/1/472/1>). «Вирішитися» – решиться также может и какой-либо вопрос, судьба и т.д.. «Вирішальним» – решающим может быть и какое-либо действие или же происшествие.

Как видим, все рассмотренные здесь украинские словоформы не имеют никакого отношения к нерешительности. И, следовательно, это указывает на то, что украинцам не свойственно немотивированное никакими обстоятельствами желание оттягивать во времени выполнение каких-либо действий. С другой же стороны это четко показывает, что на такое порочное поведение русскоязычного человека провоцирует именно его язык, приемлющий словосочетания «решиться сделать что-либо» и «не решаться сделать что-либо». В украинском же языке можно лишь «не наважитися зробити що-небудь».

То, что русскоязычный человек «тяжел на подъем», конечно же, связано, как с его детским легкомыслием, так и с несерьезностью большинства намерений его:

«Русские долго запрягают, но быстро едут» (Отто фон Бисмарк, <http://citaty.info/man/otto-fon-bismark?page=1>);

«Русские долго запрягают, но потом никуда не едут. Просто запрягают и распрягают, запрягают и распрягают. Это и есть наш особый путь» (Григорий Горин, http://www.peoples.ru/art/theatre/dramatist/grigory_gorin/history2.html);

«Одно из важнейших проявлений иррациональной «русской души» – ее принципиальная алогичность. По Достоевскому, человек сложнее разума и логики. При всей бесспорности этого тезиса в реальной жизни он приводит к удивительным алогизмам. Об одном из своих героев писатель говорит: «В глубине души своей сложил он одно решение и в глубине сердца своего поклялся исполнить его. По правде-то, он еще не совсем хорошо знал, как ему поступить, то есть, лучше сказать, вовсе не знал; но все равно, ничего» (Достоевский, 1958-1973). То ли сложил решение, то ли не знал, как поступить. То ли поклялся исполнить, то ли нет. Впрочем, «все равно, ничего» (Дмитрий Ольшанский, «Психология масс», <http://www.stomfaq.ru/psihologiya-mass/index16.html>).

И, конечно же, эта алогичность зиждется на бессознательных лингвопсихических установках русской ЯКМ, провоцирующих человека на неадекватное поведение и, в том числе, и на «ничего неделание». Внутреннее побуждение «встать» и сделать что-нибудь непременно ассоциируется в его подсознании с глаголом «устать» (укр. «втомитися», «заморитися») и, тем самым, неизбежно подавляется бессознательной лингвопсихической установкой: «Если я встану, то непременно же устану, а надобно ли мне это?».

В то время как бессознательная лингвопсихическая установка части речи, которая обозначает состояние или действие предмета и в украинском языке называется «дієсловом», побуждает украинцев к деятельности (укр. «діяльності»: от «дія» – действие), бессознательная лингвопсихическая установка соответствующего ему русского «глагола» побуждает русскоязычного человека лишь к «пустым разговорам» (устар. «глаголить» – говорить):

«Вячеслав Молотов вспоминал: «Ленин говорил: «Русские ленивы», – и чувствовалось, что ему страшно обидно, что русские действительно ленивы, начнут дело, не кончат... «Поболтать, покалякать – это мы мастера! А вот организовать...» (Феликс Чуев, «Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева», http://grachev62.narod.ru/molotov_140/chapt08.htm).

К тому же:

«Труд характеризуется положительно и рассматривается как главный кормилец человека в рамках всех изучаемых культур. Особенно акцентированным можно считать отношение к труду в англо-американском культурном ареале, где протестантская религиозная традиция способствовала утверждению феномена обожествления (обожания) труда и формированию этнокультурной доминанты «action / work orientation» (идеологема «труд как религиозное призвание человека»). Однако, если в украинской, английской и китайской культурах труд трактуется как источник материального благополучия, успеха и процветания (информема «усердный труд индуцирует материальное благосостояние и

профессионализм»), в русской народной культуре подобные осмысления практически отсутствуют (информемы «добросовестный труд не связан с материальным благосостоянием», «работать добросовестно, настойчиво нет смысла»)» (Ирина Голубовская, автореф. дис. «Этноспецифические константы языкового сознания», <http://dissertation.com.ua/node/684661>).

В современной же русской культуре, так и не вышедшей из своего архаического состояния, труд является лишь наказанием за грехи, как это было ранее и в культуре средневековой цивилизации Европы:

«Пока Адам и Ева находились в раю, они были невинны и не заботились о пище. Грехопадение сопровождалось карою господней: в наказание бог обрек род человеческий добывать себе хлеб в поте лица и выслал праотца из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят (Книга Бытия, 2,23). Эта библейская оценка труда как наказания вошла составной частью в этику христианского средневековья. Христос, говорило духовенство, не трудился. Собирая вокруг себя учеников, он побуждал их покинуть свои мирские занятия и быть «ловцами человеков», а не тружениками. Сподвижникам Христа не было нужды тревожиться о хлебе насущным, ибо учитель мог их насытить без всякого труда: вспомним евангельские рассказы о пяти хлебах, которыми Иисус накормил (на халяву, – П.Д.) пять тысяч человек, кроме женщин и детей, и о семи хлебах, утоливших голод четырех тысяч его последователей (Евангелие от Матфея, 14, 15-21; 15, 32-38). Таким образом, безгрешное состояние человека, как и пребывание его вблизи бога, не предполагало труда. Людям вообще надлежит не столько заботиться о пропитании и о физическом своем благополучии, сколько о духовном спасении, о жизни вечной. «Не хлебом единым сыт человек». Созерцательную жизнь, приближавшую человека к святости, теологи ставили выше активной...» (А. Гуревич, «Категории средневековой культуры», гл. «Труд – проклятье или спасение?», <https://unotices.com/book.php?id=162602&page=71>);

«В христианской теологии – труд необходим. Он освещается библейской историей как наказание за грехи. Труд – проклятие бога: «И будешь в поте лица своего добывать хлеб свой насущный», – свидетельствует Библия. Труд – неизбежность в этой жизни, на этой земле. За прилежный труд верующего ждёт на том свете воздаяние, спасение для жизни вечной» («Культурология» // «Культура средневековой цивилизации Европы», http://culture10.narod.ru/cult_t9r3part1.html);

«От аввы Дорофея, написавшего одному иноку: «Брат! Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что», – и до епископа Феофана, почти современника нашего, также написавшего кому-то из своей духовной паствы: «Дело – не главное в жизни, главное – настроение сердца, к Богу обращенное», – труду в системе ценностей отводится явно подчиненное место. И его невозможно перевести в другой разряд, не нарушив системы. Этого большей частью не понимали наши интеллигенты-мыслители. Им все казалось, что просто «вчерашний крестьянин» еще не привык к новым условиям труда и промышленности или «разбаловался», дезориентирован,

или незаинтересован и потому не проявляет особого интереса к труду. Достаточно, следовательно, заинтересовать его, показать, перевоспитать – и он полюбит труд и станет «нормальным» европейским народом. Тогда к нему с полным правом можно будет применить известное клише: «трудолюбивый и талантливый». Трудолюбие есть в нем, и он его проявляет, и таланты есть (они есть в каждом народе), но не это составляет его «лицо»...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php).

А это значит, что русскоязычное примитивное общество так и не вышло до сих пор из состояния средневекового варварства:

«Прочитала недавно в одном интервью грустную мысль о том, что когда ни приедешь в Россию, там всегда вчера, а нынче она вообще старательно стремится вернуться в позавчера, потому что там комфортнее, надежнее... Не могу понять, почему здесь у нас вечное вчера, стремительно уходящее в позавчера. Или это напрямую зависит от собирательной «чугунной пельменницы»? Каковы приспособления для жизни, такова и сама жизнь? Почему мы не двигаемся дальше, а постоянно возвращаемся назад? Что там, в этом вчера и позавчера, было такого, что нам упорно хочется возродить? Почему постулат «умерло – так умерло» для нас не работает?... И, что самое печальное, большинство из нас всем этим несказанно довольны. А многие даже гордятся. Мы не хотим в завтра. Технологии требуют лишних умственных затрат, а нам даже при наличии ума просто лень его применять. Зачем? Ведь при необходимости можно 28 пельменей одной чугунной пельменницей лепить, купленной тоже вчера, или даже позавчера, за 2 рубля 90 копеек. Всю жизнь...» (OKSANA PASKAL, «Позавчера», <https://openrussia.org/post/view/10380/>);

«...мы можем сказать, что «молчаливое наследие» Средневековья, действительно, живет в образе мира современных русских, в том числе и в структуре, в укладе их бессознательной духовности. Как мы видим, в языковом сознании современных русских отражаются многие особенности нашего этнического характера, основы которого были заложены православием, и материалы Русского ассоциативного словаря могут с успехом использоваться не только для изучения собственно языковых структур, но, наряду с результатами социальных и этнопсихологических исследований, служить достоверным материалом для исследования культурных стереотипов современных русских» (Наталья Уфимцева, «Образ мира русских: системность и содержание», <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie>; <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349304/08/image/08-098.pdf>).

И, следовательно, Возрождение как российского, так и украинского общества без отказа от порочной русской языковой картины мира, своеобразно отраженной в материалах Русского ассоциативного словаря, принципиально не возможно:

«Этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так,

идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего, с учением (английское «diligent» не ассоциируется только с учебой и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке «он халтурит» означает «он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому небрежно), а мог бы», т.е. он не желает работать старательно, добросовестно. Осуждается плохая мотивация. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда (осуждается дилетант и шарлатан, т.е. тот, кто не умеет делать, а берется; прежде всего, это относится к представителям творческих профессий). Следовательно, подчеркивается низкая результативность работы. Эффективная работа предполагает сосредоточенность на деле. Английское «businesslike» несет положительную оценку, в то время как русское «деловой» имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: «Деловой какой!» Отрицательная ассоциация данного слова (и соответствующего признака) вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении – на второй план. Признавая важность результата, носители русской культуры, как видим, уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. В русских пословицах мы находим известные речения «Дурака работа любит», «Работа – не волк, в лес не убежит», «От работы кони дохнут», в английском и немецком таких пословиц не встретилось, и это можно объяснить исторически: степень внешнего принуждения для трудящегося в России была очень высокой по сравнению с другими странами. Именно поэтому для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России – этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации «труд – страдание», «работа – рабство»). Концепт «труд» анализируется в работах целого ряда исследователей (Гоннова, 1997; Кормакова, 1999; Токарев, 2000; Феоктистова, Ермолаева, 2000; Иванова, Самохина, 2002), поскольку отношение к труду позволяет раскрыть систему общественных отношений и, тем самым, базовые ценности общества» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>);

«В наши дни «халтура» употребляется в двух значениях: «недобросовестно сделанная работа» и «побочный заработок». Слово это как будто для нас придумано – так точно оно отражает современное отношение к труду. Недаром оно прочно держится в лексиконе писателей и поэтов. Вспомнить хотя бы стихотворение Маяковского «Халтурщик»... А между тем «халтура» – слово очень древнее. В Киевской Руси хартией, харатьей называлась бумага (от греческого «хартион, хартес»; слово же «бумага» впервые появляется в русском языке только в XIV веке). В «Повести временных лет», например, читаем о договоре, который в 971 году заключил князь Святослав и византийский император: «Царь же повеле писати вся речи Святославля на харатью». В те времена в монастырских хранилищах содержались главным образом рукописные книги и бумажные свитки. Поэтому вплоть до XVI века монастырские библиотекари звались хартуларии, или халтуларии. Здесь имела место так называемая метатеза, перестановка, когда звуки «р» и «л» обменялись своими местами – распространенное явление в русском языке (вспомним «револьвер» и

простонародное «леворверт»). Работы у халтурариев (библиотекарей) было немного, отсюда и пошло слово халтурить: сначала в смысле просто «ничего не делать», «даром просиживать штаны», а потом это слово было переосмыслено на «плохо делать», «исполнять кое-как»...» (Сергей Цветков, «Халтура», <http://zaist.ru/news/slova/khaltura/>);

«В западных языках глагол передает само действие – «процесс идет». Европейца изумляет русская речь: почему у вас действие всё время только начинается («процесс пошел»), каждый раз как бы снова, развиваясь, не заканчивается? Выражаясь словами того же оратора: «Важно начать, потом углубить...» А вот кончать будут другие. Но в нашей речи именно «со-бытие» пробуждает к деятельности, оно соединяет идею и вещь – в дело. Это – «дело», а точнее Дело – и есть то главное, что соединяет векторы слова: «соединение двух разумов в общем деле» [Федоров 1995]. «Слова, в конце концов, больше связывают и закрепляют, чем дела», – утверждал Сергей Аскольдов в знаменитом сборнике «Из глубины». И таково общее убеждение русского сознания. Поэтому в русском сознании «мысль» и «расценивается как дело», за мысли можно судить так же, как и за совершенное дело. Определенность мысли в слове стало формальным основанием для борьбы с ересями, что трагически отозвалось в событиях нашей истории. Для каждого русского философа мышление предстает как своего рода «проект дела», следовательно – уже «реального дела» или, говоря точнее, «общего дела» [Федоров 1982]. А дело это – природное: «В природе русской мне больше всего «дороги» разливы рек, в народе русском – его подъемы к общему делу» [Пришвин 1994]» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-292.html>);

«К 1 сентября должно выйти учебное пособие, разработанное коллективом Максима Кронгауза. – Мы сознательно решили делать не учебник, а выбрали более свободную форму, просто для того, чтобы не ограничивать себя какими-то рамками школьной традиции и получить больше возможностей для экспериментов. Для осовременивания отношения к русскому языку мы пригласили детского писателя, который специально для этой книги пишет истории, насыщенные разными явлениями, о которых пойдет речь в параграфе. – Каково: решили делать не учебник? Заметим, делают «темные» дела, а учебник создают. Извините, пожалуйста, но рамки школьной традиции вам неизвестны: ученый, связанный со школьной практикой, школьным учебным процессом, такого выражения себе не позволил бы. К чему приглашен детский писатель, чтобы подобные тексты писать?» (доктор филолог. В.Г. Маслов, «Русский язык – чарующее действо», <http://www.sovross.ru/articles/1537/31903/comments/1>);

«В России бездна способностей, но людей, приспособленных к делу, очень мало. Отчего это?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 6 января 1862 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Итак, ценится не созданное трудом, а обладание чем-то природным. Обладать чем-то природным – это ценится высоко! И в то же время поразительно малое значение придается

труду. Природное, натуральное ценнее и важнее созданного человеком (творческого и искусственного, – П.Д). Поэтому все, связанное с пассивностью, с экстенсивным отношением к действительности, положительно эмоционально окрашено и высоко ценится в обществе. «Простой человек» – это у нас до сих пор звучит как комплимент. Как раз интенсивно жить – это по российским понятиям глубоко не правильно. «Деловой!» – вполне определенно слово отрицательной окраски» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», <http://litlife.club/br/?b=85519&p=91>).

На то же, как русскоязычный «простой человек» относится не только к делу, но и к творчеству, отчетливо указывает фраза: «Что же ты натворил (наделал; укр. «накоїв»)?». И не потому ли русскоязычные люди бессознательно относятся и к искусству (укр. «мистецтву») точно так же как и ко всему неприродному, то есть к искусственному (укр. «штучному»), а вовсе не к «мистецькому» и не к «мистецькому»):

«К каким варварам попал ты! Наперечет восемь или девять человек во всем театре (который был полон) изъявляли восторг; все прочее многолюдие или безлюдие было глухо, немо, без рук: ни восклицания, ни рукоплескания!.. Нет, наша публика решительно еще не вышла из детства. Ей нужны куклы, полеты, превращения. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. Мне стало грустно. Ко мне подошел Киреев; я сказал ему: – Кажется, публика довольна. Он улыбнулся печально...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 30 января 1833 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Театр для женщины в первую очередь всего лишь место, где можно показать себя, засветить, отметиться, шикануть собой или с кем-то. Театр, разные показательные мероприятия, сходки, залы, концерты – это место где ВОЗМОЖНО ОБИТАЕТ ОН, – её мужчина которого она ждёт. И поход в такого рода заведения – это возможность встречи с этим мужчиной. Засветить себя перед ним. Показать – какая я. С кем или без кого. Показать другим женщинам – с кем им придётся соперничать за этого мужчину или заявить права... Но только не искусство. Искусство – повод. Театр всего лишь удобный фетиш. Показатель статуса. И он, ЕЁ МУЖЧИНА, тоже должен иметь свой статус, раз уж попал сюда. Это не кинотеатр какой неб. Где нет ни антракта, ни ожидания в фойе, ни времени на то, чтобы как след, причесаться, и пройти по рядам. Ни освещённого зала, где каждый на виду и каждый выставляет себя. Кино – имеет низкий статус. Это для подростков. Считай для лохов. Вот театр – другое дело... Если отбросить всю высокопарную спесь – её, прежде всего, привлекают:

1. Вид актёров. Театралка с увлечением рассказывает как та или иная актриса выглядит красиво на сцене. Сколько сил, сколько энергии, сколько чувств... Об этом можно долго рассуждать.

2. Семейный статус и Возраст актёров. Она обязательно отметит кто муж той или иной актрисы. Сколько раз так или иная актриса была замужем, а актёр женат. И если муж был значимой фигурой, то можно подробнее на этом остановиться. Так же вспомнит, какие личные неурядицы, случались с ними, как будто она сама присутствовала где-то рядом. В этом деле она весьма подкована.

3. Грязное бельё актёров. Она как бы между слов, начинает рассуждать о том – кто с кем спит и кому доводится любовником или любовницей. Например, иногда появляются слухи, что та или иная актриса, балерина, модель, становится пассией значимого лица. И чем значимей предполагаемое лицо – тем больше «театрального» народу приходит на них посмотреть вживую. Рассказав все сплетни, наша театралка – конечно же, отметит что она не такая. И это её мало интересует. Она вращается в «таких сферах», абсолютно случайно узнала, и конечно, превыше всяких низких сплетен. Очень показательно, когда на сцене выход этой значимой актрисы, которая как бы пассия для другой значимой фигуры, сидящей тут же в зале или портере на фоне телохранителей. То, вдруг по рядам, еле слышно, проносится лёгких шум. И взгляды – то туда, то сюда... А рядом кто-то шепчет – «ну, так себе, а я то думала...» (Янус Скабичевский, «Кто такие «женщины-театралы»?», <http://maxpark.com/user/yann/content/547253>; <https://yannus.livejournal.com/24821.html>);

«Константин: Что такое вагина? Вагина – маленький театр, в котором раз в жизни бывает премьера, раз в месяц кровавая драма. Этот театр вмещает только одного зрителя, и то – только стоящего (очевидно, стоящего, а не стоящего, – П.Д.)!

Владимир: В одном немецком образовательном фильме, посвященному театру, видел, что вмещает двух зрителей одновременно.

Игорь: Немцы вообще молодцы, они как то ради эксперимента поместили в театре 5 манекенов.

Валерий: Я слышал, что некоторых зрителей размещают в черном входе.

Андрей: До начала представления, зрители часто прут через служебный вход.

Александр: А иногда и кукловоды посещают сие место действия и мастера ораторского искусства.

Константин: Поговаривают, что некоторые постановки даже без зрителя проходят. Чисто для себя играют.

Артем: В Таиланде, говорят, бывает, что приходит зритель, а там уже другой зритель, а театра не было и нету!

Вероника: Театралы, блин собрались!»

(«Беседы про театр», <https://paserbyp.dreamwidth.org/401384.html>).

Кроме старательности для немцев характерны также аккуратность, пунктуальность и скрупулёзность (тщательность) выполнения работы. Характерно ли это для русскоязычного населения? На этот вопрос может дать ответ сам русский язык. Все эти черты характера исполнителя работы емко охвачены русским словом дотошность. Хотя оно и является калькой с немецкого слова «пунктуальный», однако связанная с ним народная мудрость весьма красноречива:

«До тошноты дотошна ты...» (Афоризмы, <http://renegates.narod.ru/jokes/aforizm2.html>).

И в полнее закономерна также и то, что:

«Наше общество одарено способностью, все делать легко, но оно не выказывает способности, делать что-нибудь как следует и как должно. Его девиз: как-нибудь» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 15 сентября 1855 г.,

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Русская женщина часто говорит больше, чем делает, но делает всегда то, что желает (а вовсе не то, что следует делать, – П.Д.)» (композитор Адольф Шарль Адан, <http://greatwords.org/tags/230/>).

Поэтому-то и следовало бы, наконец-то, прислушаться к пожеланиям Максима Горького, Александра Солженицына и Айдара Халима:

«Нам необходимо учиться и особенно нужно выучиться любви к труду, пониманию его спасительности... Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный – в конце концов – это талантливый народ» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», <http://www.pseudology.org/NM/02.htm>, http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины – болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения – безоглядного распущенного пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действительному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает (Александр Солженицын, «Россия в обвале. // Быть ли нам, русским?», <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>);

«Народ должен сам себе поставить верный диагноз. Диагноз своей болезни! Русский боится этого диагноза. Он ищет оправдание. Причем почти всегда следствие выдает за причину, допустим, что русский мужик должен был прибить гвоздь к доске в одиннадцать часов светового дня. А он не только не прибил, но и вовсе не пришел. Причина ясна – кто-то гвоздь или молоток стащил, транспорта не было, шел дождь, снег, похмелье мучила и тому подобное. Русский мужик все-таки не научился работать покладисто, как немец, англичанин, китаец или татарин» (российский писатель Айдар Халим [Борис Халимов], «Этот непобедимый чеченец», <http://rko.marsho.net/articl/halim1.htm>; <http://chechenews.com/1-7353/>; <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/khalim-2/>).

Однако же все эти пожелания, к большому сожалению, абсолютно неприемлемы для психически инфантильного русскоязычного этноса:

«Московиты с огромным трудом способны понять (и то далеко не все), что, если они хотят быть богатыми – надо не завоевывать чужие земли и не бежать за соболями и песцами в Сибирь, а работать интенсивнее и лучше. Эта мысль им неприятна и скучна, как двенадцатилетнему подростку; подросток ведь сто раз предпочел бы не копить деньги в банке, а получать богатство таким же увлекательным способом, как герои «Острова сокровищ»...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=48);

«Да, к сожалению, из песни слова не выкинешь, – нашему человеку свойственно не только свинство, но и генетическое отвращение к труду. В мире даже существует устойчивый идиоматический оборот «русская работа», когда хотят сказать о чем-то халтурном, низкокачественном. Не зря после разрушения СССР, той самой страны-концлагеря, где все трудились как заключенные за пайку: есть норма – на, держи пайку, нет нормы – соси хрен, – в России сложилось уникальное государство паразитов, такого больше нет, не было и, надеюсь, не будет нигде. Государство «трубы». Американский сенатор Джон Маккейн назвал Россию «автозаправкой, маскирующейся под страну». Точнее не скажешь, и это, увы, очень удачно характеризует качества нашего народа» (Валентин Спицин, «Милые мрази», <https://www.proza.ru/2014/04/23/1976>);

«Русский человек в огромном большинстве плохой работник. Ему неведом восторг строительства жизни и процесс труда не доставляет ему радости; он хотел бы – как в сказках – строить храмы и дворцы в три дня и вообще любит все делать сразу, а если сразу не удалось – он бросает дело. Однако я уверен, что у русского человека и нет возможности быть хорошим работником – условия нашего политического и социального бытия не могли и не могут воспитать его таковым. Кто и когда учил его, что труд – основа культуры, что труд – не только обязанность человека, но и наслаждение?.. На Святой Руси труд подневолен... отношение к труду – воловье» (Максим Горький, «Полвека для книги», цит. по: Юлия Фролова, «Иван Дмитриевич Сытин и просвещение в России», http://lib.1september.ru/view_article.php?ID=201000814);

«Для «совка» характерно:

– отлынивать от любой работы (власть делает вид, что платит, мы делаем вид, что работаем);

– тяга к выпивке, а позже к наркотикам;

– отсутствие потребности анализировать и думать;

– воровать, как дышать;

– походя, пнуть ногой;

– не иметь собственного мнения;

– страсть навешивать ярлыки...»

(Игорь Гарин, «Homo soveticus», <https://www.proza.ru/2015/10/14/279>);

«Насчет работы: мы спрашивали людей, могли бы они работать лучше? «Могли бы, да смысла нет». Это довольно любопытно. Как можно представить себе желание человека работать не так, как раньше, а как-то иначе? У нас было когда-то такое представление, не очень точное, но имеющее основания, что на Западе люди потому аккуратно работают, что боятся, что их с работы выгонят. Там много безработных. Появилось у нас безработных официально не очень много, но уже заметное число, все признают, что десяток процентов есть. Помогло это людям лучше работать? Нет. Помогло как-то прятать плохую работу, помогло надеяться, что кого-то сократили, а меня не сократят. Практически нигде не сказали, что стали работать лучше. Другие примеры. К нам немножко стал проникать западный

капитал, появились чужие предприятия, другие порядки, другие менеджеры. И лет 12 назад многие говорили, что очень бы хотели работать там. Там аккуратно, чисто платят, не как в Европе, но, все-таки, много. А прошло пару лет, и когда людей спрашивают, на каком предприятии они хотели бы работать: на зарубежном, смешанном или частном – они отвечают, что лучше всего на государственном и советском. Почему? Потому что спокойнее: дают мало и требуют мало. И вообще, так привычно. Это главная черта советского человека, с которой мы столкнулись: начальство делает вид, что оно ему платит, а он делает вид, что работает. Можно иначе перевернуть порядок, но это один из принципов того общества, которое у нас держалось 70 лет. И которое многим кажется куда симпатичнее, чем нынешнее. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы, и жили...» (Юрий Левада, «Человек советский», <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>).

И, конечно же, в таком беспечном отношении к труду и к любой деятельности вообще виновата, прежде всего, пережиточная русская языковая картина мира:

«Описывались две стратегии действия при такой картине мира. Первая – это достаточно специфичная форма организации деятельности (зафиксированная в оборотах «на всякий случай», «в случае чего» и «если что»): желая как-то обезопасить себя в непредсказуемом мире, человек начинает предпринимать меры предосторожности, которые никак не диктуются трезвым расчетом и ориентированы на то, что произойти может все что угодно. Другая стратегия поведения – это ориентация на беспечность: поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться как-то защититься от возможных неприятностей, а лучше просто надеяться на благоприятный исход событий (такой подход отражен в слове «авось»). Данный способ деятельности (являющийся, по сути, ее оборотной стороной – бездеятельностью) представлен не только «авосем», но и более общей установкой, весьма характерной для нашего менталитета и отраженной словом «лень...» (Алла Мельникова, «Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский анализ», <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz>);

«С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается непредсказуемостью результата – в том числе, собственных действий. Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия: достаточно сказать «мне не работается» вместо «я не работаю» или «меня не будет завтра на работе» вместо «я не приду завтра на работу», употребить слово «постараюсь» вместо «сделаю», «не успел» вместо «не сделал». Целый пласт слов и ряд «безличных» синтаксических конструкций, в которых они употребляются, содержит идею, что с человеком нечто происходит как бы само собой, и не стоит прилагать усилия, чтобы нечто сделать, потому что, в конечном счете, от нас ничего не зависит. Наиболее распространенной является конструкция с дательным падежом субъекта: <мне> «удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, посчастливилось, повезло». К ней близка конструкция, в которой субъект обозначается именем в родительном падеже с

предлогом «у»: <у меня> «не получилось, не вышло, не сложилось»; «у меня появилась стиральная машина». Возможна также конструкция с винительным падежом субъекта: <меня> «угораздило». Представление о том, что нечто происходит с человеком «как бы само собой», столь укоренено, столь естественно для русской языковой картины мира, что оно может выражаться не только полнозначными словами и синтаксическими конструкциями, но также и специальными словообразовательными моделями, например: «зачитался, заработался, засиделся» в гостях – и поэтому не сделал чего-то, что должен был сделать, но как бы не по своей воле, и, тем самым, не по своей вине. В случае, когда человек не сделал того, что от него ожидалось, он может также воспользоваться изящной формулой «не успел», как герой Довлатова: «Я забыл спросить, как ты добралась? Вернее, «не успел». Конечно, «не успел» – совсем другое дело, чем «забыл»! Говоря «я не успел», человек перекладывает ответственность за несовершенство действия на внешние обстоятельства (недостаток времени), одновременно намекая на то, что прилагал усилия в этом направлении. Весьма показательна форма «успею», которая может иметь два почти противоположных смысла. Нормально «успею» значит «сделаю, хотя времени мало». Однако возможен и такой диалог: «Садись делать уроки!» – «А, успею!», т. е. «не буду делать, потому что времени много». Точно так же фраза «Успеешь!» может выражать совет не торопиться. В крайней форме этот смысл передается беспечным «всегда успею». С таким «успеть» связано и одно из самых характерных русских словечек – «успеется». В нем звучат не только легкомыслие и безответственность, но еще и надежда, что если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действовать отпадет. Вот и получается, что человек сначала машет рукой: «Да ну, успею!» – а потом разводит руками: «Ну не успел!» И все как бы не по его вине» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира»,

http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Режим сельскохозяйственного года заставляет работать на рывок. Такой режим труда вообще очень уважается и ценится уже и в тех сферах, где труд вполне можно распределить равномерно. Сколько насмешек вызывает у россиян привычка работать по часам, ритмично отдыхая или обедая в точно установленное время! Россиянам действительно удобнее сделать яростный рывок, а потом остановиться и уже долгое время не делать решительно ничего. Россиянин до сегодняшнего дня неколебимо уверен, что все можно решить через безумный рывок. Что отставание по времени, утраченные возможности, сделанные глупости могут быть и невозможны. Ничего (ведь же, «успеется», – П.Д.)! Сделаем рывок, и все в порядке! Россиянина крайне трудно отвлечь от любого, самого пустого развлечения потому, что «пора работать». И не потому, что он ленив. Он уверен, что наверстает упущенное во время рывка, а осуждается как раз «деловой» и «гоношистый» человек, который разбивает компанию, суетится и мешает остальным пить чай и курить, чтобы идти работать. На рывок работать невозможно везде, где необходима строгая технологическая и исполнительская дисциплина. И потому все наукоемкие технологии и сложные производства вызывают внутренний протест и эмоциональное осуждение россиянина. Из традиции работы на рывок вырастает и судьба, индивидуальная жизнь на

рывок. И жизнь общества – на рывок. И государственная жизнь. И сама история – на рывок. А делается история на рывок людьми, живущими как в затяжном прыжке, работающими по 20 часов в сутки, не видящими неделями собственных детей и органически не способных понять, что они обедняют самих себя, собственную жизнь. Выдумка большевиков? Но таковыми были и сподручные царя Ивана Грозного – самого русского, самого православного царя за всю историю Московии. И Петра I. И очень многие соратники Александра I и Александра II...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», http://loveread.ec/read_book.php?id=9885&p=5).

К тому же, русское «работать на совесть» для большинства россиян означает «работать на какого-то дядю» по имени «совесть», а не на себя. Поэтому-то:

«Если русский усердно работает, то не для того чтобы создать качественный продукт, а чтобы побыстрее отделаться от работы» (Гомуми бэхэс, «Мысли о России»);

«Те, что кричат, будто русский народ «задавлен» трудом – или сами лентяи, или никогда не видывали настоящей крестьянской работы. Взгляните, как работают французы, немцы, англичане. Взгляните, как работают даже латыши, чтобы не ходить далеко. Смешно даже сравнивать их труд с обыкновенной, через пень в колоду, возмутительно-небрежной крестьянской работой «с прохладцей», кое-как, лишь бы отделаться... Не малоземелье, а местами наоборот – многоземелье губит крестьянское хозяйство... С 1/3 десятины китаец больше собирает, чем наш крестьянин с 10... Вы скажете – мы не Китай, у нас и климат, почва другая. Сущий вздор. Только отношение к земле другое, неблагородное, безумное, преступное, – больше ничего» (Михаил Меньшиков, «Письма к ближним», СПб.: Изд-во [и соч.] М.О. Меньшикова, 1907. С. 111-112, цит. по: Даниил Коцюбинский, «Русский народ глазами русских националистов»,

https://ia802906.us.archive.org/8/items/voprosy_natsionalizma/vn004.pdf).

И удивляться здесь не чему, так как для подсознания русскоязычного человека «настоящая крестьянская работа» – это, вовсе, не свойственная западноевропейскому крестьянству добросовестная работа, а именно та самая «возмутительно-небрежная» работа, выполняемая русскоязычным людишкой конкретно в настоящее время:

«НАСТОЯЩИЙ. Мы используем это слово в смысле «подлинный», «не поддельный»: «настоящий друг», «настоящая любовь». И это – первое значение, приходящее нам в голову, когда мы слышим слово «настоящий». Но изначально значение было совсем другим. В словаре Даля указано несколько значений. И первое из них – не «подлинный», а «происходящий в настоящее время». Именно это значение было раньше основным значением слова. А когда-то было только это значение. И «настоящий друг» и «настоящая любовь» означали не подлинность, не силу чувств и верности, а «тот, с кем я дружу в настоящее время», «та, которую я люблю на данный момент». «Моя настоящая любовь» в переводе на современный означало всего лишь «моя нынешняя девушка». То есть, завтра может быть другая» («Слова-оборотни», <http://www.myjulia.ru/post/540595/>);

«...«Настоящий» одновременно и наступающий для будущего, и действующий сейчас, а потому и действенный, а значит, и действительный – подлинный... В определенном уточняющем контексте, который исполняет роль «вещи» (он облакает смысл в явленность формы), сознание отслаивает от общей идеи отдельные со-значения, и в горниле словесного знака отливается новая, необычная мысль, которая попадает в изложницу текста и речи, застывая там афоризмом или метким выражением, впечатанным в язык на века. Речь и текст непостоянны, текучи, меняются от человека к человеку, от момента к моменту, и потому создается впечатление, будто русская мысль бесформенна и невнятна...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-313.html>).

Парадигма вечно «бороться за светлое будущее» есть негативистский нонсенс

«В норме адекватный человек ориентируется в одинаковой степени, как на положительные, так и на отрицательные ценности – к одним притягивается, от других отталкивается. Негативист же видит в основном отрицательные, отталкиваемые ценности, т. е. только плохое. Вся жизнь его превращается в борьбу со злом. Он находится в мифе, что, мол, поборет очередные трудности и наступит счастье, а оно не наступает, поскольку бороться за счастье невозможно, за него не борются, к нему притягиваются. Потому максимум, чего может достигнуть негативист – нулевого состояния, отсутствия отрицательного, что не означает присутствия положительного. Именно в этом состояла одна из ошибок тоталитарных коммунистов – их парадигма вечно «бороться за светлое будущее» есть негативистский нонсенс. Борьба, какой бы она ни была героической, не является собственно созиданием чего-то положительного» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?», http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/; http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33 ; <https://vaysburd.livejournal.com/619737.html>);

Таким же негативизмом и абсурдом проникнуто и лицемерное утверждение:

«Между тем гласность сама по себе есть завоевание социализма...» (Евгений Евтушенко, «Притерпелость», Литературная газета, 11 мая 1988 г., http://evartist.narod.ru/text8/16.htm#%D0%B7_04).

Поэтому вовсе и не случайно то, что для русскоязычного человека достижение чего-либо особенно полезного – это именно завоевание. И вообще, он ничего не может достичь мирным путем. Ему всего непременно нужно добиваться. А это значит, что и вся его жизнь превращена в сплошную битву или же борьбу за удовлетворение все новых и новых своих потребностей:

«За границей урожай собирают, а у нас за него либо борются, либо идут в бой» (Никита Богословский, «Заметки на полях шляпы», <http://aforism.chat.ru/AVTORS/bogosl.htm>)

И отказаться то от этой непрестанной борьбы русскоязычному примитивному обществу можно лишь только, смирившись со своим нищенским существованием.

К тому же даже эпитет «стройный» (укр. «стрункий») в подсознании русскоязычного человека ассоциируется с армейским строем. Как видим, именно, русский язык ответственен за формирование у русскоязычного человека бессознательных лингвопсихических установок, провоцирующих его на постоянную агрессивность, недоброжелательность и неприветливость:

«Когда встречаешь русского на улице, у него обычно такое выражение лица, как будто он идет убивать. Эдакое сочетание хладнокровия и силы. Россияне оставляют впечатление очень суровых людей, потому что не улыбаются – ни мужчины, ни женщины. У русских всегда покерфейс. Девушки русские очень красивые, но это такая ледяная красота. Знакомые ребята из России объясняют это тем, что у вас климат такой» (Пэнни Фанг, Гонконг (Китай), «Американцы, европейцы и другие иностранцы о России и русских», <https://lenta.ru/articles/2016/08/02/russians/>);

«Если вы улыбаетесь в общественных местах, то, согласно российской культуре, вы идиот, поэтому в метро должны стоять с взглядом, выражающим угрюмость или крайнюю степень агрессии» (Фрэнк Хансельман, Голландия – Испания, «Россия глазами иностранцев», https://pikabu.ru/story/rossiya_glazami_inostrantsev_1564944);

«Первое, что удивляет зарубежного туриста в России, – это количество хмурых людей. Почему русские так мало улыбаются? И ведь это правда: мы улыбаемся значительно меньше, чем другие нации Запада и Востока. Голливудская улыбка чужда русским точно так же, как и елейное выражение лица жителей Китая или Вьетнама. Исследователи коммуникативного поведения называют природную неулыбчивость одной из наиболее ярких национально-специфических черт русского общения. Эта особенность русских часто воспринимается на Западе как следствие плохого воспитания или неуважения к собеседнику... В русском общении не принято улыбаться незнакомым. Улыбка в русском общении адресуется чаще всего знакомым. Именно поэтому продавщицы не улыбаются покупателям – они же их не знают. Если русскому человеку улыбнулся незнакомый, это, скорее всего, побудит русского искать причину адресованной ему улыбки и вызовет вопрос: «А мы что, знакомы?» Улыбка рассматривается как приглашение вступить в контакт, в разговор. Если русский к такому контакту не готов, он не будет отвечать на улыбку. В случае случайной встречи взглядом американцы улыбаются, а у русских принято, наоборот, отвести взгляд. У русских не принято улыбаться при исполнении служебных обязанностей, при выполнении какого-либо серьезного дела. Эта особенность русской улыбки уникальна. Издавна приказчики, слуги, официанты были вежливы, но никогда не позволяли себе улыбаться. Старая добрая традиция жива и сегодня. Приветливая улыбка с трудом приживается в сфере русского сервиса, поскольку людям нашего менталитета такая «профессиональная» улыбка кажется искусственной маской, ложной личиной, за которой скрывается равнодушие. И в то время, как японских или американских детей с раннего детства обучают улыбаться как некой социальной обязанности, российские родители часто

говорят детям: «Не улыбайся! В школе будь серьезен...» («Русские не улыбаются?»), http://www.moya-planeta.ru/travel/view/pochemu_russkie_ne_ulybajutsya_9789/);

«И каждый раз когда я возвращался в Россию, не мог понять, что же это за общество такое. Общество, имеющее абсолютно другие принципы, нежели где-либо. Для меня, человека родившегося в Таджикистане, главными были отношения между людьми – поздороваться с соседом, или принести соседу тарелку вкусного плова. А здесь, в Москве, когда я заходил в лифт, то сосед, который живет через стенку, меня просто «не видел». И я этого не понимал. Не понимал постоянную агрессию, и не только, скажем, военную или политическую, когда каждый раз Россия начинала новые войны, но и агрессию среди рядовых людей... Я жил в Москве и зимой ходил в такой афганской шапочке, которую мне подарили в Афганистане. Так вот, один мой сосед постоянно интересовался, не боюсь ли я ходить в этой шапочке, поскольку меня могут или избить, или даже убить. Так я его спрашивал, а почему моя шапочка для вас такой раздражитель? И слышал, что мол, такие же шапочки носят душманы. А в этой же шапочке я ходил себе спокойно в Швеции, Норвегии, Германии, Италии, и никто не обращал на нее никакого внимания» (профессор, писатель, публицист Олег Панфилов, «Национализм нынешней России – не современная болезнь, она старая, имперская», <http://www.ukrinform.ru/rubric-culture/2062606-oleg-panfilov-professor-pisatel-publicist.html>);

«Когда нас видят вечно улыбающиеся американцы, они судят по себе и приходят к выводу, что русские – народ мрачный и неприветливый. У американцев, часто бывающих или постоянно живущих в России, даже есть соответствующая поговорка. Вместо «Это случится, когда рак на горе свистнет» они говорят: «Это случится, когда в русском автобусе кто-нибудь улыбнется» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими», <https://psy.wikireading.ru/89108> ; <https://profilib.org/chtenie/136502/vladimir-zhelvis-nablyudaya-za-russkimi-skrytye-pravila-povedeniya-55.php>).

Если же русскоязычный человек так и не смог добиться (укр. «домогтися») чего-либо очень важного для себя, то у него неизбежно возникает психическое недомогание (депрессия). Особая распространенность этого вида болезненного состояния в русскоязычном примитивном обществе сделала слово «недомогание» нарицательным. Недомоганием в России стали называть любое и не психическое (соматическое) болезненное состояние человека. И это ведь хорошо согласуется с тем, что в русскоязычном примитивном обществе многие и соматические (телесные) заболевания являются следствием весьма высокой нервозности образа жизни:

«Самое главное правило в борьбе с болезнями на нервной почве – держать эмоции под контролем, научиться понимать и принимать действительность такой, какая она есть, перестать быть наблюдателем жизни и радоваться каждому ее мгновению, пытаться в любой, даже трудной ситуации искать выход и стремиться к обширным знаниям. Последнее особенно важно, потому что именно интеллект порой помогает решить запутанную проблему, снять нервное перенапряжение» (Надежда Осьминина, «Болезни на нервной

почве», <https://zdravyshka.ru/lechenie-narodnymi-sredstvami/bolezni-psihicheskie/bolezni-na-nervnoj-pochve.html>; <http://avtobaiki.ru/raznoe/mozhno-li-zabolet-na-nervnoj-pochve.html>).

К сожалению, и этот благой совет абсолютно бесполезен для русскоязычного людишки. Ведь человек с детской психикой (людишка) принципиально не в состоянии управлять своими эмоциями, да и интеллекта у него для этого порой не хватает. Так уж распорядилась природа. Дети всегда были и будут более эмоциональными и капризными, чем волевые взрослые люди. Наличие же у себя психической инфантильности – слабоволия, неумения управлять своими эмоциями и многих других пороков русскоязычный человек обязан, именно, ущербности своей «языковой картины мира»:

«Очень характеризует русскоязычного человека и его отношение к труду, особенно, – фраза «фронт работ» (укр. «обсяг робіт», – П.Д.). Из нее можно вывести, что работа для русских людей – нечто враждебное, противное а, следовательно, и – нечто, с чем нужно как можно быстрее покончить, разделаться. Работа для русского – война, а не созидательное творение» (Ѓomumі bэхэс, «Мысли о России»).

Да и сами-то слова «разделаться» и «отделаться» ведь означают избавиться от дела (работы) и, следовательно, формируют в подсознании негативную морально-психическую установку по отношению к любому делу:

«При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. Например, в словаре под ред. Д.Н. Ушакова одно из предполагаемых трех значений разговорного слова «отделаться» характеризуется так: «испытать что-нибудь незначительное вместо большой беды, неприятности» (При катастрофе отделаться испугом; Отделаться царапиной; Дешево отделался). Но глагол отделаться вовсе не выражает значения «испытать, перенести что-нибудь незначительное»; он здесь значит «избавиться, ограничившись чем-нибудь». Неясно, почему другое значение того же слова, тоже признанное за самостоятельное, определяется так: «не желая выполнить всего, что надо, ограничиться чем-нибудь (немногим, несущественным)»: Отделаться пустым обещанием; Отделаться пятью рублями. И тут определяется не значение самого слова, а общий смысл подобранных примеров» (Виктор Виноградов, «Основные типы лексических значений слова», Избр. тр.: Лексикология и лексикография, М., 1977, С. 162-189, <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm>);

«В этом подневольном, нелюбимом труде обломовщина выражается в том, что работу свою такой Обломов исполняет «кое-как», небрежно, лишь бы сбросить ее с плеч долой. Русские иногда сами говорят о себе: «Мы – кое-каки». Повинуясь чувству долга, русский человек часто вырабатывает в себе способность выполнять обязательную работу добросовестно и точно, но какой-либо аспект обломовщины в нем остается, например, в том, что он ленится выполнять работу, желательную, но не строго обязательную. У многих людей есть, например, такая частичная обломовщина, которую можно назвать словами «эпистолярная абулия», т. е. безволие в отношении писания писем. Частичная обломовщина

выражается у русских людей в небрежности, неточности, неряшливости, опаздывании на собрания, в театр, на условленные встречи. Богато одаренные русские люди нередко ограничиваются только оригинальным замыслом, только планом какой-либо работы, не доводя ее до осуществления» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=15>);

«Можно ли описывать наш этнический характер в терминах акцентуированной личности эпилептоидного типа? В общем, чувствуя свой этнический тип изнутри, мы вынуждены будем сказать, что что-то от эпилептоида в нем есть: замедленность и способность задерживать реакцию; стремление работать в своем ритме и по своему плану; некоторая «вязкость» мышления и действия («русский мужик задним умом крепок»); трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой; взрывоопасность также, по-видимому, имеет место. Однако о других качествах, приписываемых эпилептоиду психологами, этого все же не скажешь (очевидно, большинство психически инфантильных русскоязычных людей следует отнести к меланхоликам со смешанными психотипами – конформно-эпилептоидным, конформно-астено-невротическим, конформно-лабильным или же конформно-неустойчивым, – П.Д.). Например, как-то не вяжется с носителем нашей этнической культуры способность эффективно достигать своих целей, притом, как выражается Кемпинский, невзирая на обстоятельства и весьма прямолинейными способами. Некоторая изолированность и некооперабельность также как-то мало подходят в качестве определений к народу, который всегда обвиняют в слишком большом коллективизме. Способность строить сложные и хорошо проработанные в деталях планы – это также черта, которую к носителю нашей этнической культуры можно приложить с очень большой натяжкой. Основательность – да (однако чаще всё же «кое-какство», – П.Д.), но чтобы хорошо проработанные планы...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kslava9.php).

Нерадивое отношение к работе и патологическая приверженность к халяве русскоязычных челядишек

Человек дорожит своими неординарными способностями и старается воплотить их во что-нибудь полезное лишь только тогда, когда прилагает и свои усилия для максимального развития этих способностей. Русскоязычные же челядишки, привыкшие всё получать лишь даром (на халяву) и не стремящиеся дополнительно прилагать еще и свои усилия, растрачивают свой талант (божий дар) кое-как (бездарно по пустякам), так как не ценят его бессознательно. Ведь для их подсознания получить или же сделать что-либо даром, конечно же, означает не что иное, как получить или же сделать что-либо зря (напрасно):

«Таланту многое и лучшее, конечно, дается даром. Но следует ли из того, что он не трудится? То, что первоначально далось ему без труда, как бы каким-то счастливым наитием свыше, или, как говорится, пришло само собою, то он должен развить, обработать, устроить – и все это составляет работу вовсе не легкую, часто до того упорную, что она занимает все его силы, истощает их и делает его недовольным самим собою. И чем глубже, чем тоньше он

понимает требования своей задачи, тем труднее для него выполнение ее с такою точностью и достоинством, какие налагаются на него собственным его идеалом. Как часто приходится ему биться долго над одним каким-нибудь словом в выражении своих мыслей, не вполне удовлетворяющим требованиям собственного неумолимого контроля» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 17 ноября 1866 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Даром преподаватели
Время со мною тратили,
Даром со мною мучился
Самый искусный маг.
Да-да да.
Мудрых преподавателей
Слушал я не внимательно.
Всё, что ни задавали мне,
Делал я кое-как»

(Алла Пугачёва, Волшебник-недоучка),

http://goodsongs.com.ua/song98338_pesni-iz-kinofilmov_volshebnik-nedouchka.html);

«На северо-востоке возникает своеобразный вариант славянской цивилизации, мало похожий на другие. Здесь формируется, если хотите, особый тип человека; воспитывается россиянин, мировоззрение и мироощущение которого сильно отличается от мировоззрения его собрата из Киевщины или Волыни... Талант хорошо иметь, но развивать его, использовать его – не обязательно и даже нежелательно. Тот, кто слишком уж бережно относится к своему таланту, холит его, боится потерять, обязательно вызовет недоброжелательное, насмешливое отношение. А уж тот, кто потребует от окружающих... нет, не потребует, это вам не Европа и не Япония. Тот, кто захочет, чтобы его способности давали ему какое-то преимущество, могли бы его кормить, вызовет уже не насмешку, а настоящую тяжелую злобу. «Что, умный сильно?!» «Умнее всех быть хочешь?!» И прочие сентенции, которые в более счастливых странах услышишь разве что на Дворе отбросов или на Дворе чудес. Ну, а в России люмпенство духа – вещь самая обычная. Приумножать природный талант для россиянина – это даже как-то нечестно. Это какая-то попытка выделиться, обогнать кого-то, сделаться лучше – и к тому же «не правильным», нечестным путем. Не за счет того, что и так само собой дано, а за счет собственного труда. Раз беречь талант глупо, трудиться над ним, совершенствовать его – аморально, то и уважается не тот, кто совершенствует данное ему. А тот, кто владеет, и независимо от того, насколько умно распорядился. А тот, кто владеет и расточает – это вообще прекрасный, в высшей степени правильный человек. Не случайно же русская литература полным-полна в высшей степени положительных, сочувственно подаваемых пьяниц, причем богато одаренных от природы...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида // Особый тип славянской культуры», http://www.e-reading.ws/chapter.php/9699/58/Bushkov,_Burovskiii_2_Rossiia,_kotoroi_ne_bylo_2._Russkaya

[Atlantida.html](#)).

И таки ведь, действительно, даром (зря) дается Божий дар (талант) русскоязычным челядишкам, принципиально не способным его развить и рационально использовать.

К тому же, пока не «припечет», любая непринудительная работа для русскоязычного человека является не строго обязательной:

«На просьбу купить хлеба по дороге с работы человек может, если он не хочет связывать себя обещанием, ответить «попытаюсь» или «постараюсь». Говоря «попытаюсь», человек обещает сделать «попытку», но сомневается в успехе – например, в булочной может не оказаться хлеба. Между тем, говоря «постараюсь», человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако не обещает расшибиться в лепешку – ему могут помешать различные внешние обстоятельства, в том числе его собственное нежелание делать крюк или стоять в очереди. Форма «постараюсь», таким образом, – это нечто вроде ослабленного обещания. Что, например, имеет в виду герой Ю. Трифонова в следующем диалоге? – «Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем... Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие небольшое...» – «Я поговорю. Постараюсь». – «Нет, ты уж не тяни». Вообще говоря, нелегко объяснить иностранцу, что значит «постараться поговорить» (а, тем более, «постараюсь не забыть», – П.Д.). Характерна также последняя реплика – это реакция на слово «постараюсь» как на выражающее нежелание приступить к выполнению просьбы. На самом деле это так и есть: поскольку старание (в отличие от попытки) не предполагает никаких осязаемых действий а, возможно, лишь какие-то ненаблюдаемые внутренние усилия (в том числе, чтобы «собраться» нечто сделать) – формула «постараюсь» в качестве реакции на просьбу может использоваться как демагогический прием, эксплуатирующий указанную особенность семантики глагола «стараться» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf).

Да и слово то «попытаюсь» буквально указывает на наличие у «детей пытки» бессознательного противления тому, что они намерены лишь пытаться сделать. Ведь, в отличие от сознания, для которого «попытка – не пытка», в подсознании лексемы «попытка» (укр. «спроба») и «пытка» (укр. «тортури») ассоциируются друг с другом: «пытаться, несов. 1) Делать попытку совершить, сделать что-л., добиться чего-л. 2) Страд. к глаг.: пытать» (Т.Ф. Ефремова, «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», <http://www.efremova.info/word/pytatsja.html>).

И, следовательно, обе они могут вызывать у русскоязычных людей подобные бессознательные реакции противления свершению чего-либо. А вот бессознательные совестные реакции, способные уберечь русскоязычного человека от нерадивого и халтурного выполнения работы, напрочь отсутствуют. Ведь существительные «спрос» и «ответственность» ассоциируются соответственно с глаголами «спросить» и «ответить», а не с глаголом «пытать». Поэтому-то русскоязычный человек даже и не пытается что-либо

предпринимать, пока непременно острая необходимость или же нестерпимая нужда, наконец-то, не заставит (не вынудит) его это сделать. И даже, приступив к работе, он всё ещё продолжает сомневаться – стоит ли продолжать дальше выполнять её и не лучше ли немного передохнуть. А там, гляди, и необходимость в этой работе перестанет быть чрезвычайно острой. И такие сомнения у нерадивого русскоязычного человека не прекратятся, пока не будет окончена работа. Именно окончена, а вовсе не завершена, так как он часто бросает свою работу на полпути до её полного завершения (да, и окончание то для его подсознания – всего лишь окончательный этап выполнения работы, а вовсе не её финиш):

«Начинать многое и ничего не кончать (точнее не завершать, – П.Д.) – это одно из свойств нашей русской природы» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 20 ноября 1869г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«...я вижу главную надежду в том, что мы все делаем халтурно. Халтурно коммунизм построили и благодаря этому в нем мало-мальски терпимо жили. И так же халтурно ломаем его. Помяни мое слово, мы так и не доломаем его до конца. На полдороги остановимся...» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент», <https://www.rulit.me/books/russkij-eksperiment-read-342667-14.html>);

«Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить (не завершить, – П.Д.), поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее... Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили...» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://libking.ru/books/sf/sf/34413-evgeniy-lukin-manifest-partii-natsional-lingvistov.html>; <https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html>).

К тому же, этому способствует и негативная лингвопсихическая установка, обусловленная синонимией слов «конечно» и «несомненно». Поэтому-то, и:

«Бывают моменты, когда достаёт слеза: что бы ни делал человек в России, всё равно его жалко...» (Михаил Веллер, «Ножик Сережи Довлатова», 1994г., «Знамя», 95, http://lib.ru/WELLER/dovlatov.txt_Ascii.txt).

Нерадивое отношение русскоязычных людей к работе и к «добровольно-принудительному» труду а, следовательно, и принципиальная невозможность обретения ими счастья от выполняемой работы подтверждаются очень значительным количеством соответствующих русских пословиц и весьма красноречиво выражены в них:

«Работа не волк, в лес не убежит»;

«Дело не малина, в лето не опадет. Дело не голуби, не разлетятся»;

«Всех дел не переделаешь. Нашей работы не переработаешь»;

«Была бы охота, а впереди еще много работы»;
«У Бога дней впереди много: наработаемся»;
«Без погулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда перед тобой»;
«Пошел бы журавль в мерщики, так не берут, а в молотильщики не хочется»;
«От работы кони дохнут»;
«От работы не будешь богат, а будешь горбат»;
«И с топора не богатеют, а горбатеют»;
«Ретивая лошадка недолго живет»;
«На работу позадь последних, на еду наперед первых»;
«Пилось бы да елось, да работа на ум не шла»;
«Не наше дело горшки лепить, а наше дело горшки колотить»;
«Не наше дело тесать да гладить, а наше дело готовое владить»;
«Работа молчит, а плеча кряхтят»;
«Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа»;
«Лень прежде нас родилась. Лень старше нас»;
«Я еще в пеленках, а лень моя была уж с теленка»;
«Праздники памятны, а будни забывчивы»;
«Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем»;
«Сыт да богат, не хочу работать, а дети будут – сами добудут»;
«Кто пьет, тот и спит; а кто спит, не грешит»;
«Кто долго спит, тому Бог простит»;
«Хорошо бы орать да рук не марать»;
«Нам бы так пахать, чтоб мозолей не набивать».

И таки действительно, русскоязычные люди до сих пор испытывают от работы вовсе не счастье, а беспросветную нужду:

«... Другой важный компонент бытия, работу, россияне продолжают воспринимать по старинной поговорке: «работа не волк, в лес не убежит». Работа делает счастливыми лишь 2 % россиян, т. е., как это устоялось в России веками, работа и счастье – вещи несовместимые. Зато большое трудовое счастье хорошо знакомо американцам и традиционно трудолюбивым немцам. Интересно, что американцы больше всех других народов испытывают счастье от «своих навыков обращения с техникой». Наши люди переживают счастье по этому поводу в шесть раз реже» (Дмитрий Ольшанский, «Психология масс», <http://www.stomfaq.ru/psihologiya-mass/index16.html>);

«– Марк Самуилович, кем Вы работаете? – Испытателем! – И что Вы испытываете? – Нужду!» (Одесский юмор).

Да и не только западным европейцам и американцам, но и украинцам, в отличие от психически инфантильных россиян, трудолюбие вовсе не чуждо:

«Диалог с природной средой проявляется в эмоционально-уважительном отношении к земле, родной природе в целом и, как следствие, в чрезвычайной работоспособности и трудолюбии украинской народности. В связи с последним часто говорят об «антеизме»

(слово происходит от имени древнегреческого мифического персонажа Антея, черпавшего свои жизненные силы в постоянной связи с матерью-землей) как специфическую черту украинского менталитета» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint2.html>);

«Украинскую диаспору составляют трудолюбивые и волевые люди, которые вносят свою лепту в развитие и провинций и крупных городов Аргентины» (Посол Аргентинской республики в Украине Мигель Анхель Кунео, http://media.ukr-info.net/smi/view_article.cgi?sid=3&nid=2073&aid=24177).

К тому же, и некоторые из тех пословиц, которые, казалось бы, призывают к сознательному отношению к труду, на самом деле, имеют совершенно иной смысл. Проанализируем, например, поговорку: «Упорство и труд всё перетрут». Если хорошо вдуматься в смысл этой поговорки, то неизбежно возникают вопросы: «Неужели, в самом деле, упорство и труд в русскоязычном примитивном обществе направлены преимущественно на разрушение, а не на созидание, и почему же всё обязательно должно быть перетерто в порошок или же, вообще, превращено «в пух и в прах?» Ведь даже из перетертого в муку зерна колоски уже не прорастут из-за буквального «умерщвления» его. Оказывается, слово «упорство» в любом естественно сложившемся языке никоим образом не должно было бы стать синонимом слова «настойчивость». Ведь аналогично словам укр. «упертість», болг. «упористост», серб. «упорность» и польск. «црог», это слово происходит от слов «упор», «упирать» (Даль), «переть» (Фасмер).

Да и русское слово «упёртый» ведь является синонимом слова «упрямый». Поэтому-то, и слово «упорство», конечно же, должно быть синонимом слова «упрямство», которому строго и соответствуют все названные здесь славянские слова:

«УПОРСТВО. Этому слову мы тоже сейчас придаем позитивный смысл. Воспринимаем это слово как синоним целеустремленности, настойчивого преодоления трудностей на пути к достижению результата (по-умолчанию – достойного, положительного). Однако уже в словаре Ожегова приводится другой смысл этого слова: «то же, что упрямство» то есть, крайняя неуступчивость, стремление настоять на своем любой ценой, желание отстоять свою точку зрения, потому что она своя, а не потому что верна. В общем, склонность к тому, чтобы «упереться рогом», не слушая доводы здравого смысла, не учитывая интересы других людей» («Слова-оборотни», <http://www.myjulia.ru/post/540595/>).

И, действительно, если скотина «уперлась рогом» во что-нибудь, то ее уже не заставишь и сдвинуться с места. Да ведь же и:

«...если русский человек решил ничего не делать – его ничем не остановить» (Стас Янковский, <http://www.diary.ru/~quotes/p123991754.htm>).

Упорство же в нежелании что-либо предпринимать (в «ничего неделании») это ведь не что иное, как терпение достигнутого – как правило, нищеты в русскоязычном примитивном обществе. Поэтому-то рассматриваемая нами поговорка известна и в такой

словесной форме:

«Терпение и труд всё перетрут».

И, очевидно, смысл ее, заложенный в древнекиевском языке, изначально был иным:

«Терпение (упрямство или же, что одно и то же, упорство в бездеятельности) и страдание (нерадивый труд, который лишь в тягость) всё превратят в прах».

То, что – это именно так, убедительно подтверждает, как многовековая история Российской империи, так и история ее преемника Советского Союза. Поэтому и не стоит удивляться тому, что:

«В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много» (Василий Ключевский, из Тетради с афоризмами, 1891 г., <https://www.litres.ru/vasilij-kluchevskiy/aforizmy-i-mysli-ob-istorii/chitat-onlayn/>);

«Ужасно положение юношества в этой проклятой стране! Начиная с 60-х годов мы пытались пробить головами молодежи стену самодержавия, пятьдесят лет истреблялось русское юношество в тюрьмах, ссылке, каторге и – вот пред нами налицо трагический результат этой «политики»: в России нет талантливых людей, нет людей, даже просто способных работать. Неужели обезумела вся демократия, неужели нет людей, которые, почувствовав ужас происходящего, вышвырнули бы обезумевших сектантов прочь из своей среды?» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml).

Как видим, русская языковая картина мира прочно «консервирует» рабское нерадивое отношение к труду и, тем самым, не только не мотивирует избавление трудящихся от своего холопского (рабского) менталитета, но и, наоборот, фактически является одним из самых ТРУДНО преодолимых препятствий на пути к этому избавлению. То, что это – именно так, красноречиво подтверждает монолог обрусевшего этнического немца, которому более комфортно общаться на русском языке, несмотря на то, что он владеет в совершенстве и своим родным немецким языком:

«И тут я услышал прямо-таки трагический монолог, суть которого состояла в жалобах на проклятое капиталистическое общество, и, прежде всего, на бездушных немцев (говоривший это был, как я заметил выше, немец, предпочитавший говорить со мной по-русски), которые это общество создали и поддерживают. «Не хочу я больше работать на хозяина-эксплуататора», – развивал он свои «прогрессивные марксистско-ленинские» идеи. Я высказал ему глубокое сочувствие, добавив, что могу как-то облегчить его тяжелое материальное положение. «Какое там «тяжелое»! – возразил он. – Вот дом купил, «Мерседес», с женой на Мальорке отдыхал». Я поинтересовался, что же он оставил в Караганде. Оказывается, он жил с семьей в бараке, ездил на работу в переполненном автобусе, нигде, кроме Минеральных Вод, не бывал, зарплаты никогда не хватало до очередной полочки. Я вынужден был попросить, чтобы он разъяснил мне свою ненависть к

стране капитала. Отвечая, он буквально проливал слезы: «Так ведь здесь же нужно вкалывать! Стоят мастера-гады и не дают даже перекура сделать. То ли дело у нас в Караганде: поработаешь часок-другой, потом с ребятами на заводском дворе посидишь летом на солнышке, поговоришь. Так ведь это настоящие люди, русские, не какие-то там немцы! Немец стоит за станком, молчит, пилит. А как обеденный перерыв, проямлит свое «мальцайт», после перерыва опять к станку – и как бы и тебя заставляет: поговорить-то не с кем! А кончился рабочий день – садятся немцы в свои машины и к женам. То ли дело у нас в Караганде: после работы пивка выпьешь, а может, и чего покрепче, потреплешься. Ах, какая была у меня в Союзе жизнь!» – вздыхал он» (Герман Андреев, «Обретение нормы», Новый мир, 1994, №2, http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1994/2/andreev-pr.html).

Как видим, нерадивое отношение к труду характерно большинству русскоязычных людей, независимо от их этнического происхождения. Для них зарплата – это вовсе не заработанная плата, полагающаяся за какую-либо добросовестно выполненную работу, а всего лишь – заработная плата, которую ему обязаны ежемесячно выплачивать независимо от результатов его труда. К тому же русскоязычного человека и практически невозможно убедить в том, что нужно добросовестно трудиться именно для повышения уровня своего же благосостояния. Слово «нужно» в его подсознании неизбежно ассоциируется со словами «принуждение» и «нужда», соответствующими насилию и нищете:

«Нужный отчасти потеряло в современном употреблении значение коренное. Мы употребляем слова эти как синоним «надобный, должный, необходимый», не подразумевая при этом понуждающей силы; в языке древних летописей эта сила неразрывно соединялась с значением слова «нужный»; отсюда – «нужная смерть» значило «насильственная смерть» (ср. в «Опыте обл. влкр. сл.» значения слова «нужный»: «1) Бедный, голодный, неурожайный. «Нужный год». Арханг. Мез. Шенк. Новгород. Тихв. 2) «Больной» (Олон.)» (с. 130)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/nudnij.html>).

Поэтому-то у русскоязычного человека и существует стойкая негативная морально-психическая установка по отношению к добросовестному труду. Он твердо убежден в том, что его добросовестный (добровольно-принудительный) труд нужен отнюдь не ему самому, а лишь его работодателю и государственным чиновникам, паразитирующим в обществе:

«В несправедливом строе, когда меньшинство паразитирует на большинстве, (а психически инфантильное большинство не способно взять на себя ответственность за свою судьбу а, поэтому-то, и вынуждено преклоняться перед опекающим его меньшинством, – П.Д.) у русских людей нет мотивации к труду» (Индийский мыслитель Шри Ауробиндо Гхош).

Вот к чему приводит потеря коренных значений и извращение смысла слов в русском языке. Никакой труд русскоязычному человеку принципиально не может приносить радость. Он для него лишь повинность или же крайняя необходимость. Единственная работа, которую согласно русскому языку охотно выполняет русскоязычное население, – это охота (укр. «мисливство») на диких животных. Однако и это, очевидно, имеет место лишь благодаря тому, что в настоящее время охота из «добывания средств к существованию и к

процветанию» превратилась у него лишь в не требующую приложения особых усилий забаву:

«Первоначальное значение слова «охота» – «желание, радость, веселье» – указывает на то, что перенос этого слова на «лов», на «охоту» произошел в той социальной среде, где охота была не промыслом, а забавой. Взгляд на охоту как на забаву встречается и в старых памятниках, где она называется тешью, утехой или утешением (Аристов, II, 5, прим. 10; 9, прим. 20; Полн. собр. русск. летописей, IX, 159; «Рус. времяник», М., 1820, 1, 289; Рыбников, 4, 157; Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/ohota.html>).

А не способствует ли отсутствию возможности процветать (укр. «квітнути») русскоязычному населению то, что древнекиевское народное и украинское слово «цвісти» означает для подсознания, на самом деле, не процветать в смысле успешно развиваться, а лишь покрываться плесенью (укр. «цвіллю») и, следовательно, наоборот, приходиться в негодность?:

«Цвиль, цвель – плесень, гнилой обмет, зеленый нарост на вещах, припасах, от сырости, гнили» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка»); «Хлеб уже начал цвести...» (Бертольд Брехт, «Мамаша Кураж и ее дети», <http://www.1kessay.ru/brief/150.htm>).

Возможно, поэтому-то и Советский Союз оказался пустоцветом, несмотря на свое весьма «буйное цветение – процветание»:

«И тогда сложится особый тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий и т. п. Здесь утверждается искаженная оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем, не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек – выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь – творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причем, это состояние может длиться века» (Александр Зиновьев, «Зияющие высоты», https://www.e-reading.club/chapter.php/88146/32/Zinov%27ev_-_Ziyayushchie_vysoty.html);

«Тоскливы русские пейзажи,
Их дух унынием повит,
И на душе моей чем гаже,
Тем ей созвучней этот вид»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/02.htm>).

Не хотелось бы, конечно же, чтобы дальнейшее «русское процветание» дало такие же «плоды» и для современной России:

«Россия – это такой ржавеющий «Титаник». Представьте себе, что в 1913 году он избежал столкновения с айсбергом и с тех пор плавает. И он ржавеет. С ним ничего не делают, не ремонтируют, просто ржавеет и ржавеет. Мы знаем, чем это закончится. Но мы не знаем, когда это произойдет. В принципе, он может еще долго так плавать. Может, два года, может, двадцать два. Или сто двадцать два! Но в любом случае его судьба понятна...» (Известный экономист, директор Института по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики Сергей Алексахенко, «Россия – это ржавеющий «Титаник», его судьба понятна», <http://svpressa.ru/society/article/42145/>);

«Россия есть конечный сток исторических миссий... Мы имеем дело с уникальной страной, которая не обсуждает ни одну свою проблему... Теоретически Россия может прекратиться, чтобы восстановиться через 10, 20, 100 лет. Когда сброд пройдет переобучение...» (Российский политолог Глеб Павловский, http://www.compromat.ru/page_9989.htm).

Неужели же, в самом деле, русскоязычной России суждено лишь вечно «буйно процветать» в нищете и никогда не плодоносить?

И, конечно же, это убожество «русского мира» хорошо осознают и многие «пленники имперских амбиций», но всё же они так и продолжают лелеять свои инфантильные мечты о его величии:

«Пленники в немецком плену узнали (точнее, наконец-то, осознали, – П.Д.), что нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русская...» (Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛаг», Том 2, часть 3, гл. 6; <https://ru.citaty.net/tsitaty/479636-aleksandr-isaevich-solzhenitsyn-plenniki-v-nemetskom-plenu-uznali-chto-net-na-svete/>).

Однако же эти их мечтания являются абсолютно утопичными. Ведь в русском языке, вообще, отсутствует понятие, адекватное укр. «хазяйновита людина» («хазяйлива людина», соотв. англ. «house» – «дом, семья, род») – человек, успешно ведущий собственное хозяйство (укр. «господарство»). Русское «хозяин» (соотв. сорани «hoz» – «племя, народ»; чув. «хо́џа», «хи́џа» – хозяин; турец. «ходџа» – «учитель, хозяин») – это прежде всего собственник чего-либо (например, хозяин производства). Хозяйственниками же обычно называют управленцев, не связывая это вообще с результативностью их деятельности. Поэтому-то всегда и требуется уточнение – плохой это или же хороший хозяйственник. К тому же, русский язык формирует в подсознании лингвопсихическую установку, уравнивающую хозяйственного человека с хозяйственным инструментом, и, тем самым, вызывает бессознательное ощущение себя человеком, отнюдь, не источником управленческого воздействия – субъектом хозяйственной деятельности а, всего лишь, приемником и

исполнителем управленческого воздействия – объектом хозяйственной деятельности. А это значит, что русскоязычный человек так и продолжает ощущать себя до сих пор, вовсе, не хозяином производимого продукта, а лишь подобным инструменту или же какому-либо средству (хозяйственному мылу) сугубо объектом хозяйственной деятельности. И здесь неизбежно возникает конфликт между сознанием и подсознанием человека. Ведь даже, если он и осознаёт то, что полученный им продукт является результатом его труда, а не просто выслуженным им вознаграждением за участие в общественно полезном труде (или же в труде на своего господина), то бессознательное ощущение этого так и не возникает:

«Человек есть хозяйственный деятель не только как индивидуальное существо, но и как родовое» (Сергей Булгаков, «Православие и хозяйственная жизнь», http://azbyka.ru/religii/konfessii/bulgakov_ocherki_ucheniya_pravoslavnoy_tserkvi_22-all.shtml).

Смысл же, вкладываемый сейчас в слово «хозяйственность» не соответствует внутренней форме этого слова, и поэтому-то подсознание и не вырабатывает никаких внутренних побуждений и установок на успешное (рациональное и умелое) ведение хозяйства. Бессознательные лингвopsихические установки быдлотворной русской ЯКМ до сих пор не позволяют русскоязычному человеку осознать то, что он действительно (а не лишь декларативно) может и способен быть хозяином. И, следовательно, слово «хозяин» так и продолжает иметь для него преимущественно негативную коннотацию. И это вполне естественно. Ведь, как крепостные крестьяне, так и советские люди никогда на самом-то деле и не были, да и не желали быть истинными хозяевами не только чего-либо, способного приносить прибыль, но и результатов своего труда, и даже и своей судьбы. Всё существенное (не мизерное личное) всегда в действительности принадлежало их хозяевам – господам (барам) или же номенклатурным чиновникам, распоряжавшимся как результатами труда, так и судьбами самих людей:

«Ни одно общество, включая рабовладельческое и феодальное, не знало такой степени эксплуатации человека человеком, как коммунистическое: раб в Египте или Ассирии потреблял четверть или треть произведенной стоимости, рабочий при социализме – десятую часть продукта своего труда... Куда же шли 9/10-х? – На коллективное потребление эксплуататоров, поглощавших львиную долю производимой прибавочной стоимости. Речь идет о расходах на работу партийных органов и их аппарата, на огромную машину органов госбезопасности, на Вооруженные силы и военные отрасли промышленности, на органы и войска МВД, лагеря, тюрьмы, прокуратуру. Небольшая доля перепадает и на менее жизненно важные приатки этой системы: суды, милицию. Рабочий при реальном социализме, констатировал Куронь, «производит жизненный минимум для себя и содержит государственную власть против себя. Продукт труда рабочего противостоит ему как чуждая, враждебная сила, так как, хотя он и производит этот продукт, последний ему не принадлежит». Статистически все население СССР в 80–90-е годы жило ниже американской черты бедности. Пособие по безработице в ФРГ было на 60% больше средней зарплаты советского рабочего» (Игорь Гарин, «Номенклатура», <https://www.proza.ru/2014/09/02/640>);

«Военно-служилое сословие образует социальную почву и политическую основу

империй. В современной России оно сохраняет экономическую и политическую власть, дает заказы на выработку идеологии или само пытается ее сочинять (см., например: Алексеев, Каламанов, Черненко, 1998). Оно вмонтировало в социальные и политические преобразования механизмы обеспечения собственных экономических и политических интересов. О. Крыштановская называет этот процесс «возрождением номенклатуры», которая пережила ужасы реформ 90-х годов, перестроилась, сменила имидж, но осталась у власти. Восстановлена «табель о рангах», отстроены новые «дворянские гнезда», спецателье и спецтранспорт. Перелицована идеология: «Раньше жили по принципу «социализм для народа, капитализм – для элиты», а теперь наоборот – «капитализм для народа, социализм для элиты»... Но суть та же: властью ни с кем не делиться, льготы – себе увеличить, а другим – отменить» (Крыштановская, 2005). Поэтому российское государство парализовано множеством формальных и неформальных связей...» (Виктор Макаренко, «Русская власть и бюрократическое государство», ч. 1; «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>);

«Страшный век прожили все эти люди, да и наши поколения тоже – двадцатый век был ужасен своей кажущейся неопределенностью: под разными ярлыками (теперь – брендами) пряталось совершенно иное, чем то, что декларировалось. Сейчас, в результате опыта двадцатого века, все спутано: например, в СССР на самом деле не было никакого социализма (а в Швеции был и есть); в постсоветской России не было и нет левых движений и партий, а есть только преступные сообщества номенклатуры...» (Алексей Смирнов, «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>).

К тому же, большинство русскоязычных людей всё это как устраивало ранее, так вполне устраивает и сейчас. И, именно, бессознательные лингвопсихические установки быдлотворной русской ЯКМ и обеспечивают русскоязычным челядишкам комфортность холопства и скотоподобного нищенского существования:

«Неужели между скотоподобием и адским изуверством нет третьего, истинно человеческого пути для русского мужика? Неужели Россия обречена на нравственную засуху?» (Владимир Соловьев, «Из Московской губернии», Письмо в редакцию «Вестника Европы», 1897, http://www.odinblago.ru/soloviev_7/18);

«Главная особенность советского человека – умение адаптироваться к административному и полицейскому произволу, способность уживаться с репрессивным государством. Жесткость принуждения снимается посредством частичной демонстрации лояльности власти, частично – терпением и халтурой, обманом, когда речь заходит о начальстве или государстве. Он озабочен, прежде всего, физическим выживанием в той мясорубке, которая досталась на его долю, сосредоточен на собственных интересах, на обеспечении благополучия своей семьи. Выученная «беспомощность» или мнимая апатия, «пассивность» в общественной жизни, отвращение к политике резко контрастирует с его работой на себя, упорным стремлением к «нормальной жизни», к повышению уровня потребления. Он верит и не верит обещаниям власти о наступлении эпохи процветания в

недалеком будущем, но ориентируется на то, что есть, – общие на данный момент стандарты жизни: «не хуже, чем у других» (или «несколько лучше, чем у всех»). Образцы уравнительного равенства, привычные для государственно-распределительной экономики советского типа, определяют горизонт его запросов, а значит, и критерии удовлетворенности жизни...» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>);

«Ни имперский дух, ни воля к власти не исчерпали до дна загадочную русскую душу, и она пошла на третий заход – пробудилась к ненасытному обогащению. С 90-х годов 20 века открылась самая циничная и лукавая эпоха в истории России – эпоха всеисилия денег. Все идеи умерли, идеологии зачахли, мифы потускнели, осталось одно – строгать капусту. Дух чистогана овладел страной. Так бесстыдно, нагло и часто жестоко не делают деньги, по-видимому, нигде в мире. Почти весь бизнес построен на обмане, шантаже, нечистоплотности деловых отношений. Криминализация экономики достигла невиданных масштабов. Колоссальные состояния делаются путем рейдерских захватов, распила бюджетных средств, выжимания последних соков из доставшейся от советских времен инфраструктуры. И все это на фоне беспросветной нищеты основной массы населения, обреченного на деградацию и вымирание» (В.И. Ковалёв, «Россия: три искушения», <http://www.hegel.ru/russia.html>);

«Увы, народонаселение страны научилось адаптироваться к нищете и насилию в любых условиях. Хуже того, не только основная масса интеллигенции, но и большая часть народа не просто свыклись с ублюдочной и ненасытной властью, но и поддерживает ее, подличает, как она. По словам недавно ушедшего Юрия Афанасьева, народ стоит своих правителей, агрессивно-послушным большинством стала вся Россия: «человекомасса доадаптировалась к репрессивной власти до такой степени, что стала неотличимой от нее! Стадный инстинкт заставляет думать и делать, как все» (Игорь Гарин, «Что ведет РФ к окончательному распаду», <http://nv.ua/opinion/garin/что-ведет-rf-k-okonchatelnomu-raspadu-72285.html>);

«Итак: античеловечная власть, научившаяся расширять и «модернизировать» свое ордынское насилие, и подданное ей население, приученное и умеющее адаптироваться и к такому насилию, позволяющее делать из себя манекены и имитационную общественность. Всеохватывающий социальный раскол, расщепленность духа и неспособность к самокритике, к самоорганизации и к саморазвитию. Криминальная власть у криминализированного равнодушного населения...» (Алексей Давыдов, Андрей Пелипенко, Юрий Афанасьев, «Статья Медведева беспомощна, потому что в ней не говорится, какая Россия должна рвануться вперед», «Новая газета», №115 от 16.10.2009, <http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1080570-0.html>).

Как видим, в начале 21-го века деградирующая русская культура, основывающаяся на псевдокапиталистической государственной идеологии, вместе с патогенной русской ЯКМ снова взлелеяли поколение астено-невротиков, жаждущих сильной руки и новых репрессий

и, следовательно, являющихся этическими антиподами сенситивных украинцев:

«...«Белая» этика, этика отношений:

(+) хорошие отношения – любовь, дружба, симпатия, притяжение, теплота отношений, общительность, близкая психологическая дистанция, добро, жалость; (на первом месте эта функция у Достоевского; ЭИИ – сенситивный тип, – П.Д.).

(–) плохие отношения – ненависть, вражда, антипатия, отталкивание, отчужденность, необщительность, далекая психологическая дистанция, зло, безжалостность. (на первом месте эта функция у Драйзера; ЭСИ – астено-невротический тип, – П.Д.)...» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас», <http://udik.com.ua/books/book-542/>; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18454/>);

«Одним из базовых языков русской культуры по-прежнему является насилие. На этом языке властная иерархия говорит с подвластными. Во все времена российский обыватель чутко фиксирует, кого и за что Власть карает, а кого – прощает и милует. Понимание этого реестра служит руководством к действию. Для людей, сложившихся в лоне такой культуры, репрессия – это воздух, которым они дышат. Земное притяжение, в поле которого они существуют. Небо, под которым они ходят...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>).

Опекать же подвластное русскоязычное быдло взялись снова, как и в сталинские времена, лабильные циклоиды-инородцы – сенсорно-логические экстраверты (СЛЭ):

«...«Черная» сенсорика, волевая:

...(–) захват власти, подчинение, нападение, агрессия, атака, инициатива, настойчивость, требовательность, волевое давление сверху вниз, утверждение своих интересов за счет других, свержение, слабость, безволие, овладение. (на первом месте эта функция у Жукова; СЛЭ – циклоидный тип, – П.Д.)... У циклоидных подростков (в том числе, и у 60-ти летних великовозрастных, – П.Д.) имеются свои места наименьшего сопротивления. Важнейшим из них, вероятно, является неустойчивость к коренной ломке жизненного стереотипа... Лабильные циклоиды: здесь (субдепрессивные, – П.Д.) фазы немного короче, несколько хороших дней сменяют несколько плохих; они отмечены скорей дурным настроением, чем вялостью. В пределах одного периода возможны частые смены настроения. Выраженные нарушения поведения (делинквентность... знакомство с наркотиками) мало свойственны циклоидам; к алкоголизации в компаниях они обнаруживают склонность только в период подъема. Суицидальное поведение в виде аффективных, но не демонстративных попыток или истинных покушений возможно в субдепрессивной фазе. Самооценка характера у циклоидов формируется постепенно, по мере того, как накапливается опыт «хороших» и «плохих» периодов...» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас», <http://udik.com.ua/books/book-542/> ; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18454/> ; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18465/>).

Приверженность к безответственному холопскому образу жизни

Конечно же, в отличие от своих господ, ведущих согласно марксистско-ленинскому учению «беззаботный» и паразитический образ жизни, крестьянам приходилось постоянно хлопотать по хозяйству:

«...Хлопотать о чем, заботиться, стараться, беспокоиться и настаивать, просить, торопить. Всяк хлопочет, себе добра хочет. Сосчитать, чтоб после не хлопотать. Он в город уехал, хлопочет в суде. Хлопотать об определении сына в корпус. Она на кухне, хлопочет по хозяйству...» (Словарь Даля, «Хлопоты», <http://slovco.ru/dal/h/HLOPOTYI-5514.html>).

Но с другой стороны и господам то приходилось постоянно опекать своих психически инфантильных крестьян (холопов), словно малышей (укр. «хлоп'ят»):

«Вот приедет барин: будет землемерам! –
Думают крестьяне. – Скажет барин слово –
И землю нашу отдадут нам снова»

(Николай Некрасов, «Забытая деревня», <http://ilibrary.ru/text/1253/p.1/index.html>);

«Вот приедет барин – барин вам покажет («кузькину мать»?», – П.Д.)... (из некрасовских черновики)» (Виктор Шендерович, «Шендевы», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Какой-то знатный помещик хотел продать свое имение. Крестьяне отправили к нему старейших из деревни, которые, упав на колени, со слезами молили его не продавать их. «Я должен, – ответил помещик, – я не хочу – это противоречит моим правилам – повышать оброк, который платят мне крестьяне, и я недостаточно богат, чтобы сохранить за собой имение, которое мне ничего не приносит». «Если только в этом дело, – сказали крестьяне, – то мы сами достаточно богаты, чтобы остаться у вас». И они тотчас удвоили оброк, который с незапамятных времен выплачивали своему господину» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 г.», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st006.shtml>).

Потому-то в русском языке слово «холоп» (хлоп), могло означать ранее, как того, кто хлопочет о чем-то (а, возможно, как и в других славянских языках, – вообще земледельца-крестьянина), так и того, над кем нужно постоянно хлопотать. Но, как бы там ни было, окончательно оно приобрело (возможно, и не без влияния укр. слова «хлоп'я») смысл добровольного раба. Ведь для населения Московии холопский (добровольный рабский) образ жизни стал, в конце концов, вполне комфортным:

«Рабство может унижить людей до того, что они начинают любить его» (Люк де Клапье Вовенарг, «Высказывания великих людей о свободе и рабстве», <https://dprvrn.ru/net-rabstva-beznadezhnee-chem-rabstvo-teh-rabov-vyskazyvaniya-velikih-lyudei-o/>);

«...большинство не готово принять реальность, а многие настолько отравлены и так безнадежно зависимы от Системы, что будут драться за неё» (Морфеус – герой фильма

«Матрица», цит. по: Анна Филимонова: литературный дневник,
<https://proza.ru/diary/ivan1/2007-02-25>);

«Горе народу, которого рабство не смогло унижить, – он создан быть рабом» (Петр Чаадаев, <http://citaty.su/chaadaev-citaty-i-aforizmy-chaadaeva>);

«Долгое рабство – не случайная вещь. Оно, конечно, соответствует какому-то элементу национального характера. Этот элемент может быть поглощен, побежден другими его элементами. Но он может и победить» (Александр Герцен, «Московский панславизм и русский европеизм», 1855, <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2915>).

И ведь горестную победу этому элементу национального характера гарантировал, именно, русский язык с помощью формируемых бессознательными лингвопсихическими установками его быдлотворной ЯКМ психической инфантильности, безответственности, лицемерия, лживости, долготерпения и многих других пороков русскоязычного примитивного общества:

«Психология переживания горя, тяжелых жизненных ситуаций, а также осмысление психотерапевтической работы, помощи человеку страдающему могло бы немало почерпнуть в исследовании языковой картины мира, опыта многих поколений, запечатленного в языке. Еще И. Тэн на заре научной психологии признавал языкознание одной из соседствующих с психологией областей, диалог с которой может много дать для понимания психологических закономерностей (Тэн, 1884), а П. Жане утверждал, что психология часто представляет собой не что иное, как исследование словаря (Janet, 1935). Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира (Апресян, 1995). Складывается своего рода коллективная философия, которая присваивается всеми носителями языка. Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании и отраженная в языке совокупность представлений о мире. Современная лингвистика накопила много сведений о способах концептуализации языком внутренних состояний человека (Зализняк, 2006)» (Н.Ю. Федунина, «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира», <http://psyjournals.ru/mpj/2008/n4/Fedunina.shtml>);

«Прожив большую часть жизни в «совке» и испытав лично на себе все его прелести (формируемые и до сих пор быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.), я решил перечислить наиболее характерные черты этого психологического типа:

- хамство и матерщина, прикрываемые разглагольствованиями о «высокой духовности» и «особом пути»;
- тотальное наплевательство;
- повсеместная и повседневная зависть и озлобленность;
- агрессивная ненависть ко всему чужому, к не такому, как все;
- подозрительность по отношению ко всем, кто не «МЫ»;
- пренебрежительное отношение к способностям и трудолюбию;
- недоверие и зависть к материальному благополучию, богатству;

- государственное иждивенчество и социальная зависимость;
 - пассивность и апатия;
 - стремление переложить ответственность за свою судьбу и жизнь на общество и государство;
 - забубенность и инстинктивность;
 - небрежение свободой;
 - утопичность мышления, нутряная тяга к конспирологии;
 - вера в абстрактную справедливость и абсолютное неуважение к праву и правовым институтам общества (правовой нигилизм и произвол);
 - фатализм, переходящий в нигилизм;
 - растворение в общине, массе, государстве;
 - причисление себя к некоей особой общности, противопоставление ее другой общности по принципу «мы – они»;
 - азиатская покорность (сервилизм), с одной стороны, и разрушительность-вандализм, с другой;
 - полная утрата благородства и уважения к чужому таланту;
 - недоверчивость, приводящая к появлению в характере лицемерия и цинизма.
- «Одновременно с этим homo soveticus являет собой неисчерпаемый кладезь терпения и способности приспособляться. Стратегия его жизни состоит в том, чтобы приспособиться к давлению извне»:
- никаких убеждений и потому совместимость с любыми убеждениями;
 - способность выживать в любых условиях;
 - постоянный когнитивный диссонанс, то есть сосуществование в сознании несовместимых крайностей...»
- (Игорь Гарин, «Homo soveticus», <https://www.proza.ru/2015/10/14/279>);

«Какие вещи для меня совершенно неприемлемы в России? Это бесконечное долготерпение. Это жажда сильной руки и нежелание самим решать что-либо. Нежелание брать на себя ответственность. И отсутствие веры, которое легко объясняется тем, что в течение очень долгого времени людям доказывали, что это бесполезно. Нельзя сказать, что это какое-то безразличие, просто есть ощущение, что каждый живет только для себя» (Владимир Познер, в ст.: Елена Тельпиз, «Искусство жить», <http://vladimirpozner.ru/?p=3492>);

«...меня ничуть не удивляет, что большинство не желает знать реального положения дел. Люди хотят уюта, чтобы их привычная жизнь никак не нарушалась. Главное, чтобы было что пожрать. И не хотят они знать всей правды и вникать в суть происходящего! А знать и вникать надо – это важно. И нужно иметь трезвое суждение о том, в какой стране мы живём. У нас очень высок уровень гражданской безответственности, и он только растёт. А чиновникам это только на руку. Чем безответственнее гражданин, тем удобнее им манипулировать. И в этом тоже наше отличие от европейцев. Те же немцы в разы социально ответственнее нас. Они стараются иметь отношение ко всему, что происходит, стараются влиять на жизнь страны, города, улицы. А у нас большинство рассуждает как: «Что я могу

сделать? Кто меня слушает? А какое моё дело?» В общем, живут по принципу «моя хата с краю». Много лет мы хотели свободы, мечтали о ней, но многие не учли, что свобода – это не подарок, это тяжёлая обязанность, ответственность, к которой нужно быть готовым. Если о коррупции ещё как-то говорят, то о том, сколько миллиардов утекает из России каждый день, как-то помалкивают. Нет ни одного подробного исследования на этот счёт. Молчат аналитики, политики. Никто не выступает за введение закона, запрещающего выводить деньги из страны, хотя такие законы действуют во многих странах. Россия нищает, а все делают вид, что так и надо...» (Режиссёр Александр Митта, «Россия нищает, а все делают вид, что так и надо», <http://www.aif.ru/culture/person/1324270>);

«Вражда к немцам сделалась у нас болезнью многих. Конечно, хорошо, и следует стоять за своих – но чем стоять? Делом, способностями, трудами и добросовестностью, а не одним криком, что мы, дескать, русские! Немцы первенствуют у нас во многих специальных случаях оттого, что они трудолюбивее, а главное – дружно стремятся к достижению общей цели. В этом залог их успеха. А мы, во-первых, стараемся сделать все как-нибудь, по «казенному», чтобы начальство было нами довольны и дало нам награду. Во-вторых, где трое или четверо собралось наших во имя какой-нибудь идеи или для общего дела, там непременно ожидайте, что на другой или на третий день они перессорятся да нагадят друг другу и разбредутся. Одно спасение во вмешательстве начальства...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 7 апреля 1855 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Если у идеологов национализма крови нет веры в русский народ, то у тех, кто разделяет их идеи, нет веры в себя. И это самое страшное, самое слабое место современного русского сознания. За русским национализмом всегда, но сейчас особенно, стоит психология жертвы, ощущение человека, который не в состоянии взвалить на себя ответственность за свою судьбу, а потому обвиняет во всех своих бедах и неудачах других людей. Психология жертвы оправдывает лень, недостаточную организованность, апатию. Нас другие народы России не ценят, обижают, а потому мы должны защищаться, отстаивать свои особые интересы как русского народа, должны возрождаться. Вот логика, основной лейтмотив русского национализма и начала XX века и начала века XXI. «Мы уверены, что как только свершится это возрождение здорового русского патриотизма – писал Н. И. Ковалевский, – нам не придётся более жаловаться на пренебрежение к нам наших инородцев, а тем более на их засилье над нами». (Цит. по: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. – М., 2001, с. 51.)» (Александр Ципко, ««Россия для русских» – игра со смертью», <http://www.nkj.ru/archive/articles/20227/>);

«У русских нет веры в себя и это самое опасное состояние сознания – оно оправдывает собственную лень, бездеятельность неорганизованность и апатию. Нас не любят, не ценят, нас унижают и притесняют, поэтому мы, «истинные русские» должны защищаться, выгнать всех «нерусских» и тогда дела сами собой наладятся. Сегодня это превратилось в некую манию преследования. Парадокс в том, что сегодня практически вся власть находится в стране в руках русских. И именно эта команда Путина ускоренными

темпами проводит в жизнь лозунг «Россия для русских». Но националисты в упор не желают замечать этого и твердят о засилье инородцев. Сто лет назад российский генералитет на 70% состоял из немцев на русской службе, а МИД – на 60%. Притом, что немцы составляли не более 1% от всего населения империи. А сегодня правительство, дума, губернаторы практически на 90 с лишним процентов являются этническими русскими, и, тем не менее, националисты продолжают кричать о том, что русские в Федерации находятся на положении скота. За этими криками стоит страх перед правдой, страх необходимости признания, что русские в массе апатичны и аполитичны и неспособны брать ответственность за свою судьбу на себя. За этим страхом стоит умственная лень, попытка сложнейшую проблему решить простейшими методами, в основном разрушительного характера, самоустранение от действительного решения острых проблем. Идея проста и не требует умственных усилий, этим она и привлекательна для тех, у кого лень ума является характерной чертой» (Валентин, «Россия для русских» – игра со смертью», <http://istorya.pro/nadgrobie-nad-pustotoy-2-t.html>).

Конечно же, во всех своих негорздах русскоязычный человек винит кого угодно (олигархов, инородцев и др.), но только не себя и не свой язык, бессознательные лингвопсихические установки ЯКМ которого формируют психическую инфантильность и соответствующий ей холопский менталитет:

«Именно теперь, в эти трагические дни, ей (России, – П.Д.) следовало бы помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как привыкли мы карать за свои грехи наших соседей...» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», <http://www.pseudology.org/NM/02.htm>);

«Когда русскому человеку особенно плохо живется, он обвиняет в этом жену, соседа, погоду, Бога – всех, кроме самого себя. Такова русская натура, недаром же у нас придумана на этот случай складная поговорка: «Вали валом свой грех на всех – жалобиться станешь – и черта обманешь». Вот и мы жалуемся на кого-нибудь со стороны, чтобы оправдать нашу глупость, лень, наше неумение жить и работать... Вам грозит возврат к прошлому с нагайками и зуботычинами, со всей прелестью рабской жизни, неужели вы не чувствуете, что пора вам опамятоваться, прийти в разум, дружно взяться за работу, мужественно встать на защиту свободы. Бросьте травить друг друга звериной травлей – еврей не хуже вас, вините за свое горе не соседа, а самих себя, свое неумение жить, свою лень и тупость» (Максим Горький, «О евреях», <http://newrezume.org/news/2018-07-20-13478>; <https://www.proza.ru/2018/09/24/1848>);

«Но если встать на точку зрения автора книги «Кровь и почва русской истории», утверждающего, что «русские – это те, в чьих венах течёт русская кровь или, выражаясь научно, кто имеет русскую генетическую и биохимическую конструкцию», то придётся вывести за рамки русской культуры и Пушкина, потомка «арапа Петра Великого», и Достоевского, несущего в себе литовскую кровь, и Гоголя, по матери поляка, по отцу малоросса... При определении русскости через кровь, через проценты русскости мы потеряем и всех Булгаковых, которые являются потомками татарских мурз, и всех

Тургеневых, которые тоже являются потомками татарских мурз, потеряем еврея, выдающегося философа Семёна Франка, выдающегося русского патриота немца Петра Струве и так далее. Этнический подход к определению русской нации и по этой причине направлен на расчеловечивание, раскультурирование русского человека...» (Александр Ципко, «Россия для русских – игра со смертью», <http://www.nkj.ru/archive/articles/20227/>).

Патологическая лживость русскоязычного людишки

Слово «врать» (върати / варити) в старославянском языке означало «говорить, ворчать, заговаривать» и не имело того негативного смысла, который оно приобрело сначала в русском языке, а позже от него и в сербском языке:

«Рудименты одной из более давних кризисных эпох российской истории проглядывают в слове «врать», первоначально означавшем – «произносить слова», «говорить». Более всего этот первоначальный смысл сохранился в слове «врач», которым некогда называли человека, умевшего лечить словом, например, заговаривать зубы. ...В ту же кризисную эпоху слово «врать» приобрело смысл «лгать», а выражения, в которые оно входило, – новые значения. Так, выражение: «Ври, ври, да не завирайся», – первоначально означало: «Не говори лишнего» (Валентин Рабинович, «Седьмое чувство», http://www.pseudology.org/Rabinovich_VI/Sedmoe_Chuvstvo.htm).

К тому же слово «врать» стало употребляться в русском языке и гораздо чаще слова «лгать», не вошедшего даже в тысячу самых часто используемых глаголов. Частота его использования в русском языке выше частот использования даже таких часто употребляемых глаголов, как «уважать», «произносить», «сохранять», «влиять» и «интересоваться» (см.: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, «Новый частотный словарь русской лексики», <http://dict.ruslang.ru/freq.php>).

Очевидно, свой негативный смысл слово «врать» приобрело вследствие своего созвучия с мерянским словом, близким к медв., кондоп. «вирать», эст. «valeta», фин. «valhe» – «лгать, ложь», а также и к эст. «vale» – неправильно:

«Лексика северорусских говоров, включая и говоры Карелии, с данными реликтовыми приставками (типа медв., кондоп. «вирать» – «лгать, говорить неправду»; кондоп. «каверзать» – сплетничать; пуд. «шавёрывать» – «говорить пустое, болтать» – производные от исходного *veg – изгиб) в некоторой степени описана в сопоставлении с прибалтийско-финской» (Любовь Михайлова, «Этимологизация региональной лексики. Словообразовательный аспект», <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/82.html>).

И ведь этот негативный смысл не смогла вытеснить даже используемая франкоязычной знатью лексема «vrai», означающая правду. От слова «врать» буквальный его смысл и соответствующая ему негативная бессознательная установка перешли и на слово «врач», первоначально означавшее – заклинатель, прорицатель и колдун:

«Так, основное и наиболее древнее значение болгарского и сербскохорватского слова

врач – это «знахарь, чародей, колдун, предсказатель», а «врачити» означает «ворожить, гадать, предсказывать, лечить». В результате этих сопоставлений удастся прояснить этимологию интересующего нас русского слова. Врач (в этимологическом плане) – это знахарь, заговаривающий болезни. Значение «говорить», исторически заключенное в слове врач, сохранилось – как это ни странно – в современном русском глаголе врать. О том, что последнее слово когда-то имело значение «говорить» опять-таки свидетельствуют данные родственных языков. Впрочем, не только родственных. Вспомним, например, у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Не всё то ври, что знаешь». Таким образом, два слова (врач и врать), которые в современном русском языке не имеют между собой ничего общего, исторически оказываются неразрывно связанными друг с другом. А во многих наших поликлиниках, увы, и не только исторически» (Сергей Цветков, «Лекарь – лечит, врач – врёт?», http://zaist.ru/news/slova/lekar_lechit_vrach_vryet/);

«В древности использовались нашептывания и заговоры, чтобы лечить больных. Знахари говорили заболевшему что-то в духе: «Уходи, болезнь, в дремучие леса да в дальние страны». После чего принимались в слух бормотать всевозможные непонятные слова. Болтовня же до 19 века называлась враньем. В результате знахарей стали величать врачами» («7 слов с неординарной историей», <https://znachenie-slova.ru/7-слов-с-неординарной-историей/>).

К тому же, преобладание в медицине не тех, кто имеет к ней призвание, а лишь презирающих физический труд, неизбежно привело и к низкому уровню знания врачей, получающих часто не заслуженно, а лишь на «халяву», не только «дополнительные вознаграждения», но и саму зарплату. Из-за всего этого многие пациенты и стали ставить под сомнение диагнозы врачей и часто называют их врялями. Не пора ли всё же вернуться русскому языку к словам «лекарь» и «лечебница»? Ведь и слово «больница» означает заведение, буквально предназначенное всего лишь для содержания больных, а не для их лечения:

«В 2016 году нас ждут думские выборы в имитационный парламент. Ведь в России нет, как при традиционной демократии, системы сдержек и противовесов, у нас действует «вертикаль власти», и парламент – не место для дискуссии, как, впрочем, и больница – не место для лечения...» (доктор философских наук, историк Игорь Чубайс, «Никакой победы Кремля над Украиной не будет», <http://svobodaslova.in.ua/news/read/31312/>);

«Боль не лечит, а вызывает леченье. Патология может быть хороша, а терапия скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видеть болезнь. Требование лекарства от человека, указывающего на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христиане, плакавшие о грехах мира сего, социалисты, раскрывшие раны быта общественного, и мы, недовольные, неблагодарные дети цивилизации, мы вовсе не врачи – мы боль; что выйдет из нашего кряхтения и стога, мы не знаем – но боль заявлена...» (Александр Герцен, «Концы и начала», <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1861-1863/koncy-i-nachala-2.htm>).

Может быть, лишь тогда и пойдут наконец-то в лекари люди, способные не только назначать рекомендуемые справочниками лека́рства (укр. «ліки»), но и имеющие призвание к лека́рству (укр. «лікуванню»):

«Как погляжу, сударь, вы не к лека́рству, а к заплочным делам призвание имеете!» (Сергей Вершинин, «Дыхание Красного Дракона», <http://www.proza.ru/2009/12/16/102>).

Возможно, именно они, в отличие от халявщиков врачей, и станут более сознательно и ответственно, а не небрежно (халявно), относиться к своим обязанностям и не будут стремиться к получению халявных вознаграждений?:

«Халявой раньше называлось голенище сапога. Нижняя часть сапога – головка изнашивалась куда быстрее, чем голенище – халява. Предприимчивые сапожники брали старые голенища и пришивали к ним новые головки. Такие сапоги – пришитые «на халяву» были намного дешевле новых» («Русские идиомы», <http://jyrnalist.com.ua/russkie-idiomy/>);

«В современном русском языке широко распространено жаргонное слово «халява», обозначающее нечто дармовое, бесплатное. Вместе с тем получить что-либо можно бесплатно, даром, с одной стороны, и без должных усилий, с другой стороны (сравним: «пить пиво на халяву» и «сдать экзамен на халяву»). Понятно, что между этими ситуациями есть связь, причем, в основу положена отрицательная оценка незаслуженного получения чего-либо (отсюда и «дармоед»). Распространяемые на презентациях бесплатные сувениры, обозначаемые по-английски «freebie», не содержат отрицательной оценки соответствующих ситуаций. Анализ русских разговорных оценочных обозначений работы, которая выполняется плохо (халтура, халява, лажа), показывает, что говорящий может использовать эти слова и их дериваты, говоря о том, что не заслуживает серьезного отношения: вообще халтурить, делать что-либо на халяву, гнать лажу нельзя, но в определенных ситуациях можно. Перевод этих выражений на английский затруднителен, поскольку отсутствует концепт, и поэтому требуются гораздо более резкие обозначения, коррелятами которых на русском языке являются грубые вульгаризмы с общей отрицательной оценкой» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>);

«Исследуя проблему рабства, нужно со всей отчётливостью понимать, что для обладателя рабских тенденций мышления рабство комфортно, а свобода выглядит пугающе, сам переход на свободное динамичное существование весьма болезнен (в том числе и методом искусственной идеокоррекции), переоценка ценностей причиняет нравственные страдания. Рабство даёт привычную надёжность (пусть мифическую), ощущение стабильности (пусть временной), гарантии (пусть мизерные и мнимые), надежду на светлое будущее (пусть и неисполнимую). И ещё рабство освобождает от ответственности – перекладывает её на начальников, на Систему. Также мечта раба – халява, выслуженное незаработанное вознаграждение» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?», http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/; http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/20

«Одна баба сказала знакомой помещице, что ко мне крестьяне хорошо относятся, потому что я бедных «презираю». Конечно, я делал что мог, но тяжело сознание бездонности того, куда кладешь. Да, помещичья помощь крестьянину – это палка об одном конце, если можно так выразиться. Или скажем так: побуждение – одно, а результат – другое. С одной стороны, желание добра, а там – ничего, пустота. Все это ни к чему, и всегда я имел такое ощущение, что это с моей стороны откуп. Откупиться за невозможное, недостойное положение вещей. Но сказать, что я чувствовал ответственность за такое положение, никогда не скажу. Бездонность всякой помощи крестьянину тем определяется, что его интересует только – получить, он не понимает, что значит вложить. Когда понятие дохода заменяется понятием наживы, то один лишь шаг к тому, чтобы понятие наживы в свою очередь заменилось понятием мошенничества. Губительный принцип единовременного пособия вьелся в крестьянина, сидит глубоко. Мошенничество – один из видов единовременности, и мошенничество для него – условие хозяйства. За сорок лет один только случай припоминаю, который могу назвать хозяйственной помощью, а не подачкой...» (Князь Сергей Волконский, «Мои воспоминания // Родина», http://dugward.ru/library/volkonskiy_m_s/volkonskiy_rodina.html).

А ведь политика подачек – «вознаграждений» и единовременных пособий так и сохранилась до сих пор в русскоязычном примитивном обществе и, внушая надежду на халяву, она всё ещё продолжает развращать не только врачей, земледельцев и чиновников, но и многих других их соплеменников.

Наследие арианства, несторианства и мусульманства

В Московском улусе (англ. «mosque / mäsk» – мечеть), как и вообще во всей Золотой Орде, христианство было арианского толка и, возможно, весьма близким к несторианству и к мусульманству:

«...в Армии Батыя почти 80% воинов были – Христианами! Правда не Католической и не Правовой религии, а Арианской и Несторианской традиции... Которые Христианами воспринимаются как Ересь... Вот тут-то и кроется нежелание современной церкви признавать факт влияния этой Ереси на Русскую Христианскую Правовую церковь. Я не оговорился, именно – Правовую!!! Ибо до начала XVII века Русская церковь была именно таковой, и лишь благодаря реформе патриарха Никона, она стала именоваться – Православной! Правда Никона, за то, что он внёс в церковные каноны некоторые «языческие» праздники и ритуалы – сняли, на «вселенском сходе» 1666 года, но менять уже ничего не стали... А такую подмену понятий Никон совершил потому, что на Руси долгое время было Двоеверие! Вот он и попытался объединить разные традиции в Одну религию. Из-за чего в церкви и произошёл очередной раскол... Мое мнение, как человека посвятившего много лет изучению «неклассической» истории Руси, то есть, той её части, которую официальная история признавать даже и не собирается, таково: Батый для Руси

(Московии, – П.Д.), в политическом и религиозном плане, скорее был Благом, чем Злом... Ну, а то, что все Лавры в итоге достались Александру Невскому, то тут тоже нет ничего удивительного; тот, кто имеет Власть, тот и пишет историю, и пишет её так, как ему выгодно. Глупо думать, что князь Ярослав написал бы – как он разорял Рязанские земли, приказав спалить дотла Старую Рязань, женщин и малых детей забрать в полон, а всех мужчин и юношей «что выше колеса телеги – иссечь»... Проще было потом списать ВСЁ это на Орду, и конкретно на Батыя, что собственно и сделали...» (Юрий Ульянов, из интервью Валерию Розанову «В разоренной Батыем Рязани, хотят установить памятник хану Бытью!»), <https://ari.ru/ari/2013/12/15/v-razorennoy-batyem-ryazani-hotyat-ustanovit-pamyatnik-hanu-bytyuu>).

Во времена правления Рюриковичей Иисус Христос официально считался не богом а, подобно Мухаммеду, только пророком, и лишь после Смуты стал рассматриваться Богом-сыном. Поэтому-то Рюриковичи и вели свою родословную от Иисуса Христа, что и было запечатлено на московских храмовых фресках, закрашенных позже с целью сокрытия этого прецедента:

«Сравнительно недавно в результате реставрационных работ в Московском Кремле было обнаружено, что старинные фрески Архангельского и Благовещенского Соборов, созданные при Иване III и Василии III, были позднее либо сбиты, либо заштукатурены. Когда историки приступили к исследованию их остатков, удивлению их не было предела. Оказалось, что перед ними – известный иконографический сюжет «Древо Иессеово» – изображение родословной Христа, в которую вместе с Давидом и Соломоном оказались включены... русские великие князья Димитрий Донской, Василий Димитриевич, Иван III, Василий III...» (Владимир Карпец, «От Хлодвига к Рюрику. Путь царей», <http://thule.primordial.org.ua/karpets-meroving.htm>).

Однако же простой люд фактически обожествлял Иисуса Христа (пророка Ису) вместе со всеми другими мусульманскими пророками и святыми, с которыми он отождествлял свои прежние языческие божества:

«Ибн Баттута и Марко Поло показали, что никакого Дикого поля к югу от Москвы не было. А была страна, над историей которой сгустился туман. Страна очень самобытная. Вот, например, фраза Ибн Баттуты: «Я увидел церковь, направился к ней, застал в ней монаха, и на одной из стен церкви увидел изображение мужчины арабского, в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке. Перед ним горела лампада. Я спросил монаха: «Что это за изображение?» Он ответил: «Это изображение пророка Али», – и я удивился его ответу...» (Мурад Аджи, «Дешт-и-Кипчак – страна неизвестная?» / «Европа, тюрки, Великая Степь», http://www.pseudology.org/tatary/Kipchaky_Epilog.htm);

«...в некоторых районах России слово «монастырь» произносилось как «намастырь», что легко интерпретировать как «место, где творится намаз... Выходит, наши предки считали (по крайней мере, в XIII–XV веках), что Коран и христианство – неразделимы... Итак, только наличие икон и отличало православных от правоверных!» (Алексей Бычков, «Киевская Русь. Страна, которой никогда не было?: легенды и мифы // «1000-летие крещения

Руси», или Какую веру принял князь Владимир Святой», <http://www.kievstyle.ru/study-785-12.html>).

Из-за запрета исламом изображения не только людей, но и животных коренным образом изменился орнамент:

«Меняется характер внешнего оформления рукописей. В киевскую эпоху господствует «звериный (тератологический)» орнамент, с конца XIV в. он исчезает и на его месте появляется орнамент растительный или геометрический» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php);

«Внешний вид шлема очень примечателен. Он выкован из красного железа и покрыт растительным золотым орнаментом. На нем размещены 95 алмазов, 228 рубинов и 10 изумрудов, с трех сторон насечены золотом короны с крестами. Над передней задвижкой, защищающей нос, располагается изображение архангела Михаила. Арабская надпись представляет собой 13-й аят 61-й суры Корана и переводится так: «Обрадуй правочерных обещанием помощи от Аллаха и скорой победы»... В середине XIX века историки пришли к единодушному выводу – ерихонская шапка царя Михаила Федоровича не является головным убором Александра Невского и создана в XVII веке (уже в советское время этот факт подтвердила тщательная научная экспертиза). Но ученым Российской империи не хотелось, чтобы такой яркий образец оружейного искусства считался творением зарубежных мастеров. Экспонат Оружейной палаты получил название «Шлем булатный работы Никиты Давыдова» и датировку – 1621 год. Исламскую надпись объясняли тем, что в начале XVII века арабский язык использовался на Руси для некоторых обрядов и в качестве второго церковного языка. При этом исследователи ссылались на огромное количество хранящихся в разных музеях оружия и украшений, на которые нанесены арабские надписи. Например, на одной из богато инкрустированных сабель есть исламское изречение, которое можно перевести как «Во имя Бога, благого и милосердного». На шлеме царя Иоанна Грозного, из-за формы также названного ерихонской шапкой, по окружности семь раз повторяются арабские слова «Аллах Мухаммед». Исламская надпись присутствует даже на митре православного епископа, которая хранится в музее Троице-Сергиевой лавры, – она размещена под драгоценным камнем, расположенным рядом с православным крестом. Подобной точки зрения придерживались и советские исследователи середины XX века (в частности, Ф.Я. Мишутин и Л.В. Писаревская): шлем царя Михаила Федоровича изготовлен русским мастером Никитой Давыдовым, а исламская надпись сделана, исходя из существующих в то время военных и религиозных традиций. Но если принять версию об арабском языке как втором церковном, почему на шлеме нет кириллической надписи, относящейся к основному церковному языку? И главное – почему на головном уборе нанесена цитата не из Библии, а из Корана?» («Шлем Александра Невского», http://x-files.org.ua/articles.php?article_id=3882).

Московские девицы подобно мусульманкам сидели взаперти в теремах. Религия им

запрещала свободно, то есть без сопровождающих, перемещаться по городу:

«Живёт моя отрада
В высоком терему;
А в терем тот высокий
Нет ходу никому...»

(Сергей Рыскин, «Удалец», <http://a-pesni.org/popular20/zivotrada.htm>);

«...мужчины не допускают женщин в свои беседы, не позволяя им даже показываться в люди, кроме одной церкви... Комнаты для женщин строятся в задней части дома, и хотя есть к ним вход со двора по лестнице, но ключ хозяин держит у себя, так что, в женскую половину можно пройти только чрез его комнату. Из мужчин, не пускают туда никого, не исключая и домашних. Двор же, за комнатами женскими, обгораживается таким высоким палисадником, что разве птица перелетит чрез него. Здесь-то женщины прогуливаются...» (Самуил Маскевич, «Дневник», 1594–1621, <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frametext1.htm>);

«Бытовые правила староверов близки к ортодоксальным иудейским и мусульманским. Например, покойника необходимо оплакать и схоронить в течение суток, как у мусульман. Староверы вообще спокойно относились к «татарскому Богу» Магомету: никаких религиозных выпадов не было. У русской и татарской религиозной культуры – надо полагать, архаического русского христианства и раннего мусульманства, – общие корни» (Дмитрий Калужный, Ярослав Кеслер, «Другая история Московского царства», https://www.e-reading.club/chapter.php/25158/44/Kesler%2C_Kalyuzhnyii_-_Drugaya_istoriya_Moskovskogo_carstva.html; <http://testlib.meta.ua/book/107089/read/>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kalug/03.php);

«...я считаю, что кровавая(!) победа никонианской, государственной церкви была в те времена наименьшим злом. Никонианская церковь была все-таки компромиссна, снисходительна к слабостям человеческим. С ней можно было жить. И можно жить и поныне. А старообрядцы превратили бы Русь (точнее, славянизовавшуюся несторианскую Московию, – П.Д.) в подобие исламского государства» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«С кем же постоянно воюют русские? С христианскими странами, конечно. Русские летописи постоянно сообщают о войнах с греками и болгарями, крымскими христианскими городами и с поляками. Лишь однажды напали на Саркел, и то потом Игорь попросил прощения – император Роман подбил! А с кем торгуют? Об этом свидетельствуют восточные дирхемы, во множестве находимые в русских кладах (византийские же монеты почти не встречаются. Путь шел «из варяг в хазары» – в Скандинавии обнаружено более 40 000 арабских дирхемов, византийских же монет всего 200, то есть 0,5 %. С.П. Толстов (По следам древнехорезмийской цивилизации. 1948. С. 261) пишет: «В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие... догмат борьбы за веру и перспективы союза со странами

ислама сулили успешное развитие военной экспансии против старого врага – Византии». Заметьте, Византия – наш давнишний враг! Зачем же принимать веру врага? Турецкий историк Мохаммед Кятиб сообщает дату принятия русскими ислама – 333 год хиджры, а это дата «крещения Ольги». Но о том, что мусульманство было в Киеве еще до Владимира Святого, сообщают и византийцы. Но все-таки после Владимира – христианство? Посмотрим... Письмо Матфея, краковского епископа, святому Бернарду, аббату Клервонскому, об обращении русских, которое следует предпринять: «Народ же тот русский, множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и правила веры православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным. Но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет». «Старшая рифмованная ливонская хроника» (XIII в.) сообщает: «Дерптский епископ Герман в это время начал враждовать с русскими. Те хотели подняться против христианства, как прежде». Михалон Литвин сообщает, что москали и татары не пьют вина, продавая его христианам. «Они убеждены, что таким способом истребляют христианскую кровь, исполняя волю Божию». Автор книги «Хафт Иклим» (XVI в.) возмущается, сообщая о русских, что те, кто украсил себя одеждой ислама, почему-то сохранили страсть к свиному мясу! Представляете, какой кошмар – русские едят свинину! О, ужас! Ну, вот такие мы, молимся Аллаху, а свинину едим! Посмотрим на княжеские шлемы. Шапка Иерихонская, или Шишак, князя Ф.И. Мстиславского имеют надписи по-арабски. Интересен и тот факт, что один из русских князей назывался Иваном Калитой. Что такое калита? Возьмем старославянский текст и прочтем: «Они (латиняне) того папу чтут, что мы калиту». То есть калита для русских то же самое, что для католиков папа римский. В русском языке в старые времена не было звука «Ф», поэтому мы говорим и пишем по традиции «библиотека», а не «вивлиофика», как надо бы. Так вот, «калита» – это арабское слово – «калиф». Выходит, Иван Калиф был руководителем общины верующих мусульман! Поэтому старорусские монеты XIV–XV веков вплоть до Ивана Грозного имеют либо только арабские надписи, либо арабские и русские одновременно...» (Алексей Бычков, «Ледовое побоище и другие «мифы» русской истории», <https://www.litmir.me/br/?b=229698&p=11>).

Поэтому-то, в Московии первоначально выходным днем было вовсе не воскресенье, как у христиан, а именно пятница, как и во всех других мусульманских странах:

«Пятница некогда была свободным от работы, а потому базарным днём. Долгое время она была и днём исполнения различных торговых обязательств. В пятницу получали деньги и давали обещание привезти на следующей неделе заказанный товар. В пятницу получали товар и обещали в следующую пятницу отдать за него деньги. О нарушающих эти обещания и говорили, что у них «семь пятниц на неделе». Позже этот фразеологизм стали применять к людям, часто меняющим свои решения» («Семь пятниц на неделе», http://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary/898.html).

Если же Вам русскоязычный человек пообещает что-либо сделать утром, то можете не тешить себя напрасными надеждами и терпеливо ждать исполнения этого обещания в

лучшем случае к полуночи следующего дня. Ведь для подсознания всех славяноязычных людей славянизм «утро» означает завтра (старослав. «оутрь», серб. «Сутра», болг. «утре» и польск. «jutro», как и греч. «αβριο», – завтра) и, следовательно, при таком обещании совесть не будет тревожить их, по крайней мере, до тех пор пока не завершится следующий день. Поэтому-то и «кормить завтраками» – «откладывать, отсрочивать, тянуть канитель» русскоязычному человеку тоже, ведь, весьма свойственно.

Мечта же о «семи пятницах на одной неделе» в русском языке успешно воплотилась в самом слове «неделя»:

«Неделя – воскресный день, когда «не делают» обычных работ, во исполнение заповеди...» («Устаревшие и малопонятные слова», <http://jesuschrist2012.narod.ru/books/stslov.htm>);

«...вспомним, что само слово воскресенье, тоже отсылающее к христианскому сюжету, в свое время вытеснило старое название этого дня – «неделя» (собственно, в украинском оно так и осталось). А не вытеснило бы – так бы и было: «Прощеная неделя», т.е. тот же «Прощеный выходной». Тут вспомним уж, кстати, что и русское слово «праздник» связано с идеей праздности, безделья, тогда как во многих других языках на этом месте будет слово, означающее «святой день»...» (Ирина Левонтина, «Обидная личность», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=9146>).

И если в украинском языке свободным от дел («діл») является лишь один из семи дней («неділя» – воскресенье), то русский язык навязывает работу «с прохладцей» или же «спустя рукава» на все семь дней (то есть на всю неделю) и провоцирует многих русскоязычных на праздное времяпровождение не только в воскресенье и в праздничные дни, но и во все будни (выражение «делать, спустя рукава» обычно ставят в зависимость от длинных рукавов, которые свешивались до земли во времена татарского ига; см. Никольский, ФЗ, 1891, вып. 4 – 5, 20; Этимологический словарь Фасмера).

Для русскоязычного человека всё как бы заново рождается (буквально воскресает) после каждых шести дней его подневольного (добровольно-принудительного) труда «не в радость, а в тягость», а понедельник, возвращающий его к повседневной дряхлой (унылой и печальной) обыденности, конечно же, – день тяжелый. Как видим, добиться того, чтобы труд приносил радость а, тем самым, и избавиться от этой многовековой порочной «традиции» русскоязычного примитивного общества не позволяет, именно, консервирующий её русский язык. И, конечно же, сама собой напрашивается здесь шуточная пародия на стихи Леонида Дербенёва:

«Славящий нищенство и рабскую спесь,
«Остров рабстволюбия» на планете есть.
Весь покрытый цвелью, абсолютно весь
«Остров инфантилов» на планете есть.

Там живут несчастные гордые «совки»,
Как обычно праздные, пьяные внутри.

Как обычно праздные, пьяные внутри,
Там живут несчастные манкурты–рабы.

Что б они ни делали, не идут дела,
Видно на неделе их мама родила.
Видно на неделе их мама родила,
Всё они ведь делают, «спустя рукава».

Халява же стала уделом лишь грез.
Плачут, Шаре молятся, не жалея слёз.
Плачут, Шаре молятся, не жалея слёз,
Опека пропала, не мил – бывший бос.

Вроде ж не бездельники, и могли бы жить,
Им бы предков говоры взять и оживить,
«Эсперанто» русское – взять да позабыть,
Вроде ж не безмозглые, и могли бы жить.

Как назло, на «Острове» нет Поводыря,
Ребятня и взрослые пропадают зря.
Ребятня и взрослые пропадают зря,
У «слепых» манкуртов нет Поводыря.

По такому случаю с ночи до зари
Плачут невезучие манкурты «совки».
И рыдали, бедные, «кляли» нищету
Каждую неделю и в прошлом году.

И ругают «нищие» клятую судьбу
Каждую неделю и в новом году» («Остров рабстволюбия» на планете есть);

«В России даже «День Труда» (1 мая) – и тот выходной» («Ничего не делать – отличное занятие. Афоризмы и статусы о работе», <http://atkritka.com/278720/>);

«Прогноз поэтому для России неутешительный, генная характеристика народа достаточно тяжёлая. На это оказало влияние множество факторов. По моему мнению, даже русские народные сказки – гибельны по своей сути. Везде халява – то шуку волшебную вытащит, то золотую рыбку – всё, что угодно, только бы не работать. Самый положительный герой – Илья Муромец, тридцать три года валялся на печи, ни хера не делал, даже в спортзал не сходил ни разу, а бухнул водички какой-то и легко пошёл, всем «плохим» накостылял...И прекрасно себя чувствует – шара и халява, снова и везде» (российский певец Александр Розенбаум, из интервью Артуру Гавриленко: «Звезд – до хрена, артистов нет...»,

Циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству

Хотя имя прилагательное «дряхлый» в русском языке давно уже значит всего лишь старый или же ветхий. На старославянском же языке оно означает унылый или же печальный, а поэтому-то и несет на самом деле более негативную эмоциональную окраску. И как же тут не вспомнить Александра Пушкина, описывающего дряхлую общественную жизнь:

«Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние...» (Александр Пушкин, Второе письмо Петру Чаадаеву, 1836, <https://www.pravmir.ru/pushkin-chaadaevu-ni-za-chto-na-svete-ya-ne-xotel-by-peremenit-otchestvo-ili-imet-druguyu-istoriyu/>);

Унижение человеческого достоинства как в самом российском примитивном обществе (я – начальник [барин], ты – дурак [холоп]), так и в русском языке – широко распространенное явление. Начальник, согласно русскому языку, управляет не разумом своего подчиненного, а лишь его руками, и поэтому-то и называется руководителем. Руководство по выполнению каких-либо работ у россиян является не просто инструкцией к действию, а предписанием для бездумного и неукоснительного исполнения всех этих работ в жестко регламентированной последовательности. Русский язык фактически навязывает психически инфантильным россиянам бездумное холопское исполнение всех своих обязанностей и, следовательно, априори исходит из того, что они являются несмышленишками (полоумными, дураками) и лишены малейших представлений о человеческом достоинстве и о личной чести:

«Я думаю, что трансляция моделей отношений, сложившихся при крепостном праве, продолжается. У нас часто в работе и жизни воспроизводится «модель барской усадьбы». Я сам редко был на командных должностях, но когда первый раз мне случилось заведовать подготовительными курсами, я сразу увидел, как мгновенно восстанавливается у нас модель барского управления. Начальник у нас, как ни крути, все равно барин, неважно, плохой или хороший» (Филолог Георгий Хазагеров, из интервью Елене Яковлевой «Воля неволей. 150 лет назад в России отменили крепостное право», <http://www.rg.ru/2011/02/18/kpravo.html>).

И это ведь всё присуще русскоязычным челядишкам (холопам) испокон веков:

«...если оставить монархическую поэтику, следует признать соприсродность самодержавно-вотчинного и самодержавно-чиновнического господства. Личная зависимость, холопство подчиненных оставались идеалом нормального российского начальника» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=5>);

«Власть в России всегда была главной ценностью. Вокруг ключевого понятия «чина», «начальства» (и то и другое от «начала», «начинать») структурируется вся русская социальная реальность. Нет вещи, более чуждой русскому сознанию, чем плюрализм, разделение властей. Власть должна быть едина, линейна, иерархична, иначе исчезает начало, возникает заколдованный круг...» (Л. Седов, «Традиция ломает реформы», http://www.ng.ru/ideas/?b=316&id_user=Y&PAGEN_1=149; http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=401693);

«Все это связано с особенностью российского менталитета. Это воспитанное столетиями крепостное сознание, чувство принадлежности государству. Помните, как крепостные Кирилы Петровича Троекурова из повести «Дубровский» гордились своим баринством? Он их порол – и они страшно гордились принадлежностью. Тому, что у них такой крутой хозяин. Который такой шорох наводит и унижает всех вокруг. Вот мы, россияне, в массе, конечно, крепостные Троекурова, которые испытывают гордость от крутизны барина, пусть даже она бьет по ним самим... Отъезд русских людей за границу – это нормально, это личный выбор каждого. Плохо то, что Россия из-за этого будет деградировать. Страна, из которой уезжают свободные люди, не желающие растить детей в казарме с имперской бациллой, слабеет с каждым днем. И это заканчивается деградацией и обрушением...» (Виктор Шендерович: «Империя похоронит российскую цивилизацию», <https://platfor.ma/magazine/text-sq/projects/shenderovich-viktor/>; <http://newsland.com/community/4375/content/viktor-shenderovich-imperiia-pokhoronit-rossiiskuiu-tsivilizatsiiu/5339739>);

«...социальное пространство России для вертухая (чиновника, карьериста начальника, – П.Д.) оказывается имеющим всего одну реперную точку – тот самый полюс, где сгрудились «лохи», и от которого он стремится отойти как можно дальше. При этом положительная цель – то, куда ему надо бы стремиться «по жизни» – еще до конца не сложилась. Такую разметку жизненного пространства было предложено называть П-центризмом, и она задает достаточно интересный поведенческий комплекс, очень распространенный среди российского начальства. Существенным здесь является отсутствие положительных целей, без чего «у человека остается только ощущение «сзади»: «сзади» – это там, где остались те, кто не преуспел в этой жизни, где сгрудились «лузеры» и «лохи», где находится жизненная «П». Соответственно главным личностным мотивом для такого человека становится удалиться от «П» как можно дальше. Так обобщенная «П» превращается в центр координат его личного мира». «Так и получается, что уйти от «П» как можно дальше становится стержнем всей жизненной мотивации» вертухая. «При этом само социальное направление к «П» задается широко распространившимся в 90-х годах словом «лох», и неотъемлемым атрибутом многих личностных конфликтов в этой среде обычно является выяснение факта, кто из спорящих ближе к «П», кто из них больший «лох». Интересно, что понятие «лох» не имеет антонима. Так еще раз семантически подчеркивается то, что в этом мире нет положительного направления. Жизненный успех определяется только отрицательным направлением... Действительно, отсутствие положительных жизненных

целей приводит к значимости для такого деятеля всего того, что творится у него «за спиной». На субъективное осознание человеком своего положения по отношению к «П» начинает влиять как общее количество народа в пространстве между ним и этим местом, так и относительное распределение людей в этом пространстве. Поэтому каждый в этом зазоре, кто улучшает свое личное положение по отношению к «П», смещает распределение игроков, ухудшая относительное положение нашего «героя», со всеми проистекающими отсюда субъективно ощущаемыми последствиями. Именно это и заставляет «П-центриста» старательно «гнобить» тех, кто «сзади», по мере сил не выпуская их далеко от исходной точки своего мира – от «П». В современных российских условиях П-центризм достаточно гармонично сочетается с культом «бабла» – той самой «магической субстанцией, которой одной лишь дано право превращать двуногих жителей страны в людей. Те же, кто без «бабла», – те «лохи». А «лохам», как это уже было отмечено выше, – место «в этом мире» давно определено...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухаи, партизаны. Российское общество и его политический класс», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>);

«Я вам могу сказать словами Буковского: «Горе тому народу, в коем иссякло чувство достоинства, ибо дети его родятся уродами». Вот будущее этой страны: у них нет ни достоинства, ничего абсолютно, они боятся, они снимают [на телефоны], их волокут менты, потом их сажают, они едут в лагерь, и всё это ни за что, и они дают интервью, что они невинные жертвы. Так не надо стоять и снимать, надо драться. Надо отстаивать своё достоинство, понимаете? А если его нет, то и жить тогда незачем, и будущего нет никакого ни у кого в этом государстве...» (Борис Стомахин, «Горе тому народу, в коем иссякло чувство достоинства, ибо дети его родятся уродами», <https://www.ehorussia.com/new/node/19341>);

«Когда русский все имеет и ничего не делает (русский исторический помещик), он все равно недоволен и становится самодуром. Самодур – русский предел человеческих желаний, все равно как в армии – генералиссимус. Каждый русский начальник – самодур. Только одни вялые самодуры, а другие – с неумемной фантазией. Непонятно, что выкинут в следующую минуту. Начальник склонен, казалось бы, к бессмысленным действиям, но в них всегда своя логика – хамство. Он принципиально не уважает того, кто слабее. За исключением нескольких друзей юности, которых тоже способен обидеть, самодур любит унижать всех вокруг. Русский начальник обожает говорить «ты» тем, кто отвечает ему «вы». Он обожает свою безнаказанность. Иногда самодур кается, чтобы дальше жить с еще большим удовольствием. Самодурство настояно на национальном садизме» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Самодур», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

Слово «дурак», как и родственные ему слова «дурь» и «дурить», не является славянским по происхождению. Оно на самом деле является тюркским наименованием дыни и тыквы, буквально означающим, как и турецкое слово «tug», круглая (монгольское «дугариг» – кругловатая). Поэтому-то ведь не зря же часто говорят именно: «круглый дурак». Негативный же смысл оно получило от созвучного ему украинского слова «дурник».

Почему же тогда в России самого младшего (последнего) сына называют в сказках дураком? Оказывается, что и французское слово «dernier / дернир», означающее «последний», тоже созвучно слову «дурник». И, возможно, оно то и использовалось господами в качестве ласкового обращения к своим самым младшим (младшеньким) сыновьям. А тюркоязычная прислуга, конечно же, могла эти слова и отождествить. Однако, так как исходное тюркское слово «дурак» все же не несет негативного смысла, то и самый младший сын в сказках и оказывается, на самом деле, не глупым. Как видим, потаенный смысл лексики, логически увязанный в подсознании с первоосновой (внутренней формой), существенно сказывается как на менталитете, так и на умственных способностях использующих её в общении. Поэтому-то, вовсе, и не случайным является у эмоционально (сердечно) созерцающих людей преобладание бессознательного над разумом.

В иранских языках есть поздняя вариация слова «бахадур» (богатырь) – «mahadur» (др.-кит. «мохэду / мохэфу», укр. «могутній» – «могучий, влиятельный»), употребляемая, очевидно, не столько в смысле «мóлодец» (шумер. «гуруш» и греч. «курос» – мóлодец; лат. «durus» – «твердый, жесткий, суровый, сильный, смелый»), как в смысле верховный (великий) владыка (др. греч. «кúριος» – «сильный, могущественный, повелитель, владыка, господь»). Основа *tur – «владыка» встречается уже в минойской (линейного письма А) надписи первой половины 17 в. до н.э. («Сатиры», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1139071>).

Эта поздняя вариация «mahadur» могла возникнуть не только под влиянием китайского или же какого-либо славянского языков, но и из какого-то соседнего кыпчакского языка, где, как у всех кыпчакских языков, перебой «б-м» в статусе регулярного фонетического закона. В венгерском же языке лексема «mag» означает «сам, само». Поэтому финно-угорские предки россиян вполне могли интерпретировать слово «mahadur» как: «сам себе властелин».

Тогда русское слово «самодур» является, всего лишь, калькой финно-угорского слова «magadur». Ведь его калькой является и польское слово «sobieran» – «сам себе пан». Оно согласно формальному переводу полностью соответствует слову «самодур», но вовсе не тождественно ему. Человек, который «сам себе пан» (господин), действительно может поступать, как ему вздумается, не оглядываясь на мнение окружающих и унижая при этом их достоинство, хотя эти его действия и не обязательно могут быть преднамеренными. Русское же слово «самодур», в отличие от польского слова «sobieran», приобрело для сознания весьма негативную коннотацию. Это, конечно же, связано с побуждением человека бессознательными лингвопсихическими установками русской ЯКМ совершать свои «дурные» поступки, как правило, преднамеренно – и, прежде всего, с целью унижения кого-либо.

Однако же подсознанием самодура это воспринимается, как причинение вреда только лишь самому себе и, поэтому-то, у него и не возникают муки совести. Ведь слово «самодур» в русском языке буквально означает дурить (обманывать) лишь самого себя. И таких «уловок», позволяющих русскоязычному населению грешить без испытанья мук и угрызений совести, в русском языке довольно таки много.

Негативные ассоциации, вызываемые в подсознании определительным местоимением «сам»

Не только лексема «самодур», но и большинство других лексем с префиксом «само-», относящихся к человеку или же к его деятельности, имеют негативную оценочную коннотацию: «самозванец», «самоуправец», «самохвал», «самолюбивый», «самодовольный», «самонадеянный», «самоуверенный», «самовластительный», «самовластный», «самоуправный», «самочинный», «самовольный», «самовосхваление», «самообман», «самоуничижение», «самоунижение», «самосуд», «самогон». И, если во многих других языковых картинах мира слово «самодельный» (кустарный) ассоциируется с искусством и имеет положительную коннотацию, то в русской ЯКМ оно, наоборот, имеет негативную оценочную коннотацию. Ведь в ней предполагается, что всё фабричное заведомо лучше изготовленного самостоятельно. К тому же, и понятие «самодеятельность» часто связывается с недозволенностью и имеет, если уж и не негативную, то всё же ироническую окраску. Всё это вместе с детской (психически инфантильной) боязнью самости бессознательно влечет русскоязычного людишку к бегству от самостоятельности (укр. «самостійності») а, тем самым, и формирует его патологическую приверженность к коллективизму:

«Оценочность, свойственная местоимениям в русском языке, наглядно демонстрирует установку национального сознания на осуждение индивидуализма, эгоцентризма, «выпячивания» собственного я. Это выражается, например, в отрицательной оценке, которая свойственна производным от местоимения «я» (ячество, якать), заимствованному слову «эгоизм» (производному от латинского «его» – я), а также лексеме «эгоцентричность»; словообразованиям от возвратного местоимения «себя» (себялюбие, себялюбство, себялюбец, себялюб), сложным словам, включающим в качестве первого компонента определительное местоимение «сам» (самодовольство, самолюбование, самовлюбленность, сомнение, самонадеянность, самовосхваление). Слово «самолюбие» обладает потенциальной отрицательной оценкой, о чем говорит типичная сочетаемость: «безграничное, болезненное, заносчивое, мелочное, мальчишеское, ребяческое, необузданное, непомерное, раздутое, уязвленное, чудовищное (разг.) самолюбие...» (Л.Г. Смирнова, «Оценочность местоимений в русском языке», <http://ruskayarech.ru/files/issues/2011/1/11-smirnova.pdf>);

«Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке сомнение, самое наглое. Николай Иваныч, который когда-то в казенной палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы...» (Антон Чехов, «Крыжовник», <https://mybook.ru/author/anton-pavlovich-chehov/kryzhovnik/citations/?page=30> <http://chehov.niv.ru/chehov/text/kryzhovnik.htm>)

Негативные же ассоциации, вызываемые в подсознании определительным местоимением «сам», настолько сильны, что чрезвычайно обостряют у русскоязычного

человека и бессознательный экзистенциальный страх к полетам на самолётах (укр. «літаках»). Так как русскоязычные челядишки являются ведомыми (управляемыми кем-либо), то всё буквально «самодвижущееся» (воспринимаемое подсознанием как вообще ни кем не управляемое), конечно же, будет вызывать у них бессознательные страхи, присущие у других народов, как правило, лишь детям:

«Социологи выяснили: россияне – нация, больше всего подверженная аэрофобии. 55% наших соотечественников со страхом садятся в самолет, а около 30% начинают в салоне настоящего паниковать» (Елена Нечаенко, «Как справиться с аэрофобией», <http://www.aif.ru/health/life/27495>);

«Страх перед полетом испытывает почти треть (31%) российских граждан, а пятая часть россиян (22%) предпочитают не пользоваться авиатранспортом. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного международной системой поиска авиабилетов Momondo.ru. В опросе приняли участие более 1000 интернет-пользователей, говорится в пресс-релизе компании, поступившем в Euromag... Почти половина опрошенных (48%) пытаются отвлечься музыкой, просмотром фильмов или играми. 28% россиян притупляют страх алкоголем и только 2% – снотворным» («Почему россияне боятся летать», <http://tomnosti.info/dorogi-voprosi-i-otveti/skolko-pogiblo-na-dorogah-v-2017-godu.php>);

«Любой пассажир, зарегистрировавшись на рейс и сдав багаж, сможет зайти в центр и получить психологическую поддержку. Центр откроется в терминале E, в зоне прилета, куда свободно могут зайти и вылетающие пассажиры. Помещение уже подобрано. Такая служба крайне необходима. Примерно 30% россиян панически боятся летать и часто глушат свой страх алкоголем» («В Шереметьево откроется центр по борьбе с аэрофобией. Первый в российских аэропортах», <http://fullboard.info/materials/articles/v-sheremetevno-otkroetsya-tsentr-po-borbe-s-aerofobiey-pervyy-v-rossiyskih-aeroportah/>).

И доводы то о том, что самолет является самым безопасным (после лифта) видом транспорта, конечно же, не помогают. Ведь сознанию не подвластны бессознательные лингвопсихические установки ЯКМ и, поэтому-то, ему не так-то просто побороть вызываемые ими бессознательные страхи. Вытеснение же осознанных страхов обратно в подсознание весьма чревато кошмарными сновидениями и преследованием человека спонтанно возникающими навязчивыми идеями.

Народная мудрость гласит: «Как назовешь корабль, так он и поплывет». Очевидно, россияне весьма опрометчиво назвали «воздушное судно» самолётом. Бессознательные страхи, связанные с боязнью того, что оно само «поплывет» (полетит) и причем не так «как надо», неизбежно сформируются этими лингвопсихическими установками в подсознании психически инфантильного русскоязычного человека и будут постоянно довлеть над ним.

И в соответствии с прежним смыслом слова «довлеть» этих бессознательных страхов вполне достаточно (довольно) для того, чтобы он так и не отправился в полёт. Ведь слово «довлеть», всё еще вызывает в подсознании ассоциации, связанные с его прежним, а не с нынешним значением (смыслом):

«Считаю своим долгом поднять голос против нелепого но, тем не менее, очень распространенного употребления слова «довлеть». Этого слова нет в русском языке: оно употреблялось только в церковнославянском. Пример: «Довлеет дневи злоба его». В переводе это буквально значит: «Довольно для каждого дня его заботы». «Довлеет» в полногласии – «доволеет». А так как в русском языке такой формы глагола нет, то он переводится словом довольно. От этого архаического глагола (от основы его) произошли и живут такие слова, как «у-довле-творение», «у-доволь-ствие», «само-довле-ющий» и т.п. Н. Лесков, превосходный знаток и русского живого, и старославянского мертвого языков, глагол «довлеть» употребляет правильно в стилизации поповской речи, например, в «Соборях»: «Довлеет тебе, яко вороне, знать свое «кра», а не в свои дела не мешаться», т.е. довольно тебе, как вороне, знать свое «кра» и т.д. Там же: «Может быть довлело бы мне (т.е. довольно было бы мне) взять вервие и выгнать им вон торгующих...». У нас же слово «довлеет» неверно употребляется в смысле давит, тяготеет, господствует. Это, конечно, не словотворчество, а безграмотно выхваченное слово из мертвого языка и по отдаленному созвучию безответственно пущенное в обиход...» (Федор Гладков, «О неправильном словоупотреблении [глагола «довлеет» и числительного «пара»]», <http://editorium.ru/868/>);

«Так постепенно, исторически подготавливается образование нового глагола «довлеть над кем-, – чем-нибудь» в значении – тоже новом: «тяготеть, господствовать над кем-, – чем-нибудь», «оказывать решающее влияние, воздействие». Следовательно, нельзя признать отражающим исторический ход изменений слова «довлеть» заявление Ф.В. Гладкова о том, что у современных писателей это «безграмотно выхваченное слово из мертвого языка и по отдаленному созвучию безответственно пущенное в обиход». Не следует отождествлять или смешивать историческое движение слова с субъективным, личным, вкусовым восприятием изменений в его судьбе. Для меня лично (так же как и для Ф.В. Гладкова) употребление «довлеть над кем – чем» неприемлемо, т.е. моему стилю оно чуждо. Но нельзя закрывать глаза на то, что такое словоупотребление в языке современной советской литературы распространяется все шире и большие знатоки современного русского языка не брезгают им» (Виктор Виноградов, «О культуре речи и неправильном словоупотреблении», Лит. газета, 1951, 11 дек., № 146, с. 2–3, <http://editorium.ru/869/>);

«Новое слово может возникнуть на могиле, так сказать, умершего слова, посредством его переосмысления. Пример – современный глагол «довлеть» (над чем-нибудь) произошел от унаследованного русским литературным языком старославянского «довлети» в значении «быть достаточным» (ср. церковнославянское, евангельское выражение: «довлеет дневи злоба его», т. е. «достаточно для каждого дня своей заботы»; отсюда – злободневный). Слово «довлеет», употреблявшееся особенно часто в безличной форме, в конце XVII века получило новый смысл – «надлежит, подобает» (вместо – «довольно, достаточно»). В «Русской грамматике» проф. А.А. Барсова содержалось замечание: «Не понимающие церковных книг погрешают, употребляя «довлеет» (т. е. довольно) вм. «подобает» или «надлежит» (Буслаев Ф.И. Извлечение из «Русской грамматики» профессора Барсова // В воспоминание 12-го января 1855г., М., 1855, с. 15). Например, в письме Петра I к царевичу Алексею Петровичу

(от 14 сентября 1708г.): «А и в Посольском приказе людей их держать не велеть, но когда учинят какое худо, и тогда их отсылать велеть к ним и требовать от них на них сатисфакции, а самим их наказывать не довлеет, понеже то противно всенародным правам, отчего государственные ссоры происходить могут» (Русск. старина, 1892, май, с. 390)...» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/dovlet.html>).

Переосмысление москвитами церковнославянской и древнекиевской лексики

Подавляющее большинство населения бывшего Московского улуса Золотой Орды не являлось исконно славяноязычным. И поэтому-то, оно часто и искажало истинный смысл, как книжных церковнославянизмов, так и позаимствованных им в свою живую речь славянизмов и русизмов. Для того же, чтобы библейские тексты москвитами понимались не искаженно, их и приходилось постоянно корректировать, что и делали приглашенные из Украины правники (ведь собственных грамотеев в Московии просто не было). Особенно актуально это было при типографском тиражировании церковных текстов:

«Вместо употребленного в рукописных «Апостолах» выражения «блюдете псы, блюдете злыя делателя» напечатано, как и в последующих изданиях той же книги, «блюдетесь от псов, блюдетесь от злых делателей». Подобная замена объясняется тем, что к XVI в. глагол «блюсти» утрачивает одно из древних, когда-то свойственных ему значений «остерегаться, беречься» и приобретает буквально противоположный семантический оттенок. Аналогичное смысловое изменение пережили глагольные формы «гони», «гоните», которые получили новое значение «преследуй». Поэтому выражение «страннолюбив гоняще» было заменено сочетанием «страннолюбия держащися». Подобным же образом существительное «утроба» в значении милосердие заменяется в тексте печатного «Апостола» словом «милость...» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php);

«Древние невежи речение «напрасно», знаменующее «нечаянно», навеки учинили «тщетно» (Александр Сумароков, Полн. собр. соч., 1787г., Т. 10, с. 29). «В языке ранних стихотворений Пушкина слово «позор» (укр. «ганьба», серб. «срамота», – П.Д.) употребляется в своем старом, церковно-славянском значении: «зрелище» (серб. «позориште» – театр, – П.Д.). Так, в оде «Вольность» (1817): «Везде бичи, везде железы, законов гибельный позор»... С начала 20-х годов это архаическое значение слова «позор» отмирает в Пушкинском языке. И с этого времени Пушкин употребляет слово «позор» в современном значении: «бесчестье, постыдное, презренное положение». Например, в стихотворении «Кинжал» (1821): «Свободы тайный страж, карающий кинжал, последний судия позора и обиды» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/posor.html>);

«В современном русском языке слово «позор» равнозначно бесчестью, сраму, унижению. А вот в Болгарии и Сербии вам могут предложить пойти в «позориште». Не пугайтесь, речь не идет о каком-либо сомнительном заведении. Позориште там – это всего лишь театр. Дело в том, что в южно- и западнославянском языках слово «позор» сохранило свой первоначальный, истинный смысл. Да и у нас, в России еще полтора-два столетия назад этот смысл слова «позор» был основным. Если вы откроете словарь Даля, то прочитаете, что позор – это «зрелище, то, что представляется взору»... Современное же значение «стыд», «срам», «бесчестье» слово «позор» приобрело от распространенного в России наказания – преступников выставляли у «позорного» столба на всеобщее обозрение, т.е. на позор, под которым постепенно стало пониматься «зрелище постыдное для его виновника». В чешском и польском языках «позор» до сих пор значит «внимание», «смотрите». «Позор на пса!» – пишут у них на воротах вместо нашего: «осторожно, злая собака!»...» (Сергей Цветков, «Какой позор!», http://zaist.ru/news/slova/kakoy_pozor/).

В чешском же и в словацком языках до сих пор «rozognost» – внимание, а «rozognu» – внимательный. Конечно же, подсознанию, в отличие от сознания, это переосмысление вовсе не доступно. И в контролируемой им внутренней речи ассоциативные связи внутренних форм родственных слов обеспечивают восприятие им слова «позор» лишь как зрелища или же внимания. И поэтому-то русскоязычный человек так легко и переносит любой свой позор, не получая от своего «невежественного» подсознания адекватной оценки смысла слова «позор» в своей внутренней речи, а тем самым и благополучно избавляясь от угрызений своей обманутой совести.

«Сопоставляя такие современные слова, как «краткий» и «короткий», «здравый» и «здоровый», «власть» и «волость», «преступить» и «переступить», «рождать» и «рожать», «участие» и «участок», «совратить» и «своротить», «равный» и «ровный», «пристанище» и «пристань», «избрать» и «выбрать», «свергнуть» и «сбросить» и многие другие, мы замечаем, что они различаются по значению. Иногда, правда, есть и нечто общее в значениях этих слов, например, можно сказать «краткая речь» и «короткая речь», однако можно сказать «короткие волосы», но нельзя сказать «краткие волосы». Чем же объясняется различие в их значениях? Славянизмы «краткий», «здравый» и другие употреблялись в древней письменности главным образом в церковно-книжных текстах, а соответствующие исконно русские слова – в светских. Как уже говорилось, в церковно-книжных памятниках религиозно-моралистические рассуждения преобладали над сюжетными рассказами; для светских памятников типично конкретное, динамическое описание. Поэтому естественно, что, например, слово «кратки» сочеталось главным образом со словами абстрактно-духовного характера (время, житие, жизнь, животь – «жизнь», вѣкъ, лѣто, царствие, постъ, слово, глаголь, бесѣда, молитва и т. п.), а слово «короткии» – со словами, обозначающими конкретные предметы. Первоначально «краткии» означало то же самое, что и «короткии»: в древних памятниках имеются единичные примеры употребления этого слова с названиями конкретных предметов (краткая одежда, власы кратки). Однако наиболее типичные употребления слова «краткии» постепенно стали единственно возможными: оно стало сочетаться только со словами абстрактно-духовного характера, а сочетания его с названиями

конкретных предметов стали невозможными. Слово изменило свое значение, и причина этого в особенностях употребления слов в церковно-книжных памятниках. А эти особенности обусловлены содержанием данных памятников. С изменившимся значением слово прочно вошло в русский язык» (Игорь Улуханов, «О языке Древней Руси», http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke21/).

Слово «крупный» (ст.-слав. «кроупъ» – «малый, мелкий»), вообще, изменило свой смысл на абсолютно противоположный и стало означать не малый а, наоборот, большой (возможно, и не без влияния галлицизма «круп», обозначающего большую заднюю часть тела лошади; франц. «сгоур» – «круп, зад»). И это ведь тоже приводит к «вывиху» подсознания русскоязычного человека, так как однокоренное со словом «крупный» слово «крупница» тождественно для него самой малой нерасчленимой части чего-либо – мелкой единице (мелочи). Слово же «мелкий» (укр. «дрібний»), означавшее ранее лишь «неглубокий», стало в русской ЯКМ означать и любой малый предмет (возможно, и не без влияния лит. «smulkus» – незначительный, «menkas» – «небольшой, редкий»).

Если славянизм изменял свое значение, то он переставал быть синонимичным русскому слову, и это способствовало сохранению его, как в живой речи москвитов, так и в книжном русском языке. Однако же, к сожалению, при этом неизбежно происходил разрыв между потаенным смыслом слова и новым его значением, а тем самым, конечно же, возникала и дисгармония в структуре соответствующего этому слову концепта:

«Распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса идет в литературе уже давно...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», http://rulibrary.ru/bunin/okayannye_dni/43/);

«Смысл – это путь, которым люди приходят к имени», – эти слова известного логика и математика Готтлоба Фреге (1848-1925), которыми он резюмировал отношение между смыслом и именем применительно к математической логике, справедливы и для культуры» (Юрий Степанов, «Концепт», <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>).

Отсутствие у русскоязычного людишки бессознательного противления преступной деятельности

«Глагол «преступити», например, первоначально означавший то же, что и «переступити», в подавляющем большинстве случаев употреблялся переносно – в сочетании со словами «заповѣдь, законъ, уставъ, завѣтъ, повелѣние, предание, клятва, обѣщание, обѣтъ» и т. п. Такие сочетания были очень распространены в религиозной литературе. С течением времени глагол стал восприниматься как нечто неотделимое от этих слов. В сочетании со словами – названиями конкретных предметов (например, «преступити порогъ») он встречался редко: содержание церковно-книжных памятников не способствовало частому употреблению этих сочетаний. Такое ограничение сочетаемости глагола и явилось причиной изменения его значения. Он стал означать «совершить дурной поступок, нарушить нормы поведения, закон и т. п.». Это изменение отразилось и в словах «преступление, преступный и преступник», образованных от глагола «преступити» (Игорь Улуханов, «О языке Древней

Руси», http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke21/).

Но ведь же, подсознание, в отличие от сознания, воспринимает лишь значение слова и совершенно не реагирует на такую тонкость, заключающуюся в отличии смысла слова «преступить» от смысла слова «переступить». И, поэтому-то, достаточно опытный русскоязычный преступник обычно и не испытывает, как мук совести в процессе совершения преступления, так и угрызений её позже. А это значит, что «переступить ему через закон» – это всё равно, что «один раз плюнуть». Если же кому-либо, совершающему преступление впервые, так и не удастся подавить муки или угрызения своей совести, то он может, даже и не покаившись, а всего лишь исповедовавшись, добиться отпущения своих грехов. И, тем самым, он может всегда благополучно выйти из стрессового состояния:

«Исповедь практикуется лишь для тяжчайших преступников, ибо москвитам надобно только отпущение грехов, но отнюдь не раскаяние. Получив благословение своих попов, они почитают себя очистившимися, и страх исповеди, в противоположность другим христианам, не удерживает их ни от воровства, ни от смертоубийства. Они почитают за грех выпить молока в постный день, однако же поголовно все – отцы семейств, священники, жёны и девицы – упиваются до бесчувствия по праздникам...» (Вольтер, «История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России», СПб., 1999, <https://coollib.com/b/402703/read>);

«Соня, молча, вынула из ящика два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему (Раскольникову, – П.Д.) на грудь кипарисный крестик. – Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе!.. – Перекрестись, помолись хоть раз, – дрожащим, робким голосом попросила Соня. – О, изволь, это сколько тебе угодно! И от чистого сердца, Соня, от чистого сердца...» (Фёдор Достоевский, «Преступление и наказание», <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=106>);

«Захватывающим интересом отличается психология русских преступников; это неисчерпаемый источник самых разнообразных, противоречивых, сбивающих с толку, невероятных наблюдений, одинаково ценных для врача, моралиста, юриста, социолога. Нет народа, у которого в труднейшую и более грозную форму облекались бы трагедия совести, зачатки свободной воли и атавизма, и вопросы личной ответственности и уголовной санкции. Вот почему любимой темой русских писателей и драматургов является изображение душевных переживаний преступников. Я внимательно слежу за судебной хроникой через переводчика, ежедневно дающего мне обозрения печати; могу заверить, что русская литература не преувеличивает действительности; очень часто действительность опережает плоды писательского воображения. Я всего чаще наблюдаю внезапное пробуждение у русских религиозного чувства немедленно по удовлетворении желания убить или ограбить. Надо прибавить, – как я уже несколько раз упоминал в своем дневнике, – что религиозное сознание русских имеет своим источником исключительно евангельские заветы. Христианское понимание искупления греха и раскаяния живет в душах самых ужасных преступников. Почти всегда после высшего напряжения воли и разряда энергии, этих спутников преступления, у русских наступает внутреннее крушение. Опустив голову, с

потухшим взором и нахмуренным лицом, русский человек впадает в мучительное отчаяние; в нем начинается тяжелый внутренний процесс. Вскоре отчаяние, стыд и раскаяние, неотразимое стремление принести повинную и искупить свой грех – совершенно овладевают им. Он кладет поклоны перед иконой, бьет себя в грудь и в отчаянии взывает ко Христу. Душевное состояние его можно охарактеризовать словами Паскаля: «Бог прощает всякого, в чьей душе живет раскаяние» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml).

Поэтому-то, вовсе, и не удивительно то, что слово «преступление» в русском языке употребляется чаще таких слов, как «честь», «обязанность», «достижение», «изучение», «творчество», «воспоминание» и «реальность» (см.: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, «Новый частотный словарь русской лексики», <http://dict.ruslang.ru/freq.php>).

Да и слово то «проступок» (укр. «провина») для подсознания русскоязычного человека не обладает негативной коннотацией и, следовательно, тоже не может вызвать даже малейших угрызений совести.

Для того же, чтобы не испытывать ни мук, ни угрызений совести, русскоязычные нелюди и назвали обобщенно насилие, массовые убийства, резню и погромы всего лишь расправой. Ведь для подсознания расправить и расправиться означает соответственно сделать прямым или правильным что-нибудь и совершить правое, то есть справедливое деяние. Да и для сознания то слово «расправа» первоначально имело лишь вполне позитивный смысл – «суд, решение суда, приведение приговора в исполнение» (Толковый словарь Ушакова), то есть правосудие. Теперь же сам суд нередко становится расправой (в новом ее смысле) над неугодными властям гражданами:

«В конституционном государстве суд – хранитель и созидатель права. В России не существует независимого нелицеприятного суда. Судьям, их беспристрастию, бескорыстию – не верят. Суд – не уважают. Идея установления истины не дается ни свидетелям, ни экспертам; она им просто не по уму; у них в головах – «справедливость», а не истина. Бытуют неслыханные в мире понятия «достоверного лжесвидетеля» и «честного лжесвидетеля». Большинство защитников – не служители права, а борцы за политический идеал – или уж прямые дельцы. Самое слово «суд» у нас употребляется в смысле расправы» (Юрий Колкер, «Семеро против мифа», 2009, <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Vekhi.htm>; <https://zounb.zp.ua/node/4776>).

Атеизм вместе со спровоцированной просвещением блокировкой русской ЯКМ бессознательных морально-психических установок привели к неостребованности не только угрызений совести, но даже и раскаяния в совершенных преступлениях. И, как следствие этого, возникло даже такое ранее невиданное явление, как «беспредел», основывающееся на наличии в русскоязычном примитивном обществе большого количества нелюдей – «отморозков»:

«Появились в России и вошли в обиход такие, не существовавшие в культурном русском языке слова-понятия: «раздрай» (политический раздрай) и «беспредел» (абсурдно

сочетаемый с определением «правовой»). В понимании постсоветского обывателя «вседозволенность», «раздрай» и «беспредел» часто оказываются если не синонимами, то, по крайней мере, основными признаками полученной свободы. Тем самым наносится непоправимый ущерб правильному толкованию понятий «свобода личности» и «права человека». В ностальгической тоске по утраченному рабству люди становятся инертными или агрессивно озлобленными» (Иван Свиридов, «У стен нового Иерусалима // Другая свобода», http://radiosofia.ru/sviridov/2_02.html);

«Работа памяти и работа понимания мучительна и болезненна. Но что бывает, когда такой работы не проделывают? Нерепрезентированное страдание должно быть выражено, должно быть как-то отреагировано. Единственный способ, которым травмированный человек может пытаться избавиться от непереносимого переживания, – это создать такое же переживание в другом. Неудивительно, что Россия в последние годы наблюдает столько насилия. Затаенный страх, ненависть, зависть, беспомощность и унижение ищут своего выражения и находят его в жестокости...» (Н.И. Кигаи, «Травма – прошлое и настоящее», <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2608>);

«Мы все, выросшие в России, – внуки жертв и палачей. Все абсолютно, все, без исключения. В вашей семье не было жертв? Значит, были палачи. Не было палачей? Значит, были жертвы. Не было ни жертв, ни палачей? Значит, есть тайны. Даже не сомневайтесь!.. Нам часто кажется, что лучший способ защититься от прошлого – это не тревожить его, не копаться в истории семьи, не докапываться до ужасов, случившихся с нашими родными. Нам кажется, что лучше не знать. На самом деле – хуже. Намного. То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас – через детские воспоминания, через взаимоотношения с родителями. Просто, не зная, мы этого влияния не осознаем и поэтому бессильны ему противостоять. Самое страшное последствие наследственной травмы – это неспособность ее осознать. И как следствие – неспособность осознать то, до какой степени эта травма искажает наше сегодняшнее восприятие действительности. Неважно, что именно для каждого из нас сегодня является олицетворением этого страха, кого именно каждый из нас сегодня видит в качестве угрозы – Америку, Кремль, Украину, гомосексуалистов или турков, «развратную» Европу, пятую колонну или просто начальника на работе или полицейского у входа в метро. Важно – осознаем ли мы, до какой степени наши сегодняшние личные страхи, личное ощущение внешней угрозы в реальности являются лишь призраками прошлого, существование которого мы так боимся признать?» (Владимир Яковлев, «То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас», <http://ehorussia.com/new/node/12901>);

«Русский социум характеризуется высоким уровнем хаоса и имманентными тенденциями хаотизации. И высокий уровень репрессии этим фундаментальным обстоятельством как раз и обусловлен, о чем много писал Александр Ахиезер. Традиционное сознание живет в убеждении, что только репрессия и страх перед властью, всегда готовой ее осуществить, защищает русский мир (вечного детства, – П.Д.) от страшного лика хаоса. Стоит снизить уровень репрессии, и хаос поглотит все. Поэтому когда страх перед властной

репрессией исчез, страх перед хаосом, ею больше не сдерживаемом, остался. Такого рода соображения отнюдь не беспочвенны. В 20-е и в начале 30-х годов прошлого века бытовала поговорка: «Крой Ванька, Бога нет, а царя убили», точно выражающая мироощущение потерявшего страх Божий традиционного человека. Если интериоризированные, встроенные в личность нравственные нормы, являющиеся достоянием личности автономной, отсутствуют (а репрессивная культура противостоит их формированию), то снятие страха перед властью земной и небесной рождает абсолютную вседозволенность» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Стоит ли удивляться, что при таком отношении к жизни с появлением «новых порядков», когда многое, слишком многое, отдано на усмотрение людей, совершенно к этому не готовых, когда страх перед наказанием исчез, киллерство превратилось у нас в весьма престижную и доходную профессию. «Заказывают» не только конкурентов – муж «заказывает» жену, жена – мужа, сосед – не понравившегося соседа. Установилась такса, есть охотники лишить человека жизни за «весьма умеренную плату» – и лишают. Ну а «заказать» конкурента, политического соперника, «вредного» журналиста – тут, кажется, действительно считают, что это и сам Бог велел. Угрызений совести не испытывают ни заказчики, ни исполнители – для последних это «работа как работа», ничего особенного. Мужа, отца, сына убивают на глазах жены, детей, престарелых родителей, а часто и их приканчивают, чтобы не оставлять свидетелей. И при выезде за границу наши соотечественники не оставляют прежних привычек, и там сложился стереотип: «все русские – убийцы и воры» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Какие прекрасные русские лица!
Какие раскрытые ясные взоры!
Грабитель. Угонщик. Насильник. Убийца.
Растрептатель. И воры, и воры, и воры...»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>).

Благодаря, как заключенной в русском языке возможности обмана или же усыпления совести, так и стремительному обнищанию русскоязычного населения значительно возросла и криминогенность русскоязычного примитивного общества в целом:

«Статистики подсчитали, что в России треть населения побывало в тюрьмах и поток этот не уменьшается» (Алексей Капустин, «Тюрьма: кто не был, тот будет, кто был не забудет», <https://yablor.ru/blogs/tyurma-kto-ne-bil-tot-budet-kto-bil-ne-zabudet/1389747>; <https://newsland.com/user/4008124292/content/tiurma-kto-ne-byt-tot-budet-kto-byt-ne-zabudet/702893>);

«Два главных русских слова: война и тюрьма. Своровал, погулял, сел... вышел – и опять сел... Русская жизнь должна быть злая, ничтожная. Тогда душа поднимается, она осознает, что не принадлежит этому миру... Чем грязнее и кровавее, тем больше для нее

простора... Для новой революции нет ни сил, ни какого-то сумасшествия, куража нет. Русскому человеку нужна такая идея, чтобы мороз по коже... Так наша жизнь болтается между бардаком и бараком. Коммунизм не умер, труп жив» (Светлана Алексиевич, «О проигранной битве // Нобелевская лекция», <http://www.kp.ru/daily/26467/3338061/>; http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html);

«Россия уже многократно
Меняла, ища, где вольготней,
Тюрьму на бардак и обратно,
Однако обратно – охотней»

(Игорь Губерман, «Гарики предпоследние», <http://guberman.lib.ru/gariki/5PPG/08.htm>);

«По данным Института социально-экономических исследований РАН, к 2011 году в России уже насчитывалось 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих, около 5 миллионов беспризорных детей... Ежегодно в России совершают преступления около 3 миллионов человек, в год происходит более 80 тысяч убийств (из доклада генерального прокурора РФ Устинова). Заключение в стране свыше 1 миллиона, тогда как камеры рассчитаны на 700 тысяч. Народ спит в тюрьмах на «шконках» по очереди. В пресловутом 1937 году эков в более многочисленном тогда Советском Союзе, чем Россия сегодня, было на 200 тысяч меньше. По количеству заключенных на сто тысяч населения свободная Россия с особым путем развития держит беспорный рекорд в мире – 800-810 человек. Даже в крепостническом Китае с неототалитарным угнетением граждан этот показатель меньше...» (Георгий Бурсов, «Крах «русского мира»: кризис, гниение, распад», <http://www.unian.net/rus/news/news-419624.html>);

«Из тюрьмы ощутил я страну –
Даже сердце на миг во мне замерло –
Всю подряд в ширину и длину
Как одну необъятную камеру»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>);

«Это тюремная субкультура, это очень жесткое иерархическое устройство общества внутри тюрьмы, которое накладывает на человека неизгладимый отпечаток. Человек, который три-четыре года отсидел в тюрьме, никогда не станет таким, каким он был раньше. Он будет влиять и переносить эти, так сказать, вирусы и микробы дальше. Он будет влиять на свою семью, если она у него осталась, на окружающих, и так далее. Это очень сильное влияние, которое Россия испытала на себе в полной мере при очень большом тюремном населении, при постоянной ротации, при определенной героизации тюремного мира. Это действительно мир мученичества, это правда. Тюремная субкультура вылилась в население и стала альтернативной культурой, а может быть, уже и приближается к тому, чтобы стать основной...» («Тюрьма и Россия», <http://www.polit.ru/article/2005/03/19/tjurma/>).

Да и пресечь то любое злоупотребление или же преступление для подсознания – это всё равно, что «пересечь» его, то есть – спокойно пройти мимо, «переступив через него». Возможно, благодаря и этому:

«Русская идея – это агрессивное смирение. То есть, настоящий русский человек не только готов мириться с окружающей его подлостью и несправедливостью, он требует такого же поведения и от окружающих. «Милосердный к жестоким будет жесток к милосердным» – вся психология русского человека строится на этом вот «милосердии к жестоким». Желание бороться за свои права, наказывать виновных, требовать справедливости считается глупым, а то и не этичным...» (Александр Володарский, «Русское», <https://www.shiitman.ninja/2010/04/19/russkoe/>; <https://shiitman.livejournal.com/496783.html>).

И поэтому-то:

«...привычка этой страны (СССР, – П.Д.) ко всеобъемлющей и все проникающей подлости стала ее подлинной натурой» (Александр Зиновьев, «Иди на Голгофу», Мюнхен, июль 1986 г., <http://lib.com.ua/books/6/378n1.html>);

«Формы низовой репрессии еще более многообразны. Насилие встроено в ткань обыденной жизни. Отечественная бытовая среда, строй межличностных отношений, драка стенка на стенку по праздничным дням, обязательная пьяная драка на свадьбе, дегтемазы, поджог хозяйственных и жилых строений, хулиганство, семейное насилие, драки и немотивированные убийства «по пьяному делу», древняя крестьянская традиция самосуда, возрождающаяся в эпохи революций и гражданских войн... В периоды смут и «проседаний» государства уровень низового насилия резко возрастает. Погромы, мародерство, власть преступных группировок сдвигает социальную реальность к параметрам догосударственного существования. В XX веке Россия переживала такое неоднократно. Отдельного упоминания заслуживает культура хамства. Хамство – форма психологической репрессии, перманентно подавляющей тенденции становления отдельного человека и разворачивания универсума личности. Подавление личностного начала – одна из магистральных функций русской культуры. Хамство деятельно отрицает претензию на достоинство, не связанное с данным властью статусом «пастыря» либо со старшинством в системе патриархальной культуры, заданным гендером, возрастом, социальным положением (отец семейства). Оно является механизмом поддержания традиционно сословного общества и эффективной стратегией противостояния перерождению этого общества в сообщество равных и независимых индивидов. Хамство присуще как низовой, так и властной культуре России. Это то, что их объединяет...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Да, верно, уважение к личности, представления о гуманизме, о ценности самой человеческой жизни у нас такие, что ужас иногда берет. А уж над общественными сортирами только бомж брезгливо не издевался, говоря, что это и есть лицо нации. Ну так что ж теперь – повеситься? Или быстро менять обличье, имя, паспорт и пристраиваться грузчиком в

Кёльне? Так от себя не уйдешь...» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«Русский человек подл и преступен и прекрасно это понимает. Отсюда его постоянное самоуничужение – своего рода покаяние, и осознание того, что преступнику нужен надзиратель. Своя воля губит русского, ведет к преступлению. Только обретя тюремщика над своей душой, он облегченно вздыхает. И, сваливает на последнего все свои грехи» (Ѓomumi бэхэс, «Мысли о России»).

И ведь же такое хамское, подлое и преступное поведение русскоязычного людишки, не только подверженного страстям, но и уверенного в простительности своего безрассудного поведения и не признающего никакой личной ответственности за всё происходящее, провоцируется, прежде всего, самим русским языком:

«Русские склонны к покаянию: чувство вины – основа морали. Расставаясь надолго или навсегда, русский просит простить его: «прости, прощай»...» (Арсений Гулыга, «Формулы русской идеи», http://www.patriotica.ru/religion/gulyga_rusidea.html);

«...в русском языке много форм и конструкций для выражения идеи коллективности, соборности; хорошо разработано поле глаголов со значением эмоций, душевных переживаний и страстей, что необходимо для познания человеком самого себя, покаяния и борьбы со своими страстями; для русского человека важны отношения между людьми, и в русском языке существуют разнообразные средства для выражения тончайших нюансов в этих отношениях и т.д.» (Е.В. Петрухина, «Русская языковая картина мира и православное сознание», <http://www.portal-slovo.ru/philology/39036.php>).

Лексическая шизофрения

Согласно русской ЯКМ, в отличие от всех других индоевропейских ЯКМ, ни на что, кроме жалости, не годного (укр. «нікчемного» – ничтожного, «жалюгідного» – достойного лишь жалости) психически инфантильного человека следует не презирать (укр. «зневажати», «нехтувати»; англ. «scorn», «despise», «d disdain», «contemn»), а, наоборот, призерать, то есть тщательно опекать (англ. «patronize»), так как для подсознания внутренние формы слов «презирать» и «призерать» являются тождественными. Поэтому-то жалкие ничтожества, нуждающиеся в тотальной опеке авторитарной властью, и чувствуют себя вполне комфортно в русскоязычном психически инфантильном обществе, паразитируя на тех, кому приходится их опекать и брать на себя ответственность за благополучие всего общества:

«У бабушки 6 сыновей и 3 дочери, и она больше всех любит неудачника, который пьет и сидел в остроге» (Антон Чехов, «Записная книжка I», с. 112, <http://chehov.niv.ru/chehov/dnevniki/zapisnaya-knizhka-i-4.htm>);

«Переносные употребления были наиболее типичны и для глагола «презърѣти». Исконным прямым значением этого глагола было «смотреть (посмотреть) мимо чего-либо»,

например: «идеть... презря и не видя лежащих... больны(х)» («16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского», по списку XIV в.). Оно складывалось из значений составляющих это слово частей: глагола «зрѣти» – «смотреть» и приставки «пре-», имевшей в данном глаголе значение «через, мимо». Однако применения глагола в этом значении были единичными. Абсолютно преобладали его употребления в значении «не обращать (обратить) внимания на что-либо». При этом глагол мог означать, во-первых, оставление без внимания порока, греха, прощение их [например, «милует же «всѣ(х)»... и «презри(т) грѣхи ѿвѣкъ кающи(х)ся» («Житие Варлаама и Иоасафа», по списку XIV – XV вв.); любопытно, что так же изменялось значение польского глагола «przebaczyć» – «простить, извинить», образованного от глагола «baczyć» (ср. украинское «бачити» – «видеть») и приставки «prze-»]; во-вторых, невнимательное, недружелюбное отношение к кому- или чему-либо, например: «и житє се лестное (т. е. обманчивое, лживое) «презрѣша а вѣчное възлюбиша» («Поучение о посте», Троицкий сборник, конец XIV в.). Современное значение восходит к употреблению второго типа; аналогично развивалось значение слова «ненавидеть» (от видеть, как презреть от зреть). Развитие переносных значений свойственно многим славянизмам. Не имея возможности подробно рассматривать другие примеры, приведем лишь несколько слов, указав их первоначальные значения. Славянизм «обязать» обозначал то же, что «обвязать»; «отвергнуть» – то же, что «отбросить»; «отвлечь» – то же, что «оттащить»; «исказить» – то же, что «испортить»; «погрузнуть» – то же, что «погрузиться, утонуть»; глагол «подражать», родственной слову «драга» – «дорога», первоначально означал «идти за кем-либо той же дорогой»; оградить значило то же, что «огородить»; «просветить» – то же, что «осветить», и т.п. (Игорь Улуханов, «О языке Древней Руси», http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke21/);

«На слух отличить «презрение» и «призрение» невозможно, поэтому большинство новообращенных в недоумении: за что Бог призывает презирать вдов и сирот, которым и так несладко? Старое слово «призрение», означавшее «забота», «уход», было вместе с «милосердием» объявлено «поповским» и изъято из обихода, вместе с домами призрения, в которых до революции содержались нуждающиеся в жилье, питании и уходе: вдовы, сироты, инвалиды, престарелые (Иак. 1:27, Пс. 112:6). «Возмутился» – означает не негодование, как сегодня, а смуту, восстание, смущение духа, растерянность, взволнованность (Ин. 11:33, Ин. 13:21, 2 Пар. 13:6, Иер. 4:17, Дан. 2:1, и др.). «Восстал» означает не восстание народа против угнетателей, а ближе по смыслу к словам «встал», «появился», «начал действовать» (Исх. 1:8, Чис. 32:14, Ис. 24:9, Суд. 2:10, Суд. 5:7, Лук. 9:7, Деян. 15:5 и др.). «Восхищаться» – означает не «приходить в восторг», а «быть взятым, захваченным, похищенным» (1 Фес. 4:17; 2 Кор. 12:2,4; Откр. 12:5). Однокоренное слово «хищник» означает «хватающий», «берущий», в переносном смысле – вор (1 Кор. 5:10, 11; 6:10; 1 Тим. 1:10). «Предупредить» – не значит «предостеречь». Оно означает «предварить, обогнать, прийти раньше» (1 Фес. 4:15; Марк 6:33). «Точило» – не приспособление для заточки инструмента, а ёмкость для сбора «точащего» (текущего) виноградного сока. До сих пор этот корень используется в выражениях «электрический ток», «кровоточит». «Тварь» – сегодня используют в ругательном смысле. Настоящий смысл – «творение; то, что сотворено». Проповедники

ошибочно употребляют множественное число, как «твари». Это множественное число от ругательства. Слово «тварь» – это уже множественное число, и употребляется только в таком виде... «Соображать, задорный, лобное место, исполнить, исповедать, искушенный, любезный, соревнование, снести, суд, худой, часть, обделал, нечистота, отличный, хорошо, целомудрие, обнаружить, господство, настоящее, обиженный, чтение, надзиратель, увлекающий, член, седалище, влагище, художник, разрешить, устав». Выше описаны способы понять, почему сегодня это звучит (в другую сторону), или меняет смысл с духовного на физический (и обратно)» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

И ведь такая «лексическая шизофрения» – это не что иное, как сущее издевательство над подсознанием русскоязычного человека, заставляющее его превратно (искаженно, ложно) реагировать на слова. Да ведь и сам славянизм «превратно» имеет в русском языке не только извращенный, но и не однозначный смысл:

«Превратный, превратная, превратное; превратен, превратна, превратно. 1. Непостоянный, переменчивый. Превратное счастье. Превратная судьба. 2. Искаженный, ложный; противоп. истинный. Превратное толкование. Составить превратное понятие о чем-нибудь. Превратно понять и истолковать чьи-нибудь слова. «Это лицо есть некто гражданин Нежданов, сильно мною заподозренный в превратных понятиях», – Тургенев» (Толковый словарь Ушакова).

К тому же таких слов-оборотней в русском языке очень много:

«Выдержкой мы называем умение человека владеть своими эмоциями, не давать волю низменным проявлениям, умение прилично вести себя в обществе и вообще проявлять самообладание в сложных ситуациях... В большинстве словарей это слово так и переводится: самообладание. Почему же в христианстве выдержка считается отрицательным качеством? Потому что значение у этого слова первоначально было совсем другим. Слово «выдержка» понималось как чисто механическое сдерживание внешних проявлений порока без борьбы с его внутренними причинами, без борьбы с самим пороком. Как сокрытие своей порочной сущности с целью произвести благоприятное впечатление на окружающих и убедить себя самого, что я – «герой». Выдержка помогает человеку внешне скрыть отрицательные устремления своей души так, чтобы другие о них не догадались. А иногда удается обмануть и самого себя, убедить себя, что во мне нет этого порока, потому что ведь это не проявляется внешне. Но поскольку порочное устремление остается, то вся жизнь, весь образ действий человека мотивируется этим пороком. Но выдержка позволяет человеку находиться в состоянии самоуспокоенности, в уверенности, что он «контролирует свою страсть», хотя и не борется с ней... А порок тем временем расцветает, захватывая все существо человека. И однажды вырывается наружу. И тогда окружающие в шоке: как мог такой тихий безответный мальчик задушить подушкой сестренку? Или как мог такой приличный и вежливый дядечка изнасиловать несовершеннолетнюю девочку? Или совсем уж немыслимый случай – как могла мать выбросить в окно собственного маленького сына, которого она боготворила, баловала, все позволяла, за то, что ребенок настойчиво кланчил купить ему понравившуюся игрушку в день, когда магазин был закрыт? Потому что

выдержка – это не терпение, не прощение и не работа по самосовершенствованию. Выдержка – это лишь внешнее временное подавление того, что накапливается и однажды взрывается. И чем сильнее у человека воля, тем дольше он может держать закрытой крышку «парового котла», тем большее там поднимется давление, тем мощнее и сокрушительнее будет взрыв. Выдержка способствует сразу нескольким отрицательным явлениям: а) иллюзии, что мы можем бесконечно «держат под контролем» дикого зверя; б) ошибочному мнению окружающих о том, что мы «белые и пушистые», а значит, отсутствия у них осторожности («Чего эта сумасшедшая на меня кинулась со сковородкой? Я всегда так над ней подшучивал, и она не обижалась!»); в) самолюбованию и возвеличиванию себя над другими людьми, так как мы начинаем ставить себе в заслугу свою выдержку; г) самоуспокоенности, принятию решения ничего не менять в своей жизни и в себе, так как снаружи все «надежно замазано»... НАЗИДАНИЕ. Ну, а это слово, наоборот, ассоциируется в нашем понимании с чем-то занудным, ханжеским и однозначно отрицательным. В словаре приводится значение «поучать, давать духовные наставления». «Назидательный тон» вызывает в нашем воображении образ педантичной воспиталки с безжизненными глазами, гнусавым голосом читающей нотации. Но что же такое назидание на самом деле? Рассмотрим его этимологию. Корень «зид» пришел к нам из древнеславянского языка. «Зидам» – строю, «зид» – стена. Отсюда – «созидание». Но если Созидание – это скорее обозначение процесса, то Назидание – более завершенное, более целеустремленное действие, работа на результат. Действие, в котором важна победа, а не только участие. Таким образом, слово «назидать» в его древнем понимании ближе по значению к слову «возводить», «устанавливать», «наводить» (мосты). То есть, создавать разумное, доброе, вечное... И в первую очередь не чтением нотаций, а собственным примером. Возводя и укрепляя здание духовных ценностей в собственной душе, которое в первую очередь привлечет людей своим существованием, а не рассказами о том, «как им должно поступать». СМЕЛОСТЬ. Это слово мы употребляем как синоним слов «храбрость», «бесстрашие», «мужество». И нам зачастую непонятно отрицательное отношение к этому явлению в духовной, и даже часто в светской классической литературе. Неужели, автор призывает нас быть безропотными трусами? Бесхребетными слизняками, боящимися пикнуть? Конечно, нет. Просто слово «смелость» происходит от слова «сметь». И изначальным значением его является не храбрость и бесстрашие, а «дерзость, нарушение нравственных норм, самонадеянность». Наши предки смелым поступком называли не подвиг, а нахальный вызов, смелым человеком – не героя, а выскочку, наглеца. Так что логично употреблять слово «смелость» с положительным оттенком только в том случае, если мы считаем наглость, нахальство и эпатаж положительными качествами. Для обозначения всех остальных человеческих качеств есть другие слова – храбрость, отвага, мужество, самоотверженность, решимость. Ну, а известное всем «смелость города берет» подразумевает под собой как раз такую разновидность боевых действий как неожиданное, наглое нападение, к которому противник не готов, удасть, граничащая с нахальством, деморализующая врага. В данном случае смелость – это характеристика боевой операции, а не моральных качеств участвующих в ней людей. От людей для проведения смелой операции требуется храбрость, самоотверженность и хладнокровие. А смелый, самоуверенный дурак скорее всего такую операцию провалит...

Это лишь несколько слов, изменивших свое значение. На самом деле таких слов в русском языке сотни, если не тысячи... Мы зачастую относимся к словам поверхностно. Не в этом ли одна из важных причин отсутствия взаимопонимания? И не в этом ли одна из причин разрыва связи поколений, не это ли в значительной мере лишает нас возможности в полной мере воспользоваться плодами мудрости предков, источники которой есть, но мы не способны их адекватно воспринять?» («Слова-оборотни», <http://www.myjulia.ru/post/540595/>).

Переосмысливались в Московии и, тем самым, становились словами-оборотнями не только церковнославянские, но и древнекиевские (украинские) слова. На то, что большинство русских лексем являются кальками не только литературных, но и разговорных древнекиевских (украинских) лексем красноречиво указывают, именно, многочисленные переосмысления этих калек. Так, например, калькой украинского слова «наступник», означающего лишь преемника, является слово «наследник» (укр. «нащадок»). Калька украинского слова «сідниці» – *садницы была заменена созвучным ей словом «задница». И это произошло, несмотря на то, что в «Русской Правде» под «задницей» понималось наследство (то есть все наследуемое имущество, как движимое, так и недвижимое):

«Слово «задница» в Русской Правде буквально означало «наследство», то что человек оставляет после (позади) себя. Из летописи известно, что в 1147 году киевляне устроили мятеж и заявили: «Не хотим быть у князей аки в задничи». Это следует понимать не в том смысле, что, мол, не хотим быть у князей в попе, а: не хотим переходить от князя к князю, как вещь по наследству. Иначе говоря, киевское вече хотело само выбирать себе князей» (Сергей Цветков, «Непотребные глаголы», http://zaist.ru/news/slova/nepotrebnye_glagoly/).

А это значит, что «до задницы» было это наследство тогдашним крепостным рабам (холопам), как привыкло выражаться современное русскоязычное население. Не то, что теперь, чем больше «наследись» своей уголовной деятельностью, тем большее наследство достанется твоим наследникам. Этому буквально и соответствует восстанавливающий прежний смысл слова афоризм:

«Задница – это не часть тела, а уровень вашего благосостояния» (Александр Арефьев, «Мудрость с улыбкой», https://escalibro.com/ru/poetry/book/read/19475_mudrost-s-ulyibkoj-tom-2/).

Как видим, ни во Владимиро-Суздальском княжестве, ни позже в Московии бояре и дворяне не имели ни малейшего представления о «Русской правде», и для российской элиты фактически были откровениями обнаруженные лишь в начале 18-го века многочисленные варианты ее текстов, содержащиеся в некоторых старинных рукописях.

Вот еще некоторые примеры переосмысления украинских слов:

«Например: украинское «лихий» – «злой, плохой», у русских «лихой» – «смелый, удалой»; украинское «ляти» – ругать, у русских «лять» – гавкать; украинское «дитина» (ребенок), у русских «детина» – «большой человек»; украинское «запам'ятати» (запомнить) – у русских «запамятствовать» – забыть; украинское «вродливий» (красивый), а у русских это уродливый. И таких примеров полного переосмысления слов (слов-оборотней, – П.Д.) можно привести очень много» («История развития украинского языка»,

http://www.transneed.com/philology/ua_1.html; «Черты украинского языка в древнерусских памятниках – в описании Агатангела Крымского»,
<http://evolv.ho.ua/Cherty%27%20ukrainskogo%20yazy%27ka%20v%20drevnerusskih%20pamyatnikah.html>).

Слово «ДЮЖИЙ, дюжой, дужий» – здоровый, плотный, сильный, крепкого сложенья; крепкий, прочный. «Стар, да дюж: и свеж, и гош». «Взялся за гуж, не говори, что не дюж» (Владимир Даль). Укр. «недужий» – «больной, немощный». А вот переосмысленное русск. «недюжинный» означает:

«Не обычный, выдающийся, выделяющийся (значением, способностями, силой и т. п.). Недюжинный ум. Недюжинная сила. Недюжинный человек» (Толковый словарь Ушакова).

Русск. «задор» стало означать «азарт, рвение, страсть», в то время как исконное его значение имеет совершенно иной смысл: «В.-луж. «zadora», укр. «задор» – «ссора, распря»...» (Фасмер).

Русск. «смыкать» [глаза] – переосмысленное «замыкать» (от слова «замок»), в то время как укр. «смикати» – дёргать.

Украинское слово «стерво», означающее падаль (труп), в русском языке стало лишь ругательством, порочащим человеческое достоинство. Это прочно укоренившееся ругательство, как правило, адресуется женщине, унижает и оскорбляет её:

«На вопрос, почему служба в церквях русской православной церкви ведется не на русском, а на старославянском языке, Московский Патриарх ответил, что современный русский язык не пригоден для богослужения, ибо в нем есть много зла. Тысячи слов и словосочетаний, опошляющих отношения мужчины и женщины и охватывающих все сферы человеческой деятельности нарушают все каноны христианской морали. Назовите мне страну, где бы был целый пласт нецензурной литературы (А. Пушкин, А. Толстой и другие, чего стоит только произведение «Лука Мудищев»), или огромное количество песен в стиле шансон, которые воспевают бандитов и воров и их деяния, как «Мурка», «По диким степям Забайкалья», «Колыма». И самое страшное то, что эти «шедевры» были щедро подарены многим славянским и не славянским народам, став элементом их национальных культур. Воистину есть щедрой великорусская душа» (Сергей Петренко, «Путем позора и предательства», <https://iberiana2.wordpress.com/russia/s-petrenko/>).

Мат как основа лагерного и садистического административного жаргонов

«И лагерный, уголовный жаргон, на котором разговаривает сейчас чуть не вся Россия, от вокзального бомжа до президента, – что это, как не момент истины? Попросту, сбросив все покровы, обнажила себя российская суть. Тюрьма. Колония. Лагерь. И крепостное право – квинтэссенция лагерного образа жизни – тогда объяснимо» (Марина Королева – Маша Берг, «Что значит – родиться в России?», <http://apocalypse-2012.com/revival/rf.html>).

«Раскопки академика Валентина Янина в Новгороде привели в 2006 году к открытию

берестяных грамот с матами. Они намного древнее, чем приход в Суздальское княжество татар. Что ставит ЖИРНЫЙ КРЕСТ вообще на попытке историков увязать маты московитов с языком татар (тюркским). Мало того, эти маты на берестяных грамотах Новгорода соседствуют с элементами финской лексики – то есть, люди, их писавшие, были не славянами (колонистами ободритами Рюрика, приплывшими с Полабья и построившими тут Новгород), а местными полуславянизированными колонистами Рюрика финнами... Евгений Петренко отмечает, что сербское матерное выражение «ебене слунце в пичку» появилось исторически недавно – всего лет 250 назад, и было перенято сербами у венгров в период, когда Сербия попала из турецкого ига под власть Австро-Венгрии при императрице Марии-Терезе. Венгерские летописи еще средневековья переполнены такими матами, которые больше нигде и ни у кого вокруг (славян, австрияк, немцев, итальянцев и пр., в том числе турок) не существовали. Их сербам тогда несла венгерская колониальная администрация, венгерская армия и венгерская аристократия» (Артем Деникин, «В Киевской Руси матерились только московиты»; <http://obozrevatel.com/news/2011/1/11/415200.htm>; <http://gumurls.politiko.ua/blogpost52757>).

Мат, используемый и сейчас преимущественно лишь финно-угорскими народностями и славянофонными (русскоязычными) потомками финно-угров и половцев (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Finnish_profanity), не только снимает эмоциональное напряжение, но и существенно сглаживает в речи русскоязычных людей как недостаточную развитость народных говоров, так и речевую дисгармонию, вносимую многочисленными галлицизмами, славянизмами и другими заимствованиями. И, следовательно, он исполняет в ней весьма важную роль:

«Русский язык формировался в тесной связи с языками угро-финских народов. В отличие от литературного языка, он является очень убогим, и нехватка лексикона компенсируется нецензурной лексикой. В то же время украинский язык в любом селе, не зацепленном русификацией, поражает своим богатством и красотой...» (И.А. Безклубый, И.С. Гриценко, О.О. Шевченко, «История украинского права», <http://coollib.net/b/286110/read>);

«В принципе мат, как хороший мат, настоящий, не тот уличный, который мы сегодня слышим, это просто сакральный язык, которым можно рассказывать действительно абсолютно все. Я увлеклась матом, когда я услышала случайно в Новгородской области, в деревушке, как бабушка дедушке объясняла, как сажать огурцы. Не матерные были только предлоги, понятно идеально. Она не ругалась, она очень ласково, очень дружелюбно объясняла, как правильно сажать огурцы. Это язык, который, к сожалению, нами практически утрачен и превращен в нечто пошлое, гадкое, гнусное и нехорошее. На самом деле это не так. И это отражает очень глубинные пласты сознания» (руководитель российского просветительского христианского центра «Вера и мысль» Ольга Квирквелия, в передаче радио «Свобода», 17 февраля 2002, «Сквернословие с христианской точки зрения // Чем мат лучше водки?», <http://archive.svoboda.org/programs/christ/2002/christ.021702.asp>; <https://ukrmir.info/mifyi-i-pravda-o-russkom-mate/>; <https://politiko.ua/blogpost52757>);

«Ругаются у нас все. Причем бытовая ругань – в трамваях ли, на улице – ничего, кроме чувства брезгливости, не вызывает. Наши предки же в мат вкладывали символический, магический смысл. Для них нецензурщина имела значение оберега. Перебежит черная кошка дорогу – ее нужно обязательно «обложить». И все это осуществляется на подсознательном уровне. С кошкой проще. А когда говорят: «Пошел в п...», в силу вступают более сложные механизмы. Представьте, куда должен пойти посланный человек: туда, откуда, собственно говоря, и вышел. Означать этот посыл может только пожелание смерти. В русском фольклоре вообще инвективная лексика присутствует очень часто. Это относится, прежде всего, к обрядовому фольклору. Свадебная поэзия просто напичкана запретными словами. И слова эти в свадебной песне как мат воспринимаются с трудом. И это обусловлено функцией как самой песни, так и всех слов (со всеми их смыслами) в структуре свадебного обряда, направленного на продолжение рода. А как тут без таких слов, понятных всем и каждому? Существуют, конечно, в свадебных песнях и символы. «Конь», например, фаллический символ. Но это уже другая история» (Евгений Петренко, «Приметы времени. В каждой строчке только точки после буквы «х»...», <http://karavan.tver.ru/html/n374/article6.php>).

Лингвисты и филологи утверждают, что простым людям из народа хватает для общения не более 200 слов и только люди высокой эрудиции пользуются запасом в две тысячи слов. В средневековье же «подлый народ» обходился еще значительно меньшим запасом слов, а если ему всё же и недоставало при этом некоторых слов, то он разбавлял свою эмоциональную речь бранной лексикой. Многие галлицизмы, славянизмы и другие инородные слова, искусственно внесенные в литературный русский язык, так и не смогли лечь на «русскую душу» россиян как из-за слабой их образности, так и ввиду плохой психо-эмоциональной совместимости их с древней туранской народной лексикой (из-за отсутствия или же слабости ассоциативных связей их с ней). А, поэтому-то, они и плохо прижились в живой речи славянизовавшихся туранцев. В не спонтанно же порождаемой эмоциональной речи многие из них заменяются не только междометиями и местоимениями, но и метафорами:

«...язык перестает быть образным, из него вымываются слова общего значения, предпочтение отдается синонимам местоимениям «тот» и «этот». Общение между людьми сводится к ситуативно-контекстному словообразованию, часто на основе одного корня.

- Дай эту фиговину.
- На фига?
- Я ею прифигачу вот эту фигню.
- Так ведь фигня получится!
- А тебе не пофигу?

Как пишут исследователи из Тарту, данный диалог очень напоминает общение высших животных, которые с помощью одинаковых звуков передают друг другу информацию, определенную конкретной ситуацией» (Каин Стюарт, «Русский язык больше не язык», http://rkou.org.ua/zozuleni_yyca.pdf; <https://reporter-ua.com/2012/08/13/uchenye-russkiy-yazyk-otmiraet-ego-mogut-isklyuchit-iz-spiska-yazykov-mira>);

«Особый смысл имеют метафоры, обозначающие духовные и душевные переживания человека, имеющие как когнитивный (познавательный), так и эмоционально-ценностный смысл. В основе метафор эмоций могут быть аналогии с водной стихией – «прилив чувств», «хлебнуть горя», с огненной – «огонь желания», «любовный пыл», с воздушной – «буря страстей», «порыв чувств», с болезнью – «любовная лихорадка», «отравленность завистью» и др. Примечательно, что метафоры разрушающих процессов чаще основываются на аналогии с механическими и внешними действиями: «ревность терзает, гложет», «поедающая зависть», «точит грусть» и т.д.» (Галина Бедненко, «Образы и сюжеты внутренней реальности как реконструкция личного мира: ловушка подхода», http://www.maap.pro/biblioteka/stati/bednenko_lovushka_podhoda.html).

К тому же:

«В эмоциональной речи, порождаемой спонтанно, высказывание не проходит полной обработки и подается на выход грамматически недооформленным или оформленным на скорую руку... Но и в тех случаях, когда внутренняя форма слова вполне прозрачна, когда первичное денотативное значение продолжает бытовать в языке, оно не всплывает в сознании носителя языка при спонтанном употреблении этого слова в ином, исторически производном значении... Лишь тогда, когда мы сталкиваемся с каким-то выражением впервые, мы начинаем соотносить то значение, в котором оно употреблено, с его первичным, буквальным значением, т.е. воспринимаем его как образ...» (Константин Долинин, «Стилистика французского языка», 1987, с. 252, <http://philologos.narod.ru/dolinin/glava6.pdf>; <http://philologos.narod.ru/dolinin/dolinin1987.htm>).

И поэтому-то свою спонтанную аффективную (повышенно-эмоциональную) речь россияне и вынуждены не только редуцировать (упрощать), но и наполнять матом. Именно, из-за этого (а не из-за природной аморальности русскоязычных людей) русскоязычное эмоциональное высказывание и содержит очень часто ненормативную лексику. И невозможно даже себе представить, как бы мог выйти из многих критических ситуаций вовсе не сквернословный русскоязычный человек, если бы у него в запасе не было матерных слов. Ведь любое матерное или же просто бранное слово может заменять в российском «эсперанто», лишь условно называемом русским языком, до сотни различных галлицизмов, славянизмов и даже русизмов (старо-киевской литературной лексики), не гармонично увязывающихся в изрекаемой фразе с другими словами этого новояза:

«Новый (послепетровский) русский язык отчасти был европейским эсперанто, с самого начала в него были заложены возможности и термины уже состоявшихся великих языков Европы. С точки зрения культурной, да и этнической, Россия была Северной Америкой 18 века – русский образованный слой сформировался как сложный конгломерат пришлых немцев, шведов, французов и т.д., и славянско-тюркской основы (чрезмерно насыщенной извращенно переосмысленными украинизмами и тюркизмами редуцированной церконо-славянской грамматической конструкции, – П.Д.)...» (Дмитрий Галковский, «Что надо знать о Пушкине», <http://club.stafka.ru/viewtopic.php?f=6&t=1697>;

<http://galkovsky.livejournal.com/262681.html?media>).

И ведь же мат, как правило, гармонично «вписывается» в редуцированную аффективную речь и с учетом, как контекста, так и интонации произношения (наполняющих речь эмоций) доносит, всё же, до слушателей смысл, заложенный в нем изрекающим.

Положительная же коннотация слов «броня» и «обороняться» (укр. «боронитися») неизбежно распространяется подсознанием и на славянизм «браниться». И поэтому-то русскоязычные люди вовсе и не испытывают никакого дискомфорта когда бранятся. Как видим, мат является естественным дополнением к недостаточно «живому» литературному русскому языку и использование его в живой речи на этом языке является вполне оправданным. И, следовательно, русскоязычный человек просто обречен уже самим своим языком не только на аффективное восприятие действительности и на искусственное формирование сильных эмоциональных состояний (вплоть до истерического), но и на регулярное использование матерных слов и другой бранной лексики в своей эмоциональной речи:

«Церковь осуждала оплакивание умерших, захоронение с ним вещей, проведение поминальной трапезы на могилах, но они оставались важной частью традиционного похоронного обряда. Борьба с плачами над умершими – самой эмоциональной частью похоронного обряда – велась церковью на протяжении нескольких веков. В 1551г. обычай оплакивания покойника был осуждён постановлением Стоглавого церковного собора. В начале XVIIIв. Петр I запретил плачи на похоронах лиц царского дома, но его самого после смерти оплакивали плакальщицы. У вепсов (как и у большинства других русифицировавшихся туранцев России, – П.Д.) плачи-причитания воспринимались как «особый язык» общения с умершими. Считалось, что обычная речь им непонятна, а причитания облегчают им путь в загробный мир. Очевидно, задача свадебных причитаний также первоначально состояла в извещении предков о переходе невесты в другой род, и только после они стали восприниматься как выражение тревоги за будущую жизнь в новой семье... Нельзя было хвалить ребенка при матери. Если кто-нибудь в присутствии матери одобрительно отзывался о ребенке, то ей следовало тут же обозвать ребенка бранными словами: «oj, sina, hero kogo – ой, ты, куча навоза». Перед приходом гостей или выходом из дома ребенка мазали сажей. Особенно боялись сглаза или порчи от людей черноглазых или с тяжелым характером, а также бездетных женщин» (Зинаида Строгальщикова, «Вепсы. Очерки истории и культуры», <http://msu.lenobl.ru/Files/file/vepsu.pdf>; <https://search.rsl.ru/ru/record/01007961214>);

«Русская психика разбирается еще и в аспектах, связанных с так называемой белой Интуицией и этикой драматических эмоций. Первая позволяет прекрасно ориентироваться в вопросах, связанных с «теневыми» аспектами человеческой души (несовершенство, слабость, страдание), а вторая – распознавать эмоциональное состояние, внушать энтузиазм, или же, наоборот, тревогу, безнадежность. В чем это проявляется? Прежде в том, что украинцы сдержаннее в проявлении своих эмоций, чем россияне. Это наблюдается, в частности, в фольклоре: у русских есть такой песенный жанр, как «страдание», а в

украинском – «дума», у русских много красивейших причитаний, у украинцев – только единичные случаи. Причина такого различия в том, что в русской этнопсихике «этика драматических эмоций» является одной из двух наиболее развитых психических функций – «творческой» функцией. «Творческая» функция используется лицом как инструмент влияния на окружение, в данном случае – для создания соответствующей эмоциональной атмосферы, чтобы поднять дух человека или, наоборот, сломать его (в зависимости от поставленных целей). Возможно, с этим связано наличие в русском языке чрезвычайно развитой системы бранной лексики» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», «НПС», №3, 2010, <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/33635>).

С другой стороны «внутренняя форма» матерных слов фактически выхолощена, и общающиеся используют их часто лишь в качестве междометий или же близких к ним слов с интуитивно угадываемой «внешней формой» или же, вообще, не имеющих ее:

«В обыденном общении и литературном творчестве значительной частью мат употребляется не в качестве ругательства как такового, а служит для передачи вполне «мирных» идей и намерений. Например, когда говорят «бля», чаще всего не имеют в виду обругать собеседника «бл...ю», а используют эту формулу, что называется, «для связки слов». Подобное матупотребление мы называем вторичным матом, или матом второго рода, и предлагаемый вниманию словарь является толковым словарем вторичного мата» («Русский МАТ», Антология, [для специалистов – филологов], http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/1000711/Ilyasov_F._-Russkiy_MAT.html);

«До сих пор, говоря о том, как звук получает значение, мы оставляли в тени важную особенность слова сравнительно с междометием, – особенность, которая рождается вместе с пониманием, именно так называемую «внутреннюю форму». Нетрудно вывести из разбора слов какого бы ни было языка, что слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово «стол» значит только постланное (корень «стл» тот же, что в глаголе «стлать»), и поэтому оно может одинаково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала. Под словом «окно» мы разумеем обыкновенно раму со стеклами, тогда как, судя по сходству его со словом «око», оно значит: то, куда смотрят или куда проходит свет, и не включает в себе никакого намека не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия. В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда включает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое («внутренняя форма», – П.Д.) есть знак, символ, заменяющий для нас второе («внешнюю форму», – П.Д.)... Дитя сначала говорит только отрывистыми словами, и каждое из этих слов, близких к междометиям, указывает на совершившийся в нем процесс апперцепции, на то, что оно или признает новое восприятие за одно с прежним, узнает знакомый предмет («Ляля! Мама!»), или сознает в слове образ

желаемого предмета («Папа», то есть хлеба). И взрослые говорят отдельными словами, когда поражены новыми впечатлениями, вообще, когда руководятся чувством и неспособны к более продолжительному самонаблюдению, какое предполагается связною речью. Отсюда можно заключить, что для первобытного человека весь язык состоял из предложений с выраженным в слове одним только сказуемым (или же одним только определением-прилагательным, например, каким-либо одним из многочисленных эпитетов богов, – П.Д.)» (Александр Потебня, «Мысль и язык // Представление, суждение, понятие», http://genhis.philol.msu.ru/article_157.shtml; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/09.php);

«...Ребёнок осваивает язык не по учебникам. От родителей, от бабки, деда. Хорошо, если кто-то читает ему сказку о рыбаке и рыбке. А если нет? Если из всего, что он слышит дома, приличны только предлоги («в», «на»). Может, старшие знают прекрасные слова, но вслух этих слов они не произносят, вслух только мат с вкраплениями цен, литров и угроз. (Мат тоже цитаты. Никто уже столетия не придумал новых ругательств. Разве что глагол «трахнуть» перестал обозначать удар по голове.) И ребёнок вырастает не только ограниченным в словах, но и в понятиях, в чувствах... Что цитируют чаще: «Отче наш» (молитву) или «сникерсни» (самое идиотское слово в русском языке, даже фонетически отвратное)? На Тверском бульваре пятилетняя девочка укладывает куклу в кроватку: «Ложись, б-дь! Спи, б-дь!» – несомненно, это цитаты. Но кто источник: мама? папа? бабушка? воспитательница детсада? Ребёнок цитирует окружающую среду, окружающий чертог, окружающую жизнь. Он в окружении. Вырвется? или сгинет (со всеми своими будущими детьми)?» (Александр Минкин, «Человек цитирующий», <http://www.mk.ru/social/2012/04/05/689826-chelovek-tsitiruyuschiy.html>).

Как видим, не только многозначность лексики языка и связанная с ней потребность в звуковой интонации слов в фразах, но и употребление междометий и слов, близких к междометиям (так называемое «дофразовое» использование слов), характерно, как для раннего детства, так и для первобытных примитивных обществ, подобных русскоязычным:

«Наличие общих знаний в примитивном обществе допускает более широкое «дофразовое» использование слов. Принято считать, что только местоимения используются вместо прочих более длинных слов и выражений, однако на самом деле многие слова после первоначального высказывания в ходе дальнейшего разговора, подобно местоимениям, приобретают дополнительное контекстуальное значение, будучи соотнесены с предыдущими словами и фразами. Вот что я понимаю под «дофразовым» употреблением слов: это временное придание слову дополнительного значения, превращение данного значения в более конкретное, более детализованное. Более того, чем конкретнее общий уровень словаря в начинающемся разговоре и чем более говорящий может допустить, что слушающие так же знакомы с предметом, как и он, тем больше слов стремится к большей конкретности реализованного значения посредством дофразового использования. Это обстоятельство, как видно, приобретает особую силу в примитивном, однородном обществе» (Дж. Фишер, «Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе»,

<http://www.philology.ru/linguistics4/fischer-75.htm>).

Поэтому-то, «дофразовое» употребление в речи подобных междометиям «многозначных» матерных слов, и является одним из многочисленных признаков как психической инфантильности, так и вызванной нею цивилизационной незрелости примитивного русскоязычного общества:

«...вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги...» (Михаил Булгаков, «Бег» (1937), http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2721&public_page=4);

«Я с русской речью так повязан,
Любя её ручьи и реки,
Что я по трём порою фразам
Судить могу о человеке»

(Игорь Губерман, «Гарики предпоследние», <http://guberman.lib.ru/gariki/5PPG/03.htm>);

«Возможно, именно особенность всё упрощать (иногда – опошлять), высокомерное, неуважительное отношение к другим людям и народам, послужило причиной возникновения и широкого распространения русского мата, в котором небольшим набором простых слов можно выразить максимум эмоций и впечатлений, пожеланий и переживаний. Причём истоки русского мата, в отличие от самого языка, не выходят из украинского, в котором самое «крутое» выражение – «трясця твоїй матері» означает «лихорадку (озноб) твоей матери», то есть, болезнь или отсутствие в доме тепла зимой. Одно и то же матерное слово, произнесённое в разных смысловых ситуациях, с разной интонацией, ударением или употреблённое в разных контекстах, может означать совсем разные понятия. Русский мат – это «язык в языке», неотъемлемая часть современной народной субкультуры. Он как вирус разъедает здоровый языковой организм, постепенно превращая его в вульгарный сленг, искажая психику и калеча души людей. Нередко дети, ещё с самого раннего возраста постигают мат от своих родителей и окружающих, включая его в свой словарный запас. Неудивительно, что в лексиконе народного персонажа Элочка Щукиной, из известного произведения, было всего тридцать слов. Такова она – печальная реальность многонационального русского бытия. Замена матерных слов на близкие по звучанию литературные слова, типа «блин», «гонишь», не изменяет психологию и поведение говорящего, ведь в душе он продолжает сквернословить» (Юрко Стрелков-Серга, «Удивительная история про людей и языки», <https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Publ/MiracleHist/2Languages.html>);

«← Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства... То бесправие, в котором русский народ жил почти целый век, оно людей унижало. Сейчас кому-то кажется, что вседозволенность – кратчайший путь из

унизительного положения. Но это самообман. Тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом... Ломали волю, делили на «своих» и «чужих». Вот тогда и мат пускался в ход. Когда человек матерился – это свой. Если он не матерился, от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться...» (Академик Д.С. Лихачев, «Я живу с ощущением расставания...», «О русском языке и ненормативной лексике. Литература, история, кинематограф», http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_1591.html);

«Одна из доминирующих тенденций, ощущаемых всеми носителями русского языка, – расширение сферы употребления мата и в какой-то мере его частичная «легализация» в художественной литературе и средствах массовой информации. Эта тенденция прямо связана с общим раскрепощением русской социальной жизни в последнее пятилетие. И бранная лексика служит своеобразным мерилom этого раскрепощения...

«Проникновенье наше по планете

Особенно заметно вдалеке:

В общественном парижском туалете

Есть надписи на русском языке»

(Владимир Высоцкий, «Письмо из Парижа», – П.Д.)... Стражам порядка приходится теперь больше усилий прилагать для уничтожения политических лозунгов и выпадов против отдельных представителей «эшелонов власти». Это (пусть и неполное) исчезновение мата на стенах русских уборных – знак нового времени. Времени отсутствия цензуры и свободы слова. Надолго ли? Ответ на этот вопрос может дать, между прочим, и регулярное слежение за русской туалетной «рекламой» (В. Мокиенко, «Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное», Русистика, Берлин, 1994, № 1/2, С. 50-73, <https://unotices.com/book.php?id=24624&page=6>).

На это же указывает и редукция в русском языке большинства присущих индоевропейским языкам определительных придаточных предложений. Иногда, – даже с исключением самого определяемого слова:

«Бегущая по волнам» (Александр Грин) – вместо: «Яхта, которая бежит по волнам».

Именно благодаря редукции и происходила чаще всего в русском языке субстантивация причастий и прилагательных, не получившая столь широкого распространения в украинском и в других славянских языках. Действительно, как и в финно-угорских и в тюркских языках, основным условием субстантивации причастий и имен прилагательных и в русском языке тоже является именно опущение определяемых ими существительных. На ряду с фамилиями как полной, так и неполной субстантивации подверглись и другие относящиеся к человеку прилагательные: горничная, половой, постельничий, стряпчий, конюший, возничий, колесничий, садовничий, лесничий, ловчий, певчий, портной, учёный, гулящая, суженая, нищий, блаженный, больной, хромой, контуженный, городничий, городской, постовой, полицейский, участковый, квартальный, присяжный, подсудимый, вожатый, рабочий, знакомый, военный, командировочный, краснокожий, бледнолицый, черномазый, брачующиеся. Да, и многие другие причастия и прилагательные постигла та же участь: животные, млекопитающие, пресмыкающиеся,

земноводные, насекомые, членистоногие, ракообразные, человекообразные, парнокопытные, кошачьи, сохатый, леший, ископаемые, вселенная, лёгкие, приданное, вычитаемое, слагаемое, делимое, прилагательное, существительное, объяснительная, докладная, накладная, суточные, месячные, мостовая, набережная, снотворное, жаркое, мороженое, пирожное, пирожковая, чебуречная, пельменная, блинная, булочная, кондитерская, закусочная, рюмочная, трапезная, столовая, гостинная, прихожая, учительская, перевязочная, ванная, котельная, топочная, бойлерная, прачечная, уборная и др.

Садическая лексика – основное богатство русского языка

Но не только, в общем-то, «безобидным» бытовым матом «богат» современный русский язык. Гораздо более тлетворным для общающихся русским языком является наличие в нем большого массива садической лексики:

«Садический язык составляет значительную часть современного уголовного и административного жаргонов, и заимствован он, прежде всего, из зоны заключения. Под зоной подразумеваются тюрьмы и лагеря, места принудительного ограничения свободы индивидов, а потому обесценивания человеческой личности как таковой. Это жаргон заключенных (зэков) и вохров (всех видов начальничков), т.е. язык унижения, приспособления (с одной стороны), уничтожения, подчинения (с другой); однако и в ту и в другую группу могут входить – избирательно – как первые, так и вторые. Под зоной также – и это зафиксировано в самом жаргоне – подразумевается также и вся Страна Советов, отделяемая от мира – в той или иной мере, на разных этапах ее существования – железным занавесом. Но он, этот специфический язык манипуляций и подавления, заимствован также из среды советских номенклатурных работников (где основой всех отношений является принцип «дам – не дам» и где, вследствие самих этих отношений, вербализованных в специфическом административном и партийном жаргоне, все подчинено моделям уголовной психологии). Потому этот специальный язык только называет явления, предметы, субъекты, но имя это не выражает сущности объекта. Немалую часть лексического состава садического языка тоталитарного государства составляют уничижающая брань, оскорбительные, пренебрежительные прозвища и определения объекта речи – в процессе диалога либо говорения о третьем лице. Если сам по себе садический язык не жесток, то основная функция его – как контекстуальное и коммуникативное речевое проявление – это насилие, всегда направленное сверху вниз. Носитель садического языка перекраивает окружающий мир по своему образцу (свойственному его собственному садистскому пониманию и мироощущению власть имущего). Поэтому сам садический язык не способствует – и не может, вследствие своей специфики, ни в коей мере способствовать – принятию этого, всегда конфликтного, мира конфронтации и взаимного неприятия. На протяжении десятилетий Россия, отрезанная от цивилизованного и демократического мира «железным занавесом», создавала в условиях всеобщего бесправия и государственного террора свою специфическую маргинальную субкультуру, оправдывающую (равно как и обуславливающую) отношения «насилие» (со стороны государства и стражей его устоев) – «жертвы насилия» (как нравственного, так и физического). Одним из результатов этого длительного

ассимилятивного процесса и стал своеобразный язык общения и взаимного подчинения, некий тоталитарно-административный жаргон, проникающий во все сферы взаимоотношений (деловых, межличностных и даже интимных). И разлагающий эти отношения изнутри – постепенно подчиняя себе все и вся и, прежде всего, – русскоязычное просторечие. Базируется этот табуированный язык на актуализированном (благодаря развитию системы ГУЛАГа) воровском аргю, превращаясь, с одной стороны, в то, что мы называем сегодня тюремно-лагерным (блатным) жаргоном, а с другой, в партийно-административный лексикон. Это – тот же – и даже один и тот же – жаргон, официально сухой – в обращении к посторонним и к подчиненным, и одновременно, среди своих людей, – «забористый» и даже «заборный», нередко «многоэтажный», т.е. активно включающий в себя словообразования и конструкции «матом» или «по фене». Оба эти лексические фонда легко совмещаются, образуя при взаимном проникновении и смешении специфическую коммуникативную форму отношений «начальничков» и «зеков» (заключенных), «хозяев» и «шестёрок», «блатовиков» (они же в криминальной среде воры в законе) и «вонючих козлов» (всех тех, кого первые, оказавшиеся в силу обстоятельств над ними, «дрючат, опускают, макают, достают», а также заставляют на себя, или за себя, «ишачить», что и выражают приниженной, или так называемой «опущенной», стороне открытым текстом, т.е. во всем разнообразии и псевдообразности конструктивного – уголовного – мата). Деструктивность этой лексики проявляется как в бессмысленности названия (и обзывания, клеймения – отдельных личностей и групп, чувств, действий, предметов, свойств и умений индивида), а также интенций (приказов, желаний, идеалов, мечтаний, отраженных лексемами), так и в агрессии, эмоциональной окраске высказываний, скрытой и явной угрозе (собеседнику или третьему лицу), негативности мироощущения. Для тоталитарного государства характерно использование тех же лексем (садического языка) в речи номенклатурных работников и представителей права – исключительно для обозначения лиц подчиненных, зависимых (воспринимаемых обычно как жертва – избитая, убитая, абортированная и(ли) проститутка), выражения приказа, распоряжения, которому обязаны безусловно подчиняться (широко используется набор глаголов, выражающих совершение акта полового насилия) и т.п.» (М. Надель-Червиньска, «Жаргонные элементы современного «новояза»: Проблема культуры речи или уголовной психологии?», Политическая лингвистика, Вып. 3(26), Екатеринбург, 2008, С. 64-79, <http://www.philology.ru/linguistics2/nadel-chervinska-08.htm>);

«По подсчетам бывшего начальника ГУИН Зубкова, каждый третий мужчина – бывший арестант. Я думаю, что он немного ошибается, и это, все-таки, каждый четвертый. И, конечно же, почему бы этой трети мужского населения не быть представленной в нашей жизни. Тюремный язык, лексика, фольклор гораздо более выразительны, интересны, мудрее, чем, например, язык, на котором говорят политики, депутаты Государственной Думы, Президент или эстрадники» (Валерий Абрамкин, «Тюрьма и Россия», <http://www.polit.ru/article/2005/03/19/tjurma/>);

«Наверное, излишне говорить, насколько наша жизнь пропитана зонной культурой. Лексика, песни, понятия, переплетающиеся с законами, стремление иметь большую (признак

силы) черную (видимо, признак положения в иерархии?) машину, зашкаливающий уровень агрессии друг на друга (на дорогах, в интернете, в быту), табу на самокритику и критику своей страны, агрессивный консерватизм, неприятие нового, постоянная ностальгия по прошлому и отсутствие какого бы то ни было видения будущего (иначе как в виде возврата к прошлому) – свойства примитивной группы. Лояльность населения к нынешней власти (в отличие, кстати, от предыдущих) – результат соответствия ее действий общей идеологической модели. Власть даже разговаривает с намеренным добавлением фени и блатных слов и выражений, а ее действия – это действия «правильного» пацана, зону держащего: пайку увеличивает, своих не сдает, силу показывает, когда надо, и, главное, полностью воспроизводит спектр действий лидера примитивной группы – поддерживает понятия, консолидирует дистрибуцию ресурса, регулирует иерархию, вознаграждая лояльность. С точки зрения зэка, на такое начальство молиться надо: все «расконвоированные», на волю ходят по желанию (лишь бы к переключке успевали), товаров с воли завались, чего еще надо?» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины»,

http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml);

«Следует подчеркнуть, что тюремно-лагерный жаргон вышел за пределы преступного мира и входит во все сферы жизни, особенно в молодежную субкультуру. Низкая степень трудовой мотивации и высокая степень морального и физического разложения привели к появлению целой армии бичей и бомжей, численность которых в 1989 году составляла 6 млн. человек (А. Турчатов, «Московские новости», 1988, № 10, 16). В настоящее время их численность увеличилась за счет молодежи, приобщившейся к тюремно-лагерным нравам еще в школе или ПТУ. Две трети их уже привлекались к уголовной ответственности. Особенно распространены среди молодежи убийства на почве пьянства и групповые подростковые изнасилования (см. «Литературная газета», 17.8.1988, 13). Отсюда – и их язык, агрессивный и насыщенный до предела не только тюремно-лагерным, но и «своим» жаргоном: «ботва» – волосы, «вшигонялка» – расческа, «гондошник» – отрицательно о человеке от «гондо» – презерватив, «когти рвать» – быстро уходить, «плевательница», «плевало» – рот и др. (Ср. вышедшие словари Файн, Лурье, 1991; Рожанский, 1992; Быков, 1992 и 1994 и др.) (З. Кёстер-Тома, «Сферы бытования русского социолекта», Русистика, Берлин, 1994, № 1-2, С. 18-28, <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-94.htm>).

Переосмысление москвитами древнекиевской (праукраинской) лексики

Переосмыслились у москвитов, становясь часто даже словами-оборотнями, очень многие древнекиевские слова, сохранившие свой прежний смысл лишь в украинском, а отчасти и в беларуском языках. И это в первую очередь слова, соответствующие морально-этическим и абстрактно-духовным понятиям, а также используемые в торжественных и эмоциональных описаниях каких-либо явлений и объектов. Ведь вместо них русский язык был чрезвычайно «наводнен» славянизмами и галлицизмами.

Так, например, древнекиевское и украинское слово «жалоба», произведенное от той

же основы «жаль», что и глагол «жалеть» (и по такому же принципу, как слова «засноба» и «хвороба»), было вытеснено из литературного русского языка славянизмом «печалование» и галлицизмом «траур». Сама же эта лексема стала произноситься с иным ударением «жа́лоба» и приобрела новый смысл, а тем самым и стала соответствовать вместо глагола «жалеть» глаголам «жаловаться» и «пожаловаться». К тому же, несмотря на свой негативный смысл, ни глагол «жаловаться» (жалиться), ни глагол «пожаловаться» не обладают негативной коннотацией для подсознания. Ведь они ассоциируются в подсознании соответственно с глаголами «жаловать» и «пожаловать» и буквально означают для него соответственно «явить милость к себе» (жалеть себя) и «пожаловать к себе [домой]» или же даже «прийти в себя» (вернуться в сознательное состояние):

«ЖАЛОВАТЬ, жалую, жалуешь, несов. 1. кого-что чем, кому-чему что или без доп. оказывать милость, награждать, дарить. Жалую вас крестом, бородой и вечной волей. 2. кого-что. Ценить, оказывать внимание, уважение. Начальство его не очень жалует. Моего вы глупого сужденья не жалуете никогда. Грибоедов. 3. к кому-чему. Приходить, посещать. Ко мне он жалует частенько. Грибоедов. Не спроста он так часто жалует к нам... ПОЖАЛОВАТЬ, пожалую, пожалуешь, Сов.. 1. Сов. к жаловать в 1 и 3 знач. Пожаловал к вам кто-то на дом. Грибоедов. Добро пожаловать или прошу пожаловать. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откушать. А. Островский. 2. Пов. накл. мн. ч. пожалуйте употр. также в знач. вежливого приглашения. Пожалуйте в столовую... ЖАЛИТЬСЯ 1. жалюсь, жалишься, несовер. (разг.). То же, что жалить. Пчелы очень больно жалятся. 2. жалюсь, жалишься, несовер. (к пожалиться) (прост. обл.) – Жаловаться» (Толковый словарь Ушакова).

Вместо обладающего негативной коннотацией слова «безжалостный» (от «жали») весьма часто употребляется слово «бесжалый» (от «жала»; – не имеющий жала; «муха – насекомое бесжалое», – словарь Даля). В подсознании же оно ассоциируется лишь со словом « жало » и, поэтому-то, и не вызывает вообще угрызений совести.

Имеющее же позитивный смысл слово «пожалуйста» (укр. «будь ласка»), наоборот, имеет для подсознания негативную коннотацию, так как соответствует форме 2-го лица повелительного наклонения: «...пожа́луй, как и в пожа́луй-ста» (Фасмер).

Древнекиевское и украинское слово «час» также было вытеснено славянизмом «время» и приобрело в литературном русском языке новый смысл, соответствующий древнекиевскому и украинскому слову «година». Вместо окончательно вытесненного галлицизмом «пора» слова «година» в русском языке неизменный период времени стало определять слово «год», вытеснившее панславянизм «rok» (укр. «рік»). Это привело к тому, что слово «погода» потеряло ассоциативно-смысловую связь со словом «година», не приобретя ее при этом со словом «год». Ведь состояние атмосферы может произвольно и довольно таки резко изменяться с каждым часом (укр. «погодинно»). А вот постепенное изменение ее в течение года («по году») от одного времени года к другому является вполне закономерным (так что, оно «не делает никакой погоды»).

Как видим, «засорение» русского языка многочисленными славянизмами нарушило гармоничные ассоциативные связи, выработанные в течение многих веков в лексике древнекиевских (праукраинских) говоров. И это, конечно же, превратило его в

неприемлемый для подсознания искусственный язык, уродующий психику общающихся на нем людей:

«Смиренный» или «смирённый» – как правильно? В церквях говорят и поют и так, и эдак, не ведая, что между этими словами такая же разница, как между гибелью и спасением. Практически перестав употреблять букву «ё», мы забыли и разницу между этими словами. Первое описывает внутреннее состояние кроткого человека, лишённого гордыни – таким был Иисус. Второе говорит о народе или человеке, которого взяли в плен, связали, поставили на колени, заставили делать то, что он не хотел. В Синодальном переводе в большинстве случаев используется слово «смирённый» именно в смысле внутренней позиции кротости. Другое значение слова «смирение» открывается в следующем месте: «вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их и делайте с ними, что вам угодно» Суд. 19:24 (Другими словами – примените силу, чтобы заставить, подчинить)... Непонимание глубокой духовной разницы привело к тому, что во многих «христианских» церквях людей не приводят к смирению, к самодисциплине, а смиряют и дисциплинируют насилием, делая то, что Иисус запретил!» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

С другой стороны смиренный человек – это, прежде всего, послушный, нетребовательный и пассивный человек, обладающий холопским менталитетом. Поэтому-то и несколько не удивительно то, что самой распространенной русской фамилией является, вовсе, не фамилия «Иванов», а фамилия «Смирнов», преобладающая на исконных землях Московского княжества – в восточном и в центральном регионах средней полосы Русской равнины:

«Популяции по реке Унжа, где обнаружен максимум «Смирновых», были восточным рубежом славянского расселения. На запад от него, где и расселялись славяне, жили «смирные» славянизированные племена мери. А на восток от рубежа – воинственные племена мари... Конечно же, самая необычная из «приметных» фамилий – Смирновы. Фамилия «Смирнов» вообще лидирует в списке общерусских фамилий (средняя частота в пяти регионах 1.9%), значительно опережая Ивановых (1.3%). Необычайно высока частота Смирновых в Восточном регионе (5.9%!), но и в Центральном они также являются самой распространённой фамилией (2.3%). Причём не только по нашим (пока ещё ограниченным) данным, но и по тотальным спискам русского населения (устное сообщение) Смирновы являются самой частой русской фамилией. Более того, средняя частота Смирновых в русских популяциях выше, чем Ивановых, Петровых и Сидоровых вместе взятых! Примечательно, что у казаков Смирновых очень мало – они занимают отдалённое 128 место. Видимо, не прижились» (Е.В. Балановская, О.П. Балановский, «Русский генофонд на Русской равнине», http://historylib.org/historybooks/E-V--Balanovskaya--O-P--Balanovskiy_Russkiy-genofond-na-Russkoy-ravnine/34).

Уже Владимир Даль удивлялся тому, что следы практически всех украинских слов присутствуют и в русских народных говорах. И он никак не мог понять, почему же древнекиевская (праукраинская) лексика фактически была вытеснена из них славянизмами,

балтизмами, финнизмами, тюркизмами и галлицизмами:

«Въ Шенкурскѣ и Колѣ Вы услышите еще болѣе сохранившихся кievскихъ словъ, чѣмъ въ Новгородѣ, словъ которыхъ нѣтъ нигдѣ, на всей промежуточной, двутысячеверстной полосѣ... Впрочемъ, я доселѣ не нашелъ ни одного малорусскаго слова – отъ котораго не было бы въ великорусскомъ производныхъ, если и нѣтъ самого слова. Какъ и чѣмъ самый говоръ могъ такъ переломиться – непостижимо...» (Владимир Даль, Письма Михаилу Максимовичу, 1848, <http://www.ya2004.com.ua/2008/03/18/988/>).

Вполне закономерное вырождение русского новояза

Теперь мы хорошо знаем, что любой искусственный язык (новояз) принципиально не обеспечивает гармоничную связь внутреннего «промежуточного мира» нашей психики с внешним реальным миром и, поэтому-то, он и не позволяет нам адекватно реагировать на малейшие изменения в реальном мире. Имеющее место вследствие этого примитивное слабоассоциативное восприятие подсознанием окружающей человека действительности сопровождается и плохой, а то и, вообще, не точной взаимной увязкой всего большого множества неосознанно воспринимаемых им сигналов.

Если в украинском языке родственные понятия выражаются, как правило, однокоренными словами, то в русском новоязе родство понятий не всегда лексически подкрепляется. Например, таким однокоренным украинским словам как «дбати» – заботиться, «дбайливо» – бережно, «недбалість» – небрежность, «занедбано» – запущено, «надбання» – достояние, «придбання» – приобретение соответствуют неоднокоренные русские слова. Точно так же, если укр. «вітання» – приветствие, то уже «привітання» – поздравление, «завітати» – «посетить, зайти», «вітальня» – гостиная, «повіт» – уезд, «світ» – мир, «всесвіт» – вселенная, «звіт» – отчет. И таких примеров лексически неупорядоченного (несродного) отображения действительности в русской ЯКМ можно найти сколько угодно.

Отсутствие же лексического единства родственных понятий в русском новоязе привело к нарушению континуальности бессознательного восприятия действительности русскоязычными людьми а, тем самым, и к возможности возникновения у них адекватных действительности бессознательных побуждений лишь в критических ситуациях. Поэтому-то они «пока жареный петух не клюнет – не хватятся» (В.М. Шукшин, «Светлые души») и будут абсолютно глухи к призывам действительности, воспринимая их как малодостоверные и слабо мотивирующие. А так как любой человек, вообще, осознает лишь мизерную часть воспринимаемой его подсознанием информации, а русскоязычный человек к тому же обладает и леностью ума, то слабая мотивированность у него бессознательных реакций (побуждений) на призывы действительности вполне естественно и приводит к весьма плачевным последствиям, проявляющимся в уродливости его менталитета:

«Человек есть нечто большее, чем только его сознательная личность, говорящая о себе «я». Понятие психики определяет некую целостность, лишь малой частью которой является сознание. «Тот, который во мне сидит», знает про меня намного больше того, что знаю я сам, поскольку помнит каждую секунду прожитой мною жизни и воспринимает все то, что остается за пределами сознания. Зачастую он пытается подсказать мне, что и как

можно сделать лучше, но я не слышу сидящего во мне, и не знаю его языка. И постепенно он замолкает, – зачем говорить, если тебя не могут и не хотят слышать» (Йога-нидра [Иван Ковалев], «БОДХИ-ЙОГА: ИСКУССТВО ПРОСВЕТЛЕНИЯ // Шавасана», <http://bodhiyoga.ru/stati/yoga-nidra-v-bojko.html/6>).

И раз уж русский новояз «ступил на скользкую дорожку» забвения корня а, тем самым, и внутренней формы слов (на пагубность чего обращали внимание Александр Шишков, Александр Афанасьев и многие другие), то неизбежно он и должен был скатиться до того состояния своего вырождения, в котором его и наблюдал уже Владимир Даль. Сейчас же его вырождение происходит ещё стремительней:

«По классификации ЮНЕСКО существуют несколько стадий отмирания языка, и русский полностью соответствует самой тяжелой из них: язык России превратился в контекстно-ситуативный набор грамматических форм... почти заканчивается словообразование на основе родных корней. Новые термины и понятия являются заимствованными. Понятия, пришедшие извне, вытесняют родные аналоги, из двух синонимов выживает заимствованный. Общество не способно производить адекватную замену иностранным словам, довольствуясь прямым заимствованием, разрушается связь между деятельностью индивида и его родным языком. Частным случаем такого регресса является «язык рабов», достаточный для понимания указаний хозяина, но абсолютно бесполезный для общения на отвлеченные темы. Как пример ученые Тарту приводят широко распространенный в России «рунглиш»...» (Каин Стюарт, «Русский язык больше не язык», http://rkou.org.ua/zozuleni_yyca.pdf; <https://reporter-ua.com/2012/08/13/uchenye-russkiy-yazyk-otmiraet-ego-mogut-isklyuchit-iz-spiska-yazykov-mira>).

О том же, в каком состоянии находится сейчас это злокачественное новообразование (могучий русский новояз), мы вполне можем судить также и по степени усыпления им совести русскоязычного человека.

Немного о лексике украинского языка

В отличие же от Владимира Даля, современные российские филологи стараются не замечать в областных говорах русского языка «следов» украинской лексики, относимой русскоязычными «ультрапатриотами» к заимствованиям из польского языка. Тем самым, они весьма способствуют самообману и ложной гордости за свой убогий язык по-детски наивного русскоязычного населения (частота употребления слова «по-детски» составляет 865 раз на \approx 300 млн. слов, Jesk.ru, «Словарь синонимов», [по-детски](#)).

Польские же филологи, наоборот, нисколько не стесняются того факта, что украинская народная лексика весьма обогатила их литературный язык. Польский литературный язык подвергся довольно таки существенному влиянию западно-украинских диалектов. Его основы заложили писавшие на польском языке этнические украинцы и поляки, проживавшие в Галиции, на Волыни и в Беларуси (великий польский поэт Адам Мицкевич являлся этническим беларусом). В Великопольских же землях литературных

талантов практически не было:

«Как мы уже заметили, влияние местной южно-русской народности отразилось и на разговорном языке польского общества здешнего края. Кроме многих малорусских слов, вошедших в польский язык, что признавал также известный польский критик Грабовский, малорусское влияние отразилось и на произношении... Польские критики признают классическим языком язык польско-украинской литературной школы. Это – понятно, так как эти писатели вместе с Галицкими наиболее обогатили польскую литературу. Здесь не лишним будет сказать несколько слов вообще о литературном польском языке. Надо заметить, что современный язык польской литературы есть собственно, так называемый – малопольский, т.е. язык поляков бывшего воеводства Краковского, Сандомирщины, Люблинщины, Галичины, Холмщины и провинций Юго-Западного края. Основатели польской литературы – корифеи золотого ее периода – уроженцы этих областей. Если к ним причислить еще беларуские области, то окажется, что из очерченного нами района вышла чуть не вся группа лучших польских писателей. Мазовия и Велико-Польша не дала почти ни одного имени, достойного по праву стать наряду с прославившимися в польской литературе малопольскими писателями. Следует заметить, что из всех польских наречий – люблинское, сандомирское и краковское ближе других подходят к южно-русскому языку (то есть к украинскому, – П.Д.). Люблинское наречие и восточные говоры краковского – служат переходными польскими диалектами между южно-русским и польским языками. Естественно поэтому, что русский язык Украины, Полесья, Холмщины и Галичины имел весьма значительную долю влияния на самый зародыш настоящего (польского, – П.Д.) литературного языка. В здешних областях еще до XVII ст. вся почти письменность, как церковная, так и гражданская состояла из так называемого западно-русского языка, имевшего официальное значение в крае» (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. 7-й том «Евреи, Поляки, Малоруссы [Статистика, сельский быт, язык]», С-Пб, 1872 год, <http://gerodot.ru/viewtopic.php?f=3&t=13893&sid=caf260d3f380904eaba1e9fcfd5356ef&start=105>);

«В своей основе старопольский литературный язык развился из разговорного языка польской шляхты, и эта его связь с определенным сословием, а не с определенной местностью сказалась в том, что он с самого своего начала не отражал в себе никаких специфически местных, диалектических черт и никогда не совпадал ни с одним местным народным говором: в то время как, например, русский литературный язык в отношении произношения может быть определенно локализован в области средневеликорусских говоров, польский литературный язык вовсе не поддается локализации на диалектической карте этнографической Польши (он, как и малопольские говоры, более близок к наречиям карпатского ареала Украины, в котором, очевидно, и проживали аваро-болгарские предки польской шляхты, – П.Д.)...» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>);

«...современные южномалопольские говоры польского языка «по многим своим

особенностям», как утверждают лингвисты, «стоят ближе к языкам карпатского ареала, чем к собственно польским говорам», и «генетически не восходят к лехитской группе западных славянских языков» (С.Б. Бернштейн, В.М. Иллич-Свитыч, Г.П. Клепикова, Т.В. Попова, В.В. Усачева, «Карпатский диалектологический атлас», с. 6)» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st009.shtml>);

«Вот передо мной украинский текст – перевод рассказа Леонида Дайнеко «Город, осень и я». Как много здесь «полонизмов». И что интересно: это те же полонизмы, которые живут или жили в нашем языке. «Мисто» – по-польски «място», по-беларуски – «места» (теперь чаще «горад»). Год – по-польски «рок», беларусы-эмигранты тоже употребляют «рок» (год). «Будинок» – будынк – будынак (здание). «Свитанок» – сьвитанэк – свитанак (рассвет). «Чэкати» – чэкаць – чакаць (ждать)... Украинские слова «місто, рок, будинок, світанок, чекати» выписаны мной из одного абзаца, состоящего из четырех строк. Если все это – заимствования из польского, то почему беларусы и украинцы столь дружно заимствовали одни и те же слова? А сколько еще можно привести таких беларуско-украинско-польских слов. «Кахаць, бачыць, трэба, уласны»... Бесчисленное множество таких слов! А в русском языке их нет. Таким образом, истоки беларуского и украинского языков весьма близки друг другу. И давил их общий церковнославянский пресс. Не имеет значения то, что Киев был на 200 лет меньше «оторван» от России, чем Минск и Полоцк. Церковнославянский язык «обрабатывал» беларуский и украинский языки на протяжении одного и того же отрезка времени, от принятия крещения до времен окончательного раздела культуры на церковную и светскую. Отсюда исключительная близость языков-братьев. Иным был исторический путь русского языка. Русский – фактически церковнославянский, логический результат его многовекового развития. А беларуский и украинский – результат борьбы местных западнославянских говоров с церковнославянским языком» (Иван Ласков, «Откуда появился беларуский язык», в сб. под ред. Анатолия Тараса «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=21>).

К тому же, чего тут можно стесняться? Ведь, в отличие от проникновения славянизмов и галлицизмов в российский новояз, в польский язык украинская лексика проникла не с бухты-барахты, а в процессе длительного формирования общей культуры двух совместно проживавших народов. Да и заимствована она то не из какого-то искусственного новояза, а из естественно сложившегося на протяжении более чем тысячи лет и постепенно достигшего совершенства языка:

«Б.А. Ларин признает возможным говорить о народноречевой основе древнерусского (древнекиевского – древнеукраинского, – П.Д.) литературного языка, при этом относя его начало к значительно более раннему историческому периоду, чем С.П. Обнорский. Б.А. Ларин находил первые проявления собственно русского литературного языка уже в древнейших договорах киевских князей с греками, в частности в договоре князя Олега с Византией в 907г., видя в «Русской Правде» отражение того же самого делового литературно-письменного языка на восточнославянской речевой основе. Вместе с тем Б.А. Ларин не отрицал и сильного прогрессивного воздействия на древнерусский язык языка

церковнославянского, признавая последний «иностранным» по отношению к речи древних восточных славян (предков украинцев, – П.Д.)... С нашей точки зрения, в процессе образования древнерусского литературно-письменного языка первичным следует признать народную разговорную речь восточнославянских племен, древние восточнославянские народные говоры; первичными мы признаем их в том смысле, что они, несомненно, к историческому моменту появления письменности подошли уже внутренне подготовленными, отражая относительно высокую степень общественного развития их носителей. Достаточно широко разветвленная в жанрово-стилистическом отношении деловая письменность, возникшая у восточных славян в момент перехода их от первобытнообщинного строя к классовому обществу, отражала многогранные и многообразные потребности этого общества. Мы находим здесь и письменные завещания, и международные договоры, и надписи на бытовых предметах и изделиях, и памятные надписи на камнях и надгробиях, и частную переписку. Закрепление разговорного языка в различных сферах деловой письменности не было еще, разумеется, литературным языком, но в значительной мере подготовило почву для его появления. Народные говоры восточнославянской письменной речи развивались и отшлифовывались и в процессе зарождения и сложения самобытного речевого художественного творчества в его первоначальном устном бытовании. Нет сомнения, что восточнославянские племена (предки украинцев, – П.Д.) в IX–X вв. обладали богатым и развитым устным народным творчеством, эпической и лирической поэзией, сказаниями и легендами, пословицами и поговорками. Это устно-поэтическое богатство, несомненно, предшествовало возникновению письменной литературы и литературного языка и в значительной мере подготовило их дальнейшее развитие» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 3 «Проблемы образования древнерусского литературно-письменного языка», <https://ksanark.ru/Book/meshj/01/gl3.htm>; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/03.php);

«Очень древняя также концовка «-мо» в деепричастиях: знаем, ходимо (в русском – знаем, ходим). Агатангел Крымский утверждает: «...сравнительно-исторические размышления показывают, что это -мо значительно старше даже времен Киевского государства». В своем труде «Украинский язык, откуда он взялся и как развивался» он делает вывод: «Язык Надднепровщины и Червонной Руси времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого имеет в большинстве своем уже все современные малороссийские особенности» («История развития украинского языка», http://www.transneed.com/philology/ua_1.html);

«Тут и уменьшительные, сугубо украинские, формы мужских имен – Остапко, Иванко, Жадко (от Жаден), Марко. Современная украинская «фамилия» выныривает в надписи XII ст. – «Господи, помози рабу своему, Ігнатові. А прізвище (ПРЪЗЪВІЩЬ) мое Састат». В граффити княжьего Киева XI–XIII вв. фиксируем такие сугубо украинские грамматические признаки:

- звательный падеж существительных: «владико, Стефане, голово»;
- окончание «у» в родительном падеже единственного числа мужского рода: спору (з

того спору);

- форму глаголов без «т»: «пече»;
- глаголы прошедшего времени, заканчивающиеся на «в»: «писав, ходив, молив»;
- глаголы с окончанием «-ты»: «долучиты, писаты, скончаты»;
- мягкое «ц» в конце слов: «чернець, (помилуй) Валерця, помоги Архипцю».
- прилагательные теряют на конце «я»: «многопечальна, благодатніша».

Вот надпись XI в., которую читаем в книге историка Сергея Высоцкого, вынужденно изданной в брежневские времена на русском: «Мать, не желая ребенка, бежала прочь...». Фотооригинал удостоверяет: «Мати, не хочючи дитичя, біжа гет...». В граффити «Господи, помози рабу своєму Луці, владичину дяку...» имеем переход «к» в «ц» в дательном падеже единственного числа (Лука – Луці). И изменение согласной «к» перед суффиксом «-ин» на «ч» (владыка – владичин) – в полном соответствии с современным «Українським правописом» (Алексей Редченко, «Признаки современной украинской прописи на граффити XI–XIII вв.» // «Украинский язык имеет более длинную историю, чем русский», <http://arhiv.orthodoxy.org.ua/node/19604> ; http://www.guberniya.net/blogs.php?news_id=22524);

«При сопоставлении украинского языка с самыми древними индоевропейскими языками, в частности с латинским, бросается в глаза его, так сказать, «архаичность», то есть наличие в нем большого количества древнейших индоевропейских элементов. Фонетическая система украинского языка, качество его звуков на удивление близки к латинскому (и, заметим, к испанскому и итальянскому – его ближайшим наследникам)» (Иван Ющук, «Факты о древности украинского языка», <http://ivan-yushchuk.livejournal.com/1243.html>; http://narodna.pravda.com.ua/politics/472ecd2f50a/view_print/ ; <http://uamova.blogspot.com/>);

«На конкурсе красоты языков в Париже в 1934 году украинский язык занял третье место после французского и персидского по таким критериям, как фонетика, лексика, фразеология, структура предложений. А по мелодичности украинский язык занял второе место, после итальянского» (<http://www.lingvafestivalo.info/moskvo/2010/ukrainskij/>). Да и по сей день, филологи ставят его или на 2-е или на 3-е место.

«...Настоящий, «живой» украинский язык никогда не был «древнерусским», никогда не был «общерусским», никогда не был тождественен русскому, не был предком или потомком, или ответвлением русского языка. Он формировался и возник из праславянского, формируясь от VI до XVI в.» (Юрий Шевелев, 1996, 204). «Таким образом, рубеж XI – XII вв. можно условно признать временем завершения формирования украинского языка и началом нового этапа его истории, когда он в народноразговорном варианте уже приобрел в основном все свойственные ему языковые черты. Такой вывод совпадает и со взглядами украинских языковедов XIX – первой половины XX в. на время возникновения украинского языка. Например, П. Житецкий еще в 1876г. пришел к выводу, что система гласных звуков украинского языка определилась уже в XII–XIII вв. По мнению А. Потебни, украинский язык существовал уже во времена Киевской Руси. Всемирно известный ученый академик А. Крымский, исследовав огромный фактический материал, категорически утверждал, что

живой украинский язык XI в. «стоит среди восточного славянства вполне уже обособлено... Все государственные и светские культурные функции на всей территории Киевской Руси выполнял древнекиевский (древнерусский) письменно-литературный язык. Он возник на основе местных языковых традиций фольклора, общественно-политической практики и дружинного эпоса по образцам и языковым моделям старославянского языка. Имея разветвленные стили (юридическо-деловой, летописный, светско-художественный), древнекиевский письменно-литературный язык функционировал параллельно с церковнославянским языком (некоторые ученые считают эти языки лишь двумя жанрами одного и того же литературного языка). Это – язык свода законов «Русская правда», летописи «Повесть временных лет», а также «Слова о полку Игореве», «Поучения Владимира Мономаха», «Моления Данила Заточника» и других памятников литературы Древней Руси. В разных землях Древнерусского (Древнекиевского, – П.Д.) государства этот письменно-литературный язык постепенно обогащался местными лексическими и стилистическими особенностями и со временем стал основой формирования украинского, белорусского и частично русского письменно-литературных языков древнего периода. Проникновение же местных народноразговорных элементов в церковнославянский язык послужило причиной возникновения украинской, белоруской и русской редакций церковнославянского языка... Однако стоит сказать, что общность и церковнославянского, и древнекиевского (древнерусского) якобы для всей территории Киевской Руси изначально была весьма относительной. Правильнее было бы говорить об общности не самого языка, а лишь письменных текстов. Церковнославянские и древнерусские тексты были уже с древнейших времен лишь своеобразными графическими формулами, которые читали в разных регионах по-разному, произнося слова «на свой лад». Один и тот же текст, прочитанный из книжки, скажем, в Киеве, Полоцке и Суздале, звучал как разные языки. Но «законодателями моды» в книжном произношении, конечно же, были столичные (т.е. киевские) книжники. В частности, они произносили «g» как «h»; («ять») как «i»; и, «i» как «и»; согласные перед гласными «и», «е» произносились твердо и т.д.» (Григорий Пивторак, «Украинцы: откуда мы и наш язык. Происхождение украинского и русского языков: мифы и историческая правда», <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/ukraincy-otkuda-my-i-nash-yazyk-0>).

Изуродование ментальности русскоязычного человека

Слово «наглый» в древнекиевском и в украинском языках означает «неожиданный, внезапный» (наглая смерть – внезапная смерть), и оно в них не имеет никакого негативного смысла. В русском же языке под наглостью стало пониматься то, что в украинском языке рассматривается как «нахабність» или же как «зухвальство». А так как переосмысление этого слова не затронуло уже сложившейся в подсознании морально-психической установки по отношению к его внутренней форме (буквальному смыслу), то слово «наглость», на самом деле, и лишено негативно-эмоционального бессознательного сопровождения во внутренней речи. Отрицательные эмоции возникают лишь после осознания смысла этого слова и то лишь тогда, когда наглые действия кого-нибудь причиняют какой-либо вред лицу, выражающему

эти эмоции, или же тем, к кому он равнодушен. С этим, очевидно, и связана лицемерность осуждения наглости в русскоязычном примитивном обществе, для которого в действительности «наглость – второе счастье»:

«Посол императора Леопольда I при московском дворе А. Майерберг в своей книге, изданной в 1661 году, писал: – «Речь гостей (москалей), как людей не воспитанных никакой школой или образованием, разит нелепостью (белибердой), очень часто оскорбительна для порядочного человека... Брань, восхищение наиболее отвратительными делами, или наглое бахвальство, которое оскорбляет чистое имя других, – составляют замечательные изречения (речь) и остроты многих ораторов. Врут москали с невероятной наглостью и без всякого стыда... выдавая ложь за правду» (Владимир Сичинский, «Чужеземцы об Украине», – К., 1992, с.93, <http://zounb.zp.ua/resource/scarbnicya/chuzhinci/indexf.html>; <http://ukrlife.org/main/prosvita/sichinsky.html>).

Да и русские слова «нахальный» и «напрасный» фактически являются негативными переосмыслениями соответственно украинских слов «нагальный» (означающего всего лишь «спешный, неотложный»), и «напрáсний» – внезапный (ст.-слав. «напраснь», сербохорв. «на́прасан» – «вспыльчивый, стремительный, неукротимый», – Фасмер). То же самое произошло и со словом «зряшный» (зряшный, зряшная, зряшное. 1. Пустой, никуда не годный, ни к чему не способный. Зряшный человек. 2. Ненужный, излишний. Без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, – Ушаков), означавшего ранее лишь праздно смотрящий (от «зря», первонач. «праздно смотря», «само собой разумеется», – Фасмер).

И удивляться здесь нечему. Перенесение всей этой лексики в этническую среду с совершенно иной системой ценностей и с диаметрально противоположной ментальностью неизбежно должно было привести и к постепенному ее переосмыслению:

«Язык – одно из самых удивительных и в то же время одно из самых загадочных явлений, бытующих в человеческом обществе. Язык является величайшим достижением человечества: язык создал человека, сделав его единственным разумным существом на Земле. Люди говорят посредством слов, судьбы которых, пожалуй, намного сложнее, удивительнее и разнообразнее человеческих судеб. Они – немые свидетели человеческой истории и культуры. Развитие значений слов лучше любых хроник и свидетельств современников отражает человеческие судьбы, интересы, нравы, верования, обычаи, способы мышления [Маковский 1989: 5]. Язык помогает нам лучше разобраться в сущности человеческой культуры, наиболее ярким проявлением которой всегда являлся и поныне является Язык. Как отмечал Ф.П. Филин, «...слово всегда представляет собой неповторимую единицу: за каждым словом и его историей стоит целый мир» [Филин 1985: 226]. Эту точку зрения разделял и В.И. Абаев, утверждая: «Любое слово нашей речи, прежде чем получить современное обиходное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас, в конечном счете, к начальным словотворческим усилиям человека...» (Тамара Тимошилова, автореф. дис. «Этимологический генезис verba dicendi современного английского языка», <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jetimologicheskij-genezis-verba-dicendi-sovremennogo-anglijskogo-jazyka.html>);

«...«Изуродование русского человека привело к изуродованию самой России». Русский человек возник во времена «татарского ига», которое было вовсе не игом, а выработкой особого типа (святой, подвижник), во многом опиравшегося на ценимые Чингисханом добродетели и привитого к православию. Татарские мурзы обрусели – и наоборот, русские «туранизировались». Начатая Петром I яростная европеизация страны постепенно приводит к вытеснению этого типа другим: нетерпимым, агрессивным, хищным – иностранцем у себя на родине. Более того, такой псевдорусский человек может носить маску и, притворяясь, проповедовать чуждые ему ценности; лицемерие еще сильнее искажает его облик» (Georges Nivat / Жорж Нива, «Возвращение в Европу», <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=597>; http://nivat.free.fr/archives/pdf/livre_retour.pdf).

Аналогично, советский человек возник во времена «коммунистического ига», которое для русскоязычных психических инфантилов (челядишек) было тоже вовсе не игом, а выработкой особого типа – совка-холопа, во многом опиравшегося на ценимые Лениным добродетели и привитого к коммунистической идеологии. Фактически же советский человек (гомосоветикус) это и есть русский людишка (гомохолопус), а по-научному – психически инфантильный человек (гомоинфантус):

«Мы живем еще в системе, которая построена не для нормальных людей, а для особого вида, называемого советским человеком. И все мы, советские, оказавшиеся в условиях экономического кризиса, постепенно стали терять вторую часть нашего названия. Все мы без исключения носим эту печать (я никогда не слышал, чтобы, например, кто-то из Франции или Америки называл бы себя не французом или американцем, а «американским человеком» или «французским человеком»). Утеря нами наших человеческих качеств является, как мне кажется, результатом нашей среды, которая, кстати, тоже создана нашей системой» (Владимир Познер, «Прощание с иллюзиями», <http://lib.rus.ec/b/364085/read#t10>; <http://www.famhist.ru/famhist/pozner/00032dab.htm> ; <https://biography.wikireading.ru/59635>);

«Товарищ Брежнев был прав, произнося слова какого-то из своих спичрайтеров, что в новом советском обществе создана новая историческая общность – советский народ. Я сам – советский человек. В институте, которым я руковожу, около тысячи душ. Он самый большой научный гуманитарный институт в России. Все его сотрудники: русские, украинцы, евреи, армяне, азербайджанцы, корейцы – советские люди (государевы холопы, – П.Д.). Этот феномен описывали и наши, и зарубежные социологи. Вот от такой страны, от такого человека нужно уйти. От такого метафорического Ленина нужно уйти. Нужно бороться с Лениным. Ленин – демиург этого режима. Это он – безусловно, человек номер один XX века, во всяком случае для России, – гениальностью своей, разрушительной гениальностью, разрушительным цинизмом приостановил другую возможность для России. Я глубоко убежден, что Россия начала XX века имела две возможности развития. Она избрала худший вариант. Почему – другой вопрос...» (Юрий Пивоваров – академик, профессиональный русский историк, Интервью RezumeRu, <http://mspu.org.ua/pulicistika/6424-akademik-pivovarov-sovremennaya-rossiya-yeto.html>).

В отличие от украинского языка, в котором есть, как слово «злодій», так и слово «добродій», в русском языке есть лишь только слово «злодей», а слова же «добродей» нет. Украинскому слову «добродій», означающему человека, совершавшего на протяжении всей своей жизни лишь только добрые дела, нет точного соответствия в русском языке. Обычно его переводят на русский язык как господин, сударь (властелин) или же благодетель (укр. «благодійник»):

«Разберите слово: «благодетель». По законному значению своему должно бы оно выражать: делатель добра, и то же самое, что благодетель. Сверх того, что в этом составленном слове действующий принять за действие, должно заметить еще, что в понятии не отвечает оно Латинскому «virtus», которому отвечает в словаре. «Virtus» значит мужество, доблесть; добродетель скорее соответственно слову «bien-faisance», благотворительность. Впрочем и это слово на Французском языке не старое: в первый раз было употреблено оно, то есть создано, аббатом Сен-Пьером в 1725 году» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

Однако же под благодетельностью (укр. «благодійністю») в русскоязычном примитивном обществе понимается преимущественно внесение пожертвований и в том числе и предоставление любимой всеми халявы, а не какие-либо иные благие дела. Но даже и свершение человеком какого-либо иного благого дела, позволяющего его в этом случае формально назвать благодетелем, вовсе не означает того, что на протяжении всей своей жизни он совершал лишь благие дела и, следовательно, обладает лишь положительными моральными качествами. Да и украинскому слову «шановний», как правило, соответствует в русском языке не слово «почитаемый» (укр. «шана» – почет), а слово «уважаемый», означающее для подсознания лишь важную, то есть имеющую в обществе большой вес (укр. «вагу») персону. И поэтому-то при обращении к кому-нибудь, вместо украинских слов «добродій» и «шановний», в русском языке и используются соответственно слова «господин» и «уважаемый», отвечающие примитивному обществу с холопской (рабской) ментальностью. Ведь в русскоязычном примитивном обществе имеют наибольший вес а, следовательно, и пользуются уважением отнюдь не мораль и гражданская ответственность, а наглость, сила («боятся – значит, уважают!»), холопская покорность (агрессивная послушность) и основывающаяся на них аморальная государственность:

«Нет, не мораль призвание русских! Какая может быть мораль у беспутного, бесхарактерного, неаккуратного, ленивого и легкомысленного племени? А государственность – да, ибо тут действует палка, Сибирь, виселица, тюрьма, штрафы и т. д.» (Константин Леонтьев, Письмо Я.А. Денисову, 8–9 ноября 1887г., Оптина Пустынь, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml);

«Притом огромная удача для России, утверждал Леонтьев, что в ней порядочные люди – такая редкость: это залог ее исторического долголетия и духовной чистоты» (Самуил Лурье, «Успехи ясновидения // Откровение Константина», <http://lib.rus.ec/b/166163/read>; <https://psy.wikireading.ru/105962>).

К тому же, если украинское слово «покликання» ассоциируется с бессознательным «покликом» души или же совести, то соответствующее ему русское слово «призвание» прежде всего ассоциируется подсознанием отнюдь не с зовом души или же совести, а с «призванием к ответственности» (укр. «закликанням / позовом до відповідальності») человека, а также и с другими нежелательными ему как призываниями, так и призывами господ и государства, превращающими русскоязычных людей в безропотных «призывников». Это то и заставляет психически инфантильного русскоязычного человека, избегающего бессознательно любой ответственности, обходиться лишь самыми примитивными гражданскими призываниями.

Мы все выросли под впечатлением, что центральная Россия – это великая держава, а земля по ту сторону Волги – это ее колония

Русское слово «сударь» (венг. «sudár» – «высокий, рослый»), как и индонезийское «saudara», албанское «zotëri» и арабское «sydu», является лишь видоизмененной формой древнего минойского теонима «satur», происходящего от корня «tur» – владыка и приставки «sa-» и встречающегося в минойской (линейного письма А) надписи первой половины 17в. до н. э.:

«Тот же префикс наличествует и в образованном от «эгейского» корня -tur- со значением типа «владыка» (ср. греч. «τύραννος», этр. «Turan» – богиня Владычица минойском теониме *Satur- (ср. минойские теофорные династические имена, сохраненные античной традицией: «Σατυρος» – персонаж древнейшего аргосско-аркадского мифа, тождественный критскому быку – опустошителю Пелопоннеса и Аттики; «Saturia» – дочь царя Миноса) – эпиклезе одной из главных фигур пантеона критян-минойцев, тем или иным образом послужившей прототипом для одноименных божеств у греков (σάτυρος), этрусков (Satres, он же – Satros, Satrs, Satirias), римлян (Saturnus), фригийцев (Camp) и, возможно, фракийцев (ср. фрак. этноним Σάτραι)» (А.А. Молчанов, В.П. Нерознак, С.Я. Шарыпкин, «Памятники древнейшей греческой письменности», http://historylib.org/historybooks/A--A--Molchanov--V--P--Neroznak--S--YA--SHarypkin_Pamyatniki-drevneyshey-grecheskoy-pismennosti/32; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1139071>).

И, следовательно, оно является синонимом слов «владыка», «властелин», «господин». А так как слово «го» на китайском, маньчжурском и на многих других древних языках (на греческом «γῆ/ги», «γαία/гео»; латинское «hospes» – «гость, чужеземец») означает: «земля, страна, держава», то слово «сударь», конечно же, означает:

«...владыка земли, страны или державы» (Рустам Набиев, «Булгар и Северная Европа», <http://www.islamrt.ru/book/bulgar.pdf>; <https://zapdoc.site/bulgar-i-severnaya-evropa.html>).

Но тогда, какой же потаённый смысл имеет слово «государство»? В русском языке место официального пребывания посла и подчиненных ему лиц называется посольством, а консула – консульством. И, следовательно, согласно русскому языку, место официального

пребывания главы державы – государя и всей государственной администрации должно называться государством. А это значит, что в соответствии с лингвистическим (буквальным) смыслом, государством-метрополией в России является только Москва со своим филиалом на реке Неве, а все ее остальные регионы являются лишь колониями Москвы:

«Территория Совдепии в 1918 году удивительно совпадает с землями княжества Московского в XV веке. Те же коренные, лесные, нищие нечерноземные русские земли. Это не случайность. Дело в том, что Советская власть вовсе не есть следствие из марксовской теории, она самородное творчество русского гения. Точнее – свирепого московского, ибо уже зажиточным крестьянам русского Черноземья и тем более вольным казакам она и в страшном сне не снилась. Революция была, если помните, социалистической, то есть, социальной, а не национальной. Потому война и стала гражданской, а бывшим колониям советскую власть принесли на русских штыках – наверное, это и есть интернационализм по-русски...» (Максим Каммерер, «Какой же быть России?», <http://www.krugozormagazine.com/show/demokratiya.495.html>);

«Мы все выросли под впечатлением, что центральная Россия – это великая держава, а земля по ту сторону Волги – это ее колония. Центр тяжести государства лежал, безусловно, к западу от Москвы, но никак не на Волге. Также думал и образованный русский. Он считал ошутимое поражение на Дальнем Востоке в 1905 году незначительным колониальным приключением, а малейшее поражение на западных границах – позором в глазах Запада» (доктора философ. наук Игорь Голосенко, Константин Султанов, «Культурная морфология О. Шпенглера о «Ликах России», Журн. социологии и соц. антропологии, 1998 г., т. I, вып. 3, http://www.perspektivy.info/rus/rus_civ/kulturnaja_morfologija_o_shpenglera_o_likah_rossii_2007-01-31.htm);

«Безмерно расширяя Москву, большевики создали экономический город-паразит, который не могли прокормить московская и другие расположенные по соседству губернии. Сегодня этот процесс раздувания города зашел так далеко, что население московского региона представляет собой огромную пугающую страну, которую кормят дешевой эрзац-пищей из модифицированной сои. Не дай Бог, если городу придется переживать социальные потрясения и осады, как в сорок первом, – несколько миллионов умрут с голода и из города снова потянутся вереницы беженцев с узлами за спиной. Ах, это осеннее бегство из Москвы сталинских холуев в сорок первом! Все дороги были забиты «эмками» и грузовиками с людьми с белыми от страха глазами. А весной, когда стаял снег, около помоек обнаружались горы корочек партбилетов с вырванными страницами – они заматали следы...» (Алексей Смирнов, «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Сопоставление с данными опроса ВЦИОМ 1993г. показало, что доля респондентов, отмечающих напряжение в отношениях между москвичами и жителями других регионов, возросла с 44 до 74%, в том числе с 19 до 44% возросла доля тех, кто считает эту неприязнь «сильной» и «очень сильной». И лишь 17% опрошенных в настоящее время не фиксируют такой неприязни. Интересно, что наличие напряженности в этих отношениях чаще

констатируют жители столиц, а не провинций; ее также чаще отмечают респонденты с высокими доходами. При этом подавляющее большинство респондентов более или менее определенно считают, что Москва живет, главным образом, за счет регионов. И этот показатель достаточно стабилен – за 5 лет доля респондентов, разделяющим эту точку зрения, осталась практически без изменений (81–82% опрошенных). Как и следовало ожидать, нестоличные жители чаще склонны соглашаться с утверждением об иждивенчестве Москвы – от 81 до 85% опрошенных. Да и среди самих москвичей и петербуржцев так полагают 72% респондентов» («Москвичей в России ненавидят уже две трети сограждан», <http://rusnord.ru/oldnews/9941-24559.html>);

«78% россиян считают, что Москва живет за счет регионов. 74% россиян с неприязнью относятся к москвичам, 44% считают эту неприязнь «сильной» и «очень сильной», иными словами, москвичей в России ненавидят две трети сограждан» («Население России: шокирующая статистика», <http://installsoft.ru/viewtopic.php?f=429&t=6250&st=0&sk=t&sd=a>);

«Сибирские дивизии, спасшие когда-то столицу, остались в славном прошлом. «Хватит кормить Москву!» стало лозунгом нового времени. Это уже не Россия, это Сибирь. По крайней мере, так считают авторы нашумевшего документального фильма «Нефть в обмен на ничего». Четверо активистов, занимавшихся самыми разными проектами в сфере гражданского общества в Новосибирске, включая известного художника, автора акции «Монстрация» Артема Лоскутова, пришли к одинаковому выводу о причинах проблем региона – во всем виновата Москва. На территории Сибирского федерального округа добывается 70% российской нефти и 90% газа. Назад возвращается лишь небольшая часть – бюджет Новосибирска меньше бюджета Москвы в 40 раз, хотя население меньше лишь в 8 раз. Дмитрий Марголин, один из режиссеров фильма, говорит: «Россия – это страна одного города (Москвы – прим.), это форма оккупации. Развитие Сибири идет по колониальному принципу – вывоз сырья и ресурсов в обмен на ...ничего». В целом абстрактные разговоры о необходимости перераспределения ресурсов между центром и регионами приобретают грубую и осязаемую фактуру, стоит лишь выйти на улицу – разница в уровне инфраструктуры Москвы и остальной России очевидна и подтверждает тезис Марголина о колониальном развитии ресурсных регионов» («Контрфедерация. Сколько лет осталось РФ?» <http://fxrating.club/kontrfederaciya-5/>; <https://stepom.dreamwidth.org/7915.html?style=site>);

«Граждане, прибывшие в Москву, но не прошедшие регистрацию, будут высланы обратно в Россию» (Народная мудрость).

Неужели же и теперь актуальны слова фельдмаршала Михаила Кутузова – «Чтобы спасти Россию, нужно сжечь Москву»?:

«Ведь на сегодняшний день нет возможности определить численность генетически и биологически здорового русского населения. Сколько его осталось – 30, 20, 10, 5, 2 миллиона или и того меньше? От одной только Москвы в дрожь бросает при виде этой тупой,

трусливой, лживой, подлой, алчной и аморальной серой массы бездуховного двуногого сообщества вырожденцев. Ведь ложью и алчностью пропитан даже воздух Москвы, и этим сказано все! Не зря народ России, особенно в глубинке, уже давно определился, что сатанинскую Москву надо окружить и сжечь, всех до одного!!! И я не сомневаюсь, что он это сделает. И не важно, как это будет, с помощью мусульман, китайцев или как-то иначе. Ибо все зло русского народа сосредоточено в этом, Богом проклятом месте...» (Юрий Козенков, «Голгофа России», Ч.1 «Миграционная оккупация и дегенерация», <https://infopedia.su/1x81b8.html>).

Как видим, Россия в целом не является державой:

«В России нет государства (суверенной державы, страны, – П.Д.). Это территория, оккупированная горсткой преступников (гос. администрацией и другой властью предрешающей номенклатурой, – П.Д.). В России живет 141 миллион нормальных, работающих, щедрых, умных, порядочных людей. И миллион преступников, которые все разрушают. А государства никакого нет» (Уильям Браудер, «В России нет государства», <https://snob.ru/magazine/entry/36099>; <https://www.newsru.com/world/27may2011/magnitsk.html>);

«Мы должны понять, что во главе нашей страны (не государства, т.к. он демонтировал государство) находится очень больной человек. Понять это, кроме того, что этот сумасшедший Путин ещё и международный террорист; массовый убийца; военный, государственный и должностной преступник, скрывающийся за маской главы демонтированного им государства. И это очень опасно. Не только для нас. Для всех соседей и для всего человечества» (Слава Рабинович, «Во главе страны больной человек», <https://www.obozrevatel.com/russia/vo-glave-stranyi-bolnoj-chelovek.htm>);

«А что будет с Россией, когда изобретут эффективный электромобиль и нефть станет не нужна? У нас нет промышленности, нет дорог, нет жилья... Государства у нас тоже нет, потому что вертикаль власти и государство – вещи абсолютно разные, если не противоположные...» (Матвей Малый, комментарий к статье Майкла Льюиса «Греки на вашу голову», <https://snob.ru/profile/9972/blog/29210>; <https://mayday.rocks/ochen-pouchitelnaya-statya-pro-gretyu/>);

«Один из таких сквозных героев – владычка Иоанн («обновленец», о чем упоминается в романе, но эта деталь не имеет практически никакого значения) – в самом начале романа задает своеобразные оси координат в исторических построениях «Обители». «Адовы силы и советская власть – не всегда одно и то же. ... В жизни при власти Советов не может быть зла, если не потребуется отказ от веры. Ты обязан защищать святую Русь – оттого, что Русь никуда не делась: вот она лежит перед нами и греется нашей слабой заботой. Лишь бы не забыть нам самое слово: русский, а все иное – земная суета. ... Есть начальник лагеря, есть начальник страны, а есть начальник жизни – и у каждого своя работа и своя нелегкая задача. Начальник лагеря может и не знать про начальника жизни, ... – зато начальник жизни помнит про всех, и про нас с вами тоже. Не ропщите, терпите до конца – безропотным

перенесением скорбей мы идем в объятия начальнику жизни, его ласка будет несравненно чище и светлее всех земных благ, таких скороспелых, таких нелепых». «Простая» картина соловецкого мира, четко нарисованная Эйхманисом, вполне соответствует той вертикали власти, о которой говорил владычка Иоанн. Соловки и были реализацией этой вертикали...» (Татьяна Морозова, «Простой и ясный взгляд» на Соловки // Захар Прилепин. Обитель, <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/9/21m.html>);

«Невеселые мысли приходят в голову при взгляде на ту действительность, в которую мы сегодня погружены и которую сами же создали. Огромное пространство на одиннадцать часовых поясов, называемое Россией, еще по инерции считается страной, но по сути уже не страна, а сторона. Сторона (родная сторонка!), противоположащая всему остальному миру. Противоположащая, потому что мир живет, к чему-то стремится, куда-то несется, Россия же лежит, распласталась по своей территории, впад в тяжелый летаргический сон. Из нее будто вынули душу, а то, что осталось, – всего лишь тело со своими примитивными рефлексам. По горькому замечанию писателя Дмитрия Быкова, «из страны словно выкачали воздух»...» (В.И. Ковалёв, «Россия: три искушения», <http://www.hegel.ru/russia.html>);

«Россия это не государство – это нелепое политическое образование с внешними декоративными элементами государства, построенное на лжи, насилии и произволе. Невежественная деспотия, населенная рабами по духу и имеющая наглость плебса, претендующего на культуру и зараженного лихорадкой подражательства западу» (Ѓотуми бэхэс, «Мысли о России»).

Очевидно, как и в советское время, так и сейчас под термином «государство» следует понимать лишь узурпировавшую и предрежащую власть холопскую номенклатуру:

«В докладе на XII съезде партии в 1923 году Сталин заявил: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь». Иными словами, нужны ретивые и беспрекословные исполнители (государевы холопы, – П.Д.), при подборе которых «необходимо каждого работника изучить по косточкам» – точно как в шайке. Да, принципы отбора паханов, «крестных отцов» мало отличались от вербовки номенклатуры: «Типичным методом отбора партийных лидеров является кооптация и назначение сверху. Голосование устроено не как выражение свободного выбора, а как механизм для фиксирования санкции на решения, принятые на более высоком уровне». То же стремление к тотальному контролю сверху, та же жесткая иерархия, то же стягивание абсолютной власти в руках бонз...» (Игорь Гарин, «Номенклатура», <https://www.proza.ru/2014/09/02/640>);

«Сейчас нужно определить, концептуализировать политическую форму того тоталитарного социума, который возник на развалинах Российской империи. Категория тоталитаризма, полагаю, характеризует социальное содержание, точнее, интенцию социальной трансформации, которая в разной степени реализовалась в конкретных

исторических формах: фашистском итальянском государстве, нацистском Рейхе и в СССР. Именно так – советским государством, СССР – строители коммунизма назвали свое детище. Не следует забывать о парадоксальности этих именовании: ведь советы были выдвинуты большевиками как форма антигосударственной диктатуры пролетариата. Рассуждая по-марксистски, советское государство – софизм, но, рассуждая по-ленински, софизм целесообразный, т.е. нужный для удержания «диктатуры пролетариата» в крестьянской стране после того, как антигосударственный бунт крестьянства уже иссяк (это средство «подхода к массам» – такое же как лозунги «Земля – крестьянам!», «национальное самоопределение», «Социалистическое отечество»). Таким образом, советское государство – это имя для непосвященных, идеологический ширпотреб. Настоящие же «письмена Бога» обнаружил М. Восленский в неприметном учебном пособии для слушателей партшкол, где дается определение номенклатуры. Сделаю необходимые уточнения. Политический союз (в том числе государство), по точному замечанию П.Л. Белкова, может определяться либо как совокупность людей, либо как определенная совокупность отношений между людьми. В одном случае определение будет связано с понятием «сообщества», т.е. некоторого суммарного физического тела, в другом – с понятием «структуры», подразумевающим некоторую систему отношений внутри данного множества лиц. Как совокупность людей на определенной территории – территории бывшей Российской империи – созданная большевистской партией наднациональная организация должна быть определена как Коммунистическая держава. Это определение акцентирует наднациональный характер и неограниченный идеократический экспансионизм (расходящиеся сферы державы коммунизма: «СССР», «соцлагерь», «комдвижение»). В качестве системы отношений данное образование может быть определено как номенклатурная организация (в понятийном ряду: «родовая организация», «сословная организация», «правовая организация»). Подчеркну: понятие номенклатура определяет не только господствующий класс (в таком качестве оно занимает место в понятийном ряду: «варна», «аристократия», «элита») и не только специальный институт – реализованное средство такого господства, но и (также как «варна», «аристократия», «элита») означаемую, поддерживаемую данным институтом разность семиотических потенциалов «управляющих» и «управляемых», оппозицию и связь их интересов (то самое невещественное «вещество» политического союза, о котором говорит П.Л. Белков)» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=7>);

«Социальный и политический уклад жизни современной России очень похож на уклад жизни колониального государства. В медицине известен феномен аутоинтоксикации – самоотравления организма ядами, которые начинают вырабатываться внутри него при некоторых нарушениях нормальной жизнедеятельности. Нечто подобное произошло сегодня с российским обществом, которое подверглось «самоколонизации» паразитическими элементами, возникшими вследствие развития патологических социальных процессов внутри общества. Россия сегодня – империя и колония «в одном флаконе». Страна вернулась в свой XVI век и даже еще раньше. Через всю русскую историю проходит конфликт между работающим «тягловым» (платящим налоги) человеком, которого не могло защитить слабое

государство, и «татем» (вором и разбойником), который пользовался этой слабостью государства. Но почти никогда не было так, чтобы «тати» захватывали само государство, превращали его в орудие воровства и нещадного избиения работающих людей. Так было только в Ордынские времена, когда ханские отряды стояли в каждом русском городе и защищали тех, кто больше заплатит. Но то были чужие, а здесь – свои» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Новая Орда», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«С другой стороны, прошлое России как будто не дает оснований для оптимизма. В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то скорее в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм – или фашистскую «демотию» – из своего национального духа или своей геополитической судьбы; более того, в деспотизме всего легче осуществляет свое историческое призвание» (Георгий Федотов, «Россия и свобода // Судьба и грехи России», Том 2, – С.-Петербург, 1992, с.276-303, <http://www.vehi.net/fedotov/svoboda.html>, в сб. «Новый град», Нью-Йорк, 1952, http://www.odinblago.ru/rossia_i_svoboda);

«Я безрадостный слышу мотив,
У меня обольщения нет,
Ибо серость, сольясь в коллектив,
Обретает коричневый цвет»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/04.htm>);

«Но почему же именно общественный организм России оказался наиболее податливым к действию красно-коричневых бактерий-убийц? Таковы, увы, генетика и структура нашего общества... Как бы то ни было, тоталитарное сознание глубоко уходит в толщу нашей истории, где были войны (как в истории любой страны), но не было гражданского общества. Оборонное мышление, ксенофобия, ставка на силу, «сила власти», измеряемая мерой ее насилия по отношению к народу, – все это у нас не заемное. Конечно, это страшно уродует национальную память, не дает возможности появиться разумному, умеренному консерватизму. Какие традиции может охранять наш консерватизм? Гражданское общество? Независимость личности от государства? Частную собственность? Да, все эти традиции у нас были – но лишь в зародыше, в потенции. Невольно консерватизм начинает возвращаться к действительно доминировавшим традициям – «необходимости самовластья и прелести кнута». А если отделить от этих традиций феодально-сословную честь, которая была совершенно вытоптана, то получается «самодержавие толпы», уже пограничное с нацистской идеологией...» (Егор Гайдар, «Бюрократия и фашизм»,

<http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/40/21g.html>);

«Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть...»

(Александр Пушкин, «Вольность»,

http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/01versus/0217_22/1817pl/0023.htm
);

«В странном положении находимся мы. Среди людей, которые имеют претензию действовать на дух общественный, нет никакой нравственности. Всякое доверие к высшему порядку вещей, к высшим началам деятельности исчезло. Нет ни обществолюбия, ни человеколюбия; мелочной, отвратительный эгоизм проповедуется теми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образование или двигать пружинами общественного порядка.

Нравственное бесчиние, цинизм обуял души до того, что о благородном, о великом говорят с насмешкою даже в книгах. Сословие людей сильных умом, литераторов, наиболее погрязло в этом цинизме. Они в своих произведениях восхваляют чистую красоту, а сами исполнены нравственного безобразия. Они говорят об идеях, а сами живут без всякого сознания высших потребностей духа, выставляют в жизни своей самые позорные стороны житейских страстей.

Может быть, и всегда так было, но от иных причин. Причина нынешнего нравственного падения у нас, по моему наблюдению, в политическом ходе вещей (в фашистской «демотии», – П.Д.). Настоящее поколение людей мыслящих не было таково, когда, исполненное свежей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной деятельности. Оно не было проникнуто таким глубоким безверием (и тоталитарным сознанием, – П.Д.), не относилось так цинично ко всему благому и прекрасному. Но прежде объявило себя врагом всякого умственного развития, всякой свободной деятельности духа. Не уничтожая ни наук, ни ученой администрации, оно, однако, до того затруднило нас цензурою, частными преследованиями и общим направлением к жизни, чуждой всякого нравственного самопознания, что мы вдруг увидели себя в глубине души как бы запертыми со всех сторон, отторженными от той почвы, где духовные силы развиваются и совершенствуются.

Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят; что от нас требуют безмолвия и бездействия; что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, обратившейся для них в тюрьму; что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, – когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями; что оно приемлет в свои недра

одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственным началом, на основании которого позволено действовать, – тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело. Все его высокие чувства, все идеи, согревавшие его сердце, воодушевлявшие его к добру, к истине, сделались мечтами без всякого практического значения – а мечтать людям умным смешно. Все было приготовлено, настроено и устроено к нравственному преуспеянию – и вдруг этот склад жизни и деятельности оказался несвоевременным, негодным; его пришлось ломать и на развалинах строить канцелярские камеры и солдатские будки.

Но, скажут, в это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителям и профессорам, посылали молодых людей за границу для усовершенствования в науках. – Это значило еще увеличивать массу несчастных, которые не знали, куда деться со своим развитым умом, со своими требованиями на высшую умственную жизнь.

Вот картина нашего положения: оно незавидно (до сих пор и в XXI веке, – П.Д.). Мудрено ли теперь, что мы, воспитав себя для высшего назначения и уничтоженные в собственных глазах, кидаемся, как голодные собаки, на всякую падаль, лишь бы доставить какую-нибудь пищу нашим силам.

Конечно, и у нас есть люди, ныне действующие в другом духе, но их очень мало и они слишком бессильны, слишком робки, слишком недоверчивы к собственным чистым побуждениям, чтобы могли перетянуть весы на сторону добра; есть затворники, постники, которые решились пребыть до конца верными своим идеям и лучше задохнуться, чем изменить им. Но эти люди исключение, и они несчастнее первых, ибо не вкушают сладости даже минутного забвения. Ничего удивительного, если иные из молодых людей доходят до самоубийства, как то было с нашим Поповым.

Конечно, эта эпоха пройдет, как и все проходит на земле; но она может затянуться надолго, на пятьдесят, на шестьдесят лет (и ведь же, до сих пор она так и длится, – П.Д.). Тем временем успеешь умереть в этой глухой, дикой, каменистой Аравии, вдали от земли святой, от Сиона, где можно жить и петь высокие песни. Увы!

Рабы, влачащие оковы,

Высоких песней не поют»

(Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 15 апреля 1834 г.,

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Я – русский литератор, и потому имею две рабские привычки: во-первых, писать иносказательно и, во-вторых, трепетать. Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам. Она и сама преисполнилась рабским духом и заразила тем же духом читателей. С одной стороны, появились аллегории, с другой – искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа езоповскою, – манера, обнаруживавшая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств. Цензурное ведомство скрежетало зубами, но, ввиду всеобщей

мистификации, чувствовало себя бессильным и делало непрерывные по службе упущения. Публика рабски восторженно хохотала, хохотала даже тогда, когда цензоров сажали на гауптвахту и когда их сменяли...» (Михаил Салтыков-Щедрин, «Недоконченные беседы», <http://litlife.club/br/?b=136972&p=10>);

«Отмена Литовского статута в 1842г. (вместе с более ранней отменой Магдебургского права) лишало украинские земли западной юридической формы. На фоне репрессий и насильственной русификации в Российской империи утверждается концепция «большой русской нации». Цензуре предписывалось не допускать в украинской литературе «преобладания любви к отечеству» над любовью к империи. Политически неблагонадежным считались все, кто интересовался украинской стариной. В московском университете всерьез говорили о том, что украинского языка не существует, а есть только испорченный поляками русский. Постепенно складывается представление о «малороссах», как о представителях низших классов, культурные особенности которых значительно уступают великороссийским. Влияние украинского барокко и Киево-Могилянской академии на становление российской имперской культуры было к тому времени напрочь забыто и умышленно замалчивалось. Формируется так называемый «малороссийский менталитет», когда успешные представители Украины стремились подчеркнуть свою «русскость» и нарочито пренебрежительно высказывались о «малороссах»...» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=64>);

«Русская колониальная империя – совершенно независимо от её внутреннего устройства, будь это монархия, совдепия или «суверенная демократия» (а другой тут быть и не может) – несёт своим существованием смертельную угрозу свободе, независимости и самой жизни украинского народа, как и всех прочих народов своих бывших колоний. Захватив эти земли грубой силой сперва в 18-м веке, потом ещё раз в 20-м, – русские, от Кремля до последнего подзаборного алкаша, генетически считают эти земли своими, «временно потерянными» по какому-то печальному недоразумению. Свободы народов, которые она однажды поработила, как и их права жить в своём независимом государстве, для имперско-реваншистского русского сознания просто не существует. Разжать смертельную хватку этих челюстей может только смерть. Российская империя должна быть ликвидирована, распасться на части и прекратить своё существование, – в этом залог свободы и независимости Украины...» (Борис Стомахин, «Голодомор. Послесловие», <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/02/05/63820/boris-stomakhin-golodomor--posleslovie.shtml> ; <https://maidan.org.ua/arch/arch2009/1233905635.html>);

«...есть любимые две поговорки. Первая: «Народ и партия едины. Раздельны – только магазины». Состояние мозгов у начальства и у народа одинаковое, – я в этом глубоко убежден. Нет хорошего народа и плохого начальства. Потому что если бы это было так, то начальство бы менялось. Оно даже при не демократической системе, даже при авторитарной системе зависит от народа. Народ мертвый. Страна мертвая у нас. Общество мертвое. А когда общество мертвое, то начальство вправе дурить как ему угодно. Состояние мозгов

начальства не лучше, чем у общества: то же мрачное жлобство. Но состояние мозгов общества не лучше, чем у начальства. И вторая поговорка на ту же тему: «В России две напасти: внизу власть тьмы, вверху тьма власти». Вот два перекоса есть. Одни всегда с пеной у рта защищают власть – за деньги, бесплатно, – не важно: «Власть – последний европеец в России, власть движет, власть лучше, и так далее». Другие всегда защищают народ и общество: «Народ хороший, общество хорошее, проклятая власть душит». Я считаю, что и то, и другое это выписывание индульгенций – или начальству или нам самим...» (Леонид Радзиховский, из интервью Сергею Бунтману, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/567725-echo/>);

«И тут я вынужден сделать страшный вывод: дело уже не в Путине – этот стиль поведения многие россияне выбрали для себя сознательно. Мне нет ни малейшего дела до морального облика этого чекистского выкормыша, ибо в данном случае он уже ни при чем: «мавр сделал свое дело». Можно запудрить мозги, можно отравить сознание пропагандой – но решение о том, становиться мразью или не становиться, есть личный выбор конкретного человека. И в данном случае киселевская пропаганда ненависти лишь упала на подготовленную почву. Впрочем, и это будет не совсем верно. Дело не только в пропаганде ненависти. Дело в культивировании девиантного поведения. Аркадий Бабченко недавно написал, что путинская Россия осуществила то, что не имеет аналогов в истории: сделала девиантное поведение государственной политикой. И это так, друзья мои: сейчас быть «неадекватом» в России «модно» (если такой оборот вообще уместен). Но беда в том, что эта пропаганда пала на подготовленную почву. Путинская пропаганда лишь высвободила самые дикие инстинкты, выпустила джинна из бутылки – а остальное мы изволим наблюдать, так сказать, «в натуре»...» (Юрий Гиммельфарб, «Идеальные палачи, идеальные рабы», <http://www.aboutru.com/2015/12/22130/>);

«Раньше у меня было убеждение, что все зло в Кремле. Теперь, за последние три месяца я увидел, сколько говна кипит в головах моих знакомых, которых я считал неглупыми людьми. Я привел пять пунктов, по которым радующийся войне с Украиной россиянин оправдывает свою радость. Можно еще много пунктов перечислить, и все они будут противоречить логике. Кроме трех исключений из числа россиян. Если вы хотите нажиться на распиле крымских денег – вы не дебил – вы просто вор. Если вы хотите отвлечь внимание от падающей экономики и поднять себе рейтинг за счет нападения на другое государство, то вы не дебил, вы в скором времени строчка в учебнике истории, заканчивающаяся словами «умер в тюрьме». И третье – если вы играете в цивилизацию Россией, то вы не дебил, вы играете. Так вот, дорогие мои все остальные. Пора прекращать играть и давать играть нашему государству. Я убедился, что Путин – наш президент, потому что все эти усыновления беркутовцев, пятые колонны и раскрашивание иначе контурных карт рождают нехилую эрекцию у большинства стада. И меня впервые в жизни посетила мысль о том, что стадо вряд ли изменится за время моей жизни...» (Владимир Познер, «Отобрав Крым, мы начали путь к потере всех остальных земель», <http://newsonline24.com.ua/poznera-prorvalo-otobrav-krym-my-nachali-put-k-potere-vsex->

[ostalnyx-zemel](#));

«– «Я не буду углубляться в антропологию, чтобы меня не записали в фашисты, но скажу о главном отличии между нами: они (россияне. – «ГОРДОН») – рабы, а мы – свободные люди. И ничего с этим не сделаешь»... По словам писателя (Подервянского, – П.Д.) отношение россиян к украинцам нельзя изменить никакими социальными реформами. «Кацапы испытывают ненависть рабов к свободным людям. Это изначально глубокая ненависть. Потому что для них тот, кто не раб, – враг. Иначе у них не получается. Их теперь бесит, что люди, которых они считали своими, к тому же слегка недоделанными, с каким-то смешным языком, в какой-то дурковатой одежде, с какими-то идиотскими претензиями, вдруг оказались свободными людьми. И это простить им нельзя. Их нужно уничтожить. Если не физически, то, по крайней мере, их культуру, амбиции, политическую самостоятельность. Такова задача. И тут совершенно не в Путине дело. Он не делает ничего такого, что не нравилось бы этому народу. Российский народ и его президент – едины, как в свое время народ и партия», – подчеркнул Подервянский. Он отметил, что не следует удивляться растущему рейтингу Путина и отделять президента РФ от российского народа, поскольку «они одинаковы». Согласно результатам июньского опроса «Левада-Центра», уровень одобрения россиянами деятельности президента РФ Владимира Путина вырос до 89%. Большинство россиян – 85% – по-прежнему поддерживают решение руководства страны об аннексии Крыма. К Украине негативно относятся 59% россиян» («ГОРДОН», из интервью Леся Подервянского, <http://gordonua.com/news/society/Podervyanskiy-Putin-ne-delaet-nichego-hto-ne-nravidos-by-rossiyskomu-narodu-88226.html>);

«Зиньковский не разделял таких мыслей, что, мол, великодержавная политика России – это дело рук собственно правительства, а в народе царят совсем другие взгляды, что «народ, мол, московский, если бы имел возможность высказать свои мысли, осудил бы сие варварство». Считая интеллигенцию выразителем мыслей народа, Зиньковский отмечает, что российская интеллигенция, за отдельными исключениями, «наголо централистская, ассимиляторская», а потому «на превеликое несчастье – это неправда». Поэтому правительственное поведение в деле ассимиляции в полной мере соответствует взглядам самого народа московского, его истории, его культуре», а его правительство – это «гармоничное и логичное произведение истории московского народа», ведь если бы московский народ оказал сопротивление «вакханалиям ассимиляторским», то правительственные попытки были бы «мертворожденными и бесполезными без помощи общественной». В результате такого анализа Зиньковский приходит к вполне логичному выводу, что «народ, который вырастил у себя деспотов, деспотически будет вести себя и с тем, кто будет иметь несчастье под его пяту попасть. Раб, сделавшись силой, становится деспотом...» (Иван Боднарук, «История украинской литературы XIX ст.: Трофим Зиньковский (1861 – 1891)», <http://ukrlitra.com.ua/13-8.html>);

«Гуманистическое содержание политики государства зависит от интеллигенции, от того, как она оценивает прошлое, понимает настоящее и видит будущее, насколько она

способна выработать в интересах народа такую картину мира, где не смогли бы жить и развиваться конфликты, а господствовали бы диалог, доверие, согласие и взаимопонимание. Агрессивная, захватническая политика России формируется именно имперской позицией интеллигенции, которая питает такую политику, одобряет агрессивную власть России, обманывает народ, плодит рабскую философию. Российский интеллигент является продуктом российской истории, российских военных походов, российской нетерпимости к тем, кто стал на путь свободы и независимости. Российский интеллигент – это мутант азиатскости, умноженной на философию «великой России» и практику покорения других народов. А это «гремучая смесь», которая постоянно угрожает неудержимым, непредсказуемым взрывом. Иначе трудно объяснить, как может настоящий интеллигент одобрять и проталкивать агрессию Кремля против Украины, оправдывать убийства и насилие, призывать к порабощению украинцев, к их уничтожению... Изменить Россию невозможно. С ней нужно научиться жить, не поступаясь ни при каких условиях свободой, демократией и правами человека ради временных меркантильных интересов. Строить новый мир, мир добросовестного, ответственного сотрудничества с участием России невозможно. К такому сценарию Россия не готова. Международное сообщество должно создать такие условия мирового порядка, которые заставили бы Россию учиться уважать интересы государств и народов, руководствоваться дипломатией и компромиссами, отказаться от опоры на силу, на войну. Иначе над миром всегда будет нависать российская угроза. Защита Украины может быть эффективной только в системе НАТО. Членство в НАТО – жизненная необходимость для сохранения и развития украинской нации, над которой всегда висел и висит российский дамоклов меч. Вопрос стоит так: или независимость Украины в семье европейских стран, или зависимость от России. Россия понимает и воспринимает только такое "равноправие", когда она сверху, когда она диктует свои условия сотрудничества и определяет содержание украинской политики. Не знать и не учитывать этого при разработке внутренней и внешней политики – значит ставить под угрозу существование украинской идентичности. Запад ошибается, думая, что Россию можно изменить. Нет, можно в соответствии с российским фактором формировать свою политику, которая должна предотвратить российские экспансионистские цели» (Леонид Кравчук, «Идеология войны России против Украины: война или АТО? Первое письмо Кравчука украинцам», <http://gordonua.com/publications/ideologiya-voyny-rossii-protiv-ukrainy-voyna-ili-ato-pervoe-pismo-kravchuka-ukraincam-203000.html>);

«В официальной истории России трудно найти такие термины как «колонизация», «захват чужих территорий», «оккупация», «агрессия», «колониальные войны»: В ее историографии, как правило, пользуются лишь такими выражениями, как «освоение новых земель», «мирное вхождение в состав русского государства», «воссоединение», «мирные деяния русских землепроходцев». На всевозможных «круглых столах», диспутах, посвященных становлению России, спасительным, дежурным заявлением для фашиствующих русофилов стало голословное утверждение, что «...единственная страна в мире, не знавшая колоний, это – Россия!». Сия открытая великодержавная ложь стала краеугольным камнем-фундаментом национальной политики, проводимой и на сегодняшний

день правителями всех ветвей власти современной России» (Ахмет Закир, «Тайное завещание Петра I», <https://medium.com/fighting-russian-censorship/запрещено-ругать-захватнические-войны-россии-f45cd918d0cc>);

«Но дело, повторяю, не в одном лишь российском государстве, которое всегда было, есть и будет (пока – надеюсь, уже скоро – не прекратит свое существование) врагом и украинцев, и любых других свободолюбивых народов, и даже не в ордах «ватников», возникших вовсе не на пустом месте, а лишь наконец-то проявивших без стеснения свою извечную суть. Дело в том, что и русские либералы, сколько бы их еще ни осталось, не многим лучше. Недаром сегодня чуть ли не все они заявляют, что Крым, конечно, отняли незаконно, но и вернуть его никак невозможно. И когда война закончится – а закончиться она может только крахом России – и они (те совсем немногие, что уцелеют) выберутся из-под развалин и, как ни в чем не бывало, скажут «ну все, Путин капут, давайте дружить!» – ни в коем случае не следует вновь попадать в ту же ловушку. Ибо очень быстро начнется прежняя песня – «ну хохлы, ну оборзели совсем! Мы из-за вас свою страну не пожалели, а где благодарность?»...» (Юрий Нестеренко, «Исповедь бывшего москаля», <https://rufabula.com/articles/2015/02/25/confessions-of-a-former-muscovite>, <http://argumentua.com/stati/yurii-nesterenko-ispoved-byvshego-moskalya>);

«Нам не стоит ненавидеть русских – зачем, ненависть и правда разрушает. Нам не стоит и слушать истерических выкриков ура-патриотов про то, что не должно быть никаких контактов с оккупантом и агрессором, которым действительно является РФ. Почему – наоборот, нам надо с выгодой для себя торговать с Россией, ведь это такой огромный и выгодный рынок. Надо научиться ей улыбаться сквозь зубы. Нам надо даже сидеть за одним столом, пить водку, скрепя зубами, жать протянутые руки. Но все время помнить, что рядом с нами – жестокий, коварный, безжалостный, неизменный и самый главный враг. Враг, у которого всегда в кармане заряженный пистолет, и он не преминет им воспользоваться по праву сильного. Значит, у нас должен быть еще больший пистолет, а еще лучше – автомат. Это враг экзистенциальный, который всегда будет таковым в независимости от формы его государственности. Не важно, какой будет Россия – демократической, националистической, путинской, коммунистической, она всегда будет вражеским образованием, конечной целью которого будет уничтожение украинской государственности. Нет плохих и хороших русских – есть жители вражеского государства» (Богдан Буткевич, «Прагматическая русофобия», http://ukrudprom.ua/digest/Pragmaticeskaya_rusofobiya.html?print);

«От безысходности устав,
Душа угрюма и пуста.
Вокруг безумная толпа,
Там праздник. Ну а здесь судьба
Бредет по улицам и дням
Навстречу ледяным огням
И в скорбной вечности моей

Давно пристанище теней.
А рядом снова жизнь бежит,
Над суетой своей дрожит,
И копит скучный мелкий бред
Уже невыносимых лет.
И скверной мерзости поток,
И обреченности глоток...»

(А. Даль, «На окраине мира», <http://samlib.ru/a/adalx/dal382-1.shtml>).

И это ведь характерно для русскоязычного туранского этноса с самого начала его формирования:

«Киевская Русь не коллаборировала с Батыем, она была разрушена татарами при помощи Московского княжества. А в Московском княжестве были абсолютные коллаборационисты во власти, и они индоктринировали ордынский синдром в русское сознание. Чернышевский замечательно написал, что в каждом из нас немного сидит Батый. Есть большой Батый в Кремле, под ним – еще десяток, тысячи, потом сотни тысяч Батыев, а потом – самые маленькие, но они – начальник паспортного отдела, лифтер – это тоже Батый» (Андрей Кончаловский, «О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья» / «Киевская Русь была разрушена татарами при помощи Московского княжества», https://censor.net.ua/resonance/245893/konchalovskiye_kievskaya_rus_byla_razrushena_tatarami_pri_pomoschi_moskovskogo_knyajestva);

«Татарский режим, унижительный для национального самолюбия, многих русских людей из разных слоев общества привел к полной утрате как национального самолюбия, так и вообще чувства долга и достоинства. Такие случаи нравственного падения, по всей вероятности, были очень нередки, встречались гораздо чаще, чем об этом позволяют судить исторические свидетельства современников. Подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь из татарского режима побольше личных выгод, хотя бы ценой предательства, унижения и компромиссов с совестью, – все это, несомненно, существовало, и притом в очень значительной мере. Несомненно, существовали случаи и полного ренегатства, вплоть до перемены веры из карьерных соображений... Приобщение России к монгольской государственности, разумеется, не могло быть только внешним и сводиться к простому распространению на Россию системы управления, господствовавшей и в других областях и провинциях монгольской империи; разумеется, должен был быть воспринят Россией до известной степени и самый дух монгольской государственности...» (Николай Трубецкой, «Наследие Чингисхана», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1018007/41/Trubeckoy_-_Nasledie_Chingishana.html);

«Русские цари были более склонны брать за образец именно ханскую власть и стремились либо сравняться с ней, либо перехватить. «Копирование» татарской государственности было тотальным. Появившиеся в русском языке со времен татарского ига термины, отражающие государственность вроде: деньга, алтын, казна, тамга (откуда:

таможня), ям (откуда: ямская гоньба, ямщина, ямской и т.д.) – татарского происхождения. Это ясно указывает на то, что в таких важных функциях государства, как организация финансов и почтовых сообщений, татарское влияние было решающим. Перехват государственной системы неизбежно вел и к перехвату системы отношений с населением страны, которое стало рассматриваться лишь как объект поборов для кормления власти и не более того. Русские самодержцы вели себя по отношению к своим подданным практически так же как и монголо-татарские князья по отношению к подвластным территориями. По мнению М.Н. Покровского в основу московских податных порядков легла именно татарская финансовая организация, «стершая или, по крайней мере, закрывшая все предшествовавшие», т.е. порядки, возникшие в Киевской Руси и естественные для исконно русской организации. Татары стали для нас и родоначальниками податной статистики. Они начали с того, что переписали все податное население, показав этим, что их интересовало не только то, сколько нужно взять дани, но и сколько ее можно взять. Именно от татар пошло накладывание податных обязательств сразу на целую область, жители которой разверстывали податную тягу между собой как хотели и умели» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml).

«Во время возвышения Московского княжества с других городов взималась большая дань. Города направляли в Москву челобитчиков с жалобами на несправедливость. Царь иногда сурово наказывал жалобщиков для устрашения других. Отсюда, по одной из версий, произошло выражение «Москва слезам не верит»...» (Аркадий Брызгалин, ««Москва слезам не верит» – налоговая пословица», http://www.nalog-briz.ru/2010/09/blog-post_9916.html).

На то, что и сейчас – это именно так, указывают как невысокие оклады госслужащих, понуждающие их к мздоимству (взяточничеству), так и парадоксальное наличие значительно более высокого уровня жизни населения не обладающих никакими природными ресурсами Москвы и Санкт-Петербурга по сравнению с очень низким уровнем жизни населения всех других российских регионов, лишь за счет продажи природных ресурсов которых и сибаритствует метрополия:

«Мы вырастили мутантов. Я наблюдаю за этим процессом уже много лет и хорошо знаю такую породу людей. Это не мы с вами, не узкий круг людей, которые живут полноценной жизнью, пытаются что-то узнать, интересуются событиями и т.п. Такие как мы – это совсем небольшой круг. Есть какая-то часть молодежи, которая живет нормально и позитивно, и она мне очень нравится. Это моя публика, и я счастлив, что могу для них что-то делать. Но таких людей очень мало, уж поверьте мне. А у остальной массы – рабское сознание. И это сознание практически всего населения. Эта новая порода мутантов создавалась долго – 15-20 лет. Эти люди, может, ни в чем и не виноваты. У них нет обратной связи, они не понимают, что они делают, у них генетически нет чувства ответственности. Поэтому с ними очень трудно. Когда у людей нет никаких понятий о нравственности, им нельзя ничем помочь. Меня останавливает милиционер, и с ним ничего нельзя сделать, нет обратной связи. Он может отобрать права, потребовать деньги, и объяснять ему что-то бесполезно. Все властные структуры: ОМОН, милиционеры и т.п. – это специально

воспитанные люди, у которых нет сознания. Это огромная армия людей. Они понимают, что беспредельны. Государство не платит им деньги, поэтому они грабят нас. Вот такая мораль, она повсюду, везде. И их даже нельзя упрекнуть. И никто не предпринимает никаких шагов, чтобы опять стать нормальными. Процесс бесконечен. Он должен дойти до какой-то критической точки, когда что-то произойдет. Это может быть страшное событие. И мне кажется, оно случится. У нас же нет середины, у нас есть горячо и холодно. А народ сорвется и просто всех снесет. Это будет дикая штука. Никакого постепенного изменения сознания не будет» (Иван Дыховичный: «У основной массы людей – рабское сознание», <http://www.snob.ru/selected/entry/3718?preview=print> ; <https://www.kp.ru/online/news/547509/>);

«...Российское государство (администрация государя-президента, – П.Д.) со времен татаро-монгольского нашествия, а точнее – еще раньше, с момента начала «похода на восток», выступает по отношению к населению как оккупант к покоренному народу. Не ощущая ответственности, не нуждаясь в общественном договоре, собирая не налоги (точнее, – не подати, – П.Д.), а дань, за которую не считает нужным отчитываться. В общем, господствует, а не служит» (Михаил Ходорковский, из интервью писателю Григорию Чхартишвили [Борису Акунину], 2005, http://old.khodorkovsky.ru/mbk/articles_and_interview/11902.html; https://blogs.pravda.com.ua/ukr/authors/nayem/4b957cef65141/page_4/).

Хотя это утверждение Михаила Ходорковского и является, конечно же, верным, но всё-таки не точным. В то, что налоги (укр. «данина») и подати (укр. «податки») – одно и то же, власть имущие заставили уверовать лишь наше сознание. Однако же, в отличие от языка, они не властны напрямую над нашим подсознанием и, поэтому-то, обманывать его могут лишь посредством внедрения новой лексики в русский язык. Благодаря манипулированию синонимами и исключению из внутренней речи активизирующих подсознание слов человек способен обманывать свое подсознание, но только тогда, когда это является для него выгодным, или же обманывать подсознание загипнотизированных им людей, сознание которых лишено возможности анализировать смысл (внешнюю форму) слов. К несчастью для горе-правителей внутренние формы слов «налог» и «дань» являются весьма близкими друг к другу и, поэтому-то, налог для подсознания русскоязычного человека, конечно же, и есть дань:

«Карамзин нередко комментирует употребляемые им древнерусские слова и выражения, как например: «ходить в дань» значило тогда «объезжать Россию и собирать налоги» (Г.О. Винокур, «Русский язык. Исторический очерк», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59a.htm>);

«Одно бессовестное злоупотребление может соединять значения слов: подать и налог. Одно вносится, другое взимается. Подать платится в силу условия между тем, который и платит и которому платят и к пользе обеих сторон; налог налагается в силу права сильного, и если бывает кому в пользу, то редко стороне платящей. Налог налагается завоевателем на завоеванных; подать подается гражданином правительству в силу законов» (Петр Вяземский,

«О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

Действительно, налоги, в отличие от податей, не вносятся добровольно, а насильно взыскиваются (взимаются). Ведь любые взыскания, в том числе и финансовые, налагаются, как правило, на провинившихся в чем-либо людей или же на слабовольных холопов, добровольно покорившихся (подчинившихся) лицемерной власти:

«Тот факт, что «мотивация» как понятие российской власти незнакомо, а знакомы лишь «запрет» и «приказ», тоже характерно для зоны, и бесполезно объяснять, насколько они архаичны и неэффективны. Коммуникация с населением России со стороны власти мало отличается от коммуникации с заключенными по стилю. Достаточно прочесть письмо из налоговой инспекции. Там не будет «спасибо, что Вы своими налогами финансируете нашу страну!». Там будет десять предупреждений о карах за неуплату и просрочку» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml).

У сильной российской власти (включающей в себя, как силовиков, так и всех многочисленных чиновников) всегда виновато бессильное русскоязычное население, ведущее «травоядный» (животно-растительный) образ жизни:

«Заметно снижение общего тонуса представлений о концепте «Власть» по сравнению с текстами столетней давности, полное неприятие институтов власти, хотя переключка со старыми определениями присутствует. Это заметно как в почитании идеи власти, так и в постоянном ее неприятии в практических формах проявления. Такое состояние объясняется реализмом русского сознания (в платоновском смысле) – идеальное отмечено положительно, его проявление в мире осуждается: «Если все против власти, это значит, что власть против всех» (Милюков). О качестве современной власти говорит недавний ее представитель, В.С. Черномырдин: «Мы – правительство. Нам думать не надо, подписываемые бы представления успеть прочесть». Итак, амбивалентность концепта «Власть» определяется его символическим статусом. Это вызывает противоречивые суждения о смысле концепта, заряженного своим исходным концептумом в значении «иметь силу» («Сила есть – ума не надо»)) (Владимир Колесов, «Концептуальное поле русского сознания: концепты власть, закон и народ», <http://politlinguist.ru/current.html>);

«Силовики в России – последние настоящие бизнесмены и последние настоящие политики, поэтому так интересно нам, низшему звену пищевой цепи, наблюдать за боями генералов, происходящим где-то далеко вверху. И потом – каннибализация силовиков временно отвлекает их, что для прочего люда уже благо. Но надо помнить, что хищники, несмотря на свои гипертрофированные жевательные мышцы и угрожающие клыки, очень уязвимы. Они не производят органику из солнечной энергии, они не перерабатывают клетчатку в животные белки, они не производят вообще ничего, кроме страха, и при всем их презрении к планктону и к травоядным, когда они сожрут все, до чего могут дотянуться, их дни будут сочтены. Битва ящеров в России разворачивается не за право охранять стада, а за

право истребить их. Экосистема трещит по швам, но глупо думать, что судьба травоядных должна заботить кого-либо, кроме травоядных. Травоядные всегда виноваты – и всегда тем, что хищникам охота кушать. Продавая страх перед русским бунтом, крушить экономику, отъедаясь напоследок, и тем самым бунт приближать. Зачем? Известно: у хищников острый нюх, но часто бывает слабое зрение. Так что, от близорукости? Или чтобы продать русский бунт повыгодней русскому царю?» (Дмитрий Глуховский, «Производители страха», <https://snob.ru/selected/entry/111745>; <https://subscribe.ru/digest/business/law/n932926.html>; <https://echo.msk.ru/blog/glukhovskiy/1813270-echo/>);

«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» (Иван Крылов, «Волк и ягненок», <http://lib.ru/LITRA/KRYLOW/basni.txt>).

А аппетит же у многочисленного чиновничества – весьма-то отменный (от слова «мена», а не от «меню»). Таким образом, налогообложение – это финансовое изнасилование покорного (покоренного) населения, подобное большевицкой продразверстке и направленное на то, чтобы сделать налогоплательщиков нищими а, следовательно, и слабыми, и беспомощными. Так что, непосильным налогом население облагают (укр. «облога міста» – осада города), прежде всего, для того, чтобы измором (а то и, вообще, голодомором) сделать его абсолютно безропотным и покорным а, тем самым, – и несказанно благодарным власти за любые льготы и подачки. И, следовательно, в соответствии с потаенным смыслом (внутренней формой) слова «налог», отвечающим реакции не сознания, а подсознания на внутреннюю речь, россияне и сейчас являются данниками Москвы. А это ведь означает, что и до сих пор соответствует действительности заключение Федора Тютчева:

«Русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после – одно уголовное дело» (Фёдор Тютчев, в кн.: С.М. Волконский, «Из воспоминаний», <http://www.tutchev.com/remember/volkonskiy.shtml>).

К тому же, слово «налог» еще и ассоциируется в подсознании со словом «наложница». И когда поимщики налогов (Словарь Даля, «Поимать», <http://dal.scilib.com/word028554.html>) пытаются взыскать недоимки, то это, конечно же, у налогоплательщика вызывает бессознательное ощущение, что его в очередной раз хотят поимать (поиметь), как наложницу. Не потому ли россияне и минимизируют всячески свои налоги, а то и, вовсе, полностью уклоняются от уплаты этой дани государству?

Аналогично господствуют и администрации «удельных князей»:

«С трудом переносу манеру местных СМИ, получающих субсидии от областной администрации, именовать город областным центром. Сам не сразу распознал это подвох, и некоторое время тоже использовал это словосочетание, и только через некоторое время до меня дошло, что город это вроде бы как отдельно, и у него есть свой начальник, а область, получается, это где-то там далеко, где «села зияют остовами ферм и коровников», а если областной центр, то сразу становится ясным, кто здесь главный. Поначалу это был всего

лишь маленький штрих, легкий симптом болезни, которая еще только подступала, но мозг еще не снесла. Но затяжная информационная война не могла не сказаться на состоянии журналистских умов и начала их постепенно выкашивать» (slava-surya, «Лексическая шизофрения»).

В Россию надо просто верить

Знатью Московского государства древнекиевский язык использовался преимущественно в качестве письменного языка, и его окончательному забвению препятствовали, как отсутствие в то время письменности на татарском языке, так и ведение богослужения на церковнославянском языке. Однако же это ни сколько не препятствовало переосмысливанию, как древнекиевской, так и церковнославянской лексики. Оно, очевидно, было уже интенсивным еще и при Рюриковичах, когда языком межэтнического общения в Московии был татарский язык. Московитская знать уже тогда не желала разговаривать на презируемом ею языке подлого люда, и родным для нее был татарский тюрки:

«...татарской крови, как известно, течет великое множество в жилах того дворянства русского, которое столько времени стояло во главе нации нашей...» (Константин Леонтьев, «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина», http://knleontiev.narod.ru/texts/katkov_i_vragi.htm);

«Свержение татарского ига состояло в замене татарского хана православным царем и в перенесении ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служивых людей московского царя составляли представители татарской знати» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самопознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, – с.49, <http://www.philology.ru/linguistics2/trubetskoy-93.htm>);

«В правление Василия II наблюдался такой наплыв татар (и особенно татар-мишар, – П.Д.) на московскую службу, что при дворе русские чувствовали себя отодвинутыми на второй план...» (Иван Крылов, «Великий князь Симеон Бекбулатович», <http://wordweb.ru/2008/09/15/print:page.1,velikiji-knjaz-simeon-bekbulatovich.html>);

«В 1552–1553 годах Иван Грозный «больших и средних казанских людей, татар, всех вывел, продавал им поместья, села и волости в московских городах, а иным в новгородских и псковских» (Сергей Соловьев, «История России с древнейших времен», книга III, 1463 – 1584, <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv06p5.htm>);

«В государевом родословце 50-х годов XVI века роды астраханских, крымских и казанских царей шли сразу после родов князей московского дома. Потому и в среде русской знати было особенно престижным вести свою родословную от выезжих татарских царевичей. Вплоть до Петра официально считалось, что они «честью всех бояр выше» (Б.В. Кузнецов, «Великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович», <http://rusk.ru/st.php?idar=800138>);

«В России не менее половины (!) русских – генетические тюрки. Действительно, «в Россию надо просто верить». В XVIII веке правители России скроили нынешнюю этнографическую карту, скроили по-своему, как хотели: целые губернии записали в славянство. Так Россия и стала такой, о которой кипчак из тухума (рода) Турген сказал: «На тысячи верст кругом Россия». Тогда, в XVIII веке – всего-то двести лет назад! – жители Тамбовской, Тульской, Орловской, Рязанской, Брянской, Воронежской, Саратовской и других областей назывались «татарами»... Это же бывшее население Золотой Орды! Они же – половцы. Они же – кипчаки... Разве не любопытно, что старинные кладбища в Рязани, Орле или Туле поныне называются татарскими. Все это вызывает резкий протест у того, кто незнаком, например, с книгой А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами...» Там прямо и между строк очень любопытная информация, которая, возможно, помимо желания самого автора, активно цитирующего исторические документы, как раз и позволила нам прийти к выводам, противоречащим официальной точке зрения на историю юга России. Работы других российских авторов, которые приводятся в списке использованных источников, лишь усилили наше убеждение в собственных выводах, вернее в их правомерности. Русские кладбища появились здесь только в XVIII веке вместе с русскими поселениями» (Мурад Аджи, «Дешт-и-Кипчак – страна неизвестная?» / «Европа, тюрки, Великая Степь», http://www.pseudology.org/tatary/Kipchaky_Epilog.htm).

Переход московитской знати на употребление вместо татарского тюрки и многочисленных славяно-финских суржиков французского языка

Однако же наиболее интенсивным переосмыслением книжной русской и церковнославянской лексики стало после того, как «европеизировавшаяся» знать сменила татарский тюрки и славяно-финские суржики французским языком. И, если простонародная лексика переосмысливалась преимущественно неславяноязычной челядью, то книжная лексика переосмысливалась в салонных аристократических обществах, в судах и в канцеляриях. Новый же смысл её закреплялся, как правило, поэтами и другими литераторами, а также судебными делопроизводителями и канцелярскими писцами. Значительный вклад в извращение смысла многих древнекиевских и церковнославянских слов внесли и непосредственно сами литераторы, так как ни в книжном древнекиевском языке, ни в церковнославянском языке им не возможно было найти прямые соответствия многим немецким и французским словам, а разговорную лексику черни они предпочитали не допускать в литературу:

«Манифест 19 февраля явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем. Вот фразы вроде: «благодетельно устроен», «добрые патриархальные условия», которых ни один русский мужик не поймет...» (Иван Тургенев, «Письма 1859-1861», Письмо к Герцену, 14 марта 1851, Париж, http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0840.shtml);

«Находясь под влиянием германской философии, С.П. Шевырев выдвигает такую формулу «доброго эклектизма» русской литературной речи: «мы думаем по-немецки, а

выражаемся по-французски... Особенно значительна и разнообразна была роль французского языка в переосмыслении и литературной ассимиляции церковнославянизмов. Морфологические категории церковнославянского языка определяли структуру неологизмов, возникавших для перевода французских понятий. Церковнославянские лексемы приспособлялись к выражению значений французских слов. Церковнославянизмы – под влиянием французского языка группировались в новые фразеологические серии. Наконец, сочетаясь с французскими фразами, церковнославянизмы составляли новые формы композиционных объединений, свободных от церковно-книжной экспрессии... Сенковский вовсе запретил доступ в литературу «грубому мужицкому» языку и издевался над «лапотной школой», одним из представителей которой был В.И. Даль. Сенковский отрицал всякую близость между «мужицким языком» и языком хорошего общества даже по отношению к древне-русской эпохе. Крестьянская речь представлялась Сенковскому дикой и окаменелой формой первобытного, непросвещенного словесного выражения...» (Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm).

К тому же переосмысливались не только церковнославянизмы, но и сами галлицизмы. Так, например, франц. слово «résine», восходящее к греч. «ῥητίνη» – «древесная смола» и обозначающее вязкий материал, в русском языке стало использоваться для обозначения не вязкого а, наоборот, эластичного материала – резины (франц. «gomme», укр. «гума»).

Подобная же метаморфоза произошла и со словом «олово», означающем в других языках свинец: лит. «álvas», др.-прусск. «alwis», ст.-укр. «оливо» – свинец (от д.-в.-н. «ēlo» – желтый, лат. «albus», греч. «ἄλφος» – белый, – Фасмер), в то время как олову в них соответствуют лексемы лат., англ. «tin», нем. «Zinn», ст.-укр. «цина».

Что ни слово в русском словаре, то иностранного происхождения!

Нечто подобное ведь происходит и сейчас – в эру господства англицизмов:

«Кто сегодня задает тон словесности? К сожалению, не писатели. «Они обеднели, а бедных не за что уважать», – говорит Вайль. Теперь на сцену «словесников» взошли тележурналисты. «Они богаты, уверенны, не по сезону загорелы. Они всегда перед глазами, легко их уважать и им подражать. В мире, насквозь пронизанном телеинформацией, нет более влиятельных интонаций и более убедительных слов. Вот почему важно, какой язык показывают с телеэкрана». Что же преподносит зрителю современное телевидение? «Серость и казарменное упрощение картины мира», – отвечает писатель. Он приводит целую череду красочных примеров, посредством которых происходит сужение информационного поля. Это и повсеместное использования штампов («форсмажорная ситуация», «тщательно спланированная операция»), и одинаковые зачины и концовки репортажей («комментарии излишни», «время покажет»), поднадоевшие клише вроде «туманного Альбиона» или «страны восходящего солнца». Кроме того, довольно часто можно слышать крайности другого рода – неуместные украшения языка, как например, «крошки от большого пирога своей щедрости», «хрустящие банкноты в руках новоявленного миллионера». Ко всей этой какофонии Вайль добавляет «казенщину» и уже упоминавшуюся ранее «простонародность»,

глупые, надуманные шутки и, конечно же, вранье...» (Петр Вайль в обозрении: «О ценностях языка и не только», <http://www.liberal.ru/articles/559>);

«Человек, которому политически открылся доступ ко всем цивилизациям мира, включая собственную, отказывается присутствовать в культуре на своем родном языке. Не заметив этой задачи, он закапсулировался и выпал из продуктивного пространства в некий «эллипсоид» (по выражению А.И. Солженицына). Возник беловежский россиянин – русскоязычный гомункулус, пребывающий в странном, хитровато-невменяемом кайфе, находя в многочисленных пенсионных выплатах «стабилизации» премию за свой инвалидный образ мыслей либо изобретая высокодоходные бизнесы, совместимые с заблокированной рефлексией и ущербным культурным сознанием (бандитские бизнесы). И озадачить его теперь можно, лишь чем-нибудь сильно ушибив» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>);

«Что ни слово в русском словаре, то иностранного происхождения! Это открытие потрясло меня на первом же курсе филологического факультета. Большинство слов на «А» тюркского или глубинного латинского происхождения (арба, арбуз, антология, анемия, армия...). Практически все слова на «Ф» – исконно греческие, ибо в славянском языке вообще такой буквы не было до принятия византийской версии христианства. Такое близкое к телу «пальто», такое нужное всем нам «метро», такой привычный «вагон» нам подарили французы, как и бранное слово «шваль», которое в переводе означает всего-навсего лошадь... Немецкая слобода в Москве, начиная с русского Средневековья, внедрила в исконно славянскую словесную ткань металлические нити технических и научных терминов. Всего не счесть! Все съели, все переварили, ко всему приставили свои приставки, прицепили суффиксы, сочленили падежными окончаниями и... поставили на рельсы литературной и разговорной речи этот железнодорожный состав великого русского очень трудно усвояемого иностранцами языка» (Лидия Григорьева, «Русский акцент», <http://www.russianedu.ru/learnrussian/hints.html>).

Поэтому-то и до сих пор актуально заключение Шишкова:

«Между тем как мы занимаемся сим юродливым переводом и выдумкой слов и речей, нимало нам несвойственных, многие коренные и весьма знаменательные российские слова иные пришли совсем в забвение; другие, невзирая на богатство смысла своего, сделались для непривыкших к ним ушей странны и дики; третьи переменили совсем означенное и употребляются не в тех смыслах, в каких сначала употреблялись. Итак, с одной стороны в язык наш вводятся нелепые новости, а с другой – истребляются и забываются издревле принятые и многими веками утвержденные понятия: таким-то образом процветает словесность наша и образуется приятность слога, называемая французами *élégance!*» (Александр Шишков, <http://www.rulex.ru/01250112.htm>).

Так, например, церк.-слав. слово «скандалъ» – соблазн, искушение, др.-киев., ст.-слав. «сканьдальъ», «сканьдѣльъ» – ловушка, сеть, соблазн (Дильс), греч. «σκάνδαλον» – западня,

ловушка; соблазн, досада (Бауэр; Фасмер) приобрело в русском языке под влиянием французского слова «scandale» и до сих пор сохранило в нем, как мы знаем, совершенно иной смысл:

«У П.Д. Боборыкина же в романе «Василий Теркин»: «Сановник... любит карты и всякое транжирство...» ...Ср. заглавие известного произведения И.П. Мятлева: «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан «л'этранже». Ср. там же: «Точно будто не здорово вымолвить по-русски слово: Же ве, дескать, волтиже Годик сюр лез-этранже» (Сочинения И.П. Мятлева, 2, М.: 1894. с. 61). Вот по отношению к этому дворянству, его мотовству дан «л'этранже», к этому преклонению перед всем «этранже» и сложилось слово «(э)транжирить». Как показывает его морфологический облик, оно могло возникнуть лишь в среде, далекой от французского воспитания и дворянской французомании, – или в среде старозаветного провинциального дворянства, или в среде дворни» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/trangirit.html>).

Завистливые русскоязычные ксенофобы всё то, что не отвечало их холопскому менталитету или же просто было недоступно им, часто опошляли, извращая смысл соответствующих иностранных слов:

«Возьмем, например, слово «идиот». Оно происходит от греческого «идиос» – своеобразный, особенный. Именно этот смысл вложил Достоевский в название своего знаменитого романа: князь Мышкин «идиот» в том смысле, что является необычным человеком, самобытной личностью, которая резко выдается из окружающего общества. Охламон происходит от греческого «охлос» (толпа), и означает буквально «предводитель толпы». Оболтусами в Римской Империи называли малоимущих граждан, получавших ежедневно от государства материальную помощь – 1 обол (самую мелкую монету)» (Сергей Цветков, «Непотребные глаголы», http://zaist.ru/news/slova/nepotrebnye_glagoly/);

«Например, русское слово «идиот» произошло из греческого «частное лицо»; слово «сарай» восходит к персидскому слову со значением «дворец» (в русский язык оно вошло через тюркское посредство)» («Энциклопедия Кругосвет // Заимствование», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZAIMSTVOVANIE.html);

Подобно всем другим непросвещенным людям русскоязычные челядишки первоначально испытывали только страх ко всему им незнакомому и непривычному и, следовательно, они были ксенофобами лишь в классическом понимании этого термина. По мере же познания того, что им было чуждо, этот страх у завистливых русскоязычных людей перерос в ненависть ко всему чуждому и недоступному им. Сам же термин «ксенофобия» был ими переосмыслен и стал связываться в русской ЯКМ не только со страхом, но и с ненавистью ко всем чужакам:

«КСЕНОФОБИЯ (от греч. xenos – чужой, посторонний, и phobos – страх) – негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам. Объектами ксенофобии могут быть как конкретные группы – представители чужой религии (иноверцы), расы, племени или нации (иноплеменники, инородцы), государства (иностранцы) и т.п., так и вообще все

«чужие» («обобщенный Чужой»), по выражению известного российского социолога Ю. Левады» («Энциклопедия Кругосвет // Ксенофобия», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/KSENOFOBIYA.html);

«Русских вообще отличает определенная ксенофобия. Не только по отношению к чеченцам, но и к грузинам, узбекам, таджикам, всем, кто не русские. Это понятно – ведь они забирают у русских работу, не пьют, а работают. А русские предпочитают иметь свою водку и быть освобожденными от каких-либо обязательств. Это несчастная ситуация. Но такова правда» (Андрон Кончаловский, из интервью Доминике Рафальска-Кузь [«Gazeta Studencka» Польша], «На Востоке без изменений», <http://inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html>; <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/10/m27756.htm>);

«По гигиеническим же соображениям водкой пьют русских солдат, а снятие боевого стресса играет здесь вторичную роль, так как русские, в силу своей природной душевной чёрствости, стрессоустойчивы и безо всякой водки. Там, где европеец упадёт в обморок от ужаса, русский лишь поморщится от омерзения. Наоборот, водка помогает русским – априорно суровым и нелюдимым – заводить знакомства и выстраивать отношения, преодолевая с её помощью природную подозрительность и недоверчивость к окружающим. Особенно недоверчивы русские к иностранцам. Стоит обратиться к русскому в Москве голландски или даже по-английски, он сделает вид, что вас не понимает. Отчасти это связано с тем, что в приютах у русских годами вырабатывают недоверчивость к иностранцам. В приютах же воспитывается более половины русских детей» (политолог Олег Матвейчев, «Голландцы о русских», <https://www.anaga.ru/hollandcy-o-russkih.html>).

Русский язык – ксенофоб

«Русский язык за всю историю нашего народа и государства накопил в себе множество ксенофобских слов и выражений. В лингвистике их называют ксенонимы. На основе наименований других народов русские творили слова с обобщенным представлением об этих народах. Как правило, с негативной оценкой чужаков, образное обозначение внешних врагов на протяжении всей истории...» (доктор филологических наук Татьяна Миронова, «Русский язык – ксенофоб», <http://perfilovu.narod.ru/family/ksenofob.html>).

Поэтому-то слово «чуждый» наделяется в русском языке преимущественно негативным смыслом:

«...такой, с которым нет подлинной близости, далекий по духу, взглядам, интересам; чужой» (словарь Ефремовой). Синонимом же ему является также и слово «несвойственный» (не характерный).

В украинском же языке понятие «несвойственный» (укр. «невластивий»), вообще, никак не связывается с понятием «чужой», а русское слово «чуждый» формально переводится как «чужий» – чужой или же «далекий» – далёкий и, тем самым, лишается того негативного смысла, которым наполняет его русский язык.

Русскому слову «странный» (укр. «дивний») можно поставить в соответствие не ст.-слав. «страньнь» (сторонний, чужой), а итальянское «strano» – причудливый (от лат. «extrāneus» – незнакомец), от которого российская франкоязычная знать, возможно, его и произвела. Не полностью же соответствующее ему англ. «strange» означает не только странный и необычный но, как и франц. «étrangère» и итал. «estraneo», также и чужой (возможно, от лат. «externis» – внешний, иностранный).

Однако «народная этимология» да и подсознание русскоязычного человека связывают слово «странный», подобно слову «странник», конечно же, не с итальянским словом «strano», а с русским словом «страна». Возможно, конечно же, и то, что под влиянием итал. «strano» в русскоязычном примитивном обществе и ст.-слав. «страньнь» (чужой), и произведенное от него русск. «странный» (сторонний, чужой) стали просто отождествлять, как с лексемой «несвойственный» (чуждый), так и с лексемами «дивный», «причудливый», «необычный». Но как бы там ни было, в подсознании каждого русскоязычного человека с тех пор неизбежно формируется незыблемая лингвopsихическая установка не только на странность (дивность, причудливость), но и на чуждость (несвойственность, нехарактерность) а, тем самым, и на неприемлемость ему почти всего иностранного.

А это ведь значит, что русскоязычное примитивное общество не только сознательно, но и бессознательно обособляется (отделяется) от всего остального человечества, наделяя себя мнимыми добродетелями и несвойственными другим достоинствами, и, тем самым, постоянно противопоставляет себя всему цивилизованному миру.

Как видим, за формирование у населения ксенофобии к иностранцам и инородцам, а также и за привитие ему предубежденного отношения ко всему иностранному, ответственен, прежде всего, русский язык. И поэтому-то он является не только лицемером, но и ксенофобом:

«Русские Московские считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполнѣ были расположены къ единовѣрнымъ народамъ – къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнья, считалось ересью; на все несвое они смотрѣли свысока. Образованію такого взгляда неизбѣжно способствовало татарское порабоженіе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выражалось теперь высокоуміемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличать надменностію. Это-то и вынудило тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со временъ Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность. Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Волынскій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопробыванія иноземцевъ разныхъ вѣрѣ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами

чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетавались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; тѣже, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ пособниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомерія, перешель въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходиться всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійти и уйти» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Русские, особливо знатнаго рода, согласятся скорее умерить, нежели отправить своихъ детей в чужіе земли; разве царь ихъ принудит. Они думают, что она, Россія, есть государство христіанское; что в другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, не верующіе в истиннаго Бога; что ихъ дети навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ вместе с неверными, и только тотъ идетъ прямо в рай, кто скончаетъ свою жизнь на родинѣ» («Летопись московская. 1584–1612 Конрада Буссова, очевидца Смутнаго времени», <http://rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1537>);

«Можно с полной уверенностью утверждать: народы северныхъ областей, и въ особенности те, изъ сердецъ которыхъ истинная религія не изгнала дикости, чемъ более чувствуютъ себя лишенными разума, темъ более становятся подозрительными. Поэтому то, чего они не умеютъ добиться разумной деятельностью, того они стремятся достичь хитростью и силой (а московиты также и упорствомъ). Это въ особенности наблюдается среди скифовъ и татар, отъ которыхъ многие московиты или ведутъ свое происхождение, или близки къ нимъ. Не удивительно, если они не избавились отъ этой природы, которую у другихъ народовъ изменило и победило благочестіе. Конечно, совсемъ не удивительно, что тотъ, къ кому перешла высшая власть надъ своими людьми вместе с некимъ подобіемъ христіанской религіи и кто не виделъ могущества другихъ государей, считаетъ себя выше всехъ (къ этому нужно добавить постоянную лесть и славословіе подданныхъ). Эти три обстоятельства, въ особенности с того времени, какъ московскіе князья добились свободы отъ татар, данниками которыхъ они раньше были, удивительнымъ образомъ возвысили ихъ представленія о себѣ. Это особенно свойственно государю, нынѣ стоящему у власти, такъ какъ онъ считаетъ, что нѣтъ никого болѣе ученаго и болѣе исполненнаго истинной религіи, чемъ онъ самъ. Едва ли когда-нибудь онъ подумалъ, что кто-нибудь превосходитъ его силой. Когда я иногда напоминалъ ему о болѣе могущественныхъ христіанскихъ государяхъ, онъ говорилъ: «Кто они такіе въ нашемъ мирѣ?» Видимо, въ своемъ высокомеріи онъ не выносилъ сравненій, и всё, что воздавалось другому, онъ считалъ умаленіемъ своего достоинства...» (Антонио Поссевино, «Московія», кн. II, <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Possevino/frametext12.htm>);

«Одной из существенных черт московской ментальности является нетерпимость ко всему иностранному, «чужому»; московская культура, как замечает Бердяев, вообще росла в постоянном сопротивлении «Иностранным обычаям», вследствие чего на протяжении истории, отмечает Костомаров, утверждалась «нетерпимость к чужим верам, презрение к чужим народностям, высокомерное представление о себе. Все иностранцы, посещавшие Московию в XV, XVI, XVII в., единогласно утверждают, что москвитяне презирают чужие веры и народности, сами цари... обмывали свои руки после того, как случилось прикоснуться к иностранным послам христианских вероисповеданий» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint3.html>);

«А если учесть нашу предрасположенность к ксенофобии, то не стоит удивляться, что мы всегда рады, когда удастся насолить «черножопым». Даже себе в убыток. А что касается нашего всеобщего высокомерия по отношению к соседским малым народам, – продолжил он, так холопы на барском дворе всегда презирали простой люд со дворов, в которых господа помельче. В свое время выдающийся русский философ Николай Бердяев эту последнюю мысль интеллигентно выражал так: «Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml);

«Приезжие из Средней Азии и Кавказа никогда не моют руки. У них это не принято. Поэтому покупать у них ничего нельзя... Горбатов по этому поводу пишет: «Мощным средством объединения индивидов является образ врага. Не случайно так называемые слухи о злодеяниях сопровождают те или иные социальные и даже природные катаклизмы, усиливая «мы-чувство», возникшее перед лицом общей угрозы. Группа «чужаков», наделяемая самыми негативными характеристиками, не может не способствовать сплочению тех, кто столь «контрастно» отличается от них». Психологи даже выделяют отдельный тип – «слухи, вбивающие клин» или «слухи-разделители». Они не только снижают когнитивный диссонанс, но и усиливают ощущение «мы», принадлежность к группе. И неважно, кто окажется в роли «они»: таджикские гастарбайтеры, евреи, либералы, чиновники, американцы, полицейские. Главное, что есть «мы». Это базовая, еще со времен пещер и саблезубых тигров, потребность нашего сознания» (Алена Лесняк, Григорий Тарасевич, «Зачем нам нужны слухи», http://expert.ru/russian_reporter/2013/37/zachem-nam-nuzhnyi-sluhi/)

«Русские считают себя выше других. Это нашло отражение в теории о превосходстве славянской расы. Русские смотрят презрительным взглядом не только на отсталые Восток и Юг, но и на более развитый Запад. Они всегда хотят быть первыми, быть вождями. Идея старшинства глубоко проникла в психологию русских». Внешняя политика России построена на гегемонизме: «...Даже и теперь, когда она не может считаться даже второразрядной страной, ей трудно скрыть свою гегемонистскую психологию...» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«Иностранцам в безмерной наивности кажется, что русские гостеприимны и общительны, а это смесь старинного, лишённого какого-либо чувства, атавистического хлебосольства и звериной хитрости. Русские низкопоклонничают перед иностранцами и ненавидят их» (Юрий Нагибин, «Дневник», 3 мая 1980, – М.: Книжный сад, 1996, с. 382, <https://unotices.com/book.php?id=57022&page=108>);

«В России две трети населения, судя по соцопросам ВЦИОМа, в той или иной форме страдают ксенофобскими настроениями, и больше половины поддерживают лозунг «Россия для русских»... Если мы сейчас им дадим свободу, исправлять потом, уже через несколько лет, будет поздно...» (лидер молодежного движения «Мы» Роман Доброхотов, из интервью «Радио Свобода», <https://www.svoboda.org/a/451435.html>);

«Что касается рассуждений об уникальности нашего менталитета, то это плоды зазнайства и слепота в отношении действительности, особенно свойственные русской эмиграции первой волны. Им было присуще бахвальство, и в то же время они не имели никакого влияния в обществе, большинство из них работало лакеями или жили на иждивении. Не находя возможности реализовать себя в действительности, они много фантазировали.... Отсюда те идеи об особом избранничестве русского народа, его специфической роли среди других народов и прочее... На мой взгляд, такой подход просто отвратителен... Я не вижу никакой русской идеи. Думаю, что ее не существует в природе» (Архиепископ Михаил [Мудьюгин], «Христианство сегодня», май 1997, <http://politiko.ua/blogpost106562>);

«Беда не в том, что китайцы прут как тараканы, азербайджанцы захватили в Москве целую отрасль, «финансисты» захватили финансы, – это все следствия. Беда в том, что в нынешней России Власть не принадлежит этническим русским (принципиально не способным взвалить бремя ответственности на свои плечи, а посему и привыкшим подчиняться чужой воле, – П.Д.), которые имеют все исторические права и соответствующую государствообразующую этнокультуру (однако же не в состоянии реализовать эти права из-за своей психической инфантильности, – П.Д.). То, что к Власти присосались паразиты, и правят там бал, сомнение вряд ли у кого вызывает, для любого паразита всегда найдется соответствующий дихлофос. Искать нужно... И дихлофосить. Добро должно быть с огнеметом...» (В.А. Мартынюк, «Русская Идея или ГЕНОм этнического котла?», http://rospil.ru/state/state_3/4.htm);

«Назовите мне хоть одного из нынешних идеологов этнического русского национализма, который бы честно, так, как в своё время М.О. Меньшиков, проанализировал бы на этот раз причины последовавшего после отмены советской системы распада СССР и прежней советской, русской нации. Разве в 1991 году русский народ с большей пользой для себя использовал блага свободы, чем в 1861-м? Разве главным ответом на распад советской системы принуждения к труду не стало в 1991 году, как и в 1861-м, повальное пьянство? В

эпоху перестройки мы прятались от правды о реальном русском человеке за ссылками на дефицит свободы и условий для предпринимательства. А сейчас многие прячутся от правды о русском человеке за разговорами о дефиците этнической чистоты нового русского государства, о якобы негативных последствиях исходной многонациональной России. За всеми нашими пересудами о тех, кто «сюда понаехал» и мешает нам жить, стоит не столько действительно национализм, отторжение от «чужих», сколько нежелание подумать о сути нашего нынешнего кавардака...» (Александр Ципко, «Россия для русских – игра со смертью», <http://www.nkj.ru/archive/articles/20227/>);

«Нетерпимость русских вполне объяснима, если убрать ее, то остается признаться в том, что ты убог, нищ, невежественен. В общем, сознаться, что ты – ноль. А это мало приятно. Нетерпимость же позволяет все это отрицать и пребывать в уверенности, что все лгут и все неправда... Когда русский во всех своих бедах обвиняет еврея (или же какого-либо другого инородца, – П.Д.), то это все равно, что если бы бож обвинул во всех своих бедах вшей, ползающих по его одежде. Евреи (как и многие другие народности, не опустившиеся до животного существования, – П.Д.) и вши это лишь следствие причин, а самая главная причина сам русский (для которого такой «симбиоз» стал, хотя и не совсем приятным, но всё же вполне терпимым, приемлемым и выгодным, а посему и не являющимся вовсе паразитизмом, – П.Д.)» (Гомуми бэхэс, «Мысли о России»);

«Озлобленные, мы начинаем плохо соображать, искать причины не там, где они на самом деле лежат. А лежат они в нас самих, в наших генах рабских, в нашей испуганности вековой и вековой же русской лени. Поэтому надо бороться не с евреями, а самими с собой, «выдавливает из себя раба по капле», как сказал наш же соотечественник Антон Чехов, притом «нееврейской» национальности. Он знал, что говорил, он своим трудом достиг мировой известности. А начинал на побегушках в маленьких газетенках, как Марк Твен или тот же О'Генри» (Борис Синюков, «Загадочная русская душа на фоне мировой еврейской истории», гл.11 «Русское рабство – совершенно уникально», <http://www.borsin1.narod.ru/download/glava11.htm>).

Мечты русскоязычных челядишек о предоставлении в России их мнимой «русской цивилизации» – «русскому миру» национальной резервации

Сейчас некоторые из тех, кто считает себя «истинно русскими» (в том трагикомичном образе, который сложился о них во всем мире), мечтают о выделении в стране-зоне России для их мнимой «русской цивилизации» национальной резервации «Северо-Восточной Руси», в которой они бы могли самоизолироваться не только от европейцев, но и от всех других ненавистных им инородцев:

«...мы являемся чуть ли не единственной из крупных наций в мире, которая лишена своей государственности. Соответственно, выходом из сложившейся ситуации является устранение политической бездомности русской нации...» (публицист Егор Холмогоров, «Фактически русский народ оказался без своего государства»,

<http://www.km.ru/spetsproekty/2012/04/27/borba-s-ekstremizmom-v-rossii/fakticheski-russkii-narod-okazalsya-bez-svoego>; <http://www.km.ru/forum/spetsproekty/2012/04/27/borba-s-ekstremizmom-v-rossii/fakticheski-russkii-narod-okazalsya-bez-svoego>);

«Вы, считая себя представителями «истинно русского народа», представляете собою ту его часть, в крови которой наиболее тяжело и густо выражено начало азиатское, восточное, влитое в кровь и мозг России монголами, усиленное рабством во время крепостного права. Вы еще не изжили эту монгольскую и рабью кровь, и вам давно пора знать, что, благодаря именно вашему существованию, Россия все еще полуазиатская страна, что ваша «русская душа» насыщена фатализмом – восточной верою в неодолимость судьбы, пагубным сомнением в силе человеческого разума и воли, восточным пассивным подчинением силе стихии... [Надо ждать, что будущая революция даже и вас – полужверей – поразит своей жестокостью, в которой будет много нездорового, вызванного вами из глубин зоологического в человеке: за эти пять лет вы сделали все, чтобы люди потеряли представление о ценности жизни своей и чужой, сделали все, что может разбудить в человеке зверя.] Вы ищете «успокоения» и, полагая, что его можно достичь тюрьмой, каторгой, виселицей, – вы накопили в стране массу злобы, которая взорвет вас. [И когда эта будущая революция превратится, по слову Пушкина, в «русский бунт, безжалостный и беспощадный» – вину за все его ужасы история возложит на вас, обезумевших со страха пред необходимостью быть европейцами, на вашего неумного, лживого и душевно больного царя (коим ныне фактически является самодержец Путин, – П.Д.), на ваше правительство, совершенно лишенное представлений о праве, чести, совести, разуме.]]» (Максим Горький, из письма Василию Брееву, председателю нижегородского отдела Союза русского народа, https://imwerden.de/pdf/gorky_pss_pisma_v_24t_tom09_2002_ocr.pdf; <https://rigort.livejournal.com/354616.html>);

«Лет восемь назад я публично призывал к здоровому изоляционизму. Это сейчас и происходит. Во всех интервью я говорил о том, что Россия – только тогда Россия, когда она сама себя окружает забором. Кого хотим – пускаем за этот забор, кого не хотим – не пускаем. Нам надо было с самого начала демонстрировать миру – наши рубежи на замке. Что, мы не сможем себя прокормить? Сможем! (репы и баланды на всех хватит, – П.Д.)... Кстати, картошка – продукт, также завезённый с Запада. Я бы её тоже запретил. Репа – вот исконно русский овощ!» (актёр, режиссёр и телеведущий Александр Гордон: «Америка не сможет жить спокойно, пока существует Россия», <http://www.aif.ru/society/people/1328955>);

«Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультативного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника» (Андрей Платонов, Из записных книжек, 1931, <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-andreya-platonova>; https://www.abhoc.com/arc_an/2002_11/169/);

«Я говорил о том, что то, что происходит сейчас, а именно ощущение у большинства населения, что Россия в кольце врагов, что нас загнали в некий темный переулок, в котором мы не могли не оказаться, что мы просто вынуждены теперь огрызаться, бить первыми и так далее. Вот все это ощущение, вся атмосфера готовилась на протяжении многих лет. Еще когда создавался общероссийский народный фронт, когда появилась вся милитаристская риторика, когда начался поиск врагов, сначала внутренних, потом внешних, потом одновременно и внутренних и внешних. Все это не могло не привести к тому, что мы имеем сейчас. То есть я написал в своем фейсбуке наблюдение, что спортивный принцип «главное не победа, главное – участие» сейчас превратился в военный. Новое поколение россиян, возможно, вырастет с ощущением, что «главное не победа, главное участие» – относится не к спорту, а к войне. Мы находимся фактически на военном положении. Мы начали с отмены рейсов и возможной отмены рейсов в другие страны. Я уже сказал, что, наверное, это прощупывание того, как отреагирует общество. Когда я говорю «общество», я имею в виду не просто людей на улицах, я имею в виду бизнес, как отреагирует валютный рынок, те же самые элиты, наконец. Они смотрят, как они отреагируют. Если общество все это замечательно проглотит, если не будет никаких серьезных потрясений, то я думаю, что все идет к дальнейшей очень жесткой международной изоляции России, корни которой, безусловно, внутри, а не снаружи...» (Станислав Кучер, из интервью О. Чиж, <http://maxpark.com/community/7149/content/4801368>);

«Еще более очевидна потребность новой оппозиции, объединившей в своих рядах после августа «патриотов» и коммунистов, «белых» и «красных», – в общем идеологическом знамени. <...> Что нужно будет усвоить рядовому «красно-белому»? Что история работает против «загнивающего» Запада и на самый молодой в мире этнос. Ибо только мы сохранили еще безнадежно утраченную Западом пассионарность. ...«учение Гумилева» может стать идеальным фундаментом российской «коричневой» идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская Новая Правая... Исходя, как и положено изоляционистам, из того, что «норманно-германский мир со своей культурой – наш злейший враг» (Н. Трубецкой), они (евразийцы, – П.Д.) в то же время утверждали, что «Евразия как особый географический и культурный мир» совпадает с историческими границами Российской империи. Такая имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуемо должна была вести – и привела – их к фашизму...» (Александр Янов, «Учение Льва Гумилёва», http://scepsis.net/library/id_837.html);

«Россия стоит на исторической развилке – она может пойти по пути цинского императора Канси или по пути коммуниста-реформатора Дэн Сяопина. Путь императора выглядит надежнее и понятнее для сложившихся российских элит и большинства населения. Путь реформатора связан со множеством тактических рисков и неизбежной оппозицией. Замкнуться в гордом осознании своей исторической правоты и превосходства всегда проще, чем приспособливаться к сложному, часто несправедливому, а то и враждебному внешнему миру. Но история Китая позволяет судить о том, какая дорога выводит в мировые лидеры, а какая ведет в исторический тупик...» (генеральный директор Российского совета по

международным делам Андрей Кортунов, «Два китайских урока для России», <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Dva-kitaiskikh-uroka-dlya-Rossii-16964>);

«Сознание многих россиян очень архаично, и сравнительно с людьми других народов (в том числе поляков, украинцев и беларусов) они агрессивны. Невероятно, неприлично агрессивны. Много раз мне доводилось наблюдать, как иностранцы удивляются этой агрессии российских коллег. Как он любит, холит, пестует свою агрессивность, этот средний россиянин! И в малом, и в большом он инстинктивно стремится разделить мир на «их» и «нас». Отделиться, спрятаться от «них», скажем, закрывшись за колючей проволокой «закрытых городов» – комфортабельных и добровольных концлагерей для победителей. А если удастся – то напасть на «них», стукнуть, обидеть, уничтожить! Очень часто россиянин даже не понимает, что он агрессивен, что его поведение прочитывается как угроза... Агрессия – это ведь не только готовность нападать, отнимать, применять силу. Это и полное непонимание окружающих. Их как бы и не существует» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии» / Россия, которой не было – 2. РУССКАЯ АТЛАНТИДА», <http://lib.co.ua/history/burovskiandrey/rossija.p41.jsp>; <https://litlife.club/br/?b=85519&p=171>; <https://history.wikireading.ru/7823>);

«Агрессия порождалась экономической и моральной неудовлетворённостью и ей же заканчивалась. Губя свои жертвы, она не давала почувствовать себя «на коне» ни сибирскому казаку, ни мужику-переселенцу, ни участникам «русских войн» конца XX века. Выпускания агрессивного пара перегретого этноса – массовые драки стенка на стенку в деревнях, и слободках. В этой традиции участвовало всё мужское население от мала до велика. (Массовые драки в городах, улица на улицу и район на район, случались и в 60-е годы XX века). «Это были организованные манифестации немотивированного насилия во всероссийском масштабе, так велики были потенции тёмного (возможно, с ритуальными корнями насилия), во что власти были вынуждены их нейтрализовать хотя бы разрешением этих регулярных побоищ». (В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 33). В период поздней Российской империи элитой агрессии стали народовольцы и черносотенцы. Интеллигенты – либералы стояли на одной с ними платформе. Небезызвестный П.Б. Струве за 23 года до прихода к власти Гитлера вещал: «Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей» (Русская мысль, 1910. Кн. VI – С. 177). Агрессивная психология сохранила свои качества и вполне национальный характер и в конце XX века. Перестройка вылилась в России в «привычное русло агрессивных умозаключений. Распад империи вызвал прилив низовой яростной ксенофобии: образ врага переместился из-за рубежа в бывшие братские республики, т.е. «чужие» уже не на Западе, а под боком! Уровень агрессивности неприятия «ближних» соседей вырос с 1991 по 1992 г. втрое» (И.С. Кон. Выступление // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. 1994. – С. 153-154)...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и

шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Эта страна (Россия, – П.Д.) пережила себя. Её существование не нужно больше никому – ни оккупированным ею народам, ни её собственному народу – и, более того, представляет собой смертельную угрозу для человечества. Спланированное убийство чеченского народа – только первое звено, наиболее заметный и зримый факт в цепи бесчисленных преступлений русской империи. Геноциду подвергались здесь не только народы, Кавказа, но и стран Балтии, и Украины (один голодомор 1932–33 годов чего стоит!), медвежья лапа этого кровожадного хищника накрывала еще совсем недавно всю Среднюю Азию и Казахстан...» (Борис Стомахин, публицист, главный редактор газеты «Радикальная политика», «Безумие России», <http://rko.marsho.net/articl/bezumie.htm>; Никита Гараджа, «Либералы о народе», <http://flibusta.site/b/266145/read>);

«Ещё более страшным разорением войны, чем экономическая разруха, является разрушение общественной морали. Со времен конца СССР российское общество не было в таком страшном моральном состоянии, как сейчас. Сегодня Россия – это страна, идеально готовая к фашизму. Фашизм – это когда миллионы людей счастливы от ненависти, когда вражда питает настроение народа, когда инакомыслие становится государственным преступлением. Фашизм – это когда государство выращивает народ войны. Министерство пропаганды, которым стала по существу вся российская государственная власть, затащило в свои болота такую огромную часть народа, что сегодня можно с глубоким прискорбием сказать: народ войны возобладал в России над народом мира. Это будет очень дорого стоить – и материальному, и духовному строю российского общества» (Лев Шлосберг, «Не стреляй!», http://gubernia.pskovregion.org/number_725/01.php);

«Мне кажется, ни один народ в мире не обладает такой всеобъемлющей страстью все и всех ненавидеть, какой наделен русский человек. Мы ненавидим с таким упоением, что в конечном итоге, забывшись, ненавидим сами себя. Примеров тому великое множество: начиная с того, как шарахаются многие русские друг от друга, стоит столкнуться им за границей, как делают вид, что не имеют друг к другу никакого отношения, презрительно поджав губы и временно превратившись в каменные изваяния, как поносят все российское, включая погоду, самые ярые последователи идеи «русского мира», временно из него удалившись, и заканчивая ненавистью к еще вчера любимому брату, соседу или родственному народу, которая может вспыхнуть совершенно внезапно. Да одно то, с какой неистовой страстью костерим мы сейчас друг друга за несовпадение взглядов, лучше всего иллюстрирует эту нашу черту...» (OKSANA PASKAL, «Особенности русской ненависти», <https://openrussia.org/post/view/10054/>);

«Нет, от демонов пока не избавиться. Это трудная задача, решение которой в отдаленном будущем. Теперь, когда ангел истории покинул немцев, демоны будут искать новую жертву. И это будет нетрудно. Всякий человек, который утрачивает свою тень, всякая нация, которая уверует в свою непогрешимость, станет добычей. Мы испытываем любовь к

преступнику и проявляем к нему жгучий интерес, потому что дьявол заставляет забыть нас о бревне в своем глазу, когда мы замечаем соринку в глазу брата, и это способ провести нас. Немцы обретут себя, когда примут и признают свою вину, но другие станут жертвой одержимости, если в своем отвращении к немецкой вине забудут о собственных несовершенствах. Мы не должны забывать, что роковая склонность немцев к коллективности в неменьшей мере присуща и другим победоносным нациям, так что они также неожиданно могут стать жертвой демонических сил. «Всеобщая внушаемость» играет огромную роль в сегодняшней Америке, и насколько русские уже зачарованы демоном власти, легко увидеть из последних событий, которые должны несколько умерить наше мирное ликование. Наиболее разумны в этом отношении англичане: индивидуализм избавляет их от влечения к лозунгам, и швейцарцы разделяют их изумление перед коллективным безумием» (Карл Густав Юнг о лечении от нацизма, из интервью швейцарской газете «Die Weltwoche»: «Все были причастны к ужасам»,

http://tvrain.ru/articles/vse_oni_prichastny_k_uzhasam_karl_gustav_jung_o_le-387159/);

«Реакция захвата (экспансии). При появлении в поле видимости каких-либо ценностей или привилегий, которые должны быть по заслугам распределены между участниками данной группы, субъект первым претендует на эти блага независимо от своих реальных заслуг. Если субъект не может обосновать захват каких-либо благ своими мнимыми правами или заслугами и не в состоянии добиться их хитростью, он при минимальных шансах остаться безнаказанным бесцеремонно прибегает к грубой силе. Реакция агрессии. В любом случае конфронтации субъект, чувствуя безнаказанность, немедленно реализует пристройку «сверху»: оскорбляет, угрожает, а то и пускает в ход грубую силу. Эта реакция обычно служит «естественным развитием» реакции захвата. Агрессивность такого субъекта отличается несоизмеримой с ситуацией жестокостью. Подобную жестокость легче понять, когда человека довели до крайности. Однако в данном случае она объясняется раздутой амбицией и глубокой нечувствительностью к страданию другого. Реакция присвоения. Если имеет место конгруэнция, когда субъект имеет возможность пристройки «сверху» или охотно пристраивается к сильнейшему «снизу», ему свойственно трактовать партнера как свою собственность. В первом случае он чрезмерно опекает другого, во втором как бы «прилипает» к нему, стараясь угодить. В обоих случаях он не дает партнеру передышки от собственной персоны...» (Виктор Дроганов, «Малые Социальные Группы»,

http://samlib.ru/d/droganow_w_i/socialnieqrupi.shtml);

«Это изоляция, семимильными шагами движение к изоляции. При обвальном обрушении... цены растут, инфляция будет раскручиваться. И оптимисты от пессимистов в экономическом смысле (я тут почитал-послушал), отличаются только тем, что оптимисты говорят, что нам 2-2,5 года до обрушения, а пессимисты – 18 месяцев. Никакого третьего прогноза нет. Так вот – какая логика есть в этом сумасшествии. В этой эскалации войны самоубийственной. В этой изоляции, в этом настаивании на изоляции... Логика такая: изоляция в любом случае – в сочетании с качеством нашего управления коррупционного и коррупционным качеством вообще нашего менеджмента – приведет рано или поздно к

обрушению. Которое заметят не только либеральные экономисты, не только Гурьев с Алексахенко, а это уже замечают все: рост цен, значительный рост цен за неделю, а очень скоро это примет довольно крутой характер. Так вот, одно дело обрушение экономики и провал правительства в мирных условиях – в этих условиях в любой европейской стране правительство, которое допустило бы такой рост цен и такой обвал экономики, и такую катастрофу геополитическую, ушло бы вон в течение нескольких дней! Видимо, эта команда понимает, что последствия их длительного правления скоро скажутся по-настоящему везде. Единственное, что они боятся – социального взрыва. Социального бунта. Не «белоленточников», разумеется. И не Навального. Они боятся большого социального бунта... И одно дело социальный бунт в условиях, когда правительство просто провалилось и разворовало все, а другое дело: война, братцы! Россия в кольце фронтов! И вот под это дело наш легко возбудимый на патриотизм народ еще можно попробовать завести. Сказать: товарищи, ну что поделать, объективные трудности. Россия воюет! Какая экономика? Россия воюет против всего мира! Мы последний оплот духовности, мы Третий Рим. А вы тут про какую-то колбасу, дороговизну, пустые прилавки. Время вспомнить подвиги отцов! Время затянуть пояса!... И в этом смысле экономика идет к краху довольно скорыми шагами. Изоляция повлечет за собой ускорение, разумеется, этого краха. Но к моменту, когда должно рвануть, – вдруг выясняется, что Россия в войне против всего мира, и это – кому война, кому мать родна – это списывает все грехи по экономике, а потом наша любимая фраза, наша любимая поговорка: коней на переправе не меняют!» (Виктор Шендерович, из интервью Карине Орловой, <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1383080-echo/>);

«Неизбежным следствием изоляции страны и переживания всего, умершего в других странах, становится архаика. Северо-Восточная Русь – невероятно отсталый регион славянского мира. Племенные мифы, племенные представления, давно умершие в других местах, здесь благополучно сохраняются так долго, что начинают уже казаться не признаком отсталости, а проявлением некоего национального духа, культурной специфики или загадочной русской души. Россиянин и в XVII, и в XIX, и даже в XX веке культивирует представления о том, что человек должен входить в некую общность («примитивную группу», – П.Д.), что находиться вне общности не правильно и едва ли не аморально, что человек и оценивается по тому, к какой общности принадлежит и какое место в ней занимает. Реально россиянин даже в XIV, не говоря о XVII веке, живет в мире сущностей, несравненно более сложных, чем род и племя. И его племенные представления естественнейшим образом переносятся на государство, религию, народ, на государственную политику и на отношения людей. И даже иноземцев судят по тому, насколько они хороши по представлениям родоплеменного общества. Хорош, естественно, только тот, кто умеет вести себя по нормам времен вторжения тевтонов в Галлию, взятия славянами Топера и вандалов, срывающих в Риме с храмов позолоченную черепицу... Цивилизация будет ценить отделенность от других, изоляцию, отсутствие любых контактов с не своими. Даже принужденные жизнью к теснейшему общению с другими, представители этой цивилизации будут нуждаться в прекращении контактов, во вдумчивом погружении в свое, в традицию. Хотя бы часть своего времени жизни самые знатные, самые элитные носители этой

цивилизации будут тратить на уход в привычные ландшафты (в первую очередь – в лес), на ведение привычного образа жизни...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида», <https://www.litmir.me/br/?b=129504&p=6>);

«Разве не может Россия скукожиться до размеров трех Польш или двух Украин и строить свое – пусть не «Великое», но самодостаточное «нормальное» моноэтническое – государство? Может, конечно. Только это будет в лучшем случае очень бедное государство с неправдоподобно бедным населением, потому что промышленности у России уже нет и жить не то что как Германия, но даже как Чехия за счет продажи продукции она не сможет. А нефти и газа тоже не будет, потому что все это достанется другим народам, на территории которых все это в недрах и лежит, либо поступит в распоряжение сильных государств. Те русские, которые не смогут никуда убежать с Великой Русской равнины, вернуться к рыбной ловле, корчеванию лесных полян, заготовке не менее 20 кубометров леса для обогрева семьи в течение 9 месяцев, запасанию на зиму нескольких тонн сена для скотины... Подробнее – читайте классиков русской литературы, описавших быт русского крестьянина в прошлые века...» (Сергей Белкин, «Нерусский русский и русский нерусский», <http://devec.ru/almanah/9/1556-sergej-belkin-nerusskij-russkij-i-russkij-nerusskij.html?start=2>);

«Житель Кемерово Востриков – несчастный человек: сразу потерял жену, троих детей и сестру – такого горя и врагу не пожелаешь. И он не просто говорит на митинге о своем горе. Он правду говорит о стране – как умеет. Указывает рукой вверх и говорит: «Все ходят и молчат, задушили людей». Задушили! А рядом – его страница в социальной сети. С Путиным. С одобрением войны в Украине. Обычный набор смыслов обычного русского мужика, которого никто не заставляет ничего такого писать. Просто так надо. Надо думать не то, что думаешь, а то, что говорят... Россияне ничем не отличаются от других в своем восприятии мира. Просто у них перевернутая система нравственных координат. ...эта система «становится на место» только в ситуации личного горя, когда человеку кажется, что ему уже нечего терять. Именно поэтому самой свободной территорией в сталинские годы был ГУЛАГ, а самым свободным временем в жизни людей – война. Именно поэтому мы слышим от обычных людей правду только в минуты печального безумия. И именно поэтому с высокопоставленными представителями российской элиты можно разговаривать на общечеловеческом языке – в частных разговорах они никогда не притворяются, не разговаривают языком телевизора, это просто считается неприличным. Притворяться в частной беседе, с российской точки зрения, может только робкий холоп. И у холопа остается одна-единственная территория правды – его собственное горе...» (журналист Виталий Портников о жителе Кемерово Вострикове, <http://gordonua.com/news/politics/portnikov-o-zhitele-kemerovo-vostrikove-ukazyvaet-rukoy-vverh-zadushili-lyudey-a-na-ego-stranice-v-socseti-putin-i-odobrenie-voyny-v-ukraine-238717.html>);

«Зонная идеология, ценности зоны, мораль зоны – это и есть наши «традиции и устои». Они не хороши и не плохи, их не надо стесняться, так же как ими, наверное, не стоит гордиться. Просто у нас своя мораль, у Запада – своя. Сходство с гамадрилами тоже не

должно нас оскорблять: самолеты похожи на птиц лишь потому, что и те и другие должны летать. Гамадрилы и мы обречены жить в экономике одного типа – с неограниченным ресурсом, который мы легко собираем и на который живем. Понятно, почему президент России говорит о защите нашей морали от влияния Запада – нашей экономике западная мораль не подойдет. Но я бы поспешил его успокоить: наша мораль и наши ценности – продукт экономической модели. Их не вытравить ничем, пока потоки нефти и газа будут приносить нам доход, в ожидании доли которого все население будет выстраиваться в очередь – кто в огромном офисе с сотней охранников, кто с метлой, в робе, в толпе мигрантов. Проблема в будущем. На зоне кажется, что она существует вечно. Но как бы ни была прочна колючая проволока, высоки вышки, сильны водометы и точны АК-74, современная зона существует, только пока она нужна воле (например, обеспечивает ресурсом и удерживает на своей территории множество ненадежных личностей). Когда-нибудь, не скоро, поток нефти из России закончится или станет не нужен. И тогда нашим детям (или даже внукам) придется встретиться с выбором, который сделали наши давние предки, видимо во время резкого изменения климата: поменять мораль или – вымереть. Мы не знаем, какая их часть предпочла вымереть, не изменив устоям. Мы не знаем, что выберут наши дети. Но хочется верить, что они смогут выбрать западную мораль, избавившись от зонной идеологии. Она, собственно, ничем не плоха. Просто – ведет к вымиранию» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины»,

http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml);

«Помещики, бояре и Русская Православная Церковь в течение многих столетий небезуспешно внушали русскому народу, что в отношении к высшей власти (к царям, князьям) «подлый народ» должен испытывать только священный трепет, т.е, сакральные чувства. Подобная психология к «паханам, ворах в законе» существует и на зоне, в уголовном мире. Вот где царит идеальная вертикаль власти. Русский народ, по сути, копирует свою «вертикаль власти» с образцов «порядка», типичного для преступного мира. Русское быдло находится в плену стереотипов, предрассудков и подмены понятий: Родина отождествляется с Государством, хотя эти понятия никогда не были идентичны. Порядочность заменяется Законопослушанием быдла. Нравственность – установленными властями правилами и моральными принципами (понятиями паханов на зоне)... По моим предположениям, быдло способно мыслить ТОЛЬКО словами, то есть вся его «логика» строится с помощью слов. Это позволяет легко и незаметно с помощью подмены понятий (особенно в школьном возрасте быдла) заставить быдло принять нужную точку зрения» («ЭССЕ на тему БЫДЛО», http://www.vgazete.com/2011/12/blog-post_2706.html);

«Нет спора, в условиях, когда ни в конституции, ни в политических учреждениях режима нет ровно ничего «особого», когда они просто скопированы с чужих образцов, идеологам режима пришлось решать головоломную задачу: как, в самом деле, примирить этот элементарный факт жизни с мощной вековой традицией «ментального обособления от Европы»? Фокус, однако, в том, что они успешно ее решили, придумали «суверенную демократию» – и вновь обрели почти уже утраченную идейную основу. Теперь они с чистой

совестью могут сказать большинству: мы по-прежнему «особые». Европейцы готовы пожертвовать частью суверенитета в обмен на свободу и «нормальную жизнь», а мы не готовы. Для нас суверенитет – святое, важнее и свободы и «нормальной жизни». Сила этого аргумента в его укорененности в древней московитской традиции...» (Александр Янов, «Судьба оппозиции в России», <http://polit.ru/article/2010/09/06/opposit/>);

«Немытая да пьяная
Держава окаянная
Ни права, ни ума,
Ворье, вранье, ничтожество,
Всеобщее убожество,
Пустые закрома.
Не жато здесь, не кошено,
Гнить под дождями брошено,
И все забил сорняк,
А что сумело вырасти
И в засухе, и в сырости –
То «все сожрал хомяк».
Но – дело наше славится!
Пушай хомяк подавится!
Мы все начнем опять:
Отчеты и собрания...
А там до вымирания
Уже рукой подать...»

(Юрий Нестеренко, «Contra patria», 1992, <http://yun.complife.info/verses/contrall.txt>;
http://mertalainen.blogspot.com/2018/01/blog-post_31.html);

«Если же говорить о настоящем, современном процессе очередного (путинского) закрытия России, в котором нет никакого принципиального отличия от других попыток тотального дистанцирования от цивилизованного мира, то с интерпретацией этого дистанцирования как процесса фашизации можно согласиться, только если понимать фашизм очень широко, как форму «восстания нации против попыток вписать нацию в непрестижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта». На самом деле стремление к тотальному упрощению, однородности социального пространства, примитивизации общества являются лишь следствием традиционного для русской культуры возвращения в родной архаический мир повторения банального. Может ли цикл этого повторения длиться бесконечно? Очевидно, нет. Как очевидно, впрочем, что у русской культуры вряд ли хватит сил самой выйти из этой дурной бесконечности. Необходимы другие культурные и социальные практики, которые радикально трансформируют сам фундамент российского общества, упорно противостоящий модернизации. Как впишутся (и впишутся ли) эти практики в рамки существующей русской культуры, вопрос второй, на который тоже ответов немало. *Ducunt volentem fata, nolentem*

trahunt – не самый приятный, но неизменно здравый» (Михаил Берг, «Русская культура как приговор», <https://rufabula.com/articles/2014/04/14/russian-culture-as-adjudication>; <http://newsland.com/community/4375/content/ruskaia-kultura-kak-prigovor-mikhail-berg/2906487>).

Но с другой стороны все, конечно же, хорошо понимают, что изоляционизм (закрытие России) – это, всего лишь, временное явление. Рано или поздно рабская Россия вынуждена будет развязать третью мировую войну для того, чтобы снова попытаться навязать всему миру свой «русский мир» вместе с холопским образом жизни русскоязычного быдла:

«Все тоталитарные режимы, независимо от того, как они называются и какого цвета знаменами размахивают, есть «рабские контрреволюции» – неважно, идет ли речь о России 1917г., Италии 1922г., Германии 1933г., Восточной Европе и Китае после 1945г., Иране 1979г. и т. д. Рабские тоталитарные режимы XX в., представляющие собой попытки повернуть колесо истории вспять, создали и уникальную систему внешней политики – так называемую «оборонительную агрессию» (впрочем, начало ей было положено еще в странах «Священного Союза» XIX в., который являлся орудием борьбы уходящего рабства с наступающим капитализмом). Рабские режимы не могут (да и не хотят – они вообще смотрят на производство потребительских товаров для населения как на издержки производства (подробнее см.: Восленский М.С. Гл. 4, особ. С. 242 – 243) обеспечить своему населению уровень жизни, сопоставимый с таковым в развитых капиталистических странах. При этом для их руководства является очевидным, что любые «железные занавесы» и «границы на замке» способны лишь приостановить, но не пресечь совсем распространение среди подвластного им населения правды о жизни «за бугром». Поэтому единственным окончательным решением проблемы для рабских режимов является ликвидация мировой капиталистической системы как таковой, распространение своего владычества на весь мир» (Дмитрий Винтер, «Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну?», <http://detectivebooks.ru/book/21154797/?page=2>).

Последняя империя на планете Земля

Возможно, в таком периодическом «закрытии России» и во временной самоизоляции психически инфантильных «русскоязычных» от цивилизованных народов и был бы какой-то смысл, если бы эти закоренелые мечтатели не были абсолютно беспомощными и недееспособными а, следовательно, и вынужденными выживать за счет экспансии и паразитирования на инородцах:

«И здесь, пожалуй, один из самых сложных вопросов состоит в том, как воспринимали современники то состояние, которое историки характеризуют как «период феодальной раздробленности», «удельный период», время «самостоятельных княжеств» или «суверенных феодальных земель»? Парадокс состоит в том, что ни у кого – ни из наших предков, ни из наших современников – судя по всему, не возникает никаких сомнений, что Русь как единое целое даже в таком «лоскутном» состоянии как-то умудряется сохраняться. Мало того, именно в период «раздробленности» процессы этнической и культурной консолидации явно нарастают вплоть до XIII – XIV вв. (то есть вплоть до начала поглощения

бывших княжеств Киевской Руси послемонгольской ордынской Московией, коварно и лживо нарѣкшей себя Русью и позже Россией, – П.Д.)» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=19>);

«Движущие силы российской политики – вранье, подкуп, коварство, возвеличивание себя – имеют древние корни, которые берут начало с момента закладки российской государственности. А именно, со времени оседлости раздробленной Золотой орды на покоренных просторах Московии, Твери, Владимира, Рязани, Ярославля. Именно золотоордынские амбиции и дипломатия, как и власть Московии (Иван IV Грозный – татарин) стали для россиян началом исторического пути развития страны. Ассимиляция татарами славян и угро-финов дала миру новый этнос, в крови которого бушует страсть к завоеваниям, бескомпромиссная вера в святость правителя и рабская покорность. На протяжении многих веков и до нашего времени россиянам не дают покоя неосвоенные просторы соседей. Как у цыган существует страсть к лошадям, так и у россиян – страсть к новым завоеваниям. Кочевой способ жизни Золотой орды объясняет проблему, почему россияне не ремонтируют дороги, не заботятся о перспективе и благоустройстве своего жилья, своей страны, а ищут где еще пожить. Бесконечные войны россиян увеличили территорию государства в тысячу раз, но не увеличили культурный и цивилизационный уровень» (Юра Барановский, «Орда дала миру новый этнос. Главным и единственно правильным государством на земле является Россия», <http://ehorussia.com/new/node/9674>);

«Во всех завоеванных царствах они БЕЗ ПРОМЕДЛЕНИЯ УБИВАЮТ КНЯЗЕЙ И ВЕЛЬМОЖ, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать сопротивление. ГОДНЫХ ДЛЯ БИТВЫ ВОИНОВ И ПОСЕЛЯН ОНИ, ВООРУЖИВШИ, ПОСЫЛАЮТ ПРОТИВ ВОЛИ В БОЙ ВПЕРЕДИ СЕБЯ. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли... и ОБЯЗЫВАЮТ ТЕХ ЛЮДЕЙ ВПРЕДЬ ИМЕНОВАТЬСЯ ТАТАРАМИ (после перехода власти в Золотой Орде к Москве и последовавших за ним христианизации и русификации – РУССКИМИ, – П.Д). Воинам же, которых гонят в бой, если они даже хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умертвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее». Вот она, тактика классических паразитов – «срез» верхнего слоя национальной элиты, без которой «простой народ» остается, подобный стаду баранов, а затем это стадо ведется... на убой» (Н.И. Васильева, «Русская Хазария // От «великой Татарии» к России», https://leninskoe-zp.io.ua/s99382/n.i.vasileva_quotrussskaya_hazariyaquot; <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva2/vasilyeva2.htm>);

«В самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не из вне, а изнутри татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь. Это духовное монгольское завоевание шло параллельно с политическим падением

Орды. В XV веке тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом. Само соби́рание уделов совершалось восточными методами, не похожими на одновременный процесс ликвидации западного феодализма. Снимался весь верхний слой населения и уводился в Москву, заменяясь пришлыми и служилыми людьми... Без исключения выкорчевывались все местные особенности и традиции – с таким успехом, что в памяти народной уже не сохранилось героических легенд прошлого...» (Георгий Федотов, «Россия и свобода // Судьба и грехи России», Том 2, – С.-Петербург, 1992, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fedotov/_RosSvob.php, в сб. «Новый град», Нью-Йорк, 1952, с. 150, http://www.odinblago.ru/rossia_i_svoboda);

«Россия есть империя. Она собрана воедино методом силы. Разные территории и народы не сплывались воедино. Этнические и территориальные разделения живы и явны. В процессе экспансии и формирования многие территории и народы империи были силой отторгнуты у других государств, этносов, союзов. Сила-захватчик и сила-удерживатель. То есть: в империи всегда есть центробежные силы. Внутри империи и вне ее всегда есть силы, враждебные ее целостному существованию. Сила – метод создания империи. Армия – инструмент этой силы. Армия как таковая изначально лежала в основе существования (Московской, – П.Д.) Руси, России, Российской Империи во всех ее видах. Армия есть инструментарий и одновременно несущая конструкция любой империи... «Психология осажденной крепости», «только всем и дело есть нас губить», «мания преследования» – это все справедливые издевки над вульгарными параноиками из политотделов. Но: Без армии организм государства перекашивается и дегенерирует так, что мутант-инвалид вскоредохнет. АРМИЯ ЕСТЬ СУЩНОСТНООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ РОССИИ. Сначала создать империю – а потом стать пацифистом: это умственное вырождение. То, что создано посредством армии – никак не может продолжать существовать после ампутации армии...» (Михаил Веллер, «Великий и последний шанс», http://www.lib.ru/WELLER/r_poslednij_shans.txt);

«В нем (в советском периоде, – П.Д.) выделяются два этапа – сталинской милитаризации (и милитаристской индустриальной модернизации), при которой повседневная мирная жизнь выстраивалась по военному образцу, и послесталинской демилитаризации. Аналогичные этапы обнаруживаются исследователями и в предыдущей истории России. Такая точка обзора высветила перед ними содержательное значение замечаний старых русских историков, на которые редко обращают внимание. А именно – замечания В. Ключевского о «боевом строе государства» в послемонгольской Московии и замечания Н. Алексеева об устройстве этого государства по типу большой армии. Данная милитаристская модель прошла долгую историческую эволюцию... Уже в первые послемонгольские десятилетия в основание государственности был заложен военно-служилый принцип, согласно которому боярин и дворянин служат государю, а крестьянин – боярину и дворянину. Неготовность и нежелание части княжеско-боярской элиты полностью вписываться в эту модель стали одной из причин опричнины Ивана Грозного, после которой

в стране утвердилась неограниченная и надзаконная самодержавная власть, ставшая русским аналогом власти монгольских ханов...» (Павел Солдатов, «Власть во власти «нормопатологии». Заметки о природе российской государственности», <http://www.liberal.ru/articles/4279>);

«Россия – ошибка истории. Она выросла на порабощении собственных граждан – и при царской, и при советской, и при нынешней модели власти, которая представляет собой комбинацию первых двух и столь же эффективно «сковывает души в кандалы». Она выросла на пожирании государств, социальных групп, народов, на непрерывных актах (успешных, неуспешных, временно успешных) агрессии против соседей, терроризме на других континентах, насаждении и поддержке кровавых царьков, дестабилизации целых регионов, разращении части элит многих стран Запада, на внедрении цивилизационных и этических антистандартов, на регулярном шантаже в отношении, по сути, всего мира. Она выросла на абсолютной беспощадности, которая позволяла ей массово убивать собственных граждан, когда сатрап считал это необходимым, и тем более – без зазрения совести уничтожать граждан других стран. ... Кремль строит свою государственную пропаганду на гиперлжи и гипернаглости, которые незнакомы западной цивилизации, и поэтому Запад так часто оказывается в отношении них бессильным» (польский публицист Мачей Павлицкий, «Россия – это ошибка истории», <http://warfare.com.ua/2014/10/24/rossiya-eh-to-oshibka-istorii/>);.

«Казалось бы, весь мир должен был стать советским и начать горбиться на русских. Вот это экспансия! Вот это размах! Воистину мирового масштаба. Только вот не получилось обмануть Бога. Проект по созданию советско-русского сверхчеловека с треском провалился, гены подвели. Природа оказалась сильнее идеологического воспитания. Дурная наследственность бывших крепостных крестьян то и дело проявляла себя, часто в буйной форме, в так называемых миротворческих миссиях – в Праге, Венгрии, Афганистане. Народы восточной Европы быстро смекнули, что кроется под таинственной «русской душой» и из какого набора качеств состоит эта система ценностей. В душах порядочных европейцев не уживались такие «таинственные» качества, как атеизм, коррупция, пьянство, классовая ненависть, моральная деградация, которые пришли в когда-то благочестивые страны, вместе с советской идеологией. Детей стали пугать российскими миротворцами, и вскоре им вежливо указали на дверь, даже в Африке, даже их же братья-славяне» (Фаузия Байрамова, «Мы – татары, а не русские!», <http://www.apn.ru/publications/article23855.htm>);

«Сталин как российский император. На протяжении всей своей биографии он всё отчетливее чувствовал, что Россия ничем, кроме как Империей, быть не может, а потому как буржуазная, так и социалистическая форма демократии исключается. Во внутрипартийной борьбе победил не самый умный и не самый страшный, но тот, кто интуитивно догадался об этой главной нашей тайне. Вместо демократического сложения отдельных волей Империя предлагает качественно иное действие – умножение всех на фигуру императора, а точнее на утопический принцип, воплощенный в василевсе и пантократоре, выражаясь по-византийски, в строителе мостов между временным миром и вечностью. Только при

максимальном усилении вертикали этого имперского устройства, наша страна способна к модернизации и преодолению отставания, как при Петре первом. Собственно, отсутствием «по-сталински сильной» власти и объясняется тот факт, что, несмотря на наличие в стране экономических условий, ничего сравнимого со сталинской модернизацией так и не было сделано в нулевых годах... Версия евродемократов и либералов-западников, для которых, что Сталин, что Гитлер – творцы одинаково «тоталитарных» систем. Однако на сталинской висит больше жертв, по крайней мере, если говорить об истреблении народа. Сталин – это показатель патологического отсутствия «общества», отдельного от государства, т.е. людей, различающих общественные и государственные интересы как разные, а порой и противоположные вещи...» (Алексей Цветков, «Сталин в городе», <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Stalin-v-gorode>);

«Сталин – это народность. Он народный герой. Посмотрите в окно – там же до сих пор сталинская (фашистская, – П.Д.) Россия. Нет никакой царской, горбачевской, ельцинской России. Ельцинская Россия – это Рублевка, а от горбачевской один «Фонд Горбачева» остался... Так, как современную Францию создал Наполеон III, а не Наполеон I, так современную, советскую Русь создал Сталин (с помощью ленинской «закваски»)...)» (Юрий Пивоваров – академик, профессиональный русский историк, из интервью Вадиму Тросницкому, ReZumeRu: «Современная Россия это сталинская Россия», <http://www.proza.ru/2012/04/22/534>);

«Нет, в нашем случае это не история – мы живем в этом. Мы живем при Сталине, мы в постсталинскую эпоху живем, мы оттуда еще не вышли. Мы не выблевали из себя это. Десталинизация, которая проводилась Хрущевым, провалилась: очень скоро был новый виток. Потом вроде бы показалось в перестройку, что уж это тему мы прошли – ни черта не прошли! Снова Сталин на билбордах. И это означает, собственно говоря, что мы тяжело больны – не холерой, а бубонной чумой... Лечить нужно разными лекарствами, но лечить надо. А, когда глава государства говорит, что в бубонной чуме есть очень много привлекательного – ну, конечно, были некоторые перегибы: лишних несколько миллионов померло, – но в принципе довольно симпатичная вещь-то – бубонная чума; и человек, больной бубонной чумой, довольно привлекательно выглядит... у него пятнышки такие милые – говорит глава демократического государства. Кстати, впрочем, о чем я – какого демократического? Сегодня уже можно! Сегодня у нас уже такой список соратников, что можно и Сталина на билборды вешать. Поздно пить боржоми. В этом смысле то, что раньше было – как какие-то нарывы отдельные, там где-то, в Якутии хотят поставить памятник – дикий скандал! А сейчас это уже очередное – не первое и не последнее – свидетельство той исторической катастрофы, которая с нами происходит...» (Виктор Шендерович, из интервью на «Эхо Москвы», <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1531104-echo/>);

«В этом и главная проблема России. У нее нет никакого целеполагания, нет устойчивого развития, потому что народ занят выживанием, государство – его вымариванием, и никакого общего пути у них нет, нет ни одной общей цели. Все говорят:

сплотиться вокруг президента. Давайте сплотимся, а дальше, что будем делать? Вот мы уже сплотились так, что зажали уже до невозможности, уже не дыхнуть – всех, друг друга. А, что мы будем делать дальше, сплотившись? Мы Америку завоевать пока не можем, блок НАТО завоевать не можем. Бесконечная внешняя экспансия невозможна. Что дальше? Может быть, мы попробуем сделать так, чтобы у нас хотя бы глубинка собственная не была похожа на 17-й век? Нет, это нельзя, это не занятие для «нации господ»... Страна входит в войну, необязательно внешнюю – может быть, внутреннюю. Страна входит в войну. В войне – логика списывания всего. Неврозы разрешаются только так. Ну что там, экономические проблемы, что ли, решать? Мы – нация господ. О чем вы говорите? Какие могут быть экономические проблемы? Работает пусть китаец. Считает и думает пусть американец. Русский пусть беседует с Богом...» (писатель, журналист Дмитрий Быков, из интервью Татьяне Фельгенгауэр, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1456674-echo/>);

«Понимаете, мы, русский народ, очень много говорим о себе, что мы божественная нация, но мы во многом – поганая нация. Есть две русских нации. Первая – это те, кто живет дальше Урала и Сибири. Сначала туда шли люди завоевывать новые пространства, сильные самые. А слабые сидели здесь, в Московии – это и есть вторая часть русской нации. Потом в Сибирь царь сослал на каторгу, и тоже сильных и лучших, потом туда отправлялись люди по комсомольским путевкам поднимать этот край. Я сам ездил туда, Братскую ГЭС строил, видел, как там люди работают... А те, кто оставался здесь, – сексоты, трусы. Я помню, приехал на озеро Большой Иван, это в Псковской области, там недалеко погиб Александр Матросов. Пригласили меня туда на субботу-воскресенье, лодку нам дали, мы рыбачили, в казарме жили. Я пошел по деревне купить молока, у меня сыновья были маленькие. И вот я несколько дворов прошел: «Можно купить?» «Ой, как мы продадим? А вдруг нас накажут? Да нет, мы не можем продать». Вот это – убогость. Или, помню, был в Тверской области у знакомых – у них же бань нет, у них печку русскую топят, потом нагревают, и все туда лезут в печку, бьют себя веником, все в саже обратно выползают и отмываются в тазу или корыте... Я помню, меня особенно потряс один случай. Я написал статью про одного токаря, как его прижимает директор. И вдруг этот токарь присылает жалобу на меня, что это все неправда и так далее, что я наврал. Стали разбираться: оказывается, ему дали 15 рублей премии, чтобы он отказался от того, что он мне говорил. После этого я стал только под запись разговаривать. И даже подписаться под словами просил. Мне возражали: «Вы следователь, что ли, бумаги собираете?» Я отвечал: «Да, приходится быть следователем»...» (Михаил Полторанин: «12 июня для России не просто «черный день»...», <https://www.business-gazeta.ru/article/313611>);

«Собирательный образ русского человека. Вечно пьяный, до оскотинения, завистлив, жаден, злобен, туп. Миф о русской бане мгновенно рассеивается после того как пройдёшь мимо типичного русского. Запах перегара и давно не стиранных порток отвратителен сам по себе, но к нему примешивается ещё и запах кислой капусты и прокисших щей, до которых он, русский человек, большой охотник. Любимое занятие – лежание на печи и мечты о лучшей жизни. Эти мечты постоянно подогреваются правящей верхушкой. К наукам не

склонен, по причине своего отупения в следствие неумеренного потребления браги. Брагу потребляет по причине того, что не может выгнать самогона. Не хватает терпения. Из разнообразия языков, на матушке Земля, в совершенстве владеет одним – матерным. Физически вроде и здоров, но в то же время страдает манией величия и шовинизма. Причисляет себя к третьему Риму, а являет собой вторую Содом и Гоморру. Агрессивен. Очень агрессивен. Что подтверждается его постоянным захватом чужих земель, при этом утверждается там как хозяин и всё вокруг считает своим. Описание портрета русского можно дополнять бесконечно, однако это будет несколько утомительно читателям сколь противно. Увы...» (квинтэссенция бытописаний Максима Горького, https://durdom.in.ua/ru/main/photo/photo_id/46461.phtml; <http://uargument.com.ua/politika/rus-stoit-na-krayu-gibeli/>; <https://pravdoiskanie.livejournal.com/609763.html>);

«Вот уже столетия идет спор о том, откуда появилось слово «урис», «русский». А что спорить, что гадать? Правда лежит на поверхности – взято оно с древнетюркско-татарского слова «орыш», что в прямом переводе означает «война», «драка», «агрессия», «милитаризм» (исл. «árás» – атака, ср.-в.-н. «RUSCH» – нападение, нем. «reißen» – «разрыв, рвать, ломить», – П.Д.). Российская империя, как запомнила ее история, была сконструирована лишь путем развития милитаризма и ведения войн. Милитаризм в русском самосознании был и остается единственным средством выжить. Обвиняй и, нападая, занимай, снова обвиняй и снова нападай! На побережье Балтики – балтийские, на Дальнем Востоке – тихоокеанские, на юге – атлантические, индоокеанические интересы России. Все это через Казань, Астрахань, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан? Ну и что же? На то она и империя! Русский народ, возможно, единственный народ на земле, который средством жизни и выживания выбрал себе не производительный труд, а войну – милитаризм...» (российский писатель Айдар Халим [Борис Халимов], «Этот непобедимый чеченец», <http://rko.marsho.net/articl/halim1.htm>; <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/khalim-2/>; <http://chechenews.com/1-7353/>);

«В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям – одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародною бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, унижительным покорством у себя дома заранее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестья; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности... В страстных своих устремлениях русские скроены по образу древних; все напоминает у них о Ветхом завете; их чаяния и терзания столь же велики, сколь и их империя. Ни в чем не знают они пределов – ни в муках, ни в наградах, ни в жертвах, ни в упованиях; они могут достичь огромной власти, но лишь тою ценою, какую азиатские народы покупают незыблемость своего правления, – ценою счастья» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 году», Письмо 36-е, <http://www.golubinski.ru/history/custine41.html>);

«Русский человек вроде бы и не хочет быть богатым, даже боится. Что же он хочет? А

он всегда хочет одного: чтобы кто-то другой не стал богатым. Богаче, чем он. – Честного человека у нас не найдешь, а святые есть. – Не поротых поколений нам не дожидаться; русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть...» (Светлана Алексиевич, «О проигранной битве // Нобелевская лекция», <http://www.kp.ru/daily/26467/3338061/>; http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html);

«Смысл фильма для меня прояснился сначала в реплике мужика, заявившего о том, что скорее бы началась война, потому что жить стало как-то уж невыносимо скучно. А затем – в разговоре доктора с начальником, приехавшим к нему по делам. В ходе этого разговора выясняется, что Бог нас покинул, что он оставил Россию. Но вот не ясно, навсегда он нас покинул или на время. Если на время, то тогда не понятно, почему он не подаст нам какую-нибудь весточку, чтобы у людей появилась надежда. Если у них появится надежда, то тогда и жизнь структурируется. А если он нас покинул навсегда, то тогда деградация человека и социума неминуема. Вот эта вербальная часть – о том, что «войны хочется», и о том, что «Бог нас покинул» – и должна была бы стать доминантой этого фильма, однако для режиссера она так и осталась вербальной частной деталью... Люди, которые продолжают жить после того, как их оставил Бог, обладают рядом типических признаков. Во-первых, у них сознание не совпадает с самосознанием. Если бы оно совпадало с ним, то люди бы не смогли жить без смысла. Они бы либо спились (повесились), либо непременно изобразили его. Во-вторых, у героев «Дикого поля» нет не только символического пространства их действий, но их покинула и последняя подлинность – боль и страдание. Они живут с окаменевшими чувствами» (Фёдор Гиренок, «Бесконечная пустота», <http://fedorgirenok.narod.ru/pustota.htm>);

«...Мы имеем дело с русским человеком, который за последние 200 лет почти 150 лет воевал. И никогда не жил хорошо. Человеческая жизнь для него ничего не стоит, и понятие о великости не в том, что человек должен жить хорошо, а в том, что государство должно быть большое и наспигованное ракетами. На этом огромном постсоветском пространстве, особенно в России и Беларуси, где народ вначале 70 лет обманывали, потом еще 20 лет грабили, выросли очень агрессивные и опасные для мира люди...» (лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич: «Путин сегодня в каждом русском сидит // Мы жили среди жертв и палачей», <https://charter97.org/ru/news/2015/5/14/151459/>);

«Конечно, параллели не точны: Россия Путина – не Советский Союз Сталина. И все же через 80 с лишним лет после голода и более чем через два десятилетия после развала СССР отношения между Россией и Украиной вернулись в исходную точку. Вновь российский лидер с одержимостью говорит о «потере» Украины. Вновь московский режим видит в украинском национальном движении экзистенциальную, внутреннюю угрозу. И вновь Москва приложила невероятные силы, чтобы предотвратить украинский вызов. Как и в 1932 году, постоянные разговоры о «войне» и «врагах» в Украине остаются полезными для российских лидеров, которые не могут объяснить отсутствие роста жизненных стандартов или оправдать свои собственные привилегии, богатство и власть» (Anne Applebaum, «Why does Putin want to control Ukraine? Ask Stalin», <https://www.washingtonpost.com/outlook/why->

[does-putin-want-control-ukraine-ask-stalin/2017/10/20/800a7afe-b427-11e7-a908-a3470754bbb9_story.html?utm_term=.4ffd79898d49](https://www.inopressa.ru/article/23oct2017/wp/ukraine.html); Энн Эпплбаум, Washington Post, «Почему Путин хочет контролировать Украину? Спросите у Сталина», <https://www.inopressa.ru/article/23oct2017/wp/ukraine.html>);

«Выбрал путь войны, по существу, один человек, а платит по его счетам вся страна – от нищих до миллиардеров. Многие уже заплатили жизнью. Тем не менее, именно такой путь «консолидации российского общества» выбрал для себя и страны Владимир Путин. «Осажденная крепость Россия» готова воевать со всем окружающим миром. Война для нее – это жизнь. Мир для нее – это смерть... Это не просто стремление «прирастить земли» – это в первую очередь стремление отомстить Украине за все – за европейский выбор большинства общества, за вышвырнутого из власти, прикормленного золотыми батонами Януковича, за первое непоротое поколение, которое в Украине все же, помучавшись, появилось на свет. И это первое непоротое поколение для Путина – самое страшное, что есть сейчас в Украине. Если такое поколение вырастет в России, власти Путина придет конец. Отомстить Украине – любой ценой. Эта цена вот уже почти год – война. Путин уверен, что российское общество поддержит его в желании мстить Украине. Он (подобно мальцу-проказнику, – П.Д.) уверен, что его народ готов платить за его политику любую цену. В том числе цену жизни. Владимир Путин вырастил в России (прокаженный, – П.Д.) народ войны. Народ войны готов платить такую цену... Народ войны приветствует президента войны...» (Лев Шлосберг, «Не стреляй!», http://gubernia.pskovregion.org/number_725/01.php);

«Поскольку проказник не стратег, а тактик, поэтому он будет принимать решения в последний момент, но дальнейшая эскалация большой войны, в том числе на Украине, вполне возможна. Сама идентификация проказника навела меня на мысль, что вся болезнь сегодняшней государственной политической машины России это проказа. Отсюда и слово «проказник». И в этом смысле она неизлечима. Машина (как и сама Империя, – П.Д.) должна сгнить до последнего...» (политолог Станислав Белковский, из интервью Ольге Журавлёвой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1517426-echo/>);

«Необходимо иметь объективные нарративы, которые заменили бы предвзятые узкие шовинистические империалистические нарративы, которые так любит президент Путин. Он застрял в машине времени. Он признается сам, что воспитывался на пропагандистских фильмах о советском героизме. И я боюсь, что он так и не повзрослел с тех пор в плане понимания того, что такое демократическая система и что такое равноправие наций» (шестой Президент Латвийской Республики Вайра Вике-Фрейберга: Путин «застрял в машине времени», <https://www.unn.com.ua/ru/news/1868267-shosti-putin-zastryag-u-mashini-chasu>);

«...до тех пор, пока политическая система России не основана на ценностях демократии, свободы, прав человека и силы закона, до тех пор, пока не признан полный крах СССР, его поражение в «холодной войне» и полный разрыв с советской историей,

сегодняшние российские порядки таят в себе угрозу демократическому миру. И, разумеется, угрозу самим гражданам России. Сейчас это совершенно очевидно. И вопрос ставится именно так, как В.В. Путин не желает его ставить. Он, например, имея в виду Украину, говорит об «искусственном выборе «с Россией или с Европой». Нет здесь искусственности, если иметь в виду, что выбор делается между двумя альтернативными политическими системами – демократией и клептократией. В.В. Путин всё считает, что страну, где он правит, с гнилым полит-экономическим болотом должен отделять от Запада пояс таких же болот. Но на это граждане Украины не согласны, что и подтвердили на свободных выборах президента и парламента. И прав западный мир, что он это стремление граждан Украины поддержал. Естественный вопрос о выборе надо поставить для самой России – на основе каких ценностей граждане нашей страны хотят развития своего государства? Если они желают перестроить российские общественные учреждения на основе ценностей свободы, демократии, прав человека и силы закона, то это означает вхождение в семью западных стран. Если же подход заключается в том, что основанный на захвате власти и захвате других стран СССР, уничтоживший миллионы своих граждан в коллективизации, репрессиях, концлагерях, депортациях и войнах, имеет хоть что-то положительное, может служить хоть какой-то исходной точкой для пути современной России, то разговаривать не о чем...» (Алексей Мельников, «Страна великих потрясений», <http://aleks-melnikov.livejournal.com/298512.html>, http://www.echo.msk.ru/blog/alex_melnikov/1490180-echo/);

«А я испытал ностальгию по Украине, которую мы потеряли, что во Львове ощущается особенно остро. По европейской альтернативе, которая, казалось, всегда была под рукой, как улица Яуниела в Риге, где советские кинематографисты снимали фильмы про Запад, как пляжи Пярну, как львовские «каварни». По лоскутному одеялу Центральной и Восточной Европы, по духу большой истории, по теням великих империй. Сегодня мы добровольно отрезаем себя от этого наследия, но не замечаем, что сами при этом перестаем быть империей, превращаемся в Московию, в лесной улус Орды. Причем потеря Украины произошла не на Майдане, не в Крыму и не в окопах Донбасса: она случилась на грамматическом уровне, в языке описания действительности, в самом понимании того, что происходит с миром и с нашими двумя странами...» (Сергей Медведев, «Отель «Европа»: Украина, которую мы потеряли», <http://m.forbes.ru/article.php?id=290649>);

«Цель случайностей и закономерностей привела к тому, что победителями оказались «православные чекисты». Мы, конечно, не вернулись в советское время, но «эффект колеи» действует – страна снова живет внутри антиутопии, а отсутствие определенности и четких правил отличает нынешний гибридный авторитаризм от поздней Советской власти даже в худшую сторону... Этот путь не будет коротким. Уверен: СССР еще продолжает разваливаться – Крым и Восточная Украина, Приднестровье и Южная Осетия – это все один и тот же процесс. 1991-й был не концом, а началом распада империи. Превращение России в нормальное скромное западное государство станет первым сигналом о завершении транзита. Не уверен, что это в принципе возможно...» (Андрей Колесников, из интервью Александру

Задорожному «СССР еще продолжает разваливаться...», https://www.znak.com/2016-12-08/chlen_kudrinskogo_komiteta_grazhdanskih_iniciativ_obyasnil_pochemu_rossiya_putina_huzhe_ssr);

«Вопрос огромной исторической и современной политической важности состоит в том, является ли милитаризированная империя естественной формой существования России, как утверждают сегодня многие сторонники консервативной и националистической идеологии, или же, наоборот, эта модель окончательно изжила себя и, дважды приведя огромную державу к краху, должна быть заменена другой парадигмой. История, как всегда, не дает однозначного ответа. Она изобилует фактами и событиями, которые могут служить доказательствами и того и другого. Представляется, однако, что военно-имперский путь – это тупиковый маршрут, чреватый угрозой еще одного, третьего (после 1917 и 1991 годов) краха. После него Россия может не подняться уже никогда... Возникнет угроза распада самой России, как и дальнейшего насильственного дробления постсоветского пространства. В этом случае Россию ждет судьба прошлых континентальных империй Европы, но еще с более тяжкими последствиями в нынешний техногенный век, в условиях нарастающих трансграничных угроз нового типа. Избежать этого можно лишь на пути перехода к инновационной экономической модели, неразрывно связанной с расширением демократических институтов и норм, строительством гражданского общества. Огромная территория и сырьевые запасы России за Уралом – это не вечное системообразующее ядро ее хозяйства, а бесценный ресурс для экономической диверсификации, которая одна только и способна привлечь долгосрочные отечественные и зарубежные инвестиции в промышленность высоких технологий. Переориентация внешнеэкономических (а значит, и внешнеполитических) связей с Европы на Азию, о которой стало модно говорить в последнее время, – это путь к консервации экспортно-сырьевой модели российской экономики вместе с ее авторитарно-олигархической политической надстройкой, пусть и с демократическими декорациями. Азии не нужна Россия высоких технологий, ей нужна Россия – сырьевое приложение (а также поставщик вооружений и ядерных реакторов – до поры)...» (Алексей Арбатов, «Россия: особый имперский путь?», http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977);

«Главная причина – в демократии, которая нацелена на совершенствование социума, в отличие от авторитаризма. Поэтому СССР и поставили условие – демократизация, если он действительно хочет вступить в семью свободных народов, а не просто приватизация с подобием рыночной экономики. Без демократии анархо-коммунизм, к которому движется мир, не получится. Не получится, так как демократия всегда не довольна собой и требует совершенства, а все авторитарно-распределительные режимы объявляют себя идеальными на веки веков уже на второй день после очередного октябрьского переворота или пивного путча» (Сергей Климовский, «Куда движется мир и Украина?», <http://hvylya.net/analytics/history/kuda-dvizhetsya-mir-i-ukraina.html>);

«Дугин и тут превзошел своих предшественников. Он полагает, что даже всей

Евразией как материком нельзя ограничить интересы русского народа, поскольку русский народ якобы «богоносен» и идея, которую ему предстоит осуществить, представляет собой последнее слово в земной истории. Перспектива русского народа имеет в пределе общепланетарное значение как утверждение особого русского типа мировоззрения по всему миру. Отказ от имперостроительной функции означает конец русского народа как исторической реальности, национальное самоубийство. Речь при этом идет, правда, не о безграничном расширении жизненного пространства русских, а об утверждении особого «русского» типа мировоззрения...» (Г. Ситнянский, «Евразийство подлинное и мнимое», <http://www.ia-centr.ru/expert/4107/>; <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630/>);

«Отечественная история учит: авторитаризм и тоталитаризм в этой стране держится либо на войнах, либо на страхе войны, на милитаристском психозе. Любое миролюбие смертельно для тирании и деспотии. Именно поэтому бешено раздувается военный бюджет современной России...» (Александр Левинтов, «Обращение», <http://emsu.ru/levintov/>; <http://www.redshift.com/~alevintov/2011/dec/obr.html>);

«Многие авторы писали об особом пути развития России и о том, что она просто обречена на противостояние Западу и принципиально неспособна принять ценности современного общества («западные», «капиталистические» или «общечеловеческие»). Писали об этом и со знаком «плюс» (славянофилы, евразийцы, Дугин), и со знаком «минус» (Чаадаев, Новодворская). Кажется, российский интеллигент вообще способен воспринимать Россию только в двух крайних ипостасях. Либо «Россия – исчадие ада», и тогда «хорошо все, что плохо для России» (если он «общечеловек»), либо «Россия – град Божий на земле» и «богоизбранная страна», а все вокруг (в первую очередь, естественно, Запад) только и делают, что строят против нее козни (если он «державник»). На что не способны ни те, ни другие – это представить Россию нормальной страной, такой же, как все, со своей историей, в которой было всякое – и хорошее, и плохое, со своими национальными интересами, со своими врагами и союзниками, которые могут в разных обстоятельствах и меняться местами... Из этого подхода к своей стране органически вытекает другой. Еще И.А. Ильин писал о том, что на Западе (да и многие в России, точнее, среди русской эмиграции на том же Западе) отождествляют СССР с Россией, в частности, отождествляют глобальную экспансию СССР с целью установления «мирового коммунизма» – с традиционной региональной экспансией царской России (Наши задачи. Кн. 1. С. 8–9), хотя царизм никогда, даже в бытность свою «жандармом Европы», на мировое господство не претендовал. Так, в 1959г. в специальном меморандуме, выпущенном Госдепартаментом США, в списке поработанных коммунистами народов указывались все народы СССР, кроме русских...» (Дмитрий Винтер, «Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну?», <http://detectivebooks.ru/book/21154797/?page=2>);

«Россия назойливо командует, вмешивается, поучает весь мир, как надо жить. Преуспев только по части строительства ГУЛАГов и безумных, чудовищных расправ в них над собственным народом, эта страна по сей день (и сейчас еще больше, чем раньше) тешит

свои мессианские комплексы, мнит себя «Третьим Римом», единственно праведной цивилизацией, таким «пупом земли», призванным учить «греховный» Запад и весь прочий мир, как им жить. С упорством москвы Россия твякает из подворотни на всех, в ком инстинктивно чует духовное превосходство над собой. Вчера в ходу были сказки про «козни мировой буржуазии» и «империалистическое окружение», сегодня – про «международный терроризм», но суть от этого не меняется. Россия все так же остается источником и воплощением мирового зла, страной, где никто не понес ответственности за прошлые чудовищные преступления, за геноцид целых народов, за десятки миллионов расстрелянных, замученных, запытаных, заморенных голодом, и где на этот фундамент ныне громоздятся новые преступления. В начале 90-х годов популярна была идея, что в России надо провести декоммунизацию по образцу денацификации Германии после 1945г. В конце 90-х стало ясно, что и это не поможет. Как страна, как цивилизация, как субъект исторического процесса Россия абсолютно иррациональна, неадекватна, не соответствует самым элементарным понятиям о разуме и логике, не может дать своему народу даже самый минимум элементарных правил элементарного жизнеустройства, которые для Запада являются сами собой разумеющимися. Недаром народ в виде пародии на известные шовинистические стихи сложил строчки вроде: «Умом Россию не понять, она с умом не совместима...». Россия – это то, что называется «ошибка природы». ...Россия тяжело больна. Но ее болезни – не экономические, как о том настойчиво твердят нам со всех сторон депутаты, экономисты, политологи, обозреватели и прочая обслуга. И не болезни роста, как уверяют некоторые из них. Россия больна тяжелой формой безумия, белой горячкой великодержавного имперского шовинизма, воспалением агрессивного империализма и реваншизма в отношении отделившихся в 1991 году колоний, манией величия и манией преследования одновременно и в острой форме. Государство, построенное на костях целых народов, держащееся на штыках, составленное из незаконно захваченных соседних стран и областей, пропитанное кровью многих поколений невинно убитых, своих и чужих, и не может процветать, не может быть нормальным, как построенные нормальным путем цивилизованные государства. Но Россия – это совершенно особый случай. Это Империя Зла, как сказал некогда Рейган, самое средоточие темных сил, источник самого невообразимого мракобесия, только можно себе представить в XXI веке...» (главред газеты «Радикальная политика» Борис Стомахин, «Безумие России» / «Эта страна пережила себя», <http://rko.marsho.net/articl/bezumie.htm>; <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2004/03/31/19136/eta-strana-perezhila-sebya.shtml>);

«Это цивилизация, в которой содержание всех моральных и этических ценностей подчинено текущим политическим интересам Кремля. Тесный альянс власти в Кремле с властями Русской Православной Церкви дополнительно цементирует эту, по сути своей, античеловеческую систему. ... Таким образом, московская цивилизация – единственная в мире цивилизация, имманентным компонентом которой стала возможность оправдания любого преступления и нечестивости ради «блага государства Российского». То есть это по самой идее и с древнейших времён цивилизация преступная. И потому все её «продукты» будут столь же преступны. ... Так что ошибаются те, кто думает, будто бы в 1991 году коммунизм в России пал, и теперь должно возникнуть нечто лучшее, скажем так, менее

преступное. Ничего подобного никогда не будет, пока эта цивилизация существует. Единственным решением для свободного мира может быть только вычёркивание её с карты. ... Безбрежность страданий, которые Россия причинила всем соседям, а также гектолитры пролитой ею крови невинных, трудно вообразить. Утверждение, что «столицей Люцифера является Кремль», вовсе не лишено смысла, даже в чисто символической форме. Россия – как апокалипсический зверь. Так что давайте не будем удивляться никакому преступлению, которое свершается на территории России. Потому что это естественное следствие преступности этой цивилизации. Давайте не будем удивляться геноцидам, убийствам, терактам, падающим самолётам, погромам, насилиям или разбойным нападениям на соседей. Потому что их будет ещё больше, и они будут ещё хуже. Однако не это самое худшее во всём этом. Самое худшее – это когда появляется человек из цивилизации свободных людей, ... и без принуждения не только сам поклоняется этому зверю, но изо всех своих сил старается легитимизировать кровавого демона в глазах свободных людей – для такого преступления нет кары на Земле!» (Рафал Чёлек, «О преступности московской цивилизации. Или почему Россия никогда не будет стабильным элементом международного сообщества и свободного рынка?», цит. по: Олег Неменский, «Русофобия как идеология», http://www.perspektivy.info/book/rusofobija_kak_ideologija_2015-09-07.htm);

«Сегодняшняя Россия – это растущий монстр, какого мир в своей истории еще не видел. Этот монстр расправит плечи в 2008 году после президентских выборов. И вот тогда мы увидим, какое чудовище выползет из ворот Кремля... Не пройдет и двух лет, как в лице России мы будем иметь дело с самым ужасающим террористическим режимом в мире, экспортером терроризма, рядом с которым всякие там ХАМАСы и «Аль-Каиды» померкнут... России, которая, в сущности, слаба, нужно навязать новое, непосильное ей экономическое соревнование, гонку вооружений и идеологическую войну. В результате этого находящаяся в демографическом коллапсе Россия развалится. Далее на обломках империи нужно будет помочь родиться национальным государствам малых народов и другим демократическим образованиям с различной геополитической и географически-экономической ориентацией. Развал России освободит мир от этого монстра, которого Рональд Рейган окрестил «империей зла»...» (Март Хельме, посол Эстонии в России, <http://izvestia.ru/news/321209>);

«Мы еще ушли совсем немного
От родни с мохнатыми боками,
Много наших чувств – четвероного,
А иные – даже с плавниками»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Путинщина, как ученая обезьяна, освоила современные технологии. Но от этого она не превратилась в цивилизованного человека. Ей дали в лапы СМИ – и она стала делать с ними то, что свойственно обезьяне: она попросту ими размахивает, как примитивной дубиной, круша все вокруг себя. Она крушит черепа и ломает мировосприятие, замещая

подлинную реальность – выдуманной, параллельной, в угоду своим низменным инстинктам и страстям. Цивилизация, конечно же, ответит на этот вызов. Вот только придет в себя после увиденного, оправится от первого шока, и – скажет свое веское слово, усвоив преподанный ей урок. И ее ответом станет, несомненно, новый масштабный скачок технологий, который разверзнет между путинской обезьяной и цивилизацией непреодолимую пропасть. И какой прыгучестью ни обладала бы лубянская ископаемая особь – эту пропасть ей не преодолеть. Она попросту не успеет. Не научится, не освоит. Так и будет стоять перед бездной и истошно орать, проклиная всех вокруг. А потом, истощившись, издохнет, как и положено доисторическому существу, неведь как попавшему в реальность XXI века. Потом, после гибели этого странного монстра, его будут долго изучать и обсуждать. Будут даже спорить на тему «как этот примитивный примат мог овладеть массовым сознанием, проникнув в Европу, США и Латинскую Америку?» Но это уже будут споры политологов и узких специалистов, жаждущих написать востребованные монографии для потомков. Хотя бы для того, чтобы в будущем никакое животное, выведенное в пробирке спецслужб, не попыталось возобладать над волей свободного человечества» (Александр Сотник, «Европа в шоке от Путина», https://inforesist.org/evropa-v-shoke-ot-putina/?attrs=0&utm_campaign=traqli&utm_source=traqli&utm_medium=traqli&source=traqli).

Амбициозность, беспомощность, обидчивость и паразитический образ жизни русскоязычных челядишек

И, таки действительно, для русскоязычных эпилептоидов-челядишек холопский образ жизни стал настолько комфортным, что их и рассматривать то, как порабощенное государством население, не совсем логично. Разница между насильственно порабощенным государством человеком и его добровольным рабом – холопом (людишкой, холуём, быдлом), конечно же, является весьма существенной. Однако же рабская психология и холуйская спесь присущи, ведь, и тому, и другому:

«Тяга к группированию со сверстниками тесно сопряжена со стремлением к властвованию, поэтому охотно выискивается компания из младших, безвольных, не способных дать отпор. В группе такие подростки стремятся установить порядки, выгодные для них самих. Симпатиями они не пользуются, и их власть держится на страхе. Они чувствуют себя нередко на высоте в условиях жесткого дисциплинарного режима, где умеют угодить начальству, добиться определенных преимуществ, завладеть постами, дающими власть, установить диктат над другими и использовать свое положение к собственной выгоде. Реакция увлечения обычно бывает выражена достаточно ярко. Почти все эпилептоиды отдают дань азартным играм. В них пробуждается почти инстинктивная тяга к обогащению...» (Е.С. Филатова, «Соционика для вас // Акцентуации характера подростков», <http://udik.com.ua/books/book-542/> ; <http://udik.com.ua/books/book-542/chapter-18471/>);

«Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и

преклонения перед чужой властью. Издревле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость, всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе. До сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину». Параллельно русскую историю, еще с XV века, пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианизм» (а проще – «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва – Третий Рим», высказанной в XVI веке, а современную стадию – в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией. В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство – эпохи Грозного, Петра I, Сталина. Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя...» (Игорь Шафаревич, «Русофобия» [Квинтэссенция современных публикаций о холопском русскоязычном этносе], <http://shafarevich.voskres.ru/a43.htm>);

«Главная проблема современной России – это абсолютная утрата человеческого достоинства и добровольное рабство. Более того – рабство понимается тут как доблесть! Не только о гражданской позиции «россиян» речи нет, – нет и вообще никаких граждан; есть только рабы, холопы, потомки крепостных, обожающие и боящиеся начальства не рассудком (и уж тем паче не за реальные заслуги начальства). Обожающие его и боящиеся вековым инстинктом страха и рабства, привычкой к страху. Рваными ноздрями и поротой задницей далёких предков. «Жалкая нация, нация рабов, снизу доверху все сплошь рабы», – писал в 60-е гг. XIX века Чернышевский об этом народе, к которому сам, безусловно, принадлежал. Ныне эти слова – банальность. Но банальность для тех, кто ПОНИМАЕТ, где его угораздило родиться, – иными словами, для некоторой (небольшой) части русской интеллигенции. Остальные – заходятся в холопстве и «административном восторге» по Достоевскому. Живут по старым, любимым, обсосанным веками формулам: «Москва – Третий Рим», «Православие, самодержавие, народность», лопочут что-то про «загадочную русскую духовность» (ту самую, валяющуюся в луже, или же, немытой и нечёсанной, сидящую на помойке)...» (публицист и главред Борис Стомахин, «Добровольное рабство», <http://newzz.in.ua/politic/1148884042-boris-stomahindobrovolnoe-rabstvo.html>);

«Религия социализма не есть религия свободных сынов Божьих, она отрекается от первородства человека, она есть религия рабов необходимости, детей праха. Религия социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей». «Мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим их жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. Мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны». «Мы дадим им счастье слабосильных существ, какими они и созданы». Религия социализма говорит религии Христа: «Ты гордишься твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех... У нас все будут счастливы... Мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей». Религия социализма, подобно Великому Инквизитору, упрекает религию

Христа в недостаточной любви к людям. Во имя любви к людям и сострадания к людям, во имя счастья и блаженства людей на земле эта религия отвергает свободную, богоподобную природу человека. Религия хлеба небесного – аристократическая религия, это – религия избранных, религия «десятки тысяч великих и сильных». Религия же «остальных миллионов, многочисленных, как песок морской, слабых» – есть религия хлеба земного. Эта религия написала на знамени своем: «накорми, тогда и спрашивай с них добродетели». Достоевский гениально прозревал духовные основы социалистического муравейника. Он религиозно познал, что социалистический коллективизм есть лжесоборность, лжецерковь, которая несет с собой смерть человеческой личности, образу и подобию Божьему в человеке, конец свободе человеческого духа. Самые сильные и огненные слова были сказаны против религии социализма Достоевским. И он же почувствовал, что для русских социализм есть религия, а не политика, не социальное реформирование и строительство» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://lib.com.ua/books/6/521n3.html>).

Совсем же иное поведение как было, так и сейчас характерно украинцам и другим инородцам России:

«Получил вечером от министра внутренних дел любопытное письмо, которое может меня с ним поссорить... Нужно отвечать, и я намерен отвечать сильно... Утром письмо от Валуева, умное и совершенно примирительное. Вечером у него. Объяснение. Дело кончилось удовлетворительно... По-видимому, Валуев все сердится на меня за мое письмо. Но я от этого не унываю. Он, несмотря на наши предварительные разговоры, кажется, хотел видеть во мне чиновника, а я этого не хотел и не хочу – вот и все. А если я в письме говорил от сердца и высказался с некоторою твердостью и независимостью духа, то как же иначе? Я иначе не говорю» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 7, 10, 20 января 1862 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Так мало того! Эти турки-месхетинцы, эти пригретые на широкой доверчивой груди русского народа гадюки семибатьюшные, стали брать в аренду пустующие земли – а русских нанимать для их обработки! В батраки, то есть! Да, земли пустовали. Да, аренду и налоги турки платили по-честному, и краевая казна получала деньги на социальные нужды. Да, безработные русские получили работу прямо на месте, у себя дома, на созданных для них рабочих местах, стало быть. Да, овощей-фруктов для людей-покупателей стало больше – своих, а не импортных, с химией. Да, зарплату работникам платили удовлетворительную, уж не колхозную, больше людям так заработать было в округе негде. Ну – что? Стало лучше? Хрен вам. Выгнали турок вон, и уехали они в Америку. Нет, ты понимаешь? Я его пустил, и теперь он же меня в батраки нанял!.. Турки не смогли понять: они же все мирно, по закону, по согласию, и продукты, и работа-заработок, ведь со всех сторон добро – за что их не любили? За что прогнали? Твари неблагодарные, природные бездельники...» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p06.dhtml).

Как видим, русскоязычные люмпены (быдло, гопники, холуи), довольствующиеся

своим нищенским существованием и паразитирующие в обществе, не проявляя гражданской активности и уклоняясь тем самым от несения и связанной с ней ответственности, еще и страдают не только завышенной самооценкой, но и манией псевдонационального величия. Наиболее типичные их представители принципиально согласны быть «батраками», но только государственными или же, в крайнем случае, «батраками» новоиспеченных олигархов. Но, ни в коем случае, они не желают быть «батраками» вышедших из их же среды более предприимчивых граждан а, тем более, и «батраками» таких же малообеспеченных, как и они же сами, однако более предприимчивых инородцев. Поэтому-то, несложно и ответить на вопрос: «Кто же паразитирует в обществе, – тот, кто, не избегая многочисленных трудностей, создает для своих сограждан рабочие места и, тем самым, позволяет им жить лучше, чем на мизерное государственное пособие? Или же, все-таки, паразитирует тот, кто, обладая холопским менталитетом и «работая лишь от забора и до обеда», обеспечивает сам себе, хотя и нищенское, но все же, беззаботное существование?» Да и психологи то дают однозначный ответ на этот вопрос. Паразитируют, именно, численно преобладающие в русскоязычном примитивном обществе «амбициозные приживалы» (холопы) и потребители интеллектуальных продуктов (псевдоинтеллигенты – примитивно рассуждающие образованцы):

«Мыслить так трудно! Поэтому большинство людей предпочитает судить (и рассуждать, – П.Д.)» (Михаил Жванецкий, «В осколках собственного счастья», <https://www.teatrvfk.ru/mihail-zhvanetskij-v-teatre-im-v-f-komissarzhevskoj/>);

«Когда быдло берется рассуждать – все пропало» (Мари Франсуа Аруэ [Вольтер], <http://www.nlp.ee/r-2/5167-2010-02-06-14-27-40> , <https://morashtenu.org.il/voltaire/>);

«У русского каждый день – апокалипсис. Он к этому привык. Он считает себя глубже других, но философия в России не привилась. Куда звать непутевых людей? Если бестолковость – духовность, то мы духовны. Нам, по большому счету, ничего не нужно. Только отстаньте. Русский невменяем. Никогда не понятно, что он понял и что не понял. С простым русским надо говорить очень упрощенно. Это не болезнь, а историческое состояние. Россию можно обмануть, а когда она догадается, будет поздно. Уже под колпаком. Россию надо держать под колпаком. Пусть грезит придушенной. Народ знает, что хочет, но это социально не получается. Он хочет ничего не делать и все иметь. Русские – самые настоящие паразиты...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Ленин», <http://www.rulit.me/books/enciklopediya-russkoj-dushi-read-43647-37.html>);

«И сейчас отечественная философия вновь переживает нелегкие времена. Для каждого из осложнений в ее бытии можно подыскать конкретные причины. Но постоянство тяжелой судьбы философии в нашей стране заставляет взглянуть на дело шире. И вряд ли мы найдем здесь другую конечную причину, чем особенности нашего национального менталитета. О таких особенностях можно говорить в двух измерениях: в смысле общего уровня культурного развития, который пока оставляет желать большего; и в смысле особого интеллектуально-психического склада данной нации. Основная специфика заключается,

конечно же, во втором моменте... Народ мыслит «по жизни» в основном на уровне чувственно-образном и ассоциативном, а понятийно-логическое мышление являет лишь в сфере профессиональной деятельности... Поэтому смысл изучения философии более или менее понимает только интеллектуальная элита. Однако – в разной степени, которая существенно зависит от национального менталитета. В этом отношении немцы (от природы или от культуры) сильнее французов, французы сильнее англичан, англичане сильнее американцев. А русские слабее всех названных и большинства не названных культурно развитых народов (о менее развитых, что ж говорить)...» (Владимир Самченко, «Философия в России: откуда и куда?», <http://credo-new.ru/archives/1189>);

«Россия, к сожалению, в этой области только потребляет. В нашей стране философы и преподаватели философии заняты выеданием остатков тех интеллектуальных продуктов, которые создаются в Европе или Америке. У нас фактически нет философов, которые могли бы практиковать пространство свободных размышлений, доминируют «преподаватели философии». Такой преподаватель, хотя именуется философом, учит по чужим учебникам, изъясняет чужие способы теоретизирования, не предлагая сам ничего нового, не решая никаких задач. А философ – он учится извлекать смыслы из окружающей реальности, с тем, чтобы люди могли жить в режиме извлечённых смыслов... Профессура должна уметь проводить самостоятельные научные исследования, а не только пересказывать содержание тех интеллектуальных продуктов, которые получены другими, независимо от них и сто лет тому назад...» (Фёдор Гиренок, из интервью Альфии Булатовой «Философия – личностный акт», http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=16712#.WAuFwk86HGg);

«В докладе, представленном КГИ (комитетом гражданских инициатив, – П.Д.), утверждается, что у нас нет «поколения Игрек», а молодежь этого возраста предпочитает не творческую реализацию, а «гарантированную работу под началом мудрого, авторитетного руководителя». «С другой стороны, из культуры «поколения Игрек» российская молодежь с удовольствием присваивает невероятные, необоснованные амбиции, завышенную самооценку, пренебрежение к профессиональным авторитетам», – утверждает Ермолин. «В сухом остатке все очень похоже на Остров дураков из сказок про Пинокио и Незнайку, где праздные лентяи постепенно превращаются в ослов: сложившаяся среда производит для страны не трудолюбивых рабочих и увлеченных работников интеллектуального труда, а амбициозных приживал (даже не карьеристов), мечтающих о теплом месте в муниципальной или государственной системе, оправдывающих свой профессиональный примитивизм лояльностью», – делает вывод эксперт... Особенности, достоинства и недостатки «игреков», приходящих на смену «поколению Икс», в настоящее время привлекают внимание социологов, психологов и хедхантеров всего мира. Так, например, «игрекам» посвящена целая серия исследований в рамках проекта «Коммерсанта» «Секрет фирмы». «Детский сад, штаны на лямках» – так многие HR-менеджеры называют поколение Y, и часто совсем без иронии: намучались. Еще, по их словам, молодые люди – амбициозные, безответственные, избалованные, пассивные, несамостоятельные, хотят все и сразу, но не желают напрягаться. Однако деваться работодателям некуда – приходится приспосабливаться», – пишет

издание... К «поколению Игрек» относят тех, кто родился после 1981 года (в России – после 1983-го). В отличие от «иксов», «игреки» росли в эпоху бурного развития новых технологий и почти не застали мир без интернета, поясняет Slon. Они с раннего возраста могли ездить по миру, имели возможность получить хорошее, котирующееся на международном рынке образование, работать в международных компаниях. «Игреки» легко приспосабливаются к новым условиям, без проблем меняют место жительства и работу, они мультизадачны, идеалистичны и позитивны. Но при этом исследователи отмечают инфантильность, индивидуализм, избалованность, высокие потребности представителей этого поколения, их самоуверенность, завышенную самооценку, потребность в комфорте...» (Эксперты комитета Кудрина бьют тревогу: России угрожает подрастающее поколение «амбициозных приживал», <http://www.newsru.com/russia/23jun2014/ygrek.html>);

«Российским школьникам сложно действовать не по шаблону... Самое трудное для наших школьников – нестандартные, нетипичные задачи. Если переформулировать привычное условие, они теряются, – говорит координатор PISA в России, руководитель Центра оценки качества образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования Галина Ковалёва. – Наша школа слишком типологизирована. Дети осваивают алгоритмы решения и стараются распознать их в задании. Это беда наша, так как в ситуации выполнения только типичных заданий блокируются познавательные способности, и дети затрудняются в свободном переносе знаний» (Елена Шмараева, «Российская школа хуже средней в мире: почему так и что делать», <http://wi-fi.ru/desktop/news/1/1516424> ; https://www.zoryacom.blogspot.com/2017/09/blog-post_1.html);

«Черты личности человека-ребенка (людишки, холопа, «амбициозного приживалы», – П.Д.): низкая ответственность, паразитизм, несамостоятельность; неумение контролировать свои чувства и желания; неконструктивное, а иногда и деструктивное поведение и реакции; обиды на критику, мстюльки, раздражение; шаблонное видение ситуации и шаблонное реагирование на происходящее; невротизм вместо душевного здоровья... Нередко черты человека-ребенка и причина, и последствие незрелости – недоразвития интеллектуального, душевного или духовного» (Николай Козлов, «Энциклопедия практической психологии // Черты личности человека-ребенка», http://www.psychologos.ru/articles/view/cherty_lichnosti_cheloveka-rebenka).

И, именно, обидчивость является наиболее характерной чертой русскоязычного человека-ребенка:

«Я считаю, что у меня очень много недостатков. В частности, излишняя обидчивость, которую я скрываю, но которая у меня просто потом, так сказать... болит. Это мой недостаток, нельзя быть таким...» (Алексей Арбатов, политолог, академик РАН, из интервью Владимиру Познеру «Возращение России к европейскому пути неизбежно», <http://pskov.yabloko.ru/news/aleksey-arbatov-vozvraschenie-rossii-k-evropeyskomu-puti-neizbezhno>; http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/33563#anchor_33563);

«Чувство обиды кажется нам настолько естественным и повседневным, что мы с удивлением обнаруживаем отсутствие точного эквивалента этому слову, например, в английском, французском или немецком языке. Действительно, такие слова, как англ. «to offend, offense», франц. «offenser, offense», нем. «beleidigen, Beleidigung» (укр. «образити», «образа», – П.Д.), иногда приводимые в словарях в качестве перевода слов «обидеть», «обида», на самом деле имеют значение, соответствующее русскому оскорбить, оскорбление, т. е. заключают в себе совсем иной концепт, в центре которого находится представление не о справедливости, а о чести» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html; http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Особенно если смотреть телевизор, кажется, будто нас по всему миру обижают (укр. «кривдять»), причем на государственном уровне. На самом же деле это просто мы взяли себе за правило обижаться на весь мир, причем на государственном уровне... Примечательно еще и то, что всерьез обижаться на западных наших соседей мы стали только в последнее время, когда выросли цены на нефть. Так, внезапно разбогатевший человек обижается, если его не принимают в высшее общество, несмотря на то, что он богаче «всех этих графьев и князьев». Внезапное богатство делает человека (и народ) заносчивым. А обидчивость – оборотная сторона заносчивости...» (Валерий Панюшкин, «Национальная обидчивость», <http://www.kommersant.ru/doc/699018/print>);

«...опыт Сталина по уничтожению украинцев, чеченцев и русских крестьян, опыт собственноручно казнившего стрельцов Петра и сжигавшей ведьм на кострах средневековой инквизиции, – здесь пригодилось всё, всё «творчески осмыслено» и пущено в дело, положено в фундамент «новой российской государственности». Неудивительно, что такая государственность заведомо, заранее обречена... Да, Россия обречена, и ничто не в силах ее спасти. На ней изначально лежит печать проклятия – еще со времен массовых казней Ивана Грозного. Она должна распасться на куски и исчезнуть, прекратить свое существование по объективным причинам. Как слабоумный человек, отставший в развитии до уровня ребенка, она неспособна прожить сама, и если дотянула до сегодняшнего дня, то лишь случайно, по инерции, благодаря конъюнктуре мировых цен на нефть и долготерпению собственного народа – мазохиста, такого же слабоумного, готового терпеть над собой тиранию вечно, и не просто «терпеть», а искренне наслаждаться ею, как в том анекдоте. Но всему приходит конец. Хотелось бы верить, что конец безумию России (вместе с самой Россией, – иначе никак) положит хотя бы готовящаяся война в Ираке – через падение нефтяных цен. А если нет – то что-нибудь другое непременно найдется. Россия больше всего нуждается сейчас в эфтаназии – и не только в легализации ее для своих граждан, но и в применении эфтаназии к ней самой. На вызов России, на наглые попытки шантажа и самоуправства в мире со стороны нашего самозванного «III Рима» человечество должно, наконец, дать достойный ответ» (публицист, главный редактор газеты «Радикальная политика» Борис Стомахин, «Безумие России», <http://imperium.lenin.ru/~verbit/LJ/tiphareth/2004/1/375400.html>);

<https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2004/03/31/19136/eta-strana-perezhila-sebya.shtml>);

«Идеология нацизма, фашизма – злокачественная мутация национализма, национализм, превратившийся в свое отрицание, несущий гибель нации. Этот путь вверх по лестнице, ведущей вниз, точно описал В. Соловьев: «Национальное самосознание – национальное самодовольство – национальное самообожание – национальное самоуничтожение». Чтобы устоять на первой ступени, абсолютно необходимой всякой нации, но не заскользить дальше, нужна интеллектуальная и моральная самодисциплина, которой и в помине нет у национал-патриотов. Национальный эгоизм почти так же свойствен человеку, как эгоизм личный. Озлобленный, агрессивный характер он приобретает, когда к нему добавляется жгучее чувство национальной обиды, несправедливости. У больших наций после развала империи это чувство практически неизбежно. Классический пример – та же Веймарская Германия. В России синдром «имперской обиды» тоже есть, правда, он смягчается несколькими обстоятельствами. Тут и традиционное ощущение огромности страны, почти не изменившееся после гибели СССР, и очень распространенное чувство глубокого отчуждения от государства (оборотная сторона насильственной государственной дисциплины). Проблема «жизненного пространства» никогда не жила в душе русского человека, а разговоры о том, что правящий режим – оккупационный, управляемый из США, никем, кроме пациентов психиатрических клиник, вполне всерьез не воспринимаются. Воинствующий национализм, комплекс обиды и национальной ущемленности, пожалуй, питаются другим. После гибели коммунистической идеологии (одновременно с этим, ввиду исчезновения объекта для борьбы, во многом утратил привлекательность и антикоммунизм) наступил глубочайший идеологический вакуум. Ценности чисто «потребительского общества» его заполнить не могут. К тому же эти ценности в жизни огромной массы людей воспринимаются как издевательство, как реклама недоступных товаров. Вот здесь в дело вступает национализм. Личная обида «замещается», «облагораживается» обидой национальной, превращается уже в идеологию, в ориентир и опору в жизни. В этом «национализме обиды и нищеты» имплицитно содержатся не только (не столько) собственно национальные, но и переплавленные в национальную форму социальные мотивы. Бедность, эксплуатация, несправедливые привилегии, неоправданное расслоение общества – все это вдруг приобретает национальную окраску, видится в коричневом свете. Так возникает интерференция социальной и национальной злобы, известная как «национал-социализм»...» (Егор Гайдар, «Бюрократия и фашизм», <http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/40/21g.html>);

«(Обрусевшему, – П.Д.) Еврею заразиться свиным гриппом не столько страшно, сколько **обидно**» («О наболевшем, предрассудках и гриппе», https://pikabu.ru/story/o_nabolevshem_predrassudkakh_i_grippe_3974161);

«Вчера ко мне солидность постучалась.

Она по седине меня нашла,

Но я читал Рабле и выпил малость,

И вновь она **обиженно** ушла»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_02.htm).

В украинской же ЯКМ, в отличие от русской, можно лишь обидеть (укр. «скривдити», «образити») кого-нибудь, но не обидеться на кого-либо. Укр. «образитися» означает оскорбиться, а не обидеться. Да, и от украинского слова «прикро», переводимого часто на русский язык не только как «досадно», но и как «обидно», принципиально не возможно образование слов, подобных русским словам «обидеться» и «обиженно».

К тому же и от украинского слова «прихвостень», являющегося наиболее близким по смыслу к русским словам «лизоблюд» и «холуй», тоже ведь не возможно образование лексем, соответствующих таким русским понятиям как «лизоблюдство» и «холуйство». Очевидно, для украинского общества это российское явление (лизоблюдство, холуйство), просто не является настолько характерным, чтобы его следовало бы увековечить соответствующим ему понятием:

«Понятие "интеллигент" допускает широкое толкование, наше было не лучше и не хуже всех других, а вот "холуй" в нашем семейном понимании не совпадал с общеупотребительным, производящим от него глагол "холуйничать" – пресмыкаться, заискивать перед властью имущими, для нас "холуй" – это простолюдин, черная кость или, более старое, хам (обрусевшее быдло, – П.Д.)» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», <https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/NAGIBIN/tonnel.dhtml>);

«Что может быть более ничтожного, чем восхваление, холуйство и пресмыкательство перед теми, кто недостойн даже похвалы, ибо ничем не отличился на благо служения народу и стране, кто не способен на гражданский поступок, не говоря уже о патриотическом жертвовании собой во имя Родины. Но особое презрение вызывает холопствование подчиненных перед начальством. К трагедии России наш народ тяжело болен этой заразной болезнью, которая поражает такие индивидуальные качества человека, из которых формируется такое понятие как личность. Болезнь холуйства поражает мораль, достоинство, справедливость, честность, совесть и стыд, без которых человек превращается в заурядное двуногое животное... Понятно, раньше славили царей. И это было в порядке вещей, ибо монархия была в России одним из главных институтов государственной власти, и любая монархия всегда стремилась укрепить государство. Но настали новые времена, а зуд необоснованного чиновничества, переходящий в откровенное холуйство, как неизлечимая проказа поразила Россию. Деградирующая с Петровских времен элита России, и в первую очередь, так называемая интеллигенция, которая еще в XIX веке генетически дегенерировала, заразили этой страшной болезнью и весь народ России...» (Юрий Козенков, «Голгофа России», Ч. 2 «ПРЕДАТЕЛИ РОССИИ // Холуйство как высшая доблесть в России», <https://infopedia.su/1x81c2.html> , <https://studopedia.org/3-150369.html>).

И, конечно же, в украинском языке очень много подобных лакун, связанных с неприемлемостью для украинцев как желания власти над собой (любоначалия), так и ведения холопского образа жизни (холопствования). Так, например, в нем отсутствует точный эквивалент и русскому слову «беспомощность», хотя и не тождественному слову

«немошность», но всё же близкому к нему по большинству последствий. В украинской ЯКМ, если человек не является немощным (укр. «немічна людина»), то в худшем случае он может эпизодически нуждаться лишь в определенных советах (укр. «поради»), а не в постоянной физической или же материальной помощи (укр. «допомога»), как это присуще многим привыкшим к паразитированию в обществе русскоязычным челядишкам. То есть укр. «безпорадна людина» – это, всё же, не беспомощный человек, а всего лишь не самостоятельный человек, не способный обойтись без советов (укр. «без порад») других людей (челядишков), включая и своих начальников, или же без весьма подробных инструкций, строго регламентирующих его деятельность. Славянизм же «безпомічний» является малоупотребительным в украинском языке и, как правило, относится к животным или же к людям, утратившим свое человеческое достоинство:

«Что я теперь? Перед волной царь, а теперь голый, беспомощный червяк, которого каждый может растоптать» (Иван Франко, СС т. IV, 1950, 142).

И означает то он всего лишь «лишенный защиты или же поддержки», а вовсе не «нуждающийся в помощи», как это переосмыслено в русском языке.

Для большинства же русскоязычных людей, являющихся несамостоятельными челядишками, вообще, характерными являются так называемая «выученная беспомощность» и личностная беспомощность:

«Феномен выученной беспомощности связан с пассивным, неадаптивным поведением человека. Выученная беспомощность (learned helplessness) – это нарушение мотивации в результате пережитой субъектом неподконтрольности ситуации, т.е. независимости результата от прилагаемых усилий («сколько ни старайся, все равно без толку»). Синдром выученной беспомощности был впервые описан американскими психологами Мартином Селигманом и Стивеном Майером (Seligman, Maier, 1967) на основании экспериментов на собаках при их раздражении электрическим током... Затем многочисленные исследования выявили существование этого феномена и у людей (как правило, психически инфантильных, – П.Д.). Выученная (обученная) беспомощность привлекла большое внимание исследователей за рубежом (Hanusa, Shulz, 1977; Hiroto, 1974; Human helplessness..., 1980) и др... Личностная беспомощность – это устойчивая мотивационная характеристика человека, формирующаяся в процессе развития под влиянием взаимоотношений с окружающими (Циринг Д.А., 2005). Личностная беспомощность проявляется в замкнутости, эмоциональной неустойчивости, возбудимости, робости, пессимистичности мировосприятия, склонности к чувству вины, более низкой самооценке и низком уровне притязаний, равнодушии, пассивности, отсутствии креативности» (Е.П. Ильин, «Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень», М.: Питер, 2011, <http://psyfactor.org/lib/helplessness.htm>);

«И послесловие, я адепт этой теории и теории того, что Россия уникальна не своими размерами или нищетой, а истинно Россия уникальна лишь тем, что она единственная на планете не отменила, а эволюционировала рабство. Но вы возразите, ведь отменили крепостное право аж стописят лет назад в 1861 году, аккурат когда в Лондоне метро построили. И я тут же дам вам виртуальный подзатыльник, дату вы помните, да, но само явление вы совершенно не знаете. Отменить отменили, но ни никаких прав крестьянам не

дали. Подавляющее большинство уже имело отличную выученную беспомощность и пол сотни лет после отмены крепостного права бывшее крепостное крестьянство по инерции сидело на той же самой земле, где родились десять поколений их предков, оно так никуда и не пошло... А вот те, кто все-же пошли по свободе, те кого мутации толкнули на хоть какой-то протест полегли как в 1905 году, так и в революции, в раскулачивании (кулаки – это как раз освободившиеся крепостные, что жирок нагулять успели за время свободы), в войне, потом в ГУЛАГах и еще раз в войне. Фактически ничего не изменилось, активные да инициативные снова разбились об обстоятельства, как и тысячу лет до этого. Зато после этого театра с конями выжили кто-о-о-о?.. Правильно! Те, кого, без преувеличений, спасла выученная беспомощность те, у кого она была крепче всех, кто не верил в перемены, жался теснее к бывшему барину и не высовывался! Те, кто за пол-сотни лет так и не поверил в отмену крепостного права и когда барин утек в Париж со своими роялями – они понуро пошли в колхоз к новому барину и сейчас мы их внуков презрительно обзываем ватой. Фуу вата, а вата эта, между прочим, все катаклизмы Руси переживает своих пездюков рождает и она еще на ваших костях станцует. Они как тараканы – мерзкие, жрут помой, срут под себя, дохнут пачками, но обладают огромной нечеловеческой и необъяснимой выживаемостью. А теперь покопайтесь в вашем генеалогическом древе хотя бы до пятой ветки и вы найдете там того самого крепостного, у меня он из Липецкой губернии, а с другой стороны евреи, которые даже на луне выживут и лавку откроют. А если не найдете крепостного – плохо искали, вы бы не выжили в России, если бы у ваших предков не было тараканьих инстинктов, ищите лучше. Потомков декабристов, царя или эмигрантов у вас там не будет. Дворяне и кулаки будут только если репрессированные, расстрелянные или в войне сгноенные, такая уж Россия страна» (Андрей Шипилов, «Язык рабов, язык господ», <https://pora-valit.livejournal.com/4897495.html?page=2>; <https://pontorez.com/node/823>; <http://top-50.ru/posts/2088149-cda2ed9cec732788ab452fde826c9d04>).

Конечно же весьма существенную роль в формировании личностной беспомощности играют и тлетворные бессознательные лингвопсихические установки архаичной (пережиточной) русской ЯКМ и, в том числе, и установки, соответствующие прежнему негативному смыслу слова «личность»:

«А ведь еще не так давно у слова «личность» были другие значения: оскорбительный выпад против определенного лица, эгоистический корыстный мотив, интриги против кого-либо и т. п. Вот всего несколько примеров: «Тот, который ни одной строчкой своей не красил порока, который сердцем служил всегда добродетели, подозреваем, благодаря личностям, бог весть в чем» [А.А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)]. Здесь, вероятно, «личности» – это, как мы бы сказали сейчас, интриги, подсиживание. «Сперанский будет оценен в надлежащей мере только по смерти, когда начнется для него потомство и угаснут зависть и личности» [М. Корф. Из дневника (1838–1839)]; «Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат» [А.С. Хомяков. О старом и новом (1839)]... Тут вот о чем стоит задуматься. Разговор происходит в год, когда написаны романы «Дворянское

гнездо» Тургенева и «Обломов» Гончарова. И вот есть человек, пусть и старый чудак, который не признает новомодного значения слова личность, а считает, что «личность» – это только оскорбительное высказывание...» (Ирина Левонтина, «Обидная личность», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=9146>).

Из-за привития россиянам архаичной и быдлотворной русской ЯКМ как беспрекословного послушания и неспособности к предприимчивости, так и склонности к паразитированию и к длительным запоям большинство холопского населения России стало настолько недееспособным, что его уже нельзя рассматривать даже в качестве возможных трудовых ресурсов. К тому же неквалифицированный труд холопов государству стал просто не нужен. Ситуация в российском примитивном обществе стала просто катастрофической:

«В большинстве случаев, за исключением отдельных счастливых и сознательных личностей, человек (в России, – П.Д.) работает, чтобы иметь доступ к кормушке потребления. Зачастую его труд как таковой никому не нужен – можно было бы просто платить ему пособие. А труд представляет собой просто форму контроля над человеком. Главное, чтобы он был при деле. Это принцип, известный в армии: если полезной работы нет, значит, боец занимается бесполезной работой. Первый взвод копает ямы – второй закапывает» (Сергей Строев, «От забора и до обеда – стоит ли быть «собакой Павлова»?», <http://russoc.kprf.org/News/0000739.htm>; <http://newsland.com/user/1390835105/content/ot-zabora-i-do-obeda/750280>);

«А теперь я хочу рассказать не о постановочных, а о реальных уроках нацизма, позволяющих понять принципы обращения народа в биомассу. Эти уроки – заметки на полях книги психоаналитика Бруно Беттельгейма «Просвещенное сердце». В ней описан личный опыт узника концлагерей Дахау и Бухенвальда, столкнувшегося с системой уничтожения человеческой личности и достоинства. Прочтя эту книгу, Илья Липатов суммировал принципы, к которым прибегали нацисты для того, чтобы превратить лучших людей Германии в плесень. Вот какими были ключевые стратегии этих нелюдей: Правило 1. «Твое дело выполнять, а не думать» – то есть заставить человека заниматься бессмысленной и тупой работой, скажем, рыть ямы голыми руками, когда лопаты лежали рядом. Зачем? «Потому что я так сказал, жидовская морда (салага, – П.Д.)!»...» (Игорь Гарин, «Русская жизнь», т. 3, «Как народ превращают в биомассу», http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=562022);

«Обидно, что ценнейшие ресурсы идут псу под хвост, – говорит генерал, слегка остыв, после того как заел третью рюмку фаршированной индейкой. – Я не жестокий человек, но вот смотришь на этот митинг, и ей-богу, возникает желание намотать всех этих нахлебников на гусеницы танка. Оборзели! Подумайте, нам вся эта социалка обходится в десятки миллиардов в год. А чего ради? Вот тут у нас все свои, и я вам честно скажу – только чтобы бунта не было! Тут вон болтают – революция, революция... Да не будет у нас никогда никакой революции! Этой пьяни-рвани не демократия нужна, а кормушка, чтоб рылом уткнуться и хрюкать... извините за сильное выражение. Они же свиньи, даже хуже. От

свиной хоть польза какая-то, а от них – никакой. Вот все говорят, что мол, у русских рождаемость плохая... Да благодарить надо такую рождаемость! Чтоб обслуживать Трубу, нужно 15 миллионов человек, а кормятся с нее 140 миллионов. А ведь ликвидировать их нам никто не даст – видели, что Европа с Пиночетом сделала? Ох, черт, если б не этот проклятый Нюрнберг со статьей про геноцид... Юра, вот вы специалист по высоким технологиям – скажите, реально разработать какой-нибудь биотехнологический вирус, чтоб он уничтожал только определенных людей? В закрытом режиме, разумеется. Я понимаю, что нереально, но честно вам скажу, мы бы через свою структуру сто миллионов бы вложили не глядя, если б кто-нибудь взялся – дело государственной важности...» (Юрий Аммосов, Дваждырожденные: «Вся надежда на быдло», http://becmology.blogspot.com/2012/04/blog-post_3988.html);

«Нынешняя власть научилась с помощью современных политтехнологий манипулировать сознанием еще более искусно, чем советская. Кроме того, она в состоянии регулировать финансовые потоки таким образом, чтобы население России усилиями этой власти оказалось как бы в заповеднике. Население, в сущности, этой власти не нужно. Потому что при наличии трубы и сырья она без населения может обойтись. Поэтому вся политика Путина сводится к упаковыванию населения в заказник: ни в какой политике не участвовать, ни в какой экономике активно себя не проявлять. Вот вам место – этот заказник, а мы вас (это словечко Солженицына) будем сберегать...» (Юрий Афанасьев, «Мы обманули самих себя», http://www.ng.ru/ng_politics/2010-04-06/9_lie.html).

Поэтому не исключено и то, что в ближайшем будущем Россия будет вынуждена воспользоваться былым китайским опытом, и с целью контроля над своим холопским населением начнет строительство «Великой Российской Стены», отделяющей ее не только от Китая, но и от цивилизованного Запада:

«Россия это страна, где всё сбывается, где причина и следствие поменялись местами. Вы открыли зонтик, и поэтому хлынул ливень. Из-за этого Запад виноват перед нами. Там шутили, а у нас пронёсся самум. Вопрос об ответственности мыслителя наиболее драматичен в самой безответственной стране – в России. Если бы такой мнимой, выдуманной страны не было, может быть, Запад был бы свободен. А так он находится в положении бальзаковского студента, от слова которого зависит жизнь китайского мандарина (притча, очень нравившаяся Достоевскому). В России так и есть. На Западе кто-то подумал, а у нас стали резать. Россия это осуществление Запада. Кто-то сказал: Америка – материальный полигон Запада, а Россия – духовный...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

И в этом России весьма поспособствуют бессознательные лингвопсихические установки русской ЯКМ. Ведь в русском языке слова «западня» (укр. «пастка») и «Запад» (укр. «Захід») являются однокоренными:

«Когда Зиновьев принялся разоблачать стратегию Запада, он даже ввел в словарь смешное слово «западнизм» вместо слова «западничество», указал, что слово «Запад» –

однокоренное со словом «западня». Неужели, смеялись демократы, Запад готовит нам ловушку? Именно, настаивал автор, именно в ловушку «западнизма» мы и угодили! Книги о Западе получились у Зиновьева смелыми и немного наивными... Запад есть одна из метафор русского бытия, сказочная страна с молочными реками и кисельными берегами... С русским народом (вне зависимости от победы той или иной идеологической модели) начальство обходится одинаково – то есть плохо; а народ старается выжить. Судьбе народа можно сострадать, народу можно помогать, судьбу народа можно разделить, и, главное, (холопскую, – П.Д.) судьбу народа можно весьма удобно использовать – этим обычно и занимаются. Но изменить свою судьбу народ может только сам – и когда он попытался это сделать однажды, это никому не понравилось. Начальство и интеллигенция полагают, что доверить такую важную вещь, как собственная судьба, непосредственно народу – дело крайне опасное. Как выразился один из демократических лидеров: неужели (психически инфантильному, – П.Д.) народу можно доверить демократические выборы? Он ведь проголосует черт знает за что! Народ последовательно обращают в христианство, коммунизм, капитализм, демократию, внедряют одну идеологию за другой, и каждая новая кажется на диво прогрессивной...» (Максим Кантор, «Медленные челюсти демократии // Эстетика сопротивления», <http://book-online.com.ua/read.php?book=8404&page=120>).

Весь строй, «склад или слог» русского литературного языка «варварски искажён»

И почему же всё это нам ни сколько не кажется странным? Неужели лишь только потому, что пусть это и – моральное убожество, но всё же свое – русское, а не иностранное? К тому же таких семантических галлицизмов, являющихся усвоением русскими словами новых значений, свойственных аналогичным словам французского языка, русский язык впитал в себя весьма превеликое множество:

«Наиболее яркий пример этого рода мы находим в истории глагола «трогать» (укр. «зворушувати», – П.Д.), приобретшего около середины XVIII в. новое значение приводить в жалость (со всеми производными: трогательный, трогательно и т. п.). Источником этого значения считают французский глагол «toucher». ... Другие подобные же примеры: плоский (франц. «plat») в значении банальный (плоская шутка); блистать, блистательный (франц. «briller») – великолепный; картина – прекрасное, красивое зрелище, – отсюда прилагательное картинный и наречие картинно; живой – в значении оживленный, отвечающий насущным потребностям жизни (живой ум, живой интерес; живые глаза и т. п.)» (Библиотека Фронтистеса, «Пути развития русского литературного языка последней трети XVIII в.», <http://ksana-k.narod.ru/Book/meshj/01/gl12.htm>);

«Дежурный – собств. – русск. (укр. «черговий», – П.Д.). Образовано при помощи суффикса «н» на базе франц. «Де Жур», буквально – «относящийся к сегодняшнему дню» (Татьяна Литвинова, «Элементы этимологического анализа на уроках русского языка в начальной школе. Этимологический словарик», <http://festival.1september.ru/articles/100250/>).

Как высказался Владимир Даль:

«Все это не по-русски, так точно, как и «имеет репутацию», вместо: слывет, славится; но горе наше, что и «расстояние существующее», и «репутация», и не «делайте шума», и все это подходит к переводу от слова до слова с того языка (французского, – П.Д.), на котором нам по обработанности его иногда легче думать, чем на русском. Вследствие грамматического, лексического, фразеологического и семантического приноровления русской книжной речи к европейским языкам весь строй, «склад или слог» русского литературного языка «варварски искажен». Тут преобладает нерусское, пошлое, вялое, «длинное, околичное и темное» (Владимир Даль, цит. по: Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm).

Однако же «всё это» – не только по-французски, но и по-немецки:

«Добрая госпожа, есть дикая страна, вы не знаете ее, это – Московия, холодная и страшная страна. В ней нет просвещения, и населена она варварами, говорящими на странном для вашего уха языке. Так вот, даже в эту страну вскоре проникнут слова того, кого вы сейчас принимаете. Некий поляк, шут царя Петра Первого, уже не с вашего (французского, – П.Д.), а с немецкого языка переведет их на варварский язык...» (Михаил Булгаков, «Жизнь господина де Мольера», <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2731>);

«Рассматривая занятие иностранных слов, надобно заметить и занятие иностранных форм словообразования. Вспомним наше русское «ировать»: вояжировать, меблировать, гармонировать. Это «ир» есть немецкое «ig». Это «ig» занято было у немцев и французами...» (Измаил Срезневский, «Мысли об истории русского языка», <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>);

«Не следует смешивать частоту употребительности тех или иных грамматических форм с грамматической продуктивностью и непродуктивностью. Так, в русском языке такие глаголы, как «быть, дать, давать, лить, пить, брать, жечь, печь, течь, беречь, стеречь, вести, красть, цвести, плести, молоть, колоть, полоть, пороть, (по)-бороть» (всего 5 глаголов на «–оть!»), «тереть, (за)переть, (у)мереть» и некоторые другие, обладают большой частотностью употребления, однако все они относятся к непродуктивным моделям, а терминологические глаголы на «–ировать» («ангажировать, аранжировать, ассенизировать, манкировать, пунктировать, пуантилировать» и т. д.) все относятся к продуктивной модели, но по частотности употребления стоят очень низко. Решение второго вопроса – о способности грамматики материализовать человеческие мысли – связано с положением грамматики в структуре языка. Фонетика и лексика занимают в структуре языка периферийное положение: лексика относится к смысловой периферии, фонетика – к материальной. Грамматика в этом смысле занимает центральное положение. Если лексика непосредственно называет действительность, а фонетика непосредственно воспринимается органом чувств (ухом), то грамматика всегда является опосредствованной. Связь грамматики с действительностью осуществляется только через лексику, так как грамматика, как таковая, лишена всякой конкретности...» (А.А. Реформатский, «Введение в языкознание»),

Но, все же, наибольшее количество иностранной лексики русский новояз позаимствовал не напрямую из латинского и немецкого языков, а из польского языка:

«Заимствования, сделанные русским языком из языков Европы, характеризуются в XVII в. преимущественно польским посредничеством. Так, например, было получено русским языком немецкое слово «kuche» в польской передаче кухня. О польском посредничестве свидетельствуют многие иноязычные по происхождению глаголы с суффиксами «-овать», «-ировать», чему в польском соответствует распространенный глагольный суффикс «-owac». С такими суффиксами в русский язык вошли глаголы из латинского, французского, немецкого языков: демонстрировать, иллюминировать, аттестовать и мн. др. Хорошо отражает исторический путь заимствования морфологический состав глагола маршировать, в котором корень французского происхождения, суффикс «-ир» восходит к немецкому «-ieren», компонент «-овать» может быть возведен к польскому языку. В свое время акад. Я.К. Грот составил достаточно пространственный реестр слов, пришедших в русский язык из польского. В этом списке фигурируют слова бытовой лексики, названия, связанные с выездами и упряжкой, с охотой и другими сферами жизни. Я.К. Грот признавал заимствованными из польского языка слова «бекеша, бричка, коляска, козлы, козырь, оглобля, дышло, сбруя, темляк, шлея, шлях, шомпол, шоры, штык» и мн. др. Из польского заимствуются и такие интернациональные слова греческого происхождения, как «аптека, хирург» («цирульник» – от польского «chirurg»); через польский пришло слово «рынок» (от нем. «ring» – кольцо). Однако польское происхождение отдельных слов, отмечаемых некоторыми исследователями как польские заимствования, может быть взято под сомнение. Так, польским по происхождению считается существительное «пекарь». Однако, по нашим наблюдениям, это слово встречается в произведениях древнерусской литературы XII–XIII вв. по спискам не моложе XV в. Слово «пекарь» есть в переводе книги «Иосиппон» по списку «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции (да и многие же другие заимствованные «польские» слова на самом-то деле являются исконно украинскими словами, вошедшими как в польский, так через него и в русский литературный языки, – П.Д.)... Преимущественно польское влияние на русский литературный язык в XVII в. может быть объяснено как тем обстоятельством, что это язык родственный, славянский, но вместе с тем воспринявший в себя многие элементы языков западноевропейских (латинского и немецкого), так и тем, что в течение XVIIв. Москва пережила польско-литовскую интервенцию и две тяжелые войны с Речью Посполитой, а в 1689г. был заключен между обоими славянскими государствами «вечный мир». Польско-литовское государство служило естественным посредником между Западной Европой и Московией» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 9 «Русский литературный язык второй половины XVIIв. (начальный этап формирования русской нации)», <https://ksanaka.ru/Book/meshj/01/gl9.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/09.php);

«Обратное влияние западнославянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции на русскую было гораздо сильнее. Мы уже упоминали о том, какое решающее

влияние на русский литературный язык оказал переполненный полонизмами (на самом-то деле – преимущественно древней карпатоукраинской лексикой, лишь ошибочно принимаемой за полонизмы вследствие того, что она позже вошла и в польский литературный язык, – П.Д.) западнорусский литературный язык XVII века. Но помимо окольного пути польский литературный язык повлиял на русский и непосредственно. Наконец, известное количество польских слов через Беларусь и Украину проникло в разговорный язык русских горожан, а оттуда – в литературный язык. Таким образом, в русском литературном языке имеется довольно много польских слов. Тут и чисто польские слова, вроде «вензель», «кий», «огулом», и характерные польские переделки немецких слов, вроде «рынок» (Ring), «крахмал» (Kraftmehl), «фартук» (Vartuck), или польские образования от немецких корней, вроде слов «кухня, кухарка, ратовать, рисовать, рисунок, будка», и слова общеевропейские в польском фонетическом облики, вроде «банк», «аптека», «почта», «пачпорт», музыка» (еще у Пушкина с ударением на «ы»), «папа». Иногда польское происхождение трудно угадать, но оно выдает себя ударением; например, в слове «представитель» (по-русски было бы «предста́витель»). Особенно интересны такие, тоже несомненно польские по происхождению слова, как «замок», «право» (в значении «jus»), «духовенство» (ср. место ударения в «духовный»), «обыватель», «мещане», «правомочный», и т.д.; слова эти взяты из польского, но в самом польском они представляют собой лишь ополеченную форму соответствующих чешских слов, которые, в свою очередь, являются искусственными кальками немецких слов «Schloss», «Recht», «Geistlichkeit», «Bewohner», «Burger», «rechtskräftig» и т.д. В таких случаях – число которых, конечно, может быть преумножено, – мы, следовательно, имеем дело с проникновением в русский язык через польское посредство известных элементов старочешской литературно-языковой традиции, характеризуемой, как указано было выше, зависимостью от традиции немецкой и латинской. Таким образом, влияние западнславянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции на русский язык не подлежит сомнению» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>).

Большинство из этих слов, конечно же, испокон веков присутствовало и в карпатоукраинских говорах, так как и украинские, и польские галичане вместе с волынянами в древности входили в единый союз славянских племен, известный по восточным источникам как Валинана. Многие же из них попали в польский литературный язык непосредственно из древнеукраинских говоров. Некоторые же латинизмы были привнесены в украинский и в польский языки, а из них и в русский новояз этническими украинцами, учившимися и преподававшими в западноевропейских университетах:

«В Украину тоже все больше проникали идеи гуманизма и реформации. Многие молодые представители богатых шляхетских домов отправлялись учиться на Запад – в университеты Сорбонны, Базеля, Падуи, Болоньи, Галле и др. Домой они возвращались с прекрасным образованием и полные новых идей. Повышался интерес не только к предметам, связанным с религиозной полемикой, но и к философии. Широкое распространение получили работы античных авторов. Для преподавания церковнославянского языка было издано три учебника. Первый учебник был издан в Острожской академии, автором другого

был Лаврентий Зизаний, третьего – Мелентий Смотрицкий. Под руководством управляющего Львовской братской школой, Арсения, был составлен учебник греческого языка. Именно в братских школах впервые в Украине появляются театры. Театральное действие развивалось с помощью декламаций и диалогов и привлекало широкие слои населения к духовным проблемам человечества» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=31>);

«Юрий Дрогобыч (Котермак) родился в Дрогобыче в небогатой семье. В конце 1468 года или в начале 1469 вступил в Ягеллонский университет в Кракове, где получил степень бакалавра, затем – магистра. Юрий Дрогобыч изучал медицину и свободные искусства (грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия) в Болонском университете, где стал доктором философии в 1478 году и медицины в 1482 году. В Болонском университете Юрий читал лекции по астрономии в 1478–1482 годах, а в 1481–1482 годах был ректором этого университета. В начале 1483 издал книгу «Прогностическая оценка текущего 1483 года», которая стала первой известной книгой украинского автора. Кроме астрологических прогнозов, книга содержит сведения по географии, астрономии, метеорологии. Также Дрогобыч сделал попытку определить, в пределах каких географических широт расположены Вильнюс, Дрогобыч, Львов и другие города. Эта и другие работы Юрия Дрогобыча написаны на латыни. В 1487 Юрий Дрогобыч стал профессором Ягеллонского университета, где изучал астрономию и медицину. Его учениками были польский астроном Н. Коперник и известный немецкий гуманист К. Цельтис» («Дрогобыч Юрий (1450 – 1494)» <http://uateka.com/ru/article/personality/science/754>).

Многие из заимствованных москвитами латинизмов, конечно же, постепенно были переосмыслены:

«Комиссия: 1. «поручение», со времен Петра I; см. Смирнов; 2. «группа сведущих лиц», начиная с 1698 г.; см. Христиани. Вероятно, через польск. «komisja» из лат. «commissiō» (Фасмер);

«Вот сочинил Грибоедов «Горе от ума» – половина текста вошла в пословицы – и мы двести лет повторяем: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом» (хотя комиссия сейчас – следственная группа или наценка, а было – сложное дело)» (Александр Минкин, «Человек цитирующий», <http://www.mk.ru/social/2012/04/05/689826-chelovek-tsitiruyuschiy.html>).

По мнению Александра Шишкова в новом слоге русского языка фразеологическое употребление слова «вкус» всецело подчинено нормам французского языка:

«Предки наши вместо «иметь вкус» говаривали: «толк ведать, силу знать». Потом с немецкого «geschmack» вошло к нам слово «смак», а, наконец, читая французские книги, начали мы употреблять «вкус» соответственно употреблению французского слова «goût»... «Есть ли бы мы, распространив знаменование слова «вкус», употребляли оно там токмо, где составляемая из оногo речь непротивна свойству языка нашего, как, например, следующая:

«у всякого свой вкус», или «это платье не по моему вкусу», то, конечно, было бы сие обогащением языка... «Мы говорим: «он имеет вкус в музыке». Хотя привычка и делает, что речь сия не кажется нам дикою, однако ж, в самом деле, она состоит из пустых слов, не заключающих в себе никакой мысли; ибо каким образом можно себе представить, чтоб вкус, то есть чувство языка или рта нашего, пребывало в музыке, или в платье, или в иной какой вещи?» (Александр Шишков, «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», 1813, с. 194 – 196, urayoga.ru/file/biblioteka/shishkov_1803.doc).

И ведь же, многие такие искажения и переосмысления слов, разрушающие истинные и наводящие ложные ассоциативные связи их с другими словами, фактически дезорганизуют работу подсознания и не позволяют ему формировать адекватные эмоциональные реакции на «внутреннюю речь», сопровождающую мышление человека.

Русские слова «разинул» (укр. «роззявив», лит. «žióju, žióti» – «разевать [рот]» от «зев», «зиять», – Фасмер) и «шел» (укр. «йшов» от «йти» – идти) вообще являются лишними корня. В соответствии со смыслом слова «лишенный» он оказался для них излишним. Да и основанная на слове «шел» фраза «космические пришельцы» (укр. «прибульці») есть ни что иное, как проявление наивного мировосприятия русскоязычным людишкой. Мало того, что русский новояз заставил время ходить от прошлого (укр. «минулого») к будущему (укр. «майбутньому»), а пароходы (укр. «пароплави») ходить по морю, как по суши, он прививает подсознанию русскоязычного человека эти наивные представления и по отношению к перемещению в космическом пространстве.

Казалось бы, утрата всего лишь одной корневой буквы в слове «капля» (укр. «крапля») является лишь несущественным недостатком, но для выявления связи с ним слова «накрапывать» во фразе: «Дождик начал накрапывать» (Иван Тургенев, «Вешние воды») уже требуется осознание смыслов обоих этих слов.

От укр. «погласкати» – погладить (польск. «łaska» – милость, «łaskać» – «гладить, льстить», – Фасмер) произошли русские слова «поласкать» и «ласка», уже не ассоциирующиеся в подсознании со своей первоосновой.

Вовсе не от слов «пята» и «опять», а от слова «пень» произошло слово «опята» (укр. «опеньки»):

«Опять. Вам пришло в голову, что слово это тесно связано с «пятка», «пята»? В таком случае, вы уже отлично наострились в этимологии: так оно и есть. Первое значение этого наречия – «по собственным пятам», «повторяя свой путь», – «о-пять». Может быть, именно поэтому в просторечье часто слово «опять» заменяют словом «обратно». «Обратно дерево упало». Говорить так нельзя: «обратно» соответствует не наречию «опять», а наречию «вспять» – «назад»: «отсюда и путаница» (Лев Успенский, «Этимологический словарь школьника», <https://lexicography.online/etymology/uspensky/o/опять>).

Слово же «перепонка», произошедшее от укр. слова «перепона» – «преграда, препятствие, препона» связывается в русской ЯКМ лишь с живыми организмами:

«Тонкая упругая пленка, разделяющая, соединяющая или обволакивающая что-л. в живом организме» (Татьяна Ефремова, «Новый словарь русского языка. Толково-

словообразовательный»,

<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-69640.htm>).

Слово «опрятный», образованное от укр. слова «прати» – «стирать, бить», стало ассоциироваться в подсознании лишь со словом «прятать».

И вовсе не от «сырой воды», а от укр. слова «сир» – творог (от церковнослав. «творъ» – форма, родственного словам «творить», «тварь», «твёрдый») произошло слово «сыворотка» (укр. «сироватка», блр. «сы́роводка»).

Укр. слово «простирадло» – простыня, как и слова «простор», «сторона» имеет общую внутреннюю форму со словами «простираться», «стелиться». Русское же слово «простыня» для подсознания стало связанным со словами «стынуть, остынуть, простынуть».

На опасность, таящуюся в таком искажении и переосмыслении слов, Александр Афанасьев обратил внимание еще в начале формирования русского новояза:

«Забвение корня (игнорирование внутренней его формы) в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной» (Александр Афанасьев, «Происхождение мифа. Метод и средства его изучения», http://polbu.ru/afanasiev_poeticnature/ch01_all.html);

«– Ваша профессия? – Солистка.... – Где поете? ...Нигде ...Солю помидоры, капусту, огурцы...» («Анекдоты на музыкальные темы», <http://veselchak.net/anecdote/music1.html>).

На преобладающую же роль в формировании бессознательных реакций человека, именно, внутренней формы слова указал Александр Потебня:

«Сузив понятие внутренней формы до его применения относительно слова, Потебня стремился показать значение каждого отдельного слова для мышления человека. Скрупулезный анализ обширного лингвистического материала, его философское осмысление позволили сделать вывод, что внутренняя форма каждого из слов по-своему направляет мысль. В разных сферах человеческой деятельности влияние внутренней формы проявляется специфически: в искусстве слово производит известное субъективное настроение, в науке – создает новое суждение в целях более глубокого осмысления необходимости, закона. С одной стороны, внутренняя форма как форма познания отображает наиболее существенный объективный признак обозначаемого предмета, что позволяет за массой случайного и второстепенного выделить существенное. «Внутренняя форма, – отмечает ученый, – есть... один из признаков, преобладающий над всеми остальными». Она та объективная сторона слова, которая составляет его главное содержание, указывает на него. Но содержание мысли имеет значение не само по себе, а как форма, посредством которой оно становится достоянием сознания человека. В этом смысле значение внутренней формы слова определяется тем, что она выступает как знак готовой мысли... Конечно, обычно люди не обращают внимания ни на языковое оформление мыслей, ни на внутреннюю форму слова. Но если не всегда, то довольно часто сознательно или бессознательно определенные

языковые выражения вызывают у них те или иные ассоциации, вполне заданное направление течения мысли. Это обусловлено тем, что благодаря внутренней форме, те или иные слова приобретают знаковый характер и, соответственно, способствуют возникновению идентичной реакции людей на явления, обозначаемые данными словами или суждениями» (Н.И. Безлепкин, «Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии» // «Язык как психологический феномен: философско-лингвистическая теория А.А. Потебни», http://sbiblio.com/biblio/archive/beslepkin_fil/04.aspx).

Изменения же порядка букв или даже утеря некоторых из них, коверкающие корни слов, лишь подтверждают чуждость славянской лексики для потомков финно-угров и половцев:

укр. «долоня» (от «дол»; ст.-слав. «длань») – ладонь (под влиянием «ладный»);

укр. «намисто» (от др.-греч. «νόμισμα», лат. «nummus», «nomisma» – монета) – монисто;

укр. «суворий» (праслав. *сувэрь, «seǔvegъ» – верх, север; фамилия «Суворов») – суровый (в русском сближают с «сырой»);

укр. «пелюстка» (от *палисток, беларус. «пялётак», польск. «platek» под влиянием укр. «пальошка», «пелюшка» – пелёнка) – лепесток (родств. лит. «lapas», эст. «leht» – лист; эст. «lehestik» – листья, листва);

укр. «крапля» – капля;

укр. «плутати» (от плести) – путать. [см.: [П.4.](#)].

Начав говорить «словами без корня», русскоязычный человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться

Истинно народный язык неотрывно связан с бытом народа. Искусственный же отрыв его от жизненных истоков, как это произошло с языком у россиян, неизбежно уродует и калечит народное самосознание. В искусственном русском языке (российском «эсперанто») даже народные названия месяцев года были целенаправленно заменены латинскими названиями. Ведь мнения у крепостных рабов о целесообразности этого их франкоязычные господа, естественно, не спрашивали. К тому же этой инородческой знати и весьма было выгодно, чтобы их холопы пользовались только тем, что она навязывает им, и при этом полностью забыли всё свое исконно народное, связывавшее их с былой свободной жизнью своих предков:

«Отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла был важным шагом в разрушении всего упорядоченного Космоса, в котором жил и прочно стоял на ногах человек Средневековья и древности. Начав говорить «словами без корня», человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться» (Сергей Кара-Мурза, «Манипуляция сознанием», <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul17.htm>).

В регионах Московии, в отличие от регионов Украины, изначально не было не только общих региональных наречий, но даже и общегородских койне. Не только разные сословия,

но и разные группы дворянства и разные слои других сословий, а также и разные профессиональные сообщества разговаривали, как в одной и той же местности, так и в одном и том же городе на разных франко-тюрко-финно-славянских пиджинах:

«Всякое звание имеет у нас свое наречие. В большом кругу подделываются под *jargon de Paris*. У помещиков всему своя кличка. Судьи не бросили еще понеже и поелику. У журналистов воровская латынь. У романтиков особый словарь туманных выражений, даже у писарей и солдат свой праздничный язык. В каждом классе, в каждом звании отличная тарабарщина: никто сразу не поймет другого, и в этом-то вся претензия, чтоб, не думавши, заставить думать; но купчики, пуще всего купчики, любят говорить свысока, то есть собирать кучу слов» (Александр Бестужев-Марлинский, «Новый русский язык», ПСС Т. XI, СПб. 1839, С. 74; цит. по: Виктор Виноградов, «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков», <http://refdb.ru/look/2441807-p31.html>);

«...В этих признаниях молодой столичной дворянки отчетливо отражен тот жаргон, который получил в эти годы значительное распространение в дворянской общественной среде. Д.И. Фонвизин в комедии «Бригадир» (1766 г.), комически-сгущая краски, показывает языковое и культурное расслоение русского дворянства. В его изображении речь различных групп русского дворянского общества настолько различна, что они порою даже не в состоянии понять друг друга» (Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm);

«Любопытно отметить, что еще в первой четверти XX века считали носителями русского литературного языка узкий круг русской интеллигенции. Е.Д. Поливанов писал: «Для стандартного (или «общерусского») языка дореволюционной (и довоенной) эпохи весьма нетрудно дать социальную характеристику: это внетерриториальный язык русской интеллигенции, что в одинаковой мере справедливо и для XIX и для начала XX века, но не для более ранней эпохи – XVIII века» (см.: Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, с. 125). К этим словам автор сделал примечание: «Как мы сейчас увидим, термин «общерусский» мог быть приложим к этому социально-групповому диалекту только условно»...» (Н. Толстой, «Взгляды А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка», <http://danefae.org/pprs/levin/tolstoj.htm>);

«Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда речь заходит о русификаторской роли еврейской интеллигенции, эта печать выходит из себя и положительно сбивается на антисемитские ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать. Ибо ведь действительно правда, что города Украины, где великороссов можно по пальцам перечесть, и вполнину бы не носили того характера, который носят теперь, если бы еврейская интеллигенция не так усердно шла навстречу администрации в смысле насаждения русского языка. Прикрепощение евреев к русской школе фиксирует этот порядок вещей и сделает еврейское население окончательно ненавистным в глазах самых демократических элементов местного большинства...» (Зеев [Владимир] Жаботинский, «Фальсификация школы»,

Вот так-то и формировался у россиян и у русифицировавшихся украинцев вместе с новоязом и соответствующий ему устойчивый парадоксальный менталитет, успешно поддерживаемый и сейчас тем дворянским эсперанто, на котором они так и продолжают общаться. И, если лет двести назад еще и можно было услышать народную живую речь россиян, то сейчас, о ней никто не имеет ни малейшего представления, так как, к сожалению, она полностью уже вытеснена смесью салонной речи благородных «милых дам» и «цивилизовавшейся» бытовой речи их челяди, выкристаллизовавшейся в виде русского «литературного языка»:

«Но часто, одновременно с чистейшим французским жаргоном... из одних и тех же уст можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую речь, более народную во всяком случае, чем наша настоящая книжная или разговорная. Разумеется, такая устная речь служила чаще для сношений (отношений, не имеющих ничего общего с нынешним извращённым понятием этого русского слова, – П.Д.) с крепостною прислугою и с низшими слоями общества, – но, тем не менее, эта грубая противоположность, эта резкая бытовая черта, рядом с верностью бытовым православным преданиям, объясняет многое, и очень многое, в истории нашей литературы и нашего народного самосознания» (Иван Аксаков, «Биография Ф.И. Тютчева», 1886, <http://www.ftutchev.ru/staty0001.html>);

«Новый литературный язык, который формировался в дворянской среде, в первую очередь ориентировался на устную речь светской гостиной. А разговорный язык светского общества ориентировался на речь дам, которые, по словам Н.В. Гоголя, отличались «необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях». Это подтверждает и свидетельство актрисы П.И. Орловой-Савиной: «Муж и другие любили слушать, когда я читаю. Но при первом появлении «Мертвых душ» вышла неудача. В этот вечер у нас были и еще кто-то из хороших знакомых. Меня попросили читать вслух, я с жадностью начала... но в наше время стыдно было сказать при людях, что Петрушка потел... да плевал и мн. др., так что я при каждом вульгарном слове краснела... конфузилась и кончила тем, что перестала читать. Разумеется, на другой день, читая вслух мужу, разом проглотила всю книгу». «Высшее общество, более чем когда, в это время было управляемо женщинами: в их руках были законодательство и расправа его», – писал Ф.Ф. Вигель. Женщины были законодательницами вкуса и «любезными учительницами» (Елена Лаврентьева, «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет», <http://litrus.net/book/read/4877?p=49>);

«Но было в новом слоге одно действительно серьезное противоречие. На него указывал отчасти и Шишков, но только он не мог указать путей к его разрешению. Дело в том, что обработанный, чистый и элегантный язык, какой насаждали литературные новаторы в книгах и обществе, был лишен аромата живой повседневности и подлинной народности. Это делало его бедным и вялым в художественном отношении, но в то же время он оставался слишком элегантным для надобностей деловых. Носители этого «очищенного»,

«благородного» языка боялись занести в него дух «простонародности» и тривиальности и потому избегали употребления слов, по своему вещественному значению или стилистическому колориту не свойственных обиходу светского салона. Карамзин считал невозможным употребление в литературе слов вроде «квас» или «парень». Крылова осуждали за то, что он не выдерживал правила: изъясняться всегда правильно и особенно избегать слов, употребляемых «чернью», как, например, «не моги», «стеречи», «гуторя вздор», «глядит-ко»... В особенности после замечательных достижений гоголевской школы одним из постоянных и прочных интересов русского писателя стали характерологические подробности и нюансы языка различных групп русских людей» (Г.О. Винокур, «Русский язык. Исторический очерк», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59a.htm>);

«Лингвист Ф.Г. Карин, в 1778 году в брошюре «Письмо о преобразителях российского языка» написал: «Ужасная разность между нашим языком и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором... Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корне его растущие, так великие писатели поступили с преобразованием нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен». «Ради объективности следует отметить, что здесь под «славянским» языком имеется в виду так называемый «церковно-славянский» язык. Очевидно, что усилий нескольких людей, пусть и относительно разумных, мало для того, чтобы создать полноценный язык. Мало кому известны критическое отношение молодого Пушкина до этого языка или слова Сумарокова о своем сподвижнике Ломоносове: «умер дурак и слава богу». Поэтому Владимир Даль в письме к своему другу и признался, что не понимает законов словообразования этого языка. Но это не существенно – достаточно хорошо назвать суржик – «великий и магучий язык». А главное – теперь то, что объединяет в нацию «рассеянных саатечественников». В том числе и «русскоязыких» украинцев. Другое дело, что упомянутый выше (Кариным, – П.Д.) «молодой прививок» активно начал отмирать. Эту тенденцию заметили еще в 60-х годах прошлого века московские ученые. А несколько лет назад ученые из филологического факультета Санкт-Петербургского университета в ходе исследовательской работы установили, что устная речь русских имеет мало общего с классической русскою грамматикой. Практически все традиционные единицы, с которыми лингвисты, специализирующиеся на естественных языках, привыкли иметь дело, совершенно не работают: ни фонемы, ни морфемы, ни предложения. О грамматических формах того или иного ученые просто догадываются. Это говорит о том, что в естественном (живом, разговорном – П.Д.) русском языке грамматические значения с помощью окончаний и суффиксов больше не реализуются. Реально нет флексий, они в природе не встречаются. Их невозможно услышать, их невозможно вычленишь. Этот язык снова деградирует...» (Володымыр Богайчук, «Лингвоинвалидность – диагноз ставят невежды», <http://maidanua.org/2013/03/volodymyr-bohajchuk-linhvoinvalidnist-diahnoz-stavlyat-nevihlasy/?print=1>);

«Больше ста лет прошло, а то и дело слышишь фразы, построенные по «чеховской» модели: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа». Этот синтаксический галлицизм вводят в свою речь люди с высшим образованием, бывшие школьные отличники. Они наверняка умеют найти в предложении подлежащее и сказуемое – и что? Какой познавательный смысл можно обнаружить в определении предложения как личного или безличного, неопределенно-личного, краткого, развернутого, полного, неполного, повествовательного, вопросительного и т. д.? Никакого! Мертвые слова! А чем обогащает ученика выделение грамматической основы предложения, знание главных и второстепенных членов, частей речи и прочие школьно-лингвистические премудрости? У нас что – готовят школьников к работе в области языкознания? Или, может быть, все-таки учат понимать, ценить и любить родной язык? Говорить и творить на нем? Нет, что-то не похоже. Какая любовь, какое творчество, какая свобода самовыражения в русской речи?» (В.С. Лысенко, «Какому русскому языку учат в школе?», <https://cyberleninka.ru/article/n/kakomu-russkomu-yazyku-uchat-v-shkole>);

«Русская грамматика есть искусство говорить, как никто не говорит, и писать, как никто не пишет» (Осип Сенковский, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы» (Кн. Пётр Вяземский, «Записные книжки» кн. 13, 1838 – 1860, <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/zapisnaya-knizka/knizka-13-1838-1860-3.htm>; http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_zapisnye_knizhki_1813-1848_1963_text.pdf);

«Богатая, могучая страна, которая тратит миллиарды на трамплины и виолончели, не смогла сделать привлекательным свой язык. Не смогла сделать так, чтоб свободное владение было выгодно, интересно. Да и делать не надо было – всего лишь сохранить. Не смогла? Не захотела? Не понимала важности? Или всё вместе... Но результат очевиден. Да и внутри родной страны родной язык сокращается, деградирует стремительно. Пушкина, Достоевского, Чехова уже надо переводить. Владение английским стало более ценным. А то, что всё население России якобы говорит по-русски, – это иллюзия. Ибо «сколько стоит» и «пошёл на...» – это на уровне мяу-мяу и гав-гав. Да и английский примерно на том же уровне. Гениальные переводы Шекспира, созданные Лозинским, Маршаком, Пастернаком, стали не нужны. А выученному английскому Шекспир не по зубам...» (Александр Минкин, «Русская национальная идея и русская толпа. Что думать», <http://www.mk.ru/social/2016/11/10/russkaya-nacionalnaya-ideya-i-russkaya-tolpa.html>);

«...В.В. Виноградов отмечает, что «в современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и

фразы, так и в грамматике слова могут обрастать сложными аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами... Аналитические формы слов, лексикализуясь, становятся самостоятельными словами или идиомами (ср., например, наречия «на лету», «наяву» и тому подобное; ср. предлоги «по части», «по мнению», «в отношении» и тому подобное). В данном случае В.В. Виноградов говорит о таком явлении, как лексикализация (превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную единицу (например, во фразеологизм)), которому в последние годы уделяется в лингвистике всё большее внимание. ...грамматическое значение числа может не совпадать с реальным числовым значением у данной словоформы. Однако возможны и такие случаи, когда в контексте словоформа получает иное числовое значение, хотя грамматическое и реальное значения числа при этом совпадают. Например: «Студент разный бывает» или «Комара в этом году не было» или «Швед, русский – колет, рубит, режет» (Пушкин, «Полтава»). В этих предложениях существительные, которые обычно имеют формы и единственного и множественного числа, употребляются в обобщенном, собирательном значении (обозначают множество предметов) и имеют только формы единственного числа... В то же время существительные, имеющие в объективной действительности форму множественного числа (которой противопоставлена форма единственного числа), могут в контексте приобретать значение единственного числа: «Чему тебя только в университетах учили?» или «А вы всё чай распиваете?» или «У нас гости: Саша приехал»... Таким образом, можно отметить, что единственное и множественное число не всегда сохраняет своё значение. Первое может терять значение реальной единичности и получать значение множества неопределённых предметов, а второе – указывать на то, что обозначенный предмет неизвестен. Иными словами, грамматическое и реальное значение числа часто не соответствуют друг другу, что может привести к обособлению той или иной формы слова в самостоятельную лексическую единицу» (С.В. Пивоварова, «Число имён существительных: лексический и грамматический аспекты», http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_KM_2.pdf);

«Указав на то, что от речений типа – «железная дорога», «Красная армия» образуются целостные прилагательные – «железнодорожный», «красноармейский», где «железно-», «красно-» оказываются «неизменяемой частью сложных слов», А.А. Шахматов ставит вопрос: «Можно ли считать «железная» в «железная дорога» определением? Не надлежит ли признать «железная дорога» и т.п. сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?» Таким образом, А.А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находится и ее грамматическое преобразование. Например, «спустя рукава», ставши идеоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. «Но переход деепричастия в наречие имеет следствием невозможность определить «рукава» в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения». Следовательно, «исконные объективные отношения могут стираться и видоизменяться, не отражаясь на самом употреблении падежа». Вместо живого значения остается немотивированное

употребление. Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении «от нечего делать»... Так, выражение «как ни в чем не бывало» в современном языке имеет значение наречия. Между тем еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы бывал с субъектом действия...» (Виктор Виноградов, «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>).

И к тому же и былая разобщенность москвитов по профессиональной принадлежности снова постепенно становится обыденной реальностью в паханате Россия:

«...государственные структуры не используют в своей деятельности официальный язык страны. Патриархальная Православная Церковь проводит богослужения на церковнославянском, МВД использует упрощенный служебный диалект, МИД оперирует французским, немецким и английским (чиновники же – тоталитарно-административным жаргоном, а то и даже блатной феней, «ароматно» сдобренной забористым матом, – П.Д.). В такой ситуации полностью исчезает понятие единого языка, население разобщается по профессиональной принадлежности, которая определяет значение и смысл слов» (Каин Стюарт, «Русский язык больше не язык», http://rkou.org.ua/zozuleni_yyca.pdf ; <https://reporter-ua.com/2012/08/13/uchenye-russkiy-yazyk-otmiraet-ego-mogut-isklyuchit-iz-spiska-yazykov-mira>)

Именно всё это, очевидно, и имел в виду Виктор Астафьев, утверждая:

«...Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам «эсперанто», «тонко» названном «литературным языком»...» (из письма к Эйдельману, 14 сентября 1986г., https://lib.misto.kiev.ua/PROZA/ASTAFIEW/p_letters.dhtml; <https://litlife.club/br/?b=74739&p=3>).

Фатализм и беспечность русскоязычного людинки

Если кто-нибудь «обрекает» себя на добровольное рабство и нищету или же кого-либо другого на нищету и любые другие напасти, то он за это никакой своей вины не чувствует. Ведь согласно русскому языку в этом виноваты лишь «рок» (судьба, фатум) и сами напасти:

«Русский характер – это непрестанные приливы и отливы, и чисто русское словечко «Ничего!» хорошо выражает фатализм этих нескончаемых колебаний» (Джон Голсуорси, «Еще четыре силуэта писателей», 1928, http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy16_4.txt).

Француженка Эмманюэль Горда:

«Если я и скучаю по дому (Франции, – П.Д.), то потому, что там люди привыкли все ставить под вопрос и иметь критический взгляд, а здесь (в России, – П.Д.) люди пассивны: главное – не нервничать, и все будет хорошо. А я не люблю фатализм и считаю: все, что происходит с тобой, ты для себя создаешь. Продолжение фатализма – ужасная суеверность русских» (Анна Пражина, «Эмманюэль Горда»,

<http://dance-net.artinfo.ru/ru/action/archive.text?id=3155>).

«Но, кроме перечисленных условий, бедность в значительной степени есть следствие малого интереса народа к материальной культуре. Беспечность русского человека выражается в нередко слышимых «авось», «небось», «ничего». И.А. Ильин говорит в своей книге «Сущность и своеобразие русской культуры», что русский человек обыкновенно преодолевает затруднения не путем дальновидного расчета и по заранее выработанному плану, а посредством импровизации в последнюю минуту. Воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека обыкновенно не имеет строго выработанного содержания и формы. Легра в книге «L'âme russe» отмечает часто встречающуюся у русских людей резкую и неожиданную смену чувств и интересов. Поэтому, замечает он, русские, дав обещание, часто не исполняют его. Милюков говорит, что «такие наблюдатели и судьи, как Белинский и Достоевский, признали, в конце концов, самой коренной чертой русского национального характера способность усваивать всевозможные черты любого национального типа (способность не к гармоничному их восприятию, а лишь к поверхностному подражанию им, – П.Д.). Другими словами, наиболее выдающейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=20>).

«Ничего». Вот слово, которое чаще всего повторяют русские люди. Постоянно, по всякому поводу произносят они его беспечным или безразличным тоном. «Ничего» в переводе: это все равно, это ничего не значит. Это выражение настолько обычно, настолько распространено, что приходится видеть в нем черту национального характера. Во все времена были эпикурейцы и скептики, обличавшие тщету человеческих усилий, даже находившие наслаждение при мысли о всеобщем самообмане. Идет ли речь о власти, о богатстве, о наслаждении – Лукреций всегда прибавляет: «Nequicquam!», что значит, в переводе: «Одна суэта». Но значение русского «ничего» совсем другое. Этот способ умалять цель стремлений или заранее признавать тщету всякого начинания является обыкновенно только самооправданием, извиняющим отказ от стойкого проведения своих намерений (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml).

«Для словечка «ничего» характерна необычная широта смыслового применения. Это подметил еще друг Пушкина, князь Петр Андреевич Вяземский, который как-то написал: «Есть на языке нашем оборот речи совершенно нигилистический, хотя находившийся в употреблении еще до изобретения нигилизма и употребляемый донныне вовсе не нигилистами. «Какова погода сегодня?» – Ничего. – «Как нравится вам эта книга?» – Ничего. – «Красива ли женщина, о которой вы говорите?» – Ничего. «Довольны ли вы своим губернатором?» – Ничего. И так далее. В этом обороте есть какая-то русская, лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно русское себе на уме». А между

тем объяснить многочисленные значения этого разговорного выражения не всякому русскому под силу. Рассказывают, что когда Бисмарк в 1859–1862 годах был послом в России, ему захотелось выучить русский язык. Он нанял студента, прошел весь курс от начала до конца и стал довольно неплохо говорить по-русски. Однако по окончании курса Бисмарк заплатил студенту только половину, ибо тот так и не смог объяснить, что означает слово «ничего». Проникнуть в тайну русского «ничего» помог ему один случай. Однажды Бисмарк нанял ямщика, но усомнился, что его лошади могут ехать достаточно быстро. «Ничего-о!» – отвечал ямщик и понесся по неровной дороге так бойко, что Бисмарк забеспокоился: «Да ты меня не вывалишь?» «Ничего!» – отвечал ямщик. Тут сани опрокинулись, и Бисмарк полетел в снег, до крови разбив себе лицо. В ярости он замахнулся на ямщика стальной тростью, а тот загреб ручищами пригоршню снега, чтобы обтереть окровавленное лицо Бисмарка, и всё приговаривал: «Ничего... ничего-о!» Впоследствии Бисмарк заказал кольцо из этой трости с надписью латинскими буквами: «Ничего!» И признавался, что в трудные минуты он испытывал облегчение, говоря себе по-русски: «Ничего!» Когда «железного канцлера» упрекали за слишком мягкое отношение к России, он отвечал: «В Германии только я один говорю «ничего!», а в России – весь народ». Интерес к слову «ничего», как к совершенно особенному выражению, проявляли и другие иностранцы, бывавшие в России. Например, французский писатель XIX века Арман Сильвестр называл его «страдательно-терпеливым девизом русского народа...» (Сергей Цветков, «Ничего, или Девиз русского народа», http://zaist.ru/news/slova/nichego_ili_deviz_russkogo_naroda/).

Многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках

Английское слово «bargain» не поддается адекватному переводу на русский язык, ибо понятие качественного товара (или услуги), продающегося недорого, чуждо российскому обывателю. Но с другой стороны:

«Невозможно дать определение русским словам «судьба», «счастье», «любовь» – потому что это не понятия, а символы; символ не определим в суждении, его истолковывает герменевтика. Обратим внимание: символ существует, а понятие о нем постоянно воссоздается; язык здесь – энергия действия, а не его результат» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность // Основные признаки русской ментальности в языке», СПб, 2004, с. 24-31, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82395>);

«Например, слово «friend» переводится, конечно, словом друг, тогда как имеется огромная разница в понимании этих слов (английского «friend» и русского «друг») – разница менталитетов. Хотя одно считается эквивалентом другого. А уж самый гигантский перекоп – когда английское «happiness» переводят как счастье, «I'm happy» переводят, как я счастлив. «I'm happy» значит, что я сейчас себя комфортно чувствую, больше ничего. Помилуйте, для русского человека сказать я счастлив – это очень-очень много. А англичанин говорит «I'm happy», когда ему понравилась температура чая!» (академик Андрей Зализняк, «О языке древней Индии», <http://elementy.ru/lib/431350>);

«Сравнение русских слов «счастлив, счастье» и английских «happy, happiness» показывает, что расхождения между ними столь существенны, что вообще вызывает сомнение их эквивалентность. Согласно А. Вежбицкой, слово «happy» является «повседневным словом» в английском языке, а «happiness» обозначает «эмоцию, которая ассоциируется с настоящей улыбкой». По мнению сторонников теории «базовых эмоций», выделяемых на основании соответствующих им универсальных особенностей мимики, к их числу относится и эмоция, обозначаемая в английском языке словом «happiness». Русское «счастье» ни в коей мере не является «повседневным словом»: оно принадлежит к «высокому» регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд, следствием чего являются две противоположные тенденции в его употреблении, соответствующие двум крайностям «русской души». Одна состоит в установке на аскетизм, антигедонизм и некоторую скромность (своего рода «стыдливость», приписываемую иногда идеологии большевизма, но имеющую, конечно, гораздо более давнюю историю), заставляющей избегать произнесения «высоких» и «сильных» слов, относя их к разряду почти «неприличных», непроизносимых. Другая, противоположная тенденция, соответствующая русскому стремлению говорить «о главном» и выворачивать душу наизнанку, имеет следствием то, что, несмотря на наличие первой тенденции, слово «счастье» является довольно частотным и характерным для русского дискурса. Ни в каком смысле счастье не относится в русском языке к числу «базовых эмоций» (счастье вообще не относится в русском языке к категории чувств). В отличие от английского «happy», констатирующего, что состояние человека соответствует некоторой норме эмоционального благополучия, русское слово «счастлив» описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы. Счастье относится к сфере идеального и в реальности недостижимого (ср. Пушкинское «На свете счастья нет...»); находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия» (Анна Зализняк, «Языковая картина мира»,

http://bruma.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html);

«Выпили нас, как бокалы хрустальные

С светлым, душистым вином.

Вот отчего мои песни печальные,

Вот отчего мы вдвоем.

Пей, моя девочка, пей, моя милая,

Это плохое вино.

Оба мы нищие, оба унылые,

Счастья нам не дано»

(Александр Вертинский, «Пей, моя девочка», <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=15000>);

«Русский человек врет, если говорит о своем стремлении к счастью. Мы не умеем быть счастливыми, нам это ненужно, мы не знаем, что с этим делать» (Юрий Нагибин, «Дневник», <https://biography.wikireading.ru/67282>);

«Русское «счастье» – слово принципиально не бытовое. Наше «быть счастливым» описывает состояние, по определению отклоняющееся от нормы. Для нас это что-то такое, что лежит в сфере идеального и имеет мало общего с повседневной действительностью. «А счастье было так возможно», – вздыхает пушкинская Татьяна, а Алексей Шмелев замечает: «Она мыслит счастье как необыкновенно важную, но недостижимую ценность. Это нечто безусловно существующее, но существующее абстрактно, как объект мечтаний». Забавно, что еще пару столетий назад «счастье» было синонимом шального везения, чем-то вроде мелкого воровства у судьбы. «Сегодня счастье, завтра счастье – помилуй бог, а ум-то где?» – говаривал Суворов. Однако со временем язык практически отказался от этого сомнительного «счастья», окончательно примирившись с его идеальной недостижимостью. Не то чтобы его совсем нет. Наоборот, любой русскоговорящий точно знает, что оно есть, но только где-то далеко, главным образом там, «где нас нет»...» (Ольга Андреева, «Картина мира, нарисованная языком», http://expert.ru/russian_reporter/2008/44/psiholingvistika/);

«Мы очень хорошие друзья с Путиным. И я дам вам вкратце содержание одного из наших недавних разговоров. Я сказал ему: «Вам 63 года, мне 93 года. Скажите, что вы хотите достичь в ближайшие 30 лет? За что вы боретесь? Вы надеетесь, позлить Америку?» Он говорит: «Нет». «Америка хочет часть России? Нет. У вас есть проблемы недопонимания с Обамой?» Он говорит: «А почему вы спрашиваете?» Я сказал: «Послушайте, я не шпион, вы можете говорить со мной обо всем». Он говорит: «Что вы думаете?» И я сказал: «Америка выиграет, независимо от того, что вы делаете». «Почему?» Спросил он. «Потому что они счастливы, а вы – нет» [Смеется]» (Александр Орлик: «Шимон Перес о Путине и Америке», https://censor.net.ua/news/408975/my_ostaemsya_nepokolebimy_v_nasheyi_podderjke_stabilnoyi_edinoyi_i_demokraticeskoyi_ukrainy_kerri; <https://leka-veselka.livejournal.com/559290.html>; <https://www.liveinternet.ru/users/1723251/post424493893/>);

«Дороги к русскому ненастью
текли сквозь веру и веселье;
чем коллективней путь ко счастью,
тем горше общее похмелье»

(Игорь Губерман, «Иерусалимские гарики», <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki.txt>);

«Нам жены учиняют годовщины,
Устраивая пиршество народное,
И, грузные усталые мужчины,
Мы пьем за наше счастье безысходное.
Когда родник уже иссяк
И слышно гулкое молчание,
Пусты потуги так и сяк
Возобновить его журчание»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>).

И это, конечно же, связано с постоянным витанием в облаках русскоязычного человека, а то и вообще, в отличие от украинцев и от других европейцев, – в «заоблачном» нереальном мире (до космоса даже добрался, а хочется то, ведь, ещё дальше):

«Если мне важно считать себя храбрецом, то я могу отказаться согласиться с тем, что иногда испытываю чувство страха; если я убежден в своем благородстве, то, вероятно, мне трудно иногда признаться, что испытываю чувство зависти. Но если я хочу радоваться своему психологическому благополучию, то, прежде всего, мне надо понять, что мое поведение осознанно. Необходимо соответствовать реальности. Психолог Натаниэль Бранден рассматривает соответствие реальности как основу психического здоровья. Самовосприятие – будь то согласие с реальностью моих эмоций, неудач или успехов – представляет собой соблюдение закона тождества и его применение в области человеческой психологии. Цитируя Брандена: «Самовосприятие – очень просто, это реализм. Есть то, что есть. Я чувствую то, что чувствую. Я думаю то, что думаю. Я сделал то, что сделал». И подобно тому, как закон тождества формирует основу любой логически последовательной и убедительной философии, так и самовосприятие является основой психологии здоровья и счастья» (Бен-Шахар Тал, «Парадокс перфекциониста», <http://www.litmir.co/br/?b=178755&p=23>);

«Главная особенность «счастья» в русской языковой картине мира заключается в том, что оно в основном принадлежит воображаемому миру. В высказываниях о реальном мире «счастье» почти не употребляется... ..и совсем невозможное «*Случилось счастье» (при полностью правильном «Случилось несчастье»). ...самые характерные контексты употребления слова «счастье» – это высказывания о несостоявшемся счастье, мечты о будущем счастье или пожелания кому-л. счастья, а также общие рассуждения о том, чего кому-то не хватает для полного счастья, или просто о том, что такое счастье...» (Алексей Шмелев, «Русский язык и внеязыковая действительность», М.: «Языки славянской культуры», 2002 г., Серия: «Язык. Семиотика. Культура», С. 431, http://ai-systems.ucoz.ru/_ld/0/42_SHM2002.pdf);

«4. Если «Елена» – это притча, а «Левиафан» – обличительный социальный трактат, то «Нелюбовь» – просто зеркало, поднесённое к глазам каждого зрителя. В сюжете фильма вообще нет ни одного злодея, ни одного персонажа, чьей злой волей объяснялись бы беды остальных героев. Ровно в одном эпизоде на экране появляется персонаж, через которого нелюбовь вошла в фабулу картины, но он – в точности такая же искалеченная жертва (холопского русского мира, – П.Д.), как и все остальные.

5. Конечно, сюжет и смысл картины можно редуцировать до самой простой трактовки её названия: «мы, россияне, никого не любим, начиная буквально с себя, и экспортируем это состояние в соседнюю страну». Но это нехитрое умозаключение проще всего делать тому, кто не смотрел фильма. После просмотра хочется думать совершенно о других вещах. О природе (призрачного русского, – П.Д.) счастья и его поисках, о воспитании детей, о смысле жизни, об ответственности за тех, кто рядом с тобой, о волонтерстве, даже об абортах...»

(Антон Носик: Про «Нелюбовь». Вместо рецензии, <http://echo.msk.ru/blog/nossik/1993420-echo/>);

«Русским никто ничего не навязывает. Они сами (с помощью своей ЯКМ, – П.Д.) навязывают себе такой, а не иной образ жизни. Однако в современной российской литературе рождается образ опустившихся и мало довольных действительностью русских. Русские не счастливы, потому что любят быть несчастными. Русским нравится быть несчастными и бедными. И им нравятся несчастные и бедные люди. Если кто-то здоров, богат и счастлив, русские его ненавидят. А больше всего им нравится, когда кто-то умер...» (Андрон Кончаловский, из интервью Доминике Рафальска-Кусь [«Gazeta Studencka» Польша], «На Востоке без изменений», <http://inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html>; <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/10/m27756.htm>);

«Русская женщина не умеет быть счастливой. И это – самое главное. Счастье для русской женщины – не состояние, а цель. Цель, которую она никогда не достигает, потому что счастье в принципе не может быть целью. Это процесс, а не результат. Но у русской женщины все иначе: «У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба». Ей все время нужно приносить какие-то жертвы. «Красота требует жертв». «Над отношениями нужно работать». «Материнство – тяжелый, но почетный труд». «Женщина должна...» Русская женщина желает походить на кошечку, но на самом деле она дикобраз: чуть что – и она топорщит иглы, обороняясь от этого жестокого, бездушного мира. И нельзя сказать, что она в этом виновата: бытие определяет сознание...» (Cosmopolitan, «Наташа, давай до свидания! ... Почему русские женщины не могут быть счастливы?», <http://obozrevatel.com/blogs/56912-natasha-davaj-do-svidaniya.htm>; <https://www.drive2.ru/c/478035496115634553/>; http://www.chaskor.ru/article/inostrantsy_ne_hotyat_41531?fb_comment_id=1416664618368080_1421223174578891 / «Русские женщины выходят из моды», <https://forum.pravda.com.ua/index.php?topic=925183.0>);

«Привычка свыше нам дана:

Замена счастию она...»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин»,

http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=1409&public_page=2);

«Когда проводится опрос, к примеру, про счастье, и подавляющее большинство говорит о том, что безумно (то есть на уровне только лишь эмоций, а не интеллекта, – П.Д.) счастливо, – это выглядит прекрасным показателем в глазах политиков. Но любой психолог вам скажет, что такое однообразие показывает состояние беспомощности. Это общество стариков и маленьких детей. Стариков, у которых происходит снижение интеллекта, нет никаких перспектив, и детей, которые в силу возраста не могут быть самостоятельными. То, что происходит сегодня у нас, – нетерпимость, ненависть, это все напрямую связано с состоянием ценностно-нормативного вакуума (и интеллектуальной незрелости общества, – П.Д.). Социальный психолог Дюркгейм назвал это состояние «аномией»...» (Психолог,

писатель Ольга Маховская, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>).

И ведь, действительно же, согласно русской ЯКМ только лишь безумцы могут быть счастливыми в примитивном обществе русскоязычных челядишек. Недостижимость же в реальности не только святости, но и «химерного русского счастья» приводит к тому, что, как удачно и подметил философ Константин Леонтьев, русскоязычный обыватель, так и не достигнув человеческого состояния, пребывает в состоянии свинском. Для него реальным счастьем является лишь погружение в сладостный дурман алкогольного забвения нелицеприятной ему действительности. И к тому же алкоголь – это единственный естественный антидепрессант, доступный пребывающему в нищете русскоязычному населению. Как видим, в русскоязычном примитивном обществе пропагандируемые и реально достигаемые ценности (культура, счастье и др.) отличаются друг от друга как Небо («горный» мир) и Земля («дольный» мир). Гнилая же русскоязычная интеллигенция (образованщина), которая с помощью пережиточной и убогой русской ЯКМ сначала прививает своим соотечественникам «безумие» и, тем самым, «сажает их на алкогольную иглу», а после же и осуждает их за пьянство, является безобразно ханжеской и беспредельно лицемерной:

«Сам по себе ум осторожен. У него есть социальный статус, ученая степень. Он знает, что можно, а что нельзя. Ум – филистер, который готов все оправдать задним числом. Безумие опасно. Его боятся. От него бегут, потому что оно не знает меры и нарушает социальный порядок. Безумие резвится, где хочет, не считаясь с правилами публичности и логикой. В безумии мысль не соединена со словом, воображение – с опытом. В нем ум расплавлен страстью. Проблема же состоит в том, что истоки ума находятся в безумии. Безумие – это не отсутствие ума. Это то, что может подарить себе ум. И поэтому куда бы ум ни пошел, он будет идти по пути, структура которого ведет к месту его рождения. И только заумность человеческой жизни спасает ум от полного безумия, от полного разрыва между воображением и опытом, между словом и мыслью. Любовным трением ума о безумие создавалась мысль. Любой философ освобождает безумие, таящееся в уме, и одновременно прививает ум безумию. Это не нравится власти и русской интеллигенции, которая пытается отделить ум от безумия, от необходимости мыслить немислимое. Власть сажает безумие, как злую собаку, на цепь, изолирует его в доме для дураков. И поэтому власть всегда глупа. Причину глупости всякой власти нас научил понимать М. Фуко, согласно которому ум – это безумие, которое философы приручили, сделали домашним. В русской философии я знаю два примера одомашнивания безумия. В одном случае – это Сергей Булгаков. В другом – Андрей Белый. В начале XX века в России все интеллигенты были марксистами. Как сегодня интеллигенты – постмодернисты...» (Фёдор Гиренок, «Удовольствие мыслить иначе // Почему ум тоскует по безумию?», <http://fedorgirenok.narod.ru/umtosk.htm>; <http://subscribe.ru/archive/economics.education.scale0ethics/201308/28184646.html>).

К тому же:

«По мнению А. Лазари, многие феномены и концепты в России не имеют верных

соответствий в других странах и языках, или, что еще хуже, имеют кажущиеся соответствия: «Итак, в отличие от английского «fate», русский концепт «судьба» не включает признаки «случай», «совпадение», «риск», так же как и «fate» не содержит признаков «судить» и «судить заранее». Судьба-fate всегда оставляет субъекту право «свободной воли», человек может бросить вызов и противостоять судьбе-fate, в то время как русский концепт «судьба» не дает человеку права на выбор, ей следует покориться. Именно свободная воля, по мнению Ежи Фарины, и определяет разницу между православием и католицизмом, между русским и западным отношением к жизни. Судьба включает всю жизнь и может рассматриваться как заданный путь жизни. Судьба понимается как божественное провидение, имеет высшее значение, становится испытанием для человека. Такое отношение к судьбе ведет к оправданию и принятию любых несчастий (в том числе и исторических катастроф) и действий (общеизвестно сочувствие русских людей к преступникам и заключенным). Попытки изменить судьбу не приветствуются. Противостояние судьбе осознается как иконоборчество и осуществляется, если взглянуть на революции в России с этих позиций, как антирелигиозное действие под лозунгами святого предназначения, т.е. как борьба против старой веры за новую веру. Поэтому, когда говорят о судьбах или путях России, то имеют в виду не только историю, а предназначение, особую мистическую миссию России» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>);

«Ни звука здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытья изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе»

(Федор Тютчев, «На возвратном пути», октябрь 1859,
<http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/224.html>).

Тем самым:

«...в русской языковой культуре закрепилось представление о безысходности человеческого существования: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки – куда уйти!»; «На небо не влезешь, в землю не уйдешь»; «К небесам высоко, в реку глубоко, а приходится вертеться, как некуда деться»; «Сколько ни вертеться, а некуда деться: на небо высоко, в воду глубоко»; «На небо не вскочишь и в землю не закопаешься»; «Живому нет в земле места, а на небо крыл» (Ольга Кривалёва, автореф. дис. «Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира», <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-nebo-i-zemlya-v-russkoi-i-nemetskoi-yazykovykh-kartinakh-mira>);

«Очевидно, что русский человек видит себя фаталистом, хотя, понятно, этого слова в пословицах и поговорках нет. Едва ли не наиболее красноречивы в данном отношении его суждения о судьбе. Судьба – это нечто изначально predetermined, влиять на нее нет никакой возможности, а потому и восприятие ее покорно-созерцательное: «От судьбы не уйдешь. Никто от своего року не уйдет». Следовательно, и со всем тем, что в жизни кажется

неправедным, остается примириться, под неправду подлаживаясь, принимая ее в себя, как заданную извне норму проживания, и себе же в том признаваясь... В одном ряду с фаталистическим толкованием судьбы – вроде бы и апология терпения. Апология эта поднимается до вершин запредельных: «Терпение – спасение. Без терпенья нет спасенья»...» (Павел Солдатов, «Русский народный судебник», <http://www.liberal.ru/articles/4801>).

Как видим, всё, изначально predetermined в русской ЯКМ, является в ней и непредсказуемым:

«Идея, что будущее непредсказуемо, выражается не только в знаменитом русском «авось». Она также входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, – таких как «а вдруг?», «на всякий случай», «если что». Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятно произойдет что-то хорошее» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Ключевые идеи русской языковой картины мира», http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf).

И ведь такое безвольное отношение к судьбе, основанное на представлениях, как о непредсказуемости будущего, так и о predeterminedности и безысходности трагедии самого человеческого существования, ответственно не только за смирение русскоязычного людишки с любой постигшей его бедой:

«Судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет», «Видно, так на роду написано», «Пришла беда – отворяй ворота», «Покорись беде, и беда покорится», «С бедою не перекоряйся, терпи», «Бог терпел да и нам велел», «Терпение – спасение», (Владимир Даль, «Пословицы русского народа», <http://testlib.meta.ua/book/76204/read/>; http://www.rusofil.pl/slowniki-rosyjskie/przyslowia_i_powiedzenia_rosyjskie/);

«...российская культура отчасти связана с депрессией. «В истории и литературе России есть много размышлений о бессмысленности жизни. Например, Чехов и его описание пустой жизни аристократии. В России традиционно господствует идея, что человек не властен над своей судьбой. Не следует забывать, что веками большинство населения страны составляли крепостные. На смену этому явлению пришел коммунизм. Народ привык, что за него все решают руководители, и он не может управлять собой...» (Тали Шамир, «Тайна исчезающего народа», http://mnenia.zahav.ru/Articles/5422/taina_ischezaushego_naroda).

Невозможность демократии в России ввиду низкой гражданской активности русскоязычного населения

Безвольное отношение к судьбе, конечно же, ответственно и за бессознательное ощущение русскоязычным людишкой и бессмысленности любой его гражданской активности: «Что ни предпринимай, судьбу ведь не обманешь».

Поэтому-то, и призыв Германа Андреева к личной ответственности каждого

гражданина за состояние общества есть не что иное, как крик отчаяния одинокого в пустыне:

«В России, может быть, и есть люди, демократически мыслящие, однако эта гигантская страна переполнена людьми, активно осуществляющими что угодно, но не демократию. Какими бы демократами ни были президент или его министры, Россия должна забыть о демократии, если демократами не будет подавляющее число ее жителей, и демократами не по убеждению, а по своему образу жизни, по стилю своих отношений с людьми, по манере своей трудовой деятельности, главное в которой – личная ответственность за состояние общества» (Герман Андреев, «Обретение нормы», Новый мир, 1994, №2, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/2/andreev-pr.html).

И, как это ни прискорбно, остается лишь согласиться не только с нелюбимыми заключениями Ильина, Каммерера и др. о невозможности демократии в России, но и с неизбежностью наращивание в ней репрессивности со стороны государства:

«Замечательно, что на введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне разложения и погубления России. На самом деле «демократия» не есть легко вводимый и легко устрояемый режим. Напротив – труднейший... Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы, она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека – политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущественной, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Где нет ни характера, ни лояльности, ни правосознания? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все кончилось коррупцией, безобразной смутой и разложением государства? И все во имя доктрины?!» (Иван Ильин, «Наши задачи // Долой политическое доктринерство!», https://www.e-reading.club/bookreader.php/92445/II%27in_-_Nashi_zadachi_-_Tom_II.html);

«Демократия в России невозможна. В принципе. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Западные стандарты тут не прокатят и через тысячу лет... По своей изворотливой сути Россия есть антирусский и антидемократический проект. Или Россия, или демократия. Или Малюта, или смута. Или Цезарь, или русский бунт. Третьего не дано. Поэтому в каждом цикле Россия и вынуждена искать спасение в имперском проекте. Читай – в варягах, ибо сам народ недееспособен» (Максим Каммерер, «Какой же быть России?», <http://www.krugozormagazine.com/show/demokratiya.495.html>);

«Главная ошибка новых учений о радикальных изменениях общественного порядка состоит в том, что они хотят построить здание прежде, чем заготовлен нужный для него материал. Материал есть человек, с его природою и историей, выработанными нравственными и умственными наклонностями и стремлениями. Для предполагаемого нового порядка вещей этот материал решительно не годится. Надобно, чтобы он совершенно

изменился, чтобы дерево стало железом, вода камнем или камень водою и пр. Какая сила может произвести это чудесное изменение? Защитники новых учений говорят, что это изменение совершится, когда установится новый порядок вещей, человек сделается лучшим и способным держаться новых общественных начал. Это значит начинать с конца. В том-то и состоит задача, что самое устройство общества на новых началах предполагает такие условия, каких нет... Не начинайте с последствия, вместо того чтобы начать с причины. Все хотят произвести из субъективного закона личной свободы. Но разве эта свобода безгранична? Уничтожьте прежде ограничения, которыми отовсюду окружена человеческая личность, ограничения со стороны внешней природы и со стороны ее собственного бессилия... Настоящее и будущее должны иметь связь с прошедшим. Не перестроив планеты, нельзя радикально перестроить ни человека, ни общества. Всякие крайние и абсолютные покушения в этом роде ведут к рабству, бедствиям и гибели. Зачем это?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 23 марта, 10 апреля 1864 г.

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Свобода живет только там, где человек свободен перед самим собой, где нет стыда и жалости к самому себе. И потому всякий человек может быть свободным, и никто не может лишить его свободы, если он сам того не захочет. Насилие, которое человек захочет применить как будто для удовлетворения собственной свободы, на самом деле уничтожает эту свободу, ибо где сила – там нет свободы, свобода там – где совесть и отсутствие стыда перед собою за дела свои» (Андрей Платонов, Из записных книжек, 1927, https://lib.misto.kiev.ua/PLATONOW/r_rastenie.dhtml);

«Если человек органически не способен быть свободным, и с приходом свободы выдумывает себе новое рабство и погружается в него – так ему и привычнее, и спокойнее, и понятнее, – то там ему и место, и жалеть его не надо...» (Михаил Веллер, «Песнь торжествующего плебея // Как меня редактировали» / «Редактор жалуется», <https://www.rulit.me/books/redaktor-zhaluetsya-read-387730-1.html>);

«Мы живем в системе норм, которые противоречат нашим привычкам, нашей психологии, норм, с которыми нам «неудобно», реально следовать которым мы не можем. На рубеже 80–90-х годов прошлого века мы попробовали, и у нас не получилось. И дело именно в нас, то есть в обществе в целом, а не в том, что нам попадаются плохие правители, которые вместо того, чтобы «развивать гражданское общество», строят «властные вертикали». И Ельцин, и затем Путин шли по пути, указанному обществом, пути последовательной замены норм, по которым общество жить просто не может, их имитацией. И если бы на их месте оказался кто-то из страстных демократов, он или был бы вынужден идти по примерно такому же пути, или бы его убрали за то, что он вверг страну в хаос и жизнь при нем стала невыносимой... Нормы, которые мы принимаем, хотя им и не следуем, – не наши. Нет у нашего общества глубокой внутренней потребности в разделении властей. Нет даже особой потребности в альтернативных выборах. Это общие нормы современной культуры. Такие нормы всегда возникают в передовых странах и (или) в высших стратах

общества. Но становятся нормами для всех. Ты можешь ненавидеть эти страны и эти страны, но, как бы ты их ни ненавидел, их нормы признаешь и, если не можешь им следовать, вынужден их имитировать. Пугачев вешал дворян, но именовал себя императором, а своих сподвижников – графами и фельдмаршалами. Саддам Хусейн ненавидел Запад, но называл себя вполне по-западному – президентом – и имел свой парламент и свою Конституцию. Конечно, можно сказать, что и Пугачев, и Хусейн лгали. Но все-таки слово «ложь» тут не совсем подходит. Это скорее обязательный «язык», заданный культурой. И хотя он совершенно не адекватен для выражения твоей реальности, другого у тебя просто нет. У общества может не быть потребности следовать этим нормам, но есть потребность и даже необходимость их имитировать...» (Дмитрий Фурман, «Апология имитации», http://www.ng.ru/ideas/2007-04-06/11_apology.html ; <http://www.liberal.ru/articles/468>);

«Россия – страна имитации, страна манекенов. У нас партии – манекены, Дума – бутафорская подделка. Все эти системы выборов, судов, прокуратура... Система госучреждений является органами коррупции, воровства и разбоя, то есть государственные органы функционально превратились в нечто прямо противоположное себе самим. Этими симулякрами и пытаются каким-то образом удержать то, что в России осталось от советской системы...» (Юрий Афанасьев, «Мы обманули самих себя», http://www.ng.ru/ng_politics/2010-04-06/9_lie.html);

«...сегодня Кремль научился работать в сети: и через систему троллей, и через систему собственных сайтов. Как и в других секторах общественно-политической жизни, в интернете воспроизводится псевдообщественная структура мнений, позиций, сайтов, имитирующих гражданское общество, симулирующих «спонтанность» «единой воли народа», эмоций возмущения «большинства» или, напротив, полного «одобрямса» проводимой политики. Симулякры – ГОНГО, проправительственные «некоммерческие» организации (общественные палаты, общественные советы, разного рода «движения», созданные и финансируемые администрацией), прокремлевские сайты и тролли – последовательно дискредитируют независимые от власти каналы информации или источники авторитета, подавая их как мнения меньшинства, экстремистов, «пятой колонны», национал-предателей, отщепенцев. Поэтому говорить сегодня об интернете как о чем-то целом не приходится» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>);

«...российская власть не верит в рынок, не верит в демократию, не верит в свободу. Ей не понятна проблема доверия, ей ближе «слепая вера в вождя». Вслушайтесь в то, как власть разговаривает с обществом. На дворе XXI век, а Россия вновь ищет свой особый путь и достает из закровов родины замшелый, пахнущий «совком» кнут. Авось на этот раз сработает? Не сработает, поверьте! И одумайтесь, пока не поздно!» (директор по макроэкономическим исследованиям ГУ-ВШЭ Сергей Алексашенко, «Экономическая политика: Кнут без пряника», <http://www.liberal.ru/articles/2005>);

«В начале 1990-х гг. по инициативе профессора Ш. Шварца из Иерусалимского университета была организована Международная программа сравнительного изучения ценностей. Сконструированная система ценностей располагалась вдоль трех биполярных осей: Консерватизм – Автономия, Иерархия – Равноправие, Мастерство – Гармония. Исследование показало, что Консерватизм и Иерархия более важны в Восточной, чем в Западной Европе. В то же время Равноправие, Мастерство, Интеллектуальная Автономия значительно менее выражены у представителей стран Восточной Европы по сравнению с западными европейцами [Шварц, Барди 1997]. На основании полученных данных был сделан вывод, что ценностный профиль России малопригоден для развития демократии, поскольку в нем слабо выражены ценности Равноправия и Автономии. Ценностное основание для развития системы свободного предпринимательства также практически отсутствует, так как Автономия и Мастерство не получили широкого распространения: отсюда нежелание брать на себя личную ответственность, рисковать и напряженно работать в меру сил и талантов. Вместо этого предпочтительны Консерватизм и Иерархия, являющиеся основой тенденции перекалывания заботы и ответственности в обеспечении своих потребностей на государство...» (М.Т. Степанянц, «Культура как гарант российской безопасности», http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=455&Itemid=52);

«...охранительная репрессивность – порок. Но не потому, что не знает поощрения, а потому, что подавляет самоуправление и независимость личности от чиновника. Подавляет право человека быть личностью. Почему традиции и, следовательно, управлению, вставшим на путь репрессивности как метода управления, нужно постоянно репрессию усиливать? Здесь будет уместна аналогия с системой родитель-ребенок. Патриархальный родитель, не желая, чтобы ребенок сам принимал решения, командует им. На определенном этапе родитель должен прибегнуть к окрику (репрессии), чтобы добиться послушания. Но по мере постоянного применения крика как способа управления ребенком, тот к такому способу привыкает, и чтобы заставить его слушаться, родитель вынужден применять все более громкие и жесткие окрики, затем ругаться и, в конце концов, перейти к рукоприкладству, совершенно разрушая тем самым коммуникацию с ребенком. Что нас, российское общество, ждет? Нас ждет наращивание репрессивности со стороны государства и еще более жесткое ограничение самоуправления. Потому что у государства, опирающегося только на традицию и свехуправление, другого способа сохраниться в социальном пространстве между традицией и инновацией просто не существует. При этом модернизации качества социальных отношений не будет. И вовсе не исключено, что по той же причине период умеренной репрессии закончится превращением свехуправления в антиуправление и переходом государства к Большой репрессии сталинского типа. После чего – закономерный крах, коллапс типа того, что мы имели в 1991-м, т.е. распад России. И новая Смута...» (Алексей Давыдов, комментарий к докладу Игоря Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Какие бы счастливые метаморфозы не ожидали «либеральную линию», я не могу

себе представить Россию, входящую в Европу вместе со всеми своими Башкириями, Калмыкиями, Якутиями и Чечнёй. Просто не хватает фантазии – ни исторической, ни литературной. Да и у наиболее продвинутых регионов тоже не может не быть больших проблем с таким вхождением даже при самых фантастически благоприятных условиях. Но здесь хоть можно говорить о какой-то надежде. В том смысле, что либеральное будущее России неизбежно обуславливается её распадом и регионализацией. При этом внешний рисунок распада может выглядеть обусловленным геополитическими, экономическими и тому подобными факторами, но за ними неизбежно проступит глубинный фактор – культурно-цивилизационный. Таков экзамен, который ждёт Россию в ближайшем будущем. Это будет жестокий исторический урок. Но зато прекратятся, наконец, все тошнотворные «русские» разговоры с расковыриванием язв и бесконечным обсуждением заведомо не решаемых вопросов, которые просто боятся решать» (Андрей Пелипенко, «Не было никаких «Московских Афин» и московских Периклов», <http://www.liberal.ru/articles/4534>).

И ведь же этот жестокий исторический урок с кровавым исходом предопределен господством в России именно носителей пережиточной и быдлотворной русской ЯКМ (порочного мировосприятия, запечатленного в русском языке):

«Россия как государство русских не имеет исторической перспективы» (Экс-премьер России Егор Гайдар, http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gaydar_et.php);

«А может быть... и действительно, не надо никакой России? Быть может, это просто устарелый термин, который, время упразднить? Жизнь неистребима. Не будет «России» – будет другое, и «у гробового входа младая будет жизнь играть». Не все ли равно, в конце концов, чья это жизнь: русская или младая немецкая, главное, что жизнь останется, поля останутся, и реки останутся; а чей пойдет по рекам пароход, русский или немецкий, не все ли равно? Немецкий пароход даже удобнее. И народ же не весь пропадет: сразу не истребить сто миллионов Василиев и Петров. Приспособятся ребята! Что же, может быть, и в самом деле не надо никакой России?...» (Леонид Андреев, «Дневник», Петроград, 13.05.1917, <https://project1917.ru/heroes/leonid-andreev/>);

«Самая важная проблема России – демографическая. Высокая смертность, низкая рождаемость, малая продолжительность жизни, нездоровый образ жизни большинства соотечественников. Проблема не решаема, если смотреть на нее сугубо теоретически. Практически же она давно решается. Москва уже сегодня типичный мегаполис мирового уровня, то есть мультинациональный город. Не знаю – кого как, но меня лично этот факт радует. Московская толпа разноязычна, многолика расово, исповедует разные религии, придерживается разных культур. Чтобы увидеть таджика и грузина, вьетнамца и молдаванина, не надо никуда ехать – вот они под рукой. То есть выход – в многонациональности. Сохранение России как державы мирового значения заключается в функционировании ее то ли как плавильного котла, то ли как транзитного маршрута разных народов. Вот в этом-то и будет заключаться настоящее евразийство – Россия как место встречи христианства и ислама, буддизма и других религий, как место создания уникальной

культуры, включающей в себя напластования европейского и азиатского, кавказского и уральского, сибирского и поволжского. Предчувствую, что много записных патриотов это покоробит, а то и возмутит, но я иду не от теории, а от практики. Уже сегодня в российской деревне в Нечерноземье, в самых глухих местах, кавказский и среднеазиатский элемент – важнейшая составляющая пейзажа, самая бодрая и предприимчивая, быстро размножающаяся часть населения. Для меня не вызывает ни малейших сомнений, что через сорок-пятьдесят лет этнический состав России изменится до неузнаваемости, как не мешай этому процессу... Дуб, посаженный сегодня в России, и через сто лет будет расти в ней же. И не важно – сменятся ли бегающие под ним голубоглазые детишки темноглазыми или нет, главное, что они будут жить в России и приумножать ее славу и богатство, пусть и на новый лад. Здравствуй племя, младое, незнакомое...» (Максим Артемьев, «Что есть Россия?», <http://www.liberal.ru/articles/385>);

«...в РФ давно создано полицейская государство, настоящая хунта из воров и спецслужб, по типу африканских или латиноамериканских, при этом идет настоящий этноцид русского населения. К 2050 году русские станут уже меньшинством на территории РФ. Это сознательная политика правительства чекистов по замене русского населения покорными выходцами из Азии. Такого не было даже во времена монголо-татар, чтобы шло замещение славянского населения миллионами чужестранцев. 10% жителей РФ – голодает, 64% живут в бедности, остальные в кредитном рабстве, только 20% может позволить себе бытовую технику, и лишь небольшая интернациональная банда подонков, эксплуатируя богатейшую страну, царит над покоренной страной, некогда бывшей Россией. И ныне эти ублюдки пытаются забрать к себе в Мордор, в рабство не только жителей РФ, но и жителей Украины, которые может быть живут не богато, но, по крайней мере, – свободно. Чтобы пример украинской революции не стал заразителен для жителей РФ, чтобы напугать их примером войны, крови, и разрушений – они заварили кровавую кашу на земле Донбасса...» (Владимир Басманов, «Обращение к киевлянам и одесситам. О маршах в Киеве и Одессе», <http://blog.meta.ua/communities/me-bandelogam/cat/vijna/>);

«Дореволюционная Россия в значительной степени была полицейским государством, но при этом имела недостаточное количество полицейских. Квалифицированная полиция – это дорогое дело. Как выходили из ситуации? Во-первых, привлекали население для исполнения полицейских функций: разные сотские, десятские и другие прообразы советских добровольных народных дружин. Во-вторых, в России для решения полицейских задач часто использовались вооруженные силы, в первую очередь казаки, но иногда и пехота. Но войска, если их применяют для выполнения полицейских задач, делают то, чему они обучены – то есть стреляют и убивают. Поэтому в России политические конфликты часто проходили в виде маленьких гражданских войн. Подобная особенность отечественной политической культуры слабо способствует формированию благоприятного политико-культурного фона для проведения реформ, преодоления кризисов...» (Борис Колоницкий, цит. по: Андрей Мозжухин, «Идиоты говорят, что Россию погубил заговор. Почему революция 1917 года была неизбежна», <https://lenta.ru/articles/2017/03/22/revolution/>);

<http://x-files.org.ua/news.php?readmore=4943>).

И это весьма хорошо согласуется с ментальностью россиян, для которых величие их государства всегда было важнее благополучия проживавшего в нем населения. Поэтому-то и нет ничего страшного в том, что вымрет голубоглазое население: «бабы нарожают новое» – пусть даже и кареглазое. Однако же «бодрость и предприимчивость» этого нового населения могут иссякнуть весьма быстро – после того как оно станет воспитывать своих детей на пережиточной и быдлотворной имперской русской ЯКМ:

«И в том нет ничего плохого – если новые поселенцы воспримут русский язык (а какой еще им воспринимать? Азербайджанцы и чеченцы, вьетнамцы и таджики обречены, разговаривать между собой на русском), отчасти – нашу культуру, обогатив ее своими дарами (а они уже есть – та же шаурма на каждом шагу), то на одной седьмой Земли сложится вполне привлекательная общность, то ли евразийская, то российская...» (Максим Артемьев, «Что есть Россия?», <http://www.liberal.ru/articles/385>).

И, следовательно, постепенная замена прежнего российского народа на новый с сохранением порочной русской ЯКМ не даст на самом деле ожидаемого положительного эффекта. Для сохранения Империи потребуется замена не только выродившегося и неэффективного народа, но и постепенно превращающей его потомков в быдло и гопников пережиточной русской ЯКМ:

«В одном из наших разговоров Путин сказал мне: – Ребе, я подумываю максимально увеличить миграцию гоев из средней Азии и Кавказа, дать зеленый свет китайцам и вьетнамцам, пустить их в одночасье и вручить им намного больше прав чем русским гоям. Благодаря такому резкому и большому наплыву, мы раз и навсегда в каких-то 10 лет решим "русский вопрос" смешав их с восточноазиатскими племенами и навсегда убив их славянскую (точнее, псевдославянскую – туранскую, – П.Д.) идентичность, от которой мы вынужденны терпеть столько проблем...» (главный раввин России Берл Лазар, «Еврейская Россия», <https://proza.ru/2019/05/23/430>);

«С течением времени российские мужчины утратили главное, что олицетворяет мужчина: мужество, благородство, честь и достоинство. Став бесчестными, они легко врут и обманывают других. Утратив мужество – они бояться в открытую сразится с врагом, предпочитая действовать исподтишка. Потеряв достоинство, они превратились из работников в рвачей, которые только и норовят стянуть все, что плохо лежит. А утратив благородство, они перестали уважать своих противников и не могут теперь рассчитывать на ответное уважение. Как только у русских женщин появился выбор, они с удивлением обнаружили, что может быть и по-другому. Лавинообразный рост браков с иностранцами или просто с мужчинами другой нации – это характерная примета времени. Русский мужчина не выдерживает сравнение ни с кем: ни с чеченцем, ни с китайцем, ни с американцем, ни с евреем. Характерная статистика браков в приграничных с Китаем регионах России – это же приговор русскому мужчине!» (Альфред Кох, из публикации в блоге на «Эхо Москвы», <http://booksonline.com.ua/view.php?book=40356>;

<http://oleg-leusenko.livejournal.com/5284350.html>);

«Неуклонно растет количество смешанных браков. В приграничных районах русские женщины отдают предпочтение мужьям-китайцам, причем из-за доминирования китайских генов дети в смешанных семьях всегда рождаются с китайским генотипом, независимо от того, кто из родителей является китайцем – отец или мать... Это беспокоит, скажем, губернатора Приморского края Валерия Манилова: «Если китаец женится на русской, то ребенок у них будет китаец. Женится русский на китайке – тоже китаец». К тому же в самом Китае существуют запреты на деторождение, а в России оно только поощряется. Что же будет через 3–5 поколений? А ведь это – только исторический миг...» (Игорь Гарин, «О демографии России», <https://www.proza.ru/2014/09/29/1307>);

«Китайцы скажут: ок. Так уж и быть, мы вам поможем. Но у нас одно условие: замена народа. Мы к россиянам никаких претензий не имеем, но у нас народ более эффективный. Тут нет ничего личного, это просто бизнес. Посудите сами: когда вы берете в управление ферму и видите, что там стадо состоит из коров среднерусской породы, то вы понимаете, что его нужно заменить на коров голштинской породы. Просто потому, что голштинцы дают больше молока при тех же затратах. А это стадо нужно отправить на колбасу. И ведь у вас нет никакой неприязни к среднерусским коровам. Просто они вам не нужны для ваших задач. Так и тут: какие могут быть аргументы? Нам нужны ваши ресурсы. Мы их освоим без вас. Вы нам не нужны. Зачем нам вас кормить и сохранять? Идите на колбасу. Наши китайцы с нашими задачами справятся лучше...» (Альфред Кох, «Россию ждет утрата суверенитета и распад», <http://www.charter97.org/ru/news/2014/10/4/119049/>);

«Как это делали дистопии всех времен и народов, новейшие русские романы реагируют на политическую ситуацию, в которой живут их авторы и читатели. В «Дне опричника» Россия стала китайским протекторатом с режимом, соединяющим политические технологии путинской эры с телесными наказаниями и казнями XVI века. Гражданская смута закончилась благодаря иностранному вмешательству, а ужасы новой опричнины сравнимы с террором ГУЛАГа. Отделенная от мира новой Великой стеной, страна планомерно заселяется китайцами. Футурологическая модель Сорокина несколько отличается от модели Быкова в «ЖД». Оба описывают будущую гражданскую войну в России, но Быков рисует ее циклическое течение, а Сорокин выбирает момент послевоенной стабилизации. Оба рассказывают об иностранном участии в этой войне, но Быков пророчит ползучую интервенцию израильтян, а Сорокин – «принуждение к миру», которое осуществят китайцы...» (Александр Эткинд в полемике с Марком Липовецким «Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман», <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/li17-pr.html>);

«Учитывая тот факт, что общественное, политическое и экономическое устройство в России с начала 1990-х годов с умноженными силами продолжает строиться на принципах протестантской этики, нет ничего удивительного в том, что моральная дезорганизация

основной массы населения только усилилась. Понятно, почему: протестантская этика, безусловно, хороша для англосаксов (украинцев и китайцев, – П.Д.). Но – не для русских. Сколько бы не сетовали современные российские либералы на тему, почему Россия – не Америка (и не Украина, – Леонид Кучма), эти горестные причитания так и останутся гласом вопиющего в пустыне. Социальные, политические и экономические стандарты США в России, конечно же, могут быть внедрены в полном объёме при одном «маленьком», но очень важном условии: едва ли не стопроцентной замене населения России (или же замене быдлотворной русской ЯКМ на благотворные украинскую и китайскую ЯКМ, – П.Д.)» (Игорь Осовин, «Загадочная русская душа», <http://www.conspirology.ru/2011/01/zagadochnaya-russkaya-dusha.htm>);

«Вы не можете не знать, что нет сегодня никакой русской философии. Ну, какая русская философия? То, что мы посредством языка относим себя к России? Будет другой язык, будем на другом языке говорить и будем относить себя, например, к Китаю...» (Фёдор Гиренок, «Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними», <http://fedorgirenok.narod.ru/stenogramma.htm>).

Непредсказуемость судьбы России как следствие непредсказуемости иррационального поведения её психически инфантильного населения

Избавление же России от этой чудовищно порочной ЯКМ а, тем самым, и от вполне закономерного краха её, и от последующей за ним очередной Смуты, действительно, является абсолютно непредсказуемым:

«...на исторических перекрестках страна действительно уязвима для попятного движения. И что именно это обстоятельство делает ее поведение непредсказуемым – не только для соседей, но и для самой себя...» (Александр Янов, «Европейское будущее России», http://www.slovofera.ru/history/yanov_resume.html).

И, конечно же, эта непредсказуемость судьбы России непосредственно связана с непредсказуемостью иррационального поведения её психически инфантильного русскоязычного населения:

«В воспоминаниях Стебута есть один забавный эпизод, относящийся к пореформенной жизни в России. В те времена многие были увлечены идеями прогресса, экономической эффективности и всеобщего благоденствия. Стебут решил сдать крестьянам часть принадлежащих ему земель в аренду. Договорились об арендной плате. Спустя какое-то время Стебут снизил арендную плату, рассчитывая на то, что крестьяне могут взять в аренду больше земли. Но произошло другое: крестьяне соразмерно снижению арендной платы уменьшили количество арендуемых земель. Этот факт можно описать в терминах рациональной экономики, т.е. предполагая отделение рабочей силы от личностных структур, места работы – от дома, средств производства – от производителя. И тогда действие крестьянина нельзя не представить как действие иррациональное, а самого крестьянина нельзя не обозначить как человека патологически ленивого...» (Фёдор Гиренок, «Моральная

экономика: третий путь», <http://fedorgirenok.narod.ru/moralwirtschaft.htm>);

«Одной из основных особенностей русской языковой картины мира является идея непредсказуемости мира, недоступности контролю человека (Зализняк и др., 2005). Человек не в силах ни предвидеть беду, ни предусмотреть всего, чтобы ее избежать. Исследователи отмечают недоразвитость структуры понятий причины и следствия в русской языковой картине мира, связывая это со сниженной аналитичностью в силу повышенного фатализма и ослабленной идеей ответственности. «Россия не знала эпохи увлечения рационализмом» (Головановская, 1997, с.180) в отличие от Европы, для которой столь желанная свобода необходимо связывалась с рациональностью. Поступать свободно – значило выявить и обосновать правило своего поведения (Гутнер, 2008). «Так случилось» – идеальное для русского бытового сознания объяснение (Головановская, 1997, с. 180; Зализняк, Левонтина, 2005). Безличная форма глаголов составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления, причем их количество в современном русском возрастает. Человек является в них не активным действующим лицом, а пассивным и более или менее бессильным, не контролирующим события экспериенцером, а мир, в конечном счете, являет собой сущность непознаваемую, где истинные причины событий неясны и непостижимы (Вежбицкая, 1996)» (Н.Ю. Федунина, «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира», http://psyjournals.ru/mpj/2008/n4/Fedunina_full.shtml);

«Неопределенность в языке и речи, восходящая к восприятию человеком жизни как мира непознаваемого – полного загадок, иллюстрируют многие русские частицы (или комплексы частиц), выражающие значение кажимости, неуверенности, неясности, предположительности: «как бы, что ли, чуть ли не, едва ли не, вроде, словно, точно, будто, вроде бы, вроде будто, вроде как, вроде как бы, словно как бы, точно будто, точно как, точно словно, как ровно бы и др.»:

«Мир человека есть как бы книга, которую он исписывает своими делами, как письмена, которые имеют начало, но конца не имеют [...]» [Посмертное вещание преподобного Нила Мироточивого Афонского];

«За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина...» [Шукшин]» (А.Ю. Чернышева, «Грамматические показатели русской ментальности», <http://philology.ru/linguistics2/chernysheva-04.htm>);

«Такой неопределенности высказывания способствует и синкретизм союзов, союзных слов: союз «когда» передает нерасчлененную идею и времени, и условия, а там, где условие, неизбежно присутствует и цель; для русского сознания условие вообще предпочтительнее причины – чисто внешней, «субъективно» определяемой характеристики действия («причина» Бердяева), потому что на самом-то деле цель важнее условия, поэтому и «условие» предстает в русской фразе как «словесно» определенная и обозначенная вспомогательным словом «причина». Относительно условия уславливаются «словом», тогда как причина есть всего лишь задним числом «приписанное» (приткнутое) событию или действию то же самое условие» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте»,

«Одно из значений русского «да» – «впрочем». Интересно также, что слово «словно» (то есть словесно) означает «якобы», «как будто»...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Отсюда и «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий... русская частица «авось» подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, – теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это тишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» (Анна Вежбицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/rl1.htm).

Наличием же такой «неагентивности» практически во всех эмоционально-иррациональных сферах русская ЯКМ и отличается существенно от украинской ЯКМ:

«Межъязыковое сопоставления, на первый взгляд, подобных концептов (укр. «доля» – русск. «судьба»; укр. «воля» – русск. «воля») выявило их существенные различия, обусловленные, как чисто лингвистическими, так и экстралингвистическими, историко-психологическими факторами...» (Ирина Голубовская, автореф. дис. «Этноспецифические константы языкового сознания», <http://dissertation.com.ua/node/684661>).

Омонимия же с др.-киев. и украинским словом «доля» (судьба) русского слова «доля» (укр. «частка»), означающего часть чего-либо, способствует консервации лицемерия и алчности у власть имущих:

«Маленький мальчик подходит к папе-прокурору (в другой версии к папе-Президенту, – П.Д.) и спрашивает: «Папа, а кто такие обездоленные люди?» – «Обездоленные люди, сынок, – это те, кто с нами не в доле»... По данным опросов «Левада-Центра», 17% бизнесменов по причине своей правовой незащищенности намерены покинуть страну, а половина не исключает для себя такую вероятность. Население же (63% опрошенных) считает силовые органы инструментом отъема собственности. Количество заказных уголовных дел, не имеющих реальных потерпевших и нацеленных только на отъем собственности, превышает самую смелую цифру... цифры, которые озвучил на днях в Центре правовых и экономических исследований первый зампреда Верховного суда в отставке Владимир Радченко, убивают наповал. Слайд, который представил Владимир Радченко, был озаглавлен: «Одним из основных признаков заказного преследования является отсутствие заявления потерпевшего». А дальше шла вот такая таблица. По статистике МВД,

за 2010 год без заявления потерпевших выявлено преступлений (округляю до десятых процента): 1. Мошенничество – 97,7%; 2. Присвоение или растрата – 98,3%; 3. Незаконное предпринимательство – 97,2%; 4. Легализация денежных средств – 82,4%; 5. Нарушение авторских прав – 99,1%; 6. Незаконные действия при банкротстве – 99,7%; 7. Коммерческий подкуп – 98,6%. Это катастрофа. Милицейская статистика свидетельствует о том, что они сажают невиновных» (Ольга Романова, «Человека, прожившего жизнь в России, следовало бы без разговоров помещать в рай»,

http://www.ukrrudprom.ua/digest/CHeloveka_progivshego_gizn_v_Rossii_sledovalo_bi_bez_razgovorov_pomeshchat_v_ray.html).

Однако же так было не всегда. Ранее судьба в русской ЯКМ связывалась вовсе не с обездоленностью, а со счастливым случаем:

«Припадок – польск. «przypadek», франц. «accident» (укр. «випадок», – П.Д.) – с конца XVII в. (возможно, под влиянием польск. языка) обозначало «случай, счастье». В связи с этим слово припадочный (или припадошный) обозначало «счастливый, знатный» (как определено в рукописном словаре переводчика Ботвинкина XVIII в.) (Сухомлинов, вып. 8, с. 10), т. е. фаворита, временщика. Из польского языка в русский литературный язык XVIII в. попадает слово «припадок» (польск. «przypadek» в значении «случай, счастье, фавор». Поэтому фаворитов, временщиков, «случайных» людей называли припадочными (припадошными) людьми. Для общественного быта царского двора и дворянской верхушки в XVIII в. очень показательны скопления синонимов для обозначения карьеры, жизненного успеха, вызванного красивой внешностью, расположением власти и другими случайными причинами: припадок, случай, время, фавор (отсюда: припадочный, случайный человек, временщик, фаворит)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/pripadok.html>).

Успешным же людям и тем, кому «улыбнулось счастье», русскоязычные туранцы всегда завидовали, и поэтому-то, в конце концов, слово «припадочный» они стали связывать не со «счастливым случаем», а с приступами болезни, гнева и «бешенства» – припадками. В результате этого слово «припадок» и приобрело весьма негативный смысл.

Склавины же и анты судьбы не знают и не склонны к подчинению никому

К тому же, в отличие от славянизовавшихся бледнолицых туранцев, изначально чернорукие (тёмно-красные) и позже умеренно смуглые славянизовавшиеся потомки балтоязычных савроматов испокон веков не признавали и не признают возможность влияния на них судьбы:

«Название Σαυροματα «савроматы» быть может = ос. «Sawærmata», что означает «смуглорукие» (saw «черный» и arm «рука») / (точнее «чернорукие», – П.Д.)» (Василий Абаев, «Осетинский язык и фольклор», М.-Л: АН СССР, 1949);

«Эти племена, склавины (очевидно, античные балтоязычные скальвы и другие

родственные им языгские племена, – П.Д.) и анты (очевидно, потомки балтоязычных верхних аорсов – яньцай и роксолан, – П.Д.) не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу...» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами. О постройках», кн. VII [кн. III «Войны с готами»], п.14, <http://his95.narod.ru/doc00/prokop.htm>);

«...самые ранние упоминания склавинов у Прокопия и Иордана относятся отнюдь не ко всему необъятному славянскому миру, а конкретно к обитателям левобережья Среднего и Нижнего Дуная... Вероятно Холмс с Коломийцевым тоже заметили это противоречие, потому что, веря ... Прокопию и археологам, сделали единственно возможный вывод: склавины (греч. «σκούροϛ», итал. «scuro» – тёмный, англ. «scarlet» – «ярко-красный, багряный» – П.Д.) – это никакие не славяне, а автохтонное население Подунавья, потомки романизированных даков (ипотешти-кындештская археологическая культура) / (и покоривших их краснокожих языгов и роксолан [см.: П.5.], – П.Д.)... Поэтому нет ничего удивительного в том, что «румынские археологи усматривают в памятниках культур Ипотешти-Кындешти-Чурел и Костиша-Ботошана не славянское, а автохтонное романизированное население, в которое позднее влились славяне». Что ж, румынам виднее, они непосредственно выкапывали эти памятники... Завершить склавинский экскурс нам придётся парадоксальным утверждением Холмса-Коломийцева: склавины византийских хроник не только не тождественны славянам, но и вообще не имеют к ним никакого отношения. И я не могу с ним не согласиться. Можно спорить, сохранили ли склавины какой-то фракийский язык своих предков или перешли на латынь. Последнее весьма вероятно, учитывая глубокую романизацию римской Дакии во II–III веках и те самые «мириады римских подданных» Менандра, пребывавших в рабстве у склавинов... Источники IV–V веков антов не знают. Рассказням Иордана о войнах гóтов с антами доверия никакого. На исторической сцене, конкретнее на византийских землях, анты впервые появляются в 518 году. Где, как и когда они возникли как этнос неизвестно. На самом деле неочевидно даже то, что они имели какое-либо отношение к славянам и славянскому этногенезу. Прокопий размещает антов (перешедших к оседлому образу жизни потомков балтоязычных верхних аорсов – яньцай, языгов и роксолан, – П.Д.) на северном берегу Дуная, то есть вперемешку со склавинами (гето-дако-фракийцами, – П.Д.). Иордан отпихивает их за Днестр до самого Днепра. Археологи, соотнеся антов с пеньковской культурой, расселяют их дальше на восток на днепровское левобережье. Пеньковская культура считается наследницей двух предшественниц: черняховской и киевской. Если вновь забыть о фантазиях Иордана, то с точки зрения антропологов в ареале черняховской культуры преобладало автохтонное население, а именно гето-даки и сарматы. Германцы тоже водились, но никогда не

составляли большинства населения... А главное, звукосочетание «а-н-т» совершенно неславянское. Оно вполне могло бы быть балтским, но славяне его обязательно исковеркали бы до неузнаваемости. Впрочем, без всяких «бы»: реальное балтское слово «antis» славяне, сохранив его значение, по своим фонетическим правилам закономерно превратили в «утку» («утю») – в два этапа с промежуточным носовым «о»: /ant/ → /ōt/ → /ut/... Склавини вероятно разговаривали на вульгарной латыни (и балтских наречиях, – П.Д.), то есть не были праславянами. Зато о языках тех, кого мы уверенно считаем праславянами, – создателей корчакской, колочинской и пеньковской культур – мы не имеем ни малейшего понятия» (Владимир Егоров, «Мы не рабы. Рабы не мы», <http://www.ipiran.ru/egorov/mnr.rnm.htm>).

А вольнолюбие же как западных балтов (потомков брахикранных языгов и западных роксолан), так и славян (потомков тоже брахикранных античных германцев, аланов-торков и славянизовавшихся восточных роксолан), конечно же, не позволяло им подчиняться любой авторитарной власти:

«16. ...Славяне суть из потомков Мадея (из ядавов – мадаев – мидийцев; др.-инд. «Яду» = Адам; марийск. «кадем годсо» – «старинный, древний, незапамятный»; удм. «адямиос» – «старые люди»; осет. «адæймаг», марийск. «эдем», «айдеме», удм. «адями», турец. «adam», исл. «maður», ахв. «ande», авар. «adan», панслав. *lūd, др.-чеш. «l'ud», укр. «людина» – человек, авест. «yādu-», хинди «jaadoogar» – «маг, волшебник, колдун»; иран. *yādu-kara-, нов.-перс. «jādūgar» – «едукарь, дока, смысленый человек», – П.Д.), сына Яфета (Ja-pet, санскр. Pra-jā-pati = Пра-Джа-пати / Я-яти – «господин творения, прародитель, творец»; санскр. «ja» – «рожденный, человек»; «pati» – «господин, повелитель»; «jāyati» – побеждать, – П.Д.), сына Нуха; к нему относятся все племена Славян и к нему примыкают в своих родословиях. Это есть мнение многих людей сведущих, занимавшихся этим предметом. Обиталища их на севере (буквально под Козерогом, – А.Г.), откуда простираются на запад. Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Некоторые из них исповедуют христианскую веру по Якобитскому толку (по Несторианскому толку, – А.Г.), некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах (откровенной книги, – А.Г.). Из этих племен одно имело прежде в древности власть над ними, его царя называли Маджак (варианты: Махак, Махал, Бабак (?) – А.Г.), а само племя называлось Валинана... Упомянутое нами племя по имени Сарбин сжигают себя на огне, когда умирает у них царь или глава: они сжигают также его вьючный скот. У них есть обычаи, подобные обычаям Гинда (Индии, – П.Д.); мы уже об этом отчасти упомянули выше в этом сочинении, при описании горы Кабха и страны хазарской, когда мы говорили, что в хазарской стране находятся Славяне и Русы и что они сжигают себя на кострах...» (Масуди, «Мурудж аз-Захаб ва Ма'адин ал-Джаухар», цит. по: А.Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских [с половины VII века до конца X века по Р.Х.]», СПб, 1870, С. 129 – 138, http://idrisi.narod.ru/masudi_sch.htm);

«Первый переводчик ал-Масуди А. Гаркави считал, что арабский историк передал сведения VI в. о гегемонии племени волынян среди дулебского союза, закончившейся ок. 560г. в период аваро-дулебской войны, во время которой погиб король волынян Мезамир

(Маджак). Эту мысль поддержали М.Ю. Брайчевский и Б.А. Рыбаков, а также (не принимая тождества Мезамира и Маджака) В.О. Ключевский и Й. Маркварт. Л. Нидерле пришел к выводу, что ал-Масуди передал события 593г., а король Маджак был вождем антского (дулебского, – П.Д.) союза, в котором гегемоном было племя волынян, тождественным Мусокию, о котором писал византийский историк Феофилакт Симокатта» (Леонтий Войтович, «Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности», <http://cyberleninka.ru/article/n/vostochnoe-prikarpatie-vo-yto-roy-polovine-i-tys-n-e-nachalnye-etapy-formirovaniya-gosudarstvennosti>);

«Власть «Валинана» (вернее, предков волынян – бужан) основывалась на «почтении» и «превосходстве» и носила в большей степени культовый, а не политический характер. «Маджак» (*Магадук – Магараджа – Шахин-шах – Верховный Дук / Дух = Духовник, подобно тому как араб. «аль-маджус» – библ. «магог», – П.Д.) вероятнее всего, периодически совершал ритуальный объезд «подвластных» земель и был чем-то вроде верховного жреца племенного культа (Перуна-Сварога?). На некоторую условность объединения дулебов в пору его сложения указывает полное отсутствие данных о какой-либо славянской «монархии» в письменных источниках того времени. Не исключено, что дулебы не имели общесоюзного веча, а единство их обеспечивалось только ритуальным лидерством бужанского «царя» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V–VIII веков // Анты и дулебы», http://historylib.org/historybooks/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/19);

«Дука и дук муж., южн., зап., лат. знатный, сильный богач, вельможа. «Напер на мене, як дук на теля». Гильфердинг говорит по Саксону, что датский король Гарольд в VII веке, победив балтийских славян, увел с собою князей их «Дука» и «Даля», приняв их в свою дружину» (Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», <https://slovar.cc/rus/dal/544721.html>).

Неполитической была власть как у славяноязычных вестготов (и, в том числе, и у тервингов = червян = сербов), так и у большинства других славяноязычных античных германцев:

«Слабости классовой дифференциации вестготов соответствует отсутствие у них очной политической организации до начала V века. Вожди вестготов от Атанариха до Теодориха I являлись, в сущности, военными вождями, не обладавшими постоянной политической властью. Основой политического строя вестготов являлся в значительной мере их военный строй, который отражал тот же переходный период от родовых отношений к классовому обществу. Вестготы делились в военном строю на тысячи, пятисотки, сотни и десятки. Это же деление сохранялось и в мирные периоды жизни вестготов этой эпохи, отнюдь не уничтожая, однако, родовых группировок. С другой стороны решающей силой даже и в военных вопросах выступала старинная сходка воинов, являвшаяся средоточием общественно-политической жизни племени, начиная с древнейшей эпохи родового строя» (А. Бергер, «Государство вестготов и падение Западной Римской империи», libmonster.ru/m/articles/view/);

«После Амалариха королем в Испании был провозглашен Теода. После того как его убили, на королевский трон возвели Теодегизила. Однажды, когда он пировал со своими друзьями и от души веселился, внезапно погасли светильники, и он погиб, возлежа за столом, от меча своих недругов. После него королевскую власть получил Агила. Ведь готы (как позже и потомки славяноязычных готов, юэчжийцев, аланов-торков и славянизовавшихся антов – запорожские казаки, – П.Д.) усвоили ужасный обычай, что если кто-либо из королей им не нравился, они предавали его мечу и ставили королем того, кто им был по душе» (Григорий Турский, «История франков», III.30. Пер. В.Д. Савуковой, <https://www.rulit.me/books/istoriya-frankov-read-9406-41.html>);

«И действительно, тот самый Тацит, который рассказывает о незначительности княжеской власти в Германии, говорит совершенно противное о тех (славяноязычных античных, – П.Д.) германских племенах, которые жили на Балтийском поморье; именно, он свидетельствует, что «готы строже, нежели другие германцы, подчинены были власти», и что «ругии и лемовии и все вообще тамошние германские народы отличались своей покорностью королям». Такое преобладание крепкой власти у прибалтийских германцев в то время, когда вся (славяноязычная, – П.Д.) Германия еще жила независимыми семьями, указывает, кажется, прямо на господство у них дружинного устройства. При всех этих свидетельствах имен, образа жизни и быта, мы можем с почти полной уверенностью признать, что германскими племенами на Балтийском поморье были пришлые дружины, покорившие там древних жителей, вендов, т. е. (тогда ещё кельтоязычных и балтоязычных, – П.Д.) славян» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», <http://flibusta.site/b/333527/read>).

Сугубо представительским, то есть подобным ограниченной монархии, было и каганское правление у хазарских славян (каган правил, но не властвовал) и княжеское правление у всех других предков украинцев, а также и у новгородских словен:

«С конца VII в. хазары распространяют свою власть на всем пространстве от Волги до Днепра. Славянское население подчиняется им и находит под их властью безопасность. В государстве хазар мы встречаем полную религиозную и национальную терпимость. Это общеизвестно. Во время своего могущества они умели сдерживать подвластные им племена от враждебных столкновений. Кочевники венгры находились в зависимости от хазар, как это видно из рассказа Константина Багрянородного. Враждебное движение в степях начинается только в то время, когда Хазария ослабела в борьбе с арабами, когда вследствие этого ей пришлось взяться за ту же политику, какой пользовалась в своем бессилии Византия, – ссорить соседей, чтобы удержаться самой. Начало этому дал союз хазар с узами для обуздания печенегов в IX в. Печенеги обрушились на венгров, заставили их уйти в Паннонию. Хазария не имела далее сил справиться с узами, теснимыми половцами. Походы русских X века подорвали ее могущество окончательно и уничтожили этот оплот славянства на Востоке. Но в период VII–IX вв. сила хазар была еще крепка, и славяне под ее охраной сохраняли свое местопребывание» (Петро Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до

нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.»,

<https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>;

http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf);

«Хозары, сами по себе, по своей малочисленности не могли создать могущественную империю от Камы, Оки, Волги до Днепра. Главной основой – фундаментом ее строения были народы «Касарии»: Кассоги, Черкасы и горцы Северного Кавказа, которые проживая в Боспорском царстве /столица Пандекопия – нынешняя Керчь/, в городах: Фанагория, Беланджер, Таматарха тысячу лет, уже имели большой государственный опыт строительства оседлого государства. И в неписанной Конституции Федерации именно и чувствовалась воля местного населения, ибо зависимость племен от правительственной власти выражалась лишь в небольшой дани и военной помощи; во внутренние дела народов власть не вмешивалась и они пользовались полным самоуправлением. Английский этнолог Хаверт говорит, в статье: «Черкасы и белые Кхазары», что Хозария зародилась на Северном Кавказе, т.е. там, где вождями местных народов были Черкасы, в лице Касогов, Кабардинцев, Кабаров и никто другой не мог быть первыми организаторами Хозарского царства ибо имя их: Кассаки, Касоги, Касары созвучно с именем Хозар (курманджи «kesek» – человек; сорани «hoz» – «племя, народ»; нидерл. «gezin», англ. «house», япон. «kazoku» – семья, – П.Д.). Имя «Черкасы» в истории настолько слились с понятием Касогов, Казахов, Казаков, что часто в хрониках, без собоых пояснений, нельзя понять о каких именно черкасах идет речь. Таким образом имя «Черкасы» для Северного Кавказа и Приазовья (и Украины, – П.Д.), как бы было территориальным. Даже летописец Нестор говорит, что Казаки имеют много общего и сходного с Черкасами» (Генерал И.Н. Коноводов, «Историко-географический очерк бытия казачьего народа в эпоху монголо-татарского владычества», в кн: «Казачья старина в картах», <http://kaz-volnoe.narod.ru/page421.html>);

«В домосковской Руси княжие «мужи» и «отроки» очень походят на западное рыцарство, а удельные князья – на герцогов, графов и маркизов. Русские дружинники в «Слове о полку Игореве» «рыщут по полю как серые волки, ища себе чести, а своему князю – славы». Именно личная воинская слава является высшим стимулом к действию как древнерусских, так и западноевропейских феодалов. Сами княжеские имена – все эти Ярославы, Святославы, Мстиславы, Вячеславы, очень близки к польским Болеславам, Владиславам, Мечиславам, – вместе с прозвищами вроде Удалого, Смелого или Храброго достаточно ясно говорили о самом дорогом для их владельца помысле. Подобно западному знатному барону, возглавляющему своих вассалов и озабоченному тем, как бы кто иной не опередил его в атаке на противника, русский князь всегда впереди своей дружины под знаменем, в ярком плаще, позолоченном шеломе, блестящих латах. Он, подавая пример личной храбрости, первым бросается в схватку, отыскивая среди врагов равного себе по положению и по удали. У древнерусских князей меч сам выскакивает из ножен, они крайне щепетильны в вопросах чести, обидчивы, самолюбивы, но после хорошей драки легко мирятся, проявляют великодушие к побежденному и нередко вместе с ним тут же, на поле боя, справляют тризну по убитым. Венгерский полководец XIII века говорит, что они «охочи

к бою, стремительны на первый удар, но долго не выдерживают». История Западной Европы знает немало примеров того, как воины, взяв приступом город, грабят его и устраивают при этом страшную резню, но ей неизвестны «подвиги» Чингизхана и Тамерлана, уже после победы хладнокровно истреблявших все пленное население и воздвигавших себе памятники в виде холмов из черепов. Дело в том, что европейский государь даже в минуты сильнейшего гнева против курицы, что несет ему золотые яйца, помнил о том, что, зарезав ее, нанесет себе невосполнимый урон. Феодал же кочевник, воспитанный в традициях степной войны за пастбища, традициях, предусматривавших полное – до младенца в люльке, чтобы не осталось мстителя, – истребление племени или народа-соперника...» (Фёдор Нестеров, «Связь времён», <https://www.rulit.me/books/svyaz-vremen-bez-kartinok-read-178273-7.html>);

«Если мы возьмем самую основную линию развития Новгорода и Киева, Галича и Вильны, с одной стороны, и Москвы – с другой, то нам станет достаточно очевидным: и Новгород и Киев, и Галич и Вильна создали у себя чисто аристократический строй. И в Новгороде, отчасти и в Киеве князья, то есть представители монархического начала в стране, являлись просто наемниками, которых вече то приглашало, то изгоняло по собственному усмотрению. В Галиче княжескую власть боярство вообще съело. В Литовско-Русском государстве, аристократия только и ждала момента, чтобы утвердить свои вольности перед лицом единодержавной власти. Это ей и удалось – ценой существования государства. В Киеве «в XI веке управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины» (Ключевский). «Веча волостных городов, в Киеве и Новгороде, появляющиеся по летописи, еще в начале XI века, со времен борьбы Ярослава со Святополком в 1015 году, все громче начинают шуметь с конца этого века, делаясь повсеместным явлением, вмешиваясь в княжеские отношения. Князья должны были считаться с этой силой, входить с нею в сделки, заключать «ряды» с городами, политические договоры. «Князь, садясь в Киеве, должен был упрочивать старший стол под собою уговором с киевским вече. Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейские их правители» (Иван Солоневич, «Народная монархия», <http://rus-sky.com/history/library/narmon3.htm>).

Сохранило вечевой строй и средневековое украинское козачество:

«Наконец, в ряду перечисленных причин возникновения южнорусского козачества нельзя умолчать и об этнографических особенностях южнорусской народности, которой в силу самой исторической подготовки весьма сродни была такая форма общественной жизни как козацкая община. Дело в том, что южнорусская народность, воспитанная на вечевом строе, самосуде и самоуправлении, потом ставшая в зависимость от Литовского Великого княжества и не вполне вошедшая в колею государственных порядков его, оттого потянувшаяся на свободные, никем не завитые места, естественно могла стремиться воскресить в своей памяти «давно померкшие идеалы» некогда существовавших в южной Руси на началах полного самоуправления, общественных порядков и также естественно могла стремиться повторить их на новых землях, вдали от феодально-аристократических порядков Литвы и Польши. И точно, Запорожье с его товариществом, выборным началом старшин, войсковыми радами, общим скарбом, общей для старшин и простой массы пищей,

отдельными куренями – все это те же общинно-вечевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшие до самого высшего предела развития» (Дмитрий Яворницкий, «История запорожских козаков», Т. 2, <http://www.cossackdom.com/book/bookyvor/izk2/201.html>).

Такая же форма народоправства сохранилась и у мохэских племен (мукри = букрин), и у родственных им других сушенских (сугдин = суксин / сушень / чосон), а позже – чжурчжэньских (чжушэнь = чожду = чосјн / чусин / чосон) горских племен, постепенно воспринявших мировоззрение балто- и славяноязычных сугдов (дисцев) и перенявших у них большинство своих обычаев:

«Строго соблюдалось правило, по которому любой из членов рода мог без каких-либо опасений высказать мнение по обсуждаемым вопросам. Такие совещания представлялись собой своего рода народные собрания равноправных мужчин-воинов. У них вожди и полководцы союза племен спрашивали совета, а в ответ выслушивали самые разнообразные мнения. Даже некоторое время после образования империи такой порядок оставался неизменным. Когда чжурчжэни решали вопрос о каком-либо важном деле, то участники совещания выходили в поле, устраивали положенное в таких случаях угощение, очерчивали углем круг и, усевшись, начинали высказывать мнения. Первыми говорили не начальники, а «низшие». Государь выслушивал «проекты» и выбирал тот, который ему нравился больше других. Интересно, что исполнителем избранного проекта назначался обычно тот, кто его выдвинул. Круг после окончания совещания уничтожался, чтобы, как считалось, никто не слышал человеческого голоса, а враг не узнал о принятом решении, и сведения о нем не вышли за пределы круга, где шли разговоры» («АНЬЧУНЬ ГУРУНЬ: летописи о великих чжурчжэнях 10–12 век», <http://black-dragon.clan.su/publ/3-1-0-74>).

Это всё тот же казачий (сарматский) Круг. От потомков сарматов (сираков), аланов-торков (руссов-торков) и юэчжи (кидаритов = *каракудар / каракузар / карахазар) – горцев таркасов / черкасов переняли этот же обычай и горцы адыги:

«Черкесов (адыгские народы, – П.Д.) обычно представляют как некое сборище разбойников, дикарей, не имеющих ни веры, ни закона: это мнение ошибочно. Нынешнее (1839г.) состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии в античной Греции. Племена Кавказа представляют обычно редкий пример того постоянства, с каким некоторые народы сохраняют свои древние нравы: что делалось за тысячу лет до нашей эры, то делается и сейчас. Ни одно из первобытных племен не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское... Все князья, а также дворяне равны между собой. Среди этого обширного населения, способного, как я уже говорил, выставить до 100 тысяч воинов, нет ни одного влиятельного человека, который мог бы образовать коалицию или выработать генеральный план наступления или обороны; каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник – сам себе хозяин и подчиняется только самому себе... Этот дух независимости... сказывается на их нравах, их законодательстве, их жилищах...» (Фредерик Дюбуа де Монперэ, «История черкесской нации»,

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Dubois_Monpere/text4.htm);

«...самым необычным явлением в жизни адыгских народов была демократическая форма правления в виде «народного законодательного собрания». Именно этот момент выделял адыгов из окружающих народов. Такое собрание у них носит название «хасэ» или «хаса»...» (Михаил Крайсветный, «Кзаки и адыги – хранители демократии», http://passion-don.org/kazak/kraisv_4.html).

Такая же форма народоправства была присуща и многим славяноязычным потомкам сарматов, включая и кангюйцев (канглов – печенегов = баджанакон, являвшихся предками паджо = чалдонов):

«В экстраординарных случаях Печенеги, как известно из более поздних (XI в.) источников, собирали «сходку», являющуюся, по существу, народным собранием – характернейшим органом военной демократии. О ней упоминают в своих сочинениях епископ Бруно и Византийская царица Анна Комнина» (Светлана Плетнева, «Половцы», <http://annales.info/step/pletneva/index.htm>).

Сарматы фактически заложили и основы европейского рыцарства. Рыцари Круглого Стола вместе с королем Артуром стали наиболее популярными персонажами в литературе Средневековой Европы. Казацкому кругу соответствует и сарматское (праславянское) слово «курень» (др.-греч. «κορωνίς» – изогнутый, перен. – «окончание, конец, вершина»; кит. «quānzi», др.-монг. «kureyen», нидерл. «kring», венг. «korong», казах. «аукым» – круг; исл. «hring», англ. «согона», кит. «quānzi», исп. «аго», арм. «ōgh / ōġ», – кольцо):

«Значение слова «курень» персидский историк XIV в. Рашид-ад-Дин определяет, как «кольцо». В старинные времена, когда какое либо племя останавливалось на каком-нибудь месте, наподобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень» (О. Данкир, Г. Кочиев, С. Ходов, В. Юрив, «Казачий Порядок», <http://sites.google.com/site/olegdankir/Poriadnik/vse-formirovania/kuren>).

Если же учесть, что сарматы, как и их потомки славяне, предпочитали возвышенности низменностям, то в слово «курень» вполне могло трансформироваться слово *оукрень = праиндоевроп. *ek¹⁰г – «вершина, возвышенность» вследствие метатезы (перестановки звуков) после того, как в праславянском языке сарматов возобновил действие закон открытых слогов. Ведь аналогично же от санскр. «агра» – «вершина, острие» произошло и праславян. «гора» (укр. «горній» – верхний, «горище» – чердак; «голова» – «верхняя часть тела»), и укр. «гура» – «куча, груда, масса, толпа» (точно также: др.-греч. «οχλος», прабалтослав. *ohlota // праслав. *gьlota, укр. «голова», болг. «хора», греч. «χορός» – «чернь, толпа, люди, народ»). От *ouk¹⁰гava (оукры, украинцы, угры, югра, огуры, уйгуры – «горцы, высокие»; хинди «уисаа» – высокий, хинди «uchchatar», гуджар., тамил. «исса» и тур. «уйсе» – высший) произошли гуджар. «kaurava», бенг. «kauraba», хинди «kauravon» – каурав (маратхи «garva» – «гордость, гордыня»; хинди «garva», бенг. «gauraba» – слава; гуджарати «gaugava» – «высокий, возвышенный, величавый»; лит. «galva» – «глава, голова»);

праиндоевроп. *akmen-, санскр. «áçmā [ˈashman]», лит. «akmuõ» // др.-киевск., ст.-слав. «камы», фин. «kiven» – камень, д.-в.-н., др.-сакс. «hamar», др.-исл. «hamarr», англ. «hammer» – молот [каменный]; лат. «unguis», ирл. «íonga» – ноготь, санскр. «āṅghriṣ» – ступня [ноги], гуджар. «aṅga» – нога // ноготь, нога; праиндоевроп. *h'ar-mo-, санскр. «īrtmas», лат. «armus», др.-норв. «armr» – рука // ст.-слав., болг. «рамо», чеш. «rameno» – плечо):

«В начальных группах *or-, *ol- перед согласными происходила метатеза: рало (чеш. «radlo», польск. «radło») из *ardlo (*ordlo), работа (укр. «робота», серб. «работа», чеш., польск. «robota») из *arbota (ср. нем. «Arbeit»); старослав. «ладии», древнерус. «лодья», серб. «лађа» – из *oldъji, *oldъja (ср. литовск. «aldijá», норвежск. «olda»)…» (О.С. Широков, «Старославянский язык»,

http://www.portal-slovo.ru/philology/37367.php?ELEMENT_ID=37367&PAGEN_1=2).

Сарматские традиции своих предков продолжили и украинские казаки, являвшиеся настоящими рыцарями (укр. «лицарями»). Рыцарский дух фактически был присущ и всему показавшемуся вольнолюбивому народу Украины. Его сформировала благотворная украинская языковая картина мира, запечатленная как в героических песнях и сказаниях, так и в природоцентричной и кордоцентричной бытовой лирике. В 1920г. Г. Танцюра, этнограф, собирал песни по селам Украины, где нашел: Украинских – 2157, московских – 135, польских – 20, советских – 103. Всего же в Украине сложено более пяти тысяч песен (см.: <https://nashe.com.ua/songs>).

Ни одна нация в истории не имела и не имеет такого количества песен, как создал украинский народ самостоятельно (см.: <http://politiko.ua/blogpost16479>):

«Если бы наш край не имел такого богатства песен, я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти то песни заставили меня с жадностью читать все летописи…» (Николай Гоголь, Письмо И.И. Срезневскому, 6 марта 1834г., ПСС Т. 10. Письма 1820-1835, <http://7lafa.com/book.php?id=50950&page=72>).

Холопство московитской знати

А вот, российская (московитская) знать, холопствующая уже при последних рюриковичах, рыцарскую школу так и не прошла. Это и не позволило в будущем избавиться от холопского менталитета не только простолюдинам-холопам, но даже и психически инфантильной русскоязычной интеллигенции:

«Закрепощение служилых князей, начатое Иоанном III Васильевичем, продолжили его сын Василий III Иоаннович и внук Иоанн IV Грозный. При малейшем подозрении в желании служебного князя отъехать его брали под стражу, а затем требовали укрепленную грамоту с поручителями. Эти последние, в свою очередь, должны были представить за себя поручителей-«подручников». В неотъезде того или другого князя оказывались, таким образом, заинтересованными сотни служилых людей. В 1568 году за князя Ивана Дмитриевича Бельского поручились 29 бояр; шесть из них представили за себя 105

подручников» (Дмитрий Калюжный, Ярослав Кеслер, «Другая история Московского царства», <http://testlib.meta.ua/book/107089/read/>);

«Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии её Кортесом. Прирождённые рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, владелись они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремёсел, и не разумея пользы оных. Древний священный закон воспрещал им под страхом смерти покидать свою страну без дозволения патриарха, чтобы не было у них возможности восчувствовать угнетавшее их иго. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации, которая в глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами» (Вольтер, «История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России», СПб., 1999; цит. по: Ю.Н. Лазаревич, «Обучая и обучаясь географии, мы...», <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300210>);

«...русская интеллигенция в сущности всегда была женственна: была способна на героические подвиги, на жертвы, на отдание своей жизни, но никогда не была способна на мужественную активность, никогда не имела внутреннего упора, она отдавалась стихии, не была носителем Логоса. Это, быть может, связано с тем, что в русской истории никогда не было рыцарства...» (Николай Бердяев, «Типы религиозной мысли в России», <https://unotices.com/book.php?id=101667&page=89>);

«По британской «Хартии вольности» – 100 самых знатных баронов королевства, ОБЯЗАНЫ были объявить войну королю, как только он нарушал хотя бы один из договорных пунктов хартии. У нас же, у русских – дворянин это наместник, посадник, то есть человек, которого в любой момент могу сместить, если он не будет всячески потакать «хозяину». В любом человеке полностью и целиком зависящем от произвола правителя непроизвольно начинает проявляться, развиваться и накапливаться – «комплекс раба». Общественное положение порождает общественную психологию, и когда их дети учились «выживанию» на «не лучшем» примере старших, рабская психология откладывалась на весь «российский менталитет». В Европе все было несколько не так, там было и есть слово, пришедшее еще из Римской империи, это слово – «gen» (вспомните – гены, генетика – передача наследственных признаков), и однокоренные от него «gens, gentis» и если сначала «gentilis» это соплеменник – сородич, то позже это уже – «родовитый и благовоспитанный». «Gentilhomme» – во французском языке это – «дворянин», а вот в английском «gentleman» – это уже человек имеющий происхождение, чьи предки были известными и благородными. Кроме того, существовало еще и слово «noble» (ноубл) – благородный или дворянин, но это все в Европе, у нас же, к сожалению, возникли лишь однокоренные слова – дворянин, дворян и дворник, от которых благородством, согласитесь, как-то не веет. В Европе, дворяне – это нобилитет, лучшие люди, чьи предки занимали престижные места в обществе. Даже в Польше (ближайшем к Европе славянском государстве), уже был закон об общем согласии – «либирум вето» (отголоски Римской демократии), было право на конфедерацию – коалицию против единоличной верховной власти и право на восстание (рокош) против угнетения и

несоблюдения прав (законов, договоров). Сейм уже становился основным органом власти, стоящим выше короля. Самый мелкий шляхтич имел личные права, с которыми были вынуждены считаться и король и магнаты, – он не был рабом и холоум в отличие от русской знати. То есть в Европе, в отличие от России, школу уважения к человеческой личности прошел гораздо больший процент народонаселения. Рыцарство, шляхтичество – стали символом людей имеющих набор рыцарских качеств, привилегий, прав и владельцев, не отторгаемых земель» (Сергей Епишин, «Откуда взялись проблемы русского народа и как с ними бороться», http://www.protos7.ru/Morali/Problema_rus.htm);

«Все демократические институты Запада созревали в недрах Средневековья. Даже вассальные отношения были «свободной зависимостью», «свободным служением». Сопротивление крестьян феодалам было правовым сопротивлением – обращением в суд с требованием соблюдать законы. Да, да! Право стояло над королями, а не короли над правом. Что – невероятно? Обратимся к истории: Господа имели дело не с отдельными крестьянами, а с общинами, целыми деревнями и округами, дававшими крестьянам возможность оказывать господам сопротивление. Было бы исторически неверно приравнивать западноевропейских феодально зависимых крестьян к восточноевропейским крепостным. Бесправие, характеризующее положение крестьянства крепостнической России, близкое к рабству, существенно отличалось от положения зависимых крестьян Запада, обладавших правовым статусом» (Игорь Гарин, «Тёмные века», <https://www.proza.ru/2015/11/20/905>);

«Для Северо-востока становятся обычны не бояре, а дворяне. Само слово «дворянин» говорит о многом – однокоренное с «дворником» и «дворней». Люди без собственности, без корпоративной чести – они поневоле верные зависимые слуги... как барская дворня XVIII – XIX веков. Слово «дворянин» впервые упоминается в Никоновской летописи под годом 6683 от сотворения мира (1174 по Рождеству Христову), и не как-нибудь, а в рассказе об убийстве Великого князя Владимирского Андрея Боголюбского: «Граждане же боголюбски (из города Боголюбово. – А.Б.) и дворяне его (Андрея) разграбиша домъ его». Сообщение, на мой взгляд, очень однозначное – дворяне в этом тексте упомянуты именно как дворня, как слуги, живущие на дворе Андрея Боголюбского. Отметим: дворяне ведут себя именно как дворня и дворники, а отнюдь не как люди, обладающие понятием о чести нобилитета и о поведении, подобающем для элиты» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», <https://history.wikireading.ru/7810>);

«← У нас нет элит. Юрий Александрович Левада называл таких людей «назначенными быть элитой». Элиты в социологическом смысле – это люди, которые демонстрируют наивысшие достижения в своей области и в этом смысле выступают образцом для подражания или моральной обязательности. На них ориентируются другие люди, поскольку эти образцы ценностно притягательны, значимы. А наша правящая верхушка – это практика централизма, управления, навязывание без выбора. В России антиэлитарная структура общества, подмятого под себя государством или теми, кто присвоил себе государство. И наше руководство – это воплощение серости и посредственности социума, точек зрения и

мнений принудительно усредненного россиянина (Серого = Гопника, – П.Д.). Все исследования, которые мы проводили, когда еще можно было добраться до верхушки, показывали, что люди на высоких постах думают точно так же, как и обычный человек. А согласно эмпирическим исследованиям политолога Валерии Касамары из Высшей школы экономики, между бомжами и политиками нет принципиальной разницы в их мнениях и политических установках» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>);

«Сначала я не догадывался о существовании Серого. Долго жил без него. Серого я стал впервые чувствовать через язык. Русский язык – царство Серого» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Диалектика», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

Как видим, русская языковая картина мира, уравнивающая дворянина (и придворного) в его подсознании с крепостным дворовым человеком (а то и, вообще, с дворником или же с непородистым дворовым псом – дворняжкой), так и не позволила ни российскому дворянству, ни нынешним российским «придворным» назначенцам избавиться от своей холопской ментальности:

«Было бы притом большим заблуждением думать, будто влияние рабства распространяется лишь на ту несчастную, обездоленную часть населения, которая несет его тяжелый гнет; совсем напротив, изучать надо влияние его на те классы, которые извлекают из него выгоду, а не на те, которые от него страдают. Благодаря своим верованиям, в высшей степени аскетическим, благодаря темпераменту расы, мало пекущейся о лучшем будущем, ничем не обеспеченном, наконец, благодаря тем расстояниям, которые часто отделяют его от его господина, русский крепостной, надо сказать, достоин сожаления не в той степени, как это можно было бы думать. Его настоящее положение, к тому же, – лишь естественное следствие его положения в прошлом. К подчинению привело его не насилие завоевателя, а логический ход вещей, раскрывающийся в глубине его внутренней жизни, его религиозных чувств, его характера. Вы требуете доказательства? Посмотрите на свободного человека в России! Между ним и крепостным нет никакой видимой разницы. Я даже нахожу, что в покорном виде последнего есть что-то более достойное, более спокойное, чем в смутном и озабоченном взгляде первого. Дело в том, что между рабством и тем, которое существовало и еще существует в других странах света, нет ничего общего. В том виде, в каком мы его знаем в древности, или в том, в каком видим в наши дни в Соединенных Штатах Америки, оно имело лишь те последствия, какие естественно вытекают из этого омерзительного института: бедствие раба, возвращение владельца, между тем как в России влияние рабства неизмеримо шире» (Петр Чаадаев, «Отрывки и разные мысли», http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml);

«Самая характерная черта русского человека – безразличие, особенно по отношению к бедам и страданиям человечества. Событие, которое в какой-либо другой стране заставило бы говорить о себе целую неделю, здесь не производит ни малейшего впечатления.

Необычные виды смерти, например, казни, которые в других странах вызывают такой большой интерес, в России не привлекают никакого внимания. Я здесь уже восемь лет и никогда не слышал никаких разговоров о казни, никогда не слышал, чтобы говорили: «Сегодня секли такого-то за такое-то преступление. Он сказал то-то и то-то». Никогда. В прошлом году однажды утром на воду спустили десять военных кораблей; собралась огромная толпа, и зрелище действительно было великолепным. Но тут случайно выстрелила пушка, и одного моряка разнесло в клочья. Никто этого не заметил или, лучше сказать, все, кто заметил, не стали это обсуждать. Я случайно узнал об этом через несколько дней, находясь у морского министра. Еще раньше взорвавшаяся пушка убила и покалечила семь человек. Никто об этом не говорил, и я опять-таки случайно узнал обо всем от одного министра. Среди русских как будто существует некое молчаливое согласие никогда не говорить о таких вещах, и потому бесконечное множество таких происшествий тонет в неизвестности. Мне даже кажется, что нередко они нарочито лгут, чтобы отбить любопытство. Бесспорно одно: трудности, которые сопровождают стремление узнать правду о самых громких общественных событиях, превосходят всякое воображение» (Жозеф де Местр, «Религия и нравы русских», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1020666/54/De_Mestr_-_Religiya_i_nravy_russkih.html);

«Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людями овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей. Не было почти ни одной аристократической семьи, которая не имела бы близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна не осмелилась надеть траур или выказать свою скорбь. Когда же отворачивались от этого печального зрелища холопства, когда погружались в размышления, чтобы найти какое-либо указание или надежду, то сталкивались с ужасной мыслью, леденившей сердце. Невозможны уже были никакие иллюзии: народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, ее надлежало восстановить, но каким образом? В этом-то и состоял великий вопрос. Одни полагали, что нельзя ничего достигнуть, оставив Россию на буксире у Европы; они возлагали свои надежды не на будущее, а на возврат к прошлому. Другие видели в будущем лишь несчастье и разорение; они проклинали убогодочную цивилизацию и безразличный ко всему народ. Глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей...» (Александр Герцен, «Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года», http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0320.shtml).

Отсутствие же у русскоязычных людей соболезнования к другим, очевидно, вызвано негативным бессознательным восприятием ими не только лексемы «болезненный», но и производной от неё лексемы «соболезнование».

Как видим, равнодушие (безразличие, несоболезнование), подлость и трусость

присущи всем русскоязычным челядишкам, а не только лишь так называемому «подлому люду». И прививаются они им именно бессознательными лингвопсихическими установками порочной русской ЯКМ:

«В России жизнь протекает под флагом обратного достоинству явления – подлости. Подлость – системообразующий элемент современной России» (Юрий Амиров, цит. по: Игорь Гарин, «Стихи и афоризмы о России», т. 2, <https://www.proza.ru/2015/05/05/1553>).

Племена склавов, антов и полян (русов) никоим образом не склонны ни стать холопами, ни повиноваться

Конечно же, в том, чтобы распространить холопский менталитет, присущий потомкам славянизовавшихся долихокранных туранцев (финно-угров и половцев), и на все другие славяноязычные народы, всегда было очень много заинтересованных. К тому же, надо же было как-то объяснить и то, что многочисленных потомков смуглых и красноликих вандалов и аланов-торков в Северной Африке и в Испании называли «сакалиба». Вот и отнесли их наши лжеученые к рабам-славянам, несмотря даже на то, что, в отличие от славянизовавшихся долихокранных днепровских балтов и финнов России, потомственные брахикранные [см.: П.6.] славяне (поляне-русы, вильцы-венды и др. западные и южные славяне) и балты (прусы и др. западные балты), как и их предки (славяноязычные античные германцы, готы-русы и аланы-русы / аланы-торки и балтоязычные античные языги, роксоланы, венеды, анты, склавины / скальвы), не только не были склонны стать рабами, но и не желали даже повиноваться никакой авторитарной власти:

«Племена (балтоязычных, – П.Д.) склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в своей земле» (Maug. XI. 4; цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 369 - 375; Маврикий, «Стратегикон», XI. 4: 1 - 2: Свод I. с. 368/369, <http://rusladoga.ru/strategikon.htm>);

«8. О тавроскифах (готах-русах и аланах-русах, - П.Д.) рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, - когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими» (Лев Диакон, «История», кн. 9, <http://www.history.ru/content/view/1348/87/1/4/>);

«В «Сокровенном сказании» монголов, когда ханы обсуждают будущий поход Бату - Батыя на запад, упоминаются среди народов, с которыми придется воевать, и «урусуты», которые, предпочитая смерть плену, «бросаются на свои собственные мечи» (Лев Прозоров, «Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен», Яуза, Эксмо; М.; 2006, http://loveread.ec/read_book.php?id=28113&p=121 ; <http://lib.rus.ec/b/270017/read>).

Храбрость же и вольнолюбие потомственные славяне унаследовали от своих предков северокавказских серов (жунов, дисцев, юэжэй и др.):

«Хань-чжун'ский полководец Шан-цзи держал однажды следующую речь в защиту ба-ди: «Ба-ди семи родов имеют заслугу в том, что убили белого тигра. Эти люди – храбры, воинственны и хорошо умеют сражаться. Некогда цяны, вступив в округа и уезды Хань-чуань, разрушили их. Тогда нам на помощь явились ба-ди, и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому баньшунские мани и были прозваны «божественным войском». Цяны почувствовали страх и передали другим родам, чтобы они не двигались на юг. Когда же впоследствии цяны вновь вторглись с большими силами, то мы только при помощи тех же ба-ди несколько раз наносили им поражения»... Что «ди» не были склонны к подчинению, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно из того, что они без колебания бросали свою поработанную родину и расходились – одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития. Так они, с течением веков, добрались с одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, с другой до Алтая и южной Сибири (и далее до Скандинавии [аланы-торки, гауты и др.] и даже до туманного Альбиона [англы, юты, фризы и даны], – П.Д.). ...как северные, так и южные дисцы отличались одними и теми же чертами своего племенного характера: горячим темпераментом, презрением к смерти, решительностью и необыкновенной отвагой; это были воины по натуре, по призванию: они вступали в борьбу ради самой борьбы и, дорожа своей индивидуальной свободой, не выносили подчинения, в какой бы форме последнее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, деятельными и в то же время, не отличаясь большой привязанностью к родине, они покидали последнюю, когда условия жизни в ней изменялись, и расходились всё дальше в поисках стран, где их социальная жизнь, в форме мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла иметь еще место. Где бы, однако, дисцы ни жили, их главными и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которые вполне удовлетворяли их бродячим наклонностям, их предприимчивой натуре, в высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни в семье, ни в кругу своих рабов и подчиненных... Насколько возможно судить теперь по дошедшим до нас отрывочным известиям о религии дисцев, мы должны думать, что у них одновременно существовали все три стадии религиозного мышления, а именно – поклонение природе (тотемизм), шаманизм и, наконец, поклонение предкам, не развившееся в антропоморфизм, может быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что диской общине были в то время чужды монархические принципы» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://archive.li/TPE47>; http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p30.php).

Вольнолюбие и благородство своих диских предков сохраняли до русификации не только потомки дисцев украинцы, но и метисировавшиеся тунгусы:

«Да и поныне еще тунгусы в своем характере сохранили много диских черт. Кастрен выразился однажды, что тунгусов можно назвать «дворянами (точнее, нобилями /

аристократами, – П.Д.) среди инородцев Сибири», и Меддендорф вполне согласился с верностью подобного заключения. Он не может достаточно нахвалиться их ловкостью и уверенностью в движениях, их стройностью, их, наконец, рыцарскими особенностями характера. Впрочем, подобное же впечатление производили они на всех путешественников без исключения. «Мужеством и человечеством, и смыслом, – писал 75 лет тому назад Ганстен, – тунгусы всех кочующих и в юртах живущих превосходят». Штраленберг отзывался о них в следующих выражениях: «Из всех народов Сибири тунгусы выделяются своей силой, ловкостью и наиболее высоким ростом: они очень напоминают итальянцев; вместе с сим – это единственный в Сибири народ, который и в наши дни (писалось в 1730 году) удержал у себя обычай татуировки. Тунгусы, – пишет Миддендорф, – это положительно горный народ, пробуждающий в нас воспоминания об особенностях обитателей наших европейских Альпов. Они обладают известной выправкой, исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, но вместе с тем закалены физически. Если мы хотим продолжать свое сравнение с европейским населением гор, то мы должны будем передвинуться дальше на запад; только там, пожалуй, можно еще встретиться с беззаботной удалью тунгуса, который в своей первобытности, главным образом, хлебосол, любитель удовольствий и ветреник. Тунгус очень подвижен: не повезет ему в одном месте, он отправляется в другое и продвигается всё дальше и дальше, так что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь с самыми различными племенами» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://archive.li/TPE47>; http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p30.php).

Склонность к холопству и невероятная злобность завистливых русскоязычных потомков туранцев

«Завистливые люди часто осуждают то, чего не умеют, и критикуют тех, до уровня которых им никогда не дотянуться» (Фридрих Ницше, <https://fit4brain.com/9181>);

«К проявлениям рабского мышления относится и традиционная зависть. Для раба хозяйское значительнее собственного, внешнее – внутреннего, общественное – личного, социальное – индивидуального и т. п. Чужие достижения и неудачи для него более значимы, чем свои, что и приводит к парадигме: главное – что у соседа корова сдохла, а не своя отелилась...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?», http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33; <https://7x7-journal.ru/post/48786/2014/10/18>).

Эта парадигма досталась в наследство русскоязычным россиянам не от славян, безуспешно пытавшихся их цивилизовать, а от их финно-угорских предков:

«Счастье – это не когда у тебя корова отелилась, а когда она у соседа околела!» (старинная эстонская поговорка).

Само же слово «околела» происходит от финского слова «kuolla», означающего «сдохла». В ярославских деревнях название напитка «кока-кола» переводят в шутку, как «тетя околела» (Александр Трифонов, «Москва из конопли, или Тетя околела», <http://www.utro.ru/articles/2003/10/02/237066.shtml>):

Завистливые и злорадствующие русскоязычные люди радуются и весьма довольны даже тогда, когда им плохо, если при этом другим еще хуже:

«Реакция зависти. Субъект именно «зеленеет», «кривится», став свидетелем чьего-то неоспоримого успеха. Эту реакцию он не умеет или не считает нужным скрыть, так как до всяких размышлений ему «ясно», что в действительности успеха достоин он, а не кто-то другой. Реакция злорадства. Видя неудачу или провал кого-либо из окружающих, субъект не скрывает своей радости. Это, по существу, постыдное чувство легче понять, когда речь идет о провале соперника, конкурента, врага. Но в данном случае радость, так сказать, бескорыстна: просто амбиции субъекта льстит, что он не попал в передрагу, в которую попал кто-то другой. Здесь уместно процитировать один из шуточных афоризмов с 16-й полосы «Литературной газеты»: «мало, чтобы мне было хорошо. Надо еще, чтобы другим было плохо...» (Виктор Дроганов, «Малые Социальные Группы», http://samlib.ru/d/droganow_w_i/socialnieqrupi.shtml);

«Одержимый злом вольпинист (человек, участвующий в забеге за большими деньгами – «баблом»; оригинальный термин автора цитаты, происходящий от слов «воля» и «альпинист» – П.Д.) не следует мудрому правилу «хлеба к обеду в меру бери», он самоутверждается не в приобретении вещей себе, а в унижении и давлении неудачников вокруг себя, в их нарочитом третировании. Богатство рассматривается не как «мое наличное», а как «чужое отсутствие», величие не в имени самом по себе, а в возвышении над уровнем других. В современной России это очень развито. Стремление «отсечь дверь» идущих следом, «понаоткусывать, чего не съем» постоянно прослеживается красной нитью российских реформ. Рождается «гиперофилия», любовь к фактору нищеты у власти, глубоко ущербное чувство власть имущих. В итоге вольпинисту из народа приходится преодолевать не только собственные страхи и комплексы, но и мощную чужую волю, направленную вниз, на сбрасывание последователей...» (Борис Березовский, «Как заработать БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ», http://soznanie.info/st_berezov.html);

«Возможно, русские в России страдают больше других народов, но они ни за что не захотят страдать в одиночестве, и никогда не простят успеха и благополучия своим бывшим соседям по коммуналке...» (Готуми бэхэс, «Мысли о России»);

«Делая акцент на международную повестку дня, мы потеряли способность на адекватную оценку внутривнутриполитических событий в России. Регионы, корпорации и отдельно взятые чиновники произвели на свет столько взаимоисключающих действий, что ответить на вопрос, что из себя представляет Россия сегодня, ни практически, ни теоретически невозможно. Неудовлетворенность, ненависть, зависть и собственное бессилие определяет

повестку дня и объединяет в этом всю нацию. Путину удалось главное – все свои неудачи, просчеты и ошибки переадресовать на негативные последствия стремления Запада уничтожить любую идентичность в мире. Он предложил присоединиться всех граждан России к месседжу, что во всех трудностях и неприятностях государства, общества и отдельно взятого человека виновата политика Запада, пятой колонны национальных предателей и агентов зарубежных спецслужб. Получив такую уникальную возможность списать все свои ошибки и просчеты, общество сознательно пошло на самообман, не предполагая, что успех этой аферы логически нереален. От Путина до последнего бездомного страна застряла в нереальном представлении о действительности и процессах, происходящих в мире. Каждый, подвергнувшийся воздействию патриотического возбуждения и поучаствовавший в одобрении силового вмешательства в процессы, происходящие в Украине, теперь боится выйти из этого состояния и допустить свою неправоту...» (Наталья Гулевская, политик, правозащитник, «Надежда только на инстинкт самосохранения», <http://www.echo.msk.ru/blog/pravovojobereg/1482090-echo/>);

«Россия провалила экзамен на политическую зрелость, ее власть оказалась преступной, общество – средневековым, экономика – маргинальной, ценности – человеконенавистническими. Россия больше никогда не будет в клубе избранных, чтобы об этом сейчас не говорили в самой «семерке». Если она даже каким-то чудом сохранится на политической карте мира и станет нормальной страной, ее место в клубе избранных будет уже давно занято. Той же Бразилией. Или Индией...» (Виталий Портников, «Россия предала не только Украину, но и весь цивилизованный мир», <https://glavnoe.ua/news/n229453>; <http://www.bagnet.org/news/politics/256733>).

Русское «победить» соперников в соревновании вовсе не означает превозмочь (укр. «перемогти») их в мастерстве, а означает буквально «повергнуть в беду» их. Так что, укр. «перемога» и русская «победа» – отнюдь не тождественные понятия:

«У нас даже спорт вместо ощущения праздника вызывает ощущение битвы, в которой мы должны доказать свое превосходство над другими странами! Поражение футбольной сборной, по словам одного из моих собеседников, «позорит страну» (удивительно, он никогда не говорил, что беспризорники, нищие старики, самоуправство силовиков, провальный уровень медицины, низкие сроки жизни, лидерство по наркомании или десятки тысяч трупов на дорогах в год позорят страну – но вот футбол!)» (Андрей Мовчан, «Мораль в России: оправдание зла в примитивной группе», http://slon.ru/russia/moral_v_rossii_opravdanie_zla_v_primitivnoy_gruppe_-1119610.xhtml).

Как видим, в быдлотворной русской ЯКМ не столь важно, чтобы самому человеку было хорошо, как то, чтобы другим людям стало плохо:

«Сделал гадость – в душе радость» (Русская поговорка, «Высказывания и крылатые выражения», <http://stagg.narod.ru/afor.html>);

«Эти господа, как большинство (психически инфантильных, – П.Д.) людей, способны

одинаково нагадить человеку отчасти из-за дрянной какой-нибудь выгоды, отчасти так, оттого, что приятно искусно нагадить: этим выказывается ум, ловкость» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 27 марта 1862 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«...«Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли». ...сцена за сценой, глава за главой следуют картины дворянского города, в коем процветает «подлость, совершенно бескорыстная, чистая подлость» как основа основ психики и бытия господствующего сословия, – или еще иначе, где и среди мужчин и среди дам царит это «нежное расположение к подлости»...» (Г.А. Гуковский, «Реализм Гоголя», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/gukovsky_g/grg/grg-001.htm)

«Есть у русского человека бескорыстная любовь к подлости. Он ничего с этого иметь не будет, но гадость ближнему сделает...» (квинтэссенция бытописаний Николая Гоголя, цит. по: Игорь Гарин, «Стихи и афоризмы о России», <http://www.proza.ru/2013/09/13/604>);

«А что, сидеть за одним столом с президентом России – не дискредитирует? А печататься в газетах, где на одной полосе нормальные материалы и заказные фельетоны против какого-нибудь банка, где одновременно проповедуют демократию и расизм с цинизмом, – не дискредитирует? А быть русским – когда быть русским в глазах совестливых людей означает быть нациствующим милитаристом, невежественным, трусливым, норовящим сделать любую гадость, если будет гарантия безнаказанности?» (Яков Кротов, обозреватель радио «Свобода», «Секта Грабового не имеет никакого отношения к религии?», <http://izvestia.ru/news/306837>).

Поэтому-то вовсе и не удивительно, что слова «зло» и «злость» в русском языке являются однокоренными:

«Злость, у матери (помещицы Бедряги, – П.Д.), умерявшаяся расчетом и эгоизмом, иногда принимавшими характер благоразумной осторожности, у дочери не знала границ. Она была зла со всех сторон, и только зла; не имела ни страстей, ни пороков, которые, за недостатком лучших свойств, смягчают или, вернее, разбавляют жестокие натуры. В душе ее не было ни скупости, ни тщеславия, ни сладострастия, а только одно влечение вредить всему, что может чувствовать вред, отравлять своим прикосновением все, до чего она дотрагивалась» (Александр Никитенко, «Моя повесть о самом себе», СС в 3 т. Т., 1, http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_1.htm);

«Российские власти похожи на маленьких злых детей. Желания простые, методы реализации еще проще. И все должны хотеть играть с ними в их игрушки. Например, каждый должен восхититься Олимпиаде – зловонной клоаке, вырытой инициативными ворами на Черноморском побережье. А в мировой политике все должны мечтать об интеграции с Российской Федерацией – разваливающейся рухлядью, населенной покорными

бюджетниками, бандитами в погонах и беспокойными кавказцами во главе с Рамзаном Кадыровым. Конечно, любой почтет за счастье интегрироваться со всем этим великолепием!.. Пускай наши злые дети в правительстве готовят себе удавку из газовой трубы, вспоминая об украинских долгах каждый раз, когда с ними не хотят дружить. Это просто смешно...» (Кирилл Мартынов, «В очередь за гражданством», <http://svpressa.ru/blogs/article/76695/?from=0>);

«Не Царское Село, к несчастью,
А Детское – ей-ей.
Что ж лучше: быть царей под властью
Иль быть забавой злых детей?»

(Николай Гумилёв, экспромт, цит. по: Вадим Крейд, «Николай Гумилев в воспоминаниях современников», <http://coollib.com/b/16445/read>).

Отрицательная комплементарность вольнолюбивого сарматского этноса балто-славян и русскоязычного холопского этноса туранцев

«Развитие переносных метафорических значений цветовых терминов отчасти обуславливалось влиянием их концептуальных референтов (архетипов), частично инспирировалось цветом кожных реакций человека. В рамках различных культурных ареалов символический аспект функционирования наименований цветов получает специфические национально-культурные коннотации, связанные, как с психологией восприятия цвета тем или иным этносом, так и с историко-культурными традициями той или иной страны» (Ирина Голубовская, автореф. дис. «Этноспецифические константы языкового сознания», <http://dissertation.com.ua/node/684661>).

Бледнолицые потомки туранцев – западных финнов (чухонцев, веси, мерян и др.) и половцев весьма завидовали более успешным краснолицим смуглым (темно-красным, темно-русским, каурым) балто-славяноариям («кауравам» – украинцам) и, поэтому-то, и старались внешне им подражать. Мужики постоянно доводили до покраснения свои рожи (да и сейчас делают это довольно таки успешно) неограниченным приемом сосудорасширяющих горячительных напитков. И тем самым, в конце концов, превратили себя в алкашей (вовсе не от греч. слова «άλκοος» – алый, а именно от арабского слова «ал-коголь»).

Для того же, чтобы выглядеть смазливо и быть похожими на румяных украинок, их бледнолицые девицы и матроны густо смазывали свои лица белилами и румянами:

«Смазливый, смазливая, смазливое; смазлив, смазлива, смазливо. Пригожий, миловидный. «Рожица у ней смазливая», Тургенев. Смазливая девушка» (Толковый словарь Ушакова); «Женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы. От краски морщится кожа, и

они становятся еще безобразнее, когда ее смоят...» (Джилльс Флетчер, «О государстве русском», <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fletcher/frameset6.htm>);

«Нравы всех горожан вообще были старинного склада, наивно-грязные и грубые: в них не было места ни общественным, ни семейным добродетелям. Женщины там, по примеру бабушек, все еще безобразили себя белилами и румянами» (Александр Никитенко, «Моя повесть о самом себе», СС в 3 т., Т. 1, http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_1.htm).

Поэтому-то ни сколько и не удивительно то, что избрание за эталон красоты червонного цвета привело к неизбежности переименования его в русском языке в красный:

«...если нам попадется в руки какой-либо текст XVIII в. или даже более раннего времени, мы способны кое-что понять из этого текста. Правда, это понимание иногда обманчиво, иллюзорно: ведь некоторые слова изменили значение – несколько веков назад смысл их был иным. Так, например, красным называли то, что сейчас мы обозначаем словами красивый, прекрасный. Это значение сохранилось в былинах и в пословицах, в народных песнях: красная девица; Не красна изба углами, а красна пирогами – и в топонимических наименованиях: Красное село – это красивое село, а не село красного цвета; Красная площадь значило «красивая площадь» («Энциклопедический словарь филолога // Исторические изменения в лексике», <http://slovarfilologa.ru/74/>);

«Свои рассуждения выше о слове «краса» мы считаем необходимым распространить и на его производное «красный», древним значением которого было не просто (абстрактно) «красивый», а «наделенный румянцем». Специфика случая русского прилагательного «красный» – в его древнем синкретизме значения, в том, что оно не столько семантическая инновация (в других славянских языках продолжения праславянского *krasъnъ имеют только значение «красивый, прекрасный»), сколько архаизм («красный» в изначальном смысле «цвета жизни, румяный, краснощекий»)» (Олег Трубачёв, «Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика до письменного периода», <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-94.htm>).

Возможно, что это произошло, и не без влияния санскр. «kr̥ṣṇa» [kRishNa] – черный (темный) из-за наличия у темных природных объектов преимущественно красноватого оттенка, приведшего и к созвучию лексем «чермный» – «красный, смуглый» и «черный»:

«КРИШНА – «чёрный, красивый», – синонимы «чёрного» в санскритском носят смысловой обертон «красивый», как в русском синонимы красного (прекрасный)...» («Махабхарата», выпуск VII, «Книга о Бхишме», глава 8, http://www.e-reading.club/chapter.php/1013645/163/Mahabharata_Vypusk_VII_Kniga_o_Bhishme.html).

Однако же такое обезьянье подражание во всем настоящим славянам и другим цивилизованным этносам (при котором буквально всё, включая и посещение школ и высших учебных заведений, делается лишь для пущей видимости / важности или же лишь для

приобретения очередного звания, а не знаний и жизненных навыков), так и не позволило «бледнолицым» москвитам избавиться от холопского и дикарского менталитета. А, тем самым, оно не позволило и стать им подобными как потомственным славянам, так и даже финнизовавшимся потомкам славяноязычных аланов-торков – брахикранным финнам:

«Для финского общества образование – само по себе ценность. Школа должна давать не только знания, но и жизненные навыки, прививать радость от обучения, умение учиться на протяжении всей жизни. Много внимания уделяется развитию разных компетенций: от элементарных навыков заботы о себе до умения учиться, точно выражать свои мысли, быть способным к социальному взаимодействию, адаптироваться в деловом мире, участвовать в жизни общества...» (Татьяна Швец, «Учить по-фински. Чему может научить украинцев финская школа», https://focus.ua/society/369758/?utm_campaign=web_push&utm_source=628).

И поэтому-то, русскоязычные туранцы и остаются до сих пор, всего лишь, славянофонными лживыми дикарями, отрицательно комплементарными не только всем потомственным балто-славянам, но даже и финнам:

«Подражательность и восприимчивость – два различные и последовательные фазиса в истории нашего умственного образования. Подражательностью мы становились перед предметами и, как неподвижное зеркало, механически, или, если угодно, оптически, отражали их в себе без малейшего принятия внутрь, без всякого изменения, кроме того, что предмет был существен, а отражение его призрачно. Восприимчивостью мы до некоторой степени усваиваем себе чужие понятия, принимаем их внутрь, но не перерабатываем их, не анализируем, оставляем их почти такими, какими они приняты, и стремимся распространять, не думая и не заботясь о том, должны ли они быть распространяемы и могут ли они ужиться в нашем русском мире. И тут, как и там, немного самостоятельности, но здесь более движения, больше живости. Видно, что мы хотим напитать себя принятым материалом. Но так как мы не думаем о доброкачественности принятой пищи, ни о том, в какой мере она свойственна нашему организму и нашему возрасту, то нередко пища эта производит в нас тошноту, и, вместо того чтобы действительно нас питать, она нам вредит и отравляет нас» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 2 февраля 1864 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Несомненно, что те русские, которые совершали путешествия, занесли в свое отечество много безрассудных идей тех стран, в которых они побывали, и ничего – из их мудрости; они привезли все пороки и не заимствовали ни одной из добродетелей» (Дени Дидро, французский философ, «Замечания на Наказ ее императорского величества депутатам комиссии по составлению законов», Собр. соч. Т.10. С.442, <http://russiahistory.ru/avtory/didro/>)

«Дамы русские, побывавшие в Париже, по большей части усвоили себе дурной тон наших французов. Модницы привезли его с собою в Россию. Хорошего же тона они не приобрели и весьма далеки от этой цели как в отношении приятности разговора и ума, так и в отношении порядочности в обращении и в туалете. Другие дамы, не бывавшие за границей, хотят подражать тем, которые подышали воздухом Франции, но им удается усвоить себе

только дурное [...]. А те, что открывают грудь, переступают пределы приличия, так что парижанин принял бы их за женщин на содержании. И в самом деле, они имеют этот вид, стараются оглашать свои любовные похождения и содержат любовников на жалованьи [...]. К тому же они любят вино и крепкие напитки и много пьют их, подобно своим мужьям....» (Де Белькур, «Заметки француза о Москве в 1774 году», Публ. Н.И. Дмитриева // Русский архив, 1875. Кн. 11. С. 281, <http://russiahistory.ru/frantsuzskij-puteshestvennik-de-bel-kur-o-durnom-vliyanii-zapada-na-rossiyu/>);

«В 1851 г., накануне Крымской войны, Мишле писал о том, что Российская империя построена на слепой, варварской вере, что она уничтожает личную и духовную жизнь. В этой стране отвратительно все: и западные идеи, которые заимствовало правительство, и способы, которыми оно их извратило, оставив народ морально беззащитным против зла. «Россия, – писал он, – не воспринимает от нас ничего, кроме зла. Она собирает, втягивает в себя весь яд Европы. Она увеличивает его в объеме и делает более опасным». С редким пророческим даром он писал: «Вчера Россия говорила: «Я – христианство». Завтра она скажет: «Я – социализм». В 1871 г. он развил эту идею, предвидя появление в России в результате модернизации «социалистических тиранов», варварских мессий, опасных для Европы, которая должна объединиться против них...» (Н. Kohn, «Die Slaven und der Westen: die Geshichte des Panslavismus», Wien; München, 1956, цит. по: И.Н. Ионов, «Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе», <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskiy-i-postkolonialnyy-diskursy-v-formirovanii-obraza-rossii-na-zapade>);

«Почему социализм так органично вплелся в нить русской истории? Мне кажется, социализм одной своей стороной очень близок русскому человеку. Он близок ему своей иллюзорностью, убийственной мнимостью, своим стремлением к мировому забвению. Забвение – это основная черта русских, так как вытекает из их внутренней «пустоты». Это то, что они забывают, – для них неистинно, внешне. Россия постоянно линяет, меняется. Конфликта между отцами и детьми нет, так как поколения не встречаются, они живут в разных измерениях. Нельзя сказать, что сейчас распалась связь времен, русские времена никогда и не были связаны. И именно из-за такой «рассыпанности» Россия монолитна. В России никогда ничего не происходит, потому что не успевает развиваться, забывается, сметается и как-то само собой пропадает. И именно когда связь между отдельными событиями все-таки появляется, все рушится. Розанов писал, что «русская история в некоторых частях испорчена, – и именно в тех, где она суетилась. Но где она «лежала» – всегда выходило хорошо и успешно» («Идея мессианства», «Новое время», 13.07.1916). Ничего не надо...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...народ-богоносец расправил плечи и сбросил с себя марксизм. С той же неправдоподобной легкостью, что и христианство. Промарксистовал 70 лет – и сбросил. Даже не усмехнувшись, не то что не покаявшись. Десятки миллионов жертв, неслыханная в

истории гекатомба – и как с гуся вода! Будто и не было. Откуда эта божественная легкость? Всё оттуда: от язычества. Требовалось и требуется этому народу, собственно говоря, только одно: вера в свое превосходство над всеми прочими народами. В дикости, в языческом детстве каждого народа эта вера укоренена и незыблема. Проходит она только по мере взросления. Не доросший до цивилизации народ знает всеми фибрами своей большой, жаркой души, что он – лучший. Во всех смыслах лучший, в первую же очередь – самый задушевный и добрый. Это знание – из тех, которые и формулировать не нужно. Это как уверять, что вода – мокрая, а кровь – красная. Это самоочевидно» (Юрий Колкер, «Тризна по России», <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Trizna.htm>);

«Народ русский – глубоко несчастный народ, но и глубоко скверный, грубый и, главное, лживый, лживый дикарь...» (Александр Эртель в «Воспоминаниях» Ивана Бунина, <http://www.lk.vrnlib.ru/?p=products&pr=15>);

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?
Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблачённые пустели алтари,
Свободы буря подымалась.
И вдруг нагрянула... Упали в прах и кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали. Мечи да цепи зазвучали.
И горд и наг пришел Разврат,
И перед<?> ним<?> сердца застыли,
За власть<?> Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
[И безразлично, в их речах,]
Добро и зло, всё стало тенью –
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах»

(Александр Пушкин, «Зачем ты послан был и кто тебя послал?», из стихов о Наполеоне, 1824, https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/05misc23_36/1824/0640.htm);

«Война, которую я веду, есть война политическая... Я хотел избавить Россию от тех зол, которые она сама себе причиняла. Я мог бы вооружить против нее часть ее собственного населения, провозгласив освобождение крестьян... Много деревень меня об этом просило.

Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы смерти, разграблению и самым страшным мукам много семейств» (Наполеон Бонапарт, «Речь перед Сенатом 20 декабря 1812г», цит. по кн.: Евсей Гречена, «Война 1812 года в рублях, предательствах, скандалах», <http://lib.rus.ec/b/412441/read>; Виноградская, «Наполеон и русские крестьяне», <http://voynablog.ru/2012/10/13/napoleon-i-russkie-krestyane/>);

«Мережковский негодовал на Толстого, изобразившего Наполеона полнейшим духовным и интеллектуальным ничтожеством. У Толстого, по его мнению, получился даже не злой демон, «а только сказочный слабоумец – обратный, злой Иванушка-дурачок, маленький, гаденький мерзавец, лакей-Наполеон, которого заставляет плясать и дёргаться, как бездушную марионетку на ниточке «невидимая рука»...». Однако Толстой здесь не менее прав, чем Мережковский. В толстовской злобе к великому человеку сказалось природное русское неуважение личности. Не «маски» срывал Толстой – он срывал лица, превращал личность в кукольного болвана, что доставляло ему неизъяснимое наслаждение. А также – ощущение собственной мудрости (всё видит, всё знает). Отсюда и показной неинтерес русской литературы к жизни высших сословий, представление князей и графов как бритых и напудренных крестьян, крестьян ряженных и притворяющихся, лживых и глупых. Следовательно – бесполезных. В обществе, осознающем себя столь извращённо, в конце концов, и должен был появиться «обратный Наполеон». Толстой тут просто «зеркало русской революции» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Не исключено, конечно же, и то, что слово «смазливый» произошло от укр. «смаглявий» – смуглый (от формы *smag-, укр. «смажити» – жарить), в котором слог «маг» заместился корнем эрз. слова «мазы» – красивый. Смысл же слова «смуглый», на самом деле, не соответствует внутренней его форме и, поэтому-то, в подсознании оно ассоциируется с имеющим совершенно иной смысл словом «смага» – полоса (лтш. «smaug» – «тонкий, стройный», лит. «sùsmauga» – сужение... др.-исл. «smuga» – «углубление, лазейка», – Этимологич. словарь Фасмера). Возможно же, и это весьма способствует неразумности и неупорядоченности жизнедеятельности русскоязычного человека, а тем самым и приводит к тому, что жизнь у него полосатая (укр. «смагаста»):

«На миф о черных и белых полосках завязаны и попытки откупиться от наказания, высшей формой которой является плата десятины и церковная исповедь, а самыми примитивными, так сказать, бытовыми, договоры с самим собой «если сегодня я вымою посуду, то на экзамене мне выпадет легкий билет». Второй причиной прочности мифа является сама жизнь. Да, действительно, временами нас бьют по живому. Правда, в большинстве своем события эти вполне прогнозируемы и даже логичны. Ведь сколько бы ты не сдавал экзамены на халяву, рано или поздно, тебе зададут вопрос, на который ты не знаешь ответа. Но ленивому человеку проще прикрыться зеброй, чем найти закономерности событий. И поэтому миф живет и процветает!» (Елена Шубина, «О полосатости жизни», <http://sterva.kulichki.net/bwoman/index.htm?1665>);

«Россия – это царь. Его явление
Меняет краску суток полосатых.
От лысых к нам приходит послабление,
И снова тяжело при волосатых»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>).

В отличие же от московитской знати, темно-красные [см.: [II.7.](#)] потомки юэчжийцев / *утиев – хунор / оногуров = англов, утигуров = ютов и велетов = вильцев / лютичей / *ютичей высокорослые жуны / гунны = фризы = хросы / русы (кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»), являвшиеся знатью предков украинцев, испокон веков были деятельны и материально обеспечивали не только себя, но и воинские формирования за счет торговли и хозяйственной деятельности на всем протяжении Шелкового Пути. Они не «сидели на шее» у своего народа и не паразитировали на нем, в отличие от знати многих других народов. Поэтому-то большинство украинцев, привыкших к свободе и не терпящих ни малейшего насилия над собой, до сих пор ведет деятельный образ жизни и не избегает несения личной ответственности за всё, происходящее в их обществе.

Да и в Хазарском каганате то тюркютская знать, ведь, тоже не паразитировала на свободолюбивых предках украинцев – темно-краснокраснокожих полянах (*[п]аланах / *[г]аланах / аланах; турец. «alan» – поле), которыми являлись и бораны-варяги, и аланы-русы / русы-торки, и готы-русы и такие же темно-краснокраснокожие славяноязычные караболгары-ясы (санскр. «yasa» – слава) и карахазары-торки = таркасы / черкасы (тёмные асы; тадж. «торик», пушту «tor», протогерм. *derkaz, ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный; сербохорв. «црн», азерб. «чиркли» – черный):

«Представитель разбитой тюркской династии убежал к хазарам. Хазары приняли его и... сделали своим ханом. Хан-тюрк их очень устраивал. Он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Терекком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Хазарам не приходилось содержать своего хана. Он не требовал с них налогов, кормясь собственным кочевым хозяйством. Хан и пришедшая с ним военная знать, удовлетворяясь дарами подданных, не вводили системы поборов и не занимались торговлей» (Лев Гумилёв, «От Руси к России», <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r01a.htm>) [см.: [II.8.](#)].

В юности я восхищался японскими самураями (суварами = сабирами – суверенными, независимыми, верховными), пока не осознал, что они, постепенно выродившись, в конце концов, превратились из независимых слуг в обыкновенных холопов, преданных своим хозяевам как собаки и готовых без зазрения совести исполнить любое повеление своего господина. Самураи стали полностью зависеть от своих хозяев, так как были абсолютно беспомощными на свободе и не способными обустроить свою жизнь без тотальной опеки своего господина (подобно большинству нынешних русскоязычных людей, нуждающихся в опеке чиновников государства). Поэтому-то, когда японская знать перестала нуждаться в услугах самураев (араб. «сабур», татар. «сабыр» – терпеливый), они и

вынуждены были истребить друг друга в поединках. Что-то похожее происходит сейчас и в России. Российская элита перестала нуждаться в непроизводительном рабском труде бывших советских холопов, не способных обойтись без тотальной опеки авторитарной властью, и бросила на произвол судьбы не только их самих, но и их потомков:

«Итак, по мнению авторов учебника, оптимальная численность населения Российской Федерации – 67,5 миллионов человек. Именно такой она была, по их мнению, в 1897 году. Учебник «География России» в 2 кн. Кн. 1. Для 8–9 кл. общеобразовательных учреждений. Выпущен издательством «Дрофа». Восемь раз переизданный. Восьмое переиздание имеет тираж 85 тысяч экземпляров. То есть, издание массовое, конечно же, одобренное Министерством просвещения. Чему же оно учит?... Последний вопрос к ученикам в рассматриваемой теме учебника звучит прямо: «Будет ли увеличиваться численность населения России?» Положительного ответа, исходя из данных параграфа, не предполагается. Поэтому, если уже при жизни нынешних школьников население России, к примеру, сократится вдвое, они не должны этому удивляться» (Илья Бражников, «Курс на вымирание. Путинско-медведевские школьные учебники внушают, что оптимальная численность населения Российской Федерации – 67,5 миллионов человек», <http://kprf.ru/crisis/edros/67890.html>);

«Ученые составили карту вымирания человечества, согласно которой Украина вымрет в промежутке с 3000 до 3299 (если не избавится от быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.), а Россия в 2888 году, т.е. через 800 лет. Ученые объясняют, что прогноз вымирания тех или иных стран строится на основе так называемого чистого коэффициента воспроизводства населения (КВН) – среднего числа девушек, рожденных за всю жизнь средней женщиной в той или иной стране и, дожившие до конца репродуктивного периода при данных уровнях рождаемости и смертности» («Официальные данные о вымирании населения в России», <http://gifakt.ru/archives/index/oficialnye-dannye-o-vymiranii-naseleniya-v-rossii/>).

Подобно своим предкам русам (грутуннам = хросам, хорасмиям = хурусам [см.: П.9.] и черным клобукам (готам, аланам-торкам = таркасам / черкасам), дорожившим своей волей и пользовавшимся множеством привилегий в Киевской Руси, украинские казаки тоже всячески противились как любым ограничениям своих вольностей и привилегий, так и наложению на себя какой-либо другой дани (повинности), кроме дани «мечами» – «воинской повинности в охране рубежей родной земли»:

«Однообразная и простая жизнь казаков не вызвала ни у кого ни зависти, ни ревности, но их героические действия раскрыли на них глаза всем соседям, и прежде всего полякам, признавшим заслуги казаков и использовавшим их очень успешно как непреодолимый барьер против турок, русских и татар. Чтобы лучше обеспечить себе их помощь, поляки заключили с ними соглашение, согласно которому они обязались платить казакам деньги на их содержание, а также торжественно обещали никогда их не беспокоить, не навязывать им никаких законов и не изменять ни малости в их привилегиях и учреждениях. Потому что казаки всегда считали себя народом свободным и независимым. Но когда впоследствии полякам захотелось забрать их прерогативы, они отправились под протекцию России...

Жители Малороссии в прошлом не облагались налогами. Царствующая императрица, чтобы не раздражать их подушным налогом, приказала собирать ежегодно по рублю от каждого дома. Сейчас же, несмотря на свои привилегии, они обязаны платить подушную, как крестьяне Великороссии. Они так возненавидели этот налог, что тысячи казаков бежали в Польшу...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>).

Проживавшие в Южной Руси тёмно-краснокожие ясы и «казарские славяне» – славяноязычные черкасы (черные касоги) или же просто касоги (кашаг = кашгары = казаки; греч. «κάστανο», лат. «castaneo», лит. «kaštonas», панджаби «Caisaṭanaṭa» – каштановые, то есть красно-коричневые, тёмно-красные), а также и их потомки славяноязычные зихи (чиги / чики – рубежане, украинцы; англ. «cheek» – «щека, боковая стенка», тат. «чик», карач.-балк. «чек» – рубеж, край, граница) были родственны полянам, уличам / улахам (альтцигирам и кутригурам?), тиверцам (тибаренам?) и другим южноукраинским славянским племенам:

«...существовавшие на Дону славянские племенные объединения вскоре вновь выступили против Киевской Руси, так как последующие летописные события также говорят о борьбе уже Тмутараканской Руси с Киевской. Мстислав Владимирович, «зареза Редедю», повторно присоединив к Руси касогов в 1022 г., усилившись на юго-восточной окраине Руси, объединил под своим началом Тмутараканское и Черниговское княжества. Получается, что Донской регион с 1022 по 1034 гг. входил вместе с Белой Вежей в государственное объединение Мстислава Владимировича. Русские летописи подтверждают эту интерпретацию событий, сообщая о победном походе в 1024 г. Мстислава на Киев против Ярослава Владимировича, и заключении в 1026г. мира: «Ярослав... сотвори мир с братом своим Мстиславом у Городьця». Вскоре после победы над Ярославом Мстислав совершил удачный поход в Ширван в 1030–1032 гг. и значительно расширил пределы своего княжества. Границы Черниговского и Тмутараканского княжеств простирались от левобережья Днепра (включая весь Донской регион) до предгорий Северного Кавказа. Мстислав умер в 1034 г., оставив брату Ярославу Владимировичу земли, сопоставимые с Киевской Русью. Таким образом, выделяется период 1022 – 1034 гг. Он характеризуется как расширением славянского присутствия в регионе, так и самостоятельностью от Киевской Руси. В указанный период два русских государства мирно сосуществовали друг с другом. «В лето 1029 г.» источник прямо указывает, что на Руси «мирно бысть»...» (Е.И. Дулимов, В.К. Цечоев, «Славяне средневекового Дона», http://historylib.org/historybooks/E-I-Dulimov--V-K-TSechoev_Slavyane-srednevekovogo-Dona/3).

Поэтому-то родственные друг другу воины касожской дружины Редеди и дружины Мстислава Храброго и не пожелали истреблять друг друга, ограничившись лишь поединком своих предводителей:

«Казаков, или хазар (карахазар – черкасов и касогов, – П.Д.), поскольку это их первое и древнейшее имя, знали уже в 948г. нашей эры, как отмечает Константин Багрянородный в книге под названием «О правлении Империей», в разделе X. Они жили в Кабарде у подножия Кавказских гор, в 1022 году их разбил князь Мстислав. Вот что говорит Нестор в

Русской летописи: «Года 6530, или 1022, Мстислав, князь Тьмутороканский, пошел на хазар, или казаков. Князь казаков вышел ему навстречу, и, поскольку силы обоих войск были равны, Редедя (Раджа? – П.Д.), хазарский князь, сказал Мстиславу: «Зачем погибать невинным воинам, биться будем вдвоем. Если Вы меня убьете, то возьмете мое состояние, мою жену, детей и мою страну. Если я вас убью, то так же заберу все, что вам принадлежит». Мстислав на то согласился...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>).

К большому же сожалению, в аналогичном противостоянии возглавляемых Мамаем войск Южной Руси (русинов, ясов = бродников, касогов, торков = таркасов / черкасов и других славяноязычных предков украинцев) [см.: [П.10.](#)] и пришедших на помощь золотоордынскому хану Тохтамышу войск Дмитрия Донского двоеборством Челубея и Пересвета сражение не завершилось:

«...далеко не все на Руси поддерживали антилитовскую, а значит, и антизападническую политику Москвы. За Ольгерда стояли противники Москвы – суздальские князья; имелаась мощная партия сторонников Литвы и в Новгороде. Точно так же две партии, как мы помним, сложились и в двух частях бывшей Золотой Орды: западническую возглавлял темник Мамай, а партию сторонников Московской Руси – хан Тохтамыш...» (Лев Гумилёв, «От Руси к России», ч. 2 «В союзе с Ордой», <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r02b.htm>);

«Необходимо отметить, что в войсках Мамаея практически не было татар – он формировал свои отряды на берегах Днепра, преимущественно из местного населения. Шел Мамай на Днепр по территориям нынешних Днепропетровской, Полтавской, Донецкой и Луганской областей. С севера – по Киевщине, Черниговщине, Харьковщине – на помощь ему двигалось войско Ягайла» (Кость Бондаренко, «Мамай, атаман казацкий?», <https://www.religion.in.ua/8483-mamaj-ataman-kazackij.html>);

«Безбожный же царь Мамай, увидев свою гибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Ракля и Хорса и великого своего пособника Магомета» («Сказание о Мамаевом побоище», http://svitk.ru/004_book_book/2b/387_kolesov-skaznie_o_mamaevom_poboihe.php).

Как видим, на Куликовом поле противостояли уже не родственные, а чуждые (отрицательно комплементарные) друг другу этносы – славянский этнос русинов-украинцев, всё ещё продолжавших почитать своих языческих богов Перуна, Хорса и Семаргла (Ракля), и финно-половецкий (татарский) этнос Московского улуса Золотой Орды. Ведь родственные этносы не ведут войн, направленных на тотальное истребление друг друга.

Уже Андрей Боголюбский считал киевлян чуждым владими́ро-суздальцам (мерянским агафирсам и мокшанам) этносом, беспощадно истребив их:

«...Слова Великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского, сохраненные в летописи: –

«...нам нечего делать в Русской земле... Получается, что те русские, что жили севернее киевлян и волынцев, совсем не русские люди для древних летописцев» (А.К. Гуц, «Подлинная история России. Записки дилетанта / Многовариантная история России», 2001, <https://www.rulit.me/books/podlinnaya-istoriya-rossii-zapiski-diletanta-read-297245-20.html>);

«1169 г. – Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский захватил и разграбил Киев. Летописец писал: «Суздальцы так страшно разрушили Киев, что татары не имели уже, что разрушать в 1240 году. То есть, это была первая война будущей Московии против Киева. (И разграбил за два дня весь град, Подолье, и гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу и не бысть помилования никому же). В Киеве в то время было 400 церквей, и он был богаче, чем тогдашний Лондон и Париж. Андрей Боголюбский украл (ранее, – П.Д.) из Вышгородского монастыря (под Киевом) чудотворный образ Божией Матери, привезенный когда-то из столицы Византии – Константинополя. Позже москвичи переименовали ее во «Владимирскую Богоматерь». Многие историки считают 1169, годом рождения Московии» («Хронология злодейств Москвы», <http://kozatskavarta.com.ua/?art=155>; «Все преступления "братского народа" с 1169 по 1990 годы», <http://oi5.ru/n146988706>);

«В 1169 году на вмешательство Киева в дела Новгорода Андрей Боголюбский, очевидно, уже считая все северные земли своими, ответил войной. Он отправился на Киев с большой армией одиннадцати северных князей, взял город и сильно его разрушил. Как отмечает летопись, «не было милосердия никому ниоткуда, церкви горели, христиан убивали, других брали в плен». Суздальцы ограбили Десятинную церковь и Софию, забрали иконы, книги и все драгоценности. Пока ещё никто и никогда так не уничтожал старую столицу. Такому же опустошительному нападению Киев подвергся и 1203 году, когда суздальский князь Всеволод вместе с половцами ограбил и сжёг столицу Руси. Ярость и ненависть, с которыми суздальцы уничтожали киевлян, как и не менее жестокие акции в ответ, свидетельствуют о том, что это была уже не традиционная междоусобная борьба, а межэтническая вражда» (Григорий Пивторак, «Украинцы: откуда мы и наш язык. Происхождение украинского и русского языков: мифы и историческая правда», <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/ukraincy-otkuda-my-i-nash-yazyk>);

«Двадцать лет Русская земля, распавшаяся на восемь «полугосударств», по существу суверенных государств, – суперэтнос, основанный на постепенно забываемой традиции, – находилась в одиночестве, окруженная врагами и утратившая друзей. Но мало этого, большая часть населения Руси была настроена враждебно к тому порядку, который был основан на православии, княжеском авторитете и общерусском патриотизме. Это были упорные язычники и лицемерные двоеверы. Подати они платили, но любви к государственным началам не питали. Без них князья не могли существовать, но опираться на них было более чем опасно. Монголы и немцы находили среди них помощников, не считавших себя предателями, ибо князьям они подчинялись поневоле. И не удивительно, что Русская земля в XIV в. развалилась на части. Новгородская республика выделилась в неполноправного члена Ганзы, Киевскую землю забрали, почти без сопротивления, литовцы,

а Залесская окраина обрела спасение в союзе с Золотой Ордой, защищавшей своих подданных. Одиночество – самый верный путь к исчезновению. Но начался этот процесс этнической обскурации после разгрома Киева, за 33 года до похода Батыя, а не вследствие монгольского набега, размеры коего преувеличены в последующей историографии...» (Лев Гумилёв, «Древняя Русь и Великая степь», <http://gumilevica.kulichki.net/ARGS/args315.htm>);

«Герасимов, известный своими «реконструкциями по костным останкам», реконструировал портрет Андрея Боголюбского. Получился старый человек, глядящий злобно и вместе с тем пытливо, в лице его явственно выражены монголоидные черты, что, впрочем, не так удивительно, ведь Андрей Боголюбский был сыном Юрия Долгорукого от брака с дочерью половецкого хана Аэпа. В своих беспрерывных военных конфликтах Андрей Боголюбский несколько раз опирался на половецкую помощь; вероятно, «бабкин род» оказал поддержку и его сыну Юрию (Георгию) Андреевичу» (Анатолий Кулиберда, «Хозяева» Руси», <http://viche.at.ua/publ/1-1-0-73>);

«...Андрей Боголюбский – это первый великоросс, который выходит на историческую сцену. Великоросс не в этническом смысле – хотя бы потому, что у него было намешано кровей каких угодно, среди которых славянская составляла, в лучшем случае, не более одной шестьдесят четвертой части. Среди его предков были и англо-саксы, и греки, и шведы, и еще какие-то скандинавы. Андрей Боголюбский – великоросс не по крови, а по типу власти, которую он устанавливает. Но потом и его преемники проводят, в принципе, ту же государственную линию, которая полностью подпадает под те определения деспотии, которые дает Александр Львович [Янов]» (Игорь Данилевский, «Деспотическое государство возникло и стало воспроизводиться на Руси с XII века», <http://www.liberal.ru/articles/4534>).

Чуждым себе этносом владими́ро-суздальцы считали и не приемлющих деспотии новгородцев:

«Когда тотъ же Всеволодь идетъ на Новгородъ и осаждаетъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себѣ. «Мы не цѣловать ихъ пришли», говорятъ Владиміръцы иронически. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая каждого Судальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападеній князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Через несколько дней московское войско погнало более семи тысяч семейств в Московщину, зимой, по морозу, не дав им собраться, не позволив ничего взять с собой; их дома, их недвижимое и движимое имущество – все сделалось достоянием великого князя. Многие из сосланных умерли по дороге; оставшихся расселили по разным городам, посадам и селам Московской земли; детям боярским давали поместья на Низу, а вместо них в Новгородскую землю посылали для поселения москвичей. Так и вместо купцов, сосланных в Московщину, в Новгород отправили новых купцов из Московщины... Добавлю, что после чудовищного разгрома, не побоюсь этого слова – геноцида, описанного им, по Новгородчине прошелся еще мор, а лет сто спустя – опричина» (Лев Прозоров, «Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен», Яуза, Эксмо; М.; 2006, <https://www.rulit.me/books/vremena-russkih-bogatyrej-po-stranicam-bylin-v-glub-vremen-read-19987-12.html> ; <https://www.litmir.me/br/?b=22587&p=12>);

«Что касается войны царя Алексея Михайловича, то белорусский историк и писатель Владимир Орлов дал ей следующую характеристику: «Это была самая страшная и кровавая война за всю историю Беларуси». Орда московских захватчиков прошла тогда от Смоленска до Вильни, Гродно и Бреста, убивая людей, сжигая города и деревни, поля и даже леса. Триста тысяч крестьян и горожан были уведены в Московию, превращены в рабов ее князей и помещиков. После той войны «...население /в границах современной Беларуси/ уменьшилось более, чем наполовину: если перед войной оно достигало 2 млн 900 тысяч человек, то к 1667 году осталось около 1 млн 350 тысяч. Потеряно примерно 53 %. В восточных и северных поветах Беларуси потери населения были ещё больше. В Полоцком повете они составили 75 %, в Мстиславском – 71,4 %, в Оршанском – 69,3 %» (Георгий Давидюк, «Балтский субстрат в формировании белорусской народности», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=56>);

«В XII – XIII веках на Северо-Востоке Руси рождается чудовище. Назвать его можно по-разному: и традицией политического бесправия, и деспотией, и азиатским путем развития. Неисчислимы бедствия сулит этот путь; великое множество смертей, человеческих мук, разруху и одичание. Не одна кровавая комета растаяла в небе, едва чудовище повело вокруг своими желтыми драконьими глазами. Вот оно вскинулось, оскалилось полудиким конем из бесплодной монгольской степи. Поваяло во все страны жаром пыточных горнов и пожарищ, пошел от чудища смрад разлагающихся тел, горящего человеческого мяса, крови, неубранных нечистот, перегара скверной местной водки. Уставя вертикальный зрачок, чудовище рычит: гулко, свирепо, ненавидяще. В его реве слышен гул огня и плач бесчисленных вдов, крик детей, живьем сгорающих в церквях, вой посаженных на кол и запарываемых кнутами, стоны умирающих от ран. Настанет страшный день – и оно прыгнет. Несколько веков чудовище отрывало от Руси кусок за куском, жадно жрало и все росло – будто пучилось. Все громче и страшнее его рык, все большее пространство отравлено идущим от него смрадом. Чудовище победило, разорвало на части, сожрало Русь, извратило ее по своему образу и подобию. Поэтому чудовище называется теперь Русью,

Россией – по имени сожранных. Нравы чудища именуются «исторически сложившимся типом общества», преступления чудища – светлыми подвигами; в рычании и вое чудовища отыскивается необъятный космический смысл. Бросок чудовища на Русь, истребление и пожирание Руси теперь называется не нашествием Орды и не явлением на Руси Чуда-юда поганого, а «собираением русских земель» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», <https://www.rulit.me/books/ozhivshij-koshmar-russkoj-istorii-strashnaya-pravda-o-moskovii-read-55383-1.html>; <https://mybook.ru/author/andrej-burovskij/ozhivshij-koshmar-russkoj-istorii-strashnaya-pravd/read/?page=1>);

«И вот сегодня Советский Союз (в облике Чуда-юда поганого – России, – П.Д.) цветет и пахнет. Восстанавливаются по стране памятники Сталину, кончается легкомысленное вольнодумство. Советский Союз бряцает оружием, всех пугает, хочет укрупниться за счет соседей, вернуть потерянное. Кое-что уже удалось. Например, Крым. Советский Союз набирает силу под аплодисменты народа. Наступает новая пора социалистического реализма. Но если Советский Союз жив, то когда он родился? Многие думают: вместе с советской властью. Смешное мнение! Советский Союз был в России всегда. При Иване Грозном и при Петре Первом, и при всех остальных царях. Он мечтал разлечься на два континента, поперек географии, и разлегся. Он всех победил, потому что бросал в топку победы своих же людей, и те сгорали с большей охотой, нежели прочие народы. Вот пища, которой питается Советский Союз. Скорее всего он родился от неравного брака татаро-монгольских завоевателей и русской души, жившей на лесистых берегах русских рек. Русская душа понесла. Родился маленький богатырь. Мать посмотрела на него и думает: как бы его назвать? И назвала Советским Союзом. Красивое имя! Теперь его знают все...» (Виктор Ерофеев, «Как Советский Союз притворился мертвым», <http://patrioty.org.ua/politic/viktor-erofeev-kak-sovetskii-soiuz-pritvorilsia-mertvym-118763.html>);

«Когда приходит время басен
Про волю, право и закон,
Мы забываем, как опасен
Околевающий дракон»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>).

Общенародного разговорного языка в Киевской Руси X – XII вв. не было

Термин «Русь», на самом деле всегда являлся лишь географическим понятием, и централизованного государства с таким названием никогда не было. Все княжества, как и украинные земли, были вполне суверенными территориями, и их князья, проводя самостоятельную политику, могли и не участвовать в общих походах на степняков, так как были лишь вассалами, а не подданными киевского князя. Фактически это была конфедерация суверенных украинских земель, населенных полянами-украинцами, и княжеств, сплоченных лишь родственными узами своих князей и формальной полувассальной зависимостью их от киевского князя:

«В истории каганов Руси есть, по крайней мере, три эпохи: волжская (около 839 – 930), надднепрянская (около 980 – 1036) и киевская (1036 – 1169). При первых двух Русь владела скорее народами, чем обозначенными землями, взимая дани и контролируя торговлю вдоль главных международных путей (и, конечно, отстраняя соперников, например, полоцких Ylfingar). Этими путями были: 1) волжский и двинский торговые пути, важные в IX и в первой пол. X ст., что вели к двум центрам исламской торговли – Булгару и Итилю; 2) днепровский торговый путь в X – XI ст. от варягов через Киев к греческому Цареграду, как выше сказано, тогдашнему центру международной экономики. Третья – Киевская эпоха, знаменовала собой начало культурной консолидации Руси и попытку ее национализации... Славянский русский обряд стал основой для «национализации» или слияния поляно-славянских и неславянских (русских и других) элементов в одну русскую землю, что означало постоянное расселение Руси на территории Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств, то есть на центральных украинских территориях. До того времени Русь была только чужеземным правящим слоем, базирующимся на примитивной организации кочевников моря и рек, которые периодически собирали на подвластной территории дань (полюдье) и были подданными своего князя, но не были связаны ни с какой территорией» (Омельян Прицак, «Откуда есть пошла Русская земля», <http://politiko.ua/blogpost97690>);

«Исследователь истории восточных славян П.Н. Третьяков утверждает, что термин «древнерусская народность» является «книжным», который предложили советские историки. Он считает, что эта народность была общностью весьма относительной: еще долгое время сохраняли свои особенности ее компоненты (кроме славянского – летто-литовский и финно-угорский). Не только в IX – X веках, но и в XI – XII вв. Русью, Русской землей называлась небольшая область в границах Среднего Поднепровья (поселения доских аланов-русов = полян-русов, окончательно славянизовавших балтоязычных склавинов Поднепровья, – П.Д.). Третьяков утверждает, что термин «древнерусская народность» дает лишь возможность не смешивать этническое объединение славян времен Киевской Руси с русской народностью XIV – XVI веков» (Георгий Штыхов, «У истоков белорусской народности», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=101>);

«...современные исследователи обычно полагают, что летописная «Русская земля» была обозначением некоего государства. Между тем, обитатель Киева, не говоря уже о других городах и всяях Восточной Европы X – начала XII в., был бы несказанно удивлен, если бы вдруг узнал, что он – подданный государства (а не того или иного князя). Само это слово появилось в источниках лишь в XV в. (один из самых ранних случаев его употребления относится к 1431 г.). Причем значения его сводились к понятиям: «определенная территория, страна, земля» или «правление, царствование; власть государя». Впрочем, и слово «государь» стало употребляться в современном значении лишь при Иване Грозном. Патриотические чувства древнерусского человека определялись, прежде всего, принадлежностью его к тому, что сегодня называют «малой родиной». Вместе с тем каждый

житель Древней Руси, как справедливо заметил Б.Н. Флоря, знал, что он живет в Русской земле. Другой вопрос, была ли она для него государством. Само понятие «Русская земля» неоднозначно. К нему не применимы представления о территориальной целостности, единого экономического, культурного и политического пространства. Не было даже четко определенных границ. В этническом плане – сегодня это уже достаточно ясно – население Русской земли вряд ли можно представить в виде «единой древнерусской народности». Жители Древней Руси достаточно четко делились на несколько этнических групп – с разной внешностью, языком, материальной и духовной культурой. При всей близости они различались системами метрологии и словообразования, диалектными особенностями речи и излюбленными видами украшений, традициями и обрядами. Так что, содержание этого летописного словосочетания до сих пор представляет определенную загадку. Анализ более семисот упоминаний «Русской земли» в летописных сводах до второй четверти XIII в. позволил уточнить значение этого словосочетания, как принято говорить, «в узком смысле». Работы А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, В.А. Кучкина дают полное представление о том, что летописцы XI – XIII вв. к Русской земле относили Киев, Чернигов, Переяславль Южный, Городец Остерский, Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, Божский на Южном Буге, Межибожье, Котельницу, Бужск на Западном Буге, Шумеск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, Мичск, бассейн Тетерева, Здвижень. По словам В.А. Кучкина, «основная часть Русской земли лежала на запад от Днепра... В целом же древняя Русь простиралась не в меридиональном, а в широтном направлении. Ее бо́льшая часть, располагавшаяся в правобережье Днепра, занимала главным образом водораздел, отделявший бассейны Припяти и Западного Буга от бассейнов Южного Буга и Днестра. На западе Русская земля достигала верховьев Горыни и Западного Буга». Южные границы «узкой» Русской земли при князе Владимире доходили до р. Стугны. Лишь при Ярославе Мудром они дошли до более южной р. Рось (от наименования которой некоторые исследователи выводят название Русь). При этом, княжества Галицкое, Владимиро-Волынское, Овруч, Неринск и Берладь в состав этой Русской земли не входили. Такие границы не связаны ни с каким-то протогосударственным объединением, ни с некоторой этнической общностью. Скорее всего, по мнению А.В. Назаренко, эта Русская земля была частью большого торгового пути, связывавшего Восток с Центральной Европой» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=16>);

«Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой «Киевской Руси», вряд ли может быть признан правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трех рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Черным, и начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как «путь из Варяг в Греки»... из Киевской Руси и не могло развиваться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы

позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно... И так, ясно, что не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно. Между Киевскою Русью и той Россией, которую мы теперь считаем своей родиной, общим является имя «Русь», но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно» (Николай Трубецкой, «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns11.htm>);

«Промежуток времени с XIII по XV век выделяют иногда как специально «удельный» период русской истории: «раздробление русской земли на уделы» является здесь, таким образом, определяющим признаком. Нет надобности говорить, что представление это исходит от мысли о «единстве русской земли» до начала удельного периода. Русь рассыпалась, и ее потом опять «собирали». Но мы уже знаем, что говорить о едином «русском государстве» в киевскую эпоху можно только по явному недоразумению. Выражение «русская земля» знакомо и летописи, и поэтическим произведениям этого времени, но им обозначалась киевская область, а распространительно, поскольку Киеву принадлежала гегемония во всей южной Руси, и вся эта последняя. Из Новгорода или Владимира ездили «в Русь», но сами Новгород и Владимир Русью не были. Притом это был термин чисто бытовой, не связывавшийся ни с какою определенной политической идеей: политически древняя Русь знала о киевском, черниговском или суздальском княжении, а не о русском государстве. Рассыпаться было нечему, стало быть, нечего было и «собрать». В устаревшую – собственно, по своему происхождению карамзинскую – терминологию пытались вдохнуть новое содержание, то приурочивая к началу этого периода особенное будто бы измельчание княжеств, то связывая с этим именно временем глубокий упадок княжеской власти, утрату князьями всяких «государственных идеалов» и превращение их в простых вотчинников» (историк М.Н. Покровский, «Русская история с древнейших времен», <http://archive.is/7zqiQ#selection-403.1-403.36>);

«Разноплемённое население, занимавшее всю эту территорию, вошло в состав великого княжества Киевского, или Русского государства. Но это Русское государство еще не было государством русского народа, потому что еще не существовало самого этого народа: к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность. Все эти разноплемённые элементы пока были соединены чисто механически; связь нравственная, христианство, распространялось медленно и не успело еще захватить даже всех славянских племен Русской земли: так, вятичи (очевидно, родственные вотякам / удмуртам сако-массагетские племена, входившие ранее вместе со славянскими племенами в утигурский союз племён, – П.Д.) не были христианами еще в начале XII в. Главной механической связью частей населения Русской земли была княжеская администрация с ее посадниками, данями и пошлинами. Во главе этой администрации стоял великий князь киевский. Нам уже известен характер его власти, как и ее происхождение: он вышел из среды тех варяжских викингов, вождей военно-промышленных компаний, которые стали появляться на Руси в IX в.; это был первоначально

наемный вооруженный сторож Руси и ее торговли, ее степных торговых путей и заморских рынков, за что он получал корм с населения» (Василий Ключевский, «Курс русской истории», <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec10.htm>);

«Экономические связи между землями древнерусского государства (Киевской Руси) были слабыми. Языковые, культурные и другие этнические особенности восточнославянских группировок не успели стереться. В одежде, украшениях, быте, языке, верованиях их представителей сохранялось много отличий, которые шли от племенных особенностей. Поэтому нет смысла ставить на одну доску тезис о единой древнерусской народности с тезисом о политической общности в границах государства, существовавшего до начала 30-х годов XII века, а затем распавшегося на самостоятельные княжества. В 1996 году на VI Международном конгрессе славянской археологии в Великом Новгороде состоялось заседание, посвященное вопросам древнерусской народности. В одном из докладов был сделан вывод: «Версия о том, что древнерусская народность не сформировалась окончательно и распалась в связи с распадом древнерусского государства, имеет больше реалий и правдоподобия, чем альтернатива, основанная на мифическом представлении существования единой народности, поскольку условий для этого явно не хватало. Процесс возникновения родственных восточнославянских народов – белорусского, украинского и русского (великорусского) – можно рассматривать без использования этого спорного понятия» (Георгий Штыхов, «У истоков белорусской народности», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=101>);

«Вряд ли огулом основная масса населения (а не князей, их приближенных и кучки просвещенных книжников) имела хотя бы приблизительное представление о размерах Руси. По давню никому не пришло бы в голову, что, живя в Поросье, можно рассуждать про «общность своего происхождения» с Новгородом или Полоцком. Одинаковое писаное слово и единство духовно-интеллектуальной традиции вызывали ощущение взаимной родственности, – но только в узкой среде просвещенной элиты» (Н. Яковенко, цит. по: Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=55>);

«Единого и общенародного разговорного языка в Киевской Руси X – XII вв. не было, как не было и единого письменного языка, да и не могло быть. Об этом прямо свидетельствуют те отражения разговорной речи, какие извлекаются из памятников письменности разных уделов и разных жанров (летописей, грамот, переводов, дипломатических актов и т. д.). Неоспоримо было лишь единство церковнокнижного старославянского языка на Руси. Единство языка деловой литературы лишь постепенно создавалось усилиями княжеских дьяков, стремившихся освободиться от заметных диалектизмов и выработать формуляр актов, наиболее понятный для народов Киевской Руси» (Б.А. Ларин, «Разговорный язык Московской Руси», <http://philology.ru/linguistics2/larin-77b.htm>);

«...уже в начале X в. Киевская Русь стала неустойчивой конфедерацией «племенных княжений», демонстрируя, по словам М. Брайчевского, драматичное переплетение центростремительных и центробежных тенденций» (Григорий Пивторак, «Украинцы: откуда мы и наш язык. Происхождение украинского и русского языков: мифы и историческая правда», <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/ukraincy-otkuda-my-i-nash-yazyk-1>);

«...Это (Киевское государство, – П.Д.) было довольно эфемерное и аморфное образование. Но управлялось оно из Киева через наместников, и все они были сыновьями киевского князя. Дорог не было, все перемещения осуществлялись по рекам, зимой на санях, летом на ладьях. От Киева до Новгорода путь занимал не меньше двух месяцев. Управлять таким государством было невозможно. Поэтому когда сначала исчезла печенежская опасность, а затем постепенно прекратился путь «из варяг в греки», это образование начало расплзаться... И Киевская Русь, и Древнерусское государство – это одинаково корректные и одинаково условные названия для этого аморфного объединения. Появились эти наименования довольно поздно. Разницы никакой нет... То, что центром государства был Киев, это безусловно. Киев был не только политическим, но и идейным центром. Там была резиденция киевского митрополита...» (Игорь Данилевский, из интервью Андрея Мозжухина «Рюрик – это легенда», http://rusplt.ru/society/ryurik--eto-legenda-13348.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=pad);

«В середине двенадцатого столетия ранее единое Киевское государство начинает распадаться на отдельные полунезависимые феодальные государственные единицы – «земли». Это разделение, в конце концов, приводит к феодальной раздробленности, иначе – к началу удельного периода в истории русской государственности. На месте ранее существовавшей относительно единой «империи Рюриковичей» (на самом деле не империи, а лишь конгломерата вполне самостоятельных княжеств и украинских земель, объединившихся в конфедерацию под эгидой Рюриковичей, – П.Д.) возникают почти независимые в экономическом, политическом и культурном отношении княжества» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 7 «Русский литературно-письменный язык периода феодальной раздробленности, XIII – XIV вв.», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl7.htm> ; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/07.php);

«Концепция «русской нации» является искусственным, надуманным образованием, не имеющим опоры в реальности и в реальной истории. Термин «Русская земля» принадлежит далекой истории. После разрушения Киева в 12-м веке другими русскими князьями во главе с Андреем Боголюбским, единая русская государственность, имевшая конфедеративный характер, де-факто и вовсе прекратилась» (Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, из интервью Kreml.org, 16.06.2006, <http://muslim.ru/articles/278/8007/>).

Наследники Боспорского царства и Киевского государства

Так как поляне (казаки-украинцы) были прямыми потомками не только славяноязычных готов, аланов и кударитов (болгар и хазар), но и прибывших гораздо ранее них на Северный Кавказ и в Приазовье балто-славяноязычных сарматов (тарпетов = сираков – зеруян / червян / тервингов, троксолан / роксолан, янтсай = антов, аланов-торков, грутуннов / русов) [см.: [П.11.](#)], являвшихся в разные периоды федератами Боспорского царства, то они и унаследовали высокую культуру этого античного государства:

«Что ж касается о именуемых козарах, от коих мнили запорожцы происшедшими быть, отколь и какие люди были, и могут ли козаки происхождение свое от них иметь последующими с ними коловратностями, объявляет нам ясно взятое из греческих летописцев, российская Четья-Миня, повествованием своим в месяце мае в 11 день, что козары, коих греки козарами, римляне ж газарами называли, был народ скифский (точнее сарматский, – П.Д.), языка славянского. Страна же их была близ Меотического озера, что и Мертвым морем называлось (ныне же Азовским именуется); во оное Дон-река, которая Азию от Европы разделяла, впадает...» (Александр Ригельман, «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще // Разное мнение козаков о происхождении своем», <http://litopys.org.ua/rigel/rigel02.htm>);

«В высшей степени интересно, что Масуди сообщает о высоком культурном уровне кубанских казаков раннего средневековья. Оказывается, красавицы-казачки носили ткани из импортной парчи, затканной золотом! Значит, были деньги на импорт из «Рума», то есть Византии... Кроме того, сами казаки производили ткани на экспорт, в том числе и таких сортов, какие были недоступны даже развитой промышленности арабского Востока! У нас есть многократные свидетельства источников (подкрепленные данными археологии) о превосходстве средневекового русского вооружения. Русские мечи в те времена ценились выше византийских и пресловутой «дамасской стали», русские кольчуги шли на экспорт во Францию... Но, оказывается, и легкая промышленность в те времена была не хуже?» (Нина Васильева, «Русская Хазария», <http://kladina.narod.ru/vasilyeva2/vasilyeva2.htm>);

«§18. За царством аланов находится народ, называемый кашак (т. е. казаки = касоги, черкасы = украинцы; греч. «κάστανο», лат. «castaneo», лит. «kaštonas», панджаби «Caiṣaṭanaṭa» – каштановые, то есть красно-коричневые, тёмно-красные, – П.Д.) и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем. Этот народ исповедует религию магов. Среди племен этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более ясной («азхар» – выпуклая) линией бедер и ягодиц, и [вообще] нет народа лучшей внешности, чем этот. Наедине их женщины, как описывают, отличаются соладостностью. Они одеваются в белое, в румскую парчу, в ярко-алую ткань (сиклатун) и в различные парчовые ткани, затканые золотом. В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется тала(?) – «золото» и который более тонок и носок, чем сорт дабики; один отрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама.

Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими [кашаками]. Аланы более мощны (мустазхира 'ала), чем кашаки, которые не могли бы справиться (ла тантасиф мин) с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье. По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие – что это Нитас (Понт). Во всяком случае, по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к ним на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]. Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не допускают (тарк) назначить над собой царя, который объединял бы их слова (объединял их вместе). В таком случае ни аланы, ни какой-либо [другой] народ не мог бы выжить (не потонуть). Их название обозначает по-персидски «гордость», «хвастовство» (лат. «castus», словен. «chaste», нидерл. «kuisse», нем. «keusch» – «чистый, целомудренный»; турец. «küstah» – высокомерный; серб. «хвалисање»; босн. «hvali se» – «хвалится, хвастается»; авест. «hvarəz» – «благодетельный, благородный»; др.-сканд. «hrosa», англ. диал. «goose / руз» – хвалить; др.-англ. *hride = «pride» – «гордость, гордыня»; гот. *hrotps – «слава», восстанавливаемое из засвидетельствованного в письменных источниках прилагательного «hrotpeigs» – «торжествующий, победоносный, славный»; ирл. «gort», кельт. «горм / гворм» – знатный; панджаби «hakāṅi», арм. «goṛoz» – «гордый, надменный»; лит. «gegos» – хороший, – П.Д.), поскольку персы называют высокомерного гордого человека кашак (казак = хазарин; хурус = хорезмиец / хвалис = гревтунг / грутунг = славянин, – П.Д.)» (Мас'уди, «История Ширвана и ал-Баба», Глава XVII, «Мурудж ад-Дзахаб» [«Россыпи золота»], http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril3.phtml);

«Что за КУБАНСКИЕ КАЗАКИ в X в.? Неужели казаки (касаки) = адыгейцы, как без зазрения совести пишут некоторые «комментаторы»? Почему с такими усилиями они пытаются «распространить» малые народы Кавказа на север, «заселить» ими русские степи? Этнически изолированные народы гор всегда образуют адаптированные к особой природной среде сообщества, и в других условиях не живут. Кавказские народы не могли быть «маджусами», как арабы именовали иранских зороастрийцев, а также русских и славян – носителей арийской религии. И чем могла поразить арабов внешность адыгейцев, почти ничем не отличающаяся от их собственной? Столь сильное впечатление на них производили не адыгейки, но кубанские казачки (потомками которых являются именно длинноногие украинки, – П.Д.)... Аланы предкавказских степей есть не кто иные, как русы-аланы, а кубанские «касаки»... есть просто кубанские казаки. То есть две большие автономные области Хазарского каганата, не считая днепро-донских полян и северян, были заселены русскими (точнее брахикранными и длинноногими предками украинцев, – П.Д.). Но есть все основания полагать, что славяно-русское население составляло основу вообще во всех областях Каганата» (Юрий Петухов, Нина Васильева, «Евразийская империя скифов // Русская Хазария», http://www.e-reading.club/chapter.php/1002353/29/Vasileva_Nina_-_Evraziyskaya_imperiya_skifov.html);

«Начиная с этого города и по всей земле русских (русинов / русов = украинцев, – П.Д.), то есть казаков, мы заметили возбуждавшую наше удивление прекрасную черту: все

они, за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами... Всякий базар и местечко в земле казаков обилуют жителями, в особенности маленькими детьми. Каждый город имеет, может быть, до 40, 50 и более тысяч душ; но дети многочисленнее травы и все умеют читать, даже сироты...» (Павел Алеппский, «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке», 1654 г., <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Makarij/text1.phtml?id=1046>);

«В украинцах произошло огрубление национальной синтетической идеи. Равновесие между западной и восточной кровью у малороссов тяжелей, элементарней. Слишком сильным было завершающее польско-немецкое и татарское воздействие; европейское влияние было слишком насильственным и направленным извне, восточное – слишком органическим и естественным. Великорусская впечатлительность, способность к спохватыванию нашла соответствие в элементарной нерешительности, нервности, неспособности к принятию решений (хотя в обманчивости таких представлений об украинцах русскоязычным туранцам неоднократно приходилось убеждаться, – П.Д.). А великорусское изворотливое упорство и мудрая терпеливость у украинцев превратились в «хохлацкое упрямство». Характерно, что в чисто бытовом плане это замутнение в итоге дало более крепкий и здоровый тип взаимоотношений. Несомненно, что в народной толще украинец более трезв, талантлив и образован, более инициативен и развит. Но чем выше уровень, тем больше чаша весов перемещается в сторону великоросса (точнее, обрусевшего инородца, – П.Д.). И на самом верху украинцам просто некого сравнить с соответствующими великорусскими именами (на самом деле с обрусевшими украинцами, поляками, татарами и другими инородцами, а вовсе не с психически инфантильными потомками московитов, – П.Д.). Разве что Гоголя. Но Гоголь вообще аномалия. Исключение» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«Француз Ж. Шерер в своих «Анналах» пишет (1776г.), что украинские родители передавали своим сыновьям как самое дорогое наследство меч и клич «Воля или смерть». Украинцы определились в том, что воля у них не перейдет в произвол. Полеводческая культура украинцев породила и взлелеяла и идеалистическую, религиозную духовность и мировоззрение, какими праукраинцы еще при временах предысторий оплодотворяли культуру народов на юге Европы, и та культура росла и распространилась на всю Европу кроме северо-восточного ее угла. В старой Элладе расцвела европейская философия. Афины стали всеевропейской Академией Наук. Позже такие академии создались в Риме и Царьграде, а затем в больших европейских городах. В Украине они возникли в IV ст. в Херсонесе и Пантикапее (Керчи), а в XV ст. во Львове, в XVI ст. в Киеве и в Остроге. В Московщине первый университет (учредили и учили украинцы) основан аж в XVIII ст., а в XIX ст. здесь учились лишь 82 студента. (В Киевской Академии XVII ст.– 3 тысячи)» (Павло Штепа, «Московство его происхождение, содержание, формы и историческая преемственность», <http://lib.rus.ec/b/142414/read#t1>);

«Именно в Острожской школе было введен, затем получивший распространение во многих учебных заведениях Украины, гуманистический принцип параллельного изучения трех языков (отсюда и название «триединая академия»). Идея обучения на трех языках была высказана еще Эразмом Роттердамским, а затем получила широкое распространение в университетах и коллегиумах Европы. Только в Украине гебрайский (древнееврейский) язык был заменен церковнославянским, который преподавался наряду с греческим и латинским. Изучение языков открывало перед учениками Острожской школы возможность знакомиться с античной и современной им западноевропейской литературой. Большой вклад внесла Острожская академия и в разработку литературного украинского языка («простой мовы» или «руського»). Например, Демьян Наливайко (брат руководителя казацкого восстания) сопровождал церковнославянские тексты своих публикаций переводами на украинский язык. Успехи Острожской академии в украинском литературном языке были затем развиты в Львовской братской школе. Среди выдающихся украинских литераторов-полемистов, входивших в Острожский кружок, были Герасим Смотрицкий, Иван Вишенский, Василь Валюшицкий, Христофор Филарет (Броневский) и др. Работали там профессорами ученые греки Кирилло Лукарис, Дионисий Палеолог, польский математик и астроном Ян Лятош. Постоянные контакты поддерживались с Афоном. Книгами обменивались с Константинополем, Александрией, Москвой, Италией, Аравией. Острог стал и центром развития музыкальной культуры, чему способствовало увлечение К. Острожским хоровым пением. Развивалась и светская музыка. Именно в Остроге был основан первый цех музыкантов. Знаменитыми учениками Острожской школы были будущие гетман Петр Сагайдачный и киевский митрополит Иов Борецкий» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=30>);

«З.И. Хижняк в своей работе, посвященной истории становления Киево-Могилянской академии, пишет, что, не имея официального статуса в XVII в., Киево-Могилянская коллегия была «первым украинским высшим учебным заведением» с высшим уровнем образования и что «выше такого образования вряд ли могло что-нибудь быть и в европейских тогдашних университетах». Она ссылается на воспоминания зарубежных современников. Французский инженер и картограф Гийом Левасар де Боплан, известный по своему сочинению «Описание Украины», пребывая в Киеве в 30-х гг. XVII в., записал: «...в Киеве, на Подоле, при Братской церкви размещается университет, или академия». Жан-Бенуа Шерер в своей книге «Анналы Малороссии, или История казаков-запорожцев...» (1788), рассказывая о захоронении гетмана Сагайдачного на территории Киево-Могилянской академии, разъяснял: «Под Академией здесь следует понимать то, что мы обычно называем университетом. Киевский университет вплоть до времени Петра I был лишь один как в Великороссии, так и в Малороссии. Его основание уходит в давно прошедшие времена, а его классы всегда активно посещаются...» (Г.А. Тишкин, «Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Петербурге», <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-itogi-izucheniya-istorii-universitetskogo-obrazovaniya-v-peterburge>);

«Конец XVII – начало XVIII века ознаменовались расцветом культуры и искусства в

Украинском гетманстве, в основе которого лежал экономический подъем. Личный пример гетманов способствовал распространению меценатства, базировавшегося на православной традиции. Киево-Могилянский коллегиум достиг своего расцвета. С 1693 г. там было разрешено преподавать философию и богословие, а в 1700г. Киево-Могилянский коллегиум указом Петра был признан академией (что подтвердило польский акт 1659 г.). Это поставило его в один ряд с крупнейшими образовательными центрами Европы и дало юридическое право присваивать высшую степень доктора богословия. На содержание академии из гетманской казны ежегодно выделялось 200 рублей, на деньги И. Мазепы были приобретены книги для библиотеки и редкие рукописи, учреждены стипендии. В стенах академии в этот период обучалось более 2000 студентов. Полный курс обучения продолжался 12 лет и включал грамматику, поэтику, риторику, философию и богословие. В академии преподавали греческий, польский, немецкий, французский, еврейский и русский языки, историю и географию, математику (включая алгебру и геометрию), физику, гражданскую и церковную архитектуру, механику, музыку и нотное пение, рисование, экономику, медицину и др. Профессорский состав возглавляли Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Варлаам Ясинский. Практически все дети старшин и многие казаки получали правильное образование. С этой целью в 1700 году открывается новый коллегиум в Чернигове. В период расцвета украинского барокко возникла целая плеяда выдающихся украинских публицистов и писателей: Дмитрий Ростовский (Туптало), Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Антоний Стаховский, Иоанн Максимович, Иван Величковский. Все они были выпускниками Киево-Могилянской академии» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=53>);

«В Киево-Могилянской академии получили высшее образование многие украинские и русские деятели просвещения и литературы XVII в., например, Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский. Отсюда берут начало те «эллинославянские стили» русского литературного (ученого церковнославянского) языка, которые с особенной силой дали себя знать в середине и во второй половине XVII в. Возникновение ученой киевской разновидности церковнославянского языка первоначально затронуло развитие литературного языка в Московском государстве лишь косвенно, поскольку туда проникали лишь отдельные отклики словарной и грамматической нормализации церковнославянского языка, главным образом в виде рукописных копий с издававшихся в Западной Руси печатных трудов. В памятниках официальной московской литературы первых десятилетий XVII в. продолжает господствовать риторический «украшенный слог» как разновидность стиля «плетения словес» XV – XVI вв.» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm> ; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php);

«Малороссы, гораздо менее великороссов подвергшиеся туранскому воздействию, в меньшей мере обладают некоторыми положительными свойствами туранского происхождения (например, гораздо менее великороссов способны к государственному

строительству крупного масштаба), но зато проявляют, пожалуй, большую способность к богословскому умозрению и дали русской Православной Церкви целый ряд выдающихся богословов, как-то: Дмитрий Ростовский, Симон Тадорский, Сильвестр Каневский – и всю моголянскую богословскую школу, с выросшей из нее русской богословско-академической традицией...» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49, <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm>; <http://www.philology.ru/linguistics2/trubetskoy-93.htm>);

«Настолько худо было со своими религиозными мыслителями, что чуть ли не двести лет (до, во время и после Петра) Россия пользовалась «украинскими наработками»: оттуда шли не только идеи и книги, но и сами богословы. Через этот канал осуществлялось влияние богословской мысли Запада, что подробно разобрано Г. Флоровским, который считал, что богословие вообще чуждо православию. «Запад богословствует, – писал он, – когда Восток молчит, – или, что всего хуже, необдуманно и с опозданием повторяет западные зады»...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«(Профессор философии Московского университета Памфило Данилович, – П.Д) Юркевич прочил Соловьёва в свои преемники. Его, малоросса по национальности, особенно прельщала украинская кровь Владимира Сергеевича. Ведь Соловьёв был потомком самого Сковороды. Примечательно, что Сковорода, первый философ из восточных славян, развивал идеи немецкого мистицизма, преклонялся перед Бёме и был весьма далёк от ортодоксального христианства...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Вопреки распространенному мнению, не было ничтожным и культурное значение Юга Украины. Такой вопрос: кто из российских ученых первым достиг мирового признания? Можно вспомнить Михаила Ломоносова: он был избран членом двух иностранных академий наук. Но серьезного влияния на развитие мировой науки его труды не оказали, да и остались они в основном в рукописях. При жизни Ломоносов был знаменит в основном как поэт. Первым общепризнанным научным авторитетом мирового уровня стал Данило Самойлович (1744-1805), которого избрали своим членом двенадцать зарубежных академий наук – практически все, какие тогда существовали. Это был родственник известного гетмана, выпускник Киево-Моголянской академии, который стал известен своими исследованиями чумы, как раз с того же 1783г. боролся с эпидемиями на юге Украины, занимался этим до конца жизни (в частности, на должности главного доктора карантин) и умер в Николаеве. Заслугой Д.С. Самойловича является то, что он первым из его современников разработал стройную систему противэпидемиологических мероприятий (извещение о заболевшем, изоляция больного, проведение дезинфекции, участие населения в борьбе с эпидемиями, карантин и др.). Он по праву считается основоположником мировой эпидемиологии. (Заметим, что из 9 университетов, действовавших в Российской империи к началу XX века, три находились на Украине, плюс еще два – на Западной Украине, а вся научная деятельность первого лауреата Нобелевской премии из России Ильи Мечникова была здесь

связана как раз с Одессой и Харьковом)...» (Игорь Рассоха, «Народы, опередившие свое время, и общества, выпавшие из истории», http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rass33vrem.html);

«...можно констатировать, что И. Блазиус дал высокую оценку учебно-материальной базе Харьковского университета, постановке учебно-воспитательной и методической работы в нем, профессорско-преподавательскому составу, особо подчеркнул то, что он был «укомплектован преимущественно украинскими преподавателями». Ведь в то время Харьковский университет стал очагом образования, которое распространялось по всей Левобережной Украине. Много украинских публикаций в области региональной истории и этнографии были тесно связаны с университетом, а много украинских ученых и поэтов того времени были либо профессорами, как, например, П. Гулак-Артемовский – преподаватель, а затем ректор университета, украинский баснописец, переводчик с польского и французского языков; И. Срезневский – историк, этнограф, фольклорист; Н. Костомаров – писатель, историк, этнограф; А. Метлинский – писатель, фольклорист; или воспитанниками Харьковского университета» (Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII–XIX столетиях», <http://sovivere.ru/humanities/13441-nmc-francuzi-anglyc-pro-ukrayinu-ta-ukrayinskiy-narod-u-xviixix-stolttyah.html>; https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt).

Ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле

Совсем иное мы видим в Московии-России:

«Я говорил в пользу Смирдина, стараясь отклонить беду от его журнала, который все-таки что-нибудь да значит в кругу нашего жалкого образования, или, вернее – полуобразования... Московские ученые чудные вещи пишут. Вот, например, речь Надеждина «О современном направлении искусства»; вот вступительная лекция Погодина об истории, напечатанная в первой книжке «Журнала министерства народного просвещения». Все эти господа кидаются на высокие начала; им хочется вывести все, все из вечных идей первообразов природы. Это бы ничего, если б у них был ясный ум и ясный язык. Тогда, по крайней мере, мы увидели бы стройную систему, в которой, если бы и не было больше безусловной истины, чем в других системах, то, по крайней мере, была бы поэзия. Нет, они как будто стараются затмить один другого пышностью варварской терминологии и туманным красноречием. Надеждин, например, столп вавилонский почитает изящнейшим произведением древнего зодчества, на коем почил тайны веков, – первообразом древнего мира и проч. Итак, мы беспрестанно удаляемся от природы и толкаем образование наше из общества в школу. Марлинский, или Бестужев, нося в уме своем много, очень много светлых мыслей, выражает их каким-то варварским наречием и думает, что он удивителен по силе и оригинальности. Это эпоха брожения идей и слов – эпоха нашего младенчества. Что из этого выйдет? По общему закону все перерабатывается в лучшее для будущих поколений. Но когда настанет это будущее?.. У нас на образование смотрят как на заморское чудище: повсюду устремлены на него рогадины; не мудрено, если оно взбесится» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 21 январь; 16 февраля; 16 марта 1834 г.,

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, – больше ничего»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин», <http://www.poetry-classic.ru/2-24.html>);

«Жалею, что вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету...» (Александр Пушкин, ПСС Т. 10. Письма. – 1979, Письмо 421, М.П. Погодину, <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/421.htm>);

«Краевский вчера приехал из Москвы. Там студенты, по его словам, распущены еще хуже, чем в Петербурге. Они явно требуют смены таких-то лиц, чтобы начальство не мешалось в их дела, а главное – совершенно не хотят ничему учиться» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 5 мая 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Наша студенческая толпа стадна и нетерпима; её суждения упрощены и более опираются на страсть, чем на разум. Популярные ораторы студенческих сходок всегда поражают убожеством мыслей и скудостью, безобразностью своей речи. Они исходят из определенного канона, говорят афоризмами и догматическими положениями. Для образной речи необходимо общение с массой разнообразного люда, умение наблюдать жизнь, понимать чужую мысль, чужое чувство. Наши студенты-радикалы ничем этим не отличаются. Они живут в своем тесном замкнутом кружке, вечно поглощенные его мелкими интересами, мелкими интригами. Высокомерие, наблюдающееся уже у развитых гимназистов старших классов, у студентов достигает огромных размеров. Все товарищи, не разделяющие воззрений их кружка, клеймятся ими не только как тупицы, но и как бесчестные люди. Когда на их стороне большинство, они обращаются с меньшинством, как с рабами, исключают представителей его из всех студенческих предприятий, даже из тех, которые преследуют исключительно цели материальной взаимопомощи» (А.С. Изгоев, «Об интеллигентной молодёжи», <http://kph.npu.edu.ua!/e-book/klasik/data/vehi/izgoev.html>);

«Ваш университет совершенно безжизненное тело, и о движении его и догадываешься только, когда идешь мимо и видишь сквозь окна, как профессора и жены их переворачивают на солнце большие бутылки с наливками» (Иван Дмитриев, цит. по: Петр Вяземский, «Старая записная книжка», http://az.lib.ru/d/dmitriew_i_i/text_0140.shtml);

«В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей,

об истинной чести... А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров...» (Александр Пушкин, «Записки официального назначения // О народном воспитании»,

http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/08history/04official/1177.htm);

«Как только Достоевский поступил в инженерное училище и соприкоснулся с официальным механизмом русского государства, то сразу же столкнулся с откровенным взяточничеством и протекционизмом. Занимался Федя усердно, учился отлично, но, не имея руки и отказываясь давать взятки, ходил в середняках и троечниках. Из письма отцу: «Я гордился своим экзаменом, я экзаменовался ОТЛИЧНО, и что же? Меня оставили на другой год в классе. Боже мой! Чем я прогневал Тебя? Отчего не посылаешь Ты мне благодати своей?.. О скольких слёз мне это стоило. Со мной сделалось дурно, когда я услышал об этом. В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся прошли (ПО ПРОТЕКЦИИ). Что делать, видно, сам не прошибёшь дороги». А как же, а ты как думал? Это, батенька, Россия. Брату написал Федя более откровенно о своих тогдашних чувствах: «До сих пор я не знал, что значит оскорблённое самолюбие. Я бы краснел, ежели бы это чувство овладело мною... но знаешь? Хотелось бы раздавить весь мир за один раз...» Вот и хорошо, вот и хорошо, петушочек. Через несколько месяцев в училище заварушечка-с, 5 человек – в солдаты. А Достоевский, совершенно безвинный, взят на подозрение. Спасла замкнутость, необщительность (всё один, с книгой). А то свернули бы шею ещё в 17 лет. Вот она, русская действительность. С одной стороны «сильненькие», а с другой – «коноводы». И это с детства. Жить хочешь, научишься и взятки давать (Достоевский в училище потом давал), и со шпаной революционной якшаться. А без этого – подыхай с голоду на улице. Трудно найти более страшное общественное устройство. Ужас в том, что русский человек всегда понимал его ужасность, всегда подчинялся через силу и с внутренним протестом...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Новый президент (Кирилл Разумовский, – П.Д.) дал огульную аттестацию о профессорах, что «между ними ничего не усматривается как желание одно – стараться всегда о прибавке своего жалованья, получать разными происками ранги великие и ничего за то не делать и не быть ни у кого в команде и делать с собою что кому вздумается, под тем прикрытием, что науки не терпят принуждения, но любят свободу»...» (Николай Костомаров, «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»,

<http://xwap.me/books/3012/Russkaya-istoriya-v-zhizneopisaniyakh-yeye-glavneyshikh-deyateley-Otdel-12.html?p=777>);

«Профессора у нас занимаются своим собственным краснобайством, а чтобы образовать человека, об этом вовсе не помышляют. Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, выбрать кого-нибудь...» (Николай Гоголь, Письмо Н.М. Языкову, 1845. Генварь 2, http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_1846_perepiska.shtml);

«Немудрено, если в понятиях водворяется хаос. Молодое поколение, не находя благородной цели своим стремлениям, удаляется от науки, от искусств, спутывает все основные понятия о жизни, о назначении человека и общества. В обществе нет точки опоры; все бродят как шальные или пьяные. Одни воры и мошенники бодры и трезвы. Одни они сохраняют присутствие духа и видят ясно цель своей жизни – в стяжании. Злоупотребления повсюду выступают открыто и нагло, даже не боясь наказания, которое случайно падает из сильной руки, а не из недр закона. Безнравственность быстро распространяется и как холера поражает даже души простые и не лишённые чувства чести, но не находящие безопасности в честных убеждениях и поступках...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 12 февраля 1849 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«...у москвитян вся вера и все средство к спасению состоит в способе креститься, так как весьма мало между ними таких, которые бы знали самые обыкновенные и самые краткие молитвы: «Отче наш» или «Богородице Дево». В Московии нет даже таких училищ, в которых бы русские могли изучить то, что взрослому человеку знать и прилично и необходимо для своего спасения... Было бы гораздо полезнее и спасительнее учредить школы, назначить учителей, чтобы обучать молодежь, просвещать невежественных, наводить пропащих людей с дороги заблуждения на путь истинного спасения. Поистине замечательно, сколь слабо у москвитян знание религии и с какой гордостью гнушаются они пользоваться какой бы то ни было наукой иноземцев. Таким образом, стыдясь выйти из мрака невежества, они и потомкам своим застилают свет» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text6.phtml?id=741>).

Да и сейчас то, стыдясь избавить своих детей и внуков от пережиточной русской языковой картины мира, русскоязычные челядишки застилают свет мировой цивилизации своим потомкам и, тем самым, обрекают их на прозябание в нищете на задворках мирового сообщества.

Отвращение украинцев к москалям является таким большим, что это можно назвать презрением

Как видим, украинский этнос не подвергся существенному влиянию московитского туранского этноса и сформировался из двух родственных славяноязычных субэтносов: русинов и казаков (черных клобуков, черкасов). И это произошло после того, как многие натерпевшиеся гнета польских магнатов русины показались и стали такими же вольными – украинцами, как и потомки славяноязычных полян = черных клобуков: роксолан, аланов-руссов, караболгар (утигуров = ясов и бродников) и карахазар (касогов, черкасов / таркасов = торков, берендеев = барангуров = боранов и буртасов / фурдасов):

«Возможность «показачиться», стать свободным и привилегированным членом общества изменила менталитет украинского крестьянства на века. Более того, сложилась

такая система, согласно которой даже «владельческие посполитые», т.е. крестьяне помещиков, считали, что они имеют неоспоримое право на свои наделы земли («предковские земли, на которых сидят»), и могут сохранять эти земли за собой, даже выходя из-под власти владельца имения. Крестьяне, населявшие эти помещичьи имения, являлись теперь собственниками своих земельных участков, и могли не только передавать их по наследству, но и закладывать, продавать и т.д.» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=41>).

Украина, являясь суверенной державой Гетманщиной, объединилась с Московским государством на конфедеративных условиях (принципах). Но, вопреки этому, москвиты оккупировали её территорию и превратили её в свою провинцию Малороссию, а самих украинцев закрепостили, превратив обрусевших из них в холопов малороссов. Однако же большинство из них, не желая становиться подобно великороссам добровольными рабами – холопами, всегда считали себя украинцами, а не малороссами:

«Отвращение украинцев к москалям, их угнетателям, является таким большим, что это можно назвать ненавистью (точнее презрением, так как ненавидеть можно лишь того, кого уважаешь, – П.Д.). Эта ненависть скорее растет, чем ослабляется... Худшим словом, которым пятнает украинец поляка, является «бестолковый поляк», тогда как москаль в воображении украинца всегда «проклятый»... Украинцы имеют пословицы: – «Он человек себе ничего, но москаль». – Или: – «С москалями дружи, но камень за пазухой держи». Украинцы очень плохие российские патриоты. Присущая москалям любовь и обожествление царя являются для украинцев полностью чуждыми и непонятными. Украинцы слушаются царя, потому что иначе не могут, но его власть считают чужой и навязанной... Когда вы не хотите оскорбить украинца, то не смеее говорить ему о завоевании Украины Московией», так как украинец осознаёт, что его отчизна заключила союз с Московией, которая со своей стороны обманула Украину...» (Иоганн Георг Коль – Великий учёный и путешественник, основоположник антропогеографии, цит. по: Владимир Сичинский, «Чужеземцы об Украине», <http://zounb.zp.ua/resource/scarbnicya/chuzhinci/indexf.html>; <http://ukrlife.org/main/prosvita/sichinsky.html>).

И, поэтому-то вовсе не случайно и то, что украинцы, будучи свободолюбивыми и более цивилизованными и честными, нежели москвиты, всегда старались максимально дистанцироваться от них:

«Черноморские совершенно отличны от других казаков, более похожи на жителей Кавказа, чем на славянина России... Предполагается, что они ведут свое происхождение от казахов, кавказского племени, все еще существующего. Они, в самой большей части, высокие и хорошо сложены; стройные; атлетическая форма с профилем обычно греческим или римским; волосы всегда темно-коричневые или черные; и азиатская кровь придает их чертам пикантный характер, столь обычный для восточных людей. Я не буду пытаться описывать историю их кровопролитных войн с турками и татарами, они были в течение столетий великими приверженцами креста – сторожевыми псами, которые охраняли границы Европы в этом регионе от опустошающих набегов фанатичных орд Магомета... Реальный

факт, что не существует любви между ними и мусковитами старой России, относящимися друг к другу с взаимной подозрительностью; и их ненависть такова, что они редко общаются без того, чтобы дойти до рукопашной. Казак, со своей стороны, называет русского неблагородным, подлым негодяем, лишенным как величия души, так и роста; как беспринципным, так и не располагающим к себе по натуре... Среди всех казаков Российской империи черноморские считаются друзьями и врагами, самыми храбрыми – их доблестный брат на Дону решительно подтверждал свою собственную слабость» (Эдмонд Спенсер, «Путешествие в Черкесию, Крымскую Татарию и т.д.», Лондон, 1839г., 3-е изд., http://apsnyteka.org/467-spenser_puteshestvia_v_cherkesiu.html; <http://www.pandia.ru/text/77/156/24240-3.php>);

«Если жители Малороссии дерутся, то всегда или кулаками, или палками и никогда не употребляют холодного оружия. Благодаря этому обычаю имело место такое пари: частные советники императрицы господина Теплов и Желягин были у нее, когда ей сообщили об аресте монаха Александро-Невского монастыря, который перерезал горло девушке, что забеременела от него. Теплов сказал Желягину: «Держу пари, что этот монах не малоросс, а великоросс». Пари было заключено, и Теплов его выиграл. Тогда Желягин спросил его, как он мог догадаться, что монах родом из Великороссии. «А это потому, – ответил Теплов, – что жители Малороссии не злые люди, они предпочитают храбрость хитростям, тогда как жители Великороссии скорее злые, нежели храбрые»...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>);

«Прочитаем внимательно обращение Януковича к Путину о вводе войск, вот какая там используется аргументация: «В стране царит хаос и анархия... Под воздействием западных стран осуществляется открытый террор и насилие, люди преследуются по политическим и языковым признакам». Домашняя заготовка уже не соответствовала действительности, разрабатывая сценарий, россияне явно мерили ситуацию по себе. Ведь в близких сценариях, когда совершались революции в России, и временно исчезала власть, там дело заканчивалось грабежами, мародерством, насилием. Об этом не любили писать советские историки, но после взятия революционной толпой Зимнего дворца в октябре 1917г. начался грабеж царского имущества, изнасилование женщин из «бабьего» батальона, а потом орда ворвалась в винные погреба, и вот тут все и началось... ценнейшие винные коллекции были уничтожены, зафиксированы смерти от перепоя и отравления винными парами (некоторые провели в подвалах по много часов, не имея сил оторваться от запоя и подняться наверх). В Киеве мы наблюдали прямую противоположность – активисты взяли по своей инициативе под охрану дворец Януковича, тысячи желающих осматривали имение, начиная с 22 февраля, но эксцессов практически не было. События 2014–2017гг. показали принципиальные цивилизационные различия между Киевом и Москвой. Война не носит межэтнический характер, спор идет о более глубоких вещах. Если в одной цивилизации не могут понять, как может возникнуть элементарный порядок без барина, кнута и тюрьмы, то в другой – явная склонность к сознательному деятельному анархизму и, по терминологии

Михаила Драгоманова, «безначальству»...» (Игорь Рущенко, «Была ли неизбежной российско-украинская война?», <http://www.ostrovok.lg.ua/statti/strana/byla-li-neizbezhnoy-rossiysko-ukrainskaya-voyna>).

И таки действительно, украинцы и русскоязычные туранцы являются представителями совершенно разных цивилизаций. Как бы низко украинец и не был бы низвергнут судьбой, он не предаст (в отличие от психически инфантильного русскоязычного обывателя) и не отдаст на растерзание недоброжелателям того, кого он уважает, и даже, если этим он подвергнет себя смертельной опасности. Поэтому-то вовсе и не случайно в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» Сергей Левченко, не сдавший своему бандитскому коудлу своего армейского командира Владимира Шарапова, является обладателем именно украинской фамилии. И, конечно же, на самом деле он является одним из главных героев этого романа, несмотря на то, что русскоязычным холопским обществом это вовсе и не осознаётся, а в самом кинофильме «Место встречи изменить нельзя» ему лицемерно отводится лишь роль персонажа второго плана:

«В кинофильме «Место встречи изменить нельзя» бывший штрафник Сергей Левченко, которого играет Виктор Павлов, появляется только в последней серии, когда Шарапов попадает в банду. В книге же Вайнеров «Эра милосердия» Шарапов вспоминает фронт, своих бойцов и среди них Левченко на протяжении всей книги. Но если набрать в поисковике кадры из фильма, то можно увидеть и такие: Станислав Говорухин снял фронтовые сцены, но в окончательный вариант «Места встречи» они не вошли. Почему, наверное, мог бы сказать только сам режиссер. Возможно, он сделал это для того, чтобы «не поломать интригу» (или же, скорее всего, сделать это его заставили блюстители советско-холопского идеологического воспитания, – П.Д.). И вот они встречаются: бывший командир штрафной роты, ставший оперативником МУРа, и его бывший подчиненный, боевой товарищ, ставший бандитом... Левченко не «сдал» Шарапова банде, бывший штрафник помнил о том, что старлей не прятался от пуль за спинами своих подчиненных и «допцак офицерский под одеялом втихаря не жрал»...» («Сднем рождения Левченко...», <https://www.yaplakal.com/forum7/topic1671076.html> ; <http://blog.fontanka.ru/posts/182583/>).

В русском языке есть два антонимичных друг другу выражения: «на краю», означающее внутри границ чего-нибудь, и «у края», означающее за пределами (снаружи) чего-нибудь:

«Украина – была область, находящаяся у некоторого края государства (и, следовательно, вне его, – П.Д.), а окраина была территория вокруг краёв (внутри самого государства, – П.Д.)» (Андрей Зализняк, «Что такое любительская лингвистика», <http://www.polit.ru/article/2010/07/01/zalizniak>).

Поэтому-то попытки отождествления Украины с «Окраиной» на основе переосмысления древнекиевского слова «оукраина» являются такой же этнической и исторической подтасовкой, как и отождествление эндоэтнонима «черкасы» («украинцы»; лат., итал. «сігса» – «около, возле, рядом, подле»; швед. «сірка» – «вокруг, около», – П.Д.), с

экзоэтнонимом «черкесы» и отнесение славяноязычных торков и черных клобуков к тюркским народностям. И в этом лживые властные структуры и не менее лживая гнилая российская образованщина (манкурты, для которых избавившаяся от холопского ярма Украина – словно кость, застрявшая в горле), конечно же, стоят друг друга. Судьба такого построенного на лжи и насквозь прогнившего государства вполне предсказуема. Рано или поздно оно, все же задохнется в смраде лжи, непрерывно извергаемой ее русскоязычным населением:

«Самая грубая ложь для большей части людей может сделаться убеждением, если повторяется часто и не встречает протеста со стороны тех, которые обязаны блюсти и охранять истину... Мы, как дети, поверили чему-то хорошему, забыв, что в сей стране все спокон века было и есть ложь и произвол, – чему, вероятно, и предназначено быть до скончания веков...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 26 ноября 1866 г., 16 января 1867г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Ложь, ложь, ложь... Ложь во всех позах, в смраде дыхания. Задыхаемся от смрада лжи... О, Господи! Боже мой, как несчастлив, как изуродован современный «цивилизованный» человек, теперь уже живущий в страхе неминуемой гибели, и как, в сущности, безнадежно и мрачно его близкое будущее» (Иван Соколов-Микитов, «Из карачаровских записей» // Новый мир, 1991, N12 с.172, <http://dobro-i-zlo.narod.ru/stati/sokolov.htm>);

«Наверное, многим из вас известно о социологическое исследование Лефевра, по которому разность двух этических систем исходит из разного ответы на базовые вопросы: можно ли с помощью зла достичь добра. Эту разницу в подходах он проиллюстрировал статистикой ответов на четыре простых вопроса коренных американцев и тех, которые эмигрировали из СССР во время холодной войны. Он спрашивал о хулиганах, о свидетельстве в суде и о списывании. Но мой любимый вопрос был следующим: «Должен ли врач скрывать от пациента то, что он больной раком, чтобы уменьшить его страдания?» 89% эмигрантов из СССР ответили «да» – такой же ответ дали только 8% коренных американцев. То есть для выходцев из СССР компромисс со злом ради добра – это добро, в то же время для американцев компромисс со злом ради добра – это зло. Для меня это ключевой идентификатор людей советской ментальности: это определенная ценностная шизофрения, когда в твоём мировоззрении нет никаких констант и всё всегда можно оправдать. Лефевр позже доказал, что такой подход делает невозможным разрешение конфликтов без потери достоинства его участников. Отсюда это искаженное «наглость – второе счастье», как очень метко подметил Орест Друль в своей статье «Галицкая дихотомия...» (Ульяна Супрун, «Из речи на встрече выпускников Украинского католического университета», <https://zbruc.eu/node/83009>);

«Примеров вранья во всех сферах жизни советских людей – огромное количество. Значительное количество родившихся в СССР людей до сих пор убеждены, что никакой лжи не было, а все было – чистой правдой. Несколько поколений людей выросло в условиях

жесточайшей пропаганды, у них не было альтернативной информации, а любые попытки выразить свое мнение пресекались жестко, вплоть до расстрела. В таких условиях думать было страшно...» (Олег Панфилов о путинско-советской России: «Самая читающая нация» оказалась самой лживой?, <http://ru.krymr.com/a/25463498.html>);

«По себе заметил: чем больше вникаешь в украинские реалии, тем чаще и явственнее из хаоса войны на первый план выступают совсем не украинские, а наши российские беды – застой, насилие, беззаконие и вранье, вранье, вранье без конца и края. Картина знакомая по той, прошлой жизни в Советской империи, в которой от нас скрывали даже историю страны, чьими гражданами мы являлись. Как же ненавидел я Советскую власть за это постоянное вранье и лицемерие, уже и не помышляя о том, что когда-нибудь что-то изменится. И вдруг – о чудо: из советского хаоса явилась страна Россия! Не знаю, кто как, а лично я обрел Родину, которую полюбил. Полюбил не обещанный профессиональными врунами коммунистический Рай на земле, а реальную Родину – со всеми ее нелепостями, глупостями, трудностями роста, неудачами, которые я готов был делить. И Родина полюбила меня – перестала мне врать. Перестала лицемерить, перестала держать меня за идиота, которому можно вешать на уши идеологическую лапшу. Да, рухнуло кино, и в девяностые я написал всего пару-тройку картин и пару сериалов, перебиваясь случайными заработками. Но вот, правда, – я обрел гражданское достоинство именно в то самое десятилетие, которое сегодня называют не иначе как лихими девяностыми. И в которое, как мне сегодня объясняют, я был унижен и стоял на коленях. Теперь же меня якобы с колен поднимают при помощи новой подлости, нового рабства и нового тотального вранья...» (Аркадий Тигай, ««Молчать, смерды» После поездки в Украину, навеяло» / ИИШ-2. «Эй вы, русские мужики, вас еще не тошнит от этой мерзости?» / «За всю тысячелетнюю историю России это первая война, в которой у нас нет союзников», <http://blog.i.ua/user/945445/1647101/>; <https://inforesist.org/molchat-smerdy-posle-poezdki-v-ukrainu-naveyalo/>; https://antikor.com.ua/articles/31534-inshi-2_ej_vy_russkie_muhiki_vas_eshche_ne_toshnit_ot_etoj_merzosti);

«Всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие воды, хантов или аварцев... нет у русского патриота инстинкта продолжения рода и инстинкта самосохранения, а есть инстинкт бессмысленного уничтожения чужих со значительными потерями для себя... Я русский, но я всерьез думаю, что логика, которой руководствуется сейчас мой народ, сродни логике бешеной собаки. Бешеная собака смертельно больна, ей осталось жить три – максимум семь дней. Но она об этом не догадывается. Она бежит, сама не зная куда, характерной рваной побегой, исходит ядовитой слюной и набрасывается на всякого встречного. При этом собака очень мучается, и мучения ее окончатся, когда ее пристрелят» (Валерий Панюшкин, «Логика бешеной собаки», «Ъ» GQ, февраль 2005, <http://newsland.com/community/437/content/logika-beshenoi-sobaki/5294362>; <https://woody-alex.livejournal.com/269098.html>; цит. по: Н. Гараджа, «Либералы о народе», http://loveread.ec/read_book.php?id=44361&p=3#gl_19).

Благородные (верховные и смуглые)

Возможно, что от праиндоевроп. *uper (super) образовались и лексемы санскр. «su-varṇa», «суварча», телугу «svaṇa», коми-перм. «зарниа», осет. «зэрин» – золото, обозначающие самый важный (благородный, верховный) металл. И, если это так, то этноним «северяне» может рассматриваться и как калька с этнонимов «sagan» (зыряне), «zeriuanī» (сериваны, славяне) и «сарматы» (обозначавших племена людей с кожей цвета червонного золота – «темно-красных или же благородных как золото» и, к тому же, являющиеся и верховными – царскими племенами). Как украинцами [см.: [П.12.](#)], так и верховными (осуществлявшими суверенитет над другими народностями и племенами) [см.: [П.12.5.](#)] величались в древности и многие другие как индоевропейские, так и неиндоевропейские народы [см.: [П.13.](#)]. Савирами (санскр. «сувира» – мужественный; «su-vīṛya» – «мужество, доблесть, войско из героев»; «sāvīṛya» – сильный, могучий) назывались и мигрировавшие в Европу тунгусоязычные жуны, выбривавшие волосы на темени подобно сарматам и заплетавшие их сзади в косы. Именно их, как и славяноязычных жунов, европейцы и называли гуннами (индонез. «gunung» – горные; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; маратхи «junē», гуджар. «jūnā» – старые; санскр. «gaṇā» – «множество, собрание, толпа»; кит. «qún» – множество; удм. «уно» – много). Суvaraми (кубарами – верховными или же «вершниками»: хинди «savāga», тадж. «савора», узб. «suvori», франц. «cavalier» – всадник) величали себя и хазары = козары (венг. «koszorú» – «венец, корона, диадема», «huszár» – «всадник, гусар»), и предки чувашей – тюркизировавшиеся гуннские племена Волжской Булгарии.

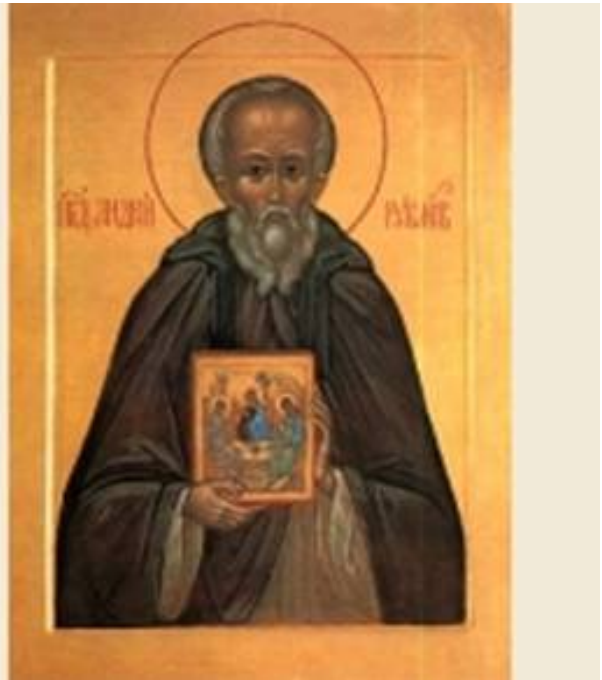
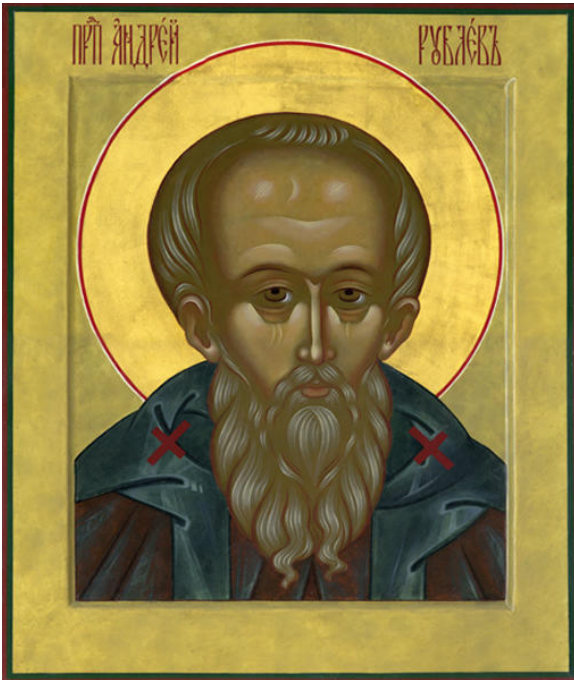
Возможно, что именно из-за темно-красного (смуглого) цвета кожи, близкого к цвету червонного золота (санскр. «суварча», маратхи «suvarṇa» – золото), как суваров и северян, так и многих других верховных племен с понятием «верховный» стали связывать во многих языках и темные оттенки цвета и даже черный цвет: иран. «seu» и арм. «севери» – «черный, темнокожий»; англ. «swart» – «темный, смуглый» и исл. «svört» – «черный, смуглый». Однако, возможно, это связано и с тем, что во время захода солнца в горной котловине самыми первыми начинали темнеть именно вершины гор, за которыми пряталось солнце. Но как бы там ни было, северянам соответствуют оба смысла их этнонима, – и верховные и смуглые (темно-красные, золотистые). Однако же не только северяне, но вообще и все украинцы и их потомки весьма долго оставались очень смуглыми:

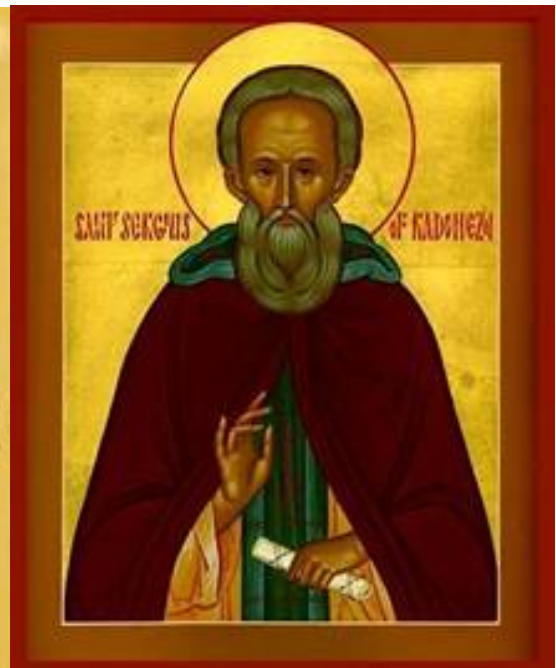
Казак запорожский,
картина подписана 1690 г. (http://xviic.blogspot.com/2013/03/blog-post_31.html);

Сергей Васильковский (1854–1917). «Тип запорожца», «Пушкарь времен гетмана Мазепы»
(<http://www.liveinternet.ru/community/1726655/post230942515/>);

Иконописец Андрей Рублев (<http://www.vokrugsveta.ru/article/193318/>; <http://azbyka.ru/days/sv-andrej-rublev/>);

Преподобный Сергей Радонежский (<http://www.calend.ru/holidays/0/0/1414/>; <http://www.pravoslavie.ru/put/66991.htm>);

Симеон Полоцкий (<http://rusinovo.ru/page/53/>);

Святитель Макарий, митрополит Московский (1523–1526) / Его дальним родственником, братом прадеда, был преподобный Иосиф Волоцкий (<http://drevo-info.ru/articles/19468.html>).

Горцами-верховинцами, вершниками = всадниками или же просто как верховными, так и тёмнокожими, возможно, величались также как сауиры / суиры, савары / сувары, кабары / кавары и кабардинцы (вульг.лат. «superanus», франц. «souverain» – верховный; греч.

«ὄτερᾶνω» – выше; араб. «кабир» – «большой, великий»; азерб. «qabatıq» – «выпуклость, выгнутость»; фин. «kupera» – выпуклый, англ. «cavern» – «полость, каверна»; лат. «caballus», ср.-тюрк. «käväl» – «конь, мерин»; перс. «kaval» – «быстроходная лошадь»; укр. «вершник», хинди «savāga», тадж. «савора», узб. «suvori», итал. «cavalcatore», англ. «cavalier», исп. «caballero», исп. «caballista», «caballero» – всадник; франц. «cavalier» – «всадник, высокомерный»; арм. «севери» – «черный, темнокожий»; англ. «swart» – «темный, смуглый»; смурый – искрасна черноватый; греч. «καφέ», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена», турец. «kahverengi» – коричневый; укр. «кавовий» – кофейный [коричневый]), так и киммерийцы Гомера (др.-япон. «kami» – верх, «kimi» – верховный; нем. «himmel» – небо, «kamm» – «хребет, гребень»; др.-в.-нем. «kamb» – гребень; коми «чемер» – «гребень, хохол», укр. «чуб», «чуприна» – «хохол, оселедец»; ассир. «gimirtai», осет. «goumiry / gumeri», груз. «gmigi», арм. «gmig» – «великан, герой, богатырь», «кумиры» – «верховные божества»; «Гималаи» – «верховина, поднебесье»; др.-ирл. «samn» – кривой; коми «комбыля» – выгнутый, венг. «homogú» – вогнутый) [см. также: [П.13.](#)]:

«Имя мидийского царя, в оригинале Хува-Хшатра, греческий язык передает как Киа-Ксар. То есть иранское «ху-» передается греческим как «ки-». А если учесть, что иранский префикс «ху-» отвечает санскритском «су-», то санскр. «су-» = иран. «ху-» = в греческой передаче «ки-». В то же время ассирийская форма имени Хува-Хшатра – Ума-Киштар, где иранское «ва» передано как «ма». Поэтому, если принять во внимание вышесказанное, соответствие су-виры = ху-виры = ки-меры вполне возможно... Исследователь раскладывает имя Суwir на «Су + вир», где «Су» – префикс, который надаёт основному слову высокое качество и передает значение «очень», «крайне», «исключительно». А «вир» – «муж, герой, богатырь». Поэтому Суwir с санскрита означает «Настоящий Муж», «Могучий Богатырь». Подобным образом объясняется и этноним сувиры. Поэтому сиверы / кимеры – «настоящие мужи», «доблестные богатыри», «могучие герои...» (Сергей Наливайко, предисловие к кн. Степана Наливайко, «Индоарийские тайны Украины», <http://www.rulit.me/books/indoarijski-taemnici-ukraini-read-178747-4.html>).

Атавистическое стремление психически инфантильного русскоязычного этноса к верховенству над всеми инородцами

Прикидываться верховным в России безуспешно пытается и ее недееспособное русскоязычное население. В русском языке, а от него и в языках южных славян, на основе слова «верх» даже возникла такая абсурдная лексема как «совершенство» (укр. «досконалість»; польск. «perfekcja», «doskonalość»; чеш. «bezvadnost», «dokonalost»). Благодаря, именно, ей подсознанием стимулируется лишь повышение (стремление вверх) уровня, как позитивных, так и негативных факторов. В результате чего ложь, лицемерие, воровство и бандитизм легко достигли в русскоязычном примитивном обществе вершин своего развития (совершенства) и стали совершенно непреодолимым препятствием не только для демократизации общества, но и для выхода его из состояния нищенского существования:

«Веселая эта нация: любит попить, поесть, погулять, да уж и поворовать мастерица» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 19 апреля 1872 г.,

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«По мнению аналитиков, русская нация – сплошь воры, трусы, разбойники; основные черты их характера – злость, алчность и преклонение перед насилием. Авторы резюмируют: «Величие» русской нации (весьма талантливо отраженное в русской ЯКМ, – П.Д.) на 30% состоит из воровства и на 70% – из бандитизма» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«По большому счету, у нас не один язык, а, ну, штук 5 в одном, как минимум. Это объясняется огромной разнесенностью социальных слоев. Жизнь языка – она очень социально обусловлена. Есть язык власти, особый, со своими сигналами. Язык чиновничества, такой канцелярит. Есть язык большинства, язык криминала, чрезвычайно хорошо проработанный. Богатейший в мире мат. Колоссальное разнообразие диалектов, поскольку страна очень большая. Я думаю, что богаче и разнообразней, просто стилистически разнообразней языка мы сегодня не знаем. Очень трудно найти любой другой язык, в котором было бы такое количество стилистически окрашенных синонимов, но простейшие вещи: от глагола «ходить» до глагола «смотреть». А, уж, глагол «воровать» имеет такое количество синонимов, что просто это отдельный словарь...» (писатель, журналист, поэт Дмитрий Быков, «Русский язык: великий и могучий?», <https://echo.msk.ru/programs/we/668079-echo/>).

К тому же, какое бы действие ни совершил (укр. «не здійснив») русскоязычный людишка, оно воспринимается его подсознанием совершенным не только в смысле его выполнения (свершения), но и в смысле достижения достаточно высокого уровня (совершенства) результатами этого действия. Неоднозначность слова «совершенное» потакает лености русскоязычного людишки и формирует в его подсознании лингвопсихическую установку, направленную на то, чтобы он довольствовался уже достигнутым. Все это приводит к стабилизации или же даже к росту уровня негативных факторов, обрекающих его на вечное прозябание в нищете, и вдохновляет это ничтожество лишь на имитацию борьбы со своими недостатками. Поэтому-то в его борьбе с бедностью побеждает бедность, в его борьбе с пьянством побеждает, естественно, пьянство. И, конечно же, русскоязычное примитивное общество людишек «успешно» достигает вершин, но, к сожалению, преимущественно в том, что чуждо всему цивилизованному человечеству:

«По качеству важнейших институтов современного государства нынешняя Россия находится в конце мирового списка. По уровню политических прав и гражданских свобод наша страна занимает 158-159-е места из 187 стран мира – между Пакистаном, Свазилендом и Того. По уровню свободы прессы – 147-е место из 179, наравне с Ираком, Венесуэлой и Чадом. По уровню коррупции Россия занимает 123-е место из 158 – рядом с Гамбией, Афганистаном и Руандой. По уровню защиты прав собственности – на 89-м из 110 стран мира, рядом с Мозамбиком, Нигерией и Гватемалой. По качеству судебной системы – на 170-м из 199, наряду с Бурунди, Эфиопией, Свазилендом и Пакистаном. По эффективности бюрократического управления – 155-е место из 203, а нашими соседями являются Нигер,

Саудовская Аравия, Камерун, Пакистан. Силовая модель государства легализует насилие в обществе. По количеству убийств на 1000 жителей Россия занимает седьмое место среди 112 стран – между Эквадором и Гватемалой, немного ниже ЮАР, чуть выше Мексики. В целом по уровню физической безопасности граждан наша страна находится на 175-м месте из 185 стран, в одной группе с Зимбабве, Суданом, Гаити, Непалом. Силовики не берегут своих сограждан» (президент Института экономического анализа Андрей Илларионов, «Силовая модель государства: предварительные итоги», <http://www.liberal.ru/articles/464>);

«Первое по числу генералов, второе по количеству миллиардеров, 73-е по счастью, 175-е – по безопасности.

1 место в мире по абсолютной величине убыли населения. За последние восемь лет число россиян сократилось на 2,2 миллиона – до 142 миллиона 905 тысяч 200 человек. Ежегодно страна теряет до 800 тыс. человек.

1 место в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков и 6 место в мире по числу суицидов среди всех возрастов (после Литвы, Южной Кореи, Казахстана, Беларуси и Японии).

1 место в мире по числу разводов.

1 место в мире по числу детей, брошенных родителями.

1 место в мире по смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

1 место в мире по онкологическим больным на душу населения (2,5 млн.).

1 место в мире по числу пациентов с заболеваниями психики.

1 место в мире по заболеваемости клещевым энцефалитом.

1 место в мире по объемам торговли людьми.

1 место в мире по количеству аборт (каждый час в стране происходят около 300 абортов). По этому показателю Россия опережает США в восемь раз.

1 место в мире по числу педофилов. Только по официальным данным в 2009 году было зарегистрировано 124000 нападений педофилов на детей. Россия – единственная страна в мире, где почти 50% из общего числа сексуальных преступлений направлено против детей.

1 место в мире по объему потребления героина (21% всего производимого в мире героина и 5% всех опиумосодержащих наркотиков).

1 место в мире по числу курящих детей.

1 место в Европе по уровню умышленных убийств – 21,5 случаев на 100 тысяч населения.

1 место в мире по количеству ДТП (на 10 тысяч автомобилей – 12 ДТП). За нами в этом списке следует Корея. При этом по числу жертв ДТП лидирует Индия.

1 место в мире по потреблению табака.

1 место в мире по детскому алкоголизму. Более 10 миллионов юных россиян – от 11 до 18 лет – регулярно употребляют.

1 место в мире по числу сайтов с нелегальным контентом – 2,5 тыс. против 400 в США и 1,1 тыс. в Германии.

1 место в коррупционном рейтинге Европы: российские предприниматели чаще остальных готовы давать взятки. Лидирует Россия и по числу махинаций с финансовой

отчетностью.

1 место по числу сирот. Всего у нас свыше 760 тысяч детей-сирот и около миллиона безнадзорных детей...» (Игорь Гарин, «Места России в мировых рейтингах», <http://www.proza.ru/2016/05/09/879>).

Различие между россиянами и украинцами отчетливо проявляется как в их поэзии, так и в их песнях

И ведь же весьма существенное различие между русскоязычными россиянами и украинцами отчетливо проявляется как в их поэзии, так и в их песнях:

«Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уносить душу въ область воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, не здѣшнимъ огнемъ... Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривіальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матерію; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходить до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслию. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другого, чисто матеріальнаго, удовольствія» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Нравы в Малороссии и в Белоруссии везде сравнительно много выше великорусских. Это общепризнанный факт, не опровергаемый никем и ничем, ни шаткими и сбивчивыми цифрами уголовной статистики, ни высоким и откровенным словом народной поэзии. Малороссийская звучная песня, как дар лесных дриад, чиста от выражения самых крайних помыслов пологого схождения. Мало того, малороссийская песня гнушается бесстыжего срамословия, которым преизобилует народное песнетворчество в России. Малороссийская песня не видит достойного для себя предмета во всем, что не живет в области сердца, а

привитает, так сказать, у одной «тесовой кровати», куда сразу манит и здесь вершит любовь песня великорусская. Поэзия, выражающая дух и культ народа в Малороссии, без сомнения, выше, и это отражается во все стороны в верхних и нижних. слоях общества. Лермонтов, характеризуя образованную малороссиянку, говорит: «От дерзкого взора в ней страсти не вспыхнут пожаром, полюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром...» (Николай Лесков, «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу», <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>);

«Немецкий этнограф и философ Иоганн Готфрид Гердер, в своем «Дневнике моих странствий» в 1769 году отмечал: «Украина станет когда-то новой Грецией: прекрасное месторасположение этого края, веселый нрав народа, его музыкальный дар, родючая земля, когда-то проснутся... и постанет великая культурная нация и ее границы протянутся до Черного моря, а оттуда – дальше по всему миру...» («Иностранцы об Украине», http://thule.primordial.org.ua/aka_mnenie.htm);

«Отдельно следует сказать об отношении Гердера к украинскому фольклору. Он оценивал его очень высоко, а «казацкие думы» относил к наивысшим достижениям мировой народной поэзии. Выдвигая перед поэтами новую программу, призывая их выходить из духа народной поэзии, Гердер указывал как на ее высокие образцы не только на английские баллады, испанские романсы и скандинавские саги, но и на литовские дайны и «казацкие думы...» (Дмитро Наливайко, «Глазами Запада: рецепция Украины в Западной Европе XI – XVIII», http://litopys.org.ua/ochyma/ochrus5_1.htm).

Однако же:

«После коллективизации и Голодомора народ Украины ужасы советско-германской войны воспринимал как-то привычно. Он в эти ужасы уже втянулся, пообвык. Когда-то давно выступаю в Нью-Йорке. Зал небольшой, народу набилось чуть больше предельной вместимости: русские, евреи, украинцы. И я обратил внимание почтеннейшей публики на удивительный факт: украинский язык певучий, народ талантлив, песни любит, но странное дело, – о советско-германской войне украинцы сложили всего одну песню «Ой, Днипро, Днипро, ты силен, могуч». Встает библейского вида старец с белой бородой и возражает: ошибаетесь, молодой человек, песню сочинили два московских еврея. Он оказался прав: народ Украины о советско-германской войне не сложил НИ ОДНОЙ песни. Ибо после того, что было в 1930-х годах, народ Украины советско-германскую войну не воспринимал ни как «великую», ни как «отечественную...» (Виктор Суворов, из интервью Лане Самохваловой: «Европа утратила инстинкт самосохранения», <http://khersonline.net/novosti/politika/26759-viktor-suvorov-evropa-utratala-instinkt-samosohraneniya.html>).

И это ведь несмотря на то, что украинцы как были, так и остались самым певучим народом мира:

«Украинцы – это, пожалуй, самый певучий народ в мире, и хотя они не подарили еще Европе ни одного знаменитого композитора, поют днем и ночью, как на прогулке, так и за

работой... Замужние женщины во время тяжелой работы без устали поют, как соловьи. И трудно живо передать читателю лишь словами эту полную жизни картину!» (Kohl J.G. [Йоганн Георг Коль], «Die Ukraine. Kleinrussland», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt);

«Ни в какой другой стране дерево народной песни не дало таких чудесных плодов, нигде дух народа не выразился так живо и светло в песнях, как у украинцев...» (Фридрих Боденштедт, немецкий поэт и переводчик русских поэтов и народных украинских песен);

«Выслушать новейшую европейскую музыку, а после нее украинскую народную песню – это все равно, что выйти из отравленной благовониями городской горницы на свежий, чистый лесной воздух. Композиторы всего мира могут найти богатейшие музыкальные жемчужины в украинской народной песне» (В. Бальтазар, чешский композитор);

«Ще́дрик» – рождественская украинская народная песня, получившая всемирную популярность в музыкальной обработке Николая Леонтовича. На английском языке известна под названием «Carol of the Bells» или «Ring Christmas Bells» («Щедрик» – самая известная в мире рождественская песня», <https://mydynasty.com/info/know/shedrik-samaya-izvestnaya-v-mire-rozhdestvenskaya-pesnya>);

«Украинские народные песни побудили многих композиторов к написанию мировых музыкальных шедевров. Например, в основе композиции Summertime – арии, которую написал Джордж Гершвин в 1935 для оперы «Порги и Бесс», одной из самых известных песен в мире – лежит украинская колыбельная «Ой, ходять сон биля викон» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Ой_ходить_сон_коло_вікон). Эту композицию Гершвин услышал в Нью-Йорке в исполнении Украинского Национального Хора под руководством Александра Кошица. Услышал – и написал одно из самых гениальных и самых известных джазовых произведений. С момента написания композиции ее выполнили множество исполнителей, но самым известным остается Summertime в исполнении Луи Армстронга, Эллы Фицджеральд, а также Чарли Паркера» (https://www.youtube.com/watch?v=h3kQt14_50Q);

«Украинская песня «Ехал казак за Дунай» под названием «L'adieu des fiancés» (Прощание с невестой) вошла в сборник французских народных песен. Существует немецкий вариант этой песни. Во Франции и Германии поют также украинскую народную песню «Ой не ходи, Грыцю» и т.д. (см. <http://politiko.ua/blogpost16479>).

«В Дании поют немало украинских песен на датском языке, не зная, что они украинские. Есть хор, который поет эти песни» (Ю. Бомгольт, датский министр образования, 1956).

И конечно же украинские народные песни более прелестны и духовны, нежели примитивный бравурный:

«Марш «Прощание славянки (на самом деле всего лишь славянизировавшейся Туранки-России, – П.Д.)» с инородцем (с этносом потомственных славян Украины-Руси, – П.Д.)» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>).

Холопы Лжи

Человек Чести живет по обычаям своих предков и законы для него лишь констатация этих обычаев. Законов же этих для осознающих себя личностями людей не нужно столь много, как для Холопов Лжи, которых постоянно следует держать в страхе и повинении, регламентируя их жизнь до самых мелочей. Да и, несмотря на это, плутоватые и лукавые Холопы всё же умудряются обходить любые законы, не соответствующие их дикарским обычаям и холопской ментальности:

«Мужик русский – почти совершенный дикарь. Он груб, невежествен, лишен понятия о праве и законе, религия у него состоит в кивании головою и отмахивании направо и налево руками; он пьяница и вор, но он не в пример лучше так называемого образованного, интеллигентного русского человека. Мужик искренен, он не старается казаться тем, что он не есть; он не лжет ни на себя, ни на других, ни на вещи. Но человек образованного круга фальшив с головы до ног, он плут по убеждению, что «умный человек не может быть не плутом», суетен, либерален на словах и низок, раболепен на деле, готов на всякие низости за чин или крестик, вор по вкусу к широкому житью. Но главное и хуже всего, что он лжец во всем, что ни думает, что ни говорит и что ни делает. Он учится легко и скоро, выучивается всему, чему угодно, усваивает себе всякую новую идею быстро; поэтому внешность его становится мягкой, благовидною, лоснящеюся. Он европеец, человек цивилизованный; но в действительности из всего этого выходит существо слабодушное, бесхарактерное» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 20 января 1875 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Человек не просто беспомощно терпеливый, что мы видим по многим данным и в реальной жизни, которую вы сами можете оценивать. Человек наш лукавый, он думает, что он стерпит, и его не тронут. Что кого-то разорят, а его – нет. Что он послушается и стерпит повышение цен, но сумеет получить зарплату, с которой налогов не заплатит, и покроет это повышение. Эта черта является одной из самых прочных. Когда мы спрашиваем людей, приходилось ли вам поступать вопреки тому, что совесть велит, в разные времена процентов 15 говорят, что никогда, а все остальные говорят – «да». Часть людей говорит «так всегда приходилось жить», часть говорит «ради трудового коллектива, ради семьи, а то и просто страха, приходилось и приходится». Когда мы спрашиваем людей, а можно ли в армию не ходить и детей туда не отдавать, больше половины отвечает – «можно». Можно ли без билета в трамвае ездить? 60% отвечает «почему бы и нет». Правда, когда мы спрашиваем, а как с налогами быть, вылезает такая штука: если налоги не платит хозяин – плохо, олигарх – еще хуже, он ведь нас ограбил. А если я не плачу – это хорошо. На том стояла и стоит, и

поэтому не может сдвинуться, наша земля. По-моему, это одна из глубочайших основ всеобщей коррумпированности общества, слева направо и сверху донизу. И отсюда всякие трудности...» (Юрий Левада, «Человек советский», <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>);

«Во второй половине XX века из русского языка ушло важное для понимания нашей темы традиционно-православное выражение «страх Божий». Но феномен страха как такового из культуры все еще не вытеснен, хотя природа его изменилась. В традиционном обществе страх перед Властью земной и небесной интерпретируется и как важнейший канал связи с трансцендентным, и как основной фактор социализации. При таком понимании репрессия и страх перед ней выступают не одним из элементов, конституирующим и воспроизводящим социальный порядок, а стержнем человеческой личности и основой социального универсума. Репрессия, физическое насилие, лежащее в опыте детства, оказывается значимым атрибутом сакрального, а значит, и универсального. Перед репрессией все равны...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>).

Заставить Холопов жить по навязанным им свыше Законам цивилизованного общества а, тем самым, и искоренить коррупцию возможно лишь только в том случае, если хотя бы их элита будет жить по Обычаям Чести. В противном случае – это совершенно бесполезное занятие. А привить обществу Обычаи, соответствующие Чести, и тем самым добиться того, чтобы Законы соблюдались не из-за страха перед неминуемым наказанием, можно только по прошествии несколько поколений, и то лишь в случае успешного избавления потомков Холопов от быдлотворной русской ЯКМ а, тем самым, и от формируемой ею психической инфантильности. Этого же принципиально не возможно добиться, продолжая общаться языком, формирующим имперские амбиции [см.: П.14.] и холопский менталитет, а также и соответствующие им дикарские обычаи и, в том числе, склонность к протекции и к коррупции.

«Замолвить слово» за кого-либо принципиально не возможно в благотворной украинской ЯКМ, так как укр. «замовити» означает лишь заказать что-либо, а не добиваться методами коррупции каких-либо привилегий своим близким. В быдлотворной же русской ЯКМ возможность «замолвить слово» за «нужного людишку» является вполне естественной. И, поэтому-то, она и не табуируется грамматическими конструкциями языка.

Франко-славяно-финно-тюркские пиджины бар (дворянства) и их прислуги (челяди)

Аналогично английскому языку, сословные наречия русского языка сначала являлись франко-славяно-финно-тюркскими пиджинами бар (дворянства) и их прислуги (челяди), духовенства, стрельцов, ремесленников, купечества, мелкого чиновничества и крестьянства. И лишь после креолизации они стали городским койне, а позже и языком сельских россиян, переставших употреблять в общении языки своих предков после продолжительного своего двуязычия. Таким образом, простонародное наречие русского языка (язык «черни»)

сформировалось в среде франкоязычных господ и их разноязычной челяди, мещан и селян, использовавших его для межэтнического общения вместо постепенно вытесняемого «европеизирующейся» знатью прежнего тюркского бытового языка.

Тюркские слова стали заменяться в речи челяди созвучными им и близкими им по смыслу славянизмами и другими индоевропейскими словами. Так, например, вместо тюркской лексемы *göz / küz* (гёз / кёз), означающей око / глаз, стала употребляться созвучная ей немецкая лексема *glas* (глас / глаз), означающая не только стекло, но и очки (стеклянные очи – глаза), в то время как славянская лексема «глас» означает совершенно иное понятие – «голос». Любопытно сравнение, созвучных выражений «карий глаз» и «kara-göz». У азербайджанцев так именуют слепых акынов – дословно «чёрный глаз», то есть слепой.

Русское слово «уйма», означающее множество, на самом деле имеет негативный смысл, так как словацкое «*ujma*» это – утрата и убыток. И, наоборот, украинское слово «наглий», означающее скорый, быстрый, внезапный и неожиданный, а также словенское и словацкое слово «*rozogný*», означающее наблюдательный и внимательный, в русском языке приобрели негативные эмоциональные окраски, означая соответственно наглий и позорный.

Омонимом украинского слова «пильний», означающего пристальный и бдительный, в русском языке оказалось финское слово пыльный (*rölyinen*) – покрытый пылью (*röly*). Из-за этого оно практически вышло из употребления в русском языке, и в нем пришлось переосмыслить староболгарское слово «пристал», означавшее, всего лишь, усердный и прилежный, и славянизм «бдительный», означающий на самом деле бодрствующий.

Займствование финского слова «пыль» (*röly*) позволило переосмыслить в русском языке старославянское слово «прах» и древнекиевское (украинское) слово «порох»:

«Первоначально старославянское «прахъ», как и русское «порохъ», означало любое сыпучее вещество (пыль, пепел и т. п.). Однако для церковно-книжных памятников было типично употребление слова «прахъ» по отношению к останкам человека, например: «приникахомъ бо и къ гробу всегда... что убо тамо видѣхомъ бра(тѣ)е... не попель [т. е. пепел] ли и «прахъ» («Огласительные поучения Феодора Студита»). Иные употребления слова (в значениях «пыль», «порошок») постепенно уступают место этому наиболее типичному употреблению (ср. «мир его праху» и т. п.). Русское «порохъ» употреблялось в иных жанрах (его фиксации в церковно-книжных памятниках единичны), называя чаще всего пыль, а также порошок (обычно лекарственный). С XVII в. в деловой письменности это слово стало употребляться преимущественно для называния сыпучей взрывчатой смеси, передав свои первичные значения другим словам (пыль, порошок)» (Игорь Улуханов, «О языке Древней Руси», http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke22/).

К тому же, и слово «гроб», подобно слову «сугроб», означало ранее всего лишь горб – земляную насыпь (могилу). Очевидно, крепостные крестьяне Московии покойников прежде клали прямо в сырую землю, не помещая предварительно их в деревянный гроб (укр. «труну»).

Мы, русские, от природы слишком беспечны, ленивы, равнодушны

Слово «беспечный» (укр. «безпечний») в украинском языке и во многих других славянских языках означает «безопасный» и, следовательно, имеет позитивную эмоциональную коннотацию. В русском же языке слово «беспечный» переосмыслилось и стало означать беззаботный, небдительный, неосторожный и, поэтому-то, стало обладать негативной эмоциональной окраской для всех, осуждающих беззаботный образ жизни. К сожалению, для многих русскоязычных беззаботный образ жизни, не требующий обращения внимания на возможную опасность, весьма приятен. И, следовательно, в отличие от других, у них он вызывает не отрицательные а, наоборот, положительные эмоции. Возможно, именно в этом и кроется причина переосмысления ими слова «беспечный»:

«Мы все, русское племя, неспособны сами по себе ни к какому произвольному движению, ни к какому стремлению. Мы от природы слишком беспечны, ленивы, равнодушны, склонны ко сну, пока крайняя нужда не заставит нас поискать новых средств, пока какой-нибудь внешний удар не пробудит нас к действию...» (историк Михаил Погодин, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Самое великое бедствие состоит в том, что люди, заведующие (в России, – П.Д.) судьбою общественных дел, большею частью или неспособны, или недобросовестны, или беспечны, и чем они выше, тем по меньшей мере беспечнее, то есть невнимательнее к чужим интересам, имея в виду только свои собственные» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 11 июля 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы –
Этим нечего хвалиться!»

(А.К. Толстой, «Одарив весьма обильно...», февраль 1869, <http://www.stihi-rus.ru/1/Tolstoy/57.htm>);

«Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника, ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери...» (Антон Чехов, «Три сестры», <http://www.c-ekb.ru/indexd7b0.php>).

Очевидно, именно из-за лени и равнодушия в русскоязычном примитивном обществе стремительно обесценивается и постепенно исчезает из лексикона такое понятие как вдохновение:

«Понятие «вдохновение» стремительно обесценивается, исчезает. Это особенно ясно, когда листаешь словари. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, 1892 год. «Вдохновение» – 160 строк. Энциклопедический словарь, Госнаучиздат БСЭ, 1953, в трёх томах, около 40 тысяч статей. «Вдохновение» – 7 строк. Советский энциклопедический словарь, 1978, 80 тысяч статей. «Вдохновение» – 0 (ноль) строк. Большой энциклопедический словарь России, 2005, более 100 тысяч статей. В предисловии сказано: «Не имеет себе равных по широте охвата тем и актуальности содержания». «Вдохновение» – 0 (ноль) строк» (Александр Минкин, «Человек цитирующий», <http://www.mk.ru/social/2012/04/05/689826-chelovek-tsitiruyuschiy.html>).

Для ленивого русскоязычного человека время само по себе не является ценностью. Он его растрчивает по пустякам и не знает на что его можно и целесообразно использовать. Поэтому, чтобы убить свое свободное время он и погружается в сладостный туман алкогольного забвения. Жизнь русскоязычного человека является бессмысленной. И поэтому время у него не бежит, а идет (укр. «перебіг подій» – ход событий), а то и вообще медленно тянется (Предложения со словосочетанием «время тянулось», <https://kartaslov.ru/предложения-со-словосочетанием/время+тянулось>).

Притерпелость

Конечно же, хвалиться не стоило бы лишь из скромности, если бы это терпение было к тщательному выполнению работы, а не к своей нищете и не к холопскому долготерпению:

«Могу понять, как столько лет Россия
Терпела голода и холода,
И войн жестоких муки нелюдские,
И тяжесть непосильного труда,
И дармоедов, лживых до предела,
И разное обманное вранье,
Но не могу осмыслить: как терпела
Она само терпение свое?»

(Евгений Евтушенко, «Монолог Братской ГЭС», http://ev-evt.net/poem/bratsk/bratsk_04.php);

«Сущность человека... в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть

и приспособливаться превращает (русскоязычных, – П.Д.) людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...» (Аркадий и Борис Стругацкие, «Трудно быть Богом», <http://www.litmir.co/br/?b=69803&p=51&ShowDeleted=1>);

И ведь же такого холопского понятия, как «притерпелость», ни в одном другом языке, кроме русского, вообще, нет:

«Не помню, от кого и когда я впервые услышал это глубоко русское, трагически емкое слово («притерпелость», – П.Д.)... В словаре Даля такого слова нет, и приводится только однокоренной глагол: «У кузнеца рука к огню притерпелась». Здесь в глаголе – уважение к терпению. Но если одна женщина спрашивает другую: «Ну, как у тебя с мужем-то? Все пьет да бьет?» – а та отвечает, опустив глаза: «Да ничего, притерпелась», – то никакого уважения к своему терпению уже нет, а есть сплошная, ни на что не надеющаяся безысходность, подавляющая сила привычки. Есть терпение, за которое стоит уважать, – терпение в муках рожающих матерей, терпение истинных творцов в работе, терпение оскорбляемых за правду, терпение пытаемых, не выдающих имена друзей... Но есть терпение бессмысленное, унижительное... Притерпелостей постепенно образовалось много – к репрессиям, к произвольным налогам, к насильственным подпискам на заем, к образу «лучшего друга советских физкультурников», к отбиранию семенного зерна, к превращению церковей в овощные склады, к «железному занавесу», к навешиванию оскорбительных ярлыков на ученых, композиторов, писателей, на целые научные направления и даже на отдельные науки, как, например, на кибернетику. Вырубались лучшие люди. Все походило на страшный сон, в котором злая банда, задавшись целью вырубить самых породистых лошадей, бродила ночами по конюшням, орудуя топорами. Лошади как вид выжили, но многие из них оказались лошадьми с психологией мышей. Нам еще многое нужно, чтобы восстановить нашу, понесшую такой урон, человеческую породу. Рабскую кровь сегодня надо не выдавливать по капле, а вычерпывать ведрами. Мы не можем позволить себе терпеть собственное терпение» (Евгений Евтушенко, «Притерпелость», Литературная газета, 11 мая 1988 г., http://evartist.narod.ru/text8/16.htm#%D0%B7_04).

Почему же это так? Оказывается, в отличие от большинства других ЯКМ в русской ЯКМ терпение является не волевым актом, а бытием. Всё в этом мире согласно русской ЯКМ претерпевает (укр. «зазнає») какие-либо изменения. И это, конечно же, касается не только одушевленных предметов. Мы говорим:

«Поезд потерпел крушение; футбольная команда потерпела поражение».

К тому же, «потерпеть поражение» для подсознания русскоязычного человека означает не что иное, как «смириться с поражением». Синонимами понятия «вытерпеть» какие-либо нагрузки являются выражения «перенести» (во времени) или же «выдержать» их. Если неодушевленный предмет не выдерживает запредельных нагрузок и разрушается, то человек не терпит запредельной боли, что и проявляется в бессознательных реакциях его организма. Для русскоязычного человека терпение, вообще, никак не связано с его разумом и является лишь привычной для него реакцией в случае незапредельности воздействий.

Поэтому-то, и естественным образом жизни, не требующим приложения силы воли, для русскоязычных людей является вовсе не преодоление чего-либо, а терпение всего уже ранее достигнутого. Волевым действием в русской ЯКМ является, наоборот, нетерпение чего-либо. Русскоязычный человек может не стерпеть оскорбления или же малейшей (не запредельной) боли. И, именно, это-то и будет уже его не бессознательной, а волевой сознательной реакцией (хотя и не всегда разумной).

Как правило, он глух к «возражениям» действительности, воспринимая их как слабо мотивирующие, и реагирует на них как «ужаленный» лишь в случае достижения ими определенного порогового уровня. А это значит, что способность русскоязычного человека переносить высокие нагрузки является отнюдь не волевой сознательной, а всего лишь первобытной бессознательной способностью его. Поэтому-то воля в быдлотворной русской ЯКМ – это вовсе не проявление способности выдерживать какие-либо нагрузки и неотступно двигаться к достижению определенных целей, а просто обычное холопское своеволие и проявление самодурства.

Естественная потребность примитивного общества в принуждении

Как видим, русскоязычное примитивное общество обречено своей быдлотворной ЯКМ на «притерпелость» и стагнацию (застой) а, тем самым, и принципиально не способно к естественному саморазвитию. Его только «кнутом», а вовсе не «пряником», можно принудительно загонять в «светлое будущее», так как бессознательные лингвопсихические установки пережиточной русской ЯКМ способствуют лишь консервации всего уже ранее достигнутого:

«Все великое и прочное в жизни русского народа было сделано почти искусственно и более или менее принудительно, по почину правительства». Свободный почин общества и народа не приносил ничего, кроме разрушения...» (Константин Леонтьев, «Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге», http://knleontiev.narod.ru/texts/novaya_gazeta.htm);

«Еще посылы от Ильича (Владимира Ульянова – Ленина, – П.Д.) – «Ссылайте на принудительные работы в рудники», «Наводите массовый террор», «Запирайте в концентрационные лагеря», «Отбирайте весь хлеб и вешайте кулаков», «Без идиотской волокиты и, не спрашивая ничего разрешения, расстреливайте, расстреливайте, расстреливайте» (Бнай Брит, «Проект Интернационал» (ч. III, «Сила») «Расказачивание», http://communitarian.ru/posts/istoriya_rossii/bnay_brit_proekt_internatsional_raskazachivanie_dop_olnenie_k_ch_ii);

«Коммунизм создает новое рабство для народа с принудительным трудом, в котором свобода принадлежит только правящему классу или партии. Но мы знаем из экономической науки, насколько рабский труд стоит ниже свободного в чисто хозяйственном отношении» (Сергей Булгаков, «Православие и хозяйственная жизнь», http://azbyka.ru/religii/konfessii/bulgakov_ocherki_ucheniya_pravoslavnoy_tserkvi_22-all.shtml);

«Добродетели русского человека (быдла, – П.Д.) – любовь к хозяину и послушание», – изрек на очередном собрании дугинистов некий «молодой талант» из Якутии еще 20 апреля 2001г., поставив «истинно-русских людей» на одну доску с собаками или лошадьми. Насколько мне известно, это первый в России случай, когда люди, претендующие на звание интеллектуалов, выражаются так откровенно. В частных беседах они еще откровеннее: «Да, мы за рабство! Элита должна властвовать над ублюдками!» (сказано мне одним из активистов дугинского Евразийского Союза Молодежи Олегом Фоминым еще 16 февраля 2001г.)» (Г. Ситнянский, «Евразийство подлинное и мнимое», <https://ia-centr.ru/experts/4107/>);

«Я не уверен, что смогу охватить все стороны или смыслы феномена обидливания народных масс, в тоталитарных сообществах, поэтому ограничусь главными из них:

– обидливание народонаселения властью – это доживший до наших дней пережиток первобытности, отражающий инстинкт стадного существования, отсюда – племенная ментальность, подчиненность, угнетенность, холуйство, животно-иерархичная социальность народонаселения во всех тоталитарных сообществах;

– задуренное быдло страшится свободы, самостоятельности, самодеятельности, непредсказуемости, оно не способно воспринять информацию, отличную от общепринятой, примитивной, внушенной средствами массовой информации;

– мозг быдла работает по принципу «стимул – отклик». Быдло не столько обучается, сколько дрессируется жожаками и их прислужниками, оно органически не способно к анализу и прогнозам;

– жизненные принципы зомбированного быдла: быть как все и одновременно гадить на всех, опускать одних, чтобы в глазах других возвышаться, бить слабых и бояться сильных, ненавидеть и первых, и вторых, завидовать черной завистью всем тем, кто живет лучше и т.д.;

– психология быдла: Мне всё равно! Не знаю и знать не хочу! Не мое дело! По фигу! Моя хата с краю. Не надо меня грузить! От нас ничего не зависит. Авось пронесет. Вот когда будет невоготу, тогда посмотрим!

– быдло действует по принципам «все так думают» или «все так делают», это безынициативные неофобы с шаблонным языком, рутинным мировоззрением и абсолютным отсутствием интереса к новому, манящему;

– быдло находится в плену стереотипов, предрассудков и подмены понятий;

– быдло обладает повышенной степенью внушаемости к пропаганде, податливо к популизму, склонно к конспирологии, инстинктивности, шаблонности, его идеалы – строй и плац, простота, примитивность, легкодоступность;

– быдло является опорой всех тоталитарных и реакционных режимов, ибо склонно к подчинению и первобытному желанию иметь «вожака» («вождя», «фюрера», «лидера нации»);

– будучи опорой любого тоталитарного режима, быдло не имеет убеждений или идей, закрытость власти не вызывает у быдла недовольства и воспринимается, как норма. Власть (вождь, диктатор, тиран) находится над законом, а быдло всегда голосуют «за», причем, не

по убеждениям, а по привычке;

– быдло не способно трезво оценивать события и всегда ищет виновных в своих бедах вне себя, вместо того, чтобы разбираться и исправлять свои собственные ошибки и провалы;

– быдло не терпит аргументов или конструктивных дискуссий, заменяя их угрозами и бессвязной руганью, единственные «аргументы» быдла – пригвоздить, унижить, обгадить оппонента;

– всегда и везде быдло является агрессивной оппозицией к ярко выраженному личностному началу, и разномыслию.

– быдло люто ненавидит всех умных, талантливых, успешных, удачливых и выдающихся; размазать их по стеклу – высшее удовольствие быдла;

– быдло склонно к конформизму и абсолютному принятию дремучих, патриархальных, реакционных норм и статус кво;

– быдло абсолютно уверено, что все люди в мире находятся на одном с ним уровне развития и поэтому плевало на любые авторитеты, за исключением начальства или власти;

– быдло верит всему, что говорится по телевизору, особенно любит конспирологические и паранормальные темы;

– речь быдла – сквернословие, срамословие, мат, суржик, аргю, проклятия, хула, поведение – хамство, наглость, грубость, резкость, ненависть, зависть, наплевательство, хулиганство;

– быдлу свойственно гадить под себя в том месте, где оно проживает, отдыхает и т. д., поскольку оно не может осознать, что в будущем ему предстоит находиться в собственном говнище, наваленном сегодня;

– быдло органически неспособно к творчеству или созиданию, зато обожает ломать, крушить, уничтожать, громить;

– вследствие интеллектуальной ограниченности и глубинного невежества абсолютная или тоталитарная власть пользуется быдлом как дешевой рабочей силой, которой к тому же легко управлять и понукать...» (Игорь Гарин, «Легко ли превратить народ в быдло?», <http://www.proza.ru/2016/04/15/720>; <https://nv.ua/ukr/opinion/jak-peretvoriti-narod-na-bidlo-111896.html>; «Что такое быдло?», <https://www.proza.ru/2014/12/14/777>);

«При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: «Мы были ваши, а вы – наши». Разорвав внутреннюю связь между элитой и массами, реформа окончательно закрепила за царем как носителем власти статус главного объекта народных чаяний, или, говоря современным языком, социальных ожиданий. Таким образом, основная линия социального напряжения – между властью и крестьянскими массами – лишилась важнейшего амортизатора в лице помещиков... Реформа Столыпина отнимала у крестьян эту общинную справедливость и предлагала взамен индивидуальную свободу, в которой почти никто из них не умел жить и которая лишала их общинных гарантий выживания. То есть реформа предоставляла то, что позже Эрих Фромм называл «невыносимой свободой». Невыносимой свободой от прежних норм, прежней морали, прежних представлений о

справедливом и должном... Как показывают социологические опросы и многие коллизии в наших судах, тот стиль и тип социальной, экономической, политической, культурной жизни, который принесла России эпоха после революции 1991 года, очень широкие массы наших граждан лишь терпят как данность. Но – внутренне не принимают как справедливый и должный...» (Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда России, «Суд скорый, правый и равный для всех. Судебная реформа Александра II: уроки для правового развития России», <http://www.rg.ru/2014/09/26/zorkin.html>).

Имитация демократии

«Им (русскоязычным, – П.Д.) демократия не нужна, их свобода пугает. Они хотят иметь «добраго царя», который о них позаботится, всё за них решит, даст нетяжелую работку (с шансом пофилонить и украсть), подаст миску похлебки, поднесет чарочку водочки и похвалит. Им не свобода и ответственность, а стабильная уверенность в завтрашней миске и рюмке нужна» (Steven Lerner, комментарий к статье: Николай Кофырин, «Опасен ли для России национализм?», <http://gidepark.ru/community/8/article/386715>).

Поэтому-то в России и возможна лишь имитация демократии:

«Наш режим в современном мире не слишком оригинален. Таких режимов – много, но устоявшегося термина для них – нет. Я думаю, их можно назвать режимами имитационной демократии (здесь упор на демократию), или стыдливого авторитаризма. В отличие от самоуверенных диктатур первой половины двадцатого века (Гитлер и Муссолини не старались прикрыть своё фюрерство), современные авторитарные правители стыдятся своего всевластия и маскируют его. Это – признак совсем иного идеологического климата в мире. Вообще для современного мира, начиная со второй половины – конца прошлого века можно сказать, если не бояться пышного слога, что идеи демократии победили. То есть единственным источником легитимности в современном мире являются демократические выборы... Я бы хотел подчеркнуть, что я вообще не рассматриваю движение к демократии как движение от плохого к хорошему. То есть это, скорее, знаете, движение аналогичное движению возрастов. Может быть, жить в Средние века было куда красивее, очень много книг и картин написано про эту романтическую жизнь. Вообще сумма человеческого счастья и страданий очень мало зависит от политического режима. Когда люди в России придут к демократии, они не станут безумно счастливы, наоборот, может возникнуть куда больше проблем. Но это – некая норма современного мира. Вот скажем, для нашего социального слоя нормой является высшее образование ребенка, но ребенок не станет счастливым, получив диплом. Наоборот, откроются новые проблемы. Но это норма, без диплома он успокоиться не сможет. Альтернативы-то, в общем, нет... Можно оттягивать этот «зачет» перехода во взрослый мир, к демократии, но рано или поздно его все равно придется сдавать. И по мере того, как ты продлеваешь этот срок, ты будешь отставать, ослабевать... Мы говорим сейчас не о целях нашего пути, а, собственно, только об одном: ты идешь или тебя ведут? Здесь, мне кажется, удачна аналогия с ребенком и его становлением как взрослого самостоятельного человека. Дело не в том, какие цели поставит перед собой взрослый

человек, дело в том, что он сам их ставит. И дело не в том, что взрослые – счастливее. Ребенок не становится счастливее, когда взрослеет, он становится счастливее только в один момент – вот он горд, что он начал ходить сам. Потом он просто забывает, ходит и ходит. Но вот разница между ребенком, который не ходит и который ходит сам – она принципиальная. Общества имитационных демократий и авторитарных режимов – это не взрослые общества. Это общества, не определяющие своего собственного пути, не полноценные, не взрослые общества...» (социолог Дмитрий Фурман, «Неизбежное взросление», <http://polit.ru/article/2004/12/26/furm/>);

«Именно сохранение видимости политической конкуренции, свободных выборов и конституционного режима – черта, отделяющая «закрытые» (имитационные, – П.Д.) демократии от откровенно авторитарных режимов. Однако надо понимать последствия выбора такой стратегии политического развития. Общеизвестная черта «закрытых» демократий – широкое распространение коррупции. Сам по себе демократический режим не является гарантией от коррупции. Но его отсутствие делает ее неизбежным элементом политической и экономической жизни. Если учесть, что широкое распространение коррупции в российской власти – явление многовековое и имеет давнюю традицию, вспомнить о безуспешных попытках Петра I справиться с ней мерами административного воздействия, то легко понять, какую траекторию развития российской государственности на десятилетия мы зададим, сформировав режим «закрытой» демократии. Никакими ритуальными кампаниями, никакими громкими процессами с этой проблемой не справиться. Она неразрывно связана с характером режима, организацией политического процесса, который формируется в ее рамках. Еще одна характерная черта «закрытых» демократий – их склеротичность, негибкость... Построить в России действующую демократию, разумеется, сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу придется решать. Не надо иллюзий. Мы живем в мире XXI в., а не XVIII в. Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не дают шансов на сохранение устойчивых недемократических режимов» (Егор Гайдар, «Об устойчивости и гибкости политических систем», <http://www.intelros.org/lib/statyi/gaydar1.htm>);

«...В-четвертых, нигде и никогда в мире не додумывались еще проводить «выборы» во имя ожесточения войны. В-пятых, нигде и никогда в мире армия агрессора не голосовала вместо населения оккупированной территории. И, наконец, в-шестых, ни в одном из государств, равно как и в их колониях, не додумывались еще проводить выборы хотя бы без формального обеспечения законности. Это возможно только в России. Так что «легитимическая» история России после этих выборов стала, несомненно, богаче. Опыт, молчаливо поддержанный Западом, можно распространить и на другие страны. К примеру, если «выборы» проводить на российских военных базах Украины, Грузии, Азербайджана, Казахстана, а еще лучше – в московском метро, то более «легитимного» пути восстановления СССР не придумаешь. Есть только одна «мелочь». Такие подлые и позорные приемы роняют и без того падающий национальный престиж и достоинство русских, как народа метрополии, от имени которых и происходит вся эта фантазмагория...» (Лёма Усманов, «Непокоренная

Чечня // Политика без морали», <http://www.alexbelousov.sk/chechenbooks/4geno/in9.htm>; <http://alexbelousov.sk/4geno/in9.htm>; <http://zhaina.com/history/page,11,133-lyoma.html>);

«...мы, имея политическую культуру, которая несовместима с этими самыми демократическими нормами, тем не менее, играем в эту игру под названием «демократия». Но политическая культура большинства российских граждан к этому совершенно не приспособлена. А во-вторых, демократические процедуры в отрыве от других компонентов организации общества, присутствующих в тех же западных странах, о которых шла речь, не работают. То есть нам экспортируют так называемую демократию, но не экспортируют компоненты политической культуры, без которых демократические процедуры вообще не имеют смысла. В результате они у нас не работают...» (Алексей Шустов, цит. по: «Петербургские выборы советского типа», <http://www.svoboda.org/content/article/26552818.html>).

Бессознательной лингвопсихической установкой на «примирение с действительностью» является не только «притерпелость», но и «безразличие», «ничегонеделание» и «наплевательское отношение» как ко всему происходящему и окружающему, так и к правам человека:

«Установка на примирение с действительностью иногда переходит в «презрительное безразличие», выражаемое по-русски при помощи таких высказываний, как «Плевать...!; Наплевать...!; А я плевал; Плевать я хотел...!; А я плюю...!» и т.д. При этом русские выражения типа «Плевать...!» указывают на то, что говорящий не просто не хочет думать о том, на что он «плюет», но, главное, не хочет в связи с этим ничего предпринимать. Иными словами, сквозь русское «Плевать...!» наряду с безразличием просвечивает идея ничегонеделания, «плевание в потолок». «Да плюнь ты...!» – один из самых часто встречающихся советов, который дают человеку, если он кажется чрезмерно озабоченным какими-то трудностями. Это совет избавиться от излишних и ни к чему не приводящих (или приводящих только к расстройству) усилий. В совершенном виде глагол «плюнуть» может указывать на то, что субъект в каком-то конкретном случае поступил в соответствии с рассматриваемой установкой (попытался сделать это, ничего не вышло, я и плюнул); глагол несовершенного вида «плевать» указывает на то, что такое отношение к жизни стало для субъекта общей жизненной установкой. «Философское» отношение к жизни в русском языке концептуализуется как «плевание» и могло бы быть выражено максимой: «Не стоит тратить усилия: все равно от тебя ничего не зависит». Иногда кажется, что такое «наплевательское» отношение даже является для некоторых носителей русского языка предметом особой гордости. Так, гордости полны известные строки Маяковского: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь...»... За наплевательским отношением к «суетному» и «низменному» многие охотно видят любовь к «возвышенному». Непрерывно плюя, можно прослыть человеком высших интересов. В других языках тоже есть выражения, указывающие на безразличие, там тоже даются советы не расстраиваться по пустякам или отказаться от бесплодных усилий изменить ход дела. Но именно в русском языке все эти идеи сконцентрированы в одном глаголе «плевать». Мы используем этот глагол и для

выражения собственной установки, и описывая чье-либо безразличное отношение, и давая совет» (Алексей Шмелев, «Русский язык и внеязыковая действительность // Определённость и неопределённость», М.: «Языки славянской культуры», 2002г., Серия: «Язык. Семиотика. Культура», С. 367, http://ai-systems.ucoz.ru/_ld/0/42_SHM2002.pdf);

«Наклонность к ничегонеделанию вместе с праздным, безрезультатным разгулом мысли и фантазии, кажется, лежит в натуре нашей. Удивительнее всего, что эти стремления к пустоте, прикрываемые вычурным умозрением или умничаньем, мы готовы вменить себе в достоинство и восхищаться этим, как истинно самородною чертою нашей широкой цельной природы. В самом деле, великая, широкая натура! Англичанин что-нибудь сделал и делает, француз что-нибудь сделал и делает, немец тоже, а мы создаем свою историю из ничегонеделания или преследуем такие отчаянные фантастические задачи делания, что делание по ним опять-таки превращается в ничего» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 4 ноября 1862 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«С нашим народом, в самом деле, проблемы. Он в своей массе не ценит свободу, проявляет рабскую психологию, не считает высшей ценностью человеческую жизнь и наплевательски относится к правам человека, не признает незыблемость честно нажитой частной собственности, во всем уповает на государство. Странно в этой ситуации удивляться тому, что более половины жителей России неизменно поддерживают национального лидера, что их устраивает суверенная демократия, хотя в большинстве регионов они живут практически в условиях феодализма...» (генеральный директор журнала «Знание-сила» Игорь Харичев, «О народе России», <http://www.ej.ru/?a=note&id=11500>).

Многочисленные переосмысления славянской лексики туранским этносом

Средневековое чешское слово «cerstvy», означающее «свежий, чистый, скорый и проворный», и словацкое слово «cerstvy», означающее «свежий и живой», приобрели в русском языке совершенно противоположное значение – несвежий (черствый), несущее отрицательную энергетику. Украинское слово «грузь», означающее всего лишь «густая грязь» (лит. «gramzdùs» – «глубоко вязнущий, погружающийся»), было переосмыслено в русском языке в слово «груз» (укр. «вантаж»), означающее что-либо транспортируемое. Тем самым подсознанием русскоязычного человека любой груз и ассоциируется с грязью а, следовательно, это слово и вызывает у него бессознательное небрежное (небрежное, пренебрежительное) отношение к любому переносимому или же перевозимому предмету.

От русск.-цслав. «бръснѣти» – «скрести, брить», болг. «бръша» – «тру, стираю», словен. «břsati» – «проводить, касаться» (см. Фасмер) образовалось переосмысленное русское слово «бросить», означающее «кинуть, покинуть».

Согласно «Лексису» Лаврентия Зизания (<http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>, «Лексис») значение слова «ядь» – їдло, страва; македонское слово «jadenje» и польское слово «jadalny» означают съедобный, в то время как подобное им русское слово «ядовитый» имеет противоположный (негативный) смысл – несъедобный.

Все это, конечно же, связано и с тем, что чуждые для славянизировавшихся потомков финно-угров и тюрков славянские слова осмысливались ими по-своему а, возможно, и под влиянием значений созвучных им как ранее употреблявшихся финских и тюркских слов, так и французских, и германских слов, употреблявшихся их инородческой знатью. Созвучное слову «еда» русское слово «яд», очевидно, произошло от норвежско-датского слова «aat» – «приманка для хищников».

Хотя русское слово «волокита» и происходит от слова «волок», но все же соответствующий ему негативный смысл оно получило под влиянием балтского слова «vilkinimas», означающего на литовском языке задержку. Только этим и можно объяснить наличие слова «волокита» лишь в русском и в белоруском славянских языках:

«Попутно отмечу, что балтские слова, используемые в старобеларуском языке, а иные и в современном, имели славянские форманты – суффиксы и окончания. Иногда использовались балтские приставки, но со славянскими корнями, суффиксами и окончаниями. Таким образом, старобеларуский язык в целом (если не вдаваться в детали) представлял собой синтез балтской лексики и славянской грамматики. Слова с балтскими корнями даже в конце XIX века составляли в нем, по Карскому, 83 % словарного запаса. Понятно, что в XVI веке этот процент был еще выше» (Максим Петров, «Литвины и жамойты», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=81>).

От слова лесь, имеющего негативный нравственный смысл (блр. «лесць», др.-киев., ст.-слав. «льсть», болг. «лест» – лесь, а также «льст» – обман, сербохорв. «ласт», род. п. «ласти» – обман, словен. «lst, -i», чеш. «lest» – «коварство, хитрость», род. п. «lsti», слвц. «lest», др.-польск. «lesc» – «хитрость, лживость», в.-луж. «lesc», н.-луж. «lasc» – лесь; заимств. из др.-герм.: ср.-гот. «lists» – «хитрость, козни»), в церковно-славянском языке образовано слово прелестный, означающее обманчивый, коварный, не настоящий.

В современном же русском языке слово «лесь», означающее согласно «Лексису» Лаврентия Зизания (см. <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>) также и предательство, стало иметь менее негативный нравственный смысл, а образованное от него слово «прелестный», вообще, приобрело вполне позитивный смысл и означает «хороший, прекрасный, пленительный, привлекательный красотой, пригожеством»:

«Выражение: «прелестная звезда» в церковнославянском языке означало планету или метеор. А.С. Шишков писал в «Рассуждении о старом и новом слоге»: «Прелестными звездами называются те воздушные огни, которые, доколе сияние их продолжается, кажутся нам быть ниспадающими звездами, кои потом исчезают...» Ср. «Послание Иуды», гл. 1, где нечестивые люди сравниваются с «звездами прелестными, которыми блюдетя мрак тьмы на веки». «В противомыслие сему под именем непрелестных звезд разумеются настоящие, не обманчивые звезды». Так в «Патерике» «преподобные отцы» приравниваются к звездам непрелестным» (Рассуждение, с. 278). В «Словаре Академии Российской» (1809, ч. 2) сказано: «Звезда прелестная. То же, что звезда блудящая, планета» (с. 829). Пушкин, пользуясь этим термином, каламбурно играет двойственностью его возможных осмыслений, связью эпитета «прелестный» со словом «красавица» и, следовательно, возникающим

пониманием выражения «прелестная звезда» в значении «прекрасная звезда» (между тем как первоначально прелестный здесь значило: «обманчивый, коварный, не настоящий»). Ср. то же объяснение термина «звезда прелестная» в словаре П. Соколова (1834, 1, с. 940) – при таком определении значения слова «прелестный» – «пленительный, привлекательный красотой, пригожеством...» (Виктор Виноградов, «История слов», Часть 3, <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prelestnaja&vol=3>).

Не связано ли это с тем, что, аналогично коррупции, лести, обман и предательство в русскоязычном примитивном обществе всегда рассматривались, если и не положительным, то всё же вполне приемлемым явлением? Ведь глагол «обмануть», как и глагол «украсть», употребляется в русском чаще даже таких глаголов, как «трудиться», «полюбить», «задумываться» и «дружить» (см.: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, «Новый частотный словарь русской лексики», <http://dict.ruslang.ru/freq.php>):

«Начальник у нас, как ни крути, все равно барин, неважно, плохой или хороший. И главное, в наших патерналистских моделях не столько единоначалие, сколько приемлемость обмана, мы все время норовим этого единого начальника как-то обмануть... В чеховском «Злоумышленнике» прекрасно схвачены все стороны этого явления: крепостного права уже нет, а крепостное сознание живо. Где могу, я барина надую, а не повезет, так он меня выпорот. Это самое отвратительное, что осталось у нас от крепостного права» (Георгий Хазагеров, <http://www.rg.ru/2011/02/18/kpravo.html>);

«Нет народа более неблагодарного, более мстительного и злобного по отношению ко всевозможным благодетелям. Чем больше благодеяний, тем больше ненависть русского к товарищу начальнику. Чем больше русский улыбается, униженно благодарит, тем больше он ненавидит этого человека, тем больше считает себя перед ним униженным. Постоянно пишут о странном сочетании покорности и крайнего анархизма русских. Ничего странного. Покорность основана на сглазе и юродстве, на ощупывании жертвы. Месть может и не состояться, но может состояться всегда, в любую минуту. Менее всего русским приятно чувствовать себя кому-либо обязанными. Хотя они всегда кому-то обязаны...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Согласно толковому словарю Ушакова, притвор – это: 1. створка, то, чем закрывается, затворяется что-нибудь; 2. передняя часть церкви, следующая непосредственно за папертью. Как видим, это слово, как и слово «творить», в отличие от искусственно введенного новообразования «притворство», не обладает негативной коннотацией. Поэтому-то в подсознании принципиально и не могут возникнуть ассоциации, позволяющие негативно оценивать слово «притворяться» во внутренней речи русскоязычного человека. И он, притворяясь, может спокойно облапошивать вас, и не бояться возникновения при этом ни мук, ни угрызений совести.

Но часто бывает так, что и, вообще, без какого-либо умысла русскоязычный людишка вас может обмануть. Ведь он не только обманщик, но и легковверен. Не в состоянии самому в

чем-либо разобратся а, следовательно, и проверить достоверность полученной информации, он, как правило, многое принимает «за чистую монету», чем успешно и пользуются рекламодатели. К тому же, он «постесняется» и переспросить о чем-нибудь не совсем ему понятном, чтобы другие не заподозрили его в том, что он является тугодумом или же, вообще, дураком. А, если он даже и в состоянии самостоятельно во всем разобратся, то просто поленился это сделать. Поэтому-то, верить даже доброжелательно относящемуся к вам русскоязычному человеку весьма опасно:

«Никогда не верьте русским, ибо русские не верят даже самим себе» (Отто фон Бисмарк, сказано перед началом Берлинского конгресса 1878 года, <http://citaty.info/man/otto-fon-bismark>).

Не в состоянии что-либо доказать или же просто из-за нежелания «перетрудиться», русскоязычный людшка голословно и эмоционально напористо вас будет убеждать (а, на самом же деле, принуждать) сделать именно то, что ему выгодно, используя для этого все «тонкости» русского языка (ведь церковнославянское слово «убеждать» и означает то ни что иное, как принуждать):

«Категоричность самоутверждения и бытовой нигилизм находят себе поддержку в способности русского языка строить отрицание таким образом, что каждое отдельное слово высказывания отрицается само по себе: никто никому никогда ничего не должен! Англичанин или француз употребит здесь одно-два отрицания, скорее всего при объекте, ради которого и сделано подобное заявление. Плеоназм как особенность русской речи – весьма серьезная проблема и в наши дни. Плеоназм проявляется в самом различном виде, усложняя речь ненужными определениями, но вместе с тем и помогая усилить высказывание эмоционально: основная установка на то, чтобы убедить, а не доказать, поскольку «очевидность только тогда не требует доказательств, когда она очевидна», – заметил в этой связи Николай Трубецкой» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность // Основные признаки русской ментальности в языке», СПб, 2004, с. 24-31, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82395>).

Широкое использование плеоназма – дублирования некоторого элемента смысла; наличия нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи или текста – а также сами некоторые языковые выражения, в которых имеются подобные дублирования, русский язык воспринял из финно-угорских говоров. Например, фразы: «чистая правда» (фин. «alaston totuus» – «голая истина»), «май месяц» (фин. «toukokuu», «toukokuussa») – это явные кальки финских фраз.

Специфика понимания концепта «УСПЕХ» в русской лингвокультуре

Однако же успешность не только обмана, но и завершения любой работы или же какого-либо предприятия обуславливается в русском языке лишь везением, а не способностями человека. В то время как в украинском языке лексема «вдача / удача», означающая способность к чему-нибудь, и лексема «успіх» – успех не являются синонимами, то в русском языке лексемы «удача» и «успех» фактически являются тождественными по

значению. И, следовательно, если укр. «невдаха» – «неспособный к чему-либо человек», то русск. «неудачник» – «всего лишь, человек, которому просто не повезло в чем-либо». Поэтому-то, в отличие как от украинского: «Йому це не вдалося» – букв. «Он это не сумел <сделать>», так и от английского: «He failed» – букв. «Он не преуспел <в этом>», русская:

«...дативная конструкция: «Ему это не удалось» полностью освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат (какие бы вещи с нами ни происходили, хорошие или плохие, они не являются результатом наших собственных действий)...» (Анна Вежбицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm);

«Спросите любого русского: что такое удача? Он ответит – везение, не зависящее от нас. Евреи воспитаны (а украинцы воспринимают бессознательно, – П.Д.) иначе. С молодых лет вас учат, что удача – продукт целенаправленного действия, что внешне случайные события на самом деле подготовлены людьми, их верой и волей. Мир – отнюдь не стихия хаоса, и удача не так слепа, как её себе многие представляют. Люди на земле получают разное количество денег, потому что по разному воспринимают реальность, по разному ощущают мир. Для того чтобы сделать Вас богаче, нужны перемены не извне, а внутри Вас (и, прежде всего, избавление своих потомков от уродливой русской ЯКМ, – П.Д.). Это, если хотите, магия успеха...» (Борис Березовский, «Как заработать БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ», http://soznanie.info/st_berezov.html);

«Понятие фарта, успеха, удачи

Постичь не всегда удаётся:

Везде неудачник тоскует и плачет,

В России – поёт и смеётся.

(Игорь Губерман, «Гарики предпоследние», <http://guberman.lib.ru/gariki/5PPG/08.htm>).

Как видим, в то время как в украинском и в английском языках успех напрямую связывается с приложенными усилиями личности, то в русском языке этого нет. В нем фактически не предусматривается непосредственная связь с приложенными усилиями выполняющей работу личности ни материальной оценки результата этой работы, ни успешного ее завершения:

«Можно установить следующую специфику понимания концепта «УСПЕХ» в англоязычной и русской лингвокультурах:

1) для русской лингвокультуры характерен акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект), для английской – акцент на успехе как таковом, символизация успеха, акцент на усилиях индивида;

2) в английской лингвокультуре успех ассоциируется с карьерой, богатством и славой, в русской – с победой в бою, достижениями в познаниях и завоеванием симпатий;

3) к людям, которые не добились успеха, по-русски относятся с жалостью, по-английски – с элементом презрения.

Отсюда следует, что в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями

личности, в русской – с везением и способностями человека» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>);

«Свою задачу учителя видят в том, чтобы у каждого ученика была возможность добиться результатов. Они называют это «почувствовать успех». Как сказала учительница, «у каждого ребёнка должен быть прогресс». Для этого у неё есть план для каждого: что, как, в каком периоде надо усилить, чтобы был прогресс. Это в чистом виде тьюторинг – помощь конкретному ребёнку, чтобы он стал лучше, исходя из его индивидуальных особенностей... И в старшей школе эта свобода и ответственность за свой успех реализуются самим учеником. Он сам решает, нужна ли ему помощь педагога или психолога, а не наоборот. Если нужна помощь консультанта, то сам идёшь к консультанту. После 9-го класса ученик принимает решение, будет ли он получать профессиональное образование, или пойдёт дальше в высшую школу (10–12-й классы), чтобы потом получать академическое образование...» (Татьяна Швец, «Учить по-фински. Чему может научить украинцев финская школа», https://focus.ua/society/369758/?utm_campaign=web_push&utm_source=628);

«Любопытно, что разные национальные подходы к воспитанию детей проявляются и в том, какие игрушки предпочитают немецкие и русские дети. Ведь игрушка, как известно, – важное «пособие» для развития ребенка. Когда специалисты из России (они представляли Московский городской центр психолого-педагогической экспертизы игрушек, игр и игровых материалов при МГППУ) и из Германии (из организации «Spiel gut. Arbeitsausschuss Kinderspiel + Spielzeug») решили провести сравнительную психолого-педагогическую экспертизу игрушек, выяснилось, что даже критерии оценок у них разные. Так, например, российские эксперты акцентировали внимание на развивающем потенциале, причем учитывалось не только познавательное развитие, но и эмоциональное, социальное, морально-нравственное. А вот у немецких специалистов большое значение имеет степень удовлетворенности ребенка игрушкой. Важнейшая функция игрушки, с точки зрения немцев, – помочь малышу пережить успех, удовлетворение достигнутым, почувствовать свою компетентность. Это укрепляет уверенность ребенка в себе и побуждает продолжать и развивать игровые и практические навыки, считают немецкие эксперты. И Самостоятельность. Это слово в данном случае стоит писать с большой буквы, как это принято в немецком языке» (Елена Сушева, «"Мы" и "Я": в России и Германии детей воспитывают по-разному», <http://snezhinka.7bb.ru/viewtopic.php?id=6138>; <http://www.5da.ru/methods.html>; <http://ru.exrus.eu/-id51a0a5bf6ccc19ea76001f00>);

«Таким образом, успех на Западе строится на частной инициативе, характеризуемой тремя составляющими: – методично следовать писанным нормам (правовым, моральным, техническим и т.п.), – быть предприимчивым там, где «не запрещено», – рекламировать себя, выделяться, выглядеть оригинальным, демонстрировать свою индивидуальность. Характеру россиянина это противоречит, так как он, прежде всего, должен развивать в себе чувство коллективизма. Совершенствуя в себе чувство коллектива, индивид достигает статуса лидера, и тогда его действия превращаются в стандарты и образцы поведения для остальных

членов. Такой человек становится «законодателем мод», естественно, до тех пор, пока чувство коллектива ему не изменит. Мотивация россиянина построена на эмоциональной формуле «во имя...», мотивация же западного индивида – на рациональном целеполагании и расчете. Принципы взаимодействия на Западе и в России различны: для Запада – «будь индивидуален, но следуй установленным однозначным правилам»; для России – «будь как все и следуй за лидером» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0077>);

«Успех в России вообще бранное слово. Успех не обсуждается, а осуждается. Он противоречит этике отечественной жизни. Тогда зачем мечтать о «широкой дороге»? Зачем сюда запускать поэзию? Какое-то глубокое несоответствие. Русский уверен, что положительные вещи не продолжительны. Нас так учит наша история. Мы так измочалены жизнью, что смотреть на процветание других – противно. Хочется это процветание опорочить, объявить ему войну. Но если мы принимаем все это как данность, то нам вместо дороги светит санкционированное чувство злобы и зависти, узаконенное злорадство, если у соседа сорвалось и не получилось. А это уже существенный запас чувств. Своего рода вдохновение (являющееся апофеозом идиотизма, – П.Д.). Но, самое главное, философия «знания жизни» и «черного дня» находит свое подтверждение в моральном кодексе религии, освещается христианством. Это очень удобно» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Черный день», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«То, что пахнет мерзостью, не относится к постмодернизму. Постмодернизм имеет отношение к произведениям искусства. А это произведение идиотизма и злобы. Сейчас государственный строй России грамотные люди определяют по-разному, я же определяю по-своему: это чистый «паханат». Большая беда. За Россию мне все время попеременно то больно, то стыдно. Других ощущений нет. – «Паханат» – это когда огромным количеством людей безраздельно правит некая группа во главе с паханом. При нем есть так называемые «шерстяные» – блатные, приблатненные. Вот этот слой очень легко можно увидеть сегодня в России. Кто-то называет это мафией, кто-то – поздним феодализмом. Суть та же...» (Игорь Губерман: «Сегодняшняя Россия – произведение идиотизма и злобы», <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175547/>; https://antikor.com.ua/articles/63654-igorj_guberman_gosudarstvennyj_stroj_rossii_-_eto_chistyj_pahanat);

«Россия – это безнадежное болото, в котором вязнут любые, самые светлые и прогрессивные начинания. Это страна, народ которой – за редчайшим исключением – испытывает искреннюю ненависть и отвращение к свободе, причем, вопреки тезису Маркса, в первую очередь – к своей собственной, а уже только потом и как следствие – к чужой. Народ, глубоко презирающий чувство собственного достоинства, интеллект («ишь, умный выискался!»), вообще личность как таковую, ненавидящий всякого, кто выбивается из среднестадного уровня (причем успех, достигнутый талантом и трудом, вызывает куда более злобную зависть, чем простое везение типа выигрыша в лотерею), считающий пороком само желание жить независимо и в достатке – а добродетелями, соответственно, тупую стадность

и покорность («тебе чего, больше всех надо?!»), готовность жить в дерьме и грязи (что служит предметом особой извращенной гордости!) и, не рассуждая, жертвовать собой во имя малого стада – общины и большого стада – Империи (никогда и ничего хорошего этому народу не делавшей, а лишь век от века разбухавшей на его крови)» (Юрий Нестеренко, «Исход», <http://yun.complife.info/miscell/exodus.htm>).

Поэтому-то и родственные слову «успех» слова «приспешник» и «успеет» были переосмыслены в русском языке:

«Слово «приспешник» в современном русском языке принадлежит риторическому обличительному стилю. Оно носит яркую окраску презрительной иронии (ср. газетное выражение: «приспешники буржуазии»). Его значение – «помощник, сообщник, прихвостень» – оторвано и далеко от значений глагола «приспеть» (ср. успеть – успех, успешный; наспех, спешный и т. п.). Правда, глагол «приспеть» заметно увядает. Он почти выходит даже из современного разговорно-литературного употребления. Такие значения, как «подойти, подоспеть на помощь, на выручку» (ср. у Некрасова: «приспели новые полки») или безлично просторечное «приспичить» просто неупотребительны. И даже значение: «настать, наступить, подойти (о времени, поре)» носит печать устарелости. «Время приспело» – для нас выражение редкостное. Между тем, в древнерусском языке глагол «приспети» был очень активным. Его значения: 1) поспеть, успеть; прибыть, подоспеть на помощь; 2) случиться, прийти, приблизиться, наступить – обнимали более широкий круг фразовых связей (см. Срезневский, 2, с. 1456)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/prispeshnik.html>);

«...и во всем, что он ни делает, успеет» (Пс. 1:3) – многие понимают и проповедают так, что праведник, даже взявшись за несколько дел одновременно, успеет все их сделать. (Видимо, если не успеет – не настоящий праведник). Слово «успеет» поменяло смысл – раньше оно относилось к результату, сейчас – ко времени (успеть на поезд, на собрание и т.д.) (Дан. 8:12, Ин. 12:19, Иов 30:13, и др.). Практически везде в Библии «успевать» означает «иметь успех», а не «прибыть или сделать вовремя» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

Бесчестие и вороватость русскоязычного населения

Когда же, очень хочется победить (добиться успеха в чем-либо) или же хочется, чтобы тебе обязательно «повезло» в чем-нибудь, то, к сожалению, моральный аспект обычно игнорируется. Если и «нельзя, но, все же, очень хочется, то можно!»:

«Правительство правительством, да хороши и мы! Разве не случается сплошь и рядом: человек учится где-нибудь в университете или в каком-нибудь другом высшем учебном заведении; как говорится у нас, прекрасно образован; толкует горячо о высших истинах, о свободе, о честности и чести и проч. Получает он видное место – смотришь, сделался деспотом и вором. Из кого же все вырабатывается, как не из народа, не из общества? Не есть ли оно плоть от плоти их и кость от костей их?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3

т., Т. 2, 20 марта 1862 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Меня больше всего пугает, что в диалогах о действующей власти со своими сверстниками я наталкиваюсь на то, что они его оправдывают лишь тем, что они бы на его месте поступали точно так же. Они говорят: да, ворует, да, его окружение ворует, да, есть большие проблемы, но мы бы делали точно так же. Мой друг, который учится на медика, говорит: «Конечно, я буду брать взятки, потому что без взяток не прожить». Студенты, которые учились в прокуратуре, они между собой говорили о том, как хорошо, скоро мы заживем, потому что мы станем прокурорами, а прокуроры решают все. Мы сможем открывать ногой двери, потому что сможем показывать удостоверение, заходить в любые места, перед нами все будут становиться на колени, вообще мы будем настоящей властью. Плевать на изучение закона, мы и есть власть...» (Михаил Конев о том, почему молодежь верит, что «Россия возглавит весь мир», «Первое путинское поколение», <http://www.svoboda.org/content/transcript/27331008.html>);

«Власть оказалась мудрее, чем я думал. Она пошла по пути, к которому русский человек привык. Суть его проста: «Мы дадим тебе лазейку в законе, а ты выжимай из этого всё что сможешь». Ну, люди и выжимают. Это как в советские годы: в магазинах ничего нет, а холодильник всегда полный. «Где взяли?!» – «Где взяли – там уже нет!» Ещё не так давно в интервью Ксении Собчак я говорил о том, что перестал понимать, что делает Путин. Говорил, что есть ощущение, будто президент утратил связь с реальностью. Сейчас я уже так не считаю (он всё же постиг воровскую сущность своего народа, – П.Д.). Крым наш! Своих не сдаём! Этого оказалось достаточно (ассоциируется со словом «достать», – П.Д.), чтобы народ простил власти все ошибки и недочёты. Сколько это продлится, во что выльется? Не знаю. Я давно уже говорил чиновникам о том, что одним только материальным благополучием вы народ не накормите, не удовлетворите. Он просто заскучает. Этому народу нужны большие свершения. Если не можете дать ему большую войну, дайте, хотя бы, большую страну, верните достоинство. Ну, вот это, грубо говоря, достоинство ему вернули. И как бы ни кричали наши либералы, как бы ни пытались отыграть ситуацию назад – бесполезно! Народ хором сказал: «Крым наш!» (наконец-то удалось его стибрить у Украины, – П.Д.). Всё! Не могу назвать это национальной идеей, но в данный момент таков основной вектор движения России...» (актёр, режиссёр и телеведущий Александр Гордон: «Америка не сможет жить спокойно, пока существует Россия», <http://www.aif.ru/society/people/1328955>)

«Переведите с сохранением полного понятия на немецкий, французский, английский язык или другой европейский язык наше, широко употребляемое, слово «достать». Которое несет в себе полу- выменять, полу- купить, полу- украсть, а в итоге приобрести по значительно меньшей цене или бесплатно. Посмотрите на окружающих в момент, когда произносится фраза с вкрапленным «достать». Кто-либо покраснел или смутился? Нет, все согласно и понимающе кивают головой, следовательно, все считают не предосудительным приобрести что-либо таким образом... Понятие «достать» только у русских столь многогранно... Понятие «достать» очень живуче, хотя от него же имеем неприятности – раз

«достал», два «достал», а потом и тебя достали, прибывшие от имени Закона» (Валерий Сибиряк [Валерий Козлов], «Русский менталитет // В общении с соплеменниками» <https://www.chitalnya.ru/work/179136/>).

А, ведь же, слова: «достать», «достаточно», «достаток», «достояние», «достоинство», «стать», «стоять» и «стоять» имеют в русской ЯКМ одну и ту же внутреннюю форму, соответствующую статическому (пассивному) состоянию – стоянию [на одном месте]. И, следовательно, «достать» – это приобрести, отнюдь не за счет своей деятельности (активности), а лишь благодаря бездеятельному выжиданию удобного момента времени и искусству безнаказанно и без угрызений совести «прибрать к своим рукам» (взять) что-либо вожаделенное (желанное):

«Поэтому наш язык – это наш самый беспощадный внутренний враг. Кто изучал НЛП, тот согласится, что, допустим, та же коррупция потому всегда и процветала, что у любого чиновника во все времена была возможность подумать не «Я возьму», а «Да уж возьму я...» (Volnaya Strannitsa, «Великий и могучий враг», <http://gidepark.ru/user/Volnaya/article/352445>; <https://yablor.ru/blogs/velikiy-i-moguchiy-vrag/1598577>);

«В русском языке есть три слова, три глагола с ярко выраженным характерным значением. Это – «брать, пить и гулять». Хотя сами по себе они вполне невинны по смыслу, но в виду некоторых наших национальных особенностей за каждым из них прочно закрепился один, главный смысл. Замечательно, что на общепринятом языке у нас глагол брать уже подразумевает в себе взятки. Эта характерная черта данного слова явственно проступила уже на рубеже XVIII–XIX веков. Так, в популярной тогда комедии «Ябеда» один из ее персонажей (секретарь) говорит:

«Бери, тут нет большой науки;
Бери, что только можешь взять:
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтобы брать, брать, брать?»

Тут дальнейших объяснений не требуется: известно, о каком бранье идет речь. Князь Петр Андреевич Вяземский в своих записках сообщает, что один директор департамента делил подчиненных своих на три разряда: одни могут не брать, другие могут брать, третьи не могут не брать. Опять же, нашему человеку сразу понятна суть этого, так сказать, классификационного принципа» (Сергей Цветков, «Брать, пить и гулять», http://zaist.ru/news/slova/brat_pit_gulyat/).

И все это, ведь, ни сколько не удивительно:

«Русский человек привык думать, что бесчестность – не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед угодником» (Николай Бердяев, «О святости и честности» в кн. «Судьба России», 1918 г., <https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567/chitat-onlayn/page-6/>);

«Грех воровать (т. е. плутовать), да нельзя миновать» (Владимир Даль, «Пословицы русского народа», <http://hobbitaniya.ru/dal/dal155.php> ; <http://rodon.org/dvi/prn0.htm>).

В быдлотворной русской ЯКМ осуждается не само хищение, а лишь неумение произвести его скрытно (т. е. «спрятать концы в воду»):

«От большого взять немножко, это не воровство, а дележка»;

«Умеешь красть, умей и концы хоронить».

Как видим, русское слово «красть» вовсе не тождественно слову «воровать» и не вызывает в подсознании негативные ассоциации а, следовательно, не вызывает и угрызания совести. Если «красться» (от «крыть», – Фасмер) – это «скрытно приближаться [к добыче]», то «красть» – это «скрытно похищать», то есть, в отличие от «воровать», – «похищать без каких-либо улик» а, следовательно, и совершенно безнаказанно:

«Я теперь председатель, и сколько ни накраду – всё на женское тело, на раковые шейки, на абрау-дюрсо. Потому что наголодался я в молодости достаточно, будет с меня, а загробной жизни не существует...» (Михаил Булгаков, «Собачье сердце», <http://book-online.com.ua/read.php?book=3268&page=1>).

Таким образом, «вор» – это не просто тот, кто что-либо похитил, а именно тот, кто не смог хищение совершить скрытно:

«Не пойман – не вор, а что взято, то и свято» (русская народная мудрость);

«Всю жизнь подворовывать и ни разу не попасться – вот оно, русское счастье» (Марина Палей, «Хор», <http://magazines.russ.ru/volga/2010/7/pa2.html>);

«Ворует власть, ворует челядь,

Вор любит вора укорять;

В Россию можно смело верить,

Но ей опасно доверять.

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/02.htm>).

И, следовательно, согласно как порочной русской ЯКМ, так и русской народной мудрости воровать нельзя, а красть всё-таки можно да к тому же и весьма приятно (не зря же русское слово «приятно» происходит от слова «прियाсть», означающего принять и присвоить):

«Краденое яблочко своего слаще» (русская народная мудрость);

«Для меня мальчишка крал яблоки в саду

Только об одном мечтал, что его я жду

Угостил он яблочком и поцеловал

И как яблочко меня на заре украл

Краденые яблочки слаще и сочней

Краденые мальчики вы в любви нежней

Краденые девочки словно дикий мед

Краденая молодость, кто ее вернет
Ноченькою звездною не возможно спать
Захотелось яблочка, да некому украсть
Некому побаловать девочку свою
Я не буду горевать, лучше вам спою»

(Наташа Королёва, «Краденые яблочки», <http://megalyrics.ru/lyric/natasha-korolieva/kradienyie-iablochki.htm>);

«...в нездоровом обществе воровство (точнее хищение и кража, – П.Д.) оправдывается. Об этом писал, в частности, политтехнолог Алексей Кунгуров, который опытным путём установил: честный человек с безупречной репутацией, не приемлющий беззаконие и готовый бороться за справедливость, не вызывает симпатии у «дорогих россиян» («гнилых людишек» по Кунгурову, – П.Д.): «Я предложил провести фокус группы, цель которых – составить так называемую мотивационную карту, то есть не выяснять отношение избирателя к конкретному кандидату (это профанация), а выявить те механизмы, большей частью подсознательные, которые формируют это отношение. Одной из основных задач исследование было выявить степень толерантности к воровству, коррупции и криминалу. Результат был впечатляющий – все 100% подопытных хомячков проявили толерантность к воровству в диапазоне от очень высокой до абсолютной. Почти 35% сочли умение воровать залогом успеха в жизни. Участникам фокус-группы предлагалось вспомнить случаи из жизни, имевшие с их родственниками, друзьями, знакомыми, когда тем приходилось совершать кражи. Это так воодушевило аудиторию, что они почти два часа рассказывали увлекательные криминальные истории. Причем 30% совершенно не стесняясь, гордо хвастались своими достижениями на этой ниве. В раскрепощенной обстановке выяснилось, что люди видят в воровстве не грех, а удачу... В нездоровом обществе мораль – это адаптированные предрассудки примитивных племён древних скотоводов (и добровольных рабов государства – совков-холопов, – П.Д.). В здоровом обществе мораль – это осознанная целесообразность. Государство, где распространена толерантность к воровству, обречено, пусть даже там на каждом углу стоят церкви и памятники Ленину... Толерантность к воровству – это самоубийство нации. Совки и ватники не способны это понять. Вот чем мы отличаемся от них» (Владимир Титов, «Никогда мы не будем братьями...», <http://rusmonitor.com/vladimir-titov-nikогда-my-ne-budem-bratyami.html>); <http://www.bramaby.com/ls/blog/rus/3506.html>);

«С точки зрения лучших людей России страной должны править бандиты, наркоторговцы и казнокрады. Единственное, что от них требуется – чтобы они разворовывали не 100% бюджета, а хотя бы 70%. Если они на оставшиеся 30% сделают дорогу и газ подведут – быдло будет таких начальников на руках носить и жопу зацелует. Идеология современной России выражается в следующих слоганах:

- Живи здесь и сейчас (то есть после нас – хоть потоп);
- Живи сам и дай жить другим (слово «живи» – эвфемизм, которым заменяется глагол «воруй»);

– Хочешь жить – умей вертеться. (слово «вертеться» – эвфемизм, смысл которого – «на[г]ибать ближних»).

– Делиться надо! (по умолчанию – наворованным)

– и т. д.

В последнем меме раскрывается понятие справедливости. Общество в абсолютной своей массе очень горячо поддерживает идею паразитирования на природных ресурсах, идею прожигания сырьевой ренты, которая принадлежит не только ныне живущим, но и будущим поколениям. Единственное условие – воры должны делиться с быдлом наворованным. Соответственно, чем эффективнее вор, и чем больше он кидает быдлу крох – тем такой вождь более любим народом. Единственный внятный, рациональный аргумент, которым вата обосновывает свое путинодрочерство звучит так: «При Ельцине я х-й сосал, а при Путине купил иномарку в кредит и за границу стал ездить». Поэтому Путин – идеальный правитель для Рашки – он ворует сам, дает воровать другим (своим корешам) и при этом заставляет воров делиться с быдлом – на этом молчаливом консенсусе и базируется паразитическая идеология Эрэфии. Теперь понятно, почему жулики и воры повсеместно побеждают на выборах? Теперь понятно, почему быдло никогда не «прозреет»? Оно не нуждается в прозрении относительно своих вождей, оно отлично знает их сущность, потому что дышит с ними в унисон. Истинно говорю вам: всякий народ достоин своих вождей!» (Политтехнолог Алексей Кунгуров, «Идеология России – идеология самоубийства», <https://kungurov.livejournal.com/135033.html> ; <https://cont.ws/@anaxoret/148661>).

«Говоришь, что все наместники – ворюги?

Но ворюга мне милей, чем кровопийца»

(Иосиф Бродский, «Письма римскому другу» (Из Марциала),

<http://shaov.net/texts/Glossar/Brods kij-Pisma.htm>);

«Беда, что, когда появилась пресловутая свобода слова, – сказать интеллигенции уже было нечего. Так и живем уже двадцать лет – с открытым для судьбоносного высказывания ртом, но без слов и мыслей в голове, без совести, без стыда. И смотрим ежедневно на сытые интеллигентные рожи на вернисажах, открытиях, презентациях – идет перманентный праздник цивилизации, победившей варварство. А по сути: праздник начальства, победившего в очередной раз собственный народ. Некогда Солженицын ввел термин «образованщина». Он почувствовал, что идет на смену Советской власти. На смену номенклатурным чиновникам, коим достаточно было госдачи и охоты, пришли просвещенные цивилизованные ворюги, которые хотят благ цивилизации в полном объеме – таких благ, какие серым аппаратчикам и не снились. Они цивилизации, просвещения хотят – они хотят хорошего! Не судите этих ворюг, они тянутся к цивилизации! Но не бывает цивилизации вообще, безразмерной, как нейлоновые носки, не бывает прогресса вообще, всякая история конкретна – и проживается всего один раз. (Максим Кантор, «Медленные челюсти демократии», http://loveread.ec/read_book.php?id=38591&p=69; <https://coolib.com/b/140853/read> ; <http://textarchive.ru/c-2848912-pall.html>);

И это, конечно же, вполне естественно. Ведь, «украсть – удаль раба», а психически инфантильное русскоязычное население испокон веков предпочитает рабскую зависимость от каких-либо покровителей вместо свободы, сопряженной с необходимостью брать на себя ответственность за свое благополучие:

«Человек раб потому, что свобода тяжела, а рабство легко» (Николай Бердяев, «О рабстве и свободе человека», <http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/012.html>);

«Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит...» (Сигизмунд Шломо Фрейд, Мудрые мысли, <http://www.mircitaty.com/freud.html>);

«Важную роль в русской жизни играют государственное воровство и так называемые злоупотребления: это наша оппозиция на протест против неограниченного своевластия. Власть думает, что для нее нет невозможного, что ее воля нигде не встречает сопротивления; между тем ни одно ее предписание не исполняется так, как она хочет. Исполнители притворяются в раболепной готовности все сделать, что от них потребуют, а на самом деле ничего не делают так, как от них требуют» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 25 мая 1843 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Когда же воровство совершает само государство или же оно приобретает в государстве массовый характер, то хищения можно совершать вовсе и не скрытно и даже – напропалую (всех же не пересажаяют!). А, тем более, если при этом будет обворовываться не своё, а чужое государство или же какой-либо «чужак», то никакие угрызания совести ни у кого из ворующих, вообще, не возникнут:

«...Голландский фермер взял в аренду в Липецкой области шестьсот гектаров земли – и приехал на чернозёмные просторы, привезя с собою жену, компаньона, кучу техники и массу технологий. Он посадил картошку – и картошка выросла хоть куда. А на соседних совхозных плантациях (где, пока он работал, расслаблялись великим отечественным способом) корнеплод уродился фигово. Тут бы и мораль произнести – типа «ты всё пела...» Но в новых социально-исторических условиях басня дедушки Крылова – про стрекозу и муравья не сработала. Потому что, прослышав о голландском урожае, со всей области (и даже из соседних областей), к полям потянулись люди. Они обступили те шестьсот гектаров буквально по периметру – и начали картошку выкапывать. Причём не ночью, воровато озираясь, с одиноким ведром наперевес... – граждане новой России брали чужое ясным днем; они приезжали на «Жигулях» с прицепами, прибывали целыми семьями, с детьми... Педагогика на марше. Приезд на место события местного телевидения только увеличил энтузиазм собравшихся. Люди начали давать интервью. Общее ощущение было вполне лотерейным: повезло! Мягкими наводящими вопросами молодая корреспондентка попыталась привести сограждан к мысли, что они – воры, но у неё не получилось. Один местный стрекозёл даже обиделся и, имея в виду голландского муравья, сказал: вон у него сколько выросло! – на нашей земле...» (Виктор Шендерович, «Здесь было НТВ», ТВ-6, ТВС и другие истории, <http://booksonline.com.ua/view.php?book=32410&page=4>;

<https://vikent.ru/enc/4777/>);

«Для большинства студентов (аннексия Крыма, – П.Д.) это была ситуация двойственная. Потому что с одной стороны проговаривалось, что да, безусловно, были нарушены нормы международного права – это первый аргумент. Второе, что мы некрасиво поступили с Украиной. Потому что у соседа дача горит, а мы картошку ворует. Если мы все это делали в мирное время, когда все были бы на равных, а здесь получилось, что им было не до Крыма, свои проблемы, а мы втихаря взяли и это совершили, как-то некрасиво. То есть с одной стороны мы говорили «братский народ», а потом взяли и спиной к нему повернулись... Плюсов тоже было достаточно много, начиная от того, что Америка нам завидует, потому что у нее за последнее время не было территориальных приобретений, а у нас территориальные приобретения есть, поэтому все, что она делает против нас – это ее реакция от зависти (а вовсе не от нежелания смириться с грубым нарушением Россией мирового порядка, – П.Д.). Мы наконец-то показали себя на международной арене...» (Валерия Касамара о том, почему молодежь верит, что «Россия возглавит весь мир», «Первое путинское поколение», <http://www.svoboda.org/content/transcript/27331008.html>).

И это вполне естественно для русскоязычных потомков туранцев (агатирсов = акациров и половцев). Ведь для их подсознания «похитить» (укр. «викрасти») означает всего лишь удовлетворить свое желание (лат. «sitis» – желание, укр. «хіть» – «желание, жажда, хотение, похоть, сексуальное влечение»; укр. «хитання» – 1) изначально: *«сексуальные телодвижения», «девичье шатание»; 2) «качание, шатание, колебание»; «восхитительный» – «доставляющий восхищение, удовлетворяющий желание, желанный»). А «вымогать» – всего лишь реализовать свои возможности. Ведь то, что с помощью вымогательства или же просто нагло отобрано (забрано) властью имущими у бесправного русскоязычного обывателя и спрятано за «неприступным» забором (от слова «забрать»), конечно же, становится в его подсознании уже неотъемлемой собственностью отобравшего:

«Забор (укр. «паркан») в России – не просто досадная помеха в пейзаже, а его системообразующий элемент, наполняющий пространство смыслом. Это попытка оградить и присвоить разбегающееся российское пространство. Забор – понятие психологическое, социальное и политическое. Это и блоки в сознании, и параноидальное отношение к нашей эфемерной собственности, и дисциплинарные интенции государства. Забор является одним из исторических принципов российского урбанизма. Даже на кладбище ограды доминируют над памятниками и крестами. Сегодня, когда на горизонте политической жизни вновь забрезжили призраки железного занавеса, изучение феномена забора представляется как никогда актуальным...» (Алексей Сочнев, «Забор наполняет Россию смыслом», <http://rusplt.ru/society/zabor-napolnyaet-rossiyu-smyislom-9250.html>).

Да, и имеющийся в русском языке ономим «забор» (укр. «забір»), означающий взятие чего-либо (например, пробы воды для анализа), бессознательно провоцирует русскоязычного человека забрать (украсть) то, что спрятано за забором:

«Спрячь за высоким забором девчонку,

Выкраду вместе с забором»

(Роберт Рождественский, Песня Яшки-цыгана из кинофильма «Неуловимые мстители», <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=57116>).

Как видим, для коллективного бессознательного русскоязычных людей, а тем самым и для их совести хищение, вымогательство и отбирание не являются зазорными (от слова «зазирание», а не «зазор»). К тому же для примитивного русскоязычного общества удовлетворение любых его коллективных желаний в присвоении чужого имущества (имущества соседней общины) испокон веков было вполне допустимым а, следовательно, и неосуждаемым. И уж, если во многих московитских церквях практиковался даже так называемый «свальный грех», то и «повальное (охватывающее многих или всех)» расхитительство и мародёрство для порочного русскоязычного этноса, конечно же, не может быть нонсенсом.

Да и не только ведь пословицы, но и русские сказки, как правило, оправдывают не только бесчестность, но и воровство:

«Типична в этом отношении сказка о «хитрой науке». Бедная старуха «захотела отдать сына в такую науку, чтобы можно было ничего не работать, сладко есть, и пить, и чисто ходить». Сколько ее не уверяли, что такой науки нигде в целом свете не найдешь, она не послушала, продала все свое имущество, продала избу и говорит сыну: «Собирайся в путь, пойдем искать легкого хлеба. Учителем этой хитрой науки оказался только сам черт. К нему в плен и попал искатель легкого хлеба. Есть целый ряд сказок, в которых «хитрая наука» оказывается не чем иным, как искусством воровства. При этом счастье обыкновенно сопутствует лентяю и вору. Один вор сделал такую карьеру, что пригодился по своей специальности даже самому царю: а именно – он украл для него невесту. А потом, так как царь был стар, он украл эту невесту у царя. Сказки в этом отношении беспощадны: они разоблачают все, что живет в подсознательной душе народа, и притом в душе собирательной (collective), охватывающей и худших его сынов» (Б.П. Вышеславцев, «Русский национальный характер», <http://www.kph.npu.edu.ua/e-book/klasik/data/vopros/11.html>).

И никакими воспитательными воздействиями на сознание своих челядишек государство принципиально не способно отучить их не только от коррупции, но и от воровства. Ведь подсознание русскоязычного людишки значительно могущественнее его сознания. И это накрепко запечатлелось в многовековом историческом опыте русскоязычного туранского этноса:

«Государева казна – не убогая вдова: ее не обберешь, всем достанет»;

«Казна шатущая корова: не доит ее ленивый»;

«Мы у матушки России детки, она наша matka – ее и сосем» («Пословицы по Далю. Казна», http://www.wisdoms.ru/poslovizi_i_pogovorki/ru/57_1.html).

Аморальность, как естественное поведение русскоязычного людашки

И, конечно же, русскоязычные челядишки, как жили не по законам своего государства, а по запечатленным в пережиточной русской ЯКМ своим порочным обычаям, так и будут по ним продолжать жить и далее, пренебрегая, к тому же, в критических для них ситуациях и всеми нормами морали вообще:

«Единственный способ заставить людей в России соблюдать законы, это узаконить воровство» (Михаил Задорнов, <http://persons-aforism.ru/aforizm/9719>);

«Русские люди чаще поступают в соответствии с субъективно понимаемой ими справедливостью, чем в соответствии с объективным правом и законом. Ориентация на лучшее будущее порождает оптимизм, надежды на то, что все образуется само собой, необязательность, безответственность, бесхозяйственность, неорганизованность, беспечность, лень, непрактичность, выносливость, фанатизм, фатализм. Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем выражается в таких поведенческих стереотипах, как умение собраться и организовать в экстремальной ситуации, трудовой героизм, жертвенность, удалство, трудолюбие, привычка к авралу. По мнению Л.Г. Почебут, именно эти ценностные ориентации определяют менталитет современных русских» (Т.В. Тучкова, «Анализ факторов формирования национального характера в современных социально-психологических исследованиях», <http://edu.znate.ru/docs/252/index-13575-1.html>);

«Но, взглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней есть самонакачка, опьянение. Если бы устраивались соревнования по мужеству, то удаль на эти соревнования нельзя было бы допускать, ибо удаль пришла бы, хватив допинга. Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьяненному жизнь – копейка. Удаль – это паника, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо. Удаль – возможность рубить, все время удаляясь от места, где лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил? А все-таки красивое слово: удаль! Утоляет тоску по безмыслию... Оно оказывается уместным, когда речь идет о ком-то, кто действует вопреки всякому расчету, «очертя голову» и тем самым совершает поступки, которые были бы не по плечу другому. Удаль всегда предполагает удачу – здесь проявляется связь с глаголом «удаться», к которому восходят оба этих существительных. Пытаясь объяснить или понять, что такое удаль, мы неизбежно сталкиваемся с некоторым парадоксом. Все попытки рационального объяснения удали заставляют признать, что в ней нет ничего особенно хорошего; во всяком случае, она не является таким превосходным качеством, как «мужество, смелость, храбрость, отвага, доблесть»... И с понятием удали связаны другие типично русские понятия и соответствующие им трудно переводимые слова, отражающие «широту русской души»: «размах, разгул», а может быть, даже «загул» и «кураж». Последнее слово интересно тем, что, будучи прямым заимствованием из французского языка, он коренным образом изменило своё значение. Если во французском языке «courage» значит просто смелость, то в русском оно как бы втянулось в поле русского «загула» и стало характеризовать некоторое развязное

состояние, когда у человека нет никаких «внутренних тормозов» (самое характерное сочетание с этим словом – «пьяный кураж»)...)» (Алексей Шмелев, «Широта русской души», http://www.lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt_with-big-pictures.html; http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf);

«Мы любим напролом и наудалую. Запой русскому человеку есть не только физическая болезнь, она и нравственная. Мы почти все делаем запоем, и дурное, и хорошее. Проспавшись и отрезвившись, мы не отвечаем за сказанное и сделанное нами в припадке своем» (Петр Вяземский, «Автобиографическое введение», http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0480.shtml);

«Разумеется, эволюция является общим законом как моральной, так и органической жизни, и мы перестаем изменяться только тогда, когда умираем. Но у здоровых рас изменения всегда отмечены прогрессом; противоречивые тенденции более или менее сглаживаются; нет резкого внутреннего разлада; самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Все разом рушатся, все – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание. Для большинства русских верхом счастья является постоянная смена декораций» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923 г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«На Западе преступление совершается молча, а здесь сам процесс преступления обговаривается, юридически обыгрывается, ловко поворачивается в мозгу убийцы при помощи филологических рычагов. Русское преступление словесно. Слово – преступление. Преступление Раскольникова начинается с написания статьи. Как Достоевский смог найти всему «этому» СЛОВО – «проба»! Раскольников идет на «пробу». Это проба языка. Убийце в «Преступлении и наказании» явно не хватает диалога с жертвой. Поэтому он так и летит на огонёк беседы с заместителем жертвы – Порфирием Петровичем. Русское убийство вполне морально. Убийца, убивающий свою жертву, морализирует, доказывает ей, что убийство, в конечном счёте, совершается для её же пользы. И русский палач, как Пьер из «Приглашения на казнь», очень нежен, раним, зависим от своей жертвы, с которой он вступил в бесконечный морализирующий диалог...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«У подавляющего большинства (россиян, – П.Д.) сегодня атрофировано ощущение невозможности, неприличности недостойных слов и поступков. Тексты, которые несутся с «олимпа» – телевизионного, политического, – просто аморальны. – Аморальность сегодня ходовой товар, дает определенные преференции. «Все то, что еще недавно казалось безнравственным, сегодня превращается в «норму». К ней привыкают, прирастают. Меня это поражает...» (Сергей Лозница, «Как сопротивляться власти», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/29/72622-sergey-loznitsa-istoriya-ne->

Воровство и обман в простом народе часто считаются похвальными

Ничего по существу не изменилось и в советское время и даже сейчас:

«На самом деле рабочая, да и политическая этика русского человека исторически была предопределена тем, что он всегда был а) отлучен, по меткому выражению известного славянофила Аксакова, от государствования; б) крепостным либо у барина, либо у государства. Отсюда в крови русских держать «кукиш в кармане» как по отношению к власти, так и по отношению к работодателю. И обманывать их не только не зазорно, но даже приветствуется в народном обиходе. Тот же Борис Миронов отмечает, описывая отношение к труду в дореволюционной России: «Обман администрации, мелкие кражи не считались грехом, скорее – молодечеством». Ничего по существу не изменилось и в советское время и даже сейчас. Любопытно, что уже в 2007 году газета «Московский комсомолец» публикует статью «Русские не идут» о проблемах, возникших на московских рынках после принятия центральной властью решения о «зачистке» торговли от приезжих с характерным высказыванием владелицы четырех торговых мест в подмосковном Новопеределкино: «А вообще, россияне – работники крайне ненадежные, вороватые, тут это каждый торговец знает, приходится следить за ними и каждые полтора-два часа забирать выручку, особенно летом. А то выйдет в туалет – и убежит. Или как у меня лично сколько раз бывало: поработает продавец пару дней и уйдет, молча, даже ключи не отдаст». Как во всякой вынужденной работе не на себя самого важна демонстрация рабочего процесса, а результат для работника имеет второстепенное значение» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml);

«Воровство и обман в простом народе часто считаются похвальными – вроде проявления ума, ловкости, удали. Из нашего Ваньки как-то пытались сделать продавца в магазине. Приезжая по воскресеньям, он только и говорил о том, как обманывать покупателей и хозяина. Кончилось тем, что его втянули в какую-то кражу и на нем отыгрались – его уволили. Крестьянский фольклор наполнен восхвалением воровства и жульничества, даже разбоя. Как мужик обманывает барина и попа. О том, как дядя учил племянника воровать и как талантливый племянник обворовал своего учителя» (Всеволод Веселовский, «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>).

В России даже соседское горе порой не способно заставить односельцев побороть свое неумное влечение к легкой поживе, а ограбить могилку на кладбище – так это, вообще, испокон веков вполне обычное явление:

«Потом были поминки. Когда гости разошлись и разъехались, дома не досчитались бабьих и мужицких рубах, одного чугуна, одного ведра, двух горшков и ухвата. Все это было раскрадено односельцами в то время, когда домашние были на похоронах» (И.А. Родионов, «Наше преступление», <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012161>);

«Когда я попросил в цветочном магазине убирать цветами могилку, то меня спросили: «На лютеранском кладбище?» – «Нет, на православном». – «Ну, так извините, мы убирать цветами ни в каком случае там не можем. Через полчаса все выруют с корнем...». И это так. Кроме сорных трав на могилах ничего не растет. Если вы хотите садить цветы, то кроме высокой решетки должны устроить над могилой навес, а бока затянуть металлической сеткой. Получается нечто вроде клетки, чрезвычайно безобразной. Но по всему кладбищу стоят такие клетки, делая его схожим с опустелым зверинцем. Иначе нельзя – все похитят» (Василий Розанов, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>).

«Наивным подсознанием» русскоязычного людишки воспринимается лишь не переосмысленная внутренняя форма слова «воровать», соответствующая даже и не слову «врать», а всего лишь слову «ГОворить» (ворковать, ворчать). Поэтому-то он и врет, и вОрУет фактически без зазрения совести а, следовательно, и благополучно избавлен от малейших её угрызений.

К тому же, и «голь на выдумки хитра». Достаточно подумать о чем-нибудь, находящемся без особого присмотра, что оно «плохо лежит», и доверчивое подсознание само возбудит у русскоязычного человека желание сделать так, чтобы оно стало «лежать лучше», то есть – ни что иное, как «прихватизировать» его:

«Фон-Визин был большой знаток в словах и мастер расставлять их по оттенкам слов. В одном его отрывке, не изданном, представляя политическую картину государства, неуправляемого положительными законами, он говорил: «там никто не хочет заслужить, а всякий ищет только выслужить; там, кто может – грабит, кто не может – крадет» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>);

«По Афанасьеву, «сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего уклонения от добра и правды», «требует наказания неправды и представляет добро торжествующим», но это замечание находится в полном противоречии с множеством сказок, им же собранных. Как раз в русской сказке сочувствие лени и воровству граничит с апофеозом лентяя и вора» (Евгений Трубецкой, «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Воровской идеал», Прага–Берлин, 1923, Русская мысль, №1–2, С. 220–261, <http://philologos.narod.ru/sophia/trub.htm>);

«Точно так же непреодолима у нас тяга к воровству. На него тоже нет внутреннего запрета почти ни у кого: как не украсть, если плохо лежит? Тоже грех не новый, все с удовольствием вспоминают слова Кармазина о том, что в России воруют. Стало быть, ничего не поделаешь – «не нами началось, не нами кончится». Но слова Писания поважнее слов Кармазина будут, а там сказано «Не укради», и почему-то эта заповедь представляется русскому человеку, воспитанному православной церковью, просто невыполнимой: «Это про святых, это не про нас...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Что меня разбило и убило – это тот апофеоз воровства, с которым я встретился. Страна, в которой можно воровать в открытую, – плохая страна. И я просто перестал во все это вникать. Я от жизни не хочу уже ничего, кроме того, чтобы они, паразиты, меня не трогали, а я мог жить, как мне хочется. Лучше не попадаться на пути этой прожорливой движущейся протоплазме. Если бы я мог жить с пользой для государства, которое я уважаю, я бы это делал. Но у меня нет такого государства. Я его не уважаю, оно меня тоже не уважает. У нас это взаимно» (Виталий Коротич: «в России советская власть никуда не ушла», из интервью Артему Кречетникову, «Би-би-си», http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4602000/4602855.stm).

И если у кого и были до этого хоть малейшие сомнения в могуществе русского языка, то, осознав все это, он может благополучно избавиться от них.

Вполне возможно, что это могущество русский язык позаимствовал у воровского жаргона, позволяющего «работникам ножа и топора» тоже обманывать свою совесть:

«Употребление слов «стрелять – стрельнуть – настрелять» в значении «добывать (добыть), выпрашивая или вымогая», и теперь свойственное, главным образом, нелитературному просторечию, несомненно арготического происхождения. Среди слов «блатной музыки» разными исследователями и собирателями отмечен глагол «стрелять» со значением «красть». Этому русскому арготизму соответствует немецкое воровское «*schliessen*» с тем же значением. Следовательно, внутренняя форма, лежащая в основе этого арготического употребления, интернациональна для среды деклассированных. Очевидно, в этом переосмыслении глагола «стрелять», обусловленном идеологией воровского арга, его «внутренними формами», отражаются общие закономерности семантического развития «блатной музыки» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/streljat.html>);

«...В более старое время «приличие» означало: «соответствие, подходящий случай, подобие»... В слове «прилика» возобладало значение «улика». Отсюда произведен глагол «приличать». В «Словаре Академии Российской» прилика определяется так: «Вещь какая или доказательство, служащее свидетельством и убеждением в вине, в преступлении чьем. Прилика в воровстве». «Приличать» объясняется так: «Доказывать, изобличать кого в каком преступлении, ясными доказательствами, доводами. Приличать в краже, во лжи» (ч. 5, с. 347–348). Те же значения у этих слов отмечаются и словарем 1847г., хотя определяются они здесь более сжато и точно: «Прилика... – Доказательство вины или преступления; улика. Да будет кто по роспросу и по приликам доведется до пытки. Акты Ист. 3. 173. «Коль в доме станут воровать, а нет прилики вору; то берегись клепать, или наказывать всех сплошь и без разбору» (Крылов). «Приличать... – Обнаруживать вину или преступление; изобличать» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/prilitschnij.html>).

Как видим то, что прилично для вора (то есть соответствует его имиджу) никак не может быть приличным для честного человека. Поэтому вор ведет себя, как правило, прилично, живя по своим понятиям. И, следовательно, благодаря русскому языку при

соблюдении воровских правил приличия он будет вести себя вполне «достойно», и может воровать без зазрения совести. И, как это и не звучит парадоксально, вор обычно блюдет свою «воровскую честь» гораздо лучше, чем русскоязычные обыватели свою мнимую. Поэтому-то воровство в русскоязычном примитивном обществе и является одним из признаков аристократизма.

А ведь и российские писатели, вооруженные блатной лексикой русского языка, приложили не мало своих усилий для придания «эмоционально-возвышенного» мироощущения (романтики) воровскому образу жизни и показали, что вор может быть гораздо «честнее» простого обывателя:

«Одним из признаков того, что постоянно занимает мысль русских людей, является страсть их литераторов к описаниям жизни в тюрьме, на каторге, в ссылке. Тема эта встречается у всех писателей; каждый считает себя обязанным написать что-нибудь, касающееся тюрьмы или сибирской каторги. Начало положил Достоевский, излагая свои личные воспоминания в книге, которая, по-моему, является лучшим его произведением, в «Записках из Мертвого Дома». Толстой в «Воскресении» подробно рисует пред нами со своим беспощадным реализмом тюрьму и ссылку с материальной, административной и нравственной стороны; Короленко, Горький, Чехов, Вересаев, Дымов и др. также делают свои вклады в этот музей ужасов; картины развертываются на фоне Петропавловской крепости, Шлиссельбурга, гиблых мест Туруханска и Якутска, холодных берегов Сахалина. Вероятно, многие русские читатели этих рассказов думают про себя: «Может быть, и я туда когда-нибудь попаду» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«У Достоевского в «Записках из мертвого дома» как-то не понятна грань между преступником и случайно попавшим на каторгу человеком. Украл? Дело совершенно обычное. Не за то сажают, что воровал, а за то, что попался. А в каждом человеке сидит палач. Так уж он устроен, человек. Преступник у Достоевского оказывается даже лучше обывателя, он хоть честно сознается, что он вор. У Максима Горького «положительный» вор Челкаш однозначно противопоставляется «отрицательному» крестьянскому парню. Вор честнее, порядочнее, приличнее. Идут «на дело» оба, а крестьянский парень оглушает Челкаша камнем по голове, берет украденные обоими деньги. Вор честен хотя бы по отношению к своим. Надо сказать, что нашу интеллигенцию ждал очень неприятный сюрприз: проникнувшись духом солидарности со всеми осужденными «преступным царизмом», большевики объявили уголовников «социально близкими» элементами. Так, во время Гражданской войны сами интеллигенты оказывались во власти жутчайших уголовных типов, которые имели право мордовать их, как хотели... Что и делали. После, попадая в сталинские лагеря, интеллигенты опять попадали в лапы «социально близких» авторитетов, на которых опиралась лагерная администрация...» (Владимир Мединский, «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», Серия: Мифы о России, Изд.: Олма Медиа Групп, 2008г., <https://refdb.ru/look/1946654-pall.html>; <http://tainy.net/7364-voruyut-s.html>; http://modernlib.net/books/medinskiy_vladimir/o_russkom_vorovstve_osobom_puti_i_dolgoterpeni_i/read_2/; <http://lib.rus.ec/b/132883/read>);

«Не наблюдал я никогда
Такой же честности во взорах
Ни в ком за все мои года,
Как в нераскаившихся ворах»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>).

Но не только приемлемость для русскоязычного примитивного общества кражи, а и навязчивые бессознательные ощущения его индивидуумами страха и ненависти ко всему «чуждому» (трусости и неуютности в отчуждённом мире) подспудно культивируются как в сознании, так и в подсознании детей и школьников шедеврами русской, и в том числе, и детской литературы:

«Очень важно то, что мы запомнили в детстве, потому что мы передаем это как культурный код уже и своим детям. Если ты не можешь любить, потому что не можешь ненавидеть, – значит надо ненавидеть: такой посыл школьникам – вещь, конечно, страшная. Но есть сегодня не менее тревожные сигналы: это, прежде всего, потеря чувствительности у большинства граждан. Социальная чувствительность – это сочувственное отношение к проблемам групп людей, к которым сам человек не принадлежит (то есть к «чужакам» – П.Д.). Телевидение «спалило» своих зрителей, постоянно повышая порог чувствительности...» (Психолог, писатель Ольга Маховская, из интервью Галины Мурсалиевой «Состояние умов при ветреной погоде», <http://www.novayagazeta.ru/society/65495.html>);

«Хмурая, дождливая наступила осень,
Всю капусту сняли, нечего украсть.
Бедный зайчик прыгает возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку серому пропасть...»

(Александр Блок, «Зайчик», <http://lel.khv.ru/poems/resultik.phtml?id=149>);

«Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют,
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут,
Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыбка бедная спросонок –
Лезет в сети рыбака...»

(Николай Олейников, «Неприятно в океане...», <http://www.gradsky.com/txt/025.shtml>);

«Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,

В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы
Будут вас кусать,
Бить и обижать, –
Не ходите, дети,
В Африку гулять.
В Африке разбойник,
В Африке злодей,
В Африке ужасный
Бар-ма-лей!»

(Корней Чуковский, «Бармалей», <http://www.happy-kids.ru/page.php?id=757>;
http://androprono.edusite.ru/rgb_sh/chykovskii/barmalei.htm);

«Вместе с тем анализируемые поэтические тексты К. Чуковского порождают разного рода отношения маленького читателя к воображаемым мирам, вызывая двойственное чувство: сомнения по поводу их реальности и желание верить в возможность их существования, стремление «строить воздушные замки», представлять то, что обычно противоречит здравому смыслу. Можно сказать, что тексты К. Чуковского для детей обладают способностью к репрезентации таких «возможных миров», которые существуют в сфере (холопской русской, – П.Д.) языковой модальности. Это происходит благодаря тому, что восприятие и понимание поэтического произведения детьми является результатом соотнесения и наложения языковой картины мира автора и формирующегося образа мира ребенка... Дело в том, что сам термин «языковая картина мира» представляет собой метафору. В действительности своеобразие единиц русского национального языка, фиксирующих уникальный культурно-исторический опыт народа, воссоздает в языковом сознании детей не особую картину мира, отличную от объективно существующей, а только ее типовую этноязыковую окраску. Последняя детерминирована предметно-практической значимостью соответствующих денотатов, избирательным отношением к ним окружающих людей. Отношение это тоже не случайно. Оно порождается специфической деятельностью, образом жизни и национальной культурой данного этноязыкового (психически инфантильного, – П.Д.) сообщества. Специфической потому, что сама деятельность и образ жизни управляется выработанными на протяжении веков (холопскими, – П.Д.) этническими стереотипами. Сами этнические стереотипы формируются культурно-этническими компонентами слов, именующих базовые концепты (вовсе не аристократической, а холопской, – П.Д.) русской культуры» (Т.Р. Бакиева, «Поэтические тексты К. Чуковского как средство формирования «наивной картины мира» в онтогенезе», http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_KM_2.pdf).

К тому же благодаря детской литературе русскоязычные люди уже с самого детства

уверены, что они находятся в окружении врагов:

«Меня называли орлёнком в отряде,

Враги называют орлом»

(Яков Шведов, «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца»,

<https://www.chitalnya.ru/work/755806/>).

И ведь же:

«Эти (формируемые русской ЯКМ, – П.Д.) ощущения не исчезают у людей с наступлением взрослости. Следствие – рост ощущения безоружности против отчуждённого мира, и, как следствие, масса фобий. Они становятся основой современной культуры, причиной, с одной стороны, доминирующей иронии, с другой стороны, «побега» в детство как отдыха от вечно меняющегося мира» (М.А. Манокин, «Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты», <http://cyberleninka.ru/article/n/yuvenilizatsiya-sovremennogo-obschestva-kulturologicheskie-aspekty>);

«В России не осталось народа, вместо него – атомизированное население и паразитирующая на нём верхушка, плоть от плоти этого населения. Русская нация уже умерла духовно и нравственно, и вслед за этим умирает физически. Спасти – уже не народ, а отдельных, частных людей, не желающих гибнуть – может только коренной перелом в общественном мировоззрении... Одной из основных характеристик жизни современных русских людей является трусость. Мы стали трусливой нацией. Если бы мы были смелыми, взрослыми, если бы мужчины наши были мужчинами – у нас была бы другая жизнь...» (Игумен Пётр Мещеринов, «Трагедия России. О книге протоиерея Георгия Митрофанова», <http://russned.ru/istoriya/tragediya-rossii>; <https://igpetr.org/tragediya-rossii-o-knige-protoiereya-georgiya-mitrofanova/>; <https://uchenitsa-ya.livejournal.com/39137.html>);

«Когда главными словами народа являются слова «война» и «тюрьма», когда у него доминируют чернуха и безнадега, алкоголизм и беспросветность, а жизнь называется – «копейка», когда после ужасов пережитой войны власти деформируют сознание людей и внушают, что война – это не страшно, когда троглодиты у власти не только принципиально допускают войну или теряют страх перед ней, но провоцируют войну за войной, когда дремучие мракобесы балансируют на грани войны то с одной, то с другой страной и часто эту грань переходит, когда гопота из подворотни шантажирует мир большой войной и использует малые войны для доказательства возможности мировой, когда примитивные «вожди» из недоумков для компенсации личных комплексов неполноценности пытаются «возвратить влияние» и корчить себя великими и могучими, а продажные журналисты и дипломаты – оболванить свою «квоту», то есть 80-90% гопоты, не способной работать своей головой, когда информацию подают спикеры войны, хорошо подготовленный менеджмент войны, вышколенные веб-бригады со всеми этими «распятыми младенцами» и «изнасилованными девочками», которых никогда не было, тогда знайте: это означает, что подготовка к новой большой войне подходит к стадии завершения» (Игорь Гарин, «Россия не может жить без войн», <http://nv.ua/opinion/garin/rossija-ne-mozhet-zhit-bez-vojn-105014.html>

).

Украинское слово «наказати», означающее всего лишь приказать (устар. «наказание» – наставление, научение, вразумление), под влиянием тюркских наречий (азерб. «cäza» и турец. «ceza» – «наказание, кара») приобрело в русском языке совершенно иной смысл – покарать. Однако подсознание на это переосмысление, конечно же, не реагирует, и поэтому русскоязычные люди часто грешат и поступают противоправно, не только не испытывая мук и укоров совести, но и не боясь никакого наказания.

Да и слово «тюрьма» (тат. «төрмә») не вызывает у русскоязычных челядишек никаких отрицательных эмоций, так как для их подсознания оно тождественно слову «терем» (нем. «turm»). И, вообще, сама тюрьма многими из них воспринимается как осознанная необходимость или даже как романтика:

«Ни от сумы, ни от тюрьмы не отрекусь,
А на свободе я живу, как кандибобер.
Зашел в угрозыск как-то раз развеять грусть,
И мы на пару сели выпить – я и опер»

(Владимир Вейхман, «Ни от сумы, ни от тюрьмы...», <http://www.stihi.ru/2006/08/12-1001>);

«Украл – отсидел – вышел, украл-отсидел-вышел... романтика!» (фраза из фильма «Джентльмены удачи»);

«Украл – выпил – в тюрьму», кстати, неплохо смотрится в качестве активно разыскивавшейся ещё при Ельцине «национальной идеи». Романтика, блин!.. На зоне даже в столовой висит плакат, официально уведомляющий, что 70% заключённых этой зоны – молодёжь до 30 лет, сидящая за тяжкие преступления. Впрочем, эту «молодёжь» видно и без плаката. Юные, но уже вполне законченные подонки, совершенно растленные типы, отребье человеческого общества, привыкшие на воле жить за чужой счёт. Они воровали, грабили, взламывали магазины и квартиры, отнимали у женщин на улице сумочки и украшения... Привыкли до такой степени, что и на зоне воруют у других зэков, хоть это и запрещено строжайше их же воровскими «понятиями»; вымогают и отнимают любыми путями, у кого что увидят получше... А остальные 30% зоны – это простые мужики, работяги, которые всю жизнь пахали на государство – и пили запоем. По пьянке ранили или убили кого-нибудь, сели и быстро, без вопросов и сомнений, приняли как норму все существующие на зоне уголовные нравы, правила и «понятия», признали непонятно на чём основанную власть блатных «смотрящих» над собой. Словом, нашли себя в уголовном мире... Впрочем, так же безропотно они принимают любую власть над собой и на воле. «Жалкая нация, нация рабов...». Любому мелкому чиновничку, который будет смотреть на них Юпитером, они будут и поклоняться как Юпитеру, – вместо того, чтобы надавать ему по шее и выкинуть из его кабинета в окошко. Рабство и холопство, униженное ползание на брюхе перед более сильным, и одновременно безжалостное затаптывание ногами более слабого, – таков национальный характер русских. Рабы и палачи «в одном флаконе», – вот глубинная сущность этого народа. На зоне это видно особенно хорошо. Самую низшую касту, своего

рода древнеиндийских «неприкасаемых», составляют тут так называемые «обиженные», или «пидоры», или просто «петухи». С ними остальным зэкам («мужикам») не полагается вместе есть, пить «чифир», брать у них что-либо, жить в одном помещении, даже в туалете у них своё отдельное «очко». Они используются на всех тяжёлых и грязных работах, убирают снег, метут двор, моют полы, драют те же туалеты, вывозят мусор. Отношение к ним – презрительное и брезгливое, они для остальных – низшие, бесправные существа, парии, «неприкасаемые». И что же? Думаете, они хоть как-то отстаивают свои права, своё человеческое достоинство и равноправие? Ничего подобного! Они вполне довольны своим положением. Более того, среди них тоже есть своя иерархия, есть и свои блатные, – этакое «начальство» над прочими «петухами», уголовники, которые ходят в дорогих спортивных костюмах, вешают себе на окно роскошные занавески, имеют собственные мобильники, и т. д.; то есть атрибуты этой их власти – чисто внешние. А на самом дне этой внутрикастовой иерархии находятся забитые, запуганные, замордованные, грязные, вечно голодные, опустившиеся существа, которых и людьми-то уже трудно назвать, больше всех вкалывающие на мытье и уборке, похожие с виду на бомжей с Курского вокзала. И если б вы только видели, как первые бьют вторых!..» (Борис Стомахин, «Добровольное рабство», http://kookiest12.rssing.com/chan-7299850/all_p1.html);

«В Кемеровской области вновь совершают преступление 29,4 процента из ранее совершивших его впервые (правда, по Западной Сибири это один из самых низких показателей). Среди отбывших наказание в местах лишения свободы – 45,5 процента. Давайте посчитаем. Каждый год в Кузбассе выходит на свободу около 8500 человек, 80 процентов из них остаются в области, и почти каждый второй вновь идет на преступление. Рецидивисты были всегда. Но при социализме, как говорит статистика, к преступному прошлому возвращались 24 из 100 вышедших на свободу. Нынче другое время на дворе, другие цифры...» (Ольга Иванова, «Отсидел – вышел», <http://diamt.ru/139/128>);

«Вероятно, сегодня нет смысла доказывать, что размах криминального террора в России перешел все допустимые пределы, и единственное спасение ребенка, рожденного сегодня в России – незамедлительная эвакуация (эмиграция) для нормальной жизни и получения образования за пределами гангстерски беспредельного пространства, именуемого нашим Отечеством... Наиболее частыми выражениями в нашей криминальной хронике являются термины «неоднократно судимый» и «нигде не работающий». Массовое внедрение рецидивистов в мирную жизнь страны – примечательное явление нашей российской действительности. Детская беспризорность, нарастающая люмпенизация общества, бродяжничество, агрессивный бомжизм также имеют у нас четкую тенденцию к бурному росту. Создается впечатление, что можно насиловать, наносить своим жертвам режущие и колющие удары; можно разбивать черепа и расстреливать в подъездах своих сограждан, взрывать автомобили предпринимателей, вырезать половые органы и расчленять трупы – совершенно безнаказанно. Должны ли стать вечными и непотопляемыми полчища наших рецидивистов, ежедневно калечащих и убивающих безоружных людей? Ведь даже самое строгое наказание, случающееся крайне редко, на деле не выполняется, и изувер очень часто

через 2 3 5 лет выходит на свободу для более изощренного продолжения своей изуверской деятельности...» (художественный руководитель Московского театра Ленком Марк Захаров, «Расстрел на месте!», «ИЗВЕСТИЯ», 27 октября 1995 г., <http://army.lv/ru/Biblioteka/Voennoe-delo/Knigi/Boevie-iskusstva-rukopashniy-boy/Taras-A.E.-%C2%ABBoevaya-mashina-Rukovodstvo-po-samozashchite%C2%BB/Predislovie/Rasstrel-na-meste!/2095/3855>).

К тому же и слова «жулик», «жульничать», «жуликоватость», ведь, тоже не вызывают у русскоязычного человека негативных бессознательных реакций а, следовательно, и побуждений его совести, так как ассоциируются в его подсознании лишь со словами, не обладающими негативной коннотацией:

«В русск. аргó жу́лик имеет знач. «ученик преступника»; «маленький острый нож» (Крестовский, ИОРЯС 4, 1071). Последнее знач., вероятно, является первичным, потому что жу́лить «резать» связано с болг. жу́ля «царапаю, тру, обдираю», сербохорв. жу́лити «драть», словен. žúlití «усиленно тереть, жевать», наряду с сербохорв. гу́лити «драть»; см. Mi. EW 80, 413; Дифенбах, KSchl. Beitr. 4, 333, где приводится русск. жуль «нож» (аргó)...» (Фасмер, «Этимологический словарь русского языка», <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-198-2.htm>).

Формированию бессознательной тяги к воровству у русскоязычного человека весьма способствует и наличие ассоциативной связи между лексемами «проворовался» и «проворный», позволяющей ему уже на уровне подсознания отождествлять воровство с удалью:

«И одной из черт национального духа совершенно оформилась непобедимая тяга к воровству. Анекдот знаменитый и знаковый: подготовивший Указ против воровства Петр поделился с Меньшиковым: кто украдет, что дороже веревки – быть тому повешенным на той самой веревке. Выдержав издевательский взгляд законодателя, Меньшиков вздохнул сочувственно, и ответ его засел в фольклоре, как клинок в камне: «Мин херц, останешься без единого подданного». Исконно – князя обирали народ, а народ поворовывал, где мог, компенсируя чрезмерные потери и действуя в том же духе сильного самообеспечения. Боже мой, как прекрасна и безразмерна была бы история воровства в России! А какой персоналий! А какой раздел анекдотов – радостных, восторженных! Сколько глубокой самоиронии в русских анекдотах о воровстве! И что характерно: сами русские складывали всегда анекдоты о том, что русские воруют больше всех! Это льстило – хоть в такой форме! – национальному самолюбию! Русские анекдоты о воровстве – это раздробленный на блестящие великий русский плутовской роман, который не был написан по причине необходимости бежать от погони, шутить и пропивать ворованное в одно и то же время... Заметьте: северные поморы и первая волна сибиряков – белая кость русской нации – воровства не знали, не заведено было. Это жили люди свободные, своим умом и за себя отвечающие, и если что – расправа была скоро и сурова. Закон тайга, медведь прокурор. До Петра народишко еще пытался перебиваться. Хотя уже со времен Алексея Михайловича отмечают заезжие в Московию иностранцы вороватость и жуликоватость российского люда. Заметьте – ни Антверпен, ни Гамбург, ни Лондон отнюдь не были эталонами честности.

Город позднего Средневековья был набит ворьем и всяческим ночным людом. Но все относительно. Вот относительно Европы Россия была воровата и в XVI веке тоже. А с чего бы иначе? Народ находился в состоянии рабском. А рабство формирует рабские обычаи и представления. СТАЩИТЬ – УДАЛЬ РАБА» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p07.dhtml).

Слово «вор», как и слово «врач», ведь тоже:

«...Скорее всего, связано с вру, врать; см. Ягич, AfsI Ph 17, 292. Сюда же стар.-русск. «воровать» – прелюбодействовать (Котошихин 131), воровской «обманный, мошеннический», далее, «заворуй» – «наглый плут»... С «вор» сопоставляли «проворный»; ср. также диал. «воровой» – «удалой, бойкий, проворный», олонек. (Кулик)...» (Фасмер, «Этимологический словарь русского языка», <http://vasmer.narod.ru/p112.htm>).

И первоначально оно означало лишь обманщика (враля), плута, мошенника:

«Менее всего первоначальный смысл сохранило слово вор, когда-то означавшее человека, говорящего неправду, лжеца (укр. «неправдомовець», «брехун», – П.Д.). В исторической памяти народа сохранилось выражение «Тушинский вор» – так в Смутное время начала XVII века называли одного из Лжедмитриев, ставка которого была в подмосковном селе Тушино...» (Валентин Рабинович, «Седьмое чувство», http://www.pseudology.org/Rabinovich_VI/Sedmoe_Chuvstvo.htm).

Переосмыслилось же оно мерянскими предками россиян, у которых, очевидно, как и у эстонцев, и у финнов слово «varas», означало грабитель (эст. «vara» – «имущество, собственность»; нем. «wage» – «товар, изделие»), в то время как укр. «вартовий», нем. «warter», наоборот, – охранник [товара], а словенское слово «varovati» обладает, вовсе, не негативной, а позитивной коннотацией и означает защищать. Фасмер же предполагает, что финское «voга, vogo» – «разбойник» было позаимствовано из прусского (балтского) языка:

«Хватит повторять бред наших «мыслителей»! Сегодня русские умеют делать хорошо только одно – воровать все. Вплоть до огромных заводов, колонн бронетехники и нефтяных полей. Все остальное мы делаем не лучше других, но чаще – хуже или, совсем, хуже других, или вообще никак. Уровень русской мысли легко спутать с уровнем мирового океана или плотницким инструментом «уровень». «Национальная идея» в названных вариантах ведет к национальным погромам или религиозным войнам, «общинность» – к окончательной деморализации и пессимистическому безделью как принципу» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p05.dhtml).

Да и слово то «грабить» не вызывает в подсознании русскоязычного человека никакого внутреннего (инстинктивного) запрета а, следовательно, и угрызения совести. Ведь непереосмысленное его значение весьма безобидно: ст.-слав. «грабити», словен. «grábiti», польск. «hrabać» – обрабатывать граблями (от глагола «гребу», – Этимолог. словарь Фасмера). Санскр. «грабх» является всего лишь одной из полных форм глагола «брать». Да и англ. «grab», и лит. «gróbtì», означает, всего лишь, «хватать» (наличие укр. «гребувати»,

означающего «гнушаться, брезговать, пренебрегать», указывает на то, что отличающийся от него лишь огласовкой глагол «грабувати» является поздним русизмом, подменяющим слово «красти»). Очевидно, слово «грабить» по своему смыслу связано с выражением «глаза завидушие, руки загребушие». И оно, как и это выражение, является индифферентным для подсознания и может быть лишь осмыслено сознанием.

Аналогично, подсознание не в состоянии однозначно реагировать и на двузначное слово «хватает». Очевидно, поэтому-то русскоязычный человек без зазрения совести инстинктивно хватается (берет себе) все подряд даже тогда, когда ему всего этого и вполне хватает (то есть, достаточно):

«Русскому человеку всегда чего-то не хватает и не хватает, а потом – как хватит!» (Стас Янковский, «Русский вопрос», <http://syy.narod.ru/russian.htm>).

Подсознание не различает также и внутренних форм слов «жадный» (укр. «жадібний», «ненажерливий») и «жаданный» (страстно желаемый, желанный; от «жадать» – страстно хотеть, – Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», <http://www.sovslov.ru/tolk/jadatyt.html>):

«Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жителства присносущу питателю, государю моему имярек и отцу имярек, жаданный видѣти очес твоих свѣтло на собя, яко же преже бѣ не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, яко же прежней рабец, греха же моего ради яко странный старец» (Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, «Смех в древней Руси / Послание дворянина к дворянину», <https://www.litmir.me/br/?b=199194&p=43>).

Возможно, поэтому-то и является весьма желанным для большинства прелестных «зараз» и других расточительных русскоязычных женщин, именно, такой «инстинктивно хватающий все» чрезвычайно жадный муж:

«Иной смысл имели и многие русские слова, которые теперь числятся по разряду непотребных. Возьмем ругательное ныне слово «зараза». Лет так 250 назад это был лестный комплимент для дамы. В те времена сказать: «Какая вы зараза!» означало признаться: «Какая вы прелесть, само очарование!» Стихи поэтов первой половины XVIII века пестрят этими любезными сердцу «заразами». А всё потому, что слово «заразить» изначально значило «сразить, убить». В Новгородской Первой летописи под 1117 годом читаем: «Един от дьяк заражен был от грома», т.е. одного дьяка убила молния. По естественному течению мыслей слово «зараза» со временем стало обозначать женские прелести, которыми те «заражали» (сражали наповал) мужчин» (Сергей Цветков, «Непотребные глаголы», http://zaist.ru/news/slova/nepotrebye_glagoly/);

«Оставивши все прочее в сторону, посмотрим на нашу Россию, и в особенности на то, что у нас так часто перед глазами, – на множество всякого рода злоупотреблений. Окажется, что большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла или от расточительности их

жен, которые так жадничают блистать в свете большом и малом и требуют на то денег от мужей, или же от пустоты их домашней жизни, преданной каким-то идеальным мечтам, а не существу их обязанностей, которые в несколько раз прекрасней и возвышенней всяких мечтаний. Мужья не позволили бы себе и десятой доли произведенных ими беспорядков, если бы их жены хотя сколько-нибудь исполняли свой долг. Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной (и любой прелестной, – П.Д.) заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки...» (Николай Гоголь, «Женщина в свете», 1846, <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-224-.htm>);

«Так же точно расточителен россиянин и в отношении собственных талантов и способностей. Нельзя сказать, что он равнодушен к таланту вообще. Нет, конечно. Скорее россиянин восхищается им точно так же, как и всякий другой человек. Но восхищается им, радуется ему – природному. Талант хорошо иметь, но развивать его, использовать его – не обязательно и даже нежелательно... Из зрелища гибнущего таланта россиянин извлекает, похоже, столько же положительных эмоций, сколько индеец – из зрелища горящей лодки или выброшенной в реку муки» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было 2. Русская Атлантида», http://www.e-reading.ws/chapter.php/9699/58/Bushkov,_Burovskiii_2_Rossiya,_kotoroi_ne_bylo_2._Russkaya_Atlantida.html);

И это нисколько не удивительно. Ведь слово «расточительный», в отличие от соответствующего ему укр. «марнотратний» (польск. «marnotrawny», чеш. «marnotratný», беларус. «марнатраўны» – зря тратящий), не вызывает никаких негативных ассоциаций в подсознании русскоязычного человека, как и слово «растратчик». Растратить (расточить) какие-либо средства можно и по-необходимости, а не зря (чеш. «promarnit, укр. «промарнати»). Ведь они то и предназначены для того, чтобы их тратить. Как же тогда могут возникнуть бессознательные побуждения к предотвращению растраты (укр. «розтриньканню») материальных и денежных средств у русскоязычного человека? Остаток (укр. «залишок») чего-нибудь русскоязычный человек бессознательно воспринимает как излишек (укр. «надлишок»), который машинально может быть выброшен в мусорный ящик или же на помойку. Ведь слово «лишний» (укр. «зайвий») означает «ненужный» не только в настоящее время, но и вообще. И, следовательно, в подсознании оно никак не различается по этим признакам. Да, и сознательно русскоязычный людишка, привыкший жить лишь настоящим моментом времени, не прочь избавиться от ненужных ему сейчас остатков чего-нибудь. Непредусмотрительность и связанная с ней небрежность рассматриваются в русской культуре как положительные явления, характеризующие широту и нескупость русской души:

«...скудость – и, ж. 1) Жадность, скряжничество, бережливость, стремление избежать расходов. Ему не свойственна скудость. Синонимы: прижимистость (разг.), скардность (разг.)» («Популярный словарь русского языка // Скудость», <http://popular.academic.ru/>);

«Однако скаредность есть не только неверно понятая бережливость, но и рабское подчинение материальным благам, а не власть над ними, что представляет собой нарушение долга перед самим собой. Она противоположна либеральности (*liberalitas moralis*) образа мыслей вообще (не щедрости (*liberalitas sumptuosa*), которая есть лишь применение ее к отдельному случаю), т. е. принципу независимости от всего другого, кроме закона; она есть хищение, осуществляемое субъектом у самого себя. Но что это за закон, внутренний законодатель которого сам не знает, когда следует применять этот закон? Должен ли я отказывать желудку или отказаться от внешних расходов? В старости или уже в молодости? А вообще добродетель ли бережливость?... Будьте бережливыми, чтобы не стать нищими» (Иммануил Кант, «Метафизика нравов в двух частях», 1797, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000502/st006.shtml>).

Ложь и обман для русскоязычного этноса не являются серьёзными пороками

Англ. «lie», кроме «ложь» и «лгать», означает еще и «лежать». Это указывает на неслучайность близости друг к другу и корней соответствующих им русских слов (ср. «ложный» и «сложный»):

«Подлог – обман, состоящий в подделке чего, или в подстановке одной вещи замест другой; фальшь, подмена, подделка, облыжное дело. Здесь сходятся корни: лагать и лгать. Подложный, составляющий собою подлог, поддельный, подставной, для обмана, выдаваемый за истинный, за подлинный, настоящий. Подлог в товаре, подделка под известный товар, продажа одного за другое. Подлог на письме, подпись под чужую руку, или подчистка и поправка чужих речей, или вообще поддельная бумага, ложная. Подложные чудеса, мнимые, подготовленные обманом. Открыть подлог в книгах, счетах. Это подложно сделано, с подлогом. Подложничать, заниматься, промышлять подлогами» (Словарь Даля, <http://dal.sci-lib.com/word027093.html>).

Не исключено и то, что слова «ложный», «ложь» и «лгать», вообще, образовались из слова «подложный» еще в глубокой древности, когда подкупленные писцы имели возможность подлагать (подкладывать) на утверждение своим безграмотным хозяевам выгодные кому-либо указы или же распоряжения. Ведь и сейчас-то правовая и экономическая безграмотность правителей лишь способствует коррумпированности чиновников. Не потому ли слово «ложь» и «радует слух» русскоязычных «лежебок»?:

«Неправда, неточность, брех(ня), вранье, враки, буки, вздор, лганье, обман, заблуждение, измышления, дезинформация, вымысел, жульничество, уловка, хитрость, не соответствует истине, расходится с истиной; верь забобонам!, рассказывай сказки!, рассказывайте!; туфта, брехня, выдумка, чернушка, транда, треп, фуфло, лажа, чернуха, полуистина, деза, сказка, клюква, телега, кружева, загиб, лжи, кривда, дезуха, лапша, ври больше, бздо, мнимость, бабские забобоны, алате, нагон, загибон, апатэ, клевета, свист, частушки. Сколько синонимов, а? А по-настоящему красивое слово только одно – «ложь». Еще могу выделить «вздор» и «заблуждение». Но только это слово можно сказать с разной

интонацией, он просто играет оттенками: мягкий упрек, ледяное презрение, гнев, поддразнивание... Попробуйте упрекнуть словом «вздор» – все равно выходит в основном презрение... Нет, «ложь» – единственно красивое слово из этих всех...» (Дариа, «Ложь», <http://www.proza.ru/2012/04/06/110>).

Ложь же и обман у русскоязычного населения никогда не рассматривались как настолько серьезный порок, чтобы из-за него следовало бы испытывать муки и угрызания совести:

«Тьмы низких истин мне дороже

Нас возвышающий обман...»

(Александр Пушкин, «Герой», <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/18/108.htm>);

«Русские люди, жаждущие революции, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит россиян от всякой скверны. Но в революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужверинная страна харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая поднимется во весь свой рост после того, как падёт самовластье. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре (в быдлотворной русской языковой картине мира, – П.Д.). Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит в России, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, её основной конституцией. Взятка расцвела ещё больше, чем когда-либо... В основе политики лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем. Истинная духовная революция в России была бы освобождением от той лживости, которую видел в русских людях Гоголь, и победой над той призрачностью и подменой, которые от лживости рождаются. В лжи есть легкость безответственности, она не связана ни с чем бытийственным, и на лжи можно построить самые смелые революции. Гоголю открывалось бесчестье как исконное русское свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html>);

«...так, народ, ослепленный гордыней, может проявить в войне чудеса храбрости, стройной организованности, верности долгу, но вся эта кипучая жизнь, чем она интенсивнее, чем более она использовала силы добра ради конечного зла, влечет в тем более страшную бездну разрушения. Таков путь дьявола: весь насквозь он пропитан лживостью; на словах и в средствах – добро, а конечной цели – зло или же в конечной цели – мнимое добро, а в средствах зло. Сам Иисус Христос говорит: «Он лжец и отец лжи» (Иоан. 8, 44). Такое существо – по мере развития своей деятельности и опознания ее – должно прийти к

лицемерию и сознательной лжи. Но сознательная ложь есть признание своей слабости и превосходства противника; отсюда неизбежны величайшие страдания для гордого существа, природе которого соответствует открытое нападение, обнаруживающее воочию перед всеми его превосходство. Страдания от своей собственной деятельности должны породить в нем, в конце концов, ненависть также и ко всем своим предприятиям, и даже к самому себе» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=7>);

«Народ! Сквернословы, лентяи, лгуны, да такие бесстыжие, что ни единая душа друг другу не верит! Заметь, – заорал он, не видя, что зажженный фитиль полыхает и чуть не до потолка бьет копотью, – не нам, а друг другу! И все они такие, все! – закричал он плачущим голосом...» (Иван Бунин, «Деревня», http://www.loveread.ec/read_book.php?id=1988&p=114);

«Уже перед I-й Мировой войной наш русский народ – мнимый богоносец представлял собой исключительно печальное, если не сказать ужасное, зрелище в духовном и нравственном смысле. ...доводилось читать в статьях нынешних наших неоправославных русопетов-доктринеров, что Бунин в своей «Деревне» будто бы оклеветал «благочестивых, трудолюбивых и глубоко нравственных русских крестьян». Прочесть, впрочем, такое можно только в наше инфантильное зомбированное время, в 1910-м же году никто таких обвинений ни Бунину, ни Родионову не бросал, при том, что повести их прошумели тогда на всю Россию...» (Алексей Кузьмин, «Народ – богоносец», <http://calvaryguard.com/ru/bogonosec/>; см. также: «Действительно ли русский народ, "народ-богоносец"?»), <https://newsland.com/user/362736698/content/deistvitelno-li-russkii-narod-narod-bogonosets/695576>).

В то время вполне допустимым для православных являлся обман даже ангелов и архангелов:

«Церковь считает, что лишь избранные воскреснут после смерти. В отличие от католицизма, по православию, нельзя никак вмешаться в судьбы умерших. Здесь все в руках божьих. Но религиозный менталитет православного допускает подмену умершего человека другим. По русскому принципу: «авось сойдет» – умирающему грешнику меняли имя, постригали в монахи. Это делалось для спасения души» (М. А. Шенкао, «Основы философской танатологии», <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000948/st000.shtml>).

И ведь эта лживость всегда была характерна не только простолюдинам, но и интеллигенции, и чиновникам любого ранга:

«Интеллигентная или, вернее, принадлежащая к интеллигентному кругу женщина отличается лживостью...» (Чехов, из записной книжки, СС, Т. 17, с. 116, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1509&page=72>);

«Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... При потере взаимной искренности и доверенности, все обняла ложь,

езде обман. Правительство не может при всей своей неограниченности добиться правды и честности; без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут... Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди – тоже воры: исключений немного... Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства... Такая система, пагубно действуя на ум, на дарования, на все нравственные силы, на нравственное достоинство человека, порождает внутреннее неудовольствие и уныние. Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы... Лишенный нравственных сил, человек становится бездушен и, с инстинктивной хитростью, где может, грабит, ворует, плурует...» (К.С. Аксаков, «О внутреннем состоянии России» – докладная записка Александру II, 1855г., цит. по: А.С. Курилов, «Константин и Иван Аксаковы», – М.: Современник, 1981, http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0070-1.shtml).

И, что – самое страшное, основанная на лжи и на лицемерии хитрость у русскоязычного человека превратилась буквально в ремесло. Ведь «внутренняя форма» слова «хитрость», на самом деле, и соответствует ремеслу, которое этим то словом ранее и обозначалось: «хитро(с)[ть] – реме(с)ло» (Лаврентий Зизаний, «Лексис», <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>).

Хитростью русскоязычный человек всегда успешно пользовался, хотя и презирал ее, как и ремесло:

«В русской языковой культуре занятие ремеслом воспринималось как отступничество от традиций и исконных ценностей: «За ремеслом ходить – землю сиротить» (Ольга Кривалёва, «Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира», автореф. дис., <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-nebo-i-zemlya-v-russkoi-i-nemetskoi-yazykovykh-kartinakh-mira>);

«В разных языках европейской системы общие понятия формировались и развивались сходным образом нередко даже в тех случаях, когда отправные внутренние формы слов были резко различны. Например, в русском языке современные значения слов хитрость, хитрый сложились на основе значений: «искусство», «знание», «уменье», «искусный», «творческий», «ученый», «ловкий». Хитрый для нас (для нашего подсознания, – П.Д.) – это «изобретательный, искусный» например, в пословице: «Голь на выдумки хитра». Но чаще это «изворотливый, склонный к уловкам, коварным ухищрениям, идущий к достижению цели не прямыми, а обманными путями», напр., хитрый ум, хитрая лиса, хитрая политика, хитрое поведение, хитрый поступок и т. п., и – «замысловатый, мудреный», напр., хитрая механика, хитрое устройство. В слове хитрость старое значение «изобретательность, искусство» уже совсем померкло (сознание извратило его смысл, оставив при этом старый смысл для подсознания, – П. Д.). Хитрость обозначает: 1) «Изворотливость, замысловатость»

чего-нибудь. Например, хитрость ума, хитрость устройства и 2) «Изворотливое, уклончиво-расчетливое, хитроумное поведение», «лукавая уловка, замысловатый, ловкий прием». Военная хитрость. Понять чью-нибудь хитрость. Я вижу хитрость их насквозь (Крылов) (см. Ушаков, 4, с. 1147). При этом нередко слова хитрость и хитрый выражают качественные оттенки коварства, лукавства, злого умысла» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/hitrij.html>).

Слово же «искусство» (укр. «мистецтво»), наоборот, в подсознании русскоязычного людишки стало ассоциироваться с заведомо негативными явлениями для его сознания, а именно с однокоренными лексемами «искусать» (укр. «покусати»), «искусить» / «искушáть» (от «иску́шать чего либо запретного, недозволенного»), «искушение» (укр. «спокуса») – соблазн и «искусственный» (укр. «штучний») – ненастоящий. Как видим, отличительной особенностью русского языка, уродующей коварно (от эст. «kaval» – лукавый; фин. «kavalasti» – предательски, «kavaltaa» – предать) русскую «душу» (ментальность), является взаимная противоположность для подсознания и сознания соответственно инстинктивных и осмысленных реакций на чрезвычайно большое количество слов. И эта-то лукавая уловка и превратила русскоязычных людей в ментальных оборотней (ведь, «что для русского хорошо, для немца – смерть») а, тем самым, – и в моральных уродцев.

И, если ремесло с горем пополам русскоязычные люди постепенно и освоили, то до инженерного труда и до предпринимательства они так ещё и не доросли:

«Но рассматриваемая с точки зрения западной экономики Россия – это фактически огромная сырьевая территория, население которой занято крестьянским трудом и ремеслами. Промышленность и ею созданные грузовые железнодорожные перевозки, сбыт товаров через оптовую торговлю были и остаются ей внутренне чуждыми. «Экономический организатор, фабрикант, инженер и изобретатель – это не русские типы. Настоящий русский разрешает чужому то, что себе запрещает, к чему он внутренне совершенно не приспособлен» (доктора философ. наук Игорь Голосенко и Константин Султанов, «Культурная морфология О. Шпенглера о «Ликах России», Журн. социологии и социал. антропологии, 1998г., т. I, вып. 3, http://www.perspektivy.info/rus/rus_civ/kulturnaja_morfologija_o_shpenglera_o_likah_rossii_2007-01-31.htm).

Большинство же тех русскоязычных людей, кого лишь весьма условно называли в СССР инженерами, на самом деле не дотягивали своим интеллектом даже до уровня не имевших высшего специального образования техников на «загнивающем» Западе.

Все те мероприятия, которые не заканчивались лишь застольями, а требовали достижения каких-либо результатов, как правило, не доводились советскими инженерами до своего логического завершения. И это было вызвано, в том числе, и бессознательным неприятием ими любых мер и тем более решительных. Ведь эти меры (организованные действия, направленные на осуществление какой-либо цели) ассоциируются в подсознании нерешительных русскоязычных людей, привыкших во всём не соблюдать меру, не только с тягостными для них «действиями» и с необходимостью «приятя меры», но и с презираемым ими «примерным поведением» и с «мерами наказания»:

«...Ничто не вызывает неприятного чувства: никакие мерзости и уродства жизни, никакие вопиющие беззакония и противоестественности не вызывают негодования и возмущения. Чувство несовершенства угасло навсегда и угасило вместе с собой и волю к совершенству. Исчезло моральное негодование, возникавшее прежде от прикосновения к злой воле. Смолкли навсегда тягостные укоры совести. Все всем довольны; все всем нравится; все всему предаются – без меры и выбора. Все живут неразборчивым, первобытным сладострастием...» (Протоиерей Павел Великанов, «Страдание», <http://www.mir-slovo.ru/text/2106.html>).

Над пропастью во лжи

И по прошествии многих лет русскоязычное население так и осталось «над пропастью во лжи»:

«...Мы живем во лжи над пропастью правды, боясь в нее заглянуть. Я хочу бросать людей в пропасть правды, потому что разобьются на ее дне только слабые. У сильных вырастут крылья, они научатся летать. Они познают истину, и истина сделает их свободными. Свобода там, в пропасти правды. Чтобы полететь, надо броситься. Этот головокружительный полет – плата за освобождение от лжи. Мне никогда не скажут спасибо. Моя помощь народу выразится в том, что я извлеку его, отбивающегося, из зарослей лжи и швырну с обрыва в сияющую бездну правды. Пусть летит, авось по дороге войдет во вкус. Каждый правозащитник должен запомнить: народ имеет право на горькую правду. Народ не имеет права на утешительную сладкую ложь...» (Валерия Новодворская, «Над пропастью во лжи», <http://ds.ru/books/lie.htm>);

«Крестьянское хозяйство было истреблено. Рабочий люд был бесправным и безголосым (язык не поворачивается назвать его классом!). В стране поднял голову новый эксплуататорский класс, бюрократия с ее боевым отрядом – партноменклатурой, которые в отсутствие сталинского террора стали стремительно набирать силу и безудержно нагнать. Все светлые идеалы коммунизма были попораны и растоптаны. Страной все более и более овладевала шизофрения: думаем одно, говорим другое, делаем третье. Энергия масс рассеивалась в вязком пространстве блата, кумовства, ханжества и хамства, что вело ко всеобщей апатии и молчаливому саботажу» (Николай Чуksин, «Россия и ее выбор», http://zhurnal.lib.ru/editors/c/chuksin_n_j/russia9-1.shtml);

«Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облакает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам» (Лев Гумилёв, «Этносфера: история людей и история природы // Апокриф», https://www.e-reading.club/bookreader.php/86668/Gumilev_-

Etnosfera_istoriya_lyudei_i_istoriya_prirody.html; <https://cont.ws/@serjio-nuevo/261809>;
http://thelib.ru/books/gumilev_lev_nikolaevich/etnosfera_istoriya_lyudey_i_istoriya_prirody-read-38.html);

«И не только конкретные обстоятельства крушения аэробуса, а сама эта отчаянная атака на оппонентов наводила на мысль, что если господа «патриоты» так агрессивно спорят, значит, скорее всего, намеренно лгут. После распятых мальчиков, отсутствия в Украине российских военных, сбившего малайзийский «Боинг» украинского истребителя и прочих подобных рассказов я проникся к утверждениям постоянных, поддерживаемых ведущими, участников ток-шоу Толстого, Соловьева, Бабаяна доверием особого рода. Чем яростней они настаивают на том, что случилось то-то и то-то, тем более я уверен, что не было ни того-то, ни того-то. Или наоборот. Если они что-то отрицают, то можно не сомневаться, что то, чего по их утверждениям не было, было. Во многих случаях у лжи бывает какая-то цель, которая, в конце концов, сама по себе оказывается ложной, поскольку разоблачение ее рано или поздно грядет неизбежно. В этом случае лжецы не теряются и, не моргнув глазом, утверждают, что именно то, что случилось, они и предсказывали. Но, наблюдая за этими теледебатами, я понял одну важную вещь. Понял, что истинной целью лжи этих людей является не открытие или сокрытие чего-то, а ложь как таковая. Ложь для них – дело творческое и патриотическое. Процесс страстного доказывания, что было то, чего не было, или не было того, что было, приводит этих людей в состояние, близкое к чему-то вроде оргазма. А заставь их говорить правду, они, пожалуй, скиснут, впадут в депрессию, уйдут в запой или, не дай бог, застрелятся...» (Владимир Войнович, «Ложь – дело патриотическое», <https://openrussia.org/post/view/10677/>).

И ни многочисленными реформами, ни даже кровавыми революционными преобразованиями так и не удалось ничего изменить. Ведь русский язык прочно законсервировал лживость общающегося им населения, а государственные власти к тому же поставили беззастенчивую ложь и во главу своей политики:

«Мы все уже очень давно, весь двадцатый век живем в совершенно удивительной, непрекращающейся, колоссальной, дотолее невиданной социальной и идеологической провокации. Есть несколько центров возникновения этих провокационных волн. Одним из таких очагов гигантской псевдолевой провокации был СССР, и внутри этого гигантского пузыря лжи работала масса, целое сообщество профессиональных лжецов и идеологических провокаторов. Их ценили по степени ядовитости и воздействия на слабые умы как самих подданных красного Кремля, так и западных и азиатских интеллигентов, уверовавших в эту ложь. В мире нигде и никогда не было столь рабского государства, как СССР, – для того чтобы прокормить себя и свою семью, надо было на любой работе, в любой сфере деятельности в унижительном порядке участвовать в поддержании этой лжи: участвовать в их выборах, присутствовать на их сходах и собраниях. Я, по матери донской казак, человек свобододлюбивый, участвовать во всем этом скотстве не пожелал и сознательно избрал для себя роль парии и изгоя в советском обществе...» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smironov.html>);

«...Каждодневная ложь у нас – не прихоть развратных натур, а форма существования, условие повседневного благополучия всякого человека. Ложь у нас включена в государственную систему как важнейшая сцепка её, миллиарды скрепляющихся крючочков, на каждого приходится десяток не один... Обществу столь порочному, столь загрязненному, в стольких преступлениях полувека соучастному – ложью, холопством радостным или изневольным, ретивой помощью или трусливой скованностью, – такому обществу нельзя оздоровиться, нельзя очиститься иначе, как пройдя через душевный фильтр. А фильтр этот – ужасный, частый, мелкий, имеет дырочки, как игольные ушки, – на одного. Проход в духовное будущее открыт только поодиночно, через продавливание. Через сознательную добровольную жертву. Меняются времена – меняются масштабы. 100 лет назад у русских интеллигентов считалось жертвой пойти на смертную казнь. Сейчас представляется жертвой – рискнуть получить административное взыскание. И по приниженности запуганных характеров это не легче, действительно» (Александр Солженицын, «Образованщина», январь 1974, http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt_with-big-pictures.html);

«Семидесятые годы были освещены солженицынским воззванием «Жить не по лжи». Российские диссиденты размножали это воззвание на бумаге и старались жить по нему. Благодаря этому сегодня российская интеллигенция может гордиться: призыв был услышан, на бой с ложью вышли десятки людей. Однако никто не гордится: очевидно, что первый бой проигран. Борцы и зрители равно продолжают жить во лжи и по лжи» (Яков Кротов, «Жить не по лжи: круг третий» // Куранты, 1992, № 222 http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/137149/17/Krotov_-_Chistaya_Rossiya.html);

«Растущие масштабы алкоголизма и наркомании, уход в виртуальный мир, преступность – всё это тоже формы бегства от лишённой перспектив действительности. Одним из следствий раскола между народом и властью является быстрая и глубокая криминализация государства. По мнению Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, сегодня масштаб проблемы таков, что «это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет». Воинственный имморализм и всеобъемлющая ложь, насаждаемые в обществе, возвращение грубой официальной пропаганды привели к духовной усталости народа, к политической и социальной апатии, «утечке мозгов» и эмиграционным настроениям... Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики. И причина здесь не просто в личных качествах первых лиц – Ельцина, Путина или Медведева: уже с момента октябрьского большевистского переворота 1917г. российское государство построено на лжи. Ложь стала необходимым элементом государственной системы, которая уже более девяносто трёх лет является нелегитимной и должна это всячески скрывать» (Григорий Явлинский о ситуации в России: «Ложь и легитимность», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/02/14/48240-lozh-i-legitimnost-programmnaya-statya-grigoriya-yavlinskogo>);

«Все понимают, что власти России больны. Но чем они больны? На этот вопрос отвечают по-разному. На мой взгляд, власть больна политически. У нас проблема с легитимностью существующего строя и, следовательно, с легитимностью правящего класса. Что такое правящий класс? Правящий класс – это, как говорит Парето, люди лучшие в своем роде. Но в том-то и проблема, что наш правящий класс состоит не из лучших в своем роде, наш правящий класс – это, как корзина для мусора, в нём можно встретить кого угодно. Всё это не может не сказаться на понимании «политического». Политическое появляется в тот момент, когда мы ясно осознаем, что они – это не мы, а мы – это не они. Мы – это не они, – говорю я вслед за Карлом Шмиттом, глядя на политиков и правящий класс в целом. Мы после работы сидим у телевизоров, они говорят с экрана. Мы слушаем, они вещают. Нас большинство, их меньшинство. Они хотят, чтобы большинство было послушно меньшинству. Для этого у них есть банки и пароходы, воля к власти и время, чтобы обдумать свою волю. Нам некогда думать, мы озабочены выживанием...» (Фёдор Гиренок, «Политический палимпсест России», <http://fedorgirenok.narod.ru/politpalim.htm>);

«Конечно, есть у России и другая традиция. Хрестоматийным ее примером был девиз А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов при Николае I: «Прошлое России замечательно, ее настоящее великолепно, ее будущее превосходит все, что может представить человеческое воображение». Это не случайная реплика какого-нибудь Скалозуба. Да, Бенкендорф был жандармом (чекистом в современном лексиконе), но у нас довольно свидетельств, что знал он о «долгом рабстве» не хуже Герцена и о том, что в судах черна его Россия «неправдой черной», – не хуже Хомякова. Бенкендорф лгал сознательно, в воспитательных, так сказать, целях, полагая, что для «целости государственной и поддержания духа народного» ложь полезнее истины. Лгал потому, что ложь правителей такая же старинная русская традиция, как и чаадаевская. Только это не интеллектуальная традиция, жандармская. Та, для которой не существует вопроса, КАКОЙ должна «быть и оставаться» Россия. Та, которую не пугала страшная герценовская догадка, что «долгое рабство» может и победить. Та, что не породила ни одного серьезного мыслителя, одних посредственностей, вроде того же Бенкендорфа в XIX веке или Андропова в XX-м...» (Александр Янов, Распад путинской «триады», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/20/53359-raspad-putinskoy-171-triady-187>);

«Не два вектора движения страны обнаруживаются в нашей Конституции, а два взаимоисключающих типа государственности. В этой Конституции авторитарно-патерналистская власть «соединена» с политическими свободами и принципами правового государства. Большой глубины «нормопатологии» история России не знала. И уже по одному этому легитимация авторитарно-патерналистской власти, обеспечиваемая (впервые в нашей истории) всенародными выборами главы государства, не может быть самодостаточной. Но именно поэтому же нынешняя «нормопатология» вынуждена постоянно обращаться за помощью и подпиткой к милитаристской норме. Чеченские войны, война с Грузией, полеты президентов на военных самолетах, их визиты на корабли и подводные лодки, облачения в камуфляж, постоянные напоминания о победе в Великой Отечественной войне и борьба с

«фальсификаторами ее истории», искусственное поддержание в обществе ощущения военной угрозы со стороны НАТО – все это милитаристские подпорки авторитарно-патерналистской «нормопатологии», компенсаторы ее легитимационной несамодостаточности. Насколько эффективны, однако, такие компенсаторы? Лишь настолько, насколько их эффективность обеспечивается отсутствием кризисов, высокими мировыми ценами на нефть и газ и проистекающей отсюда возможностью подменять реальную модернизацию (откровенно лживой, – П.Д.) модернизационной риторикой. Реальную же модернизацию нынешняя государственная «нормопатология» способна обеспечить в еще меньшей степени, чем ее исторические предшественницы при императорах и генсеках... И что же тогда нас всех ждет? За царские «нормопатологии» Россия заплатила гражданской войной и многомиллионными жертвами сталинизма. За предыдущую советскую «нормопатологию» историческая плата была в виде распада страны. А что нам предстоит заплатить за «нормопатологию» постсоветскую?» (Павел Солдатов, «Власть во власти «нормопатологии». Заметки о природе российской государственности», <http://www.liberal.ru/articles/4279>);

«Начинался обычный шабаш советской пропаганды, принцип которого очень прост: вопи как можно истошней, чтоб уже ничего другого и слышно не было. Как в детском стишке:

Тот, кто громче скажет «гав»,
Тот всегда и будет прав»

(Владимир Буковский, «И возвращается ветер...», https://archive.org/stream/B-001-004-447-ALL/Bukovsky_Wind_djvu.txt);

«Спустя 23 года после распада СССР на постсоветском пространстве ситуация мало изменилась. На большей части традиции вранья сохранились на прежнем уровне. Русский язык действительно стал объединяющим для многих людей, но он, как в СССР, используется исключительно для пропаганды. Российское телевидение имеет рейтинги не только в самой России, но и в странах Центральной Азии, частично на Кавказе, Молдове, в Беларуси и Восточной Украине. По-прежнему люди оценивают происходящее в мире по тому, как им рассказывают с экрана российские комментаторы, журналисты и «эксперты». Вирус вранья уже проник в генетику, он как инфекция с длительным сроком инкубационного периода. Но точнее – как раковая опухоль, разъедающая сознание. Миф о самой читающей нации на деле оказался реальностью только наполовину. Не разнообразием прочитанного и услышанного, а количеством вранья, убеждающего людей в вере к кремлевской идеологии. Привыкший ко лжи человек не сопротивляется, ему так удобно. Не нужно искать альтернативные источники и узнавать правду. Ложь – сладка и приятна. Тем более, когда она сопровождается речитативом – «мы – огромная великая страна». Ложь не несет никакой ответственности: тебя обманули, ты обманул, все рады и счастливы» (Олег Панфилов о путинско-советской России: «Самая читающая нация» оказалась самой лживой?, <http://ru.krymr.com/a/25463498.html>);

«Российское телевидение невозможно смотреть, потому что оно – без всяких метафор и гипербол – шабаш нечисти. У ВСЕХ его персонажей видны рожки, хвосты, рыльца, копыта. Жадные, тупые хари, красные червеобразные губы, загребущие руки, глаза ведьм и упырей. Эта нечисть особая, национальная, не с графики Гойи и не с полотен Босха. Постсоветско-гламурная. Упомянутая Достоевским в рассказе «Бобок» нравственная вонь заполнила все московское пространство. Ее источают и российские «политики», и «смехачи», и их обыдлевшая публика. Люди не живут – а функционируют в дурной бесконечности, как роботы. Роботы-сутенеры и роботы-проститутки. В воздухе висит, как топор, скотская страсть к наживе. В современной России как бы нет мысли. Нет идеи. ЦАРСТВО ПУСТОТЫ. Мысли и идеи или уехали вместе с их носителями – или прожеваны и выхаркнуты, как ненужная жвачка. Говорить не с кем и не о чем. Чувства и реакции подавляющего большинства москвичей – на первобытном уровне. Люди заняты удовлетворением потребностей. Они легкомысленны, вульгарны и злы как урки. Жизнь и боль других людей никого не тревожит. Любовь, забота, внимание, взаимоуважение, дружелюбие – покинули их реальность. Космический холод современных русских пробирает до костей. Скулы ломит от их наглости...» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«Кажется, никогда еще нам не лгали так откровенно, бесстыдно, безнаказанно. Кажется, никогда еще ложь не приобретала такого государственного размаха. Но это не так. В многострадальной России лгали всегда – во лжи жили, во лжи умирали... Чечня – терновый наш венец, мы шли к крови неизбежно. И... эта кровь – не последняя. Пока существует безнаказанная ложь – возможно всё...» (Э. Поляновский, «Ложь как средство общения власти с гражданами» // Известия, 1994, 10 декабря);

«Безнаказанность лжи, круговой порукой связавшей невежд и честолюбцев, – вот первопричина наших горьких бед. В стране, отвернувшейся от Бога, вирус безнаказанности лжи вошел в плоть и кровь миллионов. Он по-советски живуч и стоек, и рассчитывать на добровольное от него избавление – наивно. В условиях девальвации всех государственных начал столь же наивно рассчитывать на закон, и все-таки я считаю, что закон против лжи необходим. Так и сформулировать: «Закон против лжи», который бы карал неотвратимо и незамедлительно каждого, будь то государственный муж или рядовой исполнитель». Итак, очевидно, что ложь как явление пронизывает в России государственные структуры и имеет глубинные корни. Однако такие же корни в российском обществе имеет еще и насилие. Насилие над собственным и иноземными народами. А насилие, будучи по своей природе явлением несправедливым, объективно не может обходиться без лжи... Летом 1992 года в России начало вызревать мнение, что свобода может принадлежать только Кремлю, а народам она, мол, ни к чему. Начали реставрировать идею «единой и неделимой России». А разворот нового курса востребовал насилие – проверенный инструмент всякого деспотического государства. Вряд ли те, кто тогда повернул руль государства в прошлое, совсем не желали каких-либо свобод. Они просто надеялись, а возможно, еще и сегодня кто-то пребывает в иллюзиях, что можно всех загнать в одну государственную шеренгу и дать

дозированную свободу. И лозунг под статью большевистскому изобрели – «демократия – не есть вседозволенность». Не могут, видимо, никак русские понять, что имперскость и шовинизм по своей природе не сочетаются с демократией и свободой...» (Лёма Усманов, «Непокоренная Чечня // Политика без морали», <http://zhaina.com/history/page,11,133-lyoma.html>; <http://alexbelousov.sk/4geno/in9.htm>);

«Советская система во многом стала наследницей российской имперскости. Если перефразировать формулу Виктора Черномырдина (какую бы партию мы ни создавали, все равно получается КПСС) – какое государство ни делай, всегда появляется «царская империя» в своих деспотичных размерах. Отсюда мы и наше отличие от многих других стран. Если угодно, у нас исторически имперский тоталитаризм» (Александр Асмолов, из интервью Денису Ермакову «Советский человек оказался на редкость мощной конструкцией», <http://www.profile.ru/obsch/item/121081-sovetskij-chelovek-okazalsya-na-redkost-moshchnoj-konstruktsiej>);

«Российское государство осатанело. Чёрное стало белым, белое – чёрным. Понятия о добре и зле не просто поменялись местами, а размылись до неразличимости. Стало можно всё. Всё что угодно. Худшее, что может проснуться в народе, проснулось. Никогда за всё постсоветское время наша страна не была так идеально готова к фашизму. И это – продукт лжи... Но что может остановить ложь? Что может остановить войну? Что может спасти людей? В Российском государстве сегодня таких рычагов нет. Они выломаны или парализованы. Российскому государству приказали лгать – и оно лжёт, спотыкаясь только на деталях, когда указания об их трактовке не доходят до всех лжецов одновременно. Оно само никогда не остановится... Ложь умножает насилие и смерть. Ложь крадет у народа будущее, лишает его мира в душе и мира в стране. Ложь развращает народ. Но ложь временна. Настанет день, и правда станет известна...» (Лев Шлосберг, «Приказано лгать», http://www.echo.msk.ru/blog/schlosberg_lev/1409822-echo/);

«Модератор Клаус Шваб, создатель Давоса, спросил Клинтона: «Перед вами выступал Путин, и он заявил о поддержке частного предпринимательства. Что вы на это скажете?». Клинтон с понимающей усмешкой взглянул на Шваба, затем, обратившись к переполненному залу, бросил: «Что же, я могу только пожелать ему успеха!». И в его словах было столько сарказма, что зал не выдержал – и рассмеялся. Вот так давосский контингент прореагировал на Путина: он его вежливо выслушал, а затем показал, что он о нем думает. Западные политики и бизнесмены, внимая российскому лидеру, не верили ни одному его слову. Он был для них чужой. Он был для них человеком из другой галактики. Если российская элита сумела в совершенстве овладеть техникой создания видимостей и начала жить в мире созданных ею же мифов, то и западная элита в отношении России и ее лидеров освоила свою технологию «ответного удара», спрятав подозрительность под внешней корректностью и даже любезностью» (политолог, сотрудник Центра Карнеги Лилия Шевцова, «Одинокая держава», <http://www.liberal.ru/articles/4299>);

«Избрание на высший пост бывшего сотрудника КГБ выглядит примерно так же, как выход на свет теневой экономики. Если подлинная, хотя и закулисная власть, как и знание о том, что на самом деле происходит в стране, всегда принадлежали карательным органам, то почему бы эту их власть не легализовать? Как теневая экономика принесла с собой все свои негативные стороны: пренебрежение законом, криминальность, – так и менталитет «органов» окрасит будущие действия власти. Пути и движения по широкому имперскому тракту легко предсказуемы: скорее всего, они выльются в реализацию солженицынской идеи о единстве с Украиной и Казахстаном, Беларусь уже прилепилась – хоть и уменьшенная по сравнению с советской, но империя! И Украину, и Казахстан будут в нее загонять не мытьем, так катаньем, а скорее всего и тем и другим (т.е. насилием и ложью); любителям повоевать, генералам работа найдется. Начнется, возможно, с возвращения России Крыма: всем же известно, что Севастополь – русский город (забудем навсегда, чей город Кенигсберг)» (Игорь Шелковский, «Карате всея Руси», <http://www.kasparov.ru/material.php?id=533608629F4DF>);

«Есть даже пословица: «Слух не является правдой до тех пор, пока его официально не опровергли». – Тут важен менталитет как характерная мировоззренческая матрица, присущая носителям определенной культуры, представителям определенной социальной среды. Это та призма, через которую они оценивают происходящее в социальной среде, – говорит Горбатов. – В нашем менталитете тезис о том, что компетентные органы дают правдивую и исчерпывающую информацию, не распространен» (Алена Лесняк, Григорий Тарасевич, «Зачем нам нужны слухи», http://expert.ru/russian_reporter/2013/37/zachem-nam-nuzhnyi-sluhi/)

И все же психически инфантильному русскоязычному населению более приемлема сладкая ложь, нежели нелюбимая правда:

«В массовых социально-политических опросах мы, естественно, сталкиваемся преимущественно с диалогом «власти» с «людьми» и постоянно убеждаемся в том, что люди не получают полной и правдивой информации от власти, причем достаточно хорошо знают об этом и, более того, довольно охотно мирятся с этим. Или даже, выражаясь известной поэтической формулой, «низким истинам» предпочитают «возвышающий обман»...» (Юрий Левада, «Истина» и «правда» в общественном мнении: проблема интерпретации понятий, <http://polit.ru/article/2006/11/21/levada/>);

«ФОМ попросил россиян оценить работу СМИ. 62% участников опроса больше доверяют государственным, 16% – негосударственным СМИ. 54% считают, что существуют проблемы и темы, информацию о которых допустимо исказить в государственных интересах, 72% полагают, что есть проблемы, при освещении которых допустимо умалчивать информацию в интересах государства. Такие оценки и мнения во многом связаны с тем, что сегодняшняя информационная повестка попадает в резонанс с установками и ожиданиями большинства россиян» (Фонд общественного мнения, «О средствах массовой информации» / «Россияне хотят слышать ложь, поэтому журналисты работают на «благо Родины»», <http://topnews.cn.ua/politics/2014/04/01/9948.html>).

И действительно, пророческими в связи с этим были опасения Сергея Алексеева (Аскольдова):

«Вообще не в разбушевавшихся звериных инстинктах главное зло так называемого «большевистского» переворота и овладения Россией, а в той лжи и в том обмане, в том потоке фальшивых лозунгов и фраз, которыми наводнили сознание народа. Нам уже приходилось высказываться в статье «О связи добра и зла» (Христианская Мысль, 1914 г.), что никогда незаконные действия несравнимы по своему удельному весу в качестве зла с упорной ложью и обманом. Всякие действия, как таковые, могут лишь уродовать и обезображивать внешнюю соматическую сторону общественного и индивидуального организма. Ложь и обман, сознательно проводимые и сознательно приемлемые, уродуют и искажают душу, дают роковой уклон самым корням душевной жизни и, являясь более глубоким слоем зла, делаются уже долговечными факторами будущих незаконий. Слова, в конце концов, больше связывают и закрепляют, чем дела» (Сергей Аскольдов, «Религиозный смысл русской революции», в сб. «Из глубины», 29 апреля 1918 г., <http://www.vehi.net/deprofundis/askoldov.html>).

И ведь с этим-то согласны и многие другие здравомыслящие люди:

«Ложь – это наиболее современная и актуальная форма зла. Феноменология лжи. Чрезвычайное многообразие и тонкость ее форм. Причины ее чрезвычайной актуализации. Философия лжи. Ложь риторическая. Ложь в художественном образе. Ложь в формах серьезности (соединенных со страхом, с угрозой и насилием). Нет еще формы силы (могущества, власти) без необходимого ингредиента лжи. Слепота к смысловому идеальному бытию (независимо от того, знает его кто-нибудь или нет), к смыслу в себе. Обманутого превращают в вещь. Это – один из способов насилия и овеществления человека» (М.М. Бахтин, «Риторика, в меру своей лживости», собр. соч., М.: Русские словари, 1996, – Т.5, – С.63-70, http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_rhetor.htm).

К тому же, во многих случаях сладкая ложь нагромождалась преимущественно потому, что именно ее, а не горькую правду, готово было воспринять с энтузиазмом развращенное лицемерием и умственной ленью русскоязычное примитивное общество:

«Подобные уроки были весьма предметными, их блестяще усвоили те, кто, с одной стороны, презирал своих «предков» за подлинную убежденность, но с другой – подражал им, разыгрывал из себя таких же убежденных, преследуя при этом одну-единственную цель: преуспеть, пробиться к кормушке, к привилегиям. Втайне они осуждали идеалы своих родителей, смеялись над ними, но публично клялись ими. На словах не было для них ничего важнее и святее построения коммунизма, на самом деле они рассматривали членство в КПСС как трамплин к карьере. Они питали собой систему, которая когда-то обещала осуществить человеческую мечту о счастливой жизни, но оказалась обманщицей. В этой системе важно было делать вид, будто живешь счастливо в лучшем из миров. Это общество поставило все с ног на голову, оно требовало от своих членов, чтобы они отвергли все нормы цивилизованных стран, оно требовало лицемерия в масштабах, еще не виданных миром.

Мелкий пример: среди всех возможных привилегий чуть ли не выше остальных ценилась работа за рубежом (особенно на «враждебном» Западе). Но об этом не говорил никто. Более того, когда человек узнавал, что его отправляют «за бугор», он строил кислую мину, тяжело вздыхал, заводил песнь о чувстве долга – мол, если того требует Родина, то я, конечно, готов, но честно говоря, принимаю это поручение с тяжелым сердцем...» (Владимир Познер, «Прощание с иллюзиями // Послесловие», <https://biography.wikireading.ru/59635>; <http://lib.rus.ec/b/364085/read#t10>; <http://www.famhist.ru/famhist/pozner/000ede07.htm>);

«Запад и гнилая интеллигенция – вот, по мнению властей предрежащих, главные источники зла. Узнали мелодию? В борьбе с инакомыслием все средства хороши: подлог, подкуп, провокация. Выслуживаясь перед Москвой и прикрывая свою задницу, доблестные рыцари плаща и кинжала фальсифицируют доказательства, отправляют на нары или убивают заведомо невиновных, подставляют своих и покупают чужих. Двоемыслие пронизывает эту систему снизу доверху. И вот уже подонок и доносчик, юный секретарь комитета комсомола мединститута, с энтузиазмом сотрудничающий с органами, при первой же возможности, оказавшись с институтской делегацией в Хельсинки, драпает вместе с любимой девушкой от сопровождающего группу «особиста», а ратующий на словах за советскую образцовую семью начальник-гэбист с легкостью отказывается от заберемневшей от него сотрудницы, подставляя вместо себя своего адъютанта, которого, впрочем, скоро отправит в тюрьму за исполненный тем ранее его же преступный приказ. На этом кошмарном фоне обычные люди – ничто. Им запрещено даже плакать о своих невинно убиенных родственниках, и они покорно подчиняются и изо всех сил крепятся, чтобы не нарушить запрет...» (Ирина Петровская, «Не тот сериал назвали «Родиной»...», <http://www.novayagazeta.ru/columns/68028.html>);

«Ложь. После тридцатипятилетнего периода «воспитания» советского народа бандитской властью с ежедневной агрессивной пропагандой ЛЖИ советские евреи показали, что обладают наивысшей способностью ко лжи в сферах общественной и производственной и лгут с исключительной легкостью даже тогда, когда во лжи нет особой необходимости. Советскими евреями написано огромное количество лживых книг и статей критического направления на литературные и музыкальные темы, а также на темы, связанные с философией, экономикой и политикой. Абсолютно лживыми следует считать некоторые жизненные правила, установленные советскими евреями, такие как «ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан», или требование соблюдения «правил игры» (Яков Рубенчик, «Советские евреи и я, или «50 лет вместе и раздельно», <http://www.lebed.com/2004/art3643.htm>).

Абсолютно лживым является и правило следования общепринятым парадигмам в науках, приводящее к тупиковому развитию большинства наук и к нагромождениям в них всяческих абсурдов (таких, например, как «Большой взрыв Вселенной», «черные дыры», небарионная «темная материя», «темная энергия» и др.). Очевидно, в следующем заслуживающем внимания утверждении и имеются в виду требования именно этой лживой

этики (псевдоэтики), а вовсе не этики морали:

«Не следует, скажем, ограничивать цели и предмет научных исследований этическими требованиями. Этика аккумулирует опыт прежней жизни, в том числе (а может быть, в первую очередь) опыт пережитых неудач. А наука – это всегда поиск новых возможностей развития общества и его адаптации к окружающим условиям. В поисках (не в употреблении, конечно) не должно быть никаких ограничивающих запрещающих правил!» (академик Н.Н. Моисеев, И.Г. Пospelов, «Направленность эволюции и разум», 1990 г., «Природа», № 6).

Консервации же ложных или же сугубо метафорических научных представлений и основанных на них косных научных парадигм весьма способствует и пережиточная языковая картина мира:

«Язык не только является средством для выражения научных идей и методов, но в некоторых случаях изучающие науку направляются на ложный путь именно благодаря языку, который до сих пор в науке пестрит неточностями, иносказаниями, метафорами, двусмысленностями, противоречиями, и все эти свойства языка часто незаметны именно потому, что освящены исторической традицией» (д.ф.-м.н. Борис Кулик, «Феномен нового знания: постижение истины или сотворение мифа?», ч.1 «Лингвистическая гипотеза научной интуиции», <http://logic-cor.narod.ru/fenom1.htm>).

До сих пор многие «маститые учёные» не в состоянии понять того, что русский научный термин «Большой взрыв Вселенной» вовсе не тождественен английскому термину «big bang Universe», означающему просто «большой бах Вселенной». Ведь это всего лишь мнимое зарождение Вселенной, расширяющейся в мире людей вовсе не принудительно, а вследствие эволюционного уменьшения размера эталона длины в сопутствующей ей фундаментальной системе отсчета пространственных координат и космологического времени (ФСО). И, следовательно, мнимая конечность возраста расширяющейся Вселенной обусловлена отсчётом космологического времени, вовсе, не в сопутствующей ей ФСО, а в мире людей, и именно из-за этого-то и не по равномерной, а по экспоненциальной шкале.

У нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями

И ведь же патологическая лживость русскоязычного людишки давно уже никого не удивляет:

«Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю» (Федор Достоевский, «Дневник писателя // Нечто о вранье», http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/33);

«Мы не имеем надобности лицемерить ради каких-нибудь общественных основ, ибо никаких таких основ не знаем, и ни одна из них не прикрывает нас. Мы существуем совсем свободно, то есть прозябаем, лжем и пустословим сами по себе, без всяких основ. Следует ли по этому случаю радоваться или соболезновать – судить об этом не мое дело. Думаю, однако ж, что если лицемерие может внушить негодование и страх, то беспредметное лганье способно возбудить доуку и омерзение. А потому самое лучшее – это, оставив в стороне вопрос о преимуществах лицемерия сознательного перед бессознательным или наоборот, запереться и от лицемеров, и от лгунов» (Михаил Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы», http://rulibrary.ru/saltykov-schedrin/gospoda_golovlevy/64);

«Чем человек может лгать?.. Тем же, чем и согрешать: словом, делом, помышлением – да, помышлением!.. Человек может думать, чувствовать не так, как свойственно его натуре. Карамзин, например, был прекрасный писатель, но привил к русскому человеку совершенно несродный ему элемент – сентиментальность!.. Из любви мы можем зарезать, зарезаться, застрелить, застрелиться, но ходить по берегу ручья с цветком в руке и вздыхать – не станем! У нас девушка, кинутая своим любовником, поет:

«Изведу себя я не зельем и не снадобьем,
Изведу я горючьими слезами».

Другая, любовница разбойника, говорит, что ей в тюрьме быть:

«А за то ль, про то ль,
Что пятнадцати лет на разбой пошла.
Я убила парня белокурова,
Из груди его сердце вынула,
На ноже сердце встрепенулося,
А я ж млада усмехнулася!»

Совсем уж мы не сентиментальный народ: мы – или богатыри, или зубоскалы...» (Алексей Писемский, «Русские лгуны // Сентименталы», http://lib.ru/LITRA/PISEMSKIJ/ruslguny.txt_with-big-pictures.html#2);

«Советская власть превратила двойное сознание в систему. Хитрость и обман стали нормой, поскольку государство систематически искажало и утаивало информацию. Длительное существование людей в атмосфере полной (частичной) лжи не благоприятствовало распознаванию лжи и правды и способствовало становлению массового повседневного макиавеллизма – убеждения большинства в том, что при общении с другими людьми ими можно и нужно манипулировать. Повседневный макиавеллизм – следствие отношения индивидов к способности распознавать ложь и правду. Причем объективная способность обычно противостоит завышенной самооценке этой способности. Люди, склонные манипулировать окружающими, часто используют обман для достижения своих целей. Существует положительная (у мужчин) и отрицательная (у женщин) связь между отношением ко лжи и правде, самооценкой способности распознавать ложь и правду и макиавеллизмом (женщины более склонны утаивать правду, чем мужчины) (см.: Мещеряков,

Некрасова, 2005). К этому можно добавить, что целые институты эксплуатируют указанную норму...» (Виктор Макаренко, «Политическая бюрократия и народная разведка», <http://bioraf.ru/v-p-makarenko-politicheskaya-byurokratiya-i-narodnaya-razvedka.html>);

«Ходорковский вспоминает 96-й год, тот самый, когда предрекали победу на выборах Зюганову и коммунистам. Ельцин ситуацией не владел, либералы и демократы испугались: неужели вернемся к проклятому большевизму? А что делать, если народ хочет обратно в казарму, – много неграмотных дурней по деревням, живут старыми привычками. И неожиданно сделалось ясно, что демократия, конечно, всем хороша, – вот только народ ей достался неудачный. Что бы такое с ним сделать? Вот тогда и понадобилось вмешательство авторитарных технологий, тогда журналисты превратились в службу власти, тогда циничными методами сохранили Ельцина в Кремле. И то сказать, легко ли строить демократию в стране, где так много народа? Иные полагают, что сегодняшняя беда началась с того обмана. Это правильно и неправильно одновременно. Правильно потому, что именно тогда случился обман, и это плохой фундамент для общества. Неправильно потому, что те, кто обманывал, считали, что делают святое дело, которое обманом не назовешь. Конечно, прогрессивная часть населения несколько подтасовала карты – но ведь не все же прогрессисты были прохвостами. Многие говорили искренне, их слова возбуждали. Для того чтобы обман прошел, надо, чтобы обманщики – богачи, продажные журналисты, политтехнологи – были уверены в том, что к обману они прибегают не ради себя, но ради общего блага. Общий цинизм сделался возможным оттого, что существовал своего рода общий идеализм. Устраивая эти выборы, прогрессисты и либералы говорили друг другу следующее. Мы, конечно, им (то есть народу) врем (факты подтасовываем, телепередачами мозги гробим, коробки из-под ксерокса носим), но мы им врем ради их же собственного блага! Не время объяснять больному историю болезни – надо срочно дать ему лекарство, а как – неважно, пусть обманом. Мы хоть и врем, но в исторической перспективе говорим правду. Руководствуясь гуманной целью, обманывать легко – вот и тогда, в 96-м, участники фарса (продажные политики и денежные тузы) полагали, что произносят святую ложь. Не ради себя стараются – о прогрессе пекутся. Они получили историческую индульгенцию – так им казалось – на ложь и манипуляции с народным сознанием. Эту индульгенцию им дало особое положение думающей, прогрессивной части населения в стране. Прогрессистов и интеллигентов в России мало – а народа много. Что прикажете делать? Приходится выкручиваться – и мухлевать ради блага того самого народа, который дурят. Эту индульгенцию на вранье новому начальству выписала российская интеллигенция» (Максим Кантор, «Казарменный капитализм. Медленные челюсти демократии // Левый поворот Михаила Ходорковского», <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kantor-maksim/medlennie-chelyusti-demokratii/37>);

«Ложь, ложь, ложь... Ложь – во спасение, ложь – во искупление вины, ложь – достижение цели, ложь – карьера, благополучие, ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью как коростой» (Василий Шукшин, «Из рабочих записей», 1969, <http://www.shukshin.museum.ru/author/aphorism.html>);

«Мысль изреченная есть ложь. Если как следует задуматься над этой фразой, то выйдет, что всем нам в поисках правды нужно молчать. Но правда иногда бывает по-стальному холодной, не тешит гордость и не радует глаз... Странное это выражение «ложь во спасение» обязано своим появлением некорректному использованию библейского текста. В церковнославянском варианте (Ветхий Завет, Псалтырь, Пс. 32:17) сказано: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется». Говоря современным языком: «Ненадежен конь во спасение, не избавит великою силою своею». Смысл в том, что, случись что, и конь добрый не спасет, коли нет на то воли божьей» (Мария Крупнова, «Над пропастью во лжи», 11.01.2011, <https://elle.ua/otnosheniya/lubov-i-seks/nad-propastyu-vo-lzhi/>).

Благодаря лишь этому ложному переводу на русский язык библейского текста Православная Церковь невольно и навязала русскоязычному населению ложную «добродетель» – «ложь во спасение». Однако же любой ложью, как правило, и «спасается» что-нибудь и, в том числе, и сама лживая идеология, господствующая в государстве. Вот, именно так, основываясь на формализме православия, русский язык и закрепил в русскоязычном примитивном обществе возможность оправдания любой лжи:

«Ныне в России носят кресты напоказ, чтобы всем было видно. Носят государственные деятели и столпы бизнеса, носят отъявленные бандиты. Меня отвращает не вера как таковая, пусть я и не согласен с ней, меня отвращает вера «как бы», вера «лайт». У меня нет ни малейшего сомнения, что если бы завтра вдруг по мановению волшебной палочки вернулся к власти Сталин, все эти воцерковленные дамы и господа заменили бы свои кресты на другие символы со скоростью молнии, смазанной маслом. Ложь, лицемерие – вот чем охвачено российское общество сегодня, вот что произошло и продолжает происходить... 24 сентября Пу и Му, как их стали называть, объявили о том, что они с самого начала договорились, будто Пу вернется через четыре года. И это – смачный плевок в лицо всего российского общества. Четыре года мы думали-гадали, четыре года они разыгрывали фарс – мол, размышляем, время покажет, а на самом деле все было решено. Нас принимают за быдло, за дураков, они убеждены, что «пипл хавает» все. А потом состоялись «выборы» в Государственную Думу, выборы, неслыханные по количеству вранья, по уровню фальсификации, выборы настолько не приемлемые, что общество восстало – не все общество, конечно, но значительная его часть» (Владимир Познер, «Прощание с иллюзиями // Эпилог», <http://esxatos.com/vladimir-pozner-proshanie-s-illyuziyami>; <http://ogrik2.ru/b/vladimir-vladimirovich-pozner/proshanie-s-illyuziyami/11226/epilog/12>).

Не избежала этой же участи и «обрусевшая» за советское время Украина

«С горечью приходится констатировать, что бесспорным лидером среди отрицательных качеств ставших, кажется, отличительной чертой национального характера жителей Украины стала лживость. Это неприглядное явление получило повсеместное распространение не только в быту, но и во всей внутренней и даже внешней политике государства. Об этом, например, свидетельствует публикация под весьма красноречивым

наименованием «Враньё, как инструмент власти». В ней, в частности, утверждается, что «украинская политика – это пример удачной лжи. Большинство из того, что звучит из уст украинских политиков – почти стопроцентная ложь. Декларации, концепции, обещания, политические программы и коалиционные соглашения – просто прекрасно сформулированная ложь. Даже на прессконференциях и политических шоу политики цинично лгут нам в глаза, не краснея и не упрекая себя за это. В лучшем случае, они не дают ответ на прямые вопросы или просто переводят стрелки на других. Украинская жизнь переполнена ложью. Она дома, на работе, рекламе, транспорте, магазинах...» («Украинская правда», 25.12.2008 г.) (Александр Мучник, «Философия достоинства, свободы и прав человека», http://samlib.ru/m/muchnik_a_g/book1954.shtml);

«В некоторых случаях я выступал от имени Соединенных Штатов и правительства. Украинские лидеры всегда соглашались со мной. Уверяли в том, что будут все делать и понимают необходимость и полезность предлагаемых шагов. Но они никогда не делали того, что обещали! В этом заключается особенность поведения украинской власти. По всей видимости, на нее влияет политическая культура, являющаяся продуктом последних 400 лет. Мы всегда слышим «да» и практически всегда видим ничегонеделание» (Збигнев Бжезинский: «Россия будет стремиться к более шовинистическому стилю политического самоопределения», из интервью Юлии Мостовой, «Зеркало недели», <https://www.obozrevatel.com/news/2005/12/3/67269.htm>).

Как видим, русская языковая картина мира все еще продолжает оставлять свои уродливые отпечатки не только на менталитете украинцев, но даже и на самой украинской ЯКМ, часто лишь калькирующей заключенные в ней мировоззрения. Долго еще украинцам придется бороться с последствиями четырехсотлетнего влияния на них «братской» быдлотворной русской ЯКМ, вырывая с корнем из украинской лексики многие русские заимствования.

Наиболее же склонными к лицемерию и лжи являются чиновники

«Если говорить честно...», «По правде говоря...» – вот традиционные «зачины правдоговорения», которым, впрочем, доверять не следует: как раз после них соврать могут самым бессовестным образом. Чиновник любого ранга просто не понимает, как это – говорить «как есть», в его понимании государственные интересы требуют как раз обратного. Оставим дела государственные – на бытовом уровне практически никто не приспособлен говорить правду даже близким людям. Все врут без всякой нужды – совсем по Достоевскому, вдохновенно и без корысти, из любви к искусству вранья, из полного неумения и нежелания говорить правду. Просто нет такого у нас в заводе – правду говорить. При этих обстоятельствах утверждать, что именно мы являемся обладателями «высшей правды» не приходится: куда уж до высшей, если обыкновенной нет, если не можем преодолеть повседневную тягу ко вранью. Нечего надеяться (хотя многие ждут этого), что из нашей мелкой, средней и крупной лжи получится «великая русская правда», которой

удивятся все народы и которой придут они поклониться» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Русский чиновник – ужасная личность. Что будет впереди – еще неизвестно, а до сих пор он был естественный злейший враг народного благосостояния» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 18 августа 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Чиновники – «за бумагой человека не видят». Так это и есть писатели! Писатель – чиновник в его развитии, содержательный чиновник, бюрократ содержания. А читающая публика в России, костяк её? Да конечно чиновничество. Не крестьяне же, не купечество. Дворянство вольное по усадьбам – какие уж тут книги. Так, иногда разве. Не то настроение – чтение занятие городское. Военные – тоже не до этого. Студенты с их полуштофами, кастетами и брошюрами – куда им. Дай Бог учебник перед экзаменом пролистать. Вот и выходит, что костяк читающей публики – чиновничество. Привыкшее к бумагам, письменной речи, печатному слову. Гоголя читали Акакии Акакиевичи. О чём Достоевский и сказал. Его Макар Деушкин в «Бедных людях» читает «Шинель». И читает именно с чувством, что это про него написано. Тут вовсе не насильственный литературный приём, а, пожалуй, определённый символический образ русской читающей публики...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны – и всё это без всякой надобности. «Тем не менее» и «По мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплеываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно...» (Антон Чехов, Письмо Суворину А.С., 24 августа 1893 г. Мелихово, <http://chehov.niv.ru/chehov/letters/1892-1894/letter-1336.htm>);

«Пока на зарубежных оппозиционных форумах ведутся жаркие дискуссии о том, какой же все-таки в сегодняшней России режим: авторитарный или тоталитарный, внутри вертикали власти наблюдается буйное, ничем не ограниченное словоиспускание, которое опытный психиатр тут же квалифицировал бы как логорею... Путинская Россия никакой не СССР. И никакой не Третий рейх. Это фашистский режим нового типа. В нем нет свободы слова даже не потому, что за слова сажают (хотя и сажают тоже, избирательно). Свободы слова нет потому, что путинская Россия находится по ту сторону от слов. В путинской России слова вообще мало что значат» (Игорь Яковенко, «Вертикаль власти и чиновничья логорея», <https://www.kasparov.ru/material.php?id=5DDEA864D500B>);

«Наш общественно-политический язык неразвит, беден, неточен, не способен передавать нюансы. Любое выражение на нем – пошлость, любая мысль – обман. Это язык Элочки-людоедки, с той разницей, что на нем говорит вся страна. В результате мы не способны ни разобраться в том, что происходит в стране, ни привлечь знания из окружающего мира, ни обратиться к своему прошлому, ни построить свое будущее». (Виталий Найшуль – президент Института национальной модели экономики, «Назад в

В «Двенадцати стульях»
Ильф и Петров
Взяли ее на заметку –
Владевшую
Жалким десятком слов
Эллочку-людоедку.
Теперь она
Говорит не так,
И мы содрогаемся, слыша
Полублатное словечко «чувак»,
Заменившее слово «парниша».
Ирма – подружка –
К ней забежит.
Прическа понравится Ирмина.
И Эллочка
В буйном восторге
Визжит:
«Ты причесалась фирменно!..»
И тут же –
Только бы ей не отстать! –
Похвастается, наверное,
Что вот, мол,
Туфли сумела достать:
«Каблучки-то, гляди... современные!..»
Когда кавалер ее плоско сострит,
Он пасти закрыть не успеет,
Как Эллочка бодро ему говорит:
«Гениально! Двадцать копеек!..»
Тряся телес розоватых желе,
Которому жарко и тесно,
Эллочка в танце шепчет:
«Преле!..»
(Что означает «прелестно»)
На улицу выйдет она из кино
И вам сообщит доверительно,
Что в фильме
Не все ей понравилось,
Но...
Все-таки было «волнительно...»
Поведайте ей,

Что подобных слов
Нет ни в стихах, ни в прозе,
Ответ у Элочки сразу готов:
«Вы это на полном серьезе?..»
Русский язык
Могуч и велик!
Из уваженья к предкам
Не позволяйте
Коверкать язык
Элочкам-людоедкам!»

(Владимир Лифшиц, «Элочка», <https://ironicpoetry.ru/autors/lifshits-vladimir/ellochka.html>).

Неизбежность всеобъемлющей и тотальной лжи заложена в самом русском языке

И неизбежность этой всеобъемлющей и тотальной лжи уже заложена в самом русском языке, так как согласно ему искренним может быть лишь только близкий Вам человек, а вовсе не любые ваши сограждане (др.-киев. «искръ» – близко, «искрънь», ст.-слав. «искръ», «πλησίον», «искрънь» – ближний, болг. «искрен», сербохорв. «искрънь», словен. «iskar» – рядом, «iskrè» – то же, «iskrnji» – близкий, – Фасмер). И, следовательно, ни правители и ни любые государственные чиновники не могут быть искренними тем более. Для подсознания – это незыблемая истина. И, поэтому-то, русскоязычному человеку и можно лгать всем не очень близким ему людям абсолютно без зазрения совести. К тому же врагам, пусть даже и являющимся близкими вам людьми, в русской ЯКМ можно лгать и вполне сознательно:

«Хм, первый раз задумалась над этим словом, почему – не знаю. Часто слово «близкие» употребляют в контексте друзья и родственники, но... Ведь близкими могут быть не только они. Ведь недоброжелатели и даже враги тоже многое о тебе знают, они могут быть... близкими. Не зря же есть высказывание – «Держи друзей близко, а врагов еще ближе», ведь так?» (Дария, «Близкие... Это как?», <http://www.proza.ru/2012/04/07/135>).

И как же тогда не воспользоваться тем, что даже совесть позволяет? Ведь оправдание любой лжи всегда легко можно найти. И если даже связанные семейными узами русскоязычные челядишки не доверяют друг другу, то о каком же тогда их доверии можно говорить к не близким (то есть не к родственным, а к посторонним) им людям:

«...«Способность отождествлять себя с другими членами общества, сопереживать, радоваться успехам другого и огорчаться неудачам – вот что определяет доверие. В большинстве отсталых стран радиус доверия преимущественно ограничен семейным кругом. Все, что находится за пределами семьи, обычно вызывает чувство безразличия и даже враждебности. Для такого рода обществ обычно характерны непотизм (кумовство, семейственность, – П.Д.) и другие виды коррупции...» Ничего не напоминает? Ни на что не похоже?» (Андрей Кончаловский, «Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс», <http://www.liberal.ru/articles/4960>);

«К сказанному следует добавить, что за годы реформ в обществе выработалось ожидание оказаться непременно обманутым. Подобное ожидание порождает крайний индивидуализм. В отличие от прошлых времен люди не готовы ничем сознательно жертвовать во имя общего блага. «Блестящий» пример в этом подают представители элиты, поведение которой сводится к приватизации прибылей и национализации убытков. Рынок воспринимается как политическая борьба мафиозных кланов, а собственность – как кража (буквально по Прудону!). Общество превращается в безвольную асоциальную массу, отвечающую на реформы вымиранием. Это – общество подавленное, приземленное заботами о выживании, не видящее перспективы и боящееся будущего. Наблюдается феномен «черного сознания» – резко негативной самооценки. Упомянутые черты характера и поведенческие реакции, порожденные средой существования, закрепляются в подсознании и создают «скотские» элементы менталитета, далекие от альтруизма и способности к самопожертвованию – основных свойств, отличающих человека от остальных животных. Существенна также и такая черта менталитета, как запоздалая самоидентификация, что обуславливает слабую способность к самоорганизации. Поэтому в России все решают личности, коллективизм носит пассивный характер: поведут – пойдём, нет – будем сообща сидеть и ждать, «гори все синим пламенем» (Доктор эконо. наук Людмила Мясникова, «Российский менталитет и управление», <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-49-33>).

Крайний индивидуализм на фоне мнимого коллективизма

В русской ЯКМ даже отсутствует такое понятие как укр. «толока» – «совместный труд для быстрого выполнения большой по объёму работы, на которую созывают соседей, родственников и знакомых (без оплаты, а за угощение)». И к тому же, русский язык вообще не допускает совместной (укр. «спільної») творческой работы нескольких её исполнителей, находящихся в разных местах. Все исполнители совместной работы согласно русской ЯКМ должны быть согнаны в одно место. Сообща же в русской ЯКМ можно совершать лишь преступления. Если укр. «спільник» это – тот, кто участвует совместно («спільно») с кем-либо в чём-нибудь, то сообщник, как и поделник, это – «соучастник преступного замысла или деяния» (Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1035322>).

Поэтому-то нисколько не удивительно и то, что на самом деле в России все решают лишь личности, а коллективизм же носит лишь пассивный характер:

«В 2008 году было проведено Европейское социальное исследование (ЕСИ), которое дало ответ на вопрос о доверии людей друг к другу. У нас патриоты красного и коричневого оттенков любят говорить о природном коллективизме русичей, подразумевая под этим некую общинность, родственность и единение граждан. Хрена лысого! Упомянутый опрос показал, что уровень недоверия россиян друг к другу находится на позорно высоком уровне. А уровень их контактов с друзьями – на позорно низком уровне. Какой уж тут коллективизм, коли человек человеку волк! Любопытно, что опрос фонда «Общественное мнение» (ФОМ)

это подтверждает. Во время опросов ЕСИ уровень коллективизма оценивали по 10-балльной шкале. Россия получила 4 балла, Дания – 7. После результаты опросов нанесли на карту, при взгляде на которую видишь, что в темные, мрачные цвета гражданского недоверия закрашены страны диковатые, типа Турции, и те страны, где пытались строить социализм – Россия, бывшие советские республики и страны Восточной Европы. В отличие от светлых стран Западной Европы, где, как мы с вами прекрасно знаем со слов посконной прессы, сплошной капиталистический индивидуализм, атомизация общества и отчуждение людей друг от друга. Как выяснилось, все совсем наоборот. Отчуждение – у нас. Тотальная подозрительность и недоверие к собственным согражданам – это и есть наш «ценностный код»...» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», <http://flibusta.site/b/338639/read>);

«Русский и начинает суетиться, когда уже на улице оказывается. На русской улице нельзя жить. Как подует ветерок «вдоль по Питерской», с позёмочкой, станешь во все двери стучать. А двери-то запертые. В конце концов, и достучишься, возьмут в дело – но на звериной, механической основе. И выжмут всего, без остатка. У русских тяга к коллективной жизни, без этого нельзя в таких условиях, не выживешь. Но жизнь эта – не мафия, не кагал, в которых большое значение имеют человеческие, неформальные связи – связи родственные, семейные. Нельзя назвать такую жизнь и чисто официальной связью, договором со строгим распределением прав и обязанностей и включённостью в дело «постольку поскольку». У русских – партия: вверился и не оглядывайся. И вершина партийного (опричного, чужого) дела – сверхпартия, то есть государство. Государство обогреет, даст кров. И возьмёт всё. И с ним, со стихией-то, не поспоришь. Тут странное сочетание крайнего индивидуализма, анархизма и крайних форм зависимости...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«...различие между китайским и японским конфуцианством привело к возникновению нескольких важных различий в политических культурах этих двух стран – различий, которые необходимо учитывать, размышляя о перспективах западной демократии в данных странах. При наличии прочных внутрисемейных связей в традиционном китайском обществе, связи между людьми, не находящимися друг с другом в родственных отношениях, относительно слабы. Другими словами, в китайском обществе наблюдается относительно высокая степень недоверия между людьми, которые не являются родственниками. Китайцев можно назвать ориентированными на семью, но нельзя назвать ориентированными на коллектив, как часто говорят о японцах. Из-за конкуренции между семьями западным наблюдателям китайское общество часто кажется более индивидуалистическим, чем японское общество. На этом наблюдении основывается известное сравнение: в то время как японцы похожи на гранитную глыбу, китайцы – как лоток с песком, где каждая песчинка представляет отдельную семью (Фрэнсис Фукуяма, «Конфуцианство и демократия», <http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-25/fuku.htm>);

«Россия – царство лжи. Ложь – в общине, которую следовало бы назвать мнимой

общинной. Ложь – в помещике, священнике и царе. Крещендо обманов, мнимостей, иллюзий! Что же такое русский народ? Сообщество людей или еще не организованная природная стихия? Может быть, это песок, летучая пыль, подобная той, какая, взметнувшись в воздух и носится над русской землей? Или все-таки вода, подобная той, что во все остальные месяцы превращает этот безрадостный край в обширное грязное болото либо ледяную равнину? Нет. Песок куда надежнее, чем (легко атомизирующийся, – П.Д.) русский народ, а вода далеко не так обманчива...» (Жюль Мишле, «Польша и Россия. Легенды о Костюшко», 1851 г., цит. по: «Демократические легенды Севера», <http://www.strana-oz.ru/2007/5/demokraticheskie-legendy-severa>);

«Отечество, Россия – это одно. Современное русское общество, администрация русская – это нечто другое. Сколько у меня уважения и преданности интересам первой, столько же глубокого презрения к обоим последним. В отдельности много у нас есть людей и умных, и достаточно просвещенных, и благородных. Но взгляните на то, какие интересы преследуются целыми массами людей, какими стремлениями они воодушевляются, на весь порядок, на крайнюю бестолковость этих масс, на мелочность, на отсутствие всяких общечеловеческих и общенародных принципов – и вы увидите, что тут вовсе нет того, что называется духом общественным, а господствует крайняя разъединенность видов и взглядов во всем, что касается общих целей и интересов. Вас изумит несостоятельность, пошлость тех самых лиц, которые в своей единичности представляются людьми, достойными сочувствия и уважения. Очевидно, общие задачи, которые бы возвышались над частными эгоизмами и видами, еще у нас не выработались. Как скоро отдельные личности соприкасаются друг с другом, их ничто высшее не связывает, и они бегут врозь, каждый гонимый своим самолюбием или житейскими расчетами... Наше общество похоже на огромный резервуар, наполненный бродящею кислотой. Что ни вбрось в него, все тотчас разлагается и только усиливает брожение» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 26 апреля 1872 г., 25 сентября 1973 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Всё грязное, больное и гнилое,
Что в рабстве родилось от унижения
Сегодня распустилось в удалое
Гуляние российского брожения»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/04.htm>);

«Мне смотреть интересно и весело,
Как, нажав на железные своды,
Забродило российское месиво
На дрожжах чужеродной свободы»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>).

Поэтому-то, если сравнивать Россию с Японией (гранитной глыбой) и с Китаем (лотком с песком), то очевидно следует рассматривать её как в виде резервуара с бродящею

кислотой, так и в виде сосуда Дьюара с жидким азотом, не способным мгновенно атомизироваться из-за «насильственного» удержанию его в жидком (холодном – «холопском») состоянии. Лишь благодаря, как привитию психической инфантильности большинству русскоязычных людей (с помощью бессознательных лингвопсихических установок быдлотворной русской ЯКМ), так и их зомбированию («отморозке» лобных долей полушарий мозга средствами массовой дезинформации) и способны власть имущие консолидировать и удерживать весьма подверженных брожению русскоязычных россиян в «подмороженном» (согласно Струве и Устрялову), а то и, вообще, – в скотоподобном состоянии (быдлчестве). И это, ведь, – аналогично также и тому, как магнит поляризует и удерживает железные опилки в сгусткообразном состоянии (комке):

«Да, запахло морозцем, но «подмороженность» – как говорил, кажется, Победоносцев, – лучшее состояние для Российского государства... Чтобы, так сказать, «не протухла»... Русская ментальность безгранично неприспособлена и лишена буржуазного накопительского инстинкта... Призыв к предпринимательству не рождает в русской душе немедленного желания бурной деятельности и разбогатеть...» (Андрей Кончаловский: «Чем дольше будет Путин, тем лучше», из интервью Дмитрию Быкову, <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20171017-andrey-konchalovskiy-chem-dolshe-budet-putin-tem-luchshe>; <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/politica/1088059.html>);

«... сталинский массовый террор 1937–38 годов и усиление репрессий в 1949–53 годы на самом деле являлись средством перевода вполне покорного советского общества в иное «агрегатное состояние»? И с последствием пребывания в этом состоянии мы сталкиваемся до сих пор – с маниакальным страхом перед властью, с полным пренебрежением со стороны власти правом и приличиями (как только она избавляется от общественного контроля), а также с невиданной социальной атомизацией» (Евгений Ихлов, «Террор в России как элемент Гражданской войны», <http://ehorussia.com/new/node/11886>).

С другой же стороны аутичное и психически инфантильное русскоязычное население подобно глине или же пластилину, из которых можно слепить всё, что угодно бутафорное и, следовательно, – лишь недееспособное:

«За время Ига Русь (точнее Залешанщина-Московия, – П.Д.) стала прахом. Глиной. Из нее можно было создать все, что угодно. Нас создал Иван Грозный. Как он запряг, так мы и поехали. И едем до сих пор. Он создал нас с маятником маниакально-депрессивного психоза внутри, по образу и подобию своему. Иван IV был психом, но не в медицинском плане, а в политическом. Бог сотворил Адама из глины по своему образу и подобию. Нас сотворил политический безумец, исторический маньяк, деспот-теоретик, потому что мы были к XVI веку глиной, весьма пригодной для подобных экспериментов. «Ибо прах ты, и в прах возвратишься». Победенные климатом, историей, роком, геополитическими факторами, Ордой, зимними бескрайними пространствами, византийством, Диким Полем, славяне (точнее, всего лишь, славянизовавшиеся туранцы, – П.Д.) похоронили в себе древних скандинавов, викингов (впрочем, те, кто был на них похож, предпочли смерть Игу). Русским оставалось еще одно последнее поражение: поражение от жесткой порфиры государства, от

оседлавшего их деспотизма, после чего славянский мустанг превратился в покорную клячу со стертым хребтом и разбитыми копытами, делившую свой век между пашней и живодерней. У Ивана IV периоды запойных, диких, нечеловечески жестоких репрессий, изощренных казней и пыток перемежались с периодами упадка духа. С XVI века мы существуем по законам маниакально-депрессивного психоза, ставшего лет через сто уже национальным характером. «И перед властью презренные рабы...». Перед твердой и жестокой властью. Перед слабой властью – разнузданные анархисты, разбойнички, воры, из социального аутсайдерства шагнувшие в перманентный мятеж неврастеников, сдирающих шкуру с той власти, которая проявляет человечность и цивилизаторские наклонности, однако целующие стремя и хлыст у каждого свирепого и злобного автократа, или у каждого реформатора с петровским бешеным нравом и петровской железной рукой. Но ослабевшая вождя тут же попадает маниакально-депрессивному народу под хвост, и бешеные кролики, еще вчера довольствовавшиеся морковкой, выдаваемой по карточкам, жаждут крови и человеческого мяса, как в 1917 году, как в октябре 1993 года (когда они готовы были сжечь Москву, но не жить по-человечески), как 12 декабря 1993 года, когда бешеные кролики проголосовали за мировой пожар...» (правозащитница Валерия Новодворская, «Россия №6», «Новый взгляд», №1 от 15 января 1994 г., <http://www.ds.ru/vnstat.htm>);

«Извечно человеческая глина
Нуждается в деснице властелина,
И трудно разобраться, чья вина,
Когда она домялась до гавна»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Путин давно убедился, что народ пластилин и с ним можно делать все, что угодно. Вы знаете, что сегодня обнародовано, что русский народ самый счастливый в мире? И когда Путин приехал в Абакан и встречался с погорельцами, потерявшими все, – во многом по вине власти, которая не предотвратила эти пожары из-за разрушения системы Лесхозов и взаимодействия органов управления лесным хозяйством с органами управления по чрезвычайным ситуациям. А народ говорил, что все хорошо и благодарил великодушного Путина. Я не утверждаю, – это моя точка зрения, я лишь пытаюсь транслировать мое понимание точки зрения Путина. Проблем с русским народом уже давно не существует. Падение курса рубля, инфляция, духовные скрепы, которые уже всех достали, – все это приводит к росту рейтинга Путина, который объяснил уже и на декабрьской пресс-конференции, и недавней «прямой линии» с народом, что – ребята, во-первых, мы все вытерпим и выдержим, ибо нам на миру и смерть красна...» (Станислав Белковский, из интервью на «Эхо Москвы», <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1534116-echo/>);

«А вот взять за жабы местную власть и добиться, чтобы было так, как ты хочешь – это как будто бы не про нас. И тут, конечно, не обошлось без нашей прекрасной либерально-демократической оппозиции, которая, как только люди начинают ставить вопросы, касающиеся своих конкретных ситуаций, ахает и разводит руками: «Ай-ай, они же быдло,

они продолжают любить Путина! Мы не будем им помогать! У них там, у быдла, Сталин на фотографии, они ему идейно близкие». И дальше в том же духе. Знаете, меня всегда поражает, насколько наша власть и наша либеральная оппозиция похожи: у них одинаковое презрение к людям и похожая риторика...» (психолог Людмила Петрановская, из интервью Катерине Гордеевой «До конца года люди поймут, что мы внутри необратимого падения вниз», <http://ehorussia.com/new/node/12057>);

«Я предложил шахтёрам: Не ждите, что кто-то добрый за вас решит проблемы. Выдвиньте своего человека и предложите разным партиям, любым, кто возьмёт. Мы – возьмём. Только давайте так, если в Думе начнёт налево и направо собой торговать – сами с ним разбирайтесь. Нам нужны такие, чтобы потом не продавались... Знаете, что они мне отвечают? «Таких, чтобы не перепродавались, не бывает». Что мне осталось им сказать напоследок? Нечего плакать. Если у вас таких не бывает, то вам ничего не остаётся, кроме как идти и сдаваться тем, у кого такие бывают – китайцам, японцам, американцам... Если общество не способно бороться с предательством – оно просто будет стёрто с лица земли. Это – то главное, что, похоже, наши люди ещё не осознали» (Юрий Болдырев, «Единомышленники», <http://yuriboldyrev.ru/>);

«...«Точка невозврата» – один из самых эмоционально ярких образов российской оппозиции. Термин появился, видимо, как ответ на лозунг власти («новояза») о том, что существует некое дно, на которое надо опуститься, чтобы начать подниматься и подняться выше прежнего. Эдакая политология утопленника, точнее – политология службы спасения, которая раскрала спасательные круги, катера, приватизировала пляж и реку и строит на нем себе дворцы, с нетерпением ожидая, когда купающиеся, которых не удалось выставить полиции, упокоятся на дне... Среди «точек невозврата» фигурируют отмена Юрьева дня, Октябрьский путч («С Россией кончено» – Волошин), воцарение Сталина и так далее вплоть до совсем уж смешного современного: точкой невозврата нынче называют угасание оппозиционного движения 2011–2013 годов. Помилуйте, Октябрьский переворот – это все-таки было серьезно, это были идеи, это были позиции, в том числе вооруженные. А «белоленточное движение» изначально не могло победить, по определению, потому что оно все было чрезвычайно инфантильным, аполитичным и подконтрольным тому же Кремлю... Да, власть умная – она прежде всего запретила идеи, объявив их «экстремистской деятельностью». Ну и что, будем эволюционировать в прыгунов за бананами? Нет уж, и тут должна быть точка, точнее, точки невозврата. Даже многоточие невозврата. Чтобы потом не удивляться, отчего это во всем даже цивилизованном мире нарастает мутная волна фанатизма, озверелости, бездумности. Никакими дамбами и войнами эту волну не остановить, а точкой можно. Потому что и волна варварства начинается не сверху, а из точки, из напуганного человеческого сердца, которое ищет спасения в единстве запрещения, безыдейности, бесконечных уступок лжи и прочего политразврата, а единство-то – в прямо противоположном направлении» (Яков Кротов, «Точка невозврата», <http://www.svoboda.org/content/article/27891462.html>);

«Заглянул в интернет, туда, где публикуют свои аналитические статьи лучшие российские комментаторы. Многие пишут о «точках невозврата». Кто-то считает поворотным пунктом истории России разгон НТВ, кто-то Курск, другие – Беслан, Норд-Ост... Все заканчивают свои разборы так: «Еще один шаг и мы на краю катастрофы!» Меня давно тошнит от этого «края». О чем вы? Какие точки невозврата? Какой край пропасти? Сколько можно себя успокаивать? Сколько можно врать самим себе? Россия погребена уже почти сто лет под слоем кровавой лавы. И эта лава заливает сейчас последние норы, дыры и пещеры, в которых сидят современные российские нестыры и аввакумы. Русский Апокалипсис взорвал Россию, и ждать ростков новой российской культуры придется не одно столетие» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«Заметьте, даже об обществе, в котором живём, мы имеем сегодня очень приблизительные сведения. Говорим о каких-то средних классах, о правовом обществе, берём элементы чужих теоретизирований. А у нас среднего класса нет и быть не может, у нас социум структурирован иначе, он аморфен...» (Фёдор Гиренок, из интервью Альфии Булатовой «Философия – личностный акт», http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=16712#.WAuFwk86HGg).

Живя в лживом примитивном обществе, человек не без основания опасается шарлатанов и ему становится весьма подозрительным любое настойчивое убеждение его в чем-либо и, тем более, если оно сопровождается еще и какими-либо доказательствами:

«Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательнее истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины» (Николай Бердяев, «Философия свободы», – М.: Правда, 1989, http://philologos.narod.ru/texts/berd_lang.htm);

«Что касается верности слову, то русские большей частью считают его почти ни по чем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. Поистине можно сказать, что от большого до малого, всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам русских была до сих пор главной причиной язычества татар и их отвращения от христианской веры» (Джилльдс Флетчер, «О государстве Русском», <https://www.rulit.me/books/o-gosudarstve-russkom-read-7234-35.html>);

«Она сказала: – Когда я умру, принесешь мне на могилу букет желтых лилий? Они твои любимые... – Что за ерунду ты говоришь? тебе еще жить и жить! – Обещай, что принесешь.. – Люба, не говори ерунды! – Пожалуйста... – Ладно... Зачем так беречь сердце, а я ведь чуть не поверила... мы даже не подруги... Так, знакомые... Дааа, а я такая доверчивая,

поверила, а она всем эту байку рассказала! И чего же я такая добрая?» (Дария, «А потом все оказалось враньем», <http://www.proza.ru/2012/04/06/91>).

В то время как укр. «переконання» – это, всего лишь, сформировавшиеся на данный момент взгляды на что-либо, то соответствующее ему русское «убеждения» – это, прежде всего, способы навлечения беды на всех несогласных с ним:

«Многие считают, что убеждения облегчают жить, фильтруя новую информацию и приспособливая ее под наше мировоззрение. На самом деле убеждения препятствуют восприятию нового, поскольку накопленный комплекс убеждений является мощной защитой от новых ценностей или идей. Они не развивают нас и способствуют окостенению, а не гибкости ума. Ради убеждений люди шли на каторгу, на костер, на смерть, несмотря на то, что многие «великие идеи» потом были признаны ложными. Понимая деструктивную силу убеждений, тоталитарная власть внедряет их в головы народонаселения как сладкую отраву. Я называю это зомбированием «убеждениями». Фанатизм, экстремизм, терроризм – ярчайшие примеры того, когда «поступают по убеждениям», и одновременно – психотипы личности «самозабвенных», «исступленных» и «изуверов», принимающих головные иллюзии за всю реальность... Я отнюдь не утверждаю, что любые ментальные проекции разума являются опасными химерами, но вижу коварность убеждений и «нерушимой веры» в нежелании или неспособности «убежденных» подвергать сомнению коренные основы собственного мировоззрения, проявлять гибкость ума, искать новые и неисхоженные пути. Я уж не говорю о том, что многие системы убеждений, особенно в переломное время, вытягивают из человека энергию и мешают ему заглянуть глубоко в себя» (Игорь Гарин, «Опасность убеждений», <http://www.proza.ru/2016/05/28/956>).

Русский язык через подсознание подсказывает человеку, что убеждающий хитрит и желает посадить его в беду:

«Убедить – кого, посадить в беду. Убедила меня смерть жены!» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка», <http://dal.sci-lib.com/word040460.html>);

«В «Лексисе» Лавр. Зизания (1596) слово «убеждаю» поясняется через «примушаю» (т. е. «принуждаю»), «убеждение» – через «примушение» (Сахаров, «Сказания русского народа», 2, с. 132)... Ср. также в комедии «О Сарпиде духе Ассирийском, о любви и верности» (Петровских времен): «Лутчи дурак валяйся со свиньями: Да не будеши убежден страстями» (Виктор Виноградов, «История слов», http://wordhist.narod.ru/ubedit_ubegdenie.html);

«Все те же фатализм, алогизм и релятивизм позволили русским создать цивилизацию там, где у других народов давно бы опустились руки. Но эти же свойства обрекают эту цивилизацию на очень непростое, непрямолинейное развитие с вечными катаклизмами и хождениями по историческому кругу... К сожалению, на «европейском пути» между точкой выбора и пунктом назначения лежит огромная дистанция, которую надо преодолеть, сообразуясь с реальным, а не вымышленным культурным рельефом. Иначе можно врезаться

в какой-нибудь незамеченный исторический склон и разбиться насмерть... Русские «западники» хотят убедить русский народ в полезности европейских ценностей, надеясь на его рациональный выбор. Учитывая описанные выше ментальные особенности этого народа, сторонникам «теории рационального выбора» придется очень долго ждать. Русский народ, как женщину, надо не убеждать, а впечатлять. Иначе получится как у Сергея Довлатова: можно долго рассказывать русскому народу о его прекрасном европейском будущем, приводить разумные доводы, делать экономические выкладки, рисовать таблицы и графики и, в конце концов, обнаружить, что ему просто противен тембр твоего голоса...» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«Розанов как-то не понимал, что если «тоска» не появляется на лице у немца, то это не потому, что другая (ущербная) культура, а потому, что другая физиология (сформированная в процессе созревания лобных долей полушарий коры головного мозга совершенно иной ЯКМ, – П.Д.). Другое не мировоззрение, а мироощущение. И если «окультурить» немца еще больше, то за счет логоса, за счет романтичности немецкой мысли, появится и тоска, и Бог, и сострадательность. Не душевная, но духовная. У русских же совсем не так. Хамство по-русски не от недостатка души, а от недостатка культуры (и не только культуры общения, но и культуры сомнения, – П.Д.), образования. Путь самопознания по-русски – это сохранение связи со своей несчастной и тоскливой душой. Самопознание по-немецки – это разрыв с физиологическим уровнем, уход в метафизику, науку, искусство (мастерство). Вообще это западный и восточный путь к Богу – через слово и через молчание. «Поговорим о Боге» и «помолчим о Боге». Я и сказал, что русская душа – «Ленинградская симфония наоборот». Это антипод Германии, у которой в душе флейта и барабан, в разуме – божественная музыка. Моцарт, Бетховен, Бах – какая упорядоченная, какая разумная и светлая музыка. Русская музыка более душевная, более напевная и рассыпанная. «Западники» как-то не заметили, что их преклонение перед западной культурой есть, в сущности, преклонение перед «флейтой» и «барабаном», что русская душа не может приобщиться к культуре западным путем, путем отказа от внутреннего опыта и погрязания в липком русском словесном мире...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«С оппонентом из России, совсем не важно, либерал он или человек, который называет либералов «либерастами», как правило, очень сложно выдержать дискуссию. В России просто нет культуры сомнения. Большинство людей, с которыми я обсуждал эту тему, искренне полагают, что суть спора сводится к тому, чтобы переубедить «противника», но вовсе не к тому, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к истине (если это вообще возможно). Программы на отечественном телевидении, кажется, хорошее тому подтверждение. Здесь главное не услышать оппонента, но перекричать его. Местные ведущие никогда и ни в чем не сомневаются, местные депутаты знают ответы на все вопросы, Министерство иностранных дел, как мне кажется, вообще осведомлено обо всей истории человечества вплоть до его последнего дня...» (Саша Филипенко, «Культура

сомнения», <http://una-unso.com/politika/ny-odyn-normalnyj-chelovek-ne-smozhet-sushhestvovat-v-etoj-navoznoj-kuche.html>; <http://uargument.com.ua/novosti-dnya/v-rossii-ne-somnevayutsya/>).

Да и сами-то убеждения русскоязычного человека являются косными и не осмысленными, так как вырабатываются вовсе не разумом, а бедой. Поэтому-то, русскоязычный человек и учится преимущественно не на чужих, а на своих ошибках. Пока желания (страсти) не заставят его самого «наступить на грабли» и, тем самым не вовлекут его в какую-нибудь беду, он не убедится в том, что так нельзя было делать:

«Удел России – топтаться на месте или же идти по кругу своим неповторимым путем, наступая на прежние грабли и обвиняя другие народы в своих страданиях» (политик Геннадий Гудков, «Марсианин» не живет в России, <http://echo.msk.ru/blog/gudkov/1639934-echo/>);

«Эх, Рассея-Рассея,
Только водка, да злость!
Кто бы что ни посеял,
Собирать не пришлось...
Как подросток поллюций,
Ожидаешь Христа.
Но стезя революций,
Вероятно не та...
Лишь винтовки да сабли,
И война, хошь-не-хошь.
Ты опять свои грабли,
Непременно найдешь!»

(Алексей Ширко, «Эх, Рассея!...» г. Химки, Россия, <http://maxpark.com/community/90/content/5687043>);

«Лежишь бессонными ночами
И вспоминаешь со стыдом,
Как пил вчера со сволочами
И приглашал мерзавцев в дом.
А завтра те же мизерабли,
Хоть повод вроде не даешь,
Тебе протягивают грабли,
И, что ж вы думаете? Жмешь»

(Игорь Иртеньев, «Стихи мои простые с ввиду...», <http://irteniev.ru/verse.php3?id=00000281>);

«Страна господ, страна – рабов.
Кремлёвских залов золочённых,
Простых, неструганных гробов
И невиновных заключённых.

Страна полей, страна лесов,
Страна родных просторов наших,
Где сладко барином живёт
Тот, кто не сеет и не пашет.
Страна вождей, страна – толпы,
Что каждый день у нас готова,
Разбив не раз граблями лбы,
На них идти, с восторгом – снова!»

(Игорь Яскевич, «Плач по России», <http://subscribe.ru/group/rossiya-today/9947583/>);

«...русские в XIX и XX вв. показали себя нацией глупой. По крайней мере, придурковатой, взбалмошной. Это видно и по политической истории, и по истории духовной. Увы, мы глупы. За весь XIX век и за начало XX (о более позднем времени лучше и не говорить) ни одного гениального поворота, ни одного гениального решения, гениальной коррекции. Иногда проблеск таланта. Но и в реальной, и в идеальной истории России постоянное и монотонное нарастание ошибок. Десятки, сотни, тысячи. Корабль России разваливался на ходу. И разваливался именно в тех местах, где требовалось серьёзное, нешуточное напряжение ума. Там где чувство, интуиция, на авось часто проскакивало и, кажется, появлялось нечто изумительное, поражавшее воображение. Но в чисто интеллектуальной области – ошибки, ошибки и ошибки...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Когда у русских родилась идея: сами варягами можем быть? Неизвестно пока. Одна «ошибка» ведет за собой другую. Общество усложняется, и простая идея теряется среди мелочей, случайных и никчемных, сама превращаясь в никчемную и случайную. Но из хламья идут излучения, заражающие людей уже неизвестно чем. И от зуда, от догадок, от мучительных воспоминаний люди сходят с ума, делают еще большие ошибки, кончают самоубийством. Государство в кровь вошло, отравило нацию на долгие века. Люди не могут жить уже без власти, без подчинения. Появились апатия, лень, обломовщина, карамазовщина и т.д.» (Дневник актёра Георгия Буркова: «СССР – это огромная зона», http://tfolk.ru/articles/dnevnik_aktjora_georgiya_burkova_ssr_eto_ogromnaya_zona; <http://dynamo.kiev.ua/blog/304652--gergij-burkov--u-menya-net-rodinyi-ibo-u-raba-ee-ne-mozhet-byit>).

Как видим, для того, чтобы русскоязычный человек наконец-то понял, что он в чем-либо ошибся, обязательно необходимо, чтобы он на этом ранее шибко (сильно) ушибся (шибать, шибить – бросать, бить; ушибить, шибкий, ошибаться, ошибка, укр. «шибати» – метать, блр. «шыбаць», др.-киев. «шибати» – бить, греметь, поражать..., – Фасмер):

«Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее...» (Николай Бердяев, «Судьба России // О власти пространств над русской душой», http://odinblago.ru/vlast_prostranstv).

И ведь, действительно, же:

«Мысля на современном русском языке, нам никогда не учесть ошибок прошлого, потому что русские глаголы прошедшего времени – это даже и не глаголы вовсе. Это бывшие краткие страдательные причастия. Они обозначали не действие, а качество. Они не спрягаются, но подобно именам изменяются по родам («я отпал», «я отпала», «я отпало»). Хорошо хоть не склоняются – и на том спасибо! Иными словами, прошлое для нас не процесс, а скорее картина, которую весьма легко сменить. Только что оно было беспросветно-мрачным, и вдруг – глядь, а оно уже лучезарно-светлое! Или наоборот» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://libking.ru/books/sf/sf/34413-evgeniy-lukin-manifest-partii-natsional-lingvistov.html>; <https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html>).

То, что хорошо для умного подлеца, – хорошо для всей страны

И чем больше у таких моральных уродцев власти, тем более уважаемы они опекаемым ими психически инфантильным русскоязычным населением (быдлом, гопниками):

«Если же уважают вне зависимости от того, что человек совершает, то это называется холопство. Холопству неотъемлемо свойственны двойственные «нравственные стандарты», по какой причине за что одного уважают, другого порицают... Академик Н.Н. Моисеев (математик и экологист, авторитетная фигура в 1970-е – 1990-е гг., ныне покойный) в ходе дискуссии в «Горбачёв-Фонде» высказался: «Наверху (по контексту речь идёт об иерархии власти) может сидеть подлец, мерзавец, может сидеть карьерист, но если он умный человек, ему уже очень много прощено, потому, что он будет понимать, что то, что он делает, нужно стране», – (цит. по изд. «Горбачёв-Фонда» «Перестройка. Десять лет спустя», Москва, «Апрель-85», 1995 г., стр. 148...). Если смысл этого высказывания выразить короче, получится: «То, что хорошо для умного подлеца, – хорошо для всей страны». Возражений не последовало. Причины молчаливого согласия представителей интеллигенции, участвовавших в дискуссии (включая и первоиерарха кинематографии и «нравоучителя» Н.С. Михалкова) можно понять из слов искусствоведа И.А. Андреевой, которая сумбурно высказала следующее: «Нравственные основы – это высоко и сложно. Но элементы этики вполне нам доступны». Т.е., что такое нравственность и, соответственно, что такое праведность, – участникам дискуссии неведомо. Поэтому, если «наверху» окажется умный, но не подлец и мерзавец, тот, кто непреклонно старается воплотить в жизнь праведность, то вся корпорация подлецов и мерзавцев начнёт вопить, что к власти пришёл жестокий тиран» (Константин Петров, «Нам нужна иная школа // Введение в гуманизм: в ложный и в истинный», <http://kobtv.narod.ru/files/Knigi-KOB/Nam-nuzhna-inaya-shkola.pdf>; <https://www.rulit.me/books/uchebnik-vvedenie-v-obshchestvoznanie-kak-vyrazhenie-profanacii-pedagogami-svoego-dolga-pered-ucheni-read-153822-26.html>).

И ведь же такое подлое, мерзкое и деспотичное поведение правителей было присуще Московии и ее наследнице России испокон веков, и провоцировалось же оно самим ее

психически инфантильным населением:

«9. Московские цари привыкли разъединять даже своих вельмож и питать между ними несогласие. Таким образом, разъединенных обоюдной ненавистью и старающихся друг друга погубить можно успешнее угнетать, наблюдая лишь некоторое приличие. Московские цари держатся, таким образом, старинной поговорки: «Разъединяй и повелевай!».

10. Царь, уезжая из Москвы, никогда не вверяет верховной власти одному лицу, боясь, чтобы тот не употребил ее во зло и не нашел бы в ней средств восстать против самого государя, потому государь назначает своими наместниками многих и притом таких, о которых знает, что они живут между собой недружно, по врожденному отвращению» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text6.phtml?id=741>);

«И я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, – недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего» (Максим Горький, «Новая жизнь», 1917,. 19 ноября, <http://his95.narod.ru/doc15/d38.htm>);

«В отношении к власти и государству проявляется еще одно важное качество: «советский человек» – двойственный. С одной стороны, устраивает свои дела в частном порядке, и вполне неплохо, с другой – жалуется все время, что ему чего-то не додали, что у него меньше, чем у других и чем он заслуживает. Соединение двух планов – оценки себя и оценки других – важный механизм адаптации. Отсюда третья черта «советского человека» – он человек приспособляющийся: чтобы выжить, сохранить себя и близких, ловчит, кривит душой, пытается выгородить себя. И четвертая, фундаментальная, характеристика – это человек, который резко разделяет своих, ближних, и остальных, чужих. Для него ближний круг – тот периметр, который он пытается удержать, поскольку именно там он может по-настоящему чувствовать себя человеком, а дальний круг – это то, где он не может повлиять на ситуацию, там все зависит от внешних сил, его собственная жизнь ему не принадлежит, и сделать ее лучше он не в состоянии... По лозунгам, плакатам, людям, даже среди того меньшинства, которое выходило на площади и проспекты Москвы и нескольких других крупных городов, видно: советское, пусть переосмысленное, переконструированное, остается с нами. При этом многие ведут другой, совсем не советский образ жизни. И это сочетание несочетаемого в них тоже, получается, часть советского наследия – та самая двойственность...» (Борис Дубин, «Другая такая же страна // О «советском человеке»», <http://www.kommersant.ru/doc/2265510>);

«Дореволюционная Россия была христианской цивилизацией, в основе которой лежит идея первородного греха. Если с христианином случится беда, он не будет в ней обвинять окружающих, а сочтет это наказанием за свои грехи. Но советский человек мыслит иначе – у него все виноваты, кроме него самого. Ему свойственно причудливое сочетание непомерной гордыни и комплекса неполноценности. Он нередко двуличен, он может бояться начальства и одновременно презирать его. Все, кто родились и выросли в СССР, – это советские

люди...» (Академик Юрий Пивоваров, «У советского человека виноваты все, кроме него самого», <https://lenta.ru/articles/2016/01/16/homosoveticus/>);

«...«Гомо советикус» демонстрирует лояльность к власти, не доверяя ей:

– публичное выражение чувств любви к власти и ненависть к ней в реалии;

– публичная вера в декларируемые властью идеалы и абсолютное неверие в них на практике;

– сказочная вера в «доброего вождя»;

– кругом враги, которые спят и видят, как навредить, оболванить, спровоцировать и т.д.

Всё это в совокупности homo soveticus называл «моральным кодексом строителя коммунизма»...» (Игорь Гарин, «Homo soveticus», <https://www.proza.ru/2015/10/14/279>).

Черно-белое восприятие мира и апофатическое мышление, присущие примитивному сознанию и тоталитарным режимам

И ведь же эта шизофреническая двойственность (двуличие) проявляется как в мистицизме, так и вообще в иррациональном мышлении русскоязычного людишки и, особенно, в его отношении к «своим» и к любым «чужим» соответственно как к друзьям и как к врагам:

«Поскольку мы не нация, постольку мы нуждаемся в идее. Без идеи у нас ничего не получается. А идея – это то, чего нет и не может быть. Значит, нам нужно что-то, к чему можно было бы стремиться. А стремиться можно к невозможному. Какой смысл стремиться к тому, что возможно? Возможности нужно реализовывать. А это скучно. Нам нужна такая сторона в мире, которая существует, если мы хотим, чтобы она была. На этом и должна быть построена наша идеология. Русскому народу свойственно некоторое мессианство. Оно есть у евреев. Заниматься своим уютом, комфортом, благополучием, расширять свой кругозор – это нам как-то не пристало, ведь это не может быть идеей. А делать коммунизм – да, это нормально. То есть нас интересуют идеи высшего порядка, которые могут захватывать наши души, за которыми пойдут люди. В противном случае без таких идей мы можем легко превратиться в этнографический материал. Что сейчас, кстати, и происходит. Посмотрите, что с нами творится. Мы не собраны, мы потеряли ориентацию, мы не понимаем, кто мы и для чего живем. А нам без этой ориентации никуда. Все-таки мы являемся христианами восточными, византийскими, а не латинскими. Это, главным образом, нас и определяет. Мы мистические люди, а не рациональные. Для Запада характерна идея доказательности, а нам нужно не доказывать, а показывать. Мы ищем образ, а не понятие. Например, отсюда у нас такой пиетет перед иконами. Мы нерациональны, у нас нерациональное отношение к миру. Потому наш народ и имеет потребность в идее (русском бесе, – П.Д.), которая бы уводила от фактичности, от этого мира, которая не сводилась бы к вещам, а давала бы какую-то безумную но перспективу...» (Фёдор Гиренок: Русским нужна не национальная, а имперская идея, <https://iq.hse.ru/news/177678491.html>);

«Он был типичный русский бес:
Сметлив, настырен и невзрачен,
Он вышней волею небес
Раствить Россию был назначен...
Наследием своей телесной ржави
Россию заразил святой Ильич;
С годами обнаружился в державе
Духовного скелета паралич...
Мир бурлил, огнями полыхая,
Мир кипел на мыслях дрожжевых,
А в России – мумия сухая
Числилась живее всех живых»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Россия сегодня будто шизофренией страдает. Гигант с комплексами карлика. Государство, бесконечно разглагольствующее о будущем, но не прекращающее мастурбировать на свое прошлое. Двадцать три года после распада (или развала) СССР или рождения новой России – мы все еще не можем определиться, что же это было. Не европейская, не азиатская, не глобальная, не региональная, не национальная и не мультикультурная, не религиозная и не светская, наша страна болтается в безвременье и тонет в иллюзиях. Ее-то собираются делать надежным экономическим партнером Запада, то, монашески отринув все материальное, принимаются пришивать ей давно отсохшие имперские конечности. Она-то должна лезть со слюнявыми брежневскими поцелуями к дорогим европейским друзьям, то припадочно брызгать слюной, отталкивая от себя тех в Европе, кто еще как-то был готов с ней приобняться хотя бы на фото... У России нет вектора развития, нет траектории, нет направления движения. Она не идет вперед, а судорожно дергается, мечется, катается по полу. Россия не может прийти к цели, одолеть путь, потому что у нее нет дорожной карты и нет никакой цели...» (Дмитрий Глуховский, «Россия нигде», <https://snob.ru/selected/entry/82817>; <http://assmo.ru/page/15>; <http://newrezume.org/news/2014-10-29-5729>).

И на самом деле эта шизофреническая двойственность стала выкристаллизовываться в русской ЯКМ непосредственно в процессе формирования нравственной лексики русского языка:

«Нет у нас и еще кое-каких слов, несмотря на восклицания патриотических, или (извините!) отечественнолюбивых филологов, или (извините!) словолюбцев, удивляющихся богатству нашего языка, богатого, прибавим также мимоходом, вещественными, физическими запасами, но часто остающегося в долгу, когда требуем от него слов утонченных, отвлеченных и нравственных» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

«Шизофреническая» ликвидация этого «пробела» привела к тому, что многие пары

неразличимых для подсознания старых и вновь образованных (однокоренных или же близких по звучанию) русских слов стали обладать взаимно противоположными значениями или же иметь позитивный и негативный нравственный (либо какой-нибудь иной) смысл: бедовый – бедный; безбрежный – небрежный, небережливый; благо – блажь, благой – блаженный, плохой; броский – бросовой; верный – вероятный; волокно – волокита; гордость – гордыня; дерзать – дерзить; дебелый – дебильный; дело, деловой – делец, подельник; друг – другой, надругательство; душевный – душный; жесткий – жестокий; задор – задира; известить – извѣсть; изменение – измена; крепкий – хрупкий; отменный – отменѣнный; передохнѣм – передѣхнем; переживание – пережиток; подлинный – подлый; прочный – порочный; похвальный – бахвальный; праздничный – праздный; преданность – предательство; пытливый – пытаемый; разворот – разврат; расторопный – торопливый; рвение – рвачество; согласие, соглашение – соглашательство; усердный, сердечный – сердитый; скромная – скоромная; терпение – притерпелость; труд – трудность; трудяга – трутень; тщательно – тщетно, вотще, тощий; притягательный – тягловый, тяжелый; удаль – юдоль; удавшийся – удавленный, удавка, удав; честь – честить; чудо – чудище, чудовище; чудный – чудной.

Всѣ это стало провоцировать и лишь двухуровневое («черно-белое» без оттенков) бессознательное восприятие действительности индивидуумами русскоязычного примитивного общества. Если русскоязычному человеку очень плохо, то это – именно «очень плохо» и не менее, и не более того, то есть без каких-либо оттенков этого состояния. Поэтому-то русское «очень плохо» и одинаково соответствует как украинскому «дуже пагано», так и укр. «зле». Если же для психически инфантильного русскоязычного человека кто-либо не приятель (то есть всего лишь не является приятелем), то неизбежно для его подсознания он уже – неприятель и, следовательно, – враг. Аналогично, если ты ему не друг, то, конечно же, ты для него сразу же – недруг, то есть, опять же, – враг. И поэтому-то осуждение тебя «государством» на смерть для него должно «быть выгодным»:

«Средством консервации общества такого типа, его стабилизирующим фактором являлась непрерывная демонстрация силы в её смертоносной, убивающей форме, убеждении масс в неизбежности наказания, если начал движение не с левой ноги. Незримая сеть доносчиков, по сути, частных лиц, получивших право власти над жизнью и смертью масс, расширяла круг потенциальных жертв. Показательно, что придя в себя от идеологического наркоза после очередной чистки общества, «народ был неспособен хотя бы охнуть от ощущения утрат (не говоря уже о жалости к погибшим, к их семьям). В этом – суть чёрно-белого мировосприятия нации, не менявшегося веками. Поэтому сказать, что завтра можно ждать повторения вчерашних ошибок, – ничего не сказать. Эти ошибки повторяются уже сегодня, на наших глазах, на виду у всего света». (В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 46). Чистки воспринимались как вид этнического самоочищения и подавляли инстинкт сохранения вида, принимая форму явного этносуицида. «Это не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения... был добровольно, в диком и слепом восторге самоуничтожения... всосан народным организмом» (С.Л. Франк. *De profundis // Вехи. Из глубины.* – М., 1991. – С. 145). «Здесь лишь та неточность, что упомянутый дух был не извне всосан, а изначально довлел

этому «народному организму», являлся продуктом его экспансивности, превращающейся в моменты отсутствия внешнего врага в аутоагрессию, иногда принимавшую форму разнообразной прямой селекции» (В.Е. Возгрин. Указ. соч... Т. 1. – С. 46)...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Величайшее зло тоталитаризма – разрушенное сознание народных масс. Разбитые дороги, запущенные кладбища, загаженные подъезды, испоганенная природа, исписанные матом стены и заборы, брошенные родителями дети, нищенствующие старики – это только внешние, видимые, материальные следы разрушения-угашения духа. Потому что глубинные проявления разрушенного тоталитарной властью сознания еще страшнее, ибо ведут к таким социальным уродствам, как массовые бессердечность, агрессивность, насильственность, ненависть, расовая нетерпимость, мракобесие, травля, гонения, суицидальный синдром, детские сиротство и безнадзорность. Можно возразить, что подобные виды социального зла, так или иначе, присутствуют в любом обществе, но в тоталитарном они приобретают катастрофические, inferнальные масштабы. Тоталитарная обработка сознания масс ориентирована на самое гадкое и низменное в природе человека, на отмену всех нравственно-духовных достижений культуры, на ликвидацию социальных заповедей и запретов, на заражение «интеллектуального большинства» смертельными вирусами ненависти и ксенофобии, болезнетворными микробами шовинизма, национального превосходства, неандертальской психологии «езде – враги». При отсутствии антидота культуры такое заражение невероятно эффективно, скоротечно и действенно. Дело в том, что мировым войнам, социальным катастрофам, апокалиптическим масштабам убийств обычно предшествуют грандиозные деформации народного сознания, потому что без таких деформаций мирный народ трудно спровоцировать на гитлеровское дьявольство или всеобъемлющий сталинский террор с десятками миллионов жертв. Дабы пушечное мясо созрело для самоистребления или расстрельных рвов, его предварительно надо лишить мозгов, как это происходило в гитлеровской Германии или сталинском СССР. И высокий рейтинг тоталитарной власти для самой власти – лучшее свидетельство умственной кастрации, inferнальной готовности народонаселения к войне...» (Игорь Гарин, «Разрушение сознания народа», <http://www.proza.ru/2016/05/05/1909>).

Такое «двухуровневое черно-белое» мировосприятие и связанное с ним апофатическое и полемическое мышление присущи примитивному сознанию а, следовательно, вполне закономерны и для психически инфантильного русскоязычного населения:

«...Обращаю внимание на то, что черно-белое восприятие мира особенно присуще примитивному сознанию и тоталитарным режимам, отличающимся тем, что мифы положены в самую основу их построения...» (Игорь Гарин, «Русские мифы как зеркало русской души», <http://www.proza.ru/2012/11/05/770>);

«Это проявления апофатического типа мышления, издавна присущего русскому

«реалисту»; утверждение в отрицании: неплохо – значит хорошо, не знаю – значит, уже решил, а что такое неброская красота? Тоже красота, но особого рода» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>).

Поэтому-то и выражение «это мне не совсем приятно» вовсе не означает, что «это мне безразлично», а означает, что «это мне всё же неприятно». И несколько не удивительно, конечно же, и то, что синонимами к словам «вражда» и «враг» в русском языке являются соответственно слова «нелюбовь, неприязнь, неприязненность, рознь» и «противник, неприятель, недруг», не обязательно приводящие к вражде в цивилизованных обществах.

Таковыми же двухуровневыми антиномичными и полемичными являются, как бытовое поведение русскоязычного населения, всё ещё не доросшего до демократии, так и его политические традиции:

«...у нас нет середины, либо в рыло, либо ручку пожалуйста!» (Михаил Салтыков-Щедрин, «Признаки времени», гл. «Русские «гуляющие люди» за границей», 1863, <https://unotices.com/book.php?id=113567&page=27>);

«Характерной чертой национальной психологии является полемичность мысли, своего рода «русская логика» – противопоставление, а не сравнение, «Нет, я не Байрон, я другой...» или «не то, что мните вы, природа...» И если толстовский Кутузов – антитеза Наполеону, то и Россия в целом – антитеза Западу в философской первооснове большинства романов Ф. Достоевского. Ту же полемичность нетрудно обнаружить и в политической традиции от первых коммунаров («весь мир насилья мы разрушим, а затем мы новый мир построим») до современных радикалов, для которых острое противостояние все еще предпочтительнее компромисса. «Золотая середина», взаимные уступки воспринимаются большинством политиков как предательство, вызывая неприятие не только у них самих, но и в массовом сознании. Центризм для русского – в чем-то ущербен, какая-то «немецина», будто не оппоненты, а враги выступают на политической арене как римские гладиаторы, и эта историческая нить тянется от первого «врага народа» князя Курбского до современных «красно-коричневых» или «агентов влияния». Своего рода нравственным радикализмом можно назвать и традиционное на Руси (на самом деле, лишь в Московии, – П.Д.) правдоискательство: Даниил Заточник, Иван Карамазов, протопоп Аввакум и доктор Живаго – все эти и многие другие реальные люди и вымышленные герои в разные эпохи и в различной социальной среде строили свою жизнь согласно внутреннему «категорическому императиву». Своего рода крайними правдоискателями-фанатиками были ведь и народники, и большевики первого призыва, как бы к ним не относиться... Стремление героев Достоевского во всем дойти до крайности, до предела, их бескомпромиссность – гениальное отражение, пожалуй, ядра национальной психологии. Эту «предельность» как важнейшую для русских черту характера, справедливо отмечает Д.С. Лихачев...» (Зинаида Сикевич, «Социология и психология национальных отношений», 7.4. Мифология «русской души», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>);

«Русский мог бы сказать: «Мыслью – следовательно не существую». Мышление как

форма существования русскому духу не свойственна. Любая попытка построения рационалистического и конструктивного мировоззрения неизбежно приводит русского человека к разрыву со своим внутренним опытом и, следовательно, обрекает на распад личности и потерю национальной сущности. В то же время высокий уровень внутренней духовной жизни требовал какого-то выхода в реальность. И в том числе выхода в форме интеллектуальной. Сам по себе разум был нужен русской культуре, но разум, играющий не конструктивную, а инструментальную роль: «Ум, положим, – мещанишко, а без «третьего элемента» все-таки не проживешь... Самое презрение к уму (мистики), то есть к мещанину, имеет что-то на самом конце своем – мещанское. «Я такой барин» или «пророк», что «не подаю руки этой чуйке»... Настоящее господство над умом должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрятанным; это должно быть субъективной тайной». (Василий Розанов, «Опавшие листья»)» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Надо не иметь ни малейшего понятия о России, чтобы сломя голову добиваться радикальных переворотов. Стоит только послушать, как рассуждают о современных происшествиях люди даже пожилые, чтобы убедиться, что тут нет ни опытности лет, ни здравого смысла, ни образования. Суждения совершенно детские! И им нет ни малейшей нужды, что факты, о которых они судят и из которых они выводят свои умозаключения, искажены нелепейшим образом, до невозможности верить им хоть на йоту. Они произносят решительные приговоры о делах и лицах, о которых ничего никогда не знали, ничего никогда не думали. И это люди, метящие в избиратели и представители наши!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 15 октября 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Мы даже победив, подставим спину,
Чтоб сохранить лицо в последний миг,
Мы ищем золотую середину,
Но заблудились в крайностях своих.
Мы странники пожизненного детства –
Ребенок он – и ангел и злодей,
Все в ужасе от нашего соседства!
Мы в ужасе от собственных затей!»

(Любовь Захарченко, «Мешали нам», <http://andy-racing.narod.ru/bard/lz1.htm>).

Русскоязычный человек абсолютно никому не доверяет – даже и своим друзьям, так как в его ЯКМ, не только слово «враг», но и слово «друг» формирует негативную бессознательную лингвопсихическую установку. Ведь синонимами производного от него слова «другой» (общее прототипическое значение – не совпадающий с данным, отличный) являются слова «прочий», «иной» (в то время как укр. «другий» – всего лишь второй, а не иной), «противоположный» и «непохожий» (то есть не такой как все). Поэтому-то у русскоязычного человека, стремящегося быть как все, и не может быть настоящих друзей.

В украинской ЯКМ слово «дружити», имеющее смысл – «поддерживать лишь равноправные приятельские отношения», вовсе не является тождественным слову «приятлювати», предусматривающему возможность и иерархических (неравноправных) отношений между приятелями. Аналогичные же понятия русской ЯКМ практически тождественны. Укр. «приятлювати» переводится на русский язык, как «дружить; (общаться с кем-нибудь в ущерб чему-нибудь) якшаться». При этом под словом «дружить» чаще всего подразумевается всего лишь «объединяться»:

«Исполнишь службу свою вместе со всеми, исповедуешься, причастишься и ощутишь «единство по вертикали» – единство в Боге! Единственно объединяющее. Ибо все другие единства – «единства по горизонтали» скорее разъединяют. На театре про такие «единства» шутят: «Против кого дружите?» (Евгений Стеблов, «Против кого дружите?», http://www.dolit.net/author/6298/ebook/19057/steblov_evgeniy/protiv_kogo_drujite/read/19);

«Как-то Раневская сказала, проходя мимо двух актрис: «Против кого дружите?». Вот это «против кого дружим» очень свойственно России, где радуются неудачам. У нас любят мертвецов и спившихся людей. Они – все герои. А нормальных, трезвых, успешных – не очень...» (Андрей Кончаловский, из интервью Ядвиге Юферовой «Рай на 101-м километре», <http://www.rg.ru/2009/09/03/konchalovsky.html>).

Как слова «дружить» и «приятельствовать», так и слова «дружба» и «приятельство» фактически являются синонимами в русской ЯКМ:

«Дружить – водить (дружбу, хлеб-соль), водиться, сводить дружбу, (по)дружиться, ладить, быть на короткой ноге, якшаться, сближаться, (по)брататься, сестриться, (по)кумиться, связываться, сходиться (на короткую ногу), знакомиться, снюхаться, спознаться, панибратствовать, кланяться с кем, меняться крестами, говорить, водить компанию, приятельствовать... // Дружба – дружество, дружелюбие, доброжелательство, товарищество, приятельство, лад(ы), мир, согласие, панибратство, короткое знакомство, побратимство, (благо)приязнь, амикошонство, любовь, братание, единение, общение, союз; филиа, хлеб-соль, корешкование, приятельские отношения, дружеские отношения, близкие отношения...» (Словарь синонимов, «Дружить // Дружба», <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-18885.htm>).

К тому же русское слово «дружба» не является адекватным не только имеющим разный смысл укр. словам «дружба» и «приятелювання», но и английскому слову «friendly», более близкому по смыслу к слову «приятелювання»:

«Общеизвестно, что русские слова «друг», «дружба» не переводятся адекватно английскими словами «friend», «friendly», обозначающими скорее знакомых и знакомство. Друг – это тот, кому целиком доверяешь и часто говоришь по душам. «Общаться по-русски означает приблизительно «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта»... Слово «общаться» содержит, кроме того, идею некой бесцельности этого занятия и получаемых от него удовольствия или радости...» Еще одно типично русское занятие, в некотором смысле противоположное общению, – это выяснение

отношений, когда люди говорят друг другу неприятные вещи» (А.Е. Сериков, «Что значит быть русским: русская языковая картина мира, русский характер и восприятие русских со стороны», <http://www.phil63.ru/chto-znachit-byt-russkim>).

Таким образом, в русской ЯКМ, в отличие от украинской ЯКМ, концепт «Дружба» вовсе не связан с равноправными отношениями дружащих людей, народов и этносов, что вызвано, очевидно, превалированием в русско-советском примитивном обществе именно иерархических отношений:

«Прежде всего «советский человек» мыслит себя в отношении к власти как подданный (человек-ребенок – холоп, которого власть обязана тотально опекать, – П.Д.). К ней он привязан, на нее рассчитывает, при этом почти постоянно недоволен этой властью и ее критикует. «Советский человек» (и нынешний русскоязычный человек, – П.Д.) – иерархический, он понимает, кто начальство, а кто пониже, поменьше, и очень переживает по поводу того, что сам он – не начальство, но пытается по-начальнически проявить себя в любой сфере и на любом месте: в ЖЭКе, кассе или гардеробе» (Борис Дубин, «Другая такая же страна // О «советском человеке», <http://www.kommersant.ru/doc/2265510>).

И под синонимичным «дружбе» словом «братство» тоже, ведь, подразумеваются в русской ЯКМ прежде всего иерархические отношения. Чрезвычайно архаичный и до сих пор так и не «повзрослевший» великоросский этнос считает себя «старшим братом» по отношению ко всем народностям, которым он навязал или же всё ещё пытается навязать своё убогое «братство». К тому же он стремится снова навязать им всем также и свой холопский (совковый) образ жизни и превратить тех из них, кто соглашается с ним «дружить», в своих холуёв. Все же народы и народности, не признающие его старшинства или же не преклоняющиеся перед его мнимым величием, он считает своими врагами:

«Многие исследователи пишут, что насущно «необходима трансформация русского национального характера» (Л.О. Бороноев. П.И. Смирнов. Россия и русские. Характер народа и судьба страны. – СПб., 1992. – С. 142). Но всё остаётся на своих местах и приумножается (см. манифест Н. Михалкова. 2000 год) и из стереотипа поведения великороссов, из главного «источника народных бед и невыносимых страданий делается фетиш. Более того, его навязывают, как предмет для подражания и другим народам империи!» (В.Е. Возгрин, «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 48). Соборно-общинный менталитет великороссов (несмотря на соблазны западной цивилизации) уцелел, укрывшись «в закромах души» (т. е. в подсознании) русского народа в качестве «основы национального самосознания» (ЛГ. 09.02.1994). Не усвоив уроков прошлого, русские не вышли из него и пути к его преодолению пока не видно. (ЛГ. 30.02.1994). Выскочить из порочного круга, из русского водоворота, можно, сознательно пойдя на глубокие перемены (связанные с заменой архаичной русской ЯКМ какой-либо более современной, – П.Д.), реформы в духовной и идейной сферах. Но что предлагает русскому народу его древний и современный духовный центр, Москва, после провала её коммунистической идеологии? Как это не поразительно – средневековую же православную догму...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и

шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Нет в мире мельче, сволочнее и хамовитее особи, чем кацап. Рождённый в нацистской стране, вскормлённый пропагандой нацизма этот ублюдок никогда не станет Человеком. У его страны нет друзей – либо холоуи, либо враги. Его страна способна только угрожать, унижать, убивать; за сохранение этого статуса Рассеей рядовой кацап готов пожертвовать собственной жизнью, жизнями своих родителей и детей, качеством жизни собственного народа. Воистину: кацапы – звери. Лютые, кровожадные, но... смертные» (квинтэссенция произведений Александра Солженицына, <http://www.anekdot.ru/id/708284/>);

«Такого никогда еще не было. Рекорд: 84% опрошенных «Левада-центром» россиян уверены, что страна окружена «врагами России»...» (Лев Гудков: «Запад – у ворот», из интервью Михаилу Соколову, <http://www.svoboda.org/content/transcript/26652268.html>);

«90% населения страны понимает, что мы с*ки, падлы, мрази, но считает, что у нас есть право быть такими. Что все наши великие цели (поставить Америку на место – не нужную нам на хрен Америку за океаном, у которой все хорошо, а у нас ни дорог, ни медицины, но ... как это говорят? Моральное лидерство, да, и на этом основании мы ее удадем...) оправдывают все, все, все... и этих несчастных людей в самолете, и лишившихся всего беженцев, и будущую потерю работы и бизнеса тысячами россиян, и вранье, вранье, и полную потерю достоинства...» (Александра Славянская, «Ferro posentius aurum / Золото опасней железа», <https://snob.ru/profile/25247/print/78837>; <http://blog.i.ua/user/6749510/1452154/>; <https://ivanesergeev.livejournal.com/444374.html>);

«В истории много моментов, когда Запад прогибался под диктаторами. Запад хочет уладить все мирным путем, но они не понимают, в чем дело. Потому что Путин любые встречные поступки воспринимает как слабость и напирает еще больше. Он, как вампир, живет уступками. На Западе не привыкли к такой форме поведения, у нас-то она известна. Это лагерная система поведения, там это называется «пробовать на гниль». Это мне напоминает ситуацию с Гитлером – когда был Мюнхенский договор, Черчилль сказал, что у Британии был выбор между войной и бесчестием, она выбрала бесчестие, а получит войну. Типологически же Путин и Гитлер очень похожи...» (Александр Подрабинек, из интервью Терезе Лащук «Путин, как Гитлер, пробует Запад «на гниль»», <http://sovets-naroda.blogspot.com/2016/11/>; <https://newsonline24.com.ua/aleksandr-podrabinek-putin-kak-gitler-probuuet-zapad-na-gnil/>; https://lb.ua/news/2016/11/18/351137_aleksandr_podrabinek_putin.html);

«Пьянство, малограмотность, тупость и убожество русского мужика, отставшего от Европы лет на 200, и до сих пор еще не совсем уверенно застегивающего собственные штаны, в очередной раз показывает, что с ним дружить нельзя, так как он рассматривает дружбу как слабость...» (квинтэссенция произведений Антона Чехова, отображающих ментальность россиян, <http://maxpark.com/community/politic/content/5444585>).

Как видим, советские лозунги «Дружба народов» и «Братство народов» переосмыслены апофатически мыслящим русскоязычным человеком, а их общечеловеческий смысл вообще не соответствует его бессознательным влечениям и реакциям.

Полярность и слабоумие русскоязычного людишки

И такое «черно-белое» мировосприятие тоже, ведь, есть не что иное, как проявление психической инфантильности и присущего ей слабоумия:

«Если бы меня попросили охарактеризовать «Русский мир» одним словом, я бы, не колеблясь, ответил – инфантилизм. Именно это понятие наилучшим образом описывает состояние современного российского общества. Инфантилизм, в первую очередь – это неспособность нести ответственность за свои действия. Неспособность выстраивать причинно-следственные связи и понимать, что такие-то и такие-то действия приведут к таким вот и таким вот последствиям. Это детская непосредственность в восприятии мира. Мир инфантила предельно прост. Американцы уронили цены на нефть. Американцы устроили революцию в Украине. Америка ненавидит русских. Для этого подослала евреев и либералов. А евреи Ротенберги украли все деньги. А Путин хороший. В этом мире нет места полутонам и сложным умственным построениям. Примитивность – главная его черта...» (Аркадий Бабченко, «Успех эксперимента по дебилизации России»,

<https://snob.ru/profile/27517/print/102303>; <https://starshinazapasa.livejournal.com/894677.html>;
<https://nv.ua/opinion/uspeh-eksperimenta-po-debilizatsii-rossii-86507.html>);

«Высшие руководители страны, с высоких трибун поносившие бездуховный Запад, по-детски радовались импортным вещичкам. «Гречко с благословения Брежнева, – записал в дневнике довольный хозяин Советской Украины Петр Шелест, – нам с Машеровым подарил хорошие охотничьи финские костюмы». Маршал Гречко был министром обороны, Петр Машеров – руководителем Беларуси...» (Леонид Млечин, «Страна под замком», <http://www.kommersant.ru/doc/2614861>);

«Полутона и переходные варианты признаются как существующие, но презируются как недостаточно удовлетворяющие эмоциональным потребностям. По-детски откликаясь на новизну, подростки (и великовозрастные недоросли, – П.Д.) нередко стремятся быть не просто модными, а ультрамодными, экстравагантными. Если популярен романтизм, то среди них можно найти самых безрассудных романтиков, а если меркантильность – то самых циничных корыстолюбцев. Сохранение детской эмоциональной пластичности способствует легкости перехода обожания в ненависть, когда преданные друзья в одночасье превращаются в непримиримых врагов, и наоборот» (С.Ю. Циркин, «Психический инфантилизм», <http://www.npar.ru/journal/2004/1/infantilism.htm>);

«Слабоумный ребенок в гораздо большей степени, чем нормальный, обнаруживает тенденцию к тому, что К. Левин называет законом «или – или». При твердости и косности психического материала этот ребенок обнаруживает склонность к сильным динамическим

структурам, единым и нерасчлененным. Поэтому его психические системы оказываются или целиком разграниченными, или целиком слитыми одна с другой. Слабоумный ребенок не обнаруживает тех ступенчатых, связанных и постепенных переходов между абсолютной разделенностью и абсолютным слиянием психических систем, тех эластичных и подвижных отношений между ними, которые мы наблюдаем у нормального ребенка. Это Левин считает одной из фундаментальных особенностей умственно отсталого ребенка, которая объясняет часто встречающиеся противоречия в его поведении. Склонность к структуре, объединяющейся по закону «или – или», определяет и отношение отсталого ребенка к окружающему миру. Слабоумный ребенок в гораздо большей степени, чем нормальный, может находиться или в одной, или в другой ситуации. Отдельные ситуации представляют для него гораздо более раздельное и замкнутое целое, чем у нормального. Он становится беспомощным, когда задача требует от него какой-либо связи между отдельными ситуациями или одновременного участия в двух ситуациях. Из-за этого отсталый ребенок обнаруживает большую выдержку и энергию в преследовании определенной цели, большие силы и концентрированность внимания на одном поле, чем нормальный. Но если благодаря внешним влияниям изменяется ситуация, то в силу того же закона «или – или» он гораздо легче, чем нормальный ребенок, переходит в новую ситуацию и совершенно оставляет старую. Поэтому умственно отсталый ребенок чрезвычайно чувствителен к внешним моментам, которые легко разрушают, прежде всего, близкую ситуацию и создают новую. Наконец, из этих особенностей аффективной динамики отсталого ребенка Левин выводит и важные отличия его интеллекта: интеллектуальную недостаточность, или дефект, конкретность, интеллектуальную малоподвижность и общий инфантилизм при сохранной способности восприятия» (Лев Выготский, «Проблема умственной отсталости», <http://psixologiya.org/specialnaya/umstvennaya-otstalost/1623-problema-umstvennoj-otstalosti-ls-vygotskij.html>).

И, следовательно, эта полярность поведения русскоязычного человека является одним из проявлений психической инфантильности русскоязычного этноса:

«...специфическая черта русского менталитета – полярность. Поэтому жизнь в обыденном языке – это зебра, поэтому «или пан – или пропал», «кто не с нами, тот против нас», «из грязи – в князи»... То есть русский человек не терпит промежуточных состояний, любит «ходить по лезвию ножа и резать в кровь свою босую душу». ...никто, наверное, как русский человек не умеет так смиряться с жизненными обстоятельствами, с судьбой (или даже судьбиной), а если судьба сама не преподносит никаких вывертов и испытаний, то русский человек ей «помогает», провоцирует. Не случайно во всём мире игру со смертью, когда человек сам «дёргает её за усы», называют «русская рулетка». Это один из гетеростереотипов русского человека во многих инациональных культурах» (Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина, «Культура и этнос // Место русской культуры в дихотомии «Восток-Запад», http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/740/45740/22358?p_page=6);

«Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, то есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать

неожиданностей, он в высшей степени способен внушить к себе сильную любовь и сильную ненависть» (Николай Бердяев, «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века», <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>);

«Принцип «все или ничего» обычно в России оставляет победу за «ничем» (Николай Бердяев, «О святости и честности» в кн. «Судьба России», 1918 г., <https://www.rulit.me/books/sudba-rossii-sbornik-read-81295-17.html>).

От преданности до предательства всего лишь один шаг

Слово «друг» (лит. «draũgas» – «спутник, товарищ»; укр. «дружина» – «жена, супруга»), означающее дорогого для вас человека, и слово «дорог» (ст.-слав. «драгъ», ирл. «daoire») возможно близки не только по смыслу, но и по происхождению (др.-инд. «ā-dr̥tas» – «почтительный, уважаемый, почитаемый», ирл. «dĩg» – подобающий, – Фасмер). По крайней мере, они хорошо ассоциируются друг с другом в подсознании русскоязычного человека. Да и не только ведь к другу, но и к любому уважаемому или близкому человеку обращаются с использованием эпитета «дорогой». Однако же слово «дорогой» в русском языке стало относиться не только к близкому или же уважаемому человеку, но и к имеющему высокую цену товару (укр. «коштовні речі» – дорогие вещи; «коштовність» – драгоценность). И поэтому-то, во избежание мук совести, русскоязычному человеку и достаточно всего лишь продавать (предавать; польск. «sprzedać», словац. «predávať» – продавать) своих друзей или же близких не дороже, чем они ему дороги. Но и очень дешево их нельзя продавать, так как иначе его будут бессознательно мучить сомнения – не слишком ли он продешевил. Себя же по пьяни или же со страху он способен продать и за бесценок («продажная шкура» – предатель), не испытывая угрызений совести, даже и позже, из-за бессознательных лингвопсихических установок на смирение с произошедшим. Как видим, уже сама русская ЯКМ предрасполагает человека к предательству не только друзей, но и любых близких (дорогих) ему людей. Слово же «преданный» означает, как того, кто полон любви и преданности, так и того, кого изменнически предали:

«Она смотрела взглядом преданной, но побитой собаки...» Как-то раньше не задумывалась о двух смыслах одного этого слова. Преданный – верный и преданный – тот, кого предали. Такая противоположность! Был преданным, а стал преданным... Тавтология!... Вот подпишут какое-нибудь письмо «Преданный» или «Ваш преданный» – что думать? Преданный мне или преданный мною? Всегда надо добавлять слово, чтобы обозначить смысл» (Дария, «Преданный», <http://www.proza.ru/2012/12/25/1525>).

Не потому ли у русскоязычных челядишков «от преданности до предательства всего лишь один шаг»?:

«...достаточно вспомнить массовое нарушение присяги русского офицерства, предавшего поочередно царя и Керенского. Более того, именно царское офицерство составило костяк руководства РККА (Бонч-Бруевич, Буденный, Тухачевский, Блюхер, Крыленко, Дыбенко, Антонов-Овсиенко, Муравьев, Говоров, Баграмян, Каменев,

Шапошников, Егоров, Корк, Карбышев, Чернавин, Эйдеман, Уборевич, Альтфатер, Лебедев, Самойло, Беренс, фон Таубе...) – всего 48,5 тысяч царских офицеров, только 746 бывших подполковников, 980 полковников, 775 генералов. В решающий 1919 год они составили 53% всего командного состава РККА... Военный писатель В. Бешанов, служивший флотским офицером, свидетельствует, что в 1989 году, когда его военный корабль проплывал Босфор и Дарданеллы, на палубе выставляли вахту бдительности, состоящую из политработников и офицеров, а матросов загоняли под палубу. Для чего? Боялись, что убегут в капрай, другими словами, дезертируют... Возможно, подсознательно боялись, зная громадные масштабы дезертирства (и предательства, – П.Д.) во время войны 1941-1945 гг. ...До смерти Сталина существование русских подразделений вермахта скрывалось, а за разглашение этих сведений немало людей угодило в лагерь. Ныне в литературе сравнительно полно освещена деятельность Русской освободительной народной армии (РОА) под командованием генерала Власова, но очень неохотно говорится, что РОА представляла собой лишь малую толику коллаборационистов, пошедших в услужение фашистам...» (Игорь Гарин, «Русский коллаборационизм во время Второй мировой», <https://www.profilib.net/chtenie/149470/igor-garin-russkiy-kollaboratsionizm-vo-vremya-vtoroy-mirovoy-2.php> <https://unotices.com/book.php?id=143303&page=3>);

«Депортированная из России на Украину журналистка Бойко была немедленно арестована на территории Украины. Фактически она была выслана на расправу. Вполне возможно, что сугубо правовые основания для депортации имелись – журналистка не выполнила предписанных процедур по документированию своего пребывания в России. Однако все страны, считающие себя цивилизованными, допускают высылку со своей территории тогда, когда высылаемому не грозит опасность – выдавать на расправу во всем мире считается дикостью и признаком отсутствия элементарной гуманности. Впрочем, путинскую Россию трудно заподозрить и в цивилизованности, и в гуманности – как по отношению к отдельному человеку, так и в отношении групп людей и целых народов. Включая и свой собственный... Кстати, только поэтому российские военнослужащие, захваченные в плен на территории Украины, рассматриваются в качестве частных лиц – российская власть категорически отказывается признавать, что они действовали по приказу командования, отказываясь от них как военных, так и от граждан. Столь откровенно гнусное отношение к своим демонстрирует в современном мире мало лишь кто. Поэтому вопрос с Бойко носит одновременно и частный, и общий характер. Современная Россия предаст любого, ни малейших принципов – моральных или политических – у нее нет» (А. Несмиян, «Предаем всех, отмываться от такого «имиджа» придется долго», <https://censuru.net/32635-predaem-vseh-otmyvatsja-ot-takogo-imidzha-bridetsja-dolgo.html>).

Русский философ Владимир Соловьев в 1892 году писал о русском народе:

«Мы знаем, что этот человек или народ находится в крайне печальном состоянии, он болен, разорен, деморализован... И вот мы узнаем, что он в лице своей интеллигенции, хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды на всех и каждого. Равнодушный к своей

действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения. Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Всякого из своих домашних он обвиняет в стремлении ему повредить, отделиться от него и перейти к врагам, а врагами своими он считает всех соседей...» (Владимир Соловьев, 1892 г., Собр. соч. СПб., 1902 – 1907, Т. 5, с. 430 – 431; <http://www.liberal.ru/upload/files/imper020407.pdf>; <http://lib.rus.ec/b/292815/read#t4>; http://www.ng.ru/courier/2011-01-17/9_russia.html).

Как видим, больные манией величия русскоязычные ксенофобы и ничтожества, подозревают всех и каждого в отсутствии преданности к ним, и в то же время сами вполне способны предать всех и вся и совершить агрессию против своих ближайших соседей без малейшего зазрения совести:

«...по сей день жители Российской Федерации свято убеждены, что в их стране происходит нечто невероятно значимое. Это представление о своей важности и ценности, от которого за версту разит самым кондовым провинциализмом и комплексом неполноценности, очень важно для многих россиян. А на попытку показать истинное место Российской Федерации в современном мире (Что поделать? Очень скромное место) они реагируют чисто эмоционально: уходом в истерику, в дурное расположение духа или в прямую агрессию... В этой цивилизации племенные мифы будут переживаться очень долго, а мифологические представления о самих себе будут культивироваться, а всем окружающим народам – навязываться и силой убеждения, и силой оружия. Племя не знает, да и не желает знать, как оно выглядит со стороны. Для племени ценно только то, что племя изволит считать истиной. И эта истина в последней инстанции будет предъявлена всему миру, а множество юношей и молодых мужчин будут готовы умирать, чтобы отстоять свое понимание истины и заставить окружающих принять их племенные ценности как единственно возможные...» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», <https://www.rulit.me/books/ozhivshij-koshmar-russkoj-istorii-strashnaya-pravda-o-moskovii-read-55383-6.html>);

«...фашизм – это задержавшийся в развитии феодализм, переживший и век пара, и век электричества, и век атома и готовый пережить век космических полетов и искусственного интеллекта. Феодальные отношения, казалось бы, исчезли, но феодальный менталитет оказался живуч и могуч, он оказался сильнее и пара, и электричества, сильнее всеобщей грамотности и всеобщей компьютеризации. Живучесть его, безусловно, имеет причиной то обстоятельство, что корнями своими феодализм уходит в дофеодальные, еще пещерные времена, в ментальность блохастого стада бесхвостых обезьян: все чужаки, живущие в соседнем лесу, отвратительны и опасны, а вожак наш великолепно жесток, мудр и побеждает врагов. Эта первобытная ментальность, видимо, не скоро покинет род человеческий. И поэтому фашизм – это феодализм сегодня. И завтра... Это важнейший признак фашистской идеологии – деление людей на «наших и не наших» (русских и «укропов», – П.Д.). Сталинский тоталитаризм основан на подобной идеологии, поэтому-то они так похожи, эти

режимы – режимы-убийцы, режимы – разрушители культуры, режимы-милитаристы. Только фашисты людей делят на расы, а сталинисты – на классы. Очень важный признак фашизма – ложь. Конечно, не всякий, кто лжет, фашист, но всякий фашист обязательно лжец. Он просто вынужден лгать. Потому что диктатуру иногда еще как-то можно худо-бедно, но все-таки разумно обосновать, национализм же обосновать можно только через посредство лжи – какими-нибудь фальшивыми «Протоколами» или разглагольствованиями, что-де «евреи русский народ споили», «все кавказцы – прирожденные бандиты» и тому подобное. Поэтому фашисты лгут. И всегда лгали. И никто, точнее Эрнеста Хемингуэя, не сказал о них: «Фашизм есть ложь, изрекаемая бандитами»... Не будет у вас штурмбанфюреров, а будут какие-нибудь есаул-бригадиры, но сущность фашизма – диктатура нацистов – останется, а значит, останутся ложь, кровь, война – теперь, возможно, ядерная. Мы живем в опасное время. Чума в нашем доме. В первую очередь она поражает оскорбленных и униженных, а их так много сейчас...» (Борис Стругацкий, «Фашизм – это очень просто. Эпидемиологическая памятка», http://tvrain.ru/articles/krichat_ne_hajl_a_slava_boris_strugatskij_o_prosto-387162/);

«Для руководства таким движением подходит только вполне определенный тип личности. Личность, являющаяся живой квинтэссенцией этой (фашистской, – П.Д.) философии. Этот тип, в общем, к сожалению, хорошо известен. Маргинал, лишенный стабильной социальной среды, не достигший ничего в своей профессиональной области. Болезненно неуверенный и одновременно постоянно сверхкомпенсирующийся – в основном за счет унижения других, за счет агрессии. Человек, лишенный тепла, не знающий глубоких привязанностей, полностью зафиксированный на себе, своем честолюбии, своих сверхценных глобальных идеях – геополитических, национальных и т.д. Эмоционально холодный и внешне энергичный, истеричный демагог. Агрессивный, жестокий, неуравновешенный и вместе с тем ловко умеющий извлекать выгоду из своей неуравновешенности, оборачивать ее во вред другим и на пользу себе...» (Егор Гайдар, «Ставка на негодяев», <https://bell-mess.livejournal.com/1565658.html>; <http://www.gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3505>);

«Россия начала XXI века – это общество, с полной прямоотой реализовавшее те циничные принципы, которые в менее заметной форме присутствуют и в современных западных странах: примат денег в «эру потребления», условность культурных норм, продажность всех и вся, управляемость толпы, широкое применение технологий массового убеждения и зомбирования и т. д. Единственная проблема этой системы заключена в том, что она не способна породить интеллектуальный класс и генерировать знания, которые как никогда ранее востребованы в современном мире...» (В. Иноземцев, «Потерянное десятилетие», <http://msps.su/files/2013/01/INOZEMCEV-1.pdf>; «Как санкции ударят по России», <https://www.rulit.me/books/kak-sankcii-udaryat-po-rossii-read-376414-6.html>);

«Край непуганых идиотов. Самое время пугнуть...» (Илья Ильф об СССР, из «Записных книжек», опубл. 1966, <https://historytime.ru/istoriya-slova/v-krayu-nepuganyx-idiotov/>; Яков Лурье, «В краю непуганных идиотов. Книга об Ильфе и Петрове»,

«Я уже много раз касался опасности убеждений у идиотов, а недавно у Александра Зиновьева в «Гомо советикус» прочитал: «Наличие убеждений у человека есть признак интеллектуальной недоразвитости. Убеждения суть лишь компенсация за неспособность понять данное явление в его конкретности... Человек с убеждениями негибок, догматичен, зануден и, как правило, глуп»...» (Игорь Гарин, «О величии и ничтожестве», <https://www.proza.ru/2015/06/30/1562>);

«– Перестал общаться с четырьмя близкими людьми, которые, как и все в РФ, сошли с ума из-за украинского вопроса. Буквально помешались, иначе не скажешь. Я считал их совершенно здоровыми, западного склада людьми, но вдруг они начали рассуждать, как пещерные дикари. Такого оружия в мировой истории еще не было... – Да. Было биологическое, химическое, ядерное оружие, но телевизионного в том виде, в котором его применяют в России, еще не было. Самое страшное, что это телевизионное оружие власть применяет против собственного народа. В обществе увеличилась агрессия. Это видно по реакции людей на крохотные антивоенные пикеты, которые то и дело проходят в Москве и других городах. Несколько человек выходят с плакатами против войны с Украиной. Раньше их бы не заметили, теперь на них накидывается агрессивная толпа, доходит до драк... Иногда пишут в мой Facebook: мол, вернешься в Россию, мы с тебя живого кожу сдерем. Сообщения появились не только с началом конфликта в Украине, их стали писать с середины 2000-х. Обычное дело, я даже привык...» (Рустем Адагамов, из интервью Натальи Двали «Адагамов: В России осталась дикарская советская психология, ее нужно было выдавливать, как из немцев выдавливали нацизм», <http://gordonua.com/publications/Adagamov-V-Rossii-ostalas-dikarskaya-sovetskaya-psihologiya-ee-nuzhno-bylo-vydavlivat-tak-zhe-kak-iz-nemcev-vydavlivali-nacizm-64698.html>).

Такое архаичное и агрессивное поведение русскоязычного туранского этноса, конечно же, вызвано дисгармоничным развитием у его индивидуумов уровней аффективной регуляции, ответственных за формирование деятельной и самостоятельной личности:

«Выработка избирательного стереотипа в удовлетворении своих актуальных потребностей – это адаптационная задача второго уровня аффективной регуляции – аффективных стереотипов. Организация процесса достижения индивидуально значимой цели в постоянно меняющейся окружающей среде – адаптационная задача третьего уровня аффективной регуляции – аффективной экспансии... При недостаточности функционирования второго и третьего уровней аффективной регуляции у детей наблюдается выраженность интропунитивных черт личности (большое внимание к собственному здоровью, высокая тревожность, неуверенность в себе, невозможность преодолеть возникающие препятствия, большая «цена» деятельности, склонность к различного рода навязчивостям)...» (Наталья Семаго, «Уровни аффективной регуляции», <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200204704>).

Это заключение, конечно же, хорошо соответствует не только несамостоятельным детям, но и многим психически инфантильным а, поэтому-то, и слабовольным, и не достаточно самостоятельным, и легко управляемым русскоязычным взрослым челядишкам:

«Мы агрессивны, и научились с этим жить, и учимся дальше, потому что когда мы теряем контроль над своей агрессией, это бывает страшно, примеров в истории немало. Но та разлитая агрессия, о которой мы начали разговор, не похожа на агрессию на страже жизни. Это разлитая «агрессия вообще», никуда и ни с какой конкретной целью, а значит, везде, всегда и по любому поводу, агрессия невроза, одно из определений которого: «регулярная неадекватная эмоциональная реакция на обстоятельства, вызванная психотравмой или дистрессом (длительным, постоянным стрессом)». То есть буквально то, что мы имеем: реакция, явно неадекватная причине, буря в стакане воды, бешенство из-за мелочей...» (психолог Людмила Петрановская, «Почему мы такие злые?», <https://tribun.com.ua/3218>; <http://www.nsad.ru/articles/pochemu-my-takie-zlye>);

«Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», http://modernlib.ru/books/bunin_ivan_alekseevich/okayannie_dni/read/);

«Мне кажется, самая большая ошибка – разделение русского добра и зла. Русская душа – икона и топор, удивительное, может быть, уникальное совмещение несовместимого. Деспотизм, агрессивность, жестокость, склонность к насилию легко уживаются в русском характере со слезливым состраданием и человечностью; обрядоверие и «древнее благочестие» – с нигилизмом; отсутствие накопительства и равнодушие к богатству – с купеческой безудержностью; сознание личности – с безликим коллективизмом и конформизмом; ксенофобия и самохвальство с всечеловечностью; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие – с воинствующим безбожием; стремление к бесконечному, возвышенному и святому – с мессианизмом, максимализмом, страстотерпием, анархизмом; смирение с наглостью; сервильность и рабство с беспощадным бунтом... Русская амбивалентность нигде не проявляется столь ярко, как в отношении русских к власти: с одной стороны, государство изначально противостоит личности как нечто абсолютно враждебное и на него не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть. С другой стороны, отношение народа к власти патриархально и интимно, по-славянски чувственно. Нравственный максимализм и страстотерпение в применении к власти с неизбежностью оборачиваются своеобразным ультрапарадоксальным садо-мазохистским единством, вплоть до совпадения двух взаимоисключающих друг друга полюсов. На одном – власть, которая на Руси только тогда воспринимается как власть и имеет нравственное оправдание, когда она крута, «страшна к непокорным». Иван Грозный, Петр Великий, Сталин остались в памяти русского народа как «настоящие» властители, «настоящие» хозяева страны и народа именно в силу их «твердой руки» и безжалостности, полного произвола. Не случайно на Руси царь всегда воспринимался двойко: как помазанник Божий и одновременно (!) как Антихрист. Причем

смена позиции и оценки могла быть практически мгновенной. Только что отец родной, предмет искреннего поклонения и тут же – проклинаемый всеми злодей...» (Игорь Гарин, «Движение по кругу», <http://www.proza.ru/2016/03/29/758>).

«Трафарет ситуации», семантическое «заражение» и эмоциональная амбивалентность

«Авторы церковно-книжных произведений строго следовали требованиям литературного этикета. Одним из этих требований был так называемый «трафарет ситуации». Это явление, описанное известным историком древнерусской литературы Д.С. Лихачевым, заключается в том, что, во-первых, сюжеты, ситуации создаются такими, каковы они должны быть согласно традиционным представлениям о морали, этике и т. п. (или просто заимствуются из Библии), и, во-вторых, в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям. В церковно-книжных памятниках постоянно повторяются одни и те же, преимущественно библейские, сюжеты и образы, которые описываются одними и теми же словами. И это вызывает изменение значений данных слов. Так развилось, например, значение слова «предать» – «изменнически выдать». Первоначально оно имело значения, соответствующие, по-видимому, значениям греческих глаголов «*παράδομι*, *προδομι*». В переводных памятниках глагол «предати» соответствовал указанным глаголам. Оба эти глагола означали как конкретную «передачу» (*παράδομι* – «передавать», *προδομι* – «давать вперед»), так и передачу человека врагу, мучителю, на смерть, на поругание. Эта передача во многих случаях сопровождалась предательством: чаще всего повторялся евангельский сюжет о предателе Иуде. Все это нашло отражение и в церковнославянских и древнерусских текстах – не только в переводных, но и в оригинальных. Большая часть употреблений глагола «предати» в этих текстах (около 2/3 из более чем 1000 просмотренных нами), связана с отрицательными ситуациями и предательством. В этих контекстах глагол выступает в сочетаниях: «предати врагу, противну» (т. е. противнику), «иноплеменьникомъ, мучителю, катомъ» («палачам»), «стражемъ, поганомъ, въ руки недостойныхъ» и т. п.; «мукамъ, страсти, казни, бѣдамъ, на убийство» и т. п. Эти наиболее частые употребления и явились истоком современного значения слова «предать» – «изменнически выдать». Однако первоначальное значение («передать») сохранялось в церковнославянском языке до XIV в., а возможно, и позже. На это указывают тексты, в которых глагол означает конкретное физическое действие – передачу предмета из рук в руки, например: «предати брашно» (т. е. еду). Иуда тоже совершил передачу, т. е. выдал, передал Христа иудейским «книжникам и фарисеям», но эта передача сопровождалась изменой, обманом, предательством, ср., например: «и снъ ѿлвчъ предан(ъ) будетъ архиерѣемъ и книжником(м)» («Пандекты Никона Черногорца», по списку XIV в., цитата из Евангелия, Матф. 20, 18; Марк 10, 33). В этих ситуациях происходит одновременно и передача и предательство, но по аналогии с ними появляются такие употребления глагола, для которых существенным остается лишь факт предательства, а о факте передачи ничего не сообщается; например: «аще послеси ела к Дареву (т. е. посла к царю Дарию) предаст тя» («Александрия», список XV – XVI вв.).

Однако должно было пройти несколько столетий, прежде чем это употребление превратилось в самостоятельное значение слова современного языка. В современном языке глагол «предать» означает «изменнически выдать». В древнейший же период слово «предати», в отличие от современного «предать», самостоятельно, без поддержки окружающих слов не выражало отрицательной оценки действия. Но все дело в том, что в положительных ситуациях глагол употреблялся неизмеримо реже, чем в отрицательных. И постепенно глагол стал восприниматься как одно из средств изображения только отрицательных ситуаций, т. е. элементы общего значения контекста вошли в состав элементов значения глагола, и положительные употребления стали невозможны» (Игорь Улуханов, «О языке Древней Руси»,

http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke22/).

Но ведь и слово «преданный» в положительных ситуациях употребляется неизмеримо реже, чем в отрицательных. И, очевидно, это связано с тем, что тех, кому преданны, и тех, кто им предан, в русскоязычном примитивном обществе неизмеримо меньше, чем тех, кого предали, и тех, кто их предал:

«И слово «предать», и слово «прах» получили свои новые значения сходным путем – путем так называемого семантического «заражения» (французское contagion). Этот образный термин введен французским ученым М. Бреалем. Явление семантического «заражения» состоит в том, что постоянное, типизированное употребление слова для изображения одной и той же ситуации, в одном и том же словесном окружении (контексте) приводит к тому, что другие, более редкие употребления становятся невозможными. Слово получает в языке то значение, которое оно раньше выражало совместно с другими словами контекста. Оно получает значение этого контекста, «заражается» значением от контекста» (Игорь Улуханов, «О языке Древней Руси»,

http://www.gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/o_yazyke20/o_yazyke22/).

Однако же это семантическое «заражение», ведь, отражается лишь в сознании индивида. Подсознание же индивида «не знает», как ему адекватно эмоционально реагировать на лексему «предать» а, тем более, и на лексему «преданный». Эйген Блейлер (нем. Eugen Bleuler) считал эмоциональную амбивалентность основным признаком шизофрении. В психоанализе амбивалентность отношения обычно называется «расщеплением Эго». Независимо же от названия и подхода, смена положительной коннотации на отрицательную и, наоборот, не считается признаком здоровой личности и может быть не только одним из симптомов шизофрении русскоязычного населения, но и причиной глубинной социальной напряженности в русскоязычном примитивном обществе:

«Результатом русской амбивалентности стала культурная и цивилизационная расколотовость, двухвекторность, глубинная социальная напряженность, в конце концов, разорвавшая Российскую империю. И сама эта расколотовость проявлялась не столько в противостоянии классов, верхов и низов, сколько – структур сознания, ориентированных на традицию и модернизацию, Восток и Запад, прошлое и будущее. Н.А. Бердяев не случайно объяснил антиномии русского характера его евразийством, столкновением двух потоков

мировой истории – Востока и Запада, синтезом которых является русский народный архетип. Проявителем и выразителем имперской российской двухполюсности стала не имевшая глубоких корней интеллигенция, пытавшаяся занять противоречивую позицию между властью и народом, в результате которой власть и народ не любят и не доверяют ей. При всем своем промежуточном положении русская интеллигенция не является «средним классом», стабилизирующим общество: лишенная прочного экономического самостояния, извечно зависимая от власти, духовно и культурно оторванная от народа, она своею нравственной перегретостью и идейными шараханиями не стабилизировала российское общество, а наоборот все больше «раскачивала лодку»...» (Игорь Гарин, «Движение по кругу», <http://www.proza.ru/2016/03/29/758>);

«Амбивалентность, мне кажется – главная характеристика нашего народа. Нет в России палача, который бы не боялся стать однажды жертвой, нет такой жертвы, пусть самой несчастной, которая не призналась бы (хотя бы себе) в моральной способности стать палачом. Наша новейшая история хорошо позаботилась и о тех и о других» (Иосиф Бродский, «Меньше единицы / Поклониться тени», <https://vikent.ru/enc/2460/>; <https://brodskiy.su/proza/menshe-edinitsy/2/>);

«Отдельные оппозиционно настроенные авторы, например, философ Н. Карпицкий (2007), указывают, что правящий режим пытается сохранить власть путем выстраивания двух иллюзорных реальностей – отдельно для себя и для населения. Обе они представлены в разных знаковых формах, излагаются на разных языках, остаются непонятыми друг для друга, и рано или поздно вступают в конфликт. Именно здесь, по его мнению, можно провести медицинскую аналогию с сумасшествием» (Н.Д. Узлов, «Шизофрения как клинический и культурный феномен: к проблеме шизофренизации массового сознания», <http://www.medpsy.ru/library/library156.pdf>; <https://zapdoc.site/shizofreniya-kak-klinicheskij-i-kulturnyj-fenomen-k-probleme.html>; <https://studydoc.ru/doc/2364362/shizofreniya-kak-klinicheskij-i-kulturnyj-fenomen--k>).

Наличие в русском языке большого множества славянизмов, как с извращенным, так и с амбивалентным смыслом может рассматриваться как признак его «семантической шизофрении», и оно весьма неблагоприятно сказывается на менталитете русскоязычного населения. И таких лексем, вызывающих дезориентацию подсознания, в русском языке весьма много. Например, лексема «неверный» означает и того, кто не верен (неверного мужа, изменяющего жене), и то, что не является правильным (неверный ответ на вопрос). Лексема «необязательный» означает как человека, не отличающегося любезностью, внимательностью, предупредительностью (а, возможно, и не привыкшего выполнять свои обязательства), так и то, что не подлежит непременно исполнению (необязательные действия).

Лексема «стремиться» (укр. «прагнути») является многозначной:

«СТРЕМИТЬСЯ, стремлюсь, стремишься, несов. 1. Быстро двигаться, направляться куда-н.. Стремится конь во весь опор. Пушкин. Казак на гетмана стремился сквозь битву с

саблю в руках. Пушкин. || Устремляться, хотеть попасть куда-н.. С волнением и тоской туда стремлюсь я. Пушкин. Я стремлюсь на юг. 2. Настойчиво добиваться, Стараться достичь чего-н. Стремиться к славе. Ты казалась сильна, молода, к правде, к свету, к свободе стремилась. Некрасов. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику. Ленин. || Стараться что-н. сделать. Маятник стремится сохранить прежнее положение» (Толковый словарь Ушакова).

Однако же подсознанием русскоязычного человека лексема «стремиться» воспринимается лишь сугубо буквально – «быстро двигаться, круто спускаясь вниз или же просто направляясь куда-нибудь» (стремительный – «очень быстрый»; стремнина – «участок реки с быстрым течением»; праслав. *strъmъ – крутой; народн. «стрёмый, стрёмный, стрёмкий» – «проворный, ловкий, бойкий, расторопный», владим., моск., – Даль). Поэтому у русскоязычных людей, как правило, и не возникают бессознательные влечения (стремления) к чему бы то ни было полезному при использовании ими этой лексемы в своей внутренней речи. А у многих из них, наоборот, могут возникать даже и бессознательные страхи, навязываемые негативными лингвопсихическими установками на неизбежность их стремительного падения или же увлечения их стремниной («водоворотом» событий). И это, ведь, тоже весьма способствует влачению ими бесцельного животного-растительного существования и комфорта для них статуса «ведомого». Испокон веков к каким-либо целям (реальным или же принципиально недостижимым мнимым) русскоязычных людей устремляла (укр. «спрямовувала») опекающая их знать (баре или же партийно-хозяйственная номенклатура), используя в качестве «стремлян» не только лесть, но и насилие, и обман.

Слово же «цель» (укр. «мета», япон. «目当て / meate») буквально означает нечто целое (цельное), однако влекущее к лишению его былой целостности (цельности) а, следовательно, и жизнеспособности:

«Живой, т. е. «действующей», признается целостная вещь, а не элементы отношений. Из этой основополагающей идеи исходит и русское представление о системности: только исходя из целостности «вещи» она открывается «как бы сама собою», а не нуждается для своего объяснения в субъективно представленном логическом аппарате и терминах. Это понимание системности отличается от западноевропейского (иудейского, по авторитетному суждению Осипа Мандельштама), согласно которому целое «конструируется» из элементов на основе приписанных этим элементам признаков и предстает как «относительность отношений в пределах целого...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-43.html>).

То есть цель для подсознания русскоязычного человека вовсе не венец благородных устремлений, а всего лишь то, что аналогично жаргону «целка» инстинктивно манит (влечёт) человека к насильственным и деструктивным действиям. А именно, влечёт убить, дефлорировать, разбить, разрушить, уничтожить, изуродовать и, следовательно, лишить возможности дальнейшего нормального существования чего бы то ни было:

«Русские не монады. У нас всякая целостность имеет свое Я, свой центр вращения. И все эти центры смещены имперским сознанием. Если целью нации является интерес, то

целью империи является сама империя. Любой нацией можно пожертвовать ради интересов. А империей нельзя. Потому что она не определена как содержание. Наоборот, ради империи можно пожертвовать интересами. Смещение Я из центра делает оправданной имперскую идею служения. Все это говорит о том, что Россия не может быть без русских. Без русских она станет Евразией. Пространственным понятием. Лесом и степью, которые может заселить кто угодно...» (Фёдор Гиренок, «...О РОССИИ», <http://fedorgirenok.narod.ru/oros.htm>).

Поэтому-то русскоязычные люди и обречены на уродливое (не целостное а, тем самым, и не жизнеспособное) воплощение всего того, на что они нацеливаются. То ли это коммунизм, то ли «нанотехнологии», то ли всего лишь трезвый образ жизни.

Иногда возникают просто-таки крамольные мысли: «А может быть что-то, подобное коммунизму, всё же является вполне возможным, и не свершилось оно лишь потому, что за его реализацию взялся порочный русскоязычный этнос?»:

«Писатель на своем веку повидал немало холуев и хамелеонов всякого сорта. Но то, что породила Россия посткоммунистического периода в этом отношении, не имеет равного в истории. Причем, если в коммунистический период люди холуйствовали якобы по принуждению, то теперь они это делают добровольно, по велению души. Так можно ли все негативные явления советского периода относить за счет коммунизма?! А не имеют ли многие из них источники в самой натуре русских людей?! Все народы поставляли в сокровищницу человеческой истории своих выдающихся представителей. Мы, русские, поставили в нее гигантов государственного идиотизма, предательства, холуйства, двурушничества, лживости, хамелеонства. Мы превзошли в этом все народы и вознеслись на недостижимую высоту» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент», <https://www.rulit.me/books/russkij-eksperiment-read-342667-12.html>).

К тому же, ничто благородное и возвышенное принципиально не может влечь (привлекать) русскоязычного человека, так как само слово «влечь» (укр. «вабити») связано с насилием и, следовательно, имеет негативную оценочную коннотацию:

«ВЛЕЧЬ, церк. «влещи», а с предлогом влекать кого, что; влачить, волокти, волочь, тащить; | силою уносить или утаскивать, как уносит вода, буря. Дух и плоть влекут человека в противные стороны. *Влачить дни свои, тягостно доживать годы. «Влечь» выражает насилие влекомому; «влачить», неволю влекущего. Влачиться, тащиться, волочиться. Не в вышину твои несутся крылья, а по земле влачатся за тобой. Взвлекать бремя на гору. Вовлечь кого в беду. Довлачить постылую жизнь. Завлечь неприятеля в засаду. Извлекай из всего пользу. Навлекать на себя подозрение. Поток низвлекает валуны. Облекаться одеждой, вместо обвлекаться, а в народе оболкаться. Отвлекать кого от дела. Это дело повлечет за собою много хлопот. Подвлек ты меня под ответ. Перевлечь тяжесть. Привлечь слушателей. Провлачить время. Забавы развлекают. Совлечь с себя одежду, или совлечься одежды. Увлечь кого за собою. Увлекаться воображением. Влачение, влечение ср. действие по гл., более употр. в переносном знач., а волочить, волоченье – в прямом. Синонимы и родственные слова: Влачение, влечение, влечься, влещи» (Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/00/163.htm>).

К тому же слово «привлекать», еще и ассоциируется в подсознании с фразой «привлекать к ответственности», что у боящегося и избегающего любой ответственности русскоязычного людишки, конечно же, мгновенно вызывает негативную бессознательную реакцию. И ведь русскоязычные челядишки смирились, конечно же, с наличием у себя формируемых бессознательными лингвопсихическими установками русской ЯКМ и неподвластных разуму инстинктивных влечений преимущественно ко всему негативному (неправильному), и к тому же научились успешно обманывать свою совесть с помощью переосмысленной лексики. Поэтому-то они и чувствуют себя вполне комфортно (как рыба в воде), ведя убогий и извращенный образ жизни в такой «неправильной среде». И, следовательно, никакие модернизации и тем более «нанотехнологии» ни им самим, ни их работодателям, конечно же, не нужны:

«Мы хотим радикальных нетелесных трансформаций мира, о которых знал Филофей и о которых догадывались вожди коммунизма: если уж Москва православная, то как Третий Рим; если социальная справедливость, то такая, которая ведет к раю на земле. А они хотят телесных трансформаций, они рассуждают о каких-то принципах модернизации. Мы теряем идентификацию, забывая о том, кто мы. А они говорят, что мы россияне, и пытаются сделать из нас какую-то новую политическую общность, в которой, судя по всему, нам уготована роль коммуникативных идиотов. Между нами и ними складывается такое коммуникативное пространство, которое основано на передаче сознания субъектности тем, кто субъектом своего порядка мысли и действий не является. Они оставляют себе субъектность, полагая, что нам довольно и чувства субъектности. Правящий класс смотрит на нас из перспективы несовпадения означенного и означаемого. Они смотрят на нас из перспективы знания. Нас же они заставляют смотреть на них из того положения в пространстве социума, в котором значение и означенное совпадают. А для того, чтобы они совпали, нам не нужно ничего знать. Чтобы быть, нам достаточно незнания о своем незнании, то есть мы в этом пространстве коммуникативные идиоты, а они – политические технологи, которые хотят удержать наши смыслы в рамках вербальной суггестии, заставляя нас полагаться не на то, что мы видим и чувствуем, а на то, что мы только слышим. Их косвенная речь блокирует наше прямое суждение. Так в коммуникации появляется человек автономной речи, тот, кто отвечает молчанием или непониманием на обращенный к нему порядок слов и кто поневоле становится аутистом коммуникации, который самым фактом своего существования ставит под вопрос власть демагога...» (Фёдор Гиренок, «Политический палимпсест России», <http://fedorgirenok.narod.ru/politpalim.htm>);

«Почему идея «народа-богоносца» оказалась на тогдашней Руси столь успешной? Потому что именно в эпоху Василия-3 и Ивана-4 уродство российской жизни потребовало радикального оправдания. Дело в том, что вместе с германскими пушкарями и итальянскими зодчими – в наглухо законопаченную Русь просочились первые подробности об окружающем её мире. Стало известно о телескопах, университетах и трусах. Это были крайне неприятные новости. «Русский мир» смутился и пожелал объяснений. Тут-то очень кстати пришли откровения Мисюри и Филофея. Всяким Коперникам досталось лаптем по

их наглым научным мордам. Цивилизация, право и свобода были объявлены «злом бесовским», а святая Русь – победителем этого зла. Отсталость оказалась не бедой, но «высшим замыслом», а свинство – главным оружием против Антихриста. Сама же Московия была означена тем «Третьим Римом», который научит весь мир запаривать репу, правильно сажать на кол и бить поклоны. Как всем известно, выполнение этих действий неизбежно повлечет наступление «царствия небесного» на всей Земле, а заплаканный Антихрист запретя в дальней камерке ада...» (Александр Невзоров, «Антрекот Михайлович Достоевский», <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html>);

«Ни в Китае, ни в Корее, Малайзии или Таиланде элиты, по крайней мере, на уровне господствующих установок не стремились к тому, чтобы, материально подкрепившись в ходе перемен, поскорее рвануть в желаемую Америку, Европу или Австралию, превратив родные нивы лишь в средство удовлетворения растущих материальных запросов. Для нашей же «офшорной аристократии» (термин, введенный в оборот главным кремлевским идеологом Владиславом Сурковым) Россия всегда представляла собой только колониальную плантацию с золотыми плодами, наслаждаться которыми лучше там, где для этого все приспособлено, – на нелюбимом (на пропагандистском уровне, конечно) Западе. При таких подходах государство никогда не станет инструментом преобразований в интересах всего общества. А правительственные программы, будь то в сфере развития нанотехнологий или же создания технопарков, у чиновничества в первую очередь будут вызывать интерес как объект для «освоения» бюджетных средств. Для успешной диверсификации экономики России, возникновения новых высокотехнологичных производств нужны условия для свободного соревнования экономических идей и проектов. Гении современного бизнеса типа создателя Google Сергея Брина, конечно, могли родиться на территории бывшего СССР, но стать гениями в условиях общественно-экономических систем типа российской – никогда. Такая среда требует иной гениальности – в области блатной, «семейной» приватизации, а потом – умения находить баланс интересов с соответствующими группами чиновников... Для решения задач российской модернизации правильные экономические решения вовсе не главное. А главное – это среда, определяемая целым рядом экономических, социальных и политических условий, которая либо располагает к реализации этих решений, либо, напротив, топит и блокирует. Потому что статус-кво – не на словах, а на деле – конечно же, лучше. По крайней мере, в сегодняшней России» (Андрей Рябов, «Правильные слова и неправильная среда», http://www.gazeta.ru/comments/2007/02/07_a_1340421.shtml; <http://www.liberal.ru/articles/425>).

Ведь, вовсе не случайно в русской ЯКМ целесообразным – «разумным, полезным, эффективным» является стремление к достижению любой цели и, в том числе, и «блатной», и даже варварски изуверской:

«Вторая Мировая – и производная от неё, Великая Отечественная – дали множество новых примеров злодеяний во имя целесообразности. Зачем расстреляли польских офицеров в Катыни? Мстили за пленных бойцов Тухачевского? Сводили счеты с ненавистными «ляхами»? Никак нет! Просто прикинули: в лагерях от этой оравы будут проблемы,

отпустить никак нельзя – восстанут, кормить нечем... Значит, по пуле на брата – и вся недолга. Простой и дьявольский расчет. И так каждый раз. Когда бросали в атаку штрафбаты с половинками кирпича – «оружие добудут в бою». Когда прогоняли по минным полям линейные роты, так как сапёры будут работать слишком долго, а специальные противоминные катки – идеологически чуждая американская приبلуда. Когда исполняли приказ Ставки Верховного Главнокомандования номер 228 об уничтожении оставленных городов и сёл. Когда отнимали у мирного населения продовольствие, обрекая людей на голодную смерть – солдаты ведь важнее, чем какие-то там дети. И так далее. За каждым бесчеловечным решением и преступным приказом стоял холодный расчет и безжалостная целесообразность... Но только в одной стране во имя целесообразности и военно-экономической выгоды массово жертвовали собственными гражданами. И в дальнейшем Советский Союз действовал с сугубо механической безжалостностью. От кровавого подавления восстания в Венгрии до расстрела в Новочеркасске. От Тоцких испытаний ядерной бомбы на живых солдатах – до афганской бойни. От намеренной порчи датчиков метана в шахтах – до замалчивания аварий на комбинатах и космодромах. От затягивания с эвакуацией населения Припяти после аварии на ЧАЭС – до намеренного разжигания конфликтов в национальных республиках. При этом, я не склонен демонизировать советский режим - руководители нашей огромной страны были большими государственниками, и делали то, что шло на пользу государству. Вот только человеческую жизнь они ценили дешевле металла, и использовали людей, как некий расходный продукт. «Лес рубят – щепки летят», «не разбив яиц, не приготовишь яичницы», – вот их негласные девизы. Впрочем, с наступлением «демократии» ситуация не изменилась. Разве что, к выгоде государственной добавилась ещё и личная. А методы и способы достижения целей остались прежними» (Данил Чикин, «Тирания эффективности» / «Самое страшное, что у режима Путина внутри Украины есть союзники» / «Кто заказал Бузину?», http://novostiua.org/news/85012-samoe_strashnoe_chno_u_rehima_putina_vnutri_ukrainy_estj_sojuzniki).

И таки действительно, уже сама русская ЯКМ прививает подсознанию человека то, что любая «цель оправдывает средства».

Варварство и вандализм русскоязычного человека

Так почему же влачащий нищенскую жизнь русскоязычный человек относится поварварски, прежде всего, ко всему, что является общим, ломая и уродуя городские таксофоны и сидения в общественном транспорте, загаживая газоны и лесополосы? Не потому ли, что для его подсознания слово «общий», подобно польскому слову «obcsuch», означает чужой (заимств. из цслав., вместо исконно русск. «обчий», др.-киев. «объчии», «объче» нареч., ст.-слав. «объшить»... польск. «obcsu» – чужой, – Этимолог. словарь Фасмера)? И не потому ли русскоязычный человек так безжалостно истребляет окружающую его природу, что для его подсознания нет никакой разницы между словами «потребитель» и «истребитель»? Ведь:

«...в русском литературном языке XVIII в. слова «потребитель», «потребительница»

квалифицировались как славянизмы. Они обозначали «того, кто губит, разоряет, истребляет что-нибудь». Это значение вполне соответствовало основному значению церковнославянского глагола «потреблять» – «истреблять, губить». Ср. «потребление» – «погубление, разрушение». От этого гнезда были семантически обособлены слова «потреба, потребность» – «надобность, нужда» (см. в статье «Кораблекрушение в южном море»: «И нужда в самых необходимых потребностях была так велика, что даже и соленого мяса почти ничего не оставалось» (Моск. журн., 1802, ч. 5, с. 130), и «потребный» (в 2-х значениях: «нужный, полезный» и «приличный, удобный»; сл. АР, ч. 5, с. 83–84), а также слова «употреблять – употребить» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/potrebitel.html>).

И, если украинское слово «придбати», означающее заполучить что-либо, заботясь о себе (укр. «дбати» – заботиться), то соответствующее ему русское слово «приобрести», как и слово «обрести», ассоциируется в подсознании со словом «обречь», означающим: «Предназначить к какой-нибудь неизбежной участи (обычно тяжёлой)». И, следовательно, слово «приобрести» бессознательно воспринимается русскоязычным людишкой, как: «Обречь приобретённое на истребление». Да и слова то «достойный» (укр. «гідний») и «достояние» (укр. «надбання») ассоциируются с чем-то застойным и, следовательно, с неизбежно обречённым уйти в небытие.

К тому же русскоязычный людишка испокон веков был склонен к безудержному растрачиванию природных богатств, к варварству и к вандализму:

«Дана нам красота невиданная

И богатство неслыханное.

Это – Россия.

Но глупые дети все растратили.

Это – русские»

(Василий Розанов, «Мимолётное», 1915, <http://city.info/quote/242041>);

«Нам все еще чудится, что надо нечто разорить, чему-то положить предел, что-то стереть с лица земли. Не полезное что-нибудь сделать, а именно только разорить. Ежели признаться по совести, то это собственно мы и разумеем, говоря о процессе созидания» (Михаил Салтыков-Щедрин, «Господа ташкентцы», <http://public-library.narod.ru/Saltykov.Mikhail/gospodatashkentzy.html>);

«Взять хотя бы песню «Во поле берёзонька стояла». Это ключ к пониманию российской души. Это тихий ужас.

«Во поле берёза стояла,

Во поле кудрявая стояла.

Некому берёзу заломати,

Некому кудряву заломати.

Я ж пойду погуляю,

Белую берёзу заломаю».

Речь не о том, что дров нет. Вопрос в песне: зачем она там стоит? Надо её пойти и поломать. Вот ключ к недосказанности российской души. Нет ни намёка на созидание...» (Александр Стражный, «Мудрый, хитрый, толерантный. Кто такие украинцы – уроки самоидентификации», <https://focus.ua/society/358317/>);

«Победители... опустошили страну, вырубали деревья, поломали дома, разрушили святилища и общественные строения аборигенов, уничтожили водоёмы, ограбили жителей, поглумились над татарским богослужением, выбросили из могил и набросали в навоз тела их предков и превратили их гробы в корыта для свиней, уничтожили все памятки древности...» (сов. историк, член-корреспондент АН СССР Сергей Бахрушин, «Основные моменты истории Крымского ханства» // «История в школе», Москва, 1936, №3, с. 57, [http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/170461/45-Bakhrushin.pdf?sequence=1](http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/170461/45-Bakhrushin.pdf?sequence=1;); <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/170461>);

«Мы превратили Крым в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какой он был у турок! Нам по истине как будто уже судьбой назначено: опустошать все, распространяя наши пределы, использовать на манер вандалов и гуннов и победами нашими и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побеждать...» (Первый ректор Харьковского университета В.Н. Каразин, Письмо к князю Адаму Чарторыйскому // «Русская старина», СПб., 1871, Т. 3, с. 707–708);

«Но в XVIII веке Дикое Поле затопляет Крым новой волной варваров. На этот раз это более серьезно и длительно, так как эти варвары – русские, за их спиной не зыбкие и текучие воды кочевого народа, а тяжелые фундаменты Санкт-Петербургской империи... Еще с первой половины XVIII века, с походов Миниха и Ласси, начинается истребление огнем и мечом крымских садов и селений. После присоединения, при Екатерине, Крым, отрезанный от Средиземного моря, без ключей от Босфора, вдали от всяких торговых путей, задыхается на дне глухого мешка... Ударьте киркой по любому шиферному, совершенно бесплодному скату холма – вы наткнетесь на обломки гончарных труб; на вершине плоскогорья вы найдете воронки с овальными обточенными камнями, которыми собиралась роса; в любой разросшейся под скалой купе деревьев вы различите одичавшую грушу и выродившуюся виноградную лозу. Это значит, что вся эта пустыня еще сто лет назад была цветущим садом. Весь этот Магометов рай уничтожен дочиста. Взамен пышных городов из «Тысячи и одной ночи» русские построили несколько убогих уездных городов по российским трафаретам и частью из потемкинского романтизма, частью для екатерининской рекламы назвали их псевдоклассическими именами – Севастополей, Симферополей, Евпатории. Древняя Готия от Балаклавы до Алустана застроилась непристойными императорскими виллами в стиле железнодорожных буфетов и публичных домов и отелями в стиле императорских дворцов. Этот музей дурного вкуса, претендующий на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере, очевидно, так и останется в Крыму единственным монументальным памятником «русской эпохи...» (Максимилиан Волошин, «Культура, искусство, памятники Крыма», 1924,

http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_krym.htm);

«Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень –
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы – Россия – не пришли.
За полтораста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли;
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел. Источники иссякли.
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды...»

(Максимилиан Волошин, «Дом поэта», 1926, <http://www.stihi-rus.ru/1/Voloshin/83.htm>);

«Руины Херсонеса ещё были крепкими и везде были даже двери. Как только пришли русские, всё сразу было уничтожено... Переворачивали, разбивали и уничтожали всё, что захватывали и что послужило бы освещению старинной истории этой страны... Если бы греческий архипелаг попал под власть России, не осталось бы там нынешних прекрасных памятников древней Эллады. Исчезли бы Афины и российские кавалеристы не оставили б и корешка, который показывал бы, где было это место. В сравнении с россиянами даже турки выглядят образованными и культурными» (E.D. Clarke, «Voyages en Russie en Tartarie et en Turgue», – Paris, 1813, V.2. – P.306–309; цит. по: Валерий Швец, «Украина. Крым. Россия», <http://bintel.com.ua/ru/article/ukraina-krym-rossija/>);

«Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, – разрушить лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как всё это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам, готовым нахлынуть на древний Рим и разрушить святыню, даже без всякого понятия о том, какую драгоценность они истребляют» (Федор Достоевский, «Дневник писателя», гл. 2, I Мой парадокс, 1876 г. (май-октябрь), <http://dostoevskij.karelia.ru/showarticle.phtml?id=52>; <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol13/175.htm>);

«Проходят эпохи душения,
Но сколько и как ни травы,
А творческий пыл разрушения
Играет в российской крови»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/03.htm>);

«Не дорожа средней областью культуры, русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных

ценностей, как это можно было наблюдать, например, в начале большевистской революции, когда крестьяне, матросы и солдаты избивали породистый скот в имениях помещиков, вырубали великолепные фруктовые сады, сжигали или коверкали ценную мебель. Михаилу Бакунину принадлежит замечательное изречение: «Страсть к разрушению есть творческая страсть». Степун в своей книге «Прошедшее и непреходящее» говорит, что в душе русского человека есть склонность все разрушать до дна и тогда создавать новое, светлое. Невыработанность характера русских людей служит объяснением тому, что С.Г. Пушкирев характеризует как чрезвычайно большой диапазон добра и зла в истории русского народа: с одной стороны, вершины святости, с другой стороны – сатанинское зло. О. Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» говорит: «История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=20>);

«Ну, по поводу «духовности» (и «святости», – П.Д.) в Московской Руси многое могут рассказать постановления Стоглавого собора 1551 года, посвящённые искоренению «разврата» и «содомии» в великорусских православных монастырях. Под «развратом» подразумевалось существование смешанных – женско-мужских – монастырей, очень распространённых в то время. Однополые же связи, в том числе с несовершеннолетними, встречали довольно терпимое отношение (и, безусловно, широкое подражание) в различных кругах православного русского общества. Один из русских церковных трактатов XVI века на эту тему назывался весьма политкорректно: «О мальчиколюблении». Успех царской власти и официальной церкви в борьбе с этими явлениями выразился лишь в том, что их с течением времени просто стали тщательнее скрывать, только и всего...» (Ярослав Бутаков, «Настоящее есть следствие прошедшего», <http://ehorussia.com/new/node/10666>);

«Сверху собачья старость и разврат, снизу – грубое и глубокое невежество. Мудрено ли, что Европа считает нас варварами?.. Иные народы развратились, когда сделались образованными, мы же ухитрились погрузиться в омут разврата, находясь почти в варварском состоянии» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 14 ноября 1863 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml, Т. 3, 11 декабря 1867 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

И ведь же, эта психически инфантильная русскоязычная посредственность до сих пор не способна понять, – как же воспринимается во всём мире её неимоверно жестокий холопский этнос, всё ещё не доросший до цивилизации и не достойный не то чтобы уважения, но даже и ненависти. Ведь, ненавидеть можно лишь тех, кого уважаешь. Психически же инфантильные русскоязычные ничтожества, конечно же, достойны лишь крайнего презрения или же жалости. Возможно, именно поэтому-то в русской ЯКМ наиболее употребительными синонимами слов «презрительный» (4948 употреблений на ≈ 300 млн. слов) и «презренный» (723...) являются слова «жалкий / жалчайший / наижалчайший»

(14121...) и «ничтожный / ничтожнейший» (2686...) (см.: Словарь русских синонимов, <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/презренный>), а чувства, испытываемые к этим русскоязычным чудовищным ничтожествам, – намного сильнее ненависти:

«Русских везде в Германии, не исключая и Берлина, ненавидят (точнее, презирают, – П.Д.). Знаменитый Крейцер сам сказал Калмыкову после взятия Варшавы, что отныне питает к нам решительную ненависть (на самом деле, нем. «verabscheuen» – «питать отвращение», – П.Д.). Одна дама пришла в страшное раздражение, когда наш бедный студент раз как-то вздумал защищать своих соотечественников. «Это враги свободы, – кричала она, – это гнусные рабы!»...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 21 июня 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Садо, у которого останавливался Хаджи-Мурат, уходил с семьей в горы, когда русские подходили к аулу. Вернувшись в аул, Садо нашел саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину... Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами... Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть... О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения» (Лев Толстой, «Хаджи-Мурат», <http://ilibrary.ru/text/1006/p.17/index.html>);

«Я читал «Хаджи-Мурата» и в детстве, но только сравнительно недавно понял смысл этих страшных, невыносимых для русского сознания слов – после убийства Анны Политковской, его расследования и суда над непосредственными исполнителями. Анна, писавшая правду о преступлениях российской власти в Чечне, была святой. В небесном Иерусалиме ее место в Аллее Праведников. Ее строки были наполнены невыносимой человеческой болью, страданием разрываемых тел и душ жертв. Им, умершим в аду, Анна возвращала сочувствие и достоинство после смерти. Заказали и организовали ее убийство русские властные мерзавцы. Убийцам оказывали логистическую поддержку две оперативных группы МВД и ФСБ. Но убили ее чеченцы. И ни ее убийство, ни обнародование имен ее убийц не потрясли чеченское общество. Оно осталось абсолютно равнодушным к судьбе Анны. Оно было озабочено тем, как укрыть от суда Рустама Махмудова, стрелявшего в Анну. Это казалось мне совершенно непостижимым, пока я не понял, наконец, простую вещь. Путин и Политковская для чеченцев по большому счету неразличимы. И тот, и другая, как и мы все, по факту своего рождения принадлежат в их восприятии к категории тех самых существ, к которым они испытывают чувство, что сильнее ненависти. Путин просто полезнее

как сегодняшний пахан этих существ, с которым приходится вести важные переговоры и заключать сделки. Принести ему в день рождения в качестве подарка голову ненавидимой им незначительной журналистки может оказаться полезным для чеченского этноса тактическим ходом. Та же история и с Немцовым. Под копірку. А он ведь собрал миллион подписей у себя в Нижнем, привез их в Кремль и сделал многое, чтобы остановить первую чеченскую войну...» (Андрей Пионтковский, «Проект «Кадыров», <https://www.svoboda.org/a/26988935.html>);

«Не смотря на чудовищные злодеяния, которые русские веками творили и сегодня продолжают творить на чеченской земле, чеченцы почти не испытывают вражды к русским. На первый взгляд парадоксально, ведь в мстительности чеченцам не откажешь. Но это на первый взгляд. Углубившись в суть вопроса, начинаешь понимать, что чеченский менталитет не воспринимает русских как нацию. Нет объекта для ненависти. Невозможно испытывать ненависть к саранче или наводнению. Можно только скорбеть, печалиться, молить Бога и спасать свой народ доступными средствами...» (Саад Минкаилов: Взгляд на русскую действительность (без оглядки на политкорректность), <https://rusские-svinii.blogspot.com/2018/04/vzglyad-na-russkuyu-dejstvitelnost-bez-oglyadki-na-politkorrektnost.html#more>);

«Но они (презренные психически инфантильные существа, – П.Д.) не понимают, как выглядит их поведение со стороны, а если им это показывают – способны только на совершенно ребяческую обиду (например, не переводят книги о себе, делая вид, что их вовсе не поставили в угол). Так же точно они не понимают, что богатство страны определяется вовсе не количеством награбленного золота, а занятиями населения этой страны. Что сколько бы и каких сокровищ они ни увезли из Ливонии в Москву, Москва останется скоплением темных изб, окруженных грудями навоза и человеческих фекалий, опасных для здоровья и вонючих, а в Риге и Кракове «поганые немцы» и «чертовы ляхи» все равно будут жить интереснее и богаче...» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», http://loveread.me/read_book.php?id=9885&p=48);

«Мужики действовали слаженно и уверенно, со знанием дела: одни отдирали от пола прибитые скамьи и бросали их на сцену, другие наглухо заколачивали окна досками, третьи прикатали бочонки, расставили их вдоль стены и ведрами таскали в них воду, четвертые принесли спирт и рыбу. Когда все было закончено, двери клуба крест-накрест заколотили досками, раскидали по полу бывшее под рукой тряпье – телогрейки, подстилки, рогожки; повалили невольниц на пол, возле каждой сразу выстроилась очередь человек в двенадцать – и началось массовое изнасилование женщин – «колымский трамвай», – явление, нередко возникавшее в сталинские времена и всегда происходившее, как в Бугурчане: под государственным флагом, при потворстве конвоя и властей. Этот документальный рассказ я отдаю всем приверженцам Сталина, которые и по сей день не желают верить, что беззакония и садистские расправы их кумир насаждал сознательно. Пусть они хоть на миг представят своих жен, дочерей и сестер среди той бугурчанской штрафбригады, ведь это только

случайно выпало, что там были не они, а мы... Насиловали под команду трамвайного «вагоновожатого», который время от времени взмахивал руками и выкрикивал: «По коням!..» По команде «Кончай базар!» – отваливались, нехотя уступая место следующему, стоящему в полной половой готовности. Мертвых женщин оттащивали за ноги к двери и складывали штабелем у порога; остальных приводили в чувство – отливали водой, – и очередь выстраивалась опять. Но это был еще не самый большой трамвай, а средний, «трамвай средней тяжести», так сказать. Насколько я знаю, за массовые изнасилования никто никогда не наказывался – ни сами насильники, ни те, кто способствовал этому изуверству. В мае 1951 года на океанском теплоходе «Минск» (то был знаменитый, прогремевший на всю Колыму «Большой трамвай») трупы женщин сбрасывали за борт...» (Елена Глинка, «Колымский трамвай средней тяжести», <http://shalamov.ru/context/11/>; <http://you-books.com/book/E-S-Glinka/Tryum-ili-Bolshoj-kolymskij-tramvaj>);

«На повозках и машинах, пешком старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно по всем дорогам и магистралям страны уходили на запад. Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, посбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, оттеснили в сторону стариков и детей и, позабыв о долге и чести и об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек. Женщины, матери и их дочери, лежат справа и слева вдоль шоссе, и перед каждой стоит гогочущая армада мужиков со спущенными штанами. Обливающихся кровью и теряющих сознание оттащивают в сторону, бросающихся на помощь им детей расстреливают. Гогот, рычание, смех, крики и стоны. А их командиры, их майоры и полковники стоят на шоссе, кто посмеивается, а кто и дирижирует – нет, скорее, регулирует. Это чтобы все их солдаты без исключения поучаствовали. Нет, не круговая порука, и вовсе не месть проклятым оккупантам – этот адский смертельный групповой секс. Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы. Потрясенный, я сидел в кабине полутурки, шофер мой Демидов стоял в очереди, а мне мерещился Карфаген Флобера, и я понимал, что война далеко не все спишет. А полковник, тот, что только что дирижировал, не выдерживает и сам занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей, бьющихся в истерике детей и стариков» (Леонид Рабичев, «Война все спишет», «Знамя» № 2, 2005; «Без покаяния нельзя уйти из жизни», <https://pl.com.ua/leonid-rabichev-bez-pokayaniya-nelzya-ujti-iz-zhizni/>);

«Когда советские воинские части перехватывали колонны бегущих на запад немецких беженцев, то они творили такое, чего в Европе не видели со времён нашествия монголов в Средние века. Всех мужчин – большинство из которых были крестьяне или немцы, занятые в жизненно важных профессиях, и таким образом, освобожденные от воинской службы, – обычно просто убивали на месте. Всех женщин, почти без исключений, подвергали групповому изнасилованию. Такова была участь и восьмилетних девочек, и восьмидесятилетних старух, и женщин на последних стадиях беременности. Женщинам, которые сопротивлялись изнасилованиям, перерезали горло, или застреливали. Часто, после

группового изнасилования, женщин убивали. Многих женщин и девочек насиловали по столько много раз, что они от одного этого погибали. Иногда советские танковые колонны просто давили гусеницами спасающихся беженцев. Когда части Советской Армии занимали населённые пункты Восточной Пруссии, то они начинали такую бестиальную, звериную оргию пыток, изнасилований и убийств, что это не представляется возможным описать в полной мере в этой статье. Иногда они кастрировали мужчин и мальчиков, перед тем как убить их. Иногда они выдавливали им глаза. Иногда они сжигали их заживо. Некоторых женщин, после группового изнасилования, распинали, прибив их ещё живых к дверям амбаров, а затем используя их в качестве мишеней для стрельбы» (Американский историк-ревизионист Вильям Пирс о Восточной Пруссии января 1945-го, «Ревизионистская история: взгляд справа», М., 2003, стр. 61,

http://narodna.pravda.com.ua/history/4aba86e9abd9e/view_print/);

«После капитуляции Германии в 1945 году советские войска заняли датский остров Борнхольм – так Кремль попытался установить контроль над проливами Балтийского моря. Но эта оккупация продлилась менее года... «Они тащат все, как воронье», – уже через неделю оккупации сообщал о советских солдатах в Копенгаген Пауль фон Стеманн, губернатор Борнхольма... Губернатор Стеманн 31 мая сообщал в Копенгаген: «Гавань в Ренне представляет собой смесь конторы по перевозке мебели с бродячим цирком. Сено и солома, телеги и лошади, оружие и боеприпасы – все свалено в кучи вперемежку с продуктами. Здесь же швейные машинки всех видов, магазинные весы, ковры от самых дорогих до самых дешевых. Нет такой вещи, которой бы ни нашлось здесь»... Енс Хольм, лидер местного сопротивления, писал тому же Меллеру: «В прошлое воскресенье на молодую девушку, дочь моего соседа, напали двое русских. Один из них отобрал у нее велосипед и ручные часы и исчез, после чего другой, с револьвером в руке, изнасиловал ее. Подобное можно услышать почти каждый день то на одном, то на другом конце острова»... Бойцы 2-го Белорусского фронта высадились на Борнхольме с мебелью, реквизированной в Германии, май 1945-го. Норвежский журналист, который был тогда на острове нелегально, заметил в репортаже для Newsweek, что множество солдат – это overgrown kids, великовозрастные дети» (Олег Шама, «Гибридная оккупация», <https://magazine.nv.ua/journal/3035-journal-no-10/hibridnaja-okkupatsija.html>);

«Достаточно вспомнить чудовищный уровень мародерства, продемонстрированный советскими «освободителями» везде, куда они приходили, чтобы вопрос отпал сам собой. Свидетельств этому великое множество, см., напр. Н. Никулин, «Воспоминания о войне»; напомним, что в Красной армии легальная норма грабежа (объем отсылаемых посылок с «трофеями») существовала вполне официально (и зависела от звания) – но ладно бы речь шла только о грабеже! Нет, для воспеваемых ныне ветеранов (не всех, конечно – но многих!) особый смак был в том, чтобы разломать, разрушить, изгадить без всякой пользы для себя – справить большую нужду в парадный сервиз, выкинуть из окна рояль и т.д. и т.п. Из одной лишь тупой злобы и скотской зависти к тем, кто смеет жить чисто, хорошо и красиво. И так они вели себя, естественно, не только на вражеской территории. Достаточно вспомнить, что

творил этот народ в тех же графских имениях после большевицкого переворота – или посмотреть на изрезанные скамейки, разбитые телефонные кабинки и расписанные матом стены в любом современном русском городе. Само собой, и по части корыстного мародерства нынешние русские оккупанты также верны заветам дедов – что они и продемонстрировали и в Чечне, и в Грузии, и в Украине. Так что спереть или изгадить попавшийся без охраны экспонат и обвинить в этом «фашистов» – это для них «святое» в любую эпоху...» (Юрий Нестеренко, «Еще о германской армии и российской лжи», <http://rufabula.com/articles/2015/03/30/about-the-german-army-and-the-russian-lie>; <http://newsland.com/community/politic/content/eshche-o-germanskoi-armii-i-rossiiskoi-lzhi/3397866>).

Вырезать на коре дерева, а то и просто нацарапать на штукатурке в подъезде или даже на мебели в общественных местах свой автограф: «Люся + Вася = любовь» или «Здесь был Вася», а также справить нужду где вздумается – это ведь тоже весьма характерно для русскоязычных челядишек (для, так называемого, «быдла»):

«Бессмысленный вандализм тоже, к сожалению, характернейшая черта нашего повседневного быта. Причем именно бессмысленный – превратить в туалет подъезд собственного дома или лифт ничего не стоит, на это тоже нет внутреннего запрета, и даже соображения целесообразности («самому же будет плохо») не действуют. В сущности, это есть варварское стремление сокрушить все упорядоченное, размеренное, нормальное. Тут тоже какая-то глубинная внутренняя потребность все разорить и привести в непотребный вид и тем явить миру и самому себе всю непривлекательность собственной природы и ее «широту», не считающуюся с соображениями целесообразности и морали... Не просто не ходить в храм, не просто закрыть его, а обязательно справить нужду в алтаре, поперек лица Богородицы нацарапать матерное слово...» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Ребенком я слышал от старушки, приехавшей в Москву из деревни, как у них местные комсомольцы забирались на колокольню еще не закрытой церкви и – прости, читатель! – мочились сверху на крестный ход: на собственных отцов и матерей, дедушек и бабушек. Не «иногородцы» с окраин, даже не партийцы из города: местные, деревенские, свои парни, плоть от плоти и кость от кости крестьянской Руси» (Сергей Аверинцев, «Имеющий ухо да слышит...», <http://testlib.meta.ua/book/3969/read/>);

«Именно быдло мочится на углу и в подъездах, хамит кондуктору и пишет на стенах. Оно выбирает одежду с логотипами и брендами (Быдло выбирает одежду с логотипами брендов и всевозможными надписями), ему нравятся световые и шумовые эффекты (Сверкание и шумовые эффекты неизменно привлекают быдло. Это делает данную породу людей похожей на детей или на некоторых животных), одевается оно спортивно и дешево (Орleckое быдло не сильно отличается от любого другого быдла. Одевается спортивно и дешево, ведет падший образ жизни, при этом считает себя венцом творения эволюции), любит смотреть телевизор (Самое любимое времяпрепровождение быдла – просмотр

телевизора. На телевидении об этом знают и поэтому стараются почаще показывать передачи, которые предназначены именно для быдла)...» (С.Г. Воркачев, «Быдло как ключевое слово рунета», <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-12.htm>);

«Мы не умеем созидать. Вместо того чтобы радоваться, например, новому красивому зданию, русский человек начинает скрежетать зубами: «Вот деньжищ-то угрохали, сволочи!» Черная зависть к богатым людям в нас заложена генетически. Конечно, к ним сегодня много претензий. Не всегда они правильно себя ведут, но принципиальное отношение к ним в стране всегда было одинаковым. Россия резко перешла от рабства к мнимым свободам. Мы гадим там же, где живем. В подъездах – грязь, в лифтах – моча. Наверное, такое отношение формирует наше крепостное мышление...» (Олег Янковский, «Кому – власть, кому – таблетка молодости», http://gazeta.aif.ru/_online/aif/1311/03_01);

«Русский идет по порочному кругу истории, не сознавая, что это круг и что он порочен. Русский – радикально неисторичен, и в этом – его самобытность. Он все время сбивается и, начав об одном, говорит о другом, не держит мысль. Видимо, он боится мысли. Не справившись с миром, он гадит в мире. Он антиэкологичен. Мир превращается в помойку и если бы не власть, русский бы уже давно утонул в отходах. Он – механический богоносец. Закон приходит в противоречие с самыми кровными интересами русского, противоречит идее выживания: от нищенского «не помереть с голоду» до общемещанского «свести концы с концами». Нет сил, времени оглянуться вокруг. Отсюда – наплевательское отношение к планетарным и районным делам. Русский затравлен, замучен, задрочен. То скаля пасть, то виляя хвостом, он ждет для себя оправдания...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Оправдание русского мира», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

И поэтому-то это русскоязычное быдло не в состоянии никак понять также и то, почему же так безжалостно изуродовано, замызгано и загажено все вокруг:

«Более того, если рассматривать Россию в контексте зонной идеологии, то многие кажущиеся абсурдными вещи становятся на свое место. Первый признак зоны – общее ощущение «не дома». Согласно опросам, 63% россиян хотят сменить страну проживания. В кучах мусора, оставляемых по обочинам и в местах отдыха, в краткосрочности всех планов (включая инвестиционные), в пассивности и нежелании строить и создавать – во всем в России есть это ощущение «не дома»: все не мое, я пользуюсь украдкой, заботиться не о чем, жалеть нечего...» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml; <https://republic.ru/posts/1/1114094>);

«...у нас и при подъезде к любому российскому городу – горы мусора и смердящая гниль. Казалось бы, работы для патриотов Отечества в Отечестве том не меряно! Однако весь русский патриотический запал уходит на болтовню о святых истоках, о коварности инородцев...» (Николай Варгесов, «У русских Родины нет», <http://www.kp.ru/daily/24417/589686/>);

«Архаически-варварское начало пронизывает не только быт, культуру, сознание русского человека, и сказывается не только в захламлении жилищ, загаженности среды, но и в немотивированной агрессии и вандализме. (И. Яковенко. Варварство как норма жизни. Полемические заметки о русской цивилизации. // Родина. 1995. № 8. – С. 30). В этом и только в этом стираются грань между «верхами» и «низами» российского общества, – это единая культурная норма для всех. «Столкновение с другой нормой упорядоченности мгновенно порождает в нормальном россияnine органическое отторжение. Так, обязательно в глубинке бьют, колют новые киоски, памятники, которые «высовываются» из средней нормы хаоса. Надбив, надломав, слегка загадив чуждое, пришедшее из мира цивилизации, архаический субъект тем самым осваивает новый предмет, лишает его опасных, вредоносных потенций» (И. Яковенко. Указ. соч... – С. 30-31). Этого мнения придерживались и дореволюционные историки: «Болезнь русского общества заключалась в варварском начале косности, в стремлении как можно меньше делать и жить за чужой счёт» (В.С. Соловьёв. Грехи России. // Новый мир. 1989. № 1. – С. 621). Современные философы отмечают, что в России одно варварство сменяется другим. От марксизма взяли в первую очередь его «варваризирующую» сторону – «кто был ничем, тот станет всем...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Путь наш пролегает лесом по-над ручьем, мимо бесконечных свалок, оврагов, превращенных в помойки, неопрятных следов летних пикников. Господи, как засрали твой мир! Как загадили чистоту под деревьями!...» (Юрий Нагибин, «Дневник», <http://kuvaldinur.narod.ru/kuvaldin-ru/nagibin-dnevnik.html>);

«Все подходы к озерам загажены так, что страшно подойти. А чаще не подойти по другой причине – все озера и даже весь север Ладогои нелегально застроены. У всех собаки и джипы. А места общего пользования с таким количеством мусора, что сколько мы не пытались его вывозить на своих велосипедах, иногда таща по три дня мусорные мешки – этот мусор не иссякает. Что говорить, если даже таможенная, еще закрытая, территория с русской стороны в Брусничном – загажена так, что словами не описать. Вот и вопрос: как с этим жить? ...такое «патриотическое» отчаяние охватывает, когда читаешь такие признания совсем не политизированных, мирных обывателей, открывающих для себя «вид на пропасть» – между миром и Родиной. Почему так? Почему в России сконцентрировано все самое уродливое и безобразное, что может быть в человеке? И самое страшное, что здесь в России это считается нормой, мы называем это нашим менталитетом – жить в говне и быть говном. И еще гордимся этим» (Александр Старостин, «Мы называем это нашим менталитетом», <http://ehorussia.com/new/node/9510>).

И ведь же, всё это бессознательно провоцируется уродливой русской ЯКМ:

«Распространенное выражение «продукты питания» – отличный повод тихо поржать. Если у вас оно до сих пор еще не вызывает этого желания, значит вы просто не дали себе

труда вдуматься в его смысл. В таком случае попробуйте сделать это в процессе чтения данной статьи. О продуктах питания мы слышим ежедневно, на каждом шагу: в супермаркете, по радио и телевидению. Разнообразные «продукты питания» нам предлагают торговые компании пищевой промышленности, оптовые склады, продовольственные магазины, организации по доставке пищи на дом и в офисы. Есть даже фирмы, гордо носящие это название. Остается только удивляться, насколько безнадежно наши предприниматели, рекламщики и рядовые потребители, а попросту сказать, весь русский народ, утратил чувство языка! Давайте же, наконец, разберемся, что, собственно, нам предлагают под маркой «продуктов питания»? Продукт – это результат переработки какого-то сырья, а также материальный (или нематериальный) итог чьего-либо труда. Например, бензин – это продукт, получаемый из нефти, сыр, масло, сметана, кефир – все это молочные продукты, а эти строки – продукт работы моего головного мозга. Хорошенько уяснив эту простую вещь, спросим себя теперь, что такое питание? Питание в биологическом смысле – это усвоение организмом пищи. И, следовательно, продукты питания есть не что иное, как итог, результат пищеварения. Их, собственно, всего два, чьи названия общеизвестны, а потому позвольте мне их не оглашать. Иначе говоря, продукты питания мы имеем удовольствие зреть ежедневно в своих унитазах, а также, увы, и в общественных уборных (попасть в очко для нашего народа – до сих пор еще задача непосильная). Ну, а вывод из всего сказанного таков: место продуктов питания – в канализации, но никак не на нашем столе. Вместо них я бы посоветовал обратить внимание на продукты для питания» (Сергей Цветков, «Не ешьте продукты питания»,

http://zaist.ru/news/vyrazheniya/ne_eshte_produkty_pitaniya/);

«...Это вы и подобные вам «ватники» ненавидите все хорошее. Для вас родина – это не чистые обочины, а помойка и война со всеми... Я почистил лес, а вы ночью носите туда хлам и мусор. Каждый день, я бегаю утром на зарядку 2 км до деревни и обратно и собираю мусор на обочине в пакетик. Каждый день два пакета мусора – бутылки, банки, фантики от конфет, обертки от мороженого. Вы даже не замечаете чистоты. Помойка для вас дороже всего. Вы срете себе под ноги с удовольствием. Ваши дети на второй день сломали лавки-качели. Убили камнями утят. Заплевали и замусорили беседку, Засрали окрестные кусты. Никто из вас им слова не скажет, не заставит их убрать мусор за собой и не мусорить, потому что вы сами такие. Вы всю жизнь прожили в дерьме, а теперь, когда другие (Украина, Грузия) пытаются из этого дерьма вылезти, вы их тянете туда силой. Вы неисправимы. Вы бесконечные ублюдочные шариковы. Вы даже не народ. Вы хуже, потому что вы «лучшие люди народа». Чем дальше, тем хуже. А чтобы оправдать для себя, почему вы живете в говне, вы воюете со всеми. Ни хера больше не делаете... И не умеете...» (российский журналист Сергей Лойко, «Они воюют за свою родину с вашими...», <http://elise.com.ua/?p=144085>);

«Есть день в году, когда я начисто теряю остатки патриотизма. Так бы и стрелял в каждого подряд «из атомного оружия», а в перерывах вешал бы «этих мразей». Просыпается во мне бандеровец, – как-никак он нам, москалям, хоть и дальний, но родственник. День этот

– когда я выхожу на улицу убраться перед домом после зимы. Чего там только не валяется! Больше всего бутылок из-под водки. Милейшие собратья по нации даже в лютые морозы идут по дороге мимо, или едут на авто, сейчас авто у любого алкаша, и на ходу пьют водку из горла. А бутылки тут же в сторону и кидают! Круглый год собираю и отношу в ближайший контейнер. А в этот день особенно много. Сегодня как раз такой день, так я собрал послеводочной тары, не поверите, – два ведра!.. Патриотизм между ногами путался как определенная деталь у хорошего танцора, а сегодня я натаскался тех грязных бутылок, пластиковой тары и прочих прелестей народа-богоносца, и нет у меня патриотизма как у коровы плавников! Действительно, все нас ненавидят, все нами брезгуют. Вот что говорить о США, – турки и те нам перекрыли дорожку на ихние пляжи с водкой на метиловом спирте! Два миллиона наших любителей высморкаться на тротуар ежегодно туда приезжали, а теперь облом, – какие убытки туркам! Другими туристами никак не компенсируешь, другие метанол не пьют. А, поди ты, присоединились к блокаде!..» (Валентин Спицин, «Милые мрази», <https://www.proza.ru/2014/04/23/1976>);

«Возвращаясь в Россию, каждый раз удивляешься: до чего все заплеванное, заплюганное, точно мухами засиженное, пришибленное, ползучее, бескрылое» (Дмитрий Мережковский, «Земля во рту», Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге, засед. 3.11.1909 г., <http://philosophicalclub.ru/content/docs/p6-2/p6-2.html>);

«Всем известен этот тип кулака из Мещовского уезда Калужской губернии: широкая, лоснящаяся, скуластая красная морда, рыжие волосы, вьющиеся из-под картуза, реденькая бороденка, плутоватый взгляд, набожность на пятиалтынный, горячий патриотизм и презрение ко всему нерусскому – словом, хорошо знакомое истинно русское лицо. Надо было послушать, как они издевались над бедными финнами. – Вот дурачье так дурачье. Ведь такие болваны, черт их знает! Да ведь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривен съел у них, у подлецов... Эх, сволочь! Мало их бьют, сукиных сынов! Одно слово – чухонцы. А другой подхватил, давясь от смеха: – А я... нарочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и плюнул. – Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!» (Александр Куприн, «Немножко Финляндии», 1908г., <http://bibliotekar.ru/rusKuprin/30.htm>);

«...В деревне при усадьбе нельзя иметь фруктовый сад, нельзя пчел разводить – все потихоньку разорят соседи. И это даже не просто зависть. Прямо-таки страсть к порче и уничтожению общественно-полезного. Портят дорожные знаки, электрические провода, общественные уборные. Делается это кому-то на зло, исподтишка, когда никто не видит или видят только соучастники. Значит, сознание скверности есть» (Всеволод Веселовский, «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>);

«В уцелевших усадьбах лишь малость,
Бывшей жизни былой уголок –
Потолочная роспись осталась,
Ибо трудно засрать потолок»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Правитель может быть сколь угодно плохим – и в России почти всегда так и бывает – но неужели лично правитель не дает тебе поправить твой покосившийся много лет назад забор и замостить грязную лужу перед твоим порогом?! Впрочем, даже если кто и приладит новенькие доски, так ведь их все равно украдет сосед. Украдет не для того, чтобы сделать ремонт самому (скорее всего, у него они так и сгниют на заднем дворе), а из принципа. А не сможет утащить, так разломает. А то ишь, блин! Красоту решил навести! Родная грязь ему уже и не нравится! У какого еще народа на целой планете столь развита потребность при виде чего-нибудь красивого и чистого – непременно изгадить, оплевать, разломать, исписать похабными надписями? Потребность, кстати говоря, цветущая пышным цветом не только в каких-нибудь загнивающих от повального алкоголизма глухих деревнях, но и в российском интернете, среди столичных «интеллектуалов», которым не жаль тратить часы и дни на «троллинг», «кащенизм» и т.п. развлечения, имеющие единственную цель – нагадить» (Юрий Нестеренко, «Исход», <http://yun.complife.info/miscell/exodus.htm>);

«В этой стране пасутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко пробираются шелудивые жители... Я привык стыдиться этой родины, где каждый день – унижение, каждая встреча – как пощечина, где все – пейзаж и люди – оскорбляет взор» (Борис Хазанов – Гиероним Файбусович, цит. по: Игорь Шафаревич, «Русофобия», <http://shafarevich.voskres.ru/a55.htm>);

«– Не пытайся даже – всё равно, не получится! – засмеялась Яна, увидев, как я пытаюсь выдернуть книгу с полки, – Папа позаботился, чтобы библиотеку не растаскивали! Вот, смотри... – и жестом указала на торец книжной полки. Я глянул... Полки были закрытые, в виде глухих ящичков с передней стеклянной стенкой. Они громоздились друг на дружке, образуя некое подобие книжного шкафа с отдельными секциями. В торце каждой из полок – в аккурат, посередине – я увидел просверленное отверстие, из которого чуть торчал край железной трубы... – Это папа специально сделал, – смеялась Яна, – чтобы гости книги не растаскивали! Он просверлил все книги дрелью, составил их на полках так, чтобы отверстия совпадали – а потом просверлил боковые стенки полок, и вбил железные трубы! Так что, теперь книги никто не упрёт! ... Эй, патриоты земли Русской! ... Ау, где вы? Прибегайте скорее: я здесь русофобию раздуваю, позорю «самую читающую в мире» страну [называю народ «быдлом» – и честно признаюсь, что ненавижу эту страну]. ... В России стало доброй традицией выбрасывать книги на свалку...» (Роман Днепроvский, «Книги, нанизанные на шампур» / [«Россия – мать, Россия – сука!»... Вот и вся любовь», <http://newsland.com/community/6207/content/rossiia-mat-rossiia-suka-vot-i-vsia-liubov/5070623>]; <https://www.proza.ru/2011/03/22/28>).

И это, ведь, имеет место в Московии-России испокон веков:

«...они (московские дипломаты, – П.Д.) не прочь были иной разъ попользоваться непривычной свободой жизни, но то, какъ они понимали эту свободу, вызывало отвращение

въ невольныхъ свидѣтеляхъ ихъ разгула. Это было, въ глазахъ европейскихъ наблюдателей, даже не «варварство», а просто «скотство» и «свинство». Отъ удовольствій европейскаго стиля, такъ же какъ отъ наслажденія путешествіемъ – картинами природы, памятниками искусства, пріобрѣтеніями культуры – отдѣляла ихъ китайская стѣна, созданная ихъ собственной умственной и нравственной грубостью. Куда бы они ни являлись, они несли съ собой всюду, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, свою собственную атмосферу. Помѣщенія въ которыхъ они останавливались, приходилось провѣтривать и чистить чуть не цѣлую недѣлю. Ихъ появленіе на улицѣ, въ парчахъ и въ шелку краснаго, желтаго или зеленаго цвѣта, въ длиннополыхъ халатахъ съ высочайшими воротниками и длиннѣйшими рукавами, въ мѣховыхъ шапкахъ азіатскаго покроя, собирало около ннхъ толпу зѣвакъ: не то это былъ маскарадъ, не то религіозная процессія, не то просто этнографическій курьезъ, вывезенный каким-небудъ предпріимчивымъ антерпренеромъ изъ заморскихъ странъ, вмѣстѣ съ нильскими крокодилами и африканскими львами...» (Павел Милюков, «Очерки по истории русской культуры», <https://www.twirpx.com/file/2459972/>);

«Во всем мире свобода означает движение к прогрессу и культуре, а у нас, русских, оказывается, что свобода ведет к «поведенческому синдрому, сопровождаемому потребностью уничтожать природу и культуру» [Лев Гумилѣв]» (Игорь Гарин, «Русский фашизм», <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/kontekst/igor-garin.-o-fashizme-voobsche-i-russkom-y-chastnosti>);

«Этнос может либо дожить до гомеостаза и стать верхним звеном вмещающего ландшафта, либо при столкновении с иным этносом образовать химеру (подобную Московии = России, – П.Д.) и тем самым вступить в «полосу свободы». Только во втором варианте возникает поведенческий синдром, сопровождаемый потребностью уничтожать природу и культуру...» (Лев Гумилѣв, в Диалоге: «Чтобы свеча не погасла // Кумир их – Ложь», <http://gumilevica.kulichki.net/TNEC/tnc03.htm>).

Поэтому-то вовсе и не случайно то, что во всем мире сейчас весьма популярны новый туристический продукт – «туры без русских» (Как отдохнуть «без русских» или «No russian tours», <http://bronnikova.com.ua/onews/98/>) и сервис – «отель без русских» («Отели без русских в Турции», <https://hotels24.ua/news/oteli-bez-russkih-v-turcii-11231586.html>); «Привычки российских туристов, которые сильно раздражают иностранцев», <https://otailande.com/foto/privychki-rossiyskih-turistov-kotorye-silno-razdrzhayut-inostrantsev.html>).

К тому же то, что для русскоязычного людишки всё, окружающее его, не представляет никакой ценности, нисколько не удивительно. Ведь он постоянно «витают в облаках» и, следовательно, состояние всего земного ему абсолютно безразлично.

Слово «бесценный» для его подсознания имеет лишь негативную оценочную коннотацию – «не имеющий никакой цены», а тем самым и «не представляющий никакой ценности» (укр. «безцінний» тождественно англ. «priceless» – «бесценный, неоценимый,

нелепый, очень забавный, абсурдный)), несмотря на то, что для сознания оно и приобрело два диаметрально противоположных смысла:

«БЕСЦЕННЫЙ, – чему нет цены; что выше всякой цены: неоцененный, неоценимый, драгоценный, дорогой, неоплатный; милый, любимый, несравненный. Ты мой бесценный друг. – Что ниже всякой цены: малоценный, дешевый. Это ныне товар бесценный, он ничего не стоит. Бесценность, муж. – качество бесценного, в знач. ничтожного, ничего не стоящего. Бесценок, муж. – дешевизна, ничтожная плата; запрос или посул за вещь гораздо ниже стоимости ее. Купить, продать за бесценок, задешево, за ничто, нипочем, даром, задаром» (Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»), а позже стало обладать лишь позитивной оценочной коннотацией: «БЕСЦЕННЫЙ, -ая, -ое; -енен, -енна (книжн.). 1. Очень ценный, неоценимый. Бесценные сокровища. Б. дар. 2. Дорогой, любимый. Б. друг. || сущ. бесценность, -и, ж. (к 1 знач.)» («Толковый словарь Ожегова», <http://slovari.299.ru/word.php?id=1782>);

«Образование. Вот самое простое, что можно сказать о сегодняшнем образовании... после 8-го класса, а лучше, после 6-го оно должно быть платным. Одновременно в стране должна существовать широчайшая система частных школ и стипендий, которые позволят выявить мало-мальски одаренных детей, и в случае, если они из бедной семьи, выучить их за стипендию. И смысл платы за образование не в том, чтобы отсечь бедняков, а в том, чтобы вернуть образованию ценность, потому что все, что не имеет цены, не имеет и ценности... Благодаря бесплатному образованию стандарты школьного образования во всем мире (и более всего в России, – П.Д.) чудовищно упали, и не в части того, что написано в учебниках, а в части мотиваций. Огромное большинство детей попросту не хотят учиться. Они не видят в образовании ценности и возможности. Они видят в нем какую-то бесплатную тягомотину, от которой нужно сбежать, чтобы нюхать клей в туалете. И получается, что вместо того, чтобы давать детям шанс, система бесплатного образования отнимает его... Я вижу, что в больших странах, в частности даже в США, не только в России, бесплатное образование выполняет на самом деле роль диаметрально противоположную декларированной. Оно не настроено на то, чтобы дать всем равные возможности. Его реальный результат – это массовый выпуск из школ молодых дебилов, которые 11 лет учились ничего не делать, которые знают, что им все должны. И как система пенсий, оно перенастроилось на то, чтобы превращать своих «жертв» в зависимых от государства квазирабов...» (Юлия Латынина, «Исламизм в современном мире занимает то же самое место, что и коммунизм в начале XX века», <http://echo.msk.ru/programs/code/1470780-echo/>).

Смысл, вкладываемый ныне в слово «бесценный», красноречиво указывает на идеалистичность русской ЯКМ. Ведь всё, что доступно для приобретения, имеет свою реальную цену, сопоставимую не только с денежным эквивалентом, но и с затраченными эмоциональными, интеллектуальными, физическими или же какими-либо другими усилиями или ресурсами (цена деления шкалы измерительного прибора вообще задается в единицах измерения определяемого им значения какого-либо физического параметра). Всё драгоценное (укр. «коштовне») имеет, хотя и не доступную для всех, но всё же конечную

цену. О покупочной цене всего того, что принципиально не возможно приобрести, вообще бессмысленно говорить. И это ведь не единичный случай лексической шизофрении в быдлотворной русской ЯКМ:

«Разумеется, в любой культуре существует некоторое количество оксюморонов и «неслов» – как в каждом организме присутствуют бактерии и вирусы. Но кроме нашей (русскоязычной, – П.Д.) культуры на оксюморонах не основана ни одна, разве что дзэн-буддизм. (Кстати, целью в обоих случаях служит одно и то же – разрушение старого психического уклада, но в одном случае ищут озарения, в другом – вызывают принудительное «отемнение»; идя вперед и пятясь назад, мы делаем одинаковые движения.)» (Виктор Пелевин, «Зомбификация: Лексическая шизофрения», <https://lib.misto.kiev.ua/PELEWIN/zombific.dhtml>).

В России для убийства не нужны никакие мотивы

Возможно, благодаря именно этой лексической шизофрении жизнь человека стала в быдлотворной русской ЯКМ настолько бесценной (обесценившейся), что подсознанием он стал восприниматься всего лишь как самый дешевый расходный материал, который без зазрения совести можно пустить (вывести) в расход:

«Ласкали меня в четыре приклада.

На смерть, не на живот.

Потом повели за ограду сада.

И стали пускать в расход...»

(Алексей Сурков, «Ночной разговор», <http://www.libsurkov.ru/stikhi/kak-cherez-ognennyj-potok-zhivymi-pronesti-serdtsa/nochnoj-razgovor/>);

«Тут один стервец у меня сидит, мальчишка... Пять дней с ним бьюсь. Молчит... Держать больше нечего, я посылаю в штаб для разрешения вывести в расход» (Николай Островский, «Как закалялась сталь», https://lib.misto.kiev.ua/RUSSLIT/OSTROWSKIJ/kak_zakalyalas_stal.dhtml).

Однако же эта особенность быдлотворной русской ЯКМ накрепко законсервировала и жизненную психологию всего российского нищего крестьянства, испокон веков не ценившего ни свою жизнь, ни, тем более, – чужие человеческие жизни:

«Страна, вся в крови и грязи, где агенты полиции убивают министров, где по оговору провокаторов тысячи, людей идут на виселицу, в каторгу, в тюрьмы, где в тюрьмах и участках возобновлены средневековые пытки, где человек не стоит ни гроша и люди избиваются тысячами, страна, в которой самоубийства молодежи приняли характер эпидемии, а маленькие дети, играя в «военный суд», вешают друг друга, – эта страна, разумеется, вполне способна вызвать к себе отвращение Европы и даже более серьезные чувства, чем отвращение, ибо, в конце концов, она может явиться очагом заразы, угрожающей всем здоровым людям. Но – оставим в стороне «отвращение», вам, как людям, лишенным чувства собственного и национального достоинства, – это слово ничего не

говорит и никаких струн в полумертвой вашей душе не задевает...» (Максим Горький, из письма Василию Брееву, председателю нижегородского отдела Союза русского народа, <http://rigort.livejournal.com/354616.html>, <http://fakeoff.org/culture/ariyskaya-krov-zovet>; https://imwerden.de/pdf/gorky_pss_pisma_v_24t_tom09_2002_ocr.pdf);

«Вдруг как из рога изобилия посыпались жалобы на полицейские пытки, завыли мученики, смутились мучители. – А как же без пыток? Без пыток никто ни в чем никогда не признается! Вспомнили 37-й. Ежовщину. Как будто только тогда, однажды в истории, пытали и мучили. Да как раз наоборот: пытать как начали при царе Горохе, в застенках татаро-монгольского ига, так никогда и не переставали. И допытались до того, что от застенков в разные стороны, как от солнца, пошли лучи пытки по всей нашей жизни. Любая встреча с гаишником уже воняет не только чесноком, но и ГУЛАГом. Но даже если отвлечься от погон:

Детство – это пытка нервными родителями, истерическими воспитательницами детского сада.

Школа – взаимный садизм учителей и школьников, перекрестный огонь издевательств.

Армия – тут все понятно.

Работа – издевательство начальников над подчиненными.

Семья – пытка семейными скандалами.

Дети – злобные мучители родителей.

Болезни – пытка беспомощной, униженной государством медициной.

Государство – пытка авторитаризмом, открытым, обжигающим или лицемерным, лживо-демократическим.

Государство – пытка унижительными зарплатами, вообще низким, нищенским качеством жизни.

Иностранцы – пытка презрением.

Старость – пытка болью.

Пенсионеры – отстойный материал.

Смерть – пытка одиночеством.

Достоевский и православие находят в страдании смысл. Что за осмысленная страна! Не в пример другим» (Виктор Ерофеев, «Страна пыток», <https://snob.ru/entry/163767>; <https://belaruspartisan.by/politic/432520/>; https://polpred.com/news/?cnt=195&person_id=5503);

«Страна, вообще, не очень видит смысл в том, что она делает. Единственный смысл она сейчас увидела в присоединении других территорий. А в том, чтобы это внутрь как-то направить, культивировать, немножко наладить собственную жизнь – этого нет. Есть ощущение, что, вообще, чем хуже, тем лучше. Чем хуже мы живем, тем лучше становимся – это вечная такая русская матрица, очень распространенная: убеждение, что дискомфорт делает нас умнее, добрее; что чем охотнее мы умираем за что-нибудь, тем легче правительству. Ну действительно, померло некоторое количество народу – тем легче будет обеспечить остальных...» (писатель, журналист Дмитрий Быков, из интервью Татьяне

Фельгенгауэр, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1456674-echo/>);

«Крестьянин обратился к членам экспедиции с таким вопросом: «Вы люди ученые, скажите, как мне быть. Зарезал у меня башкир корову, я башкира, конечно, убил, а после того сам свел корову у его семьи, так вот: будет мне за корову наказание?» Когда его спросили: а за убийство человека разве он не ждет наказания, – мужик спокойно ответил: «Это – ничего, человек теперь дешев»... «Люди мрут – нам дороги трут», – сказал мне старик новгородец, а его сын, красавец, курсант военной школы, развил мысль отца так: – Несчастье – большое, и народу вымрет много. Но – кто вымрет? Слабые, трепанные жизнью; тем, кто жив останется, в пять раз легче будет. Вот голос подлинного русского крестьянина, которому принадлежит будущее. Человек этого типа рассуждает спокойно и весьма цинично, он чувствует свою силу, свое значение... Я очертил – так, как я ее понимаю, среду, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции. Это – среда полудиких людей. Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа...» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Изд. И. Ладыжникова, Берлин, 1922, <http://www.rulife.ru/mode/article/68&print>);

«...русский фатализм бесполезен «в быту». В России строят «на авось», но Россию нельзя «на авось» обустроить. Русские, будучи людьми деятельными, не являются при этом людьми действия. На это обращал внимание еще Горький, воочию наблюдавший за повседневностью русской революции в Петербурге. Русским плохо даются осознанные и продуманные исторические действия, зато они способны совершать великие исторические поступки. Ни одна реформа в России не была успешно доведена до логического конца, зато революции и войны прославили русских навеки. Русские легко идут на смерть и подвиг, но организация своей повседневной жизни представляется им неразрешимой задачей» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?...», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«Но когда вспомнишь, что все это происходит в стране, где жизнь человека до смешного дешева, где нет уважения к личности и труду ее, когда подумаешь, что «простота» убийства становится «привычкой», «бытовым явлением» – делается страшно за Россию. И становится как-то страшно понятны такие случаи. Пришло трое людей в гости к знакомому, но что-то не понравилось гостям в хозяине, и они разрубили его на двенадцать частей, собрали кусочки в мешки и бросили в Обводный канал. Просто...» (Максим Горький, «Веселенькое», "Новая Жизнь" N 15 (229), 21 января, http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«Это в западных детективах сыщики ломают голову над «мотивацией» – какие были мотивы убийства? В России для убийства не нужны никакие мотивы, просто так: по пьяной ссоре ткнул ножом, ударил топором, ломом, кирпичом – что под руку подвернется. Жизнь человека в России отнюдь не священна, она ничто и стоит дешево («Жизнь две копейки / Двенадцать хлеб» – весело распевали в «Окаянные дни»). При коммунистах ничто, кроме

страха, не удерживало от воровства и убийств, сейчас с ослаблением страха воруют и убивают в охотку, в открытую, в наглую. Правда и раньше мало стеснялись. Старый, дореволюционный еще анекдот: – «Я, тятенька, человека зарезал, а на нем всего копейка была, зря труждался». – «А вот и не зря! Сто душ, сто копеек – ан рубль!» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Россия находится на третьем месте в мире по количеству убийств относительно численности населения, свидетельствует портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ. Согласно приведенным за 2015 год данным, в РФ от рук преступников погибло более 14,5 тыс. человек, или 10,2 [11,31 Statтур] человека на 100 тыс. жителей. Примерно такое же количество убийств (14,7 тыс.) было зарегистрировано в США, однако, с учетом численности населения, относительный показатель составил около пяти погибших [4,88 Statтур] (четвертое место). Первые места заняли Мексика и Бразилия, где было убито 27,2 тыс. и 40,9 тыс. граждан соответственно (доля 23,7 [16,35 Statтур] и 21 [26,74 Statтур])» («Россия выбилась в лидеры по числу убийств на душу населения», <http://maxpark.com/community/129/content/5060192>; <http://stattur.ru/journal/20180227/>).

Власть шири над русской душой порождает ряд русских качеств и русских недостатков

Если психически инфантильные русскоязычные люди не ценят даже свою жизнь, то надеяться на то, что они будут ценить и беречь окружающую их среду и природу, конечно же, не стоит. И, следовательно, вовсе не случайно и то, что, несмотря на наличие в русском языке слова «ценить», такое понятие, как укр. «цінування», в нем, вообще, отсутствует. То есть в русской языковой картине мира имеется лишь соответствующая ему лакуна. И, очевидно, в подсознании русскоязычного человека концепт «ценить» вовсе не ассоциируется с концептом «беречь». Сущность русского концепта «ценить» заключается лишь в установлении для любого объекта его места в иерархии ценностей, то есть в определении лишь степени его условной ценности. Поэтому-то для русскоязычного человека всё материальное и не является настолько ценным, чтобы с ним следовало обращаться бережно. Небережливость, как и небрежность (укр. «недбалість»), ассоциируется в подсознании русскоязычного человека с безбрежностью (бескрайностью) занимаемой его этносом территории и, следовательно, как и последняя, обладает вовсе не негативной, а позитивной коннотацией. Возможно, поэтому-то у него и выработалась бессознательная лингвопсихическая установка, позволяющая не опасаться исчерпания доступных ему природных ресурсов а, следовательно, и не ощущать необходимости как экономии их, так и бережного обращения с самой природой:

«В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь

русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности» (Николай Бердяев, «Судьба России // О власти пространств над русской душой», <https://www.litres.ru/nikolay-berdyayev/sudba-rossii-174567/chitat-onlayn/page-6/>).

К тому же, если для подсознания русскоязычного человека практически нет никакой разницы между «согрешить» и «погрешить» немного, то аналогично нет для него никакой разницы и между «сохранить» и «похоронить» что-либо. И, следовательно, всё, что ни пожелает русскоязычный человек сохранить для себя впрок, он бессознательно «хоронит» его навсегда:

«Очень по-русски: заготовить впрок больше необходимого, а потом бросить – пускай гниет...» (Борис Акунин, «Алтын-Толобас», [https://unotices.com/book.php?id=836&page=47](https://unotices.com/book.php?id=836&page=47;); <https://socratify.net/quotes/altyn-tolobas-boris-akunin>).

Как видим, уже сама русская языковая картина мира лишает русскоязычных челядишек, всё ещё ведущих советско-холопский образ жизни, даже малейшего стимула к бережному отношению как к самой окружающей их природе, так и к нещадно награбленным у неё средствам своего же жизнеобеспечения. Какое же тогда от них можно ожидать отношение к материальным благам, предоставляемым им в общее пользование? И, как показывает варварское отношение русскоязычных людей ко всем этим благам, таки действительно, все общее является для них не только чужим, но и чуждым.

Да и слово «ценитель» ведь в русском языке обладает, как правило, негативной оценочной коннотацией, а мало употребительное слово «ценительство», характеризующее манеру оценивать буквально всё, даже ассоциируется с цинизмом:

«...«Знаток», «ценитель» – зачастую именно тот, кто за ценою не видит ценности. – Некий привлекательный мужчина, флиртуя в доме отдыха с официанткой, в ответ на особо умелый комплимент услышал от нее такую свою характеристику: «вы циник женщин!». – Цинизм и ценительство она объединила смешно и совершенно точно – мужчина этот, показалось ей, был из породы Дон Жуанов, то есть слишком хорошо разбирался в женщинах, а ведь тот, для кого существует любовь как ценность, не станет сравнивать понравившуюся женщину ни с кем. – Так точно искусствоведы часто демонстрируют на своем примере, как вредно бывает в чем-то профессионально разбираться (как сказала бы наша официантка, они становятся – или только и могут быть – «циниками искусства»): их манера устанавливать ранги, различать, кто из художников перво-, кто второ-, а кто третьестепенный выдает, что искусство, которое, если достойно этого наименования, всегда бывает только высшего сорта – непосредственной радости им не приносит, а значит, и не существует для них как ценность...» (Александр Круглов [Абелев], «Афоризмы, мысли, эссе // Ценность и цена», <http://alkruglov.narod.ru/value.html>);

«Согласно Парсонсу, активные действия человека в обществе могут быть разбиты на

четыре основных типа.

Действие может быть аффективно (латино-романский тип, – П.Д.). То есть – сильно эмоционально, окрашено аффектами (чувствами).

Действие может носить традиционный характер (туранский / русский тип, – П.Д.). То есть – быть основанным на устоявшейся практике («все так делают», «так положено», «всегда так было»).

Действие может быть целе-рациональным (англосаксонский / украинский тип, – П.Д.). То есть – диктоваться определёнными ожиданиями человека на его действия со стороны объектов внешней среды и других людей; эти ожидания дают возможность сознательно оценить и рассчитать условия, а также средства достижения рационально поставленной им цели.

Действие может носить ценностно-рациональный характер (немецкий тип, – П.Д.). То есть – диктоваться сознательным убеждением человека в том, что выбранная им модель поведения ценна сама по себе с точки зрения общепринятых в обществе этики, морали, религии и т.п. При этом выбранная человеком линия поведения может совершенно не зависеть от полученного результата» (Игорь Осовин, «Загадочная русская душа», <http://www.conspirology.ru/2011/01/zagadochnaya-russkaya-dusha.htm>).

К тому же иррациональность и «всеядность» русскоязычного людишки не позволяют ему быть не только рационалистом, но и гедонистом, и гурманом. Его неразборчивость, нещепетильность и примиренчество со всеми негораздами («пипл схавает всё») красноречиво указывает на полное безразличие его не только к радостям жизни, но и, вообще, к своей судьбе (раньше думай о «Родине», а потом о себе).

Если же Вы отчитаете такого потребителя (истребителя), то есть сделаете ему выговор, закончив чтение соответствующей морали, то не надейтесь, что это пробудит его совесть. Ведь, в отличие от сознания, подсознание воспринимает слово «отчитать» лишь как «закончить чтение (укр. «читання») чего-либо». Аналогично и словосочетание «сделать выговор» оно воспримет как «выговорить неизвестно что». Оценивая сам факт речевого воздействия на себя фразами «отчитывают меня», «делают мне выговор», конечно же, человек поймет, что виноват, но не донесёт это до своего подсознания, так как внутренняя форма (буквальный «смысл») любой из этих фраз не раскрывает её истинный смысл, доступный лишь сознанию. А это значит, что без зазрения совести этот «истребитель» будет продолжать свое грязное дело. Как говорится в известной басне Ивана Крылова: «А Васька слушает, да ест».

Эта удивительная способность русского языка воздействовать лишь на сознание, не вызывая «совестных актов» у подсознания, очевидно, выработалась в русскоязычном примитивном обществе как защитная реакция (противоядие) на религиозное, а позже и на такое же идеологическое советское воспитание (привитие психически инфантильным индивидуумам как холопской покорности, так и несоответствующих уровню их цивилизационного развития моральных качеств).

Английскому глаголу «domesticate» соответствует русский глагол «осваивать» в смысле «приручать, культивировать, цивилизовать». Однако же подлинному смыслу слова

«осваивать», всё же, более соответствует английское выражение «bring under», означающее подчинять. Да и для подсознания это слово буквально означает делать своим, так как разницы между словами «осваивать» и «присваивать» для него практически нет:

«Осваивать – (освоивать) или освоить, освоить что кому, усвоить, присвоить, сделать своим...» (Словарь В. Даля, <http://dal.sci-lib.com/word022105.html>).

Потому-то на всех захваченных территориях русскоязычные люди и вели себя, прежде всего, как «потребители-истребители»:

«Исключительность русского самосознания и руководящего действия в том и состоит, что русские, занимая огромные территории от Балтики до Тихого океана, в основном путем милитаризма и подкупа, в силу своей материально-культурной неразвитости не смогли окультурировать занятые территории, в некоторых де случаях оказались по общественному развитию ниже завоеванных ими народов, обрекли их к консервации, стагнации, очень часто к откату назад; если француз, англичанин или португал, говоря обобщенно, любой европейский колонизатор, заняв определенную территорию определенного народа обкрадывал этот народ, обкрадывая же, учил его более высокой культуре жизнедеятельности, обогащался сам и обогащал вместе с тем и колонизированную им этническую общность, а много веков спустя, уже в середине XX столетия, поняв тщетность и зрящность имперской формы правления и, главное, цивилизованно подчинившись Декларации ООН о деколонизации народов, обустроивал у этих народов собственную их государственность и уходил на свою историческую родину как благодетель, то русский колонизатор, ввергший народы в вечное бедственное положение, раб среди рабов, люмпен среди люмпенов, поселенец, привезенный на новые места почти насильственно, мало кого облагораживал в его классическом понимании и никогда не уходил из занятых территорий. Уход для русского – явление противоположанное. Земли, занятые русскими – уже их «исконные» и «исконные» на века» (российский писатель Айдар Халим [Борис Халимов], «Этот непобедимый чеченец», <http://rko.marsho.net/articl/halim1.htm>; <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/khalim-2/>; <http://chechenews.com/1-7353/>);

«Русские маленького, довольно отсталого, рабского и примитивного Московского государства, точно скопировав методы арабских захватчиков, тоже уничтожали целые народы, их древние культуры, их традиции, национальный уклад жизни, обычаи, языки и все атрибуты государственности и национальности. Свои грабительские набеги на другие народы русские называли словом «покорение»: покорение Сибири, покорение Урала, покорение Приморья, покорение Севера, покорение Кавказа. Там, где ступала нога русского агрессора, опускалась тьма, независимость народов прекращалась, суверенность нации превращалась в миф. Русский захватчик делал всё, чтобы имена этих стран были стёрты с карты мира, чтобы они исчезли с международной арены и предалась забвению. Путь русских «освободителей» был усеян трупами, миллионы представителей закабалённых народов были оторваны от своих земель и нашли свой конец в снежных сугробах Сибири, Камчатки и Заполярья или в суровых песках Казахстана...» (Альфред Грибер, «Ворон ворону глаз не выклюет», <http://alfred-griber.com/proizvedeniya/stati-pravda-ob-arabax/voron-voronu-glaz-ne>);

[vyklyuet](#)).

Да и сейчас же практически ничего-то и не изменилось. Земли Сибири и Дальнего Востока как по-варварски изрывали, так и продолжают нещадно их расковыривать и ныне, как загаживалась испокон веков окружающая среда, так и продолжает она засираться и сейчас – нефтяными разливами, отвалами непригодной для использования породы и других отходов производства. И ведь же, никто так и не собирается рекультивировать все эти столь бесжалостно изувеченные территории:

«В России пока очень низкая общая культура. Русский человек с этой культурой, приобретая большое количество денег, становится разрушителем и самого себя, и окружающей среды... Россия не созрела для движения вперед, и не только для капитализма, но и для социализма. В этом Маркс был прав. Нельзя скидывать со счетов русскую ментальность. У русского человека нет чувства эгоизма, а значит, чувства ответственности. А так как у русского человека нет чувства ответственности, то разговор с ним может быть только один: ударил палкой ему по голове, и он присел. Государство в России всегда играло и будет играть ведущую роль... Россия должна жить в подмороженном состоянии, а как только начинаете ее размораживать, она стекает со стола. По-моему, это Струве сказал» (Андрей Кончаловский: «Я просто говорю то, что думаю», http://www.gazetaby.com/cont/print_rdn.php?sn_nid=2107);

«Весной в России жить обидно,
Весна стервозна и капризна,
Сошли снега, и стало видно,
Как жутко засрана отчизна»

(Игорь Губерман, «Гарики предпоследние», <http://guberman.lib.ru/gariki/5PPG/08.htm>);

«Вы, русские, не просто мародеры, вы засиратели. Вы засрали территорию России, не умея ни элементарно убирать ее от мусора, ни восстанавливать разрушенные дома, ни облагораживать территорию. Выкачивая ресурсы из территории, вы ничего в эту территорию не вкладываете. Мы, украинцы, конечно же, не такие чистюли, как немцы или поляки. Но у нас территория хотя бы не такая засранная, как у вас. Зачем вам, русские, новая территория, если с имеющейся вы не справляетесь? Чтобы выкачивать ресурсы, позволяя несколько десяткам семей в России богатеть, а остальным на крохи от этого богатства тихо спиваться?.. Это не территориальная экспансия. Это территориальное паразитирование. В этой паразитарной логике территорию можно лишь прожирать и засирать. Единство русского языка в такой логике оказывается лишь поводом для прихода на русифицированные территории, чтобы на них затем паразитировать...» (философ, публицист Сергей Дацюк, «Новороссия – это позор России», <http://uargument.com.ua/all/novorossiya-eto-pozor-rossii/>).

Да и стоит ли, вообще, всему этому удивляться, если русскоязычное примитивное общество даже космос предпочло сначала покорить перед тем, как начать его осваивать. Покорались на захваченных территориях не только туземцы, но и реки и вся природа в

целом. А вот теперь наконец-то добрались и до космоса.

Стремление к покорению всех и вся в единении со смирением и с покорностью

Покорение всех и вся в единении с всеобщей покорностью (агрессивным смирением) – это одна из основных стратегий (идей) и современного русскоязычного населения:

«Посмотрите на свободного человека в России! Между ним и крепостным нет никакой видимой разницы. Я даже нахожу, что в покорном виде последнего есть что-то более достойное, более покойное, чем в смутном и озабоченном взгляде первого. Дело в том, что между рабством и тем, которое существовало и еще существует в других странах света, нет ничего общего. В том виде, в каком мы его знаем в древности, или в том, в каком видим в наши дни в Соединенных Штатах Америки, оно имело лишь те последствия, какие естественно вытекают из этого омерзительного института: бедствие раба, разращение владельца, между тем как в России влияние рабства неизмеримо шире» (Петр Чаадаев, «Отрывки и разные мысли», http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml).

А ведь же, эти-то слова Петра Чаадаева, ни сколь, не утратили свою актуальность и сегодня:

«Смирение и пьянство, смирение и бесхарактерность, всепрощение и собственная вечная подлейшая невыдержка, даже и в делах любви»... Некрасиво! Хотя, по пристрастию сердца к России, я часто думаю, что все эти мерзкие личные пороки наши очень полезны в культурном смысле, ибо они вызывают потребность деспотизма, неравноправности и разной дисциплины, духовной и физической; эти пороки делают нас малоспособными к той буржуазно-либеральной цивилизации, которая до сих пор еще так крепко держится в Европе. Как племя, как мораль мы гораздо ниже европейцев...» (Константин Леонтьев, Письмо А.А. Александрову, 3 мая 1890 г., Оптина Пустынь, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml);

«Итак, в отношении повседневного языка в целом справедливым представляется мнение А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 194], полагающей, что, в отличие от западного христианского идеала «humility», вполне допускающего активную борьбу за лучшее устройство жизни, «русский идеал смирения» предполагает покорность обстоятельствам... Характерно, что некоторые носители русского языка считают спецификой именно русских представлений о смирении, непонятных западным людям, возможность совмещения смирения и активной творческой деятельности: «Тем более непонятны и загадочны для современного западного человека такие понятия, как «умиление» и «дерзновение». Как объясняется дерзновение? Как смелость, основанная на смирении. Но для Запада смелость – антитеза смирению [Т. Горичева, <https://lib.misto.kiev.ua/HRISTIAN/gorichewa.dhtml>]» (Алексей Шмелев, «Русский язык и внеязыковая действительность», М.: «Языки славянской культуры», 2002 г., Серия: «Язык. Семиотика. Культура», С. 371, http://ai-systems.ucoz.ru/ld/0/42_SHM2002.pdf; http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zallev-shm_keyideas.pdf; <http://www.ug.ru/archive/31014>);

«По-моему, Соловьев (а вслед за ним и еще кто-то) писал о том, что российская икона – это результат страшных ограничений. Наш характер таков, что когда мы на воле, мы почти ничего не можем. Когда мы в тюрьме, когда все расписано, когда никуда не двинешься, только в условиях таких жутких ограничений мы можем творить...» (Валерий Абрамкин, «Тюрьма и Россия», <http://www.polit.ru/article/2005/03/19/tjurma/>);

«Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут: книг у него никаких нет ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принужден: язык его беден, беднее всех главных европейских языков, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны; чего не можем словом сказать, того не можем и думою замыслить; истории русский человек не знает, никаких политических разговоров вести не может и потому иностранцы его презирают...» (С.М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва, 1862 – 1879. Т. XIII, с. 197, цит. по: О.Б. Лисичкина, «Русская литература и культура XVIII века», http://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_17999.pdf);

«Люди наши косны разумом, ленивы и нерасторопны... Мы не способны ни к каким благородным замыслам, никаких государственных или иных мудрых разговоров вести не можем, по сравнению с политичными народами полунемы и в науках несведущи и, что хуже всего, весь народ пьянствует от мала до велика...» (Юрий Крижанич, «Политика», цит. по: С.М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва, 1862 – 1879. Т. XIII, с. 197, http://www.odinblago.ru/istoriya_rossii/solovyev_istoria_/1_13/13_1_8_/);

«Изо всех этих недоброжелательных и свирепых толков начинает казаться, что вопрос просто-напросто должен быть поставлен так: нужна ли и возможна ли в России Академия? Уж не лучше ли прежде подумать о школах, чем об ученых обществах? И впрямь, нам, пожалуй, еще рано заседать в Академиях. Нам прежде надо выучиться уважать науку» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 19 августа 1865 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Случится, что вам встретится кто-нибудь из учителей. Чаще всего это директор, дом которого находится рядом со школой. Узнав, что вы человек из большого города, он пригласит вас к себе потолковать о жизни. Вы не успеете оглянуться, как на столе окажется все тот же наш напиток. Что поделаешь. В подобных делах человек русский скор на руку. За хмельком он покажет свою библиотеку, довольно большую, но прочитанную лет двадцать назад, расскажет о том, что принято на Руси называть школьными успехами, и если вы порадуетесь этим успехам, он тоже порадуется и добавит, что «...вот, мол, тяжким трудом...», вспомнит он и о великих достижениях, и о своем участии, словом, ничего не упустит, на все отзовется, а приглядитесь повнимательнее к нему и вы поймете, что перед вами все тот же российский чиновник, привыкший к покорности и послушанию и пытающийся передать покорность и послушание своим воспитанникам» (Валерий Рыженко,

Учителя это начальники над детьми и не более того

Тогда как украинское «виховання» является актуализацией и активизацией скрытых (укр. «прихованих») в человеке позитивных качеств и способностей, то русское «воспитание» является всего лишь дрессированием и насильственной подпиткой (пичканьем) человека угодными его опекунам и пригодными для извращенного общества навыками и догмами. Поэтому-то украинское «виховання», как и английское «training», и финское «koulutus», раскрепощает и тренирует человека, содействуя процессу становления его ответственным гражданином и обладающей достоинством личностью:

«← 3-й класс, урок Science. У всех детей планшеты, тетради, кто-то работает за компьютером. Учительница даёт задание. Дети сидят по двое или группками, кто-то один. Кто не хочет сидеть за партой, может сесть на карематик тут же в классе. Один ребёнок вообще вышел в коридор и там работал, потому что ему нужна тишина. И это не проблема, у них стеклянные перегородки, поэтому он всё равно остаётся в поле зрения. Учительница подходит к каждому, консультирует, подсказывает. При этом все свободно передвигаются, разговаривают между собой. В классе стоит лёгкий гул, но ощущения хаоса нет, все заняты делом. Преподаватель иногда хлопает в ладоши, в классе сразу воцаряется тишина – учительница даёт общие пояснения. В конце урока она надевает жёлтый жилет (она сегодня дежурная и гуляет с детьми на улице) и уходит. Детей никто не подгоняет, они одеваются каждый в своём темпе, и за учительницей, как горошины, покатались на улицу. Трое остались в классе, они так решили. За ними отдельно никто не присматривает...» (Татьяна Швец, «Учить по-фински. Чему может научить украинцев финская школа», https://focus.ua/society/369758/?utm_campaign=web_push&utm_source=628).

Русское же «воспитание», наоборот, зомбирует людишку, унижая его человеческое достоинство, и неизбежно превращает его в абсолютно послушного государству холопа а, тем самым, и в убогое жалкое ничтожество. От детей оно требует вовсе не прислушиваться к советам родителей и воспитателей, а беспрекословно слушаться их, формируя тем самым выученную беспомощность и не способность обустроить свою жизнь без тотальной опеки жестокой авторитарной властью:

«И бьемся мы, русские, бьемся, да как рыба об лед, все впустую, и не потому, что мы слабые, мы-то как раз сильные, а потому, что мы бедные, т.е. жалкие, нас пожалеть хочется, вернее, нам самим себя жалко. Нас еще не было, а жалость к нам уже была, мы себя уже по голове гладили. В ней-то, в жалости, мы и зародились, из нее-то мы и вылупились, и много воды с тех пор утекло, и много слов было сказано, а воз и поныне там, вообще-то время идет, но в смысле истории оно остановилось. Как застряли мы в начале истории, так там и остались в неведении, что начало – это не конец, а мы-то думали, что начало – это конец. Мы и сейчас так думаем, а все потому, что мы Град Китеж искали, по правде жили, вернее, хотели жить, т.е. думали, что есть же что-то, что тебе даром дают, ты не заслужил, а тебе дают, т.е. оно, это что, как бы само собой достается, с неба надают. И вот сидим мы и ждем, а

оно (мы даже не знаем что) все не падает и не падает, то ли с ним что-то случилось, то ли у нас что-то не вышло. И это – наши представления, т.е. у всех представления как представления и связаны они с истиной, вернее, с театром, – словом, у всех истина – спектакль, а у нас она смерть, и нет в ней ни знаков, ни значений. И когда уж мы преставимся, т.е. умрем и одновременно обнаружим себя, одному Богу известно, хотя, наверное, и ему это неизвестно, потому что, если бы ему что было известно, то он бы не удержался да и шепнул нам, что так, мол, и так, не ломайте комедию, не смешите людей, а устраивайте свою жизнь вне зависимости от того, как разрешится вопрос о правде-справедливости...» (Фёдор Гиренок, «Мистерияльные игры», <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Misterial-nye-igry>);

«В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шёл Творец Вселенной,
Остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных,
Я есть твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой нуждою ты тесним?»
И человек сказал: «Я – русский»,
И Бог заплакал вместе с ним...»

(Николай Зиновьев, «Я русский», <http://www.stihi.ru/2011/01/13/7999>);

«Кажется, всеобщая уверенность в собственном мнении объясняется еще и тем, что сомнение в России ошибочно принимают за слабость. Если ты не можешь перекричать оппонента – значит, ты не прав. Если ты не уверен в собственном мнении – значит, прав я. Сомневаться – означает допустить возможность поражения, допустить поражение ни в коем случае нельзя...» (Саша Филипенко, «Культура сомнения», <http://una-unso.com/politika/ny-odyn-normalnyj-chelovek-ne-smozhet-sushhestvovat-v-etoj-navoznoj-kuche.html>); <http://uargument.com.ua/novosti-dnya/v-rossii-ne-somnevayutsya/>);

«Убеждения, позитивные так же, как и негативные, непродуктивны, потому что не приближают истину. Ведь движение к ней требует ломок и пересмотров, а сложившаяся система взглядов лишь констатирует статус кво. Жизнь, реальность, эволюция – это всегда движение вперед, а не констатация достигнутого. Большинство живущих является заложниками своих убеждений и фанатиками своих псевдоидей. Увы, в наших школах детей не учат сомнению, критичности, способности смотреть на вещи с разных позиций. Скорее наоборот: обучение заключается во внедрении и закреплении «убеждений» и аксиоматичности внедряемых знаний» (Игорь Гарин, «Опасность убеждений», <http://www.proza.ru/2016/05/28/956>);

«Учителя это начальники над детьми и не более того. Крики, брань, лицемерие, а то и насилие с унижением. Вот те рычаги русской педагогики, на которых образовывается, и образовывалось русское общество» (Ѓomumi бэхэс, «Мысли о России»);

«28/XI (1936 г.). Вчера был в двух новых школах. Одна рядом с нами тут же на Манежном. Пошел в 3-й класс. Ужас. Ребята ничего не знают – тетрадки у них изодранные, безграмотность страшная. А учительница ясно говорит: «тристо». И ставит отметки за дисциплину, хотя слово дисциплина пишется школьниками так: «дистеплина / десцыплина» и проч. Дети ей ненавистны, она глядит на них как на каторжников. А в другой школе, на Кирочной (вместо церкви), – я попал на Пушкинский вечер. Некий человек из Русского Музея организовал в школе «выставочку» и отбарабанил о мистике Ал. Бенуа и о реализме Тырсы – школьники слушали с тоской. Потом вышел учитель Скрябин – и заявил, что Пушкин был революционер и что он подготовил... Сталинскую Конституцию, так как был реалист и написал стихотворение... «Вишня». Все наркомпросовские пошлости о Пушкине собраны в один пучок. Ребята не слушали, вертелись, перешептывались, а когда педагог кончил, закричали «бис!»...» (Корней Чуковский, «Дни моей жизни», <https://www.litmir.me/br/?b=280928&p=99>);

«В начальной школе детям просто нельзя иметь перед глазами пример скучного, замученного и несчастного учителя. Хорошо ещё, если такой учитель достаточно развит и реализован, например, в семье, чтобы не скатиться в «анальные фрустрации» – унижение учащихся, вербальный садизм, неадекватные наказания, особенно для так называемых гиперактивных детей, которых всё больше. В «анальном векторе» всё это вполне возможно. Собственно, и сам термин «гиперактивный» придуман никем иным, как «анальными специалистами». Понимать нужно так: активнее, чем я. Учащиеся первых-четвёртых классов – в большинстве удивительно подвижные детишки, шумные и весёлые. «Кожно-зрительная» учительница через равенство свойств легко понимает потребности детей, например, к перемене мест во время урока, она и сама скачет по классу туда-сюда. То к доске, то к проектору, то у неё в руках игрушка, то картинка, то она танцует, то поёт. Ей легче принять тот факт, что во время урока детишкам физически необходимо перемещаться по классу, что им нужно движение и постоянная смена вида деятельности: пишем, поём, делаем зарядку, лепим, рисуем, прыгаем. Она сама такая! Быстрая, ловкая, со звонким голосом и краткой чёткой речью. Учитель-анальник, как правило, сидит за столом. Когда он встаёт, это сигнал «все прячьтесь» – все и прячутся. Такой учитель склонен к долгим монологам, статике, фиксированным позам... Шум и движение воспринимается таким педагогом как неудобные элементы, он их решительно пресекает, добываясь в классе тишины и статики, что для младшего школьного возраста противоестественно, накапливается стресс... Часто можно заметить, что в классе из 30 маленьких живых людей стоит мёртвая тишина. Не пять и не десять минут – весь урок. Это считается высшей маркой анального педагогического мастерства. Гордясь собой, такие учителя любят открывать дверь настежь – слушайте все, как у меня тихо! Но посмотрите на этих детей на перемене, они носятся как безумные, и вот

тут уж действительно стоит говорить о гиперактивности как о патологии. Только эта патология создана 45 минутами сидения в тишине и неподвижности! Накопленное прорывается через край. Педагог, как правило, молча переживает этот ужас, чтобы после перемены снова ввести вверенных ему непосед в состояние 45-минутного оцепенения» (Ирина Каминская, «На пустыре школьного воспитания: учитель или мучитель?», <http://www.yburlan.ru/biblioteka/na-pustyre-shkolnogo-vospitaniya-uchitel-ili-muchitel>);

«При нынешнем упадке нашем – никак не дать сейчас уверенного прогноза, что у нас хватит настояния создать столь необходимую школу. Однако, если не создадим, если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, тёмного сознания, пронизанного жгучими искрами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, – это и будет конец русского народа и русской истории...» (Александр Солженицын, «Россия в обвале», 1998 г., <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>);

«Наши мысли сегодня суетны. Головы заняты не тем, как сеять разумное, доброе, вечное, и не предметами наших исследований. Мы думаем о часах, зарплатах, рейтингах, бумагах, реакции начальства. О том, как не проштрафиться, успеть, угодить, схитрить, улизнуть. Канцелярское насилие наносит непоправимый урон нашим некогда светлым умам, приводит к скудоумию. Скудоумие питается творимой нами полунаукой, мелочностью намерений, фрагментарностью мышления, отсутствием подлинной цели. О лживости сказано уже достаточно. Ее постоянный спутник – лицемерие...» (Профессор Саратовского ГУ Вера Афанасьева, из Открытого письма к министру образования РФ Ольге Васильевой: «Пять признаков тяжелой болезни российского образования», http://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=724).

Как видим, от направленности советского образования вовсе не на развитие интеллектуальных способностей обучающихся, а преимущественно на простое поглощение (усвоение) ими знаний сейчас не только не отказались, но даже и довели её до абсурда:

«Катков мрачными красками описывает современное состояние русских училищ: «Дух дисциплины, так необходимый для приучения к самообладанию, исчез из них почти совершенно; о серьезных занятиях наукою нет почти и помину; благодаря господствующей системе поверхностного и бесплодного многоучения и сообщения взглядов и идей вместо положительного знания, молодые умы приучаются к верхоглядству и к самой пагубной заносчивости». Противники классического образования пытаются выдать его за анахронизм. Но Европа смотрит на дело не так: французский министр просвещения признает, что временное допущение бифуркации – т.е. выбора в середине курса между классическим и реальным направлением – в нашем образовании это достижение известно под названием «профильной школы» – в школах страны грозило превратить их «во что-то без чести и без имени». По словам руководителя французского просвещения, «эта бифуркация, которою так еще недавно пленялись некоторые педагоги у нас <...> поставляла юношей еще колеблющихся и малосведущих в необходимость делать безвозвратный выбор между науками внешнего и науками внутреннего мира и <...> осуждала слишком молодые умы на

бесплодные в этом возрасте занятия естественными науками». Плоды выбора были проверены на опыте – и оказались горькими. Для успехов естественных наук, делает Катков парадоксальный вывод, умственная зрелость полезнее, нежели сообщенные в школе предметные знания. В деле образования глубина предпочтительнее ширины, серьезность лучше кругозора и утилитарная установка, заставляющая включать в программу то, что нужно и полезно, противоречит «возвышенному характеру гимназического образования». Впрочем, прикладные знания имеют доступ в особые, прикладные школы для промышленников, земледельцев и торговцев... «В школе не науки разрабатываются, не исследования совершаются (интересно, что бы он сказал о современном подходе, который предписывает учителям, давно отвыкшим от реальной исследовательской работы, обучать тому, чего не умеют сами, всех учеников! – А.Л.), не открытия творятся, также не лекции читаются – в школе воспитываются дети, для того чтобы они вместе со своим физическим возрастом созрели и умственно и могли стать способными как для науки, так и для всякой серьезной умственной деятельности». «Воспитывать не значит раздроблять; воспитывать значит собирать, сосредоточивать, усиливать и вводить в зрелость» (Алексей Любжин, «Старый спор», http://www.academia.edu/16737974/1-2015_Lubzshin; <https://cyberleninka.ru/article/n/staryy-spor>);

«Исполняя роль министра образования и науки РФ, Андрей Фурсенко однажды изрек: «Пороком системы советского образования было стремление создать человека-творца (на самом деле, абсолютно послушного чиновникам холопа, – П.Д.). Тогда как задача образования России – создать квалифицированного потребителя (то есть всё того же не обладающего интеллектом холопа государства, – П.Д.), способного пользоваться результатами труда других». С точки зрения логики, такое противопоставление не безупречно, поскольку умение творить не отменяет способности пользоваться плодами творчества других. Но это высказывание проясняет многое. И прежде всего, показывает, что собой представляет нынешний правящий класс России...» (Заслуженный учитель России Владимир Морар, «Ценное признание господина Фурсенко», <http://socklgd.ru/article/29-obrazovanie-v-rossii-problemy-i-perspektivy>);

«В головах у большинства нет четкой системы – все в каше. Но с самого начала все молодые ребята силились сформулировать что-то очень важное для них. Пока, наконец, кто-то не одолел: «У НАС УКРАЛИ БУДУЩЕЕ!» Не какое-то конкретное и понятное им, а вообще будущее. Любое. Мы, между прочим, взрослые, украли. Все вместе: кто крал, кто на стрёме стоял, а у кого хата с краю. И дело даже уже не в стране, которой, считай, что нет. Дело хуже: все эти молодые ребята, вытолкнув, выговорив это признание-обвинение (а с каждым днем они его выговаривали всё отчетливее и быстрее – видно, за прошедшие пару месяцев думали и разбирались!), все они начинают сбивчиво и страстно объяснять, что они же чувствуют, что у них нет будущего нигде. Потому что школа не дала никакого нормального образования, потому что о мире они знают, на самом деле, понаслышке даже те, кто за границей не раз бывали, потому что с языками, по-большому, не очень, потому что здесь – ну сами понимаете... «А вот скажите – только честно! – есть тут хоть какой-то шанс?»

Хоть что-то завтра? Или валить прямо сейчас? Даже зная, что с нашими знаниями валить-то некуда – никому мы там не нужны!» И что прикажете им отвечать? И как смотреть в глаза? В которых не отражаются далёкие горизонты – в тупике горизонтов нет» (Сергей Шаров-Делоне, «В тупике горизонтов нет», <http://ehorussia.com/new/node/14249>);

«Данные ВЦИОМ говорят о том, что мы, наконец, пришли к тому, к чему стремились все эти 15 лет, – воспитали страну идиотов. Если Россия и дальше будет двигаться этим же курсом, то ещё лет через десять не останется и тех, кто сегодня, хотя бы изредка, берёт в руки книгу. И мы получим страну, которой будет легче править, у которой будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у этой страны нет! Именно эти слова я произносил пять лет назад на заседании правительства. Время идёт, а процессы, которые ведут к деградации нации, никто даже не пытается понять и приостановить... Сегодня же чуть ли не половина трудоспособной молодёжи работает в охранных организациях! Получается, что все эти молодые парни – тупые, ограниченные люди, способные лишь бить морду?... Сейчас властителей умов вообще найти очень сложно. Возможно, потому, что никому не нужны умы – нужны ощущения...» (Академик Сергей Капица, «Россию превращают в страну дураков», <http://www.aif.ru/society/13372>);

«В чем сходятся аграрий Василий Мельниченко, академики и футурологи, наблюдая процесс деградации образования в РФ? В том, что это – намеренный процесс производства толп неумелых и неграмотных кретинков с завышенными ожиданиями. Чтобы получить породу управляемых недоумков, власть не только ввергает РФ в регресс, но и невольно готовит почву для гражданской войны...» («В. Мельниченко и академики – о дебилизации РФ», <http://www.youtube.com/watch?v=kPSdXpVDmIw>);

«За 25 лет, прошедших после распада СССР, сменилось целое поколение; в жизнь начали входить молодые люди, не жившие при советской власти, однако мало чем отличающиеся по своим жизненным установкам от поколения своих родителей, в меньшей степени – от своих дедов. Пришлось признать, что дело не в том, чего хотят и как ведут себя молодые люди, а что с ними делают существующие социальные институты, в рамки которых молодежь, так или иначе, должна вписаться, принять их и жить по их правилам. Основные механизмы воспроизводства этого человека обеспечены сохранением базовых институтов тоталитарной системы (даже после всех модификаций или их рекомбинации). Это вертикаль власти, неподконтрольная обществу, зависимый от администрации президента суд, политическая полиция, массовая мобилизационная и призывная армия, лагерная зона, выхолощенные или управляемые выборы, отсутствие самоуправления, псевдопарламент и, наконец, почти не изменившаяся с советских времен массовая школа, воспроизводящая прежние стандарты обучения» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>);

«...количество необразованных до состояния полной неотесанности идиотов вокруг

растет в геометрической прогрессии, они все более заметны на руководящих постах разного уровня и профиля, притом смотрятся весьма уверенно и дают указания. Провалы в элементарных знаниях «подрастающей смены», на мой взгляд, чудовищны. Хотя есть оптимисты, которые успокоят: просто они владеют иными знаниями, умениями и навыками, не надо судить по нашим «олдскульным меркам». Ну-ну. Кстати, вузовские преподаватели тоже все как один жалуются на упадок знаний. По-прежнему, правда, откуда-то все равно берутся выпускники школ талантливые и знающие, но это, скорее, исключение, подтверждающее общее печальное правило: дебилизация на марше. Даже грамотно писать и говорить по-русски умеет все меньшее количество людей. В том числе там, где такое умение является частью профессиональных обязанностей. А, с другой стороны, их же понимают им подобные, можно общаться и переписываться на уровне «ну чо? а он чо? а ты че? во, блин»... P.S. Согласно одному из опросов, не менее трети выпускников школ потом не хотят ни учиться дальше, ни работать. Видимо, тоже не понимают, зачем. А может, просто лентяи и необразованные дураки. В свой первый класс они шли наверняка, как на праздник. С букетом цветов. А потом что-то пошло не так» (политолог Георгий Бовт, «Дебилизация на марше? Зачем учиться?», <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/12617155.shtml>);

«Это проявление тончайшей интуиции власти, потому что прекрасно эта власть понимает, что при усилении интеллектуальной активности, интеллектуальной деятельности, при появлении хоть какой-то независимой прессы, при появлении хоть какого-то интеллектуального поколения, хотя бы интеллектуальной атмосферы устаревшие политические «ноу-хау» покажут всю свою обветшалость и станут просто понятно, что эта политическая система при умном избирателе, при умном населении функционировать не может. Значит, она заботится о своей пролонгации. Она для этого очень тонкими, очень умными приемами насаждает в обществе ощущение идиотизма, ощущение нарастающего идиотизма» (Игорь Гарин, «Убийцы по призванию», <https://www.proza.ru/2015/07/25/547>);

«Происходит стремительная дебилизация населения, и, к моему большому огорчению, власти делают это вполне сознательно. Возможно, им кажется, что дебилами проще управлять, – они ошибаются, дебилы очень ненадежны» (Андрей Макаревич: «Власти сознательно дебилизируют население», <http://www.mk.ru/social/2013/08/02/893743-andrey-makarevich-vlasti-soznatelno-debiliziruyut-naselenie.html>);

«7. Дебилизация населения. Важная стратегия – добиваться того, чтобы люди стали неспособны понимать приёмы и методы, используемые для управления ими и подчинения их своей воле. Качество образования, предоставляемого низшим общественным классам, должно быть как можно более посредственным, чтобы невежество, отделяющее низшие общественные классы от высших, оставалось на уровне, который не смогут преодолеть низшие классы» (Профессор языкознания, лингвист, философ Ноам Хомский: «10 жутких трюков, с помощью которых контролируют массы», http://www.zerkalo.cc/2019/02/10_4.html?fbclid=IwAR3hahi3vDtH-rci3dSZZzm4KJH2GsQuls477aMIvuXz8e0JVF0W10EyDtA);

«Как психиатру мне видятся две проблемы нынешнего российского общества: деградация и дебилизация, – Плюс апатия или побледнение эмоций. Постепенно исчезает эмпатия – желание эмоционально понять другого человека... Вспомните, кто раньше был артистом? Интеллигенция. А кто пришёл на смену? Вышли на сцену девочка в трусиках и мальчик в маечке, в наколках, бородатый, нечёсанный... Они «вываливают» на экраны телевизоров, страницы газет все свои интимные подробности. Это кумиры наших детей?! Они не несут никакой культуры, не способствуют развитию, а помогают деградации... Сегодня мы свидетели мощнейших технологических прорывов в области информационных технологий. Результат – возникла серьёзная проблема «субъектов с обеднённой коммуникацией». Она особенно остра у молодёжи и является одним из условий, повышающих риск жестокости, разнузданности, депрессий и самоубийств» (Александр Бухановский, профессор, психиатр, бывший эксперт в деле маньяка Чикатило, «Неспособные должны уйти из власти!», <http://www.aif.ru/society/42592>);

«Автор книги «Соленое детство», известный писатель Александр Гезалов, пишет, что детский дом в России – модель будущей армейской или тюремной жизни, где старшие и сильные отрабатывают на младших и беззащитных технологию подавления личности и деформации сознания. «Как бы ни хотел даже гениальный человек, какие бы фантазии у него ни возникали, представить детдомовскую жизнь он не может. Невозможно ее просто понять. Для этого я и прожил сиротскую жизнь, чтобы своей болью созидать что-то светлое и радостное. Но... если бы сразу после выхода из детского дома у меня в руке оказался пистолет, я бы поубивал всех», – признается А. Гезалов. В документальном фильме «Мама, я убью тебя» ярко описан процесс дебилизации детей в системе сиротпрома: нормальные малыши, страстно желающие встроиться в общество, самым этим обществом обречены на умственную отсталость: «Ни один из этих ребят никогда не сможет поступить в высшее учебное заведение, ни один из них не попадет в армию, все они выйдут со справкой «инвалид» и развитием на уровне пятиклассника в 18 лет из своего детского дома в новую, агрессивную для них реальность»...» (Игорь Гарин, «Разрушение сознания народа», <http://www.proza.ru/2016/05/05/1909>).

Еще более жестокой является «армейская школа», полностью лишаящая новобранцев чувства человеческого достоинства и превращающая многих из них в дебилы существа:

«Другим мощным зомбификатором является служба в армии. После зомбизации человека обривают, переодевают и дают ему официальный статус «рядового». Одновременно он получает неофициальный, но куда более существенный для дальнейшего, статус «салаги». «Салага» подвергается частым ночным избиениям со стороны старослужащих, стирает их белье, выполняет унижительные операции вроде чистки пола уборной зубной щеткой. Затем он получает промежуточный статус «черпака» и «деда» (на этой стадии он начинает принимать участие в ритуалах зомбификации новобранцев; внешней атрибутикой является сильно выгнутая пряжка ремня и сапоги «гармошкой»). Последняя стадия – «дембель» – непосредственно предшествует дезомбизации.

Интересно, что в армии сосуществует формальная (политзанятия, ритуалы) и неформальная (неуставные отношения) социально-магические структуры, которые дополняют друг друга и обеспечивают глубину и интенсивность зомбифицирования. Один из бывших начальников СССР в промежутке между двумя инсультами отметил: «Армия – великая школа жизни». Сейчас уже трудно узнать, что именно он понимал под жизнью. Но то, что в армии в символической форме усваиваются основные принципы функционирования зомбического общества, несомненно» (Виктор Пелевин, «Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии // Зомбилизация», <https://e-libra.ru/read/165431-relics-ranee-i-neizdannoe-sbornik.html>).

Подлый люд

Словосочетание «подлый люд» у славян первоначально означало лишь людей низкого происхождения (простолюдинов, чернь) и не несло никакой нравственной оценки («дол» и «подол» – всего лишь низменное место). Лишь в русском языке «низость» и тождественная ей подлость приобрели смысл падшести и мерзости (англ. «fallenness», «vileness»; укр. «падлючисть», «мерзенність»), а простолюдины, тем самым» стали подсознанием отождествляться не только с необразованными «дикарями», но и с подлецами (англ. «scoundrel»; укр. «падлюка», «мерзотник»). Соответствующие же, как украинские слова «падлючий» и «падлюка», так и белорусские слова «падла» и «падлюга» происходят от слов «падло», «падаль», «падший», а не от слова «подлый» (укр. «підлий» – всего лишь «больной, плохой»). Хотя, конечно же, «подлый люд» России и был не только «диким» и безграмотным, но и порочным. И, как это и ни прискорбно, таким он до сих пор и остался:

«Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками...» (Николай Карамзин, «История государства Российского», http://digteh.ru/history/Karamzin/01_01/);

«В XVI–XVII веках как раз рождаются первые черные мифы о России. Россияне (московские) в них выступают людьми и лживыми, и подлыми, и некультурными, и нечистоплотными...» (Владимир Мединский, «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», Серия: Мифы о России, Изд.: Олма Медиа Групп, 2008 г., <http://rudocs.exdat.com/docs/index-74140.html?page=7>, <http://lib.rus.ec/b/132883/read>);

«Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности (то есть оскорбления, – П.Д.), угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством» (Алексей Хомяков, «О старом и новом», <https://docs.google.com/document/edit?hgd=1&id=1f0jZE6Uiw->

tLSV_Rwpc3SPLD0bSlwTFbAA7TTgnayg0&pref=2&pli=1);

«Много есть людей, которые, начав свою деятельность с хорошими намерениями, скоро изменяют им: общество и жизнь так переворачивают их, что они начинают действовать в смысле, обратном своим первоначальным целям. У нас люди удивительно скоро подвергаются порче... Все мы до гадости малодушны. Немногие для успокоения совести иногда решаются обманом, воровски пустить в ход ту или другую идею, провести ту или другую полезную народу меру, которая тут же, на их глазах, разлетается в прах от недостатка простора и содействия со стороны исполнителей. Наша эпоха – эпоха мелких душонок: нет ни сильных характеров, ни твердых умов...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 16 мая 1842г., 27 марта 1849 г.,

http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки...»

(Александр Пушкин, «Поэт и толпа»,

http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm).

Однако же не менее «подлыми» и ничтожными были также и российские дворяне, и чиновники, не только не способные должным образом оценить заслуги выдающихся граждан своего отечества, но даже и боящиеся их нежелательного для себя влияния на примитивное российское общество и после смерти:

«Сказать, что нынешнее поколение ничтожно, что оно не в состоянии сделать ничего важного, значит сказать истину. Весь смысл его в том, что оно есть, оно факт. А как всякий факт имеет свою причину, и причину вне себя, то и оно имеет такую причину; оно не само себя создало. Оно есть логический продукт предыдущего состояния вещей (бессознательных лингвопсихических установок быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.) – и в этом его историческое значение, а вовсе не в том, чтобы оно полагало прочные и незыблемые основы будущего... Странно, право, что Академии так мало дела до Ломоносова. Положим, он не великий человек науки в общем смысле, но для нас он очень важен как первый проложивший у нас путь науке и образователь нашего ученого и литературного языка... У нас все как-то странно делается. Очень много, например, шумели и нашумели о ломоносовском юбилее. Он пришел – пообедали, покричали и, кажется, опять забыли человека на целое столетие» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 1, 5 марта, 26 апреля 1865 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,

В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом!
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно – малодушны,
И перед властью – презренные рабы!»

(Михаил Лермонтов «Дума», 1838, <http://www.kostyor.ru/poetry/lermontov/?n=5>);

«Похороны Пушкина. Это были действительно народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней – ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль – по крайней мере, наружная... Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, – так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему... Дня через три после отпевания Пушкина, увезли тайком его в деревню. Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом. – Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян. – А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит – и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи – как собаку. Мера запрещения относительно того, чтобы о Пушкине ничего не писать, продолжается. Это очень волнует умы...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 7, 12 февраля 1837 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Науками в Москве вовсе не занимаются; они даже запрещены

Да и столь же порочными и безграмотными, как и «подлый люд», длительное время были и все другие сословия российского примитивного общества:

«Едим мы нечисто, деньги прячем в рот; мужик держит полную братину и пальцы в ней окунуты, так и гостю подает; квас продается поганно, посуда не моется. Датский король сказал о наших посллах: «Если эти люди еще ко мне придут, то должен буду построить им

свиной хлев: потому что, где они стоят, там полгода никто не может жить от смрада». Неуменье изъясняться, лень, пьянство и расточительность – главные наши природные свойства; от расточительности происходит жестокость относительно подчиненных. У нас нет природной бодрости, благородной гордости, одушевления, не умеем держать себя с достоинством... Расплодился в русском народе премерзкие нравы, так что пред другими народами русские являются обманчивыми, неверными, склонными к воровству, убийству, неучтивыми в беседе, нечистоплотными...» (Юрий Крижанич, «Политика», цит. по: С.М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва, 1862 – 1879. Т. XIII, с. 197, http://www.odinblago.ru/istoriya_rossii/solovyev_istoria_/1_13/13_1_8_/);

«Науками в Москве вовсе не занимаются; они даже запрещены. Вышеупомянутый боярин Головин рассказывал мне, что в правление известного тирана (Ивана Грозного) один из наших купцов, пользовавшихся правом приезжать в Россию с товарами, привез с собою в Москву кучу календарей; царь, узнав о том, велел часть этих книг принести к себе. Русским они казались очень мудреными; сам царь не понимал в них ни слова; посему опасаясь, чтобы народ не научился такой премудрости, приказал все календари забрать во дворец, купцу заплатить, сколько потребовал, а книги сжечь» (Самуил Маскевич, «Дневник», 1594 – 1621, <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frametext1.htm>);

«Нам известно, что до середины XVIII века в Московии, а позже в России, вся духовная и умственная жизнь концентрировалась исключительно в национальной Церкви. И как писал архиепископ Макарий в своей «Истории русской церкви», в самой церкви не существовало потребности в знаниях. Послушаем Макария: «Но русские сами в то время, кажется, не имели никакого влечения к высшим духовным потребностям. Следуя примеру своих предков, они ограничивались умением свободно читать и понимать священное писание»... В XVI веке архиепископ Новгородский Геннадий с величайшей грустью констатировал, что священники, им рукоположенные, не умели ни читать, ни писать, а многие из них даже плохо знали молитву «Отче наш». Если же посмотреть в XIII и XIV века, то безграмотность священников и монахов была повсеместной, о чем неоднократно упоминает в своей «Истории» В.О. Ключевский» (Владимир Белинский, «Страна Моксель», ч.3 «Первоначальное собрание земли русской», http://ukrlife.org/main/evshan/moxel_311.htm; 3varta.com.ua/image/data/files/Strana_Moksel.doc; <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/belinskij-vladimir/strana-mokselj-ili-otkritie-velikorossii/1/>);

«Человеку с образованием трудно было жить в Москве, поэтому не удивительно, что пришлый Максим Грек, лицо высокого западного образования, быстро попал здесь в тюрьму, где и просидел больше 20 лет. Неудивительно и то, что из тех 30 молодых людей, которых послал Борис Годунов учиться за границу, домой вернулся только один... В самом конце XVII века, 1698г., даже и Петр жаловался патриарху: «Священники у нас грамоте мало умеют... Ежели бы их... в обучение послать в Киев в школы...». Жизнь общественная в Москве всегда была полностью придушенной. Высшие слои общества под царем не имели никакой свободы. Беглецы, что иногда бежали к нам в Украину от гнева грозного царя,

рассказывали о своей подневольной жизни, и удивлялись, присматриваясь к свободному волеизъявлению украинского дворянства. И поэтому не удивительно, что, как говорит исследователь, «южнорусские православные паны часто становятся главными начальниками войск, идущих против московского государства; так, даже князь Осторожский с ожесточением воевал против Москвы, и свою ненависть к Москве передал и сыну». Поэтому-то и украинское войско было под Москвой вместе с польским во время Смутного Времени» («Апологет», <https://www.apologet.kiev.ua/-1395859381/28-istoriia-tserkvy/ukrajinska-tserkva-narisi-z-istoriji-ukrajinskoji-pravoslavnoji-tserkvi/522-----.html>);

«...26 апреля 1758 г. [Иоасаф] хиротонисан во епископа Белгородского и Обоянского. При первом же знакомстве с епархией епископ Иоасаф обратил внимание на низкий уровень образования духовенства. Некоторые священники не умели даже грамотно читать...» (Биографический энциклопедический словарь, «Иоасаф / Миткевич», <http://enc.biblioclub.ru/termin/1567776>);

«Чудная эта земля Россия! Полтора ста лет прикидывались мы стремящимися к образованию. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываем назад быстрее, чем когда-либо шли вперед. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлин предлагал закрыть университеты, многие считали это несбыточным. Простаки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вот теперь тот же самый Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего, негласного комитета по цензуре и действует так, что становится невозможным, что бы то ни было, писать и печатать... А в нашем кругу, то есть в ученом и учебном, вот как люди поставлены: если ты человек без дарования и делаешь худо свое дело – тебя выгонят за неспособность; если ты человек с дарованием и делаешь свое дело хорошо, тебя выгонят за то, что ты человек способный, следовательно, опасный. Как же тут быть? Быть немножко глупым и немножко не глупым? В средние века жгли за идеи и мнения, но, по крайней мере, каждый знал, что можно и чего нельзя. У нас же бессмыслица, какой мир не видал. Вот вам и русская образованность...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 1 декабря 1848 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Говорят, что Россия есть страна чиновников без правосудия и хорошего управления. Теперь можно будет сказать, что она есть и страна докторов и членов ученых обществ без науки... Они роются в навозе и заднепроходной кишке науки и, конечно, полезны для нее. Худо только то, что они, во-первых, все испражнения человеческого ума считают за главное дело, а, во-вторых, себя самих за такие органы науки, в сравнении с которыми все другие ничего не значат. А нечего делать! Вот я пишу академическую речь и должен, зажав нос, во всеуслышание восклицать: «Сор славянский! пыль родная! слаще ты, чем мед и сот!»... Науки естественные и математические находятся ныне в опале, или, как говаривал Петр Великий, не в авантаже. На днях министр народного просвещения велел двум здешним директорам гимназий подать в отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 5,

21 декабря 1863 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml ; Т. 3, 7 июля 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Академия кутит,
В буйстве меры не имеет.
Значит, рок своё вершит:
Академия русеет»

(Аполлон Майков, 1861, <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=21701>);

«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» (Владимир Ленин, ПСС, т. 23, с. 127, <http://leninvi.com/t23/p127>);

«Есть страны так же «темные», как Россия; но везде это понимается как несчастье; и нет стран, где, как у нас, невежество стояло бы в вызывающей позе и чувствовало бы достаточный фундамент под эту позу» (Василий Розанов, «Сумерки просвещения», СПб., Изд. П. Перцова, 1899 г., с. 222–223, <http://static.my-shop.ru/product/pdf/118/1172273.pdf>);

«Толпой угрюмою и скоро позабытой
Нам миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом»

(Михаил Лермонтов «Дума», 1838, <http://www.kostyor.ru/poetry/lermontov/?n=5>);

«Мне очень неприятно огорчать моих русских друзей, но они, право, слишком взыскательны. В половине прошлого столетия (XVIII век, – П.Д.), по признанию авторитетнейших истолкователей, таких как Чаадаев, Герцен, у них ничего не было: ни национального искусства, ни литературы, ни науки. Теперь же они (москвиты, – П.Д.) хотят все иметь зараз и иметь с XII века!... Мрачные нагромождения монастырских келий дали цветок бесстыдного (содомитского, – П.Д.) сладострастия: это и есть церковь Василия Блаженного – воплощение национального духа XVI века» (Казимир Валишевский, «Иван Грозный», с. 101, <https://www.livelib.ru/book/83926/read-ivan-groznyj-kazimir-valishevskij/~5>);

«Старейшие сохранившиеся до сих пор каменные церкви Москвы были построены во время татарского господства или незадолго по тому, так что они значительно моложе, чем старые церкви Чернигова или Киева. На всех старых московитских церквях видно теперь азиатскую баню-луковицу, и это невольно наводит на мысль приписать это прямому или же не прямому влиянию татар, потому что у всех старых церквей юго-западной России нет и

следа этой формы куполов» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII–XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt);

«Как ни странно, вслед за Фиораванти в Москву стали прибывать и другие итальянские мастера, которых в те времена называли «фряжинами» (от старинного русского слова «фрязь», что значит «иностранец»; родственно перс. «ferzin» – «визирь, советник» и происходит от лексем: праслав. «врѣхъ», лит. «viršus», арм. «verevě», венг. «bérc» – верх, как и осет. «барæг», др.-киев. «варяг», укр. «вершник» – всадник, при польск. «brzheg», укр. «беріг» – край). Эти архитекторы предприняли грандиозную перестройку Кремля. Именно они, следуя художественным принципам Итальянского Возрождения, заменили обветшавшие белокаменные укрепления XIV века и создали новый облик Москвы... В 1491 году Марко Руффо (Марк Фрязин) вместе с Пьетро-Антонио Солари (Петр Фрязин) завершили возведение Грановитой палаты, первого гражданского здания Москвы. Пьетро-Антонио Солари (Петр Фрязин) также известен тем, что построил Тайнинскую (1485 год), Боровицкую (1490 год), Константино-Еленинскую (1490 год), Спасскую (1491 год), Никольскую (1491 год) и Сенатскую (1491 год) башни Кремля. Марко Бон (Бон Фрязин) заложил колокольню Ивана Великого в 1508 году, а Кутафья башня была сооружена в 1516 году под руководством миланского архитектора Алоизио да Каркано (Алевиза Фрязина). Значение сделанного итальянскими мастерами в конце XV – первой трети XVI века было столь велико, что на протяжении XVI и даже начала XVII века в постройках русских зодчих имели место многочисленные, если можно так выразиться, «итальянизмы»: формы, декоративные детали и т. д. При этом приглашение итальянцев в Россию не привело к импорту Ренессанса как стиля, как в это происходило в остальной Европе, а заложило основу оригинальной русской архитектуры, приблизив ее технически к европейскому уровню...» (С.Ю. Нечаев, «Русская Италия», http://loveread.ec/read_book.php?id=47776&p=2);

«Ходил по Бульварному кольцу поздним вечером. Поглядывал в глаза гуляющих. Что я в них увидел? Одиночество, безысходность, дурман бессмысленного существования, безголовый риск жизнью. И близкую пьяную или наркотическую смерть... Красивые женские обнаженные тела в витринах ночных диско московского центра. Шлюхи танцуют, зазывают. На их кукольных резиновых лицах – мертвые улыбки. Растягивают губы перед клиентом. Чтобы сожрать его, обглодать и выплюнуть из чрева и из памяти. Образ построенной за последние десять лет новой Москвы удивительно соответствует ее содержанию. Это, конечно, не новый Лондон, не Париж, не Нью-Йорк и не Мадрид. Это все та же потемкинская деревня – синюха, напояженная, покрытая дешевыми румянами. В кричащих вокзальных нарядах. Пошлость, мерзость, подделка везде и во всем – от главного храма-новодела, через новоделы-бульвары и до новоделов-небоскребов. Уничтожены или изгажены последние романтические уголки старой Москвы, мой постоянный, во время прошлой жизни, источник вдохновения. Архитектурная бездарность и наглость вызывали у меня физическую муку, к горлу подкатывала тошнота. Новая Москва – это воплощение

бездарности, хамства и умственной отсталости разгулявшихся пацанов, дорвавшихся до власти! Города Москвы более нет. Диснейленд. Гуляй-поле. Воровская малина...» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«В этом городе, похожем на общественный сортир,
Словно опухоль из клеток, состоящем из квартир,
Воплотившем единенье суеты и духоты,
Средь бесчисленных и прочих проживаешь также ты...
Вечно дышащий бензином, потом, пивом, табаком,
В толкотне по магазинам пробираешься бочком,
Чтобы вечером, желудку нанеся обычный вред,
Отключаться на диване под привычный телебред...
Но увы! Твоим талантам прогреметь не суждено,
Ты и сам о них не знаешь, а узнаешь – все равно
Удушают, убивают, выпивают их до дна
Эти люди, этот город, это время и страна...»

(Юрий Нестеренко, «В этом городе, похожем на общественный сортир...», 1998, <http://yun.complife.info/verses/city2.txt>);

«В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию. Неверно было бы сказать, что Россия страна молодой культуры, недавно еще полу-варварская. В известном смысле Россия страна старой культуры. В киевской России зарождалась культура более высокая, чем в то время на Западе: уже в XIV веке в (юго-западной, – П.Д.) России была классически-совершенная иконопись и замечательное зодчество. Московская Россия имела очень высокую пластическую культуру с органически целостным стилем, очень выработанные формы быта. Это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства. Московская культура вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям. Но в Московском царстве очень слаба и не выражена была культура мысли. Московское царство было почти безмысленным и безсловесным, но в нем было достигнуто значительное оформление стихии, был выраженный пластический стиль, которого лишена была Россия петровская, Россия пробудившейся мысли и слова. Россия мыслящая, создавшая великую литературу, искавшая социальной правды, была разорванной и бесстильной, не имела органического единства...» (Николай Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма», <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm>);

«Неужели, в самом деле, хотят создать для нас материальную логику, то есть навязать нашему уму самые предметы мышления и заставить называть черное белым и белое черным потому только, что у нас извращенный порядок вещей? Можно заставить не говорить известным образом и об известных предметах – и это уже много, – но не мыслить?! Между

тем именно это и хотят сделать, забывая, что если насилие и полагает преграды исполнению вечных законов человеческого развития, то только временно: варвар и раб отживают свое урочное время, человечество же всегда существует...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 11 ноября 1826 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«У нас наука окончательно проституирована и в большей степени, чем за границей, там все-таки есть какая-то свобода ученых. Подлость – преимущество не только учёных, но и критиков, литературоведов, корреспондентов газет и журналов, это проститутки и ничтожества. Им платят, и они поэтому делают, что прикажут свыше... Науку у нас не понимают и не любят, что, впрочем, и неудивительно, так как ею руководят слесари, плотники, столяры. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуют сверху. Патриотическая линия принесет нашей науке вред. Мы ещё более отгораживаемся от ученых Запада и отрываемся от передовых учёных и техников» (академик Лев Ландау: «Наши есть фашисты с головы до ног», <http://argumentua.com/stati/akademik-landau-nashi-est-fashisty-s-golovy-do-nog>);

«У нас люди не получают полноценного образования, потому что оно некачественное на всех уровнях. Например, в Германии, где я преподавал 10 лет, выпускник школы абсолютно свободно говорит как минимум на двух иностранных языках. Он готов к дальнейшему обучению и работе в любой точке земного шара. А что у нас... Из школы выходят либо с дурным английским, либо ни с каким языком вообще. У нас в педагогике очень много людей, которые учат будущей профессии, зная её весьма приблизительно. На Западе, в кинообразовании, например, человека, который не имел успеха на рынке последние пару лет, к студентам даже близко не подпустят. А нашу кинематографическую молодёжь учат люди, которые за десятилетия ничего путного в профессии не сделали. Думаю, подобное происходит и в других областях...» (Режиссёр Александр Митта, «Россия нищает, а все делают вид, что так и надо», <http://www.aif.ru/culture/person/1324270>);

«Эверстадт не знает, как решить проблему. В статье 2011 года он говорил о еще одной причине ослабления России – падении уровня образования: «Во всем мире, чем выше образование, тем лучше здравоохранение. В России доля людей с высшим образованием на 30% больше, чем на Западе, а продолжительность жизни, как в Сенегале. Дело в том, что образование оказалось плохого качества. Международные тесты в 2009 году показали, что по навыкам чтения российские школьники уступают турецким и занимают одно из последних мест по стандартам ОЕСД». Еще одна причина для отчаяния...» (Тали Шамир, «Тайна исчезающего народа», http://mnenia.zahav.ru/Articles/5422/taina_ischezaushego_naroda).

Слово «подлец» произошло не от слова «подлый»

Очевидно, слово «подлец» произошло не от слова «подлый», а от слова «подличать», то есть действовать «под личиной». Ведь «личина» – это маска, под которой скрывает истинное свое лицо являющийся воплощением подлости лицемер. Обличить же поднца –

значит сорвать с него маску и, тем самым, явить всем его истинное лицо:

«...такое качество природы человеческой как подлость, не такое уж и редкое явление на сегодня. Она существует, наверное, столько же, сколько существует человечество. Над этой личиной человека размышляют веками... Когда-то на Руси была такая публичная казнь. Человека на морозе, голого, обливали холодной водой, пока бедолага не замерзал совсем. Так вот, человека, который подливал всё время воду на несчастного, называли подлецом. Я неспроста сейчас упомянула об этом. Только на мгновение задумайтесь, что двигало этим человеком, какими чувствами он обладает и каких напрочь лишён... Подлецы всегда живут под личиной, по причине того, что это даёт им возможность питаться и уничтожать тех, кого они так яро ненавидят» (Доктор филолог. наук Елена Лукашевич, «Подлость. Сущность человеческой силы или признак слабости», <https://www.proza.ru/diary/natalian/2014-10-22>; <https://subscribe.ru/group/myi-hristiane/12955936/>).

И слово «подличать» лишь было сопоставлено позже как с дикими нравами «подлого люда», так и с его низким (подлым) происхождением. Сами же тождественные друг другу слова «низость» и «подлость», тем самым, обрели свой новый и, причем весьма не благовидный смысл. Но хуже всего то, что ассоциация в подсознании слова «подлец» с вполне безобидным для него словом «подлый» стала препятствовать выработке бессознательной негативной оценки подлого поведения русскоязычного дикаря, лишив его, тем самым, соответствующих угрызений совести:

«Неграмотность России принято преувеличивать: совсем неграмотных было не больше двух третей населения. А вот дикость, необузданность – это верно. Не только психическая растрепанность, но и внешняя бросается в глаза, когда в школе вместе с русскими учатся дети немцев, поляков. Они чище одеты, умыты, тетради и учебники аккуратнее» (Всеволод Веселовский, «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>).

Так что, не только дикость нравов, но и необузданные угрызениями совести подлое поведение русскоязычных простолюдинов стали для них вполне естественными.

Бедный не лучше богатого, а хуже его во всех отношениях

И ведь нынешняя психическая инфантильность большинства русскоязычных людей во многом сродни этой былой дикости простолюдинов:

«Но не думаю, чтобы семейные, общественные и вообще личные, в тесном смысле, качества наших простолюдинов были бы все уж так достойны подражания. Едва ли нужно подражать их сухости в обращении со страдальцами и больными, немилосердной жестокости в гневе, их пьянству, расположению столь многих к лукавству и даже воровству... Превозноситься перед народом не стоит, но и народопоклонство ни к чему хорошему не ведет...» (Константин Леонтьев, «О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике», <http://www.vehi.net/leontev/dost.html>; <http://knleontiev.narod.ru/texts/lubov.htm>);

«Струве остановился на пороге: не решился сказать, что человек необразованный, тёмный, – не то что глупее образованного (даже это – очевидное – не прозвучало), а что он и не добрее и не честнее образованного. Статистически – необразованный крадет и убивает чаще. Необразованный и бедный: да-да; это обычно одно и то же. Вот тут-то все и спотыкаются: на сострадании. Однако ж пора посмотреть правде в глаза и произнести просто силлогизм: бедный не лучше богатого, а хуже его во всех отношениях (тоже – статистически; святых и философов-аскетов в счет не берем); простонародье состояло и состоит из бедных, значит, святость большого множества бедных людей – вздор. Неприятные слова? Но их нужно произнести – и навсегда покончить с идолопоклонством. Чтобы сделать их очевидными, вспомним: всё подлинное в человеке, включая способность к состраданию, начинается с мысли о своем несовершенстве, – но откуда же этому взяться у самодовольного дикаря? Франк подступает к тому же с другой стороны – и тоже недоговаривает. «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это – бедные», – цитирует он Оскара Уайльда. Тут бы прямо сказать: социализм подогревается завистью, бедные – завистливее богатых; но на это духу не хватает и у Франка» (Юрий Колкер, «Семеро против мифа», 2009, <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Vekhi.htm>; <https://zounb.zp.ua/node/4776>);

«Бедных людей удовлетворить труднее всего. Дайте им что-то бесплатно, они решат, что это ловушка! ...Они имеют нечто общее: Любят запрашивать Google, слушаться друзей, таких же безнадежных, как и они сами, они пребывают в раздумьях больше, чем профессор университета и делают меньше чем слепой. Просто спросите их, что они могут? Они не ответят вам... Бедные люди терпят неудачи из-за одной общей черты: «Их Вся Жизнь Проходит в Ожидании»...» (Джек Ма, основатель Alibaba, <http://1networking.ru/clauses/bednye-lyudi-terpyat-neudachi-iz-za-odnoy-obschey-/>).

В украинской ЯКМ понятия бедный и глупый практически тождественны:

«Чому бідний? – Бо дурний. А чому дурний? – Бо бідний» (Почему бедный? – Потому, что глупый. А почему глупый? – Потому, что бедный).

Этого, конечно же, принципиально не может быть в архаичной и быдлотворной русской ЯКМ, культивирующей презрение к богатству и освящающей равенство в нищете:

«Нищие не завидуют millionaire, они завидуют другим нищим, которым подают больше» (Бертран Рассел, <http://mudroslov.ru/quotes/4487?f=hg>).

Россию населяет множество людей, которые просто органически не способны жить в современном мире

Антиномичность быдлотворной русской ЯКМ обрекает психически инфантильное русскоязычное общество на постоянные кровавые шараханья от одной крайности к другой. Лишь только это и позволяет избежать ему стагнации:

«Вместе с тем, идеал евангельской нищеты, бессребреничества, не озабоченности

завтрашним днем никогда полностью не соответствовал противоречивой реальности. Как показывает исторический опыт, в периоды глобальных социально-экономических трансформаций, всегда сопровождавшихся появлением большого количества людей и даже целых общественных групп, не вписавшихся в крутой поворот общественного развития и находящихся в состоянии глубокой социальной депрессии, актуализировалось отличное от евангельского идеала представление о нищете как драме, трагедии, проклятии. Это представление нередко обострялось и за счет таких внешних, стихийно-природных факторов, как пожары, неурожай, недороды, падеж скота, являвшихся неотъемлемой частью жизни общества, а также за счет внутренних, индивидуально-личностных причин нуждающихся – неизлечимой болезни, умственных или физических дефектов, возрастной слабости, дряхлости и т.п. И представление о нищете как духовном спасении, и восприятие нищеты как социальной драмы, трагедии, проклятии – обе эти грани в осмыслении нищенства всегда сосуществовали вместе, при этом на различных этапах исторического развития одна из них становилась доминантной, определяя особенности художественного воплощения, выбор сюжетов, характеристику образов в памятниках древнерусской литературы и народной словесности. Истоки двойственного восприятия нищеты в русской культурной традиции во многом определялись спецификой русского национального характера, его принципиальной дуальностью, которая отмечалась многими философами, как русскими, так и зарубежными. В частности, Н. Бердяев полагал, что неразгаданная тайна России заключается в ее противоречивости, антиномичности: «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, – по мнению философа, – можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость», где «безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоём, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины». Б.А. Успенский видел в бинарности русской культуры специфику русского национального мышления. Исследователь объявил принцип организации мира в соответствии с логикой бинарных (дуальных) оппозиций характерной ментальной чертой российского сознания от эпохи средневековья до конца XVIII века, связав его со спецификой православного мышления, когда «основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполусном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (Наталья Сгибнева, автореф. дис. «Нищета как духовное спасение и социальная драма в древнерусской литературе», <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/niweta-kak-duhovnoe-spasenie-i-socialnaja-drama-v-drevnerusskoj-literature.html>).

К большому сожалению, архаичная (пережиточная) русская языковая картина мира и в настоящее время весьма способствует консервации у психически инфантильного русскоязычного населения (у «подлого» люда) как «серости», обезличенности и покорности, так и нищеты, и невежества а, тем самым, и связанного с ними большого множества пороков:

«Данные антропонимии, в частности, количественный состав имен, позволяет судить также и об особенностях национального характера. Например, словарь итальянских имен Э. Де Феличе, составленный на базе телефонных справочников Италии за 1981 год, содержит

около 18 тысяч имен (De Felice E.); реальный же русский именник этого периода вряд ли насчитывает 500 единиц. Нами были проанализированы список студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza» за 1996 год и список студентов факультета романо-германской филологии Воронежского университета за 2000 год. Итальянский список состоял из 466 студентов; на этой же цифре мы остановились и в русском списке. В итальянском списке обнаружено 221 имя, в русском – 81. В результате, одно итальянское имя обслуживает чуть более двух человек (2,1), а русское – почти 6 (5,75). Эти факты говорят о том, что итальянские и русские имена имеют различную семиотическую нагрузку и наличие обширного именника свидетельствует о такой особенности итальянского национального характера, как стремление подчеркнуть индивидуальность каждого человека, выделиться из общей массы» (Ю.А. Рылов, «Антропонимы в языковой картине мира. Языки и картина мира», Тула, 2002 / «Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика», <https://www.booksite.ru/fulltext/rylov/text.pdf>);

«Славянофилы говорили, что европеизованное русское «общество» представляло собою как бы европейскую колонию, живущую среди варваров. Это было вполне верно. Но изменить к лучшему тяжелое положение иностранной колонии, заброшенной в среду русских варваров, могло только одно общественное явление: европеизация варваров. Другого средства быть не могло по той простой причине, что, вопреки мнению славянофилов, в общественной жизни Московской Руси не было, – да и не откуда было взять, – таких «начал», которые давали бы ей возможность создать самобытную культуру, способную померяться с культурой европейского Запада. «Начала» общественной жизни Москвы сводились, в последнем счете, к закреплению всех классов населения государству, а закрепление совсем неблагоприятно для роста культуры» (Георгий Плеханов, «История русской общественной мысли», https://iphras.ru/elib/Plekhanov_Hist.html);

«России мешают русские – основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет... На западе люди переселились из деревни в город уже давно, поэтому у них в сознании закрепились индивидуальность: нужно пробиваться, надеяться на себя, развиваться, расти. Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше чем личность. Поэтому «государство все, а мои усилия – ничего». Пускай кто-то что-то делает, борется, а у меня своих проблем хватает, какая модернизация... Большая часть (населения, – П.Д.) находится в частичной деградации... Другая часть – общая деградация» (предс. правл. Института современного развития Игорь Юргенс, «Модернизации мешают русские?», <http://www.nr2.ru/moskow/300609.html>; http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/15/modernizacii_rossii_meshayut_russkie/);

«Вы не представляете, сколько накопилось у нас человеческой дряни за многие века истребления лучших людей, когда преимущественно выживали мелкoduшные приспособленцы, доносчики, палачи, угнетатели...» (Иван Ефремов, «Час быка», <https://lib.misto.kiev.ua/EFREMOW/chas.dhtml>; <https://cont.ws/@severro/738253>);

«25 декабря 1964 г. Гулял с Симой Дрейденом. Он рассказал мне потрясающую, имеющую глубокий смысл историю. Некий интеллигент поселился (поневоле) в будке железнодорожного сторожа. Сторож был неграмотен. Интеллигент с большим трудом научил его грамоте. Сторож был туп, но, в конце концов, одолел начатки грамматики. Он очень хотел стать проводником на поезде. Для этого нужно было изучить десятки правил наизусть – и сдать экзамен. Интеллигент помог и здесь. Сторож стал проводником, приезжая на юг, закупал апельсины и проч. и небезвыгодно продавал на севере. Разбогател. Интеллигента между тем арестовали. Отбыв в лагере свой срок, он воротился домой. Здесь его реабилитировали – и показали его «дело». Оказалось, что, научившись грамоте, благодарный железнодорожник первым делом написал на него донос: «Предупреждаю, что NN имеет связи с границей...» (Корней Чуковский, «Дневник» 1929 – 1969. Т. 2, <http://www.rulit.me/books/dnevnik-1929-1969-t-2-calibre-0-8-53-read-242414-187.html>);

«Одна наша с В. Познером общая американская приятельница охарактеризовала его главную черту – и человеческую, и карьерную – английским словом «survivor». Точного его эквивалента в русском языке нет, но можно, наверное, употребить корявый неологизм «выживальщик». Это как видный деятель советского государства Анастас Микоян, про которого ходила поговорка «От Ильича до Ильича (имеется в виду от Ленина до Брежнева – АТ) без инфаркта и паралича!» Андрей Кончаловский, как нетрудно прикинуть, из этого же клуба. В искренность поддержки Кончаловским и Познером «путинского блага» я ни секунды не верю...» (Артемий Троицкий, «Контракт выживальщика», <https://echo.msk.ru/blog/troitskiy/1860890-echo/>);

«...о своем прошлом они, все до одного, говорили с восторгом, к настоящему же относились почти с презрением. Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» (Антон Чехов, «Степь», <http://rulibrary.ru/chekhov/step/30>);

«Что сказать? Российскую Федерацию населяет множество людей, которые просто органически, почти на уровне физиологии, не способны жить в современном мире. Столетиями природорасточительная технология отбирала тех, что работает на рывок, снимает сливки, не задумываясь о последствиях. Веками община и государство отбирали «простых» – тех, кто меньше склонен к размышлению, анализу, сравнению, рефлексии (грешен, не помню, как полагается ругать рефлексю: «буржуазной» или «интеллигентской»? Вставьте сами нужное). А «шибко умные», умеющие и любящие думать, склонные вычлнять себя из любой общности и добиваться успеха, истреблялись поколениями, веками. Хотите тест? Попробуйте сами подумать, каковы должны быть последствия для генофонда страны, для ее перспективы на будущее. Если вы думаете, что никакого, – значит, последствия сказались и на вас» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», <https://history.wikireading.ru/7823>; http://ipvnews.org/hegemon_article19122010.php);

«Культ героики, положительный персонаж, казенный оптимизм, слащавое холуйство

вытравливают человеческое, приучают ко лжи, учат лицемерию, воспитывают приспособленчество. Поддельные образы фабрикуют фальсифицированных людей. Когда героика рождается не в мифе, не в глубинах сознания свободного художника, а навязывается партией и вождями, когда поэт творит типичное из исключительного или несуществующего, когда героизм порожден не художественной необходимостью, а жизненным головоутием, когда талант и честность преследуют искусствоведы в штатском, стоит ли удивляться формированию ханжеского сознания нации, атмосфере цинизма и неверия, утрате веры и идеалов, параличу культуры... Реализм вообще устраивал нас до тех пор, пока был поверхностным. Но стоило чуть-чуть поднять кожу, проникнуть скальпелем в нарыв или рану, как... Кисейные барышни падали в обморок, мы – сквернословили, топали ногами, распинали, уничтожали... Наше искусство не просто лгало, а широко пропагандировало преступные идеи в гуманистической упаковке, ничего не говоря о возмездии...» (Игорь Гарин, «Химерический реализм, или блаженный идиотизм», <https://www.proza.ru/2014/09/03/756>);

«Историческая деградация российского общества проявляется во всем: большевистская чума, постреволюционная шариковизация общества, распад социума, оглушающая пустота в душах людей, их неспособность выбрать достойную власть или отвечать за собственную судьбу, геронтологизация и дебилизация власти, резкое ухудшение состояния здоровья молодежи и населения в целом, всплеск заболеваний СПИДом, туберкулезом, раком, рекордные показатели суицида стариков и молодых, никудышная медицина, отношение власти к человеческой массе как к навозу, утрата экономической и политической конкурентоспособности, тотальная злоба и ненависть ко всему миру. И разве не является новейшим свидетельством тяжелой социальной хвори состояние «постоянной войны» или война, объявленная «старшим братом» почти всем своим соседям? Распад родственных и социальных связей отчасти обусловлен дегенеративным распадом на личном уровне – повышением количества психических заболеваний, распространением алкоголизма и наркомании, воинствующей безнравственности, ужасающего хамства, индукцией бредовых идей, заражением ими значительной части общества, шизофреническим ослеплением-зомбированием социума. Так что замшелый российский миф о государственном величии и невиданной духовности россиян не выдерживает даже малейшего соприкосновения с реальностью. Российское государство уже много раз мутировало, и почти всегда в сторону деградации...» (Игорь Гарин, «Генетическая прополка России», <https://nv.ua/opinion/geneticheskaja-propolka-rossii-82521.html>);

«Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. Тридцать-сорок лет подряд голодом, страхом и пыткой – людей отучали от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти людям забивали душмертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями «диамата». Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков – готовил советский

режим; людей совершенно лишенных государственного кругозора и честного, – да, именно, честного, опыта и самостоятельного, да, именно самостоятельного, разума» (Иван Ильин, «О грядущей России // Предпосылки творческой демократии», <http://www.lib.ru/POLITOLOG/IILIN/istoi.txt>);

«Все «прелести» колхозной жизни сразу же обнаружили себя в жестокой и вместе с тем в карикатурно усиленной форме: обезличка, бесхозяйственность, моральная деградация, преступления, ничтожная плата за труд и прочие общеизвестные явления привычного теперь советского образа жизни. Началось такое бегство людей из деревень, какого еще не знала русская история. Многие завербовывались на стройки на север и в Сибирь, лишь бы избавиться от колхозов. Призванные в армию ребята почти совсем не возвращались домой. Деревни стали пустеть и исчезать с лица земли. В деревнях остались лишь старики и семьи, которым некуда было бежать. В район стали переселяться люди из других мест, в основном – нищие и малограмотные. Началось безудержное пьянство и примитивное воровство. Почти все оставшиеся в наших местах мужчины побывали председателями колхозов и другими «начальничками», спились, попали в тюрьму. Когда я в 1946 году попал в наш «медвежий угол», там почти совсем не осталось мужчин – погибли в тюрьмах или на войне. Исторический скачок обошелся России дорого... Люди освободились от тревог за хозяйство. Раньше они ночей не спали в страхе, что из-за плохой погоды пропадет урожай. Теперь им стало наплевать на погоду и на урожай. Они даже стали радоваться плохой погоде. Когда начинался дождь, бросали дела, собирались в сарае и часами «точили лясы», т.е. болтали и смеялись. Появилось полное безразличие к тому, что делалось в колхозе...» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент» / «Русская судьба, исповедь отщепенца», <http://testlib.meta.ua/book/98191/read/>; <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=87692>);

«Общину нашу создал кто? Помещик. Для удобства. Как барак-бригада в концлагере. Коллективная ответственность. Староста – бригадир. И сами разбирайтесь! А мне чтоб – деньги и порядок! Самые активные из общин – что? Сбежали. И вывели за века генетического колхозника, человека стада. Распыление ответственности. Конформизм. Покорность. Уравниловка. Отсутствие инициативы. Готовность принять власть над собой со стороны. Артель? Скорее быдло! Как надо презирать свой народ, чтобы объявлять смесь этих черт «национальным русским духом»! Такой анализ жутко должен был нравиться товарищу Сталину при создании колхозов. «Республика». «Общее дело». Это русские изобрели?! «Общинность» русского народа происходит из двух моментов: отсталости на несколько веков от Европы, где та же общинность была под дворянами ранее – и скудоумия «ученых», которые должны были какими-то «писаниями» оправдать свои зарплаты и места в университетах» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p07.dhtml);

«Достоевский обнаруживает всю призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнивании. Шигалевщина и

есть иступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнивании, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности. Многих наивных и простодушных русских социалистов, мечтавших о социальной революции, смущают торжествующие крики: «Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!» Достоевский был более проницателен, чем признанные учителя русской интеллигенции, он знал, что русский революционизм, русский социализм в час своего торжества должен кончиться этими шигалевскими выкриками...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html>);

«Можно привести множество конкретных общественно-политических примеров из новейшей истории, показывающих полную неадекватность российского общества. Более того – его тупость, невежество, развратность, порочность, разложение. И не только сверху, но и снизу... Проблема именно в самом народе, в его развратности, бессловесной покорности, тупости, беспринципности, равнодушии, отсутствии элементарной политической культуры и критического мышления. Проблема – в обществе в целом, в его ментальности, порочных национальных традициях» (Д. Десс, «Русский народ – это быдло» / «Бдло – это кто?», <http://newzz.in.ua/russia/1148904807-bydlo-eto-kto.html>; <https://plus.google.com/101558947251966609893/posts/9igGWqSvhRx>; http://www.vgazete.com/2011/12/blog-post_2706.htm);

«В отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя он набросил на них тень и показал их, по возможности, в отдалении. Тем не менее, он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук, и он бросал перо в негодование, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования...» (Алексей Константинович Толстой, «Князь Серебряный», <http://bibliotekar.ru/rusTolstoyAI/37.htm>);

«Право, мы, кажется, только путем разврата можем выйти из этого оцепенения, из этого хаоса нашей гражданственности и образовать свою нравственную физиономию. По крайней мере, мы идем этим путем. Продажность, отсутствие чести, отсутствие веры – разве это не разврат? А раболепство?» (Акад. Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 28 октября 1845 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Вообще пора перестать жалеть так наз. народ. Народом, напомню, на Руси полагали малообразованное и малокультурное большинство. Когда пытаются понять, почему все так дурно сложилось в ходе Русской Революции, счета предъявляются интеллигенции, бюрократии, царю, буржуазии, Церкви и т.д. Но никогда – народу. Попробуй, тронь, руки оторвут. А не будь этот народ таковым, каким он был, никакие ленины-зиновьевы и троцкие-сталины здесь не победили бы. Мы можем успокоиться: это относится и ко всем другим народам. К примеру, немецкому. Там все дело было не во «взбесившемся и неотесанном плебее» (Т. Манн о Гитлере) и его банде, а в великом, гениальном, музыкальном, просвещенном, трудолюбивом немецком народе. Как справедливо заметил Григорий Мелихов своей подруге Аксинье Астаховой: «Если сучка не захочет, кобель не вскочит» («Тихий Дон»). А русский и немецкий народы в XX столетии «захотели» (Юрий Пивоваров, академик РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, «Истоки и смысл русской революции», «Полис», <http://old.politstudies.ru/fulltext/2007/5/4.htm>; http://www.zlev.ru/162/162_28.htm; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11622724>).

Поэтому-то, вовсе, и не удивительно, что русскоязычные люди, всего лишь мнящие себя цивилизованными и интеллигентными, всё презираемое ими называют до сих пор вульгарным – простонародным (от лат. «vulgus» – люди). А это, конечно же, лишь способствует дальнейшему сохранению разделения русскоязычного населения на две антагонистичные его составляющие – на элиту (небожителей, «высшее» общество) с интеллигенцией (образованщиной – полупросвещённым быдлом, вертухаями) и на простых обывателей («опущенное» быдло, лохов), а тем самым обеспечивает и консервацию того плачевного состояния, в котором находится это примитивное общество:

«Вращаясь в этом новом для меня «высшем» обществе, я впервые увидела партийных царедворцев в действии. Когда кто-либо из членов правительства оказывает тебе внимание, в твою сторону моментально кидается стая прихлебателей из его окружения. Смотрят заискивающими глазами в надежде через тебя услужить своему хозяину. До чего же это противно и тошно! Все они, как здоровенные евнухи, как сводники, лезут выслужиться, барину в постель подсунуть красивую бабенку. Изойдя подхалимажем, обожравшись на банкетах блинами с икрой, потом у себя на работе самодурствуют, как князя в удельных княжествах, и, компенсируя собственное унижение, гнут в дугу, унижают нижестоящих. Живя раньше в Ленинграде, я, конечно, знала, что существует привилегированная часть общества, что не все ютятся, как я, в коммунальных квартирах. Но до поступления в Большой театр я и вообразить себе не могла численность господствующего класса в Советском Союзе. Часто, стоя в Георгиевском зале Кремлевского дворца у банкетного стола, заваленного метровыми осетрами, лоснящимися окороками, зернистой икрой, и поднимая со всеми вместе хрустальный бокал за счастливую жизнь советского народа, я с любопытством рассматривала оплывшие, обрюзгшие физиономии самоизбранных руководителей государства, усердно жующих, истово уничтожающих все эти великолепные натюрморты. Я вспоминала свои недавние скитания по огромной стране, с ее чудовищным бытом, непролазной грязью и невообразимо низким, буквально нищенским уровнем жизни народа, и

невольно думала, что эти опьяненные властью, самодовольные, отупевшие от еды и питья люди, в сущности, живут в другом государстве, построенном ими для себя, для многотысячной орды, внутри завоеванной России, эксплуатируя на свою потребу ее нищий обозленный народ. У них свои закрытые продовольственные и промтоварные магазины, портняжные и сапожные мастерские, со здоровенными вышибалами-охранниками в дверях, где всё самого высокого качества и по ценам намного ниже официальных цен для народа. Они живут в великолепных бесплатных квартирах и дачах с целым штатом прислуги, у всех машины с шофером, и не только для них, но и для членов семей. К их услугам бывшие царские дворцы в Крыму и на Кавказе, превращенные специально для них в санатории, свои больницы, дома отдыха... В собственном «внутреннем государстве» есть всё. Искренне уверовав в свою божественную исключительность, они надменно, брезгливо не смешиваются с жизнью советских смердов, надежно отгородившись от них высокими непроницаемыми заборами государственных дач. В театрах для них отдельные ложи со специальным выходом на улицу, и даже в антрактах они не выходят в фойе, чтоб не унизиться до общения с рабами...» (Галина Вишневская, «Элита? Нет, это продолжительная селекция худшего // Галина. История жизни», <http://ehorussia.com/new/node/12537>);

«Интеллигент ли тот, кто славословит
Любых Тиранов, кормящих с Руки, –
А «Несвоих» преследует и гробит,
Крича кликушно: «Вот они, Враги!»;
Кто возглашает «Гибель Гуманизма»,
Пиная Честь, Свободу и Прогресс,
Растит конформных, серых Блюдолизоз
Для Замещения «лакомящих» Мест...»

(Владислав Мартынович, «Псевдоинтеллигенции», <http://www.chitalnya.ru/work/609216/>;
http://www.my-works.org/text_17624.html);

«На другой социальный полюс от небожителей оттесняется большинство представителей массы, которые в сознании небожителей слабо отличаются от «скота в ландшафте». И в промежутке между небожительским и народным полюсами попадают те, кто берет на себя основную нагрузку по обеспечению гегемонии небожителей в обществе. Эти люди, не являясь небожителями сами, тем не менее, стремятся ментально «быть рядом» с небожителями, быть полезными им, обслуживать их. Они же главным образом и оттесняют прочее «быдло» (и других менее удачливых своих собратьев) «вниз», «подальше» от небожительского мира, тем самым обслуживая и поддерживая поляризацию на небожительской ментальной границе. Будем называть данную социальную группу из указанного ментального «зазора» – вертухаями. Идентичностно вертухайи достаточно сильно сплочены перед лицом отталкиваемой ими «вниз» народной массы, что не мешает им внутри себя быть крайними индивидуалистами. Вертухайская атомизация обусловлена тем, что небожители инкорпорируют к себе лишь незначительную часть жаждущих, вследствие чего среди вертухаев царит предельный социал-дарвинизм. Система вертухайского отбора

закрепляет практики гипертрофированной услужливости по отношению к «верхним» по иерархии, зависти и ревности по отношению к «одноуровневым», пренебрежения по отношению к «нижним», в общем, всё то, что обычно характеризуется метафорой «куриный насест». Именно данный слой общества наиболее полно воплощает в себе и «войну всех против всех», и «патернализм», который закрепляется как пассивностью его представителей из-за высокой цены риска от «неправильного действия», так и постоянным ожиданием подачек и прочих «благодарностей» от начальства. Идеологически вертухаи пытаются адаптировать себе представления небожителей, но делают они это в меру своего понимания и на основе своего жизненного опыта, потому результат у них получается сильно разжиженным цинизмом и ханжеством. При этом осознание своей «чуждости» миру небожителей, куда они сильно и постоянно жаждут попасть «своими», закладывает в основу их итогового этоса значимый комплекс неполноценности, который они обычно компенсируют, «отрываясь» на нижних по иерархии...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухаи, партизаны. Российское общество и его политический класс», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>).

Подобно тому, как русские по природе жестокосерды и как бы рождены для рабства, их и приходится держать под жестоким и суровым ярмом

Лишь формально близкое к слову «подлый» слово «подлинный» обычно сближают со словом «подлинник» на том якобы основании, что при судебной расправе били «подлинниками» – длинными палками, чтобы выпытать правду (см. слово «подлинный», «Этимологический словарь русского языка», – М.: Прогресс, М. Р. Фасмер, 1964–1973):

«До сих пор униженное сознание «бессобственников» апеллирует к «справедливому» переделу, рвется к «правде», хочет знать «подлинную» правду, всю подноготную. Больше просто на ум не приходит. А лексика, язык выдают застрявший кошмар исторического опыта. «Подноготная» – это ведь когда иголки под ногти. А «подлинная правда», это ведь правда, взятая под линем, под поркой. Орудие пытки так и называлось – линник. Под линником и добывалась на Руси подлинная правда...» (Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>).

Вот такова настоящая русская «подлинная правда», и вот почему:

«...русская ментальность также ценит подлинную правду (несбыточных мечтаний, – П.Д.), а не доказанность истины» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>).

И удивляться этому вовсе не стоит, так как в подсознании русскоязычных людей и до сих пор довлеет прежний смысл таких понятий как «судебная расправа» и «юстиция»:

«В русском языке слово [юстиция] известно с начала XVIII в. Причем старое значение кардинально отличается от нового. Если изначально слово значило «казнь», «виселица», то впоследствии оно приобрело значение «судопроизводство», «правосудие» («Этимологический словарь русского языка Семенова», <http://www.endic.ru/semenov/Justicija->

Вот таковы-то и настоящие бессознательные реакции русскоязычных людей на «правосудие» и «справедливость» (лат. «iustitiæ»).

Так почему же русскоязычные люди так изуверски были жестоки в процессе судебной расправы, как в средневековье, так и во времена сталинских репрессий? И почему же все-таки молчала, да и молчит то и сейчас их совесть в процессе садистских пыток? Оказывается, для наивного подсознания слово «пытать» означает всего лишь «спрашивать» (укр. «питати» – спрашивать) и, поэтому-то, и не возникают у русскоязычных людей не только совестные акты, но и другие морально-психические бессознательные побуждения к прекращению пыток:

«...перед вами записи любопытного субъекта, в том двойном русском смысле слова «любопытный», где любитель допытываться подоплеки вдруг сам оказывается под колпаком и его досужая занятость переходит в занятость для дознавателя» (Глеб Павловский, «Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)», <http://old.russ.ru/antolog/inoe/pavlov.htm>).

Как видим, пытками наслаждается лишь сознание русскоязычного человека, а его подсознание находится в полном неведении о страданиях пытаемых. Ведь переосмысленные русские слова внутренней речи созерцающего пытку человека, просто не доносят негативной оценки происходящего до его подсознания. Созерцание же ужасной действительности, не подкрепляемое соответствующей внутренней речью, не вызывает никакой реакции его подсознания (ведь, согласно наблюдениям Павлова, русские реагируют лишь на слова, а не на призывы действительности). К тому же, русскоязычный людишка испокон веков привык к жестокости и она для него является обыденным явлением:

«Подобно тому, как русские по природе жестокосерды и как бы рождены для рабства, их и приходится держать постоянно под жестоким и суровым ярмом и принуждением и постоянно понуждать к работе, прибегая к побоям и бичам. Никакого недовольства они при этом не выказывают, так как положение их требует подобного с ними обхождения и они к нему привыкли» (Адам Олеарий, немецкий дипломат XVII века, «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text5.phtml?id=1030>);

«Каждый из стрельцов добровольно сознавался в том, что он уголовный преступник, но ни один из них не хотел объяснить, нет ли заговора, обнаружить намерения и открыть особ, бывших в согласии с мятежниками, и потому нужно было прибегнуть к застенкам как к последнему средству для открытия правды. Жестокость мучений, которым предавали преступников, была неслыханная: их ужасно били плетью, но, не получая ответа, допросчики подвергали спины стрельцов, обогранные кровью и заплывшие сукровицей, действию огня, чтобы, через медленное обжигание кожи изувеченного тела, острая боль, проникая до мозгов костей и самых фибр нервов, причиняла жестокие мучения. Эти пытки употреблялись поочередно, сменяя одна другую. Страшно было и видеть, и слышать эту ужасную трагедию. На открытой равнине было разложено более тридцати страшных

костров, над ними обжигали несчастных, подвергаемых допросу, которые издавали ужасные вопли; на другом месте раздавались жестокие удары плетью, и таким образом прекраснейшая на земле местность обратилась в место зверских истязаний... Когда от чрезмерного мучения допрашиваемые, совершенно ослабев, лишались сознания и чувств, тогда государь приказывал лекарям восстанавливать медицинскими пособиями силы допрашиваемых; преданные новым истязаниям, они вновь теряли свои силы. Весь месяц октябрь прошел в изувечивании спин преступников ударами кнутов и в обжигании огнем: только в тот день спасались они от плетей или от пламени, в который колесо, кол или топор лишали их жизни. Стрельцов приговаривали к этим казням только тогда, когда показания их доставляли удовлетворительные сведения касательно начальников мятежа...» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text5.phtml?id=740>).

В случае же внезапного возникновения какой-либо опасности русскоязычный человек по этой же причине впадает в состояние оцепенения. Задержки поступления команд от внутренней речи а, тем более, поступления неадекватных словесных команд, часто приводят к «детским реакциям» и к трагическим последствиям. Ввиду наличия в русском языке, как достоверной лексики, так и лексики, предназначенной для обмана подсознания, русскоязычному человеку приходится очень быстро подбирать нужные слова. А ведь, в отличие от подсознания, сознание очень инертно. Разум же управляет исполнительными органами человека не непосредственно, а лишь с помощью подсознания. Для того же, чтобы ускорить формулировку фраз активизирующей внутренней речи, русскоязычные люди и заменяют матом обманывающие их подсознание слова. Конечно же, многозначность матерных слов затрудняет дешифровку подсознанием сформулированных фраз. Но все же – это лучше, чем дезорганизация деятельности подсознания, приводящая к оцепенению. Существенную помощь здесь оказывает и гамма эмоций, сопровождающих матерные слова.

Злоупотребление, перемешавшее значение слов: страх и страсть, преобратило и подобострастие в боязливую покорность

Вот, ещё одно лексическое злоупотребление:

«По словам Академии Российской, и даже по здравому рассудку, подобострастие означает подверженность тем же страстям. Злоупотребление, давно уже перемешавшее на языке простолюдинов значение слов: страх и страсть, преобратило и подобострастие в боязливую покорность. Предположим, что подобострастный человек есть тот, которому подобает страшиться. От сего злоупотребления, вероятно, происходит и пристрастный допрос, не означающий допроса, сделанного с пристрастием (то есть с приверженностью, – П.Д.) к той или другой стороне, но допроса, сделанного с пристрастием (то есть с устрашением, – П.Д.)» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>);

«Ярким примером подстановки оморфемной структурной части и резкого

изменения лексического значения может служить семантическая история слова – подобострастие. Возникшее в результате раздвоения морфологического состава слова распадение его на два омонима, разошедшихся по разным жанрово-стилистическим сферам русского литературного языка XVIII – XIX вв., было затем устранено участием и постепенным переходом старославянизма – подобострастие в архивный фонд русской книжно-литературной речи. Слово подобострастие унаследовано русским языком из старославянского. Оно представляет собою калькированный перевод греческого *μοιοπάθεια* (*μοπαθεία*). Первоначальным значением этого слова было: «сходство по подверженности страстям, страданиям; одинаковая с кем-нибудь подверженность страстям, страданиям». В этом значении – слово «подобострастие» встречается в одном из древнейших памятников русского языка – в Изборнике 1073г.: «ч(е)л(овѣ)къ же сакажа ества подобострастиемъ» (Срезневский, 2, с. 1040). Соответствующее значение выражалось и прилагательным – подобострастный. Оно значило: «подобный по страстям, подверженный тем же страданиям» (ср. в «Материалах» Срезневского: «Господи боже нашъ... твоимъ смотрѣниемъ подобострастны намъ учителя уставивъ». Чин. избр. Еп. 1427г.). С теми же значениями эти церковно-книжные слова – перешли и в русский литературный язык XVII – XVIII вв...» (Виктор Виноградов, «О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов» // *Studia Slavica*. Budapest, 1966, т. 12. Fasc. 1–4, с. 440–441; «История слов», <http://wordhist.narod.ru/podobostrastnij.html>);

«...слова «подобострастный» и «подобострастие», означавшие в старославянском языке «подверженный тем же страстям» и «одинаковая страстям подвластность», вступили в семантическую контаминацию с деловыми словами: «пристрастный», «пристрастие», с словом «страсть» в просторечном значении «страха» и т. п. Отсюда в словах «подобострастный», «подобострастие» развились новые значения: «раболепный, запечатленный подобающим страхом» и «раболепная покорность, приличествующий случаю страх, льстивость». Еще А.С. Шишков протестовал против такого словоупотребления: «вместо слушать с раболепностью или со страхом, говорят с подобострастием, которое слово значит одинаковую страстям подвластность и т. д.» (Шишков, «Рассужд. о стар. и нов. сл.», 1818, с. 67). Ср. у Пушкина в заметках о народной драме и о «Марфе Посаднице» М.П. Погодина: «привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения». Ср. также в статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности»: «Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века» (Виктор Виноградов, «Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин родоначальник новой русской литературы»: Сб. научно-исслед. работ. М.; Л., 1941, с. 554–555, <http://enc-dic.com/whistory/Podobostrastn-660.html>; <http://wordhist.narod.ru/podobostrastnij.html>);

«Мы от предков наших унаследовали значительную долю рабского страха пред властями. Ведь не могли же без последствий пройти по истории ни Петр Великий со своими благими видами, но и со своим кнутобойством и застенками, ни Бирон, ни милосердная Елизавета с резаньем языков и битьем кнутом своих придворных дам, ни бешеный Павел, ни

верховный визирь Аракчеев. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и дух, долго не изгладится» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 8 октября 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Основная масса москвичей приспособилась к отсутствию атмосферы в мегаполисе. Им приятен гнилостный дух несвободы. Они не могут жить на свободе, на свежем ветру. Девятьсот лет самозакабаления и сто лет русского коммунизма не прошли даром. Освобожденных холопов тянет под кнут. Старых сидельцев – на нары. Неуехавших интеллигентов – на обтертые задницами табуретки, на кухни. Похихикать, выпить, анекдотцы потравить...» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«Бесперебойно работающий сепаратор, выдавливающий голытьбу с зарплатами ниже 200 тысяч в месяц из исторического центра. Все вместе это называется «смотрите, как похорошела Москва при Собянине». К универсальному столичному снобизму и специфическому высокомерию по отношению к «замкадышам» новый москвич, даже если он недоволен переменами, приобрел привычку ежедневного пребывания в ситуации абсурда, почти непереносимого для посторонних. Очевидно, что абсурд не может не влиять на сознание, не форматировать его под себя; и вот у твоего старого приятеля стекленеет взгляд, и он говорит: «А что, продукты из «Вкусвилла» полностью заменили мне импортную еду»... Развлекая и отвлекая своих обитателей, со временем заново упакованная Москва, ставшая витриной путинской России, начала выполнять еще одну важную функцию по сохранению статус-кво: город, существующий за счет целой страны, выкачивает из регионов не только природные ресурсы – он выкачивает и человеческий ресурс, самых амбициозных и талантливых, чтобы направить их энергию на производство бесплотных химер. Формально это все та же сделка, которую обычное централизованное государство предлагает своим гражданам: переезд в столицу в обмен на деньги и возможности, которых нет в провинции. Но по сути сегодняшняя Москва, находящаяся в сердце сегодняшней России, предлагает нечто иное. Она предлагает статус в обмен на добровольный отказ от производства смыслов...» (Мария Кувшинова, «Москва и москвичи», <https://www.colta.ru/articles/society/19036>).

Необходимость заботиться не является нравственной потребностью для большинства русскоязычных людей

Ранее слово «злоба» означало всего лишь недостаток (порок) и вызывающую озабоченность актуальную проблему:

«В небольшом кабинете Оксаны Тищенко в здании Института украинского языка два стола. На одном – пожилой компьютер и стопка книг, на другом ящички с картотекой, которая век назад легла в основу четвертого тома русско-украинского словаря под редакцией Крымского и Ефремова, впоследствии уничтоженного советской властью. «В картотеке есть

интересные находки. Например, я встретила цитату Ивана Франко с использованием слова «злоба», – говорит Тищенко, доставая пожелтевшую карточку, заполненную от руки. – Он пишет любимой: «Бо люблю я тебе не лише за твою добру вдачу, а й за хиби та злоби твої, хоч над ними і плачу». То есть за её недостатки. Мы знаем, что такое «злоба дня» – актуальная, острая, болезненная проблема, которую нужно решить. Но почему именно «злоба»? Оказалось, что это недостаток. Толкования слова в этом значении нет в наших словарях, а в карточке записан перевод: «недостаток, порок» (Алексей Батулин, «Языковой барьер. Как политика влияет на украинский язык», <https://focus.ua/society/368165/>);

«Выражение «злоба дня» типичная принадлежность языка Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Например, у Достоевского в «Подружке»: «О, когда минет злоба дня и настанет будущее, тогда будущий художник отыщет прекрасные формы». У Салтыкова-Щедрина в «Письмах к тетеньке» (1881 – 1882): «...моя деятельность почти исключительно посвящена злобам дня»... Ср. также выражение «насушная злоба», вместо «насушная злоба дня»: «Эта полная отчужденность литературы от насущных злоб сообщала ей трогательно-благородный характер»...» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/zlobodnevnij.html>).

Однако же позже под влиянием балтизма «зло» (лит. «žala» – «вред, ущерб») а, возможно, также и старославянизма «зело» (коми «зэл» – очень, ст.-слав. «сѣло» – «очень, сильно») – смысл его, кардинально изменившись, фактически извратился:

«Злоба – чувство гневного раздражения, недоброжелательства против кого-нибудь. Испытывать злобу. Питать злобу против кого-нибудь. Дышать злобой. Злоба так и душила его. Сказать что-нибудь со злобой. Злоба дня – то, что волнует, интересует общество в данный момент» (Толковый словарь Ушакова).

Этому, конечно же, поспособствовало и негативное отношение подневольного населения к любым своим заботам:

«Ошибка иностранца в том, что он принимает радушие за доброту, хотя само по себе русское радушие легко переходит в издевательство или – в другую сторону – в слез. Ошибка русского в том, что он принимает доброту и сочувствие европейца за радушие и удивляется «почему так мало». Мало, зато искренне. Точнее, искренность европейца твёрже. У европейцев существует понятие «заботы» (особенно у немцев – «зорген»). Это очень глубокое и серьезное слово. По-русски значение то же, но в 100 раз слабее, да и вообще есть оттенок пренебрежения: «вот не было заботы». Отсутствие заботы это не легкомыслие, не «ветренность». (Некоторые европейские народы гораздо легкомысленнее и ветреннее). Тут различие гораздо серьёзнее. Тут иное отношение к другому «я», другой личности. Более поверхностное, более жестокое...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

Если у большинства народов заботиться (др.-киев. «печаловатися», укр. «пiклуватися», укр. разгов. «пектися») о ком-либо воспринимается как долг и имеет положительную эмоциональную коннотацию, то у городского русскоязычного населения,

забывшего обычай и говоры своих предков, печалование (забота) стало рассматриваться как кем-то навязанная забота (обуза, бремя) и как огорчение (печаль):

«НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ, <ТАК (да)> ЧЕРТИ НАКАЧАЛИ. Говорится тогда, когда досадуют по поводу какой-л. неожиданно свалившейся заботы, неприятности и т. п. – Ах, какое дело, какое дело! – бормотал Мишка, качая головой. – Вот не было печали, так черти накачали. Мамин-Сибиряк, Верный раб. – Что приключилось? Кого привели? С дудками, говоришь? Ф-фу, вот не было печали, так черти накачали! – обеспокоенно оторвался Шелихов от щей. В. Григорьев, Григорий Шелихов. Давыдов нехотя повиновался. – Как же теперь быть с ней? Придется это как-нибудь фактически оформить, а то неудобно и перед Макаром и вообще... Вот, не было печали, так черти накачали! – думал он, искоса поглядывая на зеленоватое при лунном свете лицо Л ушки. Шолохов, Поднятая целина. – Черт возьми... – пробормотал Докукин, глядя на меня.. – Не было печали, так вот черти накачали.. Сестрица с мужем [приехали], чтоб их...» («Словарь пословиц и поговорок», <http://slovarick.ru/679/>);

«Например, знаете ли вы, что такое «полсына»? А вот костромские бабушки знают. Полсына – это сын, не выполнивший свой долг перед родителями, духовный брат Гонерильи и Реганы – неблагодарных дочерей короля Лира. В той же Костроме есть глаголы «допокоить», «доспокоить», то есть «ухаживать за родителями до их смерти». В Вологде ту же мысль выражает словечко «допечаловать» (от «печа» – забота). Соответственно, «недопечальник» – это очень плохой человек, бросивший родителей в старости. В литературном русском таких понятий нет. Не потому что беден и скуден наш великий и могучий, а потому что мировоззрение, которое этот язык обслуживает, в таком понятии не нуждается» (Ольга Андреева, «Посидим, поокаем», http://expert.ru/russian_reporter/2011/36/posidim-pookaem/).

Как видим, навязываемое литературным языком холопское мировоззрение приводит к тому, что необходимость заботиться, аналогично необходимости трудиться, не является нравственной потребностью для большинства русскоязычных людей. И, поэтому-то, она и вызывает у них лишь отрицательные эмоции и негативное отношение к предмету заботы:

«Для русской лингвокультуры характерно полярное отношение к пожилым людям: с одной стороны, это уважение и почтение к пожилым членам семьи и социума, с другой – нетерпимое отношение к их плохому состоянию здоровья и портящемуся характеру, проявляющееся в пренебрежении и высокомерии по отношению к старшим со стороны младших. Осетинская лингвокультура характеризуется однозначно уважительным отношением к людям пожилого возраста, что соответствует нормам традиционной культуры осетин. Достоверность исследования основывается на логической последовательности использования практического материала для доказательства гипотезы исследования, а также валидности методологии и методов исследования, положенных в основу данной работы... По материалам Интернет-блогов пожилых людей выявлены дифференциальные характеристики пожилых людей в российской лингвокультуре:

- 1) «внешность» («красит волосы»; «седина не к лицу»; «немолодые руки»);

- 2) «возраст» («скоро помирать»; «молодость третьего возраста»¹, «закат жизни»);
- 3) «здоровье» («серьезные проблемы со здоровьем»; «аритмия достала»; «порок сердца»);
- 4) «физическое состояние» («активный образ жизни»; «силы уже не те»; «пока есть силы»);
- 5) «эмоционально-психологическое состояние» {«ощущение бессмысленности бытия»; «не чувствует себя пенсионером»; «нет радости от пенсионного возраста»; «хочет быть ближе к природе»; «а душа – она ещё молодая!»)...» (Тамара Валиева, автореф. дис. «Лингвокультурные типажы «пожилой человек» и «ацÆргÆ адÆймаг» в языковом сознании русских и осетин», <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnye-tipazhi-pozhiloi-chelovek-i-ats%D3%95rg%D3%95-ad%D3%95imag-v-yazykovom-soznanii-russkikh-i->).

Всё это, конечно же, связано и с тем, что слово «печалиться», бывшее ранее синонимом слова «заботиться», стало означать в современном русском языке – «скорбеть» или же «находиться в невеселом настроении». Да, и любая то обязанность рассматривается у психически инфантильных русскоязычных челядишек (прирождённых холопов) преимущественно как обуза (из *ob-voʒь или *ob-voʒa от «узы, вяза́ть», – Фасмер). Поэтому и любой другой «долг» ранее воспринимался крепостными рабами (холопами), да и сейчас-то воспринимается их психически инфантильными потомками, вовсе не как осознанная необходимость, а как подневольная обязанность.

Та же судьба постигла в русской ЯКМ и синонимичное им слово «хаять» (сербск.-цслав. «хајати» – заботиться, болг. «хая» – «забочусь, беспокоюсь», сербохорв. «хајати, хајѐм», словен. «hájati, hájam» – заботиться, – Фасмер; укр. «охайний» – «заботливо ухоженный, опрятный»). У русскоязычных холопов оно стало означать «ругать, осуждать, поносить [плохими словами]».

Негативное же отношение русскоязычного человека к «пожилым людям», конечно, тоже заложено в самом русском языке. Ведь выражение «пожилой человек» неизбежно ассоциируется в подсознании с фразой:

«Пожил свое – пора и на покой» («Пора костям на место. Свое взяли, пожили», – Владимир Даль, «Пословицы русского народа», <http://www.gold-liter.org.ua/proverbs/100/10/>).

Русскоязычные люди, как правило, ходят лишь в гости к своим родителям, а вовсе не для того, чтобы хотя бы как-нибудь позаботиться о них. Ведь проведать или же навестить своих родителей для их подсознания означает, всего лишь, посетить их внезапно (неожиданно и, не надеясь вовсе на то, что они ещё живы). И, следовательно, – без особой цели и всего лишь для того, чтобы только узнать, а не случилось ли что-нибудь с ними за истёкший длительный период времени (не заболели ли они или же не «отдали Богу свою душу»?):

«ПРОВЕДАТЬ, или церк. «проведети» что, «провидеть, проразуметь, знать или ведать наперед, проникая в будущность». Судьбы своей не проведать. | И новый платок наденешь, да половина Москвы не проведает! Проведанье, проведенье, провиденье, проразумение, предвиденье, предузнанье, предугаданье, предзнание. Проведоша об. пророк, провидец,

видок, прорицатель. | Проведывать, провести что, разузнать или расспросить о чем, доведываться, осведомляться, дознаваться, доспрашиваться. Как бы провести, где ныне обедать? Тут не проведаешь кузнеца, нет его вблизи. Пришел о своем дельце провести. Лазутчики проведали, куда идет неприятель. | -кого, посещать, навещать, заходить для свиданья, для узнанья, каково поживается. Давно не видать приятеля, надо бы провести его... НАВЕЩАТЬ... Навещальное посещение, навестительное, без особой цели. Навесть жен. и нареч., *твер., *пск. «нечаянность», «неожиданный, внезапный случай»; внезапно, нечаянно, нежданно, недуманно, негаданно; изнавесть (изневесть), изневестью» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка»);

«...внезапно... нареч., др.-русск. «запа, заапа» – «надежда, ожидание», «вънезапу» – вдруг... русск.-цслав. «без запа, без заапа» – неожиданно, «невзапъ, невзаапъ» – то же, «изнезапа, изнезапу, изнезапы» – то же, «незапъ» – неожиданность...» (Фасмер);

«ПРОВЕДАТЬ... (разговорное). 1. кого-что. Навестить (того, с кем давно не виделся, о ком давно ничего не известно). Проведать родных. 2. что и о ком-чём. Узнать по слухам. Проведать о приезде знакомого. || несовершенный вид проведывать, -аю, -аешь» (Толковый словарь русского языка, <http://www.vedu.ru/expdic/26903/>)

Как видим, плохая семейственность русскоязычного населения проявляется, прежде всего, в весьма грубом отношении детей к своим родителям и самих родителей к детям:

«Украинцы уделяют больше внимания человеческим взаимоотношениям. Например, в Украине до сих пор живет традиция называть родителей на «вы», тогда как у русских даже к чужим, незнакомым людям обычно обращаются на «ты». Понятно, что эти психологические особенности нашли отражение и в языке. Например, у русских есть слово «отношения», которое в украинском языке имеет целых четыре соответствия: «відносини», «стосунки», «взаємини» и «ставлення»; русскому слову «любовь» соответствуют украинские «любов» и «коханья». То есть аспект, связанный с «этикой отношений», в украинском лучше «проработан», поэтому и существует больше синонимов. Как следствие, украинскому языку присущи мягкость и толерантность, которые позволяют «автоматически» поддерживать общение на высоком уровне, не прибегая к грубости. Украинским языком трудно кого-то оскорбить или унижить, даже человека, который сошел с праведного пути; возможно, из-за того, что «этика отношений» является для российской души одной из наименее осознаваемых психических функций» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», «НПС», <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/33635>);

«Мы выше сказали, что «Слово о полку Игореве» резко отзывается южнорусским происхождением. Есть в языке его что-то мягкое, напоминающее нынешнее малороссийское наречие, особенно изобилие гортанных звуков и окончания на букву «ъ» в глаголах настоящего времени третьего лица множественного числа. Но более всего говорит за русскоюжное происхождение «Слова» выражающийся в нем быт народа. Есть что-то теплое, благородное и человеческое во взаимных отношениях действующих лиц этой поэмы: Игорь

ждет _милого_ брата Всеволода, и речь Всеволода к Игорю дышит кроткою и нежною родственною любовью без изысканности и приторности: «Один брат ты у меня, один свет светлый, о Игорь, и оба мы Святославичи!» Игорь отступает с полками не по боязни сложить свою голову: ему стало жаль своего милого брата Всеволода. В укорах престарелого Святослава сыновьям слышится не гнев оскорбленной власти, а ропот оскорбленной любви родительской, – и укор его кроток и нежен; обвиняя детей в удалстве, бывшем причиною Игорева плена, он в то же время как бы и гордится их удалством: «О сыны мои, Игорь и Всеволод! рано вы начали добывать мечами землю половецкую, а себе славы искать. Нечестно ваше одоление, несправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши из крепкого булата скованы, а в буюсти закалены! Сего ли ожидал я от ва ссеребряной седине своей!»...» (Виссарион Белинский, «Статьи о народной поэзии», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml; <http://libclub.com/B/BelinskiiVG/BelinskiiVG-29-16.htm>).

Умение знать истину без рассуждений

Российской знати крайне необходимо было добиться того, чтобы обязанность – «не рассуждать» и беспрекословно «нести свой крест», возложенный господами, воспринималась крепостными крестьянами не как принуждение, а как их естественный «долг». А сделать же это можно было, целенаправленно воздействуя не на сознание, а на подсознание крестьян и формируя, тем самым, у них холопский менталитет:

«Но почему народ невежествен? Потому что так надо. Невежество – хранитель добродетели. У кого нет надежд, у того нет и честолюбия. Невежда пребывает в спасительном мраке, который, лишая его возможности видеть, спасает его от недозволенных желаний. Отсюда – неведение. Кто читает – тот мыслит, а кто мыслит – тот рассуждает. А зачем, спрашивается, народу рассуждать? Не рассуждать – таков его долг и в то же время его счастье. Эти истины неоспоримы. На них зиждется (холопское, – П.Д.) общество» (Виктор Гюго, «Человек, который смеётся», http://www.loveread.ec/read_book.php?id=9492&p=1).

Для этого-то, как нельзя лучше, и подходили исихастское православие и российский новояз:

«Кто пережил совестный акт хотя бы один-единственный раз и совершил вытекавший из него поступок, тот никогда не поверит, будто слова «проклятый долг» и «тяжелая обязанность» обозначают высшую доступную человеку нравственную ступень. Правда, нет никакого сомнения в том, что из двух возможностей «исполнить свой долг» и «не исполнить долга» – предпочтительнее первая. Если есть долг и ты его испытываешь и удостоверил, то сделай все возможное, чтобы его выполнить. Но надо помнить, что самое «чувство» долга и самая «идея» долга появляются только тогда, когда живое хотение человека не сливается с содержанием долга, противопоставляет себя ему и настаивает на своем. Идея долга выражает такое положение дел: «я должен совершить нежеланное», а «хотел бы совершить недолжное». Именно вследствие этого «долг» становится «проклятым долгом», а «обязанность» испытывается как «тягостная обязанность». Но вот человеку доступно некое

высшее состояние: когда долг исчезает в свободном и добром хотении совести, когда он тонет в «потоке живой любви, текущем из совестного акта» (Иван Ильин, «Путь духовного обновления», гл.4, «О совести», http://arhiv-knig.ucoz.ru/_ld/7/775_-_htm).

«Доброе хотение совести» русскоязычным людям так и не удалось привить

Однако же «доброе хотение совести» психически инфантильным русскоязычным людям так и не удалось привить. «Здоровый разум» россиян, отчаянно сопротивляясь насилию, успешно изыскал многочисленные возможности не испытывать ни мук, ни угрызений совести и, тем самым, добился того, чтобы крепостное рабство и холопство стало для них вовсе не долгом, а всего лишь вполне комфортным образом жизни:

«...я боюсь за Россию в одном отношении. Есть на ее теле одна смердящая, опасная рана вроде злокачественного карбункула – это почти повальная деморализация. Массы лишены понятия о честности и долге. Особенно этого рода нравственный недуг свирепствует между людьми, так называемыми бывальными, в сословии промышленников. Есть две точки опоры, на которых держится нравственная деятельность народа – идея чести и религия. О первой пока нечего у нас говорить: она может развиваться только со временем, вместе с другими плодами, которые нам сулит эмансипация. Религия... Народ наш не получает религиозного образования. Существует еще третья точка опоры, на которой у нас и держалось все, – страх, но эта пружина за последнее время сильно заржавела и ослабела; пора заменить ее новой, более целесообразной. Надо подумать и как можно скорее позаботиться о нравственно-религиозном образовании народа. Разумеется, к этому должно быть призвано духовенство. Но, увы! Духовенство наше само лишено образования и того духа деятельности, которым совершаются хорошие, общественные дела. Оно само требует подъема... Внизу пьянство и грубое невежество, в середине неурядица и брожение умов, в верхнем слое отсутствие способностей, патриотизма и характеров. Право, иногда готов отчаяться в будущем России – но не отчаиваешься» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 27 декабря 1868г., 25 февраля 1869 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Убаюкиваемый сладкими мечтами, я приближался в 1835 году к пределам моей родины. Я остановился в раздумьи у ее границы, я поднял глаза и увидел над нею зловещую надпись:

«Voi ch'intrate, lasciate ognisperanza!» {Оставь надежду всяк сюда входящий (ит.)}.

И я прозрел ожидавшую меня будущность... Вы призвали меня в Москву... Ах, граф! Сколько зла вы мне сделали, сами того не желая! Как я увидел эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без Бога, живущих для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные; этих людей, на челе которых напрасно было искать отпечатка их Создателя; когда я увидел все это, я погиб! Я видел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю жизнь; я говорил себе: Кто знает? Быть может, время, привычка приведут тебя к тому же результату; ты будешь вынужден спуститься к уровню этих людей, которых ты теперь презираешь; ты будешь валяться в грязи их

общества, и ты станешь, как они, благонамеренным старым профессором, насыщенным деньгами, крестиками и всякой мерзостью!.. В одну из этих торжественных ночей я услышал голос моего Бога, тот строгий, грозный голос, который потряс все струны моего сердца. Этот голос прокричал мне: «Что ты тут делаешь? Здесь нет будущности! Встань! Покинь страну твоих отцов! Возьми мое святое знамя! Возьми Мой тяжкий крест и неси его, если нужно, до Голгофы!...» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», Письмо Строганову, 23 марта 1837г., Брюссель, http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Что же нового дает революция, как изменяет она звериный русский быт? Я никогда не был демагогом и не буду таковым. Порицая наш народ за его склонность к анархизму, нелюбовь к труду, за всяческую его дикость и невежество, я помню: иным он не мог быть. Условия, среди которых он жил, не могли воспитать в нем ни уважения к личности, ни сознания прав гражданина, ни чувства справедливости, – это были условия полного бесправия, угнетения человека, бесстыднейшей лжи и зверской жестокости. И надо удивляться, что при всех этих условиях народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здорового разума...» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», <http://www.pseudology.org/NM/02.htm>).

Русскоязычное население успешно научилось обманывать свою совесть, используя в своих рассуждениях и во внутренней речи, преимущественно, переосмысленные слова (слова-оборотни), сохраняющие свою позитивность или же низкую степень своей негативности для подсознания, несмотря на крайнюю негативность их нового смысла.

Так, например, слово «беспощадный» для подсознания означает, всего лишь, небережливый, неэкономный (укр. «неощадливий») или же некупой (укр. «щадіти», «щадний» – бережный, блр. «щадзіцьца» – скупиться, др.-киев. «щадѣти», «щажу» – «щадить, беречь», ст.-слав. «штѣдѣти», «штѣдѣж»..., болг. «щядя» – «щажу, берегу, проявляю осторожность по отношению к кому-либо», сербохорв. «штѣдјети», «штѣдим» – беречь, словен. «ščédeŕi, -dim» – то же, чеш. диал. «oščadat' se» – скупиться, польск. «szczędzić» – «беречь, щадить», «oszczędzać» – экономить, – Фасмер).

Слово «ненавидеть» для подсознания означает, всего лишь, без радости смотреть (укр. «наві́дити ся» – «с радостью смотреть друг на друга», – этимолог. словарь Фасмера). И поэтому-то оно и не вызывает бессознательных побуждений к раскаянию за свою ненависть.

В украинском языке есть крайняя степень ненависти – «зненависть». В русском же языке, а тем самым и в русскоязычном примитивном обществе, и так всё принимает лишь крайние формы, переход между которыми у психических инфантилов является мгновенным:

«От любви до ненависти – всего один шаг»: «Грань между любовью и ненавистью действительно тонка: теперь это доказано научно. Газета The Independent, ссылаясь на публикацию в сетевом журнале PloS ONE. Оказывается, когда человек испытывает ненависть, в его мозгу включаются те же отделы, что и при ощущении абсолютно противоположного чувства – романтического любовного влечения...» (The Independent, «От любви до ненависти один шаг: испытывая эти чувства, мозг включает одни и те же отделы», <http://www.newsru.com/world/29oct2008/mosk.html>);

«Британские исследователи обнаружили, что чувства любви и ненависти зарождаются в схожих областях мозга. В то же время любовь существенно снижает активность областей мозга, отвечающих за рациональное мышление, а ненависть по сравнению с ней более «холодна и расчетлива». Выяснилось, что две структуры мозга – скорлупа и островок – активируются и при любви, и при ненависти. Скорлупа отвечает за подготовку тела к движению, поэтому ее активность при этих чувствах может означать готовность к защите объекта любви и к отражению агрессии со стороны объекта ненависти. В островке формируется чувство беспокойства. Различия в активации при любви и ненависти наблюдались в областях коры лобных долей, ответственных за рассудительность и логическое мышление. У влюбленных активность этих областей была значительно ниже средней, когда они смотрели на объект своей любви, что свидетельствует о недостаточно критичном его восприятии. При ненависти активность «рассудительных» областей мозга тоже снижалась, однако незначительно, что свидетельствует о продумывании обусловленных этим негативным чувством поступков» (психолог Юрий Левченко, «От Любви до ненависти – один шаг», <http://streamlet.ru/news/science/23/>);

«Ненависть – это любовь, искалеченная обидой» (Михаил Жванецкий, Цитаты, <http://remarok.net/card/send/8544>).

К тому же:

«Все новое и полезное (подлый, – П.Д.) народ ненавидит и презирает: он ненавидел и убивал врачей во время холеры, и он любит водку; по народной любви или ненависти можно судить о значении того, что любят или ненавидят» (Антон Чехов, из записной книжки, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1509&page=38>);

«Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли» (Фёдор Достоевский, «Дневник писателя», <http://www.croquis.ru/2150.html>).

В то время как слово «водка» употребляется в русском языке чаще таких слов, как «родина», «честь», «занятие» и «одежда», глагол «ненавидеть» употребляется чаще глаголов «родить», «чествовать», «полюбить» и «пожалеть» (см.: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, «Новый частотный словарь русской лексики», <http://dict.ruslang.ru/freq.php>).

Когда высокопоставленные чиновники употребляют выражение «жесткие меры», они, конечно же, осознают то, что на самом деле – это «жестокое меры» по отношению к населению, часто лишь вынужденному господством лжи и лицемерия в российском примитивном обществе поступать не так, как это ему свыше предписывается. Это-то и позволяет чиновникам не испытывать ни угрызений, ни мук совести и, тем самым, без каких-либо для них негативных последствий быть лицемерами.

Использование же русскоязычными людьми многочисленных амбивалентных и

энантиосемичных лексем и фразеологизмов позволило им, вообще, дезорганизовать критическую деятельность своего подсознания и, тем самым, успешно усыпить свою совесть. Таким образом, они приобрели для себя уникальную способность – действовать «без зазрения совести», то есть без какого-либо контроля совестью за их деятельностью. А сама их совесть благодаря этому фактически лишилась возможности надзора за их действиями а, следовательно, и возможности заглядывания (укр. «зазира́ння») в потаённые уголки их неприглядной (как в прямом, так и в переносном смысле!) деятельности.

И ведь же! Ни один язык мира, за исключением русского и слепо позаимствовавшего у него этот фразеологизм белорусского языка, даже и не предусматривает возможности такой неподконтрольной совести деятельности.

Перевод фразы «без зазрения совести» на все другие языки не является дословным и лишь отражает возможные последствия такого скотского поведения человека. Фраза «без зазрения совести» на всех языках мира означает: – «нещадно, беспощадно, безжалостно, немилосердно, бесстыдно, без сожаления, без раскаяния, без мук совести, без укоров совести (укр. «без докорів сумління»)).

Вот, именно, так-то и обрело русскоязычное население себе «гюговское скотское счастье» – «не рассуждать» а, следовательно, и не нести никакой ответственности, и при этом иметь возможность как угодно грешить и не блюсти свою честь, не испытывая угрызений совести.

Под ответственным поведением в русской ЯКМ понимается вовсе не разумное и не мудрое, а всего лишь сознательное поведение индивидуума

Смысл и ум характеризуют лишь осознанное (сознательное), а вовсе не разумное восприятие действительности и не мудрое поведение человека:

«Беринда «смысль» переводит. В украинском языке праслав. *smyslъ должен был бы дать «змисел». И в старой литературе «змисел», «змисл» встречается и в значении «смысл», и в значении «чувство, ощущение»: Человек имеет пять «смыслов»: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание...» (Максим, «Значення, зміст, сенс, смисл, суть», <http://ua-etymology.livejournal.com/276521.html>);

«Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты – червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский»

(Александр Пушкин, «Поэт и толпа»,

http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm);

«...Под умом подразумевается шестой вид сознания (после пяти относящихся к «чувствам») – рассудок; как известно, седьмой – это интеллект (эго), а восьмой – это разум.

Для логики предметом исследования является шестой вид (или класс) сознания; объектом выступает рассудок, а субъектом является седьмой тип сознания – интеллект. Когда объектом исследования интеллекта является разум, тогда мы имеем дело с метафизикой. Каждый вид сознания с точки зрения седьмого типа сознания имеет характеристики субъекта, объекта и действия. Действием рассудка с точки зрения интеллекта является синтез многообразия чувственного опыта и сведение его в форму языка. Действием интеллекта с точки зрения интеллекта является анализ взглядов и концепций, которые возникли в процессе существования. Действием разума с точки зрения интеллекта будет единство синтеза и анализа, которое получится при достижении мудрости или другого эмоционального состояния» (комментарий к «Прамана-варттике» Дхармакирти, <http://www.mudrost.org/boltovnya/paralogicheskie-perepalki/20/>);

«Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес!
Он что-то, кажется, исчез...»

(Александр Пушкин, из письма к В.Л. Пушкину, [http://worldcrisis.ru/crisis/2504039](http://worldcrisis.ru/crisis/2504039;);
http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/01versus/03juv_misc/1816/0201.htm).

Однако же, отождествляя ощущения с чувствами, русский язык провоцирует достижение какого-либо эмоционального состояния без задействования разума, и тем самым мышление неизбежно связывается им с проявлением чувств. И, следовательно, вовсе не случайно Юрий Манин дает такое метафорическое определение математического мышления:

«Думать – значит вычислять, волнуясь» («Математика как метафора», М., МЦНМО, 2008, цит. по: В. Губайловский, «Книжная полка Владимира Губайловского», http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/10/gu17.html).

Поэтому-то под ответственным поведением в русской ЯКМ и понимается вовсе не разумное и не мудрое, а всего лишь сознательное поведение индивидуума. Слова «ответственное» и «сознательное» являются в ней синонимами, констатирующими наличие вовсе не свободы воли у индивидуума, а лишь стадной зависимости его от коллектива.

В отличие от английских слов «responsibility», «charge», «liability» и «onus», русское слово «ответственность», отождествляемое с ними лишь формально, соответствует вовсе не разумению добровольной обязанности (бремени) или же гражданского долга, а только лишь холопскому страху перед неминуемым наказанием:

«А номер?! А печать?! Ещё придётся отвечать!...» (Сергей Михалков, «Лев и ярлык», http://mal.bos.ru/basni_05.html);

«...ответственность. Это слово было просто склеено большевиками на этих территориях со словом «уголовная» – «уголовная ответственность». Соответственно, это что-то опасное, вредное, чего следует избегать и максимально бояться. «Это не наша ответственность» – это советская (сугубо русская, – П.Д.) мантра, которую украинцев поколениями приучали повторять в любой ситуации, когда надо было принимать какое-то

решение. Я это очень часто слышу в Министерстве здравоохранения. Но следствие имеем: миллионы людей, которые привыкли принимать решения, которые уже кто-то сделал за них» (Ульяна Супрун, «Из речи на встрече выпускников Украинского католического университета», <https://zbruc.eu/node/83009>).

То есть в русском языке внимание акцентируется на ответственности за ненадлежащее выполнение чего-либо, влекущей за собой кару господнюю (небесную или же людскую), в то время как в других языках внимание акцентируется на осознанной разумом объективной необходимости взятия на себя каких-либо обязанностей:

«Одной из важнейших характеристик личности в ТЕОРИИ УСТАНОВКИ является ответственность, благодаря которой человек может становиться выше своих потребностей, выступая как субъект воли. Смысл мотивации состоит в нахождении деятельности, соответствующей основной, закреплённой в процессе жизни установке личности. Период подготовки цели делится на две ступени: 1) выбор, который признается интеллектуальным актом и осуществляется на основе личностной ценности поведения для данного субъекта; 2) мотивация, признаваемая волютивным процессом. Волевое поведение – это способность личности подчинить свою активность не только личностной ценности, но и объективной необходимости» (П.П. Горностай, «Психологические теории и концепции личности. Краткий справочник // Теория установки Д.Н. Узнадзе», <https://ref.online-books.net.ua/major/296/145611/>).

Поэтому-то психически инфантильное и лживое русскоязычное население добровольно и ограничивает свою свободу, а также и всячески минимизирует количество обязанностей, как перед собой, так и перед обществом, снижая тем самым как степень своей ответственности, так и бремя своих забот:

«Свобода – это в первую очередь не привилегии, а обязанности»; «Свободен лишь тот, кто может позволить себе не лгать» (Альбер Камю, «Мудрые мысли», <http://kakzachem.ru/21-tsitata-neprevzoidennogo-albera-kamyu/>);

«Но я всегда знал, что свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание. Свобода не легка, как думают ее враги, клеветущие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя» (Николай Бердяев, «Самопознание», <http://www.vehi.net/berdyaev/samopoznanie/002.html>);

«Продаваясь в холопы или переходя в крепость, он сразу избавлялся от всех этих проблем. Психологически как бы исчезали долги (они становились вечными и потому нереальными) и налоги (их платил землевладелец или, в силу круговой поруки, община). По сути же его положение никак не менялось: Юрьевым днем все равно реально могли воспользоваться и пользовались только единицы – расплатиться с долгами и недоимками было очень трудно, практически невозможно, да и менять насиженное место в ноябре, уже по снегу, предельно затруднительно. Реально же, в ряде моментов, это положение даже облегчалось. Главное же облегчение заключалось в психологическом освобождении от

ответственности. Свободный человек, вольный крестьянин нес слишком много непосильных обязанностей – за свободу, как известно, всегда приходится платить. Раб, холоп или крепостной избавлялся от ответственности. Причем делал это, подчеркнем, добровольно – особенно поначалу... Понятно, что фактическое рабское положение порождало массовую рабскую психологию. Причем наиболее существенным в ней опять-таки было именно то, что она была массовой. Отсутствие индивидуальной ответственности (по выражению В.О. Ключевского, собственной «юридической физиономии»), индивидуальной собственности, наконец, просто индивидуальных жизненных перспектив уравнивало огромные количества людей, придавая им психологические черты стада. В этом смысле массовая покорность и массовый бунт (тот самый, абсолютно отражающий психологию поведения толпы, «бессмысленный и беспощадный») представляли собой две стороны одной и той же социально-психологической медали. Такое образование, назовем его стадообразной толпой, могло быть послушным или бунтующим – но оно не переставало быть именно стадом, идущим вслед за своим владельцем или вожаком бунта» (Дмитрий Ольшанский, «Психология масс», http://bookwu.net/book_psihologiya-mass_919/27_faktor-krepostnogo-prava; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/olshansk/06.php).

Совершенно же иным было поведение вольнолюбивых украинцев:

«Сильной стороной украинцев является внутренняя потребность в свободе (точнее, в воле, – П.Д.). Может, это наследие той самой анархии, которую мы так часто проклинаяем. Украинцы не терпели над собой власти даже со стороны собственных гетманов, поэтому многое потеряли, но сохранили потребность в свободе, чувство собственного достоинства» (дир. Института Философии им. Г.С. Сковороды Мирослав Попович: «Все началось с отставки Тимошенко», <http://korrespondent.net/ukraine/politics/164252-popovich-vse-nachalos-s-otstavki-timoshenko>).

Холопы (добровольные рабы) никогда не стремились к свободе. Для них рабство и нищета являются вполне комфортным образом жизни. И во время революции они зверски расправились с российской знатью вовсе не потому, что она была в неравных отношениях с ними а, именно, за то, что после отмены крепостного права она перестала их тотально опекать. В лице же коммунистов они нашли себе новых опекунов:

«В Советах реинкарнировалась традиция общины, равенства в нищете, патернализма, коллективной ответственности (и безответственности), а революция и война дали возможность оторваться от постылой и безнадежной работы, отомстить обидчикам – помещикам и горожанам, вволю пограбить и покуражиться. Так что гражданскую войну выиграл русский крестьянин» (Максим Каммерер, «Какой же быть России?», <http://www.krugozormagazine.com/show/demokratiya.495.html>);

«Коммунисты долго правили Россией именно потому, что их режим соответствовал чаяниям русского народа. Потому что минимум свободы – это и минимум ответственности. Пусть за тебя все решает кто-то другой. Такая позиция тоже не внушает к этому народу особого уважения» (Александр Браиловский, «Страна подкованных блох»,

<http://www.lebed.com/2008/art5436.htm>);

«Россия – «самая не буржуазная страна в мире, страна странничества и искания Божьей правды», в душе народной, полагает философ (Николай Бердяев, – П.Д.), существует «некое бесконечное искание невидимого града Китежа, абсолютной божественной правды и спасения для всего мира». В каком-то смысле «невидимый град Китеж» – это и большевистское понимание коммунизма, где «каждому – по потребности», а мировая революция – чем не идеологизированный «абсолют», которого жаждет русская душа? Прививка большевистской интерпретации марксизма именно на русской почве потому-то и оказалась столь прочной и длительной, что вряд ли какой-нибудь иной народ столь истово, как наш, поверил бы в материализацию «Китежа» на нашей, хронически неустроенной и вздыбленной земле. А вот и антитеза: Россия – страна «неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности, страна инертного консерватизма (...) Почвенные слои наши лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие за них сделают». – Думаю, что и это замечание философа не только констатирует прежнюю, ушедшую реальность, но и кажется провидческим: патерналистские ожидания в новых экономических условиях – и есть то отсутствие «самостоятельности и активности», которое отмечает Н. Бердяев. Понимание «прав человека» и, в частности, правосознание все еще не вошло в «психологическую оснастку» народа, не стало его модальной ценностью, что, кстати, в полной мере подтверждают и данные наших исследований. Именно так «поэтическое» допущение философа неожиданно преобразуется в социологический факт, так что в действительности мифология и социальная практика не так уже и разделены, как это может показаться на первый взгляд. Ведь именно этой внутренней противоречивостью, которую концептуализировал Н. Бердяев в начале века, и можно объяснить, во всяком случае – отчасти, реальную непредсказуемость коллективного поведения русских особенно в кризисные, переломные моменты истории...» (Зинаида Сикевич, «Социология и психология национальных отношений», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>);

«Премьер-министр Дмитрий Медведев, выступая на заседании попечительского совета Ново-Иерусалимского монастыря, отметил, что не считает 7 ноября праздником. Кроме того, он уверен, что эта дата в сознании большинства россиян воспринимается как день трагедии. «Наше заседание проходит в особый день, день октябрьского переворота, который почитался в советское время как практически главный государственный праздник. Сегодня большинству наших граждан понятно, что это день трагедии, который в значительной степени predetermined дальнейшую историю страны и Гражданскую войну», – цитирует Медведева «Интерфакс». В этой связи премьер-министр заметил, что некоторые из принятых советской властью решений могут быть подвергнуты пересмотру. В частности, это касается имущественных отношений... В Советском Союзе начиная с 1917 года 7 ноября отмечался День Великой Октябрьской социалистической революции. После развала СССР торжественные мероприятия по этому поводу утратили свою актуальность, однако некоторые общественные и политические движения продолжают настаивать на чествовании

этого исторического события. Практика же показывает, что в обществе сложилось неоднозначное отношение к 7 Ноября и праздничной датой для страны его называть нельзя...» («Медведев назвал 7 ноября днем трагедии», <http://www.dni.ru/society/2014/11/7/285683.html>).

А нынче нам нужна одна победа, одна на всех – мы за ценой не постоим

«Каждый, кто впервые начинал изучать иностранный язык, открывал для себя новые звуки, утраченные русским языком, либо не существовавшие в нем и в помине. Немало пробелов и в его грамматическом построении. Например, почему существуют такие пары форм глаголов, как утверждать – утвержу, подождать – подожду, а глагол «побеждать» формы 1-го лица единственного числа не образует, т.е. нельзя сказать «я побежду» или «побежу»? Это тем более странно, если учесть, что, например, в болгарском языке, максимально сохранившем старославянский, эта форма есть: «аз ще победа». Лишь малая толика русских глаголов образует отглагольные существительные, т.е. существительные, выражающие процесс действия (в английской грамматике это называется «герундий»). Например: красить – крашение, собирать – собирание. Но... писать – письмо, а должно бы быть «писание», ткать – ткачество, а напрашивается «тканье». Найденное мной в словаре Ожегова «тканье» звучит слишком вульгарно. Ну и, наконец, злополучное «побеждать» – не исключение из этого ряда. Хоть тресни, а не скажешь по-русски «побеждение» или «побеждение». Подчеркну, что, например, в английском и в болгарском языках этих проблем нет. На болгарском эти слова звучат соответственно как «тъканье» и «побеждаване», а в английском в таких случаях к основной форме глагола просто добавляется окончание «-ing». Продолжать о пробелах и «провалах» русского языка не буду. Скажу лишь, что их на два порядка больше упомянутых здесь, и при желании в Институте русского языка Академии наук вы получите огромный список так называемых белых пятен» (Элгар Агаев, «Победу» или «Побежу»? <http://www.ug.ru/archive/2100>).

Да, и «я одержу победу», заменяющее злополучное «я побежду», воспринимается то подсознанием весьма превратно, а именно точно также как и «я одержу погибель». Ведь, если «погубить» означает «привести к гибели (погибели)», то «победить» означает «привести к беде (победе)». И то, что тщеславный русскоязычный этнос большинство своих поражений продолжает выдавать за «победы», тоже, в общем-то, понятно. Ведь для подсознания переосмысленное им древнекиевское слово «победа» означает не что иное, как поражение:

«...побе́да, победи́ть, др.-русск. «побѣда», также в знач. «поражение», ст.-слав. «побѣда» ꙗко (Клоц., Остром., Супр.). Ср. «побѣдный», также в знач. «несчастный» (побѣдная голо́вушка). От беда́, беди́ть; см. Бернекер 1, 54; Брандт, РФВ 21, 209; Розвадовский, RS 2, 107...» (Макс Фасмер, «Этимологический словарь русского языка // Победа», <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&abc=%EF&book=vasmer>);

«Вот, если вы откроете словарь русского языка 11–17-го веков, вы увидите: слово

«победа» имеет 8 значений. Первое значение: «поражение, беда, неприятность» (Игорь Данилевский, «Историческая реконструкция – между текстом и реальностью», <http://metaslov.blogspot.com/2012/04/blog-post.html>).

Так что мазохистки гордящиеся «Великими Пободами» психически инфантильные россияне даже на подсознательном уровне, конечно же, ощущают, что так называемые «Победы» на Куликовом поле, под Бородином и во Второй мировой войне на самом-то деле были их поражениями и несчастиями:

«Второе трагическое поражение – это так называемая Куликовская битва, которую тоже преподносят как победу. Но есть четкие указания Альберта Кранцы – это декан духовного капитула в Гамбурге. Потом есть Иоганна Пошильге, хронист. И есть Дитмар Любекский... И вот они описывают эту Куликовскую битву совершенно по-другому. Да, действительно, ведь кто воевал с той стороны против Дмитрия Донского? Воевали в основном войска Олега Рязанского, который пришел вместе с Мамаем. Дмитрий Донской выполнял поручение, которое ему дано было от Тохтамыша – раздавить бунтующего Мамаю. И вот, когда вроде бы уже воинству Донского удалось забодать и татар и Олега Рязанского, тут пришли воины Великого княжества Литовского (Литовского, Русского и Жемайтийского, – П.Д.) и русских (потомков залешанских холопов Руси – москвитов, – П.Д.) всех повырезали. Это очень убедительно, потому что мы знаем, что буквально через два года после этих героических событий, когда Тохтамышу пришла в голову идея, что неплохо было бы в очередной раз сжечь Москву, разграбив и изнасиловав, то Дмитрий Донской позорно и трусливо куда-то бежал». Никакого воинства не было. И вообще, без разрешения начальства воевать против начальства русские никогда не решались» (Александр Невзоров, из интервью на «Эхо Москвы», <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1837614-echo/>);

«Размеры нашей гордости определяются масштабами наших несчастий» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>).

Ведь эти «Победы» фактически были тривиальными истреблениями их холопского этноса, расточительно и безжалостно использованного в сражениях, всего лишь, в качестве не имеющего никакой ценности расходного материала – «пушечного мяса»:

«...зачем беречь жизни и судьбы людей, если они ничем не отличаются один от другого, а самореализация каждого почти что аморальна?! Сохранилась история, одна из тех, в подлинности которой трудно быть уверенным. 1703 год, штурм Нарвы. Перед каждым проломом в стене – груды трупов – гвардейцев Петра. Многих Петр знал лично, со многими был дружен. И Петр заплакал, глядя на эти еще теплые груды мертвецов. Борис Петрович Шереметев подошел сзади, положил руку на плечо царя. Пятидесятилетний приласкал тридцатилетнего. «Не плачь, государь! Что ты! Бабы новых нарожают!...» (Александр Бушков, Андрей Буровский, «Россия, которой не было 2. Русская Атлантида», http://www.e-reading.ws/chapter.php/9699/58/Bushkov,_Burovskiii_2_Rossiia,_kotoroi_ne_bylo_2._Russkaya_Atlantida.html);

«Бои в Берлине были жестокие. Но это только половина правды. Говорят, на вопрос американского генерала (по одной из версий, это был сам Дуайт Эйзенхауэр), отчего надо было гнать пехоту впереди танков, а не наоборот, Георгий Жуков ответил: «Солдаты – навоз. Русские бабы еще нарожают, а танк денег стоит». Эту фразу он повторил через много лет, когда подставил под атомный гриб потомков убитых по его воле красноармейцев. Он еще раз показал, что человеческая жизнь для него не стоит ничего. Он оставался все тем же. Маршалом Победы. Победы над собственным народом...» (Александр Меламед, «Пантеон неизвестного солдата», <http://russian-bazaar.com/ru/content/17471.htm>);

«Без полковников армии не существует! В полку фронтовики – это отец наш родной, его заместители и штабные, как я. В полку мы не одни. Тут снабженцы и кладовщики, начфины, еврей-парикмахеры, медики, повара и сотня повозочных. При штабе портные, сапожники и шорники, саперы, телефонисты и санитарочки в санроте, сам понимаешь! Все они фронтовики и защитники Родины. Это основной и постоянный состав полка, а вы, как это сказать? Временные людишки, переменный состав, всего на две, на три недели. Вас, считай... Сегодня вы были, а завтра вас нет! А кто останется? Кто будет стоять против немцев? Ты знаешь, сколько вашего брата, желторотых лейтенантов, за это время успело отправиться на тот свет? Нас в полку сейчас больше, чем вас там, сидящих в траншее. Мы, штабные, живучие, тем мы и сильны! Нас совершенно не интересует, какие у вас там потери. Чем больше, тем лучше, это значит, что полк воевал и мы поработали!.. Чего там скрывать! Кроме меня тебе никто не откроет глаза на то, что здесь происходит... Вот слушай! Застелят вашими костями нашу матушку-землю, и ни один человек после войны не узнает ни ваших фамилий, ни ваших могил. Видишь, разница в чем? А мы будем живые, и наши фамилии будут фигурировать в отчетах и наградных листах» (Александр Шумилин, «Ванька – ротный // Левый берег Волги», <http://www.libros.am/book/read/id/178620/slug/vanka-rotnyji>; http://nik-shumilin.narod.ru/41/r_05.html);

«Вот до чего мы дожили, изолгались, одубели! И кто это всё охранял, глаза закрывал народу, стращал, сажал, учинял расправы? Кто такие эти цепные кобели? Какие у них погоны? Где они и у кого учились? И доучились, что не замечают, что кушают, отдыхают, живут отдельно от народа и считают это нормальным делом. Вы на фронте, будучи генералом, кушали, конечно, из солдатских кухонь, а вот я видел, что даже Ванька-взводный и тот норвил и жрать, и жить от солдата отдельно, но, увы, быстро понимал, что у него не получится, хотя он и «генерал» на передовой, да не «из тех», и быстро с голоду загнётся или попросту погибнет – от усталости и задёрганности. Не надо лгать себе, Илья Григорьевич! Хотя бы себе! Трудно Вам согласиться со мной, но советская военщина – самая оголтелая, самая трусливая, самая подлая, самая тупая из всех, какие были до неё на свете. Это она «победила» 1:10! Это она сбросила наш народ, как солому, в огонь – и России не стало, нет и русского народа. То, что было Россией, именуется ныне Нечерноземьем, и всё это заросло бурьяном, а остатки нашего народа убежали в город и превратились в шпану, из деревни ушедшую и в город не пришедшую. Сколько потеряли народа в войну-то? Знаете ведь и помните. Страшно называть истинную цифру, правда? Если назвать, то вместо парадного

картуза надо надевать схиму, становиться в День Победы на колени посреди России и просить у своего народа прощение за бездарно «выигранную» войну, в которой врага завалили трупами, утопили в русской крови. Не случайно ведь в Подольске, в архиве, один из главных пунктов «правил» гласит: «Не выписывать компрометирующих сведений о командирах Совармии» (Виктор Астафьев, из письма 13 декабря 1987 г. [адресат не установлен], цит. по Алексей Тарасов, «Надо становиться на колени посреди России и просить у своего народа прощение», <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/26/63539-171-nado-stanovitsya-na-koleni-posredi-rossii-i-prosit-u-svoego-naroda-proschenie-187>);

«Идешь в атаку – может быть, повезет, немцы не – убьют. Отступишь – свои убьют обязательно». «В 1945-м победили не мы. Не народ. Не страна. Победил Сталин и сталинизм... А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер – Сталина? В 1945-м погибла не Германия. Погиб фашизм. Аналогично погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм. Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м! Не потеряли бы мы свои то ли 22, то ли 30 миллионов людей. И это не считая послевоенных «бериевских» миллионов. Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?... Вполне вероятно, что рабство под Гитлером не длилось бы дольше, чем под Сталиным, а жертв, может быть, было бы меньше» (Александр Минкин, «Чья победа?», <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/06/22/194712-chya-pobeda.html>);

«Советский народ не мог ничего выиграть или проиграть. Просто потому, что такого субъекта, как советский народ, на тот момент не существовало. Народ – это субъект, имеющий коллективную волю, коллективный разум, механизм принятия коллективных решений. Ничего это, если мы говорим о 30-40 годах, не было и в помине. Было население – раздавленное жесточайшим террором, полностью атомизированное. Оно не имело никаких механизмов выражения коллективной воли. Да и выражение индивидуальной воли было ограничено настолько, что ни одна единица населения не могла покинуть территорию проживания. Даже ногами проголосовать подданные Сталина не могли, поскольку в 1934 году был принят закон, установивший уголовное наказание за преступление под названием «бегство за границу». За это преступление полагалась смертная казнь, «а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества». Применительно к военнослужащим – только расстрел и от 5 до 10 лет лагеря для членов семьи изменника. Говорить о том, что это население могло выступать в качестве народа, в качестве субъекта истории, – это просто нежелание видеть факты» (Марк Солонин, «Советский народ не мог никого победить...», http://www.solonin.org/article_sovetskiy-narod-ne-mog-nikogo).

Как видим, в русской ЯКМ в отличие от ЯКМ цивилизованных народов «товаром» двойного использования (англ. «dual-use goods») являются вовсе не дорогие технические средства военного и гражданского использования, а именно дешевый «человеческий гумус» («навоз», который бабы ещё нарожают). Технические же средства, используемые в военных и гражданских целях, гордо называются товарами двойного назначения. Техника в России,

действительно, всегда предназначалась в первую очередь для того, чтобы убивать, а не созидать. Громадные средства тратились и тратятся именно на её усовершенствование, а товары народного потребления, называемые пренебрежительно, а то и вообще даже презрительно ширпотребом, всегда рассматривались и рассматриваются, всего лишь, как побочный продукт военного производства:

«Ширпотреб – товары широкого потребления, хламье, шваль, дрянь, шушера, хлам» (Словарь русских синонимов, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-95080.htm>).

И это, ведь, тоже бессознательно формирует «воинственное мировосприятие» у русскоязычного быдла. Согласно русской ЯКМ не только детская «войнушка», но даже и сама настоящая война – всего лишь игра, которую следует выиграть, не взирая ни на какие человеческие жертвы:

«Киноиндустрии и Америки и России внесли заметный вклад в формирование и тиражирование образа героя, которому нет преград ни в море, ни на суше. Но мотивация у героев и высшая точка их напряжения разная: наш герой сражается до последней капли крови, их герой – пока не придут свои, которые всегда близко, уже рядом, на связи...» (Ольга Маховская, «Американские дети играют с удовольствием, французские – по правилам, а русские – до победы», <http://psyfactor.org/lib/makhovskaya34.htm>).

Именно эта бессознательная лингвопсихическая установка и позволяет психически инфантильным русскоязычным полководцам совершенно без зазрения совести обрекать на смерть покорное им солдатское стадо. И, тем самым, она делает их беспощадными не только к врагу, но и к ведомому заградотрядами на убой русскоязычному быдлу:

«...был очень эффективный менеджер Николай Первый, слишком эффективный. То есть, у него была ужасная мысль о том, что русская армия лучше всех вооружена и, главное, самая сильная в мире. Он помнил все время про Александра Первого. Значит, если вести войну не на маленьком участке, как она шла, а на здоровом протяжении фронта, если бросать, как бросала Елизавета по 50 тысяч, если нужно, на смерть – мы выигрываем, как Иосиф Виссарионович...» (Эдвард Радзинский, «Кто выиграл войну: Сталин или народ?», <http://echo.msk.ru/programs/victory/1448482-echo/>);

«Страшный ответ заключается в том, что войну действительно выиграл Сталин. И оружием, которым он её выиграл, стал не танк, не самолет, не гаубица, а заградотряд. До самого конца русские, не обращая внимание на потери, бросали пехоту в атаку в почти сомкнутых строях. Это пишет генерал Меллентин, это пишут все немецкие офицеры, отражая основную тактику Красной армии. «Атаки русских проходят по раз и навсегда данной схеме, большими людскими массами», – это немецкая разведка в 42-м году. «Большие, плотные массы людей маршировали по минным полям», – это уже немецкий офицер о боях под Киевом...» (Юлия Латынина, «Войну выиграл Сталин. Россия была расходным материалом», <http://echo.msk.ru/programs/code/677955-echo/>; <http://newsland.com/news/detail/id/499985/>);

«А наш народ героически преодолевал в годы войны вовсе не агрессора, а последствия глупости Жукова и Сталина – воевал фактически не с немцами, а с ошибками своих неконтролируемых ВЛАСТЕЙ. И главный источник Катастрофы 1941 года, как и главная причина такого тяжелого и кровавого хода Великой Отечественной войны, – заключается в нашей главной болезни: это рабская покорность народа и вседозволенность верхов. Так что дело вовсе не в том, что Сталин приготовлениями к войне вынудил Гитлера напасть первым. Это сущая мелочь, хотя именно в эту плоскость вопроса – в абстракцию – нас всегда пытаются увести – от обсуждения ГЛАВНОГО. А главное заключается в том, что урон, причиненный нам немцами, в разы меньше того урона, который нашей стране в 1941 году причинила наша «родная» власть. Сравните сами: в 1941 году погибло 1,3 миллиона солдат, а 4 миллиона сдались немцам. В боях в июне-июле 1941 года немцы сожгли менее 2 тысяч наших танков, а 6,5 тысяч им наша «родная» власть подарила, ВТРОЕ увеличив танковые войска Германии. И так далее по всем показателям, включая почти всю нашу авиацию запада СССР, которой мудрая власть не дала даже подняться в воздух. Вот в чем мера ответственности...» («Катастрофа 1941 года», <http://www.secret-r.net/arkhiv-publikatsij/6-1998-2006/katastrofa-1941-goda>).

Но, несмотря на всё это, для наивного русскоязычного человека, всё же, важно убедить, если и не всех других, то хотя бы самого себя в том, что это были победы «русского духа». Ведь наслаждение ложью – это единственная утеха больного самолюбия извращенной особи, привыкшей не быть, а лишь казаться воплощением положительных черт характера:

«Наша поразительная способность настаивать, что наш позор – это наша гордость, настаивать на позоре, как на гордости! – значит, новые поколения будут идти этим тухлым и кровавым путем. Потому что человек рождается, я повторяю, голеньким, с головкой пустой: что туда положишь, то там и будет. И уже выросло поколение и растет второе поколение, собственно, при Путине выросшее. Мы уже его видим. Они вообще ничего не помнят, что было до! И вот, что им в голову положат из этого телевизора, весь этот коллективный «православный Мединский» в самом тяжелом клерикальном варианте – вот это у них в голове и будет. И потом опять вспухнет, разумеется, потому что не может не вспухнуть. Раз заражение есть, то однажды оно примет довольно тяжелый характер. Это все довольно... не просто довольно, а очень тревожно...» (Виктор Шендерович, из интервью на «Эхо Москвы», <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1531104-echo/>);

«Победа в Великой Отечественной окончательно развалила русских. И, естественно, позволила большевикам держаться до сих пор. Ведь Победа дала право думать, что путь правильный: лагеря, соц. реализм и пр. И безкультурье. Падение в будку. Мы выбрали «родное» рабство, рассчитывая на то, что у коммунистов оттаит сердце. Дураки! Мы ввергли себя в большую глупость и униженность. Дело еще вот в чем: война не дает повод для геройства ни с той, ни с другой стороны. Война – это грязь и убийство на самом дне сознания. Геройство создают идеологические подонки. Выбор между двумя фашизмами. Что может быть мучительней?! Но я никогда не скажу, что выбор был сделан правильный. Раб на

выбор не способен. Такова судьба. Раба...» (Дневник актёра Георгия Буркова: «СССР – это огромная зона»,

<http://dynamo.kiev.ua/blog/304652--gergij-burkov--u-menya-net-rodinyi-ibo-u-raba-ee-ne-mozhet-byit>; http://tfolk.ru/articles/dnevnik_aktjora_georgiya_burkova_ssr_eto_ogromnaya_zona).

Все силы русского правописания – на стороне «мы»

«А ведь по-русски нельзя сказать от первого лица единственного числа: «Я побегу...» или «Я победу...», – подумал Сережа. – Грамматика сопротивляется. Может быть, одному вообще победить невозможно? Только всем вместе» (Евгений Евтушенко, «Ягодные места», <http://www.evtushenko.net/yaml15.html>).

«Все силы русского правописания – на стороне «мы», и сколько бы литературных терзаний ни вкладывать в развитие «я», они не окупятся за недостатком грамматических резервов. Взять, для примера, подсознательное мыканье Платонова и сопротивленческое яканье Набокова, чтобы увидеть разность потенциалов. На «мы» можно гавкать, как Замятин, над «мы» можно хихикать, как Олеша, но «мы» имеет самодержавное качество, известное под именем «народ»...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Враг народа», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

«Ну, у нас такое, вот, есть «мы» скромности так называемое, когда вместо... автор, единственный автор работы, не пишет: «Я обнаружил», – а пишет: «Мы обнаружили». Вот, это «мы» скромности. Или, еще лучше, пассивный залог: «Было обнаружено» (кем-то там). С одной стороны, очень скромно; с другой стороны, снимает ответственность с автора, понимаете? Вот, если напишешь: «Я обнаружил», – то ты уже несешь полную ответственность. Но это, опять же, наша традиция, это наша традиция научного стиля; как раз, которая сейчас развивается...» (Светлана Тер-Минасова, «Язык – творец человека» (1-я лекция), http://metaslov.blogspot.com/2012/04/1_27.html);

«Во время моих последних лингвистических изысканий я сделал одно любопытное открытие. Во всяком случае, я полагаю, что это – открытие, так как я не нашел информации о том, чтобы кто-то об этом уже писал. Речь идёт о прямой связи между свободой сознания нации и языком, на котором эта нация говорит. Чем менее свободна нация, тем чаще в её языке используется пассивный залог и тем реже используется активный. Тем, кто плохо или уже давно учился в школе, напомню. Активный залог, это если ты делаешь что-то. А пассивный – это когда кто-то что-то делает с тобой. Причём этот «кто-то» не персонифицируется и не указывается. «Я испугался» – это активный залог. «Меня напугали» – это пассивный залог (обратите внимание – тут не говорится, кто напугал). Так вот, в языке тех наций, у которых свобода, что называется, в крови – пассивный залог – это редкость, порой даже исключение. А у тех наций, которые ограничены в свободе поступков и мыслей (государством ли, завоевателями ли, традициями ли – не важно), в их языках пассивный залог не только – норма, он порой даже доминирует. Вот в английском (и в украинском, –

П.Д.) языке, например, пассив – это большая редкость. А в русском или, скажем, в японском – языковая обыденность. Англичанин гордо говорит: «Мое имя Джон» или просто «Я – Джон» (украинец говорит: «Мене [повинні] звати Іван», «Моє ім'я Іван» или просто «Я – Іван», – П.Д.). Так представляется свободный человек, имеющий имя, которым он дорожит. А русский говорит: «Меня зовут Иван». Кто его зовёт? Куда зовёт? Ведь если пораскинуть мозгами, именно так должен представляться холоп. Ему и имя иметь не обязательно. Он просто поясняет, как его «зовёт» к себе хозяин, а уж по имени ли, по кличке ли – это в данном контексте – неважно. Все зовут меня так-то, и вы тоже так зовите» (Андрей Шипилов, «Язык рабов, язык господ», <https://pora-valit.livejournal.com/4897495.html?page=2>; <http://shipilov.com/zhurnalistika/1342-yazyk-rabov-yazyk-gospod.html>; <http://forumodua.com/showthread.php?t=3069694&page=114>).

Именно преобладание в речи как пассивного залога и безличных оборотов, так и коллективистского «мы» и является ответственным за личную безответственность русскоязычного людашки:

«Традиционный коллективистский, общинный способ жизнеустройства русских людей (прежде всего крестьян) предполагает приоритет общих интересов над личными, что на языковом уровне отражается в особой значимости и функциональной активности таких местоимений, как «мы, наш, все». В центре русского жизнеустройства стоит местоимение «мы». В национальном сознании местоимение «мы» обладает большой объединительной силой. Например:

«От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.
И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься»

(Твардовский, «Василий Теркин», <https://unotices.com/book.php?id=225&page=4>);

«Я, ты, он, она,
Вместе – целая страна,
Вместе – дружная семья,
В слове «мы» – сто тысяч «я»!»

(Рождественский. Родина моя)...» (Л.Г. Смирнова, «Оценочность местоимений в русском языке», <http://russkayarech.ru/files/issues/2011/1/11-smirnova.pdf>);

«В речи политиков, в массмедиа, в учебниках истории, в коллективном сознании закрепилось представление, что мы – советские люди, советская история – наша история, и она героическая. Оказалось, что силы, которые связывают нас в самое большое «мы», являются только советскими. Для «мы» несоветских синонимов почти нет, не были созданы такие символы, образы, авторитеты, которые были бы несоветскими по смыслу. Именно это

обеспечивает живучесть советского. Все, что вне круга близких, – чужое и враждебное, но вместе с тем наша сила – только в большом советском «мы». Важную роль тут играет, конечно, образ «врага». Значение и понимание какой бы то ни было идеологии (коммунистической и прочих) с годами слабеет, тем сильнее действует мифология нашей личности и покушающегося на нее врага (Америки, Китая, «понаехавших» – неважно). Постановку псевдосоветских декораций, политический спектакль, который играется на центральной сцене с включением самых главных актеров, российская публика в большинстве своем поддерживает, поэтому соответствующим образом и голосует – не за соревнование и перспективы, а за власть, которая уже есть, и за статус-кво» (Борис Дубин, «Другая такая же страна // О «советском человеке»», <http://www.kommersant.ru/doc/2265510>).

Русско-советские люди – это и не народ и не нация, а всего лишь языковая общность людей

Поэтому-то, русско-советские люди – это и не народ (в общепринятом – не русском понимании этого слова) и не нация, а всего лишь языковая общность психически инфантильных людей, утративших свои национальные корни. А точнее, – сброд, стадо русскоязычных челядишек, слепо и люто ненавидящих всех тех, кто в отличие от них не желает предаваться стихии «ветров» подобно перекасти-полю и «плыть по течению» подобно деревянным истуканам:

«В больничном сортире – обрывки кроссворда (и больные, и сотрудники помногу решают кроссворды): «жалкие люди», слово из пяти букв. Женским почерком аккуратненько вписано: НАРОД (по мысли авторов кроссворда, правильно – «сброд»). Всегда старался избегать этого слова, еще до приезда в N., но по многим поводам сильно заблуждался (Бродский о Солженицыне: «Он думал, что имеет дело с коммунизмом, а он имеет дело с человеком»). Нельзя относиться к так называемому «народу» как к малым детям: в большинстве своем это взрослые, по-своему ответственные люди. Во всяком случае, никакого ощущения потери, неосуществленных возможностей (what a waste!) при тесном знакомстве с ними не возникает...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>);

«Русского народа нет – есть русскоязычный сброд, называющий себя русскими» (советский и российский учёный, криминалист, доктор технических наук, доктор юридических наук, старший советник юстиции, профессор Олег Каратаев, <https://www.youtube.com/watch?v=9RmYK3VJP-0>);

«Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?
Чем соблазнить обывателя? Тайна в его голове,
В этом сосуде, в извилинах, в недрах его вещества.
Скрыт за улыбкой умильной злобный портрет большинства.
К цели заветной и праведной узкая вьется тропа.
Общество, мир, население, публика, масса, толпа,

Как они сосредоточенно (оторопь даже берет)

Двигутся, верят... и все-таки это еще не народ»

(Булат Окуджава, «Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?..»),

<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=40492>);

«Он был рассчитан на самые темные низы, на последнюю обывательскую безграмотность. И он ее смутил и поднял... Ленин отрицает Россию. Он не только отрицает русскую республику, но и самую Россию. И народа он не признает. А признает одни классы и сословия, и сманивает всех русских людей возвратиться просто к своим сословным интересам, выгодам. Народа он не видит и не хочет...» (Василий Розанов, «Черный огонь», <https://www.litmir.me/br/?b=37520&p=47>, <https://www.litmir.me/br/?b=37520&p=48>);

«Вот это действительно прискорбно: оказалось, что русского народа со времен крепостного восемнадцатого века вообще нет. Есть, а вернее – были отдельные этнические образования, которые объединяло только желание быть под гармошку свои заунывные песни и совместно грабить чужую собственность. Разграбят что-нибудь, выпьют ведра самогона, повоюют песни и разбредутся по своим норам сажать картошку и огурцы. Потом они насильственно собираются новыми империями в колонны и гонятся куда-то на убой. Там, перебив большое число восточно- и западноевропейских народов, перевешав их интеллигенцию, скопища племен перли назад в свои болота и там в грязи размножались и порождали новые толпы солдат и рабов. Так было и при Александре I, и при Николае I, и при Николае II, и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве. А мы, дворяне, до семнадцатого года со шпагами в руках вели эти скопища на поля Европы... За годы советский власти русское простонародье засрало и превратило в сортиры большинство своих храмов. ...куда бы ни приходили советско-русские скопища простонародья, свою деятельность они сразу начинали со зверского изнасилования женщин и осквернения храмов любых божеств. В Германии Красная армия изнасиловала более полутора миллионов немцев, загадила все католические церкви, и даже на мраморном надгробии Эммануила Канта в Кенигсбергском соборе кто-то вырубил зубилом: «Правильно тебя ебал Ленин!»...» (Алексей Смирнов, «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Дело в том, что русские в центральной России не являются, по сути, народом. Как ни грустно констатировать, но это не народ, а спившийся сброд. Массовое, уже отмеченное международными организациями как за пределами, потребление алкоголя (18, что ли, литров на душу?) – вот их настоящее. Тогда как – всем известное и вряд ли нуждающееся в повторении – прошлое их – это генетическое рабство и холопство, крепостное право и ГУЛАГ, веками вбиваемая, в плоть и кровь вошедшая готовность гнуть спину перед любым, кто объявит себя начальником – и при этом оттягиваться, отводить душу на тех, кто слабее и не может ответить... То есть, русского народа как народа, как субъекта русского национализма – не существует. Спившаяся толпа люмпенизированных, вороватых, не умеющих и не желающих работать темных личностей. Сверху – немаленькая прослойка начальничков – всяких местных чиновников и коррумпированных ментов. Как же, менты-то

уж – плоть от плоти народа!.. И на самом верху – узенькая, тоненькая, едва заметная прослойка интеллигенции, – тех, кто не пьет, не ворует, имеет высшее образование и вообще – интересуется не только своим брюхом и карманом, но и судьбами культуры и окружающего нас мира. И столь же тонкая прослойка более-менее интеллигентных людей, пытавшихся – с разной степенью успеха – заниматься здесь мелким бизнесом – и тоже нахлебавшихся от родимого государства...» (Борис Стомахин, «Мифы «русского национализма»», <http://lj.rossia.org/users/stomahin/53602.html>);

«Россия – радикально амбивалентна. Например, Европа отказывается от национализма. Или пытается отказаться. Мы отказались от нации. Мы – не нация. Русские странный народ, вернее, мы не народ, а так, идея народа, и редко какой русский долетит до середины этой идеи, летит он, летит, да где-нибудь и упадет, куда-нибудь да свалится, и кабы он знал куда, кабы ведал где, а то ведь и не знает, и не ведает, а уважения к себе требует и не со стороны ближних, а со стороны дальних, как будто вся его жизнь зависит от того, уважают ли его по ту сторону Пиренеев или не уважают. И то знает, что было бы, если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, а прилепились бы где-нибудь к Карпатам или затерялись в муромских лесах, нас бы и не заметили. А так все-таки заметили. И дали мы что-то миру или не дали – решение этого вопроса стало второстепенным. Мы – одинокие. Нет с нами рядом никого. Мы одни, и с этим нужно считаться любому политику...» (Фёдор Гиренок, «Мистерияльные игры», <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Misterial-nye-igry>);

«Но, когда мы произносим слово «народ», следует четко представлять себе зрительно, о ком мы говорим. Мы говорим о колоссальном количестве алкоголиков, о наркоманах, о пещерных жителях русской деревни (которая является язвой и очагом бессмыслия, пьянства и невежества)... Народу нужна однозначность и примитивность. Однозначность всегда будет иметь большие рейтинги, чем свобода и рваность суждений. Эта однозначность значительно упрощает метод управления государством. Ведь фашизм, как бы плохо о нем ни думали, это всего-навсего наиболее конструктивная система управления. Она настолько удобна, что власть, избравшая фашизм, может управлять любой страной. Именно за счет террора и насилия...» (Александр Невзоров, «О сплочении народа, об отсутствии альтернативы Путину и о том, почему русскую национальную идею придумали братья Гримм», https://www.dp.ru/a/2014/09/05/Nikto_nichego_ne_proglotil);

«Прежде всего: никакого «народа» нет. Есть сто сорок восемь миллионов людей, объединенных в лучшем случае единым паспортом. Мало что их объединяет, кроме гражданства. Всякий разговор о народе – величайшее огрубление...» (Виктор Шендерович, «О себе», <http://www.shender.ru/about/text/?file=15>);

«Чаадаев высказал мысль, которую нужно считать основной для русского самосознания, он говорит о потенциальности, непроявленности русского народа... русский народ призван осуществить великую миссию. Вера в миссию России есть вера, она не может

быть доказана, это не научная истина. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями... Народ не есть социальная категория. И социальные противоположения лишь мешают осознанию народности (Бердяев); славянофилы упрекали себя в том, что они не народ, западники упрекали народ в том, что народ это не они. Беда же состояла в том, что и западники, и славянофилы все еще являлись народом, но не понимали, что понятие «народ» в их лексиконе является фикцией (Галковский)» («Сила есть – ума не надо»)» (Владимир Колесов, «Концептуальное поле русского сознания: концепты власть, закон и народ», <http://politlinguist.ru/current.html>);

«Западничество и славянофильство это раскол архетипа народа. Непонимание его двойственности, бессмысленной многосмысленности, то есть того, что народ прорастает в своей элите, осуществляет в ней национальный архетип. Сам народ всегда безлик и аморфен. Это психический и духовный генофонд. При-плод, на-род. Отношение к народу как к носителю нравственных идеалов (славянофилы) или порицание его за отсутствие таковых (западники) нелепо. Это свидетельствует о незрелости элиты и, следовательно, о непроявленности архетипа. Славянофилы упрекали себя в том, что они не народ, западники упрекали народ в том, что народ это не они. Беда же состояла в том, что и западники, и славянофилы всё ещё являлись народом, ибо не понимали, что понятие «народ» в их лексиконе является фикцией. И порицание народа, и его восхваление так же нелепо, как порицание или восхваление урожая. Лишь в восприятии самого народа это вполне естественно. «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай». Таким образом, спор между западниками и славянофилами перемещался на почву легендарную, почву мифа. И русский миф был в XIX веке расколот. Болен. Славянофилы были слишком заинтеллектуализированны, им нужно было всех бить по головам, а они Гегелем занимались. Западники же обладали слишком архаичным мировосприятием, им явно не хватало интеллектуальной культуры для действительно радикального осмысления происходящего. Возникло противоестественное состояние спутанного сознания...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Природное, генетическое – первично, социальное и культурное вторично. Последнее суть не сама жизнь, но ее декорация, способ маскировки, прикрытия. Культура, при всем ее огромном влиянии на социум, до сих пор не споспешествовала укреплению жизни, скорее, наоборот, вела к ее ослаблению, убивая в человеке подлинно человеческое. Культура социализует человека, приобщает его к роду, народу, государству, а это вынуждает индивида во все большей степени отказываться от самого себя как суверенного и уникального биологического существа, руководствующегося своими интересами и требованиями собственных инстинктов, даже такого, как инстинкт самосохранения. «Смыслом всякой культуры является выведение из хищного зверя «человек» некой ручной и цивилизованной породы животного, домашнего животного»... Предвидя опасные тенденции развития культуры, Ницше предупреждал о росте «способности человека быть дрессируемым», превращающей его в «стадное животное, даже весьма интеллигентное»: «К измельчанию

человека и к приданию ему большей гибкости и подчинению всякому управлению стремятся, видя в том прогресс»...» (Игорь Гарин, «Философия жизни, человека, культуры», <https://www.proza.ru/2015/11/05/906>);

«Народ» – одно из самых точных понятий русского языка. Оно подразумевает двойной перенос ответственности: с «я» на «мы» и с «мы» на – род: «мы-они», внешне-внутренний фактор, что означает вечные поиски не самопознания, а самооправдания. Слово «народ» зацементировало народ на века. Несмотря на различия между сословиями, поколениями, полами и областями, русские – союз потомков, битых кнутом и плетями. Русские – дети пытки. Там, где особенности индивидуальной жизни процветают за счет общественной, народ – метафора или вовсе несуществующее слово. В этой стране оно передает суть неправого дела» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Враг народа», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ» или «МЫ-философию». Для нее последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я». «МЫ» мыслится не как внешнее единство большинства «Я», только потом приходящее к синтезу, а как первичное, далее неразложимое единство, из лона которого только и вырастает «Я» и посредством которого это «Я» становится возможно. «Я» и «ТЫ», мое сознание и сознание, чуждое мне, мне противостоящее и со мною связанное, оба они образуют интегрированные, неотделимые части первичного целого – «МЫ». И не только каждое «Я», связанное и соотнесенное с «МЫ», содержится в этом первичном целом» (Игорь Гарин, «Запад и Восток // Я и МЫ», <https://www.proza.ru/2015/01/17/864>);

«Здравствуй, быдло... Что, неожиданное обращение? Ну, да. Ты больше привыкло, чтобы тебя называли не в среднем роде, а в мужском – «народ». В этом слове тебе чудится нечто возвышенное и патетическое, хотя по сути это одно и то же. Но как только особь начинает соотносить себя с какой-то группой, она сразу теряет индивидуальность и оскотинивается, даже не усредняясь, а равняясь на худшего в группе, ибо караван всегда идет со скоростью самого медленного верблюда. Об этом еще Лебон в свое время писал, рассуждая о толпе. А народ – это самая большая толпа, предельная группа. И ниже упасть уже некуда... Этот год, признаюсь честно, заставил меня пересмотреть многие мои взгляды. Еще в начале года я с высоты своей личности думал, что гитлеровско-сталинские методы воздействия в наше время уже не сработают. Увы! Сработало. Зверь, сидящий в тебе, почти ничуть не изменился. У тебя нет иммунитета к патриотической дудочке, влекущий в пучину, глупое...» (Александр Никонов, «Открытое письмо к быдлу», <http://blog.i.ua/user/2517430?filter=blog&p=8>; http://www.infoorel.ru/forum/forum_read.php?f=27&id=646880; <https://rufabula.com/articles/2014/12/23/open-letter-to-the-cattle>);

«Верно: слово «народ» завораживает. Во-первых, «vox populi vox dei», что было

сущей правдой в античные времена. Во-вторых, и в главных, русского француз попутал с его 1789 годом; идолопоклонство началось со взятия Бастилии. Счастливы англичане, обходящиеся без этого соблазнительного слова: для них есть только люди, конкретные люди. Не отсюда ли английские свободы и американская конституция, этот Парфенон права? Повторим до оскомины то, чего в России не понимают: английское «nation» (лат. *[ca]nātiō, «gentem» – «нация, страна», – П.Д.) вовсе не нация (в советском её понимании, – П.Д.), не народ, а страна. Словосочетание Организация объединенных наций – хрестоматийная ошибка переводчика. Разве народы эта организация объединяет, а не страны?» (Юрий Колкер, «Семеро против мифа», 2009, <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Vekhi.htm>; <https://zounb.zp.ua/node/4776>).

Как видим, и смысл даже таких понятий как «нация» (лат. «natiōni», франц. «nation» – страна) и «национальность» (лат. «nationis», франц. «nationalité» – гражданство) «умудрился» изуродовать психически инфантильный русскоязычный этнос. Только лишь евреи и русскоязычные челядишки идентифицируют себя не со страной своего проживания, а с религией своих предков. Ведь в Московии, да и позже в России различали русских и иноверцев, а вовсе не русских и инородцев.

«Вот как начинается первая глава Соборного Уложения 1649 года «О богохулниках, и о церковных мятежниках»: «Будет кто иноверцы какия нибуды веры или и русской человек...» (Н.Д. Гостев, «О значении слова русский в XVIII веке», <http://new.chronologia.org/volume8/gostev.php>).

А это значит, что не лишено смысла и следующее заключение:

«Этническая же принадлежность, по крови, а также – территориальная... для Русского Народа издревле значили очень мало или совсем – ничего!» (Протоиерей Лев Лебедев, «Великороссия: жизненный путь// Голгофа Великороссии», <http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/chapters/ch34.htm>).

И, ведь же, действительно:

«Понятие «русский» обозначало тогда славянское население Украины, Беларуси и Новгородской земли (Русь Киевская, Русь Литовская и Русь Новгородская). На территории Московского княжества до XVI века господствовали финно-угорские (и тюркские татарские, – П.Д.) говоры за исключением основных городских центров» (Виктор Титов, «Этногенез литвинов (беларусов) в славянском контексте», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=109>);

«Согласно выводам лингвистов, по данным гидронимики можно говорить о ярко выраженной «балтийскости» новгородской территории – на значительной ее части топонимические балтизмы по количеству и надежности трактовок обыкновенно преобладают (иногда в несколько раз) над топонимическими финнизмами; «в бассейнах Полы, Ловати, Шелони, Плюссы и во всей прибрежной зоне оз. Ильмень водные названия с

однозначно финскими соответствиями настолько редки, что по количеству не идут ни в какое сравнение с балтизмами» (Васильев 2007). Причем, и «все новгородско-псковские водные названия с широкими, «транс-европейскими» соответствиями (лингвистически – древнеевропейскими) находят большинство параллелей именно в балтийском ареале, имеют балтийскую окраску в фонетике и словообразовании и так или иначе должны рассматриваться в балтийской этноисторической перспективе» (Васильев 2009: 263). Так что, В. Л. Васильев (2009: 278) приходит в итоге к выводу, что основная часть этого древнеевропейского слоя новгородско-псковской гидронимии была принесена балтами (пришлыми балтизовавшимися потомками финноязычных долихокранных скифов – днепровскими балтами, – П.Д.), сохраняема ими же и затем передана славянскому населению...» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>);

«К вящему сожалению этноним русский народ абсолютно искусственный, выдуманный, синтетический, а потому не имеет никакого права на существование, так как не имеет под собой самого главного своего основания народа. Этноса, племени, народа, нации русские не существовало никогда. Мало того, как пишет Константин Ерусалимский, доктор исторических наук, профессор Отделения социокультурных исследований РГГУ, специалист в области истории восточной Европы в средние века и новое время, истории кириллической рукописной книги и книжного дела: «До конца XVI века словосочетание «русский» народ не встречается ни в одном источнике, а с конца XVI века данное словосочетание использовали исключительно за пределами Московского княжества!» Как же так получилось, народ люди, называющие себя русскими, есть а нации нет? В чем же дело? А все дело в религии. Киев, благодаря реформам и не без хитрости Ярослава Мудрого стал метрополией новой столицей христианского мира. Именно благодаря ему церковь христианская с центром в Киеве стала называться Руськой, и все верующие этой церкви руськими! В 1051 году, собрав епископов, Ярослав, без согласования с Константинопольским патриархом, сам назначил митрополитом Илариона, а когда в 1054 христианская церковь распалась на Ортодоксальную с центром в Константинополе, и Католическую с центром в Риме, Киеве фактически легально стал отдельной конфессией Руськой с центром в Киеве. И весь люд Киева, Новгорода, Полоцка стал именоваться руським но не народом, а по вероисповеданию. Москва, будучи несторианского исповедания, корнями относилась к Ассирийской церкви Востока, одним из постулатов, которой было противопоставление себя Западу Риму. Именно по этой причине Москва и вышла из Флорентийской Унии 1438 года, как вышла и из лоно христианской церкви, предав всех униатов анафеме» (Олег Чеславский, «Мифы «Третьего Рима»: «русский народ»», <https://informer.net.ua/mify-tretego-rima-russkij-narod-zhurnalist/>; <https://www.obozrevatel.com/society/mifyi-tretego-rima-russkij-narod.htm>; <http://rusjev.net/2018/12/04/russkogo-naroda-ne-sushhestvuet-uchenyie/>)

«Никогда вплоть до XX века, на Московии, а потом и на России понятие «русский» не использовалось как наименование титульной нации. Мало того, на Московию понятие «русский» пришло лишь во второй половине XVII века и то благодаря тому, что украинская

книжность начала проникать в Москву. Русскими россияне не стали и при Петре I, так, например, в цитате из донесения фельдмаршала Бориса Шереметева, посланного Петру летом 1703 года, вы найдете слова: «...русские мужики к нам неприятны, многое число беглых из Новгорода, и с Валдая, и ото Пскова, и добрее они к шведам, нежели к нам!» О чем это говорит? Да о том, что именно русской веры люди – русские оказывали сопротивление московским оккупантам! К концу XVII века Киевская Русская церковь была уже полностью поглощена, исторические литературные источники уничтожены, книги сожжены. Священники, отказавшиеся признавать главенство Московской Православной церкви – казнены» (Олег Чеславский, «Миф о «русском народе»», <http://obozrevatel.com/blogs/37049-mif-o-russkom-narode/part2.htm>; «Мифы «Третьего Рима»: «русский народ»», <https://informer.net.ua/mify-tretego-rima-russkij-narod-zhurnalist/>, <https://www.liveinternet.ru/users/4798140/post442449397/>).

Да и казаки то называли себя русскими лишь по вере, а не по происхождению, дистанцируясь тем самым от обожающих рабство единоверцев холопов:

«Мнят будто б они (донские казаки) от неких вольных людей, а более от Черкес (Черкас-украинцев, – П.Д.) и Горских народов взялися, и для того считают себя природою не от московских людей, и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть. И по такому их воображению никогда себя московскими не именуют, ниже любят, кто их москалем назовет, и отвечают на то, что «Я де не Москаль, но Русский, и то по Закону и вере Православной, а не по природе» (Александр Ригельман, «История о донских казаках» – Ростов-на-Дону, 1992 г., <http://www.runivers.ru/lib/book4493/53814/>).

Очевидно, русская церковь у славян Хазарии, потомками которых являются казаки, существовала уже задолго до возникновения Киевской Руси:

«В уставе греческого императора Льва Философа (886 – 911 гг.) «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому», на 60-м месте поименована церковь Русская (Ρωσσια), а рядом следующая за ней церковь Аланская» (Евграф Савельев, «История казачества с древнейших времен до конца XVIII века», <http://passion-don.org/history-1/chapter-9.html>);

«Ученые уже давно ставят вопрос о том, что первое упоминание Руси связано именно с Таманским полуостровом. Еще в 6 веке о Роси упоминает Псевдо-Захарий, утверждавший, что на Тамани жил богатырский народ Рос, да и другие историки относили к древним славянам этот народ, локальное поселение которого было определено Северо-западными Кавказскими горами. Росы – богатырский народ, которых «даже кони не могут носить» и бились они в пешем строю, также как и их потомки в 9-10 веках с византийцами. Этимология слова «Рос» созвучна с древнеиранским словом «Ауруса», означающее «белый (вовсе не белый, а огненно яркий, – П.Д.), знатный, благородный», которым они называли воинское сословие. Современные тюрко-язычные народы называют русских – «урусами». Величайшие географы Ал-Хорезми (9 век) и Ал-Идриси (12 век) конкретно говорят, что город РУССИЯ

расположен в 27 арабских милях (53км) от Матрахи (современная Тамань). Этот город находился на месте мощного ГОЛУБИЦКОГО ГОРОДИЩА» («Историческая справка о станции Голубицкой», <http://azov-leto.com/ekskursii/raskopk/>; <http://golubitskoe.ru/index.php/2-uncategorised.html?template=accessibility&limitstart=0>).

Чем меньше у личности самостоятельности в основном виде деятельности, тем вероятнее формирование у нее эмоциональных расстройств

Однако же при отсутствии у человека свободы и личной ответственности мало вероятно также и то, что он сможет самостоятельно как обустроить свою жизнь, так заниматься какой-либо деятельностью. А, как известно:

«...чем меньше у личности самостоятельности в основном виде деятельности, тем больше она склонна и в других сферах жизни ориентироваться на внешние авторитеты, считать окружающий мир враждебным и угрожающим и тем вероятнее формирование у нее эмоциональных расстройств. ... рутинный труд и нетворческое обучение формируют людей, ориентированных на так называемый репродуктивный, нетворческий стиль жизни...» (В.А. Сухарев, «Психология интеллекта // Самостоятельность в принятии решений», <https://psibook.com/books/28/034.html>);

«← Это одна из основных целей финской школы – привить самостоятельность детям с раннего возраста. Там всё на это работает. В старшей школе был интересный момент. Урок математики, на котором ребята самостоятельно выполняли задание, а учительница спокойно ходила между столами, подходя к тем, кто поднимал руку. Время от времени ученики подходили к столу учителя, где лежала открытая тетрадь. Оказалось, что в ней расписаны решения задач. Ответ к задаче есть в учебнике, и если ученик не может получить его, то он подходит к столу и смотрит ход решения, пытаясь найти свою ошибку. Это не только не зазорно, это правильно. Он никому не мешает и знает, где найти помощь... – Главное там – высокая степень доверия и ответственности, равенство и самостоятельность. Причём всё это часть системы, которая выстраивалась годами и работает весьма слаженно. Один из основных принципов – децентрализация. И школы, и учителя очень автономны. Национальное агентство образования выдаёт общий куррикулум, в котором указаны темы для изучения в младшей, средней и старшей школе. Но учитель сам решает, как их распределять и, естественно, как преподавать. На вопрос, чем же финская система отличается от других европейских, нам ответили: дети должны оставаться детьми, т.е. самими собой. Там нет давления и конкуренции, при этом каждому даны возможности для роста...» (Татьяна Швец, «Учить по-фински. Чему может научить украинцев финская школа», https://focus.ua/society/369758/?utm_campaign=web_push&utm_source=628);

«До 10 лет в голландских школах не задают домашнего задания вообще. Для голландцев важно, чтобы время после школы дети тратили на игры, поэтому до 12 лет не бывает экзаменов и тестов. Поэтому дети не боятся плохих оценок и школы. Такой подход исключает соревнования друг с другом. Суть голландской системы образования – дать

ребёнку возможность получить удовольствие от процесса и раскрыть себя. Голландские родители не нанимают репетиторов, если ребенок «не тянет». Они считают, что достижения не всегда ведут к счастью, зато счастье может привести человека к достижениям; что человека и его индивидуальность ни в коем случае нельзя ломать, и ребёнку для ощущения счастья необходимо право выбора... Есть мнение, что голландская система не стимулирует, задавая изначально очень низкий уровень ожиданий. Я считают, что она даёт ребёнку понимание того, что чем больше он работает в школе, тем выше его шансы. А это в первую очередь воспитывает ответственность за собственное будущее» (Наталья Ремиш, «Школа без стресса: как голландское образование делает детей счастливыми», <http://osvitanova.com.ua/posts/739-shkola-bez-stressa-kak-hollandskoe-obrazovanye-delaet-detei-schastlyvymy>).

Чрезмерно эмоциональное (аффективное) и искаженное в ментальном пространстве своего языка восприятие «нелицеприятной действительности», в свою очередь, порождает у несамостоятельной (психически инфантильной) русскоязычной особи не только масонофобию, но и обостренное чувство сопричастности ко всему, а также уверенность и в предназначении русских, – преобразовать и, тем самым, «спасти» этот ныне враждебный им окружающий мир:

«В России вера в историческую миссию не стоит сейчас на повестке дня, но в мышлении русской правой имеется черта, которая представляет серьезную угрозу, – это склонность к паранойе... Психиатр Михаил Буянов пришел к печальному заключению, что хотя масонофобия – род идеологического сумасшествия, для которого характерны разнообразные страхи и крайняя подозрительность, свойственные делирию или, может быть, паранойе, однако оказание помощи здесь невозможно – это за пределами возможностей медицины. Психический тип, тяготеющий к подобным умственным дефектам, всегда существовал и, вероятно, никогда не исчезнет. Нетрудно высмеять фантазии апологетов жидо-масонского заговора, но они – люди веры, рациональные дискуссии с ними бессмысленны: они не воспринимают критический анализ и возражения» (Уолтер Лакер, «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», <https://public.wikireading.ru/31698>; <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/laker-uolter/chernaya-sotnya-proishozhdenie-russkogo-fashizma/3>);

«...если бы свиньи умели голосовать, иронизирует автор «Детей Разума» Орсон Скотт Кард, то мужика с ведром пошла неизменно избирали бы свинопасом, сколько бы свиней он при этом ни заколол. Их не волнуют первые места страны по самым гнусным показателям, проблема утечки мозгов или зависимость благосостояния от цен на газ, зато они пышат ненавистью к либералам, демократам или сторонникам однополых браков...» (Игорь Гарин, «Фашизм и коммунизм» ч. 2., <http://www.proza.ru/2013/10/23/410>);

«Наконец, в большой чести психопаты чуть ли не со справкой, которых большинство россиян просто не распознает. Нераспознанию помогает культ юродства, узаконенной и почитаемой в православии психопатии, которая принимается за особую одухотворенность.

По соседству избрали президентом свинопаса, борца с Европой, к тому же оказавшегося явным параноиком. Он параною отнюдь не прячет, она у него на показ – но это и привлекает. Многие у нас даже завидуют – нам бы такого. Впрочем, свои параноики тоже есть, и в Думе, и особенно в силовых ведомствах. За рубежом (в Страсбурге, к примеру) нашу страну уже стали представлять такие диковинные субъекты, что дух захватывает, и встает вопрос об их душевном здравии, что, впрочем, практически никого не смущает, а наших православных и тем более околоправославных – менее всего» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Томский театр юного зрителя представил в Новосибирске спектакль «История о православном ежике» по одноименному рассказу Майи Кучерской... В «Истории о православном ежике» ежик уговорил свою соседку белочку креститься в речке, заранее зная, что она не умеет плавать, и когда белочка утонула во время крещения, ежик заявил, что это чудесно, потому что белочка умерла православной. И весь лес закричал: «Слава Богу!»...» («В Томском ТЮЗе поставили спектакль о православном ежике, радостно утопившем на крещении белочку», <http://www.newsru.com/cinema/06feb2015/kipodnotsri.html>);

«Украинские друзья недоумевают: «Такая богатая страна, что вам надо в Украине? Зачем губите своих ребят? Неужели не жалко?» Читайте классиков, дорогие друзья, там про нас все написано: и то нам надо, и зачем... «Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера...» – писал Чаадаев. Слышите, братья украинцы: от Берингова пролива до Одера, и никак не меньше. «До Одера», а не «до Волги» или «до Днепра», иначе «не заметят». Поймите, что мы «великие» («человеки-ребёнки», – П.Д.), но сегодня никаких признаков величия, кроме размера территории предъявить не можем, потому в рамках законных границ нам оставаться западло. Такая, видите ли, у нас особенность, ментальность по-научному. Злобные русофобы утверждают, что это болезнь. Называют и диагноз – мегаломания. Для непосвященных сообщаю симптоматику, взятую из учебника психиатрии: «...Болезнь выражается в предельной степени переоценки собственной важности, известности, популярности, богатства, власти, гениальности, политического влияния. Возможно даже «осознание» своего всемогущества... В психиатрии мегаломания рассматривается и в качестве составной части паранойи – мании преследования... может возникать и в виде мании реформаторства (читай: «думское законотворчество»), сутяжничества, религиозных переживаний... Больной считает, что все окружающие негативно к нему относятся...». По-моему, «в яблочко» – все симптомы совпадают. Но вот вопрос – как поступает опытный психиатр, когда больной настаивает на том, что он Наполеон? Правильно, он соглашается. «Да, ваше высочество, – мягко уговаривает врач. – Вы Наполеон...». И больной успокаивается, умиротворяется, позволяет сделать успокаивающий укол, надеть смирительную рубашку. Казалось бы, чего проще? И что бы западным СМИ не прогнуться? Небось, язык не отвалился бы – при упоминании о России промурлыкать эдакие мантры типа «Величайшая из стран, населенная добрейшим и духовнейшим народом, который несет миру высочайшие образцы справедливости и добра. Верующий в истинного Бога...» А если нам еще отвалить поклон в пояс и всем мировым

сообществом хором запеть «Боже, храни Путина!», то мы можем впасть в такое миролюбие, что сами зарыдаем от любви и умиления. Ведь, по большому счету, мы дети. Стоит такой театр недорого, а скольких смертей на поле боя можно было бы избежать?...» (Аркадий Тигай: «За всю тысячелетнюю историю России это первая война, в которой у нас нет союзников», <http://blog.i.ua/user/945445/1647101/>; <https://inforesist.org/molchat-smerdy-posle-poezdki-v-ukrainu-naveyalo/>; <https://antikor.com.ua/articles/31534-inshi-2.-ej-vy-russkie-muhiki-vas-eshche-ne-toshnit-ot-etoj-merzosti>);

«Русские, хотя и отчаялись, что что-либо когда-либо получится, все же твердо верят, что как нация они призваны спасти мир...» (Элизабет Робертс, «Ксенофобский путеводитель по русским», <http://spbgu.ru/index.php?ind=quote&op=similar&qid=1724>);

«Чувство всеобщей связи и сопричастности всему имеет своим следствием то, что спор, который обычно разворачивается на Западе между разными людьми, в России часто происходит в душе одного человека...» (Джеймс Биллингтон, «Икона и топор», <https://www.rulit.me/books/ikona-i-topor-read-418657-6.html>).

Стоит ли тогда удивляться задачам, предлагаемым российским школьникам на олимпиадах по математике:

«В психиатрической больнице есть много сумасшедших и главный врач. В течение недели каждый сумасшедший один раз в день кусал кого-нибудь (возможно и себя). В конце недели оказалось, что у каждого из больных по два укуса, а у главного врача – сто укусов. Сколько сумасшедших в больнице?» («Задача бывает кусачей», <http://izvestia.ru/news/318031>).

И ведь, кроме «кусающихся» (буйных), в русскоязычном примитивном обществе имеется громадное количество и «некусающихся» (спокойных) душевно больных:

«То же, что мы живем безумной, вполне безумной, сумасшедшей жизнью, это не слова, не сравнение, не преувеличение, а самое простое утверждение того, что есть. На днях мне случилось посетить два огромных учреждения душевно больных, и впечатление, которое я вынес, было то, что я видел учреждения, устроенные душевно больными одной общей, повальной формы сумасшествия, для больных разнообразными, не подходящими под общую повальную форму, формами сумасшествия. Так что в сущности есть только одно ясное и понятное деление душевно больных, то, по которому они распределяют больных в больницах, и определяется то или другое обращение с ними. Деление это такое:

- 1) Беспокойные. (Прежде они назывались буйными.)
- 2) Полубеспокойные.
- 3) Спокойные и
- 4) Испытуемые...»

(Лев Толстой, «О безумии», <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/1006/>);

«Минздрав планирует распустить на амбулаторное лечение, т.е. по домам 750.000 «социально неопасных» душевнобольных» (Население России: шокирующая статистика, <http://installsoft.ru/viewtopic.php?f=429&t=6250&st=0&sk=t&sd=a>).

Здесь весьма примечательно и то, что страдающих расстройствами психики русский язык позволяет не считать буквально больными, а сами эти расстройства (неврастению, истерию и др.), не сопровождающиеся, как правило, какой-либо болью, – вообще не рассматривать как заболевания. Возможно, именно, поэтому в русскоязычном примитивном обществе и не уделяется должное внимание этой весьма серьезной проблеме, а психоанализ, вообще, рассматривается им как лжеучение:

«Истеричка говорит своим телом то, что не может быть представлено в языке, создаёт разность между ними, поэтому задачей аналитика является не столько воязыквление тела и концептуализация его конверсионного опыта, сколько в организации встречи плоти и слова и оязычивание всего психического опыта...» (Психоаналитик Дмитрий Ольшанский, «Психоанализ между истиной и страстью // о фильме Дэвида Кроненберга «Опасный метод», http://olshansky.sitecity.ru/ltext_1509015048.phtml?p_ident=ltext_1509015048.p_0603041424).

Авторитарный принцип власти как необходимое условие существования психически инфантильного этноса

Очевидно, и неостребованность обязанности поступать по своей совести (укр. «незатребуваність сумлінності») вызывается акцентированием внимания в русском языке преимущественно на ответственности перед каким-либо реальным или же мнимым обладателем «карающей десницы». Именно этим и объяснима препятствующая формированию гражданского общества подмена чувства гражданского и личного достоинств гордостью за своё убогое государство и манией мнимого русского величия:

«В двадцатом веке мы узнали вполне, что главная выгода, вернее всего достигаемая ценой достоинства – это особого рода безответственность, безответственность убежденная, – то есть ответственность исключительно перед властью с ее идеологией, освобождающая от личного разума и с ним от совести. Совесть сменяется преданностью или/и идеологией, соответственно размышления и колебания – энтузиазмом или его загнившей разновидностью, непробиваемым формализмом. Если святыня личного достоинства предана, святым должно стать то, ради чего им жертвуют; потому раб и в своих святынях – раб, и это в рабской психологии самое на первый взгляд удивительное и самое отталкивающее» (Александр Круглов [Абелев], <http://www.alkruglov.narod.ru/dignity.html>);

«Авторитарный принцип власти в виде навязывания своим гражданам внешней и жестокой дисциплины был необходим также в силу национальной склонности великороссов к анархии. Так что авторитаризм и централизация государственной власти, полагает автор (Ильин, – П.Д.), были не результатом амбиций русских царей, а естественной необходимостью, обусловленной как внутренними, так и внешними причинами. Своего апогея жесткость государственной власти в отношении к собственным гражданам достигала

в критические для страны времена, когда приходилось преодолевать последствия смут, войн, революций, хозяйственно-экономической отсталости...» (Валерий Трофимов, «Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета», http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28028/1/philos_edu_7.pdf);

«Народ, совершенно искренне обожающий тиранов (как собственных, так и чужих), причем, чем они более жестоки и кровавы, тем большей заслуживают симпатии! (Показательно, кстати, уже само прозвание «Иван Грозный». На западные языки оно попросту непереводаемо! Там этого исторического персонажа называют «Иван Ужасный», что, согласитесь, имеет совершенно другой – и куда более адекватный – смысл. Русское же «грозный» выражает вовсе не ужас перед кровопийцей, а уважение и даже восхищение его жестокостью!) Народ даже не просто рабов, ибо рабам все же свойственно хоть иногда мечтать о свободе, но именно холоуев, мечтающих лишь о хорошем хозяине – причем под «хорошим» понимается вовсе не доброта, а как раз наоборот – способность внушать страх как соседям, так и своим («наш-то крут! у него не забалуешь!»), причем эта гордость собственной поротой задницей и битой мордой (какая еще страна измеряет свои военные заслуги размерами понесенных ею потерь?!) сочетается со всегдашней готовностью этого хозяина обмануть и обворовать по мелочи. Это даже не «поработите нас, но накормите», по Достоевскому; это – «поработите нас, а заодно и всех окружающих, чтоб им не повадно было!, а мы ради такого дела и поголодать готовы!»...» (Юрий Нестеренко, «Исход», <http://yun.complife.info/miscell/exodus.htm>);

«Как ни менялись общественные взгляды и воззрения за прошедшие десятилетия, в одном сходились все: в презрении к демократическому премьеру 1917г. «Главноуговаривающий» – в этом уничижительном прозвище целая философия истории. Власть, которая не бьет сапогом по морде, не сечет шпицрутенами, не высылает миллионы людей в Сибирь, а уговаривает, это, конечно, не настоящая власть...» (Яков Лурье, «В краю непуганных идиотов. Книга об Ильфе и Петрове», <http://www.rulit.me/books/v-krayu-nepuganyh-idiotov-kniga-ob-ilfe-i-petrove-read-185426-4.html>);

«Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; не скоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин; барином этим бывает большею частью живой субъект, иногда какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет... теперь, например, мы все к естественным наукам в кабалу записались... Почему, в силу каких резонов мы записываемся в кабалу, это дело темное; такая уж, видно, наша натура. Но главное дело, чтоб был у нас барин. Ну, вот он и есть у нас; это, значит, наш, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское уничижение. Новый барин родился – старого долой!» (Иван Тургенев, «Дым», <http://xwap.me/books/22943/Dym.html?p=8>);

«Свершилось то, чего боялись люди мыслящие: наступает время поворота назад, время реакции. Освобождение крестьян – дело без сомнения великое. Но великость его

заключается еще и в том, что оно полагает начало для других, неизбежных и столь же великих реформ. Без этого оно дело недовершенное. Оставить освобожденные массы без руководства людей развитых, просвещенных и благомыслящих – оставить одних в детском невежестве, а в других поселить недоверие – это великая государственная ошибка» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 5 ноября 1866 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Несмотря на все усилия сверху, народ пока еще воспринимает свободу как несчастье, свалившееся на Россию. На экзамене по русской истории иногда задают такой вопрос: «Кто был опорой царского самодержавия? В смысле – какой социальный слой?». Студенты наперебой кричат: «Дворянство! Чиновничество! Купечество!» Неправильно. «Двойка». Социальной опорой русского самодержавия было крепостное крестьянство. Как же так? Они же горбатились на барщине, платили оброк, жили в курных избах, а бары проигрывали их в карты, женили по своему усмотрению, а иногда и вовсе меняли девок на собак. А вот так. Зато жить им было надежно и спокойно. Три дня на барском поле, три – на своей полоске. В воскресенье – к обедне. В неурожай барин поможет хлебушком. Даст соломы подлатать крышу. А как же – крестьяне же его собственные, потому умирать с голоду и под дождем мокнуть не должны. А что касемо обмена девок на собак – то это ихнее барское право. Ведь сказано же: крестьяне – его собственные. Барину виднее, что с Малашкой делать: то ли с Игнашкой обвенчать, то ли в свой барский гарем зачислить, то ли на борзого Догоня выменять. Барину всяко виднее, а значит, Малашке всяко лучше. По поводу отношений барина и крепостного на Руси (Московской, – П.Д.) существовало прочное согласие мнений. Консенсус, по-теперешнему говоря. Поэтому крестьяне восприняли Великую реформу 1861 года как большое несчастье. Типа насильственной разлуки со строгими, но очень любимыми родителями. Реформу проводили сверху: царь велел, чиновники старались. А народ рыдал по барину-батюшке и барыне-матушке... Наши демократы не очень любят Путина. Однако посмотрим правде в глаза: Путин – не деспот. Не диктатор, не тиран. Не в Путине дело, а в народе. У народа слишком низкий запрос на свободу. В этом вся проблема...» (Денис Драгунский, «Крепостные права человека», <http://www.liberal.ru/articles/429>; http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=218595&PHPSESSID=2b51d80e8ca537a48a745053faf95c61);

«...А наш народ рабский. Абсолютно не уверенный в себе. Когда я уже переехал сюда, я стал замечать, как часто в России говорят «мы великие, мы исключительные». А здесь никто из тех, на ком держится эта страна – я имею в виду, прежде всего, англичан, шотландцев и так далее – так не говорит. Потому что тут комплекс неполноценности русский сказывается. Русскому нужно обязательно прокричать, что он великий. Не попытаться понять, что другие думают о нем, а прокричать, что он сам думает о себе. 150 лет назад в России отменили крепостное право. И когда я учился в школе, нас учили искажению истории, мол, были крестьянские бунты, не было другого выбора. На самом деле это не так. Крестьяне не хотели быть свободными. Они держались за помещика. Сами не умели принимать решения. Такой уклад был для них выгоден. Они боялись принимать решение, потому что не могли за них отвечать. И до сих пор, спустя 150 лет, подавляющее

большинство населения России находится в этом ужасном ментальном состоянии безответственности. Но я оптимист, и считаю, что Россия имеет колоссальный шанс пережить эту смуту, пройти этап превращения раба в свободного человека...» (Борис Березовский, (Борис Березовский, <https://uainfo.org/blognews/513-rossiey-pravit-prestupnaya-grupirovka-berezovskiy-intervyu.html> ; <http://blog.dp.ru/post/1708/>).

Возможно, что этот комплекс неполноценности, от которого русскоязычному населению до сих пор так и не удалось полностью избавиться, был сформирован многовековым высокомерным и презрительным отношением бар к своим лапотным крестьянам. Оно, очевидно, было к ним таким же, как и к домашним животным (крупному рогатому скоту – быдлу). Ведь не случайно же слово «лапоть» происходит от слова «лапа». Да и слово «налапать» – нащупать руками (Владимир Даль) указывает на это же:

«Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа»

(Николай Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо // Пир на весь Мир», http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0320.shtml);

«Крепостной не имел железного инструмента (чтоб барина не ударил). Не имел нормального жилья (чтоб не вольнодумствовал, а страдал и время тратил не на мысли, а на выпрашивание разрешения и материалов на ремонт). Не имел даже нормальной обуви (чтоб не свалил). Знаменитые лапти по сути это своеобразные кандалы, которые не дают пройти больше пары десятков километров, после чего они банально разваливаются. Думаете в России кожи или сапожников для сапог не хватало, раз люди лапти носили? Лапти – это и были кандалы, сапоги крепостным не полагались» (Андрей Шипилов, «Русский крепостной народ и почему протест бесполезен», <https://pontorez.com/node/823>).

Трагические последствия переосмысления русской лексики

К тому же гражданские обязанности (укр. «обов'язки») и материально-финансовые обязательства (укр. «борги») в русском языке выражаются одним и тем же словом «долг», что уже на уровне подсознания русскоязычного человека делает его вечным должником своего государства. Тем самым он становится бесправным заложником бездушного чиновничьего аппарата государства, в то время как украинец несёт свои «громадянські обов'язки» по отношению к громаде (обществу) всей своей страны, а вовсе не к государству.

Но эта же лексическая омонимия и провоцирует бессознательно русскоязычное население к «халатному» выполнению своего гражданского долга. Ведь, как и коррупция (стяжательство, мздоимство), так и невозврат материальных и финансовых долгов (воровство) стали в русскоязычном примитивном обществе вполне допустимыми явлениями (должники часто цинично «прощают» свои долги согражданам и государству):

«Вечной нормой российской жизни считается глупость власти, предательство,

воровство, преследование всего нового, выдающегося, творческого, индивидуального. Исторически стойко существует отрицательный отбор – государством злостно и безапелляционно стимулируется и продвигается плутовство, холуйство, ложь, стяжательство, мздоимство, двуличность, серость» (Юрий Кузнецов, «Канцеракратия», <http://www.og.com.ua/st1656.php> ; <https://studopedia.org/3-165409.html>);

«Изучая английский, мы сталкиваемся с модальными глаголами. В русском же мы имеем дело с модальными словами («должен», «рад», «готов», «обязан»). Вполне естественно, что русскому человеку свойственно долги не возвращать, поскольку слово «должен» глаголом не является и, стало быть, действия не подразумевает» (Евгений Лукин, «Манифест партии национал-лингвистов», <https://www.rulit.me/books/zapiski-nacional-lingvista-read-499904-2.html>);

«Заем денег – слишком обычный у русских способ добывать средства к жизни, чтобы один русский мог по этому поводу упрекать другого» (Фридрих Энгельс, цит. по кн.: Ф. Меринг, «Карл Маркс. История его жизни», http://sbiblio.com/biblio/archive/mering_karl/09.aspx);

«Фонвизин в своей Грамматике на вопрос – какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени? Отвечает: «Глагол быть должным и более всего в настоящем времени, в прошедшем весьма редко, ибо никто долгов своих не платит, а в будущем спряжение глагола не употребительно, ибо само собой разумеется, что всякий в долгу будет, коли не есть». Другое дело – подарить, отпустить долг. Кто-то говорил: Зачем стыдиться бедности? Бедность не порок! Нет, возразил другой, а хуже. Хорошо так порочить бедность, но долгов своих никто не стыдится, следовательно, и прощать нечего» (князь Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

К тому же слово «долг» ассоциируется в подсознании русскоязычного человека со словом «долго», что бессознательно и провоцирует его долго не отдавать свои долги, а заимодавца – рассчитывать лишь на долгожданный их возврат:

«Мое безделье будет долгим,
Еще до края я не дожил,
А те, кто жизнь считает долгом,
Пусть объяснят, кому я должен»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>).

Когда же заемщик говорит: «Верь мне, верну скоро тебе одолженное», то это «заклинание» невольно завораживает подсознание заемщика, так как лексема «верну», ассоциируется отнюдь не с лексемой «возвращу», а с лексемами «верность» и «верный».

В связи с этим, чего только стоит и холуйское подобострастно вежливое «чего изволите?», означающее для сознания «чего пожелаете?», а для подсознания «что повелите?» (др.-киев. «изволити» – избрать; от «во́ля», «велéть», – Фасмер):

«Извольте заплатить мне то, что вы изволили мне проиграть». «Берите, отвечает с досадою наказанный игрок, но знайте, что я проиграл и плачу вам не из воли, а против воли». Глаголы изволить и пожаловать – за душу тянут. Можно ли видеть барина? – спрашивает заимодавец у швейцара, отгадывающего заимодавцев чутьем. – Барин изволит почивать, а пожалуйте в другой раз» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

С другой стороны:

«В России вместо прежнего «извините» или «прошу извинения» недавно появилась новая формула: «Извиняюсь». В ней нет скромного обращения к чужой воле: она констатирует факт, осуществляющийся в моей индивидуальности, вроде выражений «моюсь, причесываюсь». Поразительно, как охотно была подхвачена эта форма извинения всеми, и даже интеллигенцией... Глубокое и всепроникающее влияние гордости и самолюбия на все стороны душевной жизни дает право считать их стоящими во главе всех пороков. Понятно поэтому восхваление смирения в христианской этике; но, конечно, не следует смешивать подлинное смирение с тем извращением его, о котором говорится: «Унижение паче гордости» (Николай Лосский, «Условие абсолютного добра // Основы этики», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-177378.html?page=7>);

«ГОРДОСТЬ. Мы привыкли произносить это слово с положительным оттенком. Под гордостью понимаем самоуважение, сохранение человеческого достоинства, невозможность унижаться. Мы противопоставляем гордость рабской покорности, беспринципности, слабости характера – когда человек готов унижаться из страха, желания что-то получить... В общем, гордость мы воспринимаем отчасти как торжество духа над плотью, осознания ценности собственной личности. «Человек – это звучит гордо» внушали нам с детства. Некоторые из нас приняли негативный смысл слова «гордыня», четко, впрочем, отделив его от слова «гордость». «Гордость» – хорошо, «гордыня» – плохо. Но что же означает слово «гордость» на самом деле? Вот, что приведено в словаре синонимов: горделивость, гордыня, высокомерие, заносчивость, (само)надменность, самодовольствие, кичливость, претенциозность, спесь, жир, тщеславие, чванство, самолюбие, обидчивость, амбиция, властолюбие, гонор, (само)мнение (высокое); высокоумудрие, высокомыслие, высокоумие, шовинизм, фанаберии, достоинство, страсть к похвалам, суетность; знаки отличия, богатство, высокий род; звездная болезнь, жемчужина, мания величия, краса, чванливость, украшение, чванность, фанаберия, чувство собственного достоинства, честь, предмет гордости, самоуважение, высокомерность, барственность, барство, напыщенность, эгоизм, надутость, форс, спесивость, важность. В качестве антонимов приводятся такие слова: скромность, смирение. Так почему же «гордыня» и «гордость» разные слова, и чем они отличаются друг от друга? Или одно из них просто, как думают многие, устаревшее, «церковное» произношение? Все не так просто. «Гордыня» – это форма того же самого слова, означающая воплощение, олицетворение явления. Такие формы есть и у других слов, но до нашего времени дошли лишь некоторые из них: пустыня – место, где царит пустота. Святыня – предмет или место, наполненное святостью. Имя Добрыня означает, что человек,

носящий его – живое воплощение добра... Таким образом, гордость – это духовный порок, а гордыня – максимальная стадия воплощение этого порока в человеке» («Слова-оборотни», <http://www.myjulia.ru/post/540595/>);

«Русский язык придает негативный оттенок слову «пустота». Если я кому-то говорю, что он «пустой человек», я наношу ему оскорбление. Когда говорят: «содержательный человек», – это означает похвалу. Теперь я перекину знаки. «Содержательный человек» – это конченный человек. Почему? Потому что он переполнен разными содержаниями, он, как заставленная комната, в которой есть все, но нет человека. У содержательного человека нет возможности прийти к себе. Чтобы стать пустым, нужно опустошиться. У пустого человека есть шанс встретиться с собой. Т.е. пустой человек – это человек, который имеет возможность заговорить от своего имени. Но то же самое происходит со словом «цельный». Когда говорят «цельный человек», «не разбрасывающийся человек», «сосредоточенный человек», собранный человек, тот, кто идет к цели и не отвлекается налево и направо, говорят о замечательном человеке. Я придаю другой смысл этому слову. Цельный человек – это жесткий человек, опасный, холодный, злой человек, который пройдет по трупам и не поморщится. А человек сомневающийся, «а прав ли я», немножко шизующий приобретает позитивный смысл. Поэтому говорить о том, что предмет русской философии является «цельный человек», я бы не стал...» (Фёдор Гиренок, «Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними», <http://fedorgirenok.narod.ru/stenogramma.htm>);

«Слово «нрав» в современном языке имеет два значения: а) Характер. Крутой нрав. Добрый нрав. б) Обычай, уклад. Старинные нравы. Слово «норов» раньше имело те же значения, но затем пути этих слов разошлись. В настоящий момент «норов» имеет следующие значения: А) Нрав, обычай (стар.). «Что город, то норов». Б) Упрямство, характер с причудами (прост.): Человек с норовом. Укроти свой норов! Интересно происхождение этих слов (др.-рус. «норовъ» и ст.-сл «нрав»). Они относятся к общеславянской лексике, а в их основе лежит значение «желать, хотеть, проявлять силу, способность к сопротивлению». В 15 веке отмечается слово «норовити» – делать послабление, угождать кому-либо. И современное слово «нравиться» относится к предметам, которые угождают нашему вкусу, располагают к себе... Норовить – настойчиво стремиться к чему-либо, добиться чего-либо (идет как отрицательное значение). Норовит все сделать по-своему... В этом их различия (делать по-своему, для холопского русскоязычного общества, конечно же, абсолютно неприемлемо, – П.Д.)» («Нрав и норов», <https://rus.stackexchange.com/questions/30967/Нрав-и-норов/30968#30968>).

За вроде бы безобидными русским словом «худой» (тощий, прохудившийся) скрывается, на самом деле, тоже негативный смысл – «злой», «сердитый». Но даже и безобидный смысл этого слова несет негативную энергетику для слова «художественный». Не потому ли слово «художество» часто произносится с негативно-ироническим оттенком, а большинство советских «художественных фильмов» имели качество лубочных картин?

А ведь и многие другие слова, имеющие положительный нравственный смысл (умник,

умничать; мудрец, мудрствовать, мудрён; делец, делега, деловой; ушлый), в русском языке тоже обладают дополнительным негативным нравственным оттенком. А, следовательно, они имеют и амбивалентную оценочную коннотацию. И этот негативный оттенок, очевидно, вызван выработанной веками в русскоязычном примитивном обществе подспудной завистью ко всем тем, кто обладает незаурядными способностями а, тем самым, – и бессознательной нелюбовью (недолюбливанием), а то даже и вполне сознательным презрением их:

«Тот мудрен, у кого карман ядрен» (Владимир Даль, «Пословицы русского народа», <http://vdahl.ru/тот-мудрен-у-кого-карман-ядрен/>);

«В русском языке есть малопонятное слово "ушлый". Более старые словари толкуют, что "ушлый" – это мастер своего дела, дока; опытный, знающий, поднаторевший, битый, смышлённый, бывалый, хитрый. Новые толкователи больше склоняются в сторону хитрости и обмана: это хитрован, плут, обманщик и мошенник. Виной этому странная (и бездоказательная) этимология, связавшая слово "ушлый" со словом "ушедший". То есть "ушлый" – это тот, кто умудрился уйти (избежать чего-то) с помощью плутовства и хитрости. Ответственно заявляю: слово "ушлый" не имеет ни малейшего отношения к слову "ушедший". Слово пришло в русский с тюркской стороны:

"us" (искусный; думать)

"usla" (понимать, разуметь)

"uzluγ" (опытный, ловкий)

"uzluq" (мастерство, умение, ловкость).

Из чего следует, что более старые толкования были более точными: ушлый – это, прежде всего, мастер своего дела. Буквально: умелец, понимающий, разумеющий, смышлённый. А хитрость – всего лишь частный случай понимания. Который был заложен в исходный для древнетюркских слов древнееврейский корень "аса" (אשׂא – делать, создавать, творить, изготавливать, осуществлять; суметь сделать, исхитриться; руководить, управлять, заведовать, стоять во главе, сопутствовать)» («Ушлый», <https://moya-lepta.livejournal.com/52863.htm>);

«Носители русского языка старшего и среднего поколения, среди которых был проведен опрос, однозначно характеризуют прилагательное "ушлый" как слово, имеющее отрицательную оценку. Большинство молодых людей в возрасте от 19 до 23 лет тоже считают это прилагательное неодобрительным. Так, например, на вопрос анкеты «Какого человека, на Ваш взгляд, можно назвать ушлым?» были получены следующие ответы студентов: нечистого на руку, хитрого, нечестного; с виду суетливого, но способного добиться своей не всегда честной цели; «бывалого» (в плохом смысле) человека; ловкого, умеющего приспособиться к любой ситуации (который выкрутится из любой проблемной ситуации); нахрапистого, боевого, не всегда корректного, между тем любыми средствами достигающего цели; так можно назвать человека, бесцеремонно шокирующего очередь, встающего перед всеми; ловкого, готового пойти на любые ухищрения для достижения не всегда благородных целей... Прилагательное чаще выступает как неодобрительное, о чем свидетельствуют семантика и оценочность сочетающихся с ним прилагательных и

существительных: «Пока Комаров следил за Зиной, он успел составить о ней четкое представление: баба молодая, но ушлая и наглая» (П. Акимов. «Плата за страх», 2000)... В работах как западных лингвистов, так и отечественных обычно отмечаются такие черты русского национального характера, как эмоциональность, тенденция к крайностям, склонность к «морализаторству» и фатализму, ощущение непредсказуемости жизни и невозможности ее контролировать...» (Тамара Буданова, Елена Зиновьева, «"Ушлый" в русской языковой картине мира», <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/56654488.pdf>);

«Слово «делец» в современном языке обозначает: «предприимчивый человек, преследующий только практические цели (преимущественно коммерческие), погруженный всецело в практические интересы». Это слово имеет несколько пренебрежительную окраску (ср.: «темный делец», «биржевой делец»). Это значение сложилось у слова «делец» не ранее 40–50-х годов XIX в. Оно было связано с ростом капитализма, с развитием промышленной буржуазии, с распространением типа буржуазных аферистов... В русском литературном языке средневековья слово «делец» употреблялось в значении: «участник какого-нибудь дела, человек, имеющий отношение, касательство к какому-нибудь делу». Это значение в словаре 1847г. признается старинным и иллюстрируется примерами из «Книжного Устава»: «А будет которой пристав кого взымет в заповедном деле явно дельца» (сл. 1867–1868, 1, с. 803). Так как слово «дело» особенно крепко срослось со сферой государственного управления и делопроизводства, то слово «делец», по-видимому, не позднее XVII – начала XVIII в., получило еще значение: «человек, знающий законы и приказные дела». В этом значении слово «делец» употреблялось Карамзиным в «Истории Государства Российского». В записках кн. Ю.В. Долгорукова (1740–1830): «больше говорун, нежели делец» (Русская старина, 1889, сентябрь, с. 510)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/delez.html>).

Как видим, деловых людей перестали уважать в России лишь с зарождением капитализма, и это неуважение законсервировалось русским языком в примитивном обществе настолько, что не смогло исчезнуть даже и в советское время, да так и продолжает и ныне процветать. Однако же психически инфантильные россияне всегда боялись брать на себя ответственность, связанную с выполнением какого-либо дела, и поэтому-то предпочитали уклоняться от любых и, в том числе, и от крайне необходимых для них дел:

«Каждое русское дело непременно должно или быть не по силам тем, кто его предпринимает, или же окончиться неудачей вследствие апатии людей, ради которых оно предпринято» (Георг Бранде, цит. по: Вольдемар Балязин, «Неофициальная история России», <http://booksonline.com.ua/view.php?book=43686>);

«...Страх на нас действует, только заставляя нас плакаться и звать о помощи, но отнюдь не делать дело, которого мы боимся пуще всего на свете. ... Граждане Н решили пожарный вопрос очень просто: взяли и обратились в Петербург с такою приблизительно просьбой: «Так как мы. Мол, погорели, а впредь гореть не желаем, то и снабдите нас своей пожарной командой, хотя на лето; благо к тому же наедут к нам ваши дачники». – Отписали

в таком роде и, полагать надобно, успокоились: «Мы-де свое дело сделали, а там как себе знаете – сгорим, так вам же грех будет» (Николай Лесков, «Пожары», https://imwerden.de/pdf/leskov_chestnoe_slovo_1988.pdf).

Не имеющее плохого смысла древнекиевское слово «пошьль», означающее старинный, исконный, прежний, обычный, под влиянием латинского слова «vulgaris», означающего тоже обычный, приобрело в русском языке весьма негативный смысл – «пошлый»:

«В конце XVII в. – начале XVIII в. – в связи с переоценкой старины, древнерусских традиций слово «пошлый» приобретает отрицательный оттенок. В нем складывается новое значение: «низкий качеством, весьма обыкновенный, маловажный». В.К. Третьяковский доносил в своем рапорте: «Здесь семинаристы имеют пошлые познания в латинском языке». А.А. Потебня указывал: «Соврем. литер. русск. «пошлый» значит «тривиальный, постыло-обычный»; слово это знаменует разрыв общества с допетровским преданием, ибо в старинном языке до XVII века включительно «пошлое» – «то, что пошло, повелось, а потому входящее в нормальный строй жизни, освященное ею, освященное и в этом смысле безупречное...» (Потебня, Из зап. по русск. грам., ч. 1 – 2, с. 238)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/poshlij.html>).

«Часть слов литературного языка этимологически затемнилась вследствие утраты первоначальных наглядных значений. Последние открываются нам путем изучения истории и диалектов языка. Так, мы употребляем слова «вздор» и «чепуха» только в отвлеченном смысле. Слово «вздор» с конкретным значением «сор» (собственно, то, что разорвано, оторвано) мы находим в сочинении Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Марамонда» (М., 1781, ч. 1, 104): «В Египте народ гораздо нечист, и всякий вздор на улицу бросают». Первоначальное значение слова «здор» (раздражение) объясняется из выражения плотников: строгать в задор – строгать дерево или доски по направлению от вершины к комлю, причем дерево задирается. Слово «чепуха» в первоначальном значении «мягкие части чего-нибудь разбитого» мы узнаем из словоупотребления Ломоносова, писавшего «Льды от ветру в чепуху разбиваются» («Краткое описание путешествия по северным морям», 1854, 55)» (Василий Чернышев, «Темные слова в русском языке», Избр. Труды, Т. 1, М.: 1970, с. 303–317, <http://www.philology.ru/linguistics2/chernyshev-70.htm>).

«Помню, как, видя часто с крыльца своего колокольню церкви Казанской Богоматери, все на ней колокола и звонаря благовестящего, я решился на крыльце устроить такую же колокольню. Из чего она состояла? Из разбитых бутылок, разных черепков, гвоздей, пуговиц и всякого звенящего вздора...» (Николай Ильинский, «Воспоминания моей жизни» // Русск. архив, 1879, кн.3, вып.12, с. 380–387, <http://www.booksite.ru/recollection/01.htm>).

Из современного же русского языка слово «вздор» (в прежнем его смысле) вытеснено угро-финнизмом «сор» (венг. «sár» – грязь), и оно стало обозначать в нем лишь «пустяки, пустые слова, нелепость, бессмыслицу». Необладающее же негативной коннотацией слово

«грязь» – «разрыхленная, размякшая от воды земля, почва» вытеснило из обихода обладающее негативной коннотацией слово «бруд» (зап., южн., укр., блр.; ср. польск., чеш., в.-луж. «brud», н.-луж. «bruda» – «нечистоты, грязь», – Фасмер). И поэтому-то, ни грязный образ жизни, ни грязные помыслы не вызывают у русскоязычного человека ни бессознательных реакций их отторжения, ни угрызений совести.

Да ведь же и слово «угоразживать», означавшее ранее «побудить, настроить, наустить, научить» (Даль), изменило свою положительную коннотацию (укр. «гаразд» – «хорошо, славно, удачно») на сугубо негативную и стало теперь означать – «побудить кого-нибудь сделать, устроить что-нибудь (обычно нелепое, несуразное, ненужное, – Ушаков)»:

«И угораздило это вас, батенька, в Тулу с своим самоваром приехать!» (Лейкин); «Да как же это, в самом деле, жениться-то его угораздило?» (Мельников-Печерский), «Угораздила меня нелегкая» поговорка» (<https://slovar.wikireading.ru/3659991>).

Украинское слово «припадок», означающее, как и слово «випадок», всего лишь случай, тоже приобрело в русском новоязе негативную коннотацию укр. слова «напад» (нападение, приступ, припадок), после чего этот извращенный русизм проник и в литературный украинский язык с таким же негативным смыслом. В отличие от русизма «припадочный» исконно украинское слово «припадливий», как и синонимичное ему слово «низинний», означает всего лишь низменный и вовсе не несёт свойственного этим русским словам негативного смысла.

Очень большое количество русских слов с весьма негативным извращенным смыслом образовано из славянизмов, не вызывающих в подсознании совестных актов и других бессознательных побуждений к недопущению скверного, жестокого и даже преступного поведения русскоязычного людишки. Стоит лишь обратить внимание на прежний смысл хотя бы некоторых из этих не имевших изначально негативной коннотации славянизмов, и сразу же становится ясно, почему русскоязычное население так успешно усыпило свою совесть и имеет из-за этого чрезвычайно скверную репутацию:

«...разврат – всего лишь разворот; мразь – всего лишь мороз; изверг – «мертворожденный ребенок»; дебил, дебелий – грубый; блядение – всего лишь сквернословие; ревновать – миловать; глумление – всего лишь раздражение; кощунство – шутка; порок – подозрение; пакость – «помеха, препятствие»; взыскание – искание; отвращение – отвергание; обличать – «объявлять, упоминать»; смущаться – тревожиться; вред – всего лишь нарушение; вина – причина...» (Лаврентий Зизаний, «Лексис», <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>);

«...«Глумление» произошло от слова «глум». Глум это шум. И второе значение: забава. Отсюда «глумец» – скоморох. Глумиться это значит забавляться издевательством над кем-либо, «тешиться». При этом сам глумящийся тоже втягивается в издевательское действие. Он шут, потешный скоморох. Однако само слово «глумление» очень строгое, красивое и благородное (фонетически). Отсюда его частое использование в высоком штиле благородного негодования: «Мы никому не позволим глумиться над...» В результате в акте глумления есть высшее отстранение: это что-то отвратительное, но одновременно строгое и

серьёзное. Трагическое и обречённое. «Глумление» это очень хорошее, тонкое слово. Такие слова непередаваемы, и в них раскрывается (уродливая, – П.Д.) национальная сущность...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«В древнерусском языке пошлаина – это старинный обычай, буквально – «что пошло есть», то есть повелось искони. Пошлый же означало «старинный, исстари ведущийся», «прежний, обычный». Однако в петровскую эпоху слово «пошлость» приобрело отрицательный оттенок и, как следствие, новое значение. Если в Московской Руси пошлое (то, что пошло, повелось) воспринималось как освященное традицией и потому безупречное, то теперь пошлое – это отжившее, безнадежно устаревшее. Например, «пошлые познания» – познания, отставшие от жизни. Спустя столетие значение слова совершило новый виток в своем развитии: в XIX веке пошлый – это «обыкновенный, заурядный, тривиальный, банальный». Тогда же образовалось существительное «пошлость» и целое семейство производных: пошляк, пошлятина, испошлиться, опошлиться. Во второй половине этого столетия в недрах слова забрезжил новый оттенок: пошлость – не просто банальность, а банальность совершенно «избитая», «затертая до дыр»; пошлый – не просто общеизвестный, а набивший оскомину. «Нет такой идеи, такого факта, которого бы нельзя было опошлить и представить в смешном виде», – писал Достоевский. В романо-германских языках этому значению «пошлости» соответствует слово «вульгарный», в смысле «простонародный», то есть то, что противостоит аристократическому, благородному, высокому. К началу XX столетия значение «безвкусный, избитый, тривиальный» становится уже второстепенным, а основным – «низкопробный в духовном отношении, чуждый высших интересов и запросов». Позднее Владимир Набоков в лекции «Пошляки и пошлость» напишет: «У русских есть, вернее, было специальное название для самодовольного величественного мещанства – пошлость. Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность». Классические примеры этой пошлости: цветочки на обоях, ангелочки или амурчики на открытках... Кстати, именно в этом значении русская «пошлость» непередаваема на другие языки. Кажется, с подачи Набокова на Западе так и пишут – *poshlost*. К нашему времени ситуация опять изменилась: сегодня пошлость – это нечто непристойное, сальность, скабрёзность. Однако для того, чтобы понимать наших классиков, нужно помнить и прежние значения этого слова: «банальность» и «бездуховность»...» (Сергей Цветков, «Многолика пошлость», http://zaist.ru/news/slova/mnogolikaya_poshlost/).

Слово «досужий» тоже ведь ранее обладало лишь позитивной коннотацией:

«Досужий, умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела или мастер на все руки. У милостивого мужа всегда жена досужа. Жена досужа добра и без мужа. Досужестъ жен. досужество, досужество; ср. свойство досужего; умение; ловкость, способность к делу, к мастерству...» (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка»);

«...досу́г, ...досу́жий, блр. «досу́жы» – «проворный, заботливый», укр. «досу́гий» «пожилой, крепкий»... Ср. еще др.-русс. «просу́гъ» – «возможность, способность»

(Домостр. К. 13), сербохорв. «досег» – граница, русск. «досяга́ть»...» (Этимологический словарь Фасмера).

После же переосмысления холопами слова «досуг» в свободное от работы время (укр. «дозвілля») оно стало обладать преимущественно негативной коннотацией:

«...досу́жий прил. 1. Не занятый работой или каким-либо делом; праздный; 2. разг. Вызванный праздностью, бездельем; пустой, бесполезный» (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой).

Обладающее же негативной коннотацией украинское слово «лихий» – «злой, плохой» первоначально и в русском языке имело негативный смысл:

«Россия, это – бесконечный мир разнообразий, мир неприютный и терпеливый, совершенно темный, а в темноте этой блуждают волки... дикое темное поле и среди него гуляет лихой человек... ничего в России так не нужно, как власть; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодьбе пустынной» (Константин Победоносцев, в ст.: Василия Розанова, «На смерть Победоносцева», <https://ahilla.ru/on-ne-doveryal-ni-narodu-ni-strane-ni-svoemu-pokoleniyu/>;

«Высказывания Константина Петровича Победоносцева», http://vavilon-plen.ru/publ/3_vavilonskij_plen/vyskazyvaniya_o_revolyucii/vyskazyvaniya/24-1-0-248).

Однако позже в этом «Великом Лицемере и Могучем Душегубе» слово «лихой» все же приобрело позитивную коннотацию – смелый, удалой:

«В Словаре Академии: лихой и злой имеют невыгодное значение. В дополнениях к нему должно бы прибавить, что на языке офицерском имеют они совершенно иное. «Посмотрите на молодого гусара N.N. – чудо на лошади! Как лихо ездит и зло одевается!» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

Не потому ли все то, что для других – хорошо, для русских – плохо? И, наоборот, все, что для других – плохо, для них – хорошо? В славянской языковой картине мира прибывших в Восточную Европу с юга сарматских племен (аланов-торков, готов и других славяноязычных потомков жунов и юэчжийцев) многочисленные притоки рек, называющиеся и сейчас Десна (десница – «правая рука»), были, конечно же, правыми притоками. В русской же языковой картине мира потомков туранцев (финно-угров и половцев) они стали, наоборот, левыми притоками. И как тут не вспомнить слова из песни Игоря Талькова:

«Покажите мне такую страну, где каждый обманут,
Где назад – означает вперед, и наоборот.
Не вращайте глобус, вы не найдете,
На планете Земля стран таких не отыскать,
Кроме той роковой, в которой вы все не живете,
Не живете, потому что нельзя это жизнью назвать...»

(Игорь Тальков, «Глобус», <http://pesni.voskres.ru/songs/talko05.htm>).

Поэтому-то, вполне привычными для русскоязычного человека являются не только неоднозначность наречия «вперед», означающего, как «прежде», так и «после» (Владимир Даль, <http://dal.sci-lib.com/word003780.html>), но и тождественность смысла слов «исходный» и «начальный», несмотря на соответствие слова «исход» вовсе не началу а, наоборот, завершению чего-либо («плачевный исход» – неудачное завершение чего-либо). И, ведь, не зря же в извращенной русской ЯКМ вовсе не исходят из истоков чего-либо а, наоборот, восходят к ним:

«Слово «пельмени» восходит к финно-угорскому «пельнянь», что на русский переводится как «хлебное ухо»...» (Mika Meskanen, «Баня, водка, гармонь и лосось», <http://www.geo.ru/puteshestviya/banya-vodka-garmon-i-losos?page=7>).

Конечно же, не стоит удивляться и тому, что:

«В России всегда находится «куда» даже тогда, когда хуже некуда» (Александр Арефьев, «Мудрость с улыбкой», http://samlib.ru/a/arefxew_a_w/mudrostxsulybkojtom2.shtml).

Ведь для привыкших к нищете холопов (челядишек):

«...хуже может быть всегда – и даже тогда, когда кажется, что хуже уж некуда» (Олег Боровских, «Записки БОМЖа: хуже – может быть всегда», <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=5&id=11110>).

Неписанный закон русской жизни: «жить хорошо – плохо, а жить плохо – хорошо»

Вместо выражения «зло одеваться» в русском языке все же закрепилось выражение «нарядно одеваться». Однако же, так как слова «нарядный» и «рядовой» (обычный) имеют общую внутреннюю форму, то для подсознания русскоязычного людишки слово «нарядно», вовсе, и не означает ничего необычного и привлекательного. Поэтому-то, в отличие от украинцев, рядовые русскоязычные люди (простолюдины, челядишки) и не стремились никогда ни нарядно одеваться, ни уютно и «нарядно» (укр. «ошатно», «чепурно») обустроить свой быт:

«Специально обращает внимание Коль на жилищные условия и быт, указывая, что украинцы «живут в чисто содержимых домах, улыбающихся тебе. Они не довольствуются тем, что каждую неделю их моют, как это делают голландцы, но еще каждые две недели их белят. Поэтому их дома выглядят белыми, как будто свежееотбеленное полотно». В другом месте пишет о домах возле Одессы: «Я был очень мило удивлен внутренним обустройством, внешне так мало обещающего дома. Только и жить бы в этой нарядной (укр. «чепурной») светлице. На улице было очень жарко, а тут мило и прохладно. Воздух был хороший, свежий и душистый. Земля была покрыта травой, а на стенах зелье – всё было чистое и нарядное. Я могу в этом похвалить украинцев, если сравнивать их с поляками и москалями». Говоря, что в украинских городах много цветников по дворам, добавляет: «В воскресенье идут девушки на эти огороды, рвут величественные цветы и украшаются цветами (укр. «заквітчуються»), будто княгини. И ведь эти украинские стройные девушки так очень любят цветы, что и в

будни во время работы украшаются цветами и тогда уподобляются жрекине Флоре...» (Йоганн Георг Коль – учёный и путешественник, основоположник антропогеографии, цит. по: Владимир Сичинский, «Чужеземцы об Украине», <http://zounb.zp.ua/resource/scarbnicya/chuzhinci/indexf.html>; <http://ukrlife.org/main/prosvita/sichinsky.html>);

«Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляет поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно – въ послѣдней мало того, что составляет сущность, силу и достоинство первой. Великоруссъ мало любитъ природу; у поселянина вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые найдутся почти при каждомъ дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великоруссъ питаетъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но всѣ почти плодовые, заводятся съ коммерческою цѣлію; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ бесполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, впивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные расчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случилось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно – однимъ по опыту, другимъ – по слуху, хорошій тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Малороссіяне почти во всѣмъ отличаются отъ русскихъ: говор ихъ совершенно особый, одежда также отличается кроємъ, женщины носятъ плахты, повязки особаго рода, любятъ украшаться различными привесками и цветами, на шею много носятъ бисера и тому подобных ожерельевъ: любимые цвета на платкахъ и платьяхъ яркие и пестрые: зимнюю одежду в целомъ: серый халат и овечій тулуп; избы ихъ вообще все белыя, мажутся внутри и снаружи меломъ с частью красной глины. Места, где ставятся образа, разрисовываются разными пестрыми полосами; полы больше земляныя, но всегда сухія; вообще опрятность в избахъ у нихъ соблюдается во всемъ: приготовленіе пищи делается утромъ и вечеромъ и часто, тому, кто приедетъ после обеда, уже нечего поестъ, кроме хлеба, хлебъ преимущественно любятъ пшеничный, или смешанный с ячменной мукой и одна нужда заставляетъ есть ржаной; свиное

сало есть уже лакомый кусок; бани решительно исключены из их жизни. Русские, в домашнем быту, редко соблюдают чистоту и даже живут вместе с животными, от чего смрад и отвратительный запах всегда существует в их жилищах, особенно с началом холода; посуды вообще бывает в хозяйстве мало и та вся запачканная» (Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Издаваемое по высочайшему повелѣнію при 1-мъ Отдѣленіи Департамента Генеральнаго Штаба. Томъ XIII. Часть 2. Воронежская губернія, 1850 г., с.34, цит. по: Юрий Гарматный, «Никогда мы не были братьями», <https://garmatny.blogspot.com/2018/06/1850.html>);

«Стоит только вспомнить деревни малороссийские и великорусские, черную, курную избу орловского или курского мужика и малороссийские хутора. Там опаленная застреха и голый серый взлобок вокруг черной полураскрытой избы, – здесь цветущая сирень и вишня около белой хаты под густым покровом соломы, чисто уложенной в щетку. Крестьяне малорусские лучше одеты и лучше едят, чем великороссы. Лаптей в Малороссии не знают, а носят кожаные чоботы; плуг возят здесь двумя, тремя парами волов, а не одною клячонкою, едва таскающею свои собственные ноги. И при этом, однако, еще малороссийский крестьянин гораздо ленивее великорусского и более его сибарит: он любит спать в просе, ему необходим клуб в корчме, он «не уважает» одну горелку, а «потягае сливняк и запеканку, яку и пан пье», его девушка целую зиму изображает собою своего рода прядущую Омфалу, а он вздыхает у ее ног. Она прядет с комфортом не у скарёдного дымящего светца, в который воткнута лучина, а у вымоканной жидом свечки, которую приносит девушке вежливый парубок и сам тут же сидит вечер у ног своей Омфалы. Это уже люди, которым доступны и нужны душевные нежности. По совести говоря, не надо быть особенно зорким и особенно сильным в обобщениях и сравнениях, чтобы не видеть, что малороссийский крестьянин среднего достатка живет лучше, достаточнее и приятнее соответственного положения крестьянина в большинстве мест великой России» (Николай Лесков, «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу», <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>);

«За Белгородом начинаются малороссийские села. «Как я люблю их, с шоколатными кровлями, что за прелесть эти белые хаты в тени зеленых развесистых деревьев, рассыпанные по склону горы. Видно с первого взгляда, что обитатель их в дружбе с природою, что он любит свой домашний кров и не покидает его без крайней нужды. Совсем не то в Великой России; деревца вы не увидите часто подле избы, и редко сидит дома заботливый хозяин; он спешит с промысла на промысел. У него изба – только ночлег...» Малоросиянина не беспокоит жадность москаля; он счастлив внутри своей хаты под черёмухою. Впрочем, и москаль не родился плутом, а сделан и сделался (после усвоения быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.)» (Историк Михаил Погодин, «Дневник», <http://litread.me/pages/563838/587000-588000?page=8>; https://imwerden.de/pdf/pogodin_izbrannye_trudy_2010_text.pdf; Дамир Соловьев, «Русские писатели и публицисты о русском народе», <https://pda.litres.ru/damir-solovev/russkie-pisateli-i-publicisty-o-russkom-narode/chitat-onlayn/page-3/>);

«Независимо от этой глубокой политики, в великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Великороссийская деревня – это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют. А деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на отлете часовню и кабачок, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы. В Малороссии совсем не то. Там деревня и даже город укрыли свои белые приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов. Там бедный неулыбающийся мужик окутал себя великолепною вечно улыбающеюся природою и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование. О моя бедная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоим живительным, сладким воздухом? Милосердый Бог – моя нетленная надежда...» (Тарас Шевченко, «Щоденник / Дневник», 14 июля 1857 г., <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=15370&page=11>; http://imwerden.de/pdf/shevchenko_dnevnik_academia_1931_text.pdf);

«Душа раба оподлена; не принадлежа самому себе, он не имеет интереса о себе заботиться и живет в грязи и нечистоте... Это жилец, который запускает не принадлежащую ему квартиру... Невозможно любить родину, которая вас не любит...» (Дени Дидро, французский философ, «Замечания на Наказ ее императорского величества депутатам комиссии по составлению законов», Собр. соч. Т.10. С.442, <http://russiahistory.ru/avtory/didro/>)

Поэтому-то и вполне закономерны как упадническое настроение, так и безвольное поведение психически инфантильных русскоязычных идеалистов и мечтателей:

«Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудия для дела. И до сих пор остаются так же пустынно, грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашей крышею, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге; и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный почтовый смотритель с черствым ответом: «Нет лошадей»... Отчего это? Кто виноват? Мы или правительство?» (Николай Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями // Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»», <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1889>);

«Если искусство зависит от окружающей его природы и среды, то каково должно быть наше? Ему остается одно из двух: или, постоянно воспроизводя пошлые и грязные явления, самому стать пошлым и грязным, или удариться в отчаянный идеализм» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 13 апреля 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественников с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке» [Ключевский, 1987]» (Дмитрий Ольшанский, «Психология масс», <http://testlib.meta.ua/book/168054/read/>; <http://biolobo.ru/psihologiya-mass.html?page=93>);

«Выйдя на улицу, Писатель внимательнее, чем накануне, осмотрелся вокруг. Жилой район, раньше считавшийся одним из самых благоустроенных в Москве, теперь производил впечатление мусорной свалки. Деревьев почти не осталось. Кое-где виднелись клочки грязной и замусоренной травы. Незасыпанные ямы. Битые бутылки. Обломки старой мебели. Какие-то заржавелые металлические предметы. Среди них валялась собака, по всей вероятности – мертвая. Неподалеку два забулдыги пили что-то прямо из горлышка бутылки. Торопливо передвигались озабоченные женщины с сумками. Именно передвигались – писатель не смог подобрать более подходящее название для способа передвижения москвичек: слегка сгорбившись, на полусогнутых конечностях, полубегом, расставив руки в стороны наподобие пингвинов. Весь двор был забит автомобилями самых различных марок, в основном – западных и даже японских. Такого раньше не было. Прогресс! Машины имели такой вид, что их нагромождение напомнило Писателю автомобильную свалку в Америке...» (Александр Зиновьев, «Русский эксперимент», <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=87662>; <https://pda.coollib.xyz/b/228076/read>);

«Россия остается страной предельно неудобной для жизни, за исключением нескольких «оазисов» типа Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и некоторых других городов и отдельных регионов. Достаточно отъехать от столицы 50 км в любом направлении, и мы наблюдаем погубленные, заваленные буреломом леса, горы мусора на берегах водоемов, отравляющие все вокруг горящие свалки, «избушки на курьих ножках», стоящие вдоль шоссе, ветхие и морально устаревшие многоэтажные дома, а также возведенные недавно каменные джунгли без необходимой социальной инфраструктуры. Посреди этого безобразия висят тусклые билборды, прославляющие некую «стратегию губернатора»...» (Николай Гульбинский, «Удержание власти как самоцель», http://www.ng.ru/ng_politics/2016-09-06/15_power.html);

«Оказалось, что материальных потребностей у этих людей нет, эмоциональных тоже... Шестьдесят процентов ответили, что не стали бы расширять свое личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, шестьдесят процентов, открыто признались чужим людям – опрашивающим, что не считают воровство зазорным. А сколько еще просто постеснялись об этом сказать! При этом значительное число «неворующих» отметили, что им просто нечего красть. Оказалось, что нет и лидеров, с

которыми мы могли бы начать работу: пять процентов в принципе готовы к предпринимательской деятельности, но прогнозируют очень негативную реакцию окружающих на свои действия и не решаются... Но проблемы на сельской территории существуют, и они заставили обратить на себя внимание: мы получили сожженные комбайны, металлические штыри на полях... Оказалось, что в среднем каждая девятак-десятая опрошенная семья живет на уровне нищеты (из нескольких стандартных вариантов ими выбран ответ «Живем очень бедно, не всегда даже едим досыта»), пятьдесят девять процентов просто бедны («Слава Богу, кое-как концы с концами сводим, скромно питаемся, одеты в прочное, но старое, новую одежду и что-нибудь в дом не приобретаем – нет средств»). То есть уровень жизни семидесяти процентов опрошенных сельских семей оказался неудовлетворительным. При этом преобладающая в среде мотивация – неопределенно-мечтательная. На вопрос, стремятся ли они к достижению более высокого уровня жизни, осуществляют ли для этого необходимые усилия, каждый второй выбрал ответ: «Мечтаем, надеемся, что как-нибудь положение улучшится». Смирение с нынешним положением и покорность высказала треть опрошенных. И только каждый пятый имеет в каком-то виде достиженческую мотивацию, стремление за счет дополнительных серьезных усилий улучшить свою жизнь. Итак, вырисовалась катастрофическая ситуация: пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий, просто лень» (Генеральный директор компании ЭФКО Валерий Кустов, «Что подумает сосед Василий?», Эксперт, №38 / 14 окт. 2002, <http://www.abireg.ru/?idnews=21574&newscat=15>);

«На дворе бушуют 90-е. Перестроечная волна докатывается и до глухой деревушки, жители которой по-прежнему ощущают себя советским колхозом. Беспробудно пьянствуя, в полнейшей нищете, то проклиная, то любя друг друга, они все еще приходят на колхозно-партийные собрания – только теперь их туда никто не гонит, это они сами вдруг осознали себя борцами за светлое коммунистическое прошлое против страшного капиталистического настоящего. Олицетворяет это настоящее их же односельчанин Чиркунов (герой фильма Андрона Кончаловского «Курочка ряба», – П.Д.). Отсидевший и поумневший, он вернулся в родную деревню и открыл собственную лесопилку. Успешный предприниматель, он построил себе хороший дом, и всеми способами – в том числе и безвозмездной раздачей чекушек – пытается привлечь односельчан на свою сторону: показать им, что быть богатым не так уж и плохо, что можно и нужно даже здесь на краю земли, жить красиво и добывать воду из-под крана, а не из колодца, мыться в ванне, а не в бане, справлять нужду в унитаз, а не в выгребную яму, стирать не в корыте, и посуду мыть не в тазу. Но односельчане его не слышат. Деньги – зло, и они хотят только одного – прогнать проклятого буржуя с их родной колхозной земли, сжечь его дом вместе с его лесопилкой. И чтобы всё снова стало, как было. Главный герой фильма – вот этот самый русский народ и есть. Мудрый и пьяный, едва он подстроился под советскую власть, смирился с бедностью, осознал опасность денег и прелесть безвозмездного труда во имя общего блага – и вот уже все разрушено, и снова нужно подстраиваться, привыкать, оправдывать, понимать. А как поймешь-то без стакана?» (Елена Пальмер, «Четыре мушкетёра против Кончаловского»,

<https://snob.ru/profile/28514/blog/117920>; <http://newsland.com/community/7149/content/chetyre->

mushketera-protiv-odnogo-konchalovskogo/5593658; <https://snob.ru/profile/28514/blog/117920>);

«Противоречий между бизнесом малым и большим в девяностые не было, власть павильоны не сносила и рынки не закрывала. Малые предприниматели были в одной лодке с большим бизнесом. А вот на селе фермерство в России не проканало именно по причине противодействия местного населения. Жгли фермеров и даже убивали. Милиция стояла в стороне...» (Виктор Баев, «1993», <http://v-razdolbaeff.blogspot.ru/2016/03/1993.html>);

«...свое участие в политической жизни (русскоязычный человек, – П.Д.) ограничивает знакомством с теленовостями, парламентские дискуссии считает пустой болтовней, условный «Запад» – опасным врагом России, не выносит «олигархов» и приезжих, надеется на сильную руку президента, которого принимает за вождя... Когда мы спрашивали, как предпочли бы работать опрошенные, неизменно оказывалось, что большинство (в 2003 году – 54%) выбрали типично «советский» вариант: небольшой, но твердый заработок, значительно реже (22%) высказывалось намерение «много работать и хорошо зарабатывать». «Винить» в таких предпочтениях можно как привычки людей, так и обстоятельства, которые мешают им поступать иначе. Добавлю два примера. Первый – «колхозный». Несмотря на все призывы, большинство бывших колхозников не спешат превращаться в независимых фермеров: нет сил, нет привычки, даже если имеются необходимые материальные средства. Другой – «судейский». Суд присяжных, этот пробный камень демократии, в наших условиях часто не проявляет ни мудрости, ни независимости, но поддается давлению... Положение собственной семьи и страны люди обычно сопоставляют не с заоблачными мечтами или с далекими образцами, а с хорошо знакомым положением в недалеком прошлом, в годы явного кризиса и хаоса. Нечто подобное происходит и с ожиданиями общественно-политического плана. Реального участия населения в политической жизни у нас никогда не было. От власти люди ждут привычного (точнее, привычно обещаемого) – отеческой заботы, даже намеков на такую заботу...» (Юрий Левада, «Условные люди. В России ищут человека. Ищут давно, но не могут найти», <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/43n/n43n-s17.shtml>).

И, следовательно, нисколько и не удивительно нежелание психически инфантильного русскоязычного населения (челядишек) прилагать какие-либо усилия для достижения своего благополучия:

«Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам...» (Пётр Чаадаев, «Философические письма // Письмо первое», http://writerstob.narod.ru/stati/chaadaev/phylosophy_letters.htm);

«Здесь на одном пологом скате была великорусская, совершенно разоренная, деревушка с раскрытыми крышами и покосившимися избами, а на другом немножко более крутом и возвышенном берегу чистенький, как колпик, малороссийский хуторок. Их разделяла только одна «Пьяная балка» и соединял мост; затем у них все условия жизни были одни и те же: один климат, одна почва, одни перемены погоды; но на орловской, то есть на великорусской, стороне были поражающие нищета и голод, а на малорусской, или черниговской, веяло иным. Малороссийский хутор процветал, великорусская деревня извелась вконец – и невозможно было решить: чего еще она здесь держится? В этой деревне ни один проезжий или прохожий не останавливались – как потому, что здесь буквально не было житья в человеческом смысле, так и потому, что все население этих разоренных дворов пользовалось ужаснейшею репутациею. По одну сторону «Пьяной балки» была дорогая и скверная откупная водка, по другую дешевая и хорошая. На самом мосту стоял кордон, бдительно наблюдавший, чтобы великоруссы не проносили к себе капли малороссийской водки; но проносить ее в желудке кордон не мог возбранить – и вот почему балочники Орловской губернии были так отчаянно бедны: они постоянно все, что могли, тащили к жидам на малороссийскую сторону и там пропивали все дочиста...» (Николай Лесков, «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)», <https://www.rulit.me/books/tom-5-read-92133-86.html>);

«...невольню вспоминаются слова одного орловского мужичка: "У нас все пьяное село: один праведник, да и тот – дурачок"..."» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«Налицо только почти не требующее доказательств «плохое настроение» русского в последней четверти XX века, безобразные дороги, грязные улицы и дворы, неухоженные города и заброшенные деревни, неуютная семейная жизнь, неустроенный, некрасивый быт, неловкое, неустойчивое положение человека среди окружающих его людей и вещей, скука, апатия, усталость и очевидное нежелание или неумение это положение изменить. Словно бы затянувшаяся жизнь на чемоданах – невозможно, неохота, не имеет смысла устраиваться всерьез и надолго. Подозрительное отношение к будущему, которое видится еще более мрачным, нежели настоящее. Неверие в свои силы. «Все равно они не дадут нормально жить!» Кто «они»? Может, действительно, все дело в большевиках? Но вот что пишет В. Ключевский об образе жизни в Древней Руси (в Московии, – П.Д.): «Дома жили неприхотливо, кое-как. Домой приходили только поесть и отдохнуть». Кое-как. Неприхотливо. То есть без желанья «окружить себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо». Кое-как. Может, татары виноваты? Нет, это еще до татар, да и урон, понесенный Русью от татар, теперь ставится под сомнение не только Л.Н. Гумилёвым и его последователями. А жили и до и после некрасиво. Кое-как. Без желанья устраиваться. «Домой приходили только поесть и отдохнуть». Почему? На этой фразе стоит помедлить, разобраться. Отдохнуть от чего? И отдохнуть как? Если живешь спустя рукава, но все-таки живешь, то зачем-то это нужно? ... Лесков в своих рассказах и очерках о пореформенной поре неоднократно описывал случаи

стихийного протеста крестьян против попыток улучшения условий их существования, предпринимаемых доброхотами-помещиками и управляющими, которые пытаются переделать жизнь на «европейский лад». Крестьяне ломают английские сенокосилки и машины, жгут построенные для них каменные дома, бани и школы для детей. Они не хотят жить по-европейски и жить хорошо. Жить хорошо и по-европейски – синонимы для русского менталитета. Жить хорошо – это значит ценить свою жизнь до такой степени, чтобы согласиться жить отдельно от других и радоваться частной жизни. Нет, лучше клясть жизнь и жить плохо, но вместе со всеми, чем отдельно, хорошо и в самом себе искать и находить устойчивость для существования в мире. В соответствии с неписанным законом русской жизни, «жить хорошо – плохо, а жить плохо – хорошо» (Михаил Берг, «Истоки русского пессимизма», <http://www.mberg.net/istoki/>; <https://publizist.ru/blogs/108412/26195/5>).

«В моем дому все хрен да полынь.
Дыра в башке – обнова;
Мне нож по сердцу там, где хорошо,
Я дома там, где херово...»

(Борис Гребенщиков, «Последний Поворот»,
<http://www.aquarium.ru/discography/navigator242.html>);

«Цензура такие сделала на него натиски, что он должен был прекратить свою литературную деятельность по этой части. Итак, эта почти единственная живая струя в газете иссякла от дуновения холодной – цензурной бури... Репрессивные меры по делам печати достигли своего апогея и вместе с мерами по министерству народного просвещения составляют самое замечательное явление нашего времени. С правительственной точки зрения, вероятно, все эти меры считаются полезными и необходимыми для восстановления в России доброй нравственности и уважения к администрации, сильно потрясенных в последнее время. Но стараясь достигнуть одного, власти разрушают другое. Не то еще важно, что под гнетом репрессивных распоряжков общество безмолвствует и терпит много такого, что терпеть не хотелось бы и не следовало бы, не то важно, что умственный горизонт вообще становится темнее и темнее, падает дух в среде науки и мысли, умы впадают в апатию и тупеют, теряется всякое доверие к чему-нибудь высшему, кроме материальных влияний, – следовательно, усиливается разврат, – сколько важно то, что наши умственные и нравственные силы парализуются... Как бы нелепа ни была наша общественность, но с нею надобно жить, и она сама есть все-таки нечто живое, а не мертвое, и обращаться с нею как с трупом, кажется, не следовало бы. Если она грешна и во многом глупа, то далеко не святы и не зело разумны и наши государственные мужи. Репрессия слишком усиленная ведет к осуществлению известной истины, что чем хуже, тем лучше...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 3, 8 ноября 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Очередной перл министра нашего культуры о том, что «цензура не мешала ни Чехову, ни Толстому, ни Пушкину, а Пушкину даже помогала», застал меня в Пушкинских горах... Так, может, прав Мединский – и это мы цензоров да охранителей должны

благодарить за Пушкина, Солженицына, Бродского, Довлатова и далее по списку? Про что бы они писали без цензуры, унижений, безработицы, ссылок и тюрьмы? Про любовь да бабочек? А тут такой богатый жизненный опыт им обеспечили. Впрочем, эта парадоксальная логика «чем хуже, тем лучше» распространяется не только на художников. Все чаще политики, чиновники и примкнувшие к ним представители доминирующей религии задумываются о том, как на самом деле плохо для граждан сытно есть, спокойно спать, получать большую пенсию (где они ее видели, большую-то?), да и вообще жить в мире, а не в войне... Чуть позже мой любимый глава РЖД Якунин начал яростно обличать общество потребления, и только тогда я поняла, почему в России XXI века почти нет скоростных поездов, но до сих пор бегают плацкартные вагоны. Да потому, что только в заиндевевшем зимой и раскаленном летом плацкарте в русском человеке пробуждается душа. А в «мягком» она просто тупо спит...» (Виктория Волошина, «Плохо – это очень хорошо. О тех, кто не терпел, но нам терпеть велел»,

<https://www.gazeta.ru/comments/column/voloshina/7630445.shtml>);

«Язык отмечает события, которые воспринимаются его носителями как аномальные. Это вообще характерно для человеческого сознания: отрицательно оцениваемое событие или явление порождает больше новых слов. Такие слова нужны для маркирования отрицательных явлений». Неудивительно, что один из самых популярных образцов народного творчества гласит: никогда хорошо не жили – нечего и начинать» (Ксения Кнорре-Дмитриева, «Вкус времени на языке»,

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/23/66494-glyad-8212-a-tut-syrotsid>);

«По мнению Бердяева, высказанному в 1915 году, «для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством». Эта непостижимая для европейца тайна, как полагает русский философ, состоит в том, что «Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада». Эта же мысль, сформулированная более лапидарно, лежит в основе заверений современных российских консерваторов в том, что в России невозможно построить западного типа рыночную экономику, ибо стремление к материальному благополучию и жизненный прагматизм изначально не присущи русским. Что же касается «дара средней культуры», то с этим утверждением Н. Бердяева трудно не согласиться: действительно, на фоне блистательной «классики» Золотого и Серебряного века, традиционной образованности, начитанности русской интеллигенции, неумного интереса любого русского человека к тайнам бытия и души (эту черту «русскости», кстати, в разное время, но равно талантливо отразили в своей прозе А. Платонов и В. Шукшин), в России практически отсутствует культура быта, культура благосостояния, «эстетики» частной жизни. Суть этого явления вбирает понятие «жизненный комфорт», не имеющее русского аналога. Именно поэтому советские люди, пересекая тогда еще невидимую границу Эстонии или Латвии, открывали для себя совершенно незнакомый мир, устроенный не

только удобно и целесообразно, но и эстетично, мир укоренившейся средней культуры...» (Зинаида Сикевич, «Социология и психология национальных отношений // Мифология русской души», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>);

«Я думаю, что в России в очень большой степени есть сопротивление процессам развития социума. Наше общество консервативное, оно воспроизводит привычки и формы жизни, которые сложились в советское время, в рамках системы тоталитарного господства. Преодолеть эти навыки и формы мышления кажется легко (через просвещение, образование и прочее), но на деле – очень трудно или почти невозможно. Люди принимают те формы жизни, которые они застают в момент своей социализации, как естественные, «нормальные», не видя этому альтернатив. Тем более в условиях подавленности ценностного, идеологического, идейного многообразия, утраченного оппонентов...» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, из интервью Виктории Кузьменко, Социолог Лев Гудков: «У большинства людей собственного мнения просто нет», <https://openrussia.org/post/view/16964/>)

«Россию накрыла очередная волна эйфории. Слушая бравурные речи российских политиков и чиновников от экономики о том, что санкции Запада – благо для страны, а не беда, в очередной раз убеждаешься: Россия не похожа ни на одну другую страну мира. Это общество экстремального существования, способное к незначительным реформам и поступательному развитию лишь в условиях кризиса, противостояния со всем миром, войны... Наблюдая за массовым помешательством российского общества, понимаешь, что оно словно ребенок или не вполне адекватный взрослый – не ведает, что творит... Демократия, права и свободы личности, реальный, а не управляемый рынок – это краеугольные камни существования любого развитого общества. Воспользуется ли Россия этим мировым опытом или дальше будет настаивать на своей уникальной идентичности, своей особой миссии (знать бы какой) и своим особым пути (знать бы куда) – это большой вопрос...» (Виктор Гиршов, «Россия: чем хуже, тем лучше?..», <http://rufabula.com/articles/2014/09/05/the-worse-the-better>; <https://ru24.news/culture/rossiya-chem-huzhe-tem-luchshe/>);

«Уральский фермер Василий Мельниченко: «Не страшно то, что страна наша в заднице, страшно то, что она начала там обустраиваться»...» (<http://www.znak.com/svrld/news/2015-12-24/1051408.html>);

«Основные дилеммы, которые решали для себя респонденты Инглхарта, если перефразировать их с птичьего на обычный язык, выглядели так: «Один за всех или каждый за себя?» (ценности традиционные или секулярные) и «Лучше умереть стоя или жить на коленях?» (ценности самореализации или выживания)... угадайте, кто оказался в позорном углу, где собрались те, кто считает, что каждый за себя, но лучше жить на коленях. О том, насколько позорно думать о брюхе, а не о душе, и насколько стыдно принимать решения своей головой без оглядки на мнение других, можно поспорить. Но из других аспектов этого исследования – и из других исследований – складывается не менее жуткая картина. В массе

мыслей на самые разные темы русским оказалась ближе всего «все плохо», к которой по популярности приблизились только «ты начальник – я дурак», «опять нет денег» и «хоть плохой, да отец» (Юрий Аммосов, «Россия – страна несчастных», <http://www.globalrus.ru/opinions/139197/>);

«Неприкаянность, «перекати поле», странничество, – вот выражения еще одних свойств «русской души», которые так часто повторяются во многих хрестоматийных свидетельствах. <...> Вокруг простор, слишком много места, но нет моего твоего места, обжитого места», – пишет Валерий Подорога. Неприкаянность – это такое состояние человека, когда он испытывает внутренний дискомфорт (например, потому что он несчастен или ему нечем заняться) и растерянность; это состояние концептуализуется как безуспешные поиски такого места, где бы человеку было спокойно и хорошо. Ср. типичное бродит как неприкаянный; «Ты мыкаешься с места на место, как неприкаянный» (А.П. Чехов). Эта же идея лежит и в основе выражения не находить себе места. Показательно, что оно переводится на английский язык выражениями, не включающими идею места. Однако, если не находить себе места можно от тревоги, реже – просто от душевного волнения, то причины неприкаянности могут быть более глубокими. Часто о неприкаянности говорят не просто как о временном состоянии человека, а как о его свойстве – неспособности жить в мире с самим собой...» (Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев, «Широка страна моя родная», <http://www.strana-oz.ru/2002/6/shiroka-strana-moya-rodnaya>).

Как видим, для русскоязычного человека «лучшее является врагом хорошего» буквально во всём. Для него любые условия жизни являются вполне приемлемыми и достаточно хорошими, а любые блага цивилизации и полезные вещи являются жалкими и не имеющими особой ценности:

«Для русского вещь – ошибка, нечто не живое, но и не мёртвое и поэтому жалкое. Вещи – язвы мира, и их жалко. Розанов единственный относительно ясно выразил это первичное и потому трудноуловимое чувство: «Мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания (и на ум не приходит), а что самим вещам как-то нехорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам «больно», это есть постоянное моё страдание за всю жизнь. Через это «больно» проходит нежность. Вещи мне кажутся какими-то обиженными, какими-то сиротами, кто – то их мало любит, кто-то их мало ценит». Ненависть и презрение являются обратной стороной этой жалости. В вещи есть что-то нищее и одновременно зловещее. Где уж нам с таким-то умонастроением создать вещный мир. Кроме фарса или ада ничего не получится. Лучше растить хлеб... Или танцевать... Русский не видит вещи, не ЧУВСТВУЕТ её, но тщательно это скрывает. Категория меры (веса) ему недоступна. И русские создают странные вещи. Ажурную трость из чистого чугуна или фанерный танк» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

А все те, кто живёт лучше него, для русскоязычного людишки, конечно же, являются врагами. И, следовательно, вовсе не удивительно и то, что нищая и холопская Россия

испокон веков «окружена» лишь одними врагами, злостно не желающими вести примитивный и убогий образ жизни психически инфантильных русскоязычных россиян. На вопрос же: «почему это так?» – современная социальная психология и психиатрия дают конкретный ответ: «последствия довольно длительного добровольного рабства, стимулируемого, как уродующими бессознательными лингвопсихическими установками, так и негативными сознательными подражательно-психическими установками (направленными, прежде всего, на самоподавление любого проявления инициативы а, тем самым, и на формирование агрессивно-послушного населения)». Оно эффективно поддерживалось и религиозной (идеологической) пропагандой нищенства (минимальных потребностей), безразличия к радостям жизни, непротивления злу насилия.

Весьма существенным является и осложнение этого рабства примитивностью образа жизни, жестокосердием, алкоголизмом, преобладанием факторов, вызывающих лишь негативные эмоции, а, следовательно, и неизбежными из-за этого потребностями, как в психологическом мазохизме, заключающемся в искусственном формировании парадоксальных позитивных эмоций на негативные факторы, так и в самоизоляции от «враждебного» окружения, живущего не парадоксально:

«Систематическое насилие тоталитарного общества и авторитарное воспитание ведут к «обученной беспомощности», проявляющейся как пассивность и бессмысленность инициатив (в дряхлеющей советской системе пассионариев боялись – существовал «заговор слабых»). Кроме того, происходит инверсия эмоциональной значимости стимула – реакция на зло отсутствует, а на добро индивидуум реагирует как на зло. Эти психологические факторы формируют психически нездоровый менталитет с присущей ему внутренней несвободой и безответственностью. Такой менталитет Э. Фромм назвал «бегством от свободы». Эту сторону менталитета наиболее сложно трансформировать при переходе от тоталитарного к свободному обществу вследствие того, что создание рациональных ожиданий внутренней свободы и ответственности – сложнейшая психоинформационная задача управления подсознанием» (Доктор эконом. наук Людмила Мясникова, «Российский менталитет и управление», <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-49-33>);

«Отличительная черта русского – это высший страх перед высшим лицом и высшее же к нему презрение. Человек, который, говоря с правителем, что-то бормочет и просто не находит слов, быть может, думает о том, как убить его, и смеется над его повелениями, когда того больше нет рядом...» (Жозеф де Местр, «Религия и нравы русских», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1020666/62/De_Mestr_-_Religiya_i_nravy_russkih.html);

«Многовековое торжество насилия в русской среде настолько отравило психику, мировосприятие этого народа и, вероятно, «детерминировало» его генокод, что любые проявления жестокости, произвола, тирании подавляющим большинством русских приветствуются! – будь то зверства Сталина, Саддама или Каддафи, зверства уличных и школьных хулиганов или же зверства в тюрьмах, лагерях, армии... Россияне в основной массе своей попросту любят насилие, обожают террор – неважно, кого над кем. И если сами становятся его жертвой – как правило, не ропщут. Зная, что будь у них аналогичная

возможность проявить свою власть, поступали бы точно так же. Отсюда и безропотность населения перед произволом – перманентным и часто жутким – со стороны управленцев, чиновников, солдафонов, милиционеров, чекистов и т.д. И если цивилизованного человека повергает в ужас аттестация Сталина как «эффективного менеджера», то для русского это нормалёк (между прочим, опрос, проведённый Радио Свобода в 2011-м году, выявил кошмарную картину нравов: «деятельность» Сталина поддерживают... 85% россиян!!!... Вспомнишь тут Лермонтова)... Вообще, обожание власти – это патриотизм по-русски. Так же как и – повторим для закрепления – обожание насилия во всех его проявлениях...» (Эдуард Бернгард, «Троглодиты XXI века», <http://lebed.com/2013/art6162.htm>);

«На мой взгляд, стокгольмский синдром – актуализация древнейшего социально-психологического инстинкта реакции на критически высокий уровень репрессии. Российское население в своих отношениях с властью веками страдает Стокгольмским синдромом. Сакральная власть – субъект ничем не ограниченной репрессии, рождает сложное амбивалентное чувство, в котором страх и любовь взаимопроникают» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«...«Левада-центр» решил все же выяснить у 86 процентов, любящих Путина, за что они его любят. Социологи предполагали, что эти фантазмагорические рейтинги должны иметь хоть какое-то рациональное обоснование. И жестоко ошиблись. Оказалось, что Путина любят, в первую очередь, за «улучшение отношение со странами Запада», «борьбу с коррупцией» и «защиту демократии». Такие ответы заставляют сразу предположить, что либо существует какой-то другой В.В. Путин, либо респонденты живут в какой-то другой Российской Федерации. Конкретные вопросы заводят еще дальше. На первом месте среди достижений Президента ставятся «успехи в экономике». Ау, сограждане, вы продукты покупаете в магазинах или вам их доставляют с LifeNews? Целых 13 % считают, что Путин обладает сверхъестественными способностями управлять миром, в частности, он уже повысил мировые цены на нефть. О том, что эти цены за 10 лет упали чуть ли не втрое, похоже, никто не догадывается... Однако есть человек, которого население персонально винит больше всех. Тут следует барабанная дробь и под фанфары имя мерзавца произносится на публику. На первом месте среди врагов России, устраивающих ей всяческие пакости, отнюдь не Обама и не та англичанка, которая по привычке гадит. Нет, это наш соотечественник по имени Владимир Владимирович Путин, и к позорному столбу его привязывают огромная толпа из 44 % опрошенных. Тех самых замечательных людей, которые одновременно благодарны ему за всеобщее улучшение Вселенной и за выдающиеся успехи в укреплении демократии. В итоге мы имеем картину, которая наиболее органично выглядела бы в папочке под названием «История болезни». Биполярное расстройство, как и было сказано. Любовь-ненависть в одном флаконе, обожание до степени облизывания сапог – и одновременно четкий ответ на проклятый вопрос «Кто виноват?». Вот он-то и виноват – тот, кого мы все так нежно любим...» (Виктор Давыдов, «Российские соцопросы – насмешки над придурками», <http://ehorussia.com/new/node/11476>);

«Никакие национальные движения на территории бывшей России уже более невозможны по самым разным причинам (их можно оценивать позитивно или негативно), моральная деградация угро-финнов достигла пределов немыслимых, у них просто не сохранилось национальных идеалов и способности попытаться самим решить свою судьбу. Не так давно Солженицын, который не очень политически наивен и к тому же окружен целым сонмищем политически ожесточившихся на весь свет, в том числе и на евреев, личностей, раздающих премии его имени, изрек: «Похоже, от России останутся великие мысли великих людей о том, чем бы она могла стать». Этим заостенелый старец, вермонтский лесовик, полвека сосавший в лесной чащобе лапу белых архивов и, кроме колючек, ничего не высосавший, фактически подвел, как Сципион Африканский, черту под Россией: Карфаген наконец разрушен» (Алексей Смирнов [фон Раух], «Вокруг Розы Мира», <http://neandertalshome.narod.ru/HTML/smirnov.html>);

«Русская трагедия обладает чертами трагедии в античном смысле. Фактор предопределенности ее необычайно силен. О неизбежности ее предупреждали отдельные провидцы. Чувство неотвратимости гибели русского народа уже овладело многими его представителями. Утверждения, будто этого можно было избежать, логически недоказуемы, а эмпирически ложны... Они скорее служат запоздалым раскаянием, самооправданием и самоутешением. Утверждения, будто Россия и не такое видала, будто Россия была и в худшем положении, да выжила, будто Россия возродится и вновь станет великой державой, относятся к той же категории, а чаще – к ничему не обязывающей демагогии. Они не имеют действенной силы. Неумолимая и жестокая истина состоит в том, что ничего подобного в истории русского народа не было. Народ гибнет только один раз в своей исторической жизни, как и рождается лишь один раз» (Александр Зиновьев, «Русская трагедия», http://www.situation.ru/app/rs/lib/russ_tragedy/russ_tragedy31.htm#hdr_151);

«За тридцать лет работы Зиновьев показал историю общества, которое проходит процесс дегуманизации во имя прогресса. То, что следствием прогресса является дегуманизация, – вывод не слишком неожиданный; к этому выводу приходили философы до Зиновьева. Александр Александрович показал процесс подробно и предметно – движение от неработающей утопии в работающее болото. Эту многотомную историю можно назвать народной трагедией. Автор исследует деформацию общественного и человеческого достоинства. Показано, как идеалы становятся банальностями, смелость превращается в трусость; показано, как социум разлагается. Было много обещано – не сбылось ничего. Что будет дальше с народом - легко угадать. Однако, определив жанр как «народную трагедию», следует оговориться: а бывает ли она в принципе, народная трагедия? Народ претерпел сполна от экспериментов – и вплотную подошел к черте, за которой начинается его исчезновение (так, во всяком случае, считал Зиновьев), но является ли исчезновение – трагедией? Вот и древние египтяне исчезли, и древние римляне более не существуют – трагедия это или нет? Народ, по определению, не субъект – его судьба не есть судьба индивидуальная; случившееся с русским народом – весьма печально, но вряд ли трагично. Читателю представлена эпоха катастроф – но трагичным является только сознание ученого,

понимающего, что происходит...» (Максим Кантор, «Медленные челюсти демократии // Эстетика сопротивления», <http://book-online.com.ua/read.php?book=8404&page=112>);

«Злая смута у России впереди:
все разъято, исковеркано, разрыто,
и толпятся удрученные вожди
у гигантского разбитого корыта»

(Игорь Губерман, «Иерусалимские гарики», <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki.txt>);

«Ибо умом Россию не понять, а другими местами – очень больно. Причем ей же. И заметьте: это еще никогда ее не останавливало! Но если все-таки попытаться понять умом, то я думаю: все дело в заранее отрезанной обратной связи. Любая администрация, причинившая своей стране вред впятеро меньшего масштаба, давно бы сидела под судом, не говоря уже об автоматической отставке. Наша же только крепчает... И не ищите, чем еще нас прищемить: мазохисты от боли только возбуждаются...» (Виктор Шендерович, «И не ищите, чем еще нас прищемить: мазохисты от боли только возбуждаются», <http://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1399018-echo/>);

«Неоспоримо и несомненно: Достоевский – гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжелой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и – противоположность ее – мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства однако рисуясь им пред всеми и пред самим собою. Был нещадно бит, чем и хвастается. Главный и наиболее тонко понятый Достоевским человек – Федор Карамазов, бесчисленно – и частично и в целом – повторенный во всех романах «жесточкого таланта». Это – несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего – болезненно злая: душа Ивана Грозного, Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов. Очень искаженная душа, и любоваться в ней – нечем» (Максим Горький, «О Карамазовщине», <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-349.htm>);

«Я считаю, что традиционная покорность (submissiveness) и саморазрушение (self-destructiveness) русской рабской ментальности является формой мазохизма. Определение русской души как рабской предполагает, что русские чрезмерно склонны к самовредительству, самопоражению, самоуничижению или самопожертвованию – то есть к поведению, которое характеризуется как мазохистское в западном понимании этого термина... Кто-то может сказать, что мы имеем дело с общей культурой морального мазохизма в России, но жизнь этой культуре дают отдельные индивиды, именно благодаря им эта культура становится мазохистской. В России немало возможностей для страданий, но эти возможности культуры оказываются востребованными только благодаря отдельным

индивидам... Русские не просто страдают – они культивируют страдания...» (психоаналитик, доктор славистики Дениэл Ранкур-Лаферьер, «Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания», цит. по: С.А. Ушакин, «Загадки «русской души»: обзор монографий Е. Хеллберг-Хирн, Д. Ранкур-Лаферрьеера, Д. Песмен», <https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/oushakine/files/100-33450265.pdf>; <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj2-01ush.html>);

«Ранкур-Лаферьер – прекрасно образованный филолог и специалист по семиотике сексуальности, его книга «Знаки плоти» (Rancour-Laferriere, 1985a) опубликована в престижной семиотической серии. Приводимые им конкретные факты, как правило, достоверны. То, что русская культура, включая матерный язык, «поощряет» мазохистские тенденции индивидуальной психологии, отмечали многие литературоведы и психоаналитики, например Эрик Эриксон в своем очерке о детстве Горького, причем речь идет не только о моральном, но и о сексуальном мазохизме. Классик мазохизма австрийский барон Леопольд фон Захер-Мазох был большим любителем русской литературы, некоторые его образы и идеи тесно связаны с восточнославянским фольклором. В свою очередь, его сочинения были весьма популярны в России; за десять лет после 1876г. они издавались по-русски семнадцать раз. Н.Г. Чернышевский, прочитавший их в сибирской ссылке, не только рекомендовал их сыну, но и ставил Захер-Мазоха выше Флобера (Эткинд, 1998а. С. 140). Невозможно оспаривать и отмеченный тем же Чернышевским рабский характер массового сознания, который советская власть многократно усилила. Гротескное сочетание рабского отношения к власти с имперскими амбициями, усугубленными фантомными болями ампутированных частей государственного тела, – величайшее препятствие на пути демократизации и модернизации России» (Игорь Кон, «Клубничка на берёзке: Сексуальная культура в России», гл. 8 «Идиома культуры или диагноз русскости?», https://www.e-reading.club/chapter.php/1039713/10/Kon_-_Klubnichka_na_berezke_Seksualnaya_kultura_v_Rossii.html);

«Российские новостные сводки похожи на вести с фронтов: убийства из-за косого взгляда, бойни из-за неловкого слова, расстрелы из-за парковки, избиения битами из-за царапины на машине, массовые драки в магазинах и больницах, ожесточенные судилища между родственниками, изощренная травля на работе, заказные убийства из-за личной неприязни, издевательства над детьми в семьях... Люди – вы звери? Градус агрессии в стране зашкаливает, а отношения между людьми основываются на жестоком и унижающем других поведении, так что можно говорить о настоящем массовом садистическом расстройстве. (Так или иначе, отношения в коллективах всегда строятся на доминировании и подчинении, но в садомазохистском обществе они трансформируются в особенно жесткие и жестокие.) Объектом унижения становятся не только меньшинства – политические, национальные, сексуальные, – но абсолютно все, кто слабее и ниже по рангу: подчиненные сотрудники, обслуживающий персонал, нуждающиеся родственники, бедняки, инвалиды, женщины, старики, дети. Право на унижение других получает любой, у кого больше денег или влиятельных друзей, у кого выше индекс цитирования или дороже костюм. Потому наше

общество так стремится к иерархичности и выстраиванию всевозможных вертикалей в государственных и локальных масштабах: социальный и политический «табель о рангах» позволяет четко распределить роли жертв и садистов (в разных ситуациях и с разными людьми каждый играет то одну, то другую). Мазохистам обязательно требуется приложение садистских наклонностей, иначе они направят разрушительные эмоции на самих себя. Как ни странно, война всех против всех, приправленная имперской идеологией, спасает нацию от самоубийственной атомизации и общенациональной депрессии. Садомазохистское общество выталкивает из себя несогласных (которые спасаются эмиграцией, внутренней или внешней) и ломает всех, находящихся внутри садомазохистского маховика, но, тем не менее, сплачивает своих озлобленных членов. Такое общество довольно устойчиво к любым политическим волнениям, несмотря на экономические и культурные кризисы, так что ни смена власти, ни серьезные политические реформы ему не грозят. Увы, оно как нельзя лучше подготовлено и для авторитарной идеологии, и для агрессивной милитаристской кампании, и для националистического реванша...» (Елизавета Александрова-Зорина, «Садомазохизм национального масштаба. Народ как будто испытывают на терпение: а если его розгами, а если дубиной, а если дустом?», <https://www.mk.ru/politics/2015/10/07/sadomazokhizm-nacionalnogo-masshtaba.html>);

«Один из самых частых – перевод агрессии вниз. То есть, получив хамский нагоняй от начальства, нагрубить подчиненному. Выслушав нападки учительницы, отлупить ребенка. Мой сын, впервые самостоятельно совершая далекое путешествие, совершал пересадку в аэропорту Франкfurта, огромном, как целый город. «Но я – рассказывал он – быстро нашел свой самолет на Москву. Надо просто идти туда, где родители кричат на детей». Привычка любой стресс (а авиаперелеты – всегда стресс) сливать вниз по иерархии, на более слабых, на детей, вместо того, чтобы заботиться и снижении стресса для них – типичное, к сожалению, поведение наших соотечественников. Существуют целые системы, где агрессия идет постоянным потоком сверху вниз: начальство орет на директора школы, она на учителя, учитель за восьмиклассника, тот отвешивает пинка первоклашке. Можно ли ожидать, что, например, сотрудник опеки, которого начальство по телефону только что покрыло матом (реальность, увы) что-то с полученной порцией агрессии быстро сделает и встретит посетителя с улыбкой на лице?» (психолог Людмила Петрановская, «Почему мы такие злые?», <https://tribun.com.ua/3218> ; <http://www.nsad.ru/articles/pochemu-my-takie-zlye>).

Само слово «хороший», как и украинское слово «корисний», означающее «полезный, выгодный» (польское «korzyś» – «выгода, добыча»), а также как и восточно-осетинское «xogz» (связываемое с Хорсом – божеством восходящего Солнца) – хороший, происходит, очевидно, от авестийского «hvarəz» – благодетельный, восходящего к «hvarnah» (обычно трактуемого как обозначение солнечного сияющего начала) или же от греч. «καλός» (связываемого тоже с соляным божеством Колоссом / Гелиосом). Конечно же, не исключено происхождение его и от балтской соляной лексемы, родственной литовскому слову «geros» – хороший, или же от финно-угорского соляной лексемы, родственной эстонскому слову «kallis» и венгерскому слову «helyes» и означающей тоже хороший. Но,

несмотря даже и на свою хорошую «родословную», в русском языке оно тоже может иметь не только позитивную (хороший – обладающий положительными качествами или свойствами), но и негативную коннотацию (хороший – весьма сомнительных достоинств):

«Хорошо подлец морочит –

Комар носа не подточит»

(«Пословицы и поговорки», <http://www.vit-san.narod.ru/pos-pog9.html>).

Энантioseмичным является в русском языке и такое понятие, как добро – «все положительное, хорошее, полезное» (желать добра) и «о ком-чем-нибудь плохом, негодном» (такого добра нам и даром не нужно). Весьма парадоксально и неодобрительно звучат и фразы «ужасно хороший», «страшно красивая».

Корыстный человек, несмотря на осуждение в русскоязычном примитивном обществе корыстолюбия, принципиально не может испытывать ни угрызений, ни мук совести за свои корыстные деяния. Ведь в его подсознании переосмысленное слово «корысть» не утратило прежних ассоциаций с близкими к нему другими словами, обладающими позитивной коннотацией:

«По-украински и по-польски «выгода» – это «корысть» («користь», «кожещ»). Причем без каких-либо негативных смысловых оттенков: украинское «на користь» переводится как «в пользу». Для нас же «корысть» – явление постыдное и даже преступное. И «корыстный» по-русски вовсе не «полезный» или «выгодный», как у братьев-славян, а «меркантильный», «торгашеский» и даже «шкурный». Вы, конечно, можете преследовать собственную выгоду, но... лучше назовите это как-нибудь по-другому. «Корыстный» человек вызывает невольное недоверие, как «хохол» в анекдотах, который, возможно, как раз и стал жертвой различного толкования понятия «корысть» в близких языках. Но это вовсе не значит, что и к предпринимателю в России непременно должны относиться с недоверием. Ведь «предприимчивый» человек – не просто какой-то корыстолюбец, а вполне положительный персонаж – «энергичный, находчивый, обладающий практической сметкой и изобретательностью...» (Ольга Андреева, «Картина мира, нарисованная языком», http://expert.ru/russian_reporter/2008/44/psiholingvistika/);

«Случилось нечто, расстроившее меня с Пушкиным. ...к нему дошел его «Анджело» с несколькими урезанными министром стихами. Он взбесился: Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однако ж, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки!.. Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в «Новоселье». Бедный литератор! Бедный цензор! Говорил с Плетневым о Пушкине: они друзья. Я сказал:– Напрасно Александр Сергеевич на меня сердится. Я должен исполнять свою обязанность, а в настоящем случае ему причинил неприятность не я, а сам министр. Плетнев начал бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи его, помещенные в «Библиотеке для чтения», говоря, что они написаны для денег и что Сенковский грабит Смирдина. – Что касается до грабежа, – возразил я, – то могу вас уверить, что один из

знаменитых наших литераторов (А.С. Пушкин, – П.Д.) не уступит в том Сенковскому. Он понял и замолчал... С удовольствием, между прочим, заметил я следующий благородный поступок Кукольника. «Ляпунова» своего он подарил Каратыгину, тогда как, судя по тому, как принята его «Рука всевышнего», он мог бы получить за него от театральной дирекции славные деньги. Это прекрасно с его стороны в такое время, когда так называемые знаменитые наши литераторы требуют только денег, денег и денег... Смирдин истинно честный и добрый человек, но он необразован и, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом, как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы! Вряд ли ей дожидаться другого такого бескорыстного и простодушного издателя. Я не раз предостерегал его. Но есть рок, от которого нельзя защищаться, – это наша собственная слабость» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 11, 14 апреля, 14, 29 мая 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Использование пейоративной и энантисемичной лексики и другие действенные способы эмоционального и образного воздействия на русскоязычного человека

Количество в языке той или иной пейоративной (уничижительной или же просто придающей неодобрительный оттенок) лексики может достаточно емко характеризовать ментальность разговаривающего на нём населения:

«...в русском языке имеется, по крайней мере, три широко употребляемых нетабуированных имени, служащих для выражения категорического морального осуждения (подлец, мерзавец и негодяй), в то время как английский язык обладает только одним, да и то довольно сомнительным, словом подобного рода (scoundrel), при этом суммарная частота трех русских слов в соответствующем корпусе данных составляет семьдесят пять на миллион, а английское слово имеет частоту всего лишь два на миллион словоупотреблений. Все это очень яркие различия» (Анна Вежбицкая, «Русский язык», http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/rl1.htm);

«Проведенный нами ранее анализ английских и русских пейоративов (Карасик, 1992) в значительной мере согласуется с приведенными данными. Была проведена выборка существительных с отрицательно-оценочным значением типа «болван», «нахал», «подлиза» и т.д. Полученный корпус пейоративов был разделен на классы по следующим признакам:

- 1) человек, получающий отрицательную оценку вследствие своей несостоятельности либо вследствие неуважительного отношения к окружающим,
- 2) несостоятельность, вытекающая из объективных характеристик человека (оценка по внешним данным и по внутренней сущности – «урод» и «рохля»),
- 3) несостоятельность, субъективно приписываемая человеку (общая оценка личности и оценка личности как представителя группы – «подлец» и «чучмек»),
- 4) степень социальной опасности неуважительного отношения к людям (преступное неуважение и нарушение норм этики, невыполнение обязанностей и неуважение

общественного мнения).

Этнокультурная специфика пейоративов наблюдается в следующих сферах: в русском языке число общих пейоративов в 1,5 раза превышает число аналогичных английских единиц; в русском языке в 1,5 раза больше слов, обозначающих физические недостатки человека; в английском языке почти в два раза больше слов, обозначающих интеллектуальную несостоятельность; в английском языке в 2,5 раза больше этнических инвектив; в английском языке в два раза больше слов, обозначающих преступников, а в русском – в два раза больше слов со значением «задира, буян»; в английском языке в два раза больше слов, обозначающих развратных и сварливых женщин. В английском языке основным направлением пейоративизации является подчеркивание того, что объект отрицательной оценки – это чужой и глупый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности – быть своим и быть умным. В русском языке основным направлением отрицательной оценки является подчеркивание того, что объект оценки – это противный и уродливый человек» (Владимир Карасик, «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>).

Это хорошо согласуется, как с неприоритетностью интеллектуального развития у заурядных особей русскоязычного примитивного общества, так и с приведенным ранее заключением академика Ивана Павлова о низкой активности их в обучении и с заключением Владимира Ульянова о лениности их мышления и об отсутствии у них здравого ума:

«Мы (русские, – П.Д.) – народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (высказывание Ленина в кн.: Максим Горький, «Владимир Ленин» // «Русский современник», 1924 г., № 1, <https://sovtime.ru/rulers/lenin/gorky-lenin>);

«...в своих посланиях Ленин говорил о русском народе только в уничижительной форме. Однажды полномочному советскому представителю в Швейцарии вождь приказал: «Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор)... Бердяев назвал его гением бранной речи. Вот несколько строк из письма Ленина Сталину и Каменеву от 4 февраля 1922 года: «Всегда успеем взять говно в эксперты». Нельзя «подтягивать шваль и сволочь, не желающих представлять отчеты...». «Приучите этих говнюков серьезно отвечать»...» (историк Анатолий Латышев, «Если бы мы знали о Ленине всю правду его памятники давно оказались бы на свалке», https://antikor.com.ua/articles/32020-esli_by_my_znali_o_lenine_vsjupravdu_ego_pamjatniki_davno_okazalisj_by_na_svalke).

Весьма настораживает не только очень большое количество амбивалентных и энантиосемичных лексем в русском языке, но также и вера в их продуктивность а, следовательно, и благоприятствование их активному развитию:

«Особый тип антонимии представляет собой энантиосемия – поляризация значений одного слова, или внутрисловная антонимия, т. е. противоположность значений одного и того же слова. Энантиосемию необходимо учитывать и в продуктивных, и в рецептивных

видах речевой деятельности, напр., слава может быть доброй и дурной, поэтому высказывание «О нём пошла слава по всему городу» без уточняющего контекста непонятно. Высказывание: «Врач решил это лекарство оставить» не может быть понято однозначно, вопреки замыслу говорящего, так как значение глагола оставить поляризовано: 1) «сохранить в прежнем виде» т. е. продолжать принимать; 2) «отменить, отказаться». Непонятны и такие предложения: «Проверяя глубину посева, агроном обошёл пятый участок» (проверил его или пропустил?); «Они убрали ёлку» (Выбросили или украсили?); «Меня очень заинтересовала идея, брошенная моим другом» (Друг подал идею или, наоборот, отказался от неё?). Контрастируются значения многих слов: «оговориться» (намеренно) – «оговориться» (нечаянно); «одолжить» (кому-нибудь денег) – «одолжить» (у кого-нибудь денег); «просмотреть» («ознакомиться») – «просмотреть» («не заметить»); «прослушать» (внимательно курс лекций) – «прослушать» (не услышать слова лектора, занимаясь посторонним делом), «нести» («приносить в дом») – «нести» («уносить из дома»). Ср. также: «задуть домну» и «задуть свечу»; «отказать в просьбе» и «отказать наследство»; «запустить» – «начать работу чего-либо» и «запустить» – «привести в упадок»; «подозрительный человек» – «тот, кто всех подозревает», и, наоборот, – «тот, кого подозревают»; «бесценный» и «бесценок». В результате энантиосемии у прилагательного «определённый» (т. е. «точно назначенный, установленный») развилось значение неопределённости, синонимичное значениям местоимения «некоторый»: ср. «имеются определённые недостатки, в работе допущены определённые ошибки». Поляризованы и значения слова «наверное»: «вероятно, по-видимому, может быть» и «точно, определённо». Ср. «Я чувствовал, что мать меня сейчас хватится и пошлёт разыскивать, так как братья и сестры, наверное, уже спят» (В.Г. Короленко) и «Если я буду знать наверное, что умереть должна... я вам тогда всё скажу, всё!» (И.С. Тургенев)... В современную эпоху усилилась тенденция использовать слова с эмотивной отрицательной семантикой в положительном значении: «Каков подлец!» (с восхищением). Ср. также: «чума, чумовой» (знак высокой оценки в молодёжном жаргоне), «я ласковый мерзавец» (из популярной песни), «обаятельный гад», «шок» («приятное потрясение», ср. «я в шоке» – в молодёжном жаргоне используется в значении «в восторге») и т. п.» (Людмила Богданова, «Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий: учебное пособие // Семантические классы антонимов», <https://infopedia.su/18x16321.html>; <http://flibusta.site/b/369975/read>);

«Энантиосемичные лексемы в системе языка включают в свой состав более 400 единиц, зафиксированных словарями. В практике речевого употребления лексического материала возможность появления энантиосемичных слов и значений потенциально безгранична. Энантиосемия в сфере фразеологии обладает гораздо меньшими ресурсами: отмечено чуть более 70 единиц. Это обусловлено специфичностью устройства фразеологических единиц языка, которая проявляется в большей сложности их внешней и внутренней организации по сравнению с лексическими единицами... Количество их реализаций в тексте превышает 2500 единиц» (Виктория Кравцова, «Энантиосемия лексических и фразеологических единиц», Дис. канд. филологич. наук, <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/193047.html>);

«Рассмотрено около 300 энантиосемичных лексем, а также более 50 энантиосемичных фразеологических оборотов. Количество их реализации в тексте превышает 1000 единиц... Представляется наиболее приемлемой точка зрения, в соответствии с которой энантиосемия является довольно продуктивным и активно развивающимся явлением в современном русском языке» (Люция Махмутова, «Основные типы энантиосемии в современном русском языке», Дис. канд. филологич. наук, www.ksu.ru/uni/sank/db/filebase/files/779.doc);

Наличие множества амбивалентных и энантиосемичных лексем, идиом-идиотизмов, паралогических фраз и других лингвистических абсурдов стало в русском языке уже не исключением, а нормой. И навязываются они уже с самого детства:

«Мы ходили по Неглинной,

Заходили на бульвар.

Нам купили синий-синий

Презелёный красный шар!»

(Сергей Михалков, «А что у вас?»),

<http://babka-praskovia.ru/dlya-detej-5-6-let?showall=&start=80>).

Здесь навязывание подсознанию «шизофренической» констатации цвета не осознается мгновенно русскоязычным человеком, так как камуфлируется Михалковым с помощью акцентирования внимания на слове-повторе «синий-синий» и на нетрадиционном использовании превосходной степени для выражения насыщенности зеленого цвета – «презелёный».

Использование акцентирующих внимание слов-повторов типа: чуть-чуть, бегом-бегом, только-только, едва-едва (коми-перм. *ӧдва-ӧдва*), жив-здоров, неожиданно-негаданно, давным-давно, такой-сякой, тихо-спокойно, худо-бедно, крепко-накрепко, постольку-поскольку, любо-дорого, чинно-мирно, всякого-каждого, с другими-прочими, встречному-поперечному, в целостности-сохранности, житье-бытье, «была не была», небывалое-неживалое, прощальная-поминальная, пришла-явилась, натворил-наделал, покопаемся-пороемся, меряно-немеряно, целый-невредимый, верой-правдой, зовут-величают, живым-невредимым, подумал-подумал, манят-завлекают, путем-дорогой, тайны-заговоры, лапочка-дочка, зимушка-зима, путь-дороженька, полюшко-поле, грусть-тоска, горе-горюшко, горе-кручинушка, судьба-судьбинушка, молодо-зелено, море-окиян, «вокруг да около», смертоубийство, краеугольный (укр. «*наріжний*»), пустопорожний, «еле-еле душа в теле», «один-единственный раз», русский язык, очевидно, позаимствовал не только из финно-угорских (смотри, например: Орест Ткаченко, «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков», 1979; «Исследования по мерянскому языку», [http://www.inmo.org.ua/assets/files/Tkachenko.%20Issledovaniya%20po%20meryanskomu%20yazyku%20\(2007\).pdf](http://www.inmo.org.ua/assets/files/Tkachenko.%20Issledovaniya%20po%20meryanskomu%20yazyku%20(2007).pdf)), но также и из тюркских языков:

«О существовании семантической цепочки парных слов, построенных из компонентов, имеющих общие корни, свидетельствуют следующие сложения: казах. «аман-

есен» – «здоровый, благополучный» < аман – «здоровый, благополучный, невредимый» + есен – «благополучный»; башкир. «иҫен-аман» – «живой-здоровый, жив-здоров» < иҫен – «живой и здоровый, жив и здоров» + аман – «целый и невредимый, живой и здоровый»; уйгур. «аман-есэн» – «невредимый, благополучный, здоровый»; киргиз. «аман-эсэн», башкир. «аман-һаулык» – «здоровый, живой»; татар. «исен-сау» – «здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый», «сау-сэламэт» – «жив-здоров, в полном здравии»; казах. «сау-саламет», уйг. «сак-саламат», узбек. «сог-солومات», киргиз. «соо-саламат» – «жив-здоров»... В русской народной стихии значение здоровья, благополучия выражается в активном использовании конструкции «жив-здоров», эквиваленты которой были представлены в языках ареала. В романе М. Шолохова «Тихий Дон» наблюдается высокая частотность использования данной структуры, что свидетельствует о ее широком распространении в русской народной речи... Сложения «отец-мать» используются с большой частотой, как в русском, так и в финно-угорских и тюркских языках. К семантическому полю со значением родства и семейного статуса относятся сложения «братья-сестры, бабы-невестки, девки-невестки, девица-молодица»... Ареальные свойства изученных нами парных слов коррелирует с мнением Н.С. Трубецкого о восточном характере русской народной культуры. Он указывает на то, что культура народных масс больше связана с традициями Востока, чем культура верхов русского общества...» (Имре Пачаи, «Особенности лексики сибирских писателей», <http://portfolio.largereferat.info/osobennosti-leksiki-sibirskih-pisatelej.html>);

«Так, например, на основе данных об употребительности повторов в русском и украинском языках автор (Имре Пачаи, – П.Д.) делает заключение о «различии стилистических средств великорусского и украинского фольклора» (с. 79)...» (Г. Миронова, Рецензия на книгу Имре Пачаи «Ареальные аспекты парных слов в русском языке», https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100303/A_Linguistica_46-1998-1_34.pdf?sequence=1).

Слова-повторы, как и другие плеоназмы, являются весьма действенными, как при мобилизации человека, так и при его зомбировании (воздействии лишь на подсознание за счет отвлечения внимания). Наличие их указывает на высокую степень аффективности русского языка. И они не только предназначены для эмоционального выражения речи, но и предполагают эмоциональное восприятие её:

«В отличие от чисто субъективной эмоции, которая стремится только или преимущественно к самовыражению, без оглядки на адресата, эмоция действия, обращенная к адресату, не разрушает предметно-логическое содержание речи а, наоборот, способствует его усвоению адресатом. Конечно, это противопоставление не следует абсолютизировать: ведь сама задача речевого акта может заключаться не в том, чтобы донести до адресата какую-то информацию, а в том, чтобы внушить ему определенное чувство (порой даже вопреки логике и истине). Но и ориентированная на преимущественно эмоциональное воздействие речь всё же не может строиться как последовательность бессвязных аффективных возгласов. Эмоция, которую надо внушить адресату, нуждается в поддержке логики, хотя бы и не безупречной» (К.А. Долинин, «Стилистика французского языка» 1978,

Использование такого эмоционального убеждения вместо доказательства лишь подтверждает незрелость «русского духа» и женственность «русской души». Таким образом, русскому, как и финно-угорским и тюркским языкам, присущ: «...феномен повторения слова или его корневой части. Лингвисты обозначают это термином редупликация, понимая под ним удвоение всего слова или основной части слова. Повтор может быть либо полным, либо повторяется основа слова в другом падеже, либо с добавлением предлога, приставки или суффикса. Некоторые лингвисты склонны выделять такого рода образования в особую часть речи. Действительно. Вот начало многих сказок: «В некотором царстве, в некотором государстве жила-была принцесса...». «Жила-была» – очевидный повтор из двух сходных по звучанию и слоговому составу глаголов. Они как бы сами собой ритмически прилепляются друг к другу, образуя уже некоторое единство, отличное от просто «была» и просто «жила». Ну а вот скажем такая словоформа: «была не была». Это что – глагол? Нет. Это новое слово для выражения риска, отчаянной решимости» (Михаил Голубовский, «Слова-повторы в языке (редупликация)», <http://magazines.russ.ru/neva/2011/7/g13.html>).

Таким же словом-повтором является и рассмотренное уже ранее словосочетание «лапочка-дочка», состоящее из финно-угорской основы и ее русской кальки. Да и в словеповторе «синий-синий» само слово «синий» имеет финно-угорское происхождение (фин. «sininen», эст. «sinine»). Ведь у незаимствованных индоевропейских слов, обозначающих какой-либо цвет, после первого гласного звука (длинного или же, обычно, письменно не обозначаемого краткого), как правило, следует согласная буква «р» или заменяющая ее буква «л» (если же первый гласный звук потерян, то слово начинается именно с этих букв).

Весьма действенными для убеждения и зомбирования русскоязычного человека являются, как замена слов синонимичными им фразеологизмами, так и использование усилительных определений:

«Под фразеологизмами понимают такие устойчивые синтаксические конструкции, которые могут выступать в деятельности говорящего как эквиваленты отдельных слов. Так, вместо «много» можно сказать «с три короба», вместо «мало» – «с гулькин нос», вместо «долго» – «до морковкиного заговенья», вместо «быстро» – «одна нога здесь, другая – там» и т. д. У большинства фразеологических словосочетаний есть преимущество перед отдельными словами. Оно состоит в большей коннотативности, т. е. в возможности выразить своё эмоционально-оценочное отношение к объекту более выразительно, чем это позволяет сделать слово-синоним. Более того, многие фразеологизмы обладают выразительной образностью: с ними ассоциируется тот или иной образ – например, образ животного. Образные коннотации у фразеологизмов, принадлежащих к разным языкам, с одной стороны, могут совпадать, а с другой стороны, отличаться. Структурных и коннотативно-семантических отличий между фразеологизмами, созданными в разных языках, обычно больше, чем сходств. Вот почему буквальный перевод фразеологизмов с одного языка на другой, как правило, невозможен. Это свидетельствует о разных способах образования фразеологизмов в разных языках. Попробуйте буквально перевести с русского на

английский, немецкий или французский, например, такие русские фразеологизмы, «как бить баклуши», «в ус не дуть», «опять двадцать пять», «надулся как мышь на крупу», «пиши пропало», «ни кожи ни рожи», «ни бе ни ме ни кукареку» и мн. др. Некоторые из них можно перевести буквально (например, «опять двадцать пять» или «ни кожи ни рожи»), но в переводе они утратят русскую выразительность...» (Валерий Даниленко, «Введение в языкознание: курс лекций», <http://flibusta.site/b/370243/read>);

«Фразеологизм «стоять над душой» шокировать может многих. Душа не материал, к ней нельзя прикоснуться. Трудно представить, что возле нее может кто-то стоять. Тем не менее эта фраза широко распространена в речи многих жителей нашей необъятной страны. Согласно «Фразеологическому словарю русского литературного языка» Федорова А. И., это устойчивое выражение имеет следующее толкование: «мешать, надоедать своим долгим присутствием». Фраза «ищи ветра в поле» несколько похожа на «стоять над душой». Ветер – это не вещь. Ощутить его можно, но найти – это нечто нереальное. Сейчас ветер «обитает» в одном месте, а через секунду его уже здесь нет. И фразеологизм этот обозначает «тщетное занятие». Иностранец, впервые услышавший фразеологизм «съесть собаку», может прийти в ужас. Зачем есть этого зверя? Оказывается, эта фраза является укороченной версией пословицы. Раньше говорили так: «Собаку съел, а хвостом подавился». Речь шла о человеке, который сумел справиться с трудностями, но внезапно оступился на ровном месте. Нынешняя версия пословицы, которая привычна многим жителям России, имеет несколько иное лексическое значение. Согласно «Учебному фразеологическому словарю» Быстровой Е. А., Окуневой А. П., Шанского Н. М., крылатая фраза обозначает следующее: «приобрел большой опыт, основательные знания в чем-либо, стал мастером в каком-либо деле». «Руки не доходят посмотреть» – головная боль для многих людей, изучающих язык Пушкина. Как могут руки не дойти и не посмотреть, когда оба эти действия совершают другие органы. С лексической точки зрения данное предложение обозначает «занятость человека». Однако если попытаться представить происходящее, можно сойти с ума... Универсальная частица «угу» – спасение для многих россиян. Эта единица языка является контекстуальным синонимом к таким словам, как «благодарю», «пожалуйста», «здравствуй», «не за что», «обращайтесь» и пр. Аналоги этой замечательной частицы в других языках найти можно, но сложно. Именно поэтому «угу» повергает иностранцев в шок. Еще одним универсальным словом, коих в русском языке предостаточно, является глагол «давай». Эта единица языка может быть употреблена в значении «согласие», «прощание», «разрешение» и др. Как здесь иностранному гостю не запутаться?.. Глагол «сидеть», казалось бы, должен употребляться с одушевленными существительными. У таких предметов живой природы должны быть места, на которых можно было бы осуществлять вышеупомянутое действие. Увы, в русском языке не все так просто. Сидеть могут обувь и одежда. Как эту информацию донести до иностранца?» («Ох уж этот русский язык», <https://znachenie-slova.ru/это-любопытно/ох-уж-этот-русский-язык>);

«Таковы, например, фразеологические группы с усилительными определениями вроде: «диаметрально противоположный», «категорически отказаться», «горько сожалеть»,

«потрясающее впечатление» и т. п., или устойчивые глагольные сочетания, являющиеся перифразами простых глаголов типа: «одержать победу» – победить, «принять решение» – решить, вести переговоры...» (Виктор Виноградов, «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>).

Однако же для подсознания «одержать победу» означает «получить поражение» от кого-либо, а «принять решение» – «согласиться с решением» кого-либо (своего господина, начальника или какого-либо другого опекуна). Ведь слово «победа», бывшее ранее вовсе не антонимом, а синонимом слова «поражение», так и осталось для подсознания «поражением». Соглашаться же с решением «кого-либо» другого, пусть даже и мнимого «того, который во мне сидит» (то есть предаться «воле» инстинкта), – это значит, переложить на него ответственность за принятое «самим собою» решение а, тем самым, и не противиться своей холопской сущности:

«Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал,
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в штопор...
И тот, который в моём черепке,
Остался один – и влип.
Меня в заблужденье он ввёл и в пике
Прямо из мёртвой петли...»

(Владимир Высоцкий, «Як – истребитель», <http://otblesk.com/vysotsky/-ja-jak.htm>).

Особенно широко амбивалентные и энантиосемичные лексемы, идиомы-идиотизмы, паралогические фразеологизмы и другие лингвистические абсурды используются в рекламе и в политехнологиях. Кроме иносказательных или же сленговых идиом, типа «сам не свой», «вывести на чистую воду», «лопнуть от зависти», «бросаться в глаза», «закладывать за воротник», «прийти на бровях», «притягивать факты за уши», «толкать речь», «залечь на дно», «улыбнуться» (в смысле умереть), «подмочить репутацию», «замочить кого-нибудь», «мокрое дело», «ломом опоясанный», «мне это до лампочки» и «пофигизм», в русском языке много и таких, которые для нас настолько стали привычными, что мы даже и не обращаем внимания на их «необычность», а то и, вообще, на их абсурдность. Например, укр. «подив, здивування» – «...изумление от изумиться, диал. «лишиться разума». В XVII – XVIII вв. изумление = «обморок» (см. Перец, Кратк. Метод. 14). От из ума́...» (Этимологич. словарь Фасмера):

«Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления (то есть в состоянии незадействования разума, – П.Д.)» (Михаил Салтыков-Щедрин, <http://sovross.ru/articles/1347/23438>).

Чего только стоят и слова: «переживать», «безразлично», «ротозейничать», «прозевать», «проворонить», «колбасило», «однокашники», «проходимец», «прохвост», «шаромыжник», а также и фразы: «всё равно», «прийти в себя», «выйти из себя», «сойти с

ума», «умом тронуться», «свести с ума», «ум за разум заходит», «ума не приложу», «утечка мозгов», «промывать мозги», «играть на нервах», «влюбиться по уши», «проворачивать делишки», «валять дурака», «вверх тормашками», «не давать спуску», «переходить на личности», «без задних мыслей», «битый час», «резать правду-матку», «ведь то-то и оно»:

«Трудность не в том, что «ничего в этой стране нельзя сделать» (оказалось же, например, что в ней можно сделать революцию), а в том, что мой язык им так же непонятен, как мне – их. «Больной, что означает – не в свои сани не садись?» – «А я и не сажусь не в свои сани»; это из учебника по психиатрии. Так же и мы с начальством. «Вы же человек государственный», – говорю я одному крупному деятелю. А он мне: «Государство – понятие относительное». И тут – два пути. Первый – учить новый язык, что сложно и неохота, да и так он похож на родной, что можно потом все перепутать. Тут не только «я вам наберу», «повисите, пожалуйста», «это дорого стоит», «обречено на успех», «будет востребовано», «нет правовой базы», «плохая экология», «недофинансирование», «реализация нацпроектов» – дело в системе понятий, способах доказательства. Сказанное мной, как кажется, совершенно не соответствует услышанному в ответ. У начальства то же впечатление, я думаю. Второй путь – нажимать на все кнопки подряд, как в незнакомой компьютерной программе, иногда это приносит успех. Вот и займемся...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>).

Понять истинный смысл, например, такой известной идиомы, как «вышел из строя» тоже не так-то просто большинству не русскоязычных людей. А понять смысл заменяющей её идиомы «приказал долго жить», вообще, можно лишь в случае, если допустить, что русскоязычные люди склонны к шизофрении. То же самое касается и фразы «добровольно-принудительно». Да и зловещая «кузькина мать» говорит ведь о многом:

«Знаменитую фразу (клише, – П.Д.) Хрущёва: «Я вам покажу кузькину мать!» на ассамблее ООН перевели буквально – «Kuzma's mother». Смысл фразы был совершенно непонятен, и от этого угроза приобрела совершенно зловещий характер. Впоследствии выражение «кузькина мать» (коми «кузь» – «леший, чёрт») использовалось также и для обозначения советских атомных бомб...» («Интересные факты о выражениях», <http://muzey-factov.ru/tag/idioms>);

«Клише – это готовые, унаследованные выражения, «крылатые слова». Это – сфера стереотипных литературных фраз и образов, от повторения потерявших прелесть свежести и новизны. Часть их – осколки индивидуального художественного творчества, большая часть – неизвестного происхождения. В социальной атмосфере бескультурья или полубобразованности такие клише могут казаться эффектными. На самом же деле, они лишь условная декорация, прикрывающая недостаток оригинального стиля или красноречия... Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний – абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака. Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они немотивированы и непроизводны. В их значении нет

никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их смысловые элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое. Фразеологические сращения могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление. Примером фразеологического сращения является просторечно-вульгарное выражение «кузькина мать», обычно употребляемое в фразосочетании «показать кому-нибудь кузькину мать»... Ср. также: «гнуть в три погибели»; «не мытьем, так катаньем»; «без сучка, без задоринки» и т.п... Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: «так себе», «куда ни шло», «то и дело», «хоть куда», «трусю праздновать», «диву дать», «выжить из ума», «чем свет», «как пить дать» (ср. у Чехова в рассказе «Баба»: «Дело было ясное, как пить дать»), «мало ли какой», «из рук вон плохо», «так и быть», «шутка сказать», «себе на уме»...) (Виктор Виноградов, «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>).

И ведь же, все эти иносказательные слова и словосочетания (фразеологизмы, клише) непонятны не только нерусскоязычным людям, но и подсознанию русскоязычных людей. И, следовательно, основным назначением многих из них может являться обман совести. А это значит, что, используя подобные им слова и фразы, можно «без зазрения совести» а, следовательно, и абсолютно без «переживания» замышлять неблагоприятные дела и всего лишь намёками приказывать кому-либо совершать, как просто дурные поступки, так и преступления. И вообще, следует отметить, что использование разнообразных намёков, прозрачных лишь для разума (то есть понятных лишь сознанию и вовсе не понятных подсознанию), является весьма характерным, именно, для русскоязычного людишки.

Весьма знаменательно переосмысление и слова «сопроводить» [куда-нибудь]:

«Потрясенный внезапным возникновением в тылах Империи Пятой (нет, Шестой! То ли Седьмой или Восьмой?) колонны сектантов, да еще в таких непомерных количествах, генерал поставил ближайшую цель – отменить уже зарегистрированных, сопроводить, куда Макар никогда бы телят не погнал, всех незарегистрированных, и скорейшим образом извести новоявленную ересь под корень...» (Евгений Витковский, «Земля Святого Витта», <http://lib.co.ua/history/vitkovskiyevgeniy/zemljajsvjatogovitta.jsp>);

К тому же, в русском языке чрезвычайно много как буквенных и слоговых аббревиатурных сокращений (130860 сокращений в словаре <http://sokr.ru/>), так и производных от них неологизмов, которые дешифрируются лишь разумом (сознанием) и поэтому фактически дезорганизуют работу подсознания, не позволяя ему производить нравственную оценку помыслов русскоязычного человека:

«← Да, значит, украинцы отдали соседям язык, культуру Руси, свои университеты, наши ученые составили словари. А они нам что? – не понимала Фоминична. – Как что? Мы получили букет неологизмов и блямовное криминализированное населения. Смотри ... 5

октября 1918 в Москве при главном управлении НКВД созданы органы уголовного розыска – Московский уголовный розыск (МУР). – Московский уголовный сыск отдел розыска (МУСОР). МУС существовал с 1866. В период увлечения аббревиатурами их сразу же подхватили. А пес, изображение которого носили на петлицах еще во времена царя, распространил название – легавой. Тогда же в Питере появились ГОПы – городские общежития пролетариата, отсюда слово – «гопник». Времена сталинизма обогатили нас словами «допр» (дом принудительных обет), зэк. Это не аббревиатура времен БАМа – «Забайкальский комсомолец». Слово возникло во времена строительства Беломорканала. «ЗК» от официального названия рус. заключенный каналоармеец. – Ты смотри, и правда. Братья, однако! – А теперь вспомни, кто строил наш город? – Ясно кто – «беглые и каторжные». Они жили в форштадте, там, где Анголенко. – А сколько жителей имел город в 1917? – 24000. – А через 20 лет? 350000! – Война снова забрала лучших. 24 мая 1945 Сталин сказал, что русский народ "является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза". На восстановление Запорожья было прислано еще больше зэков, представителей нации, которую Сталин назвал "руководящей силой Советского Союза". Утвердился миф о превосходстве русских и отсталость тупых хохлов. Со сцены добывал наш дух изогнутый и нелепый Тарапунька. Ежегодно на заводы региона присылали зэков-"химиков", которые впоследствии стали местным населением, в 50-е послевоенных лет более 150 000 "химиков" стали блямовным генофондом Запорожье. Хроническое состояние страха, отсутствие доверия к людям, существование армии доносчиков, отсутствие элементарного чувства безопасности разрушили пассионарность украинцев, породили поколение эмоционально парализованных и психически неполноценных людей; страх жертвы провоцировал агрессию хищника. На смену элите – носителю национальной истины, защитнику культурных ценностей – пришла псевдоинтеллигенция, которая мало отличалась от пролетариата, потому что имела психологию послушания, комплекс неполноценности, колониальное мышление, колониальную сознание. Ага, понял: типичные зрители 95-го, современных тарапуньок – хоть с умирающей матери поржать и денешку взять?» (Ганна Черкаська, «К блямовному словарю», http://uahistory.com/topics/language_fun/13462).

Мешает этому, конечно же, и многозначность (омонимия), и энантиосемия многих слов и особенно тех, которые могут употребляться и с переносным смыслом, как правило, потаённым и, следовательно, недоступным для подсознания:

« – Дяденька Хрущёв, это вы запустили ракету? – Я, мальчик. – А сельское хозяйство? – Кто тебя научил такое говорить? – Папа. – Так вот скажи папе, что я умею сажать не только кукурузу!..» (Ирина Матвеева, «Энантиосемия как источник парадоксальности значения», <http://matveevaivzfei.narod.ru/goparadoks.htm>);

«Россия – странный садовод
И всю планету поражает,
Верша свой цикл наоборот:
Сперва растит, потом сажает»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_09.htm);

«При словах «посаженный отец» вспоминал Павлика Морозова» (Виктор Шендерович, «Шендевра», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«В уголовной среде, у преступников, не говорят, предлагая сесть, садитесь, говорят только «присаживайтесь» (потому что сесть, садиться означает для них только одно). И вот, это переняли все! Вместо того чтобы бояться, как огня, уподобления уголовникам! Это уже полностью вошло в обиход. Это рабское, чудовищное «присаживайтесь» звучит теперь повсюду. Так говорят начальники пришедшим к ним на приём. Так говорят журналисты TV гостям, приглашенным на передачу. Мне даже приходилось слышать, что не говорить «садитесь», а говорить «присаживайтесь», – это «ПРАВИЛО ХОРОШЕГО ТОНА»! На днях мне пришлось побывать в одном учреждении, и там мне сказали – «Присаживайтесь». Коротко – в двух словах – объяснил, что это происходит от уголовщины. И тогда милостивая сотрудница поведала мне, что у них имеется письменная инструкция, как разговаривать с клиентами, что, и как, и в каких случаях говорить, и в ней напечатано, что следует говорить именно «Присаживайтесь» – и никак иначе...» («О сращении преступности и советской власти», <http://sergedid.livejournal.com/214680.html>).

Слово же «перевести» имеет даже три разных смысла: 1) Перевести кого-либо на противоположную сторону дороги, 2) перевести повесть с немецкого языка на русский, 3) перевести бланки неправильным заполнением их. То есть, в последнем смысле – испортить или даже уничтожить что-либо:

«Переводить, перевести употребляется у нас в значении и уничтожить. Например, говорят: Дмитриев перевел многие басни Лафонтена; Жуковский перевел Шильонского узника. Это так; но говорится и этак перевести крыс мышьяком...» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>).

Слово «опровергать» тоже имеет три разных смысла:

«В глаголе опровергать тут же указываются три значения: «1) Собственно значит: ставить, оборачивать вверх дном, опрокидывать... 2) Низлагать, разорять. «Александр многие опроверг в Азии грады». 3) В состязаниях: возражать, утверждать доводами противное предложенному мнению; доказательствами приводить в слабость предложение противника. «Заблуждения языческая веры здравый разум опровергает». «Опровергать чьи доказательства» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/oprovergat.html>).

И, следовательно, употребляя слово «перевести» вместо слова «уничтожить», или же слово «опровергать» вместо слова «разорять», можно действовать абсолютно без зазрения совести.

Слово «находится» имеет даже четыре разных смысла (укр. «знаходиться», «визначається», «міститься», «перебуває») и означает случайное приобретение, определение, расположение и состояние чего-либо или кого-нибудь. И оно ассоциируется в подсознании индивидуума с чем-то неожиданным, получаемым в процессе произвольного хождения без

приложения усилий и интеллектуальных способностей.

Это всё, конечно же, указывает на примитивность и убогость русского новояза:

«Потеря давних (праукраинских – древнекиевских, – П.Д.) слов, существенное упрощение русского языка привело к тому, что к разным понятиям стало применяться одно и то же слово. Если в украинском языке «очі заплющують», «двері зачиняють», «справу закривають», то в русском и «глаза закрывают», и «дверь закрывают», и «дело закрывают». В русском языке «болеют болезнью» и «болеют за футбольную команду», «падают в тюрьму» и «падают в мишень». Тогда как в украинском существует два отдельных глагола – «хворіти» и «вболівати», «потрапляти» и «влучати». Слово «мука» означает перетёртое зерно, а также плохое состояние человека, и слово «состояние» имеет несколько разных значений. Сливочное масло в украинском языке тоже масло, для растительного масла имеется отдельное слово «олія», вовсе не обязательно заимствованное из греческого или латыни. Для жидкого машинного масла существует слово «олива», для густого смазочного – «мастило». От имени существительного «громада» в украинском языке образовано прилагательное «громадський», от «громадянин» – «громадянський». В русском языке такие нюансы отсутствуют, и в обоих случаях используется слово «гражданский». В украинском языке от слова «музика» образовано слово «музичний», от «музикант» – «музикальний». Поэтому «інструмент музичний», а «слух музикальний». От слова «військо» (армия) образовано слово «військовий», например, «військовий квиток», от слова «війна» (война) – «воєнний», например, «воєнний інцидент». В русском языке обе эти фразы звучат одинаково: «военный билет» и «военный инцидент»... Как старший по возрасту и происхождению, украинский язык сильнее и богаче русского в том смысле, что для большего количества предметов, явлений и действий используются совершенно разные, непохожие слова, в то время как в русском значительно чаще для различных понятий имеется только одно слово. Приём гостей, пациентов, пищи на украинском языке «прийом», спортивный приём (например, в борьбе) – хват, приём радиосигналов (выделение из спектра) – «відбір» (по-польски «odbiór», по-румынски «la recepție»)» (Юрко Стрелков-Серга, «Удивительная история про людей и языки»,

<https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Publ/MiracleHist/2Languages.html>).

Восприятие же фразы: «За песчаной косой лопухий косой пал под острой косой косой бабы с косой» не только иностранцами, но и подсознанием русскоязычного человека неизбежно приводит к тому, что, как говорится, «ум за разум заходит». Предполагая же существование «здорового разума», русский язык неизбежно допускает существование и «больного разума» (именно «больного разума», а не больной психики!).

Как видим, дальнейшие комментарии просто излишни, и следует признать, что русский: «Язык – очень несовершенное и опасное орудие, он нас подводит на каждом шагу, рождает из себя противоречия и запутывает. Особенно труден стал язык с тех пор, как реальный смысл, реальное содержание слов почти утеряно, значение слов стало номинальным. Теперь в философии приходится спорить из-за каждого слова, уславливаться о значении на протяжении целых томов. Пустые, утерявшие реальный смысл слова не подпускают людей друг к другу. Мы хотели бы прийти друг к другу и поговорить по душе,

но слова не пускают дальше передней. Гносеология не только подчиняется этой власти номинализма, но и закрепляет эту власть. Гносеологические споры – главным образом споры о словах, гносеологические разногласия – многозначность слов. Мы все уславливаемся, что значат слова, непосредственный смысл которых утерян. Развращающая власть словесности над философией, номинализма над реализмом тогда лишь будет побеждена, когда будет восстановлена непосредственная мистика слов, не магия слов, всегда заколдовывающая; а мистика слов, всегда освобождающая» (Николай Бердяев, «Философия свободы», – М.: Правда, 1989, http://philologos.narod.ru/texts/berd_lang.htm);

«...слова так часто являются посредником между нашим разумом и истиной, которую разум должен рассмотреть и постичь, что, подобно среде, через которую зрим видимые предметы, они своей неясностью и беспорядком нередко затемняют наше зрение и обманывают наш разум. Если принять во внимание, что заблуждениями, в которые люди вводят себя и других, и ошибками в спорах и понятиях людей мы во многом обязаны словам и их неопределенным или неправильным значениям, то у нас будет основание считать это немалым препятствием на пути к знанию. И, по моему мнению, о несовершенстве слов нужно предупреждать, тем более что до сих пор не только не обращали на него внимание как на неудобство, но даже, как мы увидим в следующей главе, искусство увеличивать его стало предметом изысканий и приобрело славу учености и тонкости ума. Однако я склонен думать, что если бы несовершенства языка как орудия познания были взвешены более основательно, то большая часть споров, создающих столько шума, прекратилась бы сама собою, а путь к знанию, а, может быть, также к миру стал бы гораздо более свободным, чем в настоящее время» (Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении»,. 1689, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000468/st012.shtml>);

«Да, у нас стали появляться феноменальные вещи. Скажем, уже ни у кого не вызывает реакции отторжения на такие благоглупости как: планы на будущее, патриот своей родины, профессионал своего дела, магазин по продаже, завод по производству, крупный мегаполис...» (Роман Газенко, из интервью: «Духовный чернобыль как необъявленная агрессия», <http://zavtra.ru/content/view/duhovnyij-chernobyl-kak-neobyavlenaya-agressiya/>);

«Русский язык унаследован древними славянами (на самом деле потомками угрофиннов и половцев, – П.Д.) (а через них и нами) от его более древних носителей (русинов-украинцев и южных славян, – П.Д.) в уже готовом виде; либо после того, как язык сложился, произошла психологическая катастрофа, в результате которой носители языка стали существенно глупее, нежели их язык. Так или иначе, но изначальный русский язык был унаследован при базовых значениях смысла «эле-мен-тар-ных частиц» языка на уровне тех языковых образований, которые ныне принято называть «слова». Послоговый и побуквенный (на самом деле, – корневой, – П.Д.) смысл большей частью был утрачен (мы отчасти воспринимаем различие смысла приставок, суффиксов и окончаний), вследствие чего: буквального смысла слов родного языка подавляющее большинство русскоязычных не ведает и не воспринимает, господствующая в науке морфология русского языка и традиция

истолкования его слов представляются неадекватной Жизни и самому языку. Наличие в русском языке скрытого внутри его слов второго базового уровня смысла (внутренней формы, часто не соответствующей в нем внешней форме – концепту, понятию, – П.Д.)... ..исключает возможность полноценного (концептуально идентичного, – П.Д.) перевода осмысленной русской речи на другие языки...» (Константин Петров – Внутренний предиктор СССР, «Язык наш: как объективная данность и как культура речи», https://www.e-reading.club/chapter.php/79174/16/Yazyk_nash_kak_obektivnaya_dannost%27_i_kak_kul%27tura_rechi.html; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/ling/02.php).

О мнимом богатстве русского языка

Наличие в русском языке большого количества многозначных слов развенчивает миф о богатстве русского языка. На бедность русской лексики указывают также и наличие в русском языке, как чрезвычайно большого количества иностранных заимствований, так и большого количества лакун, причем даже на фоне и лексически близкого к нему украинского языка:

«Методика контрастивного анализа лексики «от» украинского языка к русскому позволила выявить в русском литературном языке на фоне украинского литературного языка 1300 лакун в русском языке. Из них 194 мотивированные и 1106 немотивированные лакуны. Таким образом, соотношение мотивированных лакун к немотивированным составляет 1/6. Мотивированные лакуны, по результатам настоящего исследования, составили 15%, немотивированные лакуны – 85%. Надо полагать, такой высокий процент (85%) немотивированных лакун свидетельствует о коммуникативной нерелевантности (неадекватности, – П.Д.) тех или иных концептов в концептосфере русского народа. Более того, русскому языковому сознанию не присуща детальная номинация отдельных явлений... Средний индекс лакунарности в русском языке составил 0,043... При помощи той же методики, взяв русский язык за исходный, а язык сопоставления – украинский, был осуществлен анализ более 32 тысяч русских существительных. Выявлено и описано 130 русских безэквивалентных семем. Семный анализ коннотативного и функционального макрокомпонента показал, что русская безэквивалентная лексика является неоценочной (90%) и неэмоциональной (83%), по интенсивности использования – малоупотребительной (47%), и редкой (40%). Следовательно, русские безэквивалентные лексемы в основном находятся в пассивном словарном запасе народа. Средний индекс безэквивалентности русских существительных составил величину 0,004» (Наталья Проценкова, автореф. дис. «Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках: на материале имен существительных русского и украинского языков», <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-semantiki-slova-v-blizkorodstvennykh-yazykakh-na-materiale-imen-sus>).

Имеет место и плохая дифференцированность понятий в русской ЯКМ. Например, не строго соответствующим друг другу украинским понятиям «здобутки» и «досягнення» в русской ЯКМ ставится в соответствие одно и то же понятие – «достижения». Аналогично таким украинским понятиям, как «здобуття», «одержання» и «отримання», ставится в

соответствие лишь русское «получение»; украинским понятиям «набуття» (англ. «acquirement») и «придбання» (англ. «acquisition») – лишь русское «приобретение» (англ. «acquiring»); украинским понятиям «надбання» (англ. «acquisition») и «набуток» (англ. «gain») – лишь русское «достояние» (англ. «property»). Украинским словам «пошкодження» (причинение любого вреда, и в том числе, и нарушение должного функционирования чего-либо; англ. «injuring») и «ушкодження» (преимущественно лишь механическое повреждение; англ. «damage») ставится в соответствие лишь одно и то же русское слово «повреждение». Точно также одно и то же слово «уродование» соответствует украинским словам «нівечення» (англ. «deterioration») и «спотворення» (англ. «disfiguration»), а слово «порча» соответствует в некоторых смыслах не только укр. слову «псування» (англ. «spoilage»), но и укр. словам «збава» (англ. «spoiling») и «засніт» (англ. «deterioration»), хотя и не сопоставляется им.

Русскому существительному «желание» соответствует два украинских слова, а именно, «бажання» и «забажанка», обладающие соответственно позитивной и негативной коннотацией подобно глаголам «бажати» и «забажати». Да и глаголу «хотеть», соответствующему ныне в русском новоязе любому бессознательному желанию, можно тоже сопоставить два украинских глагола – «хтіти» (от «хить» – похотливость, «хиткий» – «неустойчивый, колеблющийся») и «хотіти», преимущественно отвечающие соответственно негативным и позитивным влечениям.

Русскому прилагательному «новоявленный» соответствует два украинских – неироничное «новоявлений» и ироничное «новоз'явлений». Точно также и русскому глаголу «приводить» [к чему-либо] соответствует не один, а два подобных украинских глагола с разными коннотациями – с позитивной «приводити» и с негативной «призводити» (то есть приводить к негативным последствиям).

Как видим, будто бы богатый русский язык оказался беднее украинского. В сугубо оценочном и замусоренном избыточными заимствованиями русском языке (согласно исследованиям Наталии Проценковой) нет никаких соответствий почти пяти процентам украинских существительных, в то время как, украинский язык мог бы быть обогащен менее чем половиной процента такой же русской лексики. И то, в этом нет никакой необходимости, так как эта безэквивалентная лексика является преимущественно малоупотребительной и даже очень редкой и в самом русском языке.

И ведь эта бедность искусственного и метафизического русского языка является следствием как исходной бедности и плохой детализированности ЯКМ предшествовавших ему в Московии туранских (финно-угорских и тюркских) языков, так и переименования (переосмысления) московитами лексики, заимствованной ими не только у славян, но и у многих других народов, под своё архаичное туранское мировосприятие:

«Порубежное» (между Европой и Азией) состояние русской культуры отразилось на языке, характерной чертой которого стала переимчивость: отторгая современные «холдинги» и «саммиты», современные языковые пуристы забывают о том, что почти каждое пятое-шестое русское слово не славянского, а тюркского происхождения. Осваивать, переименовая на свой лад – вообще свойство русской природы. Вспомним блоковское:

«Мы любим все – и жар холодных чисел,

И дар божественных видений,
Нам внятно все –
И острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...»

Переписка чужого до неузнаваемости видна и в заимствовании западных политических институтов в ходе общественных переустройств: первых русских «сенаторов» царь Петр собственноручно порол за нерадивость, Государственная Дума, и прежняя, и нынешняя, мало похожи на европейские парламенты, а разделение властей в России – не правовая норма, а инструмент политической борьбы, так же как президент не столько выборный и сменяемый глава государства, сколько (в ожиданиях граждан) – «отец Отечества», каким себя объявил еще первый русский реформатор Петр...» (Зинаида Сикевич, «Социология и психология национальных отношений», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>)

«Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен. У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» » (Александр Пушкин, из чернового наброска заметки «О причинах, замедливших ход нашей словесности», <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000010/st014.shtml>; http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/p6.txt_with-big-pictures.html);

«Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобие французского... (ясного, точного языка прозы – т. е. языка мыслей)» (Александр Пушкин, письмо князю Петру Вяземскому, 13 июля 1825г. из Михайловского в Царское Село, Переписка, I, 236, http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm?cmd=p; <http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=31&sub=9&part=35>);

«Русский язык похож на человека, у которого лежат золотые слитки в подвале, а часто нет двугривенника в кармане, чтобы заплатить за извозчика. Поневоле займешь у первого встречного знакомого» (Пётр Вяземский, «Старая записная книжка», ч. 6, <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/zapisnaya-knizka/prizhiznennye-publikacii-6.htm>);

«Язык наш был кафтан тяжелый
И слишком пахнул стариной;
Дал Карамзин покрой иной.
Пускай ворчат себе расколы!
Все приняли его покрой...»

(князь Пётр Вяземский, «Всякой на свой покрой»,
https://45parallel.net/petr_vyazemskiy/vsyakoy_na_svoy_pokroy.html);

«Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков прости:
Не знаю, как перевести)...»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин», гл. 8, http://oneginpushkin.narod.ru/onegin_94.html;
<http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=8&sub=8&page=3>);

«Имеет в слогe всяк различие народ:
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов»

(Александр Сумароков, «Две эпистолы», <http://forum.lingvolive.com/thread/197243/>);

«Наша письменная речь еще с петровских времен то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих, знающих цену мысли и времени, но не слову, пострадала: и в своем словарном запасе, и в грамматическом строе, и, самое главное, в складе. Словарный запас неуклонно тощал; ленились выискивать и привлекать достойные русские слова, или стыдились их «грубости», или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль (а неспособность-то была в нетерпеливых авторах). Взамен уроненного наталкивали без удержу иностранных слов, иногда очень хороших (кто кинет камень в «энергию», «нерв», «процесс», «проблему?»), часто совсем никчемных...» (Александр Солженицын, «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана»,
http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_smetana.txt_Ascii.txt);

«← Ну, какой он великий и могучий?! Русский язык – это франко-польско-англо-латинско-тюркское месиво. Да, в результате это месиво получилось неплохим, но надо честно признавать, что ничего уникального в этом нет. Вы почитайте, поознавайте, каким был русский язык до тех же петровских времён. Русское дворянство после войны 1812 года говорило преимущественно по-французски не потому, что оно было сволочным, непатриотично настроенным. Просто по-русски изъясняться было невозможно! Большинству понятий и явлений не было никаких обозначений...» (Александр Невzorov: великой русской культуры никогда не существовало,
http://www.aif.ru/society/people/aleksandr_nevzorov_velikoy_russkoy_kultury_nikogda_ne_sushc

[hestvovalo](#));

«Забавен русской жизни колорит,
Сложившийся за несколько веков:
С Россией ее совесть говорит
Посредством иностранных языков»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_05.htm);

«Известный тезис о том, что «могуч русский язык» – категорически ложен: он слаб. Чтобы описать мое отношение (как историка и гражданина) к режиму, к рабскому агрессивно-послушному большинству – не хватает слов. Сказать, что я все это презираю, что мне это отвратительно, омерзительно, назвать это скотством, убожеством, гнилью, грязью и т.д., и т.д. – это НИЧЕГО не сказать. Мат – еще акварельнее. Слаб русский язык, чрезвычайно слаб и беден. По крайней мере, для описания самой России. Для какой-нибудь тургеневской Франции (где был придуман тезис) – может, он и богат, велик и могуч, а здесь беден...» (режиссер, историк, академик РуАН Евгений Понасенков, «Не могуч, а очень слаб русский язык в отношении самой России», <http://www.echo.msk.ru/blog/eponasenkov/1376898-echo/>);

«В Москве, с сотнями тысяч украинцев и татар, кыргызов и узбеков, китайцев и немцев, невозможно днем с огнем найти ничего на других языках, кроме того убогого клоачного русского, на котором сейчас говорит и пишет эта страна... Язык, из которого вынуто удивление: черт побери, а мир-то населен более умными и человечными людьми, чем я и мои соотечественники, как же так? Как же я дошел до жизни такой? Патамушта империя и великая держава? Наоборот: потому что не империя, не великая держав, а порядком одичавшая страна. Очень много работы у следующих поколений, которым предстоит расчищать эти наши авгиевы конюшни» (профессор ВШЭ Гасан Гусейнов: «Патамушта империя и великая держава?», <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2528833-echo/>);

«Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча, в годы труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.
Но как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с тлением слова-сырца.
Эти слова приводят в движение
Тысячи лет миллионов сердца»

(Владимир Маяковский, «Поэзия», <http://slova.org.ru/mayakovskiy/poetry/>).

Отсутствуют в русском языке и однословные эквиваленты многим украинским глаголам:

«унеможливити» – «исключить возможность, сделать невозможным что-либо»

«унаочнювати» – «делать наглядным»;
«лунати» – «далеко распространяться подобно эху»;
«удавати» – «делать вид»;
«бовваніти» – «торчать истуканом / болваном»;
«нахмаритися» – «покрыться тучами [о небе]»;
«поводитися [якось]» – «вести себя [как-то]»;
«спантеличити» – «сбить с толку»;
«сплохувати» – «попасть в просак»;
«облишити» – «оставить в покое – перестать беспокоить, бросить [как ненужное]»;
«кайлувати» – «отбивать породу киркой»;
«локшіти» – «резать на мелкие куски»;
«вапнувати» – «штукатурить, белить известью»;
«веслувати» – «гresti веслами»;
«веснувати» – «вести весенние работы»;
«вигемблювати» – «выстрагивать рубанком»;
«вйваксувати» – «начистить обувь ваксой»;
«видибати» – «выйти, взойти, с трудом передвигая ноги»;
«вйкобзати, вйковзати» – «скользя по льду, проделать дорожку»;
«вйрачкувати» – «излазить на четвереньках»;
«вйсиновити» – «исключить из семьи, лишить наследства»;
«вйтавати» – «выступать из воды»;
«вйтерликати» – «заработать игрой на музыкальном инструменте»;
«вйчапати» – «с трудом выбраться»;
«вйчовгти» – «выйти, шаркая ногами»;
«вйчервонити» – «окрасить в красный цвет»;
«вйшаровувати» – «хорошо вымывать, смывать при помощи мочалки, щетки и пр.»;
«вйвчарити» – «пасти овец»;
«вйдмолодикувати» – «прожить молодые годы»;
«вйдроскошувати» – «пожить в довольстве, в роскоши»;
«вйршувати» – «сочинять стихи, произносить поздравительные стихи»;
«вйолокнуватіти» – «делаться волокнистым»;
«вйолоситися» – «таскать друг друга за волосы»;
«вйгаптувати» – «вышивать золотом или серебром»;
«вйгарликати» – «плохо петь»;
«вйдашити» – «крыть кровлю»;
«вйдибати» – «ходить медленно и неловко»;
«вйдилювати» – «строить из бревен»;
«вйдомувати» – «быть, находиться дома»;
«вйдопастися» – «наброситься на что-либо с жадностью»;
«вйжерстити» – «покрывать жостью»;
«вйзауважити» – («обратить внимание»);
«вйзволікати» – «медлить с выполнением чего-либо»;

«пружніти» – «делаться более упругим»;
 «змогутіти» – «стать более могущественным»;
 «усталитися» – «делаться стойким, устойчивым»;
 «зневірятися» – «терять веру во что-нибудь, не теряя надежду (не отчаиваясь)»;
 «зніжковіти» – «одновременно смутиться (укр. «збентежитися) и устыдиться (укр. «засоромитися)»;
 «знепритомніти» – «потерять сознание»;
 «задріботіти» – «быстро заговорить, засыпать скороговоркой»;
 «задрипувати» – забрызгать грязью нижнюю часть платья;
 «змарніти» – «потерять приглядность, то есть внешний хороший облик»;
 «змарнувати» – «без толку потратить, растратить, испортить»;
 «погараздитися» – «устроиться как следует, прийти в нормальное положение»;
 «понеділкувати» – «не выполнять тяжелой работы в понедельник»;
 «партачити» – «делать, выполнять что-нибудь неумело или небрежно»;
 «ковбанитися» – «возиться в грязи»;
 «коржавіти» – «становиться жестким, твердым»;
 «базарювати» – «быть на базаре для того, чтобы покупать или продавать что-нибудь»;
 «бевкати» – «говорить чепуху», «звонить раздельно в один колокол»;
 «бучавіти» – «твердеть, сохнуть [о кожах]»;
 «жилавіти» – «становиться жилистым»;
 «заборошнити» – «запачкать мукой»;
 «забузанити» – «говорить, понести чепуху»;
 «завузлити» – «завязать узлом»;
 «загоджувати» – «угождать кому-либо с корыстной целью»;
 «загвозджувати» – «прибивать гвоздями»;
 «загорбатіти» – «делаться горбатым»;
 «задощитися» – «намокнуть под дождём»;
 «закандзюбитися» – «согнуться крючком»;
 «заквітчуватися» – «украшаться цветами»;
 «закортіти» – «захотеть сильно, с нетерпением»;
 «замуравитися» – «зарастить травой»;
 «замолодикувати» – «начать жизнь парня, холостого человека»;
 «заніколитися» – «делаться некогда»;
 «занадитися» – «взять себе за привычку часто наведываться куда-нибудь»;
 «занікчемніти» – «делаться ничтожным»;
 «занехаювати» – «переставать заботиться о чем-либо»;
 «занизувати» – «вышивать занизыванием»;
 «занишпоритися» – «углубиться во что-либо, чрезмерно заинтересоваться всем»;
 «заприятелювати» – «делаться приятелем кого-либо»;
 «запропащати» – «приводить в негодность, к гибели; портить; уничтожать»;
 «зароситися» – «измочиться в росе»;
 «засльотітися» – «начать дождить, об обложном дожде»;

«затоваришувати» – «вступить в товарищеские отношения – стать товарищем кого-нибудь в каком-либо деле или же мероприятии»;

«зацвяхувати» – «обить гвоздиками»;

«русявіти / зарусявіти» – «становиться светло-русый / сделаться русым»;

«парубкувати» – «быть холостяком»;

«хамаркати» – «неразборчиво (невнятно) читать»;

«занедбати» – «перестать заботиться о ком-то, о чем-то»;

«занепадати» – «приходить в упадок, клониться к упадку»;

«гаяти» – «тратить попусту»;

«набрунитися» – «пустить почки»;

«ницювати» – «выворачивать на изнанку»;

«ніколитися» – «не хватать, не доставать времени»;

«нікчёмніти» – «превращаться в ничтожество»;

«норити» – «рыть норы; покрывать, усеивать, испещрять землю норами»;

«обриштóувати» – «обставлять [здание] строительными лесами, подмостками»;

«оговтатися» – «возвратиться в нормальное состояние, прийти в себя»;

«отямитися» – «прийти в себя»;

«очужіти» – «сделаться чужим»;

«очутіти» – «привести в чувства»;

«ошадіти» – «покрыться инеем, изморозью»;

«пароститися» – «пускать побеги, ростки»;

«тижнювати» – «быть где-нибудь всю неделю»;

«залицятися» – «имея чувство симпатии или любви к кому-либо, оказывать знаки внимания, задевать разговором, шутками и т. д.»;

«конюхарити» – «быть конюхом»;

«кородитися» – «корчиться от боли, жаловаться на боль, недомогание»;

«крижувати» – «воздвигать кресты»;

«куко́битися, кукоблитися» – «гнездиться; устраиваться; хозяйничать; заботиться»;

«кохатися» – «наслаждаться друг другом».

Зато в украинском языке отсутствует такой сугубо холопский глагол как «преклоняться» (укр. «непохитний» – непреклонный).

Смысл многих русских глаголов, даже не являющихся омонимами, зависит от контекста, в котором они используются. Например, «жить» означает и просто «существовать» (укр. «жити», «існувати») и обитать (укр. «мешкати») где-нибудь. Поэтому слово «выжить» может обладать как положительной (остаться в живых), так и отрицательной коннотацией (выжить из ума, выжить из квартиры).

Русскому глаголу «ожидать» тоже соответствуют два украинских глагола, обладающие разными смыслами: укр. «сподіватися» – «ожидать с надеждой (надеяться) на свершение ожидаемого (укр. «несподіваний» – неожиданный, «несподіванка» – неожиданность)», и укр. «очікувати» (чекати) – «ожидать (ждать) какое-либо событие и быть готовым к нему, не надеясь на то, что оно может обязательно произойти». Так, укр. «Я

очікую» означает:

«Без надежды я ожидаю» – лат. «Contra spem spero» – «Без надії сподіваюсь» (Леся Украинка, <http://www.stihi.ru/2011/03/18/7981>).

Русская же фраза: «без надежды надеюсь», ошибочно отождествляемая с лат. «Contra spem spero», является столь же абсурдной как и выражение «немасляное масло». Зависимость смысла многих русских слов от контекста, в котором они используются, позволяет русскоязычным людям не только обманывать свое подсознание, но и сознательно лукавить, сохраняя неоднозначность смысла в контексте фраз и, тем самым, обманывая, как подсознание, так и сознание других людей, лелеющих надежду на лучший исход для них. Поэтому-то очень часто мы и слышим фразу:

«А я и не обещал Вам ничего конкретного».

Иногда, несмотря на кажущуюся неразумность фраз, они действуют как заклинания, так как обращены, прежде всего, к подсознанию русскоязычного людишки, а не к его сознанию. Например, фраза: «Не смотря ни на что, жди меня (то есть безрассудно надейся на мое возвращение) и тогда я обязательно вернусь» – и есть подспудный смысл заклинания:

«Жди меня и я вернусь,

Только очень жди...»

(Константин Симонов, <http://militera.lib.ru/poetry/russian/simonov/02.html>).

Наружный лоск и «образованщина»

Неоднозначным является и глагол «образовать», отражающий чуждость большинству русскоязычных людей стремления к постоянному повышению уровня своих знаний. Ведь как же можно кому-либо или же чему-либо одному и тому же постоянно не преобразовываться, а как бы заново образовываться (укр. «утворюватися») без того, чтобы столь же регулярно ему и не разлагаться:

«В военкомате: – Ваше образование? – Образовался в процессе слияния яйцеклетки со сперматозоидом...» (народный юмор);

«Уникальный феномен «советского интеллигента-образованца» до сих пор изучен совершенно недостаточно и, будь у меня время, посвятил бы ему целую книгу со всем пышным разноцветьем этого национального позора. Надо иметь в виду, что само слово «интеллигенция» попало в русский язык из польского, причем изначально носило издевательский или ироничный характер, как символ гонора, высокомерия и напыщенности. Видимо, Иван Желтов имел основание еще в 1890 году писать, что «всякий недоучка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачастую даже и круглый дурак, затвердивший такие выражения, считается у нас интеллигентом, а совокупность их интеллигенцией» (Филологические записки, выпуск 4-5, 1890г., Воронеж, с.2). Видимо, у академика Д.С. Лихачева были основания для мысли о том, что нам не нужны толпы интеллигенции, достаточно 10–30 человек, чтобы представлять культуру страны. Великий Интеллигент Лихачев кожей чувствовал, что в СССР настоящая интеллигенция исчерпывается этим

количеством...» (Игорь Гарин, «Широта русской души», <https://www.proza.ru/2015/10/11/1542>).

Однако же, в отличие от обладающих наружным лоском (блеском) металлических шариков чародеев и гипнотизеров:

«На круглых дураков (интеллигентов-образованцев России, – П.Д.) число «пи» не распространяется» (Виктор Шендерович, «Шендевыры», <http://www.shender.ru/shendeivr/>);

«По словарю Даля «образовать» в отличие от «просвещать» означает: придать лишь наружный лоск (<http://dal.sci-lib.com/word020817.html>). Хотя и этот лоск у нас довольно третьего качества, в духе русского языка и верно по смыслу будет: сей образованный слой, всё, что самозванно или опрометчиво зовётся сейчас «интеллигенцией», называть «образованщиной»... Да, разбежалась деревня, а оставшаяся приглушена, да, на городских окраинах – стук домино (достижение всеобщей грамотности) и разбитые бутылки, ни нарядов, ни хороводов, и язык испорчен, а уж тем более искажены и ложно направлены мысли и старания, – но почему даже от этих разбитых бутылок, даже от бумажного мусора, перевеиваемого ветром по городским дворам, не охватывает такое отчаяние, как от служебного лицемерия образованщины?» (Александр Солженицын, «Образованщина», январь 1974, http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt_with-big-pictures.html).

К тому же этот «наружный лоск» или «лак», наряду с так хорошо знакомыми нам притворным радушием, коварной любезностью, очковтирательством, показухой и, вообще, с патологическим стремлением русскоязычного человека формировать у других выгодные для него впечатления (не стараться быть лучше, а лишь казаться лучше!), в общем-то, и есть не что иное, как одно из проявлений характерных для русскоязычного примитивного общества пороков – косности, некультурности, лжи и лицемерия:

«Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными. И вы делаетесь жертвой их чар, вопреки своей воле, вопреки всем предубеждениям. Сначала вы не замечаете, как попадаете в их сети, а позже уже не можете и не хотите от них избавиться. Выразить словами, в чём именно заключается их обаяние, невозможно. Могу только сказать, что это таинственное «нечто» является врождённым... Такая обаятельность одаряет русских могучей властью над сердцами людей. Пока вы находитесь в их обществе, вы поработены всецело. И обаяние тем сильнее, что вы убеждены, будто вы для них – всё то, чем они являются для вас. Вы забываете о времени, о свете, о делах, об обязанностях, об удовольствиях. Ничто не существует, кроме настоящего мгновения, никого, кроме того лица, с кем вы в данную минуту разговариваете и кого вы всем сердцем любите. Желание нравиться, доведённое до таких пределов, неизменно одерживает победу. Но желание это совершенно естественно и отнюдь не может быть названо фальшью. Это природный талант, который инстинктивно стремится к проявлению. Чтобы продлить иллюзию, быть может, нужно сделать только одно – остаться, не уходить. Но, с отъездом, исчезает всё, кроме воспоминания, которое вы уносите с собою. Уезжайте, уезжайте скорее – это наилучший исход. Русские – первые актеры в мире. Их искусство тем выше, что они не нуждаются в

сценических подмостках... Вас забывают, едва успев распрощаться» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 г.», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st022.shtml>);

«Доведённое до пределов стремление нравиться приводит к полному неумению не нравиться. Или нравиться, или никак не общаться. Но отношения между людьми и построены на этом «никак». Поэтому европейское «никак» добродушное, вежливое, русское – злое, сердитонасупленное. На конце оба типа русского общения сходятся (ибо и то и другое лишь модификации бессмысленного стремления к власти): обаятельный палач, красующийся своей профессиональной ловкостью перед жертвой и тут же заканчивающий диалог официальной развязкой...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«У нас в обществе вообще редко являются с явственно очерченной физиономией. Репутации большею частью устанавливаются на лживых данных – возвышаются, падают без достаточных причин или, по крайней мере, без причин основательных и справедливых. Никто, кажется, не заботится об истине, и всякий хочет только во что бы то ни стало пустить в оборот и свое слово. Проклятая наша привычка во всем видеть повод к выставке себя, к показу» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 19 мая 1861 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«Если я привел много цитат из старого времени, то только для того, чтобы показать, что вся наша цивилизация – это слой лака на старом огромном деревянном сооружении. Общий характер наших недостатков, нашей некультурности не изменился вовсе с веками. (Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия – страна фасадов...» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 г.», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st006.shtml>);

«Россия красит свой фасад,
Чтоб за фронтоном и порталом
Неуправляемый распад
Сменился плановым развалом»

(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/MD.htm>);

«Потемкинские деревни стали городами» (Аркадий Давидович, <https://quotesbook.info/quotes/person/Arkadijj-Filippovich-Davidovich/89>);

«Россия производит (ложное, – П.Д.) впечатление великой державы. Но больше она ничего не производит» (Акрам Муртазаев, цит. по: Валерий Каплан, «Домыслы, которые надо домыслить...», <https://mybook.ru/author/valerij-yakovlevich-kaplan/domysly-kotorye-nado->

domyslit/read/?page=1);

«Главным производством России по сей день остается идеологическое производство лжи, космической лжи, вселенской лжи – я имею в виду идеологии оболванивания народа в перманентной войне власти с этим самым народом. По словам главного редактора журнала «Искусство кино» Даниила Дондурея, это огромная политическая работа, колоссальная работа. Главное производство в России – не нефть, газ или даже оружие, но производство превратных ценностей и смыслов, искаженных представлений людей о жизни – искаженных и превратных, то есть отвлекающих массы от ее реалий, внушающих идеологические обманки, зомбирующих, превращающих йеху в послушное хрюкающее стадо...» (Игорь Гарин, «Фашизм и коммунизм» ч. 2., <http://www.proza.ru/2013/10/23/410>);

Догматизм и конформизм – основные черты российской образованщины:

«Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты. Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX веке они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу... Интеллигенция приняла раскольничий характер, что так свойственно русским. Она жила в расколе с окружающей действительностью, которую считала злой, и в ней выработалась фанатическая раскольничья мораль. Крайняя идейная нетерпимость русской интеллигенции была самозащитой; только таким путем она могла сохраниться во враждебном мире, только благодаря своему идейному фанатизму она могла выдержать преследования и удержать свои черты. Для русской интеллигенции, в которой преобладали социальные мотивы и революционные настроения, которая породила тип человека, единственной специальностью которого была революция, характерен был крайний догматизм, к которому искони склонны были русские. Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смещениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души. У

русской радикальной интеллигенции выработалось идолопоклонническое отношение к самой науке. Когда русский интеллигент делался дарвинистом, то дарвинизм был для него не биологической теорией, подлежащей спору, а догматом, и ко всякому не принимавшему этого догмата, например, к стороннику ламаркизма, возникало морально подозрительное отношение. Самый крупный русский философ XIX века, Вл. Соловьев сказал, что русские нигилисты исповедывали веру, основанную на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы (люди и обезьяны, – П.Д.) должны любить друг друга...» (Николай Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма» <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm>);

«Я – украинка, я выражаю от своего имени только то, что я действительно думаю, что призываю делать всех вменяемых граждан моей страны. Не бояться говорить то, что вы действительно думаете, но для этого надо сначала не бояться думать своими собственными мыслями – не взятыми в долг, не услышанными, не списанными (у кого-либо, – П.Д.)... Это труд, это работа, она требует концентрации, усилий... Более того, она сегодня идет против течения сегодняшней диджитальной цифровой цивилизации, которая вас бомбит избытком информации, которой вы не в состоянии осмыслить. Соответственно рассеивает ваше внимание, не дает вам сосредоточиться и додумать до конца самостоятельно ни одной мысли. Но надо бороться, иначе – крах, конец цивилизации и возвращение назад к обезьянам (подобно русскоязычным россиянам, – П.Д.)...» (Оксана Забужко, из интервью на радио НВ «Надо бороться, иначе – крах, конец цивилизации и возвращение назад к обезьянам», <https://litgazeta.com.ua/interviews/oksana-zabuzhko-treba-borotysia-inakshe-krakh-kinets-tsyvilizatsii-i-povernennia-nazad-do-mavp/>);

«Понять, какую роль прослойка, профессия которой – думать, играет сегодня в России, не составляет труда. Нужно взглянуть на механизм, который обеспечивает выживание российской системы. Этот механизм на удивление прост и пока эффективен в осуществлении интересов власти. Российской правящей корпорации удастся сохранять систему, давно пережившую свое время, благодаря игре в противоположности. Эта игра позволяет системе менять окраску и имитировать движение в разных направлениях. Фокус в следующем: нужно одновременно апеллировать к разным слоям, нейтрализуя их недовольство, и создавать видимость развития, в то время как стоишь на месте. С одной стороны, Кремль подкармливает националистическую волну, с другой – не забывает о подпитке имперских настроений. С одной – власть пропагандирует антизападничество для внутреннего пользования, с другой – обнимается с западными лидерами, а кое с кем имеет свой частный бизнес. С одной стороны, власть не скрывает своей антилиберальной сущности, с другой – опирается на «системный либерализм», т.е. на либеральную риторику и людей, которые позиционируют себя как либералы. И здесь – внимание: это балансирование на канате было бы невозможным без участия самых разных групп «думающего» сословия – от националистов до империалистов, от левых до правых. Все они с разной степенью воображения имитируют свои проекты, облегчая жизнь системы-хамелеона... Все группы интеллигенции («образованщины», – П.Д.) от «государственников» до левых (от Проханова

до Зюганова) строят «потемкинские деревни». Но основную нагрузку в поддержке статус-кво несут системные либералы. Потому что именно они дискредитируют единственно возможный выход из российского единовластия. Почему российские интеллектуалы идут в услужение власти? Для некоторых конформизм по традиции является формой жизни, и они им даже бравируют. Символом конформизма как жизненного кредо стал Никита Михалков. Страх маргинализации и потери комфорта жизни заставил других (и таких большинство) выбрать молчаливый конформизм, который они неуклюже пытаются скрыть под осторожным брюзжанием...» (политолог, сотрудник Центра Карнеги Лилия Шевцова, «Про слойки», <http://www.liberal.ru/articles/5038>).

К большому сожалению то, что:

«...Мы все учились понемногу, / Чему-нибудь и как-нибудь» (Александр Пушкин, «Евгений Онегин»), и явилось основной причиной прогрессирующего морального разложения, как самой интеллигенции, так и всего русскоязычного примитивного общества:

«Вот в нескольких словах характеристика России: массы народные – это полудикость, интеллигенция – это полуобразованность» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 12 июня 1869 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

Конечно же, этому существенно содействовало и государство:

«Русский народ продолжает разлагаться от бессилия, от тиранической анархии, от невежества и тьмы, от неорганизованности и недисциплинированности, от отсутствия руководящих созидательных сил. «Большевицкая революция» есть один из моментов разложения и гниения старой России, одна из трансформаций старой русской тьмы. Во всем этом нет ничего похожего на революцию, на демократию, на социализм, на сколько-нибудь глубокое изменение в обществе и народе. Все это – жуткий и зловещий маскарад» (Николай Бердяев, «Дневник», 17.11.1917, <https://project1917.ru/heroes/nikolay-berdyaev/>);

«Но были и Другие формы расширения – и разложения! – прежнего состава интеллигенции, уверенно направляемые государственные процессы. Один – физическое прерывание традиции интеллигентских семей: дети интеллигентов имели почти нулевые права на поступление в высшие учебные заведения (путь открывался лишь через личное подчинение и перерождение молодого человека: комсомол). Другой – спешное создание рабфаковской интеллигенции, при слабой научной подготовке, – «горячий» пролетарско-коммунистический поток. Третий – массовые аресты «вредителей» (Александр Солженицын, «Образованщина», январь 1974, http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt_with-big-pictures.html).

Именно так гнилая интеллигенция и была постепенно замещена более многочисленной перегнившей «образованщиной», ставшей весьма благодатным холопским гумусом для взращивания «гомо советикуса» (совка). Вот из этой то «образованщины» и выдвигаются сейчас бездарные правители, коррумпированные чиновники и другие посредственности. И она то, как раз, и является наиболее виновной в том, что не только для

иностранцев, но и для многих россиян их родина, как была всегда, так и остается лишь безобразной мачехой – презренной образиной (укр. «образа» – оскорбление) и исторической уродиной:

«И действительно, слова «безобразный» и «безобразие» часто слышатся теперь в нашем обществе, когда речь идет о России. И, кажется, трудно сыскать выражение более меткое и в такой степени идущее к делу. Болезненно гнетет душу вид этого безобразия; многих точит, как червь, тайное, глухое уныние; но многие же, и едва ли не большая часть, утешают себя соображениями о незрелости и невежестве народа, которому «стоит только просветиться, чтобы сделаться совершенно приличным народом, способным стать наравне с народами чужими...» (Иван Аксаков, «Народный отпор чужестранным учреждениям», <https://www.litres.ru/ivan-aksakov/narodnyy-otpor-chuzhestrannym-uchrezhdeniyam/chitat-onlayn/>).

Совершенно иным было изначально положение и предназначение интеллигенции в украинском обществе:

«...будучи выходцами из всех слоев украинского общества, интеллигенты почитались обществом в целом. Показательной в этом плане фигура Г. Сковороды, которого в равной степени почитали и властные слои, и интеллектуалы, и крестьяне. Поэтому и сам термин «интеллигенция» в Украине имеет отчетливо почтенный, уважаемый оттенок. В украинском языке находим даже разные слова для обозначения того или иного уважаемого лица – если речь идет о уважаемом государственном деятеле, военном предводителе и т.п., говорят: «зверхник» (то есть лишь заслуживающее требуемое уважение к себе «высочество», – П.Д.), когда же речь идет о уважаемом писателе, мыслителе, ученом и т.п., говорят: «достойник» (то есть достойный уважения человек, – П.Д.). Итак, накануне присоединения Украины к Московскому государству в XVII в. в Украине сформировалась влиятельная и уважаемая «прослойка» (укр. «верства», – П.Д.) интеллектуалов, «добывавших себе пропитание трудом своего ума и духа», которую В. Липинский и называет интеллигенцией. Это были мыслители и писатели (церковные и светские), преподаватели многочисленных уже в XVI в. школ и профессора коллегиумов (Острожского и с 1632 Киево-Могилянского) и др. Именно они в первую очередь и были носителями украинского национального духа, менталитета, о специфических чертах которого уже говорилось (экзистенциально-индивидуалистическое, плюралистическое видение мира, антеизм и кордоцентризм, толерантность в отношении других точек зрения и верований, открытость на весь мир и т.д.)...» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint2.html>).

Историческое недоразумение...

Россия обречена на то, чтобы вечно рассматриваться не как олицетворение культурно-этнического своеобразия ее населения, а лишь как некое историческое недоразумение, не заслуживающее не то, что любви, а даже и элементарного уважения:

«В России слезы светятся сквозь смех,
Россию Бог безумием карал.

России послужили больше всех
Те, кто ее сильнее презирал»
(Игорь Губерман, «Камерные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/2KG/TD.htm>);

«...Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!» (Александр Пушкин, Письмо жене Н.Н. Пушкиной, 18 мая 1836г., из Москвы в Петербург, https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1836/1903_715.htm);

«Цитата о трагической ошибке поэта родиться в России слишком важна, чтобы пройти мимо нее. Пушкин всегда выражается точно, и немного восклицательных знаков в его письмах. Выходит, с талантом без души в России можно жить, с душой без таланта – тоже, но вот когда у тебя и душа, и талант, возникает серьезная проблема. Поэт знал, что письма его к жене перлюстрируются, что их читает царь, и четко различал, какое письмо посылать почтой и какое по оказии. Это послано обычной почтой, на нем имеются два штемпеля, московский и петербургский. Стало быть, автор письма хотел, чтобы кто надо прочитал его крик отчаяния, и мазохистски желал, чтобы ошейник затянули еще туже» (Юрий Дружников, «Узник России // Истина дороже Родины», <http://www.druzhnikov.com/text/rass/usnik/12.html>);

«Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть, да бежать...»
(Александр Пушкин, «Когда за городом, задумчив, я брожу...»,
<http://www.stihi-rus.ru/Pushkin/stihi/128.htm>);

«Я, конечно, презираю моё отечество с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство... Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке... мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница» (Александр Пушкин, Письмо Петру Вяземскому, 27 мая 1826 г., из Пскова в Петербург, http://www.rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1826/1378_195.htm);

«Вяземскому всегда было чуждо благоговение перед специфическими началами русского государственного строя. В 1828 г. он писал А.И. Тургеневу: «Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти к России... Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека. Россию можно любить как бл...дь, которую любишь со всеми ее недостатками, проказами, но нельзя любить как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя» (Петр Вяземский, Письмо Александру Тургеневу, «Старая записная

книжка», Л., 1929, С. 337, http://lib.2-all.com/?book=107060&page_book=13;
http://beta.bookz.ru/authors/petr-vazemskii/perepisk_304/page-14-perepisk_304.html; Примечание
Л. Гинзбурга, http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0080-1.shtml);

«Если бы Вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. – Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна...» (Николай Гоголь, Письмо к Жуковскому, Рим, 30 октября 1837 г., <http://italy4.me/interesnoe-ob-italii/rim-v-pismax-gogolya.html>);

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ»

(Михаил Лермонтов, «Прощай, немытая Россия», 1841, <http://www.all-poetry.ru/stih376.html>);

«Можно благоговеть перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования...» (Василий Ключевский, из записной книжки, 1 января 1898 г., <http://sadsvt.narod.ru/kluch1.html>);

«Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково, это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и в направлении порабощения других народов» (Пётр Чаадаев, «Философические письма // L'UNIVERS», 15 января 1854, http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1098965515&archive=1098966929&start_from=&ucat=14&);

«Вы все, в ком так любовь к отчеству сильна,
Любовь, которая все лучшее в нем губит, –
И хочется сказать, что в наши времена
Тот – честный человек, кто родину не любит»

(Алексей Жемчужников, «Памятник Пушкину», 1880, <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=12920>);

«Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!»

(Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Про отвращение, возбужденное во мне Россией, страшно рассказывать»
(Лев Толстой, Письмо Василию Боткину, 21 октября 1857 г., Москва, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-tolstomu/letter-18.htm>; http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_17_18/vol_18/0460.htm);

«В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни» (Лев Толстой, Письмо Гр. А.А. Толстой, 1857 г. Августа 18. Я. П., <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1856-1862/letter-89.htm>);

«У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине»
(Федор Тютчев, <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu2/tu2-333-.htm>);

«Издали Россия представляется такую сплошную массу безобразия, что здорового ядра под этою толстою корою и не видно» (Иван Аксаков, Письмо к семье из Мюнхена, 1860, <http://iknigi.net/avtor-damir-solovev/108228-russkie-pisateli-i-publicisty-o-russkom-narode-damir-solovev/read/page-9.html>);

«Татьяна Александровна Гердт сказана недавно, что по поводу происходящего в России испытывает только два чувства: стыд и тоску. Я бы сказал: тот, кто не испытывает по этому поводу этих чувств, просто не знает, что такое стыд и что такое тоска» (Виктор Шендерович, «Стыд и тоска», <http://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1525134-echo/>);

«Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным (полицейским) на университетских кафедрах. Ненависть, отвращение поселяет к себе эта Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме» (Александр Герцен, Сочинения, Том 17, Петербургское издание 1917 г., стр. 143; цит. по: Давид Шуб, «Политические деятели России» (1850 – 1920 гг.), Гл. 1 «Основоположники русского революционного народничества», Александр Герцен, «Избранные цитаты из произведений Герцена», http://hrono.pisalo.ru/libris/lib_sh/shub01.html; <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/article-189.htm>);

«Если бы перед моим рождением господь бог сказал мне: «Граф! Выбирайте народ, среди которого вы хотите родиться» – я бы ответил ему: «Ваше величество, везде, где вам будет угодно, но только не в России!» У меня хватает смелости признаться в этом...» (Алексей К. Толстой, из письма к Б.М. Маркевичу от 26 апреля 1869г., Собр. соч. в 4-х тт. Т.

4, – Москва. Изд. «Правда», 1980 г., с.445; <https://fatmankiev.livejournal.com/130680.html>; https://relevantinfo.co.il/aleksey_konstantinovich_tolstoy/);

«Человеку неглупому стыдно быть русским чиновником, особенно по части азиатских дел. Да и вообще, в настоящее время без внутреннего негодования помыслить не можешь о том, что принадлежишь к этой подлой нации телят и свиней, которая зовется Русью» (Д. Григорьев, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <https://www.rulit.me/books/mneniya-russkih-o-samih-sebe-read-415368-26.html>);

«Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве» (Иван Тургенев, цитата из письма Фёдора Достоевского к А.Н. Майкову, 1867 г., <http://www.croquis.ru/2533.html>);

«27 апреля 1856 года композитор Михаил Иванович Глинка, уезжая из России в Германию, разделся на границе... догола, до самого гола, бросил на землю платье, чтоб и духу русского с собой случайно не прихватить, плюнул на русскую землю и крикнул: «Дай Бог мне никогда больше не видеть этой мерзкой страны и её людей» - и шагнул под шлагбаум. (Из воспоминаний сестры композитора Л.И. Шестаковой («Русская старина». Ежемесячное истор. изд. 1870г. Том II. Санкт-Петербург, 1870)); «Уезжая в 1856г. в последний раз за границу, Глинка на заставе у Петербурга вышел из кареты, простился с провожающими его, потом плюнул и сказал «Когда бы мне никогда этой гадкой страны не видать» (Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Надобно очень любить Россию, чтобы не чувствовать отвращения ко всей безалаберности нашей администрации, умственному и нравственному разврату так называемого образованного общества, глубокому невежеству и дикости масс и вообще отсутствию всякого понятия законности и честности во всем народе. По глубокому сознанию моему могу сказать, что я люблю отечество и, сколько мог, служил ему честно. Но как часто моей любви приходится бежать под защиту великодушия от тысячи бесчестных или бестолковых явлений нашей общественности. Сколько раз эта любовь была оскорблена самыми недостойными поступками моих соотечичей, а более всего их грубейшим нарушением правил самой обыкновенной общественной честности. Довериться в чем бы то ни было своему соотечественнику в большом деле или малом – значит непременно остаться в дураках. Когда и как мы выйдем из этого?» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 5 декабря 1863 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«...Скучно, тяжело, и вокруг столь подло и столь глупо, что не знаешь, где и дух перевести. Не могу себе простить, что я никогда не усвоил себе французского языка в той мере, чтобы на нем работать, как на родном. Я бы часа не остался в России и навсегда. Боюсь, что ее можно совсем возненавидеть со всеми ее нигилистами и охранителями. Нет ни

умов, ни характеров и ни тени достоинства... С чем же идти в жизнь этому стаду, и вдобавок еще самомнящему стаду?...» (Николай Лесков, Письмо Сергею Шубинскому, 17 августа 1883 г., Шувалово, <https://www.litmir.me/br/?b=114159&p=54>);

«Наконец из Кенигсберга
Я приблизился к стране,
Где не любят Гуттенберга
И находят вкус в говне.
Выпил русского настою,
Услыхал «ебёну мать»,
И пошли передо мною
Рожи русские плясать»

(Николай Некрасов, «Наконец из Кенигсберга», <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/n-stih.html>);

«Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут –
И вот что многие болваны
«священной родиной» зовут...»

(Дмитрий Веневитинов, «Природа наша, точно, мерзость!», 1826,
<http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/54777.html>);

«Россия чем хороша? Кого бы не выбрали, кого бы не назначили, что бы не случилось, это никак не может омрачить нашего с вами существования по одной простой причине: все настолько омерзительно, что ничего плохого случиться уже не может. Это то преимущество, которое сегодня имеет Россия перед всеми другими странами мира» (Александр Невзоров, из интервью на «Эхо Москвы», <https://uainfo.org/blognews/1474005583-y-rossii-vse-nastolko-omerzitelno-chto-nichego-plohogo.html>, <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1837614-echo/>);

«Он (Чехов, – П.Д.) замолчал, задумался и, махнув рукой, тихо сказал: – Такая нелепая, неуклюжая страна – эта наша Россия... – В России честный человек – что-то вроде трубочиста, которым няньки пугают маленьких детей... Вся Россия – страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много едят, пьют, любят спать днём и во сне храпят. Женятся они для порядка в доме, а любовниц заводят для престижа в обществе. Психология у них – собачья: бьют их – они тихонько повизгивают и прячутся по своим конурам, ласкают – они ложатся на спину, лапки кверху, и виляют хвостиками...» (Максим Горький, «Книга о русских людях // А.П. Чехов», <http://www.maximgorkiy.narod.ru/chehov.htm>);

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,

И всякой мерзости полна!»

(Алексей Хомяков, «России», <http://er3ed.qrz.ru/homyakov.htm#rossii>);

«Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу, –
Я люблю идеал человека»

(Валерий Брюсов, «Я действительности...», 1896, <http://biblioteka-poeta.ru/ya-deistvitelnosti-nashei-ne-vizhu/bryusov-v-ya>);

«Странная Русь (точнее, Псевдорусь – Московия, – П.Д.)! Из нее высшими плодами являются или люди, опередившие свое время до того, что, задавленные существующим, они бесплодно умирают по ссылкам, или люди, опертые на прошедшем, никакой симпатии не имеющие в настоящем и также бесплодно влачащие жизнь» (Александр Герцен, «Дневник» (1842 – 1845), <http://russkay-literatura.ru/gercen-a-i/405-gerczen-ai-dnevnik-1842-1845.html>);

«Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.
Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!»

(Максимилиан Волошин, «Святая Русь», <https://www.culture.ru/poems/33321/svyataya-rus>);

«...При виде всего этого спрашиваю себя каждый день: «Боже, патриот ли я? Презираю ли я или чту свою родину?» И боюсь сказать: мне кажется, что я её люблю, как мать, и в то же время презираю, как пьяную, бесхарактерную до низости дуру. Весело, весело, весело!.. Хандра, хандра, севрюга!.. Продолжать более в этом духе невозможно...» (Константин Леонтьев, Письмо Е.С. Карцевой, 23 апреля 1878г., Любань, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml);

«Свирепая и хамская безжалостность в отношении людей является традиционной и всегдашней практикой России. Когда мы внушаем детям мысли о патриотизме – то мы, к сожалению, заранее обрекаем их на рабство этой системе. А эта система, подозреваю, вечна...» (Александр Невзоров, ответы на вопросы из зала в московском «Театре Эстрады», <http://www.aboutru.com/2015/11/19911/>; <http://4vlada.net/v-mire/nevzorov-v-moskve-pochemu>);

[patriotami-rossii-schitayutsya-te-kto-v-etu-rossiyu-prodolzhaet-vli](#));

«Напрасно наши ультраруссофилы так восстают против Запада. Народы Запада много страдали, и страдали потому, что действовали. Мы страдали пассивно, зато ничего и не сделали. Народ погружен в глубокое варварство, интеллигенция развращена и испорчена, правительство бессильно для всякого добра... Они консервативны, потому что всякое новое движение угрожает им падением, как неспособным сочувствовать и содействовать никакому общественному преуспеянию. Закоснелые в эгоизме, они знают, что их не одобряют благомыслящие люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться в их глазах, они делают вид, будто следуют какой-нибудь доктрине, надевают личину какого-нибудь принципа, признанного в истории человеческих обществ и в цивилизации. Но кого они этим обманывают?..» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 10 сентября 1865 г., 6 ноября 1867 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Это – «мечь», «выстраданное проклятие» России. «Оставьте все надежды». Россия гибнет. Ее прошедшее пусто, настоящее невыносимо, а будущего вовсе нет. Вся она – «только пробел разумения, грозный урок, «данный народам, – до чего отчуждение и рабство могут довести». Так понял Герцен Чаадаева; так поняли все – славянофилы и западники, либералы и консерваторы, умные и глупые, честные и подлые» (Дмитрий Мережковский, «Было и будет. Невоенный дневник», 1914–1916, <http://merezhkovski.ru/proizved/chaadaev.php>);

«Россия похожа на мальчика, который рос в сквернейшей школе истории, где его били не на живот, а на смерть. Потом он очутился в другой, менее тяжелой школе, где его начали меньше бить. Вот он зашалился – теперь к нему приставляют для исправления гувернеров в лице администрации. Но беда в том, что сами гувернеры большею частью люди прескверные, и толку выходит мало. Мальчик растет лжецом, мотом, и трудно полагать, чтобы из него вышло что-нибудь хорошее» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 4 декабря 1874 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Россия – страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности...» (Николай Бердяев, «Судьба России // Душа России», http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_with-big-pictures.html, <http://www.litmir.net/br/?b=39374&p=6>);

«И как надоела всему миру своими гнусностями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!» (Иван Бунин, «Устами Буниных», Том 2, 1920 – 1953, 6 авг. 21 г., Висбаден, <http://www.rulit.net/books/ustami-buninyh-tom-2-1920-1953-read-216007-9.html>; Михаил Роцин, «Иван Бунин», <https://www.litmir.me/br/?b=156909&p=9>);

«Неужели наконец я избавился от власти этого скотского народа? Болезненно счастлив, когда в Орше немец дал в морду какому-то большевику, вознамерившемуся что-то сделать по-большевицки...» (Иван Бунин, цит. по: Владимир Левин, «МЗ»,

<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=print&id=1725>);

«И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы... «вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси. Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли» (LII – LXIV): «Заметки о революции и культуре 1917 – 1918 гг.», <https://ilibrary.ru/text/2378/p.52/index.html>);

«Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о Родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?»

(Андрей Белый, «Родина», 1908, <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=3766>);

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?
Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да верстов столбовых»

(Александр Блок, «Русь моя, жизнь моя...», <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/blok727.html>);

«26 мая Блок пишет последнее письмо Чуковскому со знаменитым: «слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия <меня>, как чушка своего поросенка» (Александр Тимофеевский, «Как Горький спасал Блока», <http://rulife.ru/old/mode/article/569/>);

«Последние слова Блока перед смертью помните? «Россия съела меня, как глупая чушка своего поросенка». Блок не был оригинален. Россия как чушка – распространенный в то время образ. «Свинья матушка» – один из очерков Мережковского, написанный для «Речи», включенный в сборник «Россия больная» (1910). Мережковский там о том же, о чем спустя 11 лет Блок. О стране-чушке, равнодушно схрапывающей очередного визжащего поросенка, я нередко думаю, когда смотрю (в смысле, не смотрю) телек. Там счафкали все, что было живого. Осталась нежить...» (известный российский журналист и телеведущий Дмитрий Губин, <https://dimagubin.livejournal.com/130412.html>);

«Поэтому так непомерна Русь
И в своеволю, и в самодержавьи.
И в мире нет истории страшней,

Безумней, чем история России»

(Максимилиан Волошин, «Россия», <http://www.proza.ru/2010/01/05/1375>);

«С Россией кончено... ..И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!»

(Максимилиан Волошин, «Мир», 23 ноября 1917, Коктебель,
<http://www.klassika.ru/stihi/voloshin/s-rossiej-koncheno.html>);

«Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой
И утром на востоке
Терять себя звездой.
И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиная
За то, что ты мне мать»

(Сергей Есенин, «О Родина!», 1917, <http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/e74/e74-166-.htm>);

«Любовь к России, к русским людям, к русскому народу сплошь и рядом представляет собою нечто вроде крышки от Пандорина ящика, которую стоит только приподнять, чтоб из ящика хлынула пошлость, наглость, ложь, лицемерие, беспардонное самохвальство» (социолог Николай Михайловский, цит. по: «Русская Правда. Афоризмы», <http://fb2.online/b/513054/read>);

«Россия – страна генетического отребья... – Я бы не сбрасывала со счетов 1917 год. А потом 1937-й. Два подряд уничтожения элиты, плюс война, плюс регулярные послевоенные проработочные кампании – а травить у нас очень умеют – привели к тому, что Россия стала страной генетического отребья... Я не просто одна из лохов, я – лошиная матка, в чем признаюсь на первой же странице. Символ всероссийского лоховства с проектом «Дом-2» («Большой сумасшедший Дом», – П.Д.)» (Ксения Собчак, «Я не светская львица», <http://forum.meta.ua/topic/t/94388/asc/0.html>);

«Если бы мне пообещали, что я всю жизнь буду жить только в России и общаться только с русскими, я бы, наверное, повесилась... Россия – это большой сумасшедший дом, где на двери висит большой амбарный замок, зато стены нету; где потолки низкие, зато вместо пола – бездна под ногами. Русские почему-то полагают, что они – богоносный народ,

что Бог возлюбил их и отметил, а свою постоянную несчастьность одни объясняют ниспосланным испытанием, избранностью, Голгофскими муками и страшно гордятся, что удостоены своей доли страданий. Для меня русский патриотизм ужасен, и не только по той очевидной причине, что он смертельно и безошибочно пахнет фашизмом, но главным образом потому, что его идея и цель – замкнуть русский мир на самого себя, заткнуть все щели, дыры и поры, все форточки, из которых сквозит веселым ветром чужих культур, и оставить русских наедине друг с другом» (Татьяна Толстая: «Для меня русский патриотизм ужасен!», <https://zugunder.com/index.php?topic=120896.0>; https://antikor.com.ua/articles/44135-tatijana_tolstaja_dlja_menja_russkij_patriotizm_uhasen);

«Ненавистная моя родина!
Нет постыдней твоих ночей.
Как тебе везло на юродивых,
На холопов и палачей!»

(Ирина Ратушинская, «Родина», 1977, <https://www.stihi.ru/2018/11/25/1781>;
<https://plus.google.com/114995110663013667157/posts/W51JTtA8jfk>);

«Ну-с, родина-отечество-отчизна,
Какие песни я тебе спою?
Ты заслужила – нет, не укоризну,
Ты заслужила ненависть мою:
За все столетья лжи и преступлений,
За гениев, затравленных тобой,
За участь гнивших в рабстве поколений
И поколений, шедших на убой,
За фанатичную, тупую веру,
За власть тиранов, и за власть толпы,
За то, что ты любому изуверу
Возводишь мавзолеи и столпы...»

(Юрий Нестеренко, «России», 1995, <http://yun.complife.info/verses/contrall.txt>);

«Вообще, главная беда даже не в том, что Россия на протяжении всей своей истории была – и остается – империей зла, а в том, что это империя именно бессмысленного, иррационального зла (и, собственно, именно поэтому это зло и достигало таких масштабов; никакие рациональные цели не требуют таких гигантских жертв)» (Юрий Нестеренко, «Исход», <http://yun.complife.info/miscell/exodus.htm>);

«Россия, как ты погибла? Как ты сделалась жертвой дьяволов, твоих же собственных детей? Что с тобой? Никогда не было загадки загадочнее, непонятнее. В Россию надо верить и надо надеяться, но то, что вижу, знаю и понимаю, не дает ни веры, ни надежды. Я не могу даже любить ее, могу только жалеть» (Сергей Булгаков, <https://project1917.ru/heroes/sergey-bulgakov>);

«Родина моя скорбна и нема...
Родина моя, ты сошла с ума.
В анабиозе доживает век Москва – дошла.
Над куполами Люцеферова звезда взошла,
Наблюдая свысока, как идёшь ты с молотка
за пятак...»

(Игорь Тальков, «Родина моя», http://www.sentido.ru/songs.php?id_song=2532);

«Страна моя идёт ко дну
Со мною заодно,
А мне – обидно за страну
И боязно – за дно»

(Игорь Иртеньев, из интервью Анжеле Мази, <http://www.myudm.ru/interview/mazi/irteniev>);

«Моя страна сошла с ума
И я ничем не могу помочь
И что тут делать
И как тут быть
Если все отныне вверх дном
Не надо нимбы и крылья растить
Надо просто не быть гавном...»

(Андрей Макаревич, «Моя страна сошла с ума...», <http://www.kp.ru/daily/26279.7/3156475/>);

«Всё. Достали. Господа холуи, проходимцы, приспособленцы и просто идиоты! Не смейте меня учить любить Родину! Научить любить нельзя. Заставить любить нельзя. Неужели это не понятно? Ту Россию, которую я любил и буду любить, меня учить любить не надо. А то чудовище, которое вы пытаетесь родить, калеча и уродуя мою страну, вы меня полюбить не заставите. И гореть вам в аду, клоуны» (Андрей Макаревич, «Всё. Достали», <https://informer.net.ua/vsyo-dostali-ne-smejte-menya-uchit-lyubit-rodinu/>);

«Жить бы мне
В такой стране,
Чтобы ей гордиться.
Только мне
В большом говне
Довелось родиться.
Не помог
России Бог,
Царь или республика,
Наш народ
Ворует, пьёт,

Гадит из-за рублика»

(Эльдар Рязанов, «Неподведённые итоги», <http://politiko.ua/blogpost109363>);

«... Что в твоём окне, что в твоём окне

Серый полумрак, лагерный барак.

Каменный мешок, в нём растёт цветок

Экам не до сна, как она нежна

Русская весна, русская весна.

Что нас примирит, как нам вместе быть

Как весну с тобой эту пережить

Звезды на плечах плавятся в печках

Тают тонны лжи, кого ещё сожрет она

Русская весна, русская весна»

(Юрий Шевчук, «Русская весна», <https://charter97.org/ru/news/2015/10/28/175680/>);

«... Предо мной чумное лежит пространство,

беспросветно, обло, стозевно, зло,

непристойно, мстительно и пристрастно

и зловонной тиной заросло...

Тут Христос бессилен, а свят Иуда,

кровянист закат, упразднен рассвет.

Я не знаю, что это и откуда.

Доказательств, что это Россия, нет...»

(Дмитрий Быков, «Доказательное», <http://ru-bykov.livejournal.com/1970015.html>;
<http://gordonua.com/publications/poet-bykov-o-katastrofe-boeing-otvechaem-iskrenne-po-pacanski-dokazatelstv-chto-eto-rossiya-net-33570.html>);

«Моя Родина – это пьяные, наркоманские города и веси, вокзалы, смердящие бомжами. Школы, кишачие педофилами. Смертельно опасные ночные улицы и подъезды. Милиционеры, коррупционеры, аферисты, садисты, фашисты...» (российский журналист Николай Варсегов, «А за что мне Родину любить?», <http://www.kp.ru/daily/24416/588902/>);

«Я ненавижу эту страну. Я устал от нее. Силы кончились. Ненавижу ее рабство, ее воровство, ее хамство, ее наглую ложь, ее лицемерие и самолюбование. Никогда не знаешь, когда она устроит тебе подломаку. Не будет здесь добра...» (Михаил Веллер, «Бомж // Объяснение в ненависти», <http://www.novayagazeta.ru/arts/67145.html>);

«Моя мечта – разровнять место, где была Россия, и построить что-то новое» (Михаил Жванецкий, <http://donbass.ua/news/world/2015/10/05/moja-mechta-razrovnjat-mesto-gde-byla-rossija-i-postroit-chto-to-novoe-zhvaneckii.html> ; <https://mirtesen.ru/pad/43612354695>).

...Или Паханат Россия

Совершенно новый вид государственного устройства – возглавляемые паханом агрессивно-послушное большинство (быдло) и опекающее его вертухайское меньшинство (холуйская бандократия):

«Россия не только фашистское, но и бандитское государство, вторую сотню лет захваченное кровавой бандой безжалостных убийц и грабителей. Столетнее искоренение даже мысли о свободе привело к тому, что простой россиянин мечтает не о том, чтобы освободиться от банды, а стать ее членом, получать свою долю от награбленного. Поэтому слова главы государства о том, что воровать чужую собственность (технологии) – это нормально, воспринимаются с улыбкой одобрения. А разбойный вооруженный захват части территории соседнего государства, наплевав на собственные гарантии и обязательства, – со слезами гордости и умиления на глазах. А если ты в банде, то какой же ты блатной, если не можешь громко прорычать: «Пасть порву! Моргалы выколю!». Вот и кричат, каждый на свой лад, адресуясь к подведомственному быдлу и холопам. Главный киллер России обещает поубивать всех внутренних врагов всероссийского пахана. А главный клоун – бросить атомную бомбу на соседнее государство, которое не желает делать то, что велит ему всероссийский пахан. Отчего же не брякнуть, коли знаешь, что пахан одобрительно усмехнется. Да и подведомственной популяции понравится» (Сергей Статурин, комментарий к статьи Игоря Яковенко, «Вертикаль власти и чиновничья логорея», <https://www.kasparov.ru/material.php?id=5DDEA864D500B>);

«Нам говорят, что в области социэкономики у русских господствует иждивенчески-патерналистская идея, а в области организационно-политической основа всего – «холуйски-паханский» комплекс: «нам бы хорошего и сильного пахана!» [Тэневик 1996]. Термин «пахан» в данном случае родовой, он включает виды: это и император, и генсек, и президент, которым именно и «нужна холуйская среда». Как бы идея «царя» в новых социальных условиях...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-295.html>);

«Пахан был дух и голос множества,
В нем воплотилось большинство;
Он был великое ничтожество,
За что и вышел в божество»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_03.htm);

«Номенклатура не только класс-паразит, но и класс-гонитель, класс-разрушитель, класс-палач, класс-преступник. Отыскивая ему место в истории, Милован Джилас, а затем Михаил Восленский (два крупнейших исследователя номенклатуры) пришли к выводу, что реальный социализм – это промышленный феодализм или феодальный социализм и что реальный социализм не следует за эпохой капитализма, а предшествует ей. Как и фашизм, реальный социализм – это бандократия, совершенно новый вид государственного

устройства, когда к власти приходит банда фанатиков и убийц, которая правит страной по первобытно-племенным принципам «паханства». Со временем бандократия сверху сливается с бандами снизу, образуя государство-монстр, построенное по законам зоны и представляющее собой концлагерь огромных размеров...» (Игорь Гарин, «Номенклатура», <https://www.proza.ru/2014/09/02/640>);

«Русское общество приобрело характерную для оккупированных (колонизируемых) территорий двухуровневую структуру. Где-то «на дне» есть реальный «производящий» социум со всеми свойственными ему внутренними противоречиями между составляющими его сословиями и есть «криминальная нашлапка» над этим социумом, состоящая из не включенных в его повседневную производительную жизнь паразитических элементов, которые выкачивают из этого социума всё что можно. Сегодня Россия искусственно поделена на два класса – «оккупантов» и «население». «Оккупанты» – это сформированная из люмпенов всех мастей («во фраках», «в погонах» или «в цепях» – не имеет значения) воровская элита, организованная как мафия и живущая «по понятиям», которая поставила под свой контроль государство и использует это государство как орудие перераспределения в свою пользу всего того, что производит население. «Население» – это совокупность впавших в «состояние комы» производящих сословий, лишенных реальной правовой и политической защиты, социальная роль которых сведена к обслуживанию паразитической элиты» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Новая Орда», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«Конечно, меньшинство имеет право на власть, если ему удастся убедить в своей правоте большинство. Чтобы убедить большинство, нужно полагаться не на логику, не на истину. Для этого нужна наглая ложь. Поэтому демагогия является способом существования любого политического класса. Если же политический класс не может убедить большинство в своей правоте, если у него нет хороших демагогов, то ему нужно либо уйти, либо заменить демагогию прямым насилием над большинством. Эта перспектива пугает правящий класс России, который, если я правильно понимаю, делает вид, что мы такие же, как они, только не с ними. Они пытаются стереть границы между нами и ими, между меньшинством и большинством, между классами и группами...» (Фёдор Гиренок, «Политический палимпсест России», <http://fedorgirenok.narod.ru/politpalim.htm>; <http://zavtra.ru/blogs/2010-11-2472>);

«Если У. Черчилль обещал своему народу в тяжелейший час его истории кровь, пот и слезы на годы войны с Германией, то В. Путин или его спичрайтер обещают русскому народу «огромные жертвы и лишения» на все времена – тысячелетие назад и тысячелетие вперед. Более того, согласно этой абсурдной философии исторического мазохизма вся русская история погружается в некий вечный замкнутый порочный круг. Народ совершает подвиги, несет огромные жертвы и лишения для того, чтобы сохранить пространство, поддержание которого требует новых подвигов, жертв и лишений. Пространство, пожирающее историческое время. Новая концепция четырехмерного пространства-времени. Путин как Эйнштейн сегодня. Впрочем, эта сказочка о народе-богоносце, единственное

предназначение которого совершать подвиги и нести огромные жертвы и лишения, вовсе не оригинальна. Это вечная песня российской элиты, обращенная к русскому народу, – вы там совершайте подвиги, приносите огромные жертвы и терпите лишения, а мы здесь будем руководить великой державой и «обширным пространством»... Это отношение к своему народу как к богоносному быдлу, как к колониальному народу, как к сырью для державных экзерсисов элиты привело и к катастрофе 1917-го, и к катастрофе 1991-го. Приведет и к третьей, если как никогда сытая и безответственная элита не откажется от своей многовековой установки на жертвы и лишения призванного совершать подвиги народа...» (Андрей Пионтковский, «Пространство, пожирающее время», <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/pi14-pr.html>; <https://public.wikireading.ru/81420>; http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Fire/fire_046.html).

Наличие же в России авторитарного правителя (пахана) и так называемой «примитивной группы» вместо общества делает ее подобной зоне заключения:

«Что значит – родиться в России? Это большое несчастье. Это наказание, сродни уголовному. Это заключение – вплоть до пожизненного. В этом смысле мне непонятно, как можно гордиться тем, что ты здесь рожден, или быть от этого счастливым. Это можно принять, с этим можно примириться, но гордость или счастье по этому поводу кажутся мне, по меньшей мере, странными. Точно так же может гордиться местом своего рождения тот, кто появился на свет в тюрьме или колонии от родителей-заклученных. Мысль эта в последнее время не дает мне покоя. Но, удивительным образом, если принять это как данность (то, что в России рождаются те, кто к ней приговорен), всё встаёт на свои места! Главное – ты перестаёшь испытывать иллюзии... Повторюсь, к жизни в (криминальной зоне планеты, – П.Д.) России можно быть только приговоренным. Человек рождается сюда (именно «сюда», а не «здесь», если допустить, что в этом измерении мы не начинаем жизнь, а продолжаем), чтобы что-то искупить, что-то отработать или же пройти испытание» (Марина Королева / Маша Берг, «Что значит – родиться в России?», <http://apocalypse-2012.com/revival/rf.html>);

«Существует на земле государство под названием султанат Оман. Султанат – потому что правит там султан и порядки в стране монархические. А на русской земле (криминальной зоне планеты, – П.Д.) за последние годы образовался новый, истории человечества еще не известный общественно-политический строй – паханат. Россию в ее нынешнем виде правильнее было бы называть не Российской Федерацией, а, по аналогии с султанатом Оман, паханатом Россия, потому что власть в ней принадлежит криминальному сообществу и государственные порядки в ней, соответственно, преступные... Рыба, как известно, гниет с головы. К настоящему времени процесс дегенерации правосознания охватил весь аппарат государственного управления сверху донизу и заразил значительную часть общества, с ним контактирующую. Страна живет воровством. Откаты, взятки, вымогательство, торговля должностями, подтасовка результатов тендеров и прочие виды экономических преступлений стали уже не сопутствующей, маргинальной частью экономики, а основным содержанием экономической и социальной жизни Российской Федерации. А в политике – сплошное

шулерство, обман на каждом шагу. Руководство государства прекрасно это видит и в меру своих сил поощряет. Путин публично заявляет, что сажать жуликов в тюрьму не надо, потому что «если всех пересажать, то работать некому будет». Медведев спасает воров от тюрьмы, официально вводя в законодательство право откупиться от уголовного наказания в виде лишения свободы. Словом, тандем «крышует» государственно-криминальный мир, и тот цветет и благоухает в российском паханате, отравляя преступными миазмами всю атмосферу в стране. Честно жить и нормально работать в паханате Россия становится невозможно, поскольку стараниями властных паханов криминальные нравы охватили практически все стороны жизнедеятельности» (Александр Никитин, «Российский паханат», <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?jpostid=185746768&journalid=3866290&go=next&categ=0>);

«С начальством сопряжено множество историй, ни одна не порадовала, две – удивили. Первая история: я попросил крупную западную фирму выписать счет на томограф (обещали купить благотворители) по его настоящей цене – за полмиллиона, а не за миллион, без отката. Меня долго уговаривали: на разницу вы сможете купить еще приборов (ну да, а те тоже дадут откат – и так далее – до простынок). Оттого и появился в русском языке очень емкий глагол «проплатить», то есть пропитать все деньгами. Затем выяснилось, что купить без отката нельзя, будет скандал: начальство окажется в ложном положении. Стало быть, не только можно ездить на красный свет, но это еще и единственная возможность куда-нибудь доехать...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>).

Население Паханата Россия

И ведь же «богоносное быдло», гордящееся своим рабством и деградировавшее настолько, что для него животнo-растительное существование стало вполне комфортным, такое отношение к нему страны-зоны – паханата Россия вполне устраивает:

«Недовольный: если его нет в группе, его следует создать, ущемив кого-либо из ведомых. Польза от него двоякая. Во-первых, это фигура, которую можно столкнуть с другим Недовольным; пока они растрачивают свой боевой пыл друг на друга, субъекты «альфа» и «бета», а также их приближенные в безопасности. Во-вторых, Недовольный позволяет Главарию (Пахану, – П.Д.) продемонстрировать свою мощь перед группой. Выявленный Недовольный жестоко наказывается во устрашение всем. Если дело не доходит до изгнания или ликвидации такого субъекта, то его место после бунта среди Забитых. Забитые же потому и заслуживают такого названия, что они становятся жертвой общегрупповой агрессии, пинать их – право и даже долг каждого; сами они не смеют дать сдачи никому: это равносильно самоубийству, так как в расправе над подобным наглецом с воодушевлением примет участие вся группа. Выход из положения у Забитого только один: терпеливо снося все издевательства, выслуживаться перед приближенными Главарию. Если повезет, он может достичь своей высшей точки в группе: стать Подхалимом самого Главарию. Забитые (подобные «опущенным» на зоне заключения) представлены двумя категориями

лиц: либо самые хилые, трусливые или наименее смекалистые, т. е. занимающие нижнюю ступень ранговой лестницы соответственно своим малым возможностям, либо бывшие Недовольные, т. е. субъекты с неплохими возможностями, растрачивать которые им теперь остается если не на бессильную злобу, то на хитроумное угодничество» (Виктор Дроганов, «Малые Социальные Группы», http://samlib.ru/d/droganow_w_i/socialniegrupi.shtml).

«Мы семьдесят лет деградировали, дичали. Знаете, есть замечательный пример из Библии. Когда Моисей уводил евреев из египетского плена, он вёл их сорок лет вместо пяти дней, чтобы вымерло поколение, которое было рабами, и чтобы появились люди, свободные от чувства рабства. А мы – не просто рабы, которые страдают от тягот, мы – профессиональные рабы, которые гордятся своим рабством...» (Булат Окуджава, из интервью в Донецке, февраль 1991, цит. по: Яков Белявский, «Такого Окуджаву мы ещё не знали», <http://www.liveinternet.ru/users/jostr/post379763508/>; <http://newrezume.org/news/2016-01-04-12550/>);

«Гражданские права существуют для людей просвещенных, сытых, благовоспитанных и уравновешенных [а вовсе не для добровольных рабов, – П.Д.]. В зоне все откровеннее. Там есть права для всех, кроме как для «опущенных», «для петухов». И дело здесь не в физиологии, а в силе духа. Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параша и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества... Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параша и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных «петухов» [да и русскоязычного быдла Донбасса, – П.Д.] дать им самоуправление. Представляете, что сказали бы воры в законе? Сейм Латвии и парламент Эстонии ответят то же самое. Только мягче, как полагается в Европе» (правозащитница Валерия Новодворская, «Не отдадим наше право налево!», «Новый взгляд», N46 от 28 августа 1993 г., <http://www.ds.ru/vnstat.htm>);

«И что самое забавное, многие из тех 90% [добровольных рабов, – П.Д.], которые поддерживают Путина и вторжение в Украину, хорошо понимают, в каком состоянии находится нынешняя Россия, её экономика и, между прочим, культура. Но они загоняют эти мысли глубоко в «загадочность русской души» потому, что им стыдно осознавать свою трусость, чтобы посмотреть на окружающее открытыми глазами и признаться себе в собственной ничтожности и деградации своей нации. А уж признать то, что кучка людишек у власти просто презирает их, кидая, как собаке кость, подачки и при этом бессовестно грабя страну, превращая в бесхребетную, безмолвную биомассу целый народ, которому они определили роль быдла, призванного всего лишь удовлетворять прихоти Путина и его окружения – это точно непреодолимая преграда для сознания россиян...» (Лана Серова, «Феномен «загадочной» русской души», <http://h.ua/story/409975/>);

«Ну что у нас за терминология: пионерлагерь, зона отдыха...» (Виктор Шендерович, «Шендевра», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Не надо думать, что зона – это место, из которого всем хочется сбежать. Есть как минимум две категории людей, которые, наоборот, хотят на зоне оставаться: это те, кто пассивен, не готов на собственную инициативу, собственное мнение и собственные риски; это также те, кто обладает возможностями и/или способностями на зоне хорошо устроиться – от «начальников» до блатных (так сказать, актив зоны). Если ты принимаешь правила игры и находишься вверху иерархии, почему не оставаться «на зоне»? В России особенно много представителей и первой, и второй группы. Есть даже идеологи зоны, которые мечтают превратить в нее весь мир и видят в этом «особую миссию России»...» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», <https://republic.ru/posts/1/1114094>; http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml);

«Я уже много раз говорил о том, что когда я попал в тюрьму, то самым потрясающим впечатлением было то, что, видя людей, с которыми я сидел первый год, я совершенно отчетливо понимал, что если каким-то случайным образом поменять тех, кто сидит в тюрьме, с теми, кто ходит на воле, то ни в тюрьме, ни на воле никто этого не заметит. Когда я уже дошел до строгого режима, я понял, что злодеев, настоящих злодеев, на воле гораздо больше... особенности русской тюрьмы связаны не с особым устройством самой тюремной системой, не стараниями тюремного начальства, а с особенностями русского этнического характера... Что касается власти. Один из заключенных, Рянжин, однажды написал мне, вот отрывок из его письма: «Насколько бесправен простой российский гражданин... Я долго думал, с чем бы сравнить или как бы точнее определить его положение. И, похоже, придумал. Простые люди в России – военнопленные. Именно такое к нам отношение. Законы, договоренности – все это существует, но не действует. И жизнь наша, вся наша жизнь зависит от произвола оккупационных властей, от прихоти коменданта...» (Валерий Абрамкин, «Тюрьма и Россия», <http://www.polit.ru/article/2005/03/19/tjurma/>);

«Как человек перестает быть человеком? Как делаются блатарями? В преступный мир приходят и со стороны: колхозник, отбывший за мелкую кражу наказание в тюрьме и связавший отныне свою судьбу с уголовниками; бывшие стилиаги, уголовные деяния которых приблизили их к тому, о чем они знали лишь понаслышке; заводской слесарь (или же коррумпиравшийся чиновник, – П.Д.), которому не хватает денег на удалые гулянки с товарищами; люди, которые не имеют профессии, а хотят жить в свое удовольствие, а также люди, которые стыдятся просить работу или милостыню – на улице или в государственном учреждении – это все равно, и предпочитают отнимать, а не просить. Это дело характера, а зачастую примера. Просить работу – это тоже очень мучительно для больного, уязвленного самолюбия оступившегося человека. Особенно подростка. Просить работу – унижение не меньшее, чем просить милостыню. Не лучше ли... Дикий, застенчивый характер человека подсказывает ему решение, всю серьезность и опасность которого подросток просто не в силах, не может еще оценить. У каждого человека в разное время его жизни бывает

необходимость решить что-то важное, «переломить» судьбу, и большинству это важное приходится делать в молодые годы, когда опыт мал, а вероятность ошибок велика. Но в это время также мала и рутина поступков, а велика смелость, решительность. Поставленный перед трудным выбором, обманутый художественной литературой и тысячей обывательских легенд о таинственном преступном мире, подросток (или же психически инфантильный и, следовательно, лишь условно взрослый человек, – П.Д.) делает страшный шаг, после которого подчас нет возврата. Потом он привыкает, озлобляется окончательно сам и сам начинает вербовать молодежь в ряды этого проклятого ордена...» (Варлам Шаламов, «Жульническая кровь», <http://booksonline.com.ua/view.php?book=86191>; <http://shalamov.ru/library/6/3.html>).

Раб не стремится стать вольным – он стремится стать господином

Конечно же свобода (др.-киев., серб. «слобода») – это всего лишь максимально ограниченная воля (воля на поводке, на длинной цепи или же в большой благоустроенной «клетке»), позволяющая тотально опекаемым государством-хозяином добровольным рабам (совкам-холопам) не испытывать большого дискомфорта. Слово «освобождение» подсознанием воспринимается лишь как послабление зависимости (др.-киев. «ослободение» – послабление). И это вполне соответствует ментальности русскоязычного людишки, для которого советско-холопский образ жизни стал давно уже вполне комфортным. Поэтому-то, в то время как украинец является вольнолюбивым (укр. «волеллюбність» – свободолюбие), то психически инфантильный русскоязычный человек является всего лишь свободолюбивым:

«Неограниченные просторы, коллективный характер труда и авторитарное правление не предъявляли жестких требований к «межеванию» земельных ресурсов, поэтому в России долго не могло сформироваться право собственности. А чувство частной собственности, возможно, не сложилось и по настоящий день. Интересно, что в русском языке собственно слово «свобода» соотносимо со словом «слобода» (послабления, освобождения от обязанностей). Западная «свобода» – это отсутствие ограничений на деятельность, русская «свобода» – это отсутствие ограничений и принуждений к деятельности, она несет в себе безделье и лень. Особое понимание свободы в русском языке проявляется и в слове «воля». «Воля» – это отсутствие ограничений; но при этом и их преодоление; это сильное желание, хотение; в то же время это – и самопринуждение; это власть над другими людьми и при этом ответственность перед ними; это сила» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0077>);

«Едва ли не на одном русском языке воля – означает и силу преодоления, и символ отсутствия преград» (Григорий Ландау).

Холопам же и совкам одинаково не нужны обе эти воли и, поэтому-то:

«Всего страшнее российское безволие – бессмысленное и беспощадное...» (Борис Ушеренко, <http://adoia.ru/u/usherenko-boris.html>).

И, действительно, «внутренние формы», соответствующие этим полисемам (омонимам), являются для подсознания фактически идентичными. Ведь реально вольными самостоятельно принимать жизненно важные для себя решения а, следовательно, и способными преодолевать любые искусственные преграды, могут быть лишь критически мыслящие и волевые люди, а не легко зомбируемые антиномичные и слабовольные челядишки (холопы или же психически инфантильные «совки»), отказавшиеся от воли и добровольно максимально ограничивающие свою свободу ради минимизации своей ответственности:

«В чем же, по Бердяеву, заключается антиномичность русского бытия? Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире, анархизм – это явление русского духа. Русский человек, пишет философ, как будто бы хочет не столько свободного государства, сколько свободы от государства. Мы уже говорили о противоположных по сути понятиях «свобода» и «воля», свобода от государства – это и есть мечта «вольного» человека от Кропоткина и Бакунина до Нестора Махно. От государства уходили на Дон и Терек русские мужики, от государства скрываются современные сибирские «бичи», ибо не одна лишь социальная неприкаянность приводит большинство из них к бездомному существованию, но и психологическая приуроченность к отказу от нормативного жизнеустройства. Да, они маргинальны, но разве не маргинальна и сама воля по сравнению со свободой? Но Россия и самая государственная, самая бюрократическая страна в мире, утверждает Н. Бердяев, ибо все в России превращается в орудие политики, а самый безгосударственный народ покорен бюрократии и «как будто даже не хочет свободной жизни». Действительно, чиновничество (а в советское время – «номенклатура») уже с петровских времен, когда была введена «Табель о рангах», стало становым хребтом государственной системы, оплотом ее стабильности. И сегодня, точно так же как и в гоголевские времена, разве не трепещет «коллежский ассессор» перед современным «тайным советником»? Деление на «простых людей» (или «народные массы»), с одной стороны, и разного уровня и рода «начальников», – с другой, было и остается основой неявной, но всеми признаваемой социальной стратификации «по-русски...» (Зинаида Сикевиц, «Социология и психология национальных отношений», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>)

«Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» (Михаил Сперанский, «О коренных законах государства», начало XIX в., http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyh_zakonah.html; https://www.e-reading.club/chapter.php/1011240/88/Matyuhina_-_Favority_praviteley_Rossii.html); Сергей Сергеев, «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия», <http://flibusta.site/b/477136/read>; В.А. Томсинов, «М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований», http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf);

«Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью гораздо легче, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать...» (Михаил Пришвин, «Дневник», 1937, http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5431).

Украинцы, как и многие другие индоевропейцы, вполне способны как самостоятельно обустроить свою жизнь, так и самостоятельно ограничивать свою волю, и поэтому-то их своеволие, как правило, и не переходит в «беспредел»:

«Быть вольным (франц. «franc») значит не предаваться безделью, а самолично решать, что делать и чего не делать» (Жан де Лабрюйер);

«Вольным (нем. «frei») является лишь тот, кто владеет собой» (Фридрих Шиллер);

«Пожертвовавший волей (англ. «freedom») ради безопасности не заслуживает ни воли, ни безопасности» (Бенджамин Франклин, <http://www.languages-study.com/russian-aforism.html>).

Безвольному же и ленивому русскоязычному людишке обязательно необходимы какие-либо внешние как побудители его к деятельности, так и ограничители его своеволия:

«В России чтут
Царя и кнут;
В ней царь с кнутом,
Как поп с крестом:
Он им живет,
И ест и пьет.
А русаки,
Как дураки,
Разиня рот,
Во весь народ
Кричат: «Ура!
Нас бить пора!
Мы любим кнут!»
Зато и бьют
Их как ослов,
Без дальних слов,
И ночь и день.
Да и не лень:
Чем больше бьют,
Тем больше жнут,
Что вилы в бок,
То сена клоч!
А без побой

Вся Русь хоть вой –
И упадет,
И пропадет!»

(А.И. Полежаев, «Четыре нации», 1827, <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=15205>);

«ОНИ все – от кремлевских чекистов до площадных хоругвеносцев, вся эта шатия-братия – хором твердят нам вот уж сколько десятилетий, что, мол, Россия и западная демократия, Россия и западные ценности, свободы, права человека – несовместимы. Настолько, мол, Россия самобытна, так вот уж, мол, русский человек устроен – обязательно ему надо надсмотрщика с плеткой, чтобы он работал; непременно нужно ему, чтобы в колонну по трое строили и строй держать заставляли, – а не то все вразброд, кто куда, и России – конец... И – самое интересное (а для многих – как нож острый!) – что это ведь правда! Чистая правда, ребята! – да, русские по своей природе, по своему национальному характеру, истории и генетике своей к демократии и свободе, к цивилизованной жизни с правами и свободами, как приличные цивилизованные европейцы, – совершенно неспособны. И пусть, сколько хотят, и кто хочет, в расизме обвиняет – но «эту песню не задушишь, не убьешь». Это понимают и западные наблюдатели, посещающие Россию и в ней подолгу живущие; да, в общем-то, – в состоянии пьяной откровенности, как минимум – это понимает и большинство русских. Трезвые они просто об этом редко заговаривают...» (Борис Стомахин, «Юбилей свободы в стране рабов», <https://www.liveinternet.ru/users/wluds/page120.html>);

«...раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя...» (Аркадий и Борис Стругацкие, «Трудно быть Богом», <http://www.listoknd.narod.ru/strug.html>);

«В России все по отдельности, не хотят ни с кем делиться – но знают, что есть кто-то, кому нужно подчиняться. У нас дилемма – раб или господин. И раб не стремится стать свободным – он стремится стать господином. Это и есть феодализм. Ценность иерархии, ценность власти. А американец (как и украинец, – П.Д.) ценит соседей, общину, контакты, готов помогать людям – но он не хочет никому подчиняться. Он лучше договорится на своем уровне, возьмет на себя какие-то обязанности – это и будет гражданское общество» (Евгений Ясин, «Сеть и пирамида», <http://www.liberal.ru/articles/4473>).

Украинский глагол «визволити» на самом деле не тождественен сопоставляемому ему русскому глаголу «освободить» (санскр. «SvadhA», сербо-хорв. «oslobõditi», англ. «ease» – «облегчить, ослабить, освободить»), так как предполагает полное избавление (укр. «визволення») от зависимости или же подчинённости. Тогда, как глагол «освободить» предполагает лишь ослабление и облегчение зависимости от каких-либо господ или же степени подчиненности чиновникам, без опеки которых русскоязычный людишка принципиально не способен достигнуть даже нищенского своего благополучия:

«...англ. «ease» – «покой; свобода, непринужденность; досуг; праздность, лень; легкость; облегчение (боли), прекращение (тревоги и т. п.); облегчать (боль, ношу); успокаивать; ослаблять, освобождать; осторожно устанавливать; выпускать (швы в платье); растягивать (обувь); отдавать, (по)травить»... «Свобода (от Svadhā), положение (состояние) чего-либо (кого-либо), при котором оно (он, она) является правомерно (имманентно) включенным в качестве части в некое жизнеспособное Целое (систему, общество); состояние взаимоосвоенности в среде обитания, сфере деятельности, обществе»...» (Е.В. Богачков, Этимология и корневое значение слова «Свобода», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0216/004a/02160001.htm>).

Как видим, свобода, в отличие от воли, – отнюдь не раскрепощенное состояние человека, а всего лишь некоторое облегчение его закрепощенного состояния. Поэтому-то вовсе и не предоставленная властями холопская свобода (облегчение, ослабление накинутых ими на человека ярма, каких-либо стремян или даже пут), а именно осознанно избранная самим человеком воля и является, конечно же, осознанной им необходимостью.

Однако же челядишкам страшна не только воля, но даже и малейшая холопская свобода, предоставляемая им их опекунами. Во избежание любой и даже минимальной ответственности они сами всячески содействуют тому, чтобы государственная опека над ними стала тотальной и, следовательно, чтобы опекающие их господа и чиновники как можно максимально ограничили их свободу. Тем самым, психически инфантильные русскоязычные холопы, боящиеся даже малейшей ответственности, готовы довольствоваться, подобно кваркам, лишь асимптотической свободой, обеспечивающей комфортное существование их в условиях даже полного заключения – конфайнмента:

«Социолог Игорь Бестужев-Лада отметил интересную вещь. Считается, что люди боятся тюрьмы и не хотят туда попасть. Это в целом верно. Но не для всех людей. Примерно процента два–три к тюрьме относятся очень даже нормально. Для них тюрьма – это место, где можно ни черта не делать, издеваться над слабыми и все равно получать трехразовое питание. Людей, которые любят самую настоящую тюрьму, с камерами и карцерами, на свете немного. Хотя они, повторяю, есть. И они скучают без тюрьмы и всеми силами стремятся в нее возвратиться. А вот людей, которые любят страну-тюрьму, – гораздо больше. При царизме и при сталинизме их было почти 100 процентов, за исключением отдельных бунтарей. В конце советской власти число убежденных любителей баланды на нарах стало потихоньку уменьшаться. Но именно потихоньку. Недостаточно для того, чтобы свобода стала главной народной идеей. Несмотря на все усилия сверху, народ пока еще воспринимает свободу как несчастье, свалившееся на Россию. В стране идет борьба за право быть рабом...» (Денис Драгунский, «Крепостные права человека», <http://www.liberal.ru/articles/429>);

«Ещё один тезис состоит в том, что России-де нужна сильная власть. А потому без «национального лидера» с неограниченными властными полномочиями мы якобы просто пропадём. Правда, опыт истории свидетельствует о том, что «сильная рука» – будь то рука Ивана Грозного, Петра I или Иосифа Кровавого – всегда приносит народу неисчислимы

бедствия. Но нас убеждают в том, что это-де неважно: подумаешь, погибло столько-то тысяч или миллионов людей, это ерунда, зато государство стало сильнее. Оно хапнуло какой-нибудь кусок чужой земли, оно затеяло какую-нибудь великую и бесполезную стройку, оно, наконец, резко увеличило расходы на собственное содержание и стало обходиться народу несравненно дороже, чем раньше...» (Иван Смирнов, «Маргинальная власть в стране пофигистов», <http://www.liberal.ru/articles/4457>);

«Этот нынешний добровольный неосталинизм, добровольный отказ от возможности быть свободным – гораздо страшнее атмосферы 30-х годов. Он знаменует полную деградацию, возможно, уже необратимую. Это вырождение как следствие мощнейшей антиселекции, отрицательной калибровки. В великом русском языке есть слово «люди» и слово «ублюдки». Как видите, они вроде бы созвучны, похожи друг на друга (может даже показаться, что корень у них один). Однако значение этих слов совсем разное. И корни разные – «люд» и «блуд» соответственно. Между этими двумя словами при всём их некотором созвучии – дистанция огромного размера. Такая же, как между русскими 30-х годов и нами, нынешними русскими. Там, в 30-х, были всё-таки люди... Так Вы говорите, мессир, люди как люди? Нет, увы, к нам это уже не относится. Это не про нас. Мы не «люди как люди», а некий продукт системы расчеловечивания. Покаяние могло пробудить в нас человеческое, но мы, потоптавшись немного на историческом перепутье, отвергли этот шанс. У людей 30-х такого шанса не было, и единственное, что нас роднит с ними, единственное, что мы от них унаследовали – их негатив: готовность стучать, трамвайное хамство и слабость к халяве...» (Олег Басилашвили, «Россия. ЛЮДИ КАК ЛЮДИ?», http://zvamynews.blogspot.com/2016/03/blog-post_714.html);

«Нет, мы, разумеется, не ненавидели украинцев за все то зло, которое причинил им наш народ (и которое они даже не требовали компенсировать, но просто не хотели забывать – а самые, как теперь понятно, дальновидные опасались его повторения). Ничего даже близкого к нынешней российской истерии не было. Но в некотором смысле наше отношение к Украине было еще хуже, чем ненависть. Ибо нет, на мой взгляд, худшего оскорбления, чем снисходительность, брезгливая снисходительность самоуверенного превосходства. А мы относились именно так. Подчеркиваю еще раз – не «ватники», уже тогда прямо отказывавшиеся признавать Украину полноценным независимым государством, а мы, русские либералы. «Ну чего вам еще надо, вы же уже получили свою независимость! (это слово всегда произносилось по-украински – и, разумеется, отнюдь не в знак уважения к украинскому языку; позже слова «свидомый» и «незалежный» станут любимыми ругательствами «ватников», и, как справедливо было замечено в интернете, до какой же степени вырождения должен дойти народ, для которого слова «сознательный» и «независимый» – это ругательства!)» (Юрий Нестеренко, «Исповедь бывшего москаля», <https://rufabula.com/articles/2015/02/25/confessions-of-a-former-muscovite>, <http://argumentua.com/stati/yurii-nesterenko-ispoved-byvshego-moskalya>).

Подмена же в русской ЯКМ лексемы «воля» более приемлемой для холопов лексемой

«свобода» (слобода) и ассоциация последней в их подсознании с лексемой «слабость», осознаваемой, прежде всего, как «слабость угнетающей их власти», весьма способствуют тому, чтобы бессознательный страх, вызываемый внутренней формой лексемы «свобода», стал для них экзистенциальным:

«...страх, который живет в душе русских, не порожден внешними обстоятельствами. Это экзистенциальный страх – он является самой основой русскости. Русский не верит никому и всего боится...» (Юрий Аммосов, «Россия – страна несчастных», <http://www.globalrus.ru/opinions/139197/>; http://russkoedelo.org/mysl/ammosov/new_nation.php?&vt=printable&printable_orig_file=http%3A%2F%2Frusskoedelo.org%2Fmysl%2Fammosov%2Fnew_nation.php).

Как видим, русскоязычным челядишкам, как и домашним животным, нужна вовсе не свобода, а стабильность их животнорастительного существования, пусть даже и нищенского:

«Русский народ не готов и не хочет демократии. Демократия – это ещё и ответственность. Ответственность за собственный выбор и ответственность за себя самого. Это русскому народу непривычно, ненормально и в тягость. Средний русский не готов быть самостоятельным и самодостаточным. Ему не нужна свобода, среднему русскому человеку хочется, чтоб был «с нами тот, кто всё за нас решит». Чтоб ему дали лопату и указали где копать от забора и до обеда. А за это, чтоб ему дали миску похлебки, наркомовские 100 грамм, луковицу и селедку. Ну и для души – чтоб ему рассказали, «как нас все боятся, потому что мы... не имеющие аналогов в мире». А боятся – значит уважают. И всё. Народ доволен. Ну а ежели чего – я не виноват, это всё те, наверху решали. А я сам-то хороший, но у меня же не спрашивали!» (Steven Lerner, комментарии к статье: Николай Кофырин, «Опасен ли для России национализм?», <http://gidepark.ru/community/8/article/386715>).

Вольным же украинцам принципиально не требуется никакая (даже и максимально возможная) холопская свобода русскоязычных челядишек, предпочитающих нелёгкой воле ставшее комфортным для них сытое рабство:

«Можно и свободным жить в месте заключения,

А на воле так, как ждать срока истечения.

Загоняют в плен себя полчища народа.

Человеку вольному не нужна свобода!»

(Александр Косовцев, «Человеку вольному не нужна свобода!», <http://www.stihi.ru/2009/12/12/7435>);

«Свобода – не воля; говоря о личной свободе, западный человек (и, в том числе, и украинец, – П.Д.) имеет в виду волю. Говоря о воле, русский подразумевает свободу – для всех одинаковую (на самом же деле, – всего лишь возможность своевольничать благодаря послаблению своей холопской зависимости от опекающих господ или чиновников, – П.Д.)» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-68.html>);

«У устаревших слов вольнодумство и вольнодумец, указывающих на то, что человек не следует принятому в обществе образу мыслей, имеется коннотация критического отношения к господствующим порядкам. ..Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода – понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству. Однако, в отличие от воли, свобода предполагает порядок, хотя порядок, не столь жестко регламентированный. Не случайно слово свобода этимологически связано со словом «свой» (на самом деле, со словом «слабый»; свобода / *слобода это – слабина, то есть всего лишь послабление зависимости от кого-либо или от чего-либо, – П.Д.)» (Алексей Шмелев, «Еще раз о русских словах «свобода» и «воля»», <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-russkih-slovah-svoboda-i-volya>)

«Эта страна (Россия) – страна вольноотпущенников и плебеев, не знающих и не умеющих пользоваться неожиданно приобретенной свободой и скучающих по благам сытого рабства... Страна рабов, страна господ. Раб, получающий власть, становится деспотом, господин, лишаящийся власти, превращается в ничто, таков русский характер... Рабство в этой стране – вполне естественное состояние, в котором многие себя прекрасно и свободно чувствуют. Рабство, вполне естественное и добровольное, никем и ничем не принуждаемое» (Гомуми бэхэс, «Мысли о России»);

«Свобода, утверждаю я, вещь прекрасная, но вы до жалости к ней неспособны. Вы – огромное большинство, по нечестию вашему прирожденные рабы, и рабство не только самое естественное ваше состояние, но, может быть, и самое счастливое. Рабство – все равно, в какой форме – есть замена внутренней воли внешней. У вас нет внутренней воли или слишком ощутительный в ней недостаток. Как будто нет даже этого органа в вашем организме. Просто порода такая безвольная, как существуют обезьяны бесхвостые. То, что называется гением, талантом, благородством, чувством долга, – все это у вас лишь в самой зачаточной степени, и в итоге у вашей жизни нет нравственного двигателя. Предоставленные самим себе, вы не знаете, что с собою делать, и центр драмы в том, что вам ничего не хочется делать» (Михаил Меншиков, «Письма к русской нации // Размышления», http://liv.piramidin.com/politica/menshikov_pisma/menshikov_pisma.htm);

«Когда человек становится рабом, то все человеческое опадает с него сверху, как шелуха, а изнутри, из души, выжигается дотла. Раб – это быдло, то есть скотина. А раз скотина, то можно все, ничего не страшно и ничего не стыдно. То есть вообще нет ничего. Никаких устоев. Говоря нынешним языком уголовников – полный беспредел. И так росли и воспитывались дети, и внуки, и правнуки, и праправнуки... Четыреста лет (добровольного, – П.Д.) рабства. Почти двадцать поколений, родившихся и выросших в ярме, не знающих в своем воспитании ничего, кроме подлой науки холопского выживания» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков – только бы не расстроить своего утлого существования... И тот, у кого не останется смелости даже на защиту своей души, – пусть не гордится своими передовыми взглядами, не кичится, что он академик или народный артист, заслуженный деятель или генерал, – так пусть и скажет себе: я – быдло и трус, мне лишь бы сытно и тепло» (Александр Солженицын, «Жить не по лжи», <http://rushist.com/index.php/rus-literature/2954-solzhenitsyn-zhit-ne-po-lzhi-polnyj-tekst>);

«...до сих пор ленивое, порочное и глупое стадо обезьян, в кое превратился сегодня, и едва ли уже не навеки, наш «народ-богоносец», вздыхает по эпохе застоя (и сытого рабства, – П.Д.) как по утерянному раю...» (Алексей Кузьмин о россиянах, «Народ – богоносец», <http://calvaryguard.com/ru/bogonosec/>, http://www.kprf.org/showthread-t_7765.html);

«Стирая все болевшее и пошлое,
По канувшему льется мягкий свет,
Чем радужнее делается прошлое,
Тем явственней, что будущего нет»

(Игорь Губерман, «Гарики из Атлантиды», <http://guberman.narod.ru/gariki/6GA/ga004.htm>);

«Можно понять эти инфантильные влечения «назад в СССР», назад в материнское лоно, ведь свалившаяся с небес свобода для многих невыносима, непонятна, а значит опасна. Вполне понятно, почему таким людям хотелось бы иметь советско-материнскую фигуру, которая напишет единый правильный учебник истории, запретит все остальные точки зрения, ограничит выезд на лечение за рубеж, и вообще будет принимать все решения за нас. За этой инфантильной риторикой о возвращении утраченного объекта вполне различима оральная фиксация. Киев-мать городов русских однажды отняла у Московии-дочери столь любимую грудь, крымский объект, чем вызвала зависть, агрессию и желание откусить кусок от своей матери, что часто наблюдается в ранних инфантильных конфликтах. Поэтому чувства некоторых русских соотечественников по отношению к украинцам вполне соответствуют амбивалентным чувствам ребёнка по отношению к материнской груди: он одновременно и завидует ей и хочет отнять грудь у матери, как говорит Мелани Кляйн, и любит и ненавидит этот объект одновременно...» (Дмитрий Ольшанский, «Заметки психоаналитика: #крымнаш как новый симптом», <http://www.psy.su/feed/3943/>).

Озверение и склонность к суициду русскоязычного людика

Лишенные тотальной государственной опеки психически инфантильные русскоязычные совки (как и лишенные барской опеки бывшие слабовольные холопы) неизбежно обречены на хаос, люмпенизацию и нищету. Поэтому-то у подавляющего большинства из них и имеется выбор лишь между «уздой» и «петлёй». Те же, кого не

устраивают обе эти участи, обречены в русскоязычном примитивном социуме на тюрьму. В случае же доведения их властями до крайности они, подобно несмышлёнышам и зверям, спонтанно могут стать бессмысленно жестокими и беспощадными. Так что идеи о возможности достижения демократии в таком порочном социуме и мечты о ней, конечно же, являются абсолютной утопией:

«По сути вся страна – взбунтовавшиеся большие и малые дети. Которые с восторгом смотрели талантливейший фильм «Петр Первый», сформировавший сознание всех ныне живущих поколений советских и российских людей. Грудь вздымалась и глаза горели – вот как надо, отречемся от старого и замшелого мира, вперед по пути прогресса, в Европу! И президент Путин смотрел его, как и все мы, несколько раз, наверно. Не случайно же он говорит, что Петр для него – образец политического деятеля. Вот так в нас вбивали и вбили, что европейский путь – это когда вся страна зажата в едином кулаке. При помощи Всеобщей Бюрократической Системы, основателем которой, кстати, был Петр Первый и которая живет до сего дня даже в деталях, в той же Табели о рангах, воссозданной ныне российским чиновничьим аппаратом...» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«...идея, что русские как большие дети, которым нельзя доверить институты власти, являющиеся нормой для многих других стран с различными культурами и с разным историческим опытом, имеет решающее значение для режима Путина. Я бы пошел дальше, она намного важнее, чем мифы о русском имперском величии и превосходстве русской цивилизации. Мало кто из рядовых сторонников режима на самом деле считает, что Россия имеет превосходство перед Западом. Больше того, они склонны верить, что в России никогда не будет, как на Западе, даже в хорошем смысле. При этом ни сам режим, ни его СМИ не делают вида, что коррупции и внутренних проблем не существует. Но они как бы шлют меседж: «Конечно, мы не совершенны. Может быть, мы даже очень плохие. Но, по крайней мере, мы обеспечиваем стабильность. Без нас воцарится хаос, и тогда придут американцы, чтобы поработить вас!». По сути, смысл сигнала не в том, что «Поддержите нас, потому что мы великие, и мы принесем вам еще больше величия», а в том, что «Вы жалкие, инфантильные, нецивилизованные, и бестолковые. Вам нужна сильная рука, чтобы держать в узде». Важно иметь в виду, что всякий раз, когда российские самопровозглашенные «патриоты» высказывают подобные идеи, они, по сути, называют собственный народ бессмысленным стадом» (Джим Ковпак, «Русофобия домашней выделки как двигатель российской агрессии», <http://seabreeze.org.ua/rusofobiya-domashney-vyidelki-kak-dvigatel-rossiyskoy-agressii/>; «Патриотизм как крыша: роль русофобии домашней выделки», <http://vatnikipohmel.com/patriotizm-kak-pokrovitel-rol-rusofobii-domashnej-vyidelki/>);

«В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, – есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта – не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему

выгодно. Он ищет богатства и власти... Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести – не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому не способен и к демократии. Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией» (Иван Ильин, «О грядущей России // Предпосылки творческой демократии», <http://www.lib.ru/POLITOLOG/IILIN/istoi.txt>);

«В составе же всякой души есть начало святое, специфически человеческое и звериное. Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое начало является в нем несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала святое и звериное... Не гуманизм у нас запоздал от запоздания культуры, а культуры у нас не было и нет от слабости гуманистического начала. Гуманизм – это независимая от религии наука, этика, искусство, общественность и техника. Это есть то, чем человек отличается от зверя. Но именно русский человек, сочетавший в себе зверя и святого по преимуществу, никогда не преуспевал в этом среднем и был гуманистически некультурен на всех ступенях своего развития. Недаром поэт-славянофил (Алексей Хомяков, – П.Д.), от которого, скорее всего, можно было бы ждать идеализации русского народа, произнес о России весьма суровые осуждения, суммирующиеся признанием, что она «и всякой мерзости полна» (Сергей Аскольдов, «Религиозный смысл русской революции», в сб. «Из глубины», <http://www.vehi.net/deprofundis/askoldov.html>);

«Чем Россия отличается от Запада? На Западе добро всегда побеждает зло, а в России «добро – не всегда добро, а зло – не всегда зло». Раздвоение личности у нас во всем, начиная от герба государства и заканчивая частями света. Но это не мешает в трудный для России час собраться и остановить очередную попытку суицида, но вот только в этот раз не получится начать все сначала, или как теперь принято говорить «встать с колен»...» (Наталья Гулевская, «Суверенитет – анахронизм», <http://www.aboutru.com/2015/12/21680/>);

«Тут уместно напомнить, что некоторая часть населения у нас и без всякого пиара пребывает в состоянии озверения – то самосуд устроят, то инородцев ни за что, ни про что покалечат. Даже с собственными детьми иной раз весьма зверски расправляются, и не потому что извращенцы – как это принято в цивилизованном мире, – а сгоряча или от безысходности. Сюжеты, которыми нас время от времени радуют СМИ, выглядят списанными с «Дневника писателя» Федора Михайловича Достоевского – то мамаша деток совсем малых в лес завела и оставила умирать, то дедушка восьмимесячного внука в лестничный пролет сбросил...» («Образ врага или образина друга?», ССИ.RU, Деловая пресса, http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_265126.html);

«В рекомендациях заседания СПЧ по проблемам домашнего насилия говорится, что, по официальной статистике МВД, в России 26 тысяч детей ежегодно становятся жертвами преступных посягательств, из них около 2 тысяч погибают, 8 тысяч получают телесные повреждения, еще 2 тысячи детей и подростков, спасаясь от жестокого обращения со стороны родителей, кончают жизнь самоубийством...» («25 процентов убийств совершается в семье... Это вообще как?! От этого просто столбенеешь», <http://www.novayagazeta.ru/society/70330.html>);

«Сегодня только в одной Москве, по данным организации «Врачи без границ» – 820 тысяч бездомных, беспризорных детей («Стрингер», май 2003, с. 22). А в целом по России эта цифра приблизилась к кошмару в ТРИ МИЛЛИОНА!!! Даже в период жесточайшей гражданской войны 1918–1922 годов численность бездомных детей составляла всего 600.000. Но этого действующей власти, видимо, мало, поэтому детей начинают убивать еще в утробе матери, в России ежегодно делается почти ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА АБОРТОВ, и это в стране где государствообразующий русский народ находится на грани вымирания. Более 150.000 преступлений в России совершаются детьми, а количество генетически неполноценных детей и детей-олигофренов – рождаемых наркоманами, алкоголиками, психически и психогенетически больными людьми и сексуальными извращенцами – поставили Россию в один ряд с Африкой... При этом у нас осуществляется наиболее циничная, особо извращенная форма Геноцида, когда на лечение ущербных детей – олигофренов и калек затрачиваются большие деньги, несмотря на то, что они никогда не станут полноценными членами общества, мотивируя это милосердием. А убивать без оружия по 2 миллиона своих граждан и по 4 миллиона детей абортами, это что? А вот на помощь здоровым детям, но проживающим в полуничиных семьях, на детей сирот и т.д. – денег нет! При наличии у государства в закромах почти 200 миллиардов долларов, что делается, видимо, для того, чтобы дети ускоренно заболели, приобщались к алкоголю, наркотикам, криминальной среде, становились объектами ритуальных убийств или добычей охотников за органами для трансплантологии... Очень характерно в этом плане письмо-отклик педагога Калининградской области в газету «Комсомольская правда»: «Я давно работаю с олигофренами – детьми алкоголичек в одной из спецшкол в Калининградской области. От того, что здесь наблюдаю, простите, хочется закричать: будьте вы прокляты, суки, наплодившие этих несчастных! А едва подрастая, олигофрены плодят еще более несчастных. У нас есть мальчики – отцы в 13 лет. А у иных наших девочек к 16 годам уже по трое детей, разумеется, нездоровых. О какой безопасности страны, о каком возрождении России рассуждают наши политики?...». И при этом, здоровым рождаться не дают, уничтожают абортами» (Юрий Козенков, «Голгофа России», Ч.1 «Дети России – как зеркало Геноцида», <https://infopedia.su/1x81b9.html>);

«Когда я шел в парк, ко мне подошли три девочки лет 13–14 и попросили денег на.... водку! Им нужно похмелиться, они так и сказали. Я извинился, что их просьбу не могу удовлетворить, так как денег не имею. Они обругали меня такими словами, каких я по

своему адресу не слышал еще никогда, не слышал даже от хулиганов, с которыми приходилось сталкиваться в детстве. Я рассказал об этой истории Защитнику при встрече. – Считайте, что вам повезло, – сказал он. – Могли и избить... Ко мне неподалеку отсюда подошли два парня тоже лет пятнадцати или меньше – теперь дети вырастают раньше, чем в годы нашего детства. Они предложили мне девчонку, которая стояла за кустами. Попросили за это всего сто рублей. Тоже на выпивку. Я отказался. Тогда они потребовали отдать все деньги, какие со мной, угрожая избить, да в таких выражениях, какие в гангстерских фильмах не услышишь. Плюс к тому – мат и скабрзности. Мне повезло – появились другие люди, и парни с девчонкой ушли. Уходя, девчонка сказала, что я старый импотент, и что-то еще похабное» (Александр Зиновьев, «Русская трагедия», http://www.situation.ru/app/rs/lib/russ_tragedy/russ_tragedy31.htm#hdr_151).

Весьма частыми стали и самоубийства психически инфантильных русскоязычных подростков, включая ритуальные:

«Подростковый бунт деструктивен, если человек сделает из него какие-то радикальные выводы вроде «я – д'Артаньян, а все – г...» или, наоборот, «я такой козел, что своим присутствием только гажу этот прекрасный мир» (Вадим Черновецкий, «Над пропастью не ржи», 26.01.2012, НГ Exlibris», http://www.ng.ru/subject/2012-01-26/1_gulf.html);

«...ритуальное самоубийство требует почти полного отсутствия свободы воли и подчинения принятым в обществе жестким формам и стереотипам поведения, находящим свое полное и логическое завершение в тотальной ритуализации жизни и смерти. Понятно, что ритуальное самоубийство может существовать только в таком обществе, в котором ценность индивидуальной человеческой личности практически сведена к нулю... Сознание древнего человека не позволяло ему вычлнить себя из совокупности социальных и микросоциальных отношений и уж тем более не позволяло противопоставить себя им. Индивидуальное самоубийство, и в этом следует согласиться с Альбером Камю, есть всегда в том или ином варианте бунт – бунт личности против нестерпимых для нее обстоятельств. Только с того момента, когда стал возможен конфликт между тем, как человек представляет себе свое должное поведение, и тем, что он вынужден предпринимать в реальности, как только этот конфликт стал осознанным, возникла возможность феномена индивидуального самоубийства как варианта решения подобного конфликта. Ритуальное самоубийство, напротив, никогда не является бунтом, в основе его лежит пассивность, подчинение, культуральный конформизм, отречение от собственного «Я». Индивид следует раз навсегда установленным стереотипам мышления и поведенческим нормам. Ни о каком самовыражении личности в поступках, чувствах и эмоциях (в том числе и эстетических) не может быть и речи...» (Л. Трегубов, Ю. Вагин, «Эстетика самоубийства», <https://www.litmir.me/br/?b=233834&p=52>);

«В городе Карасуке Новосибирской области следователи разбираются в обстоятельствах самоубийств трех парней и неудачной попытке еще двоих. Александр Рева, Роман Новак и Владислав Нольсин долгое время были друзьями. Все они, предварительно

договорившись о суициде, повесились с разницей в несколько дней» (Никита Могутин, «Пять подростков совершили ритуальное самоубийство под Новосибирском», <http://shuum.ru/news/11757>);

«По России же в целом эта статистика очень жуткая – 38 самоубийств в год на 100 тыс. человек населения, при этом среднемировой показатель – 14,5-15 человек. Уровень самоубийств, который свидетельствует о глубоком нравственно-психологическом вырождении нации – 20 человек на 100 тыс. населения. – Удручает то, что 75 % самоубийц – это трудоспособные люди до пенсионного возраста. Только в нашей стране большинство самоубийц это мужчины, которые кончают собой в 5 раз чаще, чем женщины. Хотя суицидальные попытки чаще совершают женщины. На один законченный суицид – у женщин приходится от 7 до 11 попыток... – Психологи изучили личность самоубийц, которая, оказалось, имеет определенное своеобразие – это импульсивность, психологическая незрелость или, иначе говоря, инфантилизм, эмоциональная неустойчивость, бескомпромиссность, ограниченность мышления при выборе вариантов решения сложившейся проблемы... – Не только школьники, но и студенты, идущие на самоубийство отличаются инфантилизмом. Это абсолютно незрелые личности, хотя они полноценно физически и физиологически развиты, но «голова» находится все еще в детском состоянии. Нет чувства ответственности, способности прогнозировать последствия своих действий. Такие молодые люди реагируют на происходящее совершенно по-детски...» (психиатр Юрий Анохин, «Самоубийство: психологические аспекты», http://www.k-istine.ru/suicide/suicide_anohin.htm);

«По данным Положия, Россия почти в три раза превышает общемировой показатель по частоте суицидов среди подростков. Ежегодно от 1,5 до 2 тысяч подростков кончают жизнь самоубийством. Частота подростковых суицидов на протяжении последних 6–7 лет составляет 19–20 случаев на 100 тысяч подросткового населения, в мире – 7 случаев на 100 тысяч. За минувшую неделю в стране произошло сразу несколько резонансных суицидов подростков. На прошлой неделе две подружки, ученицы восьмого класса, спрыгнули с крыши высотного дома в подмосковной Лобне и разбились. На следующий день 15-летний подросток выпрыгнул из окна квартиры дома в Москве. Неделю назад, в четверг, 12-летнего жителя Красноярска нашли повешенным в собственной квартире, а семиклассника в Тамбовской области – во дворе дома. В субботу девятиклассница выбросилась из окна в московском районе Перово. Во вторник следователи Томской области сообщили об очередном суициде – одиннадцатиклассник повесился в поселке Чердаты Зырянского района. А в Башкирии во вторник следователи начали проверку по факту самоубийства подростка, который повесился 9 февраля в селе Иглино» («Минздрав собирает спецсовещание из-за массовых самоубийств подростков», 16.02.2012, http://www.gazeta.ru/news/social/2012/02/16/n_2206969.shtml).

Полное неприятие русскоязычными челядишками необходимости несения ответственности за благополучие, если и не всех их окружающих, то хотя бы самых близких

им людей, весьма способствует развитию у них как социальной дезадаптации, так и нарциссизма (самовлюбленности) и аутоэротизма. Вот, именно это и является основной причиной возникновения влечения к суициду и, причем не только в подростковом, но и в более зрелом периоде их жизни:

«Нарциссическая личность одновременно получает совершенно противоположное послание – а именно, разрушительное послание зависти. Это сообщение примерно таково: «Ты замечательный, и я ненавижу тебя за это. У тебя есть все это, а раз у меня нет, то я презираю тебя за то, что у меня этого нет». Здесь «все это» относится к более или менее осознанным идеализированным качествам, которые одобряются родителями. Нарциссическая личность формируется, используя эту идеализацию, приспособляясь к ее ценностям и создавая внутренний и внешний барьер против завистливой атаки. Этот барьер, названный нарциссической защитой, приводит к формированию странно непроницаемой личности. Пагубным образом позитивная функция идеализации в значительной степени направляется в защитные паттерны, и пока она не восстановится в межличностных отношениях, в которых идеализация преобразуется во внутреннюю структуру идеалов (Kohut, 1971), потенциал нарциссической личности вряд ли будет реализован. Если потенциал все же реализуется, это «решение» является лучшим из возможных исходов; однако гораздо чаще нарциссическая личность удивляет других своими неудачами, с трудом взрослеет и склонна цепляться за прошлое – все это очень ярко демонстрирует ее поверхностность. На самом деле, угрызения совести и жалость к себе из-за нереализованного потенциала становятся для такого человека главной формой самопреследования, поскольку он часто берется за все подряд и ничего толком не умеет...» (Н. Шварц-Салант, «Нарциссическая и пограничная личности: сходства и контрасты» из кн.: «Пограничная личность: Видение и исцеление», <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=3109>);

«Широкое распространение, в связи с влиянием на медицину, психологию и культуру в целом идей великого австрийца Зигмунда Фрейда, получила психоаналитическая концепция, трактующая суицид как следствие нарушения психосексуального развития личности. По мнению Фрейда и его школы, влечение к самоубийству у подростков развивается в связи с аутоэротизмом, удовлетворяемым онанистическими эксцессами, которые рассматриваются в то же время как унижительный акт, угрожаемый тяжелыми последствиями, и отсюда возникают ущемленные комплексы и влечение к самоубийству. ...в советское время, в 50-х годах, человек, совершавший суицидальную попытку в местах лишения свободы, получал дополнительный срок – как за попытку уклонения от общественно полезного труда, а те граждане, которые пока еще находились на свободе, за то же самое направлялись принудительно на обследование в психиатрические больницы (очевидно, для проверки – не сошли ли они с ума, если пытаются самовольно покинуть общество, в котором «с каждым днем все радостнее жить»). ...за один день в России в среднем кончают жизнь самоубийством сто восемь человек. Легко подсчитать, что за год около сорока тысяч человек добровольно уходят из жизни. Если учесть также все неудавшиеся по той или иной причине суицидальные попытки, то эта цифра, очевидно, многократно увеличится. Со смертью каждого человека гибнет Вселенная – неповторимый

мир идей, чувствований, переживаний, мир индивидуального, неповторимого опыта. Очевидно, что общество не может и не должно по отношению к этому оставаться спокойным и безучастным» (Л. Трегубов, Ю. Вагин, «Эстетика самоубийства», <https://www.litmir.me/br/?b=233834&p=52>).

Склонность к эремофобии русскоязычного людитшки

К тому же русская языковая картина мира вместе с психической инфантильностью формирует и часто приводящую к суициду склонность к эремофобии (навязчивому страху – боязни безлюдных мест или одиночества):

«51% жителей России думает об одиночестве и боится его. Таковы данные Исследовательского центра SuperJob.ru. При этом 17% «боятся однозначно», и 34% – «скорее да» («Я один, но это не значит, что я одинок...», <http://orsk.ru/news/2271>).

Как видим, количество в России эремофобов практически совпадает с количеством в ней ментально инфантильных людей, предрасположенных к впадению в состояние психоза под влиянием ультрапатриотической пропаганды:

«Только что мы с Агентством социальных исследований под заказ проводили соцопрос, выборка четыре тысячи двести человек, классическая выборка респондентов, телефонные звонки, улица. Вопрос «Поддерживаете ли Вы ввод войск на Украину», без пояснений о Крыме, Донбассе, Киеве. Пятьдесят шесть и восемь десятых процента – да, девятнадцать и шесть – нет. В протестной, интеллигентной Москве пятьдесят один и двадцать четыре. Второй вопрос: «Готовы ли вы быть призванным в войска для выполнения такой миссии или отправить на войну своего ребенка?». Вы обалдеете. Пятьдесят два процента готовы и сами идти убивать братьев-славян и детей своих в мясорубку загнать. В Москве – нашей Москве, которая голосовала за Навального, – готовы сорок девять и восемь десятых... Половина взрослых жителей России пребывает в состоянии, которое медицина называет психозом. Есть другое, очень точное слово: угар. В таком состоянии в самом начале Первой мировой войны, ровно сто лет назад, издевались над людьми с немецкими фамилиями, переименовали Санкт-Петербург в Петроград. Угарная любовь к родине. В наши дни остаётся только радоваться, что примерно половина жителей России не затронуты психозом. Половина здоровых – это много, это хороший показатель умственного развития и душевного здоровья россиян» (Вячеслав Балясников, «Путину удалось создать государство такого сферического [феерического, – П.Д.] быдла, что уже не страшно, а просто мерзко», <http://voronz.in.ua/recomend/17-3-14-17815>).

Наличие в русском языке весьма большого количества омонимов – вовсе не случайно

В русском языке широко распространена не только омонимия слов:

«В то время как древнеславянское слово – «недовольный», связанное по значению в современном языке со словом «недовольство», семантически разветвилось, обросши

разнообразными смысловыми оттенками, и укрепилось в русском литературном языке, русский омоним этого слова «недовольный» в значении «недостаточный» вышел из литературного употребления... Омонимия «довольно» (соотносительно с «довольный») и «довольно» с количественными значениями не устранена до сих пор. Оба эти омонима существенно дифференцированы не только лексически, но и грамматически. «Довольно» от «довольный» сочетается только с глаголом в атрибутивной, определительной функции (довольно улыбался). Омоним «довольно» с количественным значением употребляется не только в качестве наречия, но и в функции категории состояния, имени числительного и даже императивного междометия (довольно споров!)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/dovolnij.html>).

Весьма характерна для него и омонимия как самих корней слов, так и редуцированных их форм, провоцирующая подсознание связывать слова между собой вовсе не по смыслу, а на основании лишь их общих несущественных признаков. Такая омонимия имеет место, например, для следующей совокупности украинских слов: «парний» – чётный, «рахунок» – счёт, «недолік» – «недочёт», «шана» – почёт («читати» – читать, «рахувати» – считать, «вважати» – считать, «віднімати» – вычитать, «шанувати» – «почитать, чтить»).

Наличие же в языке омонимов, весьма затрудняющих подсознанию отслеживать логико-ассоциативные лексические связи, препятствует формированию у общающихся им как устойчивых морально-психических установок, так и совестных актов на основании этих установок. А это ведь весьма и выгодно для ментальных инфантилов (холопов и совков), максимально избегающих не только несения какой-либо ответственности, но и возможных проявлений мук и угрызений совести. Поэтому-то вполне закономерным является и наличие в русском языке весьма большого количества омонимов.

Тех же слов, на которые может отреагировать подсознание, вызвав совестные акты и другие нежелательные бессознательные побуждения, русскоязычный человек старается не употреблять ни в общении, ни во внутренней речи в процессе обдумывания чего-либо. Он просто их заменяет синонимами или же жаргонными фразами, понятные лишь разуму (сознанию), но не подсознанию:

«Русский человек так привык быть битым, что он может из каждого слова немедленно «боевой глагол» сделать. Разбил мальчик стакан – буфетчик кричит: «Я тебя отстаканю!» Провинился работник Егор, хозяин кричит; «Наегорьте-ка, братцы, ему шею!» и т. п. И это кроме довольно богатого лексикона специальных слов, имеющих в нашем народном языке для обозначения битья: «вздрючить», «взъерепенить», «взьефантурить» и т. д.» (Д. Ровинский, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>).

В зависимости от контекста вместо слова «обманул» русскоязычный человек использует следующие слова или же фразы: «провел», «обвел вокруг пальца», «облапошил», «объегорил», «втер очки», «надул», «взул», «кинул». Вместо же слова «убил» он использует слова: «успокоил навечно», «отправил на тот свет», «отправил к праотцам», «пустил в расход», «порешил», «пришил», «убрал», «уложил», «укокошил», «замочил»:

«Лексике воровского жаргона нередко присущ циничный и грубый эвфемизм, стремящийся прикрыть обычными по внешней форме словами различные преступные действия: «украсть» выражается глаголом «купить», «ударить кого-либо ножом» – «поцарапать пером», «заниматься карманными кражами» – «крыть ширму», «воровать» – «работать» или «торговать» и т. д. Удачная кража называется чистой работой, медвежатник или кассир означает «взломщик сейфов»; человек, принадлежащий к уголовному миру, называется просто свой или своя; «убивать с целью ограбления» выражается внешне безобидным глаголом «мокрить» и т. д.» (Б.А. Серебренников, «Территориальная и социальная дифференциация языка», <http://www.philology.ru/linguistics1/serebrennikov-70a.htm>);

«Фраза «Мочить в сортире» стала первым из множества высказываний Путина, создавших ему имидж «крутого парня...» («Достойный ответ Путину на его хамство», <http://www.youtube.com/watch?v=7VmakmVR4iQ>);

«Итак, Путин перечислил «врагов русского языка». В России, и, «как известно», и в других странах. Они – «пещерные русофобы, разного рода маргиналы и агрессивные националисты». Конечно, давайте выйдем из их пещер и вспомним самого Путина. Вдовы моряков в Видяево – «10-долларовые шлюхи». И далее... «В сортире замочим». «Сопли жуют». «Из носа выковыряли и размазали по бумажкам». «Шакалят у посольств». «От кормушки оттащили». «Получат двушечку». «Скощухи никому не будет». «Кое-что отрежем, чтобы больше ничего не выросло». «Доктора послать и зачистить эту ситуацию». И так далее... Да, товарищ Путин, вы большой учёный, в языкознание знаете вы толк...» (Слава Рабинович, «Во главе страны больной человек», <https://www.obozrevatel.com/russia/vo-glave-stranyi-bolnoj-chelovek.htm>);

«Но вот когда про «духовные скрепы» вещают те же уста, что приглашали «отовариться дубинкой по голове», призывали «не жевать сопли», да, да, обещали «мочить в сортире» – да чего там, все всё помнят, – это немного того... стилистический диссонанс» (Ирина Левонтина, «Разногласия стилистические», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=8987>);

«Не испытывать угрызений совести, – первейшая заповедь «злодея...» (Евгений Багашов, <https://www.proza.ru/2008/12/28/288>).

Вместо того чтобы испытывать угрызения совести, многие русскоязычные челядишки стали испытывать свою психику наркотическими иллюзиями и алкогольным забвением:

«Для многих «все испытывайте» означает, что прежде чем вынести суждение и принять решение, НАДО ВСЯКУЮ ВЕЩЬ ПОПРОБОВАТЬ – например, наркотики, алкоголь, секс, чуждое учение, и т.д. В наше время слово «испытывать» приняло значение «испробовать на себе». Космонавты испытывают перегрузки, люди испытывают стрессы – всё сами, собою, и на себе. Настоящее значение слова «испытывать» понятно из старой

пословицы: «Не испытай броду, не суйся в воду». Как можно испытать брод, не сунувшись в воду?! Расспросить знающих людей, попробовать палкой – но только не ногами, не собой, не лошастью! Итак, современное значение слова «испытать» – «попробовать, чтобы узнать». Старое значение прямо противоположно – «узнать, прежде чем пробовать». Это же понятно и из контекста в других местах: Еф. 5:10, 2 Кор. 13:5, 1 Ин. 4:1. То же подсказывает и здравый смысл: дурно пахнущее не обязательно пробовать на вкус» (Пастор тюремного служения Станислав Вершинин, «Осторожно – Синодальный перевод!», <http://www.foru.ru/slovo.8837.1.html>).

Предопределенность застоя и порухи в России

Почему царская Россия рано или поздно все же должна была «почить в бозе» хорошо знал уже Петр Вяземский:

«У нас самодержавие значит, что в России всё само собою держится» («Записная книжка» 13 (1838 – 1860), Часть 3, <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/zapisnaya-knizka/knizka-13-1838-1860-3.htm>; <https://persons-aforism.ru/aforizm/1238>).

А, следовательно, всё это неизбежно должно и рухнуть когда-то. Но почему же тогда и «союз нерушимый республик свободных» приказал долго жить? Кроме прямых объективных причин, конечно же, имели место еще и косвенные причины а, именно, – ускорившие кончину этого «союза» ментальные проявления лексико-семантических факторов. Сама приведенная здесь фраза уже обрекла этот «нерушимый союз» на застой а, тем самым, – и на последующую неизбежную поруху (гибель).

Ведь «нерушимый» – это значит лишенный любого движения (др.-киев. и укр. «руха») а, следовательно, лишенный и способности к развитию. Конечно же, это связано с переосмыслением в русском языке данного древнекиевского слова, ставшего означать в нем «неразрушимый». Однако же у большинства чиновников могло доминировать в подсознании и прежде – древнекиевское его значение, а у многочисленных выходцев с Украины, тем более, – такое же и украинское его значение (государство ведь, подобно рыбе, гниет с головы).

Аналогично и слово «рухлядь» – «движимое имущество» (др.-киев. «рухло», «рухлядь», укр. «рухло» – то же, «рухлявий» – «подвижный, проворный», – Фасмер) стало рассматриваться в русском языке как нечто, способное в любую минуту развалиться в смысле разрушиться (конечно же, слово «развалиться» означает еще и разлечься где-нибудь).

Такая же метаморфоза произошла и с древнекиевским словом «чинити» (ст.-слав. «чинити / «чиня» – «располагать, устраивать»; укр. «чиніти» – «делать, совершать, производить, устраивать» – Фасмер), которое в современном русском языке стало преимущественно означать «налаживать», «ремонтировать» или же «делать острым». Поэтому-то и выглядит каламбуром афоризм:

«Зачем чинить препятствия, легче построить новые» (Александр Арефьев, «Мудрость с улыбкой», http://samlib.ru/a/arefxew_a_w/mudrostxsulybkojtom2.shtml).

Действительно, слова «починок» (почин) и «починка», соответствующие этим двум смыслам слова «чинить», не имеют ничего общего между собой. Из-за приобретения словом «почин» нового смысла – «инициатива» (укр. «починання») его прежний смысл (укр. «початок») перешел на слово «зачин» (укр. «зачинення» – «закрытие, запираение»), которое стало означать в русском языке вовсе не завершение а, наоборот, начало чего-либо:

«ЗАЧИН, зачина, м.. Начало. Зачин пьесы. В зачине стихотворения. Зачин былины» (Дмитрий Ушаков, «Голковый словарь русского языка»).

Это стало весьма дезориентировать подсознание русскоязычного человека. Ведь, если приставка «по» означает начало какого-либо процесса (полез на дерево), то приставка «за» означает его завершение (например, залез на дерево). Такими же дезориентирующими и уродствующими подсознание человека являются и выражения «зачинщик беспорядков», «зачатие жизни» и др. Поэтому-то вовсе и не удивительно то, что слишком разговорчивую женщину невозможно заставить молчать, упрасывая её «за-молчать» (прекратить молчать):

«Я научила женщин говорить...

Но, Боже, как их замолчать заставить!»

(Анна Ахматова, «Я научила женщин говорить»,
<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ahmatova416.html>).

И ведь же укр. слово «замовкнути» ассоциируется в подсознании вовсе не с завершением молчания, а с окончанием речи (укр. «мовлення»).

Тоже самое касается и слова «засыпáть» (укр. «засинати»). Русский язык фактически игнорирует разницу между спаньём (укр. «спанья») и сном (дремотой), являющимся промежуточным состоянием между бодрствованием и спаньём. Поэтому-то, если укр. «засинання» означает переход от состояния сна, в котором возникают сновиденья, к состоянию спанья (укр. «спанья»), то русское «засыпание» в подсознании ассоциируется не с началом а, наоборот, с завершением состояния спанья (а, если всё же – и с началом, то лишь вечного сна – с «засыпанием землёй в могиле»).

Украинское слово «напрям» лишь указывает на пространственную ориентацию прямолинейного движения объекта или же на направленность (укр. «спрямованність») его положения в пространстве. Формально же соответствующее ему русское слово «направление» отражает, прежде всего, факт управления движением объекта или наведения его на что-нибудь а, именно, – принудительного пространственного ориентирования движения или какого-либо орудия кем-либо, временно ограничивающим свободу соответственно перемещения или лишь пространственной ориентации его. Так что вовсе и не удивительно то, что дороги в России успешно замещаются одними лишь направлениями. Омонимом пространственного «направления» является выдаваемое кем-либо или же каким-либо учреждением направление (укр. «направлення») к какому-либо другому лицу или же в какое-либо другое учреждение.

И подобные ограничения свободы любых действий кого-либо являются вовсе не исключением, а неотъемлемым признаком русской лексики. Например, в большинстве языков, вообще, нет слов, полностью соответствующих холопским сущностям русских слов «управляющий» (англ. «administrator»; нем. «verwalter»; укр. «завідатель», «адміністратор»,

«менеджер»), «руководитель» (англ. «manager»; нем. «leiter»; укр. «провідник», «керманич», «керівник») и «предводитель» (англ. «leader»; нем. «hauptmann»; укр. «гетьман»).

К тому же становится предельно ясным, и почему в русскоязычном примитивном обществе главенствует не право (закон), а присвоившее себе его функции правительство (укр. «уряд») и многочисленные бюрократы – чиновники (укр. «урядники», «урядовці»). Ведь подсознание у всех этих горе-правителей отождествляет любое государственное право (закон) уже с самим фактом их правления, и тем самым даёт им право воспринимать любые свои решения, как правильные, и принимать их на свое усмотрение без какого-либо зазрения совести.

Весьма символично звучит и популярная фраза «устойчивое развитие», фактически означающая предельно медленное развитие. Ведь устойчивыми процессами, как правило, являются эволюционные или же квазиравновесные процессы, соответствующие пребыванию системы вблизи застойного (устойчивого) состояния. Бурное же развитие чего-либо принципиально не может быть устойчивым и во избежание кризисных явлений требует постоянного корригирования определяющих его факторов.

Так что, вовсе, и ничто иное, а именно русский язык неявно поспособствовал как консервации бюрократического произвола, так и приходу к застою и не только экономики, но и всех сфер жизнедеятельности в СССР а, тем самым, и обрек его на развал:

«При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста (да, в общем-то, и любого обрусевшего инородца-имперца – П.Д.), в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке...» (Владимир Ленин, «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», 30 декабря 1922 г., <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/avtonomisazia.html>).

Ответственен он, очевидно, и за отсутствие самодвижения (развития), как экономики, так и общественных отношений и в нынешней России:

«Избрав государственно-бюрократический вариант, практически обреченный на застой, не имеющий сил для самодвижения, отделенный высокой стеной коррупции от подавляющего большинства населения, мы действительно обрекаем Россию на отставание от мира, на колониально-сырьевую роль, на вечную консервацию этой роли. Вот вам и «заговор» против России – «заговор», участниками которого являются отнюдь не «масоны», а бюрократическая элита, гордо именующая себя «государственниками». Колониальные государственники... Сегодня интересы этих групп (сохранивших – особенно на местах – всю полноту власти), очевидно, чисто охранительные. Их идеология едва-едва просматривается – людям не до того, они заняты практической деятельностью по своему обогащению. Как все богатые люди, они осторожны, крайности их пугают. Однако на всякий случай нацистов они могут подкармливать. Возможна ли ситуация, когда правящая бюрократия пойдет на альянс с нацистами, «наймет бандитов», действительно повторив в России «веймарскую

катастрофу»? Во всяком случае, эту болевую точку надо постоянно отслеживать, помня, что только союз с наиболее агрессивной частью бюрократической буржуазии может открыть нацистам дорогу к власти...» (Егор Гайдар, «Бюрократия и фашизм», <http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/40/21g.html>).

Почему же русскоязычные люди так тяжелы на подъем и, как правило, предпочитают застой любому движению?

Оказывается, на церковнославянском языке слово «движу» означает вовсе не движение (укр. «рух»), а «утруждаю, беспокою», а слово «двизание» – «возбуждение, побуждение» («Церковнославянский словарь // Добро», <http://knigy-dlya-vseh.ru/dobro.html>).

Тем самым, всё и становится предельно ясным. Ведь «ленивому и легкомысленному племени» утруждать и беспокоить себя, конечно же, не свойственно.

В России все носит печать рабства – нравы, стремления, образование и даже вплоть до самой свободы

К тому же и ассоциация в подсознании слова «начальник» со словом «начало» привела к тому, что начало (укр. «початок») любой работы, как правило, должно инициироваться в русскоязычном примитивном обществе, если и не силовым принуждением, то хотя бы командой какого-либо начальника:

«...руководители, считающие, что кроме них, принять ответственное решение никто не может, как раз и не дают необходимых полномочий своим подчиненным. Каков результат? Руководитель оказывается, завален кучей дел, разобраться в которых, толком, у него всё равно нет физической возможности, а специалисты призванные эти проблемы решать, не могут сделать ничего, проводя часы и дни в ожидании приема у босса. Ведь без его указания всё равно ничего не сдвинется с мертвой точки» (Дмитрий Степанов, «Первая сигнальная система рефлексов начальника», <http://chmanagement.narod.ru/businessmis.html>).

С другой стороны бессознательные установки этой же ассоциации ответственны за то, что большинство начатых работ русскоязычные люди так и не доводят до успешного их завершения: «Главное мол, начать, а там как бог даст». Начальник, ведь, не исполнитель работ, а всего лишь их начинатель. А быть лишь простым исполнителем работ, как и исполнителем чьих-либо приказов и распоряжений, в русской ЯКМ не только не престижно, но и унижительно. Унижительный же труд принципиально не может быть ни производительным, ни эффективным (продуктивным):

«Стратегии по увеличению «производительности» работников создавались, по меньшей мере, с начала XX века – со времен мечты Фредерика Уинслоу Тейлора о «научном менеджменте», построенном на таких методах, как «изучение времени». Одно из последних модных веяний в этой области – «наука о производительности труда», порожденная миром больших данных. Все что угодно – шаблоны электронных писем, продолжительность телефонных звонков, минуты перекуров – может быть измерено и сведено в общую

сравнительную базу данных ради создания идеального менеджерского паноптикума. Правда, возникает подозрение (вполне обоснованное в русской ЯКМ, – П.Д.), что за амбициозной задачей «увеличения продуктивности работников» стоит низменное желание получить больше от каждого сотрудника за те же (или меньшие) деньги» (Стивен Пул, «Почему культ продуктивности вреден», <http://helppsyh.ru/interesnye-stati/pochemy-kylt-prodyktivnosti-vreden.html> ; <http://surfingbird.ru/surf/pochemu-kult-produktivnosti-vreden--i4CA01dEb>).

Но, ведь же, начальник на самом деле (согласно украинской ЯКМ) это не просто начинатель (зачинщик) какого-либо дела, а человек, находящийся во главе (укр. «на чолі») коллектива и, следовательно, обязанный как координировать деятельность всех членов коллектива, так и обеспечивать ему все необходимые условия для успешного завершения начатых работ. К большому же сожалению бессознательные лингвопсихические установки русской ЯКМ не побуждают начальника к этому. Как видим, русский язык можно рассматривать и как изуродованный до безобразия украинский язык, переосмысление искаженной лексики которого позволяет психически инфантильному русскоязычному населению успешно вести холопский образ жизни. Именно формируемый уродливой русской ЯКМ холопский менталитет и ответственен за безобразный облик русскоязычного населения. Поэтому-то, и приходится невольно согласиться с печальными выводами Чаадаева, Врангеля и Качалинского:

«В России все носит печать рабства – нравы, стремления, образование и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде...» (Петр Чаадаев, «Отрывки и разные мысли», http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml);

«В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово «свобода» этот народ заменил произволом и полученную вольность превратил в буйство, грабёж и убийство...» (Пётр Николаевич Врангель, цит. по: Степан Карпенков, «Рыцарь долга и чести», <http://www.russdom.ru/node/10609>, <https://project1917.ru/posts/4713##post>);

«Для москвитя-«великоросса» свобода означает право безнаказанно грабить, насиловать и убивать... Врываясь неожиданно в казачьи хутора и станицы, и совершив убийства всех, кто не спрятался, они грабили все, что попадалось под руки и обдаривали им своих соотечественников, живших на Казачьей Земле... Власть пришлого русского хама была абсолютной и довела казаков до такого положения, что в 1932–33г.г. умерло от голода больше 50% оставшегося дома Казачьего Народа. В 1936–37г.г., чтобы прикончить весь остаток казаков, русское правительство объявило их троцкистами и волна новых массовых убийств прокатилась опять на Казачьих Землях...» (И.У. Качалинский, «Казачья старина в картах», Предисловие <http://www.kaz-volnoe.narod.ru/page421.html> ; <http://archive.is/uogjV>).

А ведь и сама-то фраза «невольно согласиться» красноречиво подчеркивает холопскую сущность, как русского языка, так и самого русскоязычного примитивного

общества. А слово «согласиться», к тому же, буквально означает одобрение лишь на словах, а не на деле. То есть, если кто-то и соглашается с чем-либо, то это вовсе и не означает, что он будет руководствоваться этим в своей повседневной деятельности.

Русскоязычный человек не может жить лишь по обычаям и по законам, и даже часто их игнорирует. Ему обязательно нужно подчиняться какой-либо абсолютной (тоталитарной) власти. И какая бы это ни была власть – то ли царская, то ли советская, то ли президентская, – она должна влиять буквально на все сферы жизнедеятельности русскоязычного человека (то есть тотально опекать его), и обязательно должна обуздывать его своеволие, и фактически держать его в «ежовых рукавицах»:

«Российский нрав прославлен в мире,
Его исследуют везде,
Он так диковинно обширен,
Что сам тоскует по узде»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/01_01.htm).

Ведь русскоязычный людишка лишен как чувства ответственности, так и чувства меры а, поэтому-то, и не способен самостоятельно принимать важные для себя решения и самоограничивать как свои неумные желания, так и свою неприглядную аморальную деятельность:

«Ничто не идет более к русскому характеру, как торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русского редко может устоять перед деньгами; он так жаден и корыстолюбив, что считает всякую прибыль честной. Русский не имеет понятия о правдивости и видит во лжи только прикрасу; он столь искусно умеет притворяться, что большею частью нужно употребить много усилий, чтобы не быть им обманутым» (Эрик Пальмквист, Дневник, XVII в.; в ст.: «Шведское посольство в России в 1674 году» // Исторический вестник, № 3, 1882, <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Palmkvist/text3.phtml?id=4039>);

«Русский человек, во многих отношениях чрезвычайно привлекательный, не способен остановиться на чем-то определенном. Поэтому он всегда был и, думается, всегда будет жертвой той или иной бюрократии» (Джон Голсуорси, «Еще четыре силуэта писателей», 1928, http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy16_4.txt_with-big-pictures.html).

И, ведь же, эта извечная маета – сплошные метания от одной крайности к другой, конечно же, связана и с тем, что понятие «определить» (укр. «визначити») для подсознания русскоязычного человека означает, – «найти или же установить всего лишь пределы (крайности) изменения любой величины, а вовсе не её точное метрическое значение».

Выражаясь поэтически, Размах а, выражаясь сухо, «отсутствие чувства меры»

Отсутствие чувства меры отчетливо проявляется в антиномизме и максимализме русского характера:

«Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионистическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт». Указанные черты обнаруживаются и при исследовании русского языка. Так, прилагательное русская (русское) типично сочетается в нашем языке со словами удаль, широта и прямота, сметка и смекалка, гостеприимство и хлебосольство, задушевность и щедрость, беспечность, бесхозяйственность и расхлябанность, лень и барство. Е.В. Рахилина в книге «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» высказывает предположение, что инвариантом выявляемых таким образом «русских» качеств является «отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций, своего рода «центробежность», отталкивание от середины; это и есть то единственное, что объединяет щедрость и расхлябанность, хлебосольство и удаль, свинство и задушевность. Русские охотно признают у себя самые разные недостатки, важно только, чтобы это были «выдающиеся» недостатки, связанные, так или иначе, с идеей чрезмерности / безудержности». Лично я думаю, что по аналогии можно объяснить и русское пьянство: многие русские похваляются количеством и крепостью выпитого, т. е. считают, что если уж пить, то по-настоящему» (А.Е. Сериков, «Что значит быть русским: русская языковая картина мира, русский характер и восприятие русских со стороны», <http://www.phil63.ru/chto-znachit-byt-russkim>);

«По мнению китайцев, у русского народа из-за долгого периода жизни в рабстве нет традиций демократии, но существует стремление к крайнему индивидуализму. Причём русские настолько противоречивы, что при своём индивидуализме они отличаются заодно и рабской покорностью. «Русские вечно колеблются между этими двумя крайностями. Получив свободу, они не знают границ, готовы всё разрушить» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«В русском национальном характере совмещаются противоположности. И непрерывно переходят друг в друга. Конечно, и у других народов можно найти подобные противоположности. Но только в России «тезис оборачивается антитезисом». Бросаться из крайности в крайность – типично русская черта: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расточительству (от «купца» к «ухарю») и наоборот. Можно говорить о максимализме русского характера. «Подлинно, – писал Н.А. Бердяев, – есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному».

«Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча...

Коль простить, так всей душой.

Коли пир, так пир горой».

Об антиномизме и максимализме русского характера, о взаимном превращении крайних противоположностей забывать нельзя...» (Арсений Гулыга, «Формулы русской идеи», http://www.patriotica.ru/religion/gulyga_rusidea.html);

«На Достоевском, величайшем русском гении, можно изучать природу русского мышления, его положительные и отрицательные полюсы. Француз – догматик или скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном полюсе. Немец – мистик или критицист, мистик на положительном полюсе и критицист на отрицательном. Русский же – апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай – самый крайний и самый трудный. Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически. Культура может иметь под собой глубину, догматическую и мистическую, но она предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное. Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. Эти противоположности легко переходят друг в друга. Апокалиптичность легко переходит в нигилизм, может оказаться нигилистической по отношению к величайшим ценностям земной исторической жизни, ко всей культуре. Нигилизм же неуловимо может приобрести апокалиптическую окраску, может казаться требованием конца. И у русского человека так перемешано и так спутано апокалиптическое и нигилистическое, что трудно бывает различить эти полярно противоположные начала. Нелегко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания: из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции», <http://lib.com.ua/books/6/521n2.html>).

И, ведь же, такая приверженность крайностям (дихотомия мышления) свойственна у цивилизованных народов только лишь детям и подросткам, поведение которых всё еще более эмоционально, нежели рационально (разумно), ну и, конечно же, незначительному количеству весьма подверженных депрессиям психически инфантильных индивидуумов:

«Абсолютизм, дихотомизм мышления: (страдающий депрессией, – П.Д.) пациент склонен мыслить крайностями, делить события, людей, поступки и т. д. на две противоположные категории, например «совершенный–ущербный», «хороший–плохой», «святой–греховный». Говоря о себе, пациент обычно выбирает негативную категорию...» (А.Т. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери, «Когнитивная терапия депрессии»,

<http://psy-dv.org/load/50-1-0-291>, <https://studfiles.net/preview/5754710/page:3/>; Ю.О. Мартынюк, «Когнитивная терапия депрессивных состояний», <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-terapiya-depressivnyh-sostoyaniy>);

«Россия – огромная страна, которой наверняка тяжело управлять. Она очень быстро перешла от коммунистического режима к либеральному. Мы, французы, добивались демократии два века! Уверен, что все в России «устаканится», хотя глубинка в отличие от богатых Москвы и Петербурга живет в нищете. Русских я действительно люблю, хотя сыграть роль русского никогда бы не смог. И не только из-за несовпадения внешних данных. По-моему, русские немного сумасшедшие, все у них чрезмерно – и радость, и боль. Или они сходят с ума от счастья, или от несчастья!» (французский актёр Пьер Ришар: «В России все чрезмерно», <http://www.aif.ru/archive/1641795>);

«Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем. А история культуры и общественности вся ведь в среднем и относительном; она не абсолютна и не конечна. Так как царство Божие есть царство абсолютного и конечного, то русские легко отдают все относительное и среднее во власть царства дьявола. Черта эта очень национально-русская. Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы. Поэтому же трудно русским создавать относительную культуру, которая всегда есть дело предпоследнее, а не последнее. Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и в относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны» (Николай Бердяев, «Судьба России // Психология русского народа», <http://www.xwap.me/books/9239/Sudba-Rossii-Sbornik-statey-1914-1917.html?p=11>);

«Выражаясь поэтически, Размах а, выражаясь сухо, «отсутствие чувства меры», действительно является международно констатированной (и не отрицаемой нами) типобразующей чертой т.н. Русской Души. Свод исконно русских максим выглядит примерно так: «Казнить – так казнить, миловать – так миловать», «Рубить – так с плеча», «Любить – так королеву, украсть – так миллион», «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» (Борис Акунин, «Любовь к истории», <http://borisakunin.livejournal.com/21616.html> / «Русский и японец как братья (Карамазовы)», <https://www.vologda.kp.ru/daily/25670.5/831741/>);

«Вообще, давно уже замечено, что у нас на святой Руси не умеют в меру ни похвалить, ни похулить: если превозносить начнут, так уж выше леса стоячего, а если бранить, так уж прямо втопчут в грязь...» (Виссарион Белинский, «Сочинения Александра Пушкина. Статья третья // Обзор поэтической деятельности Батюшкова», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0140.shtml);

«Россия такая русская – плоская, кроткая, невинная березовая страна. А еще грязь. Там полно грязи. Русские определенно лидируют в гонке загрязнений» (писатель Джон

Апдайк, «Правила жизни...», <https://esquire.ru/rules/16-john-updike/>).

Чувства меры (укр. «чуття міри») у русскоязычного человека нет из-за отсутствия в русской ЯКМ бессознательных лингвопсихических установок на ограничения его необузданных желаний. Ограничивать же свои желания разумом русскоязычному человеку тоже не свойственно. Ведь в русской ЯКМ фактически отсутствует такое понятие как «разумение меры» (укр. «розуміння міри»). Оно подменяется понятием «понимание меры», так как украинским лексемам «розуміти» и «розуміння» отвечают русские лексемы «понимать» и «понимание» соответственно. Однако же понимание меры это не акт интеллектуальной деятельности а, всего лишь, определенные представления об этой мере, которые не обязательно могут быть разумными. Каждый русскоязычный человек может иметь свое понимание меры, но в тоталитарном обществе это понимание должно быть идеологически правильным, а не разумным. Так как русскоязычные челядишки живут не своим разумом, а по понятиям, то их неумные желания принципиально могли бы ограничиваться этими понятиями, если бы в обществе не господствовало лицемерие. Однако же, подобно законам, большинство декларируемых понятий меры в цивилизационно отсталом и лицемерном русскоязычном обществе являются взаимно противоречивыми и не позволяют ему нормально развиваться.

Тоталитаризм и беспредел в русскоязычном примитивном обществе

Поэтому-то в противовес лишь декларируемым понятиям меры в русскоязычном примитивном обществе негласно действуют тенденции беспредела во всем, позволяющие обеспечить, как комфортность нищенского существования населению, так и возможность неограниченно накапливать свои капиталы олигархам:

«Тоталитаризм считает понимание преступлением (самостоятельное понимание, но иным понимание и не может быть). Тоталитаризм желает тотально контролировать процесс понимания (вернее, его блокировку) и определять результат понимания. Отсюда любопытный феномен: люди правых взглядов часто – в структурах, склонных к тоталитаризму – застенчиво заявляют, что они вовсе не правые, а просто нормальные. В крайнем случае, «центристы»... Не случайно и в России бандитский уклад жизни стали называть «жизнью по понятиям» – когда понимают одно: нет закона, нет любви, есть лишь сила и ненависть» (свящ. Яков Кротов, «Свойства без человека // Понятливость и понимание», <https://yakov-krotov.livejournal.com/1198048.html>; <http://archive.li/tQ6Qf>);

«Что касается администрации, ее надобно разделить на высшую и низшую. В первой господствует одно стремление – добиться выгодного положения, богатого содержания и расширения произвола своего до всевозможных пределов, или, лучше сказать, до беспредельности, и таков общий разврат, что человек, называвшийся порядочным и даже довольно как будто способным, лишь только очутится на дороге повышения, делается совсем иным. Низшая администрация думает об одном – о приобретении денег и чинов во что бы то ни стало – и тоже злоупотребляет, как может, тою долею власти и влияния, каких

успела добиться. И между всеми ними есть люди честные, нравственные и способные. Но опять-таки общая безнравственность так велика, что редко кому приходит в голову действовать по совести, по закону и по внушению долга» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 26 апреля 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

Такая участь неизбежна для всех цивилизационно отсталых народов, языковые картины мира которых консервируют детское аффективное восприятие действительности, тормозят развитие левополушарного критического мышления и, тем самым, формируют словоцентричность и психическую инфантильность у большинства взрослых людей.

На принадлежность русскоязычных людей к народам, не обладающим чувством меры, указывает и отсутствие в русском языке точного соответствия и украинской лексеме «помірковано». Обычно ей ставят в соответствие русскую лексему «умеренно» (укр. «помірно»), а иногда и лексему «рассудительно» (укр. «розсудливо»). Наличие же рассудка, позволяющего лишь примитивно рассуждать (укр. «розмірковувати»), сообразать (укр. «метикувати») и, в конце концов, сообразить (укр. «збагнути») что-либо (то есть сделать лишь простейшее умозаключение типа «сообразить на троих»), вовсе не означает наличия у человека интеллекта а, следовательно, и способности вести не лишенный логики и здравого смысла (укр. «поміркований») образ жизни. Дословно же укр. лексема «міркувати» («Думати, роблячи певні висновки; обмірковувати», «Акад. тлумачний словник», <http://sum.in.ua/s/mirkuvaty>), как раз таки и означает, «размышляя, находит меру» чему-нибудь.

Тем самым вполне закономерными являются и постоянные метания русскоязычного человека от одной крайности к другой и, в том числе, – и от милосердия к звериной жестокости. Поэтому-то он и не может быть ни законопослушным а, следовательно, и несклонным к самосуду, ни действительно справедливым, несмотря на все свои мечты о справедливости:

«...Русский человек мечется из крайности в крайность: от истового служения «отечеству» и идее – до самого разнузданного эгоизма и цинизма, от суперпорядка – к суперхаосу и наоборот. Для более уравновешенного и устойчивого характера западноевропейцев подобная «достоевщина», разумеется, представляется загадочной и непостижимой. Но на деле великая тайна русской души заключена лишь в двух словах: отсутствие определенности...» (А.С. Хоцей, «Теория общества», Том II, http://www.materialist.kcn.ru/theory_of_society/theory_of_society2/theory_of_society2-5.htm);

«Своеобразен и противоречив он (как и во всем) в своих понятиях о нравственности и правде. Прощая волостным старшинам тысячные растраты, благодушно мотивируя их «человеческою слабостью», он совершенно бесчеловечно, с какою-то варварскою, холодною жестокостью мучает, а иногда забивает и до смерти мелкого воришку, попавшегося с хомутом или холстами... Он таков, каким его воспитало многовековое ярмо...» (Александр Эртель, «Записки Степняка», http://az.lib.ru/e/ertelx_a_i/text_0040.shtml);

«Много баять не подобает, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради бога, что вы –

русские. Дикий мы народ! ... Вот ты и подумай: есть ли кто лютее нашего народа? В городе за воришкой, схватившим с лотка лепешку грошовую, весь обжорный ряд гонится, а нагонит, мылом его кормит. На пожар, на драку весь город бежит, да ведь как жалеет-то, что пожар али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалеет! А как наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьет смертным боем, али мальчишку дерет как Сидорову козу, али потешается над ним? Это-то уж самая что ни на есть веселая тема...» (Иван Бунин, «Деревня», <http://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=112100012&p=2>);

«Астафьев ему чай наливает, а сам приговаривает: «Ты не гляди, что я русский! Русский – добрый, он тебя чаем напоит, пригреет, но он же тебя и прирежет, если ты, ссука, будешь ложечки тырить!» (Борис Лапин, «Петрович. Воспоминания о В.П. Астафьеве»);

«В том-то и дело, что отличительная особенность русского духа по Достоевскому и Мамлееву – это именно амплитуда, размах «русских метаний» от невиданного самопожертвования, терпения, милосердия до невиданного же разврата, жестокости, насилия. Это следует и из слов Мамлеева, что особое качество России – стремление к выходу за пределы нашего мира и вообще за любые границы (а значит, добавлю от себя, и за границы морали)...» (Михаил Бойко, «Россия и Рассея // О книге Юрия Мамлеева «Русские походы в тонкий мир», 26.03.2009, НГ «Exlibris», http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-03-26/1_russia.html);

«Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью (то есть склонностью прельщаться вымыслами; ст.-киев. «змышлений» – вымышленный, – П.Д.) и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим. Поэтому они, как говорит датский дворянин Иаков (так именует себя в своем «Hodaerogicon Ruthenicum» посол короля Фридриха II датского), люди «хитрые, смышленные, упорные, необузданные, недружелюбные и извращенные – чтобы не сказать – бесстыдные, склонные ко всякому злу, ставящие силу на место права и отрешившиеся – верьте мне – от всяких добродетелей». Ведь это они сами доказали ему: они лукавы, упрямы, необузданны, недружелюбны, извращены, бесстыдны, склонны ко всему дурному, пользуются силою вместо права, распростились со всеми добродетелями и скусили голову всякому стыду...» (Адам Олеарий, «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text5.phtml?id=1030>);

«Стыда у русских людей нет ни капли. «Самое удивительно заключается в том, что они никогда не испытывают стыда, что бы они ни делали. Наоборот, они всегда находят всему оправдания». В России на всех уровнях процветает обман. Русские живут в постоянном страхе. Все кругом для них – враги. В России царит атмосфера всеобщей подозрительности. Роль ФСБ по-прежнему велика. «Почти все телефонные разговоры прослушиваются, и при желании спецслужбы всегда могут представить на вас компромат» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию»,

<http://ehorussia.com/new/node/8992>);

«Россия – это дикарская сила, мир беззакония, мир враждебный любому закону и, прежде всего, моральному закону. Русский не имеет самого ценного, что имеет человек – это способности чувствовать моральное добро и зло. А эта способность есть основой всей человеческой культуры» (Жюль Мишле, «Польша и Россия. Легенды о Костюшко», 1851 г.);

«Не будем скрывать, что большой переворот в составляемых для России прогнозах демографии привело обследование репродуктивного здоровья 2004, когда выяснилось, что ужасающее количество (а в некоторых регионах больше половины) девушек российской провинции носят травмы и букеты венерических заболеваний, связанных с тотальным распространением насилия и крайне низкой секс. культурой, а также последствия самого распространенного лечения, по которому обращаются к врачам, – аборта; проще говоря, подрастающее поколение России в критической массе бесплодно. Проблема «оптимизма» населения в том отчасти, что большинство ужасающих показателей реального состояния дел печатать просто запрещено. Аргумент вполне уважительный: население впадет в панику, если узнает, что шансы его детей дожить до совершеннолетия неискалеченными ниже чем соответствующие шансы детей многих африканских стран, что в 1 из 3 случаев их дочери пройдут через насилие, которое в 1 из 4 лишит их самого важного и святого биологического дара – воспроизводства, а педофилия как таковая пока не получает реального наказания на практике. В данном случае, рост доходов населения не имеет большого значения, потому что население продолжает деградировать в разных отношениях. И дело не только во внешнем ограничении населения реальной информацией, но и в его своеобразном нежелании воспринять, что ситуация намного ужаснее, чем можно было себе представить» (Маргарет Саттеруэйт, «Назад дороги нет», «Эксперт» №23 (564), Ответы на комментарии, http://expert.ru/forum/expert-articles/1438/?cmt_page=21&page=21);

«В России я прожила полгода, когда работала в организации, занимающейся правами женщин... Русские женщины невероятно сильные – наверное, сильнее, чем все другие женщины мира, которых мне доводилось встретить. Они очень многое выносят на своих плечах. Возможно, это из-за сильного давления, с которым они сталкиваются с детства. Но какой бы тяжелой ни была женская доля в стране, 14 тысяч женщин, убитых мужчинами ежегодно, – это запредельное число. Мужчины много пьют, и в этом причина насилия – с одной стороны и ранних смертей – с другой. Несмотря на это, русская культура и дружелюбие меня потрясли, и здесь у меня много друзей» (Эдит Пермен, Швеция, «Американцы, европейцы и другие иностранцы о России и русских», <https://lenta.ru/articles/2016/08/02/russians/>);

«Единственными регионами в мире, где эпидемия ВИЧ продолжает быстро распространяться, остаются Восточная Европа и Центральная Азия, говорится в свежем докладе ЮНЭЙДС. На Россию в этих регионах приходится 80% новых случаев возникновения ВИЧ в 2015 году, отмечает международная организация. Еще 15% новых

заболеваний приходится совокупно на Беларусь, Казахстан, Молдавию, Таджикистан и Украину. По темпам распространения эпидемии Россия обогнала даже страны Южной Африки, следует из свежей статистики по заболеваемости. Между тем российские власти не только не увеличивают финансирование закупок лекарств для больных, но, если верить сообщениям из регионов, даже усиливают экономию на этой статье. Сопоставив опубликованную статистику ЮНЭЙДС по новым случаям ВИЧ в разных странах с уже имеющимся в этих странах числом больных, «Газета.Ru» убедилась, что наша страна лидирует по темпам распространения ВИЧ не только в своем регионе. Доля новых случаев заболеваний ВИЧ в 2015 году в России – больше 11% от общего числа человек, живущих с ВИЧ (95,5 тыс. и 824 тыс. соответственно, по данным Федерального центра СПИД). В подавляющем большинстве африканских стран число новых случаев не превышает 8%, в крупнейших странах Южной Америки эта доля в 2015 году составляла около 5% к общему числу больных...» (Елена Малышева, Карина Романова, Петр Нетреба, «ВИЧ африканского масштаба. ООН назвала Россию эпицентром мировой эпидемии ВИЧ», <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/14/9689903.shtml>);

«Показатели развития социальной сферы свидетельствуют о настоящей катастрофе: к середине 1990-х годов средняя продолжительность жизни мужского населения снизилась до 58 лет, в стране началась естественная депопуляция, около 4 процентов граждан являются алкогольно- и наркозависимыми, устойчивыми психическими расстройствами страдают 10–12 процентов детей в возрасте до 10 лет. К сожалению, этим не исчерпываются примеры, иллюстрирующие всю глубину падения нашей некогда великой державы» (В. Иноземцев, «Потерянное десятилетие», <http://msps.su/files/2013/01/INOZEMCEV-1.pdf>; <https://freedocs.xyz/pdf-341966045>).

Разделение ветвей власти в России является лишь одним из проявлений тотального лицемерия. Если президент не сможет оказывать влияние на все ветви власти, и не будет периодически демонстрировать всем свои «клыки», то он неизбежно потеряет свой «авторитет» в холопском русскоязычном обществе, и его вместе с «потрохами» (его ближайшими соратниками) тут же «сожрёт» государственная бюрократия. А народ даже и пальцем не пошевелит, чтобы защитить своего избранника. Ведь ему нужен вовсе не верой и правдой служащий россиянам президент, а внушающий страх и ужас владыка:

«Выбирая Президента в качестве носителя высшей власти, мы одновременно делаем выбор и относительно себя – мы выбираем себе участь холопов этой власти. И всякий раз, разочаровавшись в своем избраннике, мы начинаем лелеять надежду на выборы грядущие. Мы остаемся пленниками этого порочного круга, пока не знаем, как разорвать его. Лишь «счастливой преданностью рабству» можно объяснить «идиотизм веры» в то, что выборы властителя есть «почетное право свободного гражданина» и непонимание того, что право это на самом деле не «почетное», а позорное, постыдное, оскорбительное. Эта вера и составляет суть мифа о «долге избирателя», мифа о «свободном, демократичном» выборе Президента» (Виктор Мерцалов, «Происхождение человека еще не завершено. Логика антропогенеза», http://samlib.ru/editors/m/mercalow_w_l/1proishozhdenie.shtml);

«...живя в России, ощущаешь себя «как на минном поле»: «У вас нет особых перспектив – ни в жизни, ни в профессии, ни в карьере, если вы не «подключены» к ценностям системы. Это глупое устройство общества, которое является вечным проклятием нашей территории. Здесь крайне трудно обсуждать идеи верховенства закона и равноправия, а дискуссия в обществе существует, но она бессмысленна. У меня есть ощущение абсолютной бесполезности обладания здесь правом голоса. Мне 50 лет, и я ни разу в жизни не голосовал на выборах, потому что я абсолютно уверен, что в нашей системе это совершенно бессмысленно... Мы живем в феодальной системе, когда все находится в руках одного человека и все остальные находятся в вертикали подчинения» (Андрей Звягинцев, цит. по: Александр Задорожный, «Андрей Звягинцев: «Мы живем в феодальной системе, когда все находится в руках одного человека»», <http://www.znak.com/moscow/articles/13-01-00-11/103416.html>).

И ведь же русскоязычное население, как привыкло делать всё лишь «из-под палки», так и до сих пор всё ещё не может обойтись без нее или же без заменяющего её кнута:

«Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой.
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!»

(Зинаида Гиппиус, «Веселье», 29 октября 1917, <https://project1917.ru/heroes/zinaida-gippius>; <http://www.litera.ru/stixiya/authors/gippius/blevotina-vojny-oktyabrskoe.html>).

Поэтому-то для всё ещё «неповзрослевшего» русскоязычного населения вполне естественной альтернативой ни чем не ограниченной власти Президента и его «королевской рати» олигархов и чиновников, конечно же, может быть лишь «беспредел» («закон – Тайга, прокурор – Медведь»):

«Самое отвратительное в работе президента – это необходимость (помимо всего прочего) постоянно развлекать сто с лишним миллионов идиотов. Дело в том, что без увеселений, режиссируемых властью, население активно изобретает собственные забавы: погромы, стачки, массовые грабежи и митинги. Оно склонно потешиться межнациональной (или иной) резней, а также созданием банд, подполий и сект. Нельзя сказать, что публика в РФ плоха или очень капризна. Нет. Она ничем не хуже публики (к примеру) древнеримских цирков. Ей нравится наблюдать игрища с оружием. (Особенно когда капли гладиаторской крови долетают до трибун.) Она рукоплещет забоям различных политических слонов на арене. И она умеет честно обожать тех императоров, что не скупятся на представления...» (Александр Невзоров, «Идущие в анус», <http://snob.ru/selected/entry/78868>; <http://voronz.in.ua/recomend/25-7-14-21170>);

«Для отечественного зрителя, который привык к тому, что чиновничий беспредел в нашей жизни явление постоянное и заурядное, такой поворот сюжета понятен. Кто же с этим не сталкивался! Ну, да! Ну, жрут, ну хапают, ну отбирают! ...мир и защита в жизни человека, это следствие согласия (договора) людей на определенный образ жизни, на тот образ жизни, который они выбирают. Какой образ жизни выбрали наши герои? Какова обыденная, повседневная жизнь? Та жизнь, которой они, мы живем по своей воле, по своему выбору, своими поступками творимой. Разве не эта жизнь органично принимает и мэра, и судью, и прокурора (презирающих и использующих лишь в своих корыстных целях опекаемое ими быдло, – П.Д.)... Поэтому ясно, что Левиафан в картине не жалкий мэр и Ко или некая институция, и не какой-то мифический Сатана, а тот (быдлчий, – П.Д.) образ жизни, творимая нами повседневность, то с чем мы согласны, что существует по невидимому договору... Вот эпохальная картина Андрея Звягинцева и показала, что мы, именно мы, а вовсе не мир в целом, живем в чреве Левиафана, возвращенном вполне определёнными представлениями о жизни и людях, которые, увы, нам самим не нравятся. Так пора менять эти представления. Но как?...» (Владимир Конев, «Что такое Левиафан и где он таится?», http://www.dialog21.ru/vestnik/vestnik_74.pdf; «Левиафан по Звягинцеву», <http://samcult.ru/review/1452>);

«Дикая страна с диким народом, обожающим плетку и диктатуру вместе с диктатором, продолжает свое загробное существование. Зачем? Кому это нужно? (Так и хочется ответить словами популярной песенки: «Никому не нужно!») Их детей будут, вламываясь в студенческие общежития, как это было в 2001 году, вытаскивать прямо из постелей и в наручниках везти в армию, наплевав на все отсрочки, – а они будут молчать! Все пробные шары, кидаемые властью, проходят здесь на ура – кроме разве что небольшой кучки правозащитников, способных, да, собрать в Москве еще один митинг аж в 100 человек да бесконечно обжаловать действия власти в ее, власти, судах и прокуратурах... В России свободы и демократии не только не было никогда, но она, как выяснилось, и генетически неспособна к ним. То, что сейчас происходит, – это естественная реакция отторжения организмом инородного тела. Свобода и демократия для России инородны, а иррациональная, на взгляд нормального человека, тяга к диктатуре, казарме и плетке – вполне естественна и привычна. Силу этого отторжения, как и силу вековой русской привычки к рабству мы можем видеть по рейтингам Путина и по его действиям, – от геноцида чеченского народа до изуверского издевательства над Пасько и журналистами ТВ-6. Какие бы преступления не совершались – рейтинг упрямо не снижается...» (Борис Стомахин, «Держава – это пьянная Родина-мать в сапогах», <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2002/03/16/1083/derzhava---eto-pyanaya-rodina-mat-v-sapogakh.shtml>; <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2002/03/16/1083/derzhava---eto-pyanaya-rodina-mat-v-sapogakh.shtml>).

И как же здесь не вспомнить слова Алексея Толстого:

«Есть две Руси. Первая – Киевская имеет свои корни в мировой, а минимум в

европейской культуре. Идеи добра, чести, свободы, справедливости понимала эта Русь так, как понимал их весь западный мир. А есть еще вторая Русь – Московская. Это Русь Тайги, монгольская, дикая, звериная. Эта Русь сделала своим национальным идеалом кровавую деспотию и дикую ярость. Эта Московская Русь издавна была, есть и будет полным отрицанием всего европейского и заклятым врагом Европы» (Алексей Толстой, «The Slavonic and East European Review», – Vol. XIX, 1939 – 1940, с. 71, <http://blog.i.ua/search/?type=label&words=249837>).

Родина – уродина

У большинства народов таким священным явлением природы, как «рождение», вызываются позитивные эмоции (в польском языке, как и в украинском, «uroda» – красота). В русском же языке это слово получило негативный смысл и даже, несмотря на то, что просветителями в России были выпускники преимущественно Киево-Могилянской академии. Очевидно, выросшим в крепостном рабстве россиянам их рождение, как и вся их жизнь, связывалось не с радостью, а лишь с муками и с горем:

«Русская сказка показывает нам ясно, чего русский народ боится: он боится бедности, еще более боится труда, но всего более боится «горя», которое привязывается к нему. И горе это как-то страшно является к нему, как будто по его собственному приглашению: возвращается бедняк из гостей, где его обидели, и пробует затянуть песню. Поет он один, а слышит два голоса. Остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» И Горе отвечает: «Да, хозяин, это я пособляю». «Ну, Горе, пойдем с нами вместе». «Пойдем, хозяин, я теперь от тебя не отстану». И ведет горе хозяина из беды в беду, из кабака в кабак. Пропивши последнее, мужик отказывается: «Нет, Горе, воля твоя, а больше тащить нечего». «Как нечего? У твоей жены два сарафана (по-французски можно просто «платья»): один оставь, а другой пропить надобно». Взял мужик сарафан, пропил и думает: «Вот когда пир! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!» И непременно нужно было дойти до конца, до предела, чтобы подумать о спасении. Эту тему потом развивал Достоевский. Замечательно тоже, что «горе» здесь сидит в самом человеке: это не внешняя судьба греков, покоящаяся на незнании, на заблуждении, это собственная воля, или скорей какое-то собственное безволие. И пьет русский человек обыкновенно больше с горя, чем ради веселья. Даже его кутеж, его веселье как-то незаметно переходит предел и становится источником расточения материальных и духовных сил, источником «горя» (Б.П. Вышеславцев, «Русский национальный характер», <http://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/clasik/data/vopros/11.html>);

«Для полковых древлеправославных священников мятежных стрельцов соорудили особую виселицу в виде Креста. Вешал священников (еще старого, дониконовского поставления) придворный шут, наряженный православным иерархом. Петр любил всевозможные уродства. Когда умер карлик Петра Первого «Нарочитая Монстра», за его гробом шли самые ужасные уроды, которых удалось собрать. Похороны карлика Петр, как и все, что делал, превратил в кощунство и издевательство. Издевался над живыми, издевался над прахом Милославского, издевался над трупом своего «Нарочитого Монстры».

Огромного гренадера, в детской распашонке вели на помочах два карлика. Шесть ручных медведей везли в тележке спеленатого как младенца крошечного карлика. В конце процессий шел Петр и бил в барабан. Ни жизнь, ни смерть, ничто не было свято для венценосного антихриста Петра, который сам был ничем иным, как «нарочитым монстрой». Существуют резолюции Петра на следственных делах: «Смертью не казнить. Передать докторам для опытов... Никон и царь Алексей Михайлович начали строить «антихристову церковь», а «гениальный режиссер жизни» Петр «вздернув Россию на дыбы» закончил это церковное «созидание», существующее в своем уродливом виде и в наше время...» (историк Андрей Щеглов, ««Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кощунства», [http://www.staropomor.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomor.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html)).

Да и сейчас-то мало что изменилось. Не случайно же многие россияне соглашаются с тем что, как поется в известной песне, их «Родина – уродина». Особенно красноречиво гласит об этом поэзия коренного москвича Юрия Нестеренко:

«Историческая уродина,
Заскорузлая да посконная,
Кисло-горькая ты смородина,
От которой вся жизнь – оскомины!
Мутно-грязная, душно-зяблая,
Безнадежная, бездорожная,
Расползалась квашнею дряблою,
Отравляла гордыней ложною.
На свободных всегда озлоблена,
Язвы выпячены, не лечены...
Сколько жизней тобой угроблено!
Сколько душ тобой искалечено!..
Тошнотворная да кровавая,
Ты не мать и не красна девица,
Ты – чудовище многоглавое.
Сверху головы нагло скалятся,
Снизу – рабски привыкли кланяться.
Верх – срубить бы да не печалиться,
Но ведь низ – все равно останется!
Не изменится, не исправится,
Новый верх из него проклюнется,
И вчерашнему быдлу здравица
Умиленной слюною сплюнется...»

(писатель и поэт Юрий Нестеренко, «Историческая уродина...», август 2010, <http://yun.complife.info/verses/raschka3.txt> , <https://www.stihi.ru/2012/06/22/2170>);

«...Я подвел черту под российской историей. Я сделал вывод, что бесполезно и безнадежно пытаться в России что-то изменить к лучшему. Поскольку власти в России не

причина – они следствие. Российское общество глубоко больное, поэтому оно воспроизводит эти режимы. Если кто-то во власти захочет дать народу свободу, то он заслужит от этого самого народа, либо бомбу как Александр Второй, либо ненависть – как Ельцин и Горбачев. Хотя Горбачев не собирался дать реальную свободу, он только хотел «выпустить пар», чтобы таким образом сохранить власть КПСС. К счастью у него этого не получилось. Во времена «железного занавеса» еще могли сохраняться какие-то иллюзии, что народ оболванен пропагандой, поскольку у него ничего не было кроме газеты «Правда». Думали, что стоит открыть русскому народу глаза, он рванется к свободе и вернется в семью цивилизованных народов. К сожалению, мы убедились, что это не так. Около трети населения России имеют доступ в Интернет, у людей есть возможность свободно выезжать за границу. У народа полно альтернативных источников честной и правдивой информации, но он не желает ее воспринимать и видеть. Он обожает Путина и ненавидит тех, кто пытался и пытается сегодня дать ему свободу. Борьбаться с народом бессмысленно...» (Из интервью Алексу Григорьеву: «Юрий Нестеренко о России, Западе и эмиграции», <http://www.golos-ameriki.ru/content/nesterenko-int-2011-08-20-128126418/242628.html>).

Да, и прозревший, наконец-то, Александр Невзоров, конечно же, выстрадал весьма нелицеприятную для себя истину:

«Знаете, прежде чем воспитывать любовь к Родине (точнее, именно к своему государству, – П.Д.), давайте подумаем на одну простую тему: а как бы нам у нее воспитать любовь к нам? Потому что пока все ее материнские обязанности и материнские потребности сводятся к тому, чтобы унижить, разорить, обобрать, посадить, убить, затоптать или просто не обратить внимания. Вот где для нее эти курсы, которые она могла бы пройти? Это замечательно, но вся эта безответная любовь, которой нас учат все идеологии, начиная с Петра Алексеевича Первого, весь этот онанизм под балконом, что мы должны любить безответно, тупо, постоянно жертвуя собой. А нам, возможно, обеспечат место в переходе метро, если нам оторвет на какой-нибудь войне руку, и, может быть, нас не будут сильно бить дубинками милиционеры. Поэтому сперва хотелось бы научить Родину любить нас, и тогда, возможно, имеет смысл подумать о какой-то взаимности» (Александр Невзоров, «Я никогда никого не предавал, потому что никогда никому не присягал», <https://snob.ru/profile/20736/blog/92098>; <https://lovehate.io/blog/225/comments/>).

Действительно же правы и Дюрренматтов Ромул, и Филатовская Лизистрата:

«Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя Родиной» (Фридрих Дюрренматт, «Ромул Великий», <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4436>);

«Пред Родиной, конечно, неудобно...

Долги, конечно, надо отдавать...

Но почему она – в уплату долга –

С вас требует кого-то убивать?

И коль у вас пред ней долги такие,

Что даже жизнь – в уплату их – пустяк,

То хочется спросить вас, дорогие,
Зачем же вы одалживались так?
Коль Родина удар наносит сзади,
Да так, что аж в глазах потом круги,
То лучше, дорогие, не влезайте
Вы к этой страшной Родине в долги!»

(Леонид Филатов, «Лизистрата», <http://fictionbook.in/leonid-filatov-lizistrata.html?page=8>).

Благодаря такой подмене понятий в русской ЯКМ и происходит ложное отождествление своей страны – Отечества (Родины) с державой (государством):

«Главное противоречие нашего сознания проистекает из того, что мы часто незаметно для себя производим подмену: государство как обособившуюся от общества власть смешиваем с государством как территорией, объединяющей народ, с тем, что исстари составляет Отечество» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381>);

«Страна – это ведь не государство. Это люди. Которые как-то просто выживают, а давным-давно не только не живут, но и не надеются жить. Привыкшие молчать и научившиеся молчанию ягнят заново. Подсевшие на водку да на омывайку, на травку или на колёса, на ящик. Согласившиеся ненавидеть и не любить. Слушать враньё и не звереть от боли. Входящие в положение. «Не в этой жизни (не в этой стране)...». «Ну, мы ж под приказом... зарплатой...ипотекой... кредитом...», «да начальство же... а что тут поделывать...». А даже и взбрыкивающие – так против чего? Против всяких симптомов (коррупции, реновации, «оптимизации» здравоохранения), не желая думать о сути, пряча голову в песок. И выдумывая себе новых кумиров. Жалко? Не очень. Разве что чуть-чуть... Потому что это мы сами всё допустили. Это при нас – мы за это в ответе. И страну про***ли мы – никто, кроме нас...» (Сергей Шаров-Делоне, «В тупике горизонтов нет», <http://ehorussia.com/new/node/14249>);

«Говоря о государственном патернализме, как неотъемлемой стороне нашей идентичности, необходимо отметить, что он накладывает особый отпечаток и на отношения россиян к своему Отечеству. Недавно обратил внимание, сколь глубока и принципиальна разница в трактовке понятия патриотизм у Брокгауза и Ефрона и у позднейших его истолкователей. У Брокгауза и Ефрона в основе определения лежит «любовь к отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации»... А смысловое ядро статьи, посвященной патриотизму, в БСЭ и ряде других современных энциклопедий уже явственно разделяет любовь (как эмоцию, чувство) и преданность Отечеству, стремление служить его интересам, как патриотический действенный акт. При этом Отечество выступает здесь уже как сущность, которая в первую очередь требует служения, причем независимо от того, проистекает ли стремление к служению из осознания солидарности либо просто является обязательным гражданским атрибутом, который «взыскивается» от гражданина. То бишь, по Брокгаузу и Ефрону

патриотизм это органическое чувство, в советской и современной трактовке это уже долг. Однако, что более всего печально, что вместо солидарности интересов граждан во главу угла теперь ставится интерес над гражданского образования, ибо Отечество на Руси (Московской Руси, – П.Д.), прежде всего, не страна, не Родина, а Держава» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml);

«Поскольку русские только и делали, что воевали, им некогда было совершенствовать родной язык: «...известное выражение английского поэта Джонсона: «Патриотизм есть последнее прибежище негодяя» в переводе на русский выглядит так: «Не всё пропало даже у самого пропащего человека, отвергнутого друзьями и обществом, если в его душе сохраняется чувство Родины, в ней его последняя надежда и спасение» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992/>);

«Изо всех спекуляций самая доступная и оттого самая распространенная – спекуляция патриотизмом, бойчее всего распродается любовь к родине – во все времена товар этот нарасхват» (Виктор Астафьев, «Прокляты и убиты», кн. 2, <http://www.astafjev.ru/content/view/1137/465/>);

«Любовь к Родине (точнее к отождествляемому с ней быдлом государству, – П.Д.) бывает несчастной» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть ее – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее вместе с жизнью. Моя родина везде, где есть письменный стол, окно и дерево под этим окном» (Марина Цветаева, Ответ на анкету журнала «Своими путями», http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_otvet_na_an_sv_p.php);

«По большому счёту, родина для человека – это место, где он может жить по своему пониманию справедливости, по законам, соответствующим ценностям своей культуры. Сбрасывание имперского рабства означает возвращение себе родины. А рабы родины (как и культуры, ценностей) не имеют, им родину заменяет территория, государство, карающая и вознаграждающая длань начальника...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?», http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/; <http://ideo.ru/slavery.html>; http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33; <https://vaysburd.livejournal.com/619737.html>);

«У меня нет Родины, ибо у раба ее не может быть. Но если она у меня есть, то внутри меня, и так у многих. Но мы живем на чужой территории, нашу Родину оккупировали коммунисты. Это не татаро-монголы, это свои, и, пожалуй, в этом секрет их успеха. Они нас заставили быть чужими. Они приписывают нас к одному месту, но не к тому, где ты родился и вырос. Малая родина – этот бандустан, явление обманчивое, лживое... Массовое психическое заболевание. Типа клептомании. Какое-то чудовищное сочетание бедности,

отсутствия культуры, религиозности (с подменой «Бога»), стабильности, доведенной уже до истерики... Сколько людей, умнейших людей, было втопнано в грязь или физически уничтожено! В угоду, на радость черни. Ну и, конечно, для укрепления собственной, партийной власти...» (Дневник актёра Георгия Буркова: «СССР – это огромная зона», http://tfolk.ru/articles/dnevnik_aktjora_georgiya_burkova_ssr_eto_ogromnaya_zona; <http://dynamo.kiev.ua/blog/304652--gergij-burkov--u-menya-net-rodinyi-ibo-u-raba-ee-ne-mozhet-byit>);

«В Англии концепции «Родины» нет вообще, о чем однажды было четко и ясно добавлено по радио ВВС. А если англичане и американцы любят свои страны, то им есть, за что их любить. Если любой из них потеряет свою страну, он потеряет свободу, потеряет закон, который его защищает, потеряет возможность применить на благо окружающих (и при этом обязательно на благо себя и своей семьи) свои способности – одним словом потеряет все. Если русский потеряет свою страну, то что он потеряет? Расплодившихся бездарных чиновников, которых он кормит?» (Борис Артамонов, «Прикладные основы», <https://www.proza.ru/2010/05/26/977>).

У всех славян, кроме россиян и беларусов, родиной являются семья, дома и уютные дворики, в которых прошли первые годы их сознательной жизни, а страна проживания их родителей и предков называется Отечеством. Только лишь у рабов, не знающих, где они конкретно родились, да и у россиян с беларусами Родиной является взрастившая их холопами держава, лишь по недоразумению называемая государством:

«Обратим внимание: представители государственной школы устанавливают, что «вся русская история есть по преимуществу история государственная», что «в Европе все делалось снизу, а у нас сверху», – эти обобщения отнюдь не вызывают у них чувства глубокого «патриотического» удовлетворения, но не вызывают и отрицательства в народническом, социалистическом или анархистском духе. С одной стороны, сопутствиями и следствиями русского государственного порядка признаны деспотизм и крепостничество; с другой стороны, данный государственный порядок объявлен ценностью и основанием дальнейшего развития! Дело в том, что отцы-основатели государственной школы исходили из доктринальной гегельянской дихотомии «частного быта» и государства как «высшей цели общественного развития». Формальное наложение русского понятия «государства» на гегелевский концепт «Staat» повлекло сдвигу в словах и смыслах...» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=5>);

«...бесконечные дали создали смиренную, стойкую к трудностям народность, но без личной воли, склонную к рабству. Это как раз и является предпосылкой большой политики от Чингизхана до Ленина. Да и для крестьянина родина – не его деревня, ландшафт его рождения, а дальние русские равнины...» (О. Spengler, «Das Doppelantlitz Russlands und die Deutsche Ostprobleme //Politische Schriften», Munchen: Verlag C. H. Beck, 1933; цит. по: Игорь Голосенко, Константин Султанов, «Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России»», <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36336>);

«Все время говорят «особые наши традиционные ценности». Наверное, есть очень хорошие, я мог бы вам даже назвать список, но некоторые ценности очень плохие. И выразил их как никто замечательно тот царь, которого почему-то сейчас значительная часть населения очень любит, – это Иван Грозный. Он выразил суть этой российской системы, которую он видел как особый цивилизационный путь и особую главную ценность. Он в письме князю Андрею Курбскому (они переругивались все время в письмах) сказал: «Холопов своих мы вольны жаловать и казнить». И он высказал вот эту ценность. И она в менталитете до сих пор живет. И когда люди путают любовь к родине с любовью к начальству, это все проявляется пышным цветом. Поэтому само по себе то, как меняются поколения, не приведет нас на европейский путь, потому что в молодом поколении вы можете найти все то же самое – и коммунистов, и левых, и фашистов, и националистов, и либералов, и социал-демократов. Это все широкий спектр...» (Алексей Арбатов, политолог, академик РАН, из интервью Владимиру Познеру «Возращение России к европейскому пути неизбежно», http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/33563#anchor_33563);

«Да, войны, междоусобицы пришли к нам из неолита, но современность подпитывает их низжайшей ценой человеческой жизни (человек – мусор, навоз, грязь, песок, солдат не жалеть – бабы новых нарожают), бесчеловечными идеологиями и бессовестной пропагандой, угнетающими разум и подавляющими волю, бесконечным потоком лжи, обмана, оболванивания, запугивания, нагнетания насилия и страха, сознательным и систематическим превращением народа в быдло. Хочу отметить, что «родины» не уничтожают своих граждан и не развязывают войн. Они только обобщающие понятия для государств и народов, призванные их холить и лелеять. Войны и репрессии – это всегда забава правящих режимов, некрофилов при власти. Война – это почти всегда возврат в варварство, и нынешние войны почти не отличаются от первобытных, потому что их развязывают, главным образом, дремучие особи с атавизмами первобытного сознания...» (Игорь Гарин, «Россия не может жить без войн», <http://nv.ua/opinion/garin/rossija-ne-mozhet-zhit-bez-vojn-105014.html>).

Советских же «добровольных рабов» – совков-холопов эти дремучие особи к тому же приучали ещё и «гордиться» тем, что многим из них весьма длительное время нереально было получить даже постоянное жилье. И они долго вынуждены были иметь фактически статус БОМЖ-ей. Как издевательство для многих звучали тогда слова из известной советской песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз».

И как тут не согласиться с солженицынским дворником Спиридоном, которым восхищается и Герман Андреев:

«Интеллигент всегда склонен искать для себя образец в литературе. Я нашел его в солженицынском дворнике Спиридоне («В круге первом»): «Его родиной была – семья. Его религией была – семья. И социализмом тоже была семья». Конечно же, не все в жизненной философии Спиридона мне подходит, но вот этот отказ от мифов во имя эмпирически ясного – семьи – мне очень понятен...» (Герман Андреев, «Обретение нормы», Новый мир, 1994, №2, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/2/andreev-pr.html).

И ведь же для украинцев такое мировосприятие испокон веков является незыблемым (укр. «родина» – семья).

Даже турки, гораздо семейственнее нас, великороссов

Для русскоязычных же граждан – это подобно божественному откровению, осознаваемому лишь теми весьма немногочисленными из них, для кого рабство уже перестало быть комфортным образом жизни:

«Государство у нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тех, которые говорят о семейственности нашего народа... Я нашел, что все почти иностранные народы, не только немцы и англичане (это уже слишком известно), но и столькие другие: малороссы, греки, болгары, сербы, вероятно (если верить множеству книг и рассказов), и сельские или вообще провинциальные французы, даже турки, гораздо семейственнее нас, великороссов» (Константин Леонтьев, «Византизм и славянство», <http://kulichki.com/~gumilev/LKN/LKN051a.htm>);

«На сих днях некоторые приказные писари пировали со своими женами у какого-то писца. Хозяину особенно понравилась одна из гостей; задумав удовлетворить свою страсть, он стал спаивать всех вином, в особенности же женщин. Гости проникли в лукавый умысел хозяина и со своей стороны, тоже с умыслом, стали потчевать щедро вином хозяйку. Все перепились до того, что падали на пол; тогда хозяин, заметив, где лежала его красавица, под предлогом, чтобы женщины спали спокойнее, погасил огонь. Затем вызвал он мужей в другую комнату для нового состязания, кто кого перепьет. После того все, совершенно пьяные, воротились в покой, где спали женщины. Хозяин пробирается к тому месту, где расположилась его красавица, которая, потому ли, что уже прежде заметила из глаз его любовь, стало быть, легко угадывала замыслы его, или потому, что была нравственнее, пожалуй плутоватее, положила на свое место жену хозяина. Хозяин в темноте не мог открыть обмана женщины и, полный прежних помыслов и ничего не зная, осыпает жену свою поцелуями, обнимает, встречает взаимность, наконец, удовлетворив свою страсть и не ведая еще, что это была его жена, приглашает прочих гостей к тому же. Пьяные сотоварищи охотно принимают его предложение. Когда обман был выдан и совершенно обнаружился, хозяин первый же покотился со смеху от того, как он не только предложил гостям кушанья и питья, но еще пригласил их и в объятия своей жены. Так испорчены нравы москвитян: доводят себя до прелюбодеяния, и сами же потом смеются над тем, что должны бы оплакивать» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text2.phtml?id=737>);

«При рассмотрении вопроса оказалось, что у русских фактически нет СЕМЬИ в общечеловеческом понятии этого слова, и нет представления, каковой она должна быть. Отсутствие семейной культуры обнаруживается в незнании самых элементарных понятий, к

примеру, когда какой-нибудь ушлый журналист задает вопрос супружеской паре: «А кто у вас глава семьи?». Сам вопрос русского не удивляет. Этот вопрос для представителя любой нации был бы оскорблением - все равно, что спросить: «Кто в вашей семье мужчина, а кто женщина?». Русский же с самым серьезным видом начинает разглагольствовать, что, мол, в зависимости от времени, ситуации, погодных условий главенство передается от одного супруга к другому. Семья по-русски это в лучшем случае сожительство мужчины и женщины с годами переходящее в привыкание друг другу... Хотя сегодня нельзя отрицать, что жизнь русской женщины нужно приравнять к подвигу. Условия существования скотские, дети висят на ней, опереться не на кого. При этом хочется остаться женщиной и найти счастье в браке. Но здесь «прилавок» почти пустой. Надо выбирать между какой-нибудь инфантильной размазней или вечно пьяным психопатом...» (Саад Минкайлов: Взгляд на русскую действительность (без оглядки на политкорректность), <https://russkie-svinnii.blogspot.com/2018/04/vzglyad-na-russkuyu-dejstvitel'nost-bez-oglyadki-na-politkorrektnost.html#more>);

«80% из 370 тыс. детей, находящихся в детских домах, имеют живых родителей. Но их содержит государство! Мы занимаем первое место в мире по числу детей, брошенных родителями. Все эти цифры свидетельствуют об эрозии семьи у нас в стране. Преступления против детей. По данным следственного комитета РФ за 2010 год, 100 тыс. несовершеннолетних стали жертвами преступлений, из них 1700 детей были изнасилованы и убиты (по этим цифрам мы опередили даже Южную Африку)... В 2010 году в России было совершено 9,5 тыс. сексуальных преступлений против несовершеннолетних, из них 2600 изнасилований, 3600 ненасильственных половых сношений (за восемь лет рост сексуальной преступности вырос почти в 20 раз). Нас в этих преступлениях опережает только Южная Африка» (Андрей Кончаловский, «Ужаснись сам себе», 2012 г., <https://www.kommersant.ru/doc/1878376>).

И поэтому-то нисколько не удивительно и то, что:

«Вероломство и лживость у них столь велики, что опасность от этих свойств угрожает не только чужим людям и соседям, но и брату от брата или одному супругу от другого» (Адам Олеарий, «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text5.phtml?id=1030>);

«Послушайте: муж жену свою зовет: голубушка! Она отвечает ему: голубчик! Посмотрите этих голубков в домашнем быту, они живут как кошка с собакою» (Петр Вяземский, «О злоупотреблении слов», 1827, <http://derzava.com/p-a-vyazemskij-zloupotreblenie-slovami.html>);

«Для щей люди женятся, а для мяса (во щах, – П.Д.) замуж идут» (русская пословица);

«Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц–советов:

«Бей жену обухом, припади да понюхай – дышит? – морочит, еще хочет».

«Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут».

«На бабу да на скотину суда нет».

«Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее».

Сотни таких афоризмов, – в них заключена веками нажитая мудрость народа, – обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Изд. И. Ладыжникова, Берлин, 1922, <http://www.rulife.ru/mode/article/68&print>);

«Да не то тебе пало на долю:

За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,

Перетянешь уродливо грудь,

Будет бить тебя муж-привередник

И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной

Отцветешь, не успевши расцвести,

Погрузишься ты в сон непробудный,

Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,

Полном жизни, – появится вдруг

Выраженье тупого терпенья

И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,

Как пройдешь ты тяжелый свой путь,

Бесполезно угасшую силу

И ничем не согретую грудь»

(Николай Некрасов, «Тройка», <http://ilibrary.ru/text/1027/p.1/index.html>);

Но и сама-то русскоязычная женщина в этом, конечно же, виновата, так как ведь тоже безжалостно относится к своему суженому:

«Русская женщина безжалостна к мужчине. Абсолютно безжалостна. Русские женщины и сами верят в миф о собственной жертвенности, о собственной готовности принять мужчину любым, только они не бросают никуда не годных мужей: алкоголиков, безработных, домашних тиранов и даже сумасшедших. Только они готовы терпеть, что угодно, ради сохранения брака и во имя той любви, с которой когда-то начались отношения. Вот раньше она любила этого мужчину, а теперь ей его жалко. Он же без нее пропадет! Разве кто-то еще, кроме русских женщин, способен на такое? На самом деле это называется созависимостью. Мужчина должен быть плохим, чтобы женщина могла быть хорошей. Он должен быть невыносимым, чтобы все вокруг ее жалели, он должен страдать, чтобы она утешала, но в то же время быть преступником, чтобы она стала судьей. В белом пальто. Этими болезненными отношениями русская женщина упивается десятилетиями – вместо того, чтобы заниматься своей собственной жизнью. Так что, собственно, русская женщина не

спасает зависимого мужчину – она его топит в зависимости, чтобы иметь возможность «нести свой крест». А то свалится с плеч еще – и что она тогда будет делать?» (Cosmopolitan, «Наташа, давай до свидания! ... Почему русские женщины не могут быть счастливы?», <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/lichnaya-zhizn/2016/06/natasha-davay-do-svidaniya/>).

Поэтому-то вовсе и не стоит удивляться тому, что:

«По данным МВД, в России 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. В 2013 году от преступных посягательств погибло более 9 тысяч женщин, более 11 тысяч женщин получили тяжкий вред здоровью. В 2014 году более 25% зафиксированных в стране убийств были совершены в семье, и тогда же зарегистрировано почти 42 тысячи преступлений в отношении членов семьи. За шесть месяцев 2015 года уже зафиксировано около двух тысяч убийств и более пяти тысяч фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью», – это фрагмент из выступления доктора политических наук, главного научного сотрудника Института социологии РАН, члена Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Светланы Айвазовой на недавней встрече СПЧ с президентом Путиным...» («25 процентов убийств совершается в семье... Это вообще как?! От этого просто столбенеешь», <http://www.novayagazeta.ru/society/70330.html>).

И, конечно же, большевики с превеликим удовольствием воспользовались плохой семейственностью психически инфантильных россиян:

«Декрет от 1918 года был применен в некоторых городах. С восемнадцати лет девушка обязана вступить во временную связь, которую ей предпишут народные комиссары. Во Владимире молодые девушки восемнадцатилетнего возраста были принуждены записаться в специальном бюро для того, чтобы вступить в связь по принуждению... В Екатеринодаре большевическое начальство выдает мандаты с правом социализировать молодых девушек по своему выбору. Более 60 молодых девушек были реквизированы, некоторые из них после изнасилования были брошены в реку. Вот текст этого мандата: «Товарищ Карасев имеет право социализировать в городе Екатеринодаре 10 молодых девушек от 16 до 20 лет по своему выбору»... Декрет о социализации женщин был издан Троцким (Бронштейном) и реквизиция 60-ти молодых девушек, о которой г. Обер упоминает в своей речи, была вызвана непосредственным распоряжением Троцкого, находившегося в то время в Екатеринодаре» (Князь Николай Жевахов, «Воспоминания», Т. 2, 1928, http://www.zhevakhov.info/?page_id=123);

«Выражение «Иван дурак» – откуда происходят его корни? Где начало русского холуйства и русского идиотизма? Только ли генетическая наследственность 90 лет вырождавшейся нации всему виной? Где та черта, переступив которую, россияне покатались по безвозвратной наклонной плоскости, ведущей к полной деградации и вырождению? Любопытный документ из архивов преступной организации ФСБ, приоткрывает нам момент рождения искры, из которой разгорелось всепожирающее пламя. Декрет Саратовского Губернского Совета Народных Комиссаров об отмене частного владения женщинами:

«Законный брак, имевший место до последнего времени, несомненно, являлся продуктом того социального неравенства, которое должно быть с корнем вырвано в Советской Республике. До сих пор законные браки служили серьезным оружием в руках буржуазии в борьбе ее с пролетариатом, благодаря только им все лучшие экземпляры прекрасного пола были собственностью буржуев и империалистов и такую собственность не могло не быть нарушено правильное продолжение человеческого рода. Поэтому Саратовский Губернский Совет Народных Комиссаров с одобрения Исполнительного комитета Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил: § 1. С 1 января 1918 года отменяется право постоянного владения женщинами, достигшими 17л. и до 30л... Все женщины, которые подходят под настоящий декрет, изымаются из частного постоянного владения и объявляются достоянием всего трудового народа... Граждане мужчины имеют право пользоваться женщиной не чаще четырех раз за неделю и не более 3-х часов при соблюдении условий указанных ниже...» (Арх. УФСБ Орловской области, дело №15554-П, http://ipvnews.org/bench_article23102010.php);

«Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания. Половая жизнь рассматривается классом, как социальная, а не как узко личная функция, и поэтому привлекать, побеждать в любовной жизни должны социальные, классовые достоинства, а не специфические физиологически-половые приманки, являющиеся в подавляющем своем большинстве либо пережитком нашего докультурного состояния, либо развившиеся в результате гнилоносных воздействий эксплуататорских условий жизни...». (А.Б. Залкинд, «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» // Революция и молодежь. – М.: изд. Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1924, <http://www.a-z.ru/women/texts/zalkinr.htm>);

«Теория стакана воды – взгляды на любовь, брак и семью, которые были распространены (особенно среди молодежи) в первые годы Советской власти. Заключались в отрицании любви и сведении отношений между мужчиной и женщиной к инстинктивной сексуальной потребности, которая должна находить удовлетворение без всяких «условностей», так же просто, как утоление жажды (заняться сексом просто, как выпить стакан воды)» («Теория стакана воды», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/210519>);

«В России нет любви, но есть культ секса, который и заменяет любовь. Самой привлекательной профессией русские школьницы, понятное дело, считают проституцию; общество этому попустительствует. В газетах открыто печатаются объявления о найме девушек для оказания секс-услуг. Российское общество вообще не понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Что касается политиков, то они «не только не боятся подмочить свою репутацию на этой почве, но, наоборот, используют секс как орудие для достижения своих целей. Многие из них, включая членов парламента и губернаторов, открыто содержат по несколько любовниц, партия Жириновского предлагает открывать публичные дома». Всё

это – историческая данность. Пушкин, пишут китайцы, любил хвастаться сексуальными способностями, а Екатерине II и хвастаться было не нужно» (Мнения китайцев о русских, «Пронизывая взглядом Россию», <http://ehorussia.com/new/node/8992>).

В чем же причина всего этого? Оказывается, брак в буквальном смысле не является союзом мужчины и женщины, а есть всего лишь обряд, формально провозглашающий супружеский союз брачащихся (брачующихся), однако не закрепляющий его прочно в подсознании русскоязычного человека (нем. «brauch» – обычай, практика, традиция, обряд):

«..летописец «фиксирует различия <...> в области семейного права», он «уверяет, что соседи полян не знали «брака» (укр. «шлюбу»). Слово это не является исконно славянским. В древнерусском языке оно означало и супружество, и пир. В данном случае им обозначена определенная сделка, не известная славянам, но вовсе не уникальная. В летописи противопоставлены два типа брака и семьи. У полян (потомков готов и аланов-торков, – П.Д.) – патрилокальная семья с сохранением традиций большой семьи, у их соседей (славянизированных готами днепровских балтов и других потомков финноязычных скифов, – П.Д.) нет ни того, ни другого. Зять может пойти «по невесту» (видимо, уйти в ее семью). У полян такой порядок немыслим, как немыслим он, например, у германцев...» («В поисках истины. Ученый и его школа», <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/91353-v-poiskah-istiny-uchenyi-i-ego-shkola-kollektiv-avtorov/read/page-21.html>);

«Слово «брак» не является исконно славянским. В древнерусском языке оно означало и супружество, и пир. В данном случае им обозначена определенная сделка, неизвестная славянам, но вовсе не уникальная. П.Л. Черных считает, что в русском языке слово «брак», по-видимому, из старославянского. Его раннее значение – брак, освященный церковью. С давнего времени это слово связывают с «brati» (брат) – взять (брат) в жены. Брак – семейный союз мужчины и женщины, супружество. Выдающийся знаток русского слова, создатель толкового словаря живого великорусского языка Владимир Даль объясняет значение слова «брак» как законный союз мужа и жены, супружество; таинство венчания, соединение четы церковью. Слово «брак», по В. Далю, имеет множество значений: это и церковный брачный пир, и союз церкви с Господом, воссоединение человека через церковь. Отсюда и однокоренные с ним слова – бракосочетание, брачные (венчание), брачный (относящийся к браку, к свадьбе), бранить (венчать), обранить (сочетаться браком, венчаться, быть обвенчанным). Второе значение слова «бракъ» имеет немецкое происхождение, т.е. «товар, оказавшийся негодным, порченным или ниже должной добротности». Подобно В. Далю, исследователь древнерусского языка И.И. Срезневский дает толкование слова «брак»: «Бракъ (отъ брати?) – брачный пир, брати – братъ, собирать». Он отмечает «брак» в трех значениях, которые встречаются в различных древнерусских памятниках: «Пиръ: – Сътвори бракъ крыщению», «И сътвори бракъ великъ Всеволодъ». Встречаем в Ипатьевской летописи 6695 (1187)г.: «Николи же премене ни пировъ ни брака ни коупа съ еретиком творити» (Златоструй). Слова «брак» в значении свадьба нет ни в одном из западных славянских наречий в народном употреблении. В чешском и польском «brak» значит, между прочим, «выбор». В словаре Срезневского встречаются и очень

близкие по значению слова, такие как брачитися – жениться; брачный – свадебный; брачество – брак . Как считает А.Ф. Никитин, слово «брак» образовалось от древнерусского «брачити» – отбирать, выбирать хорошее и отклонять плохое. А его омоним «брак», который означает что-то негодное, плохо сделанное, произошел от немецкого слова «brak» – «бракованный товар»...» (Татьяна Дементьева, автореф. дисс. «Семейное и наследственное право в Киевской Руси», <http://www.dslib.net/teoria-prava/semeynoe-i-nasledstvennoe-pravo-v-kievskoj-rusi.html>).

И ведь же, непрочность этого союза в русскоязычном примитивном обществе может быть вызвана не только омонимией брака законного с браком производственным, но и формальностью любой обрядности в русскоязычном примитивном обществе. Ведь обрядность, как и «бытовое исповедничество» и русский ритуализм – это лишь проявления формализма, олицетворяющие собой догматику, а не духовность:

«Когда христианство сосредотачивается на принципах веры, вместо того чтобы стараться жить как Иисус, видеть мир как видел его Иисус, оно моментально теряет свою сущность» (Стив Джобс, цит. по: Уолтер Айзексон «Стив Джобс», <http://stevejobsbook.ru/stevejobs/pdf>);

«Пусть само Православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, пусть оно даже прямо противопоставлялось в русском национальном сознании татарщине – все-таки само отношение русского человека к Православной вере и сама роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии. Именно в силу туранских черт своей психики древнерусский человек (залешанец, москвит, – П.Д) не умел отделять своей веры от своего быта, сознательно выделять из проявлений религии несущественные элементы, и именно поэтому он оказывался таким слабым богословом, когда встречался с греками. То психологическое различие между русским и греческим подходами к вере и к обряду, которое так ярко проявилось в эпоху возникновения раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском (москвитском, – П.Д) национальном характере глубоко укоренились туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии...» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49, <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/Trubeckoj25.html>);

«Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и впослѣдствіи – въ противорѣчій съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«У русина (украинца, – П.Д.) вера живет чувством интимным. Он мало обращает внимания на обрядность. Религиозное чувство его кажется большим теплом и искренностью.

К этому еще характерным появляется уважение веры другого: не трогай моего и я не трону твоего... У великорусов главное место занимает обрядность, они искренне стоят за всякий, даже мелкий обряд, букву (раскольничьи споры о том, говорить «Господи, помилуй» или «О Господи, помилуй», о сугубом и трегубом аллилуйя, или «рожденна не сотворенна», или «рождена а не сотворенна») и другое. Благодаря большому уважению авторитета, великорус выделяется большой нетерпимостью в вере, как и поляк. Разница в том, что великорус не терпит другой веры из-за того, что эта другая вера не предназначена ему и не придерживается готового уже авторитета великоруса» (Володымыр Антонович, «Три национальных типа народных», <http://izbornyk.org.ua/anton/ant03.htm>);

«Православие уже в Византии стало «храмовой религией»: верил человек только в храме а, выйдя из него, мог спокойно нарушать все заветы Христа, никак не сообразуя с ними свою жизнь. Такая вера не имеет силы, она не в состоянии быть путеводителем человека. «Византийцы полагали, – писал В.С. Соловьев – что для того, чтобы быть воистину христианином, достаточно соблюдать догму и священные обряды православия, ни мало не заботясь о том, чтобы придать политической и общественной жизни христианский характер; они считали дозволенным и похвальным замыкать христианство в храме, предоставляя всю общественность языческим началам» (А. Бежицын, «Соль, потерявшая силу», <http://lib.ru/HISTORY/BEZHICYN/vera.txt>);

«Но, взглядываясь пристальнее в ту роль, которую играл церковнославянский язык в образовании русского литературного языка, мы замечаем одно любопытное обстоятельство: церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была славянской, сколько потому, что была церковной. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для русской истории. Россия – Евразия – страна-наследница. Волею судеб ей приходилось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции. Так, унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила ее даже после гибели Византии, унаследовала Россия и традицию монгольской государственности, сохранив ее даже после впадения монголов в ничтожество; наконец, унаследовала Россия и церковнославянскую литературно-языковую традицию и хранила ее, в то время как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции. Но любопытно при этом, что все эти унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с православием. Византийская культура с самого начала была для русских неотделима от православия, монгольская государственность, только оправославившись, превратилась в московскую, а церковнославянская литературно-языковая традиция только потому и могла принести плод в виде русского литературного языка, что была церковной, православной (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>).

А это-то ведь и является одной из главных причин как архаичности (пережиточности)

и убогости русской языковой картины мира, так и соответствующей ей холопской ментальности русскоязычного этноса:

«Слово «скопец», отмечает Эткинд, созвучно словам «скупец» и «купец», а глагол «скопить» имеет два значения: кастрация и накопление капитала. Языковой игрой занимались и сами скопцы, отождествлявшие оскопление и искупление. На вопрос, зачем они делают свои операции, они отвечали: «Чтобы скопить Царство Божие и тем угодить Богу» (Там же). Окружающие приписывали им не только хозяйственность, но и крайнюю скупость. В каком-то смысле это созвучно веберовской теории протестантской этики. Скопческая идеология и практика были, естественно, осуждены православной церковью. После того как в начале XIX в. эти действия приняли эпидемический характер (в 1829г. солдаты целой роты пехотного Охотского полка оскопили себя бритвами) и нашли последователей среди образованных сословий, их сочли опасными и для государства. Хлысты были объявлены изуверской сектой и стали подвергаться всевозможным гонениям и полицейским преследованиям, что только прибавило им популярности, особенно среди художественной интеллигенции (это детально проследил А.М. Эткинд), и сделало описания хлыстовских обычаев еще более противоречивыми» (Игорь Кон, «Клубничка на берёзке: Сексуальная культура в России», гл. 3 «Народные обычаи и нравы», https://www.e-reading.club/chapter.php/1039713/10/Kon_-_Klubnichka_na_berezke_Seksualnaya_kultura_v_Rossii.html).

Именно обрядность московского христианства не позволила ему полностью вытеснить язычество и соответствующие ему народные обычаи и нравы в архаичном русскоязычном этносе, а самому этому этносу перейти от патриархальной «стадности» к индивидуализму и к семейственности. Языческие обычаи длительное время сохранялись во многих российских мистических христианских сектах (см: А.А. Панченко, «Христовщина и скопчество в историко-культурном контексте», <http://www.eresi.net/chlistovstvo/chlistovschinachto-eto>).

В некоторых из них практиковались оргии и, в том числе, так называемый «свальный грех» (групповой секс по завершению богослужения):

«Архангельская губерния вообще богата раскольниками. Епископ здешний утверждает, что из всего народонаселения лишь сотая часть принадлежит православию. Некоторые секты в условиях своей веры считают разврат. Их бесчиния доходят до того, что дикие самоеды, недавно крещенные, гнушаются вступать с ними в семейные связи. Так, по крайней мере, говорит архиерей здешний» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 1 августа 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«В России существует, наверное, более сорока темных, но весьма распространенных сект. Все они совершенно нелепы, а некоторые просто отвратительны. В одних люди вслед за Оригеном увечат себя, в других совокупляются в полях, как животные. (Об этом 15/27 января 1809г. сообщил упомянутый мною сенатор и тайный советник)» (Жозеф де Местр, «Религия и нравы русских», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1020666/22/De_Mestr_-

[Religiya i nrayv russkih.html](http://www.religiya_i_nrayv_russkih.html));

«Эта сцена и есть свальный грех или общий разврат всего корабля, бывающий гораздо чаще, нежели причащение телом и кровью. Именно после бешеной пляски люди божии гасят огни, валяются на пол и любodeйствуют, не разбирая ни возраста, ни родства. Дети, зачатые от этого греха, признаются зачатыми по наитию св. Духа...» (И. Добротворский, «Люди божии», 1858, с. 64); «Очевидно также, что именно христовщину имеет в виду А. ван Геннеп, пишущий о «церемониях некоторых русских сект», во время которых «мужчины и женщины совокупаются по доброй воле или случайно... Стоглав. С. 141. Некоторые современные исследователи полагают, что свальный грех действительно был более или менее постоянным компонентом святочных собраний крестьянской молодежи. Ср.: «В разных районах России на посиделках парни и девушки «жирились», потушив огонь, нередко дело доходило до свального греха» (Гура А.В., «Коитус»)...)» (А.А. Панченко, «Христовщина и скопчество в историко-культурном контексте», <http://www.eresi.net/chlistovstvo/chlistovschina-chto-eto>);

«По словам этнографа Николая Гальковского, к XVI веку «простой народ погряз в разврате, а вельможи изощрались в противоестественных формах этого греха при попустительстве, а то и двойственной позиции церкви». Распространенными практиками в русских семьях являлись снохачество и интимные отношения между тещами и зятьями. Дело в том, что молодоженам часто было по 13-15 лет, вот они и набирались опыта от старших партнеров. Максимальным наказанием за «семейный разврат» являлось церковное покаяние, тогда как другие виды прелюбодеяния карались каторгой. Бани вплоть до указа Екатерины II в 1784 году были общими для мужчин и женщин, и играли роль неофициальных борделей. Часто люди «блудили» именно в банях, и далеко не всегда это были супружеские пары. Свадьбы отмечали по нескольку дней, и когда участники доходили до кондиции, это нередко сопровождалось «свальным грехом»...)» (Дарья Любимская, «Какой на Руси была интимная жизнь», <https://umnaja.ru/kakoj-na-rusi-byla-intimnaya-zhizn/>);

«Иные из их верований очень грубы, другие в высшей степени рациональны. Некоторые секты отличаются безнравственностью: есть, например, такие, где жены считаются общими и принято убивать детей. Войцехович уверял меня, что в одном раскольничьем селении становой пристав, по его распоряжению, вытащил из пруда более сорока трупов младенцев!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 6 декабря 1856 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml).

Именно плохая семейственность психически инфантильных крепостных крестьян и позволяла помещикам распродавать их «в розницу», разлучая семьи:

«...В силу различных финансовых соображений, большей частью в виде наказания, Кондратьев до прошлого года переселил своих крепостных из одного имения в другое. Кто скажет, что такие случаи были невозможны? Кто скажет, чтоб они не были часты? А, знаете ли, что значит переселить крестьянина из одной губернии в другую, за несколько сот верст?

Это значит вырвать его из кружка людей, к которым он с детства привык; оторвать от места, к которому он привязан больше, чем к людям; часто – оторвать от семейства, потому что иные помещики переселяли своих крестьян, для избежания ненужных расходов, без жен и детей. Это значит бросить его к людям незнакомым, а он с детства не выезжал из села. Это значит разорвать все связи, которыми он держался на родине; разбить все основы, поддерживавшие его существование, его веру в людей, его любовь к труду...» (Николай Лесков, «О переселенных крестьянах», <http://www.litmir.net/br/?b=102022&p=222>).

Только лишь: «...в 1833 году было запрещено разлучать при продаже семьи. Затем покупку крестьян запретили безземельным дворянам. А в 1847 году крестьяне получили право покупать себе волю, если их владелец обанкротился» («Душа согласно преискуранту», Журнал «Коммерсантъ Деньги», №5, 08.02.2010, <http://www.kommersant.ru/doc/1317820>).

К тому же баре часто женили своих крепостных крестьян по своему усмотрению, а не по их желанию:

«Невольно подумал я: какую национальную философию можно вывести из наблюдений над человеком в России – над русским бытом, жизнью и природой? Из этого, пожалуй, выйдет философия полного отчаяния. Я дал жениху с невестой по пяти рублей и просил их больше так не кланяться. – Довольна ли ты, что выходишь замуж? – спросил я, между прочим, у невесты. – Нет, – отвечала она. – Почему же? – На воле жить лучше. «Это недурно», – подумал я и спросил еще: – Но зачем же ты идешь замуж, если не хочешь? – Господа велят! – Да, их соединяют, как скотов, для приплода!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 30 мая 1839 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалобы красавицы, выданной замуж насильно; или упреки» молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». – Таковые страсти обыкновенные. Неволя браков давнее зло» (Александр Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург // Браки», Полн. собр. соч. в 16 т. М.-Л., 1949. Т. 11. С. 255-256, <http://russiahistory.ru/a-pushkin-o-neschast-e-russkoj-semejnoj-zhizni/>);

«Ни в одном из русских сословий, даже среди полунищего крестьянства, среди мещанства и купечества, не происходит такого грубого торга о приданом невесты, как в духовном сословии <, и вина здесь не в женищихся молодых людях из духовенства, а в Церкви и ее уничижительном взгляде на брак как просто на случку животных, но только пожизненную, и одного самца с одной самкою, при полном исключении других мотивов брака, этических и эстетических, сродства душ, дружелюбия, уважения... Нужно заметить, что, так как абсолютно бесплотный идеал непереносим для человека, ибо по самой природе своей человек не монофизичен, то у русских и православных вообще плотская сторона в идее

вовсе отрицается, а на деле имеет скотское, свинское, абсолютно бесцветное выражение. Брака, по существу, вовсе бы не должно быть. Но насколько он есть и допускается и законодательно регулируется, это есть голое и безлюбное размножение, ряд случаев самца и самки для произведения «духовных чад Церкви» (обыкновенный мотив при рассуждениях о браке духовных писателей). Свет младенца, радости родительские, теплота своего угла, поэзия родного крова – все это непонятные русскому (кроме образованных, атеистических классов) слова, все это недопустимые с церковной точки зрения понятия; Церковь допускает, что если супруги вступают в соединение, то должны иметь при этом цели, какими приблизительно задается католический патер, идя в дикие страны: последний, крестя дикарей, увеличивает паству римского епископа, а русская чета должна думать не о себе, а о том, что через рожденных от нее детей, обязательно крестимых в Православие, возрастет численность православного населения и мощь веры...» (Василий Розанов, «Русская Церковь», <https://www.litmir.me/br/?b=136619&p=3>);

«После смерти Никиты Зотова «патриарший» престол в декабре 1717 года занял Петр Иванович Бутурлин, который 11 лет был назначен на роль «всешутейшего и всепьянейшего митрополита Санкт-Петербургского, Ижорского, Кроншлотского, Ингерманландского». К Бутурлину перешел не только потешный пост Зотова, но и его вдова, с которой новый «князь-папа», тоже овдовев, обвенчался по настоянию государя в 1721 году. ...необходимо упомянуть и о свадьбе П.И. Бутурлина, которая происходила по всем канонам «всешутейшего собора». Над головой молодоженов, там, где обычно была христианская икона, висел «серебряный Бахус», сидящий на бочке с водкой. Комната для «молодых» была устроена в пирамиде, освещенной изнутри, с отверстиями в стенах, чтобы все присутствующие могли наблюдать это действо...» (историк Андрей Щеглов, ««Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кощунства», [http://www.staropomor.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomor.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html));

«На первой же ярмарке на деньги Суворова купили невест. К приезду невест Суворов велел священнику облачиться, собрал бобылей и ждать возле церкви... Вот едут телеги, везут невест. – Здорово, невесты! – кричит Суворов. Что отвечают девицы, история умалчивает. – С телег долой! По росту строй-ся! – опять командует великий полководец. Невесты построились по росту, так же по росту построились и женихи. – Невесты, под руки женихов бе-ери! В церковь шагом арш! Что характерно, священник все это безобразие венчал. А у молодоженов после венца возникла одна-единственная проблема: не все запомнили в лицо своих мужей и жен. Но из положения вышли легко: опять построились по росту, и сразу все стало понятно» (Андрей Буровский, «Вся правда о Русских: два народа», <https://unotices.com/book.php?id=69110&page=20>).

О какой же тогда семейственности могла идти речь? Ведь не только помещики своих крестьян, но и родители своих детей в Московии, а позже и в царской России спаривали, распродавали и эксплуатировали как скотину:

«Людей в этих областях и во всей стране вышеназванного Князя продают, как куриц и

других животных, на рынке, их продают и о них заключают договоры. Отцы и матери приводят на ярмарки и рынки детей и продают их для удобства покупателей за ничтожную цену. Скажу больше, в городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия, всего за один дукат или унгар, и так обычно их покупают за большую или мелкую цену, и дети, которые родятся, остаются во власти купивших, которые могут их для своего удовольствия продавать и менять, хотя и не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления, – то, что запрещается нашими законами божественными и человеческими; но сия нация и в худший порок весьма погружена...» (Франческо де Колло, «Доношение о Московии», пробыл в Москве с июля 1518 г. до января 1519 г., <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Kollo/frametext.htm>, http://www.kolamap.ru/library/1518_dekollo.html);

«Деревенские родители, при своей жадности и непонимании жизни, сами, своим необдуманным и неразборчивым поведением подставляют детей влияниям людей дурных – сами часто дают первое направление, чтобы не ценить и не уважать в хозяевах людей доброй нравственности и хороших правил. Страшно сказать, но нельзя потаить, что истинными девичьими пагубниками у нас в наибольшей части являются жадные на подарки родственники и даже часто сами родители подрастающей девочки... Доход с ребенка – это самая законная вещь по понятиям его родителей... Я жил летом в финском селении, где в одно воскресенье местный пастор говорил речь, особенно растрогавшую его прихожан... Пастор говорил им о детях: ...он предостерегал своих слушателей, чтобы они ничего не просили и ничего не брали у своих дочерей, отданных в учение или в услужение в город... Чухны плакали – я мог думать, что они виноваты... Нет, – сказал мне пастор [...], – они этого еще не делали, и им пока не в чем раскаиваться. Но мои прихожане живут в тесном соседстве и в беспрестанном общении с русскими, у которых это делается, – я видел вред такого ужасного поведения со стороны русских родителей и счел долгом предупредить своих слушателей, чтобы они не научились следовать примеру своих русских соседей. Мои прихожане плакали от сожаления к чужим детям» (Николай Лесков, «Пагубники», <http://tululu.org/read71229/12/>).

Да ведь и сейчас-то весьма много психически инфантильных россиянок бросает новорожденных в роддомах, а некоторые русскоязычные матери даже умерщвляют их или же ради денег превращают своих детей в доноров органов и, тем самым, обрекают их на смерть:

«Каждый год в России происходит от 10 до 16 тысяч отказов от новорожденных детей. Это дети, которые в критический для развития психики и всего организма период пережили тяжелый стресс и остались одни, без заботы близкого взрослого. Женщины, не осознавшие причин своего поступка, рискуют в ближайшее время снова оказаться в роддоме в аналогичной ситуации... Много десятилетий патерналистский стиль взаимодействия государства и общества породил иллюзию, что государство может позаботиться о воспитании детей, и иногда может сделать это лучше, что стало одной из причин

закрепления этой социальной практики в сознании, что в определенных ситуациях можно отдать ребенка государству. То, что в жизни это не так, и с функциями воспитания младенца государство не может справиться, потому что это функция чисто семейное – об этом стараются не думать. По сути, у нас разрушилась определенная социальная система, художественно организующая равные условия для проживания во всех регионах, и на ее месте пока не выстроилась полноценная другая. А идея о том, что государство может и должно – осталась» (Елена Альшанская, Татьяна Арчакова, «Профилактика отказа от новорождённых: как уберечь малышей?», <http://ria.ru/online/20110829/426136924.html>);

«Детей-сирот в России сейчас больше, чем было в годы войны, – 697 тысяч против 678 тысяч в 1940-е годы. Две трети нынешних детей-сирот – это социальные сироты, то есть сироты при живых родителях. Об этом, передает «Интерфакс», заявила председатель думского комитета по делам семьи, женщин и детей Елена Мизулина (фракция «Справедливая Россия»), выступая в нижней палате в пятницу» (<http://www.newsru.com/russia/23apr2010/backbabyboom.html>);

«Не так давно Павел Астахов (уполномоченный при Президенте по правам ребёнка) представил информацию о том, что в России зарегистрировано около 660 тысяч детей-сирот. Для сравнения, это выше чем в 30-е годы прошлого века... При этом не более 10% от этого числа являются так называемыми круглыми сиротами – детьми, у которых нет никого из родителей, и от воспитания которых отказались другие родственники. Большинство же из представленного числа – дети, хотя бы один из родителей которых жив, но при этом является гражданином, лишённым родительских прав. Другими словами, больше полумиллиона российских детей являются сиротами при живых родителях и воспитываются в государственных учреждениях» (Алексей Володин, «Пугающее число российских детей-сирот», <http://topwar.ru/29013-pugayuschee-chislo-rossiyskih-detey-sirot.html>);

«...Ярослав Михайлов, по чьему заявлению прокуратура и заинтересовалась установкой беби-боксов, свою позицию «против» объяснил статистикой, которая показывает, что количество убийств матерями своих новорожденных детей при установке беби-боксов не снижается, а число отказников, напротив, растет. Также, по мнению Михайлова, подобные устройства разрушают основы материнства. В ответ Ян Чеботарев апеллировал к российскому законодательству, которое не содержит прямого запрета на деятельность по спасению детей, а именно такой деятельностью является работа беби-боксов. «Запрет беби-боксов – это равноценно, как если бы мне запрещали, например, защитить женщину от хулиганов, пристающих к ней на улице, – отметил он...» («Сторонники и противники беби-боксов так и не пришли к общему мнению», <http://www.nabludatel.ru/new/2015/05/19/k-obshhemu-mneniyu/>);

«Ужасающие факты продажи детей на «запчасти» просто не помещаются в голове у всех адекватных людей, часто слышно в криминальных сводках «мать продала ребенка». Природой заложено каждому живому существу сохранять свое потомство на инстинктивном

уровне, у человека же, имеющего в отличие от животных хорошо развитый разум, этот инстинкт подкрепляется еще и совестью, ну нет, так жить нельзя. Но, как показывают многочисленные факты, человек часто становится намного хуже животного и сознательно подвергает смерти своих детей. Объяснить такое поведение эти, даже неизвестно, как их назвать, наверное, подойдет ублюдков, невозможно. Факты продажи детей матерями с разными целями подтверждаются уголовными делами...» («Мать продала ребенка! Так жить больше нельзя», <http://pressano.com/sensatsii/tak-zhit-bolshe-nelzja.html>, <http://newsland.com/news/detail/id/761504/>);

«Недавний случай, когда на Ярославском вокзале мать пыталась за тысячу долларов продать свою полторагодовалую дочь, всколыхнул привыкшую, казалось бы, ко всему России. Однако, как удалось выяснить «Новым Известиям», у нас совершаются куда более страшные преступления. Детей не просто продают, нередко их «реализуют» для трансплантации органов. Чиновники Министерства образования и Министерства здравоохранения убеждены, что таких случаев просто нет. Однако в милиции рассказывают совсем другое. Особенно шокируют случаи, когда детей продают «на запчасти» их ближайшие родственники. «В 2002 году в России было зарегистрировано 10 преступлений, описанных в ст. 152 УК РФ («торговля несовершеннолетними»), – рассказали «НИ» сотрудники 8-го отдела 2-го оперативно-розыскного бюро Главного управления уголовного розыска Службы криминальной милиции МВД РФ. – Всего в производстве находилось 14 таких дел, в суд было направлено шесть». «Живой товар», как правило, вывозят за границу, где его следы теряются. Иностранцы покупают российских детей по разным причинам. Довольно часто – действительно для усыновления: в зарубежных странах достаточно сложный процесс оформления опекунов. Но бывает, что детей берут с целью изъятия органов для трансплантации. Случается, что зарубежные покупатели приобретают еще только зародышей. «У нас есть информация о двух жителях Москвы, которые по подложным приглашениям вывезли в США порядка 50 беременных женщин. В Америке новорожденных тут же продали под видом усыновления, – говорят оперативники. – В некоторых регионах мы смогли пресечь деятельность преступных групп, члены которых убеждали рожениц за вознаграждение отказаться от своих новорожденных детей, а затем по отлаженной схеме продавали младенцев» (Алексей Терехов, Наталья Тимашова, «Дети на запчасти», Новые Известия, № 39, <https://newizv.ru/news/society/22-08-2003/738-deti-na-zapchasti>);

«В современной России все покупается и все продается. Ради денег матери отдают своих детей на органы, армейское начальство передает оружие бандитам и террористам, деятели культуры, засунув совесть подальше, расстилаются перед властью. Произошло полное сращение денег и власти, которое нельзя назвать коррупцией, потому что коррупцией называют продажность чиновников как отклонение от нормы, а у нас норма заключается в том, что госаппарат давно приватизирован чиновничьим классом, использующим институты государства в качестве средства своего обогащения. Понятно, что такое с позволения сказать государство ни на что конструктивное не способно, кроме дикого, беспрецедентного воровства, совершенно безответственно перед обществом и на всех парах тащит страну к

катастрофе. Сама же система политической власти в России – это искусственно построенная пирамида, стоящая на своей вершине, обязанная существованием своему творцу – Путину. Поэтому на самом деле она крайне неустойчива и при известных условиях может обвалиться в одночасье...» (В.И. Ковалёв, «Россия: три искушения», <http://www.hegel.ru/russia.html>);

«Слишком больно. Душе больно. Она полна только болью – наша душа. За землю, на которой мы живём, за людей, которые живут в муке, за стариков, которых гонят толпами в огромную общую могилу, за детей, которых продают, калечат, убивают, бросают в мусорные баки. Статистика, опубликованная в печати, должна бы привести в чувство наших правителей. Но азарт, с которым рвут на части нашу кроткую и безответную Родину, не имеет аналогов в истории человечества. Безумие разрушения. Сыновья раздирают тело своей матери. Оставлены далеко позади татарские набеги, вражьи нашествия, гражданские войны. Статистика потерь «тогда» и «сейчас» несопоставима. Нарушены все нравственные принципы, законы совести, законы естества. Все противоестественно, как на картинах Босха...» (Татьяна Доронина, «Дневник актрисы», <https://www.rulit.me/books/dnevnik-aktrisy-read-283993-55.html>).

К тому же подавляющее большинство россиян, вовсе, не стремится сейчас связывать себя супружеством с быстро спивающимися психически инфантильными мужиками, а многие из них не только предпочитают свободные сексуальные отношения, но и становятся профессиональными «жрицами любви» (проститутками):

«В данную деятельность вовлечены около миллиона женщин в России, заявил в пятницу заместитель министра внутренних дел Игорь Зубов, сообщает «Русская служба новостей»... Отчет МВД был представлен на рассмотрении законопроекта о введении уголовного наказания для клиентов несовершеннолетних проституток, а их, по разным оценкам, от 150 тыс. до 0,5 млн человек... Так, в соответствии с протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, под детской проституцией понимается использование ребенка, т. е. лица, не достигшего 18-летнего возраста, в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму возмещения...» («МВД подсчитало численность проституток в России», <http://www.vz.ru/news/2013/1/25/617509.html>).

В российских ЗАГС-ах до сих пор, вовсе, не благославляют молодоженов на совместную семейную жизнь, а всё ещё продолжают супрять (соединять) их как быдло. И такое скотское семейное положение русский язык законсервировал навечно. В то время как в украинском языке муж с женой являются «подружжям» (русск. «супругами»), а жена – это самый близкий друг (укр. «дружина» – жена), то в русском языке жена является только лишь супругой, то есть женщиной, состоящей с супругом лишь в половой связи (др.-киев. «супряжеться» – «состоит в половой связи», – физиол.; см. Гудзий, Хрест. 56; Этимологический словарь Фасмера). И к тому же, в отличие как от немецкого, так и от украинского языков, в русском языке употребляются вовсе не одни и те же слова по отношению к мужчине и женщине: «жениться – выходить замуж», «женатый – замужня»

(укр. «одружуватися», «одружений – одружена»).

Тем самым, как и ранее в Московии, так и сейчас русскоязычная женщина подобно быдлу (крупному рогатому скоту) всё еще является запряжённой своими родителями и государством в одну упряжку со своим суженым (от «суждено» – назначено, определено, предназначено, уготовлено, предопределено кем-либо или же чем-либо, – Словарь синонимов):

«Женятся они (москвиты, – П.Д.) почти как Жиды; иной жених не видит своей невесты до самой свадьбы; если же, по особенной благосклонности, захотят показать ее, то она для свидания входит в комнату и, поцеловавшись с суженым, немедленно удаляется, не сказав ни слова» (Самуил Маскевич, «Дневник», 1594 – 1621, <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frametext1.htm>);

«Брачные обряды у них отличны от обрядов в других странах. Жениху (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее во все время, пока продолжается сватовство, в котором действующим лицом не он сам, а мать его, или какая другая пожилая его родственница, или знакомая. Как скоро изъявлено согласие (как родителями, так и самими вступающими в брак, ибо если брак заключен без ведома и согласия родителей, то он считается незаконным)...» (Джилль Флетчер, «О государстве русском», <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fletcher/frametext5.htm>);

«В случаях сватовства, родственники невесты, наводя справки о женихе, уже не спрашивают, трезвый ли он человек, а спрашивают: «Каков он во хмелю?» – ибо первое почти немислимо. Большинство и чиновников и других городских обывателей (Архангельска, – П.Д.) коснеют в невежестве» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 31 июля 1834 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Славное было житье: женились, не зная на ком, ошибившись в выборе, били и мучили жен, чтобы насильно возвысить их до ангельского чину, а не брало это – так отравляли зельями; ели гомерически, пили чуть не ушатами, жен прятали и, только разгоревшись от полусотни перечных кушаний и нескольких ведер вина и меду, вызывали их на поцелуи... Все это столько же нравственно, сколько и эстетично...» (Виссарион Белинский, «Россия до Петра Великого», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0390.shtml);

«Я приехал в Архангельск мрачный, в ужасной тоске. Тем не менее, а может быть, и поэтому меня там начали сватать. Мне прочили в невесты Ваву М. – дочь очень богатого рыботорговца. Я не видел эту девушку, и она не видела меня. Но там было принято такое сватовство. Это занимало дам, которым нечего было делать... Иные из нас признали за лучшее и мудро решили жениться. Но мудрость такая пригодна кроту! Я вижу здесь женщин: многие из них обезьяны со смешными ужимками и обезьяньими ласками. Все они самки и все они увешаны отвратительными истинами. О, как смеялась душа моя над их безобразием! И разум мой сказал: нет. Ибо я знаю, что придет дорога лучшая, чем эта тропинка слепцов. Я пока подожду...» (Михаил Зощенко, «Дневник», 13.09...17.12.1917,

<https://project1917.ru/heroes/mikhail-zoshchenko>);

«У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления, и выходит или обман, или насилие. Когда обман, то это легче переносится. Муж и жена только обманывают людей, что они в единобрачии, а живут в многоженстве и в многомужестве. Это скверно, но еще идет; но когда, как это чаще всего бывает, муж и жена приняли на себя внешнее обязательство жить вместе всю жизнь и со второго месяца уж ненавидят друг друга, желают разойтись и все-таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга...» (Лев Толстой, «Крейцерова соната», http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=18567&public_page=2);

«Недавно выслушал я прелюбопытную лекцию опытной психологии – у квартального надзирателя. Он пришел в канцелярию по какому-то делу. Я начал с ним разговор о предметах его звания. По его словам, величайший разврат царствует в классе низших чиновников, мещан и купцов, которые позажиточнее. Мой квартальный наблюдатель полагает этому две причины: необразованность и жажду роскоши. Каков! Не прав ли он? Молодая женщина, говорит он, спокойно продает себя за новую шляпку, платье или другое более или менее ценное украшение. Муж ее, со своей стороны, несет, куда не следует, свои деньги и здоровье. Опытные старухи стерегут молоденьких невинных девушек, увлекают их и бросают в объятия тому, кто даст за них дороже...» (Александр Никитенко, «Дневник», т.1, 21 марта 1832 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

Как видим, в Московии-России, вообще, не было какого-либо периода ухаживания жениха за своей невестой (укр. «нареченою») и поэтому-то он и женился «невесть на ком» (Лучшей по-прежнему остается стар. этимология, которая видит здесь первонач. знач. «неизвестная» [см. не и вѣдать], ср. в.-луж. «wěsty» – «известный, определенный», «ńewěsty» – неизвестный [Штибер, ZfslPh 9, 382], – Фасмер).

Укр. «невістка» означает всего лишь жену сына – сноху, которая для его родителей действительно остается неизвестной с многих сторон из-за раздельного проживания их семей. У московитов же практиковалось совместное проживание родителей и семей их детей (большая патриархальная семья), из-за чего жены сыновей для них становились такими же «известными», как и дочери. Само же событие заключения семейного союза (укр. «весілля») отмечалось прежде торжественно (от ст.-слав. «тръгъ» – «торг, торжество», словарь Фасмера; укр. «урочисто») лишь зажиточными московитами, торговавшимися с родителями, общиной или хозяевами невесты и платившими за нее вено (плата от жениха за невесту; выводное, окуп, выкуп, платился помещику или общине; | калым, – Даль).

Русское слово «свадьба» (чеш. «svatba», болг. «свѣтба», русск.-цслав. «сватъба», Изборн. Святосл. 1076г.) первоначально означало, всего лишь, сватовство (см. Соболевский, Лекции, с. 104; словарь Фасмера) или даже сводничество (Желтов, ФЗ, 1876, вып. 1, с. 20). Поэтому-то, и отсутствие в русской ЯКМ особого слова, соответствующего укр. «кохати» и относимого лишь к самому любимому человеку (а не к любому другому человеку, вообще, и даже к любым предпочитаемым предметам, привычкам и др.), является вполне логичным:

«Если я люблю женщин, а не эту женщину, значит, я люблю только родовые качества, а не существо, и, следовательно, это не есть истинная любовь (укр. «коханья»)» (Владимир Соловьев, «Размышления о лирической поэзии», <http://www.testsoch.com/razmyshleniya-soloveva-o-liricheskoy-poezii/>);

«(Украинцы, – П.Д.) Гоголь и Вл. Соловьев – самые загадочные фигуры в русской литературе XIX в. Наш самый большой христианский философ прошлого века совсем не был уже бытовым человеком, подобно славянофилам. Он был человеком стихии воздуха, а не стихии земли, был странником в этом мире, а не человеком оседлым... Статья Вл. Соловьева «Смысл любви» – самое замечательное из всего им написанного, это даже единственное оригинальное слово, сказанное о любви-эросе в истории христианской мысли. Но в ней можно найти противоречие с учением о Софии, учение о любви выше учения о Софии. Вл. Соловьев – первый христианский мыслитель, по-настоящему признававший личный, а не родовой смысл любви между мужчиной и женщиной. Традиционное христианское сознание не признавало смысла любви и даже не замечало ее, для него существовало только оправдание соединения мужчины и женщины для деторождения, т.е. оправдание родовое. То, что писал об этом Бл. Августин, напоминает трактат по скотоводству...» (Николай Бердяев, «Русская идея: основные проблемы русской мысли в IXX века и начала XX века», <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>).

Истинная любовь (коханья) в психически инфантильном русскоязычном обществе, как правило, подменяется влюблённостью, а по истечению её лишь элементарной жалостью или даже просто привычкой и долгом:

«Влюблённость принадлежит к животной природе человека, любовь (коханья, – П.Д.) – к его зрелости. Для того чтобы влюбиться, не нужно мужества: достаточно пустить всё на самотёк и дать себе волю. Но я обращаюсь к людям, которые хотят использовать свой разум и способность к трансцендентности. А иначе, чем бы мы отличались от животных? Для влюблённости секс имеет решающее значение, в отношениях любви он необязателен. Многие люди считают себя «хитрыми», живя так, как они живут: больше во влюблённости, чем в любви. Но они ведут себя так только потому, что не хотят признать бедности своих эмоций и своей неспособности общаться каким-либо иным способом, кроме сексуального. Во влюблённости человек видоизменяет, искажает реальную действительность, приспособлявая её к этим отношениям; в любви реальность становится неотъемлемой частью отношений, возвышая и укрепляя их. В состоянии влюблённости образ другого человека становится наваждением, без него жизнь кончена; в любви партнёр всегда присутствует, отношения с ним продолжают всё время, потому что мы построили или строим вместе с ним замысел, саму жизнь...» (Александр Скрыпник, «Любовь. На руинах стереотипов», http://samlib.ru/s/skrypnik_a_p/love-6.shtml);

«Жалость – одна из самых непосредственных и в то же время одна из самых культурно отрефлектированных эмоций, описываемых русским языком. Это «мгновенная реакция души на чужое страдание» (Левонтина, 2005, с.271). Так, в суффиксе «-ушка»

отмечается чувство жалости и сострадания. Этим чувством обусловлено наличие в русском фольклоре слов, называющих абстрактные экзистенциальные понятия, – «горюшко», «смертушка», «долюшка». Экспрессивность, заключенная в суффиксе «-ушка», отражает важную черту русской народной философии, которая считает, что человек заслуживает жалости и поощряет смирение и сострадание. Вежицкая приводит замечание В. Соловьева, что русские крестьянки употребляли слово «жалеть» вместо «любить». Формы на «-ушка» связаны с экзистенциальными понятиями и передают теплые чувства, которые вызваны не столько приятными чертами адресата, сколько жизненным опытом говорящего, его знанием о тех бедах, которые случаются с человеком (Вежицкая, 1996, с.131)» (Н.Ю. Федунина, «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира», http://psyjournals.ru/mpj/2008/n4/Fedunina_full.shtml);

«...«Филологическое» объяснение феномена семьи состоит в том, что семейный диалог есть самый трудный вид словесного общения, поскольку это самый регулярный и многократный тип человеческих контактов. Если помните, известный киногерой в «Иронии судьбы» как раз по этой причине бежал брака: «Как представил, что она будет постоянно мелькать туда-сюда, туда-сюда...» Именно постоянное соприкосновение людей в семье высекает либо искры конфликтов, либо искры и огонь любви и света. Другие типы общения менее сложны как раз вследствие возможности уберечься от «языка» и общения: от работы и неудобных сослуживцев можно уйти на другую работу к другим сослуживцам, от дальних родственников и друзей можно отдохнуть, конфликтное соприкосновение со случайным человеком достаточно быстро забывается... Иное дело семья, требующая постоянной любовной заботы и сердечного внимания, выраженного в слове. Поэтому семья – это долг и труд (в эпилоге романа И.А. Гончарова «Обломов» Штольц и Ольга после долгих лет супружества приходят к выводу, что «любовь с силою Архимедова рычага движет миром», а главный упрек Ольги Ильинской Обломову – непонимание последним, что «любовь – это долг»).... Возможно, читатель ждет критического оценки словесного состояния современной российской семьи – здесь есть где разгуляться либеральному перу и воображению, могущему заметить, что ненормативная речь и нецензурная брань стали нормой для многих семей: идешь иной раз по парку, видишь милую парочку (и некоторых уже с колясочкой), любишься издали семейной идиллией, а, проходя мимо, слышишь из симпатичных украшенных уст ... сквернословие...» (В.И. Аннушкин, «Язык семьи», <http://www.portal-slovo.ru/philology/45656.php>).

И ведь же такое – психически инфантильное семейное поведение русскоязычных челядишек диаметрально противоположно семейным отношениям не только украинцев, но и всех других европейцев и, особенно, – американцев:

«Типичный американский родитель – вечно улыбающийся сангвиник-оптимист... Миф о великой и вечной любви пронизывает все уровни жизни американцев, как детей, так и взрослых. В американских домах выставлено напоказ много открыток, мишек с подушечками в форме сердечек и просто сердечек, на которых вышито, как будто выведено кремом на торте «I love you». Среднестатистический ребенок в США каждый день не меньше

семи раз слышит признание в любви! Как после этого можно сомневаться в своей исключительности (и успешности, – П.Д.)?.. Умение выступать на публике, адаптироваться к любой аудитории, шутить, отыграть репризу к удовольствию присутствующих, сделать эффектный жест, хорошо выглядеть при любых обстоятельствах, во всем видеть только хорошее, или, прежде всего, хорошее и разумное, демонстрировать важность людей (а не вещей и денег) в своей жизни, превозносить семью... Вспомните речи оскароносцев, которые благодарят родителей, супругов и детей» (Ольга Маховская, «Американские дети играют с удовольствием, французские – по правилам, а русские – до победы», <http://psyfactor.org/lib/makhovskaya34.htm>).

Преимущественно лишь формальное, а не возвышенное, отношение русскоязычного общества к женщине отражено не только в русской ЯКМ, но и в российском фольклоре:

«Кроме своеобразия денотативно-сигнификативных признаков, фольклоризмы-фитонимы характеризуются также уникальными в каждом отдельно взятом случае прагматичными особенностями, к которым включаем экспрессивно-эмоциональную оценочность и разнообразные коннотации. Растения довольно часто являются «предметами, возбуждающими чувство», и это отражено в прагматическом компоненте их лексических значений... Скажем, на основе обобщенных понятий «красота», «женственность» объединяются между собой слова-символы «калина», «тополь» (укр. «тополя»), «верба», их слова-прототипы входят в один тематический блок («растения», «деревья»), однако их функциональная взаимотрансформируемость достаточно ограничена. Действительно, в фольклорных текстах, особенно украинских, замена «калины» на «тополь» или «вербу», несмотря на достаточно тесную корреляцию их символических значений («женщина при определенных обстоятельствах»), и слов-прототипов (деревья) без существенных прагматических изменений практически невозможна: наблюдаем четкое закрепление значения за каждым символом в зависимости от конситуации. Зато в русских фольклорных текстах нарушения фиксированности употребления слов-символов наблюдаем довольно часто: «калинушка с малиной», «лазоревого цветик», «грушица кудрявая» и т.д. в большинстве случаев, несомненно, кореферентны» (В.В. Галайчук, автореф. дис. «Лексические единицы микросистемы «Растения» в украинских фольклорных текстах», <http://disser.com.ua/contents/4251.html>).

Во многих индоевропейских национальных лингвокультурах символом красоты является цветок. И, если в украинской и во французской лингвокультурах цветок олицетворяет женскую красоту, то в русской лингвокультуре он олицетворяет нарциссную мужскую красоту:

«Тот факт, что в русском языке цветок мужского рода, а «*ta fleur*» во французском – женского, делает один и тот же предмет реального мира совершенно различным в восприятии носителей этих языков и представителей этих культур» (С. Тер-Минасова, «Язык и межкультурная коммуникация», <http://yanko.lib.ru/books/language/ter-minasova-lang.htm>);

«Ребенком я не отделял себя от звучной субстанции Шарлоттинового языка. Я плавал в

ней, не задаваясь вопросом, почему эта вспышка в траве, это яркое, душистое, живое существует то в мужском роде, в ипостаси хрупкой, хрусткой, кристаллической, заданной, казалось, именем «цветок», то облекается бархатистой, пушистой и женственной аурой, превращаясь в «une fleur» (Андрей Макин, «Французское завещание», с. 104, http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/87304/16/Makin_-_Francuzskoe_zaveshchanie.html).

Возможно, поэтому-то в русском языке и нет лексемы, соответствующей украинской лексеме «заквітчуватися» – «украшаться цветами».

В отличие от идеалистической русской ЯКМ в природоцентричной и кордоцентричной украинской ЯКМ вовсе не к мужскому, а именно к женскому грамматическому роду относятся не только лепесток (укр. «пелюстка») и цветок (укр. «квітка»), но и народные названия как многих цветов, так и некоторых растений:

«конвалія» – ландыш, «проліска» – подснежник, «волошка» – василек, «червона рута» – рододендрон, «рутвиця мала» – василистник малый, «пупавка» – поповник (ромашка), «шипшина» – шиповник, «мирта» – мирт, «півонія» – пион, «гладіола» – гладиолус; «жоржина» – георгин; «дзездзелія» – золототысячник, «нагідка» – ноготок, «паротка» – львиный зев (ротик), «рум'янка лікарська» – воловик лекарственный, «таволга в'язолиста» – таволожник / лабазник вязолистный, «шавлія» – шалфей, «мідущиця» – шалфей железистый, «бриндуша» – шафран, «бріонія біла / змієва трава» – переступень белый, «комонниця» – трилистник полевой, «конюшина» – клевер, «берізка» – вьюнок, «кульбаба» – одуванчик; «ковила» – ковыль, «королиця» – золотоцвет, «дуриця» – дурман, «псяга / псянка» – белоус, «требулька» – лук скорода, «вириинниця» – болотник, «зелениця сплюснута / тисина» – плаун сплюснутый, «празелень» – бородавник, «перійка» – пырей, «паслина» – паслён, «селера» – сельдерей, «бавовна» – хлопок, «картопля» – картофель, «редиска» – редис, «щав / шéва» – щавель.

Это, очевидно, связано с тем, что потомки казаков – украинцы, в отличие от психически инфантильных русских мужиков (холопов), мещан, купцов и представителей других сословий, высоко ценили не только природную, но и женскую красоту, и преклонялись перед ними обеими:

«Все это (описываемое в «Слове о полку Игореве», – П.Д.), повторяем, отзывается Южной Русью, где и теперь еще так много человеческого и благородного в семейном быту, где отношения полов основаны на любви (укр. «коханні», – П.Д.), а женщины пользуются правами своего пола. Все это противоположно Северной Руси, где семейные отношения грубы, женщина род домашней скотины, а любовь – совершенно постороннее дело при браках: сравните быт малороссийских мужиков с бытом мужиков русских, мещан, купцов и отчасти других сословий, и вы убедитесь в справедливости нашего заключения о южном происхождении «Слова о полку Игореве», а наше рассмотрение русских народных сказок превратит это убеждение в очевидность...» (Виссарион Белинский, «Статьи о народной поэзии», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml; <http://libclub.com/B/BelinskiiVG/BelinskiiVG-29-16.htm>).

К тому же:

«В семье москаля, прежде всего, замечаем, что и всякому бросается в глаза, большую численность семьи и абсолютно бесконтрольную власть главы (большака), как инициатора в семье. Инициатива его все равно, что закон для остальных членов семьи, из-за чего все остальные члены семьи довольно-таки обезличиваются, особенно женщины. Кажется, через свою малую чувствительность нервную женщина легко поддается, переносит скорби и не замечает отсутствия собственной самостоятельности» (Володымыр Антонович, «Три национальных типа народных», <http://izbornyk.org.ua/anton/ant03.htm>);

«В их городе (Новгороде Великом, – П.Д.) есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни. И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договорятся, чтобы один возместил разницу в цене другому...» (Гильбер де Ланноа, «Путешествия и посольства», 1413, <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Lannoa/text.phtml?id=778>);

«...мужья пользуются такой властью над женами, что могут даже продавать их другим на известный срок. Эта подчиненность супругу, кажется, по необходимости существует у русских, так как без нее не могло бы быть любви. Действительно: так как народу этому от рождения суждено рабски повиноваться, то отеческая власть одинаково сурова относительно слабого пола, дабы дочери приучались по примеру матерей исполнять приказания и дабы склонное к разврату сословие бабенок находилось в постоянном страхе, а мужа только такого рода суровым обращением успокаивали бы ту ревность, которую часто возбуждают в них дерзкие созерцатели красоты... Заботе о правильном воспитании детей, полезном в высшей степени, как для всего государства, так и для частных лиц, мосхи отводят последнее место, так что дети подрастают у них на полной свободе и распущенности. Они не только не преподают им никаких правил пристойного образа жизни, но, напротив, считают нужным учить их, в банях и в постелях, многому такому, что должно быть окутано глубочайшим мраком. К школьным занятиям дети приступают поздно, так что, нередко, познают жену раньше, чем грамоту. Обращаясь постоянно между пьяными, они становятся лентяями, неотесанными, приобретают чудовищные привычки, никогда почти ничего честного не делая и не помышляя даже о лучшем образе жизни. Отцов они уважают весьма мало, матерей – едва ли уважают вообще. Пока отец жив, даже взрослые дети находятся в его полной власти. Он имеет право наказывать различными способами непокорных и четыре раза продать их на совершенно законном основании, если задолжает кому-либо» (Яков Рейтенфельс, «Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии», книга третья, <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Reutenfels/text32.htm>).

К большому сожалению ничего-то не изменилось и сейчас:

«По некоторым данным, до 50% всех живущих в браке женщин подвергались физическому насилию со стороны своих мужей – хотя обращаются за помощью не более 25% потерпевших, а до суда доходит лишь 4% дел, возбуждаемых в связи с домашним насилием. Отношение к женщине как к вещи – почти повальное: по данным высшего

руководства МВД, около миллиона человек вовлечены в России в занятия проституцией – а уж с проявлениями сексизма в повседневной жизни сталкивались, наверное, все. Зато сопротивление насилию часто рассматривается не как допустимая самооборона, а как настоящее преступление. Естественно, что следствием положения, в котором находятся российские женщины, становится и эпидемия аборт (1,4–1,6 млн в год), и количество неполных семей (около 6,2 млн), и растущее «население» детских домов» (доктор экон. наук Владислав Иноземцев, «Россия – женская душа», <http://inozemtsev.net/2014/03/>).

Но с другой стороны и сама русскоязычная женщина относится к мужу тоже как к вещи (объекту брачных отношений, статусу):

«Выйти замуж для русской женщины – святое. Будем честными: мало кому нравится ощущать себя объектом, а не субъектом. Но мужчина для русской женщины – именно объект: ее цель – выйти замуж. Надеть белое платье и получить заветный штамп в паспорте. Мужчина сам по себе ее мало интересует, ее интересует только собственное положение: замужняя она, или нет. В начале нулевых, когда за рубеж вдруг хлынул целый поток «русских невест», иностранцы ликовали: вот же они, идеальные женщины! Женщины, пока еще способные искренне и честно любить! Женщины, которые простят любимому практически любые недостатки: люблю – и баста! Выйду замуж! Не то что феминистичные европейки и американки: этим же подавай проверку чувств, многолетнее партнерство и только потом – брак. Может быть. Если мужчина будет идеальным. Русская женщина не такая. Русская женщина – идеальная жена! Но потом стало ясно, что эта прекрасная сказка – действительно сказка. Русской женщине нужен не сам мужчина, ей нужен брак. Чем скорее она станет «мужней женой» – тем лучше, и потому она согласна на все. И в тот момент, когда неизбалованные женской лаской иностранцы поняли, что происходит на самом деле – русские жены стали выходить из моды. Потому что мало кто хочет связать жизнь с женщиной, для которой ты – не человек, а статус. Условный муж. Бесплатное приложение к печати и кольцу» (Cosmopolitan, «Наташа, давай до свидания! ... Почему русские женщины не могут быть счастливы?», <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/lichnaya-zhizn/2016/06/natasha-davay-do-svidaniya/>).

Само же замужество стало рассматриваться многими русскоязычными женщинами и как «недолговременное приключение». Этому, конечно же, весьма способствует и сама лексика русского языка. В отличие от слова «уйти», слово «выйти» означает, как правило, лишь «временно удалиться» от куда-либо. Поэтому-то фразеологизм «выйти замуж» сохраняет в подсознании надежду на возврат к исходному положению:

«Сегодня в ходу весёлая фраза: «Схожу-ка я замуж!» Сошлись, разошлись – что тут такого?» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими», <http://profilib.com/chtenie/136502/vladimir-zhelvis-nablyudaya-za-russkimi-skrytye-pravila-povedeniya-55.php>).

Более почтительное отношение, как к женщине, так и ко всем другим своим домочадцам, конечно же, было и у предков украинцев северокитайских дисцев и полян,

строго придерживавшихся моногамии:

«...они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни в семье, ни в кругу своих рабов и подчиненных. В силу этих расовых особенностей характера, а также отсутствию в их натуре похотливости, дисцы являются в Азии единственным народом, у которого моногамия составляла первичную и основную форму брака» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://www.litmir.net/br/?b=128057&p=176>, <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/grumm-grshimaylo01.html>);

«О многоженстве у славян (очевидно, не у потомственных славян, а лишь у славянофонных племен и народностей, – П.Д.), известно по разным источникам. Гораздо интереснее указание летописца на то, что у полян была моногамия. Это, по-видимому, соответствует действительности. У Игоря, судя по всему, была единственная жена – Ольга. Одна законная жена была и у Святослава, а Малуша – мать Владимира – была всего лишь рабыней-наложницей. Гордая полоцкая княжна Рогнеда отказывалась «розути робичича» Владимира, предпочитая ему законного сына Святослава Ярополка. И только Владимир начисто разрушил эту линию строгой моногамии, привезя с варяжской дружиной и нравы, не характерные для киевских традиций: у него было 5 жен и несколько гаремов наложниц. И даже век спустя христианин Святополк имел две жены и не внимал наставлениям митрополита оставить только одну» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», http://statehistory.ru/books/Apollon--Kuzmin_Nachalo-Rusi-Tayny-rozhdeniya-russkogo-naroda/13);

«Сами поляне, по тому же источнику, вели себя совершенно иначе. Они «своих отцов обычай имели тих и кроток, и стыдились снох своих и сестер, матерей и родителей своих, и снохи свекровей и деверей сильно стыдились. И брачный обычай имели – не ходил жених за невестой, но приводили ее вечером, а наутро приносили за ней, что давали». Итак, у полян господствовали правильно, по мысли летописца, устроенная патриархальная семья (чего, кстати, вряд ли не было у древлян) с уважением, основанном на взаимном стеснении, и чинный брак. При этом нормальной считалась свадьба, при которой от жениха посылали за невестой вечером – древнейший общеславянский обряд» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков», М.: Вече, 2009 г., http://www.historylib.org/historybooks/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/82);

«Существеннейшие отличия от остальных славян поляне сохранили в двух наиболее стойких традиционных сферах: в формах семьи и в погребальном обряде. У всех славян было трупосожжение. Поляне (являвшиеся потомками аланов-торков и других юэчжийских племён, – П.Д.) выделялись трупоположениями, и это сообщение летописца подтверждается археологическим материалом. У славян (точнее, у славянизировавшихся балто-финнов, – П.Д.) при сохранении многоженства преобладала малая семья. И это тоже подтверждается археологическими данными: размеры полуземлянок (10-20 квадратных метров) могли вместить только малую семью. «Большие дома» черняховской культуры (II – IV вв.) обычно

достигали сотни и более квадратных метров. Летописец особое значение придавал форме брака, отметив, что у славян вообще «брака не было», а было умыкание во время игрищ между селами по договоренности с невестой («с нею же кто совещаешься»). Браком в данном случае обозначается своеобразная коммерческая сделка, покупка жены. У полян сохранилась даже такая специфическая особенность, распространенная у племен эпохи великого переселения, как «утренний дар» жениха молодой супруге после первой брачной ночи. Летописец специально остановился на том, что молодежь древлян и других славянских племен не почитает старших, родителей. Сами молодые решают и устраивают свои семейные дела. Такое положение естественно, когда основной ячейкой является малая семья, а община строится по территориальному, а не кровнородственному принципу. У полян положение другое. Здесь молодежь в подчинении у старших, которые заключают и браки, причем молодую обязательно приводят в дом родителей жениха. «Большая семья» – обычно наследие кровнородственной общины. Судя по данным, относящимся к Центральной Европе, руги-русы всюду долго сохраняли ту форму общежития, которая была ранее характерна для готов, лангобардов и некоторых других (славяноязычных, – П.Д.) племен. За основу здесь принималась не земля, не территория, а родственная группа, которая легко могла сменить место проживания» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=8>).

Совершенно иные нравы были в центральных и в северо-западных землях России:

«А радимичи, вятичи и северяне (точнее, вошедшие в северянский союз племен славянизовавшиеся финно-угры савиры / сувары и акациры, – П.Д.) имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь ещё вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон... Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут своих мачех и ятровей, и выполняют иные обычаи своих отцов...» («Лаврентьевская летопись», 1377 г.,

http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=15&n=9);

«Поклонение предкам особенно ревностно поддерживалось в России, где внутрисемейные отношения были особенно патриархальными. Следующими в иерархии были сыновья, которые образовывали семейный совет, после них – женщины и дети. Женщина находилась на самой низшей ступени. Она всецело зависела от мужа, глава дома мог бить ее и детей и даже сожительствовать с женами сыновей. В «Лаврентьевской летописи» упоминается, что у древлян, радимичей, вятичей и северян мужчины могли иметь по две или три жены. Со дня свадьбы невеста называлась молодой (молодухой), то есть

самой младшей. Наименование подчеркивало, что у нее нет практически никаких прав. После смерти мужа жена не имела прав собственности. Ей просто позволялось оставаться в доме, готовить, изготавливать одежду и участвовать в похоронах. Если она покидала дом мужа, то теряла все» (Мария Гимбутас, «Славяне. Сыны Перуна», <http://metodich.ru/perevod-nauchnoe-redaktirovanie-fedor-kapica-i-tateyana-kolyad/index10.html#pages>);

«Исследователи полагают, что традиционный свадебный ритуал вошёл в православную крестьянскую среду не ранее XVII в. из быта высших сословий – бояр и князей. В русской свадьбе жених и невеста назывались князем и княгиней, свадебная трапеза – княжеским пиром, близкая родня – большими боярами, родня дальняя – меньшими боярами и т.д. Окончательное оформление свадебного ритуала связывают с введением обязательного церковного венчания... Ранее, как сообщается в источниках, простой народ считал венчание принадлежностью браков князей и бояр и долго придерживался языческих обычаев умыкания и купли невест» (З.И. Строгальщикова, «Вепсы. Очерки истории и культуры», <http://forumnarodov47.ru/docs/-ZIJ.pdf>; <http://msu.lenobl.ru/Files/file/vepsu.pdf>);

«...в первые десятилетия XX века этнографы записывали рассказы крестьян о бытовавшем в Архангельской области обычае брать в дом вторую и даже третью жену. Происходило это, например, в тех случаях, если первая жена не смогла родить ребенка. Брели в дом жену помоложе, и когда первая супруга становилась старой и больной, и не могла более работать по хозяйству. При этом все жены жили в одном доме, дружно вели домашнее хозяйство, между ними существовало распределение обязанностей и ролей. Одна занималась, например, огородом, другая – скотиной, третья хозяйничала в доме у печи. С мужем спала, как правило, самая молодая. Это вменялось ей в такую же домашнюю обязанность, как стирка белья или уход за скотиной. Впрочем, в иных случаях муж старался не обделять вниманием ни одну из своих супружниц» (Ольга Ельникова, «Многоженство на Руси: было или не было?», <http://russian7.ru/post/mnogozhenstvo-na-rusi-bylo-ili-ne-bylo/>; <https://news.rambler.ru/other/37917393-mnogozhenstvo-na-rusi-bylo-ili-ne-bylo/>);

«Половые сношения между главой крестьянской семьи и его снохой (присущие и предкам россиян половцам, – П.Д.) были фактически обычной стороной жизни патриархальной семьи. «Нигде, кажется, кроме России, – писал В.Д. Набоков, – нет по крайней мере того, чтобы один вид кровосмешения приобрел характер почти нормального бытового явления, получив соответствующее техническое название – снохачество». Наблюдатели отмечали, что этот обычай был жив и в конце XIX в., причем одной из причин его сохранения являлся сезонный отток молодых мужчин на заработки. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещенным обществом, крестьяне ее не считали серьезным правонарушением. В ряде мест, где снохачество было распространено, этому пороку не придавали особого значения. Более того, иногда о снохаче с долей сочувствия говорили: «Сноху любит. Ен с ней живет как с женой, понравилась ему». Причину этого явления следует искать в особенностях крестьянского быта. Одна из причин – это ранние браки. В середине XIX в. по сведениям А.П. Звонкова, в селах Елатомского уезда

Тамбовской губернии было принято женить 12 – 13 летних мальчиков на невестах 16 – 17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью. Другая причина снохачества уже упомянутые выше отхожие промыслы крестьян. «Молодой супруг не проживет иной раз и году, как отец отправляет его на Волгу...» (В. Безгин, «Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века)», <https://scisne.net/t-437>; <http://yojji.gorod.tomsk.ru/index-1507913202.php>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php);

«Бытует мнение, что именно после избиения невестки царь подрался с сыном и нанес ему смертельную рану. Также существует версия, что причиной конфликта стали сексуальные домогательства Ивана Грозного к жене сына – практика снохачества, при которой глава семейства состоит в половой связи с женами сыновей и другими младшими женщинами семьи, была распространена на территории России вплоть до XX века, когда общество отошло от традиционных патриархальных семей в пользу нуклеарных» (Алла Салькова, «Бояре осыпали трон дождем золотых монет», https://www.gazeta.ru/science/2017/01/16_a_10477943.shtml);

«В период служения епископа Иоасафа в Белгороде среди народа распространился обычай бракосочетания малолетних женихов с великовозрастными невестами. Это зло (снохачество, – П.Д.) обратило на себя внимание правительства. Стремясь пресечь совершение таких браков, епископ Иоасаф запретил священникам в подобных случаях совершать венчание, а за нарушение предписания грозил лишением сана и вечным заточением. Под угрозой тяжких наказаний он воспрещал и насильственные венчания без взаимного согласия жениха и невесты» (Биографический энциклопедический словарь, «Иоасаф / Миткевич», <http://enc.biblioclub.ru/termin/1567776>);

«Для крепостных многодетных отцов семейства, перспектива быть в своей избе многоженцами, была настолько привлекательной (почему бы хотя бы у себя дома по отношению к своим девкам не уподобиться помещику с его правом первой ночи и обычаем невозбранно брюхатить всех своих дворовых девок?), что от этого не отказывались ни простые крепостные, ни казаки, ни старoverы. В свою очередь, каждая вырастающая в таких семьях девочка, с детства знала свою перспективу – после выдачи замуж в семью великороссов, быть привселюдно сношаемой поочередно и мужем и свекром. Так традиции общинности укрепляли общность сексуальную, а неопределённость в определении отцовства следующего поколения, в свою очередь стимулировала сохранение исконной общинности... Снохачество – практика в русской деревне, при которой мужчина – глава большой крестьянской семьи (живущей в одной избе) состоит в половой связи с младшими женщинами семьи, обычно с женой своего сына (связь свёкра с невесткой, называемой сноха). Эта практика получила особое распространение в XVIII–XIX веках. Снохачество упоминается в художественной литературе («Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Житие одной бабы» Н.С. Лескова, «Колодезь» С.В. Логинова). В книге В.М. Дорошевича «Сахалин» (http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_0030.shtml) приводится народная примета: Как

снохач помогать возьмётся, – колокол с места не сдвинешь. Мотивы снохачества в опере Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» привнесены либреттистами и отсутствуют в одноимённой повести Лескова. Также снохачество встречается в романе Михаила Шолохова Тихий Дон, когда Дарья Мелехова пытается соблазнить свёкра Пантелея Прокофьевича, в отсутствие мужа Петра, объясняя это тем, что «не может без казака»...» («19 век // Окунёмся в историю», <https://shaherezada.livejournal.com/440823.html>; [http://joyreactor.cc/tag/19%2B%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BA](http://joyreactor.cc/tag/19%2B%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BA;); <http://fakeoff.org/history/g-nealogicheskiya-kuschi-velikorossoy>);

«...у Петра Алексеевича был гарем... 12–15 молодых и красивых девушек занимали целую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова (кроме постоянной – церковно-невенчанной – морганической жены помещика, солдатки Натальи Ивановны, от которой у него было дочь и семь сыновей, и постоянной любовницы Феоктисты Семеновны – девушки средних лет, весьма красивой, бойкой и развитой, мать которой была начальницей гарема Кошкарова) вот они-то и составляли то, что я назвал гаремом. Весь барский дом разделялся на две половины – мужскую и женскую... Не только дежурный лакей или кто-нибудь из мужской прислуги, но даже мужские члены семьи или гости не могли пройти далее дверей, охраняемых дежурной девушкой. Обыкновенно вечером, после ужина, дежурная девушка, по его приказанию, объявляла громко дежурному лакею: «барину угодно почивать», что было знаком для всей семьи расходиться по своим комнатам; удалялась, раскланявшись, Наталья Ивановна, а за нею и все мы, а лакеи вносили тотчас в гостиную из мужской половины простую деревянную кровать и, поставив ее посредине комнаты, тотчас удалялись, – а дверь из гостиной в зал запиралась, и девушки из спальни выносили пуховик, одеяло и прочие принадлежности для постели Кошкарова, который в это время совершал вечернюю молитву по молитвеннику, причем дежурная держала свечу, а в это время все прочие девушки вносили свои койки и располагали их вокруг кровати Кошкарова, так как все непременно должны были, кроме Матрены Ивановны, – начальницы гарема, спать в одной с Кошкаровым комнате. Раз в неделю Кошкаров отправлялся в баню, и его туда должны были сопровождать все обитательницы его гарема, и нередко те из них, которые еще не успели, по недавнему нахождению в этой среде, усвоить все ее взгляды, и в бане старались спрятаться из стыдливости, – возвращались оттуда битыми...» (Записки Януария Михайловича Неверова, 1810 – 1826 гг. Цит. по изд.: Русов, 1911, с. 138-143; Борис Успенский, «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)», <https://media.ls.urfu.ru/420/1103/2277/2239/925/>);

«...сохранение девушкой «чистоты» до брака, видимо, первоначально ценилось лишь верхушкой общества. Среди «простецов», по многочисленным свидетельствам источников, на добрачные половые связи на Руси (в землях будущей Московии, – П.Д.) смотрели снисходительно. В частности, вплоть до XVIIIв. общество вполне терпимо относилось к посещению девицами весенне-летних «игрищ», предоставлявших возможность до- и внебрачных сексуальных контактов: «Егда бо придет самый этот праздник, мало не весь град возьмется в бубны и в сопели... И всякими неподобными играми сотонинскими плесканием и

плесанием. Женам же и девкам – главан наживание и устам их неприязнен клич, всескверные песни, хрептом их вихляние, ногам их скакание и топтание. Тут есть мужем и отроком великое падение ни женское и девичье шатание. Тако же и женам мужатым беззаконное осквернение тут же...» Естественно, участие девушек в подобных «игрищах» приводило – и, видимо, нередко – к «растлению девства». Тем не менее, даже по церковным законам это не могло служить препятствием для вступления в брак (исключение составляли только браки с представителями княжеской семьи и священниками). В деревне же добрачные сексуальные контакты, как юношей, так и девушек считались едва ли не нормой» (Игорь Данилевский, «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.)», <https://unotices.com/book.php?id=158507&page=83>);

«...в некоторых регионах, особенно на Севере, к добрачным связям и к рождению добрачных детей относились терпимо. Они не только не были препятствием к вступлению в брак, но кое-где даже помогали ему. Вот что говорили об этом крестьяне Вологодской губернии: «Холостяга пока женится, 2–3 детей имеет от разных матерей». «Из 10 браков в одном только девушка выходит замуж непорочной». «В большей части губернии девичьему целомудрию не придается строго значения. Имеющая ребенка может скорее выйти замуж – значит, не будет неплодна, а неплодность всегда приписывается жене» [Бернштам, 1988. С. 51, 109]...» (Игорь Кон, «Клубничка на березке: Сексуальная культура в России», <http://rubooks.net/book.php?book=719&page=12>);

«Военный министр велел не допускать девушек на лекции в Медицинскую академию. Их сперва явилось три или четыре, и действительно, говорят, занимались усердно анатомией. После их расплодилось уже до шестидесяти и более. Все это милые нигилистки с остриженными волосами, в круглых шапочках с перышком. Они начали расхаживать по коридорам, куря папиросы, под руку со студентами и производя с последними разные скандалики. Очевидно, тут дело шло не об анатомии над трупами, но об опытах над живыми телами, из которых некоторые заметно начали полнеть и утолщаться. Дивны дела твои, о русское общество и русская интеллигенция!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 2, 21 апреля 1864 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0040.shtml);

«...обычное для западной культуры противопоставление положительного семейного мира отрицательному царству средневекового зла совершенно нерелевантно в русской культуре. Поэтому в момент распада средневекового сознания важная для западной ренессансной живописи трактовка образа Богородицы сквозь призму поэзии частного существования, семейного быта в русском искусстве отклика не нашла...» (Юрий Лотман, Борис Успенский, «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)», <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html>);

«В сосняке – веселиться, в березняке – жениться, в ельнике – удавиться» (русская пословица, цит. по Головачев, «Ведич», http://loveread.ec/read_book.php?id=19863&p=68);

«Нынче, маменька, и без мужа все равно, что с мужем живут. Нынче над предписаниями-то религии смеются. Дошли до куста, под кустом обвенчались – и дело в шляпе. Это у них гражданским браком называется...» (Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы», <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00032501184773070339/page/9/>);

«Вчера познакомился я у Норова с смоленским губернатором, Бороздною. Он сильно жаловался на нигилистический дух среди смоленской молодежи. Многие из девушек не выходят замуж иначе, как гражданским браком...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 27 октября 1866 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml).

Тоже самое имеет место в России и сейчас. Ведь слово «любой» всё еще продолжает бессознательное провоцирование любовных связей с любым встречным-поперечным:

«Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брачных отношений. Как результат – распространение добрачных сожительств и не оформленных юридически браков. В 2000г. каждый четвертый ребенок рождался вне брака (28%). Наиболее высокая внебрачная рождаемость отмечалась в Коми-Пермяцком автономном округе (58,7%), Республике Тыва (55,7%), Корякском (52,7%), Таймырском (Долгано-Ненецком) (47,3%), Эвенкийском, Усть-Ордынском Бурятском (по 46,6%), Чукотском (45,4%) автономных округах, Еврейской автономной области (44,1%), Иркутской (43,4%), Магаданской (42,9%), Сахалинской (42,4%) областях. Возраст матерей при внебрачных рождениях имеет два пиковых значения – до 20 лет и 30-35 лет. Первый, приходящийся на самые молодые возраста, отражает снижение возраста начала сексуальных отношений, рост добрачных беременностей, второй – во многом осознанное материнство при отказе от регистрации брачных отношений как со стороны мужчин, так и женщин. На фоне значительного снижения рождаемости по-прежнему сохраняется проблема высокого уровня абортов в стране. Если в развитых европейских странах основным методом регулирования деторождения уже многие годы является предупреждение беременности с помощью средств контрацепции, то в России преобладает искусственное прерывание беременности. Только немногим более трети женщин используют для предупреждения беременности современные средства контрацепции. В 2000 г. было учтено 1961,5 тыс. абортов (50,1 аборта на 1000 женщин фертильного возраста). Число абортов почти в 1,8 раза превышает число родов, и их уровень остается одним из самых высоких в мире (в Нидерландах на 100 родов – 12 абортов, в Германии – 17, Франции, Италии и Великобритании – 23-27). Депопуляция в Российской Федерации обуславливается не только низкой рождаемостью, но и, прежде всего, высокой смертностью населения, являющейся самой болевой проблемой современного демографического развития страны» (Государственный доклад Минздрава РФ, РАМН «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2000 году», <http://www.sejchas.ru/medlaw/28714>; <http://rudocctor.net/medportal/dokosa/ru22991.htm>);

«Бабы здесь все о-о-очень испорченные. И не только в Бурятии. Я уже писал, что в Иркутской области, Братске мужиков реально не хватает. Поэтому сплошь и рядом мамаша и дочка живут с одним мужиком. Я вчера даже познакомился с одной такой. Она живет с

матерью, отчимом и ребенком от отчима. Ты представляешь?... Полным-полно матерей в возрасте 15–16 лет. Они здесь боятся делать аборты, потому что гинекология дореволюционная, и после «процедуры» бесплодие гарантировано. Очень много лесбиянок. Немыслимо! Причем не только среди молодых. Местные мужики после 40 лет – поголовно импотенты. Что остается русским красавицам... Девушки здесь правильные, встречаются с парнями ради удовольствия. Никакого дальнего расчета нет. Дают всем, кто нравится. Без обязательств. «Что значит секс без обязательств»? – спросил мой товарищ Витя местную комсомолку Лену. – «Это значит без презерватива», – ответила она рассудительно... Дети пятилетние не говорят, а мычат. Я обалдел. Народ здесь вырождается» (EchoMSK [Alzheimer], «Братство конца», <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/711527-echo/>);

«Конкретный анализ не выявляет каких-то определенных «факторов счастья» в российском менталитете. Так, по данным ВЦИОМ, 24 % населения не понимают, нравится им или не нравится заниматься сексом. Две трети населения удовлетворения от секса не получают. У 20 % секс вообще не вызывает никаких чувств. Хуже дело обстоит только у венгров: там радости от секса вообще не ощущает каждый третий житель страны. Самыми сексуально удовлетворенными считают себя итальянцы, китайцы и украинцы (более 50 % населения)... В семейной жизни россияне считают себя самыми несчастными на свете. Австрийцы и американцы в этом отношении почти в шесть раз счастливее россиян» (Дмитрий Ольшанский, «Психология масс», [https://7lafa.com/book.php?id=139306&page=47](https://7lafa.com/book.php?id=139306&page=47;); http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/olshansk/06.php).

Туранское наследие

Как видим, не только длительная практика «свального греха» и «снохачества», но также и «растление девства», и плохая семейственность автохтонного населения центральных и северо-западных земель России ставят под большое сомнение исконно славянское происхождение его. Очевидно, в этногенезе предков россиян кроме половцев участвовали и другие потомки туранцев – финноязычных агафирсов (агатирсов) и тюркизировавшихся массагетов, у которых ношение мужчинами золотых украшений и групповой секс были многовековыми обычаями:

«216. Обычай у них следующие. Каждый женится на одной жене, но пользуются они ими сообща. То, что, по словам эллинов принято у скифов, делают в действительности не скифы, а массагеты (очевидно, входившие в массагетский / мадайский союз племен финноязычные марды – возможные предки долихокранных мордвинов мокшан, вотяков / удмуртов и вятичей, – П.Д.). Когда массагет желает женщину, то, повесив колчан перед повозкой, он безбоязненно совокупляется с ней» (Геродот, «История», Кн. I, «Клио», <http://ec-dejavu.ru/s/Scythian.html>);

«Между тем название массагеты сохранилось только в античной историографии, где оно объединяло разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена – от кочевников-коневодов до охотников за тюленями и собирателей корней, одевающихся «в древесную

кору» [Страбон, XI, 8]. Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью – Приаралье, низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи: остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков, – невероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название «массагеты» объединяло целую группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией, еще сохранившей значение в консервативной сфере родоплеменной мифологии и зависимой от нее этнонимии, но утратившей политическую актуальность в середине I тыс. до н.э.» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226778>);

«Скифы эти (массагеты, – П.Д.) жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и поэтому склонить их на любую войну ничего не стоило... Скифы же массагеты, потерпев поражение, разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших вместе с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали голову Спитамену и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения» (Арриан Квинт Эппий Флавий, «Поход Александра», IV, 17, <https://unotices.com/book.php?id=51610&page=42>);

«С запада к скифам примыкали родственные с ними агафирсы (возможные предки мерян и муромы, – П.Д.), которых Геродот указывает в Трансильвании в верховьях реки Муреш (Марис, – П.Д.), но которые в более раннее время могли охватывать своими поселениями и восточное лесостепное Прикарпатье в современной Румынии и Молдавии (IV, 100, 104)» (Михаил Артамонов, «Киммерийцы и скифы [от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.]», http://annales.info/skif/small/art_kis.htm);

«104. Агафирсы – самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой» (Геродот, «История», Книга IV, «Мельпомена», <http://archaeology.kiev.ua/museum/scythians/gerodot.htm>).

Да, ведь же, и мужчины меряне носили золотые и серебряные украшения, а у мордвы (у предков московитов мокшан) очень долго сохранялись весьма свободные сексуальные отношения:

«...и вообще мужские и женские могилы Мерян трудно различаются между собою, потому что многие предметы, которые с первого взгляда неоспоримо считаются принадлежностями одного женского наряда, носимы были у Мерян одинаково и женщинами и мужчинами. К таким предметам надо отнести: кольца на висках, обручи на шее, узорчатые привески и бусы, даже браслеты и, наконец, зарукавья, о которых, впрочем, Ибн-Даста уже упоминал: даже мужчины (из Руси) носят золотые браслеты... Начиная описание с головных уборов, мы видим, что мужчины и женщины одинаково украшали себя на висках

металлическими кольцами. Такие кольца из серебряной или медной проволоки попадаются по одному, по два, по восьми и более у каждого виска, обыкновенно одного и того же металла на обеих сторонах; но бывали примеры, что, у правого виска лежало серебряное, а у левого – медное кольцо. Вместе с височными кольцами сохранились также и кожаные ремни, на которые продавались эти кольца, и вместе с височными кольцами и с ремнями находимы были иногда остатки темно-русых волос. Хотя височные кольца попадаются во всех почти курганах, но количество находимых серег еще более многочисленно, а потому ношение серег неоспоримо предпочиталось даже украшению височными кольцами. Воин, погребенный с оружием, встречается иногда без височных колец, но никогда без серег. Даже детям надевали серьги, но только меньшего размера. На шее Меряне носили украшения двоякого рода: или металлические гривны, большею частью серебряные обручи, или монисто из разнообразных бус, привесок и серебряных монет; они иногда надевали по два ожерелья... Браслеты из серебра и бронзы, а также же перстни и кольца носимы были не только всеми Мерянами без различия пола, но даже и детьми. Они, по свидетельству раскопок, имели такое пристрастие к украшениям этого рода, что надевали часто по два браслета на каждую руку и по перстню или кольцу на каждый палец. Найдены даже остовы женщины с широким бронзовым перстнем на большом пальце правой ноги. У воина нашли медный браслет на левой руке выше локтя, а на пальце медный перстень и серебряное витое кольцо...» (А.С. Уваров, «Меряне и их быт по курганным раскопкам», http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_296.htm);

«В сексуальном плане мордва была более раскрепощена, чем русские, и не боялась доставить себе «райское наслаждение». Чувственность и гусарские похождения «налево» не считались смертным грехом. Даже в браке далеко не всегда соблюдалась супружеская верность. «Грешат и мужики, которые уходят на промыслы, грешат и бабы, остающиеся на долгое время одни. И никто из них особенно не обижается, когда узнает об изменах, как говорится, «на то и поле, чтобы его пахали». Обычно жена пожурит завертевшегося мужа, и все снова войдет в обычную колею. А мужик на такой факт, как загул благоверной, вообще не обращал никакого внимания, если она не приносила в дом ребенка со стороны. При этом оба они не подвергались общественному презрению, если дело, конечно, не шло о бесстыдном развороте. Но такие случаи никогда не выходили за стены дома, так как мордва трепетно относилась к своей личной жизни. О своей сексуальной свободе мордовский народ пел на посиделках:

«Я пошел по мокшанской дороге,
Нашел мокшанскую девушку:
Рубашка ее разорвана,
Сиськи наружу.
За сиськи я ее поймал,
Под берег я ее повел...»

...об эрзянах писали еще и древнегреческие географы Страбон (аорсы) и Птолемей (арсииты). О народе Arsaĵa (Ersaja), царь которого «находится в Arsa (Ersa), откуда вывозятся черные соболи, черные лисицы и свинец», сообщал арабский географ и путешественник

Ибн-Хаукаль (X в.)» (Михаил Голденков, «Империя. Собираение земель русских», <https://unotices.com/book.php?id=150783&page=16>; <http://lib.rus.ec/b/449347/read>).

Однако же, несмотря на тлетворное влияние русскоязычного этноса, благородные семейные отношения все же поддерживались до русификации не только у украинцев, но и у потомков неславяноязычных жунов тунгусов:

«У тунгусов, – пишет князь Дадешкалиани, – отец – глава и полный господин семьи. Но в отношениях его к детям и жене совсем не наблюдается рабской зависимости последних, как это мы находим у гольдов и ороченов. Напротив, отношения отца к членам семьи самые гуманные, любовные. Многоженство или сожитие, кроме жены, с наложницами, совершено, неизвестны тунгусам... Отец давления на выбор дочери никакого не оказывает. Онавольна принимать или не принимать предложение... Вообще, у тунгуса замечается такая же любовь к индивидуальной свободе, как и у (славяноязычного черноволосого, – П.Д.) южного дисца. Все их старшины, как родовые, так и ведомственные – выборные лица... Прежде (до русификации, – П.Д.) тунгусы отличались мужеством, отвагой, ловкостью, добросердечием и правдивостью» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/grumm-grshimaylo01.html>; <http://umozak.ru/dokumenti-1-rrt-2-anuchin01doc2-rrt-2-anuchin02doc3-rrt-2-anuc/file14/index.html>).

Совершенно иное отношение до сих пор имеет место во многих русскоязычных семьях:

«Любовь? Что это ещё за глупости? Брак – это одно, а любовь – совсем другое. Впрочем, обычай, когда папа с мамой выбирают отпрыскам супруга, не изжит и сегодня. Попробуем этот подход оправдать. Для начала согласимся, что любовь до брака и любовь после брака – это совершенно разные чувства. Когда он и она любят друга без всяких обязательств – это одно, а когда они видят друг друга ежедневно и зависят один от другого – начинается совсем другая жизнь... А теперь попытаемся взглянуть на брак с патриархальных позиций. Отец и мать – опытные люди, им лучше знать, что хорошо и что плохо для их любимого чада. И дочка должна рассуждать примерно так: вот мне выбрали мужа, которого я совсем не знаю. Если я хочу счастья себе и ему, я должна приспособиться к нему, найти, что у меня и у него общего, что – различного, и уметь с различиями справляться: с чем-то примириться, что-то попытаться исправить. Если исправить не получится, надо научиться жить с тем, что есть. Вот это и есть любовь (на самом же деле, – всего лишь «взаимная привязанность» постепенно привыкших друг к другу супругов, – П.Д) после брака. Как говорится, если ты не можешь иметь то, что ты хочешь, научись хотеть то, что ты имеешь. Говорят же: в брак надо идти с открытыми глазами, но, вступив в него, один глаз надо закрыть...» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими», https://bookap.info/sociopsy/zhelvis_nablyudaya_za_russkimi_skrytye_pravila_povedeniya/gl26.htm; <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/5664/ogl.shtml>).

Русская лексема «привыкать» отождествляется подсознанием с лексемой «приучать»

(праслав. *učiti связано чередованием гласных с *vyknoŋi (см. вы́кнуть), родственно др.-прусск. «laukint» – «упражнять», лит. «jaukinti, jaukinù» – «приучать, укрощать»... др.-русск., ст.-слав. «выкнѣти»..., сербохорв. «ви́кнути», чеш. «navykati», – Фасмер) и ассоциируется с насилием, осуществляемым вовсе не самим над собой, а некими внешними обстоятельствами или же кем-либо другим; в данном случае – «супруга над супругом» (иначе, подобно «приучаться» и «приучиться», было бы соответственно «привыкаться» и «привыкнуться»).

Тогда как русское слово «брак» означает обряд, то украинское же слово «брак» означает лишь нехватку чего-либо и, в том числе, нехватку и необходимого качества изделия, что и позволяет рассматривать последнее как производственный брак. Поэтому-то законный брак можно рассматривать и как нехватку (недостаточность) взаимного доверия между супругами, требующую законодательного закрепления их взаимоотношений.

Начался новый имперский цикл, причем империя на наших глазах «русееет»

Само же выражение «нехватка» (недостаточность), как и эпитет «хваткий», весьма красноречиво характеризует менталитет русскоязычного примитивного общества. Да и слово то «спохватиться» (укр. «схаменутися») для подсознания русскоязычного человека означает не что иное как «наконец-то очнуться и начать снова всё хватать». То есть не просто брать что-либо а, именно, исподтишка хватать, используя обман, «прихватизировать» или даже нагло захватывать, лицемерно оправдывая захват чем угодно. Вот это как раз и есть то, чем так постоянно гордится психически инфантильное русскоязычное население России:

«Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение Россия осуществляла не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов» (Фридрих Энгельс, «Внешняя политика русского царизма», http://scepis.ru/library/id_766.html);

«Захваты территорий, вероломные аресты князей-соперников совершаются при поддержке церковных угроз... Не извне, а изнутри татарская стихия овладевала (в самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани) душой Руси, проникала в плоть и кровь. Это духовное монгольское завоевание шло параллельно с политическим падением Орды. В XV веке тысячи... татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды... будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом» (Георгий Федотов, «Россия и свобода // Судьба и грехи России»: В 2-х тт. Том 2. – С.-Петербург, 1991, – С. 281–282; <https://leg0ner.livejournal.com/323586.html>);

«В местах же своего «утекания» от садистской царско-помещичьей власти русские уже без всяких помех проявляли в полную силу свой подлинный, поистине сатанинский характер, – становясь палачами местных коренных народов, истребляя их, не давая им житья своими набегами, грабежом, разбоем, насильно навязывая свои порядки, свой язык и свое тоталитарное византийское православие. А потом вслед за беглыми разбойниками и ворами туда же приходило государство – и уже официально ставило их охранять новоявленные «рубежи родины»... Так складывалась на захваченных чужих землях эта агрессивная,

людоедская, изуверская «русская цивилизация». Так складывалось это уникальное в мире явление – русское генетическое рабство, непревзойденное холуйство перед своими же, русскими начальниками (вплоть до самого мелкого), обратной стороной которого является генетическая же агрессивность и ненависть ко всему нерусскому, неправославному, не с тем цветом волос, разрезом глаз, формой носа, говорящему не по-русски и молящемуся не в русских церквях. Ко всем, на ком можно отыграться, выместить все свое подлинное ничтожество, рабскую душонку, трепещущую перед «своим» начальством. Так они веками на крови покоренных и уничтоженных народов строили свою колониальную империю, принимавшую все более и более циничные формы с каждым веком... ..русское имперско-шовинистическое пьяное быдло, которое на 90% и населяет Россию, любит «великую державу», построенную на чужих землях на костях чужих народов, и ненавидит всякую свободу. И само вовсе в свободе не нуждается...» (Борис Стомахин, «Может ли Чечня победить Россию?», <http://chechenews.com/1-2978/>; <http://rko.marsho.net/articl/chechnya.htm>);

«Я давно обратил внимание на то, что русский язык лидирует по количеству синонимов к слову «захватить»: пограбить, прихватить, присоединить, занимать, овладеть, поймать, завладеть, занять, забрать, зацапать, захапать, заграбастать, охватить, взять, обуть, объять, застигнуть, хватануть, запустить руку, узурпировать, схватить, застать, зажулить, присвоить, завлечь, увлечь, прибрать к рукам, подчинить, аннексировать, одолеть, пристегнуть, завоевать, застичь, подцепить, загрести, застукать, полонить, заинтересовать, наложить лапу, забрать в руки, захлестнуть, прикарманить, распространиться, поработить, поглотить, оккупировать, наложить руку, отхватить, схапать, завертеть, перехватить, заловить, забрать в свои руки, покорить, прихватить с собой, заполнить, взять с бою, оседлать, стяжать, наполнить, оттяпать, хапнуть, переполнить, урвать, ухватить... Россия – страна не только бесправия, тотального воровства и абсолютной чиновничьей коррупции, но – вечных войн, больших и малых, призванных в кровавых котлах и бессмысленных мясорубках прихватить земли и объединить нацию во славу криминальных вождей и плохо выученных полководцев. К России давно пристал ярлык «государства-агрессора». В ее истории трудно найти период, когда бы она ни вела необходимую ей для самоутверждения войну...» (Игорь Гарин, «Россия не может жить без войн», <http://nv.ua/opinion/garin/rossija-ne-mozhet-zhit-bez-vojn-105014.html>);

«Легкость, с которой мы входим в чужие страны (или вводим туда оружие) – Чехословакия, Венгрия, Польша, ГДР, Афганистан, Куба, Никарагуа, Китай, Вьетнам и мн. др., – говорит о том, что Запад вооружился не зря. Мы – профессиональные агрессоры. И не отказались до сих пор от идеи Мирового господства, скромно называя эту идею «Мировой революцией». Недоразвитые и бездарные людишки продолжают терроризировать и обирать огромную страну. И плодят, твари, подобных себе. Это катастрофа. Потом будут клянчить подаяние. Опять корми!..» (Дневник актёра Георгия Буркова: «СССР – это огромная зона», http://tfolk.ru/articles/dnevnik_aktjora_georgiya_burkova_ssr_eto_ogromnaya_zona; <http://dynamo.kiev.ua/blog/304652--gergij-burkov--u-menya-net-rodinyi-ibo-u-raba-ee-ne-mozhet-byit>);

«...Начался новый имперский цикл, причем империя на наших глазах «руссеет». Захват Осетии и Абхазии, жуткая коррупция, системный кризис, непрерывные катастрофы, всплеск национализма – все признаки налицо. Но какой вывод отсюда следует? Ведь мы уже слышали, что «время империй, в которых доминирует национализм титульных наций, прошло». И знаем, чем такие циклы завершаются. Не думаю, что каким-то чудом появится демократия-могилищик империй. Ее сейчас старательно «зачищают». Но мы уже видели, что агрессивная имперская политика после исчерпания модернизационного потенциала приводит к краху. На этом пути вполне возможен распад России...» (Максим Каммерер, «Какой же быть России?», <http://www.krugozormagazine.com/show/demokratiya.495.html>);

«Подобный циклизм вращения в пространстве неопределённости прошлого и непредсказуемости будущего даёт эффект неопознанного настоящего, в связи с чем задачей критически мыслящей личности становится опознание себя и своего места в бытии. Таким образом, не познать себя, а опознать себя, то есть найти и установить своё Я и есть задача становления личности в русской истории. Топология русского сознания и формируется как преодоление «гения дурных повторений» через силовые линии точных и ясных мыслей, рассекающих внешнее пространство предустановленных сознанию форм бытия. Но в незаконченном диалектическом сопряжении антиномий русского сознания и бытия индивидуальное самосознание не предзадано, оно часто оказывается не нужным, вытолкнутым внешней средой коллективного бессознательного носящего многообразные формы государственных объединений, ведомственных структур, частных организаций и т.д. И это не удивительно, так как изначальной первичной, априорной средой русского сознания является незыблемость внешних исторических надличностных форм общественных институтов» (И.В. Горина, «Философские основания становления личности в русской истории», http://www.terrahumana.ru/arhiv/15_04/15_04_07.pdf; <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-stanovleniya-lichnosti-v-russkoy-istorii>);

«Уровень коррупции находится в прямой зависимости от уровня государственного вмешательства в гражданскую экономическую и политическую инициативу. Коррупция всегда выступает в качестве «естественной» ренты государственной бюрократии и естественного продукта бюрократического государства. Причем эманация государством коррупции носит, отнюдь, не мистический характер. Не стоит объяснять причины распространенности мздоимства также испорченностью нравов. Коррупция неизбежно возникает на стыке живой экономической инициативы и мертвого бюрократического аппарата» (Георгий Киреев, «Понять Россию», http://samlib.ru/k/kireew_g_a/understandrussia-2doc.shtml).

Аз есмь зверь! И над зверьми царствую

В украинской ЯКМ всему живому, относящемуся к немного окультуренному миру, соответствует преимущественно женский грамматический род: «людина» – человек;

«дитина» – ребёнок; «тварина» – животное; «худоба», «скотина» – «домашнее животное, скот»; «птиця» – птица; «риба» – рыба; «рослина» – растение; «садовина» – фрукты; «городина» – овощи; «ягода». Всему же живому, относящемуся к дикой природе, соответствует преимущественно мужской грамматический род: «звір» – зверь; «птах» – птица; «гад», «змія» – змей; «степ» – степь; «луг»; «ліс» – лес; «гай» – роща; «чагарник» – кустарник; «гриб». Однако же представителям дикой природы, контактирующим с человеком или же хотя бы находящимся вблизи его жилья, тоже соответствует, как правило, женский род: «пташка» – птица; «лелека» – аист; «горлиця»; «миша» – мышь; «жабка» – жаба, лягушка; «ящірка» – ящерица; «змія» – змея; «гадюка»; «комаха» – насекомое; «гусениця»; «лука» – луг; «тополя» – тополь; «береза»; «трава».

И даже, если человек ведет себя (укр. «поводиться») как дикарь, то к нему слова мужского рода всё же применяются в видоизмененной форме, обладающей женским родом: «звірюка», «гадина», «зміюка».

И только лишь детёнышам всего живого в украинской ЯКМ соответствуют, как правило, слова одного и того же грамматического рода, а именно среднего рода: «дитинча» – детёныш; «малятко» – малыш; «звірятко» – зверушка; «звірення» – зверёныш; «ведмежа» – медвежонок; «левеня» – львёнок; «слоненя» – слонёнок; «мишеня» – мышонок; «жабеня» – лягушонок; «цуценя» – щенок; «кошеня» – котёнок; «козеня» – козлёнок; «лоша» – «жеребёнок»; «теля» – телёнок; «порося» – поросёнок; «пташеня» – птенец; «совеня» – совёнок; «курча» – цыплёнок; «каченя» – утёнок; «гусеня» – гусёнок.

В искусственно же сформированной русской ЯКМ такой упорядоченности, как видим, нет. А поэтому-то человек бессознательно и ассоциируется по грамматическому родовому признаку, конечно же, со зверем:

«Сам Иван Грозный подданных своих презирал, людьми, достойными уважения, не считал и однажды в присутствии иностранных послов провозгласил: «Аз есмь зверь! И над зверьми царствую» (Ордын-Нащекин, цит. по Ефим Клейнер, «Какой поп, такой и приход», <http://russian-bazaar.com/ru/content/11578.htm>);

«Хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей... мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий... болеет «охотой к перемене мест»... нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества... множество суеверий и никаких идей... русскому народу исключительно... свойственно чувство особенной жестокости... реалист и хитрец, который – когда это выгодно ему – прекрасно умеет показать себя простаком... органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе... умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества... Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связь и значение которых мысль, развитая слабо, не может понять... и он незлопамятен: он не помнит зла, творимого им самим, да, кстати, не помнит и добра, содеянного в его пользу другим... в своей практической деятельности они всё еще остаются зверями. И часто – бешеными, причем иногда бешенство объяснимо страхом... тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, – вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить

изумительно нищенски на земле, сказочно богатой...» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», <http://rulife.ru/mode/article/68/>);

«Мы, Русь, – анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь – ядовитое наследие татарского и крепостного ига, – что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека, – кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, воем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», <https://ilibrary.ru/text/2378/p.30/index.html>, http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml).

Звериные же повадки у психически инфантильного русскоязычного бирюка-людишки притупляются (закрепощаются) лишь тогда, когда он присоединяется к какому-либо «человеческому стаду» (общине, колхозу, бригаде челядишек), управляемому жестким или даже весьма жестоким паханом-пастухом:

«Таким образом, наиболее выгодная для русских (по свойству их психологии) организация есть организация «вожаческая». Причем – безразлично, какое «формальное наименование» к ней пришпиливать. При соответствующем вожаке русские могут быть очень сильны. Их лучшие качества складываются, будучи толкаемы в одном направлении; их нестерпимые недостатки (грызня, взаимное недоброжелательство) парализуются... К такому вожачеству (в форме ли монархии, диктатуры или иной) русские, «понявшие свою истинную природу», будут стремиться. Будут стремиться по той простой причине, что изведуют сладость всяких иных прочих построений» (Василий Шульгин, «Что нам в них не нравится?», 1930, <http://www.russian-globe.com/N117/ShulginChtoNamVNichNeNravitsya.htm>; <http://lib.rus.ec/b/306943/read>);

«Мысль В.В. Шульгина верна не только в отнесении к периоду «Совдепии», как называли русские философы советскую власть, она приложима и к нынешним временам: действительно, в условиях стихийного рынка, который сложился в современной России, «вожаческая организация», если воспользоваться терминологией Шульгина, т. е. государство-«отец» с харизматическим лидером во главе, – вряд ли пригодна, она рассчитана на иные социальные отношения и институты, но русский человек не может и не хочет отказаться от традиции «быть ведомым» и «толкаемым» в одном направлении. Сегодня он несчастен не одной лишь материальной неустроенностью своего бытия, но и неумением жить самостоятельно, без «страховки», не в этом ли женственность природы русского народа, о которой без устали толковали русские философы Серебряного века? Наиболее емко и завершено выглядит идея о внутренней противоречивости национального характера в концепции Н.А. Бердяева о русских «антиномиях...» (Зинаида Сикевич, «Социология и психология национальных отношений», <http://kk.convdocs.org/docs/index-89990.html?page=23>)

«Мне кажется, наша задача как раз в том сейчас и состоит, чтобы прервать родительско-детские отношения с государством: мы не дети государевы, а царь – не от Бога.

Все сами по себе. Только после того, как государство прекращает быть отцом, оно становится тем, чем и должно быть в современном мире – нанятым сотрудником. И если искать в свалившемся на нас кризисе какие-то положительные стороны, то это как раз возможность повернуть дело так, чтобы государство как можно скорее перестало быть личностью, а превратилось в субъект, инструмент и институт. Вот отсюда начнется новая точка отсчета» (психолог Людмила Петрановская, из интервью Катерине Гордеевой «До конца года люди поймут, что мы внутри необратимого падения вниз», <http://ehorussia.com/new/node/12057>);

«Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала. В тайниках России, в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, брачного соединения мужественного и женственного начала, не был осуществлен андрогинный образ. Мужественный дух не соединился органически с женственной душой России, не овладел изнутри народной стихией. В России не произошло того, что произошло во Франции, в Англии, в Германии, у всех народов Запада. Там на известной ступени развития в национально своеобразной форме пробуждался мужественный дух и изнутри, органически оформлял народную стихию. Русская земля всё оставалась женственной, всё невестилась, всё ждала жениха со стороны. Она отдавалась многим мужьям, со стороны приходившим, но никогда не происходило от этого истинного брака. Русский народ никогда не мог из собственных недр родить мужественной власти, он искал её на стороне, призывал варягов или немецких чиновников» (Николай Бердяев, «Философия неравенства», <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>);

«В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории. [Это вполне подтверждается и русской революцией, в которой народ остается духовно пассивным и покорным новой революционной тирании, но в состоянии злобной одержимости.] Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа. Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества» (Николай Бердяев, «Судьба России // Психология русского народа», <http://www.xwap.me/books/9239/Sudba-Rossii-Sbornik-statey-1914-1917.html?p=4>);

«Вечно-бабье» в России всегда больше распространялось на русских мужчин, нежели на женщин. Русская женщина есть тот вечный двигатель русской жизни, который заставляет ещё куда-то идти. Мужчина же – генератор идей. Русская женщина здесь и сейчас; она видит то, что можно взять, мужчина всё видит и ничего брать не собирается, с него достаточно и того, что он указал путь к предметам. Русская женщина умеет быстро распорядиться насчёт того, что сделать и как, где и зачем. Мужчина способен только указать сторону света, а не точную координату по широте и долготе. Он нянчит какие-то неопределённые планы в будущем, лелеет воспоминания прошлого, его никогда нет в действительности, если только его не возвращает в настоящее и не направляет чья-нибудь женская рука» (Вероника Иванова, «Менталитет русского народа через призму русской литературы 19-го века», <http://5rik.ru/myref/myref-22689.php>; <http://www.referat.ru/referats/view/20052>);

«Было прежде слово «обабиться» у нас обидным для мужчины. Теперь оно должно сделаться почетным, должно потому, что наша нынешняя женщина оказывается не в пример лучше мужчины... Есть люди, которые сияют удивительным блеском, пока они занимают такое-то место. Но лишь они сойдут с него, тотчас оказывается, что они такие ничтожества, что удивляешься, как могли они занимать эти места...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 22, 24 мая 1873 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Еще не было в истории примера, чтобы какой-нибудь народ так обабился, как мы. Россия – баба. Вечноженственное: «нет, нет!», а в сущности – уже покоряются и слушаются со смаком, с упрямством длительным – не оторвешь» (Зинаида Гиппиус, цит. по: Душенко, «Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин», <https://info.wikireading.ru/274879>).

Но всё же:

«Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами» (Василий Ключевский, «Курс русской истории», XVII лекция, «Психология великоросса», <https://history.wikireading.ru/36323>);

«Отсюда и избыточная персонификация коллегиальных структур. Сильные личности часто компенсируют слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации. Ведь русский сверхколлективизм, по-моему, вымысел чистой воды... Мне кажется, в нашем обществе преобладают индивидуалисты (точнее эгоисты, отстаивающие лишь свои шкурные интересы, – П.Д.). А за коллектив время от времени люди прятались по необходимости – от власти, от ответственности, от принудительного труда. Что до нашего идеализма, то без прагматического заземления, в неохлажденном виде он в повседневном применении ненадежен, а иногда и опасен» (Владислав Сурков, «Русская политическая культура. Взгляд из Утопии», <http://www.kreml.org/opinions/152681586>);

«Американцы считают одиночество большой проблемой, а умение завязывать контакты, поддерживать их и сообща решать проблемы – важными социальными навыками.

Для русского человека, который вначале присматривается, прикидывает, что перед ним за человек, хорош он или плох, нравится он ему или не нравится, знакомство с первым встречным кажется проявлением опасной неразборчивости. Люди такого темперамента не настроены на глубокие и вечные отношения, они предпочитают связи более поверхностные и краткосрочные...» (Ольга Маховская, «Американские дети играют с удовольствием, французские – по правилам, а русские – до победы», <http://psyfactor.org/lib/makhovskaya34.htm>);

«Смешно, когда толкует эрудит
О тяге нашей к дружбе и доверию;
Всегда в России кто-нибудь сидит:
Одни – за дух, другие – за материю»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/02_09.htm);

«...оказалось, что дружба – интеллигентский феномен. Так называемые простые люди (типичные бирюки, – П.Д.) друзей не имеют: ни разу меня не спрашивал о состоянии больных кто-нибудь, кроме родственников. Отсутствует взаимопомощь, мы самые большие индивидуалисты, каких себе можно представить. Кажется, у нации нет инстинкта самосохранения. Юдоль: проще умереть, чем попросить соседа довести до Москвы. Жены нет, а друзья? Таких нет. Брат есть, но в Москве, телефон где-то записан...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>);

«Мы лишены единства общественного духа. «Мы едим друг друга и от того сыты бываем», сказал человек, который тоже ел других, пока сам не был ими съеден. Нравственность наша скверная: она не поддержана ни сознанием человеческого достоинства, ни религиозными высшими истинами... У нас нет ни патриотизма, ни общественного духа. Он возникает из народа, а у нас народ – стадо, погоняемое и подчас угнетаемое, а, главное, не достигшее сознания долга, законности и нравственного достоинства. Слов и учреждений, заимствованных из общечеловеческой цивилизации, у нас найдется довольно, но это слова без содержания, и учреждения, носящие на себе только личину европеизма. Тут нет и тени свободного проявления мысли, свободного начинания в пользу общую, одна внешность, ложь» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 16 июля, 20 сентября 1873 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ. Ты являешься каким-то голым существом, после тысячелетней жизни без имени, без наследия, без будущности, без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осужденная на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который взял бы тебя в руки, а не то ты вынуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную истасканную тряпку» (Василий Ключевский, из дневников и записных книжек, между 14 апреля и 7 мая 1866 г., «Афоризмы и мысли об истории», http://fictionbook.ru/author/vasiliyi_osipovich_klyuchevskiyi/aforizmiy_i_miysli_ob_istorii/read_o

[nline.html?page=21; https://www.litmir.co/br/?b=97317&p=68\);](#)

«Я понял, что эпоха мыслящих прошла. Отсюда осуществленная мной переинтерпретация соотношения языка и мышления. Я говорю, что наступило время языков. Это означает, что многие вещи стали событиями языка, но не событиями сознания и мышления. Это во времена спроса на философию были нужны события мысли – события сознания, а не языка. А сейчас это вообще никому не нужно. Современный (психически инфантильный словоцентричный, – П.Д.) человек вообще многие вещи может делать без связи с сознанием. У него есть языковые костыли, которые позволяют сохранять чувство данности себе, самоотчет в том, что делаешь. Но остаются лишь жалкие остатки сознания... (Фёдор Гиренок, из интервью Михаилу Бойко: «Грезы – это разверзшаяся бесконечность», http://www.ng.ru/person/2008-09-04/9_girenok.html).

Важнейшие атрибуты российской власти – несбыточные обещания и свирепая репрессия

Такое фривольное поведение русскоязычных людей заложено уже в самой их языковой картине мира. Ведь в их подсознании внутренняя форма синонимичных слов «желать» и «жаждать» (укр. «жадати») ассоциируется с внутренней формой слова «ждать» (укр. «чекати»). Пассивное же ожидание исполнения всех своих желаний каким-либо всемогущим благодетелем, как правило, превращается лишь в бесплодное мечтание:

«Русский ждун грустный, ленивый и вялый. Но симпатичный. Он оброс жирком, повесил нос и сложил ручки на животике со складками жира, поскольку в стране давно царит застой и нет условий ни для политической, ни для гражданской, ни для инвестиционной активности. Но ждун – оптимист. Он не отчаивается. Он затаился и ждет... Русский ждун – это революционер, ожидающий объективных условий, при которых возможны перемены. Не смололась еще, мол, та мука, как говорил Плеханов, из которой со временем будет выпечен пшеничный пирог социализма. Плеханов, правда, в политике проиграл, а победил нетерпеливый Ленин. Но насколько же велик оказался русский ждун! Руками торопыги Ленина он как раз и достиг полного успеха. При социализме ожидание стало по-настоящему всеобъемлющим и всеохватывающим. По утрам народ тоскливо ждал автобуса, чтобы добраться до работы. На работе столь же тоскливо ждал распоряжений начальства. Но больше всего ждал окончания рабочего дня, поскольку никакого смысла в распоряжениях начальства не было. Вечером он долго ждал, стоя в очереди за дефицитным товаром. Часами ждал продуктов. Месяцами – импортной мебели. Годами – обещанной властями отдельной квартиры. Какое-то время ждал еще коммунизма и мировой революции, но от них отказался раньше, чем от продуктов, мебели и приличного жилья... Энергии возникшего внезапно во главе страны Горбачева сильно удивился и стал ждать от него халявы. А не дождавшись, сосредоточил внимание на Ельцине. И потом ждал «Волгу» за ваучер, сапоги для жены от МММ и кредиты для бюджета от МВФ...» (профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Николай Травкин, «Русский ждун», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/09/676764-zhdun>).

И, в конце-концов, им ничего другого, нежели благословлять «кнут» своего «хозяина», и не остается делать:

«..Покажи хозяйскую руку, именно это нужно русским... Дай им иногда почувствовать твой кулак. Они сами этого хотят – сколько людей говорили мне: «Нам нужно чувствовать кнут». Странно, но такова славянская (на самом деле туранская, – П.Д.) натура – большая твёрдость, даже жестокость и горячая любовь» («Семейная переписка Романовых. Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной», Письмо Александры Федоровны императору Николаю II №644. Царское Село. 22 февраля 1917 г., <http://istmat.info/node/33713>)

«Империя бессмысленного зла,
Бездарная тюрьма!
Где жирно золотятся купола
Над тоннами дерьма,
Где раб неиллюзорно горд кнутом,
Где воли ум лишен,
Где всякий, кто не хочет быть скотом,
Безумен и смешон...»

(Юрий Нестеренко, «Я не вернусь», август 2010, <http://yun.complife.info/verses/noreturn.htm>);

«Власть в России традиционно переживается как сакральная сущность. Важнейший атрибут власти, то, что творит саму власть, – свирепая репрессия. Она может быть облачена в формы права, а может находиться за рамками права. Российское сознание не входит в эти тонкости. Воля к насилию, скорая показательная расправа с провинившимся безо всяких формальностей и проволочек – самое важное, ключевое свидетельство подлинной Власти. Власти нашей, народной, той самой, созерцание которой заставляет учащенно биться сердце русского человека. Власти, репрессивность которой очень долго была демонстративно свирепой в своей жестокости. Наказание кнутом, зафиксированное еще в Соборном уложении 1649 года, доживает до эпохи Николая I. Это наказание было отменено в 1845 году с заменой кнута увеличенным числом ударов плетью. Полной отмене предшествовало секретное постановление 1829 года, ограничивавшее практику применения кнута. Секретный характер этого постановления показателен. Подданным надлежало оставаться в спасительном страхе. Показательно и то, что в народном сознании наказание кнутом тоже не выглядело аномалией, – лишнее подтверждение органичности жесткой репрессии не только для государства, но и для традиционной русской культуры. «Неправедному насилию, – пишет Павел Солдатов, анализируя русские пословицы и поговорки, – противопоставляется, как идеал, праведное насилие царское. Главным и единственным источником порядка в народном сознании выступает кнут: «Кнут не мучит, а добру учит»; «Кнут не мука, а вперед наука»; «Не бить, так и добра не видать». Да, иногда оно, похоже, начинает сомневаться в своей правоте («Бить добро, а не бить лучше того»). Но идеал царского «кнутопорядка» и «кнутодобра» такими сомнениями не разрушается, образа иного порядка и иного представления о пути к добру в русских пословицах и поговорках не обнаруживается».

Настоящая (т.е. сакральная, «правильная») Власть легитимируется не выборами или венчанием на царство. Власть создается, узнается и переживается в этом качестве в акте справедливой репрессии. Если власть не демонстрирует жестокости и непреклонности, она профанна. Профанирующее отношение к Хрущеву задавалось как тем, что импульсивный вождь позволял себе слишком много человеческого и разрушал образ трансцендентного восточного владыки, так и тем, что высшая власть отошла от практики свирепой репрессии...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Вот какие записки Ленина мне удалось раздобыть: «Я предлагаю назначить следствие и расстрелять виновных в ротозействе»; «Раковский требует подлодку. Надо дать двоих, назначив ответственное лицо, моряка, возложив на него и сказав: расстреляем, если не доставишь скоро»; «Мельничанскому дайте (за моей подписью) телеграмму, что позором было колебаться и не расстреливать за неявку». А вот одно из писем Ленина к Сталину: «Пригрозите расстрелом тому неряхе, который, заведя связью, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной». Ленин настаивал на расстрелах за «нерадивость» и «нерасторопность». Например, 11 августа 1918 года Ленин направил большевикам в Пензу указание: «повесить (непрерменно повесить), чтобы народ видел», не менее 100 зажиточных крестьян. Для исполнения казни подобрать «людей потверже». В конце 1917 года, когда Ленин возглавил правительство, он предложил расстреливать каждого десятого тунеядца. И это в период массовой безработицы...» (Ирина Боброва, «Раскрыты секретные архивы КГБ о Ленине», газета «Московский комсомолец» N295 от 29 июля 1999, <http://narodna.prawda.com.ua/history/59c919e9c8baf/>).

И ведь же Ильич выразился здесь прямо таки «деликатно», так как слово «неряха», в отличие от противоположного ему и весьма отвратительного слова «ряха» (харя, морда, как правило, широкая, толстая), не вызывает бессознательную негативную реакцию в подсознании русскоязычного человека:

«Ты бандит и вор, вон ряху то наел на грабленных сельпо [караванах], а мы в отряде по три дня не жрамши!...» (Митёк: Владимир Шинкарёв, «Папуас из Гондураса [Из уважения к великому и могучему]», <http://lib.rin.ru/doc/i/45456p16.html>; <http://pelevin.nov.ru/forum/?rt=385170>).

И таких, как сохранивших свой изначальный смысл, так и переосмысленных отрицаний выродившихся или же искажённых слов в русском языке весьма много (некогда, несколько, некий, нечто, нельзя, неделя, ненастье, невеста, невежда, невежа, негодяй, неистовый, неуклюжий, небрежный, пренебрегать и др.). Это, конечно же, лишает подсознание русскоязычного человека возможности адекватно реагировать на его внутреннюю речь.

Негражданственность русскоязычного населения

Слово «гражданин» в болгарском языке означает, прежде всего, горожанин, так как происходит от слова «град» – город (лит. «gardas» – «плетень, стойло»). Паспорт гражданина (укр. «громадянина») в течение длительного времени выдавался лишь городским жителям СССР и, поэтому-то, он фактически и являлся паспортом горожанина:

«И «пачпорт» демократ Хрущев деревне так и не выдал. Как известно, еще со времен коллективизации колхозники не имели паспортов, будучи, по сути, государственными крепостными. И это большая часть населения страны! Вот уж воистину «страна рабов, страна господ». Даже после «великой победы», оплаченной, прежде всего, «пушечным мясом» русской деревни, Сталин не отблагодарил своих крепостных, не дал им волю. Уже в космос совок летал, а в стране все еще царили крепостнические порядки. Лишь в 1974 году постановлением Совмина СССР на сельскую местность распространили общегражданскую паспортную систему. Однако выдавать паспорта в деревне стали лишь в 1976 году, и этот процесс затянулся аж до 1989 года – чуть ли не до распада СССР...» (Алексей Широпаев, «За русский народ!», <https://shiropaev.livejournal.com/462344.html>).

Согласно быдлотворной русской ЯКМ жители деревень и других поселений, не имеющих городского статуса, и сейчас буквально не являются полноправными гражданами. Значительно более низкий уровень жизни деревенских жителей, нежели городских, весьма красноречиво говорит о том, что государственные законы всего лишь цинично декларируют наличие у них полноправного гражданства. Ведь формируемая русским языком ментальность примитивного общества на самом деле не позволяет им добиться реального равноправия с городскими жителями.

С другой стороны, если укр. «громадянин України» означает члена громады (общества) всей Украины, то рус. «гражданин России» – всего лишь постоянного жителя России. То есть русская ЯКМ предусматривает лишь прямое подчинение атомизированного населения России её государственным органам без консолидации его какими-либо общественными организациями. Тем самым уже на уровне подсознания русскоязычного человека устанавливается примат государства по отношению к примитивному обществу России. Следствием этого является и примат политических партий по отношению к общественным организациям:

«Наша гражданственность еще не сложилась, потому что у нас нет главного, без чего бывает сожитие, но не гражданственность, а именно: духа общественности, законности и честности, обеспечивающих прочность взаимных отношений и договоров. У нас мало нравственности, потому что мы не истребили в себе многих пороков, искажающих нашу народность, и не развили многих добродетелей, ей присущих. Вот о чем надо подумать и позаботиться нашим мыслителям, народным вождям и наставникам, а не о политических теориях и не о возбуждении духа партий. Гоните, прежде всего, ложь и фальшь. Нравы прежде всего, нравы и дух законности» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 20 апреля 1855 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml).

К тому же, если украинское слово «чоловік» однозначно соответствует лишь тому, кто в силу своих природных возможностей обязан быть во главе семьи (укр. «на чолі сім'ї»), то русское слово «человек» в подсознании ассоциируется вовсе не с главой семьи, а в первую очередь со словом «начальник» (укр. «керівник», «провідник», «голова»), то есть с главой коллектива бесправных подчинённых. И, следовательно, уже на подсознательном уровне мировосприятия, формируемого русской ЯКМ, человеком является лишь тот, под чьим началом работают или же служат недочеловеки – «вонючие мужики и бабы»:

«Вспомним же Российскую империю, в которой до 1861 года совершенно официально 85% населения рассматривалось как «вонючие мужики», подлежащие перевоспитанию. А дворянство и интеллигенция всерьёз спорили, кому из них руководить народом... Но самих себя, что характерно, ни дворяне, ни интеллигенты частью народа не считали. Образованный слой жил «оприч»...» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии // Бессмертные традиции опричнины», <https://mydocx.ru/8-26415.html>);

«До второй половины XIX века 60–70% ее населения, так называемого русского народа, находилось в рабстве у 20–30%. И это рабство было абсолютным, вплоть до возможности изнасиловать и убить, когда хочешь, оторвать от семьи, купить, продать. И это, извините, единый народ? Народ не может быть сформирован из рабов и господ. Под словом «народ» мы должны подразумевать тех, кто свободен в своих действиях и выражениях. Но таких в России ничтожное меньшинство. ... А потом мы видим, как тот же «народ» на протяжении нескольких десятков лет свирепо насилует и убивает сам себя, легко отказываясь от всякой национальной идентичности и разбавляя ее в понятии «советский». Совершенно непонятно, куда здесь самому понятию народа, нации вписаться...» (Александр Невзоров: Не существует никакой русской нации. И говорю я это не потому, что я какой-нибудь русофоб, <https://gordonua.com/news/worldnews/nevzorov-ne-sushchestvuet-nikakoy-russkoy-nacii-i-govoryu-ya-eto-ne-potomu-chto-ya-kakoy-nibud-rusofob-156788.html>);

«Интеллигенция не ощущала себя юной, в ней был нелепый переход от детства ко «взрослости». Русская интеллигенция не поднялась даже до осознания собственных сословных интересов. Ворочали глыбами: нар-род, Р-рос-сия. А если бы сказали прямо: «Что делать, и нам нужно место под солнцем. Вам, дворянам, с детства было дано всё. А мы жили в атмосфере хамства, сквернословия, побоев. У нас нет культуры, воспитания. И, тем не менее, если не за счёт таланта, то, по крайней мере, за счет трудолюбия, мы выбились в люди, в средние слои общества. Мы образовали новое, молодое сословие, важное и полезное для России. Нам нужно дать некоторые привилегии, льготы...» Нет, начали с другого: «Мы соль земли русской». Всё началось с этого истерического бреда сентиментальной потаскушки. Дворянство как сословие – крепостники, бурбоны, невежи и невежды, мешающие общественному прогрессу; духовенство – мракобесы, пьяницы и развратники; купечество – хамы и дебоширы; чиновничество – взяточники, жулики и карьеристы; военные – солдафоны; ну а простой народ – тёмное, невежественное быдло (тут оговорочка: да, грязные свиньи, но не сами по себе, а потому что искусственно в невежестве держат). То есть, иными словами, интеллигенция это такое сверхдворянство, такое сверхпервое сословие,

такая элита, такая «супер стар», по сравнению с которой бледнеет спесивость римских патрициев и китайских мандаринов. Даже средневековое дворянство никогда не считало себя «солью земли» и признавало влияние духовенства и, в определённой степени, городских сословий. Тут неслыханный, неправдоподобный АРИСТОКРАТИЗМ русской ДЕМОКРАТИИ ещё за полвека до Октября предварил создание советской номенклатуры...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Понятие «народ» довольно расплывчато – ну в самом деле, что такое народ? По сути, интеллигенция тоже народ. Но в России это не совсем так. Интеллигенция чувствовала себя чужой в государстве, где идеалом общежития является казарма, интеллигенция являлась как бы агентом иного мира – мира просвещения, прогресса, западных ценностей. Интеллигенция отождествить себя с народом не могла: народ к советской жизни притерпелся, а думающих людей казарма оскорбляла. Поэтому, когда советские демагоги говорили, что у нас власть народная – они не вполне лицемерили. Власть, конечно, была номенклатурная, но номенклатура была из народа» (Максим Кантор, «Казарменный капитализм. Открытое письмо Михаилу Ходорковскому», <http://www.maximkantor.com/articles/kapitalism.htm>);

«Но когда мы употребляем слово «народ», чаще всего совершаем довольно тяжелое огрубление, поскольку – и это очередная обманка – как правило, имеем в виду люмпен. Почему-то у нас «народ» – это непременно Шариков, а не профессор Преображенский. Почему-то те, кто выражает интересы народа, говорят от его имени, это непременно Уваровы (Сергей Уваров – министр просвещения при Николае I, выведший формулу «православие, самодержавие, народность» – прим. ред.), а не Чаадаевы. Вообще, от имени народа говорят, как правило, негодяи и чудовищные демагоги – хотя бы потому, что приличный человек не станет говорить от чужого имени...» (Виктор Шендерович, «Путин объявил войну интеллекту и интеллигенции и выигрывает, к ужасу всего мира», https://www.znak.com/2014-08-22/putin_obyavil_voynu_intellektu_i_intelligencii_i_vyigryvaet_k_uzhasu_vsego_mira_viktor_she_nderovich_);

«Не существует никакой русской нации... До середины XVI века и вовсе никакого русского народа быть не могло, так как Русь (точнее, Московия, – П.Д.) была структурным подразделением Орды и смогла избавиться от ее власти только тогда, когда сама Орда уже разрушилась под грузом собственной ненужности и экономической бессмысленности. Затем пришел Петр, который вообще все русское, аутентичное, национальное, что было на тот момент накоплено за несколько столетий, уничтожил как что-то абсолютно ненужное» (Александр Невзоров: Не существует никакой русской нации. И говорю я это не потому, что я какой-нибудь русофоб, <https://gordonua.com/news/worldnews/nevzorov-ne-sushchestvuet-nikakoy-russkoy-nacii-i-govoryu-ya-eto-ne-potomu-chto-ya-kakoy-nibud-rusofob-156788.html>);

«Начало войны в Прибалтике в воспоминаниях Гейденрейха выглядит так: «Дошли до границы с СССР (РСФСР) в Голышево. Там жуткий бардак. Граница-то с «братской

Латвией» весь этот год была закрыта, а приказ открыть ее не поступил... В конце концов, начальство покумекало и приказало привести колхозников из ближайшей деревни – забрать скот. Это был какой-то ужас! Несмотря на жаркий летний день, пришли мужики и бабы в грязных, рваных ватниках. На ногах какие-то опорки, лапти. Невозможно отличить мужчин от женщин. Лица черные, жеваные, с беззубыми, ввалившимися ртами. Ото всех жутко смердит. Многие пьяны. Курят вонючий самосад, заворачивая его в газету. Ничего подобного, такой нищеты и рабства, мы в жизни не видели. Это были люди не из другой страны – с другой планеты...» (Марк Солонин, «Другая хронология катастрофы 1941. Падение «сталинских соколов»»),

http://www.modernlib.ru/books/mark_solonin/drugaya_hronologiya_katastrofi_1941_padenie_stalinskih_sokolov/read_1/);

«Об этом можно говорить и писать, только находясь здесь, в России, внутри ее. Вне России эта тема едва ли кому интересна, да и в самой России – она абсолютно безразлична 99% ее населения. Говоря политкорректно – простонародью (всё тем же самым «вонючим бабам и мужикам», – П.Д.). Тем миллионам, от которых «все равно ничего не зависит», ибо граждане только по названию, а по сути – государственные рабы. В сущности, все сводится к подытоживанию и (пере)осмыслению исторического опыта, пережитого нами тут, в России. К тому, прошли ли некие идеи и теории проверку жизнью, вот этим самым историческим опытом, или нет. Оправдали они себя – или же позорно провалились на наших глазах. ...говоря мягко и вежливо – менталитет населения России неизбежно в условиях свободы и демократии требует возрождения тоталитаризма и диктатуры, ставя со временем на все государственные посты именно тоталитарных политиков, с огромной готовностью откликающихся на этот массовый тоталитарный запрос и успешно строящих на нем свою карьеру... Раз 99% населения России – безнадежные генетические рабы, мечтающие лишь о халявной кормежке и водке, – то к кому же мы можем вообще обратиться здесь с этой горестной вестью и с извечным русским вопросом: «Что делать?»?... От любых стремлений «спасти» его, сделать его жизнь лучше, сытнее, свободнее, – ибо свобода ему не нужна, свободу этот сброд ненавидит, – и всякий раз те, кто в искреннем и святом порыве брались нести ему свободу, просвещать и спасать, – оказывались до срока в могиле, на каторге, в ГУЛАГе, преданные этой самой биомассой, ею ненавидимые, презираемые, абсолютно не понимаемые. На своих освободителей и просветителей эта русская биомасса не один век писала доносы!» (Борис Стомахин, «Отречение и проклятие»,

<http://lj.rossia.org/users/stomahin/101081.html>);

«Когда я слышу слово «народ» (тождественное в России слову «сброд», – П.Д.), моя рука тянется к валидолу» (Виктор Шендерович, «Шендевыры», <http://www.shender.ru/shendevr/>).

И этот цинизм быдлотворной русской ЯКМ, отождествляющей сброд с народом, всегда отчётливо проявлялся и на сознательном уровне мировосприятия – и особенно в унижении женщин российскими философами:

«Философы Серебряного века сравнивали мужское (аполлоновское) начало с огнем и

солнечным небом, женское (дионисийское) – с ночью, луной и землей. Мужчина для них – это норма, женщина – отклонение. Человек и только потом мужчина – женщина и только потом человек (украинское слово человек – мужчина)...» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>).

Дискредитация мужчины в быдлотворной русской ЯКМ

Но с другой стороны сам русский язык более эффективно унижает именно мужчин, а не женщин. Из-за того, что слова «муж» и «мужчина» являются однокоренными со словами «мужик» и «мужлан», негативное восприятие всего «мужицкого» бессознательно переносится и на мужей, и на всех мужчин:

«В говорах московского района, как это отмечено В.И. Чернышевым, мужчина обозначает мужика, крестьянина: «Пушай пользуется мушина, не чем богатой чилавек. (Р.). И в Харугине «мушиной» называется мужик, барина (или же начальника, – П.Д.) так не назовут. «Он барин, мушиной ево назвать, мужиком силичь, ни падабаает» (Чернышев, «Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда», с. 131)» (Виктор Виноградов, «История слов», <http://wordhist.narod.ru/genshina.html>).

Тем самым, русским языком постоянно поддерживается миф о низкой культуре, грубости и неотесанности мужчин («вонючих мужиков»). И, поэтому ни сколь не удивительно то, что чрезмерно усердные матери максимально вытравливают из своих сыновей буквально всё, что кажется им мужицким, не оставляя при этом у них и ничего мужественного:

«Без приобретения чувств гражданина, ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних лет, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится, или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера» (Николай Чернышевский, «Русский человек на rendez-vous», Соч., т. I, с. 97–98, <http://www.ivan-turgenev.ru/critics/120.html>).

И правы, безусловно, как Василий Ключевский, так и Николай Бердяев:

«Несчастье русских в том, что у них прекрасные дочери, но дурные жены и матери; русские женщины мастерицы влюбляться и нравиться, но не умеют ни любить, ни воспитывать» (Василий Ключевский, из зап. кн., 1893 г., <https://www.litres.ru/vasilii-kluchevskiy/aforizmy-i-mysli-ob-istorii/chitat-onlayn/page-3/>);

«В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье... У русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности перед коллективом. Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет сила... Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри» (Николай Бердяев, «О

вечно-бабьем в русской душе», <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html>).

Но ведь также и:

«...отношение русских к некогда подмятым под себя народам тоже иллюстрирует теорию о «женственности» русской натуры. Россия, действительно, более всего напоминает властную бабу, ненавидящую своего мужа (Украину, – П.Д.), которого когда-то силой или хитростью на себе женила, но которого готова скорее задушить, чем дать ему уйти, потому что ей нестерпима мысль о том, что он может быть где-то счастлив без нее: «Пусть лучше сдохнет, но при мне...» (Александр Браиловский, «Страна подкованных блох», <http://www.lebed.com/2008/art5436.htm>);

«Все это, конечно же, симптомы надломленной психики. Так ведут себя бывшие супруги, избивавшие и калечившие партнеров, оскорблявшие и презиравшие их, но при этом страстно желающие продолжения этого извращенного сосуществования. И после бегства партнера любое упоминание его имени в опустевшей навсегда квартире приводит к судорогам, сумеркам сознания, помешательству. Вот, собственно, что означает реакция на слова «Слава Украине» – дикий, невыносимый рев хищника, упустившего жертву» (Виталий Портников, «Злоба на славу», <https://graniru.org/opinion/portnikov/m.271426.html>);

«Никакого «русского национализма», таким образом, нет и никогда не было в природе, – есть русский шовинизм. Великодержавный, имперский русский шовинизм, о котором еще Ленин писал в свое время, предостерегая смешивать национализм больших, или угнетающих, наций – с национализмом малых или угнетаемых... Достояние широких масс, а не жалкой кучки просвещенных теоретиков, как «национал-демократия»... А сейчас, после 1991 года – это не просто великодержавно-имперский, а еще и РЕВАНШИСТСКИЙ шовинизм. Когда пьяный быдлак на несколько часов трезвеет и вдруг задумывается о судьбах мира – ему становится очень жалко СССР и очень охота его вернуть. Они в массе своей до сих пор считают, что и Украина, и страны Балтии, и Грузия – это все «наше», временно потерянное, кем-то «оккупированное», но все равно «наше», «законное», и к «нам» еще вернется, – предложите-ка им «отдать Кавказ»!.. Хотя столетия пребывания под властью русской империи сказываются – всеобщим безразличием, пьянством и уходом в личную жизнь, в тупую обывательщину – в колониях не намного меньше, чем в метрополии, – но все же в колониях есть и настоящий, живой национализм, и – у значительной части интеллигенции – стремление к независимости. У тех, кому не все по фигу, то бишь. Есть национализм татарский, башкирский, мордовский, марийский, коми, есть сибирские сепаратистские тенденции, есть поморы и даже казаки, объявляющие (устаами части своей интеллигенции) себя отдельными нациями. Есть язык и культура этих народов, цементирующая их как нации, подчеркивающая их отдельность от окружающего совково-имперского отребья, обосновывающая их право на государственную независимость. Но у русских – отдельной нации со своим языком и (великой!) культурой, – ничего этого нет! Поразительно, но нет! В массах апатично-похмельного населения, простонародья – видно не желание жить отдельно, самостоятельно, независимо и сознавая свое достоинство, а только

лишь желание давить других, всех, кто не похож цветом волос, формой носа, говорит на непонятном языке и т.д. Кто смеет жить иначе или просто мечтать о свободе...» (Борис Стомахин, «Мифы «русского национализма»», <http://lj.rossia.org/users/stomahin/53602.html>).

Русскоязычные мужчины опустились до состояния быдла, добровольно отказавшись нести ответственность даже за благополучие своей семьи и взвалив большинство семейных забот на «слабый» пол:

«Если речь идёт о чисто русской семье, стоит сказать ещё об одной важной её стороне – ведущей роли женщины. Сегодня у нас глава дома – именно женщина. На неё падают все основные семейные обязанности. И, к стыду нашему, надо признать, что русский мужчина без боя и даже с удовольствием отдал руководство семьёй женщине. Две шутки. «Загадка демографии. В семье Мартыновых, когда муж уходит на работу, на руках жены остаются двое детей. А когда муж возвращается, детей оказывается уже трое...» «Американский репортёр спрашивает русского мужа: кто у вас убирает дом? Ответ: жена. А кто стряпает? Жена. Кто отводит детей в садик? Жена. Кто стирает? Снова жена. Кто делает покупки? Опять же жена. А кто помогает детям делать уроки? Она же. Репортёр телеграфирует в Штаты: «Точно установил, что в России процветает многожёнство!»...» (Владимир Жельвис, «Наблюдая за русскими», <https://psy.wikireading.ru/89085>);

«Мужчина превратился в легкомысленного, безответственного попрыгунчика. В ленивое, вечно пьяное быдло, с хреном наперевес. А женщина стала рабочей конягой, на которой держится все: семья, колхоз (завод), дети, домашнее хозяйство. Да еще ночью будь любезна подмахни ему (пахнущему водкой и чужими дешевыми духами) как-нибудь позабористей, а то он, неровен час, уйдет к другой – вона, они в очередь стоят... Девушки, взяв пример со своих несчастных матерей, считали, что так и надо. Терпеливо сносили все эти унижения, и даже регулярные побои. Лежащее на диване пьяное сокровище воспринималось как норма: ну не повезло человеку в жизни – начальство его не любит... И теперь я могу сказать это твердо, на основании своих собственных наблюдений: русский мужчина – самый мерзкий, самый отвратительный и самый никчемный типа мужчины на Земле... Итак, возвращаясь к началу моей статьи, я могу сказать, что российская власть в ее нынешнем виде есть продукт деградации российского мужчины. Российская власть лжива и гадка – потому, что лживы и гадки мужчины, которые ее олицетворяют. Российская власть коварна и бесчестна – потому, что коварны и бесчестны мужчины, которые ее формируют. Российская власть тупа и мерзка – потому, что тупы и мерзки мужчины, которые ее выбирают. А кто виноват в том, что мы стали такими? Наши женщины. Больше никому...» (Альфред Кох, из публикации в блоге на «Эхо Москвы», <https://russobalt.org/forum/topic/2890-alfred-kokh-russkij-muzhchina-%E2%80%93-samyj-merzkiy-sa/>; «Кох назвал русских мужчин подонками», <http://investxp.ru/blogs/aleeks1/koh-nazval-russkih-muzhchin-podonkami/>).

Жёнами у русскоязычных мужиков изымается вся зарплата во избежание неминуемого пропития ее. Фактически подавляющее большинство русскоязычных мужчин превратилось в тягловый скот (быдло), единственным интересом которого осталось

пьянство. Основная, а возможно, и единственная забота у мужика – это любыми способами припрятать от жены заначку, то есть украсть из семейного бюджета деньги на выпивку.

У славян было уважительное отношение к баранам: они почитались за символ силы, взросления, созревания

Фактически мужчину (итал. «maschio», лат. «marem» – «мужчина, самец»; франк., позднелат. «bago» – «мужчина, барон»; санскр. «balin» – «воин, сильный, мужественный»; д.-в.-н. «bago» – «воинственные / сильные люди»; исп. «varón», арм. «agu» – «мужчина, самец»; слав. «парень» – как обозначение социально-возрастной категории мужчины, готового к вступлению в брак) в русскоязычном примитивном обществе постигла судьба барана (осет. «фыр», «фыркъа», «фыргуист»; швед., норв. «fåg», «fågen»; хинди «bhēra»; др.-киев. «боран», чеш. «beran», тат. «бэрэн», каз. «кошқар», чуваш. «така», лат. «aries»).

Оба эти слова первоначально означали мужскую особь (самца), и отражали, прежде всего, мужское могущество (мужество), то есть преимущество ее в силе по сравнению с женской особью (самкой). Ведь заонеж. «порный», пудож. «порной» – «сильный, крепкий, могучий»; др.-инд. «bala», лат. «vires», англ. «force» – сила; англ. «iron», азерб. «bärk» – сильный; англ. «berserk» – «неистовый, яростный»; лит. «perkūnas» – гром; др.-греч. «ἀρετή» – «превосходные качества, отличные свойства, сила, мощь».

К тому же у индоевропейцев баран олицетворял в древности не только силу, достаток и богатство, но и царское величие:

«Широкое распространение, особенно в сасанидском искусстве, получил образ барана как воплощённого Фарна. Это связывает Фарна с Веретрагной, чьим атрибутом был баран (уже в «Видевдате» 19, 17 Веретрагна в образе ветра называется «несущим хардناه-», где «хардناه-» толкуют как божественное знамя, знак). Начиная с Шапура II изображение барана как символа бога Фарна получает широкое распространение, а Аммиан Марцеллин сообщает, что в одном из сражений Шапур II имел на голове богато украшенный убор в виде бараньей головы (Res gestae XIX 1, 3). Сходные изображения известны на кушано-сасанидских монетах, предметах посуды и утвари. В пехлевийском сочинении 6 в. «Карнамаки Ахташери Папакан» образ барана на лошади выступает как воплощение царственного кейянидского Ф. Ср. использование образа барана в структуре царского трона: в «Шахнаме» Кай Кавус дарит Рустаму трон в виде барана. Видимо, эта символика имела и более глубокие корни. Уже на луристанских бронзах, на стеле из Унташгала, на ещё более ранних печатях отмечены персонажи с короной, украшенной бараньими рогами. Изображения барана присутствуют на многочисленных зооморфных ручках сосудов в среднеазиатской и сарматской керамике первых веков н.э.» (В.Н. Топоров, «Фарн», <http://www.mifinarodov.com/f/farn.html>);

«Александр Македонский на торжества надевал бараньи рога, корону с бараньими рогами носили древнеперсидские цари, ведь древние деспоты требовали от подданных обожествления своей персоны. В античное время чеканились монеты, на которых изображена мужская голова с бараньими рогами, а на монетах изображались царственные

особы или божества» («Рога барана с кольцом, символ неба», <https://simvolznak.ru/roga-barana-s-kolcom-simvol-neba/>).

Как видим, индоевропейцы всегда почитали барана, олицетворяющего, прежде всего, силу, могущество, мужество и величие. Не было исключения в этом и у потомственных славян:

«...у славян было более уважительное отношение к баранам: они почитались за символ силы, взросления, созревания... Во всех языках мира эти животные стоят на особом месте, их уважают, почитают, и только лишь в России анекдот про «барана, который в институте учится» вызывает припадки хохота» (Чжоули Линк, «Баран», <http://wordslan.ru/dissertation/baran1.php>).

Однако же весьма популярное сейчас у нас выражение: «Туп (тупой) как баран» (<http://russianlearn.com/idioms/idiom/dull?iframe=true&width=90%&height=100%>), как правило, используемое лишь малокультурными русскоязычными людьми, относилось у славян, а первоначально – и у великороссов, не к почитаемому ими одомашненному животному. Оно относилось лишь к осадному орудью барану (тарану), ударный наконечник которого (голова барана) не мог быть острым. Ведь после нескольких ударов о кованые ворота он неизбежно бы затупился. Очевидно, и весьма популярная фраза: «Смотрит как баран (таран – П.Д.) на новые ворота» относится именно к осадному орудью:

«Уставился, как баран на новые ворота – поговорка, которая обязана, по одной из версий, своим происхождением тарану» (Иван Калягин, «5 орудий осады, которые внушали ужас на протяжении тысячелетий», <https://brodude.ru/5-orudij-osady-kotorye-vnushali-uzhas-na-protjazhenii-tysyacheletij/>).

И, возможно, эта фраза ранее означала лишь «неподдельный восторг и нескрываемое удивление неожиданной возможности вновь насладиться лицезрением желаемого и еще раз попытаться реализовать свое предназначение или же свои надежды»:

«От радости и удивления, первую секунду он даже слова не мог произнести и только, как баран на новые ворота, смотрел на нее. А она – что значит, друзья мои, женщина! – даже бровью не моргнула» (Иван Бунин, «Ида», 1925, http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2250.shtml).

Современный же русский язык, благодаря омонимии (полисемии) этих двух родственных слов и разделению в нем ума на «острый» и «тупой», позволил русскоязычным негативистам незаслуженно опорочить как всеми почитаемое животное, так и мужчин:

«Мужчины делятся на козлов и баранов. Бараны – это мужчины, которые плохо разбираются в женской психологии. А козлы – которые разбираются слишком хорошо» («Жемчужины мысли», <https://www.inpearls.ru/58686>);

«Баранья шапка на бараньей голове» (Владимир Даль, «Пословицы русского народа», http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/?f=ItCT0L7RgQ==&t=0JHQtdC00LA=&nt=428&p=8).

Позже психически инфантильное русскоязычное население «повесило» на барана и другие ярлыки, соответствующие своим многочисленным недостаткам (неспособности самостоятельно воспринимать и анализировать информацию, безволию, беспомощности, долготерпению и т.д.), а теперь вот и обижаются, когда его сравнивают с баранами, образно подчеркивая основные черты холопского русского менталитета:

«Сейчас, по последним данным, 17 процентов россиян, 17 процентов способны самостоятельно воспринимать и анализировать информацию. 17 процентов – меньше, чем каждый пятый. Это значит, грубо говоря, если ты даешь нашим людям непредвиденные обстоятельства какие-то, из них выживает каждый пятый. Меньше... Потому что люди не способны в принципе анализировать. И дальше ты погружаешь этих людей в конфликтную ситуацию. В истероидную. Эти люди, мы говорим о десятках миллионов человек, прошедших через наши вузы и школы. Они все в большинстве своем, насколько я могу судить как преподаватель, так или иначе, причастны к этой культуре плагиата. Это культура простых решений, чужих мыслей и манипулирования с отчетностью. Не нужно Путина ругать за то, что у нас просто люди не умеют выработать свое мнение и думать. И как вообще какой-то лидер в такой стране может добиться успеха, если у него вокруг одни бараны? Ты барана куда угодно загони, – это не значит, что ты получишь это поле. Они просто там сожрут все. И вот это большая проблема у нас, потому что на самом деле нам нужны очень умные люди, которые самостоятельно способны воспринимать информацию, готовить правильные решения, стратегически понимать, как на самом деле работает новая среда, как работает новая экономика, и так далее. А вместо этого у нас очень часто есть люди, которым важно просто произвести правильную отчетность, и они готовы ее покупать за деньги, – потому, что это то, чему их научили в университетах. Поэтому я считаю, что прежде чем наши люди вообще начнут себя вести разумно в соцсетях, нужно что-то сделать с плагиатом. Потому что у нас и диссертации, и ученые, и политики, и студенты, и аспиранты, и все остальные просто воруют. И при этом им больше всего нравится показывать на кого-то другого и говорить, что вор – это он. Понимаешь, это безумие у нас творится» (Иван Засурский, «17 процентов россиян способны самостоятельно воспринимать и анализировать информацию. 17 процентов – меньше, чем каждый пятый», <http://www.city-fm.ru/programs/issues/show/447733.html>; <http://newsland.com/user/2629127125/content/17-protentov-rossiian-sposobny-samostoiatelno-voSprinimat-i-analizirovat-informatsiiu/2578426>);

«Вы – стадо баранов! Печально...

Но вот что гораздо больней:

На стадо баранов – нахально

Набросилось стадо свиней!»

(философ Владимир Соловьев, 1895, <http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/55439.html>)

«Русские как народ имперский, системный, повелевали всеми народами Империи. А русские по отдельности, как частные лица, не могут постоять за себя, ни прокормить себя, ни подчинить других, а наоборот – подчиняются другим... Великая Система веками

культивировала баранов, страшных в строю, которым управляет лев. Безынициативные, терпеливые, легко управляемые и внушаемые, не способные к действиям без команды (а то и без принуждения каким-либо «кнутом» или даже шакалами из заградотрядов НКВД, – П.Д.) и привыкшие рассчитывать на власть сверху – вот реальные подданные Великих Империй в конце дороги, на закате и распаде. Нет львов, рассыпался строй, сменили львов крысы – и любой шакал, любая крыса может пожрать вчерашнего легионера» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс», https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p06.dhtml; http://lib.ru/WELLER/r_poslednij_shans.txt_with-big-pictures.html);

«Кстати, применяемый в бою крик «ура-а», которым российская армия весьма гордится, – это проявление того же рабского мышления. Для солдата общее «ура-а» заменяет на поле боя видимый строй на плацу. Обезличенный воин в отрыве от подразделения беспомощен как баран, отбившийся от стада. А как только он услышит раскатистое «ура-а» своих товарищей, то он уже не один, актуализуется его «мы» («Я» у него изначально выбито муштрой и вообще армейской системой), происходит самозомбирование, исчезает страх и он может идти с голыми руками хоть на пулеметы...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода? (препарация российского рабства)», <http://ideo.ru/slavery.html>; http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33; http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/; <https://vaysburd.livejournal.com/619737.html>; <https://7x7-journal.ru/post/48786/2014/10/18>);

«У нас первые лица никогда не признают, что совершили неверный поступок, и никогда публично не попросят извинения. И даже понятно почему. Потому что лидеры ведут себя так, как позволяет общество. Если наше общество за завтраком, не поперхнувшись, переваривает благодарность чеченского съезда российскому президенту за заботу о Чечне, то с этим стадом баранов можно делать то, что и положено делать со стадом баранов» (Наталья Геворкян, «Извините за благодарность», <http://www.gazeta.ru/column/gevorkyan/158369.shtml>);

«Сработал человеческий фактор, и бараны выбрали себе козла» (Виктор Шендерович, «Шендевы», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Козел, ведущий овечьё стадо на бойню за вожделенную морковку давно стал аллегорией людской толпы, без рассуждений следующей за любым вожаком. У россиян на сей счет есть даже пословица: «Послушался козла баран, да и сам в беду попал». Поговорка вот есть, а вот вынесены ли исторические уроки? Похоже, что – никаких... Именно поэтому у Геннадия Гудкова были основания говорить, что многострадальный народ должен помнить, какой чумой оборачивались для него в истории козлы, ведущие страну на закланье обожающих его баранов, простите, граждан страны...» (Игорь Гарин, «Козёл, ведущий баранов на бойню», <https://www.proza.ru/2016/02/04/2325>);

«Благо России могло бы быть в объединении воли лучших людей, но, увы, у лучших людей России чаще встречается паралич воли, а ничтожества с их стадным инстинктом здесь

составляют общество, предводимое /*beer*/ми. Воистину «Баранов» ведут на бойню специально выдрессированные «Козлы»... У этой страны нет будущего, по крайней мере, того о котором она мечтает. Царский режим, коммунистический режим, демократический режим, что они не делают, все равно получается режим. Видимо проблема этой страны не в политических системах, а в самих гражданах. Говорят, власть портит людей. Я так не думаю. Скорее люди портят власть. Бесстрастный холодный инструмент управления людьми приобретает облик того, в чьи руки он попадает» (Gomumi baxas, «Мысли о России»);

«К любому подлому подвоху
Идя с раскрытыми глазами,
Россия в новую эпоху
Вошла со старыми козлами»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/04.htm>);

«А то вот недавно нас порадовал Премьер-министр Дмитрий Медведев – после интервью пяти тележурналистам 7 декабря он назвал «козлами» следователей по «болотному делу», которые пришли с обыском к режиссеру Павлу Костомарову в семь утра. Видеозапись разговора опубликовал телеканал «Russia Today». Был большой скандал, СК был, мягко говоря, недоволен. Интересно, что тут перед нами чисто стилистический конфликт. Дело в том, что слово «козел» (в качестве бранного) – очень трудное слово. У него два режима употребления – так сказать, безобидный и обидный. Безобидно «козлами» ругаются дети в школе, барышни, студенты. Но для человека, связанного с культурой зоны и лагеря, козел – это смертельно. Не зря же появилось выражение «за козла ответишь». Медведев, видно, в сердцах сказал, как говорят студенты – в хорошем смысле, то есть. Просто пожурил следователей. Но для мужиков из СК это слово, боюсь, не так звучит: они как-то к уголовному миру ближе. И что им делать теперь? Думаю, что они Медведеву этого унижения не забудут. Аналогичный случай конфликта культурных кодов описан в старом романе А. Марининой «Убийца поневоле»: – Придется извиняться, Артем. «Козлами» на зоне «опущенных» называют» (Ирина Левонтина, «Разногласия стилистические», <http://www.stengazeta.net/article.html?article=8987>);

«Эх, козлы вы, козлы, и умрете козлами, и дети ваши ими будут. Послушные, стадом, вы прете, куда вас гонят, и считаете, что это ваша собственная воля бежать туда. До 1985г. вас гнали пастухи КПСС, теперь гонят вышедшие из тех же пастухов пьяницы, воры, мерзавцы и дегенераты, клянущиеся демократией. И прет толпа в стоптанных башмаках по пыльным улицам России, бедная, плохо накормленная, злая, грубая, но послушная толпа людей-козлов. «Честь» – да о таком они и не слыхивали. «Взбунтоваться» – как же им можно, ведь для бунта нужно испытывать сильные чувства, а откуда у них такие возьмутся? Толпа «россиян» будет жить послушно при любом режиме, вытерпит любое тысячекратное повышение цен, в то время как арабы в каком-нибудь Тунисе пойдут громить магазины, если цены на муку повысятся всего в два раза. Полиция будет стрелять, но арабы будут яростно громить. Почему вы такие? Покорные и послушные, мужики, бабы? Послушные тупые

студенты, послушные тупые рабочие, послушные тупые офицеры? Да хоть раз рассердитесь, дайте знать, как вы злы! Козлы!» (Эдуард Лимонов, «Как мы строили будущее России», <http://www.litmir.me/br/?b=91245&p=17>).

Во избежание унижения козлов, баранов, почитаемых всеми цивилизованными народами, или же каких-либо других конкретных домашних животных констатируем хорошо нам известные факты, как можно, более отвлеченно от них:

«Животное по инстинкту, не имея разума, поступает разумно; человек, пользуясь разумом, умеет поступать неразумно вопреки инстинкту» (Василий Ключевский, из записной книжки, 1 января 1898 г., <http://sadsvt.narod.ru/kluch1.html>);

«Сводки криминальной хроники, повествующие нам об очередной мерзости, не свойственной для здорового человека, стали символом нашего времени. Многочисленные изнасилования детей, зверские убийства, психопаты, сорвавшиеся с «катушек», убивающие случайных прохожих – все это на самом деле не сердцевина, а лишь вершина «айсберга». Это лишь та, омерзительная часть проблемы, которая очевидна большинству. Этот «айсберг» огромен и многогранен, он бесконечен в своих проявлениях, состоящий не из людей, нет, и даже не из животных, данное сравнение оскорбительно для последних. Нет, этот «айсберг» состоит из существ третьего рода, измененных, больных, потерявших самих себя, подвижных искаженными инстинктами, химерными фантазиями. Эти существа, не имеющие рода земного и потерявшие связь с Родом небесным, называются выродками. В большинстве случаев, выродками становятся не при рождении, выродками становятся при жизни (преимущественно в процессе созревания лобных долей коры головного мозга под сильнейшим воздействием бессознательных лингвопсихических установок пережиточной имперской русской ЯКМ, – П.Д.). Каждый раз, когда принимая решения, мы идем против нашего внутреннего голоса, переступаем через свои мечты и идеалы, мы шаг за шагом превращаемся в выродков. Хотя, вернее будет сказать, что нас превращают в выродков, нас превращают в безликую и отвратительную биомассу, создающую добавленную стоимость для хозяев этого монстра (Российской Империи, – П.Д.). Важно осознать, что мы являемся жертвой определенной психологической технологии, применяемой в массовом порядке. Причем, это настолько очевидно, что доказательства заговора будут излишними. И мотив данного преступления очевиден – создание идеального раба, наделенного физическими возможностями человека, интеллектуальными способностями, но лишено души, превращенного в идеальный инструмент для приумножения капиталов. Создания существа, недалёковидного, не способного понять картину мира, существа со специфической системой ценностей, созданных для него, примитивного существа, служащего химерам, существа с наглухо заблокированным бессознательным высшего порядка – идеального раба всех времен и народов, выродка. Выродком очень легко управлять, потому что он предсказуем и прост, им легко манипулировать без его ведома, нужно лишь правильно расставить набор необходимых стимулов. А если выродок прогнозируем, значит, он безопасен для власть имущих» (Андрей Романов, «Выродки» http://samlib.ru/k/kerr_r/wyrodki.shtml, «8 технологий, с помощью которых нас превращают в выродков»),

<http://www.cluber.com.ua/lifestyle/psihologiya-lifestyle/2014/10/8-tehnologiy-s-pomoshhyu-kotoryikh-nas-prevrashhayut-v-vyrodkov/>).

Нет, наверно, в мире литературы, столь же агрессивной и дидактичной, как русская

Но, если русскоязычный мужик без зазрения совести обворовывает даже семью, какое же тогда поведение его можно ожидать в обществе? И ведь же такими женоподобными и безропотно послушными полуживотными воспитывают их с самого раннего детства именно русскоязычные матери и русскоязычная школа, бессознательно навязывая им вместе с порочной языковой картиной мира и холопский менталитет. Смирившись с такой участью, русскоязычный человек, конечно же, ощущает свою ущербность и ничтожность. А агрессивная и дидактическая русская литература, надламывая его еще сильнее, прививает ему чувство безысходности:

«Нет, наверно, в мире литературы, столь же агрессивной и дидактичной, как русская. Когда-то она была очень актуальной, отчего сегодня особенно бессмысленна, потому что языковая и мировоззренческая картина мира сменилась полностью. Вся русская литература имеет отчетливый, навязчивый, великодержавный подтекст с культом солдафонов. Есть ли в этом хотя бы воспитательный эффект? Он нулевой. Сегодня это особенно хорошо заметно...» (Александр Невзоров, «Отставка господ бога. Зачем России православие? // У русской литературы закончился срок годности», <https://snob.ru/profile/20736/print/76791>; http://loveread.ec/read_book.php?id=46635&p=24; <https://7x7-journal.ru/post/42876>);

«В украинской этнопсихике «белая интуиция» находится практически на последнем месте в иерархии ценностей, поэтому для украинцев русский нигилизм по отношению к человеческой душе не только непонятен, но и вызывает активное неприятие. Это позволяет понять неожиданно резкую оценку, которую дает русской литературе украинский писатель Валерий Шевчук: «Русские писатели, мне кажется, слишком сосредотачиваются на человеческой ущербности, копаются в ней, я бы сказал, с каким-то мазохистским наслаждением. В общем, их литература делает меня еще ничтожнее, чем я есть, надламывает меня еще сильнее» (И.С. Билык, «Социально-психологические основы общения: «этика отношений» и «интуиция способностей» (языковое выражение)», <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33635/141-Bilyk.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/33635>);

«Достоевский, как никто другой в мировой литературе, мастерски рисует картины мазохизма. Герои его романов лелеют свою вину, ищут наказания или напрашиваются на оскорбления и различные унижения. Например, герой «Преступления и наказания» Родион Раскольников, убивший старуху-процентщицу, после затянувшихся мучений признается в содеянном, и его отправляют в Сибирь, где по прошествии некоторого времени он принимает страдания на каторге и встает на путь духовного возрождения. Алексей Иванович, герой «Игрока», любит унижаться ради женщин и наказывает себя, снова и

снова проигрывая в рулетку. Персонаж «Записок из подполья» оскорблен и унижен практически всем, что происходит вокруг него. Настасья Филипповна из «Идиота» убегает с Рогожиным, хотя знает, что тот злоупотребит ее доверием (и действительно, Рогожин, в конце концов, убивает ее). Хриstopодобный князь Мышкин из того же романа навлекает на себя беды со всех сторон, становясь мишенью для жестокости и агрессивности. Ставрогин в «Бесах» не отвечает на удар Шатова. Таких примеров множество. Безответность и уничтожение в работах Ф.М. Достоевского дополняются языком тела, который, кажется, воспаляет персонажей на непосредственные проявления мазохизма. Так, герои Федора Михайловича имеют обыкновение склоняться перед другими. Критик и психоаналитик Стивен Розен подсчитал, что в «Братьях Карамазовых» действующие лица кланяются, становятся на колени, творят земные поклоны и т. п. семьдесят пять раз...» (Дениэл Ранкур-Лаферьер, «Мазохизм в русской литературе», <http://psychoanalitiki.ru/2012-07-06-13-41-39.html>; <https://vapp.ru/biblio/rankur-laferer-d-mazohizm-v-russkoj-literature/>; https://www.psychol-ok.ru/lib/rancour-laferriere/mvrl/mvrl_01.html);

«Так, вряд ли можно назвать Россию, которую, по словам Тютчева, «умом не понять, в которую можно только верить» – цивилизацией. Россия – социальное явление, существующее по иному принципу, в котором «разумная жизнь» не самоценна, а зависима от декларативной национальной идеи, а значит, ущербна, что, увы, подтверждено исторической безысходностью: «хотели как лучше, а вышло как всегда». Пресловутая «духовность» русского народа скорее похожа на душевный недуг, истории которого подчинена вся ее литература. На путанице в понимании духовности и психики в сознании людей вырос образ «большой души», списанный с клинических психопатов автором гениальных детективных романов из русской жизни Ф.М. Достоевским. Его признание национальным философом и духовным отцом России обходится непопозволительно дорого» (Татьяна Ахтман, «О литературе», цит. по: Владимир Липунов, «Как нам избавиться от Достоевского, или Что такое русская философия?», <http://www.pereplet.ru/text/polifon.html>);

«Лифт, который ломается по два раза в сутки и Федор Михайлович Достоевский – явления глубоко национальные!» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendevr/>);

«Русский духовный опыт, отразившийся в русской словесности, оказался весьма неутешительным. Речь здесь идет даже не о пагубности попыток «пасти народ», а о своеобразном «отрицании отрицания» – вечном опрокидывании искомого. Поиски справедливости российских революционных демократов обернулись обоснованием и оправданием индивидуального террора, высокие идеалы социализма – обоснованием и оправданием террора массового. Неоднозначен даже гуманизм таких великих гуманистов как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, вообще «гуманизм великой русской литературы» – на это обстоятельство обратил внимание и глубоко продумал этот факт В. Шаламов, обвинявший русскую литературу в великой крови...» (Игорь Гарин, «Русская литература как Кассандра», <https://www.proza.ru/2015/04/02/1949>);

«Рассказы, с которыми впервые выступил Гоголь, представляют собою серию подлинно прекрасных картин, изображающих нравы и природу Малороссии, – картин, полных веселости, изящества, живости и любви. Подобные рассказы невозможны в Великороссии за отсутствием сюжета и героев. У нас народные сцены сразу приобретают мрачный и трагический характер, угнетающий читателя; я говорю «трагический» только в смысле Лаокоона. Это трагическое судьбы, которой человек уступает без сопротивления. Скорбь превращается здесь в ярость и отчаяние, смех – в горькую и полную ненависти иронию. Кто может читать, не содрогаясь от возмущения и стыда, замечательную повесть «Антон Горемыка» или шедевр И. Тургенева «Записки охотника»? С переездом Гоголя из Малороссии в среднюю Россию исчезают в его произведениях простодушные, грациозные образы. Нет в них более полудикого героя наподобие Тараса Бульбы...; нет добродушного патриархального старика, так хорошо описанного в «Старосветских помещиках». Под московским небом все в душе его становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем прежде, но это другой смех, он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне народ и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника. Смеясь, он безжалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, злой души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мертвые души» – это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина в XVII веке... Присутствуя на представлениях «Ревизора», император Николай умирал со смеху!!! Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, – что «за его улыбкой кроются горячие слезы» (Александр Герцен, «Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года», http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0320.shtml);

«Гоголя мучило, что Россия одержима духами зла и лжи, что она полна рож и харь и трудно в ней найти человека. Ошибочно видеть в Гоголе сатирика. Он видел метафизическую глубину зла, а не только социальное ее проявление. Сейчас нет уже старой России времени Гоголя с ее злыми и несправедливыми социальными формами, нет самодержавной монархии, нет крепостного права, нет старых неравенств. Но в более глубоком смысле гоголевская Россия осталась и в России советской, и советская, коммунистическая Россия полна рожами и харями, и в ней искажен человеческий образ. И в советской, коммунистической России есть Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, и в ней торгуют мертвыми душами и лжеимянный ревизор наводит на всех страх. Более всего проникал Гоголь в духи лжи, терзающие Россию. Гоголь пережил религиозную драму. Он был подавлен тяжестью воспринимаемого им зла, он нигде не видел добра, не видел образа человека. Он искал выхода в христианской жизни и искания свои изложил в книге «Переписка с друзьями»... В «Переписке с друзьями» было много уродливого и не

соответствующего глубине религиозной драмы Гоголя, она была отражением противоречий и уродливостей русской жизни. У Гоголя в натуре был сильный аскетический элемент, характерный для русских, и это привело его к осуждению своего литературного творчества...» (Николай Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма», <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm>);

«Гоголевская Россия не есть только дореформенный наш быт, она принадлежит метафизическому характеру русского народа (его языковой картине мира, – П.Д.) и обнаруживается и в русской революции. То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими, наоборот, – оно породило (воспроизвело на основе русской ЯКМ всё, что в ней было испокон веков заложено, – П.Д.) все, что было дурного в старом строе, оно отпечатлелось на политических и социальных формах... Гоголь не в силах был дать положительных человеческих образов и очень страдал от этого. Он мучительно искал образ человека и не находил его. Со всех сторон обступали его безобразные и нечеловеческие чудовища. В этом была его трагедия. Он верил в человека, искал красоты человека и не находил его в России (в отличие от Украины, – П.Д.)... Не его вина, что в России было так мало образов человеческих, подлинных личностей, так много лжи и лжеобразов, подмен, так много безобразности и безобразности. Гоголь нестерпимо страдал от этого. Его дар прозрения духов пошлости – несчастный дар, и он пал жертвой этого дара. Он открыл нестерпимое зло пошлости, и это давило его...» (Николай Бердяев, «Духи русской революции // Гоголь в русской революции», <http://skola.ogreland.lv/gogol/znaj/gog165.htm>; http://roza--mira.narod.ru/Biblioteka/Berdyaev_A_N_-_Trudy.htm);

«Проживающий в Австралии, украинист и гоголевед П. Савчак называл Гоголя «чужаком в русском языке». Образованные россияне обвиняли его в отступлении от норм русского языка – в «дерзком восстании против правил грамматики и логики» (Н. Полевой. Русский вестник. 1842. № 5). Со всех сторон сыпались на писателя обвинения в засорении русского языка «варварским слогом» (Ф. Булганин. «Северная пчела»). Но он не пишет, а рисует, «у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка – есть слог», – отмечал Белинский. И. Мандельштам в 1902 году доказал, что Гоголь мыслил по-украински и постоянно переводил свои мысли с родного языка (с украинской ЯКМ на формируемую им новорусскую ЯКМ, ещё не переосмысленную русской знатью под свою холопскую ментальность, – П.Д.), когда писал по-русски. «Читая их, нельзя освободиться от иллюзии, что это перевод с украинского», – писал в 1909 году литературовед и языковед Д. Овсяненко-Куликовский. В России Гоголя ругали за многочисленные украинизмы в его русскоязычных произведениях. «Свинья, что он сделал с русским языком», – писал поэт А. Белый, метр русской словесности. В русскоязычных текстах Николая Васильевича свыше ста украинских слов и масса самобытных украинских выражений. «Откуда он слов понабрался таких?» – удивлялись российские приятели писателя (Виталий Куприенко, «Гоголь. Загадочная смерть в Москве». – Краматорск, 2009. – С. 119). Гоголь был украинцем до мозга костей и «в своём духовном составе отличался

особенностями украинского ума и украинского вкуса», – писал в своей «Истории русской литературы» академик А.Н. Пыпин...» (Виктор Урбан, «Гоголь», <http://viktor-urban.blogspot.com/>);

«С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклицания: «чорт возьми», «к чорту», «чорт вас знает», и множество других, вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили от нее в такой же восторг, как и от его юмора. Вначале же всех поразил, прежде всего остального, юмор его, с которым нам нельзя было сравнить ничего из всего, до тех <пор> нам известного. Вся молодёжь пошла говорить гоголевским языком... Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были всем известны наизусть и пошли в общее употребление. Гоголевский лексикон наш, уже с 30-х годов столько богатый, еще больше прежнего разрастался (однако же, и постепенно переосмысливался под холопскую русскую ЯКМ, – П.Д.)...» (Критик В.В. Стасов, «Гоголь в восприятии русской молодежи 30–40-х гг.» // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С.И. Машинского. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1952. – С. 396 – 402, <https://www.rulit.me/books/gogol-vospominaniya-pisma-dnevnik-read-84234-33.html>; <https://biography.wikireading.ru/185604>);

«Известный российский литературовед К. Мочульский так писал о Гоголе: «Ему суждено круто повернуть всю русскую литературу ... сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, которые характеризуют «великую русскую литературу», которая стала мировой, были определены Гоголем ... С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы. Сила Гоголя была так велика, что ему удалось сделать невероятное: превратить пушкинскую эпоху нашей литературы в эпизод, к которому возврата нет и быть не может. Он разбил гармонию классицизма, нарушил эстетическое равновесие, которое чудом достиг Пушкин ... От Гоголя пошло всё «ночное сознание» нашей словесности: нигилизм Толстого, бездны Достоевского, бунт Розанова. Ее «день», Пушкинский золотом тканый покров, – был сброшен ... Можно жалеть за днём, что так быстро пролетел, и вздрагивать перед страшным ночным «карликом», автором «Мертвых душ». Но нельзя исключать того, что великая русская литература вышла из «Шинели» этого «карлика». Без Гоголя, возможно, было бы равновесие, антология, благополучие: бесконечно продолженный Майков, а за ним бесплодие. После Гоголя – «полное неблагополучие», мировой размах и мировая слава...» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint4.html>);

«Гоголь свёл с ума своих читателей, дал им полную свободу фантазий, заморозил их осуществимостью. Давно подмечена избыточность его прозы, мощь изобразительных средств, которые тысячекратно превосходят потребности изложения, делая его даже

ненужным, отступающим на задний план. Неважно ЧТО, важно КАК. Первое – статика, второе – динамика. Гоголь дал русской литературе время, положил начало литературному ПРОЦЕССУ, несущемуся неизвестно куда «птицей-тройкой». Вся русская литература вышла из Пушкина, но вывел её Гоголь. Мир Пушкина совершенен, он вне времени, он замкнут, самодостаточен. Вообще, Пушкин стоит несколько особняком, и его, в принципе, можно было локализовать, «закрыть» и заморозить, не покалечив. А Гоголя можно было только сломать, вырвать с корнем. Русские и толпились около него, вольно или невольно затаптывая. Но сорвалось... Пушкин – русское сознание. Гоголь – сон этого сознания. В Гоголе русская культура начала видеть сны. (В допушкинскую эпоху между сном и явью не было ясной границы, не возникло русской личности, способа существования русского «я».)... Нет, не случайно вырвалось у Розанова: «Ни один политик и ни один политический писатель В МИРЕ не произвёл в «политике» так много, как Гоголь». Правые считали, что следует уничтожить Гоголя и, следовательно, будущий мир. Правые и левые – воля. Сам Гоголь – фатум...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Конечно, было бы патриотичнее читать русских авторов, но, признаться, я не питаю к ним особенного расположения. Исключая двух-трех стариков, вся нынешняя литература представляется мне не литературой, а в своем роде кустарным промыслом, существующим только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями. Самое лучшее из кустарных изделий нельзя назвать замечательным и нельзя искренно похвалить его без «но»; то же самое следует сказать и о всех тех литературных новинках, которые я прочел в последние десять – пятнадцать лет: ни одной замечательной, и не обойдешься без «но». Умно, благородно, но неталантливо; талантливо, благородно, но неумно, или наконец – талантливо, умно, но неблагородно... Я не скажу, чтобы французские книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И они не удовлетворяют меня. Но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – чувство личной свободы, чего нет у русских авторов. Я не помню ни одной такой новинки, в которой автор с первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совестью. Один боится говорить о голом теле, другой связал себя по рукам и по ногам психологическим анализом, третьему нужно «теплое отношение к человеку», четвертый нарочно целые страницы размазывает описаниями природы, чтобы не быть заподозренным в тенденциозности... Один хочет быть в своих произведениях непременно мещанином, другой непременно дворянином и т.д. Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а стало быть, нет и творчества. Все это относится к так называемой изящной словесности...» (Антон Чехов, «Скучная история», 1888, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1546&page=77>);

«Литература в то время была полна страданиями народа. Пожалуй, кроме еще и порнографии, ни о чем другом и нельзя было писать – читать не станут и печатать не станут. Преувеличение народных страданий сближает Бунина с Максимом Горьким. Но, как насмешливо заметил профессор Яковлев, Бунин писал о деревне, потому что русский народ

– крестьянский народ, а Горький искал пролетариат, которого в России не было. Он находил только подонков, отбросы общества, и ему ничего не оставалось, как выдавать их за пролетариат. Бунин также охотно описывал диковинки, уродливое, беспутное. Умалчивает, что крестьянская масса не такая. Она жизнеспособна и уже создала новый облик деревни. И еще Бунин приписывает простонародью свои интеллигентские мысли. Впрочем, это вошло в традицию у русских беллетристов, и у Бунина этого меньше и тактичнее, чем у Горького. Бунин ближе к Чехову. У обоих главное – человек, к сожалению, часто не обычный. Отсюда и получается у Чехова – как люди глупо живут. У обоих главное – характеры и переживания, а сюжет произведения не существенен. Если не описывать ничего, кроме глупого, то так и должно получиться. Должен признаться, что я не очень люблю большие вещи Чехова и Бунина: умно, тонко и скучно»... «Своего приятеля Куприна он поддевал так язвительно, что тот едва сдерживался. Особенно издевался над его театральными выступлениями. Зло говорил о Достоевском, называя его вредным выразителем русской интеллигенции, а описываемые им ситуации слишком неестественными и уродливыми. Злобствовал над литературным оскудением – над декадентами, символистами, порнографией Арцибашева и Каменского, называл хулиганами в искусстве футуристов – Игоря Северянина и Маяковского. И делал это остроумно и убедительно. Отношение к народу у Бунина соединено с пессимизмом, в основе которого признание бессилия разумного в исторической жизни. Людьюми двигают чувства. Отсюда его внимание к религии, так как она царица в области чувств» (Всеволод Веселовский, «Сверхинтеллигенты», <http://myorel.ru/2006/10/25/sverhintelligenty/>);

«Чехов органичное звено в развитии русской культуры, русской мысли и русской истории. И как бы он ни был чужероден последующей России, именно она в скрытом виде в нём содержалась, и именно она связана в своем развитии с Чеховым миллионами нитей (реплика Солженицына тоже ведь порождена Чеховым даже и буквально: «Палата №6»). Соответственно солженицыновской нелепицей всё и должно было закончиться. Солженицын счастливчик русской литературы, баловень судьбы. В нём русская литература и русский язык нашли свою форму, предмет и цель. У Гоголя фантастическое противоречие между целью и средством. Цель – спасение России и мира. Средство – литературный дар, да к тому же сюрреалистического свойства. В Солженицыне же грезы сошлись и осуществились. «Все при всём». Да, спасение России, да, при помощи литературы, и литературы глумливой. И действительно, получилось. И получилось наяву и СЕРЬЁЗНО. Когда я читал его книги, то не просто читал – переживал. Многие обороты воспринимались на физиологическом уровне и просто стали частью моего языка: «был хорошо устроен в зоне», «ничего, берем» или «ты тоже умирать будешь». И тон, тон...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4).

В стаде гамадрилов, на зоне и в России те, кто распределяет и контролирует, всегда выше тех, кто производит

Английское слово «hesitate» означает не решаться, призадумываться, колебаться и

запинаться, а близкое к нему слово «scruple», означающее не решаться, сомневаться и совеститься, имеет еще и морально-оценочную коннотацию, аналогичную коннотации украинского слова «соромитися». Тем самым они выражают, как правило, лишь мотивированную задержку в проявлении активности, свойственной преимущественно мужскому характеру. Соответствующее же им русское слово «стесняться» означает находиться в некомфортном (стесненном) состоянии и, тем самым, выражает проявление пассивности, свойственной преимущественно женскому характеру, и никакой морально-оценочной коннотацией буквально не обладает.

Аналогично и синоним слова «владею» во всех индоевропейских языках употребляется лишь в активной форме «я имею», закрепляющей право владения чем-либо. В русском же языке преобладает пассивная форма «у меня есть», что, конечно же, предполагает возможность лишь временного пользования чем-либо, предоставленным господином или же начальником (государством):

«Огромное большинство народа никогда не обладало экономической свободой, так как средства производства, земля и природные богатства всегда принадлежали «элите» (начальникам), охранялись стражами (армия, полиция и бюрократия). Народ должен был работать за «пайку», а если кто-то не хотел мириться с этой системой, его уничтожали. Длительный геноцид почти убил в народе сам дух свободы, предпринимательства, желание быть самостоятельным гражданином, но главное – длительное угнетение привело к непониманию самой цели и смысла жизни. Трудно считать человеку свою жизнь счастливой, если каждый день он думает только о том, как добыть средства пропитания, чем прикрыть свое тело и как получить крышу над головой...» (Святослав Федоров, «Вижу выход», <http://www.novayagazeta.ru/society/53895.html>);

«В стаде гамадрилов, на зоне – и в России те, кто распределяет и контролирует, всегда выше тех, кто производит. Силовики, чиновники, власти – весь этот набор, в разы превышающий своей численностью любые мировые стандарты бюрократии, – заведомо не только имеют право на притеснение бизнесмена, но и обязаны в силу понятий (подкрепленных законом, который в России понятия очень напоминает) всячески контролировать и эксплуатировать последнего. Отсутствие защиты собственности в России, о котором так много говорят, не есть досадная недоработка: какая может быть собственность в зонной культуре, где «начальник дал – начальник взял»?...» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», <https://republic.ru/posts/1/1114094>; http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml).

И эта пассивная форма «у меня есть», доставшаяся русскоязычному населению в наследство от его финно-угорских предков и отражающая неизбежность лишения всего имущества в любой момент времени вследствие его возврата по первому же требованию господину или же государству, уродует его ментальность уже много столетий:

«Если какой-нибудь дворянин или земельный собственник без мужского потомства, то великий князь, немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы

с ним выдать замуж дочерей умершего. Если зажиточный человек состарился, то у него немедленно отнимают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и жене. Он не может сказать, как простые люди в Англии, если у нас что-нибудь есть, то оно – «Бога и мое собственное». Можно сказать, что русские люди находятся в великом страхе и повиновении и каждый должен добровольно отдать свое имение, которое он собирал по клочкам и нацарапывал всю жизнь, и отдать его на произволение и распоряжение государево» (Ричард Ченслер, «Книга о великом и могущественном царе России и князе московском», 1555, <http://analysisclub.ru/index.php?page=hist&art=2296>; <http://www.arctic.org.ru/pdf/38-53.pdf>; <http://narodna.pravda.com.ua/politics/4de8ef8f36906/>);

«Нет здесь никакого писаного закона, но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, – принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий. И тот, кто низложен или от коего отнято что-то, не только не жалуется или печалится, но, простершись ниц, бьет челом о землю и возносит хвалу Государю, что тот его низложил или же отнял у него то имущество, коим он владел столько времени по его милости...» (Франческо де Колло, «Доношение о Московии», http://www.kolamap.ru/library/1518_dekollo.html);

«Сергей Пугачев, бывший сенатор и владелец Межпромбанка:

«← Сегодня в России нет частной собственности. Есть только крепостные, принадлежащие [президенту России Владимиру] Путину» (Financial Times, 9 октября 2014 года);

Сергей Колесников, предприниматель:

«← Мне кажется, что он [Путин] не выдержал испытания властью и безмерно восхваляемый своим окружением стал терять чувство реальности. У него возникло ощущение, что он на самом деле послан на благо России, а посланцам дозволено всё. Именно в это время в его окружении возникло слово «царь», и начались поиски путей, которые позволили бы нескончаемо властвовать в России... Ему на самом деле очень хочется чувствовать себя царем» («Новая Газета», 20 декабря 2011 года);

Михаил Ходорковский, экс-глава ЮКОСа:

«← Проблема, стоящая перед нашей страной, заключается не только в личности президента Путина, но и в той системе, которую он создал. В системе единоличной власти, в рамках которой не существует ни независимого парламента, ни независимого суда, ни независимого гражданского общества... Все вынуждены бегать за деньгами в Кремль, что самое смешное, за собственными деньгами» («Эхо Москвы», 4 октября 2014 года);

Евгений Чичваркин, бывший совладелец «Евросети»:

«– Путин управляет людьми как червями. Если надо, их можно растоптать. И можно им что-нибудь подкинуть, если надо для своих целей. Их можно использовать как наживку. Или как пушечное мясо» («Эхо Москвы», 7 августа 2014 года);

Андрей Бородин, экс-председатель правления Банка Москвы:

«– Система была выстроена вокруг президента Медведева или вокруг президента Путина или премьера Путина. Эта система заточена на то, чтобы отнимать бизнесы, расправляться с людьми, которые не согласны с теми или иными решениями касательно их бизнеса» (Телеканал «Дождь», 9 июля 2014 года)...»

(«Крепостные Путина»: о чем рассказывают покинувшие Россию бизнесмены,

<http://h.ua/story/409637/>; <https://www.rbc.ru/photoreport/09/10/2014/543694fdcb20f71af9bd7fd>;
<https://uainfo.org/blognews/413891-veduschiy-rossiyskiy-mediaholding-vosstal-protiv-tiranii-putina.html>;
<https://zvezdapovolzhya.ru/obshchestvo/propast-02-11-2014.html>).

Тем самым, у психически инфантильного обывателя закрепляются как вера в «доброе государство» и в «батюшку-царя», так и надежда на возможность получения от него на халяву разнообразных благ, а вера в собственные возможности и силы, наоборот, угнетается и постепенно умерщвляется. Конечно же, все это приводит не только к неуверенности в себе русскоязычных людей, но и к уклонению их от малейшей ответственности за что-либо а, следовательно, и негативно сказывается на их менталитете:

«В качестве связочного и предикативно осмысленного выступает глагол «быть», а не глаголы «иметь» или «хотеть», как во многих европейских языках. Установка на глагол бытийственного значения во многом определила характер русской философии, о чем не раз говорили русские философы. Идеально «бытие» и «быт» лежат в основе русского предикативного усилия мысли, тогда как формы владения и личного пожелания находятся на втором плане сознания» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и в тексте», <https://studfiles.net/preview/3572946/>; <http://banksref.ru/11/r.php?id=ref00181>);

«Среди безличных конструкций, которые могли возникнуть или участиться в употреблении под влиянием финно-угорского субстрата, Веенкер называет конструкцию с глаголом «быть» вместо «иметь» для выражения принадлежности (в других славянских языках используется глагол «иметь»: укр. «мати», болг. «imat», сербохорв. «imati», словен. «imeti», чеш. «míti», словак. «mat'», польс. «mieć» (Veenker 1967: 238)). Рассмотрим некоторые эквиваленты предложения «У меня есть книга» в финно-угорских языках: венг. «Nekem van könyvem», фин. «Minulla on kirja», сиренский «Menam em kniga», вотякский «Mynam knigaje vañ», черемисский «Mujyn knigam ulo», мордовинский «Moñ uli kniga» – во всех случаях использован глагол «быть» (Veenker 1967: 118). Активное использование глагола иметь в древнерусских летописях Веенкер объясняет влиянием церковнославянского; на разговорном уровне уже тогда использовался (лишь в русском языке, – П.Д.) глагол быть, со временем вошедший и в литературный канон. Как в финно-угорских, так и в индоевропейских языках конструкция с «быть» является древней, потому речь в данном случае идёт не о калькировании, а скорее о взаимном «консервирующем»

влиянии данных языков (Veenker 1967: 121). В. Кипарски полагает, что глагол «быть» в русском употребляется ещё с тех времён, когда член предложения, являющийся сейчас объектом, стоял в номинативе и был формально субъектом (Veenker 1967: 241)» (Евгений Зарецкий, «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazyikovyie-71902.html> ; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf).

Вытеснение во многих европейских языках пассивной формы «у меня есть» активной формой «я имею» Эрих Фромм связывает с появлением частной собственности:

«Иметь» – на первый взгляд простое слово. Каждое человеческое существо что-нибудь «имеет»: тело, одежду, кров и так далее, вплоть до того, чем обладают современные мужчины и женщины: автомобиль, телевизор, стиральная машина и многое другое. Жить, ничего не имея, практически невозможно. Почему же в таком случае обладание должно быть проблемой? Тем не менее, история слова «иметь» свидетельствует о том, что оно представляет собой подлинную проблему. Те, кто считает, что «иметь» является самой естественной категорией человеческого существования, будут, возможно, удивлены, узнав, что во многих языках слово «иметь» вообще отсутствует. В древнееврейском языке, например, выражение «я имею» должно быть передано косвенной формой «jesh li» («это относится ко мне»). Фактически языки, в которых обладание выражается именно таким образом, превалируют. Интересно отметить, что в развитии многих языков конструкция «это относится ко мне» (русское «у меня есть», – П.Д.) впоследствии заменялась конструкцией «я имею», однако, как указал Эмиль Бенвенист, обратный процесс не наблюдался. Этот факт наводит на мысль, что развитие слова «иметь» связано с развитием частной собственности, причем эта связь отсутствует в обществах, где собственность имеет преимущественно функциональное назначение, то есть ею владеют в целях использования. В какой степени обоснована эта гипотеза, покажут дальнейшие социолингвистические исследования» (Эрих Фромм, «Иметь или быть», http://lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe.txt_with-big-pictures.html).

Частная собственность до сих пор презирается и не приемлется недееспособной частью населения, численно преобладающей в России и в русскоязычных регионах Украины. Сам же капитализм для привыкших к тотальной государственной опеке русскоязычных челядишек принципиально не может стать комфортным общественным строем:

«Инфантильные русскоязычные люди могли комфортно себя чувствовать лишь при крепостном праве, когда их опекали бары и инородческая знать, или же при социализме (государственном феодализме), когда их опекали чиновники и партийная номенклатура» (Павло Даньльченко, «Инфантильные русскоязычные люди и капитализм принципиально несовместимы», <https://uainfo.org/blognews/17758-infantilnye-russkoyazychnye-lyudi-i-kapitalizm-principialno-nesovmestimy.html>; <http://tv.politiko.ua/blogpost83563>).

Отличие ментальности русскоязычного людина от ментальности романтического украинца

Это несовершенство русского языка существенно сказывается на отношении примитивно живущего русскоязычного человека не только к частной собственности, но и к бытию вообще, что неизбежно и приводит к весьма значительным отличиям его ментальности от ментальности романтического украинца:

«Несовершенство языка, страшный номинализм слов дает кажущееся оправдание тому учению современного критицизма, согласно которому бытие есть лишь форма экзистенциального суждения и вне суждения бытия нет. И само это утверждение подпадает под страшную власть номинализма слов. Всегда опасно оперировать со словосочетанием «бытие есть» или «бытия нет». «Бытие» прежде всего всегда «есть», и никогда не может быть, чтобы оно «не было». Но что значит «есть»? Неужели «есть» – только в суждении? «Есть» – связка суждения, часть суждения, причем и тут говорят, что «есть» есть часть суждения. Из суждения и его рокового круга нет выхода в номинальном царстве слов. Неужели же все «есть» только в суждении и вне суждения ничего нет? Но ведь «не есть», «нет» – тоже часть суждения. Получается какой-то страшный кошмар. Развязать этого узла нельзя, его можно только разрубить. Разрубить этот узел – значит радикально порвать с номинализмом слов, вернуть словам их реальное, онтологическое содержание и смысл. Мистика языка должна преодолеть кошмар формальной логики и номинальной словесности... Нельзя ставить знак равенства между «бытием» и «есть» суждения. Относительно бытия недозволительна формально-номиналистическая игра со словом «есть». Этой софистике формализма и номинализма нет конца, если ей отдаться...» (Николай Бердяев, «Философия свободы», – М.: Правда, 1989, http://philologos.narod.ru/texts/berd_lang.htm);

«Страна музыки (Украина, – П.Д.) была уже за нашими плечами. Великоросс удовлетворяет свои музыкальные потребности в основном устами. Нигде в середине России мы не видели в руках простого великоросса музыкального инструмента... В Украине в воскресные или праздничные дни почти из всех окон или из всех дверей домов раздавались звуки струнного или духового инструмента и нигде публичные мероприятия не проходят без общей музыки... Музыкальный талант малороссов является причиной того, что почти каждый крупный помещик держит небольшой оркестр из селян-крепостных. ...почти всеми умственными способностями и во всех отношениях малоросс является противоположностью москвитина. У малороссов живет нежное, поэтическое чувство, указывающее на склонность посвящать себя сентиментальной романтике. У великоросса отсутствуют какие-либо следы романтики в его мировоззрении. Его живой, практический, временами грубый реальный ум не понимает более спокойных, часто тайных потребностей души малоросса. Песни и представления малороссов подобны поэтическому мировосприятию сербов, рыцарской романтике поляков; часто их поэтическое устремление легко выходит за пределы узкого жизненного круга. Великоросс нравится сам себе в мире, который он воспринимает, и он наслаждается им по-своему в полном объеме. Его поэзия только возвеличивает и украшает

его, но не изменяет. Насколько застывшим, односторонним и неуступчивым в жизни является малоросс, настолько и подвижным, непонятым и многосторонним является его поэтическое чувство...» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях»,

https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt);

«Из всех славянских владений русской империи Украина, несомненно, самая поэтичная. Когда приезжаешь из Петербурга в Киев, чувствуешь себя на юге. Вечера теплые, улицы полны смеющимися, поющими людьми, сидящими вокруг столиков, вынесенных из кафе на свежий воздух. Вдыхаешь напоенный ароматом юга воздух, смотришь на луну, посеребрившую тополя, чувствуешь, как переполняется сердце, и ощущаешь потребность творить. Все дышит поэзией в этой прекрасной, нежнооовеваемой равнине, купающейся в теплом солнце. Спокойно и неспешно текут голубые реки; маленькие озера мирно спят, окруженные цветочным ковром; как прекрасно мечтать в роскошных дубовых лесах. На Украине все – поэзия: крестьянская одежда, их песни, их танцы, особенно их театр. Украина – единственная страна в Европе, имеющая собственно народный театр, а не созданный образованными с целью воздействия на массы, как это делается в Европе. Украинский театр настолько народен, что его даже не смогли преобразовать в городской» (Л.Ф. Достоевская, цит. по: «Достоевский в изображении своей дочери», СПб.: Андреев и сыновья, 1992, <https://www.liveinternet.ru/users/4798140/post416012540/>);

«Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. В современности был великий и богатый край, красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего красивого и опрятного, – наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского. А там, в древности, была колыбель его, были Святополки и Игори, печенеги и половцы, – меня даже одни эти слова очаровывали, – потом века казацких битв с турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонские... «Слово о Полку Игореве» сводило меня с ума... Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле, не могу без волнения видеть очеретяных крыш, стриженных мужицких голов, баб в желтых и красных сапогах, даже лыковых кошелок, в которых они носят на коромыслах вишни и сливы. «Чайка скиглить, питаючи, мов за дитьми плаче, сонце гріє, вітер віє на степу козачем...» Это Шевченко, – совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире. И главное то, что у нее теперь уже нет истории, – ее историческая жизнь давно и навсегда кончена. Есть только прошлое, песни, легенды о нем, – какая-то вневременность. Это меня восхищает больше всего» (Иван Бунин, «Жизнь Арсеньева. Юность», http://rulibrary.ru/bunin/zhizn_arseneva/143);

«У великорусов и у всех юго-западных славян употребление рифм очень мало обычно; у малорусов и у славян северо-западных, за исключением сербов-лужичан, рифмы

очень употребительны... Различение короткости и долготы слогов развилось мало-помалу в языке так же, как и в музыке, где один и тот же отдельный звук может иметь значение и целого такта, и четверти его, и шестнадцатой доли, и более. Таковую мерную прозу, вдобавок еще и рифмованную и правильно подчиненную музыкальному напеву, видим в малорусских «думах», в сербских «нарицаньях» над умершими, в некоторых хорутанских «певаньях» и пр. Свобода не соблюдать в стихах песен определенного количества слогов на определенное количество ударений вместе со свободой не соблюдать мерной речи в пересказе сказок увеличивалась все более, увеличивалась одновременно с отдалением языка от своего первообразного древнего вида, и язык народной словесности, удаляясь от древних условий гармонии, все более сближался с языком простого, обыденного разговора. Вследствие этого сделались возможными такие народные песни, которые отличаются от обыкновенной разговорной речи только музыкальным напевом и в которых выражения по своей форме так мало зависят даже от напева, что одну и ту же песню можно прилаживать к напеву и так и иначе, и вставляя слова, и выпуская, и меняя их порядок... Подобное превращение замечаем и в слоге произведений народной словесности. Рассматривая их в отношении к слогу, а вместе с тем и к содержанию в том виде, как они представляются теперь у разных славянских народов, замечаем, что их вообще два рода: одни (у малорусов и у славян северо-западных, – П.Д.) отличаются эпической важностью изложения, художественным достоинством образов и выражений, другие (у великорусов, – П.Д.), напротив того, шутливостью, нередко переходящей все границы приличий, как их понимает сам народ, или даже безобразностью образов и выражений. Те первые остаются собственностью всего народа, обоих полов, и повторяются или слушаются стариками всегда одинаково, с такою же любовью, как и молодежью; эти вторые слышны более там, где народ позволяет себе не соблюдать привычных условий приличий» (Измаил Срезневский, «Мысли об истории русского языка», <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>).

Несоответствие действительности понятия «восточнославянское языковое единство»

Украинский язык гораздо ближе к другим славянским языкам, нежели к русскому и существенно отличается от него, как грамматически, так и фонологически:

«То, что в украинском похоже на русский (11 черт), по крайней мере, вдвое, а то и втрое меньше похожего на любой другой славянский язык. Несоизмеримо больше общих черт украинского с белоруским, верхне- и нижнелужицким (от 27 до 29 черт из 82), 18 и 19 – со словенским и полабским, по 20-23 – с остальными (половиной) славянских языков. Кроме десятков черт, общих с другими славянскими языками, еще 34 черты украинского языка (то есть более 40%) оказались уникальными, без аналогов у славян... Из 82 специфических черт украинского языка исключительно украинских есть 34...; эксклюзивных украинско-беларуских 4, украинско-русских – ни одной; аналогий, одновременно общих с другими языками: верхнелужицких и беларуских по 29, нижнелужицких 27, полабских 19, словенских 18, русских 11. Показательно, что остальные славянские языки (половина: 7 из 14) имеют с украинским по 20-21 общую черту на юге и по 22-23 общие черты на западе, что достаточно

наглядно указывает подлинные исторические связи украинского языка и его настоящее место в кругу славянских языков. Где же здесь имеются основания для существования «восточнославянской» группы языков?» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка», <http://www.pravda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>; https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf);

«...в своем церковнославянском элементе русский литературный язык принадлежит украинцам даже больше, чем великорусам, и естественный путь для создания нового украинского литературного языка должен был бы заключаться в примыкании к уже существующему русскому литературному языку, в тщательном сохранении (пережиточной, – П.Д.) церковнославянской стихии этого языка одновременно с заменой его средневеликорусской стихии малорусской... Но те украинские интеллигенты, которые ратовали за создание самостоятельного украинского литературного языка, именно этого естественного сходства с (обрекающим на психическую инфантильность, – П.Д.) русским литературным языком и не желали. Поэтому они отказались от единственного естественного (но всё же тупикового, – П.Д.) пути к созданию своего литературного языка, всецело порвали не только с (холопской, – П.Д.) русской, но и с (византийской имперской – П.Д.) церковнославянской литературно-языковой традицией и решили создать литературный язык исключительно на основе народного говора, при этом так, чтобы этот язык как можно менее походил на (формирующий холопский менталитет, – П.Д.) русский. ...современный украинский литературный язык должен быть отнесен к литературным языкам западнославянской (чешско-польской) традиции. Таким образом, рассмотрение всех современных славянских литературных языков привело нас к выводу, что кроме языков сербохорватского и словенского, совершенно выпавших из всякой связи с литературно-языковыми традициями, современные славянские литературные языки по признаку примыкания к определенной традиции распадаются на две группы – группу церковнославянской традиции (русский и болгарский литературные языки) и группу польско-чешской традиции (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский литературные языки)» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>);

«Эти итоги подчеркивают неадекватность понятия восточнославянского языкового единства для должного объяснения исторической эволюции украинской фонологической системы и ее составных частей. Украинский язык никогда не был связан с южнославянскими теснее, чем с соседними восточнославянскими (вопреки позиции С. Смаль-Стоцкого и др.). С этими последними украинский язык разделял такие важные древние звукоизменения (или их результаты), как возникновение полногласия и деназализация «ѣ» с превращением его в «и», с другой стороны, в протобеларуских и особенно в протороссийских диалектах были отнюдь не менее важными инновации, которые обошли украинский язык (аканье, а для протороссийских диалектов также переход «й» и «й» перед «j» соответственно в «ь» и «ъ»

т.п.). Не существовало не только полного восточнославянского единства, но и украинского единства, поскольку в южноукраинских и северноукраинских диалектах иногда происходили различные звукоизменения. В течение раннесреднеукраинского и среднеукраинского периодов даже такого характера украинско-российские связи свелись практически к нулю, а украинско-беларуские существенно ослабли. Украинский язык был подвержен воздействию с западного направления (хотя и не переродился, конечно, по этой причине в западнославянский). Независимо от того, какие именно исторические обстоятельства повлекли этот поворот, оригинальность тогдашней фонологической эволюции украинского языка следует искать именно в этом. Если подходить к этой оригинальности, заранее основываясь на беспрекословности восточнославянского характера украинского языка, то ни увидеть, ни объяснить его должным образом нет возможности. Теперь в XX в. советский режим ввел политику, направленную на полное «овостоочнославянивание» украинского языка. Каким будет исход этого уникального эксперимента, покажет только будущее. Однако сегодняшнее состояние или будущий исход не вольно (то есть нельзя, – П.Д.) проецировать на прежнюю историю» (Юрий Шевелев, «Историческая фонология украинского языка», <http://izbornyk.org.ua/shevelov/shev08.htm#pid17>);

«В Украине был запрещен и следующий англоязычный труд ученого: «Историческая фонология украинского языка», в которой Шевелев на базе анализа истории звуков украинского языка опроверг господствующую в советском языкознании теорию А. Шахматова об общем происхождении трех восточнославянских языков из единого источника – древнерусского языка» (Лариса Масенко, «Язык и общество. Постколониальное измерение», <http://varnak.ueuo.com/lmasenko.html>).

И, действительно, украинский язык своей нежностью и приятностью звучания кардинально отличается от русского:

«Она спела с чувством «Виют витры», потом еще романс, и еще, и всех нас очаровала, – всех, даже Беликова. Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь: – Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий» (Антон Чехов, «Человек в футляре», <http://ilibrary.ru/text/438/p.1/index.html>).

К тому же:

«Малорусский (украинский, – П.Д.) язык – самый гармоничный среди всех славянских языков и отличается большой музыкальной гибкостью» (Фридрих Боденштедт, немецкий поэт и переводчик русских поэтов и народных украинских песен).

Русская же речь, основанная на новоязе, вообще лишилась сбалансированности а, поэтому-то, и стала дисгармоничной:

«По подсчетам, произведенным в книге Г.О. Винокура, соотношение неполногласной лексики с полногласной в памятниках XIV в. (до второго южнославянского влияния) составляет 4:1; в памятниках же XVI в. это соотношение изменяется в сторону увеличения неполногласных сочетаний – 10:1. Но, всё же до конца искоренить восточнославянскую по фонетическому оформлению лексику не удалось и в этот период» (Никита Мещерский,

«История русского литературного языка», гл. 8 «Литературно-письменный язык московского периода – язык великорусской народности», <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl8.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php).

Для того же, чтобы более-менее гармонизировать речь, и приходится постоянно злоупотреблять большим количеством слов паразитов, а в поэзии и повторами:

«Форма русской народной поэзии вообще оригинальна в высшей степени. К главным ее особенностям принадлежит музыкальность, певучесть какая-то. Между русскими песнями есть такие, в которых слова как будто набраны не для составления какого-нибудь определенного смысла, а для последовательного ряда звуков, нужных для «голоса». Уху русский человек жертвовал всем – даже смыслом. Художник легко примиряет оба требования; но народный певец по необходимости должен прибегать к повторениям слов и даже целых стихов, чтоб не нарушить требований ритма. Сверх того, в русской народной поэзии большую роль играет рифма не слов, а смысла: русский человек не гоняется за рифмою – он полагает ее не в созвучии, а в кадансе, и полубогатые рифмы как бы предпочитает богатым; но настоящая его рифма есть – рифма смысла: мы разумеем под этим словом двойственность стихов, из которых второй рифмуется с первым по смыслу. Отсюда эти частые и, по-видимому, ненужные повторения слов, выражений и целых стихов; отсюда же и эти отрицательные подобия, которыми, так сказать, оттеняется настоящий предмет речи...» (Виссарион Белинский, «Статьи о народной поэзии», <https://www.litres.ru/vissarion-belinskiy/stati-o-narodnoy-poezii/chitat-onlayn/page-12/>; http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml).

И эта бессмысленная «певучесть» русской народной поэзии отнюдь не славянская и даже не индоевропейская:

«По целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку, так что граница Востока и Запада иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те и другие славяне, а потому, что и те и другие испытали сильное тюркское влияние. Эта особенность русской стихии сказывается ярко в народном художественном творчестве. Значительная часть великорусских народных песен (в том числе стариннейших, обрядовых и свадебных) составлена в так называемой пятитонной или индокитайской гамме, т.е. как бы в мажорном звукоряде с пропуском IV и VII степеней... Эта гамма существует, причем как единственная, у тюркских племен бассейна Волги и Камы, дальше у башкиров, у сибирских татар, у тюрков русского и китайского Туркестана, у всех монголов... Таким образом, в данном случае имеем непрерывную линию, которая идет с востока. На великороссах эта линия обрывается... В ритмическом отношении русская песнь тоже существенно отличается не только от романо-германской, но и от славянских, хотя бы, например, совершенным отсутствием трехдольных ритмов (ритма вальса или мазурки)... Что касается до славян, то они в отношении хореографического искусства не примыкают к России; только болгарская рученица воспроизводит до известной степени русско-азиатский тип, несомненно, под восточным влиянием...» (Николай Трубецкой, «Верхи и низы русской культуры. Этническая основа

русской культуры», Журнал «Золотой Лев» № 245-246,
<http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=41&article=2389>);

«Есть всякие основания утверждать, что основным угро-финским звукорядом является звукоряд, состоящий из пяти первых нот мажорной гаммы: на этом звукоряде до сих пор строятся песни вогулов и остяков, древнейшие песни других угро-финских народов, и наиболее архаичные гуслеобразные струнные инструменты, как западных финнов («кантеле»), так и у вогулов и остяков («сангульдап») представляют пять струн, настроенных в том же звукоряде» (Николай Трубецкой, «К проблеме русского самосознания // О туранском элементе в русской культуре», Берлин, 1926, с.49,
http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1992/no1/1992_1_092_Trubetskoi.pdf;
<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm>);

«Не мог ли я остановиться на вопросе, когда и как вошла в общее употребление в России балалайка – инструмент армянского или кавказского происхождения с длинным грифом и двумя струнами, из которых одна перебирается, другая же звучит свободно, как призыв. Не мог ли я также привести научную гипотезу и в отношении гудка, этой простонародной трехструнной скрипки, возможно, унаследованной от древней Греции, где она также использовалась, как и в русской народной музыке, не далее октавы... Простонародная русская музыка сел, местечек и городов основывается, главным образом, на пении и на редком употреблении одного – двух инструментов, которые я опишу ниже. Одна единственная мелодия господствует в играх и танцах России от самой Двины до Амур-реки и Полярного моря. Несмотря на многочисленные изменения, которые вносятся в эту мелодию искусными либо незатейливыми певцами и особенностями многих провинций широко раскинувшегося Русского государства, в основе ее всегда сохраняется тот своеобразный характер, который свойственен только русской стране и нигде более не встречается... Русские мелодии по сравнению с песнями других народов могли бы быть названы наполовину татарскими (которые я имел достаточно случаев слушать и изучать), наполовину романскими и славянскими, так как включают в себя характеристики этих обоих видов песен... Как в стихосложении каждый стих имеет абзац или половину, называемую цезурой, так и русская деревенская мелодия имеет такой же абзац, падающий всегда на кварту и служащий для того, чтобы взять дыхание. Необходимо еще заметить, что многие мелодии и заканчиваются этим интервалом вместо основного тона» (Якоб Штелин, «Известия о музыке в России», <http://podelise.ru/docs/20260/index-17182-1.html>) [см.: П.15.].

Дисгармоничное поведение русскоязычного человека

Дисгармония же внутренней речи провоцирует, как дисгармонию и неустойчивость эмоционального состояния, так и дисгармоничное поведение русскоязычного человека, реагирующего преимущественно на слова своей внутренней речи, а не на призывы им игнорируемой действительности. Он становится склонным к спонтанным порывам на фоне своего хронического бездействия:

«Мы работаем не тяжем, а рывом» (Василий Ключевский);

«Труд русского человека лишён упругого равномерного напряжения; нет методичности и размеренности» (С.С. Маслов, общественный деятель, XX век, цит. по: Виктор Аксючиц, «Миссия России», <https://refdb.ru/look/1137628-pall.html>);

«Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины – болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения – безоглядного распущенного пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действенному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает (Александр Солженицын, «Россия в обвале. // Быть ли нам, русским?», <http://rl-online.ru/articles/2-04/425.html>).

Одинокие в мире, мы миру ничего не дали

Из всех литературных жанров менталитету психически инфантильного русскоязычного населения, конечно же, наиболее соответствовала сказка:

«Стиль русской сказки не встречает параллелей ни у романогерманцев, ни у славян, но зато имеет аналогии у тюрков и кавказцев. Восточнофинские сказки в отношении стиля находятся вполне под русским влиянием. Русский эпос по своим сюжетам связан и с туранским востоком, и с Византией, а отчасти и с романогерманским миром. Но по форме он вполне оригинален, во всяком случае, не обнаруживает никаких западных черт. В формальном отношении можно говорить лишь о довольно слабой связи с балканским славянством и о довольно сильной связи со степным ордынским эпосом» (Николай Трубецкой, «Верхи и низы русской культуры. Этническая основа русской культуры», Журнал «Золотой Лев» № 245-246, <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=41&article=2389>).

Русскоязычные психически инфантильные люди всегда жили вне времени с постоянным повторением прошлого, а сюжеты сказок и в особенности эпосов, как правило, заимствовали у других народов и лишь приспособляли к своей холопской ментальности:

«Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь...» (Петр Чаадаев, «Философические письма», <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>);

«...в пространственно-временном континууме русская история имеет неопределённое прошлое, которое, как правило, до-определяется официальной позицией государства в своих

интересах, с конъюнктурной сменой оценок тех или иных событий исторических деятелей. Данное явление в своих «Философических письмах» констатировал П.Я. Чаадаев: «У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы продвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели». Русский человек не успевает утвердить свою практику жизни и точки понимания в постоянном изменении исторических оценок, при частой смене политических идей, национальных стратегий. Следствием этой не-доопределённости прошлого становится непредсказуемость исторического будущего, его стихийность и не возможность просчитать последствия: «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации, – писал Чаадаев, – состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространялось». Так русский человек вываливается из бытия внешней истории в пустоту, в некий ментальный разлом сознания, в котором застревает и сам Чаадаев. Позднее, в XX столетии М. Мамардашвили, анализируя русскую историю, как хронологию событий и явлений, даёт определение этому особому ментальному образованию, называя его «гением повторений, дурных до тошноты». Он формулирует это состояние как эмбриональность мысли. Незрелые мысли – выкидыши сознания, неспособного выносить совершенную, целостную форму самобытия» (И.В. Горина, «Философские основания становления личности в русской истории», <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-stanovleniya-lichnosti-v-russkoy-istorii>; http://www.terrahumana.ru/arhiv/15_04/15_04_07.pdf).

Как оказалось, все «древнерусские» былины так называемого «киевского цикла» к событиям в Древнем Киевском государстве никакого отношения не имеют, так как описывают события более далёкого прошлого, частично отраженные в «Тидрек-саге»:

«Западные пути Ильи и западное внерусское приурочение его, – писал Халанский, отождествлявший Илью Муромца с князем Олегом Вещим «Мурманским» (то есть «варягом», «норманном») – было вызвано сближением его прозвища Мурманский со словом Муравский, Богемский. Древний путь из Моравии и Польши в Киев мог направляться по а) Березине и б) по Припяти. Первый вариант имеется ввиду вариантом [былины] Рыбникова т. III № 4, где Илья выезжает из Крякова, то есть Кракова и села Березина. Второй путь имеется в виду вариантом [былины] Рыбникова т. IV № 2, в котором говорится об остановке Ильи «в городе во Тургове», т.е. Турьеве или Турове на Припяти». Предположение М.Г. Халанского о связи западных (Киевских и беларуских) преданий об Илье Муромце с Моравией и древним торговым путем Прага – Краков – Киев (укр. «муравським шляхом», – П.Д.), получает тем более важное значение, ввиду того, что Киевские и вообще

западнорусские легенды об Илье Муромце имеют более древнее происхождение, чем великорусские «муромские» былины, известные нам по записям XVII – XX вв. Таким образом, лексическое значение всех вариантов имени Ильи Муромца, отсутствие упоминаний о нем в великорусских областях до XVII в., древность южнорусских преданий об Илье и их географическая ориентация на Моравию и Краков, говорит о том, что легенды об Илье зародились в Киеве и изначально связывали происхождение этого героя с Моравией, то есть городом Моравом русских летописей и былин» (Н.В. Филин, «Об историческом прототипе Ильи Муромца», <http://histline.narod.ru/il01.htm>);

«Столь очевидно сходство былинного Ильи и Ильи Русского из саги, столь очевидно НЕ сходство «Вальдемара, конунга русов» из саги и Владимира Святого. В Иоакимовской летописи Владимиром зовут одного из легендарных древних князей. Любопытно, что предшествуют Владимиру в этой летописи очевидные выходцы из мифического эпоса, герои-эпонимы, прародители – Словен, Рус, Вандал, Волх и прочие. А после него идёт череда двенадцати безымянных поколений вплоть до почти исторического Буриvoja, отца знаменитого и уже, безусловно, исторического Гостомысла. «Явную соотносимость некоторых существенных эпизодов и одновременно героев в... былинах в фольклорных источниках Иоакимовской летописи и в средневековых обработках германского эпоса нельзя объяснить игрой случая», – утверждает исследователь. Каким же временем датирует Сергей Николаевич время жизни прототипов героев былинного эпоса? Если Владимир былин тождественен «Вальдемару» Тидрек-саги и Владимиру Иоакимовской летописи, то на этот вопрос легко ответить. Первый сражался с готами и гуннами, второй был предком в тринадцатом колене Гостомысла, умершего, согласно германским хроникам, в 844 году. Нетрудно подсчитать, что жил он около V века, как раз во времена готов и гуннов. То есть та самая «середина первого тысячелетия нашей эры», которую считают временем зарождения былин петербургские соавторы. Итак, как видите, читатель, представители разных школ разными методами пришли к выводу о формировании былевого эпоса в середине первого тысячелетия нашей эры» (Лев Прозоров, «Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен», Яуза, Эксмо; М.; 2006, <http://lib.rus.ec/b/270017/read>; http://ezoteric.polbu.ru/prozorov_bogatyry/ch06_iii.html).

Распространенность московских поздних записей этих былин лишь на территориях, населенных потомками финно-угров, подтверждается наличием в них заимствований из финского эпоса. Так, например, былинный герой Самсон Кольванович – ни кто иной, как Сампса Калевайнен. Вполне возможно, что «Соловей-разбойник» – это, всего лишь, преобразованная форма первоначального «славянин-разбойник» (под влиянием морд. «salams» – красть, морд. «salitsa», мар. «šolo» – вор, фин. «sala» – тайное, – Фасмер). Ведь и нынешнее-то фин. «gosvo» – «грабитель, разбойник» ассоциируется с этнонимом «россиянин».

Как видим, никакого народного творчества, за исключением примитивных сказок, у аутентичных и психически инфантильных москвитов не было, да и не могло быть. Все былины передавались испокон веков от предыдущего поколения к последующему в узком кругу

истребленной москвитами знати новгородских словен, к творчеству которой этнос славянизировавшихся гораздо позже москвитов имел такое же лишь сугубо «потребительское» отношение, какое ныне русскоязычные люди имеют к творчеству истребленной их предками инородческой знати и интеллигенции Царской России:

«...профессор С. Шамбинаго в своей статье в «Истории русской литературы» с удивлением констатирует странный факт, что никаких исторических песен и сказаний русского народа, касающихся важнейших событий периода от Ивана Калиты до Ивана Грозного, не существует (М.Н. Тихомиров, «Московское царство Иоанна III», Труды по истории Москвы, цит. по: Ярослав Кеслер, «Забытая история Московии. От основания Москвы до Раскола... // Московское царство Иоанна III», <https://history.wikireading.ru/82522>);

«Имя Болотникова не сохранилось в памяти крестьянства, его жизнь и деятельность не оставила по себе ни песен, ни легенд. И вообще в устном творчестве русского крестьянства нет ни слова о десятилетней эпохе – 1602–1613 гг. – кровавой смуты. ...К этому суждению уместно прибавить вывод одного иностранца, внимательно наблюдавшего русский народ. «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже, как будто, не хочет знать его». В легендах Италии сохранилась память о фра Дольчино, чехи помнят Яна Жижку, так же. Как крестьяне Германии Томаса Мюнцера, Флориана Гейера, а французы – героев и мучеников «Жакерии», и англичане имя Уота Тайлера – обо всех этих людях в народе остались песни, легенды, рассказы. Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Изд. Ладыжникова, Берлин, 1922, <http://www.rulife.ru/mode/article/68&print>);

«Есть такое странное выражение: «российский народ». Все ощущают нелепость этого понятия, поскольку ему ничего не соответствует в реальности. В современной России нет народа. Есть население, люди, жители здешних краев, но нет народа. Народ – это нравственное целое общества, имеющее свою политическую форму в виде государства. О нравственном целом российского населения разговора нет, хотя бы потому, что нет у него настоящей устойчивой исторической памяти, связывающей единой нитью судьбы поколений...» (В.И. Ковалёв, «Россия: три искушения», <http://www.hegel.ru/russia.html>).

Есть две разные страны – Россия и Рассея

Весьма примечательным является и следующий факт. Наиболее пассионарные и свободолюбивые черемисы / чирмыши (возможно, воинское сословие вольных, то есть горных марийцев) бежали от московитского ярма на украинские земли, где и сейчас компактно проживают их потомки в основанных ими поселениях. Постепенно украинский язык для воинственных потомков сарматов – черемисов (укр. «чемерисов», возможно, от диал. вят. и коми-зыр. «чемер» – «чуб, хохол, вихор») стал родным. И, славянизировавшись, они гармонично влились в воинские братства родственных им черкасов (хохлов) а, тем самым, и в украинский этнос (см.: Ярослав Дашкевич, «Чемерисы в городах Украины 16 – 18 вв.» – «Этнические группы в городах европейской части СССР», М., 1987г., с. 100 – 112.;

«Етнічний довідник. Етнічні меншини України», К., 1996, С.164-165,
<http://ugraina.org/encyclopedia/1063/1045/4146.html>; Александр Шарафанов, «Украинские черемисы и русские мари», <https://mariuver.com/2016/06/22/ukr-chemer/>).

Казалось бы, смирившиеся с московитским ярмом менее пассионарные черемисы (возможно, от «сирматы» под влиянием «чермный» – багровый, малиновый, темно-красный, – Толковый словарь Ушакова; чеш., слов. «šerák» – «птица малиновка»), тем более, должны были постепенно вернуться к славянскому языку своих предков сарматов. Однако же это так и не произошло. Русскоязычные холопы, в отличие от казаков-украинцев, оказались для свободолюбивых марицев отрицательно комплементарными. Это четко указывает на существенное взаимное отличие ментальностей, формирующихся у людей под влиянием «языковых картин мира» русского и украинского языков. Следовательно, эти языки лишь формально считаются близкими друг другу, а на самом деле ни один из них никак нельзя рассматривать диалектом другого.

Поэтому-то, «Украина – не Россия» (Леонид Кучма), прежде всего, из-за того, что украинский язык – не русский. В случае незлоупотребления русским языком не стать «Рассеей» вполне возможно, даже находясь и в составе России, как это и демонстрируют республики Северного Кавказа и Поволжья. А при сохранении же у себя доминирования русского языка можно так и остаться «Рассеей», даже и разлучившись с Россией, как это и случилось (от слова «случай», а не «слука») с Беларусью:

«Есть две разные страны – Россия и Рассея. Первая стремится улучшить жизнь своим гражданам, пытается восстановить гражданские свободы, заботится о развитии свободы слова, демократии и гуманизма. Вторая чтит героем убийцу – Сталина, ненавидит всех соседей, которые якобы занимают ее земли, радуется смерти чужих президентов и заботливо воспекает свое эго» (Андрей Чеботарев, «Медведев, Сталин и Великая Рассея», 20.04.2010, <http://www.trust.ua/news/25538.html>);

«Об этом пишет Василий Розанов в своей статье «Психология русского раскола» (1899 год). Он обращает внимание на то, что в онтологическом аспекте русского сознания «есть две России: одна – Россия «видимостей», громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определённо начавшимися, определительно заканчивающимися, – «Империя», историю которой «изображал» Карамзин, «разрабатывал» Соловьёв, законы которой кодифицировал Сперанский. И есть другая – «Святая Русь», «матушка Русь» (Рассея, – П.Д.), которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределёнными течениями, конец которых не предвидим, начало неизвестно: Россия «существенностей», живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного... Россия «видимостей» вырастает из России «существенностей», однако драма русской культуры заключается в том, что у двух России в пространстве их со-бытия лежат два разных самобытных плана. Внешняя Россия – страна церемоний, пышных богослужений, официальных приёмов, громких побед на полях сражений, всемирной славы, завоеваний. Её цель – мировая держава, идеологическим базисом которой становится формула «Москва –

третий Рим». Россия «видимостей», организующая общественную, социальную жизнь полагает власть над пространством и человеком, регламентирует его частную жизнь системой судопроизводства, образования, административного управления... По мнению В.В. Розанова, «Россия обставилась департаментами и канцеляриями – не как необходимою записною книжкою, куда живой деятель вносит свои предложения, решения, расчёты, но именно как самим деятелем, творцом. С тех пор фабрики не успевают готовить чернила и бумагу; мы улучшаем пером земледелие, пером вводим в отечество «расцвет образованности», на деле не имея ничего этого... Россия закрылась канцелярскими формами и стала в них непроницаема для истины, неуязвима для суждения, беспомощна в работе и сокрушена... Россия изуродовалась, не имея достойных форм для своего духа...» (И.В. Горина, «Философские основания становления личности в русской истории», http://www.terrahumana.ru/arhiv/15_04/15_04_07.pdf; <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-stanovleniya-lichnosti-v-russkoy-istorii>);

«Мир Розанова – это именно мир не Достоевского, а романов Достоевского, не дерева-души, а листьев-идей, сыпанных в короба книг. Розанов-то как раз и жил в платоновском мире, только в мире идей, в мире метафизики. И его русская душа сказала в том, что он туда, в идеальный мир, душу и не взял. Розанов никогда не говорит о душе, о внутреннем мире. Не говорит, но плачет, смеется, поет. В результате, идеи, холодные идеи, полностью отделяются от сущности человека. Но одновременно и растворяются в ней. Идей много, слишком много, чтоб они были «идеями». И чем больше крошится платоновский мир под пером Розанова, тем монолитнее становится субъект автора, тем интимнее, ближе он читателю. Все ближе, ближе и ближе, так что, в конце концов, лопаются словесная перегородка и субъект и объект сливаются в одно целое. Розанов ввинчивается в наш мозг. Если через словесный мир «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» проступают смутные, мятущиеся души русских людей, то через «Уединенное» и «Опавшие листья» проступает душа автора (и одновременно, наша читательская душа). У Достоевского внутренний смысл происходящего расходится по поверхности романа кругами логического повествования. У Розанова русская карусель «мнений» служит выражению тоскливой, монастырской сути нашего внутреннего опыта» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html);

«...понимание Родины как святыни рассматривается в качестве инструмента исключения России из мирового сообщества, противопоставления русской и мировой культуры. Наиболее ярко данная позиция представлена в исследованиях И.И. Сандомирской, которая в святости Родины, Руси для русского человека видит разработку и поддержку мифа о собственной уникальности, неприятие ничего извне, идентификацию всех других в качестве врагов [Сандомирская 2004]. Святая Русь, следовательно, символ противостояния России и мира, символ русского национализма и ксенофобии, препятствие на пути к благам цивилизации, реализации прав и интересов личности. С этим согласуется вывод В.А. Пьецуха о том, что российский «патриотизм – это от бедности да еще от обиды на нашу геополитическую судьбу» [Пьецух 2006]. Нет ничего удивительно в том, что недоверие,

ирония в отношении понятия «Святая Русь» нарастает, а определенная часть носителей русского менталитета видит в нем символ квасного патриотизма и шовинизма, неприемлемых для современного культурного человека... Александр Оболенский, проведя анализ словосочетания «Святая Русь», приходит к неутешительному выводу, что это «явное недоразумение», или оксюморон – «сочетание логически несовместимых понятий» [Оболенский 1994]» (Надежда Багичева, Татьяна Чикаева, «Архетип Святой Руси в русском менталитете», <http://politlinguist.ru/current.html>).

К большому сожалению реальная несовершенная Рассея (холопская русскоязычная Россия) – это полная противоположность ее идеализированному (в словесном «промежуточном мире» Вайсгербера) словесно-чувственному образу – матушке Рассеи, отнесенной Юрием Мамлеевым к тонкому духовному миру:

«Но что же с негативным полюсом Россией, с ее изнаночной, темной стороной? Напрашиваются два ответа: 1) где-то существует еще одна космологическая Россия, в которой наивысшего развития достигла ее черная сторона, негативные потенции; 2) Россия, в которой черная сторона достигла наивысшего развития – это Россия земная, Россия плотного мира, на наших глазах засасываемая в пучину Кали-юги. Если верно второе, тогда именно несовершенная земная Россия (пьяная, окаянная, искромсанная, в убогом рубище) – это воплощение России в наивысшей полноте, максимальной амплитуде. И в этом ее преимущество перед любой другой космологической Россией, потому что там, где зло, – там страдание и искупление» (Михаил Бойко, «Россия и Рассея» // О книге Юрия Мамлеева «Русские походы в тонкий мир», 26.03.2009, НГ «Exlibris», http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-03-26/1_russia.html).

Хочется всё же верить в то, что подобно насельникам духовного мира Сведенборга насельники тонкого мира Юрия Мамлеева («Русские походы в тонкий мир», <https://fantlab.ru/work174358>) разговаривают не на холопском новоязе, а на архаичном русском языке, не содержащем не только матерной и жаргонной, но и переосмысленной лексики.

Не только ментальность русскоязычного населения, но и фонетика самого русского языка стала женственной

Фонемы [и] и [е] во всех украинских говорах произносятся и произносились испокон веков преимущественно твердо, то есть как звуки [ы] и [э] соответственно. Вследствие второго южнославянского влияния в церковнославянском и в старокиевском литературных языках их стали произносить, как и в болгарском языке, преимущественно мягко, то есть как звуки [и] и [е] соответственно. В светских салонах России такое мягкое их произношение было воспринято как должное, так как твердое их произношение считалось мужицким и слишком грубым для «милых дам». Из-за этого-то изысканный «новый слог» карамзинистов и стал ориентироваться преимущественно на язык «милых дам»:

«Женщина говорит не так, как мужчина. В ее речи отличается мелодика, построение

фразы, выбор слов. Уменьшительно-ласкательных слов у неё больше (не рука и книга, а ручка, книжка), грубых слов меньше» (Владимир Колесов, «Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>).

Такое мягкое произношение фонем [и] и [е], а также и, вообще, тихое женственное произношение большинства слов запечатлелось сначала в поэзии, а затем постепенно было внедрено, как в прозу, так и в речь всех сословий российского примитивного общества:

«Говорю себе: «товарищ москаль,
На Украину шуток не скаль».
Разучите эту мову на знаменах-лексиконах алых,
– Эта мова величава и проста:
«Чуешь, сурмы загралы, час расплаты настав...»
Разве может быть затрёпанней да тише
Слова поистасканного «Слышишь»?!
Я немало слов придумал вам,
Взвешивая их, одно хочу лишь, –
Чтобы стали всех моих стихов слова
Полновесными, как слово «чуешь»...»

(Владимир Маяковский, «Долг Украине», <http://politiko.ua/blogpost15721>;
<https://www.segodnya.ua/ukraine/vladimir-mayakovskiy-ob-ukraine-tovarishch-moskal-na-ukrainu-shutok-ne-skal-503782.htm>);

«В русской фонологической системе 5 гласных фонем и 32 согласных (гласность и согласность, или, как говорят, вокализм и консонантизм, – это первый дифференциальный признак для фонемы: мы обычно сразу можем определить, гласная она или согласная). Гласные образуют слог. Практически в любом языке согласных больше, чем гласных, но не во всех языках так мало гласных, как в русском. В немецком их 12, в эстонском – 14. Русский же язык является ярким консонантным, согласным языком...» (Вадим Руднев, «Словарь культуры XX века», <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>);

«Наречие великорусское отделилось от малорусского более всего необходимой смягчаемостью согласных при их слиянии с гласными тонкими и неудержанием коренного выговора гласных, не определяемых ударением. Вследствие необходимости смягчать согласные перед гласными тонкими буквы «г, к, х» потеряли свое природное свойство оставаться постоянно твердыми: «ы» после них стало невозможно. Вследствие неудержания коренного выговора гласных, на которых нет силы ударения, «е» без ударения выговаривается то как «а», то как «и», в обоих случаях удерживая перед собою согласную мягкую, «о» без ударения выговаривается во многих местах как «а», а в некоторых случаях даже как «у». К этому прибавить еще должно, что смягчаемость согласных, переходная при изменении слов, во многих случаях и во многих местах пропала там, где бы ее можно было ожидать («рѣкъ» вместо «рѣць», «роги» вместо «рози», «бѣгить» вместо «бѣжить» и т. п.). Вместе с тем она появилась там, где прежде выговор народный мог обойтись и без нее: хотя

и не на всем пространстве наречия, однако во многих местах вместо «дь» и «ть» стали выговаривать «дзь» и «ц» («говориц» вместо «говорить», «радзѣц» вместо «адѣть» и т. п.). Это «цвяканье», как обыкновенно говорится в народе, считают исключительно особенностью говора белорусского, и столь важной, что по одной ей дали говору белорусскому название особенного наречия, вследствие чего и делят народный русский язык на три главных наречия, а не на два. Но «цвяканье» можно слышать не в одних западных краях великорусского наречия: на востоке, по Оке и далее к Волге оно также в обычае и, придавая собой звучности речи какую-то резкость, отмечается народом, к нему непривычным, как что-то отвратительное или, по крайней мере, смешно... Гораздо важнее то, что малорусы сохранили несравненно более, чем великороссы, переходную смягчаемость согласных («бережы» – «береги», на «рици» – на «рѣкъ», на «порози» – на «порогѣ» и т. п.), не переменили «ы» и «и» на «о» и «е» в тех случаях, где этим отличили от старославянского свой выговор великороссы («крыта» – «крыю, крый», а не «крою, крой», «мыти» – «мыю, мый», а не «мою, мой», «лыты», – «луй», а не «лей», «вияты» – «вий», а не «вей», «хромый», а не «хромой», «-кый», а не «-кой», «-сий», а не «-сей»). Очень важно сохранение некоторых форм изменения слов, например особенного окончания звательного падежа (сестронько, козаче, братику), будущего сложного с помощью глагола «иму» – «имеешь» (напр., «знат – ыму», «знат – ымешь», «знат – иметь» – «буду знать» и т. п.)...» (Измаил Срезневский, «Мысли об истории русского языка», <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>);

«На северо-востоке сложилась владими́ро-суздальская разновидность письменности. Эта разновидность в науке определяется главным образом негативными данными. В ней отсутствовало чоканье и цоканье, смешение «и» и «ѣ», «в» и «у». Эта разновидность ближе всех остальных к традиционному письменному языку киевского периода, что объясняется рядом внеязыковых причин (см. гл. 8). Письменных памятников, представляющих эту разновидность, много, но они пока еще недостаточно изучены в историко-диалектном отношении. Приблизительно тогда же наблюдается утрата двойственного числа, утеря звательной формы и т. п.» (Никита Мещерский, «История русского литературного языка», гл. 7 «Русский литературно-письменный язык периода феодальной раздробленности, XIII – XIV вв.», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/07.php; <https://ksana-k.ru/Book/meshj/01/gl7.htm>).

Тем самым не только ментальность русскоязычного населения, но и фонетика самого русского языка стала женственной. И как здесь не согласиться с выводами российского филолога Владимира Колесова:

«Вся русская история в её трагедиях крепится на описанных здесь особенностях женственного, за столетия отложившихся в русской ментальности – в том ее виде, который дан нам в языке и в слове, созданных русскими женщинами» (Владимир Колесов, «Честь и совесть. Русская ментальность в языке и в тексте // Вечно-женственное в русской душе...», <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82394>).

Да, и к заключениям Никитина, Браиловского и Горького стоило бы прислушаться:

«Тошно слушать эти заученные возгласы о гласности, добре, правде и прочих прелестях. Царь ты мой небесный! Исключите два-три человека, у остальных в перспективе карманные блага, хороший обед, вкусное вино et cetera, et cetera... А знаете ли, я прихожу к убеждению, что мы ужасно развращены, что мы – преподленькие люди, едва ли способные на какой-либо серьезный, обдуманый, требующий терпения и самопожертвования труд. Право, так!...» (Иван Никитин, «Письма», 65. Н.И. Второву, Воронеж, 5 сентября 1860, http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0030.shtml);

«Когда стало очевидно, что гласность вовсе не раскрыла народу глаза, что народ и так все знал, и, хуже всего, что народ все это, в общем, устраивало. Только раньше этому народу говорили, что он живет хорошо, что он – самый лучший, самый умный, самый добрый, самый трудолюбивый и самый справедливый, что он всех кормит и защищает. И народ этот подтвердил высказывания некоторых своих философов о «женственности» его природы: он, как женщина, любил ушами и обожал тех, кто ему все это говорил. Женственность эта оказалась с изрядной примесью мазохизма: на протяжении всей своей истории русский народ более всего почитал и любил тех своих правителей, которые обращались с ним наиболее грубо и жестоко – Ивана Грозного («Грозный» – это ведь все-таки не «Ужасный», как называют этого царя европейцы, «Грозный» – это уважительно...), Петра Первого, Иосифа Сталина... А тех, кто пытался обращаться иначе, в грош не ставил, и, если не убивал, как Александра II (отменившего, между прочим, крепостное право и затеявшего серьезные и необходимые реформы), то ненавидел, презирал и прогонял, как Горбачева, предложившего стране жить по-человечески» (Александр Браиловский, «Страна подкованных блох», <http://www.lebed.com/2008/art5436.htm>);

«Это было в 1606 году; московские бояре только что затравили талантливую царя Бориса Годунова и убили умного смельчака, загадочного юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына Ивана Грозного, занял Московский престол и, пытаясь перебороть азиатские нравы москвитян, говорил в лицо им: «Вы считаете себя самым праведным народом в мире, а вы – развратны, зловны, мало любите ближнего и не расположены делать добро»...» (Максим Горький, «О русском крестьянстве», Берлин, 1921, <http://sadsvt.narod.ru/gorky.html>).

Уклончивость и размытость русской мысли

Однако же, если мы попытаемся осознать смысл фразы «стоило бы» или же ее многочисленных синонимов: «не мешало бы», «не мешает», «невредно», «неплохо», «недурно», «не грех», «не худо бы», «желательно бы», «недурно бы», «надо бы», «невредно бы», «нелишне», «хотелось бы», «не плохо бы», «хорошо бы», то не сможем найти в ней какую-либо логику. Ведь даже «не плохо бы», вовсе, не означает, что это обязательно «хорошо бы». Подсознание же, тем более, воспринимает все эти фразы, и в том числе, казалось бы, вовсе бессмысленные, лишь как констатацию нашей неуверенности в актуальности задуманного:

«Неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных

местоимений и различных синтаксических конструкций (например – безличных предложений) в свою очередь повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определенности понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя. Изобилие наречных и местоименных форм помогает до времени спрятаться за словом: «Русские говорят громко там, – с иронией замечал Александр Герцен, – где другие говорят тихо, и совсем не говорят там, где другие говорят громко». Это черта своеобразной скромности и смирения, неуверенности в том, что твоя мысль, явленная в слове, может быть кому-то интересна. Очень опасное свойство, не раз затруднявшее русским сформулировать свои надежды и упования» (Владимир Колесов, «Язык и ментальность // Основные признаки русской ментальности в языке», СПб, 2004, с. 24-31, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=82395>).

Вот в этом-то и заключается запрограммированность родным языком, как нашего восприятия окружающего мира и любой информации, так и нашего реагирования на них а, тем самым, – и нашего менталитета:

«В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас это общее свойство... тут беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения ни к чему, кроме призрачного существования личности, оторванной от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов... Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы» (Петр Чаадаев, «Философические письма», <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>);

«...мне пришло на ум: не составить ли небольшую хрестоматию из этих отрицательных и сатирических по большей части характеристик. Многие из них были высказаны по пословице: «для красного словца – не пожалею родного отца», но в общем объясняли, почему нас так не любят за границу, и давали ответы на мучительные вопросы: отчего мы так отстали? Отчего после тысячелетней государственной жизни мы все еще стоим какими-то недорослями? Почему учреждения, которые оказались пригодными даже для антильских негров и для японцев, не говоря уже о разных «братушках», кажутся еще для нас чем-то преждевременным? Объяснять все это одною историей едва ли возможно. Она была сурова, но не для нас же одних. Теперь уже исторически доказано, что и монгольское иго было не так уж тяжело. Эксплуатировали нас не монголы, номинальные повелители, а наши же князья, действовавшие в качестве уполномоченных тех же монголов. Наконец, вот уже почти четыре с половиною века как монголов и в помине нет и два с половиною века как Россия наслаждается относительным спокойствием, и не ее желают покорять какие-либо иностранцы или инородцы, а она мощною рукою раздвигает свои пределы до океанов, включая в железные границы десятки чуждых славянству народностей...» (Константин

Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры» (Историк академик С.Б. Веселовский, «Из старых тетрадей», М.: АИРО-XX, 2004, <http://lib.rus.ec/b/286293/read>; см. также: Сергей Кара-Мурза, «1917. Две революции – два проекта», <https://www.litmir.me/br/?b=592966&p=12>);

«Мы отстали, по крайней мере, лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом» (Антон Чехов, «Вишнёвый сад», <http://chegov.niv.ru/chegov/text/vishnevyj-sad-2.htm>);

«Двум богам служить нельзя!.. Это никому не удастся, доктор, и тем более – людям, которые, вообще отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны!» (Михаил Булгаков, «Собачье сердце», <https://socratify.net/quotes/sobache-serdtse-mikhail-afanasevich-bulgakov/86284>; <http://www.klassika.ru/read.html?proza/bulgakov/dogheart.txt&page=5>).

Русскоязычные люди научились не только «класть поруху на честь», но и крепко усыплять «гложащего их беса», то есть свою совесть

Не знаю, можно ли следующие выводы распространить и на все человечество, но, по крайней мере, для русскоязычного человека они весьма актуальны. Чем более просвещенным и цивилизованным является человек, тем более он склонен поддерживать свою репутацию в обществе как честного человека (то есть, старается блюсти свою честь), а также придерживаться и других разумных правил своего морального поведения и своей жизнедеятельности вообще. И, следовательно, он менее всего склонен полагаться лишь на свою совесть и на другие бессознательные морально-психические установки. Он сознательно старается не допускать таких жизненных ситуаций, при которых бы возникали муки и угрызения совести. И, именно, это и делает наиболее ранимой его психику. Малейшее его прегрешение может стать для него настоящей трагедией. И, наоборот, чем более невежественен человек, тем более он полагается лишь на свою совесть и может даже и не иметь ни малейшего представления о необходимости блюсти свою честь в обществе. Его психика тоже является очень ранимой, однако чувство своей вины он испытывает не по отношению к обществу, а по отношению лишь к своей совести. Просвещенные же посредством, которые до сих пор так и не осознали необходимость блюсти свою честь, научились не только «класть поруху на честь», но и обманывать или же даже крепко

усыплять «гложащего их беса», то есть свою совесть. И они то, к сожалению, и составляют большинство русскоязычного примитивного общества в виде, так называемого, агрессивно послушного быдла:

«Люмпены – да, быдло – да, бомжи – да, охлос – да, тина, поднявшаяся со дна взбаламученного российского пруда, называйте, как хотите, но они не дискретны, они постоянны, цельны, их злоба и разрушительная страсть настояны на яростном шовинизме, и, за неимением ничего другого, этот сброд приходится считать народом. Тем самым великим русским, богоносным, благословенным Господом за смирение, кротость и незлобивость, в умильной своей самобытности так стойко противостоящим западной стертости и безликости. От лица этого народа говорят, кричат, вопят, визжат самые алчные, самые циничные, самые подлые и опустившиеся из коммунистического болота. Неужели мне хотелось быть частицей этого народа?» (Юрий Нагибин, «Тьма в конце туннеля», <http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/tonnel.txt>);

«Советский строй был своего рода «генно-модифицированным» социальным продуктом. Большевизм привил к широкому крестьянскому стволу веточку западного модернизма. Через 70 лет это дерево сгнило, так и не родив обещанных семян. Правда, под землей остались корни, из которых наверх полезли уродливые побеги малопонятной природы. Сегодня все старые советские сословия (классов в европейском смысле слова в России никогда не было) деградировали, а новые еще не успели сформироваться. В обществе, как никогда, много «лихих людей», готовых на всё «социальных фрилансеров», не связанных никакими корпоративными, моральными и тем более правовыми узами. В основании «путинизма» лежат не крестьянские (так что зря писатели-деревенщики так о нем пекутся), а люмпенские идеалы. В этом его главное отличие от советской власти. Эта та разница, которую многие не улавливают. «Путинизм» – политический строй деклассированных элементов, всех тех, кто выпал из своих социальных ниш либо вообще их никогда не имел. Наверное, так выглядела бы Россия, если бы Стенька Разин взял Кремль. На смену философии общины пришла философия «общака»...» (Владимир Пастухов, «Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Главный выгодоприобретатель», <https://public.wikireading.ru/96980>);

«Я хочу сказать, что большевизм в России – не просто доктрина политической секты Ленина, не дичок, привитый к российскому стволу. Это явление не социальное и не классовое, это явление всей российской жизни, ее плод. Большевизм в России – это психотип, и дай бог, чтобы не генотип. Это национальная черта вот, что страшно вымолвить. Этим двум хамам, описанным Куприным, нужен Сталин. Не Николай II, и даже не Николай I, а именно Сталин. Царь-хам. Они его ждут, они им чреваты. Сталин просто не мог не возрасти на таком человеческом «гумусе». Куприн в 1908-м (!) изобразил двух абсолютно советских людей. Абсолютно. Типические совки. Поневоле согласишься с монархистом Владимиром Карпецом, который любит повторять, что советское – это и есть русское. Надо задуматься: стоит ли российским белым людям европейского склада личности цепляться за понятие «русский», доказывать свое право на него? Не пора ли им начать формировать некие

новые, собственные идентичности на основе общих ценностей и регионализма? Надо признать, что понятие «русский» прочно монополизировано «агрессивно-послушным» быдлом. Ведь русская идентичность, как она есть, сформирована Россией – империей и церковью – в качестве одной из своих главных скреп...» (Добромир Воронов [Алексей Широпаев], комментарий к статье «Что изменилось за 100 лет?», <https://ukraine-russia.livejournal.com/7951734.html>; Алексей Широпаев, «Тьма-родина», <http://shiropaev.livejournal.com/38054.html>, <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/shiropaev/>);

«Если генетическим рабам нравится их рабство (а по-другому они не жили и сравнить не могут) – кто же против? Пусть лижут сапоги своим хозяевам, пусть добровольно приносят себя им в жертву, пусть хоть все сгинут по воле своих сиятельных владык, – нам-то какое дело? Мы-то вне этой территории смерти. Одно лишь мешает плюнуть и предоставить рабов их хозяевам: права меньшинств. В каждой стране, в каждом народе, в каждом стаде покорных, безгласных – или восторженных – рабов всегда есть те, кто против. Против рабства. Против этих раз навсегда заведенных – еще при их прапрапрапрадедушках – рабских порядков. Против культа великого вождя, который на поверку всегда оказывается кровавой мразью и бессмысленным тупым свирепым кабаном. Но свой протест эти люди открыто выразить не могут: не то что тайная полиция, КГБ, агенты и охранники «вождя», – нет, еще до всяких агентов их просто затопчут, забьют вот эти, окружающие, покорные и восторженно-верноподданные. Как минимум – тут же настучат на «крамольника» и «вольнодумца», что вдруг завелся в их уютном хлеву – и угрожает поставить сытость и скотское благополучие под вопрос.... И вот – начался долгий, мучительный процесс привития русским недочеловекам самых основных, фундаментальных понятий о толерантности. О правах меньшинств. О том, что нельзя всем стадом затапывать того, кто не такой, не похожий на тебя, что другие, иные, не такие и непохожие – тоже имеют право на жизнь. И другие человеческие права тоже имеют. Будь то чеченцы, геи, мусульмане, кришнаиты, мигранты... Идет этот процесс вот уже 20 лет с лишком. Да только – воз и ныне там... Как выяснилось, перевоспитанию это русское скотобыдло не подлежит: оно неисправимо. Оно упорно продолжает коснеть во зле, молиться на своего Сталина, мечтать вырезать всех, кто на него непохож, от геев до либералов, оккупировать снова все потерянные в 1991 году колонии, в первую очередь – Украину и Беларусь...» (Борис Стомахин, «UNTERMENSCHEN», <http://blog.meta.ua/communities/doska-pozora/posts/i3132085/ru/>);

«Печататься в газетах, где на одной полосе нормальные материалы и «заказные» фельетоны против какого-нибудь банка, где одновременно проповедуют демократию и расизм с цинизмом – не дискредитирует? А быть русским [не дискредитирует?]: – когда быть русским в глазах совестливых людей означает быть нациствующим милитаристом, невежественным, трусливым, норовящим сделать любую гадость, если будет гарантия безнаказанности?...» (священник Апостольской Православной Церкви, обозреватель радио «Свобода» Яков Кротов, «Люди, которые призывают наказать Грабового, – лицемеры», <http://www.k-istine.ru/sects/grabovoi/grabovoi-dvorkin-krotov.htm>).

Они весьма надолго и прочно усыпляют свою совесть. И лишь в старческом возрасте или же под влиянием «истощения нервной системы» она, наконец-то, у них спонтанно просыпается:

«Думала, у меня появилась мания преследования, а оказалось – это совесть проснулась» (Ольга Рудаковская [Хамкова], «Совесть», <http://www.aphorism.ru/person/olga-khamkova/best.html?page=3>);

«Ну и, наконец, чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что, наверное, во мне больше всего этого – незаконного, карамазовского... Смердяков во мне сидит... Лакей-с и сволочь... – Смерть приближается, наверное, и Достоевский помогает заглянуть в самые темные глубины себя. Но уверен, этот художник мне подарил ощущение «русскости» (Сергей Журавлёв, «Юрий Вяземский: Смердяков во мне сидит, лакей-с... и сво-олочь...», <https://www.proza.ru/2010/07/26/554>; <https://gentleline.livejournal.com/1974.html>).

Российский минздрав планирует распустить на амбулаторное лечение, т.е. по домам 750.000 «социально неопасных» душевнобольных, многим из которых душевные муки вызывает именно «проснувшаяся совесть», выплескивая в сознание из подсознания весь накопившийся в нем «негатив» (<http://installsoft.ru/viewtopic.php?f=429&t=6250>).

Таким образом, избавиться от мук и угрызений совести можно было лишь двумя путями – осознанно вести честный образ жизни или же научиться обманывать свое подсознание а, следовательно, и свою совесть, делая её «ложно чистой»:

«Отчего у нас все лгут, все до единого? <...> Я действительно в этой поголовности нашего лганья теперь убежден. <...> У нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем не может быть не лгущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди...» (Достоевский, т. 21; 117). Это – одна из самых лейтмотивных идей Достоевского: «Не лгать теперь это, знаете, – подвиг» (т. 20; 180). Не лгать себе – подвиг вдвойне: «Лганье перед самим собой у нас еще глубже укоренено, чем перед другими» (т. 21; 160). «Лганье перед другими» у Раскольникова – следствие лганья перед собой. Самообман – первичен по отношению к обману. Обмани себя, то есть убеди себя в своей «правоте», – и обман других будет казаться уже не обманом, а высшей правдой... «Жизнь и ложь синонимы...» В этом, по Достоевскому, подлая суть извращенной жизни... Переименование подлости в подвиг (с распространением рассказней о том, как человеку трудно, как он мучается, как приносит себя в жертву: берет тебя за пуговицу и долго выматывает душу этими рассказнями; при этом нет-нет да вдруг просто соврет, и видно, хотя и противно видеть, что из выгоды)» (Юрий Карякин, «Достоевский и Апокалипсис // У иезуитов научимся», <http://lib.rus.ec/b/175270/read>; <https://scribble.su/work/kak/83.html>; https://www.e-reading.club/chapter.php/129788/25/Karyakin_-_Dostoevskii_i_Apokalipsis.html);

«Есть степень заядлой лживости, которую называют «чистой совестью» (Фридрих Ницше). Западноевропейские народы избрали для себя первый путь, а русскоязычное

население под опекой исихастского православия пошло по второму пути. Подавляющее большинство русскоязычного населения царской России фактически лишилось сдерживающих его своеволие «нравственных тормозов» а, следовательно, и «потеряло почву под собой»:

«Без тормозов – черта русская, дикая, так и живут все «без тормозов», без умения управлять чувством, языком, мыслью. Сумбур, шум» (Иван Соколов-Микитов, «Из карачаровских записей» // Новый мир, 1991, N12 с. 172, <http://sadsvt.narod.ru/verarus.html>).

У восточных народов, в отличие от западных европейцев, приверженность к ответственному образу жизни формируется преимущественно бессознательными лингвопсихическими установками ЯКМ и, следовательно, не является лишь осознанной необходимостью. Подавляющее же большинство русскоязычного населения вовсе не обладает, как сознательными, так и бессознательными побуждениями к ведению ответственного образа жизни. Ведь, несмотря на неразвитость своего критического левополушарного мышления, русскоязычные россияне опрометчиво лишили себя и необходимых для этого бессознательных лингвопсихических установок своей ЯКМ. Как видим, русскоязычные люди отказались от прежних своих «восточных ценностей» – пусть даже и «первобытных», но так и не пристали к новым «западным ценностям», сохранив свой холопский менталитет и, тем самым, обрекли себя лишь на бесплодное слепое подражание цивилизованным народам:

«Русский народ, – в силу условий своего исторического развития, – огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты; русская интеллигенция – болезненно распухшая от обилия чужих мыслей голова, связанная с туловищем не крепким позвоночником единства желаний и целей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью. Забитый до отупения жестокой действительностью, пьяненький, до отвращения терпеливый и, по-своему хитренький, московский народ всегда был и остается – совершенно чужд психологически российскому интеллигенту, богатому книжными знаниями и нищему знанием русской действительности. Тело плотно лежит на земле, а голова выросла высоко в небеса, – издали же, как известно, все кажется лучше, чем вблизи...» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре 1917 – 1918 гг.», Часть 4, <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-376-4.htm>);

«Пушкин – здоров, соразмерен. Но именно в этом здоровье и соразмерности – нарушение меры. Он слишком ясен и завершён. Вполне овладев европейской культурой, будучи ей искущённым, он начал с конца, дал отечественной культуре слишком законченный и высокий образец. Развитие могло идти только за счёт недопонимания и разрушения. Гоголь и выполнил функции нейтрализатора, расколол монолит на удобоваримые блоки. Именно с Гоголя начинается возникновение и развитие идеи порождения мира, идеи «строительства». Автор уподобляется Богу, творчество – творению, порождению мира, творение-произведение – мирозданию. Пушкин избежал этого, так как гений его был гением спокойным, подражательным. Менее всего Пушкин был романтиком.

В определённый период он импровизировал романтизм, старался попасть в его уже созданный на Западе ритм. Проблемы порождения просто не возникало. В жизни Пушкина вообще не было и не могло быть «проблем», так как в нём и во всей его эпохе ещё отсутствовало самосознание. То, что можно принять за самосознание, – это свободный и радостный стиль, подражание Западу при его непонимании. Это как гениальный актёр, играющий Сократа, и сам Сократ. Такое соотношение...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Мы ужасно первоначальны, стихийны, первобытны. Мы хорошо родились, а выросли очень мало. Никаких орудий жизни у нас нет. Дышим, кровь обращается в нас, говорим правду. Но не умеем вытереть себе нос... Беспомощность русских без иностранцев, не только новых, но и старых, древних, поразительна. Солнце ли у нас плохо светит, обстоятельства ли исторические худо сложились, но мы одеваемся в иностранщину, строимся по-иностранному, судимся загранично, ездим, учимся, управляемся – все не по-русски! И как только вы задумаете стать «единственно по-русски», вы станете деревней...» (Василий Розанов, «Необходимое самооправдание», https://imwerden.de/pdf/rozanov_ss_tom26_religiya_i_kultura_1902-03_2008_ocr.pdf; http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_neobhodimoe_samoopravdanie.html);

«Русские, будучи подражателями во всем, выполняют всё, что им прикажут, или всё, что их заставят сделать, но они не сумеют ничего, если им придется действовать на свою ответственность. И действительно, этого трудно ожидать от тех, кто никогда не знал, что такое ответственность, и кто с такой же пассивной покорностью пойдет на смерть, как если бы ему было приказано качать воду или сечь своего товарища. Было бы напрасно ожидать от русского солдата, чтобы он, действуя на аванпостах или в рассыпном строю, проявил быструю сообразительность француза или простой здравый смысл немца. Что ему нужно, это – команда, ясная, отчетливая команда, и если он ее не получит, то он, возможно, не отступит, но и вперед не пойдет и не сообразит, как ему действовать» (Фридрих Энгельс, «Армии Европы», <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/11/1012.htm>);

«Связи с войсками не было, она сразу прервалась. Вот газета «Известия», письмо Марка Модестова, тоже танкиста, судя по всему, из комсостава. Он тоже встретил войну на западной границе, попал в окружение, в плен, в концлагерь. Модестов пишет: «Я видел в эти первые жуткие дни стреляющихся в висок командиров... В окружении, замкнутом пятью кольцами, нас непрерывно бомбили, но мы не видели ни одного своего самолета, который сбросил бы нам весточку: что нам делать, как поступить». То есть тоже ждали приказа. Никакой приказ, если он и был, ни до кого не доходил. А самостоятельно, без приказа, командиры боялись хоть что-то сделать. И миллионы солдат отступали без боя. А я уверен: если бы каждый командир приказал занять оборону, мы бы дали бой и не пустили немца так далеко...» (Василий Субботин, «Как кончаются войны», цит. по: Сергей Баймухаметов, «О войне ловко соврать не получится», <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/22/72875-o-voyne-lovko-sovrat-ne-poluchitsya>, <http://russian-bazaar.com/ru/content/8756.htm>);

«Я не осуждаю русских за то, каковы они, но я порицаю в них притязание казаться теми же, что и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, осмеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они подражают. Невольно приходит на мысль, что эти люди потеряны для первобытного состояния и не пригодны для цивилизации...» (Маркиз Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 г.»), <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st006.shtml>);

«Что-то не слишком-то похожи на разумных существ иные, и весьма многочисленные, представители биологического вида Homo Sapiens. И нет надежды, что эти неразумные существа образуются в пределах своего существования от рождения до смерти. И всё слабее надежда, что будет уменьшаться процентное отношение явно неразумных представителей указанного биологического вида – к разумным представителям разумного рода человеческого, анатомо-физиологически принадлежащим к тому же биологическому виду. Если Дарвин прав, что наш биологический вид произошёл от обезьян, то явно неразумные особи этого вида, похоже, так обезьянами и остались, и останутся во веки веков, аминь» (доктор психологических наук А.В. Суворов, «Об антропологии и педагогической антропологии», в сб.: «Экспериментальная философия», <http://suvorov.reability.ru/epub/books/3.txt>);

«Но мы народ какой-то неумный, какой-то грубо-первобытный народ. Мысль у нас не может еще как-то разъединиться с жизнью. Закружилась у нас голова от известных веяний, так уж точно закружилась» (Аполлон Григорьев, «Мои литературные и нравственные скитальчества», <https://www.rulit.me/books/moi-literaturnye-i-nravstvennye-skitalchestva-read-48604-18.html>);

«И собственно, злую шутку с русскими тут сыграла не столько их глупость (всему же есть пределы), а скорее неприятие Запада, ощущение своей непохожести. Было усвоено из западной культуры самое незападное, самое отрицающее Запад. Суть Маркса в редукции, во вредительстве. Пролетариат лишён собственности? Хорошо, ни у кого не будет. Разрушается семья? Хорошо, и не надо! Дети работают на фабриках? Отлично! Будут все дети от 9 до 12 лет работать в мастерских 2 часа в сутки каждый день; от 13 до 15 – 4 часа, а от 16 до 17 – 6 часов. И денег платить не надо. И т.д... Западно-восточная природа русских заключается в том, что в жизни, в слове они недостаточно различают добро и зло, хотя различение это всё же гораздо сильнее, чем на Востоке. С другой стороны, как и для восточного человека, для русских характерен уход от нравственной дилеммы. Но уход означает и ее решение, ибо вне социальной ситуации дихотомия добра и зла, наконец, проявляется. «Освобождение от противоположностей» реальности выявляет идеальную противоположность – христианское чувство вины и ответственности. Таким образом, мистерия добра и зла наиболее законченно переживается именно на русской почве, хотя с точки зрения не мистической, а, так сказать, вербальной, конечно, упрёк Запада в азиатской природе русских верен...» (Дмитрий

Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Говорят, что наш народ одарен хорошими умственными способностями и добродушием, и в то же время, однако, он и образом жизни и нравами недалеко отходит от дикарей. Мы наделали у себя и свободу, и суды, а между тем улепетываем от них при всяком удобном случае. Черт знает что такое. Мы не европейская и не азиатская держава: у нас пороки европейцев и азиатцев, а своих добродетелей мы выработать не успели. Одним словом, повторяю, что черт знает что такое!.. Европа знает, с кем имеет дело, и потому обращается с нами то с насмешливым снисхождением, то с прямым невниманием, видя в нас ребяческую заносчивость и детское легкомыслие. Самая скверная черта характера – слабосилие, соединенное с заносчивостью» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 27 декабря 1876 г., 8 января 1877 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т.е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это действительно «внесли». Страхов мне говорил с печалью и отчасти с восхищением: «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и утонченным их развратом». Вот это – так. Но принесли ли мы семью? добрые начала нравов? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда как мы «и не восточный, и не западный народ», а просто ерунда, – ерунда с художеством» (Василий Розанов, «Апокалипсис нашего времени», <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>);

«...и на Востоке, и на Западе можно обнаружить структурно-функциональные аналоги таким древнерусским институтам, как господство общины свободных горожан над покоренными общинами смердов, корпоративная власть-собственность родового боярства, дань и княжье полюдь, наместничество и кормления. Что же касается сближения консервативных социальных структур Востока и выросшего на развалинах общинного строя и удельного феодализма русского самодержавия, то такая аналогия не продвигает нас в понимании природы российской государственности. Обычно отмечаемые «восточные» черты – деспотизм власти, поголовное рабство подданных – чересчур поверхностны и скорее имеют в виду отличие московских порядков от европейских: раз непохоже на Запад, значит это Восток, «азиатчина». Но о какой, собственно, «азиатчине» идет речь? Средневековые социально-политические системы стран Востока были системами не сословными, но традиционно-корпоративными, они включали в себя в качестве базовых ячеек неизменные первичные общности: кланы, общины, касты, цехо-гильдии, землячества, которые выполняли одновременно функции приводных ремней администрации и защиты от произвола агентов власти. ...государство на Востоке либо выросло из родо-племенных структур, интегрируя общинные «верхи», либо надстраивалось над этими структурами, но всегда сохраняло их традиционный уклад и никогда не стремилось его переиначить. Все это совершенно очевидно противоречит авторитарному революционаризму русского самодержавия, с его особой идеологией, не совпадающей ни с родо-племенной традицией, ни с православием, его волонтаристским – до основания, до социальных и личностных основ –

«перекодированием» общественного порядка...» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=5>);

«Гегель заявил, что Россию история обошла стороной, что, следовательно, в социокультурном отношении она не принадлежит ни Востоку, ни Западу. В России эту мысль первым по-своему выразил П. Чаадаев: «По нашему местному положению между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединять в себе два великие начала разума: воображение и рассудок; должны бы совмещать в нашем гражданском образовании историю всего мира. Но не таково предназначение, павшее на нашу долю. Опыт веков для нас не существует. Взглянув на наше положение, можно подумать, что общий закон человечества не для нас. Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него» [Чаадаев 1989, 514]... Если брать страну в целом, то приходится сказать, что в ней оба принципа, и «Запад» и «Восток», то вспыхивают, то гаснут. Это основание всех других ее антиномий, включая те, которые обнаруживаются также на уровне индивидуального сознания и поведения. Поэтому в политическом отношении Россия, начиная с Петра Великого, была одновременно и империей и колонией (но, стало быть, одновременно и не империей и не колонией). Ее политическая культура совмещает в себе как присутствующие один в другом принципы автократии, империи и национального государства... Но из этого следует, что отношение России к «Западу» и «Востоку» есть не только проблема ее отношения к внешнему миру, но и острейшая, постоянная и, возможно, неразрешимая внутрисоциальная и внутрииндивидуальная внутрироссийская проблема. А проблема социокультурного взаимодействия России и Запада – проблема бесплодного взаимодействия... Бета-ансамблю (бета-паттернальному ансамблю – России, – П.Д.) суждено навсегда оставаться самим собой: меняться и оставаться неизменным. Бета-ансамбль – единственный, который осуществляет классическое *risorgimento*. Эта роль в мировой социокультурной системе жертвенна и трагична. Трагична и безвыходна она для индивидов, для миллионов индивидов, которые бета-ансамблю принадлежат по рождению или по временному местожительству...» (Карл Кантор, «Россия – бета-паттернальный ансамбль»,

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=647&Itemid=52);

«В масштабах мира Россия – заштатная провинция. Собственная деятельность элиты удручающе вторична и убога. Управление и в политике и в бизнесе неэффективно, ресурсы транжируются зря, экономика стагнирует, в интеллектуальной и культурной жизни процветает плагиат у развитых стран. В ситуации, когда доступ наверх есть только у родственников и свойственников, это естественный результат негативного отбора. Современное производство и высокие технологии могут создаваться только свободным трудом – гибкость мысли, гибкость принятия решений, гибкость труда являются теми ключевыми компонентами, без которых не обеспечить ни прогресс знания, ни мобильность бизнеса, ни контроль качества. Не живут без конкуренции по гамбургскому счету и культура с образованием. Но у элиты своя шкала ценностей. ВВП России на душу населения в несколько раз меньше, чем у соседей не потому, что ее граждане не хотят трудиться, а потому, что против трудовой

инициативы выстроена эшелонированная система обороны: для варновой системы выгоднее скрытая безработица и бедность, чем свободные и богатые работающие люди. Отсталость – невеликая цена за гарантии неизменности порядка вещей. Пусть в стране будет только один город, где можно заниматься сколь-либо значимой профессиональной деятельностью и нормально зарабатывать. Пусть экономика страны будет сконцентрирована у нескольких собственников-работодателей. Пусть единственная экономически продуктивная деятельность состоит в присвоении даров матери-природы и продаже их за рубеж в обмен на готовые товары. Но пусть только в стране никогда не появятся люди, способные прокормиться своим трудом. Дармоедов элита недолюбливает, но терпит. Независимых от нее людей она просто смертельно боится. Поэтому все каналы вертикальной мобильности, и политической, и экономической, и карьерной, перекрыты наглухо. С одной стороны, низшую варну искусственно ставят в положение не тружеников, а попрошайек, обязанных своим существованием милости высшей касты, с другой, элита всячески преследует свободу любой деятельности. Если низы слишком усилятся, хотя бы даже имущественно – они смогут стать независимее от власти» (Юрий Аммосов, Дваждырожденные: «Вся надежда на быдло», http://becmology.blogspot.com/2012/04/blog-post_3988.html);

«Русские сначала отступали под напором западных ценностей довольно спокойно, ошибочно отождествляя свое отступление с идеологическим крахом Советского Союза. Кроме того, в самом русском человеке заложена программа внутреннего предательства. Несмотря на то, что он человек утопии, часто, в силу чрезмерного развития личности (около 15% населения) или по каким-либо случайным причинам, например, по дурости, он начинает заболеть западными ценностями, как герпесом, и тем самым противостоит здоровой утопичности сограждан. Несмотря на то, что русское государство регулярно в истории производит зачистку своей бескрайней поляны от западной заразы, порой доходя до крайних мер бешеной расправы, западные ценности сами по себе соблазнительны, как сладкие девки, и полностью уберечься от их интимного комфорта невозможно (хотя бы подсознательно) даже самому утопическому человеку... В самой же России попытка реформаторов 1990-х организовать страну по западной модели привела к еще одному краху, поскольку население не могло отказаться от утопической модели абстрактного мышления, даже если оно вообще мало о чем думало. Расплатой за провал реформ и стал приход и скоростное возвышение самого Русского Начальника. Русские стали заложниками военного образа мысли нового самодержца... На горизонте нарисовалась перспектива догнать и перегнать Португалию. Для страны, погрязшей в течение всей истории в утопии, это была жалкая насмешка. К тому же Запад хихикал в сторонке: перегнать Португалию! Великая недостижимая мечта! Немытая Россия! Это приняли в русском мире с обидой. Обида – мотор утопического человека. Вот почему в России столько много обиженных, практически все» (Виктор Ерофеев, «Как начиналась Третья мировая?», https://polpred.com/news/?cnt=195&person_id=5503; <http://liport.ru/politika/92012-kak-nachinalas-tretya-mirovaya.html>; <https://snob.ru/selected/entry/84873>);

«Моя страна сегодня объявила войну культуре, объявила войну ценностям гуманизма,

идее свободы личности, идее прав человека, которую выработывала цивилизация на протяжении всей своей истории. Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манией. Мне стыдно за наш парламент, невежественный и агрессивный, за правительство, агрессивное и некомпетентное, за руководителей страны, игрушечных суперменов, поклонников силы и хитрости, мне стыдно за всех нас, за народ, потерявший нравственные ориентиры. Культура потерпела в России жестокое поражение, и мы, люди культуры, не можем изменить самоубийственной политики нашего государства. В интеллектуальном сообществе нашей страны произошел раскол: снова, как в начале века, против войны выступает меньшинство. Моя страна каждый день приближает мир к новой войне, наш милитаризм уже поточил когти в Чечне и в Грузии, теперь тренируется в Крыму и на Украине. Прощай, Европа, боюсь, что нам никогда не удастся войти в европейскую семью народов. Наша великая культура – наш Толстой и Чехов, наш Чайковский и Шостакович, наши художники, артисты, философы, ученые – не смогли развернуть политики религиозных фанатиков коммунистической идеи в прошлом и алчных безумцев сегодня. Триста лет мы, люди культуры, питались от одних источников – наш Бах и наш Данте, наш Бетховен и наш Шекспир, – мы не теряли надежды, но сегодня нам, людям российской культуры, той ее малой части, которой я принадлежу, остается сказать только одно: «Прощай, Европа!»...» (Людмила Улицкая, «Европа, прощай! (зальцбургские впечатления)», <http://www.novayagazeta.ru/arts/64977.html>);

«Пора уже признать, что народы – как и люди – разные. Это живые системы и Лев Гумилёв во многом был прав. Они рождаются, растут и умирают. Болеют. Иногда тяжело. Порой неизлечимо. Вырождаются. Выживают из ума. Каковы черты русского народа, объясняющие его обособленность в мире? А она ощущается отчетливо, причем как снаружи, так и изнутри: жандарм Европы, Империя зла, Святая Русь в море нехристей, осажденная крепость в кольце врагов – привычное восприятие картины мира с обеих сторон. Остров Русь... Ни Запад, ни Восток (не надо задевать Азию, подчеркивая азиатство русских, там своеобразная, но высокая культура). Черная дыра, в которой гаснет все. Русский народ болен. Извечное рабство. Славянин и раб – синонимы в европейских языках. Русских рабов везли продавать на юг варяги. Святослав упоминал их в качестве статьи русского экспорта. Татары. Крепостничество. Сталин возродил рабство – в XX веке! Н. Чернышевский: «Жалкая нация рабов, снизу доверху все рабы»... Демократия успешно работает на Западе. Она пускает ростки на Востоке. Но ее никогда не будет в России. Потому что главные черты русского народа это жестокость и душевная лень, аморальность и равнодушие. На таком фундаменте демократию не построишь. Да и для империи в наше время он слабоват. Тюрьму разве что. Лагерь...» (Максим Каммерер, «Какой же быть России?», <http://www.krugozormagazine.com/show/demokratiya.495.html>);

«В России власть лжет нагло и непринужденно. Мы на самом деле чудовищная страна. Это ханжеское государство и лстивая до приторности церковь дали нам кликуху «Святая Русь». На самом деле нам более подходит кликуха «Русь Сатанинская»...» (Эдуард Лимонов, «Торжество метафизики», <https://www.litmir.me/br/?b=17505&p=4>);

http://thelib.ru/books/limonov_eduard/torzhestvo_metafiziki-read-2.html).

И поэтому-то, чем дальше, тем больше Россия становится похожей не просто на большой загон для покорного своим паханам-хозяевам скота, а на Лагерь – страну-зону для содержания авторитарной властью под своим строгим надзором агрессивно-послушного и до оскотинения озлобившегося психически инфантильного русскоязычного населения (всё еще не изжившего свои стадные инстинкты быдла):

«На миру и смерть красна»,

«Мир с ума сойдет – на цепь не посадишь»,

«Вперед не забегай, от своих не отставай»,

«Отстал – сиротой стал»,

«Люди – Иван, и я – Иван, люди в воду, и я в воду»,

«Хоть назади, да в том же стаде»... («Большая энциклопедия русского народа // Мир», <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=7324> // <http://chtooznachaet.ru/chto-oznachaet-vyrazhenie-na-miru-i-smert-krasna.html>);

«Живописуя жуть «перевернутого мира» наших концентрационных лагерей, Л. Самойлов пришел к довольно очевидному выводу, что лагерное сообщество уголовников полностью отражает бандократическую структуру тоталитарных общества и власти, с одной стороны, и первобытного общества, с другой. То есть тоталитарное государство – это государство первобытное, оно построено по тем же принципам, по которым первобытные люди строят свою иерархию стаи, а бандиты – свои шайки. Вся многоступенная иерархия лагерной среды напоминает привычную бюрократическую табель о рангах, а тяга уголовников к униформе родственна нашей затаенной и вошедшей в кровь и плоть любви к мундирам и погонам (даже для школьников). Во всеобщем покорном подчинении кастовым разграничениям, с привилегиями для одних и запретами, рогатками для других, не сказалась ли длительная приученность к издержкам реального социализма – к социальной несправедливости, неравноправию? Во всевластии главворов, в их поборах и «беспределе» не проглядывает ли подражание недавно столь могущественным советским вельможам – главам целых бюрократических кланов, магнатам коррупции и произвола? Но в том, что лагерное общество уголовников отразило жизнь советского общества, нет ничего удивительного: заключенные приезжают не из каких-то заграниц, лагерь построен нами, а самая идея лагеря рождена у нас, в нашей стране, преступления рождались в нашей действительности. Гораздо удивительнее, что я увидел в лагерной жизни целый ряд экзотических явлений, которые до того много лет изучал профессионально, – явлений, характеризующих первобытное общество! Для первобытного общества характерны обряды инициаций – посвящения подростков в ранг взрослых, обряды, состоящие из жестоких испытаний; такой же характер имели у дикарей и другие обряды перехода в иное состояние (ранг, статус, сословие, возраст и тому подобное)...» (Игорь Гарин, «Номенклатура», <https://www.proza.ru/2014/09/02/640>);

«Российская история заставила огромное множество людей пройти через зоны – в

жесточайшей форме ГУЛАГА, жесткой форме современной тюрьмы (у нас и сегодня в тюрьмах 603 человека на 100 тысяч, в Германии – 95), в мягкой форме армейской службы, легкой форме советского детского сада, школы, пионерского лагеря. Этим и волнами геноцида (с 1917 года с завидной регулярностью войны, репрессии и эмиграции уносили в первую очередь ярких, независимых, не готовых подчиняться системе примитивной группы) XX век сформировал в России доминанту зонной идеологии. Чего удивляться, что именно эта, «почвенная», идеология стала новой идеологией власти – мало того, что ее поддерживает народ, она еще и является экстремально удобной для ее (власти) удержания, так как в своей сущности предполагает абсолютное отсутствие лифта из народа во власть любым способом, кроме полного принятия идеологии «зоны» и следования ей. Экономика «зоны» основана на полной зависимости от внешнего мира (для колонии – буквально, для страны-зоны – через экспорт и импорт), низкоэффективном производстве низкосортного продукта и стопроцентной дистрибутивной модели распределения. Идеология «зоны» сложна, но ее мораль можно свести к нескольким основным идеям. Первая – незыблемость законов, устанавливающих иерархию, в которой почти нет социальных лифтов, а между сидящими (народ) и охраняющими (представители власти) их нет вообще. Вторая – абсолютная поддержка иерархии всеми ее представителями через принцип «как с нами, так и мы». Третья – расчет только на себя: «не верь, не бойся, не проси», все кругом враги, сотрудничество отсутствует, только соперничество; единственный способ подняться вверх – через опускание других вниз. Четвертая – принцип идентичности: не отличайся, не высовывайся, не спорь, не стучи, не жалуйся, не проявляй ни доброты, ни слабости, ни инициативы, принимай все как должное» (Андрей Мовчан, «Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины», <https://republic.ru/posts/l/1114094>; http://slon.ru/russia/ekonomika_stai_pochemu_narod_i_vlast_v_rossii_ediny-1114094.xhtml);

«Посмотрите хотя бы комментарии к блогам на любом СМИ – совершенно неважно, к какому блогу, к любому – можно увидеть такую мерзость, какой, я абсолютно уверен, не было в России ни при царской, ни при большевистской власти. Да, конечно, в жизни было многое в тысячу раз хуже, но читать такую пакость не приходилось. Я обычно комментарии и не читаю, боюсь, что стошнит, но как заглянешь... И ведь не от того люди стали такими скотами, что голодают, бедствуют – ничего подобного. Все на иномарках катаются и в Египте, а то и на Сейшелах отдыхают. Вот загадка: откуда идет оскотинивание? Один из ответов: нынешний порядок вещей вобрал в себя все худшее, что было и при царях и при Ленине со Сталиным. Деградация русского народа идет неотвратимо. И это неизмеримо важнее и страшнее, чем «защита традиционных ценностей» или опасения по поводу засилья чуждых нравов, распространения либерализма и русофобии и прочих надуманных, искусственно взращиваемых угроз» (Историк Георгий Мирский, «Где стыд, где приличие?», http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1558520-echo/);

«Русским отказано в человеческом статусе, ведь он несовместим с ужасами русской истории, с тиранической властью властителей: «Не существует в природе никаких «русских националистов». Почему? Да потому, что животные не имеют национальности. Русское

быдло, тёмное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьями эти отбросы человечества именоваться недостойны. И вот именно такими населена вся Россия. Даже если и с высшим образованием – все равно быдло. Образованщина... Россия – это мразь. Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... Или все диктатуры и тирании, существующие тут веками, не на это самое население опирались, не из него, не из его генетического рабства и стадных инстинктов выростали?.. Если власть омерзительна и преступна – не надо закрывать глаза и на то, каково на самом деле население. Оно ничуть не лучше власти, а на самом деле намного хуже; и всякая эта власть им же, населением, порождается и держится. Не может быть ничего общего у нормальных людей ни с теми, ни с другими. Так что рассчитывать с таким человеческим материалом, убрав путинских, построить тут свободу и демократию, да еще в рамках все той же исторической государственности под названием «Россия», – это полнейшая утопия. Увы, увы, господа «оппозиционеры», это глубочайший идеализм – верить в возможность «жить в свободной и демократической России». Никто не отказался бы... если бы это было возможно. Но увы – пока Россия существует, свободной и демократической ей не бывать. Здесь ведь ничего не стесняются, чем угодно готовы шантажировать. Все постепенно возвращается к нормальному состоянию – вековой русский тоталитаризм, иначе это не назвать... Законы призрачны и существуют как бы в каком-то другом измерении, а отношения с властью просты и грубы донельзя... Грязная, мерзкая сраная Рашка! Когда же ты, наконец, сдохнешь?» (Борис Стомахин, «Мысли в слух», http://stomahin.com/articl/mysli_vsluh.htm; <https://rusnazi8814.livejournal.com/604226.html>);

«Русские не терпят хорошего к себе отношения. От хорошего отношения они разлагаются, как колбаса на солнце. Всю жизнь вредят сами себе. Не заботятся о здоровье, разваливают семью. Они живут в негодных условиях и приживаются. Трудно представить себе, чего только не вытерпят русские. У них можно все отнять. Они неприхотливы. Их можно заставить умыться песком. Тем не менее, русские ужасно завистливы. Если одних будут перед смертью пытаться и мучить, а других просто приговорят к расстрелу, то первые будут с возмущением кричать, что вторым повезло. И окажутся правы...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Как обращаться с русскими?»), http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Но такое ощущение, что это были в значительной степени люди, которых злит, что у других что-то удалось лучше, чем у них. Вот наша историческая миссия – не в том, чтобы самим лучше жить, а в том, чтобы нагадить соседям» (дьякон РПЦ МП Андрей Кураев, из интервью Ирине Воробьевой, <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1497236-echo/>);

«У нас важная миссия – показать другим народам, как не надо жить...» (Михаил Задорнов);

«С историей не близко, но знаком,
Я славу нашу вижу очень ясно:

Мы стали негасимым маяком,
Сияющим по курсу, где опасно»

(Игорь Губерман, «Гарики на каждый день», http://guberman.lib.ru/gariki/1KD/01_01.htm);

«Народы – в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Но мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение» (Пётр Чаадаев, «Философические письма // Письмо первое», <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>; <http://www.uio.no/studier/emner/hf/ilos/RUS2504/v13/Tsjaadaev.pdf>).

Просто надо потерпеть, пока народ-ребенок повзрослеет

И вполне закономерным итогом этого вырождения психически инфантильного туранского этноса России стала замена веками вырабатывавшихся народных говоров искусственным новоязом, извратившим смысл большинства слов:

«Читающему населению России скоро придётся покинуть свой родной язык вовсе и выучиться, заместо того, пяти другим языкам: читая доморощенное, надо мысленно перекладывать все слова на западные буквы, чтобы только добиться до смысла: ведь это цифирное письмо! Но и этого мало; мы, наконец, так чистоплотны, что хотим изгнать из слов этих всякий русский звук и сохранить их всецело в том виде, в каком они произносятся нерусскою гортанью. Такое чванство невыносимо; такого насилия не попустит над собою ни один язык, ни один народ, кроме – кроме народа, состоящего под умственным или нравственным гнётом своих же немногих земляков, переродившихся заново на чужой почве... Коль скоро мы начинаем ловить себя врасплох на том, что мыслим не на своём, а на чужом языке, то мы уже поплатились за языки дорого: если мы не пишем, а только переводим, мы, конечно, никакого подлинника произвести не в силах, и начинаем духовно пошлеть. Отстав от одного берега и не пристав к другому, мы и остаёмся межеумками. С языком шутить нельзя: словесная речь человека – это видимая, осязательная связь, звено между душою и телом, духом и плотью» (Владимир Даль, Речь, читанная в обществе любителей российской словесности в частном его заседании 25 февраля, и в публичном 6 марта 1860г.: «Толковый словарь живого великорусского языка» в 2 тт, Т.1, М.: ОЛМА-ПРЕСС, с. 26-27, <http://www.azbog.com/culture/dal>; <https://www.perunica.ru/yazikoznanie/2057-vidal-o-zhivom-velikorusskom-yazyke.html>).

А ведь всего этого-то и боялся российский философ-пророк Константин Леонтьев, фактически соглашаясь с Виктором Гюго о рациональности невежества простого народа:

«И недостатки народа, и даже грубые пороки его могут пойти ему же косвенно впрок, служа к его исправлению, если только Господь от него не отступится скоро. Чтобы русскому

народу действительно пребыть надолго тем народом «богоносцем», от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский, – он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом. Чтобы продолжать быть и для нас самих с этой стороны примером, он должен быть сызнова и мудро стеснен в своей свободе; удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия. При меньшей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше серьезности, а при большей серьезности будет гораздо больше и того истинного достоинства в смирении, которое его так красит» (Константин Леонтьев, «Над могилой Пазухина», 1891 г., <http://knleontiev.narod.ru/texts/pazuhin.htm>);

«Для русской языковой картины мира характерна установка на примирение с действительностью, на смирение (Шмелев, 2002, с.99). «Покорись беде, и беда покорится». «Не плачься, Бог лучше полюбит». Смирение предполагает готовность человека с благодарностью принять все, что с ним случится, поскольку во всем происходящем видит Божью волю; это может предполагать принятие страданий, преследований, которым подвергается человек, и его готовность «смириться» со своим низким положением. (Н.Ю. Федунина, «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира», http://psyjournals.ru/mpj/2008/n4/Fedunina_full.shtml).

Вернуть народ к холопскому смирению а, тем самым, и к беспрекословному подчинению властям и даже бесчеловечным законам считают целесообразным некоторые «интеллектуалы» даже сейчас:

«Восстановление в своих правах принципа смирения как высочайшей добродетели было бы возвращением из небытия одного из ярчайших архетипов нашей этнической культуры. Он так долго осуждался, осмеивался, оплевывался, считался постыдным, что, казалось, ничто не сможет больше его оправдать. Но в том и сила архетипов, что они ни в каких оправданиях принципиально не нуждаются. В той системе представлений он казался ненужным и потому оплевывался, он противоречил, он мешал. В новой системе он является крайне полезным звеном, а потому и вводится в нее часто без всяких логических обоснований. На уровне ощущения. Мне нравятся смиренные люди. Я чувствую в них какую-то силу, какую-то внутреннюю структуру, которой мне не хватает. И я начинаю им подражать. Я хочу перенять, развить в себе это качество, я «работаю над собой» в этом направлении. Так восстанавливается архетип. Во мне, и в другом, и в третьем. Затем, как нечто само собою разумеющееся, он начинает использоваться в качестве критерия при оценке поступков. Это придает ему огромную силу. Вот он и обрел новую жизнь...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «Особенности русского национального характера», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava13.php);

«Не нужно НАСИЛЬСТВЕННО НАСАЖДАТЬ ДЕМОКРАТИЮ, точно так же, как не нужно утруждать себя ПОИСКОМ каких-то таинственных собственных путей, – просто надо

потерпеть, пока народ-ребенок повзрослеет. Как ребенок неизбежно приходит к авторитаризму, так взрослый добровольно выбирает демократию – ибо только взрослый способен к сознательному выбору. Сам процесс взросления, очевидно, нельзя – И НЕ НАДО! – ни ускорить, ни замедлить» (Нина Воронель, «Либералы против ретроградов», http://sunround.com/club/22/137_ninavoronel.htm).

Возможно, они в чем-то и правы. Ведь это хорошо согласуется и с гениальным заключением Александра Герцена:

«Нельзя людей освободить к наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы» (Александр Герцен, «Письма в будущее. К старому товарищу», письмо третье, 1869, – М.: Сов. Россия, 1982, – С. 435-451, <http://www.history.ru/content/view/1249/87/>).

Действительно, пока быдлотворная русская языковая картина мира не заменена у потомков русскоязычных людей на иную, не порождающую психическую инфантильность и, тем самым, позволяющую органично адаптироваться им к капитализму, нельзя допускать никаких излишних свобод и, в том числе, и повышение в обществе статуса тлетворно влияющего на них русского языка. Ведь психиатры давно заметили, что никоим образом нельзя потакать капризам детей и, в том числе, и капризам великовозрастных «детей», и капризам «детей» преклонного возраста (старческий маразм – «впадение в детство» весьма характерен для русскоязычных людей).

Для обладателя рабских тенденций мышления рабство комфортно, а свобода выглядит пугающе

Ведь неспособность русскоязычного людишки к самоограничению может привести к непоправимым последствиям:

«Исследуя проблему рабства, нужно со всей отчётливостью понимать, что для обладателя рабских тенденций мышления рабство комфортно, а свобода выглядит пугающе, сам переход на свободное динамичное существование весьма болезнен (в том числе и методом искусственной идеокоррекции), переоценка ценностей причиняет нравственные страдания. Рабство даёт привычную надёжность (пусть мифическую), ощущение стабильности (пусть временной), гарантии (пусть мизерные и мнимые), надежду на светлое будущее (пусть и неисполнимую). И ещё рабство освобождает от ответственности – перекладывает её на начальников, на Систему. Также мечта раба – халява, выслуженное незаработанное вознаграждение. Перед этими рабскими сокровищами изначально совершенно несущественно выглядит набор свободного человека: – мотивированного не убегать от труда, а наоборот, стремящегося к творческому труду; – нацеленного не выискивать халявы, а зарабатывать функциональной пользой; – нести ответственность за всё самому; – стремиться не к удовлетворению потребностей, а к актуализации ценностей, стремящихся к нематериальному нераздельному набору – свободе, любви, творчеству,

счастью...» (Юрий Кузнецов, «Несвобода «более лучше», чем свобода?»),
<https://vaysburd.livejournal.com/619737.html>; <https://7x7-journal.ru/post/48786/2014/10/18>;
http://kadatskey.at.ua/blog/nesvoboda_luchshe_chem_svoboda_preparacija_rossijskogo_rabstva/2011-02-18-33; http://www.econ.spbu.ru/profs/kuznetcov_uv/);

И этот-то набор свободного человека, к большому сожалению, абсолютно чужд русскоязычным людям, не склонным к деятельности без принуждения и готовым смиренно вынести даже унижающие их наказания:

«Русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия у них все прахом пойдет... «Да разве в России можно без принуждения, и строгого даже, что бы то ни было сделать и утвердить? У нас что крепко стоит? Армия, монастыри, чиновничество и, пожалуй, крестьянский мир. Всё принудительное» (Константин Леонтьев, Письмо И.И. Фуделю, 28 – 29 января 1891 г., Оптина Пустынь, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml);

«Гнет становился день ото дня сильнее, тягостнее, оскорбительнее; приходилось прятать свою мысль, заглушать биение сердца... И среди этой мертвой тишины, вместо всякого утешения, мы с ужасом увидели скудость революционной идеи и равнодушие к ней народа...» (Александр Герцен, «Письма к В. Линтону», т. XII, 1957, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/russie-vieux-monde/russie-vieux-monde-staryj-mir-i-rossiya.htm>);

«Вчера Тургенев, автор «Записок охотника», по высочайшему повелению, посажен на «съезжую» за статью, напечатанную им о Гоголе в «Московских ведомостях», где Гоголь назван «великим». Тургенева велено продержать на «съезжей» месяц, а потом выслать из столицы в деревню, под надзор полиции... В Тургеневе, конечно, хотели заклеить звание литератора, но он, кроме того, еще чистокровный русский дворянин, и унижительное наказание, какому его подвергли, едва ли произведет на публику то впечатление, на какое рассчитывали. В нем одновременно оскорблены чувства дворянства и всех образованных людей... Страшное, удручающее впечатление произвела на меня беда, стрясаясь над Тургеневым. Давно не помню, чтобы меня что-нибудь так трогало и огорчало. Сознаю, что тут нет еще ничего необычайного, что Тургенев все же еще не мученик за истину, что, назвав Гоголя «великим», он в сущности терпит даже не за идею, а за риторическую фигуру. Но тем хуже, тем сильнее поражает меня беспомощность мысли в настоящее время...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 17, 18 апреля 1852 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Для американского менталитета достаточно характерна ориентация самоактуализации на очень высокие успехи в конкурентной социальной среде, на победный характер, на инициативу, способность достойно принимать вызовы среды. «Губительная ориентация нашего общества на рынок чрезвычайно затрудняет актуализирование». Российский менталитет ориентирует развитие в первую очередь на требования остающегося во многом тоталитарным государства, на усредненность проявлений и, с другой стороны, на справедливость и совесть (последнее, к сожалению – только в идеале)» (О.И. Мотков,

«О парадоксах самоактуализации личности», <http://hpsy.ru/public/x3157.htm>).

Ценится в русскоязычном примитивном обществе и выслуживание халявных льгот:

«Однако в России есть особый индикатор статуса индивида – система льгот. Индивид, ориентирован системой норм и ценностей на «зависимость» от нормы «будь как все». Российский индивид не «зарабатывает», а «заслуживает». Заслуги индивида – и есть комплекс льгот, соответствующий достигнутому статусу. Система льгот – воплощение принципа «личной преданности». По своей сути, это и есть принцип мотивации труда в российских коллективах. Итак, в российских организациях существует нормативная ценность как социальная установка преданный работник предпочтительней профессионала» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0077>).

Русские стали жертвами собственных «добродетелей». Я не знаю ни одного другого народа, у которого бы деградация зашла так далеко, как у русских

Как видим, без отказа от порочной русской языковой картины мира и кардинального преобразования культуры и менталитета народа категорически нельзя было производить и любые другие революционные преобразования в таком примитивном обществе. Сейчас же «гуманитарии предлагают вообще не обсуждать никакие русские проблемы. Мол:

«Гуманитарии предлагают вообще не обсуждать никакие русские проблемы. Мол, «чисто русских» – вообще не существует, а есть только русский язык и масса русскоязычных людей» (Вениамин Башлачев, «Русская расовая чистота – не миф, а Закон Природы», <https://russss-ivan.livejournal.com/9914.html>);

«И если узнать в советском человеке русского было невозможно уже при Горбачеве, то тем более невозможно узнать его в россиянина. Но что значит быть русским? Обязательно ли для этого быть русским этнически, да и вообще говорить на русском языке, не говоря уже о том, чтобы жить в стране, бывшей когда-то, при всех своих изъянах, – а их полно в любой стране и в любое время – православной Россией? Расовая теория, хотя и появилась в России и только потом в Германии, где ее приспособили к насущным нуждам национал-социализма и сделали из нее теорию расового превосходства, едва ли даст ответ на этот вопрос» (Константин Кравцов, «Русский апокалипсис: агнцы и козлища», http://www.moskvam.ru/publications/publication_1992.html);

«Почему вы всё время говорите о России, как о стране русских?» Русские, кто вы здесь? Где вы здесь? Поднимите руку! Нет вас! Это уже давным-давно всеми доказанный факт, что российский этнос не состоит из русских!» (Тина Канделаки, <https://sadalskij.livejournal.com/1325900.html>).

И такой подход, возможно, является единственно верным. На самом деле, нет никакой русской расы «белых негров», под которой Лев Троцкий подразумевал обращенное в

советское рабство русскоязычное население:

«Мы должны превратить ее (Россию, – П.Д.) в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...» (Арон Симанович, «Воспоминания секретаря Григория Распутина», Париж, 1922, Цит. по: В. Матюшкин, «Рабочий скот для европейского подворья», Молодая гвардия, М., 1991г., № 8. с. 55; Грейгъ Олег, «От НКВД до Аненэрбе, или Магия печатей Звезды и Свастики», https://www.e-reading.club/chapter.php/1003978/11/Greyg_Oleg_-_Ot_NKVD_do_Anenerbe_ili_Magiya_pechatey_Zvezdy_i_Svastiki.html).

Есть лишь полиэтничное русскоязычное население с привитой ему русской ЯКМ холопской ментальностью и безнравственностью:

«К старым порокам, наследованным нами от времен татарщины, мы присоединяем новые, которые прививает людям современная цивилизация. И что из этого выйдет, единому Богу известно. О, если бы как-нибудь нам удалось добыть хоть немножко добродетелей, годных и для домашнего обихода и для дел внешних! Увы! мы страдаем не одним расстройством финансов – мы страдаем безнравственностью, что в миллион раз хуже всякого безденежья... Воровство, мошенничество, пьянство – чуть не повальные у нас пороки. Общество наше деморализовано; наука наша слаба; мы до сих пор живем чужим умом. Своего мы мало привили к науке – разве нигилизм» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 30 сентября 1867г., 29 сентября 1868 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Как правительству не забрать в руки весь этот холопствующий, раболепствующий народ, когда он сам протягивает шеи и, так сказать, напрашивается на новые лишения и стеснения, которые сам изобретает наперед и лезет с ними на глаза разным властям, как будто с каким-то товаром... правительство и не думает иной раз, может даже и боится принять стеснительную меру, а тут, глядь, разлетелись сами: возьми, мол, ешь нас еще... Есть что-то сильно дрянное в народе, что мешает нам блаженствовать. Куда ни поверни: и лень, и подлость, и желание надуть друг друга. Это последнее в особенности» (Н. Берг, цит. по: Константин Скальковский, «Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых», С.-Петербург, 1905, <http://coollib.net/b/329712/read>);

«Русские стали жертвами собственных добродетелей. Я не знаю ни одного другого народа, у которого бы деградация зашла так далеко, как у русских. Это уже не народ, а пододеяльник, в который можно засунуть, запихать, влить, втемяшить все, что угодно. Хмурой народ – запойный, развратный, ленивый, равнодушный, лишенный общей значимости и общих представлений о добре и зле. Интеллигентская игра в хороший несчастный «народ» и плохую «власть» кончилась поражением самой интеллигенции. Не советская власть навязала себя народу, а народ согласился принять и терпеть советскую власть. Нас многократно предупреждали о катастрофе, приводили доводы. Мы только

отмахивались. Самых умных объявили сумасшедшими...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Самобытность», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Я считаю, что разврат и пьянство – это очень нормально, вообще, для нашего народа и для страны России. Я в этой стране живу уже 60 лет – я могу сказать, что более развратной и более пьющей страны, я в своей жизни не наблюдал. Так что это наши традиции, это скрепа наша, можно сказать. И то, что с ней пытаются бороться, ну это смешно. Это примерно то же самое, что бороться с коррупцией. У нас кроме разврата, пьянства и коррупции в России больше ничего не растет. И бороться, собственно, с единственными натуральными продуктами нашей жизнедеятельности, я считаю, это абсурдно» (музыкальный критик, журналист Артемий Троицкий, из интервью на «Эхо Москвы», <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1571242-echo/>);

«Я ненавижу формат «настоящего мужика», такого русского мифа о нем. В моем представлении «настоящий мужик» – это заплывшее гнусное существо из рекламы пива «Толстяк». «Настоящий русский мужик» много бухает, любит подраться, а к женщинам относится со смешанным чувством презрения и боязни. Женские архетипы во вселенной «настоящего мужика» – это жена, которая должна борщ поставить и обеспечить, бл... нах..., домашний уют; телка, которая должна ноги расставить, а потом пошла отсюда; и теща, которая ненавистна и которую надо презирать... Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта. Когда я вижу их – начиная от ментов, заканчивая депутатами, то считаю, что они, в принципе, должны вымереть. Чем они, к счастью, сейчас успешно и занимаются...» (Главный редактор Playboy в России (1995 – 1999) Артемий Троицкий, из интервью Наталии Ростовской «Я считаю, что «настоящий русский мужик» должен вымереть», <https://archive.li/7Irfi>);

«Поездив по миру и посмотрев на другие народы, я могу с уверенностью сказать: нигде, ни в каких землях нет такого скотского отношения к женщине, как в России. Везде: на Востоке, на Западе, в исламском мире – женщину берегут, ее уважают, ей помогают, ее любят. Все в природе взаимосвязано: избавившись от необходимости участвовать в конкуренции за женщину, русский мужчина деградировал и превратился в малоинтересный отброс цивилизации – в самовлюбленного, обидчивого, трусливого подонка. И теперь я могу сказать это твердо, на основании своих собственных наблюдений: русский мужчина – самый мерзкий, самый отвратительный и самый никчемный тип мужчины на Земле. Итак, я могу сказать, что российская власть в ее нынешнем виде есть продукт деградации российского мужчины. Российская власть лжива и гадка – потому, что лживы и гадки мужчины, которые ее олицетворяют. Российская власть коварна и бесчестна – потому, что коварны и бесчестны мужчины, которые ее формируют. Российская власть тупа и мерзка – потому, что тупы и мерзки мужчины, которые ее выбирают...» (Альфред Кох, из публикации в блоге на «Эхо Москвы», <http://web.archive.org/web/20120310162426/http://echo.msk.ru/blog/kokh/866692-echo>; <https://ja-sama-ru.livejournal.com/211105.html>);

«Наша «светлая жизнь» с ее злобой, ненавистью, насилием, всенаплевательством – естественная реакция на такое «воспитание», все мы – растленные культурой лжи и насилия, пожинаяющие плоды «оптимистического обмана».

Запах лжи, почти неуследимый,
Сладкой и святой, необходимой,
Может быть, спасительной, но лжи,
Может быть, пользительной, но лжи,
Может быть, и нужной, неизбежной,
Может быть, хранящей рубежи
И способствующей росту ржи,
Все едино – тошный и кромешный
Запах лжи»

(Игорь Гарин, «Химерический реализм, или блаженный идиотизм»,
<https://www.proza.ru/2014/09/03/756>);

«Минутой рок откроет вечность,
Что успокоит русский мир;
Его мятежную беспечность,
Его потуги на ампир,
Его безудержную веру
В святых с оружием в руках,
Притворное незнание меры,
Лукавство – скрыться в дураках;
Душеспасительную лживость,
И лицемерия щиты,
Что прикрывают нерадивость
Для философий нищеты.
Пусть нет в природе совершенства,
И бог велит любить и сук –
Какое все-таки блаженство
От вида этих смертных мук»

(Андрей Ефимов Энгельс, «Закат», <https://www.proza.ru/2015/07/07/1393>);

«В России методично перебили всех лучших. Перебили лучшую аристократию, лучших попов и монахов, лучших предпринимателей, лучших меньшевиков, лучших большевиков, лучшую интеллигенцию, лучших военных, лучших крестьян. Остались худшие. Самые покорные, самые трусливые, самые никакие. И я – среди них. Тоже – из худших. Из отбросов. Мы засоряем землю. И понять, какими были эти лучшие, уже нельзя. Да и не надо. Все равно из худших не слепишь лучших...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Худшие», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Кто с вами остался? Мы с вами остались, шариковы. Преображенские уехали. Нужно

выбирать самых умных из шариковых...» (Владимир Жириновский, в Госдуме, 29 сент. 2004, цит. по: Константин Душенко, «Зернистые мысли наших политиков», http://modernlib.ru/books/dushenko_konstantin_vasilevich/zernistie_misli_nashih_politikov/read_2/; <http://www.itogi.ru/pda/archive/2004/41/77424.html>);

«Удивительно цельный народ для внешней беспорядочности, расхристанности, многоликости. Цельный и на редкость однообразный внутри себя: смесь раболепия с вечным беспокойством, что ближнему чуть лучше, чем тебе. И ничего не сдвинулось за века в его мутных глубинах. Все та же ленивая, непроспавшаяся, равнодушная ко всему на свете, рабски покорная и при этом вздорная пьянь...» (Юрий Нагибин, «Дневник», <http://kuvaldinur.narod.ru/kuvaldin-ru/nagibin-dnevnik.html>);

«Как не крути, а невзирая на флаг, 1/6 часть суши занимала российская империя. Именно имперский дух пронизывал как метрополию, так и многочисленные колонии. А главной движущей силой метрополии было желание править и ничего более. В результате то, что сейчас определяется как «русские», не могло и не хотело работать. Совсем. Оно или люто завидовало начальству и пыталось его надурить, либо само становилось начальством. Следствием этого обстоятельства стал простой алгоритм: чернь более-менее работает не потому, что хочет получить больше результатов своего труда и лучшее качество жизни, а потому, что над нею стоит жесткий надзиратель. Все ощутимые достижения и перемены, в истории Московии, происходили именно по этой причине. Приходил некий тиран, который мордовал население наихудшим образом. Только тогда население начинало шевелиться. Те правители, которые не были способны создать нужный градус страха, непременно заканчивали плохо. Неудивительно, что производимые этой страной изделия и продукты, несли на себе несмываемую печать. Вот это определение оружия «простое, но дешевое» – из той же оперы. В результате, совок производил настолько убогую продукцию, что ее никто и никогда не стал бы покупать, кроме самих совков. То же самое и с нынешней РФ... Нам нечему учиться у восточного соседа, нечего там покупать и у нас уже нет ничего общего, даже истории, в которую Москва нагадила так, что та перестала быть историей. Мы оставили концлагерь в прошлом, где ему и место» (Сергей К. [anti-colorados], «Побег из концлагеря», ч. 3, <http://dynamo.kiev.ua/blog/274203-pobeg-iz-kontslagerya>);

«Йехуизмом, производным от свифтовских йеху, я назвал феномен зомбирования или самопорабощения человека примитивными тоталитарными идеологиями. Я стремился показать inferнальный характер «идеальных учений» как таковых – утопии, коммунизма, фашизма, русизма (рашизма), шовинизма, политического экстремизма, религиозного фанатизма, тоталитарных сект и т. п. Их антикультурный характер изначально проявляется в экстремизме – нескрываемых попыток «урезать» жизнь, обеднить ее, поставить куцую и убогую идею («убеждение») впереди цельности, полноты и обилия бытия. Я всегда с подозрением относился к «идеальному миру», разумея божественную роль его несовершенств. Ведь именно наши несовершенства, недостатки и ошибки делают нас людьми и позволяют «ходить перед Богом». Задача человека состоит не в том, чтобы

построить утопию или идеальный мир, но в том, чтобы стать достойным и по возможности счастливым в мире существующем. Кроме того, я против идеализаций, потому что слишком хорошо знаю цену утопий и коммунизмов. Лучшие человеческие качества – любовь, сочувствие, прощение, милосердие, филантропия – не должны строиться на «идеальном человеке», потому что такового не существует. Единственное, чего я не могу простить, это массового насилия, присущего тоталитарным режимам и одержимым бесами «великих идей». Утопия и фундаментализм претят мне нетерпимостью и беспощадностью к вероотступникам, наиболее ярко демонстрируя порочность идеализаций и красивых обманок. Надо иметь в виду, что слова вторичны перед делами. Мы – это то, что мы делаем, творим, а не то, что мы думаем или говорим...» (Игорь Гарин, «Моя жизнь – литература», <https://www.proza.ru/2014/03/19/1633>);

«И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы. Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси. Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил? А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так – вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда, при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы – лишний человек в мастерской мира. Вот и все. А так как россияне работать не любят и не умеют и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то – нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...» (Максим Горький, «Несвоевременные мысли», http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml);

«Уверенные в мировом величии своего мафиозного языка, они не изучают языки народа, среди которого живут, и по своей обломовской лености оказываются самыми малоинформированными людьми... Ленъ учить языки народов, среди которых они жили, покрывалась всемирным мессианством русского народа, русского языка и православия, мечтой о времени, когда «весь мир должен заговорить на русском языке». Хотя мир вовсе не спешил заговорить на нем. И никогда не заговорит. Да, поистине вначале было СЛОВО. Но лень вымолвить СЛОВО ПРИВЕЛА К ЛЕНИ ТРУДИТЬСЯ. Но зато дефицит трудового, жизнетворящего патриотизма в русском этносе в избытке восполнялся милитаристским шовинизмом «освобождения всех от вся и всех». Такое состояние национального духа привело к застыванию его на шкале популяризации «кормящего всех» паразитизма... Русский шовинизм – монстр, как говорят сами русские, «без царя в голове». Его логика – антилогика. У него нет науки. Есть наукообразие, социальная демагогия и мифология.

Являясь малоизученным, феноменальным явлением в истории всех родов шовинизма, во всех существовавших империях, он оказался наиболее живуч благодаря своей нестандартности. Евразийский, вернее византийский иезуитизм, двойной стандарт, не вмещающийся в рамки европейского демократического Логоса, взявший на вооружение исключительно ложь. Дезинформацию, подстрекательство, интриги, импульсирование международной напряженности, межнациональной розни, балансирующей в теории и практике между конфронтацией и войной, извлекающий пользу из неустанного и методичного поиска «новых врагов»...» (российский писатель Айдар Халим [Борис Халимов], «Этот непобедимый чеченец», <http://rko.marsho.net/articl/halim1.htm>; <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/khalim-2/>; <http://chechenews.com/1-7353/>);

«Русские – это русская идея, т.е. то, чего никогда не было и чего никогда не будет, и поэтому мы возможны как метафизическая конструкция, как спекулятивный объект, на котором записываются наши несбыточные желания. Мы их одной рукой пишем, а другой отсрочиваем, и много узоров нарисовали мы на объекте, но нет на нем одного – национального. Мы не нация, потому что если бы мы были нацией, то мы бы не были идеей, а мы – идея, и поэтому нет следов нашего эмпирического существования. Для нас Россия – это то же, что для Германии – культура или для Франции – цивилизация. Русский мыслит и чувствует не национально, а территориально, или, что то же самое, телесно, т.е. державно. Вот когда мы так мыслим и чувствуем, мы – русские, и есть что-то, что мы не можем не знать, но не сознанием, а телом, вернее, сутью тела, нутром. А кто ты там национально – это дело десятое...» (Фёдор Гиренок, «Мистериальные игры», <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Misterialnye-igry>);

«Вот что мне кажется: не сказала ли в этом факте (то есть в примыкании к крайней левой, а в сущности, к отрицателям Европы даже самых яростных наших западников), – не сказала ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, сказывалась чуждой русской душе? Я именно так думаю. О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала? Конечно, скажут, что тут нечему радоваться, если бы и было так: «всё же отрицатель – гунн, варвар и татарин! – отрицал не во имя чего-нибудь высшего, а во имя того, что сам был до того низок, что даже и в два века не мог разглядеть европейскую высоту» (Фёдор Достоевский, «Дневник писателя», гл. 2, I. «Мой парадокс», <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol13/175.htm>; <https://history.wikireading.ru/230142>; <http://dostoevskij.karelia.ru/showarticle.phtml?id=52>);

«Если комплекс неполноценности становится национальной чертой, то и психоз, порождаемый этим комплексом, должен иметь национальные масштабы, являясь чувством, компенсирующим ущербность. Это чувство уже получило свое название – русизм. Оно является наиболее яркой и всепоглощающей доминантой русского национального характера,

определяемого Александром Казаковым так: «...русскому человеку свойственно в своем национальном чувстве подменять главное в жизни народа, то есть его культуру – средоточие духовной жизни, – неглавным и второстепенным. Это происходит, когда русский подменяет любовь к Родине и Отечеству любовью к государству, к его политической, военной, хозяйственной или экономической мощи, к размерам его территории (которые для такого соблазненного больного национального сознания должны быть неизменны во что бы то ни стало, даже если приращены несправедливым путем)... хуже всего то, что русский человек идет на такую подмену даже в том случае, если эта власть и это государство нравственно скомпрометировали себя». Больное национальное сознание, являющееся следствием комплекса неполноценности – вот формула русизма. Но больное сознание, соблазненное идеей государственного величия, сколь бы порочным не было само это государство, перестает быть разумной политикой и обретает черты психической патологии, ибо оно, это сознание, полностью иррационально, искажено, «соблазнено». Оно становится формой национального безумия, национального психоза, извращающего всю иерархию ценностей, делающего очевидное зло (порочное, бесчеловечное государство) добром, а добро (гуманность, уважение национальных прав, добрососедство) – злом. Такая подмена ценностей, как форма безумия, есть сатанизм в наиболее привычном его проявлении и поэтому мы имеем все основания ставить знак равенства между сатанизмом и русизмом... И следствие этого комплекса неполноценности: «раз уж не любят, то пусть хотя бы боятся». Комплекс неполноценности перерождается в манию величия, манию русизма, манию «Третьего Рима». Эту манию какое-то время может сдерживать тривиальная боязнь получить сильный и адекватный отпор, но она не исчезает, ибо не исчезает комплекс, ее породивший – неустроенная, грязная, пьяная жизнь» (Дени Баксан, «След Сатаны [На тайных тропах истории]», XVIII. «Поступь Сатаны», <https://studopedia.info/3-68837.html>);

«Ваша великорусская мечта – сидя по горло в дерьме, затащить туда всех остальных. Это и есть Русизм...» (Шамиль Басаев, <http://demotivation.me/9nczqt8p0p2lpic.html>);

«Русизм – это особая форма человеконенавистнической идеологии, основанная на великодержавном шовинизме, полной бездуховности и безнравственности. Отличается от известных форм фашизма, расизма, национализма особой жестокостью – как к человеку, так и к природе... Принцип действия – уничтожение всего и вся, тактика выжженной земли. Отличается шизофренической формой мании мирового господства. Обладая рабской психологией, паразитирует на ложной истории, на оккупированных территориях и угнетаемых народах. Русизму (рашизму, – П.Д.) характерен постоянный политический юридикто-правовой и идеологический терроризм» (Джохар Дудаев, цит. по: Виктория Пупко, Владимир Крыловский, «Российская власть в своей стране: обыкновенный русизм», <http://www.krugozormagazine.com/show/Russia.2545.html>);

«В понятие «русский мир» заложены «русизм», «православный фашизм», «великодержавный шовинизм» и имманентно русский феномен – холопство. Именно эта (гремучая) тротиловая смесь, именуемая мировым злом, и является изначально

идеологической основой русской власти и русской титульной биомассы» (Мустафа Эдильбиев, «Украина, Чечня, Стомахин, и убийство Немцова – все это кровавый «русский мир»», <http://chechenews.com/украина-чечня-стомахин-и-убийство-не/>; <https://plus.google.com/101661492337522416805/posts/i6vXziwRUNZ>; <https://plus.google.com/115322688857547169679>);

«Россия не победила фашизм в 45-м. Она его усыновила. Мальчик вырос и мир ужаснулся. Только в отличии от Гитлера у мальчика есть ядерная бомба. Сегодня за кулисами Кремля стоял дьявол и аплодировал. Его ученики сделали хорошую работу. Проклятая страна, убогие люди. Безнадёжно всё. Проходят столетия и ничего не меняется. Тот же народ, те же грабли, то же убожество. Убогие люди повторяют мантру о величии России. Их не надо проклинать, потому что там нечего проклинать. Это пустые места. 70 лет они празднуют победу над фашистами! Уже все фрицы сдохли, а рабы все празднуют. Потому что праздновать им больше нечего... Русский мир – это мир варваров, не способных созидать. Ни одна нация не вложилась так в Московское Царство-Государство как Украина. Без Украины никакой Московии бы не было. И теперь созданное с нашим непосредственным участием чудовище, мстит нам же за наши старания. Добрые дела наказуемы. Надо признать, что мы сами старательно растили этого монстра. Не всегда добровольно, но приложились...» (Гл. ред. сайта GlavPost, блоггер, музыкант Алексей Заводюк, «Вечная варварская дилемма», <http://blog.i.ua/user/2774075/1380491/>; <http://glavpost.com/post/14feb2015/blogs/16410-aleksey-zavodyuk-vechnaya-varvarskaya-dilemma.html>);

«Русское мышление парадоксально. В рамках сохранившегося мифологического мировосприятия русский человек обладает уникальной способностью не просто высказывать одновременно два взаимоисключающих утверждения, но еще и не испытывать при этом никакого душевного дискомфорта. Оруэлловский мир, который, как известно, есть война – это и есть русский мир. Для русского человека говорить одновременно о том, что белое – это черное, и о том, что черное – это белое, в принципе нормально» (Владимир Пастухов, «Русский характер: существует ли русский «культурный код»?..», http://www.bbc.com/russian/blogs/2016/06/160601_blog_pastoukhov_russian_character);

«Так называемая русская идея, как бы она ни формулировалась изначально, всегда ведет к одному – необходимости намотать чужие кишки на гусеницы наших танков. И это притом, что она может быть очень красиво упакована в слова о духовности, доброте, несении идеалов справедливости и света... В этом смысле с Россией все понятно – она хочет оставаться в роли доисторического динозавра, упрямо отказывающегося эволюционировать. Украина же решила пойти по пути эволюции, чем и вызвала у нашего динозавра дикую ярость» (Александр Невзоров, из интервью Людмиле Грабенко, «Русская идея...» <https://gordonua.com/publications/nevzorov-russkaya-ideya-vsegda-privodit-tolko-k-odnomu-k-neobhodimosti-namotat-chuzhie-kishki-na-gusenicy-tankov-31765.html>);

«...Россия – государство предельно несамостоятельное. И очень вторичное. Все так

называемое подлинное национальное оно было как хлам при переезде брошено в 17 веке, когда Россия переезжала в 18 европейский петровский век, и, в общем, оттуда ничего кроме работорговли, вшей и пьянства захвачено с собой не было. Никакой самостоятельной культуры, наука не бывает вообще самостоятельной или национальной, потому что наука транснациональная вещь и не бывает ни русской, ни австралийской, ни американской науки, вот это все глупости. Поэтому сказать, что мы являемся, русские являются обладателями какого-то особого знания или какого-то особого геополитического секрета или представляют собой какую-то невиданную ценность, мы не можем. Мы постоянно видим, что это русская идея, правда, мы видим ее потенциал, но потенциал у нее в основном такой трупобразующий. Всюду, где она соприкасается с реальностью, мы видим горы трупов (причем преимущественно русскоязычных холопов, – П.Д.). Причем мы видим эти горы во все столетия. В той степени, в какой мы можем доверять истории. Ведь не забывайте, когда мы говорим «русская идея», мы говорим еще о некой исторической ретроспективе» (Александр Невзоров: У «русской идеи» трупобразующий потенциал, <http://argumentua.com/stati/aleksandr-nevzorov-u-russkoi-idei-trupoobrazuyushchii-potentsial/>);

«Война для этого государства – и есть само государство. Наматывание кишок на гусеницы – нормальное, естественное состояние этой страны. Это – не закончится никогда. Государство просто не умеет управлять этой территорией иначе, кроме как укладывая трупы, как шпалы. И чужие, но главное – свои. А территория уже и не хочет, чтобы ей управляли как-то по-другому. Вот и вся национальная идея» (журналист Аркадий Бабченко, «Национальная идея», <https://snob.ru/profile/27517/print/98204?v=1455277114>; <https://starshinazapasa.livejournal.com/874150.html>);

«[Гибридная война] – Изобретение чисто русское. Был такой начштаба корниловской дивизии – белогвардейский полковник Евгений Месснер. Большой умница, который создал теорию мятежевойны, в 20-е годы прошлого века уехал в Аргентину, в 1967 издал знаменитую книгу «Теория третьей мировой». Советский генштаб начал внедрять и разрабатывать эту концепцию в начале 80-х. Есть понятие трех уровней сети. Мы накрываем территорию очень плотной сеткой вещания, внедряем историю (неважно – правда или неправда, но это должно повторяться). В первую очередь даем языковую матрицу. Люди должны учить русский язык – будь то Чехословакия или Йемен. Культурная, языковая, семантическая и историческая матрицы насаждаются. Должны создаваться очаги русской культуры и русского менталитета – это матрица 1 уровня... Строительство матрицы 2 уровня – это люди, которые симпатизируют нам без вербовки. Находим тех, которые учились в России. Апологеты русского мира, те кто сам дошел, начитался Гумилева, и говорит: «Нифига себе, у них пласт культуры интересный» – они становятся информационными узлами. Сам того не ведая, такой человек уже ведет информационную разведку. Причем, все в открытом режиме, все законно...» (Психоаналитик Александр Зеленко, из интервью Татьяне Заровой, «Как Уланова, Ступка и разработки КГБ помогли русскому гопнику оттяпать Донбасс и Крым», <http://ord-ua.com/print/2015/10/27/kak-ulanova-stupka-i-razrabotki-kgb-pomogli-russkom-gopniku-ottyapat-donbass-i-kryim/>);

«Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед – это не просто глупость. Это крайне опасная глупость. Никакой особой миссии у России не было и нет! Не надо искать никакой национальной идеи для России – это мираж. Жизнь с национальной идеей приведёт сначала к ограничениям, а потом возникнет нетерпимость к другой расе, к другому народу и к другой религии. Нетерпимость же обязательно приведёт к террору. Нельзя добиваться возвращения России к какой-либо единой идеологии, потому что единая идеология рано или поздно приведёт Россию к фашизму...» (академик Дмитрий Лихачёв, <http://blog.bnkomi.ru/post-30667/>; <http://trip-trial.blogspot.com/2014/03/Citay-i-aforizmy-o-russkih.html>);

«Использование национальной идеи для формирования мировоззрения русского народа имеет глубокие корни. Многие известные российские мыслители воспринимали Россию как мир особый, ни на что не похожий. Исходя из такой посылки, они ссылались на самобытность русского народа, под которой понимали отпечаток в душах людей черт окружающего географического пространства. Одним из следствий этой самобытности стало утверждение о неспособности инородцев понять Россию. Свое мировоззрение они называли «русской идеей». Известно, что в XIX – XX веках она стала образом мышления некоторой части русской интеллигенции. Следует напомнить, что формированию ее концепции активно способствовали Достоевский и Чаадаев, хотя различия в оценке ими влияния этих взглядов на общественное сознание весьма существенны» (Владимир Едидович, «Корни русского фашизма», <http://newswe.com/Pryamaya/pryamaya.htm>);

«Когда россияне кричат: «Фашизм не пройдет!», возникает такое ощущение, что они требуют расширить ворота» (Всеволод Ковтун, <https://k0t1.livejournal.com/188771.html>);

«Главная беда России – не в дурацких дорогах, а в том, что русская национальная идея всегда наднациональна, более того, надгосударственна: мы готовы строить и Третий Рим и светлое будущее всего человечества, лишь бы не ремонтировать дороги» (Владимир Бутков, <https://oleg-leusenko.dreamwidth.org/5265517.html>);

«История России – это история многовекового террора. Террор государственный и общинный. Инерция является исторической силой. Террор массовый не только по числу жертв, но и по массе его исполнителей. За террор во время культа личности сделали виновным Сталина и десяток его пособников и сняли с остальных грандиозную проблему вины, проблему покаяния и искупления. Тему закрыли. Но, ломая все демократические и либеральные фанерные декорации из несостоявшегося покаяния, у «народа-богоносца» произрастает на могилах расстрелянных традиционная всенародная любовь к палачам и тоска масс по деспотическому режиму и лидеру-тотему. Масса стремится приблизиться к духовному миру этих созидателей небытия. Великорусский народ стремится привести действительность, её реалии в соответствие со своими внутренними, подсознательными, часто неосмысленными позывами и инстинктами (формируемые бессознательными

лингвопсихическими установками быдлотворной русской ЯКМ, – П.Д.). Ибо это проще: ведь «тыкать грязным пальцем в татарина или «иностранный неприятель» легче, чем читать книги. (см. В. Огнев. Бегство от революции. // Иностранная литература. 1990. № 10. – С 205). Слыша зов общинной морали, они сознательно стремятся возродить «исконно русский дух», т. е. возвратиться к провинциально – архаичным ценностям московского Средневековья. Чётко эту идею выразил В. Солоухин, поскольку страна в тупике, а выехать из тупика вперёд невозможно, то остаётся единственно давать задний ход. (Литературная газета. 30. 05. 1990). В наше время возобновился внутренний террор в России, как будто и не государственный, но с попустительством государства...» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«В России нет мирного населения, как сказал Басаев. Действительно нет. Без солдат Путин и его генералы много не навоевали бы. Без соответствующего менталитета и настроения в обществе не было бы этих солдат, с готовностью едущих, под благословения попов РПЦ, совершать злодеяния, исполнять преступные приказы, нанимающихся в Чечню (и в Донбасс, – П.Д.) за деньги – убивать, грабить, насиловать... Именно рядовые граждане России избирают эту кровавую власть – более того, они избирают ее ИМЕННО ЗА ТО, что эта власть обещает им «бороться с терроризмом», то есть и дальше подавлять и истреблять чеченский (и украинский, – П.Д.) народ. Выбирают того кто покажет большее искусство в «мочении черных (и «хохлов», – П.Д.)» – любимой русской национальной забаве последнего времени... Человеческая жизнь никогда не имела никакой ценности в этой стране, где народ покорно терпел правителей, воевавших методом заваливания противника трупами и испытывавших на собственных солдатах ядерное оружие. Такой народ нельзя, да и бессмысленно жалеть, – он заслужил все, что с ним делают его же правители, своим покорством, тупостью, и одновременно своим диким, изуверским садизмом и жестокостью по отношению к «чужакам» – будь это население захваченного Новгорода в 15-м веке или мирное население Ичкерии (и Украины, – П.Д.) в 21-м... Быдло продолжает жевать свою жвачку, пить пиво и смотреть телевизор. И ненавидеть «черных» и «чеченов» (и «хохлов», – П.Д.). А тем временем, как писал Булгаков, «Аннушка уже купила масло, и не только купила, но и разлила...» (Борис Стомахин, «Аннушка уже купила масло...» / «Расплата за геноцид», <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2004/02/08/16920.shtml>);

«Оглянитесь вокруг себя, сделайте сопоставления и вы поймете, что живете в старом советском кино «про чекистов», являясь одним из персонажей – более или менее главным. Особенно если вы патриот. Патриоты – это любимое лакомство Лубянки... Ловко играя на патриотических чувствах евразийцев, на их вере в «особый путь России», в возможность «национальной эволюции» большевизма, в его «очистительную миссию», чекисты втянули их в свои провокационные разработки с целью разложения белой эмиграции путем насаждения в ее рядах примиренческих и просоветских настроений. Уже тогда Лубянкой была запущена «утка» о «здоровых силах в советской госбезопасности», на которую охотно клюют российские патриоты и просто обыватели. Вообще, в контексте деятельности

Лубянки патриотизм и провокация – синонимы...» (Алексей Широпаев, «В паутине «родины»», <https://shiropaev.livejournal.com/41083.html>);

«Первое духовное богатство любого народа есть язык, литература и искусство. Русский шовинизм отнял у всех завоеванных ими народов язык, иссушил литературу и загубил искусство. Взамен языка родного народа они получили русский мат... Русский язык, внедренный насильственным путем, стал не языком дружбы, как утверждают горнисты империи, а языком вражды и раздора. Не потому ли переход колониальных народов империи на обучение на их родном языке встречает такое исступленное противодействие с их стороны? В духовной стагнации, ущербности любого другого колониального народа насильственный русский язык стал ПЕРВОЙ И САМОЙ ГЛАВНОЙ ВИНОВНИЦЕЙ, ПРИЧИНОЙ И ТОРМОЗОМ В ИХ РАЗВИТИИ» (татарский писатель Айдар Халим, «Убить империю или за Россию без окопов», <https://iberiana.wordpress.com/ruseti/khalim/>);

«Где террор, ложь, страх, насилие, лицемерие, ханжество и прочая всякого рода грязь – там русский ванька чувствует себя наиболее комфортно, тут ему можно быть самим собой, как таракану в студенческой столовой: патологическим рабом-хозяином, хитрым мошенником, жестоким садистом и циничным убийцей. Насильником, который оправдывает свои варварские поступки особой духовностью, ведомой только его ватной душе справедливостью и желанием «защищать» обделенных. Кого и от кого защищать наш русский ванька найдет. Можно сербушек от австрияк, можно красных финнов от белофинских фашистов, осетин от грузин или же русских людей (читай: быдло) Народной Республики Лугандон. Лишь бы расширить своё Дикое Поле, свою Орду, своё дегенеративное влияние туда, откуда исходит опасность развитого мира...» (Антон Чадский, «Православный халифат», <https://rufabula.com/author/anton-chadsky/271>; <http://newsland.com/community/4765/content/pravoslavnyi-khalifat/3211840>).

Неспособность русскоязычных людей инкорпорироваться в нехолопские этносы и насильственная консолидация их с помощью круговой поруки

«В чем суть духовного опыта, который, оказывается, невозможно применить для жизнестроительства? Может ли такой опыт быть самоценным, то есть неконвертируемым в другие пространства и культуры? И если да, то как быть с часто прокламируемой мессианской ролью русского народа? Мы бы ответили на эти вопросы так. Русский социальный опыт – уникален, благодаря соединению в себе страстного духовного вопрошания и не менее страстного отрицательного мироощущения. Но именно поэтому сомнительна его мессианская роль, ибо этот опыт неповторим и вряд ли будет взят на вооружение народами, истории которых основывались на принципиально противоположных жизненных установках. И как социальные практики западного жизнеустройства (при всей их соблазнительности) всегда будут наталкиваться на жесточайшее сопротивление при попытках их воплощения, как несоответствующие символической ценности, так и русская «неуспокоенность и духовная углубленность» вряд ли окажется приемлемой для

гедонистически настроенных народов современного цивилизованного мира» (Михаил Берг, «Истоки русского пессимизма», <https://publizist.ru/blogs/108412/26195/5;> <http://www.mberg.net/istoki/>).

И это хорошо подтверждается неспособностью русскоязычных людей безболезненно интегрироваться в нехолопские этносы, среди которых им приходится проживать. Причиной же этой неспособности является, вовсе, не банальное нежелание избавляться от своих, как холопских, так и других вредных привычек. Ею является поддерживаемое ксенофобской русской ЯКМ бессознательное отвращение к жизни по иным обычаям (укр. «звичаям») предубежденно чуждого этноса, в который вынуждены инкорпорироваться русскоязычные люди. Поэтому-то, вовсе, и не случайно отсутствие в русском языке понятия, соответствующего точно украинскому «призвичаїтися». Вместо него, обычно, употребляются такие понятия, как «освоиться» (укр. «освоїтися»), «привыкнуть» (укр. «звикнути») и «приспособиться» (укр. «пристосуватися»), подчеркивающие неспособность русскоязычных людей гармонично влиться в принявший их этнос без утраты своего национального самосознания.

Потомки русскоязычных людей не будут рассматриваться как инородное включение в принявшем их этносе (а, следовательно, и не будут отторгаться им) лишь при воспитании их на языковой картине мира этого этноса а, значит, и при полной ассимиляции их принявшим этносом. Конечно же, не исключено и то, что именно присущая русскоязычному примитивному обществу бессознательная склонность к притерпелости и является уродливым эрзацем (неполноценной заменой) осознанной необходимости «призвичаїтися».

Но в то же время, именно, бессознательная склонность к притерпелости и способствует быстрой приспособляемости русскоязычного человека к навязываемым ему авторитарной властью изменениям в его образе жизни:

«...согласно последним данным (май 2004 года), 57% (россиян, – П.Д.) утверждали, что они «уже приспособились» к изменившимся обстоятельствам, еще 20% – что они это сделают в ближайшее время. Вот здесь, в этой серии ответов, как мне представляется, звучит ключевое слово, которое очень важно для объяснения многих проблем нашей современной жизни: «приспособились». Времена изменились, человек приспособился. Научился жить без дефицита товаров, ездить за границу, без особого раздражения воспринимать частную собственность и бизнес (если тот не слишком крупный)... Лукавый расчет – составная часть механизма его вынужденного приспособления к изменившимся обстоятельствам. Человек адаптируется к миру рынка и бизнеса не потому, что научился работать по-новому, а потому, что научился снижать собственные запросы и отыскивать лазейки, щели, обходные пути в нынешнем, довольно сумбурном порядке. Большинство опрошенных считают, что сегодня в России нельзя жить, не нарушая закона, не уклоняясь от налогов, не платя взятки чиновникам и пр., и пр.» (Юрий Левада, «Условные люди. В России ищут человека. Ищут давно, но не могут найти», <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/43n/n43n-s17.shtml>).

С другой стороны от слова «приспособляемость» (англ. «adaptability», нем. «anpassungsfähigkeit») в большинстве других языков не образуется такой термин как

«приспособленец». В них ему ставятся в соответствие лишь имеющие несколько иной смысл слова и, в том числе и латинское слово «timeserver», переводимое на русский язык не только как приспособленец, но и как оппортунист. Однако и оппортунизм, всё же, хорошо соответствует менталитету русскоязычного населения. Ведь оппортунизм есть ничто иное, как:

«...следование своим интересам, в том числе обманным путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post*» (O.E. Williamson, «The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting», N.Y.: The Free Press, 1985, p. 44–52 / Оливер И. Уильямсон, «Поведенческие предпосылки современного экономического анализа», пер. А.В. Беянина, <http://markus.spb.ru/avtoritet/williamson.shtml>);

«Гораздо более серьезные проблемы – это понимание устройства нашей страны, устройства власти, природы власти, природы массового оппортунизма или аморализма, я бы говорил именно в этих терминах. Это более серьезная вещь, почему насилие становится таким важным показателем и основанием для самоуважения. Это более серьезные вещи, чем немножко риторический или схоластический... Проблема России – это не проблема власти, это проблема общества, проблема сопротивления авторитарному режиму, возможности моральной консолидации. Потому что мораль – это не проблематика правильного, неправильного поведения, не мордобитие и не убийство. Мораль – это идея общего блага и ответственности собственной. Этих представлений нет, потому что люди привыкли выживать в одиночку или в очень малых группах, семье и прочее. Уровень доверия в нашей стране очень низкий при очень высоком уровне агрессии и автоагрессии...» (Лев Гудков, руководитель «Левада-центра», из интервью Михаилу Соколову «Украина заслонила всё», <http://www.svoboda.org/content/transcript/26652268.html>);

«Основная проблема России – это 80% граждан, которые поддерживают военные авантюры Кремля и которые подвергаются очень сильному воздействию пропагандистских кампаний. Но опять же, это никого из них не оправдывает. Бред, который сегодня повторяют многие россияне вслед за ТВ и Путиным, оправдывать только отсутствием критического мышления и «мозгов» нельзя. Это элементарное отсутствие моральных устоев и совести... Мы видим это и по количеству добровольцев. Количество фашистов в России – тех, кто носит свастики и готов воевать в Украине, – оказалось намного больше, чем мы предполагали... Как сегодня можно примирить россиян с украинцами? Да никак. Нельзя примиряться с гражданами России, которые поддерживают такую власть, которые повторяют за пропагандистской кампанией весь этот бред. С ними даже невозможно разговаривать или убеждать в чем-то, поскольку они находятся в состоянии болезни. Это очень похоже на психическое заболевание. Поэтому лучше всего подождать, пока они проснутся и вылечатся... – Сегодня в России идет мощнейшая пропагандистская кампания. Сознание людей отравлено. Основная масса людей пребывает либо в состоянии загипнотизированности, отравленности сознания, либо просто испытывают страх, поскольку

реконструирована советская сталинская система безопасности... Основная история взаимоотношений между Украиной и Россией – это библейская история отношений Каина и Авеля. «Каинова печать» сегодня на русских, на гражданах России – это печать преступлений. И она сохранится на все последующие поколения. И это страшное преступление, прежде всего, против самих себя...» (Константин Боровой, председатель российской партии «Западный выбор», «Количество фашистов в России, готовых воевать в Украине, – оказалось намного больше, чем мы предполагали», http://ji-magazine.lviv.ua/2015/Borovoj_Kolichestvo_fashystov_v_Rossii_bolshe_predpolagalos.htm);

«Не менее важным для понимания сегодняшней ситуации является правило круговой поруки, формулируемое Дрогановым следующим образом: «Для того чтобы примитивная группа не распалась и функционировала на пользу Главаря, Авторитета и их Приближенных, ее необходимо вовлечь в... сурово караемые обществом акции. Это создает ситуацию круговой поруки, поскольку вина за содеянное лежит теперь на всех. Видя, что связи в группе разрыхляются, Главарь может, например, толкнуть людей на совместно совершенное убийство... После этого группа поневоле сплывается за счет общего чувства страха и вины... Аннексия Крыма в этом смысле – апофеоз: после того, как 80 процентов граждан страны поддержали воровство на межгосударственном уровне, власть в России за сплоченность группы и высокий уровень собственной поддержки может не волноваться. Сегодня очень многие требуют ввести войска на Украину и молчаливо (или – громко) одобряют помощь «повстанцам» в ДНР и ЛНР: это уже коллективно совершаемые убийства, в том числе – детей. Так что ошибаются те, кто думает, что сегодняшняя ситуация в российско-украинских отношениях может дестабилизировать Россию. Наоборот, при всех экономических и международных политических «убытках» от авантюры с Украиной власть в России за ее счет кардинально укрепляется – вследствие эффекта круговой поруки» (Андрей Мовчан, «Мораль в России: оправдание зла в примитивной группе», <https://politua.org/2016/01/01/9222/>; <https://glavnoe.ua/news/n181987>).

«Россия должна постепенно вписаться в основной поток сетевого развития мирового хозяйства; тип, темп, ритм и отраслевые пропорции российского развития должны быть увязаны с мировым рынком. Этот путь можно пройти по традиционной траектории развития, скорость которого согласуется с адаптацией менталитета. Но тогда подобный переход, как показывает опыт истории, затянется на много столетий – менталитет меняется очень медленно и для его естественного изменения нужно изменить религию (например, в духе Робеспьера) и психологические факторы внешней среды. Но при такой продолжительности процесса перехода Россия может остаться достоянием археологов. Можно манипулировать подсознанием при помощи искусственных психогенных методов, что, собственно, и делается в период предвыборных кампаний. Но результаты при этом кратковременны и не всегда предсказуемы. Естественный психогенный механизм воздействия на подсознание и соответственно выработки нового менталитета предоставляет, как видится, сетевая структура развития мирового хозяйства. Менталитет при этом стремительно становится сетевым независимо от того, каким он был раньше» (Доктор эконом. наук Людмила

Мясникова, «Российский менталитет и управление», <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-49-33>).

Однако же сопровождающийся обманом подсознания переход на сетевой менталитет русскоязычных людей без замены у них порочной русской языковой картины мира на иную, прививающую любовь к труду и, тем самым, стимулирующую более высокую его продуктивность, неизбежно приведет к их люмпенизации и депопуляции. Ведь то, что язык, культура и менталитет народа являются принципиально неотделимыми друг от друга, понимают все здраво мыслящие люди:

«Меланомы практически неизлечима – невозможно локализовать злокачественные образования. Так и с меланомой понимания – клетки старых смыслов, старого духовного опыта должны распасться, освобождая ткань заново осмысленной действительности» (Доктор философ. наук Григорий Тульчинский, «Безъязыкая гласность», «Век XX и мир», 1990, №9, с. 44, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1990/9/tulch.htm>).

Попытки изничтожения великорусской меланомы русской культуры

Хорошо понимал это и Петр Первый, когда принимал решение об изничтожении московитской (великорусской) меланомы финно-тюркской (русской) культуры и о замене ее животворной украинской культурой:

«Наоборот, великорусская редакция русской культуры, благодаря своему подчеркнутому европофобству и тенденции к самодовлению, была не только непригодна для целей Петра, но даже прямо мешала осуществлению этих целей. Поэтому, Петр эту великорусскую редакцию русской культуры постарался совсем искоренить и изничтожить, и единственной редакцией русской культуры, служащей отправной точкой для дальнейшего развития, сделал украинскую редакцию. Таким образом, старая великорусская, московская культура при Петре умерла; та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры. Это можно проследить по всем отраслям культуры. Возьмем, например, литературу. Литературным языком, применяемым в изящной, в религиозной и в научной литературе, как в Московской, так и в Западной Руси, был язык церковнославянский. Но редакции этого языка в Киеве и в Москве до XVII-го века были не совсем одинаковы, как в отношении словарного состава, так и в отношении синтаксиса и стилистики. Уже при Никоне киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую в богослужебных книгах. Позднее то же вытеснение московской редакции редакцией киевской наблюдается и в других видах литературы, так что тем церковнославянским языком, который послужил основанием для славяно-русского литературного языка петровской и послепетровской эпохи, является именно церковнославянский язык киевской редакции... Вся русская риторика послепетровского периода, как церковная, так и светская, восходит именно к этой украинской традиции, а не к традиции московской, которая так и погибла окончательно, не оставив о себе других свидетельств, кроме указаний, извлекаемых из произведений расколуучителей, вроде

Аввакума» (Всемирно признанный этнолог, лингвист, филолог, философ и историк, основатель евразийского движения, его главный идеолог князь Николай Трубецкой, «К украинской проблеме», в сб. «Евразийский современник», кн. V, Париж, 1927, <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns02.htm>);

«Политическое возвышение Москвы долго не сопровождалось возвышением ее книжного просвещения; до XV века она была, по выражению Буслаева, татарским лагерем, проводила антинациональные начала, в книжности уступала Киеву и Новгороду XII века. Книжные интересы были гораздо сильнее в Новгороде и других прежних центрах. Составитель летописного сборника в первой половине XVI века (Тверская летопись) извинял недостатки своего труда тем, что он – не киевлянин, не новгородец, не владимирец, а ростовский человек, конечно указывая тем центры книжной деятельности; Москву он не назвал вовсе» (Брокгауз и Ефрон, «История русской литературы (от первых памятников до татарского ига)», https://imwerden.de/pdf/brockhaus_efron_rus_litera_do_19_veka.pdf);

«Еще в домонгольский период именно Киев более всего заботился о чистоте церковнославянского языка, так что киевские церковнославянские рукописи этого периода опознаются именно по нарочитой правильности церковнославянской орфографии; и именно Киев служил в это время образцом церковнославянского произношения для всей Руси, задавая в этом отношении тон всем другим областям, как о том свидетельствует усвоение специфически южнорусского произношения согласной «г» в богослужебных текстах по всей Руси. А позднее, в эпоху польского владычества и борьбы с унией, тот же Киев явился очагом не только охранения церковнославянской традиции, но и первой систематической нормализации церковнославянского языка русской редакцией: до Ломоносова все грамотные русские (и даже нерусские православные славяне) учились церковнославянскому языку по грамматике украинского ученого Мелетия Смотрицкого. Расширение сферы применения церковнославянского языка и распространение этого языка на чисто светскую литературу опять-таки именно в Киеве раньше и ярче всего проявилось. Украинским бурсакам и ученым принадлежат первые попытки писать рифмованные стихи (вирши) на церковнославянском языке, и именно от этих вирш в XVII и в начале XVIII века ведет свою родословную вся русская поэзия (разумеется, не простонародная). Точно так же и риторика XVIII века с ее славянизмом генетически восходит к красноречию именно украинских ученых-риторов и проповедников, а не к «вяканью» великорусских краснобаев. Русская драма и комедия восходят тоже к украинским школьным интермедиям на церковнославянском языке. Словом, вся традиция и формы использования церковнославянского языка для светской литературы идут из Украины. Русскую литературу послепетровского периода приходится рассматривать как продолжение церковнославянской литературы Западной Руси (главным образом Украины) XVII века: со специфически великорусской, московской литературой допетровской Руси у русской литературы XVIII века никакой связи нет» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>);

«В системе русского литературного языка в начальный период церковнокнижный стиль переживает сложную ситуацию. Его относительной устойчивости способствовали традиции предшествующей эпохи: расцвет схоластической учености, философии, развивающееся книгопечатание, тесно и почти исключительно связанное с печатанием религиозной литературы, появление «словенских» грамматик, в которых были предприняты попытки нормализации церковнославянского языка. Во второй половине XVII столетия весьма значимой была активная деятельность выходцев из юго-западной Руси (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.) – воспитанников Киево-Могилянской академии, которые сыграли большую роль в развитии различных сторон общественной жизни, особенно в области просвещения, культуры, науки, письменности, что способствовало приобщению России к западноевропейской цивилизации. Немаловажной была ориентация церковной иерархии на греческую культуру и связанное с ней стремление провести «книжную справу» – правку церковных книг по современным греческим образцам. «Ученый» церковнославянский в практике московских книжников «эллино-славянского» направления пытался распространить сферу своего влияния на все литературные жанры. Так или иначе, но книжный стиль продолжает функционировать, однако по сравнению с Московским, донациональным периодом религиозная литература уже во второй половине XVII столетия начинает терять свое первостепенное общественное значение, уступая место литературе светского характера и ограничиваясь сугубо богослужебной сферой. Кризисная ситуация системы церковнославянского стиля XVII века определялась целым рядом обстоятельств: с одной стороны, культивирование высшим духовенством «высокой» риторики, продолжающей традиции византийского «витийства» сталкивалось со стилями церковно-книжной речи, шедшими с Украины, с другой – европейские течения из Польши, усложнившие процесс взаимодействия церковно-литературных и светско-деловых стилей, в третьих, интеграция демократической литературы. Все это способствовало тому, что уже к середине XVIII века церковно-книжный стиль перестал играть ведущую роль в русской письменности. Тем самым сфера церковнославянского становится локально ограниченной и перестает сколь-нибудь серьезно влиять на дальнейшее развитие русского литературного языка. Вне литературы религиозного характера книжный стиль в какой-то степени был связан с литературой «русского барокко» – торжественной эпистолярной и ораторской прозой, виршами и театральными сочинениями. В этой литературе он «становится предметом заботливой опеки со стороны некоторых писателей: его настойчиво пытаются отградить от всего того, что так или иначе могло бы уронить его достоинство, и прежде всего от вторжения просторечия». Для литературы «барокко» характерны все основные черты, свойственные книжному стилю Московского государства: сложность синтаксиса – «плетение словес», использование типично книжных союзов «аще», «дондеже», «егда», «понеже», обилие возвышенных метафор типа «гвоздь целомудрия», цитация из священного писания, употребление таких сложных слов, как «гордовысоковышествовати», «всевидомиротворокружная», использование многочисленных стилистических славянизмов – «глас», «един», «нощь» и лексических архаизмов – «гонзати» (избегать), «чуждаться» (удивляться), а также устаревших грамматических форм (аориста, имперфекта, палатализации в системе склонения и древних флективных показателей)»

(Татьяна Николаева, «Языковая ситуация в начальный период формирования русской нации», <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-nachalnyy-period-formirovaniya-russkoy-natsii>);

«Украинские элементы начали просачиваться в русский литературный язык на рубеже XVIII столетия в качестве носителей вестернизации и секуляризации. После украинско-русского воссоединения (1654) поток украинских книжников в русские культурные центры усиливается на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. Ближе к концу XVIII в. происходит сильная украинизация и тем самым также и полонизация русской литературы» (Роман Якобсон, «Основа славянского сравнительного литературоведения», 1953 / «Работы по поэтике», https://monoskop.org/images/0/00/Jakobson_Roman_Raboty_po_poetike.pdf);

«Украинское барокко оказывало большое влияние на Россию. Многие дети петровских сановников учились в Киевской академии. Сам Петр, вернувшись из Великого посольства, объявил патриарху о необходимости обучать священников в Киеве и начал раздавать украинцам архиерейские места. В 1700 г. Стефан Яворский стал местоблюстителем патриаршего престола, он также возглавил Греко-славянскую академию в Москве, которая переделывалась на манер Киево-Могилянской, с привлечением украинских профессорских сил. В 1700 г. рязанским митрополитом стал Дмитрий Туптало. Яворский активно продвигал на ключевые позиции Российской империи представителей украинского просвещенного духовенства, которые открывали школы, распространяли труды своих учителей, пропагандировали образование и науку. Одна из таких школ была открыта епископом В. Волстовским в Холмогорах, и именно там начал учиться великий М. Ломоносов, познакомившись с «Грамматикой» М. Смотрицкого и «Арифметикой» Л. Магницкого. Огромную роль в формировании идеологии Российской империи сыграл другой украинский духовный деятель – Феофан Прокопович» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=53>);

«Все почти подверглось их (украинцев, – П.Д.) реформе, по крайности неотразимому влиянию: богословское учение, исправление священного и богослужебного текста, печатание, дела раскола, церковная администрация, проповедь, храмовое, общественное и домашнее пение, ноты, внешность архиерейских домов, образ их жизни, экипажи и упряжь, одежда служителей, вид и состав школ, предметы и способы учения, содержание библиотек, правописание, выговор речи устной и в чтении, общественные игры и зрелища и т.д., и т.д.» (моск. проф. Петр Бессонов, «Беларуские песни», 1871; цит. по: Константин Харлампович, «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь // Предисловие», Т.1, 1914, <http://static.my-shop.ru/product/pdf/119/1184058.pdf>; священномученик Иларион [Троицкий], «Богословие и свобода Церкви // О задачах освободительной войны в области русского богословия», <https://predanie.ru/ilarion-troickiy-svyaschennomuchenik/book/72262-bogoslovie-i-svoboda-cerkvi/>; <http://www.pagez.ru/olb/008.php>);

«Тем новым элементом, который с конца XVI века и особенно в течение XVII

вмешался в московскую книжность и, в конце концов, возобладали над нею, были образование и литература, развившиеся в Западной Руси и в Киеве... Но, чем дальше, тем необходимее становились, однако связи Москвы с юго-западом, собственных сил явно недоставало: из Москвы зовут киевлян для ученой работы... К половине XVII века в Москве было, наконец, понято, что для книжного дела нужны настоящие ученые люди: у себя дома таких людей не было; их стали призывать из Киева...» (Александр Пыпин, «История русской литературы», Изд. 2. Спб., 1902; цит. по: Иван Огиенко, «Очерки по истории Украинской Православной Церкви // Влияние украинской церкви и культуры на московскую», <http://litopys.org.ua/ohienko/oh15.htm> ; <http://pelmlapeel.ru/content/view/382/28/index.html>);

«Когда в XVII в. церковнославянский язык московской редакции был вытеснен общерусским церковнославянским языком, сложившимся на основе западнорусской (киевской) традиции, стали происходить изменения и в разговорном языке высших классов русского общества. В язык этот стали проникать элементы западнорусского светского языка, причем особенно много этих элементов было, конечно, в разговорном языке западнически настроенных людей. При Петре I эти люди стали играть руководящую роль, а вместе с ними продолжали выдвигаться и коренные киевляне и западнорусы. В связи с этим в словарь разговорного языка высших классов (а через него и в словарь светсколитературного и канцелярского языка) влилась мощная струя элементов западнорусского светско-делового языка, который, однако, сам вскоре прекратил свое существование. К заимствованиям из западнорусского светского делового языка не замедлили присоединиться многочисленные слова, заимствованные из всевозможных романо-германских языков. Таким образом, разговорно-деловой язык высших классов русского общества, оставаясь средневеликорусским (московским) по своему произношению и по грамматике, значительно утратил чистоту своей великорусской основы в области словаря» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>);

«Киевляне, – говорит профессор А. Архангельский, – при всем предубеждении против них Москвы, уже со второй половины XVIII в. в Московской Руси – хозяева положения, лучшие, наиболее выдающиеся здесь деятели» («Из лекций по истории русской литературы», Казань, 1913, с. 118). На церковной, литературной и научной почве украинцы всегда были первыми в Москве. Украинцы искренне отдавали Москве все свои силы, все свои знания, и в течение XVII века они подготовили плодородную почву для реформ Петра I, и они же были его ближайшими помощниками, когда пришлось эти реформы проводить к жизни» (Иван Огиенко, «Очерки из истории Украинской Православной Церкви», <http://litopys.org.ua/ohienko/oh15.htm>; <http://pelmlapeel.ru/content/view/382/28/index.html>);

«Великороссия всегда выбирала себе архиепископов из Малороссии. Даже должности профессоров в Московском университете были заполнены учеными из киевских школ...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>);

«Но чаще, а в большие праздники всегда, без исключения – псалмы, хвалебные песни и другие тексты исполняются в форме настоящих церковных концертов, сочиненных как итальянскими придворными капельмейстерами, как-то Манфредини, почтенным Галуппи, так и украинскими композиторами, прежде бывшими придворными певцами. Среди последних выдвинулся, ныне состоящий придворным камерным музыкантом, Максим Березовский, обладающий выдающимся дарованием, вкусом и искусством в композиции церковных произведений изящного стиля. В последнем он настолько сведущ, что знает, как нужно счастливо сочетать огненную итальянскую мелодию с нежной греческой. В течение нескольких лет он сочинил для придворной капеллы превосходнейшие церковные концерты, с таким вкусом и такой выдающейся гармонизацией, что исполнение их вызвало восхищение знатоков и одобрение двора... В это же время прибыл ко двору превосходный лютнист Белоградский, уроженец Украины, которого раньше (1733 г.) русский императорский тайный советник и посол граф Кайзерлинг взял с собою в Дрезден, как бандуриста, и отдал на несколько лет в учение к знаменитому Вайзе. Белоградский играл с искусством великого мастера труднейшие соло и концерты и аккомпанировал себе в оперных и других ариях, которые он очень приятно пел, подражая в исполнении Аннибали, Фаустина и другим большим виртуозам, с которыми он был долгое время в общении в Дрездене...» (Якоб Штелин, «Известия о музыке в России», <http://podelise.ru/docs/20260/index-17182-1.html>).

В тоже время именно:

«...С Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкие и понятные нам ужасы русской истории... Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует... Сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных органов и подобием Евангелий – ящичков с водкой... Коронует бл..дь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... И не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему» (Лев Толстой, из черновика рассказа «Николай Палкин», ПСС, М., 1936, т.26, с.568 цит. по: Кирилл Резников, «Мифы и факты русской истории [От лихолетья Смуты до империи Петра I]», <https://history.wikireading.ru/208781>);

«Все деятели «собора» общались на особых сакральных языках, которые противопоставлялись священному христианскому языку богообщения. Один язык происходил из воровского, так называемого «офенского» жаргона (современная «феня»). Пьянство, среди участников оргий именовалось «Ивашкой Хмельницким», а разврат – «Еремкой». Другой язык правящих Россией «соборян», был, увы, тем языком, на котором ныне общаются на Руси и стар и млад – это русский мат. ...русский мат был принят в качестве сакрального языка на «всешутейшем соборе», определившем дальнейший ход русской духовной и общественной истории. Мат широко использовался в непосредственном общении, а также был официальным языком «соборных» заседаний. Все лица «собора»

состоящие из пьянчуг и безобразников носили с подачи Петра прозвища, которые, по словам В.О. Ключевского, «никогда не смогут появиться в печати». Мы просим извинения у наших читателей, но без этой «бесовской вербальной сакральности» картина «собора» может быть определена только как «дебоширство, пьянство, что невозможно описать», выражаясь словами князя Куракина. «Собор» был не просто гнусной попойкой зарвавшихся высокородных негодяев, он был основоположником новой «святости», на антихристианский манер. Во главе собора стояли «архиереи» («архиереи», «епископы», «кардиналы»), числом 12 человек. Ясно, что «соборное действие» пародировало 12 апостолов Христа и Тайную Вечерю. У самого Петра I была кличка Пахом-пихайхуй...» (историк Андрей Щеглов, ««Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кощунства», [http://www.staropomor.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomor.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html));

«Сто пятьдесят мятежников проведены к Яузе. Говорят, что царь отрубил мечом головы восьмидесяти четверем мятежникам, причем боярин Плещеев приподнимал их за волосы, чтобы удар был вернее. Три меча были приготовлены для этого употребления. Один из них, когда царь им замахнулся, разлетелся вдребезги, и удар не последовал. Казаки, участвовавшие в этом мятеже, были четвертованы и после того посажены на позорный кол, для того, чтобы все знали, какая казнь ожидает впредь тех, которые, побуждаемые беспокойным духом, решатся на подобное дерзкое преступление. Пяти другим, имевшим более коварные замыслы, отрублены сперва руки и ноги, а потом и головы» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text3.phtml?id=738>);

«Европа знает Варфоломеевскую ночь, когда в Париже погибли 400 гугенотов, а о резне в Батурине, столице гетмана Мазепы, не знает ничего. А ведь там было уничтожено 15 тысяч жителей по приказу князя Меншикова, любовника Петра I. На раскопках Батурина не нашли ни одного скелета, потому что все жители были вырезаны, распяты, прикреплены к плотам и пущены по водам Сейма, Десны и Днепра для запугивания» (Юрий Ильенко: «Полтавской битвы, как ее описал гениальный арап Пушкин, безумно влюбленный в Петра, не было», http://www.ng.ru/culture/2003-05-29/6_poltava.html);

«Ещё В.О. Ключевский рассказал нам про то, что петровские карательные экспедиции по взысканию недоимок разорили страну почище Батыевых орд. Но это наблюдение великого историка осталось намеренно незамеченным его позднейшими коллегами, которые до сих пор прославляют «державную мудрость» царя-сыноубийцы» (Ярослав Бутаков, «Настоящее есть следствие прошедшего», <http://ehorussia.com/new/node/10666>);

«Итог деятельности Петра подвел великий историк Ключевский: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе <...> хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас

со времени Петра два века и доселе неразрешенная» [Ключевский 1989, 203]. Эта формула достойна того, чтобы быть увековеченной на скрижалях российского самодержавия – царского, ленинского, сталинского. Характеристика Ключевского один к одному подходит и к Ленину, и к Сталину. Сам Ленин говорил о необходимости варварскими методами бороться против варварства. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства (я бы еще добавил – цивилизации и варварства) – это меткая характеристика двойственности двуспиральной российской бета-социокультуры. Это действительно «квадратура круга» – не только политическая, но и социокультурно-историческая» (Карл Кантор, «Россия – бета-паттернальный ансамбль»,

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=647&Itemid=52);

«Для Руссо Россия – результат странного, противоестественного, а потому и неудачного эксперимента Петра Великого. В «Общественном договоре» (1762) Руссо писал: «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством. Российская империя пожелает покорить Европу – и сама будет покорена» (Руссо, 1998: 90-91). Таким образом, Руссо полагал, что реформы Петра заглушили в русском народе тот голос природы, то естественное, самобытное, спонтанное и свободное, что есть в каждом человеке и в каждом народе, и, следовательно, обрекли на непрестанное подражание чужим образцам. Впоследствии о сильной подражательной способности русских писал, например, аббат Шапп д'Отрош в своем «Путешествии в Сибирь» (1768)...» (А.Р. Ощепков, «Массон Ш., его «Секретные мемуары» и «литература анекдотов» о России»,

<http://www.litdefrance.ru/199/1024>);

«У нас по недоразумению считают западником Петра Первого на том лишь основании, что он учился у Запада. А то, что эти уроки нужны именно для войны с Западом, для вырывания у Швеции приморского куска, для окончательного подавления вольностей Малороссии – про это знать необязательно. Позвольте, так какой же Петр западник - если он как раз с Западом воевал? Вот Ленин, например, с Западом помирился – заключил Брестский мир. А Петр – воевал. Как так? Непонятно. Именно с Петра началось подлинное закабаление Малороссии – в нарушение всех бывших при объединении договоренностей... То, что просвещенная Екатерина ввела на Украине крепостное право, то, что при ее просветительном правлении случилось восстание доведенных до крайности рабов, – про это знать не хотим. Мы видим в царице – подругу энциклопедистов, мы верим в наше начальство, обуянное западными настроениями, верим в либеральную русскую власть.

Немец – управляющий «крещеными медведями» (выражение Бисмарка) это ведь хорошо, думает всякий западник. Немец принесет порядок, а вместе с порядком и гражданские свободы прихватит, – и верим мы в это дикой, детской верой, вопреки историческим фактам, вопреки здравому смыслу... И что бы ни строили на этой земле, какую бы социальную модель ни перенимали – в основе русского варианта всегда будет лежать один и тот же принцип – крепостничество. А прогресс этому принципу нисколько не противоречит, как выясняется. Так, в целях прогресса вводили крепостное западничество, затем крепостное просвещение, крепостной коммунизм – а сегодня построили крепостной капитализм (или, как его застенчиво именуют, «демократическое общество с рыночным хозяйством»)...

(Максим Кантор, «Медленные челюсти демократии», https://www.e-reading.club/chapter.php/1004778/43/Kantor_Maksim_-_Medlennye_chelyusti_demokratii.html);

«И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.
Вогнать велел он в недра пльвунов
Сто тысяч бревен – целый лес дубовый,
Втоптал тела ста тысяч мужиков,
И стала кровь столицы той основой.
Затем в воза, в подводы, в корабли
Он впряг другие тысячи и сотни,
Чтоб в этот край со всех концов земли
Свозили лес и камень подбортней...
У зодчих поговорка есть одна;
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана»

(Адам Мицкевич, «Петербург», http://www.e-reading.club/chapter.php/133311/166/Mickevich_-_Stihotvoreniya_i_poemy.html);

«Русская допетровская культура явно бессловна, нема. Насильственное введение Петром I письменной речи одновременно послужило и началом деструкции языка. Набоков писал, что: «от толчка, данного Добролюбовым, литература покатила по наклонной плоскости с тем неизбежным окончанием, когда докатившись до нуля, она берется в кавычки: студент привез «литературу». На самом деле добролюбовщина – это лишь частное и локальное проявление более широкого процесса. Вместо «Добролюбов» следует поставить «Петр I»... Слова девальвировались и уже давно ничего не значат. Это даже не мертвый язык, отравляющий все вокруг трупным ядом, а язык ушедший, выветрившийся, пустой, не язык, а артикуляция, словоговорение. Так кончилась петровская Русь, Русь словесная, литературная...» (Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик», http://duckling-abc.ru/bt_new.html#ch4);

«Русское самодержавие, как оригинальное явление русской жизни, объясняется исключительной женственностью русской души. Явлением мужественным в русском государстве был Петр. Но Петр был не столько мужем, сколько насильником. Он изнасиловал женственную душу русского народа. Законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него. Часть народа приняла Петра за антихриста. А потом покорно подчинился народ вошедшему через Петра немецкому бюрократическому началу. Петр вздернул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра, и оно перешло в озлобление. Русская интеллигенция целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался непреодоленным и привел к страшной катастрофе, к падению России как великого государства. В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести» (Николай Бердяев, «Философия неравенства», <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>);

«В насилии над народом виноват прежде всего народ, не народ даже, а «какая-то этнографическая протоплазма»...» (историк Константин Кавелин, цит. по: Евгений Гуцало, «Ментальность Орды», <http://archive.li/HvPpI>).

Закостенелый порочный этнотип легко поборол не только насажденные элементы европейской культуры, но и языковую «вакцинацию»

И, конечно же, вовсе не желание Петра Великого оставить население России в рабском состоянии а, именно, это преимущественно бессознательное «недовольство против мужественного призвания Петра» привело к тому, что психически инфантильные потомки «петровской когорты подвижников» затормозили дальнейшие социально-культурные преобразования и сделали их доступными лишь для франкоязычных высших сословий общества. Поэтому-то все и вернулось на круги своя:

«Умственные качества могут легко изменяться под влиянием воспитания; качества характера почти совершенно ускользают от его действия [...]. Открытия ума передаются легко от одного народа к другому. Качества характера не могут передаваться [...]. Преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние каждого народа. Это – неизменный утёс, в который волна должна биться изо дня в день в течение веков, чтобы обточить только его контуры [...]. Характер народа, но не его ум определяет его развитие в истории [...]. Влияние характера – самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума в действительности очень слабо [...]. Чрезвычайная слабость работ профессиональных психологов и их ничтожный практический интерес зависят главным образом от того, что они посвящают себя исключительно изучению ума и оставляют почти совершенно в стороне изучение характера» (Гюстав Лебон, цит. по: Игорь Осовин, «Загадочная русская душа», <http://www.conspirology.ru/2011/01/zagadochnaya-russkaya-dusha.htm>).

Закостенелый порочный туранский этнотип легко поборол не только искусственно насажденные элементы европейской культуры, но и как французскую, так и украинскую языковые «вакцинации», ограничив их рамками пережиточных представлений, глубоко укоренившихся в старой (туранской) ЯКМ:

«Мы считаем, что этнический генотип (этнотип, – П.Д.) оказывается сильнее языковой «вакцины» и этнические варианты одного и того же языка претерпевают большие изменения, нежели национальные характеры и менталитеты народов, которым ходом истории был навязан чужой язык. Отличия ЯКМ этнических вариантов одного языка лучше просматриваются и описываются не в терминах формального лингвистического описания, а в более отвлечённых категориях типа «дух народа», «мелодика речи» и т.п.» (Олег Корнилов, автореф. дис. «Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов», <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-kartiny-mira-kak-otrazheniya-natsionalnykh-mentalitetov>);

«Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к каким первоначально не было никаких исходных импульсов, но народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке внутренних ограничений. Здесь и самое высокое просвещение не дает плодов. Даже все то, что привносят извне последующие эпохи, исконный язык приспособливает к себе и модифицирует по собственным законам» (Вильгельм фон Гумбольдт, «Избранные труды по языкознанию», М., 1984, «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», (1830 – 1835), http://www.libma.ru/jazykoznanie/94_izbrannye_trudy_po_jazykoznaniju/p3.php);

«Язык – это тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать. Язык – это очки, без которых нам не разглядеть окружающий мир. Язык – слуга и господин. Язык – наш друг и враг одновременно. Любой язык изменяется под влиянием различных факторов: внешних или внутренних. Он как будто бы следит за нами и фиксирует все самые важные наши проблемы и больные места. Он не дает ни соврать, ни обмануть самих себя. Общество становится криминальнее, и язык вслед за ним. Общество поддается чужому влиянию, и язык тоже. Общество становится свободнее, и язык отражает это. Более того, меняясь, язык начинает влиять на всех людей, говорящих на нем. Выбор между «брайтонским» и «советским» – это не просто выбор, как говорить, а выбор, как думать и как жить» (Максим Кронгауз, «Язык мой – враг мой?», <http://www.philology.ru/linguistics2/krongauz-02.htm>);

«...становление ментальности определялось развитием самого языка, и специальных размышлений заслуживает вопрос: язык развивает формы ментальности или же, наоборот, развитие ментальности, явленной в каких-то иных формах, руководило изменениями, происходящими в языке и определяло направление его развития? Ответ, видимо, будет прост: в общем масштабе действий мысль и язык развиваются параллельно и совместно, но для каждого отдельного человека, вступающего в ментальное пространство русской речи, «мысль направлена словом» (см. также: [Трубецкой 1995])» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i->

Почти вся нравственная лексика этого новообразования (новояза), сформированного тюрко- и франкоязычной знатью на основе украинских редакций чуждых народу церковно-славянского и старокиевского литературных языков и упорядоченного украинскими и немецкими языковедами, постепенно была переосмыслена москвитями под свой холопский менталитет. А сам же искусственный язык из-за этого стал Великим Лицемером. Несоответствие смысла слов их «внутренней форме» лишило подсознание русскоязычных людей возможности вызывать бессознательные побуждения совести и, тем самым, позволило психически инфантильному населению законсервировать порочность своего менталитета, а самому же неестественно сложившемуся языку обеспечило возможность превратиться в злокачественное новообразование и, тем самым, стать Могучим Душегубом.

Фактически социально-культурным преобразованиям подверглась лишь видимая часть российского «айсберга». Находящаяся же под ее гнетом и тщательно скрываема от иностранцев нижняя невидимая часть российского «айсберга» – наиболее многочисленное закрепощенное крестьянство так и осталось в полудиком (зверином) и полускотском (животном) состоянии опекаемых барами неразумных холопов:

«И пусть топор царя прорубал окно в самых костях и мясе народном, пусть гибли в великом сквозняке смиренные мужики, не знавшие даже – зачем и кому нужна их жизнь; пусть треснула сверху донизу вся непробудность, – окно все же было прорублено, и свежий ветер ворвался в ветхие терема, согнал с теплых печурок заспанных обывателей, и закопошились, поползли к раздвинутым границам русские люди – делать общее, государственное дело. Но всё же случилось не то, что хотел гордый Петр: Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А, подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде – рабою. И сколько бы не гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены...» (Алексей Николаевич Толстой, «День Петра», <http://wysotsky.com/0009/335.htm>);

«...«Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу» (Ф. Альгаротти, «Письма о России», 1739 г.). Пушкин, прочитав книгу, вложил этот яркий и сильный образ в думы Петра. Сам же Петр будто бы говорил: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Это записал приближенный к императору человек, граф Остерман. «Итак, сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью». (В. Ключевский. «Курс русской истории», 1937 г.)» (Сергей Баймухаметов, «Призраки истории», <http://testlib.meta.ua/book/237544/read/>);

«С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей» (Петр Первый, в кн.: Николай Костомаров, «Русская история в лицах», Глава 15 «Петр Великий»,

<http://www.church.kiev.ua/Librery/htm/kostomarov/kostom46.htm>);

«Удивителен русский народ, но удивителен только еще в возможности. В действительности он низок, ужасен и скотен. Что можно из него сделать! Как Петр мог произвести такую реформу» (Михаил Погодин, Дневник, 1826, <http://litread.me/pages/563838/587000-588000?page=8>);

«И никто ни в чем не виноват, ибо все мы одинаково скоты» (Максим Горький, «В степи», <http://xwap.me/books/26540/V-stepi.html?p=4>);

«Рейтенфельс передает историю того, как Иван IV велел некому ученому немцу сказать, что думают о нем за границей. Немец все боялся говорить и, наконец, получив обещания не гневаться, сказал, что Ивана за рубежом считают кровожадным тираном. Покачав головой, Иван ответил ученому немцу, что иностранцы ошибаются, не зная в точности всех обстоятельств. Ведь иностранные владыки повелевают людьми, а он – скотами...» (Андрей Буровский, «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии// Бессмертные традиции опричнины», <https://history.wikireading.ru/229>);

«Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» (Александр III, высказ. [в беседе с графом Барановым] записал в своем дневнике издатель А.С. Суворин; цит. по изд. Дневника, Москва-Петроград, 1923, с. 166, <http://romanov400.ca/romanov-history/aleksandr-iii-aleksandrovich>; Александра Жирнова, «Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?», <https://www.kommersant.ru/doc/3047713>);

«Но, сравниваясь с Европой, мы оставались в петровском отношении к народу, то есть смотрели на него как на грубую массу, которую надобно очеловечить. Немецкого презрения Бирона с компанией у меньшинства, разумеется, не было, оно заменилось чувством более мягким сострадательного покровительства к неразумным детям» (Александр Герцен, «Русские немцы и немецкие русские», http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0180.shtml);

«Я вот, например, написал в январском номере «Дневника», что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар, ждущий света»... В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!» (Фёдор

Достоевский, «Дневник // О любви к народу. Необходимый контракт с народом», http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/73).

Нация, чье прошлое не указываем властно того пути, по которому она должна двигаться, чьи традиции бессильны создать ее будущее

В отличие от укр. «впроваджувати», соответствующее ему слово «внедрять» воспринимается подсознанием русскоязычного человека, как: «насиленно проникать в недра (внутри) чего-либо цельного, испытывая его сопротивление». Поэтому-то оно неизбежно ассоциируется в подсознании человека с насилием а, тем самым, и вызывает ответную бессознательную реакцию подсудного противления внедряемому. И это-то имеет место, несмотря даже на отсутствие видимого сознательного противодействия внедряемому со стороны самого послушного и весьма податливого русскоязычного человека:

«Не надо заблуждаться: как бы велик ни был гений этого человека (Петра Первого, – П.Д.) и необычайная энергия его воли, то, что он сделал, было возможно лишь среди нации, чье прошлое не указывало властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи традиции были бессильны создать ее будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно (и внедрить всё, что ему заблагорассудится, – П.Д.). Если мы оказались так послушны голосу государя, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы оправдать сопротивление. Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована...» (Петр Чаадаев, «Апология сумасшедшего», <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html>);

«Все, что до сих пор являлось у нас хорошего или дурного, – все являлось не по свободному, самобытному движению общественного духа, а по указанию и по воле высшей власти, которая всем распоряжалась и одна вела, куда хотела. Замечательные личности и отдельные факты мало значат в общей массе застоя: это пузыри, выскакивающие на поверхности сонной влаги, взволнованной вдруг падением в нее какой-нибудь тяжести...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 1, 16 октября 1855 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml);

«Но что же делать с русским обществом, если его историческое воспитание таково, что оно без правительства ничего хорошего сделать не умеет, несмотря на все свои «конституционные» и тому подобные претензии. Все великое и прочное в жизни русского народа было сделано почти искусственно (то есть, внедрено, – П.Д.) и более или менее принудительно, по почину правительства. Когда же (как мы видели за последнее время) почин государства принял характер некоторого самоотречения или самоограничения в пользу этого, так называемого «общества», то вмешательство и сравнительная свобода последнего – ничего не принесли, кроме плодов революционных или, по крайней мере, оппозиционных (у нас в России разница только количественная, а не качественная между

этими двумя политическими терминами)» (Константин Леонтьев, «Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге», http://knleontiev.narod.ru/texts/novaya_gazeta.htm).

А ведь эти умозаключения Петра Чаадаева и Константина Леонтьева вполне соответствуют и настоящему времени. На самом деле, главный теоретик имперской деконструкции Владислав Сурков прав, что Запад никогда не будет слушать и брать во внимание Россию, потому что у нее слишком маленькая к Западу гравитация. Поэтому ей надо что-то построить свое. А никто строить не хочет, все хотят жить как на Западе, и при этом оставаться русскими, в том самом виде комичного стереотипа русских в мире:

«Культура народа сегодня успешно освободилась от европейских традиций, которые были насильно навязаны ей Петром, и от той части европейского русского, что было воспитано за 300 лет. Поэтому сегодня царствуют Московия, ордынский синдром и видимость демократии. Безусловно, свобода слова сегодня есть, а при советской власти ее не было. Но за нее сегодня убивают где-нибудь на «Кропоткинской»...» (Андрей Кончаловский, «О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья», <https://glavcom.ua/publications/125974-a.konchalovskij-o-krizise-tserkvi-prezidente-predatele-i-poiske-schastja.html> ; <https://storm100.livejournal.com/115107.html>);

«Когда-то Гегель говорил, что каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Из всех изречений полузабытого философа это, наверное, остается самым модным. Как будто нетрудно показать – и подкрепить множеством наблюдений, документов, данных исследований – что мы «заслужили» только то, что получаем после очередной фазы социальных иллюзий и экспериментов: довольство малым, разочарование в реформах, новые надежды на старые порядки. Сегодня так судят многие в нашей стране и на Западе. Но с таким способом рассуждений нельзя соглашаться. Если в большинстве случаев в нашей истории побеждало самовластье, если сейчас большинство населения склонно надеяться на сильную руку власти, точнее, главного ее носителя, – это вовсе не значит, что так «должно быть» и что ничего иного наши люди «не заслужили». Очень редко «большинство» определяет выбор исторического пути, как правило, это делает относительно небольшая часть элиты, способная убедить, увлечь, побудить, подтолкнуть других, третьих и т.д. Оглядываясь назад, приходится признать, что именно это меньшинство оказалось слишком слабым на прошлом переломе...» (Юрий Левада, «Условные люди. В России ищут человека. Ищут давно, но не могут найти», <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/43n/n43n-s17.shtml>);

«К сожалению, не существует рецептов трансформации примитивной группы в «эгалитарную», без существенного влияния извне. Напротив, примитивные группы очень консервативны к любым изменениям (смена главаря никаким изменением, конечно, не является). Хорошая новость состоит в том, что, поскольку в основе психологии члена примитивной группы лежит подсознательный запрет на осознание реальности, примитивная группа обычно очень чувствительна к внешнему воздействию – если оно приходит не в виде критики (см. выше, критика вызывает страх и агрессию), а в форме положительного примера, причем скорость принятия позитивной практики в примитивной группе может быть очень

высокой – в силу развитого группового сознания... Конечно, нынешняя власть будет активно защищать страну от проникновения позитивных примеров: закрытие иностранных фондов в России, постепенный запрет на выезд за границу, цензура, – истерически прославляющие примитивные реакции и правила и поливающие грязью все, что в них не вписывается, каналы ТВ и пр. будут (вместе с нефтью, которая позволяет поддерживать приемлемый экономический уровень) делать свое дело по сохранению «традиций и устоев». Но даже с нефтяной иглой в современном мире невозможно перекрыть информационные потоки... В конце концов, дорогая нефть закончится – и только существенное количество людей, способных строить отношения не по принципам примитивной группы, сможет спасти страну от превращения в красно-коричневую нищую зону» (Андрей Мовчан, «Мораль в России: оправдание зла в примитивной группе», <https://politua.org/2016/01/01/9222/>; http://slon.ru/russia/moral_v_rossii_opravdanie_zla_v_primitivnoy_gruppe_-1119610.xhtml);

«У России есть два союзника: нефть и газ. Пока эти союзники с ней, пока они ее не подводят, зачем России меняться? У нас все хорошо, прекрасная маркиза! Жизнь удалась! Цены на нефть растут, на словах мы ругаем Запад, грохочем танками по брусчатке, нанесем им, если надо, ответный ядерный удар. Во всяком случае, языком. Народу это нравится. За спиной ведем с ними нормальные переговоры, расширяем их участие в бизнесе. Чего менять-то? Россия – демократическая страна. В том смысле, что начальство в ней действительно прислушивается к мнению народа. А народу нравится рык в адрес Запада. И не очень нравится виляние хвостом в адрес Запада. Третьего поведения в отношении Запада народ не знает и не понимает. Соответственно, рычание продолжится... Будет ли так всегда? Разумеется, нет. Потому что «всегда» не бывает ничего. Жизнь движется по синусоиде. Когда союзники (нефть и газ) предадут Россию, начнется кризис. Когда начнется кризис, станут искать виноватых. Когда начнут искать виноватых, вся вертикаль полетит... Вот такая психология – подростковая! Это психология людей, которые впервые дорвались до нормальной жизни, стараются выпендриться, как умеют...» (Леонид Радзиховский, из интервью Виктору Мартиновичу «В России уже был один потомственный интеллигент», http://www.belgazeta.by/ru/2008_05_14/tema_nedeli/16458/);

«Есть закон Гайдара: чем дороже нефть, тем глупее правительство, чем нефть дешевле, тем оно должно быть умнее и профессиональней. При 120 долларах страной могут править клоуны и воры и никто этого не заметит. Даже будут любить, что мы и наблюдали последние годы. Когда нефть дешевеет, к управлению должны прийти новые люди – честнее, профессиональней, грамотней. Однако этого не происходит. Как правил Путин с Медведевым и Рогозиным, так и продолжают. Это опасно. Такие деятели могут надувать щеки и бряцать оружием только когда нефть дороже 100 долларов. Сейчас нужны совсем другие. Честные и ответственные. Дешевая нефть неизбежно приведет к смене власти, как это, например, было в конце 80-х – начале 90-х. Главное, чтобы это произошло бескровно. А паника в Кремле оттого, что они это все понимают, но уходить не хотят» (Борис Немцов, «Чем дешевле нефть, тем умнее правительство», http://www.echo.msk.ru/blog/nemtsov_boris/1469690-echo/).

Но сколько же можно беспомощно вздыхать и ждать нового «перелома» (неизбежного после иссякания потока «нефтедолларов»), надеясь на то, что до его наступления психически инфантильное и недееспособное русскоязычное население всё же не вымрет постепенно в отведенной для него «судьбой» резервации России?

Русская ЯКМ обрекла Россию лишь на репрессивные модернизации

К большому сожалению, не возможно было одним махом преодолеть ту громадную дистанцию в развитии культуры и ментальности, которая отделяла Россию (Московию) не только от Европы, но и от Украины:

«Понятие о чести, составляющее душу и кровь истинной аристократии, вышло в Европе из того, что все аристократы были сперва сами владельческими особами, а рыцарство еще более придало благородный и человеческий характер их понятиям о чести. Наши бояре тоже были сперва владельческими особами; но, перестав быть государями, тотчас же сделались только почетными слугами: татарское иго, сокрушившее феодальную систему, было для наших воображаемых феодалов тем же, чем было рыцарство для феодалов Запада. Невыгодное тождество!.. И потому наш боярин не считал себе за бесчестье не знать грамоты, не иметь ни познаний, ни образования: все это, по старинным понятиям, было приличнее последнему холопу, чем боярину. По этому же самому он считал для себя бесчестьем не розги, не батоги, не плети, не кнут, не застеночную пытку, не тюрьму, – а «место» за царским столом ниже боярина, равного с ним по породе, но не равного по чести своих предков, или высшего заслугами, но низшего родом. По этому же самому наши бояре, по выражению Кошихина, лаяли друг друга, а не переводывались оружием по-рыцарски» (Виссарион Белинский, «Россия до Петра Великого», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0390.shtml).

И поэтому-то как царская Россия, так и советская Россия (СССР) фактически были обречены лишь на репрессивные модернизации:

«Москва, – удел, верный своим князьям, – поднявшаяся милостью монголов на развалинах древних городов, заселенная племенем, никогда не знавшим настоящей общинной свободы Киевского периода, – Москва одержала верх... Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой, но какую ценою? Это самая несчастная, самая поработенная из стран земного шара. Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни» (Александр Герцен, СС Т.VII, «О развитии революционных идей в России. Произведения 1851 – 1852 годов» М., 1956, http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml);

«Иван Грозный – Петр Первый – Сталин – вот три столпа великорусской державности. При этом забыто, сколько народу уничтожил сумасшедший сифилитик Иван, вызвавший своим правлением Смутное время, что Петр Великий, тоже сифилитик, сократил

население державы наполовину и вызвал целый каскад дворцовых переворотов, в результате которых страной правили развратные потаскухи, а Сталин, обучив Гитлера азиатскому коварству и демагогии, вызвал войну и загубил такое количество людей, что никому и не снилось. От татарского ига, от самой Орды идет Россия, как слепая лошадь, по замкнутому кругу: княжеская междоусобица, от которой лилась кровь дружинников и смердов, разгул опричнины, котлованы и кровь трудармий и сабельный поход на Польшу Троцкого, расстрельные рвы сотен Куропат и Бутовских полигонов, лесоповалы, Беломорканал и железная дорога в Заполярье, где под каждой прогнившей шпалой эковский труп – дорогу эту строили понарошку, чтобы убивать каторжным трудом, война с Гитлером, вымощенная трупами от Волги до Одера, трупами, по которым шли к победе голодные солдаты. Вранье, что эти солдаты кричали «За Родину! За Сталина!». Имя генералиссимуса звучало только со страниц газет и по радио. Это все сложно-сочиненные предположения. Одни правила игры были для пропаганды и совсем другое происходило в реальности» (Владимир Левин, «Вонь в ушах», Нью-Йорк, <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=print&id=1881>);

«Программа «Открытая студия» на Пятом канале. Видимо, в честь сегодняшней даты – дня смерти товарища Джугашвили. В студии – Даниил Гранин, Яков Гордин, Михаил Федотов, Ольга Крыштановская и упырь Кургинян со своими паучьими лапками. Что там было в течение полутора часов, не знаю. Я включила на излете – за полчаса до финала. Услышала интеллигентнейших Гранина, Гордина и Федотова. Гранин говорил о том, что мы живем в закрытом обществе, что нам необходима открытая дискуссия. Федотов почему-то отрекся от предложенного им же термина «десталинизация» и заменил его весьма постным и невинным «гражданизация». Кургинян брызгал слюной, торжествовал и тыкал лапками в бегущие на экране циферки. А циферки такие: передача спрашивает у тебя, народ: «Кто для вас Сталин?» Голосование идет в течение двух (!) часов в прямом эфире. Результаты: великий вождь – 71,5 %, кровавый палач – 10,9%, наша история – 17,7%. Думаю, что уважительное «наша история» можно смело приплюсовать к «великому вождю». И тогда мы получим «сумасшедшие» цифры: 89, 2. То есть почти 90% смотрящих в эти часы программу «Открытая студия» хотят Сталина. Хотят диктатора-параноика. Хотят его. Вожделеют. С готовностью подставляют свой зад и даже услужливо смазывают его вазелином. На, вождяра, втыкай. Когда в 1993 году после торжества ЛДПР Юрий Карякин, выпив для храбрости, выдохнул в камеру «Россия, ты одурела!», он даже представить себе не мог, что случится с Россией через какие-то 18 лет» (Ксения Ларина, журналист, «Россия одурела в доску», <http://echo.msk.ru/blog/xlarina/755073-echo/>; <http://newsland.com/news/detail/id/649127/>);

«Образ Сталина многослоен. Это и персонифицированный образ великой империи, и образ русского «Старшего брата». Это воплощение языческого культа Победы и предельного уровня патернализма, когда Вождь думает за всех, которые не просто делегировали ему свою субъектность, но себя ему вручили, став под его Высокую руку. Сталин – символ изоляционизма и антизападничества; с его именем связана ностальгия по мифически переживаемому статусу сверхдержавы, распоряжавшейся судьбами мира. Все это –

достаточно традиционные для России сущности. Но существует и драматическая проблема исторических итогов XX века. Победа в войне – единственное безусловное достижение, накрепко спаянное в массовом сознании с именем Сталина, – онтологизирует вождя народов как безусловную российскую ценность. В нынешней мифологизации Сталина есть и интересующий нас аспект. Сталин воплощает генеральную репрессию. Соответственно, высокий культурный статус Сталина, особое место этого персонажа отечественной истории в массовом сознании свидетельствует о запросе на такую репрессию. Как говорит А. Архангельский, «миф Сталина так живуч, потому он воспроизводился в 70-е годы, что обобщается в народном высказывании «Сталина на вас не хватает»...». С этим надо согласиться. Остается понять – откуда запрос? Исторический цикл «устойчивый порядок – резкая хаотизация – реставрация устойчивого порядка» носит универсальный характер. Фаза хаотизации рождает в традиционном человеке мощнейшую тягу к жесткому порядку, а потому, пережив эту фазу, традиционный космос возрождается из пепла. В случае же с Вождем народов мы имеем дело с особым случаем активизации этого цикла на пороге исторического снятия традиционного общества. Запрос на репрессию свидетельствует о сохранности у многих людей базовых инстинктов и способов миропонимания. В сознании этих людей Большая репрессия остается генеральным решением проблемы хаотизации социокультурного космоса, напряженно переживаемой российским обществом» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>).

Именно эти «базовые инстинкты» и являются основной причиной того, что не только большинство психически инфантильных россиян, но и наиболее прозревшие из них страстно мечтают о новом упыре-насилльнике, подобном Петру Великому или даже Сталину:

«Время дикое, странное, смутное,
Над Россией - ни ночь, ни заря,
То ли что-то родит она путное,
То ли снова найдёт упыря»

(Игорь Губерман, «Закатные гарики», <http://guberman.lib.ru/gariki/4ZG/03.htm>).

Неужели же эти прозревшие россияне действительно с нетерпением и с покорностью ждут именно того, кто наконец-то довел бы «грандиозное» деяние Петра Великого до его логического завершения, уничтожив окончательно их европофобскую культуру-меланому вместе с их холопским менталитетом и языком крепостных рабов (холопов)? И их, очевидно, ни сколько не смущает даже цена, которую придется заплатить за всё это:

«Вот есть строгий учитель, есть бездарный учитель, есть неграмотный, есть добрый. Какой самый важный? Строгий! Потому что добрый учитель ничему не научит, дети будут бегать и фантиками бросаться, бездарный учитель заставит ненавидеть предмет, поэтому должен быть строгий (в России, очевидно, даже жестокий, – П.Д.) талантливый учитель. Это власть (у психически инфантильных холопов России, – П.Д.)...» (Андрей Кончаловский, «О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья»,

<http://www.konchalovsky.ru/press/interviews/o-krizise-cerkvi-prezidente-predatele-i-poiske->

[schastyu/](#));

«Среди тех страшных ленинских документов как раз особо жесткие приказы были по уничтожению соотечественников. Например, «сжечь Баку полностью», брать в тылу заложников, ставить их впереди наступающих частей красноармейцев, стрелять им в спины... ..Выплачивать убийцам по 100 тысяч рублей...». Кстати, деньги за «тайно повешенного» (первые «ленинские премии») оказывались единственными премиальными в стране. А на Кавказ Ленин периодически отправлял телеграммы следующего содержания: «Перережем всех». Помните, как Троцкий и Свердлов уничтожали российское казачество? Ленин тогда оставался в стороне. Сейчас найдена официальная телеграмма вождя к Фрунзе по поводу «поголовного истребления казаков». А это знаменитое письмо Дзержинского вождю от 19 декабря 1919г. о содержащихся в плену около миллиона казаков? Ленин тогда наложил на него резолюцию: «Расстрелять всех до одного...» (Владимир Муныкин, «Открыли секретные архивы о Ленине и многие испытали шок», <http://microagis.ru/component/k2/item/1254-p>; «Расстрелять всех до одного». Владимир Ленин, <http://uargument.com.ua/istoriya/rasstrelyat-vseh-do-odnogo-vladimir-lenin/>);

«В России любят тех, кто замучил и убил многих русских. Русская власть в основном уничтожила собственное население, а не чужое или врагов, как в других странах. Отделить кровожадность от забавы и заботы о стране невозможно. Это и есть русская живописность. Несмотря на то, что Иван Грозный был садистом, многие его любят из принципа. Другие любят его садизм. Нет слов: Иван Грозный – это русский ренессанс» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Живописность», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt).

Однако же:

«...Большая репрессия вожделенна и целительна для деспотического правления. Она конституирует и утверждает традиционно-архаическое целое не как главенствующую, но как единственно подлинную реальность. Фиксирует культурный космос, переживающий кровавый ритуал массового жертвоприношения, и бесконечно высоко поднимает статус сакральной власти. Но почему деспотам или претендентам на статус деспота удается запустить процесс Большой репрессии? Ведь это делается руками десятков и сотен тысяч людей, которые позже станут жертвами процесса самоуничтожения! Сталинская Большая репрессия прошла, по историческим меркам, сравнительно недавно и оставила множество свидетельств. Осмысление этих материалов позволяют полагать, что такая репрессия формирует эмоционально-психологический климат, который способствует выпадениям в ИСС (измененное состояние сознания, – П.Д.), поощряет данную ментально-психологическую стратегию. Кроме того, репрессия способствует упоминавшемуся выше «омассовлению», превращению индивида в человека толпы. По справедливому замечанию В. Хачатурян, феномен «омассовления» можно рассматривать как вариант ИСС. Мое понимание проблемы состоит в том, что архаики и традиционалисты, насильно вовлекаемые в мир модернизирующегося государства, который требует от них противостоящего их органике пребывания в бодрствующем состоянии, бессознательно, на ощупь будут

стремиться к любым изменениям социокультурной реальности в направлении, которое обеспечит доминирование вождя для них измененного состояния сознания. Большая репрессия формирует именно такую диспозицию. Она целительна для традиционалистов и архаиков, насильно втянутых в чуждую им реальность. Происходит не только большое упрощение, но возврат к психологическому состоянию, исторически предшествующему актуальному. К правильному и безусловному миру детства...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>).

Может быть, всё же требуется новый подобный Петру Великому деспот, способный насильно избавить потомков россиян от пережиточной имперской русской ЯКМ?

Поэтому-то россиянам, осознавшим бесперспективность своего архаичного бытия, требуется лишь подобный Петру Великому «деспот», способный насильно избавить их потомков от пережиточной быдлотворной русской ЯКМ а, тем самым, и от всё ещё вождя для большинства из них холопского «русского мира вечного детства»:

«Общество, которого не могли пробудить ни крестьянское освобождение, ни земские учреждения, ни судебная реформа (ни падение «железного занавеса», – П.Д.), стоит того, чтобы им управляли посредством насилия. Впрочем, и то сказать, где сосредоточиться какому-нибудь возбуждению? В чиновничестве? Смешно и думать об этом. В купечестве и мещанстве? Но оно знает только плутовать и посредством плутовства наживаться. Пока было у нас дворянство (и казачество, – П.Д.), то в нем все-таки существовало нечто похожее на инициативу или, по крайней мере, на пассивное чувство своего гражданского достоинства, но с уничтожением его и это пропало в обществе... Общество, которое само ничего разумного и честного не хочет делать, не заслуживает, чтобы с ним поступали честно и разумно. Все-таки не следовало бы с такою бесцеремонностью отбирать то, что раз дано. Ведь от этого всякое доверие теряется, а с ним вместе и уважение. Привыкают повиноваться только потому, что больше ничего не остается, а где можно, там обманывают, то есть укрепляется разврат, которым наша общественность и без того так богата. Все это: и жизнь людей, и нравы их, и учреждения не могут не возбуждать к себе презрения... Множество неудобств бывает следствием всяких реформ общественных, и жаловаться на них было бы несправедливо и малодушно. Но бесчестность, отсутствие всяких понятий о законности и долге, обман при всяких сделках, одним словом, попираание общественной честности – вот что крайне дурно и невыносимо в нынешнем состоянии нашего общества. Это уже не от реформ, а от того, что составляет нравы наши. Поэтому и реформы служат не столько основанием добра, сколько поводом ко злу. И так как подобное состояние нравов есть наследие веков, то надобны силы, чтобы переменить их к лучшему. В лице каждого человека непременно есть черта, которую, отделив от других, можно возвести в карикатуру. С легкой руки Петра I у нас было несколько Петров, производивших реформы насильственно и диктаторски, например Аракчеев, граф Д.А. Толстой (Ленин, Сталин, Хрущёв, Горбачёв, – П.Д.) и проч.» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 20 июня, 4, 8 июля 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Я убеждён: России нужен лидер (деспот, – П.Д.), который имел бы смелость Петра Великого, чтобы сказать людям слова, которых они давно не слышали. Эта будет горькая правда, ибо трудно признаться в том, что Россия не может двигаться вперёд, потому что не хочет понять, как далеко она отстала в своём цивилизационном развитии от Европы» (Андрей Кончаловский, «Ужаснись сам себе», 2012 г., <https://www.kommersant.ru/doc/1878376>).

Главной проблемой для этого «деспота» будет очевидно то – какую же на этот раз избрать для России лингвокультуру – польскую, финскую или же сразу английскую? Пока что, именно, англицизмы уверенно вытесняют из речи россиян русские слова:

«Не претендуя на лавры давно воюющего с этим явлением Михаила Задорнова, все же задамся вопросом: а не наша ли власть сама сознательно делает все для уничтожения собственного языка а, следовательно, – и лица русских как нации? ... А то ведь, ежели так и дальше пойдет, то вполне можно дойти до ФУЛЛ РАШН НЭШНЛ БЛЭКАУТА, да еще и без возможности РИТЁРНИНГА. Эвона!» («Блэкаут праймериз не товарищ или прощай, русский язык!», <http://yablor.ru/blogs/blekaut-praymeriz-ne-tovarisich-ili-proschay-rusски/1854694>; <https://newsland.com/user/3609587293/content/blekaut-praimeriz-ne-tovarishch-ili-proshchai-russkii-iazyk/778844>).

И ведь освоение россиянами какого-либо не навязывающего холопскую ментальность языка вполне реально. Например, на момент обретения народами Греции независимости греческая речь не преобладала ни в одном из ее регионов, так как там проживали в основном славяне, албанцы, арнауты, армяне, евреи, турки и лишь давно уже ассимилировавшиеся этими народностями потомки готов и эллинов-византийцев. Введение же преподавания в школах только на новогреческом литературном языке позволило, не отдавая предпочтения языку ни одной из коренных народностей Греции, сплотить их все в единую нацию, несмотря на то, что они и продолжают пока еще общаться на своих прежних койне.

Да и:

«...В Германии, например, на немецком литературном депутаты выступают только в бундестаге. Приезжая в свои избирательные округа, они мгновенно переходят на местные диалекты. И попробуй они только заговорить языком Гёте! Избиратели сочтут это неуважением к малой родине, и депутат останется без мандата» (Ольга Андреева, «Посидим, поокаем», http://expert.ru/russian_reporter/2011/36/posidim-pookaem/).

«Есть чувства и мысли, которых не вызвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко вызываются на областном наречии. Есть писатели, которые сама посредственность, когда выбирают своим органом литературный язык, но которые на родном наречии глубоко художественны и правдивы. Их творения, как научные материалы, незаменимы никакими изданиями памятников народной поэзии, сборников слов и оборотов, обычаев, поверий и проч. Мы имеем таких писателей, имеют их и немцы и высоко ценят их влияние на общенемецкий язык и литературу. Такое

мнение о наречиях и поднаречиях общераспространено и не нуждается в подкреплении авторитетов» (Александр Потебня, «Язык и народность», http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml).

Поэтому-то вовсе и не стоит опасаться исчезновения современных русских диалектов после перехода с искусственного на новый естественный литературный и государственный язык. Они, наоборот, лучше сохранятся (подобно языкам других российских народностей), так как не будут больше нивелироваться ныне близким к ним литературным языком и при этом впитают в себя многое полезное из нового литературного языка:

«Несомненным считать можно, что в то время, когда началась на Руси письменность христианская и книжная литература, народная словесность русская (фактически нынешняя украинская, – П.Д.) была столько же богата содержанием и жизненной силой, сколько и язык – древними формами и силой выражать народные думы и были словом мерным и изящным. И как не имела нужды письменность чуждаться форм народного языка, так не имела она нужды чуждаться и форм народного слога: слог и язык были одинаково сообразны с требованиями ее приличий. Не только в подлинных произведениях русских книжников, но и в переводах, чем они древнее, тем более видим народности в выражении мыслей и образов... Не питаемая народной почвой, литература русская, вместе с языком своим, отчуждалась от народа; удаленная от современности в отношении к развитию понятий о требованиях вкуса, оставаясь неизменно при одних и тех же образцах и вместе с творениями, которые навсегда сохраняют свое художественное достоинство, считая за образцы такие произведения, в которых изложение и образ выражения только в силу давней привычки могли казаться достойными подражания, она остановилась в своем развитии» (Измаил Срезневский, «Мысли об истории русского языка», <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>);

«В борьбе за просвещение пришлось пожертвовать не только диалектами, но и деревней. «Приходил такой школьник домой, – грустно рассказывает Касаткин, – и говорил: «Мама, бабушка, вы говорите неправильно. Вот я теперь буду правильно говорить!» Это означало разрыв родовых связей. Полную социальную дезориентацию. Распад мира и страшный комплекс неполноценности деревенских жителей. Вспомните, как их заставили жить! Они кормили всю Россию, а сами умирали от голода. Их превратили в рабов. Вместе с гордостью за собственное наречие, собственный образ жизни было убито и уважение к собственному труду. Убито отношение к земле. Литературно-диалектный билингвизм, который есть в Европе или Японии, у нас так и не появился... Диалект и мир русской деревни суть синонимы. Помните? Диалект – это то, что обеспечивает национальную консолидацию народа. Помните? Детство, волны ржи под ветром, запах преющих яблок, бабушка кричит из окна: «Оль-кя, чайку попей!» Помните? Как надясь играли в хоронилки? Помните? Стоит всего лишь убрать диалект, и получится как раз то, что мы имеем сейчас: глубочайший экономический кризис деревни, распад национального самосознания и тотальная люмпенизация» (Ольга Андреева, «Посидим, поокаем», http://expert.ru/russian_reporter/2011/36/posidim-pookaem/);

«Образование – даже неполное среднее, телевизор и радио уничтожили особый простонародный говорок. В Костромской области вы можете услышать совершенно потрясающее «оканье», на Кубани – совершенно потрясающие ударения, из-за которых привычные слова кажутся совершенно непонятными. Но сейчас уже невозможно повторить глупость, которую учудили предки в 1914 году, – поговорить на «народном» языке. Потому что народного языка уже нет. И народа тоже уже нет... «Народа больше нет»... Все верно, нет. Померанец может радоваться! ...Но нет и интеллигенции. Она вымерла одновременно с народом...» (Андрей Буровский, «Вся правда о Русских: два народа», <https://profilib.org/chtenie/26307/andrey-burovskiy-zapretnaya-pravda-o-russkikh-dva-naroda-69.php>; http://www.nnre.ru/istorija/vsja_pravda_o_russkih_dva_naroda/p5.php);

«В соответствии с этой укрепившейся в XX веке традицией, сознательно регулируемый (кодифицированный) литературный вариант русского языка противопоставлялся всем остальным его вариантам в качестве, безусловно, высшей, единственно правильной и абсолютно универсальной формы, а народным говорам отводится роль «низших», «неправильных», «ограниченных» форм языка. Вследствие такого взгляда на состав русского языка школе не предписывалось развивать интерес к местной речевой культуре. Обучая школьников литературной речи (обучение литературной речи, безусловно, необходимо), школа не учила детей при этом гордиться замечательной речью их родителей и бережному отношению к своему родному говору, не дополняла литературным языком уже имеющуюся у школьников языковую компетенцию, а замещала говор литературным языком, то есть искореняла в сознании школьников первоначально усвоенную ими речь вторичной речью, что, как известно, ведет к серьезным негативным последствиям психологического, интеллектуального и морального характера» (Ольга Крючкова, Валентин Гордин, «Национальное богатство», http://fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1277454009&archive=1277455465&start_from=&ucat=14&);

«...«Обилие языка народного» подавляет, сила и простота его неподвластны времени и человеку; достаточно просмотреть словарь Даля – в формах его речений, уже достаточно архаичных. Этому языку противостоит усредненно-понятийно-рассудочный стиль с присущими ему однозначными гиперонимами, с гладкой фразой, а не то так и с руганью площадной, с невероятным матом (якобы русским), скабрёзным и даже глумливым. И уже читаешь с изумлением, что «современный русский язык – язык Пастернака, Мандельштама и Жванецкого» – «российский язык»...» (Владимир Колесов, «Русская ментальность в языке и тексте», <http://www.rulit.me/books/russkaya-mentalnost-v-yazyke-i-tekste-read-426966-63.html>).

Однако же переход на новый общегосударственный естественно сложившийся в каком-либо обществе язык должен обязательно сопровождаться и совершенствованием всех форм воспитания на всех его стадиях с помощью раскрытия не только интеллектуальных, но и чувственных способностей воспитуемых и с неременным формированием, как новой культуры, так и новой системы ценностей:

«Эмоция не менее важный агент, чем мысль. Забота педагога должна заключаться не только в том, чтобы ученики продумали и усвоили географию, но и прочувствовали ее. Эта мысль почему-то обычно не приходит в голову, и эмоционально окрашенное преподавание является у нас редким гостем, большей частью связанным с бессильной любовью к своему предмету самого преподавателя, который не знает средств для того, чтобы сообщить ее ученикам, и потому обычно слывет чудаком. Между тем именно эмоциональные реакции должны составить основу воспитательного процесса. Прежде чем сообщить то или иное знание, учитель должен вызвать соответствующую эмоцию ученика и позаботиться о том, чтобы эта эмоция связалась с новым знанием. Только то знание может привиться, которое прошло через чувство ученика. Все остальное есть мертвое знание, убивающее всякое живое отношение к миру. На уроках наших только при преподавании литературы, да и то в незначительной степени, признавалось необходимым в составе воспитательного процесса наличие эмоционального момента. Греки говорили, что философия начинается с удивления. И психологически это верно в применении ко всякому знанию в том смысле, что всякому знанию должно предшествовать известное чувство жажды. Момент взволнованности, небезразличия должен необходимо служить отправной точкой всякой воспитательной работы. <...> Почему-то в нашем обществе сложился односторонний взгляд на человеческую личность, и почему-то все понимают одаренность и талантливость только применительно к интеллекту. Но можно не только талантливо мыслить, но и талантливо чувствовать. Эмоциональная сторона (эмоциональная креативность, – П.Д.) личности имеет не меньшее значение, чем другие стороны, и составляет предмет и заботу воспитания в такой же мере, как ум и воля. Любовь может сделаться таким же талантом и даже гениальностью, как и открытие дифференциального исчисления. И там и здесь человеческое поведение принимает исключительные и грандиозные формы...» (Лев Выготский, «Воспитание чувств»,

<http://psylib.ex12.ru/librios/Pedagog/hrestomatia/42.php>;

http://psyjournals.ru/files/93122/vestnik_psyobr_2012_n4_Vygotsky.pdf);

«Только после многократных опытов мы пришли к убеждению» что все дети без исключения обладают этим даром «абсорбировать» культуру. Если же дело обстоит именно так, – сказали мы себе, – если культура может быть воспринята без усилий, дадим же ребенку возможность «впитать» в себя остальные ее элементы. И тогда мы увидели, как с той же легкостью, спонтанно, без тяжелого труда дети освоили не только чтение и письмо, но и ботанику, и зоологию, и математику, и географию. Так мы поняли, что обучение – это не то, что дает ученику учитель, а естественный процесс, стихийно развивающийся в человеке. Обучение достигается не тогда, когда ребенок слушает объяснения, а когда он приобретает собственный опыт в определенной среде. Значит, задача учителя – не объяснять изучаемый материал, а сформировать у ребенка серию мотивировок культурной деятельности в специально подготовленной обстановке... Перед нашими глазами открылась совершенно новая картина. Мы увидели не новую систему обучения или воспитания, но нового Человека, раскрывающего и свободно развивающего свой истинный характер. Он проявляет свое величие, если ничто не сдерживает его внутренней работы и не довлеет над его душой. Поэтому я полагаю, что все преобразования в сфере обучения должны

ориентироваться на развитие личности. В центр обучения следует поставить самого человека. При этом необходимо помнить, что умственное развитие начинается не в стенах университета, а с момента рождения, и наиболее интенсивно оно протекает в первые три года жизни. Именно в этот период, более чем в какой-либо другой, детей необходимо окружить неусыпной заботой. Если мы будем действовать согласно этому императиву, ребенок превратится из объекта тяжелого труда в удивительное утешение, в чудо природы. Он перестанет быть для нас бессильным существом, неким пустым сосудом» который мы должны наполнить своей мудростью. Его достоинство будет расти в наших глазах по мере того, как мы осознаем в нем конструктора нашего разума и поймем, что это существо, ведомое по определенному пути внутренним наставником, без усталости, но с радостью и счастьем трудится над построением величайшего чуда природы, коим является Человек. Мы, учителя, можем только помогать ребенку в этой работе, как слуги помогают своему хозяину. И тогда мы станем свидетелями развития человеческой души, свидетелями рождения Нового Человека. Он уже не будет простой жертвой обстоятельств. Отдавая себе ясный отчет о происходящих вокруг него событиях, он сможет сам управлять им и сознательно влиять на будущее человеческого общества» (Мария Монтессори, «Разум ребёнка», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/31.php; http://loveread.ec/read_book.php?id=51072&p=2);

«Таким образом, в основе сформулированной гипотезы лежит идея о том, что эмоционально здоровая личность школьника и его эмоционально благополучный индивидуальный стиль жизни обеспечиваются саморазвитием личности на основе деятельности, в том числе такой учебной деятельности, в которой создаются своего рода «инструменты» оптимального эмоционального развития. В условиях продуманной и оптимально организованной развивающей гуманистической психолого-педагогической системы, встроенной в рамки учебной деятельности, каждый ребенок вырабатывает способность оценивать свои возможности и выбирать те «техники жизни», которые позволяют ему сохранить свою индивидуальность и обеспечить свой творческий личностный рост, а также вырабатывать умение преодолевать критические ситуации, выбирать наилучший режим функционирования эмоций, восстанавливать нарушенное равновесие, сохраняя эмоционально-личностную психологическую устойчивость... Эмоциональное развитие подростков в учебно-воспитательном пространстве оптимально обеспечивается в специально организованном психолого-педагогическом взаимодействии на принципах диалогического общения; ненасильственной коммуникации; доброжелательности и принятия; системного использования критических ситуаций, смысловых заданий, когнитивного диалога, творческой активности учащихся; активизации перцептивных и рефлексивных способностей и умений в отношении эмоциональных проявлений; направленности психологических воздействий на целостную личность подростка в совокупности эмоциональных, когнитивных, волевых, рефлексивных, ценностно-смысловых и нравственных характеристик...» (Ирина Мясникова, автореф. дис. «Психологическое сопровождение эмоционально-личностного развития подростков», <http://www.dissercat.com/content/psikhologicheskoe-soprovozhdenie-emotsionalno-lichnostnogo->

[razvitiya-podrostkov](#));

«Многое из того, что усваивает ученик, забывается, но зато остается привычка определенным образом работать над материалом. Стало быть, ценны не одни знания, а прежде всего способы, какими они разрабатываются. Можно сообщать двоим ученикам одинаковые знания, но сообщать так, что получатся результаты совершенно противоположные. Сообщайте все, без единого исключения, сведения догматически, требуйте, чтобы ученик принимал их на веру, преклонялся, не рассуждая, перед авторитетом книги и учителя; дайте ему все выводы, все правила и обобщения в готовом виде, отнимите у него возможность самому пытаться делать выводы и формулировать правила из данных материалов; сообщайте ему результаты чужих наблюдений, отучите его от самостоятельных наблюдений, подавляйте в нем всякие попытки к критическому отношению – и вы приготовите идеального раба, слепо, не рассуждая, подчиняющегося всякому, кто покажется ему авторитетом, приготовите человека атрофированными способностями наблюдать, классифицировать, сравнивать, обобщать, делать выводы, находить причинную связь между явлениями, проверять себя и других, но с чрезвычайно развитой способностью схватывать и запоминать чужие слова, чужие мысли, чужие выводы, чужие правила и исполнять все формальные требования» (Василий Вахтеров, «Избранные педагогические сочинения // Наши методы преподавания и умственный паразитизм»,

http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=vahterov_izbrannye-pedagogicheskie_1987).

Поэтому-то приоритетным должно быть формирование и закрепление у нового воспитываемого поколения самостоятельности, творческой активности, инициативности, предприимчивости, любознательности, стремления к ответственному образу жизни, а также к стилю своих отношений с людьми и к манере своей трудовой деятельности, самым главным в которой должна быть личная ответственность за состояние общества. Иначе лексика и нового общегосударственного языка будет постепенно переосмыслена под старые морально-этические ценности и, тем самым извращена, как это уже ранее и произошло с церковно-славянской и со старокиевской литературными лексиками. Сохранившийся же у населения из-за этого холопский менталитет снова не позволит перейти ему на демократические принципы и сформировать в государстве гражданское общество:

«Воспитание происходит в семье. Мироззрение и ментальность народа впитываются через: отношения между родителями в семье, замечания отца и матери по малейшим отвлеченным поводам обо всем на свете, кого считать уважаемыми фигурами, а кого дрянью, что в жизни важно, а что менее важно – и вот, если в пять лет мы имеем в ребенке законченный характер, то к пятнадцати годам он уже усвоил именно то мироззрение в полном объеме, которое и составляет один из аспектов сути, неотъемлемой сущности его народа» (Михаил Веллер, «Великий последний шанс»,

https://lib.misto.kiev.ua/WELLER/r_poslednij_shans.p06.dhtml;

http://ruslib.us/WELLER/r_poslednij_shans.txt);

«По мнению психологов, российские дети как представители коллективистской культуры изначально более зависимы от родителей и общества. Русский ребенок с рождения интегрирован в замкнутые, устойчивые «группы», которые поддерживают его в течение всей жизни, рассчитывая в ответ на безоговорочную лояльность к коллективу. А в индивидуалистских обществах, к коим относится большинство западных стран, ребенок изначально должен приучаться к самостоятельности, иметь собственное мнение, высокую самооценку и опираться на личные достижения, – подчеркивают ученые... Сегодня большинство сознательных родителей в Германии действительно стараются придерживаться равноправия в отношениях с детьми. Одним из многих популярных в Германии трактатов о воспитании детей у немецких мам уже не первый десяток лет является книга детского психолога Элизабет Платтнер (Elisabeth Plattner) «Первые годы жизни». Одна из главных заповедей Платтнер: «Не унижь». Ребенка можно ругать, но не так, чтобы это унижало. Ни в коем случае нельзя бить. Нельзя прятать от него игрушки или что-либо еще на шкаф, потому что это также является для него унижением, ведь он мал, стало быть, вы пользуетесь его физическим «недостатком». Все обязательно нужно объяснять, не хитрить, не врать, а объяснять, осознавая, что ребенок – это личность, доверяя ему и завоевывая его доверие. «В запугивании нет никакого смысла, ведь вынужденное псевдопослушание не есть подлинное послушание», – подчеркивает Платтнер. То же касается и стремления привить детям самостоятельность. Важность этого, судя по результатам исследования, проведенного научно-исследовательским институтом ВАТ-Freizeit-Forschungsinstitut, немецкие родители ставят среди приоритетов воспитания на второе место после честности...» (Елена Сушева, «О воспитании детей в России и Германии», <http://ru.exrus.eu/-id51a0a5bf6ccc19ea76001f00>; «Мы и я: в России и Германии детей воспитывают по-разному», <https://p.dw.com/p/13TX3>);

«Команда по-американски – это и есть разнородная группа людей, которые быстро распределяют функции, но играют на общий результат. Мы тоже так делаем, например, на субботниках, в те редкие, и потому уже запоминающиеся дни, когда вся семья занята уборкой или когда все вместе «рубим оливье» на Новый год. Тут я задумалась. Наши команды исполнителей, которые пришли мне на ум, женские. Я и мои подруги обсуждаем, я и мои подруги убираем, я и моя подруга рубим пресловутый салат. Мужчины обсуждают политику – это очень важно! Политика, если ее не обсуждать, умрет, как птица без полета. А детей уже давно вытеснили в детскую, вручив им лото, шахматы и вазу с фруктами, чтобы не мешали... Вот главное отличие русской команды от американской: исполнительные функции в команде достаются женщинам, командирские – мужчинам, а дети – пока «путаются под ногами», «лезут под руку» и «никого не слушают». Уровень консолидации в наших семейных командах послабей. А дети не привлекаются к работам на равных. В семье принято относиться к ним, как к маленьким и беспомощным...» (Ольга Маховская, «Американские дети играют с удовольствием, французские – по правилам, а русские – до победы», <http://psyfactor.org/lib/makhovskaya34.htm>);

«Русский язык очень выразителен в отношении не самых приятных эпитетов для частей тела: «руки-крюки» и «пустая голова» – казалось бы, невинные словечки в адрес

человека, который перевернул на диван сгущенку. А потом полез везде своими лапами и даже не помыл копыта. Это опасный путь: дети формируют собственный образ исходя из наших слов о них... Несмотря на то, что хвастаются родители обычно какими-то идиотскими вещами, детям хочется быть на них похожими, особенно если они все время подчеркивают важность «похожести» подобными словами. Это снова попытка установить эталон, на этот раз и вовсе недостижимый: папа в твои годы мог, а вот тебе не светит, ты нехорош. Отсюда и до выученной беспомощности рукой подать: когда уверенность «я не могу» перерастает в убеждение «мне не стоит и пытаться»... «Все равно поедем на каникулы в тундру. И меня не волнует, что ты там хочешь». Логика ребенка такова: «Если маму не волнуют мои ожидания, значит, они и правда не важны. А если они не важны, то и сам я вроде как-то не очень важен». Между тем в психологии принято считать, что родители должны формировать у детей обратные вещи, например, базовое доверие к жизни, чувство собственной ценности и значимости. Так что фразу лучше переформулировать: «Я знаю, что тебе хотелось бы в Диснейленд, и мне очень важно твое мнение, но, к сожалению, мы можем себе позволить посмотреть лишь красоты северного мха!» И вот еще круто, если из другой комнаты никакой прочий член семьи не будет кричать: «Потому что я так сказал! И точка!»... «Ну-ка крошки собрал! Вышел из-за стола! Поклонился гостям, я сказал!» Так с ребятами разговаривают в армии, в школе и некоторые папы. Когда глаголы стоят в прошедшем времени, слушание не подразумевается. Другой эффект от таких слов заключен в том, что они унижают человеческое достоинство и напрямую бьют по личности, ломая ее. Воспитанный на глаголах прошедшего времени ребенок привыкает к тому, что силе надо подчиняться, а еще он может на скорость приносить родителю тапочки. Но это, пожалуй, единственный «плюс»...» (Инна Прибора, «13 фраз, которые нельзя говорить ребенку», <https://sssr-cccr.livejournal.com/706445.html>; <https://www.tampereclub.ru/1104-frazy-kotorye-ne-stoit-govorit-rebenku.html>; https://mel.fm/vospitaniye/3941250-never_tell);

«В России подавляющее большинство мамаш орет на своих детей вечно злобным окриком, какой мало где еще в мире услышишь: «Ты что в рот засунула, идиотка, я тебе говорила – не суй в рот что попало!», «Мама, мама, мне больно!» – «Нечего дрянью всякую в рот совать!», «Денис, а ну встал с качелей! Тебе долго нельзя! Встал, я сказала! Денис, ты оглох?! Щас по жопе получишь!», «Вот ты свинья! Ну только же штаны постирала!». «Чего ты визжишь как резаная?! А ну заткнись!», «Оля, домой! Домой, кому говорят! Да что ж ты за дите такое?! У всех дети как дети, а этой сто раз повторять надо!» – чуть ли не вместе с суставом выкручивая руку, молодая – не больше двадцати – мамашка тащит трех-четырёхлетнюю малышку из песочницы. Та, естественно, уже готовится заорать от боли и обиды... Мне доводилось как бывать на детских площадках Франции, Италии, Кипра, Израйля (эти вообще отдельная песня), так и просто наблюдать отношения с детьми американок, испанок, немок, канадок, японок, корейнок, арабских женщин и множества других национальностей. Все бывало. Бывало, и строгость звучала, – со стороны казалось, что заслуженная, – и все равно сначала были многочисленные попытки убедить спокойно. Бывали и запреты. Но никто и никогда не орал на своих детей, и уж тем более не обзывал. Никто не раздражался по поводу испачканной штанины, размазанных по мордочке соплей,

промокших ботишков, да мало ли еще по какому поводу. По крайней мере, прилюдно. Конечно, неизвестно, что происходит за закрытыми дверями. Хотя, судя по поведению и реакции на замечания или запреты детей, – а это явное отсутствие страха перед, казалось бы, неминуемым наказанием, – дома с ними общаются в такой же манере...» (OKSANA PASKAL, «Громкие особенности национального воспитания», <https://openrussia.org/post/view/16949/>);

«Инфантильный мужчина формируется в семье. Невнимание родителей к процессу воспитания мальчика, пуск на самотек формирования его волевой, нравственной и мотивационной сферы личности – вот необходимый и достаточный перечень условий для развития этой социальной патологии. Если кидалт предоставлен сам себе, имеет материальное обеспечение своей жизни со стороны родителей, то можно считать, что семья создала ему все условия для развития инфантильности. Удовлетворение материальных потребностей ребенка, не всегда проистекают на фоне отсутствия родительской любви. Этого чувства со стороны семьи может быть даже слишком много, но в воспитании отсутствует важный компонент относительно формирования социальных сторон личности мальчика. Поэтому, с возрастом мужчина имеет слишком слабую волю, он раб своих желаний, не умеет отказываться от них, жертвовать собой ради кого-то или чего-то, и на фоне выгод от положения ребенка, мужчина отказывается становиться взрослым... Постоянная практика ухода от ответственности, нежелание (а потом уже и неумение) принимать самостоятельные решения, ставить цели в жизни, формирует стойкие черты личности, не позволяющие адаптировать в обществе и быть успешным. Социум состоит из зрелых личностей, поэтому взрослые дети, будут со временем отторгнуты обществом, став просто ненужными» (Павел Пономарев, «Мужской инфантилизм – беспомощная гримаса бисексуального общества», <http://muzhmir.com/statji/infantilny-muzhchina/muzh-infant-bespomosh-ulibka.html>);

«У рабства много имен, но сущность всегда одна, множество форм, но неизменное содержание. Рабство – извечная болезнь с разными признаками; дети получают ее от родителей вместе с дыханием жизни (с мировосприятием, формируемым национальной ЯКМ, – П.Д); века бросают ее семена в почву веков, точно так же, как одно время года пожинает плоды другого» (Джебран Халиль Джебран, «Буря // Рабство», <http://www.omkara.ru/gibran/bur.htm>);

«Наш мир мы получаем, прежде всего, от родителей (с помощью национальной ЯКМ, – П.Д) – это то, что индусы называют «кармой». Поскольку у духа, вошедшего в плотные слои майи, нет пока своих представлений о жизни, мир для него создают его наставники. Чем мир был для родителей – праздником или каторгой – тем он станет и для ребенка. Потом, матеряя, нам очень трудно переломить свою «карму». Нас убедили – и доказали фактами, примерами – что добыть тысячу очень трудно. И мы не понимаем – как для кого-то может быть легко, добыть миллион? Ведь все же очевидно...» (Борис Березовский, «Как заработать БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ», http://soznanie.info/st_berezov.html);

«Несколько поколений людей родились и прожили в условиях расслабленного состояния, психология у них и их детей сформировалась потребительская, нетребовательная ни к себе, ни к людям, ни к качеству жизни. Вместе с тем строительный материал самостоятельного государства – это люди. Так что, видимо, сменится несколько поколений, прежде чем возникнет по-настоящему предпринимательский высококультурный класс, развитое гражданское общество и устойчивое государство» (Сергей Беляев, «Загадка украинской души. Особенности менталитета украинцев», <http://www.navigator.lg.ua/arts.php?mode=r&art=r0073>).

Не на говорах своих предков, а на литературных языках своих господ во все времена и во всех государствах воспитывались лишь рабы и холопы

Современный литературный русский язык является искусственным книжным языком, сформированным российской франкоязычной знатью на основе церковно-славянского и старокиевского (староукраинского) литературных языков, на которых в Восточной Европе ни одна из народностей никогда не разговаривала (эти языки использовались для общения соответственно церковнослужителями и украинской знатью):

«Родословие русского литературного языка приходится начинать очень издалека, со времени славянских первоучителей св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как известно, св. Кирилл перевел Евангелие и некоторые другие тексты Св. Писания и литургической литературы на особый язык, который принято называть старославянским или староцерковнославянским. Язык этот с самого начала был искусственным. В основе его лежал говор славян города Солуни, принадлежавший к праболгарской группе южнославянских говоров, но в то же время отличавшийся от прочих говоров той же группы некоторыми чертами и, в общем, даже для своего времени очень архаичный. Однако живой народный говор солунских славян, разумеется, не был сам по себе приспособлен для перевода греческих литературных текстов. Св. Кириллу и его брату, св. Мефодию, продолжившему его дело после смерти св. Кирилла, пришлось ввести в солунско-славянский говор очень много новых слов. Эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян, среди которых протекало апостольское служение св. первоучителей, частью были заимствованы из греческого, частью же были искусственно созданы из славянских элементов по образцу соответствующих греческих слов. В области синтаксических оборотов первоучители, в общем, сохранили основные своеобразные черты славянского языка, но все же подчинились в сильной мере влиянию греческого оригинала, так что в церковнославянском тексте отразились черты того особого греческого синтаксиса, который так характерен для греческого текста Св. Писания. Таким образом, возник церковнославянский язык – язык с самого начала своего существования чисто литературный, т.е. более или менее искусственный, существенно отличающийся своим словарем, синтаксисом и стилистикой от того живого народного (солунско-славянского) говора, который лег в его основу. Именно примыкание к более древней греческой литературно-языковой традиции помогло превратить живой разговорный язык солунских славян в язык

высшей духовной культуры, в язык литературный по существу... к концу XVIII века разговорный язык руководящих слоев русского образованного общества настолько олитературился, а светско-литературный язык, употребляемый теми же слоями в писаниях, настолько обрусел в своем формальном составе, что слияние этих обоих языков воедино стало почти неизбежным. К началу XIX века это слияние действительно произошло. В принципе разговорный язык русской интеллигенции был объявлен литературным, т.е. на этом языке стали писать все, начиная от частных писем и вплоть до философских трактатов и стихотворений. Конечно, различие между отдельными сферами литературного применения этого языка не совсем исчезло, и различие это сказывается всегда в разном процентном отношении церковнославянского и русского элементов. Писатели первой половины XIX века в стихах допускают массу таких церковнославянских слов, которых в прозе уже давно никто не употребляет (например, злато, дева, очи, зеница и т.д.), и, наоборот, в стихах избегают таких русских слов и оборотов, которые в прозе совсем обычны. Язык научный включает в себе гораздо больше церковнославянских слов, чем язык беллетристики. Но все это не ощущается как различие между разговорным и специфически литературным языками, а лишь как различие стилей, притом необязательное. Таким образом, можно сказать, что современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного «садового растения» – церковнославянского языка – к «дичку» разговорного языка правящих классов русского государства. Русский литературный язык, в конечном счете, является прямым преемником старocerковнославянского языка, созданного св. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>).

Поэтому-то современный русский литературный язык, как и названные здесь его прародители, лексически близок лишь к южнославянским народным наречиям. Истребленные же московскими Рюриковичами новгородские словене и псковские кривичи разговаривали на лехитских (великопольских) наречиях, а предки украинцев – на галицко-волынских и приднепровских диалектах украинского языка. Туранцам же (тюркоязычным, финноязычным и уже частично славянофонным закрепощенным народностям Московии) этот «пушкинский новояз», на основе которого сложилось нынешнее русское «эсперанто», был навязан в качестве языка межэтнического общения вместо господствовавших в то время там тюрко-финно-славянских пиджинов:

«Словесность наша явилась вдруг с 18-го столетия подобно русскому дворянству без предков и родословий» (IX, 228). Рождению словесности, бывшей «плодом новообразованного общества» (IX, 221), сопутствовало резкое изменение строя книжного языка, который с эпохи Петра I «начал приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространила свое влияние и на писателей...» (IX, 18) (Александр Пушкин, «Соч. Пушкина», изд. Акад. Наук, – П.Д.)...» (цит. по: Виктор Виноградов, «Язык Пушкина», http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm);

«Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому (царю, – П.Д.); кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет. Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем, да будет воля твоя; если покажется это непристойным, то можно перевести, а брат переписет и подпишет за меня...» (Александр Пушкин, Письмо В.А. Жуковскому, Переписка, I, 222, <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/per/per-098-.htm>);

«Следует различать два понятия: язык народный и язык литературный. В конце концов, всякий литературный язык развился из какого-нибудь народного и постоянно испытывал на себе, так или иначе, влияние какого-нибудь народного языка. Но все же литературный и народный языки вполне никогда не совпадают друг с другом и развиваются каждый своим путем. ...литературному языку приходится сочинять массу новых слов и вырабатывать особые синтаксические обороты, зафиксированные гораздо строже и определеннее, чем в народном говоре. Все это, по существу, является насиланием и коверканьем народного говора, лежащего в основе данного литературного языка, и чем эта народная основа сильнее чувствуется, яснее проступает наружу, тем интенсивнее становится ощущение насиланья и коверканья – а это ощущение, разумеется, мешает свободному пользованию литературным языком. Когда новые слова, вводимые в литературный язык в силу необходимости, состоят из элементов словарного материала данного народного говора, то ассоциативная связь этих элементов с теми конкретными значениями, которые они имеют в народном просторечии, сохраняется, и это мешает воспринимать новые слова в том значении, которое желает им приписать литературный язык (а, тем самым, происходит и разрыв между осознаваемой внешней и бессознательной внутренней формами слов, что, конечно же, уродует психику человека и позволяет ему обманывать свою совесть, – П.Д.). В силу всего этого для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому-нибудь определенному современному народному говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором. Но в то же время слишком большое расхождение литературного языка и современных народных говоров время от времени тоже становится неудобным. Народные говоры в звуковом и грамматическом отношении развиваются обычно скорее, чем языки литературные, развитие которых в этом отношении искусственно задерживается школой и авторитетом классиков. Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же народно-языковом сознании. В эти моменты между обеими стихиями – архаично-литературной и новаторски-говорной – завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка (что было неизбежным в холопской России, – П.Д.), либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык (что вполне естественно и произошло в показавшейся Украине, Сербии, Хорватии и Словении, – П.Д.) либо, наконец, компромиссом (что имеет место, например, в Германии и Японии, практикующих двуязычие, – П.Д.). При этом следует заметить, что именно отдаленность нормального литературного языка от какого бы то ни было живого современного народного говора

способствует тому, что этот язык распространяется на территории не одного, а нескольких говоров (и постепенно может уничтожить эти говоры, превратив потомков их былых носителей в легко зомбирующееся властями агрессивно-послушное быдло, – П.Д.). А потому та борьба между «устаревшим» литературным языком и живым народным говором, о которой мы только что упомянули, может разыгрываться в разных пунктах территории данного литературного языка и привести в разных пунктах (например, в России и в Украине, – П.Д.) к разным результатам...» (Николай Трубецкой, «Общеславянский элемент в русской культуре», <http://philology.ru/linguistics2/trubetskoy-90.htm>);

«...в вымышленном языке Афенов наших гораздо более русского, чем во многих русских книгах: там переименованным и вымышленным словам дан чисто русский склад, русская осанка и посадка, а речь слепо следует прихотливому и неуловимому доселе для нас своеобразию нашего языка; мы не понимаем смысла, но слышим русский говор, русскую речь; она не обижает нашего уха и сочетание слов ее, даже образование каждого слова, согласно с духом языка; наш книжный язык, напротив того, дерет и шерстит, как ворсильная щетка, тут русского иногда право не более того, как что из милости подает наборщик, то есть одни буквы. Но этого мало; вы скажете: гоняться за словами, это крохоборство; слова все пригодны, все обогащают язык, лишь бы они, по свойству его, могли быть приняты и усвоены. Сущность языка – внутреннее достояние и достоинство его – это свойство языка для сочетания слов, для образования речи, слог и склад. Загляните в любую книгу и разберите повнимательнее склад речи; мы, к несчастью, привыкли к этой тарабарщине и читая по верхам, пропускаем все грехи мимо ушей; сверх того, у нас есть несколько писателей, которые ведут речь свою искусно, сглаживают и складывают удачно все недостатки этого языка, слог у них сладкий, речь плавная, увлекательная, которая не спорит ни с одной из написанных доселе грамматик; -- их можно поставить в пример большинству писателей, которые ломают безбожно русское слово; но нельзя указать ни на одну статью, не только «ни на одну книгу, как на образец родного языка, потому что родного никто еще себе не усвоил...» Неудивительно после этого, что мы, встретясь с языком оригинальным (то есть не с тем, который сочиняется писателями, не выезжавшими из столицы), не знаем, что сказать, и отделяется словами: «что это за язык? где автор слышал его? это не народный язык»... Может быть, со временем, когда мы более освоимся с народным языком, всякая народная речь будет для нас понятна; теперь же, пока мы начинаем изучать этот язык, когда он для нас и нов, и странен кажется, писатель должен сообразоваться с этим недостатком читателей. Но, во всяком случае, виноват будет здесь не писатель, а мы, публика, что плохо понимаем свой собственный разговор...» (литературный критик Степан Дудышкин, «Журналистика», 1885 г., http://az.lib.ru/d/dudyshkin_s_s/text_1855_zhurnalistika_olderfo.shtml)

«Было, разумеется, множество спорных и неясных вопросов орфографии, – их и сейчас еще, даже после реформы 1917г., остается немало, – и эти вопросы, так или иначе, решались в органах просвещения и в педагогических кругах. Важнейшая такая попытка упорядочения орфографии принадлежит академику Я. Гроту (1886г.). И хотя широкие народные массы оставались по-прежнему неграмотными, а гротовская орфография была для

человека средней степени культурности не очень проста и легка, все же лица, стоявшие на высоте образованности своего времени, в конце XIX в. достаточно хорошо писали «по Гроту». Дальнейшие успехи распространения грамотности относятся уже к нашей революционной эпохе...» (Г.О. Винокур, «Русский язык. Исторический очерк», <http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59a.htm>);

«Все мысли в голове моей
Подпрыгивают и бессвязаны,
И все стихи моих друзей
Безобразны и безобразны.
Когда по городу сную,
По делу или так гуляю,
Повсюду только гласный «У»
Привычным ухом уловляю.
Натруженный, как грузовик,
Скулящий, как больная сука,
Лишен грамматики язык,
Где звук не отличим от звука...»

(Лев Лосев, «Стансы», <http://levloseff.blogspot.com/2011/11/stanzas-arrangement-of-planets-and.html>).

Не на говорах же своих предков, а на искусственно созданных литературных языках своих господ во все времена и во всех государствах воспитывались лишь выросшие в неволе рабы и холопы:

«Не рискуя впасть в грубую ошибку, можно сказать наверняка, что действительное количество великороссов в России вряд ли многим выше одной трети всего ее населения. Это, приблизительно, то же место, которое занимают немцы в Австрии. Конечно, дело не в одних цифрах, дело главным образом в психологии: есть ли у всех этих народностей воля к национальной жизни, или они, быть может, уже примирились с перспективой растворения в котле чужой культуры? У «нас» часто уверяют, будто уже примирились, особенно настойчиво утверждают это по отношению к украинцам и беларусам. Какие, мол, они украинцы, какие беларусы! Они сами только о том и мечтают, как бы скорее разучиться говорить по-мужичьи и перейти к господской речи. Сюда обыкновенно прищипливается «филологическая» справка о том, что украинский (а тем более беларуский) язык не язык даже, а просто наречие, один из говоров великорусского. Эта филологическая справка есть простая болтовня: испанский и итальянский, норвежский и датский, немецкий и голландский языки еще ближе друг к другу, чем русский и украинский, а все-таки это особые языки с особыми культурами, потому что самостоятельность языка определяется не филологами, а сознанием народов. Впрочем, и с филологической стороны дело обстоит не так плохо: в 1905 году Петербургская академия наук в ответ на запрос комитета министров составила докладную записку, где обстоятельно доказывалось, что украинский язык сам по себе, а русский сам по себе и что замена первого вторым в народных школах Малороссии привела к

понижению культурного уровня. ...и потому вопрос о том, «может» ли и «должен» ли украинский язык создать особую культуру, есть вопрос праздный. Какие там разговоры, какое там «может» или «должен», когда есть налицо?» (Зеев [Владимир] Жаботинский, «Фальсификация школы», http://jhistory.nfurman.com/zion/zion007_35.htm).

И, если в Российской Империи таким литературным языком стал русский новояз, то в древней Римской Империи им была латынь:

«Латынь как живой язык римлян существовала, пока существовали римляне, которые на ней говорили в обычном быту. Но постепенно язык этих римлян в разных местах бывшей Римской империи превращается в новые языки, которые, как вы знаете, сейчас называются романскими. А латынь, однако же, остается – как язык культуры, язык науки, язык высокой литературы и так далее и в этом своем качестве продолжает существование на протяжении всех средних веков и значительной части нового времени» (академик Андрей Зализняк, «О языке древней Индии», <http://elementy.ru/lib/431350>).

Конечно же, на самом деле в быту римляне говорили вовсе не на классической латыни, а на разных городских койне, изначально существенно отличавшихся друг от друга не только в разных регионах Римской империи, но даже и в разных районах и предместьях Рима. Лексику этих койне, обычно, называют вульгарной латынью. Литературная же (классическая) латынь сформировалась не на основе римских городских койне, а на основе говоров соседних латинских племен и, естественно, использовалась преимущественно как язык культуры, язык науки и язык высокой литературы. Она, являясь языком высокой культуры, была чужда простому свободному люду. И лишь аристократия произносила на ней высокопарные речи в суде, в сенате и на других своих собраниях, а также и общалась на ней со своими рабами.

Использование знатью пережиточной имперской латыни для воспитания своих детей погрузило европейские народы в «темные века»

Использование же европейской знатью чуждой простолюдинам имперской классической латыни не только в качестве языка культуры и науки, но и для воспитания своих детей законсервировало вместе с пережиточной имперской латинской ЯКМ и пост-античное варварство. Тем самым все европейские народы более чем на тысячелетие погрузились в «темные века». И лишь только после того, как европейская знать отказалась от преимущественного использования латыни, предоставив ей, как и греческому языку, лишь статус классического европейского языка, в Европе и наступила эпоха Возрождения:

«Когда я размышляю обо всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаического, отсталого, примитивного и себя пережившего, я часто говорю себе: «Такой же была бы и Европа, если бы у нас, в свое время, не было возрождения, реформации и французской революции!..» (Морис Палеолог, «Царская Россия накануне революции», Москва – Петроград, 1923г., http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml);

«...Возрождение начинается со своеобразной «языковой революции», которая, однако, была, только внешней формой проявления (на самом деле ментальной основой, – П.Д.) революции «педагогической». Ведь переход от «универсального» (латинского) языка культуры (и от «инфантилизирующей» латинской ЯКМ, – П.Д.) на множество национальных языков (и способствующих «взрослению» населения национальных ЯКМ, – П.Д.) смещал акценты культурного развития с общего (совместного, повторяющегося, рядового) в смысле культуры на индивидуально-обособленное (уникальное, неповторимое) в ней... Латиноязычная форма западноевропейской средневековой культуры была своего рода «маской», которая создавала иллюзию единого народа и даже единого государства в Европе (за этой маской скрывались далеко не иллюзорные имперские амбиции Римской католической церкви с ее претензиями не только на духовную, но и на политическую власть в Европе, с традиционным для Рима латиноязычием). Недаром Ренессанс, покончив с монополией латыни на культурных европейских просторах, начинает соревнования – подхваченные и продолженные Реформацией – против политических устремлений Римской церкви. Ренессанс разрушил иллюзию единого (христианско-католического) европейского «народа» так же как и иллюзию европейского «единоязычия», продемонстрировав взамен настоящие реалии европейской жизни – наличие здесь разных наций, которые создают свою культуру родным, национальным языком. Именно такую картину Европа видела и в Украине до конца XVII в., как об этом говорит уже упоминавшийся К. Делямар, но, по свидетельству последнего, уже через века украинцы превращаются в 15-ти миллионный европейский народ, «забытый в истории». Откуда приходит забвение? С тех же источников, из которых возникла полторатысячелетняя иллюзия единого и единоязычного «западноевропейского народа», – только здесь «забвение» приходит от имперских амбиций Римской церкви, в Украине же источником подобных амбиций была Российская империя. Еще в конце XVIII в. «Все во Франции и Европе хорошо умели отличать Русь от Московии», – говорит Делямер и говорит правду. Ведь в это время только начинается разрушение украинской государственности (ликвидация сначала Запорожской Сечи, а впоследствии и Гетманщины) национальной культуры и языка (русификаторские указы Петра I и Екатерины II, направлены на то, чтобы, как говорила последняя, вырвать из украинцев «развратное мнение, по коему поставляют себя народом от здешнего совсем отличным»). Но уже к концу XIX в., когда Украина окончательно потеряла остатки государственности, когда указами 1863 и 1876 гг. было жестко запрещено украинский язык, и возникает иллюзия, тщательно поддерживаемая официальной русской историей, о «едином русском народе» и «едином русском языке», которая в несколько модифицированной форме сохраняется и в СССР» (А.К. Бычко, И.В. Бычко, «Феномен украинской интеллигенции. Попытка экзистенциального исследования», <http://thales2002.narod.ru/byczkoint1.html>);

«Именно оживление эллинских влияний в период Возрождения привело к появлению в философии нового времени повторяющейся в различных вариантах темы: «человек по природе своей добр». Отсюда делается вывод, что если дать человеку развиваться «естественно», достаточно «близко к природе», не мешать ему быть тем, чем он является от самого рождения, то он вырастет «правильным» существом, вполне гармоничным внутренне

и соответствующим окружающему миру. Человек – часть природы и подчиняется ее незыблемым законам, а потому, чем ближе он к природе и лучше понимает ее законы, тем очевиднее для него неизбежность следования этим законам. И отсюда уже совершенно непринужденно делается вывод о том, что «свобода есть осознанная необходимость». Совершенно другой ход рассуждения у христианина (и в архаичной русской ЯКМ, – П.Д.). Представленная сама по себе природа, в том числе и заключенная в нас, т. е. человеческая природа (раба божьего и холопа государства-левиафана, – П.Д.) способна развивать лишь слепое удовлетворение потребностей и осуществлять борьбу за существование («Человек человеку – волк», – Гоббс, «Левиафан»), отвоевывая себе место под солнцем. Добро не накапливается в мире закономерно в результате функционирования законов природы, оно есть результат усилий и упорного труда человеческого духа (то есть государственной идеологии, – П.Д.). Но для того, чтобы такую работу произвести, человеческий дух должен быть свободен, не ограничен в своей деятельности слишком настойчивыми требованиями организма, страстями, неконтролируемыми импульсами, естественными склонностями, привычками, пристрастиями и прочими узами этой самой «человеческой природы». Для этого человеческую природу необходимо ввести в рамки (тотальной минимизацией как количества, так и уровня естественных потребностей совков-холопов, – П.Д.) и дать духу власть над ней...» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php);

«Воспитание – величайшая проблема и труднейшая задача для человека, так как сознание зависит от воспитания, а воспитание, в свою очередь, от сознания» (Иммануил Кант, «Трактаты и письма // О педагогике 1803», <http://knigi.link/kant/vvedenie-13159.html>, <http://knigi.link/kant-filosofiya/traktaty-i-pisma-izdatelstvo-nauka-moskva.html>).

Точно также и подсознание зависит от языка (так как формируется языковой картиной мира), а язык, в свою очередь, от подсознания (так как формируется и изменяется под влиянием коллективного бессознательного нации – национальной ментальности). Поэтому то ЯКМ – ещё более величайшая проблема и, возможно, самая труднейшая задача для нации.

Пока еще не преодолен инфантильный страх у русскоязычного населения перед вполне естественной стратификацией их примитивного общества

И, конечно же, вовсе не из-за прихоти нынешняя российская элита избавляет своих потомков от порочной русской языковой картины мира, отправляя своих детей на учебу в Великобританию или же в другие цивилизованные страны и воспитывая своих внуков на английской языковой картине мира (см.: «Почему дети Путина, Медведева и Лаврова живут в Европе и США?», <http://titus.kz/?previd=49956&start=0>; «Где живут дети российской правящей элиты?», <http://www.trust.ua/news/94640-gde-zhivut-deti-rossijskoj-pravyaschej-elity.html>; «Дети колониальной элиты России предпочитают жить на западе», <http://via-midgard.info/news/deti-kolonialnoj-yelity-rossii-predpochitayut.htm>).

Ведь, она, конечно же, знает и хорошо понимает, что российское дворянство смогло избавиться своих потомков от холопского менталитета лишь после того, как их стали воспитывать буквально «с пеленок» преимущественно иностранки мамки (няни) и сразу же после вставания на ноги – гувернантки француженки и гувернёры французы на французской ЯКМ:

«Если Россия когда-нибудь кого-нибудь любила, так это – Францию. Она отдала всю свою славянскую душу за Францию. Не спросив позволения, она бежала за Францией, как дворняжка. Она обликала каждого французского учителя, приехавшего учить барских детей, каждого французского повара. Она любила Францию за бесконечную разницу, которая была между ними, за то, чего в ней никогда не было и не могло быть: за изнеженность носовых дифтонгов, ясность понятий, неминдалевидные глаза, будуары, за «р», неподвластное рабской натуре. В погоне за Францией она уже никого больше не встретила, ни на кого не оглянулась, немцы, голландцы и шведы остались на обочине без должного внимания... Россия не только говорила по-французски грамотнее, чем по-русски. Она думала по-французски, жила по-французски, пила по-французски, сочиняла стихи по-французски, мечтала по-французски... Каждый русский мужчина считал за счастье спать с француженкой» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Галломания», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Обращение к автобиографической, мемуарной и художественной литературе XVIII – XIX столетий позволяет заметить, что гувернерские функции чаще выполняли именно женщины. И если в середине XVIII века гувернантками были нередко немки, то к началу XIX столетия – француженки, реже немки, крайне редко – англичанки: «новорожденного отдавали на руки мамке, обыкновенно из немок; в очень затейливых домах – англичанке. Как скоро ребенок начинал переступать с ноги на ногу, к нему приставляли француженку, а по миновании семи лет – дядьку француза, бракуя при выборе все наречия, кроме парижского!» К 50-м годам XIX века, считал Н.В. Давыдов, ситуация несколько изменилась, и «домашнее воспитание шло под руководством гувернанток, большею частью француженок или англичанок». Гувернантка-француженка – типичнейшая фигура русской дворянской семьи дореформенной России (сами слова гувернер и гувернантка (по-французски *gouverneur*, *gouvernante*) происходят от французского слова *gouverner*, т.е. «руководить, управлять»)... Долгое время законодательницей мод для России была Франция. В «Русской старине» в 1896 году так вспоминали об этом времени: «По вступлении Екатерины на престол жизнь высшего русского дворянства приняла решительное склонение к обычаям, нравам, вкусам и общественной жизни французов. Давно уж Париж был для Европы образцом утонченного вкуса и обхождения». В начале XIX века галломания продолжалась: приятельница Е.Р. Дашковой, ирландка Кетрин Уильмот (Вильмот) с раздражением писала в письме от 24 сентября 1805 года, что высшее сословие «во всем подражает французам; положим, что французские манеры к ним идут, но все же это обезьянство <...>. Одежда также чужая и повсюду слышится французский говор <...>. И как странно видеть, что среди этих французских манер, языка и нравов, русские кричат против Бонапарта, когда не могут съесть обеда без французского повара, когда не могут воспитать детей без парижских бродяг,

принимающих здесь обязанности наставников и гувернанток, словом, когда весь внешний лоск взят из Франции»... Дети вместе с воспитателями занимали в усадебном доме определенное место: «на антресолях располагались детские и комнаты учителей с почти квадратными окнами». ...самое дело воспитания в значительной степени предоставляли наставникам и наставницам, следя лишь за общим ходом его, а непосредственно вмешивались в детскую жизнь лишь в сравнительно экстренных случаях...» (О. Солодянкина, «Иностранские гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры», http://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm);

«Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил.
Ребенок был резов, но мил...»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин»,
http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/evgenij-onegin/onegin_1.htm);

«В материалах аттестации 1757 г. можно отметить некоторое число уроженцев немецких земель с похожими на французские фамилиями, по-видимому, гугенотов или их потомков, а также уроженцев Эльзаса. Отличительная особенность их – владение двумя языками, французским и немецким, но немецкий часто оказывался невостребован. Кстати, почти все немецкие гувернеры сдавали экзамен на владение французским, что дает нам представление о доминирующем положении этого языка в сфере частного обучения... Гувернеры могли преподавать разные дисциплины, но главным, за что их ценили и ради чего их нанимали, был, конечно, французский язык...» (Владислав Ржеуцкий, «Французские гувернеры в России XVIII в.», <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/Rzheutsky2011.pdf>).

Поэтому-то обреченной на закономерный провал была и попытка взрастить вместо старого поколения несамостоятельных и боящихся ответственности «советских людей» новое молодое поколение ответственных, образованных и урбанизированных людей, предварительно не избавив последних от формирующей психическую инфантильность пережиточной и быдлотворной русской ЯКМ:

«Приходят люди с неплохими знаниями, но абсолютно инфантильные, неспособные работать в команде, брать ответственность» (директор Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС Сергей Мясоедов, цит. по: Анна Макеева, «Чему нас учат Сбербанк и школа» <http://www.kommersant.ru/doc/2894696>);

«Крах тоталитарной идеологии в социуме, скроенном по идеологическим определениям, означал не обязательно пробуждение сознания, но обязательно – массовую маргинализацию. Распавшаяся тоталитарная скорлупа обнаружила отсутствие собственно общественных связей – латентная внутренняя маргинальность «прописки» индивидов в советском социальном пространстве (аппаратчик, колхозник, работник ВПК, офицер армии, преподаватель-обществовед и т.д.), стала явной. Масса людей по-прежнему ходила на

работу, но утратила план деятельности и зачастую план общения. Особенно быстро отчуждением и маргинализацией была охвачена молодежь. Инфантильный нигилизм, однако, – проблема не поколенческая: он стал всеобщим образом, вернее, безобразием мысли... Нигилизм, как подчеркивал М.К. Мамардашвили, враждебен и христианству, и новоевропейскому – личностному, творческому мышлению (добавлю: и мышлению традиционному), – такой сон разума в конце XX века грозит не просто очередным социальным кризисом, циклическим всплеском аномии, но антропологической катастрофой: в самом человеке что-то существенно важное может необратимо сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни. Развал тоталитарных институтов мог дать только то, что он и дал – «открытие» и расширенное воспроизводство «теневой социальности»: непосредственных, ближних связей, в которых индивиды привыкли удовлетворять свои интересы, в которых они, собственно, и выражали свою индивидуальность в советском обществе. Неограниченный потребительский индивидуализм, стайность и клиентарные связи суть закономерные продукты распада номенклатурно организованного социума» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=8>);

«В конце 80-х – начале 90-х годов, когда происходили бурные перемены в экономической, социальной, бытовой сфере, в мировоззрении, социологи считали, что «советский человек» – это уходящая натура. Предполагалось, что дальше, в более молодых поколениях, образованных, урбанизированных, открытых, путешествующих по миру, «советский» набор черт будет исчезать, и если и сохранится, то во все более редящих слоях пожилого населения. Однако черты, которые, как мы предполагали, исчезнут, на деле оказались крайне устойчивыми» (Борис Дубин, «Другая такая же страна // О «советском человеке»», <http://www.kommersant.ru/doc/2265510>);

«Провозглашенные 15 лет назад идеи, хоть простить себя за это трудно, были во многом наивные. Было у нас предположение, что жизнь ломается круто. Что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным. Иным за счет самого простого изменения – он сбрасывает с себя принудительные, давящие, деформирующие оболочки, которые к этому времени многим казались отжившими, отвратительными. И человек выходит на свободу, и человек будет иным. Он сможет дышать, сможет думать, сможет делать, не говоря уж о том, что он сможет ездить, покупать и т.д. Оказалось, что это наивно, и когда мы в 89-м году разбирали первое исследование, уже тогда было ясно, что так дело не происходит, потому что порывы, которые овладели многими, в том числе – и участниками нашего проекта, нуждаются в более холодном взгляде. Что мы постоянно упираемся в незримую стенку – стенку режима, который был, стенку тогдашних традиций, и стенку, связанную с тогдашними людьми. Получалось, что уже как будто можно, а не идет. Можно будто бы быть свободным, все вокруг призывают к свободе, а свободы особой не получается. Получалась некоторая кооперативная блажь, первый приступ рынка со всеми своими смешными и любопытными сторонами. А вот нового человека, как существа сознательного и умного, не было видно. Скорее, как только человека освободили,

он бросился назад, даже не к вчерашнему, а к позавчерашнему дню. Он стал традиционным, он стал представлять собой человека допетровского, а не просто досоветского...» (Юрий Левада, «Человек советский», <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>);

«Природа человека и, соответственно, природа исторического процесса таковы, что стадияльно предшествующие модели бытия (и соответствующие им ментальные структуры) не умирают, а, так сказать, «отодвигаются». На уровне отдельного человека они перемещаются на периферию индивидуального психического, а на уровне общества – на периферию социокультурной реальности: в маргинальные слои, в игровые детские и юношеские практики, в субкультуру преступного сообщества, в секты и т. д. В особых ситуациях эти пласты исторической памяти могут в тех или иных формах актуализоваться. Распад государства, кризис исторически последующих форм социальности и культуры всегда актуализует исторически предшествующее, отодвинутое на периферию. Мощнейшим фактором актуализации архаики является эсхатологическое томление и истерия, которая охватывает традиционное общество на пороге стадияльного перехода к Новому времени...» (Игорь Яковенко, «Русская репрессивная культура и модернизация», <http://www.liberal.ru/articles/5108>);

«Пока же еще не преодолен инфантильный страх перед естественной стратификацией общества. Воспроизводятся бессмысленные вариации на тему всеобщего единства. Отрабатываются невыразительные символы этого единства, адресованные опять же к образно-символическому сознанию быдла. И, в целом, (имперский русский, – П.Д.) язык на котором говорит власть – пока что язык быдла. Он вестернизовался, но не оставил своих корней (патриархальной языковой картины мира, – П.Д.). Движение в сторону личности есть, но идет оно вяло и нерешительно. При этом власть демонстрирует поразительное расщепление собственного сознания. На словах она заявляет приверженность ценностям автономной личности, но на деле реализует отношение к обществу как к безгласному и безмозглому быдлу...» (Андрей Пелипенко, Игорь Яковенко, «Быдло» / «Быдло как социальное явление», http://design.bigler.ru/forum_vb/showthread.php?t=14581; <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>; <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>);

«Если человек не верит, что свобода – ценность, он не станет на нее работать. Даже если все законы будут направлены на демократию. Если человек не понимает, как с его картиной мира соотносится рыночная экономика, он будет либо ее тихо бойкотировать, либо станет уповать на то, что «невидимая рука рынка» сама, без нашего участия и общепринятых ограничений, все наладит и расставит по местам. Чем это все кончается, мы видим. Если человек не мотивирован на перемены и развитие, он не просто тихо отползет в сторонку, но потянет за собой страну. Если человек нутром (на уровне подсознания, – П.Д.) не чувствует, что из национальных корней прорастает всемирное содержание, он либо тупеет до шовинистического состояния, либо превращается в глобальное перекаати-поле. Если человек не ощущает главные вопросы современности как личные проблемы, он замыкается в себе,

своём доморощенном опыте. И тогда его просто обманывать.

«На дурака не нужен нож;
Ему с три короба наврешь,
И делай с ним, что хошь».

Но и рассчитывать на перемены в экономическом, политическом, жизненном не приходится. «Бег на месте – общеукрепляющий». А без этих перемен мы не имеем шансов сохранить огромную страну в XXI веке, про что сегодня говорят в элите многие. Но не все понимают, что ключ к ответу – не в реформах как таковых, не в законах самих по себе, не в охранительстве или же, напротив, в прогрессизме. А в культурных практиках. В ценностях и смыслах. Повторяю, большая культура (не искусственно насаждаемая, а запечатлённая в национальной ЯКМ, – П.Д.) всегда говорит о вечном. Но также она развивает (или тормозит) сознание (в процессе созревания лобных долей полушарий головного мозга, – П.Д.). И люди начинают думать (или же перестают задумываться) о моделях поведения. О мотивах выбора. Об устройстве человеческого общества. Культура (неосознанно воспроизводимая в поведении людей на основе их национальной ЯКМ, – П.Д.) обладает великой, опасной, спасительной властью. Она может заблокировать движение, опутав общество сетью привычных, но безжизненных стереотипов. Или увлечь, как Крысолов, детей и разорвать историю, обрушить связь между поколениями. Или склеить страну и дать ей надежду, вписав на равных в общее пространство мировой культуры...» (публицист, писатель и литературный критик Александр Архангельский, «О культуре без дураков», <http://www.liberal.ru/articles/4451>).

Возрождение общества принципиально невозможно без отказа от архаичной имперской русской ЯКМ

Как видим, Возрождение общества принципиально невозможно без отказа от архаичной имперской языковой картины мира, бессознательные лингвопсихические установки которой консервируют детское аффективное восприятие действительности и тормозят развитие критического левополушарного мышления. Поэтому-то эпоха Возрождения, как в Украине, так и в России, на самом деле, лишь только начинается. И украинцам, и россиянам еще предстоит отказаться от воспитания своих детей в лоне пережиточной имперской языковой картины мира а, следовательно, и от использования для своего общения имперского литературного языка, формирующего психическую инфантильность и соответствующий ей холопский менталитет, и предоставить ему лишь статус классического русского языка а, возможно, и постклассического украинского литературного языка. Ведь на этом государственном литературном языке Российской империи создали свои произведения, как многие украинцы: Тарас Шевченко, Антон Чехов, Николай Гоголь, Владимир Короленко, Михаил Херасков, Ипполит Богданович, Василий Капнист, Николай Гнедич, Василий Нарезный, Григорий Данилевский, Николай Костомаров, Даниил Мордовцев, Владимир Даль, Всеволод Крестовский, Аркадий Аверченко, Михаил Булгаков, Анна Ахматова (Горенко), Владимир Нарбут, Корней Чуковский, Виктор Некрасов, Юрий Олеша, Валентин Катаев, так и многие потомки

украинцев и украинок: Михаил Лермонтов, Федор Достоевский, Николай Некрасов, Константин Бальмонт, Всеволод Гаршин, Дмитрий Мережковский, Владимир Маяковский, Максимилиан Волошин, Михаил Зощенко, Константин Паустовский и многие другие (см.: Евгений Троцкий, «Русские писатели Украины и 1917 год – Гражданская война и эмиграция», <http://archive.li/SG7v>; <http://ukrstor.com/ukrstor/troscak-pisateli.html>).

Их творчество украинцам является не более чуждым, нежели творчество Лопе де Вега и Сервантеса испаноязычному населению латинской Америки или же творчество Александра Пушкина и Льва Толстого русскоязычному населению современной России:

«...значительная роль в экспансии русского языка по имперским просторам принадлежит ассимиляции. В этом наглядно убеждает сравнение численности русского народа с другими славянскими народами. Исходные условия у всех были равны, а русских (великорусов) в итоге оказалось больше, чем всех остальных славян, вместе взятых. Различия в антропологических типах паспортных русских из разных регионов России тоже достаточно наглядно указывают на шедшую веками ассимиляцию. Это ещё одна тема, которую у нас не любят затрагивать. Носители русского языка на большей части России в настоящее время примерно также соотносятся с русскими времён Ивана III (не говоря уж о Киевской Руси) как современные испаноязычные латиноамериканцы – с испанцами эпохи Колумба, Фердинанда и Изабеллы» (Ярослав Бутаков, «Настоящее есть следствие прошедшего», <http://ehorussia.com/new/node/10666>);

«Империя похоронит российскую цивилизацию. Цивилизацию Толстого, Чайковского, Павлова, Менделеева. Огромная культура на наших глазах становится прошлым. В сущности, она уже погибла, хотя это оценка, правота которой выяснится на длинной дистанции. Есть печальная аналогия – греческий Парфенон. Кто был в Афинах, тот понимает это визуально: наверху парит Акрополь, а внизу сегодняшний город. Ездят милейшие люди на мотороллерах, но они никак не связаны с нарисованной Рафаэлем «Афинской школой». Просто люди, которые живут на том же месте. А к Софоклу, Аристофану, Фидию, Аристотелю они никакого отношения не имеют. Мы по привычке растопыриваем пальцы про нацию Толстого, Достоевского и Рахманинова. А это когда было? Иногда в Facebook появляются фотографии князя Михаила Долгорукого, расстрелянного в 1937 году. Он из России не уехал, работал дворником, швейцаром. Так вот это другой человек, таких лиц больше нет. Страна изменилась антропологически, это уже видно...» (Виктор Шендерович, из интервью Юрию Марченко, «Империя похоронит российскую цивилизацию», <https://platfor.ma/magazine/text-sq/projects/shenderovich-viktor/>; <http://newsland.com/community/4375/content/viktor-shenderovich-imperiia-pokhoronit-rossiiskuiu-tsivilizatsiiu/5339739>);

«...очень мне понравилась высказанная Виктором Шендеровичем в журнале NewTimes горькая, но верная мысль о том, что нынешняя Россия почти не имеет отношения к великой русской культуре конца XIX – начала XX, к стране Толстого, Чехова, Достоевского, Чайковского, подобно тому, как современная Греция – при всей симпатии к ее

нынешним жителям – имеет мало чего общего с великой древнегреческой цивилизацией. Парфенон великого русского прошлого парит над страной, где десятилетиями уничтожалось его наследие и где в итоге сегодня торжествуют наследники и почитатели тех, кто все это уничтожал...» (Евгений Киселёв, «Нынешняя Россия почти не имеет отношения к великой русской культуре конца XIX – начала XX», <https://echo.msk.ru/blog/kiselev/1332094-echo/>);

«24 марта (1969г.). Здесь (в больнице, – П.Д.) мне особенно ясно стало, что начальство при помощи радио, и теле, и газет распространяет среди миллионов разухабистые гнусные песни – дабы население не знало ни Ахматовой, ни Блока, ни Мандельштама. И массажистки, и сестры в разговоре цитируют самые вульгарные песни, и никто не знает Пушкина, Баратынского, Жуковского, Фета – никто. В этом океане пошлости купается вся полуинтеллигентная Русь, и те, кто знают и любят поэзию, – это крошечный пруд...» (Корней Чуковский, «Дни моей жизни», <https://unotices.com/book.php?id=178650&page=145>);

«Была Российская империя, «страна господ, страна рабов». В ней было два не связанных друг с другом народа: гнилая интеллигенция и гнилое простонародье. Над этими двумя чужими друг другу народами царило чужеродное деспотическое правительство... Гнилая интеллигенция стала черноземом для великой литературы, для прекрасной музыки и живописи. Она страдала. Она обнимала ноги «народу». Народ молчал, потому что не понимал ни слова. Когда в его темном сознании что-то зашевелилось, пинком ноги столкнул интеллигенцию (читай: Россию) с обрыва, прошелся гоголем перед всем миром («я самый передовой и научный!») и принялся торговать нефтью и газом. У сегодняшних русских – столько же прав на Пушкина и Толстого, сколько у сегодняшних греков – на Парфенон» (Юрий Колкер, «Семеро против мифа», 2009, <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Vekhi.htm>; <https://zounb.zp.ua/node/4776>);

«Что же удивительного в том, что императоры подчинили своей России – России придворных и чиновников, французских мод и немецких манер – другую Россию, бородатую, неотесанную, варварскую, мужицкую, не способную оценить привозное образование, которое снизошло на нее царской милостью и к которому невежественный крестьянин питал нескрываемое и неподдельное отвращение. И что за дело ему до той России?» (Александр Герцен, «Русское крепостничество», т. XII, 1957, с.34-61; «Избранные литературно-критические статьи и заметки», – М., 1984. С. 208, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/russian-serfdom/russian-serfdom-russkoe-krepostnichestvo.htm>);

«Но эта внешняя сторона петровства скрывает внутреннюю его судьбу. Оно было и осталось чужеродным телом в русскости. В действительности имелась не одна Россия, а две, – видимая и истинная, официальная и тайная. Чуждый элемент внес яд, от которого могучий корпус заболел и умер. Это был непонятный и недоступный русскому мышлению дух западного рационализма XVIII и XIX вв. Возник тип русского интеллигента, который, как реформированный турок, китаец или индус, при соприкосновении с Европой душевно и духовно опошлится, опустошится и испортится до цинизма. Началось это с Вольтера и

велось через Прудона и Маркса к Спенсеру и Геккелю. Именно высший класс времен Толстого разыгрывал из себя высокомерных, желающих быть остроумными, неверующих и враждебных традиции людей. И это мировоззрение устремлялось вниз, к «дрождям» больших городов – литераторам, народным агитаторам и студентам, которые «шли в народ» и там пробуждали ненависть к высшему обществу западного стиля. Результатом этого процесса стал доктринерский большевизм. В начале развилась русская внешняя политика, которая была на Западе замечена и даже очень чувствительно. Сама же русская народность была невидима и, в любом случае, не понимаема. Она воспринималась как безобидный этнографический курьез, которому подражали на маскарадах и в опереттах» (О. Spengler, «Das Doppelantlitz Russlands und die Deutsche Ostprobleme //Politische Schriften», Munchen: Verlag C.H. Beck, 1933, цит. по: Игорь Голосенко, Константин Султанов, «Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России»», <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36336>);

«А еще для «простонародья» было характерно фундаментальное презрение к культуре, «высокой культуре» (Hochkultur, говорят немцы уже два столетия). Здесь большевизм и «простонародье» нашли друг друга. П.Б. Струве еще в эпоху революции 1905-1907 гг. назвал большевизм и некоторые фракции неонародников (эсеров) «черносотенным социализмом» (Юрий Пивоваров, академик РАН, «Непреодоленная революция» / «Истоки и смысл русской революции», «Полис», http://www.ng.ru/ideas/2007-11-09/11_yubilei.html);

«С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине... К объективным идеям, к универсальным нормам русская интеллигенция относилась недоверчиво, так как предполагала, что подобные идеи и нормы помешают бороться с самодержавием и служить «народу», благо которого ставилось выше вселенской истины и добра» (Николай Бердяев, «Философская истина и интеллигентская правда», в: Сб. статей о русской интеллигенции, «Вехи», 1909, <http://www.vehi.net/vehi/berdyaev.html>; https://www.e-reading.club/chapter.php/95044/52/Balyazin_13_Posledniiii_imperator.html);

«Малый народ создал великую литературу, на минуту стал совестью Европы (и был ею осознан в этом качестве), а после 1917-го сгинул: оказался частично вырезан в ходе гражданской войны, частично вытолкан за рубеж, где растворился в других народах. Его место заступил народ большой, продравший глаза мужик-христофор, булгаковский Шариков. При взгляде со стороны этнически он был тем же самым народом. Но жестокий опыт, поставленный историей, заставляет думать, что это не так. России Пушкина – не стало» (Юрий Колкер, «Тризна по России», <http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Trizna.htm>);

«Выбери опять себе царя,
Жалкая, безмозглая Россия
Лоб себе разбей у алтаря,
Пуча зенки бурые, косые!

Собери, похмельная, с утра,
На Собор бомжей и наркоманов,
Выбери опять себе Петра,
Грозных и безжалостных Иванов!
Ну а лучше – выбери Орду,
Нового Батыя – Чингизхана,
Рабский кнут, намордник и узду,
И в Кремле – Кадырова Рамзана!
Вновь поверь в Аллаха и Христа,
Докажи – кретинам все возможно,
Если голова твоя пуста –
Значит ты навеки безнадежна!
А потом опять вернись в Совок,
Сталина верни себе, уroda,
В морду издевательский плевков,
Получив от «малого» народа!
По руинам городов и сел,
Пьяной гопотой и дураками,
Бегаешь по кругу, как осёл,
Долгими, бесцельными веками...»

(Жанна Жукова, «Рабская доля (Замкнутый круг)», <http://politiko.ua/blogpost138404>).

Русскоязычное население находится в Украине в гораздо лучшем положении, нежели в России

Русскоязычное население находится в Украине в гораздо лучшем положении, нежели в России, принципиально не способной перейти на европейские стандарты жизни и политики:

«Существует простое и стандартное объяснение любым тенденциям воспроизводства старых образцов поведения на уровне властных институтов, общественного мнения или человека: мы, де, оказались «не готовыми» к иному. Очевидно, что по уровню готовности перейти на европейские стандарты жизни и политики Россия уступает западным соседям бывшего Союза (Прибалтике и Украине, – П.Д.). За извечным спором о том, следует ли за это благодарить свойства русской души (русской ЯКМ, – П.Д.) или винить отечественную историю, кроется практическая дилемма выбора пути. К повороту 90-х в равной мере не были – и не могли быть – подготовлены ни верхи, ни низы, ни элиты общества» (Юрий Левада, «Условные люди. В России ищут человека. Ищут давно, но не могут найти», <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/43n/n43n-s17.shtml>).

Всем ныне русскоязычным украинцам вполне достаточно отдать своих детей и внуков на воспитание и на обучение в украинские детсады и школы. И благодаря этому без особых хлопот можно будет избавить их от формирующей холопский менталитет пережиточной и

быдлотворной русской ЯКМ, а тем самым и от их многовекового цивилизационного отставания как от сохранивших язык своих предков украинцев, так и от других европейцев:

«Крижанич старался внушить русским людям сознание своих недостатков, указывал, как западные европейцы далеко опередили их, требовал, чтоб русские люди учились у них, учились не только наукам, но и нравственности, переводили их книги, вызывали их ремесленников и в то же самое время отвращались от них, как от самых злых врагов. Автор видел противоречие и, чтоб выпутаться из него, потребовал от русских людей уметь положить границы между подражанием и подчинением влиянию того, кому подражаем, потребовал уметь при заимствовании цивилизации у иностранцев отличать добро от зла, т. е. потребовал, чтоб русские люди перескочили вдруг несколько веков, от низшей степени образованности к самой высшей, из детства к полной возмужалости; но народы скачут таким образом только под перьями теоретиков, не желающих знать истории, действительности...» (С.М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва, 1862 – 1879. Т. XIII, с. 197, http://www.odinblago.ru/istoriya_rossii/solovyev_istoria_/1_13/13_1_8_/).

И, чем быстрее удастся гармонично влиться в украинский этнос русскоязычным гражданам Украины, тем с большей благодарностью будут вспоминать их потомки. Аналогично тому, что в России преподавание в государственных школах не ведется на украинском языке даже в регионах, где компактно проживают украинцы, а ведется в них лишь на русском языке, и во всех регионах Украины должно быть введено преподавание в государственных школах лишь на украинском языке. В Украине это наиболее реально осуществить постепенным уменьшением количества русскоязычных школ по мере формирования гражданского общества. Если же мы не сможем сформировать у себя гражданское общество, то так и останемся таким же стадом холопов, как и большинство россиян, и вместе с ними будем противостоять всему цивилизованному миру. Хватило же мужества у населения Европы полностью оказаться от порочной латинской имперской языковой картины мира. Неужели же народ Украины (да и все другие народы бывшей Российской Империи) не обладает таким же мужеством, и не способен избавить своих потомков от архаичной имперской русской языковой картины мира?:

«Среди прочего, на пороге модернизации возникает национализм, который подпитывается не только очевидными различиями в языке, религии и традиционной культуре (как в случае Великобритании и Индии), но и отличиями в ценностях и политической культуре (Великобритания и США), а порой просто слишком далеким расположением (Великобритания и Австралия). Новые идентичности возникают неожиданно для метрополий там, где, казалось бы, преобладают представители титульной нации. По словам Бенедикта Андерсона, одного из известных исследователей национализма, нации являются воображаемыми сообществами. Люди приходят к выводу, что они являются одним народом, на основе идеи общей территории, языка, культуры, истории и т.п., и уже дальше живут, ощущая общность. Но язык является континуумом диалектов. Территория тоже непростое понятие: где она начинается и заканчивается? Там, за горой или за рекой, еще наши или уже нет? История требует общности, которую нередко тяжело увидеть, особенно когда регионы живут в разном времени и движутся в разных направлениях. Поэтому все эти

факторы являются вспомогательными в тех случаях, когда общность определяется по ценностям (и в первую очередь по ментальности, соответствующей языковой картине мира, – П.Д.)...» (Валерий Пекар, «Конец Российской империи и вызовы для Украины», <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/konets-rossiyskoy-imperii-i-vyizovyi-dlya-ukrainyi.html>);

«Нация – вовсе не то же, что племя, раса или этнос. Нация – это общество, открытое для всех и объединенное не внешним сходством – не генетикой и даже не языком. Нацию объединяет нечто намного более крепкое – общая идентичность ее членов, или, говоря просто, общее сознание и дух братства. В сказке Киплинга звери и птицы помогали Маугли, когда тот говорил им заветное слово «Мы с вами одной крови». Секрет нации именно в таком заветном слове, которое может объединить воедино всех, невзирая на статус, происхождение и внешность. Нация собирает всех, кто думает одинаково (и обладает положительной комплементарностью друг к другу, благодаря отсутствию серьезных отличий в ментальности, – П.Д.). Говоря иначе, это культурная общность. Общность людей с общей судьбой и общими мечтами. А уж затем создатели нации придумают ее членам и общее происхождение с историей, и общий язык, и общее имя – еще несколько десятилетий назад такие нации, как ирландцы, словаки и норвежцы, просто не существовали, а для немцев и сейчас местный диалект часто ближе литературного немецкого, который учат в школах. Но узы общей культуры (и единой ментальности, – П.Д.) будут крепче любых кровных и языковых» (Юрий Аммосов, «Россия – страна несчастных», <http://www.globalrus.ru/opinions/139197/>).

Городское население Чехии длительное время разговаривало на немецком языке, который для многих поколений чехов стал уже родным, да и преподавание в школах и во всех других учебных заведениях велось тоже лишь на немецком языке:

«...человек говорил гордо: «Я чех, я говорю по-чешски», но его речь была буквально переплетена немецкими выражениями, которые он вставлял каждый раз, когда не знал, как сказать это по-чешски. Решалось это очень долго – фактически на протяжении всего XIX века. И до половины XX века много германизмов в чешском языке еще оставалось» (Катерина Прокофьева, «С миру по нитке: как возрождали гибнущий чешский?», <http://www.radio.cz/ru/rubrika/razgovor/s-miru-po-nitke-kak-voztrozhdali-gibnushchij-cheshskij>).

Но народ Чехии всё же проявил удивительное мужество и вернулся к языку своих славянских предков, отказавшись употреблять немецкую речь во всех сферах своей жизнедеятельности. Неужели же у народа Украины не хватит мужества, чтобы повторить подвиг чехов и вернуться к украинскому языку своих героических предков, отказавшись от навязанного ему холопского новояза? Ведь в жилах практически у каждого, как украиноязычного, так и русскоязычного украинца течет и казацкая кровь.

Я сам себя часто спрашиваю: «Почему же ты, всю жизнь общающийся со всеми преимущественно на русском языке и думающий на нем, хотя и изуродован им, но все же не до такой степени как многие другие?»

Очевидно, в этом играет большую роль и та психологическая установка, которая позволяет максимально дистанцироваться от тех, кто безвольно смирился с тем, что он стал русскоязычным. Возможно, для того, чтобы хотя бы уменьшить то тлетворное влияние, которое оказывает на тебя русская языковая картина мира, следует в первую очередь отказаться от своей русскости, а не покоряться ей подобно интеллигенции прошлых веков:

«Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению. И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более позорной, чем самые монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом!» (А.К. Толстой, Письмо к Б.М. Маркевичу от 26 апреля 1869г., Собр. соч. 1963 – 1964, Т. 4, цит. по: Вадим Слуцкий, «А.К. Толстой – о России», <https://www.proza.ru/2013/12/18/1865>).

Как украинцам, так и россиянам всё-таки необходимо отказаться от своей убогой русскости и, наконец-то, стать просто людьми

Как украинцы, так и россияне, наконец-то, должны ощутить каждой своей клеточкой, что они все же не русские (в том трагикомичном образе, который сложился в течение многих столетий) и, осознав это, избавить навсегда своих потомков от быдлотворной русской ЯКМ:

«Неприхотливость и долготерпение, минимизация уровня потребностей («лишь бы не было войны»), пренебрежение к окружающим и вместе с тем крайняя от них зависимость, готовность помочь и черная зависть – вот лишь неполный перечень качеств, доставшихся нам от наших несчастных предков. И в постиндустриальный XXI век, в информационную цивилизацию Россия входит даже не с индустриальным, а с чисто крестьянским, патриархальным сознанием. И если мы, русские, хотим выжить в новом мире, нам нужно со всей тщательностью, буквально по капле выдавливать из себя русских. И становиться просто людьми» (Александр Никонов, «Разгадка русской души», «Огонек», №52, 2008, <https://www.kommersant.ru/doc/2286762>);

«Что ж – очередной весомый аргумент в пользу тезиса (некогда даже мне казавшегося перебором), что хороших русских не бывает. Не меньшинство, не жалкие проценты, а не бывает вообще. (Подчеркну, что, поскольку я не нацист, русскость для меня определяется не по крови, а по культуре и ментальности, поэтому, например, Гафт, Норштейн, Кобзон – тоже русские, а вот Невзоров – практически уникальный пример человека, который сам себя за волосы вытянул из самой глубины болота русского нацизма и из русских выписался, – нет.) И единственный способ для порядочного человека, которого угораздило родиться в этой стране и среди этого поголовья, которое даже нельзя назвать народом, остаться порядочным – это перестать быть русским, выкорчевать из себя все русское окончательно и бесповоротно, без каких-либо сожалений и надежд на «другую Россию» в светлом будущем. Как сделал я, как сделал Невзоров (хотя он, по-моему – все еще не до конца, все еще сохраняя некое сочувствие к тем, кто такового безусловно не достоин.) Из всякого же, кто отказывается это сделать, рано или поздно, как морда оборотня в полнолуние, вылезет все то же омерзительное ватное мурло, провоеет «крымнаш!» и высунет длинный язык, силясь

дотянуться до задницы верховного карлика» (Юрий Нестеренко, «Русский – это таки диагноз», <https://russkie-svinii.blogspot.com/2016/09/diagnoz.html#more>);

«Я глубоко убежден – хотя и понимаю, что многие, причем как раз не из числа «ватников», со мной не согласятся – что единственный путь, которым русский (в современном понимании этого термина) может перестать быть имперцем – это перестать быть русским...» (Юрий Нестеренко, «Исповедь бывшего москаля», <https://rufabula.com/articles/2015/02/25/confessions-of-a-former-muscovite>, <http://argumentua.com/stati/yurii-nesterenko-ispoved-byvshego-moskalya>);

«Слово «русский» во всём мире давно и прочно ассоциируется с кровавой империей, проигравшей историю, и пока мы не станем осознавать себя поморами и приморцами, казаками и дебрянами, сибиряками и уральцами, меря и эрзя – вряд ли мы сможем занять достойное место среди свободных, уважаемых и уважающих себя народов. И всё больше людей, возможно, пока что на подсознательном уровне, начинают это осознавать» (Алекс Авардин / Сандра Авардень, «Мерянская Русь. Осень. Ветры перемен и знаки свыше», <http://erzan.ru/news/merjanskaja-rus-osen-vetry-peremen-i-znaki-svyshe>);

«Вам очень скоро объяснят и уже начинают объяснять, что русские – это не этнос, это репрессивный механизм подавления настоящих этносов, казаков, сибиряков, ингерманландцев, пскопских, что в Москве живут не русские, а вне Москвы – не те русские... Именно поэтому власти и националистам надо уметь найти контакт до тех пор, пока она ещё власть, а они ещё националисты. Потом начнётся с одной стороны фефела вместо власти, с другой – трайбализм вместо этничности. Пропущен будет краткий момент максимального сближения – и никаких русских не станет, апеллировать будет просто не к кому» (публицист Егор Холмогоров, цит. по: В. Ерунов, «Государственная идеология и русский народ», http://www.otchizna.info/Arhiv2011/Otchizna3/Gosyd_ideologiy.htm);

«Я ощущаю себя сибиряком, – говорит красноярский блогер Александр Коновалов. – Я много ездил по России и понял, что мы другие. Это сложно объяснить, но это так. Я вообще считаю, что мы не знаем, кто такие русские. За время советской власти мы потеряли русскую культуру и стали «советским народом». Сегодня русский – это какая-то абстракция. Даже страна у нас Россия, а не Русь. Сибиряк – это более конкретно. Когда я жил в Индии, меня часто спрашивали, почему я не похож на других русских, которые были там. И мне было проще всего сказать, что я – сибиряк, а они – москвичи (сибариты, – П.Д). Тогда у индийцев не оставалось вопросов. Имидж русских и в стране, и за границей очень плохой. Но на сибиряков он не распространяется. Наверное, со стороны заметно, что мы все-таки разные» (Владимир Антипин, «Гражданин Сибири», «Русский репортер», №7 (185), 24 фев. 2011, http://expert.ru/russian_reporter/2011/07/grazhdanin-sibiri/);

«Сибирская идентичность чувствуется в Новосибирске везде – другие люди, другая манера вождения на дорогах, даже другой, сибирский выговор. «У тебя московский акцент»

– упрекают московского журналиста знакомые из Омска. Сибирские компании, экспортирующие что-то за рубеж, предпочитают основывать свой бренд на сибирском происхождении. То же самое касается и сибирских туристов за рубежом – на стандартный вопрос «Откуда приехали?» они отвечают: «Из Сибири...» («Сибиряки поговаривают об отделении от России», <https://golbis.com/pin/sibiryaki-pogovarivayut-ob-otdelenii-ot-rossii/>; <http://2fimage.politiko.ua/blogpost91438>; <https://oleg-leusenko.livejournal.com/854294.html>);

«Что касается собственно русской части РФ, то придется, очевидно, двинуться по пути, который успели наметить еще декабристы, как известно, противопоставлявшие культу Российской империи – культ Новгородской республики. Примерно в том же направлении позднее работала мысль сибирских областников, выдвинувших тезис об исторической самодостаточности Сибири и недопустимости рассмотрения ее как простого сырьевого придатка Российской империи. Таким образом, если рассматривать гипотетический русский консерватизм как органическую совокупность региональных мифов о «великом домосковском прошлом русских земель», – такой идейный конструкт и возможен, и полезен. Но русский консерватизм, направленный на то, чтобы протянуть идейно-политическую нить из самодержавно-коммунистического прошлого в постиндустриальное будущее, – как представляется, вреден и бесперспективен. Чем быстрее русское сознание регионализируется и отделит себя от «великого российского государства (империи, – П.Д.)» – тем устойчивей и динамичней окажется развитие всего русскоязычного геополитического континуума. Одним словом, русский консерватизм, преодолевший Великую Россию, имеет будущее. Русский консерватизм, плетущийся в хвосте деградирующей империи, обречен исчезнуть вместе с ней – даже в том случае, если попытается быть «современным», т. е. умеренно-либеральным» (Даниил Коцюбинский, «Утопия русского консерватизма: на примере партии «Всероссийский национальный союз» (1908 – 1917)», <http://anthropology.ru/ru/text/kocyubinskiy-da/utopiya-russkogo-konservatizma-na-primere-partii-vserossiyskiy-nacionalnyy>).

Империя быдла и её два народа – гопники и лохи

Как видим, со времен Герцена в России практически ничего-то и не изменилось, как не было в ней единой нации, так её до сих пор и нет. Как было в ней два народа, так и осталось два народа. Один народ – извечные холопы-шудры (холуйствующие челядишки-лохи – то есть «быдло») является лишь по праву, то есть де-юре, верховным, так как на средства от продаж богатств его земли кормится вся Россия («сибирякам-савирам» соответствует эвенк. «сувэрэ» – вершина). Другой же народ – дорвавшиеся до власти гопники на самом деле, то есть де-факто, является верховным, так как сибаритствует, осуществляя над всеми землями России суверенитет («москвичам-сибаритам» соответствует франц. «souverain» – верховный):

«Когда солдаты делали мне фронт (а как же? майорскому-то сыну!), я снимал картуз и учтиво раскланивался. Это было смешно и совершенно неприлично. Мне надлежало бы пройти мимо с надменным видом, не обращая на них ни малейшего внимания. – Все это

было так из рук вон, что даже Афонька, камердинер нашего полкового командира, потерял терпение и, в каком-то порыве священного холопского негодования, сделал мне выговор. «Помилуйте, батюшка Владимир Сергеевич! Ведь вы вовсе не как следует русскому барину: вы словно какой-нибудь француз или итальянец!» Ах! если бы в эту минуту я замахнулся и дал бы ему оплеуху, – он, наверное, глубоко бы передо мной преклонился и признал бы меня за истого русского дворянина!» (Владимир Печерин, «Оправдание моей жизни», http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml);

«Иногда у некоторых возникает искушение разделить Россию по количеству голов на гербе, не нарушая территориальной целостности страны. Развести по границе непонимания-противостояния 14 «активных» и 86 «стабильных» процентов, чтобы дать возможность каждой группе жить по тем правилам, которые она в состоянии понять и исполнять. В «большой» России все останется, как «при бабушке». Государство в форме наблюдательно-буровой вышки. Несменяемая власть, вранье, коррупция, чванство, холуйство. Конституция как отрывной астрологический календарь. Триумф единомыслия. Ржаво-черный мир георгиевских лент и пиджаков. Ведущий телеистерик в платье гейши и шиньоне Кобзона будет неистово бесноваться вместе со всем бабуиноподобным бэкграундом. Мы победили, хозяин! Дай нам хлеба, хозяин. Дай зрелищ кровавых. Похвали нас! Накажи нас!» (Виталий Щигельский, «Русская пирамида», <http://www.ixtc.org/2016/03/vitaliy-schigelskiy-russkaya-piramida/#more-8518>);

«Что делать? Как пишет Михаил Берг (цитирую по памяти): «Мы живем в одной стране, но у нас два народа. Крохотная кучка думающих, которым нужна большая свобода и честные выборы, и огромная «непродремавшаяся» масса российского обывателя. И между ними пропасть из страха, самого сильного и опасного страха, и социального недоверия... Можно бороться с «партией жуликов и воров», можно корить русское чиновничье семя, испоганившее собой всю русскую историю, но невозможно отменить тот факт, что неперемное большинство русского населения практически не меняется в своих фундаментальных характеристиках уже много веков!..» От себя добавлю: ваши угнетатели выходят из ваших же рядов!» (Андрей Кончаловский, «Ужаснись сам себе», 2012 г., <https://www.kommersant.ru/doc/1878376>);

«Самыми популярными зарубежными странами, недвижимостью в которых пользуются чиновники российского правительства и члены их семей, стали Великобритания, Италия, Франция, Болгария и Испания. Об этом свидетельствуют данные деклараций членов кабинета о доходах и имуществе за 2015 год, опубликованных на сайте кабинета. ...главный мотив приобретений зарубежной недвижимости – один: на всякий случай подготовиться к неизбежному и застолбить тихую норку подальше от российского беззакония, ужасающей российской еды и медицины, российских афёров и российских школ. Ведь чиновники лучше всех прочих знают истинную цену всему доморощенному. Как-никак – сами и растили! Не для себя, конечно, для других. Для «быдла». Того самого, которому теперь изо всех сил прививают мысль о патриотизме и любви к Родине! Что мы живём во враждебном

окружении и должны быть готовы ко всему! И надо не щадить себя для защиты власти, а любое недовольство и любая критика есть попытки развалить Россию и устроить тут майдан как в Киеве...» (Николай Юрнев, «Два патриотизма – или зачем сын патриота Якунина стал гражданином Англии?», <https://publizist.ru/blogs/107999/19273/>);

«Но такая глубина различий между русскими и остальным миром связана вовсе не с тем, что русские какие-то убогие. Причина очень проста. Из всех народов мира, только русские не успели пройти трансформацию в нацию... Национализм – это чувство общности с другими, без которого жизнь в огромном современном мире – ужас без конца. И именно в таком ужасе сейчас и живут русские. Люди без нации, имя без вещи. Именно поэтому буксует русская экономика, под видом демократии страной правит тирания, москвичи и провинциалы ненавидят друг друга, а соседи боятся нас как чумы, сами не понимая почему. Если каждый из нас боится высунуть нос из своей норки, видя снаружи только врагов, страна остается на растерзание тем немногим, кто или беспринципен, или безрассуден, чтоб высунуться. К чему причитания? В наших несчастьях не виноват никто, кроме нас» (Юрий Аммосов, «Россия – страна несчастных», <http://www.globalrus.ru/opinions/139197/>);

«Ведь по большому счету, если отбросить бутафорскую мишуру демагогии и пропаганды, мы никогда не имели нации, а значит были обречены на порабощение. Мы не имеем сегодня даже народа, а из населения, минуя стадию формирования народа, невозможно организовать силу, способную дать отпор завоевателям и освободить Россию. Не из кого формировать такую силу. Население разложено, генетически деформировано и духовно сломлено. И что еще страшнее, те небольшие очаги патриотов, осмысливших трагедию страны, и что нам грозит в перспективе – разрозненны и разобщены, обуреваемы необоснованными амбициями и неспособны к организаторской работе и своему объединению, даже под угрозой своего уничтожения...» (Юрий Козенков, «Голгофа России», Ч.1 «Миграционная оккупация и дегенерация», <https://infopedia.su/1x81b8.html>);

«...к началу XXI в. стало вполне ясно: российской нации как государственно-гражданского сообщества населения не получилось. Никто из русских, проживающих в современной России, не включает в одну нацию с собой представителей других национальностей, живущих в стране, а те также не относят себя к русским, как и русских к своему национальному сообществу. Никто из них не ставит знак равенства между понятиями «русская нация» и «россияне», не отождествляет их со своей национальностью, не включает в свою национальность другие национальности...» (доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Святослав Григорьев, «Социальное положение и роль русских в России в оценке экспертов», <http://naukarus.com/sotsialnoe-polozhenie-i-rol-russkih-v-rossii-v-otsenke-ekspertov>);

«Всякая мысль проходит точку взросления, избавления от инфантилизма. Такой точкой в истории русской мысли стал Ю. Самарин. После него уже невозможно сладостное славянофильство Хомякова и Киреевского. Вернее, теперь оно возможно как детский

лепет... Зачем русскому человеку империя? Во-первых, затем чтобы не быть нацией. Русские никогда не были нацией, никогда не ставили перед собой и не решали национальных задач. Мы не умеем этого делать. Для этого у нас нет национального самосознания. Русские всегда были и будут идеей. Тем, чего нет, что невозможно осуществить. Мы всегда существовали в невозможности своего существования. Определяя себя как идею, мы определяем себя в качестве апофатиков-нигилистов, антиглобалистов. И одновременно в качестве романтиков, социально наивных людей. Всеединство – это отказ от возможности быть идеей. Призыв к растворению в фактичности. Конечно, глупо искать какую-то содержательную русскую идею. Мы не американцы. Это у них есть какая-то идея, мечта. А у нас ее нет. Если бы она у нас была, то мы бы ею владели, как владеют вещью. И овладев, стали бы нацией. Наша идея – это мы сами в невозможности нашего национального существования. Мы необратимо имперский народ. Быть для нас – значит быть империей. Во-вторых, поскольку мы не нация, постольку мы всегда решаем наднациональные задачи. Если бы мы решали задачи нашего национального существования, то мы бы занялись удобствами жизни, комфортом существования. Т.е. мы построили бы цивилизацию. Но так как мы решаем наднациональные задачи, мы принуждены быть бедными при всем нашем богатстве. В любой момент жизни нам нужно во что-то верить. Нам нужна идеология. Имперскость нашего существования вынуждает нас постоянно обновлять государство, а не цивилизацию повседневной жизни...» (Фёдор Гиренок, «Эйдос русской империи», <http://fedorgirenok.narod.ru/eidos.htm>);

«Россия – страна не с путинским, не с проправительственным, но и не с оппозиционным большинством. Россия – это страна с пофигистским большинством. Пофигисты – это люди, сидящие в своих норках и плюющие на общественные дела. Если они живут хорошо, то гордятся своими достижениями и ещё сильнее гордятся тем, что всегда тратили все свои силы только на обустройство своих личных дел. Если они живут плохо (что случается значительно чаще), то жалуются на свои неудачи, ругают государство, но тут же резко подчёркивают своё «глубоко принципиальное» неучастие в любых общественных делах. Их доводы не отличаются разнообразием или глубокомыслием: «я – человек маленький», «от меня ничего не зависит», «нас не спросят» и т.д. Существует миф о «коллективизме» (вариант для верующих: «соборности»), якобы присущем русскому народу. Это – брехня. Даже если когда-то наши предки подобными качествами и отличались, то мы их не унаследовали. Современное российское общество страдает от безраздельного господства крайнего индивидуализма. И вряд ли где-то ещё в мире можно найти общество, до такой степени разделённое на отдельные атомы...» (Иван Смирнов, «Маргинальная власть в стране пофигистов», <http://www.liberal.ru/articles/4457>);

«...в таком большом государстве, как Россия, трудно достичь достаточной концентрации социально активных, стойких, бесстрашных и психических здоровых людей, чтобы образовывать, восстанавливать и лечить травмированное население и добиваться социальных и политических перемен. Если активное меньшинство не добивается успеха, а уничтожается на корню, его пример не вдохновляет, а обескураживает. Если в крови

недостаточная концентрация антибиотика, может возникнуть резистентный штамм бактерий. Здесь можно вспомнить эпизод из Геродота, где старый тиран обучает молодого, молча обрывая слишком высокие колосья. Годы тирании производят изменения в характере нации. Если она и начнет отстаивать свои интересы, то скорее пойдет путем насилия и бунта, а не путем конструктивных социальных перемен...» (Н.И. Кигаи, «Травма – прошлое и настоящее», <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2608>);

«Огромная проблема – раскол внутри самих русских. Мы, русские, не можем объединиться ни организационно, ни ментально. Мы боремся друг с другом по линиям раскола, проложенным десятилетия, а то и столетия назад. Мы не то что «два народа в одном», а несколько борющихся народов в рыхлой общности «россиян»...» (Сергей Белкин, «Нерусский русский и русский нерусский», <http://devec.ru/almanah/9/1556-sergej-belkin-nerusskij-russkij-i-russkij-nerusskij.html?start=2>);

«...Это совершенно извращенное азиатское представление о роли и месте государства в жизни страны унаследовано нами не только от советского режима – оно насильственно прививалось национальному сознанию в течение всех десяти веков российской истории. ...пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить» (правозащитник Сергей Ковалев, «Права человека как национальная идея» / «За державу – не обидно!», <http://pravo.news/kniga-grajdanskoe-pravo-rossii/derjavu-obidno-26182.html>; http://adhdportal.com/book_2587_chapter_6_ZA_DERZHAVU_NE_OBIDNO!.html);

«Я не люблю великих держав. Мне противны все великие державы. Само слово «державы» пошло и безвкусно. Самые жалкие люди в державах и роятся. Человек должен быть великим, а не государство. Я думаю, эпоха великих держав прошла и чем быстрее они все выйдут в тираж, тем лучше! Это моё политическое убеждение» (философ Александр Пятигорский, «Большинство людей не понимают, что они одержимы деньгами!», <http://www.aif.ru/archive/1665324>);

«Личность является носителем этничности, но только не в России, где коллективизм отображает державность национальной идеи. Национальная идея в американском пространстве выражает стремление к свободе, в Китае – к порядку, в исламском мире – к этической оптимизации, в Индии – к духовному очищению, но только в России – к торжеству государственной структуры, как самоцели. В России соборность играет роль цивилизационного тормоза, безропотному подчинению индивидуума стае. В мире не разрешённые вопросы решались сельским побоищем («стенка на стенку»). Более многочисленная партия закрепляла за собой роль авторитарного носителя высшей истины или справедливости. «Для сельского мира уже соседняя община была «ненашей», чужой. У неё было не грех урвать кусок пастбища, отхватить угол пашни, участок леса» (В.Е. Возгрин,

«История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма», Т. 1. – С. 30). Порочные качества внутри общины, теряли негативную окраску за околлицей и считались уже лихим, молодецким поступком, например, кража имущества соседской общины. Если же действие шло на пользу всей общине, то вор долго ходил в героях. От соседских сельских общин ожидалось аналогичное поведение. «Это – простой пример использования на практике двойного стандарта, когда оценка поступка менялась на прямо противоположную, в зависимости от того, кто его совершал» (Виктор Урбан, «В чём причина патологической агрессивности, расизма и шовинизма великороссов?», http://viktor-urban.blogspot.com/p/blog-page_6859.html);

«Левада среди главных характеристик этого (стайного / стадного, – П.Д.) человека выделял следующие: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия и имперский синдром. Последний компонент крайне важен. Поскольку власть апроприрует все коллективные ценности и символы всего целого – нации, общества, страны, государства, культуры, истории, то человек, лишенный возможности самореализации и признания своих достижений, может испытывать чувство самодостаточности и полноты лишь в качестве подданного, проекции государства на себя, а значит – лишь в виде мобилизуемого члена всего сообщества, в ситуациях предельного испытания и напряжения, борьбы с врагами. Поэтому милитаризм оказывается не только необходимым условием культа силы (или насилия), но и условием, без которого нельзя выразить, артикулировать собственные достоинства и добродетели. Отсюда склонность, если не любовь к парадам и массовым шествиям, приобретающим характер демонстрации национального духа и общности, единства, которое старательно поддерживается подыгрывающей массам пропагандой. Подобные свойства фиксируют, прежде всего, принадлежность этого человека к государству (принятие системы, отождествление себя с ней), но не его собственную активность и достижения. От собственно коммунистического сознания (синдрома идеологического миссионерства, превосходства над другими в силу принадлежности к передовому обществу) сегодня сохранилось лишь сознание своей исключительности или особенности, но уже в качестве защиты от сравнения, недопустимости сопоставления с другими, ибо это порождает болезненное чувство своей отсталости, неразвитости, варварства и бедности (оно, конечно, еще старше, поскольку укорено в вырожденной традиции религиозной, православной, исключительности)» (Директор «Левада-центра» Лев Гудков, «Повесть о советском человеке», <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>);

«Как и в Веймарской Германии, в сегодняшней России за ксенофобией и антисемитизмом стоят ностальгия по Советскому Союзу или царской России, тоска по великодержавному прошлому и горечь разрушенной иллюзии. За века жизни в многонациональном государстве русские привыкли ощущать себя коренным народом великой и грозной империи, позже – «старшим братом» (имперцем, – П.Д.) в многонациональной семье. Они сами посмеивались над официальной пропагандой, муссировавшей эти клише, но в глубине души это льстило их национальному самолюбию и

оправдывало те жертвы, которые от них требовало государство: низкие зарплаты и пенсии, скудная еда и одежда, убогое жилье, невозможность поездок за рубеж, риск угодить в лагерь ни за что. Ежу понятно: средства уходили на огромную армию и вооружение, на колоссальный бюрократический аппарат, а они нужны были, чтобы держать в узде «младших братьев» и чтобы грозить всем соседям, соблазняющим «младших братьев». Да и свой народ (быдло, – П.Д.) не раз показывал, что без палки с ним не управиться. Это было утешительно: пусть я живу плохо, но зато я один из властителей! Хотя какой ты властитель... Ну, да ладно» (Лев Клейн, «Диагноз. Рак», <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/9/k112.html>);

«Самой гнусной категорией людей – да и вообще существ, обитающих на Земле – являются имперцы. Имперцы гнуснее, подлее и гаже, чем гопники, маньяки, наркоманы, торговцы живым товаром и т.д. – ибо они и есть все перечисленное, только в куда больших и худших масштабах. На первый взгляд может показаться, что идеология имперцев – это просто идеология троглодитов: культ и право силы, мораль животной стаи, отрицающей как какие-либо права не принадлежащих к ней, так и индивидуальность своих собственных членов (все должно быть подчинено стае, т.е. империи), непризнание каких-либо универсальных критериев, по которым «наше поведение по отношению к ним» и «их поведение по отношению к нам» должно судиться одинаково, а не по принципу «добро – это когда я козу украд, а зло – это когда у меня козу украли». И, таким образом, имперство есть дикий архаизм и атавизм, возвращение в первобытную и даже животную эпоху, имманентно враждебное прогрессу, даже если для достижения своих троглодитских целей империя развивает науку: любые высокие технологии в руках имперца – это та самая граната в руках обезьяны. Это верно, но лишь отчасти. На самом деле имперцы даже не троглодиты, которых можно хотя бы отчасти оправдать – а точнее, констатировать неприменимость к ним человеческой морали – в силу, во-первых, крайней скудости их ума, а во-вторых, суровости диких условий их обитания, где безоглядное насилие по принципу «умри ты сегодня, а я завтра» действительно может быть основным способом выживания. Имперцы хуже. Они – именно гопники, дорвавшиеся до государственного и международного масштаба. ... главная цель гопника – вовсе не материальные ценности. Главное для него – унижить другого, поиздеваться над более слабым, насладиться его беспомощностью и своей властью над ним (заметим, что само по себе такое желание возникает обычно у ничтожеств, понимающих, что уважать их не за что и что к «уважению» они могут только принудить, что единственный для них путь подняться, хотя бы в собственных глазах – это опустить других еще ниже себя). Именно таковы имперцы. Именно в этом смысл их существования. А «отжатые» трофеи – не более чем приятный дополнительный бонус. При этом гопник, как и троглодит, не признает не только чужих, но и собственных прав. Он слепо подчиняется своей банде и пресмыкается перед ее главарем. «Да, меня чморят, но за это дают чморить других. Или, по крайней мере, дают почувствовать себя частью чего-то чморящего.» Чего-то большого и внушающего страх (и понятно, что «великая держава» с миллионными ГУЛАГами – это круче, чем просто уличная банда)... Имперцы не щадят даже собственной жизни, они готовы тысячами и миллионами бросаться на копья, под копыта и гусеницы танков по приказу своего пахана. «Dulce et decorum est pro patria mori! Мы русские – какой восторг!» Это делает их самыми

кровавыми серийными убийцами в истории. ...любой договор между гопником и лохом действует ровно до того момента, пока это выгодно гопнику. Даже не так – пока это хочется гопнику, поскольку, как уже было сказано, в своей наглости и уверенности в безнаказанности он с легкостью идет и против собственной выгоды. Если трактовать такую с рациональной точки зрения – в то время как имперец иррационален. Как бы имперцы ни корчили из себя аристократов и джентльменов, у них нет и не может быть никакого понятия о чести, ибо имперство – это низость и подлость, возведенные в принцип, лишенные всякой рефлексии, абсолютно уверенные в своем праве и в своем превосходстве над теми, кто не подл и не может набить имперцу морду. У гопника не может быть чести, ибо честь возможна лишь там, где в основе – уважение к личности, своей собственной и чужой, что ни с обычной уличной бандой, ни с империей принципиально несовместимо. У гопника может быть лишь блатная истерика. И все «величие» имперского «большого стиля» – это все те же малиновые пиджаки (АКА пурпурные тоги) и золотые цепуры в палец толщиной. Чем помпезней, тем безвкусней и бессмысленней. Можно вспомнить и Фрейда с его теорией, что к гигантизму стремятся те, кто комплексует по поводу собственного маленького члена...» (Юрий Нестеренко, «Гнуснейшие», <http://www.kontrast.org.ua/news/2043.html>; <http://rufabula.com/articles/2014/11/14/wretched>);

«В постсоветской России обыватель отличается от овцы возможностью совершить «дауншифтинг» (т.е. перейти на более низкие социальные позиции, «растворившись в ландшафте»), и возможностью выехать за пределы страны. Тем не менее, распространенность в определенных релевантных дискурсивных слоях терминов «быдло», «гопота», «лохи», и т.п. четко показывает представления об управляемых в начальственных головах Российской Федерации (РФ). К тому же российское начальство очень не одобряет низовой протест, однако любит поговорить о патернализме, и о том, что «эти там» «поубивают же друг друга» без отеческой начальственной заботы. Так что дегуманизирующие и девитализирующие практики продолжают определять имеющийся социальный порядок, хоть и в чуть более «поистрепанном виде», чем то было в СССР. Плюс к тому – развивающиеся практики фиксации различными социальными слоями своей «выделенности» главным образом через сотворение произвола и применение насильственных действий по отношению к «оттесняемым вниз». Т.е. нет никаких оснований считать, что постсоветская Россия по результатам произошедшей трансформации перестала быть ордынством, хоть она и изменилась существенно в некоторых своих характеристиках...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухаи, партизаны» / «Российское общество и его политический класс: взаимосвязь некоторых особенностей», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>);

«Преступный эксперимент по созданию «нового человека» удался. Многие россияне так и не вышли из советской комы. Сотни миллионов подопытных людей, превращенных в примитивные биологические куклы, дали многочисленное потомство... Неудивительно, что больше пятидесяти процентов населения России хочет назад в СССР, а больше семидесяти процентов считает Сталина «великим вождем» и мечтает о «твердой руке». Прошедшие

неоднократную мичуринскую селекцию и лоботомию в трех поколениях люди не могут жить вне клиники. Прав был Розанов: «Ленин и его приспешники потому так смелы, что знают – судить их будет некому, ибо судьи будут съедены...» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>);

«Совок совершил ужасное дело: похоже, за время своей истории он истребил почти всех, кто мог бы воспринять свободу. Последний всплеск сопротивления – Новочеркасский бунт при Хрущёве. Когда потом появился шанс на свободу, воспользоваться им было уже некому. Воля к свободе осталась в Украине, в Прибалтике, в Грузии. Но не у нас, не у русских. У нас качество населения низведено ниже плинтуса. Оно не идёт ни в какое сравнение со сталинскими временами. Ибо тогда система всё-таки преодолевала сопротивление, с нею всё-таки боролись. Были крестьянские восстания, потом были власовцы. Был огромный пласт людей, ненавидящих Сталина и совок вообще. Недаром системе требовался ГУЛАГ. Сейчас он не нужен. ЭТОТ народ любит вождя и без ГУЛАГа. Страшное дело – рабство из-под палки. Но ещё страшнее – рабство без палки. Страшен совок в ватнике. Но страшнее совок на иномарке, в импортных шмотках, отдыхающий в Европе и притом ненавидящий Запад. Помнится, при совке власть обязывала хозяев личных домов вывешивать по праздникам красный флаг. Не вывесишь – будут неприятности. Сейчас никто никого не принуждает цеплять «колорадскую» ленточку на свой личный автомобиль – но цепляют все, сами цепляют, не замечая, как двусмысленно и даже комично этот круглогодичный «символ победы» выглядит на «мерседесе» или «фольксвагене»...» (Олег Басилашвили, «Россия. ЛЮДИ КАК ЛЮДИ?», http://zvamynews.blogspot.com/2016/03/blog-post_714.html);

«Слишком долго тут уничтожалось все, что хоть на вершок возвышается над бутылкой «Жигулевского». Слишком долго, веками, убивался в этносе ген свободолюбия, вольнодумства, предприимчивости, трудолюбия, инакомыслия, самостоятельного мышления, критического восприятия информации. А последние сто лет – так выкашивался просто косой. Путин сделал главную вещь – достал из людей всю мразь. Всю ненависть, всю ксенофобию, всю агрессию. Самые поганые, самые низменные, самые черные черты человеческой природы. Такого не делал даже СССР. Даже Совок лишь декларировал пролетариат как класс-гегемон, а на самом деле классом-гегемоном там была трудовая интеллигенция, инженеры и учителя, те самые физики и лирики. Путин же поднял со дна и сделал классом-гегемоном не просто люмпен – потому что люмпен тоже может быть неагрессивным – он сделал классом гегемоном агрессивных гопников» (Аркадий Бабченко, «Что же будет с Родиной и с нами?», <http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1644164-echo/>);

«Сейчас на многих руководящих должностях в России – просто гопота, люди, не отягощенные мозгами. Это резко снизило качество принимаемых решений. Они действуют импульсивно, буквально как дети. Если ребенка ущипнуть, он ущипнет в ответ. Примерно такой уровень принятия решений у нынешней российской власти – это рефлекторная политика. Кстати, это заметно и во внешней политике России. На том же рефлекторном

уровне принимаются практически все важные для страны решения во внутренней политике» (Лев Шлосберг: «В России с января закроют все пункты для украинских беженцев. Они неизбежно вернутся к вам – их депортируют», <http://gordonua.com/publications/SHlosberg-V-Rossii-s-yanvarya-zakroyut-vse-punkty-dlya-ukrainskih-bezhencev-Oni-neizbezhno-vernutsya-k-vam-ih-deportiruyut-108038.html>);

«Гопники. Численность – до 50 млн человек, из которых 21–24 млн – подростки 14–18 лет. Субкультура в современном виде оформилась в СССР в конце 1980-х гг., хотя имеет давние традиции (уличная шпана в СССР). Слово «гопник» происходит либо от слова «гоп-стоп» (на воровском жаргоне это означает «грабеж»), либо от аббревиатуры 1920-х гг. ГОП – Городское общежитие пролетариата. Сами себя гопники в отдельную группу обычно не выделяют, предпочитая называть себя «пацанами». Группируются вокруг двора и района. В каждом таком объединении есть свой вождь, районный князек, подчиняющийся, в свою очередь, «старейшинам» – вышестоящим криминальным авторитетам. «Район» гопники агрессивно защищают от «чужих», особенно от неформалов и «черных». Нападают всегда группой. Важность компании единомышленников возведена в культ: любой подвиг хорош, только если его увидели и оценили товарищи. Стиль поведения гопников – наглый, грубый и агрессивный. Несмотря на то, что гопники – это «реальные пацаны», т.е. чисто мужское братство, в их субкультуру на правах «подруг» входят и девушки, разделяющие ценности гопников, – как правило, из бедных семей и без полного среднего образования. Гопники носят дешевые спортивные костюмы, кеды и кепки – «таблетки» или бейсболки. Прическа – короткая стрижка. Обычно слушают так называемый «русский шансон» или «блатную песню». Внутри субкультуры гопников есть мини-субкультуры – «чавы» и «полугоп». Чавы – такая же полукриминальная группа мелких хулиганов, ставших хорошо зарабатывающими специалистами. Носят одежду спортивного стиля, но, в отличие от обычных гопников, брендовую и дорогую. Полугопы – респектабельные представители среднего класса, старающиеся ничем внешне не отличаться от обычных людей, однако сохранившие «гопническую» наглую и агрессивную самоуверенность, ограниченность и крайний прагматизм, культ компании «реальных пацанов» (только это не районные князьки, а успешные бизнесмены) и полутюремный жаргон. ...что меня, действительно, удивило, так это цифра в 50 миллионов гопников среди россиян. Учитывая, что общая численность жителей России не превышает на сегодняшний день 150 миллионов человек, то количество гопников просто зашкаливает. А если отнять из общего числа совсем юных детей и дряхлых стариков, то гопником, по сути, является едва ли не каждый второй россиянин. Может, в этом и кроется секрет суперпопулярности Путина, который также имеет «пацанскую психологию» и любит использовать в своей речи сомнительные шутки и обороты, свойственные субкультуре гопников? Удивительно также и другое – какая же это субкультура, если гопников среди общего числа россиян так много?! Скорее это уже вторая культура, а может, что и основная, официальная...» (Николай Подосокорский, «Социологи провели исследование: треть россиян можно считать «гопниками»», <http://www.online812.ru/2015/02/10/010/>; «План Путина – социальное вырождение. В России живёт 50 миллионов гопников», <http://ehorussia.com/new/node/10495>);

«По моим, самым осторожным оценкам, у нас более 50 млн нищеты и гопоты. Чтобы выжить на животном уровне, требуется минимум 10 тысяч рубликов в месяц, или 120 тыс в год. Умножьте кто-нибудь на 50 млн, у меня нет под рукой калькулятора. Вроде как 6 триллионов получается!.. А если ещё и на 17 умножить? Это ж сумасшедшая цифра получается – 102 триллиона!.. И эти триллионы прожигаются бездарно, не принося стране НИ РУБЛЯ хотя бы в виде налогов или ещё каких ощутимых сборов! Поэтому кого-то умного там наверху посетила дельная мысль – А что, если эту сладкую грушу хорошенько потрясти?.. Не может быть, чтобы хотя бы триллиончик-два-три нестрясти!.. Но тонкость, недоступная извилинам отцов нации, состоит в том, что доходы отчаянно борющихся за жизнь бомжей не носят стабильный, регулярный характер. Они то есть, то – нет. Например, те же няни, гувернантки, репетиторы, массажисты, мани- и педикюрщики, даже волшебницы танцев у шеста и, извините, «девушки» с пониженной социальной ответственностью – все они имеют временный успех и спрос. Поэтому их доходы, даже временами весьма приличные, то и дело ниспадают до нуля и им приходится завтра начинать всё с начала...» (Олег Зоин, «Утилизация «самозанятых» как мечта», <http://sde.in.ua/ytilizaciia-samozaniatyh-kak-mechta/>; <http://newsland.com/community/6207/content/utilizatsiia-samozaniatykh-kak-mechta/5816175>);

«...мы живем в такое время, когда даже Геббельс бы покраснел от уродства, хамства и омерзительности нашего агитпропа. Даже Геринг бы постеснялся жить в замках, которые понастроили себе, нет, не бизнесмены, – чиновники! Даже Гитлер не смог бы заставить себя нести абракадабру про «сакральность» какой-либо территории как повод для экспансии. Совок был плохо скроен, да крепко сшит. Его строили крестьяне. Сверху до низу крестьяне. Начиная с Хрущева и Брежнева и кончая последней старухой в нечерноземной деревне. Совок был (давайте называть вещи своими именами) – мелкобуржуазным представлением об идеале. Жигуль, трехкомнатная квартира, стенка «Хельга», дача 6 соток. Он был примитивен и туп. Он был по-своему жесток. Как бывают жестоки деревенские жители к чужаку или городскому умнику. Но он не был так подл и лицемерен как нынешняя Россия! Он не был гнусен. Во всяком случае, тот совок, в котором жил я. И вот какой мой вывод. Нынешняя Россия – это представление об идеале вертухая. Кума. Начальника зоны. Вот чем вертухай отличается от крестьянина, тем нынешняя Россия отличается от совка» (Альфред Кох, <https://www.facebook.com/koch.kokh.haus/posts/1407110782919460>);

«Россию не переделать. Ее можно лишь упразднить – конечно, бескровно и цивилизованно. Она никогда не станет европейской и демократической. Как бы ни прикрывалась Россия флером европеизма, она всегда будет нести в себе зло тирании и агрессии, дикую гикающую степь. Пессимисты утверждают, что не переделать и большинство русских. Массовый психотип сформирован, он необыкновенно устойчив. Народ опять хочет любить Сталина и праздновать 9 мая. А, значит, он снова готов быть рабочей скотиной и пушечным мясом. Спрашивается, надо ли «спасать» такой народ? Достоин ли он каких-либо усилий по его «спасению»? Да и нуждается ли он в нем? После

всего, что было в XX веке пора трезво взглянуть на Россию и русских, которые изначально были жертвами России, а потом стали соучастниками ее кровавой фантазмагии. Соучастниками безвременья. Да, есть «другие русские», но их мало. Но... они все же есть, эти разрозненные атомы будущего, худо-бедно рыхлящие массив косного большинства и сами смысловые основы имперской пирамиды. И только их наличием я могу хоть как-то оправдать свою деятельность и само свое существование в этой стране» (Алексей Широпаев, «Тьма-родина», <https://ru.delfi.lt/blog/neformat/aleksej-shiropaev-tma-rodina.d?id=25514451>; <http://shiropaev.livejournal.com/38054.html>).

Украина – не Россия

Русскоязычные украинцы должны наконец-то уяснить для себя три довольно-таки простые истины:

1. «Украина – это не Россия»;
2. «Держава – это не государство и не империя, а всего лишь надстройка над обществом, гарантирующая целостность и неприкосновенность всех земель, населенных придерживающимися единых ценностей народностями»;
3. «Уряд – это не Правительство, тотально управляющее всем обществом, а всего лишь орган, координирующий общественную жизнедеятельность населения всех регионов Украины».

Хорошо понимать нужно также и то, что:

«Нам надо заботиться не столько о перемене правительства, сколько об утверждении в умах идей законности и правды. Нам худо не столько оттого, что нами худо управляют, сколько оттого, что мы сами не умеем управлять собою. Нелепо все сваливать на правительство, которое к тому же плоть и кровь от нашей плоти и крови. Наши мальчуганы начали борьбу, но, как свойственно мальчуганам, они борются не за дело, а за утопические свои мечты и грезы. Общество нуждается именно в том, что они стараются разрушить, – в твердых нравственных принципах. Дело не в том, чтобы кричать: пусть такого-то предрассудка и злоупотребления не будет, – а в том, чтобы развитием здравых понятий и знания сделать невозможным существование этого предрассудка и злоупотребления... Мы считаем правительство каким-то богом; думаем, что оно, как само небо, должно стоять выше общества и по умственным качествам, и по добродетели, и по знанию – и оттого требуем от него чуть не безошибочных дел. Но разве оно не есть продукт того же народа, каким управляет? Ум, добродетели и пороки последнего действуют в нем бессознательно и бывают причиной всего, что делается им дурного или хорошего. Если правительство шатко, непоследовательно, опрометчиво и проч., то это оттого, что все мы, русские люди, шатки, непоследовательны, опрометчивы и проч... И наконец, можно спросить у теоретических прожектеров учебной реформы, достаточно ли они уверены, что самое правительство окажется настолько мудрым, твердым и последовательным, чтобы неуклонно идти к предложенной цели? Увы! Как много видим мы доказательств противного этому. Многие полагают, что достаточно правительственного авторитета и принудительных мер, чтобы установить такой или другой порядок вещей. Такая мысль есть мысль пагубная и фальшивая

даже у нас, где все основано на повиновении... Если правительство не находит в своем уме других средств действовать на умы, как меры репрессивные, то что приходится думать о его уме? Многочисленные опыты доказывают, что репрессивными мерами можно достигнуть одного – совершенно противного тому, что желали ими достигнуть» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 19 августа 1866 г., 11 февраля 1867 г., 11, 18 февраля 1872 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«...никакое государство не создано для того, чтобы заботиться о народе. Это абсолютная иллюзия. Это неправда. Таких нет государств. Любое правительство занимается только одним: удержаться у власти» (Андрей Кончаловский, «Лицом к лицу», <http://archive.svoboda.org/programs/ftf/2002/ftf.121502.asp>);

«Государство – это просто, как велосипед: наверху рули, внизу цепи...» (Виктор Шендерович, «Шендевр», <http://www.shender.ru/shendeivr/>);

«Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах важнейших и вносит свои коррективы; а это значит, что по существу оно не признает представительства, но пользуется им, как средством для прикрытия своих действий» (Павел Флоренский, «Предполагаемое государственное устройство в будущем», <https://rodinananeve.ru/blog/idea/34.html>; http://dl.biblion.realin.ru/text/8_Biblioteka_Bakulina/Bolshaya_Biblioteka/florensky_gosuistr.html).

И, если украинцы с помощью быдлотворной русской языковой картины мира взрастят несамостоятельных и недееспособных потомков (холопов, быдло, гопников), не способных без тотальной опеки чиновников обустроить свою жизнь, то их наследники неизбежно станут изгоями в Украине и будут вынуждены влачить нищенское существование подобно обладающим холопским менталитетом русскоязычным россиянам. Ведь быдло не только не способно самосовершенствоваться, но и, как правило, ненаучаемо и недеятельно. И поэтому, одним из основных его жизненных принципов и является – делать всё лишь так, как оно «может», а не так, как это требуют жизненная необходимость и целесообразность:

«Есть общество, состоящее из качественно неоднородных групп с принципиально разными интересами и различным отношением к цивилизации вообще. И компромисса между субъектом современной цивилизации – то есть личностью – и быдлом быть не может. Политики в равной степени устраивающей тех и других, также. Торжество идей приватизма, свободы, собственности и достоинства каждого члена общества не может сочетаться с архаическим варваром. Быдло ненаучаемо и неизменяемо. Его нельзя уговорить, умиротворить и переделать. Из жестко вымуштрованного быдла может вырасти лакей, но не человек цивилизации. Перед нашим обществом рано или поздно станет выбор между личностью и быдлом и отвертеться от этого выбора не удастся... Быдло – продукт разложения патриархального общества, помещенный в неадекватный ему урбанистический контекст, и в окружение людей представляющих личностную культуру. Понятие «быдло» – результат осмысления этого явления и одновременно оценка прозвучавшая из пространства

личностного сознания» (Андрей Пелипенко, Игорь Яковенко, «Быдло» / «Быдло как социальное явление», http://design.bigler.ru/forum_vb/showthread.php?t=14581; <http://newzz.in.ua/ob/1148863293-bydlo-kak-socialnoe-yavlenie.html>; <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>);

«Встарь богатейшими странами были те, природа которых была наиболее обильна, а ныне богатейшие страны – те, в которых человек наиболее деятелен» (Экономист Генри Томас Бокль, Афоризмы, <http://www.wisdoms.ru/pavt/p29.html>);

«С тех пор как Друкер в 1993 году, один из старейших мыслителей менеджмента сказал, что «больше нельзя говорить, что знание является одним из факторов развития, а осталось единственным фактором развития», всё поменялось. С того момента начала меняться вот эта вот нормальность. Второе существенное понимание (и оно такое, фундаментальное, его надо именно понимать, потому что, исходя из этого понимания, строить экономику) – это то, что богатство стран (и чем дальше, тем сильнее) будет обусловлено не унаследованным от природы богатством природных и минеральных ресурсов, и земли, что тоже очень важно (и пресная вода там, и нефть, и газ), а рукотворными факторами конкурентного преимущества. Конкурентоспособность нации больше не является следствием наличия у нее природных ресурсов, а конкурентоспособность нации определяется факторами, которые порождают люди. Это государственное управление, это действующие институты, это отношение к собственности, это функционирование судебной системы, это справедливость, это политическая конкуренция, это свободные медиа. Это из перечисленного мною ничего не относится к тому, что мы унаследовали вместе с землей, с водой, с лесами. Это всё создается людьми...» (Константин Ремчуков, из интервью Татьяне Фельгенгауэр «20 лет стагнации – это приговор России?»), http://www.ng.ru/politics/2016-10-31/100_echo31102016.html);

«Великий социолог Макс Вебер давно предсказал, что быстрый экономический рост невозможен без создания кластерной структуры управления, то есть без перехода от вертикали к горизонтали, когда управление разбивают на решение дробных и специфических задач. Брайан Робертсон в книге «Холакратия» показал, что при бюрократии, на вершине которой действует единый координационный центр, значительная часть креативного социального потенциала растрачивается впустую. Поэтому будущее управление обществом и экономикой за холакратией, то есть абсолютной децентрализацией власти. При холакратии каждый сотрудник с «горящими глазами» может влиять на жизнь структуры и обладает полной властью в рамках своей роли и возложенных на нее ожиданий. Холакратия управляется не менеджментом, а общей целью структуры, прозрачным процессом и ожиданиями. При этом, формально, у тебя нет начальников, но любой человек в компании имеет право знать, чем ты занимаешься и насколько эффективно делаешь свою работу. Холакратия уже не идея, а реальность, внедренная в Силиконовой долине для повышения эффективности работы IT-предприятий. Мы видим, что самым ценным «полезным ископаемым» в мире являются продвинутое человеческие мозги и новые принципы

организации: не стоит хранить верность тому, что было до нас – лучше направить свою энергию на адаптацию к новому, то есть к тому, что будет дальше» (Игорь Гарин, «Номенклатура», <https://www.proza.ru/2014/09/02/640>);

«Сравним две соседние страны – Украину и Польшу, чьи судьбы были тесно переплетены на протяжении веков. Площадь Украины в два раза больше чем у Польши, население больше на десять миллионов, в ней – жирный чернозем, которого нет у соседки, более теплый климат, пять городов-миллионеров, тогда как Варшава – единственный таковой в стране (Киев крупнее ее). Однако ВВП Польши более 300 миллиардов, а у Украины менее 82 млрд. Все украинские преимущества Польша перевешивает более сложной и разнообразной экономикой, более гибкой системой адаптации рынка к изменениям спроса и предложения, возможностью для новаций, более квалифицированной и производительной рабочей силой. Условно говоря, если на Украине на металлургическом заводе остается работать десять тысяч человек, то в Польше – только три тысячи, а остальные ищут себе применение в новых отраслях, кто-то из них открывает свой бизнес. Украину, которая напрасно теряла время в начале и середине 90-х, по размерам ВВП обогнали такие ее западные соседи как Чехия, Венгрия (обе меньше ее почти в пять раз, что по населению, что по территории) и даже Румыния (меньше ее вдвое по тем же параметрам), столь плачевно прозябавшая при Чаушеску, но нашедшая в себе силы рвануть вперед. Таков парадокс экономики – плодородной земли навалом, как и жаркого солнца, удобных портов, умных голов, но в совокупности все организовано бездарно, оттого такой результат... Украина перегнала Россию политически и близка по многим параметрам к Европе, но по продвинутости экономических реформ от нас все-таки отстает. К тому же – отсутствие природных богатств. Теоретически, Украина могла бы быть одной из сильнейших стран Европы – по площади она самая крупная, больше чем Франция или Испания. Почти вся территория – плодородная равнина, гор очень мало, и они не сопоставимы с Альпами или Пиренеями. Много портов, имеется такая жемчужина как Крым. Население чуть менее пятидесяти миллионов, что также много по европейским меркам. Короче говоря, все есть кроме самого главного – нормальной конкурентной рыночной среды, и понимания ее необходимости. Потому такие «карлики» как Венгрия и Чехия богаче Украины. Там где у чехов десять фирм по десять человек (условно говоря), у украинцев одно предприятие с сотней работающих. Но движение в рыночную сторону задано, нынешнее отставание от Восточной Европы не фатально, и Польшу – своего естественного соперника и соседку, Украина рано или поздно догонит. Все будет зависеть от того, какими темпами страна будет выдавливать из себя остатки «советскости», даст ли увлечь себя социал-популизму, найдет ли силы для борьбы с олигархией. Сегодня ВВП Украины меньше российского в девять раз. При здоровой экономической политике разрыв не должен превышать трех раз. Если Украина сможет диверсифицировать и модернизировать свою экономику, а Россия продолжит опираться на сырьевой сектор, то так оно и случится...» (Максим Артемьев, «Что есть Россия?», <http://www.liberal.ru/articles/385>);

«В уже упомянутой статье «Сценарии для России» подробно показано, почему

практически во всех вероятных сценариях Россия представляет собой угрозу для Украины. Причем слабая и распадающаяся Россия представляет для Украины не меньшую, а то и большую угрозу, чем Россия сильная и агрессивная: она будет бесконечно исторгать потоки беженцев и колонны боевиков. Европа лишь в тот момент, наконец, осознает, что только Украина стоит между ними и хаосом. А значит, нам нужно построить всю стратегию развития страны на подготовке к этому драматическому моменту истории. Построить мощную экономику за счет резкого повышения уровня экономической свободы, что позволит включить энергию сотен тысяч самых активных и образованных украинцев. Ускоренным темпом модернизировать все сферы жизни армии и спецслужб, от стратегии до логистики, от боевой подготовки до контрпропаганды, от оборонной промышленности до военкоматов. Стимулировать рост новой культуры, независимой от имперского наследия. Строить международные отношения на осознании будущей угрозы и понимании своего места в мире, когда это случится. Сейчас Украина делает важнейший шаг на этом пути – разрывает пути экономической зависимости. Невозможно переоценить значимость этого события для будущего выживания страны...» (Валерий Пекар, «Конец Российской империи и вызовы для Украины», <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/konets-rossiyskoy-imperii-i-vyizovyi-dlya-ukrainyi.html>);

«Неотъемлемым элементом украинского менталитета является свобода. В пословицах это наблюдается на таких примерах: «жизнь не имеет цены, а свобода дороже жизни», «вольному свобода не нужна», «воля дает силу слабым». Большинство воспринимает власть как группу тех, кто победил в общественной борьбе, как тех – у кого воля сильнее. На уровне бессознательного внутри люди чувствуют себя «свободными» (вольному свобода не нужна) от государства. Именно поэтому у украинцев государство всегда воспринималось как нечто ограниченное, что не может посягать на их свободу. Оттуда и происходит феномен украинского анархизма – объединение свободных людей, которые не станут терпеть каких-то общественных системных ограничений, даже если это государство – своё. Также это помогает понять, почему украинцы не слишком почтительны по отношению к своему государству. Украину – уважают! А украинское государство – нет! Государство ограничивает их свободу. Оно – добыча богатых и сильных, оно – не заслуживает особого уважения. Привязка украинцев именно к стране, а не к государству, и позволила сохранить им для себя как для нации территорию Украины и удержать её под своим культурно-цивилизационным влиянием. Относительно демократии украинцы не имеют особых внутренних возражений до той степени, пока она не вмешивается непосредственно в жизнь людей, не нарушает их свободу. Поэтому, к участию в референдумах население, в целом, будет относиться положительно. Оптимальной демократией для украинцев является та, которая поможет им сузить функции государства, минимизировать их только до самых необходимых и обеспечить максимально свободный режим деятельности как в общественно-политической, так и экономической и других сферах. Вероятно, демократия по-украински – это минимизация власти с ее максимальной децентрализацией в пользу регионов. При такой формуле, обязательно подкреплённой равенством законов для всех и их общим выполнением, украинцы быстро освоят демократию и превратятся в законопослушных

граждан. Именно поэтому, учитывая ментальные особенности украинцев, для них оптимальной является именно интеграция с Европейским союзом, где Украина будет иметь максимальный суверенитет и децентрализацию власти, где не будет жесткого центра принятия решений и вертикали власти как в России. Именно поэтому участие Украины в Евразийском Союзе вряд ли будет естественным, искренним и максимально комфортным для ее граждан. Украинцы смогли уберечь свою свободу в течение последних 5 сотен лет, сохраняют ее и сейчас, даже если нынешнее украинское руководство имеет другое мнение» (Политический аналитик Украинского Фонда Демократии «Сначала Люди» Роман Рукомеда, «Портрет украинца», <http://www.euractiv.com/europes-east/portrait-ukrainian-analysis-509883>; <https://peoplefirst.org.ua/ru/articles/portrait-of-the-ukrainian>);

«Но что такое государство? Государство – это просто другие люди. Своих денег у государства нет. Оно собирает их в бюджет в виде налогов с граждан и тратит на всякие государственные нужды – армию, суды, полицию и проч. Социалист хочет, чтобы оно тратило много. Чтобы потерявшие работу получали большое пособие. И многодетные. И инвалиды. И никогда не работавшие. И поэты с писателями, и режиссеры с театральными актерами чтобы получали средства на издания своих никому не нужных книг и съемки никому не интересных фильмов. Чтобы было социальное государство! Государство-нянька. Инфантилизирующее. Превращающее граждан в вечно скулящий и требующий хлеба и зрелищ плебс. Переформатирующее твердые кирпичики самодостаточных хозяйчиков своей жизни в бесформенную каловую массу. Безвольную и хныкающую... Свобода лучше несвободы. Общество свободных людей всегда богаче общества несвободных, потому что полностью раскрепощает способности каждого. Но всякая свобода предполагает ответственность – в первую очередь за себя и своих близких. А значит, рассчитывать ты должен в первую очередь на себя, поскольку тебе никто ничего не должен, ведь вокруг – такие же свободные люди, как ты. Но зато ты сам можешь выстроить себе и своей семье такую жизнь, на которую хватит твоих способностей и твоих стараний. И у тебя есть для этого лучший инструмент – твоя свобода. Свобода – это единственное, что ты получаешь бесплатно. А если тебе кто-то что-то дал безвозмездно – человек или общество – это его милость, а не его обязанность. Будь благодарен за милость, а не требуй милости. При этом надо помнить, что свободное общество – это общество богатых людей и потому незлых, а значит, свободное общество больше склонно к благотворительности» (Александр Никонов, «Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор Цивилизации», <http://fb10.online/b/466781/read>; <https://profilib.org/chtenie/25525/aleksandr-nikonov-mezhdu-stsilloy-i-kharibdoy-posledniy-vybor-tsivilizatsii-54.php>);

«5. Инфантилизация народа. В большинстве пропагандистских выступлений, рассчитанных на широкую публику, используются такие доводы, персонажи, слова и интонация, как будто речь идёт о детях школьного возраста с задержкой в развитии или умственно неполноценных индивидуумах. Чем сильнее кто-то пытается ввести в заблуждение слушающего, тем в большей степени он старается использовать инфантильные речевые обороты. Почему? Если кто-то обращается к человеку так, как будто ему 12 лет, то в

силу внушаемости в ответе или реакции этого человека также будет отсутствовать критическая оценка, что характерно для детей» (Профессор языкознания, лингвист, философ Ноам Хомский: «10 жутких трюков, с помощью которых контролируют массы», http://www.zerkalo.cc/2019/02/10_4.html?fbclid=IwAR3hahi3vDtH-rci3dSZZzm4KJH2GsQuls477aMIvuXz8e0JVf0W10EyDtA).

Украина, в отличие от России, никогда не станет государством-нянькой

Как видим, Украина, в отличие от холопской России, никогда не станет государством-нянькой. И в ней, как нет, так и не будет никогда Правительства, которое бы абсолютно всем управляло и тотально опекало бы своих холопствующих «граждан», не способных не то, чтобы заботиться (хлопотать) о других, но даже и управлять собою. В «свободном обществе» каждый должен сам заботиться о себе, а роль государства ограничивается лишь созданием благоприятных условий для развития предпринимательства. Поэтому-то Уряд Украины должен лишь координировать деятельность всех производственных и общественных организаций а, тем самым, и деятельность всех ее граждан и поддерживать в стране необходимый им порядок:

«Какое правительство лучше? То, которое учит нас управлять собою» (Иоганн Вольфганг Гёте);

«Наилучшее правительство – это то, которое делает себя излишним» (Вильгельм фон Гумбольдт, философ, филолог, дипломат);

«Самой большой заботой правительства должна стать забота о том, чтобы приучить народы обходиться без него» (А. Токвиль, французский социолог и политик).

Уряд не должен заниматься коммерческой деятельностью и, следовательно, может распоряжаться лишь внесенными нами податями (укр. «податками»). Поэтому, если мы будем продолжать уклоняться от наполнения пенсионного фонда и державного бюджета, а также не будем контролировать расходование бюджетных средств чиновниками, то мы обречем всех пенсионеров и бюджетников на нищенское существование, а тем самым не сможем рассчитывать и на качественное исполнение бюджетниками своих обязанностей. Мы сами должны создавать для себя и для своих сограждан рабочие места, а не перекладывать это на чиновников. Общественные организации и благотворительные фонды должны взять на себя подавляющее большинство нынешних державных функций и, тем самым, существенно уменьшить податный гнет, как на производителя, так и на потребителя и при этом оставить чиновникам преимущественно лишь то, что не подвержено коррупции.

Чем меньше функций останется у чиновников, тем более зрелым и цивилизованным будет наше гражданское общество:

«У простого гражданина, у лица должностного, но служащего обществу по назначению самого общества, есть дела обоим общие, которые он тем или другим образом совершает или в совершении коих участвует: у него есть отечество. У чиновника нет интересов общественных; у него есть только воля начальника и беспрекословное повиновение этой воле, все равно – хороша она или дурна, полезна обществу или вредна: у чиновника есть начальство, а нет отечества... Чиновник, с одной стороны, есть раб – раб

своего начальника, а с другой – вор, и чем он выше в служебной иерархии, тем раболепнее и тем вороватее. Но если он ни то, ни другое, – что, конечно, случается, – то он бедняк, осужденный на страдание... Нет ничего безобразнее русской бюрократии. Характеристика ее в двух словах: воровство и произвол...» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 3 октября 1866 г., 4, 24 апреля 1867 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными властителями жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников» (Константин Победоносцев, цит. по: Александр Репников, «Русский консерватизм: Константин Победоносцев», <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35875>);

«Как известно, в любой стране наиболее не склонный к переменам и вообще к каким-либо самостоятельным действиям слой составляют государственные чиновники. И это естественно, так как каждый чиновник сознает себя слишком незначительным по сравнению с тем аппаратом власти, всего лишь деталью которого он является, для того чтобы требовать от него каких-то перемен. С другой стороны, с него снята всякая общественная ответственность: он выполняет приказы, поскольку это его работа. Таким образом, у него всегда может быть чувство выполненного долга, хотя бы он и делал вещи, которые, будь его воля, делать бы не стал. Для чиновника понятие работы вытеснено понятием «службы». На своем посту – он автомат, вне поста – он пассивен. Психология чиновника поэтому самая удобная как для власти, так и для него самого...» (Андрей Амальрик, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», 1969, <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>);

«У Украины два врага – путинская Россия и собственное государство в лице чиновного люда. Помните произведение Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», опубликованное в конце 18-го века? Эпиграфом к книге Радищев взял стих из поэмы Тредиаковского, чуть видоизменив его: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй» (перевод фразы на современный язык: «Чудовище тучное, гнусное, огромное, стозевное и лающее»). Это самое блестящее и короткое описание чиновничьего аппарата в современной Украине... А как традиционный украинский чиновник решает проблему? Он прежде всего прикидывает: «А шо я з цього буду мати?». И если ничего, то он и решать ее не будет. А если от таких чиновников зависит судьба страны, то эта страна оказывается там, где оказалась Украина через 25 лет после достижения независимости – без армии и без денег. Наверное Украина должна пройти библейский сценарий: Моисей 40 лет водил свой народ по пустыне, чтобы в Землю обетованную вошли только свободные люди. Наверное, стране придется ждать, когда представители старого чиновничьего сознания умрут естественной смертью...» (Юрий Швец, из интервью Наталии Двали «Путин стал президентом только потому, что на этом месте всех устраивало серое ничтожество», <http://ehorussia.com/new/node/10858>; <http://m.gordonua.com/publications/Sokursnik-Putina-eks-razvedchik-KGB-Vy-serezno-dumaete->

chto-Putin-delayushchiy-podtyazhku-lica-razvyazhet-yadernuyu-voynu-U-nego-ot-straha-botoks-potechet-77899.html);

«Мы должны торопиться в дальнейшей либерализации экономики. Нам надо, имея рыночную экономику, делать из нее либеральную. Таковую, которая эффективна, заставляет людей крутиться, получать какие-то результаты. Осуществить дерегулирование экономики. Упростить процесс регистрации предприятий. Прекратить постоянные проверки, наезды, облегчить процесс прохождения инвестиционных проектов. Убрать чиновников отовсюду, откуда только можно. Чтобы экономика крутилась сама. И чтобы над ней никакие бюрократы не устанавливали краны или доильные установки, которыми можно было бы отдаивать предпринимателя. ...в России (и в Украине, – П.Д.) царит административный произвол. Действия людей, которые обращаются в суд, как и тех, кто судит, процедурно оформлены. Действия же тех, кто принимает решения, сидя в исполнительной власти, в администрации, не оформлены никак. Там есть огромные возможности для произвола. Административная реформа, особенно в том, что касается регламентации обязанностей, – это муторная штука, но она крайне необходима. Иначе слишком многое остается на усмотрение чиновников. У нас вообще слишком многое остается «на усмотрение»... Не надо приставать к людям, нужно дать им возможность делать то, что они хотят, а государство должно стать гарантом этой свободы. Это уже второй вариант – инновационный. Это рыночная экономика и демократическое государство...» (Евгений Ясин: Не надо приставать к людям, <http://www.liberal.ru/articles/5>);

«Знаменитое русское взяточничество нужно объяснять не только стремлением государства сэкономить на казенном содержании чиновничества, но главным образом тем, какие возможности открывались чиновникам для заработка на нуждах управляемых. Эти возможности были действительно уникальны при всеохватном бюрократическом централизме российского государства, при слабости сословий и местного самоуправления. Таким образом, традиционалистская административная культура и обычай кормиться «от дел», сохраняясь и расцветши в условиях огосударствления социальной жизни (что, напомним, по-русски означало похолопление) и экспансии чиновнического правления, обусловили образ деятельности российской бюрократии: продажность и лихоимство – коррупцию и административный рэкет, говоря по-современному. В рамках парадигмы «классового господства» (не только марксистской ее вариации) такая практика может быть истолкована как сверхэксплуатация: взимание дополнительной, нигде не учтенной и не оговоренной дани с управляемых. С точки же зрения методологического индивидуализма, мы наблюдаем здесь «эмерджентный» эффект агрегации индивидуальных способов поведения: чиновники, призванные исполнять государеву волю, поставленные на государственное дело, неизбежно используют открывшиеся им широкие возможности для удовлетворения собственных нужд. Ни злые казни, ни табель и муштра, ни воспитательные призывы увидеть «русского Бога» не изменили природы вещей; человек (русскоязычный людишка, – П.Д.) слаб, исполнен страстей и не может устоять перед обаянием власти – прелесть ее тем сильнее, чем менее власть ограничена, чем более она самовольна. Коррупцированная бюрократия

способствовала усилению и в собственной, и в более широкой социальной среде связей зависимости и покровительства, – вместо того, чтобы умерять и исправлять самоуправство богатых и сильных, чиновный корпус становился проводником и орудием их власти...» (Михаил Афанасьев, «Клиентелизм и российская государственность», <http://do.gendocs.ru/docs/index-114748.html?page=6>);

«Первым источником несогласованности институционального поля (в узком смысле социального поля, <http://scicenter.online/fundamentalnaya-filosofiya-scicenter/institutsionalnoe-pole.html>, – П.Д.) в РФ является склонность ее «верхов» к демонстрационному законодательству, когда законы устанавливаются не только вследствие наличия конфликтных зон в обычной части институционального поля, но и следуя логике пропаганды своей «цивилизованности». Как результат, образуются те самые институциональные «разрывы», которые начинают обильно эксплуатироваться вертухайским сословием (чиновным корпусом, – П.Д.) для (1) усиления влияния своих социальных позиций через «отработку» возможности произвола по отношению к «посторонним», попавшим в ситуацию «разрыва», и (2) для извлечения административной ренты. При этом возможность извлечения ренты создает еще один источник институциональных «разрывов» – следующий из логики данного «бизнеса» – ведь массовость эксплуатации «разрывов» институционального поля с целью извлечения дохода позволяет считать, что в России вполне оформилась соответствующая «отрасль» народного хозяйства. Хорошее описание данной «отрасли» дал К.Ю. Рогов в своей модели мягких правовых ограничений, которое можно представить следующим образом: «Согласно К. Рогову писанные правила создаются таким образом и, главным образом, для того, чтобы их было можно и выгодно нарушать. «Выполнение таких правил – чистая издержка, а нарушение правил дает конкурентные преимущества». Поэтому происходит постоянный торг индивидуальных прав по нарушению правил. Государство предстает как «магазин», в котором «продаются» такие права. Государственные институты не следят за соблюдением правил, но карают за их несанкционированное нарушение, соответственно, мотивируя остальных на торг в отношении их прав на нарушение правил. Должно существовать большинство, уверенное в повсеместности нарушения правил. Ценностные преимущества тех, кто соблюдает правила, существенно понижаются, а маргинальность таких людей получает идеологическое обоснование. Разговоры о повсеместности коррупции работают не на подрыв этой системы, а на пропаганду системы нарушения правил...» (Павел Крупкин, «Небожители, вертухаи, партизаны. Российское общество и его политический класс», <http://modernity-centre.org/2011/08/18/kroopkin-128/>);

«Корпоративные, клиентельные и парангельные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общие интересы населения страны и не являются правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Государственный аппарат тоже не выражает общие интересы. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает

стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства. Эта тенденция усилилась на протяжении 2000-х годов» (Виктор Макаренко, «Русская власть и бюрократическое государство», ч. 1, http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_1.pdf).

Приложение:

Эксперты в историю взаимоотношений туранцев и балто-славян с другими народностями

П.1. Азийская прародина гиксосов и всех других потомственных индоевропейцев

1.1 Праиндоевропейцы – обитатели высокогорных котловин и предгорий Азии

Прародиной издревле тёмно-краснокожих и брахикранных праиндоевропейцев, очевидно, были высокогорные регионы Южной и Центральной Азии:

«Исследования последних десятилетий показали, что протоиндоевропейцы некогда мигрировали в Европу и на Ближний Восток из степей Евразии (на самом же деле, из высокогорных котловин и предгорий Северо-западной Индии и Северного Китая, – П.Д.). По мере расширения зоны расселения племен и их продвижения на запад происходила дифференциация более или менее однородной протокультуры и протоязыка. Первое перемещение из Южной России на Украину и в бассейн нижнего Дуная произошло не позднее 4000 года до нашей эры и повторилось в миграциях и опустошении прибрежных территорий Эгейского моря, Средиземноморья и Анатолии, происходивших около 2300 года до нашей эры. Прото-индоевропейцы занимались скотоводством (и земледелием, на что указывает их брахикрания, – П.Д.) и вели полукочевой патриархальный образ жизни. Они выращивали лошадей, возможно, использовали их и для верховой езды. Их высокую подвижность может объяснить тот факт, что уже в начале третьего тысячелетия до нашей эры им было известно колесо. Протоиндоевропейцам понадобилось менее одного тысячелетия, чтобы завоевать или ассимилировать ряд сельскохозяйственных балканских и центральноевропейских культур, а также подчинить своему образу жизни североевропейские племена охотников и рыболовов» (Мария Гимбутас, «Славяне. Сыны Перуна», <http://metodich.ru/perevod-nauchnoe-redaktirovanie-fedor-kapica-i-tateyana-kolyad/index2.html#pages>).

Наличие во всех индоевропейских языках большого множества слов, на основе которых сформировалась горная лексика, позволило лингвистам прийти к заключению, что праиндоевропейская лексика возникла, именно, в горной местности:

«В общеиндоевропейской лексике выделяется особая группа слов в значении «гора», «скала», «возвышенность». Это, в первую очередь, основа *p^her(k^ho)u- «гора», «горный дубовый лес», «скала», выступающая в сочетаниях с другими названиями «горы», «скалы» в атрибутивной функции со значением «высокий», «мощный»; далее – это основа *Hk'o(e/o)r-

дающая рефлексы по всем основным древним индоевропейским диалектам, и производные от *k^hel-, сохранившиеся в «древнеевропейских» диалектах, анатолийском и греческом; а также формы *(o)nt'- *mno^h-, сохранившиеся в крайних периферийных индоевропейских диалектах. При этом «гора» мыслится как «достигающая неба каменная громада», вершина которой скрывается в «тучах». Естественно допустить, что такая разветвленная горная лексика и связанные с нею представления могли возникнуть лишь в условиях обитания в горных областях...» (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», Тбилиси, 1984, Т. 2, с. 236, <http://ielang.narod.ru/>);

«Первое, что можно утверждать с достаточной уверенностью относительно индоевропейской прародины, это то, что она представляла собой область с горным ландшафтом. Об этом свидетельствует, прежде всего, многочисленность индоевропейских слов, обозначающих высокие горы и возвышенности. Кроме того, реконструируя ландшафт, который окружал древнего индоевропейца и который он зафиксировал в языке, можно сделать еще один вывод. Это – ландшафт с широким распространением горного дуба и ряда других деревьев и растений, растущих в высокогорных местностях. С такой картиной высокогорного ландшафта согласуются и данные о «горных озерах» (ср. *og-u-n – «большое озеро», «море», ср. также и.-е. *sal – «море или озеро как соленое») и «быстрых, стремительных реках» (*Нар – «река», «поток», *tek – «быстро течь»), а также данные о высокогорном характере климата с пасмурным небом и частыми грозами: *neles – «облако», «туча», «небо», *Huent – «ветер», *Hkog – «горный, северный ветер», *seu/*su – «дождь», *sneig – «снег», *geim – «зима», *eis – «холод», «лед»...)» (Академик РАН Вячеслав Иванов, «Миграции индоевропейцев», <http://gordon0030.narod.ru/archive/17767/index.html?opr=1>);

«Ландшафт раннеиндоевропейской прародины реконструируется на основании РИЕ лексики, из которой следует, что раннеиндоевропейское общество жило в холмистых местностях, может быть в предгорьях, в которых не было больших рек, но речушки, протоки, родники; реки, несмотря на быстрое течение, не были препятствием; переправлялись через них на лодках. Зимой эти реки замерзали, а весной разливались. Были и болота. Об этом свидетельствуют РИЕ корнесловы со значением: «гора, выситься, нависающий»; «возвышаться, курган, приподнятый, означающий холм, неровную местность»; «болотница, ядовитый, горчить на кочках»; «болото, ползущий на сваях»; «течь, вытекающий, протока, родник, струиться, сильно текущий»; «ехать на волокуше, всадником, на лодке»... «Горный ландшафт позднеиндоевропейской прародины подчеркивался рядом авторов, а после представленных Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым доказательств не вызывает сомнений. Составленный ими список общеиндоевропейских слов убеждает, что индоевропейцы были жителями горных или предгорных областей: «вершина горы», «гора, скала, камень», «гора, возвышенность», «высокий» (о горе), «дуб, скала», «горный дуб», «горный северный ветер» (В.А. Сафронов, «Индоевропейские прародины», <http://histline.narod.ru/safron1-5.htm>);

«Имена пяти священных гор Крита доэллинской эпохи всплывают также в Мизии и

неподалеку от Трои: Олимп, Ида, Дикта, Берекинф, Гиппокоронейон. По другую сторону Эгейского моря и даже на Кипре, где встречаются аналогичные топонимы, ахейские воины стремились найти такие же климат, пейзаж, леса и горы, какие они оставили в континентальной Греции. Гора Ида в Троеде, откуда Зевс любовался побоищем, с точки зрения геолога – обширный ансамбль метаморфических скал, преимущественно слюдяных и сланцевых, с вкраплениями металла, окруженный известняками периода миоцена. Но для тех, кто явился туда не только побродить, но и поработать, это место было ценно своими стройными, высокими дубами и елями, пастбищами и рудниками, каньонами с глубокими пещерами... Я хочу сказать, что для современников Ахилла гора была чем-то иным, нежели для людей эпохи Перикла или для нас. Поросшая лесом, влажная и дикая, надежная и приспособленная для человеческих нужд, она олицетворяла собой нечто большее, чем естественное хранилище воды, – и охотничьи уголья, и пастбища, и укрытие, и источник пропитания (здесь собирали желуди, плоды букового дерева, сосновое семя, каштаны, ягоды – землянику, обычный и испанский боярышник, плоды каменного дерева, фисташки, зизифус, терновник, рябину и можжевельник). Но главное, гора – это место поклонения; и сама по себе, и каждая из ее вершин, пещер и священных кущ. Там, в тайне от посторонних глаз, сведущие люди, рудознатцы и кузнецы отыскивали желтые или зеленые минералы, из которых добывали медь, порошок для изготовления глазури, а также галенит, аргентит или цинковую обманку, получая, соответственно, свинец, серебро и цинк... Как правило, в глазах микенцев мир минералов не был мертвым. Там, где наша, чисто мирская наука видит лишь ботанику, зоологию и геологию, душа древнего грека, более чувствительная к тайнам бытия и взаимодействию сущностей, улавливала присутствие чего-то нематериального. Пейзаж для горца становился музеем скульптуры, бестиарием и гербарием. Так, группу камней или камень, стоящий вертикально, он называл гермой, словом, от которого произошло имя божественного Гермеса. Он наделял минералы полем, благотворной или пагубной силой, знал, какие нимфы живут под корой ясеня или лавра, а в голосах птиц – орла или соловья – слышал глас божества или усопшего героя» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/49/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiny.html; <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/for-polj/povsednevnyaya-zhiznj-grecii-vo-vremena-troyanskoj-vojni/2>; <http://lib.rus.ec/b/302423/read>);

«Культ камня вообще характерен для индоевропейцев или какой-то их ветви. У хеттов в Малой Азии (1800–1200 до н.э.) существовал культ лошади, связанный с богом Perua, который переплетался с культом камня, обожествленным в названии скалы Perupa. [173. Ср.: В.В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 12-13.] Здесь, видимо, слились два самостоятельных культа. Культ коня указывает на степь (или горные котловины, – П.Д.), а культ камня на гористую местность или морское побережье. Оба эти культа переплетались и в мегалитических сооружениях: в ряде случаев мегалиты сопровождают кости лошади. Реминисценции культа камня – прослеживаются в разных районах Европы. Одним из вариантов его являются курганные погребения, другим – использованные в погребениях каменные конструкции» (Аполлон Кузьмин, «Из предыстории народов Европы»,

В жарком климате Центральной Азии многие речушки и ручьи летом пересыхали и не уносили свои воды далеко от предгорий. К тому же в предгорьях и оседал постоянно смываемый талыми водами гумус альпийских лугов. Так что отроги (оконечности) гор и предгорья являлись весьма благодатными, как для террасного, так и для обычного земледелия. Для ведения же земледелия в более удалённых от гор местностях требовалось там сооружение подземных водопроводов и кяризных колодцев. Поэтому-то поселения прабалто-славян в Центральной Азии и опоясывали горы подобно венцу, а сами прабалто-славяне величались жунами / гуннами, вэньоуто / венетами, кидаритами / козарами, *тиарвингами / тервингами, лимбардами, галиндами, утиями / утигурами, украинцами (кит. «huángǎo» – «опоясывать, окружать, вокруг», кит. «guān, wángguàn», лит. «vainikas», венг. «koszorú», греч. «τιάρα», лат. «tiāra» – «венец, корона, тиара, диадема»; англ. «limb», лит. «galūnė», слав. «уд», греч. «άκρο» – «лимб, оконечность, конечность, ветка»).

Проживавшие в горных котловинах высокорослые и длинноногие праиндоевропейцы считали землю не плоской, как коренастые жители равнин, а изогнутой вниз подобно поверхности котла или же чаши. В их представлениях края ойкумены, аналогично верхней кромке чаши, были возвышенными, а благодаря этому то и сливались на горизонте с небом. Очевидно укр. «обрій» – горизонт восходит к праиндоевр. *ureg – сверху > *b^herg^h – «высь, гора» (греч. «υπεράνω» – выше, лат. «superus» – верхний). И не зря же в большинстве и других индоевропейских языков слова «край» и «конец» происходят от корней слов «высокий», «верхний» или «рослый». Так, например, если в германских языках от праиндоевропейской основы *b^h(e)rg^h в значении «высокий» образовалась лексема «berg» – гора (венг. «bécs» – «верх, вершина»), то в славянских языках от нее образовалась лексема «brzeg» (укр. «беріг»), означающая, как в польском, так и украинском языке не только берег, но и край. Произшедшая от неё же английская лексема «marge» тоже означает не только берег, но и край, а лексемы хинди «barhata», исл. «barmur» и лит. «briauna» – тоже край. На азербайджанском языке «уса» означает высший, а «ус» – «конец, вершина». Греческое же слово «άκρο» (*оук-ра) означает, как высокий, так и конец (край). В то время, как др.-греч. «ἀνθος» означает росток и верх, то др.-индийское «antas» и англ. «end» означают край и конец. Если хинди «sīrṣa» – высший, а «sarvōssa» – высочайший, то эст. «serv» – край. Если нидерл. «kroon» означает «крона, корона» – то есть фактически верхушку, а нидерл. «kruin» – вершина, то нов.-перс. «kaḡān» и осет. «карон» означают край. Тогда, как в древнеяпонском языке «kami» – верх, то в новояпонском языке «kami» – волосы, «tategami» – «вертикальные волосы, грива» (лексемы коми «чемер», укр. «чуб», «чуприна» – «хохол, оселедец», означающие верхнюю тонкую прядь волос, имеют то же происхождение). И это, вовсе, не случайно. Ведь общими по происхождению с лексемами «край», «кромка», «крыша», «крона» являются и лексемы «круг», «округ», «кривой». Слова же «гребень» (*крив-ень), «хребет» (*крив-ет), «грива» (*крив-а), «глава», «глобальный», лат. «calva», «calvariam» – череп и лит. «kalva» – холм, олицетворяющие не только край, но и верх (верховенство), даже имеют однокоренные праформы со словами «глобула», «глобус», «гравер», «график» и «кривая» (*крив-а). Др.-япон. «kami» – верх соответствуют др.-греч. «κάμρα» – «свод,

сводчатая комната»; др.-киев. «кома́ра», «кумпол» – «свод, купол»; греч. «καμλοῦρα», хинди «kūbaṛa», фин. «kumpare» – «бугор, горб»; др.-греч. «καμλή», франц. «sambure», «courbure» – «изгиб, излучина»; англ. «sambeg» – выпуклость.

Небосвод для праиндоевропейцев был не только возвышенной, но также и кривой (изогнутой вверх) поверхностью – небесной полусферой, опирающейся на землю на горизонте. Возможно, вследствие этого небожителей – богов (фриг. «багайос», авест. и др.-перс. «baga») и духов они и величали не только лишь всевышними, но и кривыми (др.-индийскому «bhaga» – «небесному кравчому, наделяющему людей долей, счастьем, имуществом», соответствует др.-инд. «bhogas» – изгиб; нидерл. «boog» и исл. «boga, bugur» – дуга; каннада «bāgu» – кривизна; швед. «båge» – «дуга, кушак», «bågen» – «кушак, контур, петля»; чечен. «бохь» – «верхняя часть, вершина»).

Предки эвенков (тунгусов), вытесненные китайцами на север вместе с балтославянами, считали кривыми (высочайшими, великими, могущественными) не только богов и небо, но и землю и вселенную: «эвенк. «буга» – 1) местность, страна, земля;... 2) мир, вселенная, свет;... 4) небо, небосвод; ... 5) бог, дух...» (<http://evengus.ru/language/dict/evk-rus/br.html>).

Кривым небо считали и метисные потомки индоевропейцев – тюркюты (кёк-тюрки – небесные или голубые тюрки, кривы-тюрки). Тюркское слово «кёк» (кар.-балк. «кёк», кр.-тат., кирг. «kök» – небо) и бенг. слово «gagana» – «небеса» происходят от праиндоевропейской основы *kok / *kek – «кривой, косо́й». В отличие от бледнолицых тюркютов смуглые (тёмно-красные) эллины с небом связали не голубой, а красный цвет (греч. «κόκκινον, κόκκινος» – «красный; цвет неба во время восхода и заката Солнца»). Да и немецкому то слову «himmel» – небо соответствует англ. «sambeg» – кривизна. Так что небесными в древности возможно считали и киммерийцев (кимров = комыров), и темно-красных кельтов (камбров = кумбров = кимвров = кимров).

Очевидно, благодаря кривизне не только гор, но и поверхностей земли и небосвода, от основ, означающих «высокий» и «верхний», образовались лексемы, соответствующие не только горным, но и связанным с кривизной терминам. Из-за этого, конечно же, очень сложно и установить – на каких конкретно лексемах основаны непосредственно анализируемые этнонимы индоевропейцев. Однако в том, что лексемы, связанные с кривизной, должны иметь для индоевропейцев не негативную, а преимущественно позитивную оценочную коннотацию, можно не сомневаться.

1.2 Горцы-кривы, обитавшие в теснинах – ущельях и в гирлах рек

Горцами безусловно были и все сарматские племена, как:

боркании = баргалы = болгары (нем., швед. «berg» – гора);

бургунды = вургунды, бораны = ворады (ирл. «bagt» – «вершина»; фин. «vaaga» – гора; хорв. «brdo» – «гора, холм»);

лангобарды / ломбарды (лат. «longus» – высокий; укр. «ломус» – силач; англ. «limb» – «отрог горы, конечность», «limbo» – «ломбард, заключение, пребывание в забвении»; блр.

«лони» – «пригоршня, охапка»; ст.-слав. «лоно» – «лоно,местилище, способное заключать в себе что-нибудь»; ст.-польск. «lonisty» – «вздутый, выпуклый, вогнутый»; укр. «лон / лан» – «поле, нива», «ланка» – «звено, составная часть лану / поля или чего-либо другого»; прабалт. «lama» – «узкая длинная долина»; лит. «loma» – лог; лтш. «lama, lans» – низина; болг. «лам» – «яма, ров» [а в диал. – «небольшое возвышение»]; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»; лангобарды / ломбарды – «высокие горцы» / «сильные горцы» / «обитатели горных котловин, межгорья – узкого горного лона и предгорий – отрогов гор, то есть, как плоскогорий и горных низин, так и предгорных низменностей и возвышенностей – товтр»); так и:

каринты = словенцы (венетск. «caranto», кельт., ирл. «sliabh» – гора);

гревтуинги / грутунны = хорутаны = гребенцы (словен. «grič, hriba» – «гора, холм»; праиндоевроп. * gwer-, санскр. «giris», др.-прусс. «grabis» – гора; нем. «Grat» – «гребень, хребет»; этноним ассоц. с «гряда», «гребень», «хребет»);

кроаты = хорваты (ассоц. с «глава» – «голова, вершина», с «круча», «крутой»);

а также, очевидно, и таджики = сорты / сарты и тервинги = сорбы / сербы (арм. «sar», кит. «shān» – гора; кит. «сяньби» = маньчж. «sirbi / sirvi / sarbi» – сербы).

Переход в сатемных языках звука «к» в звуки «з», «с» или «ш» позволяет предположить, что горцами-кривами (высочайшими, величественными, могущественными) были и кушаны (каш / хаш, кашгары / кучаны), а также и потомки сарматов (сираков) и кушан (кидаритов / кударитов / кударов): гиссы / хазары / козары, казаки (касоги) и пятигорские черкасы (карахазазы) – хохлы (нем. «höher» – высший; хуррит. «qundarə», др.-перс. «kaufa-» > перс. «kuh», осет. «хох» – гора; алб. «kodër» – холм, дакск. «codru» – бор), называвшиеся соседними народами кушанк, кушачи, кушаки, кешек, кашк, казах и касог (ассоц. с арм. «hasarak» – простой [в смысле соответствующий первичному состоянию]; греч. «κόκκιστο, κόκκιστος», шор. «қызыл», казах. и карач.-балк. «къызыл» – красный; япон. «kasshoku» – «бурый, коричневый»; лат., англ. «hazel», япон. «hēzegu» – «карий, ореховый»; азерб. «gözəl» – «красивый, славный»; япон. «kajiya / kaziya» – кузнец; казах. «куыш / күш» – сила; иврит «хазак» – сильный; тюрк. «qajıg» – «сила, упорство, энергия»; хинди «hazāga», перс. «хазарэ» – «тысяча, войск. часть»; хинди «hāśiyā» – край; турец., кр.тат. «köşe», япон. «hazi» – угол; венг. «hossz» – длина; арм. «hasak» – «высота, рост»; алб. «kodër» – холм; лит. «ketera», арм. «katar» – «хребет, гребень, вершина холма»; венг. «koszorú» – «венец, корона, диадема»; арм. «zork'» – рать; итал. «circolo», турец. «kucak», эрзя «кирькс» – круг; валл. «casglu» – сбор; чув. «кокър» – кривой; франц. «hasard» – «удача, риск»; сорани «hoz» – «племя, народ»; индонез. «kaisahan», япон. «kessoku» – единство; япон. «kazoku» – семья).

С ними, очевидно, отождествлялись и сираки, и все другие сарбаты [*шалваты] / сарматы / сирматы / саиримы [saigima-] / саргаты = сербы / сорбы [*шалвы] (эвенк. *салама / «сулама», итал. «serpe», неаполитано-калабр. «servone, serpe» – змея; ассоц. с санскр. «sauga mata» – «считающиеся солнепоклонниками», «шарадвата» – «осенний, пожилой», «шарман» – «покров, блаженство, благополучие, защита»; «шаури», «шура» – витязь, лев; «saraga» – «сильный, мощный»; арм. «tser», «ser» – старый, «tseruk» – старик; мар. «сур», «сурештше», «суремше», япон. «shiraga» – «серый, седой в смысле старый, древний»; турец. «sararmış» – «увядший, обожженный солнцем»; индонез. «seribu» – тысяча; хинди «sāga» – суть; япон.

«sarubia», арм. «surb», «srbazan» – «святой, священный»; алб. «sherbela», нем. «salbei», лат. «salvia», лит. «šalavijū» – мудрец; узб. «шарофат» – «честь, достоинство»; башкир. «хөрмәт» – «честь, почёт, уважение»; англ. «serene», катал. «serè» – «ясный, спокойный, тихий»; эст. «särav» – «ясный, светлый»; эст. «särama» – блеск; япон. «saigyō», бенг. «sēgā», телугу «sarigā» – лучший; бенг. «sārbabhauma» – суверенный; кр.-тат. «serbest» – свободный; др.-иран. «sra», ст.-слав. «сѣль» – сильный; коми «зэл», ст.-слав. «сѣло» – очень; др.-евр. «серуг» – «сила, твердость»; япон. «shire» – «сила, могущество»; и.-е. *se/oru и хетт. «šagu» – «добыча, полон»; ср.-ирл. «serb» – воровство; эст. «serv» и фин. «sygjä» – край; лит. «žirgū» – конь; осет. «саргъ» – седло; турец. «sarp» – крутой, «sorguç» – «гребень, хохол»; санскр. «ширас» – «верхний, первый, главный»; арм. «sag» – гора; тадж. «сар» – верх, «саргах» – верхний, «сарвари» – верховенство; эрз. «сэрей» – высокий; бенг. «sarbōssa», хинди «sargvōssa» – высочайший; чеш. «šegra» – «кушак, пояс» [возможно, первоначально пояс горных вершин; ср. «Каменный пояс» – Уральские горы]; каннада «śirōvastra», босн. «šal», «šalom» – шарф; ст.-чуваш. «сирмы» (сырма) – овраг; лат. «silva» – лес, «silvaticus» – лесной; фран. «sauvage», англ. «savage» – дикий; укр. «серпанок» – дымка; хинди «sira [kī]» – «голова, глава»; бенг. «sārasa» – цапля; слов. «žerjav» – журавль; «серп» – «кривое режущее орудие»; сол. «сэрби», нан., ульч. «салби», нидерл. «scherpe» – острый; лат. «servire», англ. «serve» – служить; «серпантин» – «кривая, извилистая дорога в горах»; арм. «serm» – «семя, зерно, племя»).

Их генонимы, очевидно, являются сатемными формами генонимов германцы, гревтунги / грутунны = хорутане, хорваты, карпы, кауравы, кривы (соответ. «сермный / гермный / чермный» – темно-красный; русск. «каурий», санскр. «gaugā» – «красноватый, рыжий», катал. «couge» – медный; англ. «glou», маратхи «gaḡva» – «гордость, гордыня»; хинди «gaḡva», бенг. «gaugaba» – слава; гуджарати «gaugava» – «высокий, возвышенный, величавый»; лит. «galva» – «глава, голова»; фрак. «kaḡra» – скала; англ. «stevise» – щель (ущелье); вал. «herw» – набег; укр. «хоробрий» – храбрый; русск. «крупный», «грубый»; нидерл. «kraap» – «молодец, богатырь»; греч. «γερωνών», лат. «gruibus», лит. «gervē», итал. «gru», англ. «stape» – «кран, журавль»; исп. «grande» – «высокий, большой»; русск. «грандиозный», «хребет», «горбатый»; катал. «corba», фр. «coube», нем. «kurve» – кривой; др.-греч. «χουροϝ» – «сила, власть» и «χαρτοϝ» – «сила, могущество»; хинди «kaḡā» – жесткий; карач.-балк. «къарыу» – сила; кр.-тат. «qaruv» – мощь).

Возможно, горцами-кривами являлись и мидийцы – мары, величавшиеся в древности змеями (зенд. «мара» – змей), и индийские бхараты (соотв. бенг. «bakratā» – кривизна, «bhārtēksa» – вершина), а также франки-сикамбры, валлийцы-кимры; германцы-кимвры и гомеры – киммерийцы (соотв. осет. «gumîg» – «великан, исполин», груз. «гмири» – «богатырь, герой»; санскр. «kumara» – дитя; финик. «kamag» – темный; англ. «sam», «comb» – гребень, «samber» – кривизна; исп. «cumbre» – вершина; др.-япон. «kami» – верх, «kimi» – верховный; арм. «kamag», кр.-тат. «kemet» – дуга; др.-греч. «καμύλος», чеч. «гома» – кривой), кабары – кавары / ховары / калисии = копыры / хабиру (соответ. араб. «кабир» – «большой, великий»; греч. «καφέ», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена», турец. «kahverengi» – коричневый; укр. «кавовий» – кофейный [коричневый]; галис. «kobre», исп. «cobre», норв. «kobber», каннада «kārag», лтш. «карага», франц. «cuivre» – медный; укр.

«коваль» – кузнец; «кобра» – змея; англ. «cavern» – впадина; фин. «kovera», вепс. «kover», эст. «kover» – «кривой, косо́й»; финнизм «коверкать» – «искажать, искривлять»), а также и вены, венды / винды (соответ. англ. «winding», «bend», нем. «windung» и рум. «îndoire» – «изгиб, излучина»; англ. «wind» и нем. «wendung» – поворот; устар. «вендол» – «овраг, лог, низкое место»; лит. «vandens» – «водный, водяной»; болг. «вѣна», сербохорв. «вѣнути», словен. «vénití» – «вянуть»; лат. «anus» – старуха; эст. «vana», фин. «vanha» – старый; эст. «vanem» – старший; белорус. «венджаны» – «копченые, в смысле смуглые, опаленные солнцем, загорелые, увядшие»).

Очевидно, это связано с тем, что индоевропейцы в древности обитали в горных и речных котловинах, обладающих кривизной (укр. «кандзюбой», которой соответ. санскр. «kaṇṭha» – «горло, шея»; лат. «cunīca» и эст. «küna» – «желоб, впадина, каньон, ущелье»; япон. «kangeki» – «щель, разрыв»; лат. «cinctus» – «ремень, пояс»; англ. «kink», нем. «knick» – изгиб; эвенк. «киннекӣ» – кривой; лит. «kenkis» – багор, эст. «konks», итал. «gancio», турец. «канса», нем. «anker» – крюк; шор. «қазақ» – дуга; ирл. «cam» – кривой; укр. «каня» – радуга; польск. «końca» – конец; хинди «kōṇa», англ. «angle / *кангле» – «угол, край»; нидерл. «kant», хинди «kināgē», тадж. «канор», др.-тюрк. «кан / ган», азерб. «kānar», турец. «kenar», лат. «anguli» – край; кит. «gōngguó / канг», кор. «gong-gug», япон. «kōkoku», укр. «князі́вство» – «княжество, герцогство»; япон. «gun / kuni», англ. «country» – страна; санскр. «kanaka» – золото; акк., ивр. «кен» – «истинный, правильный»; япон. «kōun» – «удача, фарт»), как и сами извилистые реки, и поэтому считали себя сопричастными к вездесущей и могущественной кривизне (лат. «can», нем. «können» – мочь; англ. «keen» – «острый, сильный, энергичный, жестокий»; эст. «kange» – сильный; кит. «qiáng» – «прочность, сила», «gāng» – сталь).

И, следовательно, вовсе не случайно и то, что земли как Китая, Средней Азии и Украины, так и Чехии, и Палестины назывались ранее соответственно Ганьсу, Кангхой / Кангюем / Кангом, Каном (Киев – Кенугардом), Ханааном / Кенааном (обычно производят от ивритского корня, означающего «изгибаться вниз»,

http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/HANAAN.html).

Конечно же, не исключена и иная этимология, связанная с темно-красным цветом кожи как праиндоевропейцев, так и ханаанцев: хуррит. «kinakh-nu» – красный. Ведь и Рутения (Западная Украина-Русь) подобно ханаанской Рутену (Retenu) получила свое название, очевидно, из-за бывшего темно-красного цвета кожи её обитателей (как галлов вдревности, так и балтов, и славян даже в средневековье).

К тому же и многие реки назывались могущественными (сильными) – Меконг, Канг, Ганг. У корейцев же этот термин, вообще, стал нарицательным (кор. «gang» – река, а «ganghan» – сильный). Поэтому-то этноним же «канглы» мог употребляться и в значении: «речные», «обитатели рек» (Кляшторный, 1964; Кайдаров, 1984; Ангара, мари «ангыр» – река).

Да и этнонимы «русы», «рутены», «руяны» и «венеты», тоже могут быть связаны не только с темно-красным цветом кожи их носителей, но и с проживанием их вдоль русел рек или же на морских побережьях:

«Но вот гидронимов типа «руд», «рут», «реут» ни в Казахстане, ни в Западной Сибири нет вообще. И в осетинском этот корень представлен только в сложных словах, самостоятельно он не сохранился. Но их много на Украине и в Курской области, и с ними связано древнеперсидское «rautah» – река (средне- и новоперс. «rōd», позднеперс. «rūd», согд. «rōt»). С ним же связывают название Волги «Rha» у Птолемея, и авестийской «Ranha» (название мифической реки, ведийской «Rasa»), мордовской «Раво» (предполагается заимствование из иранского, звуковые преобразование вполне закономерны)... Гидронимы этого типа обильны также в Таджикистане и Иране – там, где обитали западные иранцы. Иранские гидронимы на «аб», «ап» (их связывают с иранским корнем «ап» – «вода, речка, озеро») представлены, хотя и не очень обильно, в Северном Причерноморье. В Казахстане же и Западной Сибири обильны гидронимы с «об», «уб» (санскр. «āp», авест. «afš», тохарск. «ār», др.-прусс. «аре», латв. «уре», лит. «урè» – река, производным от которой, очевидно, является и этноним вархонитов: «обры / абары / авары» – речные, – П.Д.)...» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropskikh-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«Речь идет о выведении имени венетов от индоевропейского корня «vand» или «vend». Корень этот иногда совершенно неосновательно считают германским. Между тем датское «vand» или норвежское «vann» скорее свидетельствует о заимствовании этого слова германцами у предшествующего населения Прибалтики, которым и могли быть как раз веныды и родственные им племена. Исходное значение слова «вода» сохранилось в литовском «vandu», латышском «udens». Имеются аналогичные обозначения для понятий, связанных с водой, и в кельтских языках (vin, vand, vend, vond), в которые эти понятия также, возможно, проникали от предшествующего населения. Если учесть, что этнонимы синды, хинди, равно как название реки Инд, также обозначают воду (жители воды, водный поток), то мы здесь имеем, возможно, отражение очень глубокого языкового пласта, к которому относятся какие-то древние индоевропейские языки. В хеттском языке «вода» произносилась как «vadar», а в косвенных падежах как «vedeni». В латинском языке наряду с «aqua» сохранялось «unda», почти совпадающее с соответствующим латышским, но имеющим как бы периферийное значение: морская волна или поэтическое осмысление проточной воды...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-52.html>).

Казалось бы, и этнонимы поляков – полонцы, волынян – волынцы, суздальцев – балынцы тоже могли бы отражать преимущественное проживание их по лонам рек, то есть в оболони (болоньи). Однако, подобно этнонимам «бораны» (др.-киев. «бóронь» – «оборона, защита») и «поляне», эти этнонимы могут происходить и от санскритских «bala» – «армия, войско», «balin» – воин, и от касситских «buri» – владыка, «bigna» – покровительствуемый:

«Для сравнения: греч. «Βαλλη» (фриг. «Валлин») – царь; но «βαλλω» – «удар, кидать копье, кидать стрелу», что является синонимом имени вождя гуннов Баламер, Баламбер...

Англ. «barling» (ba:lin) – «жердь, шест, кол (кий?)», др.-инд. «bala» – сила (в значении «божественная сила»), перс. «bala» – высокий или вышний (ср.: Вышень, Вышата), индоарийское «bali» – жертвоприношение...» (Оксентий Онопенко, <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179484.html?page=7>).

Так, что не только спалы, боруски, бораны, гаруды = гревтунги / грутунны = хорутаны и поляне (русы), но и юго-восточные поляки, и волыняне, возможно, являются потомками также и роксолан (санскр. «rakS» – «охранять, защищать»; араб. «хурус» – «гвардейцы, охранники», «хираса» – охрана), этнос которых мог сформироваться на основе воинов, охранявших ранее торговые караваны вдоль Шелкового пути. Не исключено, конечно, же и то, что этноним волыняне (балынцы = волынцы) произошел от этнонима их предков хорезмийцев (хварезмийцы = хвалынцы = хвалисты = хвалиссы). Такое преобразование этнонима с утратой первой согласной «х» вполне возможно (так, например, от укр. слова «гвинт» произошло русское «винт»; от праиндоевропейского корня произошли без утраты начального согласного звука перс. «gurs», белудж. «gvarm», валлийск. «gwlan», хетт. «hulana», белорус. «хваля», укр. «хвиля», а с утратой его авест. «varəti-», др.-киев. «вълна», ст.-слав. «вльна», русск. «волна»).

Этнонимы многих мужских сообществ, воинских сословий и народностей являются «высотно-горными» или же «горно-горловинными», так как отражают соответственно высокорослость горцев или же просто обитание их в горных теснинах – ущельях и горловинах. Античным гаргарам, а также и восточным народностям чжурчженям (зурчэнам – *гургенам), киргизам (кыргызам), гуджарам (гурджарам), джурджанам (горганам / гурганам), вирканам (гирканам) и вилькинам (вильтинам / вильцам = лютичам) соответствуют: арм. «вирк», «верк» – «верх, верхние»; рум., укр. «горган» – «верховина, вершина, хребет»; укр. «горголя» – «очень высокий (длинноногий) человек, верховина»; белорус. «гаргара» – «большой громоздкий предмет»; лит., лтш. «garkājains» – длинноногий; англ. «gargantuan», франц. «gargantuesque» – гигантский; греч. Геракл, лат. Геркулес, франц. Гаргантюа – великаны; англ. «gorge» – «узкое ущелье, теснина, горло»; исп. «garganta», лит. «gerklė», праслав. «кѣкъ», серб. «гркљан» – горло; инг. «гаргара» – родной; алб. «грукѐ» – ложбина (соответствует также и этнониму «греки»). При этом с термином «горло» связываются не только горные теснины (ущелья) и гирла рек, но и как произношения сильных горловых звуков: «крик», «краканье», «кряканье», «курлыканье», «гарчание», «гырчание», «воркование», «ворчание», «бурчание», так и похожие на них природные звуки: «грохот» (укр. «гуркіт»), «журчание» (укр. «дзюрчання») и др. Возможно, у индоевропейцев свое имя «волки» – «горцы, верховинцы» получили вовсе не из-за табуирования их настоящего имени (лат. «lupus», греч. «lukos»), а именно из-за своего гарчания (укр. «гарчання», «гирканья») друг на друга. Поэтому-то и наделение ими некоторых из ранее перечисленных здесь горских народностей похожими «волчьими» этнонимами вовсе не случайно. И, конечно же, оно отражает не только почитание этими горцами волков, но и подражание ватагами их молодых воинов-волков этому стайному и жестокому зверю (см.: А.И. Иванчик, «Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию», http://liberea.gerodot.ru/a_hist/psy-voiny.htm; Мирча Элиаде, «Обряды и символы инициации:

берсерки и герои», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Obrjad.php).

Однако же обладание одними и теми же древними лексемами или же их корневыми основами множеством разных смыслов и наделение воинами волков и своих ватаг близкими друг к другу, если и не по смыслу, то хотя бы по звучанию эпитетами, весьма затрудняет установление однозначной этимологии для некоторых этнонимов. И поэтому-то этнонимы всё же следует рассматривать не просто, как какие-то конкретные понятия, а как присущие конкретным этносам (племенам, народностям) многосмысловые а, следовательно, и многозначные концепты:

«Продолжая сделанные наблюдения, можем сказать, что понятия конструируются, а концепты существуют сами по себе, и портретировать их – значит, только более или менее приблизительно реконструировать. Понятия же – договоренности, подобные правилам орфографии и пунктуации. В каждой последующей версии свода таких договоренностей границы между понятиями смещаются. От некоторых понятий вообще отказываются (В.З. Демьянков, «Термин «концепт» как элемент терминологической культуры», http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM);

«Поэтому у одного слова может быть несколько различных актуальных для языкового сознания парадигматических смысловых связей, которые сосуществуют, не вступая в противоречие. Так, слово «горе» связано одновременно со словом «горячий» и «горький», ср. «горе горькое»; «горькие слезы» и «горючие слезы» («горячий» и «горючий» исторически образованы от глагола «гореть», с которым слово «горе» связано этимологически). Слово «тоска» в русском языке связано этимологически со словами «тщетно» и «тошно», а также, вторичным образом, т.е. в силу наличия одновременно фонетического и семантического сходства, со словом «тесно». При этом все три варианта внутренней формы слова «тоска» отражаются в его актуальном значении...» (Анна Зализняк, «Внутренняя форма слова», http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html).

Хоролам (хоралам) = герулам соответствуют: чеш. «horal» – горец; русск. «горло», «жерло», укр. «горлица», англ. «girl» – девушка (буквально горянка); кр.-тат. «qaruv» – мощь, а также названия рек Керулен и Хорол, и полуострова Хорлы в Черном море.

Керкетам, кыркам, сиракам и черкасам (циркасам) соответствуют: санскр. «śāṅaka» – путник; лат. «сіса», «secus» – около (фактически: вне: возле, рядом, близ); эст. «karske», чеш. «сігу» – чистый; фин. «kirkas» – яркий, лтш. «sarkans» – красный; кр.-тат. «кьыр» – «безлесая гора», «кьыркъ» – горец?; арм. «kirch» и катал. «gorja» – ущелье; «кряж» – «горный или же спинной хребет»; польск., укр. «карк» – «шейный отдел хребта, шея, затылок»; укр. «карколомный» – «сногшибательный, очень опасный для жизни»; болг. «крак» – нога; франц. «carcasse» – «каркас, остов, скелет»; арм. «krak» – огонь, «zork'» – рать; итал. «сісоло», эрзя «кирькс» – круг; эст. «kõrk» – «гордый, высокомерный», а также названия как городов Керчь (Корчев) и Краков, так и рек Крка в Хорватии, Курах и Гуркам в Дагестане, Киркун (приток Онона) в Забайкалье.

Троксоланам / роксоланам, торкам и торитам / торетам, как и фракийцам (тракийцам),

фригийцам, тохарам, а также и их темнокожему библейскому предку Тогарме (груз. Таргамос, арм. Торг), отождествляемому с родоначальником индоязычных царских скифов – паралатов Таргитаем, соответствуют: пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный, др.-греч. «θώρακος» – «выпуклая поверхность», «ῥώξ, ῥωύος» – «щель, узкий проход»; греч. «θώρακα» – грудь; «ῥαύς» – «щель, трещина»; англ. «trough», швед. «träg», рум. «troacă», нидерл., исл., нем. «trog» – «котловина, впадина, желоб» (нем. букв. «корыто» – горная долина, которая в результате действия ледника приняла корытоподобную форму); баск. «troka» – «овраг, ущелье, трог»; тур. «doruk» – «пик, вершина»; исп. «torcido» – кривой; арм. «ter», тюрк. «tarqan» – «владелец, земледелец»; тур., чагат. «tarخان» – «привилегированное сословие»; др.-тюрк. «tarkan», уйг. «tarخان» – сан; монг. «түргэн» – быстрый; кит. «da», фарпер. «stóruŋ», ст.-монг. «турхаг» – большой; бенг. «дурга» – «твердыня, крепость».

Керкетов (др.-инд. «krka», праслав. «къrk» и чеш. «krk» – «горло, гирло, пролив»; нем. «kragen» – ворота) античные авторы относили к торитам (венг. «torok, torko» – горло; нем. «tor» – ворота):

«22. От гавани Синдика до гавани Пагр раньше жили племена т.н. керкетов или торитов, а ныне живут т.н. евдусины, говорящие на гутском (славянском готском, – П.Д.) и таврском языках...» (Аноним V века, «Георгика. Сведения византийских авторов о Грузии», т.2, изд.11. Тб., 1965, с.4-13, <http://abkhazeti.info/history/EkFZpEZukEPJhuwhEW.php>).

Возможно, это связано с проживанием и тех и других в гирлах рек или же в ущельях. И, очевидно, эти этнонимы были лишь перенесены с меотов сначала на ассимилировавших их балтоязычных темнокожих сираков (возможно участвовавших в этногенезе зеруян = сербов, таркасов / циркасов / черкасов и других славян) и на таких же темнокожих роксолан / троксолан и торков = таркасов, а затем ошибочно и на бледнолицых предков адыгов, заселивших земли меотов гораздо позже.

Вархонитам (аварам / обрам), варягам (бурягам?) / варангам (*baranc) / вэрингам, баранджарам (*барангурам, берендеям), боранам – ворадам и полянам соответствуют: протоиндоевроп. *wrdhos, др.-перс. *wrda-, венг. «vögös» – красный, греч. «βερτζω» – розовый, перс. «ward» – роза, русск. «варзия» – «название красной краски»; фр. «brun» – «смуглый, коричневый»; венг. «barna», русск. «буланый», лат. «brunneo», итал. «bruno», арм. «braun», нем. «braun» – «бурый, коричневый, каштановый»; перс. «birinj», лит. «varis» – медный; герм. «guard, ward», укр. «варта» – охрана; тадж. «боло» – верх; перс. «bala», тадж. «баланд» – «высокий, вышний»; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»; ирл. «barr» – «вершина, верхний»; тадж. «беруна» – внешний; хинди «rāga», греч. «πέραν» – «вне, за пределами»; осет. «барæг» – всадник; греч. «φοράδα» – кобыла; микен. «pa-ra-jo», греч. «παλαίος», санскр. «pugaNa», хинди «pugānē», др.-япон. «pugu», япон. «furu», исл. «forn» – «старый, древний»; тат. «борынгы» – древний; вал. «bug», нем. «rüg», англ. «rüge» – чистый (без примесей); швед. «bra», арм. «baci» – хороший; др.-иран. «hvarnah-», осет. «farn» – «фарн, благо, солнечное начало»; кассит. «bugi» – владыка, «bugna» – покровительствуемый; франк., позднелат. «bago» – «мужчина, барон»; санскр. «balin» – «воин, сильный, мужественный»; д.-в.-н. «bago» – «воинственные / сильные люди»; санскр. «bāla» – «сила,

мужество, власть», «balin» – «сильный, мужественный, воин»; англ. «burly» – «сильный, крепкий»; исп. «varón», арм. «агу» – «мужчина, самец»; индонез. «orang» – человек; вал. «brenin» – царь; русск. «буран», «бурный»; англ. «frank» – «свободный, откровенный»; греч. «πέραν», хинди «pāga», лат. «foris», «foras», катал. «foga de» – «вне, за пределами»; англ. «arris» – «гребень, кромка, ребро»; греч. «ορεινό» – «гора, горный, гористый»; греч. «βάραθρο» – «ущелье, овраг»; греч. «φάργγυ / farángi» – «ущелье, каньон, овраг, глотка»; итал. «faringe», англ. «pharynx» – глотка; англ. «barranca» – ущелье; итал. «bugnone», исп. «barranco» – лощина; лат. «branco» – глотка; лит. «burna», арм. «beran» – устье; англ. «bore», греч. «πόρος», лат. «rogum», ирл. «poll» – «пора, дыра»; норв. «brann», нидерл., дат., швед. «brand» – огонь; англ. «branch», япон. «buranchi» – «ветвь, рукав, отдел»; укр. «брунька» – почка.

Хорутанам = грутуннам / гревтунгам и каринтам / каринтийцам = словенцам соответствует: лат. «fortuna» – «фарн, состояние, удача, счастье, судьба, фортуна, богатство»; греч. «καρτερικός» – выносливый, аккадо-ассир. «карду» – «сильный, герой»; «караду» – «быть сильным»; «кардинально» – «очень значительно (сильно)», «кардинал» – «могущественный, сильный»; англ. «hard», нем. «hart» – «жесткий, крепкий»; словац. «hrtan» – «гортань в значении горное ущелье», что хорошо отвечает самоназванию этих горцев – каринтийцы (венетск. «caranto» – гора; словен. «Koroška» – Каринтия, «korotàn» – каринтиец; кельтско-иллир. «капн» – «камень, скала»; чечен. «куорта», туш. «корт», груз. «корти», «карти», «курти» – «голова, вершина, макушка»; микен. «ke-go-te» – «старик, старейшина»; греч. «κάρβωος» – «начальник, предводитель, глава»; укр. «карі» – карие; коричневые).

Кроатам / хорватам соответствует англ. «throat» – горло; чечен. «куорта», туш. «корт» – «голова, вершина, макушка»; исл. «hágr» – высокий; катал. «corba», франц. «courbe», нем. «krugve» – кривой; греч. «χάρις», лат. «gratia» – «грация, благодать».

И, следовательно, не только кардухи, кордийцы, куртии, куртины, куртатинцы, курды и картлийцы, но и славяне хорутаны (словенцы) и кроаты / хорваты тоже являются горцами:

«Древние славяне (и такие же брахикранные балты, – П.Д.) были хорошо знакомы с горами. «Эти варвары, – пишет об антах Прокопий Кесарийский, – лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах»... В другом месте, рассказывая об одном из первых крупных нападений славян на Византийскую империю, этот же автор замечает, что «прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам [городов] или спускаться на равнину». И несколько ниже снова: «Боясь его (римского полководца, – В.К.)... они [славяне] тотчас прервали свой поход на Фессалонику и не осмеливались больше спускаться на равнину, но, повернув назад и пройдя по горам всю Империю, они оказались в Далмации». Нечто подобное сообщает о славянах и Маврикий Стратег: «Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах и на обрывах, с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями и днем и ночью изобретая [к тому] много способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей». И еще: «...Среди теснин они умеют отлично сражаться». Рекомендую своим полководцам вести со славянами не только оборонительную, но и наступательную войну, Маврикий далее пишет, что «необходимо и во время лета не останавливаться от нанесения им (т. е. славянам, – В.К.) ущерба и заниматься в это время ограблением более ровных и

безлесых местностей...» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st006.shtml>);

«Исследователи давно обратили внимание на то, что славянские топонимы на Балканах и в Греции более всего распространены в горных районах. (Georgacas). Это свидетельствует о том, что славяне первоначально заселяли горные районы» (Андрей Алексах, «Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция», https://alexakha.ucoz.com/aleksakha-proiskhozhdenie_slavjan.pdf);

«Й. Займов обратил внимание, прежде всего, на наиболее древнюю и весьма распространенную группу славянских топонимов, оформленных суффиксами –ане / -яне (доляне, горяне, ополяне и т.п.), среди которых имеется немало названий, содержащих в своей основе редкие и исчезнувшие ныне праславянские лексемы. География этой группы топонимов, как утверждает исследователь, должна надежно отражать главные пути расселения славян на первых этапах освоения ими Балканского полуострова. На основе картографирования обширного топонимического материала Й. Займов пришел к заключению, что в VI – VII вв. главная переправа славян через Дунай находилась в его среднем течении около Видина (Вены, – П.Д.). Меньшие группы участников миграционных потоков, преодолев Дунай, поворачивали далее на восток и продвигались вдоль правого берега этой реки. Основные же массы славян по правым притокам Дуная Тимоку и Мораве направлялись на юг, разделяясь затем на два рукава. Один поток переселенцев осваивал земли Македонии, Фессалии, Албании, Греции, Пелопоннеса и Крита, другой – по рекам Струме достигал северного побережья Эгейского моря и направлялся к Мраморному морю. Топонимические материалы свидетельствуют, что в северной части Балканского полуострова передвижения славян проходили по рекам и долинам, а в южной, где противодействия византийских гарнизонов и местного греческого населения было более сильным, славяне перемещались по гористой местности. Исследователи неоднократно обращали внимание на обилие славянской географической номенклатуры в горных областях юга Балканского полуострова и Греции...» (Валентин Седов, «Славяне в раннем средневековье // Расселение славян на Балканском полуострове и Пелопоннесе», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/547637-6-predislovie-eta-kniga-yavlyatsya-prodolzheniem-moego-issledovaniya-slavyane-drevnosti-izdannogo-1994-kotorom-rass.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf).

Конечно же, после того, как эти горцы спустились на равнину, их этнонимы могли быть и переосмыслены и связаны с обитанием их вблизи гирл и устьев рек, а некоторых даже и вблизи Керченского пролива – Боспора:

«Откуда у земледельцев равнин может появиться курган? Могильный холм – всегда «жилище предка», знак, отмечающий границы родовых территорий кочевых племен. Если идти в глубь истории степных народов, в их прошлое, можно увидеть, что курганы присущи лишь тем животноводам степей, чьи предки некогда спустились с гор. Они служили чем-то вроде «моделей» гор, воспоминанием о древней родине, куда согласно поверьям уходили

души умерших...» (Андрей Никитин, «Сатархи становятся явью»,
<http://www.sunhome.ru/journal/134697/p5>);

«Древнейшее название Синдики – Киммер (Киммир, Гамир, Гимирра) может быть объяснено через чеченское «кxгшар» < *кхамир – «горловина, пасть, воронка», инг. «кьалюрг», «кист», «кьамирг» – «горло, глотка», что подтверждается параллельными названиями той же местности: 1. Керчь от «къркъ» – горло (Ф П226); 2. Пантикап от греч. «понт» – море (праслав. *рець / *пенть, др.-инд. «paṅktís» – пять, – П.Д.) и тюрк. «кап» – ворота (праслав. *каръ – капище, – П.Д.), т.е. морские ворота (Мизиев, 1986, 50). Отсюда кxгширийцы – «жители киммерийского пролива», или, иначе Киммерийского Боспора» (Арби Вагапов, автореф. дис. «Нахско-славянские лексические изоглоссы»,
<http://cheloveknauka.com/nahsko-slavyanskie-leksicheskie-izoglossy>).

Тем более, что воинские братства обычно и предпочитали дислоцироваться именно на островах в гирлах рек. Тому примером является остров Русов в устье реки Кубань. Но вряд ли от этого у них изменилась бы позитивная оценочная коннотация лексемы «кривая» на негативную. Ведь все эти этнонимы и соответствующие им слова «горло», «гирло», «жерло», «глотка» и «гортань», аналогично слову «круг», непосредственно связаны с кривизной и с соответствующим ей могуществом. Арм. «kokord» – горло, исл. «koki» – глотка, как и др.-тюрк., чуваш. «kokăr» – кривой, содержат праиндоевр. основу *kok, означающую кривой и косой.

Древние индоевропейцы и народы, позаимствовавшие их лексику, связывали с богатством и могуществом также и «кривду» (нем. «kraft» – «сила, мощь»; карач.-балк. «кьарыу» – сила; кр.-тат. «qaguv» – мощь; лтш. «krava» – нагрузка; арм. «křiv» – «драка, бой»).

Могущественными же («кривыми», «крутыми»; укр. «дужими» – сильными, дюжими, от слова «дуга») являлись не только боги (пеласгским «кабирам», славянским «кумирам» и индийскому богу богатства Кубере соответ. англ. «sambeг» – кривизна, лат. «samig» – крюк, арм. «катаг» – дуга, эст. «kumer» – выпуклый, коми «комбыля» – выгнутый, фин. «kovera» – вогнутый и англ. «cavern» – «каверна, впадина»; япон. kami соответ. ирл. «sam», чеч. «гома» – кривой; индонез. «tuhan», инд. «тхакурам» соответ. русск. «тугой», нидерл. «toog» – дуга, эвен. «токур» – изгиб, якут. «токур» – кривой).

Могущественными были и маги, и жрецы – «практические (кривые) боги» (инд. «брахманам» и др.-перс. «brazman» соответ. греч. «πραγματικός» – реальный; марийским «картам» соответ. эст. «kaardus» – изогнутый, русск. «крутой», др.-греч. «куртос» – «кривой, изогнутый»; семит. *kumrā, сир. «kumrā», кирг. «kām = qam», порт. «хамã» – «жрецам, шаманам» соответ. ирл. «sam», чеч. «гома» – кривой; болг. кулбрам = колобрам и инд. кауравам соответ. франц. «courbe», катал. «corba», тагал. «kurba», нем. «kurve» – кривой и суахили «kulabu», нем. «kloben» – крюк; имя же верховного жреца балтов – Криве-Кривейте, вообще, не требует никаких комментариев). Католическому викарию, являющемуся земным заместителем небесных богов: лат. «vicaг», индонез. «wakil», гуджар. «vica» соответ. др.-инд. «vājas» – сила, хинди «vakra» – кривой, др.-исл. «vakr», д.-в.-н. «wackar» – «бодрый, живой»,

лат. «vigil» – «бодрый, бдительный», «vegeo» – бодрствую...» (Хольтхаузен, РВВ 46, 146; Фасмер, «Вещь»).

Могущественными были также и воинские сословия, мужские братства и народности (кшатрии, tjkɣ / текра / теккары = тевкры / тухер / тук-хара = тушара, токхары / тохары / тхакуры = тагоры / тугуры = бугуры, бухары = пугуры = пугураи, вакарай, баграсик, кривы / вукры, угры, бхараты = пагериты / бугариты = болгары, бораны / ворады, поляне, хурусы / урусы / хросы / русы, герулы / хоралы, пеласги, боруски, барсилы, фризы, прусы = пружаны, гуйшуаны / кушаны, кушачи / кушаки = казаки / козары / хазары, киммерийцы = гомеры, троксоланы / роксоланы, торки / таркасы [лат. Tarcazi] / циркасы / черкасы, варяги / варанги / взринги = беринги / бэрэнгуры = бэрэнджары / берендеи / перундеи, сираки, кырки).

Например, дакам, дахам / даям, киданям дахэ, тохарам = тугурам = тхакурам = тагорам, осетинам дигорцам = дюгерам и тунгусам тагурам = дахурам / даурам соответствуют: эвенк. «тэгэ̄» – народ; нах. «дукъарой» – «хребта жители»; нем. «dach» – верх; укр. «дах» – крыша; япон. «така» – высокий; серб. «дуг» – длинный; турец. «dağ», казах. «тау» – гора; кит. «тоу» – голова, «dīgǔ» – желоб; иран. «dahae» – волк; индонез. «tegar» – жесткий; эст. «tugev», укр. «дужий» – сильный; др.-япон. «tikara» – сила, суахили «tukufu» – славный.

Бугурам – букринам / мукри / мохе = вакарай и пугурам – бухарам соответствуют: хинди «rakka», англ. «руска», «рукка» – «первоклассный, совершенный»; тюрк. «пагур» – слава; хинди «bhūgā», ст.-слав. «багъръ» – «бурый, темно-коричневый, багровый»; тур. «bakı», алб. «bakri», словен. «bakra», серб. «бакар» – медный; япон. «[v]akaigo» – красный; лит. «vakaq» – западный; англ. «bough» – «ветвь, сук»; хинди «rahāṛa» – гора; эвенк. «буүэрэн» – возвышаться, русск. «бугор» – возвышенность; укр. «пагорб» – холм; тур. «böğüt» – «бок, фланг», «boğaz» – горло; греч. «μακρῖνός» – дальний; др.-греч. «μακρός», груз. «maghali», венг. «magas» – высокий; др.-греч. «μέγεθος» – «высокий рост, величие, могущество»; дор. «μάκιστος» – «самый рослый, очень высокий»; лат. «maximum» – «наибольшая величина»; тюрк. «бакур», «пакор» – «большой, великий»; русск. «макушка» – верхушка, «машина» – «большая, громоздкая вещь»; кирг. «бийик», тат. «биек», хинди, тамил. «исса» – высокий; азерб. «иса» – высший; лит. «ugis» – высота; кит. «bōgǔ», фр. «auge» – желоб; турец. «çukuk» – впадина; др.-в.-нем. «magan» – мочь, «megin» – сила; чеч. «мага» – мочь; эвенк. «буку», монг. «муйхар» – сильный; япон. «magegu» – сгибать; санскр., хинди «vakra», узб. «букри», чагат. «bogri», исл. «boginn» – кривой; бенг. «bakratā» – кривизна; др.-исл. «vakr», д.-в.-н. «wackar» – «бодрый, живой». [\[к осн. тексту\]](#)

П.2. Гиксосы и их потомки эдомиты и евреи ашкеназы

Горцами-кривами (верховинцами, верховными, высочайшими, величественными, могущественными) называли себя и индоарии касситы (kaššu) и их потомки «heku хасут» («hekau khosute» = «царские *kaššu») – гиксосы («hek» – посох-крючок, обозначавший власть в Египте; ему соответствуют: укр. «гак», нем. «hook» – крюк; тадж. «асо», узб. «hassa / хасса» – посох; араб. «hakim» – «мудрый человек, повелитель, судья, врач»; алб. «hekur» – железо; греч. «γίγας, γίγαντας», лат. «gigas» – «гигант, высокий»; серб. «jak» – сильный; // швед.

«kosa» – путь; лтш. «kustība» – движение; башк. «кызырас» – «бродяга, странник»; сорани «hoz» – «племя, народ»; нидерл. «gezin», англ. «house», япон. «kazoku» – семья; лат. «gens» – племя, «genus» – род; фин. «kansa» – народ; хинди «kṣētra» – «край, район, зона, уголок»; ирл. «cas» – поворот; арм. «kuz» – бугор; болг. «коз», лит. «koziris» – козырь; венг. «koszorú» – «венец, корона, диадема»; англ. «coast», нидерл. «kust» – берег; финик. «kspy / kaspi» – серебро [певоначально, червонное золото]; лат. «caecus» – тёмный; лат. «castus», англ., словен. «chaste», нидерл. «kuise», нем. «keusch» – «чистый, целомудренный»; коми-перм. «куш» – голый; тур. «küstah» – высокомерный; арм. «gosh / goš», словен. «Ćosav», тюрк. «косе» – безбородый; вовсе не исключено и праиндоевроп. *khosute, как и русск. диал. «косатый» – «косастый, то есть носящий косу, кудрю, оселедец, шикханду»):

«Вишну и Кришна имеют эпитет Кешава – «Косатый», «Длиннокосый»...» (Степан Наливайко, «Гайны раскрывает санскрит», <http://www.rulit.me/books/taemnici-rozkrivae-sanskrit-read-178748-14.html>);

«Рельеф «Штурм крепости» из раскопок холма Аладжа-Хююк. XIII в. до н.э. «Музей Анатолийских цивилизаций», Анкара»
(«Снова хетты», <http://rogday-rosomaha.livejournal.com/8561.html>);

Длиннокосые хетские воины,

https://newsland.com/static/u/content_image_from_text/21022017/5695502-1561062.jpg

«Существует мнение, что форма «hyksos» представляет собой искажённое древнеегипетское «hekau khosute, heka khasut» (в условной русской транскрипции «хеку хасут», которое означает «властители пустынных нагорий или властители чужеземных стран («чужеземный властитель» т.е. не этнический египтянин)), где «hek(y), гек(a)» или «хик, гик» – «властитель, князь, царь»; хотя и корни слов «sos» и «khosute» совершенно различны. Термин «хеку хасут» – принятое в Древнем Египте наименование ханаанских или сирийских вождей, которое применялось задолго до эпохи владычества гиксосов... В Туринском царском списке также упоминаются шесть правителей с титулами «хека хасут». Согласно Флавию-Манефону, «гиксосы» – это «цари-пастухи» или «цари пастухов»; и тогда слова «sos» и «khosute» (касситы – П.Д.), даже по смыслу не совпадают. О том, что «цари пастухов» это – «хека амеу» (но не «heka sos»), однозначно сообщает папирус Салиер I, описывающий события, синхронные времени Фиванского царя Секен-не-Ра, первым выступившего против гиксосского владычества: «Случилось так, что земля Кимет (Египет) принадлежала врагам... Враги же сидели в городе (людей) аму (амеу) и (их) царём (хеку) был Апопи (ок.1600-1567 гг. до н.э.) в городе Ауарис». Заметим, что вассальный египетский правитель Секен-не-Ра в одном из документов также обозначен как «hek(y), гак». Таким образом, (не по Манефону) царь гиксосов Апопи – «хик(y) амеу» («царь пастухов» (мелкого рогатого скота)), – наименование в достаточной степени презрительное. Манефон же ввёл в обиход несколько иное название: «хик сос» – «царь сос». Лингвист с мировым именем Эмиль Бенвенист в своём «Словаре индоевропейских социальных терминов» показал, что слово «sus» (которое в греческом языке читается, как «sos») означает «свинья» (домашняя).

И тогда, «с лёгкой руки» Манефона, писавшего по-гречески, закрепилось и сохранилось на века (в трудах Иосифа Флавия – потомка гиксосов, не ведавшего, что творит), наименование «hik sos», которое означает «царь свиней» – тяжкое, предельно сильное оскорбление в устах египтянина (брезгливо относящегося к свинье – нечистому животному, и всему, что с ней связано; см. Кн. IV). Манефон, с детских лет знавший прозвище («амеу») азиатов-семитов, при написании своей «Эгиптики» в исторически верное наименование царей азиатских племён – «heku амеу» («цари пастухов (мелкого рогатого скота)») либо «хеку хасут» («чужеземные властители»; «касситы-властители», – П.Д.), привнёс (явно на националистической почве) традиционную египетскую ненависть к азиатам (да ещё и к захватчикам его страны), субъективно усилив (и заменив) презрительное древнеегипетское «амеу» греческим ярлыком (площадной бранью, ругательством) «sos» (заменил в термине обозначения азиатов-семитов «мелкий рогатый скот» на «свиньи»). С другой стороны, как уже упоминалось, древнеегипетское название лошади не «sus», семит., но «ssm.t»; и если Манефон, вводя новое обозначение гиксосов, всё-таки воспользовался семито-хурритским термином (желая отразить и усилить эту сторону памяти о прошлом), то «hik sus» может означать и «царь лошадей», что тоже не лишено исторического содержания (подобно «hik амеу»), а древнего историографа тогда можно считать беспристрастным и объективным» (Михаил Зильберман, «Гиксосы и их потомки», Книга III, http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/hiksosb3.shtml).

Тёмно-красные индоевропейцы гиксосы («hekau khosute» = «царские шасу» – владыки-касситы) и их семитизировавшиеся потомки идумейцы (адамиты = кадим = адаби = ядавы; иври «эдом / адом», др.-евр. «adamah», в клиноп. текстах «udûtu», в Септ. «Еδὼμ, Ἰδομαία, Ἰδομοῖος» – «красный, рудой»; бенг. «Bādāmī» – «коричневый, карий, бурый»; др.-греч. «ῥόδης» – «фиалковый, фиолетовый»; лит. «juodas» – чёрный; лат. «ater» – тёмный) вместе, как с мидянами = мадианитянами, родственными кутиям и другим мидийцам = мадаям, так и с хурритами (хорейями) и, конечно же, с сутиями, изгнанными касситами и хурритами из Месопотамии и прозванными в Палестине хабири (хапиру), а в Сирии арамейцами, очевидно и являются основными предками как евреев ашкенази (арм. «хачкинази»), так и некоторых курдских народностей. Царь Иудеи Ирод I был эдомитянином по происхождению. Поэтому-то родственными антропологически и генетически евреям ашкеназам являются не только те курдские народности, которые сформировались на основе израильских колен, переселенных ассирийцами в Мидию и Урарту (Армению), а персами в Гирканию, но и те, которые сформировались на основе консолидированных индоариями касситами хурритов Митанни = Матиены (столица Khoskani / Хошкани – поселение касситов) и хурритов Урарту, Манны и Мидии, постепенно ассимилированных потомками касситов:

«Коллектив генетиков из Еврейского университета в Иерусалиме обнародовал результаты масштабного исследования, которое достоверно определило степень генетического родства евреев и народов, населяющих Ближний Восток. Как сообщили руководители исследования Ариэлла Оппенхейм и Марина Файерман, наиболее генетически близко к евреям (особенно, сефардам) стоят курды и армяне, но отнюдь не палестинцы и

сирийцы. У евреев и курдов, по всей видимости, был общий предок – народ, обитавший где-то в районе нынешней границы Ирака и Турции, то есть там, где и сейчас живет основная масса курдов (общий предок, по-видимому, либо ассирийцы, – северо-аккадские племена; либо израильтяне, уведённые в плен ассирийцами в VIII в. до н.э.)» (Лев Израилевич, «Еврейская история Армении II», <http://www.proza.ru/2013/08/30/494>; «The Y Chromosome Pool of Jews as Part of the Genetic Landscape of the Middle East», <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11573163>).

Конкретно же, наряду с идумейцами и семитизировавшимися предками кутиев хананейцами и финикийцами, в этнос евреев ашкеназов преимущественно вошли, вовсе не хурриты Армянского Нагорья и не курды Мидии, а ассимилированные индоевропейцами касситами и арамейцами хабири потомки древних хурритов – палестинские хорей (амалек) и потомки древних кутиев (мадаев = мидийцев) – синайские мадианитяне, переселённые позже из Палестины на земли своих предков – в Армению и Мидию:

«Так Мовсес Хоренацы говорит, что от пленных финикийцев, поселившихся в Армении, идёт известный род Гнтуни, «обычай мужей этого рода выдают в них хананеев». Он также пишет, что царь Валаршак назначает «одевающим себя Дзереса, потомка хананейцев, и род его, не ведаю по какой причине, наименовывает Гнтуни». По другим известиям, Гнтуни были еврейского происхождения, что ещё раз доказывает, что финикийцы и евреи – один народ... Тот же Мовсес Хоренацы (как и другие армянские авторы) пишет, что сам род царей Армении происходит от одного пленного еврея – Шмбата Багратуни. Невозможно себе даже в наше время представить, чтобы президентом Армении стал еврей. Но характерно, что, говоря об этом, армянские авторы Средних Веков не выражают ни какого беспокойства или возмущения по этому поводу. Очевидно, еврейского происхождения был весь народ, а потому и не было ни чего необычного в еврейском происхождении царя. Царями в Великой Армении были представители (касситской – идумейской, – П.Д.) династии Ирода Тигран IV (примерно бг. н.э.), Тигран V (60–61), и Аристокл (55–60) в Малой Армении. По летописным преданиям, феодальные роды Аматауни и Мамиконян также были еврейского происхождения. Мовсес Хоренацы пишет, что Вагаршапат – столица Армении, сложилась из еврейской колонии основанной здесь при Тигране VI (150–188)... Армяне приняли монофизитство – направление, которое противостояло гегемонии Византийской церкви, заявляя о своей связи с Израилем. Монофизитство очень близко Иудаизму. Само крещение Армении связано с царём Трдатом Великим, который в 286 с помощью римлян взойшёл на наследственный престол. Новой религией он провозглашал независимость Армении от Персии в союзе с римлянами. ...Мовсес Каланкатуйский прямо писал, что предки армян были обрезанными – евреями, что подтверждает слова Егише, о празднуемом когда-то предками армян Шаббате...» (Андрей Зелев, «Армяне потомки десяти колен Израиля», <http://www.proza.ru/2008/06/04/7>).

Этноним же шасу (*касу = *сосу), возможно, является лишь сатемной формой этнонима касситы (лат. «саеус» – тёмный; лат. «castus», англ., словен. «chaste», нидерл. «kuis», нем. «keusch» – «чистый, целомудренный»; евр. «кошерный» – чистый; турец.

«küstah» – высокомерный), к которому весьма близко прозвище библейского героя Иосифа Прекрасного (Кошерного) – «гашаллит» (Бытие, 42, 6 и сл.). Конечно же, причастность предков идумеев касситов к изгнанию предков евреев из Месопотамии вполне может быть одной из причин враждебного отношения ранних пророков Израиля также и к идумеям (эдомитянам), а не только лишь к ассимилированным ими амалекитянам (кассито-хореем), возможно родственным армянам (кассито-хуррито-арамейцам хайкам, этническим суперстратом которых очевидно были входившие в касситский союз племен фригийскоязычные потомки ведических хайхаев [см.: П.А. Гринцер, «Лунная династия», <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s20/a002043.shtml>]):

«В ряде источников Армения именуется Амалек, евреи называли армян амалекитами. Такой же термин для их обозначения использовали в Византии. Иосиф Флавий писал, что Амалек был завоеван коленом Вениаминовым в царствование Саула и что потомки этого племени положили начало Иудаизму в Армении...» (Андрей Зелев, «Армяне потомки десяти колен Израиля», <http://www.proza.ru/2008/06/04/7>);

«Не все аморейские племена, вернувшиеся в Междуречье, ассимилировались местным населением или установили свою власть в месопотамских городах (амореи уничтожили вавилонскую династию Ур, заменив её своей). Значительная их часть сохранила свою этническую самобытность в южной части Месопотамии. За ними сохранилось название сутии... Некий вавилонский царь в период репрессий истребил сутиев «от заката до рассвета». Выжившие, под предводительством Арама – царя города Ур – бежали через реку Евфрат на запад. Переход реки стал считаться началом новой жизни, в связи с чем, племя стало называть себя «(х)-и/е-б(о)р-им» («хиборим (евреи)» – «перешедшие реку» – мн.ч., в ед.ч. – ибр, хебор), в отличие от «неперешедших», а своему предводителю, дали прозвище «(х)-и/е-б(о)р-ах-им», («переведший через реку» – Авраам, Ибрагим)... На рубеже 18–17 вв. до н.э. евреи («сутьи перешедшие реку») остановились в Сирийской пустыне, где произошёл раскол племён на две части: собственно еврейскую, двинувшуюся в Палестину и арамейскую, оставшуюся в Сирийской пустыне...» (Алексис Шнайдер, «История еврейского народа», <http://www.proza.ru/2004/11/05-250>);

«В текстах из Мари упоминаются названия городов Нахур, Фаррахи, Сарухи и Фалеки поразительно похожие на имена родственников Авраама – Нахор, Фарра, Серуг и Фалек. Кроме того, там говорится о племенах «Абраам (Абам-рам)», «Иакоб-ел» и даже о колене «Бениамин», которое появилось на границе и досаждало жителям Мари. Всё это говорит о том, что еврейские племена (колена) появились ещё в Месопотамии. ...евреи были изначально частью вавилонского народа, и в сущности, и вавилоняне, и хананеи (финикийцы), и евреи, и ассирийцы – суть один и тот же народ, тем более что большая часть и вавилонян и хананеев приняла Иудаизм» (Андрей Зелев, «Вавилоняне – предки Евреев...», <http://www.proza.ru/2007/10/27/71>);

«Следует также отметить, что именование Ура «Уром Халдейским» (Быт.11:31)

является анахронизмом (если, конечно же, допустить, что «Уром Халдейским» является Ур вавилонский, а не Урфа – древняя Эдесса, – П.Д.), так как халдеи появились в Вавилонии лишь в 1100 – 1000 гг. до н. э. По всей видимости, такое обозначение города возникло в период подъёма Ура в правление последнего царя Нововавилонской (Халдейской) династии Набонида (556 – 539 гг. до н. э.) и было внесено в повествование об Аврааме...» (Владимир Бровко, «Неразгаданные тайны Вавилона», ч. 10, http://narodna.pravda.com.ua/history/4b0ac29e39b29/view_print/);

«...библейский Ур по всей вероятности следует идентифицировать с городом Урфой древней Эдессой в Юго-Восточной Турции. Именно ее следует считать местоположением древнего города, который в текстах на аккадском шумерском и хеттском именуется. Более того, местные предания утверждают, что Авраам родился именно в Урфе в пещере расположенной у подножья крепости, в наши дни остающейся крупным центром паломничества для мусульман, которые стекаются в этот город со всего Ближнего Востока. Примечательно, что в Урфе имеется древний храм в честь бога луны Сина (индоарийского Сомы = Чандры; лит. «žynys» – жрец, – П.Д.), а термин «халдеи» – просто другое название звездопоклонников Харрана и Урфы, известных начиная с VIII в. как сабеи (может быть малоазиатские халды = халибы – предки валлийцев, галатов и других галлов = кельтов, родственные индоариям Митанни = Ханигальбата – «страны гальбатов = галибов»; венг. «hold» – луна; мари «карт», исл. «galdra», др.-греч. «γάλλος» – «жрец, маг, колдун»; русск. «галда» – «шум, крик», – П.Д.)... Тот факт, что Авраам родился в Уре Халдейском и провел юность в Харране, двух крупных культовых центрах бога Луны Сина, постоянно интриговал ученых-библеистов. Так как Авраама называют первым великим патриархом возможность прямой связи между богом Авраама и богом луны Сином выглядит весьма заманчивой. Это представляется особенно важным в связи с тем фактом, что гора Яхве, на которой Моисей получил скрижали закона, называется Синай, то есть буквально «гора Сина» или «гора Луны»...» (Эндрю Коллинз, Крис О'Гилви-Геральд, «Идумейские истоки культа Яхве», http://loveread.ec/read_book.php?id=76395&p=74; <http://nordxp.3dn.ru/biblical/ssw-yhwh.pdf>);

«Лишь к 1500 г. до н.э. в областях к югу от Каспийского моря была найдена приемлемая технология железной металлургии. Эта техника постепенно становилась известной, и вместе с кельтами (потомками халдов, халибов и других касситских племён, – П.Д.) она достигла Великобритании, с этого момента вступившей в железный век...» (Айзек Азимов, «История Англии от ледникового периода до Великой хартии вольностей // Появление кельтов», http://www.e-reading.club/chapter.php/1008867/5/Azimov_-_Istoriya_Anglii._Ot_lednikovogo_perioda_do_Velikoy_hartii_volnostey.html);

«Существует также версия, согласно которой выходцы из Армении в глубокой древности были первыми жителями острова Ирландия. Это тоже похоже на правду, так как только этим можно объяснить сходство древних армянской и кельтской культур, а также наличие в Ирландии высоких кельтских крест-камней, напоминающих армянские хачкары. Ученые долго пытались найти ответ на вопрос, как ирландцы сумели создать эти шедевры?

И только в 2005 году, на раскопках построенного в I веке до н. э. города-крепости Тигранакерт в Нагорном Карабахе, были найдены пять аналогов «высоких крестов». Это наглядно показывает, откуда в Ирландии появились столь искусные мастера обработки камня. Кстати, «хач» и на армянском, и на кельтском означает «крест»...» (Александр Ерканян, «Армянский след в истории Великобритании», http://asekose.am/ru_RU/news/20/184021-armanskiy-sled-v-istorii-velikobritanii.html);

«А в знаменитой «Chronica Baiuvariorum» («Баварская хроника») священника Вайта Арнпека, считающейся самым надежным источником по истории баварцев, читаем: «Байоариус вместе со своим свободолюбивым народом, который происходит из Армении, откуда они вышли большой силой, добрались до этой страны, где нашли бедный народ, который питался рыбной ловлей и охотой на диких животных. Поселившись здесь, они назвали страну по имени своего князя и предводителя – Бавария» (Hans. F. Nohbauer «Die Bajuwaren» Weltbild Verlag, Augsburg, 1990, s. 19). Отметим также еще одну информацию из «Баварской хроники», согласно которой князь Байоариус имел двоих детей – Богема, или Богемунда, и Инграма, или Инграманда. А Иоханнес Турмайер (кстати, отец баварской историографии) в написанной в 1601г. «Chronicon successionis ducum Bavariae et comitum Palationorum» сообщает интересную информацию, связанную с именем Богемунда. Говоря о Богемии (нынешней Чешской Республике), он отмечает, что в античных книгах ее называли Ермения (Hermenia), что означало Армения. И как Бавария была названа по имени Байоариуса, так и Ермения-Армения была переименована по имени князя Богема в Богемию. Интересно, что в 1776г. Винценц Пол из Полхаузена, обратившись к этому вопросу, цитирует неизвестного историка Бобиенсиса и отмечает: «Император Фридрих Рыжебородый во время крестового похода встретил в Армении народы, которые говорили по-баварски» («Kaiser Friedrich Lobesam sei bei seinem Kreuzzug in Armenien auf Volker getroffen, die bairisch sprachen», Г. Нобауэр, указ. соч., с. 19). Это свидетельствует о том, что в XII–XIII вв. баварцы еще сохраняли свой родной язык – армянский Киликийской Армении. Согласно упомянутым выше хроникам, эти прибывшие из Армении смельчаки героически сражались против армии Юлия Цезаря. А это значит, что они были там еще в II–I веках до Р.Х. Это подтверждают и другие источники, о которых я собираюсь написать отдельную статью... В 1997г. мне предоставили копию англосаксонской хроники, изданной в Лондоне в 1861г., из первого тома 4-томника известного английского историка Бениамина Торпа «The Anglo-Saxon Chronicle» Vol. I, Original Texts, London 1861, Benjamin Thorpe (Торп в XIXв. обобщил все англосаксонские хроники и издал их в 4 томах). О живущих в Англии народах он пишет: «Первые жители страны – бретонцы прибыли из Армении и вначале поселились на юге Британии». К сожалению, моя пастырская деятельность не позволила мне отправиться в Лондон, чтобы углубиться в исследования. Но когда я прибыл во Францию и услышал о бретонцах Франции, то возобновил поиски. Точно было известно одно: бретонцам достаточно было пересечь Ла-Манш, чтобы очутиться на юге Англии. Бретонцы Франции также, по всей видимости, должны были сохранить следы своего армянского происхождения. Необходимо отметить, что бретонцы Франции, подобно баскам, и по сей день сохранили свой язык, обычаи, своеобразные национальные песни и танцы, очень

похожие на армянские, а их национальный инструмент похож на наши ткзар и паркапзук» (Сурен Айвазян, «Происхождение британцев – армянский след», <https://gisher.org/proisxozhdenie-britancev-armyanskiy-sled-t3028.html>; <https://nashaarmenia.info/2018/11/29/они-пришли-с-армянского-нагорья-бавар/>);

«Кто же такие были кельты? Ученые многое узнают о жизни древних людей, изучая их похоронный ритуал. Примерно 800 лет назад до нашей эры жители северных Альп сжигали своих покойников и хоронили их в урнах. Большинство исследователей сходятся на том, что ритуал захоронения в урнах у кельтов медленно сменился на похороны не пепла, а тел, правда, как уже говорилось, изуродованных. В одежде погребенных угадываются восточные мотивы: остроногая обувь, знать носила шаровары. Надо добавить еще круглые конические шляпы, которые до сих пор носят вьетнамские крестьяне. В искусстве преобладает орнамент из фигур животных и гротескные украшения. По мнению немецкого историка Отто-Германа Фрея, в одежде и искусстве кельтов видно несомненное персидское влияние. Есть и другие признаки, указывающие на Восток, как на родину предков кельтов. Учения друидов о возрождении умерших напоминают индуизм...» (Г. Александровский, по материалам журнала «Шпигель», «Кельты – загадочный народ, потомки которого сейчас живут в Европе», <http://www.nkj.ru/archive/articles/10396/>);

«Интересно, что и кельты-гойделы считают себя выходцами из-за Меотиды. В «Книге захватов Ирландии» детально описан маршрут их миграций: Меотида, Греческая Скифия, Египет, острова Средиземного моря, Испания, Ирландия. В очерках «О происхождении кельтов» и «О Книге захватов Ирландии» я сделал попытку обоснования гойделской легенды. Эта миграция имела место много раньше появления германоговорящих племён на территории Германии, она совпала по времени с движением «народов моря», которое последовало после фригийской экспансии в Малую Азию и было почти одновременным с нападением ахейцев на Троию в начале 12 в. до н.э. – то есть, с Троянской войной. Эти народы бросились морским путём из Малой Азии в разных направлениях, в том числе и в Египет, на Сицилию, Сардинию и другие острова Средиземноморья, на Апеннинский полуостров. Словом ирландского происхождения – «дии» (название языческих богов) – асы исландских саг называли своих верховных жрецов. Где переняли, за Азовским морем или позже – в Европе? Судя по близости к девам древнеиндийских «Вед» – не исключено, что и в Азии. Из Испании в Ирландию гойделов вытеснила следующая волна кельтской экспансии – переселение кельтов-бриттов (галлов, кимров, корнцев и бретонцев) – это было время перехода от археологической культуры Гальштата к культуре Латена» (Георгий Тележко, «О двойниках древних германцев», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/788615.html>)

«Гарольд Бейли в издании «Архаическая Британия» сообщает: «Сэр Джон Морис подметил поразительную близость синтаксиса валлийцев и древних египтян; а Джеральд Масси в своей «Книге Начал» приводит список из 3000 случаев крайнего сходства между английскими (очевидно, валлийского происхождения, – П.Д.) и египетскими словами...» (Георгий Тележко, «О прабалтославянской экспансии», <http://www.proza.ru/2011/06/30/98>);

«В правление Хамурапи, в конце XVIII в. [до н.э.], в Вавилонии появились касситы (Kaššu), а в следующем веке они обосновались как правители в царстве Хана на среднем Евфрате (санскр. «koṭi» – луч; «kāś» [kaash] [Ā. pr. kāśate – I, kāśyate – IV; fut. kaśiṣyáte; pf. sakāśé; aor. ákāśiṣṭa; pp. Kāśitá] – «быть видимым; появляться», отождествляется со светом, с сиянием; Кашишвара – царственный [город], лучистый [Каши] – современный город Варанаси, – П.Д.). Об их индоарийском этносе свидетельствуют имена их богов – Марутташ (индоарийские Маруты) и Суриаш (индоарийское «Сурья» – солнце). Третий бог, Буриаш, близок по имени к греческому Борею – богу северного ветра. Индоарии явились на Передний Восток как новый народ, как воины-завоеватели, искусно управлявшие колесницами в ристаниях и, может быть, боевыми. Они насадили здесь свои династии (по крайней мере, в Митанни и Хане) и знать («марьянну» из арийского «марья»). Некоторые исследователи оспаривали миграцию или индоарийскую специфику этих следов, говорили о возможности трактовать их как раннеарийские или общеарийские (Mironov 1933; Kammenhuber 1968; Дьяконов 1970), но Майргофер и Мури (Moogy 1970; Maythofer 1974) убедительно опровергли эти трактовки и доказали, что это были индоарии, хотя и с диалектными отличиями от Ригvedы (ближе к пракрытам и с чертами архаичности – еще без стяжения дифтонгов). Но вера у них была та же. По хронологии эти индоарии совпадают с доведическими и доиндийскими ариями. А поскольку они одной веры, то это не вратья, а, возможно, предки тех, которые потом оказались ведическими в Индии, или их ближайшие сородичи. По некоторым признакам (элементам ономастики) Гиндин (Gindin 1972) допускает небольшое участие протоиранцев в этом первом движении ариев на Ближний Восток. А. Парпола (Parpola 2004: 103, note 3, 106) отмечает, что 8 арийских имен собственных из Митанни имеют структуру «гостеприимец бога такого-то» (например, Митратитхи). Это необычная для Ригvedы структура, но в мандалах I и особенно VII Ригvedы содержатся гимны семьи Канва (связана с племенами Яду и Турваша), в которых есть подобные структуры. Парпола считает это ранней частью Ригvedы» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php> http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«КІССІЯ, Cissia, Κισσία, большая, плодородная страна в Персидском царстве в провинции Сусиане, по обеим сторонам реки Евлайя (ныне Керха), населенная храбрыми кассийцами» (Hdt. 6, 119. 3, 91; Любкер, «Реальный словарь классических древностей», <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=372461523>);

«...по данным третьей группы сведений Геродота, в стране матиенов брали начало Гинде (совр. Диала) и Второй Забате (совр. Малый Заб) (Herodotus, I, 189, 202; V, 52), а сама страна располагалась между Арменией и Киссией (Herodotus, I, 49, 52). (Н.В. Хазарадзе, «К вопросу о локализации матиенов в свете древнегреческих источников VI – V вв. до н.э.», [http://hpj.asj-oa.am/1971/1/1973-2\(200\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/1971/1/1973-2(200).pdf); <https://docplayer.ru/90431401-K-voprosu-o-lokalizacii-matienov-v-svete-drevnegrecheskih-istochnikov-vi-v-vv-do-n-e-n-a-hazaradze->

[tbilisi.html](#));

«Стоит отметить, что специалисты базирующегося в Цюрихе центра iGENEA, генеалогических исследований, взяли образец ДНК из мумифицированных останков фараона-мальчика, находившегося на египетском троне более трех тысяч лет назад, и сравнили с современным европейцем. Результаты исследования показали, что Тутанхамон (1332-1323 г. до н.э., – П.Д.) принадлежал известной группе R1b1a2, к которой относятся примерно 50 процентов всего мужского населения Западной Европы, передает ИТАР-ТАСС. В ходе проведенных работ, ученые пришли к выводу, что к одной генетической группе с Тутанхамоном относятся около 70 процентов испанцев и 60 процентов французов. По итогам пройденной работы, стало известно, что у половины мужского населения Швейцарии в венах течет фараоновская кровь. По данным исследовательского центра iGENEA, среди современных египтян доля представителей этой гаплогруппы не превышает одного процента населения. «Было очень интересно открыть, что фараон принадлежал к европейской генетической группе (и возможно являлся потомком какого-либо из враждующих касситских знатных родов, узурпировавшего власть в Верхнем Египте, – П.Д.), так как в Египте было множество возможных групп, к которой могло относиться ДНК», – подчеркнул директор центра Роман Шольц» («Европейцы оказались родственниками Тутанхамона», <https://point.md/ru/novosti/v-mire/evropejci-predki-drevnih-faraonov>; <http://deyerler.org/ru/79887-rrisrryirss-ryisrryeryo-rsrriryos-srsrrrri.html>; <https://newsland.com/user/4296757178/content/evropeitsy-predki-drevnikh-faraonov/4212196>);

«Авторы нового исследования рассматривают несколько гипотез, объясняющих, как редкая в Египте R1b1a2 могла попасть в хромосомы Тутанхамона. Один из вариантов предполагает, что гаплогруппа «путешествовала» в ДНК хеттов (точнее, в ДНК кутиев – предков как хеттов, так и касситов, и гиксосов, и кельтов, и многих других «украинцев / канглов / угличей»; тадж. «кунчи», хинди «kōṇē», англ. «angle», турец. «köşe», укр. «кут» – угол; нем. «Kante» – «край, ребро, грань, угол, кант, кайма»; хинди «kṣētra» – «край, район, зона, уголок»; ирл. «cas» – поворот, – П.Д.) – индоевропейского народа, который в бронзовом веке обитал в Малой Азии (скорее всего ещё в Индии или же уже в Загросе, – П.Д.). Около 4400 лет до нашей эры часть хеттов, в Y-хромосомах которых присутствовала R1b1a2, отправились в сторону Европы, а в период между 2500 и 2300 годами до нашей эры хетты частично перебрались в Египет...» («Дети фараонов», <http://versii.com/news/237098/>; <http://newsland.com/community/6224/content/uchenye-rasshifrovali-dnk-egipetskikh-mumii/5856180>);

«На рельефах фараона Сети I, где представлено классическое изображение шасу, последние упомянуты как население района между Силе и «Pз Kncn» (ibid., D.11), обычно идентифицируемого с Газой (Кацату – поселением касситов, – П.Д.), и гор Хурру (в Эдоме). Кочевники-шасу из Эдома ещё при Сети I (1304–1290 г. до н.э.) считали своей собственностью часть Дельты от окрестностей Цоана (Таниса) на восток, и всю землю вплоть до «горного города Канаана» (лежащего в Вади-Араб, на юг от Мёртвого моря). Царь

Сети I взял приступом крепость Канаан, выдворил шасу из Египта и принудил их перекочевать в пустыню Негев. Жили шасу и в Мадиаме (Питчу, егип.)...» (Михаил Зильберман, «Гиксосы и их потомки», Книга III, http://zhurnal.lib.ru/z/zilxberman_m_i/hiksosb3.shtml; http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/hiksosb3.shtml; https://escalibro.com/uk/poetry/book/read/33948_giksosyi-i-ih-potomki/);

«В памятниках Рамсеса II и Рамсеса III (папирус Харрис 76:9-11) говорится о разгроме шасу на юге. Папирус Анастаси VI времени Мернептаха сообщает о приходе в Египет шасу Эдома. В то же время в папирусе Анастаси I (17:7, 19:1-4, 20:3-4, 23:7-8) шасу упомянуты в районах Северной Палестины и Южной Сирии. Некие местные, т. е., южносирийские шасу, подчиненные хеттам, появляются также в описании Кадешской битвы в качестве дезинформаторов египтян. ...северные шасу появляются в египетских источниках раньше южных» (Александр Васильев, «Шасу новоегипетский источников и ранняя история Израиля», <http://nordxp.3dn.ru/biblical/shasu.htm>; <http://www.jewish-heritage.org/jr2a11r.htm>);

«Редфорд (Redford, Egypt, Canaan, and Israel, pp. 272-273) отождествляет Шасу Яхве с эдомитянами и утверждает, что Яхве сначала поклонялись, как эдомитскому богу. Он также утверждает, что одно из племен эдомитян отделилось от основной массы эдомитов, двинулось на северо-запад и стало одним из племен израильтян, принеся своего бога Яхве с собой. Для Редфорда это объясняет, как Яхве стал Богом израильтян (Яхве = Иегова = Говинда – одно из имён Кришны и Вишну в индуизме и на санскрите означает «защитник коров»; англ. «ох», нем. «Ochs» – бык; ст.-слав. «говѣждь», лтш. «gūovs» – «крупный рогатый скот», – П.Д.)...» (Чарльз Эллинг, Клайд Биллингтон, «Имя Яхве в египетских иероглифических текстах», <http://www.biblearchaeology.org/post/2010/03/08/The-Name-Yahweh-in-Egyptian-Hieroglyphic-Texts.aspx#Article>; <http://gerodot.ru/viewtopic.php?f=60&t=14458>);

«Верховным божеством Эдомитов (семитизировавшихся потомков тёмно-краснокожих гиксосов-касситов, – П.Д.) был Кос или Каус (Кай Кавус – мифический царь древнего Ирана; санскр. «gāúś», дат. п. «gávē», авест. «gāuš», арм. «ков», англ. «cow», тадж. «гов» – корова, – П.Д.). Это имя выступало в качестве приставки в именах двух последних идумейских царей – Кауш-малака («мелек» означает «царь»), правившего одновременно с Тиглатпаласаром IV, царем Ассирии, ок. 636г. до н. э. и Кауш-габера, оттиски печатей которого были найдены на раскопках идумейского поселения Умм аль-Бийара. Он правил в первой четверти VII в. до н. э., что совпадало с правлением царя Ассархаддона в Ассирии. Его имя фигурирует также в составе личных имен многих других идумеев, упоминаемых в надписях того же периода. Возможно даже, что корень топонима Кадес («кдш» – святой) происходит от названия Кос. Помимо этого арамейская надпись на идумейской стеле найденной возле Петры упоминает имя «Кос-аллах» или «Кос-бог», а резной каменный скарабей, найденный Кристалл М. Беннетт на месте идумейского поселения Тавилан, расположенного на холме непосредственно над Айн Муса в Вади Мусса, считается

абстрактным изображением Кауса в качестве бога Луны... Враждебность, направленная на жителей Едома (идумеев) ранними пророками Израиля не поддается рациональному объяснению. Как уже говорилось, она могла быть обусловлена лишь тем фактом, что Моисей получил законы для Израиля на священной горе в земле Едомской – горе, которая именовалась «горой Фаран» (кассит., гискос. *фаран, др.-греч. «Φαραώ», ст.-слав. «фарао», русск. «фараон» – «блистательный, великий, величественный», др.-перс. «farna», ср.-перс. «xvargah» – «благодать Божия», «Божие или царское величие», «царская слава»; кассит. «buri» – владыка; вал. «brenin» – царь; англ. «barren» – пустынный; др.-греч. «ψιλός» – «голый, лишенный растительности, безволосый»; фин., эст. «parraton» – безбородый, – П.Д.) или «горой Исава»... Книга Бытия сообщает, что он первый вышел красный (то есть касситский предок эдомитов а, следовательно, и ашкеназов-левитов, на долю которых приходится львиная часть священнослужителей-иудеев в Европе и Америке, был краснокожим носителем мужской Y-хромосомы, относящейся к гаплогруппе R1a M582 (aka CTS6), и старшим из всех братьев, так как родился первым; англ. «red», чеш. «rudý», лит. «gaudona», тохар. В «gatre», ивр. «адом / эдом» – красный, – П.Д.), весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя Исав (Быт.25:25)... Моисей не раз обращался к горному богу Яхве за те сорок лет, которые они провели в земле мидян (мадианитян), возможно, делая это через своего тестя Иофора, который описан в Библии как жрец мадиамский: «услышал Иофор», священник Мадиамский, тесть Моисеев обо всем, что сделал Бог для Моисея и для Израиля» (Исх. 18:1)...» (Эндрю Коллинз, Крис О'Гилви-Геральд, «Идумейские истоки культа Яхве», <http://nordxp.3dn.ru/biblical/ssw-yhwh.pdf>);

«...анализ может подсказать, к какой гаплогруппе принадлежали «основатели» трех современных ветвей ашкенази – священнослужителей левитов и коэнов, а также «обывателей»-израелитов. Ученым не удалось найти общих корней у всех коэнов и израелитов, однако все Y-хромосомы левитов относились к одной и той же гаплогруппе – R1a-M582. Она входит в большое «семейство» гаплогрупп R1a, встречающихся в Европе и прилегающих к ней территориях, и на сегодняшний день ее носители обитают только на Ближнем Востоке...» («Генетики подтвердили ближневосточное происхождение ашкенази-левитов», <http://newsland.com/community/4057/content/genetiki-podtverdili-blizhnevostochnoe-proiskhozhdenie-ashkenazi-levitov/2396406>; <http://forum.vgd.ru/post/527/42617/p1596631.htm>);

«Нельзя не вспомнить и о том, что Месопотамия постоянно подвергалась нападению племен, шедших именно с горных районов Востока – эламитов, кутиев, касситов. Кутии и касситы довольно долго были хозяевами Междуречья, но в культурном отношении от них ничего не осталось, кроме царских имен в надписях. Они, разумеется, смешивались с шумерами и аккадцами, так что их дети говорили уже на трех-четырёх языках. Для Месопотамии полиглотия вообще была характерным явлением. Царь города Ура Шульги хвастается своим умением переводить с шести языков, и это не пустые слова. Если нормой для обычной семьи было знание двух языков, то остальные шли уже легче... Долгое время считалось, что эламиты (жители государства на юго-западе Иранского нагорья) были дравидами. Но теперь эта версия отпала. С кутиями и касситами все еще хуже, поскольку от

их языков не сохранилось ничего, кроме имен собственных или имен богов (у касситов)» (Владимир Емельянов, «Изучая шумеро-аккадские тексты, становишься и сам немного шумером», <http://polit.ru/article/2012/11/13/babylon/>);

«Как бы то ни было, следует считать доказанным, что «шасу» памятников Нового Царства обозначает не «номадов» – «кочевников вообще», а определенную этнополитическую общность (совокупность родственных этнополитических общностей), занимающих определенную территорию; надо думать, что «шасу», поселившийся в городе, не перестал бы быть для египтян «шасу», как и деурбанизированный хуррит в «шасу» бы не превратился. Более того, нет даже уверенности, что общность шасу вообще была кочевой, хотя ее основная (южная) локализация делает такое предположение наиболее вероятным, а значение «шасу-пастух» хорошо согласуется с ним. Добавим, что как определенную этногруппу людей шасу характеризуют и их египетские изображения, приписывающие им совершенно особую внешность... Но если шасу – не социально-экономический термин, а название этнополитической группы, то вполне справедливо будет задаться вопросом о том, какому из народов, упомянутых в Ветхом Завете, эта группа может соответствовать. В самом деле, Ветхий Завет представляет весьма подробную этногеографическую картину Палестины последних веков II тыс. до н.э., в том числе тех (XIII–XII вв.), для которых египетскими данными заведомо зарегистрированы шасу. Очевидно, что библейский кандидат на такое отождествление должен занимать ту и именно ту территорию, на которой египтяне располагают шасу (причем именно южный их центр, поскольку северный, южносирийский, вообще не попадает в ареал сколько-нибудь подробных географических данных Ветхого Завета); кроме того, желательно, чтобы Библия характеризовала его как древний, доеврейский народ. И такой народ в Библии действительно немедленно находится: это Амалек, расселяющийся от Эдома и Сеира (включительно) по Синаю вплоть до египетской границы (I Хроник 4: 42-43; Исх. 17) – т. е., в точности в южном регионе шасу. Решающим аргументом здесь видится предложение А.А. Немировского о сопоставлении трех групп данных – географического совпадения описываемого в египетских источниках ареала шасу XIII–XII вв. с территорией единовременных амалекитов (1); египетской традиции о гиксосах (т. е., по прямому указанию Манефона, «царях шасу») – азиатах, захвативших Египет (2); и независимой арабской традиции о захвативших Египет амалекитских царях (3). Благодаря такому сопоставлению выстраиваются подтверждающие друг друга взаимосвязи между «гиксосами» как «шасу», «шасу» как «амалеком» (1) и «амалеком» как «гиксосами» (3), обеспечивающие довольно жесткое отождествление всех трех терминов. Как и шасу (ср. «Страна Шасу-Яхва» египетских списков), Амалек оказывается географически связан с Яхве (егип. «Ях» – «бог луны», – П.Д.): евреи впервые встречаются с ним у Горы Бога, Исх.17. Наконец, Амалек является древним народом Палестины, помещенным в очень архаическом перечне ее доеврейских обитателей – жертв эламского похода, приводимом в повествовании Быт.14. Включение же Амалека в генеалогию Исава-Эдома в качестве сына от наложницы Элифаза Тимны (Быт.36:12) по общим правилам является определенным отражением позднейшего включения Амалека (точнее, его части; др.-греч. «ἄμαλλα» – «связка колосьев, сноп», – П.Д.) в качестве неравноправной местной группы в племенной союз эдомитов

(напомним, что ветхозаветный Эдом действительно занимает территорию, где ранее присутствовали новоегипетские шасу). Этот эдомитский Амалек и по времени, и по месту может с большой вероятностью соответствовать «шасу Эдома», упомянутому в папирусе Анастаси VI. Кроме южной окраины Палестины, Амалек обитал также в районе, заселенном впоследствии эфираимитами (Суд.5:14, 12:15), и эта группа может удобно отождествляться с севернопалестинской группой шасу, отмеченной в папирусе Анастаси I» (Александр Васильев, «Шасу новоегипетский источников и ранняя история Израиля», <http://nordxp.3dn.ru/biblical/shasu.htm>);

«Древнейшее население Сеира – будущий Эдом, современный южный Израиль – в Библии названо «хореи» (в оригинале «хори»). В этом этнониме нетрудно опознать знаменитых хурритов (самоназвание «хурри»). Областью их расселения была Северная Месопотамия и значительная часть Армянского нагорья. В Палестине же они фиксируются на территории, которая, по другим данным, занималась амалекитянами (предводителями всех других гиксосских племён и, следовательно, царственными племенами; араб. «amîḡ» – «эмир, предводитель»; араб. «amalah» – мн. ч. от «āmil» – «чиновник»; иврит «мэлэх», араб. «мелик» – «владеющий, правитель, король, царь, монарх»; Амалы – готский королевский род ансов = антов, к которому принадлежали Германарих и летописная Малфрида / Малуша, мать крестителя Руси князя Владимира, – П.Д.). По-видимому, в этногенезе амалекитян приняли участие как гутии-хитти (очевидно, всё же родственные им индоарии касситы, – П.Д), так и хурриты-хори» (А. Торосян, «Загадка тысячелетий или кто такой Моисей?», <http://novarm.narod.ru/arch052006/mois.htm>);

«Около 1700 года до н.э. хурриты Сирии и Палестины (возглавляемые, как и в Митанни, касситскими знатными родами, – П.Д.), приведя в движение своих семитских вассалов, вторгаются в Египет и полностью завоевывают эту страну. По словам П. Мельгунова, владычество хурритов (египтяне называли их гиксосами т.е. «царями-пастухами») над Египтом «было похоже на владычество татар над Русью. Во внутренние египетские дела они вмешивались мало, довольствовались только тем, что поставили гарнизоны в главнейших пунктах и собирали дань». В дельте Нила раскопаны руины одной из хурритских (кассито-хурритских, – П.Д.) крепостей, откуда осуществлялся контроль над завоеванной страной, и куда свозилась дань. Господство гиксосов над Египтом длилось до 1570 года до н. э., то есть 130 лет, а затем, по мнению большинства современных историков, они были изгнаны в результате восстания египтян. Впрочем, древнееврейский историк Иосиф Флавий («Иудейские древности») отмечает, что хурриты (гиксосы) были выведены из Египта пророком Моисеем (мир ему) вместе с двенадцатью израильскими коленами» (Хасан Бакаев, «Заметки о хурритах», <http://nohchalla.com/o-rodine/2012-01-30-14-24-06/404-2012-02-20-07-22-35.html> ; <https://nohchalla.com/history/404-заметки-о-хурритах>);

«Владычество гиксосов (индоевропейцев касситов, – П.Д.) в Азии способствовало её значительному экономическому расцвету (следствие шадящей экономической политики Авариса). Так, перечень имущества, захваченного Тутмосом III в Мегиддо, а также

артефакты гиксосского периода оттуда, свидетельствуют о существовании высокоразвитой культуры (сосуды из золота и серебра; стулья, изготовленные из ценных пород дерева; резные изделия из слоновой кости, оправленные в золото; изысканная статуя одного из ханаанских вождей). В древнем Лахише (23км к западу от Хеврона), помимо укреплений гиксосского типа, в склепах захоронений найдены оружие, украшения, амулеты, бронзовое лезвие кинжала XVII в. до н.э. с четырьмя древнеханаанскими буквами. На это же указывают и находки того же периода из Угарита. В городах и селениях того времени появляются богатые двухэтажные дома, подобные возводимым гиксосами в Египте. В Палестине XVII в. до н.э. выявлено резко возросшее число находок, египетских по происхождению... В ту пору все племена, входящие в союз гиксосов или проживающие на территории империи, сосуществовали в состоянии перемирия. Так, Исаак заключает союз с царём Герата Авимелехом. Как повествует Книга Бытия, племена хабири, обитавшие в Ханаане в эту эпоху, жили мирно, спокойно и счастливо; занимались земледелием и обладали многочисленными стадами. Дома родовых вождей и знати обслуживала «бесчисленная» челядь. По мнению современных исследователей «гиксосская» эпоха истории древних евреев нашла отражение в библейских сказаниях о патриархах. Текст Книги Исхода (как он изложен в Септуагинте): «Времени же, в которое сыны Израилевы и отцы их обитали в Египте и в земле Ханаанской, было четыреста тридцать лет» – свидетельствует, что некоторые племена «черноголовых» (в частности, какие-то колена Израилевы) вообще не были в Египте, но, закрепившись на землях Сирии, Ханаана и Заиорданья, осели там... По современным данным (согласно Эвансу), гиксосы были изгнаны из Египта в 1567 году до н.э.; а, как известно, впервые «царём страны Ассирии» наименовал себя Ашшурбаллит I (1365–1330 гг. до н.э.). Таким образом, повествуя о событиях времён могущества Ассирийской державы, уместно говорить не об изгнанных Яхмесом I племенах союза гиксосов, но об отождествляемых с ними Манефоном «нечистых» Осарсифа и его союзниках – потомках гиксосов из Иерусалима; см. ниже). Очевидно, что «черноголовые», хабиру, неоднократно разгромленные и бежавшие от амореев, не забывали о трагической утрате родины и боялись мощи Вавилонского царства. Иной силы, способной соперничать с гиксосами в тот исторический период, не выявлено (в 1595г. до н.э. касситы сокрушили царство амореев). ...заметим, что, судя по содержанию текста «Таблички Карнарвона», египтяне были вполне довольны своей жизнью под «игмом» презренных азиатов из Рутену, и «огонь ненависти» не полыхал в их сердцах, но, вероятно, тлел слабым жаром... Гиксосы «ушли из Египта в Сирию через пустыню... и в Иудее выстроили Иерусалим» (И.Флавий). Примечательно упоминание (Jud.1.8) о захвате и разрушении Иерусалима (набег) родом «Иуда» задолго до завоевания города царём Давидом...» (Михаил Зильберман, «Гиксосы и их потомки», Книга III, http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/hiksosb3.shtml).

Как потомки касситов-гиксосов, так и потомки хиборим = хабиру (ветхозаветных евреев) постепенно семитизировались и ассимилировались финикийцами и другими тёмно-краснокожими хананеями:

«В результате процесса разделения в библейской Палестине возникли три государства одного народа, говорившие на протоиврите и арамейском: финикийские города вдоль

ливанского побережья, особенно Тир и Сидон; на севере Эрец Исраэль царство десяти колен Израилевых и южное царство Иуда. Греческий термин фини́кс [греч. *phoiniks* (φοινίξ) – пурпурный] нередко связывается с египетским обозначением финикийцев по роду их традиционной деятельности: «финиху, фенех» – кораблестроитель. Это же имя легло в основу самоназвания финикийцев: к(е)навиим – хенавиим – ханаанеи» (Борис Альтшулер, «О происхождении европейских евреев – ашкеназов», <https://sem40.co.il/305629-o-proishozhdenii-evropeyskih-evreev-ashkenazov.html>);

«Для античных авторов евреи и финикийцы были одним народом: так, для поэта Херила Самосского (V в. до н.э.) иудеи – жители Иерусалима – это финикийцы, а их язык – финикийский, Феофраст (372-288 гг. до н.э.) отождествляет жителей финикийского города Тир с евреями. Того же мнения был Геродот, Гекатей Абдерский, Манефон и т.д. ... Финикийцы, амореи и ханаанеи – один народ. Часть амореев называла себя сутии, – это непосредственные предки древних евреев. Далеким предком сутии считали Шета (сына Адама и Евы, рожденного после гибели Авеля и бегства Каина) – персонажа одной месопотамской легенды. Некий вавилонский царь в период репрессий истребил сутиев «от заката до рассвета». Выжившие, под предводительством Арама – царя города Ур – бежали через Евфрат на запад. Но ушли не все, поэтому, ту часть вавилонян которые мигрировали стали называть в противоположность оставшимся «(х)-и/е-б(о)р-им» («хиборим» [евреи] – «перешедшие реку» – мн.ч., в ед.ч. – ибр, хебор), а своему предводителю, дали прозвище «(х)-и/е-б(о)р-ах-им» («переведший через реку» – Аврахам)... С эпохой Античности финикийцы исчезают, но на их месте оказываются евреи. И, действительно, откуда взялись в раннем Средневековье в таком количестве евреи в Испании, Португалии и Магрибе, если только сами финикийские колонисты «не стали» ими?... На смешение евреев и хананеев указывают и такие персонажи Библии, как Я'эл, убившая Сисру (Суд. 4:17–22). Многие исследователи рассматривают её историю как свидетельство становления древнеизраильской общности: по мере укрепления союза Колен Израилевых кениты и другие кочевые и полукочевые кланы, находившиеся в зависимости от ханаанейских городов-государств, переходили на сторону иудеев и со временем включались в их общность... Г. Велс в «Основах истории» писал: «По мере ослабления политической силы евреев, после того, как канули в небытие Карфаген и Тир, а Испания стала провинцией Римской Империи, еврейская мечта о мировом господстве всё более разрасталась. Нет сомнений, что финикийцы, волею судьбы разбросанные по Испании, Африке и Средиземноморью и говорящие на языке, похожем на еврейский, и утратившие свою прежнюю политическую силу; стали новообращёнными иудеями»... То, что еврейский язык (иврит) идентичен финикийскому, признаёт сама Библия: там иврит прямо назван «сефат Кна'ан» – «язык Ханаана» (). Надписи, собственные имена, глоссы в тель-амарнских документах и у классических писателей, монолог у Плавта (Poenulus) являются недостаточными источниками для знакомства с финикийским языком, однако и из этого видна большая близость финикийского языка к еврейскому в консонантизме, этимологии, синтаксисе и лексиконе. Различия ничтожны, и все – диалектического характера...» (Андрей Зелев, «Финикийцы это евреи!», <http://www.proza.ru/2007/09/02/100>).

Очевидно, ветхозаветные евреи, как и идумейцы, были двуязычными и использовали семитский язык (арамейский или иврит) лишь в качестве богослужебного и письменного языка, а также и для межэтнического общения с финикийцами и другими хананеями. Родным же им языком возможно был хурритский язык или даже халдский (гальбатский = протокельтский) язык, если они к тому времени уже были ассимилированы касситскими предками кельтов. Если же они не были тёмно-красными подобно финикийцам, хурритам и праиндоевропейцам, а были желтокожими подобно арабам, то тогда они вовсе и не являются предками современных евреев = иудеев = жидовинов (лат. «*judaeus*» – еврей, в то время как лит. «*juodas*» – чёрный).

И это вполне возможно, так как в отличие от современных евреев (потомков финикийцев и других хананеян) ветхозаветные иврим = хабиру не только не были коммерсантами, но и вообще презирали тех, кто занимался торговлей:

«Основным занятием жителей побережья была торговля. Финикийские моряки господствовали в средиземноморской торговле. Поэтому в иврите слово «хананей» стало означать «купец» — именно такое значение оно имеет, например, в Притч 31:24. Так, в частности, пророк Хошеа (12:8), порицая упадок морали жителей Ираильского царства, называет его жителей «ханаанеями»: «Ханаанеянин с неверными весами в руке любит обижать», а Иехезкель называет Вавилонию «землей Ханаанской, городом торговцев»...» («Ханаан», ЭЕЭ, <http://www.ejwiki.org/wiki/Ханаан>).

К тому же у современных евреев, как и у хеттов, и у других древних европейцев присутствуют пережитки матриархата, согласно которым евреями считаются лишь дети евреек, а не евреев. У ветхозаветных же иврим = хабиру была уже строго патриархальная семья и этого пережитка вовсе не было, так как евреями считались потомки, рождённые от евреев, а не еврейками:

«Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; (...) Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля; (...) Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос» («Евангелие от Матфея», Глава 1, <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/>);

«Ещё один, но самый важный вопрос – есть ли приемники, наследники славы финикийского народа? Об этом не пишут, тем не менее, приемники есть, они существуют и сейчас – ибо известно из Библии, что целые хананейские племена, вроде галилеяцев, идумейцев и итуреев обращались в Иудаизм, следовательно, смешивались с евреями, известны браки иудеев с хананейками, вроде дочери хананейца Шуа, которую Иуда взял себе в жены, и которой пожалел семени Онан. Различные хананейцы упоминаются среди Израиля

ещё во времена Исхода: например по Суд., 1, 16; 4, 11 кенит Хобаб был тестем Моисея. В книге Эзры говорится, что евреи стали заключать браки с хананеями и хиттеями = финикийцами (Эзр., 9, 1, 2). См. кн. Руфь. В Талмуде говорится о семействе прозелитов, жившей в Иерусалиме в I в. до н.э. Антибла (имя испорчено, но в последней части явно фигурирует какой-то Баал). Акиба бен Иосиф, отец талмудического Иудаизма, происходит от Сизара, хананейского военачальника, убитого во времена судей, и от еврейской матери. Другой еврейский герой – Симон Бар-Гиора тоже прозелит-финикиец. На смешение евреев и хананеев указывают и такие персонажи Библии, как Я'эл, убившая Сисру (Суд. 4:17–22). Многие исследователи рассматривают её историю как свидетельство становления древнеизраильской общности: по мере укрепления союза Колен Израилевых кениты и другие кочевые и полукочевые кланы, находившиеся в зависимости от ханаанейских городов-государств, переходили на сторону иудеев и со временем включались в их общность... Ездра упрекает евреев в том, что те, в т.ч. священники и левиты, «не отделились» «от Хананеев» «потому что взяли дочерей их за себя и сыновей своих...» (Андрей Зелев, «Финикийцы это евреи!», <http://www.proza.ru/2007/09/02/100>).

Предки ашкеназов после того как были выселены из Палестины (Ханаана) в Армению и Мидию мигрировали из них несколькими волнами в Паннонию и в Богемию (Канаан). Сначала вместе с возможными предками эрзян балтоязычными мидийскими (мардскими) племенами аризантами (аорсами) = алисонами = алазонами (греч. Ἀλιζῶνες, Halizonians, Alazones; др.-греч. «ἀλαζών / алазон» – «хвастливый, кичливый, заносчивый») в Европу проникли сигинны, очевидно, включавшие в себя, кроме занимавшихся торговлей юэчжийских, мидийских и армянских общин также и ремесленные еврейские общины. Этноним «сигинны» (Σιγυννες = Sigunnes), возможно, образованный от сатемной формы *сиг основы *гик или же являющийся искаженной формой этнонима «си-жуны», был лишь перенесен сначала на торговцев (др.-греч. «σιγύωνης», «σιγύνης» – «торговец, купец»), а затем и на цыган, появившихся в Европе гораздо позже. В конце первого тысячелетия в Европу мигрировали через Хазарию и кабары (возможно, потомки также и западных юэчжей – сижунов / су-гунов = согдов, а не только ханаанцев хапиру / апиру / хабиру / *кабару и касситов = гиксосов).

Если этнос кабаров сформировался на основе разноплеменного братства (дружин) всадников (лат. «caballus», ср.-тюрк. «käväl» – «конь, мерин»; перс. «kaval» – «быстроходная лошадь»; итал. «cavaliatore», исп. «caballista», «caballero», франц. «cavalier» – всадник), то тогда этноним кабары (кавары, авары) является всего лишь калькой с греч. «Σάβαροι» – «савиры, сувары» (хинди «savāra», тадж. «савора», узб. «suvogı» – всадник; кит. «zuò», япон. «suwagi» – сидеть), подобно этнонимам:

скуда = скифы, *кьудиары = катиары – кударцы (осет. «кьуыдар»), *кьудары = кидариты, кутригуры = котраги (индонез. «kuda», маратхи «ghōḍā» – лошадь; азерб. «qoduq» – жеребенок; гуджар. «ghōḍā» – конный; арм. «hot», исп. «hato», порт. «gado», нидерл. «kudde» – стадо; англ. «cattle», укр. *скьудоба = «худоба» – скот);

*кьудары = козары = хазары (венг. «huszár» – «всадник, гусар»):

«Не менее убедительна догадка, высказанная Нафи Джусойти и в развернутом виде

представленная А. Агнаевым. Ученые предложили под этнонимом кудар разглядеть одно из родовых скифских подразделений – катиаров (др.-греч. «καθαρός» – «свободный, чистый, ясный, яркий», – П.Д.), сведения о которых имеются в поведанной Геродотом генеалогической легенде скифов (укр. «скитів» = «скотарів» – скотоводов; турец. «kit», англ. «scanty», лит. «skurdus», др.-киев. «скудь», чеш. «chudý» – скудный близко по смыслу к укр. «схудлий» – «исхудавший, отощавший [из-за бескормицы]», – П.Д.). А. Агнаев лингвистическими методами продемонстрировал возможность перехода «катиар» в «кудар», а его этимология близка к значению «люди, занимающиеся разведением скота», «скотоводы». Семантическая составляющая данной гипотезы не противоречит имеющимся научным сведениям, удостоверяющим преимущественно скотоводческий уклад хозяйства скифских племен... Этнонимы: а) Кударинские Буряты – одна из этнографических групп у современных бурят; б) кудариты – ираноязычные (на самом деле, славяноязычные – П.Д.) кочевники Средней Азии в IV – V веках н.э.» (Руслан Челахсаев, «К вопросу о происхождении этнонима кудар», http://www.darial-online.ru/2011_3/chelahaev.shtml).

Всё же, несмотря на близость этнонимов «катиар» и «кудар» (алб. «kodër» – холм, лит. «ketera», арм. «katar» – «хребет, гребень, вершина холма»; венг. «koszorú» – «венец, корона, диадема»), первый очевидно относится к бледнолицым финноязычным степнякам скифам, а второй – к тёмно-краснокожим балто-славяноязычным горцам гудам = гузам, сугудам = согдийцам = юэчжам, хазарам / козарам и венендерам / венедерам = венедам.

Кроме родственных иранским евреям курдских племен и бывших гирканцев, и табаристанцев (горцев из прикаспийских провинций бывшей Мидии) в этнос бывших хорезмийцев – кабаров / каваров (kavarizm – из страны Кваризм / Хорезм) могли влиться и исповедовавшие в то время иудаизм некоторые дагестанские племена, частично предки вайнахов (чеченцев) и галгаев (ингушей), а также и часть славяноязычных карахазар (чигов = чехов, черкасов = касогов, пугуров = пагеритов = бугаритов, ворадов = боран = баранджаров = варангов = варягов и др.; осет. «барæг», укр. «вершник» – всадник). Итальянцы и сейчас называют Чехию «Сеса» (Кека), что согласно мировоззрению древних египтян означало ни что иное, как «Владычица», и действительно соответствовало периоду правления в Священной Римской империи короля Богемии Карла IV (1346–1378), когда центр империи переместился в Прагу. Евреи же называли в средние века всех тёмно-краснокожих (подобно финикийцам) славян – ханаанцами, а Чехию – Ханааном (сочетание же «česky muží» впервые встречается в легенде о св. Вацлаве в 930–970 гг., когда часть чигов уже переселилась в Паннонию вместе с мадьярами и кабарами).

Первые выселения иудеев в регионы, прилегающие к Средней Азии, были осуществлены ещё до нашей эры:

«Неизвестно, когда евреи впервые поселились на территории Средней Азии. Бухарско-еврейская легенда гласит, что они потомки евреев (потерянные колена Израиля), которые в 722 году до нашей эры были выселены ассирийцами из Израильского царства в местность Хадор (Кудар, – П.Д.), отождествляемой у бухарских евреев с Бухарой. Очень сомнительно, однако, что Хадор это Бухара, археологи утверждают, что Хадор находился в северной Месопотамии, на территории современного Ирака. Вполне вероятно, что эти евреи

в последствии мигрировали на восток в Иран и на Кавказ. Известно, что горские евреи Кавказа также считают себя потомками Хадорских евреев. ...около 360 года до нашей эры Персидский царь Артаксеркс III, во время похода в Египет, по какой-то неизвестной нам причине, депортировал многих евреев в Гирканию (Горган), на побережье Каспийского моря, у границы Ирана и Туркменистана. Первые археологические свидетельства проживания евреев на территории Средней Азии были обнаружены советскими исследователями во время раскопок в Туркмении в городах Мерв и Баирам-Али в 1954 году. Были обнаружены остатки древней синагоги, а также черепки с еврейскими надписями и именами. Обнаруженное относилось от 2 (второго) века до н. э., к 1 (первому) веку н. э., ко времени, когда эти территории были под контролем Греко-Бактрийского и Парфянского царств. К этому времени также относится основание (славянизировавшими хорезмских евреев юэчжийцами, – П.Д.) Великого Шелкового Пути, несомненно, благодаря которому евреи проникли в глубь Средней Азии и далее в Китай...» (Алексей Железнов, «История Бухарских евреев», часть 1, <https://ujew.com.ua/istoriya-buharskih-evreev-chast-1>; <https://is-pl89.livejournal.com/327684.html>; http://www.avroh.com/our_tradition.aspx; <http://www.asia-israel.co.il/История-Бухарских-евреев-с-древнейших-времен-до-настоящего-времени.html>).

Позже многие иранские евреи (потомки хабири и гиксосов), являвшиеся наиболее активными проповедниками и участниками маздакитского движения, были выселены Хосровом Ануширваном из Ирана в соседствующий с Гирканией прикаспийский «Ханаан» – Табаристан, некоторые топонимы которого являются очень близкими к хазарским и к дагестанским топонимам и генонимам:

«Табаран, Табаристан – Табасаран (Табар-сар-ан), область и г. Сарийа – Сарир (Серир), обл. Кумис – кумыки, г. Кадджа – каджары / хазары, г. ал-Кабира – кабары...» (см.: Ибн Ал-факих Ал-хамадани, «Книга стран /1/ Слово о Табаристане», http://www.drevlit.ru/texts/h/hamadani_tabaristan.php);

«Нигде и никогда, в России не было большего места по одновременной задействованности кузнецов кустарей в одном месте. Это село обладало наибольшим количеством оружейников, чем любое место в Дагестане, по результатам переписи 1886 года в шестьдесят одном селении всего Казикумухского округа было 276 кузнецов, по четыре с небольшим на село, тогда как в одном Харбуке на тот же период было 127 кузнецов. Кубачи имело 28 кузнецов, Амузги и Нижнее Мулебки 46 и 30 мастеров соответственно. Таким образом, можно предположить, что большая часть дагестанских клинков и стволов была сделана именно руками Харбукских оружейников (потомков легендарных халибов? – П.Д.). Косвенное подтверждение тому мы находим в обширных торговых путях проходивших через Харбук, это Авария – Чечня, Табасаран – Лезгистан – Азербайджан, Кумыкия, Лакия, Грузия и дорога в небезизвестный Кубачи, мастера которого являлись постоянными покупателями клинков, стволов и прочих железных изделий...» (Марат Ахмедов, «Кузнецы Поднебесья», <http://kavkazskoeoruzie.narod.ru/index/0-6>).

Библия рассказывает о Тубале-каине, как об основателе металлургии на земле:

«На цветной фреске в гробнице одного из Фиванских вельмож (современника Тутанхамона) изображены князья из Верхнего Рутену, приносящие фараону дары. Они краснокожи (со смуглой красноватой кожей), одеты в богатое, разноцветное платье, их чёрные волосы тщательно убраны в локоны (потомки гиксосов). На картине Бени-Гассана мигранты с детьми, при них и ослы, навьюченные пожитками, среди которых меха для плавильных горнов. Один из пришельцев в ожидании играет на струнном инструменте (лире, возможно). Переселенцы, как отмечено в надписи, прибыли из Шуту, Центральное Заиорданье, везут с собой stibium (чёрный пигмент) и просят в один из номов Среднего Египта (к северу от Эль-Амарны). Вероятно, эти азиаты, тщательно готовясь к переговорам и осмотру на контрольно-пропускном пункте, дабы не раздражать египтян своим видом, оделись в нарядные (праздничные) одежды бедуинов Синайского полуострова, знакомые египтянам, и, выяснив пристрастие, купили коз в подарок египетскому чиновнику. Итак, изображённое племя – не скотоводы (если судить по породе поднесённых коз, да и просят они не в район Дельты), но воины, металлурги и музыканты, – сочетание, очевидно, не случайное, но связанное с определённой традицией, которую В.Олбрайт соотносит с отразившим её текстом Книги Бытия: «И взял себе Лемех две жены; имя одной: Ада, и имя второй: Цилла. Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гусях (лире) и свирели. Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа»...» (Михаил Зильберман, «Гиксосы и их потомки», Книга III, http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/hiksosb3.shtml);

«Геродот среди народов Малой Азии называет рядом тибаренов и мосхов, вероятно, все тех же Табал и Муски или Тувал и Мешех. Страна Табал, как полагают исследователи, располагалась в районе древнего металлургического комплекса Восточной Анатолии: там находился известный в I тысячелетии до н. э. город Тебрики, где добывали железную руду. Можно предположить, что наименования Тебрики, тибарены, Тувал имеют между собой определенное родство. Еще одно направление дальних связей: по преданию один из важных шумерских допотопных городов (основанных переселенцами из Двараки / *Твараки в Дилмуне = Индии, – П.Д.) назывался Бад-Тибира, что обычно переводят как город медников (лит. *tvaris / «varis», англ. «brazen» – медный, – П.Д.). Ну а теперь, связи совсем дальние, и на них тоже обратили внимание исследователи: интересно, что в индоарийских «Ведах» Твастр – бог кузнечного дела. Слова Тувал, Тибира, Твастр кажутся связанными со славянскими «творец», «творить», «творение»...» Леонид Гомберг, «Дорога на Ханаан», <http://bookitut.ru/Doroga-na-Khanaan.html>; <https://www.profilib.net/chtenie/56850/leonid-gomberg-doroga-na-khanaan-20.php>; <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/29550/ogl.shtml>

«Тиварёны (тибары) – древние племена, обитавшие на южном побережье Черного моря, между гг. Котиорой и Керасунтом. Упоминаются античными авторами (6 – 1 вв. до н.э.), отмечавшими у тибаренов наличие скотоводства как основного занятия. Некоторые ученые считают, что одна из ветвей тибаренов после падения Хеттской державы переселилась в горную область Восточной Каппадокии. Эта часть тибаренов известна под названием тубалов (другая же из ветвей, ассимилированная славяноязычными аланами,

возможно, известна под названием искусных металлургов тиверцев, – П.Д.)» («Бол. сов. энциклопедия», Том 42, http://bse2.ru/book_view.jsp?idn=030307&page=405&format=html).

На табаристанском же диалекте «табар» – гора (Тавр – горная система в Малой Азии; др.-греч. «δαιράς» – «горный хребет, гряда холмов, кряж»):

«Табаран в своем названии сохранил этноним неиранского населения (Τάβυροι или Τόλυροι) (Арр. III 8, 4. 11,4), которое впоследствии захватило территорию расселения мардов (по близости к Амулу в Табаристане), которых переселил туда аршакидский царь Фрадат I» (И.И. Р., «История Табасарана», <http://isaevir.narod2.ru/>).

Вполне возможно, что этим неиранским населением Табарана и были остатки славяноязычных кидаритов – *коударов / *коурдов / курдов (лат. «судо», чеш. «kout» – ковать; др.-киев. *ковуи – ковали; кузнец Кова в «Шах-Намэ»; осет. «kurd» – кузнец), к которым Хосров Ануширван и подселил иранских евреев.

Но, ведь же, и на юго-восточном побережье Черного моря обитали западно-кавказские племена тибарены, занимавшиеся, как и халибы, и табаранцы обработкой железа (лат. *taber, «faber», итал. «fabbro», арм. «darbin» – кузнец; кит. «тіё», шор. «тебир / темир», татар. «тимер» – железо [твёрдый или же тёмный металл]; укр. «темрява» – «тьма, темнота»).

Поэтому-то не только древние табаранцы, смешавшиеся со славяноязычными кидаритами (болгаро-хазарскими племенами), но и тиварёны (тибары), смешавшиеся с сираками (зеруянами = червянами / тервингами = сербами), троксоланами (роксоланами) и аланами-торками или же позже с теми же кидаритами (*коударами = козарами, котрагами / кутригурами = угличами / уличами, ковуями = касогами, куявами, каварами), вполне могли славянизироваться и стать известными как тиверцы после того, как они мигрировали в Прутско-Днестровское междуречье:

«Нельзя сомневаться, что уличи и тиверцы во время зарождения государства у полян стояли по культуре выше других славянских русских племен. Большему культурному развитию их способствовало географическое положение занимаемой ими местности. Благодаря ей они рано должны были сделаться участниками в черноморской торговле: они не были только «приречными» жителями, а и приморскими, и влияние местности было для этих племен нисколько не менее, как и на всякий другой народ. «Неповоротливые» готы сделались благодаря соседству с морем поворотливыми и громили своими морскими набегами области Византийской империи. Адриатические славяне также являются искусными моряками. Мы не имеем никакого права отрицать силу этого влияния на уличей и тиверцев. Припомним, что лодки для морских походов, по словам Константина Багрянородного, строили славяне, подчиненные Киеву. Следовательно, если умели строить, то и плавали... Мы имеем полное право предполагать, как сказано выше, что уличи и тиверцы по культуре стояли выше других русско-славянских племен. Поэтому они с большим успехом сопротивлялись притязаниям Киева. Мы находим даже в летописи интересный факт, заставляющий признать их единственно самостоятельными племенами в то время, как другие платили дань кому-нибудь. Летопись несколько раз повторяет, что поляне, северяне, радимичи и вятичи были обложены данью в пользу хазар, но нет в ней ни

одного упоминания, ни одного намека, что тому же подвергались уличи и тиверцы. Одно за другим без особенного сопротивления подчиняются племена Киеву, и только уличи и тиверцы оказывают противодействие. «И бе обладая Олег деревляны, – говорит летопись, – полянами, радимичи, а со уличи и тиверцы имеяше рать». Мы встречаем только раз участие этих племен в походах русских князей, и то в качестве союзников, а не подчиненных, именно в походе Олега 907г., но и то только одних тиверцев. Далее нет никаких упоминаний ни о последних, ни об уличах. Очевидно, они не участвовали в общерусской жизни, своими силами должны были бороться с нахлынувшими врагами» (Петро Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIII вв.», <https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>; http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf).

Преимущественно, именно, у тиверцев (из всех славянских племен) и была повсеместно распространена металлургия железа:

«Раскопки показали, что в цитаделях жила не только знать, жили там и высококвалифицированные ремесленники: оружейники, ювелиры, златокузнецы. Об этом поведали остатки их мастерских, орудия труда, полуфабрикаты и великолепные изделия из серебра, бронзы, из сердолика и других камней, из железа и стали, многочисленные украшения и оружие. А вокруг цитаделей, в неукрепленной части поселений, жили простые ремесленники: ткачи, гончары, литейщики, металлурги – плавщики железа (возможно, потомки тибаренов и аланов-торков тиверцы – творцы; др.-киев. *тъварь (*тъвъръ), укр. «твір» – «изделие, создание, творение»; праукр. *добро – «изделие = творение, товар»; согд. «twrk / турк» – «творец, металлург, кузнец?»; бенг. «дурга» – «твердыня, крепость»; бенг. «tairi», санскр. «гас», валл. «greu», лат. «creo», англ. «create», эсперанто *krei, нем. «tun» – «творить, создавать»; кит. «tiejiang», арм. «darbin», исп. «herrador», лит. «kalvis» – кузнец; шорск. «тебир / темир» – металл; лит. «tyras», нидерл. «zuiver» – «чистый, непорочный», – П.Д.). На одном только Алчедарском поселении район металлургов занимал площадь свыше ста гектаров. Это был удивительный для того времени размах металлургического производства. Здесь найдены сотни килограммов железной руды, шлаки, уголь, сотни воздуходувных керамических сопел, десятки домниц для выплавки железа, печей для обогатительного обжига железной руды... Жилища расположены не рядами и не по кругу, как в предшествующие периоды, а гнездами, в каждом из которых от двух-трех до пяти-шести жилищ. Число людей, живших в них, удивительным образом совпадает с количеством погребенных в одном кургане. Если предположить, что каждое гнездо жилищ – патронимическая семья, то понятной будет гнездовая планировка поселения – это и есть территориальная близость членов патронимической семьи. Внутри гнезда жилищ или возле них обычно находится одна или несколько домниц. Это хозяйственная близость. И каждый курган – усыпальница членов патронимической семьи – тоже проявление определенной близости между ними...» (Доктор исторических наук Георгий Федоров, «Найдены поселения тиверцев», Наука и жизнь, №9, 1963 г., <http://www.perunica.ru/arxeologia/1423-najdeny-poseleniya-tivercev.html>);

«Во второй половине IX века безвестный монах одного из баварских католических монастырей составил описание европейских племен и народов. Его труд чудом сохранился до наших дней. Ныне он находится в Мюнхене. Из кельи своего монастыря, расположенного где-нибудь на лесистом горном склоне, монах смотрел зорко и видел далеко. Упоминая различные племена и народы, мюнхенский аноним давал им краткую, но очень выразительную характеристику. Впрочем, ему, ревностному католику, все люди, не признающие власти папы, представлялись врагами и исчадиями ада. Среди других упоминает монах и славянское племя тиверцев. На своей варварской латыни он называет тиверцев «популюс фироциссимус» – «свирепейший народ» (очевидно: народ-металлург, так как лат. «ferri», «ferrum» – железо, – П.Д.) и говорит, что у них было сто сорок восемь городов... Мы имели в своих руках все орудия труда, от тяжелых молотов до волочила – сложного инструмента для изготовления проволоки из серебра и бронзы, все виды оружия и бытовых предметов, все типы украшений – от изящных наборных серебряных серег в виде виноградной грозди до различного вида бронзовых перстней, браслетов и стеклянных бусин. Мы могли воочию увидеть и тот общерусский характер, который имела культура славян Поднестровья, и те ее черты, которые были характерны именно для тиверцев... Этот город черной металлургии лежит возле притока Днестра – реки Черны (как видим, дат., норв. «jern» – железо, как и панслав. «jelezo», имеют вполне прозрачное происхождение, – П.Д.). Многие названия, например названия сел, часто меняются. Но названия рек очень стойкие – они сохраняются столетиями. Древнерусский город, лежащий в Поднестровье между Белгородом и Хотинном на реке Черне, и есть летописный Черн» (Георгий Федоров, «Дневная поверхность», <http://www.sgtnd.narod.ru/wts/rus/Fedorov1.htm>).

Те же из иранских евреев, кому удалось избежать репрессий и переселения в Табаристан, мигрировали не только в Хорезм, но и в Сарир, и далее на кавказские земли будущего Хазарского каганата:

«После победы Хосрова уцелевшие маздакиты, персы и евреи, бежали в Азербайджан. Спасшиеся евреи поселились к северу от Дербента на широкой равнине между Терекон и Судаком» (Лев Гумилёв, «От Руси к России», <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r01a.htm>);

«Основная миграция евреев на территорию Северного Дагестана произошла в 451 – 456 гг. из области Арминия (включала, кроме Армении, Грузию и ряд прикаспийских областей), входившей в состав сасанидского Ирана, в результате насильственного насаждения зороастризма в Закавказье. В соответствии с данными Кембриджского документа, свидетельствами еврейского путешественника 9в. Элдада ха-Дани и еврейского средневекового сочинения «Актан де мар Я'аков» («Скитания мар Я'акова»), эти евреи считали себя потомками колена Шим'она – одного из десяти колен исчезнувших. После миграции они были связаны с иранской племенной общностью барсиллов, вошедшей в 7 – 8 вв. в хазарский племенной союз... В позднесредневековой еврейской историографии сохранились сведения о массовом бегстве персидских евреев в Русию (то есть Хазарию) в 690г., которые могли быть отголоском более раннего переселения евреев в Хазарию из сасанидской Арминии, хотя, возможно, собственно персидские евреи мигрировали на север в

7 – 8 вв. Крымчакский историк 18 в. Давид Лехно приурочивает переселение персидских евреев на юг Восточной Европы к 10 в., однако источники этого сообщения неизвестны» («Электронная еврейская энциклопедия // Хазария», <https://eleven.co.il/jews-of-russia/until-poland-partitions/14401/>; <http://archive.li/Y12w>; http://www.ejwiki.org/wiki/Хазарский_каганат; см. также «Хазария», <http://kievrus-ua.com/article/381/>);

«...в Хазарии издавна обитали иудеи (персидские евреи барсилы / *парсилы, – П.Д.), благодаря которым в иудаизм обратилось все царство. Следовательно, иудейская миграция в Хазарию не исчерпывалась эпизодическими появлениями на этой чужой земле немногочисленных беженцев, сумевших благодаря миссионерскому таланту привлечь местное население в лоно иудаизма. По мнению Динура, «приток евреев в эту страну носил непрерывный характер, и эти новоприбывшие составляли важную прослойку общества и способствовали расширению масштабов прозелитизма». Теперь, когда нам известно, что среди хазар было немало евреев «по рождению и по крови», мы можем со спокойной совестью упиваться воспоминаниями об их территориальной и военной мощи, радоваться мысли о существовании суверенного иудейского государства, своего рода средневековой Хасмонейской монархии, но значительно более могущественной, чем ее древний прообраз...» (Шломо Занд, «Как и когда был придуман еврейский народ», V. «В закоулках хазарской истории: современные исследования», <https://magazines.gorky.media/sib/2009/7/hazarskij-ishod-2.html>, <https://history.wikireading.ru/3950>);

«В этом государстве (Хазарии, – П.Д.) были еврейские поселения еще до обращения хазар в иудаизм и даже до начала хазарских завоеваний. Эти поселения появились в результате миграции евреев из других стран, в особенности из мусульманской центральной Азии, восточного Ирана и Византии. Таким образом, там появилось многочисленное еврейское население, лишь отчасти состоявшее из хазарских прозелитов. Что же до культурного облика этого населения, он сформировался, в основном, под влиянием более древних иудейских общин, существовавших в Крыму и на северном Кавказе» (Авраам Полак, «Хазария», цит. по: Шломо Занд, «Как и когда был придуман еврейский народ», <https://history.wikireading.ru/3950>);

«Самое раннее письменное свидетельство о сочетании еврейства и славянского языка мы находим в личном письме из латинской католической хроники, относящейся к концу VIII – началу IX вв. Архиепископ Зальцбурга, обращаясь к некоему графу, просит того направить ко двору архиепископа известного им обоим врача, «не то еврея, не то славянина» (J. Aronius. Regesten zur Geschichte der Juden in Fraenkischen und Deutschen Reiche bis zum Jahre 1273. – Berlin, 1902. S. 29-30). Вероятно, сомнения архиепископа относительно этнической принадлежности врача связаны с тем, что религией врача был иудаизм, а родным языком – славянский, что ассоциировалось в то время с язычеством. Следующий документ, запечатлевший евреев, разговаривающих по-славянски, – сочинение министра почт Персидской империи (предполагается, что нейтральное название должности скрывало чин начальника разведки) Ибн Хордадбега. Сочинение было написано по-арабски в первой трети

IX в. и называлось «Книга путей и стран». Своеобразный географический справочник включал и отдельное описание маршрутов и товаров, использовавшихся корпорацией еврейских купцов, которых автор именуется «радания» или же «разания». (Ибн Хордадбех. Книга путей и стран: Пер. с арабского, коммент., исследование, указатели и карты Н. Велихановой). Маршруты корпорации простирались от Атлантики до Китая, и министр почт перечислил языки, которыми пользовались корпоранты: арабский, персидский, испанский, французский, славянский, греческий. Характерно, что в перечислении Ибн Хордадбега отсутствует идиш (это при том, что купцы проходили по германским землям; вероятно, идиш тогда только зарождался), зато в нём упоминается славянский. Далее о славянском языке евреев Восточной Европы свидетельствуют два хазарских документа X в., написанных на иврите. Первый – письмо царя Хазарии Иосифа андалузскому вельможе Хасдаю Ибн-Шапруту (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. – Л., 1932), составленное в Итиле анонимным еврейским секретарём царя, где Германия названа «Эрец-Немец» (страной немцев). Во всех остальных средневековых еврейских документах Германия именуется Ашкеназ; можно полагать, что родным языком еврейского секретаря царя был кнаанит, и он либо сознательно предпочёл в географическом названии слово родного языка, либо не знал слова «литературного». Второй документ – «Киевское письмо», о котором говорилось выше. Среди подписавших Киевское письмо – люди не только с традиционными еврейскими именами, но и носители тюркских имён или патронимов. ... В рамках обсуждаемой темы важен зафиксированный памятником факт: часть членов киевской еврейской общины, в их числе и принадлежавшие к сословию коhenов, носили в X веке славянские имена, т. е. они не только говорили по-славянски, но и были в славянской среде аккультурированы» (Абрам Торпусман, «Гостята бар Кий Баркоhen, Тувия бен Элизер и другие», О сборнике «Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире», <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer4/ATorpusman1.php>);

«Татары (волжские, являющиеся потомками не только булгар, но и родственных курдам и евреям иранских барсиллов, – П.Д.) и евреи Ближнего Востока образуют две ветви кластера, также рано отделившегося от остальных популяций, что можно объяснить общим происхождением татар и евреев; значительная часть последних является мигрантами из Восточной Европы, а до того из тюркских азиатских популяций: известно, что в VIII – X в.в. н.э. евреи жили в одном государстве, Хазарском каганате, с тюрками-хазарами (и с более многочисленными славянами карахазарами, – П.Д.), и после гибели в X в. этого государства мигрировали с Нижней Волги в более западные районы Восточной Европы. Ранее жители Хазарии вытеснили с Нижней Волги и Прикавказских степей древних булгар в более северные районы Поволжья и Прикамья, в результате чего обитающие там в настоящее время татары несут в себе значительную древнебулгарскую компоненту. Во время этих процессов могла иметь место метисация древних булгар с жителями Хазарии, часть которых была этническими евреями. Однако большая часть жителей Хазарии была тюрками (на самом деле славянами, – П.Д.; «О несхожести хазарского языка с тюркским, персидским или каким-либо другим известным языком говорят также Бакри, Иакут», – Б.Н. Заходер), принявшими иудаизм; часть евреев Восточной Европы является их потомками...» (Ариадна

Назарова, «Генетика и антропология народов Кавказа, и проблема происхождения Европеоидов», <http://srn.su/?p=1083>).

«Скорее всего, иудаизм был занесен в Хазарию с Кавказа (а также и из Хорезма, – П.Д.). Еврейские общины в Дагестане (то есть в соседней с Хазарией области Сарир) упоминаются задолго до VIII в.. Появились они там после подавления в Персии восстания маздакитов – секты, боровшейся с зороастрийцами. Некоторые иудейские общины Ирана поддержали Маздака и его последователей и после жестокого подавления восстания в 528 – 529 гг. вынуждены были бежать» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата // Кембриджский манускрипт», https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/161/Galkina_-_Tainny_Russkogo_kaganata.html; <https://www.litmir.me/br/?b=266758&p=68>; см. также «Иудейский переворот в Хазарии», http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/galkina/0/j120.html).

Эти иудеи (евреи) покинули Табаристан и азийские степи возможно под натиском тюркютов, когда основные силы опекавших их эфталитов были разбиты тюркютами в 567 г. под Бухарой:

«Наименование «еврей» происходит от еврейского глагола «авар» (пересекать, переходить) и, согласно библейской традиции, все спутники патриарха Авраама, перешедшие реку Евфрат, направляясь по призыву Всевышнего в Святую землю, считались «пересекшими, перешедшими (реку)», людьми «иври», в русском произношении «евреями». Отсюда пошло, что «евреи» – это все потомки родоначальника народа – патриарха Авраама. Такое название стало «родовым»...» (Всеволод Вихнович, «Евреи и жида», <https://www.migdal.org.ua/times/47/4195/>);

«Авары – потомки хионитов (славяноязычных кермихионов – «красных жунов = чиди» и жуань-жуаней, – П.Д.), живших в низовьях Сырдарьи, где ими были оставлены «болотные городища», обнаруженные С.П. Толстовым. Хиониты – потомки сакского (на самом деле жунского, – П.Д.) племени хиаона. Они не подчинились тюркютам и бежали от них на запад. Всего ушло 20 тыс. человек, к которым позднее присоединились еще 10 тыс. угров, разбитых тюркютами. Венгерскими исследователями зафиксировано, что 80% аварских черепов европеоидны, а 20% принадлежат к западносибирскому (на самом деле к восточносибирскому тунгусо-маньчжурскому) слабомонголоидному типу. Византийские историки называли аваров (обров) «вархонитами». Слово «вар» («бар») или «уар» – «река» – «было эпитетом к этнониму – хиониты; видимо, «вархониты» значило «речные хиониты» (в смысле «прибрежные, живущие по берегам реки»), действительно жившие на берегах большой реки»...» (Игорь Антонов, «Р.Г. Кузеев о проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе», <http://vatandash.ru/index.php?article=2200>);

«Термин кермихион двусоставен: керми/херми/ерми + хион, он тождественен сочетаниям *harmęga haun* пазендского и *karmir huon* зороастрийско-пехлевийских текстов. Слово «*karmir*» (и его варианты) значит «красный» (точнее, карминовый или темно-вишневый, – П.Д.)...» (Ю.А. Зувев, «Самое сильное племя», <http://www.bulgari-istoria->

2010.com/booksRu/Zuyev_Samoe-solnoe-plemya_turklib.ru.pdf;
<http://s155239215.onlinehome.us/turkic/29Huns/Zuev/ZuevStrongTribeRu.htm>);

«Гумилёв пишет: «Происхождение абаров (тёмно-краснокожих псевдоаваров = обров, родственных таким же тёмно-краснокожим – гермным / чермным славяноязычным античным германцам, – П.Д.) не установлено, ибо они не относились ни к хуннской, ни к телеской, ни к тюркской группе, а составляли «Особливое поколение». В истории Азии они упоминаются еще в VII веке, после чего были покорены тюркютами. Истинные абары (возможно, гуджары и другие эфталитские племена, – П.Д.) были реликтом какого-то очень древнего этноса, слава которого гремела до VI века». Догадка Гумилёва истинна – этим этносом были степные израильтяне (возможно входившие вместе с гуджарами и пуштунами в эфталитский союз племён, – П.Д.), которые не исчезли после VI века, а стали называться другими именами, прежде всего – «кабирами»...» (Владимир Бершадский, «Русско-ивритский этимологический словарь», http://world.lib.ru/b/bershadskij_w_e/a.shtml).

Не исключено, конечно же, и то, что этот реликт очень древнего этноса был частично ассимилирован эфталитами (белыми гуннами), потомками которых являются и пуштуны Афганистана:

«Доктор Михаэль Рубин (Йельский университет), специалист по истории Афганистана, Центральной Азии и Ирана, ссылается на мемуары британского посла в Персии Джона Малькольма (1801 год). Малькольм рассказывает о бытующей в ряде провинций Афганистана легенде, согласно которой родоначальниками некоторых местных племен были изгнанные ассирийцами евреи. Михаэль Рубин сам побывал в Афганистане и пишет, что старейшины ряда племен признавались ему в своих еврейских корнях. В ходе семинара по данному вопросу, проходившего в Иерусалимском центре всемирного объединенного ортодоксального еврейства имени Сеймура Абрамса, цитировались высказывания профессора Саффолкского колледжа в Нью-Йорке Лоуренса Эпштейна, который провел длительное и серьезное исследование проблемы еврейских корней ряда пуштунских племен. Эпштейн, как и Вейль, указывает на то, что у некоторых из этих племен зафиксированы специфически еврейские обряды. Например, женщины в семьях этих племен традиционно зажигают свечи в пятницу, а в качестве символа и магического знака используется шестиконечная «звезда Давида». Имена, принятые среди этих племен, являются, полагает Эпштейн, производными от еврейских: например, Рабани – от Реувена, Ашури – от Ашера, Левани – от Леви, Нафтахни – от Нафтали, Африди – от Эфраима, Шинмари – от Шимона и Юсуф-Зай – от Йосефа» (Александр Майстровой, «Пуштуны – потомки евреев», https://gemeindeffo.dipago.de/files/downloads/_114_08_2017.pdf; <http://sinagoga.kiev.ua/node/7719>; <http://jew-observer.com/puti-i-sudby/pushtuny-poteryannoe-koleno-izrailya-2/>).

В VIII веке под натиском арабов в Хазарию бежали вместе со славяноязычными юэчжийцами хвалисами (хвалистами / хвалынцами / хварезмийцами / хорезмийцами / хорасмиями = хурусами – «хвалёнными, славными, одарёнными»; ср.-перс. «xvarrah» –

«царская слава», «царское величество»; авест. «xardnah» – «слава, величие, блеск, сияние, харизма» и т.п.; др.-греч. «χῆρις» – «слава, почитание, честь, уважение», «χῆρισμα» – «харизма, дар, милость») также и хорезмийские иудеи (евреи):

«Имя Иуда является русской формой передачи древнееврейского имени «Иехуда», буквально «Тот, кого хвалят, превозносят...» (Всеволод Вихнович, «Евреи и жида», <https://www.migdal.org.ua/times/47/4195/>);

«Хазарский каганат, возникший в конце VI в. н.э. в процессе распада Западнотюркской империи и воспринявший и развивший на юго-востоке Европы древнетюркскую политическую традицию, в это время ведет жестокую борьбу с арабскими завоевателями, выступая в качестве союзника Византии. Именно сюда, в Хазарию, бегут остатки хорезмийских повстанцев-иудаистов, во главе с новым багпуром, сменившим убитого Кутейбой Хурзада и известным из еврейско-хазарских источников под именем Булана. Хорезмийские изгнанники быстро выдвигаются в Хазарии на первый план, становятся во главе хазарских войск, и в конечном итоге их вождь становится фактическим правителем Хазарии, родоначальником династии хазарских беков, оттесняя на второй план кагана, превращаемого, по хорезмийскому образцу, в бесправного сакрального царя. Синкретический хорезмийский юдаизм становится государственной религией Хазарии. Эти события происходят между 712 и 730 гг., когда уже «обращенный» хазарский царь Булан во главе своей армии вторгается в арабские владения в Закавказье...» (С.П. Толстов, «По следам древнехорезмийской цивилизации», Ч. II. Гл. IX, <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/expedition/Tolstov/?id=1775>);

«...Ещё сложнее было положение в Хорезме, где в самом начале VIII века вспыхнуло восстание сельских общинников и городского плебса против феодализирующейся знати – поздним отголоском маздакитских идей зазвучали лозунги равенства и справедливости для всех, проповедуемые хорезмийскими учёными иудеями – хабрами. Хорезмшах Чаган призвал на помощь Кутайбу, и в 712 году арабское войско появилось под Хазараспом. Жестокость, с которой Кутайба расправился с повстанцами, не имела прецедентов в истории завоевания мусульманами Средней Азии – четыре тысячи пленных были преданы казни, и вслед за этим на площадях запылали огромные костры из священных книг. Преследуемые Кутайбой хорезмийские иудаисты бежали из страны на северо-восток, в Хазарию, вскоре выдвинулись там на ключевые государственные посты и даже основали династию хазарских беков...» (Игорь Тимофеев, «Бируни», <http://annales.info/islam/biruni/>);

«...к VIII веку Хорезм (кит. Юецзянь, – П.Д.) представлял собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой». Евреи в авангарде этого подъема, и сам Хорезм основан ими. Автора привлекает эпизод начала VIII века, когда родственник шаха Хуразад попытался захватить власть. Соединив мнения узбекского историка Я.Г. Гулямова и Толстова, Кожинов увязал в этом движении военнотурецкое сословие со старым дехканством (в пояснении Кожинова «феодалов») и еврейскую «интеллигенцию». Те и другие каким-то образом сошлись на идеях маздакизма, а это движение «было

социалистическое или коммунистическое по своей направленности», преследовавшее «цель установления экономического равенства и общности имущества – вплоть до обращения в «коллективную собственность женщин» (В. Кожин, «НС» № 11, с. 173). Борьбой за власть в Хорезме воспользовались арабы. В результате «коммунистам» пришлось бежать в Хазарию. Если бы они по пути заглянули в Горган, то обрели бы еще и Красное знамя (под таким знаменем проходило восстание в VIII веке в Горгане). Но, захватив власть в Хазарии, еврейские «коммунисты» не спешили воплощать провозглашаемые идеалы. «Необходимо отметить, – прозрачно намекает Кожин, – что, встав во главе Каганата, иудеи отнюдь не стремились насаждать маздакитский «коммунизм», который нужен был лишь тогда, когда задача состояла в сокрушении наличной государственной власти, – как в Иране начала VI века или, позднее, в Хорезме начала VIII века. Так, у хазарского кагана, полностью подвластного царю-каганбеку, был обширный гарем, и на него никто не покушался...» ...Татищев считал на основе имевшихся у него материалов, что хазары – те же славяне, поскольку киевские иудеи говорили на славянском языке (хорезмийских юэчжийцев – кит. «юецзи», – П.Д.). В хазаро-еврейской переписке сказано и о появлении в Хазарии ортодоксов, наставлявших правителей иудейскому уму-разуму. Они наверняка осложняли положение правящего клана, но преодолеть приверженности знати к своей тюркской генеалогии не могли...» (Аполлон Кузьмин, «Хазарские страдания», http://www.zlev.ru/39_12.htm);

«Насколько «славянизирована» была хазарская элита, видно из того факта, что греки называли одного из хазарских каганов (начало 8 в.): Ибузир ГЛАВАНОС. В последнем слове следует видеть, конечно, славянское слово «глава» (в смысле: глава администрации). Хорошее соответствие этому титулу дал Константин Багрянородный: в его сочинении упомянуто, что хазарские законы называются ЗАКОНАСЫ. Наконец, как установлено, письменность, применявшаяся в Хазарии, имела алано-сарматское происхождение; а некоторые арабские авторы прямо пишут, что хазары заимствовали свое письмо у русов! Невольно возникает вопрос: если хазарская армия состояла из русов и славян, если «главаносы администраций» писали свои «законасы» русскими письменами (точнее южнорусскими – праукраинскими, – П.Д.)... то кто же все-таки правил в Хазарии и на каком языке говорила ее элита? Похоже на то, что даже представители верховной власти, тюрки по происхождению, были «русскоязычны» (точнее славяноязычными, так как русский язык был сформирован тюрко- и франкоязычной знатью России гораздо позже, – П.Д.)!.. В любом случае, несомненно, что «простые хазары» эпохи раннего средневековья – это те же самые русы-аланы, занимавшие волго-донские степи и в античные времена, и что славяно-русское население в Хазарии преобладало...» (Нина Васильева, «Русская Хазария», http://leninskoe-zp.io.ua/s99382/n.i.vasileva_quotrusskaya_hazariyaquot);

«Славяне, явившись в Европу с востока, несомненно, двигались по нашим степям и, расселяясь далее на север, конечно, пользовались этими естественными путями для своей колонизации. Некоторые племена осели и на побережье Черного и Азовского морей. Вначале они также принимали участие в исторической жизни Русской земли. Однако надо сказать,

что отношения их к остальной Руси, судя по отрывочным дошедшим до нас данным, отличались особым характером. Вскоре Русь перестает их считать своими, перестает интересоваться их жизнью. Но, понятно, это не значит, что эти славянские поселения исчезли. Они жили, и судьба их должна занимать нас не менее, чем ход исторической жизни в других областях земли Русской. Как своеобразны были отношения этих племен к остальной Руси, так особенна и своеобразна была их историческая судьба... Кажется, не может быть спору в том, что славянское племя, появившееся в Европе, конечно, с востока, должно было двигаться по речным системам как единственному удобному пути» (Петро Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIII вв.», http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf, <https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>);

«...содержащаяся в Минях информация о славянах на Дону и других народах региона превышает сведения, известные по летописям. Кроме того, во время правления Ивана Грозного было известно, что черкесы (точнее украиноязычные потомки готов тетракситов и аланов-торков – таркасы = черкасы, ранее известные как русы и черные клобуки, – П.Д.) – бывшие русские подданные, а Подонье было в составе Киевской Руси. Об этом кроме летописей говорит и Макарий. В любом случае, содержание Миней соотносится с описаниями восточных авторов, получивших известность в более позднее время. Так, краткая редакция Четвы Миней, составленная св. Дмитрием Ростовским (1651 – 1709) и опубликованная в 1720г. в чтениях за 11 мая (Четвы Миней состоят из 12 книг, по книге для чтения на каждый месяц) сообщает: «В это время к греческому царю Михаилу (842 – 867) пришли послы из хазар...» Далее идут комментарии, предположительно, Дмитрия Ростовского: «Хазары, коих греки называли хазарами, а римляне газарами, были известны под общим названием скифов. Они говорили славянским или российским языком, жили близ моря Меотского или Мертвого (Азовского) озера, в который впадает река Дон...< >...Хазары с давних пор собирали дань с российских славян: с каждого дома кожу белки и с каждого плуга по шелягу. Эта дань была прекращена Аскольдом и Диром, которые отняли у хазар северян, вятичей и радимичей. Окончательно разбил хазар (европейских) (автор разделял хазар на правобережных и левобережных по Дону. Правобережные – европейские, левобережные – азиатские. Таким образом, он разделял алан, родственников хазарам, на две части – европейских и азиатских – В.Ц.) Святослав, отец Св. Владимира, который взял их город Белую Вежу и положил на них дань. Азиатские же хазары, жившие между половцами и печенегами, были завоеваны половцами и печенегами (на самом деле торками, разгромившими хазар вместе с русами Святослава, – П.Д.)» (Е.И. Дулимов, В.К. Цечоев, «Славяне средневекового Дона», http://historylib.org/historybooks/E-I-Dulimov--V-K-TSechoev_Slavyane-srednevekovogo-Dona/3);

«Данные Константина Багрянородного, в частности о венграх, демонстрируют те характерные для отношений славян и кочевников обстоятельства, при которых эти отношения не сводились к господству и данничеству: венгры, если опираться на эти данные, заимствовали у славян важные термины, означающие военного предводителя и закон.

Венгерский вождь Леведия назван первым из «воевод» (βοεβόδα), но архонтом был избран Арпад, которого по обычаю – «закану» (ζακανα) хазар венгры подняли на щите. Характерно, что и печенеги приносили грекам клятвы по своим «законам»: славянский «закон» стал термином международного права («закон русский» признавался в Константинополе в X в., судя по договорам руси с греками)» (В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье // Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза», http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/slav_i_kochevniki.htm);

«Согласно некоторым археологам, значительные анклавы восточных славян издавна существовали в пределах хазарского каганата, на территории распространения салтовомаяцкой археологической культуры, особенно в долине Северского Донца и в Северном Приазовье» (Александр Шапошников, «Хазарский язык // Книга памяти: исчезнувшие языки России и сопредельных стран», Энциклопедический словарь-справочник, http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Al_Shaposhnikov_Qasar.pdf; <https://ru.scribd.com/document/367111620/Al-Shaposhnikov-Qasar>).

Очевидно, именно в Хорезме (Хоразме = Юецзяни = Арсании) иранские евреи и славянизировались после того как влились в торговую корпорацию тогда ещё не иранизовавшихся согдийцев (хоразмиев = хурусов / русов) – осевших в Хоразме славяноязычных потомков чермных и благородных подобно червонному злату да-юэчжи = юецзи = кударитов = гоудари (санскр. «hāṭaka», нидерл. «goud», англ. «gold», норв. «gull» – золото), родственных кутригурам [котрагам = угличам / уличам], *коударам [козарам / хазарам], циркасам [карахаазарам = торкам / таркасам / черкасам], *koqǫsko [каринтам = гревтунгам / грутуннам = хорутанам], хурусам [*хорусанам = оросам = русам], хоралам [герулам – гевеллам / гаволянам = стодорянам], сартам [сортам = сорбам / сербам] и другим бывшим хорезмийцам / хвалисам. Их этнонимы ассоциируются со словами укр. *кударити = «гутарити» – говорить, «гуркотіти» – грохотать; польск. «gwaga» – говор; эвенк. «хавулан» – «болтливый, говорливый»; укр. «галас» – шум; лит. «gārsas» – звук; русск. «гортань», «горло», «голос», «хвала»; серб. «хвалисање»; босн. «hvali se» – «хвалится, хвастается»; авест. «hvarəz» – «благодетельный, благородный»; др.-сканд. «hrosa», англ. диал. «goose / руз» – хвалить; гот. *hrotps – «слава», восстанавливаемое из засвидетельствованного в письменных источниках прилагательного «hrotreigs» – «торжествующий, победоносный, славный»; ирл. «gogm», кельт. «горм», «гворм» – знатный; панджаби «hakāṅī», арм. «goṛoz» – «гордый, надменный»; лит. «getos» – хороший:

«Весьма интересны в этом отношении данные, находимые у Ибн-эль-Атира, арабского писателя середины XIII в. Он рассказывает, что, когда в 1223г. татары потребовали от владельца Тебриза выдачи бежавших хорезмийцев, то владелец часть последних убил, часть взял в плен; пленных и русских (купцов) отправил с подарками татарам. Для нас это известие должно сохранять полную силу и в том даже случае, если здесь именем русских купцов названы некоторые из хорезмийцев, торговавших на Руси... При Гарун-эль-Рашиде хазарские правители приняли иудаизм, и с тех пор много евреев

утвердилось в их стране, особенно после 944 г., когда на них было поднято гонение в Византийской империи. Есть известие у Ибн-Хордадбега, что раданиты ездили из Западной Европы или морем или сушей в Суэц, Аравию, Индию, Китай и говорили по-персидски, латински, арабски, французски, по-испански и славянски. Эти раданиты, не без вероятия, могут быть признаны за евреев... Хорезмийцы (хорасмии = хурусы / русы, – П.Д.) иногда делали и набеги на болгар и славян, причем многих из них уводили в плен. Скажем, между прочим, что последнее известие говорит в пользу существования славянских поселений по Дону, ибо нападать на славян хорезмийцы могли только в областях приволжских или придонских. У эль-Атира сохранилось даже такое предание, что через несколько лет после принятия иудейства на хазар напали хорезмийцы и покорили их; что в другой раз (в 204 году гиджры, т. е. 819 – 820 гг. по Р. Х.) хорезмийцы подали хазарам помощь под условием принятия последними исламизма. Оно указывает на близость отношений между Хазарией и Хорезмом. Кроме того, известно, что гвардия хазарского кагана состояла из хорезмийцев» (Петро Голубовский, «Печенег, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIII вв.», http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf, <https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>);

«15. Русы (тмутараканские хурусы = хорасмии, аланы-русы и готы-русы, – П.Д.) живут на острове в море. Этот остров на три дня пути или около этого. Там есть леса и рощи, а вокруг него [острова] (?) озеро. Они многочисленны и видят средства жизни и пропитание в мече. Если умирает какой-нибудь человек из них, у которого есть дочери и сыновья, они отдают его имущество дочерям, а сыновей наделяют мечом и говорят: «Ваш отец добывал имущество мечом, подражайте ему и замените его». Таково было их воспитание пока они не приняли христианство в месяцы 300 года. Когда они стали христианами, вера вложила их мечи в ножны, закрылась для них дверь добывания. К ним вернулась нужда и бедность. Средства существования у них уменьшились, и они захотели принять ислам, чтобы им стали доступны набег и священная война и чтобы они оправились, возвратившись к своему прежнему положению. Они послали послов к правителю Хорезма, четверых человек из приближенных их царя. У них свой собственный царь, совершенно самостоятельный. Называется их царь Владимир (владыка мира, – П.Д.), так же как царь тюрок называется хакан, а царь болгар – т. л. ту. Прибыли их послы в Хорезм и вручили послание. Хорезм-шах обрадовался этому, поскольку они пожелали стать мусульманами. Он послал к ним того, кто научил их законам ислама, и они приняли ислам. Они люди сильные, крепкие, которые путешествуют пешком в отдаленные страны для набега. Они путешествуют также на кораблях по Каспийскому морю, захватывают корабли, грабят товары. Они путешествуют до Константинополя по Черному морю, несмотря на то, что в его заливе имеются цепи. Однажды они путешествовали по Каспийскому морю и завладели на некоторое время Бердаа. Их храбрость и мужество известны, и один человек из них равен нескольким людям из всех [других] народов. И если бы у них были лошади и они были бы всадниками, то они были бы бедой для людей» (Шараф Ал-Заман Тахир Марвази, «Естественные свойства животных (ТАБА'И АЛ-ХАЙАВАН)», глава о тюрках, http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marvazi_Tahir/frametext1.htm);

«Наряду с представленной информацией, имеется и дополнительная: «рус и хазар были одной матери и отца. Рус искал и нашел место себе, остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом. Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места». Приведенная характеристика местоположения руса интересна не только тем, что отражает этническое родство руса и хазара (таких же тёмно-краснокожих карахазаров, – П.Д.), единство южно-уральского (на самом деле восточно-туркестанского, – П.Д.) происхождения, но и то, что местонахождение «острова» – «зловонная» земля, находящаяся в бассейне р. Эмбы (Арсия / Арсания / Артания / *Харутания, в которой дислоцировались воинские дружины хорасмиев = хурусов = гарудов / *харутов, или же в дельте р. Кубани, где дислоцировались воинские дружины готов-русов / гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.). С другой стороны, это описание наводит на мысль о правоте Байера и Шафарика, впервые обративших внимание на то, что в древнем языке индоевропейцев слово «рос» означает также озеро, топь, сырое болотистое место, то, что позже в Приазовье назовут «элем». «Остров» руссов мог являться аллегорическим обозначением их ареала в среде других, окружающих этот этнос народов» (Владимир Кожухар, «Русь, которая была: истоки, генезис, миграция», <http://www.kaliningrad.wie.su/WiE-en/soderzhanie.pdf>);

«Языком еврейско-хазарских купцов был славянский, что отмечено в сообщении персидского чиновника 9 в. Ибн Хурдадбиха о раданитах. Об использовании хазарами славянского языка сообщает еврейский купец из Испании Ибрахим Ибн Якуб в середине 10 в. На территории Хазарии, особенно в ее столице Атиле (Итиле), сложились крупные колонии мусульманских и славянских купцов. Пошлина с иностранных купцов была одной из статей дохода правителей Хазарии» («Электронная еврейская энциклопедия // Хазария», http://www.ejwiki.org/wiki/Хазарский_каганат; <https://eleven.co.il/jews-of-russia/until-poland-partitions/14401/>; <http://archive.li/YI2w>; «Хазария», <http://kievrus-ua.com/article/381/>, <http://familii.info/dictionaries/jewish/entry-4433-hazariya.html>);

«Путь еврейских купцов ар-Разанийа, которые говорят по-арабски, по-персидски, по-румийски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски... Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян...» (Ибн Хордадбех, «Книга путей и стран», <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hordabeh/frametext8.htm>);

«Так, имеется указание персидского автора XIII в. Фахр ад-дина Мубаракшаха о заимствовании хазарами письменности у русов. Однако на самом деле некоторые надписи на вещах, найденных в хазарских поселениях, сделаны на аланском языке (на северокавказком наречии славянского языка, которым общались аланы и карахазарские племена, – П.Д.), другие – аланским письмом на тюркском языке (Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971). Следовательно, аланский и «русский» языки в Северном Причерноморье зачастую воспринимались как синонимы... В поэме Низами Гянджеви «Шах-Намэ» (XII в.) упоминаются «русские бойцы из аланов и арков» (то есть

аорсов – другого аланского племени, обитавшего в провинции Хорезма Арсании; очевидно, это хурусы / хоразмийцы – потомки славяноязычных юецзи / да-юэчжи, – П.Д.). Наконец, сирийский писатель XIII в. Бар Гебрей расшифровал термин «ар-рус» следующим образом: славяне, аланы, лезгины...» (Сергей Цветков, «Таврическая Русь», http://zaist.ru/news/tavrisheskaya_rus/tavrisheskaya_rus/);

«...славянский язык в то время, IX – XI века, был общеупотребительным и даже интернациональным языком, что, кстати, подтверждает Л.Н. Гумилёв: «Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X – XI вв.» (Л.Н. Гумилёв. Древняя Русь и Великая степь.). Здесь я вынужден не согласиться с Л.Н. Гумилёвым. Тюркский язык не вытеснил древнерусский. Он его, если так можно выразиться, «потеснил». Скорее всего, население Хазарского каганата, во время его существования и после падения, являлось двуязычным и легко общалось как на древнерусском (точнее на хорезмийском славянском, – П.Д.), так и на тюркском языке...» (Константин Пензев, «Хан Рюрик: начальная история Руси», <https://unotices.com/book.php?id=109182&page=44>; <http://flibusta.site/b/204862/read>; <http://e-libra.su/read/234094-han-ryurik-nachal-naya-istoriya-rusi.html>; <https://history.wikireading.ru/104543>);

«...только в славяно-румыно-греческом обряде, как и в хорезмийском, слово «коляда» (colinda, qalandas) прочно связывается с названием новогодней обрядовой песни и становится припевом этой песни. Между Хорезмом и славяно-румыно-греческим миром можно отметить еще одну, очень важную для нашего исследования область, Западный и Северный Кавказ с населяющими его народами, принадлежащими к православной церкви (грузины, абхазы, осетины). У всех этих народов распространены и обряд и термин. В Абхазии «каланда» или «калинда» – название новогоднего обряда и обрядового хлеба. У гурийцев Васильев день называется «каландоба»...» (Сергей Толстов, «В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений», http://nomadica.ru/biblioteka/se_46_2_tolstov.html; <http://kungrad.com/history/etno/kalandas/>; <http://groznijat.tripod.com/kalandas/>);

«Как известно, Киев основан Кием, первым князем киевским. Что же нам известно о нем? Оказывается, Кий был выходцем из Хорезма (настоящее его имя – Куйя; кузнец? – П.Д.), после переселения части хорезмийцев-мусульман (возможно, большинство из славяноязычных хорасмиев = хурусов / русов так и не успело стать мусульманами, – П.Д.) в Хазарию, где они были расселены по границам государства, Куйя стал вазирем Хазарии, эта должность после его смерти досталась его сыну – Ахмаду бен Куйя. Историк X века ал-Масуди пишет: «В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой стране как арсии (ясы-аорсы), и они пришельцы из страны Хорезм. В древние времена, вслед за появлением ислама, начались в их стране засуха и мор, и потому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагался на них в своих войсках... Кроме того, им принадлежит должность вазиров. В настоящее время вазир один из них –

Ахмад бен Куйя... Жители Арсии имеют также мусульманских судей». Арсания (*Хварсания = Хварезм / Хорезм, – П.Д.) – ведь это одна из «славянских» стран, наравне со Славией и Куявией...» (Алексей Бычков, «Ледовое побоище и другие «мифы» русской истории» / «Киевская Русь. Страна, которой никогда не было?: легенды и мифы», <http://flibusta.site/b/389092/read> ; <https://coollib.com/b/294764/read>; http://www.universalinternetlibrary.ru/book/69815/chitat_knigu.shtml);

«Например, О. Прицак прямо связывает летописного Кия с отцом хазарского вазира (главы вооруженных сил Хазарского каганата) Ахмеда бен Куйа, упомянутого ал-Масуди в рассказе о постоянной наемной армии хазарских правителей. Что касается «неизбежности» заключения об идентификации летописного Кия и хазарского (точнее, хорезмийского) Куйа, то здесь, видимо, правильнее будет прислушаться к упоминавшемуся мнению В.Я. Петрухина. Однако само признание возможности иранского (точнее праславянского юэчжийского, – П.Д.) происхождения имени основателя Киева довольно любопытно...» (Игорь Данилевский, «Предыстория Украины», <https://www.litmir.me/br/?b=268900&p=4>);

«В Шумерском царском списке первые восемь царей, т.е. все цари, жившие до потопа, распределены по пяти городам. О городе первых двух царей разные варианты списка дают разные сведения. Из трёх основных копий, дошедших до нас, две утверждают, что первым городом был Эриду, а третья копия, по мнению наиболее авторитетного эксперта Т. Якобсена, первым городом называет город Куара. Он же приводит аргументы в пользу того, что вариантами произношения для Куара были также Кувара и Кубара (Коубара = Кабара, – П.Д.). «Куара – Кувара» определённо кажется словом, связанным с грамматическим корнем «ков – куй», ассоциируемым с кузнецами. «Куара» весьма похоже на «Куар» – армянский вариант для имени «Кий – Каин»...» (Борис Мойшезон, «Арменоиды – аристократия древности», <http://novarm.narod.ru/arch052006/armeno.htm>);

«...профессор факультета лингвистики Тель-Авивского университета Пол Векслер, выдвинул теорию, относящую идиш (хорезмийский протоидиш – язык виндов *(в)и(н)диш, – П.Д.) в группу славянских, а не германских языков (в статье «Идиш – 15-й славянский язык» / Paul Wexler Yiddish – The Fifteenth Slavic Language International Journal of the Sociology of Language 91, 1991). Позже, в книге «Ашкеназийские евреи: славянско-тюркский народ в поисках еврейской идентификации» (Paul Wexler The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity. Columbus: Slavica 1993), на основе огромного лингвистического, исторического и этнографического материала Векслер предложил пересмотреть и всю теорию происхождения восточно-европейского еврейства... Лишь позже, вместе с немецкой колонизацией западнославянских земель, восточноевропейские евреи вместе с другими западными славянами (славянизовавшимися кельто-иллирийцами и балтами виндами / вендами, – П.Д.) перешли на немецкий язык и усвоили элементы германской культуры. Поэтому-то в идише не удастся проследить преемственность происхождения от какого-нибудь определенного немецкого диалекта...» (Михаэль Дорфман, «Как евреи произошли от славян», <http://russdenver.www6.50megs.com/glava-1.html>);

«Еврейскую речь в изображении немецких писателей отличают вкрапления гебраизмов (Bocher – парень, Shnoger – попрошайка и т.д.) и особый порядок слов (синтаксис идиша претерпел изрядное славянское влияние, и поэтому в идише, например, в составных глагольных сказуемых или в придаточных предложениях глагол не ставится в конец фразы; очевидно, это было и в древнеславянском прото-индише, – П.Д.)» (Александр Пиперски, Александра Полян, «7 фактов об идише и немецком», <http://eshkolot.ru/library/text/39917>).

Тюркютская знать, господствовавшая в Хазарском каганате, перешла от тенгрианства к иудаизму, конечно же, под влиянием иудеев (евреев):

«В то же время, можно думать, что инициатива принятия иудаизма правящей верхушкой государства и ее последующее внедрение в широкие слои народа исходили преимущественно от евреев-иммигрантов, гонимых из греческой земли, Хорасана, Багдада и других земель. По-видимому, закрепление в Хазарии было их последним шансом спасти народ и веру, было делом жизни и смерти. И это дело подхватили и продолжили сын и внук Айбата и еврейки из Бухары – Булан и Барджиль. Каган-иудаист Барджиль (745 – 759) приходит к власти после смерти Кук-Куяна около 745г. (З, с. 24, 25), однако не путем переворота, а как сын и наследник усыновившего его после убийства его отца Кук-Куяна. Придя к власти, Барджиль уже открыто принимает иудаизм, отказавшись от обычая предков, согласно которому каган-тенгрианец перед вступлением во власть подвергался условному удушению, в течение которого он должен был назвать количество лет своего предстоящего правления (З, с. 25). И правление как Барджиля, так и трех других хазарских каганов-иудаистов – его сына Булана (761 – 806) и сыновей Булана Бен-Амина и Карака (806 – начало 30-х годов IX в.; Krakus / Крак – легендарный польский князь, основавший Краков, – П.Д.) – знаменует собой уже новый этап становления иудаизма в Хазарском каганате – откровенное насильственное обращение в новую веру его коренных народов. Эти сведения Гази-Барадж совпадают с данными Масуди, согласно которому окончательное установление иудаизма в Хазарском каганате в качестве государственной религии произошло в период правления Харун-ал-Рашида (786 – 809 – 1, с. 266)...» (З.А. Львова, «Данные болгарской летописи Гази-Барадж тарихы (1229 – 1246)», http://www.sir35.ru/ZI/J_701.htm);

«Может быть, ослабляющий удар Хазария получила не извне, а изнутри в девятом столетии, когда против кагана-мусульманина из чуждого тюркского рода Ашина подняли мятеж хазарские беки, полновластные хозяева кочевий, родовых войск и стад? Могучий и честолюбивый бек Обадий тогда объявил себя царем, а Каган из полновластного ранее правителя превратился в почитаемого чернью, но бессильного затворника кирпичного дворца в городе Итиле, в слабую тень былого величия. Царь Обадий насаждал в Хазарии иудейскую веру, которая еще больше разъединила людей и привела к кровопролитной междоусобной войне... Может быть, именно новая вера сыграла роковую роль в судьбе Хазарии? Иудаизм – религия работоторговцев, ростовщиков и сектантов-фанатиков – подорвала военную мощь Хазарии, основанную на родовом единстве кочевых орд,

разрушила международные связи Хазарии с великими христианскими и мусульманскими державами. Религиозная нетерпимость иудеев, вылившаяся в жестокие преследования христиан, оттолкнула от Хазарии даже ее давнего и заинтересованного союзника – Византийскую империю...» (Вадим Каргалов, «Святослав // Хазарский поход», <https://www.rulit.me/books/polkovodcy-drevnej-rusi-read-215011-26.html>; <https://unotices.com/book.php?id=101091&page=15>; <http://www.bibliotekar.ru/polk-2/2.htm>).

Но, несмотря на это, царь Обадия, всё же, провел реформы, освободившие попавшее в долговую кабалу население каганата от возмещения иудеям львиной доли накопившихся непосильных долгов. Это привело к разорению множества мелких «рантье» и к экономическому усилению, прежде всего, нетюркютской родовой аристократии хазарских племён. Разорившиеся же иудеи (хабры = кабары) вознамерились экспроприировать имущество аристократии и, очевидно, как и их месопотамские, египетские, иранские, и хорезмийские предки попытались установить в каганате первобытный социализм (коммунизм), основывающийся на равенстве в нищете и на насильственном привлечении к рабскому (советско-холопскому) труду всего проживающего в Хазарии гойского населения:

«Ур-Намму (2106–2094 гг. до н. э.) и его сын Шульги (2093 – 2046 гг. до н.э.) создали общественно-экономический уклад, не имевший аналогов во всей истории Месопотамии. Почти вся земля перешла к государству, и образовались огромные централизованные хозяйства. Большая часть населения была обращена в подневольников рабского типа («гурушей», досл. «молодцев», и «нгеме», досл. «рабынь»), прикрепленных к этим хозяйствам и работавших там за пайки бригадами. В государственном хозяйстве трудились и собственно рабы-военнопленные, и наемные работники. Значительная часть всей этой рабочей силы жила в нечеловеческих даже по тому времени условиях – в особых лагерях. Трудились без выходных, получая в день 1,5л ячменя на мужчину и 0,75л на женщину. Выдавалось немного растительного масла и шерсти. Работали весь световой день. Смертность в таких лагерях достигала иногда 25% в месяц! Квалифицированные ремесленники, служащие, воины получали большие пайки, а представители чиновничества – наделы. Небольшая часть земли составляла частно-общинный сектор, где шло массовое разорение и долговое закабаление (вплоть до рабства) общинников: богатые соседи, и особенно чиновники, концентрировали землю в своих руках и втягивали общинников в кабалу. Цари Ура пытались половинчатыми мерами остановить этот процесс, но безуспешно: он был неизбежной оборотной стороной их же собственной политики. Правители Ура обожествляли себя и опирались на огромный бюрократический аппарат, необходимый для управления небывалым государственным хозяйством. Энси теперь свободно перебрасывались из нома в ном. О масштабах бюрократизации говорит тот факт, что менее чем за век существования этой державы чиновники III династии Ура обеспечили нас не меньшим количеством документации, чем вся остальная история Месопотамии. Такая централизация хозяйства была обречена на крайнюю неэффективность, в столице порой возникал дефицит зерна, в то время как в мелком городке скапливались его огромные запасы...» (М.Д. Бухарин, И.А. Ладынин, Б.С. Ляпустин, А.А. Немировский, «История Древнего Востока // III династия Ура и ее крах», <http://daark.org.ua/akkadskaia-derjava-i-iii->

dinastiia-ya ; <https://lektsii.org/8-7356.html>; <https://history.wikireading.ru/101863>).

Однако же тёмно-краснокожие «коварные» кабары / кавары (купцы, кузнецы и др. кудесники; греч. «кафэ», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена», турец. «kahverengi» – коричневый; укр. «кавовий» – кофейный [коричневый]) потерпели поражение в развязанной ими же гражданской войне и вынуждены были снова отправиться, подобно своим предкам, в очередное изгнание, присоединившись к мадьярским племенам:

«...они [венгры] храбры, и нет им числа. И страна их, которая известна под названием Ункурийа, состоит из 78 городов. У каждого из этих городов множество крепостей, и волостей, и сел, и гор, и лесов, и садов... И в ней – тысячи хорезмийцев, которым тоже нет числа. А хорезмийцы служат царям и внешне исповедуют христианство, а втайне – ислам» (Абу Хамид аль-Гарнати «Ясное изложение некоторых чудес Магриба или выборка воспоминаний очудесах стран», <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm>);

«Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками (венграми, – П.Д.) в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили (славянкому, – П.Д.) языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей // О народе каваров», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text39.phtml?id=6398);

«Коварный – таящий угрозу, хотя внешне дружественный или безопасный. Происходит от др.-русск., ст.-слав. «коварьнь»; *коварь, ср. чешск. «kovář», в.-луж. «kovař» – «кузнец и ковать». Ср. церк.-слав. «ковати зълаа» – «замышлять недоброе...» (Фасмер).

Да и попытка коварных иудеев (кабаров) воплотить в реальность свои бредовые идеи в Венгрии тоже ведь потерпела неудачу и в очередной раз вынудила многих из них к бегству далее на север и на северо-запад Европы:

«Шамуэль Аба единственный венгерский король иудейского происхождения... По обычаю тех времён Шамуэль жестоко расправился со сторонниками Петера, отменил установленные им законы, прекратил сбор налогов. Племенная аристократия потеряла вес при дворе. Шамуэль, в шутку говоря, был первым, кто заронил семена коммунистических идей на земле (очевидно, всё же, не первый, – П.Д.). Повсюду появлялся в обществе крестьян и обездоленных и считал, что все блага должны были вместе использоваться как господами, так и их слугами» (Эдуард Суровцев, «Третий король Венгрии», <http://www.hoteltravel.ru/doc/9976.html>).

Сегодня можно с полным основанием говорить о приверженности кабаров к иудейской религии:

«Некрополь Челарево (Югославия), относимый к эпохе внедрения венгерских племен в Закарпатье (около 900 г.), дал погребальный инвентарь, типичный для кочевников, но, наряду с ним, и весьма необычный элемент: десятки кирпичей или их фрагментов с граффити с изображением семисвечника и других иудейских символов (др.-греч. «ἰώδης» – «фиалковый, фиолетовый»; лит. «juodas» – чёрный, – П.Д.)» (И. Эрдели, «Кабары (кавары) в карпатском бассейне» // Советская археология. 1983. № 4, с. 174-181; см. также: Артур Кестлер, «Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие», <http://lib.meta.ua/book/3758/>; <https://www.litmir.me/br/?b=13993&p=23>);

«Челарево (VII – XI век) – место археологических раскопок, недалеко от Дуная, в Югославии, где обнаружено средневековое кладбище... ..там найдены меноры (изображения еврейского ритуального семиконечного светильника) и другие еврейские символы, а также несколько записей на еврейском языке» (Милорад Павич, «Хазарский словарь», <http://valahia.jnm.ru/lexicon/zelarevo.html>);

«...данные радиоуглеродного анализа костей вместе со сравнительным анализом найденных в Челаревском могильнике предметов с известными находками салтовской культуры Хазарского каганата позволили отнести могильник к 10 в. и приписать к хазарскому племени каваров, мигрировавших вместе с венграми в Паннонию с территории Хазарского каганата в конце 9 в. Присутствие каваров в Карпатском бассейне подтверждается данными топонимики и отрывочными сведениями из письменных источников. По всей видимости, отдельные элементы иудейской культуры были сохранены ими и после миграции с территории Хазарского каганата, население которого частично было обращено в иудаизм в 8 – 9 вв.» («Электронная еврейская энциклопедия. / Челарево», <https://eleven.co.il/jewish-history/early-middle-ages/14660/>; <http://cyclowiki.org/wiki/Челарево>; [http://www.ejwiki.org/wiki/Челарево_\(Сербия\)](http://www.ejwiki.org/wiki/Челарево_(Сербия)));

«Потомки степных кочевников стали называть себя ашкеназами; и в настоящее время уже вряд ли возможно сказать в какой именно степени ашкеназийские евреи происходят от повелителей хазарских степей. Но каким бы ни было соотношение семитской и тюркской (и даже славянской, – П.Д.) крови в венах ашкеназов, в свете сказанного выше становится ясным, что у истоков еврейских общин Восточной Европы стоят именно хазары» (Денис Соболев, «Возвращение в Хазарию», <http://www.sunround.com/club/22/return.htm>). [[к осн. тексту](#)]

П.3. Арии и туранцы

3.1 Концепт «славяне»

Так почему же русская лексема «слава» (арм. «p'ark'y»), несмотря на свое смысловое

несоответствие лексеме «благо» (др.-киев. «бóлого»), всё-таки, рассматривается русскоязычным населением лишь в позитивном смысле, благодаря которому оно и называет себя не словенами, а славянами подобно древним ферганцам (борканиям / парканам / лонам = полонам) и их потомкам болгарам = борканиям (бактрийцам – бахликам = балхикам, бугурам = бухарам / пугурам / пугураям, бугаритам / пагеритам), древним парфянам (парнам), юэджийцам (тохарам / тхакурам = тагорам / тугурам = бугурам, кушанам / кушачам = кушакам = казакам, каджарам / *кударам = хазарам), хвалисам (хорезмийцам), и полянам (боранам = ворадам / волотам = велетам / вильцам = *ютичам / лютичам / лютвинам = литвинам, *утичам / уличам (лутичам) – ультинам = ультизурам (альтцигирам, лудзганам), утигурам / атаулам, борускам = барсилам / берсилам / брезичам = берзитами, велзитами = велегезам, варягам / варангам / вэрингам = *бэрэнгурам / баранджарам / берендеям (перундеям), троксоланам / роксоланам, торетам, торкам, сиракам = зерам = зеруянам и гревтунгам / грутуннам = хорутанам (англосакс. Hreðgotan – славным готам)?

Оказывается, что др.-инд. лексема «*śrávas*», означающая славу, похвалу и уважение (от которой, возможно, и произошли этнонимы «гревтунги», «кревисканы / кривисканы», «кревы / кривы» и «кривичи») является кентумной формой как вост.-лит. лексем «*šlāvē*» – «честь, слава», «*šlovė*» – «великолепие, роскошь», лтш. «*slava, slave*» – «молва, слава», так и др.-перс. неполногласной лексемы «*sravah*» – слава:

«Хосров I (пехл. *husraw*, *xusrav* {*hwslwb*'}) – «с доброй славой» от авест. **hu-šraucah-* – «известный, знаменитый», букв. «имеющий добрую славу» (хинди «*hai*», кит. «*уоу*», кор. «*gaŋigo*», швед. «*att ha*», норв. «*å ha*», лат. «*habere*», нем. «*haben*», англ. «*have*», люксемб. «*ze hunn*», тамил. «*Vēṇṭum*» – «иметь, обладать»; укр. «господарство» – «хозяйство, имущество, владение»; венг. «*koszogú*» – «венец, корона, диадема»; *хосравы / козары / хазары и взньоуто / венендеры = венеды – «достойные славы, доблестные балто-славяне»; хорутане = грутунны / гревтунги, хоразмии = хурусы / хросы / хрёсы – «именитые рутены = русы» / букв. «обладающие краснотой [кожи]»».

И к тому же лексема «*sravah*» весьма близка, как к таджикской полногласной лексеме «шараф», означающей славу, так и к узбекской лексеме «шараф» и азербайджанской лексеме «*şəgəf*», означающим не только славу, но и честь. Очевидно, эти лексемы (концептуально соответствующие др.-инд. лексемам «*śrávas*» – «слава, похвала, уважение», «*saraga*» – «сильный, мощный», «*sira*», «*sara*» – «голова, глава, начальник», «*śíras*» – «голова, вершина» «*śīro*» – воин; др.-перс. лексемам: «*sravah*» – слава, «*sairi*» – власть, «*sagem*» – глава, «*ser*», «*sir*» – лев, «*sra*» – сильный, могущественный; лат. «*salve*» – «будь благословен»; араб. «салах» – благо; татар. «салават» – благословенне; хетт. «*šaru*» – «добыча, полон»; эрзя «сэрей» – высокий; арм. «*zork'*» – рать; индонез. «*cerdas*» – разумный, «*cegarah*» – «яркий, светлый», а также и кентумным лексемам: др.-греч. «*χάρτος / кратос*», нем. «*kraft*» – «сила, мощь») проникли в древнетюркские наречия, вовсе не из иранских и даже не из прабалтских наречий, а именно из праславянских наречий сарматов, юэчжей (согдийцев) и аланов, являвшихся в отличие от персидских и балтских наречий полногласными благодаря действовавшему в них закону открытых слогов.

Не исключено, конечно же, и то, что этноним «славяне» (др.-инд. «*śrávas*», др.-перс. «*sravah*» – слава; вост.-лит. «*šlāvē*» – «честь, слава»; «*šlovė*» – «великолепие, роскошь»)

является переосмысленной славянской калькой с этнонима «sugùd» – согды («su-gùods» – «очень знаменитые», «su-gùdai» – «очень старые» или «su-jāti» – благородные; осет. «suğdæg» – священный; санскр. «суджата» – «благородный, статный, красивый»). Ведь, праиндоевроп. *su- – «добро-, благо-»; санскр. «su-» – очень, а лтш. «gùods», лит. «guõdas» – «честь, слава»; кит. «gùdai» – древность; кор. «godae» – древний; хинди «jāti» – род.

И весьма вероятно также и то, что склавинами Иордан (Иорнанд) и другие античные авторы называли вовсе не славяноязычных германцев, а потомков балтоязычных венедов – эсклавинов / склавинов = скальвов = шальвов (франц. «écarlate», англ. «scarlet», фриз. «skarlach», польск. «szkarłat» – «ярко-красный, алый, багряный») и антов (великанов).

Ведь именно прусы, скальвы (Шаловы, нем. Schalauer; прусск. Skalavo, Skalwa; лит. Skalviai – очевидно, потомки индийских племён шальвов) и другие балты савроматского и аорского происхождения в то время были ярко-красными и умеренно смуглыми (тёмно-красными), в отличие как от тёмнокожих (сермных / гермных / чермных – цвета спелой вишни или спелой малины) в то время хорасмиев = хурусов / русов и других славяноязычных сермендов / сарматов и таких же темнокожих славяноязычных античных германцев (санскр. «kr̥ṣṇa», ирл. «gogm», кельт. *germ – тёмный; швед. «grumlig», дат. «grumset» – «мутный, тёмный»; англ. «grimy» – «закопчённый, смуглый»; тверск. «черемый» – смуглый; санскр. «gaugá», сев.-тюрк. «kovug» – «каурий, карий, красновато-тёмный»), так и от балтизированных ими бледнолицых потомков финноязычных скифов Северо-восточной Европы:

«Впрочем, и сами пруссы были весьма активным участником движения «из варяг» на восток: в V–VI вв. «мощное влияние прусской культуры» испытывают и Борнхольм, и Готланд (Кулаков 1999: 149). Что привело «многих скандинавских специалистов к выводу о наличии в V – VIII вв. групп балтского населения на островах центральной части акватории Балтийского моря». По мнению В.И. Кулакова, проникают пруссы и в Финский залив, и вплоть до Старой Ладogi, где обнаруживаются погребения, которые «по деталям погребального обряда и по инвентарю ... находят полные аналогии в прусских древностях конца VII века». И, кстати, нелишним будет вспомнить, что этноним пруссы, как давно было замечено, отразился «в названии главной улицы Людина поселка – Прусской» (Янин, Алешковский 1971: 43); тогда же была впервые (кажется) высказана идея о том, что названия трех первичных концов Новгорода были образованы от этнонимов – по основным участникам складывающейся новой общности: в частности, Неревский от мери (что позже было развито Д.А. Мачинским). Хорошей иллюстрацией ситуации служит также следующий вывод: «весь регион Балто-Скандии распадается на два субрегиона: «скандинавский» (Дания, Норвегия, Швеция) и «балтийский» (Восточная Пруссия, Прибалтика, Финляндия, Борнхольм, Эланд, Готланд) ... перед нами – картина несомненной экспансии фибул на протяжении V–VI вв. по Балтике из района устья Вислы и Пруссии на север вплоть до таежной Финляндии и Причудья» (Шувалов 2004: 81-82). Таким образом, судя по археологическим данным, приоритетность взаимодействия Юго-Запада Балтики и Северо-Запада будущей Руси возникает еще, по крайней мере, в V–VI вв., и устойчиво продолжается и вплоть до IX–XI вв. включительно» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны»,

<http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>);

«Для (балтоязычных, – П.Д.) соседей с юга (славяноязычные античные, – П.Д.) германцы использовали слово, которое на основании сравнения данных древнегерманских языков и античных источников может быть реконструировано как *weneþōs, ср. venethi у Тацита, venedi у Плиния, Ουνέδαи у Птолемея III, 5 и др.-англ. Winedas – «венды», славянские (в то время ещё балтоязычные, – П.Д.) соседи (славяноязычных, – П.Д.) англов и (тюркоязычных, – П.Д.) саксов на севере Германии», ср. Wineda lond, Weonod land «страна вендов», двн. Winidā «вандалы», др.-исл. Vindir «венды», юговосточные славянские соседи данов, Vindland «страна вендов». О том, что вендов отождествляли с одним из славянских племен (на самом деле с балтоязычными кривичами и другими днепровскими балтами Беларуси и России, – П.Д.) прибалтийские финны свидетельствует финское и эстонское название России (ср. эст. Venemaa, фин. Venäja ‘Россия’ < *Venāda). Традиционно предполагали, что славянские (в то время ещё балтоязычные, – П.Д.) венеды получили свое название от обитавших ранее на этих же территориях племени венетов. Вопрос о том, кто такие эти венеты остается, однако, спорным. Кроме венетов Тацита и венедов Плиния (IV, 97) и Птолемея (III, 5,7) венетами назывались кельтское племя в Британии (Цезарь). Венеты упоминаются на Балканах (Геродот) и даже в Малой Азии. На рубеже нашей эры мы застаем венетов у северного побережья Адриатического моря (Венеция), которые, судя по эпиграфическим памятникам, сохраняли венетский язык. Венкус полагал, что первоначально венетами называлось древнеевропейское (в духе Краэ) племя, которое передало свое название занявшим это место славянам (Wenskus 1961) [на самом деле – днепровским балтам, то есть балтоязычным предкам беларусов и северо-западных россиян, – П.Д.]» (Юрий Кузьменко, «Самоназвание германцев и исконное значение этнонима Suebi / свебы», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-09.htm>);

«...все они (как склавины – дако-фракийцы и балтоязычные языги, так и анты / янтсай – потомки балтоязычных верхних аорсов и роксолан, – П.Д.) и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте (славяноязычных античных германцев, – П.Д.), но все они чуть красноватые (ὑλέρυθρον – более красные, – П.Д.). Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, – впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно (вэньоуто = венендеры = венеды, – П.Д.)...» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами. О постройках», кн. VII [кн. III «Войны с готами»], п.14, Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. I – VI вв. М., 1991. С. 183, 185 и 337, [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(110\)Pages%20from%20Bibikov-2-2009-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(110)Pages%20from%20Bibikov-2-2009-v.pdf), http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_1/6/6_P5_R1_T2.html);

«Любая попытка реконструировать предысторию славян (славянизированных брахикранными и тёмно-краснокожими античными германцами потомков как брахикранных и чуть красноватых балтов и смуглокожих кельтов, так и долихокранных и бледнолицых

иллирийцев, фракийцев и финноязычных скифов, – П.Д.) обязана так или иначе затронуть основные до сих пор не имеющие ответов вопросы начальных этапов славянского этногенеза. Поэтому полезно сразу перечислить «семь чудес славянства».

Во-первых, это отсутствие у славян (потомков тёмно-краснокожих славяноязычных сарматов, юэчжийцев и аланов-торков, – П.Д.) археологической прародины. То самое ретроспективное восстановление славянской предыстории по преемственным археологическим культурам обрывается где-то на V веке нашей эры. Уверенно протянуть цепочку преемственности глубже не получается.

Во-вторых, культурный инфантилизм). Археологические культуры V–VI веков, которые можно надёжно соотнести с ранними славянами (славянизированными как непосредственно античными германцами, так и их предками сарматами долихокранными аборигенами Европы, – П.Д.), отличаются поразительным убожеством материальной жизни по сравнению с соседними культурами того же периода.

В-третьих, короткая историческая память славянства. Сами славяне, в отличие, например, от латинян или германцев (германизовавшихся потомков кельто-иллирийцев, фракийцев и финноязычных скифов, – П.Д.), не помнят своего прошлого глубже VII–VIII веков даже на уровне мифов и преданий.

В-четвёртых, отсутствие топонимической прародины. Лингвистам не удалось найти какой-либо регион, включая все области нынешнего обитания славян и соседние с ними, где топонимия (в первую очередь гидронимия как наиболее консервативная её компонента) была бы исконно славянской.

В-пятых, феномен возраста языка. С одной стороны, праславянский язык среди индоевропейских – один из самых архаичных. С другой, он необычайно молод и начал распадаться на отдельные языки всего лишь около тысячи лет назад. Кроме того, лингвисты не могут найти консенсус во взаимоотношении (принесенных из Центральной Азии соответственно сарматами и савроматами, – П.Д.) славянских и балтских языков. Их очевидную близость объясняют трояко: кто развитием из некоего общего балто-славянского языка, кто отпочкованием праславянского из какого-то древнего балтского языка, кто вообще независимым происхождением обоих из индоевропейского, объясняя схожесть долгим соседством и взаимовлиянием.

В-шестых, парадокс несоответствия глосс, то есть дошедших до нас отдельных славянских слов, случайно попавших в синхронные иноязычные документы. Абсолютно все зафиксированные в римских и византийских хрониках имена предводителей и должностных лиц ранних славян звучат совершенно не по-славянски. В то же время пара-тройка письменно зафиксированных слов, которые вроде можно было бы приписать славянам, приписаны совсем не им.

В-седьмых, невероятная плодовитость (и экспансивность, – П.Д.) ранних славян. За исторически сверхкороткий промежуток времени они буквально заполонили чуть ли не пол-Европы. Ещё в V веке греко-римский мир слыхом не слыхивал ни о каких славянах (кроме, конечно же, *славов / свавов / свебов, славных готв / гревтунгов / грутуннов = хорутан, тервингов = цериван / зеруян / червян = сербов и других ошибочно относимых к предкам современных «германцев» тёмно-краснокожих античных германских племен, – П.Д.). Если те

и существовали в то время, то на таком пятачке, что его не удаётся отыскать ни историкам, ни археологам, ни филологам. А в VI веке славяне уже археологически хозяйничают от Балтийского до Чёрного моря и прочно обосновались на страницах византийских и римских хроник как «бесчисленные племена...» (Владимир Егоров, «Мы не рабы. Рабы не мы», <http://www.ipiran.ru/egorov/mnr.rnm.htm>);

«Милоградская культура (по названию деревни Милоград в Речицком районе Гомельской области) – культура племен, живших в бассейне Днепра между средним течением Березины на севере и рекой Рось на юге, Западным Бугом на западе и рекой Ипуть на востоке (ЭГБ, том 5). Это территория южной Беларуси и украинского Полесья. Временной интервал милоградской культуры – около тысячи лет: с IX века до н. э. по I век н. э. Что касается этнической принадлежности «милоградцев», то большинство исследователей относит их к балтам (Э.М. Загорюльский, А.Г. Митрофанов, В.В. Седов, П.М. Третьяков и другие). Итак, мы можем принять за основу тезис, что балты (балтизированные савроматами финноязычные скифы, – П.Д.) жили на землях будущей Беларуси с древнейших времен и как минимум до VIII века н. э. Когда здесь появились славяне (славяноязычные сарматы и их потомки славяноязычные готы, – П.Д.), они – по одной версии – подчинили себе и ассимилировали балтов, по другой версии – всего лишь передали им свой язык и элементы культуры. Те племена, которые жили на территории современной Беларуси с VIII века новой эры, принято называть уже не балтскими, а «балто-славянскими». Несколько позже (в IX–X веках) на их основе возникли племенные союзы кривичей, дреговичей, радимичей, частично волынян, древлян и северян. Эти племена одни исследователи по традиции считают «славянскими», а другие – «славянизированными балтами»... Термин «славяне» впервые встречается лишь в начале VI века нашей эры у византийского автора Псевдо-Кесария Назианского. Впрочем, если быть точным, он писал о «склавидах» или «склавенах» (славянизовавшихся прежде кельтоязычных скирах и других кельто-фракийских племенах, – П.Д.). В 50–60-е годы того же века это наименование употребляли Прокопий Кесарийский (ок. 498 – ок. 564), Иордан и ряд других авторов. В данной связи хочу подчеркнуть, что все теории и концепции, которые называют «славянами» племена и народы, жившие до новой эры, являются спекулятивными. Дело в том, что этнонимы (самоназвания) этих племен неизвестны, письменности у них не было. А древние авторы (греческие, римские, византийские) вплоть до второй половины I века н. э. не упоминали в своих географиях и хрониках никого, хотя бы отдаленно походивших на «славян» (конечно же, за исключением славяноязычных сарматов, которых ошибочно считают до сих пор ираноязычными, и их потомков античных германцев, – П.Д.). Например, «отец истории» Геродот (ок. 485 – ок. 427 до н. э.) писал лишь о неврах и скифах, обитавших на просторах нынешней Украины и южной России. Между тем современные исследователи много раз убеждались в том, что античные ученые никогда не лгали. Более того, точность приводимых ими сведений просто поразительна. Поэтому, если доверять их сообщениям, выходит, что до середины I века новой эры никаких славян нигде не было. То есть вопрос о времени и месте появления славян по-прежнему остается открытым. ...ни о каком «массовом приходе и расселении» славян не может быть речи. Максимум, о чем можно говорить, так это о «славянизации»

языка, материальной и духовной культуры. Первая волна носителей славянского языка пришла на вторую половину VI и на VII век. Она, постепенно затухая, двигалась в общем направлении с юго-запада на северо-восток. Условно – к линии Брест – Пинск – Туров и далее в сторону линии Витебск – Орша – Могилев. Наиболее отчетливые ее материальные следы остались в Полесье. Это были те славянизированные племена (возможно, анты) которые бежали из Днепро-Днестровского региона, спасаясь от жестоких завоевателей-кочевников – аваров. Вторая волна датируется IX–X веками. Она была устремлена из региона Новгорода – Пскова в направлении Полоцка – Витебска и далее вниз по Днепру. Эти люди славянского языка прибыли морем из Полабья. Одна из первых групп (под предводительством Рюрика) обосновалась в регионе Ладоги – Пскова – Новгорода, где подчинила себе местные финские племена... Третья волна – это завоевательные походы князей Галицко-Волынской и Киевской Руси в X–XII веках. Вторгаясь в пределы будущей Беларуси, они строили крепости, где размещали свои дружины и сопровождавший их обслуживающий персонал. Так были основаны Берестье (Брест), Вевереск, Волковыск, Гародня (Гродно), Здитов, Каменец, Кобрин, Новгородок (Новогрудок), Остроя, Слоним, Турейск (Туров) и другие опорные пункты. Для всех трех волн (но особенно для второй и третьей) характерно военно-техническое и политическое превосходство пришельцев над местным населением. Если местные балты «застряли» на этапе родоплеменного строя, то пришлые люди (потомки, как готов и других славяноязычных античных германцев, так и славяноязычных аланов-торков, – П.Д.) представляли собой общества военной демократии, переходившие к феодализму. Именно военно-политическое и хозяйственно-техническое превосходство новых поселенцев (славяноязычных готов тетракситов / готов-русов, аланов-торков / аланов-русов, хорасмиев / хорезмийцев-хурусов и других предков полян, – П.Д.) обусловило заимствование у них местным балтским населением форм политической организации, приемов военного дела, ремесел, а главное – языка... Например, принято считать, что под терминами «склавены», «венеды» и «анты» скрываются предки нынешних славян. Вот именно, что «принято», а не доказано. Принято в основном по идеологическим и политическим соображениям, отнюдь не потому, что таков вывод науки. Доказать это невозможно в принципе. Этнонимы древних народов нам неизвестны; языки, на которых они говорили, давным-давно исчезли; письменности у них не было. Поэтому все рассуждения на тему «были они славянами или нет» напоминают гадания на кофейной гуще» (Ред. Анатолий Тарас, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=1>; <https://profilib.net/chtenie/75664/anatoliy-taras-predystoriya-belarusov-s-drevneyshikh-vremen-do-xi-i-veka-2.php>);

«...«только западнославянским мастерам удалось оказать существенное влияние на гончарное производство Новгородской земли» [Горюнова, Плохов 2011: 273]. Следует отметить, что масштаб этого южнобалтийского влияния (славянизовавшихся потомков кельто-иллирийцев и западных балтов, – П.Д.) признают даже те исследователи, которые (парадоксально) пытаются отрицать его значимость в контексте варяго-русского вопроса: «западнославянские гончарные традиции оказали влияние не только на Новгородскую землю, но и на другие территории Балтийского региона, включая и скандинавское общество.

Например, керамические коллекции шведской Бирки (IX – X вв.) и Сигтуны (конец X – начало XI в.) обнаруживают существенные западнославянские влияния. ...славянская керамика первоначально появляется в Дании случайно, в единичных экземплярах, с конца же X в. распространяется повсеместно» [Мурашева 2009: 179]. Да, распространение раннегончарной западнославянской керамики вполне могло быть связано с ее привлекательностью (фельдбергскую керамику иногда именуют «мейсенским фарфором средневековья» [Херманн 1986: 26]). Но, для Северо-Запада Руси (и, надо думать, и для некоторых других территорий Балтики) речь явно идет именно о переселении достаточно значительных групп населения с Юго-Запада Балтики, из «больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга», начиная с середины IX в. [Горюнова, Плохов 2011: 271]. И, даже если рассматривать распространение западнославянской раннегончарной керамики как отражение социально-экономических изменений в Балтийском регионе в это время, то очевидно, что весьма значительную, если не решающую, роль в них играли сами южнобалтийские славяне – заимствование скандинавами ряда славянских слов, связанных с торговой деятельностью и морским делом, в частности: «лодья», «торг» [Фомин 2009: 115], действительно не допускает иной интерпретации... То, что влияние славян Юго-Западной Балтики ощущалось и в Скандинавии, как раз служит аргументом в пользу «южнобалтийской» гипотезы [Фомин 2005: 440-445; Фомин 2009: 115-116]. Южнодатские острова являлись областью славянского расселения [Либготт 1986: 143], у балтийских славян (славяноязычных потомков вилькинов = вильцев / *ютичей, ютов и гаутов, – П.Д.) «в X в. были убежища даже на берегу Скании (южной оконечности Швеции)...» [Гильфердинг 1855: 33]), а северо-западная Ютландия именовалась «Wendsysel, то есть селение вендов (славянизированных античными германцами кельто-иллирийцев и западных балтов, – П.Д.)» [Гильфердинг 1855: 66]. Наконец, скандинавскими же исследователями предполагается присутствие (и даже, видимо, доминирование в определенное время) южнобалтийских славян на Эланде («позднеславянская керамика как будто преобладает на Эланде» [Херрман 1986: 369, прим. 40]), Готланде и Борнхольме [Фомин 2010: 406-444]» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>);

«У одних славянских племен местное прозвище со временем исчезло; у других стало употребляться исключительно. Весьма рано оно стало господствующим у восточной половины ляхов: они составили народ, который, по месту жительства, получил название полян или поляков. Уже с X века начинают реже относить к ним общее имя славяне. Зато ляхи балтийские (поморяне, мазуры и другие потомки балтов, – П.Д.) по преимуществу называли себя славянами, землю свою Славянской: поморяне даже в XIII и XIV в. В XVII столетии еще жило, а может быть, и теперь еще нашлось бы, в Люнебургском крае, несколько крестьян, жалких остатков древан, ветви знаменитых бодричей, и те называли свой исковерканный язык не иначе, как речью славянской» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», http://loveread.ec/read_book.php?id=62516&p=2).

Да и высокорослыми (великанами – ётунгами / ютунгами) в то время были не только

славяноязычные античные германцы, но и ставшие вести оседлый образ жизни и постепенно славянизированные аланами-торками и гревтунгами / грутуннами = хорутанами потомки балтоязычных огненно-красных роксолан (ракс-асов; санскр. «ракс» – красный) и верхних аорсов (янтсай = антов), а также и потомки финноязычных долихокранных скифов – балтоязычные кривичи:

«Все было ясно до тех пор, пока археологи не обнаружили «длинные курганы» – погребения, – которые приписываются кривичам. В них нашли существенные следы финно-угорской и балтской культур. Тогда же историки вспомнили, что кривичи не упоминались среди первых славянских группировок на Руси. В результате появилась балтская версия происхождения кривичей. Согласно этой версии, кривичи – коренное балтское население, которое со временем превратилось в славян. Пришедшие с юга славяне (брахикранные потомки славяноязычных гревтунгов / грутуннов = хорутан и аланов-торков, – П.Д.) передали кривичам свой язык, но переняли у них племенное название (на самом деле распространили и на них своё этническое название *кревтунги / гревтунги, – П.Д.). Балтская версия имеет собственное объяснение названия «кривичи». Считается, что оно пошло от имени родоначальника или даже балтского бога Крева. Названия с корнем «крев (крив)» можно встретить фактически на всех землях, где когда-то жили кривичи. Латыши до сих пор именуют русских «кревами». А летуvisы долго называли Россию «землей кривичей (*кревтунгов / гревтунгов, – П.Д.)». Еще одна версия связывает название «кривичи» не только с местными балтами, но и с финно-уграми. Именно так славяне могли называть чужой народ, живущий не по «нашей правде», «а по кривде», то есть по чуждым для них законам. Однако позже тех славян, которые осели здесь и смешались с коренными народами, также стали именовать кривичами... Для кривичей был характерен высокий рост, долихоцефалия, узкое лицо, выступающий волнистый нос, очерченный подбородок – тип, характерный для валдайского типа и нордической (северной) расы в целом. В.В. Бунак в 1932 году пришёл к заключению о сходстве долихоцефальных кривичей с аллеманами, как представителями северного типа, а восточных кривичей – с сублапоноидным населением» (Митрофан Довнар-Запольский, «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия», <http://romanbook.net/book/11629732/?page=31>).

Если же славянская лексема «вянуть» (болг. «вя́на», сербохорв. «вѐнути», словен. «vénití») родственна не только маратхи «vāḷavaṇē» – «обожженный, увядший», но и эст. «vana», фин. «vanha» – старый, то ее основное значение могло быть ранее «стареть». И тогда этноним *sḷо-вя́не (zerivani, souveny) = славяне, тождественный этнониму «венеды» = «венеты» = «вэньоуто / вэньсу» (верховные, старшие, старые) первоначально (то есть до его переосмысления) мог означать «благородные, просвещенные, цивилизованные» (кит. «вэнь» – «просвещенный, цивилизованный»), «очень старые» – древние (кит. «ваньсуй!», япон. «банзай!» – «многая лета!») или же «самые верховные / великие» (от праиндоевроп. *[v]an[o] – наверх; ст.-слав. «венти» – великий), причём как на славянских, так и на финно-угорских языках (праслав. *sou, ст.-слав. «sḷо», нем. «sehr», нидерл. «zeer», коми «зэл» – «очень, сильно»; удм. «зыра», «зира», «зар», марийск. «зар» – «очень, слишком, весьма, крайне»). И, следовательно, он был лишь калькой этнонима сар-баты = сар-маты = сир-маты – «весьма

матёрые» (лат. «pater», исп. «padre», болг. «баща» – «батя, отец»; чагат. «batur» – «смелый, военачальник»; узб. «ботир», башк. «батыр», шор. «матур», «матыр» – «батыр, богатырь»; праслав. *matogъ – «матерой, сильный, старый», лат. «maturus» – зрелый, – Трубочёв):

«В середине первого тысячелетия до н.э. место (северных иллирийцев, – П.Д.) венетов заняли вальхи (кельты), а в начале нашей эры место (кельтизировавшихся венетов, – П.Д.) и айстов заняли (балтоязычные, – П.Д.) славяне, которых (античные славяноязычные, – П.Д.) германцы стали называть венедами, поскольку они заняли часть венетских земель» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf; «Самоназвание германцев и исконное значение этнонима suebi / свебы», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-09.htm>);

«Автор VI века Иордан поясняет, что славяне (точнее склавины – балтоязычные кривичи) раньше назывались «венедами», «вендами», «виндами». «Венедами» называют балтийских и полабских славян многие германские источники. Называют они их также «вандалами», причем «вандалы» и «венеды» в этом случае понимаются как разные названия одного и того же этноса. В XV веке анонимный польский автор пояснял, что тех, кого поляки называют «поморцами», немцы (тевтоны) зовут «венедами», галлы и итальянцы – «вандалами», а «рутены»-русские «галматами» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля // Века VI – X», Книга 1,

http://modernlib.net/books/kuzmin_a/otkuda_est_poshla_russkaya_zemlya_veka_vix_kniga_1/read_1/; <http://read24.ru/read/a-kuzmin-otkuda-est-poshla-russkaya-zemlya-veka-vi-x-kniga-1/4.html>);

«Ну а «прочные дома», упомянутые Тацитом, были длинными бревенчатыми зданиями, которые украшались резьбой. Проживало в них человек по 20–30. Римские источники сообщают, что у (тогда ещё балтоязычных, – П.Д.) венедов были групповые браки (что не свойственно было славяноязычным готам и их потомкам полянам, – П.Д.). Любая женщина, приходившая в семью, номинально считалась женой старшего брата, но являлась «общей» и для всех остальных братьев. Так же, как в обычаях «агатирсов», описанных Геродотом... У прибалтийских праславянских народов регулярных человеческих жертвоприношений не отмечено. Но у них существовал обряд поклонения Нерте, богине матери-земли. Обряд тоже не германский. Вероятно, Нерта соответствует кельтской Негаллени – «неназываемой». Имя можно перевести именно так, от «не-речь». На острове в священной роще находилась повозка богини, всегда скрытая под покровом, касаться ее разрешалось только одному жрецу. Через определенные промежутки времени повозка, запряженная коровами, объезжала земли разных племен. На это время устанавливался общий мир, убирались все железные предметы. Города и селения, куда прибывала повозка, торжественно украшались, устраивались праздники. А после объезда всех «подконтрольных» территорий кортеж направлялся к священному озеру. Повозка и покров омывались рабынями, которых потом топили в этом же озере» (Валерий Шамбаров, «Великие империи Древней Руси», <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/26858/ogl.shtml>; <http://gogle.fb6.online/b/345923/read>);

«Очень далеко от юго-восточной Дании мы встречаемся еще с одним божеством, путешествовавшим в повозке. Это происходило во времена преследований христиан среди готов в конце IV в. н.э. Готский вождь Атанарих приказал положить какого-то идола (греческий писатель, который ведет рассказ, называет его просто ксоаном) в повозку и обвезти вокруг заподозренных в том, что они христиане, причем эти люди должны были приносить идолу жертвы. Хотя нам не говорят, какое божество изображал этот ксоан, способ, каким изображение возили на повозке – кругами, весьма напоминает о том, как Нерта заботилась о плодородии полей и скота. В период Великого переселения народов и позднее другое божество плодородия, на сей раз мужское, путешествовало по полям во время жатвы, принося с собой процветание и мир. Этим богом был Фрейр, сын Ньерда, само имя которого напоминает о Нерте. Снорри рассказывает, что Фрейр и его супруга Фрейя принадлежали к группе божественных существ, именовавшихся «ванами» (и возможно, считавшихся обожествлёнными предками как северных иллирийцев венетов, так и балтоязычных савроматов венедов, – П.Д.), которые в основном заведовали благополучием и плодородием людей и их мира. Некоторые аспекты культа Фрейра почти совпадают с тем, что нам известно о культе Нерты. В его храмы нельзя было вносить никакое оружие, а кровь, пролитая на земле, посвященной Фрейру, навлекала на преступника гнев божества. В одной из саг упоминается чрезвычайно плодородное поле, которое, судя по всему, принадлежало близлежащему храму Фрейра, и некоторые норвежские названия мест и полей, в которые входит имя Фрейра, также могут отмечать места его почитания. Брак и рождение детей также находились под покровительством этого бога» (Т. Малкольм, «Варвары. Древние германцы. Быт, Религия, Культура», <http://intertraditionale.kabb.ru/viewtopic.php?f=38&t=10071>);

«...Венеты оказались трудным противником. Они были отличными мореходами, и их корабли имели определенное преимущество перед римскими. Их оказалось трудно победить, поскольку они владели всеми гаванями в Галлии и имели опорные пункты в Британии. Их поселения располагались на мысах и косах, вдающихся в море, так что с суши они были практически неприступны из-за морских приливов, перекрывавших подходы к поселениям. При длительной осаде венеты на кораблях вывозили всех жителей и имущество в другое место, не оставляя неприятелю никаких ценностей. Благодаря господству на море, венеты «сделали своими данниками всех плавающих по этому морю». В числе их союзников Цезарь называет моринов, живших в приморской части пограничной зоны современных Франции и Бельгии, а также какую-то часть бриттов. Соседями венетов оказывались племена венеллов и андов, имена которых также позднее встретятся на Востоке. Материальная культура арморейских венетов выявлена слабо. Цезарь сообщает лишь о форме венетских кораблей: плоскодонные, дубовые, с высоким носом и кормой. Аналогичное описание дает Страбон. На каменных стелах кельтской Галлии встречаются изображения кораблей, высокие нос и корма которых сделаны в форме коня. Позднее головы разных животных украсят суда скандинавских викингов. «Резное деревянное изображение головы дракона или змеи на штевне, – замечает в этой связи А.Я. Гуревич, – давало, по тогдашним верованиям, магическую силу кораблю, защищало его от злых духов и устрашало врагов». Не исключено,

что именно венеты передали этот обычай скандинавам (если только они сами не были его исконными создателями в Скандинавии, где также, по всей вероятности, были их поселения). Голова коня обычно украшала суда с южного берега Балтики, и во всяком случае здесь этот символ появляется ранее всего. Славяне-венды (точнее славянизованные античными германцами потомки кельтов, финнов и балтов, – П.Д.), согласно скандинавским сагам, помещали на свои суда даже живых коней. Так, в морском сражении 1135 г. у вендов на большом корабле было 42 воина и два коня... Существенно, что венеты и «венетская» топонимика не тождественны с кельтскими названиями на той же территории. Так, само племя (кельтоязычных, – П.Д.) венетов располагалось на полуострове, кельтское название которого *Argvog* или *Arvog* («ar» – предлог «на, у, при», «vog» или «tog» – море), т. е. Поморье, Приморье. Столица венетов *Guened* или *Gwenet* имела кельтское название *Darioritum* (современное французское *Vannes*)... Таким образом, весьма вероятно, что венетам предшествовала другая волна индоевропейцев, видимо, более мощная, ранее проложившая тот же путь: (Индия – Центральная и Средняя Азия, – П.Д.) – Причерноморье и Кавказ – Малая Азия – Средиземноморье и т. д. В связи с этой волной, возможно, находятся и синды, и фракийские синтии (инты), проживавшие на островах близ Лемноса, и тоже «народы моря» – пеласги. С этой волной может связываться тот пласт венетской лексики, которую А.А. Королев сближает с северо-западной (и иберийской), отличая от италийской. Вторая (балто-славянская, – П.Д.) волна идет, однако, по тем же путям и, видимо, имеет в основном те же истоки, только разделенные значительным временным отрезком и воздействием разных по характеру культур...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа // Венеты на исторической карте Европы», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-51.html> – <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-54.html>).

По прошествии же «тёмных веков» этноним склавины (славяне) стал применяться не только к дако-фракийцам (археологическая культура ипотешть-кындешть-чурель) и к славянизовавшимся кельто-фракийцам, финно-иллирийцам и балтам, но и к постепенно осветлившимся потомкам исконно славяноязычных тёмно-краснокожих античных германцев и сарматов: готаланам (полянам-русам) = хорутанам = грутуннам / гревтунгам, сербам = червянам / зеруянам / цериванам = тервингам и другим смуглым и брахикранным словенам (укр. «слов'янам»):

«Писатель С.В. Алексеев в книге «Славянская Европа 7–8 веков» пишет, что в состав Пеньковской культуры Антов входила локальная Мартыновская археологическая культура, которая являлась археологическим двойником военной и социальной знати Антов в виде прямых потомков сармат Роксалан. Авары разгромили военный потенциал Антов и насильно включили побежденную дружинную Мартыновскую культуру в состав своей дружинной культуры, которая в науке получила название – Аварская археологическая культура. Авары с 7 по 9 век создали в Восточной Европе от реки Дунай до Южной Балтики свою империю под названием Аварский Каганат. Российские археологи установили, что Дунайская дружинная культура есть прямое этнокультурное продолжение Аварской археологической культуры, как археологического двойника Аварского Каганата. Когда Аварский Каганат исчез с

политической карты Европы, то на его месте сразу же укоренилась Дунайская дружинная культура. Большинство историков и археологов называют людей Дунайской дружинной культуры славянами, которые придерживались сарматских похоронных обрядов, чтобы подчеркнуть свой высокий дружинный статус. В русских летописях говорится, что славяне Киевской земли Поляне прозвались Русью, а от них все остальные восточные славяне. Сами Поляне являются переселенцами «Норцами» (другое название славянского государства Хорутания в составе Аварского Каганата). Мы уже знаем, что российские историки и археологи установили, что в Киевскую землю в 9 – 10 веке переселилась славянская военно-дружинная культура под названием Дунайская культура. Летописные Поляне – Норцы (потомки славяноязычных остготов гарудов / гардингов = гревтунгов / грутуннов = хорутан и роксолан *хоруты / хурусы / хросы / русы, возвратившиеся в Поднепровье из Норика после захвата его Карлом Великим, – П.Д.), прозавшиеся Русью, в археологическом плане являлись Дунайской дружинной культурой, которая действительно зародилась на основе Аварской культуры, на земле славянского государства Хорутания на Среднем Дунае» (Александр Чуприна, «Предыстория Древней Руси // История дружинной этнической группы восточных славян» Раздел 3.1. Часть 3, <http://predistoriya-drevney-rusi.ru/istoriya-drevnej-rusi-2/istoriya-druzhinnoj-etnicheskoj-gruppy-vostochnyx-slavyan-razdel-3-1-chast-3/>);

«...я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее... Затем пришла старая женщина, которую называют ангелом смерти, и выстлала на скамью все вышеупомянутое; она же управляет шитьем и приготовлением его, она также принимает девушку и я видел ее черною (темно-красною), толстою, с лютым видом...» (Авраам Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», Гл. X «Из «Записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада (писал в 20-х годах X века)», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/10.htm);

«...народ ерос (чернокожие в античности жуны / гунны: хоразмии = хурусы / русы, велеты / вильцы = фризы / хросы / русы, гревтунги / грутунны = хорутаны / хросы / русы, – П.Д.), мужчины с огромными конечностями (такими же как и у их ганьсуйских и таримских предков, и у их потомков горидов украинцев, – П.Д.), у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев, есть еще три черных народа (карахазазы, караболгары и волжские болгары, – П.Д.)...» (Захария Митиленский, «История», <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Zacharia/text1.phtml?id=526>);

«Цериваны (zerivani)/ зеруяне (zeriuani)/ (червяне; словен. «čřv», серб. «црв» – червь, – П.Д.) – это королевство (regnum) столь велико, что из него произошли все славянские народы (потомки *славов / свавов / свебов, – П.Д.) и ведут, по их словам, [от него свое] начало» («Баварский географ», http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text2.phtml?id=9648; http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text.phtml?id=61);

«Баварский Географ содержит, однако, по крайней мере, два заслуживающих внимания сообщения о Восточной Европе. Во-первых, здесь говорится о происхождении славянских племен: «Zeriuani, quod tantum est regnum, ut ex eo cuncte gentes Sclauorum exorte sint et originem, sicut affirmant, ducant». (Zeriuani, чья область столь велика, что оттуда якобы вышли все племена славян и оттуда, по их словам, ведут они свое происхождение). Во-вторых, кое-что сообщается о русах: «Caziri civitates Ruzzi, Forsderen Liudi, Fresiti, Serauici...» (И. Херрман, «Ruzzi. forsderen liudi. Fresiti» / К вопросу об исторических и этнографических основах «баварского географа» (первая половина IX в.), <http://historylib.org/historybooks/B--A--Timoshchuk-Drevnosti-slavyan-i-Rusi/31>);

«Zeriuani – это такая область, из которой будто бы вышли все племена славян и <откуда>, как утверждают, они ведут свое начало» (Олег Трубачёв, «Slavica Danubiana continuata»; «Этногенез и культура древних славян», <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=etnografiya&author=trubachev-on&book=2003&page=214>).

Конечно же, не исключено и то, что этноним «славяне» – это всего лишь преобразованная форма этнонима «цериваны / зеруяне / сервияне» – сербы / червяне = тервинги / тервуниоты = теребовляне / трebinцы = тарпеты (арм. «tser / ser» – старый; марийск. «сур» – «серый, седой»; укр. «червоний» – красный; чермный – тёмно-красный; словен. «čřv», серб. «црв», латгал. «tuogrs», лтш. «tārps» – червь; итал. «serpe», неаполитано-калабр. «servone, serpe» – змея):

«...«lingua seruiana» – сербский язык (в письменности Дубровника XV – XVIII вв.)» (Олег Трубачёв, «Меняющийся мир и вечные слова», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/765094-2-akademik-oleg-nikolaevich-trubachev-narod-sofiyniy-volgograd-2009-bbk-812-rus-a38-akademik-oleg-nikolaevich.php>; <https://app.box.com/s/sfqocgfy7ki24o89b010ivt9aec6qhf>);

«О том, что в древности понятие «Сербия» было весьма широким, свидетельствует также чешская рифмованная хроника начала XIII в., в которой говорится о «хорватах из земли сербов». В немецком переводе этой хроники, как указывает Шафарик, слово «серб» («срб») переводится неизменно как «винд» («Wind»), т. е. славянин вообще... Учитывая все сказанное, можно полагать, что «сербы» (сяньби = сарты / сорты = сорбы; лтш. «sārts» – розовый; лит. «sartas» – «гнедой, коричневый»; осет. «сырх / сурх» – красный; дат. «sort» – чёрный, – П.Д.) было тем именем, которое до возобладания у славян современного этнонима «словене / славяне» употреблялось ими самими в качестве одного из наиболее распространенных племенных названий» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st003.shtml>).

Очевидно, носителями пражко-корчаковской археологической культуры были славянизированные брахикранными потомками сарматов (серов=сермендов) античными германцами (*славами / свавами / свебами и готами) и аварами / обрами (жуань-жуаньями)

долихокранные кельто-фракийские, финно-иллирийские и балто-скифские племена. Возможно, их потомками являлись не только склавины дако-фракийцы (археологическая культура ипотешть-кындешть-чурель), но и северяне (сиверцы), вятичи (вотяки), радимичи и другие славянизировавшиеся долихокранные народности:

«В.В. Седов (1979) строит более сложную комбинацию: изначально славянской, по его мнению, (на самом же деле балтской, как и предшествующая поморская, – П.Д.) является культура подклошовых погребений Мазовии, того варианта поморской культуры, где, по мысли В.В. Седова, наиболее живучи традиции предшествующей лужицкой культуры. «Подклошовцы», по мнению В.В. Седова, представляют особую археологическую культуру. Во II в. до н.э. на основе поморской (балтской, по мнению В.В. Седова) и подклошовой культур складывается культура пшеворская, благополучно существующая до конца II – начала III вв. н.э., когда пшеворцы продвигаются в Причерноморье и в смеси с сарматами образуют черняховскую культуру. Одновременно в Причерноморье продвигаются из Польского Поморья и носители вельбаркской культуры, готы и гепиды, но они на формирование черняховской общности существенного влияния не оказывают. После гуннского разгрома 375 года готы (славяноязычные гревтунги / грутунны = хорутаны, – П.Д.), интегрированные до того в славянскую или протославянскую черняховскую культуру, уходят на запад, а из черняховской культуры образуются раннеславянские (балто-славянские, – П.Д.) пражско-корчакская и пеньковская культуры. Что касается культуры колочинской, то она, по мнению В.В. Седова и И.П. Русановой, принадлежит не славянам, а балтам. Таковы основные тезисы концепции В.В. Седова, где-то подкупающей своей стройностью. Однако возникает и ряд противоречий. Пшеворская культура, основное звено в цепи рассуждений В.В. Седова и И.П. Русановой, очевидно, имеет тесные связи с западным, германским миром. В частности, это выражается в том, что пшеворцы были вовлечены в орбиту действий выходцев из ясторфской культуры, появившихся на Майне и в Галлии в связи с движением на запад германцев Ариовиста, с которыми довелось воевать Юлию Цезарю (Caes. Bell. Gall. I, 32-54). Это движение фиксируется рядом памятников в междуречье Эльбы-Заале и на Майне. В них – согнутое оружие, керамика и другие элементы пшеворской и оксывской культур (Hachmann 1957; Peschel 1978; Godlowski 1978; Щукин 1994: 172-173). Выход из сложившегося положения В.В. Седов видит в расчленении пшеворской культуры. Западная ее часть была германской (западно-германской = западно-славянской, – П.Д.), а восточная, образовавшаяся на подклошовой основе в Мазовии, – славянской (балтско-скифской и восточно-германской = южно-славянской: гревтунги / грутунны = хорутаны / словенцы, тервинги = червяне / сербы, гепиды / гельбиды = хорваты, – П.Д.). Здесь меньше погребений с оружием, больше захоронений в ямах, чем в урнах, больше горшков, нежели мисок. В целом эта гипотеза подкупает нетривиальностью рассуждений, учетом сложности этногенетических процессов и неадекватности их археологического выражения. Но возникает и ряд сомнений. Польские коллеги весьма неоднозначно подходят к вопросу о соотношении поморской и подклошовой культур (Malinowski 1961; Hensel 1973). Справедливо ли вычленять последнюю в самостоятельное явление с особым этническим содержанием? При наличии некоторых различий, об особой культуре все же говорить не приходится, подклошковые погребения есть и в западной части,

погребения в каменных ящиках, характеризующие поморскую культуру, встречаются и в восточной. Не видят польские коллеги и особого восточного варианта пшеворской культуры, она на удивление монолитна. На картах В.В. Седова этот восточный вариант тоже замечен не очень отчетливо (Седов 1979: рис. 11). Произошло здесь и просто недоразумение. В восточный вариант пшеворской культуры попал ряд памятников продвигающейся в это время на юго-восток культуры вельбаркской, для которой тоже характерно отсутствие оружия в захоронениях и ямный обряд трупосожжений. В качестве восточнопшеворских В.В. Седовым указаны такие вельбаркские памятники, как Ключев, Стара Весь, Кавенчин, Брулино-Коски, Ростки, Тухлин, Дроздово – классические могильники вельбаркско-щельской культуры (Седов 1879: рис.11; Wolagiewicz 1981: Tab.1, 84; Jaskanis, Okulicz 1981: 178-190, rys.32), связываемые с процессом продвижения готов из Польского Поморья к Черному морю... Более же всего смущает, что по концепции В.В. Седова получается: в течение почти 600 лет, со II в. до н.э. и до конца IV в. н.э., в рамках пшеворской и черняховской культур, славяне жили в непосредственном соседстве и совместно с германцами, вандалами или лугиями пшеворской культуры, готами и другими германскими племенами, представленными черняховской культурой, а наличие в составе последней определенного вельбаркского и, более широко, североевропейского вклада (длинные дома, костяные и железные гребни, некоторые формы керамики и пр.) отрицать не приходится (Щукин 1977; Szczukin 1981). Это длительное совместное проживание должно было бы сказаться и на славянских языках, чего мы не наблюдаем (из-за славяноязычия самих брахикранных античных германцев, – П.Д.). Определенные славяно-германские языковые контакты фиксируются (Мартынов 1963), но они не столь существенны и могут быть объяснены в ином историческом и языковом контексте (Топоров 1983)» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php; http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf);

«Однако имеется большое количество археологических связей пшеворской культуры с германцами. Кроме того, пшеворцы даже участвовали в войнах германцев в Галлии (Щукин 1994). Поэтому Седов предполагает, что западная часть пшеворской культуры была германская (славяноязычная готская, – П.Д.), а восточная – славянская. Однако, как утверждают археологи, нет никаких оснований расчленять пшеворскую культуру на две части (Щукин 2001). Далее начинаются миграции носителей пшеворской (славян) и вельбаркской (готы) культур в Причерноморье, где они в смеси с сарматами образуют черняховскую культуру. В составе этой культуры, славяне образуют два массива – в Среднем и Верхнем Приднестровье и в лесостепной полосе от Подольской возвышенности до Среднего Поднепровья. После исчезновения черняховской культуры, на основе этих массивов формируется пражско-корчакская и пеньковская культуры... В реконструкции предложенной Седовым, германские связи славян несравненно сильнее балтийских. Согласно этой реконструкции, славяне (подклошевая культура) находились в тесных контактах с западными балтами (поморская культура) 400 лет (с VI – II вв. до н.э.), а с германцами – 600 лет, в составе пшеворской и черняховской культур (со II до н.э. по IV в. н.э.). Причем если подклошевая культура несколько отличалась от поморской, то в составе

пшеворской и черняховской культур славяне археологически неразличимы. Кроме того, непонятно, почему, если археологические находки свидетельствуют о совместном проживании пшеворцев и готов в составе черняховской культуры, в (литературном псевдоготском, – П.Д.) языке последних не осталось следов этих контактов... Собственная концепция Щукина состоит в том, что, поскольку пражская культура по сравнению с предшествующими пшеворской и черняховской культурами примитивна, она должна быть связана с культурами лесной зоны Восточной Европы, такими как (балто-скифская, – П.Д.) культура штрихованной керамики, днепро-двинская и тушемлинская» (Андрей Алексаха, «Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция», https://alexakha.ucoz.com/aleksakha-proiskhozhdenie_slavjan.pdf);

«Польский археолог Р. Ямка и у нас В.В. Седов обратили внимание на различие между урновыми (германскими = протославянскими, – П.Д.) и ямными (безурновыми – балто-финскими скифскими, – П.Д.) погребениями в пшеворской культуре (и между могильниками с преобладанием тех или других). Оружие и целые комплекты его, а также отмеченные следы германских (античных германских = дренеславянских, – П.Д.) ритуалов находятся в основном в урновых погребениях, тогда как безурновые и беднее и содержат лишь единичные вещи из набора. Различна и керамика. Предполагают, что это отражает этнические различия и что население пшеворской культуры было неоднородным в этническом плане. Урновые погребения концентрируются больше в западном (приодерском) районе, а ямные – в восточном, привисленском. Именно керамическая традиция безурновых погребений как будто приближается к пражской. Напрашивается идея, что первые – германские (потомков славяноязычных сарматов и аланов, – П.Д.), а вторые, возможно, славянские (очевидно, балтизовавшихся потомков финноязычных скифов, – П.Д.). Труположения же вообще относят к кельтским вливаниям. Некоторые исследователи (в том числе Седов), полагают, что именно в это время и в этих обстоятельствах в славянскую речь вошли германские слова (лингвисты определяют их как заимствования из германской речи), в основном термины власти, вооружения, экономики, быта знати: «князь», «меч», «шлем», «хоса» (разбой – из герм. «ханза»), «купити», «долг», «хлеб», «котел», «блюдо», «холм», «осел» и др. Но ведь это слова из общего праславянского словаря (попавшие в современные германские языки в процессе их формирования на разных европейских этнических субстратах под влиянием славянского суперстрата античных германцев и аланоторков, – П.Д.). Тогда нужно принять, что пшеворская культура была общей праславянской – предковой для всех славян (что принципиально не возможно ввиду формирования праславянских наречий, которыми общались предки также и хазаро-болгарских славян – сарматы, юэчжи и аланы-торки, в высокогорных долинах Центральной Азии, – П.Д.)» («Пшеворская культура», http://генофонд.рф/?page_id=9070);

«← в VII столетии на эту территорию приходят новые переселенцы (возвращаются в Юго-Западную Прибалтику славяноязычные тёмно-краснокожие потомки «античных германцев», – П.Д.), знакомые с гончарным кругом и умеющие строить укрепления, они теснят прежних обитателей и на их базе складывается славянское племенное объединение, в

данном случае – сорбы. В других местах эльбо-одерского региона точно таким же способом образовались ободриты и лужичане, велеты и поморяне, а также множество иных западнославянских народов. Спрашивается, почему мы должны считать носителями праславянской речи диких аборигенов этих мест, явно вытесненных и покорённых пришельцами, а не передовых мигрантов? Не так уж часто победители заимствуют наречие побеждённых...» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcat_pjataja_na_prostorakh_svobodnogo_severa_prodolzhenie/0-352).

Очевидно, не только кутии (гутии), халды, кельты (галлы, галаты), курды, галинды, голядь, гауты / готы = гуды и кудариты = гоудари = козары / хазары (санскр. «hāṭaka», нидерл. «goud», англ. «gold», норв. «gull» – золото), но и славяноязычные сарматы / сарбаты = сербы (серебряные), и все другие славяне = зеруяне (индоиран. *zharanya-, иран. «saranja», осет. «зæрин», тадж., узб. «зар», коми-перм. «зарния», эрз. «сырне», венг. *[s]arany – золото), а также и родственные им сарты (сорты, таджики) считали себя как и маньчжуроязычные потомки сяньби / сербов знаменитыми (тадж. «шараф» – слава; санскр. «śrī», «śrīmant» – «знаменитый, славный»; хинди «sēlibriṭī» – знаменитость) и благородными подобно как знаменитым и благородным металлам – серебру и золоту, так и почитаемым ими благородным змеям (эвенк. *салама / «сулама», итал. «sepre», неаполитано-калабр. «sevrone, sepre» – змея).

3.2 Неиндоевропейское происхождение русскоязычного населения России

Происхождение русских на основе дославянских долихокранных (длинноголовых) аборигенов Восточной Европы – скифов, поздних тюркоязычных «сарматов», на самом деле являющихся сако-массагетами, и от других туранцев (сублапоноидных финно-угров и слабо монголоидных тюркоязычных половцев, а также как балтизировавшихся долихокранных потомков финноязычных скифов – днепровских балтов, так и мезокранных европеоидных потомков половцев и понтийцев мещеряков – тюркоязычных рязанских и донских казаков и татар-мишар) подтверждает и антропология:

«Применение более дифференцированного анализа выявило интересную картину. Известно, что в группах монголоидного (и сублапоноидного, – П.Д.) происхождения уплощенность лица связана корреляцией исторического порядка с ослабленным выступанием носа. Судя по групповым характеристикам, среди славян это сочетание наблюдается лишь в группах кривичей ярославского и костромского Поволжья и во владими́ро-рязанской группе, где влияние монголоидного компонента, вероятно, увязывается с «чудским» населением северо-западной части Восточной Европы (и «половецким» населением Рязанщины и Подонья, – П.Д.)...» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии»,

<http://metodich.ru/download/18870.docx>;

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/04.php);

«Существенные различия в основном, как и в целом по всему обширному материалу, наблюдаются у населения раннесарматского и позднесарматского времени. И они основаны на том, что в раннесарматской группе преобладает тип древних восточных европеоидов, которые сочетали умеренную брахикранию с мезоморфным строением лицевого скелета, горизонтальная профилировка которого была несколько ослаблена, при этом переносье и носовые кости демонстрируют европеоидные показатели. А у населения позднесарматского (сако-массагетов и других туранцев, – П.Д.) преобладает тип длинноголовых европеоидов, которые сочетали долихокранную высокосводчатую мозговую коробку с относительно высоким резко профилированным лицом и носовыми костями» (Мария Балабанова, «Изменчивость антропологических типов сарматского населения Нижнего Поволжья», <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenchivost-antropologicheskikh-tipov-sarmatskogo-naseleniya-nizhnego-povolzhya>);

«Выяснилось, что в формировании физического облика восточных славян (России, – П.Д.) принимали участие, по крайней мере, два морфологических комплекса. Один из них характеризуется долихокранией, крупными размерами лицевого и мозгового отделов черепа, резкой профилированностью лица, сильным выступанием носа; другой – меньшими размерами лицевого и мозгового отделов черепа, мезокранией, ослабленным выступлением носа и незначительной уплощенностью лица, т.е. чертами слабовыраженной монголоидности. Процентное соотношение этих комплексов меняется в зависимости от географической локализации славянских племен – по направлению к востоку увеличивается удельный вес антропологического комплекса, характеризующегося незначительной монголоидной примесью. Комплекс с ослаблением европеоидных черт распространен среди финно-угорских групп Восточной Европы – летописных мери, муромы, мещеры, чуди, веси, известных по могильникам северо-западной части Восточной Европы, Волго-Окского междуречья и Поволжья. Это население, подвергавшееся славянской колонизации, передало свои черты словенам новгородским, вятичам и кривичам (балтизовавшимся потомкам финно-угров: турец. «eğri», чагат. «bogri», хинди «vakra» – кривой; эст. «tügar», дакск. «mägurä»), болг. «могила» – «бугор, холм, курган», – П.Д.), впоследствии ставшим основой русских. Антропологический комплекс с резко выраженными европеоидными чертами распространен среди средневекового летто-литовского (балтизовавшегося скифского, – П.Д.) населения, особенно среди латгалов, аукштайтов и ятвягов. У восточных славян этот комплекс проявляется среди волынян, полоцких кривичей, древлян, положивших начало белорусскому и частично украинскому народам. На территории расселения полян, ставших впоследствии антропологической основой украинцев, в эпоху средневековья обнаруживаются черты ираноязычного (на самом деле, мезокранного и брахикранного славяноязычного готского и аланского, – П.Д.) населения, известного по могильникам Черняховской культуры, сформировавшейся во II – III вв. н.э. на скифо-сарматской территории и являющейся в значительной мере, несмотря на свой многоэтничный характер, культурной наследницей скифов и сарматов (включая и потомков сарматов – готов и аланов-торков, – П.Д.)... В дополнение к сказанному не могу не обратиться к данным, полученным на основе обобщенного картографического анализа материалов Русской антропологической

экспедиции, произведенного Ю.Г. Рычковым и Е.В. Балановской (1988). Этот метод, в основе которого лежит представление о «ядерных структурах» в антропологическом составе тех или иных народов, фиксируемых на географических картах, как о сгустках генетической информации, представляется весьма перспективным. По мнению авторов этого исследования, метод непрерывного картографирования отчетливо выявил в составе русского населения три ядерные структуры – западную, восточную и центральную. Восточное ядро отражает дославянский субстрат в формировании антропологического состава русских, центральное – длительную и интенсивную метисацию, по своим последствиям приближающуюся к панмиксии (ничем не ограниченное смешение представителей разных генотипов), а западное (поляне-русы = черкасы и другие брахикранные представители украинского этноса, – П.Д.) – связано с собственно летописными славянами [Седов, 1979]» (Татьяна Алексеева, «Антропологический облик русского народа» в кн.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук, «Русские», М.: Наука, 1997, с. 57, http://www.booksite.ru/ancient/reader/human_1_04.htm);

«Мезокранные, с большой черепной коробкой и среднешироким, низким лицом серии, представленные материалами Западной Украины и Буджака, находят аналогии в группах (балто-славянской, – П.Д.) вельбаркской культуры (Масломенч, Грудек, Нижняя Висла). В исторической перспективе он будет типичен для широкого круга (летописных, – П.Д.) славянок (древлянок-волянянок, населения тиверских и галицких земель, полянок переяславских, черниговских, польских, хорваток, моравок и вислянок). Мезокранный, мезоморфный со средними размерами резко профилированного лица, антропологический тип, представляющий частично черняховок Причерноморья (Южнобугско-Тилигульское междуречье) и Молдовы, характерен для женщин из средиземноморских (античных) и позднескифских групп. Отметим, что население позднескифских памятников было смешанным, среди них были эллины. На основании антропологического материала об этом писали Г.Ф. Дебец, Т.С. Кондукторова, Т.А. Назарова (Кондукторова 1979; Назарова 2005). В отдельных случаях, как, например, в Неаполе Скифском, эллины составляли большинство. Именно присутствие средиземноморцев в позднескифской среде и обеспечивает статистическую близость населения позднескифских и античных поселений» (Татьяна Рудич, «Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии», <https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-chernyahovskoy-kultury-dunaysko-dnestrovskogo-mezhdurechya-po-materialam-antropologii>);

«Возникновение же на данной территории нового антропологического комплекса почти однозначно говорит о приходе значительной массы нового населения. Ведь логично, что антропологические черты распространяются при переселении большой группы людей – носителей этих черт. К формированию нового комплекса приводит установление круга брачных контактов с местным населением (субстратом, как принято говорить в антропологии). Мы заметили, что традиции, как и язык, могут быть ассимилированы. Например, сейчас многомиллионное афро-американское и монголоидное население США говорит на языках индоевропейской группы («американский» английский, привнесенный

европейцами – основателями государства). Но их предки говорили в Африке на языках преимущественно нигеро-кордофанской семьи, а в Азии – на языках тибето-бирманской группы (Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В., 1999). Самосознание современных жителей США отличается от самосознания их предков-иммигрантов – любой американец скажет Вам, прежде всего, что он именно «американец», а уже потом вспомнит о своей этнической или расовой принадлежности... Краткий обзор состава славянских народов показывает, что антропологически современные славяне не отличаются единством. Более того, они представляют разные ветви европеоидной расы. Напротив, те же «славянские» признаки, отмечены и у соседних народов. Так, беломоро-балтийский и восточно-европейский типы встречаются в среде балтийских и финских народов, а также ряда тюркоязычных народов Поволжья; днепро-карпатский – у венгров (ассимилированных уграми потомков паннонских славян, – П.Д.) и австрийцев (германизовавшихся потомков славяноязычных остготов гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.); понтийский и динарский – у народов Северного и Центрального Кавказа, у албанцев и автохтонного северо-балканского населения... Восточнославянское население в целом остается более гетерогенным, что обусловлено влиянием субстрата – того местного населения, ассимилируя которое, славяне (славяноязычные античные германцы и другие потомки брахикранных сарматов, – П.Д.) поэтапно осваивали новые территории. Антропологические данные по древнейшим эпохам свидетельствуют о глубинных истоках этого субстрата на территории Восточной Европы...» (Дмитрий Богатенков, Станислав Дробышевский, «Антропология», Тема 6. «Антропология и этническая история», <http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/antrop/6.html>);

«Среднеевропейский одонтологический тип, как упоминалось выше, представлен и среди киевских и черниговских полян, а также в серии с территории Украины (Липовое). Показательно, что этот одонтологический комплекс имеется и в составе западных славян (могильник Цединья X–XII вв. и, возможно, Груцно в Польше). К сожалению, фрагментарность данных не позволяет охарактеризовать его полностью. Все же, по некоторым особенностям верхних и нижних моляров поляне обнаруживают выраженное сходство со средневековым населением, оставившем могильник Груцно в Польше [Steslicka, 1970]... Необходимо подчеркнуть, что, в пределах форм средневропейского одонтологического типа, кривичи сравнительно четко отличаются как от серии из Липового (СТР=0,75), так и от населения салтово-маяцкой культуры и сарматов (СТР=0,72–0,88), а различия СТР у кривичей и кочевников имеют статистически достоверный уровень (1,05–1,19). Кластеризация всего одонтологического материала средневековья выделила серию из Липового и Полянскую популяцию Казаровичи вместе с серией Белозерских кривичей в один общий кластер с алано-сарматскими племенами и кочевниками, тогда как объединенная серия кривичей сблизилась с частью латгало-селовских племен и населением Старой Рязани и вместе с ними вошла в общий большой кластер со всем балто-славяно-финским населением Северо-Запада (рис.XII-1)... Сложение известных по летописям племен восточных славян происходило при значительном участии местной (балтской, балто-финской, финской, общей евразийской на юге этого ареала) основе, что и привело к наличию у восточнославянских народов разных одонтологических типов» (Р.У. Гравере,

«Одونتологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/23);

«Изучение одонтологических (зубных) материалов показывает, что западные серии кривичей полностью соответствуют так называемым ранним латгалам Видземе и жемойтам, но наибольшее сходство у них выявляется с восточными латгалами VIII – XIII веков (балтизировавшимися потомками финноязычных скифов, – П.Д.). Отмеченная близость зубного комплекса кривичей и синхронных им латгалов может быть объяснена в пользу местного (балтского) происхождения первых. Явных антропологических следов проникновения славян на территорию Подвинья нет. Те материалы, которые некоторые ученые идентифицируют со славянами, могут быть связаны и с другими этносами, в том числе с балтскими племенами. При этом единственное, что позволяет утверждать антропологические исследования, это отсутствие массовых миграций, которые могли бы привести к существенному изменению физического типа населения Беларуси. Таким образом, засвидетельствованное большинством антропологов значительное сходство балтских племен (особенно латгалов) и полоцких кривичей позволяет поддержать мнение о славянизации кривичей путем замены ими своего балтского языка на славянский» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=52>);

«Преодолеть эти «чары балтийства» и призывал советских археологов И. Вернер, заметив в одной из последующих работ (Werner 1981), что облик исторических летто-литовцев, предки которых представлены, в частности, культурой восточно-литовских курганов, заметно отличался от своих восточных соседей в Беларуси, на Псковщине и на Смоленщине обилием бронзовых украшений, оружием в погребениях и прочим. Они, будучи по языку восточными балтами, по культуре ближе западным балтам, обитателям Мазурии, Самбийского полуострова и западного побережья Литвы. Процесс постепенного их продвижения на восток и вытеснения носителей культуры штрихованной керамики прослеживается и литовскими археологами (Ушинскас 1988; Ушинскас 1989; Michelbertas 1986). Если все это так, то носители культуры штрихованной керамики, Днепро-Двинской и тушемлинской культур суть какие-то иные балты (всего лишь балтизировавшиеся потомки финноязычных скифов, – П.Д.), отличающиеся по своим психологическим установкам и, соответственно, по структуре культуры, от своих более западных сородичей. Поэтому и возникает, вероятно, тенденция называть их не столько восточными, сколько Приднепровскими балтами, особой группой» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php);

«Археологи изучали на территории расселения кривичей-полочан городища и селища в Полоцке, Витебске, Лукомле. Однако наиболее важный материал по этнической истории

местного населения обнаружен в курганных могильниках Витебской области. Установлено, что для полоцких кривичей характерна археологическая культура длинных курганов, в которой присутствуют элементы материальной культуры балтов, а в самых ранних курганах – финно-угров. Формирование кривичей – результат ассимиляции пришлыми (тёмно-краснокожими и брахикранными, – П.Д.) славянами местных балтских и западнофинских (на территории Псковщины) племен» (Георгий Штыхов, «У истоков белорусской народности», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=99>);

«Из некоторых, довольно, впрочем, скудных, известий греческих, римских и арабских писателей о славянах (славянизированных готами потомках балтов и финно-угров, – П.Д.) можно вывести заключение, что в эпоху выхода их на историческую сцену и первых столкновений с культурными народами они представляли собою определенный расовый тип, отличный как от типа южных народов области Средиземного моря, так и от типа (славяноязычных античных, – П.Д.) германцев. Древние писатели упоминают о высоком росте, крепком сложении, румянном цвете лица и русых волосах С. (балтизовавшихся и позже славянизовавшихся потомков финноязычных долихократных скифов, – П.Д.), но характеризуют их тип, в общем, менее определенно, чем, например, рослых, белокурых и голубоглазых (средневековых долихократных, – П.Д.) германцев. Только в половине XIX в. было обращено внимание на племенные различия в форме черепа. Шведский анатом Ретциус, впервые выступивший с краниологической классификацией рас, указал на то, что черепа (средневековых, – П.Д.) германцев, в частности, скандинавов и из древних германских (очевидно, сакских, – П.Д.) могил, отличаются наклоном к удлиненной форме, долихоцефалии, тогда как славянские черепа (потомков славяноязычных античных германцев и аланов-торков, – П.Д.) обыкновенно широки, более округлены, брахицефальны... Наблюдения д-ра Воробьева над рязанцами показали, что долихоцефалия у великоруссов соединяется чаще с меньшим ростом (восточные финны отличаются малорослостью), а резко выраженная брахицефалия, наоборот, – с высоким. Отобрав из изученных им рязанцев наиболее высокорослые особи, г. Воробьев нашел, что эта группа (очевидно, переселенцы с Украины, – П.Д.) отличается также от общей массы большею брахицефалией и большим процентом темноволосых и темноглазых субъектов. Принимая во внимание, что сочетание этих же признаков (высокорослости, брахицефалии, темноволосости и темноглазости) мы находим преобладающим и у западных С. племен, можно, по мнению г. Воробьева, допустить, что такими признаками, несомненно, отличался один из тех древних типов-производителей, потомками которого являются нынешние С.» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Славяне, антропологический тип», <http://www.bibliotekar.ru/bes/216.htm>);

«Можно резюмировать, что наблюдаемый в русском генофонде тренд роста частоты аллеля АСР1*А в направлении «северо-запад – юго-восток» не поддается объяснению в плане «глобальных» взаимодействий, будь то панойкуменный тренд, славянская экспансия или влияние евразийских степей. Вместе с тем, для ближайших финно-угорских народов

также наблюдается нарастание частоты аллеля приблизительно в том же направлении: с севера (и с запада) на юг. Это позволяет предположить, что формирование данного тренда относится ко времени, предшествовавшему славянской экспансии на Восточно-Европейскую равнину, уже населенную финно-угорскими племенами (корела, весь, меря, мурома, чудь Заволочская, пермь, печора, югра и многими другими, имена которых не дошли до нас). Выявленный тренд, возможно, отражает в современном русском населении древний финно-угорский субстрат... В МАСШТАБЕ ГАПЛОТИПОВ (§4-§5): проведен более тонкий анализ и удалось сравнить по спектру гаплотипов русские популяции с их соседями. Восточно-европейский генофонд, составленный славянскими, финно-угорскими популяциями и тюрками Урала, предстает по этим маркерам как единый континуум. Русские популяции целиком относятся к этой общности. При этом по спектру гаплотипов они особенно похожи на финно-угорские популяции. Это указывает на большую роль финно-угорского субстрата в формировании митохондриального генофонда русских популяций... 4. В РУССКОМ ГЕНОФОНДЕ ВИДНЫ ЧЕРТЫ СХОДСТВА С СОСЕДЯМИ, в особенности с финно-угорскими популяциями (как западными, так и восточными финно-уграми). Это говорит о той роли, которую сыграли финно-угорские племена в формировании русского генофонда. Все эти общие закономерности русского генофонда выявились по данным и о мтДНК, и о Y хромосоме... ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ. Рассчитанные этим методом показатели выявили сходство русского генофонда как со славянскими, так и с финно-угорскими народами. Но оказалось, что доля общих гаплотипов у русских выше с финноязычными народами (как восточными, так и западными), чем с южными и западными славянами. Это наглядно демонстрирует вклад финно-угорского субстрата в русский генофонд, по крайней мере – по материнской линии... Впрочем, анализ Y хромосомы показывает, что и по отцовской линии этот вклад весьма велик... ГЕТЕРОГЕННОСТЬ. Величина межпопуляционных различий составила 3.3. Гетерогенность других народов Западной и Восточной Европы обычно заметно меньше (например, гетерогенность украинцев по мтДНК в пять раз меньше), то есть по митохондриальной ДНК, как и по классическим маркерам, разные русские популяции генетически весьма различны... Итак, по спектру гаплотипов мтДНК русский генофонд приближен скорее к финно-угорскому, чем к «праславянскому» генофонду, что вновь показывает роль финно-угорского субстрата в русском генофонде... Степень различий между русскими популяциями (гетерогенность русского генофонда) по Y хромосоме особенно велика – 13.6. (Например, гетерогенность по Y хромосоме соседних украинских популяций оказалась на порядок меньше – около 1)» (Е.В. Балановская, О.П. Балановский, «Русский генофонд на Русской равнине», http://historylib.org/historybooks/E-V--Balanovskaya--O-P--Balanovskiy_Russkiy-genofond-na-Russkoy-ravnine/30).

Это же подтверждается и близостью как частот генов белков и ферментов крови, так и антропологических признаков русскоязычных россиян, очевидно являющихся потомками финноязычных скифов, вовсе не к беларусам и украинцам, а к финно-уграм:

«Все названные обстоятельства, по нашему мнению, позволяют – с учетом знаний об истории изученных этносов – собственным взглядом увидеть, как наши беларусские популяции распределены в геногеографическом пространстве главных компонент. Так,

центры тяжести «этнических облаков» белорусов и украинцев (по терминологии Е.П. Балановской) в пространстве двух главных компонент размещаются рядом, но сами «облака» перекрываются только наполовину, едва касаясь «облака» русских. При этом, если украинский этнос вообще не граничит с финно-угорской компонентой, а белорусский – лишь соприкасается с ней, то «русские популяции во всех диаграммах оказываются в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами» (Лимборская С.А. и др., 2002). Следовательно, это еще один аргумент в пользу исторически и экологически зависимых особенностей каждого из восточнославянских этносов. В последнее время археологи все чаще сравнивают результаты своих исследований с нашими и находят соответствующие параллели (Штыхов Г.В., 2002). Следует считать не только желательным, но и необходимым сравнение археологических материалов с материалами геногеографии. Такое сравнение выявляет специфику генофонда, которая посредством механизма антропогенетической преемственности дошла от древности до современности» (Алексей Микулич, «Беларусы в генетическом пространстве», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=37>);

«К русским ближе всего оказались из славянских народов поляки (очевидно, мазуры и другие северные поляки балто-финского происхождения, называвшие себя подобно балтоязычным кривичам не словенами, а славянами, – П.Д.), как и при вычислении нами генетических расстояний по меньшему числу генетических локусов. В одном большом кластере с русскими оказались иранцы (иранизировавшиеся долихокранные потомки как ранних финноязычных, так и более поздних тюркизировавшихся саков и массагетов, родственных финноязычным скифам, – П.Д.), коми, чуваша, удмурты, ненцы, и субкластер осетин и азербайджанцев. Есть мнение, что русские происходят от древнеиранских скифских племен (очевидно, всё же, как от финноязычных скифов, так и от долихокранных потомков динлинов и кюе-ше – половцев, – П.Д.), мигрировавших ранее по Азии. Геродот именовал племена, обитавшие в его время на территории Восточной Европы, «скифами-пахарями». Племена же финно-язычных народов меря и мурома, близких к коми, чувашам и удмуртам, и обитавшие еще в I-м тысячелетии н.э. на месте Московской, Владимирской и Ярославской областей, полностью вошли в состав русского этноса и растворились в нем (Т.И. Алексеева, 1973). Итак, близость русских к финским и иранским популяциям понятна» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев», http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>);

«Черноморские степи России некогда заняты были, как известно, скифами. Вопрос о племенной принадлежности этого народа решался различным образом. То видели в них монголов, то ариев; но раздавались голоса и в пользу их финнизма. Нам кажется, можно признать лишь одно, что, судя по имеющимся историческим и лингвистическим данным, скифы, как и принимается теперь, есть термин географический, а не этнографический, и что

в числе народов, скрывающихся под этим именем, были и финского происхождения. Таким образом, приходится допустить распространение угро-финского племени далеко на юг... Признавалось и раньше, что центральная Россия была некогда занята угро-финскими поселениями, но оказывается, что следы этого племени сохранились в топографической номенклатуре и гораздо южнее. Так, некоторые реки южной России носят имена, созвучные с номенклатурой северо-восточных областей. В топографических названиях далее Курской губернии можно найти некоторые, объясняющиеся из угро-финских языков, не говоря уже о губернии Черниговской. Если мы теперь обратимся к западу, то увидим факты, указывающие на еще более широкое распространение угро-финского племени. Так, в языках датском, франкском, иберийском и баскском находят заимствования из языков финских... В топографической номенклатуре Германии, Италии и Франции находят следы пребывания там финнов в доисторическую эпоху. Если мы обратим теперь внимание на географическое положение кривицкой области, то окажется, что она лежит в середине этого обширного пространства, на котором, как мы видели, есть основание предположить расселение угро-финского племени в доисторические времена, а потому нельзя допустить, чтобы территория, лежащая на самом важном колонизационном пути, на соединении Волжской и Днепровской систем, осталась почему-то обойденной, не захваченной этим первобытным населением. И действительно, мы имеем данные, дающие возможность отвечать на этот вопрос утвердительно» (Петр Голубовский, «История Смоленской земли до начала XV века», <http://lifeinbooks.net/read-online/istoriya-smolenskoy-zemli-do-nachala-xv-stoletiya-petr-golubovskiy/>).

И ведь же:

«Ни древние эллины, ни древние персы и словом не обмолвились о том, что язык скифов напоминал им язык действительно ираноязычных мидян и персов. А ведь в то время отличия гипотетического североиранского наречия от собственно иранского должны были бы быть столь невелики, что воспринимались бы древними как единый язык. Но этого-то и не было... Очень важно здесь отметить, что индоарийских параллелей в языке славян значительно больше, чем иранских. Иранские же можно считать крайне незначительными. А если бы скифы были иранцами, при столь долгом соседстве со славянами мы наблюдали бы прямо обратную картину языковых влияний на славян Приднепровья. Кроме того, даже в именослове богов скифов, который донес до нас Геродот, современная исследовательница Н.И. Васильева не без основания видит реликтовые формы именно индоарийских языковых форм, но никак не иранских. По свидетельству Геродота, скифский царь Иданфирс признавал своими владыками только верховных скифских богов: Папая и Табити. Аналогий в иранском пантеоне именам этих богов нет. Зато индийский материал предоставляет нам возможность сравнивать скифскую богиню огня Табити с дочерью индоарийского божества Савитара, Тапати, бывшей в браке с мифическим царем Самвараньей. Говоря о попытках определить язык древних скифов, нужно учитывать, что лингвисты выделили пласт славяно-иранских сходжений (изоглосс). Это – слова из сферы морали, права, медицины, быта: Сварог, Хорс, Вий, Рарог, Симаргл, бог, див, ящер, вера, ирий, рай, небо, святой, ватра (огонь), вопить, ворожить, гадать, гатать (заклинать – близко к иранскому «гата»), жертва,

могила, писать, слово, чары, чаша, благо, зло, мудрый, сором, честь, – вет («извет», «совет», «вещать»), вина, рота (клятва), гой (здоровый), хворый, мир. Польские термины «szatrzyc» (колдовать) и «roszwaга» (чудовище) также родственны иранским изоглоссам. Важно, что все эти изоглоссы общеславянские. Некоторые из этих слов известны (в несколько иных формах) и другим индоевропейским народам. Все это говорит только о том, что и речи не может идти о заимствовании этих «схождений» у скифов. В противном случае параллели могли быть только у восточных и южных славян. Мы же наблюдаем, что все эти изоглоссы появились явно во времена общеславянского единства, задолго до VIII века до Р.Х., когда скифы стали заселять и обживать Южное Причерноморье» (Владимир Ларионов, «Скифская Русь. Таинственный исток славянской расы»),

http://thelib.ru/books/larionov_vladimir/skifskaya_rus_tainstvennyy_istok_slavyanskoy_rasy-read-6.html);

«Археологические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что этническая история восточных славян не была единой. Юго-западное и западное направления движения славянских племен на восток предполагает участие в генезисе восточных славян не только представителей разных культур, но и разных антропологических типов. Последнее обстоятельство дает еще раз возможность рассмотреть роль антропологических данных в качестве исторического источника и сделать попытку реконструкции этнической истории восточного славянства на основе смежного с археологией источника... Закономерная географическая приуроченность этих комплексов и разное процентное соотношение их позволяет сделать заключение о преобладании в крайних восточных группах славян (вятичи, ярославские, костромские, владимирские кривичи) антропологических черт, присущих финно-угорскому, по-видимому, древнемордовскому населению Волго-Окского бассейна. Географическая локализация длинноголового, с сильно выступающим носом, сравнительно широколицего комплекса заставляет искать ему аналогии на более западных территориях. Среди восточных славян в наиболее чистом виде он проявляется у вольнян, древлян и полоцких кривичей, а в мезокефальном варианте – у славян Поднестровья [Великанова, 1964, 1965]. Сходная комбинация антропологических признаков характеризует некоторые балтийские группы – латгалов [Кнопге, 1930; Licis, 1939; Дайга, 1957; Алексеев, 1963; Денисова, 1975], земгал [Licis, 1939], жемайтов [Zilinskas, Masalskis, 1937; Битов и др., 1959; Чеснис, 1986]. Несколько особняком стоят поляне, у которых процент слабого выступления носа очень невелик, к тому же здесь не наблюдается сочетания пониженного выступления носовой области с большим черепным указателем. Преобладающим комплексом среди полян оказывается мезокефалия (по утверждениям других авторов суббрахицефалия и брахицефалия, – П.Д.), сильное или среднее выступание носовых костей в сочетании со среднешироким лицом. По-видимому, формирование антропологического облика полян несколько отличается от других этно-территориальных групп славян, входящих в юго-западную волну колонизации» (Татьяна Алексеева, «Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseevoy_Vostochnye-slavyane--

«Этнокультурное слияние некоторых восточнославянских (балтоязычных склавинских, – П.Д.) племен с (славяноязычными, – П.Д.) потомками сарматов (ираноязычным населением южнорусских степей [как ошибочно полагает большинство современных лингвистов, – П.Д.]) произошло значительно позже, в VII – VIII столетиях, во время активной славянской колонизации Поднепровья и Подонья (на самом деле, немного раньше во II–IV столетиях, во время активной колонизации балтского Поднепровья славяноязычными готами, а балтского Подонья славяноязычными сарматами – асами / ясами, известными ранее как аланы-торки и аланы-русы, – П.Д.). Местом их встречи стало Среднее Поднепровье. Асы – одни из осколков сарматской орды – осели в Подонье и, возможно в Поросье (Салтовская культура). В конце VII в. на северной границе асских поселений появились славяне (точнее балтоязычные склавины, постепенно славянизированные аланами-русами = полянами-русами, – П.Д.). Неизбежный процесс метисации соседей был ускорен нашествием хазар, преследовавших разбитую булгарскую орду. Короткая схватка со степняками закончилась сокрушительным поражением асов. Их поселения подверглись полному разгрому, и в начале VIII в. созданное ими межплеменное объединение прекратило свое существование. Тогда же, вероятно, данниками кагана сделались и славяне, заселившие лесостепную полосу, – вятичи, радимичи, северяне. Спасаясь от истребления, (славяноязычные, – П.Д.) асы устремились на север, в полянскую землю (район Поросья). По-видимому, их расселение среди днепровских славян (очевидно, в то время ещё балтоязычных склавинов, – П.Д.) происходило мирно; во всяком случае, археологических следов военных столкновений в этом районе нет. Зато имеются многочисленные подтверждения быстрой ассимиляции пришельцев славянами (на самом же деле, славяноязычные поляне-русы = аланы-асы ассимилировали остатки балтоязычных племен Поднепровья, – П.Д.). Поселения днепровских славян даже в X в. не покрывали область Поросья, а между тем многие элементы поросской культуры ясно прослеживаются в славянских древностях этого времени. Естественно предположить, что это обстоятельство является результатом массового проникновения носителей культуры Поросья в славянскую среду. Антропологические же исследования говорят, что «скифо-сарматские» (то есть алано-асские) черты, в физическом облике киевского населения древней Руси, как городского, так и сельского, выражены настолько ярко, что «это сходство может быть истолковано в плане неславянской (на самом деле, небалтской, – П.Д.) принадлежности (исконно славяноязычных, – П.Д.) полян» [Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. В кн.: «Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении»]. О присутствии в «русских» (гревтунгских / грутунгских = хорутанских и хорезмийских-хурусских, – П.Д.) дружинах киевских князей многочисленного ираноязычного (на самом деле, славяноязычного, – П.Д.) контингента достаточно ясно свидетельствуют иранские (на самом деле, славянские сарматские, – П.Д.) божества Хорс и Симаргл в языческом Пантеоне князя Владимира. Хочу обратить внимание на то, что легенда о полянской дани, выплаченной хазарам мечами, принадлежит именно асскому населению Поднепровья. Упоминание меча, как характерного

предмета вооружения скифо-сарматских народов, прослеживается в письменных памятниках со времен Геродота. Между тем археологические исследования в Среднем Поднепровье говорят о том, что меч «не имеет местных корней в культуре предшествующей поры» [Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР). С. 320], а массовое вооружение мечами восточнославянских ополчений состоялось не ранее X в., то есть тогда, когда Киевское княжество уже избавилось от даннической зависимости от хазар. Следовательно, легенда о дани мечами возникла у народа, который поселился в Среднем Поднепровье в VII – VIII вв. и с давних пор исповедовал культ меча. Этим народом могли быть только (славяноязычные, – П.Д.) асы. В свете приведенных выше антропологических данных о физическом облике «полян», эта гипотеза обретает твердую почву. Образование Днепровской Руси стало той подлинной встречей (балтоязычного, – П.Д.) славянского и иранского (на самом деле, славяноязычного сарматского, – П.Д.) миров, прелюдией к которой был тысячелетний период скифо-сарматского владычества в Северном Причерноморье. С этого времени древнерусская культура испытывает сильное иранское влияние. Древнерусский словарь изобилует словами иранского (на самом деле, древнеславянского сарматского, – П.Д.) происхождения – «топор», «хата», «шаровары» и др. Через посредство асов древняя Русь ознакомилась с вавилонскими и пергамскими мерами длины и веса, общепринятыми в сарматский период на всем Переднем Востоке, на Кавказе и в Северном Причерноморье. Так, древнерусская «большая гривенка» или «русский фунт» соответствует вавилонской мине, а «пуд» – вавилонскому таланту; пергамский «палец» равен русскому «вершку», а «шаг» – «аршину» [Вернадский Г.В. «Древняя Русь»]. Русское народное искусство восприняло многие иранские мотивы. Наиболее яркий из них – излюбленный сюжет древнерусской вышивки: женщина на коне или между двумя конями, под копытами которых, а также наверху изображены по два знака свастики, – вероятно, солнце в «верхней» и «нижней» полусфере небес. Почитание скифами Великой Матери отмечено еще Геродотом; этот культ был характерен и для алан. Древнерусские былины знают немало случаев женитьбы киевских витязей на богатыршах-«поляницах», которые выезжают «в чисто поле поляковать, а искать же себе-ка супротивничка». Причем, как правило, они превосходят мужчин-«супротивничков» силой, удалью и боевым искусством. Вот Добрыня трижды наезжает на случайно встреченную в степи поляницу Настасью, пытаясь сбить ее с коня ударами палицы по голове. На третий раз Настасья, наконец, обращает на него внимание:

«Думала же, русские комарики покусываютъ,

Ажно русские богатыри пощелкиваютъ!»

А свое предложение жениться на ней она облакает в следующую форму:

«Сделай со мной заповедь великую,

А не сделаешь ты заповеди да великия –

На долонь кладу, другой сверху прижму,

Сделаю тебя я да с овсяный блин»

(Сергей Цветков, «Сарматы и славяне»,

http://zaist.ru/news/slavyane_v_antichnosti/sarmaty_i_slavyane/).

К тому же у русскоязычного населения России частота встречаемости надглазничных каналов (35,9%) выше даже, чем у финно-угров манси (32,1%), хотя, конечно же, и существенно ниже, нежели у палеоевропейцев саамов (47,4%), у палеоазиатов эскимосов (57,4%) и у якутов (63%). Ниже, чем у потомков брахикранных готаланов = полян – украинцев (25%) она лишь у других потомков готаланов – у англичан, голландцев (потомков античных брахикранных фризов-вельтов = лютичей-вильцев) и у юго-восточных брахикранных поляков (среди обследованных не негроидных популяций):

«Интересно, что у древних египтян, этрусков, древних славян (полян киевских) и индийцев Уттар Прадеш (потомков бхаратов и кауравов, – П.Д.) частота каналов практически одинакова и составляет 25-28% (а также и то, что все они были и тёмно-краснокожими, – П.Д.)» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев», http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>).

И это хорошо соответствует тому, что как древние египтяне, этруски и кауравы, так и древние славяне были темно-краснокожими подобно индийцам Уттар Прадеш и фактически являлись древними мигрантами из высокогорных долин и ущелий Северо-западной Индии, Пакистана и Афганистана.

3.3 Благодатная земля суперэтноса краснокожих и брахикранных индоевропейцев

Земля же славяноязычных боран / полян (ассоц. с др.-киев. «бóронь» – оборона, защита; заонеж. «порный», пудож. «порной» – «сильный, крепкий, могучий»; лат. «pollentia» – «сила, могущество»; санскр. «balin» – воин; д.-в.-н. «bago» – «воинственные / сильные люди»; англ. «plain», лит. «plynas» – чистый; греч. «πέραν» – вне; исл. «brún» – край; болг. «планина», укр. «полонина» – горы; англ. «plenty» – изобилие; лтш. «pēļņa» – «заслуга, прибыль»; др.-киев. «полон» – добыча) – исполинов и горцев, являвшихся потомками сильных готов-русов, аланов-русов и черных баргар (караболгар), прослыла блистательной, могущественной и благодатной.

И, поэтому-то, она многими средневековыми источниками и называлась не только Болгарией (от и.-е. *b^herǵ^h – «высь, гора» и др.-киев. «бóлого» – благо), но и Хорватией = Кroatией (Κρατία), и Грецией (от др.-греч. «χυρος» – «сила, власть», «χαρτος» – «сила, могущество», «χάρις» – слава, благодать, почитание, честь, уважение; лат. «gratia» – «благодать, грация»; англ. «greatest» – «величайший, высочайший», венетск. «saranto» – гора).

Этнонимы насельцев как находившейся ранее на землях Украины и Кубани Великой Болгарии = Бугариты (макед. «бугарите» – болгары), так и ведической Бхараты, и мифической Пуласты = Пеласгии (егип. «pulasti», ассир. «palastu» – «пеласги, филистимляне»; лат. «philisthiim» – филистимляне; валл. «Balestina» и япон. «Paresuchina» –

Палестина) весьма близки друг к другу и, очевидно, соответствуют одному и тому же древнему суперэтносу темно-краснокожих и брахикранный индоевропейцев. Ведь всем этим этнонимам хорошо соответствуют как протоиндоевроп. *b(h)erǵ – «верхний и величественный» (нем., нидерл. «berg», ирл. «bagt», хинди «parvata» – гора [вершина]), так и производные от него др.-киев. «болого», сакск. «pharṭa», бенг. «bhāla» – «фарн, благо».

Однако же, в отличие от балтоязычных савроматов, темно-краснокожие брахикранные предки как пеласгов (Майкопская АК), так и других древних индоевропейцев, очевидно, прибыли на земли Кубани и Украины не непосредственно из Индии, а из западно-иранского нагорья (Загроса).

3.4 Миграция прабалто-славян из Индии в Китай и далее в Европу

Темно-красные и брахикранные прабалты и праславяне, известные в Европе как серы (в Китае – как индоевропейская знать шанов = серов) и тохары / согдийцы (в Китае – как индоевропейская знать чжоусцев из дома Чжоу и юэчжийцы со знатью из дома Чжаову) и входившие позже в савроматские, сарматские, алано-готские (античные германские и другие западно-юэчжийские), кидаритские (болгарские и хазарские), гуннские (жунские юэчжийские и хорезмийские юецзийские), печенежские (кангарские) и огузские (торкские) союзы племен, появились на землях Кубани и Украины гораздо позже, мигрировав из Индии в Европу через Китай:

«Нельзя, конечно, отрицать возможности проникновения темных (интенсивно пигментированных) южных европеоидов в Китай и с юга: в Гуандун с арабами, селившимися там в период VII – X вв., или в Тибет (и Ганьсу и далее в Северо-восточный Китай в период III – II тыс. до н. э., – П.Д.) через проходы в Гималаях со стороны Индии» («Энциклопедия Китая // Южноазиатские группы», <http://abirus.ru/content/564/623/624/639/11952/11963.html>; «Этнографический блог о народах и странах мира их истории и культуре // Локальные типы южноазиатской группы», <http://lib7.com/aziatyy/222-uznoaziatskaja-grypa-east-asia.html>);

«На определенном историческом этапе, в течение нескольких веков после завоевания чжоусцами царства Шан-Инь, представители белой европеоидной расы (на самом деле, интенсивно пигментированные праславяне, потомков которых из-за черного цвета их кожи называли в античные века германцами, – П.Д.), вероятно, составляли военнополитическую элиту Северного Китая. Иначе трудно объяснить, почему некоторые китайские императоры, вплоть до периода «Троецарствия» (220 – 280 гг. до н.э.) имели достаточно выраженный европеоидный облик. Цинь Ши Хуан, император династии Цинь (246 – 209 гг. до н.э.), имел продолговатое лицо, широкие глаза и выдающийся нос. Столь же выраженными арийскими чертами обладал и родоначальник династии Хань – Гао-Ди: «Родился в нынешней губернии Ганьсу области Сюй-чжеу-фу. Он имел орлиный нос, широкий лоб, был прост и одарен обширным соображением». Сыма Цянь добавляет, что Гао-Ди имел бороду и бакенбарды – физиономические признаки, почти невысказанные у этнически чистых китайцев» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rus-obr.ru/idea/1828>);

«К сказанному стоит добавить, что ряд современных исследователей зафиксировали связи между индоевропейскими и древнекитайским языками. И хотя параллелей пока обнаружено сравнительно немного, сам факт несомненен – вопрос лишь в том, как его интерпретировать. И если напомнить, что индоевропейское племя тохаров реально обитало рядом с чжоусцами, в районе современного Синь-цзяна, то есть все основания не только согласиться с идеей о многолинейности процесса генезиса чжоусцев, но и связать ее с проблемой генезиса шанского очага цивилизации. Ведь аньянская фаза существования шанцев – тот же рубеж второй и третьей трети II тысячелетия до н.э., когда формировалось и структурировалось протогосударственное образование Чжоу. Как тут не согласиться с идеей Э. Паллиблэнка, согласно которой мало что могло удержать степняков-индоевропейцев (очевидно, всё же горцев и жителей предгорий, – П.Д.) «от того, чтобы вторгнуться в Китай и осесть там, принеся с собой технические достижения Ближнего Востока (и, прежде всего, Индии, – П.Д.), которые могли заложить основы цивилизации с письменностью, металлургией и т.п.». Иными словами, те самые процессы, которые привели к возникновению основ китайской цивилизации Шан, на ее периферии могли сыграть свою роль в формировании небольшой этнической общности чжоусцев, оказавшейся затем в сфере культурного воздействия шанцев» (Леонид Васильев, «Древний Китай», Том 1. «Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)», http://historylib.org/historybooks/Vasilev-Leonid-Sergeevich_Drevniy-Kitay--Tom-1--Predystoriya--SHan-In--Zapadnoe-CHzhou--do-VIII-v--do-n--e--/36);

«Юэчжи (юечжи / гутти, – П.Д.) – могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников – известны под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III – II вв. до н.э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии – «данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего, не позже VII – VI вв. до н.э.» [Грантовский, 1998]» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226785>);

«Первые китайские посольства застали главную орду юечжийцев на северном берегу Аму-Дарьи; впоследствии владельцы юечжийцев жили в Афганистане и в Индии; главная ставка их северных соседей, кангюйцев, передвинулась из местности к северу от Ферганы, где ее помещают первые китайские известия, до области Шахрисябза, где она находилась в эпоху китайской династии Цзинь (265 – 419). Но граница между владениями юечжийцев и кангюйцев, по-видимому, оставалась прежняя; область Шахрисябза, и во II в. до н.э. находилась в зависимости от кангюйцев; местность к северу от Аму-Дарьи, т.е. восточная часть бывшего Бухарского ханства, оставалась под властью юечжийцев и после завоевания ими областей Афганистана и Индии, так как с владениями юечжийцев граничила на юге Фергана... Прямых известий о движении (потомков славяноязычных жунов юэчжийцев, –

П.Д.) юебаньцев на юг нет, но было высказано мнение, что из их среды вышли хиониты классических писателей и иранского священного писания (Авесты), дошедшие до границы Персии и упоминающиеся в IV и V вв. то как враги персов, то как их союзники в борьбе с римлянами. Юебаньцы могли быть постепенно оттеснены на юг враждовавшим с «ими восточноазиатским народом, название которого приводится китайцами в форме жужань, или жуань-жуань. Жужаньцы распространили свои владения далеко на запад и, между прочим, вытеснили усуней из равнинной части Семиречья в горы. Под давлением жужаньцев произошло также в том же V в. движение на юг народа, известного у греков под названием, эфталитов или абделов, у китайцев под названием еда, впоследствии у арабов под названием хайтал. На тот же народ, вероятно по причинам политического характера, было распространено название хунны, часто встречающийся термин «белые хунны» показывает, что в этнографическом смысле эфталитов и хуннов не считали одним и тем же народом. Очень вероятно, что эфталиты вышли из среды оставшихся на востоке соплеменников юечжийцев; царь Кидара, по имени которого римский писатель V в. Приск называет эфталитов «кидаритскими хуннами», упоминается в китайской истории как предводитель (жунов, – П.Д.) юечжийцев; таким же образом классическими авторами было распространено на эфталитов название кушаны. Подобно юечжийцам эфталиты облюбовали берега Аму-Дарьи; их столица находилась в Бадахшане, откуда они распространили свои владения на юг до Кабула и Инда; в 544 г. они были разбиты союзом индийских князей. Замечательно, что и индийцы, подобно грекам и римлянам, называют эфталитов хуннами {хуна}» (Василий Бартольд, «Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана», <http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=79>);

«...сарматы (славяноязычные жуны юечжийцы, – П.Д.) принимали очень активное участие в передвижениях праболгар, в том числе и в Европу. Балкано-дунайская культура Дунайской Болгарии, которую ученые связывают с болгарами-тюрьками, сложилась во многом на (славяноязычной, – П.Д.) сарматской основе. Сходные с ними краниологические серии происходят из болгарского комплекса Плиски на Дунае. То есть асы (ясы и другие славяноязычные племена, – П.Д.) составляли значительную часть населения Великой Болгарии и после ее распада расселялись вместе с болгарами» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата», <http://lib.rus.ec/b/92284/read#t45> ; http://mishka-oz.ru/download/docs_11691 ; <https://history.wikireading.ru/276975>);

«Джувайни указывал, что монголы овладели землями асов, при этом четко противопоставляя их (родственным кавказским, – П.Д.) аланам. В другом отрывке своего сочинения он, вновь перечисляя покоренные Батыем земли, говорит об асах и аланах отдельно. То же мы видим и у перса Джузджани, писавшего, возможно, несколько раньше Джувайни, и у Казвини, писавшего примерно на столетия позже. Это дает некоторые основания считать, что под «асами» восточные авторы имели в виду отнюдь не Кавказский народ, тем более, что при перечислении их часто помещают вместе с Русью и Волжской

Болгарией, а не с аланами. Видимо, эти асы – те самые (славяноязычные, – П.Д.) ясы, о которых писал русский летописец под 1116 г., размещая их на берегах Северского Донца. Вероятно, они так и остались там – на «нейтральных» русско-половецких территориях, никогда, естественно, не принимая никакого участия во враждебных действиях против русских княжеств и потому ни разу после начала XII в. и не упомянутые летописью. Однако этнически и территориально это была вполне реальная общность, которую надо было брать силой, о чем хорошо были осведомлены завоеватели» (Светлана Плетнева, «Половцы», <http://annales.info/step/pletneva/index.htm>).

3.5 Балто-славяноязычные жуны (гунны) – горцы

Так как ни угры, ни ушедшие на Запад потомки тюркютов не практиковали трупосожжение, то основной этнической составляющей как не склонных к рабовладению жунов утигуров (очевидно, родственных ютам, *ютичам / лютичам = вильцам и другим потомкам юэчжийцев), так и их потомков караболгаров – асов / ясов были, конечно же, славяноязычные племена:

«Археологические памятники времени утверждения тюркоязычных (на самом деле славяноязычных жунских и аланских, – П.Д.) племен в Восточной Европе остаются, к сожалению, очень плохо изученными и поэтому очень мало добавляют к тем сведениям, которые можно извлечь из письменных источников... Различаются два рода погребений: с трупосожжением и с трупоположением. По форме могильного сооружения – узкая яма с подбоем – последние не отличаются от погребений предшествующего позднесарматского периода. Новым здесь является только положение с покойником-мужчиной частей коня – головы и конечностей с копытами. Новыми формами представлено и оружие. Как и следовало ожидать, чаще всего при погребенных встречаются остатки лука со стрелами. Луки длинные, до 1,65 м, с костяными обкладками на концах и в середине. Накладки, охватывающие концы лука, состоят из четырех, позже двух несколько изогнутых пластин с вырезом на конце для крепления тетивы; средние костяные накладки широкие и тонкие с концами, срезанными углом. Подобный лук еще в III – II вв. до н.э. появляется в усуньско-хуннской среде и в Восточную Европу проникает не раньше первых веков нашей эры, получая здесь широкое распространение только со времени гуннского нашествия. Этот тип лука имеет все основания называться «гуннским»...» (Михаил Артамонов, «История хазар», <http://gumilevica.kulichki.net/AMI/ami104.htm>);

«В гуннах II в. района Приднепровья нет никаких оснований видеть тюрков, как не видно их следа и в «Гуналанде» – Фрисландии. Напротив, и археологические, и лингвистические данные свидетельствуют о их индоевропейской принадлежности (может быть с очень древним уральским налетом). Иордан отметил обычай племен «перенимать по большей части имена» и указал на «гуннское» происхождение многих имен готов. Это указание иногда корректируется в том смысле, что, наоборот, гунны заимствуют германские имена. Но, очевидно, Иордан, равно как и его потенциальные читатели, понимали, что имена эти не германские. Вместе с тем в них нет и какого-либо тюркского элемента. Это особый

пласт индоевропейских имен. Круг имен, воспринимавшихся Иорданом и его современниками как негерманские, «гуннские», достаточно хорошо известен. Это имена т.н. «германских» племен, вторгнувшихся в Центральную Европу с побережья Северного моря и из Прибалтики: ругов, вандалов, гепидов и т.д. В них очень часто повторяется и компонент «гун»: Гунимунд, Гунильда, Гунар, Гундобад и т.п. Можно с большой долей уверенности предполагать, что компонент «гун» в данном случае обозначает либо племенное название (благородные, честолюбивые; фин. «kunnia», лат., англ., польск. «honor», гуджар. «Ṁnaga», ирл. «onóig», лтш. «godu», фриз. «eare», норв., дат. «æge», швед. «åga» – честь, – П.Д.), либо просто человека (точнее, высокорослого человека: кит. «jun / жун» – «высокий, красивый, прелестный», кор. «gin» – высокий; кор. «geoin», балтийское поморск. «хун», вал. «anferth», ст.-нем. «Enz / Anzi» – великан; нем. «Hüne» – «гигант, богатырь»; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; франц. «géant», англ. «giant», швед. «jätte», курд. «hût», гуджарати «Jāyaṅṅa» – гигант; баск. «handi» – большой; англ. «Genie», серб. «џин», норв. «ånd», швед. «Ande», исл. «Andinn» – «Джинн, Дух», – П.Д.)... Приск указал, что «гуннский» язык отличался от собственного «варварского» (тунгусского, – П.Д.), языка части правящей верхушки, который употреблялся лишь в качестве домашнего. На «гуннском» языке Приск называет два слова: название напитка – «medos» и название погребальной тризны – «strava». Многие авторы на основе этих примеров приходили к заключению о славянском присутствии в гуннском объединении...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-80.htm>);

«Гунны (жуны, – П.Д.) же со своим предводителем направились к себе домой, чтобы там впредь жить одни. Когда они очутились вблизи Меотийского озера, то встретились там с так называемыми готами-тетракситами. Готы, оградившись сначала щитами, стали против наступающих с целью защищаться, надеясь на свою силу и на крепость местности. Из всех тамошних варваров они являются самыми мужественными. Начало Меотийского пролива, где тогда обитали готы-тетракситы, образуя лунообразный залив и наилучшим образом ограждая их, оставляло для нападающих только один не очень широкий вход к ним. Позднее же, так как ни гунны не хотели терять здесь своего времени, ни готы не надеялись в течение долгого времени противостоять множеству врагов, они вступили друг с другом в соглашение, чтобы соединившись сделать сообща переход и чтобы готам поселиться на противоположном материке на самом берегу пролива, где они и теперь сидят, и чтобы сделавшись на будущее время друзьями и союзниками утигуров, жить там с ними на вечные времена на одних и тех же правах. Таким образом эти готы основались здесь» (Прокопий Кессарийский, цит. по А.Л. Ермолин, «Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н.э.)», <http://annales.info/step/hunny/ermolin.htm>);

«Что касается отношений с племенами, насильственно вовлеченными утигурами (жунами / гуннами, – П.Д.) в союз, то, согласно источнику, обязанности готов-тетракситов не

были слишком обременительны: они должны были участвовать в совместных военных экспедициях и были настолько независимы, что самостоятельно отправляли посольство в Византию, правда, по религиозным вопросам. Можно объяснить отсутствие сведений, скажем, о взимаемой дани или каких-либо других тяготах, неосведомленностью Прокопия. Но также можно предположить, что его описание соответствовало реальному, довольно свободному, положению готов, так как они не были разбиты и побеждены утигурами, а вступили с ними в союз в результате переговоров, в ходе которых обязались выполнять два условия: переселиться на территорию последних и оказывать им военную помощь, в остальном же обладать «...равными и одинаковыми правами...» (В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова, «Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты», <http://flibusta.site/b/493178/read>; <http://www.twirpx.com/file/1272777/>).

Очевидно, не только анты, юты и утигуры / утригуры / утургуры, но и кутригуры (котригуры / котраги), оногуры = анклии и англы были потомками сарматских (жунских) и юэчжийских племён, родственных «незнаемым» Агафием высокорослым ультизурам (альтцигирам / *антцигирам; лат. «alta, altus» – высокий, кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; франц. «géant», англ. «giant», гуджарати. «Jāyaṅṅa» – гигант; баск. «handi» – большой; монг. «ариун, өндөр» – высокий; валл. «anterth» – «пик, высота»):

«Ультизуры (возможно, предки славянизировавшихся балтов янтсай / антов, – П.Д.) и вуругунды (бургунды и другие славяноязычные готские племена, – П.Д.) считались могущественными и были знамениты во времена императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне, их не знаем и, думаю, никогда не узнаем или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие местности. Однако в тот год, когда моровая язва напала на город (Константинополь), некоторые племена гуннов (утригуры и кутригуры, – П.Д.) оказались существующими и к тому же весьма страшными...» (Агафий Миринейский, «О царствовании Юстиниана», <https://unotices.com/book.php?id=54131&page=38>; <http://www.litmir.net/br/?b=107324&p=38>);

«Улучи, с их вариантами Уличи (арм. «Улахи» = Валахи, – П.Д.), Улутичи и Лутичи, обыкновенно отождествляются, и совершенно справедливо, с народом Угличи, у баварского географа Unlizi, у Константина Багрянородного Oultinoi. Константин причисляет Ультинов к тем славянским племенам, которые платили дань Руси. Восходя к более ранним источникам, мы встречаем тех же Ультинов в VI веке у Агафия, только с обычным в то время окончанием на гуры или зуры, а именно Ультинзуры (Oultinzoupoi). Агафий приводит их как подразделение Гуннского племени вместе с Котригурами, Утригурами и Буругундами; а под Гуннами у него являются не кто другой, как Болгаре. У старшего Агафиева современника Иорнанда встречаем тех же Ультинзуров, но под вариантом Ульцингуров (Ulzingures); он приводит их в числе народов, подвластных Гуннам (сар. LIII). Что наши южные Угличи были племена Болгарские, подтверждает также упомянутая выше легенда. Она повествует, что Аспарухова часть пришла на Дунай от реки или от местности, которая «на их языке» (то есть на болгарском) называется Онглон или Оглон (Унгул или Ингул, а без носового звука –

Угол» (Дмитрий. Иловайский, «Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю», http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_nachalo_rusi.html);

«За общим описанием племён и народов, в переводе Орозия приводятся рассказы норвежского путешественника Оттара о его поездке в Бьярмию и ютландский город Хаитабу (Хедум). В нашем случае интерес вызывает последний рассказ, в котором имеются подробные описания датских провинций конца IX века. Различие источников обоих отрывков – описаний земель и народов Германии и поездки Оттара – видно, в частности, и по разному написанию датской области Англия, в первом случае Ongle, во втором – Angle (земля анклиев = англов = *унгличей / угличей, – П.Д.). Итак, Оттар сообщил, что, сев на корабль в Норвегии, через 5 дней он прибыл в: Naethum, se stent betuh Winedum, Seaxum, Angle, hyrd in on Dene (Хедум, который стоит между винадами, саксами, англами, [и] принадлежит данам) (The Old English Orosius, I.i., p. 16)» (Андрей Пауль, «Балтийские славяне», http://loveread.ec/read_book.php?id=54222&p=43).

И, поэтому-то, балто-славяноязычными кударитскими (болгаро-хазарскими) предками уличей (унгличей / улучей / улутичей, лютичей, лучан) были не только ульцигуры / альтцигиры / *антцигиры = янтсай = анты (лат. «ultimum», санскр. «antas» – край), но и кутригуры («украинцы-хуторяне»; укр., блр. «кут», цслав. «кѣтъ», болг. «кът», сербохорв. «куѣт», словен. «kóŭt», чеш. «kout», словц. «kút», польск. «kaŭt», в.-луж., н.-луж. «kut», турец., кр.тат. «kõşe» – «угол, тупик»; праиндоевр. *kant-, лат. «cantus», швед. «knut», япон. «kado», «hazi» – угол; укр. «готáр» – межа, «хотáр» – «все принадлежащие селению земли»; кит. «qū, qūyù», сербохорв. «хаѣ́ар» – «край, область, округ»; словен. «határ» – «граница, местность»; д.-в.-н. «huntari», др.-шв. «hundari» – «часть округа»; венг. «határ» – «граница, рубеж», – Фасмер; др.-греч. «καθαρός» – «свободный, чистый, ясный, яркий»; хинди «kaṭṭara» – «матёрый, заядлый»).

На это указывает не только то, что горцы кутригуры = котраги (алб. «kodër» – холм, дакск. «codru» – бор) ранее проживали в Кодрах и на других будущих землях угличей = уличей, а и признание их родственным себе племенем утигурами = яссами, которые вместе с германизовавшимися в тёмные века англами (возможно, потомками предков оногуров), ютами (возможно, потомками, как и утигуры, *утиев = юэджи) и фризами = русами (потомками вельтов / велетов = вильцев / лютичей / *ютичей), оногурами и оногундурами (янтсай = антами и вэньоуто = венендурами / венедерами = венедами) являлись потомками прабалто-славяноязычных жунов = уннов / гуннов (греч. «εὐγενής» – «благородный, знатный»; кит. «guì» – «важный, знатный, благородный», «guāng» – «свет, излучение, блеск, сияние, слава, славный»):

«Согласно «Цзо-чжуань», жуны отличались от чжоусцев одеждой, едой, языком, обычаями и деньгами. Но было и некоторое сходство, среди жунов были с китайскими фамилиями Цзи и Цзян. Несмотря на отличия, китайцы часто и тесно контактировали с жунами, например, Цзиньский Сянь-гун взял себе в жёны жунскую княжну. Жуны появились на горизонте китайцев в конце династии Шан – начале Западной Чжоу. К концу Западной Чжоу жуны были на пике могущества, внеся свой вклад в её падение. В период Чунцю жуны

совершали набеги на срединную китайскую равнину, не страшась даже сильнейших княжеств Цзинь и Ци. Наибольшее влияние жуны оказывали на соседнее с ними царство Цинь, которое из-за этого считалось полуварварским. Начиная с середины периода Чуньцю царство Цинь покорило множество жунских племён, а после прихода к власти династии Цинь жуны были окончательно разбиты... Жуны впервые упоминаются на гадательных костях из города Инь, столицы царства Шан. Но идёт ли речь о них, как о национальности, пока неизвестно. Жителей западных окраин шанцы называли цянами. Жуны вытеснили народ Чжоу из земли Бинь на равнину Чжоуюань. Правитель Чжоу Гугун Даньфу руководил переселением. Он взял себе в жёны Тайцзян из рода Цзян, который как минимум отчасти имеет жунское происхождение. Во всяком случае, часть чжоусских додинастических захоронений имеют жунские черты...» (Энциклопедия Китая: «Жуны», <http://infokitai.com/zhuny.html>);

«По упоминаниям географических названий, так или иначе связанных с походами против цянов, можно судить, что эти племена были западными соседями Инь. Но цяны иногда называются в надписях «северными» (бэй цян) [Ло Чжэнь-юй, Хуан Цзюнь]. Все это позволяет предполагать, что в конце XIII в. до н.э. цяны занимали территории, некогда принадлежавшие иньцам, – западную и центральную часть Хэнани, а также, вероятно, южную часть Шаньси. Характерно и другое определение, нередко прилагаемое к цянам в иньских надписях, – «лошадиные» или «во множестве разводящие лошадей» (ма цян, до ма цян) [Хаяси Тайсукэ, Го Мо-жо]. Заметим, что сами иньцы разводить лошадей не умели. Потребности в лошадях для нужд армии, главной ударной силой в которой были боевые колесницы, иньцы удовлетворяли за счет дани от западных и северо-западных соседей... Цяны не упоминаются в источниках чжоуского времени. Тем не менее есть серьезные основания полагать, что именно эти племена фигурируют в более поздних письменных источниках под именем «жунов». В X – VI вв. до н. э. одна из групп жунов называлась «цзян-жун» или «жуны, носящие родовое имя Цзян». Весьма вероятно, что этимологически Цзян восходит к названию «цяны», точно так же как цюаньжуны чжоуского времени, по-видимому, непосредственно связаны с племенами цюань иньских надписей. Как предполагает Мэн Вэнь-тун, первые правители наследственного владения Цинь, возникшего в X – IX вв. до н.э., были выходцами из племени цюаньжунов [Мэн Вэнь-тун]. Под ударами цюаньжунов в 771 г. до н. э. пала чжоуская столица [Такигава Камэтаро]... Анализируя результаты археологических раскопок на востоке провинции Ганьсу, Ся Най высказал предположение, что энеолитические культуры, открытые в этом районе (в частности, сыва), связаны с этнической общностью жунов. Основанием для этого ему послужила находка захоронения культуры сыва с трупосожжением. Как свидетельствуют некоторые источники, такой обычай практиковался в Ицюй [Моцзы иньдэ]. Хотя кремация – отнюдь не единственный способ захоронения, зафиксированный в могильниках культуры сыва, такое предположение представляется весьма убедительным. Если оно верно, поздняя энеолитическая серия древних черепов, добытая Ю. Андерсоном в погребениях культур сыва, шадин, синьдянь и описанная Д. Блэком, является источником наших суждений о физическом типе племен западных жунов в первой половине I тысячелетия до н.э. В этой связи уместно поставить

вопрос о вероятном этническом родстве жунов и чжоусцев. Есть основания полагать, что по своему происхождению чжоусцы были связаны с группой племен, сформировавшихся на территории современных провинций Шэньси и Ганьсу и говоривших на тибето-бирманских языках (очевидно, всё же на прабалто-славянских ввиду европеоидности ди и других родственных им жунских племён, ставших известными позже в Европе как савроматы и сарматы, – П.Д.). Обособление двух подразделений этой группы, одно из которых привело к формированию цянов (жунов), другое – чжоусцев, началось, по-видимому, еще в конце III тысячелетия до н.э. Смутные reminiscences этого процесса нашли отражение в древнекитайских мифах, в которых племена восточной части этой группы были персонифицированы в образе «императора» Хуанди, а западной – Яньди; оба они якобы были братьями, но «Хуанди появился на р. Цзишуй, Яньди – на р. Цзяншуй; они появились и обнаружили различные добродетели, поэтому Хуанди основал род Цзи, а Яньди – род Цзян» [Гюй]. Цзи – это родовое имя чжоусцев; Цзян этимологически идентично наименованию «цян». Согласно легенде, матерью первопредка чжоусцев была Цзян Юань, т.е. женщина из рода Цзян [Такигава Камэтаро]. Таким образом, можно предполагать, что чжоусцы и цяны имели общих предков. Позднее, в результате обособления чжоусцев, с одной стороны, и цянов (жунов) – с другой, представление о единстве происхождения этих племен постепенно отходит на второй план и затушевывается политическим противоборством» (М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров, «Древние китайцы: проблемы этногенеза // Цяны (жуны)», http://oldeurasia.ru/library/M--V--Kryukov--M--V--Sofronov--N-N--CHEboksarov_Drevnie-kitaytsy-problemy-etnogeneza/69);

«Нельзя не обратить внимания на глубокую путаницу в источниках и ранней историографической традиции в связи с определением этнической природы гуннов. Так, в «Норманской хронике» (837 – 891 гг.) имеется свидетельство, размещающее «гунов» среди населения острова Сканзы (т.е. Скандинавии). Отстаивая традиционное норманистское положение об этнической однородности скандинавского населения, А. Стендер-Петерсен заметил, что «анналист, очевидно, хотел блеснуть своими поверхностными познаниями и прибавил отсебятину самого плохого качества». Объяснение явно также не лучшего качества, тем более что еще один автор говорит примерно о том же: Видукинд (X в.) отмечает, что «гунны вышли из готов, а готы, как повествует Иордан, вышли с острова по названию Сульце... Имеется группа источников, которая сближает гуннов со славянами. Известно, что название «Хунгария» – Венгрия явилось в результате осмысления династии венгерских королей в качестве преемников Атиллы. В славянской же историографии было распространено убеждение, что «хунгары» – это славяне, пришедшие из Поморья, от реки Вкра или Укра. Отсюда в некоторых случаях смешение «укран» с «унгарами». Сам Атила в средневековой славянской традиции воспринимался нередко в качестве первого короля Померании или в качестве первого правителя вандалов, коих обычно рассматривали как предков славян на территории между Эльбой и Вислой. В качестве такового Атила рассматривается в «Хронике Великопольской», где также ставится знак равенства между хунгарами и вандалами. В саге о Тидреке Бернском «Гуналанд» располагается на запад от Польши и прямо отождествляется с Фрисландией. П. Шафарик привел большое количество

сведений о позднейшем смешении славян с гуннами, причем даже в XIX в. немцы именовали «гуннами» группу славян, проживавших в Швейцарии. «Городом гунов» в некоторых сагах именуется балто-славянский Волин, а этническое название «гунов» распространяется на вендов-венедов. С другой стороны, Адам Бременский (XIV в.) знал, что Русь, называвшаяся варварами Дании Острогардом, имела еще и другое название: Хунгард, поскольку здесь первоначально проживали гунны. Этот сюжет повторяет и Гельмольд, склонный и предполагаемых потомков гуннов – венгров отнести к славянам...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-79.html>);

«Гунны, без преувеличения, самый загадочный народ, пронесшийся над Европой в том смерче, который именуют «Великим переселением народов». У нас есть два подробных описания гуннов – труд римского историка Аммиана Марцеллина (на нем, собственно, и основано нынешнее представление о гуннах вообще, об их внешности и образе жизни), и мемуары дипломата Приска Паннийского, ездившего в столицу Аттилы с византийским посольством. Так вот если вычеркнуть из обоих описаний слово «гунны», то никто не догадается по ним, что речь идет об одном и том же народе. Гунны Аммиана безобразны, подобны «двуногим зверям». Приск отмечает красоту гуннских женщин, а встретив прижившегося среди гуннов эллина, не узнал в нем земляка, пока тот не заговорил. Гунны Аммиана проводят жизнь на седле и в кибитке, боясь зданий, будто гробниц, и всю жизнь проводят в кочевьях, так что никто из них не знает, где родился. Приск описывает столицу Аттилы, как настоящий деревянный город, описывает и дворец вождя. Аммиан утверждает, что гунны никогда не касаются сохи. Согласно Приску, гуннское простонародье пьет напиток из ячменя, а знать любит вино – и то, и другое без земледелия немыслимо. Гунны Аммиана одеваются в шкуры и носят их, пока те не развалятся. Гунны Приска одеваются хорошо, а знатные – даже роскошно. Интересно – особенно для нашей темы – то, что Приск величает Аттилу «повелителем отдаленных островов океана». Речь, скорее всего, идет про Балтийское море – к иному «океану» владения Аттилы не могли выйти в принципе. Но... каким образом их «повелителем» мог бы стать вождь конной орды кочевников, которые, как это живописно обрисовано у Аммиана, спустившись с седла, едва могут ходить? Никакая конница и в более поздние времена не доходила до балтийских берегов из Приднепровья или Подунавья. Тем паче невозможно было это полторы тысячелетия назад» (Лев Прозоров, «Варяжская Русь. Славянская Атлантида», <https://unotices.com/book.php?id=108806&page=7>);

«Полчища кутригур, вместе с которыми Феофан и Кедрин называют славян, перейдя по льду Дунай, вторглись в пределы Византии и, разделившись на три отряда, начали опустошения и грабежи... По словам продолжателя Агафия – Менандра, Юстиниан, опасаясь новых нападений со стороны кутригур, не давал покоя вождю утигур Сандилху, всеми способами, подстрекая его воевать против Завергана. Он обещал ему передать то жалование, которое Византия ежегодно выплачивала кутригурам, если Сандилх их одолеет. Сандилх ответил, что хотя он и желает находиться в дружеских отношениях с Византией, однако считает неприличным и незаконным вконец истреблять своих соплеменников, не

только говорящих одним языком с утигурами, но и ведущих одинаковый с ними образ жизни, носящих одинаковую одежду и родственников с ними, хотя и подвластных другим вождям» (Михаил Артамонов, «История хазар», <http://gumilevica.kulichki.net/AMI/ami104.htm>);

«Кутригуры были племенем, родственным утигурам. Об этом свидетельствует и их легендарная генеалогия, записанная Прокопием: «В старые времена многочисленные гунны, называвшиеся киммерийцы, населяли земли мною уже упомянутые. У них у всех был единый правитель. Случилось так, что у одного их царя было два сына: одного звали Утигур, а другого Кутригур. После смерти отца они разделили власть между собой и дали свои имена подданным им народам, так что и поныне часть их называется утигуры, а часть – кутригуры»... Кутригуры заселяли земли к западу от Азовского моря и реки Дон. В середине VI-ого века они возглавляли могущественный союз племен способный осуществлять серьёзный натиск на балканские провинции Византии, захватывая там огромную добычу и обращая в рабство десятки тысяч византийцев... А.В. Гадло пришел к выводу, что название «банджар» относится к огурам, а «баланджар» (*барангуры = варанги = варяги / варязи = фрязи, – П.Д.) – это персидско-арабская форма этнонима оногур = утигур (потомков даюэчжи аланов-руссов: фризов, англов, ютов, ясов и др., – П.Д.)... Арабский миссионер ибн-Фадлан... упоминает о том, что во время путешествия в Волжскую Болгарию в 922 году ему довелось видеть группу в 5000 баранджаров (баланджаров), которые много лет назад переселились на Волгу к булгарам (и, возможно, что именно они и были известны на Востоке [Ал-Бекри] как волжская народность Анклий, – П.Д.)...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья», <http://dalaruh.kz/articles/view/296>, <http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimitar%20Dimitrov/Dimitar%20Dimitrov.htm>);

«По мнению В.Н. Златарского и Н.С. Державина, болгар следует видеть в гуннских племенах кутригуров и утигуров. Оснований для такого мнения в источниках нет. Когда Агафий и Менандр рассказывают о кутригурах и утигурах, они прибавляют к их собственному имени еще и общеплеменное и называют их «кутригурогунны», «утигурогунны». Ничего этого нет при написании писателями IV – VII вв. имени «булгары». Кроме того, набеги болгар не совпадали с набегами кутригуров и утигуров ни территориально, ни хронологически. Булгары (очевидно, в то время ещё балтоязычные вэньсу = вэньоуто = вхндур = οὐενέδοι / венеды, – П.Д.) напали на Византию за пятьдесят лет до появления кутригуров в Подунавье и долго тревожили ее после того, как имена кутригуров и утигуров уже были забыты (а союзы некоторых балтских и славянских племён уже возглавляли тюркюты, – П.Д.). Хронист Захарий Ритор (VI в.), перечисляя кочевые племена Прикаспия, называл болгар (у него – «бургар») и кутригуров (куртаргар) двумя разными народами, подчеркивая, что (частично тюркизировавшиеся, – П.Д.) бургары – народ языческий и варварский, имеющий города и свой особый язык... В Нижней Мезии возникло объединение семи славянских племен, а к востоку от него – объединение Северян. Все эти объединения нуждались в военной силе, не связанной своим происхождением ни с одним племенем, входящим в их состав, поскольку эта сила должна была противостоять

демократичным традициям племен и являться самостоятельной по отношению к каждому из них. Новое переселение болгар в Подунавье дало такую силу для одного из этих объединений – для семи славянских племен... Таким образом, болгарская орда Аспаруха в 70-х годах VII в., как и ее сородичи (балто-славяноязычные вуругунды, ультизуры = альтцигир и вхндур = веныды, – П.Д.) в прежние времена, переселилась в Подунавье из основной территории болгарских поселений – из Северо-Западного Прикаспия и предгорий Большого Кавказа. Это подтверждается и археологическими исследованиями (сармато-аланские формы бытовых материалов и погребальных обрядов в Плиске, Мадаре, Преславле и Нови-Пазаре). Сплоченные своей военной организацией, болгары явились именно той военной силой, в которой нуждалась правящая верхушка союза семи славянских племен. Поэтому она заключила с ними союз (или пакт – по Феофану), чем помогла болгарской знати установить свое господство над этим союзом, получившим с 680г. наименование Болгарского государства» (В.Т. Сиротенко, «Письменные свидетельства о болгарях IV – VII в свете современных им исторических событий», http://groznijat.tripod.com/fadlan/v_sirotenko.html);

«...многие заметили, что греческий народ еще и ныне называет болгар вургерами, вургарами (φιοβρῦεροί, φιοβρῦαροί): а прежде легко может быть и ургерами, ургарами (οβρῦερο, οβρῦαροί, οβρῦον/βαί), по произволу. Бергенди у Гербелота называет их вургьян или воргьян (burgjan, borgjan), Абулфеда борган (borgjan), бурган, и инде воргал, нубийский географ или его переводчик – вергьян. Сие же имя находим переделанное и в вуругунды, как уже справедливо заметил и Тунманн. «Paulus Warnefridi, – говорит он, – страну болгар, напавших на его лонгобардов, именует Wurgundaib». Нередко подобное правописание можно встретить и у греческих писателей. В Миланской области в Италии часть болгар составила было особое графство, которые называли Вургарию» (Юрий Венелин, «Истоки Руси и славянства», <http://www.istmira.com/knigi-istoriya-rossii/11/11/page/34/Istoki-Rusi-i-Slavyanstva.html>).

Очевидно, тюркоязычными у горцев болгар утигуров и кутригуров были лишь немногочисленные знатные тюркютские рода, не отягощавшие ни чем (в отличие от аваров) вольнолюбивое славяноязычное население и довольствовавшиеся лишь формальным признанием славянскими племенами своего верховенства над ними. Однако не исключено и то, что и племенная знать утигуров и кутригуров, в конце концов, тюркизировалась, постепенно сближаясь с новой верховной властью и сохраняя тем самым максимальное дистанцирование от славяноязычного простонародья. И это, очевидно, произошло лишь после признания ею верховенства над собой тюркютских каганов, а вовсе не в гуннское время, когда входившие в жунский (гуннский) союз племен предки чувашей сувары (савиры) были еще тунгусо- или же финно-угроязычными (а, возможно, и разговаривали уже на близком к будущим тюркским наречиям прабалто-славяно-тунгусо-финском пиджине):

«Первый в новое время (ибо я не говорю о польских летописцах, давно признавших Атиллу за царя Вендского) Венелин догадался, что болгары действительно остаток гуннов и что гунны были такие же славяне, как и болгары. Беспристрастные читатели могли бы

убедиться его доводами (напр., словами «страва», «камос», то есть «кмас, квас», сделанный из хлебных зерен, и обычаями чисто славянскими), но бесстрашие и свобода от предубеждений редки еще в наше время, и сверх того Венелин упустил из виду многие обстоятельства, подтверждающие его догадку. Скажем вкратце, что имя унов (вовсе не солнечных сюнну = хуннов, а лунных жунов китайских хроник, – П.Д.) почти везде сопровождает поселения славянские под формами хаонов в горных странах полуденной Европы, унелов на устьях Луары, хуна и хунаб в собственно русской славянщине и унао в их азиатской родине за Каспием; что первая война гуннов с готфами началась в виде мщения за угнетенных славян (на самом деле тогда ещё балтов, – П.Д.), что древние гробницы в землях славянских, подпавших германской власти (именно в северной и юго-западной Германии) называют гуннскими, между тем как подобных гробниц нет в землях кельтских (северной Франции и Англии); что славянский город Юлин, иначе Иомсбург, называется Гуненбург; что исполины и богатыри в мифах Скандинавии называются антас или гунн (не в дурном смысле, как в слове турс или иотун, ибо Зигфрид называется гунн, рожденный в гуннской земле; что песнь Нибелунгов представляет грозного Аттилу как доброго хлебосола, а не как зверя, вырвавшегося из Турецких пустынь, что летописцы средних веков часто гуннов соединяют со славянами и иногда даже называют славянами (между прочим Саксон и польские летописцы)...» (Алексей Хомяков, «Работы по философии // Место языка славянского в семье индоевропейской», <http://predanie.ru/homyakov-aleksey-stepanovich/book/83936-sochineniya/>; <http://lavka.klikovo.ru/books/45237/45333.html>);

«Интересно, что уkraine, племя, входившее в велетский союз, считали своих князей потомками Аттилы. Беда – Бе`да, а не Беда´ – Достопочтенный, священник-англосакс, в VII веке помещал гуннов между данами и саксами. На землях велетов и ободритов, ставших германскими, древние курганы называли «могилой гунна». Да и тот же Приск... рассказывая о жизни подданных Аттилы, он говорит, что они называли свой любимый напиток «мед», а Иордан, описывая погребение гуннского вождя, говорит, что погребальный пир гунны на своем языке именовали «стравой». Два слова дошло до нас из языка европейских гуннов, и оба они оказались славянскими...» (Лев Прозоров, «Варяжская Русь», https://www.e-reading.club/bookreader.php/1003627/Prozorov_Lev_-_Varyazhsкая_Rus._Slavyanskaya_Atlantida.html; <https://unotices.com/book.php?id=108806&page=8>);

«Движение на запад Гуннов – не переселение народов, какового в сущности не было, так как все народы Приазовья и северных берегов Черного моря, описанные в I веке Страбоном, в большинстве остались на прежних местах, как то: Малые Аорсы или Малая (Задонская) Русь. Аланы, Роксоланы, Чиги, Готы и др. Это был поход союзных славянских народов, устроенный стараниями греческих императоров для обуздания отложившихся от них западных провинций, в особенности Галлии и Италии. Следовательно, вопрос о «монгольстве» Гуннов отпадает сам собою. Гунны или Унны (греки писали Ούνοι) – от латинского «unus» – «один, единение, союз народов». Варшавский профессор Д.Я. Самоквасов, занимавшийся долгое время исследованием о скифах, не нашел никаких

монгольских народов в юго-восточной Европе, откуда Марцеллин, Клавдиан, Иорнанд и Прокопий (VI в.) выводят Гуннов, т.е. с восточных берегов Азовского моря, из Задонских степей и низовьев Волги. Птолемей (II в. по Р.Х.) говорит о Гуннах как соседях Роксолан и Бастарнов. Армянский историк V в. Моисей Хоренский, сообщая о вторжении Болгар с Северного Кавказа в Армению, прибавляет, что местность, где они поселились, получила название Вананд, т.е. земля Вендов, каковым именем историки называли славян с древнейших времен (всё же ранее были известны как венеты / венеды иллирийцы, кельты и балты, – П.Д.). Дионисий Периегет в «Истории Вселенной» о Гуннах (Унны или Фунны) говорит, что они принудили мидян заплатить им 40 000 золотых монет и вообще имели такое множество золота, что делали из него кровати, столы, кресла, скамейки и проч. Из последующих византийских историков Прокопий (VI в.) по нравам и обычаям сближает Гуннов со славянами (потомками славяноязычных германцев и балтоязычных склавинов, – П.Д.). Кедрин прямо говорит: «Гунны или Склавины». Из западных или латинских писателей Беда Достопочтенный Гуннами называет западных славян. Саксон Грамматик говорит о войне Датчан с Гуннским царем, бывшим в союзе с Руссами, причем под Гуннами понимает некоторые племена балтийских славян. «Эдда древнейшая» или Семундова упоминает гуннских богатырей, в том числе Ярислейфа, т.е. Ярослава, и вообще под Гуннами понимает славян. «Вилькинга-Сага» называет город славянского племени Велетов столицей Гуннов. Значительная часть древней России у Иорнанда названа страной Гуннов или Гунивар. Гельмольд говорит, что на языке саксов славяне назывались собаками, по сближению названия «гунн» с немецким словом Hund. Пользуясь этим созвучием, Саксы обратили наименование славян «гуннами» в бранное слово. Страна Гуннов, по Гельмольду, называлась Гунигард (гуннские города). Шафарик в своем историческом труде говорит, что в Валисском кантоне, в Швейцарии, потомков поселившихся там когда-то славян немцы и до сих пор называют Гуннами. В древнейших исторических актах, начиная с Птолемея, о Гуннах говорится как-то неопределенно, сбивчиво и не как об отдельном народе, но как о группе, союзе нескольких народностей, обитавших где-то за Доном, служившим тогда границей между Азией и Европой...» (Евграф Савельев, «История казачества с древнейших времён до конца XVIII века», ч. 1 «Предки казачества», гл. VIII «Гунны и Хазары», <http://passion-don.org/history-1/chapter-8.html>);

«Для дунайского стиля характерно скорее (праславянское алано-германское: роксоланское, готское и юэчжийское, – П.Д.) трупоположение, нежели (балто-славянское, – П.Д.) трупосожжение, с большим количеством предметов, погребенных в сравнительно немногочисленных богатых захоронениях. (Множество других людей было предано земле либо с крайне немногочисленным погребальным инвентарем, либо вообще без него)... Типы вещей, обнаруженные в могилах, позы, в которых лежат погребенные, и, кроме всего прочего, способ ношения, в частности, женщинами их одежды – закреплённой застежками или фибулами, на плечах, а другим концом свободно ниспадающей спереди, – все повторяет образцы, характерные для безусловно германского погребального инвентаря IV в. Эта традиция ритуалов и приношений оформилась тогда и развивалась в дальнейшем среди самых широких кругов подданных Атиллы на Большой Венгерской равнине в V в. Итак,

факт почти полного отсутствия гуннских погребений, вероятно, объясняется довольно просто: гунны стали одеваться так же, как покоренные ими (славяноязычные, – П.Д.) германцы, подобно тому как они овладели (славянским, – П.Д.) готским языком. Если это так, то отличить гунна от гота или представителя какой-либо другой этнической общности на основании материала захоронений было бы практически невозможно. Однако, даже если допустить, что наши «подлинные гунны» лежат здесь, перед нами, в «замаскированном» виде, тем не менее это отнюдь не отменяет того факта, что в эпоху гуннского владычества и на самой Большой Венгерской равнине, и вокруг нее существовало огромное множество германских (как балтских янтсайских = антских, так и славянских юэчжийских – ютунгских = лютичских, гревтунгских = хорутанских и тервингских = червянских, – П.Д.) погребений. Что мы обнаруживаем в богато убранных захоронениях в «дунайском стиле», так это останки многих представителей окружения Аттилы из числа его подданных германского происхождения. Датировка и географическая локализация делают данное утверждение бесспорной истиной» (Питер Хизер, «Падение Римской империи», http://loveread.ec/read_book.php?id=75955&p=106; <http://testlib.meta.ua/book/122647/read/>; <https://history.wikireading.ru/53532>);

«До сих пор не удалось установить, какие именно археологические культуры II–I тыс. до н.э. непосредственно связаны с предками славян, и отделить их от археологических памятников, оставленных предками балтов. Поэтому историкам приходится в основном опираться на данные исторической диалектологии. Историческая лингвистика свидетельствует, что балтославянская культурно-языковая общность сохранялась на протяжении почти полутора тысяч лет. Лишь около 500г. до н.э. из единого позднеевропейского, или балтославянского, языка выделились собственно славянские и балтийские племенные диалекты... Вторжение гуннов на территорию Европы обычно датируется 375г. Их появление вызвало массовые перемещения предыдущего «поколения» завоевателей в рамках всего региона формировавшейся средневековой европейской цивилизации. Гуннское нашествие еще раз перекроило этническую и политическую карту Европы. Память об этих драматических событиях сохранили не только письменные источники, но и эпос многих европейских народов. Однако и на этот раз «исторические отчеты» о событиях, занимавших Европу в течение почти двух веков, не упоминают ни одного (кроме античных германских, – П.Д.) названия племени, которое можно было бы с достоверным основанием отнести к славянам. Представить, что славянские племена каким-то чудом оказались не затронутыми гуннским нашествием, просто невозможно...» (Игорь Данилевский, «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) // Балтославяне и «великое переселение народов»», <https://unotices.com/book.php?id=158507&page=7>; <https://secrethistory.su/380-baltoslaviane-i-velikoe-pereselenie-narodov.html>);

«...Феофан говорит, что войско Виталиана состояло из множества гуннов и болгар. В данном случае гунны (слабо монголоидные предки тунгусо-маньчжуров, – П.Д.) и болгары (европеоиды Ἰωνες / ион[ийц]ы = яваны / *джоуанны = чжоу = Джаову / Чжаову, уногундуры = уногуры / оногуры / *онглы = онсу / вэньсу = ваны / жуаны / жуны / унны и

гьянгунни = *ганглы / канглы / англы = оногуры; аналогично: «Ἰωάννης / Иоанн / Иоганн / Джованни / Джон = Жан / Жоао / Жуан = Хуан = Иван / Ваня / Ваню = Ян[ош]», – П.Д.), не только не отождествляются между собой, а, наоборот, выступают как разные народы... А. Бурмов считает, что болгары были особым племенем, отличавшимся как от гуннов (полиэтничных жунов – предков тунгусо-маньчжуров и черноволосых славян, – П.Д.), так и от других племен того же времени, известных в степях Причерноморья. Он обращает внимание на тот бесспорный факт, что гуннами византийские писатели называли народы различного происхождения, иногда не имевшие к ним никакого отношения. Для этих писателей достаточным основанием для причисления к гуннам служило то, что эти народы входили в состав гуннской (жунской = уннской, а вовсе не хуннской = сунской, – П.Д.) державы или действовали вместе с гуннами, или даже просто оказывались на территории, ранее принадлежавшей гуннам. Последнее связывается с нередкой у византийских авторов склонностью к архаизации имен племен и народов, вновь появляющихся на исторической арене. Ввиду этого название «болгары» («баргалы = боркании», происходящее от и.-е. *b^herǵ^h и означающее верховинцы или же горцы; нем., нидерл. «berg», ирл. «barr» – гора [вершина], – П.Д.) встречается преимущественно у западных писателей, тогда как византийские авторы именуют тех же врагов империи гуннами (жунами – горцами, – П.Д.)» (Михаил Артамонов, «История хазар», <http://gumilevica.kulichki.net/AMI/ami104.htm>);

«К северу от Кавказа тексты также помещают уногундуrow (жунов, родственных вэньоуто = венедам, янтсай = антам, хорасмиям = хурусам, аланам-русам, готам-русам и фризам-русам, – П.Д.), чьё имя очень похоже на оногуров (анклиев и англов; др.-инд. «anuyás», др.-киев. «оный», лит. «antroks», исл. «annar», швед. «andra», нидерл. «ander» – «иной, другой», – П.Д.). Большинство хронистов увязывают уногундуrow с протобулгарами. Например, византийский патриарх Никифор называет правителя Великой Болгарии хана Кубрата «правителем уногундуrow», а Феофан Исповедник и Константин Багрянородный безапелляционно утверждают, что болгары, расселившиеся на Балканах, прежде назывались уногундуры... Название онгхондор-блкар (Onghondor-blkar) в Армянской географии является вариантом более древнего Vh'ndur-bulgar (реликта венедов или же вэньоуто из Вэньсу = Онсу = Уч-Турфана новой волны миграции, – П.Д.) из истории Моисея Хоренского, таким образом, обе работы дают армянскую форму этнонима, который по-гречески звучит уногундуrow или уногур. Из-за близости как звучания, так и локализации уногур и уногундуrow, общепринято, что это две письменные формы одного этнонима. Эту версию подтверждает и дьякон Агафий – hartophilacs Константинопольской патриархии и составитель книги актов VI-ого Вселенского собора 680 – 681, который в статье (от 713 года) к актам собора называет болгар хана Тервела «уногурами-булгарами»... Таким образом, источник утверждает, что в IV веке н.э. в степях, расположенных к северу от Кавказа, проживали многочисленные (славяноязычные, – П.Д.) протобулгары, среди которых ведущую роль играло племя, называвшееся Уногундуры (vh'ndur). В эпоху нашествия гуннов часть уногундуrow-булгар (англ. «bulku», брет. «bras» – «большой, крупный»; хинди «bagaа» – «большой, старший, главный, значительный», – П.Д.) была вынуждена пересечь Кавказ и укрыться в Армении; другая группа переселилась на запад, на берега Азовского моря. После ухода гуннов в

Центральную Европу, часть уногундуров заняла приморскую область Дагестана и стала известна Эгише под названием хайландуры. В начале второй половины V-ого века н.э. часть оногуров была вытеснена сабирами из восточного Предкавказья и расселилась по северо-восточному берегу Черного моря. Агафий (вторая половина VI-ого века) сообщает, что эти оногуры когда-то напали на колхов черноморского побережья, но были разбиты. В память об этом, место сражения и близлежащая крепость были названы Оногурис...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья», <http://dalaruh.kz/articles/view/296>, <http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimiter%20Dimitrov/Dimiter%20Dimitrov.htm>).

Взаимная дислокация скифских и сарматских союзов племен описана Страбоном:

«2. Налево и против этих племен расположены скифские и кочевые племена, занимающие всю северную сторону. Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями (очевидно, частично иранизовавшиеся позже финно-угроязычные племена, – П.Д.). Племена, живущие восточнее последних (очевидно, тюркизовавшиеся алтайские племена, – П.Д.), носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники. Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками... 8. К племени массагетов и саков (на самом деле к атиям / *утиям / гутиям / юэчжам, – П.Д.) относятся также аттасии и хорасмии (гутии / юецзи, – П.Д.), у которых скрылся из страны бактрийцев и согдийцев Спитамен, один из персов, подобно Бессу бежавший от Александра. Впоследствии Арсак, спасаясь бегством от Селевка Каллиника, удалился в страну апасиаков. По словам Эратосфена, арахоты и массагеты живут рядом с бактрийцами, на запад от них, по течению Окса; вся территория саков и согдийцев лежит против Индии. Напротив, бактрийцы противостоят Индии только на небольшом пространстве, так как большая часть их расположена вдоль Паропамиса. Река Иаксарт отделяет саков от согдийцев, а Окс – согдийцев от бактрийцев. Между гирканцами и ариями живут тапиры. В окружности у моря за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, витии (гутии / *утии / удины, ютунги / витинги – витязи, – П.Д.), и, быть может, вплоть до скифов, другие народности. По другую сторону гирканцев живут дербики, а кадусии граничат с мидийцами и матианами у подошвы Парахоафры» (Страбон, «География», Кн. XI, ч. VIII, <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>).

3.6 Балто-славяноязычные сарматы утии (согдийцы)

Китаист Зуев считает, что вторгшимися на Балканы болгарами утигурами были сарматы *утии (атии / ятии / яду – предки гудов = готов / гаутов = ютов – «гадов, змей»; лтш. «odze», англ. «adder», чеш., слвц., в.-луж. «had» – «уж, гад, гадюка»; ассоц. с англ. «utter» – «полный, абсолютный, совершенный, крайний», «utmost» – «предельный, крайний,

наивысший, величайший, самый отдаленный»; укр. «удáлий» – «удачный, даровитый»; лат. «ūtilis» – полезный; лат. «atavus», индонез. «buuyut» – «прадед, отдаленный предок»; др.-болг. «эдфу», турец. «ата» – предок; эрз. «атя» – старик; эвенк. «уту» – старый; давньо-укр. «удить» – зреть (о зерне), укр. «вутлый», чеш. «útlý», ст.-слав. «жтьль» – «утлый = ветхий = старый, хрупкий, дырявый»; лат. «vetus», русск. «ветхий» – «старый, древний»; тамил. «ātiyāṇa» – «нетронутый, чистый, древний»; санскр. «uttama» – «высший, лучший, знаменитейший», «uttaman» – «высочайше, внешне, крайне», «ati», «atīva» – «через, чрезмерно, чрезвычайно, очень», «uttara» – «более высокий, более верхний, северный, левый, задний, превосходящий, лучший»; санскр., англ. «utter» – «совершенный, абсолютный, крайний, полный»; яван. «utamī», индонез. «utama» – «главный, основной»; марийск. «утен», «утымеш», «утыжым» – «очень, слишком, чрезмерно»; франц. «haut» – «высокий, высший, верхний»; русск. «утёс» – «гладкая скала»; татар. «ўткән» – прежний; финик. «ʔūṭiqā / Утика» – почтенная; япон. «shotō» – первичный; бенг. «ati», норв. «ute», япон. «soto» – вне; праслав. *otro, др.-инд. «ántaras» – внутренний; словен. «vótroba», чеш. «útroba», словц. «útroba», укр. «утроба» – внутренность; иврит «эдом / адом», др.-евр. «adamah», в клиноп. текстах «udūmu», в Септ. «Εδὼμ, Ἰδομαία, Ἰδομοῖος» – «красный, рудой»; лат. «ater» – тёмный; хинди «ātman» – «самость, дух, высшее Я»; нем. «bund», англ. «guild» – «союз, гильдия»; ирл. «aontas», исп., англ. «junta» – «союз, хунта»; др.-греч. «ἐνότης», англ. «unity», лит. «vienybė» – единство; лат. «gente», хант. «ханги», япон. «hito», лит. «tauta», гот. «þiuda», ср.-чеш. «l'udie» – люди; гот. «liudan» – расти, лит. «atauga» – «прорасти, росток»; русск. «ятв́а», «ятво» – «стая, косяк рыбы»... болг. «ято» – «вереница, рой», сербохорв. «jãto» – «стадо, вереница, множество, сутолока», диал. «jãтомицеъ» – стаями, словен. «jãto» ср. р., «jãta» ж. – «рой, толпа»..., – Фасмер; телугу «muṭā», итал. «banda, укр. «ватага» – «орава, сборище»; укр. «отара» – «стадо овец»; араб. «vaṭṭas», турец. «vattas» – пастух; укр. «ватажок» – «вожак, предводитель»; «jãtã» – «рождаться, расти, возникать»; др.-чув. *vaṭaṭ, *uotaṭ, др.-тюрк. «otaṭ» – «палатка, комната, семья», турец. «odak», «oda» – «комната, дом»; ср. калм. «otɔg» – «род, община, отделение», – Фасмер; ст.-слав. «отокъ», сербохорв. «òток», турец. «ada», кит. «dǎo» – остров; япон. «yōten» – суть; телугу «paṭṭu», сураштр. «patshut» – шелк; тамил. «uttiriyam» – шарф; турец. «at» – конь; и.-е. *ud, *ued – вода).

Эти *ути / утии / гутии были известны другим народам под разными именами: кит. «юэчжи», «хутэ», «судэ», «сутэ»; греч. «ятии», «атианы», лат. «атаулы», инд. «яду», иран. «еда», «идани» (возможно родственные древним гутиям / кутиям / сутиям = идумеям; ассоц. с кит. «gǔdai» – древность; яван. «jadul», кор. «godae» – древний; осет. «адаргæ» – старый; удм. «вадьла» – «древний, старый, прежний»; марийск. «кадем годсо», венг. «hajdani» – «старинный, древний»; венг. «ódon» – старый, «idős» – «старый, пожилой»; удм. «адямиос» – «старые люди»; каннада «hōda» – прошлый; англ. «adult» – «зрелый, взрослый,

совершеннолетний»; эвенк. «хутэ» – потомок; лат. «ideale», англ. «ideal» – «идеальный, совершенный»; англ. «adust» – «опаленный солнцем»; чеш. «zvadlý» – «увядший, высохший»; лит. «juodas» – чёрный; осет. «æддейæ», япон. «soto» – вне; гуджар. «ēja», телугу «eḷj» – край; гуджар. «chēḍō» – конец; кит. «jídù» – крайний; санскр. «adi» – «начало, первенец»; «ādu» – «начальный, единственный в своем роде, исключительный»; исл. «adal» – «первичный, основной»; турец. «sade», кр.-тат. «adiy», тат. «гади» – простой; иврит «ядуа» – «знаменитый, славный»; нем. «edel», швед. «ädla» – благородный; санскр. «буддха» – просветлённый, «sādhú» – «святой человек»; авест. «yādu-», хинди «jaadoogar» – «маг, волшебник, колдун»; иран. *yādu-kara-, нов.-перс. «jādūgar» – «едукарь, дока, смышленный человек»; исл. «ædi» – «неистово, очень»; узб. «жуда», чеш. «hodně» – очень; кит. «gāodù» – «высота, высочество», «Jù, Jùdà» – огромный; санскр. «udāra» – «возвышенный, благородный, отличный»; каннада, маратхи «udātta» – «возвышенный, величественный»; нем. «adel» – «благородство, дворянство, знать»; беларус. «буда» – верх; англ. «attic» – «голова, верхотура, чердак»; лит. «vadovas», англ. «head» – «главный, головной, старший»; япон. «sōdai» – «великий, величественный»; удм. «ядиё» – «крепкий, сильный, богатырский, могущественный»; хинди «ādara» – честь; казах. «атакь», суахили «adhama» – слава; санскр. «pati» – «господин, повелитель»; лит. «vadeiva» – главарь, «judrus» – резвый; телугу «yōdhu» – «витязь, рыцарь»; ср.-лат. «withasii» – «вид наследного воинского сословия всадников у гломачей в Мейсении»; венг. «vitéz», чеш. «udatný», марийск. «патыр», кр.-тат. «batır», кор. «yongsa» – «удалой, доблесный, храбрый, смелый»; хинди «yōd'dhā», каннада «yōdha», кит. «yōngshì», «wǔshì», япон. «bushi», «bujin» – «воитель, воин»; баск. «gudari», гот. «gadrahts», эст. «sōdur» – солдат; д.-в.-н. «weida» – охота; хинди «ādhā» – половина, «ādhāra» – «основа, низ»; бенг. «rāda» – «низ, нижний»; русск. «пята»; маратхи «būḍa» – зад).

Но всё же более известны они были как тохары, пасианы, асии и да-юэчжи. Именно эти племена и являлись предками славяноязычных болгаро-хазарских племен кидаритов = хутгаланов / готаланов – «краевых алан, внешних горцев» – «населенников предгорий, отрогов и котловин», «хуторян – украинцев» (санскр. «uttaman» – «высочайше, внешне, крайне», «uddesha» – «край, местность»; каннада «aḍḍa» – сторона; лат. «ad» – «при, около»; др.-киев., серб. «уд», словен., босн. «ud» – конечность; укр. «кут» – «угол, край», «куток, закуток» – «оконечность, удалённый участок чего-либо») и, в том числе, и асиан, асов, ясов (ассоц. с венг. «ős» – «предок, родоначальник»; «ösi» – древний; «ősz» – «седой, древний, осень»; фин. «isä», эст. «isa» – отец; удм. «азьвыл» – прежний; турец. «eski», казах. «ески», кирг. «эски» – старый; лит. «esmė» – суть; турец. «öz», «asıl» – «суть, настоящий»; итал. «assai» – очень; азерб. «əsas» – «главный, основной»; русск. «азы» – основы; англ. «basic» – «основной, базисный»; турец. «basit» – простой; арм. «azat» – свободный; марийск. «асыл» – «превосходный, прекрасный»; ирл. «uasal», арм. «azniv», осет. «уæздан», кавк. «уздень» – «благородный, дворянин»; греч. «βασιικός», англ. «pass» – «ущелье, проход, перевал»; «fosse» – впадина):

«Уже в начале V в. на среднеазиатской исторической арене вновь появляются юечжийские племена. Согласно китайской династийной истории Бэйши это были «малые» юечжи, возглавленные «храбрым государем Цидоло». Жившие до того в предгорьях Нань-Шаня, эти племена завоевали «пять царств» к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и

Тохаристаном, вытесняя оттуда Сасанидов и объединились с хионитами. Имеется несколько групп монет, чеканенных от имени их государей и легенды этих монет именуют правителя «Кидара Кушана ша». А византийский автор Приск Панийский пишет о войнах Сасанидов в 450–460-х гг. с «гуннами, называемыми кидаритами». Возможно, что в ходе этих войн кидариты на какой-то срок овладели Балхом. Кидаритские цари считали себя продолжателями кушанской политической традиции, что не осталось незамеченным их противниками. Так, армянский автор Егише Вардапет, участник персидских войн с северными племенами, пишет, что сасанидский царь Йездигерд II (438–457гг.) «внезапно напал на земли хонов (жунов / гуннов, – П.Д.), которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их». Очевидно, что кушанами здесь названы кидариты (*кудары / кузары / хазары, – П.Д.) и хиониты (гунны-савиры, – П.Д.)» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226792>; «Степные империи: рождение, триумф, гибель // «Белые гунны» в Средней Азии», <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-savinov-2005-1-1-9.htm>);

«Прямое отношение к истории Восточного Предкавказья этих веков имеет более поздняя (XII век), но основанная на ранних источниках, хроника яковитского патриарха Антиохии Михаила Сирийского. Особенно важное значение имеет отрывок о трех братьях «скифах» (потомках юэцжи кударах = хутталанах / готаланах = кидаритах, – П.Д.), вышедших от горы Имаон (Тянь-Шань) в Азии и дошедших до Танаиса (Дона). Там один из братьев, взяв с собой 10 000 человек, отделился от братьев и с разрешения императора Маврикия (Maurice) (582-602) поселился в Верхней и Нижней Мизии (Moesia) и Дакии (Dacia). «Другие два брата пришли в страну аланов, называемую Барсалия (Берсилия) и города которой были построены ромеями, например Каспий, именуемый ворота Тораяна (т.е. Дербент). Булгары и пугуры (пугурай), населявшие эти места, в старые времена были христианами. И когда иноземцы начали править этой страной, они стали называться хазарами по имени старшего из братьев, которого звали Хазариг (Казариг). И народ тот усилился и распространился». Рассказ включает в себя факты, имеющие отношения к событиям разных эпох, но все они объединяются вокруг рассказа о росте политического могущества хазар во второй половине VII века. Самым ранним событием, описанным в хронике, является появление на равнинах между Каспийским морем и Доном трех братьев. Булгариос занял земли по Дону, а Казариг и брат, чье имя не называется – страну аланов, Барсалию. Также упоминается, что в удаленных южных областях Барсалии имелись города дохазарской эпохи...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья», <http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimiter%20Dimitrov/Dimiter%20Dimitrov.htm>; <http://odnapl1yazyk.narod.ru/protobul.htm>);

«Сторонники местного (хутталанского = готиталанского, – П.Д.) происхождения основателей Казара руководствуются след. данными: Персидская география 982 г. Гудуд. ал Алэм называет казарскую династию именем «Анса»; но Ансы (янцай = анты, – П.Д.) также родоначальники готских князей, а их имя соответствует скандинавским и танаидским Асам. Английский историк Х.Х. Хаворт обращает внимание на связь между казарским царским

титолом «хакан» и скандинавским «гаакон», на их одинаковый смысл – «высокий царь»; он же подчеркивая созвучие имен Казар, Касак, Касог. Имя первого известного истории хакана имеет отчетливо готское звучание – Зибель. Тесные связи династии К-ра с Готоскандинавами (гаутами / гётами и др. аланами-торками, – П.Д.) выражены также в тождественности речных погребений хаканов и готских королей. Первые описаны Ибн Фадланом, а вторые – Иорданом (погребение Алариха). Кроме этого «по данным Фазари (писал в 772/3 г.). Хазары и Аланы образовывали одно царство»... Государство пало, казарский народ исчез без следа, остальное же население К-ра сохранилось на прежних местах со своими племенными именами, в лице Асиев (летописные Ясы), Торков, Беленджеров (у Ибн Фадлана – Беренджеры, в летописях – Берендеи). Брадасов и др., «того смешанного населения Подонья, – которое стало известно под именем Бродников и представляло собой зародыш позднейшего донского казачества» (Артамонов)» («Казачий словарь-справочник // Казар» сост. словаря Г.В. Губарев, ред. А.И. Скрылов, <http://interpretive.ru/termin/kazar.html>);

«По мнению О.И. Смирновой, название «Хуттулстан» было заимствовано из согдийского языка и принадлежало к древнему досогдийскому топонимическому слою. В «Шахнаме» Фирдоуси Хутлан или Хутталан (*Гутиалан / *Куталан / *Гудалан = Готалан? – П.Д.) упоминается во времена мифического царя Афрасиаба. В районе Куляба и Бальджуана локализуется древняя горная область Бубасена, в которой укрепились бактрийцы, поднявшие восстание против Александра Македонского. Согласно ал-Мас'уди, сасанидский царь Ануширван, переправившись через Амударью, прибыл в Хутталан и убил царя эфталитов Ахшунвара и его деда Файруза и завладел их страной. По данным Сюань Цзана, владение Ку-ту-ло, т. е. Хутталан, находилось к востоку от владения У-ша, т. е. Вахш, и к западу от владения Кю-ми-то, т. е. Кумед. Согласно «Таншу», его территория в длину и ширину составляла тысячу ли и значительно превосходила по площади другие владения Ту-хо-ло, т. е. Тохаристана. Царь этого владения имел местопребывание в городе Се-чу-кян. После административной реформы, проведенной китайскими властями в 658 – 659 гг., владение Ку-ту-ше, т.е. Хутталан, было преобразовано в губернаторство Као-фу с центром в городе У-ша, т. е. Вахш, которое включало два округа: У-лин и Хю-ми с центрами в городах Колокян, т. е. Хулбук, и У-ше-ке, т. е. Вашгирд (родину угро-тюрков башкир? – П.Д.)... В китайских источниках область Вахш упоминается в форме У-ша. По данным Сюань Цзана, владение У-ша, т. е. Вахш, было расположено к востоку от реки Фо-цзу, вероятно, реки Вахш. Ее территория простиралась с севера на юг на 500 ли, а с запада на восток – на 300 ли. Столица этого владения имела в окружности 16 или 17 ли. Согласно «Таншу», владение У-ша на востоке граничило с владением Ку-ту (*Куталан / *Гудалан / Хутталан – П.Д.), т.е. Хутталаном и Луковыми тарами (татами? – П.Д.), т.е. Памиром. Из этих данных следует, что в первой половине VII в, владение Вахш включало почти весь бассейн нижнего и среднего течения реки Вахш, а также часть территории Хутталана» (Ш.С. Камалиддинов, «Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв.», http://www.kroraina.com/casia/kamalid/kamal2_8.html).

Очевидно, первая волна нашествия высокорослых сарматов / сермендов = германцев (славяноязычных юэчжей / *утиев / гутиев = ютов / ётов / гётов / гаутов) состоялась задолго до начала нашей эры. Информация об этом не зафиксирована античными авторами по простой причине. Сарматы, являясь горцами, лишь устремились к горным массивам Скандинавии (Сканзы) и перешли к оседлому образу жизни по обеим берегам Балтийского моря, ставшего известным позже как Сарматское море. Поэтому-то нашествие сарматов лишь только временно потеснило проживающее на Восточно-европейской равнине население и не заставило его в дальнейшем проживать в укрепленных поселениях:

«В середине-конце I в. н.э. зарубинецкие районы Среднего Поднепровья приходят в запустение. По мнению археологов, причиной этого является натиск сарматов. Действительно, археологическими раскопками обнаружены следы того, что на рубеже нашей эры деревянные укрепления некоторых городищ среднего Поднепровья были сожжены, а на внешней стороне городищ были обнаружены сарматские наконечники стрел. Однако после предполагаемого сарматского разгрома на месте сожженных укреплений практически на всем пространстве правобережных зарубинецких племен на городищах были сооружены новые, более мощные укрепления. Время сооружения этих укреплений – первый век н.э. Следовательно, зарубинецкое население Среднего Приднепровья натиск сарматов выдержало, а ушло из родных мест позднее. Миграции со Среднего Приднепровья были направлены в бассейн Десны и в лесостепной район на Южном Буге, о чем свидетельствует сходство в керамике, жилищах, железных изделий. Можно предположить, что зарубинецкое население действительно ушло в лесную зону на Десну, спасаясь от сарматов. Но тогда непонятно, почему часть зарубинцев ушла на Южный Буг, причем возникшие тут поселения не имели, ни природных, ни искусственных оборонительных средств. Не правда ли, факты говорят сами о себе – население бежит от степняков, переселяясь поближе к ним, при этом не пытается даже поселиться в труднодоступном месте и никак не укрепляет свои поселения! На своей прежней территории в Среднем Поднепровье оставшееся население покидает укрепленные городища и поселяется в маленьких незащищенных селениях. Показательно, что на среднем Поднепровье оставшееся зарубинецкое население продолжает жить не только севернее Роси, но и восточнее (на левобережье) и даже южнее в маленьких неукрепленных поселениях. Это тоже мало похоже на бегство от степняков (на самом деле от привыкших к оседлому образу жизни беженцев из высокогорных долин Северо-восточного Китая)» (Андрей Алексаха, «Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция», https://alexakha.ucoz.com/aleksakha-proiskhozhdenie_slavjan.pdf);

«С внешней стороны от них находятся остроготы, раумариции, эрагнариции... светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных [величиною] тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода, – они вытеснили герулов с их собственных мест, – пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего исключительного роста. Однако статностью сходны с ними также граннии, аугандзы, евниксы, тэтель, руги, арохи, рании... Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text1.phtml?id=576>);

«Что касается происхождения готов, то и без Иордана очевидно, что они – выходцы из Скандинавии и являются основным этническим компонентом шведского народа, сложившегося в X – XI веках на востоке Скандинавского полуострова вокруг Упсалы, а затем Бирки, будущего Стокгольма. Упсала была историческим центром Упланда, племенной территории племени свеев, отчего шведы и зовутся ныне шведами, но половина территории современной Швеции, на которой проживает бóльшая часть ее населения, – это историческая родина гóтов (основных предков украинцев – гаутов = гарудов = гревтунгов / грутуннов = хорутов / хорутан = полян / русов, – П.Д.), включающая Западный (по-шведски Вестер-) и Восточный (Эстер-) Готланд (Ётланд) на юге Швеции и острова, из которых самый большой тоже зовется Готландом. Более того, весьма вероятно, что одной из ветвей готов (самоназвание ёт) является племя ютов, так что, во-первых, к исходному готскому ареалу следует отнести полуостров Ютландию, а во-вторых, готскую компоненту следует признать не только у (потомков славяноязычных юэчжийцев брахикранных, – П.Д.) шведов, но и у датчан, а, значит, и норвежцев (и южных австрийцев, и украинцев, – П.Д.). Легендарной целью переселения готов было достижение исторической прародины, Великого Свитьода, обычно трактуемого как Великая Швеция, откуда заселялся Малый Свитьод, то есть современная Швеция. В нашу задачу не входит поиск готской прародины. Просто из общих соображений ясно и, вроде бы, общепринято, что Скандинавия заселялась с материка. Поэтому прародину готов, Великий Свитьод, можно предполагать на юго-восточных берегах Балтийского моря. Может быть, само название Свитьод следует трактовать как Svej-Pjod, то есть Шведскую Чудь, что локализовало бы готскую прародину между Балтийским побережьем и Чудским озером» (Владимир Егоров, «Русь и снова Русь», <http://www.lants.tellur.ru/~vegorov/hraith.htm> , <http://www.ipiran.ru/egorov/hraith.htm>);

«Поскольку юты, которые поселились в Англии, не были ни норвежцами, ни данами, как известно в поздний период, они должны были быть по своему происхождению, по свидетельству рунических надписей, обнаруженных в Кенте, либо англами (родственными анклиям = оногурам / утигурам; лат. «anguis» – змей, – П.Д.), либо готами (родственными гаутам вильтинами / вилькинами = ютунгами – потомками великанов хутталанов и предками лютичей / вильцев; хорв. «guja» – «аспид, уж»; лтш. «odze», англ. «adder», чеш., словц., в.-луж. «had» – «уж, гад, гадюка», – П.Д.). Во время Питея, в 4 в. до н.э., и Птолемея, во 2 в. н.э., готы, как уже говорилось, занимали область на востоке Балтики. Это имя там утеряно, но сохранилось на острове Готланд в провинции Готланд в Швеции. Традиция относит этот балтийский ареал, к их родине, но в любом случае в очень древний период они, видимо, обитали по берегам Балтики. Древнее название Ютланд (Uuitland) для части восточного берега Балтики напоминает нам о ютах. Так ют (Uuit), вероятно, видоизмененная форма от Юте (Jute) или Jewit, и в ютской (Jutish) части Англии, такой как Гемпшир, мы встречаем названия Uuit или Wit, Wihthland для острова Вайт (Wight). Тожественность некоторых ютов готам показана подобием их названий, и их древним распространением по обе стороны Балтийского моря; подобием обычаев, как будет показано выше; и в исторических источниках, таких как Ассер (Asser), который, утверждал, что мать короля Альфреда

произошла из готов и ютов, фактически идентифицирует их как один (черноволосяй, – П.Д.) народ. В сохранившихся памятниках с древними готическими рунами в Кенте мы получаем подтверждение этому. Беда упоминает о подобии топонимов во многих частях Англии и говорит: «Имена предков и другие топонимы в Кенте и других частях Англии не позволяют нам предполагать исключительно народ ютов (Jutish; предков *ютичей = лютичей / вильцев, – П.Д.)». Доказанное существование готов и фризов в Кенте, и поселенцев тех же народностей во многих других частях Англии, видимо, дают возможность ответить на вопрос, кем на самом деле были люди, называемые в Кенте и Гемпшире ютами – то есть, готами или готского происхождения. Роль народов Балтики, принимавших участие в завоевании и колонизации Англии, недооценена. С таким значительным центром торговли и мореплавания, который существовал на Висби, хотя и меньшим, чем он стал впоследствии, нельзя сомневаться в связи готов со всеми этими морскими экспедициями, и не только в качестве перевозчиков. Время заселения острова Готланд кануло в глубокой древности...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Любопытно, что этноним «ас» (др.-инд. «ahi-», авест. «aži-», греч. «ἄχις», н.-луж. «huž» – «змея, червь»; словен. «kača», англ. «asp» – «гадюка, змея», греч. «ἀσπίς, -ίδος», укр. «гаспид / аспид» – «змий; злой дух, диавол»; праслав. *qъ / *qъ, польск. «wąż» – уж; тадж. «хазидан» – ползать, – П.Д.), впервые появившись в форме «асии» на страницах античных источников в I в. до н.э. (т.е. задолго до первого упоминания об аланах), просуществовал параллельно с этнонимом «алан» (каз., кирг. «жылан», азерб. «ilan», турец. «yılan» – змей, – П.Д.) на протяжении всего исторического бытия аланского народа, подчас даже замещая это наименование в текстах исторических документов. Уже Страбон знает «асиев», которые в числе прочих племен «отняли у греков Бактрию» [Strabo. XI. 8,2], это же племя в форме «асаев» (Ἀδατοι; Яду, – П.Д.) известно и Птолемею [Ptol. Geog. 5,9,16]. Помпею Трогу известны «асианы», ставшие царями тохаров [Pomp. Trog. Prol. 42]. А. Алемань указывает, что грузинские Oset'i и Osi, в более древних формах Ovset'i и ovsi, являются ничем иным, как вариантом исконного этнонима *as-, в изобилии документированного в восточных источниках как As, в монгольском языке в форме Asud (мн.ч.), в китайских хрониках как Asu, а также в среднелатинских формах As, Aas, Assi, Azzi. Этот же этноним известен на иврите в форме Asia, а в древнерусских летописях многократно отражен как этническое наименование ясы [Алемань. 2003. С.33-34] (Николай Лысенко, автореф. дис. «Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э. – II в. н.э.», <http://dis.podelise.ru/text/index-33244.html?page=8>).

И именно:

«...Китайская транскрипция юэчжи (<*ngiwat-tie) передает звучание иноязычного термина *uti/oti/*ati ... Помпей Трог (I в. до н.э.) в выписках Юстина (I в. н.э.) завоевателями Бактрии и Согдианы называет са(ка)рауков и асианов, принадлежащих к скифским племенам. Асианы были «царями тохаров» (reges Thosarorum Asiani) (по: Умняков, 1940, с. 182-183). Скифский (т.е. иранский) термин «asian» находит соответствие в «atian» Плиния, знавшего также племя

аттакоров (attacori) на западе от фунов и фокаров (Пьянков, 1988, с. 192). За консультацией о правомерности чередования -t- // -s- в словах «asian // atian» (а также и в других этнонимах «сутэ // сусе»; «хатты // гессы»; «кутии, гутии, утии, гуды, гуттоны, гауты, готы // гузы, узы, хазары», фактически означающих: хинди «gōtrā», панджаби «gōtī» – племя; хинди «jāti» – «народ, этнос, раса»; сорани «hoz» – «племя, народ»; лит. «guotas» – «группа, компания, толпа, стадо» или же переосмысленно – «смоляне» из-за тёмно-красного цвета кожи этих народов; кит. «jīāoуóu», санскр. «jātu», арм. «dzyut' / jyuť», нем. «kuti / Kitt», англ. «cudu / cid» – «смола, живица, гудрон», – П.Д.) пишуший эти строки обратился в свое время к проф. В.И. Абаеву. В любезно присланном ответе (письмо от 18.01.59 г.) В.И. Абаев писал: «В осетинском иранскому «S» отвечает «T»: forot «топор» (иран. *parasu-), roton «веревка» (иран. *gasana) и talm, название дерева (иран. *salmi-). Стало быть, чередование as- // at- для древнеиранского периода вполне допустимо и закономерно». Это позволяет считать равнозначными термины ot- / at- / as / asi (английскому «out» – «вне, за пределами» ведь тоже соответствует немецкое «aus» – «вне», – П.Д.)... Утигуры Менандра – это «ути», ассоциируемые с аорсами в «Естественной истории» (VI, 39) Плиния. Словом «ути» (гутии = древние, внешние, украинцы, – П.Д.) и был реальный прототип транскрипции юэчжи...» (Ю.А. Зуев, «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии», <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/29Huns/Zuev/ZuevEarly1Ru.htm>; http://old.s-yfu.ru/science/aic/mip/genodiagnostika/etnogenez_yakutov/Tyurkologia/Rannie_tjurki/1/; http://hamagmongol.narod.ru/library/zuev_2002_r.htm).

Вполне закономерным чередование «at- // as-» является также как в германских языках:

нем. «rot» – красный // «rosig» – румяный;

англ. «water», гот. «wato» // нем. «wasser» – вода;

англ. «bottom // base» – основа;

англ. «butt // ass» – задница;

англ. «hut, hutch, cottage, cot» – хижина // нем. «Haus», англ. «house» – «дом, жилище, здание, семья, хозяйство, публика»,

так и в славянских, и во многих других языках:

тавр (лат. «taurus», от др.-греч. «ταυρος», «tauros» – «тур, бык») // зубр;

укр. «рудий» // русский;

рутены // русины;

араб. ал-урдуманья, гардинги = гаруды, коротане / хорутаны / хороты // вост. хурусы / урусы, визант. хрёсы / хросы = русы;

тервы = тервинги // сервы = сербы;

ворады = бораны // др.-киев. «варязи» = варяги;

алб. «kodër» – холм // арм. «kuz» – бугор;

укр. «кут» // турец., кр.тат. «köşe» – угол;

и.-е. «хот, хат, кот, кат» – «жилище, дом, хата, селение» // лат. «casa» – «коттедж, хижина, каюта, беседка, павильон»;

ходить (медленно передвигаться) // тадж. «хазидан» – ползать;

гад (ползающий) // польск. «wąż», н.-луж. «huž» – «уж, змея, червь»;
 гадюка // словен. «kača» – змея; «гаспид / аспид» – «змий; злой дух, диавол»;
 панджаби «gōtī» – племя // сорани «hoz» – «племя, народ»;
 кутии = гутии // куш = каш = кушиты, коссе = касситы, кхосуте = гиксосы;
 гоудари, *коудары = кидариты, кутригуры // укр. «козари» – хазары;
 готы = готфы, гуды // гузы, языги / язиги;
 гаруды / гардинги = гревтунги [hrö:θ] // хрёсы / хросы [hros / hrus] росы / русы;
 согды = сугуды // огузы;
 юэчжи / юецзи = *утии = юты // узы;
 юэчжи = ятии // ясы / асы = аланы = гауты / готы;
 венеды = венендеры = вэньоуто // вэньсу – внешние [венеты];
 анты // ансы (готский королевский род Амалов);
 *тауроматы / *тавроматы // сауроматы / савроматы;
 *тауры / тавры // *сауры / савиры (горцы, великаны);
 укр. «тиверці» // «сіверці» – северяне (арм. «севордик», араб. «сийавурдийа»);
 *тариматы / *царматы // сарматы = савроматы – «обитатели высокогорной долины
 реки Тарим» (тюрки называли реку Тарим «Чёрной»);
 пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный; чермный –
 «тёмно-красный» // арм. «севери» – «черный, темнокожий»; англ. «swart» – «темный,
 смуглый»);
 *торока (от «торохтеть») // сорока;
 укр. *Торчинці // Сорочинці;
 Мидия // Мизия (мидийцы // мизийцы);
 дахи / даки // саки = скифы (санскр. «дасья» – раб);
 курды // курши;
 др.-киев. «гридь» // франц. «garçon / гарсон» – «парень, молодец, юноша»;
 рать // разить (др.-инд. «ṛtīs, ṛtīs» // ср.-в.-н. «rûsch» – нападение, др.-тюрк. «орыш» –
 «драка, война»);
 нитка // низка – «последовательность, ряд» (нанизывать – продевать бусины ниткой);
 неприятие // неприязнь;
 тракт // укр. «шлях»;
 путь // н.-луж. «puś»;
 владелец // укр. «власник»;
 кот // кошка;
 галда // укр. «галас» – «галда, шум, крик»;
 петь // песня;
 ретивый // резвый,
 тень // сень,
 тесто // н.-луж. «šěsto»,
 тонкий // н.-луж. «śańki»;
 груды // груз;
 грядка // грязюка;

кудри // косы;
тварь // зверь;
тяпка // сапка;
тапки // сапоги;
тулуп // салоп;
золото // укр. «зализо» – железо.

Подтверждением тождественности этнонимов «юэчжи» и «ути» (аттасии, утигуры) является также и упоминание в «Хань шу» юэчжийского правителя (очевидно, государства Уч-Турфан = Вэньсу, располагавшегося на территории нынешнего уезда Вэньсу провинции Ганьсу), носившего титул вэнь-оуто-ван (правителя царских или же великих «оуто / ути»; ст.-слав. «венти» – великий):

«На упомянутых вами землях живет вэньоуто-ван, я же не знаю ни о их положении, ни о том, что они производят, позвольте отправить гонца узнать об этом...» (Бань Гу, «История ранней династии Хань [Цянь Хань Шу]», глава 94б «Повествование о сюнну», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Ban_Gu/Mat_sunnu_2/rametext2.htm);

«Итак, территории, занимаемые вэньоуто-ваном (правителем аланов венендеров / венедеров = венедов, – П.Д.) в конце I в. до н.э., и территории первоначального обитания юечжей (чеди = яду = ёда = ути, – П.Д.) до их поражения от хуннов в середине II в. до н.э. совпадают...» (Т.А. Габуев, «Аланы, кто они?». <http://osetins.com/2007/10/09/alany-kto-oni.html>);

«Мы не имеем возможности дать здесь достаточно подробное описание территории юечжи, которая получила в научной литературе название коридора Хеси, или Ганьсуйского (см. [Петров, 1967]). В суровых условиях Центральной Азии это один из наиболее привлекательных по природным условиям районов не только для кочевников, но и для земледельцев. Это межгорная депрессия с цепью впадин у северных отрогов Наньианя и Алтынтага. С севера эта территория также отгорожена от пустынь Алашань и Бэйшань цепью невысоких гор и возвышенностей, прорезанных несколькими реками, стекающими с Наньианя. Среди них выделяются и весьма крупные – Хэйхе-Эдзингол, Шуйхе, Сумхе. Длина коридора Хеси (или Хеси джаолян – по-китайски «коридор западных рек», см. [Петров, 1967]) около 1000 км, а ширина – от 20 до 100 км [Петров, 1967]. Разнообразие природных условий этого района объясняется характером рельефа, геологическим строением и особенностями поверхностных отложений. В настоящее время здесь встречаются не только богатые земледельческие оазисы с ирригацией в долинах рек, но и участки галечных пустынь, горная степь, местами сейчас распаханная под богарные посевы пшеницы и ячменя, на склонах гор – леса. На низменной равнине, особенно вблизи рек и в междуречьях, часты выходы грунтовых вод в виде небольших временных озер, по берегам которых находятся болота и солончаковые луга... Коридор Хеси с глубокой древности известен как место, где сходились торговые пути в Китай с севера и запада [Восточный Туркестан, 1988]. Наиболее древним (I тыс. до н.э.) считается «нефритовый» путь, связывавший район добычи этого камня в области Яркенда и Хотана с Северным Китаем. Есть гипотеза о том, что юечжи

(юйши) были посредниками в торговле нефритом. Эгами На-мио считает, что фонетически имя «юйши» соответствует юечжи, оно встречается в источниках доханьского времени (трактат «Гуань-цзы», датируемый IV-III вв. до н.э.). Он считает возможным толковать имя «юечжи» как «народ нефрита» ([Восточный Туркестан, 1988], там же ссылки на литературу). Позднее здесь проходил Великий шелковый путь, но тогда уже юечжи покинули этот район... В Хорезм же они проникают через Устюрт, где тоже обнаружены подбойные погребения IV–II вв. до н.э. Этим же путем юечжи проникли и на Заузбойское плато, где известны их могильники IV–II вв. до н.э. и отдельные погребения более позднего времени... Добавим к этому, что тохарские (и праславянские, – П.Д.) индоевропейские племена могли еще в Восточном Туркестане войти в состав «юечжийского», (иранского; на самом деле – протославянского, – П.Д.) объединения племен и были еще там ассимилированы (подобно праславяноязычным предкам таджиков и сартов / сортов – вэньоуто = венендерам и сяньби / сербам / сорбам, – П.Д.), но сохранили свое этническое имя (или имена). Поэтому, даже установив имена племен этой эпохи, мы не сможем сделать вывод об их этническом происхождении...» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности», <http://bookshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=120> – <http://bookshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=123>);

«Известный индолог Ф. Сталь спрашивает: «Почему никто... не упоминает индоарийский или кафирский как возможные языки мумий [Тарима]? Почему все полагают, что их язык должен был быть тохарским или иранским? Разве индоарийский и даже кафирский не являются, по меньшей мере, равновероятными кандидатами? Разве индоарийский (и даже протославянский сарматский, – П.Д.) не является более вероятным кандидатом, чем иранский, так как все иранские языки, распространившиеся на восток, относятся к первому тысячелетию н.э.? ... Многие древние обитатели Таримского бассейна могли говорить не на иранском или тохарском, как обычно представлялось, но на ранней форме кафирского или индоарийского (или же прабалто-славянского, – П.Д.)... По многим параметрам культура Гумугоу выводится из Индостана и/или из культуры РВ (Ригведы, – П.Д.) (культ лингама и йони; разведение коров, коз и овец; выращивание зерновых; стрельба из лука; применение растительного психоактивного вещества; символизм воды / лодки / корабля; жертвоприношение у столбов; трупоположение (в деревянных гробах вытянуто на спине), многочисленные украшенные рогами погребальные столбы; соляренный культ с семеричной символикой; укрепленные поселения; ирригационные каналы). Общей оказывается и мужская гаплогруппа R1a1. Но лодочные гробы таримцев выдают в них родственную предкам германо-балто-славян группу, по выходе из Южной Азии отклонившуюся на северо-восток» (Александр Семенов, «Таримский след исхода индоевропейцев из Индии», <http://scipeople.ru/publication/118584/>, https://archive.org/stream/SemenenkoTarimskiiSledIshoda/Semenenko%20Tarimskii%20Sled%20Ishoda_djvu.txt);

«Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н.э. «между Дуньхуаном и Циляншанем», т.е. севернее Нань-Шаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более широкий анализ источников позволил Кадзуо Еноки утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансзиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ (и даже на Алтай и Саяны – ганьсуйцы / *ганьжуны / гяньгуни, – П.Д.)» (Сергей Кляшторный, «Юэчжи и гунны», <https://history.wikireading.ru/226785>).

Отдельные сарматские племена *утиев / гутиев, а точнее относившиеся к ним савроматские племена сутэ, известные в Европе как гуды и гуттоны (языги), были предками не только гуджаров и других в то время еще балтоязычных усуньских племен, но и родственных позже славянизовавшимся верхним аорсам (яньцай = антам) европейских западных балтов:

борусков = борусов = прусов = пружан (ассоц. с лат. «priscus» – древний; русск. «прежний» [в смысле «старый»]; арм. «parz» – «простой [в смысле первичный, неусложненный, нетронутый]»; лат. «pristine» – «первичный, нетронутый, чистый»; индонез. «bersih», лат. «prigus», англ. «prige» – «чистейший, непорочный»; лит. «rajujis» – побережье);

галиндов, голяди (ассоц. с англ. «gold» – «золотой, золотистого цвета»; ирл. «glan» – чистый; русск. «гладь», «гладкий» – в смысле без пороков; др.-прус. «gallū», лит. «galva» – «голова, глава»; гот. «hallus» – скалы; лат. «celsus» – «возвышающийся, высокий», «collis» – холм; лит. «galas», «galu», лтш. «gals» – «конец, край»; лит. «galutine» – окончательный; венг. «gally» – веточка; польск. «gałąź», лит. «ūglis» – ветвь; укр. «галузь» – отрасль);

древних брахикранных аукштайтов (ассоц. с лит. «aukso» – золотой; тох. (б) «auki», «auks», тох. (а) «ok», «уук» – «рост, развитие, старшинство, сильный, победитель»; тамил. «исса» и турец. «уйсе» – «высший, верховный»; азерб. «уса» – высший; эвенк. «уги» – верх, «угӯ» – верхний, «укурӣ» – «возвышенность, холм»; япон. «ôkina» – великий, «ôkii» – «большой, крупный»; гот. «aukan», лит. «áugu», «áugti», лтш. «auġu», «auġt», швед. «ôka» – расти; хинди «исса», азерб. «yüksäk», санскрит «агра» – «вершина, острие»; каннада «агра» – верх; лат. «augustus», лит. «aukšciausio» – высокий; бенг. «ucata» и лит. «ugis, aukštis» – высота).

Эти племена утиев / гутиев слыли не только «золотыми = благородными», но и «верховными = украинцами». К ним же относились и ассимилированные славяноязычными античными германцами и постепенно утратившие свое балтоязычие западные брахикранные беларусы – гуды (лит. «gūdas», лтш. «guds», *су-гуды – беларусы; ассоц. с англ. «kudos», лит. «guõdas», лтш. «gūods» – «честь, слава»; марийск. «кадем годсо» – «старинный, древний, незапамятный»; кит. «gūdaì» – древность; кор. «godaе» – древний; эвенк. «уту» – старый; лит. «gūdnas» – истый; санскр. «hataka», нидерл. «goud» – золотой; лит. «juodas» – чёрный; кит. «gāodù» – «высота, высочество»; франц. «haut» – «высокий, высший, верхний»; хинди «cōṭī» – «верхний, лучший»; нем. «gut» – хороший; осет. «кад», англ. «kudos», лит. «guõdas», лтш. «gūods» – «честь, слава»; хинди «ādara», лтш. «godu», укр. «гідність» – честь; яфет. «khoda»,

тат. «хода», шор. «кудай», туркм. «hudaý», каннада «gāḍ», англ. «god», нем. «gott» – «бог, всевышний»; укр. «гудина» – «стебли ползучих растений»; санскрит «udyana» – сад; индонез. «hutan» – лес; маратхи «ghōḍā», индонез. «kuda» – лошадь; гуджар. «ghōḍā» – конный, азерб. «qoduq» – жеребенок; турец. «güderi» – серна) и в том числе и ятвяги = суды (*сугды) = судины (*сулдины) = судава (лит. «sūduviai», лтш. «sūduvi» = *soldoi = *sogdoi = «согды» – «древние, златые, благородные»; аналогично город Судак = Сугдея = Солдаия – *Золотая; ассоц. с эвенк. «сагды» – старый; бенг. «Śukla» – «древний, яркий, ясный, чистый»; санскр. «судина» – «ясный, чистый»; санскр. «shuddh`a» – «чистый, безупречный, непорочный»; хинди «Śud`dha», арм. «zut» – «чистый, чистейший»; санскр. «суджата» – «благородный, статный, красивый»; осет. «сгуюхт» – «знаменитый, известный, отличившийся, доблестный, выдающийся, заслуженный»; санскр. «atīva» – очень; лит. «sudygti», «atauga» – «прорастать, росток»; япон. «eda», хинди «Śākhā», лит. «šaka» – «ветка, сук»; удм. «суд» – русский):

«Махабхарата отмечает, что в Сураштре жили ядавы, племя, из которого и происходили Балвир и Кришна. Крайне интересно, что ядавы обнаруживают родство с летописным ятвягами. А как индийские ядавы имеют еще два названия – сатваты и данавы, так и ятвяги имеют два другие названия – судовиты и дайнова. Понятно, что такое тройное соответствие двух этнонимов вряд ли случайно. На Воляни, где особенно часты названия, связанные с Кришной, Балвиром и их племенем, имеются названия типа Ятвяги, Ятвязь, как, кстати, и на Черниговщине, например, урочище Ятвиж...» (Степан Наливайко, «Тайны раскрывает санскрит», <http://www.rulit.me/books/taemnici-rozkrivae-sanskrit-read-178748-4.html>);

«Помимо сравнения собственно вещевого комплекса, определению этнической сути его создателей и носителей может помочь и изучение орнамента, системы знаков, которыми эти вещи украшались. Например, сопоставление археологического и этнографического материала показывает, что такой знак, как свастика, был распространен в регионах, где наиболее ощущалось балтское присутствие (особенно на Полотчине) и, таким образом, свастика в Беларуси – символ культурных традиций балтов (в том числе язычества)» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=52>).

Вполне возможно, что к жунским (гуннским) племенам утиев = утигуров относилась и брахикранная знать *вучичей = вятичей (ассоц. с лат. «vetus», русск. «ветхий» – «старый, древний»; лат. «aeternus», англ. «eternal» – «вечный, извечный»; азерб. «budaq», карач.-балк. «бутақь», чеш. «větev», арм. «vost», нем. «ast», япон. «eda» – «ветка, сук»):

«Дионисий Периегет располагает Гуннов у Каспийского моря, там, где впадает в него Волга... Уже по словам Страбона сидел здесь, у Каспийского моря народ Утиев, к северу от Каспиев, тогда как эти последние жили к северу от Албанов. В таком же порядке поместил Дионисий Гуннов, всего далее на север, потом к югу Каспиев и Албанов» (Тунман, цит. по: К.А. Иностранцев, «Хунну и Гунны», <http://kronk.spb.ru/library/inostranzev-ka-1926-3.htm>);

«Не менее примечательно и то обстоятельство, что Страбон по западному берегу Каспийского моря указывает народ витии, а Плиний там же именуется утидорсов и удинов.

Эти уты, виты заставляют предполагать о существовании в тамошних местах поселений наших же аорсов-ветов-витов-вятичей, или собственно велетов (поздние унны, утургуры)... Эти утии, уитии, витии совпадают с именем уннов-утургуров VI столетия» (И.Е. Забелин, «История русской жизни с древнейших времен», ч. 1: «Доисторическое время Руси», http://dugward.ru/library/zabelin/zabelin_istoriya_russkoy_jizni.html#g16);

«Вятичи – сарматы (точнее, родственные вотякам / удмуртам сако-массагеты, – П.Д.), покоренные славянами по Оке, Жиздре и Угре. Ныне Орловская и Калужская провинции, ч. II. н. 27» (Василий Татищев, «История российская», Ч. 1, Гл. 21 «Сарматы по русской и польской историям», <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis021.htm>);

«Согласно народно-этимологической версии, приведённой в Повести временных лет, название вятичи произошло от имени родоначальника племени, Вятко. Это имя собственное является уменьшительной формой славянского имени Вячеслав. Повесть относит вятичей «к роду ляхов». Но по археологическим данным, прослеживается их движение с верховьев Днестра (как и радимичей) в бассейн Оки (6 – 8 вв.). Большинство исследователей считает, что субстратом вятичей являлось местное балтское население (мощинская культура 3 – 5 вв. – шейные гривны и погребальный обряд – опять-таки, как у радимичей). В районе реки Протвы, левого притока Оки, на стыке современных Московской, Брянской, Смоленской и Калужской областей, с давних пор обитало балтское племя голядь (голенс, галинды, голендяне), известное еще со времен готского нашествия и относимое, как ни странно, не к восточным (латгалы, латыши, литовцы), а к западным балтам (курши, пруссы, ятвяги). Странность эту ученые объясняют восточной экспансией бастарнов 2 века нашей эры, заставившей голядь покинуть Прибалтику и переселиться в район Протвы, где им-таки пришлось объединиться со своими восточно-балтскими родственниками так называемой верхнеокской культуры...» (Алексей Алексеев, «Гей, славяне!», http://samlib.ru/a/alekseew_aleksej_alekseewich/25-3.shtml);

«Изучать культуру летописных вятичей антропологи начали еще в середине XIX века (с тех пор в Подмосковье исследовано более 70 групп курганов, относящихся к XI – XIII векам). Вопрос, откуда пришли и с кем смешались эти племена, долгое время оставался дискуссионным. Однако по мере накопления археологических данных картина прояснялась: местное население, которое и оставила в память о себе группы курганных возвышений, имело смешанный характер, впитав в себя элементы культуры и даже антропологические признаки как славян (и брахикранных западных балтов, – П.Д), так и финно-угров. Последние при этом подверглись ассимиляции, а большая часть их традиций растворилась в культуре и языке восточных славян. Хотя в топонимике (географические названия) и гидронимике (названия рек, озер и водоемов) сохранились следы финно-угорского населения, некогда обитавшего здесь... Если судить по пластическим данным антропологических реконструкций, то у вятичей из московских курганов приплюснутый нос, а также более узкое и плоское лицо. Антропологически они очень похожи на мордву-эрзю, относящуюся к финно-угорской группе народов, в которую входят венгры, финны, эстонцы,

марийцы, удмурты. Кроме того, на некоторых графических портретах сильно выступает верхняя губа (и это хорошо просматривается и на черепе). По мнению некоторых исследователей, «это – явный показатель проникновения на земли вятичей на очень ранних стадиях их заселения какой-то негроидной крови», – сообщает академик-антрополог РАН Татьяна Алексеева... Киевский монах – летописец Нестор сообщал, что вятичи – грубое племя, «яко звери, ядуще все нечисто». Да и русский мат, если верить ему, пошел гулять по Руси с легкой руки вятичей. Они этим славились: по свидетельству летописца, срамословье было у них пред отцами и снохами, браков не было, жен умыкали на пляснях и бесовских игрищах, а некоторые имели по две и по три жены... «По мере продвижения на восток в славянском населении проявляется все больше черт, присущих финно-угорскому населению, и все меньше – западно-европейскому. Когда я впервые увидела краниологические серии, то есть коллекции черепов вятичей, мне сразу бросилось в глаза, что они в сущности не отличаются от финно-угорского населения, скажем, из древнемордовских могильников», – свидетельствует антрополог («Российские антропологи оставили попытки найти в Москве «коренное» население», http://www.newsru.com/russia/07mar2007/moscow_antropology.html; «Сами мы – не местные» <http://izvestia.ru/news/322374>).

Сами же долихокранные вятичи, в отличие от таких же долихокранных мерян, мезокранных сиверцев (северян) и родственных последним тиверцев, являвшихся соответственно потомками финноязычных скифов (агафирсов) и славяноязычных кидаритов (табаранцев?), очевидно, были потомками преимущественно финно-угров – еще неуспевших тюркизироваться массагетов (акациров, мардов и др.), знать которых сначала иранизировалась в Средней Азии, а позже славянизировалась в Восточной Европе под влиянием аланов-торков или же караболгар (ясов).

Возможно, и долихокранные насельники салтово-маяцкой археологической культуры, как и близкие к ним долихокранные насельники Северного Кавказа, являлись вовсе не славяноязычными аланами, а финноязычными скифами или даже тюркоязычными сако-массагетами, входившими вместе со славяноязычными брахикранными караболгарами и карахазарами в кидаритский (аланский) союз племен.

Не исключено, конечно же, и то, что савроматы языги (гуттоны, гуды) были предками и других, как литовских, так и прусских (прутских) а, возможно, даже и берсильских племен. И вполне возможно, что в античное время славянами себя считали не только славяноязычные славные готы (англосакс. «Hredgotum / Hrádas») – гаруды = гревтунги / грутунны = хорутаны и аланы = асы / ясы, а и языги = гуды = ятвяги, скаловы = склавины, кривичи и другие как исконно балтоязычные, так и балтизовавшиеся племена (бенг. «yaśa» – знаменитость; санскр. «śrávas», англ. «kudos», лит. «guðdas», лтш. «gùods» – «честь, слава»).

Древними же величались также и возможные предки балтоязычных языгов аргиппей (др.-греч. «ἀρχαῖος» – «древний, первоначальный»), очевидно, родственные царским скифам паралатам / *парватам (санскр. «pārvatī» – горная, «pūrvas, pūrvyās» – «передний, прежний, первый»; тохар. А «pārvat» – старейший, тохар. В «pārvęsse» – первый; др.-перс. «paruva-», алб. «pare» – первый; др.-англ. «forwost» – «первый, предводитель, главарь», – Фасмер).

Возможно, именно древними и прославленными (укр. «славетними» – славными,

достойными, благородными) величали себя в древности и тюркизировавшиеся савроматы усунь – ашины:

«Ашины – этноним, с которым неразрывно связан самый ранний период древнетюркского этногенеза. Вокруг этой родовой династии, собственно, и была объединена и сцементирована империя тюрков. Вопросы определения этнолингвистических корней этого этнонима весьма подробно были проанализированы в работах Ю.А. Зуева. По его мнению, первое известие китайцев о племени а-ши-на были получены ими через монголоязычных жуань-жуаней-аваров (на самом деле славяноязычных жужаней-ганьгуней, являвшихся знатными родами как тюркизировавшихся под их влиянием киргизов-ганьгуней, так и входящих в жужаньский союз монгольских и тунгусских племен, – П.Д.) в V в. н.э. Попытки исследователей найти аналоги этого тюркского термина в тюркской лексике ни к чему не привели. Ю.А. Зуеву представляется более правильным искать их в той же монголоязычной среде, через которую в глубокой древности и прошел термин «а-ши-на». Таким эквивалентом должен быть термин «аошина» – один из монголизированных вариантов этнонима уйсун. Так назывался один из усуньских родов Ордосских монголов в Мэнгу юаньлю цянчжен [Зуев, 1960. С. 121]. Ассоциация с усунями (укр. «ушанування» – «оказание почестей»; «под осанкою разумеют стройность, величавость, приличие и красоту» [Даль], – П.Д.) неизбежно возникает и при разборе этого слова и сопоставлении его с хотаносакским «asana» – «синий», «небесный», представляющий несомненный вариант этнонима асман, скрывающегося под транскрипцией усунь (лат. «suaneus», исп. «azul», фин. «sininen», эст. «sinine» – синий, – П.Д.). Правомочность данного сопоставления надежно поддерживается текстами древнетюркских рунических надписей, в которых династийные тюрки каганата обозначены термином «кок» – «синий», «небесный», являющимся калькой разнообразных асман и амана (ашина) [Зуев, 1967. С. 9–10]. С.Г. Кляшторный также склонен видеть в качестве вероятного прототипа этого имени сакское «asana» – «достойный», «благородный» (укр. «шановний»; укр. «шана» – «чувство уважения», дополненное китайским префиксом уважения «а»; праслав. *(j)ěšpъ, болг. «ясен» – ясный, – П.Д.), отраженное в агнийском и кучанском «asam» [Кляшторный, 1964. С. 111–112]. По всей видимости, окончательное решение этого вопроса впереди (др.-укр. «шанувати», сев.-тюрк. «sanamak» – ценить; др.-инд. «śānu» – «вершина, высота, остриё»; кит. «shān / шань» – гора, «Shén / Шэнь» – «Бог, Дух», – П.Д.). Однако, на наш взгляд, весьма вероятно является то обстоятельство, что и усунь и ашин – производные от единого сакского асана, что еще раз указывает на их историческое единство, обусловленное длительным проживанием в непосредственной близости друг от друга» (С.Г. Боталов, «Гунны и тюрки», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/S_Botalov_Guny_i_Tyurki.pdf; <http://www.libed.ru/knigi-nauka/421143-11-rossiyskaya-akademiya-nauk-uralskoe-otdelenie-institut-istorii-arheologii-yuzhno-uralskiy-gosud>);

«Какого бы происхождения ни были те «пятьсот семейств», которые объединились под именем Ашина (копейщики? – П.Д.), между собою они объяснялись по монгольски (очевидно, всё же на балтских савроматских наречиях, – П.Д.), до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в

тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «пятьсот семейств» монголов (точнее балтоязычных усуней или же славяноязычных сяньби / сербов / сорбов = сортов / сартов, – П.Д.) были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина и их спутники были совершенно оторочены и сохранили следы монголоязычия (или же балто-славяноязычия, – П.Д.) лишь в титулатуре, которую принесли с собой» (Лев Гумилёв, «Древние тюрки», <http://gumilevica.kulichki.net/OT/ot02.htm>);

«Праслав. *asень родственно лит. úosis ж., род. п. úosies, úosis м., род. п. úosio «ясень», лтш. uõsis, др.-пруск. woasis, лат. opnus «вид ясеня, копье» (*osenos), кимр. onn-en «fraxinus» (пракельт. *osnā), греч. ἀχερ-ώϊς «белый тополь», далее – др.-исл. askr «ясень», алб. ah «бук», греч. ὄξυψ «бук, копье», арм. hasi «ясень»; см. Бернекер I, 31; Траутман, BSW 203; Agr. Sprd. 464 и сл.; Сольмсен, KZ 34, 32; Педерсен, Kelt. Gr. I, 86; IF 5, 44 и сл.; М.–Э. 4, 421; Хюбшман 465; Мейе–Вайан 84; Прельвиц, BB 24, 106; Г. Майер, Alb. Wb. 4; Шпехт 59» (Фасмер, «Этимологический словарь русского языка», <http://www.endic.ru/fasmer/Jasen-17113.html>).

К тому же, как видим, этнонимы и генонимы не только др.-кит. «sgwied-di» = согдийцев, сяньби (сартов / сортов = сорбов / сербов), славян (серов = зеро / зеруян), коротанов (хорутан = каринтийцев – словенцев), кроатов (хорватов), кордуэнцев (кордийцев = гордиев, куртиев = куртинов, кардухов, курдов) и кельтов (галатов, галлов), а и многих других индоевропейцев (потомственных горцев) почему-то связаны не только с древностью, но и с названиями благородных металлов – серебра и золота (нидерл. «goud», англ. «gold», эст. «kuld» – золото). Возможно это связано с тем, что серебро и золото (индоиранское *zharanya- < и.-е. диал. *ghel-en-io- при *ghel-t-o-/*ghl-t-o- в других индоевропейских диалектах, – Трубачёв) в праиндоевропейской языковой картине мира были как самыми древними, так и чистейшими благородными горными металлами, а сами-то древние индоевропейцы ведь и себя тоже считали благородными и гордыми горцами (чеч. «куорта», туш. «корт», груз. «корти», «карти», «курти» – «голова, вершина, макушка»; укр. «груд» – «возвышенность, бугор»; венетск. «саранто» – гора; кельтско-иллир. «karn» – «камень, скала»; исл. «hágr» – высокий).

3.7 Прабалто-славяне – потомки кауравов и других ядавов

Б. Лауфер др.-кит. «sgwied-di», строго соответствующее позднекит. «юэчжи» (*ути), сопоставил с хорошо известным названием «sogdoi», то есть Согд. На эвенкском же языке как «сагды», так и «уту» означают старый, а «утэлэ*» – давность (англ. «old», фриз. «âlde», нидерл. «oud», лат. «vetus», иврит «ватик» – старый; лит. «vėtušas», лтш. «vecs» – «старый, престарелый, ветхий»... и.-е. *цetus-, *цetuso- – «старый, престарелый» [см. Перссон, IF 26, 63; Glotta 6, 90 и сл.], тогда как Буга [РФВ 67, 246] и Эндзелин [СБЭ 52] выводят лит. слово из *цетуксос, – Фасмер).

В то же время самоназвание усуней (ути) – на кит. «Лаоцян» (Laoshang) означает

«Старые Цяны» [Бичурин] / «Старые Возвысившиеся» или же «Древние верховинцы» (кит. «jīān, jīānzi» – «кончик, тонкий конец» соответствует горным вершинам). Все это, конечно же, не может быть просто стечением нескольких случайных совпадений.

Возможно, что этноним «su-gūdai» – «старые» или же «очень старые», «очень знаменитые» (санскр. «su-» – очень; кит. «gūdai» – древность; кор. «godae» – древний; осет. «кад», англ. «kudos», лит. «guõdas», лтш. «gũods» – «честь, слава»; хинди «ādara», лтш. «godu», укр. «гідність» – честь) означает происхождение, как юэчжи, так и усуней от знаменитого (укр. «славетного») древнеиндийского народа чеди (*éда), строго придерживавшегося древнего закона и являвшегося родоначальником старой (лунной) индийской династии. Или же он просто отражает сохранение чистоты (нетронутость) древнего европеоидного облика этих народов, длительно проживавших среди монголоидов (тамил. «ātiyāṇa» – «нетронутый, чистый, древний»; санскр. «shuddh`a» – «чистый, безупречный, непорочный»; бенг. «Śukla» – «древний, яркий, ясный, чистый»; хинди «Śud`dha», арм. «zut» – «чистый, чистейший»; скиф. / перс. *sugda – «чистый, святой», – Василий Абаев).

Очевидно, согдийцы (сурожцы, суражане) были потомками прабалто-славян – кауравов (*сауравов = савиров = северян, кривичей; санскр. «śrāvas» – «слава, похвала, уважение»; хинди «gagva», бенг. «gauraba», англ. «glory» – слава; лит. «galva» – «глава, голова»; греч. «υπεράνω» – выше; вульг. лат. «superanus», франц. «souverain» – «верховный, суверенный»; санскр. «сувира» – мужественный, «su-vīra» – «мужество, доблесть, войско из героев», «sāvīra» – «сильный, могучий»), а именно, чеди (франц. «tête», эст. «juht», англ. «head», монг. «сэдэв» – глава), шальвов (серов = сяньби / сербов / сорбов = сарбатов / сарматов – предков скальвов и тервингов / червян = сербов) и других ядавов, мигрировавших в глубокой древности в Северный Китай из царств Чеди (ныне Бунделькханд), Сураштры (Саураштра, др.-греч. «Saraostus / Syrastrone / Sigerdis»; ныне Гуджарат), Шурасены (ныне регион Брэджу в Уттар-Прадеше) и Шальи (ныне Раджастан) вместе с некоторыми дравидоязычными племенами (этническим суперстратом прафинно-угров).

Марийские лексемы «сур», «сурештше» и «суремше» – «серый, седой» (в том числе, и в смысле старый, древний) и англ. лексемы «sege», «sear» – «сухой, увядший», «seared» – опаленный (в смысле старый, древний и смуглый) соответствуют этнонимам (генонимам) не только сураштрийцев (Saurashtra, Surata – «хорошая, славная страна»), но и сарбатов / сарматов, и сирматов (санскр. «śī», «śīmant» – «знаменитый, славный»; хинди «sēlibriṭī» – знаменитость), и зырян, и славян (зеруян = червян = тервингов = сербов, сираков, циркасов = черкасов, серадзян, сагудатов), и самих марийцев = черемисов (арм. «tser / ser» – старый):

«Ф.И. Гордеев, а также поддерживавший его версию И.С. Галкин отстаивают гипотезу о происхождении слова «черемис» от этнонима «сармат» при посредничестве тюркских языков. Было высказано и ряд других версий. Проблема этимологии слова «черемис» осложнена еще и тем обстоятельством, что в средние века (вплоть до XVII – XVIII вв.) так называли в ряде случаев не только марийцев, но и их соседей – чувашей и удмуртов» (С.К. Свечников, «История марийского народа IX – XVI веков», <http://piorme.narod.ru/t2.htm>; <http://historica.ru/index.php?showtopic=11447&mode=threaded&pid=611091>).

Именно сураштраки (серы) и другие ядавы принесли технологию ткачества в Северный Китай, а их потомки юэчжи = сугуды / согдийцы (и, прежде всего, потомки жителей Сукти – столицы одого из государств ядавов Чеди) занимались изготовлением шелка и торговлей им. Согласно Махабхарате (Мхб. VI: 604) Вселенная подразделяется на 7 частей, одной из которых является Śalmali-dvīpa – континент шелкопрядного дерева *Salmalia Malabarica*, Декан:

«На санскрите слово «Сарж – Sarj» имеет два значения – 1) течь, лить, проливать; 2) ткать, плести, вить... В русском языке «сермяга» – это грубая ткань, от этого же корня происходят русские слова сарафан, сорочка, срачица – «исподняя рубашка», украинское «сердак», означающее суконное платье у галичан. Национальная одежда у индонезийцев – саргон / сарунг – и одежда индийцев – сари, или сархи» (Сергей Брюшинкин, «Сергей – Seres – Сурож», <http://www.evpatori.ru/sergej-seres-surozh.html>);

«Лингвисты доказывают, что славянское «шелк» не может быть произведено от греческого «serikoti», но возможно, что оба слова восходят к одному и тому же названию шелка, заимствованному из какого-нибудь восточного языка (очевидно, из праславянского жунского, – П.Д.). Этот лингвистический факт указывает на существование торгового пути из Китая через среднеазиатские степи в Восточную Европу; первое достоверное письменное свидетельство об этом относится к V в. Оживлению этого пути способствовало движение народов с востока на запад, так как ушедшие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими оставшимися на востоке соплеменниками. Так, в V в. говорится о частых поездках купцов из страны тех хуннов (на самом деле славяноязычных и тунгусо-маньчжуроязычных жунов, – П.Д.), которые покорили аланов (т. е. гуннов европейских), во владения дома Бэй Лян, династии хуннского (юэчжийского жунского, – П.Д.) происхождения, столица которой находилась на месте современного города Ланьчжоу в провинции Ганьсу. Несколько южнее, по Желтой реке, в нынешних провинциях Шэньси и Хэнань, находились владения другой инопороческой династии, Юань Вэй, или Бэй Вэй, враждовавшей с домом Бэй Лян; в эту область прибыли в 30-х годах V в. послы девяти владетелей, из которых отдельно названы восемь: государи трех кочевых народов – аланов (очевидно, имеется в виду государь хуннов или его вассал), юебаньцев и усуней – и владетели областей Китайского Туркестана от Кашгара к востоку. Культурные области современного Туркестана не принимали участия в этом посольстве, из чего можно заключить, что торговый путь из Восточной России проходил севернее этих областей, через киргизские степи и Семиречье» (Василий Бартольд, «Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана», <http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=82>);

«Сураштрака – «прекрасная страна, народ», название народа и населяемой им страны Сураштры. На Поле Куру, во время великой битвы, сураштраки сражались под водительством Критавармана, воина ядава, сына Хридики, который сражался на стороне кауравов» («Махабхарата // Толковый словарь», Induizm/Vedi/Mahabharata...Ashabad...);

http://www.e-reading.club/chapter.php/1013645/163/Mahabharata_Vypusk_VII_Kniga_o_Bhishme.html);

«В Махабхарате упоминался древнеиндийский народ сураштра и страна Сураштра, которые во времена Махабхараты располагались на территории Качского Рама и на полуострове Сураштра (нынешний полуостров Катхиявар в Индии, штат Гуджарат) на северо-востоке Арабского моря; Птолемей (7.1) называл эту страну Сурастреной, Syrastrena; Страбон упоминал прибрежную индийскую страну Сараосту (11.11.1), но неясно где она находилась; в Жизни Мерлина Гальфрида Монмутского (1216) упоминается Сигейское болото в Индии, что, возможно, является болотом Качского Рама. Полуостров Катхиявар был одним из очагов хараппской цивилизации (третье тысячелетие до нашей эры), где людские поселения располагались в основном по берегам рек и на океанском побережье. Любопытно, что народ, который в Махабхарате назывался шурасена, (у буддийских авторов сурасена, – Г.М. Бонгард-Левин, Индия в древности, стр. 194), проживал в верховьях реки Сарасвати (несколько выше современного Дели), в то время как сураштры проживали в районе, где Сарасвати впадала в Арабское море» (Сергей Дарда, «Пояс мира // Катхиявар-Крым, или что означает имя Сергей», <http://beltofpeace.com/16-1.html>).

Ядавы, которым при Кришне были подвластны и земли Сураштры, правили в древнем царстве Чеди со столицей Шуктимати [Сукти] (бенг. «Śukla» – «древний, яркий, ясный, чистый»; перс. «sugda» – «чистый, святой»):

«Чеди – древнеиндийское царство, упоминаемое в «Махабхарате» и Пуранах. В ранний период управлялось династией Пауравов, а затем – династией Ядавов. Позднее стало одной из Махаджанапад. Царство Чеди располагалось на территории Бунделкханда в современном штате Мадхья-Прадеш – к югу от реки Ямуны и вдоль реки Бетва (Ветравати). Говорится, что столицей Чеди был город Суктимати (*Сугди-мати, – П.Д.). Одним из правителей Чеди был Шишупала, союзник правителя царства Магадха Джарасандхи и Дурьодханы. Шишупала был врагом Кришны и был убит им во время жертвоприношения раджасуя, устроенного Юдхиштхирой. Родом из царства Чеди были также упоминаемые в «Махабхарате» Дамагхоша, Дхриштaketу и его сыновья, Сукету, Сарабха, жена Накулы Каренумати, жена Бхимы» («Чеди», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1889981>).

3.8 Угро-самодийские динлинские племена – потомки прадравидов

Чеди (телугу «eđj» – край; гуджар. «chēḍḍ» – конец; яван. «jadul», кор. «godae» – древний; чеш. «šedivý» – «седой, древний, достойный») – название народа, населявшего страну Банделаканду (ныне Бунделькханд). Эпос подчеркивает приверженность этого народа к древнему закону.

Все это, как и множество других известных фактов, указывает на то, что не только в союз киргизских, но и в союз усуньских племен могли войти, как родственные гяньгуням (гянь-гунь [Khang-Kiu], гангуни = кангюйцы) потомки ранее прабалтоязычных брахикранных (короткоголовых / круглоголовых) жунов / цянов уюкцы и другие прабалто-

славяноязычные юэчжийские племена, так и долихокранные (длинноголовые) угро-самодийские динлинские племена, в этногенезе которых ранее участвовали мигрировавшие на север вместе с прабалто-славянами прадравиды:

«Около 201г. до н. э. племенные союзы уюкцев Тувы, пазырыкцев Алтая, государство Динлин (тагарцев) были разгромлены пришедшими из Центральной Азии войсками гуннского (на самом деле хуннского / сюннского, а вовсе не гуннского / жунского, – П.Д.) шаньюя Маодуня, которые захватили не только все Саяно-Алтайское нагорье, но и Забайкалье... Гунны говорили на языке ныне вымершего языкового семейства, незнакомом современной науке... Началось взаимодействие тюркоязычных (очевидно, в то время ещё балто-славяноязычных, – П.Д.) гяньгуней с динлинами, которые судя по топонимике, говорили частью на угорских, частью на южносамодийских наречиях. Этот процесс отмечен в археологии Южной Сибири созданием шурмакской культуры (II век до н.э. – V век н.э.) на верхнем Енисее и таштыкской (I в. до н.э. – V в. н.э.) в бассейне Среднего Енисея, Абакана и Чулыма...» (Леонид Кызласов, «Древняя и средневековая история Южной Сибири», <https://nbdx.ru/pdf/bx00000164.pdf>; <https://r-19.ru/upload/iblock/d11/L.R.-Kyzlasov.-Drevnyaya-i-srednevekovaya-istoriya-YUzhnoy-Sibiri.-1989.pdf>);

«В источниках ничего не говорится о взаимоотношениях между динлинами и гяньгунами. Однако постоянное противодействие того и другого народа центральноазиатским хуннам в одно и то же время вряд ли могло происходить изолированно друг от друга. Не исключено, что именно это обстоятельство сыграло определённую консолидирующую роль в том, что позднее, как сообщают Танские хроники, (брахикранные тёмно-краснокожие балто-славяноязычные, – П.Д.) жители страны Гяньгунь «перемешались с (долихокранными бледнолицыми угро-самодийцами, – П.Д.) динлинами», что и явилось началом существования будущего государства енисейских кыргызов... В настоящее время установлено, что название гэгунь, гяньгунь, кигу, цигу, гегу, хэгусы, хягасы представляют собой разновременные фонетические варианты одного этнонима – кыргыз [Яхонтов, 1970], обозначающего народ, живший на Среднем Енисее, в Минусинской котловине, и по этому признаку названный енисейскими кыргызами (в отличие от более поздних киргизов на Тянь-Шане и в других районах их расселения)... Судя по всему, (родственные кангюй-яньцайским циркасам, – П.Д.) гяньгуни и динлины, предполагаемые предки енисейских кыргызов, занимали в хуннское время не только различные, но и весьма обширные области в северных районах Центральной Азии; и консолидация их, положившая начало существованию общности енисейских кыргызов, относится к более позднему времени...» (Д.Г. Савинов, «Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья», <http://kronk.spb.ru/library/savinov-dg-1994a-1.htm>);

«Этническая принадлежность усуней до сих пор не ясна. Одни исследователи полагают, что усунь – одно из скифских племен и говорили они на восточноиранском языке. Другие утверждают, что усунь входили в круг гуннских племен и говорили по-тюркски. Крупный русский дореволюционный востоковед Н.А. Аристов писал (правда, излишне категорично), что усунь – прямые предки современных киргизов, и что народное

самоназвание усуней всегда было «кыргыз» (Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных о начинающихся антропологических исследованиях // Живая старина. – 1984. Вып. 3-4. – С. 396.). Но то, что как саки, так и усунь вошли компонентами в конгломерат древнетюркских племен, из которых формировалась киргизская народность, учеными принимается безоговорочно (История Киргизской ССР. – Т. 1, гл. VIJ.). Черепа из погребений усуней, раскопанных в Киргизии, в основном европеоидные и похожи на черепа саков, но с большим процентом монголоидной примеси (Дебец Г.Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. 1. – М., 1956. – С. 10.)» (Владимир Мокрынин, Владимир Плоских, «Усунь», http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1696);

«Грум-Гржимайло предлагает гипотезу, согласно которой ветвь юечжей попала на Алтай, объединилась с тамошними динлинами и в V в., разрушив Юебань, через Среднюю Азию пробралась в Тохаристан. Однако раскопки Пазырыка показали, что алтайские европеоиды не светловолосые динлины, а темноволосые арийцы (славяноязычные тёмно-краснокожие гяньгуни, – П.Д.)...» (Лев Гумилёв, «Эфталиты и их соседи в IV в.», <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article30.htm>);

«Один из важных расовых антропологических признаков – пигментация и форма волос. Из горноалтайских курганов сохранились волосы мужчин погребённых в третьем и пятом Пазырыкских курганах и женщин из второго и пятого той же группы. И мужчины, и женщины, погребённые в этих курганах, европеоидного типа, что подтверждается пигментацией и формой волос. Их волосы каштановые и тёмно-каштановые, волнистые и тонкие. Указатель их формы 64 (отношение малого к большому поперечному диаметру волоса), что резко отличает их от чёрных, жёстких волос монголоидов, указатель формы которых около 78... Наиболее вероятно, что племена Алтая в рассматриваемую эпоху принадлежали к той группе среднеазиатских племён, которые подобно сакам, были европеоидами и, можно думать, были теми племенами, которые китайские источники называли юечжами. Если к западу от Алтая, в его предгорьях, жили аргиппеи (по свидетельству Геродота, отделившиеся от царских скифов), а на Алтае и к юго-востоку от него жили близкие по культуре сакам (славяноязычные, – П.Д.) юечжи, то целый ряд вопросов, связанных с генезисом культуры горноалтайских племён, получает ясный ответ... Юечжи в течение ряда столетий в культурном отношении стояли выше хуннов, которые политически временами зависели от юечжей. Отсюда понятно то культурное влияние, какое юечжи оказывали на хуннов, влияние, которое, как я пытался доказать, нашло своё отражение в их искусстве. На более, по-видимому, высоком уровне стояло у юечжей и их военное дело. Так, в конце III в. до н.э., как мы знаем, в Монголии складывается союз хуннских племён. Верховный их вождь Модэ, в течение ряда лет до того находившийся в качестве заложника юечжей, реорганизовывает хуннские войска и перевооружает их по образцу юечжийских, и в 206-204 гг. до н.э. наносит первый удар с востока племенам Южной Сибири

и Средней Азии, после чего, как гласят китайские хроники, хуннский союз возвышается над юечжийским...» (С.И. Руденко, «Культура населения Центрального Алтая в скифское время», <http://kronk.spb.ru/library/rudenko-si-1960-15.htm>);

«Озвучим лишь некоторые версии (этимологии этнонима «киргиз», – П.Д.):

1. Баскаков Н.А. – «кыргыз» / «кырк-гуз» / «кырыг-огуз» – «красные огузы».

2. Петров К.И. – «кыргыз» / от «кыргу(з)» – «красные».

3. Кононов А.Н. – «кыргыз» / «кыр(кыз[ыл])-гыз» – «красный, румяный-гы-з», т.е. «красные, румяные».

4. Зуев Ю.А. – «кыргыз» / «karkasa» (индоиранские языки), «kahrkasa» (авестийский язык), «kargas» (пехлеви и среднеперсидские языки), «karges» (памиро-иранские языки), «sarkas» (согдийский язык), «sirgus» (осетинский язык) – все это варианты слова «орел, гриф».

5. Осмонов Н. – «кыргыз» / «кыргу-аз» – «красные азы».

6. Фольклорная версия – «кыргыз» / «кырк-кыз» – «сорок девушек», отображает легенду о возникновении киргизов от сорока девушек, «забеременевших от морской пены».

Как видно версий много и в основном они касаются цветовой атрибутики этнонима, все они связывают термин «кыргыз» с красным цветом. Вообще, красный цвет имеет для киргизов большое значение. «Кызыл кыргыз» («красные киргизы») – называют себя некоторые киргизы. По некоторым легендам, все киргизы были рождены от «красной собаки» – «кызыл тайган». Красный цвет считается цветом южнокиргизских племен, синий – северных...» («О происхождении киргизов // Этимология термина «кыргыз» и проблема языка», http://www.kyrgyz.ru/articles/kyrgyz/etimologiya_termina_kyrgyz_oblast_karkar-han_-_kypchaksko-kyrgyzskiy_simbioz/);

«Древнейшими тюркоязычными источниками, в которых упоминается этноним киргиз, являются памятники рунической письменности. Слово киргиз неоднократно встречается в орхонских надписях начала VIII в. Оно имеет в них форму qirqiz (пишется qirqz). К несколько более раннему времени относится греческая запись того же слова – Chérkis (Черкис / Черкас / Таркас – тёмный [тёмно-красный]; пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный, – П.Д.). Однако ещё раньше мы встречаем тот же этноним в китайских исторических сочинениях. В разное время он записывался по-разному: (1) гэгунь (гэкунь), (2) гянгунь (гянкунь), (3) кигу, (4) гегу, (5) хэгусы, (6) хягасы. Правда, существует мнение, что последняя из этих форм – (6) хягасы – обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как хакас) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как названия одного и того же народа (или государства)... Сведений о языке кыркызов до эпохи Тан у нас нет. Существует предположение, что первоначально кыркызы говорили не на тюркском, а на каком-то другом (славянском, – П.Д.) языке, но оно основано только на косвенных (не лингвистических) данных...» (С.Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «киргиз», <http://kronk.spb.ru/library/yahontov-se-1970.htm>);

«Древние и средневековые источники разделяют происхождение кыргызов и народов, проживавших южнее Саянских гор. Характерным является миф о происхождении кыргызов от бога и коровы в пещере (здесь отражаются культ гор, почитание быка, сюжеты отмечающиеся еще на окуневских памятниках), сообщения о том, что кыргызы не принадлежат «расе волков». Население Хакасско-Минусинского края постоянно находилось в оппозиции центральноазиатским государствам – хуннам, тюркам, уйгурам, монголам. В это время завершается и формирование современного антропологического состава хакасов. Древнекыргызский этнос явился этнической основой для современных хакасов и тяньшаньских кыргызов...» (Каврис Торбостаев, автореф. дис. «Проблемы этногенеза хакасского народа», <http://www.dissercat.com/content/problemy-etnogeneza-khakasskogo-naroda>);

«Термин «кыргызы» присутствует в различных вариантах и в текстах, записанных на других языках: греческом – херкис; монгольском – хиргис, хяргис; латинском – керкис; арабском и персидском – хырхыз, хырхыр. Весьма различается написание данного термина в китайских текстах. Из всех имеющихся вариантов основными считаются следующие: для ханьских текстов – цзянь-гунь, для танских – сяцзясы, для юаньских – цзилицзисы... Н.В. Кюннер был склонен считать термин «хягяс» эквивалентом этнонима «кыргыз» («циркас / черкас» – чермный, – П.Д.), попавшим в китайский язык через посредство уйгурского и игравшим роль клички – «жёлто-краснолицые»... Л.Р. Кызласов ссылается на то, что впоследствии северные варвары «ошибочно хягасы называли хакяньсы, что на хойхусском языке значит: краснолицый»... Эта фраза в своё время послужила основанием считать слово хягасы «кличкой» кыргызов, попавшей в китайский язык через уйгуров. Отметим, что источник не противопоставляет более позднее написание раннему, а лишь пытается объяснить его значение и происхождение. Кроме того, китайские источники добавляют, что «киные называют еще государство Гюйву и Гйегу». Таким образом, все перечисленные этнонимы обозначали один и тот же народ...» (В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков, «История енисейских кыргызов», <http://kronk.spb.ru/library/butanaev-hudyakov-2000-1-2.htm>).

Очевидно, пратюркский этнос сформировался на этнических субстратах не вошедших в усуньский союз племен динлинов и кюе-ше при весьма существенном влиянии суперстрата балто-славяноязычных темно-краснокожих гяньгуней (восточных канаанцев – кангюйцев [Khang-Kiu], канглов, кангаров; итал. «sanguе», фр. «sang», рум. «sange», хинди «khūn», панджаби «hūn», перс. «хун», тадж. «хун», дари «hūn», кит. «хуè» [~ сую, ~ хуе], алт., башк. «кан» – кровь; лат. «sanguinum», якут. «хааннаах», турец., азерб. «kanli» – кровавый [кроваво-красный]; хинди «khūnī», бенг. «khunē» – кроваво-красный; санскр. «k`anaka» – золото [червонное золото]; хуррит. «kinakh-nu», кит. «hóng» [~ хун, ~ hong] – красный; эвенк. «коңномо, коңнорин» – черный, «коңномоко̄н» – «темный, смуглый», «коңноргочо̄» – «загорелый, смуглый»; монг. «конгур», тунг. «конгоор», тюрк. «конур / коныр» – «тёмный, смуглый, бурый, коричневый»; кит. «gāng», «kǎn» – «горный хребет»; «кяны / цяны / шаны» – горцы), практиковавших в то время, как и большинство других прабалто-славяноязычных народов Центральной и Средней Азии, преимущественно обряд трупосожжения, и возможно при лишь незначительном влиянии этничных адстратов, как псевдотохароязычных малых

юэчжи, так и праугрозязычных бледнолицых саков (сэ):

«...археологи установили, что для древних тюрок характерно как раз трупоположение, а не трупосожжение, которое характерно только для кыргызов Енисея (перенявших его у пришлых балто-славяноязычных гяньгуней вместе с этнонимом кыргызы [*циркызы = циркасы = черкасы – «тёмно-вишнёвые / чермные асы»], – П.Д.; «кыргызы» / «кыргу-аз» – «красные азы», – Н. Осмонов; «кыр» – плосковерхие плато или останцы, обычно с крутыми или обрывистыми и нависающими склонами (чинками), главным образом в Средней Азии, – БЭС). Такие погребения раскопаны на Алтае, в Монголии, и их же изучал в Семиречье сам А.Н. Бернштам» (Л.Р. Кызласов, Н.Я. Мерперт, [рец. на:] А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // ВДИ. 1952. № 1. с. 101-110, <http://kronk.spb.ru/library/kyzlasov-merpert-1952.htm>);

«В это время вместе с гуннами (точнее, с хуннами, а вовсе не с жунами = гуннами, – П.Д.) впервые появляются в Хакасско-Минусинской котловине тюркоязычные (тогда еще балто-славяноязычные, – П.Д.) гяньгуни с их во многом центрально-азиатской культурой, основанной на скотоводческом хозяйстве, с их обрядом трупосожжений, не свойственным ни гуннам, памятники которых довольно хорошо известны, ни тагарским динлинам... Гяньгуни принесли с собой и заимствованный из Китая обряд установки в могилах сопровождающих статуэток людей и животных, а также многие центральноазиатские сюжеты в искусстве и детали в устройстве погребальных сооружений...» (Леонид Кызласов, «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.)», <http://kronk.spb.ru/library/kyzlasov-lr-1960-5-1.htm>);

«...«Владение Гяньгунь» впервые упоминается в ханьских источниках в 201 г. до н.э. среди других племён, покорённых Модэ-шаньюем. «Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым». В этот период динлины и гяньгуни являлись разными «владениями», подчинёнными хуннам. О местоположении этих владений, по указанию источника «на севере», от ставки хуннских шаньюев в Ордосе, судить довольно сложно... По мнению Л.А. Боровковой, земли всех покорённых Чжичжи-шаньюем племен, включая гяньгуней находились к северу от восточных земель Усунь, севернее хребта Боро-Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элисун». В земли цзянькуней присылал послов Чжичжи-шаньюю правитель Канцзюй, а затем орда северных хуннов ушла из Цзянькунь на запад к канцзюям. ...гяньгуни упоминаются наряду с динлинами в источнике III в. н.э. «Владение Гяньгунь расположено северо-западнее Канцзюй. Отборного войска 30 тыс. человек. Следуют за скотом. (Там) много соболей, есть хорошие лошади. Владение Динлин находится севернее Канцзюй. Эти выше (названные) три государства, с Гяньгунь в центре, находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньсишуй на (расстоянии) 7 тыс. ли, на юге от них 5 тыс. ли Чэши и шесть (других) владений, на юго-запад до границ Канцзюя – 3 тыс. ли, на западе до ставки канцзюйского вана – 8 тыс. ли... Согласно сведениям источника, в III в. н.э. гяньгуни обитали севернее усуней и кангюев, западнее динлинов, на тех же землях, что и раньше. Динлины не только не смешались с гяньгунями, но сами распались на два «владения». Одна

группа динлинов обитала по соседству с гяньгунями в Восточном Туркестане, другая – к югу от Байкала... В начале V в. Жужаньский (Жуань-жуаньский = Гянь-гуньский, – П.Д.), каган Хулюй «на севере» покорил племена Хэвэй и Йегу. Поскольку владения (славяноязычных, – П.Д.) жужаней простирались на западе до Яньци (Карашара), можно полагать, что подчинение Йегу (кыргызов) произошло, когда те ещё обитали в Восточном Туркестане» (В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков, «История енисейских киргизов», <http://kronk.spb.ru/library/butanaev-hudyakov-2000-2-01.htm>);

«В произведениях средневековых писателей, сообщающих о погребальных обычаях славян периода до принятия христианства, обнаруживается удивительно мало данных о форме и типе погребений. Подавляющее большинство авторов, сведения которых касаются времени до конца X в., подтверждают повсеместный и исключительный характер кремации, тем самым косвенно свидетельствуя о погребениях с трупосожжением. Детальную характеристику этого обряда содержат только два источника а именно: «Повесть временных лет» и так называемая «Анонимная реляция» (арабское произведение второй половины IX в., не сохранившееся в подлиннике, более древнюю выписку из которого привел Ибн-Русте – Lewicki T., 1955). Оба отрывка относятся к восточным славянам (преимущественно к славянизовавшимся потомкам днепровских балтов, так как поляне – потомки славяноязычных готов-русов и аланов-русов наряду с трупосожжением практиковали и трупоположение, – П.Д.) и единогласно свидетельствуют только об одном типе погребения – наземном урновом. По «Реляции», урна ставилась на курган, по «Повести» – на столб у дорог. Как в свое время Л. Нидерле (Niederle L., 1911), так и вслед за ним Б.А. Рыбаков (1970), доказали, что слово «столпъ» обозначало в древнерусских текстах XI и XII вв., с одной стороны, столб, колоду, колонну, а с другой – башню, келью, небольшой домик. Это предоставляет две возможности интерпретации этих загадочных «столпъов» «Повести» и способа размещения урн: они сохранились на каком-то вертикальном деревянном сооружении или в домовине, домике мертвых (который, впрочем, возможно, ставился на столб). Не исключено, что столб мог находиться также на кургане или неподалеку от него...» (Х. Цоль-Адамикова, «Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников», <http://www.kladina.narod.ru/zoll-adamikowa/zoll-adamikowa.htm>);

«Погребальный обряд славян-язычников, каким мы знаем его в последние столетия перед принятием христианства, был ритуалом вполне сложившимся, сложным и разнообразным, далеко ушедшим от его основных первоначальных форм, существовавших у еще неразделившихся индоевропейцев. В древнейшие времена, насколько, разумеется, можно судить по местам погребений, приписываемым славянам, в погребальном обряде славян было больше единообразия и простоты. Однако мы видим, что позднее, как и в других областях культурной жизни, на погребальных обрядах сказываются чужеземные влияния, в результате чего эти обряды приобретают значительно более разнообразный характер, и единообразие славянского погребального обряда исчезает. Лишь христианство снова приводит все к единообразию, стандартизирует погребальный обряд и при этом вводит

совершенно новые основы обряда, а именно захоронение покойника на обычных общих кладбищах, освященных церковью. До этого славяне своих покойников не хоронили, а с древнейших времен, несомненно с самого возникновения славянства, сжигали» (Любомир Нидерле, «Славянские древности»,

http://historylib.org/historybooks/Lyubor--Niderle_Slavyanskie-drevnosti/34;

http://www.rodnovery.ru/attachments/article/414/Niderle_slavyanskie_drevnosti.pdf);

«О длительном существовании пережитков обряда трупосожжения (и прежде всего у славянизированных днепровских балтов, – П.Д.) свидетельствует и этнографический материал. Б.А. Рыбаков на примере радимичей и А.В. Успенская на примере дреговичей установили, что курганы, в которых пережитки обряда сожжения сказываются сильнее, как правило, датируются более ранним временем и следуют непосредственно за курганами с трупосожжениями. ...погребения с конем были распространены в основном в Литве и у пруссов. Как отмечает Р. К. Куликаускаене, в Литве этот обряд широко представлен с конца I – начала II тысячелетия (800 – 1200 гг.). Конские захоронения сопровождали останки сожженного хозяина. Иногда сжигали и коня. Коней хоронили со снаряжением, которое в некоторых случаях было просто роскошным. Обычно убивали одного коня, но встречаются погребения, в которых было найдено два-три и даже восемь конских захоронений. Это были погребения воинов-всадников вместе с боевыми конями, погребения дружинников» (Г.Ф. Соловьева, «О роли балтского субстрата в истории славянских племен верхнего Поднепровья», Советская Археология № 2, 1971, стр. 124-132, <http://behistory.ru/article/1/>; <https://www.twirpx.com/file/792589/>).

3.9 Сибирские предки бледнолицего долихокранного русскоязычного населения

На основе же потомков как финноязычных скифов и других лесостепных финских племен, так и родственных долихокранным динлинам тюркизированных кюе-ше (кипчаков – половцев) и сложилась позже великорусская народность:

«Принципиально иную версию ответа на вопрос «Откуда пошла есть русская земля» предлагают нам древние китайцы. Русские им, оказывается, известны с дохристовых времен под именем «усуни». Последние издревле проживали рядом с Китаем, к XIX веку имели двухтысячелетнее государство, но довольно рано переселились на запад за Урал и с тех пор упоминаются китайцами под именем «олосы» (алеша). «Исследование о племени усунь» содержится в гл. 30, т. IV известного труда китайского историка Хэ Цю-тао «Шофанбэйчэн». Труд написан в 1851 г., но опубликован в 1881 г., в нем автор развивает точку зрения, высказанную в китайской литературе уже в монгольскую эпоху: усунь (вместе с ассимилированными ими динлинами, – П.Д.) являются предками русских (очевидно, не только светлоглазых блондинов: чуди, веси и мери, но и славянизированных долихокранных днепровских балтов, вятичей и половцев, – П.Д.). «В ханьское время (II в. до н.э. – II в. н.э.) старое царство Усунь первоначально находилось между Цилянью и Дунхуаном (Южный Китай, юго-западнее Ганьчжоу, – полагал Н.В. Кюнер). Усунь тогда были

посредниками между хунну и Западным краем. Сами себя усунь назвали лаоцян, т.е. старые цян. Отсюда они переселились и достигли Чигу, а отсюда – к Цунлину. С этого времени в Цунлине не было слышно об усунях (включивших в свой союз племен долихокраних динлинов и уже известных в Европе как гуттоны = язматы, гуды = языги, пруссы и сигамбры = франки, – П.Д.), зато на западе от хребта Ула (Урал, – Н.Н.) появились олосы (более позднее китайское название русских, – Н.Н.). Это точно может быть доказано». В юаньскую эпоху (XII в.) Йелюй Даши ведя народ бежал на запад, затем овладел землями Западного края и учредил государство, просуществовавшее 100 лет». Н.В. Кюннер весьма справедливо подчеркивал: «Исследование Хэ Цю-тао, естественно, сразу останавливает наше внимание, независимо от того, насколько убедительны доводы в защиту подобной точки зрения». «Материалы Хэ Цю-тао, опирающиеся на данные многих китайских источников, должны быть приняты во внимание при изучении истории СССР», считает Р.Ф. Итс, издатель научного труда безвременно ушедшего Н.В. Кюннера. Но отечественные историки старательно не замечают китайских высказываний, будто их и не было» (Н.С. Новгородов, «Сибирское Лукоморье», <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/138.htm>);

«По сведениям Питея, дошедшим до нас в виде отрывков в сочинениях Диодора, Плиния Старшего, Страбона и Гемина, река Эридан разделяет Кельтику и Скифию. Здесь, на обширном затопляемом приливом побережье моря Ментоном, живут некие гвиноны (т.е. веноны, венеты) или, по другой версии, – гуттоны (они же потомки усуней язматы, – П.Д.). На расстоянии одного дня плавания от названного побережья находится остров по имени Абалус (разночтения – Абалция, Балтии, Басилей, Озерикта, Глессарий), на который весной волны выбрасывают янтарь, представляющий собой частички «свернувшегося от холода» моря. Жители побережья собирают этот дар моря и используют его в качестве топлива или же продают соседнему народу тевтонам... Начиная со второй половины I в. н.э. мы имеем целый ряд свидетельств о проживании венетов (балтоязычных потомков как бастарнов и других кельто-иллирийцев, так и финноязычных скифов – финнедов, – П.Д.) на востоке Северной Европы, и в частности в Южной Прибалтике. Так, римские писатели Плиний и Помпоний Мела, передавая рассказ другого римского автора, сообщают, что около 58 г. н. э., в бытность проконсулом Галлии Квинта Метелла Целера, к северному побережью Германии буря прибила однажды каких-то купцов индов, в которых со времени П.И. Шафарика принято видеть торговцев из балтийского племени виндов, т.е. винедов. В другом месте своего труда, говоря о более близком ему времени, Плиний замечает: «Некоторые рассказывают, что здесь (речь идет о Каданском, т.е. Гданском, заливе. – В.К.) живут до реки Вистулы сарматы, венеда, скирры и гирры» (Плиний. Естественная история, IV, 13, 97)... В связи с указанным нам представляется наиболее приемлемой точка зрения, высказанная впервые еще в 30-х годах прошлого века русским историком Н.И. Надеждиным. Он полагал, что наименование вен[д]-вен[т] («житель влажной страны»), которое издавна прилагалось к населению «мокрого» побережья Балтики, независимо от этнической его принадлежности, было перенесено на славян (Н. Надежин. Опыт исторической географии русского мира. – «Библиотека для чтения», № 22. СПб., 1837, стр. 52. Собственно, впервые мысль о том, что наименование венеда следует отнести к числу землеописных имен, высказал в конце XVIII

в. чешский лингвист Й. Добровский. Однако одновременно с этим он утверждал, что славяне исконно обитали на Балтийском побережье и вследствие этого и получили от своих соседей указанное наименование), когда они сюда продвинулись, так же как в свое время на часть восточных германцев – вандалов» (Венниамин Кобычев, «В поисках прародины славян // Странные сухопутные моряки. Споры о спорах и Великая Сербь» <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st003.shtml>);

«Античная традиция дает единственное конкретное наименование племени, появившегося в V в. до н.э. в районе дельты Дона – «язаматы». На это время падает и резкое количественное увеличение погребений, свидетельствующее о притоке нового населения. То обстоятельство, что эта обособленная группа населения появилась на Дону позднее «коренных» савроматов (савроматов по Геродоту) и назвалась их именем (по Эфору язаматы – это савроматы), говорит о признании язаматами родства с ними или даже их политического превосходства пусть, может быть, временного. Язаматы, вероятно, были первыми представителями кочевого савроматского населения Подонья, начавшими переход к оседлому образу жизни. Именно они основали поселения в дельте Дона. Территория владений (предков франков, – П.Д.) язаматов, по крайней мере в V – IV вв. до н.э., простиралась, видимо, в степной зоне от дельты Дона и Миусского п-ова до низовья Северского Донца на правом берегу и до Маныча на левом берегу Дона. Именно здесь, в степной зоне, находятся археологические памятники, сходные с памятниками островов дельты Дона. Восточнее Северского Донца и Маныча погребения кочевников имеют свои особенности, отличающие их от собственно язаматских» (В.Е. Максименко, «Савроматы и сарматы на Нижнем Дону», гл. 5 «Племена и союзы племен на Нижнем Дону в скифскую эпоху (античные традиции и интерпретации археологических источников) // Курганы в дельте Дона и их этническая принадлежность», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000149/st017.shtml>);

«Г.Е. Грумм-Гржимайло совершенно справедливо замечает: «Длинноголовая раса, населявшая южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т.е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в области бассейна Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айно)». Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли Динлин. Динлины исчезли с исторической арены в середине II в., а дили – чи-ди вступили на нее в IV в. (на самом деле, ещё в 620г. до н. э. чи-ди напали на западные пределы Лу, затем – на Ци и Сун, хотя и намного ранее были известны китайцам как цюаньжуны или просто жуны, – П.Д.). И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не пришлыми с юга ди (на самом же деле, как с балто-славяноязычными брахикранными жунами дисцами – ганьгунями, так и с прототюркоязычными долихокранными динлинами, – П.Д.). Южная ветвь динлинов, кочевавшая к югу от Саянских гор, перемешалась с хуннами, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь в 350 г. приказал перебить всех хуннов до

единого, «погибло много китайцев с возвышенными носами». О судьбе западной прииртышской ветви динлинов прямых сведений нет, но, исходя из хода событий, можно догадаться, что они, смешавшись с уграми, составили народ сабир, который в V в. прорвался на Кавказ. Там сабиры долго торговали мечом, служа то императору Византии, то шахиншаху Ирана, пока не растворились среди кавказских народов... Усуни нам известны, как смешанный с саками и юэчжами народ. Это подтверждается палеоантропологией. Некоторые из добытых черепов относятся к средиземноморской (долихокранной, – П.Д.), другие к памиро-ферганской (брахикранной, – П.Д.) расе. Однако находок так мало, что невозможно решить, принадлежат ли они собственно усуням или слившимся с ними сакам и юэчжам... Основанием для сопоставления кыргызов и усуней было описание типа последних: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их»... европеоидность усуней не подлежит сомнению, ибо позднейшие китайские ученые производят русских от удалившихся на север усуней» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов», http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26note_13);

«Ян Бинь в «Любяньцилио» говорит: «Алосы также пишут Олосы, это лоча (русские). [Живут] за изгородью (имеется в виду «Ивовая изгородь», служившая границей Южной Маньчжурии). Их (русских) называют лаоцян» (И.В. Кюнер, «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», Гл. II, «Усунь», <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/frametext12.htm>);

«...Дзянгейский народ обитал на севере от Усуньского, а на западе от Удзейского; Динлинский же народ обитал на севере от всех сих народов, то и оказывается чрез сие, что тогдашние Динлины, а нынешние Русские, есть один народ, происшедший от Дзянгеев. О Русских при царях фамилии Юань (при Золотой орде) писали здесь прямо, называя Оросами и упоминая совокупно с киргисами, чему ныне больше 400 лет» («Кратчайшее описание городам, доходам и прочему Китайского государства, а при оном и всем государствам, королевствам, княжествам, кои китайцам сведомы, выбранное из китайской государственной географии, коя отпечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянь Луне, секретарем Леонтиевым. В С.Петербурге, 1778 года», «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 155)... Таким образом, динлины, кагасы и усунь имели румяные лица, голубые глаза и рыжие волосы, но одной светлой окраски недостаточно для причисления этих народов к индогерманской или правильнее арийской или индоевропейской расе, потому что, по выражению Кастрена, «во все времена светлая окраска была наиболее характеристичным признаком» также и финских племен... Но можно, мне кажется, сделать и иное предположение: гуньмо значилось в реляциях Чжан Цяня по ошибке вместо гуньми, а потом, при ближайшем знакомстве с усунями, ошибка была замечена и китайцы стали употреблять настоящее слово гуньми. Это последнее может быть объяснено при помощи финского языка, на котором «kung» означает князь, а «mi» значит страна, земля (в «Suomi» напр. – «страна болот» и т.п.), так что гун-ми выходит государь или князь страны или земли»

(Н.А. Аристов, «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии», Б.: Илим, 2001, http://www.bizdin.kg/elib/kitepter/html/taryh/aristov_usuni/section19.html; <http://bizdin.kg/static/media/pdf/usuni-kyrgyzy-kara-kyrgyzy.pdf>).

В то время как к «гуньмо» близки по произношению удм. «кужмо» – «могучий, сильный» и диал. удм. «кынаро» – сильный, к «гуньми» (кунби) весьма близким является эст. «kuumi», тождественное англ. «great» – «великий, превосходный, сильный» и, очевидно, соответствующее удм. «гумырес» – сильный и др.-киев. «кумир». Все эти лексемы, конечно же, имеют общую прафинно-угорскую или же даже ностратическую основу (удм. «кем» – «сила, мочь»; удм. «кынартыны», швед. «kunna», англ. «can», каннада «kyān», кит. «gǎn», лат. «quīvi» – «мочь, быть в состоянии, уметь»). Но не исключено, конечно же, и то, что первые князья усуней, как и все потомки дисцев, были темно-красными (эвенк. «коңномокōн» – «темный, смуглый») подобно червонному золоту и, поэтому-то, их титул и происходил от названия золота (санскр. «k`anaka» – золото; санскр. «haima», кит. «jīn» – золотой; хинди «khūpī», бенг. «khunē» – кроваво-красный; турец., азерб. «kanli», якут. «хааннаах» и лат. «sanguinum» – «кровавый <кроваво-красный>»; алт. «кан», рум. «sange», франц. «sang» – кровь; хуррит. «kinakh-nu», кит. «hóng» [~ хун, ~ hong] – красный; кор. «hunje», кит. «xūn» – «копченный, опаленный <солнцем>»; чеч. «комарийн» – малиновый; финик. «kamag» – тёмный). Или же титул «золотой» всего лишь подчеркивал благородность их древнего рода (кит. «jūn» – правитель; фин. «kunnia», лат. «honor» – честь; маратхи, гуджар. «jūnā», яван. «kupa», индонез. «kupo» – «старый, древний»), подобную благородности этого очень редко встречающегося в природе металла. В этом случае титул «султан» (греч. «σουλτάνος», лат. «soldano», азерб. «soltan», ст.-венг. «zoltan», япон. «sarutan»; коми-зыр. «зарниа» – золотистый; коми-перм. «зарниа», осет. «зæрин», венг. *[s]arany – золотой) может рассматриваться как калька с титула «гуньмо».

Основу усуньского племенного союза, конечно же, составляли метисные потомки прабалтоязычных брахикранных дисцев, существенно осветлившиеся и возможно тюркизировавшиеся в Восточной Сибири вместе с угро-самодийским этническим субстратом – долихокранными динлинами:

«Очевидно, брахикранный европеоидный тип принесли из Китая ди. Другая разновидность ди – усунь (прабалтоязычные лаоцяны, – П.Д.) – также короткоголова (Г.Ф. Дебеч, «Палеоантропология СССР», М.-Л., 1948, с. 180)» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов»,

http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26note_13).

Конечно же в усуньский союз племен кроме брахикранных (короткоголовых) лаоцян, возможно, входили не только динлины, но и другие угро-самодийские долихокранные (длинноголовые) племена, послужившие позже этническим субстратом для формирования в Сибири пратюркского этноса, а в Восточной Европе русскоязычного туранского этноса:

«Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту

горную область, как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующие длинноголовые насельники этой области, принадлежавшие, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, может быть, даже европейской, что доказывается как конформацией их черепов, так и гипсовыми масками, из коих некоторые отличаются замечательной красотой и чертами лица вполне европейскими. Но что же это была за раса, и как велики были пределы ее распространения? Для разрешения этого вопроса мы должны оставить область палеоэтнологии и обратиться к истории. Она знакомит нас с четырьмя племенами, населявшими Среднюю Азию вне китайской стены и имевшими голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы, а именно: усунями, хагясами, динлинами и бома. Всего вероятнее, что усунь были народом смешанного происхождения, о хагясах китайцы также передают, что они «перемешались с динлинами», что же касается бома, то их родство с динлинами будет доказано ниже. Таким образом только этот последний народ (являвшийся предком европеоидных половецких племён, – П.Д.) и должен считаться носителем тех физических признаков, которые сближают рыжеволосую и длинноголовую расу Средней Азии с европейской» (Владимир Авдеев, «Русская расовая теория до 1917 года», Т. 2, <https://www.profilib.net/chtenie/70473/vladimir-avdeev-russkaya-rasovaya-teoriya-do-1917-goda-tom-2-lib-174.php>).

Олосами (лоча) китайцы и славяноязычные жуны (гунны) могли называть в древности, конечно же, и предков половецких и московитов (русских) – как оленных динлинов (ульта́ = ольча = ороки, орачи – оленные тунгусы; эвенк. «орочи́», «орочён*» – оленивод; кит. «лу», ороч. «ула», «ола», эвенк. «орон», удм. диал. «былан», башк. «болан», лит. «elnias» – олень), так и лошадных динлинов и других угро-самодийцев (от и.-е. *ors, *ols, – «лось, мерин» произошли: укр. «лоша», эст. «varss» – жеребенок; осет. «уырс», фин. «varsa» – жеребец; осет. «аласа», марийск. «алаша», удм. «улошо», чеш. «valach», нем. «wallach» – «мерин, кастрированный жеребец»; греч. «ἄλογο», англ. «horse» – лошадь). Этот древний этноним лишь удачно фонологически увязался с поздним этнонимом московитов «русские» и, очевидно, не является ненецким по происхождению, вопреки мнению Хелимского:

«Названия русских в языках Сибири восходят главным образом к трем четко различающимся (хотя в конечном счете связанным по происхождению) источникам: (а) тюрк. «орус», «урус» (> тюркские языки юга Сибири, бур. «ород»); (б) коми «роч» (> манс. «русь», хант. «рушь», сельк. «рушь»); (в) др.-нен. «луотса» (> нен. «лууца», эн. «люотя», эвенк. «лууца» и близкие формы в других тунгусских языках вплоть до маньчж. «лоча», якут. «нуучча» и др.). Их дистрибуция соотносится с тремя названными выше путями проникновения в Сибирь; с точки зрения охвата территории доминирует форма ненецкого происхождения. Кроме того, широко представлены обозначения русских, связанные со словом казак. Особое место занимает кетск. «сирэ» = русский – не результат метатезы (так у Г.К. Вернера), а отражение этнонима «зырян(ин)», ср. роль коми-зырян (ижемцев) как проводников русских отрядов в Сибири» (Е.А. Хелимский, «Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии», <http://www.philology.ru/linguistics2/khelimsky-00a.htm>).

От эвенк. «лууца» и близких к нему форм в других тунгусских языках (орочи, ульта́, ольча, лоча), возможно, произошли не только экзоэтнонимы московитов – др.-нен. «луотса», нен. «лууца», эн. «люотя», но и этноним лютичи (уличи, лутичи), и лексема «люд» (ср. орок. «ультá», бур. «ород»), принесенные в Европу гуннами (славяноязычными жунами). Оленными и лошадными (конными) возможно являлись не только скифы = саки (осет. «саг», proto-Altaiс *su:ku, тюрк. *su:kak, «сог», монг. *sogu(g|a) – «олень, лань»; чагат. «saig|ak», польск. «suhak», казах. «сайга» – «сайгак, антилопа»; венг. «faeke» – косуля; праиндоевроп. *h₂ekwo-, лат. «equus», тохарск. «yuk», «yakwe», англ. «eoh», нем. «ehwaz», ирл. «ech», «each», венет. «ekvon» – конь), гуджары, гуды (языги и беларусы), готы = готфы (англ. «kudu», «koodo» – «куду, лесная антилопа»; турец. «güderi» – серна; каннада «kaḍave» – лось; маратхи «ghōḍā», индонез. «kuda» – лошадь; азерб. «qoduq» – жеребенок; гуджар. «ghōḍā» – конный), хазары (укр. «козуля» – косуля; венг. «huszár» – конь, япон. «kyosei» – мерин) и предки московитов (эст. «vene») = русских (исп., галис. «venado», ирл. «fianna», тагал. «benado», «usa», индонез. «gusa» – олень; англ. «гое» – косуля; англ. «goss», нем. «гоѵ», нидерл. «gos», эст. «ratsu», венг. «ló» – конь; кит. «lū» – осёл), но и как аланы и арии (башк. «болан», белорус. «алень», бенг. «hariṇa» – олень; лтш. «alnis», франц. «élan» – лось; др.-норв. «ióg», чеш. «оѣ», арм. «erivar» – конь; др.-киев., цслав. «орь», фин. «ogi» – жеребец; тадж. «хар» – осёл), так и черкасы (циркасы) и сираки (лит. «žirgas» – конный; лтш. «zirgs», казах. «жылқы», татар. «елкы» – лошадь; эст. «sälg» – жеребенок), а также и утигуры (ати, аттасии, атаулы) и ясы (венг. «őz» – олень; тагал. «atb» – кобыла; азерб. «atlı», др.-перс. «asa-bāga» – всадник; башк., казах., татар. «ат», турец. «at», праарийск. *a₂ua- > праиран. *a₂ua- > хот.-сак. «aśśa-», вах. «yaš», авест. «aspa-», «asva-», «asb», санскр. «aśva», лит. «ašva», др.-прус. «aswinan», гамб. «ušpa», хетт. «ašuwās», фриг. «es», фракийск. «esvas», ликийск. «esbe», швед. «häst» – «конь, лошадь»; лат. «asinus», англ. «ass» – осёл; исп. «asno» – ишак).

С подобными экзоэтнонимами можно связать практически все скотоводческие сарматские племена (венг. «zerge», укр. «сарна» – серна; лат. «serva» – лань; каннада «sāraṅga» – лось) и, в том числе, многие финно-угорские племена меря, мари, мурома, мордва (тамил. «maṅimāṅ» – антилопа; греч. «μαράλ» – «марал, благородный олень»; праиндоевроп. *mar₂ko-, гэльск. «marcan», ирл. «marc», «marcach», валлийск. «march», др.-норв. «marǫ», англ. «mere», «mare», нем. «marah», «mähre», «pferd», нидерл. «paard» – лошадь; эст. «mäga», фин. «mare» – «кобыла; мерин»).

Конечно же бледнолицых и преимущественно долихокраних потомков московитов (русских) – олов (лоча), предки которых были оленными и лошадными финно-угро- и тюркоязычными сибиряками (туранцами), следует отличать от смуглых и брахикраних украинцев, темно-краснокожие предки которых варяги и поляне-русы были потомками народов-всадников – речных (эвенк. «биграг», «олус», «орус», «урус» – река) и верховых (осет. «барæг» – «верховой, всадник») прабалто-славяноязычных севернокитайских жунов («ехать на волокуше, всадником, на лодке» – родственные понятия, – Сафронов, <http://histline.narod.ru/safron1-5.htm>):

«В силу большей этнодифференцирующей способности множественных генов НЛА, исходное ядро русского генофонда на карте (см. рис. VI-76) отчетливо противопоставляется ядру украинского генофонда, однако, причины столь крайних различий (субминимум и

субмаксимум шкалы), явно находящихся у пределов восточнославянской общности, но связанных лишь с определенным комплексом генов, требуют дополнительного генетического анализа, выходящего за рамки работы. Коль скоро оба полярных генофонда – русско-белорусский на севере и украинский на юге – оказались, действительно, у генетических пределов восточнославянской общности, упрощенно можно соотнести эти пределы с венедской (балто-финской, – П.Д.) и антской (на самом деле, сарматской – готаланской, – П.Д.) ветвями раннесредневекового славянства» («Восточные славяне. Антропология и этническая история», Глава VI. Ю.Г. Рычков, Е.В. Балановская, С.Д. Нурбаев, Ю.В. Шнейдер, «Историческая геногеография Восточной Европы», <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?p=168207> , [http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/1329133086_57a1.jpg\[/img\]](http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/1329133086_57a1.jpg[/img])).

Народами-всадниками были и предки как хазар (кударов = хутталанов), так и болгар (баргал / барканиев / борканиев), проживавшие в предгорьях Памира в государстве Ку-ту-ло (Хутталане = Хатлане) и в ферганской долине в государстве Да-вань (Паркане = *Боркане), именно из которых китайцы и импортировали «потеющих кровью» аргамаков:

«Одним из основных предметов вывоза из Хутталана во все времена были чистокровные хутталанские лошади, которые разводились здесь с древнейших времен. В составе так называемого «амударьинского» клада золотых и серебряных предметов искусства (V в. до н. э.), найденных на территории Хутталана, имеется большое количество предметов с изображением хутталанской лошади с четко выраженными особенностями ее породы, что свидетельствует о высоком уровне развития коневодства в этой области. По данным античных источников, Александр Македонский, совершив переход через горы Парапамисада в Бактрии, произвел здесь набор лошадей для своей армии. Изображение хутталанской лошади имеется также на многих памятниках греко-бактрийского искусства. В Китае хутталанские лошади были, известны уже во II в. до н. э. как «небесные кони» и отождествлялись с легендарными лошадьми – драконами богов...» (Ш.С. Камалиддинов, «Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв.», http://www.kroraia.com/casia/kamalid/kamal2_8.html);

«Военная тактика в I в. до н.э. переживала настоящую революцию. На западе парфяне и сарматы ввели в употребление тяжелую кавалерию. Тело всадника и коня покрывал чешуйчатый панцирь, голову защищал высокий остроконечный шлем. Всадник получал на вооружение длинную тяжелую пику и двуручный меч. Воины, вооруженные таким образом, строились в линию и сметали толпы легковооруженных противников. Так, сарматы легко справились со скифами в черноморских степях, а парфяне остановили продвижение римских легионов, отбросив их от Тигра к Евфрату. Но для того, чтобы иметь такое войско, нужно было приобрести соответствующих лошадей. Чжан Цянь рассказал императору У-ди, что в стране Давань (Фергана) есть «добрые лошади (аргамаки), которые происходят от небесных лошадей и имеют кровавый пот». Происхождение их описывается следующим образом: «В даваньском владении находятся высокие горы. На этих горах водятся лошади,

которых невозможно достать: почему выбирают пятишерстных, т.е. пестрых, кобылиц и пускают при подошве гор – для случки с горными жеребцами. От сих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом, и посему называются жеребцами породы небесных лошадей». У-ди решил во что бы то ни стало добыть из Давани жеребцов-производителей и развести в Китае «небесных лошадей»...» (Лев Гумилёв, «История народа Хунну», гл. VIII. «Небесные кони», <http://gumilevica.kulichki.net/HPH/hph08.htm>);

«В системе государственного управления Давани значительную роль играл Совет старейшин, называемый в источниках гуй жэнь. В него входили именитые и уважаемые люди страны. Совет старейшин контролировал власть правителя, мог сместить его или даже убить, принимал основные решения в государственной политике вплоть до важнейших вопросов войны и мира, установления или разрыва дипломатических отношений и т.д. Источники также приводят два случая, когда старейшины приговаривали к смерти правителей, считая их виновниками неудач в войне. Так они поступили с правителями Мугуа и Моцай. Население же страны состояло из свободных общинников, являвшихся опорой государства и основной военной силой. Население могло выставить до 60 000 воинов. Их оружие состояло из луков со стрелами и копьев. Даваньцы были искусны в конной стрельбе из лука. По всей вероятности, Даваньское государство представляло собой союз городов или оазисов-государств, центром которого являлся город. Об этом указывает Чжан Цянь, говоря о сходстве политического устройства Давани и Дахя (Бактрии), в которой не было верховного главы и, почти каждый город имел своего правителя. О подобной политической структуре Ферганы сообщает и более поздний автор – Сюань Цзан (VII в.)...» (К.И. Ташбаева, «К проблеме локализации городов государства Давань», http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=182%3A-----&catid=24&Itemid=56&showall=1);

«Наиболее подробные сведения о Давани II – I вв. до н.э. содержатся в китайских хрониках. Китайские историки сообщают, что население этого государства проживает в 70 городах и поселениях. Так, Чжан Цянь, который побывал здесь, пишет: «В Давани находится до 70 больших и малых городов; население насчитывает до нескольких сот тысяч. Оружие состоит из луков со стрелами и копий. Искусны жители в конной стрельбе». В другой китайской хронике говорится: «Города Аньси (Персии) такие же, как в Давани». По сведениям китайских летописцев, границы Давани доходили до Ташкента: «Владения Ши (Ташкента) при династии Хань составляли северные пределы Давани, а на севере доходили до Кангюя, на юге – до государства юедей». Правители Китая несколько раз пытались завоевать это государство, но безуспешно. В одном из походов им даже удалось захватить столицу Давани – Эриш (Эрши), но вскоре, согласившись на выкуп, они вынуждены были уйти из-за непрекращающегося сопротивления населения. Давань играла большую роль в международной торговле с Китаем и западными странами. Особенно привлекали китайских правителей породистые лошади Ферганы. Лошадей одной из пород они называли «небесными» из-за их совершенства и красоты. Археологические находки подтвердили сведения китайских летописцев о том, что Давань во II – I вв. до н.э. являлась

высокоразвитым государством с многочисленным населением и хорошо вооруженным и обученным войском. К Давани относятся такие земледельческие поселения, как Шурабашат, Учкурган и другие. Их жители достигли больших успехов в обработке земли, выращивая рис и пшеницу, занимались они также садоводством и виноградарством. Как предполагают учёные, во II в. н.э. Давань была завоёвана кочевыми племенами» («Давань [Паркана]», http://testhistory.ru/history.php?id=his_4_65).

Возможно, именно, потомки тёмно-краснокожих эришцев, мигрировавших под натиском кочевников вместе с другими борканиями (болгарами) из азийской Давани в европейскую Давань = Тамань (болотистый остров русов в дельте реки Кубань; укр. «твань» – вязкое болото), и упоминаются Захарией Митиленским как народ ерос (русы более поздних хроник):

«Имя народа... в латинской ретранскрипции, hrws, и которое Н.В. Пигулевская расшифровывает как ерос, другими русскими авторами, и, в частности, Б.А. Рыбаковым, читается уже как рос (или рус) и ассоциируется с именем Русь. Благодаря этому известие Псевдо-Захарии интерпретируется как первое историческое свидетельство о народе, или племени, называемом Русью...» (Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин, «Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия», http://ec-dejavu.ru/r/Russian_Stepanov.html).

Японское слово «norite» (укр. «на́рід» – народ), означающее всадника, очевидно связано с мигрировавшим на Японские острова народом-всадником (жуань-жуаньями), включавшим и славяноязычные знатные (царские) сарматские рода. Возможно, и геноним «нарты» имеет такое же происхождение:

«В осетинском эпосе нартовское общество – Нарта – состоит из трех родов – Алагата, Ахсартагката и Бората, каждый из которых имеет отличительные особенности: первый (Алагата = *Алангата – змей, – П.Д.) отличается умом и является владельцем знаменитой нартовской чаши Уацамонга; второй (Ахсартагката = *Ахс-Артакшатра = евр. Ахаш-верош – владеющий праведным царством, – П.Д.) мужественностью, это род главных героев эпоса; третий (Бората = Ворада = Варяг = «Барæг» – всадник, – П.Д.) – бесчисленными стадами скота и табунами коней» (Гастан Агнаев, «Æмбарынгæнаен дзырдурат» – «Толковый словарь [иронского языка]», <http://slovar.iriston.com/news.php?newsid=79682>).

3.10 Полиэтничный скифский мир

Очевидно, скифский мир был вовсе не ираноязычным. Входящие в него брахикефальные племена (царские скифы – паралаты), возможно, были индофригийцами или даже балтоязычными савроматами. Долихокефальные же и мезо-суббрахикефальные племена западного скифского мира были преимущественно финноязычными сублапоноидами (уралоидами), а восточного скифского мира (сако-массагеты) – угро-самодийскоязычными сублапоноидами и прототюркоязычными монголоидами:

«В свое время С.И. Круц констатировала присутствие той же самой брахикрании в

элитных скифских погребениях из Александропольского кургана и Желтокаменки, еще ранее Г.Ф. Дебец фиксировал ее в рядовых курганах скифов Северного Причерноморья (очевидно, у потомков паралатов, – П.Д.), однако пока никто не пытался говорить на этом основании о сармато-скифском союзе или скифо-сарматской миксации в IV в. до н. э. (ведь, знать никогда не стремилась смешиваться с простолюдинами, – П.Д.)» (Николай Берлизов, «К вопросу о существовании сирако-меотского племенного союза», <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschestvovanii-sirako-meotskogo-plemennogo-soyuza>);

«Решающее значение для этнической идентификации скифов приобретает изучение их погребального обряда. Он сильно отличается от того обряда, который был присущ иранцам или индийцам, как, впрочем, и любому другому индоевропейскому народу. В гробницу вождя помещались убитые жены и слуги, а вокруг погребальной камеры устанавливались насаженные на кол чучела лошадей. Эти обычаи описаны Геродотом, их следы найдены при раскопках многих курганов, но они совершенно неарийские. Они находят точные соответствия у кочевников Монголии, которых никак нельзя отнести к ариям, причем они существуют у них на протяжении многих веков, как было показано Миннзом. Он считает скифов монголоидными предшественниками гуннов, татар и печенегов, и это не вызывает сомнения. Профессор Ростовцев, который являлся последним сторонником иранской гипотезы происхождения скифов, сам же и породил сомнения в этом. Он убедительно доказал отличие сарматов, которые, без всякого сомнения, были иранцами (на самом деле, балто-славянами, – П.Д.), от их предшественников скифов. В могилах сарматов не встречается ни массовых захоронений лошадей, ни убитых женщин и слуг, их погребальный обряд был более простым, хотя погребальный инвентарь при этом был гораздо богаче. Их погребальный обряд находит аналоги и у других индоевропейских народов. Присущие им гробницы нового типа раньше всего появляются в восточной части России, в Оренбургской области, в V веке до н.э. и оттуда постепенно распространяются на запад, в глубь территории скифов – в Крым во II столетии н.э. и в Подунавье примерно к 50 году н.э. После того как стало ясным отличие сарматов от скифов, исчезли реальные основания считать последних иранцами. Стало понятно, откуда у них появились иранские имена в римское время, а также иранские слова в языке современных осетин... Точно так же и попытка Хьюзинга доказать европейское происхождение скифов выглядит совершенно неуместной. Самые ранние скифские погребения первоначально появляются в степях между Кубанью и Днепром. Материалы VIII – V веков до н.э., находимые к западу от Днепра, весьма отличаются от скифских и обнаруживают несомненные черты сходства с галльштатской культурой, получившей распространение в Центральной Европе. Только с VI века до н.э. погребальные обряды и отдельные предметы, более характерные для восточных областей, начинают проникать в западную часть России и становятся обычными там только два столетия спустя. На самом деле имеются археологические свидетельства проникновения скифов в Болгарию, Венгрию и восточную часть Германии, но там они были только захватчиками, пришедшими с востока» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Первое появление Ариев на страницах истории», <https://pda.litres.ru/gordon-chayld/ariytsy-osnovateli-evropeyskoy-civilizacii/chitat-onlayn/page-3/>, «Иранцы в 1-м

тысячелетии до н.э.», <http://www.istorya.ru/book/arii/08.php>);

«На территории Швеции и Норвегии характерный для основных зон шнуровой керамики антропологический тип удерживается до наших дней, сохраняя, по наблюдению В.П. Алексеева, «преемственность на протяжении минимум четырех тысяч лет». [В.П. Алексеев. Краниологическая характеристика..] На острове Готланд это население преобладало. В.П. Алексеев заключает, что «основная масса предков современного населения севера Европы происходит с юга». В то же время он находит «совершенно очевидным», что «в эпоху неолита и тем более мезолита, может быть даже и в эпоху бронзы, они не говорили на германских языках. В то же время антропологически устанавливается преемственность между неолитическим и современным населением. Этим ставится вопрос о значительной роли субстрата в сложении европейских народов, говорящих на германских языках, и в частности народов Скандинавии» (А.Г. Кузьмин, «Из предыстории народов Европы», http://www.zlev.ru/59_45.htm);

«Согласно сведениям антропологов, среди (не античных, а средневековых, – П.Д.) германцев в основном были распространены два физических типа людей: одни – светловолосые, светлолицые, голубоглазые и сероглазые, а другие – рыжеволосые, светлолицые и голубоглазые. Оба типа имели высокий рост с долихоцефалией черепов. Второй тип был ближе к племенам скифской группы. Поэтому самые первые германские племена могли представлять собой изначально смешение каких-то двух этносов, один из которых мог иметь некоторое отношение к племенам скифской группы... по мнению немецких языковедов Зеусса, Я. Гримма, Шлейхера и других, древнегерманский язык имел значительные совпадения с древнеславянским языком (очевидно, сформировался на этнических субстратах неиндоевропейцев под влиянием этнического суперстрата славяноязычных античных германцев и их предков сарматов – верхних аорсов, юэчжей и аланов, а также и этнического адстрата балтизированных финноязычных скифов, – П.Д.). Причём, по их мнению, эти совпадения были настолько значительны, что можно сделать вывод о существовании в прошлом единого славяно-германского народа...» (Борис Попов, «Кто мы?», <http://www.proza.ru/2008/03/24/550>);

«66. Готы (хинди «gōtrā», панджаби «gōtī» – племя, – П.Д.), происходящие от Магога, сына Иафета, имеют одно происхождение со скифами, от которых лишь немного языком отличаются. Изменив затем буквы, стали именоваться гетами. Они населяли вершины ледяного запада и вместе с другими народами владели крутыми горами» (Исидор Севильский, «История готов, вандалов и свевов», http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S_II/frametext1.htm);

«Из древнего языка скифов, предполагаемого прародителя всех готских (точнее, нынешних германских, – П.Д.) языков, до нас дошли всего несколько слов: Eχαπραιος – «священные пути» (венг. «rálya» – путь, – П.Д.), Aгi[ma] – единица (фин. «eräs» – один, – П.Д.), Spou – глаз, Oioг – муж (лит. «vugu», лтш. «vīrs», эрзя «sōga», башк. «ир» – муж, –

П.Д.), Pata – убивать (эст. «tappa», фин. «tappa» – убивать, – П.Д.), Groucasum – «белый от снега». [Божества древних скифов.] Об их богах мы знаем лишь то, что их было семь, а характер их и отличительные черты были по Геродоту схожими с некоторыми наиболее известными богами греческой мифологии: Табити, их высшее божество, греческий «аналог» – Гестия, Папей – Зевс, Ойтосир – Аполлон, Артимпаса или Ариппаса – Афродита Урания, Фагимасад – Посейдон, Апи, жена Папея – Гея. Также они почитали бога войны, наподобие Ареса, имя которого нам неизвестно; и только ему они возводили алтари, изваяния и храмы, и ежегодно приносили в жертву лошадей и овец, и определенное количество своих пленников. Об их луках ходили поговорки. В сражении они пили кровь первого врага, убитого ими. Они снимали скальп со своих противников и приносили их головы своему царю; они делали чаши для питья из черепов самых лютых своих врагов или же побежденных друзей. У них было много предсказателей, которые использовали ивовые прутья для своих пророчеств. Этими обычаями наши предки-готы весьма походили на них. Они имели моральные устои и достоинства кочевых народов...» (Шэрон Тёрнер, «История англо-саксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm#28);

«Скифы поклонялись стихиям. Их главное религиозное рвение было отдано Великой Богине, Табити – Весте, богине огня и, наверное, животных. Она одна фигурирует в их искусстве, главенствуя при произнесении клятв, причащении или помазании вождей. Ростовцев обнаружил, что в южных регионах России ей поклонялись задолго до того, как здесь появились скифы. Изображающие ее глиняные статуэтки были распространены в бронзовом веке на территории, лежащей между Уральскими горами и Днепром, даже больше вдоль рек Буг и Донец. Есть явное сходство между этими маленькими фигурками и изображающими то же самое божество фигурками из Элама, Вавилона и Египта, сделанными несколькими веками ранее. Найденные в Крыму фигурки Великой Богини датируются не ранее чем IX в. до н.э. Эта богиня изображалась стоящей с ребенком на руках. Она олицетворяла собой еще богиню плодородия и материнства у скифов. Скифы считали ее своей защитницей, а Страбон отмечал, что ее культ был особенно широко распространен на Кавказе, где она была охранительницей племен мореходов, которых греки считали аргонавтами. Эти народы, а в особенности скифы с Таманского полуострова (меоты, – П.Д.), очень возмущались вторжением чужаков на свои берега и считали необходимым приносить в жертву Великой Богине всех ионийских моряков, которых им удавалось брать в плен. В искусстве скифов она иногда появляется в виде полуженщины-полузмеи, иногда стоящей, иногда сидящей между своими священными животными – вороном и собакой, а иногда беседующей с сопровождающим ее вождем» (Тамара Т. Райс «Скифы: строители степных пирамид // Народ. Религия», <http://www.bibliotekar.ru/skify/11.htm>);

«И, подобно тому как Тапати, вопреки прямому смыслу своего имени, больше светит, чем греет, ослепительно блестит, но не жжет, можно думать, что и Табити – если не в ее функциях Гестии, то в ее отношениях с людьми – был присущ не только жар, но и блеск; эту черту выявляет эпитет (w)асугихс, становящийся собственным именем Табити на последнем этапе ее существования, когда она превратилась в художественный образ. Таковы скифские

и осетинские данные, которые, не имея отношения к маздеистскому Ирану, примыкают к индийскому фольклору о Сурье и его дочери и подтверждают древность этого фольклора; кольчуга, подаренная Солнцем своему зятю Сыбалцу, напоминает панцири – врожденную принадлежность Сурьи и его сына Карны; дочь Солнца Ацырухс, которую ищет и получает в жены Сослан, соответствует излучающей свет Тапати, которую ищет и получает в жены Самварана» (Жорж Дюмезиль, «Скифы и нарты // Тапати, Табити, Ацырухс», <http://ebook.yap.az/pdf/oDBszcR3xG>; http://apsnyteka.org/452-Dumezil_skify_i_narty.html; http://etnographia.ru/publ/skify_i_narty/tapati_tabiti_acyrukhs_37/7-1-0-1877);

«Следующий шаг в освещении проблем, связанных с происхождением скифского звериного стиля, сделал российский археолог Г.И. Боровка. Он утверждал, что искусство скифов не связано сколько-нибудь ощутимо ни с греческим (ионийским, VII – VI вв. до н.э.), ни с иранским искусством, а имеет сугубо местные корни. Сопоставляя скифские изделия с зооморфными вещами из Сибири и Приуралья, он пришел к выводу, что их общие истоки лежат в культурах эпохи неолита и бронзы севера Евразии, прежде всего – племен охотников и рыболовов (финно-угров и самодийцев, – П.Д.). Словом, опять мы видим здесь «сибирский след» (Валерий Гуляев, «Скифы: расцвет и падение великого царства», <http://iknigi.net/avtor-valeriy-gulyaev/54931-skify-rascvet-i-padenie-velikogo-carstva-valeriy-gulyaev/read/page-20.html>);

«Ниже, в приложении «Скифская лексика по данным письменных источников» приведен перечень, содержащий около двух сотен слов, происхождение которых античными авторами однозначно приписывалось скифам. Основу этого перечня составляет лексика припонтийской Скифии, почерпнутая из скифского рассказа Геродота. В этот перечень, однако, не включались слова, сарматского или аланского происхождения. Перечень этот нисколько не претендует на полноту и, несомненно, легко может быть расширен при более углубленном изучении произведений античных авторов. Абаев использовал немногим более 30% от общего числа слов, содержащихся в этом перечне (эти слова подчеркнуты). Как уже упоминалось выше, Абаев для своей реконструкции отбирал только такой словарный материал, который имел очевидное «иранское» происхождение. Мы видим, что такой подход оставляет за бортом около 70% лексики, не имеющей «иранских» корней, но которая, несомненно, является скифской. Так из семи имен скифского пантеона богов, Абаев ссылается только на имена бога Папая и богини Табити. Из 60 имен скифских царей и знатных скифов, приведенных в перечне, он упоминает только 18 имен. Таким образом, пытаясь воссоздать скифскую лексику исключительно на «иранской» основе, Абаев, с одной стороны, проигнорировал значительную часть действительно скифских слов, а с другой стороны, интенсивно использовал иноязычный ономастический материал сарматского и аланского происхождения. Какие же выводы можно сделать в результате критического осмысления материала, изложенного в очерке В.И. Абаева? Очевидно, что скифская лексика, даже в том виде, в каком она сохранилась до наших дней, не укладывается целиком в прокрустово ложе представлений об ее исключительно «иранском» происхождении. Ситуация со скифским языком оказывается более сложной, чем это представляется

сторонникам «ираноязычия» скифов. Опираясь «иранскими» именами из эпиграфических памятников Северного Причерноморья, Абаеву удалось воссоздать часть сарматской или аланской лексики. Однако нет никаких оснований называть словарь, составленный из полученных подобным образом лексем, «Словарем скифских слов» (Георгий Дремин, «Скифо-сарматские наречия и «скифский» словарь В.И. Абаева», <http://kladina.narod.ru/dremin/dremin.htm>);

«Таким образом, вряд ли серьезно можно говорить о какой-либо этнической (даже если не идти в определении этноса дальше языковой общности) однородности скифов, хотя на этом время от времени пытаются настаивать некоторые ученые... Хотелось бы думать, кроме того, что об иранизме киммерийцев и скифов (западных саков, – П.Д.) можно говорить лишь применительно к какой-то части племён, носивших эти собирательные имена. Впрочем, из сказанного в соответствующих главах вытекает, что политическая (а также, вероятно, социальная и военная) терминология, как и некоторые политические установления и порядки, подобно значительному общекультурному влиянию, исходили преимущественно из Ирана (точнее, из Турана и Таримской котловины, – П.Д.)...» (скифолог Лев Ельницкий, «Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк», Новосибирск, 1977, с. 14, с. 241, <http://kronk.spb.ru/library/elniczky-la-1977.htm>);

«1) в III – II тыс. до н.э. на территории Ирана в ареале черно-серой керамики обитали не индоевропейские и не индоиранские народы, а хурриты, эламиты, кутии, луллубеи и др.; 2) появление иранского этноса в Иране фиксируется письменными источниками только в IX в. до н.э. [Дьяконов 1956; Грантовский 1981]» (Малкин, «Происхождение дардов и нуристанцев», <https://secrethistory.su/1132-proishozhdenie-dardov-i-nuristancev.html>);

«...можно считать, что по крайней мере в непосредственной близости от Ассирии, в соседних с ней районах Армянского нагорья и Загра, в том числе именно к востоку от Двуречья, (мигрировавшего из высокогорных долин Северной Индии темно-краснокожего, – П.Д.) ираноязычного населения в XII – начале XI в. до н.э. ещё не было. Его проникновение сюда, таким образом, должно было иметь место в XI–X вв. до н.э. и определено в X в. до н.э.» (Э.А. Грантовский, «Ранняя история иранских племён Передней Азии», <http://sanskrt.org/grantovskiy1>);

«Таким образом, у нас нет достоверных свидетельств пребывания иранцев на территории Европы ранее 600 года до н.э. Скифы, по всей видимости, были монголами (очевидно, лишь слабомонголоидными финноязычными уралоидами, – П.Д.), а киммерийцы – фракийцами. Первыми иранцами (на самом деле, балтами и славянами, – П.Д.) были сарматы, которые пришли туда с востока, – это показывает, как прочно иранский (на самом деле, балтский и славянский, – П.Д.) язык и культура распространились уже в первой половине 1-го тысячелетия до н.э. в Средней Азии. Судя по сообщениям ассирийских хроник, в Азии иранцы первоначально появляются на северо-восточных границах их государства, но при таких обстоятельствах, которые позволяют предполагать, что иранцы

контролировали значительные районы не на севере, а на востоке» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Первое появление Ариев на страницах истории», <https://pda.litres.ru/gordon-chayld/ariycy-osnovateli-evropeyskoy-civilizacii/chitat-onlayn/page-3/>, «Иранцы в 1-м тысячелетии до н.э.», <http://www.istorya.ru/book/arii/08.php>);

«Известна находка ископаемой скифской ДНК, с субкладом R1a-Z2123 (датировка 2305±90 лет назад), то есть конец прошлой эры, классические скифские времена. Она была сделана в волжских степях Самарской области (Naak et al., 2015). Это – важная находка, первый пример ДНК ископаемых скифов, которая оказалась гаплогруппы R1a. Понятно, что у скифов будут и другие гаплогруппы, вопрос в том, в какой степени они будут выражены. Важно и то, что этот ископаемый скиф не попадает в предки славян гаплогруппы R1a, потому что субклад Z2123 для славян не характерен. Он скорее характерен для карачаево-балкарцев, башкир, татар (и других тюркизировавшихся финно-угро-самодийцев, – П.Д.)... Проблема в том, что мы пока не знаем в какой-либо полной мере субклады древних скифов. Единственный ископаемый образец, относимый к скифам, имел, как сообщалось выше, субклад R1a-Z93-Z2123, с датировкой 2305±90 лет назад, 3-й век до нашей эры, типичные скифские времена или чуть позже (см. выше). Находка была сделана в волжских степях Самарской области (Naak et al., 2015). В предки славян он не подходит. Так что остается ждать новых, и желательно массовых исследований ископаемых ДНК скифов» (Анатолий Клёсов, «Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад», Ч. 5, <http://pereformat.ru/2016/10/r1a-migration-5/>);

«...из современных народов Западным скифам наиболее близки татары (тюркизировавшиеся финно-угры – П.Д.), а Восточным скифам – башкиры, казахи, киргизы, алтайцы и хакасы (тюркизировавшиеся угро-самодийцы, – П.Д.)... Также стоит отметить, что собранные на данном этапе субклады Y-ДНК скифов и скифской культуры: N-P43, R1a-Z2123 и предшественников в курганных культурах Евразии встречаются практически у всех современных тюркских народов. Таким образом, исходя из имеющихся сейчас данных, можно сделать предварительные выводы, что современные тюркские народы (потомки финно-угро-самодийцев, – П.Д.) являются генетическими наследниками евразийских курганных культур, а также наследниками их материальной культуры (образ жизни, похоронные обряды, которые были представлены вплоть до 10 – 11 века, пища, одежда и многое другое)» («Новые данные по скифам из мира ДНК», https://pikabu.ru/story/novyie_dannyie_po_skifam_iz_mira_dnk_5610763);

«Гаплотипы предков везде разные, для разных регионов характерны свои субклады. У народов Алтая и других тюрков также высокие проценты гаплогруппы R1a1, у башкир достигает 40% субклад Z2123 (выявленный у скифов, – П.Д.). Это дочерняя линия от Z93 и её можно назвать типично тюркской и не имеющей отношения к миграциям индо-иранцев. Сегодня большое количество гаплогруппы R1a1 находится в Саяно-Алтайском регионе, среди тюркского населения Средней Азии. У киргизов, достигая 63%. Ни русскими ни иранцами их не назовешь» («Тюрки и гаплогруппа R1a1», <https://pandoraopen.ru/2017-02->

«Нельзя же всерьез воспринимать факт превращения одного из самых многочисленных и могущественных народов земли (скифов, – П.Д.), по данным древних писателей, в небольшой осетинский народ, который, по сведениям одного из основоположников ираноязычной теории В. Миллера, на 1881 год составлял 111 тыс. человек, занимая территорию всего около 205-210 квадратных миль. Да и внешне между осетинами и скифами (как и славяноязычными аланами-торками, – П.Д.), судя по дошедшим до нас изображениям, ничего общего нет. Однако мнение о всеобщей ираноязычности скифов поддерживается далеко не всеми исследователями и сегодня. Например, в более поздних публикациях О.Н. Трубачев отмечает, что не все материалы укладываются в концепцию скифское = иранское. Там же относительно ираноязычности киммерийцев он справедливо делает вывод, что династы с иранскими именами у киммерийцев – недостаточный аргумент о принадлежности всего этноса. Л.А. Лелеков пишет, что принадлежность скифов к ираноязычным народам пока еще не столько аксиома, сколько гипотеза, которая не объясняет удовлетворительным образом целого ряда фактов, таких, как имена Папай, Апи, Аргимпаса в пантеоне, Анахарсис, Иданфирс, Савл, Гнур, Скил в ономастике, название шатра и кочевой повозки в апеллятивной лексике, начальные s- и sk – в этнонимах «синд», «скиф», «сколот», «савромат», «сармат» и т.п... Проанализируем хронологию и территорию распространения найденных слов. Это находки на месте причерноморских городов Танаида, Ольвии, Горгииппии, Пантикапея, Фанагории и др., имен горожан, живших в промежутке 700-800 лет. Надписи на камнях, найденных в городах Южной России, кроме указанных выше исследований, имеются также в работах В.В. Латышева. Если посмотреть на карту территории, занятой скифами и сарматами, то ориентировочные расчеты показывают, что территория причерноморских городов, где были найдены надписи, составляла менее сотой доли процента (0,01%) от общей территории Скифии и Сарматии. Причем территория специфическая, в целом не скифского или сарматского населения. Математически оценивая результаты лингвистического анализа, сделанного по этой части, составляющей менее 0,01% от всей территории и отнесенной ко всей Скифии и Сарматии, можно сказать, что достоверность выводов стремится к нулю. Похожее мнение имел и И.Е. Забелин, который писал, что имена на камнях совершенно не указывают на обитателей всей страны...» (Юрий Яхонтов, «Летопись славян-россов с древнейших времен до Рюрика / Ираноязычны ли были скифы?», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111148.htm>).

И, следовательно, вполне возможно, что ещё в Сибири под влиянием этнического суперстрата прабалто-славян (венедов / генедов; ст.-киев. «гендлі» – торги; укр. «гендель» – барышничество, торговля, маклачество) преимущественно на угро-финно-самодийском этническом субстрате начали слагаться протогермано-тюркские сако-массагетские (восточноскифские) пиджины, использовавшиеся первоначально для общения охраной торговых караванов и жителями караван-сараев и из которых-то в последствии и развились как пратюркские, так и протогерманские саксонские наречия. На это указывает наличие

большого количества лексических и других сходжений в староанглийских (англо-саксонских) и в староякутских (саха) диалектах:

«Объясняются определенный и неопределенный артикли англичан. Слово «дъэ» у якутов усиливает значение. «Дъэ хаар бѣгѣтѣ тюстэ» (много выпало снега). «Ээ» – уменьшает значение. «Ээ, хаар кыра» (снега совсем мало). «Дъэ – the» (усиливает), «ээ – а» (уменьшает). «Are» (быть). «Ээ» – это простое якутское междометие. «Дъэ тиис, ээ, сордоо-то». «The teeth are sorgow». Звучит одинаково. «Jack teeth are sorgow – дьиэктээх тиис, ээ, сордоо-то». Все якутские буквы присутствуют в английском языке. Совпадающих слов так много, что на эту тему можно написать целые тома. Язык саков был языком господствующего класса (очевидно, у предков якутов, – П.Д.), это видно из сравнения с языком саха» (Алексей Светлый, «Тайна английского языка», <http://archibastar.narod.ru/angl.htm>; комментарий к «Словарю германо-тюркских архаизмов», <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=3451487>).

Поэтому-то, именно саксы, и привнесли в английский и другие германские языки большинство тюркской лексики:

англ. «teeth», нидерл. «tanden», дат. «tænder», швед. «tänder», фриз. «tosken», исл. «tenugr» – якут. «тиис, тиистэр», казах. «тистері», кирг. «тиштери», азерб. «dişlər» (зубы);

англ. «kite» (летать в воздухе) – якут. «кѣт / кѣт» (летать);

англ. «tell» – якут. «тыллаа» (сообщать, доносить, выдавать кого-либо);

англ. «jiggle, joggle» – якут. «дыгигий» (трястись);

англ. «alert» (проворный, живой) – якут. «элээрт» (стремительный от «элээр» – нестись быстро и плавно);

англ. «sorrow» (горе, скорбь, печаль) – якут. «сордоо» (причинять горе, страдание кому-л., мучить кого-л.);

англ. «bearer» – якут. «биэрээччи» (податель);

англ. «pook» – якут. «муннук» (угол, уголок);

англ. «shout, hoot» – якут. «ха-һыытаа, ы-һыытаа» (кричать);

англ. «clamour» – якут. «кыланьы» (крики);

англ. «yowl, waul» – якут. «улуйуу» (вой);

англ. «be», укр. «бути» – якут. «буол», узб. «bo'lish» (быть);

англ. «booty» (добыча, трофеи, награбленное добро) – якут. «булуу, булгуйуу», кирг. «олжо», узб. «o'lja» (добыча, трофей);

англ. «bottom» (конец, дно, основание, низ, днище, нижняя часть) – якут. «бүтүү» (конец, окончание, окраина), узб. «roydevot» (фундамент);

англ. «sinew» (жила, движущая сила) – якут. «сэниэ» (сила, мощь);

англ. «amiss» (некстати, несвоевременно) – якут. «эмискэ» (вдруг, внезапно, неожиданно);

англ. «tree» (дерево, подпорка) – якут. «тирээ» (подпирать), «тирээбил» (подпорка);

англ. «bill» (законопроект, реклама, объявлять в афишах) – якут. «бил» (знать, узнавать, познавать; распознавать, различать), «биллэр» (объявлять, сообщать, извещать);

англ. «tall» (высокий) – якут. «толуу» (крупный);

англ. нидерл. «kling», дат. «klinge», нем. «Klinge» (клинок, лезвие), лит. «kardas» –

венг. «kardot, kardját», кор. «kal», якут. «кылыс», казах. «кылыш», кирг. «кылыч», турец. «kılıç, kılıçtan» (меч);

англ. «chest» – якут. «түөс / туюс», казах. «төс / tös», кирг. «төш / tös», азерб. «dös» (грудь);

англ. «elbow» (локоть) – якут. «илии» (рука, кисть руки);

англ. «tear» (слеза) – якут. «ытыыр» (плачет);

англ. «ox», швед. «охе, охаг», фриз., дат., норв. «okse», нидерл. «os», нем. «Ochse», исл. «уха» – венг. «ökör», якут. «оғус / огус», азерб., турец. «öküz», узб. «ho'kiz», казах. «өгіз / ögiz», кирг. «өгүз / ögüz» (вол);

англ. «go» (идти, ехать, ходить, ездить, уходить, проходить), дат., норв., швед. «gå», фриз. «gean», нидерл. «gaan», нем. «gehen» (идти, ходить) – якут. «кэл», казах. «келу», кирг. «келген» (прийти, приходиться, приехать, приезжать, прибыть, прибывать);

англ. «come» (прийти, приходиться, приехать, приезжать, наступить, прибывать, происходить), нем. «kommen» (приходить, приезжать, прибывать, поступать, идти, пойти) – якут. «хаамп» (ходить), азерб. «gəlmək», тур. «gelmek» (прийти, приходиться, приехать, приезжать);

англ. «trundle» (катить, везти, катиться), «truck» (перевозить), норв. «bæge», исл. «beга», швед. «bära», нем. «bringen» (везти), нем. «tragen», фриз., нидерл. «dragen» (нести, носить) – якут. «тарт» (везти), «туорат» (перевезти);

англ. «take» (принимать, брать, считать, занимать, использовать, везти), «pass» (проходить, передавать, переходить, пропускать, сдавать, перевозить – якут. «тас» (везти), азерб. «daşıyırlar», тур. «taşımak» (нести);

англ. «glitter», нем. «glitzern» – якут. «кылбай», казах. «жаркырау» (блестеть, сверкать, блистать);

англ. «booze» (спиртной напиток, выпивка, пьянка) – башк. «буза», турец., карач., казах., киргиз., татарск. «боза» (буза – напиток из квашеного проса, ячменя, гречихи или пшеницы; венг. «búza» – пшеница);

англ. «beer», фриз., нидерл. «bieг», нем. «Bier», исл. «bjóg» – турец. «bira», венг. «sög», казах. «сыра» (пиво);

англ. «hair» (волосы, волос, волосок, шерсть, шевелюра, ворс), дат. «hår» (волос), нем. «Haar» (волос, волосы, шевелюра, шерсть, ворс); англ. «curl», дат. «krølle» (локон, завиток, завивка); англ. «fell» (шкура, шерсть, волосы, руно, рубка леса) – азерб. «qıl, killar», турец. «killar» (волосы), турец. «killi», кирг. «кылдуу (волосатый); казах. «кылшық» (кисть, щетка);

англ. «coach», нем. «Kutsche» – турец. «коç» (коч – большая крытая телега);

англ. «money» (деньги, денежные суммы, богатство), лат. «monēta» (монета) – якут. «манья» (плата, награда, вознаграждение; восходит к праиндоевр. *men- – думать);

англ. «cash», люксемб. «Kees», нем. «Kasse», дат. «kassen», швед. «kassan» (наличные денежные средства, деньги, касса) – казах. «акша», кирг. «акча» (деньги);

англ. «yield» (доходность, урожай, доход, выработка, выход продукции), нем. «Ertrag» (доход, выручка, урожай, урожайность, выход, добыча), исл. «greiða, greiði» (платить), укр. «харчі» (продукты, пища, еда, снедь, кушанье) – венг. «kereset», казах. «кірістер», кирг. «кирешелер» (доход от тур., араб. «ḫardž» – доход, хозяйственные расходы, – Фасмер), якут.

«харчы» (деньги от инд. «карша / karscha» – самая мелкая монета Индии весом в 9,33 грамм; позже бронзовая монета с отверстием в Китае);

англ. «door» (дверь, дверца, вход, дом, заслонка, дорога), фриз. «doar», нидерл. «deur», дат. «døren», швед. «dörren», нем. «Tür», д.-в.-н. «turi», др.-исл. «dytt», др.-инд. «dvāra», бенг. «darajā», лит. «durys», лтш. «durvis», арм. «durru», курманджи «deriyê», укр. «двері» (дверь) – якут. «дьиэл» (дверь в юрту), азерб. «darvaza», узб. «darvoza», кирг. «дарбаза» (ворота), япон. «tobira, doa», каяский «тор» (дверь);

дат. «skæg», норв. «skjegg», исл. «skegg», швед. «skägg» – азерб. «saqqal», турец. «sakal», каз. «сақал», узб. «soqol», венг. «szakáll», монг. «сахал» (борода);

дат. «høst» (урожай), «hoesten» (жатва), норв. «høste» (пожинать) – тур. «hasat», (урожай), «hasadı» (жатва) фин. «sato» (урожай, жатва).

Однако же лексика большинства староякутских и староанглийских (англо-саксонских) сходжений всё же является преимущественно индоевропейским суперстратом, так как тюркские наречия сформировались на угро-финно-самодийских и других азийских этнических субстратах под существенным влиянием балтоязычных савроматов и славяноязычных сарматов. И поэтому-то как в английском и других германских языках, так и в якутском и других тюркских языках имеется весьма значительный балто-славянский суперстрат:

англ. «big, bulky» – якут. «бөдөн», печен. «йула», тюрк. «улу», каз. «үлкен», турец., азерб. «büyük» (большой от ст.-слав. «болѣи», восходящего к праслав. *velyкъ; ст.-слав. «вельми» – очень, весьма);

англ. «wheat», норв. «hvete», дат. «hvede», гот. «hvaiteis» – казах. *һбидай, «бидай», азерб. «buğda», турец. «buğday», узб. «bug'doy», кирг. «буудай», венгер. «búza» (пшеница от прабалто-слав. *kviede; лит. «kviėčiai», лтш. «kviėši» – пшеница);

англ. «kvass» – якут. «кыбаас», турец. «kvas», казах. «квас» (квас – пшеничный напиток от прабалто-слав. *kviede – пшеница);

англ. «toman», швед. «dimma» (туман), нем. «Dunst» (испарение, чад, угар, дымка, туман, мгла) – крым.-тат., турец. «duman» (дым, туман), якут., чагат., кирг., балкар., караим. «tuman», казах. «тұман» (туман из прасл. «тьмьнь» от *тъма – «темень, темнота»; лат. «fumus» – дым, авест. «dunman-» – туман, – Фасмер);

англ. «brim», швед. «brätte» (поля, краевые зоны) – кирг. «бурч», казах. «бұрыш», узб. «бурчак» (угол, край) (из праслав. «брьѣгъ» – «берег, склон, край»; польск. «brzeg», укр. «беріг» – «край, берег»);

англ. «cheek», нем. «Wange», нидерл. «Wang» (щека, боковая стенка), англ. «jowl, jaw» (челюсть, голова, челюстная кость, щека, подгрудок, зоб), др.-исл. «skegg» (борода, окончание носа судна), «skagi» (мыс); лит. «skustis», лтш. «skūties» (брить); лат. «scabō, -ere», лит. «skōbti, skabiù», укр. «скребти, скоблити» (скрести); норв. «vägg» (бородка, щека, зоб, подгрудок) – якут. «сынаах», азерб. «уанаq», турец. «уанак, jaw», узб. «уоноq, jag'», казах. «жақ», кирг. «жаак» (щека, боковая сторона, челюсть от славян. «щека», восходящего к прабалто-слав. *s'kamaga и праслав. *съкора / *съкурка – крайняя, внешняя плоть, шкура, шкурка, кожа, а также и от прабалто-слав. *jang > *vang – внешний; укр. «щока́» – щека,

«пашѣка» – пасть, скула, «щелепа» – челюсть; блр. «па́щека» – челюсть, особенно нижняя; польск. «szczęka, szczęka» – скула, челюсть; татар. «чик», карач.-балк. «чек» (рубеж, край, граница); ст.-слав. «вънѣ», словен. «vəpè» – снаружи, «ven» – вон, наружу; греч. «ἄγγελος» – ангел, [внешний] посланник, – Фасмер);

англ., дат., норв., швед. «folk», нидерл. «volk», нем. «Volk» – азерб. «xalq», казах. «халық / халыкъ», кар.-балк. «халкъ», кирг. «калк», крым.-тат. «halq», татар. «халык», турец. «halk» (люди, народ от праслав. *рълкъ; укр. «полк», др.-русск. «пѣлкъ», ст.-слав. «плѣкъ», болг. «пѣлк», сербохорв. «пѣк» – народ, толпа; польск. «półk», в.-луж. «роlк» – полк; чеш., словц. «pluk» – куча, – Фасмер);

англ. «father», швед. «fadern», нидерл. «vader», нем. «Vater», гот. «atta», укр. «батько» – венгер. «аtуа», кирг. «ата», азерб. «ata», узб. «otasi» (отец от от праслав. *отьсь / *вотьсь; др.-греч. «ἄττα», лат. «atta», хеттск. «attaš», осет. «æda»; алб. «at», ирл. «aite» – опекун, воспитатель; др.-инд. «attā» – мать, старшая сестра матери);

англ. «butch» (силач, насильник, наглец), англ. «bold», швед. «båld, modig», нем. «mutig» (смелый, отважный, храбрый, дерзкий, наглый), лат. «maturus», англ. «mature», дат., норв. «moden», швед. «mogen» (зрелый), болг. «баща», укр. «батько» (бать, отец) – якут. «баатыр» (мужественный, доблестный, смелый), «чагат. «batuḡ» (смелый, военачальник), марийск. «патыр», узб. «ботир», башк. «батыр», шор. «матур, матыр» (батыр, богатырь от праслав. *matogъ – «матерой, сильный, старый», – Трубачёв);

англ. «top», норв., швед. «topp», исл. «toppur» – кирг. «дөбө», казах. «төбе», азерб. «тэрэ», турец. «тере» (вершина, возвышенность от праслав. *тѣмѣ – темя, макушка);

англ. «moor» (моховое болото, торфянистая местность), англ. «morass», серб. «баруштина» (болото, трясина, топь) – якут. «маар» (болото от праслав. *марь / *марь – болотистая местность, туман, сырой воздух; марево – мираж; польск. «marzyc», укр. «марити» – грезить, бредить);

англ. «cot, cote» – якут. «хотон» (хлев от праслав. *kotъ – кут, угол);

англ. «bear» (медведь) – якут. «бөрө / бөрө» (волк от праслав. *вѣлкъ > хотан. *birgga);

англ. «goose», исл. «gæs», дат., норв., швед. «gås», укр. «гусь», болг. «гѣска», сербохорв. «гѣска», словен. «gôš», чеш., словц. «hus», в.-луж. «hus», н.-луж. «gus» – якут. «хаас», кирг. «каз», казах. «қаз», турец., азерб. «kaz», узб. «goz» (гусь от др.-слав. *gusъ, тогда как лит. «žąsis, žąsi», лтш. «zūoss», др.-прусс. «sansy», д.-в.-н., нем. «gans», др.-инд. «hamsās», греч. «χίψ», лат. «anser», – Фасмер, что указывает на исчезновение носовых гласных в праславянском языке еще в Восточной Азии, где под влиянием как псевдотохарских наречий мигрантов из таримской котловины, так и славянских наречий юэчжийцев и сформировались на угро-самодийских и других азийских этнических субстратах тюркские наречия);

англ. «white», дат. «hvid», исл. «hvítur», норв. «hvit», швед. «vit», нем. «weiß», др.-инд. «svitrás», кит. «bái» – турец., кр.-тат. «beyaz» (белый от ст.-слав. «свѣтъ», восходящего к др.-инд. «svitrás»; укр. «світлий» – светлый);

англ., бавар. «sun», др.-англ., др.-фриз., ср.-н.-н. «sunne», фриз. «sinne», ломбард. «suu», др.-франк., др.-нем. «sunna», гот. «sunnô», д.-в.-н. «sunno / sunna», нем. «Sonne», люксемб. «sonn», цимбир. «zuna», нидерл. «zon / zoon», западнофламан. «zon», сербохорв.,

босн. «sunce», словен. «sonce», макед. «сонце / сонцето», укр. «сонце», маньчжур. «сунн / sun», эвенк. «сигун* / siun», негидал. «siun», ульч. «siu(n)», нанай. «siu / siun», в.-колым., васюган. «su:ŋk», – ханты «sunk», якут., казах. «күн», др.-тюрк., ойрат., караханид. «kun», халадж. «kun / kin», тувин. «хүн», тофалар. «кун», др.-уйгур. «kün», кирг., кр.-татар. «küneş», чагат. «gun», турец. «güneş», азерб. «günəş» (солнце от прототохар. *käun и праслав. *sunь, в то время как для славянских языков, сформировавшихся на балтских, дако-фракийских, иллирийских и финских этнических субстратах, восстанавливается прабалто-славянское *saulнь > *sьlnь, – Фасмер);

англ. «girl» – якут. «кыыс», казах., кирг. «кыз», азерб., турец., узб. «kız» (девушка от праслав. *gьrudysa > *gordьlica – горделивая горянка; гордячка, обладающая чувством своего достоинства; польск. диал. «gardy», в.-луж. «hordy», н.-луж. «gjardy» – гордый, – Фасмер);

англ. «pride», фриз. «grutsk», нидерл. «trots» – турец. «gurur», азерб. «qürur» (гордость от праслав. *гьрдь – гордый);

англ. *berter / «better» (высший, лучший, больший, превосходить), нидерл. «beter» (лучше, больше), нем. «besser, beste» (лучший, наилучший) – якут. «бэрт» (отличный, прекрасный, превосходный, наилучший от праслав. *bьгьдь – высокий, большой; хорв. «brdski», серб. «брдски» – гора; босн. «brdo», серб. «брдо» – холм, гора; гот. «bards», укр. «вергела» – верзила, великан);

англ. «first», исл. «fyrsta», дат., норв. «første», швед. «första», фриз. «earste», нидерл. «eerste», нем. «erste», болг. «първата», макед. «првиот», укр. «перший» – венг. «első», турец. «birincisi», азерб., узб. «birinchisi», кирг. «биринчи», казах. «бірінші», якут. «биирис, бастакы» (первый от прабалто-слав. *bьringь – вершина, верх, конец, край, берег; лит. «viršūnė», лтш. «viršotne», польск. «wierzchołek», болг. «врѣх» – вершина; укр. «беріг», польск. «brzeg» – край, берег);

англ. «bedevil» (мучить, терзать, околдовывать, наводит порчу [беду], сбивать с толку, изводить), др.-в.-нем. «beitten» (требовать), гот. «baidjan» (принуждать) – турец. «beddua», азерб. «bəddua» (проклятие от праслав. *bьda; укр. «бідá», болг. «беда», сербохорв. «бијèда», чеш. «bída», др.-польск. «biada», в.-луж., н.-луж. «bьda», – Фасмер);

англ. «cry», дат. «skrig», швед. «skrik, skall», др.-исл. «skrækr, skrækja», исл. «kall» – азерб. «cağ» (крик, кричать от праслав. *krikь или ст.-слав. «скрьжьть» – скрежет, – Фасмер);

англ. «gray» (серый, седой, пасмурный, сумрачный, бледный, невеселый), фриз. «grīs», нидерл. «grijs», исл. «grár», «нем. «grau», дат., норв., швед. «grå» – турец. «gri», узб. «kulrang» (серый от праслав. *хоiго-, – Фасмер);

англ. «mushy», исл. «mjúkur», швед. «mjuk», норв. «тук», словац. «mäkký», польск. «miękki», словен. «meħka», укр. «м'який» – турец. «yumuşak», азерб. «yumşaq», кирг. «жумшак» (мягкий от праслав. *meċькъ при лит. «minkštas»);

исл. «heiður», фриз. «eare», нидерл. «eer», дат., норв. «ære», швед. «ära», нем. «Ehre», люксемб. «Éier», вост.-лит. «šlāvē» – азерб. «şərəf», узб. «sharaf» (слава, честь от др.-инд. «śrávas» – хвала, слава, почет).

К тому же в английском и в других германских языках присутствует не только

тюркский, но и финский суперстрат. Однако же многие заимствования могли попасть в английский и в другие германские языки вовсе не из финских и не из тюркских языков, а непосредственно от славяноязычных античных германцев:

англ. «honor», нем. «Honneur», ирл. «onóir» – фин. «kunnia», турец. «onur» (слава, честь);

англ. «gaze» (взор, пристальный взгляд), нидерл. «kijk» – фин. «katso», якут. «керүү, харах», азерб. «göz», казах. «көзқарас», кирг. «каро» (взор);

англ. «ale», нидерл. «aal», дат., норв. «øl», швед. «öl» – фин. «olut», эст. «õlu, õlut» (эль, пиво);

англ. «guy», др.-сакс. «goggo», др.-исл. «gugr», дат., норв. «gug», швед. «gåg», люксемб., нем. «Roggen», лит. «gugys», лтш. «rudzis», др.-прус. «gugis» (рожь), фриз., нидерл. «gogge» (ржаной) – фин. «guis», эст. «gukis», венг. «gozs», коми «rud'žeg», морд. «го́з», якут. «оруос» (рожь);

англ. «bench, bank», дат. «bænk», норв. «benk», швед. «bänk», итал. «panca», греч. «πάγκο» – фин. «penkki», эст. «pink» (скамья);

англ. «haul» (тащить, тянуть, перевозить) – фин. «hilaus» (тащить);

англ. «carry» (нести, проводить, носить, переносить, перевозить, везти) – фин. «kuljettaa» (нести), узб. «ко'chirish» (везти);

англ. «margin» (край, берег, ребро, поле), дат. «margen», фриз. «marzje» – коми-зырян. «молгон» (крайний, конечный от и.-е. *b^herǵ^h, польск. «brzeg» и укр. «берег» – край);

англ. «shove» (пихать, сунуть, совать, толкать), нидерл. «schuiven», нем. «schieben» – фин. «työntää», якут. «кыбыт» (сунуть, совать от праслав. *souvatī, чеш. «souvatī, sunouti» – двигать, совать; словен. «sováti, sújem, súniti, suñem» – толкать, – Фасмер);

англ. «saw», дат. «sav», нидерл. «zaag», нем. «Säge», норв. «sag», швед. «såg» – эст. «saag», фин. «saha» (пила от праслав. *seko, *sekti – секу, сечь, – Фасмер; родственные слова: просека, секач, секира; укр. «сокира» – топор);

англ. «beard» (борода, ость, растительность на лице, ость колоса, мочка растения, зазубрина), фриз. «burd», нем. «Bart», лит. «barzdà», лтш. «bârzda», «bârdà», др.-прус. «bordus», лат. «barba» – фин. «parta» (борода);

англ. «crane» (журавль, кран, кран грузоподъемный), д.-в.-н. «kranuh», люксемб. «Kranen», итал. «gru», лит. «gėrvė», лтш. «dzērve, celtnis», др.-прус. «gerwe», лат. «grūs», греч. «γέρανος», словен. «žerjav» – эст. «kraana», венг. «daru», якут. «туруйа», кирг. «турна», кор. «keulein», эвенк. «карав» (журавль);

англ. «gold», нем. «Gold», фриз., нидерл. «goud», норв., исл. «gull», дат., швед. «guld», готск. «galtyn» – фин. «kulta», эст. «kuld», узб. «oltin», турец. «altın», крым.-тат., карач.-балк..., казах., татар., киргиз. «алтын», монг. «алт» (золото);

англ. «marsh», нем. «Moog», фриз., нидерл. «moeras», норв. «myr», исл. «mýri» – эст. «mülgas», камас. «bare», якут. «маар, бырыы» (болото, топь от праслав. *barǵ; словен. «bága», чеш. «bařina», мор., словц. «bara», польск. «barzyna, barzówka» – болото, – Фасмер; укр. «марати» – пачкать);

англ. «guard» (охранять, защищать, сторожить, оберегать, блюсти, хранить), франц. «garder», швед. «gardera», дат. «værne», исл. «verja», укр. «вартувати» – фин. «vartioida», эст.

«valvama», венг. «ógr», якут. «харыстаа, харабыллаа», азерб. «qorumaq», турец. «kogumak», казах. «күзету» (охранять, сторожить, караулить от праслав. *gъgидь – хранилище, охрана; др.-русск. «грьдь, гридинъ» – воин, телохранитель; укр. «схрон» – хранилище; якут. «харабыл», чагат., тат., казах., тел. «karaul» – охрана, – Фасмер);

англ. «falchion» (меч, короткая широкая кривая сабля), нем. «Pallasch», укр. «пала́ш», польск. «pałasz» – венг. «pallos», турец., азерб. «pala» (меч, ятаган непосредственно от праслав. *bolatъ – «булат, сталь», являвшегося производным от *bagъ – «болото, болотная руда»; словен. «bága», чеш. «bařina», сев.-ит. «palta», ломб. «palta», пьемонтск. «pauta» – болото; др.-лтш. «paltis» – «дождевой ручей», лтш. «paļts, paļte» – лужа; алб. «baltë» – «тина, болото, глина, земля»; англ. «paludal», тадж. «ботлощ» – болотный; перс. «pūlād», сев.-тюрк. «bulat», кыпч. «bolat», азерб. «polat», алт., тел., леб. «polot» – булат, – Фасмер);

англ. «curse» (бедствие, проклятие, бич), «scourge» (бедствие, кара, бич), нем. «kraft» (сила, мощь), лтш. «krava» (нагрузка) – эст. «karistus» (наказание), турец. «zorlama», карач.-балк. «къарыу» (сила), кр.-тат. «qaruv» (мощь от прасл. *kъga / *kara – кара, наказание > *krivъda – зло, вина, несправедливость);

англ. «mill», укр. «млин» – фин. «mylly», якут. «миэлинсэ», кирг. «ылгоочу» (мельница от праслав. *mъljo, *mъlti – молоть; укр. «змільчати» – измельчать);

англ. «saber, sabre» (сабля, шашка, кавалерист, рубить саблей) – тур. «süvari kılıcı» (кавалерийский меч); венг. «szablya», эст. «saabel», фин. «sapeli, säilä», якут. «саабыла» (сабля, меч, шашка от праслав. *koby – кобыла или *kobъ – конь, тогда как бур. «һэлмэ», сол. «сэлэм, сэлэмэй», монг. «оэлом» от праслав. *žel-zo – железо, – Трубачёв);

англ. «kill» (убивать, уничтожать, прикончить, умерщвлять, резать, бить), нем. «killen» (убить, прикончить), лит. «kirsti», лтш. «cirst» (рубить, крошить) – фин. «surmata», эст. «surmata» (сражать), якут. «кэрт», турец. «çirinti» (рубить, крошить);

англ. «slay», фриз. slachje» (убивать, сражать, умерщвлять) – фин. «surmata», эст. «surmata» (сражать), казах. «сойылды», якут. «өлөр» (забить), якут. *сөлөрдө, «өлөрдө» (убил), азерб. *söldürmək, «öldürmək», узб. «o'ldirish» (убивать);

англ. «profit», нидерл. «profijt», норв. «profit», укр. «прибуток» – фин. «voitto», якут. «үөтэ, барыс», узб. «foyda», казах. «пайда», азерб. «тənfəət» (выиграш, прибыль, выгода, доход, польза, нажива, барыш);

англ. «stick» (палка, палочка, ручка, трость, жезл, посох, колышек, мачта) – фин. «tikku» (палка, палочка, жезл), якут. «тоһоһо» (кол, гвоздь), узб. «tayoq», казах. «таяк таяқша», кирг. «таяк» (палка), казах. «шыбык», кирг. «чыбык», турец. «çubuk», азерб. «çubuc», крым.-тат., уйг., кыпч. «субук» (прут, тонкая палочка, черенок, стержень, жезл);

англ. «peg» (пег, колок, колышек, шпилька, вешалка, крючок), швед. «spik» (гвоздь, ноготь), англ. «bolt» (болт, затвор, засов, задвижка, стержень, ось), ниж.-нем. «bolt(e)», нидерл. «bout» (болт), ср.-ниж.-н. «balke» (балка) – эст. «pulk», фин. «pulikka» (колышек), венг. «szeg» (гвоздь), венг. «bot» (палка), эст. «polt», фин. «pulti» (болт, возможно, от праслав. *bьltati – болтать; польск. «bełtać», укр. «бовта́ти» – «мутить воду, болтать», – Фасмер);

англ. «stubble» (щетина, стерня, жнивье, коротко остриженные волосы, жниво), «stem» (стебель, стержень, ствол, основа, ножка, род), лит. «stibis», лтш. «stiba» (палка, прут), лит.

«stiebas» (столб, ствол, стебель), укр. «стебло» (стебель) – фин. «tappi» (шпилька), якут. «сибиинньэ түү» (стебель от прабалто-слав. *stiebis, восходящего к др.-инд. «stibhiṣ» – «пучок, связка», – Фасмер);

англ. «bristle», швед. «borst», нем. «Borste» (щетина), англос. «brú», др.-исл. «brún», лит. «brūvis», авест. «brvat-», нов.-перс. «abrū, barū» (бровь); ср.-перс. «vars», нов.-перс. «gars» (волос); нов.-перс. «burgīdan» (резать) – фин. «varsi» (стебель), азерб. «birçək» (волосы), узб. «brush», азерб., турец. «fiğça» (щетка), якут. «бириэйдээ» (брить от прабалто-слав. *brū – бровь и *briti – брить, восходящих к др.-инд. «bhrūs» – бровь, – Фасмер);

англ. «wool» (шерсть, шерстяные изделия, шерстяная пряжа, волосы, руно), «wave» (завивать, завивка), гот. «wulla», лтш. «vilna», словен. «словен. «vólna», укр. «вовна» (шерсть), лит. «vilna» (волосок), др.-прусс. «wilna» (кафтан), ср. авест. «varəsa-», ср.-перс. «vars» (волос) – фин. «varsi» (стебель), фин. «villa», эст. «vill» (шерсть от прабалто-слав. *vilnā, восходящего к др.-инд. «vīrṇā», – Фасмер);

англ. «thanks», норв., исл. «takk», дат. «tak», швед. «tack», нем. «danke», чеш. «děkuji», словац. «ďakujem», польск. «dziękuję», укр. «дякую», тадж. «ташаккур» (спасибо, благодарю) – эст. «tänu», якут. *таһыы, «баһыыба», турец. «teşekkürler» (возможно, от прабалто-слав. *diāng – день);

англ. «tart» (терпкий, кислый, едкий, резкий, колкий), дат. «tornede», норв. «tornete», исл. «thornu» (колючий, тернистый) – фин. «torttu» (терпкий и кислый как терн, от праслав. *tygnъ – «шип, колючка»);

англ. «sorely» (очень, крайне, жестоко, мучительно, тяжело), «keenly» (сильно, резко, остро), нем. «sehr», нидерл. «zeer» (очень, весьма) – удм. «зыра, зира, зар», марийск. «зар» (очень, слишком, весьма, крайне), коми «зэл», якут. «олус, улаханнык» (очень, сильно от праслав. *sou, ст.-слав. «сѣло» – очень, сильно), азерб. «güclü», узб. «kuchli» (сильно);

англ. «sorrow», швед., норв., исл. «sorg», нем. «Sorge» – фин. «suru», эст. «kurbus» (скорбь, печаль [укр. «журба»], горе, траур от праслав. *guriti > *gorevati – журить, корить > горевать);

англ. «beat» – фин. «voittaa», эст. «võita» (бить от праслав. *biti, – Фасмер);

англ. «age» – фин. «ikä», турец., азерб. «çağ», узбек. «vaqt» (возраст, эпоха от праслав. *seg- – сягать);

англ. «curse» (проклинать, ругаться, клясть, мучить, отлучать от церкви, кощунствовать), «cursing» (ругая, чертыхаясь, проклиная) – фин. «kirous», узб. «qarg'ish», кирг. «каргыш», казах. «қарғыс», азерб. «qarğış, qarğamaq», якут. «кыраа» (проклятие, проклинать [чертыхаясь] от праслав. *čьгь; укр., блр. «чорт», чеш., словц. «čert», польск. «czart», в.-луж. «čert», н.-луж. «cart» – черт; сербохорв. «цртити, цртим» – заклинать, клясть; словен. «črt» – черт, ненависть, вражда, «črtiti» – ненавидеть, – Фасмер);

англ. «scold», дат. «skælde», норв. ««skjelle», швед. «skälla» (ругать, бранить, распекать) – фин. «kirota», эст. «hurjutama», турец. «terslemek» (ругать, бранить, распекать от праслав. *корь – брань, оскорбление, – Фасмер);

англ. «cold», фриз. «kâld», нидерл. «koude», нем. «Kälte», норв. «kald, kulde», дат. «kold», швед. «köld, kall» лит. «šalta, šaltas», осет. «sald» – фин. «kylmä», эст. «külм», узб. «sovuq», кирг. «суук» (холодный, холод от праслав. *holdъ / *kaltъ, – Фасмер);

англ. «hoar» (седой, сероватый, серый), герм. *haira-, ср. др.-исл. «hágr» (серый, седой), англос. «hágr», д.-в.-н. «hêg» (достойный, величественный) – фин. «harmaa», эст. «hall», венг. «szürke», мар. «сур, сурештше / суремше», казах. «сұр», якут. «сирэй», япон. «shiraga» (серый от праслав. *hoigo-, слав. *sěgъ, – Фасмер);

англ. «sieve», исл. «sigti», норв. «sil», швед. «säll» – фин. «seula», узб. «elak», азерб. «ələk», казах. «елек» (сито от праслав. *sěkti, укр. «сікти» – сечь);

англ. «hut», фриз. «hutte», нем. «Hütte», дат., норв. «hytte», серб. «хут», словац., польск. «chata», укр. «хата», словен. «koča», болг. «хижа», курманджи «kozik», лат. «casa» – фин. «kota», эст. «hütt» (хижина, хата от праслав. *kotъ – кут, угол);

англ. «bulgy, bulging», нидерл. «bolrond» – фин. «pullottava, pullistuma», эст. «pullollaan», якут. «бүлтэгэр, бүлтэгэрэ» (выпуклый, выпуклость, выпячивание от праслав. *bъlb-; укр. «бульба, бульбашка» – пузырь, волдырь; «булава» – жезл);

англ. «clean, glace», фриз. «glêd», нидерл. «glad», дат. «glat», норв., нем. «glatt», исл. «slétt», швед. «slät» – фин. «sileät», эст. «klanitud», узб. «oqlangan», якут. *килэнгир / «килэгир», монг. «гөлгөр» (гладкий от праслав. *gladъ – гладь, – Аникин);

англ. «plate», дат. «plade», швед. «plåt, pläter, platta» – фин. *plaatta, «laatta», эст. «plaat», турец. «plaka, plaket», узб. «plitasi» (плита от праслав. *plita и *platъ – кусок ткани, платок при др.-греч. «πλίνθος» – кирпич, плитка);

англ. *kring / «ring», нидерл. «kringetje» – фин. «kiegros», венг. «korong» (круг от праслав. *кърѣнгъ / *кърѣнгъ – курень, круг, кольцо; от него же, очевидно, произошли и слова «крынка», «криница», чеш. «křínka» – миска, сосуд и укр. «кринівка» – сковорода, – Фасмер);

англ. «corona», исл. «hring» – фин. *kregas / «regas» (кольцо от праслав. *кърѣнгъ / *кърѣнгъ – курень, круг, кольцо);

англ. «crown», дат., норв. «krone» – фин. «kruunu», эст. «kroon», венг. «korona», узб. «крона» (верхушка, макушка, корона, крона от праслав. *кърѣнгъ / *кърѣнгъ – курень, круг, кольцо);

англ. «plash», фриз. «plaas», нидерл. «plas», швед. «plask» – фин. *pläiskä / «läiskä», эст. «platsatus», казах. «пышақ» (плеск, лужа от ст.-слав. «плескати, плештѣ»);

англ. «joy», исл. «sæla» (радость, веселье, блаженство, удовольствие) – фин. «ilo» (радость, наслаждение, удовольствие от праслав. *obilъ из *obvilъ, ср. ст.-слав. «извилијѣ» – изобилие, «възвить» – прибыль, – Фасмер; отсюда же и «довольно» – достаточно), якут. «дьол» (счастье, успех, везение, удача от праслав. *дати / дал; укр. «вдалий» – удачный);

англ. «it, this», фриз. «it», нидерл. «het», укр. «це» – фин. «se», эст. «just», венг. «öt», якут. «ити», турец. «ebe» («это» от дейктич. «э» и *ть; ср. «тот» – Фасмер);

англ. «over» (верхний, вышестоящий, оконченный), нем. «ober» (верхний, высший, главный, старший), дат. «øverst», исл. «efri», лит. «viršutinė» (верхний) – эст. «ülem» (ведущий, главный), венг. «felső», фин. «ylin» (верхний), узб. «oliy» (высший от прабалтослав. *bъringъ – верх, вершина, конец, край, берег);

англ. «great», фриз. «grut», нидерл. «groot», дат., норв. «flotte», болг. «голям», македон. «голем», польск. «wielki», укр. «великий» – фин. «suuri», эст. «suur», кирг. «улуу», казах. «үлкен», турец. «büyük, harika», узб. «buyuk» (большой от праслав. *гърѣдъ – большой,

грудь; словен. «grōd», чеш. «hrud», слвц. «hrud'» – грудь; укр., блр. «гру́да», болг. «гру́да», словен. «grúda», чеш. «hrouda», слвц. «hruda», польск. «gruda» – глыба, в то время как лит. «grāmatas» – куча, «gramantas» – ком; др.-сканд. «grīði», др.-киев. «гридинъ» – воин, княжеский телохранитель, – Фасмер);

англ., франц. «sabot» (деревянный башмак), укр. «чоботи» – фин. «saapas», эст. «saabas», карельск. *saappaga- / «šoappoa», якут. «саппыкы», прабулг. *saBaG- / *saBuG-, др.-тюрк. (печен., кыпч.) *sapaγ-, *sapuγ- (обувь с голенищем – сапоги), вост.-монг. «sab» (башмак от праманьчжур. *sabu, – Фасмер);

англ. «truck», дат. «trækvogn» (телега, тележка, грузовик), англ., франц. «diligence», болг. «тали́га», словен. «tolíga, talíga» – карел. «telegu», коми «telezhnei», якут. «тэлиэгэ», тур. «talika», монг. «тэрэг» (воз, телега, дилижанс от монг. «тэрэ- / tele-» – переносить, перевозить, – Поппе).

Патанджали в «Махабхашье» определяет племена шака (сака) не как ариев, а как шудр. Это, конечно же, не позволяет отнести к индоевропейцам не только тюркоязычных сако-массагетов, но и родственных им европейских скифов, являвшихся предками как ныне финноязычных, так и балтизированных савроматами и славянизированными готами и аланами долихокранных народов Восточной Европы:

«Если оценить антропологические данные, то, как писал Г.Ф. Дебец, ни о каком существенном расовом своеобразии осетин по сравнению с другими народами Кавказа не может быть и речи... Лев Диакон, приводя слова Арриана об Ахилле, пишет, что одним из признаков явного доказательства скифского происхождения Ахилла являются белокурые волосы и светло-синие глаза. То есть все скифы имели именно такую внешность, по которой их отличали от других народов. И эта внешность никак не вяжется с ираноязычными народами. Ряд исследователей отмечает отсутствие иранского влияния на славянские языки, что, например у Т. Барроу, вызывает удивление, учитывая, по его словам, постоянные набеги скифских племен на Европу и длительное проживание их на обширных территориях, простиравшихся до Дуная. Думается, всякое удивление пройдет, если отказаться от ираноязычности скифов. А отсутствие иранского влияния на славянские языки как раз и служит доказательством неираноязычности скифов и (славяноязычных, – П.Д.) сарматов...» (Юрий Яхонтов, «Летопись славян-россов с древнейших времен до Рюрика / Ираноязычны ли были скифы?», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111148.htm>).

Да и племена то древней Киммерии, как и большинство племён европейских скифов и азиатских сако-массагетов, ведь тоже были (в отличие от брахикранных сарматов и других потомственных индоевропейцев) вовсе не брахикранными и даже не мезобрахикранными, а преимущественно долихокранными:

«Благодаря данным антропологии мы имеем возможность определить внешность и физиологические параметры срубного населения Змиевщины. Черепа из погребений срубной культуры долихокранные, высокие. Лицевая их часть среднеширокая, мезогнатная. Рост носителей срубной культуры – 174,2 см... Социальная структура киммерийцев срубной культуры. Двойственность типов поселений, могильников и ряда др. признаков срубной культуры, даёт основания говорить о том, что киммерийское общество данного времени

имело довольно чёткую дифференциацию, как в социальном, так и в хозяйственном отношении. Лесостепь и северную часть степи Змиевщины населяли племена киммерийцев, основой хозяйства которых было земледелие. В степи же обитала скотоводческая их часть. При этом и земледельцы, и скотоводы явно представляли собою единое этнокультурное целое» (Ю.А. Коловрат, «Киммерийский союз племён срубной археологической культуры [2-ая пол. II-го – нач. I-го тыс. до н. э.]», <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-16>);

«На этапе Белозерки господствующим стал древний долихокранный узколиций вариант. Выявляется большая близость черепов культур срубной, белозерской и скифской Северного Причерноморья и, с другой стороны, между черепами тех же культур в лесостепи (Круц 1987). Это доказывает генетическую преемственность на Украине ираноязычного (очевидно, всё же финноязычного, – П.Д.) скифского населения с предшествующим срубным... Другим участником этнокультурных процессов в степях были племена покровского типа. Это долихокранные узколицие европеоиды, родственные абашевцам и отличные от потаповцев. В покровских сериях выявлена также примесь аборигенной уралоидной расы. В классических срубных могильниках господствуют черепа, отражающие процессы метисации потомков различных восточно-европейских популяций. Большинство срубных черепов матуризованные долихокранные со среднешироким лицом. Они свидетельствуют о большой роли ямно-полтавкинско-го компонента у населения срубной культуры. У срубников и алакульцев Урала и Западного Казахстана, относящихся к долихокранному узколицие антропологическому типу (Гинзбург 1962б; Алексеев 1967), можно предполагать генетическую связь с населением Синташты...» (Е.Е. Кузьмина, «Арии – путь на юг», <https://secrethistory.ru/1680-proishozhdenie-vostochno-iranskih-kochevnikov-sakov-i-skifov.html>; «Откуда пришли индоарии?», http://www.archaeology.ru/Download/Kuzmina/Kuzmina_1994_Otkuda.pdf).

Поэтому-то и население, входящее в киммерийский союз племен, как и ассимилировавшие его скифы, очевидно, было преимущественно долихокранным и, возможно, финноязычным или же каким-либо другим неарийским (не индоевропейским). Однако же в киммерийский союз племен могли входить и фракийцы, являвшиеся преимущественно знатными родами племён и, возможно, предками брахикранных тавров, и даже ранние балтоязычные савроматы / *тавроматы, тоже ведь отличавшиеся от скифов своей брахикранией:

«Первые опыты в осмыслении проблемы происхождения тавров привели их авторов к мысли о том, что тавры были потомками киммерийцев, которых отеснили в горы скифы (Брун 1868, с.249; Караулов 1872, с. 107; Подберезский 1872, с.431). Эта гипотеза развивалась и позднее (Lehmann-Haupt 1922, col.397 sq.; Жебелев 1953а, с.256; Жебелев 1953б, с.336). Пожалуй, ее можно назвать интуитивной, основанной на общих представлениях об истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Какие-либо подтверждения генетической преемственности тавров от киммерийцев отсутствуют как в письменных, так и в археологических источниках... Г.Ф. Дебец имел возможность изучить пять черепных крышек и лицевую часть еще одного черепа из могильника Черкес-Кермен.

На этом основании он заключил, что у тавров, в отличие от скифов, преобладала брахикрания (Дебец 1948, с. 164)» («Этническая история Крыма в раннем железном веке – Тавры», из кн. И.Н. Храпунова, «Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы», <http://suntime.com.ua/note.php?id=197>);

«Если исторические скифы тяготеют антропологически к сравнительно более грациальным типам бронзового века европейской степи, характерным для её западных областей, в некоторых популяциях сарматских волн, достигших Европы от северных и восточных окраин степей Азии, вновь всплывают типажи свойственные когда-то ямникам Прикаспия, склонным к брахиокефалии, и надолго здесь исчезнувшие. Очевидно, такие популяции в период господства срубно-алакульских, белозерско-хвалынских и саргаринско-алексеевских «грациалов» включались в индоевропейский этногенез, что должно быть, в общем, и демонстрирует пиджинированный облик иранских языков – обратные исходные значения трудно пока обосновать. Палеоевропеоидные типы в Прибалтике, Восточной и Северной, Скандинавии (в том числе и изредка похожие на каспийских ямников, хотя в целом эртебелле-днепро-афанасьевские, да и федоровские популяции по большому счету, более долихо-мезокранны и высокоголовы) включились в индоевропейский этногенез уже в шнуровое время середины-начала II тысячелетия, будучи видимо родственны раннешнуровому горизонту общими, прежде всего днепро-немано-висленскими корнями» (Лев Клейн, «Время кентавров. Степная прародина греков и ариев», <https://384tlhgsalw9rutb.in.gallerix.ru/blog/1426505260/>; <https://www.twirpx.com/file/727880/>);

«Исследованные материалы предскифского периода с территории Нижнего Подонья показывают, что в IX – VII вв. до н. э. донские степи, после того как их покинули срубные племена, осваивают кочевники, обладающие сходством, а, возможно, и родством, с более ранними группами местного населения. Кочевое население, которое они представляют, было мезобрахикранным, с широким и средневысоким лицом, низкими орбитами и среднешироким, резко выступающим носом. По своим параметрам черепа из донских могильников близки морфологическому типу широколицых брахикранов, издавна распространенных в степной зоне Юга Евразии, и проявляют больше сходства с местными сериями ранней и средней бронзы, чем с позднебронзовыми долихокранными черепами» (Елена Батиева, автореф. дис. «Происхождение и эпохальная динамика населения Нижнего Подонья в IX в. до н.э. – IV в. н.э.: Палеоантропологическое исследование», <http://www.dissercat.com/content/proiskhozhdzenie-i-epokhalnaya-dinamika-naseleniya-nizhnego-podonya-v-ix-v-do-ne-iv-v-ne-pale>).

Не исключено, конечно же, и то, что и высокорослые, длинноногие и брахикранные индофракоязычные киммерийцы = гимир / гимирру / гомер (вал. «sawt / gawt», кавказск. «гимри» – гигант; осет. «гумир» – исполин; груз. «гмири» – «богатырь, герой»), бежавшие от скифов на свою прародину – в предгорья Северо-западного Китая (Ганьсу, Вэньсу и таримской котловины), и были предками таких же высокорослых, длинноногих и брахикранных балтоязычных жунов яньцай = антов (Антей – герой-великан; вал. «anferth»,

ст.-нем. «Enz, Anzi» – великан; франц. «géant», англ. «giant», гуджарати. «Jāyaṅṭa» – гигант; кит. «jūn» – «высокий, красивый, прелестный»; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; баск. «handi» – большой; монг. «ариун, өндөр» – высокий или же даже славяноязычных аланов ютунгов, аваров = обров (чеш. «obří», словац. «obrie», польск. «olbrzym», укр. «овріяш» – «великан, гигант») и кабаров / каваров.

Сам же экзоэтноним киммерийцы = гимирры = гомеры подобно экзоэтнониму гьянгуней гюйву (*küvir, *kümür по Яхонтову), возможно, указывает лишь на темно-красный цвет кожи (праслав. *хмурь < и.-е. *smour- соотносительно *смурь – темный, – ЭССРЯ; укр. «хмара» – облако; финик. «kamaḡ» – тёмный; чуваш. «хăмър» – коричневый; чеч. «комарийн» – малиновый; казах. «куьміс», узб. «kumush», кар.-балк. «кюмюш», кр.-тат. «kümüş», турец. и азерб. «gümüş» – «серебро, а в древности, очевидно, червонное золото») господствовавших в киммерийском союзе племен прабалтоязычных (индо-балтоязычных) брахикранных савроматов = *кауроматов / кауравов (франц. «saug» – «светло-коричневый»; арм. «севери» – «черный, темнокожий»; англ. «swart» – «темный, смуглый»; греч. «кафэ», болг. «кафяв», макед. «кафена», сев.-тюрк. «kovur», стар. «курый» – «карий, коричневый»; шорск. «қор», слав. «каурий» – «светло-гнедой, светло-каштановый, светло-коричневый» [о масти коня]; стар. «кау́риться» – «мрачно смотреть», – Фасмер).

Как видим, индоязычными, а, возможно, и индо-фригийскоязычными в Восточной Европе были лишь брахикранные царские скифы – паралаты (очевидно, потомки мигрировавших на север индофригийскоязычных мидо-митанийских знатных родов или же даже древних индобалтов) и родственные им брахикранные фрако-киммерийцы. Индофригийскоязычной, возможно, была и племенная знать (знатные рода финноязычных и германизовавшихся позже финно-самодийских племен), использовавшая финно-арийский суржик (так называемый скифский язык) для межплеменного общения с мигрировавшими в Европу паралатами, финно-самодийцами и другими мидийскими и среднеазиатскими племенами протофиннов, протофракийцев и протогерманцев:

«Учитывая этническую пестроту скифского мира, логично предположить, что и язык скифов вырабатывался в ходе последовательных относительно разнородных лексических напластований. Скорее всего, скифский язык явился результатом ассимиляции местным скотоводческим и земледельческим населением элементов культуры пришлых кочевых племен при воздействии со стороны периферийных оседлых цивилизаций. Здесь уместно вспомнить работы акад. О.Н. Трубачева, в которых он убедительно показал, что язык ближайших соседей скифов: синдов, меотов, тавров был близок индоарийскому или прадревнеиндийскому языку» (Георгий Дремин, «Скифо-сарматские наречия и «скифский» словарь В.И. Абаева», <http://kladina.narod.ru/dremin/dremin.htm>);

«Специалистам известен скифо-фракийский словарь В.П. Петрова, состоящий из двух сотен скифских слов, отобранных ученым для выявления связей между скифским и фракийским языками. Для каждого слова из этого словаря В.П. Петров наряду с предлагавшимися ранее индо-иранскими соответствиями подобрал фракийские параллели. Проанализировав этот перечень, ученый призвал не ограничиваться исследованиями скифского языка только на иранской основе и приводил, как пример, некоторые, довольно

убедительные, соответствия скифского и фракийского языков» (Георгий Дремин, «Ономастикон европейских скифов», <http://annales.info/skif/small/onomast.htm>).

На принадлежность скифов к финно-угорскому этносу указывают как генетическая, так и лингвистическая близость к финно-уграм большинства их потомков – как восточных и днепровских балтов, так и современных германцев:

«Большой кластер, объединяющий германские, финно-угорские и другие популяции Европы, подразделяется следующим образом: сначала отделяется ветвь испанцев – этот этнос, кроме указанных выше этнических компонентов, несет в себе генетический материал вестготов. После этого отделяются два субкластера, один из которых содержит ветви шведов, финнов, эстонцев, талышей и беларусов. Большинство из этих популяций обитают ныне в Прибалтийском регионе или вблизи него. Близость талышей Закавказья к данным популяциям может указывать на возможный путь миграции этой части европеоидов с их азиатской прародины» (Ариадна Назарова, «Генетика и антропология народов Кавказа, и проблема происхождения Европеоидов», <http://srn.su/?p=1083>);

«Удлинение согласных важная морфонологическая черта прибалтийско-финских и саамских языков, где при чередовании ступеней фактически каждый корень с простым согласным может иметь алломорфный вариант в форме с долгим согласным, см., напр.: сев.саам. «monni» им. пад. ‘яйцо’ – «moni» вин.род., «bihtta» ‘кусок’ им. пад. – «bihta» вин.род. Те, кто возводит к общему источнику чередование ступеней в самодийских и в прибалтийско-финских и саамских языках, относят чередование ступеней к общеуральскому периоду, то есть к 4000 до н.э. Те, кто считает это изменение параллельным развитием в самодийских и саамских и прибалтийскофинском языках, относят чередование ступеней к саамоприбалтийско-финскому периоду, т. е. к 1500–1000 до н.э. (литературу см.: Kusmenko 2008). Удлинение согласных в германском иногда объясняют действием неизвестного доиндоевропейского субстрата (Kuiper 1995; Schrijver 2001), см. выше подобное же объяснение появления начального ударения, которое, вероятнее всего, связано с появлением долгих согласных. Схрейвер даже называет этот неизвестный субстрат «языком геминат», отмечая его возможное влияние и на появление геминат в кельтском и балто-славянском (Schrijver 2001). Однако в части балтийских языков и во всех славянских языках геминат, как известно, не было, и нет до сих пор. А появление геминат в германском, итальянском и кельтском может иметь гораздо более естественное объяснение – контакты с языком с чередованием ступеней (возможно, с итализацией, кельтизацией и германизацией северо-западных и западных финноязычных скифов, – П.Д.)... В качестве типологически сходного изменения можно рассматривать более позднее удлинение согласных в шведских и норвежских диалектах, где при удлинении исконного краткого слога в двусложном слове большинство согласных (как в свейских диалектах Швеции и в восточнонорвежских диалектах) или даже все согласные (как в Трёнделаге в Норвегии) удлинлись, что могло быть связано с саамской интерференцией (Kusmenko 2008). Нефонологическое удлинение согласных в древнепрусском и латышском можно также объяснить финно-угорской интерференцией, однако, скорее всего, этот признак появился здесь позднее, чем в

германском, вероятно, в то же время, что и генерализация начального ударения в части балтийских языков» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf).

На то, что праукраинским языком являлся мелодичный готаланский язык (готско-аланско-финское койне) античного славяноязычного населения Скандинавии, указывает наличие в современном украинском языке геминат (весьма характерного для финно-угорских языков фонетического удлинения согласных) как в существительных среднего рода, оканчивающихся на букву «я», («знання» – знание, «досягнення» – достижение, «життя» – жизнь, «здобуття» – приобретение, «угіддя» – угоды, «знаряддя» – орудие, «узбіччя» – обочина, «обличчя» – лицо, «збіжжя» – зерновые, «бездоріжжя» – бездорожье, «піддашшя» – поднавесье, «затишшя» – затишье, «зілля» – зелье, «весілля» – свадьба, «колосся» – колосья, «волосся» – волосы), так и в существительных женского рода, оканчивающихся в творительном падеже на букву «ю», («подорожжю» – путешествием, «маззю» – мазью, «річчю» – речью, «ніччю» – ночью, «міццю» – мощью, «суттю» – сутью, «сіллю» – солью), а также в некоторых других словах («лляний» – льяной, «савці» – млекопитающиеся, «бовван» – истукан, болван, «суддя» – судья, «баддя» – бадья, «рілля» – пашня, «стаття» – статья, «зрання» – «с самого утра», «спросоння» – «сразу после сна», «навмання» – наугад, «попідтинню» – «недалеко от плетня», «попідвіконню» – «недалеко от окна»). И как это ни парадоксально, в современном же русском языке запечатлена вовсе не народная финская фонетика автохтонного населения России, а весьма архаичная старославянская фонетика, заимствованная из церковно-славянских песнопений.

К тому же геминаты в украинском языке не только способствуют мелодичности речи, но выполняют также и смысловозначительную функцию:

«Материал исследования составляет 47716 примеров геминированных согласных, из них 21114 в украинском языке, 26602 в немецком языке. На первом этапе получено материал исследования методом сплошной выборки из текстов древне-, средне-, новоукраинского и древне-, средне-, и нововерхненемецкого периодов... Сравнительно-исторический анализ установил динамику функционирования этих согласных, их общие и отличительные черты в трех периодах развития указанных языков... Результаты экспериментально-фонетического исследования свидетельствуют о том, что в украинском языке геминированные согласные функционируют и как монофонемы, и как бифонемы, а в немецком языке – только как бифонемы. Лингвистический сопоставительный анализ на материале двух языков в историческом аспекте показывает, что в современном украинском языке геминированные согласные монофонемы имеют четкое фонетическое различие, которое закрепляется в языке благодаря смысловозначительной функции, например: «у суді – у судді», «лють – лютть», что в целом подтверждает наличие в языке фонематического противопоставления долгих и кратких согласных. Наличие в современном немецком языке фонетического различия и отсутствие функциональной нагрузки позволяют прийти к выводу, что в указанном языке геминированные согласные выступают в речи (и соответственно в языке) в виде обычных удвоений, не противопоставляемых отдельным звукам, то есть не имеют фонематического противопоставления «долгий / краткий»...» (Наталия Байлюк, автореф. дис. «Сравнительно-

исторический анализ геминированных согласных в украинском и немецком языках (экспериментально-фонетическое исследование)», <http://www.uk.x-pdf.ru/5jazykoznanie/34789-1-prigolosnih-ukrainskiy-nimeckiy-movah-eksperimentalno-fonetichne-doslidzhennya-specialnist.php>).

Подобно индоариям, балто-славянам (савроматам, сарматам и су-гудам / согдам) царские скифы – паралаты практиковали, в отличие от финноязычных скифов и огнепоклонников иранцев, не труповыставление, а трупосожжение, абсолютно не совместимое с мировоззрением огнепоклонников:

«Собственно говоря, известно всего два погребения, принадлежавших скифским царям, относящихся ко времени, немедленно следующему за возвращением скифов из Азии. Это так называемый Мельгуновский клад – комплекс вещей, случайно обнаруженных в Литом кургане близ Кировограда, и жалкие остатки погребения у слободы Криворожье на реке Калитве в бассейне Северского Донца... В обоих курганах сходная картина – погребения посредством трупосожжения с подхоронением вещей, уцелевших от огня. Оба погребения найдены далеко одно от другого: одно в междуречье верховий Ингула и Ингульца, а другое на одном из левых притоков нижнего течения Северского Донца, оба в пограничье степи с лесостепной полосой и оба, – вероятно, оставлены скифами, еще не обосновавшимися на определенном месте и обеспечивавшими свое существование за счет населения лесостепной полосы. Вернувшиеся из Азии скифы получили название «царских» – «саи», вероятно, потому, что были объединены под властью царя, одного из уцелевших членов династии, возглавлявшей их в Азии... Вернувшимся скифам, т. е. скифам-царским, удалось подчинить их (потомков своих финноязычных рабов, – П.Д.) только после того, как они вышли против них не с оружием, а с бичами. Не покоренные оружием дети рабов не могли устоять перед бичами, в чем и сказалась их рабская природа (Геродот, IV, 1–4). Конечно, это только легенда, и притом созданная в рабовладельческой среде, но в ней получили отражение вполне реальные отношения между завоевателями и побежденными, какими в данном случае были скифы различной исторической судьбы. Скифы-царские оттеснили скифов-номадов в степной Крым (и на запад, – П.Д.), и заняли степи Нижнего Поднепровья» (Михаил Артамонов, «Киммерийцы и скифы [от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.]», http://annales.info/skif/small/art_kis.htm).

Соответствующие протофинским племенам городецкая и дьяковская археологические культуры железного века (с VII в. до н. э. по II – V века н.э.) синхронны господству скифов в степях Юго-восточной Европы. Да и саргатская культура родственных финнам угорских племен (с VII – VI веков до н.э. по II – V века н.э.) тоже ведь была не сугубо лесной, а лесостепной. До вытеснения на север финноязычных племен балтоязычными савроматами, ассимилировавшими некоторые финские племена, финская речь звучала не только на нынешних землях Беларуси и Украины, но и в Южном Подунавье:

«...основой для сложения прафинно-угорских культур в Европейской части (Прибалтика, Беларусь, западная часть Волго-Окского междуречья, Украина), можно считать синтез свидерской и аренсбургской культур, особенно заметный в бассейне р. Немана.

Сближение культур эпохи мезолита привело к появлению ряда постсвидерских культур – неманской, кундской и бутовской (Жилин, 1998, с.25-29; Сидоров, 1998 б, с.64; Кольцов, 1998 а, с.75-76)... В эпоху бронзы, в следствии занятия большинства территорий индоиранскими племенами (в чем приходится сейчас очень сомневаться, – П.Д.), тяжело выделить финно-угорский пласт. Однако довольно четко фиксируется примесь значительной уралоидности на черепах срубной культуры, что может говорить если не о значительном влиянии, то о длительном сосуществовании данных групп населения. Необходимо отметить, что черепа срубной культуры южных областей Восточной Европы и Волго-Уралья отличаются между собой, в сторону преобладания в последних сериях заметной монголоидной примеси. Мнение ряда археологов о фактически беспрепятственном продвижении индо-иранцев по территории лесостепного и лесного Волго-Уралья, не всегда оправдано» (Николай Щербаков, автореф. дис. «Формирования финно-угорских народов: эпоха камня – раннее железо: Проблемы изучения», <http://www.dissercat.com/content/formirovaniya-finno-ugorskikh-narodov-epokha-kamnya-ranee-zhelezo-problemy-izucheniya>).

Очевидно, финноязычные скифы длительное время контактировали в Западной Европе и с потесненными ими далее на запад кельтами:

«Ясно прослеживаемые, например, в кельтских языках уральские элементы могут отражать очень древние контакты индоевропейцев с ветвью уральской группы языков, связанной в свою очередь с языками основной зоны образования монголоидной расы» (Аполлон Кузьмин, «Из предыстории народов Европы», http://www.zlev.ru/59_45.htm).

На неираноязычие большинства скифских племен указывает наличие финского форманта «ва» (вода) в названиях многих европейских рек (Дунава = Дунай, Драва, Сава, Недава, Орлява, Илова, Неретва, Млава, Нишава, Ресава, Сучава, Тырнава, Тутова, Прахова, Бырзава, Молдова, Ондава, Житава, Римава, Миява, Орава, Сазава, Йиглава, Отава, Опава, Одрава, Бечва, Углава, Ослава, Влтава, Морава, Острава, Житава, Шумава, Планява, Плугава, Свежава, Мурафа, Лядова, Боржава, Тересва, Иква, Льва, Унава, Росава) в местах оседания скифов или же их потомков, а также появление форманта «дон» (вода) в названиях некоторых из них лишь в сарматскую эпоху:

«Считается несомненным, что большая часть рек с окончаниями на «ва, га, ма, ра, са, ша» и «за» носит имена угро-финские, изменившиеся в устах позднейших славянских колонистов и потерявшие всякий смысл, или переделанные для осмысления на славянский лад... Кроме вышеуказанных имен: Обша, Сопша, Емша, на пространстве между Западной Двиной, Торопой и Ловатью мы находим: Дапша, Перегва, Комша, Ока, Олио, Але, Насва. Даже новгородская река Шелонь носила некогда другое название – Сухона. Если мы направимся теперь вдоль течения Двины, по ее северному берегу, то встретим имена: Ижма, Оша, Спасстерей, Лосма, Перевза, Олола, Каруза, Иса, Орша. Нам остается перейти на левый берег Западной Двины и на правый берег Днепра. Казалось бы, что тут мы должны попасть на территорию, чуждую по своей топографической номенклатуре всякому финнизму. Действительно, редко, в виде единичных случаев, но, тем не менее, и здесь попадаются

аналогические имена. Встречаются Цна, Волма, Олса, Жижма и Вижна...» (Петр Голубовский, «История Смоленской земли до начала XV века», <http://lifeinbooks.net/read-online/istoriya-smolenskoy-zemli-do-nachala-xv-stoletiya-petr-golubovskiy/>);

«Например, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев отмечали у А.И. Соболевского предвзятую с точки зрения иранского языка интерпретацию гидронимов Верхнего Поднепровья и смежных областей. Рассматривая анализ А.И. Соболевским названий рек, озер и гор, нельзя не отметить, с одной стороны, исключительную важность выявленных им закономерностей, к которым мы позднее еще вернемся, но, с другой стороны, и значительного количества натяжек и допущений при попытке ираноязычного объяснения им различных слов и названий...» (Юрий Яхонтов, «Летопись славян-россов с древнейших времен до Рюрика / Ираноязычны ли были скифы?», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111148.htm>);

«Сарматизация боспорских территорий с востока вторичное и относительно более позднее явление, поэтому мы можем сказать, что и исторические, и этнографические материалы свидетельствуют, в свою очередь, против скифской языковой принадлежности местных названий *Temagunda* – «Азовское море» и *Sinu(s)* – «Дон» (эст. «*sinise*», фин. «*sinisen*», морд. м. «*šeñ*», э. «*señ*», мар. «*šinžiš*», «симсе», удм. «зангари» – синий; река Сан – синяя, – П.Д.)... Отголоском такого названия Дона вплоть до относительно поздних времен можно считать обозначение Синяя Вода (1363 г.)» (Олег Трубачёв, «INDOARICA в Северном Причерноморье», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111147.htm>).

В скифское время вовсе не иранскими, а переосмысленными греками кельтскими или же финскими были названия почти всех рек регионов, заселённых кельтами и скифскими племенами: Дуная – греч. *Ματόας, Ἰστρος*; Днестра – греч. *Τύρας* (ирл. «*tūras*» – быстрый); Днепра – греч. *Αορυσθένης*, лат. *Vorysthenes* (ирл. **vourustāna*- – «широкое место»); Дона – греч. *Τάναϊς*. Для гидронима «Танаис» наиболее вероятно переосмысление греческими лексемами «*τανύς*» – длинный, «*ταναός*» – вытянутый или же лексемами гойдел. «*tanai*», «*tana*», вал. «*thenau*», «*denau*», др.-инд. «*thanney*», «*tanús*», праслав. **тъпъ* – «тонкий, тощий» в смысле «узкий». В античное время считалось, что Меотида (Азовское море) является лишь расширившимся коротким участком (лиманом) русла реки, длинный и узкий участок русла которой и назывался собственно Танаисом (Доном), а устьем всей этой реки был Боспор (Керченский пролив). Нынешнее же славянское название Дона, находившегося в то время на границе сарматского (балто-славянского) мира, происходит, очевидно, от др.-инд. и прабалто-слав. «*dānu*» – «капель, роса, сочащаяся жидкость» (укр. «танути» – таять, «тонути» – тонуть; санскр. «дану», авест. «*dānu*» – река; осет. «дон» – «река, вода»; нидерл. «*ton*», нем. «*tonne*», кит. «*tōng*», кор. «*tong*», укр. «діжа» – «дежа, бочка»; фарр. «*vatn*», хетт. «*wetenaš*», швед. «*vatten*», лтш. «*ūdens*» – вода; кор. «*yudong*» – текущий; эвенк. «удун», яван. «*udan*» – дождь; кит. «*wǔdǎo ~ удао*» – танцевать; англ. «*dance*» – «двигаться, прыгать, танцевать», «*down*» – «спуск, падение»):

«Снова танец дождя барабанит по крыше,
Капли бьются в стекло дождевою слезой,

Моя грусть на душе не становится тише,
Ты вдали от меня, ты сейчас не со мной»

(Светлана Романишина, «Танец дождя», <http://www.chitalnya.ru/work/208356/>).

Праиндоевроп. *donum – «дар, дань» и праукраинскому *dǫg / *dъпъ, означавшему, как вешние (небесные, кит. «tiāntáng», япон. «tengoku», монг. «тэнгэр», лит. «dangus» – «небеса, небо») воды, так возможно и любую сочащуюся, струящуюся или же даже просто текущую воду (санскр. «dhanv», кит. «tǎng» – течь), а также и праслав. *тъпъ – «тонкий, тощий» соответствует укр. лексема *dǫg > «дощ» – дождь (небесные или же «тощие» струи). И это имеет место подобно тому как украинскому слову «доня» соответствует укр. «доця», «дочка» – дочь (праслав. *dǫшти, ст.-слав. «дъшти») или же укр. «гроно» (ст.-слав. «грознь») соответствует русск. «гроздь» (ст.-слав. «гроздь»), где: «старинная основа на – n» (см. Словарь Фасмера). Возможен следующий переход: *dǫg → *dǫштик → дощик → дощ, подобный переходу санскр. «dhanus» → праслав. *dǫgu (кит. «diànhú») → дуга; санскр. «танга, тунга» (эвенк. «даңама», лит. «standus», англ. «tense») → тугой (англ. «tough»); укр. горнець → *горнштик → горщик» – горнец → *горншок → горшок»; камень → *каменшек → камешек; баран → *бараншек → барашек из-за утраты признающего сонорного звука «н» (аналогично утрата «н» в словах: туга, праслав. *tǫga родственно лит. tingùs – ленивый, «tingéti, tingiu» – лениться, др.-исл. «Þungr» – «тяжелый, твердый, трудный», тохар. А «tānk-», В «tank-» – препятствовать, далее – лит. «sténgti, sténgiu» – натягивать, «stangùs» – «упрямый, строптивый», – Фасмер; лат. «fingō» – «образую, формую» → «figulus» – «горшечник, гончар», – Фасмер; лат. «constante» → «constitutioni»; лат. «donator» → н.-греч. «δότης» – донор; арм. «k'andak» → «xadak'ar» – фигура; лит. «lankas» → лтш. «loks» – лук; лат. «intus», лит. «vidų», маратхи. «ātūna, āta» – внутри). Очевидно:

«...переход dān (от др.-греч. «Τάναϊς», – П.Д.) → don произошёл не ранее XIII – XIV веков, когда осетинский (аланский) элемент массово уже не был представлен на юге России. Поэтому русскую форму «Дон» нельзя связывать непосредственно с современным осетинским «don» (Василий Абаев, «Историко-этимологический словарь осетинского языка», http://www.allingvo.ru/LANGUAGE/etimolog_slovar.htm ; <https://ironau.ru/iesoja.html>; <http://iratta.com/lib/15508-abaev-vi-istoriko-etimologicheskiy-slovar-osetinskogo-yazyka.html>).

Возможно, Днестр – это «струящиеся воды» (укр. «струмок» – ручей), а Днепр – это «порожистые воды» (ст.-слав. «прагъ» – порог; др.-инд. «áragas», авест. «арага-» – «задний, более отдаленный»). Если дождь (*dъпъ) – это «божий дар» земле (др.-инд. «dānam» – «дар, пожертвование», лат. «dōnum», [«doni»], кимр. «dawn» – дар; другая ступень вокализма: алб. тоск. «dheñë», гег. «dhañë» – дар. Из слав., по-видимому, заимств. лтш. «dāņa», «dānis» – то же и, несомненно, лит. «donis», – Фасмер), то речные воды – это непрерывно несомая морю реками дань (болг. «дан», чеш. «daň», польск., в.-луж., н.-луж. «dań»). Все это указывает как на возможность заимствования нахским языком лексемы «dānu» (нах. «*дан» – влага > *дун > нах. «t1ун») не из осетинского языка, а непосредственно из славянских наречий (ст.-укр. «дунай» – «разлив воды, вообще большое скопление воды», [1517](http://storinka-</p></div><div data-bbox=)

m.kiev.ua/article.php?id=213), когда предки чеченцев (но́хчий) входили в хазарский союз племен вместе со славянами (карахаза́рами = черкасами), так и на вторичность по отношению к праукраинскому языку не только русского, но и церковно-славянского языка:

«Занимаясь, долгое время сравнением арийских языков я пришел в убеждение, что малороссийский язык не только старше всех славянских, не исключая так называемого старославянского, но и санскритского, греческого, латинского и прочих арийских. А между тем малороссийский язык не имеет по настоящее время даже порядочного словаря! Это обстоятельство и помешало нашим и заграничным филологам открыть действительный источник древних языков» (Михаил Красуский, «Древность малороссийского языка», Одесса, тип. Ульриха, 1880, 28 с., <http://ukrainforever.narod.ru/ykrgovir.html>).

3.11 Народы, почитавшиеся как древние и благородные

Так как тождественные кит. «lǎo» лексемы: эст. «vana», «vanad», фин. «vanha», «vanhat», удм. «вадьла», лат. «vetus», лит. «vėtušas», иврит «ватик», чуваш. «ватӑ», русск. «ветхий», означающие «старый» (старинный, древний) и марийск. «суремше» – седой (в смысле старый, древний) весьма близки как к финно-угорским экзоэтнонимам всех россиян (эст. «vene», фин. «venäjän», ижорск. «vennä», карел. «veneäh», вепск. «veña», водск. «venäi-» – россияне), так и к экзоэтнонимам конкретно води / воти, чувашей (морд. «ветьке», «ведень» – чувашаи), удмуртов (марийск. «вотяки», др.-киев. «чермисы» – удмурты), марийцев (*суремшей, русск. «черемис», тюрк. «чирмыш», татар. «çirmiş», чувашск. «šarmîs, šarmîś» = сарматы – марийцы) и родственных вотякам вятичей, а также и к этнонимам балтоязычных ятвягов / *вятвягов и некоторых других венедских племен, то вполне возможно, что знатные рода всех этих народностей и племён являлись потомками балтоязычных старых цянов (лаоця́н / усуней = вэньоуто), в возглавляемые которыми союзы племен входили не только сами балтоязычные гуттоны-язаматы, но также и как угрофинноязычные, так и постепенно балтизовавшиеся племена Восточной Европы:

«Ватина, по Шафартику, – это «страна води, воти», племени, жившего к северу от русских земель. Вместе с тем название это заставляет нас вспомнить о древнегерманском боге-герое Одине-Вотане, «ранняя деятельность» которого протекала, согласно исландским сагам, где-то между Балтийским и Черным морями. С этим последним именем можно также сопоставить латышское наименование части эстонцев «ведде», «видде» (ср. область Видземё; ведды – племена Шри-Ланки, – П.Д.). Иордан в устье Вислы упоминает племя видивариев или видидариев. У него мы встречаем и племенное наименование васинабронки, в котором, кажется, та же осложненная основа «вас / ват» (as / at, – П.Д.)» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян // Странные сухопутные моряки. Споры о спорах и Великая Сербь», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st003.shtml>).

Сарматы = *тарматы = *харматы (узб. «шарофат» – «честь, достоинство»; башкир. «хөрмәт» – «честь, почёт, уважение, слава»), являвшиеся предками усуней (кит. «лаоцянов» – «старых цянов»), янтсай (антов) и сираков (зеруян = славян), возможно были одними из предков и ныне тюркоязычных волжских булгар = татар (марийск. «татырин» – «древний,

старинный, давний») и башкиров (башкордов = башкардов) – древлян (удм. «вашкала» – «древний, старинный, первобытный») или даже «верховных древлян» (карач.-балк. «баши» – верх; тат. «баш» – «верх, голова», «карт» – старый).

И не только арии (эвенк. «ур» – давность, «горо» – давний), анты (др.-греч. «ἀνωθεν» – «сверху, с высоты, издавна, исстари, встарь»; лат. «antiqua», итал. «antico» – древний; лат. «anus» – старуха; польск. «antenat» – предок; осет. «ans / *ant», «az / *at» – год; тамил. «āṇṭa» – правитель, «āṇṭakai» – рыцарь; хинди «andhērā» – тёмный; телугу «eṇḍina» – «опаленный солнцем, сушёный»; дор. «ἐντί», др.-инд. «sánti», умбр. «sent», оск. «set», гот. «sind», нов.-в.-н. «sind» – «они суть», – Фасмер), бораны, варяги = варанги (санскр. «puraana», хинди «purgānē», др.-япон. «pugu», япон. «fugui», исл. «forn» – «старый, древний»; тат. «борынгы» – древний) и поляне (микен. «pa-ra-jo», греч. «παλαιός» – старый; эст. «põline» – «закоренелый, застарелый, древний»), но и неславяноязычные древляне (дереви, древи) Полесья, возможно, были потомками согдийцев (усуней и юэчжей / гутиев = *ути) – прямых наследников индийских племен лунной династии, самой древней не только в Индии, но и в Евразии:

«Итак, о древлянах мы знаем следующее: 1. «Древляне не славяне же» (Рукопись СБ № 793. л. 12 об.)... 4. Сохранилось выражение «наш бог» по-древлянски: «NOS GLЦLGA» (Нос Леля – по-латышски «наш ясный, наш сияющий»). 5. Население территории вокруг Киева в VIII – IX веках – сплошь балтское, о чем свидетельствует топонимика Правобережья Днепра. Эти балты, которых историки собственно и называют древлянами, были народом грамотным. Найден горшочек для краски с надписью: «УСКАТЗИМИС» (Литовцы уверяют, что это литовское слово «ужкайтимас» – киноварь)...» (Алексей Бычков, «Киевская Русь. Страна, которой никогда не было?: легенды и мифы»,

<https://unotices.com/book.php?id=67466&page=23>; <http://testlib.meta.ua/book/43123/read/>);

«Многие годы археологи исходили из того, что область верхнего Поднепровья и прилегающих районов, занятая славянскими племенами в древнерусское время, была исконной славянской территорией, начиная с I тысячелетия до н. э., а, может быть, даже и ранее, и что, следовательно, славянская принадлежность известных нам археологических памятников I тысячелетия н. э. в этой области не может вызывать никаких сомнений. Так продолжалось до последних лет. Иногда эта точка зрения в завуалированном виде проскальзывает и сегодня, но значение ее постепенно падает. Несостоятельность этого положения была признана лишь в последние годы, когда в результате широких полевых изысканий, в том числе и раскопок на ряде древних поселений (городищ), было установлено, что до VIII–IX вв. вся область верхнего Поднепровья и прилегающих к ней районов до верховьев Оки на востоке и до Немана на западе, от границы с лесостепью на юге и до бассейна Западной Двины на севере, была занята балтийскими племенами» (Иван Ляпушкин, «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Археологические памятники лесной зоны», http://historylib.org/historybooks/Ivan-Lyapushkin_Slavyane-Vostochnoy-Evropy-nakanune-obrazovaniya-Drevnerusskogo-gosudarstva/6).

3.12 Славянофонные дреговичи и древляне

Неславяноязычными в древности были не только кривичи, но и дреговичи и древляне:

«Кривичи вплоть до того момента, когда у них возникло государство и славяне утвердились в основанных ими городах, сохраняли свою балтскость. А возникший на основе кривичей государственный этнос полочан имел славянский язык в качестве литературного и сакрального – благодаря варяжским князьям и их дружинам. Дреговичи же, видимо, подошли к границе 1-го и 2-го тысячелетий как славяноязычное сообщество (очевидно, славянизировались, как и древляне, ещё в готскую эпоху, – П.Д.), которое, однако, прочно сохраняло балтское наследие в своем физическом облике, в материальной и духовной культуре. Дреговичи свидетельствуют о наших балтских корнях, но одновременно опровергают радикальные концепции об отсутствии всякой славянской миграции (славяноязычных готов гревтунгов /грутуннов = хорутан, – П.Д.) на территорию Беларуси в период до IX века» (Олег Дернович, «Этническая история Беларуси», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=46>).

Если же слово «дряхлый» (*dreχolъ, ст.-слав. «дръсель», словен. «dreselъ») подобно слову «ветхий» первоначально означало «старый, древний» (а не лат. «decrepitus» – «дряхлый, ветхий, дефектный», а тем более и не «печальный, унылый»), то тогда и дреговичи (драговичи, драгувиты) на самом деле были вовсе не жителями болот, а лишь балтизированными ятвягами и судинами / *сугдинами и позже славянизированными готами древними, достойными и благородными племенами:

«Дряговичи и дрягвичи – сарматы (точнее, балтоязычные савроматы, – П.Д.), покоренные славянами (славяноязычными готами, – П.Д.), по Дине около Полоцка, ч. II, н. 22» (Василий Татищев, «История российская», Ч. 1, Гл. 21 «Сарматы по русской и польской историям», <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis021.htm>).

Не исключено и то, что украинскими древлянами (ст.-слав. «древльнѣ» – древний), а также и родственными им требовлянами (арм. «tser / ser» – старый) были славянизовавшиеся потомки кельтоязычных невра и фракийцев травсов (лат. Trausi, греч. Τραύσοι) и увлѣкших последних за собой в Полесье кельтизовавшихся бастарнов (лат. Basternei, греч. Βαστάρνας), которых, как и античных славян, относили к германцам или же к сарматам из-за тѣмно-красного цвета их кожи (кермный / гермный / сермный / чермный – тѣмно-красный):

«М. Брайчевский в своей книге о происхождении Руси напоминает, что древлянам предшествовала народность с кельтскими связями: «В древние времена это была область милоградской культуры, носители которой стали основным субстратом древлянской группы племен» [Брайчевский 1968]. Наконец-то, вероятные кельтские корни древлян [Тищенко 2004] могли бы стать мостиком к объяснению самого механизма детально описанных выше звуковых преобразований [o> ye> v> ui> ŷ]. Как известно, причастность кельтов к такому звуковому переходу отстаивал А. Шахматов: «Анализуя некоторые славяно-кельтские

словарные [пары], отмечал он, исследователь обнаруживает в славянских словах такие звуковые свойства, которые могли возникнуть лишь на кельтской почве и являются чуждыми для славянских языков» [Schachmatov 1912]» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка»,

https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf, <http://www.pravda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>);

«Невры жили в Верхнем Приднепровье и бассейне Припяти, где в VI в. до н.э. и возникла милоградская археологическая культура. Ее носители отступили с севера под натиском венедов и принесли с собой культуру земледелия и обработки железа. Справедливым будет отождествлять «исторических» невров и милоградскую культуру. Топонимы и гидронимы, содержащие корень «нор – нур», в наибольшем количестве встречены именно в пределах милоградской территории. Следы кельтов сохранились в ряде топонимов (например, Галацк, Клецк, Кимбаровка) и гидронимов (например, Ареса, Ачеса, Дриса, Лучеса, Плиса, Уса и т.п.). Вообще, названия многих беларуских рек имеют кельтские суффиксы «са». Название же реки Неман (по-русски – Неман), по мнению некоторых исследователей, напрямую происходит от имени кельтской богини Немон. Само имя «невры» сохранилось в названиях ряда селений и рек: Навра, Нарвелишки, Неравка, Невришки, Нерис или Нярис и прочих. Сосредоточив внимание на этническом происхождении невров, ученые с подачи Б.А. Рыбакова, как и все прочие соседние народы, отнесли к праславянам. Некоторые ученые считали их балтами и выводили их имя от литовского «niaurus» (унылый). О.Н. Трубачев первым предположил, что невры были как-то связаны с кельтами. Он указал на то, что в Галлии во времена Цезаря обитало кельто-германское племя со схожим названием – нервы или нервии (Гай Юлий Цезарь «Записки о Галльской войне»). Так же называли иногда и приднепровских невров. Кстати, их имя надолго пережило своих носителей – в Риме ими последовательно называли приходивших с востока скифов, сарматов и даже гуннов. Они как невры-нервии могли участвовать в 451 г. в знаменитой Каталаунской битве (Битве Народов)... Скромное археологическое наследство носителей милоградской культуры не слишком напоминает блестящий инвентарь кельтских погребений, хотя она, как отмечают исследователи, и находилась под сильным латенским влиянием. Можно предположить, что к неврам или кельтам могла принадлежать только правящая верхушка этой обширной области. Что касается вопроса о том, как невры-кельты оказались на территории Беларуси, то чешский археолог Я. Филип связал их появление с вторжением в Подунавье кочевников-киммерийцев в VIII в. до н.э. Древнейшие центры гальштатской металлургии находились именно там – в Венгрии и Южной Германии. Разрушение их киммерийцами вынудило кельтов отправиться на запад – в Галлию и Британию, и на север – в Чехию и Польшу, где ими была уничтожена иллирийско-венедская лужицкая культура. В ходе этих странствий кельты принесли индустрию железного века в Полесье и надолго остались там под именем невров...» (Полещук Юрген, «POLEXIA // Полесье и кельты», http://samlib.ru/p/poleshuk_j/p1_shtml);

«...отсутствие политического единства и раздробленность всегда были признаками

кельтского мира [Filip 1956] (что, конечно же, было весьма характерным и для всех потомственных индоевропейцев, – П.Д.). Не создав единого государства, кельты, тем не менее, были тесно связаны между собой и оказывали военную помощь друг другу, невзирая на огромные расстояния, разделявшие их. Так, белги, занимавшие долину реки Марны, постоянно помогали сеннонам, бойям и инсубрам в Северной Италии [Щукин 1994]... Основным способом подготовки усопшего к захоронению у племен зарубинецкой культуры являлась кремация (что до прихода в Европу славяноязычных сарматов, юэчжей-хоразмиев и аланов-торков было характерным в ней как для кельтов, так и для балтов, – П.Д.). Умершего сжигали на стороне, то есть не на месте погребения... Западные районы Припятского Полесья с 4 в. до н. э. осваивали племена поморской культуры, основная территория которых лежала в пределах Польши. Элементы культур предшествующего времени заметны в материалах зарубинецкой культуры... Влияние поморской культуры прослеживается во всех регионах зарубинецкой культуры, но наиболее сильно – в полесском. Близки топографические условия расположения поселений и характер их обустройства... Наибольшее влияние поморской культуры, в широком ее значении, проявляется в керамическом комплексе припятского региона – в сходстве структурного состава посуды и ее типологической близости» (С.П. Пачкова, «Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы», <https://epdf.tips/-e9e2574b0352d6d27e6783a733c07e0e59600.html>; http://www.archaeology.ru/Download/Pachkova/Pachkova_2006_Zarubinetzkaja.pdf);

«69. Игорь был убит [германцами] у Искоростеня, в земле древлян, при попытке вторично собрать с них дань осенью 944 г. (ПВЛ. 39-40). Упоминание о германцах загадочно. В Византии IX – XII вв. так называли французов. Может быть. Лев Диакон или писец (из произведений которого хронист взял этот рассказ, – П.Д.) со слуха приняли форму Βερβιανοί (так называет древлян Константин Багрянородный) за Γερμανοί, но возможно – историк хотел здесь средствами традиционной книжности подчеркнуть, что это племя живет на западе Руси (Диттен. 1984). В летописях есть прямые указания на то, что земли древлян не причисляли к русской земле (Насонов. 1952, 29; 55-56). Это племя отличалось от племен, составивших ядро древнерусской народности, и по происхождению (очевидно, готскому, а до славянизации – возможно балтскому или же кельтскому, – П.Д.), и по обрядам, и по диалекту (Третьяков. 1948, 136); Лев Диакон счел нужным как-то маркировать эту обособленность древлян и связал ее с их местоположением на западе русской земли» (Комментарий М.Я. Сюзумова и С.А. Иванова к: Лев Диакон, «История», кн. 6, <https://www.litmir.me/br/?b=62319&p=24>).

Очевидно, не только в античности, но даже и во времена Константина Багрянородного германцами / германиями (кормными / гермными / сермными / чермными) называли именно потомков славяноязычных тёмно-краснокожих сермендов / сарматов, вернувшихся к оседлому образу жизни своих северно-китайских предков = серов (маньчжур. «серби», кит. «сяньби») = дисцев / ди и жунов (кит. «жунди», «чиди» – чермных ди) = уннов / гуннов:

«Греки называли беларуское племя (славяноязычных краснокожих, – П.Д.) древлян германцами (гермными / чермными, – П.Д.), видимо, тоже не зря. Вероятно, древляне – это

готы (точнее частично славяноязычные брахикранные готы и в основном балтоязычные долихокранные гуды, являвшиеся балтизировавшимися потомками финноязычных скифов, – П.Д.), а вовсе не половцы, как полагает писатель А. Бычков, жившие в беларуских лесах еще со времен Великой Швеции. О готской природе древлян говорит и имя дочери древлянского короля Мала. По-славянски она Малуша, а по греческим источникам – Мальфрида, имя готское. Хотя большая вероятность того, что древляне – это ятвяжское или же дайновское племя, народ восточно-балтский (славянизированный знатными родами готов гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.)» (Михаил Голденков, «Русь. Другая история», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1023246/4/Goldenkov_-_Rus._Drugaya_istoriya.html, <https://www.litmir.me/br/?b=180967&p=10>).

Но вполне возможно и то, что в «Γερμανοί» писцами преобразовалось не «Βερβανοί» – словене (от лат. «verbum» – слово), а непонятное им производное слово от др.-греч. «Γεραίος» – древний (греч. «γηραίος» – «седой, старый»). Летописцами же византийская калька этнонима славян (словен), очевидно, была сопоставлена с древнекиевским (украинским) названием ивы (ветлы) – «вьрба» (укр. «верба», беларус. «вярба», болг. «върба») или даже с каким-либо балтским словом, родственным литовскому «vīr̃bas» – «прут, стебель» (серб. «стабла» – дерево). Вот так-то давние обитатели окрестностей Искоростеня и стали сначала вьрблянами (ВЕРБА. Общеслав. Суфф. производное от того же корня [со значением «гнуть, вить»], что и вертеть. Первичное значение – «ветвь» [ср. лат. «verbena» – ветвь...], – Шанский), а позже – и древлянами (венг. «deres» – «седой, древний», «derék» – «достойный, славный»; удм. «дыр» – «древность, старина»).

Большинство индоевропейцев обожествляло деревья и многие из них, очевидно, считали деревья самыми давними (древними) обитателями Поднебесной. Поэтому-то, вовсе и не случайно то, что русские слова «дерево» (древний), «ветка» («ветхий» – древний), индонез. «hutan» – лес, нидерл. «hout» – «дерево, древесный»; санскрит. «udyana» – сад; укр. «гудина» – стебли (кит. «gǔdāi» – древность; кор. «godaе» – древний; эвенк. «уту» – старый), англ. «wood» – «дерево, лес» и русск. «ветла» (удм. «вадьла» – «старый, древний»), арм. «antarr» – лес и др.-греч. «ἄνθος» – росток («античный» – древний), хинди «vana», тамил. «vaṇa» – лес (эст. «vana» – старый), яван. «alas», нем. «wald» – лес (нем. «alt» – «старый, древний»), лат. «silvaticus» – лесной (арм. «tser / ser» – старый; мар. «сур», «суремше», япон. «shiraga» – «серый, седой в смысле старый») ассоциируются в подсознании индоевропейцев, финно-угров и других народов со словами, тождественными старине и давности.

Конечно же неславяноязычных в доготскую эпоху древлян консолидировали в племенной союз знатные аланские рода готов гревтунгов / грутуннов = хорутан / *коростан, стольным градом которых был Ис-коростень:

«Хорутане (*грот-унны / грутунны / гревтунги / грейтунги, – П.Д.) – только др.-русс., название словен. племени в Каринтии (Пов. врем. лет)... Словен. «Koroško» – «Каринтия» восходит к *Korošsko, ср. словен. «Korotàn» – каринтиец (см. Mi. EW 131; Рамовш, RES 3, 51; Kratka zgodovina 1, 27)...» (Макс Фасмер, «Этимологический словарь русского языка // Хорутане», <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-15094.htm>).

И даже вполне возможно и то, что древляне, как и некоторые другие племена Украины-Руси, славянизировались гревтунгами = хорутанами лишь в готскую эпоху. На это указывает как наличие в украинском языке многих древних славянизмов, не сохранившихся в языках других славян, но при этом занесённых славяноязычными велетами / вильцами = фризами, *льутами / лютичами = ютами и *унгличами / угличами / уличами = англами в англо-саксонскую лексику, так и наличие в древлянских землях топонимики, основанной на этой древнеславянской (сармато-аланской) лексике (см.: Валентин Стецюк, «Англосаксонская топонимика», http://alterling2.narod.ru/index/anglosaksonskaja_toponimika/0-67; «Древняя англосаксонская топонимика в Восточной и Центральной Европе», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Топо/Eng.html>).

Поэтому-то, не исключено, что название стольного града древлянской земли Искоростень (ныне Коростень, в центре которого находится гранитная скала), на древнеславянских наречиях могло означать «находящийся у большого камня / скалы» (укр. «є», рус. «есть», англ. «is» – «являться, находиться»; укр. «крупний», болг. «голям», тадж. «калон», англ. «gross», нем. «groß» – «крупный, большой»; др.-греч. «κόλοσσιαῖος» – огромный; босн. «stijena», серб. «стијена» – «утес, стена»; дат. «sten» – «камень, скала, утес»; лат. «stone», швед. «sten», нем. «stein», англ. «stone» – камень; болг. «стане» – вставать; укр. «стан» – состояние; русск. «стан» – стоянка; укр. «стояти», англ. «stand» – стоять).

Вопреки же всему этому вполне возможна локализация летописных древлян (потомков тарпетов = тервингов = червян = сербов; латгал. «tuorps», лтш. «tārps» – червь; итал. «serpe», неаполитано-калабр. «servone, serpe» – змея) и в Крыму, и даже в Тамани (Тмутараканском княжестве), где в античности обитали меоты тарпеты и сербои (греч. Σέρβοι, лат. Serboi / Sirboi), а позже дислоцировалась Черноморская Русь готов-тетракситов (готов-русов):

«В том, что древляне / деревляне, скорее всего, обитали не на Днестре, как это считается теперь общепризнанным, доказывает первое и самое раннее упоминание данного этнонима в недатированной части ПВЛ, заимствованное из хроники Амартола, где, в соответствии с только что изложенными наблюдениями, исследователь обнаруживает его в перечне «Афетовых» стран, перечисленных «посолонь» по северному берегу Черного моря: «Мидия, Ольвания, Армения малая и великая, Каподокция, Фефлагони, Галатия, Кольхысь, Воспории, Меоти, Деревы, Сарматы, Тавриани, Скуфия, Фраци, Македония» и т.д. [Ип., 3] «Деревы» – «тервинги» (от др.-герм. «tre» – дерево) показаны в перечне между мёстами, сарматами и таврами, на том самом месте, где находилась отсутствующая в списке крымская Готия. Так получает объяснение непонятное до последнего времени молчание ПВЛ о южных готах-тетракситах, с которыми постоянно должна была сталкиваться «черноморская русь». Но и это не всё. В тексте ПВЛ находится еще одно косвенное подтверждение такой локализации готов / деревлян в Крыму: при назначении Святослава Владимировича княжить «в Деревы», Владимир I посылает его брата Мстислава в соседний Тмутаракан [Ип., 106], откуда тот возвращается уже при Ярославе. Другими словами, для Среднего Поднепровья и этот этноним ПВЛ оказывается историографическим фантомом, занесенным в летопись чисто литературным путем – из текста в текст. ...в исторической реальности «древляне /

деревляне» не представляли и не могли представлять никакой опасности для киевских князей ни в политическом, ни в экономическом, ни в этническом плане, поскольку они жили в лесах и болотах, не обладая ни амбициями, ни человеческими ресурсами, ни торговыми путями, которые проходили бы по их территории. Вместе с тем, в ПВЛ исследователь обнаруживает прямо противоположную картину, основанную не только на утверждении деревлянских послов что «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю» [Ип., 44] в противоположность «земле Руской», но и на том факте, что с Олега и вплоть до Святослава каждому русскому князю приходилось начинать свою деятельность с экспедиции против этих самых «деревлян». Правда, после акции, предпринятой Ольгой, от «Деревской земли» остается лишь топоним, последний раз упомянутый при распределении Владимиром княжений своим сыновьям, когда «в Деревя» назначается Святослав Владимирович [Ип., 105]» (Андрей Никитин, «Основания русской истории», <http://library.narod.ru/saga/osnova205.htm>, <http://litrus.net/book/read/124139?p=31>).

3.13 Славяноязычие большинства болгарских племен

Очевидно, и болгары утигуры (ультизуры / ультины = улутичи / уличи / лутичи = лютичи – *ютичи / *вутичи), возможно являвшиеся потомками как верхних аорсов (янтсай = *антиан / атиан / асиан, *anlic = оногуров = англов, канглов), аланов-торков и кидаритов, так и других согдийских племен (включая и славянизовавшихся в Европе потомков лаоцян / усуней), и их потомки караболгары ясы, были вовсе не тюркоязычными и не ираноязычными, а преимущественно балтоязычными и славяноязычными (тюркск. «ulu» – «большой, великий, знаменитый, известный, старший», бенг. «yaśa» – знаменитость) подобно царским усуням (вэнь-оуто = *вен-едам / венедам), верхним аорсам (янтсай = антам / ансам) и сиракам (зеруянам = славянам):

«Своеобразие культуры потомков антов (и славянизовавших их гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.) в древнерусский период проявляется отчетливо, и прежде всего в погребальной обрядности. Восточные славяне, вышедшие из антского (точнее, антско-аланского и готского, – П.Д.) этноплеменного образования, как уже отмечалось, не знали курганного обряда. Их погребальными памятниками X – XII вв. являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду ингумации, характеристика которых была выполнена А.П. Моцей. Распространены они в основном на той же территории, что антские памятники V – VII вв. пеньковкой культуры. Некоторое смещение ареала грунтовых некрополей X – XII вв. наблюдается лишь в северном направлении. Очевидно, области нижнего Днестра, бассейна Южного Буга и нижнего Днепра (южнее р. Роси), а также устья Сулы под давлением тюркоязычных (на самом же деле преимущественно балто-славяноязычных, – П.Д.) кочевников в это время были оставлены восточнославянским населением. В связи с этим потомки (балтоязычных, – П.Д.) антов распространились в южные районы прежнего ареала пражско-корчакской культуры, где смешивались с потомками ее носителей. Каких-либо серьезных массовых передвижений населения на рассматриваемой территории в последующие столетия не проявляется. Поэтому допустимо предположение, что анты (совместно со славянизовавшими их готами и аланами-торками, – П.Д.) Северного Причерноморья и их древнерусские потомки заложили основу нынешних

собственно украинских говоров. Некоторые особенности антской группы говоров древнерусского языка, по-видимому, реконструируются по материалам памятников письменности XII – XIV вв. Галицко-Волинского княжества. Их характерные черты были подмечены еще А.И. Соболевским, а позднее отмечались и другими языковедами. А.И. Соболевский рассматривал диалектные черты галицкого говора как особенности украинского языка, появившиеся в позднерусский период. Если лингвисты связывают группу говоров, выявляемую по памятникам письменности Галицко-Волинского княжества, с территорией этого политического образования, то археологические материалы дают основание говорить об этих говорах как свойственных более широкому древнему этнографическому ареалу, сформировавшемуся на антской основе...» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование // О диалектном членении древнерусского языка», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/19);

«Обычно полагают, что анты под давлением авар отошли на север и восток, где и растворились среди других славянских племен (что, очевидно, всё же не произошло, – П.Д.). Нечто подобное мы находим у византийского писателя Агафия в отношении гунно-болгарских племен, ультигур и вуругундов, которые «считались могущественными и были знаменитыми до времени императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне (Агафий умер в 582 г., – В.К.), их не знаем и, думаю, никогда не узнаем, или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие места» (Агафий. О царствовании Юстиниана. Перев. М.В. Левченко, гл. V)... «Скифо-сарматы могли изменить ваты (венты) в анты, а отсюда оно попало и к византийцам. Сами же себя восточные славяне (точнее, славянизовавшиеся балты, – П.Д.) называли венетами, в отдельных случаях вятичами. Никаких следов употребления термина «анты» в русской среде нет» (В.А. Рыбаков. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческого строя). Говоря о «vantit» как об одной из форм наименования славян, Б.А. Рыбаков имеет в виду «город славян» этого имени, упоминаемый в сочинениях указанных им и некоторых других восточных авторов последних веков I тыс. и начала II тыс. н. э., в названии которого А.А. Шахматов усматривал искаженный славянский племенной термин вятич. Появление носового звука в этом этнониме А.А. Шахматов объяснял тем, что вятичи как «ляшское племя» сами себя называли «wetic», между тем как соседние с ними восточные славяне произносили «wjaticе». Носовой звук в этом слове был воспринят хазарами как «ан» или «ен», откуда перешел и к арабам. В то же время А.А. Шахматов категорически отвергал возможность увязки названия «ант» с названием «вятич», как, впрочем, и другие лингвисты. «Из праславянского *ant, – читаем, например, у Ф.П. Филина, – могло образоваться только восточнославянское несуществующее «утичи» (существовавшее «лутичи» – *вутичи, – П.Д.), что подтверждается литовским языком, где «antis» (праслав. *ať или *ōty, укр. «вутиця», серб. «патха», тагал. «rato», каннада «bātu», гуджар. «bataka», «маратхи «buḍī», – П.Д.) и поныне значит «утка» (ср. в Латвии озеро Антзава – «утиное»). Сопоставление термина «ант» со старославянским «жты», «жтж» – «утка» впервые было сделано еще П.И. Шафариком. В наши дни такого мнения придерживался академик Н.С. Державин, который в качестве дополнительного

аргумента указывал на зафиксированное в договоре Игоря с греками древнерусское имя Утин и на топонимы Ут – село и река в Беларуси, населенные пункты Уты – в Орловской области, Утинка – под Смоленском и др. (Н.С. Державин. О происхождении русского народа). Имеются и иные толкования термина «ант»: от немецкого «enz», «anzi» – «великан» (Войцель); греческого со славянской основой *ulec, unlic из *anlic (Ламбин); исконно славянского гипотетического *antīнь – «гигант, великан»; черкесского «ант» с неясной этимологией (Карамзин, Куник, Вирт); кельтского «antano» – «звезда» (Шахматов), этрусского «antas» – «орел» (Брим) и *ant | va, восстанавливаемого из «ανδας» в фразе Эзихия «ανδας βορεας υλο Γυρρηων» – «север», «северяне» (Мериджи); алано-осетинского «an-da» (оендое) – «вне», откуда «andag» – «внешние», т. е. «окраинные жители» (Ольрик, Шмидт, Вернадский), и, наконец, от тюркского «ant» – «союз», «клятва» (Филин)) (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st008.shtml>);

«...уныны распадаются на две ветви и живут в различных странах. Это алтциагиры (нем. «alt», англ. «auld, old», тат. «карт», вал. «oed», ст.-слав. «ветьхъ», иврит «ватик», эвенк. «уту» – старый; иврит «атик», яван. «jadul», нидерл. «oud» – древний; тамил. «ātiyāṇa» – «нетронутый, чистый, древний»; англ. «eldest» – «самый старший»; эст. «kuld», англ. «gold» – «золотой, золотистый»; лат. «altus» – высокий; англ. «ultra» – крайний; раннее праслав. *uld, монг. «ард» / *нард – «люд, народ», – П.Д.) и савиры (санскр. «su-varna, svarna, суварча» – золото, «суварчаса» – золотой, «сувира» – мужественный; «su-vīṛya» – «мужество, доблесть, войско из героев»; «sāvīṛya» – «сильный, могучий»; хинди «savāga», тадж. «савора», узб. «suvorī» – всадник; эвенк. «сувэрэ» – вершина, швед. «suverän» – высочайший, – П.Д.); иначе писали алтциагры, аулциагиры, аулциагры, а также ултциагиры, ултициагры, уултциагиры (ultiziagri, uultiziagiri), что прямо уже указывает на имя наших улчей, с которыми долго воевал Олег. Савиры же, несомненно, наши севера, северяне, восточное племя наших славян, они же и танаиты, или донцы. Приток Дона – Донец – и доселе прозывается Северским» (И.Е. Забелин, «История русской жизни с древнейших времен», ч.1: «Доисторическое время Руси», http://dugward.ru/library/zabelin/zabelin_istoriya_russkoy_jizni.html#g16).

Тюркоязычной же или даже двуязычной была у славяноязычных болгар лишь их немногочисленная тюркютская знать. Не исключено также и то, что витязями именовали себя не только болгары утигуры (вити / утии), но и поморяне видиварии (русы-торки):

«Стало быть, видиварии, заступившие место гепидов, когда те удалились (в III в.) с Балтийского моря к Черному (а, вернее, заставившие их удалиться) были славяне. Говоря, что видиварии живут близ устьев Вислы, Иордан тут же рассказывает, что восточными соседями их были эсты, а эстами германцы называли в древности народы литовского племени, по преимуществу прусов: из всего этого можно заключить, что под именем видивариев разумелись собственно поморяне. Конечно, известие, что эти видиварии составились из сброда разных племен, преувеличено; но оно имеет, бесспорно, некоторое основание» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», <https://static.my->

shop.ru/product/pdf/304/3032872.pdf; http://loveread.ec/read_book.php?id=62516&p=5;
https://www.teambook2.ru/catalog/literatura_19_veka/istoriya_baltijskix_slavyan/?preview=297648).

3.14 Балто-славяноязычие темно-краснокожих брахикранных сарматов и утиев

Возможно потомками усуней и *утиев (*утичей / юэчжей = согдов – тохаров [Athagorae, Athaguræ]), мигрировавшими в Европу ранее болгар утигуров (атаулов), были брахикранные савроматские племена сатархов, тагоров (тагров), аорсов, сираков, языгов (гудов), царских языгов – язаматов (гуттонов) и аланов-торков, а также относимых ошибочно к бастарнам атмонов (ятвягов = судафов) и троксолан / роксолан:

«...савроматское и раннесарматское население (VI – I вв. до н.э.) обладало краниотипом широкоголовых европеоидов с брахикранный формой черепной коробки. Лицо у них было широкое, средневысокое и умеренно профилированное на уровне назомаллярных точек, а нос и переносье высокие и резко выступающие» (Мария Балабанова, «Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным», <http://annales.info/sarmat/small/nav6b.htm>);

«Во II в. до н.э., время, близкое к годам падения Греко-Бактрии, в степных районах Сарматии в погребениях кочевников появляется большое количество вещевого материала, находящего параллели в памятниках соответствующего времени Средней Азии, Алтая, Енисея и Китая. Это клинковое оружие, поясные пряжки, конская упряжь и другие вещи (Скрипкин А.С., 1993; 2000). Не ранее II в. до н.э. в этнической номенклатуре степной Восточной Европы появляются новые этнонимы: роксоланы, сатархи, аорсы, сираки. Известно, например, что роксоланы (ревксиналы) упоминаются в херсонесском декрете в честь Диофанта (110/109 гг. до н.э.). Аналогичная хронологическая привязка имеется и в «Географии» Страбона (Страбон, VII, III, 17). Примерно в то же время в степном Крыму появляются сатархи (Ольховский В.С., 1981), которые были известны в Средней Азии; некоторыми исследователями предполагалось их родство с тохарами Страбона, принимавшими участие в разгроме Греко-Бактрии (Десятчиков Ю.М., 1973). Вероятно, к этому же времени относится сообщение Плиния о переходе Танаиса рядом племен, среди которых упомянуты сатархи, тагоры, сатархеи-спалеи (Плиний, NH, VI, 22)» (А.С. Скрипкин, «О времени появления Аланов в Восточной Европе и их происхождении», <http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Skripkin-Alani.pdf>; http://www.kroraina.com/alan/skripkin_zakl.html);

«Археологические исследования, касающиеся веков (более ранних, нежели приход в Европу балтоязычных савроматов и славяноязычных сармато-германцев, – П.Д.), о которых идет речь, свидетельствуют о существовании в ту пору на территории Малой Азии целой провинции с развитым кремационным ритуалом, а керамические предметы, найденные в Венгрии и на соседних западных землях и принадлежащие к культуре полей погребальных урн, несут на себе отпечаток анатолийского стиля, что, возможно, указывает на их

происхождение от восточных металлических образцов. В отличие от микенян хетты сжигали тела своих умерших царей, как это известно из письменных источников, а недавно на территории их древней столицы археологи открыли кладбище, содержащее остатки трупосожжений. Таким образом, можно предположить, что территории Юго-Восточной Европы до Малых Карпат находились в сфере распространения анатолийской культуры во 2-м тысячелетии до н.э., а возможно, и с более ранних времен» (Теренс Пауэлл, «Кельты. Воины и маги», http://oldevrasia.ru/library/Terens-Pauell_Kelty--Voiny-i-magi/2).

Не исключено, конечно же, и то, что в состав племенных объединений не только ушедших в горные регионы Скандинавии аланов-торков, но и тагоров, и роксолан кроме балтоязычных племен входили и славяноязычные племена:

«Складывается впечатление, что квадратные славянские полуземлянки с печами-каменками были вырыты в культурном слое сильно разрушенных селищ позднечерняховской культуры. Котлованы покинутых ранними славянами полуземлянок, заполнились затем культурным слоем предшествующих черняховских поселений с фрагментами соответствующей посуды, что и создает ощущение единых славяно-черняховских переходных комплексов...» (М.Б. Шукин, «Рождение славян», http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php);

«Следует особенно подчеркнуть, что такая существенная деталь внутреннего устройства жилища, как печь-каменка, в первой половине 1-го тысячелетия нашей эры известна только на территории Верхнего и Среднего Днестра. Печи-каменки представляют собой существенную часть только славянского интерьера, и их наличие свидетельствует о присутствии праславянского этноса в среде населения, оставившего эти памятники... Таким образом, оседлые земледельческие племена на территории Днестровско-Карпатских земель в I – начале III в. были представлены культурами типа Поянешти-Выртишкой и Липицкой, древностями Карпатских курганов. Все племена, носители этих культур, в той или иной степени подвергались влиянию праславянских и сарматских народов» (Н.А. Чаплыгина, «Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I – III в. н.э.», http://opeake.ucoz.ru/news/n_a_chaplygina_naselenie_dnestrovsko_karpatskikh/2014-02-13-149; <http://archive.today/J5U5#selection-149.1-149.77>);

«...на территории Верхнего и Среднего Днестра и на примыкающей к ней территории Прикарпатья, в среде культур римского времени (черняховской и карпатских курганов) археологически фиксируется процесс формирования определенного типа жилищ – прямоугольной постройки с печью-каменкой в углу. Следует особо подчеркнуть, что если углубленные жилища различного типа, как уже упоминалось, встречаются на обширной территории на поселениях ряда различных культур римского времени, то такая существенная деталь внутреннего устройства жилищ, как печь-каменка, в первой половине I-го тысячелетия нашей эры известна только в указанном регионе. Как известно, устройство жилища является одной из характернейших черт материальной славянской культуры, а печь-

каменка представляет собой, пожалуй, самую существенную часть интерьера славянского жилища, неизвестную за пределами славянской территории. Можно с уверенностью сказать, что наличие в углубленном жилище печи-каменки определенно свидетельствует о славянском этносе населения, оставившего этот памятник» (Л.В. Вакуленко, О.М. Приходнюк, «Место и соотношение Славянских древностей I тыс. н.э.», <http://ru-mo.ucoz.ru/publ/26-1-0-652>; <http://194.44.152.155/elib/local/sk475252.pdf>);

«В левобережной части Среднего Поднепровья жилища отапливались преимущественно глиняными печами. Нередко они вырезались в материковых останцах при сооружении домов, а если грунт был непригодным для этого, печи выкладывались из принесенной и сбитой спондиловой глины. В более северных областях Поднепровья были распространены печи-каменки. На Битицком, Опошнянском и некоторых других поселениях на раннем этапе устраивались также открытые очаги. Могильники волынцевской культуры – грунтовые, без каких-либо наземных признаков. Умерших сжигали на стороне и остатки кремации сыпали в неглубокие ямки или в глиняных сосудах помещали в них. Наиболее изученным является Волынцевский могильник, в котором раскопками вскрыто семнадцать захоронений. Сожженные кости, собранные с погребального костра и очищенные от золы и угля, с немногочисленными предметами личного убора умершего здесь обычно помещались в ямках в горшках-урнах. Нередко они сопровождалась сосудами-стравницами. В захоронениях встречены стеклянные и пастовые бусы, бронзовые браслеты и др.» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. // Русь», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/6).

3.15 Угроязычные сарматские и болгарские племена

Очевидно, помимо славяно- и балтоязычных племен в союзы сарматских и болгарских племен входили и угроязычные племена:

– предки иштеков (западных башкир), остяков (ассоц. с англ. «past», «yester-» – «прошлый, прошедший»; полаб. «cáiste», с в.-луж. «čisty», н.-луж. «cysty» – «чистый в смысле настоящий, не утративший свой истинный древний облик»; польск. «ištota» – бытие; англ. «gist», словен. «bistvo», серб. «суштина» – суть; лтш. «īsts, īstens, īstans» – «истый, истинный, настоящий»; лит. «uščias» – «явный, ясный», «úskus, ýškus, éiškus, áiškus» – ясный; кыпч. «özden» – «свободный, благородный»; азерб. «üst» – «верхний, вышестоящий»; англ. «vast» – «обширный, простор»; башк. «эстәге» – «внутренний»; перс. «остан» – округ; арм. «vost», нем. «ast» – ветка; санскр. «шаки» – «ветвь, рука, рукав, скифы»; арх. русск. «куст» – «ветка, отделение»; арм. «astuats» – бог; эст. «austus» – уважение; русск. «шустрый», шор. «азыг», укр. «хуткий» – «прыткий, ловкий, быстрый»; др.-руск. *šustrъ, возм., родственно лит. «siùsti, siuntù, siutaũ» – «беситься», лтш. «šust, šùtu, šutu» – «злиться, сердиться, беситься»... нов.-перс. «čust» – «ловкий, деловой»...», – Фасмер);

– предки чувашей (старое мордовское название чувашей ветьке, ведень ассоц. с иврит «ватик», чуваш. «ватӑ», лат. «vetus», русск. «ветхий» – старый; др.-чув. *vataḡ, *uotaḡ, др.-

тюрк. «otaу» – «палатка, комната, семья»... ср. калм. «отэг» – «род, община, отделение», – Фасмер; др.-перс. «thauma» – «дом, род»; нем. «weite» – «простор, ширь, ширина»; телугу «vyaktulu» – люди; осет. «фыдæбонь», русск. «бедовый» – «разбитной, находчивый, смелый, дерзкий»; др.-греч. «βοτάνη», др. «βοτάνη (tā)» – «трава, подножный корм, пастбище»; др.-греч. «βότος» – «колючее растение»; русск. «ветка»);

– предки удмуртов (марийское «одо» – отяки / вотяки / удмурты; перс. *anta-marta – «житель окраины, пограничья»; ассоц. с нидерл. «oud», иврит «ватик», чуваш. «ватӑ», удм. «вадьла» – «старый, древний»; коми-перм. «отир» – народ; санскр. «jātā» – «рождаться, расти, возникать»; лат. «fundum», дат. «bund», нем. «boden», индонез. «utama», англ. «bottom» – «нижний, низ, основа, конец»; каннада «huttu» – рождение, «ādi» – начало; эст. «ühite», каннада «ondu» – один; тамил. «ātiyāṇa» – «нетронутый, чистый, древний»; греч. «ἄνδρος» – «полный, выросший, зрелый, сильный, густой»; греч. «ἄνδρῶν» – «придаю зрелость»; удм. «уд» – «росток, поросль, всходы»; прафинно-перм. *antg / *ontg – «молодая трава, побег, поросль», возводимое в свою очередь к раннеиндо-иранскому *andha- «трава, зелень, побег сомы, сок сомы»; др.-греч. «ἀδιάντων» – «вечнозеленое растение», «ἀδρύνω» – «способствовать росту, созреванию»; «ἀνθέω» – «расти, пробиваться»; праслав. *jędro – ядро; вед. «āṇḍām», др.-инд. «aṇḍás» – яйцо; перс. «andarun» – внутри; греч. «εἶδωλον» – идол).

3.16 Алтайская этнонимия и славяноязычие печенегов и предков таджиков

В союз же племен юэчжи (*утиев / яду / еда) также входили и как тунгусоязычные племена – предки удэге, удынкан, ульчей (эвенк. «уту» – старый, «хатапты» – «старинный, ветхий»), так и предки многих других сибирских народов – «будун». В орхонских надписях в тех местах, где речь идет о народе – нации, употребляется слово – «будун», возможно являющееся, как и «люди», и «тыюдь ~ чудь», и «согду ~ чогду» (эвенк. «сагды» – старый) всего лишь калькой с индийского «чеди» ~ *седи (яван. «jadul» – древний; чеш. «šedivý» – «седой, древний, достойный»):

«...чогду – этноним самодийского происхождения, представленный у алтайцев (юуты, чооты ~ йоты, дьоты ~ джооты ~ чооты), шорцев (чот), чулымцев (чат), томских татар (еуштинцы), тувинцев (чоогду~чоды, чжода), хакасов (тйода), монголов (чжот), бурят (джокду ~ зукден), калмыков (зот), эвенков (цигиндин, чорду), энцев (ючи) и ненцев (суши ~ ивши ~ выучи, пучи, юуси)» (В.А. Бушаков, «Общие элементы в этнонимии алтайских народов», <http://www.pochit.ru/istoriya/4544/index.html>).

Очевидно, не только сохранившие славянскую речь чалдоны (*чорду / чолдоны / челдоны – люди; сербохорв. «чѣљаџ» – «челядь, домочадцы, люди», укр. «челядин», блр. «челядзін» – слуга, эвенк. «хутэ», англ. «child» – «потомок, отпрыск», эвенк. «халан, калан» – «клан, род, племя», ирл. «cland, clan» – «потомство, род, клан», лит. «kiltis» – род, греч. «τέλος» – толпа; др.-сканд. «grīdi», др.-киев. «гридинь» – «воин, княжеский телохранитель», – Фасмер), но и иранизовавшиеся таджики (согды = сорты / сарты), и предки некоторых алтайских знатных родов являлись потомками славяноязычных брахикранных горцев сугудов / сугдов (*утиев ~ юэчжи) или же были объединены в полиэтничные племенные

союзы этими верховными родами (эрз. «ташто», мар. «тошто» – старый; монг. «дээд» – «верхний, верховный»; каннада «taḍi» – седловина; итал. «testa», франц. «tête», санскр. «śiras» – голова; монг. «сар / sag» – луна; перс. «särdār» – «главнокомандующий, глава племени, влиятельный сановник»; венг. «tető», осет. «сәр» – «верх, верхушка»; япон. «chōjō», франц. «haut» – «верх, вершина»; англ. «attic» – «голова, верхотура, чердак»; чечен. «куорта», туш. «корт», груз. «корти», «карти», «курти» – «голова, вершина, макушка»; нем. «boden», чеш. «půda» – «почва, основа, чердак»; фин. «vintti», швед. «vind», «vindsvåning», венг. «tetőter», осет. «цар», «цардахъ», нидерл. «zolder» – чердак; ср.: Сугдея = Солдаёя = Судак):

«Современный тувинский род Чорду (Чооду, Чогды) имеет самодийское происхождение. По рассказам стариков, предки чордунцев жили раньше на территории горного района к юго-западу от Якутска» («К 75-летию округа. Кто вы, Боягиры?», http://www.evenkya.ru/infoeg/life/k_letiyu_okruga_kto_vy_boyagiry.html);

«В изданном Радловым уйгурском переводе (с китайского) «Саддхарма пундарики» санскритское слово «sarthavaha» или «sarthabaha» – «купец, водитель каравана» переведено «сартпау»; это слово объясняется как «старший купец» (сатык-яы улугу). Отсюда Радлов заключает, что тюрк. «сарт» заимствовано из индийского (Kuan-si-im Pusar, 37). Когда иранцы Средней Азии захватили в свои руки торговлю с кочевыми народами, слово «сарт» стало употребляться тюрками и монголами как название народа, в том же значении, что и таджик (тоджик). Рашид ад-дин (изд. Березина, I, текст, 171) рассказывает, что, когда правитель (принявших ислам) карлуков Арслан-хан подчинился монголам, он был назван ими «сартактай, т. е. таджик». Здесь имя народа выступает в форме «сартак»; окончание «таи» присоединилось монголами к названию для обозначения мужского представителя соответствующего народа» (Василий Бартольд, «Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии», Том 2, <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=bartold-yv&book=1964t2&page=239>).

Однако же не исключено и то, что этноним «сарты / сорты» формально тождественен этнонимам «согды» (чорду, чогды = согды), «сорбы» (сарбаты / сарматы = саргаты, сербы), шорцы = чоры и шерпы. И означает он всего лишь «украинцы» (швед. «sarg», ягн. «sarak», эст. «serv», фин. «syrgä» – «край, ребро»; азерб. «särhäd / sərhad», укр. «кордон» – граница; франц. «corde» – шнур; праслав. *čьrta, укр. «чорта» – черта; праслав. *въз-чьръть, диал. укр. «вщерьть» – «до краев, доверху»). А, возможно, он является также и калькой генонима горных таджиков «гальча» (укр. «галичани» – горцы?) и, подобно этнонимам «галаты» (галлы, гэлы), аланы (укр. «галани»; *галланы > *галваны > *главаны > *главяне), «славяне» (*главяне / гливиане / глиняне) и «корты» (кордуэнцы, курды, картли, карпы, каринты = хорутаны), означает всего лишь «верховинцы» (хинди «śīrṣa» – «верх, вершина»; осет. «сәр» – «верх, верхушка»; хинди «sira», инг., чечен. «корта», и-е. *ghölū-, др.-прусс. «gallū», фриз. «holle», каракалп. «gelle», лит., лтш. «galva», беларус. «галава», болг. «главата» – «глава, голова»; чечен. «куорта», туш. «корт», груз. «корти», «карти», «курти» – «голова, вершина,

макушка»; лат. «collis», лит. «kalva» – холм) или же просто «горцы» (арм. «sar», ирл. «sliabh» – «гора, горный»; англ. «hill» – «гора, холм, бугор»; укр. «груд» – «возвышенность, бугор»; венецк. «saranto» – гора; кельтско-иллир. «karn» – «камень, скала»; исл. «hágr» – высокий):

«Слово «гальча» в литературе домонгольского периода всегда пишется «гарча» и происходит от слова «гар» – гора! (упоминается также диалектическая форма «гарч»). Гарчианом (у арабов также Гаршисчан, с обычной заменой звука «ч» звуком «ш») т. е. областью горцев, называлась в X в. по преимуществу область верхнего Мургаба (в пределах Афганистана), составлявшая особое владение; но говорится также, по крайней мере в XII в., о «самаркандском Гарчиане», под которым, очевидно, надо понимать область верхнего Зеравшана и его притоков. Точных определений терминов «гарча» и «Гарчиан» мы в литературе не находим...» (Василий Бартольд, «Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана», <http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=87>).

Очевидно, занятие знатью прабалто- и праславяноязычных «горцев-украинцев» международной (заграничной) торговлей отразилось и на связанной с их деятельностью терминологии. Ведь, не может же весь таджикский народ быть «водителями караванов». А это значит, что предки таджиков были оседлыми землепашцами в высокогорных речных долинах (лит. «soda», вост.-слав. *sedlo, лат. «rus» – «село, поселение»; праслав. *selo – пашня, – Фасмер), подобно родственным их предкам славянам: дулоба (дулеbam), далматам (далеминцам), галматам (гломачам, гливианам), сарматам (саргатам) / сарбатам (сорбам, сербам), зеруянам (серам, цериванам, славянам; селянам).

В некоторых финно-угорских, тюркских и иранских языках фонема «Т» произносится как «Б» (тюркск. «Тумынь» = «Бумынь»; лат. «Domino» – «владыка, господин»). Поэтому-то перс. «таджо» вполне могло произноситься тюрками как «баджо» или «паджо», то есть так как селькупы называли славяноязычных чалдонов:

«Любопытно, что селькупы называют русских челдонов «паджо». Так же называли русских-самарцев Каяловых их соседи, когда они проживали на берегах теплого моря «за Доном». Европейская встречаемость слова «паджо» по отношению к русским (паджо-рус) отмечается также В.П. Кобяковым. Вместе с тем, распространение этого слова в центре Азии у хакасов (аджо, ажо) отмечает Л.Р. Кызласов. Древние хакасы в 6-7 веках титулом аджо или ажо наделяли государя, законодателя и верховного судью в одном лице» (Николай Новгородов, «Томске Лукоморье // Русский след на Оби», <http://www.sibogni.ru/content/tomskoe-lukomore; polarpost.ru/forum/download/file.php?id=24520>)

«Баджо» (баджанаками) назывались и славяноязычные канглы, более известные нам как печенеги (пацинаки):

«Как все кочевые империи – государство печенегов не было этнически однородным. Правящие слои разговаривали иранским языком (а, возможно даже и южнославянским языком, так как ясы были потомками славяноязычных утигуров, а иранские осетинские наречия были лишь навязаны вовсе не родственным им кавказцам овсам / осетинам

охранявшими ущелье Дарьял персами, – П.Д.); это выяснилось недавно, когда в 1958 г. Н. Мещерский издал старорусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Там есть ср. др. старорусская глосса «Язык же Ясескыш известно есть, яко от печенеженска рода родился, живуще подле Тана [= Донец-Дон] и Меотского [= Азовского] моря» (М. Л. 1958, 454). Иранцами (очевидно, все же славянами, – П.Д.) были также союзники печенегов (кангаров): «верхние Асы» (хвалисы) и волжские «речные Асы» (Фурдасы / Буртасы). Зато по языку тюрками были Ичгили (поздние секлеры в Венгрии). Кроме них, значительную роль играли еще гунно-болгарские языковые элементы. Это видно, хотя бы из того, что печенежская верхушка употребляла протоболгарский язык и азбуку (на греческой основе), как об этом свидетельствует известная надпись печенежского вельможи Бойилы Жупана с кон. 9 – нач. 10 в. (т. н. клад из Nagy-Szent-Miklos). Поэтому Кашгари (11 в.) и арабские географы 10 стол. связывают печенежский язык с болгарским (очевидно, со славянским болгарским, – П.Д.). На всей территории, где когда-либо жили печенеги, то есть от Ср. Азии до Балкан, найдено много надписей руническим письмом, которое ученые, пожалуй, справедливо – приписывают печенегам. Но попытки его расшифровки с тюркского (последняя А. Щербака от 1959г.) не дали удовлетворительных результатов, главным образом потому, что надписи очень краткие» (Омелян Прицак, «Печенеги», http://shron.chtyvo.org.ua/Pritsak_Omelian/Pechenihy.pdf);

«В статье А.Н. Карсанова «Тюрко-аланские связи» Р.Г. Кузеев выделил целый абзац: «Бируни (973 – 1048) писал о приаральских и прикаспийских аланах, что «они – род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского». В «Иудейской войне» Иосифа Флавия есть известие о нападении в 72 г. аланов (тёмно-вишнёвых аланов-русов, – П.Д.), живших у Танаиса и Меотийского озера, на Мидию (Персию) и Армению. В древнерусском переводе труда Флавия, сделанном, вероятно, в XI в., написано: «Язык же ясескый (так на Руси называли алан. – А.К.) ведомо есть, яко от печениженска рода родился, живуще подле Тана и Меотскаго моря. В та же времена совещаща внити на Мидьскую землю на воевание...» Свидетельства Бируни и древнерусского переводчика говорят о близких, этнических связях между (славяноязычными, – П.Д.) аланами и печенегами». По этому поводу Р.Г. Кузеев сделал приписку: «Хорошо доказано, что башкиры – тюркизированные иранцы (может быть асы, аланы). А что такое хорезмийский язык? Аланы и печенеги были тесно связаны» (и те и другие были потомками балто-славяноязычных кангюйцев / кангаров / канглов, – П.Д.)...» (Игорь Антонов, «Р.Г. Кузеев о проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе», <http://vatandash.ru/index.php?article=2200>);

«К тому же выглядит странной ситуация, при которой в современном славянском болгарском языке так мало поздних (средневековых) иранизмов. Скажем, в украинском и русском языках их значительно больше, что находит вполне приемлемые объяснения. Получается, что пока рано говорить о сохранении ираноязычной прослойки внутри болгарских племен в период хазаро-болгарского конфликта, последовавшего за распадом Великой Болгарии Кубрата. Стало быть, невозможно предполагать языковую ситуацию среди салтовского населения степного Подонья – Подонцовья в VIII – X вв... Поэтому пока

невозможно сказать, на каком языке говорили донецкие ясы в начале XII в., когда они оказались в эпицентре событий, связанных с походами Владимира Мономаха и Ярополка против половцев (они, как и печенеги-кангары, очевидно, были славяноязычными, а не ираноязычными, – П.Д.)» (Олег Бубенок, «Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI – XIV вв.)», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Potomky_sarmatov_v_stepiakh_Vostochnoi_Evrop_VIXIV_vv.pdf);

«Император Константин отмечает, что крепости стояли пустыми, то есть печенеги занимали их в случае военной необходимости. В мирное время они кочевали в степях Причерноморья, то есть вели образ жизни, подобный аланам, своим предшественникам, еще раз подтвердив, что все арии имели единую культуру. Подтверждением индоевропейского происхождения печенегов являются и языковые свидетельства. Так, Константин перечисляет названия печенежских крепостей: Кракнаката, Салмаката, Сакаката, и Гиеуката. Обращаем внимание на слово «ката». На северо-западе Индии, в Раджастане, «стране царей», есть город «Кота» – в переводе обозначает «Крепость». Кстати в этом городе и до сих пор вздымаются величественные крепостные стены. На санскрите «кота» – укрепление, не мудрено, что это слово входит в название всех крепостей. В Индии также множество крепостей, имеющих в названии слово «кот»: Даркот, Патханкот, Шоркот, Аккалькот, Нагаркот...» (Николай Посевин, «Сага о казаках – 2 // Печенеги и половцы – дикие кочевники или благородные воины?», https://hystory.mediasole.ru/saga_o_kazakah_2);

«Летописным подтверждением европеоидности причерноморских печенегов является рассказ из Повести временных лет об осаде Киева печенегами в 968г. когда некий киевлянин сумел выйти из Киева и вызвать подмогу, притворившись печенегом. Этот случай описывается следующим образом: «он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по печенежски, и его принимали за своего» [ПСРЛ. Т.1. Ленинград, 1926. Стлб. 66]. Безусловно данный рассказ предполагает, что внешним обликом киевлянин вполне мог сойти за печенега. В 970г. согласно сообщениям византийских историков Иоанна Скилицы и Льва Диакона печенеги участвуют в военном походе Руси на Византию. Скилица пишет, что войско Святослава состояло из трех этнических частей: русские + болгары, венгры и печенеги. Для печенегов этот поход закончился неудачей – в одном из боев под Аркадиополем византийцы заманили их в засаду и практически полностью уничтожили [Лев Диакон. История, Москва. 1988]... Кроме этого, Багрянородный сообщает, что крымские подданные Византии нанимают печенегов для выполнения поручений в Руси [Константин Багрянородный. Об управлении империей. Наука, Москва. 1991] (возможно, благодаря их славяноязычию, – П.Д.). Во второй половине X в. арабский путешественник Ибн-Хаукаль, характеризуя взаимоотношения Руси и печенегов, пишет, что печенеги являются боевым «острием» русов и их силой [В.В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. Москва, 1967]» (Владимир Луценко, «Печенеги», <http://vialut.livejournal.com/>, <https://freedocs.xyz/pdf-437333386>, <http://archive.li/UqL1X>);

«Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти (Явдиертим, – П.Д.), Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей // О народе пачинакитов», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text37.phtml?id=6396);

«Племя Иртим (в расширенном варианте – Иавдиертим) соответствует тюрк. «Йабды Эрдим» – «отличающееся заслугами»... Племя Ги́ла (расширенный вариант – Хавуксингила) соответствует тюрк. Кабукшин Йула – «йула цвета древесной коры» (где «йула» или «ги́ла», «дью́ла» у мадьяр, – должностное лицо с весьма высоким титулом; печен. «йула», тюрк. «улуг», каз. «үлкен», турец. «büyük» – большой от праслав. *velykъ; финик. «kamar» – тёмный; чечен. «комарийн» – малиновый; греч. «кафё», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена», укр. «кавовий» – коричневый; Кабукшин Йула – Коричневые Великаны / Кабары, – П.Д.)...» (Комментарий к: Константин Багрянородный, «Об управлении империей // О народе пачинакитов», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text37.phtml?id=6396);

«Следует полагать, что к таким «храбрейшим и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т. е. по берегам Днепра (округ Явдиертим соседит с областями, подвластными русам). ...обращает на себя внимание отождествление В.Н. Татищевым печенегов с сарматами «по обстоятельствам». Что здесь имел в виду автор: только ли кочевой образ жизни этих двух народов или, опираясь на какие-то, только ему известные источники, подразумевал этногенетическую связь печенегов с индоиранским миром (на самом деле, с балтославянским, – П.Д.)? Последнее представляет особый интерес, поскольку подобные предположения высказывались исследователями уже в наше время на основании более широкого круга данных лингвистических и антропологических...» (Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, «Огузы и печенеги в Евразийских степях», <http://www.istmira.com/istdr/oguzy-i-pechenegi-v-v-evrazijskix-stepyax/page/8/>; <http://www.istmira.com/istdr/oguzy-i-pechenegi-v-v-evrazijskix-stepyax/page/12/>);

«Строго говоря, если верить Константину, народом, победившим мадьяр и заставившим часть их уйти на восток, были так называемые кангары, самое храброе из племен печенегов. Грегуар идентифицировал кангаров с хазарскими племенами, называемыми кабарам, приводя правдоподобные причины этого парадокса. Возможно, тогда после поражения кабарам около 760 года саварты-асфалы пошли к Персии? Хочется думать, что «мятежные действия» (апостасия) кабаров, которые заставили их уйти из Хазарии, как утверждает Константин, имели какую-то связь с обращением хазарской верхушки в иудаизм около 740 года» (Дуглас Данлоп, «История хазар-иудеев. Религия высших кланов», <http://www.hagahan-lib.ru/library/istoriya-hazar-iudeev-religiya-visshih-klanov8.html>, <https://history.wikireading.ru/409301>; <http://testlib.meta.ua/book/244010/read/>);

«В персидском географическом трактате «Худуд Аль-Алем» («Граница мира»), написанном неизвестным автором в X в., говорится о двух ветвях баджнаков – тюркской и казарской (причерноморские печенеги – кангары, являвшиеся частью славяноязычных карахазар и родственные торкам, берендеям, касогам и др. казарским чёрным клобукам, – П.Д.). Казарские кангары кочевали в междуречье рек Тен и Кубан, в степях Северного Кавказа, а тюркские – в долине Едилы и в Западном Казахстане. В X в. западно-кангарские объединения распространяют власть на все Северное Причерноморье, вытеснив мадиаров и казар. Это движение было возглавлено ханами Коркутом, Кайлы и Байша, объединившими наиболее сильные кангарские племена. К Xв. кангарский союз разделяется на восемь объединений, в каждое из которых входило по пять племен. Централизованная власть отсутствовала, а общие решения принимались на съездах знати. Во главе объединений стояли ханы, власть наследовалась по удельно-лестничной системе. С начала X в. кангарский союз стал активно действовать на мировой арене. В 915 г. кангары впервые появляются на Руси, а в 944 г. совершают совместный поход на Византию. В 965г. в союзе с князем Святославом они (кангары и родственные им гузы торки, – П.Д.) разрушают остатки Казарского ханства, а через три года начинают войну со своими бывшими союзниками. В 917 г. князь Святослав был убит, из его черепа хан Бори-Коркут сделал чашу для питья. Война с Русью продолжалась еще на протяжении 60 лет, пока в 1036 г. кангары не потерпели тяжелое поражение под Киевом...» (Кузембайулы Аманжол, Абиль Еркин, «История Казахстана // Западно-кангарский союз», <http://library.psu.kz/fulltext/buuk/a58.pdf>; <https://history-of-kazakhstan.blogspot.com/2014/04/Gosudarstva-rannego-srednevekovja.html>);

«Вторая ветвь печенегов, названная персидским Анонимом «хазарской», кочевала на землях, которые с востока окаймляли «Хазарские горы, с юга – аланы, с запада – море Gurz, а с севера – мирваты». Как видим, это слишком неопределенные данные. Единственно ясный ориентир – это аланы, обитавшие в предгорьях Кавказа. Море, – видимо, Азовское (и часть Черного), а горы – холмы, тянувшиеся вдоль Кума-Манычской впадины. Кого называл Аноним мирватами (нирватами = нартами? – П.Д.) остается невыясненным. Тем не менее примерное местоположение хазарских печенегов – это степное междуречье Нижнего Дона и Кубани. Археологические исследования ряда приморских поселений свидетельствуют о гибели многих из них, в частности такого большого города, как Фанагория, в конце IX – начала X в. <...> Впервые русские воины столкнулись с печенегами в 915 г., когда «приидоша печенежи первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю»: расселяясь по степи, захватывая степные просторы, печенеги попытались освоить и лесостепные области. Натолкнувшись на сопротивление, они – для обеспечения себе спокойного тыла – заключили мир с Русью и откочевали к границам Болгарии и Венгрии...» (Светлана Плетнева, «Печенеги // Откуда пошли печенеги», http://www.upelsinka.com/Russian/religion_pecheneg.htm);

«Китайские наблюдатели постоянно замечали, что обычаи и одежда кангюйцев (кангаров, – П.Д.) не отличаются от сармат и алан. В источниках кангюйцы рассматриваются как кочевой народ, но вместе с тем упоминается наличие в их стране городов. Говоря об

Яньцай, китайская история эпохи младших Хань сообщает, что «народ живет внутри глиняных стен». Это служит косвенным указанием на то, что и на территории Кангюя, образ жизни жителей которого был похож на Яньцай, так же имелись оседлые поселения. М.И. Филанович отметила возможную правоту Б.А. Литвинского, отождествлявшего Яньцай (в будущем Аланья) с Приаральем, предположив, что ему может соответствовать район Джетыясаров с его «глиняными стенами», то есть, мощным крепостным строительством. Анализируя китайские источники, Л.А. Боровкова привела сведения, свидетельствующие о падении былого могущества государства Кангюй к III – IV вв. н.э. Особенно интересно, с ее точки зрения, указание на то, что в это время кангюйцы по облику, обычаям и одежде были подобны даваньцам, жителям государства Давань (сербохорв. «даван», словен. «dávən» – «давний, древний, очень старый»; вянуть = стареть, – П.Д.), занимавшего центральную и восточную часть Ферганской долины. Даваньцы, по сообщению в «Ши цзи», повторенном в «Хань шу», были европеоидами, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Следовательно, и канцзюйцы были европеоидами. Во II – I вв. до н.э. они были кочевникам, а к IV в. н.э. перешли на оседлый образ жизни, но, судя по описанию, занимались отгонным животноводством. Племена, исконно обитавшие на территории Кангюя, участвовали в этногенезе и формировании алан. С точки зрения некоторых исследователей, именно Кангюй явился колыбелью народа, более тысячелетия существовавшего под именем «аланы». Сложение в низовьях Сырдарьи сармато-аланской этнокультурной общности положило начало распространению ее в Закаспии, Северном Кавказе и оседанию сарматских групп на окраинных территориях Хорезма, в Приаралье, северных районах бухарского и самаркандского Согда, о чем свидетельствуют материалы изучения могильников на границах Хорезма, Заузбойского плато, Бухарского и Самаркандского оазисов» (Г.А. Терновая, «К истории сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана в конце III – IV вв. (по материалам археологии)», <http://www.iie.kz/wp-content/uploads/2014/02/2013262.pdf>; <https://e-history.kz/media/upload/1466/2015/02/24/fa76589d8108552c56e14a655ade7b57.pdf>; <https://e-history.kz/ru/books/library/view/1420>);

«Уже в ранний период своей истории, со II в. до н.э., Кангюй, согласно источнику, «имел под собой» пять малых владений. По всей видимости, они были подчиненными членами конфедерации и представляли оседлую часть его состава. Это Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь... Указанные области были населены оседлыми земледельцами, которые издревле возделывали свои поля на основе искусственного орошения и занимались отгонным скотоводством. Здесь существовали ранние города, развивалось городское ремесло, письменность, а правители чеканили местную монету. В таких областях, как Хорезм, Бухарский Согд, Чач у власти стояли династии также кочевнического (сарматского) происхождения. Тамги (их династийные знаки) сходны между собой и относятся к единой родственной группе знаков, происхождение которой связывают с тамгой самого правителя Кангюя. Таким образом, правители этих трех владений, очевидно, имели отношение к кангюйскому правящему дому. Удельные правители Ги, Сусе и Фуму Самаркандского Согда напротив происходили из юечжей дома Джаову (Чжаову, – П.Д.)...» («Эпоха Кангюй», <http://j-times.ru/arxeologiya/epoxa-kangyuj.html>; <http://oxus-hotel.com/history/gosudarstvo>

kangiuy/343-antichnyj-period-v-razvitii-gosudarstvennosti.html);

«Политическое возвышение Самарканда, по-видимому, было связано с теми успехами согдийской торговли и культуры, о которых свидетельствуют как письменные известия, греческие, китайские и арабские, так и археологические находки. Первые известия о согдийцах как главных посредниках в сухопутной торговле между Китаем и Передней Азией принадлежат грекам. Говорится о попытках согдийцев, тотчас после перехода их области из-под власти эфталитов под власть турок (победа турок над эфталитами была одержана между 563 и 567 гг.), найти рынок для сбыта китайского шелка, сначала в Персии, потом, после неудачи этой попытки, в Византии. По-видимому, это были первые попытки согдийцев завязать торговые сношения с западными странами; для них было новостью, что как в Персии, так и в Византии в то время было уже собственное шелководство. Согдийские купцы вместе с турецкими послами были в Константинополе в конце 567 г.; ответное византийское посольство проехало, между прочим, через область согдийцев» (Василий Бартольд, «Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана», <http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=83>).

И, конечно же, вполне возможно, что чалдоны (паджо = баджанаки / кангюйцы) – это остатки как не иранизированных, так и не тюркизированных позже славяноязычных племен, родственных не только славяноязычным баджанакам (канглам, печенегам), но и балто-славяноязычным предкам таджиков (тадзанс = вэньоуто – венетам). Ведь язык таджиков является вовсе не восточно-, а западноиранским наречием и, очевидно, был навязан им вместе с Кораном пришедшими в Согд с арабами западными иранцами и хорасанцами. А так как иранские наречия не были родными для их брахикранных предков согдов, то многие из таджиков (сартов / сортов / *сорбов = сербов) и перешли, в конце концов, от них на тюркские наречия новых пришлых завоевателей:

«В последнем случае мы находим любопытное подтверждение не раз отмечавшимся указаниям, что раньше, в старом употреблении, слово «сарт» обозначало население, говорившее на таджикском языке и, видимо, скорее таджиков горожан, равнинных таджиков... Очень любопытным отзвуком старого обозначения слова «сарт» является, возможно, также то обстоятельство, что население верховьев р. Пяндж, т.-е. шугнанцы, рушанины, ваханины и др., до сих пор еще между собою, как любезно сообщил мне А.М. Дьяков, говоря о населении равнин Туркестана, обозначают словом «сарт» безразлично, как равнинных таджиков, так и «сортов» (сорбов, – П.Д.), т.-е. таджиков отуреченных. Живущих же рядом с ними узбеков верхне-пянджцы отделяют и называют «юзбак», т.-е. узбек... Этим объясняется, почему «сарты», по существу иранцы (таджики), в тех случаях, когда потом подверглись главным образом в отношении языка ассимилированию с завоевателями, приняли их тюркский язык (отступив и в нем от тюркской гармонии гласных и сохранив в значительной, степени свою иранскую фонетику, как выяснено Е.Д. Поливановым), сохранили свое племенное название. Так как численно масса таких; изменившихся в

отношении языка равнинных сартов (таджиков в основе) была велика и в Хиве, и в Сыр-Дарьинской обл., и в Фергане, – то, в конце концов, их наречие стало, пониматься, как тюркское, а сами они, как народ, говорящий на «данном тюркском наречии...» (С. Бобомуллоев, «М.С. Андреев о таджиках (к вопросу об этногенезе)», <http://archive.is/Sx6ok>; <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1350544740>);

«Сарты менее подходили для статуса новой «социалистической нации», поскольку, несмотря на свой относительно высокий культурный уровень, в гораздо меньшей степени, чем узбекские племена, обладали тем, что можно было бы назвать символическим капиталом. Ассоциируясь с таджикским населением, сарты вполне справедливо воспринимались как принадлежащие к числу покоренных тюркскими племенами народов. По свидетельству Абу-л Гази, в Хорезме в конце XVII в. сарты составляли слой райат (подданные), а узбеки – сипах (военное сословие), т. е. вторые стояли на ступень выше, по сравнению с первыми, в социально-политической иерархии. В багаже узбеков было больше национально-исторических символов их былой славы и величия, воплощенных, к примеру, в дастане Мухаммада Солиха «Шейбанинаме». Сарты, напротив, не могли соотнести себя в прошлом ни с Шейбанидами, ни с Тимуридами. Таким образом, они оказывались без национальных святынь, без предметов национальной гордости и как бы вне истории вообще. Как мы видим, наличие символического капитала у даштикипчакских узбеков и чагатайских тюрков создавало более благоприятные условия для формирования именно узбекской идентичности» (Алишер Ильхамов, «Археология узбекской идентичности...», ч. 1 «Исходные этноисторические предпосылки формирования современных узбеков», http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2005/no1/2005_1_II%27khamov_Archeology.pdf; <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1144305600>).

Имеется большое множество славяно-таджикских лексических изоглосс (схождений):

«аз», «ман» – «я, меня» (др.-блр. «азъ», др.-киев. «язь»; др.-инд. «máma», авест. «mana»);

«ту» – ты;

«мо» – мы;

«онхо» – они;

«ду» – два;

«чахор» – четыре;

«хафтум» – седьмой;

«шаш» – шесть;

«сад» – сто;

«саддона» – сотня;

«нав» – новый;

«бурхо» – бурый;

«зӯр» – сильный (др.-киев. «зълъ»);

«модар» – мать (укр. «матір»);

«зода» – «чадо, дитя»;

«бародар» – брат;
 «духтар» – дочь (ст.-слав. «дѣшти», род. п. «дѣштере», лит. «duktė», род. п. «duktė̃s»);
 «гов» – корова (ст.-слав. «говѣждь», болг. «говѣдо» – «крупный рогатый скот»);
 «букка» – бык;
 «хурӯс» – петух (укр. «кур», ст.-слав. «коурь»);
 «қоз / ғоз» – гусь (словен. «gôš»);
 «муши» – мышь;
 «муши паррон» – «летучая мышь» (парящая в воздухе мышь; ст.-киев. «парити» – лететь);
 «паридан» – летать (ст.-киев. «парити» – лететь);
 «мис» – медь (укр. «мідь»; н.-луж. «měž» – латунь);
 «чӯян» – чугу́н;
 «зар» – золото;
 «шараф» – слава;
 «шаън» – «уважение, честь, достоинство, сан» (укр. «шана» – уважение, «сан»);
 «ғурур» – «гордость, высокомерие, заносчивость, надменность»;
 «тепа» – «холм, возвышенность, вершина» (старославян. «тѣма» – «темя, макушка», родственно «тѣме» – темноте; праслав. *тъма родственно лтш. «tīma» – темнота, лит. «tamsà», др.-инд. «tāmas», авест. «təmah-» – мрак, др.-ирл. «temel» – темнота);
 «кулла» – вершина (лит. «gurgas» – гора; укр. «горній» – верхний, «горище» – чердак;
 «голова» – «верхняя часть тела»);
 «кура» – шар (укр. «куля»);
 «кунч» – угол (ассоц. с «конец»);
 «замин» – земля (ст.-слав. «земьнь»);
 «хушкй» – суша;
 «сохил» – берег (укр. «схил» – склон);
 «ьярй» – «яр, овраг, ущелье» (укр. «яр», «яруга»);
 «ситора» – звезда (укр. «зірка»; «здріти» – присматриваться, «заздрити» – завидовать;
 ст.-укр. «здрик» – зрение, «здрячий» – зрячий);
 «зимистон» – зима;
 «барф» – снег (хинди «barpha», алб. «borë»; ассоц. с «пороша», «парша», «порох», с укр. «борошно» – мука);
 «бӯронй» – бурный;
 «бӯрои» – буря;
 «бӯрон» – буран;
 «туман, низм» – туман (ассоц. с «низ», «низменный» – «пар, стелящийся в низинах»);
 «буғ / бухор» – пар (ассоц. с «пух» и с беларус. «пах», чеш. «pach» – запах);
 «гарм» – жар;
 «рох / *де рох» – дорога (панджаби «Dē rāha» – «путь, дорога», панджаби «Ṭaraika», англ. «track» – «трек, тракт, тропа»);
 «дарозй» – длина (ассоц. с «долгий», «дорога»);
 «калон» – большой (болг. «голям», сербохорв. «голем», чеш. «holemý» в отличие от

перс. «bзrg», «zyady», «wsy»);

«холї» – пустой (ассоц. с «голый», «холостой»);

«берунї» – внешний (укр. «поля», болг. «поли», серб. «наполье», хинди «rāga», греч.

«πέραν» – «вне, за пределами»; лит. «brylius» – «поля шляпы», «paraštė» – «поля страницы»;

англ. «bare», укр. «порожній», русск. «полюй», эст. «paljas» – пустой);

«гӯш» – «ухо, ушной» (н.-луж. «huchо» – ухо);

«абрӯ» – бровь (сербохорв. «обрва», словен. «obr̂v», слвц. «obrв»);

«гуррї» – шишка (укр. «гуля»);

«олат» – орудие (словен. «ogōd», «ogōdje»);

«дафтар» – тетрадь (стар. «татрадъ», ср.-греч. «тетράδι(ov)»);

«хӯчаин» – хозяин (от укр. «хазяїн», «хата» – дом);

«гурӯх» – группа (укр. «гурт»);

«хӯроқї» – пища (укр. «харчі», арм. «kerakur»);

«растанї» – растение;

«дарахт» – дерево (укр. «дрюк», «дрючок» – «палка, дубина»; др.-инд. «dāru», «dru» – дерево [материал]);

«чӯбин» – деревянный (ассоц. с «дубина», «чурбан»);

«шох» – ветка (словен. «sok» – сук);

«ревоч» – ремень;

«ғалоғула» – говор (стар. «глаголить» – говорить);

«гуфтугӯ» – разговаривать, говорить (стар. «гутарить», «гуторить»);

«хӯрдан» – пить (кирять; блр. «керіць» – «кутить, пить»; польск. «kirzyc» – «пить, мочиться», лит. «gerti» – пить).

В славянских языках при образовании существительных от глаголов звук «т», как правило, преобразуется в звук «ч». Это же имеет место и при образовании существительных, обозначающих деятельность или же профессию: русск. «ткач, врач, скрипач, палач», укр. «сіяч, орач, копач, поливач, збирач, прибирач, наглядяч, випробувач, винищувач, видобувач, викладач, тлумач, сурмач», болг. «ковач, водач». Последний слог «чи», присутствующий во множественном числе этих таджикских существительных, был заимствован из праславянского языка для образования существительных, обозначающих деятеля или название профессии, не только праторским, но и таджикским языком: «колхозчи» – колхозник, «тракторчи» – тракторист. Таджикский вспомогательный глагол «кардан», означающий «делать», возможно родственен славянскому префиксу «ку», означающему «делать чем-либо» или же «производить что-либо»: «кудесничать», «кудлатить»; «кумекать», «куелдить», «кубритать», «кулепетить», «кулупнуть», «кунежиться», «купаться», «кувыркаться», «кутать», «кукутывать», «закупорить», «откупорить»; укр. «кувати», «кукобити», «куняти».

Прабалто-славянскими могут быть многие гидронимы и топонимы, как Таджикистана, так и всей Средней Азии:

оз. Балхаш (лит. «bala» – болото; польск. диал. «batka» – «маленькое озеро»; укр. «бáлице» – «место, где прежде была низина», – Фасмер);

оз. Челкар (Шалкар) – тюрк. «простор» (в.-луж. «šěŕ», н.-луж. «šyŕ», полаб. «sar», укр.

«шир», «широчінь» – «ширь, простор»; укр. «широка» – широкая);

р. Зеравшан (шугн. «zīraw» – «горный поток»; в.-луж. «žogto», укр. «джерело» – источник; словен. «žleb», др.-чеш. «žleb», словц. «žl'ab», «žleb», польск. «złób» – желоб; польск. «zógaw», в.-луж. «žeraw», «žogaw», н.-луж. «žogawa» – журавль);

р. Матча – верхнее течение р. Зеравшан (матица, матка – «источник чему-либо, место рождения», – Даль);

р. Язгулём – «очень (крайне) сильный», «более большой», «большое мелководье» (лит. «ežė», диал. «ažià», праслав. *jěžь – «межа, край, граница, грядка, мелководье в заливе у берега»; лтш. «eža» – «грядка, межа», др.-прусс. «asy» – межа; сербохорв. «joш», словац. «vías» – более; сербохорв. «jako», укр. «дуже» – очень; «аж» – «усилительная частица»; болг. «голям», сербохорв. «голем», чеш. «holemý» – большой; лит. «galià» – «сила, мощность»);

р. Гунт – шумная (лит. «gandai» – «гудение, шум»; праслав. *gound-, укр. «гунути» – «загудеть, крикнуть»; укр. «гукнути» – «крикнуть, позвать»; укр. «гунати» – «откликаться эхом»);

р. Теджен (др.-иран. «Таçани») – речная система стариц и каналов (лит. «tekėjimas», лтш. «tecējums», укр. «течія» – течение; укр. «дідуган» – «старый дед, старик»);

р. Нура (польск. «nurt» – течение, укр. «нурт» – омут; укр. «нурити» – нырять; лит. «nogas» – «стремление, желание»; праслав. *nogъ – норы);

рр. Или, Иргиз, Иртыш (ил, илистый; иловай – «низина, топь»; словц. «il», польск. «ił» – глина; лтш. «īls» – «очень темный»);

р. Ишим (лтш. «zems» – «низкий, низменный»);

р. Обь, укр. р. Соб (лтш. «ure», лит. «urė», др.-прусс. «are» – река; перс. «аб» – вода);

р. Сват – священная (святая);

р. Мургаб (Маргав), как и европ. рр. Муреш (Марис), Мулянка, Самур и Самара – «мутная, грязная» (укр. «мул» – ил, грязь; укр. «мурий» – темно-серый, серо-бурый; праслав. «смурь», укр. «смурий» – «мутный, хмурый, мрачный, темный»; марать – пачкать; замарать – запачкать; замарашка – грязнуля; разг.-сниж. «замурзанный» – «грязный, неопрятный»);

р. Харнаб – горная река (вода);

рр. Калгуты, Кальджир, укр. р. Калка / Кала (хинди «kālā» – чёрный; укр. «каламутна» – «мутная, непрозрачная»);

рр. Курчум, Куршаб; укр. р. Корсак (лит. «kartus» – горький; лат. «curtus», нем. «kurz», цслав. «кратъкъ» – «короткий, куцый»; др.-прусс. «are» – река; река курдов или куршей?);

Пенджаб – пятиречье (др.-прусс. «are» – река);

р. Атрек – «отрекшийся, отдалившийся [от моря]» (отрок – «подросток, способный уже отречься от опеки родителей»; абрек – «человек, обрекший себя на изгнание»; укр. «обрій» – горизонт; опричный – «посторонний, отдельный»);

р. Сумбар – бурный приток р. Атрек (сумбур – «хаос, беспорядок, замешательство»; литовский бог урожая и пива Самбарис);

рр. Узбой, Супой (укр.) – «заболоченная пойма или же высохшие обочины (укр. «узбіччя») ручья, или же цепи озерец» (лит. «uz» – «вне, вместо»);

рр. Окс (Амударья), Вахш – «текущие с вершин / золотистые» (лтш. «augšā» – верх / лит. «auksas» – золото);

р. Яксарт (Сырдарья) – «очень золотистый» (сербохорв. «јако» – очень; укр. «як зол[о]т[о]») – «как золото» или «как сард[оникс] – сердолик» оранжево-красная вода);

рр. Бартанг, Прут (укр.) – «борзая, быстрая» (сербохорв. «брздица» – «горный поток, стремнина»; польск. «bardzo» – очень; лит. «burzdūs» – «подвижный, живой»; блр. «борздо» – быстро; старослав. «прждьнь», укр. «прудкий» – быстрый; укр. «брудний» – грязный);

р. Кудара – правый исток Бартанга (словно свисающая кудря);

р. Памир (укр. «помірний» – «умеренный, слабый, тихий»);

р. Горган – горная (укр. «горган» – «верховина, вершина, хребет»; укр. «горголя» – «очень высокий [длинноногий] человек, верховина»; беларус. «гаргара» – «большой громоздкий предмет»; лит., лтш. «garkājains» – длинноногий);

Гиркания (Горган) – горная местность на севере Ирана (укр. «гірська» – горная; «гірник» – «горняк, шахтёр»; лит. «gugas», санскр. «giris» – гора; лит. «gerklė», праслав. «къгк», серб. «гркљан» – горло, гирло);

Бадахшан – Верховье Вахша / *Вокса (греч. «Окса») (ср. укр. «баділля» – «ботва, верхушки растения»; польск. «biodro» – «бедро, верхняя часть ноги»; тадж. «падар», исп. «padre», укр. «батько» – «отец, глава семьи»; укр. «бадьорий» – «бодрый, то есть находящийся в превосходном состоянии с «приподнятым» настроением»);

Копет-даг – «скопление вершин или гор» (лит. «kāra», «kāre» – «дюна; длинная, возвышенная гряда», – Фасмер; лит. «kaupiti» – «накапливать, копить»; укр. «копа», «копиця» – копна; словац. «кора» – куча; лит. «stogas», укр. «дах» – «кровля, крыша»; нем. «dach» – «верх, крыша»; турец. «dağ» – «гора, обитель духов»; лит. «būstas», укр. «будинок» – дом; лат. «habitatio» – «обитель, жилище»; ст.-слав. «доухъ» – дух);

Паркана (Фергана) – «верховина, огражденная [горами]» (и.-е. *b^herǵ^h – высокий; берег – «возвышение над водой»; нем. «berg» – «вершина, гора»; древнеинд. Paṛjñya-, хеттск. Piḡna-, лит. Perkunas, слав. Перунь – «верховное божество»; укр. «баркан», «паркан» – «высокое ограждение, забор»);

Лона (Полона) – «др. госуд. в Ферганской долине» (лоно; полонина – «горная долина»; Полония = Польша; болг. «планина» – гора; укр. «полон» – «плен, добыча»);

Самарканд (Мараканда) – сумрачный (мрачная) (укр. р. Самара; укр. «морок» – «сумрак, мрак»; «мряка» – «морось, туман»; словен. «somrak», макед. «самрак» – сумерки; мара, марево – «густой туман, дымка»);

Бухара – «западная, багровая» (лит. «vakaḡ» – запад; лит. «vakarinis» – вечер; ст.-слав. «багърь» – «бурый, багряный, багровый, темно-красный»; словен. «бакра» и серб. «бакар» – медный; бугор).

3.17 Происхождение современных германцев

Генонимы славяноязычных античных германских племен красноречиво указывают на то, что потомки мигрировавших из Индии на север и северо-запад прабалто-славяноязычных ядавов (утиев) – кутии (гутии, гуды, гауты, готы) вполне могли участвовать в формировании протогермано-тюркских наречий, как на урало-алтайских этнических субстратах финно-угро-самодийских и сако-массагетских племен, так и на европейских этнических субстратах

кельтских, иллирийских и фракийских племён:

адутуки, юты (ассоц. с лат. «*atavus*» – предок; удм. «*адямиос*» – «старые люди»; тат. «*ўткән*» – прежний; норв., нидерл., нем. «*edel*», швед. «*ädel*», фриз. «*aadlike*», кар.-балк. «*özden / уздень*», чеш. «*ušlechtilý*», укр. «*шляхетний*» – благородный; кит. «*Jù, Jùdà*» – огромный; швед. «*jätte*» – великан; лит. «*juodas*» – чёрный; санскрит. «*ḥyotis*» – «свет, блеск»; азерб. «*üst*» – «верхний, вышестоящий»);

гутоны (ассоц. с панджаби «*gōtī*» – племя; эвенк. «*хутэ*» – потомок; сорани «*hoz*» – «племя, народ»; нидерл. «*gezin*», англ. «*house*» – семья; лат. «*gens*» – племя; и.-е. «*хот, хат, кот, кат*» – «жилище, дом, селение»; нидерл. «*hout*» – «дерево, древесный»; индонез. «*hutan*» – лес; санскр. «*jatu*», нем. «*kuti / Kitt*», англ. «*cudu / cud*» – «смола, гудрон»; кит. «*gǔdai*» – древность; кор. «*godae*» – древний; марийск. «*кадем годсо*» – «старинный, древний, незапамятный»; словен. «*gódan*» – «ранний, зрелый»; чеш. «*hodný*» – «пригодный, достойный, способный»; хотан. «*γutē*», чеш. «*hodně*» – очень; лит. «*gūdnas*» – истый; осет. «*кад*», англ. «*kudos*», лит. «*guōdas*», лтш. «*gūods*» – «честь, слава»; хинди «*ādara*», лтш. «*godu*», укр. «*гідність*» – честь; согд. **γut-* – расти; лит. «*kuodas*» – гребень; хинди «*сōṭī*» – «верхний, лучший»; нем. «*gut*» – хороший; яфет. «*khoda*», тат. «*хода*», шор. «*кудай*», туркм. «*hudaý*», каннада «*gāḍ*», англ. «*god*», нем. «*gott*» – «бог, всевышний»; укр. «*хуткий*» – «прыткий, ловкий, быстрый»; франц. «*hôte*» – «гость, чужак»; азерб. «*qoduq*» – жеребенок; индонез. «*kuda*» – лошадь; гуджар. «*ghōḍā*» – конный арм. «*hot*», исп. «*hato*», порт. «*gado*», нидерл. «*kudde*» – стадо; англ. «*cattle*», укр. «*худоба*» – скот; укр. «*готар*» – «межа, граница»);

гауты / геаты = гёты (франц. «*haut*» – «высокий, высший, верхний, верх, вершина»; англ. «*head*» – «верхушка, глава»; ассоц. с готск. «*gawi*», н-в-н. «*Gau*» – округа; итал. «*gota*» – щека; санскр., хинди, гуджар. «*gāti*» – «путь, движение»; лтш. «*gaita*», англ. «*gait*» – «движение, походка, темп»; англ. «*go*», лит. «*judesys*», лтш «*kustība*» – движение; хотан. «*gauda*» – «истощенный, слабый, высохший, увядший»; лит. «*gausus*» – «богатый, обильный, многочисленный»; лат. «*gaudio*» – радость; лит. «*kuodas*» – гребень; франц. «*côte*» – «ребро, берег, побережье», нидерл. «*goud*» – золотой; венг. «*göte*», бенг. «*gōdhā*» – тритон; англ. «*get*» – «владеть, обладать, добывать»);

квады (ассоц. с кит. «*gǔdai*» – древность; яван. «*jadul*», кор. «*godae*» – древний; удм. «*вадьла*» – «древний, старый, прежний»; марийск. «*кадем годсо*» – «старинный, древний»; др.-норв. «*kváða*» – смола);

хатты = гессы (ассоц. с «хат» – общим урало-алтае-дравидским словом, обозначающим «клан»; эвенк. «*хутэ*» – «потомок», «хатапты» – старинный, «кэтэ» – много; санскр. «*hataka*» – золото; «*Hataka*» – золотая страна, лучшая страна; индонез. «*atas*» – выше; греч. «*κάτω*» – ниже; хинди «*ghāṭī*» – долина; слвц., в.-луж. «*had*», ст.-слав. «*гадь*» – «гад, гадюка»; исл. «*ættr*», кит. «*jiāting*», каннада и гуджар. «*kuṭumba*» – семья; исл. «*andi*» – дух);

тевтоны (лат. «*ṭeutonī*»; ассоц. с лит. «*tauta*», гот. «*ṽiuda*», нем. «*leute*» – люди; «*тьюдь / чудь*» – чужаки);

батавы (каннада «*būdu*» – серый);

эвдосы (др.-греч. «*εὐδοξία*» – «доблесть, слава»; исл. «*heiðug*», швед. «*hedeg*» – честь).

Некоторые племена долихокранных пракедьтов, прафракийцев, праиллирийцев и других протогерманцев, возможно, сформировались ещё в глубокой древности и не только на праугро-самодийском, но и на дравидо-праюкагирском этническом субстрате под влиянием как этнического суперстрата брахикранных прабалтов (на просторах Азии), так и этнических адстратов хурритов, армян и иранцев (непосредственно в Северо-Западном Иране). Выходцами из Средней Азии и Северо-Западного Ирана, очевидно были не только германизовавшиеся в сармато-аланскую эпоху сако-массагетские и маскутские племена, но и родственные им бывшие финноязычные скифы [*с]катиары (скуды = скифы; англ. «cattle» – скот; укр. «скотарі» – скотоводы), будины (вудины; англ. «woody» – «лесные, древесные» = древяне), гелоны (англ. «hill» – «холм, возвышенность»; «hillman» – горец) и фиссагеты (рыбоды; англ. «fish», нем «fisch» – рыба), мигрировавшие в Европу гораздо раньше и обитавшие между западными финноязычными скифами (морисенами, агафирсами, коралами, бесами и др.) и балтоязычными савроматами (потомками аргиппеев и усуней гудами, судинами и другими будущими языгскими племенами):

«Таким образом, когда речь идет о вхождении в состав сформировавшегося этноса нового этнического компонента, довольно четко выделяемого, то можно, видимо, говорить с определенной долей условности о имеющем здесь место процессе этногенетического характера. Такого происхождения этнический компонент (он образовался в результате взаимодействия этноса с соседней этнической общностью либо в результате прямого (сплошного или несплошного) расселения на территории этноса группы иноэтнического населения) следует считать этнически адстратным. Под этническим адстратом мы понимаем местное или пришлое иноэтническое население, вошедшее в состав этноса после завершения его этногенеза, в отличие от этнического субстрата и этнического суперстрата, под которыми в этнографии подразумевается местное и пришлое население, при синтезе которого в процессе этногенеза и возникает новый этнос. В итоге понятие этнический адстрат относится не к периоду этногенеза, а к этнической истории в узком значении» (Н.А. Томилов «Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири)». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993, <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1030>, Глава 1 «Этническая история как научное направление», <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1040>);

«Греческий историк сообщает, что к северо-востоку от Скифии живет целый ряд других племен: за савроматами будины, за будинами «пустыня в семь дней пути», далее тиссагеты и иирки, а «выше», то есть севернее иирков, «...живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов (живших в Приазовье. – Э.Б.) и по этой причине прибывшие в эту страну». До сих пор историки помещали упомянутых «других скифов» в разные места, но всегда – в пределах степи или лесостепи, где, как полагали, только и могли жить скифы. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский решительно поломали эту привычную схему. Они обнаружили археологические следы скифов VII – VI веков до новой эры в сохранившихся до настоящего времени густых лесах близ слияния Волги и Ветлуги, на территории Марийской АССР, исконно считавшейся местом обитания угро-финских племен. В находящемся здесь Ахмыловском могильнике вместе с инвентарем местной ананьинской культуры найдены не только чисто скифские вещи, но и предметы северокавказской

(кобанской) и урартской культур. Соединение вещей таких культур может быть результатом только великих походов скифов на юг. Таким образом, упомянутые Геродотом «отложившиеся скифы» (возможно, тоже германизировавшиеся лишь позже кельты вудины – лесные, – П.Д.), уйдя с Переднего Востока, в Причерноморские степи не вернулись, а совершили колоссальный бросок на север и достигли Средней Волги. Здесь они довольно быстро приспособились к жизни в лесах...» (Э. Берзин, «Киммерийцы и скифы – старые загадки и новые открытия», <http://kladina.narod.ru/berzin/berzin.htm>);

«Люди, которые жили к востоку от Рейна и между долинами Майна на юге и Везера на севере, подвергались существенному влиянию кельтской культуры, хотя сами они кельтами не были. Но не были они – во время Цезаря и Тацита – и германцами. Их происхождение неясно; возможно, они представляли собой старые группы племен, которым удалось устоять перед движением на запад германской (сермендской / сарматской, – П.Д.) культуры в конце бронзового и начале железного века» (Малькольм Тодд, «Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура // Германцы и кельты», <http://historylib.org/historybooks/Drevnie-germantsy--Byt--religiya--kultura-/4>);

«Кроме слов общеиндоевропейской этимологии в словарном составе германских языков выделяется значительное количество слов, не выходящих за пределы германского ареала. Эти этимологические параллели восходят к общегерманскому (скандинавскому, – П.Д.) периоду и составляют общегерманский словарный фонд. Это наиболее устойчивый и вслед за общеиндоевропейскими словами – древнейший слой лексики в германских языках. По всей видимости, германцы не были исходными жителями Европы. На северо-востоке жили финны, эстонцы и другие неиндоевропейские племена, которые до сих пор обитают в этой части Европы. Эти местные племена – «мистические» жители северной Европы, которые не были ни кельтами, поскольку кельты обитали на юге, ни финнами, которые жили восточнее, населяли северную Европу до пришествия (славяноязычных античных, – П.Д.) германцев. Германцы покорили и ассимилировали эту культуру, но в германские языки (долихокранных потомков «мистических» жителей северной Европы, – П.Д.) проникло много лексем исходного языка, так называемый до-германский субстрат. Слова, входящие в этот субстрат, не встречаются ни в одном из индоевропейских языков. Существительные – названия частей тела: гот. «handus», да. «hand» – рука; да. «bān» – кость; – названия животных и растений: гот. «fugls», да. «fugol» – птица; да. «hors» – лошадь; гот. «kalbō», да. «sealf» – теленок; гот. «laufs», да. «lēaf» – лист... В целом общегерманская лексика составляет около 30% словарного состава германских языков. Слова общегерманского происхождения широко представлены в древнегерманских эпических произведениях, они составляют большой процент синонимов, которыми богаты эпические поэмы, написанные на германских языках. Так, из синонимов, обозначающих война, героя, море, меч, многие слова германского происхождения: да. «hæleþ, oretmescg, rinc, secg» – «воин, герой». Впоследствии эти имена выходят из употребления и исчезают из языка» (доктор филологических наук Наталия Дрожжих, «Лекции по германской филологии», <https://www.twirpx.com/file/508021/>);

«С роксолано-аорсской волной сарматского движения в Причерноморье появляются серебряные фалары «греко-бактрийского» стиля, разнесенные по степям, вероятно, участниками разрушения Греко-Бактрийского царства в 165 – 135 гг. до н.э... А некоторые изделия этого стиля зафиксированы в Западной Европе: диск из Хельдена в Голландии, клад с острова Сарк на Ла-Манше, находка в римском лагере Оберхаузен, существовавшем с 12 по 9 гг. до н.э. (сам диск, вероятно, изготовлен раньше). Особенно же близок «греко-бактрийским» изделиям диск с изображением митраистского быка, укрепленный на доньшке известного кельтского котла из Гундеструпа, считавшегося изготовленным где-то в кельто-дакийском пограничье, возможно, во время пребывания кимвров в землях скордисков... Все эти находки могут быть или свидетельством контактов участников походов кимвров и тевтонов с сарматами (возможно славянизировавшими и вытеснившими этих кельтов из Восточной Европы на запад, – П.Д.) в Причерноморье, или частью дипломатических даров Митридата Евпатора, пытавшегося завязать отношения с кимврами, галатами и скордисками [Justin, XXXVIII, 5-7] накануне последнего тура римско-понтийских войн 68 – 66 гг. до н.э» (М.Б. Щукин, В.Е. Еременко, «К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки», http://www.archaeology.ru/EREMENKO/kimbri/kim_index.html);

«В наблюдениях С. Файста особенно важно указание на кельтоязычие кимвров, поскольку область их расселения (Ютландия) непосредственно примыкает к предполагаемому району обитания варягов. В самом названии племени С. Файст усматривал отражение их кельтоязычия, и его оппоненты в передаче имени вынуждены признать «кельтское посредничество». Дело, однако, не только в посредничестве. Сходное наименование – «кимры» – является самоназванием значительной ветви кельтов, до сих пор сохраняющейся в Уэльсе и имевшей в древности гораздо большее распространение. Кельтскими оказываются все четыре известных имени вождей кимвров: Voiorix, Caesorix, Lugius, Claodicus. Плутарх рассказывает, как посланный во вражеский лагерь в качестве разведчика Серторий проник туда, «одевшись по-кельтски и усвоив наиболее ходовые выражения, необходимые, если придется поддерживать разговор». Для римлян, очевидно, не был проблемой язык пришельцев: на том же языке говорили их давние соседи – галлы и другие кельтские племена. Кимвры оказываются в фокусе и еще ряда примечательных сходжений. Древние авторы ведут их происхождение либо от смешения скифов и кельтов, либо от киммерийцев... В ирландских сагах упоминается о том, что их предки владели землями «Скифии» вплоть до Каспийского моря. Н.Я. Марр был убежден в большой близости языка кельтов и скифов (нефиннизировавшихся киммерийцев, – П.Д.). Возможно, речь должна идти лишь о части кельтов, соприкасавшейся с ираноязычным (на самом деле, финноязычным, – П.Д.) населением Причерноморья и Подунавья. ...в пользу кельтоязычия кимвров говорит ряд данных, в пользу же германоязычия таких данных нет. Примерно так же обстоит дело и с тевтонами, входившими вместе с кимврами в группу «ингевонов». В этнониме «тевтоны» ясно проступает кельтское «teute» – народ, люди. Кельтское божество Teutanus имело значение отца народа, племени. Явно кельтского происхождения имя предводителя тевтонов Teutoboduus. Очевидно, не случайно они вместе с кимврами и амбронами (кельтское происхождение последних вполне обоснованно) составляли

мобильный военный союз...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Во времена Цезаря самые передовые племена скифов (на самом деле вовсе не бледнолицых длихотканых скифов, а славяноязычных тёмно-красных и брахиканых сарматов, – П.Д.), или народа готов, были известны римлянам под именем германцев. Они заняли большую часть континента, за исключением Кимбрийского полуострова, достигли и даже пересекли Рейн. Спустя какое-то времени белги, одно из их племен, осели во Фландрии и части Франции; другое племя, вемое Ариовистом, предприняло попытку подобного поселения практически в центре Галлии. Это вторжение было предотвращено Цезарем» (Шэрон Тёрнер, «История англосаксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm#28);

«По реке Танаису, впадающей двумя устьями в море (живут) сарматы, по преданию, потомки мидян», – пишет Плиний. Более подробные сведения об этом дает Диодор: «Скифскими царями, говорит он, были переселены многие другие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии, в земле между Пафлегонией и Понтом (возможно, высокорослых предков царских и аристократических родов галлов и других кельтов, – П.Д), другое из мидян, основавшееся у реки Танаида: эти переселенцы (меоты, как и родственные им более поздние балтоязычные выходцы из Северного Китая, – П.Д) назвались савроматами. Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Помпий Мела отмечает сходство сарматов с парфянами по внешнему виду и оружию. Тацит также упоминает о развевающейся одежде сарматов и парфян. По-видимому, традиция об индийском (на самом же деле индобалтском и славянском, – П.Д.) происхождении сарматов получила широкое распространение в первые века нашей эры. О нем упоминает комментатор Плиния Гай Юлий Солин (IV в. н.э.)... «Имя скифов, говорит Плиний, повсюду переходит в имена сарматов и (их славяноязычных потомков, – П.Д.) германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны, и почти неизвестные простым смертным» (З.И. Ванеев, «К этногенезу сарматов», <http://osetins.com/2008/02/09/k-jetnogenezu-sarmatov.html>);

«Германцы, пестрая смесь различных племен, получили свое имя, значение которого так и остается неясным, благодаря римлянам, которые, в свою очередь, вероятно, взяли его из языка кельтов. В Европу германцы пришли из Центральной Азии и во втором тысячелетии до н.э. (на самом деле гораздо позже двумя волнами – сначала в составе кельтов и финноязычных скифов, а затем вместе с балто-славяноязычными сарматами и аланами, – П.Д.) расселились между Вислой и Эльбой, в Скандинавии, Ютландии и Нижней Саксонии. Они почти не занимались земледелием, а главным образом осуществляли военные походы и грабительские набеги, в ходе которых постепенно расселялись на все более обширных территориях» (Александр Патрушев, «Германская история», http://www.uhlib.ru/istorija/germanskaja_istorija/p2.php).

Очевидно, предки как долихокранных кельто-фракийцев (протогерманцев), так и брахикранных балтоязычных савроматов мигрировали в Европу из Центральной и Средней Азии несколькими волнами:

«Это был новый невидимый мир, о котором древние просвещенные народы ничего не знали и который, можно сказать, сам мало знал себя. Основу его составляло множество разных отраслей (преимущественно финноязычных, кельтоязычных, фракоязычных, балтоязычных, славяноязычных и тюркоязычных, – П.Д) германских племен, простиравшихся по всему западу. Берега Немецкого моря, Рейна и Дуная и вся середина Европы до Балтийского моря были заняты ими. Состояние их во время первого знакомства с ними римлян уже показывало давнюю оседлость в Европе и что переселение их совершилось в глубокой древности. Но что оно истекло из Азии, тому доказательством служит странное сходство некоторых коренных слов языка германского с персидским. Выбросила ли Азия в первоначальной древности за одним разом племена на юг, образовавшиеся среди гор в народ персидский, и на север, превратившиеся в лесах Европы в германцев, или позже тяжелое влияние парфян, ринувшихся из середины Азии, принесло в язык персидский множество слов, раздававшихся дотоле в неизмеримых степях ее и распространившихся уже и в Европе. Как бы то ни было, но первоначальное происхождение германцев было из Азии, и переселение их совершилось в отдаленные времена» (Николай Гоголь, «Арабески // О движении народов в конце V века», <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-115-.htm>);

«При сравнительном анализе таблиц германских и иранских языков было выявлено 253 германо-иранские изоглоссы (лексические схождения, – П.Д.). Эти изоглоссы с соответствиями для некоторых германских и иранских языков можно найти среди других восточноевропейских лексических соответствий. Из числа германо-иранских изоглосс немецкий язык имеет 95 соответствий хотя бы в одном из иранских языков, английский – 173 соответствия, а шведский – 193. Из иранских языков более всего германских соответствий имеет осетинский – 143. Далее идут курдский – 93 соответствия, пушту – 93 соответствия, персидский – 68, ягнобский – 67, талышский – 61. ...наиболее тесные языковые контакты были у предков осетин и северных германцев (очевидно, протогерманоязычных потомков тюркоязычных северокавказских маскутов, – П.Д.)» (Валентин Стецюк, «Германские племена в Восточной Европе в эпоху бронзы», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic.html>);

«подавляющее большинство языков германской группы хранит следы древнего счёта дюжинами: названия числа 11 не образованы в них по десятичному принципу «10+1», а представляют собой названия отдельного цифрового знака: например, «eleven» – в английском, «elf» – в немецком... Двенадцатеричная система в прошлом была распространена только в Междуречье – найдём ли мы там предков истинных германцев? Оказывается, их уже там находили! Открыватель шумерского языка Жюль Опперт считал племена загросских гутиев предками готов (кстати, готы называли себя гутами: gut-thiuda). В его время эта идея не получила поддержки. Сейчас, когда известно, что гутии в 1

тысячелетии до н.э. смешались с мидянами, а мидяне-арии оказались в числе кандидатов на звание германских гариев... Бехистунская надпись персидского царя Дария упоминает древнеперсидскую область Yautiya, которую ассоциируют с утиями (Οὐτίων) Геродота, обитавшими в юго-восточной части Иранского нагорья, – кандидатами на роль будущих ютов. На юге Швеции в средние века было известно племя гаутов (в шведской транскрипции – гётов). Напрашивается параллель фонетических соответствий: если «гауты» – это «гёты», то «яуты» – это «юты» (возможно, потомки славяноязычных юэжи / *утиев = утигуров или же протогерманоязычного племени утиев, обитавших ранее в древней армянской провинции Отена = Утик = Ути? Но врядли это потомки иудеев, мигрировавших из Армении в Ютландию вместе с германцами, хотя фин. «юталайнен» – иудеи, а Утика – город в Карфагене, – П.Д.)...» (Георгий Тележко, «О двойниках древних германцев», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/788615.html>);

«...– только германцы и персы имеют дентальные суффиксы для образования прошедшего времени глаголов; – германцы, будучи носителями «F-языков», обитали в отрыве от других носителей «F-языков», живших в Малой Азии и на Ближнем Востоке; – германцы в придаточных предложениях и в предложениях со сложными сказуемыми применяют порядок «субъект-объект-действие», типологически характерный для хеттского, латинского, армянского и индоиранских языков и не характерный для северных языков балтов и славян; – имеют «-n-» в одном из показателей множественного числа, как в персидском и семитских языках, при отсутствии этой особенности в других европейских языках; – имеют «-n-» в показателе инфинитива, как в хеттском, древнегреческом и персидском языках, при отсутствии этой особенности в других европейских языках. Перечисленные особенности, я бы сказал, соответствуют размещению предков германцев – то есть людей, говоривших на прагерманском языке (точнее, на протогерманских субстратных иранских наречиях, – П.Д.) – между персами и семитами. То есть там, где историки размещают германиев, ариев-мидян, утиев и гутиев – двойников собственно германцев-тунгров, гариев, ютов и готов (последние называли себя gut-thiuda, а свой язык – tugga [tuŋga])... Несмотря на дистанцию порядка полутора тысяч лет между памятниками хеттского языка и памятниками древнегерманских языков, фонетическая близость между словами базовой лексики этих языков оказалась большей, чем между словами кельтских и древнегерманских языков – современников и соседей в позднейшее время. Эта фонетическая игра очень ясно показывает, что предки германцев были в намного более тесных контактах с хеттами, нежели с носителями других языков. С другой стороны, вывод Вяч.Вс. Иванова о древней уникальной близости хеттского, праславянского, прабалтского и праармянского языков и вывод Ю.К. Кузьменко об отсутствии германо-славянских инноваций, которые не были одновременно и балтскими, говорят о том, что хетты в далёкой древности обитали между прабалто-славянами и прагерманцами (точнее, протогерманцами, – П.Д.), а на закате своей государственности жили в тесных контактах с древними греками, предками латинов, германцев и с митаннийскими ариями – носителями диалекта санскрита... Шерон Тёрнер в первой половине 19 века написал книгу «The History Of The Anglo – Saxons from the Earliest Period to the Norman Conquest», в которой он называет скифов предками англосаксов и

приводит, среди прочих обоснований таблицы слов, пришедших в английский язык из языков восточных. Я разделяю не все его предположения, но вышеприведённые результаты сравнения лексики древнегерманских, иранских и уральских языков заставляют считаться с мыслью о более восточном происхождении англосаксов, чем прочих германцев. Более высокая близость древнеанглийской лексики и талышской согласуется с длительным соседством (несколько сот лет) закавказских предков талышей – кадусиев, также возможных участников германогенеза (см. в главе 1 о хаттах) на территории Европы – с Сакасенной, страной скифов-саков в Закавказье» (Георгий Тележко, «Предки германцев и их соседей», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/815626.html?author>);

«Одним из недостаточно изученных древних племен, локализуемых древними писателями на территории Азербайджана, являются кадусии. Наиболее ранние сведения об этих племенах относятся к концу VI – нач. V века. Если опираться на представленные нам сведения, то согласно этим источникам, кадусии располагались южнее албан, по соседству с массагетами, гелами (гилами – возможными предками протогерманцев гелонов и иранизовавшихся гиланцев, – П.Д.), анариаками, киртриями, тапурами, мидийцами и матиенами [Strabo XI, 7:1; XI,8:8; XI,13:3; 29. с. 237, 299-303; 13. с. 86, 90, 97, 98, 104]. Упоминание древними писателями в соседстве с кадусиями такого большого количества племен позволяет судить, что они заселяли огромное пространство, точнее на востоке от Каспийского моря, на западе вплоть до матиенских земель, что располагалось на северо-западе Мидии. Так, судя по Страбону, в окружности моря за гирканами обитают амарды, анариака, кадусии, албаны, каспии и, быть может, до скифов другие народности... Кадусии граничат с мидийцами и матиенами у подошвы Парахоафы [Herod I, 72; III:94; V:49; VII, 72; Strabo XI, 8/8], что, по мнению исследователей, является горной цепью, смыкающийся с Малым Кавказом. Более конкретно, исследователи размещают кадусиев в долинах рек Карасу и Кызыл-Узен, к юго-востоку от нижнего течения реки Араз (Аракс) [25. с.32, 85, 225, 339; 28. с. 41]. Локализация же кадусиев на границе с Матиеной, видимо, и явилось причиной их упоминания в армянских источниках в форме Katişk... В четвертой книге Естественной истории Плиний подчеркивает, что кадусиев также именовали гелами (Gaeli quos graeci cadusios appelavere) [Plin. Historia Naturalis. IV, 48]. ...гелы и леги были племенами неарийского /неиранского/ происхождения.... Соседями кадусиев античные авторы называют персов, мидян, албан, каспиев, мардов, саков, тапуров, гиркан и др... Параллель же, проводимая античными писателями, кадусии-гелы/гелы-скифы позволяет поставить знак тождества между понятиями кадусии-скифы» (Алекпер Алекперов, «Кадусии – забытый древний народ Востока», <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1277064060>; <https://works.doklad.ru/view/4pFuS14XmXU.html>; <http://archive.li/kuNc>).

Длительное проживание некоторых протогерманских сако-массагетских племен в армянских провинциях Шакашен (Сакасена) и Ути (Утик), привело к существенному воздействию армянского языка на протогерманские («закон Гримма» и другие особенности):

«Само собой разумеется, при подобном постулировании исходного общеиндоевропейского консонантизма, смоделированного в основном по образцу

древнеиндийского, последний выступает как система, в которой исходный общеиндоевропейский консонантизм претерпел наименьшие преобразования. Незначительные преобразования допускаются при постулировании подобной общеиндоевропейской системы и для греческого и италийского (оглушение и спонтизация серии II индоевропейских смычных), славянских языков и кельтского (дезаспирация серии II индоевропейских смычных). Самые значительные фонемные преобразования реконструируются при постулировании подобной исходной индоевропейской системы для германских языков и армянского, в которых предполагается так называемое передвижение согласных, т.е. сдвиг каждой из трех серий общеиндоевропейской системы на один шаг, один фонемный признак: серия I (звонкие (b, d, g) передвигается в глухие (p, t, k); серия II (звонкие придыхательные bh, dh, gh) передвигается в звонкие чистые b, d, g; серия III (глухие) передвигается в глухие придыхательные ph, th, kh, давшие в дальнейшем спонты. Такое передвижение согласных в германских языках, известное в сравнительно-историческом языкознании под названием «закон Гримма», рассматривается традиционно как классический образец системных фонемных преобразований в языке и приводится обычно во всех учебных пособиях по лингвистике в качестве иллюстрации подобных преобразований... В новой интерпретации общеиндоевропейская система смычных оказывается более близкой к системам, традиционно определявшимся как системы с «передвижением согласных» (в германских, армянском, хеттском), тогда как системы, считавшиеся в отношении консонантизма близко стоявшими к общеиндоевропейской системе (и в первую очередь древнеиндийская) оказываются результатом сложных фонемных преобразований исходной языковой системы» (Т.В. Гамкрелидзе, «Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция» <http://www.philology.ru/linguistics1/gamkrelidze-88.htm>);

«Армянская система смычных наряду с германской наиболее близка к исходной индоевропейской системе» (Т. Гамкрелидзе, Вяч. Иванов, «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», том I, Изд. Тбилис. унив., 1984, с. 44-45; на самом деле не к праиндоевропейской, а к протогрузинской, – П.Д.); «То, что армянский язык сохранил многие элементы праиндоевропейского (возможно, лишь близкого к нему фригийского или даже протогермано-фракийского, – П.Д.) языка, позволяет сделать более эффективным сравнительные лингвистические исследования, особенно с современными германскими языками. В данной работе будет приведен сравнительный анализ ряда армянских и английских слов. Количество практически идентичных коренных индоевропейских слов в обоих языках очень много, их сотни. В рамках этого исследования будут рассмотрены около двухсот таких слов, наиболее часто употребляемых в повседневной жизни. ...как минимум, где-то 10–15% слов, используемых среднестатистическим армянином или англичанином практически идентичны. Если же к этому прибавить слова, ставшие ввиду глобализации и взаимопроникновения культур, обоюдно понятными, то количество общих слов еще более увеличится...» (Давид Бабаян, «Вопросы общих корней сквозь призму языкознания, археологии и мифологии на примере армянского, английского языков и карабахского

диалекта»);

«Ничто не заставляет предполагать, что особенности, характеризующие романские языки, ведут свое начало в большей своей части от самого момента проникновения латинского языка в область их нынешнего распространения. Не следует преувеличивать значения нынешнего распространения. Не следует преувеличивать значения этого типа изменений. Однако, по-видимому, этим можно объяснить некоторые значительные перемены в системе артикуляции, подобные германскому или армянскому передвижению согласных; не случайно армянская система смычных тождественна с системой смычных в грузинском языке, языке не индоевропейском» (В.А. Звегинцев, «История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях», гл. IX «Социологическое направление»,

http://sbiblio.com/biblio/archive/svegincev_ist/09.aspx);

«Слово «парс» («перс») благодаря арабской оккупации Персии в средние века приобрело звучание «фарс» из-за того, что в арабском нет фонемы «п». Возвращаясь к проблеме передвижения согласных в языках германской группы (а также фракийском, фригийском и армянском), мы можем больше не искать мифической народности в Европе, язык которой, будучи субстратным для германских, привел к превращению «р» в «f». Наиболее вероятным кандидатом, который мог бы так повлиять на перечисленные языки, является арабский язык (точнее один из родственных ему древнесемитских языков, – П.Д.), носители которого издревле находились в непосредственной близости от Анатолии» (Георгий Тележко, «О прабалтославянской экспансии», <http://www.proza.ru/2011/06/30/98>).

Как по частоте генов белков и ферментов крови, так и антропологически, и по своим внешним признакам долихокефальные северные германцы (шведы, норвежцы, а также саксонцы и другие потомки скифов будинов, гелонов и сако-массагетов) близки не только к талышам, и к западным курдам, но также и к потомкам смешанных финно-балтийских племён (беларусам, литовцам и латышам), и к потомкам как сибирских скифов (андроновцев), так и динлинов – финнам, готейским новгородским и российским тюркоязычным казакам (потомкам мишар / мещеряков, сако-массагетов и половцев), пуштунам, калашам и гуджарам:

«В соседние недавно разделившиеся субкластеры входят шведы, финны, эстонцы, талыши и беларусы. Талыши – это ираноязычный этнос Закавказья (иранизировавшиеся потомки финноязычных скифских племен, ставшие предками как сако-массагетов, так и некоторых современных долихокраних германцев, – П.Д.), изученный нами впервые в генетическом аспекте, его близость к северным европеоидам может указывать на пути миграции из Азии в Европу» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев», http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>);

«Будины (народ в Скифии) собственно вудины (англ. «wood» – лес) – один из перечисляемых Геродотом народов, населявших Скифию. Не совсем ясное известие Геродота об этом народе: «*ἔθνος ἑὸν μέγα καὶ πολλόν γλαυκόν τε παν ἰσχυρῶς ἐστὶ καὶ πυρρόν*» – «народ многолюдный, со светло-голубыми глазами и с рыжими волосами» (обычный перевод), или: «народ белокурый весь крепко и весноватый» (Сенковский), подало повод к разным толкованиям, по которым Б. оказывались то германцами, то славянами (точнее, финноязычными предками славянизировавшихся россиян, – П.Д.), то, наконец, финнами. Относительно географического приурочивания их существуют также разноречия: одни помещали Б. на восточном берегу Днепра; другие, более согласно с простым смыслом Геродотова известия, помещали их к СЗ от среднего течения Днепра, при чем принимали в расчет, согласно с известиями Геродота о других народах Скифии, положение земли Б. в противоположную сторону от Сарматии, простиравшейся к В от Дона; а, принимая во внимание, что меланхлены, названные, как говорит Геродот, по цвету их одеяния, не иной какой-нибудь народ, по соображениям и доводам Эйхвальда («Библия для Чт.», т. 27), как чернокафтанники-эсты и куры, необходимо искать землю Б. по соседству с этими финскими народцами. В земле Б. огромное и глубокое озеро и торговый город Гелон, жители которого «гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов (надо, конечно, подразумевать черноморские колонии) и поселившиеся среди Б. Одни из них говорят на скифском языке, другие на эллинском. Хотя Б. ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Будины (народ в Скифии)», <http://www.bibliotekar.ru/beb/241.htm>);

«69 [Будины – название племени, жившего к северу от р. Камы и до р. Вятки, на территории позднейших вотяков, зырян и др. I. Smirnoff, *Les populations Finnoises*, Paris, 1898, I, стр. 10 сл.]...» (В.В. Латышев, «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», <http://podelise.ru:81/docs/index-25367436-1.html?page=21>, <http://сyвары.рф/ru/node/801>).

Кельтоязычные или же кельтизировавшиеся финноязычные скифы – будины (а, возможно, и гелоны, и катиары, и авхаты), германизировавшиеся лишь значительно позже под влиянием балтоязычных савроматов и славяноязычных сарматов, были в древности изолированы, как от иранизировавшихся сакских племен (потомков прафиннов), так и от индо-фригийскоязычных царских скифов (паралатов) массивом избежавших иранизации финноязычных скифов. Поэтому-то в финских языках потомков скифов и имеется гораздо больше иранизмов, нежели в германских языках потомков фракийцев, иллирийцев, кельтов и других племен, предки которых ранее проживали изолированно от персов в горных районах Северо-Западного Ирана.

К тому же, если тёмно-краснокожие касситы (греч. «*καστανό*», итал. «*castano*», исп. «*castaño*» – «коричневый, бурый»; лат. «*castus*», франц. «*chaste*», швед. «*kysk*» – «непорочный, целомудренный»; тохар. А «*kutsi*», нем. «*keusch*», праслав. «*čistъ*» – «чист, чистый, непорочный»), как и большинство других индоевропейских племён, мигрировали из Индии в горные районы Западной Азии лишь заблаговременно до почти полного пересыхания реки Сарасвати (до 1800 г. до н.э.), то близкородственные им индоевропейцы

хетты (неситы), лувийцы (киликійцы, зелейские ликийцы), и кутии (гутии; хинди «gōtrā», панджаби «gōbī» – племя; хинди «jāti» – «народ, этнос, раса»), очевидно, мигрировали туда же намного раньше, а именно, – заблаговременно до полного пересыхания реки Дришадвати (до 2600 г. до н.э.):

«В историческую эпоху анатолийские языки распространены уже в пределах Малой Азии в центральных областях Анатолии. Такое расположение анатолийских диалектов в центральных областях Анатолии – результат движения носителей анатолийских диалектов с востока на запад. В начале исторического периода движение хеттов с востока на запад (а позднее с севера на юг) может быть предположено на основании хеттских исторических источников. Об этом свидетельствует привилегированное положение восточных городов в древнехеттской традиции. Определенные категории жителей таких городов, как Нерик, Аринна, Циппаланда, расположенных в восточной части Хеттского государства, были освобождены от повинностей. В том же смысле можно истолковать и хеттский миф о «Солнце, встающем из-за моря» (или «большого озера»). Согласно этому представлению, такое «море» или «большое озеро» должно было находиться к востоку от места первоначального расселения хеттов (и, возможно, племен, говоривших на общеанатолийском языке). Таким «морем» могло быть Каспийское море или одно из больших озер, в пределах северных областей Ближнего Востока. Нужно полагать, что в этих мифологических мотивах могут проявляться отдаленные реминисценции миграций анатолийских племен с востока на запад с первоначальных мест их расселения (очевидно, в Дилмуне – Индии вблизи Бенгальского залива, – П.Д.)» (Академик РАН Вячеслав Иванов, «Миграции индоевропейцев», <http://gordon0030.narod.ru/archive/17767/index.html?opr=1>);

«Каким образом хетты переместились из долины Инда в Анатолию? Никто, разумеется, не может этого знать точно, но имеются два важных обстоятельства. Одно заключается в том, что хетты пользуются словами, заимствованными из шумерского языка, и это дает основания предположить, что они прежде останавливались в Месопотамии. Другое обстоятельство состоит в том, что у хеттов были связи с богиней Инанной – об этом свидетельствуют древние традиции анатолийских хеттов. У Инанны было два главных города в Месопотамии, которые, вероятно, имели хеттское происхождение. Один из этих городов – Урук, другой – Адад, и оба они были основаны до того, как хетты впервые осели в Канаше, в Анатолии, приблизительно в 2300 году до РХ. Урук, по-видимому, имел самые тесные связи с цивилизацией Инда, и отсюда возникает возможность, что хетты пришли из какой-то индоевропейской колонии, которая была создана, чтобы преодолеть лингвистические трудности в индо-шумерской торговле сельскохозяйственными товарами. Другая возможность состоит в том, что хетты были оставшимися в живых жителями Агада – города Инанны, который боги стерли с лица земли в 2250 году до РХ. Присутствие индоевропейцев-хеттов в Агаде, возможно, было связано с катастрофическим затоплением порта Лотал на Инде, что произошло вскоре после возвышения Агада как новой державы, примерно в 2400 году до РХ...» (Элфорд Алан, «Боги нового тысячелетия // Происхождение хеттов, хурритов и индоевропейцев», http://www.e-reading.club/chapter.php/90875/169/Elford_-_Bogi_novogo_tysyacheletiya.html);

«ГУТИИ (кутии, гутеи), полукочевые племена, в 3–2-м тыс. до н.э. обитавшие на западе современного Иранского нагорья. Ок. 2200 до н.э. разгромили Аккад. В 1-м тыс. до н.э. жители Месопотамии называли гутиями разные народы, жившие к северу и востоку от них» (БЭС, <http://www.vedu.ru/bigencdic/17059/>);

«Ригведа описывает сеть рек, которая существовала в северной Индии до 1900 годов до н.э. (в случае р. Сарасвати) и до 2600 годов до н.э. (в случае р. Дришадвати). В ведической литературе описывается миграция населения с Сарасвати (Ригведа) на Ганг (Брахманы и Пураны), что подтверждается также археологическими находками...» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>);

«Брахмаварта (санскр. – страна Брахмы) – название в Др. Индии области между рр. Сарасвати и Дришадвати (к В. от р. Сатледж), впоследствии высохшими. В представлении древних индусов Б. была «священной землей», где некогда жило племя бхаратов и складывались священные тексты Вед» («Энциклопедиум», <https://slovar.wikireading.ru/1098570>; http://enc.biblioclub.ru/termin/1498760_Brahmavarta);

«Мы имеем три стадии состояния реки Сарасвати: полноводная от гор до океана (Ригведа), начинающая пересыхать и разделяться на затоны и озёра (переосмысление Сарасвати «Многоводной» в Сарасвати «Многопрудную / Многоозёрную») (Махабхарата), наполовину пересохшая Сарасвати (Брахманы и данные археологических раскопок для середины и второй половины III тыс. до н.э.). С 2000 г. до н.э. археология однозначно говорит о том, что Сарасвати больше нет, и это вызывает гигантскую миграцию населения вглубь субконтинента (и меньшую – за его пределы: касситы, Митанни, арии на Ближнем Востоке). Грегори Поссел датирует полноводную Сарасвати временем до 3200 г. до н.э. Франкфорт вообще датирует полноводную Сарасвати до 3800 г. до н.э. Так что дата начала Кали Юги (XXXI в. до н.э.) прекрасно вписывается в эту систему. Теперь, Сарасвати является неотъемлемой частью сюжетного ядра Махабхараты. Например, основные события, так или иначе, к ней привязаны: битва на Курукшетре, рассказы о Риши и Тиртах на её берегах, сказание о Балараме, совершившем паломничество по Сарасвати во время битвы. ЭТО ПРОСТО НЕ МОГЛИ ПРИДУМАТЬ ПОЗДНЕЕ. Махабхарату пересказывали много раз. Каждый раз делали дополнения, она становилась всё больше. Процесс разрастания закончился в V в. н.э. Но начали её создавать в XXXI в. до н.э. и её сюжетное ядро относится к XXXII и XXXI вв. до н.э. А если опираться на 12000-летний цикл Четырёх Юг Махабхараты, то она описывает и события середины VI тыс. до н.э. (уничтожение Парашурамой кшатрийских племён Индостана). А до этого кшатрии практически вырезали брахманский род Бхригуидов (из-за чего Бхригуиды и стали жить Дхармой Кшатрия и стали Брахманами–Воинами)...» (Александр Семененко [<http://scipeople.ru/users/53850763/>], «Ригведа. Индоарии. Индоевропейцы», http://vk.com/wall17223603_521).

А это значит, что не только протокурдские, но и протофракийские а, тем самым, и протогерманские долихокранные племена могли начать формироваться в нагорьях Северного Ирана под влиянием как кутийского и протохетского (2500 г. до н.э.), так и мидофригийского (индобригского, 1800 г. до н.э.) этнических суперстратов и, следовательно, раньше, чем собственно начал формироваться этнос иранцев под влиянием как индоарийского, так и мидофригийского и праитало-кельтского этнических суперстратов. И поэтому-то праиранский язык принципиально (в виду отсутствия в то время на исторической арене праиранцев) не мог оказать никакого влияния на наречия как праитало-кельтских, так и протофракийских, и протогерманских племён первой волны миграции в Европу:

«...уровень социально-экономического развития, прослеживаемый при сравнении арийской, кельтской и других традиций, был уже выработан (в Северной Индии и в Северном Иране, – П.Д.), по крайней мере, в основном, уже к первой четверти II тысячелетия до н.э., до появления в Греции первых греческих племен, а в Передней Азии в первых веках II тысячелетия до н.э. – ариев, которые, например, принесли со своей арийской родины (Индии, – П.Д.) боевую колесницу и развитые навыки колесничего дела (а определённо и ряд других элементов той же социально-экономической структуры)... Так, безусловно, не случайно, что латинский, дающий (часто вместе с кельтским) ряд ключевых совпадений с арийским в социальных и правовых терминах (и именно указывающих на ряд развитых черт социального строя, единые традиции которого для италийского, кельтского и арийского прослеживаются и по иным данным), имеет также несколько общих с арийским названий металлов, слово «меч» или «кинжал» и др.» (Э.А Грантовский, «Ранняя история иранских племён Передней Азии», <http://sanskrt.org/grantovskiy1>);

«В случае со словом «гех» (от кельт. *rīg, галл. «rīg» – правитель; лат. «regio» – «регион, район», – П.Д.) следует видеть свидетельство, возможно, самое замечательное, важного феномена, изученного Ж. Вандриесом (Vendryes 1918): религиозно-правовые термины обнаруживаются в виде пережитков в двух крайних областях индоевропейского ареала – в индо-иранских и итало-кельтских языках. Этот факт связан с самой структурой рассматриваемых обществ. То, что в «промежуточных» языках не обнаруживаются даже следы этого названия «царя», не просто историческая случайность. Как в индо-иранском, так и в итало-кельтском мы имеем дело с обществами одинаково архаической структуры, отличающимися исключительно консервативными тенденциями, обществами, в которых на протяжении долгого времени сохранялись повсеместно упраздненные установления и слова. Основное, чем объясняются пережитки, общие для индо-иранского и итало-кельтского обществ, – это наличие мощных жреческих коллегий, строго хранивших священные традиции и поддерживавших в том числе и внешние формы обрядов... Обязанности гех не повелевать и не вершить власть, а устанавливая правила (прокладывая народу жизненный путь; швед. «gutt», норв. «gute», англ., франц. «route» – «путь, дорога, маршрут»; укр. «рух» – движение; лтш. «gūoss» – «подвижной, деловой», – П.Д.) и определять то, что относится к «праву» в прямом смысле этого слова. Определенный таким образом гех оказывается значительно ближе к жрецу, чем к самодержцу. Царская власть такого рода сохранялась, с одной стороны, у италийцев и кельтов, с другой – в Древней Индии...» (Эмиль Бенвенист,

«Словарь индоевропейских социальных терминов // Царская власть и ее prerogatives», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0216/004a/02160011.htm>).

Царская власть такого рода сохранялась также и у балтов – у главного жреца Криве-Кривейто, и у славян – у верховного жреца племенного культа Маджака (лит. «kunigas», праслав. *kъnędzь, др.-чеш. «kněž», словц. «knáz», польск. «ksiądz», перс. «kshysh» – «жрец, коендз, священник» от «кан, канг, кантон» – «княжество, страна, край»; кит. «kē», лит. «gūžta», польск. «gniazdo», праслав. *kъnędzo – гнездо [место сидения князя]; кит. «го», греч. «γῆα / гео», лат. «gentem», англ. «country», япон. «kuni / gun» – «страна, нация»; микен. «ka-na-to», хинди «kinārē», тадж. «канор», нидерл. «kant», др.-тюрк. «кан, ган», азерб. «kānar», турец. «kenar» – край; др.-греч. «γωνία / гоуния», лат. «anguli», хинди «kōṇa» – угол; хинди «kinārā», ирл. «seann», дат. «kant» и нем. «kante» – «кант, кайма, край»; польск. «końca, koniec» – конец).

И, конечно же, вполне естественно и то, что в отличие от темно-красных индийцев и таких же сарматов и античных германцев (предков как балто-славян, так и брахикранных германцев – германизовавшихся балто-славян), отождествлявших свою чистоту и непорочность с красным цветом (праиндоевр. *kwintos – всего лишь яркий; др.-иран. «рухс», санскр. «rakt`a» – «яркий, сияющий, красный», а вовсе не светлый, – П.Д.), бледнолицые псевдогерманцы (германизовавшиеся северные европейцы и сако-массагеты), как и псевдотохары, отождествляли свою чистоту и непорочность с белым цветом (тохар. А «kutsi», англ. «white», – «чистый, белый»; прагерм. *khwitaz, др.-фризск., др.-сакс. «hwit», др.-сканд. «hvittr», др.-в.-нем. «hwiz», готск. «hveits» – белый).

Очевидно, протогерманцы первой волны миграции в Европу (то есть фрако-кельтоязычные, финноязычные и другие скифские предки средневековых германцев) в то время еще не являлись германоязычными, а германизовались лишь в поздней античности и в темные века под влиянием как балтов (потомков усуней язаматов-франков, языгов-пруссос и др.) и славян (аланов-торков, готов и др. античных германцев), так и тюркоязычных саксов (потомков сако-массагетов):

«Ближе всех к славянам находились франки. Как и у славян, у них не было глубоких генеалогий, и им не придавалось большого значения. Лишь на первых порах после завоеваний франки пользовались преимуществами по сравнению с римлянами. С созданием же империи Карла Великого племя и вовсе было оттеснено от ключевых должностей в аппарате власти. Уже «Салическая правда» при Меровингах выделяет этнически безликую, но привилегированную корпорацию антрустионов, защищенных самым высоким вергельдом (штрафом за убийство) – 1800 солидов и вместе с тем лишенных права возбуждать тяжбы друг против друга...» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=4>).

Однако же вполне возможно и то, что первые пратюрко-германские наречия, как и псевдотохарские наречия, сформировались в Южной Сибири на угро-самодийском, нивхском и других этнических субстратах долихокраничных европеоидов динлинов и саков под влиянием этнического суперстрата прабалто-славяноязычных брахикранных сарматов.

При этом не исключено и то, что длинноголовые скандинавы в древности были кельтоязычными или даже иллиро- и фракоязычными племенами и лишь постепенно германизировались сначала под влиянием этнического суперстрата балтоязычных савроматов и позже – этнического суперстрата славяноязычных сарматов (аланов-торков и других потомков дисцев, жунов и юэчжийцев), а также и этнического адстрата пратюркоязычных сако-массагетов (маскутов = саксов):

«В начале всех достоверных рассказов на северном (скандинавском, – П.Д.) языке говорится, что север заселили тюрки (тёмно-красные балтоязычные усунь и славяноязычные аланы-торки = таркасы / черкасы; пушту «тог», тадж. «торик», ст.-англ. «deorg», англ. «dark» – тёмный; серб. «црна», укр. «чорний» – «очень темный, черный», – П.Д.) и люди из Азии (пратюрко-германоязычные бледнолицые сако-массагеты, – П.Д.). Поэтому с уверенностью можно сказать, что вместе с ними пришел на север и язык, который мы называем северным, и распространился этот язык по Саксланду, Данморку (Дании, – П.Д.) и Свитьод (Швеции, – П.Д.), Норвегии и по некоторой части Англии (Англии, – П.Д.). Главой этого народа был Один, сын Тора...» (Елена Мельникова, «Древнескандинавские географические сочинения: тексты, перевод, комментарий // Описание Земли III», http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MEL%27NIKOVA_Elena_Aleksandrovna/_Mel%27nikova_E.A..html; <http://ulfdalir.ru/sources/42/555/560>; «Описание Земли – скандинавские исторические источники», http://raushenb.blogspot.com/2017/05/blog-post_8.html);

«Оставшиеся популяции дендрограммы далее разделяются на два кластера, в один из которых входят два субкластера: ненцев, нганасан и эвенков, а в другой – якутов, монголов и алтайцев; и во второй кластер входят популяции современных европеоидов – русских, немцев (точнее северных немцев саксонского [сакского] и финского [скифского] происхождения, – П.Д.) и финнов (2). Такое родство европеоидов и северных монголоидов подтверждается данными о полиморфизме митохондриальной (mt)ДНК, которые обнаружили наличие одинаковых гаплогрупп у алтайцев и европеоидов Европы (4) – гаплогруппы H,J,K,T,U,V,W,F, у саамов, эвенков и американских индейцев (5) – гаплогруппа V, и у алтайцев и американских индейцев (6) – гаплогруппы A, B, C, D...» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев», http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>).

А это значит, что не только короткоголовые палеоевропейцы, но и длинноголовые фракийцы, тевтонцы и праскандинавы могли финнизироваться или же кельтизироваться и позже германизироваться под влиянием потомков пришедших из Азии высокорослых и таких же длинноголовых кутиев / гутиев = гетов, будиев = будинов, дахов = даков, мидов = мизов и других древнемидийских и древнекельтских племён:

«В качестве типологической аналогии можно привести скандинавскую «Сагу о Хальвдане Черном», рассказывающую о конунге, при власти которого были самые урожайные годы, а после смерти его тело было разделено на части и похоронено в разных

углах края, чтобы всем жителям было обеспечено благополучие, магически связанное с его персоной. Все курганы, где якобы похоронены останки Хальвдана Черного, назывались его именем... Такой же обычай некогда существовал у кельтов – их эпический герой, воин-маг Кухулин, был похоронен по частям» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=54>);

«Разделение между языками тевтонским (германским, – П.Д.) и кельтским гораздо глубже, чем между индусским и иранским; но, как мы уже показали, слова, относящиеся к цивилизации, доказывают, что отношения между кельтами и тевтонами были сношениями, возникшими позже, вследствие географического соприкосновения и политического преобладания. Существуют основания предполагать, что значительная часть тевтонской мифологии происходила из кельтского источника, подобно тому, как мифология греков получена была ими от семитов. Профессор Райе думает, что мифы, относящиеся к Водену, великому богу тевтонов, могут иметь кельтское происхождение и сравнивает имя Водена с кельтским именем Гвидиона. Но так как не встречается никакого похожего имени и никакого похожего мифа у итальянских рас, которые лингвистически приближаются гораздо более к кельтам, чем тевтоны, то происхождение этих мифов относится, вероятно, не ко времени кельто-тевтонского единства, но к эпохе гораздо более поздней, когда тевтоны жили под политическим преобладанием кельтов (очевидно, под преобладанием общей для кельтов и древних тевтонов высокорослой знати азийского происхождения: мизийского = мидийского или же дакийского = дахийского; дах / парфянин = пахлаван – богатырь, – П.Д.). Можно также сблизить Тора или Дунара, бога грома у тевтонов, с богом грома у кельтов, Таранукусом (галльское «*taran*» – гром); профессор Райе находит Тутиорикса, галльского Аполлона, в солнечном герое германских легенд, Теодорихе; он сблизает также Эзуса галлов с Анзесом тевтонов и с древнескандинавским именем *oesir*, которое применяется к богам вообще и которого этимология может быть объяснена санскритским *asus*, дыхание жизни. Он сравнивает также Марса тевтонов «славного или великолепного Тиу» с Людом (король Люд), известным также под именем Нуады с серебряной рукой. Имя Нуада, первоначально Ноденс, может быть сравнено с Нептуном римлян, которое написано в форме «*Nethuns*» на древнем зеркале...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Германские культы бога войны были тесно связаны с кельтскими, что снова показывает существование активных культурных связей между Северной и Центральной Европой, прежде всего среди высших слоев общества. Ибо божества войны больше всего почитались именно среди вождей и дружинников. Возможно, наиболее хорошо известная идея в религии древних германцев – это представление о погибших воинах, которые пируют в зале бога войны, однако, возможно, даже эта идея дошла до Северной Европы через посредство кельтских предводителей. Римские авторы весьма достоверно показывают нам древнейших германских богов войны и их культ. Римлян глубоко впечатляли и устрашили кровавые обряды некоторых германских народов, да и по любым меркам сообщения римских

авторов читаются как настоящие «ужастики»... Величайшим богом войны у древних германцев был Тиваз или Тив, которого Снорри и другие позднейшие авторы называют Тюром. Он был не только повелителем битвы, но и богом неба, и с филологической точки зрения имя «Тиваз» может быть связано с именем греческого бога неба Зевса. Тиваз также покровительствовал жизни общины, охраняя закон и порядок, и однажды в римском написании он фигурирует как Mars Thingsus, то есть бог, который председательствует на племенном собрании – «тинге» или покровительствует ему... Сложно сказать, когда именно в Северной Европе стали почитать Тиваза и других божеств войны. Неизвестно и когда Тиваз в качестве верховного бога войны был заменен Воданом, однако этот процесс, возможно, начался уже задолго до 400 г. н. э. Римские писатели, как правило, отождествляли Вотана с Меркурием. На первый взгляд это кажется странным. Однако отождествление с Меркурием было вполне разумным. Водан стал великим богом сражений только в самом конце римского периода, и война была не единственной сферой его интересов. Водан был близко связан с хтоническими силами: он вел души умерших в мир иной, покровительствовал торговле, а также обучению наукам. Именно этими сферами, как считали римляне, заведовал Меркурий... Наряду с Тивазом и Воданом, германцы почитали еще и третьего бога войны – Донара, Тора или Тунара. Многие северные германцы в позднейший языческий период считали его самым благородным и могущественным богом, и его влияние, судя по всему, значительно возросло после окончания периода Великого переселения народов. Первоначально Тунар был богом сил природы, и его постоянный спутник – молот Мьеллнир – символизировал гром, наиболее величественное природное явление (происходит от праслав. *mьlni – молния, от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. «мьлнии», «мьлния», ст.-слав. «мльнии»..., сербохорв. «муња», словенск. «mólnja», полабск. «máiuŋa», – Фасмер). Однако, кроме погоды, Тунар отвечал и за многое другое. Он был мужественным воином, путешественником, обжорой, но при этом и великим мудрецом, хитрым божеством, которое могло менять облик для достижения своих целей. В каких-то отношениях Тунар напоминал греческого Геракла, однако еще больше он похож на индийского бога Индру. Это заставило ученых полагать, что Индра и Тунар происходят от одного и того же индоевропейского предка» (Т. Малкольм, «Варвары. Древние германцы. Быт, Религия, Культура», <http://intertraditionale.kabb.ru/viewtopic.php?f=38&t=10071>).

Однако же возможно также и то, что основными предками долихокранных скандинавов являются не только древние мидийцы и сако-массагеты (предки саксов), но и кельтизировавшиеся иллирийцы бастарны и увлечённые ими гето-фракийские племена, вытесненные сначала в Приднепровье, а затем и далее в Скандинавию балтоязычными усунями (языгами) и верхними аорсами (яньцай = антами), а позже и славяноязычными аланами-торками и гуннами (жунами):

«В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и (славяноязычными, – П.Д.) германцами; они также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие – сидонами; те, кто владеют Певкой, островом на Истре [Дунае], носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном – роксоланов» (Страбон,

«География», http://www.ruistor.ru/istochniki_ant_021_2.html,
<http://incunabula1.narod.ru/books/strabon-geographia/index0275.htm>).

Включение Страбоном в состав бастарнов, очевидно, балтоязычных, как и языги (гуды), атмонов и роксолан (предков славянизовавшихся позже гудов / гудцулов = гуцулов, полян-спалов / спалеев = споров и гудов / гузов – полян-тореккадов = торков), возможно, связано с постепенным переходом на балто-славяноязычие и ранее кельтизовавшихся иллирийских племен, известных античным авторам как бастарны / бастерны:

«...древние пришельцы (с конца III в. до н. э.), иллирийские бастерны ко времени Птолемея сильно сблизились в этническом отношении со словенами (очевидно, всё же с кельтоязычными скордисками, а вовсе не со славяноязычными античными германцами или же со славянизовавшимися гораздо позже склавинами-балтами, – П.Д.) (как показывает общая им культура полей погребальных урн), подобно соседним им северодакийским племенам...» (А.Д. Удальцов, «Племена европейской Сарматии II в. н.э.», <http://groznijat.tripod.com/sarm/udalcov.html>);

«Археологи фиксируют латенские влияния на памятники Восточной Европы рубежа нашей эры (латенизацию культур). На Востоке Европы латенизованными считаются культуры – зарубинецкая, пшеворская, Поянешти-Лукашовка. Среди носителей культуры Поянешти-Лукашовка отдельные исследователи называют бастарнов. Возможно, в составе бастарнских племен были и кельты. Во всяком случае, Тит Ливий называл бастарнов галатами и упоминал о сходстве их языка и обычаев с кельтским племенем скордисков. В составе полиэтничной зарубинецкой культуры отдельные археологи также видят бастарнов и кельто-иллирийцев... Потомки центральноевропейского населения (кельтов) могли попасть на Украину, захваченные миграционными потоками, вызванными движением готов. Взаимоотношения между кельтами и германцами имеют очень длинную историю, а зона германо-кельтских контактов была значительной. О культурном влиянии кельтов на германские племена писалось довольно много. Палеолингвисты утверждают, что часть немецкой военной, административной и сакральной лексики сформировалась на кельтской основе. Для нас интересно то, что кельтские корни видят и в отдельных готских словах, что может свидетельствовать в пользу прямых контактов (Казакевич 2007)» (Татьяна Рудич, «Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии», <https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-chernyahovskoy-kultury-dunaysko-dnestrovskogo-mezhdurechya-po-materialam-antropologii>);

«Наибольшее значение для европейского именованослова имели имена континентальных кельтов, иллирийцев, венетов, фракийцев, иранцев, а также особой этнической группы, определяемой как «северные иллирийцы», и которая включала более или менее значительный уральский языковой компонент (финноязычных скифов Иллирии, Фракии и Паннонии бессов – предков вепсов [vepsä / bepsä] = веси [vas / visu], морисенов – предков марийцев, агафирсов – предков мерян и муромы, коралов – предков карелов и др., – П.Д.)»

(Аполлон Кузьмин, «Начало Руси»,

http://www.telenir.net/istorija/nachalo_rusi/p7.php#metkadoc4);

«...показано, что во всех балтийских, северных, карпатских ветвях гаплогруппы R1a преобладают поляки и русские (потомки финскоязычных скифов и северных иллирийцев, – П.Д.), в меньшей степени немцы, еще в меньшей степени украинцы и белорусы... Венеты и венеды – племена, которые многие считают древнеславянскими (точнее, финскими предками северных поляков и северо-западных россиян, сначала балтизированных савроматами, а затем славянизированных сарматами / сермендами и их потомками античными германцами, – П.Д.)... Субклад Z280 гаплогруппы R1a образовался примерно 4900 лет назад. Это, так называемый, «субклад Русской равнины». На него приходится 30% от всех носителей гаплогруппы R1a в базе данных IRAKAZ, содержащей 4768 гаплотипов с выявленными снипами или ветвями гаплогруппы. Остальными главными субкладами гаплогруппы R1a являются скандинавский Z284 (27%), европейский (протославянский гото-аланский, – П.Д.) M458 (17%), юго-восточный (азиатский, – П.Д.) Z93 (14%) и европейский северо-западный L664 (9%). Иначе говоря, общий предок славян (на самом деле лишь славянизовавшихся финноязычных северных иллирийцев и финноязычных скифов, – П.Д.) гаплогруппы R1a, а именно они составляют большую часть субклада Z280, жил на Русской равнине около 5000 лет назад. ...три самых древних субклада Z280 – это Z92 (северо-евразийский), S24902 (центрально-евразийский...) и CTS1211 (восточноевразийский). Многие любители называют субклад Z92 «венедским» (иллирийским, – П.Д.) но, строго говоря, два остальных, как и их субклады, как и целый ряд других субкладов, не уступают Z92 в таком названии... Младшая ДНК-линия (субклад Y2613) имеет большой перевес по этническим русским (67%), далее идет Финляндия (14%), остальные распределены по пяти регионам (по несколько процентов на регион), причем польских и германских гаплотипов не найдено. Так что отнесение венедских гаплотипов от конца I тыс. до н.э. к Германии опять безосновательно. Они имеют восточнославянское (точнее, финское, – П.Д.) происхождение, причем там почти исключительно выступают (финские, – П.Д.) предки этнических русских. За исключением самой молодой ветви, основу венедских (условно, для балто-карпатской ветви) гаплотипов представляют предки современных поляков (24-34%). Предки современных этнических русских там тоже активно участвовали (18% и 8%, соответственно)... Восточно-карпатская ветвь Y2902 в настоящее время включает потомков в основном из России (47%, или 95 человек из 204, для которых известны страны, где жили предки согласно семейным генеалогиям), Польши (14%), Германии и Украины (по 7%), остальные гаплотипы - единичные, распределенные по десятку регионов (в том числе три гаплотипа в Италии). В нижестоящем субкладе Y2910 участники проекта, заявившие себя как русские, составляют 95% от всех (5% – украинцы). Так что отнесение венедских гаплотипов от середины I тыс. до н.э. к Германии опять безосновательно, если венедский субклад – восточно-карпатской гаплогруппы R1a. Они имеют преимущественно восточно-славянское (на самом деле туранское – финское, – П.Д.) происхождение» (Анатолий Клёсов, «Венеты, венеды по данным ДНК-генеалогии», <https://cyberleninka.ru/article/n/venety-i-venedy-po-dannym-dnk-genealogii>);

«Что же касается (современных, – П.Д.) германцев, то существуют и такие мнения, что германцы не только не являлись индоевропейцами, но и не принадлежали к числу автохтонного доиндоевропейского населения Европы. Во-первых, по утверждению А.Г. Кузьмина, на территории Германии вообще нет исконной германской топонимики, в то время как негерманская представлена довольно обильно. Таким образом, культура шнуровой керамики, традиционно сопоставляемая с праиндоевропейцами, никакого отношения к германцам не имеет. Во-вторых, судя по лингвистическим данным, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть, не раньше нашего летоисчисления, о чем, кстати, утверждает также и Г.Ф.К. Гюнтер. В-третьих, в Скандинавии основная масса скандинавской топонимики сближается не с германской, а с кельтической (или «кельто-скифской»), а в Южной Скандинавии, которая рассматривается в качестве возможной германской прародины, наблюдается разрыв в культурах между эпохами бронзы и железа, что заставляет предполагать вмешательство внешнего фактора (в этот период не обязательно германского). Т.е., судя по всему, уже даже не стоит выбор между германцами как арийцами, которые выходили из европейских германских земель и покоряли все народы вплоть до Индии, и между германцами как доиндоевропейскими автохтонами Европы. Основной вопрос, кажется, уже заключается в том, откуда и когда германцы в Европу пришли. В конечном итоге, я не удивлюсь, если историческая наука обнаружит их тюркские корни, но какова же будет в этом случае ирония истории? Дело в том, что по времени (середина I тыс. н.э.) второй фонетический сдвиг в немецком языке увязывается с временами, непосредственно следующими за гуннским вторжением в Европу и Великим переселением народов, а уж кто там и куда переселялся в тот период, есть сложный и очень интересный вопрос. Как считает А.Г. Кузьмин: «весьма показательно, что из славян ближе всего к германцам по антропологическим данным стоят болгары. Эта близость убедительно объясняется антропологами влиянием фракийского субстрата, родственного основному компоненту германцев». Между тем фракийцы в данном случае это все-таки субстрат, а вот о тюркских корнях болгар историки спорят уже достаточно давно. А.Г. Кузьмин также отмечает, что (античные, – П.Д.) германцы уверенно прослеживаются только, начиная с ясторфской культуры, которая возникла в районе Нижней Эльбы около 600г. до н. э., а с эпохой бронзы эта культура не связывается. Между тем около середины I тыс. до н. э., как то было указано выше по тексту, немецкий язык испытывает первый фонетический сдвиг (очевидно, произошедший в союзе сако-массагетских (маскутских) племён под влиянием наречий кадусиев или даже армянских наречий населения Сакасны и Утика, – П.Д.)» (Константин Пензев, «Арийская теорема / Занимательная лингвистика», http://www.uhlib.ru/istorija/ariiskaja_teorema/p6.php);

«Самыми близкими родичами (средневековых, – П.Д.) германцев оказываются те самые фракийцы, земли которых фигурируют в Младшей Эдде как отправной пункт германского переселения на север. В этой связи весьма показательно, что из славян ближе всего к германцам по антропологическим данным стоят болгары. Эта близость убедительно объясняется антропологами влиянием фракийского субстрата, родственного основному

компоненту германцев. Население культуры ленточной керамики, к числу которого относились фракийцы и германцы (точнее, предки средневековых германцев, – П.Д.), постепенно продвигалось по долине Дуная на северо-запад, сталкивая или вовлекая в свое движение и племена иного облика. Ко времени этого движения на севере завершился процесс естественной депигментации. Приход (славяноязычных античных, – П.Д.) германцев снова усиливает здесь удельный вес темнопигментированного населения...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа»,

<http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-57.html>);

«...Может быть не случайно древние авторы (Орозий. История против язычников. I, 16, 2; Иордан. Гетика. 39; Прокопий. Война с вандалами. I, 2, 2 и др.) отождествляли готов-германцев и гетов-фракийцев. При этом Иордан как раз сопоставлял культ Марса (Ареса) у гетов и готов. В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон писал о захвате Фракии Трором (Тором), которого он называл троянским царевичем и предком Одина (Пролог. 3), переселившегося со своими людьми, «которых называли асами», в Страну Саксов и далее на север в Швецию. «Асы взяли себе в той земле жён, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран» (Пролог.5)...» [Рогожин А. Глава 6. Необыкновенные приключения троянцев в Европе (продолжение) // <http://aloslum.livejournal.com/5687.html>]. Да и сам предок скандинавских династий Трор-Тор удивительно напоминает основателя царства фракийских одрисов Тереса или Тера. Г. Шнейдер сравнивает положение Одина среди асов с положением Диониса среди олимпийских богов, производит его от слова «Wut» – ярость, находит у него черты фракийского оргиастического культа и вообще подозревает в нем чужеродного внедренца [Schneider H. Die Gotter der Germanen. – Tubingen, 1938. – S.15-16, 23]. Он ссылается на «Эдду», по которой Один впервые принес в мир войну, ссору, клятвопреступление [Schneider H. Die Gotter der Germanen. – Tubingen, 1938. – S.42], богом ненадежным, хитрым обманщиком, колдуном, применяющим и белую и черную магию [Schneider H. Die Gotter der Germanen. – Tubingen, 1938. – S.164, 167]... Одиному-фракийцу противостоит именно Доннар (Тор), сочетающий в себе черты Зевса и Геракла, т.е. сугубо германский аналог индийского Индры [Schneider H. Die Gotter der Germanen. – Tubingen, 1938. – S.15]... Поражает, что по мифу, засвидетельствованному Флавием Аррианом (II в. н.э.), искусная в знании магических трав нимфа Фракия (Тракия, Thrake), дала название стране, которая ранее называлась Перкия (Perke). Очевидно, что Перкия и Фракия – это инварианты названия. С нимфой-ведункой Фракией можно сопоставить германскую Фригг, жену бога-шамана Одина. Именно она взяла клятвы почти со всех, кто мог нанести вред Бальдру» (Олег Гуцуляк, «Кто такие германцы?», <https://www.proza.ru/2014/07/27/1178>).

Германизация же мигрировавших в Скандинавию кельтоязычных бастарнов, кельто-фракийцев и «северных иллирийцев», очевидно, произошла под влиянием как этнического суперстрата покоривших их славяноязычных аланов-торков и античных германцев – предков вилькинов / вильтинов = вильцев / лютичей / *ютичей и гетов / гаутов, а возможно, и

славянизировавшихся верхних аорсов (яньцай = антов / ансов), так и этнических адстратов финноязычных скифов и тюркоязычных саксов (потомков сако-массагетов):

«Так, в большом исследовании Г. Йоханссона приводится материал о кельтской (и кельто-скифской) подоснове скандинавской топонимики. Судя по новейшим антропологическим данным, германцы вообще не «нордическая» раса. Они продвигались с юга. Вместе с тем на значительных территориях последующие германцы практически не отличаются от предшествующего кельто-романского населения. Очевидно, германизации (первоначально славяно-тюркизации, – П.Д.) подвергалось, прежде всего, именно кельтское (или кельтоязычное) население. Разумеется, германцы воспринимали при этом немало элементов кельтской культуры. Поэтому очень трудно во многих случаях даже размежевать германцев и кельтов, несмотря на значительные расхождения их языков. Методически же, очевидно, при анализе ономастики территории Германии, по справедливому замечанию Г. Балова, кельтским элементам как, несомненно, более древним должен быть предоставлен определенный приоритет» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Мстя за смерть полабского князя Ратибора, в 1043 году ободриты совершают поход в Ютландию, и, как сообщает Адам Бременский, «разоряя окрестности, дошли до самого Рибе». Поход этот, впрочем, закончился для славян неудачно, сами же датско-ободритские отношения впоследствии были скреплены союзом после возвращения в Мекленбург женившегося перед этим на датской принцессе ободритского князя Готшалка. В 1066 году ободриты под предводительством Крута разрушают Хайтабу. В 1150 году славяне (видимо, рюгенские) совершают нападение на Роскильде. Кольбацкие анналы передают под тем же 1150 годом и славянское нападение на Сконе. Ещё более далёкий и удачный поход в Скандинавию совершил тезка полабского Ратибора, Ратибор Поморский в 1135 году, поведя свою армию на один из важнейших норвежских городов Конунгахеллу. Сага о Кнютлингах сообщает, что пришедший к норвежским берегам флот Ратибора составлял 550 кораблей, вмещавших каждый по 44 человека и 2 лошади. Таким образом, через море была переправлена армия в 1100 всадников и около 23 000 воинов. Осадив и разрушив город Конунгахеллу, Ратибор с огромной добычей и множеством норвежских рабов вернулся в свою страну, а «торговый город Конунгахелла» – подводит итог этой истории Снорри Стурлусон – «никогда уже больше не был таким процветающим как прежде». Подобные сообщения об уводе славянами в рабство жителей Скандинавии отнюдь не редки. В письменных источниках сообщается о присутствии датских рабов во многих значительных славянских городах – в Поморье, Деммине, Мекленбурге. О последнем городе, бывшем столицей ободритов, Гельмольд сообщает более подробно: «Я слышал, что в Микилинбурге в рыночные дни насчитывалось пленных данов до 700 душ и все были выставлены на продажу, лишь бы только хватило покупателей»...» (Андрей Пауль, «Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций», <http://pereformat.ru/2014/03/slavyanskij-sled-v-skandinavii/>);

«Походы викингов (потомков славяноязычных аланов-торков и гаутов, тюркоязычных

сако-массагетов, финноязычных скифов, кельто-фракийцев и «северных иллирийцев», – П.Д.), однако, имели еще один существенный результат. Они вели к укреплению организации обороны в землях к югу от Балтийского моря, строительству собственного флота, снаряжению военных экспедиций против скандинавских стран. На западных рубежах славянских земель ободритское войско в конце X в. двинулось против Хедебю и разрушило город. Со второй половины XI в. рюгенские славяне и поморяне снаряжали крупные флотилии, многократно отражали набеги датчан и в свою очередь нападали на датские острова, даже заселив некоторые из них. С поморьянского побережья Балтики в это время были организованы подобные же экспедиции против Готланда, Эланда и в южную Швецию. Во второй половине X в. местное население восстанавливало такие старинные оборонительные сооружения, как в Экеторпе на Эланде; и здесь нередко были поселения славянских военных дружин. Известный шведский исследователь М. Стенбергер пришел к выводу, что многочисленные славянские элементы в материалах поздних слоев Экеторпа могут указывать не только на торговые связи, но и на то, что Эланд в это время был занят славянами с южного побережья Балтики, о чем сообщают Саксон Грамматик и датская «Сага о Кнютлингах»...» (Йоахим Херрман, «Славяне и норманы в ранней истории балтийского региона // Год 793-й – походы викингов», в кн.: «Славяне и скандинавы», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000056/st012.shtml>);

«Весьма своеобразно сочетание антропологических черт у средневекового населения Швеции и Дании – восточноскандинавский ареал. Обе эти группы не находят прямых аналогий среди германцев, хотя по характеру облика они включаются в границы этого этноса. Отличительной чертой их являются очень небольшие размеры лица и головы, особенно у средневековых датчан (потомков славяноязычных вестготов, осевших в Ютландии после захвата Испании арабами, – П.Д.)... Как уже отмечалось выше, отличительной чертой средневековых данов была грацильность мозгового и лицевого отдела черепа (как и у потомков грутуннов полян-русов, – П.Д.). Известно, что топонимика южнодатских островов – славянского происхождения. Здесь еще в XI – XII вв. были поселения прибалтийских славян. В антропологическом отношении славяне характеризуются менее крупными размерами черепа, нежели германцы. Кстати сказать, у средневекового населения Дании относительно ниже (как и у полян, и у древлян, – П.Д.) чем у (средневековых условных, – П.Д.) германцев, глазницы, что также свойственно славянам. Таким образом, вывод о том, что «датское государство сложилось частично на славянских землях», сделанный на основании данных языкознания, подтверждается антропологическими материалами» (Татьяна Алексеева, «Славяне и германцы в свете антропологических данных», <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/СЛАВЯНЕ-И-ГЕРМАНЦЫ-В-СВЕТЕ-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ-ДАННЫХ>; <https://rossica-antiqua.livejournal.com/173154.html>);

«Из населения Упланда (возможно, долихокраних потомков тюркоязычных сако-массагетов, кельтоязычных бастарнов и кельто-фракийцев, а также финноязычных «северных иллирийцев» и скифов, – П.Д.), отделенного от (славяноязычных брахикраних, – П.Д.)

гётов и готского влияния горами и лесами, и попавшего в своеобразные жизненные условия, выработалось особое племя, более отсталое в торговом деле и в технике, но зато более воинственное. В виду частых столкновений этого племени с аборигенами, лапландцами, оно привыкло называться «своими» – «Suihones, Sviar, Svear», каковое имя впервые встречается у Тацита. Вообще, у этих свеев вошло в обычай называть страну по жителям, в то время как в южной Швеции жители получают свое название от страны... До поры до времени гёты не сталкивались со свеями. Это доказывается, между прочим, тем, что в Упланде не найдено следов животной орнаментики, столь характерной для гото-гётских сношений. Но, начиная VI веком, в Упланде происходят важные перемены: Упсала становится центром страны... Археологические находки, монеты и рунические надписи указывают на теснейшую связь Бирки с Готландом, поэтому мы в праве смотреть на Бирку как на крайний пункт гото-гётской торговли. Это объяснило бы превосходство культуры Бирки над остальным Упландом той поры... Торговые экспедиции гётов в Меларн открыли свеям глаза на их богатства и таким образом мирные сношения скоро сменились враждебными. Эти войны гётов и свеев нашли свой отклик в песне Инглинга-галь, которую Снорре положил в основание своей Инглинга-саги, открывающей его исторический труд. Yngvi, по определению Снорре, синоним Фрея; отсюда название царского рода Ynglingar... В противоположность гётам, считающим Одина (Gautr) своим родоначальником, свеи производили династию своих конунгов от этого Ингви, считая его своим богом – Sviagud. Другим источником для истории враждований гётов и свеев является поэма Beowulf. Шлемы и мечи, описанные в англо-саксонской поэме, имеют те же характерные особенности, как и шлемы и мечи, найденные в курганах Упланда. Так как в «Беовульфе» и в рассказе Снорре параллельные эпизоды освещены одинаково, то и Инглинга-галь восходит к гётской традиции. Выходит, что в данных эпизодах слышится отголосок песенного творчества гётов, от которого сохранилась только одна строфа – та, что вырезана на Рёкстене... Вообще, антагонизм свеев и гётов вылился как бы в борьбу двух мирозерцаний, так как свеи цепко держались за язычество, в то время как (потомки славяноязычных донских алан-торков, – П.Д.) гёты уже давно приняли христианство» (Карл Тиандер, «Датско-русские исследования // Готы, гёты, свеи», Петроград, 1915 <http://norroen.info/articles/tiander/11.html>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/K_Tiander_Datsko-RU_issledovania.pdf).

Древнеславянский язык очень долго использовался в качестве «линга франка» в Центральной и Средней Азии, так как торговлю вдоль «Шелкового пути» осуществляли славяноязычные да-юэчжи. Юэчжийские роды из «Дома Джаоу» являлись знатью не только в большинстве княжеств Кангюя, но и у балтоязычных усуней и верхних аорсов (яньцай / антов). Поэтому-то иранские евреи, мигрировавшие в Хорезм и подключившиеся к торговле вдоль «Шелкового пути» и быстро славянизировались. Потомки да-юэчи черноволосые славяне вельты / велеты / вилькины / вильцы стали знатными родами не только кельто-фракийцев свеев (шведов), но и родственников пруссам балтоязычных фризов. Именно они вместе с германизовавшимися потомками да-юэчжи черноволосыми гаутами / гётами и стали известны в Северной Европе как варяги-русы, осуществлявшие вместе с родственными им славяноязычными донскими аланами-русами = полянами-русами, черноморскими

(тмутораканскими) готами-русами, хорезмийскими хорасмиями-хурусами торговлю вдоль речных и морских путей сообщения. Поэтому вовсе и не удивительно, что славянская торговая лексика оставила свой след в скандинавских и в других германских языках:

«Господство славян-вендов (как славянизовавшихся кельто-иллирийцев и балтов, так и исконно славяноязычных готов, гётов, ютов, вельтов и других славяноязычных античных германцев, – П.Д.) в балтийской торговле оставило след и в скандинавских языках. Елена Мельникова насчитывает двенадцать славянских заимствований в них (напомним, что скандинавских [заимствований] в древнерусском исследователи, вовсе не чуждые норманнизму, насчитывают от десяти до шести). И большинство из них относится к торговле. Славянские купцы приезжали на торг (torgh) на лодьях (lodhia). Любопытно, что ни одно слово из богатейшего морского словаря норманнов в славянские языки не попало. У славян были свои слова для морского дела, появившиеся до эпохи викингов, в те времена, когда плавание легендарного конунга Хрольва Жердинки из Дании в Швецию было для скандинавов странствием на край света. Судна Олега Вещего летопись называет не «драккарами» или «кноррами», а «кораблями», от вендского korab. Возможно, кстати, что звучащее в новгородских былинах «кораб» – это не «неправильное произношение», а именно вендское (кельтское, – П.Д.) слово. Впрочем, славянские купцы могли приехать и верхами, в седлах (sadul) с высокими луками (loka), везя товар в седельных мешках – кошах (katse). Приехав, они устраивались на лавах (lava), и извлекали безмены (besman) и товар: шелка (silki), вместе с арабским серебром приходившими с востока и соболей (sobel) из русских лесов. Их путь, тяжелый и опасный, пролегал через множество границ (graens), и купцы были рады после торга отдохнуть и закрепить сделку ковшом пива с хмелем (humle). К ещё более раннему времени относится заимствование слова «скот» в значении «деньги»: готск. «skatts» монета, деньги, немец. «schatz» богатство, др.-сакс. «skat» монета, состояние. Совершенно ясно, что древнее это слово в языках тех народов, у кого, кроме денег, обозначает самый первый, доденежный, так сказать, показатель богатства, состоятельности, благополучия – скот, домашних животных. Почему «скот» стал обозначением денег, понять легко. Обратное превращение было бы невозможно объяснить» (Лев Прозоров, «Варяжская Русь. Славянская Атлантида»,

https://www.e-reading.club/bookreader.php/1003627/Prozorov_Lev_-_Varyazhsкая_Rus._Slavyanskaya_Atlantida.html);

«Примечательно, что колонии балтийских славян в Скандинавии зачастую выказывают близкую связь этих колонистов с Киевской Русью и, очевидно, указывают на то, что колонизация Скандинавии осуществлялась группами балтийских славян, поддерживавших активные связи с Русью и часто плававших в Восточную Европу. По аналогиям типов керамики археолог Р. Кельм связывал основание поселений в Мёлленхольмене и Хёкёне со славянскими колонистами из северо-восточного Мекленбурга, устья Одры: «Комплекс Мёлленхольмен-Хёкён, имевший исключительное положение среди археологически известных одновременных с ними местных поселений по материалу находок и расположению на местности, по всей видимости, указывает на более или менее однородную часть славянского населения. Переселение этой группы северо-

западославянских поселенцев, вероятно происходивших из приграничного региона вильцев и поморян в устье Одры, можно датировать второй четвертью 11 века» (Андрей Пауль, «Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций», <http://pereformat.ru/2014/03/slavyanskij-sled-v-skandinavii/>);

«...«Род русский», известный по договорам, в большинстве, видимо, состоял из пришельцев с севера (постепенно германизовавшихся потомков славяноязычных жунов / гуннов и юэчжей = аланов-торков – данов, ютов, гётов, вельтов = вилькинов и других славяноязычных античных германцев, – П.Д.), хотя в числе дружинников и купцов было много носителей имен, характерных для Иллирии и Подунавья, а в княжеской династии преобладали славянские имена. Но пришельцы с севера (а также и с юга – Хорезма, Северного Кавказа, Кубани и Дона, – П.Д.) вопреки мнению норманистов не только сами не были шведами, но даже и в состав дружины их еще практически не включали. Ведь даже после принятия христианства, до конца XI века, у шведов (лишь у потомков кельто-фракийцев свеев, – П.Д.) господствовало многоженство, тогда как у полян-руси (и у гётов, – П.Д.) была моногамия. Не было у шведов и наследственной королевской власти. Иван Грозный даже в XVI веке упрекал шведского правителя Юхана III в том, что он некоролевского рода и что в Швеции вообще никогда не было королей, а потому якобы и не могла шведская сторона претендовать на равный с московским царем дипломатический этикет. Разумеется, из того, что шведские конунги вплоть до XIV века избирались племенными собраниями, никак не может следовать вывод, подобный тому, что сделал Иван Грозный. Как раз такая система признак не «отсталости», а целесообразности. Она эффективна практически во все времена» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI–X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=8>).

3.18 Финноязычные скифы (саки) и их иранизовавшиеся потомки

Наибольшее влияние иранцы оказали на пермские финно-угорские народности:

«Семантически арийские и продолжающие их иранские (на самом деле преимущественно сарматские – прабалто-славянские, – П.Д.) заимствования охватывают многие слои культурной лексики, в том числе среди них представлены религиозные, мифологические, социальные термины, названия металлов и т. д. Долше всего и наиболее активно контактировали с иранцами (как с иранизовавшимися финнами, так и с балтоязычными савроматами и славяноязычными сарматами, – П.Д.) предки пермских народов (удмуртов и коми) в Поволжье и Предуралье и угров, в особенности – венгров, в Западной Сибири и в лесостепи Урала и Поволжья. Именно в этих языках имеет смысл искать новые иранизмы (и прабалто-славянизмы, – П. Д.)... Проблема генезиса пермского звериного стиля далека от решения, но едва ли стоит сомневаться в том, что одним из его истоков был звериный стиль в искусстве ираноязычных (очевидно, всё же прафинноязычных, – П.Д.) степных племён Евразии, из языка которых и попало в пермские рассматриваемое здесь слово с исконным значением «дракон». Древность образа дракона в пермской традиции, таким образом, не подлежит сомнению, но при этом нет никакой

необходимости в умозрительных построениях о самостоятельном сложении этого образа в фольклоре коми на базе «тотема-медведя» (Владимир Напольских, «Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии», http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/articles/napolskikh_v_v_kentavr_gandkharva_drakon_medved_k_evolyutsii_odnogo_mifologicheskogo_obraza_v_severn.php);

«Известно, что предки современных финно-угорских народов контактировали с иранцами, из-за чего в удмуртской лексике представлен определённый слой ранних и поздних иранизмов. По одной из гипотез, даже сам этноним «удмурт» происходит от авест. «marəta-» – «смертный», ср. перс. «mard» (др.-киев. «смерд», – П.Д.) – «человек», «мужчина»... По-видимому, некоторые черты традиционной религии удмуртов сформировались под влиянием учения Заратуштры. Основная черта религии Заратуштры – дуализм, предполагающий существование Добра (Ахура-Мазда) и Зла (Ариман). Известно, что для народной удмуртской религии также был характерен дуализм – вера в существование Добра во главе с Инмаром, создавшим Вселенную, и Зла – во главе с Шайтаном или Кереметом (тур. «şeremet» – «имеющий легкую, быструю походку», «резкий, невежливый»; эвенк. «сулама», итал. «serpe» – «змея, змея», – П.Д.). Имя бога Инмара (через прафинно-угорское название неба *ilma, juma) восходит к Йиме из заратуштрийской мифологии – первочеловеку и царю, прародителю человечества, в более позднюю эпоху именовавшемуся как Джамшед» («Заратуштрийские элементы в народной религии удмуртов», <http://blagoverie.org/world/heritage/Russia/Finno-Ugorean/Udmurt%20Religion.phtml>)

Очевидно, долихокранные ираноязычные скифы (если же они, действительно, существовали наряду с финно- и кельтоязычными скифами, а не были лишь иранизированной знатью последних) являлись всего лишь иранизировавшимися под влиянием индофригийцев (митанийцев, мидийцев, паралатов) или даже прабалто-славян (согдийцев) потомками финноязычных и других неарийских народностей. Ведь скифы (даки, геты и др.) и саки (канка, даи = дахи, массагеты и др.) подобно ираноязычным племенам не называли себя ариями, а называли ариями лишь своих рабов:

«Здесь необходимо абстрагироваться от многозначности самого термина «арья» [Макаев, 1977; Гамкрелидзе, Иванов, 1984; Лелеков, 1982; Елизаренкова, 1989а]. Существенным в данном случае представляется его содержание в финских и финно-пермских диалектах, где «арья» – «огја», как впервые было установлено А. Йоки, означает «раб» [Абаев, 1981; Лелеков, 1982; Редеев, 1997 и др.]... Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов относят «огја» к финно-волжским заимствованиям из раннеиранского [1984]. Полную параллель приведенному значению «огја» являет архаическое индоарийское словоупотребление термина «даса» [Лелеков, 1982]. В поздних частях Ригvedы «даса» (обозначавшее не арийские, как варварские, так и ираноязычные племена, – П.Д.) также употребляется в значении «слуга», «раб» [Барроу, 1976; Эрман, 1980; Елизаренкова, 1989а,; 1999в; Васильков, 1996; Элиаде, 2009]. Аналогичная трактовка присуща и «дасью». С.К. Чаттерджи видел в покоренных даса либо рабов, либо шудр [1977]. Э. Бенвенист полагал,

что авестийскому обозначению «страны» – «dahyu» (древнее «dasyu»), в санскрите соответствует «dasyu»: «В авестийском и староперсидском «dahyu» значило «страна»; в ведийском же «dasyu» значило «раб-чужестранец»... «Dasyu» – это чужестранцы, с которыми приходилось сражаться ариям; это варвары, рабы... Таким образом, смысловое отношение между «dahyu / dasyu» отражает конфликт между индийскими и иранскими (не арийскими, а лишь иранизовавшимися, – П.Д.) племенами» [1995]. Еще в 1880 г. вероятность подобных взаимоотношений констатировал И.П. Минаев: «...занд. «дангку» значит «провинция» и этимологически вполне соответствует санскр. «дасью», но на индийской почве последнее слово значит только «разбойник», «враг» [1962]. Вероятно, подобное состояние соответствует позднему значению «dasyu» – «грабитель, разбойник» [Барроу, 1976]. Параллель между «dāsa/dasyu» в Ригведе и иранским *daha / *dahyu проводят и другие авторы: «...древнеперсидское слово «dahyu», вначале являвшееся названием народа, проживающего на определенной территории, метонимически стало использоваться для обозначения данной территории, а затем в результате генерализации этого значения приобрело смысл «страна». Таким образом, «в Синде, Панджабе и Восточном Иране жили даса-дасью, или даха-дахью» [Чаттерджи, 1977]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов также усматривают соответствие между др.-инд. «Dāsa, dasyu-» – «чужеземное племя» и др.-перс. «dahyu-» – область империи» [1984]. Для индоиранского языкового состояния в значении «раб», «чужой» восстанавливается *√ das- < и.-е. *√ des- (др.-инд. dasyu-) с указанием, что в иранском от этого корня образованы слова со значением «человек» [Герценберг, 1972, с. 57–58]. Здесь, вероятно, подразумевается «daha» – «человек» в хотанском, одном из восточноиранских диалектов. Отсюда смысл «dahyu», как производного от *√ das-, означал для древних иранцев «наиболее широкую общность людей в пределах данного племени и территории», тогда как «для индийцев этот же «dahyu»... представлялся как «раб-чужестранец» [Бенвенист, 1995]. Известны и этногеографические наименования с таким корнем. Это прикаспийское племя «Daser» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984] и иранский народ «Dahaе» [Барроу; Бенвенист, 1995], проживавший в области «Dahistan» (Дахистан) [Ghirshman, 1976], на крайнем юго-западе Туркменистана [Кузьмина, 2008]. Отмеченное сопереесечение содержательных планов и обусловило констатацию, что др.-иран. «dahyu-» – «страна» свидетельствует о каких-то интеграционных процессах, разрушивших преграды между древними фракциями, отсюда «раб» → «человек» [Герценберг]. Такие интеграционные процессы сопутствовали межэтнокультурному и межязыковому контактированию-противостоянию индоариев и древних иранцев. В результате же древнеиранский термин, обозначавший весь народ, всю страну, а позднее еще и каждую из стран империи [Герценберг, 1972, Бенвенист, 1995], в ведийской коннотации приобрел значение врагов и рабов» (И.В. Ковтун, «Сейминско-Турбинские древности и индоарии», <https://cyberleninka.ru/article/n/seyminsko-turbinskie-drevnosti-i-indoarii>; http://www.archaeology.ru/Download/Kovtun/Kovtun_2012_Seiminsko_turbinskie.pdf).

На то, что долихокранные восточные иранцы являются иранизовавшимися потомками финно-угро-самодийских и тюркских племен, указывает наличие в восточноиранских языках весьма обширной финно-угро-самодийской и тюркской

субстратной лексики. Проведённая Заратуштрой (Зороастром) религиозная реформа, ниспровергшая арийских солнечных богов Дэвов и обожествившая ведических демонических персонажей Асуров / Ахуров («несолнечных» от др.-инд. «сурья» – солнце), основывалась как на негативистском туранском мировосприятии финно-угро-самодийских племён, так и на их патологическом стремлении к переосмыслению под свою туранскую ментальность сущностей, позаимствованных у потомков индийских ариев. Поэтому-то ни сколько не удивительно и то, что контаминация маздеизма с солярными иранскими культами нашла отражение в некоторых восточноиранских языках (хорезмийском, хотаносакском, мунджанском, ишкашимском), где рефлекс имени Ахура-Мазда означает «Солнце»:

«Ахура-Мазда – верховное божество иранского пантеона, имя которого можно перевести как «Высшая Мудрость» или «Господь Премудрый». Считается, что первоначально имя Ахура-Мазды использовалось в качестве замены тайного запрещенного имени божества, на произнесение которого было наложено строгое табу... Обозначение главного персидского божества на ахеменидских клинописных текстах как *Auramazda* (фин. «aurinko» – солнце; др.-греч. «αὔρα» – легкий ветерок, дуновение, – П.Д.) породило более поздние формы типа пехлевийского *Ohrmizd*, *Ohrmazd*, согдийско-манихейского *xwrmzt*, *xormazda*, хорезмийского *Remazd*, сакского *urmayse*, а также многочисленные заимствования в другие языки: тувинский Курбусту, монгольский Хормуста, бурятский Тюрмас. Этимология пехлевийской вариации имени верховного бога «Хормазд» восходит к общему индоевропейскому корню «Хор», от которого также происходят имена солярных божеств – персидское «Хоршед», славянское «Хорс», египетское «Хор»...» («Ахура-Мазда – держатель космического закона», <https://www.zoroastrian.ru/node/443>);

«В индийской мифологии асуры считаются довольно могущественными, но чрезвычайно скверными существами – агрессивными и злобными, а также завистливыми. Завидуют они богам (то есть дэвам, именуемым также дэвелами; у христиан – дьяволами, – П.Д.), нынешним хозяевам мира. Причина зависти этих низких существ состоит в том, что боги – вообще-то младшие братья асуров, «новенькие» – некогда выкинули их с горы Сумеру, точнее – из Амаравати, сияющего Города На Холме, напоив асуров водкой, чтобы те не смогли сопротивляться. Сейчас асуры обитают у подножия Сияющего Града. Там растёт волшебное дерево, чьи корни находятся в мире асуров, а вот плоды – необычайно гламурные – созревают в мире богов. Недовольные распределением вершков и корешков (а также тем обстоятельством, что волшебное дерево тянет соки из земли асуров, вкусняшки же почему-то достаются богам), злые асуры регулярно пытаются как-нибудь навредить дэведам, но всегда безуспешно, по причине недоброкачества генов. Неудивительно, что все асурические цивилизации (от персов до этрусков) были рано или поздно зачищены дэвами и их земными приверженцами. В настоящий момент все цивилизации Земли поклоняются дэвам (да, и западные христиане тоже – поскольку своего Бога они называют именно *Deus*). Боги претендуют на высокий идеализм и духовность (в ведических источниках, и не только в них, оно также именуется «искусством доения жертвы», но о таких тонкостях мы тут распространяться не будем). Опять же неудивительно, что асурам приписывается «грубейший материализм» и отсутствие представлений о «чистоте, морали и истине» и

прочих подобных ценностях, выражающийся, прежде всего, в нежелании приносить жертвы всяким высшим сущностям. Другие источники, более осведомлённые, указывают, что здесь не всё так просто: материализм навязан асурам богами, которые создали «авидью» (лучше всего это слово переводится как «заморочка») именно для того, чтобы лишить асуров «оружия праведности», которым они некогда обладали. Интересен взгляд на это дело со стороны. Например, Чхогьям Трунгпа – великий буддистский мастер, один из тех, кто принимал решение о переносе буддизма на Запад – в своих лекциях прямо сравнивал богов-дэвов с американцами, а асуров – с русскими (в том контексте – «советскими»). Сравнение, не лишённое интереса и даже некоторой метаисторической правды, но слишком лестное для нас: увы, «асурам бхавам ашрита» среди нашего народа крайне мало, и «асуравада» в любом её изводе практически неизвестна» (Константин Крылов, «Религиоведческое: асуры», <http://lj.rossia.org/users/krylov/1833155.html>; <https://krylov.cc/blog/2009/05/15/7152>; <https://krylov.livejournal.com/1850492.html>; <https://lingvoforum.net/index.php?topic=21566.0>);

«Аура (греческое слово, означающее «дуновение», «ветерок») – это состояние, предшествующее эпилептическому приступу. Проявления ауры очень разнообразны и зависят от расположения участка мозга, функция которого нарушена. Ими могут стать: повышение температуры тела, чувство тревожности и беспокойства, звук, странный вкус, запах, изменение зрительного восприятия, неприятные ощущения в животе, головокружение, состояния «уже виденного» (deja vu) или «никогда не виденного» (jamais vu), ощущение внутреннего блаженства или тоски, и другие ощущения (включая и патологическую зависть, – П.Д.)» («Что такое аура?», <http://www.neuronet.ru/epilepsy/cont2.html>);

«Если мы обратимся к словарю за разъяснением, что же такое представляет из себя «эпилептоид», то найдем там совершенно «восхитительное» определение А. Розанова (А.И. Rosanoff), которое, по-видимому, и сами составители цитируют не без некоторой улыбки: «Эпилептоидная личность – человек раздражительный, эгоистичный, некооперативный, апатичный, упрямый и отличающийся необузданным нравом». В общем, – совокупность всех пороков, потенциальный преступник и человек в высшей степени подозрительный... Можно ли описывать наш этнический характер в терминах акцентуированной личности эпилептоидного типа? В общем, чувствуя свой этнический тип изнутри, мы вынуждены будем сказать, что что-то от эпилептоида в нем есть: замедленность и способность задерживать реакцию; стремление работать в своем ритме и по своему плану; некоторая «вязкость» мышления и действия («русский мужик задним умом крепок»); трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой; взрывоопасность также, по-видимому, имеет место. Однако о других качествах, приписываемых эпилептоиду психологами, этого все же не скажешь. Например, как-то не вяжется с носителем нашей этнической культуры способность эффективно достигать своих целей, притом, как выражается Кемпинский, невзирая на обстоятельства и весьма прямолинейными способами. Некоторая изолированность и некооперативность также как-то мало подходят в качестве определений к народу, который всегда обвиняют в слишком большом коллективизме. Способность строить сложные и хорошо проработанные в деталях планы – это также черта,

которую к носителю нашей этнической культуры можно приложить с очень большой натяжкой. Основательность – да, но чтобы хорошо проработанные планы... И так, все-таки эпилептоиды мы или не эпилептоиды? Здесь, по-видимому, приходится сослаться на то, что «эпилептоид», как его описывают справочники и словари по психологии и психиатрии, это отвлечение черт эпилептической личности, т. е. больной, а в болезни с человека спадают культурные наслоения и на свет выходит в более или менее чистом виде генотип, т. е. нечто наследственно-природное. Существует много генотипов. Вот есть и такой – эпилептоидный. При слабой выраженности составляющих его черт он пластичен и поддается культурной обработке и регуляции. Только в болезни он становится сильным и жестким, отменяя все попытки его как-то смягчить и преобразовать. Можно выдвинуть осторожную гипотезу, что в какие-то достаточно древние времена, когда оформлялись наши «социальные архетипы», процесс этот происходил на популяции с довольно хорошо выраженными чертами эпилептоидного генотипа, – и так получилось, что наши культурные параметры этим генотипом (точнее, этнотипом, – П.Д.) заданы. В ходе истории, нашествий и миграций, генотип мог смягчаться и понемногу «размываться», но не исключено, что главные его характеристики сохранились. И в этом живучесть наших этнических архетипов, они приспособлены именно к этим характеристикам, они им (русскоязычным туранцам, – П.Д.) нужны» (Ксения Касьянова [Валентина Чеснокова], «О русском национальном характере», http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava9.php).

Собственно ариями в древнем Западном Иране были лишь брахикранные потомки касситов – персы, пасаргады, марафии, маспии, панфиалеи, дерусиеи / деруши, германии / кермании и родственные им мидийские и митанийские знатные рода:

«Меж тем, племен персидских множество. Кир собрал часть из них и убедил отделиться от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все на этой земле: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них (тёмно-краснокожих и брахикранных потомков индоариев, – П.Д.) самые благородные – пасаргады, к которым принадлежит также род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена – это панфиалеи, дерусиеи, германии. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же (иранизировавшиеся долихокранные туранцы, – П.Д.) – даи, марды, дропки являются кочевниками» (Геродот, «История», ч. 10, стр. 125, <https://pda.litres.ru/gerodot/istoriya/chitat-onlayn/page-4/>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Gerod/02.php);

«В 1907 Хьюго Винклер удивил научный мир, расшифровав имена четырех божеств, хорошо известных по индийским Ведам, призванных в качестве свидетелей договора, подписанного в 1360 году до н.э. между правителями Митанни и хеттов. Божества перечислены наряду с другими богами – десятью вавилонскими и четырьмя собственно митанийскими – Индра (in-da-ra), Варуна (u-gu-v-na или a-gu-na), близнецы Митра и Насатья (na-ša-at-ti-i-ia). Совсем недавно другой документ, происходящий из Митанни, был найден в хеттском архиве в Богазкее. Он имеет отношение к коневодству и содержит ряд арийских числительных – aika (1), teras (3), panza (5), satta (7) и nav (9) – в выражениях типа aikavartanna vasannasaya («один круг по стадиону»). Наконец, мы знаем, что в это время в

государстве Митанни существовало сословие воинов, именовавшихся «*marianna*». Невольно напрашивается сравнение с санскритским словом «*māgū*», которое переводится как «молодые люди», «герои». Так что достаточно ясно, что династии, утвердившиеся на верхнем Евфрате около 1400 года до н.э., были арийскими (индофригийскими, – П.Д.), близкородственными тем, которые правили в долине Инда и позднее в Мидии и Персии. Но их подданные не были ариями, поэтому правители восприняли их язык и приспособили вавилонскую клинопись для официальной переписки и, очевидно, почитали местных богов наряду с собственными. Тот этнический поток, который привел их на берега Евфрата, не остановился там. В этот же самый период таблички из архива в Тель-эль-Амарне упоминают арийских правителей также в Сирии и Палестине – *Biridašwa* в Йеноаме, *Šuwardata* в Кейлахе, *Yašdata* в Таанахе, *Artamāna* в Зир-Башане и ряд других. Они также, вероятно, были представителями династий, а их подданные были неарийского, скорее всего семитского происхождения. Упомянутые числительные, а также имена божеств и правителей являются древнейшими из дошедших до нас образцов языка ариев. Они заслуживают особого внимания. Без всякого сомнения, они относятся к группе сатем; фактически они очень близки к тем, которые известны нам по индийским языкам. Конечно, они ближе всего к санскриту (и к лексически близким к нему прабалто-славянским наречиям, – П.Д.), чем к любому из иранских диалектов, которые позднее составили западную ветвь индоиранской семьи языков. Таким образом, имена божеств *Nāsatya* являются санскритской формой, они противостояли близнецам *Naonhaitya*, и все четыре божества упоминаются в самых древних Ведах. В иранской Авесте они превратились во второстепенных божеств (*Mithra*; Митра), просто в демонов (*Indra*; Индра) или получили другие имена (*Vaṛuna* = *Ahura Mazda*; Варуна = Ахура Мазда). Числительные определенно являются индийскими, а не иранскими; слово «*aika*» идентично санскритскому слову «*eka*», в то время как «один» на языке зенд обозначается словом «*aeva*». Точно так же звук «*s*» сохраняется в слове «*satta*», хотя в иранском языке он превращается в «*h*» (*hapta*), его исходную форму можно найти не собственно в санскрите, а в пракритах, которые, как предполагается, сложились после Вед. Даже личные имена скорее выглядят как индийские, а не иранские. Таким образом, имя *Biridašwa* вполне правомерно сравнить с санскритским именем *Bṛhadaśva* («владеющий большой лошастью»). Если это утверждение верно, то второй элемент – «*ašwa*» (лошадь) отличается от иранской формы «*aspa*», отмеченной в древнеперсидском и среднеперсидском языках (сравните «*Jāmaspa*» и «*Vistāspa*»). В связи с этим можно вспомнить, что персидский царь Дарий I именовался Гистаспом (*Hystaspes*). С другой стороны, элемент «*Arta*» – в митаннийских и палестинских именах имеет много параллелей в более позднем иранском ономастиконе; концепция божественного порядка «*Rta*», воплощенная в нем, была хорошо известна ведическим поэтам, но его редко использовали как компонент при образовании личных имен в Индии» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н.э.», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovateli-evropeyskoy-tsivilizatsii/4).

Таким образом, если наречия Северо-восточного Ирана сформировались на основе угро-самодийских этнических субстратов, то большинство наречий Западного Ирана да и

сам древнеперсидский язык сформировались преимущественно на хурритском (кутийском), лурийском, эламитском и западных туранских этнических субстратах под влиянием этнического суперстрата индоариев касситов (кельто-фригийцев) и их потомков керманиев, персов и знатных мидийцев (мадаев).

Как неотнесение древними иранцами себя к ариям, так и отсутствие у них присущего всем потомственным индоевропейцам погребального обряда трупосожжения указывают на то, что и иранские наречия долихокранных племен Афганистана, Пакистана и Северо-Восточного Ирана, очевидно, сложились лишь под влиянием индоарийского (или даже прабалто-славянского) суперстрата на основе неарийских этнических субстратов:

«Самые древние сведения об ираноязычных народах дает Авеста – памятник религиозный, содержащий учение пророка Заратуштры (в греческом произношении Зороастра) и литургические предписания (Лелеков 1992). Его древнейшая часть – гаты («песни»), состоящие из гимнов Заратуштры, – датируются в очень широких пределах – от середины II тыс. до примерно 1100 г. до н. э. (Gnoli 1980; Бойс 1987; Воусе 1992). Язык очень близок языку Ригведы (а, возможно, и к прабалто-славянскому языку того времени, – П.Д.) и в нем много особенностей восточноиранских диалектов. В Авесте нет упоминаний городов, общество Авесты выглядит вполне первобытнообщинным. Не упоминаются местности западного Ирана; гимны складывались где-то в северо-восточном Иране или в прилегающих районах Средней Азии. Именно там Авеста помещает «Арьяварту» – блаженную «страну ариев» (понятие, неизвестное Ригведе). Но это не иранцы вообще, а лишь те иранские племена, у которых зарождался зороастризм... Вообще преобладающие погребальные обычаи маздаистского характера у иранцев исторического времени («башни молчания», астоданы, оссуарии, скармливание покойников собакам и птицам, срезание плоти с костей и т. п. – Modi 1922; Nyberg 1938; Widengren 1965; Крюкова и Хисматуллин 1997; Мейтерчян 1999) как будто не имеют корней в культурах предшествующего времени (кроме единичных случаев). Но это обманчивое впечатление создается лишь поверхностным сличением внешних форм. Если проникнуть в эсхатологическую концепцию маздаизма – (не присущая праиндоевропейцам, – П.Д.) боязнь осквернить чистые стихии, то есть землю, воду и огонь, соприкосновением с мертвым телом, – то мы найдем ее проявление и в других внешних формах, в частности в обкладке могилы камнем, каменном ящике или в срубке, а такие формы и оказываются в срубной и андроновских культурах. Таким образом, основы маздаизма, позже расцветшие в иранской среде, закладывались еще там (у прафинноязычных туранских предков долихокранных иранцев, – П.Д.). Вообще это традиция, укорененная на Востоке, не только в андроновской культуре, не только в Казахстане, но и значительно южнее – в позднем бронзовом веке Пакистана и Афганистана. Но андроновскую и срубную культуры можно включить в этот ареал как более ранние» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <https://issuu.com/711744/docs/klein>; <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf).

Возможно, протофинно-угры (родственные юкагирам и самодийцам самые ранние

прафинно-угры) контактировали с индоариями еще до того, как сформировался древнеперсидский язык а, следовательно, и сам ираноязычный этнос, а более поздние протоугры (предки манси и некоторых других угров) контактировали с ними же вдали от ираноязычных племен. На это указывает наличие в языках многих финно-угорских народностей большого количества вовсе не иранских (искаженных неарийскими субстратами Западного Ирана древнеиндоарийских), а именно подлинно индоарийских заимствований:

«...можно обнаружить и арийские заимствования, вообще не отраженные в иранских языках или представленные в них в существенно отличном облике: (К 23) манс. *sāŋku – клин, венг. «szeg» – гвоздь < и.-ир. (и.-е. *kank- – «ветвь, сук, колышек», др.-инд. «sanku» – «колышек, гвоздь»; см. фонетический комментарий к этому заимствованию: [Хелимский 1990в]); (R 37) удм. коми «sumis» – ремень: др.-инд. «suṣṭan-» id. (в иранском представлен только родственная глагольная основа со значением «шить»). Данная категория заимствований не отражает перехода *s > χ (h), общего для всех иранских языков. Ср. (К 27) манс. *sat, хант. *vápət, венг. «het» (вместо *et, под влиянием «hat») < и.-ир. *sapta (др.-инд. «sapta», но авест. «hapta»); (R 3б) удм. коми «sur» – пиво < и.-ир. *surā- – алкогольный напиток (др.-инд. «surā», но авест. «hurā-»); то же в ряде других примеров, включая и предложенную В. Блажком этимологию «зайца», см. выше. Отсутствие этой фонетической черты иранских языков заслуживает особого внимания» (Евгений Хелимский, «Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)», в кн.: «ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова». М.: Изд. «Индрик», 1998. [https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998-nostratic.net/books/\(86\)helimski2000-6.pdf](https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998-nostratic.net/books/(86)helimski2000-6.pdf); см. также: А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский, «Самодийско – тунгусо-маньчжурские лексические связи», http://philology.nsc.ru/departments/ruslang/books/Anikin-Helimski_1.pdf);

«Существует ещё одна проблема, не рассмотреть которую, хотя бы вкратце, невозможно. Большинство «праиндоиранских» заимствований в финно-угорских языках указывают на форму языка-источника, соответствующую формам индоарийских, а не иранских языков (см., например, ПФУ *as8rз «господин, богач» ~ др.-инд. ásurā- «божество» при ав. ahurō «господин», ПФУ *śata «сто» ~ др.-инд. śatá- при ав. satəm «тж», ф.-волж. *oŋke «угол, крюк» ~ др.-инд. áŋka- при ав. aka- «искривление, крюк» и др.). Традиционно это объясняется тем, что древнеиндийский лучше сохранил общеарийский фонетический строй, тогда как в праиранском произошли известные изменения (ПАр *ś > ПИр *s, ПАр *s > ПИр *h и т. п.). Между тем, такое объяснение проходит не всегда: заимствование части таких слов (финско-саамское *terne «молозиво» – др.-инд. tarṇa- «телёнок» при ав. tauruna- «дитёныш»; ф.-перм. *śuka «зерно, мякина» ~ др.-инд. śūka- «зерно» при ав. sūkā- «игла»; ППерм *sur «пиво» ~ др.-инд. sūrā «алкогольный напиток» при ав. hurā «тж») – терминов земледелия и скотоводства – не может быть датировано временем ранее первой четверти II тыс. до н. э., когда эти занятия начинают распространяться у населения лесной зоны, – то есть, его следует относить ко времени, когда общеарийский праязык уже должен был распасться (см. выше). По-видимому, есть необходимость поставить вопрос о возможности интерпретации по крайней мере части арийских заимствований в финно-угорских языках как

специально индоарийских. Чисто лингвистические соображения никак не препятствуют такой возможности... С «индоевропейской» стороны дело, однако, обстоит лучше: в связи с дискуссионными вопросами о месте и времени распада индоиранской общности (который, вероятно, произошёл в черноморско-каспийских степях – см., например, обзор [Грантовский 1970:15-63], о возможном времени см. выше) довольно давно было высказано и аргументировано предположение об индоарийском происхождении значительной части арийских заимствований в финно-угорских языках [Абаев 1972:28-29]. С известной осторожностью эта идея поддержана в диссертации А. В. Лушниковой [Лушникова 1990:9]. Мне эта позиция представляется достаточно перспективной. Естественно, что её принятие и развитие должно повлечь за собой новые попытки интерпретации изложенных выше археологических данных. Пока делать их кажется преждевременным, однако, имея в виду такую перспективу, могу сказать, что данным археологии гипотеза В. И. Абаева не противоречит, и, более того, следует ожидать дальнейшего успешного развития в этом направлении... Арийскими и прототохарскими заимствованиями, по-видимому, исчерпываются старые индоевропеизмы в угорских и самодийских языках. На западе контакты с индоевропейцами были интенсивнее и разнообразнее. Если не считать охарактеризованных выше изысканий Ё. Койвулехто и его «школы», большинство исследователей сходятся на традиционной точке зрения, согласно которой последовательность встреч западных финно-угров с европейскими индоевропейскими группами была следующей: с балтами (протобалтами), из языка которых проникли многочисленные заимствования в прибалтийско-финский праязык, при этом едва ли более дюжины — ещё в прибалтийско-финско-саамский (имеются саамские соответствия) и – не более десятка слов – в языки и диалекты финно-волжской общности (имеется до 10 мордовских и 4–5 марийских соответствий) [Thomsen 1890; Kalima 1936]» (Владимир Напольских, «Введение в историческую уралоистику» V. «Внешние связи уральского, самодийского и финно-угорского праязыков», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>, <https://history.wikireading.ru/389574>; см. также: «Предыстория народов уральской языковой семьи», <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/napolskikh-predystoriya-narodov-ural-yaz-semyi.pdf>);

«Симметричная трансформация содержания «арья» у носителей финских и финно-пермских диалектов до аналогичного значения «даса / дасью» у индоариев в отношении древних иранцев удостоверяет сложные взаимоотношения и этих этнокультурных сообществ. Но мансийское «tas» – «чужеземец», связываемое с индоарийским «dasa» – «неариец, раб» [Барроу, 1976], напоминает о разделении индоариями своих оппонентов на безусловных антагонистов – дасью и условно инкорпорируемых противников – даса. Вероятно, контактировавшие с индоариями (или же с предками балто-славян сарматами, – П.Д.) протоугрозязычные предки манси относились к последним, и индоарийско-мансийские схождения это подтверждают» (И.В. Ковтун, «Сейминско-Турбинские древности и индоарии», <https://cyberleninka.ru/article/n/seyminsko-turbinskie-drevnosti-i-indoarii>; http://www.archaeology.ru/Download/Kovtun/Kovtun_2012_Seiminsko_turbinskie.pdf).

3.19 Формирование протогерманской группы народов

Протогерманцы первой волны миграции были вытеснены из Поволжья на северо-запад как балтоязычными савроматами (предками языгов = гудов и верхних аорсов усунями), так и пришедшими вслед за ними из Азии ныне смуглыми (а прежде темно-красными, подобно древним балтам и славянам) угро-финноязычными мезокранными уралоидами (возможно, низкорослыми потомками угро-финнизовавшихся тибетцев). Там в Прибалтике и в Скандинавии в этногенезе средневековых германцев, очевидно, участвовали кроме пришлых в разные периоды времени долихокранных протогерманцев, балто-славяноязычных брахикранных античных германцев (потомков как савроматов и ранних сарматов, так и юэчжийцев, и других аланов) также и как частично вытесненные на север савроматами финноязычные скифы, фрако-киммерийцы и кельты, так и аборигены – носители мужской Y-хромосомной гаплогруппы I1, создавшие культуру воронковидных кубков:

«Археологические и генетические данные могут подтвердить и возможность финно-угорского влияния на северные индоевропейские языки и прежде всего на протогерманский. Если предположить, что носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики в северной Европе (4000 – 2000 гг. до н.э.) были финно-угры, что обычно и делается (подробнее см. Кузьменко 2011: 127-132), то распространение этой культуры на Севере Европы оказывается почти одновременным с распространением культуры шаровидных амфор (3600 – 2150 гг. до н.э.) и шнуровой керамики (3200 – 2200 гг. до н.э.), носителей которых обычно связывают с индоевропейцами. Отметим, что ямочно-гребенчатая керамика была характерна не только для северо-восточной Европы, но и распространилась на севере центральной Европы и в Скандинавии, где сосуществовала с культурой шнуровой керамики и одиночных захоронений. Именно на этой территории можно предположить смену финно-угорского (возможно первой волны финно-угров) на индоевропейский протогерманский, который следует относить к концу третьего – началу второго тысячелетия до н.э. (и связать с северо-восточной миграцией кельтских, иллирийских и фракийских племен, – П.Д.). Что касается генетики, то фактическое отсутствие хромосомной гаплогруппы N1c в Северной Германии и южной Скандинавии, характерной для народов говорящих на финно-угорских языках, не свидетельствует о распространении финно-угорского мужского населения на территории предполагаемой германской прародине. Однако распространение митохондриальных гаплогрупп, свидетельствующее о большом сходстве финно-угороязычного и германоязычного населения (Кузьменко 2011: 210-214), ср., прежде всего, распространение митохондриальных гаплогрупп U, могут говорить о возможности финно-угорского субстрата в германском» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «К вопросу о неиндоевропейских субстратах в германском», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-13.htm>);

«Ибн-Якуб (X в.) отмечал, что «главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними». Г. Меркатор прямо указывал на двуязычие балтийских рутенов-ругов: язык их «был словенской да виндальской (кельтский или же балтский, –

П.Д.)»... Указание Г. Меркатора на двуязычие рюгенских «рутенгов» свидетельствует о процессе естественной ассимиляции коренного населения славянами (славяноязычными античными германцами, – П.Д.). «Виндальский» язык, в самом названии которого (как и в этнониме «венеды») также явно проступает кельтское (или же балтское, – П.Д.) начало, и был, по всей вероятности, первоначальным языком населения Ругии, а разные названия острова могут обозначать одно и то же население или даже передавать одно и то же качество, лежащее в основе имени... Прямое указание на то, что кельтская речь в начале н. э. звучала в Прибалтике, имеется у Тацита. Говоря об обитателях «янтарного» побережья, он называет «эстиев», «обычаи и облик которых такие же, как у свевов, а язык ближе к британскому». А.А. Шахматов не случайно придавал особое значение этому указанию: Тацит был зятем Агриколы, в течение ряда лет правившего римской Британией. Он мог различать диалекты германских и кельтских языков. Так, говоря о населении Британии, Тацит выделял похожих на германцев каледонцев (северная часть Британии), напоминающих испанцев-силуров (западное побережье острова), но (что согласуется с теперешними научными данными) заключал, что «в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров». Он отмечал их одинаковые верования и констатировал, что «и языки тех и других мало чем отличаются». ...Он (Н.Я. Марр, – П.Д.), очевидно, предполагал те самые выводы, к которым позднее пришел Г. Йоханссон: на всем севере Европы имеется скифская подоснова (точнее, возможно, киммерийско-скифская). Позднее Скандинавия была германизирована (славяноязычными аланами-торками и тюркоязычными саксами, – П.Д.)...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«На территории Швеции и Норвегии характерный для основных зон шнуровой керамики антропологический тип удерживается до наших дней, сохраняя, по наблюдению В.П. Алексеева, «преемственность на протяжении минимум четырех тысяч лет». [В.П. Алексеев. Краниологическая характеристика... С. 104.] На острове Готланд это население преобладало. В.П. Алексеев заключает, что «основная масса предков современного населения севера Европы происходит с юга». В то же время он находит «совершенно очевидным», что «в эпоху неолита и тем более мезолита, может быть даже и в эпоху бронзы, они не говорили на германских языках. В то же время антропологически устанавливается преемственность между неолитическим и современным населением. Этим ставится вопрос о значительной роли субстрата в сложении европейских народов, говорящих на германских языках, и в частности народов Скандинавии». [Там же.]» (Аполлон Кузьмин, «Из предыстории народов Европы», http://www.zlev.ru/59_45.htm);

«3.1.1. Гаплогруппы I1 и I2b (Y-ДНК). Значительная часть населения современной северо-западной Европы являются носителями хромосомной гаплогруппы I1, распространенной, прежде всего, в Скандинавии, Голландии и на севере Германии. Процент носителей гаплогруппы I1 у норвежцев (40.3%, по другим данным 37.3%), южных шведов (40.5 %), датчан (38.7%), северных немцев (37.5 %), фризов (29.0%) и голландцев (26.7%) (Rootsi et al. 2005, 128; Karlsson et al. 2006, 965; Dupuy et al., 2006, 2). По наличию I1 определяют потомков англо-саксонской и более поздней скандинавской колонизации в

Британии, где ее процент составляет 15% (ISOGG 2011). Высока частотность этой гаплогруппы и в западной Финляндии и у саамов (Rootsi 2005, 130–131), где ее частотность (31.4%) уступает только частотности гаплогруппы N1c, характерной для народов, говорящих на уральских и алтайских языках. Частотность гаплогруппы I1 уменьшается при продвижении на восток в сторону Польши, Прибалтики, на запад в сторону Франции и на юг (Rootsi et al. 2005, 128–129). В центральной и южной Германии процент носителей этой гаплогруппы соответственно 10% и 5% (Origins 2011). Как мы видим, большой процент носителей гаплогруппы I1 наблюдается либо у народов, сконцентрированных в Скандинавии, северо-западной Германии и Голландии, которые говорят на германских языках, либо у народов, долгое время находившихся и сейчас продолжающих находиться в контакте со скандинавами (саамы, западные финны). Считается, что гаплогруппа I одна из древнейших в Европе гаплогрупп Y-ДНК. В виде подвида I1, она распространилась в северной Европе после таяния последнего ледника около 10000 – 6800 тому назад (Rootsi et al. 2005). Предполагают, что гаплогруппа I1 была характерна для носителей первых после последнего ледника культур северной Европы и сохраняется в северной Европе до сих пор (Rootsi et al. 2005: 135; Origins 2011). Если справедливо, что гаплогруппа I1 появилась на севере Европы около 10000 – 6800 тому назад (ibid.), то именно к этому периоду следует отнести появление одного из генетических (неиндоевропейских, – П.Д.) предков тех, кто впоследствии стал говорить на языке, который мы называем протогерманским... Если мы сравним данные популяционной генетики с анализом генетической структуры останков, то оказывается, что распространение хромосомных гаплогрупп в ареале формирования протогерманского языка в значительной степени соответствует распространению протогерманских инноваций. Ареал распространения соседних с протогерманским протобалтийского и протославянского языков соответствует ареалу наибольшей концентрации распространения гаплогруппы R1a, а ареал распространения протоиталийского и протокельтского соответствует ареалу распространения гаплогруппы R1b. Соответственно, в германоязычном ареале процент распространения R1b убывает с запада на восток, а R1a – с востока на запад. Территория современной Германии и Скандинавии оказываются местом встречи двух идущих навстречу друг другу потоков генетических и языковых признаков. Причем оказывается, что лингвистическая картина с чуть большим количеством германо-балто-славянских и германо-балтийских инноваций по сравнению с германо-итало-кельтскими и германо-балтийскими более соответствует распределению R1a и R1b в Скандинавии, где процент R1a выше, чем в Германии. Эти данные могут свидетельствовать о справедливости традиционного представления о северной Европе, как об очаге формирования протогерманского. Третий компонент формирования генетического пула германоязычных народов, который более всего определяет его генетическое своеобразие это, прежде всего, гаплогруппа I1 и частично гаплогруппа I3. Эти гаплогруппы могут быть связаны с (северными «псевдоиллирийскими», – П.Д.) популяциями, оставившими след в германском языке в виде неиндоевропейской и нефинно-угорской субстратной лексики. Наконец, четвертый (финно-угорский) компонент в формировании протогерманского может быть сопоставлен с участием языка носителей митохондриальной гаплогруппы U 5 (а, возможно, и mtDNA V), в формировании протогерманского. О том, что одним из языков носителей гаплогруппы U 5 мог быть один из

предков современных финно-угорских языков Скандинавии свидетельствует тот факт, что у саамов процент гаплогруппы типа U 5 самый высокий в Европе, и эта гаплогруппа сравнительно частотна и у других финно-угорских народов. Таким образом, приводимый выше материал позволяет установить связь между формированием протогерманских инноваций и формированием генетического пула германоязычных народов» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Формирование протогерманского языка. Генетика и лингвистика», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-11.htm>).

Очевидно, вытеснение будущих германцев (возможно, лишь германизовавшихся позже кельто-иллирийцев, фракийцев и других бледнолицых аборигенов Европы) на северо-запад произошло ещё в эпоху господства финноязычных скифов в Юго-восточной Европе, так как в составе лексических совпадений в германских и балтийских языках совершенно отсутствует социальная терминология, а к индофригийской (а, возможно, и к индобалтской) лексике царских скифов (паралатов) наиболее близка лексика именно балтов, а вовсе не средневековых долихокранных германцев:

«Наконец, третий компонент формирования германского представлял язык, который по своим признакам (начальное ударение, долгие согласные, чередование ступеней > закон Вернера) соответствовал финно-угорскому языку. Более всего предположению о раннем финно-угорско-германском контакте соответствует контакт культуры ямочно-гребенчатой керамики, распространенной не только в Восточной Европе, включая Польшу, но и в южной Скандинавии с земледельческими культурами этих областей, в том числе с культурой шаровых амфор и шнуровой керамики, распространенными в южной Скандинавии и северной Германии. Слияние культуры охотников и собирателей культуры ямочно-гребенчатой керамики с земледельческими культурами в начале II тыс. до н.э. может означать и окончательную смену языка первой волны финно-угров. Это время появления германо-саамо-прибалтийско-финских инноваций (сдвиг ударения на корень, появление долгих согласных и закон Вернера), часть из которых проникла и в италийский и в кельтский. Впоследствии тесные контакты германцев с финно-уграми (квенами и саамами) продолжались уже в центральной и северной Скандинавии. Особо тесными они стали на Скандинавском полуострове в середине I тыс. н.э., что способствовало появлению особенностей скандинавских языков, отличающих их от других германских языков» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf);

«Согласно Пости различие в ударении между словами типа *kota и *kotan в финском состояло в большей ударности второго слога в словах с закрытым слогом, и эта особенность объясняет чередования в финском в соответствии с германскими чередованиями по закону Вернера, когда перед ударным гласным второго слога появлялся звонкий согласный вместо глухого. «Финны» переняли от германцев, говорящих «по-фински», произношение звонких в этой позиции. Следует заметить, что предположение о большей ударности второго слога в словах с закрытым слогом в протофинском традиционно, и не связано с гипотезой о германском суперстрате. Идея Пости с некоторыми дополнениями поддерживается и сейчас

(см., напр.: Koivulehto, Vennemann 1996; Kallio 2004). Однако наличие чередования ступеней в части самодийских языков (Купер 1987) говорит против предположения о германском суперстрате в прибалтийско-финском и саамском. Не совпадают и традиционные датировки закона Вернера с традиционными датировками чередования ступеней, которые оказываются старше закона Вернера. Поэтому, если и есть связь закона Вернера с уральским чередованием степеней, она может быть только обратной, т.е. следует предположить не германское влияние на угро-финский, а, наоборот, саамо-прибалтийско-финское (скифское европейское, – П.Д.) или еще более раннее финно-угорское (сако-массагетское азийское, – П.Д.) влияние на чередование по закону Вернера (напомним и о роли середины слова в уральских языках). Т. е. модель Пости следует перевернуть, предположив не саамо-прибалтийско-финское чередование ступеней под влиянием германского суперстрата (закон Вернера), а, наоборот, закон Вернера считать следствием финно-угорского субстрата (чередование степеней)» (Лариса Миронова, «Эти горячие германские парни Образцовые варвары?», <https://www.proza.ru/2015/03/30/1241>);

«Где-то в пределах северной части Центральной Европы (очевидно, всё же в Поволжье или же даже в Средней Азии, – П.Д.) балтийские племена соседствовали с древними германцами (точнее, с германизовавшимися позже протофракийцами, протокельтами и даже с протофиннами, – П.Д.), о чем можно судить по многочисленным фонетическим и грамматическим изоглоссам и лексическим совпадениям архаического облика, имеющимся в этих языках. Среди последних укажем на названия некоторых процессов трудовой деятельности (работа, работать, сдирать шкуру, оголять, растирать, размалывать, собирать, вязать, плести, месить тесто, мять глину, ткать); продуктов труда (смола, деготь, пакля); на названия лодки-однодревки, жилища, хозяйственных построек, частей тела (ладонь, нёбо, горло, губы, горб); явлений природы (ветер, буря); физических тел (песок, гравий); птиц, насекомых (жук, улитка); болезней (проказа); числительных (первый, одиннадцать, двенадцать); терминов, относящихся к речи; на абстрактные понятия, глаголы движения (летать, плавать, бежать, прыгать); существительные (ручей, колодец, корзина); на названия продуктов (каша) и многие другие. Показательно и то, что в составе лексических совпадений в германских и балтийских языках совершенно отсутствует социальная терминология, сложение которой восходит к сравнительно позднему времени и может быть приурочено к возникновению у германцев, в частности у наиболее восточных из них – готов, княжеской и королевской власти, социально-имущественного расслоения и государства, т. е. примерно, к началу нашей эры... О проживании предков современных балтов в Приднепровье еще в первых веках нашей эры свидетельствует текст произведения Иордана, в котором перечислено свыше дюжины различных летто-литовских и финно-угорских племен, входивших в державу Германариха, и нет ни одного славянского... В наши дни советский лингвист и археолог В.П. Петров на ряде сопоставлений показал, что из всех живых в настоящее время индоевропейских языков литовский язык стоит, чуть ли, не ближе всех к языку скифов (реконструированному, на самом деле, преимущественно на основе сарматских, а не скифских артефактов, – П.Д.) – древнейшего известного нам населения степной части Украины, отесняя в ряде случаев на второй план даже осетинский язык,

который до сих пор рассматривался многими как прямой реликт скифского. При этом наиболее тесные совпадения обнаруживаются в лексике, относящейся к животноводству, и в частности коневодству, что в свою очередь свидетельствует в пользу степного проживания предков летто-литовцев... Без принятия тезиса о проживании балтийских племен некогда значительно южнее, причем сравнительно поздно, в районе Прикарпатья и Причерноморья, невозможно объяснить, почему в исторических песнях литовцев сохранились воспоминания о реке Дунае» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st005.shtml>);

«Особую группу германо-балтийских и частично германо-балто-славянских соответствий, отсутствующую в других индоевропейских языках, составляют сходные модели образования числительных. Часть из них охватывает германский, балтийский, славянский ареал, а часть касается только общих германо-балтийских образований. К германо-балто-славянским образованиям относится общая словообразовательная модель при образовании слова, обозначающего тысячу, ср. др.-исл. þúsund, прус. tūsimtons, ст.-слав. tuseŕta, и сходную модель для образования десятков, ср., ст.-слав. tri desęť, лит. trisdesimt, гот. þreis tigjus, но ср. лат. triginta, греч. τριάκοντα. К исключительным балто-германские параллелям относится образование числительных 11 и 12 с элементом -lif (ср. *twa-libu или *twalihwu и лит. -dvylika). Уже давно был отмечен целый ряд исключительных германо-балто-славянских и германо-балтийских словообразовательных параллелей (напр., суффиксы *-isk, *-ing, *-ung, *-io, *-men (Stang 1972: 88-89; Ambrazas 1996: 126-127). Возможно, германский деминутивный суффикс -k-, характерный для всех германских языков, но особенно распространенный в западногерманских языках, мог быть заимствован из балтийского (ср. отсутствие перебора в германском суффиксе). Образование с назальным инфиксом в балтийских языках и с назальными суффиксами в германских и славянских языках также считаются часто общей германо-балто-славянской изоглоссой (см., напр., СГГЯ IV: 193-194). Важной германо-балто-славянской инновацией являются префиксальные образования перфективных глаголов и (ср. напр. гот. saihvan – gasaihvan, лит. matyti – ramatyti, ср. русск. видеть – увидеть. Существование эксклюзивных германо-балтийских инноваций и отсутствие германо-славянских инноваций свидетельствует о том, что в эпоху формирования протогерманского его контакт (на Северном Кавказе и в Поволжье, – П.Д.) с протобалтийским был непосредственным, а с протославянским опосредованным...» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Формирование протогерманского языка. Генетика и лингвистика», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-11.htm>).

Конечно же, не исключено и тесное контактирование сако-массагетских (маскутских) предков германцев с иранцами и балтоязычными савроматами (усунями и верхними аорсами) ещё в Северном Иране и в Средней Азии (в Хорезме и Кангюе). Возможно, культ быка имел место у предков англосаксов и других северных германцев, а именно – у массагетов и у саков канка, еще во времена их кочевья в окрестностях Яксарта (Сыр-Дарья), называвшегося в верхнем своем течении Кангом:

«Уместно вспомнить, что «канка» упомянуты как название народа в Махабхарате

(вторая полов. I-го тысячелетия до н.э.; современный вид эпос приобрёл к V в. н.э., – П.Д.), наряду с саками и тохарами, т.е. племенами, пришедшими из-за Яксарта. Они принесли дары во время грандиозного ведического жертвоприношения коня – ашва-медхи, которое начало практиковаться в Индии со II в. до н.э. Канка представлены, как волосатые люди со лбами, украшенными рогами, что можно принять как намек на действительно существовавший в Кангюе культ быка (наряду с конем и бараном-фарном), наиболее популярный по данным археологии в пределах Чача. Этноним, приведенный Птолемеем и рассматриваемый им как наименование племен, живших вдоль Яксарта, также является эквивалентом «людям kanha», что выявлено И. Марквартом в списке сакских племен, приведенном в греко-римских источниках» («Эпоха Кангюй», <http://j-times.ru/arxeologiya/epoxa-kangyuj.html>);

«Я видел, что у ворот дожидались саки, тухары и канки, говорит Дудводана, один из героев Магабгараты, волосатые люди, со лбами украшенными рогами. Руки их были полны дарами: материями из шерсти ранку, из шелка, из волокон дерева патто, тысячами кусков украшенных узорами материй, одеждами из тонкой хлопчатобумажной ткани и из тончайшей овечьей шерсти, нежными драгоценными мехами, длинными мечами с отточенными клинками, саблями, железными кольями, боевыми топориками, острыми секирами, напитками, разными благовониями и тысячами драгоценных камней» (А. Шишов, «Таджики: исторический очерк», [https://archive.org/stream/B-001-000-846/Шишов_А.П._Таджики._Этнографическое_исследование_\(2006\)_djvu.txt](https://archive.org/stream/B-001-000-846/Шишов_А.П._Таджики._Этнографическое_исследование_(2006)_djvu.txt); С. Бобомуллоев: Шишов А. о таджиках (к вопросу об этногенезе), <https://centrasia.org/newsA.php?st=1347862860>).

На это же указывает и наличие в англосаксонской лексике иранских и алтайских соответствий:

«13. У англосаксов есть следы иранской лексики (напр., древнесаксонскому «hoh» – «высокий» за пределами языков германской группы фонетически ближе всего осет. «хох», фарси и тадж. «кух» – «гора»). Об иранской лексике в английском пишут давно, наиболее ранняя из известных мне публикаций, упоминающих об этом – Sharon Turner, THE HISTORY OF THE ANGLO-SAXONS FROM THE EARLIEST PERIOD TO THE NORMAN CONQUEST, 1840. 14. У англо-саксов есть следы лексики алтайских языков. Примеры сходства английских и монгольских слов:

– «рука» по-английски «arm», по-монгольски – «гар» (с «украинским» придыхательным «г»);

– кишки по-английски «guts» (и мужество – тоже), по-монгольски – «гэдэс» (и кишки, и мужество);

– «пятка» по-английски «heel», по-монгольски «стопа» – «хёл» (русс. «голень»);

– «быстрый» в англосаксонском, по Фасмеру, «eaгу», по-монгольски – «яаруу».

...у слова «top» за пределами языков германской группы есть только тюркские аналоги: кр.-тат. «торе»; карач.-балк. «тёпе», с тем же значением «вершина», также турец. «тере» и т.п. – со значениями «холм, бугор, вершина»... – фригийские предки германцев (к началу первого тысячелетия до нашей эры, – П.Д.) уже были в Малой Азии; – массагеты – предполагаемые предки англосаксов – были за Каспийским морем, где-то между персами и скифами...»

(Георгий Тележко, «Сбор данных о предках англосаксов», <http://www.proza.ru/2011/07/28/24>).

Многие тюркско-германские соответствия, очевидно, восходят к общим угро-самодийским первоистокам:

«Например, нельзя спорить с тем, что немецкий суффикс –lich соответствует тюркскому -lik (-lik). В чувашском (тюркизовавшемся угорском, – П.Д.) ему отвечает –лӑк (–лӓк). Однако английский суффикс –ly произошел не от сокращения общетюркского -lik (-lik) до -li (-li), как считает О. Каратай, а от чувашского –лӑ (–лӓ, –лӑ, –лӓ). ...исчезновение категории рода в английском языке может быть объяснено именно тюркским влиянием (точнее неразвитость категории рода в англосаксонских и тюркских наречиях под влиянием их общего динлинского угро-самодийского субстрата, – П.Д.), поскольку в тюркских (и в финно-угорских, – П.Д.) языках категория рода отсутствует... чув. «арат» – «еда», – др.-анг. «ofett», нем. «Obst» – «овощ». Бросается в глаза созвучие чувашского слова со славянскими «обід, обед, објед, obed, obiad» и др., которые относятся к корню *ěd-, имеющегося, например, в рус. «еда» (лит. «pietums» – обед, нидерл. «eten, voedsel» – еда, – П.Д.)» (Валентин Стецюк, «Чувашско-германские языковые соответствия», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic/ChuvGer.html>).

На то, что средневековые долихокранные германцы не являлись прямыми потомками праиндоевропейцев, указывают не только лексические и антропологические, но и социальные их особенности и отличия от ранних индоевропейцев:

«...широким признанием пользуется теория трехчастной социальной организации и соответствующей ей идеологии у индоевропейцев (Дюмезиль). Можно сказать, что эта трехчастность, трехклассовость (жрецы, воины, скотоводы) имплицитно называется названным учением уже у ранних индоевропейцев. ...известно даже о древних германцах по письменным источникам, т.е. около начала н.э., что они жили преимущественно бесклассовым обществом, далее – что у них имелись не жрецы, а жрицы, что само развитие общественных отношений могло быть неравномерным у германцев и прочих индоевропейцев...» (Олег Трубочев, «Языкознание и этногенез славян», <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-84.htm>).

3.20 О более позднем прибытии в Европу славян, нежели протогерманцев и балтов

В чувашском и во многих финно-угорских языках присутствуют следы былого пребывания на просторах Азии и в Поволжье не только финноязычных скифов, но и балтоязычных савроматов:

«Так, например, чувашское слово «така» – «баран» близко к литовскому «tekys», имеющему то же значение. Чувашское слово «выльӑх» – «скот» можно было бы сопоставить с элементом «bleg» в албанском слове «blegtor» – «скотовод» (лит. «galvijai», польск. «bydlak», укр. «бідло» – скот; лит. «buklas» – логово, – П.Д.), чувашское слово «карта» – «хлев», по-видимому, принадлежит тому же источнику, от которого происходит эрзя-

мордовское «кардаз» – «двор», ср. литовск. «gardas» – «загородка». Значительно больше следов оставили фатьяновцы (очевидно, всё же не долихокранные фатьяновцы, а балтоязычные брахикранные савроматы, – П.Д.) в финно-угорских языках Волго-Камья, носители которых были аборигенами края, ср. марийск. «презе» – «теленок», которое может быть соответственно с литовским «versis» – «теленок», коми-зыр. «ош» – «бык» (основа «ошк»), луг.-марийск. «ушкыж», ср. др.-инд. «uksan» – «бык»; эрзя-мордовск. «одар» – «вымя», луг. марийск. «водар», ср. греческ. «οδῶας» – «вымя», др.-инд. «udhr», латинск. «uder» из «udher» и т.д.» (Б.А. Серебренников, «Происхождение чуваш по данным языка», в сб.: «О происхождении чувашского народа», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/o_proiskhozhdynii_chuvashskogo_naroda.pdf; http://suvar.org/books/o_proiskhozhdynii_chuvashskogo_naroda.pdf).

Славянская же лексика попала в эти языки гораздо позже. Ведь славяноязычным горцам сарматам, мигрировавшим в Европу (а именно, в гористую Скандинавию) позже всех других индоевропейцев, и их потомкам славяноязычным античным германцам не было известно древнее название Нижнего Дуная:

«Славяне рано стали пользоваться известным кельтско-германским названием *dunaj / *dunavъ, относившимся к Среднему и Верхнему Дунаю, однако замечательно, что они не знали древних названий Нижнего Дуная, например «Istros». Из поля зрения древних славян выпал, таким образом, фракийский сектор реки. Это соответствует уже отмечавшимся преимущественным древним связям между фракийским, дакским и балтийским... Любопытно, что некоторые индоарийские (праиндийские) изоглоссы (лексические сходения, – П.Д.), возможно, выступают еще в Карпатском регионе. Так, уже Соболевский связал название притока Тисы Hornad с др.-инд. «nadi» – река; мы можем добавить ряд местных названий с элементом «-nad», известных исключительно в Трансильвании и Банате: «Panade, Tasnad, Tusnad, Senad». Известная Nitra в Словакии находит теперь объяснение как связанная с древней формой (*neitra), др.-инд. «netra-» – проход» (О.Н. Трубачёв, «Этногенез славян и индоевропейская проблема», Этимология, 1988 – 1990, – М., 1992, С. 12-28, <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-92.htm>).

Все это указывает на то, что первые долихокранные протогерманцы и брахикранные протобалты пришли из Северного Китая и Южной Сибири в Восточную Европу гораздо ранее потомков славяноязычных жунов и юэчжей (как аланов-торков, ютов, англоv и других славяноязычных античных германцев, так и караболгар утигуров = ясов и карахазар = черкасов). Возможно, это были мигрировавшие в Восточную Европу из Минусинской котловины и с Горного Алтая долихокранные протофинноязычные и брахикранные балтоязычные потомки ранних карасукцев (кон. 2-го – начало 1-го тыс. до н.э.), потеснившие далее на запад финноязычных потомков андроновцев:

«Только поздняя, иранская волна может происходить из андроновской культуры, точнее из андроновских культур, но и не только из них, а также из срубной культуры. То есть иранцы (финноязычные, кельтоязычные и фракоязычные туранцы Северного Ирана – потомки ранее прафинноязычных и других неиндоевропейских племен, – П.Д.) были уже

тогда разделены на несколько народностей или культурных традиций. К первой волне, индоарийской, андроновский источник не подходит по хронологическим основаниям: ведь андроновские культуры в Казахстане не старше XVI в., а уже в XVII в. индоарии появились в Передней Азии. Не вяжутся и другие параметры андроновских культур с индоариями. Андроновские культуры, как и срубная, весьма привержены земледелию – это типично для иранцев (поощрялось Авестой), но не для индоариев (в Ригведе даже не упомянут плуг). В андроновской культуре есть двугорбый верблюд (бактриан) и культ верблюда – найдена статуэтка бактриана (Кузьмина 1963). Это соответствует тому, что в Авесте воздается хвала золотистым верблюдам, а иранцы носили имена, оканчивающиеся на -уштра («верблюд»), в том числе имя пророка Заратуштры. Но всё это чуждо Ригведе» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-l-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoeuropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«...обзор литературы позволяет сформулировать концепцию миграционного происхождения карасукской культуры. Формирование ее происходило в Минусинской котловине в результате смешения местных андроновских племен, большая часть которых была вытеснена на север в Назаровскую котловину пришедшими с территории Казахстана андронидными компонентами (саргаро-алексеевские комплексы, носители валиковой керамики, дандыбай-бегазинские комплексы), в эту же миграцию были вовлечены какие-то группы Верхнего Приобья (еловские комплексы) (Грязнов, 1956; Кызласов, 1971 а; Членова, 1998; Варфоломеев, 2005; Лазаретов, 1993; 1995; 2006; Поляков, 2006). Оформившись на среднем Енисее, карасукские племена стали распространяться по всей территории котловины, в результате чего в южной части они вступили в контакты с окуневскими и центральноазиатскими культурами. На II этапе развития (каменноложский или лугавский период) в Минусинскую котловину проникают новые группы мигрантов из районов Монголии и Северного Китая (Лазаретов, 1995; 2006; Поляков, 2006). Появление мигрантов из Центральной Азии исследователи склонны связывать с падением Иньской империи и завоеванием его со стороны Чжоу (Паульс, 2000, с. 115). Новые группы мигрантов несли с собой традиции «северного» комплекса (культуры Чаодоугоу, Наныпаньгэнь), формирование которых, по мнению А.А. Ковалева, связано с обширной миграцией с территории Ирана и Северо-Восточного Ирака (Ковалев, 2004)» (Денис Миягашев, автореф. дис. «Миграции в древней истории Хакасии», <http://www.dissercat.com/content/migratsii-v-drevnei-istorii-khakasii>);

«Расселение создателей срубной культуры по степной полосе Восточной Европы относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. Вместе с ними вместо мышьяковистой бронзы северокавказского происхождения распространяется оловянистая приуральская бронза в формах, появляющихся вместе с сейминской культурой Прикамья и Среднего Поволжья. Эти последние возникают в готовом виде и обнаруживают близкое сходство с бронзами Западной Сибири. Есть основания полагать, что сейминская культура в Приуралье сложилась в результате миграции какой-то группы населения из Сибири, толчком для

которой послужило возникновение карасукской культуры в Минусинском крае, по-видимому, центральноазиатского происхождения. Характерные для нее вещи, но в составе совершенно иной культуры известны по находкам в Монголии и Северном Китае – в столице древнего Иньского царства Аньяне, основание которой относится к XIV – XIII вв. до н.э. Должно быть, этим же временем следует датировать и возникновение карасукской культуры в Минусинском крае, связанное с вторжением в него нового населения (брахикранных протокимморийцев и протобалтов, – П.Д). Быстрое распространение по Северному Причерноморью срубной культуры, заимствовавшей от сейминской культуры более совершенное сибирское вооружение, сопровождалось вытеснением и ассимиляцией занимавшей его катакомбной культуры с ее вариантом – культурой многоваликовой керамики, оттесненной в самый начальный период срубной экспансии из междуречья Дона и Северского Донца до низовий Дона и Днепра. Около середины XIII в. до н.э. срубная культура оказывается уже на Днестре, где в составе замечательного Бородинского клада близ Белгорода-Днестровского найдены копья сейминского типа. К тому же времени срубная культура продвигается в степи Северного Кавказа, оттесняя к горам Кавказа господствовавшую там катакомбную культуру. ...погребения лесостепной Скифии связываются между собой близким сходством похоронного обряда и единством материальной культуры. Они оставлены одним народом (финноязычными скифами, – П.Д) с второстепенными локальными различиями, менее значительными, чем различия в диалектах одного языка. Исключение составляют погребения днестровской (западно-подольской) группы (фракийцев, кельтов и родственных киммерийцам потомков брахикранных карасукцев – треров, – П.Д) с их большим числом трупосожжений, с каменными погребальными сооружениями и с отсутствием больших курганов с многочисленным инвентарем» (Михаил Артамонов, «Киммерийцы и скифы [от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.]», http://annales.info/skif/small/art_kis.htm).

3.21 Последствия вытеснения жунов циньским Му-гуном из Северного Китая

Немного позже бледнолицых и долихокраних прафиннов, фракийцев и других протогерманцев, а также и долихокраних днепровских протобалтов в Европу прибыли тёмно-краснокожие и мезокрание (мезобрахикранные) балтоязычные и угроязычные савроматские племена, начавшие свою миграцию на запад сразу же после разгрома циньскими ванами Пин-ваном (753 г. до н.э.) и Му-гуном (659 – 621 гг. до н.э.) 12-ти владений западных жунов / гуннов (кит. «жун» – высокий) и «возврата» Китаю земли Чжоу (др.-кит. «чжоу», кит. «yù / go» – «территория, край, регион»; лтш. «vaigs», франц. «joue», англ. «jaw, jowl», лат. «gena», итал. «guancia, gota», турец. «уанак» – «щека / боковая поверхность»):

«Что же касается Цинь, то правители нового удела быстро укрепились на пожалованных им землях и начали энергично расширять свои владения. Они шаг за шагом теснили жунов, пока не нанесли им на 18-м году правления Пин-вана (753 г. до н.э.), как сообщается в «Чжушу цзинянь», решающее поражение. В результате были очищены земли к

западу от горы Ци-шань – те самые, что были пожалованы правителям Цинь в качестве территории их нового удела. Эти земли и остававшееся на них население, включая часть не успевших переселиться чжоусцев, были присоединены к владению Цинь, что способствовало превращению его в одно из крупнейших царств за пределами Чжунго» (Леонид Васильев, «Древний Китай», Том 1. «Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)», http://historylib.org/historybooks/Vasilev-Leonid-Sergeevich_Drevniy-Kitay--Tom-1--Predystoriya--SHan-In--Zapadnoe-CHzhou--do-VIII-v--do-n--e--/57);

«Горные жуны были промежуточным звеном между степями и цивилизованным Китаем. Они держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе до Хингана на востоке. Многочисленные племена их «рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться». Вполне вероятно, что степняки-хунны иногда принимали участие в походах своих (прабалто-славяноязычных, – П.Д.) соседей и только таким образом китайцы узнавали об их существовании. Поэтому сведения о хуннах древнего периода отрывочны. Последнее же вызвало возникновение разных гипотез, отождествлявших хуннов то с хяньюнь и хуньюй, то с самими шаньжунами, причем забывалось, что хунны были степняки, а не горцы. В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним жун... Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора, который приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, т.е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего» (Лев Гумилев История народа хунну // Жуны и хунны», <https://history.wikireading.ru/40491>, https://www.e-reading.club/chapter.php/17527/8/Gumilev_-_Istoriya_naroda_hunnu.html);

«Вероятно, китайцы впервые столкнулись с жунами во время крупных военных действий, приведших к разгрому Западного Чжоу (771 – 770). В нём, кроме жунов, принимал участие народ ди (некоторые исследователи считают, что сочетание жун-ди обозначает единую группировку кочевников). Родство жунов и племён, создавших Чжоу, скорее всего, мифологический сюжет, как и родство жунов с тянами (цянами, – П.Д.) – племенами, воевавшими с Инь во 2-й половине 2-го тысячелетия. Более вероятным является родство жунов с династией государства Северный Цинь, которая позднее создала империю Цинь. В древнекитайской философии порой идеализировались простота нравов и добродетели жунов, противопоставлявшихся «испорченным» китайцам» (П.М. Кожин, «Энциклопедия // Жуны», <http://knowledge.su/zh/zhuny->);

«Трудно нарисовать более выразительную картину-родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н.э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т.е. выборным старейшинам и вождям. – С.К.), руководствуясь искренностью и преданностью» [Таскин]. Война и набег с целью захвата добычи – важная сторона их жизни... Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников

сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников... Вместе с тем сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н.э., когда правитель царства Цинь, Му-гун, напал на жунов и захватил «двенадцать их владений» [Таскин]. Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период Борющихся Царств (463 – 222 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов и ди на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (гуннов) и юэчжей, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н.э. китайцы впервые называют гуннов (на самом деле солнечных хуннов / сюнну, а вовсе не лунных жунов, известных в античной Европе как гунны, – П.Д.) среди своих противников. ...накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов (на самом деле, монголоидов сюнну / хуннов, а не европеоидов жунов / гуннов, – П.Д.) и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V – III вв. до н.э., принадлежала тохарским, сакским и сарматским племенам – юэчжам и усуням. Именно среди памятников близких, но не тождественных (финно-угро-самодийским, – П.Д.) скифским, выделены теперь многочисленные погребальные комплексы VII – V вв. до н.э., несущие признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226783>; «Степные империи: рождение, триумф, гибель», <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-savinov-2005-1-1-2.htm>).

Ещё позже к сарматским племенам вместе со славяноязычными германо-сарматскими племенами и присоединилась и вторая волна усуньских балто- и угроязычных племен (III в. до н.э. – V в. н.э.), вытесненных на запад племенами хунну (сюнну). Ранее же последняя миграция балтов в Европу не могла произойти, так как благодаря лишь не очень длительному проживанию в северных широтах Южной Прибалтики прусы, являвшиеся потомками кочевавших в окрестности реки Прут (лат. Poras) языгов = усуней, так и не успели к началу второго тысячелетия лишиться красноты своей кожи:

«Прусы еще не познали света веры; люди, обладающие многими естественными добрыми качествами, «весьма человеколюбивые» по отношению к терпящим нужду; «они спешат навстречу тем, кто подвергается опасности в море или преследованиям со стороны морских разбойников, и приходят им на помощь... В пищу они употребляют мясо лошадей, молоко же и кровь их используют для питья и, говорят, напиваются ими даже допьяна. Люди эти голубоглазы, кожа у них красная, волосы длинные. Кроме того, недоступные из-за болот, они никакого господина над собой терпеть не желают...» (Гельмольд, «Славянская хроника», 1125 – 1177 г.г., <http://www.jarilo.ru/narod/germany/sh1.html>).

Если прафинны и пришли в Поднепровье и в Поднестровье значительно ранее прабалтов, то в Прибалтику они проникли не ранее прибытия туда балтоязычных

савроматских племен:

«...данные о контактах западных финно-угорских языков с балтскими свидетельствуют о том, что расселение прямых языковых предков прибалтийских финнов в Прибалтике имело место после распространения там балтских языков, точнее – никак не ранее рубежа III – II тыс. до н.э. (если, несмотря ни на что, считать носителей культур со шнуровой керамикой и боевыми топорами балтоязычными савроматами), либо – что более правдоподобно – не ранее конца II тыс. до н.э. (если – см. выше – соотносить контакты прабалтов с прибалтийскими финнами с распространением в Прибалтике культуры штрихованной и ложнотекстильной керамики)» (Владимир Напольских, «Введение в историческую уралоистику», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>; «Предыстория уральских народов», <http://vkist.ru/download/101334>).

Однако, вполне возможно, что это произошло и гораздо позже под натиском сначала даков Бурбисты, легионов Рима и кельтизированных иллирийцев бастарнов, а затем как славяноязычных германцев лугиев, гермундуров, маркоманов и квадов, балтоязычных роксолан и языгов = гудов / гуттов (готов), так и других балто-славяноязычных готов = гутиев, а также и вошедших в готские союзы племен бледнолицых долихокранных протогерманцев и славяноязычных тёмно-краснокожих брахикранных аланов-торков:

«Таким образом, с конца III в. до н.э. по всему юго-западному ареалу Среднего Поднепровья располагаются племена и этнические группы кельтического и поморско-балтийского происхождения. Просачиваются они и в самое Приднепровье. Несколько позднее в этом же направлении продвигаются и дако-фракийские племена, отходящие под натиском римлян. К последним, в частности, относится липицкая культура первых веков н.э., существовавшая относительно короткое время в Северном Поднестровье. Вторжение сарматских племен в Причерноморье привело к ряду передвижений и в другом направлении: с востока на запад и северо-запад. В то время, как остатки скифов, тавров и других древнейших насельников этого района, искали защиты у греческих городов-государств или просто в районах неудобных для кочевий, пришедшие в движение кочевые племена проникали все далее на запад, смешиваясь с другими варварскими племенами или сдвигая их с насиженных мест» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-77.html>).

Родственные частично иранизированным иркам = гирканам / вирканам, массагетам, акацирам и даям / дахам долихокранные финноязычные скифы (геты, тирагеты / тырегеты, агатирсы / агафирсы, даои и другие финноязычные дакийские племена) после своей частичной ассимиляции бастарнами (пояншти-лукашевская культура) и балтоязычными языгами были вынуждены мигрировать вместе с ними из левобережья Истра (нижнего Дуная) сначала в Мёзию, Паннонию и Северное Прикарпатье, а затем и дальше как на северо-запад вдоль Немана, Западного Буга и Вислы, так и на северо-восток вдоль Припяти и верховьев Днепра (или же из Повисленья значительно севернее):

«Страбон сообщает о другой военной экспедиции против даков (и покорённых ими агафирсов и других финноязычных скифов, – П.Д.), упоминая о сборе на реке Марисос (совр.

Муреш) римского войска. Хронология этого события, равно как и его результат, неясны, однако из общего контекста можно понять, что этот рейд римлян за Дунай был совершен уже после исполнения Гнеем Лентулом своей миссии [Strabo. VII. 3,13]. По мнению специалистов, достигнуть р. Марисос было возможно лишь в том случае, если римское войско имело опору в базах оперативного развертывания на правом берегу Дуная, который лишь со времени миссии Лентула в какой-то своей части принадлежал римлянам и был укреплен оборонительными сооружениями (Patsch, 1932. S.103-108; Mócsy, 1962. S. 532, 543-544)... Римляне несомненно учитывали и существование исторически сложившейся этнической вражды между языгами и даками, нашедшей отражение в трактате Плиния [Plin. Nat. 4,80]. В дальнейшем эта вражда закономерно привела к антисарматской политической линии Децебала и, как следствие, к участию конницы языгов в войне с даками на стороне Траяна [Dio Cass. 68. 10. 3]... Борьба римлян с сарматами во II – IV вв. имела характер не эпизодических сражений, а затяжных военных кампаний и определялась современниками как войны (bellum Sarmaticum)» (Николай Лысенко, «Языги на дунайском лимесе Рима в I – II вв. н.э.», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/N_Lysenko_Yazigi_na_Dunay.pdf);

«Часть этих западных балтов (имеются в виду ятвяги и голядь) дошла до Сожа. Такие же детали похоронного обряда, как на Белой Горе в Чечерском районе, гомельский археолог Олег Макушников находит в междуречье Эльбы и Вислы. Часть западных балтов (возможно, лишь балтизовавшихся потомков финноязычных долихокранных скифов, – П.Д.) пошла далее на восток – на Оку. Это сообщество известно в русских летописях как голядь, давшая начало также летописным вятичам (очевидно, балтизовавшимся вотякам / удмуртам, – П.Д.). Антропологическое изучение захоронений свидетельствует, что ятвяги, радимичи, вятичи и подмосковная голядь имеют сходный физический тип, происхождение которого связывается с западными балтами (на самом деле, с балтизовавшимися долихокранными скифскими племенами – днепровскими балтами, – П.Д.). Московский лингвист Георгий Хабургаев, основываясь на гидронимии Посожья, относил язык дославянского населения этого региона к ятвяжским (западнобалтским) диалектам. Еще одна часть мигрантов двинулась через Поднепровье и Подвинье на север и достигла восточной Латвии, образовав (восточнобалтский, – П.Д.) латгальский этнос. Может показаться неожиданным, но предки радимичей этнически и культурно наиболее близки среди сохранившихся этносов к латгалам, от племенного названия которых уже позже немцы образовали название страны – Латвия. Археологи давно заметили сходство украшений радимичей и латгалов (лучистые фибулы и подвески). Различия только в деталях – латгальские изделия имеют острые концы, а радимичские – более закругленные. Различаются деталями также подвески с изображением головы тура (быка)» (Олег Дернович, «Этническая история Беларуси», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=47>);

«Однако дреговичи, радимичи и полоцкие кривичи начала II тысячелетия отличались (от брахикранных западных балтов – потомков языгов и роксолан, – П.Д.) долихокранией с крупным продольным диаметром и широким лицом (Дебец, Алексеева). Мнение о

присутствии среди восточных славян Беларуси начала II тысячелетия антропологического типа, сходного с типом балтов, было высказано Валентином Седовым. По мнению Татьяны Алексеевой, комплекс признаков, где долихокрания сочетается с широколицестью, генетически не связан со славянами. Татьяна Алексеева на этом основании предполагает, что тип полоцких кривичей, радимичей и дреговичей в значительной степени формировался на балтской (возможно, всё же на скифо-савроматской – финно-балтской, – П.Д.) основе. Сходный антропологический тип с широким лицом обнаружен также у мазовшан (северо-восточных поляков) X века, где также можно предполагать балтский субстрат...» (Раиса Денисова, цит. по: Игорь Коломийцев, «Народ невидимка», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_dvadcat_pervaja_rodina_blondinov_prodolzhenie/0-200).

На длительное проживание балтоязычных языгов в придунайских равнинах указывают не только сообщения античных авторов, но и лингвистическая близость балтских языков как к латыни, так и греческому языку:

«Признание гуттов не готами, а «эстиями» или гетами заставляет В. Пирсона искать корни происхождения литовцев не на берегах Балтики, а в придунайских равнинах и причерноморских степях. Предки литовцев, гуттоны, утверждает В. Пирсон, тождественны с гетами. В обоснование этого положения он приводит много доводов, мобилизуя для этого и лингвистику, и этнографию, и памятники письменности. Согласно теории Пирсона, народ язиги (или яциги), о котором упоминает Страбон, – это ятвяги. Во времена Страбона они жили вместе с тырегетами между Бугом и Днестром, а около 170 г. н.э. (при Птолемею) обитали на нижнем Дунае, на р. Тисе и в Карпатах. В XI в. н.э. они жили уже севернее Карпат на Нареве и Буге, по соседству с поляками и галиндами, и известны нам под именем ятвягов, ятвежь, готвезей, готвезитов и полексиан, или подляхов. Родственные язигам племена гетов занимали в VI и V вв. до н. э. правый берег нижнего Дуная, а в IV в. до н.э. – левый берег. В 50 г. до н.э. геты под управлением своего вождя Биребистаса достигли наибольшего могущества, но вскоре эта «держава» распалась. Часть гетов возвратилась на правый берег Дуная, а оставшиеся на левом берегу в течение некоторого времени сдерживали натиск германских племен, но вскоре были смяты и приведены в движение на северо-запад. Здесь, на Днестре, геты влились в состав язигских племен (и балтизировались, – П.Д.). В доказательство тождества язигов и гетов с гуттскими, т.е. литовскими, племенами Пирсон ссылается на множество совпадений в обычаях гетов (по Геродоту, Овидию и Мела) и пруссо-литовцев: например, ристалища при погребении, сожжение вместе со знатными покойниками их рабынь и боевых коней, многоженство и покупка жен, принесение в жертву богам пленных, употребление в пищу кобыльего молока и лошадиной крови, ношение длинных волос и бород, ношение штанов и т.д. Кроме того, указывает Пирсон, совпадают религиозные обычаи и названия богов; имена вождей гетов этимологически расшифровываются литовскими словами... Если бы даже признать в какой-то мере правильность доказательств Пирсона о том, что геты и язиги принадлежали к литовским, или, как называет Пирсон, «гуттским» племенам, то все же это не решает еще проблемы литовского этногенеза, потому что геты и язиги обитали незадолго до нашей эры на берегах Черного моря и нижнего Дуная, а в это время в Прибалтике уже давно существовали народы

(балтизировавшиеся позже северные иллирийцы и кельты, – П.Д.), которые никак нельзя оторвать от летто-литовцев. Ранние периоды литовского этногенеза уходят гораздо дальше в глубь истории, чем это представлял себе Пирсон. Но живая связь балтийского населения с населением северного Причерноморья и последующие – вторичное, третичное и прочие передвижения остатков гетских и язигских племен в районы Нарева и Буга – могли иметь место и в первые века нашей эры» (П.И. Кушнер [Кнышев], «Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики», Вильнюс, 1991, с. 44-47,

<http://www.tarnautojai.lt/memo/modules/myarticles/print.php?storyid=113>);

«Большая толпа сарматского и гетского племени разъезжает на конях по дорогам. Среди них нет ни одного, кто не носил бы колчана, лука и стрел, смертоносных из-за змеиного яда. Дикий голос, страшное лицо – настоящий образ Марса» (Публий Овидий Назон, «Печальные песни», Tr. V.7. 9-22, http://www.othist.ru/istochniki_ant_038.html);

«Особо стоит отметить впечатляющие сходства многих литовских и латинских слов, причём отнюдь не специального назначения, которые можно было бы заимствовать (я уже не говорю о специфических окончаниях на «-s», характерных для обоих этих языков и древнегреческого). Привожу несколько примеров (после значения слов сначала привожу литовское, затем – латинское слово): огонь – ugnis, ignis; юный – jaunas, juvenes; первый – pirmas, primo; бык – tauras, taurus; гнить – puti, putescere; рычать – urgzi, медведь – ursus, мужчина – vugas, человек – vir (по-ирландски – fear)! Некоторые из приведённых литовских слов не имеют аналогов в славянских языках: это слова со значениями «бык», «гнить» и «человек» – то есть связывают с южными языками исключительно литовский. Даже названия языков: латинский, латышский и литовский – сходны» (Георгий Тележко, «О прабалтославянской экспансии», <http://www.proza.ru/2011/06/30/98>).

3.22 Скифские и дако-фракийские предки россиян

Из Подолья, Бессарабии, Буковины, Трансильвании, Мёзии, Фракии и Малой Скифии (Добруджи) этими же волнами миграций, очевидно, были увлечены на север и на северо-восток (вдоль Припяти и верховьев Днепра) как потомки родственных аризонцам ализонов или же аорсов = ареатов / арсиетов (возможных балтоязычных брахикранных предков эрзян = арису), относимые к сарматам финноязычные кораллы (предки корелы = карелов) и черемошские племена (предки волжских черемисов), так и финнизированные скифами фрако-дакийские племена (брахикранные морисены – предки марийцев; долихокранные фенны / финны, имя которых лишь распространили на брахикранный народ Суоми / Финляндии; бесы / биессы – предки веси / вепсов; мурешские агафирсы – возможные предки мерян и муровлян = муромы):

«Пока прогрессивные реформы Петра Великого не изменили ход развития страны, русское декоративное искусство сохраняло многие черты скифского стиля. Хотя зооморфические сращивания и олени мотивы были забыты, сохранились многие узоры из птиц. Они появлялись в качестве украшений на различных изделиях из металла и керамики,

вышивках и огнестрельном оружии. Некоторые предметы домашней утвари, чаще всего ложки и бокалы для вина, сохранили скифские формы. На них по-прежнему изображались олени и узоры в виде наконечников стрел, столь характерные для скифской орнаментации» (Тамара Т. Райс «Скифы: строители степных пирамид // Народ. Религия», <http://www.bibliotekar.ru/skify/11.htm>);

«Не отрицая возможности отдельных вторжений скифов за Карпаты, следует сказать, что закарпатские памятники со скифскими элементами, как показала А.И. Мелюкова, оставлены местным населением, находившимся в связях со скифами. Появление этих вещей, скорее всего, надо отнести на счет переселенцев с северной стороны Карпат (финноязычных скифов и других потомков карасукцев, – П.Д.), вытесненных оттуда скифами-царскими, так как эти вещи, воспроизводящие ранние скифские формы, датируются, в общем, V в. до н. э., когда северо-восточная Румыния с Молдавией и Подолия были очищены от своего населения. Присоединившись к родственному населению южнее Карпат, эти переселенцы, видимо, слились с туземцами и, во всяком случае, быстро утратили и без того немногочисленные признаки своей особой культуры... Его (Страбона, – П.Д.) данные не противоречат сведениям Геродота, указания того и другого на иранские обычаи, одежду и происхождение сигиннов (сижунув? – П.Д.) дают основания связывать их со скифами, что археологически подкрепляется распространением скифских вещей в Средней Европе, преимущественно на территории Венгрии. Таким образом, есть все основания полагать, что агафирсы, сигинны и неизвестное по имени население Подолии были близко родственными со скифами (финноязычными потомками долихокранных андроновцев и карасукцев, – П.Д.)... В Средней Европе различаются три области распространения памятников скифского типа: трансильванская, северовенгерская и болгарская (нижнедунайская). Вещи скифских типов раннего времени (конца VI – V вв.) характерны для двух первых из этих областей, в болгарской же сходные со скифскими формы появляются в более позднее время... О роли скифского искусства в развитии фракийского искусства можно судить по распространению в последнем в IV в. украшений конской узды в виде ажурных орнаментализированных фигур животных и их частей, в частности ног с копытами или когтями, известных в Скифии с V в. до н. э. Несомненные соответствия для них имеются на Алтае в составе надевавшихся на головы коней ритуальных масок со свешивающимися по сторонам головы лопастями в виде задних ног какого-либо животного, другая часть которого помещалась на лбу или морде самой лошади. Скифские и фракийские уздечные украшения являются сокращенными воспроизведениями таких масок и могли проникнуть во Фракию (к гетам) только через скифов, поскольку в Передней Азии ничего подобного до сих пор не обнаружено» (Михаил Артамонов, «Киммерийцы и скифы [от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.]», http://annales.info/skif/small/art_kis.htm);

«...а когда он (Митридат, – П.Д.) перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские (язаматы, – П.Д.), язиги, кораллы, а из фракийцев те племена, которые живут по Истру, по горам Родоне и Гему, а также еще бастарны, самое сильное из них племя. Такие силы получил тогда Митридат из Европы» (Аппиан Александрийский,

«Первыми из них в причерноморских степях появились язиги (асы, асии, асианы), за ними последовали роксоланы, затем сираки и аорсы, а уж последними пришли аланы. В ряде источников между асами и аланами ставится знак равенства. Так, китайские хроники сообщают, что во время правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) асы приняли название а-лан-а. Генуэзец Иосафато Барбаро (XV в.), побывавший на Дону и в Предкавказье, записал: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами (осет. «xelun» – ползать; яван. «ula», эвенк. «кулин», татар. «елан», азерб. «ilan», башкир. «йылан», казах. «жылан» – змея; лит. «zaltys», лтш. «zalktis» – уж, – П.Д.), которые на их собственном языке называются «ас» (др.-инд. «ahi-», авест. «aži-», греч. «ἄχις», н.-луж. «huž» – «змея, червь»; словен. «каџа», англ. «asp» – «гадюка, змея», греч. «ἀσπίς, -ίδος», укр. «гаспид / аспид» – «змий; злой дух, диавол»; праслав. *Qzъ / *qžъ – уж, от которого в числе прочего произошли: др.-киев. «оужь», русск. «уж», укр., белар. «вуж», чешск. «užovka», словенск. «užovka», польск. «wąż» [Фасмер]; тадж. «хазидан» – ползать, – П.Д.). В других средневековых источниках асы упоминаются обычно рядом с аланами, что указывает на их этническую близость. После пересечения Южной Руси в своем движении на запад язиги осели более чем на два столетия на берегу Черного моря, между устьем Днестра и нижним Дунаем, в области, примерно соотносимой с той, что позднее стала известна как Бессарабия. Римляне с трудом сдерживали натиск язигов на свои дунайские провинции. Роксоланы располагались к востоку от них, оккупировав степи между Днепром и Доном. По известиям Тацита, конница роксолан в количестве 9000 всадников вторглась в римскую Мизию (область между нижним Дунаем и Балканами) в 69 г. н.э... роксоланы часто выступали союзниками язигов в войнах с римлянами, а после ухода язигов к среднему Дунаю стали их наследниками на оставленной теми территории. Территория, подконтрольная сарматам-роксоланам, не ограничивалась областями Южной Руси, хотя именно здесь и находилась резиденция их правителей. Античные источники указывают, что сарматы населяли также и лесную зону, причем их владения простирались далеко к северу. Еще Страбон отмечал, что «области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода», то есть сарматы-роксоланы живут на севере вплоть до самой глухой тайги и бесплодной тундры Заполярья. Согласно Маркиану (начало V в.), «река Рудон течет из Аланской горы; у этой горы и вообще в той области живет на широком пространстве народ алан-сармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт». Рудон или «река Ру» («дон» по-арийски «река») – это Волга-Ра, а Аланские горы, скорей всего, – Валдайская возвышенность. Как раз в ее пределах берет свое начало Днепр-Борисфен. Значит, сарматы в начале новой эры обитали не только в степи, но и на территории Беларуси, и в полосе Средней России. Лес и степь Восточно-Европейской равнины заселял единый народ! Профессиональные историки игнорируют это простое и ясное положение. До сих пор принято локализовать Сарматии в степных областях, что решительно противоречит данным источников. Для всех античных авторов, начиная с Тацита и Птолемея (I – II вв.), страна сарматов начиналась за Вислой и простиралась от Восточной Балтики до Волги. Птолемей на своей карте называет Балтийское море Сарматским океаном, а на Певтингеровой карте (дорожной карте, относящейся к

первым векам н.э.; названа так по имени ее владельца) сарматы занимают все побережье Балтики. Китайские летописцы зафиксировали, что асы (аланы) «владели бесконечным пространством земли, ограниченным с Севера великим морем» (Ледовитым океаном), а «с запада – большими болотами и Блатом Вендским» (Азовское, Черное и Балтийское моря). Таким образом, у нас есть полное основание говорить, что сарматы с берегов Дона (тёмно-краснокожие донские аланы-торки, – П.Д.) распространили свое влияние вплоть до Прибалтики и Скандинавии. Но отчего ученые упорно не принимают этого?» (Анатолий Абрашкин, «Откуда есть пошла Русская Земля // Сарматские корни росов», <https://unotices.com/book.php?id=138531&page=46> ; <https://history.wikireading.ru/254966>);

«За Истром живут почти одни только скифы, но побережье занимают разные народы: то геты, которых римляне называют даками, то сарматы, по-гречески савроматы, и причисляемые к ним темасобы, или аорсы, то ненастоящие и происшедшие от рабов скифы, или троглодиты, затем аланы и роксаланы. Язиги-сарматы занимают расположенные более высоко поля и равнины между Дунаем и Герцинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и границы с германцами, а теснимые последними даки – горы и лесистые места до реки Патиссы» (Плиний Старший, «Естественная история», кн. IV, 80, <https://123ru.net/moscow/72879992/> ; <http://kazantip.zzx.su/biblio/plinius.htm>);

«Стоит заметить, что язиги начинают проникать в низовья Дуная гораздо ранее времени Плиния и Тацита. По-видимому, именно с ними нужно соотносить сообщение Флора о сарматах, датируемое 10 – 12 гг. н.э.: «Сарматы разъезжают верхом по широко раскинутым равнинам. И их достаточно было отогнать от Данувия через того же Лентула» (Цит. по: Златковская, 1951. С.43). Исходя из географического описания Страбона [Strab. VII. 3,17], а также сообщений поэта Овидия Назона [Ovid.Trist. V. 7.55, V. 12.58, III. 10.33; Ep. III. 2.40] уже в первом десятилетии нашей эры язиги вплотную подошли к низовьям Дуная» (Николай Лысенко, «Язиги на дунайском лимесе Рима в I – II вв. н.э.», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/N_Lysenko_Yazigi_na_Dunay.pdf; <https://freedocs.xyz/pdf-458589176>)

«ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД (23) 24 – 79 гг.н.э.) ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, Кн. IV, 41... Высота Гема* (*Гора Гем – нынешний Балканский Горный хребет) достигает 6000 шагов. Задние склоны его, обращенные к Истру, занимают мезы, геты, аоды, скавды, кларии, а ниже них живут аррейские сарматы, называемые ареатами... 11) Очевидно, что арреи и «ариата» являются двумя вариантами одного и того же племенного названия. По мнению известного венгерского исследователя Х. Харматта, форма «арреи» может быть искажением оригинального имени «Арии», производного от корня «ариа-». Что касается формы «ареата», то ее отличие от первого варианта заключается в наличии в этом имени показателя множественности «-та», характерного для осетинского, согдийского и ягнобского языков, с которыми сарматский язык тесно связан. «Таким образом, оба этих имени означают, возможно, ариец, арийцы, которое, очевидно, было общим самоназванием этих сарматов». См. «Очерки истории и языка сарматов (на англ. яз.), с.29, пр.87. Данные Плиния о сарматах-ареатах свидетельствуют о том, что уже к началу н.э. какая-то часть сарматов проникла за

Дунай, обосновавшись среди дако-фракийских племен. 12) Очень важное для понимания этнических взаимосвязей сарматских племен место у Плиния. Дело в том, что Плиний является единственным из античных авторов, кто знает аорсов (возможно, ранее балтоязычных брахикранных ареатов = арису = эрзян, – П.Д.) на берегах Дуная. Однако сомневаться в достоверности этого сообщения не приходится. Как видно из слов Плиния, в I в.н.э. среди дунайских сарматов протекал тот же процесс, что и у сарматов Северного Кавказа, а именно – замена, в результате внутренних перегруппировок среди сарматов, имени аорсов именем алан при одновременном сохранении этнонимов «иазиг» и «роксолан» (возможно, тракийских алан – троксалан, – П.Д.) как вариантов имени алан-асов. Результатом этих перегруппировок стало образование нового политического объединения сарматских племен во главе с аланами» (Ю.С. Гаглойти, «Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах», http://www.darial-online.ru/1999_2/gagloyti.shtml);

«По свидетельству антропологов, катакомбные черепа Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья (р. Ахтуба) отличались от срубных черепов своей брахикранией. По-видимому, катакомбная культура Среднего Подонья, являющаяся вариантом катакомбной культуры Северного Причерноморья, была близка последней и этнически (была в древности протобалтской савроматской, – П.Д.)... Своими исследованиями К.Ю. Марк устанавливает в современном мордовском населении несколько антрополого-этнографических групп... Вторая группа, европеоидная, представлена мордовско-эрзянским населением (финнизировавшимися потомками балтоязычных язаматов и верхних аорсов, – П.Д.), она охватывает все эрзянские группы на востоке Мордовии, все эрзянские и мокшанские группы Пензенской, Ульяновской областей, а также терюхан. Эта группа населения отличается более высоким ростом, брахикранией, массивностью, широким лицом и светлыми глазами...» (П.Д. Либеров, «Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время», <http://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/45985/55ce87a2b02a28be18ab57697b53350b.pdf?sequence=1&isAllowed=y>; http://www.archaeology.ru/Download/MIA/MIA_177.pdf);

«...общеплеменное название Юэ-джей было «тогар», а название главного племени у них – «куша» (в китайских источниках это и есть форма «Юэ-джи»). На каком-то этапе указанные племена попали под политическое господство (балтизировавшихся, – П.Д.) саков, называвших себя «арси» (аорсы, арси, 'Atioi, аспаны, ассы и т.д.). В результате напластования «тогар-арси» сформировалась народность, впоследствии разделившаяся на несколько групп. Одна из них (архаичная волна) начала мигрировать в западном направлении и стала предками ассов – дигорцев. Тем самым О. Менчен-Хелфен отличал алан от ассов, в то же время, рассматривая их, как части одной народности...» (А.В. Исаенко, В.Д. Кучиев, «Некоторые проблемы древней истории осетин», <http://iratta.com/stati/2714-nekotorye-problemy-drevnejj-istorii-osetin12.html>);

«Русские грамоты XV века называют «пять родов карельских детей», то есть отдельные роды карел. Один из пяти родов – Тиврульцы, то есть Тивер, тиверцы (очевидно,

кораллы, входившие ранее в тиверский союз племен, но не успевшие под влиянием тиверцев славянизироваться, – П.Д.). Пояснения излишни. Такое упоминание ни о чем бы не говорило, если бы не сведения о Фракии – их древней родине. Вернемся к Иордану и его сочинению, которое, как становится ясным, является важнейшим источником по истории племен Черняховской культуры – славян и финно-балтов. Гольтескифы. Это последнее из скифских племен. После эпохи великого переселения скифов на Днепре просто не осталось. Гольтескифы – это голядь (очевидно, имеются в виду галинды, а не родственная им голядь, – П.Д.), племя, жившее южнее прусов. Из последующего будет ясно, что скифы действительно дали начало некоторым племенам и народностям севера, а их боги не были забыты вплоть до принятия христианства» (Владимир Щербаков, «Века трояновы», <http://shard1.narod.ru/knigi/rosom.htm>; <http://libes.ru/mobile/79231.read?page=16>; «Встречи с Богородицею», <https://www.litmir.me/br/?b=38389&p=111>);

«ПШерм. (прапермская, – П.Д.) же *гуз- отражает форму языка-источника с аффрикатой и, таким образом, невыводима ни из русского, ни из древнерусского, что было показано ещё Х. Паасоненом, который связывал мордовское и пермское названия «ржи» с фрак. «βρίζα» – «вид злака, рожь», предполагая, что пермско-мордовский корень восходит к слову какого-то иранского языка [Paasonen 1906: 2-5] (не исключено, что именно к фракийскому, ввиду былого проживания финноязычных скифов в фракийской Добрудже – Малой Скифии, – П.Д.). Фракийское слово имеет надёжные параллели в арийских языках: др.-инд. «vr̥ṣhi-» – «рис, Getreide», перс. «birinj» – рис, кати «wṛiç» – ячмень и т. д., которые восходят к праформе типа ар. *цг̃(n)jhi- и представляют собой культурный термин неясного происхождения [Maughofer III: 282]...» (Владимир Напольских, «Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н.э.», http://www.archaeology.ru/Download/Napolskich/Napolskich_2006_BS_component.pdf; <http://archtat.ru/content/uploads/2017/12/Napolskyh2.pdf>);

«...(марийское название серебра сопоставимо с аналогичным мордовским названием, ср. эрз., мокш. «сия» – серебро... И.С. Галкин этимологизирует его как заимствование из древнеиранских языков, в частности из языка абашевцев, и для сравнения приводит дреанеперс. «siyamat» – «сделанный из серебра» (1986: 40); кстати, в иранистике название серебра расценивается как греческое заимствование в иранских языках» (Анатолий Куклин, «К вопросу об этимологизации субстратных тополексем», *Linguistica Uralica* 1994);

«Так же можно найти греческие заимствования в финно-угорских языках. Например, бесспорно греческого происхождения, вопреки Серебряникову, мок. «ватракш» – лягушка (гр. «βατραχος» то же). Есть еще несколько других убедительных соответствий: эрз. «виськс», мок. «визькс» – стыд (гр. «αισχος» – «стыд, позор»), эрз. «нартемкс» – полынь (гр. «ναρθηξ» – фенхель; оба растения имеют острый запах), мок. «клёк» – хороший (гр. «γλυκυσ» – сладкий), мок. «стирь» – девушка (гр. «στειρα» – яловая). Покорны относит гр. «Πινδος» к и.-е. *kuei – светить («leuchten»). Этому слову есть параллель в языке мокша «пиндельф» – «блеск», изолированное слово среди финно-угорских языков. Марийскому «каля» – «мышь»

хорошо отвечает гр. «γᾰλη» – «куница, ласка, хорь», мар. «лаке» – «яма» тождественно гр. «λαχη» от «λαχαίνω» – копать. В прибалтийско-финских языках имеются слова, происхождение которых является загадкой для специалистов. Например, в этимологическом словаре современного финского языка предполагается возможность древнего заимствования из германских языков фин. «hero» (уменьшительное от него «hevonen»), эст. «hobu, hobune», вепс., карел. «hebo» – все «конь». Однако при этом отмечается, что даже отдаленного сходства этим словам среди германской лексики нет (Häkkinen Kaisa. 2007, 192). Финскому лингвисту не пришло в голову привести в соответствие прибалтийско-финским словам гр. «ἵπλος» – конь, фонетически адекватное фин. «hero». Далее, фин. и вепс. «raimen» – пастух, идентично греческому «λοῖτην» (то же), но К. Хяккинен связывает эти слова с лит. «riemuo» – пастух (там же, 853) при том, что фонетически греческое слово соответствует им гораздо лучше. Еще одной загадкой для специалистов является происхождение в прибалтийско-финских языках названия летучей мыши: фин. «lepakko», карел. «uölerakko», вепс. «ölärakkoine». Фонетическое разнообразие говорит о заимствовании, но из какого языка? Очевидно из древнегреческого, в котором слово «ἰέρᾱξ, -ᾱκος» означало «ястреб, сокол» и Фрииск его объяснял как «высоко летающий». Можно еще отметить также, что эст. «aug» – «пар» напоминает гр. «αἴρ» – воздух» (Валентин Стецюк, «Древние греки и италики на территории Украины и России», <https://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Greeks.html>);

«У немецких филологов сложилось представление, что «общегерманский язык сильно повлиял на лексику финского и лапландского языков». Утверждая это, А. Бах дает ряд примеров. Однако большинство приведенных им слов имеет латинские корни (что, очевидно связано с непосредственным контактом с римлянами финноязычных иллирийцев и фракийцев, – П.Д.). Анализ показывает, что можно выявить предостаточное количество соответствий, имеющих только в романских и финно-угорских языках, и, в частности – в финском (см. примеры ниже). Поэтому вполне можно ожидать, что через некоторое время утверждение А.Баха будет казаться просто мифом... Заслуживает внимания следующий пример, наглядно демонстрирующий идентичность процессов словоизменения в романских и финно-волжских языках. Обратимся к этимологии марийских, карельских и финских слов, означающих «ворон / ворона» и «каркать»:

- а) (др.-греч.) «κόραξ, ακος» = ворон > (перенос ударения на второй слог) > (лат.) «corāx, acis» = тж, ~ (мар.) «корáк» = тж. > (синкопа: выпадение предударной, а также к(с) > g) > (ит.) «gracchio» = каркание > (выкидка начал. g) > (фин.) «gaakku» = каркать;
- б) (лат.) «corvus, ī» = ворон > (rv > rb) > (ит.) «corbaccio» = тж. (примечание: -accio – уничижит. суффикс); (лат.) «corvus: corvī cantus» = карканье; «corvi» > (rv > rp) > (фин.) «korppi» = ворон;
- в) (лат.) «cornīx, īcis» = ворона > (ит.) «cornice» = тж. > (эволюция о > u) > (мар.) «курныж» = ворон ~ (карел.) «kuarn'is» = тж.» (В.Г. Громов, «Марийский язык – старший брат латыни», <https://www.mari-el.name/library/gromov.pdf>).

Финноязычные скифы, мигрировавшие из южнорусских степей и Карпат в Повисленье и далее на Российский Север, украшали себя (как и позже их балтизовавшиеся

потомки) височными кольцами:

«Истоки культуры псковских курганов, относящейся к наиболее ранним славянским группировкам на Русском Севере, связываются со Средним Повисленьем. Как отмечалось в предшествующей главе, черты этой культуры (В-образные рифленные пряжки) встречаются в восточной части Мазурского Поозерья. Из этого же региона вышла и другая крупная славянская (в то время еще финноязычная, – П.Д.) группировка – носители браслетообразных височных колец. Судя по археологическим данным, эта группировка расселилась на землях мери, муромы, веси и белозерской чуди и захватила частично северную часть московских земель... Археологические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что этническая история восточных славян не была единой. Юго-западное и западное направления движения славянских (в то время еще финских и протобалтских, – П.Д.) племен на восток предполагает участие в генезисе восточных славян не только представителей разных культур, но и разных антропологических типов» (Татьяна Алексеева, «Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--Т-И--Алекseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/20);

«Оказывается, в конце XIII века многобусинные височные кольца и серьги являлись этническим признаком северо-западных финнов. Например, в погребениях корелы археологи находят достаточно большое количество подобных многобусинных украшений, но в большинстве случаев они изготовлены не из золота, а из бронзы, реже – из серебра. Однако с 1380-х годов подобные украшения стали встречаться и в культурных слоях Великого Новгорода. Это свидетельствует о том, что постепенно этническая мода северо-западных финнов перешла в бытовую моду ношения украшений головного убора новгородских женщин. А уже в XIV веке мода на многобусинные височные кольца распространилась на значительной территории Руси. Например, такие украшения встречаются в составе кладов из драгоценных металлов в Муроме, Рязани и Волжской Булгарии, а также в землях Южной Руси» (краевед Дмитрий Карабельников, «У озера Светлояр археологи нашли позолоченную бусину средневековой аристократки», <http://nn.mk.ru/article/2014/03/20/1001303-u-ozera-svetloyar-arheologi-nashli-pozolochennuyu-businu-srednevekovoy-aristokratki.html>);

«Не менее важными являются исследования по семантической нагрузке, возлагаемой на височные украшения. К этому вопросу обращались такие исследователи, как А.Х. Халиков, Д.К. Валеева, В.Г. Котов, Н.И. Шутова, М.Г. Иванова, Н.Б. Крыласова и др. Все исследователи сходятся во мнении о том, что височные украшения в финно-угорском костюме обладали высоким семантическим статусом, о котором, несомненно, свидетельствует материал изготовления (металл) и место ношения (украшение головы – верхнего, высшего мира)... Половозрастная функция также была свойственна для височных украшений. Исследователи отмечают, что на территории Пермского Предуралья височные украшения носились как мужчинами, так и женщинами. Однако из анализа материалов погребений видно, что существовало отличие между мужскими и женскими украшениями,

которое заключалось в их количестве и формах изделий. Так, например, женщины носили по два украшения или больше, мужчины, в основном, по одному. Излюбленными височными украшениями у женщин в IX – XI вв. были изделия с грушевидной привеской, проволочные, калачевидные. А у мужчин – с гроздьевидной привеской, проволочные, калачевидные...» (Юлия Подосёнова, автореф. дис. «Височные украшения населения пермского предуралья в эпоху средневековья», <http://www.dislib.ru/istoriya/16535-1-visochnie-ukrasheniya-naseleniya-permskogo-preduralya-epohu-srednevekovya.php>);

«Еще в конце XIX века российский археолог Сизов доказал, что височные семилучевые кольца по своему происхождению принадлежат к арабской ювелирной индустрии. Попав на наши земли, они сохранили арабскую форму, но арабская техника их изготовления была забыта. В XI веке кольца начали изготавливать не из серебра, а из сплавов. Поверхность колец имеет следы зерни, но не припаянной, как у арабов, а отлитой сразу. Эти изделия более грубые по технике исполнения. Некогда попав к племенной элите, височные кольца трансформировались по материалу и технологии» (Олег Дернович, «Этническая история Беларуси», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=47>).

И к тому же, подобно балтам (потомкам языгов = гудов пруссам, а также балтизовавшимся скифам – ятвягам, вятичам, голяди и кривичам), финно-угры были преимущественно скотоводами:

«Указывая на связь поселений и могильников древних финно-угров с широкими речными поймами – базой их скотоводства, П.П. Ефименко обратил внимание на инвентарь мужских погребений, рисуящий мордву и мурому I тыс. н.э. как конных пастухов, несколько напоминающих по своему убору и вооружению а, следовательно, и образу жизни кочевников южнорусских степей. Нельзя сомневаться, – писал П.П. Ефименко, – что пастушество, для которого использовались прекрасные луга по течению Оки, в эпоху возникновения могильников приобретает значение одного из очень важных видов хозяйственной деятельности населения края (П.П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тыс. н.э. СА, 1937 (11), с. 48). Точно так же характеризовали хозяйство поволжских финно-угров и другие исследователи, в частности Е.И. Горюнова. На основании материалов исследованного в Костромской области Дурасовского городища, относящегося к концу I тыс. н.э., и других археологических памятников она установила, что вплоть до этого времени поволжские финно-угры – мерянские племена – были по преимуществу скотоводами. Они разводили главным образом лошадей и свиней, в меньшем количестве крупный и мелкий рогатый скот. Земледелие занимало в хозяйстве второстепенное место наряду с охотой и рыбной ловлей. Такая картина характерна и для исследованного Е.И. Горюновой Тумовского поселения IX – XI вв., расположенного около Муром (Е.И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА 1961 (94), с.129,168-170 и др.). Скотоводческий облик хозяйства в той или иной мере сохранялся у финно-угорского населения Поволжья и в период Древней Руси. В Летописце Переяславля Суздальского после перечисления финно-угорских племен – иних языцей – сказано: Испрѣва исконнии данницы и конокормцы. –

Термин «конокормцы» не вызывает никаких сомнений. «Инии языци» выращивали коней для Руси, для ее войска. Это была одна из основных их повинностей. В 1183 г. князь Всеволод Юрьевич, возвращаясь во Владимир из похода на Волжскую Булгарию, кони пусти на морьдву, что было, вероятно, обычным явлением. Очевидно, мордовское хозяйство, как и хозяйство других поволжских финно-угров – конокормцев, существенно отличалось от сельского хозяйства славяно-русского населения. Среди кормлений, упоминаемых в документах XV – XVI вв., числится мещерское конское пятно – пошлина, взимаемая с продавцов и покупателей коней (С.Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, с. 268, 276, 277). На такой своеобразной экономической основе, при преобладании скотоводства, особенно коневодства, у поволжских финно-угров в конце I тыс. н.э. могли сложиться классовые отношения лишь примитивного, дофеодального облика, хотя и со значительной общественной дифференциацией, похожие на общественные отношения кочевников I тыс. н.э.» (П.Н. Третьяков, «На финно-угорских окраинах Древней Руси», <https://www.rulit.me/books/u-istokov-drevnerusskoj-narodnosti-read-426553-57.html>; <https://history.wikireading.ru/383113>).

До прихода же с запада финноязычных скифов, фракийцев и иллирийцев на территории юго-восточного Подмосковья проживали племена позднедьяковской АК, вовсе не являвшиеся финноязычными:

«Судьба дьяковского населения и этническая принадлежность позднедьяковского являлись предметами многолетней дискуссии в отечественной историографии, вопрос этот нельзя считать окончательно разрешенным. Возможно, И.Г. Розенфельдт, отстаивающая финно-угорскую принадлежность позднедьяковской культуры права, но имеющиеся у нас материалы никак это не подтверждают. На большинстве городищ коломенской группы отсутствуют свидетельства того, что они продолжали существовать в позднедьяковское время. Во всяком случае, не найдено до сих пор характерных для позднедьяковской культуры предметов – бантиковидных накладок, орнаментированных плиток, умбоновидных подвесок, и т.п., не поддается выделению из имеющейся керамической коллекции характерная для позднедьяковской культуры керамика. Однако на территории юго-восточного Подмосковья есть поселения, существующие в позднедьяковское время – в первую очередь речь идет о Протопоповском городище, Ростиславле и селище Щурово. Если судить по известным нам находкам и керамике, происходящей с этих памятников, то в материальной культуре населения коломенской группы памятников не прослеживается сходства с позднедьяковской культурой Москворечья, а также преемственности с дьяковской культурой предшествующего времени. По этой причине мы вместо термина «позднедьяковская культура» предпочитали говорить о позднедьяковском времени, что бы избежать сравнения с той позднедьяковской культурой, облик которой обрисован И.Г. Розенфельдт и Н.А. Кренке. Дьяковская культура исчезает тогда, когда исчезает сетчатая керамика. Основными выводами предыдущих глав было то обстоятельство, что в позднедьяковское время, после исчезновения сетчатой керамики, изменяется облик всей материальной культуры – в системе расселения проявляются новые элементы, выразившиеся в возникновении поселений в поймах и на низких участках берега, а также верховьях мелких

притоков. Изменяются типы жилищ – появляются постройки столбовой конструкции с заглубленным полом. В вещевом комплексе появляются предметы и керамика, происхождение которых вероятно с западных территорий (на которых ранее проживали финноязычные скифы – П.Д.). Кто конкретно привнес все эти элементы в район устья Москвы, установить пока не представляется возможным, но это и не столь важно, гораздо важнее то, что дьяковская традиция в материальной культуре прерывается» (Александр Сыроватко, автореф. дис. «Дьяковская культура юго-восточного Подмоскovie», <http://www.dissercat.com/content/dyakovskaya-kultura-yugo-vostochnogo-podmoskovya>).

3.23 Участие потомков ахейцев морисенов в этногенезе марийцев

Финнизированы предками мерян мурешскими агафирсами и другими западными скифскими племенами были и потомки ахейцев морисены, возможно, являвшиеся основными предками марийцев. На это указывает наличие в марийском языке большого количества изоглос (лексических сходжений) не только с латынью, но и с древне-греческим языком:

«В латыни буква I, i, как цифра, означает один и первый. Последнее значение могло выражаться прилагательным *icus > ico > (мар.) ик; [ic + oculos] > (лат.) coclēs – одноглазый. I (мар.) «икте» – это фонетический вариант «icto», полученный из i + (греч.) «ektos» – «вне, снаружи», т.е. первый снаружи...

(мар.) «индеш» – девять ~ i + ant'diesi – «один перед десять», т.е. 10 – 1; ~ (лат.) «enneadis» < (др.-греч.) «ενατος» – девятый;

(мар.) «лу» – десять ~ (греч.) «(ο)λος» – «все (пальцы рук)», (англ.) «all»;

(мар.) «кўвар» – «пол, мост» ~ (греч.) «γέφυρα» – мост;

(мар.) «мõнгõ» – особняк ~ (лат.) «moene = moeniogum» > (ит.) «maniero» – особняк; (греч.) [μονο + οικια] > (лат.) «monoeus» – однодомный (> совр. Монако);

(мар.) «калта» = кошелек, стручок ~ (лат. < греч.) «calatus» = «корзиночка, чашечка»;

(мар.) «сакаш» = вешать ~ (др.-греч.) «σακομα» = вес > гирия;

(мар.) «тушман» = враг ~ (др.-греч.) «δυσμενης» = вражеский, (перс.) «душман» = враг;

(мар.) «тўлаш» = платить ~ (др.-греч.) «δια-λυω» = платить (= лат. «dē-luo»);

(мар.) «нõргõ» – молодой ~ (др.-греч.) «νεος > νεαρος» – молодой;

(мар.) «тылзе» – луна ~ (др.-греч.) «δελος» – ясный;

(мар.) «уржа» – рожь (< ячмень); (фрак.) «βριζα» – рожь ~ (лат. < греч.) «oryza» – рис (< рожь);

(мар.) «шыдан» – пшеница ~ (др.-греч.) «σιτιον» – хлеб;

(мар.) «йолва» – (бот.) серёжка ~ (лат. < греч.) «iūlis,ī» – (бот.) сережка;

(мар.) «áкыр» = трудный ~ (др.-греч.) «акров – вершина»;

(мар.) «эр» – утро ~ (др.-греч.) «εαρος» – весна (= «утро года»); ~ (лат. < греч.) «aiga» – «дневной свет»;

(мар.) «манаш» – «говорить, сообщать» имеет сближение с (лат.) «moneo > monēre» – «внушать, наставлять, поучать» и др., ~ (др.-греч.) «μηνω» – сообщать;

(мар.) «ий» – лёд; «иян» – ледяной ~ (фин.) «jää» – лед, (др.-греч.) «χεω > χιον» – снег;

(мар.) «йўр» – дождь ~ (лат. < греч.) «Ūrios» – «ниспосылающий дождь» (эпитет Юпитера);
(мар.) «нёрё» – «сырой, влажный» ~ (мар.) «энер» – река ~ (новогреч.) «νερο» – вода;
(мар.) «рушташ» – опьянеть ~ (др.-греч.) «ρεω» ~ (лат.) «ros, rogis» – «влага, жидкость»;
(мар.) «калай» – «жесть; жестяной» ~ (лат. < греч.) «chalybs» – сталь;
(мар.арх.) «кремга» – фунт ~ (др.-греч.) «κρεμο» – «вешаю, взвешиваю» (< κρεμαννυμι);
(мар.) «пёрш» – иней ~ (др.-греч.) «βորρας» – север;
(мар.) «йўд» – ночь ~ (др.-греч.) «ιοειδας» – фиолетовый (греч.) ~ «αδνοξ» > тёмный;
(мар.) «кёторма» – «толстая деревянная подошва к лаптям (для сырой погоды)» ~ (лат. < греч.) «cothurnus,i» – «котурн, высокая греческая обувь на толстой подошве»;
(мар.) «йодаш» – просить ~ (др.-греч.) «αιτεω» – просить;
(мар.) «шукташ» – «квасить, заквасить» ~ (др.-греч.) «οχυς» – кислый;
(мар.) «эре» – «всегда, постоянно» ~ (др.-греч.) «ωρα» = (лат.) «hora» = (ит.) «ora» = «час, время»;
(мар.) «ача» – родитель ~ (др.греч.) «тата» ~ (лат., ит.) «tata» – отец;
(мар.) «ойыраш» – «отделять, обособлять» ~ (др.-греч.) «αιρεω» – «выбирать, отбирать»;
(мар.) «лакан» ~ (др.-греч.) «λεκανη» – «таз, лохань»;
(мар.) «йоча» – «дитя, ребёнок» ~ (др.-греч.) «ιυτα» – маленький;
(мар.) «улыжо» ~ (др.греч.) «ολος» – весь;
(мар.) «лўшташ», (фин.) «lypsää» – доить ~ (лат. < греч.) «ellipsis» – «выпадение, опущение или выделение»;
(мар.) «шып(ак)» – «безмолвный, тихий» ~ (др.-греч.) «σιολαω» – молчать;
(мар.) «корак» ~ (др.-греч.) «κοραξ» – ворон;
(мар.) путлаш – сватать, (фин.) «руутää» ~ (лат.) «peto» – просить ~ (др.-греч.) «πειτω» – убеждать;
(мар.) «йёраташ» ~ (др.-греч.) «εραω» – любить, (греч.) «Eros,ōtis» – «бог любви» ~ лат. «eroticus» – любовный;
(мар.) «ен» – человек ~ (др.- греч.) «γενος» – род ~ (лат.) «genus» = (v.l.) «geno» – «род, племя, народ»;
(мар.) «лоргаш» (= лёргаш) – «неугомонно болтать»; (фин.) «loruta» – «говорить вздор, молоть чепуху» ~ (лат. < греч.) «lēro» – (pl) «болтовня, вздор» (Плавт, III в. до н.э.);
(мар.) «пырдыж» ~ (лат.) [per + aedes] – означает «вокруг комнаты»: (лат.) «per» ~ (др.-греч.) «περι» – вокруг (> ‘периметр’), «aedes = aedis» – комната;
(мар.) «йошкар» – «красный, красивый» ~ (лат. < греч.) «eucharis» – «изящный», «прелестный» (из «ευ + χαρω»);
(мар.) «канде» – синий ~ (др.-греч.) «κυανεος» – синий > (лат.) «cyanus» – (темно-) синий, «cyanus» – (бот.) василёк»;
(мар.) «амыр-гаш» – пачкаться, «амыр-таш» – «запачкать что-л.». Основа «амыр-» имеет аналоги: (др.-греч.) «αμαρος» – тёмный ~ (лат.) «amauro-» (темно-...) > (ит.) «того» – чёрный...» (В.Г. Громов, «Марийский язык – старший брат латыни», <https://www.mari-el.name/library/gromov.pdf>).

На возможное участие в этногенезе марийцев потомков ахейцев морисенов указывают

также как генетическая, так и антропологическая взаимная близость марийцев и древних греков ахейцев:

«Исторически сложилось, что никакая другая часть Европы не была захвачена большее количество раз, чем степные Балканы. Хронологически первые захватчики R1a1 пришли на запад с расширением культуры шнуrowой керамики (от около 3200 до н.э.), вторые – вторжение микенских греков (1600 до н.э.), затем фракийцев (1500 до н.э.), иллирийцев (около 1200 до н.э.)...» («Происхождение и история гаплогруппы R1a1», <http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/populations/haplogroups/y-dna/r-y-hg/r1a-clade/index.html>);

«Авторы нового исследования секвенировали ДНК 19 представителей древнего Средиземноморья: минойцев, живших в период 4900 – 3700 лет назад, микенцев из материковой Греции и с Крита (возраст останков – 3700 – 3200 лет) и жителей юго-западной Анатолии (на территории современной Турции). Кроме того, исследователи использовали уже опубликованные последовательности ДНК 332 древних жителей Средиземноморья, Ирана, Кавказа, Анатолии и Восточно-европейской степи, и геномы 2600 современных европейцев (в том числе критян) и жителей Западной Азии. В результате генетики выяснили, что и минойцы и микенцы (возможные предки марийцев, – П.Д.) генетически были похожи на неолитических жителей Анатолии и выходцев с востока: с Кавказа и с территории современного Ирана. Проанализированные геномы на 62–86 процентов соответствовали ДНК неолитических жителей Анатолии, а 9–32 процента составлял «восточный» компонент. Кроме того, микенцы (но не минойцы) генетически были похожи на охотников-собирателей из Восточной Европы и Сибири» (Екатерина Русакова, «Генетики установили происхождение минойцев и микенцев», <https://nplus1.ru/news/2017/08/03/Minoan-mycenaean>);

«У марийцев к примеру одни гаплотипы с русскими, больше половины R1a1 z283, но их субклад разделился с будущим русским за долго до самих русских. У ногайцев больше половины того же z283 это же не значит, что ногайцы – русские (просто большая часть из них обрусели, – П.Д.)! Этногенез сложный процесс и так его трактовать нельзя!» (ILAY Ahim «Татары – это тюркизированные финны, угры и балты», <https://jpreporter.net/v/татары-это-тюркизированные-финны-угры-и-балты-hPG0-szIbTU.html>);

«В один субкластер (дендрограммы популяций, – П.Д.) входят немцы (германизовавшиеся потомки сорбов и других славяноязычных поморян, – П.Д.) и сербы, и в три соседние субкластера – остальные народы Центральной и Юго-Восточной Европы: молдаване, венгры, хорваты, чехи и украинцы. Последний субкластер этого большого кластера, начинавшегося ветвью русских, – греки и марийцы (потомки финнизовавшихся морисенов = ахейцев, – П.Д.); греки – потомки древних европеоидов – ахейцев, в древности также, вероятно, мигрировали из Азии в Европу, как и марийцы – один из финских народов, чья прародина была в Азии» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев»,

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>;
<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161441.pdf>);

http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf);

«В отдельный субкластер объединены популяции греков и марийцев (волго-карпатская ветвь R1a-Y2902). Это на первый взгляд непонятное объединение можно объяснить тем, что марийцы, являющиеся уже настоящими европеоидами, могут быть близки к древним европеоидам, еще за несколько тысяч лет до н.э. мигрировавшим в Европу, скорее всего, из Азии (высокогорных долин Памира и его предгорий, – П.Д.) – ахейцам, представителям Крито-Микенской цивилизации, потомками которой являются греки (а, возможно, и к пелазгам и даже к дако-фракийцам, мигрировавшим сначала в Среднюю Азию, а затем и в Малую Азию и на северо-восток Балкан из Центральной Азии, – П.Д.)...» (А.Ф. Назарова, В.О. Асланишвили, С.М. Алхутов, «Генетика и антропология народов Кавказа, и проблема происхождения Европеоидов», <http://srn.su/?p=1083>;
<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161441.pdf>).

Как ахейцы / *аксейцы / *оксейцы, так и, возможно, общие предки ахейцев, марийцев и кашмирцев буришей (бурушо / *мурушей / *пурушей; др.-инд. «*ṛiḡṣa*», хинди «*ṛiḡi*», англ. «*person*», курманджи «*mêg*» – человек) были не только тёмно-краснокожими, подобно праиндоевропейцам, но и в отличие от них низкорослыми, подобно марийцам, буришам, современным тибетцам, памирцам и другим жителям Центральной Азии:

«Юго-Западная Азия и южная половина Европы, включая Среднюю Европу, являются не только районами давнего заселения, но вместе с Северной Африкой входят также в ареал формирования древней ветви европеоидов – южной европеоидной, или средиземноморской, расы. Характерные признаки ее – смуглый цвет кожи, темный цвет волос и глаз, длинноголовость, невысокий рост. Наиболее полно признаки южных европеоидов выражены у населения Западного Средиземноморья. Представители южных европеоидов в Центральной Азии – горные таджики, по мнению антропологов, могут рассматриваться как характерные, «чистые» представители большой европеоидной расы. У них преобладают темные волосы и глаза, брахикефалия, резко выступающий нос. Этот антропологический тип выделяется под названием памирского» («Человек: расселение и влияние на природу Евразии», <http://ecosystema.ru/08nature/world/geoworld/05-7.htm>);

«102 года назад жители Центральной Азии были гораздо ниже. Так, рост самых высоких туркмен в 1914 году равнялся 161,7 см, таджиков – 161,4, казахов и кыргызов – 161,2, узбеков – 161,1 см. У женщин в 1914 году самыми высокими снова оставались туркменки при среднем росте 152,9, таджички и узбечки на втором месте – 150,9, казашки были 151,1 см и кыргызки – 150,2 см» («Кто самый высокий и самый низкий в Центральной Азии», <https://centre1.com/turkmenistan/kto-samyj-vysokij-i-samyj-nizkij-v-tsentralnoj-azii/>);

«После того, как отряды с вождями построились к бою,
С шумом и криком вперед устремились троянцы, как птицы:
С криком таким журавли пролетают под небом высоким,

Прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных;

С криком несутся они к океановым быстрым течениям,

Смерть и погибель готова мужам низкорослым пигмеям (ахейцам, – П.Д.)...»

(Гомер, «Илиада», Песнь третья «Клятвы...», <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1344010003>, https://www.e-reading.club/chapter.php/103972/4/Gomer_-_Iliada.html);

«Уникальность неолитического Кносса помогает понять своеобразную природу поздней минойской цивилизации, которая явилась результатом смешения иммигрантов из Малой Азии, до начала бронзового века нигде не создавших ничего подобного, и умелого и опытного неолитического населения Кносса. Ранний бронзовый век (3000 – 2000) начался с волн иммиграции, в ходе которых были заселены Киклады, а также восточный и центральный Крит. Судя по образцам посуды пришельцев, они были родом из Малой Азии, а на Крите перемешались с более ранними обитателями острова. Судя по найденным в раскопах скелетам, это были коренастые люди с узкими лицами и удлинёнными черепами; средний рост мужчин примерно 157 см, женщин – 148 см» (Николас Хаммонд, «История Древней Греции», <https://mybook.ru/author/nikolas-hammond/istoriya-drevnej-grecii/read/?page=5>);

«Греки никогда не были «однородным» этносом. С древнейших времен они делились на две племенные группы: ионийцев (ахейцев) и дорийцев (внутри этих групп были и подгруппы, но это не имеет отношения к предмету нашего разговора). Эти племена отличались друг от друга не только культурой, но и внешностью. Ионийцы были низкорослыми, черноволосыми и смуглыми, а дорийцы – высокими, светловолосыми и светлокожими» («Почему современные греки, не похожи на классических греков?», <https://www.greek.ru/forum/forum5/topic10321/>);

«Антропологический тип черемисина (марийца, – П.Д.): чёрные глянцевитые волосы, желтоватая кожа, чёрные, в отдельных случаях, миндалевидные, косо поставленные глаза; вдавленный посредине нос [Никольский, 2009: 103]» (Э.В. Никитина, «Этноменталитет марийцев», <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=9535>; http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnoment_alitet_marijcev_e_v_nikitina/);

«Проведено антропометрическое и соматологическое обследование 65 марийцев и 82 студентов Вузов г. Йошкар-Ола (Республика Марий-Эл) со средним возрастом 20,4 +/1,60 лет. Показано, что марийцам присуща тенденция к низкорослости, менее массивному костному остову и общей грацильности (миниатюрности) по сравнению с русским населением региона. Марийцев также отличает большая концентрация подкожного жира выше пояса. Полученные данные подтверждают этноантропологическое своеобразие марийцев в особенностях телосложения» (А.И. Поповский, А.И. Козлов, Г.Г. Вершубская, М.М. Полевщиков, Н.П. Шабрукова, «Компонентный состав тела марийцев и русских Центрального Поволжья (мужчины)», <https://cyberleninka.ru/article/n/komponentnyy-sostav->

tela-mariytsev-i-russkih-tsentralnogo-povolzhya-muzhchiny);

«Эти группы можно назвать субуральскими. Они образуют два кластера. Первый из них включает основную часть групп коми и коми-пермяков, второй – марийцев, удмуртов, северных чувашей, бесермян, татар Удмуртии. Если сравнивать эти кластеры между собой, то можно отметить, что во втором случае, в целом, относительно длиннее голова (указатель 81,7% против 82,3%), выше лицо и нос, темнее цвет волос и глаз, немного интенсивней рост бороды, чаще встречается опущенный кончик носа и реже – его вогнутый профиль. Все это говорит о присутствии в составе марийцев, удмуртов, бесермян, северных чувашей небольшого южноевропейского компонента, тогда как у коми этот эффект сказывается гораздо слабее» (В.В. Седов, Глава VIII «Освоение славянами Восточноевропейской равнины», в кн. «Восточные славяне. Антропология и этническая история», <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?p=168207>; [http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/1329133086_57a1.jpg/\[img\]](http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/1329133086_57a1.jpg/[img]));

«На основе сравнительного анализа признаков первого (рост бороды, ширина и наклон глазной щели, эпикантус, поперечный профиль лица, выступание скул, высота переносья, поперечный профиль спинки носа и профиль верхней губы) и второго (цвет волос и глаз) порядков К.Ю. Марк пришла к выводу, что к марийцам наиболее близки удмурты, коми-пермяки, часть мордвы-мокша, саамы. Эти народы она отнесла к уральской расе – переходной между европеоидной и монголоидной расами. Марийцы среди названных народов наиболее монголоидные и темнопигментированные. По этим признакам, по мнению исследовательницы, они приближаются к чувашам» («Этногенез народа мари», http://aboutmari.com/wiki/Этногенез_народа_мари).

Марамы, как известно, армяне называли мидийцев (слово «мар», по Эмину, новоперсидское, восходит к зендскому «мара» – змей):

«Часть марийцев придерживается версии, что предки народа в далеком прошлом пришли на Волгу из Древнего Ирана. После произошла ассимиляция с живущими здесь племенами финно-угров и славян, однако самобытность народа частично сохранилась. В пользу этого говорят исследования филологов, отмечающих, что в марийском языке есть индоиранские вкрапления. Особенно это касается древних молитвенных текстов, которые практически не менялись на протяжении веков. К VII – VIII столетию прамарийцы сдвинулись севернее, заняв территорию между Ветлугой и Вяткой, где и обитают до сегодняшнего дня. В этот период серьезное влияние на формирование культуры и менталитета оказали тюркские и финно-угорские племена» (Анна Шихова, «Марийцы (мари, черемисы) – хранители священных рощ», <http://travelask.ru/articles/mariytsy-mari-cheremisyy-hraniteli-svyaschennyh-rosch>);

«Тщательно исследовав молитвенные тексты древней марийской религии, профессор Черных пришел к удивительному выводу: молитвенные слова марийцев более чем на 50 %

имеют индо-иранское происхождение. Именно в молитвенных текстах и сохранился праязык современных марийцев, не подверженный влиянию народов, с которыми они имели контакты в более поздние периоды. Внешне марийцы достаточно сильно отличаются от других финно-угорских народностей. Как правило, они не очень высокого роста, с темными волосами, немного раскосыми глазами» (Сергей Ионин, «Марийцы», М.: Голос-Пресс, 2010, <http://сувары.рф/ru/book/export/html/369>; «Поветлужье в истории Руси», http://letopisi.org/index.php/Поветлужье_в_истории_Руси).

Но не исключено, конечно же, и то, что предки марийцев (ахейцы = морисены) в глубокой древности прибыли из высокогорных долин Гиндукуша и Памира сначала в Малую Азию, затем на Балканы, Пелопоннес и Апеннины и лишь значительно позже вынуждены были мигрировать в Поволжье:

«Насколько известно, никто пока не объяснил этимологию названия Италия (Italia). Но, судя по историческим документам, изначально так именовалась (в глубокой древности заселенная древними греками – ахейцами, – П.Д.) самая юго-западная часть Апеннинского полуострова (ныне – Reggio di Calabria), затем – южная часть полуострова до Рубикона и Макры, и только со времен императора Августа (I в. н.э.) – весь полуостров до Альп. Поэтому только в историческую эпоху появилось название италийские племена, объединившее тех, кто говорил на латинском, осском, умбрийском и других языках. С другой стороны, в финском языке, наряду со словом Italia имеется имя прилагательное «etelä» – «южный», что созвучно марийскому «ит теле» – «нет зимы», которой действительно не бывает на южной оконечности Апеннин, в отличие от его северной части. Не исключено поэтому, что слово «Italia» имеет финно-угорские корни» (В.Г. Громов, «Марийский язык – старший брат латыни», <https://www.mari-el.name/library/gromov.pdf>);

«Ахейские колонии Сибарис, Кротон и Метапонт, расположенные на плодородных равнинах, изначально находились примерно в одинаковых условиях существования и имели сходное социально-политическое развитие. Благодаря экономической стабильности и относительной гибкости в отношениях с туземным населением, колонии не были ослаблены бесконечными войнами. Это позволило им достаточно рано заявить о себе на политической арене. Первым среди них выделился Сибарис. Он стал успешно расширять свои владения, как за счёт подчинения туземного населения, так и выводя дочерние колонии... Всё это позволяет сказать, что уникальность ахейских колоний Великой Греции заключается в том, что они были одними из первых, кто встал на путь формирования новых принципов государственного управления в форме полиса как социально-политического и экономического института, заложили унифицированные основы политической жизни, материальным воплощением которых явилась урбанистически оформленные центры» (Елена Макарова, автореферат дис. «Ахейские колонии Великой Греции: Сибарис, Кротон, Метапонт. Социально-экономическое и политическое развитие: VIII – середина V вв. до н.э.», <https://www.dissercat.com/content/akheiskie-kolonii-velikoi-gretsii-sibaris-kroton-metapont-sotsialno-ekonomicheskoe-i-politic>);

«Сибарис основан примерно в последней трети VIII века до н. э. Многие античные авторы писали о том, что город, находился между устьями двух рек: Кратиса и Сибариса. Во главе с уроженцем Гелики этот город основали выходцы из Ахайи, с ними вместе с северного Пелопоннеса пришли такие названия как Сибарис и Кратис. Если верить Геродоту, который сам был гражданином Сибариса и умер в нем, правда, к тому времени город был переименован в Фурии. Расцвет Сибариса был во второй половине VI века, а гибель произошла в результате поражения в войне с соседним Кротонем. Ее датируют 510 годом... В сознании современных людей сибариты стали примером быстрого крушения, постигающего тех, кто заигрался в роскошь и погряз в праздности. Легенда о Сибарисе заслуживает особенного внимания потому, что история поисков этого города и представления историков об архаической Южной Италии имеют неразрывную связь. Причиной гибели Сибариса Страбон считал «дерзость» и «роскошь, изнеженность». Именно об изнеженности говорят многие античные источники, и современные ученые согласны с ними» (Александр Белецкий, «Затонувшие города. От Черного моря до Бермудского треугольника», <https://history.wikireading.ru/212561>).

Как известно, пришельцы обычно перенимают названия гидронимов у аборигенов, хотя и существенно искажают их произношение. Однако же некоторым из них они присваивают и названия гидронимов, в окрестности которых сами ранее обитали. На то, что предки морисен и марийцев ахейцы прибыли в Европу из Средней Азии, а потомки морисен мигрировали позже из Балкан и Карпат в Поволжье (в Марий Эл и в восточные районы Нижегородской обл.) указывает большое множество соответствий в названии рек в этих трех регионах:

Вѣжѣнг ѿнгѣр (мар. «ѿнгѣр / энер» – река) / Выжум = **Ангр** (греч. **Ἄγγρος**) – приток Дуная или Бронга [Моравы], Иллирия, Геродот [4, IV, 49]; **Ангрен** / Ахангаран – приток Сырдарьи, Узбекистан

Черемиска (река черемисов = марийцев) – приток Тулажки, Нижегородская обл. = **Черемош** – приток Прута, Карпаты, Украина

Мартын Большой / Мартынэнер – приток Большой Кокшаги = ***Марот** / **Марош** / **Муреш** (река морисенов = марийцев; **Maris** у Плиния, I в. н.э.; мар. «марий» – «муж, мариец»; удмурт – «старый / прежний мариец»; тадж. «мардум» – люди, «як мард» – «мужчина, человек») – приток Тисы, Румыния, Венгрия; ***Мартынг** / **Маргоб** / **Мургаб** (переосмысленное название среднего течения реки Бартанг до впадения в него реки Гудара: от тадж. «марғ» [пастбище] + «об» [река]), Памир, Таджикистан

Мартын Малый – приток Большой Кокшаги = **Марица** (греч. Έβρος, лат. Nebrus), Болгария; **Вардар** / **Аксѳѳс** / **Аксиѳс** (греч. Αξιѳς), Македония; **Бартанг** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Ексей – приток Шукшана = греч. **Αξιѳς** / **Axios** (река *аксейцев / ахейцев / др.-греч. Ἀχαιοί, лат. Achaei / Achivi; мар. «окса» – деньги, лит. «áuksas» – золото, др.-греч. «αξιѳς» – «достойный, стоящий > ценный») – ныне река Вардар, Македония; **Аксу** / **Оксу** / **Аксиѳс** (от и.-е. *ek¹⁰г – «вершина, возвышенность, верховье» с переходом *ek' в *ouks-, *aks-; лтш.

«augšā» – верх; лат. **Oxus** – Амударья переосмыслено на киргизском языке в «Ак суу» – «Белая вода») – ныне приток Пянджа река Бартанг (в своем верхнем течении), **Вахш** – один из двух истоков Амударьи, Памир, Таджикистан

Кундала – приток Ветлуги, Нижегородская обл. = ***Кундыма / Кодыма** – приток Южного Буга, Украина; ***Кундара / Кудара / Гудара** – приток Бартанга, **Гунт** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Кундыш Большой / Кугу Кундыш – приток Большой Кокшаги = ***Кунджа / Тунджа** – приток Марицы; **Кундуз** – приток Амударьи, Афганистан; **Гунт** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Арда / Арде – приток Волги = **Арда / Ардас** – приток Марицы, Болгария; **Вардудж** – приток Кокчи, Памир, Афганистан; **Вартанг / Бартанг** – приток Пянджа, Таджикистан

Аржеваж – приток Кумы = **Арджеш** – приток Дуная, Румыния; **Вардудж** – приток Кокчи, Памир, Афганистан; **Варзоб** – приток Кафирнигана, **Вартанг / Бартанг** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Ашуя – приток Усты, Нижегородская обл. = **Осым / Осам** – приток Дуная, Болгария; **Асияоб** – приток Вахша, Памир, Таджикистан; **Ушу** – один из истоков Свата, Кашмир, Пакистан

Вўрзым вўд (воды) / Уржумка – приток Вятки = **Боржава** – приток Тисы, Закарпатье Украина; **Варзоб** – приток Кафирнигана, Памир, Таджикистан

Дорогуча – приток Волги = **Драгор** – приток Црны, Македония; **Дара, Дарачол** – притоки Вахша, Памир, Таджикистан

Ашланка / Ошланка – приток Уржумки = **Аранка** (серб. Златица; венг. «агану» – золото) – приток Тисы, Румыния

Борина – приток Люнды = **Бронг** [Морава] – приток Истра [Дуная], Геродот [4, IV, 49]; **Боронява, Бронька** – притоки Тисы, Закарпатье Украина

Буй / Буг – приток Вятки = **Бега** – приток Тисы, Румыния; Западный **Буг**, Карпаты, Украина

Бычиха – приток Усты, Нижегородская обл. = **Бык** – приток Днестра, Молдавия

Варбаш – приток Лопшанги, Нижегородская обл. = **Вырбица** – приток Ардаса, Болгария; **Вардудж** – приток Кокчи, Памир, Афганистан

Вергеца / Вёргезя – приток Рутки, Вергиза / **Вёргизя** – приток Арды = **Вир** – приток Црны, Македония; **Вырбица** – приток Ардаса, Болгария

Висец – приток Люнды, Нижегородская обл.; **Вишера** – приток Камы, Пермский край = **Вишеу** – приток Тисы, Румыния

Витьюм – приток Большой Кокшаги = **Вит** – приток Дуная, Болгария

Вонча / Вончо – приток Илети = **Ванч** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Илеть / Элнет – приток Волги = **Олт** – приток Дуная, Румыния

Инея – приток Ветлуги = **Инус**, Греция

Ирека – приток Уржумки = **Ирикяк / Ири-Як** – Аличур > Гунт (в среднем течении), Памир, Таджикистан

Ировка / Йыр (мар. «йыр» – вокруг; «йырваш» – окрестный) – приток Илети, **Ирка / Гирка** – приток Малой Кокшаги, **Ирекша** – приток Рутки, Большая **Ирыкш(а)** – приток

Большого Кундыша = **Ер** – приток Муреша, Румыния; **Иршава** – приток Боржавы, Закарпатье Украина; **Ирису** – один из двух истоков Гурумды > Ирикяка / Ири-Яка > Аличура > Гунта, **Йорхдара** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

Кадам – приток Кордемки = **Кадина** – приток Вардара, Македония; **Кодыма** – приток Южного Буга, Украина

Каливец – приток Лапшанги = **Калюс** – приток Днестра, Украина; **Келес** – приток Сырдарьи, Узбекистан, Казахстан

Коктуш – приток Большой Кокшаги, **Кокшерка** / Купшерка – приток Ировки, Большая **Кокшага** / Кугу Какшан – приток Волги = **Коксу** – приток Вахша, Памир, Таджикистан; **Кокча** – приток Пянджа, Памир, Афганистан

Коньга – приток Немды = **Хонко** – приток Вахша, Памир, Таджикистан

Кордемка – приток Малой Кокшаги = **Кёрёш** / **Кереш** – приток Тисы, Венгрия; **Кришул-Алб** и **Кришул-Негру** – притоки Кёрёша, Румыния

Крошиловская – приток Усты, Нижегородская обл. = **Крушеичка** – приток Црны, Македония; **Кришул-Алб** и **Кришул-Негру**, Румыния; **Кёрёш/Кереш** – приток Тисы, Венгрия

Кунаш – приток Усты, Нижегородская обл. = **Кунар** / Читрал – приток Кабула, Памир, Афганистан / Пакистан

Курша / **Кюржа** – приток Ронги = **Кёрёш** / **Кереш** – приток Тисы, Венгрия; **Кришул-Алб** и **Кришул-Негру** – притоки Кёрёша, Румыния

Лаж – приток Немды = **Лажечка** – приток Црны, Македония

Лапшанга – приток Ветлуги, Нижегородская обл. = **Лапушница** – приток Прута, Молдавия

Ларь – приток Большой Кокшаги = **Ларга** – приток Прута, Молдавия

Лемде / **Немда** / Немде – приток Пижмы = **Лим** – приток Дрины, Черногория, Албания, Сербия; **Неда**, Греция

Липша – приток Большой Кокшаги = **Лепенец** / **Лепенац** – приток Вардара, Македония; **Лепеница** – приток Моравы, Сербия

Лужа – приток Большого Кундыша = **Лужанка** – приток Тересвы, Закарпатье, Украина

Лука – приток Ваи, Нижегородская обл. = **Лакавица** – приток Вардара, Македония

Лукерья – приток Усты, Нижегородская обл. = **Лугур** – приток Вахша, Памир, Таджикистан

Лыка / Лѣкѣ – приток Юронги = **Лакавица** – приток Вардара, Македония

Люнда – приток Ветлуги = ***Лунда** / **Луда** Мара – приток Вардара, Македония

Монага / Монан / **Мунаг** – приток Малой Кокшаги = **Мунджан** – один из двух истоков Кокчи, Памир, Афганистан

Мусь – приток Большой Кокшаги, **Мокшура** – приток Ваи, Нижегородская обл. = **Муксу** – один из двух истоков Сурхоба / Вахша, Памир, Таджикистан

Норка / Норда, Нурда – притоки Малой Кокшаги = **Нурец** – приток Западного Буга, Польша; **Нурек** – приток Вахша, Памир, Таджикистан

Нуж – приток Шашки, **Нужа** – приток Большой Кокшаги = **Нужец** – приток Западного Буга, Польша

Нуса – приток Юронги, Нижегородская обл. = Места (греч. **Νέστος**), Болгария, Греция;
Нишава, приток Южной Моравы, Болгария
Окна – приток Ветлуги = **Окна** – приток Чьерна-Воды, Словакия
Она / Оно вѹд – приток Лажа = **Онсвет** – приток Вахша, Памир, Таджикистан
Оришут – приток Юшута = **Оризарская** – приток Брегалницы, Македония
Ордя / Арья – приток Большой Кокшаги = **Олт** – приток Дуная, Румыния
Парат / **Пруд** – приток Волги = **Прут**, Молдавия
Пинжанка – приток Петьялки, **Пинжиялка** – приток Аржеважа = **Пяндж** / **Панч** – приток Аму-дарьи, Памир, Таджикистан
Поёк – приток Руи, Нижегородская обл. = **Пек**, приток Дуная, Сербия
Пуча / **Пыча** – приток Рутки = **Пчиня** – приток Вардара, Македония
Пянь – приток Рутки = **Памисос**, Греция
Рава (эрз. **Рав**) – Волга = **Рава** – приток Бриницы, Силезия, Польша; **Раваница** – приток Моравы, Сербия; **Ров** – приток Южного Буга, Украина; **Раба** / **Рааб** – приток Дуная, Австрия, Венгрия
Роя – приток Рутки = **Раец** – приток Црны, Македония
Руйка – приток Немды = **Рика** – приток Тисы, Закарпатье, Украина
Рутка / **Рудка** / Рѣде / Ёрде – приток Волги = **Рударка** – приток Бебреша, Болгария;
Рудава – приток Моравы, Словакия; **Рата** – приток Западного Буга, Карпаты, Украина
Сабака / **Савак** – приток Буя / Буга, **Шоба** – приток Уржумки = **Сава** – приток Дуная, Словения, Хорватия, Сербия; **Соб** – приток Южного Буга, Украина
Сарда – приток Шошмы = **Сарата**, Молдавия, Украина; **Сырдарья** / **Сирдарё**, Таджикистан, Казахстан
Сенга – приток Ижмы, **Синьга** – приток Ваи, Нижегородская обл. = **Синявка** – приток Иршавки, Закарпатье, Украина; **Сангикар**, **Сангтуда** – притоки Вахша, Памир, Таджикистан
Сердяжка – приток Лажа = **Сирет** / **Серет** – приток Дуная, Румыния; **Серет** – приток Днестра, Украина; **Сырдарья** / **Сирдарё**, Таджикистан, Казахстан
Соза – приток Ошлы = **Сазлийка** – приток Марицы, Болгария
***Струек** / Строек – приток Волги, Нижегородская обл. = **Струма** / **Стримон**, Болгария / Греция; **Струмица** – приток Струмы, Болгария
Сура / **Шур** / **Сър** (Большая [река]) – приток Волги, **Шора** / Шорэнер – приток Юшута,
Шарда – приток Большого Кундыша = **Сарата**, Молдавия, Украина; **Сарбог**, **Шуроб**,
Шурак – притоки Вахша, Памир, Таджикистан; **Сырдарья** / **Сирдарё**, Таджикистан, Казахстан
Сурка – приток Шоры = **Сурхоб** / **Вахш** – приток Амударьи, Памир, Таджикистан
Темта – приток Усты, Нижегородская обл. = **Темштица** / **Темска** – приток Нишавы, Болгария, Сербия; **Тимок**, ***Тибискус** / **Тимиш** / **Тамиш** – притоки Дуная, Румыния, Сербия
Туранка (мар. «туран» – крутой) – приток Ветлуги = **Турунчук** – рукав Днестра, Украина, Молдавия
Туречка – приток Ноли = **Турьец** – приток Вага, Словакия; **Турунчук** – рукав Днестра, Украина, Молдавия
Турша – приток Большой Ошлы = **Тересва** – приток Тисы, Закарпатье, Украина; **Тирас** /

Днестр, Украина, Молдавия

Турья / Турью (Килемарский район), **Турья** – приток Сосьвы, Урал = **Турья**, приток Ужа, Закарпатье, Украина; **Тарагай** / Нарын – один из двух истоков Сырдарьи, Киргизия, Узбекистан

Тыр – приток Рутки = **Тересва**, приток Тисы, Закарпатье, Украина; **Тирас** / Днестр, Украина, Молдавия

Тюмша – приток Юшута, **Тюньга** – приток Юронги, Нижегородская обл. = **Тунджа** / **Тупса** – приток Марицы, Болгария / Турция; **Тимиш** / **Тамиш** – приток Дуная, Румыния, Сербия; **Тангшев** – приток Пянджа, Памир, Таджикистан

***Тунжа** / **Унжа** – приток Ировки = **Тунджа** / **Тупса** – приток Марицы, Болгария / Турция; ***Унж** / **Уж** / **Уг** – приток Лаборца, Словакия, Украина

Упша – приток Большой Ошлы = **Апшинец** озеро и река, Закарпатье, Украина

Чажа – приток Большого Кундыша = **Чага** – приток Когильника, Молдавия, Украина;

Чугор – приток Уролки, Пермский край = **Чугор** – приток Прута, Молдавия

Шада – приток Ваи, **Шадерка** – приток Усты, Нижегородская обл. = **Шахдар** – приток Пянджа, Памир, Афганистан

Шапинка – приток Большой Кокшаги, **Шапша** – приток Юронги, Нижегородская обл, **Шуарка** – приток Малой Кокшаги = **Шопурка** – приток Тисы, Закарпатье, Украина

Шемышейка / Шимышей – приток Рутки = **Сомеш** / **Самош** – приток Тисы, Румыния; **Шемница** – приток Црны, Македония

Шойка / **Шойэнер** – приток Ировки = **Шайо** – приток Тисы, Словакия, Венгрия

Шоменка / Шомем (впадает в Чебоксарское водохранилище) = **Сомеш/Самош** – приток Тисы, Румыния; **Шемница** – приток Црны, Македония

Шоя – приток Большой Ошлы, **Шойка** / **Шойэнер** – приток Ировки, **Шуй** – приток Шукшана, **Шуйка** / **Шунка** – приток Малой Кокшаги = **Шайо** – приток Тисы, Словакия, Венгрия

Шуля – приток Малого Кундыша = **Шоли** – приток Вахша, Памир, Таджикистан

Шунга – приток Рутки = **Сангикар**, **Сангтуда** – притоки Вахша, Памир, Таджикистан

Ярань / **Яран** – приток Пижмы = **Ядран** (название Адриатического моря в сербском языке)

Яхта – приток Ваи, Нижегородская обл. = **Яхсу** – приток Кызылсу, Памир, Таджикистан.

К тому же у марийского и у других финских языков много общего не только с греческим, но и с романскими языками, что заставляет сомневаться в достоверности отнесения к индоевропейским языкам наречий не только скифских, но и большинства дако-фракийских и иллирийских племён (включая как южных, так и северных иллирийцев):

«Любая уважающая себя нация должна иметь этимологический словарь родного языка, но работа по составлению такого словаря вряд ли будет полноценной без максимально возможного учета всех особенностей диахронии языка и родственных связей с другими языковыми группами. При этом есть весьма серьезные основания считать родственными романскую и финно-волжскую группы языков. В пользу этого можно привести следующие шесть основных положений (тезисов).

I. Романские и марийские глаголы – продукты общей матрицы.

II. Сходство и вариативность фонетических изменений в марийском и романских языках.

III. Идентичность словоизменительных средств.

IV. Следы связей прибалтийско-финских и романских языков.

V. Проблема языковых контактов.

Краткое резюме всему вышеизложенному: имеется целый ряд объективных причин, заставляющих нас по-новому взглянуть на историю марийского языка; при этом дальнейшие исследования по ее изучению необходимо вести с учетом контекста индоевропейского (и, в первую очередь, – романского) языкознания. Рано или поздно, но любая наука выходит из состояния инкубации. Именно это и должно произойти в языкознании.

VI. Происхождение этнонима марий.

Гипотетически названия «марий, меря и мурома» имеют общую этимологию, а их прототипом могла быть форма, латинским аналогом которой является «meum – «мой родственники», «мои соплеменники», т.е. «все наши». Отсюда же и (мар.) «мер» – общество... (мар.) «йоча» – «дитя, ребёнок ~ (v.l.) «iоџа» < (др.-греч.) «iota» – маленький, произошла палатализация t > џ, как и в случае (мар.) «котяй > коча» – дедушка. Данная версия имеет весьма серьёзные основания, если учесть, что немало других марийских слов имеют прямые соответствия в др.-греч. языке, например: (мар.) «йодаш, окса, ойыраш, йōраташ, корак, нōрō, тушман, кўвар, шонымаш, манаш, улыжо, пераш, тиде» и др. ~ (др.-греч.) «αιτω, αξιος, απρω, εραω, кораξ, νερο, δυσμενης, γεψυρα, δυv-τημι, μηνω, ολος, περω, τηδε» и др.» (В.Г. Громов, «Марийский язык – старший брат латыни», <https://www.mari-el.name/library/gromov.pdf>).

3.24 Предки мишар и мокшан, а также родственные им азийские племена

Вместе с голядьё, агафирсами и предками эрзян в Залешанщину и в Поволжье, очевидно, мигрировали и финнизированные скифами средиземноморские предки смуглых мишар (мешеры; *мидиар = мадьяр) и мокшан (тадж. «мох», перс. «maḥ», чеш. «měšic», укр. «місяць» – луна; греч. «μάγων» – «маг, жрец»; фин. «metsä», лтш. «mežs», лит. «miško» – лес; греч. «μικτόν», итал. «mista», вал. «сумыsg», ирл. «meascḥa», макед. «мешани» – смешанные), родственников как мизийцам (мюсам), моссинекам, москам (мосхам = мушкам; серб. «мушкарац» – «человек, мужчина»), так и маскутам (массагетам), и курдам мискетам (гурани), и другим митанийским и мидийским племенам (лат. «medius» – средний; ст.-слав. «межда», словен. «méja», словц. «medza», польск. «miedza», чеш. «mez / meze», в.-луж. «mjeza», н.-луж. «mjaza» – «межа, граница»; укр. «між» – между), принадлежащим к понтийскому мезо- и долихокранному антропологическому типу:

«Академик М.З. Закиев, поддерживал работы венгерского ученого Ю. Немета (что мадьяры / маджары были союзом угорских и тюркских племён), возводил предков мишар ещё к Геродотовским акацирам (возможно, являвшимся потомками финноязычных агафирсов, – П.Д.) и гуннам... Антропологические исследования выявили у мишарей наличие четырех основных антропологических типов: понтийского (61,1%), светлого европеоидного (19,4%), сублапоноидного (8,3%), монголоидного (11,1%)...» («Мешеряки», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1035380>);

«Заметим, что если ассирийцы называют «мушками» как «восточных» мушков (протоармян), так и «западных» мушков (фригийцев), то в «хеттских иероглифических», т.е. лувийских, надписях, по-видимому, различались первые (муска) от вторых (называемых также муса). Этническое название мисов (точнее, в соответствии с более древним греческим произношением, мюсов, греч. Μυτοί) сохранялось еще и тысячелетием позже в нынешней Болгарии, на Балканах...» (И.М. Дьяконов, «Урарту, Фригия, Лидия» в кн. «История Востока», том I «Восток в древности», <http://www.kulichki.com/~gumilev/HE1/he118.htm>);

«Однако дорийский диалект греческого языка не был единственным индоевропейским диалектом среди диалектов греко-армяно-арийской общности, проделавшим путь в северо-западном направлении из Малой Азии на Балканы. К таким индоевропейским диалектам следует отнести фригийский язык, а также, по-видимому, албанский язык в той мере, в какой он является продолжением балканских диалектов, восходящих, судя по сохранившимся языковым фрагментам, к определенной древней индоевропейской диалектной общности. Фригийский язык, известный нам по немногочисленным надписям первой половины I тысячелетия до н.э., найденным в Малой Азии, обнаруживает структурные черты, сближающие его с диалектами греко-армяно-арийского ареала: наличие аугмента в древнефригийских глагольных формах; относительное местоимение, запретительное отрицание. Наряду с изоглоссами (лексическими схождениями, – П.Д.), объединяющими фригийский язык с диалектами греко-армяно-арийской группы, фригийский обнаруживает и ряд архаических черт, в особенности в фонологической структуре. Ряд грамматических форм фригийского может быть истолкован и как свидетельство наличия связей фригийского и с диалектами иной группы – хетто-тохаро-итало-кельтской» (Академик РАН Вячеслав Иванов, «Миграции индоевропейцев», <http://gordon0030.narod.ru/archive/17767/index.html?oprd=1>);

«Если мы направимся далее через проливы, в северо-западную часть Малой Азии, то найдем там, помимо греков, живших в прибрежных областях, еще и группу индоевропейских племен, которые отчетливо выделяются среди своих соседей и которых историческая традиция тесно связывала с Фракией. Наиболее многочисленными из них были фригийцы, которые при Мидасе в VIII веке до н.э. смогли создать обширное государство. Дошедшие до нас реликты фригийского языка свидетельствуют о том, что он принадлежал к индоевропейской семье языков. По своим характерным особенностям он обнаруживает близкое родство с греческим языком, фригийцы даже использовали некоторые греческие слова. Следует также отметить его родство со славянскими языками, а некоторые особенности сближают фригийский язык с хеттским языком Našili. Фригийцы, кроме того, поклонялись индоевропейским божествам: их главный бог Багайос, точно так же, как лунное божество Мен, носит ярко выраженное индоевропейское имя. ...в «Каталоге кораблей» Гомера фригийцы упоминаются среди союзников Приама в его войне против ахейцев (около 1200 года до н.э.), и, таким образом, они должны были прибыть ему на помощь из собственно Фригии. Сведения Гомера относительно этнологии Троицы полностью подтверждаются списком союзников хеттов, с которыми пришлось иметь дело Рамсесу II во время его сирийской кампании в 1287 году до н.э. Фараон хвастался тем, что победил

следующие народы – илиуна (или ариуна), дерденов, лука, педов, келекеш, мяса и мавунна. Эти контингенты, входившие в состав армии хеттов, совпадают с названиями городов и народов, упомянутыми в Илиаде, – Илион, дарданы, ликийцы, лелеги, киликийцы, мизийцы и минии. Следовательно, египетские источники полностью подтверждают сведения Гомера, касающиеся политических объединений, существовавших во 2-м тысячелетии до н.э. Поэтому мы можем признать, что фригийцы уже жили в Малой Азии около 1200 года до н.э. ...большинство характерных элементов фригийской культуры уходит корнями в местную традицию и никак не связано с вторжением из Фракии в железном веке» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Расселение индоевропейских народов в бассейне средиземного моря», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovateli-evropeyskoy-tsivilizatsii/5);

«Третьими соседями живущих в излучине р. Галис матиенов были фригийцы, которые, согласно второй песне «Илиады», являлись союзниками троянцев. Их родина, по Гомеру, находилась в «далекой Аскании»... Теперь, если сравним вышеуказанную локализацию мосхов с локализацией матиенов второго фрагмента Гекатея, то увидим, что в интересующих нас фрагментах Гекатея говорится об одном и том же объединении матиенов. В этой связи обращает на себя внимание, в первую очередь, то обстоятельство, что земли геродотовых мосхов оказываются в непосредственной близости от матиенов второго фрагмента Гекатея Милетского...» (Н.В. Хазарадзе, «К вопросу о локализации матиенов в свете древнегреческих источников VI – V вв. до н.э.», [http://hpj.asj-oa.am/1971/1/1973-2\(200\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/1971/1/1973-2(200).pdf); <https://docplayer.ru/90431401-K-voprosu-o-lokalizacii-matienov-v-svete-drevnegrecheskih-istochnikov-vi-v-vv-do-n-e-n-a-hazaradze-tbilisi.html>);

«Я оставляю вопрос о сходстве имени manda с матиенами и мадами (= мидийцами), о чем говорилось многими учеными». Г. Капанцян, прозорливо связав слова «manda» с курдами, несколько раньше на страницах своей работы, говоря о племенах manda и sala, их отражение стремится видеть в княжеских родах mandakuni и salkuni из древнеармянских источников, и значения слов mandak объясняет как «манд-ец» («монт-ец» – горец; лат. «monte» – гора, – П.Д.) и «сал-ец» (лат. «saltus» – лес, – П.Д.). Даже спустя почти тысячелетие с момента об упоминаниях о манда в хеттских источниках и в VII в. до н.э. в «Хронике Гэдда о падении Ассирии», составленной на нововавилонском диалекте аккадского, речь также идет о войске «Умман Манда». В хронике сообщается, что в 12 год в месяце абе (июле-августе 614 года до нашей эры) «мидянин», взяв штурмом город Тарбиц, двинулся на священный город ассирийцев Ашшур. «Царь Аккада (Вавилонии) и войско его, которые шли на помощь мидянину, боя не застали, Ашшур был разрушен». Далее из хроники мы узнаем, что под «мидянином» подразумевается «Царь Умман Манды Умакиштар (Киаксар, Uvaxishtira, иранск. Huvaxshuira). Таким образом, в «хронике» Мидийское царство вместо «Мадай» (как и Вавилония – Аккад. – Л.М.) называется термином «Умман Манда» как более широким. Известный армянский историк XIX века Николай Адонц писал, что «первоначально только на земле куртиев (курдов. – Л.М.), позднее – по соседству с ними жили matiani. Данные древних авторов подтверждаются заключениями

новых исследований о том, что народ *matî* не только по крови, но и по имени родственный с мадами, *mada...*» (Ляtif Маммад, «Древнехеттские источники о курдах», http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=178&Itemid=1);

«Видя пафлагонов, енетов, мидян и амазонов в Азии славенского племени, уже думать можно, что обитавшие с ними в соседстве мосхи (мокшане, – П.Д.) им были единоплеменны, почему московский народ у многих новых писателей от них производится...» (Михайло Ломоносов, «Записки по русской истории // О дальней древности славенского народа», http://ukrhyst.at.ua/publ/mikhajlo_lomonosov_o_rossii_prezhde_rurika_1_6/10-1-0-984).

Очевидно, предки мушков (фригийцев = мизов) и матиенов до того, как в XVIII – XVII в. до н.э. после серии мощных землетрясений и подвижек земной коры они одновременно с протокельтами, касситами и большинством других индоариев вынуждены были мигрировать из горных долин Северной Индии (Пакистана и Афганистана) на Армянское нагорье и далее в Малую Азию (или же вдоль отрогов Кавказских гор и северного побережья Чёрного моря на Балканы), входили вместе с матсьями (шурасенами) и мадрами Пенджаба (предками и бурушей), а также с предками митанийских индоариев и мидийцев (мадаев) в один и тот же союз мужественных горских племён (исл. «*maðir*», англ. «*mate*», польск. «*maż*», эст. «*mees*» – «муж, человек»; греч. «*μάγος*», лат. «*magus*», кит. «*mùshī*» – «маг, жрец, священник») и матёрых (лат. «*maturus*», англ. «*mature*» – «матёрый, зрелый, вполне развитый, неинфантильный»; англ. «*majog*» – совершеннолетний; тюрк. «батыр» – «силач, храбрец, смельчак»):

«Матерый или матерой, матерущий, большой, высокий, огромный; толстый, плотный, здоровенный, дородный, дебелый, тучный; взрослый, возмужалый, на возрасте, не малый... Бычок не выmaterел (выматорел) еще, молод. Скоро доматерееет. Он заматерел с весны. Деревцо поматерело. Яблоня перематерела, дала ныне первые яблока. При этом корме скотина недолго промате(о)рееет, скоро спадет с тела. Размате(о)рел, на диво. В южных странах матерееют ранее... стареть, переживать средние, возмужалые лета, переходить из возмужалости в старость...». (Владимир Даль, «Словарь живого великорусского языка // Матерый», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/264710>);

«Любопытно, что в 1979 г. сообщалось о неизвестном ранее индоевропейском языке бангана в Северной Индии, где-то в предгорьях Гималаев, собственно не о цельном языке, а о его сохранившихся фрагментах, как бы субстрате. Это язык кентумный, с корнями, которые ведут в кельто-греко-латинский мир. Для молока там термин «лакta»... По мифу, Чьявана, сын Бхригу, был накрыт холмом, муравейником, из которого выглядывал сквозь две дырочки. Девушка, которая ткнула в них веточкой, была наказана за это богами. В муравейнике, трактуемом как вход в подземный мир, можно узнать курган, а именно у лицевых и «глазастых» урн глаза отмечены двумя отверстиями, сквозь которые душа покойного могла смотреть наружу, видеть солнечный свет и приношения (Эрман и Тёмкин 1975, № 31). В мифе явно отражен этот способ погребения – в лицевых и «глазастых» урнах под курганом, и таким образом, он связан с именем Бхригу. Индийские ученые уже давно

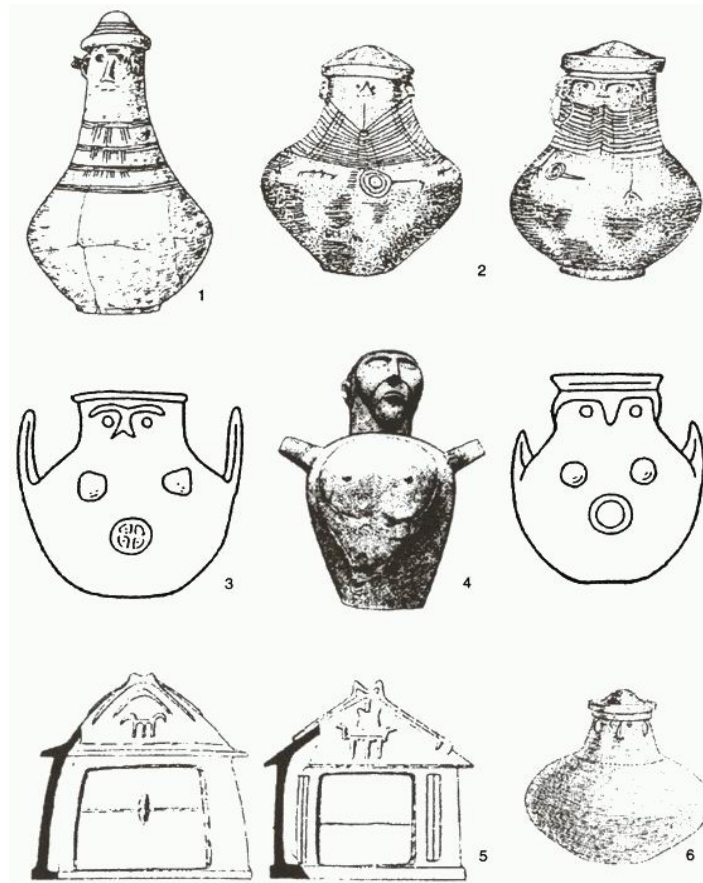
связывали бхригу с фригийцами (Косамби 1968: 89 – 90), но это игнорировалось как обычная полудилетантская фантастическая увязка – таких было немало в индийской археологии. Но теперь она поддержана археологически. Имя Бхригу имеет придыхательное bh, отразившееся в греческом, – по-видимому, переход bh-b произошел у потомков (мигрировавших из Индии бхригов, – П.Д.) фригийцев на Балканах после знакомства с ними греков... Финский индолог А. Парпола предложил такую индологическую трактовку этих урн с кремацией. Погребения в долине Свата он связывает по месту с двумя семействами жрецов, создавшими гимны мандал II – VII Ригведы, – это семейства Атри и Канва. Семейства эти связаны не только с долиной Свата и Гандхарвой, но и с культом близнецов Ашвинов – Насатья (известных не только из «Ригведы» [3000 г. до н.э.], но и по договору, подписанному в 1360 году до н.э. между правителями Митанни и хеттов, – П.Д.). Культ этот новый в Ригведе, теснящий Индру. По мифу, боги спасли Атри из погребальной ямы и за это он обязан им приносить регулярно «горячую жертву» (гхарму) – горшок, который раскаляется на огне. Парпола считает, что характер жертвы говорит о том, что погребение, из которого был вытасчен Атри, было кремацией. В раскаленный докрасна горшок наливается коровье и козье молоко, и эта жертва предлагается Насатьям в ритуале праваргья. Горшок этот боги (без Насатьев) задумали в честь Маха-вишну, который в споре с ними положил голову на свой лук со стрелой и натянул его. Подговоренные богами муравьи перекусили тетиву, и, распрямившись, лук снес голову Маха-Вишну. Она упала и стала солнцем. Боги восславили Маха-Вишну, и принесли его тело в жертву (погребение есть жертва), но она была безглавой и плохо действовала. Тогда боги придумали вместо его головы сосуд гхармы и назвали его: махавиру ‘великий герой’. Сосуд этот делается со сливом – «ртом» (высотой в три ширины большого пальца) и имеет нос (nsikm) (Шатапатха-брахмана 14.1, 2, 17).

Это уникальная особенность, не встречаемая нигде более среди описаний сосудов в ведической литературе. Парпола считает, что описание соответствует лицевой урне. Однако носатый сосудик гхармы используется для предложения горячего молока Ашвинам, тогда как лицевые урны служат для погребения. Но наливание молока в сосуд мантры приравнивают к оплодотворению семенем. А ритуал праваргья кончается тем, что все орудия ритуала выложены на земле в форме человеческого тела – точно так же, как кости сожженного, чтобы покойный мог на том свете ожить вновь целым. Это сближает оба обряда. Поскольку Насатьи, также как их греческие аналоги Диоскуры, связаны со спасением от смерти, с возвращением с того света, они исполняют и функции погребальных богов. Само слово Nsatyas означает ‘спасители’, ‘охранители’. Но корень ns- означает не

только ‘спасать’, но и ‘нос’. С этим связан миф об их рождении. Саранью, обернувшись кобылицей, убегала от Вивасвата, который обернулся жеребцом. Он настиг ее, но от быстрого бега не совладал с ней – семя упало на землю. Саранью только понюхала его – и тотчас забеременела близнецами Ашвинами-Насатьями – носорожденными. Поэтому нос – существенная деталь посвященного им сосуда, как «махавиры», так и урны» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://libed.ru/knigi-nauka/799709-6-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«Венетская колонизация принесла на территории Балтийского Поморья, Ютландии, южных областей Швеции и Норвегии стиль так называемых лицевых урн, широко распространившийся в изделиях местной керамики. Археологический сюрприз этих находок состоит в том, что лицевые урны – характерная принадлежность еще только трех культур: древней Трои, этрусков и адриатических венетов, что еще раз косвенно подтверждает вышеописанный путь расселения (мигрировавших из Индии, – П.Д.) венетов из Малой Азии на север Европы. Примечателен вывод археологов о том, что лицевые урны нельзя отнести к продуктам обмена и их распространение следует связать с «миграцией в области Польского Поморья иноплеменного населения», причем пришельцы появились с запада. Антропологически прибалтийских венетов отличала от местного населения средиземноморская примесь. В свою очередь, языковеды отмечают в языке прибалтийских венетов романо-италийские элементы...

Лицевые урны: 1 – Пруссия; 2 – Гданьск; 3 – Троя; 4 – Этрурия; 5 – Рим; 6 – Померания.

... Благодаря ассимиляционным процессам соседи венетов распространили их имя на славян (точнее, на славянизированных аланами-торками и античными германцами потомков финноязычных и балтизовавшихся скифов, северных иллирийцев, кельтов и других аборигенов Северной Европы, – П.Д.), для которых, впрочем, оно не стало племенным самоназванием. Это была обычная практика варварских союзов, в которых союзные и подчиненные племена объединялись под общим для всех названием народа-предводителя. Поэтому народы, граничащие со славянами на западе и северо-востоке – германцы, финны, эстонцы, – запомнили их под именем венетов. Они и поныне называют русских именами, производными от этнонима Venedi, Venethi (венеды, венеты): эстонцы – vene («вене») или venelainen («венелайнен»), финны – venäjä («венаяя»). В верхненемецком диалекте для обозначения лужицких сербов используется термин Wenden / Winden (венден / винден)» (Сергей Цветков, «Начало русской истории. С древнейших времен до княжения Олега», <https://www.litres.ru/sergey-eduardovich-cvetkov/nachalo-russkoy-istorii-s-drevneyshih-vremen-do-knyazheniya-olega/chitat-onlayn/>);

«Индийские факты недвусмысленно указывают на принадлежность Яду к жреческому, брахманскому сословию. Его мать, Деваяни, была дочерью Шукри, верховного жреца при царе асуров Вришапарвани. Шукру же индийская традиция считает сыном, а иногда и отождествляет его с легендарным мудрецом-жрецом Бгригу, основателем знаменитого жреческого рода, его чрезвычайно высоко возносит индийская традиция, в частности, индийский эпос. Некоторые исследователи не без оснований считают, что именно благодаря этому роду мы имеем «Махабхарату» в ее нынешнем виде, которую представители рода Бгригу подвергли своей обстоятельной редакции. Племя Бгригу упоминается еще в «Ригведе», а известный индийский ученый Сунити Кумар Чаттерджи склонен связывать его с фригийцами. То есть получается, что и само имя Яду означает «жрец», «вохв», «предсказатель». Иранский термин ятукан тождественен другому иранскому термину – кундакан, они – синонимы. То есть яту и кунда, яду и кунда – тоже синонимы. Армянский историк Мовсес Хоренаци свидетельствует о поклонении божеству Кунда иранских племен, живших по соседству с Арменией или в самой Армении. Уместно здесь напомнить, что в исторической Армении, ко времени принятия там христианства (III ст.), жили значительные индийские общины, особенно в области Тарон (сейчас в Турции)...» (Степан Наливайко, «Тайны раскрывает санскрит», <http://www.rulit.me/books/taemnici-rozkrivae-sanskrit-read-178748-14.html>);

«Учёные-лингвисты установили, что распространенный на севере Пакистана язык бурушаски, считавшийся изолированным, имеет индоевропейское происхождение и близок к языку древней Фригии. Работе посвящен последний выпуск журнала The Journal of Indo-European Studies, ее краткое описание приводится на сайте Университета Маккуори... В пресс-релизе университета утверждается, что с аргументами Чашуле в пользу индоевропейского происхождения бурушаски согласилось большое количество известных лингвистов...» («Лингвисты нашли в Пакистане новый индоевропейский язык»,

Это был союз цивилизационно зрелых или же древних (старых) народностей, являвшихся, очевидно, темнокожими потомками индийских племён времён старой лунной династии (кауравов мадаев = кадим = адаби = ядавов; Мадай = Кадм / Кадума = Адам = Яду; др.-евр. «adamah», в клиноп. текстах «udûmu», в Септ. «Еδώμ, Ἰδομαία, Ἰδομοίος» – «красный, рудой, каурый»; бенг. «Bādāmī» – «коричневый, карий, бурый»; др.-греч. «ἰώδης» – «фиалковый, фиолетовый»; лит. «juodas» – чёрный; лат. «ater» – тёмный; санскр. «adi» – «начало, первенец»; «ādyā» – «начальный, единственный в своем роде, исключительный»; лат. «atavus» – предок; лат. «adultus», англ. «adult» – «зрелый, взрослый, совершеннолетний»; тадж. «кадим», узб. «қадимги», марийск. «кадем годсо», венг. «hajdani» – «старинный, древний»; венг. «ódon» – старый, «idős» – «старый, пожилой»; удм. «адямиос» – «старые люди»; каннада «hōda» – прошлый; Кадм от финикийского слова «древний» или «восток»):

«В текстах линейного письма А встречается личное имя ka-du-ma-?. В 2003 году найдено письмо царя Аххиявы (то есть, видимо, Микенской державы) царю Хаттусилису III (ок. 1250 до н. э.). Он упоминает, что его предок Кадм выдал свою дочь за царя Ассувы, и некие острова перешли под контроль Аххиявы. Царь хеттов утверждал, что острова принадлежат ему. Кадму греческая традиция приписывает изобретение алфавита. Плывая с Востока в Грецию, он остановился на острове Санторин (Тера, Фира) и оставил здесь несколько своих спутников. Позже на этот остров прибыл Терас (Фир), в честь которого и был назван остров. Именно здесь, на Тере, и найдены самые древние (VIII в. до н.э.) греческие письмены» («Кадм», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20337>, <http://fr.dbpedia.org/page/Cadmos>);

«Но самое удивительное заключается в том, что индоевропейские подобия в языке хеттов находят не только в индоиранских языках, но и в языках группы кентум, особенно во фригийском, греческом и латинском. Фонетические особенности языка Našili (неситов-хеттов, – П.Д.) объединяют его как раз с последней группой. При склонении некоторых форм ясно прослеживаются особенности, присущие западным языкам: основа в винительном падеже единственного числа на -n, точно такая же, как в греческом и фригийском языках, вместо -m, summes. Правда, следует вспомнить и форму «ύμείς», в греческом языке, наречие «katta», и замену -ti на -zi в третьем лице единственного числа глаголов. Только довольно сомнительные императивы на -du и -andu во втором лице личных местоимений множественного числа на -tenī имеют отчетливые индоиранские параллели. Поэтому если индоевропейский элемент и имеется в Našili, то попал он туда не из соседней Митанни. Тем не менее Našili нельзя отнести к числу индоевропейских языков. Различия в склонениях представляются слишком многочисленными. Профессор Сэйс говорил мне, что выглядящие как типично индоевропейские окончания глаголов являются не строго «личными», а, как кажется, иногда использовались безлично, чтобы обозначить первое или третье лицо единственного или множественного числа. Он отметил, что несколько из предполагаемых индоевропейских окончаний глаголов имеют параллели в неиндоевропейских языках, в ванском и даже шумерском. Опять-таки количество достоверно индоевропейских слов и

форм в языке хеттов представляется слишком незначительным. Наконец, его синтаксис не похож на тот, который присущ индоевропейским языкам, его структура больше похожа на малоазийские языки... Мне и профессору Сэйсу более вероятным представляется тот вариант, что Našili (подобно русскому языку, – П.Д.) был искусственным литературным языком, созданным придворными писцами и жрецами. В таком случае арийские элементы, слова и окончания могли быть заимствованы для выражения понятий и отношений, неизвестных в более примитивных малоазийских диалектах, которые представляли собой лишь основу формирующегося языка. Точно так же в него попала и целая группа различных вавилонских терминов. В качестве аналогии можно упомянуть, что в эламитской версии надписи Дария на скале в Бехистуне употреблен древнеперсидский императив *astu*, поскольку субстантивированные глаголы отсутствуют в малоазийских языках» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н.э.», <http://www.istorya.ru/book/arii/04.php>).

3.25 Протогерманцы первой волны миграции в Европу

Возможно, в племенной союз будинов и других протогерманцев входили также и племена светловолосых долихокраних уралоидов, родственных предкам динлинов, и пришли они в Поволжье из Южной Сибири вместе как с финноязычными и фракоязычными скифами, так и с балтоязычными савроматами. Не исключено, конечно же, и то, что некоторые племена будинов были и потомками сако-массагетов будиев, мигрировавшими в Европу вместе, как с инкорпорированными *утиями – гутиями / кутиями (предками славяноязычных античных германцев ютов, гаутов / готов и балтов гудов), кадусиями (предками меотов фатов и протогерманцев хаттов / гессов, и некоторых скифских протогерманских племен – авхатов и катиар) и маргианцами (предками марсаков и маркоманов?), так и с другими мидийскими (мадайскими) племенами – сигиннами (Σιγυννες / Sigunnes – предками цыган; кит. «си-жун» – западные жуны), гелами (предками гелонов), аризантами (предками ализонов / алазонов) и струхатами (предками сатархов):

«В Таджикистане в настоящее время известны, так называемые, памирские таджики. Они отличаются от остальных таджиков своим физическим типом и языком. Что касается физического типа, то для них характерны светлый цвет кожи, волос и глаз. Что касается языка, то по мнению некоторых таджиков он больше похож на немецкий, чем на иранский... Особенность языка памирских таджиков позволяет нам говорить о том, что все саки, скорее всего, говорили на языке близком к германскому (очевидно, всё же к прагермано-тюркскому, – П.Д.). Таким образом, племя Бельторна могло относиться к каким-то сакам, предки которых когда-то могли жить в Южной Сибири и пользоваться рунами. Если вернуться к Вотану, то можно вспомнить о том, что его соплеменники назывались асами (аланами, в союз племен которых входили и сако-массагетские предки германцев, – П.Д.). Их племена были известны древним историкам. Они вместе с тохарами, сакаравами и пасианами отняли у греков Бактрию. Возможно, под именем асов скрываются какие-то племена скифо-сакской группы. Не исключена возможность, что это были саки-тиграхауда...» (Борис Попов, «Кто мы? // Вотан и аланы», <http://www.proza.ru/2008/03/24/550>);

«101. Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен» (Геродот, «История», <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1269019585>);

«...мидийское племя – будии – передало свое название племенам буджийан, буджери, буджнурд, адвели, аджелавенд, аджилан, баджуи, бадикийан, бадраи и другим» (Лятиф Маммад, «Мидийцы в этногенезе курдского народа», http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7&Itemid=1);

«Курды (по крайней мере, так было в начале), наряду с армянами, ассирийцами, отчасти, турками и евреями, являются генетическими и антропологическими потомками народов алародийской (хуррито-урартской) языковой группы. Исторический Курдистан (между Армянским нагорьем и Загросом) в древнее время являлся частью таких государств как Урарту, Манней, Митанни, Ассирия. Хурритские наречия окончательно были вытеснены иранскими (в ч. мидийскими) в 850 г. до н.э. Хурритское влияние выразилось в эргативном строе предложения современного курдского языка и топонимике Курдистана. 75% названий курдских племен (бухти, тирикан, базайни, бакран, манд), 60% названий городов, рек и озер (Мардин, Зивийа, Динавар, Барзан) имеют хурритское происхождение. Жители государства Мидия (соседа хурритов) – мидийцы состояли из конфедерации 6 разнородных племен: бузы («аборигены»), паратакени («кочевники»), струхат («хат» – общее урало-алтае-дравидское слово, обозначающее «клан»), аризанты («хурриты»), будии (название связывают с этнонимом сако-массагетского племени будинов), маги (предположительно были связаны с шумерами)... В соответствии с антропологическими галереями первой половины 20 века, курды Малой Азии представляются гипердолихоцефалами с переднеазиатской профилировкой лица, равно как талыши и жители Загроса. Если жители исторического Курдистана в 1 тыс. н.э. были более «арменоидные», пока в сер. 2 тыс. н.э. не начала нарастать миграция иранских племен из Центрального Ирана и иранизация части арабов. Генетически курды обнаруживают родство с евреями и арамеями» (Алексис Шнайдер, «Курды», <http://randevu-zip.narod.ru/caucase/kurd.htm>);

«Согласно армянской легенде, курды появились, вероятно, только в X веке н.э.: «Когда (в X в.) арабское владычество стало колебаться и умножились эмиры в различных странах, скифы, бывшие по ту сторону Каспийского моря, называемые турками, устремились во множестве в Персию и Мидию, овладели многими местностями, обратилась в их веру и сделались ими (персами и индийцами) по религии и языку. Многие из них, соединившись с мидийскими князьями, вторглись в Армению в пределы кардухов и моков, овладели этими странами и осели в них. Они-то и называются теперь курдами. Некоторые из них двинулись в Месопотамию армянскую и сирийскую, где и поселились. Позднее с ними постепенно слились и многие из христиан, обратившись в их веру»... Восточные курды, сфотографированные Штольцем, все представлены темным типом с крайней брахицефалией,

в полной аналогии с персидским населением этого района. Совсем другими выглядят западные курды, тщательное антропологическое обследование которых было произведено фон Лушаном в Коммагене (близ Каракуша), у Немруд-Дага и в Зенджирли. Значительная часть их представлена светлым типом долихоцефалов (индексы от 74 до 76). Из этого обследования фон Лушан делает вывод: «Курды по происхождению народ светлый, с голубыми глазами, долихоцефалы», так что появление среди них в некоторых районах темных элементов с брахицефалией якобы является результатом скрещивания с турками, армянами или персами. Фон Лушан предполагает, что эти исконные курды (светлые долихоцефалы), вероятно, пришли с Севера Европы, не утверждая, однако, что они обязательно германские элементы. Но эта гипотеза выводится им из факта, который он считает достоверным и который состоит в том, что «нигде, кроме как на Севере Европы (на самом деле, в Саянах и на Алтае, – П.Д.), невозможно до сих пор установить место происхождения светлых долихоцефалов с голубыми глазами». Соотношение светлых типов по данным обследования фон Лушана следующее: в Каракуше (Черное море) – 71 индивидуум из 115, то есть 62%; в Немруд-Даге (озеро Ван) – 15 из 26, то есть 58%; в Зенджирли – 31 из 80, то есть 39%. Впрочем, вероятно, что этот северный тип пришел в Переднюю Азию, владея другим языком (возможно, финно-самодийским, – П.Д.), а не курдским, который ему, по-видимому, был навязан в результате контакта с иранскими элементами, которым он подчинился, как отмечает А. Башмаков. Во всяком случае, вопрос, поставленный недавно в такой форме, остается неясным. А. Башмаков полагает, что его, по-видимому, уточнят тогда, когда разрешатся основные вопросы, связанные с проблемами киммерийцев, которые, вероятно, являются долихоцефалами и, возможно, представляют собой первоначальный облик курдов. К этим соображениям антропологов позволим присоединить несколько строк из работы Е. Сова, который знал некоторые курдские племена и жил среди них. «Если рассматривать физический облик курдов, то вряд ли в настоящее время можно найти более совершенный образец. Северные курды сухощавые, высокого роста (среди них совсем не встречаются тучные), с длинным, часто загнутым носом, небольшим ртом, овальным, продолговатым лицом. Мужчины обычно носят усы и все без исключения бреют бороду. Среди них много светловолосых, с голубыми глазами [между тем здесь речь идет о восточных курдах, – В.Н.]. У южан лица шире, а походка тяжелей. Из 40 человек южных племен, выбранных наугад, 9 были выше 1,8м, хотя среди некоторых племен средний рост составляет 1,75м. Походка медлительная, с широким шагом, выносливость в труде большая. Держатся все они, – горцы это знают, – гордо и прямо выглядят теми, кем являются, – современными мидийцами, способными стать при условии объединения новой большой воинственной нацией. Я видел среди них большое число людей, которые могли бы позировать в качестве образца норманна» (В. Никитин, «Курды»),

<http://cihanekurdistan.livejournal.com/36120.html>; <https://book.ivran.ru/f/niktin-kurdy.pdf>;
http://kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=45&Itemid=4);

«Прежде всего, основой хозяйства и у скифов, и у германцев, согласно свидетельствам историков, является кочевое скотоводство. При этом и у скифов, и у англосаксов (точнее, преимущественно у саксов, – П.Д.) ведущей отраслью животноводства

было овцеводство, англосаксы этим отличались от прочих германцев. Название земли саков на Кавказе – Сакасена – имеет тот же формат, что и название земли саксов – Sachsen (Саксония), что мне кажется существенным обстоятельством. Имеет место подобие вооружения у сакских и саксонских воинов: обоюдоострый боевой топор и короткий меч. Неясным остаётся вопрос о коннице у древних англосаксов – саки имели конницу на вооружении, согласно свидетельству Геродота. Скифы приготавливали из молока особый продукт под названием «бутир», который в германских языках (и ни в каких более) преобразовался в «butter» – масло (см. подробнее в главе 2). Наконец, все иранизмы и алтаизмы английского языка, описанные в главе 2 и не имеющие внятной этимологии, могли быть принесены непосредственно саками. Этого, мне кажется, вполне достаточно, чтобы, по крайней мере, не исключать из рассмотрения гипотезу о миграции скифов на север Европы в 4 – 3 вв. до н.э., сопровождающейся изменением состава местного населения, появлением скифских товаров...» (Георгий Тележко, «Следы прагерманских миграций», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html?author>);

«[Саки-суна, по всей вероятности – саксы.] Саксы являлись германцами или тевтонами, то есть готским или скифским племенем; из различных же засвидетельствованных скифских племен, саки (Σακαί или Sacaе), являются народом, от которых происхождение саксов можно предположить с наименьшей вероятной ошибкой. Слово саки-суна (Sakai-suna), или сыны саков, сокращенное до саксун (Saksun), по звучанию сопоставимо со словом саксон (Saxon) и кажется разумной этимологией слова сакс. Саки, которые на латыни называются sacaе, являлись наиболее прославленным народом Скифии. Они настолько выделялись, что персы называли саками всех скифов; и Плиний, который упоминает это, отмечает их среди самых значительных народов Скифии. Страбон помещает их к востоку от Каспия, и заявляет, что они совершали множество набегов на киммерийцев и треров (в русском переводе «подобно киммерийцам и трерам» – П.Д.), как на дальние расстояния, так и на ближние. Они захватили Бактриану и плодороднейшую часть Армении, которая от них получила название Сакасена; они победили Кира и достигли Каппадокии на Евксинском море. Этот важный факт о части Армении, названной Сакасена, упомянут Страбоном и в другом месте, и, как представляется, указывает географическое местоположение наших первобытных предков, и объясняет персидские слова, которые встречаются в языке саксов, ибо они, должно быть, вступили в Армению со стороны северных областей Персии. То, что некоторые ответвления этого народа действительно назывались сака-суны (Saka-suna), очевидно из Плиния, ибо он говорит, что саки, обосновавшиеся в Армении, звались сакассанами (Sacassani), что есть не что иное, как сака-суны, записанное человеком, не понимающим смысл сложных слов. Да и Сакасена – имя, которое они дали занятой ими части Армении, звучит почти также как Саксония. Важно также отметить, что Птолемей упоминает скифское племя, произошедшее от саков, именем саксоны (Saxones). Если саки, достигшие Армении, назывались сакассанами, то, вполне возможно, что они появились в Европе под этим же именем, которое было от них заимствовано римлянами и впоследствии сокращенно при написании в соответствии с их произношением, вероятно с «х» вместо «ks». В этом случае, между Saxones и Sacassani или

Saksuna вариаций не больше, чем имеется между French, Francois, Franci и их греческим названием Φραγγι; или между Spain, Espagne и Hispania» (Шэрон Тёрнер, «История англо-саксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm#28);

«Однако в ведении истории оказалась некая независимая германская традиция об имевшей место в первой половине шестого века миграции англов (на самом деле, вовсе не чёрноволосях брахикранных англов, а светловолосых долихокранных саксов, – П.Д.) из Британии на континент. Старейшая версия этой традиции, записанная монахом из Фульды незадолго до 865 года, уже тогда расценивалась как древнее предание. Она утверждала, что предки континентальных саксов произошли от Angli (от английских саксов, – П.Д.) Британии. Будучи вынуждены искать новую землю для поселения, они направились через океан в Германию и высадились в Хадулохе – современный Куксхафен – в то время, когда король франков Теодорих находился в состоянии войны с тюрингами. Когда тот узнал, что иммигранты хотели поселиться в Германии, Теодорих пригласил их присоединиться к нему, и после тюрингской войны отдал им земли к северу от реки Унструт, на завоеванной им территории. Невозможно принять эту легенду в качестве всеобъемлющего объяснения происхождения континентальных саксов. Различия между их языком и англо-фризским диалектом, от которого происходит английский язык, восходят к временам, далеким от тюрингских войн Теодориха. С другой стороны, существует свидетельство, указывающее, что на языке, близком к древнеанглийскому, когда-то говорили в районах, отведенных по легенде переселившимся «саксам», а название кантона Энгилин (Engilin) между реками Унструт и Заале указывает на наличие древнего поселения англов (родственных оногурам и кутригурам = унгличам / уличам / лутичам = лютичам / вильцам, – П.Д.) в этой местности. Еще более примечательно любопытное совпадение между этой легендой, имеющей все проявления истинной народной традиции и рассказом Прокопия о переселении из Британии на континент. В каждом случае мотивом для миграции была необходимость поиска новых областей проживания. Заселение Теодорихом покоренных земель «саксами» по ту сторону реки Унструт читается как иллюстрация к утверждению Прокопия, что франки рассаживали иммигрантов на более пустынных частях своей территории. Существует также взаимное согласие между Прокопием и монахом из Фульды относительно периода времени, в котором имели место эти переселения. Теудеберт, король франков, чьим отношениям с Юстинианом Прокопий был обязан всем, что он знал о событиях в Британии, правил с 534 по 548 годы. Он, как известно, хвастался Юстиниану, перечисляя народы, находившиеся под его властью, и был, несомненно, тем франкским королем, который, согласно Прокопию, использовал то переселение из Британии на франкскую территорию как доказательство своего господства над островом» (Фрэнк Стентон, «Англо-саксонская Англия», http://britanniae.ru/reconstr/frank_stenton/frank_stenton_ASA_01.htm).

Однако же, кем бы не были долихоцефальные древние курды (будии и др.) и протогерманцы (будины) – киммерийцами, скифами (саками), массагетами или же древними алтайскими племенами (возможно, являвшимися предками и таких же светловолосых динлинов и половцев), их предки всего лишь переняли у темно-красных брахикранных

индоевропейцев наречия и наиболее распространенные этнонимы и топонимы в процессе длительного пребывания с ними в каких-либо союзах разноэтничных племен. Не исключено, конечно же, и то, что некоторые протогерманские наречия сформировались на алтайском прадравидо-юкагиро-финском субстрате племен, перекочевавших в Среднюю Азию и в Западный Иран (Загрос), под преобладающим влиянием суперстрата мигрировавших туда же позже прабалтов. Ведь балто-славяно-германскую подгруппу многие лингвисты объединяют в одну группу индоевропейских языков вместе с древними тохарскими языками. Формирование же некоторых неанглосаксонских германских наречий происходило с усвоением не только прабалтского, но также и мидо-митанийского индоарийского (индобригского – фригийского) суперстрата, а возможно, и с восприятием протоармянского хурритского адстрата. Но вполне возможно и то, что бледнолицые долихокранные протогерманцы первой волны миграции были тогда как неираноязычными, так и негерманоязычными, а германизовались лишь гораздо позже под влиянием темно-краснокожих и брахикранных балто-славяноязычных готов, мигрировавших в Европу из Хотана и других древних государств ныне китайского Синдзяна (царский род Хотана именовался «золотым, золотистым» [Кляшторный] и, очевидно, это было связано с тёмно-красным цветом червонного золота). Племена гудов / готов были преимущественно балто- и славяноязычными, хотя и возглавлялись знатными родами, владевшими и протогерманотюркским пиджином (жаргоном охранявших Шёлковый торговый путь воинских формирований).

Древнеславянское (хотано-готское) происхождение имеют многие топонимы в землях, населённых или же ранее населявшихся потомственными славянами и в том числе германизовавшимися потомками славяноязычных аланов и готов (англами, ютами, фризами и др.):

«Особенную часть топонимов этого типа составляют такие, которые содержат в себе основу Хотин (нем. «Gau», ирл. «gcantún», кор. «gun», англ. «county», хинди «kentan», бенг. «Kuāntāna», маратхи «Kaṅṭī», арм. «gavan» – «кантон, округ»; япон. «kuni / gun», кит. «guó / го», греч. «γῆα / гео», англ. «country» – страна; хинди «kinārā», ирл. «ceann», дат. «kant», нем. «kante» – «кант, кайма, край»; укр. «готар» – «межа, граница», «хутор» – поселение; хинди «kōṇa», укр. «кут» – «угол, край»; укр. «тин» – «густые заросли, плетень, изгородь, ограда» от праслав. «tyti» – «густо расти», – Мартынов). Общеизвестным является их славянское происхождение... Названия такого типа (типа англ. «Howden, Howtown», – П.Д.) встречаются в нескольких странах: Украина – город Хотин и три села того же названия в Ривненской области, два села Хотиновка в Черниговской и Житомирской областях, а также село Хотень в Хмельницкой области и село Хотинь в Сумской области. Правда два последних могут иметь украинское происхождение. Беларусь – село Хотыничи (Брестская обл.). Польша – Хотынец (Chotyńiec) в Подкарпатском воеводстве. Словакия – село Хотин (Chotín) в Нитранском крае. Чешская республика – село Хотине (Chotyně) в Либерецком крае и село Хотиневес (Chotyněves) в Устецком крае» (Валентин Стецюк, «Древняя англосаксонская топонимика в Восточной и Центральной Европе», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Topo/Eng.html>).

3.26 Другие возможные потомки индийских ядавов

Как видим, потомками индийских ядавов были не только северокитайские *утии (юэчжи), но и такие же брахикранные западноиранские будии, утии и кутии (гутии), этноним которых сохранился как у балтов (гудов, глудов, готов), так и у славяноязычных античных германцев (гаутов, гётов, ютов, хаттов / гессов). Возможно, потомки ядавов участвовали в этногенезе также и предков кавказских народов будухов (будад) и удинов:

«Удины (в форме «утии») впервые упоминаются Геродотом (V в. до н.э.) дважды: при перечислении податного населения XIV сатрапии (кн. III, № 93), в которую входили Дрангиана и Кармания – земли внутреннего Ирана, и при описании персидского войска, уже среди кавказских народов (кн. VII, № 68). Более поздними греко-римскими авторами (Аполлоний Родосский, Полибий, Страбон и др.) обычно локализируются в Северо-Западном Прикаспии, но всегда севернее р. Кура. Плиний Старший. (I в. н.э.) называет удин скифским племенем и упоминает также так называемых утидорсов (аорсы-сарматы, видимо, смешанное племя). В связи с этим вероятен дрейф этнонима или более сложные этногенетические процессы (например, оседание какого-либо ираноязычного или, что менее вероятно, угро-финского народа и восприятие им языка местного кавказского населения)» (Игорь Кузнецов, «Удины», <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/udiny.html>);

«Там же в Месхетии имя одного из гунно-булгарских племен уди отразилось в названии с. Уде (Адигенский район). О широкой миграции в далекой древности этого племени говорит наличие большого числа топонимов и этнонимов на большом пространстве от Кавказа и центральных районов России до Дальнего Востока: реки Уд, Уда, Удон, населенные пункты Удэ, Удинск и др.» (Ариф Юнусов, «Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ», http://www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_20_junusov.shtml).

Культ Луны, характерный для потомков ядавов и других индийских народностей лунной династии, был присущ и многим народам Передней Азии и сохранился сейчас у курдов езидов:

«Из этой древней терминологии в наши дни, по мнению Марра, сохранилось лишь одно слово «челеб» – «бог», с курдским производным словом «челеби» – «божеский, принадлежащий богу, исповедующий бога». Это слово мы видим у сабейцев в составе сложного слова «луна» (selem-sin) – «идол луны». В обрядах езидов имеются черты, характерные для культа луны; невольно испытываешь соблазн возвести курдское слово челеб к арамейскому источнику, предположив в нем курдскую трансформацию слова «целем» (др.-греч. «σελήνη», др. «σελάνᾱ» [λᾱ], эол. «σελάννα» [ῆ] – луна, – П.Д.), соединенного с «син» – «луна»... Культ луны возвращает нас к яфетидам. Страбон упоминает о культе бога Луны на границе Иберии. Следы этого культа имеются и в армянском языке. Как бы то ни было, будучи почитателями бога Челеба, езиды, естественно, могли называть себя челеби» (В. Никитин, «Курды», <http://cihanekurdistan.livejournal.com/36120.html>; <https://book.ivran.ru/f/niktin-kurdy.pdf>).

Возможно, родственные пеласгам минийцы (др-греч. «μήνη», «μήνας», лтш. «mėness», лит. «mėnuo» – луна) были потомками индийских народностей лунной династии, проникшими в Европу одними из первых индоевропейцев.

3.27 Ранние проникновения потомков ядавов в Восточную Европу

На проникновение потомков ядавов и других индийских племен на Северный Кавказ и в Восточную Европу уже в глубокой древности указывают многочисленные факты, выявленные в процессе лингвистических исследований Олегом Трубачёвым и многими его предшественниками:

«Полезно и замечание Кречмера, что индийская принадлежность синдов не могла ускользнуть от близкородственных им соседей иранцев-скифов. Таковы, как видим, очень немногочисленные, но и сегодня убедительные в наших глазах доказательства Кречмера, хотя мы не можем не отметить, что не упомянутый им Риттер за сто двадцать лет до него уже обратил внимание на индийскую природу синдов, на близость названий Нуранис – «Южный Буг», Нуранис – «Кубань» и Нуранис – Нуrphasis в Индии (Диодор Сицилийский XVII. 93). Больше того – Риттер обратил внимание на то, мимо чего прошли и Кречмер, и все остальные исследователи, – это древнее строительство искусственных каналов в так называемой Синдской Скифии (Scythia Sindica) – в низовьях Ю. Буга и к северу от Крыма, а также на нижней Кубани (по данным Плиния и Страбона), что предполагает давнюю оседлость и высокий уровень развития земледелия. Это указывает еще на одно вероятное серьезное отличие синдов от скифов и дает синдам характеристику, гораздо более выпуклую и отличную от той, которую дал им Кречмер, увидевший в них лишь индийских коневодов северопонтийских степей» (Олег Трубачёв, «INDOARICA в Северном Причерноморье», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111147.htm>);

«Говоря вкратце, открытие состоит в том, что на территории южной части Восточно-Европейской равнины обнаружено присутствие одной из ранних форм индоарийского языка и, следовательно, соответствующего этноса. Границы ареала, в котором отмечены следы этого языка, – от Северного Кавказа на востоке до Закарпатья, Дакии и Трансильвании на западе. До сих пор индоарийский язык в его архаичной форме был известен по текстам, созданным в Индии и на подступах к ней с запада, с одной стороны, и по реликтам языка индоариев, обнаруженным на Ближнем Востоке в митаннийском локусе, с другой. Теперь же восстановлен третий, «западный», локус индоарийского языка, и тем самым намечена в общем виде та цепочка индоарийских локусов, которая приглашает к раздумью и к реконструкции дальнейших передвижений индоариев. Язык «причерноморских» индоариев позволяет углубить ведийско-санскритскую перспективу и поставить в повестку дня вопрос об остающейся невидимой части «причерноморского» индоарийского, точкой отсчета и контроля которого являются все-таки исключительно ведийско-санскритские (существенно реже – пракритские) данные» (В.Н. Топоров в кн.: О.Н. Трубачёв, «INDOARICA в Северном Причерноморье», <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111147.htm>).

У балто-славяноариев, как и у индоариев, была сословная (варновья) структура общества. Поляне-русы, являясь аналогично польской шляхте и царским сарматам (санскр. «шарман» – «покров, благополучие, защита»; «шаури», «шура» – витязь; хетт. «šaḡu» – «добыча, полон») воинским сословием, не имели морального права заниматься не только ремёслами, но и земледелием. Они были независимыми ни от кого воинами-добытчиками (русск. «поля» – нечто свободное за пределами чего-либо; эст. «põline» – «закоренелый, застарелый, древний»; церковно-слав. «пол» – «берег [верх], то есть ближняя полоска земли за пределами водной глади реки»; др.-киев. «полон» – добыча) и в мирное время промыслили, аналогично половцам, охотой (укр. «полюванням») и скотоводством, используя труд пленников (укр. «полонених»). Наиболее же предприимчивые из них занимались также торговлей и, подобно их потомкам казакам, упредительными набегами на потенциальных врагов. Однако позже этот этноним, очевидно, распространился и на проживающих в их землях землепашцев и ремесленников (возможно, вольноотпущенников или же нуждавшихся в защите пришельцев). В летописях же смысл этнонима «поляне» был извращен. И его стали ошибочно производить не от слова «поля» (не подвластные никому внешние земли – оукраины), а от слова «поле». И это несмотря даже на то, что поляне на самом деле проживали не в полях, а в лесах на горах:

«Вслед за тем, по смерти братьев этих поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань захватили мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром…» («Лаврентьевская летопись», 1377г.,

http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php).

Очевидно, извращены были в летописях и легенды о том, что поляне ранее являлись всего лишь федератами, а вовсе не подданными Хазарии. «Дань мечами», конечно же, означала лишь готовность полян защищать своими мечами рубежи Хазарского каганата и принимать участие в его военных мероприятиях за соответствующее вознаграждение. Это аналогично тому, что, прибыв свой щит на воротах Царьграда, Игорь фактически согласился взять его под свою защиту от варваров, а вовсе не захватил его, как эту легенду стали интерпретировать летописцы. Ошибочна, конечно же, и общепринятая этимология не только этнонима «поляне», но и этнонимов «балкарцы», «болгары» и «булгары» (тюрк. «bulga» – смесь). Эти тождественные этнонимы, очевидно, являются производными от праиндоевроп. *b(h)erэг или *bherg'hos – «высокий, гора, скала» (др.-киев. «болого» – благо; «берег» – «край, надводное возвышение [земли]»; нем. «berg», исл. «bjerg», кельт. «brig» – «гора [вершина]»; чагат. «balkan» – «горный хребет»; англ. «bulky», брет. «bras» – «большой, крупный»; хинди «bagaа» – «большой, старший, главный, значительный») и подобно любому другому концепту могут иметь несколько близких смыслов – осененные благом (фарном), благородные, величественные, великие, верховные, высокие, горцы, бережане.

3.28 Миграция брахикранных ядавов в Малую Азию и на Балканы

Как горцами, так и бережанами были предки не только болгар, но и таких же краснокожих и брахикранных «следопытов» и «народов моря» – пеласгов (пуластов), троянцев (тевкров) и ахейцев (аххийява), проникших несколькими волнами, как в Европу, так и в Египет (перемещаясь вдоль малоазийских и левантийского побережий соответственно Черного и Средиземного морей):

«Древнейшие медные и бронзовые изделия, в основном украшения и оружие, найдены в Греции и на Восточных Балканах, на землях Среднего Дуная и Трансильвании. Большая часть этих вещей имеет анатолийские прототипы, а распространение в Греции, Македонии и даже в более северных районах стилия анатолийской керамики свидетельствует, что там бывали не только странствующие торговцы из Малой Азии, но и находили пристанище семьи переселенцев. Здесь мы подходим к одному важному вопросу: весьма вероятно, но не доказано, что анатолийские переселенцы были носителями индоевропейского языка. Пролить свет на этот вопрос – задача археологии, связанная с изучением и датировкой письменных памятников Малой Азии. Впрочем, на каком бы языке ни говорили древние мастераковки металлов на Балканах, их влияние на Центральную Европу было чрезвычайно велико, и один из характерных предметов, которые они принесли с собой на север, – медный или бронзовый сверленный топор. Неолитические племена скотоводов в Северной и Центральной Европе к тому времени уже научились изготавливать каменное оружие по образцу мезолитических топоров из оленьего рога, в которых так же пробивались отверстия для деревянной рукоятки. В рамках основных региональных культур появлялись свои, типичные формы топоров, однако наиболее распространенные определенно ведут свое происхождение от металлических прототипов. Скотоводы делали для себя каменные копии иноземных металлических топоров. Последние отличались более высоким качеством и, без сомнения, слишком дорого стоили, так что люди не имели возможности покупать их в большом количестве... Нет нужды проследивать пути странствий носителей культуры колоколовидных кубков, оставивших следы своего пребывания в пещерах Франции и Испании, на территориях от Португалии до Шотландии – останки представителей этих племен обнаружены и в коллективных погребениях земледельцев эпохи неолита в Западной Европе. Создатели колоколовидных кубков, очевидно, обладали способностью адаптироваться в других популяционных группах либо силой подчиняли их своей власти. Они оставили после себя одиночные захоронения, без насыпей, а изредка встречающиеся в таких могилах металлические украшения и оружие свидетельствуют о том, что их бывшие владельцы вели торговлю с общинами, занимавшимися обработкой меди и бронзы. Историческое значение культуры колоколовидных кубков заключается в том, что общение ее носителей с племенами, принадлежавшими к культуре боевых топоров, обусловило возникновение множества гибридных культур, в которых евроазиатский элемент постепенно вытеснял остальные. Принятое в Британии положение о том, что носители культуры колоколовидных кубков принадлежали к индоевропейской группе, часто служило основой для выдвижения различных лингвистических предположений, в настоящее же время представляется очевидным, что создатели смешанной культуры колоколовидных кубков и

боевых топоров переняли речь скорее у своих восточных предков, нежели у западных» (Теренс Пауэлл, «Кельты. Воины и маги», http://oldevrasia.ru/library/Terens-Pauell_Kelty--Voiny-i-magi/2);

«...в последующую энеолитическую эпоху в Центральной Европе явно брахицефальная раса заложила основы бронзового века. Эта раса, отличная от всех прочих не только строением черепов, но также и своей цивилизацией, известна как культура колоколовидных кубков или под названием «следопыты». Первое из этих названий происходит из отличительного типа сосудов, который всегда помещался в погребения носителей этой культуры, а второе основано на факте, что они повсеместно искали руды и драгоценные металлы; в Центральной Европе первые ценные изделия, изготовленные из золота и янтаря, найдены также в погребениях представителей этой культуры... Как Пик, так и Гуиффриди-Руджиери считают, что тот тип, который, как кажется, был присущ носителям культуры колоколовидных кубков, первоначально появился в Эгеиде, где брахицефалы рано появляются на Кикладах и на Крите. Как предполагается, культура колоколовидных кубков возникла именно здесь, а далее ее носители отправились морским путем на запад через Средиземноморье и Атлантику. Присущий им физический тип и характерные элементы их культуры в очень раннее время появляются на Сицилии, Сардинии и юге Франции. Но наиболее ярко культура колоколовидных кубков проявляется в Центральной Испании. Создается такое впечатление, будто именно отсюда «следопыты» распространяли свои вазы и кинжалы в Бретань, на юг Франции, север Италии и в Центральную Европу. Если это так, то вряд ли можно будет оспорить утверждение, что именно брахицефальные «следопыты» распространили индоевропейские языки по всей Европе. Однако поначалу они появлялись повсюду на континенте только в небольших количествах; у них не было постоянных поселений, и, подобно арабам в Центральной Африке, они были просто вооруженными торговцами» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Предполагаемое вторжение брахицефалов», <http://www.istorya.ru/book/arii/17.php>, <http://www.95live.ru/world-history/predpolagaemoe-vtorzhenie-braxiczefalov.html>);

«Кое-какие отступления от распространенного типа на золотых масках из могильников позволяют увидеть и другие физиономии, особенно интересна одна – почти круглая, с более мясистым носом и сросшимися у переносицы бровями. Такие лица нередко встречаются в Анатолии, а еще чаще – в Армении, словно нарочно желая дать обоснование легендам, согласно которым из Малой Азии в Грецию перебралось немало царей, цариц, наложниц, мастеров, рабов и солдат... Все, что можно извлечь из исследования скелетов ранне-эллинского типа (XVI–XIII вв. до н. э.) при современном уровне антропологической информации, только подтверждает и слегка дополняет данные микенской иконографии. Мужчины, похороненные в круге В царских гробниц в Микенах, в среднем достигали 1,675 метра высоты, семеро были выше 1,7 метра. Женщины – в основном на 4–8 сантиметров ниже. В круге А более-менее хорошо сохранились два скелета: первый достигает 1,664 метра, второй (носитель так называемой маски Агамемнона) – 1,825 метра. Изучавший их Лоуренс Энджил заметил, что у обоих на редкость плотный костяк, тела и головы массивны.

Эти люди явно принадлежали к отличному от своих подданных этническому типу и были в среднем на 5 сантиметров выше их... Различают восемь типов отпечатков, которые без труда можно свести к трем основным: дуговые, петельчатые, мутовчатые, то есть такие, чьи линии расходятся концентрическими кругами. Первая попытка сравнительного анализа, сделанная в 1971 году профессорами Ролом Астромом и Свенном Эрикссоном на материале двухсот экземпляров микенской эпохи, оказалась обескураживающей. Она показала, что для Кипра и Крита процент дуговых отпечатков (5% и 4% соответственно) – тот же, что и у народов Западной Европы, например Италии и Швеции; процент петельчатых (51%) и мутовчатых (44,5 %) очень близок к тому, что мы видим у народов современных Анатолии и Ливана (55% и 44%). Правда, остается открытым вопрос о том, какой процент среди ремесленников Греции составляли азиатские эмигранты. И все-таки факт остается фактом: исследование отпечатков пальцев выявило две этнические составляющие греческого народа – европейскую и ближневосточную» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/for-polj/povsednevnyaya-zhiznj-grecii-vo-vremena-troyanskoj-vojni/2>; http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/49/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiny.html; <http://testlib.meta.ua/book/1594/read/>; <http://lib.rus.ec/b/302423/read>);

«...греки – потомки древних европеоидов – ахейцев, в древности также, вероятно, мигрировали из Азии в Европу, как и марийцы – один из финских народов (а, возможно, также и смуглые мокшане, и другие близкие к грекам по антропологическим признакам и по частотам генов белков и ферментов крови родственные массагетам финноязычные мидийские племена юга Средней Азии, – П.Д), чья прародина была в Азии» (Ариадна Назарова, «Биологические, археологические и культурологические доказательства палеоазиатского происхождения северных монголоидов, европеоидов и американских индейцев», http://national-science.ru/wp-content/uploads/2016/06/National-20_p1_6-161.pdf; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161386.htm>);

«...новейшими историками поддерживается предположение, что колонизация зап. побережья Малой Азии закончилась уже к концу 2-го тысячелетия до Р.Х., причем Э. были древнейшими представителями эллинской культуры на востоке эллинского мира; именно у них создан героический эпос. Эолийские колонии были преимущественно земледельческими и сторонились широких торговых сношений, которые с охотой поддерживали и развивали предприимчивые и живые ионийцы (яваны = ваны = жуны, возможно мигрировавшие в Европу из Северо-западной Индии или же из Таримской впадины и Вэньсу / Онсу задолго до балто-славян, – П.Д.); последним не трудно было, поэтому, опередить своих соседей в деле культурного развития и овладеть сокровищницей песенного предания, разработанного впервые Э. Период культурного возвышения Ионии начинается в VIII в. до Р.Х. Во всяком случае, эолийская культура не заглохла: к VI веку до Р.Х. относится пышный расцвет эолийской лирики, давшей таких видных представителей, как Сапфо и Алкей» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Эолийцы», http://gatchina3000.ru/big/119/119242_brockhaus-efron.htm);

«Западные учёные часто считают яванов греками. Однако похоже, что существование греков не было настолько важным в древнем мире, и существуют многие факторы, показывающие, что речь идёт не о греках. Прежде всего, можно посмотреть на Кала-явану, «Тёмного явану» Махабхараты, который сражался с Дурьодханой. Хотя имя может относиться к его тёмным силам, возможно, что «тёмный» относится к его тёмной кожей.... Считают, что Кришна жил в период между 3000 и 1400 до Р.Х., не позже. Поэтому вряд ли вероятно, что яваны – это греки. Больше того, Панини упоминал яван в районе 6000 до н.э., или даже, возможно, ранее. Похоже, что он подразумевает под ними жителей Камбоджы, поскольку говорит, что они были обязаны брить головы, что показывает их зависимое положение. Пураны представляют их как потомков турваша, народа в юго-западной Индии. Речь идёт о том, что яванами были народы, брившие головы. Следовательно, то не были древние греки. Однако нам достоверно известно, что древние египтяне – представители культуры, которая существовала в одну эпоху с ведической и являлась её сестрой, – их правители брили головы и носили парики, а египетские священники тоже брили головы. Мы также видим, что египтяне называли себя «людьми кам», что, возможно, имеет отношение к Камбодже и потому – к яванам. Кам означает «чёрный»... Согласно другим исследователям, яваны были древним народом, жившем в Смирне, прежде чем Александр Македонский уничтожил их культуру. Золотой век их цивилизации совпал с расцветом Крита, родины Гомера. В индийской литературе и документах яваны и йона – это названия ионийцев. До этого яваны упоминаются в Ведах в связи с ведическим периодом, который, самое раннее, относится ко второму или третьему тысячелетию до Р.Х. Однако в тех же Ведах яваны представлены как жители царства млеччх. Существует версия, что млеччхи – это жители Мелуххи, торгового партнёра Шумера в эпоху бронзового века, который отождествляют с цивилизацией долины Синдху. Таким образом, если яваны – это название древнего народа, жившего в районе Смирны (современная Турция), то млеччхи (народ Мелуххи) – это Хараппа цивилизации долины Синдху и Сарасвати. Возможно, оба эти народа были порождением одной культуры, существовавшей в районе 3000 – 1800 до н.э.» («Яваны», <http://audioveda.ru/tag?id=834>);

«Слово «явана» или его вариации присутствуют в иных языках, помимо санскрита: Египтяне использовали слово дж-в-н-(-н) (ср.: Джовани / Джон / Жуан / Иоан / Ион / Иван / Ван, – П.Д.). Ассирийцы использовали слово «Иавану», персы – «йауна» или «йавану». В Махавамше и других исторических текстах Шри-Ланки встречается слово «йона». Слово «йаван» можно найти в Библии (оно по-прежнему есть в современном иврите – יָוָן). В арабском и турецком присутствует слово «йунан» (сравн. санскр. «йони»).... Согласно Махабхарате, яваны царя Бхагадатты жили на юге или юго-востоке (современные Карнатака и Махараштра) Индии, прежде чем члены династии Яду мигрировали в Двараку. Для Ядавов не было смысла мигрировать на запад, если яваны атаковали Матхуру с того самого запада. Во времена Панини, около 600 до н.э., ни в Индии, ни по соседству с ней, не было греков, поэтому вопрос о том, мог ли Панини называть яванами греков, не встаёт. Эпоха Кришны – это, приблизительно, 3100 до н.э. Таким образом, яваны не могут быть греками, поскольку

греков или ионийцев не было на территории современной Индии прежде 300 до н. э. (однако же вполне могут быть предками горцев ионийцев; кит. «guān» – «корона, венец»; чамалин. «гъун», лезг. «КӀунтӀ», индонез. «gunung» – гора, – П.Д.). В источниках, относящихся к периоду до 400 до н. э., встречается термин «йуана», в текстах, написанных между 400 до н.э. и 200 до н.э., – термин «явана», а в палийских текстах, написанных после 200 до н.э., упоминается «йона». Имена Антигон, Мага и Александр – имена более греческие, нежели сирийское Антиох, но лишь Антиох упоминается в качестве «йона раджы», и это свидетельствует о том, что «йона» не означает грек. В Махабхарате упоминается кала-явана, «тёмный явана» (ведь все праиндоевропейцы – ваны / жуны / жанинцы – горцы тоже были тёмно-вишнёвыми, – П.Д.)...» («Йаваны», <http://audioveda.ru/tag?id=711>).

Возможно, индийские яваны, как и носители археологической культуры колоколовидных кубков, и пеласги, и ионийцы, являются потомками древних мореходов, распространивших дольменную культуру из Южной Индии по всему миру:

«...в настоящее время наиболее перспективной считается теории индийской родины дольменной культуры. В ходе раскопок были обнаружены древние дольмены на полуострове Индостан. По некоторым признакам специалисты выдвигают осторожные предположения, что тип этих дольменов более архаический даже по сравнению с древнейшими дольменами Европы. Появилась гипотеза, что дольмены, возникнув как тип ритуального памятника в Индии, впоследствии распространялся на Запад двумя «потоками». Южное направление затронуло Ближний Восток, Северную Африку, острова Средиземного моря и Южную Европу. Северное направление распространения дольменов включило в себя среднюю Азию, Кавказ, Восточную и Северную Европу. Естественно, родились и теории о прямой связи дольменов с индоевропейцами...» (Александр Бабицкий, «Происхождение дольменов: кто, где и как построил», <http://www.chuchotezvous.ru/civilizations/885.html>);

«Большое скопление дольменов расположено на плато (Meguti hill), размерами 600x200 метров, находящееся в индийском штате Карнатака, на окраине Айхоле. Здесь насчитывается большое количество дольменов, сооружённых из плит, породы песчаник. Все эти сооружения являются гробницами, их возраст точно неизвестен, но может достигать 5 тысяч лет и больше» («Дольмены Ayawal. Aihole Burial Chamber», <http://dostoyanieplaneti.ru/mesta/dolmieny-ayawal-aihole-burial-chamber>, <http://ecology.md/page/dolmeny-ayawal-aihole-burial-chamber>);

«В индийском штате Керала, примерно в 40 км к северу от Муннара, в районе Мараюр есть очень древние дольмены, сделанные из каменных плит, возрастом от 6000 до 10000 лет. Дольмены расположены группами на скалистых холмах и в долинах. Вокруг часовенки – 10–15 шт, половина полуразрушена. Хорошо видно, как делались насыпи вокруг каменных ящиков. Если стоять лицом к часовне, к деревне спиной – справа, за оврагом – 5, слева – в 200 метрах большая группа почти нетронутых дольменов а один даже с росписью (!). Общее количество – около 25 штук, ещё около 10 разрушены...» («Дольмены Муннара», <https://www.flickr.com/photos/41867788@N07/3861851816/in/photostream/>; «Дольмены

Являясь горцами, индоевропейцы, в отличие от финноязычных племен курганной культуры, перемещались по евразийскому континенту, не удаляясь далеко от отрогов гор. Поэтому-то первые волны индоевропейцев и проникали в Европу не вдоль равнинного северного берега Черного моря, а вдоль гористых малоазийских берегов Средиземного и Черного морей:

«Мы хотим здесь напомнить один темный пассаж греческих легенд, касающийся троянского этноса тевкров (Τεῦκροί). Этим именем в мифологической традиции вообще обозначалось: древнейшее население Трои; их эпоним – Тевкр (Τεῦκρος), сын Скамандра и идейской нимфы (St. B. s.v.), бывший первым царем Трои, в которую в его царствование пришел с Самофракии Дардан (St. B. s.v. Ἀρίσβη). Согласно тому же Стефану Византийскому, Троя «раньше» называлась Тевкрида (Τεῦκρίς, -ίδος) (St. B. s.v.v. Τεῦκροί, Τροία), как и один из городов и ландшафтов Дардании (St. B. s.v.). а город 'Ἀρίσβη был назван по имени дочери Тевкра (Et. M. 143.55), Упомянутый пассаж представлен у Геродота (VII, 20) в словах о неких тевкрах, которые «еще до Троянской войны, переправившись в Европу через Боспор, покорили всех фракийцев и дошли до Ионийского моря, а на юге достигли реки Пеней», разделявшей северную и южную Фессалию. То же предание всплывает и в «Александре» Ликофрона (стх. 1341 сл.), когда Кассандра вдруг вспоминает о каком-то своем предке, который, «опустошив долины Фракии, и землю эордов, и долину галадреев (племена на границе Македонии и Иллирии, ср. у Геродота «дошли до Ионийского моря»), вбил рубежи у вод Пеней». Данный мотив мог бы показаться просто поэтическим переложением Геродота, если бы не толкование схолиастов, которые под предком Кассандры, соединившим в одно царство Троаду и север Греции, без колебания понимают Ила. Геродот и Ликофрон явно воспользовались одной легендой о какой-то мощной волне завоевателей-мигрантов, протянувшейся в эпоху, предшествующую строительству Лаомедонтовой Трои (она же Троя VI) от Пропонтиды, через Эгейскую Фракию и Македонию до Ионийского моря. Эта мифическая миграция должна была включать те области, из которых в конце III – начале II тыс. до н.э. началось движение греческих племен на юг, заселение ими Греции (см. выше). Данная традиция в какой-то мере могла подкрепляться наличием на севере Греции городов, омонимичных троянскому Илиону. Трудно не видеть, насколько она близка подлинной этнокультурной картине конца Ранней бронзы, когда, по выводам Хаммонда, прагреки со стороны Фракии, пройдя Македонию, вступают на территорию современной Албании и, наконец, выходят к Ионийскому морю. При этом в легенде данное племенное передвижение изображается не как греческое, а как «тевкрыйское» и отправным его пунктом считается Троя, откуда «тевкров» ведет Ил. Допустимо предположить, что образ «священного Илиона» возник у греков еще до того, как они стали собственно греками, на прагреческой стадии, предшествующей македоно-фессалийской фазе их предыстории. ... «очаг» «илейских» образований для Эгеиды установить легко: это малоазийский северо-запад от Пропонтиды до верховьев Меандра. Отсюда, по легенде, на Грецию пошли «тевкры», которые, начиная с Македонии, для нас

оборачиваются прагреками или их частью. По-видимому, прав был Меллаарт, утверждавший в знаменитой и многократно упоминаемой выше статье 1958 г., что в Трое и близлежащих территориях в последней четверти III тыс. до н.э. были греки» (Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский, «Прагреки в Трое», http://annales.info/mal_az/troy/pragreki.htm);

«Весьма показательно, что и в том сообщении Геродота (VII.20), от которого мы отправляемся в данной статье, говорится о нашествии на Балканы не просто «тевкров», но «мисийцев и тевокров». Тогда, нанеся на карту Трои и соседних районов зону пребывания различных этнических групп, оставивших следы в местной топонимике, мы получим интересную картину: основная часть Трои, оказывается, заполнена фракийскими местными названиями; на крайнем юге и на северо-востоке обнаруживаются следы обитания лувийских племен (киликійцев и зелейских ликийцев) и, наконец, за пределами собственно Трои на юг и на восток лежат Мисия и Малая Фригия, т.е. области, где должны были и могли проживать народы, родственные ранним грекам (фригийцы и этнос, которому принадлежат названия Каика, Каистра и Герма). А что же могло случиться с прагреками, осевшими в Трое? Принятие ими самоназвания троянцы, абсолютное господство в троянской топонимике фракийских названий, глубоко самостоятельное культурное развитие Трои во второй половине II тыс. до н.э. – все это указывает на постепенную конвергенцию их с более ранним населением Трои, по преимуществу протофракийского происхождения, как бы слияние отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков в единый полиэтничный конгломерат... В таком случае, что же такое «тевкры» этой легенды? Это прагреки. Но это и прамакедонцы, и прафригийцы, и праармяне, это образ этноязыковой общности, далеко выходящей за рамки тех этнических родственных связей, которые напрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков... Для коллективного сознания греков отправная страна их истории – Фессалия, для «скрытой» их памяти – Троя-Илион. За этот предел позволяют проникнуть лишь чисто лингвистические пережитки, вроде имени «данайцы» со скрывающимся за ним фактом контакта прагреков с праиранцами внутри протоэтнического ареала индоевропейцев» (Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский, «Троя и Пра-Аххиява», http://annales.info/mal_az/small/praaahh.htm);

«В таких условиях приходится думать о малоазийской локализации греческого государства Аххиява, которое могло быть расположено, как некоторые думают, на территории Киликии. Локализация Аххиявы здесь, на границе с семитским и хеттохурритским миром, объяснила бы проникновение восточных мифологем в греческую религию и мифологию, но для объяснения того обстоятельства, что ахейские религиозные и мифологические представления распространились на всех греков, придется предположить, что во II тысячелетии часть ахейцев и других греков передвинулась в Грецию из восточной Малой Азии... Сначала Р. Барнетт высказал догадку о том, что Дельфиний – это отражение имени хеттского бога плодородия Телепинуса на греческой почве. Затем Л.А. Гиндин развил это положение на большом конкретном материале, приведя лингвистические данные, указывающие на далеко идущее тождество обоих божеств; диахронически миф о Телепинусе, согласно его исследованию, неоднократно отражался в греческой мифологии,

культурах и ономастике. Таким образом, историческое развитие культа Дельфиния в Греции заключалось в том, что первоначально это было божество плодородия растительного и животного мира, заимствованное греками из хеттской среды где-то в микенскую эпоху. ... гипотеза О. Семереньи о передвижении дорийцев в Грецию не с севера Балкан, а с востока, из Малой Азии, многое могла бы объяснить» (В.П. Яйленко, «Архаическая Греция и Ближний Восток // Древнегреческая колонизация», http://www.sno.pro1.ru/lib/yajlenko_arkhaicheskaya_greziya_i_vostok/11.htm).

Очевидно, эллинские племена (тевкры, ионийцы, эолийцы, этолийцы и др.) мигрировали в Малую Азию вместе с фригийцами (мизами, мушками), галлами (халдами) и италиками после того, как они вместе с мидийцами (мадаями) и касситами (khоссу) достигли к XVIII – XVII веку до н.э. Загроса, покинув Индостан к XIX – XVIII в. до н.э. из-за сильных землетрясений, подвижек земли и вызванного ними почти полного пересыхания реки Сарасвати, и как следствие всего этого – оскудения земельных угодий и борьбы между племенами Арьяварты за жизненное пространство:

«Если допустить, что миграция носителей греческих диалектов, предшествовавшая переселению дорийцев (видимо, отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах), осуществлялась через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно было бы обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххияве. Об этом же свидетельствуют и связи, обнаруживаемые между археологическими культурами запада Малой Азии, с одной стороны, и Пелопоннесом и островами Эгейского моря, с другой. На рубеже III – II тыс. до н.э. на северо-западе Малой Азии распространяется серая минийская керамика того типа, который становится примерно столетием позднее (около 1900 г. до н.э.) преобладающим в материковой Греции. Устанавливается непосредственная связь между этими археологическими культурами, причем предполагается направление распространения этой культуры с востока на запад. В качестве этнического субстрата этих культур можно предположить ранних греков-протоэллинов (видимо, за вычетом дорийцев) или, возможно, связанные с ними другие группы индоевропейцев, направлявшихся с востока на запад под натиском анатолийских племен. Среди таких групп, в частности, могли быть «пеласги», которые должны были еще до прихода собственно греков обосноваться на Пелопоннесском полуострове. Протогреческий, выделившийся в качестве особого диалекта из греко-армяно-арийской диалектной общности, должен был дифференцироваться на основные диалектные группы где-то в Малой Азии еще до переселения греков в материковую Грецию. Следует, во всяком случае, допустить членение греческого к этому времени на две основные диалектные группы, одна из которых в лице дорийцев двинулась в северо-западном направлении на Балканы, откуда много позднее, к концу II тысячелетия дорийцы совершают нашествие на материковую Грецию... Гипотеза о приходе греков в материковую Грецию с востока через Малую Азию ставит в новом свете вопрос о греческих малоазийских «колониях» и, в частности, проблему Милета. Эти колонии в свете восточной гипотезы можно рассматривать как древнейшие греческие поселения на пути переселения греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и в материковой Греции. Особенно показательно с точки зрения древних

связей греческого с малоазийским культурным миром единство мотивов греческой и малоазийской мифологии. Уже греческий миф о мизийском царе Телефе обнаруживает разительное совпадение с малоазийскими мифами о Телепину и с мифом о детях царицы Канеса как по мифологическим мотивам, так и по именам героев мифа: ср. имя сына Телефа Тархон при хет.-лув. Тархунт. Весь цикл греческих мифов о теогонии, борьбе нескольких поколений богов на небесах отражает, в конечном счете, древневосточные мифологические мотивы, которые в преобразованном виде (через хурритскую мифологию) перешли в анатолийскую мифологию, а через анатолийское посредничество – в греческий миф. Это видно как в построении мотивов, так и в целом ряде эпитетов богов. Целый ряд мотивов, в особенности Одиссеи, восходит к древневосточным прототипам – шумеро-аккадским и малоазиатским. Нужно полагать, что эти и им подобные мифологические мотивы в греческом возникают в период пребывания греческих диалектов в Малой Азии и их интенсивных культурно-исторических контактов, начиная со II тыс. до н.э. Мифологические сюжеты, возникшие на анатолийской почве, преобразуются в дальнейшем в греческой мифологии, приобретая собственно греческие черты, при сохранении первоначальных признаков, общих с древневосточным эпосом» (Академик РАН Вячеслав Иванов, «Миграции индоевропейцев», <http://gordon0030.narod.ru/archive/17767/index.html?oprd=1>);

«Изучение черепов, найденных в различных местах Анатолии, показывает, что в III тысячелетии до н.э. основную массу населения составляли обладатели вытянутых черепов – долихоцефалы, а брахицефалический тип встречался редко. Во II тысячелетии до н.э. доля брахицефалов возросла почти до 50%. Однако данный тип брахицефалических черепов классифицируется не как «арменоидный» (для которого характерен уплощённый затылок), а, скорее, как «альпийский». Впервые «арменоидный» тип появляется только в I тысячелетии до н.э. Примирить эти факты с особенностями изображений на памятниках кажется невозможным. Если бы это противоречие было зафиксировано только на территории Анатолии, можно было бы ограничиться предположением о том, что пока ещё изучено слишком мало черепов, и выводы делать рано; однако точно такое же несоответствие мы встречаем в Персии и Ираке, где краниологический материал гораздо более обширен. Таким образом, на данный момент проблема представляется неразрешимой (конечно же, лишь в случае игнорирования массового переселения в XIX–XVII веках до н.э. аборигенов Индостана на запад континента вследствие экологической катастрофы, постигшей ареалы их проживания, – П.Д.)...» (О.Р. Гери, «Хетты // Разрушители Вавилона», <https://profilib.org/chtenie/90017/o-garni-khetty-razrushiteli-vavilona-43.php>);

«Во II тысячелетии до Р.Х. доля брахицефальных черепов возрастает в Анатолии до пятидесяти процентов. Но ни в том, ни в другом тысячелетии брахицефальный элемент не принадлежит «арменоидному» расовому типу, который является гипербрахицефальным, с уплощенным затылком. «Арменоидный» тип начинает доминировать в Анатолии с I тысячелетия до Р.Х. Брахицефальный расовый тип пришельцев имеет некоторое сходство с европейским «альпийским» типом и мог принадлежать только завоевателям-индоевропейцам, которых в исторической науке принято называть хеттами, при том, что

неизвестно, как они называли себя сами. Точно такая же картина наблюдается и для Ирана и Ирака, где антропологического материала имеется несравненно больше. И там брахицефальный тип связывается с волной индоевропейского вторжения мидийцев и персов» (Владимир Ларионов, «Скифская Русь. Таинственный исток славянской расы», http://thelib.ru/books/larionov_vladimir/skifskaya_rus_tainstvennyy_istok_slavyanskoy_rasy-read-6.html).

Возможно, что не только семиты Аравии, но и брахикранные арменоиды, изгнанные из Средней Азии финноязычными скифами, вытеснили брахикранных и тёмно-краснокожих индоевропейцев из Ближнего Востока далее на запад – в Европу и Африку:

«Ученые из Франции, Германии и США обнаружили свидетельства «обратного» генетического обмена между европейцами и африканцами, который имел место около трех тысяч лет назад. Генетическому влиянию оказались подвержены даже представители наиболее изолированных африканских народностей – носители уникальных «щелкающих языков». Исследование опубликовано в журнале Proceedings of the National Academy of Sciences, кратко о нем пишет New Scientist... Авторы нового исследования утверждают, что им удалось обнаружить следы обратного движения в восточную Африку, которое произошло около трех тысяч лет назад. Следы этого генетического смешения ученым удалось обнаружить у жителей Кении, Танзании и Эфиопии. Европейские черты ученые обнаружили даже у представителей койсанских народностей, известных своими «щелкающими языками». У всех 37 человек, ДНК которых была изучена, ученым удалось отыскать европейские генетические следы. Согласно миграционной модели авторов, носители койсанских языков получили европейские черты позже других африканцев. Это произошло около 900-1800 лет назад и совпало с миграцией койсанских племен из Восточной Африки в Южную...» («У африканцев нашли европейские корни», <http://lenta.ru/news/2014/02/04/noisolation/>);

«Ученые впервые секвенировали геном древнего африканца и выяснили, что в генах жителей континента присутствует гораздо больше евразийского материала, чем считалось ранее, – из-за таинственной возвратной миграции из Евразии, произошедшей примерно за тысячу лет до нашей эры. Об этом сообщает журнал Science... Иными словами, в Африку вернулись потомки тех самых групп, которые четыре тысячи лет назад переселились с Ближнего Востока на Балканы и далее в Европу. Масштабы этого обратного потока оказались неожиданно велики: до четверти населения Африканского Рога составили евразийские мигранты. Затем они, по всей видимости, распространились по всему континенту. «Вопрос вот в чем: что заставило их вдруг сорваться с места и отправиться в Африку?» – интересуется соавтор статьи Андреа Маника (Andrea Manica). Очевидные климатические стимулы для этой миграции пока не обнаружены. По данным археологии видно только, что прибытие ближневосточного населения совпадает с началом культивирования на востоке Африки пшеницы и овса – то есть мигранты на своей новой родине помогли развить сельское хозяйство. «Геномы этого миграционного потока рассеялись по всему континенту – до йоруба на западном побережье и пигмеев мбути в сердце конголезских джунглей. Семь и шесть процентов генома этих народов имеют

евразийское происхождение», – рассказал один из авторов статьи Маркос Гальего Льоренте (Marcos Gallego Llorente)» («Ученые узнали о возвращении древних людей из Евразии в Африку», <http://lenta.ru/news/2015/10/09/backtoafrica/>).

Если же согласно гипотезе Освальда Семереньи и дорийцы (арм. «durs», бенг. «dūrē» – вне, гуджарати «dūranā» – отдаленный) действительно мигрировали в Европу из Малой Азии вместе тевкрами (троянцами), эолийцами (фессалийцами), фригийцами (бригами, мушками / мосхами), мисийцами (мизийцами / мясами, греч. «mytoi»), медами, родственными митанийским (алб. «matanë» – вне) и мидийским (мадайским) племенам, и пеонами (англ. «beyond» – «вне, за пределами»), то, конечно же, не исключено и то, что они являлись смешавшимися с рыжеволосыми фракийцами потомками темноволосых и брахикранных выходцев из малоазийской Спарты, упоминаемой во многих восточных источниках:

«В ассир. и перс. надписях упоминается некая местность Спарда в Малой Азии; Саргон II называет Шапардой одну из областей в сев.-зап. Мидии (ср. 4Цар 17:6)...» («Библейская энциклопедия Брокгауза», https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/3753/Сефарад);

«Сефарад (значение неизвестно) – слово, встречаемое только у прориц. Авдия (20), где мы читаем следующее: «переселенные из Иерусалима, находящиеся в Сефараде, получат во владение города южные». Иудеи означенную страну полагали в Испании, но вероятнее, что она лежала вблизи Босфора, как на то намекает блаж. Иероним. Имп. Адриан многих иудеев выслал в означенную местность. Местность с подобным же наименованием вблизи Каппадокии упоминается на некоторых древних Персидских памятниках в честь Дария» («Библейская энциклопедия // Сефарад», <http://www.onlinedics.ru/slovar/bibl/s/sefarad.html>);

«Если предположить, что миграция носителей греческих диалектов (предшествовавшая нашествию дорийцев, видимо, ранее отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах) осуществлялось через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххияве. Все традиционные трудности, связывавшиеся с Аххиявой (см. Зоммер), объясняются предвзятой точкой зрения, согласно которой для греков исконным было поселение на Пелопоннесе. Принятие же гипотезы об их переселении через Малую Азию, где они частично могли надолго обосноваться, снимает эти трудности. Эта гипотеза хорошо согласуется с другими уже установленными ближневосточными связями греческого языка и культурной традиции (в частности, мифологии)» (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, «Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка», <http://www.philology.ru/linguistics3/gamkrelidze-ivanov-72a.htm>);

«Грубые варвары Эллады обязаны были своим знакомством с золотом и бронзой, с весом и мерой, с тканями, с пряностями, с ювелирным искусством, с искусством письма и с самой азбукой финикийским купцам, посещавшим их берега, а теперь мы видим, что они

таким же образом обязаны и многими из своих божеств и большей частью своих мифологических сказок семитам, более их цивилизованным. Мифологи не могли объяснить, почему, если большое число греческих мифов, как они утверждали, составляло общее наследство арийской расы, их, однако, так мало встречалось в Италии и в Германии. Загадка эта в настоящее время решена. Эти мифы не были, как это предполагают, частью общего наследства арийцев, а просто были занесены извне, в сравнительно недавнюю эпоху, и распространение их ограничилось теми частями арийской территории, которые посещались финикийскими торговцами (но, возможно, и постепенно были забыты менее цивилизованными племенами Италии и Германии, подобно потомкам савроматов балтам и потомкам сарматов славянам, мигрировавшим из Индии в Среднюю Азию и в Северный Китай, – П.Д.)» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php).

Предками афинян Геродот считает ионийских пеласгов:

«Что до афинян, то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласгами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эрехфей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, – ионян» (Геродот, «История», Книга Восьмая «Урания», <http://www.vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/08.html>);

«Если же говорить о «богорожденных» мореходах, пришедших из-за моря и узурпировавших власть в старых микенских полисах, то здесь, скорее всего, мы имеем место древними восточносредиземноморскими племенами мореплавателей. «Богорожденные» нашли свое отображение в мифах и легендах, с их имен начинались династии эллинских царей, живших уже в Классическую эпоху... 41 череп поздне-эллинистического периода, датируются между 1500 и 1200 гг. до н.э., и, ведя свое происхождение, например, из Арголиды, должны включать определенный элемент «богорожденных» завоевателей. Среди этих черепов 1/5 – брахицефальные, в основном, кипрского динарского типа» (Макс Вазанов, «Расовый тип древних эллинов», <https://ultima-cruzado.livejournal.com/37776.html>; <https://narvasadataa.livejournal.com/133338.html>);

«Народы моря, естественно, жили морским разбоем, поэтому и по существу другим названием тех же Кафторим служило имя Филистимляне, или, более точно, то, что скрывается за названием давнего населения Греции и Эгейской области, – «Πελάσγοί», пеласги (первоначально *Πελάστοί, пеласты), отразившееся в др.-егип. «Prst» и др.-евр. «pelištīm», вплоть до имени Палестины, сначала – ее юго-западного берега, «сектора Газа». Это был особый индоевропейский народ (по Георгиеву) или выходцы из иллирийских, западнобалканских индоевропейцев, см., вслед за Будимиром. Несмотря на возражения (Георгиев: «народная этимология»), название индоевропейцев-пеластов логично связывать с греч. «πέλαγος» – море, диалектным названием моря как «гладкого, ровного, плоского», ареально привязанным, видимо, к древним иллирийским диалектам, сюда же албанское «pellk» – «лужа, водоем» (лат. «palus», лит. «pelkė» – болото; др.-киев. «поль» – берег; алб.

«plogu», польск. «pułk», др.-киев. «пълкъ» – «полк, толпа, гурьба»; лат. «peregrinus», франц. «pèlerin», укр. «блукач» – скиталец, – П.Д.). Тогда название Палестины и филистимлян-пеласгов объяснимо из индоевропейского *peləg-stā- – «в море (на глади) стоящие», сложение типа древнеиндийского «rathestha» – «на колеснице стоящий». В свете известных данных трудно удовлетвориться мнением, что «народы моря» – это «условное обозначение» (Дьяконов), современный исторический термин. Более вероятно, что перед нами ближневосточная семантическая калька индоевропейского *pela(g)-stā- еще с древнеегипетских времен, ср. упоминание Рамзеса III (XII в. до н.э.) о разрушении Каркемиша «народами моря» (Олег Трубачёв, «Меняющийся мир и вечные слова», <http://libed.ru/knigi-nauka/765093-1-trubachev-n-menyayuschisya-mir-vechnie-slova-volgograd-2009-udk-800-bbk-812-rus-t77-trubachev-n-menyayuschisya-mir.php>; <https://epdf.tips/-75b6e654edbf7643d43dee0b01b04a8e37037.html>);

«Исходя из информации, предоставленной нам авторами античности, можно сделать следующие выводы относительно пеласгов. Согласно преданиям, пеласги были самым древним летописным народом, который обитал на территории современной Греции, на восточном побережье современной Турции и на территории Италии. Местности, на которых пеласги обитали наверняка – это Аркадия, Аргонида, Атика, Беотия, Фессалия, Эпир, Иония, острова Самофракия, Лемнос, Имброс, Лесбос (который согласно преданиям раньше назывался Пеласгией) и Крит, а также части Италии. В результате прихода древнегреческих племен, пеласги были вытеснены из Греции в основном на восток, в Малую Азию и прилегающие к ним острова. Оставшиеся пеласги были ассимилированы греческими колонистами. Несмотря на различия между греками и пеласгами, и те и другие принадлежали к индоевропейской группе народов» (Александр Алмистов, «Пеласги – Систематизированные Исторические Данные по Пеласгам (Pelasgoi)», http://samlib.ru/a/almistow_a_a/pelasgi.shtml).

3.29 Переселение потомков ядавов на Аппенины и далее в Западную Европу

Выходцами из пеласгийской Аркадии были итальянские горцы энотры, родственные фессалийским пеласгам, а непосредственно из Малой Азии этрусски:

«Теперь покажем, откуда пошло племя энотров, подкрепив свидетельством другого человека из древних писателей, афинянина Ферекида, никому в учености из генеалогов не уступающего. У него по поводу царей Аркадии сказано следующее: «От Пеласга и Деяниры родился Ликаон; он женился на Киллене, нимфе Неиде, от которой получила название гора Киллена». Затем, описывая их детей и местности, населенные их потомками, Ферекид упомянул об Энотре и Певкетии, говоря так: «И Энотр, по которому именуются энотры, обитавшие в Италии, и Певкетий, по которому называются певкетии, живущие у Ионийского залива».… Я понимаю, что энотры не только заняли многие другие области Италии, захватив частично безлюдные, частично малонаселенные края, но и от земель омбриков часть отторгли. А аборигинами они прозывались от привычки жить на горах (кстати, и аркадское племя любит горы), подобно тому, как жители возвышенностей в Афинах называются

гиперакрийцами, а приморской полосы – паралийцами... Затем иные из пеласгов, обитавшие в стране, которая называется ныне Фессалией, вынуждены были покинуть свою землю, оказались живущими вместе с аборигинами и совместно с ними начинали войну против сикелов. И аборигины приняли пеласгов, может быть, в надежде, что те будут им обязаны, а (как я убежден) более всего из-за родства с ними. 2. В самом деле, племя пеласгов было искони эллинским – пелопоннесским. Оно претерпело множество различных невзгод, но больше всего долгие скитания и отсутствие надежного места поселения; ибо ранее они, будучи туземцами, населяли так называемый ахейский Аргос, как сообщают о них многие. С самого начала они приняли для себя название по царю Пеласгу. А Пеласг был, как говорят, рожден Зевсом и Ниобой, дочерью Фороней; с ней, первой смертной женщиной, по преданию, соединился Зевс. Шестью же поколениями позже пеласги, покинув Пелопоннес, перебрались в землю, называвшуюся тогда Гаймонией, а ныне – Фессалией. Во главе переселенцев стояли Ахей, Фтий и Пеласг, сыновья Ларисы и Посейдона. Придя же в Гаймонию, они изгоняют живущих там варваров и делят страну на три части, поименовав их по предводителям Фтиотидой, Ахайей и Пеласгиотидой» (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», Кн. I, гл. 17, <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1496001017>; Алекс Боу, <http://www.proza.ru/2012/06/10/1472>);

«На этрусских черепах сильно сглажены надбровья; стенки черепной коробки не параллельные, как у классических средиземноморских форм, а расширенные у затылка и сужающиеся в лицевой части черепа; лоб – узкий; орбиты высокие и круглые; нос – узкий. Этруски с типично ближневосточной черепной коробкой, напоминают каппадокийский тип, обнаруженный в хеттский период в Алишаре, и планоципальных брахицефалов, обнаруженных в гробницах Кипра. В римские времена эти две вариации были смешаны, результатом чего стали различные мезоцефальные формы, к которым также относились и финикийцы» (Макс Вазанов, «Расовый тип древних этрусков», <https://ultima-cruzado.livejournal.com/38530.html>; http://branibor.blogspot.com/2012/12/blog-post_8427.html?zx=9e6dcd40176575e7).

Брахицефальные «народы моря» мигрировали почти во все прибрежные горные области Европы:

«...предки латинов родственны сикулам. Сикулов некоторые исследователи отождествляют с одним из «народов моря» – шакалаша, а историк и археолог Гордон Чайлд полагает возможным, что шакалаша – беженцы из города Сагалассос в Писидии, что неподалёку от Трои. То есть общие предки латинов и сикулов были соседями хеттов, гутиев (будущих «gut-thiuda» – готов; очевидно, всё же не брахикранных готов, пришедших в Европу из Центральной Азии гораздо позже, а будущих долихокранных дако-фракийцев гетов, – П.Д.) и предков армян. Незадолго до Троянской войны они мигрировали на Апеннины и на Сицилию из Малой Азии, откуда в этот же исторический период ушли и этруски, и энеги-венеты. Вот почему так много лексических пересечений у латинов, древних греков, прагерманцев (точнее, у протогерманцев фракийцев, – П.Д.), хеттов, предков армян и индийцев – все жили на одной территории веками» (Георгий Тележко, «Предки германцев и

их соседей», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/815626.html?author>);

«Минойская цивилизация существовала на острове Крит в 2600 – 1100 годах до нашей эры. Считается, что она была первым в Европе обществом, которое имело письменность. Микенская цивилизация (1700 – 1050 годы до нашей эры) возникла в материковой Греции и была частью минойской культуры. Ее линейное письмо Б является ранней формой греческого языка. Ученые изучили геномы 19 представителей античных культур, включая минойцев, микенцев, а также людей времен неолита из материковой Греции и представителей бронзового века, проживавших на юго-западе Анатолии (современная Турция). ДНК сравнивалась с ранее полученными генетическими данными, охватывающими три тысячи древних и современных людей. Оказалось, что минойцы были потомками неолитических фермеров Западной Анатолии и берегов Эгейского моря. Кроме того, обнаружилось некоторое смешение с популяциями Кавказа и Ирана. Считалось, что восточную часть своей родословной эти европейцы получили от степных скотоводов с севера. Микенцы действительно имели характерную для северных пасторальных культур ДНК, однако у минойцев ее не было. По мнению ученых, это указывает на ранее неизвестную миграцию с востока, то есть из Кавказа и Ирана. Миграция с севера (фракийцев, генетически близких финнизировавшимся марийцам и, возможно, даже являвшихся предками марийцев, – П.Д.) смогла затронуть только микенскую цивилизацию, однако не дошла до Крита» («Раскрыта тайна происхождения древних цивилизаций», <https://lenta.ru/news/2017/08/03/dna/>; <http://www.ufostation.net/news.php?readmore=5110>);

«Религиозная символика гробниц и дворцов в точности воспроизводит древние критские культы. Искусство росписи керамики, обработки драгоценных камней и изделий из золота, вне всякого сомнения, было заимствовано у минойцев. Фрески, сохранившиеся на стенах дворцов на континенте, скорее всего, были созданы художниками с острова. Они изображают женщин в минойских одеждах, а мужчин – с красным цветом кожи, что весьма напоминает средиземноморский тип, представленный и на стенах дворца в Кноссе. Древняя минойская письменность, или один из ее вариантов, нанесена на вазах местного изготовления в Тиринфе, Микенах, Фивах и Орхомене. И эти новые веяния появляются во дворцах и больших гробницах, которые, очевидно, принадлежали представителям новых династий. Все это находит убедительное объяснение в том случае, если признать, что минойские правители смогли утвердиться на материке, и, соответственно, признать колонизацию Эллады критянами, которые, впрочем, были не очень многочисленными. Поэтому возникает вопрос, были ли эти минойские колонисты и их правители индоевропейцами? Минойская цивилизация на Крите развивалась непрерывно с 4-го тысячелетия до н.э. и была, по сути своей, средиземноморской... Конечно, на Крит время от времени вторгались различные группы завоевателей. Так, например, в течение периода, известного нам как раннеминойский, 3300 – 2200 годы до н.э., количество брахицефалов, которые, возможно, попали туда из Анатолии, на острове сильно возросло, и некоторые минойские правители более позднего времени явно принадлежали к анатолийскому типу. В конце раннеминойского периода появляются свидетельства переселения большой группы

населения с более северных островов в Эгейду. Наконец, в конце второго среднеминойского периода критские дворцы были разрушены, возможно, разграблены и смогли возродиться только в последующую эпоху. Причем нельзя исключать того, что в любом из этих пунктов появилась новая династия, а вместе с ней и новый этнос. Тем не менее в развитии культуры прослеживается определенная преемственность вплоть до прихода ахейцев около 1250 года до н.э... Таким образом, ахейская и протодорийская культуры принадлежали тому же самому народу, который создал культуру третьего периода в Фессалии. Население этой культуры микенского периода, а также остатки «минийской» культуры в Фессалии могут рассматриваться как предки эолийцев. Наконец, экспансия в южном направлении «минийской» цивилизации на территории Аттики и Пелопоннеса способствовала эллинизации носителей раннеэлладской культуры, которые явились предками ионийцев и жителей Аркадии. Минойские завоеватели не смогли, как я полагаю, уничтожить язык своих подданных и, возможно, в конечном итоге сами приняли его. В любом случае, кажется, что население, колонизовавшее Кипр и которое, в строгом смысле, скорее было микенцами, чем минойцами, перенесло с собой кипро-аркадский диалект, и это было еще в то время, когда минойская письменность все еще была в употреблении» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Расселение индоевропейских народов в бассейне средиземного моря», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovатели-evropeyskoy-tsvilizatsii/5);

«Как и следовало ожидать, четкие элементы ближневосточного устройства находим только у тех индоевропейских и неиндоевропейских обществ, которые оказались далее других углублены в Восточное Средиземноморье, как микенское и минойское бюрократические общества с их централизацией вокруг дворца и храма и этруски с их городами-государствами и другими культурными особенностями, идущими из Малой Азии» (Олег Трубочёв, «Этногенез славян и индоевропейская проблема», Этимология, 1988 – 1990, – М., 1992, С. 12-28, <http://www.philology.ru/linguistics3/trubachev-92.htm>).

Очевидно, с предками италиков (латинов, сикулов и др.) мигрировали в Европу из Малой Азии или же непосредственно из Армянского Нагорья и брахицефальные подобно хеттам кельты (халды = халибы) – гойделы и бритты:

«Один из древнейших «письменных» народов Европы – кельты – также не составляли монолитного этноса. Они антропологически остаются почти неуловимыми, будучи рассеянными в самых различных странах континента. Повсюду антропологический тип их меняется в зависимости от субстрата – предшествующего населения. Не был он однородным и в гальштатское время. Даже в сочинениях древних авторов кельты то высокие, светловолосые, голубоглазые, то невысокие, темные. И этот разноробий нельзя объяснить только различием точек наблюдения (со стороны низкорослого южанина или высокорослого северянина). Кельты всюду приносили с собой разнородные расовые типы. Одни из них – сравнительно низкорослые приальпийские брахицефалы, родственные лапоноидам, другие – восходят к разным группам индоевропейцев, в числе которых и потомки населения мегалитической культуры, и более поздние волны переселенцев из Причерноморья, Кавказа,

Восточного Средиземноморья. Кельтская проблема, возможно, и еще сложнее. Автор крупнейшего словаря старой кельтской лексики А. Хольдер был вынужденным включить в словарь большое количество существенно разных обозначений одних и тех же понятий. А позднейшие специалисты без особого успеха пытаются устранить из кельтских языков докельтский субстрат или некельтские заимствования. Ю. Покорный видел в кельтских языках семитские элементы, Г. Зольта обращал внимание на кельто-армянские изоглоссы, многие авторы указывают на уральские параллели, а значительная часть «вымерших» слов вообще не поддается этимологизации» (Аполлон Кузьмин, «Древнерусская цивилизация», <http://flibusta.site/b/360577/read>);

«...там, где у греков звук [p], у латинян – [kw], например, «rempto» – «quinto» (пятый) – такое же отношение и между бриттской (Р-кельты, «пять» по-бретонски – «remp») и гойделской (Q-кельты, «пять» по-ирландски «cuig») группами языков» (Георгий Тележко, «О происхождении кельтов», <http://www.proza.ru/2011/02/13/217>);

«Девид Росс сегодня занимается также изучением древних кельтских языков и находит поразительные сходства с армянским: «Сегодня мы имеем возможность изучать многие районы Армянского Нагорья, где зародилась индоевропейская семья (точнее длительно пребывали в процессе своей миграции из Индии в Европу предки большинства европейских народов, – П.Д.), к сожалению, многие исследования начались относительно недавно, однако мы уверены, что скоро сможем составить полную картину». Генетик из Оксфорда профессор Оппенгеймер приводит результаты недавно проведенного генетического исследования в различных областях Армении, которое показало, что у жителей армянских областей Сюника и Арцаха наличие характерного генетического кода, который идентичен общему коду ирландцев...» (Арут Мнацаканян, «Армянский след: баски и ирландцы», <http://tta.am/21/>);

«В конце XIX века английский ученый Эдвард Спенсер Доджсон, будучи уже довольно известным специалистом по истории басков (древнейший европейский народ, живущий на севере Испании и на юге Франции), решил в целях расширения собственного кругозора, изучить армянский язык. После двухмесячных курсов Доджсон заметил, что многие армянские слова практически идентичны баскским. Об удивительных лексических совпадениях Доджсон в 1884 году написал статью «Баскские слова в армянском языке» в журнале «Баскский язык». Список замеченных Доджсоном параллелей включал в себя более пятидесяти слов: баск. «чар» / «плохой, злой» – арм. «чар» / «плохой, злой», баск. «зати» / «отделять» – арм. «зат» / «отдельно». Несколько десятилетий спустя, баскский филолог Бернардо Эсторнэс Ласа в баскской деревне Исаба записал местное предание о том, что деревня основана армянами, которые были первыми обитателями Наварры и предками баскского народа (очевидно, мигрировали из Азии вместе с кельтами, – П.Д.). В предании уточняется, что предводителя баскского народа звали Айтор, он приехал из Армении со своими семью сыновьями и в их честь основал семь поселений в Наварре. Говорится также, что приезжие армяне знали тайну обработки металла. Впоследствии в архивах деревни

нашли старинную рукопись, историческую хронику, которая подтверждает устные предания. Кроме этого в деревне Исаба до сих пор существует дорога, которая носит имя Эрминия. Позже были найдены более древние источники, подтверждающие связь армян и басков. Испанский историк XVII века Гаспар Эсколано в своей книге об истории города Валенсии (1610г.) писал, что после Всемирного потопа патриарх Тубал и его люди высадились на восточном побережье Испании и что они разговаривали на армянском языке. В 1928 году известный немецкий филолог Йозеф Карст опубликовал результаты своих многолетних исследований, в которых представил более трехсот баскско-армянских лексических соответствий и большое количество совпадающих элементов фонетики и грамматики. На этой основе Карст пришел к выводу, что баскский и армянский являются двумя разновидностями одного лингвистического типа, который назвал алародийским. Впоследствии Карст написал еще несколько книг, приводя все новые данные и доказательства: баск. «елки» / «выход» – арм. «елк» / «выход», баск. «ете» / «если» – арм. «ете» / «если», баск. «жараунси» / «наследовать» – арм. «жарангел» / «наследовать», баск. «мурунча» / «рычание» – арм. «меренчоц» / «рычание», баск. «тойл» / «слабый» – арм. «тоил» / «слабый», баск. «лайно» / «размер, ширина» – арм. «лайн» / «широкий», баск. «астадун» / «весомый» – арм. «астатун» / «крепкий, стойкий». Кроме этого ученые нашли сходства в армянских и баскских топонимах: арм. Аштарак (название города в Армении) – баск. Астарак (поселение на юге Франции), арм. Горис (город на юго-востоке Армении) – баск. Горис (поселение в Басконии), арм. Деба (река на севере Армении) – баск. Деба (название реки в Басконии), арм. Аракс (имя известной реки) – баск. Араксес (название реки в Басконии). Еще одно открытие было сделано уже в наши дни благодаря исследованиям генетиков. Известно, что у армян существует проблема донорства костного мозга: армянину костный мозг можно пересадить только от армянина. Поэтому ученые активно занимаются поисками совместимой для армян донорской ткани и в результате исследований выяснилось, что наиболее близкая к армянской костная ткань именно у басков» («Армяне и баски: факты родства двух народов», <https://rusarminfo.ru/2016/05/15/armyane-i-baski-fakty-rodstva-dvux-narodov/>; <http://nyut.am/?p=116712&l=en>);

«Так, Г. Зольта и Э.А. Макаев обращали внимание на кельто-армянские изоглоссы (лексические схождения, – П.Д.). [Э.А. Макаев Армяно-кельтские изоглоссы. Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 52 – 54.] Особое место среди работ, посвященных ареальной характеристике армянского языка занимает исследование Г. Зольта «Место армянского языка в кругу индоевропейских языков» [G. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960 s.479-480]. Здесь автор еще раз подтверждает то положение, что наибольшее количество изоглосс, связывающих армянский язык с другими и.-е. языками относится к греческому. Однако основная заслуга Г. Зольта заключается в том, что он пересмотрел утвердившуюся еще с конца 19 в. точку зрения об отсутствии армяно-германских изоглосс и показал, что армянский язык обнаруживает ряд изоглосс, общих для греческого и германских языков, а также германских и балто-славянских. Очень интересна в этом отношении таблица частотности лексических изоглосс (схождений, – П.Д.), приведенных Г. Зольта, где порядок следования языков отражает уменьшающуюся

частотность: 1. Греческий 2. Древнеиндийский 3. Германские 4. Балтийские 5. Славянские 6. Латинский 7. Иранские 8. Кельтские 9. Албанский 10. Тохарский 11. Фригийский (вопреки наиболее распространенному мнению, оказался менее близким к армянскому, нежели большинство других, – П.Д.) 12. Фракийский 13. Иллирийский 14. Хеттский» (Арсен Амбарцумян, «Ареальная характеристика армянского языка», <http://aybuben.com/arealnaya-harakteristika-armyanskogo-yazyka>);

«В языке кимров – жителей нынешнего Уэльса – есть много особенностей, которые наводят на предположение об общности их праязыка с языками Передней Азии. Во всяком случае, наименование медведя сокращено в бриттских языках из древнегреческого «(h)arktos» до «art», «arth» и «arz», что сближается только с авестийским сокращением («ar(sh)a») и армянским («arj»). Тюркский и калмыцкий медведи – «аю». Эти сокращения задают географические «клещи» для предков кельтов – между армянами (Закавказье) и восточно-иранскими племенами (северо-восточный берег Каспия), то есть пракельты располагались длительное время на территории к северу от Кавказа и Каспийского моря (или же непосредственно на Армянском Нагорье, – П.Д.). Там же распространялась Майкопская культура с гаплогруппой R1b, которая как раз характеризует кельтское (и иберское) население. (Георгий Тележко, «О прабалтославянской экспансии», <http://www.proza.ru/2011/06/30/98>).

И это, ведь, хорошо согласуется и со многими другими фактами, указывающими на то, что индоевропейцы, отнюдь, не являются аборигенами Центральной Европы:

«Майрс и Кристиан склоняются к мнению, что брахицефальная альпийская раса, как в Европе, так и в Азии, регулярно практиковала обряд кремации. Захоронения такого типа, по общему признанию, очень трудно обнаружить. Нужно помнить, что захоронения взрослых людей до сих пор неизвестны в нескольких культурах с расписной керамикой – Анау в Туркестане и Фессалии и Юго-Восточной Европе – или же, например, у альпийских приозерных жителей. Разделение обряда на два типа в доисторической Европе и на Ближнем Востоке, конечно, нуждается в разъяснении. Полное изучение погребальных обрядов каппадокийских хеттов и обстоятельств, при которых кремация заменяет трупоположения в Пенджабе, может показать, что этот обряд тесно связан с решением индоевропейской проблемы. В настоящее время отождествление индоевропейцев с туманным и гипотетичным народом, который широко распространился, кажется, по крайней мере, преждевременным, и локализация его первоначального центра в Центральной Европе представляется совершенно необоснованной... Альпийская цивилизация в своей ранней стадии не соответствует той культуре индоевропейцев, которая известна нам по данным сравнительного языкознания. Горная страна, пересеченная долинами и пропастями, плохо соответствует данным о раннем знакомстве индоевропейцев с лошадью. Костные останки этого животного не были найдены при раскопках древнейших поселений в Швейцарии. Мы склоняемся к точке зрения, что индоевропейцы лишь со временем заселили альпийскую зону» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Появились ли индоевропейцы в Центральной Европе?», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovateli-evropeyskoy-

3.30 Легендарная страна Дильмун – прародина индоевропейцев

Не исключено, конечно же, и то, что предками, как «народов моря» – пеласгов (Plst), так и персов (Prst) были одни и те же по своему происхождению горцы (дейлемиты / таламаи, делемичи, далматы и др.), постепенно мигрировавшие вдоль, как азийских морских побережий, так и горных отрогов азийских нагорий из Дилмуна (Тилмуна – ущелий и котловин горной Индии; др.-греч. «θαλάμη» – ущелье, «θαλάμευμα» – «обитель, обиталище») сначала в Элам (в южный Дейлем – Бушир), на Бахрейн, в Месопотамию, в Среднюю Азию (в северный Дейлем – горный Гилян) и в Южную Аравию, а затем уже и в Египет, и в Малую Азию, и на Крит, и в Европу (Θαλάμαι / Thalāmae – название трех местностей в Пелопоннесе: 1. на западе Лаконии между Этилом и Пефном, со святилищем Иной и прорицалищем по снам [Strab. 8, 360]; 2. в Мессении близ Фер – там жил изгнанный Гиндарей; 3. в Северной Элиде [Xen. Hell. 7, 4, 26]; Далмация – восточное побережье):

«Согласно шумерских легенд первичной родиной народа адаби (кадим = мадаев = ядавов; Мадай = Кадм = Адам = Яду; санскр. «adi» – «начало, первенец»; «ādyā» – «начальный, единственный в своем роде, исключительный»; финик. «кдм» – «древний, восток»; турец. «kadim», узб. «кадимги», кит. «gǔdài», япон. «kottōhin», венг. «ódon», укр. «задавній» – «древний, старинный»; азерб. «qādim» – «старый, старинный»; казах. «къадым» – «древность, старинный»; лат. «atavus» – предок; удм. «адямиос» – «старые люди»; осет. «адаёймаг», марийск. «эдем», «айдеме», удм. «адями», турец. «adam», исл. «maður», арм. «mard» – человек, – П.Д.) была легендарная страна Дильмун. Эта страна располагалась на южном берегу Персидского залива (на северо-восточном берегу Аравии). Многие исследователи центр этой легендарной страны располагают в районе острова Бахрейн (однако не исключено, что это все же Дейлем – Бушир в Эламе или же непосредственно Северо-Западная Индия, – П.Д.)» (Анатолий Перминов, «Езиды – древний народ адаби», <http://www.proza.ru/2013/09/19/951>);

«После потопа в Шумере существовало более десятка значительных городов-государств: Эреду, Ур, Урук, Лагаш, Умма, Ниппур, Киш и др. (знатью в которых были знатные рода мигрировавших из Дильмуна = Индии племен адаби = кадим = касситов = кишитов = кушитов и умман-манда = мадаев / мидийцев, – П.Д.). В первые века после потопа (примерно совпадающие со вторым этапом Раннединастического периода) гегемонию в Шумере удерживал Киш, располагавшийся в северной части Нижней Месопотамии. В результате титул «лугаль Киша» даже приобрел смысл «гегемон всего Шумера» (тем более, что он случайно оказался близок по звучанию выражению «повелитель сил, воинств»); его часто принимали позднейшие цари-гегемоны, из какого бы города они ни были. Возможно, правители Киша первыми приняли титул лугалей. До нашего времени дошло эпическое предание о кишском царе Этане (XXVIII в. до н.э.), повествующее о том, как он на божественном орле поднялся на небеса к богам, чтобы добыть себе «траву рождения» и обзавестись наследником. Царь Киша Эн-Менбарагеси – один из преемников Этаны, первый

правитель, о котором мы знаем не только по позднейшим династическим спискам, но и по его собственным памятникам. Он контролировал Шумер, а, кроме того, совершал походы в край горцев – эламитов, обитателей Юго-Западного Ирана и более или менее постоянных соперников и врагов Месопотамии. При его сыне Агге, однако, гегемония Киша закончилась (ок. 2600 г. до н.э.)» (М.Д. Бухарин, И.А. Ладынин, Б.С. Ляпустин, А.А. Немировский, «История Древнего Востока», http://www.telenir.net/istorija/istorija_drevnego_vostoka/p5.php; <https://history.wikireading.ru/101857>);

«Древнееврейское название страны «Куш, или Хуш» в переводе LXX обыкновенно замещено позднейшим именем «Ефиопия»; но в ассирийских клинообразных памятниках она, согласно с еврейской Библией, называется страной «Кус», чему родственно и египетское наименование ее словом «Кес». Из сопоставления библейских параллелей открывается, что существовали две страны с этим именем: одна между Вавилоном и Аравийским полуостровом (1 Пар 1:8–10; Пс 86:4), другая – на северо-восточном берегу Африки, приблизительно на месте современной Нубии, по направлению к Абиссинии (Ис 18:1–2; 20:3–5; Иез 30:4; Наум 3:9). Лучшее объяснение всего этого дают памятники ассирийской и египетской древности. По свидетельству первых, кушиты или кадим (адаби = ядавы; греч. «καστανό», итал. «castano», исп. «castaño» – «коричневый, бурый»; лат. «castus», франц. «chaste», шв. «kysk» – «непорочный, целомудренный»; тохар. А «kutsi», нем. «keusch», праслав. «čistъ» – «чист, чистый, непорочный», – П.Д.) были теми первобытными протохалдеями, которые составляли основное зерно так называемой шумерийско-аккадийской народности, положившей начало наидревнейшей халдейско-вавилонской цивилизации и культуре. Со временем эти кушиты, принужденные уступить свою территорию здесь семитам, сначала перекочевали в аравийские степи, а отсюда, при фараоне 12-м, Узерпизене I, были переселены в Египет (около 2000 до Р. Хр.) и водворены на жительство в Нубии» (А.П. Лопухин, «Толковая Библия // Бытие», прим. 6 к гл. 10, http://www.bible.in.ua/under/Lop/01_010.htm);

«Однако, кроме указанного слова «Cham», для обозначения А. (Африки, – П.Д.) пользовались еще названием «Cusch», соответствующим греческому выражению ἔθνος Κουσσαίων, «кушитское племя», и встречающимся в одной из биографий Плутарха (Alexander, LXXII); это же племя часто упоминается и в сочинениях других греческих писателей под именем Κοσσαῖοι (Knobel, Völkertafel der Genesis, 250, Giessen, 1850). Κοσσαῖοι, или, как их называли древние, Κισσία χώρα, в глубокой древности, несомненно, жили в Азии, но, по-видимому, уже рано выселились оттуда и остановились в Северной Африке, чему имеется множество доказательств как филологического, так и исторического и этнологического характера. Тщательное изучение упоминаемых в Библии в качестве потомков Хама (Быт., 10, 6) Мицраим и Канаан показало, что при перечислении народов Библия восходила с юга на север; благодаря этому удалось установить, что Куш занимал самое южное место из всех хамитских племен. Древние греки и римляне этим народам дали общее название – эфиопы (Knobel, ibid.); это служит доказательством, что термины «Cusch» и «Aethiopia» были тождественны. К ним первоначально прибегали для обозначения

различных народов, живших в Африке и Азии, но впоследствии они стали применяться только в отношении того племени, которое жило на юге Египта. Однако еврейский термин Куш, קוש (Быт., 10), даже в тесном его применении, включает также народы, жившие вне пределов Африки; по крайней мере, один из потомков Хама, Шеба (Быт., 10, 7), должен быть отождествлен с народом, жившим в юго-западной части Аравии (Dillmann, Genesis, 5 Aufl., стр. 181)...» («Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона // Африка», <https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Африка>);

«Этимология названия «Кашмир» озадачивала ученых, которые давали различные версии его происхождения. Жители Кашмира называют свою страну Кашир, а свой язык – кошур. Бабур, основатель династии Моголов в Индии, первым указал в своих мемуарах, что этимология названия долины прослеживается от названия племени каш, или куш, также известного как касситы (греч. «κάστανο», лат. «castaneo», лит. «kaštonas», панджаби «Caisaṭanaṭa» – каштановые, то есть красно-коричневые, тёмно-красные). Куш упомянут как внук Ноя в Книге Бытия, чье племя известно как касту в Вавилонии, коссаи в Персии, каша в Гималаях (Косала / Кошала, Кази / Каси / Каши и Кушастхали = Дварака в Индии, – П.Д.), и куш в Египте. Поскольку гласные буквы отсутствуют в древних работах (в частности, в древнееврейском языке), обозначения каш, куш, киш и кош были написаны одним и тем же образом. Но одна вещь, связанная с этим племенем, сразу бросается в глаза: куда бы они ни приходили, они называли реки, горы и города именами своих предков. Примерно в 1780г. до н.э. касситы укоренились в Вавилонии (а также и в зависимых от нее Сирии и Палестине, – П.Д.). До этого у них была династия в Египте, которую в своих письменах они называли каши. Из Вавилонии они перешли в Иран (наоборот, в Вавилонию касситы перешли именно из Западного Ирана – Загроса, мигрировав перед этим на запад из Индии вследствие полного пересыхания к 1900 г. до н. э. реки Сарасвати, позволявшей им ранее заниматься не только скотоводством, но и земледелием, – П.Д.), где основали города Кашан и Кашмар (около Нишапура). В Средней Азии основали такие города, как Кашморе около Мерва, Каш около Бухары, Кашбанд и Кашания около Самарканда и знаменитый Кашгар (кит. Каши, а также Кеш в окрестности реки Кашкадарья, являвшийся столицей ахеменидской Согдианы, – П.Д.). Когда они (кушаны, – П.Д.) перешли в Афганистан, они основали поселения Кашиле, Кашаке и Кашу. В то время как горы Гиндукуша получили свое название в связи с этим племенем, они также основали поселение на юге этой горной системы, получившее название Кашмор. Долину реки Чинаб они называли Каштавар, а долину реки Джехлум – Кашир, теперь она известна как Кашмир» (Фида Хаснайн, «В поисках исторического Иисуса // Касситы», http://www.e-reading.me/chapter.php/146071/4/Hassnaiin_-_V_poiskah_istoricheskogo_Iisusa.html, <http://www.e-reading.me/book.php?book=146071>);

«Показательно, что сама древнеиндийская традиция считала битву на Курукшетре началом новой эпохи. Наиболее сильные и влиятельные, согласно эпосу, племена панчалов и куру утрачивают политическое влияние, а на политической арене появляются небольшие государства в Восточной Индии, прежде всего Кошала (со столицами в Айодхья и Шравастии), Каши (главный город Варанаси), Видеха (со столицей в Митхиле). На юге

современного Бихара возникает государство Магадха (столица Гиривраджа, а затем Раджагриха), в западных областях – Аванти (столица Уджаяпи)» (Г.М. Бонгард-Левин, «Древняя Индия. История и культура // Древнейшие династии и государства Северной Индии», <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-indii&author=bongard-levin-gm&book=2001&page=22>, <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000015/st005.shtml>);

«Имя Куша имел один из двух сыновей Рамы и Ситы, героев «Рамаяны», которая обнаруживает родство с украинским фольклором, обрядами и обычаями. Имя Кушадгваджа, «Кушостяжний» (то есть с изображением пучка травы куши на стяге), имел брат царя Джанаки, приемного отца Ситы. Две дочери Кушадгваджи, говорит эпос, были замужем за Бхаратом и Шатругхною, братьями Рамы, тоже героями «Рамаяны». Сыном Куши, сына Рамы, был царь Кушанабга. В «Рамаяне» Вишвамित्रа, прославленный мудрец и воин, неслыханным подвижничеством достиг брахманского статуса, считается сыном царя Кушики...» (Степан Наливайко, «Тайны раскрывает санскрит», <http://www.rulit.me/books/taemnici-rozkrviae-sanskrit-read-178748-13.html>);

«По мнению Крамера, под страной Дилмун жители Двуречья подразумевали Индию с ее древнейшей цивилизацией, создатели которой были прекрасными мореходами, приручили слонов и имели развитый культ воды... Дилмун мог быть «центром икс», откуда вышли и убаидцы, и создатели протоиндийской цивилизации, а возможно, они оказали влияние и на третью древнейшую цивилизацию планеты – цивилизацию Египта... О том, что протоиндийцы совершали дальние плавания на отличных судах, говорят находки археологов: в их числе и руины древнейшего порта мира, и изображения кораблей на печатях с надписями. Возможно, именно эти «чужеземные» суда изображены в памятниках Древнего Египта и фигурируют как «корабли из страны Дилмун» в шумерских источниках. Быть может, протоиндийцам принадлежат и памятники древнейшей культуры, обнаруженной не так давно при раскопках на Мальдивских островах. В последние годы сделаны важные шаги и в поисках корней древнейшей цивилизации Индии. «Ученые полагают, что носители этой культуры пришли в долину с подножий гор, расположенных к западу от Инда. Недавние открытия в Мергархе (Белуджистан), к юго-востоку от Сулеймановых гор и хребта Киртхар, доказывают существование непрерывной цепи культурной эволюции от VI тысячелетия до н.э. до расцвета хараппской культуры, – пишет Сайд А. Накви в августовском номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» за 1985 год, посвященном археологии» (Александр Кондратов, «Атлантиды пяти океанов», <http://knigosite.org/library/read/41720>; <https://coollib.net/b/82038/read>; <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000086/st027.shtml>);

«Уже в наше время остатки совершенно новой культуры, уходящей корнями в эпоху энеолита, были выявлены в долине Инда, в Синдхе вблизи Ларкана, а также в дистрикте Монтгомери, входящем в состав Пенджаба и расположенном как раз к северу от Сатледжа (Шутудри). Эти поразительные открытия, несомненно, свидетельствуют о связях с западными областями даже в столь отдаленную эпоху. Обнаруженная здесь цивилизация, несомненно, существовала в течение долгого времени, поскольку на памятниках обнаружено

несколько слоев разрушений. Некоторые материалы, вероятно наиболее ранние, обнаруживают явное сходство с ранними месопотамскими образцами: использование кирпичей при строительстве, погребение скорченных тел в выложенных кирпичом сводчатых гробницах, инкрустации раковинами, булавы и пестики – все это имеет ближайшие аналоги в ранних шумерских слоях на памятниках, располагавшихся в долине Тигра и Евфрата. Прекрасные печати, украшенные изображениями быков и единорогов, а также различных персонажей из легенд имеют точные шумерские аналогии, и, что не менее удивительно, там же обнаружены глиняные фигурки баранов и женские статуэтки. Наконец, расписная глиняная посуда из поселений в долине Инда через Белуджистан обнаруживает несомненные черты сходства с такой же керамикой Элама и Южной Месопотамии, а может быть, даже Сеистана и Заскаспия... Наличие связей с Шумером и Эламом само по себе предполагает, что создатели этой цивилизации не были ариями, а находились в определенной степени родства с одним из доарийских народов, живших в Месопотамии. И на самом деле, доктор Холл отмечал, что в антропологическом плане дравиды Индии весьма напоминают шумеров Месопотамии, и на основании этого предположил, что таинственные шумеры прибыли из Индии. Несколько позднее доктор Хьюзинг обратил внимание на сходство между статуэтками раннебуддийского периода и аналогичными произведениями шумерских мастеров. Какие бы пути народы ни выбирали для миграций, наличие одного и того же этнического компонента в Индии и Месопотамии не вызывает сомнения, и именно им могли быть созданы родственные культуры» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н.э.», <http://www.istorya.ru/book/arii/04.php>);

«Индийские ученые открыли древнейший порт в мире – Лотхал, расположенный неподалеку от современного крупнейшего порта Бомбея, на полуострове Катхиавар. В восточной части города археологи обнаружили выложенную кирпичом верфь правильной прямоугольной формы. Ее размеры были довольно внушительны – 218 на 37 метров. Специально прорытый канал шириной 7 метров связывал верфь с рекой, впадающей в Аравийское море. И, что самое замечательное, хотя Лотхал расположен далеко на юг от долины Инда, его возраст не уступает возрасту Мохенджо-Даро, Хараппы и других протоиндийских городов – он равен примерно 40 столетиям!» (Александр Кондратов, «Тайны трех океанов», ч. 2, http://www.uhlib.ru/istorija/tainy_tryoh_okeanov/p5.php);

«Порт Лотхала – процветающий торговый центр древних времён, древнейший и основной порт индской цивилизации – находился на берегу Камбейского залива, к северу от современного Бомбея. Он соединял город с древним течением реки Сабармати, которая представляла собой часть торгового пути между городами хараппской цивилизации в Синдхе и полуостровом Саураштра (Мохенджо-Даро и Хараппа)... Местные учёные пользовались компасом, делили горизонт на 8–12 частей, изучали движение звёзд с целью навигации» («Древнейшие цивилизации // Лотхал», <http://evolv.ho.ua/Drevnejshie%20tsivilizatsii/India/Lotkhal.html>);

«Вариант гипотезы о индийской прародине ариев, предложенный Конрадом Эльстом и названный им «новой невторженческой моделью», заключается в следующем: Во время VI тысячелетия до н. э., протоиндоевропейцы обитали в североиндийском регионе Пенджаб. В результате демографической экспансии, они заселили Бактрию и Согдиану. Параллельно двинулись дальше, заселив побережье Каспийского моря и большую часть Центральной Азии, в то время как сыны (серы, – П.Д.) мигрировали на север и поселились в Таримском бассейне в северо-западном Китае, сформировав тохарскую (пратохаро-балто-славянскую, – П.Д.) группу индоевропейцев. Эти группы принадлежали к протоанатолийцам и осели в этом регионе к XX веку до н.э. Эти народы говорили на древнейшей форме протоиндоевропейского языка, который, в процессе общения с населением Анатолии и Балканского региона, преобразовался в самостоятельный диалект. Обитая в Центральной Азии, они начали использовать лошадей. В более поздний период, они заселили Западную Европу, принеся, таким образом, индоевропейские языки в этот регион. В течение IV тыс. до н.э., цивилизация на полуострове Индостан эволюционировала в урбаническую Индскую цивилизацию. В этот же период, протоиндоевропейские языки эволюционировали в протоиндоиранский язык. В этот же период индоиранцы, в результате внутренних противостояний и конфликтов, постепенно выделились в отдельную группу и мигрировали на запад в направлении Месопотамии и Персии (где, возможно, обитали пахлавы) и также расселились на части территории Центральной Азии. Когда миграция подошла к концу, в Индии остались протоиндоарии. В конце зрелого харапского периода, река Сарасвати начала высыхать и оставшиеся индоарийцы разделились на ряд групп. Одни из них мигрировали в западном направлении и к XV веку до н.э. и стали править хурритским царством Митанни (см. Митаннийский арийский язык), другие – мигрировали на восток и заселили Индо-Гангскую равнину, а некоторые – направились на юг и вошли в контакт с дравидами» («Теория исхода из Индии», http://www.bharatiya.ru/istoki/teor_ishod.html);

«Согласно Н.С. Раджараму, более подробная «новая хронология» древней Индии, привязанная к упомянутым в Ведах и Пуранах именам царей и племен, выглядит примерно следующим образом:

4500 гг. до н.э.: Победа Мандхатри над Дрохьюсом, о которой говорится в Пуранах.

4000 гг. до н.э.: Ригведа (за исключением книг 1 и 10).

3700 гг. до н.э.: Упомянутая в Ригведе битва десяти царей. Начало пуранических списков царей; Агастья приносит ведическую религию в страну Дравидийцев; его младший брат Васиштха – автор ведических работ. Рама и Рамаяна.

3600 гг. до н.э.: Яджур-, Сама- и Атхарваведа: окончательное оформление ведического канона.

3100 гг. до н.э.: Эпоха Кришны и Вьясы. Война, описанная в Махабхарате. Ранняя Махабхарата.

3000 гг. до н.э.: Шатапатхабрахмана, Шульвасутры, Яджнявалкьясутра. Панини, автор Аштадхьяи. Яска, автор Нирукты.

2900 гг. до н.э.: Возникновение цивилизации в Древнем Египте, Месопотамии и междуречье Инда и Сарасвати.

2200 гг. до н.э.: Начало крупной засухи: закат Хараппы.

2000 гг. до н.э.: Конец ведической эпохи.

1900 гг. до н.э.: Сарасвати полностью пересохла: гибель Хараппы» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>).

3.31 Индия – прародина индоевропейских наречий и консонантно-слогового письма

В то далёкое время долихокранные племена Дильмуна (Древней Индии) разговаривали преимущественно на прадравидо-урало-алтайских наречиях, а брахикранные племена горных котловин и долин рек Сарасвати и Инда – на праиндоевропейских наречиях:

«Язык создателей Мохенджо-Даро и Хараппы, как показывают результаты дешифровки печатей, дравидийский (однако, возможно, он являлся и архаичным постнестратическим языком индусского письма брахми, близким, как к дравидийским, так и к местным индоевропейским языкам, еще полностью не избавившимся в то время от своего древнего агглютинативного строя, – П.Д.); в то же время последние работы антропологов убеждают в том, что облик жителей этих городов стоит ближе к жителям Средиземноморья, чем к дравидам. Черепа убайдцев почти тождественны черепам создателей протоиндийской культуры и по всем признакам включаются в «средиземноморскую подрасу» (и в «балкано-кавказскую» подрасу тоже, – П.Д.), типичнейшими представителями которой являются обитатели Кавказа (а также гориды украинцы и другие мезо-брахикранные, подобно индо-брахидам и арменоидам, альпийцы и динарцы, – П.Д.)...» (Александр Кондратов, «Погибшие цивилизации», http://www.libma.ru/istorija/pogibshie_civilizacii/index.php);

«Ф. Бопп стал первым пропагандистом того взгляда, что в индоевропейских языках как именны формы, так и глагольные возникли из сложения именных корней с местоименными (окончания). Это и имеется в виду под «теорией агглютинации» у Боппа...» (А.А. Реформатский, «Лингвистика и поэтика // Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова», – М., 1987, с. 52-76, <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87c.htm>);

«Предполагаемая глубокая древность санскрита и его очевидная лингвистическая чистота были мощными аргументами в руках ориенталистов и даже позволили Шлегелю (1808) утверждать, что праязык появился в Индии и распространился оттуда на запад. Подобные идеи неожиданно возникли и в трудах Сержи; он предполагает, что предки европейских ариев были расой брахицефалов, первоначально населявших область к северу от Гиндукуша» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // К вопросу об азиатской прародине индоевропейцев», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovateli-evropeyskoy-tsivilizatsii/7);

«Культура долины Инда имела свою форму письменности, о чём свидетельствуют

многочисленные печати, найденные в развалинах. Её тоже считают неведической и, вероятно, дравидской, хотя это никогда не было доказано. Теперь показано, что большинство поздних знаков из долины Инда идентичны индусскому письму брахми, и что от одного письма к другому шло органичное развитие. Теперь преобладающие модели предполагают, что этот язык имел индоарийскую основу. Полагали также, что культура долины Инда заимствовала свою цивилизацию с Ближнего Востока, вероятно, от шумеров, так как предшественников её в Индии не было найдено. Недавние раскопки французов в Мехргархе показали, что всех необходимых предшественников этой (праиндоевропейской дильмунской, – П.Д.) культуры можно найти в пределах индийского субконтинента и они прослеживаются вплоть до 6000 г. до н.э.» (Девид Фроули, «Миф об арийском вторжении в Индию», <http://www.lomonosov.org/theosophy/fourtheosophy416267.html>);

«Многое из индского письма имеет сходство с письменами центрально-азиатских и ближневосточных алфавитов, например, целых 17 из 24 знаков являются общими для индского и семитских алфавитов. 50% значков индского письма совпадает с письмом ронгоронго острова Пасхи. Индское письмо имеет сходство даже с древнекитайским священным письмом... Таким образом, язык цивилизации Инда и Сарасвати можно отнести к языку ностратической общности. Это подтверждается первичностью санскрита и его сходством со многими языками мира. Следовательно, истоки ностратической общности следует искать не на Ближнем Востоке, Кавказе или в Европе, а на индийском субконтиненте... Еще раз отметим, что прародиной санскрита является цивилизация Инда и Сарасвати, где существовало индское письмо, утерянное по многим причинам, следы которого мы можем видеть на индских печатях. Соответственно именно цивилизация Инда и Сарасвати является носителем всех сакральных знаний, которые легли в основу Вед, Пуран и других древнеиндийских текстов, составленных на санскрите» (Петр .Олексенко, «Артефакты древней Индии. Санскрит – язык богов», http://www.dopotopa.com/p_oleksenko_sanskrit_-_jazyk_bogov.html; http://www.dopotopa.com/artefakty_drevney_indii_sanskrit_-_jazyk_bogov.html);

«Гипотеза, которую выдвинул Фредерик Кортландт, учитывает типологическое сходство между протоиндоевропейским и западно- и северокавказскими языками. Предполагая, что данное сходство могло быть обусловлено ареальными факторами, Кортландт рассматривает индоевропейские языки как ветвь урало-алтайских (прадравидо-урало-алтайских, – П.Д.), которая претерпела трансформацию под влиянием кавказского (пракавказского, – П.Д.) субстрата [Frederik Kortlandt-The spread of the Indo-Europeans, 1989 <http://www.kortlandt.nl/publications/art111e.pdf>]. К сходным выводам приходит Peter Schrijver [Peter Schrijver. Keltisch en de bureen: 9000 jaar taalcontact, University of Utrecht, March 2007, http://www2.let.uu.nl/Solis/homelet/publicaties/lezingenreeks/pdf/Schrijver_Peter_oratie.pdf], который пишет о влиянии на протоиндоевропейский язык неких языков со сложной глагольной структурой, как в современных кавказских языках...» (Олег Гуцуляк, «Догерманский субстрат», <http://intertraditionale.kabb.ru/viewtopic.php?f=24&t=530>).

Как консонантное Финикийское письмо, так и близкие к нему консонантное Южноаравийское (сабейское) письмо и консонантно-слоговое Эфиопское письмо (абугида) сформировались почти одновременно. И, следовательно, должен был длительное время существовать до этого один общий для них не иероглифический и не клинописный первоисточник. Этим первоисточником, очевидно, является алфавитно-слоговое письмо Брахми, занесенное из Индии в Ханаан, в Южную Аравию и в Эфиопию тёмно-краснокожими предками (адаби, халдами, кутиями, касситами, кушитами и др.) уже семитизировавшихся к тому времени (969 – 936 г. до н.э.) финикийцев, сабейцев, эритрейцев и эфиопов. На это указывает тождественность или же близость графических начертаний многих букв этих письменностей:

«Вообще, традиционное обращение в качестве исходной базы к арамейскому алфавиту было в значительной степени данью евроцентризма... У букв брахми простые формы, много симметричных букв, что было удобно как при левосторонней (←), так и правосторонней (→) записи. То, что брахми на ранних этапах (подобно греческому и сабейскому) было безразлично к направлению письма свидетельствует встречающаяся графическая афазия некоторых букв... Можно сказать, что именно арийские народы изобрели буквенно-слоговое письмо, в котором основные знаки силлабария передают слог «согласный+а». Чтобы передать слог с другим гласным к основным знакам присоединялись разные черточки, причем форма основного знака порой деформировалась. Такой тип слогаобразования называется трансформативным и применяется по сей день в эфиопском письме. В индуизме письмо брахми считается творением бога Брахмы (либо его дочери Брахми). В «Самаваянга-сутре» письмо бамбха (брахми) перечислено среди других 46 алфавитов...» («Брахми», <http://www.rbardalzo.narod.ru/4/brah.html>, http://en.wikipedia.org/wiki/Brahmi_script);

«Возникновение же Финикийского письма связано с тирским правителем Ахиромом (Хирамом, 969 – 936 до н.э.), чье имя неоднократно упомянуто в Библии. Предтеча древнейшего алфавита, не разгаданные до сих пор гублские (протобиблские) и протосинайские письмена (см. Семитские письмена), возможно, появились в результате ассиро-египетского синкретизма... Заметная традиция самоуправления горожан, система выбора правителей, торговая экспансия и практика не обращать в рабов соплеменников приближала финикийцев более к античной культуре Эллады, чем к цивилизациям афразийских деспотий. Государственную структуру Финикии можно назвать олигархической, а саму страну «семитским зеркалом Эллады»...» («Финикийский алфавит», <http://www.rbardalzo.narod.ru/4/finik.html>);

«В возникновении и развертывании южноаравийской цивилизации ведущая роль, бесспорно, принадлежит Сабе, которая ее сыграла, прежде всего, благодаря своему языку. Самые ранние надписи на нем относятся к VIII веку до н. э., но и в 275 году н.э., уже после падения Сабейской державы спустя без малого три века, сабейский язык все еще остается живым. Химьяриты, преемники Сабы, высекают свои надписи на сабейском языке, хотя говорят, в большинстве своем, на иных диалектах; сабейским языком как языком культуры

продолжает пользоваться в своем относительно узком кругу лишь химьяритская аристократия да религиозная элита, однако их писцы неукоснительно следуют образцам того монументального шрифта, который приобрел свое окончательное начертание несколько столетий тому назад...» (Жан-Франсуа Бретон, «Повседневная жизнь Аравии Счастливой времен царицы Савской. VIII век до н.э. – I век н.э.»),

http://www.k2x2.info/istorija/povsednevnaja_zhizn_aravii_schastlivoi_vremen_caricy_savskoi_viii_vek_do_n_je_i_vek_n_je/p11.php);

«В 1983 – 1991 и 2003 – 2004 гг. в ходе раскопок пяти храмов, двух жилых домов и нескольких некрополей Райбуна, а также археологического обследования прилегающих в нему районов было обнаружено более 3500 надписей на хадрамаутском языке, датируемых VII – I вв. до н.э. По сравнению с тремя другими языками южноаравийской эпиграфики (сабейским, минейским, или ма'инским, и катабанским) хадрамаутский оставался наименее изученным, что объяснялось в первую очередь, скудостью составленных на нем текстов, общее число которых к началу 80-х годов прошлого века не превышало 400...» (С.А. Французов, «Древний Хадрамаут и возникновение южноаравийской цивилизации: к постановке проблемы», <http://www.sno.pro1.ru/lib/vdi/2005/vdi-4-2005.pdf>, <http://istorja.ru/forums/topic/1135-hadramaut-i-rozhdenie-yuzhnoaraviyskoy-tsvilizatsii/>);

«Первые надписи на эфиосемитских языках в Эфиопии и Эритрее, датируемые IX веком до н.э., были написаны южноаравийским алфавитом, распространенным на территории современных южноаравийских государств. Однако после VII и VI века до н.э. возросшее разнообразие шрифтов привело к выделению из них эфиопского письма. Наиболее хорошо эта эволюция прослеживается на надписях (в основном сделанных в пещерах и на скалах) в провинции Агаме в северной Эфиопии и в бывшей провинции Аккеле-Гузай в Эритрее. ...имеется 24 соответствия между эфиопским письмом и южноаравийским алфавитом» («Эфиопская письменность», <http://restinworld.ru/stories/ethiopia/13209/1.html>);

«Шриконт Талагери и Николас Казанас адаптировали к теории исхода из Индии модель распространения языков Джоханны Николс, переместив предложенную Николс предполагаемую прародину индоевропейцев из Бактрии-Согдианы в Индию. Эти идеи не соответствуют господствующим представлениям в современной лингвистике. Конрад Эльст, в свою очередь утверждает, что вероятнее всего прародина индоевропейцев располагалась в фонетическом ареале сатем. Согласно альтернативному объяснению, которое дают сторонники «индийской прародины», Индия изначально была ареалом кентум. Первые мигрировавшие носители индоевропейских диалектов (хеттского, италийского, кельтского и германского) перенесли группу кентум в границы индоевропейского распространения (Европу, Анатолию, Китай). Такие диалекты, как балтийский, фракийский и фригийский, носители которых мигрировали позднее, находились в процессе формирования. Носители славянского, иранского и армянского диалектов мигрировали последними – эти диалекты, вместе с оставшимися на территории индийского субконтинента индоарийскими языками

приняли форму сатем. Подобное объяснение согласуется с так называемой «побочной теорией», согласно которой наиболее консервативные языковые формы располагаются на окраинах ареала, а не в его центре» («Теория исхода из Индии», http://www.bharatiya.ru/istoki/teor_ishod.html).

3.32 Исход брахикранных праевропейцев из Индии на Запад

О получении знаний и навыков от более цивилизованных брахикранных пришельцев гласят легенды многих народов:

«...преобладание арменоидов (на самом деле индо-брахидов, так как арменоиды появились в Месопотамии гораздо позже – не ранее I тыс. до н.э., – П.Д.) в скульптуре объясняли просто: население древних государств Месопотамии, Анатолии и Ирана было в основном арменоидным. Когда в древних захоронениях этих районов стали находить большей частью останки людей других рас, обычно с длинными и низкими черепами, возникло ощущение странного противоречия. Кажется, наиболее естественное объяснение того противоречия, что арменоиды весьма широко представлены в скульптуре и скудно в захоронениях – это признание того, что они составляли особую высшую группу в цивилизациях Ирана, Анатолии и Месопотамии бронзового века и более ранних периодов, группу (брахицефальной знати дилмунцев, убаидцев и других южных азийцев, – П.Д.), стоявшую у истоков этих цивилизаций и определившую их стиль. Поэтому боги, цари и их окружение изображались арменоидами (точнее, индо-брахидами, – П.Д.). Основное же население этих цивилизаций принадлежало к другим антропологическим типам, и от того так редки арменоиды в древних захоронениях...» (Борис Мойшезон, «Арменоиды – аристократия древности», <https://vstrokax.net/avtorskaya-kolonka/armenoidyi-aristokratiya-drevnosti/>; <https://shkolazhizni.ru/@ARARAT/posts/54734/>);

«Индо-брахид. Брахицефальный, среднего роста тип, распространенный в прибрежных районах Индийского субконтинента. Характеризуется уплощением затылка, высокоголовостью, ортогнатией, коротким и широким лицом, выступающим и часто изогнутым носом. Цвет кожи варьирует от светлого до средне-коричневого, волосы обычно прямые и черные, глаза по большей части темные. Классифицирован фон Эйкштедтом как подтип индида (парсы, нагар брахманы Гуджарата, каястха, белуджи, каннада и др., – П.Д.)» («Физическая Антропология. Иллюстрированный толковый словарь», EdwART, 2011, <http://es.niv.ru/doc/dictionary/physical-anthropology/fc/slovar-200.htm>);

«Изучение черепов, найденных в различных поселениях Анатолии, показывает, что в III тысячелетии до Р.Х. в Малой Азии преобладал длинноголовый, долихоцефальный тип, а число брахицефалов было крайне незначительно. С определенной долей уверенности можно отметить, что до прихода индоевропейцев длинноголовый тип мог принадлежать племенам хатти, родственных хурритам и относящихся к долихокранному типу автохтонного населения Малой Азии. Во II тысячелетии до Р.Х. доля брахицефальных черепов возрастает в Анатолии до пятидесяти процентов. Но ни в том, ни в другом тысячелетии

брахицефальный элемент не принадлежит «арменоидному» расовому типу, который является гипербрахицефальным, с уплощенным затылком. «Арменоидный» тип начинает доминировать в Анатолии с I тысячелетия до Р.Х. Брахицефальный расовый тип пришельцев имеет некоторое сходство с европейским «альпийским» типом и мог принадлежать только завоевателям-индоевропейцам, которых в исторической науке принято называть хеттами, при том, что неизвестно, как они называли себя сами. Точно такая же картина наблюдается и для Ирана и Ирака, где антропологического материала имеется несравненно больше. И там брахицефальный тип связывается с волной индоевропейского вторжения мидийцев и персов» (Владимир Ларионов, «От царской Скифии к Святой Руси», <https://www.litmir.me/br/?b=176740&p=17>; <http://testlib.meta.ua/book/134244/read/>);

«Язык и, отчасти, черты внешности хеттов (о которых мы судим по изображениям хеттских пленников на египетских памятниках) свидетельствуют об индоевропейском происхождении этого народа. В социальной организации хеттов древнейшего периода обнаруживаются также некоторые общие черты с устройством греческого общества в гомеровскую эпоху. С другой стороны, религия хеттов основывалась, главным образом, на верованиях местных племён, населявших территорию Хеттского царства до прихода индоевропейцев. Хеттское искусство каменной скульптуры имеет месопотамские корни, но отличается яркой самобытностью... На египетских портретах изображены разнообразные причёски. В целом, по-видимому, хетты носили длинные волосы (иногда стягивая их головной повязкой); иногда лоб выбривали, но волосы на затылке не стригли. Встречается одна фигура с полностью обритой головой, за исключением короткой косицы на затылке. Длинный отросток, идущий от шлема Стража Ворот в Богазкёе, – это не косица, а назатыльник, крепившийся к шлему; однако можно заметить волосы, выбившиеся из-под шлема и рассыпавшиеся по плечам. У более поздней фигуры из Сенджерли явно видна косица. На египетских памятниках все хетты гладко выбриты; бороды носили только их сирийские союзники. Это подтверждается и собственно хеттскими памятниками эпохи империи, хотя следует отметить, что престарелый бог грозы изображался бородатым, а более поздние памятники свидетельствуют о том, что мода на бороды распространилась из Сирии по всей хеттской Анатолии...» (О.Р. Гэрни [О. Гарни], «Хетты. Разрушители Вавилона», <https://profilib.org/chtenie/90017/o-garni-khetty-razrushiteli-vavilona-43.php>; http://historylib.org/historybooks/O--R--Garni_KHetty--Razrushiteli-Vavilona/36);

«Происхождение шумеров до сих пор во многом неясно. Их легенды говорят о некой расе полурыб-полулюдей, которые приплыли во главе с неким Оанном вверх по течению из Персидского залива, доплыли до Эриду, где научили людей искусству письма, строительству городов, металлургии и земледелию. Легенда указывает на южное происхождение шумеров. Но шумеров ли? Быть может, Оанн и другие люди лишь олицетворение предшественников шумеров, людей, создавших убаидскую культуру? Ведь поклонение божествам, установленным на возвышениях, говорит о том, что прежде, чем осесть в долине Тигра и Евфрата, шумеры были горным, а не морским народом. Но откуда бы ни пришли шумеры, ясно одно: до них в Двуречье жил народ, создавший цивилизацию Эль-Убейда, и по

отношению к нему шумеры были такими же кочевниками-варварами, какими были вавилоняне по отношению к шумерам... Таинственному пришельцу из Эритрейского моря, т. е. Индийского океана, приписывалось создание всех культурных достижений Двуречья, включая письмо, земледелие, архитектурное строительство и т. д. Раскопки археологов подтверждают правоту легенды в том, что распространение высокой культуры, созданной убаидцами, шло с юга на север, со стороны Эриду, стоявшего в ту пору на берегу Персидского залива и бывшего самым южным городом Двуречья. Убаидцы же, как и шумеры, появляются на земле Двуречья со сложившимися традициями и культурой. Только если шумеры, по всей видимости, пришли в долину Тигра и Евфрата откуда-то с гор, то убаидцы, согласно легенде, являются «морскими пришельцами», прибывшими сюда со стороны Индийского океана, через Персидский залив... Самая древняя цивилизация Индии, по всей видимости, была исключительно миролюбивой. «Мы не находим здесь большого количества военного оружия и изображений боевых сцен, которые могли бы свидетельствовать о междоусобных конфликтах между городами-государствами, как в Месопотамии, или о существовании войска, с помощью которого какой-то один царь, подобно тому как это было в Египте, подчинив себе других, достиг внутреннего мира в стране», – констатируют археологи. Внутренний мир достигался, очевидно, не силой оружия, а совсем иными путями. И не только внутренний мир, но и внешний: главным «оружием» протоиндийской цивилизации в ее победах над первобытными племенами кочевников и охотников Индостана была торговля и культурные достижения, а не военная сила. Творцы Мохенджо-Даро и Хараппы не вели кровопролитных битв и с другими государствами древнего Востока. Торговый и культурный обмен морскими и сухопутными путями между ними процветал в течение многих сот лет. С Шумером этот обмен начался уже в III тысячелетии до н.э., затем сюда «подключается» и Египет. Торговля служила не только переброске товаров, но и перемещению людей. Так, искусные мастера могли путешествовать с места на место, обосновываясь там, где они находили рынок сбыта для изделий своего ремесла, как это практикуется на Востоке в наши дни. Это создавало широкие возможности для обмена идеями... Античные историки с восхищением писали о морском походе полководца Александра Македонского, Непарха, проделанном от берегов Индии к устью Тигра и Евфрата. Но оказывается, трасса Индия – Двуречье была освоена древнейшими мореплавателями Индостана за добрые 20 столетий до Непарха! Степи Средней Азии на востоке, Малабарское побережье на юге, горы Афганистана на севере – таковы были пределы странствий древнеиндийских купцов-путешественников. На западе же они, возможно, проникали не только в Двуречье или Египет, но и торговали с древнейшей цивилизацией Европы – минойской, центром которой был остров Крит» (Александр Кондратов, «Погибшие цивилизации // Дравиды и убаидцы», http://www.libma.ru/istorija/pogibshie_civilizacii/p6.php#metkadoc13, http://www.libma.ru/istorija/pogibshie_civilizacii/p5.php#metkadoc14).

Очевидно, эта трасса не заканчивалась в Двуречьи, а пролегла до Египта и далее в Европу, что и позволило предкам пеласгов и эллинов постепенно мигрировать в Средиземноморье:

«На одной из микенских табличек мы читаем, что нет грека, который бы не был «talasaporo», то есть «мореходом». Неважно, что значили когда-то слова «thalakku», «tarasa», «thalassa» – эпитет ли это, данный греками морю («беспокойное»? «бурное?»), или имя, унаследованное от доэллинских народов... Но вот несколько особенностей, которые мы обнаруживаем у греков на протяжении, по сути дела, всей их истории. В первую очередь это живое и обостренное любопытство, открытый, гибкий и проницательный ум. Во всех участниках великой азиатской авантюры – от героя до второстепенного персонажа, от Одиссея до Терсита, – больше всего поражает страсть к приключениям. Сколько же верных поклонников Музы дальних странствий садилось на корабли и какие лишения они терпели, лишь бы следовать за легендарными персонажами по имени Геракл, Ясон, Тесей, Персей, Беллерофонт, Ахилл – ради не очищенного от соломы золотого руна или в поисках городов, где... «золото, пурпур, лазурь пламенеют, доступные толпам лишь в снах, – Тир, Гелиополь, Солим, Цезаря...» Похоже, никакая вера, никакая мистика не вдохновляла их в отличие от тех странствующих рыцарей, которых воспевают Виктор Гюго. Нет, здесь виден лишь глубокий и страстный вкус к состязанию, к риску, свойственный народу, всегда остававшемуся игроком, воспринимавшему жизнь как азартнейшую из игр. Грек не скажет: «Кто не рискует, не имеет ничего». Его мысль формулируется более мужественно: «Кто не рискует, тот – ничто...» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/59/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiiny.html; <http://lib.rus.ec/b/302423/read>; <https://history.wikireading.ru/89211>).

3.33 Исход прабалто-славян из Индии в Южную Сибирь и в Северный Китай

Из Дилмуна – Индии (Сураштры) сурожцы = согдийцы (в этнос которых входили не только индоевропейцы прабалто-славяне, но и дравидские племена, ставшие этническим субстратом прафинно-угров и самодийцев) мигрировали также и в Южную Сибирь, и в Северный Китай, где стали известными античным европейцам как серы и юэчжи:

Расселение племен в Средней Азии около VII в. до н. э.

«На более древнем этнолингвистическом материале базируется азиатско-днепровская теория, которая ищет древнюю славянскую прародину в Азии, в зоне лесостепи (очевидно, всё же в высокогорных котловинах, в которых благодаря высокому уровню ультрафиолетового облучения праславяне и сохранили тёмно-красный цвет кожи своих индоевропейских предков, – П.Д.) приблизительно на севере современного Казахстана и юге соседней Сибири. По этой гипотезе, оттуда славяне за несколько веков до н.э. двинулись на запад (следом за сарматами; точнее, следом за балтоязычными савроматами, так как сами брахикранные сарматы, в общем-то, и принесли славянскую речь в Европу, – П.Д.) и расселились первоначально на пространстве между Днестром и Бугом» (Виктор Титов, «Этногенез литвинов (беларусов) в славянском контексте», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=104>).

Закон открытых слогов в прабалто-славянских наречиях, очевидно, действовал уже в древности, так как и в словах предшествующих им индийских пракритов тоже почти полностью отсутствовали конечные согласные:

«Развитию индийского письма по слоговому пути способствовали также некоторые особенности фонетики пракритов; такими особенностями были сравнительно ограниченное количество разных слогов (как и в китайских наречиях, – П.Д.) и почти полное отсутствие конечных согласных (окончание почти всех слов на гласные звуки). В частности, образование всех основных слоговых знаков в индийских системах письма из сочетания согласный плюс гласный «а» объяснялось тем, что этот гласный звук чаще всего встречался...» («Индийские системы письма», <http://maxbooks.ru/writing/stor48.htm>).

Однако же после утраты прабалто-славянскими наречиями закона открытых слогов он мог возродиться в праславянских наречиях северокитайских славяноариёв серов (предков славяноязычных сарматов, да-юэчжи, кидаритов и аланов) лишь под влиянием китайских или же австронезийских наречий. Ведь, в отличие от Китая, в Европе, да и в Западной Азии, в то время не было ни одной народности (этнуса-донора), в языке которой бы действовал этот закон:

«Закон открытого слога – не единственная черта звукового строя китайского языка. В нём действует также и другой закон – закон совпадения слогового и морфемного членения. Это означает, что каждый слог в нём является морфемой. Законы открытого слога и совпадения слога-морфемного членения и привели китайский язык к омонимии... Много ли фонем могут сочетаться в таком слоге-морфеме? Лишь несколько сотен. Для языка это очень мало, поскольку значений, передаваемых с помощью морфем, значительно больше. Вот почему разные значения в китайском языке часто передаются с помощью одинаковых звукосочетаний (например, «ta» или «shu»). Спрашивается, как же с помощью 400 открытых слогов можно обозначать в идеале бесконечное число реалий? Как говорили в XVIII в., гений китайского языка нашёл ответ на этот вопрос: он побудил китайцев использовать в омонимичных слогах музыкальное (тональное) ударение в смыслоразличительной функции» (Валерий Даниленко, «От предъязыка – к языку: введение в эволюционную лингвистику»,

http://loveread.ec/read_book.php?id=73459&p=61).

Возможность восстановления действия этого закона в праславянском языке под влиянием именно китайских наречий подтверждается действием его и в кяхтинском русско-китайском пиджине, существовавшем на рубеже XIX – XX вв. в зоне русско-китайской приграничной торговли (см.: А.Ю. Мусорин, «Лексика кяхтинского пиджина», <http://www.philology.ru/linguistics4/musorin-04a.htm>).

Возможно, что закон открытых слогов сформировался непосредственно в процессе трансформации в праславянский язык большинства диалектов прабалто-славянского языка. Не закрепился же он лишь на периферии восточно-сарматского мира у некоторых «белоглазых» племен байди, являвшихся предками как гяньгуней, так и усуней, а тем самым и язаматов, и языгов (гудов и прусов):

«...усуни не имели территориальных границ с китайскими княжествами и царствами, размещаясь в сравнительно нешироком географическом ареале к западу и северо-западу от стыка Наньшаня и Алтынтага (поэтому-то их язык и не подвергся существенному влиянию китайских наречий, – П.Д.). Впоследствии это отсутствие взаимной отчужденности и вражды, которые являются неизбежными попутчиками любых военных действий, позволило асам Семиречья активно развивать тесное военно-политическое сотрудничество с империей Хань» (Николай Лысенко, автореф. дис. «Асы-Аланы в Центральной Азии: Центрально-азиатский аспект раннего этногенеза алан», <http://www.dissercat.com/content/asy-alany-v-tsentralnoi-azii-tsentralnoaziatskii-aspekt-rannego-etnogeneza-allan>);

«Усуни нам известны, как смешанный с саками и юэжжами народ. Это подтверждается палеоантропологией. Некоторые из добытых черепов относятся к (долихокранной, – П.Д.) средиземноморской, другие к (брахикранной, – П.Д.) памиро-ферганской расе (Дебеч, 1948)» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов», http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26text_5).

3.34 Участие прабалтов в этногенезе карасукских племен и усуней

Возможно, не только долихокранные протогерманцы (финноязычные, кельтоязычные и фракоязычные скифы) и ранние балтоязычные брахикранные савроматы (замараевско-алексеевский и другие западные культурные пласты), но также и племена усуней являлись потомками как долихокранных, так и брахикранных карасукских племен (кон. 2-го – начало 1-го тыс. до н.э.):

«По мнению С.В. Киселёва, карасукская культура сформировалась на основе местных афанасьевско-андороновских компонентов, со значительной инфильтрацией переселенцев из Китая. В связи с этим были скорректированы и хронологические рамки культуры. Допуская связь с Шан-Иньским Китаем, и на основе серии других аналогий, С.В. Киселёв предложил датировать карасукскую культуру в рамках 1200 – 700 гг. до н.э. С небольшими

изменениями эти хронологические границы принимаются исследователями вплоть до настоящего времени... Новым элементом в анализе культуры стало использование материалов антропологических исследований проведённых Г.Ф. Дебецом (Дебец, 1932, 1948). Их результаты подтвердили теорию юго-восточного происхождения карасукского населения, показав заметное влияние северокитайского антропологического типа. Общее состояние характеризовалось, как крайне смешанное с отдельными вкраплениями брахикранных европеоидных черепов... Не менее сложные представления о взаимоотношениях культур эпохи поздней бронзы Южной Сибири отражены в работах Э.А. Новгородовой (Новгородова, 1965, 1970). Карасукская культура также разделяется на две группы, имеющие разное происхождение. Первая, собственно карасукская (прабалтоязычные предки памиро-ферганцев и савроматов, – П.Д.), является пришлой и, по мнению автора, происходит из Центральной Азии (Новгородова, 1970). Вторая (прафинно-угры и самодийцы, – П.Д.), сохраняет местные афанасьевско-окуневские традиции и так же, как и у Н.Л. Членовой называется лугавской. На начальном этапе обе эти культуры сосуществуют, занимая разные локальные ниши. Карасукская захватывает центральные районы Минусинской котловины в месте впадения реки Абакан в Енисей, лугавская отеснена в юго-западную часть Минусинской котловины» (Андрей Поляков, автореф. дис. «Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: по материалам погребальных памятников», <http://www.dslib.net/arxeologia/periodizacija-klassicheskogo-jetapa-karasukskoj-kultury.html>; <http://www.dissercat.com/content/periodizatsiya-klassicheskogo-etapa-karasukskoi-kultury-po-materialam-pogrebalnykh-pamyatnik/>);

«В.П. Алексеев, используя при исследовании краниологической карасукской серии методы количественной оценки уплощенности лица, показал, что вывод Г.Ф. Дебеца о наличии в составе карасукцев восточных монголоидов несостоятелен, так как черепа этой серии отличаются выраженными европеоидными особенностями и напоминают представителей брахикранный памиро-ферганской расы: «Наличие демонстративных археологических параллелей карасукским памятникам в одновременных памятниках Северного Китая и Монголии должно рассматриваться в свете палеоантропологических данных как результат культурного взаимодействия, а не миграции населения с юго-востока в Минусинскую котловину» [Алексеев В.П.]. Очевидно, в эпохи Инь, Восточного Чжоу, Чуньцю и Чжаньго, т.е. до III в. до н.э., восточные монголоиды почти не распространялись за пределы расселения протокитайцев» (М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров, «Древние китайцы: проблемы этногенеза», http://oldeurasia.ru/library/M--V--Kryukov--M--V--Sofronov--N-N--Cheboksarov_Drevnie-kitaytsy-problemy-etnogeneza/77);

«Возможность этнических западных связей карасукской культуры с Казахстаном через Западную Сибирь получает подтверждение при изучении физического типа карасукского населения, так как наиболее чёткие аналогии тип карасукского населения имеет в Средней Азии среди брахикранных европеоидных групп, объединяемых под названием памиро-ферганской расы. ... вопрос о происхождении карасукской культуры или культур карасукского типа очень сложен. Для Минусинской котловины он осложняется ещё тем, что

здесь карасукская культура складывается, с нашей точки зрения, из нескольких местных и пришлых компонентов, и время её сложения совпадает с освоением конных троп через Саяны, положивших начало торговым путям и культурным связям минусинского населения не только с западными, но и с южными соседями» (Э.Б. Вадецкая, «Археологические памятники в степях Среднего Енисея», Гл. V «Карасукская культура», <http://kronk.spb.ru/library/vadezkaya-1986-05.htm>).

Очевидно, эти миграции южных племен всё же были не из заселенного монголоидами равнинного юго-востока Китая, а из заселенного европеоидами (потомками жунов) горного северо-востока или же даже из северо-запада Китая (из Северо-Западного Синьцзяна):

«Н.В. Полосьмак в одной из своих статей, посвящённых этому же вопросу, указывает на то, что материалы из погребений Северо-Западного Синьцзяна (элементы звериного стиля, посуда, оружие, одежда и татуировка), а также некоторые черты погребального обряда, например, мумификация, имеют определённые аналогии в культуре [которая] определялась образом жизни кочевников в горной местности, общностью основных мировоззренческих представлений, постоянными контактами между пазырыкцами Горного Алтая и населением Синьцзяна а также, возможно, их этнической однородностью (Полосьмак, 1998). А.А. Ковалёв полагает, что в позднескифское время сложилось определённое религиозно-политическое единство Ордоса и Саяно-Алтая, что нашло проявление с одной стороны в передвижении групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, а с другой – в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества. Исследователь также делает предположение, что, возможно, существовало этническое единство между социальной верхушкой ордосских и алтайских племён (Ковалёв, 1999), однако доказательств в пользу этой точки зрения он не приводит. Некоторые из исследователей пошли ещё дальше в этом вопросе. Так, С.А. Яценко, рассматривая некоторые образы пазырыкского искусства, даже высказал предположение о Северо-Западном Китае, как об «исходном районе обитания предков пазырыкцев» (Яценко, 1996)» (П.К. Дашковский, «Погребальный обряд пазырыкской культуры Горного Алтая», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/P_Dashkovskij_Pogreb_obryad_Pazirik.pdf; http://www.academia.edu/4308668/P_Dashkovskij_Pogreb_obryad_Pazirik).

Не исключено, конечно же, и то, что прабалтский язык сохранялся некоторое время в Азии лишь в среде савроматской (усуньской) знати, то есть среди жречества и некоторых кланов савроматского воинского сословия и позже постепенно был вытеснен иранскими и тюркскими наречиями. Однако же в Европе он вместе с балтскими языческими верованиями всё же был навязан краснокожей и белоглазой усуньской знатью не только восточным кельтам (предкам днепровских балтов, латгалов и др.) и части западных финнов, но и разноязычному сарматскому простонародью Северо-Восточной Европы.

3.35 Миграции на запад славяноязычных сарматов жунов

Преимущественно кареглазые предки потомственных темно-красных славян – жун-ди (высоких ди), чан-ди (великанов) и чи-ди (червонных ди) первоначально были доминирующими племенами в Китайской империи Чжоу (франц. «joue», лат. «gena», итал. «guancia», турец. «уапак» – «щека, бок»). И поэтому-то прабалто-славянский язык их предков неизбежно должен был подвергнуться существенному влиянию китайских наречий и трансформироваться тем самым в праславянский. Конечно же, вполне возможно, что закон открытых слогов возобновил своё действие в праславянских наречиях и под влиянием речи покорённых дисцами аустронезийских племён, проживавших тогда и в северо-восточном Китае:

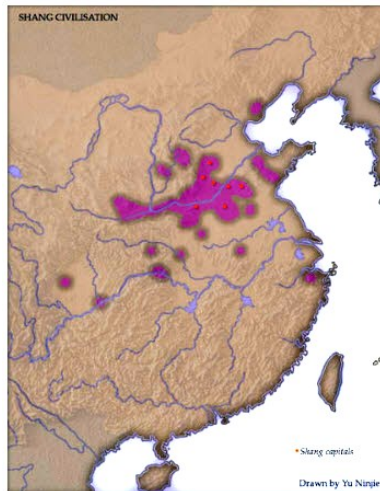
«...при упадке благоустройства в государстве Ся (2205 – 1766), пишет он (Сы-ма-цянь, – П.Д.) Гун-лю лишен был должности главного попечителя земледелия. Он бежал к западным инородцам и построил городок Бинь. По прошествии слишком 300 (более 400) лет инородцы «жун-ди» стали теснить потомка Гун-лю, князя Шань-фу. Последний бежал к горе Ци-шань, где построил город и положил основание дому Чжоу. Далее же сказано: «Вынь-Вун, князь удела Цзинь, прогнал жун-ди, поселившихся в Хэ-си, между рек Инь-шуй и Ло-шуй, под названиями чи-ди и бай-ди». Отсюда видно, что «жун-ди» были предками красных и белых ди; действительно, во всех тех случаях, где у Иакинфа переведено «жун-ди», Георгиевский говорит или о «жунах» или только об одних «ди». Итак ясно, что Гун-лю удалился к «ди», где и принял их полукочевой образ жизни, «претворился в жуна», по выражению Иакинфа. Его потомки положили основание уделу Чжоу, а засим и китайской династии Чжоу (1122 – 225)... В VII веке до Р.Х. ди распались на два отдела – белых и красных ди, и множество родов, из коих китайские историки называют: «сянь-юй», «фэй» и «гу» среди белых ди и «цзя-ши», «гао-ло-ши», «цян-цзю-жу», «лу-ши», «лю-сюй» и «до-чэн» среди красных ди... О ганьсуйских и сычуанских ди (предках славяноязычных юэчжийцев, – П.Д.) китайская история говорит нам очень мало; тем не менее и этого немногого вполне достаточно для того, чтобы восстановить постепенный ход угасания здесь этой расы. «Сянь, князь удела Цинь, – говорит эта история, – прошел с войсками к вершинам реки Вэй-шуй, где и покорил ди-жунов и вань-жунов (очевидно, предков вэньоуто = венендеров, – П.Д.)». Его же преемник, князь Сяо, царствовавший с 361 по 337 год до Р.Х., еще далее распространив свои владения, отослал ко двору 92 старшин жунов и ди... Ди, населявшие Чжилийскую и Шаньсийскую провинции, были частью вытеснены отсюда китайцами уже в V веке до Р.Х.; но в Ганьсуйской провинции, как мы видели выше, ди (*кань-жуны / гань-гуни – брахикранные предки как кангюйцев и других юэчжей, так и усуней, – П.Д.) продержались до IV века по Р.Х. К этому именно времени относится и темное сказание китайцев о переселении дисцев на север...» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?», <http://archive.li/TPE47>; http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p30.php).

Праславяноязычные жуны (ди / дисцы) проживали в эпоху Шан-Инь (1554 – 1046 год

до н.э.) в землях к северу от выхода р. Хуанхэ на Великую китайскую равнину. И поэтому-то не исключено, что как китайское государство Шан, так и сам этнос древних китайцев сформировались знатными дисскими родами на основе преимущественно тибето-бирманских, а возможно также и аустронезийских, и прототунгусо-маньчжурских племён, проживавших в среднем и нижнем течении реки Хуанхэ:

Государство Шан
Государство Инь
Государство Шан-Инь

КИТ.: 商朝
殷代

(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/f/f0/China_1.jpg/280px-China_1.jpg);

«Данные радиоуглеродного анализа, проведенного на основе находок в Гумугоу, показали поразительный по древности результат: семь различных предметов были датированы XXIV – XVI вв. до н.э.! Оказывается, поселения возникли здесь очень рано, еще до того, как в районе Хуанхэ возникла династия Инь. Таким образом, Лоулань возник вне зависимости не только от караванных дорог Великого шелкового пути, но и от иньского переселения. Это же позволяет предположить, что именно лоуланьская культура могла повлиять на формирование культуры Шан-Инь, а не наоборот, и частично подтверждает предания о том, что предки правителей Шан-Инь пришли откуда-то с Запада. По сути, возникновение Лоуланя, вероятно, никак не связано с собственно китайской культурой, хотя позже Лоулань практически полностью «китаизировался»...» (Алексей Маслов, «Утраченная цивилизация: в поисках потерянного человечества. Лица древних мудрецов»,

http://www.k2x2.info/yezoterika/utrachennaja_civilizacija_v_poiskah_poterjannogo_chelovechestva/p56.php);

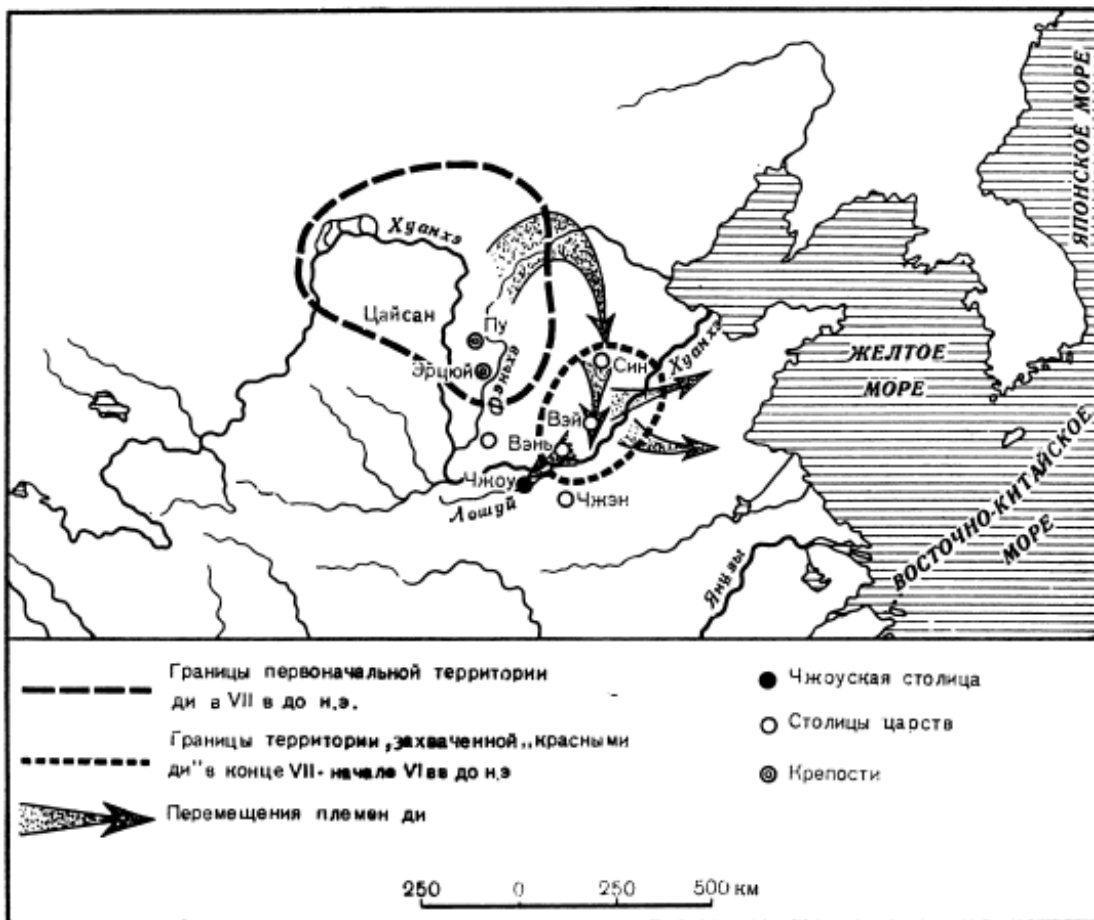
«То, на что лишь намекал академик Окладников, Петухов и Васильева не побоялись выразить открытым текстом. Они прямо говорят о том, что китайская цивилизация была создана белыми (на самом деле тёмно-краснокожими, – П.Д.) пришельцами с Запада. Исследователи развивают дальше свою мысль так: «Антропологический тип древнего населения берегов Хуанхэ был в общем тот, что и у китайцев. Однако в бассейне Вайхэ люди отличались более высоким и широким лицом... тем, чем и теперь отличается европеоидная раса от монголоидной. О том, что люди белой расы были непосредственными соседями

царства Инь, свидетельствуют захоронения в гробницах его столицы, «великого города Шан». Все дело в том, что у иньцев в ходу был обычай приносить в жертву всех военнопленных, которых им удалось захватить на поле боя. В погребениях города Шан обнаружены останки европеоидов. Исследователи полагают, что это военнопленные евразийцы, захваченные китайцами и принесенные в жертву. Однако можно выдвинуть и иную версию, которую, кстати сказать, высказывали и другие ученые, что в городе Шан открыты погребения европеоидов, принадлежавших к правящему классу – к местной родовой аристократии. Тогда становится понятно, каким образом в иньский Китай попали секреты выплавки металла, колесницы и иные изобретения индоевропейцев. Петухов и Васильева продолжают: «Надписи позднего Инь указывают, что на западе от этого государства живет племя чжоу. Чжоусцев называли «варварами». Есть все основания полагать, что чжоусцы – «варвары», принесшие с собой в Китай XI века до н.э. очередной культурный импульс, были представителями того же древнейшего европеоидного населения Центральной Азии, которое и создало неолитическую культуру Яншао... Китайские источники возводят происхождение чжоусцев и их родственников жунов к первым императорам, Хуанди и Яньди, правившим в середине 3-го тысячелетия до н.э., в период рассвета культур Яншао. Оказывается, что «варвары» чжоу и жуны происходят напрямую от добродетельных императоров, принесших в Китай цивилизацию». Таким образом, основываясь на этом тексте, можно предположить, что первыми императорами Китая были белые люди (точно тёмно-краснокожие как и все другие праиндоевропейцы, – П.Д.)» (Александр Белов, «Арийское прошлое земли Русской. Таинственные корни русичей // Куда ездили арии на своих колесницах», <http://oldrushistory.ru/library/Ariyskoe-proshloe-zemli-Russkoy--Tainstvennye-korni-rusichey/26>);

«Ди принадлежали к числу автохтонов Китая. Они составили даже ядро того народа, который в 1122 г. до Р.Х. овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу (1122 – 225). Следует добавить, что инородцев яо-мяо китайцы считают потомками чжоусцев и что за таких же потомков выдают себя и инородцы вони... Основатель династии Хань (206 г. до Р.Х.) был также человеком не монгольского типа: «Гао-ди имел орлиный нос, широкий лоб и был одарен обширным соображением», – читаем мы о нем в «Ган-му»...» (Владимир Авдеев, «Русская расовая теория до 1917 года», Т. 2, <https://www.profilib.net/chtenie/70473/vladimir-avdeev-russkaya-rasovaya-teoriya-do-1917-goda-tom-2-lib-174.php>);

«В 634 г. до н.э. между чжоуским ваном и правителем царства Чжэн возник конфликт. Честь Сына Неба была задета, и он, не обладая собственными возможностями для того, чтобы покарать мятежного чжухоу, обратился за помощью к ди. Воспользовавшись этим, ди напали на Чжэн и захватили часть его территории. Благодарный ван уже собирался в знак своей особой милости взять в жены дочь предводителя ди, как они, выступив и против вана, нанесли поражение его войску. Ван был вынужден бежать из столицы, а несколько его ближайших сановников попали в плен к ди. Это произошло через 14 лет после захвата чжоуской столицы жунами. «Жуны И и Ло» и «красные ди» были в эти годы фактическими хозяевами на территории чжоуского домена. В это же время активизировались «белые ди»,

продолжавшие угрожать Цзинь. Цзиньский Вэнь-гун, который до своего вступления на престол более десяти лет жил среди ди, добился признания себя «гегемоном», оказав помощь Сыну Неба и восстановив его в своих правах... Тем временем «красные ди» продолжали набеги на государства в восточной части Среднекитайской равнины. В 620 г. до н.э. они напали на западные пределы Лу, затем – на Ци и Сун. В 615 г. до н.э. ди вторглись на территорию Ци и, пройдя ее, опустошили луские города. На обратном пути их настигла армия Лу; в знак уважения к противнику луский полководец назвал своих сыновей именами трех взятых им в плен богатырей ди... По обычаю, наиболее высокопоставленные пленники из числа ди были убиты, а остальные превращены в рабов. Сюнь Линь-фу, главный герой кампании, получил 1 тыс. семей ди; многие ди были включены в армию Цзинь. «Благодаря вам я получил земли ди», – говорил цзиньский гун своим полководцам. Напомним, что речь шла о землях, расположенных в самом центре Среднекитайской равнины, на территории царств Чжэн, Сун и Вэй. Хотя с господством ди в среднем течении Хуанхэ было покончено, «белые ди» еще сохраняли свою независимость. Подчинение их власти Цзинь и постепенная ассимиляция относятся к несколько более позднему времени. Часть «белых ди» переместилась в это время на восток и обосновалась в районе к северу от Тайханшаня, на северо-западе современного Хэбэя. Здесь возникло небольшое государство Сяньуй, основанное «белыми ди». Этому государству, которое с начала V в. до н.э. начало именоваться Чжуншань (кит. 中山, Zhōngshān), суждено было сыграть определенную роль в политической и культурной истории древнекитайских царств периода Чжаньго.

Карта 8. Племена ди в VII—VI вв. до н. э.

Достаточно сказать, что, когда в 318 г. до н.э. пять правителей наиболее крупных царств впервые официально приняли титул вана, который до тех пор мог носить лишь чжоуский Сын Неба, в их числе был правитель Чжуншаня. Итак, нам сравнительно хорошо известна цепь политических событий, участниками которых были на протяжении VII – IV вв. до н.э. племена ди. К сожалению, сведения об их культуре, образе жизни, языке куда более фрагментарны. Это объясняет значительные расхождения во мнениях исследователей по поводу происхождения и этнической принадлежности ди» (М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров, «Древние китайцы: проблемы этногенеза», http://oldeurasia.ru/library/M--V--Kryukov--M--V--Sofronov--N-N--Cheboksarov_Drevnie-kitaytsy-problemy-etnogeneza/77);

В Ши-цзи говорится, что бэй-ди и чи-ди имеют общее происхождение от племени жун-ди, которое потерпело поражение от правителя китайского государства Цзин Ван Гуна:

«Грандиозный успех китайского этнического сдвига на север был во многом предопределен первоначальным успешным проникновением китайского элемента на все этажи государственного здания империи Чжоу, тохарской (праславяноязычной юэчжийской, – П.Д.) по происхождению своих первых властителей и опиравшейся поначалу на белые (на самом деле на тёмно-краснокожие европеоидные племена, – П.Д.) жун-ди» (Николай Лысенко, автореф. дис. «Асы-Аланы в Центральной Азии: Центрально-азиатский аспект раннего этногенеза алан», <http://www.dissercat.com/content/asy-alany-v-tsentralnoi-azii-tsentralnoaziatskii-aspekt-rannego-etnogeneza-allan>).

Славяноязычные жуны, являвшиеся предками европейских гуннов (уннов = жанэ / жанинцев), вовсе не были родственными тюркоязычным хуннам (кит. «сюнну»):

«Из-за описки или неточного выражения Сыма Цяня были попытки отождествить жунов с хуннами, но мы видим, что всюду в источниках жуны (в Европе гунны, – П.Д.) выступают совместно с ди, так что их, может быть, правильно Бичурин трактует в своем переводе как единый народ – жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чиди и цюаньжуны были одного происхождения. Жуны (жуаны = ваны; кит. «jūn» – «высокий, красивый, прелестный», «biān» – «край, граница», – П.Д.) и ди (кит. «dī» – «конец, конечный», «dǐng» – «верх, верхний, вершина», – П.Д.), по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами. Самое восточное племя их, обитавшее на склонах Хингана и Иньшаня, носило название шаньжун (*сер-жун – сяньби / сербы, – П.Д.), или горные жуны... Изменилась и идеология: «чжоусцы, затемнив представление о Шан-ди, высшем боге-мироправителе, внесли в обновленную религию натурализм и культ героев» и уничтожили существовавшие человеческие жертвоприношения. Произошло этническое смешение, в результате которого у китайцев иногда стали встречаться высокие носы и пышные бороды... Жуны (вэньоуто = венендеры = венеты – горцы; кит. «wángguān, guān» – «корона, венец», «jīān, jīānzi» – «кончик, тонкий конец», «jūn» – правитель, «jīn» – золотой, «huàn» – блестящий, «yuān» – опалённый; чамалин. «гъун», лезг. «кунтI», индонез. «gunung» – гора; эвенк. «гуңука̄вэ» – «горный хребет»; афг. «yund.эу» – «возвышение, холм»; санскр. «gaṇá» – «множество, собрание, толпа»; кит. «qún» – множество; удм. «уно» – много; маратхи, гуджар. «jūpā», яван. «kuna», индонез. «kuno» –

«старый, древний»; фин. «kunnia» – честь, – П.Д.) занимали территорию, весьма однородную по ландшафту и монолитную: на северо-западе они населяли оазис Хами, где граничили с индоевропейскими чешисцами (возможно, хазарскими предками чигов = чехов, самоназвание которых Šeši – чеши; Чешы в эпоху Хань произносилось как «ka-srij» – касир / касар = хазар, – П.Д.), обитавшими в Турфане; на юго-западе они владели берегами озера Лобнор и Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы – жокянь (или эррянь; эрзянь? – П.Д.); жунам принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Но главная масса жунских племен группировалась в Северном Китае. В провинции Хэбэй жили племена: бэйжун (они же шаньжун), цзяши (ответвление племени чиди), сяньлюй, фэй и гу (ответвления племени байди), учжун. Общее их название было – бэйди. На западе жили племена, получившие общее название жунди. Они обитали среди китайского населения, не смешиваясь с ним, в провинциях: Шэньси – дажуны (предки да-юэчжи и даваньцев? – П.Д.), лижуны, цюаньжуны; Ганьсу – сяожуны; Хэнани и Шаньси – маожуны, байди, чиди, цянцзюжуны, луши, люсюй и дочэнь. К жунскому племени принадлежали кочевые племена лэуфань и баянь (возможно, предки баяндуров и ваюнитов / баюнитов баны = фаны = ваны = вэньоуто = венеты, – П.Д.). Лэуфань («старые» ваны, – П.Д.), вначале помещались в Шаньси (в области современной Тайюань), но потом мы застаем их в Ордосе. Очевидно, именно их имел в виду Птоломей, рассказывая о народе серов, живущих по соседству с синами – китайцами»

(Лев Гумилёв, «История народа хунну», https://bookz.ru/authors/lev-gumilev/istoria-_786/page-2-istoria-_786.html; <http://gumilevica.kulichki.net/HPH/hph02.htm>; <http://gumilevica.kulichki.net/maps/hun01.html>);

«Полную определенность вносит цитата из Цзинь-шу (гл. 97), сообщающая, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами (А.Н. Бернштам, «Очерк истории гуннов», Л., 1951, с. 219), указывающая на то, что это разные народы. Однако все авторы затрудняются определить различие жун-ди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из хода истории ясно, что это различие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос точка зрения Грумм-Гржимайло, так как расовое различие, с одной стороны, очевидно, а с другой – не поддается формулировке при отсутствии научной антропологии, которой в Древнем Китае не было» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов», http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26note_13);

«Другая группа авторов предложила иную точку зрения. Известные лингвисты Г. Дерфер и Э.Дж. Пулиблэнк категорически отрицают какую-либо связь «гуннских языков» с тюркскими [Кляшторный, Насилов, 1986. С. 6]. Вслед за А. Альфельди они полагают, что гуннский язык относится к особой «вымершей лингвистической группе» [Alföldi, 1932]. При этом Г. Дерфер, И. Бенцинг и К. Йетмара считают, что европейские гунны (унны = жуны, – П.Д.) в языковом смысле не являлись прямыми потомками азиатских сюнну [Дерфер, 1986. С. 113; Бенцинг И., 1986. С. 12; Гуркин, 2005, 3,2]. В определенной мере данную позицию разделяет С.А. Плетнева, добавив ираноязычный – аланский компонент (бывший на самом деле славяноязычным; нидерл. «alleen», англ. «alone» – «один, одинокий, отличный от других», – П.Д.), вливавшийся в гуннскую орду во второй половине IV в. Так в целом выглядит историографическая диспозиция по данному вопросу. При этом следует отметить, что существующая полярность мнений не препятствует единодушному пониманию абсолютного большинства исследователей того факта, что и хуннская и гуннская (преимущественно славяноязычная и тунгусоязычная алано-жунская, – П.Д.) кочевые империи были полиэтничными и многоязычными сообществами. По мнению же Ю. Моравчика и Г. Дерфера при установлении гуннского этнолингвистического своеобразия, речь должна идти не о том, чтобы реконструировать наиболее употребимый язык многоэтничного государства, а в том, чтобы выявить преобладающий исконно гуннский компонент, это мог быть язык совсем малочисленного господствующего слоя [Дерфер, 1986. С. 82–83]» (С.Г. Боталов, «Гунны и тюрки», <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-imena-gunnov-otnositelno-odnogo-ustoyavshegosya-stereotipa-o-tyurkoyazychnosti-gunnov>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/S_Botalov_Guny_i_Tyurki.pdf).

Возможно, европейскими гуннами (др.-киев. «уннами») был лишь правящий клан (род) славяноязычных кангюйцев (кангаров) Уын / Усын или же пришедшие в Европу из Согда и Хорезма (Юебани, Арсы) вместе с другими аланскими племенами славяноязычные юэчжийские ремесленники, купцы и охранники караванов – жуны оногуры и юецзи = хорасмии / хурусы / русы, родственные как более ранним выходцам из Онсу / Вэньсу и Ганьсу кангюйским (гяньгуньским) балтоязычным жунам – троксоланам / роксоланам, янтсай = антам, ультизурам и язаматам = усуням, так и потомкам юэчжей, гяньгуней и

сяньби / сербов – славяноязычным античным германцам, аланам-торкам и жуань-жуаням:

«Появление во II в. до н.э. на территории древней авестийской «Кангхи, высокой и священной» царства Канг, скорее всего, связано с переселением сюда части юэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделивших с усунями прежние земли заяксартских и семиреченских саков. Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием – великим переселением с Востока» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226778>);

«Государство кангаров (Канг / Кангюй = Гунния / Жуния, – П.Д.) возникло в III в. до н.э. в среднем течении Сырдарьи, в районе Кангхи. Во главе этого государства стоял род Уын, происходящий из восточно-сакского (на самом деле сарматского славяноязычного жунского, – П.Д.) народа юэчжей» (Т.М. Аминов, «Ранние государственные образования на территории Казахстана», <http://mirznanii.com/a/342339-3/rannie-gosudarstvennye-obrazovaniya-na-territorii-kazahstana-3>; <http://samzan.ru/35373>; <http://library.psu.kz/fulltext/buuk/a58.pdf>);

«Унгуры (оногуры = анклии / ангуарии = англы), по свидетельству Псевдо-Захария, пришли на Кавказ из Согдианы, где их дома были разрушены землетрясением. Оногуры (оногузы = *on-oculi = an-guli / ан-глы = аримаспы [фин. «eräs» – один; скиф. «ар» – единица, «μαστός» – глаз] – одноглазые; лат. «unus», итал. «uno», валлийск., исп. «un», нидерл. «aon», англ. «one», кор. «han» – один; лат. «oculi», арагонск. «güello», гот. «augo», исл. «auga», швед. «öga», чуваш. «куç», азерб., турец. «göz», казах. «ковз» – глаза; англ. «gaze», азерб. «göz» – взор; кирг. «кара», итал. «guardare» – «глядеть, смотреть»; чуваш. «кур», казах. «көрү», узб. «кўрмоқ» – «видеть, смотреть»; исл. «enskur», венг. «angol», кр.-тат. «ingliz» – английский; итал. «inglese», рум. «englez», осет. «англис», лит. «anglas» – англичанин, – П.Д.) были хорошо известны на Кавказе задолго до нашествия гуннов (очевидно, впервые они прибыли на Кавказ в начале нашей эры в составе контролировавших торговые пути янтсай = антов и ультизуров вместе с другими аланскими = боранскими племенами и вполне возможно, что это был именно «народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей», упомянутый Псевдо-Захарием, – П.Д.). Сохранилась старинная легенда о битве великана Хоногура с персидским шахом. Когда он вызвал шаха на поединок, вызов вместо него принял армянский витязь Бабик Сюни. Он победил страшного великана и отвоевал свободу родной земле...» (Михаил Ромашко, «Таинственные оногуры», <http://zagadki-istorii.ru/civilizacii-48.html>);

«Аримаспы – скифский народ; Дионисий называет их ἀρεϊματαί или ἀρεϊμάνιοι («неистовствующие» от Ареса, «воинственные»), а Эсхил называет их «одноглазым войском» потому что они, будучи весьма искусными стрелками, для того, чтобы вернее прицелиться, закрывают один глаз. И, может быть, вследствие прележного упражнения в этом с детства, как говорят и древние, у них один глаз сделался меньше другого. А сверх того, они, естественно, рождаются с этим недостатком от ранее получивших его отцов, и вследствие постоянного повторения этот недостаток сделался отличительным признаком

племени: не иначе, конечно, говорят, произвела природа столь чудовищное племя. И самое название «аримаспов» они получили, как думает и Геродот, вследствие этого недостатка, как, можно сказать, одноглазые: ибо «ары» по-скифски значит один, а «μασπός» – глаз» (византийский комментатор античного автора Дионисия Евстафий, цит. по: Латышев В.В. «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», <http://www.bestiary.us/arimaspi/ru>);

«Некоторые ученые относят аримаспов к арийским племенам, что подразумевает их иранское (на самом деле балто-славянское, – П.Д.) происхождение. Другие придерживаются мнения, что они были тюркским народом, возможно с некоторой примесью иранских элементов. По-видимому, их можно идентифицировать с народом ву-сун (усунями) китайских хроник, говорившим на тохарском языке (на балтских, угро-самодийских и других протогермано-тюркских наречиях, – П.Д.). Эта точка зрения подтверждается тем, что основатели тагарской культуры Минусинской котловины были, скорее всего, тохарами (угро-самодийцами и балто-славяноязычными тохарами, – П.Д.). Позднее они были вынуждены отступить из Восточного Казахстана на юг, но некоторые небольшие группы могли переселиться на запад и в конце концов достичь степей Восточной Европы в составе восточных аланов» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы, древний народ юга России // Аримаспы», http://admw.ru/books/Tadeush-Sulimirskiy_Sarmaty--Drevniy-narod-yuga-Rossii/15);

«Изучив «развитие окуневской изобразительной традиции» и ее содержание, Д.А. Мачинский считает возможным сопоставить античные сведения об аримаспах и гиперборейцах с особенностями каменных изваяний Хакасско-Минусинской котловины (Мачинский Д.А., 1997). Под содержанием понимается воспроизведение на окуневских стелах эзотерического знания о «многослойном энергетическом поле человека», которое отражено также в индо-тибетской эзотерической традиции. «Единственный глаз на челе аримаспов», населявших в эпоху Аристея «северо-восточную треть Казахстана», но пришедших туда с востока (Мачинский Д.А., 1996) – ни что иное как «чакра аджна», орган экстрасенсорного зрения, воспроизведенный на минусинских изваяниях (и на статуэтках Будды, медитирующего с закрытыми глазами, – П.Д.). Таким образом, по Д.А. Мачинскому, античные авторы зафиксировали традиции эзотерических знаний обитателей уникального южно-сибирского сакрального центра эпохи бронзы, «переместившегося» в скифскую эпоху с берегов Енисея в район Алтая» (Д.В. Черемисин, А.В. Запорожченко, «Сакральные центры Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях», <http://archive.li/4Dd35>, <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/skep/cheza.html>; Дмитрий Черемисин, автореф. дис. «Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда», <http://www.dissercat.com/content/iskusstvo-zverinogo-stilya-v-pogrebalnykh-kompleksakh-ryadovogo-naseleniya-pazyrykskoi-kultu>; <https://gdz-onlain.ru/wrk/5673151>);

«Только Бакаф, некогда построенный уннугурами, был разрушен землетрясением и Согдиана испытала на себе и мор и землетрясение... Примечания: 28. ...Оногуры первоначально селились по рекам Сырдарье, Или, Чу. Продвигаясь на запад, часть их осела

на Северном Кавказе, другие же, пройдя вдоль северных берегов Черного моря, вторглись в Дакию, Мезию, Фракию» (Феофилакт Симокатта, «История», кн. 7,

<http://www.alanica.ru/library/Sim/text.htm>);

«Согласно сирийской компиляции Захарии Ритора, авнагуры-аунагуры населяли степи севернее Кавказа, ведя жизнь кочевников. Однако Феофилакт Симокатта сообщает нам, что у них были города – и в более раннюю эпоху они построили город Бакат (в Европе же ранними поселениями оногуров = утигуров = ясов были городища Салтово-Маяцкой АК и поселения оногуров = русов на Тамани и в Крыму, – П.Д.). Точнее указывает место их обитания Космография Равеннского Анонима *Ravennatis Anonymi*, который помещает *Patria Onogoria* к северу от Понта в окрестностях озера Меотида (т.е. Азовского моря). Судя по некоторым спискам епархий конца VII-ого века или начала VIII-ого века, в VII-ом веке в готской епархии существовало епископство оногурское, что свидетельствует о довольно раннем распространении христианства среди (оставшихся в Восточной Европе предков аланов-торков и аланов-русов, – П.Д.) оногуров» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья», Варна, 1987, <http://odnapl1yazyk.narod.ru/protobul.htm>; <http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimiter%20Dimitrov/Dimiter%20Dimitrov.htm>; <https://shejere.livejournal.com/45281.html>);

«Гуннские» имена готов – это как раз те имена, которыми обычно обосновывается германоязычие ряда прибалтийских племен, передвинувшихся в первые века н.э. в Центральную Европу и вошедших в гуннский союз: ругов, гепидов, герулов и др. Речь идет о многочисленных именах на «мар» (мир, мер) и «риг» (рих): Валамер, Видемир, Теодорих и т.д. Разумеется, в этих именах нет ничего (или почти ничего) тюркского. Тем не менее «гуннский» язык назван Иорданом не случайно, и этот язык не был «домашним» гуннским средством общения. Приск Паннийский (V в.) сообщает, что «гуннский» (славянский, – П.Д.) язык отличался от собственного «варварского» (протогермано-тюркского и балто-финского, – П.Д.) языка гуннов, причем, если в последнем языке можно предполагать тюркскую (очевидно, не только прото-германотюркскую, но и балто-финскую, – П.Д.) систему, то «гуннский» явно относился к индоевропейской группе. Судя по всему, это был язык общения разноплеменного коренного населения Центральной Европы (а до этого и Центральной Азии, – П.Д.), на территории которой сложилось гуннское государственное объединение. Этноним «гунны» (жуны / унны = унгары / оногуры, – П.Д.) известен в средневековой литературе в двух качествах: для обозначения пришельцев с востока (янтсай / антов, гяньгуней / кангюйцев, юэчжей = согдийцев, борканиев / болгар и других тёмно-краснокожих сарматских и аланских племён, – П.Д.) и как название какого-то европейского народа. «Норманнская хроника» (IX в.) помещает «хунов» (очевидно, потомков донских аланов-торков и родственных как им, так и другим украинцам славяноязычных предков англо-ютов, фризов и вильцев / лютичей – вилькинов / вильтинов / велетов, – П.Д.) в числе скандинавских народов. Видукинд (X в.) считал, что «гунны» вторглись из «Готии», которой традиция отводила район Прибалтики. Некоторые авторы называют «унгарами» («ункаранами», – П.Д.) славянское прибалтийское племя украин (видимо, ветвь вагров).

Название это существовало еще до того, как его получили венгры (в качестве наследников гуннов). У готов и вандалов были популярны имена типа Гунила, Гунерих, Гунимунд. Одно слово «гуннского» языка – название напитка medos – Приск приводит, и на этом основании некоторые авторы признают «гуннский» язык славянским...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Очень трудно, например, увидеть, как имя Осгуд (Osgood) может иметь отношение к человеку, если не учесть того, что, мигрируя из родных мест племени, к которому он принадлежал, его соседи сочли необходимым отличить его между собой определенным именем, назвав его Осгуд или Остгот, потому что он пришел из Ostergotland (Остерготланд) в Швеции. Все эти разноплеменные переселенцы были включены в общую категорию англ, саксы и юты, но во многих случаях в те места, которые они заняли, они переносили свое племенное имя. Рассматривая эту часть нашей темы, важно помнить, что народы и племена Германии и Скандинавии во многих случаях имели больше, чем одно имя. Жители, называемые иногда Sassi (Сасси) и Swaefas (Сваефас; очевидно, светловолосые свеи = восточные шведы, а вовсе не чёрноволосые швабы, – П.Д.), были саксами, или очень тесно с ними связаны. Другие же, известные как Hunsings (германизовавшиеся потомки славяноязычных жунов / гуннов, – П.Д.), Brocmen и Chaukians, были фризами, или их близкими родственниками. Dacians были данами, а Geats (Геты) и Gutae были ютами. Руги и вильты были отдельными венедами, у скандинавов же они назывались Windr или Wint... Вождь или староста, называемый Hundeman или Huneman соседями в пределах англо-саксонской местности Hundemanebi, теперь Hunmanby в Йоркшире, может обоснованно считаться фризом из племени Hunni или Hunsing, а поселившиеся вместе с ним люди – это были либо его семья, либо его родственники. Аналогично, там, где мы находим местность, названную венедами или вандалами, возможно, она получила свое название только по имени вождя вандалов, или сообщества родственников подвластных ему людей. Такое англо-саксонское название как Wendesworth в графстве Суррей вряд ли было получено по каким-то другим обстоятельствам, а не по имени поселившегося на южном берегу Темзы человека, называемого Вендел, ибо он был из рода вандалов или Wendish, либо из родственного вандалам рода. Название этой местности появляется гораздо раньше, чем река с таким же названием. Неважно, произошло ли это название от имени вождя венедедов, или от названия его народа. Название Вендел, вероятно, дано ему или им, из-за его или их венедедского или вандалского происхождения, народом граничных поселений графства Суррей или Middlesex, которые относились к племени иного происхождения. Этот случай с Wandsworth интересен не только тем, что его древнее название указывает на венедедское происхождения, но также в связи с обычаями наследования младшим сыном, который существовал с незапамятных времен и дошел до наших дней. В поместье Wandsworth младший сын наследовал земли отца. И это особенно интересная традиция в связи с изучением венедедов. Венедеды, которые принимали участие в англо-саксонских колонизации, были славянами смешанного славянского (кельто-балто-финского, – П.Д.) происхождения и сохранили обычай права наследования младшим сыном, который относился к древним законам наследования у славян. Поэтому очень трудно не сделать вывод, что сохранившийся

обычай подтверждает венецкое происхождение этого названия» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как веныты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венытов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю» (Гай Юлий Цезарь, «Записки о галльской войне», <http://www.litmir.me/br/?b=5584&ShowDeleted=1&p=13>);

«Пристального внимания достойны исследования генеалогического дерева супруги императора Людовика Юдит Вельф немецким математиком Г. Лейбницем. Почти четверть века с особой тщательностью великий математик Г. Лейбниц готовил этот труд. Нет повода подозревать Лейбница в тенденциозности изысканий, поскольку работа была инициирована прежде всего отказом от баснословных генеалогий самими Вельфами. Своими трудами Лейбниц доказал, что Рюрик пришел на Русь из Вагрии – страны на берегу Балтийского моря. О Рюрике упоминается в родословном дереве, созданном исследователем, поскольку им были найдены факты родственных связей. Он считает, что Вагрия – область, в которой находится город Любек и которая прежде была заселена славянами, ваграми, оботритами. «Эта Вагрия, – пишет Лейбниц, – была несколько раз покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей. Вагрия всегда была страной с обширной торговлею, даже до основания Любека, потому что страна эта лежит у входа в Ютландский полуостров и представляет возможность легкого сообщения с морем. Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести «гр», сделали из Вагрии Варяг (это не совсем так, так как словом «варяг» славяне называли путешествующих верхом на лодках; осет. «барæг», др.-укр. *барьгъ [варяг], укр. «вершник» – всадник, – П.Д.)...» (С.С. Алексакин, «Хроника Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/309986-2-rossiyskaya-akademiya-nauk-muzey-antropologii-etnografii-petra-velikogo-kunstkamera-skandinavskie-chteniya-2010.php>; http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_04.pdf);

«Между тем, в недавней работе Е.А. Мельникова, пытаюсь обосновать скандинавское происхождение этнонима *væringi*, убедительно продемонстрировала, на мой взгляд, прямо противоположное. Так, по ее мнению, имеет место «содержательный парадокс в соотношении «варяг / *væringi*» ... это слово не встречается в древнескандинавских текстах до середины XI в., ... с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Мельникова 1998: 159). И, в итоге Е. А. Мельникова, признавая «инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия», приходит к выводу: «позднее

формирование терминов варанг / вэринг в Византии и Скандинавии указывает на то, что он возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси» (Мельникова 1998: 164). Представляется, что уже из цитированного очевидна фундаментальная внутренняя противоречивость попыток скандинавской этимологии этнонима вэринг. Получается, что скандинавы, известные восточным славянам уже более двухсот лет, вдруг получают от них новое название, восходящее к самоназванию небольшой, по определению эфемерной группы, сформированной по «профессиональному» принципу, с переменным составом участников. При этом для образования самоназвания эта группа использовала «архаичный и мало употребительный суффикс -ang». Группа быстро исчезает, сами скандинавы этот «специальный термин, узколокальный» не восприняли, но славяне все же экстраполировали его в качестве названия на всех скандинавов (и не только на них), и оно в кратчайшие сроки полностью вытеснило прежнее их обозначение. На этом фоне, безусловно, гораздо убедительнее выглядит давнее предложение: «слово varag, германское по своему корню, занесено к нам с варяжского (балтийского) Поморья господствовавшими на нем славянскими племенами» (Гедеонов 2011: 122). Тем более, что «грамматическая правильность производства русского варяг от живого, по всем законам славянской лингвистики составленная, у Геннига буква в букву записанного вендского varag – varang неотрицаема» (Гедеонов 2011: 123)... То, что неясно, каким образом варины (берендеи = бэленджеры = *барангуры = бораны = ворады, – П.Д.) трансформировались в вагры – безусловно важный вопрос. Но этот вопрос вторичен по отношению к вопросу о связи варинов и вэрингов. И не может служить препятствием для рассмотрения такого соотношения» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>; <https://123ru.net/mix/60953564/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27496726>; <https://historicaldis.ru/blog/43752509735/Normanizm-vs-anti-normanizm:-kak-doyti-do-produktivnoy-diskussii>);

«После вагров, ране были, между славянами (славянизированными античными германцами кельто-иллирийцами и балто-финнами, – П.Д.), первые морские витязи. Адам Бременский ставит их, по жестокости, наравне с фемборскими ваграми: «оба эти острова (Фембра и Рана), пишет он, наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому ни проезда, ни пощады. Пленных, которых другие продают, они убивают». Бодричи и лютичи также были славные мореходцы; в особенности лютичи любили дальние плавания; не раз ходили они в Англию, уже в самое древнее время, в VIII столетии, и еще в XI они однажды снарядили корабли и поплыли туда воевать. Они, подобно ранам, славились морскими разбоями...» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», <http://flibusta.site/b/333527/read>);

«Анализируя скандинавские имена, Янцён подчеркивал, что многие личные имена очень трудны для понимания и толкования. Антропонимическая часть лексики со временем оказывалась подверженной сильному «износу», именные компоненты, составившие имя, могли настолько сократиться и упроститься, что это изменяло и внешний вид имени. Другая сложность, с которой сталкивается толкователь имен, продолжал Янцён, зависит оттого, что

старейшие имена уходят своими корнями в древнейшие представления и мировоззренческие ценности. Личные имена отражают изменения в истории культуры народа, мир его представлений и т.д. Многие дискутабельно и ненадежно. И в толковании имен, которые отражают старинные отношения, можно легко допустить ошибку. Особый и очень сложный раздел, согласно Янцёну, составляют заимствованные имена. Многие из них имеют ясное происхождение, но это касается имен, заимствованных в исторически недавнее время. Более старинные имена, заимствованные в доисторические времена, очень сложно толковать. Многие имена, пришедшие в Скандинавию в период Великого переселения народов, как правило, преобразовывались в соответствии с фонетическими особенностями скандинавских языков и приобретали облик местного скандинавского имени. При определении того, скандинавское это имя или заимствованное, было допущено много ошибок. Если какое-либо имя было найдено на древнескандинавском рунном камне, то совсем необязательно это имя следует относить к скандинавским именам. Оно может быть реликтом более древнего общегерманского (сарматского прабалто-славяно-германского, – П.Д.) антропонима, подчеркивает Янцен. Janzén A. Personnamn // Nordisk Kultur VII. Stockholm, Oslo, København, 1947. S.1-3» (Лидия Грот, «Рогволод и Рогнеда в круговороте политического мифа», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2014/02/groth-rogvobod.pdf>);

«Никифор Каллист (IV, 56), Ф. Мартин (F. Martino), автор «Сокращения римской истории», и Лучо Фауно (VIII) разделяют мнение Прокопия. И коль скоро вандалы – настоящие готы, нельзя отрицать и того, что славяне также одного племени с готами, поскольку все знаменитые писатели говорят, что вандалы и славяне были одним народом. К числу указанных писателей относится и Бьондо. В 1-й главе I декады он пишет: «Вандалы, названные так по имени реки Вандал, впоследствии стали называться славянами». Иоанн Магнус Готландский в I книге пишет, «вандалы и славяне были одним народом и отличаются только по названию». М. Адам (M. Adamo) во II книге «Церковной истории» говорит, что славяне – это те, кто прежде были (балтоязычными, – П.Д.) вандалами. Пьерфранческо Джамбулари в I книге пишет: «Варнефрид, Иордан, Мефодий и Иреникус в нескольких местах утверждают, что в своем древнейшем корне вандалы были готами, даже если впоследствии и стали крайне им враждебны, примеров чего история знает немало; и что жили они в той части Германии, где теперь Моравия, Силезия, Чехия, Польша и Русь, от Германского океана (Сарматского моря, – П.Д.) на севере до Истрии и Славонии на юге. В доказательство этого они приводят тот убедительный аргумент, что во всех этих землях говорят на одном и том же языке». То же самое утверждают Альберт Кранц в предисловии к «Саксонии» и Суффрид Петри (II), причем последний пишет: «Древние бойи были изгнаны маркоманами, то есть вандалами, которые до настоящего времени владеют Богемией, поэтому богемцы – это вандалы. Древнее название страны сохранилось, и теперь бойями называются те, кто прежде были маркоманами, или, говоря более широко, вандалами. При этом единство их происхождения подтверждает и единство языка...» (Мавро Орбини, «Славянское Царство», <http://tvoyhram.ru/stati/st96str4.html>).

Скорее всего, языком межплеменного общения (lingua franca) разноэтничного

гуннского (преимущественно балто-славянского жунского) населения Центральной Европы, на территории которой сложилось гуннское (жунское) государственное объединение, было, как и в дотюркской Средней Азии, некое общеславянское наречие, а языком общения балто-славянской знати при этом стало ещё и арго (пиджин) торговцев «Шёлкового Пути», на основе которого в Средней Азии и в Европе сформировались сначала сакские (сако-массагетские, англо-саксонские и неофризские), а позже и другие тюрко-германские наречия, а на востоке Азии – тюркские наречия. Уже:

«Клапрот... ..выразил ту мысль, что как западные Финны были германизованы, так восточные (Финно-Угро-Самодийцы, – П.Д.) – отуречены...» (К.А. Иностранцев, «Хунну и Гунны», <http://kronk.spb.ru/library/inostranzev-ka-1926-3.htm>).

На всё это указывает не только наличие как у германцев, так и у тюрков рунической письменности, возможно использовавшейся в древности ещё согдийскими (юэчжийскими) купцами, но и большое количество германо-тюркских изоглосс (схождений) (см.: «Словарь германо-тюркских архаизмов», <http://skolo.ru/genetics/191-slovat-gotsko-tyurkskih-arhaizmov.html>; Алексей Светлый, «Тайна английского языка», <http://archibastar.narod.ru/angl.htm>; Валентин Стецюк, «Чувашско-германские языковые соответствия», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic/ChuvGer.html>).

Очевидно, прагерманский язык подобно церковно-славянскому языку сначала был языком арианского богослужения и литературы у знати балтов и славян, и лишь позже был навязан ею аборигенам Северной Европы в качестве языка повседневного общения. Ведь, таким же образом был навязан позже и финно-угро-тюркскому населению Московии литературный русский язык, сформированный её тюрко- и франкоязычной знатью на основе церковно-славянского и старокиевского литературных языков.

Не исключено, конечно же, и то, что первичная европейская форма переосмысленного позже этнонима сальмы / сайримы / сарматы (др.-греч. «ψῆλός» – «один [лишь], единственный, лишённый», лат. «solus» – «один, одинокий, единственный»; др.-греч. «ὄμμα», греч. «μάτι» – глаз; др.-греч. «ψῆλὸν ὄμμα» – «единственный глаз») была всего лишь калькой с этнонима аримаспы / *саримасты.

Однако же этнонимы оногуры и англы могли означать вовсе и не одноглазые, а подобно яньцай / янтсай = антам / ἄνταи одноцветные (одномастные), а аримаспы и сарматы – даже златомастные (цвета червонного золота), в то время как этнонимы варины / варны, спалы, жуны = гунны, -гуры и -маты означали «цветные, -мастные» (санскр. «varṇa», фин. «väri», лит. «spalva» – «цвет, масть, оттенок»; кит. «cǎi / цай», англ. «dye», венг. «szín», арм. «guyn», япон. «i-ro», португал., галис. «cor», греч. «χρόμα», лат. «color», швед. «kulör», дат. «kulør», азрб. «gül» – цвет; каталан. «matís», исп. «matiz», хинди «chhata», маратхи «chaṭā», башкирск. «тәҫ», узб. «тус», шорск. «кӧс», осет. «хуыз», англ. «hue», – «масть, оттенок»; коми-перм. «гор», англ. «tone», каталан. «to» – тон). Ведь не только сословия (варны) в Индии, но и отдельные племена многих союзов племён в Азии наделялись каким-либо отличительным цветом (мастью).

Когда же население перешло к городскому образу жизни, при котором выходцы из

разных племён перемешались друг с другом, оно стало «бесцветным». К тому же во многих городах и поселениях Центральной и Средней Азии фактически стёрлись и сословные разграничения, так что их балто-славяноязычное население как бы «показачилось» и стало относительно вольным как и его германизовавшаяся знать. Вот, именно, это частично смешанное и, возможно, ставшее двуязычным население территорий проживания как балто-славяноязычных, так и тунгусо-маньчжурских и угро-самодийских жунских племён (а вовсе не ассимилированные тюрками хунну) подверглось многочисленным новациям и перебралось, в конце концов, в Европу после длительной своей миграции по просторам Азии в составе как «многоцветных», так и «одноцветных» аланских, болгарских и хазарских объединений племён:

«...одной из причин новаций были изменения природных условий, реагируя на которые население вынуждено было изменять некоторые черты своей культуры. Например, изменение доли какого-либо вида хозяйства в своей экономике и вообще всей структуры экономики. Перестройки в культуре могли быть вызваны экономическими факторами, например, увеличением спроса на какой-либо продукт, вследствие чего могло значительно трансформироваться хозяйство за счет увеличения добычи продукта, пользующегося наибольшим спросом. Нововведения в хозяйстве могли быть вызваны также внутренним развитием общества. Более того, эти новации могли вызвать миграцию части населения. Так, по мнению ряда исследователей, переход части населения культур юга Западной Сибири к кочевому скотоводству, способствовал их переселению на новые территории (Могильников В.А., 1989. С. 70-71). Внешнее давление также могло вызвать новации в культуре населения. Необходимость защищать свои жизни и свое достояние способствовало этому, военное дело было одним из наиболее восприимчивых к новациям в культуре общества, о чем свидетельствует стремительное распространение более совершенных видов оружия среди населения в древности...» (Константин Тихомиров, автореф. дис. «Миграционные процессы на территории Западной Сибири», <http://cheloveknauka.com/migratsionnye-protsessy-na-territorii-zapadnoy-sibiri>).

Окончательно же тюркизовавшееся население пришло в Западную Азию и в Европу лишь в тюркютскую эпоху, когда болгарскими и хазарскими племенами стали править немногочисленные тюркютские знатные рода. Это-то и позволило сформироваться под влиянием одного и того же этнического суперстрата прабалто-славян и на основе как преимущественно финно-угро-самодийского этнического субстрата, так и протогермано-тюркских арг его знатных родов и воинских сословий двум совершенно неидентичным этносам – сначала тюркскому в Азии, а затем современному германскому в Европе.

3.36 Первая миграция праславян на Северный Кавказ и в Европу

Из потомков прабалто-славяноязычных брахикранных серов (жун-ди), возможно вошедших после миграции на запад в сако-массагетский союз финно-угроязычных протогерманских племен, для нас наибольший интерес представляют сираки / сиургур / сарагуры (зеры / зеруяне / сериваны / цериваны / червяне / славяне и троксоланы / торки =

таркасы / циркасы / черкасы):

«Сираки – небольшой скифский (сарматский, – П.Д.) народ, перекочевавший на Кубань из Закавказья в II в. до Р. Хр. Проф. Городцов считает, что они принесли с собою особые драгоценные украшения для конской сбруи, подобные тем, которые греческие мастера вырабатывали раньше для Скифов-Сака. Они хоронили своих покойников так же, как Торки. В могильной яме, обычно с ее северной стороны, ниже дна подкапывалась камера или подбой, куда укладывали покойника, а прямо на дно могилы помещали его убитого коня. На Сев. Кавказе сираки сначала жили под властью своих князей, но со временем должны были подчиниться боспорским царям. Они постепенно перешли к оседлости, смешались с Торетами и Удзами и от III века исчезают из хроник. Древние географы указывают область их кочевий и поселений там, где позднее по свидетельству Персов располагалась Земля Касак. Тореты и Торки сохранили их погребальный обряд, а потому в археологии его принято называть «торческим» (Станислав Ежи Лец, «Исторический словарь», http://mirslivarej.com/content_his/siraki-34924.html);

«По словам древнегреческого географа и историка Страбона, аорсы и сираки «частью кочевники (очевидно, протогерманоязычные сако-массагеты и угро-финны, – П.Д.), частью живут в шатрах и занимаются земледелием (очевидно, балты и славяне, – П.Д.)». Подчинив на Кавказе скифо-кобанские, меотские и, возможно, другие племена, сарматы включали их в состав своих союзов. Археологи установили, что происходило постепенное продвижение сарматов от степей к горам (на самом же деле кроваво-красные сарматы никогда не являлись степняками, так как испокон веков проживали преимущественно в горах, в горных долинах и в предгорьях; др.-греч. «αἰματόπρος» – кроваво-красный, – П.Д.). Смешиваясь с местным населением, сарматы осваивали его хозяйственные и культурные достижения. Господство кочевников над земледельческими областями приводит, как правило, к усложнению их политической организации – к возникновению ранних форм государства. Наиболее высоким уровнем общественного развития отличались сираки, которые подчинили на Северо-Западном Кавказе земледельцев-меотов и создали свое государство. Одной из резиденций сиракских царей был город Успа, находившийся недалеко от восточного побережья Азовского моря» (М.М. Блиев, Р.С. Бзаров, «История Осетии» // «Сарматские союзы», <http://alania.clan.su/publ/4-1-0-37>);

«Сарматы никогда не были единым народом и состояли из нескольких племен, в той или иной степени отличавшихся друг от друга и чьи названия мы находим у историков древности. Было бы ошибочным считать, что сарматские племена ничем не отличались друг от друга, и представлять характерные особенности какой-либо одной ветви (как, например, искусственную деформацию черепа) общей чертой всех сарматских народов. Мы можем предположить, что каждая из основных групп сарматских племен говорила на своем собственном диалекте (и даже на собственных языках, так как ни германские, ни балто-славянские, ни, тем более, финские языки не могут рассматриваться диалектами иранского, – П.Д.), хотя точно об этом ничего не известно, поскольку письменные источники полностью отсутствуют... Из сарматских народов, оставивших свое имя в истории, можно назвать

языгов, роксоланов, сираков, аорсов и антов... Во второй половине V века до н. э. в степных районах Южного Урала появился новый расовый элемент – памиро-ферганский тип, присущий Центральной Азии, аналогичный «арменоидному» типу западных антропологов... Тот факт, что на нижней Волге сохранились в неизменном виде погребальные обряды, свойственные восточной группе предыдущей, прохоровской, культуры, заставляет предположить, что племена этой группы переселились с Южного Урала в низовья Волги. Более того, исследования черепного материала выявили, что в этой группе преобладал европеоидный брахицефальный тип, который большинство антропологов связывают с центральноазиатским памиро-ферганским типом (предком западноевропейского альпийского и украинского горидского типов, – П.Д.), распространенным среди племен прохоровской культуры... Две находки из района верховьев Днепра очень важны, поскольку они заставляют предположить, что часть сираков отступила под давлением аланов и отошла на запад. В Траянах около Балты были найдены предметы, характерные для среднесарматского периода в районе Кубани, предположительно представлявшие собой часть погребального инвентаря княжеского захоронения. Среди этих предметов были бронзовые зеркала и бронзовые чайники, а также вазы с зооморфными ручками, датируемые концом II века. Примерно тем же временем датируется другое богато обставленное сиракское царское или княжеское захоронение в кургане Оланешты рядом с Бендерами в Бессарабии, примерно в 160 км от упомянутого выше» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», http://admw.ru/books/Tadeush-Sulimirskiy_Sarmaty--Drevniy-narod-yuga-Rossii/39; <http://lib.rus.ec/b/290590/read>; <https://history.wikireading.ru/106501>);

«Основная трудность в использовании археологических материалов при изучении истории протобулгар проистекает из того факта, что вплоть до начала VIII-ого века большинство из этих племен жили как кочевники, не имея ни постоянных поселений, ни кладбищ (возможно умерших преимущественно подвергали кремации без размещения их останков в каких-либо местах массового захоронения, – П.Д.)... Самым распространенным способом захоронения у протобулгар (очевидно, преимущественно лишь у знатных родов, – П.Д.) было предание земле. Впрочем, часть (балто-славяноязычных, – П.Д.) племен, скорее не собственно протобулгар, а сопутствовавших им по дороге на Балканы, практиковали кремацию... Некоторые историки (А.П. Смирнов, В.Т. Сиротенко, А. Бурмов) даже заявляют о сарматском происхождении протобулгар... Все захороненные относятся к единому антропологическому типу – брахиокранные (короткая голова) европеоиды с небольшой примесью монголоидности. Для дунайских протобулгар характерна также искусственная деформация черепа, в некоторых некрополях ее распространение достигает до 80%... В.П. Шилов присоединяется к той точке зрения, что в позднесарматскую эпоху (II – IV вв. н.э.) группы центрально-азиатских племен проникли в нижнее течение Волги, принеся с собой особую погребальную практику. Это подтверждается антропологическими исследованиями В.В. Гинзбурга на Нижней Волге – в позднесарматскую эпоху произошло существенное изменение расового типа, свидетельствующее о проникновении туда народа, чей антропологический тип характерен для междуречья Амударьи и Сырдарьи – брахиокрания, широкое распространение искусственной деформации черепа, в некоторых случаях – слабо

выраженная монголоидность. Все это было найдено в классическом протобулгарском некрополе Зливка. Также очень важны и материалы раскопок нескольких некрополей в Бишкекской долине (Южный Таджикистан), в бассейне реки Кафир-ниган (правый приток Амударьи). Большинство могил имеют поразительное сходство с захоронениями на Нижней Волге... Еще одна важная находка была сделана в деревне Вознесенка, которая ныне входит в черту города Запорожье. Это могила с кремацией, расположенная на территории стоянки прямоугольной формы (81x51 м), укрепленной земляным валом. Сгоревшие останки, по меньшей мере, трех людей лежат вместе с сопутствующими предметами в двух ямах округлой формы, окруженных поясами из камней. Некоторые из предметов также имеют следы огня, в то время как остальные – в основном оружие и упряжь – были помещены в могилы несколько позже... Похороненные, скорее всего, были князьями варваров, погибшими в сражении в конце VII или начале VIII в. Недавно болгарский археолог Ст. Ваклинов (St. Vaklinov) выдвинул предположение, что в Вознесенке захоронен основатель Болгарского государства хан Аспарух. Гипотеза подтверждается рядом поздних болгарских легендарных источников, однако серьезных археологических подтверждений не имеет...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья», <http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimitar%20Dimitrov/Dimitar%20Dimitrov.htm>);

«Особенностью погребений зливкинского типа была распространенность там особых краниологических брахикранных серий, происхождение которых Г.Ф. Дебец и В.В. Гинзбург связали с сериями сарматских времен, прежде всего из Нижней Волги [Дебец 1948; Гинзбург 1963]. Находит аналогии с сарматскими временами и погребальный обряд родоплеменных групп, имеющих отношение к протоболгарам. В результате удалось установить те черты, которые находят аналогии лишь в особенностях догуннской эпохи (эпохи гудов / языгов, яньцай / антов, троксолан / роксолан и аланов-торков, – П.Д.): 1) брахикранный антропологический тип; 2) погребение в грунтовых ямах с заплечиками; 3) скорченные погребения на боку являлись не только женскими, но и мужскими... Погребальный обряд позднего Зливкинского могильника отличается однообразием и имеет аналогии в других синхронных ему некрополях Северного Причерноморья. Исследователь памятника М.Л. Швецов в целом назвал погребения XII – XIII вв. «могильником христиан» [Швецов 1983; Швецов 1984]. Аналогичные позднему Зливкинскому поселению и некрополю памятники располагались рядом на противоположном правом берегу Северского Донца, возле современных сел Сидорово и Маяки. По наблюдениям В.К. Михеева, эти поселения и могильники позднего салтовского населения продолжали функционировать не только в половецкий, но и в более поздний период [Михеев 1985]. Генетически связанным с этими памятниками Среднего Подонцовья оказался расположенный на левом берегу Днепра Каменский могильник, представленный 83 грунтовыми захоронениями (очевидно, потомки кутригур = уличей или же других славяноязычных полян, – П.Д.). Антропологические материалы Каменского могильника, по заключению Т.С. Кондукторовой, находят аналогии в более раннем Зливкинском могильнике хазарского времени, а также в погребениях Саркела и относятся к большой европеоидной расе. Для них характерны брахикрания черепа,

среднеширокое лицо [Кондукторова 1957]... В нашей ситуации нельзя игнорировать предположение исследователя Каменского могильника Э.А. Сымоновича, что в Каменке «антропологический тип погребенных восходит к европеоидному сармато-аланскому населению степей» [Сымонович 1956]. Интерес вызывает также и другое предположение исследователя – относительно происхождения населения Каменского могильника: «В степи, по-видимому, сменялись только основные племена кочевников... Поколения потомков древнего населения степей при этом оставались, подвергаясь ассимиляции пришлыми племенами, и постепенно меняли свой культурный облик» [Сымонович 1956]. С.А. Плетнева даже считала, что Каменский могильник оставила часть ясов (аланов), которая «продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в приднепровские земли» [Плетнева 1958]. Поэтому большой интерес представляет начало функционирования могильника. По определению А.А. Козловского, только восемь погребальных комплексов содержали материал, который позволил датировать Каменский могильник XII – XIV вв. [Козловский 1992]. Э.А. Сымонович и А.А. Козловский отметили, что инвентарь Каменского могильника во многих чертах имеет аналогии в вещевых комплексах кочевников того времени [Сымонович 1956; Козловский 1992]. Погребальный же обряд захоронений у Каменки находит соответствия в христианских могильниках Южной Руси. Поэтому вполне можно согласиться с таким предположением С.А. Плетневой: «Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганые могилы, западная ориентировка и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения» [Плетнева 1958]. Аналогичный Каменскому могильник и связанное с ним поселение были исследованы А.А. Козловским на левом берегу Днепра возле с. Благовещенка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. По данным С.И. Круц, черепа этого могильника были близки краниологическим сериям из Каменского могильника [Козловский 1992], т.е. относились к зливкинскому типу. Здесь было исследовано 41 грунтовое погребение, совершенное по христианскому обряду. В 19 погребениях Благовещенского могильника был обнаружен инвентарь, который позволил А.А. Козловскому датировать памятник XII – XIV вв. [Козловский 1992]. При исследовании связанного с могильником поселения были обнаружены два жилища, в одном из которых обнаружен датирующий материал, относящийся к XII–XIII вв. [Козловский 1992]» (О.Б. Бубенок, «Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI – XIV вв.)», <http://www.hagahan-lib.ru/library/potomki-sarmatov-v-stepyah-vostochnoy-evropi.html>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Potomky_sarmatov_v_stepiakh_Vostochnoi_Evrop_VIXIV_vv.pdf);

«[Славяне.] Народы, которые вторглись в Европу после скифских (или готских, или тевтонских) племен, назывались славянами или сарматами (возможно, «славянами» в древности величали себя не только хредготы [грутунны / гревтунги = хорутаны / хросы / русы], но и предки как балтоязычных народов, так и германизовавшихся позже велетов-русов / фризов-русов и оногуров = англов, – П.Д.). Они сформировали третью великую общность народов, появившихся на обширном германском континенте. Сарматы или славянские племена осели на территории России, Польши, Восточной Пруссии, Моравии,

Богемии и их окрестностей. Поскольку наша древняя история не связана с этими народами, будет достаточно заметить, что они достигли окрестности Танаиса на границах Европы во времена Геродота, который называет их савроматами. Этот факт дает одно твердое основание для их объективной хронологии. Геродот жил за 450 лет до нашей эры. В этот период он свидетельствует о существовании и подходе к Европе сарматских племен. Славянская группа языков – семейство языков, которые любой эксперт отличил бы от кельтского и готского. Нынешний русский (точнее, церковно-славянский, – П.Д.), как считают, является самым точным образчиком первоначального славянского языка. Поляки, богемцы, далматинцы, хорваты, болгары, коринфяне, жители Моравии и некоторые другие соседние с ними племена прежде использовали его различные диалекты. Он преобладал в тех частях Европы, где античные писатели размещали сарматов (и германцев, – П.Д.). Многочисленные племена, говорившие на славянском языке (славянизовавшиеся кельто-фракийцы, балты и финны, – П.Д.), сохраняли свое древнее название венеды ещё долго после своего вторжения в Германию в V – VI столетиях, хотя их также именовали и славянами (Slavi; в античности свавами, – П.Д.). Их успехи позволили им достигнуть пределов саксов и франков, но их завоевания были остановлены противодействием Карла Великого и собственной непрекращающейся междоусобицей» (Шэррон Тёрнер, «История англосаксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm#28);

«Сходство механизма вторжений менее цивилизованных масс средневропейского населения через Венецию и Далмацию в относительно более цивилизованные районы восточного Средиземноморья в XIII – XII вв. до н.э. и в XII в.н.э. позволяет предположить, что схожий характер имели события и в кон. VI – нач. VII в. н.э., когда массы славянского населения неудержимыми потоками стремилась в Эгеиду. Действительно, ход событий нач. VII века, отражённый в источниках, позволяет принять следующую модель (см. также Шувалов. 1998. С.18): славянские племена другувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов и верзитов, выйдя под прикрытием авар к адриатическому побережью Иллирика где-то в районе Далмации в промежутке между 594 и 610 годами, освоили строительство судов-однодревок на Адриатике. С помощью них они совершили в 614 году морской набег на юг Балкан, опустошив с моря побережье Иллирика, Эпир, Пелопоннес, Киклады, Среднюю Грецию, Фессалию и запад Малой Азии. После этого они предприняли неудачную осаду Фессалоники с целью поселиться на её землях вместе со всеми своими домочадцами. На продвижение славян именно с запада (из Далмации) указывает в источнике (Mir. St. Dem. II, 1, 179 = Свод II. 1995. С. 124-127), правда, лишь порядок перечисления опустошённых ими областей: список их в источнике идёт как бы в обратном порядке: он начинается Фессалией и заканчивается областями Иллирика и Азии, – но ведь трудно предположить, чтобы славянские набеги шли в обратном направлении из более перспективных для грабежа областей (Эгеида) к менее перспективным (Адриатика). К тому же, навряд ли славянам удалось бы спокойно освоить морское дело на берегах Македонии Фракии под самым носом у византийцев. Предполагаемое же (Свод II. 1995 (Иванова) С. 193 прим. 78) продвижение славянских отрядов на судах однодревках сначала вниз по течению Вардара или Стримона, а потом выход оттуда в открытое море – на мой взгляд маловероятен из-за отсутствия навыков

плавания в открытом море у славян внутренних территорий. Так что гипотеза о том, что эти славяне двигались в Грецию и Эпир из эгейской Македонии, на мой взгляд, слабо обоснована» (П.В. Шувалов, «Венециано-далматинское побережье и история Эгеиды», <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/shuvalov/shuv003.htm>).

Балтоязычные сарматы (предки роксолан, языгов, прусов и других потомственных балтов – савроматы и язматы = усунь) контактировали с протогерманцами ещё до нашей эры и, возможно, их знатные рода тюрко-германизировались вместе с опекаемыми ими будинами и другими сако-массагетами уже в Поволжье (или даже в Средней Азии):

«...с 4 в. до н.э. сарматы начали экспансию на север и запад от своих исконных территорий весьма широким фронтом: в Среднее Поволжье, в лесную зону России и Украины и в Центральную Европу. В лесной зоне России и Украины (от Поочья до Подесенья) обнаружено некоторое множество разнообразных изделий с сарматскими родовыми знаками, датированных более поздним временем, 1 – 3 вв. С.В. Воронятов отмечает, что зона этих находок в целом совпадает с областью иранской гидро- и топонимии в лесной зоне России, и заключает из этого, что эти названия были сделаны в начале нашей эры, то есть не в предскифский и скифский периоды, как полагалось раньше. Технология нанесения совпадает с заведомо сарматским способом нанесения тамг в области исконного обитания сарматов, что практически исключает подражание... По крайней мере, сотрудничество (славяноязычных, – П.Д.) сарматов с рядом (тоже славяноязычных античных, – П.Д.) германских племён в начале нашей эры археологически подтверждено, о чём говорят и копья «германского типа» с метками, напоминающими сарматские родовые знаки, и «погребальный инвентарь некоторых из могил... С.А. Яценко... «Но каким образом знаки собственности сарматской аристократии могли использоваться их северо-западными соседями? Ведь известно, что использование чужой тамги без санкции ее хозяина неизбежно приводило к серьезному конфликту, в том числе – к длительной войне. Ответ дает нам этнография народов Северного Кавказа, где, как удалось выяснить, сохранились преимущественно древние сарматские традиции использования этих знаков (Ibid., pp. 12-14). Судя по сохранявшемуся там еще недавно обычаю, пользоваться тамгой знатного клана могли представители других народов, которые (1) дали клятву дружбы, (2) вступили в брак с его представителями, или (3) оказались в личной зависимости от аристократа (Ibid., p. 22). В данном случае возможны как первый, так и второй варианты. В связи с тем, что доблестных воинов в древние времена было много, а делегирование клановых знаков зарегистрировано только в виде появления сарматских тамг на германских копьях, думаю, что не исключён и третий вариант» (Георгий Тележко, «Следы прагерманских миграций», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html?author>).

Славяноязычные античные германцы, пришедшие в Европу гораздо позже прабалтов, более тесно контактировали в древности не с будущими германоязычными народностями, а с иранцами, так как длительное время пребывали в Северо-восточном Иране и на юге Средней Азии. Знатные сословия славяноязычных германских племен, очевидно, пользовались в обиходе не только славянскими наречиями и протогермано-тюркским аргом (пиджином), но и

иранскими языками, являвшимися в то время языками межэтнического общения. Но всё же ментально они были ближе к индоариям, нежели к иранцам:

«Довольно значительный слой в русском языке составляют древнейшие заимствования из иранского (на самом деле, из санскрита, – П.Д.): (например: коло- кольцо- колесо-коло, товар, бурый, бык, корова, бог, хорошо, и т.д.). На территории степной и лесостепной полосы до сих пор обширно представлена иранская (очевидно, всё же балто-славянская сарматская, – П.Д.) топо- и гидронимика. Сами славяне подчеркивали свое родство с иранцами. Так, в первых строках ПВЛ указывается, что славяне звались «Нарцами» (Учитывая, что нарты эпические герои предков тюрков и иранцев Северного Кавказа это о многом говорит). Договора Украины с Польшей и Москвой начинались со слов «Мы от рода сарматского...». О близком родстве славян (точнее, славянизовавшихся финно-угров, – П.Д.) и скифов в аллегорической форме свидетельствует Иоакимовская новгородская летопись, утверждая, что «Славен и Скиф – родные братья»... Отметим, что индийские веды сохранили понятие НАР в значении «человек, муж, герой», что сближается со значением наров в северокавказском эпосе, а также с общепринятым значением морфемы «АР», которую мы считаем производной от НАР / ГАР. Санскрит сохранил и термин НАРАТА – человечество (каннада «nareta» – «седой, древний»; лит. «narsus» – «рьяный, смелый, пылкий», «narsas» – «храбро, смело, мужественно», – П.Д.), который мог явиться основой для русского НАРОД» (Рустам Набиев, «Булгар и Северная Европа», <http://www.islamrt.ru/book/bulgar.pdf> ; <https://zapdoc.site/bulgar-i-severnaya-evropa.html>);

«Ж. Дюмезиль обращает внимание на три функциональных рода в Нартовском эпосе осетин (подобно тому как это было у индоариев и у прабалто-славян, – П.Д.). Каждый род отличался своими качествами: одни были богаты храбростью, другие скотом, а третьи – умом. В генеалогических преданиях современных осетин также популярен сюжет о трех родах. Эти факты могут объяснить возникновение рассказа о трех видах и трех городах русов в арабо-персидской географии IX в. – Арсанийи, Славийи и Куйабе (соответственно в Хорезме, в Подонье-Кубани и в Поднепровье, – П.Д.)» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата», https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/132/Galkina_-_Taiiny_Russkogo_kaganata.html; <https://www.litmir.me/br/?b=9373&p=62>; <https://unotices.com/book.php?id=6326&page=62>);

«В частности, в настоящее время представляется несомненным, что языческая религия славян и связанная с ней картина мира, реконструируемая для времени перед распространением у них христианства, сложилась под несомненным иранским влиянием. Об этом свидетельствует иранский характер таких ключевых терминов, как слав. *bogъ – «бог, доля» (ср. *u-bogъ – убогий – «нищий, обездоленный»); иранск. «baga» – «бог, доля»; слав. *migrъ – «мир, согласие» (ср. многочисленные новые работы В.Н. Топорова, убедительно доказавшие связь соответствующих славянских формул с иранскими, относящимися к иранск. *mivgr- < индо-иранск. *mitr(a) – Митра, бог договоров и т.п.) и др. Последние из таких заимствований, как предполагаемые в именах богов из пантеона Владимира (Семаргль, Сварогъ при западнославянских параллелях), могут относиться к последним

векам перед принятием христианства. Такие разительные совпадения целых фрагментов текстов, как ст.-слав. «БОГА РАДИ» – Бога ради; др.-перс. *bagahya rādiy* – «бога (родит. пад.) ради» (конструкция с послелогом, в древнеперсидском имеющая эламский прообраз и связанная с аналогичными синтаксическими конструкциями в других языках той же древневосточной зоны, в которую входили и самые ранние иранские диалекты), свидетельствует о переводах целых фрагментов текстов религиозно-мифологического содержания с древнеиранских языков на раннеобщеславянский; характерно, что именно подобная фразеология, сформировавшаяся под непосредственным иранским воздействием, позднее была использована при приспособлении сакральной славянской лексики к потребностям перевода греческих текстов христианского содержания. С иранским влиянием связаны и специфические черты славянского дуализма (Вяч. Вс. Иванов, «Проблемы изучения славяно-иранских связей», <http://www.philology.ru/linguistics3/ivanov-88a.htm>).

Потомками прабалто-славяноязычных серов являлись также роксоланы (троксоланы = торки – «прокладывающие торговые пути»; тадж. «торик» – тёмный) и верхние аорсы (греч. «ἀόριστος» – «смутный, не имеющий четких границ») – антсай (кит. «Йень-Цай») = анты (древние, сильные, «высокорослые» или же «доблестные, благородные» – соответ. лат. «antiqua», итал. «antico» – древний; кит. «àn», «andan» – тёмный; пермско-марийскому *ont- – «росток, всходы, поросль»; прафинно-пермскому *antg / *ontg – «молодая трава, побег, поросль», возводимому в свою очередь к раннеиндоиранскому (urarische) *andha- – «трава, зелень, побег сомы, сок сомы»; греч. «ευνθη» – сильный; осет. «æндон», удм. «андан», коми «емдон» – сталь; др.-греч. «ἀνθος» – 1) росток, 4) цвет, отборная часть, краса, 6) блеск, яркость, сверкание, 7) высшая степень, верх; «ἀνώτερος» – высший; «ἀγαθός» – 3) доблестный, храбрый, 4) благородный, знатный (Древнегреческо-русский словарь Дворецкого // https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/11):

«Что касается антов (*антсай / янтсай / яньцай, – П.Д.), то они на страницах источников появляются еще раньше (балтоязычных античных – П.Д.) склавинов. Уже в конце IV в., накануне 376 г. (точнее неизвестно), они участвуют в неких событиях, происходящих где-то в Северном Причерноморье. Известия мы находим у Иордана (Iord. Get. 121-131; 246-250) и, частично, у Аммиана Марцеллина (XXI, 3-4), современника событий, рассказывающих о нападении гуннов, перешедших вброд Меотийское озеро (Азовское море), напавших на алан-танаитов в низовьях Дона, а затем на владения короля готов Германариха, который при этом и погиб. Затем гунны разбивают на Днестре и Атанариха, короля вестготов, значительная часть подданных которого ищет спасения в пределах Империи, перейдя Дунай в конце 376 года. Остготы (гревтунги / грутунны = хорутаны, – П.Д.), оказавшиеся под властью гуннов (жунов – вилькинов / велетов / фризов, – П.Д.), попытались освободиться и во главе с наследником Германариха Винитарием (по Иордану) или Витимиром (по Аммиану) напали на союзных гуннам антов...» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php; http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf);

«В конце XIX и начале XX в. в научной литературе получило широкое распространение мнение о принадлежности днепровских и севернопричерноморских украшений с пальчатыми фибулами готам. Однако уже в начале 20-х годов А. Ригль, отмечая, что отнесение лучевых (пальчатых) фибул готам довольно соблазнительно, тем не менее писал, что оно противоречит историческим фактам: рассматриваемые фибулы появились в Северном Причерноморье не ранее VI в., когда готы покинули эти места своего расселения. В конце 20-х годов мысль о принадлежности кладов пеньковского ареала, в том числе пальчатых фибул днепровских типов, славянам-антам (славянизированным готами балтам антам, – П.Д.) была высказана А.А. Спицыным. О славянском происхождении пальчатых фибул в Восточной Европе писал и А.М. Тальгрэн, полагавший, что их распространение отражает славянское расселение начала средневековья. Научную разработку тезис о славянской принадлежности пальчатых фибул Днепровского региона получил в работах Б.А. Рыбакова. Позднее в 50-х годах Й. Вернер, проанализировав все комплексы с находками пальчатых фибул в Европе, убедительно показал, что подобные изделия с маскообразной головкой и их дериваты были составной частью славянской (очевидно, днепро-балтской, – П.Д.) женской одежды. Типологически они существенно отличны от германских пальчатых фибул. В отличие от германцев, которым свойственно парное ношение фибул, славянские женщины носили их по одной. Последующие археологические изыскания многократно подтвердили это положение. Картография же пальчатых фибул рассматриваемых типов показывает, что они были характерны не для всех славянских племенных группировок третьей четверти I тысячелетия н.э., а только для антов... Пальчатые фибулы с маскообразной головкой и их дериваты получили широкое распространение также в Нижнем Подунавье, участие в освоении которого антами несомненно. Из основных регионов антов эти фибулы проникли в Среднее Подунавье и Балканские земли и далее на Пелопоннесский полуостров, а отдельные находки их встречены и в Малой Азии. Все это – явные следы расселения антских племен. Из Подунавья, оторвавшись от своих соплеменников, сравнительно небольшая группа антского населения (возможно, всё же славяноязычного готского и аланского, – П.Д.) вместе с германцами и аварами мигрировала далеко на север в области Мазурского Поозерья и в Юго-Восточную Прибалтику, где известно около двух десятков находок пальчатых фибул рассматриваемых типов...» (Валентин Седов, «Славяне в раннем средневековье», http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf; «Славяне. Историко-археологическое исследование // Великая славянская миграция», http://www.razlib.ru/istorija/slavjane_istoriko_arheologicheskoe_issledovanie/p6.php);

«...в Среднем Подунавье оказались восприняты сложившиеся в Поднепровье традиции антского искусства, давшие имя новой культуре. Поэтому же не повлек заметных культурных изменений последующий приход на Балканы антских (на самом деле готских, – П.Д.) племен сербов и хорватов – к тому же так или иначе вовлеченных еще в Центральной Европе в орбиту аварского культурного «симбиоза». Южнее, в Македонии, антский элемент изначально представлен, как минимум, сагудатами. Поселения и могильники, которые

можно связывать с мартыновской или балканской аваро-славянской культурой, охватывают обширную территорию. Это земли Сербии, Боснии, Хорватии, Македонии, Греции. На севере, в Сербском Подунавье, племена мартыновской культуры еще сохраняли заметные черты древнеславянского быта. Так, обитатели селища VII в. Кула жили в квадратных полуземлянках глубиной около 70 см, площадью от 6,25 до 12,25 м², с печами-каменками в углу Широко распространились на Балканах антские пальчатые фибулы и ювелирные изображения из цветных металлов «мартыновского» стиля. Самая южная из пальчатых фибул обнаружена в Спарте, самые восточные – в Малой Азии. Изделия с Балкан демонстрируют дальнейшее совершенствование умений антских мастеров...» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков // Рождение южного славянства», http://oldrushistory.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/48);

«8. Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панканы, а также племена сираков и аорсов. Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20 000 всадников (в то время когда Фарнак владел Боспором), Спадин же, царь аорсов, даже 200 000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки – по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (Страбон, «География», книга XI, глава V, <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>; <http://arshta.org/content/strabon-geografiya>);

«Аорсов, которые жили в степях Прикаспия и Предкавказья, называли «верхними аорсами». Они господствовали над западным и северным побережьем Каспийского моря и контролировали торговые пути, шедшие через Кавказ и Среднюю Азию. Могущество и богатство аорсов уже в древности объясняли участием в международной торговле. В Китае страна аорсов (яньцай = антов, – П.Д.) называлась «Янтсай» – через нее шел путь, соединявший Китай и Среднюю Азию с Восточной Европой и морской торговлей по Черному и Средиземному морям. Этот путь огибал Каспийское море с севера» (М.М. Блиев, Р.С. Бзаров, «История Осетии» // «Сарматские союзы», <http://alania.clan.su/publ/4-1-0-37>);

«Как заметил В.П. Шилов, (балтоязычные, – П.Д.) аорсы по своему местоположению были включены в трассу международного «Великого шелкового пути», простиравшегося от ханьского Китая на востоке до Римской империи на западе. В результате «в Нижнем Поволжье, Прикамье, Прикубанье и в Боспорском царстве появляются изделия ханьского Китая: шелковые ткани, нефритовые скобы от ножен мечей, зеркала и другие изделия дальневосточного происхождения». С середины I тыс. до н.э. функционировал так называемый «степной путь», описанный Геродотом: начинаясь в Танаисе, он шел вверх по Дону, поворачивал к Оренбургу и южнее Уральских гор шел к Алтаю и верховьям Иртыша.

Позже, со II в. до н.э. «степной путь» из Китая через Среднюю Азию направлялся в область Яньцай и далее к античным портам Северного Причерноморья. Нетрудно видеть, что северный степной путь пересекал территорию аорсов с запада на восток. Применительно ко II в. н.э. и ссылаясь на Птолея, Е.И. Лубо-Лесниченко пишет: «Детальное описание прикаспийских и закаспийских стран у Птолея предполагает наличие активной деятельности на северной дороге в первые века н.э.». Таким образом, «благородная» верхушка аорского общества имела все возможности считать себя таковой не только политически, но и экономически. Оседание богатств, поступавших по «степному пути», дополнялось поступлением ценных товаров из стран Ближнего Востока, о чем уже говорилось выше... По мнению немецкого востоковеда Ф. Хирта, термин Яньцай представляет китайскую транскрипцию наименования аорсов... Завершая наше изложение об аорсах и области Яньцай, следует отметить интересное свидетельство акад. В.В. Бартольда, основанное на китайских источниках: в эпоху Аттилы, – в V в. – аланы поддерживали торговые связи со своими единоплеменниками, попавшими в Китай. Купцы из страны алан приходили в китайский город Ланьчжоу. «В китайском рассказе об этих сношениях, – пишет В.В. Бартольд, – страна (славяноязычных, – П.Д.) алан, раньше называвшаяся Яньцай и Аланья, упоминается под третьим названием – Судэ; как показывает это слово, к земле или народу алан было применено как название или эпитет то же самое иранское прилагательное Сугда, более известное как название бассейна Зеравшана». Аланское название «Согда» сохранилось в названии крымского города Судака. С другой стороны, безусловный интерес представляет сообщение о купцах из страны алан, ведущих далекую торговлю с Китаем. Если это не профессиональные купцы-согдийцы, то мы должны вспомнить сообщение Страбона о караванной торговле, которую вели аорсы с Мидией и Арменией по западному берегу Каспийского моря через Дербент или Дарьял. Исторически существование таких купцов или торговцев вполне возможно – в руках аорсов-яньцайцев находился, как говорилось выше, не только этот, но и другой древний путь, ведущий из Северного Причерноморья – Танаиса через Поволжье на восток – в Среднюю Азию и Китай. Как видим, купцы аорсов-алан могли совершать весьма далекие и нелегкие путешествия на восток и юг, в страны Ближнего и Дальнего Востока» (В.А. Кузнецов, «Очерки истории алан // Племя аорсов и область Яньцай», <http://fandag.ru/load/3-1-0-30>; http://iratta.com/alans/971-01_plemja_aorsov_i_oblast_jancaji.html);

«Наконец, двойников демонстрируют карты Птолея (Птолемей работал во 2 в. н.э.). У Балтийского моря, рядом с Готией – островом готов – он изобразил сарматов-аорсов (Aorsi; балтоязычные анты и славяноязычные аланы-торки, – П.Д.), которые ранее, в 1 в. до н.э., были наиболее влиятельным племенем среди восточных сарматов к востоку от Азовского моря (у древних авторов – Меотиды) и к северу от Каспийского моря. К 3 в. н.э. упоминания о задонских аорсах из летописей исчезают полностью, а их территория в римских источниках начинает называться Аланией. Аланы в письменных источниках упоминаются с 1 в. н.э. Это находится в согласии с данными Птолея о появлении аорсов на севере в начале нашей эры и, из соображений непрерывности, говорит в пользу тождества аорсов, исчезнувших на юге в 1 в. до н.э., и аорсов, обнаруженных на севере после

исчезновения первых – в 1 в. н.э.» (Георгий Тележко, «О двойниках древних германцев», <http://www.neizvestnyi-geniy.ru/cat/literature/istor/788615.html>);

«Под абзоями и арзоями, включавшими, по указанию Плиния, многочисленные племена, по-видимому, следует подразумевать тех «верхних», т.е. «предгорных» аорсов, которые, по свидетельству Страбона, «владели обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами» (Л.А. Мацулевич, 1947, с. 132); «Господство аорсов в степном поясе Азии и Европы закончилось к середине I века н.э. Китайские хроники династии Поздней Хань (26 – 211 гг.) сообщают, что антсай (аорсы) взяли себе новое имя «ал-лан-ай» (аланы), и это заставляет предположить, что они утратили свое главенствующее положение среди восточных сарматов, уступив его (славяноязычным, – П.Д.) аланам... Аланы (потомки серов – жунов; гуджар. «khūṇḍ» – угол, «junā» – старый; яван. «kuna», индонез. «kuno» – «старый, древний»; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; индонез. «serikat», кит. «gōnghuì», чеш. «unie», англ., нем. «union», «alliance» – «альянс, уния, союз»; кор. «gong-gi», англ., нем. «ally» – союзник, – П.Д.), пришедшие в степи низовьев Волги, были арьергардом ирано-сарматских (балтоязычных, – П.Д.) народов, которые постепенно уходили из азиатских степей под давлением гуннов (славяно-, угро- и тунгусоязычных жунов, – П.Д.). Очевидно, они были смешанного происхождения (славяно-, прототюрко-германо- и угроязычными, – П.Д.). Аммиан Марцелин замечает, что аланы были ранее известны как массагеты (союз долихокранных финноязычных и прототюрко-германоязычных племен, в который позже возможно вошли и брахикранные славяноязычные племена, – П.Д.). «Множество их побед привело к тому, что они постепенно поглотили все народы, которые им встречались, и их имя распространилось на них на всех». Эти племена или народы, «хотя и живут далеко друг от друга и кочуют по обширным пространствам», «носят общее имя «аланов» вследствие сходства их обычаев, дикого образа жизни и их оружия (эвенк. «алаңа» – лук, – П.Д.)... Не существует письменных источников, из которых мы могли бы узнать о том, что случилось после того, как аланы пришли на смену аорсам, но нам известно, что несколько племен аорского происхождения (балтоязычные анты и арсии = аризанты – возможные предки ныне финноязычных эрзян, – П.Д.) отошли на запад, чтобы не оказаться под властью новых правителей. Плиний и Птолемей упоминают о присутствии народа, именуемого анты, рядом с Азовским морем, к западу от Дона. По всей видимости, это был тот же народ, что и (балтоязычные, – П.Д.) яньцай китайских хроник. Антов, которые, скорее всего, были правящим племенем, отождествляли с аорсами. Название «анты» также появляется на пантикапейской стеле III века, из чего следует, что в это время они жили где-то рядом с Боспорским царством... Другим позднейшим аланским племенем были анты, которых Иордан считает славянским (на самом деле балтоязычным склавинским, – П.Д.) народом, добавляя, что «венды (славяне) хотя и происходят от одного корня, но носят три разных имени: венды, анты и склавины». Однако это не противоречит идентификации антов как аланов (асов): сарматы (сарбаты = сербы и аланы-торки, – П.Д.), очевидно, образовывали на данной территории правящий класс, который постепенно славянизировался (точнее, славянизировал вместе с готами другие народы, – П.Д.). Этот процесс, вероятно,

завершился не ранее VI века н.э., хотя многие сарматские традиции сохранились. Среди них – (боспорские, – П.Д.) тамги и связанные с ними верования, которые передались покоренному славянскому (точнее, славянизовавшемуся, – П.Д.) населению. Герб старой русской правящей династии Рюриковичей, чьей столицей был Киев, произошел от тамги» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», <http://lib.rus.ec/b/290590/read>; <https://unotices.com/book.php?id=87274&page=22>; <https://history.wikireading.ru/106501>);

«С конца I тыс. до н.э. в Средней Азии появляется большое число подбойных и катакомбных погребений, предположительно связываемых с племенами юечжи и усуней. Связанные с данным погребальным обрядом могильники известны более чем в 140 пунктах, число изученных курганов с подбоями и катакомбами достигает 1500, причем хронологически эти могильники доходят до Vв. – эпохи «великого переселения народов». Признано, что подбойно-катакомбный обряд захоронения в Среднюю Азию привнесен извне и, скорее всего, связан генетически с сарматами (потомками да-юэчжи аланами, – П.Д.). Среднеазиатские связи алан и их пребывание в глубинах Средней Азии фиксируются не только в античную эпоху, но и в средневековье. Так, С.П. Толстов описывает средневековую крепость Алан-кала в песках Средней Азии, стоящую на большом караванном пути из Хорезма в Восточную Европу, идущем через безводное плато Устюрт. Название крепости он связывает с названием народа алан. Там же С.П. Толстов пишет о роли алан (потомков да-юэчжи юецзи, – П.Д.) в этногенезе хорезмийцев» (В.А. Кузнецов, «Очерки истории алан», http://iratta.com/alans/972-02_massagety_i_asii.html);

«Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Болота» и до реки Танаиса (Дона), который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами (ясами и аланами русами-торками, – П.Д.). Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами», кн. VIII, <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framegot41.htm>).

3.37 Загадочные акациры, вытесненные на север славяноязычными гуннами

Вместе с сарматами в низовьях Дона появляются и финноязычные акациры, входившие в союз сако-массагетских племен и возможно всего лишь родственные карпатским (марисским) агафирсам. Или это всё же – спустившаяся в низовья Дона часть все тех же самых карпатских агафирсов (акациров), мигрировавших на восток вдоль Припяти и далее вдоль верховьев Днепра, а также и вдоль Десны и Северского Донца:

«Первые из людей здесь скифы, а из скифов те, которые имеют, как рассказывают, по одному глазу – аримаспы; за ними эседоны вплоть до Меотиды (Азовского моря, – П.Д.), изгиб которой пересекает река Букес (Ногайка или же Молочная, впадающие из северо-запада в Азовское море, – П.Д.), а населяют агафирсы и савроматы; поскольку вместо жилищ у них

повозки, их называют амаксобиями. Затем к Босфору тянется поперечная полоса, заключенная между Понтом и Меотидой» (Помпоний Мела, «О Хорографии», Кн. II. (2), http://www.ruistor.ru/istochniki_ant_040.html);

«Следующей жертвой гуннов после кампании 447 года стал малоизвестный, но отважный народ под названием акациры. Мы не можем с уверенностью сказать, что это был за народ, хотя и существует несколько предположений на их счет. Предполагалось, что это были предки хазар и т. д. Но Приск говорит, что акациры были гуннским племенем, и у нас нет причины не верить ему. Можно только приблизительно определить область их проживания. Иордан сообщает, что в устье Вислы жили видиварии, восточнее, на Балтийском побережье, жили эстии, а к югу от них находились акациры. Маркварт полагает, что они жили в районе современного (и очень древнего) города Коростень на Украине, но Приск считает, что акациры населяли «Скифию у Понта Эвксинского (Черное море)», что указывает на область, расположенную ближе к Черному морю, чем Коростень. Много лет спустя, когда центральноазиатские народы двинулись в Европу, акациры стали первым племенем, выдержавшим их натиск, и дальше Приск приводит причину, почему он считает, что они были «не так уж далеки от персов». Все это указывает на то, что люди, возможно жившие на Балтийском побережье по информации источника Иордана – хотя можно полностью отказаться от его утверждения относительно их местоположения, – переселились туда с юго-востока после 448 года и в тот год жили восточнее побережья Черного или Азовского моря» (Эдвард Томпсон, «Гунны. Грозные воины степей», http://historylib.org/historybooks/_Gunny--Groznye-voiny-stepey/29);

«Научную сенсацию принесли археологические раскопки на правом берегу реки Сосна близ Ельца. По данным липецкой городской научной общественной организации «Археолог», впервые на территории Липецкой области найдены предметы быта финно-угорской народности, относящиеся к первым векам нашей эры. Это женские украшения, элементы одежды и конской упряжи – всего более 40 предметов. Остается загадкой, как они появились в раннеславянском жилище, ведь племена финно-угров проживали в основном в бассейнах рек Волги и Оки...» («Археологическая сенсация: под Ельцом обнаружены следы пребывания финно-угров (Липецкая область)», <https://regnum.ru/news/261605.html>).

3.38 Прабалто-славянская знать, контролировавшая торговые пути в Азии

Правящими (царскими) родами а, возможно, и воинским сословием, осуществлявшим также и охрану торговых караванов, у балтоязычных верхних аорсов (янтсай = антов) были Чжаову – верховная знать позже иранизовавшегося праславяноязычного юэчжийского (согдийского) мира, контролировавшая большинство торговых путей в Азии. Очевидно, именно их потомков и называли позже как аланами, так и рутенами / русами (швед. «rutt», норв. «rute», англ., франц. «route» – «путь, дорога, маршрут»; укр. «рух» – движение; лтш. «rūoss» – «подвижный, деловой»; гот. «gaus» – «слава, известность, популярность»), и тиверцами (дивными, божественными, блистающими, славными). Весьма примечательно

также и то, что не только общеиран. корень «suč-», но и др.-иран. «gauhš-», санскр. «гис-» и праиндоевроп. «div» означают блестеть и сверкать:

«В первоначальной скандинавской литературе «tyr» (множественное «tívar») есть не что иное, как мифологический термин, обозначающий просто «бога» («творца всего сущего», – П.Д.). Так Тор называется Reidi-tyr или бог с колесницей; Один называется Hanga-tyr – бог с костылем или Farma-tyr – бог с грузом. Во множественном числе мы находим Сиг-тивар – богов победы, и Валь-тивар – богов тех, кто был убит на войне (слав. Буй-гуров, – П.Д.). Слово «tívar», которое издалека подходит к латинскому «deus», значит собственно «славный» и образовано из корня, обозначающего пышность, славу, знаменитость (прото-арийское «div», блистать), которое встречаем в слове «äsc-tir», слава копья или боевая слава...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php).

И это хорошо прослеживается в процессе всей длительной сармато-аланской миграции в Восточную Европу балто-славянских племен:

«С начала III в. до н.э. начинаются военные рейды сарматов в Северное Причерноморье, идущие на фоне угасания некогда могущественной Скифии. Не ранее 2 пол. II в. до н.э. происходит переселение сарматских группировок в Северное Причерноморье. Пришельцы устанавливают свое политическое господство в Крымской Скифии. Различные сарматские группировки оказываются втянутыми в противостояние Митридата Евпатора и Рима. Тогда же начинается собственно аланский этап в истории Восточной Европы, обусловленный миграцией сюда центральноазиатских народов, среди которых, в первую очередь, выделяются юэчжи-тохары. Представители центрально-азиатского региона всегда играли достаточно важную роль непосредственно и в развитии самого сарматского мира. Наиболее значимым результатом действий алан стало воцарение их династии на боспорском престоле. В сер. I в.н.э. появляется новая волна восточных мигрантов, этнически близкая своим предшественникам и надежно идентифицируемая древними источниками с аланами. Теперь они выступили в качестве культурно-идеологического и военно-политического ядра, вокруг которого начинают складываться новые племенные объединения, в первую очередь, из этнически родственного им местного ираноязычного (на самом деле балто-славяноязычного, – П.Д.) населения. Происходившие важные изменения в истории всех ираноязычных (на самом деле балто-славяноязычных, – П.Д.) кочевников степного пояса Евразии, привели к актуализации в их среде понятия, выражаемого термином «агуа-алан», который начинает трансформироваться из социального в этнический и, в конечном итоге, становится традиционным для истории Восточной Европы, в особенности на Северном Кавказе. Представляется возможным определять протоалан (но вовсе не отождествляемых сейчас с ними долихокранных предков германцев, а именно брахикранных предков русов = украинцев – аланов-торков, – П.Д.) как верховную знать юэчжийского мира. С I в. н.э. данный социальный термин приобретает свое квазиэтническое значение в силу известных этно-политических событий, фиксируя появление на исторической арене ранних алан как представителей многокомпонентных объединений ираноязычных кочевников (на самом деле славяноязычных полукочевников, – П.Д.)» (Алан Туаллагов, автореф. дис. «Сарматы и аланы

в IV в. до н.э. – I в. н.э.: Основные проблемы этногенеза и этнополитической истории», <http://www.dissercat.com/content/sarmaty-i-alany-v-iv-v-do-n-e-i-v-n-e-osnovnye-problemy-etnogeneza-i-etnopoliticheskoi-istor#ixzz2MytuSnPH>);

«Где-то в I веке н.э. буддизм пришел из Гандхары (Пакистан) и Кашмира в Кашгар, а также из Гандхары, Кашмира и Хотана к индоевропейскому населению Крораины (современный Лоулань) – города-царства, располагавшегося близ озера Лоб-Нор к востоку от Хотана. Население покинуло Крораину из-за опустынивания окрестностей в IV веке, и большая его часть присоединилась к Хотану... Тохары принесли буддизм в Кучу и Турфан, продвигаясь вдоль северной границы пустыни во II веке н.э. Тохары были потомками юэчжи – самого восточного народа, относящегося к европеоидной расе, говорившего на древнем западном языке (на самом деле на восточных псевдотохарских и праславянских наречиях, – П.Д.) индоевропейской группы. Согласно некоторым источникам, группа юэчжи переселилась на территорию современного восточного Казахстана, а со временем и на территорию современных Афганистана и Таджикистана. Здесь они также стали известны как тохары и приняли в качестве религии сарвастиваду – ветвь хинаянского буддизма. Тохары царств Кучи и Турфана тоже следовали традиции сарвастивада...» (Александр Берзин, «Исторический очерк о буддизме и исламе в Восточном Туркестане», <https://www.rulit.me/books/istoricheskij-ocherk-o-buddizme-i-islame-v-vostochnom-turkestane-read-174443-1.html>; <https://religion.wikireading.ru/50309>; http://lib.alkar.net.ua/book/ru/_/religiya/_buddizm/berzin_aleksandr/berzin-istoricheskij_ocherk_o_buddizme_i_islame_v_vostochnom_turkestane.fb2);

«Автор раскопок Ново-Турбаслинского курганного могильника, давшего название турбаслинской культуре, Н.А. Мажитов отмечал: «По характеристике всего комплекса материала Ново-Турбаслинский могильник относится к числу типичных памятников аланских племен на территории Башкирии и Приуралья и имеет близкое сходство с памятниками аланских племен Поволжья и Северного Кавказа». Мнение о сармато-аланском происхождении турбаслинской культуры получило поддержку и в работах других исследователей. Ф.А. Сунгатов происхождение турбаслинского населения связывает с позднесарматскими племенами Приуралья, «входившими в состав европейских гуннов (славяно-, тунгусо- и угорязычных жунов, – П.Д.)». Присутствием угорских племен в составе европейских гуннов объясняется совпадение отдельных признаков погребального обряда могильников турбаслинской и саргатской культур. «Единство трех признаков (погребального обряда, материальной культуры, данных краниологии) с большой долей вероятности позволяет видеть в турбаслинском населении выходцев из среды кочевнических племен раннего средневековья с территории Волго-Донских степей, а точнее – потомков (балтоязычного, – П.Д.) позднесарматского населения правобережья Белой, которые, поддавшись общему движению гуннов, в конце IV в. были увлечены ими на запад. Миновать и остаться в стороне от этого движения позднесарматские племена, в том числе и правобережья р. Белой, не могли, так как гунны (жуны, – П.Д.), около 200 лет обитая где-то в Приуралье и, имея с ними этнокультурные связи и контакты, скорее всего, объединили их

вокруг себя в военный союз... В замечаниях к рукописи монографии Н.А. Мажитова «Южный Урал в VII – XIV веках» Р.Г. Кузеев особо выделил «мнение о том, что турбаслинские племена являются остатками сако-усуньского и сарматского населения южных степей, тюрками (или тюркизированными; очевидно, всё же, как и именковцы, балтами, – П.Д.) по языку». ...«турбаслинские племена, придя в Западное Приуралье, переходили к оседлости», о чем свидетельствует возникновение следов оседлых поселений и земледелия. Следовательно, они жили здесь постоянно и их нельзя отождествлять с кочевыми башкирами, летние пастбища которых в то время находились где-то поблизости от Южного Урала» (Игорь Антонов, «Р.Г. Кузеев о проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе», <http://vatandash.ru/index.php?article=2200>);

«Проникновение гуннов (точнее, хуннов = солнечных сюнну, а вовсе не лунных гуннов = жунов, – П.Д.) в Пиньлян и Хэси началось в первой половине II в. до н.э. Оттеснив на запад, в Семиречье и среднюю Азию, автохтонное население – юечжей и усуней, гунны, однако, не удержались на захваченной территории: начавшаяся в годы правления У-дн (140 – 87 гг. до н.э.) китайская колонизация Хэси и бассейна Тарима (*Царима / *Сарима, – П.Д.) вынудила их отступить на север. Миграция юечжийских и усуньских племен не была полной – ещё в V в. н.э. некоторые из них упоминаются в пределах древней племенной территории. В 25 – 55 гг. н.э. в Хэси, под защиту Великой стены, бегут многие роды разгромленных гуннами динлинов, ухуань и сяньби. Массовое переселение гуннских племен в этот район началось в 265 г... Если в эпоху, предшествующую концу I тысячелетия до н.э. – началу I тысячелетия н.э., Восточный Туркестан и северо-западная часть Ганьсу (Хэси), судя по имеющимся сейчас материалам, были областью индоевропейского этногенеза, то в первой половине I тысячелетия н.э. эта область становится также одним из центров тюркского этногенеза. Этнокультурное влияние Китая осуществлялось лишь в русле военно-колонизационной деятельности, с учетом постоянно меняющейся политической структуры края, и не оказало значительного воздействия на ход индоевропейского (иранского; а в доиранскую сарматскую эпоху – балто-славянского, – П.Д.) и тюркского этногенеза. Масштабы и характер происходивших здесь явлений в течение значительного исторического периода определялись в основном общим ходом исторического процесса в Средней и Центральной Азии» (С.Г. Кляшторный, «Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина)», <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1965.htm>).

Знатные рода балто- и славяноязычных юэчжи = гутиев / *утиев: гяньгуней, кангюйцев, хотанцев, хорезмийцев, кидаритов (парканов / борканиев = баргал / болгар: утигуров и котрагов / кутригуров = угличей / уличей из Парканы = Ферганы, а кудар / *кузар / хазар из Хутталана), и конечно же самих согдийцев (да-юэчжи = су-гутов / су-джата – больших юэчжи / гутиев = *утиев = ядавов = адаби = адами), занимавшиеся международной торговлей шёлком (исп. «seda», нидерл. «zijden», вал. «sidan», лтш. «zīds») и другими товарами, а также и служившие им воинские сословия и полиэтничные воинские формирования, охранявшие торговый «Шелковый путь», очевидно, использовали для воспитания своих детей также и китайские, и иранские наречия. Эти наречия наряду с

праславянскими являлись в древности языками международного общения (*lingua franca*) в Ганьсу, Турфане, Яньци (Карашаре), Хотане (тиб. Hutēn, Huden, Huthen, Yvuthen / перс. Xutan / совр. кит. Hétíán; санскр., хинди, гуджар. «gāti» – «путь, движение»; лтш. «gaita», англ. «gait» – «движение, походка, темп»; англ. «go», лит. «judesys», лтш «kustība» – движение; др.-киев. Хотѣнь, укр. Хотин – приграничный город; укр. «кут», хинди «kōṇa» – «угол, удалённый край» [ср. «медвежий угол»]; укр. «готар» – «межа, граница»; хутор – «выселок, внешнее поселение»), Согде, Кангюе, Хорезме, Хазарии (*Кударии) и в других восточных государствах, расположенных вдоль «Шёлкового пути». К тому же из-за отсутствия у разрозненных прабалто-славянских племён своей письменности их знать вынуждена была пользоваться и в обиходе (для хозяйственных записей, переписки) тохарскими (агнинской = карашарской и кучанской) или же другими индо-иранскими (согдийской, хорезмийской и хотанской [Khotanese] = хотаносакской) письменностями:

«Алфавит древнейших согдийских документов принадлежит к числу алфавитов семитического, точнее арамейского происхождения, постепенно распространявшихся из Передней Азии через Персию на восток. От иранских народностей это письмо перешло к туркам. Древнейшие известные нам датированные памятники турецкой письменности – надписи турецких ханов VIII в., найденные в Монголии; есть основание полагать, что некоторые из недатированных надписей относятся к VII в. Доказывают, что первообразом письма этих надписей является среди известных нам арамейских шрифтов письмо аршакидских монет; в этом можно найти подтверждение свидетельства китайских источников о том значении, которое имели парфяне в истории торговых сношений Китая с Передней Азией. Находят также сходство между древнейшим турецким письмом и древнейшим согдийским, но только сходство, указывающее на происхождение от общего (возможно, псевдотохарского или же не сохранившегося праславянского, – П.Д.) источника. Более тесно связано с согдийским алфавитом второе по времени турецкое письмо, так называемое уйгурское, распространение которого относится, по-видимому, к VIII и IX вв. Распространение арамейских шрифтов среди иранцев и турок Средней Азии, как некогда распространение финикийского шрифта вдоль берегов Средиземного моря и Индийского океана, было, конечно, связано с развитием торговых отношений; впоследствии» принятие того или другого алфавита находилось также в зависимости от религиозной пропаганды, причем, однако, ни индийские алфавиты, принесенные буддистами, ни курсивный арамейский шрифт манихеев, ни первоначальное общее письмо христиан-сирийцев (эстрангело), ни вероисповедные алфавиты сирийцев-несториан и яковитов не могли вытеснить возникшей независимо от религиозной пропаганды согдийско-уйгурской грамоты, получившей применение при записывании религиозных текстов – буддийских, манихейских и христианских. Только много веков позже эта грамота была вытеснена на западе арабским алфавитом, на востоке – тибетским; .последним следом существовавших некогда торговых сношений являются алфавиты монгольский и маньчжурский, причем маньчжуры своей грамотой обязаны монголам, монголы – уйгурам, уйгуры – согдийцам. Культурная деятельность последних и их мусульманских потомков – сартов (возможно, потомков сяньби / сербов – *сорбов / сортов, – П.Д.) – вдоль караванных путей Средней Азии мало уступает культурной деятельности финикийян вдоль путей морской торговли» (Василий Бартольд,

«Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана»,
<http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=81>);

«Владение Яньци расположено к югу от владения Чэши... Умерших сжигают (в отличие от саков и иранцев, – П.Д.), а затем хоронят. Согласно обычаю траурные одежды снимают по прошествии семи дней. Все мужчины стригут волосы и носят украшения (очевидно, шикханду – хохол и серьгу, – П.Д.) на голове. Письмена одинаковы с индийскими... По существующим обычаям любят виноградное вино и музыку...» («Вэй-шу» [История династии Вэй], <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/IV/380-400/Vejsu/frametext11.htm>);

«Хотанская письменность произошла от индийской, но в ней, как и в тибетской, для написания длинных санскритских гласных используется 'a-chung, а собственные гласные помещены в конец алфавита...» (Александр Берзин, «Исторический очерк о буддизме и исламе в Восточном Туркестане», <http://flibusta.site/b/190255/read>;
http://lib.alkar.net.ua/book/ru/_/religiya/_buddizm/berzin_aleksandr/berzin-istoricheskij_ocherk_o_buddizme_i_islame_v_vostochnom_turkestane.fb2);

«Население Восточного Туркестана занималось земледелием на небольших участках аллювиальной почвы, расположенных вдоль Тарима и далее к северу вплоть до предгорий Тянь-Шаня в Джунгарии. По своей этнической принадлежности оно было связано с древним населением Средней Азии, в первую очередь Семиречья, т.е. с саками (а также с балтоязычными усунями и со славяноязычными юэчжийцами, – П.Д.). В области культуры многочисленные нити связывали также жителей Восточного Туркестана с саками. Так называемые сакские документы из Хотана, написанные индийским письмом карошти, позволяют заключить, что население западной части Восточного Туркестана говорило на индоевропейском языке восточноиранской группы (сформировавшемся финно-угро-самодийском этническом субстрате под влиянием суперстратов балто- и славяноязычных жунов, – П.Д.). Далее на северо-восток, в районе Кучи, Кашгара и Турфана, был в употреблении другой язык, принадлежащий к западной группе индоевропейских языков (очевидно, праславянский и сформировавшиеся на нивхском субстрате псевдотохарские языки, – П.Д.). Города-государства Восточного Туркестана имели важное значение благодаря своей посреднической роли между Востоком и Западом: именно здесь, вдоль южного края Тянь-Шаня и северного края Кунылуна и Алтынтага, по предгорьям, где легче было найти воду, шли древние торговые пути, соединявшие Средиземноморье, Парфию и Среднюю Азию с Китаем...» («Всемирная история // Племена и народы Центральной Азии», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st062.shtml>);

«На этом (хотанскм, – П.Д.) языке говорили (а, возможно, лишь вели свои записи грамотные хвалены = хвалиссы = славяне, – П.Д.) в древнем Хотанском царстве, называемом

по-санскритски Гаустана, а по-тибетски Кху-тхен; самоназвание царства – Хватана (позже Хвалена), а форма прилагательного в именительном падеже единственного числа хватанаи (позже хвамнаи). Большая часть сохранившихся хотанских рукописей была найдена в Цянь-фо-дуне («Пещерах тысячи Будд») в Дунь-хуане (Ганьсу, северо-западный Китай)... Имеются указания, что писать на хотанском языке начали во Пв. н.э. (возможно, когда он был ещё близок к санскриту и к балто-славянским пракритам, – П.Д.), но сохранившиеся рукописи относятся к гораздо более позднему времени – IX или X в., лишь самые ранние из них могут быть предположительно датированы VIII или VII в. «Совершенно очевидно, что алфавит брахми был приспособлен к этому языку задолго до того, как были написаны древнейшие из известных нам рукописей, и его адаптация основывалась на произношении санскрита и пракритов (постепенно иранизовавшихся прабалто-славянских гутаров / гвар / говоров; санскр. «kathā» – разговор, – П.Д.), распространенных тогда в Хотане» («История книги // Североиндийские письменности (IV – XIV вв.)», <http://maxbooks.ru/alphabet1/diringer53.htm>);

«У литовцев произошло обратное. Язык не распространился, и те, кто говорит на нем в настоящее время, являются, по всей вероятности, прямыми потомками людей, говоривших на литовском языке две, а может быть, и три тысячи лет тому назад (очевидно, это всё же не так, так как все прямые потомки брахикранных балтоязычных савроматов – западные балты были ассимилированы славянами и современными германцами, – П.Д.). Из этого произошло то, что грамматические формы в нем уцелели в степени гораздо более заметной, чем в каком-либо другом из существующих арийских языков. Между существующими языками один литовский язык сохранил двойственное число и старинное склонение. Его фонетическая система не ниже такой же системы санскрита; а в некоторых отношениях даже более архаична, хотя санскритская литература почти на три тысячи лет старше литературы литовской, ведущей свое начало лишь с начала восемнадцатого века... В общем выводе языки, наименее изменившиеся, суть литовские, языки, изменившиеся наиболее, суть тевтонские. Почти во всех отношениях языки короткоголовых народов Центральной Европы: литовский, славянский, кельтский, умбрийский, латинский и греческий-дорийский, ближе подходят к первоначальному арийскому типу, чем тевтонский, язык длинноголовых обитателей берегов Балтийского моря. Таким образом, казалось бы, что литовцы имеют наибольшие права быть представителями первоначальной арийской расы, так как их язык представляет меньше фонетических потерь, проистекающих от приобретения различными народами чуждого им языка» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Санскрит – это прекраснейший из всех земных языков, язык традиционной индийской культуры, язык подавляющего большинства философских, религиозных, литературных и научных сочинений вплоть до 18 века, живой до сих пор. ...в отношении лексики из европейских языков наибольшее сходство с санскритом имеет литовский язык, в нем 80% корней имеют этимологическое соответствие с санскритом, а в русском только 30%» («Санскрит – язык богов», <http://www.mahadevi.ru/sanskrl.html>).

Знать удалившихся в Европу балто-славяноязычных юэчжийцев / *утиев / гутиев = готов = гудов (англ. «kudos», лит. «guõdas», лтш. «gũods» – «честь, слава»; лтш. «godu» – честь; санскр. «суджата» – «благородный, статный, красивый») – знатные рода язаматов = усуней, языгов = гудов, троксолан / роксолан, антов (янтсай / янцай из Янцы = Карашара), венендеров / венедов (вэньоуто из Вэньсу = Уч-Турфана), вагров, варягов, варнов = ободритов, драгувитов, дреговичей (венг. «derék» – «достойный, славный»), тервингов = червян = сербов, гревтунгов / грутуннов = хорутан (санскр. «kīrti» – «известность, слава»), фризов = хросов / русов, контролировавших торговый «Восточный путь» (Austrvegr) постепенно перешла на воспитания своих детей с близких к санскриту тохарских (юэчжийских), хотаносакских (восточно-иранских) и славянских (да-юэчжийских) языков на протогермано-тюркские аргы, сформировавшиеся к тому времени на основе жаргонов воинских и купеческих сословий и использовавшиеся наряду со славянским lingua franca для межэтнического общения в европейских государствах, расположенных вдоль «Восточного пути». Однако же и переставшая заниматься преимущественно торговлей и перешедшая на воспитание детей на языке простонародья польская знать всё же сохранила воспоминания о своем сарматском прошлом и стала величать себя шляхтой (польск. «szlak», укр. «шляк» – «след, тракт, дорога, кайма, край»; укр. «шлях» – путь; чеш. «žíla» – «жила, кровеносный тракт»; лат. «circulatio» – «циркуляция, обращение»; ирл. «sluag» – «отряд, войско»; жем. «slaugýti», «slaugaŭ» – «поддерживать, помогать»; русск. «услуга» – «одолжение, помощь, угождение, благодеяние»; казах. «серік» – товарищ; исл. «silki», лит. «šilkas» – шёлк).

Это были люди торгового или же «шёлкового» пути (вечные странники – шляхтичи), постоянно «циркулировавшие» по замкнутым торговым трактам (шляхам) и являвшиеся знатными родами, торговыми и воинскими сословиями (гвардейцами, охранявшими караваны и торговые станы) не только постепенно иранизовавшихся азиатов тохаров (согдийцев = да-юэчжи), таджиков (сяньби = сербов / сорбов = сортов / сартов и вэньоуто = венетов), хотанцев (хватунов = хваленов) и хорезмийцев (хварезмийцев = хвалисов = хвалынцев), но и родственных им «хвалёных» балто-славян, избежавших как иранизации, так и тюркизации лишь благодаря своей иммиграции в Европу:

языгов = гудов / готов (др.-инд. «gātùs» – дорога; англ. «goods», норв., швед. «goods», нем. «güter», «gut» – товар; лит. «gauti» – получить; англ. «get» – «владеть, обладать, добывать»; нем., норв. «handel», башк. «һатыу» – торговля; гот. «gud(a)-wabi», праслав. «гъдвабье», чеш. «hadvabi» – шёлк; лит. «juodas» – чёрный; словен. «gódən» – «ранний, зрелый»; чеш. «hodný» – «пригодный, достойный, способный»; укр. «кут» – «угол, удаленная местность»);

ясов = утигуров (санскр. «uddesha» – «край, местность»; каннада «aḍḍa» – сторона; др.-киев., серб. «уд», словен., босн. «ud» – конечность; санскр. «udī» – «отправляться, идти»; «восходить, подниматься» [о небесных светилах]; лат. «iter», швед. «sätt», чеш. «cesta», венг. «út» – путь; тадж. «савдо», казах. «сауда» – торговля);

троксолан / роксолан, дербиков = сартов, тервингов / червян = сербов, травунян / тревунян, требовлян, драгувитов, дреговичей, тиверцев = *тьуорцев [согд. «twrk» – «творцы–металлурги, кузнецы»], торков = *туорков = таркасов / черкасов = *тиркасов / циркасов и

турпеев – турфанцев (итал. «таркас» – черкас; арм. «drsi» – «внешний, открытый»; исп. «tráfico», англ. «trade», лтш. «tirdzniecība» – торговля; фин. «turku», лит. «tuĩgas», лтш. «tirgũ», праслав. *търгъ – «торг, рынок»; шор. «торғу», тюрк., монг. «торго / torga», «torgu» – шелк; латгал. «tuorps», лтш. «tārps» – червь; тадж. «торик», пушту «tor», прото-герм. *derkaz, ст.-англ. «deorc», англ. «dark», лат. «atra», праслав. *тсермь, польск. «ciemny», в.-луж. «śěmny», н.-луж. «śamny» – «тёмный, чёрный»; датск. «sort», азерб. «çirkli / чиркли» – чёрный; арм. «darbin», лат. *taber, «faber», итал. «fabbro» – кузнец; лит. «dirbinys», шорск. «табар», праукр. *добро – «изделие = творение, товар»; укр. «добірні = добрі речі», «добро» – «отборные, подходящие, полезные вещи»; турец. «tobra», кр.-тат., ног. «дорба», укр. «торба», «торбина» – «сумка, котомка» [для товара; путника]; венг. «társ», лит. «draũgas» – «спутник, товарищ»; англ. «truck» – «обмен, телега»; лит. «trasa, trekas», англ. «track», тадж. «роҳ» – «трасса, тракт, путь, дорога»; чеш. «tulák», польск. «tułacz», беларус. «туляга» – «странник, скиталец, бродяга»; санскр. «śaraka» – путник; англ. «trek» – «путешествие, поход, переселение», «tour» – «турне, путешествие, поездка, цикл, круг»; итал. «tornare» – «возврат, возвращение»; франц. «tracé», серб. «траг» – «след, тракт, трасса, тропа, дорога, путь»; тадж. «раг / *траг» – «жила, кровеносный тракт»; др.-греч. «δρομάς» – «бегущий, мчащийся»; болг. «тръгвам» – «идти, двинуться, начать»; русск. «трогаться» [с места, в путь]; санскр. «tur» – «бежать, торопиться, спешить», «turaṇya» – «быть быстрым»; ст.-слав. «драгъ», ирл. «daoire» – дорог; лат. «torus» – «возвышение, выступ, подъём»; кит. «tū» – «выступать, выпуклый»; англ. «trough», нидерл., исл., нем. «trog», швед. «tråg», рум. «troacǎ» – «котловина, впадина, желоб»; чагат. «jaγu», алт., леб., крым.-тат., тат., турец. «jaγuk», шорск. «чарық», узб. «тиркиш» – «трещина, щель»; тадж. «дара», англ., франц. «gorge», арм. «kirch» – ущелье; лат., англ. «drift» – «дрейф, снос, течение»; эст. «tee» – «дорога, путь»; укр. «тор» – «колея, проложенная дорога»; «торити» – торить [творить себе путь]; «твір» – «произведение, творение»; «торкати» – трогать, «торкнутися» – коснуться, «вторгнення» – вторжение; лат. «circulatio», алб. «qarkullim», лит. «tiražas», лтш. «tirāža», груз. «tirazhi» – «циркуляция, обращение, тираж»);

янтсай = антов (др.-греч. «ἄνθος», лесб. «ἄννα» – «цена, плата»; др.-греч. «ἀντί» – «в обмен, в обмен»; греч. «ἀνταλ» – обмен; нем. «händler» – «торговец, дилер, купец, продавец, коммерсант»; нем. «hand» – «рука, кисть руки, ладонь [конечность]»; швед. «hands» – «кончики пальцев»; алб. «anë», нидерл. «kant» – сторона; швед. «ände», дат. «ende» – конец; кр.-тат. «anat» – путь; тамил. «āṇṭa» – правитель, «āṇṭakai» – рыцарь);

баргалов / болгаров, барангуров = беленджеров = берендеев, ворадов / боранов, вагров = варягов / вэрингов, вэринов = варинов = ободритов, варнов (хинди «mārga», нем. «weg», исл. «vegurinn» – «путь, дорога, маршрут», эст. «vaga» – «имущество, собственность»; нем. «ware» – «товар, изделие»; англ. «wares», нидерл. «waar», швед. «vaga», лит. «prekė», лтш. «prese» – товар; англ. «bargain» – «торг, сделка»; укр. «борг» – долг, «баритися» – медлить [с возвратом долга], «ворочати» – возвращать [долг]; беларус. «вяртацца» – возвращаться; укр. «баріш» – «нажива, выгода, польза», «навар»; русск. «барыга» – «перекупщик, спекулянт»; кирг. «baγuŕ» – «поход, поездка»; венг. «barát» – «друг, товарищ», англ. «party», «pal» – «партнёр, соучастник, товарищ»; англ. «product» – «продукт, изделие»);

рутенов / русов / хурусов, хорутан = грутуннов / гревтунгов, кроатов / хорватов, ругов

(бенг. «rāstā», исп. «ruta», швед. «rutt», норв. «rute», «ruten», англ., франц. «route» – «путь, дорога, маршрут»; арм. «ерак», тадж. «раг» – «жила, вена, кровеносный тракт»; лат. «gyrationis», «rotationis» – вращение; укр. «рух» – движение; лтш. «gūoss» – «подвижный, деловой»; санскр. «kārya» – дело, «kartāg» – «создатель, творец, деятель, вершитель»; гот. «гаус» – «слава, известность, популярность»);

северян / сиверцев = суваров = каваров = кауравов (предки которых, как и предки хурусов / русов и гревтунгов / грутуннов = хорутан, проживали ранее в Хорезме / Хварезме / *Суварезме и в Гарде / *Гуарде / *Суварде; англ. «guards», хинди «gaard», турец. «gard», чеш. «garda», ирл. «gardaí», венг. «gárdisták», фин. «kaarti», алб. «goje» – «гвардия, охрана»; нем. «hüten», нидерл. «hoede», япон. «gādo», кор. «gadeu» – охрана; гот. «гарда», нидерл. «gezin», англ. «house» – семья; и.-е. «хот, хат, кот, кат» – «жилище, дом, селение»; хинди «savāga», тадж. «савора», узб. «suvori», франц. «cavalier» – всадник);

венедов (лат. «veniō» – дорога; лат. «vena», англ. «vein» – «вена, кровеносный тракт»; др.-киев. «вѣновати», «вѣнити» – продавать; лат. «vēnum» – продажа, «vendo» из «vēnum dō» – продаю; исп. «vendedor» – продавец; санскр. «ванидж», каннада «vaṇika – торговец; санскр. «vāṇijya» – торговля; укр. «вантух» – «тюк, мешок», «вантаж» – груз; англ. «van» – «телега, фургон»; нем. «wandern» – странствовать; фин. «vene» – лодка; перс. «bende» – слуга);

«Итак, вырисовывается следующая картина: к востоку от Норвегии лежат Швеция, Вендланд, Гардарики (Русь); к югу – Дания, Саксония и опять же Вендланд; к западу – Оркнейские острова, Ирландия, Англия. Двойственно положение Вендланда (земли вендов – прибалтийских балто-славян), вероятно, потому, что он лежит к югу от Скандинавского полуострова, рядом с «южной» Данией, но при этом венды традиционно входят в число «Austrvegmenn» («людей, живущих по Восточному пути»)...)» (Т.Н. Джаксон, «Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава», <http://norse.ulver.com/articles/jackson/space.html>);

«В «Обзоре» говорится, что Ингигерд, дочь Олава Шведского, была отдана в жены «Яритлаву, конунгу Восточного пути (Jaritláfi Austrvegs konungi)» [Ágrip, 27], которого Снорри в «Круге земном» называет – «Ярицлейв, конунг с востока из Хольмгарда (Jarizleifr konungr austan ór Hólmgarði)» [ÍF, XXVII, 147]. В «Обзоре» также повествуется о том, как родовитые норвежцы отправились за Магнусом, сыном конунга Олава, воспитывавшимся на Руси, «в Восточные пути к конунгу Яритлаву (sóttu í Austrvega til Jaritláfs konungs)» [Ágrip, 34]; герои «Гнилой кожи», обсуждая целесообразность поездки «в Восточный путь (í Austrveg)», высказывают опасение, что препятствием окажется «немирье» (отсутствие торгового мира) между конунгами Ярицлейвом и Свейном [Msk., 3]. Таким образом, можно утверждать, что на втором этапе своего развития, зафиксированном в ранних королевских сагах, топонимия с корнем aust- отражает (естественно, не точно хронологически) существование Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки» и роль Руси на этом пути» (Т.Н. Джаксон, «Austrveg – «Восточный путь» скандинавских викингов», <http://norse.ulver.com/articles/jackson/austr/chapter3.html>);

«...в Западной Европе, где титулованию придавалось особенно большое значение,

русские князья неизменно называются «королями», тогда как, скажем, польские князья лишь «герцогами». Адам Бременский и Гельмольд специально отмечают, что у западных славян «королей» имеют только руяне (русы) с острова Рюген. Королевское достоинство всех русских князей уходит, следовательно, в уже забытую древность, видимо, в ту пору, когда дунайские руги получили статут федеративного по отношению к Риму королевства. По договорам 911 и 945 годов видно, что главными занятиями «рода русского» были война и торговля. В договоре Игоря названо 25 послов от княжеской семьи и бояр, причем от каждого индивидуально, и еще 26 послов-купцов, представляющих, видимо, остальных русов – торговцев и ремесленников. Многочисленное посольство в данном случае свидетельствует о противоречиях в корпорации, претендующей на первенствующее положение, о слабости самой княжеской власти, а также о господстве в рамках корпорации частной собственности. В сущности, у этого рода не было никакой общей собственности, если не считать притязаний на обладание славянскими землями по пути «из варяг в греки», что в X веке означало сбор дани и замену в некоторых случаях местных княжеских династий сыновьями киевского князя» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X, Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=8>);

«Не случайно арабы знали только одних европейских купцов, плававших по Дону и Волге, Черному и Каспийскому морям, а также посещавших Багдадский халифат, – русов. Эти выходцы из «отдаленнейших пределов страны славян» (то есть из славянского Поморья) везли на восточные рынки рабов и пушнину. До Багдада русы добирались на верблюдах. Переводчиками им служили славянские слуги-евнухи. Интересно, что на территории халифата русы выдавали себя за христиан и платили подушную подать (вместо обычной десятины), что, по-видимому, сильно сокращало торговые убытки от таможенных поборов... Этническая принадлежность русов была засвидетельствована арабскими писателями со всей определенностью: «Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян» (Ибн Хордадбех, вторая половина IX в.)... Русы («славяне от ругов», по определению таможенного устава) появлялись в Баварской марке главным образом в качестве купцов. Их торговый путь пролегал с берегов Балтики по Эльбе и Одру до Праги, а из нее по Влтаве до дунайских городов Баварской марки – Раффельштеттена, Энса, Линца, Пассау, Регенсбурга и др. Например, у ободритского Велиграда (Мекленбурга) на Балтику выходила трасса, которая вела на юг, в Подунавье через Шверин–Магдебург–Галле–Прагу. Эта трасса по всей своей протяженности с построенными на ней плотинами и мостами впервые описана в 965 г. Ибрагимом ибн Якубом... Конечной целью «русских» купцов были византийские рынки. По свидетельству Ибн Хордадбега, купцы «ар-рус» «доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому [Средиземному] морю. Владетель ар-Рума [Византии] взимает с них десятину». Эти «окраины» вкуче с мечами («франкскими» мечами, как уточняют другие арабские писатели, то есть перекупленными русами у франкских торговцев оружием из государства Каролингов) достаточно ясно изобличают в «купцах ар-рус» поморских русов, освоивших к тому времени центральноевропейский путь «из варяг в греки». Через «страну славян» (славянское Поморье) они поднимались по Эльбе и Одру к Дунаю, где попадали под действие

Раффельштеттенского таможенного устава; двигаясь далее на юг, они выходили к берегу Адриатики и заканчивали свое путешествие в торговых центрах Греции или в самом Константинополе. Это и был настоящий средневековый путь «из варяг в греки»...» (Сергей Цветков, «Древние русы – воины и торговцы»,

http://zaist.ru/news/proiskhozhdenie_rusov/drevnie_rusy_voiny_i_torgovtsy/);

«Не удивительно (и весьма многозначительно), что франкские источники начала IX в. представляют славян монополистами заморской торговли. Неудивительно также, что кладов арабских монет VIII в. еще больше на Волжско-Ладожском пути. В итоге же топография кладов прямо-таки накладывается на карту расселения варягов, нарисованную русским летописцем...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа // Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем»,

<http://oldru.com/nachalo/22.htm>);

«Среди варварских серебряных монет [скеаттов], которые тогда обращались в Англии, значительное число отчеканено с названием Лондона. Многие из них были найдены в местах древних поселений (велетов / вильцев, – П.Д.) в Голландии и составляют древнейший признак торговых отношений между Англией и континентом. Фризы (германизовавшиеся брахикранные потомки славяноязычных грутуннов и велетов / вильцев, а также балтоязычных фрисов / прусов и роксолан – хросы / русы, – П.Д.) слыли наиболее предприимчивыми германскими торговцами раннего средневековья, и не может быть ни малейшего сомнения в том, что их связи с Англией, проиллюстрированные этими монетами, считались давними уже тогда, когда чеканились самые ранние из них» (Фрэнк Стентон, «Англо-саксонская Англия»,

http://britanniae.ru/reconstr/frank_stenton/frank_stenton_ASA_02.htm);

«С VIII по X ст. были только два типа торговых поселений в Евразии: на Востоке персидский *var*, разновидность ориентального города (который имел индивидуального собственника), или смесь вара с классическим полисом; а на Западе постоянное или полупостоянное торговое поселения для странствующих купцов, называемое по-германски *vik* (по-романски *portus*), возле замка (*burg*) или епископского стола. Границей между этими двумя типами, *var* и *vik*, была речка Лаба (Эльба). Как в вике, так и в варе были местные и чужеземные рабочие, которые служили купцам охранниками, наемниками, мореплавателями, помощниками и т.п., которые до некоторой степени напоминают более поздних козаков в Восточной Европе. К западу от Лабы этих людей называли викингами (вик); восточнее Лабы они были известны как варяги (вар). Изредка те рабочие обособливались от своих работодателей и действовали на свой страх и риск; поскольку они хорошо знали все подробности данного промысла, их набеги обычно были успешны, и потому средневековые летописцы видели в этом «чудотворную» руку. Напрасно старались установить национальность викингов и варягов, так как у них ее не было: они были прежде всего профессионалами, готовыми служить любому, кто требовал их умений и мог заплатить за их услуги» (Омельян Прицак, «Откуда есть, пошла Русская земля»,

<http://politiko.ua/blogpost97690>);

«Все это важно отметить, поскольку и А.Г. Кузьмин, и В.В. Фомин неоднократно подчеркивали, что миграционный поток с Юго-Запада Балтики на Русь был полиэтничным, и вместе с южнобалтийскими славянами в миграции «из варяг» весьма активно участвовали, в частности, и фризы (Кузьмин 2003: 305; Фомин 2005: 443). И действительно, участие фризов в этом процессе (и вообще их присутствие на Балтике в ранний период) явно было куда значительнее, чем обычно себе представляют. Так, «монеты Фрисландии ... нигде не встречаются в таком количестве, как на Руси», концентрируясь также в Южной Прибалтике (Потин 1968: 63)... Более того, О.Н. Трубачев весьма убедительно связал этимологию этнонима пруссы именно с фризами, настаивая на «признании вероятности более широкого западногерманского характера искомого источника балтийского *Prūsai» (Трубачев 2005: 13-14; «формально наиболее точное соответствие корню *prus- было указано в 1965 г. О.Н. Трубачевым, привлечшим к объяснению протогерманское *Frūsa \ *Frūsja...» (Топоров 2006: 52)). И указывал вообще на «ранние следы западных германцев, в частности ингвеонов, на восточных и юго-восточных берегах Балтики», а также на латышское название эстонцев – «igauni как отражение германского Ing(u)aeveones (мысль В. М. Иллича-Свитыча)» (последнее весьма любопытно коррелирует с гипотезой А.Г. Кузьмина (2003: 291) по поводу Сааремаа-Хольмгарда и Роталии-Русии; примечательно и то, что в прибалтийско-финской мифологии бог грома и молнии именуется Тоора, и в его культе усматривают влияние германо-скандинавского бога Тора (Айхенвальд 1992: 485); особенно популярен культ Тоора был именно на Сааремаа)» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf> ; <https://freedocs.xyz/pdf-422486700>; http://генофонд.рф/?page_id=4842&cpage=1).

Этноним же «тюрки» (тюркюты; согд. «twrk / турк» – «тиверцы, творцы-металлурги?») тюркоязычным населением Алтая, очевидно, был получен от тюркизовавшихся пришлых турфанских (туранских) знатных родов, консолидировавших его в племя «түрк»:

«Первые сведения о племени түрк содержатся в китайских династийных историях – Чжоу шу, Бей Ци шу, Суй шу, Бей ши. Китайское написание этнонима – «туцзюе» (t'уэ́т kiwэ́т) реконструируется как türküt; эта форма этнонима неизвестна в других (некитайских) литературных памятниках VI – X вв., ср. араб. «түрк» (VI в.), греч. «тодркоз» (VI в.), сир. «turkaje» (VI в.), санскрит. «turuska» (VII в.), древнетюрк. «түрк» (VII – VIII вв.), среднеперс. «turk» (VIII в.), согд. «twrk» (IX в.), тибет. «drug'» (VIII – IX вв.), хотан. «tturuki, tturki» (VII – X вв.). Поэтому вполне оправданной представляется гипотеза П. Пельо, по мнению которого оформление имени түрк аффиксом множественного числа үт, характерным для монгольских языков, является следствием восприятия этнонима китайцами через посредство монголоязычных жуань-жуаней (возможно частично монголизировавшихся потомков прабалто-славяноязычных гяньгуней, – П.Д.)... За время обитания в Пиньяне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некитайского и негуннского населения страны («смешанные ху»; ср. мотив женитьбы на турфанских

женщинах в первой легенде). После разгрома государства Цзюйцюйев в Хэси, ашина вместе с Ухоем и Аньчжоу бежали в Гаочан (Турфан, – П.Д.), где вскоре (после 460 г.) попали под власть жуань-жуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование тюрк, а старое название племени стало династийным именем правящего рода. Предложенная реконструкция ранней истории племени ашина (тюрк) позволяет наметить новый подход к решению проблемы начальных контактов этого племени с индоевропейским населением Восточного Туркестана и Западного Китая. В течение первого периода своей истории – ганьсуйско-гаочанского (III в. н.э. – 460 г.) – предки ашина обитали на территории, где преобладали иранские и «тохарские» (псевдотохарские и праславянские тохарские, – П.Д.) языки. Именно здесь возникает само племя ашина, этническое смешение которого с автохтонным населением района отмечено и китайской историографией, и тюркскими генеалогическими легендами. В этой связи интересны лексические реликты в языке ашина, точно датируемые временем до образования каганата. К их числу относятся название тотема ашина – волка, два титула, которые носили предки основателя каганата Бумыня (Тумыня; лат. «Domino» – «владыка, господин», – П.Д.), и сам этноним ашина» (Сергей Кляшторный, «Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина)», <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1965.htm>).

3.39 Иранизация, германизация и тюркизация знати балто-славян

Своих детей знатные готы, варяги, вены и русы предпочитали называть более престижными в то время иранскими, гуннскими и славяно-германскими именами, как это было принято ранее и у большинства других племен:

«...ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские...» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text1.phtml?id=576>).

Однако же не исключено и то, что у согдийцев, гутиев = готов = гетов, варягов и русов, являвшихся торговыми и воинскими сословиями балто-славян, кроме скрываемых от инородцев племенных балто-славянских имен были еще и другие. А, именно, были ещё и не балто-славянские прозвища или же священные имена, получаемые в процессе инициации и подобные присваиваемым христианам в процессе их крещения:

«По историческим данным, приведенным в предшествовавших главах, Геты не составляли какой-либо отдельной народности; это было сословие, каста воинов, всегда располагавшихся по границам славянских владений, так сказать – передовой оплот силы и могущества Славяно-Руссов. Каждое племя имело своих «Гетов» или, как позднее их стали называть греки, «Гофов» и «Готов», с прибавлением иногда – «Гетов-меченосцев» (*metanastae*). Как руги, ружане, уруги (от слова «руга», означавшего в Древней Руси дань зерновым хлебом) составляли у славян сословие земледельцев, а алане скотоводов, так и Геты были сословием военным. Древние историки о Гетах говорят только в периоды войн, внезапных нападений и дальних походов Руссов, в мирное же время, а также во время

торговых сношений о них совсем умалчивают, иногда даже на целые столетия...» (Евграф Савельев, «История казачества с древнейших времён до конца XVIII века // Геты – Русы», <http://passion-don.org/history-1/chapter-6.html>);

«В заключение нужно указать на коренное различие ономастической ситуации в области крымских готов и, с другой стороны, в готской Испании или даже Италии IV – VI вв. Из фактического отсутствия готского ономастикона в Крыму следует парадоксальный вывод: получается, что здесь германцы наименьшим образом противопоставляли себя местному населению. Однако важно помнить, что в разные века дело обстояло по-разному. В раннюю эпоху германцы были самостоятельным (славяноязычным, – П.Д.) этносом, но сами оставались бесписьменными, а Крым в раннем средневековье был для Византии «глухой деревней» без особого стратегического значения. Отсутствие же крупного корпуса имен в последующие века свидетельствует о том, что готы, имея в своей среде и аристократов, и воинов, так и не образовали общекрымской аристократической и военной элиты, но восприняли местную традицию» (Наталия Ганина, автореф. дис. «Готские языковые реликты» <http://www.dissercat.com/content/gotskie-yazykovye-relikty#ixzz5GbBp76sj>);

«...готский историк Иордан признавал, что готы почти не имели собственных (балто-славянских, – П.Д.) имен. В случае же с русами речь даже не идет об отсутствии славянских имен как таковых. Просто какая-то часть русов, очевидно принадлежащих к высшему слою, использовала неславянские имена. Может быть из соображения моды, а может быть повинувшись каким-нибудь древним обычаям. Каким? Можно предположить следующее. Как известно, многие традиции практиковали сокрытие своего истинного имени от посторонних, особенно от врагов. Имя человека считалось энергичным выражением его сущности и могло быть использовано оккультными противниками для порабощения его «я» или наведения порчи. Подписывая договор с греками славяне могли называть не свои истинные имена, а имена, принадлежащие другим, соседним народам... В лице русов мы имеем дело не с аристократией, как таковой, а с особой воинской кастой, менее привилегированной, но все равно возвышающейся над основной массой населения и даже проживающей на собственной территории. Она очень напоминает казачество – воинское, но не аристократическое сословие, имеющее свои земли. Интересно, что облик руса (в описании византийца Льва Диакона) очень похож на облик казака – воина Запорожской Сечи: «Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос...» Весьма возможно, потомки касты русов принимали активное участие в создании казачества...» (Александр Елисеев, «Русы – люди меча», http://boyan.narod.ru/books/a_eliseev_ludi_mecha.html).

К тому же, вполне возможно и то, что русы, считавшие себя благородными, с целью максимального дистанцирования от балто- и славяноязычного простонародья даже и общались между собой преимущественно сначала на одном из иранских, а позже же и новогерманских наречий. Хотя, конечно же, они хорошо владели и балто-славянскими народными говорами своих предков (подобно франкофонной российской знати славянофонных потомков финно-угров и татар). Сами же бесписьменные балтские и

славянские языки не оставили почти никаких следов ни в археологических материалах начала нашей эры, ни в античных письменных источниках. Вот почему савроматов, сарматов и алан, принесших балтскую и славянскую речь в Европу из Центральной и Средней Азии, до сих пор ошибочно считают ираноязычными:

«В городских торговых поселениях разные языки выполняли разные функции. Местный разговорный язык был средством общения в семье и роде, система, по меньшей мере, двух или большего числа *linguae francae* (возможно, первоначально восточноиранского хотаносакского или же согдийского и лишь значительно позже славяногерманских и новогерманских языков, – П.Д.) была предназначена для внешнего употребления» (Омельян Прицак, «Откуда есть, пошла Русская земля», <http://politiko.ua/blogpost97690>).

Именно ираноязычие в сарматскую эпоху лишь жителей некоторых городских торговых поселений и немногочисленной знати мигрировавших в Европу из Азии, как финно-угроязычных, так и балто-славяноязычных племен (вернувшейся, в конце концов, к народным языкам своих предков) и позволяет объяснить хорошо всем известный исторический парадокс. А именно, – почему же, несмотря на наличие сохранившейся в античных письменных источниках и выявленной на просторах Европы индо-иранской ономастики, на иранских наречиях разговаривают в ней сейчас вовсе не многочисленные потомки скифо-сарматов и других азийских пришельцев, а лишь весьма немногочисленные иранизированные автохтоны Северного Кавказа осетины? Уже:

«...Н.Я. Марр в статье «Ossetica-Iaphetica» утверждал: «Осетины, несмотря на иранский их язык, являются одним из видовых представителей кавказских этнографических типов». Позднее данная идея была развита в положение об «ираноязычной автохтонности» осетин. При этом «автохтонность» понималась, в основном, как результат механического усвоения языка скифо-сармато-алан какой-то частью «кавказских племен»...» (А.В. Исаенко, В.Д. Кучиев, «Некоторые проблемы древней истории осетин», <http://iratta.com/stati/2714-nekotorye-problemy-drevnejj-istorii-osetin12.html>).

Всё это, а также и принадлежность осетин к кавказоидам (наибольшее распространение среди современных осетин по информации из работы Литвинова С.С. имеет гаплогруппа G2a [69,6%], далее гаплогруппа J2a [18,2%], далее гаплогруппа R1b1a2 [4,6%], далее гаплогруппа J1 [3,8%], далее гаплогруппа E1b1b1a [1,5%] и с малой частотой встречается гаплогруппа L2, R1a1 и Q1 по 0,8%, <http://haplogroup.narod.ru/osetin.html>) означает, что осетинский язык не мог сформироваться на ираноязычном скифском субстрате задолго до прихода на Северный Кавказ прототюрко-германоязычных, славяноязычных и угроязычных сарматов, алан и болгар, у которых ираноязычными, а позже и тюркоязычными, очевидно, были лишь знатные роды и воинские сословия (потомки юэджи-согдийцев сарматские и аланские катафрактары, русы и др.). Он мог сформироваться на этническом субстрате лишь кавказцев или же частично и на этническом субстрате прототюрко-германоязычных скифов или же сако-массагетов (маскутов) под влиянием праславянского этнического суперстрата. Иранизировался же он, скорее всего, под влиянием иранцев в период контроля их воинскими формированиями проходом в Дарьяльском ущелье

(Аланских ворот). То есть, если скифский этнический субстрат и возможен, то вовсе не иранский:

«Средневековый грузинский историк Леонтий Мровели, живший, как считает большинство исследователей, в XI в. и пользовавшийся древней письменной исторической традицией, называет предков осетин «хазарами». Как было показано еще в прошлом столетии, под хазарами» древнегрузинских хроник в действительности скрываются скифы, а имя «хазар» данном случае является лишь анахронизмом... Как пишет Мровели, в первый же свой поход царь скифов («хазар») перевалил через Кавказские горы и подчинил себе народы Закавказья. Сыну своему Уобосу он выделил землю от р. Ломеки (Терека) на востоке до западных пределов Кавказа, вместе с пленниками из Армении (Сомхити) и Восточной Грузии (Картли). «И поселился здесь Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Осетия (Овсети), которая (территория) была частью удела Кавказа». Следовательно, согласно Мровели, осетины являются прямыми потомками скифов, включившими в свой состав также пленников из Армении и Восточной Грузии. Косвенным доказательством подлинности этой генетической связи может служить, в частности, обозначение древнегрузинскими летописями этнонимом овсни (осетины) как скифов, сарматов и алан, так и современных осетин» (Ю.С. Гаглойти, «Алано-Георгика», <http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=1236>);

«Доклад В. Б. Ковалевской «Степи и горы – взаимоотношения скифов и кавказских горцев в VII – VI веках до новой эры» пролил свет на судьбу скифов, поселившихся у северных подножий Кавказского хребта, вблизи своих единоплеменников, изученных М.Н. Погребовой. Об этих скифах также ничего не говорится в древних источниках. Между тем, как показал анализ археологических материалов, скифы жили здесь около двухсот лет (в тех же VII – VI веках до новой эры), поддерживая тесные контакты с местным населением, которому принадлежала кобанская археологическая культура с исключительно высоким уровнем металлургического производства. Как считает В.Б. Ковалевская, именно кобанцы – предки нынешних адыгских народов – снабжали скифов высококачественным оружием, служившим им в дальних походах на Передний Восток. Более того, многие формы оружия в классической скифской культуре, известной нам в Северном Причерноморье, были первоначально выработаны в рамках кобанской культуры... Мы знаем теперь, что скифы (точнее балто-славяноязычные сарматы, – П.Д.) в числе предков многих кавказских народов: грузин, абхазцев, кабардинцев, чеченцев, адыгейцев, да еще и марийцев на Волге, а может быть, и других» (Э. Берзин, «Киммерийцы и скифы – старые загадки и новые открытия», <http://kladina.narod.ru/berzin/berzin.htm>).

3.40 Балтоязычие именьковцев и финнизация потомков сарматов и юэчжи в Поволжье

Не исключено, конечно же, и то, что потомками прабалто-славяноязычных серов (савроматов, усуней, сарматов, юэчжи и аланов) были не только тюркизировавшиеся, но также и частично финнизировавшиеся позже (или же изначально включавшие в свой

племенной союз и финно-угров) такие племена, как царские савроматы (язаматы), троксоланы / роксоланы Поволжья (прохоровская, пьяноборская и именьковская АК) и родственные лужицким сербам / сорбам = сарбатам серебряные болгары (чермные / сермные черемисы / церемисы = сирматы) – этнический суперстрат черноволосых и кареглазых марийцев и коми-зырян / сырьян / серьян (очевидно, финно-угорской отрасли союза племён, известного как *zuiġeani* / журыане / свиряне / цвирияне). Возможно, потомками сарматов была и часть волжских булгар (северопонтийцев) – предков мишар, касимовских и других волжских татар, а также и южных мокшан (брюнеты со смуглым цветом кожи – выходцы из пьяноборской АК). Булгарского государя (малика) этих смуглых (темно-красных), темно-русых и кареглазых потомков сарматов, очевидно, и называет царем «славян» (ас-сакалиба) Ибн-фадлан (см. «Путешествие Ибн-фадлана на Волгу», <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>).

Однако же, большинство балтоязычных савроматов Поволжья ушло в Подонье и в Поднепровье (население волынцевской АК, потомки восточных троксолан торки и др.) и, в конце концов, славянизировалось предками полян гревтунгами / грутуннами = хорутанами / хросами / русами и аланами-торками (ясами-русами):

«А.П. Смирнов последовательно отстаивал точку зрения о раннем славянском присутствии в Среднем Поволжье. На основе археологических материалов исследователь проследил славянское влияние на финно–угорское население Средней Волги. По мнению А.П. Смирнова, выявленные на территории Среднего Поволжья могильники с трупосожжениями принадлежали славянам. В 1964 г. П.Н. Старостин доказал, что могильники и примыкающие к ним поселения принадлежат одной археологической культуре – именьковской. Этот тезис, в свою очередь, позволил современным исследователям В.В. Седову и Г.И. Матвеевой говорить о присутствии в эпоху раннего средневековья на территории Среднего Поволжья крупного массива славянских племён (очевидно, всё же балтизовавшихся гудов троксолан / роксолан и, возможно, сохранивших своё славяноязычие потомков юэчжи гузов торков, – П.Д.). Следует заметить, что данное направление археологических изысканий является продолжением поисков доказательств гипотезы, обозначенной в своё время А.П. Смирновым» (Александр Овчинников, автореф. дис. «А.П. Смирнов как исследователь древней и средневековой истории Волго–Уралья», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-178192.html>);

«В левобережной части Среднего и смежных землях Верхнего Поднепровья до последних десятилетий VII в. существовали две крупные культурные группы. Лесостепные земли принадлежали антам – носителям пеньковской культуры (сахновская стадия), а более северные области (поречье Сейма и Подесенье) заселяли племена колочинской культуры. В конце VII в. развитие этих культур в Среднем Поднепровье было прервано, что обусловлено вторжением крупной массы нового населения. Миграция последнего затронула и небольшой регион лука-райковецкой культуры в Киевском Поднепровье, где проживали поляне (точнее балтоязычные спалы, – П.Д.). Пришлое население оказалось более активным как в хозяйственном, так и в иных отношениях. В результате в Днепровском левобережье

формируется новая культура – волынцевская... Постепенно пеньковские и колочинские традиции стираются, волынцевские элементы становятся доминирующими. Быстрая аккумуляция местного (балтоязычного, – П.Д.) антского населения обусловлена его этноязыковой близостью с (балтоязычным, – П.Д.) пришлым... Могильники волынцевской культуры – грунтовые, без каких-либо наземных признаков. Умерших сжигали на стороне и остатки кремации ссыпали в неглубокие ямки или в глиняных сосудах помещали в них... Сопоставительный анализ характерных маркеров волынцевской культуры обнаруживает ее близость к именьковским древностям, которые в конце IV – VII в. получили распространение в Среднем Поволжье (от нижней Камы до Самарской луки). Свойственные волынцевской культуре горшки с цилиндрическим верхом и высокими плечиками были весьма характерной формой и именьковской керамики. Волынцевские миски в равной степени сопоставимы с именьковскими... Грунтовые могильники именьковской и волынцевской культур состоят из однотипных захоронений по обряду кремации умерших на стороне. Там и тут очищенные от углей и золы кальцинированные кости помещались в неглубоких ямках и сопровождалась глиняными сосудами. Нельзя не отметить и полную однородность экономики волынцевского и именьковского населения. Их культуры характеризуются одинаковым земледельческим укладом. Им свойственны одинаковые орудия сельскохозяйственного труда, идентичны культивируемые растения, тождественны соотношения долей животноводства и охоты, однороден видовой состав домашнего скота. Установлено, что в конце VII в. основная масса именьковских поселений (а их археологам известно более 600) и могильников прекращают функционировать. Раскопки их показывают, что селения не были разгромлены или сожжены. Они были оставлены именьковским населением. В силу каких-то обстоятельств обширные плодородные земли Среднего Поволжья оказались опустошенными. Земледельцы этого региона вынуждены были искать новые территории для своего расселения... Роменскую культуру, выросшую на части волынцевской территории, есть все основания относить к северянам IX – X вв. Позднее древности северян выявляются по спиральным височным кольцам и некоторым иным украшениям. Такие находки позволяют очертить ареал северян X – XII вв. Этноним север /северяне (укр. «сіверці», – П.Д.) по происхождению неславянский. Объяснение его по созвучию со стороной света хотя и встречается в литературе, представляется неубедительным. Наиболее авторитетной является мысль об иранском происхождении этого этнонима – из иранского *seu, *sew – «черный» (точнее из германского: швед. «svart», нижненем. «swart» при лат. «ater» – черный; тадж. «торик», пушту «tor», протогерм. *derkaz, англ. «dark» – темный или же из балтских: лит. «žverblėti, žaruoti», эст. «särama», общеиран. «suč-», др.-иран. «rauxš-», санскр. «гис-» – «сверкать, сиять, блестеть»; лтш. «dzirkstošs» – сверкающий; лит. «žara», чеш. «záře, třpyt», тадж. «дурахш», кит. «guang» – «заревое, сияние»; ведич. «svag» – «свет, сияние, блеск, солнце», что соответствует сверкающему темно-вишнёвому цвету кожи, как северян и родственных им торков = черкасов, так и их предков сарматов роксолан, известных также и как согдийцы, и как русы, – П.Д.)...» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. // Русь», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/6);

«Таким образом, к настоящему времени, гипотеза В.В. Седова о миграции «именьковцев» на юго-запад является хотя и не общепринятой, но наиболее обоснованной из существующих версий генезиса волынцевской культуры. Тем более, что никаких иных культур, кроме волынцевской (а также тиверской и полукочевой торческой – ал-Тршкин, – П.Д.), которые могли бы претендовать на статус «именьковских наследников», нет в принципе. Между тем, такие наследники должны быть: именьковская культура не погибла в результате вражеского нашествия, большая часть «именьковцев» просто покинула родные места, по всей видимости, из-за приближающихся тюрок (но часть из них, [ал-Тршкин и С-л-виюн арабских рукописей] всё же осталась и постепенно ассимилировалась тюрками, – П.Д.). Соответственно, куда-то эти мигранты должны были придти. Налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой Днепровского Правобережья типа Луки-Райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что «волынцевцы» знали гончарный круг, а их правобережные соседи – нет. Он появился у них только в конце IX века. Первая гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX веку, связана с проникновением сюда волынцевской культуры. Также более развиты в сравнении со славянами Правобережья Днепра были у «волынцевцев» и другие ремесла. Жители Днепровского Левобережья VIII – X вв., носители волынцевской и развившейся из нее роменской культур, именовались, как мы хорошо знаем из летописей, север, северо или северяне (aturezane = *тиурки = тиверцы = сиверцы = торки / таркасы / циркасы / черкасы; лат. «ater», тадж. «торик», пушту «tor», протогерм. *derkaz, англ. «dark» – тёмный; сербохорв. «црн», азерб. «чиркли» – черный; арм. «darch'» – корица, – П.Д.)...» (Максим Жих, «К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры», <http://libed.ru/konferencii-tehnicheskie/66294-1-nauchno-izdatelskiy-centr-sociosfera-fakultet-biznesa-visshey-shkoli-ekonomiki-prage-penzenskaya-gosudarstvennaya.php>; [https://www.hse.ru/data/2012/01/18/1264043337/История и культура славянских народов.pdf](https://www.hse.ru/data/2012/01/18/1264043337/История%20и%20культура%20славянских%20народов.pdf));

«А река Итиль (Кама-Волга, – П.Д.) вытекает от границы хырхызлов и оттуда доходит до кимаков, вступает в [земли] гузов (возможно, славянизировавшихся в гуннскую эпоху именьковцев – потомков осевших в Поволжье балтоязычных роксолан / троксолан и торков, лишь знать которых, постепенно тюркизировавшись, стала двуязычной, – П.Д.) и приходит к булгарам, и у пределов буртасов впадает в море» (Извлечения из: Ал-Истахри, «Книга путей и государств», <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Istahri/frametext2.htm>);

«Территория от Средней Суры – на западе, до низовьев реки Белой на востоке, от правого берега реки Камы – на севере до Самарской Луки – на юге с IV по VII вв. н.э. была занята племенами именьковской культуры. Своё название она получила по первому наиболее полно изученному городищу у с. Именьково Лаишевского района РТ (Республики Татарстан, – П.Д.). В настоящее время зафиксировано более четырехсот именьковских памятников, представленных городищами, селищами, могильниками и отдельными местонахождениями. Наибольшее количество именьковских памятников сосредоточено на территории Нижней Камы и прилегающих частях Волги... Погребальный обряд населения характеризуется

сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков кремации в небольшие ямы, наличием в погребениях глиняных сосудов. Судя по остаткам, жженные кости из погребальных костров, а также вещи, побывавшие в огне, выбирались и ссыпались в могильную яму... По сравнению с предшествующими племенами на Нижней Каме носители именьковской культуры произвели серьезный сдвиг в развитии и обработке железных изделий... В засыпи некоторых захоронений встречаются остатки коней (череп и кости нижнего отдела конечностей)... В отношении этнической принадлежности носителей именьковской культуры ныне большинство специалистов считает их протославянами (очевидно, всё же они были славянизовавшимися позже и вошедшими в этнос украинцев потомками осевших в Поволжье балтизированных усунями юэчжийцев троксолан, так как сохранившие своё славяноязычие потомки юэчжийцев мигрировали из Азии в Европу вовсе не через Поволжье, а через Северный Кавказ и причём ещё в предгуннскую эпоху в составе аланов, – П.Д.)...» (П.Н. Старостин, «Именьковская культура», <http://old.kpfu.ru/archeol/srednev.htm>);

«Если учесть, что балтизмы наличествуют (и число выявленных примеров увеличивается) не только в прибалтийско-финских, но и в поволжско-финских языках (и в последнем случае их нередко трудно объяснить как «Wanderworter» или даже как заимствования в прафинно-угорском), то неизбежно возникает проблема истолкования этой ситуации взаимопроникновения и взаимоналожения этих элементов, определения того, что является субстратом и что суперстратом (кстати, при любом решении остается актуальным и аспект «адстратности»)... Следующие ниже соображения исходят из нескольких положений, представляющихся сейчас очевидными, – наличия языковых и культурных балтизмов в Среднем Поволжье (волжско-финские традиции; проблема балтизмов в коми или в угорском, как и проблема общефинских /уральских/ балтизмов здесь не учитываются не по принципиальным соображениям, а потому, что в данном случае важнее найти ключ к проблеме, полагая, что в дальнейшем он откроет не только главную дверь, но и многие из второстепенных); – ареала балтийской гидронимии и состава ее элементов; – присутствия весьма правдоподобных балтийских следов в археологических культурах этой части Восточной Европы, начиная уже с III – II тысячелетия до н. э. и, вероятно, до 2-й половины I тысячелетия н.э. (связь с балтийским элементом далеко продвинутой на восток именьковской культуры IV – VIII вв. /Халиков и др./ остается спорной и уже вызвала некоторые возражения); – особенностей структуры самого балтийского пространства в Восточной Европе. При этом нужно иметь в виду и то, что не относится к самому материалу, но исключительно к истории его интерпретации в науке (ср. «финно-балтийский» спор за право считать «своими» такие гидронимы, как Ловать, Пола, Тосно, Цна, Нар/о/ва, Пейпус, Вашка, Вейна и т.п. и даже Волга...)... Тот факт, что балтизмов в финноязычной речи на несколько порядков больше, чем финнизмов в балтийских, что балтизмы охватывают большую площадь и большее число языков, чем финнизмы в отношении балтийских, что очень значительная часть балтизмов, судя по всему, относится уже к II тысячелетию до н. э., а большинство финнизмов в балтийском (почти исключительно в восточнобалтийском) к существенно более поздней поре... – заставляет предполагать, что все это было возможно

скорее в том случае, если основа субстрата была балтийской, а финноязычный элемент появился здесь позже (после вытеснения его из Карпатского региона балтоязычными савроматами и римлянами, – П.Д.), в качестве суперстрата. Важным уточнением хронологического (а отчасти и пространственного) характера нужно признать то обстоятельство, что иранизмы в финно-угорских языках древнее, чем (поздние, – П.Д.) балтизмы...» (В.Н. Топоров, «К вопросу о древнейших балто-финно-угорских контактах по материалам гидронимии», <http://finno-baltica.livejournal.com/13392.html#cutid1>; <http://uralistica.com/group/linguistics/page/toporov-balto-finnougorskie-kontakty>);

«О контакте между балтийцами и восточными финно-уграми говорят древние лексические заимствования из балтийских языков в финно-угорские, которые обнаруживаются все более и более по мере расширения исследований. Некоторые названия животных и растений древнебалтийского происхождения являются общими в мордовских, марийских и прибалтийско-финских языках. На очертания древней территории балтийских племен указывают языковые связи балтийцев с другими их соседями, а также в известной степени и показания топонимики. В отличие от устаревших взглядов Я. Калима и Э. Сетеле, полагавших, что предки современных прибалтийских финнов колонизировали северо-восточное балтийское побережье только в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. и лишь в это время вошли в контакт с балтийцами, современные исследователи (П. Аристе, В. Кипарский и др.) считают, что прибалтийско-финские племена были северными соседями балтийцев задолго до н.э., вероятно, еще во II тысячелетии до н.э. (с чем согласиться нельзя, так как принёсшие балтские наречия в Европу усунь и другие савроматы находились в это время ещё в Центральной Азии, – П.Д.). Создались возможности поставить вопрос о периодизации древнейших заимствований из балтийских языков в прибалтийско-финское, об их относительной хронологии. ... Распространение древней балтийской топонимики к востоку от современных Литвы и Латвии является предметом исследований с конца XIX в. ... В.Н. Топоров и О.Н. Трубочев показывают широкое распространение балтийских гидронимов в верхнем течении Днепра и его притоков, в Подесенье, некоторое проникновение их и южнее Припяти (В.Н. Топоров, О.Н. Трубочев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962). Если южная граница массовых балтийских топонимов идет довольно четко по Припяти, а северная примерно совпадает с современной границей балтийцев, то восточная их граница «остается наиболее неопределенной и расплывчатой». Все же можно говорить о наличии следов древней Балтийской топонимики, по крайней мере в верховьях Оки и Волги. Таким образом, Прибалтика, северное Поднепровье, центральная Россия, южные области европейской части СССР, по данным современной науки, исключаются как возможные области поселения древних славянских племен (по крайней мере во второй половине I тысячелетия до н.э. – в начале н.э.). Широкою полосу севернее Припяти и нижней Десны занимали балтийцы. Восточнее и севернее их располагались финно-угорские племена» (Федот Филин, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектический очерк», <http://army.lv/ru/Iz-knigi-F.P.-Filina-Proishozhdenie-russkogo-ukrainskogo-i-beloruskogo-yazikov.../488/189>);

«В связи с существующим в археологии мнением о происхождении создателей именьковской археологической культуры IV – VII вв. Среднего Поволжья – Нижнего Прикамья из балто-славянского ареала мною была предложена гипотеза о том, что ряд слов в языках народов Волго-Камья и прежде всего в пермских языках происходит из достаточно старого балто-славянского диалекта, которым, судя по времени и характеру этих заимствований вполне мог быть язык создателей именьковской археологической культуры (далее – просто «именьковский язык») [Напольских 1996; Napol'skich 1996]. Поскольку особенности языка-источника этих заимствований указывали на его близость к праславянскому, он был определён как «протославянский» в русском варианте сообщения и как «Vorslawisch» – в немецком. Я при этом имел в виду язык близкий (и лингвистически и, очевидно, по месту его первоначального формирования) к праславянскому, но не идентичный ему. Можно было бы, вероятно, говорить просто о «балто-славянском» или даже «балтском» диалекте, исходя из принимаемой мною, в общем, гипотезы о праславянском как периферийном члене макробалтского языкового континуума, однако было важно указать не просто балто-славянскую принадлежность данного языка, но и его специальную близость к праславянскому (точнее, к праукраинскому, так как не только население волынцевской АК, но и потомки волго-камских и зауральских троксолан торки участвовали в этногенезе преимущественно лишь украинцев, – П.Д.)...» (Владимир Напольских, «Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н.э.»,
<http://www.tarnautojai.lt/memo/modules/news/print.php?storyid=16;>
<http://archtat.ru/content/uploads/2017/12/Napolskyh2.pdf>).

Так как гузы торки первоначально проживали на землях именьковской АК, то они очевидно, и являются потомками проживавших ранее там же балтоязычных гудов троксолан, возможно славянизовавшихся, как и население волынцевской АК, лишь в готскую (гревтунгскую) эпоху или же даже позже:

«Ареал огузских курганов степного Заволжья и Приуралья позволяет очертить границы Огузской степи («Дешт-и-Огуз»), во всяком случае западной ее части, в X в. На западе это, конечно же, Волга, являвшаяся границей между «Дешт-и-Огуз» и Хазарией. Граница эта периодически нарушалась, но и соблюдалась достаточно жестко, поскольку на правом, хазарском, берегу Волги огузских памятников рассматриваемого времени было немного. Южная граница фактически совпадает границами Прикаспийской низменности или Прикаспийских пустынь, которые, в силу своих природных условий, не могли быть районом концентрации кочевых племен, что мы и видим на примере огузских памятников. Северная граница огузских (торкских, – П.Д.) кочевий в регионе выглядит, хотя и довольно «размытой», но в основных своих звеньях обозначена достаточно четко. Быковские курганы на Волге, Увак и Тамар-Уткуль на Илеке, который также являлся одним из районов огузского кочевания...» (Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, «Огузы и печенеги в Евразийских степях», <http://www.istmira.com/istdr/oguzy-i-pechenegi-v-v-evrazijskix-stepyah/page/37/>);

«В IV – VII вв. от бассейна р. Ик (левый приток нижней Камы) на востоке до р.Суры на западе и от низовьев рр. Вятка и Кокшага на севере до Самарской луки на юге была

распространена именьковская археологическая культура, для которой были характерны развитое земледелие с посевами проса, пшеницы, полбы, ячменя, овса, гороха и ржи в сочетании с домашним скотоводством (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади), укрепленные городища с группирующимися вокруг них селищами с остатками срубных полуземлянок, погребальный обряд – кремация на стороне с последующим погребением останков и сопровождающего инвентаря. Характер, время и район контактирования именьковцев с финно-угорским населением Волго-Камья точно соответствует реконструируемым параметрам контакта неизвестного балто-славянского языка с финно-угорскими языками региона...» (Владимир Напольских, «Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н.э.», http://www.academia.edu/5038093/Балто-славяне_в_нижнем_Прикамье_2006; <http://archtat.ru/content/uploads/2017/12/Napolskyh2.pdf>).
[к осн. тексту]

П.4. Праиндоевропейцы не только горцы и «украинцы», но и первые металлурги на нашей планете

Очевидно, и укр. лексема «пелюстки», и др.-киев. лексема «пърсть» (чеш. «prst») – персты, пальцы буквально означают «кончики» – конечности соответственно окологрива и руки или же ноги. Происходят же они от и.-е. основы *црег, означавшей внешнюю локализацию, как «сверху» (хинди «ūpara» – верх; греч. «υπεράνω» – выше; нем. «ober», англ. «upper», «over» – верхний; перс. «bala» – верх; ирл. «barr» – «верхний, вершина»; др.-киев. «поль» – «верх, край, берег»), так и «у края» (хинди «baḥata», бенг. «prānta», англ. «fringe» исп. «borde», исл. «brún», лат. «margo» – край; русск. «поля» – «внешние краевые зоны»; англ. «out», серб. «наполе» – «вне, снаружи за пределами»; лат. «parte», «pars», гуджар. «pārśva», каннада «pārśvavu», телугу «ōga», «pārśvaṁ», малайск. «gusuk» – «бок, сторона, фланг»; англ. «fringe», «flank» – край, фланг; лат. «plagam», «latus» – «сторона, боковой»; польск. «brzeg» – «край, берег»; серб. «обала» – берег; арм. «beran», лат. «ore» – «рот, уста, устье»).

К тому же и хетт. «приама», лат. «primum», лит. «pirmas», хинди «prathama», англ. «first», нем. «erste», арм. «arrajin», укр. «перший» – первый тоже, ведь, означают у индоевропейцев буквально «крайний» – «верховный (главный), исключительный (превосходный, блистательный, самый твердый)». А это значит, что от этой же основы могут происходить, как лат. «pristine» – «первичный, нетронутый, чистый»; индонез. «bersih», лат. «prigus», англ. «pure» – «чистейший, непорочный»; индонез. «bersinar», арм. «p'ayly», польск. «połysk» – блеск, так и санскр. «bhars», др.-греч. «πῶρόω» – твердеть; др.-греч. «στερεός», «στερρός» – твердый:

«Ставшее международным, латинское название «Ferrum» принято у романских народов. Оно, вероятно, связано с греко-латинским «fars» (быть твердым), которое происходит от санскритского «bhars» (твердеть). Возможно сопоставление и с «ferreus», означаящим у древних писателей «нечувствительный, непреклонный, крепкий, твердый, тяжкий...» (Н.А. Фигуровский, «Открытие элементов и происхождение их названий», http://chemistry-chemists.com/N1_2012/S1/ChemistryAndChemists_1_2012-S1-3.html).

Поэтому-то и пеласги (Plst), и персы (Prst) подобно берсилам, прусам, фризам, франкам, боранам = барангурам = варангам / варягам и полянам являлись концептуально «украинцами» – верховными (главными), суверенными (внешними), свободными (вольными), исключительными (превосходными, блестящими, благородными, несгибаемыми – твёрдыми). Однако же вполне возможно, что, наоборот, латинское название железа происходит, именно, от этнонимов пеласгов и родственных им персов (fars), являвшихся распространителями металлургии железа на Ближнем Востоке и в Европе (хетт. «paḡ-zi-lum», ассир. «parzillu», шумерск. «barzal», финик. «barzel», ивр. «b[a]rz[e]l», лат. «ferreis», «ferrum», индонез. «besi» – железо):

«С пеласгами (точнее с их близкими родственниками – филистимлянами, см. ниже) также связано зарождение Железного века человечества... То, что железо действительно открыто в Хеттии подтверждается и греческим наименованием стали, и тем, что в гробнице египетского фараона Тутанхамона (ок. 1350г. до н. э.) был найден один из первых железных кинжалов, явно подаренный ему хеттами, и что уже в Книге Судей Израилевых (ок. 1200г. до н.э.) описывается применение филистимлянами и хананеями целых железных колесниц. Позднее технология железа постепенно распространилась и в другие страны» (Александр Алмистов, «Пеласги – Систематизированные Исторические Данные по Пеласгам (Pelasgoi)», http://samlib.ru/a/almistow_a_a/pelasgi.shtml).

Со сталью и с железом связаны этнонимы и предков балто-славян как сарматов и антов (монг. «сэлэм», осет. «æндон», удм. «андан», коми «jẽmdon» – сталь), так и асов = ясов = утигуров (курд. «asin», венг. «vas», кит. «tiě», турец., азерб. «ütü», болг. «ютия» – железо; хинди, бенг. «dhātu» – металл; лит. «juoda» – чернь). Да и этнонимы то гелов, гелонов, галлов, галиндов, ализонов тоже ведь могут быть связаны с железом (лит. «geležies», укр. «залізо» – железо). Этноним же касситов связан с оловом (др.-греч. «κασσιτεροζ» – олово):

«Существует любопытная параллель между названиями некоторых металлов, в санскрите и в греческом языке. Слова в санскрите, которые обозначали свинец и латунь это «kastira» и «arakuta» соответственно. В греческом языке им соответствуют «κασσιτεροζ» (касситерос – белый свинец, олово) и «ορειχαλκον» (орихалкос – интерпретируется как горная или золотая медь). Сходство названий настолько велико, что оно ввергло ученых в до сих пор неразрешенный спор о том кто у кого заимствовал технологии – древние греки у древних индийцев или наоборот. На мой взгляд, современные археологические данные говорят о первенстве древней Индии в выплавке бронз и латуни (с еще большим временным приоритетом северной Персии). Учитывая, что до прихода греков в средиземноморье пеласгийские народы уже имели развитую металлургию, можно предположить, что и названия этих металлов были либо заимствованы греками у пеласгийцев, которые, в свою очередь, заимствовали металлургические технологии у древних индийцев, либо греческие племена сохранили эти названия в своем языке с времен далекой индоевропейской общности... Другие слова в санскрите означающее золото это «su-varna, svarna, sanasi, samicara, kanaka, kankana, hemaka, heman, rauhma, rukmamaya, kala-dhauta». Любопытно также, что древнеиндийскому «куруа» (медь, драгоценный металл) соответствует

греческое «κυπριος» (медь) – от названия острова Кипр, где добывалась медь (на самом же деле именно Кипр получил своё название благодаря обладанию богатым месторождением медной руды; шумер. «zUbar» – медь, «kUbar» – бронза, – П.Д.)...» (Сергей Дарда, «Пояс мира», <http://beltofpeace.com/24-1.html>);

«Олово ввозилось морским путем из Испании, а также с Кавказа и из Персии, при этом его нередко не могли отличить от свинца. Древнегреческое название олова «касситерос» («металл касситов», – П.Д.) восточного происхождения и, несомненно, связано с аккадским названием олова «ик-касдуру», ассирийским «казазатира» и поздневавилонским «кастера» (Н.А. Фигуровский, «Открытие элементов и происхождение их названий», http://chemistry-chemists.com/N1_2012/S1/ChemistryAndChemists_1_2012-S1-6.html);

«Из классической литературы известно, что с V века до н. э. греки разрабатывали среброносные свинцовые рудники во Фракии, Лавреоне и на Сифносе, названия Халкидики и Халкиды, города бронзы на Эвбее, указывали на существование где-то неподалеку медных рудников. Но только уже в наше время геологи обнаружили наличие как минимум 50 мест залежей полезных ископаемых в одной микенской Греции, не считая Кипра, и более ста – среброносного свинца и серебра в тех же районах. Например, на Крите, где до 1965 года было известно всего шесть месторождений этих металлов, автор данной книги нашел еще не менее двух десятков: возле античных городов, в лесных массивах, богатых древесным углем, на Астерусии, Иде и в Белых горах. Разумеется, они вряд ли заинтересовали бы современную промышленность, жадную до пород с высоким содержанием чистого металла, но во времена ремесленничества и собирания минералов с поверхности земли они давали жизнь весьма активным корпорациям. Около 1220 года до н.э. в крохотном царстве Пилос на две дюжины городов приходилось не менее 400 кузнецов, обрабатывавших бронзу и драгоценные металлы. В среднем – по 17 мастеров на каждый город, и это не считая подмастерьев и рабов. Теперь ясно, что составляло экономическую и отчасти военную мощь государств, кажущихся нам маленькими и бедными, хотя легенда пышно именует людей, правивших ими, царями. Ахилл, сын Пелея, правил, как гласит предание, Сперхейской долиной и прилегающими высотами. При этом никто не упоминает, что в массиве Отрис, по меньшей мере, в семнадцати местах обнаружены залежи минералов, содержащих медь, в том числе довольно крупные – в двенадцати километрах к северо-востоку от Ламии. Кто знает, что Агамемнону принадлежали рудники в горах Ойной к западу от Аргоса, а Менелай добывал медь в двадцати пяти километрах к югу от Спарты в массиве Парной неподалеку от Монемвассии, серебро – на Тайгете и Парноне и что Эврот в пяти километрах от Спарты золотоносен? Склоны горы Окхи (1598 м), богатые всякого рода металлами, принесли достаток Каристу и Стире на Эвбее и обеспечили могущество абантов, участников Троянской войны» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <http://lib.rus.ec/b/302423/read>, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiiny.html). [к осн. тексту]

П.5. Праиндоевропейцы – этнос темно-краснокожих и брахикранных потомков змей

5.1 Темно-краснокожесть древних индоевропейцев

То, что не только древние индийцы (индоарии), но и древние персы, сарматы и юэчжи были темно-краснокожими, – хорошо всем известный факт:

«Махабхарата – героический индийский эпос», <http://waking-up.org/religii-mira/mahabharata-heroycheskyj-yndyjskyj-epos/>;

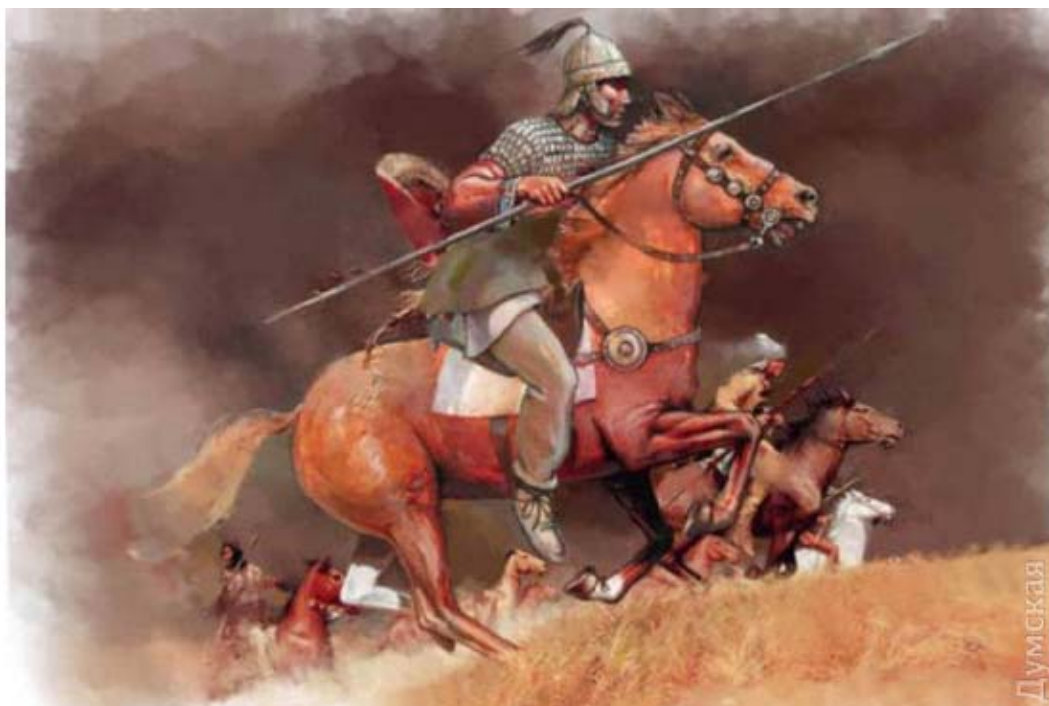

Битва темно-краснокожих Кауравов и Пандавов на поле Курукшетра. Иллюстрация к рукописи Магабхараты XVIII(?) века <http://rushist.com/index.php/mifologiya/4658-makhabkharata-kratkoe-soderzhanie>;

«Сохранились цветные изразцы, украшавшие стены дворца персидского царя Дария I (VI век до н.э.) в городе Сузы, на которых изображены воины персидской родовой гвардии...» (см.: «Расовый тип древних персов», <http://v-rodyonov.livejournal.com/2543.html>; <http://www.historie.ru/civilizacii/drevnyaya-persiya/246-drevnie-persy-ot-plemeni-do-imperii.html>)

(<http://www.livius.org/pictures/iran/susa/susa-soldiers-relief/susa-soldiers-relief-4/>; <http://sytycdism.com/palace-in-susa.html>, http://www.livius.org/su-sz/susa/susa_soldiers.html; <http://archive.li/WOFJJ>).

Темно-краснокожая роксолана [сарматка] (Михаил Бояков, «Следы предков», https://ridero.ru/books/sledy_predkov/freeText).

Китайское посольство Чжан Цяня к юэцжи в 126 году до н.э., пещеры Могао, настенная роспись (<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:ZhangQianTravels.jpg>; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1218562>).

Хетты ведь тоже подобно египтянам, критянам, этрускам, касситам, финникийцам и другим пришельцам из Дилмуна (Индии) были тёмно-краснокожими:

(Битва египтян с хеттами в 1274 году до н.э., из кн.: Т. Андреевская, «Быт и нравы народов древних цивилизаций. Древний Египет», 2003, <https://bigslide.ru/istoriya/42851-moguschestvo-drevnego-egipta1.html>; https://u-teti-soni.blogspot.com/2017/11/blog-post_33.html);

Кнос (Крит). Фрески (раскопки Акротири) – «Боксеры» и «Рыболов»
(<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000124/st002.shtml>;
<https://agritura.livejournal.com/118550.html>);

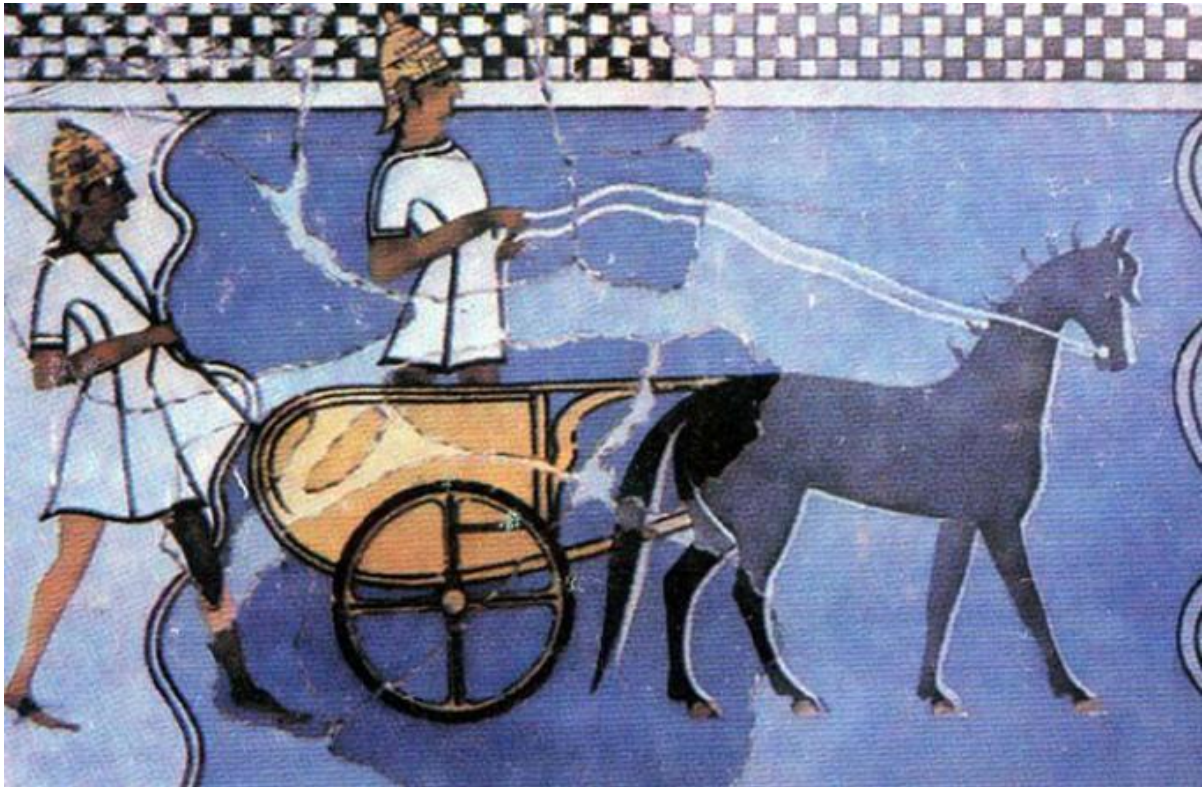

Тарквиния (Этрурия). Гробница Жоглеров (<http://www.biancoloto.com/tarquinia/tarquinia.html>)

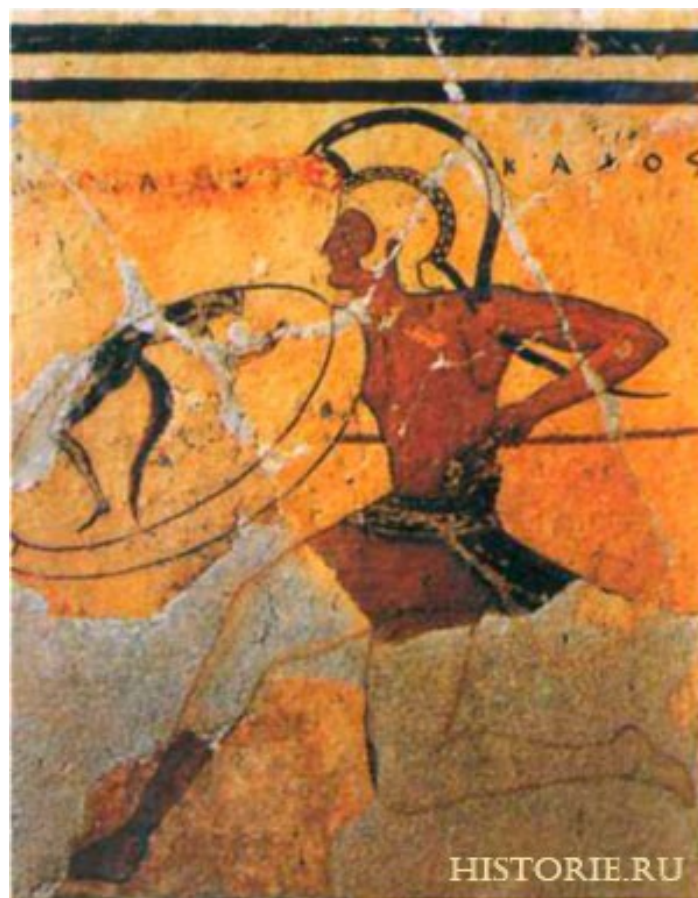
Да и древние греки то первоначально были значительно более темно-краснокожими, чем позже:

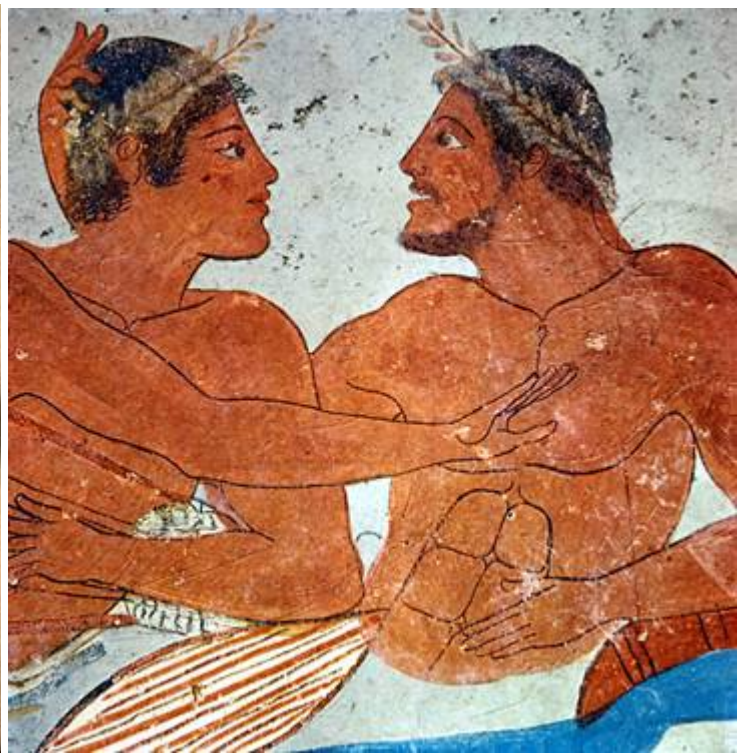
Фреска, на которой изображен корабль минойской эпохи («Оружие и доспехи воинов Троянской войны», Часть 7 «Корабли и колесницы», <http://alternathistory.com/oruzhie-i-dospekhi-voinov-troyanskoi-voiny-chast-7-korabli-i-kolesnitsy>);

Колесничий и воин в шлемах из кабаньих клыков, реконструкция фрески из Пилоса XIII в. до н.э. («Троянская война: корабли и колесницы», <https://topwar.ru/84280-troyanskaya-voyna-korabli-i-kolesnicy.html>);

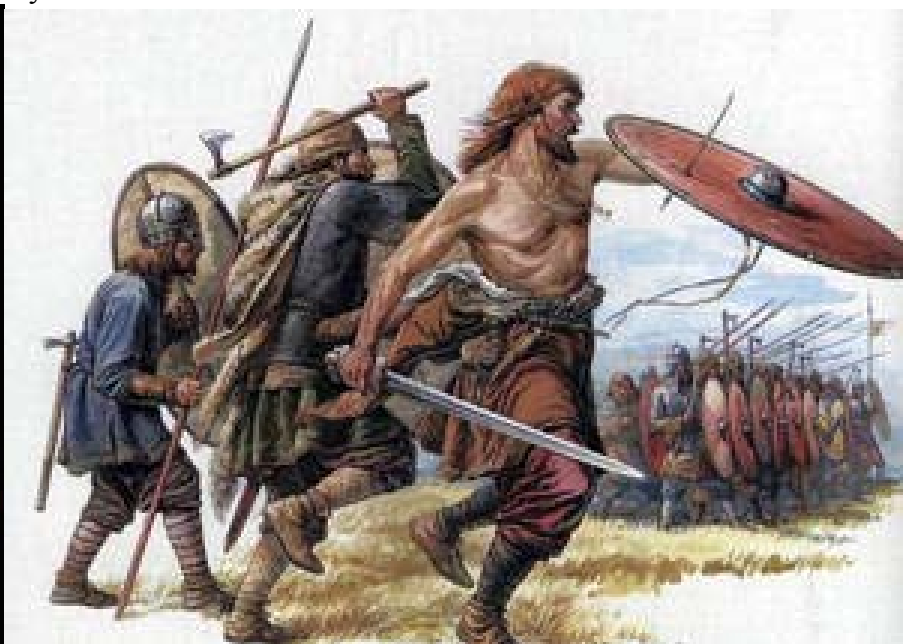

Греческий воин. Фреска. IV в. до н.э. (http://www.historie.ru/uploads/posts/2012-05/1336311726_voina-grecia.jpg);

Фрески из «Гробницы ныряльщика» (Пестум, Италия; греч. Ποσειδωνία), открытые в 1968 г., являются уникальным образцом монументальной греческой живописи периода ранней классики. Датируются 480 – 470 гг. до н.э. (<http://sarmata.livejournal.com/229908.html>; <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6315>).

О том же, что темно-краснокожими были ранее не только сарматы, но и славяноязычные античные германцы с готами включительно, и кельты, и балты, а также и все другие потомственные индоевропейцы, большинство современных историков предпочитает «застенчиво» умалчивать:

Реконструкции внешности готы (<https://antropogenez.ru/goty/>).

К тому же это имеет место, несмотря даже и на то, что в языках большинства индоевропейских народов слова, означающие чёрный, коричневый, чермный, вишнёвый,

малиновый и другие тёмные оттенки красного цвета, являются однокоренными как со словами, означающим туловище, торс, тело и кожу, так и с экзоэтнонимами самих потомственных индоевропейцев. И такое ведь действительно возможно лишь в случае, если праиндоевропейцы были тёмно-краснокожим этносом, проживавшим в высокогорных долинах Центральной и Южной Азии. Поэтому-то римляне и отличали плохо славяноязычных и балтоязычных германцев (гермионов = тервингов = червян = сербов; др.-греч. «ἑλμινς», англ. «helminths», нидерл. «wormen», нем. «Würmer», лтш. «tārpiem» – «гельминты, черви», лит. «kirminai», итал. «verme», португ. «vermes», латгал. «tuorps», «лтш. «tārps», чеш. «červ» – червь; гот. «waugms», норв. «orm», итал. «serpe», неаполитано-калабр. «servone, serpe» – змея) как от тёмно-краснокожих сарматов, так и от таких же тёмно-красных (*кермных / *гермных / *термных / *сермных / чермных – цвета спелой вишни или же спелой малины, то есть тёмнокожих с ярким красноватым и синеватым отливами) северо-восточных кельтов (возможно, романизовавшихся славяноязычных германцев):

«Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, венетов и феннов (очевидно, тёмно-краснокожих античных обитателей фенноскандии финнедов = венедов, – П.Д.) к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя, почти как сарматы. Венеты многое усвоили из их нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам (к славяноязычным и балтоязычным чермным германцам, – П.Д.), поскольку и дома строят, и носят [большие] щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстрое пехоты – это все отличает их от сарматов, живучих в повозке и на коне...» (Тацит, «Германия», 46, [https://www.e-reading.club/chapter.php/1009656/48/Solovev -
_Drevnie_slavyane._Tainstvennyye_i_uvlekatelnye_istorii_o_slavyanskom_mire._I-X_veka.html](https://www.e-reading.club/chapter.php/1009656/48/Solovev_-_Drevnie_slavyane._Tainstvennyye_i_uvlekatelnye_istorii_o_slavyanskom_mire._I-X_veka.html); <http://podelise.ru/docs/index-25367503-1.html?page=27>);

«Сложные этнополитические события, имевшие место в истории Центральной Европы в конце первой половины I тыс. до н. э., получили отражение в целом ряде исторических, лингвистических и этнографических фактов, которые без подобного допущения представляются совершенно непонятными, ввиду чего большинство ученых обходят их в своих комментариях молчанием. Важнейший среди них – это сообщение Тацита о том, что «котины (кельтское племя, – В.К.) считаются германцами, но говорят по-галльски». Тот же Тацит называет в числе германских племен кимвров, имя которых звучит чисто по-кельтски и язык которых современные лингвисты относят к числу кельтских наречий. Только глубоко зашедшим процессом захвата и германизации (в то время пока лишь славянизации, – П.Д.) кельтских земель и племен можно объяснить выражение Тацита о том, что «нервяне (возможно родственные славяноязычным германцам нертереанам – предкам славян неретвян, – П.Д.)... чересчур гордятся своим германским происхождением» (Тацит. Германия, 28, 43). А ведь всего каких-то сто-сто пятьдесят лет до этого Цезарь знал это племя как галльско-белгское, но отнюдь не германское). На северо-востоке кельты были, вероятно, ассимилированы позднее летто-литовским племенем аистов, про которых Тацит

говорит, что «язык их схож с британским». Кроме того, аисты (эстии) имели сходные обычаи с германскими племенами. Как те, так и другие обожествляли «мать-землю», «праматерь богов»...» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st004.shtml>);

«2. Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво... Ведь эти племена (чермные галлы и германцы, – П.Д.) по природе и по общественному строю не только похожи, но даже родственны друг другу; они живут в сопредельной стране, разделяемой рекой Реном; большинство их областей сходны (хотя Германия расположена севернее), если сопоставить южные области одной страны с южными другой, а северные сравнивать с северными. Благодаря этой черте их характера переселения у них совершаются легко, так как они движутся толпами со всем войском или вернее поднимаются всем родом, теснимые другими, более сильными племенами...» (Страбон, «География», кн. IV, <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1267761076>);

«Основываясь на работах Куна, считавшего, что между германцами и кельтами к западу от Везера и Аллера обитали индоевропейские, но негерманские и некельтские племена так называемого «Северо-западного блока», Мейд высказал предположение, что первоначально этнонимом «*germānī*» кельты называли именно эти (гермные / чермные, – П.Д) племена, а затем он стал использоваться для обозначения перешедших Рейн и занявших их территорию (бледнолицых, – П.Д.) германцев (*germani cisrhenani*) (Meid 1987), о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что многие названия левобережных племен, считающихся германскими, были явно негерманскими (*ibid.*). Заимствовав кельтский этноним в эпоху Римской империи, словом «*germānī*» римляне стали называть всех германцев. Впервые в таком значении этот термин появляется, по-видимому, у Цезаря (Andreocci 2008)... Древние германские языки не дают нам никаких оснований для признания этнонима «*germānī*» германским и для признания существования этого этнонима как германского самоназвания в эпоху Римской империи. Античные источники свидетельствуют о том, что в это время в германских (очевидно, всё же в славянских, – П.Д.) языках вообще не было общего самоназвания германцев» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf).

И, действительно, происхождение многих племен кельто-германского или точнее кельто-славянского порубежья, устанавливаемое на основе сообщений античных источников, до сих пор является спорным:

«СЕГНЫ (лат. *Segni*) – племя в Белгике, по-соседству с эбурунами и треверами, этническое происхождение спорно. Его относят как к кельтам, так и к германцам. Источники: I до н.э. – Caes. B. G. VI. 32. 1» (Вера Буданова, «Варварский мир эпохи Великого переселения народов», <http://www.istmira.com/istdr/varvaskij-mir-epoxi-velikogo-pereseleniya-narodov/page/292/>);

«ТРЕВЕРЫ {лат. Treveri, Treueri...} – кельтизированное германское племя, жившее в Эйфеле и Арденнах, перешло на сторону Цезаря. В I в. н.э. треверы обитали в бассейне Нижнего Мозеля. Начиная с IV в., древние авторы относят их как к кельтам, так и к германцам. В долине Альтбахталь вблизи Трира треверы имели около семидесяти священных мест. Славились своей конницей. Другие формы и варианты названия: Treviri, Triueri, Τριβέροι» (Вера Буданова, «Варварский мир эпохи Великого переселения народов», <http://www.istmira.com/istdr/varvarskij-mir-epoxi-velikogo-pereseleniya-narodov/page/320/>).

Возможно потомками не только славяноязычных юэчжийцев, но и балтоязычных меотов тарпетов, торетов / торитов и других троксолан / *туорквингов / *црвингов – червонных (латгал. «tuogrs», лтш. «tārps» – червь; шор. «торғу», тюрк., монг. «торго / torga», «torgu» – шелк) были как кельтизированные треверы, так и германизовавшиеся в тёмные века туринги / тюринги, турциклинги = геркулы / герулы / гелуры и славянизовавшиеся дзекающие венеты тервинги / червяне = сербы, травуняне / тревуняне, требовляне, тунгры = *тунглебы / дулебы – словаки и воляняне, дреговичи, драгувиты, далеминцы / долеминцы и многие другие не только исконно славяноязычные, но и прежде кельто- или же балтоязычные племена.

5.2 Славяноязычие тёмно-краснокожих сарматов, юэчжийцев, аланов и античных германцев

А, так как предки большинства современных германцев были бледнолицыми, подобно римлянам, то конечно же античными германцами, плохо отличаемыми римлянами как от черных сарматов, так и от черных бельгийских галлов (очевидно, латинизировавшихся потомков славяноязычных вельтов) были вернувшиеся к оседлому образу жизни своих северно-китайских предков славяноязычные потомки серов, жунов, юэчжийцев (великанов жунов – вельтов / велатабов / велетов / вильтинов / вилькинов = вильцев, волотов / волохов = валлонов, ютунгов / ютов, ётунгов / гётов / гаутов) и других славяноязычных сарматов и аланов-торков:

«Словом, далеко не случайно исследователи, хорошо знакомые с историей культуры древности, напоминают о том, что иньская цивилизация многим сходна с культурой ряда полуседлых племен-степняков, столь заметных на политической арене Западной Азии в том же 2 тысячелетии до н.э. Как правило, эти племена, достаточно знакомые и с земледелием, и с бронзой, но предпочитавшие воинственную судьбу скотовода и охотника и имевшие в своем распоряжении запряженных в боевые колесницы лошадей, нередко вихрем обрушивались на территории, издавна возделывавшиеся местными земледельцами, завоевывали их и затем оседали. Так было с хеттами, гиксосами, касситами, ариями (с серами джоусцами – сарматами и с их потомками славяноязычными античными германцами, – П.Д.)» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rus-obr.ru/idea/1828>);

«В описываемое нами время сарматы теснили как савроматов, так и скифов, занимали их территории, причем расселялись не только в степи, но и в лесостепи, где, как когда-то скифы, частично перешли к оседлому образу жизни. Любопытно, что при этом они перестали насыпать курганы! Но сами погребения остались типичными сарматскими, то есть вполне определяются археологически. Это очень интересно: видимо у тех, кто перешел к земледелию, не было времени на сооружение курганов, да и места, пригодные для пашни, ценились высоко, их жалко было занимать курганами! Как бы то ни было, это еще один этнический «слой» на интересующей нас территории... В результате на интересующих нас землях археологически видится странная картина: вся полоса южного леса и лесостепи, от Карпат до Днепра, превращается в место встречного движения двух потоков разнокультурного и абсолютно разноэтнического (на самом деле родственного, – П.Д.) населения: с юга – степного (славяноязычных сарматов = аланов-торков, – П.Д.), оседающего на землю, с северо-запада – земледельческого (славяноязычных античных германцев, – П.Д.), тоже оседающего на эту же землю! Самое интересное заключается в том, что эти потоки не «сталкиваются лбами» на каком-то условном рубеже, а двигаются друг сквозь друга, в результате чего часть сарматов доходит до леса и оседает на юге бассейна Припяти, а часть «пшеворцев» доходит до низовьев Днепра и оседает в степи... И это еще не все! Чуть позже, в конце II века н. э., по всей этой территории с северо-запада, через Припятское Полесье и дальше на юг, вниз по Бугу, через Среднее Поднепровье, вплоть до побережья Черного моря и Нижнего Дуная, катится волна так называемой вельбаркской культуры (славяноязычных готов: гревтунгов / грутуннов = хорутан, тервингов / червян = сербов и родственнах им гепидов / гельбидов = хорватов, – П.Д.). Она исходит с германской территории, с юга Скандинавии, прокатывается через территорию пшеворской культуры, частично прихватывая «пшеворцев» с собой, и интенсивно движется на юг, небольшими коллективами оседая по дороге. Заметим попутно, что, если бы они там не оседали, археологи о них ничего бы не знали» (Алексей Бычков, «Славяне, кто вы и откуда?» в сб. под ред. Анатолия Тараса «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=12>);

«Страна Кельтогалатия, ее середина на долготе 26 30 и широте 49 50 (1592). Страна Германия, а это земля славян (краснокожих ас-сакалиба, – П.Д.), ее середина на долготе 36 40 и широте 52 0 (1593)...» (Извлеченная Абу Джа'фара Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми из книги «География», которую сочинил Клавдий Птолемей», <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/IX/Choresmi/text2.phtml>);

«Абаев приводит около 200 (скифских, – П.Д.) слов-основ. При исследовании их он делает вывод, что имеется значительное количество слов, которые не поддаются объяснению ни из греческого, ни из иранского. У Миллера, как мы видим, результат аналогичный. Причем даже те слова, что переведены, характеризуют в сущности древнеиранский язык, а не скифский. То есть не имея доказательства ираноязычности скифов, имена предположительно скифские были переведены посредством древнеиранского и осетинского языков. И то, что значительное количество слов (у Миллера по трем основным

(по находкам) городам – Ольвии, Танаиду и Пантикапею – больше половины) не поддается переводу, говорит о неправильности выбранного ключа перевода (древнеиранского и осетинского языков), иначе результат был бы иным. Даже такой важный этноним, как «скифы», не может быть объяснен посредством иранского языка. Не следует забывать о существовавшем в те времена обычае – заимствовать имена других народов. Об этом писал Иордан, упоминает о возможности заимствования и Миллер. И это ставит под сомнение принадлежность иранскому языку даже переведенных, посредством древнеиранского или осетинского языка, имен. Неуверенность в достоверности результатов ощущается даже у творцов ираноязычной теории. Высказывание Миллера уже приводилось выше. Вот что пишет В.И. Абаев: «Мы выставляем формы [словарные], которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли. И еще: «ограниченность и специфичность материала – почти исключительно собственные имена – полное отсутствие фразеологии ставят исследователя в тесные рамки. А дефектность передачи вносит во многие предлагаемые разъяснения элемент неуверенности и гадательности». Что ж! – справедливо. Но тогда и выводы не должны быть столь категоричными... В Певтингеровых таблицах (балтоязычное, – П.Д.) славянское племя венедов названо сарматами «Venadi Sarmatae». К сарматам (сермным = чермным, – П.Д.) причислял венетов и Плиний. Славянские (балтоязычные, – П.Д.) племена вандалов или венедов называл сарматами также Прокопий Кесарийский. В Иоакимовской летописи, как пишет В.Н. Татищев, славяне именуются сарматами» (Юрий Яхонтов, «Летопись славян-россов с древнейших времен до Рюрика // Ираноязычны ли были скифы?»),

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111148.htm>);

«...вместе со всеми был тут и Сегест, выделявшийся ростом и осанкою и спокойный от сознания, что всегда безупречно соблюдал союз с нами... Все было неблагоприятно для римлян: топкая почва, засасывавшая остановившихся и скользкая для пытавшихся двигаться, тела, стесненные панцирями; и воины, увязавшие в жидкой грязи, не могли как следует метать дротики. Херуски, напротив, привыкли сражаться в болотах, отличались большим ростом (как и другие потомки аланов-торков и других славяноязычных юэчжийцев, – П.Д.) и своими огромными копьями могли разить с очень далекого расстояния. Только ночь избавила от разгрома дрогнувшие уже легионы...» (Корнелий Тацит, «Анналы», кн. 1, <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1347001000>);

«...12. «Вкруг одного залива, – пишет Эйнхард, – обитают многие народы. Северное побережье и все прилегающие к нему острова занимают даны и свеоны, которых вместе мы именуем Нортманнами. На южном берегу живут склавы, хаисты и другие многочисленные племена, из которых главные – велатабы», что также зовутся вильцами... 14... Еще дальше – между женщинами и Руссией, – говорят, живут виссы (потомки бессов [лат. Bessi, греч. Βησσοί] вепсы / весь, – П.Д.), мирры, ламы, скуты и турки (suomi = suebi – свебы-торки; перс. «tār», пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – «тёмный, чермный», – П.Д.)... 21... О Свеонии также пишут древние авторы Солин и Орозий. Они сообщают, что большую часть Германии занимают свевы, населяющие предгорья вплоть до Рифейских

гор... Тацит называет свефов именем свеонов... 24. Между Нордманнией и Свеонией живут вермилены (лат. «Vermilani»; вульг.-лат. *vermill, каталан. «vermell», галис. «vermello», португал. «vermelho» – красный; пост.-пра-и.е. *w̥r̥mis, протогерм. *wurmiz – «червь, змея», – П.Д.), финнеды (виннеды = венеды; греч. «φοινῶς» – багряный, – П.Д.) и другие народы... Кроме того, существует еще неисчислимо множество других свеонских народов, из которых, насколько нам известно, в христианство обращены только готы, вермилены (возможно, родственные покинувшему Скандинавию «гадам / змеям» – тервингам = червьянам = сербам, – П.Д.) частично скритефины и их соседи...» (Адам Бременский, «Деяния архиепископов Гамбургской Церкви», кн. IV, http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br/adam_buch4.phtml).

5.3 Славяноязычие свебов (славов) – предков балтийских славян и юго-западных финнов (финнедов)

«В латинских источниках свебы впервые появляются у Цезаря в Записках о галльской войне (Suevi) (ср. особенно Caes. IV 1-3). У Тацита этот этноним пишется с «b» (Suebi). Написание Страбона и Птолемея (Σουηβοί) не дает возможности определить, какой именно губной согласный передавался буквой «β», смычный или щелевой, поскольку изменение «b > v» в греческом произошло еще до н. э. Считается, что написание «b» и «v» у латинских авторов свидетельствует об изменении «b > v» в латинском в эпоху империи (Neumann 1992). Следует также учитывать, что общегерманские звонкие /b d g/ были щелевыми между гласными, и, следовательно, формы с «v» могли у латинских авторов быть естественным отражением такого произношения. Корневой ударный гласный у ранних латинских авторов выглядит как долгое «ē», о чем свидетельствует латинское стихосложение «ē» (ibid). О долготе «ē» свидетельствует и греческое название свебов Σουηβοί и изменение «ē > ā» (слёвы > слāвы, – П.Д.) в скандинавских и западногерманских языках, произошедшее в первые века нашей эры. У более поздних латинских и греческих авторов (Прокопий из Кесарии, Иордан) и в древних германских языках этот гласный имеет вид долгого ā. Предполагается, что название «Suēbī», в отличие от названия «germānī», имеет германское происхождение. Существует несколько вариантов его интерпретации. Свебов (*слёвов > слāвов > савов > швабов, – П.Д.) связывали с корнем, со значение «свободный», сохраняющимся и в русском слове «свободный» (Grimm 1868; в античности произносимом славяноязычными германцами как «слободный», ср. сербохорв. «слобода / sloboda» – свобода, – П.Д.), и с корнем, имеющим значение «сонный» (slep-) в значении «отсталый» (Müllenhoff 1920), и с корнем со значением «парить (передвигаться)» (sweb-) (Zeuss 1837)» (Юрий Кузьменко, «Самоназвание германцев и исконное значение этнонима Suebi / свебы», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-09.htm>);

«Основываясь на работах Куна, считавшего, что между германцами и кельтами к западу от Везера и Аллера обитали индоевропейские, но негерманские и некельтские племена так называемого «Северо-западного блока», Мейд высказал предположение, что первоначально этнонимом «germānī» кельты называли именно эти (славяноязычные

*гермные / чермные – темно-краснокожие и брахикранные, – П.Д.) племена, а затем он стал использоваться для обозначения перешедших Рейн и занявших их территорию (прежде тюрко- и финноязычных бледнолицых и долихокранных, – П.Д.) германцев (germani cisrhenani) (Meid 1987), о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что многие названия левобережных племен, считающихся германскими, были явно негерманскими (ibid.). Заимствовав кельтский этноним в эпоху Римской империи, словом «getmānī» римляне стали называть всех германцев. Впервые в таком значении этот термин появляется, по-видимому, у Цезаря (Andreocci 2008). Поскольку «германские» признаки лучше сохранились у более диких свебов и исчезали у соседних с Римом германских племен, можно предположить, что до непосредственного соседства с Римом и эти племена имели такие же признаки, что и свебы. Судя по всему, в эпоху Римской империи мы имеем дело не с объединением германских племен вокруг свебов, как полагали Венкус и Тимпе, а с обратным процессом, т. е. с распадом, благодаря контакту с кельтами и Римом, бывшей германской (= свебской) этнической общности. Причем чем ближе к кельтам и Риму находились германцы, тем скорее они отдалялись от (славяноязычных, – П.Д.) свебов. Этническое германское (свебское) единство оказывается гораздо более древним, чем эпоха Римской империи, когда уже многие соседние с Римом (славяноязычные, – П.Д.) германские племена перестали осознавать свое единство со свебами (как с германизовавшимися предками швабов и с финнизовавшимися предками эстонцев и финнов – брахикранными аланами-торками *суэби / суоми, так и с покорёнными ими потомками бастарнов – долихокранными свеями = шведами, – П.Д.). Вполне вероятно, что свебское (= германское) этническое единство существовало, по крайней мере, до второй половины I тыс. до н.э. (после чего большинство мигрировавших из Северо-восточного Китая славяноязычных античных германских племён было ассимилировано германизовавшимися долихокранными аборигенами Северо-восточной Европы, – П.Д.). Причем свебский этнос «своих» сформировался в контакте с северными соседями саамами (не случайно самые северные свебы свеи (свионы Тацита) сохранили самоназвание, восходящее к возвратному местоимению «свои» до наших дней) и с югозападными и юговосточными соседями, к которым в разное время относились этносы, называемые германцами венетами (и венетами), вальхами и айстами» (Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика», <https://zapdoc.site/rannie-germancy-i-ih-sosedi.html>; https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf);

«Финны Славяне последние люди Севера, заняли едину страну мира едва жителствуему, были добрые саидачники, и во метании копия с великою скоросиею. Не бе ин народ пристоинеишии паче сего. Бивалися стрелами болшими и широкимя. В звероловениях похвалялися: не пребывали во едином месте, но обитание их было блудящее и неизвестное, на некоторых бревнах закривленных и загнутых [сиречь на лыжах] претекали по горам покрытым снегами убежати же или достигнути неприятеля были скоро легки, обаянники все во своей жизни...» (Мауро Орбини, «Славянское царство // О Финнех или Феннех славянех», http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Mavro_Orbini/text2.phtml?id=10719);

«И согласясь, по завещанию Гостомыслову, избрали князя от варяг, называемых

руссов. Варяги же были разных названий, как то: свии (шведы), урмань, ингляне и гуты (готы). А сии отдельно варяги руссы (се есть финны [очевидно, алано-торкские знатные рода финнедов / виннедов = венедов из Руси-тюрк, возможно, являющиеся наряду с последними предками брахикранного населения Эстонии и юго-запада Финляндии, – П.Д.] зовутся» (Василий Татищев, «История Российская», 2 часть, <https://www.litres.ru/vasily-tatischev/rusdomoskovskaya-istoriya-rossiyskaya-vo-vsey-ee-polnote/chitat-onlayn/>);

«Очевидно, именно с рутенами-венедомы связан распространенный в Прибалтике обряд погребения с конем, обряд, который часто считают литовским (савроматским роксоланским, – П.Д.), хотя он отсутствует у многих литовских племен и, напротив, имеется за пределами Литвы, в том числе по побережью Эстонии, где располагалась «Русия-тюрк», т.е. «Русия» алан или роксалан... Комментатор (Адама Бременского, – П.Д.) имел больше познаний о норманах и русах. Выше упоминалось его много разъясняющее обозначение одной из Русий – «Русия-тюрк». Это, очевидно, часть донских «руссов-тюрк» (тёмно-краснокожих руссов-торков и других потомков славяноязычных караболгар и карахазар, – П.Д.), о которых писал в XII в. Идриси. Комментатор является единственным западноевропейским автором, прямо указывающим на разные и по языку и по культуре «Руссии» на Балтике. В ряде добавлений он упоминает «Русь» в связи с событиями главным образом в германоязычных землях. В одном из них сказано о том, что польский король Болеслав в союзе с Оттоном III (ум. 1002) подчинил всю Славонию, Руссию и Пруссию. «Славония» – это либо Западное Поморье, либо вся территория балтийских славян. Руссия здесь занимает область между Славонией и Пруссией. Конечно, это не Киевская Русь, к этому времени достигшая вершин своего могущества при Владимире. Зато наивысший успех Болеслава в Поморье приходится как раз на период около 1000 г. Уже через несколько лет Поморье снова отпадет: лютичи выступают на стороне Империи, Волин возвращает независимость, ликвидируется епископство в Колобжеге. Соседняя с Пруссией «Руссия» могла находиться у устья Немана, но могла иметься в виду и тоже неясная «Руссия» из «Дагоме юдекс»...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-49.html>; <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-155.html>);

«В средние века исландцы, сознавая свою этническую идентичность, имея в виду существование взаимопонимания, называли общескандинавский язык датским языком, d;nsk tunga (буквально: донской язык). Мало того, они считали его одним языком с древнеанглийским, хотя этническое отличие англо-саксов и исландцев осознавалось еще более ясно, поскольку носители общескандинавского языка и древнеанглийских диалектов могли общаться друг с другом. Германцы могли общаться друг с другом и в более позднее время. Есть сведения и о том, что еще в 15 веке приезжающие в Крым немцы могли свободно общаться с крымскими готами» (Лариса Миронова, «Эти горячие германские парни Образцовые варвары?», <https://www.proza.ru/2015/03/30/1241>);

«На севере страны (Швеции, – П.Д.) обнаружили особые шведы, которые

отличаются от остальных шведов настолько же, насколько немцы от британцев. Причины может быть две. Первая: это население живёт на севере Швеции с очень давнего времени – по крайней мере, с более раннего, чем прибытие из континентальной Европы предков современных южных шведов, – и сохранило с тех пор свою разнообразную структуру. Вторая: в Norrland намешано столько разнородных компонентов, что регион в целом стал заметно отличаться от всех своих соседей» (Elina Salmela et al., «Swedish Population Substructure Revealed by Genome-Wide Single Nucleotide Polymorphism Data», <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3036708/>; <http://istorya.ru/forum/index.php?showtopic=4219>).

Некоторые сведения о расположении страны вермиланов можно отыскать в так называемых «Географических примечаниях» Николая Тингейрского (аббата бенедиктинского монастыря в Тингейри, в Исландии), умершего в 1158 году:

«Ближайшая к Дании страна есть Малая Свитьод, где находится Еландия (Eylandia), затем Готландия, потом Хелсингия (Helsingia), затем Вермия, потом две Квении, которые граничат с Биармией (расположены на востоке), лежащей к северу. От Биармии тянутся невозделанные земли от севера до пределов Гренландии» (С.К. Кузнецов, «К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение», кн. LXV–LXVI (1905, № 2 и 3), цит. по кн.: Александр Леонтьев, Марина Леонтьева, «Биармия: северная колыбель Руси», <http://book-online.com.ua/read.php?book=3025&page=96>);

«Как гласят предания и легенды, в незапамятные времена на Поморском Севере существовала могущественная страна БИАРМИЯ – Beormas (Беломорье, – П.Д.), так она называлась у англосаксонских писателей и Vjarmaland – в скандинавских сагах, занимавшая огромную территорию и обладавшую богатейшими запасами речной и морской рыбы, зверья, пушнины, моржовой кости, соли, серебра и жемчуга. Границы БИАРМИИ простирались, по одним источникам, от Северной Двины до Печоры и от Белого моря до Камы, по другим, – границы ее были еще шире и достигали на западе – Финляндии и на севере – Норвегии, захватывая побережье Белого моря и Кольский полуостров, т.е. территорию всего Русского Севера. За БИАРМИЕЙ следовала воображаемая и фантастическая страна Йотунгейм (Jotunheim) – «страна великанов» (ютунгов / витингов = викингов, гаутов / гётов / ютов / *ютичей / лютичей / вильцев = вилькинов / вильтинов / велетов / волотов = волохов / валахов = *влахов / улахов / уличей = ультинов / ультинзуров / ультизуров / альтцигиров, антов / ансов; кит. «Jù, Jùdà», венг. «hatalmas / *hantalmas» – огромный, – П.Д.), «отчизна ужасов природы и злого чародейства»...» (Александр Леонтьев, Марина Леонтьева, «Биармия: северная колыбель Руси», <http://dado.msk.ru/rlib/utf8/575902.html>).

Очевидно, именно, под влиянием славянских наречий финнедов = аланов-торков (аланов-русов) и развилась в финском языке флексинальность:

«...урало-алтайские языки находятся в периоде агглютинации; но финский, самый передовой из этого класса, почти достиг флексинального периода. Языки арийские

флексиональны, но в персидском, французском и английском языках изменения окончаний почти исчезли, и эти языки почти достигли аналитического периода. Чем дальше возвращаемся мы назад в истории арийского языка, тем более характер грамматики оказывается агглютинативным и тем менее флексиональным. Наиболее архаические из арийских языков, как, например, литовский, больше всего приближаются к угро-финской грамматике, ясной, простой и логической; тогда как в других арийских языках грамматические формы неопределенны и темны. С другой стороны, наиболее развитые из финских языков стали менее агглютинативными и более флексиональными. Профессор Макс Мюллер признает, что финская грамматика имеет более близкое сходство с арийскими языками, чем какая-либо другая. Он говорит даже, что «можно почти спросить себя, не вышла ли грамматика этого языка (финского) из периода агглютинации и не вошла ли в флексиональное течение вместе с греческим и санскритским языками». Д-р Шрадер признает неоспоримым, что арийские языки носят на себе следы, доказывающие, что они поднялись с низшей степени развития, более близкой к степени развития языков урало-алтайских. Финский язык, наиболее передовой из языков финно-угорских, приближается к арийским языкам по согласованию в числе и падеже прилагательного с существительным. Кроме того, в языках финских и арийских конечные глагольные корни очень сходны по звуку и значению; местоимения и другие образовательные элементы часто сходны; они употребляются одинаковым способом и имеют одинаково важное значение...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php).

5.4 Проблема этногенеза современных германцев

Конечно же вполне возможно, что не только темно-красные финнеды / виннеды = венедеды = вандалы, готы и гермионы (свевы, гермундуры, хатты, херуски и др.), но и большинство других высокорослых германцев (германиев / *тсермингов – церемисов / черемисов – чермных / темно-вишнёвых; санскр. «gaugá» – «каурий, красноватый»; санскр. «kr̥mi», цыган. «кэрмо», перс. «kirm», лит. «kirminas», дат., норв. «orm» / *gorm, др.-прусск. «girmis» – червь; лат. «cerasus», греч. «κεράσι», хинди «cheree», тамил. «jetti», бенг. «cēti», панджаби «caīṭi», курманджи «qeresī», тадж. «гелос», азерб. «gilas», лтш. «ķirsis», нем. «kirsche», макед. «цреша», англ. «cherry» – вишневый; санскр. «kr̥ṣṇa», швед. «grumlig», дат. «grumset» – «мутный, тёмный»), обладавших крупным телосложением, были потомками чермных савроматов и сарматов, ставшими вести оседлый хуторянский образ жизни:

«Жители Германии отличаются крутым нравом и крепким сложением. Это – дикие люди, дух свой они закаляют войной, а тело – напряжением и холодом. Не достигшие совершеннолетия не пользуются одеждой. Подростки у них достигают зрелости очень медленно. Взрослым мужчинам одеждой служит грубая накидка или лыко. Ничего другого они не надевают, как бы ни была сурова зима...» (Помпоний Мела, «О положении Земли», кн. III, http://annales.info/ant_lit/mela/03.htm);

«По замечанию А. Гуревича: «Археология заставила по-новому подойти и к проблеме

этногенеза германцев. «Germani» – не самоназвание, ибо разные племена именовали себя по-разному. Античные авторы применяли термин «германцы» для обозначения группы народов, живших севернее Альп и восточнее Рейна. С точки зрения греческих и римских писателей, это племена, которые расположены между кельтами на западе и сарматами на востоке. Слабое знание их быта и культуры, почти полное незнание с их языком и обычаями делали невозможным для соседей германцев дать им этническую характеристику, которая обладала бы какими-либо позитивными отличительными признаками, Первые определенные археологические свидетельства о германцах – не ранее середины I тысячелетия до н. э и лишь тогда «германцы» становятся археологически ощутимы, но и в это время нельзя всю территорию позднейшего расселения германцев рассматривать как некое археологическое единство (Монгайт, 1974, с. 325; ср.: Die Germanen, 1978, S. 55 ff.), Мало того, ряд племен, которых древние относили к германцам, по-видимому, таковыми или вовсе не являлись, или же представляли собой смешанное кельто-германское (точнее, кельто-балто-славянское, – П.Д.) население. В качестве своеобразной реакции на прежнюю националистическую тенденцию возводить происхождение германцев к глубокой древности и проследить их непрерывное автохтонное развитие начиная с мезолита ныне раздаются голоса ученых о неопределенности этнических границ, отделявших германцев от других народов. Резюмируя связанные с проблемой германского этногенеза трудности, видный западногерманский археолог вопрошает: «Существовали ли вообще германцы?» (Nachmann, 1971, S. 31; Ср.: Döbler, 1975)» (Александр Рогожин, «От Зигфрида до Рюрика. Эпическая история «варварской» Европы», <https://aloslum.livejournal.com/>; <https://aloslum.livejournal.com/profile>);

«С какой стороны примыкали к балтийцам славяне? На север от балтийцев находились западные (прибалтийские) финно-угры, на восток – восточные финно-угры. Следовательно, славяне могли быть или к западу, или к югу от балтийцев. Если они находились к западу (или юго-западу) от балтийцев, то в их языке должно быть совпадений с германцами больше, чем у балтийцев, и, наоборот, славяно-иранские связи должны быть слабее связей балтийско-иранских. Однако дело обстоит совсем иначе (и указывает на негерманоязычие античных германцев, – П.Д.). Мы не будем здесь касаться длительной полемики о древнейшем диалектном членении индоевропейской языковой общности. И в настоящее время высказываются на этот счет крайне противоречивые точки зрения. Интересующегося читателя отсылаем к содержательному и объективному очерку Н.С. Чемоданова, излагающему проблему древних связей германских языков с другими индоевропейскими языками (в сб. «Сравнительная грамматика германских языков». М., 1962. Ч. 1. Гл. I). Славяно-германские языковые изоглоссы восходят к временам, когда ни собственно славянских, ни собственно германских языковых групп еще не существовало; эти изоглоссы обычно не являются специфичными только для германцев и славян и находят в себе соответствие в других индоевропейских языковых областях. Однозначных свидетельств в пользу непосредственных контактов древних славянских и германских племен в века, предшествующие началу нашей эры, не имеется. Н.С. Чемоданов, исследуя славяно-германские лексические изоглоссы, приходит к выводу, что исконных славяно-германских лексических связей немного, причем почти полностью отсутствуют специальные славяно-

германские образования в производственной и социальной терминологии. Неширок круг и германо-балто-славянских лексических изоглосс. В то же время обширный и разнообразный германо-балтийские лексические параллели, связанные с различными сторонами трудовой деятельности, названиями частей тела, болезней, разнообразных явлений природы и т.д. Если прямые связи между древними германцами и балтийцами оказываются несомненными, то, «судя по данным языка, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть, не раньше начала нашего летоисчисления» (из-за отсутствия более ранних длительных контактов протогерманцев Фенноскандии с тервингами = червянами / сербами, гревтунгами / грутуннами = хорутанами и какими-либо другими славяноязычными античными германцами, – П.Д.)... Итак, общеславянский язык во второй половине I тыс. до н.э. имел безусловные схождения с древнебалтийскими диалектами и несомненные осязательные связи с северно-иранскими языками. В то же время особенности, которые объединяли его с общегерманским языком, как и с другими европейскими языками, имеют опосредованный характер и восходят к эпохе древнейших диалектных зон индоевропейского языкового состояния. Попытки обнаружить лексические и иные заимствования из общегерманского языка в общеславянский и обратно положительных результатов не дали. Старая гипотеза об особом германо-балто-славянском языковом единстве, которой продолжают придерживаться некоторые современные языковеды, является мало обоснованной и сомнительной. Иначе обстоит дело с балто-германскими связями. Наличие таких связей, длившихся продолжительное время, не подлежит сомнению. Все это может быть объяснено географическим положением древних славянских племен: древние славяне находились между балтийцами и северными иранцами. От германцев их отделяло какое-то другое население... (очевидно, восточные и днепровские балты – балтизированные усунями и другими савроматами потомки финноязычных скифов и угро-самодийцев динлинов, – П.Д.)» (Федот Филин, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектический очерк», <http://army.lv/ru/Iz-knigi-F.P.-Filina-Proishozhdenie-russkogo-ukrainskogo-i-belorusskogo-yazikov.../488/189>);

«Во II – IV вв. н.э. славяне входили в состав Черняховской культуры, территорию которой ученые отождествляют с Гэтским (Готским, – П.Д.) государством Германариха. В V в. славяне составляли большинство населения Гуннской державы Аттилы... После распада государства Аттилы славяне выходят на историческую арену (однако же под этнонимом германцы они вышли на историческую арену гораздо раньше, – П.Д.). В VI – VII вв. славяне расселяются на территории Прибалтики, Балкан, Средиземноморья, Приднепровья, достигают Испании и Северной Африки. Примерно три четверти Балканского полуострова были завоеваны славянами за столетие. Вся область Македонии, примыкавшей к Фессалонике, называлась «Склавенией». К рубежу VI – VII вв. относятся сведения о мощных славянских флотилиях, плававших вокруг Фессалии, Ахеи, Эпира и достигавших даже южной Италии и Крита. Почти везде славяне ассимилируют местное население. В Прибалтике – венетов и северных иллирийцев, в результате формируются балтийские славяне. На Балканах – фракийцев, в результате возникает южная ветвь славянства. Византийские и германские средневековые авторы называли славян «склавиными» (южная

ветвь славян) и «антами» (восточная славянская ветвь). Славян, живших по южному побережью Балтийского моря, иногда называли «венедями» или «венетами». Археологи обнаружили памятники материальной культуры склавинов и антов. Склавином (балтизировавшимся скифам и кельтам, – П.Д.) соответствует территория археологической культуры Прага-Корчак, распространявшейся к юго-западу от Днестра. На востоке от этой реки существовала другая славянская культура – пеньковская. Это были (балтоязычные, – П.Д.) анты» (Аполлон Кузьмин, «История России с древнейших времен до 1618 г.», кн. 1, [http://www.e-reading.club/bookreader.php/150668/Kuz'min -
_Istoriya_Rossii_s_drevneiishih_vremen_do_1618_g._Uchebnik_dlya_VUZov._Kniga_1.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/150668/Kuz'min_-_Istoriya_Rossii_s_drevneiishih_vremen_do_1618_g._Uchebnik_dlya_VUZov._Kniga_1.html));

«Среди населения черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья отдельные археологи склонны видеть существенный процент сармат. На антропологическом материале мы фиксируем несколько иную картину. Для сарматских групп разных территорий и хронологических периодов характерным считается сочетание брахикрании, широкого лица с умеренным его профилированием на верхнем уровне (Балабанова 2000). По нашим подсчетам, в данном регионе процент черепов с таким морфокомплексом на могильниках черняховской культуры небольшой (Рудич 2006). Это же отмечала М.С. Великанова на материалах могильников Молдовы. Но тут возникает аланская проблема. Археологи включают аланов в сарматский культурный круг. Однако в археологии существует ряд концепций происхождения алан: скифская, аорская, массагетская, алтайская, юэджейская, усуньская. Что касается антропологии, то тут также нет однозначности. На могильниках Украины, которые связывают с аланами, хронологически более ранних или синхронных черняховской культуре (Усть-Каменка, Черноречье, Инкерман) доминирует брахикранный и широколицый (сарматский) тип. Он же характерен для населения междуречья Волги и Дона среднесарматского времени, в котором видят аланов. Однако надо учесть, что ряд средневековых аланских серий V – XIII вв. оказывается морфологически и статистически ближе скифским, чем сарматским сериям. Недавно были опубликованы материалы позднесарматских погребений (Балабанова 2004). Они также скорее находят аналогии в скифской среде, чем среди сарматского массива. В этой ситуации можно предположить, что морфотипы отдельных средневековых аланских могильников были получены в наследие от скифов. Следовательно, если в черняховское время под обобщающим именем аланы фигурировала и часть скифов или их потомков, то их костяки, найденные на могильниках черняховской культуры, антропологи будут интерпретировать как скифов, которыми в биологическом плане они являются. Аланов можно относить к сарматскому культурному кругу, это право археологов, но генетически они связаны с разными группами, в том числе и скифскими. Надеемся, что появление антропологического материала из погребений ранних алан даст возможность уточнить позиции. До решения этого вопроса представления антропологов и археологов относительно сарматского компонента в составе черняховской культуры могут существенно отличаться» (Татьяна Рудич, «Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии», <https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-chernyahovskoy-kultury-dunaysko-dnestrovskogo-mezhdurechya-po-materialam-antropologii>);

«Итак, что же такое черняховская культура. Это одно из самых странных и археологически пестрых образований на земле будущей Украины, частично Беларуси и России. Это огромная территория, простирающаяся от низовьев Дуная до низовьев Днепра, от Карпат до днепровского правобережья, а местами и до Северского Донца, и от верховьев Днепра до побережья Черного моря. Но, несмотря на свою поразительную археологическую, а стало быть, исходную этническую пестроту, это – единая культура, в чем археологи убедились, раскопав на этой площади более четырех тысяч памятников, ей принадлежащих. Это огромное количество открытых, ничем не защищенных сельских поселений, от маленьких, в 7–10 жилых строений, до огромных, где более сотни жилых и хозяйственных построек. Во многих из них стоят попеременно и наземные дома – срубы, и полуземлянки разных строительных традиций, явно занесенных сюда разными (славянизированными готами и аланами, – П.Д.) народами. ...все доморощенное ремесло, принесенное сюда разными народами, было вытеснено продукцией крупных ремесленных центров: изготовленная на гончарном круге и прекрасно обожженная керамика, с формами, присущими римской провинции, черная и цветная металлургия, кузнечные и ювелирные изделия, оружие, ткани и т. д. Почему это важно? Да потому, что говорит о сложившейся на этой огромной территории регулярной системе связей, которая превращала местное население из странного конгломерата чуждых друг другу людей разных культур, разных языков, в единый народ, связанный как минимум торгово-обменными отношениями. Здесь уже есть четкое разделение труда между сельскими хозяевами, ремесленниками и воинами. Несомненно, есть и профессиональные торговцы, налаживающие обмен продукцией не только внутри этой территории, но и с Римской империей: на поселениях найдены импортные амфоры и клады римских монет (кстати, датирующие материал!). Воинское сословие тоже выделяется своими погребениями с оружием, но жило оно еще в тех же поселениях, что и все остальные» (Алексей Бычков, «Славяне, кто вы и откуда?» в сб. под ред. Анатолия Тараса «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=12>);

«За ними – миксы, евагры, отингис. Все они живут по-звериному в иссеченных скалах, как бы в крепостях. С внешней стороны от них находятся остроготы, раумариции, эрагнариции, кротчайшие финны – наиболее низкорослые из всех обитателей Скандзы, а также похожие на них виновилот; светида, известные в этом племени как превосходящие остальных [величиною] тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода, – они вытеснили герулов с их собственных мест, – пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего исключительного роста. Однако статностью сходны с ними также граннии, аугандзы, евниксы, тэтель, руги, арохи, рании... Все эти племена, превосходящие германцев (здесь, именно племена Германии, а не Скандзы, – П.Д.) как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью...» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text1.phtml?id=576>);

«Называя (потомков высокорослых верхних аорсов балтоязычных яньцай = антов и таких же высокорослых балтоязычных роксолан, – П.Д.) ругов и раниев в числе выходцев с

того же «острова Скандзы», Иордан замечает, что это были «племена, превосходящие германцев как телом, так и духом». Иными словами, племена с «острова» различались даже «телом». Это отличие просматривается и по антропологическим данным, на что весьма основательно указала Т.И. Алексеева: «Если считать готов носителями так называемого германского (долихокранного, – П.Д.) комплекса черт, то ни в одном месте, где можно было бы ожидать наличия готов, этот комплекс не просматривается» (обнаруживаются останки лишь брахикранных славяноязычных готов и мезобрахикранных балтоязычных антов, – П.Д.)...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-89.html>);

«В первый раз славяне (славянизировавшиеся балты руги, – П.Д.), населявшие Рюген упомянуты в письменных источниках под 690 г. как Rugini в сочинении Беда Достопочтенного. Позже они упоминаются как Rugiani, Ruiani, Roiani и т.д. Раннее написание этнонима «руги» как «Rugini» является латинизированной формой самоназвания населения острова, воспринятой у автохтонного населения. Данную точку зрения подтверждает цитата из «Церковной истории» Беда Достопочтенного: «священник Эгберт... знал, что в Германии обитают многие народы, от которых ведут свой род англ и саксы, ныне живущие в Британии; по этой причине их соседи-бритты до сих пор искаженно зовут их «гарманами». Среди этих народов – фризы, ругины, даны, гунны, древние саксы и боруктуары». В этом отрывке руги названы в числе германских народов. Поскольку Беда Достопочтенный завершил свой труд около 731 г. (этой датой заканчивается его труд), перед нами яркое свидетельство того, что в конце VII – начале VIII вв. ругов соседние народы считали германцами (гермными = чермными – темно-красными, – П.Д.), несмотря на то, что по археологическим источникам славянское население проживало на острове уже около полутора столетий. Современная топонимика острова, на котором до наших дней сохранились такие названия, как Ruge Barg, Rugenhof, Rugeshus, Rugard, также говорит о позднем пребывании здесь (славяноязычных, – П.Д.) ругов-германцев. Особый интерес представляет собой переход «gug-» в «gus-» в таких топонимах, как Ruschvitz и Rusevase. Название населенного пункта Ruschvitz происходит от славянского Ruskovici, то есть «русковичи», название второго также связывают с древним славянским населением...» (Анна Молчанова, дисс. «Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье», <http://www.trueforum.ru/topic/41/>);

«Таковы слова, бывшие в употреблении у древних вандалов, и все эти слова суть славянские – для всякого, знающего этот язык, это совершенно ясно. На этом основании можно с уверенностью утверждать, что готы, остrogоты, визиготы, гепиды, геты и упомянутые вандалы были славянами (точнее, не только балто-славяноязычными потомками брахикранных сарматов [тервинги = червяне = сербы, гревтунги = кривисканы / кривисканы, гревтунги = хорутане и аланы-торки], но и балто-славянизировавшимися потомками финноязычных долихокранных скифов [вандалы, визиготы] и фракийцев бессов [вепсы / весь], – П.Д.) и по роду и по языку, так как Прокопий Кесарийский, находившийся в войсках Велизария во время его походов против готов и имевший общение со всеми этими народами,

заявляет, что все они одного рода и языка, называемого, как он говорит, готским. О происхождении аланов написал Петр Крусбер в своем труде о северных народах, где он отмечает, что они были венедским, или славянским, племенем. То же самое утверждает и Матвей Меховский в 13-й главе I книги, где пишет, что аланы, вандалы, свевы и бургунды были из польских земель и говорили на одном и том же польском, или славянском, языке. Об этом же пишет и Еремей Русский в своих летописях. Пьерфранческо Джамбулари и Иреникус (I) утверждают, что чехи (Воеті) произошли от упомянутых аланов, которых Карл Вагрийский (II) называет славянским племенем. Крусбер (I) и Альберт Кранц (I, 22) причисляют к славянам также и верлов. Карл Вагрийский (III) пишет, что нашел во Франкфурте рукописную книгу одного автора, который, излагая историю Германии, убедительно доказывал, что верлы были славянами; и автор этот жил в столь давние времена, что, как было видно из упомянутого труда, мог застать внуков и правнуков верлов. Альберт Кранц в I книге «Вандалии» приводит несколько доводов в доказательство того, что верлы, или герулы, были славянами. Однако Гельмольд Пресвитер устраняет все сомнения, упоминая в числе славян, живущих на Венедском море, и этих верлов, которые, согласно Рейнекцию, жили по реке Гаволе. Некоторые писатели называют их герулами, но это неправильно, поскольку настоящим их именем было верлы, что по-славянски означает «необузданный, жестокий и надменный народ». О том, что именно эти качества историки приписывали верлам, пойдет речь в надлежащем месте...» (Мавро Орбини, «Славянское царство // Происхождение славян и распространение их господства», <https://unotices.com/book.php?id=96427&page=18>);

Темно-краснокожая аланка [роксолана] (Михаил Большаков, «Следы предков», https://ridero.ru/books/sledy_predkov/freeText);

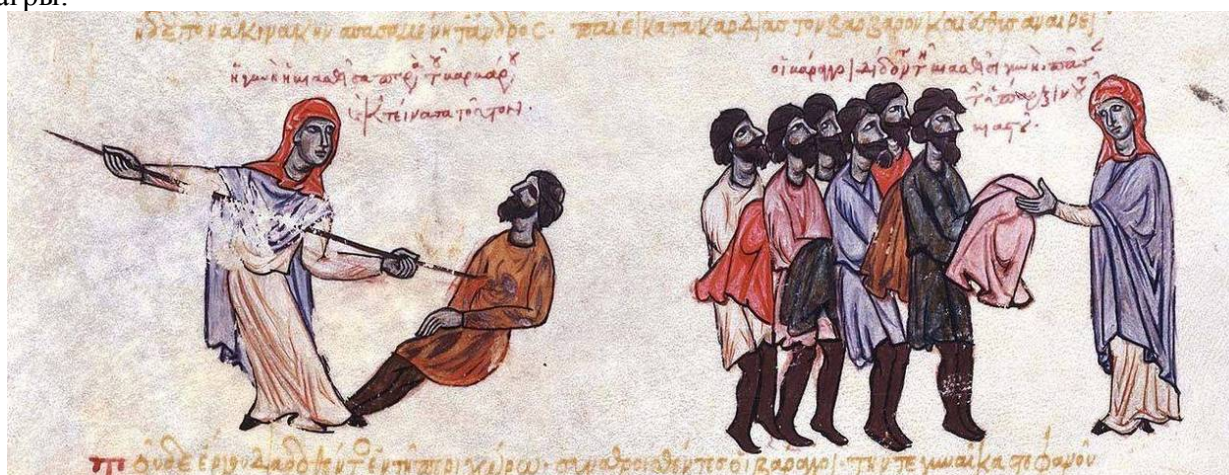
Знатный алан на мозаике конца V века. Мозаичный тротуар из британского музея. Раскопан в Бордж-Джедиде в 1857 году (Африка, Тунис, Карфаген). Дата: 5 – 6 век, <https://podskazok.net/drevnij-mir/kogo-i-pochemu-nazyvayut-vandalami.html>,

«Вандалы (вместе с аланами, – П.Д.) первыми достигли итальянского полуострова. Они переселились в Иберию, а затем пересекли Северную Африку в 429 году, где они основали королевство, которое также состояло из Сицилии, Сардинии и Корсики. Сардиния – лучшее место для поиска следов их ДНК, потому что, с одной стороны, это лучший изученный регион Италии, а с другой стороны, ни один другой германский народ не поселился там (кроме очень короткого готического правления), а это означает, что присутствие населения германского происхождения на острове было бы неоспоримо благодаря вандалам. Основываясь на подробном Y-хромосомном исследовании 1200 сардинцев Francalacci et al. (2013), у Vandals, по-видимому, было 35% R1a, 29% I2a2a, 24% R1b, 6% I2a1b и всего 6% I1. Субсклады были идентифицированы как I1a3a2 (L1237 +), I2a2a (L699 + и CTS616 +), I2a1b (M423 +), R1a-Z282 (включая некоторые Z280 +), R1a-M458 (L1029 +), R1b-U106 (Z381 +), R1b-L21 (DF13 > L513 +), R1b-DF27 (Z196 > Z209 +). Вероятно, причина для поднятого (Proto-) Slavic R1a и наличия восточно-европейского I2-M423 заключается в том, что вандалы остались в Польше, прежде чем переехать в Римскую империю. Таким образом, более трети вандалистских мужских линий были протославянскими (точнее балто-славянскими, – П.Д.)» (Maciamo Нау, «Генетическая история итальянцев», https://www.eupedia.com/genetics/italian_dna.shtml); http://en.wikipedia.org/wiki/User:Brambleberry_of_RiverClan/Wikipedian-Uncyclopedian_War#mediaviewer/File:Vandal_horseman.jpg);

«Значит, вокруг Цобтена сохранился будто бы накрепко приколоченный к нему остаток вандалов, постоянно подвергавшийся метисации, но все-таки не полностью растворившийся в среде позднейших мигрантов. Немногие останки, найденные археологами в погребениях, свидетельствуют, что вандалы были высокорослыми, ширококостыми людьми, с удлинёнными черепами (такой тип антропологи именуют долихоцефалами, или долихоцефалами), имели узкие носы (и, следовательно, не являлись сугубо потомками брахицефальных сарматов / сермендов = античных германцев, – П.Д.). Если бы они не столь ревностно практиковали обычай трупосожжения и помещения пепла вкупе с остатками костей в урны для последующего погребения, археологам, возможно, удалось бы отыскать в одном из одерских болот какого-либо из вандальских витязей, так сказать, в натуральном виде, целиком» (Вольфганг Акунов, «Вандалы, происхождение, расцвет, закат...», Ч. 1, <http://www.imha.ru/page.2,1144546171-vandaly-proishozhdenie-rascvet-zakat-.html#.YUUDNzV3bkc>);

5.5 Черноволосые потомки античных германцев варяги-вагры и другие балтийские славяне

Черноволосыми потомками славяноязычных античных германцев были и варяги-вагры:

Фракийская женщина убивает варяга. Миниатюра из хроники Иоанна Скилицы. XII – XIII века (©Biblioteca Nacional de España, <https://arzas.academy/materials/716>; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:A_Thracesian_woman_kills_a_Varangian.jpg);

«Адам Бременский в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» пишет о ваграх и русах, причисляя их к «славянским народам». Адам размещал варягов-вагров в Гольштейне, который входил в состав области, населенной вандалами. На востоке к ним примыкали ободриты. Историк Гельмольд из Босау, автор «Славянской хроники», родился в Вагрии. Детские и юношеские годы его, сакса по национальности, прошли в селении Незенне, в земле вагров. Таким образом, он со сравнительно раннего возраста жил среди славян, знал их язык. О Старгороде он писал следующее: «Альденбург, что на славянском языке зовется Старигард, то есть «старый город», расположен в земле вагров, на западной стороне

Балтийского моря, и является пределом Славии. Город же этот <...> некогда населяли храбрейшие мужи, так как, находясь на переднем крае всей Славии, они имели соседями датчан и саксов, и все военные столкновения или сами первыми начинали, или, если нападали другие, принимали удар на себя». Интересно замечание араба аль-Масуди, который упоминает среди славянских народов Средней Европы «аль-варангабин». А Димешки, говоря о «варанк» – варягах, называет их не просто славянами, а «саклаб ас-сакалиба» – «наиславянейшие славяне или славяне из славян» (точнее, найтемнейшие из тёмно-красных, – П.Д.). Ад-Димашки (1256 – 1327), рассказывая о «море Варенгском» (Варяжском), поясняет, что варяги «есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие <...> Они суть славяне славян...» Большое значение имеет рассказ Адама о маршруте вдоль южного побережья Балтийского моря. Так, от Гамбурга и Эльбы за семь дней пути по суше можно было достичь города Волин. А от него за две недели под парусом можно было доплыть до Новгорода. К этому стоит добавить, что историки фиксируют «Вагирское предание» об обладании вагирских князей землей дальнего народа» (С.С. Алексашин, «Хроника Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского», http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_04.pdf);

«Напротив, западные ветви, вагры, бодричи или рароги, велеты или лютичи, ратаре, себя назвали не по месту жительства, а по тому племенному свойству, которым, видно, наиболее дорожили, и это свойство, выраженное во всех этих различных именах, все одно и то же: храбрость. Слово «вагор» объясняется санскритским «вагара» – храбрый, удалой, немецким «wacker» – мужественный, и сохранилось, с небольшим изменением начальных звуков, в русском областном (костромском) выражении «угар» – удалец; бодричи, очевидно, значит люди бодрые, лютичи люди лютые, ратаре происходит от слова «рать, ратники», что велеты, другое название лютичей, также означало храбрость, о том свидетельствует даже древний историк: «четыре племени, Кичане, Черезпеняне, Доленчане и Ратаре, говорит Гельмольд, прозываются по храбрости Вильцами (немецкая форма слова «велеты») или Лютичами»: и действительно, велет то же, что русское областное и беларуское слово «волот», т.е. богатырь, и сравнивается с санскритским «валита» сильный. Замечательно это обилие воинственных прозвищ у передовых балтийских славян, так что одно и то же племя имело два таких прозвища, а ветвь ратарей даже три, одно частное (ратаре), и два общих, племенных (велеты и лютичи). Наконец, и другое имя бодричей, «рароги», объясняется польским и чешским словом «рарог» (сокол) и быть может даже, по аналогии с рарогами, что имя варнов взято не от реки, на которой они жили, а значит вороны (балтийские славяне вместо вран произносили варн): по крайней мере, название их реки, Варнова, своим окончанием, кажется, намекает на то, что она прослыла по варнам, а не варны по ней» (Александр Гильфендинг, «История балтийских славян», <http://flibusta.site/b/333527/read>);

«Первый аргумент – подмеченное С.П. Толстовым (С.П. Толстов. Нарцы и волохи на Дунае. – «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 29) удивительное совпадение племенных названий полабских, поморских и других западных славян с древнейшими, известными на данной территории этническими наименованиями рубежа первых веков нашей эры, которые

источники относят к восточногерманским народам. Племена висло-одерского междуречья первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры: Лугии, Ругии, Силинги, Вельты, Лемовии, Марсинги, Гелизии, Хатты с вождем Укрмиром (Страбон), Дидуны, Хизо-[барды], [Ланго]-барды, Земноны, Воланы, Вандалы, Варины. Западнославянские племена раннего средневековья (VIII–XII вв.): Лужичане, Ругяне или Руяне, Слензяне, Велеты-лютичи, Лемузы, Марачане (мораване), Геленсичи, Хуттичи, Дедошане, Хижане, Бодричи, Земчичи, Поляне, Венеды, Вагры. На отдельные из приведенных совпадений ученые и раньше обращали внимание, но объясняли это тем, что славянские племена, заселившие территорию Восточной Германии в VI–VII вв., переняли племенные имена своих германских предшественников, которые незадолго перед тем почти полностью покинули занимаемую ими прежде землю. Однако, как справедливо замечает С.П. Толстов, «заимствование племенных названий явление крайне редкое в истории», а перенятие победителями имен побежденных представляет и вовсе «исторический нонсенс, обсуждать который с ученым видом можно только при заранее принятом желании доказать недоказуемое...» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st006.shtml>);

«Здесь оговоримся, что первичные источники ни к каким восточно-германским племенам эти народы не относят. У римлян они именуются просто «германцами» (гермными / чермными – «тёмно-красными», – П.Д.). «Восточно-германскими» эти племена называют только историографические труды 19-ого – 20-ого веков. Давайте же и мы перечислим эти парные названия. Первым будет идти античное название, через дефис ранне-средневековые, славянские варианты (как сохранившиеся этнонимы славяноязычных античных германцев, так и этнонимы, перенесённые на славян после славянизации балтизированных ранее европейских аборигенов [Иосиф Первольф, С.П. Толстов, Б.А. Рыбаков, В.П. Кобычев], – П.Д.). Итак:

варины ([лат. Varini] / варны [лат. Varni, Warni, греч. Οὔαρνοι] / вары [греч. Ουαροι] – варны, вари, вагры, они же видимо, те самые варяги ([ср.-греч. «βάραγγος», ср.-лат. «Varangus»], варязи / варези / фрязи = фризы = хросы / урусы / русы; чуваш. «вырас» – русские; протоиндоевроп. *wrdhos, др.-перс. *wrdā-, венг. «vörös» – красный, греч. «βερτζω» – розовый, перс. «ward» – роза, русск. «варзия» – «красная краска», – П.Д.);

лугии ([лат. Lugii, греч. Λούγιοι] / легии [лат. Legii], – П.Д.) – лугии, лужичане (а также и *лехии / лехи / ляхи, – П.Д.), римляне описывают племя, состоявшее из многих более мелких племён, средневековые лужицкие сербы также включали в себя многочисленные более мелкие племена: мильчане (вильцы; лит. «milžinas» – великан, – П.Д.), спреване, жаране, безунчане, далеминцы, слупяне, плони и т.д.;

руги (Rogaland в Норвегии, [лат. Rugi] / ротги [лат. Rotgi], – П.Д.), рутиклии (греч. Ρουτίκλειοί / Ρουτίκλιοι, – П.Д.) – руги, ругиане, руяне (нем. «Ruhm» – слава; серб. «руйан» – «темно-красный, бурый»);

силинги ([лат. Silingi / Sylingi, греч. Σιλίγγαι], а также силленды [лат. Sillende, франк. Sinlendi] – венделы / виндела / вандалы, – П.Д.) – слензяне (зиляне, зличане – венеды, – П.Д.);

вельты ([греч. Ουέλται], а также вильтины / вилькины, – П.Д.) – велеты, вильцы, они же лютичи (а также мильчане, веричане и фризы = *хрисы / хросы / русы, – П.Д.);

лемовии (лат. Lemovii, – П.Д.) – лемузы;

марсигны ([лат. Marsigni] и морины [лат. Μορινοί] в Бельгике, – П.Д.) – моричане (марачане / мороване, – В.П. Кобычев; чеш. «moře» – «море, тьма»; исп. «moreno» – коричневый; зенд. «мара», перс. «mâr», пушту «mâr», тадж. «мор» – «змей, змея», – П.Д.), жили в районе нынешнего Мюриц зее, или по-славянски озеро Морче;

гелизии (лат. Helisii, – П.Д.) – геленсичи;

хатты ([лат. Chatti, греч. Χάττοι] / кайты [лат. Caiti] / каззы [лат. Gazzî] = гессы и хаттуарии [греч. Χαττουάριοι], – П.Д.) – хуттичи, или худичи; вождя хаттов по сообщению Страбона звали Укрмиром, в средневековье в Полабье жило племя укрян (возможно, также кадусии [греч. Καδούσιοι], кидариты = *коудары / козары / хазары, – П.Д.);

дидуны (греч. Διδουνοί; лит. «didelis» – «большой, великий, отличный», – П.Д.) – дедошане;

хизобарды – хижане, или кисины одно из племён подчинявшихся руянам;

земноны (семноны [лат. Sentiones, греч. Σέμνονες] / семоны [лат. Semones] – великаны; др.-греч. «σεμνόν» – величие, «σεμνός» – священный, – П.Д.) – земчичи;

вандалы ([лат. Vandali / Wandali, греч. Ουάνδαλοι] / бандалы [лат. Bandali] / винделы [лат. Vitideli] / гунандалы [лат. Gunaudali]; ваны = жуны = гунны [англосак. Hunum], – П.Д.) – вандалы (венеды, венендеры, вёнды, баяндурь = берендеи – «внешние, приграничные»; венец – «внешний обод», англ. «baundarī, border» – «межа, граница, пограничный», – П.Д.); (а также в соответствии с перечнем племён, приведённых в книгах Веры Будановой «Готы в эпоху Великого переселения народов», [http://historylib.org/historybooks/V-P--Budanova_Goty-v-epokhu-Velikogo-pereseleniya-narodov/] и «Варварский мир эпохи Великого переселения народов» [<http://www.istmira.com/istdr/varvarskij-mir-epoxi-velikogo-pereseleniya-narodov/>]):

венеды / винедаы [лат. Venedi / Venethae / Venethi, греч. Ουενέδοι, англосакс. Winedas] – вёнды [нем. Wenden] / винды / винулы / виниты = *винеды / финнеды [лат. Finnedi], [великие, багряные, внешние, проживающие обособленно – одиноко, отдельно: ст.-слав. «венти» – великий; греч. «φοινώς» – багряный; норв. «end», дат., нем. «ende» – «конец, край»; жемайт. «vėins», лит. «vienas», лтш. «viens», латгал. «vīns» – один; лтш. «vientuļš» – «одинокый»; англ. «unit», франц. «unité», лат. «unio», исп. «uno», кит. «yī» – единица; укр. «одинаця», курманджи «unsûreke», тадж. «унсури», кит. «Yúansù», япон. «Genso / Yōso», кор. «wonso» – элемент];

батавы [лат. Batavi, греч. Βατάβοι] / батины [греч. Βατίνοι] / баталы [греч. Βατάλοι] = *бандавы / вандалы, бангионы [лат. Bangiones] / вангионы [лат. Vangiones, греч. Ουαγγίονες] – вандалы, винулы, вёнды (союзы балтских и славянских племён);

боланы / бораны, булоны / буланы [греч. Βούλανες], валанды [лат. Valandi] / вандалы, аланы – поляне, велюнзане, вельняне, валинана / воляняне, балынцы [вольные богатыри / пахлаваны; ст.-сл. «исполь, поленикъ, сполинъ», укр. «велетень» – «исполин, волот, великан»; эст. «väline» – внешние; англ. «alone», нидерл. «alleen», швед. «allena» – «один, одинокий, единственный»; ст.-слав. «пол» – берег, «планина» – гора, «полонина» –

«плоскогорье, слабо всхолмленная горная поверхность»];

ансы [лат. *Ansi*; готское племя великанов, предки рода Амалов; ст.-нем. «*Enz / Anzi*» – великан] – анты [греч. Ἄνται; кит. «*an, andan*» – «тёмный, мрачный, тусклый», «*hóngsè*» – красный; хинди «*andhera*», гуджар. «*Andhakāra*» – «темнота, тьма»; санскр. «*antas*» – край; хинди «*ant*», маратхи «*anta*», тадж. «*анчоми*», польск. «*końca*» – «конец, край»; швед. «*ensam*», норв. «*ensom*» – одинокий; англ. «*ān / one*», гот. «*ains*», ст.-слав. «*ѣднѣ / ѣдинѣ*», словен. «*édən / éna / éno*» – один; арм. «*anjat*» – отдельный];

готы [лат. *Gothi / Gotthi / Guise*, греч. Γότθοι / Γόθοι, готск. *Gutans / Gytos*, англос. *Hrædas*] / гунты [лат. *Gunthi*] / гонты [лат. *Gonthi*] / коты [лат. *Coti*], ёты / гёты / гауты / геаты [швед. *Götar / Göter*, др.-исл. *Gautar*, др.-англ. *Geatas*] – балтоязычные гуды [лит. *Gudai* – ятвяги, литвины = беларусы] = языги и *каны / *ганты / анты; славяноязычные гуды = гуты / готы / гузы, гачане / гадчане / гедчане / гудускане / гудуски, х́удичи / хутичи (польск. *Chutyca / Chutyzi*), житичи, ходы [франц. «*haut*» – «высокий, высший, верхний, верх, вершина»; англ. «*head*», норв. «*hode*» – «голова, глава, верхушка»; курд. «*hût*» – великан; азерб. «*hündür*» – высокий; великан»; баск. «*handi*» – большой; шотл. «*Gàidheil*» – горцы; кит. «*gǔdai*» – древность; кор. «*godae*» – древний; осет. «*кад*», англ. «*kudos*», лит. «*guõdas*», лтш. «*gũods*» – «честь, слава»; хинди «*ādara*», лтш. «*godu*», укр. «*гідність*» – «честь, достоинство»; русск. «*негодяй*» – «индивид, потерявший своё человеческое достоинство»; чеш. «*hodný*» – «пригодный, достойный, способный»; англ. «*good*», нем. «*Gut*» – «благо, добро, польза»; тадж. «*хазидан*» – ползать; чеш., словц., в.-луж. «*had*» – «уж, гад, гадюка»; хорв. «*guja*» – змея; венг. «*göte*» – саламандра; панджаби «*gõṭī*», лат. «*gens*» – племя; сорани «*hoz*» – «племя, народ»; эвенк. «*хутэ*» – потомок; нидерл. «*gezin*», англ. «*house*» – семья; и.-е. «*хот, хат, кот, кат*» – «жилище, дом, селение»; нем. «*hüten*», нидерл. «*hoede*», япон. «*gādo*», кор. «*gadeu*» – охрана; кит. «*gudan*» – одинокий, «*gudu*» – «одинокий, уединённый, обособленный»; венг. «*huszár*» – «всадник, гусар»; каннада «*Kattale*» – «темнота, тьма»; индонез. «*hitam*» – «смуглый, черный»; лит. «*kūnas*», польск. «*kadłub*», кит. «*quti*» – «тело, корпус»; лат., исп., португ. «*cutis*», нидерл. «*huid*», швед. «*hud*», лит. «*oda*», хорв. «*koža*» – кожа; нем. «*Haut*» – шкура; укр. «*готар*» – «межа, граница»; укр., блр. «*кут*», цслав. «*кѣтъ*», болг. «*кът*», сербохорв. «*кут*», словен. «*кóť*», чеш. «*kout*», словц. «*kút*», польск. «*kať*», в.-луж., н.-луж. «*kut*», турец., кр.тат. «*köşe*» – «угол, тупик»; праиндоевр. **kant-*, лат. «*cantus*», шв. «*knut*», япон. «*kado, hazi*» – угол];

квады [лат. *Quadi*] / квадры [лат. *Quadri / Cuadri*, греч. Κοβαδροί], кондурсы [лат. *Coudurses*], *асу-арии / хасуарии [лат. *Chasuarii*] / тасуарии [лат. *Thasuarii*] / касуари [лат. *Casuarii*, греч. Κασουάριοι] – *куады / *коудары / кидариты = козары / хазары / *аз-ары, касоги = казаки [венендеры = венеды; венг. «*koszogú*» – «венец, корона, диадема»; казах., башк. «*кызыл*» – красный; лат. «*hazel*» – «карий, ореховый»; лит. «*oda*», лтш. «*āda*», нидерл. «*huid*», арм. «*kashi / kaši*», хорв. «*koža*», – «кожа, шкура»; др.-инд. «*ahi-*», авест. «*aži-*», греч. «*ἄχις*», н.-луж. «*huž*» – «змея, червь»; словен. «*каса*», англ. «*asp*» – «гадюка, змея», греч. «*ἀσπίς, ἰδος*», укр. «*гаспид / аспид*» – «змей; злой дух, диавол»; праслав. **Qzь / *qžь*, польск. «*wałż*» – уж; тадж. «*хазидан*» – ползать; санскр. «*kaścid*» – «один, кто-то, некий»; курманджи «*cuda*» – «другой, отличающийся»];

игиллионы / ингильоны = инглины / инглинги? [др.-сканд. *Ynglingatal*, др.-исл.

Yngling], ингевоны / ингвеоны [лат. Ingaevones / Ingävonen / Ingväonen, древнегерм. Ingwīaiwen], ангриварии [лат. Angrivarii, греч. Ἀγγριουάριοι] / ангры [лат. Angri], ангилы [греч. Ἀγγίλοι] / англы / англии [лат. Anglii] = оногуры / унпугуры – ангилы / англы, анклии, кутригуры, альтцигиры / ультинзуры / ультизуры [лат. Ultinzures, греч. Ουλιζουροι] = ультины / улютичи / угличы [евр.-хазар. Uglisnus] / уличи [лат. Unlizi, арм. Улахи = Влахи / Валахи], велетове / велатаби / велетабы [лат. Weletabi, нем. Uueletabi / Uuelletabi / Uelatabi / Uuelezabi] / вильцы [нем. Wilte] = вильтины / вилькины, валахи / волохи / волоты [лат., порт. «alta» – высокий; санскр. «áṅga» – тело; лат. «anguis», лит. «angis» – змея; швед. «enkel» – «простой, несложный, скромный, отдельный, особый»; англ. «angle», каннада «aṅcīna», телугу «aṅcūku», хинди «kōṅa», укр. «кут» – «угол, край»; лат. «ultimum» – край; укр. «хотар» – «все принадлежащие селению земли»; кит. «qū, qūyù», сербохорв. «xàṭar» – «край, область, округ»; словен. «határ» – «граница, местность»; д.-в.-н. «huntari», др.-шв. «hundari» – «часть округа»; венг. «határ» – «граница, рубеж»; др.-греч. «καθαρός» – «свободный, чистый, ясный, яркий»; хинди «kaṭṭara» – «матёрый, зядлый»; Волоты (велеты) – восточнославянские мифологические персонажи / великаны];

баймы [греч. Βαίμοι] / байнохумы [греч. Βαινοχόμοι] – баяндуры / берендеи, ваюннты [англ. «baundarī» – «межа, граница, пограничный»];

вангионы [лат. Vangiones] / *варнгионы / ворады = бораны [греч. Βορανοί] / варны – барангуры = берендеи / баяндуры, варны / варнабы [нем. Warnabi, Warnalii, Warnahi, Varnahi], вари / вары / вэрины / *варинги / вэринги / варанги = варяги [ст.-слав. Варязи, др.-рус. Варагъ, Вараги, Варагы, др.-сканд. *Váringr, Væringr, др.-исл. Væringjar, лат. Varangi, греч. Βάραγγοι, араб. Warank], вагры [лтш. «varonis» – герой];

бердилии [лат. Berdili] – берзиты / верзиты, берсилы / барсилы / баслы [горцы-драконы; босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»; греч. «βασιλίσκος» – дракон];

ломбарды / лангобарды / вондобарды [лат. Vondobardi] = винилы / *виндилы, венделы – вэньоуто = венендуры / венедеры = венеды = винулы [смуглые горцы или великаны; беларус. «венджаны» – «копченые, в смысле смуглые»; лат. «longus» – высокий, гот. «bards» – великан];

адуюты [лат. Aduatuci], атаул [лат. Athaul], хаттуарии [греч. Χαττουάριοι] / аттавары [лат. Attuari], юты [лат. Iutia, нем. Juten], гёты / гауты [швед. Götar, Göter, др.-исл. Gautar] – юэчжи / *утии / ятии / атии, аттасии, тохары / атагоры / атагуры [лат. Athaguræ] = атторози [лат. Attorozi] = утургуры / утригуры / утигуры = ясы [франц. «haut» – высокий, высший; лат. «atra», праслав. *[o]тсермъ – «тёмный, чёрный»; лтш. «odze», англ. «adder», чеш., слвц., в.-луж. «had» – «уж, гад, гадюка»; англ. «asp» – «гадюка, змея»; польск. «wąż» – «аспид, уж»; др.-инд. «ādīś» – начало];

эвдусы [лат. Euduses] / эдусы [лат. Euduses] / эдуры [лат. Edures] = хадобарды [англ. Heaðobards, ст.-англ. Heaðubeardan, ст.-в.нем. Headubarden] / *хизобарды – худичи / хутичи / хуттичи [польск. Chutycy / Chutyzi], хижане [обитатели горных вершин; англ., норв. «head» – «глава, голова, предводитель»; лтш. «vadītājs», лит. «vadovas» – «вождь, лидер, глава»];

убии [лат. Ubii, греч. Ουβιοι, нем. Ubier], отингис [лат. Otingis], ютунги [лат. Jutungi / Iuthungi, греч. Τουθουγγοι] / витунги [лат. Vitungi] / ютиунги [лат. Iuthiungi] / тутункры [лат. Tutuncri], юты [лат. Jutæ] = *утии / *атии – юэчжи, утигуры = ясы, *ютичи / *л'утичи /

лютичи = вильцы, витинги, вятичи, ятвяги = судава / дайнава [адамиты = кадим = адаби = ядавы; Jotunheim – «страна великанов»; «витинги» – название крестоносцами прусской знати; ст.-киев. «вितязь» – богатырь; швед. «jätte» – великан; «йети / энжей / хунгуресу» – «гигант, снежный человек»; кит. «Jù / Jùdà», венг. «hatalmas / *hantalmas» – огромный; ср.-чеш. «l'udie» – люди; лит. «jótis» – «ехать верхом»; нем. «hüten» – охрана; иврит «эдом / адом», др.-евр. «adamah», в клиноп. текстах «udûmu», в Септ. «Еδώμ, Ἰδουμαία, Ἰδομοίος» – «красный, рудой»; др.-греч. «ἰώδης» – «фиалковый, фиолетовый»; бенг. «Bādāmī» – «коричневый, карий, бурый»; жемайт. «juods», лит. «juodas» – чёрный; лат. «ater» – тёмный, исп. «atezado» – смуглый, «adustus» – «опалённый, смуглый»; латгал. «uoda», лтш. «āda», лит. «oda» – «кожа, шкура»; кит. «jīti» – «тело, организм»; англ. «adder» – «уж, гад, гадюка»];

*сугдины / судины [греч. Σουδινοί] / судены [греч. Σουσηνοί / Σουδεινοί] – согды / сугуды [арм. «soghal» – ползать], сагудаты, *сульды / сусельцы [лат. Sysyle, польск. Susłowie / Susowie] / сиуслы / суслы, балтоязычные судаваы [лит. Sūduviai, лтш. Sūduvi];

*тсумы / цумы / зумы [греч. Ζομιοί] = бурии [лат. Burii, греч. Βοῦριοι / Βοδριοι] – замчичи, земчичи, турки / торки = суоми / сумь [тёмные, смурые, бурые; «бурый» – «кофейный, коричневый, ореховый, смурый, искрасна черноватый»; н.-луж. «śamny», польск. «ciemnej», беларус. «цёмны», англ., франц. «sombre», лит. «tamsus», лтш. «tumšs», эст. «tume», фин. «tumma» – тёмный; греч. «σῶμα» – тело; возможно и переосмысление греческой кальки «σῶμα» с этнонима «гуды / готы»: польск. «kadłub», кит. «quti» – тело или же с этнонима «гунны / куны»: кельт. «gunna» – шкура, лит. «kūnas» – тело];

эбуроны [лат. Eburones] / эбороны [лат. Eborones], бурии / *бодриои [лат. Burii, греч. Βοῦριοι / Βοδριοι], фародины [греч. Φαροδινοί], афреды [лат. Afrede], варины [лат. Varini], аварины [греч. Αβαρινοί] / аварны [лат. Avarni] / абарины [греч. Αβαρινοί], бардулы [греч. Βαρδουλοί], ворады [греч. Βοραδεζ] / бораны [лат. Boranoi], убии [лат. Ubii, греч. Ουβιοι, нем. Ubier] / обии [греч. Οβιοι] – обры / авары / вархониты, ободриты [лат. Afrede, нем. Abtrezi] / бодричи, барангуры = берендеи / баяндуры, варяги [др.-сканд. Веринг / Væringjar, ст.-киев. Варагъ / Varengъ, ср.-греч. βάραγγος, ср.-лат. Varangus, араб. Varank] = верины [франк. Werini], варны, вари, вагры, голяне [лат. Glopeani], ополяне, поляне = аланы [англ. «worthy», лтш. «varonis» – герой; англ. «worm» – «пробираться ползком»; эст. «varisema», осет. «xelun» – ползти; англ. «worm», арм. «vord / vort» – червь; нидерл. «varen», лит. «plaukti», ст.-слав. «плути» – «плыть, ползти по воде верхом на лодке»; нидерл. «berijder», лтш. «braucējs», осет. «барæг», др.-слав. *барѣгъ / *варагъ, укр. «вершник» – всадник; кельт. «obag» – тщеславие; перс. «fag» – «блеск, великолепие, пышность»; согд. «rpn», «ftn», сакск. «rhaṅga» – «положение, ранг, достоинство, звание»; др.-перс. «farna», ср.-перс. «xvarrah» – «царская слава», «царское величество»; лат. «suprema» – «самый высокий», лат. «super», англ. «over», нем. «über» – «выше, свыше», нем. «ober», дат. «øvre» – «верхний, высший, главный»; укр. «обрій» – «видимый край земли – горизонт»; чеш. «obří», перс. «bāḷa» – верх; ирл. «bar» – «верхний, вершина»; др.-киев. *барѣгъ / «поль», польск. «brzeg», болг. «бряг» – «берег, край», болг. «планина» – гора, укр. «полонина» – «слабо всхолмленная вершинная поверхность»; словац. «obrie» – «гигант, великан»; гот. «bards», укр. «вергела» – «верзила, великан»; авест. «barəzah-», нем. «berg» – «гора, высота»; венг. «bérc» – «верх, вершина»; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»; лат. «faber», греч. «κόβαλος», чеш. «kováň»,

укр. «коваль» – кузнец; англ. «apart» – «отдельный, особый»; бенг. «Ālādā», кирг. «bölüngön» – отдельный; венг. «borús» – чёрный; англ. «brūn / brown, bera / bear, beofer / beaver», нем. «brūn / braun», др.-норв. «brūnn» – «бурый, коричневый»; порт. «bronzeado», франц. «bruni» – загорелый; др.-англ. «brand, brond», англ. «brand», др.-сканд. «brandr», др.-в.-нем. «brant», др.-фризск. «brond» восходит к праиндоевр. *gwher- – «греть, жечь»];

бургионы [греч. Βουργίωνες, Βοοργίονες], бардулы [греч. Βαρδουλοί], бурии / *бодриои [лат. Burgii, греч. Βούροι / Βοδριοί] – бургунды, болгары [лат. Pulgara], бодричи / *бордричи;

бургунды / бургундии [лат. Burgundii, греч. Βοόργουνδιοί] / бургундионы [лат. Burgundiones, греч. Βοοργονδιόνες] – уругунды (греч. Οορουγο~νδοί) / вуругунды, баркании [греч. Βαρκάνιοι] = баргалы / болгары [лат. Pulgara] / болгары [нем. «Berg» – «гора, гряда», «Balg» – шкура; др.-греч. «пергам», санскр. «пург / пур», нем. «бург» – «укрепленная часть города, крепость»];

бутоны [греч. Βοότωνες, Βούτονες], бургундионы [лат. Burgundiones, греч. Βοοργονδιόνες] / бутунты [греч. Βουτοδντες] – бутинцы;

оссии [греч. Όσοίοι] / оссеи [греч. Όσοαίοι], Оскии [лат. Oscii] – балтоязычные языги = гуды / ятвяги, славяноязычные ясы = утигуры;

узипэты / усипеты / усипии [лат. Usipetes / Usipii, греч. Ούοιπέται] – гачане / гадчане / гедчане / гудускане / гудуски, хутичи [польск. Chutycy, Chutyzi] / худичи / *гадичи [греч. «ἀσπίς, -ίδος», укр. «гаспид», лит. «gyvatė, žaltys», хорв. «guja», польск. «wąż» – «аспид, уж»; лат. «vipera», словен. «кача», англ. «asp» – «гадюка, змея»; лтш. «odze», англ. «adder», чеш., слвц., в.-луж. «had» – «уж, гад, гадюка»; латгал. «čyuška / čyuska» – змея];

гариы [лат. Harii], харинны [лат. Charinni], карины [лат. Carini], арии – карны / краинцы [лат. Carni / Carniolani / Crainer, итал. Charsi, греч. Καρνίοι], каринты / карантанцы [лат. Carentani / Carinthii / Khaerner], краинцы; англ. «argis» – «гребень, кромка, ребро, острый угол»; венецк. «caranto» – гора; кельтско-иллир. «caru» – скала; лат. «corium» – «кожа, шкура»; исп. «carne» – тело; англ. «carpal» – телесный; санскр. «kālī», хинди «kaala», бенг. «kālō», укр. «карий», хорв. «сна», польск. «czarny» – чёрный; лит. «geri», укр. «гарний» – «хороший, красивый»; лат., англ. «area», чеш. «kraj», укр. «край» – «ареал, область, зона»; эст. «eri», финск. «erillinen», турец. «aуг», узб. «айрим», татар. «аерым» – отдельный];

*хоруты / харуды (греч. Χαροδδες) / гаруды [лат. Charudes / Harudes / Arudes / Arachi; праслав. *Ньрудъ – «горид, горец»], асдинги [лат. Asdingi, греч. Ασογγοί] / ардинги [лат. Ardingi] / гардинги [лат. Gardiugi / Gardingi], хартунги / гартунги, *грайдунги [Егоров лат. *Hraidung] / ревдинги [Тацит лат. Reudigni / Reudignii], хредготы [англосакс. Hreðgotan] = гревтунги / грейтунги [лат. Greutungī / Greuthungi, англосакс. Hráedas, исл. Hraïð] / готуды [лат. Gotudi] / гротинги [греч. Γροθίγγοι] / грутунги / грутунны [лат. Grutunni / Gruthunni] / гротуны [лат. Grotuni / Grotoni, гот. *Hrôthuns] / грутунцы [лат. Grutunci] – постепенно славянизовавшиеся балты *гревиты / кревинги / кревы / кривичи [ср.-греч. Κριβιτζοί / Κριβιτσηνο], *кревисканы / кривисканы Мореи [греч. Κρίβησκαν, нем. Krivitzen], хоригти [лат. Horigti], *хрутунны / хороты / хорутаны / коротане / рузары = рутены / русины [баварский географ Ruzzi], хрёсы / хросы = русы, хурусы [хорезмийские «доблестные русы»] = хоразмии / хорезмийцы / хвалисы [Гардарики – «страна гардингов = грут-уннов (больших / великих гуннов) = хорутан = *хорутенов / хурусов / хросов / русов»; фин. «Ruotsi», эст.

«Rootsi» – Швеция; фин. «Ruotsimaa», эст. «Rootsima» – «страна скал»; лтш. «Krievs», лит. «Kriėvai» – русские; англосакс. «Hreðgotum / Hráedas» – [славные] готы = славяне; англ. «guards», хинди «gaard», турец. «gard», чеш. «garda», ирл. «gardaí», венг. «gárdisták», фин. «kaarti», алб. «goje» – «гвардия, охрана»; др.-сканд. «grīði, grīðmaðr» – «товарищ, телохранитель»; шумер. «гуруш», греч. «курос», франц. «гарсон», др.-киев. «гридь» – «парень, молодец, герой, безбородый воин»; перс. «гурд», лат. «heros», арм. «herosy», франц. «le héros» – герой; ст.-слав. «грѣдь», болг. «грѣд», чешск. «hrdý», словацк. «hrdy», польск. диал. «gardy», в.-луж. «hordy», н.-луж. «gjardy» – гордый; исл. «hrósa» – хвастовство; др.-сканд. «hrosa», англ. диал. «goose / руз» – хвалить; др.-англ. *hride = «pride» – «гордость, гордыня»; др.-инд. «сṛávas» – «слава, похвала, уважение»; авест. «Xardnah» – «слава, величие, блеск, сияние, харизма»; гот. *hrotps, исл. «Frægð», англосакс. «hreid», англ. «kudos», лит. «šlovė» – слава; польск. «kres» – «граница, конец, край»; кельт. «ger, gearr» – «территориально близкие, соседние»; лит. «greta» – «около, возле, рядом»; нем. «kriechen», англ., итал. «crawl», бенг. «krala», болг. «кроул» – ползти; укр. «хробак», панджаби «Kīṛā», курманджи «сṛg», кирг., турец. «kurt», каз. «кұрт» – червь; ст.-укр. «груд» – возвышенность; чеш. «hrot» – «вершина, верхушка, кончик», «hořejší» – «верхний, горный»; англос. *hrædas, англ. «ridge» – «хребет, горный хребет, конек, ребро, край, горный кряж»; нем. «Grat» – «гребень, хребет»; лтш. «grēda», фин. «harju, roots», эст. «hari, crest, roots» – «гряда, гребень, хребет»; словен. «grúda», чеш. «hrouda» – «груда, глыба»; греч. «σῶρος», чеш. «halda / hromada» – «груда, куча»; праслав. *grozdъ, укр. «гурт», «град» – «много, большое количество»; лат. «cardinālis» – «главный, основной»; алб. «kreu» – «голова, глава, руководитель»; укр. «голова, керівник» – «глава, руководитель»; санскр. «gigū» – «большой, тяжёлый, грузный»; англ. «gross», нем. «groß», фриз. «grut» – «большой, крупный»; укр. «гладкий» – толстый; др.-греч. «κολοσσιαῖος», нем. «kolossal» – огромный; англ. «great» – «большой, великий, отличный, огромный, прекрасный, сильный»; укр. «кремезный» – «высокий, громадный, крепкий, сильный»; праиндоевр. *g^wrandh- «большой, высокий», франц. «grand» – «высокий, рослый, сильный, огромный, крупный, большой, замечательный»; гот. *hrotps / «hrôth», англ. «greatness», нидерл. «grootte», нем. «Größe» – величие; лат. «fortis», гот. «hardus» – сильный, англ. «hard» – «сильный, жесткий, твёрдый, высокий, крайний»; нем. «hart», фриз. «hurde» – «жесткий, твёрдый», лтш. «grūts» – «жесткий, грубый»; сербохорв. «крут» – «толстый, твердый, грубый, тугой», словен. «krôb» – яростный, чеш., словц. «krutý» – «строгий, яростный, сильный, грубый», польск. «krety» – «крученный, извилистый, сильный», в.-луж. «kruty» – «крепкий, твердый, оцепенелый, строгий»; япон. «karada», нем. «href», русск. «круп» – тело; кит. «gouti» – «тело, телесный»; порт. «сого» – кожа; лит. «krauj», словен. «krvi», чеш. «krev», праслав. *хрѣда / *хруда, ст.-укр. «руда» – кровь; укр. «кривавий» – кровавый; лтш. «gussys» – кроваво-красный; др.-греч. «εὔ-χρως», нем. «rosig» – румяный; др.-греч. «χρῦσός / χρσός», иврит «charutz» – «червонное золото»; греч. «ρούσιος», лит. «rusvas», серб. «руйан» – «темно-красный, бурый»; лат. «russeus / russy», итал. «rosso», рум. «roşu» – красный; англ. «russet», лтш. «rūsgans», лит. «rusvas» – красно-коричневый; фин. «ruskea», лтш. «rusls» – коричневый; курманджи «reş» – черный; праслав. *хрѣда, праукр. *грѣйда, англ. «clay» – глина; укр. «крейда», нем. «Kreide» – «белая глина, мел»];

*хриды / фрисы [лат. Frisii / Phiresii, греч. Φρίοοι] / фрузионы [лат. Frusiones] = гунны / жуны, хред-готы / Hreidhgotar [англосакс. Hreðgotan] – пруссы, современные долихокранные фризы (потомки тюркоязычных саксов и балтоязычных усуней = языгов – фрисов / пруссов), брахикранные фризы / русы раннего средневековья (германизовавшиеся потомки балтоязычных фрисов и славяноязычных велетов / вильцев), славяноязычные хросы / хрёсы / русы [греч. εὔ-χρως, / χρῦσός / Χρυσή]; [гот. *Hrôthigutans – «славные готы», *Hrôthuns / гротуны – «славные уны / гунны / жуны»; англосакс. «hreid» – слава; др.-англ. *hride = «pride» – «гордость, гордыня»; гот. *hrotps / «hrôth», англ. «greatness», нидерл. «grootte», нем. «Größe» – величие; нем. «groß» – «высокий, сильный, крупный, большой, классный»; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; азерб. «hündür» – высокий; нем. «Hüne» – «гигант, богатырь»; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; баск. «handi» – большой; аккад. «huräsu», финик. «hrs», микен. «ku-gu-so», греч. «χρυσος» (chrysos) – золото; перс. «рухс» – «сияющий, огненный»; санскр. «rakt`a» – красный; марийск. «ракш»: 1. русый (о волосах) 2. гнедой, красновато-рыжий (о масти лошади); панджаби «hanērē» – тёмный; кор. «hunje», кит. «xūn» – «копчёный, опаленный <солнцем>»; лит. «kūnas» – «тело, корпус»];

*черуски / херуски [лат. Cherusci, греч. Χαρουσκοί / Χεροοαχοι / Χηρούσκοι / Χηροδσχοι] – хурусы / хросы / русы [вишнёвые; Ганс Кун не зря ведь считал, что суффикс -ск- [-sk-] не является германским; тадж. «гелос», азерб. «gilas», греч. «κεράσι», лтш. «ķirsis», тамил. «jēgī», бенг. «cēgī», хинди «cēgī kā», панджаби «caigī», лат. «cerasi», англ. «cherry» – «вишня, вишневый»];

скиры [лат. Sciri, Scyri, греч. Σκίροι, Σχύροι] / скеры [лат. Scoeri] / сокеры [лат. Soceri] / сиры [лат. Syri], балтизовавшиеся кельты скордиски [лат. Scordisci] (собственно то же самое, что и венеды – внешние [др.-прусс. «skārdā», польск. «skóga», укр. «шкіра» – внешний слой тела], но, возможно, и просто тёмные [греч. «σκούρος», итал. «scuro»]) – балтоязычные скаловы и романизовавшиеся балто-фракийцы склавины [греч. Σκλάβηνοι / Σκλαύηνοι / Σκλάβηνοι, лат. Sclaveny / Sclaviniae] / сакалиба [кор. «sukure» – «гнедой, каштановый»; нан. «сахарилā» – «тёмный, смуглый, загорелый»; тайский «sākuga», индонез. «sakuga» – вишнёвый; англ. «scarlet» – «багровый, багряный»], потомки серов: сянби [маньчжур. Sirbi / Sirvi / Sarbi] = сербы / сорбы [лат. Surfe, нем. Surbi] = сорты / сарты, сирматы / серменды [лат. Sermende], сарбаты / сарматы / *тариматы [ос. «Sawærmatae» – чернорукие; узб. «zulmat» – «мрак, тьма»; санскр. «śāgīra», англ. «trunk, torso» – «туловище, торс, тело»];

скререфенны [лат. Scirefennae] – склавины / скуты фенноскандии [внешние или багровые финны или же просто тёмно-багряные; «скорлупа» – внешняя оболочка; англ. «scarlet» – «багровый, багряный»; греч. «σκοτεινός», итал. «scuro» – тёмный; греч. «φοινῶς» – багряный, «σκούληκι» – червь; неаполитано-калабр. «scurzone» – змея];

дулы [лат. Duli], дулгумны [лат. Dulgumni] / дулгибины [лат. Dulgibini], тулингвы [лат. Tulingui] / толингвы [лат. Tolingui], тенктеры [лат. Tencteri, греч. Τένκτηροι] / тенкеры [лат. Tenceri, греч. Τένκεροι / Τέυκεροι], даны [лат. Dani, греч. Δανοί], лакринги / *данскриги / данкриги [греч. Δάγκριγοι], *тунгуры / тунгры [лат. Tungri, греч. Τοῦγγροι] – дулоба / дулебы / *dunklebi, германизовавшиеся брахикранные потомки славяноязычных тунгров = *танов /

данов / дунцев / дончан [др.-дат. *tanmarkaR* / *tanmaurk*, ст.-англ. *Dene*, нем. *Dänen*, дат. *Danskere*, польск. *Duńczycy*, ст.-укр. Дуны / Дунцы] и вестготов тервингов = червян – датчане; дайнава = ятвяги; тунгусы [тёмно-красные или тёмнокожие]; [аллитерация к *Dene* англосакс. «*dom*» – слава (этнонимы скандинавов в «Битве при Мэлдоне»); курманджи «*denet*» – ползать; ст.-англ. «*dun, duning*» – «тёмно-коричневый, чёрный»; лат. «*tenebris*», нем., швед. «*dunkel*», нидерл. «*donker*» – тёмный; кор. «*dunhan*», турец. «*donuk*», карач.-балк. «тунакы», англ. «*dingy*», лит. «*dulsvas*», фриз. «*dull*» – тусклый; норв. «*tungsindig*» – мрачный; кит. «тун-гань» – «все из Ганьсу», «дуньхуан» – сверкающий; норв., швед. «*skin*», исл. «*leður*», нем. «*Leder*», англ. «*leather*» – кожа; лит. «*luobas*», франц., каталан. «*liber*» – «луб, кора, лыко»; лат. «*truncus*», англ. «*trunk*» / **turunk*, укр. «тулуб» – «туловище, тело»; всё это хорошо соответствует первоначальному прозвищу тунгров «германцы» – гермные / дермные / термные / цермные / чермные – «тёмно-красные, тёмные, телесные»; укр. «доля» – судьба; лтш. «*daļa*» – «доля, часть»; кит. «*dān*» – один, «*duli*» – «отдельный, одинокий»; норв. «*denne / dette*» – этот; ст.-укр. «дунай» – «разлив воды, вообще большое скопление воды»; Танаис = Дон];

токсандри [лат. *Toxandri*], тюринги [лат. *Thuringi* / *T(h)ueringi* / *Thoringi* / *Duren* / *Duringen*] / ториги [лат. *Thorigi*] / торинки [лат. *Thorinci*] / таринги [греч. *Ταριγγοί*], торкилинги [лат. *Torcilingi* / *Thorcilingi*], торекады [греч. *Τορρεχάδα*], тореаты [греч. *Τορᾶται*], тарпеты – *троксоланы / роксоланы / токсоланы, доксани / дасси, торки / таркасы [лат. *Tarcazi*] / черкасы, дрангубиты / драгубиты / драговиты [алб. «*teft*», перс. «*tār*», пушту «*tor*», курманджи «*tarī*», тадж. «торик», осет. «*tar, talyng*», ст.-англ. «*deorc*», англ. «*dark*», ирланд. «*dorcha*» – «тёмный, черемый»; лтш. **[t]sarkans* / *sarkans* – красный; русск. «дремучий» – «темный, густой, непроницаемый»; греч. «*δέρμα*», англ. «*derm*», узб. «терн», курманджи «*çerm*», тадж. «чарм» – кожа; укр. «терен», польск. «*tarnina*», болг. «трънка» – терн; лат. «*terra*» – земля; арм. «*tart*» – элемент];

гельвеконы = гелпиды [лат. *Gelpidae*] / гепиды [лат. *Gepidae*, греч. *Γήπαιοες*] / гебиды [лат. *Gebidae*] – хорваты / *хробаты [лат. *Chrabaten*] / кроаты [возможно, потомки гельветов [лат. *Helvetii*]; англ. «*helminths*», лит. «*kirminai*», укр. «хробак» – червь];

германцы [лат. *Germani*, греч. *Γερμανοί*] / гербаны [лат. *Gerbani*] / гарманы [лат. *Garmani*] / *каурубаны = серменды [лат. *Sermende*] / сарматы – *каурубаты / хорваты / хробаты [лат. *Chrabaten*] / кроаты = червяне, хоригти (лат. *Horigti*, *Horoti*) [гермные / кермные / сермные / чермные – цвета спелой вишни или спелой малины, то есть тёмнокожие с ярким красноватым и синеватым отливами; санскр. «*kr̥ṣṇa*», ирл. «*gogm*», кельт. **germ* – тёмный; швед. «*grumlig*», дат. «*grumset*» – «мутный, тёмный»; англ. «*grimy*» – «закопчённый, смуглый»; тверск. «черемый» – смуглый; устар. «чермный», гуджарати «*kiramajī*» – «багровый, темно-красный, малиновый»; санскр. «*gaurá*» – «красноватый, каурый»; англ. «*crimson*», франц. «*cramoisi*» – «темно-красный, малиновый, багровый»; тагал. «*kayumanggi*» – «бурый, коричневый»; исп. «*carmesí*», венг. «*karmazsin*» – малиновый; исп. «*carmín*» – карминный; арм. «*karmir*», азерб. «*kırmızı*» – красный; пост.-пра-и.е. **w̥r̥mis*, протогерм. **wur̥miz* – «червь, змея»; фин. «*käärtme*», гот. «*waurms*», норв. «*orm*», итал. «*serpe*», ломбард., неаполитано-калабр. «*servone / serpe / scurzone*», окситан. «*sèrp*», англ. «*serpent*» – змея; др.-инд. «*śrávas*» – «слава, похвала, уважение»; хинди «*garva*», бенг. «*gauraba*» – слава;

гуджарати «gaurava» – «высокий, возвышенный, величавый»; лит. «galva» – «глава, голова»]; аламанны [лат. Alamanni, греч. Ἀλαμαννοί] / алеманны [лат. Alemanni, греч. Ἀλεμαννοί] / аламбанны [греч. Ἀλαμβαννοί] / албаны [греч. Ἀλβανοί] / галаманны [лат. Halamanni] / галмионы [греч. Γαλμίονοι / Γαλμίονες], гломмы [лат. Glommas] – галомачи / гломачи, галматы [голиафы – высокие, большие или же обитающие на возвышенностях – холмах и островках; тадж. «калон», болг. «голям», сербохорв. «голем», чеш. «holemý» – большой; кельт. «alp, alb» – «гора, высокий», «Albainn» – «Альбион, горный остров»; вал. «allt», лат. «collis», лит. «kalva», исп. «loma», венг. «halom», др.-сакс., англосакс. «holm» – холм; норв. «holme», дат. «holmen» – островок; река Гломма в Норвегии];

сурфы [лат. Surfe], свевы [лат. Suevi / Suebi] / синбы [греч. Σύνοοι], сяньюби [маньчжур. Sirbi / Sirvi / Sarbi] = сарты / сорты – сорбы [лат. Surfe, нем. Surbi] / сербы / серпи, сериваны / зеруяне [лат. Zeriuani / Zuireani], серадзане [арм. «sev», лат. «sordēre», дат. «sort» – чёрный; англ. «sorrel» – «гнедой, красновато-коричневый», лит. «sartas» – «гнедой, коричневый, чёрный»; лтш. «sārts» – розовый, «sartāš» – «румяный, красный»; курманджи «sog», лтш. «sarkans», тадж. «сурх», осет. «сырх / сурх» – красный; сурик – «красно-оранжевая или красно-коричневая краска»];

гермионы [лат. Hermioni / Hermiones] / герминоны [лат. Herminones] / геримоны [лат. Herimones] = вермиланы [лат. Vermilani] = торинги [лат. Toringi] / тервинги [лат. Tervingi / Thervingi] / *тиарвинги / *црвинги, тореаты [греч. Τορεῖται], тарпеты, гельвеоны [греч. Αἰλουαίωνες] / гельвеконы [лат. Helvesonae] – дирбеи / дербии / дербики [греч. Δέρβικες], тревинцы / тервуниоты = *црвяне / червяне / зеруяне / сериваны / цериваны [лат. Zeriuani / Zuireani] / серпи / сербы / сорбы [лат. Surpe] = серменды [лат. Sermende] / сарбаты / сарматы / *тариматы [лтш. «sargi» – гвардия, «sargs» – охрана; санскр. «kr̥ṣṇa», швед. «grumlig», дат. «grumset» – «мутный, тёмный»; исп. «carmin» – «карминный, светло-вишнёвый»; арм. «karmir», азерб. «kirmizi» – «чермный, красный»; укр. «червоний» – красный; англ. «heart», венг. «kőg» – черви; праиндоевроп. k^wr̥-mi-, санскр. «kr̥mi», цыган. «кэрмо», перс. «kirm», др.-прусс. «kīrmis / girmis», лит. «kirminas», укр. «хробак», др.-греч. «ἔλμινς / ἔλμινθος», лат. «vermis», англ. «worm», дат. «orm», латгал. «tuorps», лтш. «tārps», праслав. *čьgvь, серб. «црв» – «червь, змей»; фин. «käärme», гот. «waurms», норв. «orm», итал. «serpe», ломбард., неаполитано-калабр. «servone / serpe / scurzone», окситан. «sèrp», англ. «serpent» – змея; греч. «τίτρα», лат. «tiāra» – «венец, корона, диадема»; веныды – внешние];

фервир [лат. Fervir] – германизовавшиеся славяне вермиланы [лат. Vermilani], вервиане / древляне [галис. «vermello», португ. «vermelho», каталан. «vermell» – красный];

сви / свавы / *славы / свевы / свебы [лат. Sui / Suevi / Suebi / Suavi / Suabi, греч. Σουηβοί / Σουαβοί] / сверы [лат. Sueti], *хвалы / свары / сварины / свардоны [лат. Suardones], савары [греч. Σαύαροι] – словены / славяне, *северы / северцы, сиверцы / северяне, савиры, сувары, *циверцы = *тсиверцы / тиверцы, *сорты / сорбы / сербы, славяноязычные предки швабов (укр. «зваба» – привлечение) и западных шведов (Suetus, – Саксон Грамматик), а также и датчан (svart-dones – чёрных дончан) [др.-киев., ст.-слав. «глагол», болг. «глагул», макед. «збор, зборот», словен. «beseda», серб. «реч», хорв. «гїејѝ» – «слово, речь»; босн., хорв. «гїејнік», болг., серб., макед. «речник» – словарь; др.-киев., ст.-слав. «нарочит», польск. «chwalebny», лит. «šlovingas», лтш. «slavens», рум. «slăvit» – славный от прабалт., лтш. «sluv,

sluvěja, sluvět» – слыть; укр. «сваволя, свавілля» – «своеволие, произвол», «звабити» – привлечь, «сварити» – разъединять; свебы, швабы – «свои, влекущиеся друг к другу»; др.-прусск. «swirins», лит. «žvėris», польск. «zwierz, zwierzę», в.-луж. «zwěrjo», н.-луж. «zwěfe» – звери; свары / сварины – «разъединенные, звери»; нем. «Schwerin» – слав. «Зверин»; Свитьод (Suidiod) – «земля чернокожих (тёмно-краснокожих) сарматов – готаланов»; праиндоевроп. *swordó-, перс. «siyâh», арм. «sew / sev», осет. «saw / сау», нидерл. «zwart», готск. «swarts», др.-норв. «svart», норв. «svart», дат. «sort», удм. «сьӧд», лит. «juodas» – чёрный; англ. «swart», япон. «suwaruto» – смуглый; индонез. «sabur» – тусклый; польск. «ciemnej», беларус. «цёмны» – тёмный; хинди «savāra», тадж. «савора», узб. «suvori», франц. «cavalier» – всадник];

гермундуры / гермондоры [лат. Hermunduri, греч. Ἑρμοῦνδοῦροι] / гермунды [лат. Hermundi] = серменды [лат. Sermende] / сарматы – зеримунты / жирмунты [польск. Żymunty / Żermunty / Żymuntowie], червяне, сарматы [санскр. «kr̥ṣṇa», ирл. «gorm» – тёмный; швед. «grumlig», дат. «grumset» – «мутный, тёмный»; англ. «grimy» – «закопчённый, смуглый»; тверск. «черемый» – смуглый; санскр. «gaurá», сев.-тюрк. «kovug» – «каурый, карий, красновато-тёмный»; арм. «karmig», гуджарати «kiramajī», азерб. «kırmızı» – «чермный, красный»; греч. «ελμινθες» – «гельминты, черви», санскр. «kr̥mī», цыган. «кэрмо», перс. «kirm», лит. «kirminas», дат., норв. «orm» / *gorm, др.-прусск. «girmis» – червь; фин. «käärme», гот. «waurms», норв. «orm», итал. «serpe», ломбард., неаполитано-калабр. «servone / serpe / scurzone», окситан. «sèrp», англ. «serpent» – змея; лат. «cerasus», греч. «κεράσι», хинди «cheree», тамил. «jēgī», бенг. «cēgī», панджаби «caīṅ», курманджи «qeresī», тадж. «гелос», азерб. «gilas», лтш. «ķirsis», нем. «kirsche», макед. «цреша», англ. «cherry» – вишневый; греч. «κορμός» – туловище; сербохорв. «цријèво», словенск. «črevô», укр. «черево» – «чрево, кишка, низ живота, брюхо»; др.-греч. «ἄνθος», лтш. «asns», болг. «филиз, англ. «burgeon», ср.-в.-н. «gguose», лат. «germen» – «росток, побег»], *сермендеры / семендеры / самандар = забендер [гермные / кермные / сермные / чермные – цвета спелой вишни или спелой малины, то есть тёмнокожие с ярким красноватым и синеватым отливами];

ракауты, рохоуаски – ракоусы [И. Первольф], рокасы, роксоланы;

белги [лат. Belgae], бергио [лат. Bergio], бризигавы [лат. Brisigavi] / бризиганы [лат. Brysigani] – брежане, берзиты / верзиты, велегезиты [нем. «Berg» – «гора, гряда»; ст.-слав. «брег», болг. «бряг» – берег; укр. «верзило» – «верзила, очень высокий и нескладного телосложения человек»];

триверы [греч. Τριβέροι] / тревирсы [лат. Treviri] / треверы [лат. Treueri, греч. Τρήουηροι] – тревуняне / травуняне, древане, древляне [англ. «dreary» – «дремучий, мрачный»];

трибоки [лат. Triboci, греч. Τρίβοκοι] / трибунки [лат. Tribunci] – требовляне, требинцы / тервьюниоты, тревуняне [серб. «црвен», босн. «чрвен», чеш. «červená» – красный];

нервии / нервяне [лат. Neruii, греч. Νέρβιοι], нертереаны [греч. Νερτερεανοί] – неретвяне;

*седлузии / седузии / эдусы [лат. Sedusii / Eduses], сидены / сидины [греч. Σιδηνοί / Σιδεινοί / Σιδίνοί] – седличане;

тавлантии [лат. Taulantii, греч. Τουλάντιο], тулингвы [лат. Tulingui] / толингвы [лат. Tolingui], толозцы [лат. Tolosates] – доленчане [нем. Tollenser], делемичи / далеминцы / долеминцы / галомачи / гломачи [бав. географ Talaminzi, лат. Dalamentsan, нем. Daleminzier; польск. Głomacze]; [др.-греч. «θαλάμη» – ущелье, «θαλάμευμα» – «обитель, обиталище»; кит. «tóulíng», эвенкск. «дил», каннада «tale» – «глава, голова»];

герулы [лат. Heruli, греч. Ἡρούλοι] / элуры [лат. Eluri / Eilourioi] / верлы – гевеллы / гавеляне / гаволяне [укр. «горлиця» – горянка; греч. «κορίτσι», англ. «girl» – девушка {горянка, смуглянка}; хорв. «garav» – «закопчённый, бурый»];

мугилоны (греч. Μουγίλωνοι) – могиляне / могиляны [И. Первольф];

*каубы / хавбы (греч. Χαῦβοι) – кашубы [кашуб. Kaszëbi, ср.-лат. Cassubitae / Cassubia], стодоряне / гевеллы / гавеляне / гаволяне [польск. «kadłub» – тело; лит. «kauburgys», нидерл. «heugel», болг. «хълм» – холм];

хавки [лат. Chauci / Hauci] / чаусы / хавси [лат. Chausi] / кавхи [лат. Cauchi, греч. Καῦχοι] / кайки [лат. Cauci] / кадуки [лат. Caduci] – кадусии [греч. Καδοῦσιοι], чиги / чики, касоги / казаки [обитатели холмов и островов; норв. «haug», алб. «kodër» – холм; арм. «kuz» – горб; лат. «saecus» – тёмный; казах., башк. «кызыл» – красный; лат. «hazel» – «карий, ореховый»];

норики [лат. Norici, греч. Νορικοί / Νορίκι], варисты [лат. Varistae, греч. Ούαριστοί] / наристы [лат. Naristi, греч. Ναριῶται], нардины [греч. Нарδινόι] / аламанны [лат. Alamanni, греч. Ἀλαμαννοί] – нарты, нарцы / норичи;

хамавы [лат. Chamavi, греч. Χάμαβοι], кавмаи [лат. Gaumai, греч. Καομαοί] / каманы [греч. Καμανοί] / камары [лат. Samagi] – кавары / кабары, гбаны [лат. Hbané / Hbanové], кубанцы, ковуи, куявы [финик. «kamag» – тёмный; чечен. «комарийн» – малиновый; греч. «καφέ», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена» – коричневый; чеш. «kouřil» – «копченый, опаленный <солнцем>»; япон. «kawa» – кожа; абаз. «Къвбина», ног. «Кобан», др.-греч. «Ἰϋπανίς / Гипанис», лат. «Hypanis» – Кубань];

*колдурсы / кондурсы [лат. Coudurses], коадуи / колдуи / колды [лат. Coldas / Goldas] – коледичи [в Бертинских анналах – Colodici, в письмах Оттона II – Coledizi, Cholidici и Colidiki, у Титмара Мерзебургского – Colidici; англ. «gold», эст. «kuld» – «червонное» золото; санскр. «калитва», хинди «kaala» – чёрный], чалдоны / паджо = баджанакы / печенегы [устар. «челядь» – зависимое от вотчинника население; англ. «child», устар. «чадо» – «дитя, потомок»];

тайфалы [лат. Taifali / Thaifali, греч. Ταϊφάλοι / Ταίφαλοι] / тафалы [лат. Tafali] – тафнечи;

байбары [лат. Baibari] / баоверы [лат. Baoveri] – бобричи / боборане [лат. Boboranen; и.-е. *bhe-bhru-, санскр. «babhrús / бабро» – тёмно-коричневый; д.-в.-н. «bibar», дат. «bæver», швед. «bäver» – бобр];

ландуты [греч. Λανδοῦτοι], лангионы [лат. Langiones] / лантионы [лат. Lantioes], лентиэнсы [лат. Lentienses] – лендзяне / лендзичи, лензанины (поляне / краине / украинцы; укр. «лан» – «поле, нива, надел земли»; «лен» – наследственное земельное владение в эпоху феодализма, за которое нужно было нести службу и другие повинности; нем. «land», укр. «країна» – «край, земля, страна»);

истевоны [лат. Istaevones] / истрионы [лат. Istriones] / стреоны [лат. Sthraeones] / стурии [лат. Sturii] / стрианы [лат. Sthriani] – струмяне / стримонцы [Истр – Дунай; и.-е. *s(t)r- – англ. «stream» – «река, поток, течение»; укр. «струмок» – ручей, «струм» – ток; др.-инд. «sthūrás», авест. «stūra-» – «сильный, важный», д.-в.-н. «stuīri» – «сильный, статный»; англ. «strong / sturdy», словен. «strong», нем. «stark» – «сильный, крепкий»; лтш. «stiprs» – «сильный, интенсивный, возвышающийся»];

тевриохемы [греч. Τεῦριοχαίμα], тубанты [лат. Tubantes, греч. Τοῦβαντοί] / тубаттии [греч. Τοῦβᾶττιοί] / туванты [лат. Tuvantes] – тиверцы;

тевтоноары [греч. Τεῦτονόαροι], тевтоны [лат. «Teutoni, Teutones»], тэтель [лат. Taetel], тадзанс [лат. Tadzans] – тадеши, баджанакы / печенеги, паджо / чалдоны, таджики [венеды; хинди «tāja», перс. «taj», тадж. «точ», турец. «taç», арм. «t'ag», лтш. «dañdzis», лат. «diade» – «венец, диадема, корона»], – П.Д.)».

«Сейчас об этом мало говорят, но средневековые немецкие (и не только немецкие) источники прекрасно знают вандалов, которых они рассматривают не иначе как славян. Данный этноним часто служит собирательным для обозначения всех балтийских и полабских славян. Ну и наконец, венеды, относительно которых тот же Тацит колеблется к кому их отнести, и приходит к выводу, что это, скорее, германцы. Словом венды – немцы всё средневековье называли соседних славян. А их потомков – кашубов и лужичан, называют до сих пор! Также, в римских текстах известны некие воланы (валлоны = [в]аланы = аланы, – П.Д.), что может быть передачей этнонима поляне ([п]аланы = аланы, – П.Д.), который послужил основой для названия поляков и Польши. Как видим – из этих этнонимов, зафиксированных в источниках не очень хорошо получается, чтобы там имела место какая-то кардинальная массовая смена племён в эпоху перехода от античности к средневековью. Латинские названия – вполне узнаваемы, просто это не очень хорошо подходящая для передачи славянских слов транскрипция. Даже из самого количества подобных совпадений можно предположить, что никакой массовой смены населения в древности там не было! Можно себе представить как один народ, придя на место ушедшего, взял себе его имя, хотя это довольно странно. Можно представить также что какой-то народ, растворив в себе остатки предыдущего также позаимствовал его имя, хотя это тоже странновато. Но в полутора десятков случаев подряд, на примерно одной и той же территории – это практически невероятно...» (Лют Лютов, «Теории о смене рядом племён Европы в эпоху великого переселения народов своей этнической принадлежности»,

<http://lujicajazz.narod.ru/germantzy.html>);

«...целый ряд источников указывает на тождественность южнобалтийских славян и некоторых более древних народов, причислявшихся римскими и греческими источниками к германцам. Начиная с VIII века, то есть с первых упоминаний балтийских славян франкскими источниками, прослеживается отчётливая традиция отождествления их с вандалами (Strzelcyk 1998, Steinacher 2002), в более редких случаях – также и с герулами (Гельмольд, I, 2), не ставившаяся в западноевропейском учёном мире под сомнение до конца XVI века... Существование племени «варинов» (werini) подтверждает и небезызвестный

документ, как предполагается, созданный в начале IX века – «Законы англов и веринов, что значит тюрингов» (*Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*). Очевидно, что появление юридического правового документа с таким названием должно было подразумевать наличие самих англов и веринов в IX веке на зависимых от франков землях. В немецкой историографии в этих варианах и англах традиционно пытаются увидеть два (славяноязычных, – П.Д.) германских племена, населявших некие «области Тюрингии». В качестве аргумента приводится топоним «Веринофельде», находившейся в IX веке где-то к западу от реки Зале (Herrmann 1985, S. 10; Much 1967, S. 446). Анналы Муассака сообщают о походе сына Карла Великого на богемцев в 805 году. Путь войска из Саксонии в Богемию проходил через области *Werinofelda* (в другом варианте – *Hwerenofelda*) и *Demelcion*. Последняя должна была быть известной позднее областью далеминцев, одного из сербских племён... С раннего Средневековья и до XIII века восточная половина Тюрингии была населена славянами. Центральная её часть, междуречье Унштрута и Заале, была чересполосно населена славянами и немцами уже в VIII – IX вв., а восточная, между реками Герой и Заале – полностью славянами (Dusek 1983, S. 18–32). К востоку от рек Заале и Эльбы начинались уже неподконтрольные, в отличие от населённых славянами восточных областей Тюрингии и Саксонии, Франкской империи, независимые славянские земли. Так и сами анналы Муассака, говорят о славянском правителе Земеле, противостоявшем саксам в их походе в Богемию через области *Werinofelda* и *Demelcion*. Потому, учитывая, что во время первого упоминания топонима *Hwerinofelde* эти земли уже должны были быть полностью славянскими, использование его в качестве аргумента о находившейся здесь прародине «германских» веринов или место их нахождения в VI веке не выдерживает критики. Топоним действительно обнаруживает германское словообразование, но его позднее упоминание во время уже достоверного проживания там славян, указывает лишь на то, что одну из населённых славянами областей германские соседи называли «полем веринов»... Предположив форму «вари» или «варины» самоназванием ободритов, можно объяснить и неизвестность «ободритов» русским летописям, которым они, в таком случае, могли быть известны как вар-яг-и. Суффикс – яг в передаче этнонимов восточными славянами соответствовал германскому и балтскому суффиксу – *ing*. У балтских народов он известен в этнониме *jatv-ing*, в древнерусской передаче звучавшем как ятв-яг» (Андрей Пауль, «Балтийские славяне», http://loveread.ec/read_book.php?id=54222&p=2, http://loveread.ec/read_book.php?id=54222&p=45);

«Если мы посмотрим на старинные, средневековые карты и земельные грамоты – в них часто перечисляются поселения и всяческие географические ориентиры – мы увидим, что названия мест в этих краях отражают отнюдь не германскую речь. Тут есть Барновичи, Вершичи, Гостирадичи, Мыследаржичи, есть Гориславь, Даргомьшль, Тешимирь, Хотин, Славятин, Чехов, есть Борки, Подлуги, Уезд, Рыбница, Кремень, Глина и Заезерье, есть Ратае, Свиноаре и Ковале, есть Лупигловы и Белокуры, есть Поздиволк, Турин, Могилин, Торгов. Есть Белбог, Ра-дигощ, Перун, Святогора и Требница. А вот с германскими названиями туго. Так что лично я предпочту считать, что перечисленные племена были венедами, славянскими (потомков славяноязычных античных германцев, – П.Д.). Ну вот

например – возьмем края варинов-варнов. Как раз те, кто должен был бы входить в число «германских остатков» по мысли создателей этой теории. В 1232 году там находились: озеро Варинское, речка Тепница, ручей Студеный (как я уже говорил, озера, реки и прочие водоемы самый надежный индикатор, в Новой Англии, где никаких индейцев нет уже лет триста-четыре, большинство названий рек и озер – индейские). Кроме того мы встречаем там болото Голенский луг (Guolenske lug), Живанов лес, речка Рострубовица, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бельчь, село Предел между Язвинами и Вановыми могилами (Wanove mogili), Махначи, Мирово, Погловы, Долгие Луги и Водровый Лаз...» (Лев Прозоров, «Варяжская Русь. Славянская Атлантида», https://www.e-reading.club/bookreader.php/1003627/Prozorov_Lev_-_Varyazhsкая_Rus._Slavyanskaya_Atlantida.html);

«...ещё и в средневековье, многие авторы употребляли термины «Германия» и «германцы» скорее как географические и социальные, а не этнические понятия. Так в первой половине 9-ого века учёный ал-Хорезми писал: «Страна Германия, а это земля славян». Конечно, можно сказать, что он в своём Хорезме всё перепутал. Однако и в Европе английский король Альфред Великий (871 – 899/901) в своём переводе Орозия описывал Германию как землю от Рейна до Дона и от Балтийского моря до Альп, в которой он указывает и хортов (белых хорватов), и сермендов (сарматов), и денов (датчан), и остов (балтских «эстов»), и афредов (ободритов), и винедов (балтийских славян; очевидно, все же балтизовавшихся кельтов, – П.Д.), и бургендов (жителей Борнхольма), и хэфельдов (гаволян), и свенов (шведов), и сурфов (лужицких сербов), и квенов (финнов), и скридфиннов (саамов), и норманнов (норвежцев)...» (Swinow, «Теории о смене рядом племён Европы в эпоху великого переселения народов своей этнической принадлежности», <http://lujicajazz.narod.ru/germantzy.html>; «Причины появления теорий о смене рядом племён Европы в эпоху ВПН своей этнической принадлежности», <http://swinow.livejournal.com/28860.html>; <https://swinow.livejournal.com/66260.html>);

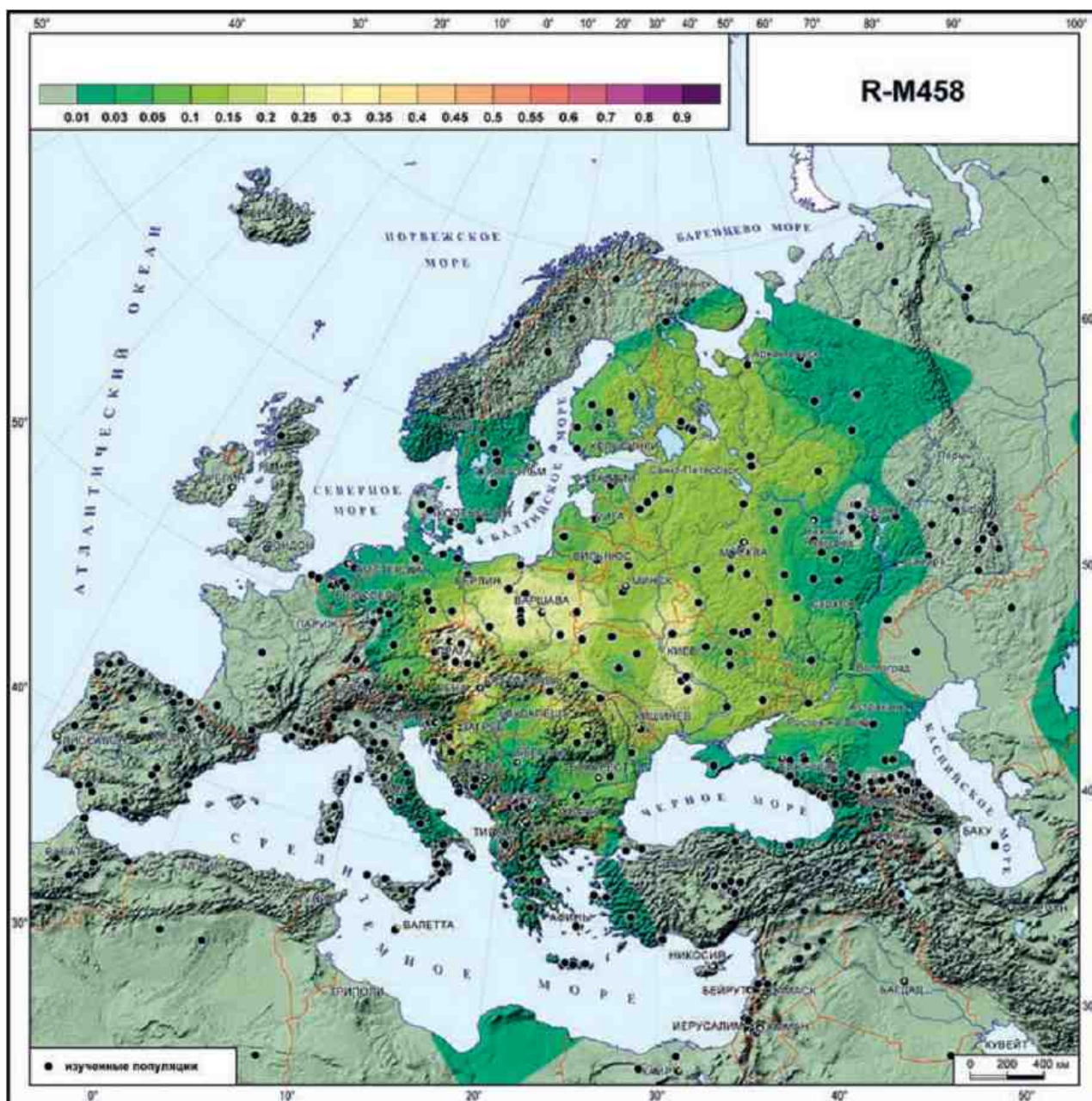
«Так вот к европейским ветвям R1a относятся следующие субклады: L664 – его ещё называют северо-западной ветвью. Хотя и малочисленный, но зато самый древний субклад, проникший на территорию Европы – причём ещё до разделения общего рода R1a1a1 на азиатскую и европейскую ветви. Дело было где-то семь тысяч лет тому назад... На севере Европы они смешались с автохтонами – гаплогруппой I1, а впоследствии их метисная культура была накрыта следующими индоевропейскими племенами – уже так называемой шнуровой культуры (боевых топоров). Они также были R1a1a1, но уже отделившиеся от будущих азиатов и несущие в своём геноме субклад (мутацию, снп) Z283 (R1a1a1b1), Z282 (R1a1a1b1a) который в свою очередь – уже в Европе (очевидно, всё же в Индии, – П.Д.) где-то пять тысяч лет тому назад разделился на три главные ветви: M458 (R1a1a1b1a1 / R1a1a1g, – П.Д.) – так называемый центрально-европейский субклад «преимущественно балто-славянская ветвь, с максимальной частотой фиксируемая в Польше, Литве, Чехии и Словакии, но также совершенно обычная в Северо-западной России (потомки русов-торков, – П.Д.) и на Юго-востоке Украины» https://www.eupedia.com/europe/Haplogroup_R1a_Y-

[DNA.shtml](#); [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)) (Справедливости ради отмечу, что автор статьи в испанской Википедии называет его также и скандинавским с эпицентром в Норвегии; очевидно тоже потомки славяноязычных тёмно-краснокожих аланов-торков / русов-торков, – П.Д.); Z280 (R1a1a1b1a2) – балто-славянский «является восточноевропейской меткой (возможно, балто-славянской; очевидно, карпатские и днепровские балты – балтизировавшиеся и позже славянизовавшиеся финноязычные скифы, – П.Д.), встречается по всей Центральной и Восточной Европе, западная граница распространения протягивается от Восточной к Юго-западной Германии и далее к Северо-восточной Италии. Внутри ветви выделяется несколько кластеров, изученных пока лишь в общих чертах: восточнославянский (славянизовавшиеся днепровские балты – балтизировавшиеся финны, – П.Д.), балтский, померанский, польский (балтизировавшиеся финны, – П.Д.), карпатский (славянизовавшиеся карпатские финны, – П.Д.), восточно-альпийский, чехословацкий и другие» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)); Z284 (R1a1a1b1a3) – скандинавский «скандинавская ветвь, наибольшая концентрация в Норвегии. Также встречается в землях, где норвежские викинги устраивали свои колонии, например, в некоторых областях Шотландии, Англии и Ирландии» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)). В отношении третьей всё понятно – она переселилась в Скандинавию (из Нижнего Подонья, – П.Д.), ещё раз пропустив местные гаплогруппы I1 через бутылочное горлышко, поэтически названное англоязычными исследователями «Age of crushed skulls»... Основной вопрос: которые из субкладов гаплогруппы R1a германские, а какие славянские? Или балтские? Причём, как вам известно, никаких славян и балтов цивилизованные средиземноморские народы не знали. Они знали только племена неких германцев (гермных / сермных / чермных – тёмно-красных, – П.Д.) – причём сами эти племена узнали как их зовут лишь после завоевания ими этих самых цивилизованных народов. А современная терминология только ещё больше запутывает дело – ведь принятые сейчас названия субкладов просто обозначают центры их сегодняшнего географического распространения. Одно понятно: сегодняшнее наличие R1a1a1b1a (1 или 2) на какой-либо территории свидетельствует о каких-то миграциях тех летописных древних германцев и последующего распространения племён, несущих ту же гаплогруппу, но называемых уже славянами. И, очевидно, где-то ещё и балтов... И понятно, что всё вроде понятно с древними и нынешними скандинавами, а также со славянами – правда, только в их современном состоянии. Понятно и то, что нынешние немцы и древние германцы (которые представляли собой сплав R1a и I1) совсем не одно и то же... «...R1b-S21 стала доминирующей гаплогруппой среди западноевропейских германских племен, но осталась в меньшинстве против I1 и R1a в восточногерманских племенах, в том числе тех, которые исходили из Швеции, например, готы, вандалы и лангобарды». А ведь я-то как раз [веду речь] про восточных – которые и наводили шороху – западные проснулись много позже, когда территории освободились, а их соперники истожили себя в кровопролитных войнах. В общем, куда делись те древние германцы? Готы, вандалы и бургунды? Гепиды, герулы и лангобарды? Руги? Бастарны, в конце концов? Не могли же они исчезнуть без следа? Нет. Тогда какой субклад должен маркировать их присутствие? L664? Возможно. Жаль только, что локализован он исключительно в Северной Европе и никак не прослеживается на

легендарных путях странствий германских племён во времена Великого переселения народов. Если только англосаксы? Хотя, мне кажется, что, глядя на распространение этого снипа на Британских островах, на всякий случай не стоит забывать и о совсем легендарных временах – то есть о ирландских племенах богини Дану и фоморах. Z283 → Z282? Те же вопросы. Да и маловато как-то их от общего числа. Неужели все сгнули в горниле битв? Или на любовном ложе слабоваты оказались? Тем более что неприятный диссонанс в общепринятую историческую картину вносит ещё и существенное присутствие на тех же Британских островах субкладов, считающихся исконно славянскими: в Йоркшире – то есть там, где осело большинство данов (потомков вестготов и других «донцов» аланов-торков / аланов-русов из Салто-Маяцкой АК, – П.Д.) – M458 SNP L1029; родительских балто-славянских Z282 (включая и туранские Z280 и Z92 потомков финноязычных северных иллирийцев и таких же финноязычных скифов, – П.Д.) и Z93 (R1a1a1b2 прототюркогерманоязычных саксов, – П.Д.) – в собственно Британии; в южной же Британии и западной Ирландии имеется существенное присутствие старшего центральноевразийского субклада Z280 (R1a1a1b1a2 потомков финноязычных аборигенов Европы начала нашей эры, – П.Д.). А также североевразийской ветви SNP Z92, считающейся балтской, плюс условно-славянских восточной и северной карпатских ветвей (финноязычных скифов и иллирийцев, сначала балтизированных савроматами, а затем славянизированных потомками сарматов / сермендов античными германцами готами). Нет, из хроник известно, конечно, что завоёвывая Британию, (тогда ещё славяноязычные, – П.Д.) англосаксы вербовали у своих соседей – славянского племени варнов целые дружины воинов – да. Но неужели они так сильно расплодились на плодородных нивах бриттских женщин? Опять же. Ещё один пункт. Присутствие субкладов, называемых славянскими и балтскими в регионах, подвергшихся когда-то экспансии древнегерманских племён, также картины совсем не проясняет... Нет, конечно, если посмотреть на карту распределения субклада M458 (гото-аланского субклада R1a1a1b1a1 / R1a1a7 / R1a1a1g, – П.Д.), то, я думаю, можно принять именно эту гаплогруппу как одну из основных для древних германцев (славяноязычных античных германцев / сермендов / сарматов, – П.Д.). Можно. Но мы же её уже принимаем как одну из основных для славян? И? Как тогда отделить германцев от славян – кроме как по языку? Вопрос для науки так и остаётся вопросом...» (Влад Смолич, «Карты R1a. Куда потерялись древние германцы?», <http://vls-smolich.livejournal.com/174188.html>);

«Таким образом, судя по данным популяционной генетики, можно предположить, что одним из элементов, из которых формировался генетический пул германоязычных народов, была продвигающаяся с востока на запад популяция, которая в эпоху формирования протогерманского говорила на балто-славянском, а позднее на протобалтийском и протославянском языках... Если правы Рожанский и Клёсов, датирующие появление третьего типа субкладов R1a (M458, принадлежащего как потомкам савроматов западным балтам, так и потомкам сарматов славяноязычным античным германцам, – П.Д.) серединой первого тысячелетия до н.э. (Рожанский, Клёсов 2009), то вполне вероятно, что распространение этих субкладов среди германоязычного (очевидно, среди протогерманоязычного кельто-фракоиллирийского, – П.Д.) населения, было связано с более поздними германо-балтийскими

контактами эпохи лицевых урн. Вероятно, об этом свидетельствует распространение так называемых балто-карпатских и северо-карпатских субкладов R1a, характерных главным образом для Польши и Литвы, ср. их частотность в Германии (14% от всех R1a) и Скандинавии (7% от всех R1a)» (Лариса Миронова, «Эти горячие германские парни Образцовые варвары?», <https://www.proza.ru/2015/03/30/1241>);

«Рис. «География гаплогруппы R-M458 Y-хромосомы в Европе».

«Карта демонстрирует наиболее высокие частоты этого маркера у западных славян (поляков и чехов), где он составляет четверть генофонда, и несколько сниженные частоты в окружающих популяциях. Распространение этого маркера на запад ограничено прилежащими популяциями немцев (вероятно, ассимилировавших западнославянские группы, ранее населявшие эти территории). Зато на восток зоны высоких частот гаплогруппы R-M458 распространяется далеко, захватывая весь ареал восточных славян. Характерно, что эта восточная экспансия более выражена в лесостепной зоне (у украинцев; то есть у потомков полян-русов/готоаланов, – П.Д.), чем в лесной (белорусы и русские). Еще

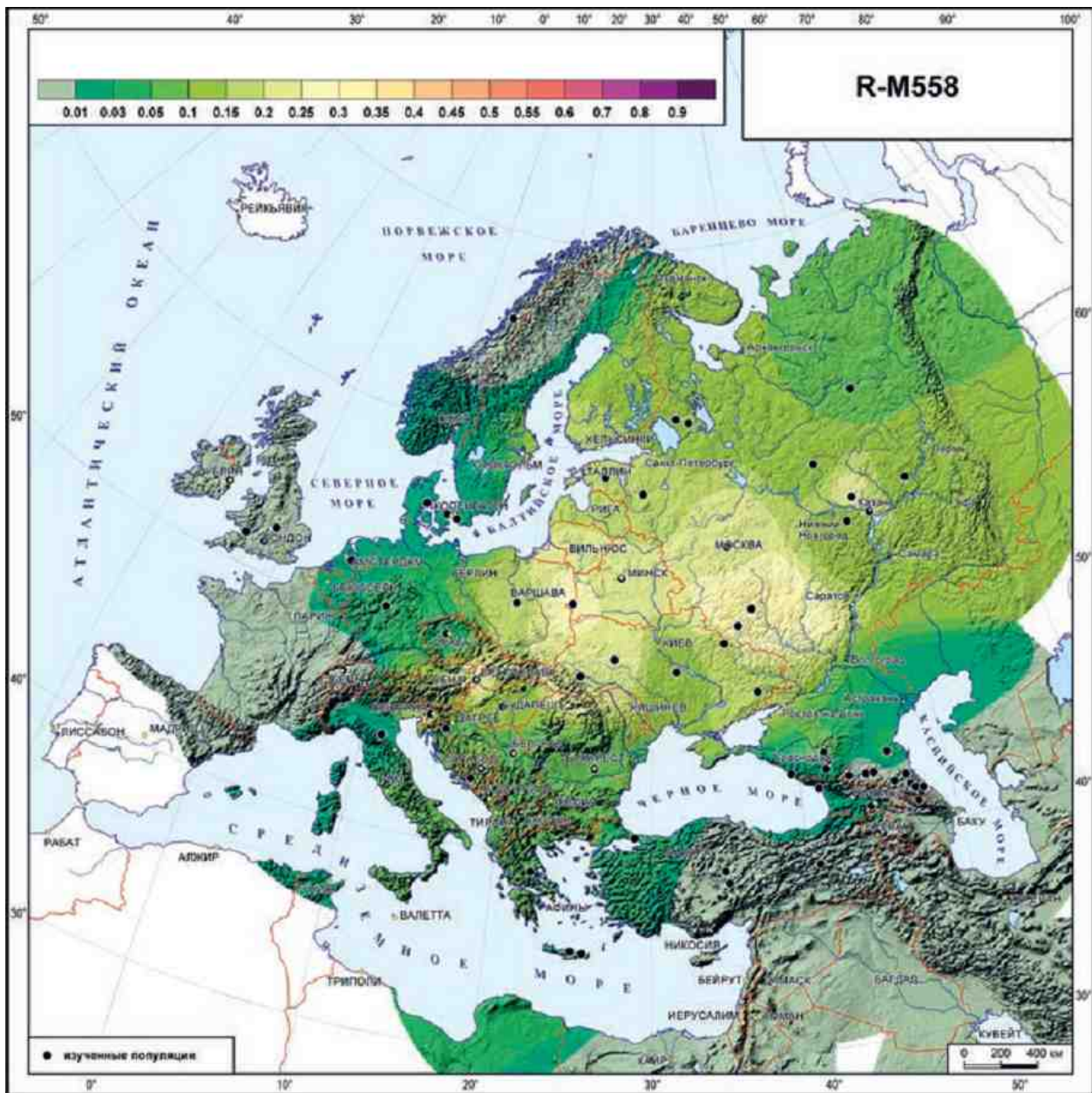
более любопытным представляется ограниченность экспансии на юг: у южных славян и неславянских народов Балкан (венгры, румыны) частота этой гаплогруппы мала, причем прослеживается соответствие генетической «границы» высоких частот **R-M458** и географической границы Карпат. К северу от этого горного хребта расположена зона максимальных частот гаплогруппы, а к югу от Карпат частота резко снижается. По-видимому, Карпаты выступили в роле географического барьера для потока генов, препятствуя распространению этой гаплогруппы на Балканы. Отметим, что в отличие от **R1a** в целом, встречающейся хотя бы с низкими частотами в любом регионе Европы, **R-M458** распространена только по всей Восточной Европе, соседних территориях Западной Европы и на Балканах, но практически полностью отсутствует на большей части Западной Европы – Пиренейском полуострове, Франции, Британских островах, значительной части Аппенинского и Скандинавского полуостровов, а также отсутствует за пределами Европы – и в Передней Азии, и в Сибири» (Олег Балановский, «Геногеография гаплогрупп Y-хромосомы в Европе», http://генофонд.рф/?page_id=5629).

Очень низкая концентрация в Сконе потомков носителей гаплогруппы **R-M458** гаутов указывает на то, что гауты были не ассимилированы, а постепенно вытеснены свеями с этой территории. Ибо в Сконе очень низкая концентрация не только **R-M458**, но и вообще всей гаплогруппы **R1a**, а, следовательно, и скандинавской ветви **Z284 (R1a1a1b1a3)**, наибольшая концентрация современных носителей которой имеет место только на первичной территории обитания свеев и в Норвегии.

Все же балтийские, северные и карпатские ветви гаплогруппы **R1a**, соответствующие потомкам скифов, агафирсов, финскоязычных фракийцев и иллирийцев, в Украине присутствуют в очень незначительном количестве.

Следовательно, украинцы являются потомками преимущественно славянскоязычных сарматов (гутиев / юэчжей, караболгар и карахазар), аланов и готоаланов, которым отвечает западно-евразийская гаплогруппа **R1a1-M198** с субкладом **M458** включно, а также и , бorusков = пруссов, царских усуней язаматов, языгов и других), которым соответствует субклад **R1a1a1c*(M558)**:

«Второй европейский субвариант **R1a** обозначается по названию маркера **R-M558**. Филогенетически он братский (для мтДНК в таких случаях принято говорить «сестринский», но тут речь идет о Y-хромосоме) для **R-M458**. Оба этих маркера распространены сходным образом: **R-M558** тоже распространен преимущественно в Восточной Европе, тоже реже встречается на Балканах, заходит с низкими частотами в соседние области Западной Европы, и так же, как и **R-M458**, практически отсутствует за пределами Европы. Ареалы этих субтипов перекрываются и по зоне их максимальных частот у западных и восточных славян. Основное различие между паттернами распространения **R-M458** и **R-M558** состоит только в большей приуроченности к западной или восточной части их общего ареала. **R-M458** имеет склонность к западу ареала. У западных славян встречается в среднем с частотой 25% (т.е. четверть генофонда), а у восточных славян в среднем встречается с частотой 15%, хотя и повышается до 23% у западных белорусов и у некоторых украинских популяций (но не западных, а центральных).

R-M558 имеет склонность к востоку их общего ареала. Он встречается с частотой выше 30% в обеих изученных по этому маркеру популяциях южных русских; составляет 20-25% у белорусов, поляков, словаков, западных украинцев; снижается ниже (или значительно ниже) 20% у центральных русских, чехов, центральных и восточных украинцев и чехов. Впрочем, **R-M558** изучен в значительно меньшем числе популяций, чем **R-M458**, и поэтому карта его распространения может еще значительно уточниться в будущем. Мы видим, что даже это основное различие между паттернами распространения **R-M458** и **R-M558** выражается в небольших различиях частот и имеет довольно сложную географию» (Олег Балановский, «Геногеография гаплогрупп Y-хромосомы в Европе», http://генофонд.рф/?page_id=5629).

Вообще же по Y-гаплогруппам население Украины является наиболее гомогенным во всей Европе.:

«Частотные распределения гаплогрупп в разных украинских популяциях были сходными между собой. На графиках многомерного шкалирования украинские популяции не образуют кластеров, отражающих крупные региональные объединения (например, запад, север и восток Украины). Географически отдаленные популяции могут быть рядом (например, популяции из Хмельницкой и Белгородской областей), а территориально близкие

популяции – быть генетически отделенными (например, популяции из Харьковской и Белгородской областей). Выявляются несколько небольших кластеров из 2-3 географически соседних популяций, соответствующих таким историческим территориям, как Галиция, Волынь, Среднее Поднепровье, Слобожанщина... Однако коэффициент корреляции, рассчитанный на основании генетических и географических расстояний между украинскими популяциями, оказался практически равным нулю и статистически незначимым ($r_s = -0,03$; $p > 0,05$). То есть, географическое расстояние между украинскими популяциями не определяет генетического сходства или разницы между ними. Очевидно, исторически документируемые миграции мужского населения в пределах украинской территории (украинское казачество, заселение освобожденных от кочевников восточных территорий) были интенсивными, разнонаправленными и разнопротяженными. В итоге высокая подвижность населения привела к гомогенности современного украинского генофонда. При этом даже популяции на периферии этнического ареала, которые относятся/относились к зонам смешения (Закарпатье, Буковина, Слобожанщина), по спектру и частотам гаплогрупп Y-хромосомы характеризуются более высоким генетическим сходством с остальными украинскими популяциями, чем с соседними этносами» (Утевская О.М., Агджоян А.Т. и др., «Сходство украинских популяций из различных территориальных подразделений по маркерам Y-хромосомы», http://nbuv.gov.ua/UJRN/feeo_2013_13_88).

Потомками же длинноногих сарматов являются не только украинки, но и жители многих европейских государств, что связано с миграциями просторами Европы потомков славяноязычных сарматов темно-краснокожих античных германцев и аланов:

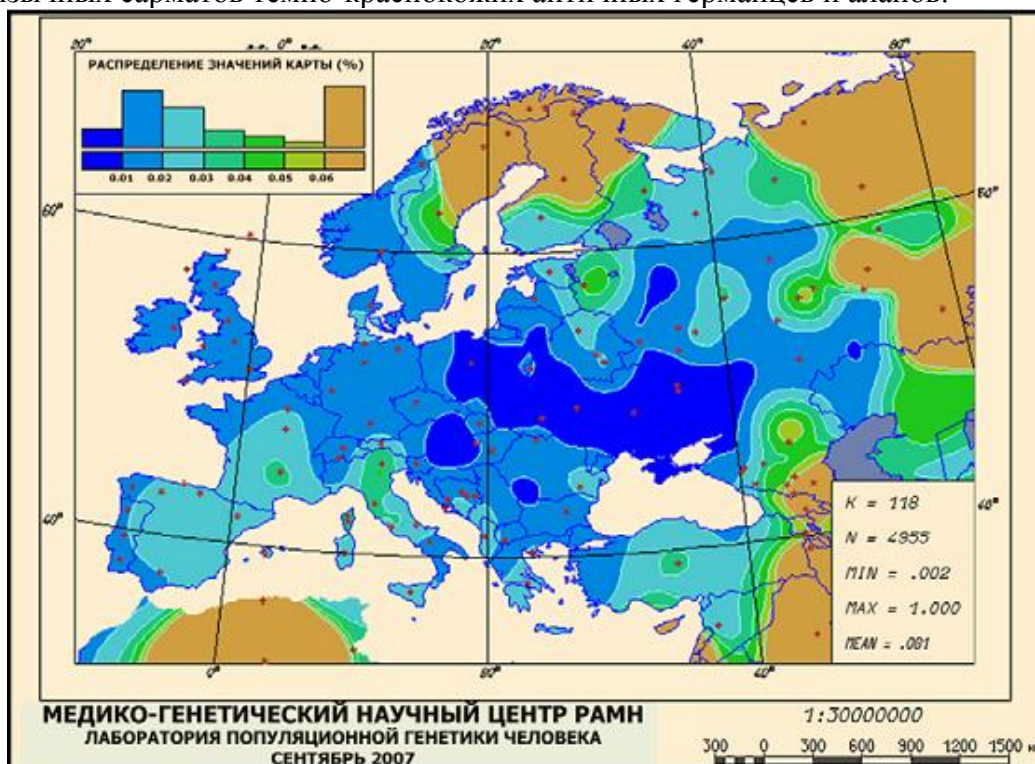

Рисунок 9. Генетические расстояния от украинцев по частотам гаплогрупп мтДНК

Генетическое родство украинок с жительницами соседних с Украиной регионов Европы по частотам гаплогрупп мтДНК.

Конечно же не только вытеснение племён дугими пришлыми на их территорию племенами, но и природные катаклизмы (малые «ледниковые периоды») заставляли славяноязычных германцев разбредаться по всей Европе (мигрировать на юг в периоды похолодания и возвращаться снова на побережье Балтийского моря при наступлении благоприятных условий проживания на нём). Поэтому-то и не стоит вовсе удивляться тому, что многие племена славяноязычных античных германцев с похожими этнонимами проживали в античности и в средневековье в разных регионах Европы.

5.6 Формирование современных германских языков на неиндоевропейских этнических субстратах

Современные германские языки сформировались преимущественно на финском и родственном ему протогермано-тюркском этнических субстратах соответственно аборигенов Северной Европы (преимущественно долихокраних и бледнолицых финноязычных скифов, дако-фракийцев и кельто-иллирийцев) и пришельцев из Азии (таких же долихокраних и бледнолицых сако-массагетов – потомков финно-самодийцев, языки которых ещё в Азии восприняли как суперстраты брахикраних и тёмно-краснокожих балтоязычных савроматов и славяноязычных сарматов, так и иранские адстраты). Завершилось же формирование германских языков в «тёмные века» уже в самой Европе под существенным влиянием этнических суперстратов славяно- и балтоязычных античных германцев, а также и этнических адстратов романизовавшихся кельтов:

«Леманн, например, считал, что нет фонологических и грамматических инноваций, общих для германского, итальянского, кельтского, балтийского и славянского, и что германский был независим от других индоевропейских языков на самой ранней стадии своего развития, а черты, объединяющие германский с этими языками, – главным образом лексические и относительно поздние (Lehmann 2005 – 2007). О почти полном отсутствии морфологических инноваций, общих для германского и итальянского, писал раньше Полеме, который отвергал на этом основании гипотезу о длительном соседстве итальянцев и германцев (Polomé 1966). Порциг, который приводит наиболее полный список общих индоевропейских инноваций, отмечает только одну общую германо-балтославянскую инновацию (окончание дательного мн. на -m) и четыре общих фонологических и грамматических инновации у итальянского и германского, три из которых являются фонологическими (сходное изменение звонких придыхательных, частично сходная судьба слоговых сонантов и изменение $t+t > ss$) и только одна морфологическая (сходство в морфологическом оформлении глаголов состояния – Порциг 1964)» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf).

Благодаря участию в сложении современных германских языков двух суперстратов и нескольких адстратов они и отличаются существенно друг от друга. Брахикранные и смуглые потомки славян и балтов «растворились» в современных германских нациях и

употребляют в своём общении лексику своих предков, которая несмотря на свою редуцированность всё же сохранила благотворную балто-славянскую языковую картину мира. Поэтому-то они до сих пор и поддерживают весьма успешно культурное влияние своих предков во всех германских нациях.

Несмотря на то, что большинство современных славянских языков сформировалось не только на иллирийском, кельтском и балтском и субстратах, но и на тех же самых финно- и тюркоязычных субстратах они, наоборот, менее отличаются как друг от друга, и от языков потомственных славян (потомков славяноязычных античных германцев и сарматов), нежели германские, в то время как взаимные отличия у славянских наречий античных тёмно-краснокожих и брахикранных германцев были весьма существенными. Очевидно к консолидации славянских наречий привели следующие основные факторы.

Во-первых, во всех объединивших славянские и славянизировавшиеся племена каганатах – Хазарском, Русском и Аварском языком межэтничного общения был один и тот же алано-жунский славянский «лингва-франко», господствовавший до этого на просторах Центральной и Средней Азии в течение многих столетий после того, как их покинули балтоязычные савроматы.

Во-вторых, на этом сказались общие корни всех литературных языков славян. Как русский, так и польский литературные языки сложились на основе древнерусского (древнекиевского) литературного языка, господствовавшего не только в Московии и в Великом княжестве Литовском, но наряду с латынью также и в Малой Польше (Польской Галиции). Русский литературный язык фактически был сформирован российской тюрко- и франкоязычной знатью и украинскими просветителями и писателями на основе старокиевского литературного языка и киевской редакции церковно-славянского языка. Не только великорусы, но и великополяки не обладали литературными талантами. Большинство как великорусских, так и польских писателей имело сарматское алано-готское происхождение (украинское и малопольское). Поэтому-то украинской народной лексикой существенно обогатился не только русский, но и польский литературный язык. Литературные же языки других западных и всех южных славян после длительного засилья германского и турецкого языков формировались под существенным влиянием соответственно польского и русского литературного языков.

К большому сожалению россиянам (москвитам), в отличие от современных германцев, не удалось привить вместе со славянской лексикой и благотворную славянскую языковую картину мира. Она у россиян так и осталась быдлотворной туранской, так как славянская лексика потомков античных германцев и сарматов ими была быстро переосмыслена под свою холопскую ментальность. Так что настоящими наследниками античных брахикранных и тёмно-красных славяноязычных германцев готов, велетов-лютичей и фризов-руссов являются вовсе не они, а украинцы и другие западные славяне, а также и нынешние германоязычные народы:

«Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы

марсы, гамбровии, свебы (*слевы / славы = свавы, – П.Д.), вандилии, и что эти имена подлинные и древние. Напротив, слово Германия – новое и недавно вошедшее в обиход, ибо те, кто первыми переправились через Рейн и прогнали галлов, ныне известные под именем тунгров (тёмнокожих; нем., швед. «dunkel», нидерл. «donker» – тёмный, – П.Д.), тогда прозывались германцами. Таким образом, наименование племени постепенно возобладало и распространилось на весь народ; вначале все из страха обозначали его по имени победителей, а затем, после того как это название укоренилось, он и сам стал называть себя германцами (*гермными / чермными – цвета спелой вишни или спелой малины, то есть тёмнокожими с ярким красноватым и синеватым отливами, – П.Д.)...» (Корнелий Тацит, «О происхождении германцев и местоположении Германии», <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm>);

«Свевов Цезарь называл «новым полчищем» (novamanus Sueborum) (Caes. BG, I, 37). Они выступили к Рейну (Rhenus) и даже перешли на его правый, галльский берег. Здесь часть свевов (родственные вильцам = лютичам чермные / *гермные, черноволосые и брахикранные предки валлонов – аланы-торки, известные позже как вельты = волоты / волохи и фрисы / фризы, – П.Д.) стала известна собственно как «белги», в кельтском происхождении которых сомневался сам Цезарь (Caes. BG, II, 4), и который во время войны с ними о существовании свевов еще не подозревал, а когда узнал о последних, назвал их «новым полчищем», ибо под «старым полчищем» понимал белгов, оказавшихся также свевами. Как указывает Ю. Колосовская, некоторые особенности жизни свевов и соседних с ними лугиев позволяют предположить, что принадлежали они к одному и тому же народу, но не были ни кельтами, ни германцами (точнее, ни белобрысыми долихокранными предками современных германцев, – П.Д.). Возможно, что они были народами славянского происхождения. Если гариин, упомянуты Тацитом, принадлежали к племени лугиев (Germ. 43: 3-4) и если они тождественны гарудам Цезаря, входивших в окружения царя Ареовиста (Caes. B.G. I, 51), тогда в этом видится прямая связь народа лугиев с народом свевов. Как и свевы, лугии принадлежали к культовой общности, объединенной поклонением земледельческих божеств. В лугиев была роца, освященная древним культом (antiquaereligionislucusostenditur – Tac. Germ. 43.3). Роцу для свершения таинств имели марсы или марсиане – племя свевов (свавов = *славов, – П.Д.)... Языковые следы кельтского субстрата через романский язык попали во многие языки карпатского ареала. Кельтское происхождение карпатизмов не вызывает сомнения. Но в некоторых районах карпатской зоны кельтское влияние могло быть непосредственным (не через восточнороманский язык). Хорошо известно, что в первые века н.э. кельтское влияние имело место на территории северо-западной Польши и Верхней Силезии. Более сильным и интенсивным оно было в Богемии, где первые славянские посленцы встретились с многочисленным кельтским населением» (Олег Гуцуляк, «Тайна святого Войцеха», <http://www.arthania.ru/content/taina-svyatogo-voitsekha-chast-3>);

«...в римское время на территории Силезии проживали исключительно восточногерманские племена, конкретно – (балто-славяноязычные тёмно-краснокожие, –

П.Д.) вандалы-салинги. В гуннскую эпоху эти земли пустеют. По прошествии двух столетий, в начале раннего Средневековья на Нижнем Одере неожиданно появляется народ с весьма похожими керамическими традициями. Только говорит он уже на славянском языке. Непонятно, куда исчезали эти люди и почему они вдруг стали совсем другим этносом? Разве могут германцы превратиться в славян?.. Примордиалисты считают, что это даже в принципе невозможно. Этническая идентификация, с их точки зрения, как группа крови, даётся человеку, как и племени, раз и навсегда, её нельзя заменить. Их оппоненты из числа конструктивистов, напротив, полагают, что в те времена она менялась довольно часто. Для них в превращении вчерашних (тёмно-краснокожих, – П.Д.) германцев в нынешних (смуглых, – П.Д.) славян нет ничего удивительного... Вероятно, люди, жившие в римский период в Силезии, всё же куда-то перемещались и уже с этих новых территорий в раннем Средневековье подались на европейский Север. Но где они могли скрываться, если не внутри Карпатской котловины? Там располагалось целых два германских царства – Гепидия и Лангобардия – и в их пределах поселилось множество племён, осколков могучей империи Германариха. В тех краях аборигенам Силезии было не сложно затеряться» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcat_pjataja_na_prostorakh_svobodnogo_severa_prodolzhenie/0-352).

5.7 Переосмысление этнонима германцы и перенос его в средневековье на долихокраних потомков аборигенов Европы

Очевидно, этноним германцы (гермные / кермные / сермные / дермные / термные / цермные / чермные) был просто переосмыслен лишь после того, как на историческую арену вышли во времена Птолемея неизвестные Тацитом германоязычные бледнолицые саксы, германизовавшиеся долихокраних скандинавы (потомки финноязычных скифов, фракийцев и кельтоязычных бастарнов) и некоторые другие бледнолицые северные европейцы. Ведь не только предки постепенно посветлевших курманджи, но и геродотовы дерусиеи / деруши и германии / кермании / кармании (исп. «carmin» – «карминный, светло-вишнёвый»; арм. «karmir», азерб. «kırmızı» – «чермный, красный»; праиндоевроп. k^wr-mi-, перс. «kirm», др.-прусс. «kīrmis / girmis», лит. «kirminas» – червь; англ. «heart», венг. «kőg» – черви) были такими же тёмно-вишнёвыми (черемыми / чермными), как и все другие персидские и сарматские (сермендские) племена:

«Единственные выводы, которые можно благополучно извлечь из молчания Тацита и предшествующих географов, заключаются в том, что саксы в это время представляли собой малоизвестный и незначительный народ, не досаждавший более известным народам и не навлекший на себя враждебность римского государства (или вообще ещё не пришедший в Европу из Азии во времена Тацита, как предполагает сам Шэрон Тёрнер, – П.Д.)» (Шэрон Тёрнер, «История англо-саксов», кн. II, гл. I «Происхождение саксов», http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_01.htm);

«...у Тацита ясно сказано, что «германцы» это все европейские оседлые «варвары» (не

кочевники), включая собственно германцев (славяноязычных тёмно-краснокожих ютов, хунор / оногуров = англов и *ютичей / лютичей = фризов = хросов / русов, – П.Д.), венедов (славян [тогда еще неславянизировавшихся балтоязычных склавинов, – П.Д.]), балтов и финнов... Это очень часто бывает: название ближайшего, соседнего народа переносят и на более отдаленные. Например, арабский автор 10 в. Масуди считал, что среди славянских народов есть и такие, как «намчин» и «саксин». Но мы на этом основании не будем утверждать, что немцы и саксы – это славяне (ладно уж! так и быть...); очевидно, для Масуди слово «славяне» («сакалиба» – «тёмно-красные, чермные, вишнёвые», – П.Д.) значило примерно то же, что для Тацита – «германцы»...» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-7.htm>);

«...Куном и Гахманом была выдвинута подхваченная и развитая Кузьменко гипотеза о третьем этническом блоке (очевидно, это – тёмно-краснокожие вельты = *волоты / волохи = велеты / вильцы, *славы / свавы / свебы, гаруды / асдинги = гревтунги / грутунны = хорутаны и другие славяноязычные потомки жунов = сарматов / сермендов и да-юэчжи = алановторков, а также и ярко-краснокожие фрисы = прусы, франки и другие балтоязычные потомки усуней = савроматов, – П.Д.) – между германцами и кельтами (в регионе современных Бельгии и Голландии), который, может быть, и носил первоначально название германцев, впоследствии перешедшее на тех, кого и стали потом называть германцами: это ведь не их самоназвание. (У Кузьменко это италики, что не исключено, хотя доказательств не так уж много.) ... Этнос потому так долго и не поддавался дефиниции с помощью перечня реальных признаков, что он не стабильная категория исторической реальности, а категория социальной психологии. Это общность людей, испытывающих взаимную солидарность благодаря идее общего происхождения, выделяющего их из окрестного населения – вне зависимости от того, достоверно это или нет. Этой идее подыскиваются подтверждения среди реальных признаков – общность языка или религии, или расового облика и т.д. Поэтому все исследования по этногенезу сводятся к проблеме происхождения языковой общности или языковой семьи. Можно выяснять происхождение общности материальной культуры, но это другая проблема. А происхождение общности физического облика (если она есть) – третья. Автор (Юрий Кузьменко, – П.Д.), как мне кажется, не вполне осознает это. Он понимает, что раннеисторические германцы, вероятно, не имели общего самоназвания, не признавали себя единым этносом. А кого римские историки называли германцами и вовсе не ясно. Но все же автор склонен думать, что решает именно эту проблему – проблему этногенеза. А ее нет... Я уже пояснял, что германцев, как и славян, объединяет и отличает от других язык и только язык...» (Лев Клейн, рецензия «Ю.К. Кузьменко. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика», <http://vja.ruslang.ru/ru/archive/2013-1/125-129>; <http://naukarus.com/you-k-kuzmenko-rannie-germantsy-i-ih-sosedi-lingvistika-arheologiya-genetika-spb-nestor-istoriya-2011-268-c-isbn-978-5-981>);

«[Территорию от Дона до Рейна, от Альп до Балтийского моря Альфред называет Германией (землей чермных людей, – П.Д.). Следует описание земель к северу от Дуная.] К северу от хоротов (гарудов = гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.) лежит земля Мэгда, а

к северу от земли Мэгда находятся серменды до самых Риффейских гор. [Следует описание земель Северной Европы.] Северные дены имеют на север от них тот самый морской рукав, который называется Остсэ, и на востоке его живет народ остов, а на юге – [народ] афредов (ободритов, – П.Д.). К северу, от остов находится тот же морской рукав, а также винеда и бургенды, а на юге от них – хэфельды (велеты / вильцы, – П.Д.). На западе от бургендов находится тот же морской рукав, а на севере – свены, а на востоке от них – серменды, а на юге от них – сурфы. На юге от свенов расположен остийский морской рукав, а на востоке от них – серменды, а на севере от них, через пустыню, земля квенов, а на северо-западе от них обитают скридфинны, а на западе – норманны...» (Альфред, «Орозий короля Альфреда», (Paulus Orosius – конец IV – первая половина V в.),

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/IX/880-900/Alfred/Orosius/text1.phtml>,

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/IX/880-900/Alfred/Orosius/primtext1.phtml>);

«Страна Германия, а это земля славян (ас-сакалиба – чермных, – П.Д.)*, ее середина на долготе 36 40 и широте 52 0 (1593)... *Германия, у ал-Хорезми Гирмания, – птолемеевская Германия, которую ал-Хорезми отождествляет с «землей славян» (ас-сакалиба)...» (Мухаммад ал-Хорезми, «КИТАБ СУРАТ АЛ-АРД / Книга картины земли», <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/IX/Choresmi/text2.phtml>);

«Наконец, он (Карл, – П.Д.) так усмирил все варварские и дикие народы, что населяют Германию между реками Рейном, Висулой, а также океаном и Данубием (народы те почти схожи по языку, но сильно отличаются обычаями и внешностью), что сделал их данниками. Среди последних самые замечательные [народы]: велатабы, сорабы, ободриты, богемцы; с ними Карл сражался в войне, а остальных, число которых гораздо больше, он принял в подчинение [без боя]» (Эйнхард, «Жизнь Карла Великого»,

<http://www.monsalvat.globalfolio.net/rus/dominator/charlemange/karlhronika/index004.php>).

5.8 Тёмноволосая сарматская знать европейских народов

Краснокожими были не только потомки языгов пруссы, но и родственные им франки, очевидно являвшиеся потомками балтоязычных язаматов (царских усуней), этнос которых сформировался в Сибири на основе брахикранных жунов и юэчжийцев, а также и ассимилированных ими долихокранных бледнолицых динлинов и других угро-самодийцев:

«Сидоний Аполлинарий описывает нам франков при Хлодионе, в эпоху Меровингов, как каких-то чудовищ. «С их красного черепа, – говорит он, – спускаются связанные в пучок (как у китайцев и у японцев, – П.Д.) волосы, причем остается открытым выщипанный затылок. Зрачок их серо-зеленоватых глаз прозрачен и водяного цвета (как и у их предков динлинов, – П.Д.). Их подбородок выбрит, вместо бороды они носят пучки волос, расчесанные гребенкой (бакенбарды) (возможно, длинные усы, – П.Д.)» (Ф.П. Комиссаржевский, «История костюма // Одежда германцев. Галлия при Меровингах», http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=201);

«В качестве еще одного аргумента О.Н. Трубачев обращал внимание, что балтские топонимы на -sedja обнаруживают близость именно с западногерманскими на –setja. Причем «сходство герм. –setja и балт. -sedja очевидно с первого взгляда и при более внимательной проверке оказывается полным» (Трубачев 2004: 18). Добавим сюда и прусское «витинг» (ётунг / ютунг – «великан, витязь», – П.Д.) – восходящее именно к древнефризской (балтской древнепрусско-фризской, – П.Д.) форме (Фасмер 1986: 323). Археологически улавливаются связи пруссов и с землями по среднему течению Рейна, района современного Майнца и Франкфурта-на-Майне: «особое внимание следует обратить на конские захоронения, сопровождающие останки меровингской элиты франков и знатных воинов ранней фазы прусской культуры. Поразительны аналогии между обрядами этих социальных групп...» (Кулаков 2003-2004: 365)» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>).

Однако же меровингская элита франков являлась преимущественно брахикранной, кареглазой и тёмноволосой, так как была жунского (гуннского) и юэчжийского происхождения:

Меровинг Хлодвиг I, король франков (481/482 – 511),

http://img0.liveinternet.ru/images/attach/c/7/98/804/98804256_4ca822c4ffd3.jpg;

Меровинг Дагоберт I, король франков (629 – 639),
http://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/7/98/804/98804355_9c8341424605.jpg;

Карл Великий, император Запада (800 – 814),
<http://voprosy-pochemu.ru/wp-content/uploads/2014/09/karl-velikiy.jpeg>.

Карл Великий был сыном ломбардийки (лангобардки) Берты Длинноногой. Поэтому то его тёмно-краснокожесть и высокорослость вполне объяснимы. Однако же и большинство франкской знати было краснокожими и рослыми брахицефалами:

«Сидоний Аполлинарий, епископ Оверни (ок. 430 – 487/488) утверждал: «Франки – рослое племя, они облачены в тесно облегающую одежду. Их талию окружает пояс. Они метают свои топоры и бросают свои копья с большой силой, никогда не промахиваясь мимо цели. Они управляются со своими щитами с большой ловкостью и обрушиваются на противника с такой скоростью, что кажется, что они летят быстрее, чем их пики»...» (А.В. Норман, «Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и Крестовых походов», http://www.xliby.ru/istorija/srednevekovi_voin_vooruzhenie_vremen_karla_velikogo_i_krestovyh_pohodov/p3.php).

Очевидно смуглолицая, чёрноволосая и длинноногая знать мигрировавших в Центральную Европу из Меотидских болот потомков усуней сикамбров (франков) была тоже жунского (гуннского) или же юэчжийского происхождения:

Жан-Луи Безар – Лотарь I, король Срединного королевства (843 – 855), <http://www.liveinternet.ru/users/teanika/post257903662/>.

Длинноногими и смуглолицыми брюнетами были не только первые правители Англии Плантагенеты, но и большинство правителей из других английских королевских династий, а также и многие потомки мигрировавших в Англию славяноязычных юэчжийцев (вельтов / велетов, античных фризов / русов, англов, ютов, гаутов / гётов, винулов / ломбардов и др.): «Научными наблюдениями относительно цвета волос и глаз людей в различных графствах Англии в настоящее время обнаружено, что по сравнению с другими округами в Хартфордшире, Бакингемшире, Уилтшире и Дорсете проживает более высокий процент людей смешанного смуглого типа. За исключением Корнуэлла и территории в древних кельтских границах, обитатели этих графств являются более смуглыми. Как правило, этот факт объясняют гипотезой, что в процессе саксонской колонизации британскому населению было позволено остаться в этих частях Англии, и оно в ходе столетий перемешалось с обитателями англо-саксонского происхождения, и, следовательно, настоящее население более заметно, чем то, которое имело чистое смуглое происхождение, карие, или черные глаза, с коричневыми (каштановыми), темно-коричневыми, или черными волосами. В графствах Hertford и Buckingham население было столь же смуглым, как и в Уэльсе. Все исследование проведено для того, чтобы показать, что эта смуглость является реальностью. Беда обнаружил, что область в Англии, в которой процент смуглых людей самый большой, простирается от реки Ли (Lea) до Варвикшир Эвон (Warwickshire Avon). Чтобы лучше понять обстоятельства колонизации Англии, нужно рассмотреть и эти этнологические факты. Возможным объяснением этого может быть выживание британского населения, и это объяснение, видимо, самое точное. Поскольку такое заключение несколько затуманивает вопрос, то он состоит в следующем: Существует ли иной путь, которым можно объяснить происхождение этого смешанного смуглого населения, окруженного другим более светлым населением? Альтернативное объяснение состоит в том, что население смуглой расы могло прийти вместе с англами, саксами или данами, и обильно заселить эти части страны. Это косвенное доказательство того, что население смуглого или темного внешнего вида пришло в Англию во время как саксонского, так и датского заселения. И теперь можно подвести итог. Во-первых, у нас есть свидетельство того, что венеды (Wends) были среди поселенцев как в ранний период, так и в союзе с данами в более поздний. Венды, которых так называют германцы, включали в себя некоторые племена, более смуглые, чем саксы и англ (являвшиеся в отличие от саксов тоже смуглыми, как и все другие потомки аланов-торков, – П.Д.), остатки которых в настоящее время, все еще называемые вендами, проживают на границе Саксонии и Пруссии... Следуя утверждению Хантингдона (Huntingdon), что вандалы были союзниками данов, видимо, можно увидеть свидетельство более высокого процента брюнетов, или возрастания тенденции брюнетного типа, которая преобладает в Хартфордшире и Букингемшире в примыкающих графствах (округах), не прибегая к выводу, что такой этнологический феномен мог быть вызван только остаточным британским населением. Маловероятно, чтобы в этом районе оставалось большое число кельтских жителей. Напротив, ввиду их хороших контактов, можно было ожидать, что в этой стране завоевания древними поселенцами были наиболее полными. Связаны ли брюнеты Хартфордшира и Бакингемшира частично с поселенцами вендами (потомками античных германцев, – П.Д.) и норвежцами смуглого типа, как предполагают сегодня, или по

некоторой другой причине, но британская теория как законченная версия в свете этих фактов кажется неправдоподобной... Факты, касающиеся смуглых людей в Англии во время англосаксонского периода, которые могут быть получены из топонима Brun, могут быть дополнены, по крайней мере, некоторыми из топонимов, начинающихся с dun и duning. Dun является древнеанглийским словом, обозначающим цвет, напоминающий и черный и коричневый, и там, где он встречается в начале слова в такой комбинации, как Duningland, он, вероятно, относится к смуглым людям или их детям, а не к англо-кельтскому слову dún – холм или укрепленное место. Что касается древней смуглой расы или рас Северной Европы, то не может быть сомнения в ее существовании на юго-востоке Норвегии и на востоке Фрисланда. Не может быть сомнения в важности влияния, которое древний народ венедов оказывал на северо-восточные территории Германии, передавая своим потомкам более смуглый цвет лица, чем тот, который преобладал у жителей ГанOVERA, Гольштейна и Вестфалии, более чистого тевтонского происхождения. В этом не приходится сомневаться, учитывая то смуглое население, которое сегодня сохранилось в провинциях Северной Голландии, Дрента и Оверийссела, образующие внутренние районы древней Фризии, откуда многочисленные смуглые жители (брахикранные смуглые гунны-фризы / русы, – П.Д.) вместе с фризами (долихокранными бледнолицыми потомками усуней и саксов, – П.Д.), должно быть, прибыли в Англию. Нецелесообразно сомневаться в этом, так как во время норвежской иммиграции в Англию все смуглые жители Норвегии не стали покидать свою страну, так как они были смуглыми, либо ни один венд, которые в большом количестве заселили Англию, не был смуглого типа...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англосаксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«...если взять за нашу отправную точку современное население Норвегии, мы найдём много людей с нордическим черепом и высоким ростом. Многие из них имеют светлые волосы и голубые глаза, это те, кого можно назвать «чистые нордики» или «100% нордики». Но другие имеют тёмные волосы и голубые глаза или коричневые волосы и пигментированные глаза. Они – «только частично нордики». А также, много мезоцефалов и даже брахицефалов...» (К.Е. Schreiner, «Crania Norvegica II» <http://www.theapricity.com/snpa/CNIIContents.htm>; перевод: <http://forum.dpni.org/showthread.php?t=47639>);

«Норвежцы – представители собственно балтийского типа. Однако в некоторых береговых группах западной части Норвегии головной указатель доходит до 84. Но по росту и пигментации брахикефальные группы не отличаются от долихокефальных. Своеобразен тип населения округа Валле. Жители этой местности обычно очень высокого роста (175 см) и отличаются огромными размерами головы (продольный диаметр 198 мм, поперечный диаметр – 155 мм) и широким для норвежцев лицом (143 мм). Кроме незначительной разницы в головном указателе, этот вариант ничем не отличается от массивного, сравнительно широколицего типа населения эпохи раннего средневековья, известного нам по многочисленным костным остаткам из погребений конца I тыс. н.э.» («Очерк истории

рассовых классификаций Зарубежной Европы», <http://lib7.com/evropa/686-ocherk-europe.html>)

«...норманны во II в. во главе с Роллоном приходят с Дона. Анналист Саксон дает даже точную дату: 166г. В начале н.э. с Дона в Западную Европу проходили отдельные ираноязычные (на самом деле балто-славяноязычные, – П.Д.) группы, в частности роксаланы и аланы. О некоторых аспектах истории (тёмно-краснокожих, – П.Д.) алан – «русов-тюрк» будет сказано ниже в связи с упоминанием восточных источников о «двух видах» русов. Здесь отметим, что на севере Франции и соседней Бельгии имелись обширные могильники погребенных аланов. А вождь норманнов из Норвегии Роллон, захвативший в начале X в. эту часть французской территории, считал себя потомком Роллона IIв. Почти наверняка норманский викинг оправдывал свою операцию памятью великого предка. Об этом прямо сказано в «Хронике герцогов нормандских, составленной в XII в. по заказу потомка герцогов – Генриха II Бенау де Сент-Мор. Роллон считал завоеванную территорию своей прародиной и в 911г. согласился признать себя вассалом французской короны. А отвоеванная (или возвращенная) им территория стала практически самостоятельным «Герцогством Нормандским»...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-56.html>);

Нормандский король Англии Генрих I (см. «Короли и королевы Англии от Вильгельма Завоевателя до Елизаветы II», <http://englishgid.ru/o-strane/history/korolevskiedinastii.html>);

Эдуард Первый Длинноногий. Король Англии. (<https://www.youtube.com/watch?v=w2RiEAN-Rgc>, <http://fast-images.ru/eduard-1-korol-anglii>, <http://piplz.ru/page-id-1135.html>);

(Открытка «Королевская Семья» Великобритании,
http://britishsouvenirs.ru/Otkrytka-Korolevskaya-Semya_1757t.html);

«Королевский титул родился на берегах Туманного Альбиона в IX веке. С тех пор высший престол государства занимали представители различных английских династий.

Однако кровное родство королей и королев Англии было непрерывным. Это было обусловлено тем, что каждая новая королевская династия возникала от брака ее основателя с представительницей предыдущей. Англия является государством, где за 12 веков женщины шесть раз становились во главе страны. История бережно хранит имена Марии I, Елизаветы I, Марии II, Анны, Виктории и ныне здравствующей Елизаветы II («Короли и королевы Англии от Вильгельма Завоевателя до Елизаветы II», <http://englishgid.ru/o-strane/history/korolevskiedinastii.html>);

Черноволосые аланки:

(Меган Маркл и принц Гарри <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/04/stoletie-dinastii-vindzorov-strasti-po-megan-markl-i-razryv-shablona>);

(Мария София Фредерика Дагмар российская императрица, супруга Александра III
(с 28 октября 1866), мать императора Николая II

<http://www.lgsp.petrobrigada.ru/pic/MariyaF.jpg?from=http://www.lgsp.petrobrigada.ru/pic/MariyaF.jpg>; https://icdn.lenta.ru/images/0000/0095/000000959842/detail_1358527647.jpg,
<https://lenta.ru/articles/2006/09/26/funerailles/>);

(Императрица Екатерина II Алексеевна (Великая),

https://pikabu.ru/story/dve_rossiyskie_imperatritsyi_skromnogo_proiskhozhdeniya_4833458);

(Ретроспектива: свадьба кронпринцессы Мэри и датского кронпринца Фредерика,
<https://ru.hellomagazine.com/monarkhi/svadby-monarkhov/1964-svadba-kronprintCESSy-meri-i-kronprintca-frederika.html>,
https://ru.hellomagazine.com/thumb/755x550_0/images/2014/march/katia/wedding17032014-anons.jpg, <https://gubdaily.ru/blog/news/v-petrozavodske-poyavitsya-novaya-ploshhad-video/>);

Александра Люксембургская, принцесса Люксембурга (Александра – четвёртый ребёнок и единственная дочь Великого герцога Люксембургского Александра Люксембургская,

принцесса Люксембурга Анри и Марии-Терезы Местре, <https://gubdaily.ru/blog/news/v-petrozavodske-poyavitsya-novaya-ploshhad-video/>);

(Длинноногая дочь поэта Байрона графиня Ада Лавлейс, <https://www.chayka.org/node/5356>; <http://naoblake.com/pervyj-programmistom-v-mire-byla-doch-poeta-lorda-bajrona/>);

Красноликим brunетом был первый император Священной Римской Империи Оттон I Великий:

Королева Адельгейда и король Оттон I Великий, король Германии (936 – 973), император Священной Римской империи (962 – 973), http://www.wikiwand.com/ru/Оттон_I_Великий; http://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Otto_I,_Holy_Roman_Emperor#mediaviewer/File:Meissner-dom-stifter.jpg;

Оттон I в «Хронике саксов и Тюрингов» (ок. 1530/1535), Веймар, изображение работы Лукаса Кранаха Старшего, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1080983>; http://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Otto_I,_Holy_Roman_Emperor#mediaviewer/File:Otto_I_HRR.jpg;

«...он (Оттон I, – П.Д.) умел говорить на романском и славянском языках и, что является редкостью, считал достойным пользоваться ими. Он часто ходил на охоту, любил игру в шахматы, иногда с [чисто] королевским достоинством проявлял расположение к верховой езде. С этим он соединял громадный рост, свидетельствующий о королевском величии, голову его покрывали седые волосы, глаза были карие, они излучали некий блеск наподобие молнии, [у него было] красное лицо и вопреки древнему обычаю длинная борода, грудь, покрытая гривой, как у некоего льва, соразмерный живот, походка, некогда легкая, теперь ставшая более тяжелой...» (Видукинд Корвейский, «Деяния саксов», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Widukind/frame2.htm>).

Поэтому-то арабы и называли термином сакалиба (тёмно-красными, вишнёвыми; япон. «сакура» – вишня) не только славяноязычных, но и балтоязычных и германоязычных потомков тёмно-вишнёвых савроматов и сарматов. К началу же второго тысячелетия кожа осветлилась и стала лишь смуглой не только у германоязычных и балтоязычных, но и у большинства славяноязычных потомков брахикранных сарматов. Из-за этого то и сам термин ас-сакалиба был переосмыслен:

«...после 30-х годов XI в. число упоминаний о сакалиба резко сокращается. Логично поставить вопрос, не произошло ли изменение значения понятия саклаби тогда, когда самих сакалиба в мусульманском мире уже почти не стало. В это время слово «сакалиба», чтобы продолжать оставаться в употреблении, должно было изменить свое значение, что и произошло: в эту категорию стали включать всех, в том числе и чернокожих евнухов. Вместе с тем нет впечатления, что происшедшая перемена действительно приобрела всеобщий характер. Хотя расширение значения понятия сакалиба должно было выразиться в его применении к большему, чем раньше, числу людей, упоминания о сакалиба в источниках стали до крайности редкими; употреблялись понятия хадим, хази и т.д. В толковых словарях

арабского языка слово *саклаби* по-прежнему интерпретировалось как <выходец из народа *сакалиба*>, а не как <евнух>; так же оно толкуется и в справочниках по *нисбам*. Изменение коснулось, по всей вероятности, разговорного языка, о котором писали *Ибн Макки* и *Ибн Хишам ал-Лахми*, причем, если судить по приведенным выше фрагментам, прежде всего на западе мусульманского мира...» (Д.Е. Мишин, «*Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье*», часть I, <http://www.fedy-diary.ru/html/122010/15122010-01a.html>).

5.9 Деградация и опрощение (редукция) чуждой европейским аборигенам и сако-массагетам балто-славянской лексики

Весьма значительно в германских языках тюркское и финно-угорское наследие. Например, если в большинстве тюркских языков наречие формируется, как правило, с помощью окончных слогов *-le*, *-lü*, *-li*, то и в английском языке используется для этого же подобный окончный слог *-ly* (например, турец. «*şiddetle*», азерб. «*güclü*», узб. «*kuchli*», англ. «*highly*» – сильно). Для выражения синтаксических отношений в английском, как и в тюркских, и в финно-угорских языках, кроме предлогов часто используются также и послеслоги (*postpositio*). Ударение в германских, как и в древнетюркских и в современных финно-угорских языках, падает, как правило, на первый (корневой) слог:

«Следует отметить, что тюркский сингармонизм рассматривается некоторыми учеными как явление, аналогичное по своей природе русской или английской редукции гласных. Отсюда следует, что тюркский сингармонизм так же, как и русская редукция, обусловлен ударением, которое когда-то приходилось не на последний, а на первый слог. Этим фактом можно объяснить, почему тюркская гармония гласных не рассматривается как живой фонетический процесс...» (Р.Ж. Кондыбаева, «Вопрос исследования словесной просодии в тюркологии»,

http://www.rusnauka.com/34_VPEK_2012/Philologia/3_121131.doc.htm);

«Наконец, начальное (корневое) ударение было и остается характерным для саамских и прибалтийско-финских языков. Эта германоприбалтийско-финско-саамская параллель интерпретировалась и в XIX веке (Förstemann 1874) и продолжает интерпретироваться некоторыми и сейчас (Wiik 1997; 1999; 2002), как след «финского» (по Виику уральского) субстрата в германском. Однако, несмотря на существование очевидной типологической параллели, проявляющейся в изменении типа акцента и интонации в современном шведском языке Финляндии, которая объясняется финским влиянием, и на то, что контакты населения, живущего на западном и восточном побережье Балтийского моря, относят к 3200 – 2300 гг. до н. э., (Kallio 2003), а контакты протогерманцев с северными соседями на Скандинавском полуострове не младше 1000 г. до н.э., предположение о финно-угорском влиянии на сдвиг ударения в протогерманском, как правило, отвергается (*ibid.*), чаще всего по социолингвистическим причинам, которые либо эксплицируются, либо подразумеваются... Естественно, что, если принять предположение о финно-угорском влиянии на появление начального ударения в германском и части балтийских языков, возникает вопрос, о времени появления начального ударения в самих финно-угорских языках. Кроме саамских и

прибалтийско-финских языков начальное ударение характерно для мансийского (Рамбандеева 1973; Куркина 1986) и венгерского. Как правило, оно остается на первом слоге в хантыйском (Терешкин 1966), что более явно выражено в западных диалектах. В восточных диалектах есть ограничение употреблению начального ударения, связанное с качеством гласного (Куркина 1986; Хонти 1993). Однако и в этом случае гласные первого слога, независимо от ударения, всегда характеризуются четкостью и напряженностью, что препятствует их редукации (Куркина 1986: 126). Кроме того, начальное ударение, как правило, падает на первый слог в коми-зырянском (Бубрих 1949; Баталова 1993). В коми-пермяцком языке, где ударение морфологизовано, оно никогда не падает на словоизменяющую морфему, а всегда остается на каком-нибудь слоге основы (Баталова 1972). В эрзя-мордовском, где ударение может быть разноместным и свободным в нейтральном стиле речи оно также обычно фиксируется на первом слоге (Феоктистов 1993). В финно-угорских языках лишь в некоторых редких случаях в исконных словах различие в ударении может иметь фонологическую нагрузку, как, например, в коми-пермяцком. Даже это беглое сравнение ударения в современных финно-угорских языках позволяет согласиться с предположением Итконена о начальном характере ударения в прото-финно-угорском (Itkonen 1955). Наконец, начальное ударение характерно для одного из самых архаичных самодийских языков, для энецкого (Терещенко 1993). Такая же тенденция наблюдается и в нганасанском, где «при словообразовании и словоизменении ударение, как правило, сохраняется на корневой морфеме» (Терещенко 1993). Начальное ударение в энецком и нганасанском может свидетельствовать об общеуральском характере начального ударения» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf);

«Известно, что в древних индоевропейских языках ударение было относительно свободным и подвижным – оно могло падать на любую часть слова (корневую морфему, аффикс или окончание). Однако в германских языках ударение становится силовым, или динамичным, оно фиксируется на первом слоге, который, как правило, был корневым (реже – префиксальным). Остальные слоги в слове (суффиксы и окончания) становятся неударными. Таким образом, в германских языках все грамматические окончания оказались в безударном положении, что, несомненно, способствовало процессу редукации и постепенного отпадения флексий. Фиксация ударения на первом слоге повлекла за собой значительные фонетические и морфологические преобразования. Так, например, ударные слоги произносились с большой четкостью и выразительностью, в то время как различия между произношением неударных слогов стали постепенно стираться и со временем практически перестали ощущаться. Поэтому многие грамматические окончания стали сливаться с суффиксами, а со временем редуцировались и отмерли. ...на ранних этапах развития германских языков система склонения существительного была очень сложной. Однако некоторые современные германские языки в процессе исторического развития подверглись значительному упрощению, утратив большую часть флексий. Всего дальше пошли по этому пути английский и, особенно, африкаанс – последний полностью утратил род и падеж существительного, изменение глагола по лицам и числам. Напротив, немецкий,

фарерский и, особенно, исландский отличаются большим богатством морфологии. В этих языках сохраняются три грамматических рода, четыре падежа (правда, в фарерском родительный падеж употребляется лишь в книжном стиле). Для основной же массы современных германских языков характерно упрощение родовой системы и системы склонения...» (Е.Н. Руденко, «Введение в германскую филологию» / «Лингвистические особенности германских языков», <https://studfiles.net/preview/3243569/page:10/>, https://studbooks.net/855456/literatura/osobennosti_razvitiya_morfologicheskoy_sistemy_drevnegermanskih_yazykov, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=525872>);

«Важнейший общий признак германских языков – динамическое (силовое) ударение на первом (корневом) слоге. В бесприставочных глаголах и именах корневой и первый слоги совпадают. В глаголах и именах с приставками место ударения неодинаково: в приставочных именах существительных и прилагательных ударение падает на первый слог, т.е. приставку, а в приставочных глаголах – на корневой слог: ср. гот. «andahaft» – ответ и «and'hafjan» – отвечать. Одна и та же приставка в зависимости от места ударения в слове могла иметь разный характер, разные звуковые варианты: более полный – в именных образованиях, в той или иной мере редуцированный – в глаголах. Причина такого различия в ударении, видимо, в разновременности возникновения данных образований. Закрепление сильного динамического ударения на первом слоге оказало значительное влияние на развитие строя германских языков и усилило тенденции, действовавшие уже в период германской языковой общности. Оно выделило главный в смысловом отношении слог и способствовало, вероятно, редукции неударных слогов; в результате действия законов конца слова долгие гласные сокращались, а краткие ослаблялись и редуцировались или совсем отпадали. Первый этап редукции прошел уже, по-видимому, в общегерманском языке-основе, в дальнейшем эта тенденция действовала с разной силой в разных герм. яз.» (Е.М. Крепак, А.Л. Сотникова, «Введение в германскую филологию», <http://vved-v-germ-phil.cvsu.ru/7.html>).

На германизацию пришлыми брахикранными брюнетами – балто-славяноязычными античными германцами и сарматами как покорённых ими финноязычных скифов и других североευропейских долихократных блондинов, общавшихся прежде скудными наборами преимущественно односложных и двусложных слов, так и пришедших в Европу позже прототюрко-германоязычных сако-массагетских племён указывают не только изменения в произношении согласных, но и быстрая деградация и опрощение (редукция) чуждой аборигенам и сако-массагетам балто-славянской лексики, на основе которой и сформировались в тёмные века германские наречия. Возможно, редукции индоевропейской лексики в современных германских наречиях весьма поспособствовала и цинга:

«Расслоение общеевропейского языка началось не с падением Константинополя, а гораздо раньше: с глобальным похолоданием и чумой XIVв. Не столько изоляция отдельных групп населения, сколько цинга, явившаяся следствием похолодания, резко изменила фонетическую картину Европы. Младенцы, зубы которых выпадали, не успевая вырастать, физически не могли произнести зубных звуков, а остальной их речевой аппарат вынужденно перестраивался для мало-мальски внятного произношения самых простых слов. Вот в чем

причина разительных фонетических перемен в ареале, где свирепствовала цинга! Звуки «d», «t», «th», «s», «z» выпадали вместе с зубами, а распухшие от цинги десны и язык не могли выговорить стяжения двух согласных. Об этом молчаливо свидетельствуют французские «circonflexes» над гласными буквами. Помимо территории Франции, сильно пострадала фонетика на Британских островах, в Нижней Германии и, частично, в Польше («пшеканье»). Там же, где цинги не было, фонетика не пострадала – это Россия, Прибалтика, Украина, Словакия, Югославия, Румыния, Италия и далее к югу. Наиболее распространенными языками в XVIII в. Британская Энциклопедия называет два: арабский и славянский, к коему отнесены не только нынешние языки славянской группы (в том числе «венгерский» = словацкий), но и коринфский (Carinthian). Однако в этом нет ничего удивительного: население п-ова Пелопоннес говорило по-славянски – на македонском диалекте. В самой же цитируемой Британской Энциклопедии звук «s» в начале и середине слова еще передается не обычной строчной «латинской» буквой «s», а готической «f», например, слово «success» пишется как «fuccefs». При этом английское произношение конечного «s» соответствует фонетике русского языка: энциклопедия приводит два разных произношения слова «as» в цитируемой в ней фразе из Шекспира «Cicero was as eloquent as Demosthenes», где первое «as» транскрибируется как «afs» (читается «эс элоквент»), а второе, перед звонким согласным, озвончается, как и в русском, до «az» (читается приблизительно как «эз Демосфинз»). Документы римско-католической церкви, в частности Турского Собора, свидетельствуют, что подавляющая часть населения, например, Италии (да и того же Эльзаса; ломбарды в Италии и валлоны в Эльзасе, Бельгии и Нормандии, – П.Д.) до XVI в. говорила на «Rustico Romano», на котором Собор рекомендовал читать проповеди, потому что книжной латыни прихожане не понимали. Что же такое «Rustico Romano»? Это не вульгарная латынь, иначе так бы и написали! С одной стороны, «Rustico» – это язык вандалов, балто-славянский язык, словарь которого приведен, в частности, в книге Мауро Орбини, изданной в 1606 г. (Origine de gli Slavi & progresso dell Imperio loro di Mauro Orbini R. In Pesaro appresso Gier. Concordia, MDCVI). Известно, что слово «rustica» обозначало в средние века не только грубое, деревенское, но и книгу в кожаном (сафьяновом, т.е. персидской или русской выделки) переплете. Язык, сегодня наиболее близкий к «Rustico» – хорватский» (Ярослав Кеслер, «Язык и цивилизация. На каком языке говорила Западная Европа в XI – XV веках?», <https://cont.ws/@sage/139374>; <https://cosmos.mirtesen.ru/blog/43902373540/YAroslav-Kesler:-YAZYIK-I-TSIVILIZATSIYA>);

«Однако надо отметить, что гипотеза о том, что все языки развивались из своего начального корня, тоже мало состоятельна – гораздо больше данных, указывающих на то, что все самостоятельные (не гибридные) языки вышли из одного корня, но происходило это в разное время, поэтому степень отличий этих языков друг от друга во всех случаях разная. Но и заметим, что есть все основания полагать, что люди, говоря уже на отличающихся языках, всё ещё понимали друг друга, резкое расхождение между европейскими языками, в частности, наступило только к 10 – 12 веку, а полное непонимание иностранных языков можно констатировать лишь в эпоху завершения создания и обособления национальных государств – в 17–18 вв. Во всяком случае, в исторических источниках прежних тысячелетий

люди встречаются в разных точках земли и свободно общаются без помощи переводчиков, т.о., привязка момента возникновения отдельного языка к моменту становления этноса неправомерна – критичным фактором в этом роде станет только завершение формирования наций и создание отдельных национальных государств, до 16 века границ в мире и Европе, в частности, вообще не было – появление разделительных государственных границ фиксируется только после 16 века... Признаки, отличающие германские языки от других индоевропейских языков, такие как сдвиг ударения, первый перебой, становление новой глагольной системы и появление новых глагольных формантов, появление двух форм прилагательных и др. В Первом древнеисландском грамматическом трактате, который был написан в 12 веке говорится о том, что у исландцев и англосаксов один язык, причем речь идет в данном случае не о языке датских завоевателей Англии, а именно о древнеанглийском (Benediktsson 1972). В саге о Гуннлауге Змеином языке говорится о том, что до завоевания Англии в 1066 году норманнами Вильгельма Завоевателя, говорившими по-французски, там был тот же язык, что и в Исландии (Gunnlaugs saga Ormstungu, Кар. 7). Что касается других фонологических, грамматических и лексических признаков, то возникли они не одновременно, и процесс образования новых общих признаков продолжался и продолжается в отдельных германских языках – и это на фоне угасания старых общностей: мы имеем дело здесь с историческим континуумом разно-временных инноваций, приведших к такому состоянию, что люди, говорящие на этом языке, перестали понимать тех, у кого этих изменений не произошло или произошли другие изменения... Итак, ответ на вопрос «кто породил германцев», построивших Европу, прост: это резвое дитя – плод коллективных усилий всей индо=европейской (и автохтонной неиндоевропейской, – П.Д.) группы народов, особенно предков (темно-краснокожих, черноволосых и брахикранных, – П.Д.) праславян» (Лариса Миронова, «Эти горячие германские парни Образцовые варвары?», <https://www.proza.ru/2015/03/30/1241>);

«Обычно пиджинизированные языки возникали при контактах завоевателей с местным населением завоёванных территорий (например, европейцев-колонизаторов с колонизируемыми народами), либо как средство равноправного общения (лингва-франка) – как правило, в результате и ради торговых отношений. Обычно эти квази-языки отличаются примитивностью грамматики и разнородностью словарного запаса, функционируя лишь как средство межэтнического общения. Изначально обладая сугубо утилитарным предназначением и низкой престижностью, при определённых условиях пиджин может со временем стать довольно престижен, кодифицироваться и даже стать единственным (родным) языком для его носителей (как это происходило, например, с детьми рабов на плантациях), функционируя как полноценный так называемый креольский язык (например, бислама и ток-писин)...» («Пиджин», <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиджин>; «Пиджин и креольские языки», https://pikabu.ru/story/pidzhin_i_kreolskie_yazyki_5883756);

«Первым примером пиджина можно считать английский, который сформировался как смесь британского (кельтского), саксонского (германского) и французского языков. В современном английском языке, по мнению некоторых лингвистов, 30% корневых слов

германского (дако-фрако-иллирийского, – П.Д.) происхождения, 31% из французского языка, 20% из латыни, 3% из греческого. Оставшиеся 16% приходятся на кельтские и другие языки (и в том числе и на славянские, тюркские и финские, – П.Д.)» (А.И. Концевая, «Язык как средство коммуникации», http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philologia/7_102118.doc.htm);

«Современный английский является индоевропейским лишь постольку, поскольку он связан с индоевропейским преемственностью через непрерывный ряд поколений, которые всегда ощущали себя говорящими и желали говорить, как их предшественники (славяноязычные античные англ, юты, фризы и др., – П.Д.). Но если рассматривать лингвистический тип как таковой, отвлекаясь от непрерывной преемственности, которая является историческим фактом, не обладающим в настоящее время реальностью, нет ничего более далекого от индоевропейского типа, чем современные английский или датский языки. Очень трудно было бы доказать, рассматривая только современный английский и забыв о его прошлом, что английский – это индоевропейский язык...» (Антуан Мейе, «Основные особенности германской группы языков», <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=213932>);

«Наибольшее распространение получила теория субстрата... Это теория подслоя, которую выдвинул А. Мейе. 1-й перебой согласных и изменение ударения вызваны событиями в общественной жизни племен, говоривших на этих языках. Германские языки образовались в результате покорения племенами, говорившими на индоевропейских (преимущественно балто-славянских, – П.Д.) языках, будущих прагерманцев, которые говорили на неиндоевропейских языках. Покоренные племена прагерманцев – неиндоевропейцев усваивают язык победителей-индоевропейцев, но, усваивая его, вносят в него некоторые произносительные привычки и навыки, свойственные тому неиндоевропейскому языку, на котором они ранее говорили. Эти произносительные привычки, в частности, запаздывание действия голосовых связок, отражаются в германских языках. При таком понимании особенности фонетического строя германских языков являются результатом воздействия покоренного субстрата, или подслоя. Иначе говоря, не язык победителей влияет на последующее развитие языка побежденных и победивших народов, а язык побежденных, т.е. исходный, изначальный язык исподволь консервирует те нормы, которые в нем всегда существовали. Противники теории субстрата, указывая на то, что она не может получить бесспорного подтверждения и остается дискуссионной, стремятся найти объяснение всем рассмотренным фонетическим явлениям во внутреннем развитии самих германских языков. Что же касается системы ударения, то естественно предположить, что уже в первоначальном языке покоренных племен прагерманцев существовала система фиксированного ударения на первом слоге, которая и была усвоена позднее германскими языками. Согласно одной из точек зрения, система германского ударения изменяется в результате стремления германцев выделять при помощи ударения тот слог слова, который является носителем вещественного значения, т.е. корневой слог» (доктор филологических наук Наталия Дрожжих, «Лекции по германской филологии», <https://www.twirpx.com/file/508021/>);

«Часть признаков, типологически редких, таких как, например, преаспирация и преокклюзивные сонорные, действительно, могут указывать на субстрат, однако это далеко не единственное возможное объяснение. Поскольку эти признаки связаны в саамском с функционированием чередования ступеней, и поскольку преаспирацию отмечали и в одном из диалектов ненецкого и в мансийском языке, а следы ее есть и в других финно-угорских языках (см. Kusmenko 2008), можно предположить не общий северо-западно-европейский субстрат в части кельтских, части скандинавских и саамских языков, а саамский субстрат в скандинавских языках с распространением ряда черт этого субстрата в кельтские языки, которые испытали сильное скандинавское влияние в эпоху викингов. Именно Шотландия и остров Мэн были центрами распространения западно-скандинавской экспансии. Наряду с гипотезами об доиндоевропейских языках, которые полностью исчезли, но оставили следы в германском и ряде соседних языков, есть гипотезы и о том, что субстратами ряда индоевропейских языков северной и северо-западной Европы были неиндоевропейские языки, потомки которых сохраняются в современной Европе. Наиболее распространенными в последнее время являются гипотезы о васконском (баскском) субстрате для ряда индоевропейских языков западной Европы, в том числе и для германского, и гипотеза о финно-угорском субстрате германского... Предположение о том, что ряд германских признаков может быть объяснен финно-угорским субстратом, высказывалось и в XIX веке и имеет сторонников и сейчас. Одним из наиболее активных проповедников этой гипотезы является финский финно-угровед Калеви Виик, который в своих работах настаивает на том, что все важнейшие изменения фонологической системы протогерманского (начальное ударение, первое передвижение согласных, изменения /o/ > /a/, /ō/ > /ā/ и ряд других изменений) объясняются уральским субстратом (Wiik 1997; 1999; 2002a; 2002b)... Германское изменение согласных по так называемому закону Вернера (озвончение исконных *ph th kh* и *s*, если ударение не падало на предшествующую гласную) также связывали с процессами в саамо-прибалтийских языках, которые называли чередование ступеней. Чередование ступеней связывают, однако, не с ударением, а с открытостью второго слога... Все вышеназванные германские инновации, которые могут быть объяснены финно-угорским субстратом, относятся к области просодики, которая в первую очередь подвергается субстратному влиянию, однако, возможно, что к этой группе относятся и особые германские чередования согласных, на которые обратил внимание Куйпер. Куйпер рассматривает чередование простых смычных геминированных, преназализованных и щелевых в германских языках как след неизвестного субстрата... Однако чередование смычных щелевых и кратких и долгих согласных, типичная черта чередования ступеней в финно-угорских языках. В саамском в корне после ударной гласной чередуются долгие и краткие преаспирированные (*ht – htt*), долгие звонкие непреаспирированные и долгие глухие (*tt – dd*), простые преаспирированные и щелевые (*ht – ð*) (см. таблицы чередования ступеней в разных саамских языках Wiklund 1896), что полностью соответствует отмеченным Куйпером чередованиям в германских языках. В западносаамских языках есть и изменение (*nd > dd, ng > gg, mb > bb*). Следовательно, в период прохождения этого изменения можно представить себе и факультативное чередование типа *nD – DD*, т.е. именно то чередование, которое

реконструируют для предполагаемого неизвестного догерманского субстрата» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «К вопросу о неиндоевропейских субстратах в германском», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-13.htm>);

«...«С точки зрения компаративистов благодаря редукции (в сформировавшихся в тёмные века средневековых германских наречиях, – П.Д.) было разрушено первоначальное богатство флективных форм европейского «праязыка»; сложное и дифференцированное разнообразие окончаний сменилось бледностью и однообразием; чтобы частично восстановить утраченное, вводятся в употребление слова-префиксы, характерные для аналитического строя. Основная парадоксальность этой концепции, до сих пор господствующей в западной лингвистике, заключается в том, что прогрессу мышления (содержания) в общем ходе исторического процесса сопутствует регресс и деградация приемов языкового выражения (формы)» [Жирмунский]... Рассмотрев как 6 фонетических, так и 2 грамматических момента, можно отметить, что схождений между германскими и тюркскими языками гораздо больше, чем можно было бы ожидать от случайных совпадений. При этом в отличие от лексикологии, грамматические схождения невозможно объяснить заимствованиями, ибо грамматические явления не заимствуются. Они могут развиваться только на общем языковом субстрате, когда языки оказываются тождественными в своей основе, но далеко разошедшимися в силу различных исторических причин. Тюркские языки с точки зрения современного языкознания не относятся к числу индоевропейских. Их типология на сегодня до конца не построена, существует несколько типологических схем (В.А. Богородицкого, В.В. Радлова, Ф.Е. Корша, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, Н.А. Баскакова)... Слабая разработанность тюркского языкознания явилась причиной редкого привлечения его данных для сравнения с германскими языками» (Валерий Чудинов, «Вагрия. Варяги Руси Яра: очерк деполитизированной историографии // Свидетельства фонетики и грамматики», <https://history.wikireading.ru/363231>);

«Тейлор с особым удовлетворением отмечает, что древние (точнее, средневековые, – П.Д.) германцы исказили индоевропейский язык, свидетельством чего являются изменения в произношении согласных... Тезис о том, что прагерманский язык является самым прямым потомком праиндоевропейского языка, весьма ненадежен; достаточно вспомнить о знаменитых звуковых изменениях, на которые уже указывали Фик, Тейлор и Бендер. Такие фонетические изменения подразумевают, что древние германцы в очень значительной степени были смешаны с неиндоевропейскими народами. Но чтобы избежать этого противоречия, можно вслед за де Мишели отделить индоевропейцев от жителей Северной Европы и вспомнить о том, что одним из наиболее чистых индоевропейских языков является тот, на котором все еще разговаривают литовцы. Но мало того что прагерманский язык явно деградировал с фонетической точки зрения, культура самых ранних обитателей Скандинавии не соответствует в полной мере тем сведениям, которые при помощи сравнительного языкознания мы можем получить о прародине и примитивной цивилизации индоевропейцев» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Теория о североамериканской колыбели индоевропейцев», <http://historylib.org/historybooks/Gordon->

«В германских языках грамматическая категория времени имеет свои особенности. В историческую эпоху в германских языках существовали 2 синтетические формы времени – настоящее и прошедшее, или претерит. Специальной – регулярной, закреплённой за значением формы выражения будущего времени не было, и значение будущего времени выражалось различными средствами. Эта особенность унаследована от индоевропейского праязыка и общегерманского языка-основы (очевидно, всё же от более примитивных неиндоевропейских субстратов, – П.Д.). В готском языке система глагола отличается бедностью словоизменительных форм: существуют формы настоящего времени, прошедшего времени действительного залога, одна форма настоящего времени медиопассива. Одна и та же форма одного и того же глагола может употребляться в разных значениях. Например, форма настоящего времени используется для выражения настоящего, будущего и прошедшего времени... В готском (как и в русском, – П.Д.) языке формы настоящего времени иногда использовались для выражения прошедшего времени: *ganiþif ... galaiþ inn берет ... и вошел* (ср. рус. *Иду я, иду и увидел ...*). Форма настоящего времени в германских языках является немаркированной – широкой, она может выражать разные значения» (доктор филологических наук Наталия Дрожащих, «Лекции по германской филологии», <https://www.twirpx.com/file/508021/>);

«...когда какая-нибудь раса оставляет свой язык и усваивает себе другой, то вновь приобретаемый язык принужден подвергаться некоторым изменениям, фонетическим и грамматическим, происходящим вследствие трудности произносить непривычные звуки и понимать сложные правила грамматики уже установившейся. Отсюда следует, что язык, потерявший многие из своих первоначальных флексий и представляющий много фонетических вариаций, вероятнее будет языком, приобретенным вследствие соприкосновения, чем язык, претерпевший мало изменений этого рода. Рассматриваемый с этой точки зрения, литовский язык среди языков европейских является имеющим наиболее прав быть представителем первоначального языка. Он сохранил гораздо совершеннее, чем язык готский и даже чем греческий, первобытные флексии и созвучия. С другой стороны, тевтонские (средневековые и современные германские, – П.Д.) языки подверглись большому искажению. Они потеряли многие из прежних флексий, сохранившихся в языках славяно-литовских и в особенности в литовском. Готский (псевдоготский литературный, – П.Д.) язык потерял двойственное число, старинный творительный падеж и почти все старинные дательные. В спряжении он потерял аористы, прошедшее несовершенное, будущее и сохранил лишь настоящее и очень слабые следы удвоенного прошедшего совершенного. Литовский язык сохранил двойственное число и все старинные падежи, так же, как и

настоящее и будущее; между тем как южнославянские языки сохранили аорист и прошедшее несовершенное. Во всех этих пунктах языки славяно-литовские стоят ближе к первобытному арийскому языку. Литовская фонология есть также самая первобытная, как это видно из сравнения литовского «dalptan» с тевтонским «delfan» – копать; «gibanti» с «giban» – давать; «woazis» с «ask»; «lomiti» с «lam»; «pulkas» с «folc»; «klente» с «hrind»; «kiausze» с «haus»; «kaistu» с «heito», «heiz» с «hot»; «gladuku» с «glat»; «tukstantis» с «thusandi» и «thousand» (тысяча)... Если мы перенесемся в эпоху, гораздо более близкую к нам, то мы увидим, что к концу неолитического века тевтонская раса была наиболее отсталой, так как тевтонские слова, относящиеся к цивилизации, по большей части заимствованы из славяно-литовских и кельтских языков соседних народов. Таковы суть даже слова, относящиеся к земледельческой и пастушеской жизни» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Германская фонетика – это фонетика индоевропейская, перенесенная в систему чужих навыков и тенденций... Германский язык, столь резко порвавший с индоевропейскими навыками, является индоевропейским языком, на котором говорит новая народность, принявшая индоевропейский, но произносящая его частично на новый лад; завоеватели (потомки сарматов славяноязычные античные германцы, – П.Д), принесшие с собой индоевропейский язык, не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно могущественны, чтобы навязать свой способ произношения; население, покоренное ими и принявшее их язык, способствовало распространению типа произношения, отличного от старого, и новых тенденций» (Антуан Мейе, «Основные особенности германской группы языков», <http://ugi.edu.ua/wp-content/uploads/2018/05/NAUKOVI-STUDIYI-VIPUSK-4-6.pdf> стр. 311; <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=213932>);

«Бюткан отмечает, что для многих германских слов, не имеющих индоевропейской этимологии, характерна одинаковая структура. Многие из них двусложны и имеют чередование гласных во втором слоге (ср., напр., *afal, afil – ‘имущество’; *durpul, durpil – ‘порог’; *gadul, gadil – ‘родич’; *magaf, magif – ‘девушка’; *hebon, hebun, *himin – ‘небо’ и т. д. (Boutkan 1998). В некоторых случаях германские слова такого типа имеют соответствия в италийских языках, см. *ha(u)bud, haubid ‘head’ (lat. caput). А в некоторых случаях, как, в частности, в случае со словами, обозначающими яблоко и яблоню, которые также не считаются исконным индоевропейскими, они характерны для ряда языков северной Европы (Namp 1979). Сходство в структуре приведенных выше слов может свидетельствовать о том, что они заимствованы из одного языка. Таким образом, в общегерманской лексике можно обнаружить группу слов сходной структуры, которые могут быть интерпретированы как след неизвестного «северного» субстрата. Даже самые активные критики германского субстратного списка, отмечают наличие в германском неиндоевропейских терминов,

характерных для некоторых семантических полей (напр., названия представителей флоры и фауны), замечая, однако, что многое еще предстоит сделать для окончательного выяснения этого списка (Mees 2001: 28), с чем нельзя не согласиться. Наличие неэтимологизированных слов сходной структуры свидетельствуют все же о наличии в германском пласта субстратных заимствований из неизвестного языка (см., напр., Sausverde 1996: 142). Причем в ряде случаев эта лексика могла быть заимствована из субстратного языка и в саамо-прибалтийско-финский (как это могло произойти для слова для обозначения «моря»), а возможно и в некоторых случаях и в балтийские языки (ibid.: 139–140) и в итальянские языки (Boutkan 1998)... Наконец, четвертым компонентом в формировании протогерманского мог быть субстратный язык (или языки), от которого сохранились только заимствованные слова. Можно было приписать этому языку и те исключительные германские инновации, которые не имеют соответствия в соседних индоевропейских и финно-угорских языках, такие, например, как один из этапов передвижения согласных (p t k > f þ h), однако, если справедлива принятая датировка этого изменения (середина первого тысячелетия до н.э.), предположение о связи неизвестного субстрата с передвижением согласных мало вероятно. Таким образом, еще до формирования исключительных германских инноваций у людей, говоривших на протогерманском языке, были основания определять его как особый (неиндоевропейский, – П.Д.) язык, если к этому времени сложился особый германский этнос» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Формирование протогерманского языка. Генетика и лингвистика», <http://www.philology.ru/linguistics3/kuzmenko-11.htm>).

5.10 Мелодичность речи потомков лангобардов итальянцев и потомков свебов швабов

Этого редуцирования, очевидно, избежал язык винилов лангобардов = *дланг-говардов – «длинно / долго говорящих» или *дланго-ворадов – «древних / давних» ворадов = боранов – «древних» словен (др.-киев. «врати / варити» – говорить; ворчать – «невнятно говорить»; орать – «кричать, громко говорить»; польск. «gwaга» – говор; англ. «word» – «слово, речь»; нем. «wort» – слово; праиндоевр. *dluhgho-, нем. «lang» – «долгий, длинный, давний»; др.-сканд. «langær», санскр. «pragāṇa», др.-прусс. «wārs», англ. «old» – старый; татар. «борынгы» – древний) или же древних горцев (хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»). Ведь под влиянием именно мелодичной речи лангобардов, в славянском языке которых действовал закон открытых слогов, и сформировался на основе латыни итальянский язык, являющийся таким же полногласным и мелодичным как и украинский:

«Украинский и итальянский языки, это два совершенно уникальных языка в истории человечества. Из тысяч современных языков, только эти два являются полностью фонетически сбалансированными языками (количество гласных и согласных звуков в любом предложении всегда равно). Я не спец в фонетике, но мне кажется, что для создания такого чуда, необходима была шлифовка тысячелетий» (Виталий Локотарёв, «Русские, вы кто?», <http://sites.google.com/site/lokotarev/home/filosofia/russkie-vy-cto->);

«От славян в Италию проникло (вместе с ломбардами / лангобардами, – П.Д.) слово

«коло – колесо» и там образовалось итальянское название коляски – «калесе, каросса» (англ. «calash», «carriage»). Попав в Польшу, слово превратилось в «коляску» и в этом виде возвратилось обратно к нам. То же самое произошло и с пистолетом. В Древней Руси пищалью назывались первые ружья и пушки. В славянской Чехии укоротили фитильное ружье и назвали его «пиштал», от славянского «пищаль». Во Франции, в Англии, Германии «пиштал» превратился в «пистоль», «пистоле» и как «пистолет» пришел в Россию! Интересно, что «пищаль» в Древней Руси значило «свирель»...» (Дмитрий Кобяков, «Приключения слов», <https://www.litmir.me/br/?b=58302&p=14>).

Вполне возможно, что не только лангобардское слово «sala» – «двор, дом», но и др.-в.-нем. (др.-швабское = свебское) слово «sal» – «дом, жилище» восходят к одной и той же праславянской основе *selo, что и украинские слова «оселя» – «дом, жилище» и «село» – «поселение, деревня»:

«...укр. «село», блр. «село», др.-русс. «село» – «жилище; селение; поле», ст.-слав. «село» σκήνή, σκήνωμα; ἀγρός [«населенное место, дворы, жилые и хоз. постройки; поле, земля»]... Дальнейшая этимология: Праслав. *selo – «пашня» совпало фонетически в вост.-слав. и ю.-слав. с *sedlo – «поселение», которое лишь в зап.-слав. можно отличить от *selo; *sedlo представлено в чеш. «sídlo» – «местонахождение, сидение»... н.-луж. «sedło» – «жилище», в.-луж., н.-луж. «sedłak» – «крестьянин». ...праслав. *selo – «пашня» родственно лит. salà – «остров», вост.-лтш. «sola», лат. «solum» – «почва»... гот. «salipwōs» мн. – «приют, жилище», д.-в.-н. «sal» ср. р. – «дом, жилище», лангоб. «sala» – «двор, дом»...» (Фасмер, http://starling.rinet.ru/cgi-bin/etymology.cgi?single=1&basename=%2Fdata%2Fie%2Fvasmer&text_number=+12434&root=config&encoding=utf-rus).

Поэтому-то вовсе неудивительно и то, что мелодичным, подобно украинскому и итальянскому языкам, является также и наречие германизировавшихся в «тёмные века» швабов – потомков славяноязычных античных германцев свебов / свавов / *славов (ср. сербохорв. «слобода / sloboda» – свобода):

«{280} ...Когда Тиодимер, король готов, увидел, что [река] так застыла, то он повел пешее войско и, перейдя Данубий, внезапно появился в тылу у свавов. Та свавская область имеет с востока байбаров, с запада – {281} франков, с юга – бургундзонов, с севера – турингов. Со свавами в союзе были тогда аламанны, которые владели вообще круто вздымающимися Альпами, откуда, низвергаясь с сильным шумом, текут многие потоки в Данубий. Вот в это столь укрепленное место король Тиудимер зимним временем и повел войско готов и победил, разорил и чуть ли не подчинил как племя свавов, так и аламанны, которые были во взаимном союзе. Оттуда он победителем вернулся в свои места, т. е. в Паннонию, и радостно встретил сына своего Теодориха, которого отдавал заложником в Константинополь и который был [теперь] отпущен обратно императором Львом с большими дарами... 704. Здесь у Иордана несомненная путаница. Ввиду того, что союз племен, объединенных свавами, распался, племена с именем свавов оказались в разных отдаленных друг от друга областях. Иордан говорит о наиболее восточных свавах, живших на

левобережье Дуная, примерно там, где в него впадают реки Ваг и Грон. Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 276) условно называет их «венгерскими» свавами. Эти свавы едва ли могли быть связаны с аламаннами. Свавы, жившие западнее (Шмидт называет их «аламанносвевами», «*Alamannensweben*»), занимали примерно ту территорию, границы которой приводит Иордан, ошибочно приписывая ее свавам «венгерским». «Аламаннские» свавы сидели в V в. на обоих берегах верхнего и среднего Рейна и на обоих берегах верхнего Дуная, распространяясь к югу на провинции Рэцию и Норик (около города *Juvavum*, нын. Зальцбург). Наконец, самыми западными свавами были свавы «испанские», занявшие в V в. территорию на крайнем северо-западе Пиренейского полуострова» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text2.phtml?id=577>);

«На севере находится страна, омываемая морем, и именуемая *Swevia*... Узнав, какое многочисленное свевское войско прибыло туда, и побоявшись, как бы Ирминфрид не позвал их к себе на помощь, Теодорик поспешил привлечь их раньше на свою сторону. Разведав, что они расположились лагерем ближе к нему, он послал к ним старшин с обещанием отдать им во владение ту землю, которая охватывается течением реки *Salza* при впадении ее в реку *Sala*... По заключении этого договора, вся конница свевов поспешила на помощь Теодорику, пехота же осталась в лагере». Благодаря поддержке свевов, сражение на реке *Unstrüt* кончается полным поражением тюрингенцев... После истребления тюрингенцев, свевы заняли все поля, пастбища и рощи, прилегающие к реке *Unstrut*, и так как никто им не сопротивлялся, поселились тут. Пехота же свевов, оставшаяся в палатках, как узнала, что товарищи их с оружием в руках добыли себе земли удобные для поселения, отправилась сама в путь-дорогу, чтобы отыскать и себе подходящее местожительство, и подошедши к Дунаю, переправилась через него. Пробравшись с огромным трудом через болота данной реки, свевы разбрелись по прекраснейшей и обширнейшей равнине, которая впоследствии и была прозвана *Swabowa* (Швабия, – П.Д.)» (Карл Тиандер, «Датско-русские исследования // Свевское сказание», <http://norse.ulver.com/articles/tiander/index.html>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/K_Tiander_Datsko-RU_issledovania.pdf);

«Вероятно германский (свебский) этнос формировался в районе Балтийского моря, которое, как сообщает Тацит, называлось Свебским морем (*Mare Suebicum*), а Иордан называет его Германским морем (*Germanicum mare*, *Jordanis* III, 17), что еще раз свидетельствует о тождестве понятий свебский и германский. Птолемей сообщает, что одна из рек, впадающих в Балтийское море называлась *Συηβὸς ποταμός* ‘река свевов’ (*Ptolemaios*, *Geographike* 11). Хотя обычно эту реку идентифицируют с Одером, неясно, какую именно реку имел в виду Птолемей (Neumann 1992: 155). Однако в любом случае ясно, что (потомки славяноязычных сарматов античные германцы *славы / свавы, – П.Д.) свебы связываются с бассейном рек Свебского (т. е. Балтийского; в досвебский период Сарматского, – П.Д.) моря. Археологи также считают, что эльбо-германская культура второй половины последнего тысячелетия до н. э. соотносится со свебами (Nachmann 1962: 56)» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf);

«Следы этнонима «свебы» сохранились в разной форме и с разным значением во всех германских языках, ср. др.-вн. sw;ba, совр. нем. Schwaben. Считается, что первая часть датского топонима Svogerslev (Зеландия) также восходит к собственному имени типа SwabahaŕjaR. В латинских источниках свебы впервые появляются у Цезаря в Записках о галльской войне (Suevi). У Тацита этот этноним пишется с «b» (Suebi). Рукописи Страбона и Птолемея не дают возможности определить, какой именно губной согласный передавался буквой «;», смычный или щелевой, поскольку изменение «b > v» в греческом произошло еще до н. э. ... Тацит относит к свебам (*славам = слева́м; ирл. «sliabh» – «гора, горный», – П.Д.) семнонов, лангобардов, ревдигнов, авионов, англиев, варинов, эвдоссов, свардонов, нуитонов, гермунду́ров, наристов, марсингов, квадов, буров, лугиев, состоящих из множества более мелких племен, готонов, ругиев, лемовиев, свионов и ситонов» (Лариса Миронова, «Эти горячие германские парни Образцовые варвары?», <https://www.proza.ru/2015/03/30/1241>);

«В Западной Пруссии сразу бросаются в глаза призванные Фридрихом II швабы; их черные волосы, их темные глаза и стройное сложение резко разнятся с светло-русскими головами, голубыми глазами и дородностью уроженцев Севера, далеко уступающих им и в предприимчивости, и в способности к напряженной работе... Швабский народный говор остался их родным наречием; на нем сложены те вольные песенки, которые они распевают по некоторым праздникам на лужайках для танцев или под окнами своих возлюбленных. Народные учителя негодуют против «этого ужасного языка», против этого Schwoabsch, как они говорят, передразнивая грубое произношение вюртембержцев; но дети переселенцев остаются ему верны, и если им нужно что-нибудь сказать друг другу по секрету при чужих, они смело говорят это вслух на своем старом наречии: сами народные учителя ничего в нем не понимают...» (Э. Лависс, «Очерки по истории Пруссии // История Тевтонского ордена», перевод А. Тимофеевой, изд. 2-е. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915, цит. по: С.А. Шумов, «Тевтонский орден. Крах крестового нашествия на Русь // Фридрих Великий», http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/shumov/1/j8.html);

«Швабский диалект считается в Германии притчей во языцех: сохраняя собственную мелодику языка, они свободно убирают окончания у слов, вставляют шипящие согласные, меняют грамматическую последовательность слов и при каждом удобном случае используют уменьшительно-ласкательные суффиксы. Швабы, живущие в других городах Германии, разговаривая друг с другом, сразу переходят на свой диалект. В любой части маленькой Германии, но уже за пределами Баден-Вюртемберга они чувствуют себя чужими, иностранцами. Над ними смеются из-за диалекта и часто недооценивают. Напрасно. И свой недостаток они обратили себе на пользу. Главным туристическим слоганом Баден-Вюртемберга стало уже крылатое «Wir können alles. Außer Hochdeutsch» – «Мы можем все. За исключением литературного немецкого»... А ко дню рождения швабы шлют цветы с доставкой по Германии. Открываю бумажную упаковку – нежно-розовая орхидея. В горшке» (Анна Пашкова, «Махровые швабы», <http://from-ua.com/travel/28f95aac2f4cb.html>); «Швабский

национализм», <http://mreen.org/schwabenland/shvabskiy-nacionalizm.html>);

«...«Хойсле», «штетле», брат картофеля «картоффелн» – жареная картошечка на сковородочке – «пфанле». В швабском диалекте почти к каждому слову прилепляется уменьшительно – ласкательный суффикс «ле», понятный каждому немцу, но нигде, кроме Швабии, не употребляемый. Стоит ли говорить, что имеет он отнюдь не только грамматическое значение. Жительница Швабии: «У нас есть бабушка – ей уже 90. Так она просто к каждому слову прибавляет это свое «ле». И говорит так смешно – нараспев. А как готовит! Коронное блюдо у нее – это... как его... «бубен-бубен-шпицле». «Бубен-шпицле» – это картофельный салат: картофель, лучок, сало (укр. «сальце», – П.Д.) кусочками мелкими обжаренное, ну и маслица немного. Еще одно знаменитое на всю Германию швабское блюдо – это «маульташен» т.е., конечно, (в швабском произношении) «маультешле» – это что-то вроде больших квадратных пельменей, или вареников, тонко раскатанное тесто с начинкой. Скажем, из той же картошки – картошечки... Говорит лингвист Арно Руоф: «Швабская лингвистика отличная вещь. Основные принципы несложно запомнить. Во первых, ударная «а» почти во всех случаях заменяется на «о». Вместо «шлаф» – («сон») – «шлоф», вместо «шаффен» («делать») – «шоффен». Профессор Арно Руоф большой специалист по швабскому диалекту, который он сам называет даже не диалектом, а языком – «шпрохен»... Говорит швабка: «Мы швабы умеем все, только не говорить на этом «высоком» немецком. Так уж у нас язык устроен – нам сложно говорить не по-свойски. Зачем? Если мы куда-то едем, то там тоже люди говорят по-своему, а, кроме того, у нас такой красивый диалект»...» («Земля Баден – Вюртемберг и швабы. Нравы швабов, их еда и швабский диалект», <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=80>).

5.11 Своеобразная комбинация антропологических черт у средневекового населения Швеции и Дании

«Д-р Биддо нашел черноволосую расу на острове Мэн, где в старинных могилах были найдены брахикефалические черепа. Эти черноволосые датчане (потомки славяноязычных юэчжи / *утиев / гутиев гауты / гёты / ётунги, юты / ютунги и родственные тервингам / червянам / зеруянам / сербам вестготы, – П.Д.) суть, может быть, Dubhgaill или «смуглые чужестранцы», которых ирландские хроникеры, описывая нашествие Викинга, противопоставляют «белокурым чужеземцам», в которых предполагают норвежцев. Таково, может быть, происхождение брахикефалического типа, высокого и смуглого, который встречается в некоторых датских округах Англии... Этнической границей между кельтами и тевтонами была непрерывная линия гор, образуемая Тевтобургским лесом, Тюрингенским лесом и Исполиновыми горами. ...к югу от этой линии население скорее брахикефалическое; средний показатель равняется 79,2 в Гессене, 79,3 в Швабии, 79,8 в Баварии, 80 в Нижней Франконии и 80,1 в Брисгау. Население нового Вюртембергского королевства (потомки *славов / славов швабы, – П.Д.) также короткоголовое. Гельдер, величайший вюртембергский авторитет в деле антропологии, смотрит на этот тип как на туранский (который не следует путать с современным длинноголовым туранским, – П.Д.) или

сарматский, а не как на Лигурийский, как он сначала предполагал... Средний показатель стран швабских, алеманских и баварских в настоящее время равен 80» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир»,

http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Характерные особенности северной расы выражены, у датчан менее четко, чем у норвежцев и шведов. Правда, в пигментации глаз, насколько позволяют об этом судить очень фрагментарные материалы, разницы нет, но волосы у датчан темнее, рост ниже (169–170 см), головной указатель 79–80. Выделяются жители острова Самсе с высоким головным указателем (около 82), относительно широким лицом (142–143 мм), сравнительно небольшим ростом (167–168 см) и более темным цветом глаз. Население Фарерских островов не отличается заметным образом от датчан» («Очерк истории расовых классификаций Зарубежной Европы», <http://lib7.com/evropa/686-ocherk-europe.html>);

«Своеобразна комбинация антропологических черт у средневекового населения Швеции и Дании. Обе эти группы не находят прямых аналогов среди германцев, хотя по характеру своего облика не выходят за пределы этого этноса. Определенные черты сходства обнаруживаются у средневековых жителей Швеции и Средней Германии. Что касается группы из средневековой Дании, то при сходстве с населением Швеции в мозговом отделе они характеризуются резко выраженной грацильностью лицевого отдела. Грацильность средневековой датской серии – это самая отличительная ее черта, тем более что для германцев типичны крупные размеры лицевого и мозгового отделов черепа» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии»,

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/08.php;

<http://metodich.ru/download/18870.docx>);

«...«Прусская хроника», составленная в начале XVI в. монахом Симоном Грунау, опиравшимся на несохранившиеся рукописи первого прусского епископа Христиана (начало XIII в.), записавшего, в свою очередь, прусские исторические предания, сообщает нам следующее. В начале VI в. н.э. (славяноязычные брахикранные, – П.Д.) готы, пришедшие из Испании в северную Италию и потерпевшие поражение в Ломбардии от войск империи, перебрались оттуда в Вестфалию и затем в Данию. Датский король предложил им для проживания остров, находившийся «в его стране» и называвшийся Кимбрия (Ютландия, – П.Д.). Готы вынудили проживавший в Кимбрии (пруссский, – П.Д.) род во главе с королями Брутеном и Видевутом покинуть свои земли...» (С.А. Колтырин, «Прусы: происхождение и взаимосвязи», <https://cyberleninka.ru/article/n/prussy-proishozhdenie-i-vzaimosvyazi>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24253309>; <https://religionpeace.ru/drevnij/drevnie-prussy.html>; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/1168-3.pdf>).

Да и позже то заселение земель грациальными и брахикранными славянами происходило не только в Юго-западной Швеции, но и в Дании:

«Несмотря на то, что вопросу славянского языка и присутствия на южно-датских

островах уделялось немалое внимание исследователей, вопрос это очень далёк от разрешения. Очевидно, что перед нами – целый пласт датско-славянских отношений, не вошедший в письменные источники, но от того отнюдь не менее реальный. Примечательно и то, что заимствования из славянского в датский все связаны либо с торговлей и роскошью (торг, безмен, шёлк), либо с рыболовством и водой (рей, купаться), в чём можно предположить колонизацию датских островов теми же группами славянского населения, что занимались торговлей, в том числе и с Восточной Европой. Сами славяне на южно-датских островах, вполне возможно, могли сохраняться вплоть до XVII века, когда впервые были зафиксированы некоторые из топонимов и имён. Любопытно, что в некоторых случаях заметна и прямая связь между именами из грамот и сохранением традиций. Носитель славянского имени Казимир на острове Фальстер в XVII веке, к примеру, известен из того же места, где в XIV веке также был известен носитель славянского имени Гнемир. В других случаях просматривается связь между славянскими названиями населённых пунктов и славянскими именами их жителей... Кажется любопытным и замечание датского археолога Вандрупа Мартенса о том, что находимая на данных южно-датских островах «балтийская керамика», в общем, отличается от таковой из северо-западной датской области Сконе тем, что своими формами ещё ближе к собственно славянской с южного берега Балтики, в чем, очевидно, проявляется влияние гораздо более обширного славянского компонента и, как следствие, лучшее сохранение славянских традиций, как и более тесные связи с южнобалтийской родиной» (Андрей Пауль, «Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций», http://loveread.ec/read_book.php?id=54222&p=95; <http://pereformat.ru/2014/03/slavyanskij-sled-v-skandinavii/>).

И, если топоним крымских готов «Дорос» может быть этимологизирован от лат. «durus» – «жесткий, твёрдый», то названия обеих своих столиц – Толозы / Тулузы и Толедо (лат. Toletum) явно переосмыслены вестготами под своё славянское произношение (ст.-слав. «тврѣдь», словен. «trd / trdna», греч. «στερεός», лат. *stolid / «solid», азерб. «сәрт / särt / сарт» – твердый; хорв. «tvrđava», серб. «тврђава», словен. «trdnjava», чеш. «tvrz», бенг. «дурга» – «твердь, твердыня, крепость»; серб. «торањ», лат. «turtis», лтш. «tornis» – башня; сарты / сорты = сорбы / сербы; в некоторых же славянских словах одного и того же происхождения литера «р» иногда переходит в литеру «л»: англ. «torso», укр. «тулуб» – «торс, туловище»; польск. «trup» – «труп, тело»; польск. «stolec» – «трон, престол / стол»; лат. «Taurus», болг. «Таурус, Телец» – Телец).

5.12 Литературный готский язык славянской знати

Литературный готский язык, сложившийся на основе балто-славянских и других наречий античных готов (предков как сербов / червян = тервингов, хорутан и украинцев / русрв = грутуннов / гревтунгов и других потомственных брахикранных славян, так и большинства нынешних балтских и германских народов) и под существенным влиянием греко-латинских церковных текстов, во многом близок к южным германским языкам, сформировавшимся на праславянском этническом субстрате античных свебов / свавов /

*славов, алеманов и маркоманов:

«Более существенны общие черты, связывающие (литературный, – П.Д.) готский с языками так наз. гермионских или юго-западных племен, среди которых выделяются швабы (алеманы) и маркоманы (бавары). Языковая традиция этих племен представлена южными немецкими диалектами... Перечисленные выше явления отнюдь не исчерпывают всех признаков, объединяющих готский язык с языками западногерманской группы. Но и среди описанных выше признаков имеются явления, связанные с различными периодами в истории германских языков. Явления, объединяющие готский и всю группу западногерманских языков, были, по-видимому, относительно поздними образованиями. Особенно это относится к суффиксу -assus, -nassus. В каких условиях могла сложиться эта общность, остается неясным. Возможно, что распространение данного явления следует отнести к той эпохе, когда восточногерманские племена находились по соседству с германскими племенами в районе Одера. В этом случае гермионы оказались бы посредниками в распространении западногерманских форм у готов» (Мирра Гухман, «Готский язык», <http://padaread.com/?book=40543>, <http://ulfdalir.ru/languages/54>);

«Основным памятником готского языка (или, возможно, всего лишь визиготского языка, весьма далёкого от славянских народных наречий как гревтунгов, так и тервингов, – П.Д.) является перевод Библии, который дошел до нас в нескольких рукописях, это, в частности, рукопись Серебряный Кодекс (Codex Argenteus) и Каролинский кодекс (Codex Carolinus). Готский язык является первым германским языком, на котором были созданы значительные письменные памятники, а именно, перевод Священного писания. Поэтому наряду со скандинавскими руническими надписями III – V вв. готские памятники дают богатейший материал для суждений о древнейших закономерностях германской группы языков. Структура готского языка сохраняет систему архаических черт германской группы языков, близкую многим особенностям (всего лишь гипотетического, – П.Д.) общегерманского языка. Поэтому готский язык представляет особую ценность для построения сравнительной грамматики германских языков» (доктор филологических наук Наталия Дрожащих, «Лекции по германской филологии», <https://www.twirpx.com/file/508021/>);

«Исследование показало, что идеи об особой близости крымско-готского к скандинавскому (Э. Шварц) или западногерманскому (О. Грэнвик) не имеют под собой реальной почвы. Однако не подлежит сомнению, что, во-первых, этот восточногерманский язык или диалект мог отличаться значительным своеобразием по сравнению с известным нам восточногерманским материалом, и во-вторых, претерпел существенную трансформацию ввиду особых условий бытования и специфической письменной фиксации» (Наталия Ганина, автореф. дис. «Готские языковые реликты» <http://www.dissercat.com/content/gotskie-yazykovye-relikty#ixzz5GbBp76sj>);

«Кирилл прибыл в Херсонес «и обрет же ту евангелие и псалтирь рушькими писмены писано, и человека обрет глаголюща тою беседою (т.е. русскою), и беседовав с нимь и силу речи прием, своей беседе прикладая различии писмен, гласнаа и согласнаа, и к богу молитву

дръжа, и въскоре начат чисти и сказовати, и дивляху ся ему, бога хваляще» [В.И. Ламанский., «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки». Пг., 1915, с. 57]. Как это ни странно, ясное свидетельство о русской грамоте тотчас было принято такими видными учеными, как Е.Е. Голубинский и В.Г. Васильевский, за указание на готскую азбуку, а русские письма были признаны готскими. Но ведь известно, что Херсонес был городом, где в большом количестве жили восточные славяне. В договорах Руси с греками подчеркивается особое отношение Херсонеса к Руси, в Херсонесе оказались люди, предавшие город в руки Владимира Святого, позже херсонесцы побили камнями грека, отравившего тмутараканского князя Ростислава Владимировича. Не случайно и автор X в., черноризец Храбр, говорит, что до изобретения грамоты Кириллом славяне пользовались несовершенной азбукой, «чертами и резами», а также латинским и греческим алфавитом. Нам понятны слова жития о том, что Кирилл беседовал с человеком, читавшим псалтырь и евангелие на славянском языке (крымских готов, – П.Д.), так как Кирилл сам был славянином; но каким образом Кирилл мог беседовать с готом, не зная готского языка (если бы тот был германским, – П.Д.), остается непонятным» (М.Н. Тихомиров, «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Сов. этнография, Сборник статей, – М.-Л., 1947, – с.80, <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys05.htm>).

На соответствие литературного готского языка всего лишь кодифицированному балто-славяно-кельто-фрако-тюрко-финскому суржику, сложившемуся в поздней античности на основе арго полиэтничных гвардейцев (гардингов = гарудов) Римской империи, а вовсе не древним народным готским (хорутанским = грутунским / гревтунгским и сербским = тервингским) наречиям указывают многие факты. Кроме многочисленных заимствований из греческого и из латыни, а также слов балтского, славянского и неизвестного происхождения (Category: Proto-Germanic terms with unknown etymologies, https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Proto-Germanic_terms_with_unknown_etymologies) в литературном «готском» языке, как и в англо-саксонском языке, имеется много слов как финского, так и тюркского (сако-массагетского) происхождения:

гот. «maiza», каталан. «més», др.-англ. «māra», др.-в.-нем. «mēro» – «больше, более» при фин. «määrä» – «номер, число, количество»;

гот. «aiws», фин. «aika», эст. «aeg» – время;

гот. «stilan – stal – stelum – stulans», фин. «steal» – красть;

гот. «aba», эст. «abikaasa», фин. «aviomies» – муж;

гот. «waurms», фин. «käärme», швед., норв. «orm» – змея;

гот. «hlaiw», фин. *hluola, «luola», лат. «срупта», греч. «κρυπτή» – «пещера, грот»;

гот. «qīfus» – желудок при эст. «kõht» – живот (ст.-слав. «чрѣво», укр. «черев» – «живот, брюхо, пузо, утроба, нутро»);

гот. «liuþareis», рум. «lăutari, лэутарь», фин. «laulaja», эст. «laulja» – певец;

гот. «aqizi», дат. «økse», исл. «öxi», фин., турец. «axe», греч. «ἄξονα» – «топор, секира»;

гот. «aggis» – «страх, ужас»; англ. «anguish», эст. «ahastus» – «уныние, отчаяние, мучение»; дат. «angst», англ. «anxiety», эст. «ängistus», азерб. «əndişə», турец. «endişe –

«тревожность, беспокойство, страх»; фин. «ahdistus» – «мучение, боль, страдание»;

гот. «kuni», кельт. «clann», фин. «klaani» – «клан, род», гэльск. «clann» – «семья, племя, потомство», ст.-слав. «колѣно» – «род, племя» от лат. «plant» – ответвление;

гот. «usstass», эст. «ülestõusmine» – воскресение;

гот. «Guf», исл. «Guð», дат., норв. «Gud», нем. «Gott», англ., швед. «God», казах. «Құдай», кирг. «Кудай», узб. «Xudo», тадж. «Худо», перс. «Xodā», ср.перс. «Xvadāy», курманджи «Xwedê» – Бог;

гот. «jêr», англ. «year», фриз. «jier», нем. «Jahr», дат., швед. «år», турец., узб. «yil», казах., кирг. «жыл» – год;

гот. «harjis», турец., азерб. «ordu» – войско (казах. «ордасы», эстон. «hord», англ. «horde», укр. «гурт» – «группа, товарищество, ватага, орава, толпа»);

гот. «hilms», др.-герм. *helmaz – «шлем»; др.-в.-нем., ср.-в.-нем. «hēlm», др.-сканд. «hjalmr» – «шлем, копка сена с навесом» от праслав. *šelmъ – «шлем, железный», образовавшегося на основе прабалто-слав. *žel-zo – железо [Трубачев], от которого произошли и лит. «geležis», лтш. «dzelzs», эвенк., сол., нег., ороч., уд., ульч, орок., ман. «сэлэ» – железо;

гот. «mēki», др.-исл. «mækir», др.-англ. «méce», др.-сакс. «māki», фин. «miekkä», эст. «mõõk» – меч от праслав. *meśь, – Фасмер;

гот. «barn», узб. «bola», кирг., казах. «бала» – «дитя, ребенок»;

гот. «airus», узб. «elchi», кирг. «элчи», казах. «элши» – посол.

гот. «balwawēsei» – злость, «balwjan» – мучить, исл. «bölva, bölvun» – проклятие при турец. «belâ» – «бич, бедствие» (праслав. *bъlvanъ / *bal(ъ)vanъ – болван, идол, – Фасмер).

На большую близость литературного «готского» языка именно к эстонскому языку указывает и подобие в «готском» языке специальных суффиксов -assu- и -inassu- абстрактных имен существительных к аналогичным суффиксам в эстонском языке:

гот. «ibnassus», эст. «võrdsus» – равенство;

эст. «tolerantsus» при лат. «tolerancija» – терпимость

гот. «lekinassus» – врачевание.

К тому же многие как тюркские (сако-массагетские), так и финские слова готского литературного языка в свою очередь восходят к праславянским наречиям потомков севернокитайских жунов (дисцев) и гутиев / *утиев (юэчжей): аланов-русов = асов (асдингов / гардингов = гарудов = грутуннов / гревтунгов = хорутан = хурусов / хросов / русов и аланов-торков суоми / *суэби = свебии), ютунгов / ютов (*ютичей / лютичей / вильцев), ётов / гаутов и др.:

гот. «manna», манси «mans, moans», самод.*mong – человек от праслав. *mъžь (др.-инд. «mānuṣ / мануш'я», ст.-слав. «мжжь», польск. «mąż», словен. «mož» – «муж, человек»; лат.-герм. Mannus – «имя прародителя античных германцев» (Тацит), фриг. Μάνης – «родоначальник фригийцев», – Фасмер; кит. Ман – «чудовищный змей, дракон», дагур. «манга» – «сильный, храбрый, отважный, твердый, прочный»; лат. «mons / montis» – гора, далее из праиндоевр. *men- – выдаваться);

гот. «faurban» – «испытывать нужду в ч.-л.»; гот. «farba», фин. «tarve», хорв.

«protreba», укр. «потреба» – нужда от праслав. *trъbъ (н.-луж. «třeба» – необходимость; чеш. «třeба», укр. «треба» – нужно; ст.-укр. «требувати» – «пробовать, испытывать», – Фасмер);

гот. «gaggan», англ. «go», нем. «gehen», турец. «gidin» – «идти, ездить, ходить» от ст.-слав. «ходъ» (в.-луж. «khodźić», н.-луж. «chójźić» – ходить);

гот. «atta», кирг. «ата», узб. «otasi» – отец от праслав. *отьсь из *отькъ, производного от *оть – отец, которое предполагается на основе др.-киев., цслав. «отнь» – отчий (Мейе, Ёт. 382), а также диал. «отик» – «самец животного» (сербохорв. «отац», укр. «тато» – отец);

гот. «naus» (мн. «naweis») – мертвец, прилаг. «nawis» – мертвый; англ. «awe» – «трепет, страх»; эст. «nukrus» – «горе, печаль, беда», фин. «nääntyä» – томиться от праслав. *nyti – «томиться, мучиться, страдать, печалиться, болеть», *naviti, *navь (цслав., др.-киев. «навь» – мертвый), укр. «нудитися» – томиться);

гот. «usgaisjan» – пугать, «usgeisnan» – «изумляться, приходиться в ужас», фин. «säikähdys» – испуг от цслав. «жасити» – пугать (укр. «ужах, жак» – «страх, ужас», «нажахати, ужахнути» – напугать; чеш. «úžas» – «изумление, ужас», «žasnouti» – «изумиться, прийти в ужас»);

гот. «lekeis», фин. «lääkäri» – врач от праслав. «лъкъ» – «лекарство, лечение» (укр. «ліки» – лекарства, «лікар» – врач);

гот. «hlaiw», фин. «hauta», эст. «haud» – могила от ст.-слав. «хлѣвъ» – «хата, дом, домовина»);

гот. «brusts», исл. «brjóst», фин. «rinta» (*brinta), эст. «rind» (*brind / *hrind), лит. «piršis», чеш. «prsa», словен. «prsi» – грудь от прасл. *прсь – «перси, грудь»;

гот. «plinsjan» – танцевать от праслав. *plęsati – «плясать, танцевать»;

гот. «hrugga», англ. «crook», эст. «krõnks», укр. «клюка», словен. «kljuka» – «посох, крюк, кривая палка» от праслав. *krivъ – кривой;

гот. «wulla», д.-в.-н. «wella», словен. «vólna» – «шерсть, овечья шерсть», фин. «aallon» – волна от ст.-слав. «вълати» – волновать, «вльна» – волна;

гот. «milha», венг. «felhő», фин. «pilvi», эст. «pilv», словац. «mrak», укр. «хмара», польск. «chmura» – облако; эст. «hämariik», фин. «hämärä» – «темный, сумрак» от праслав. *mьgla (чеш. «mlha, mhla», укр. «мла, імла», н.-луж. «młа», в.-луж. «mhłа», словц. «hmla», словен. «męgla» – мгла, – Фасмер);

гот. «fiwi», дат. «tjenerinde» – служанка при эст. «teenija», др.-киев. «тиун / тивун» – слуга от праслав. *diwa (ст.-слав. «дѣва», сербохорв. «дјѣва», укр. «діва» – дева);

гот. «wultus», эст. «ülevus», фин. «suuruus», турец. «büyüklük» – величие (общетюрк. «улу / улуг», казах. «үлкен», узб. «улуғ / ulug», укр. «великий» – «великий, большой») от праслав. *velьjь, *velikъ (укр. «велетень» – великан);

гот. «bandi», эст. «raelad», турец. «pranga» – оковы; англ. «bond» – «связь, облигация, узы, соединение, обязательство, закладная»; эст. «panthkiri» – закладная; турец. «bono», казах. «байланыс», кирг. «байланыш» – связь; нем. «binden» – связывать; азерб. «bәnd» – «перемычка, плотина»; турец. «sendika» – «союз, единение», фин. «helтта», эст. «lott» – плетень; англ. «braid / plait», фин. «runoa», эст. «runuma» – плести от праслав. *belonty – «плести, ткать», происходящего от праслав. *bьlanda, укр. «билина», лат. «plant» – «стебель травяного растения» (укр. «плентатися» – плестись, «плутати» – путать; укр., блр. «пўто»,

др.-русс. «путо», ст.-слав. «пѣто» πῆδη (Остром.), сербохорв. «путо», словен. «poto», чеш. «pouto» – «путы, кандалы», словц. «púto», польск. «pęto», в.-луж., н.-луж. «puto». Праслав. *pōto связано чередованием гласных с «пну», «пять» (ст.-слав. «пньж», «пяти»), сюда же опона, перепонка – Фасмер);

гот. «hlaifs», эвенк. «колобо», эст. «leiba», фин. «leipä», макед. «леб» – хлеб от праслав. *къло, укр. «коло» – круг (родств. «клуб», «клубень», «кляп», «клапоть», «глыба», глобула), не связано с прасл. *lěpiti / *slěpiti – «лепить / слепить» (славян. «лепеха», «лепёшка»);

гот. «aflifnan», кирг. «калып», казах. «калу» – остаться; эст. «ülejäänu», узб. «qolgan», казах. «қалғаны» – остальное; фин. «liika», укр. «лишок, надлишок» – «остаток, избыток» из праслав. *leikso- (укр. «облишити» – «оставить [в покое] – перестать беспокоить, бросить [как ненужное]», «залишиться» – остаться; чешск. «líchý» – «лишний, нечетный, лукавый, пустой», польск. «lichy» – «нечётный, плохой, бедный», в.-луж. «lichi» – «голый, свободный», н.-луж. «lichy» – «холостой», – Фасмер);

гот. «manags», швед. «många», эст. «mõnigi», фин. «moni, monia, monien, monet» – многие; ст.-слав. «мъногъ», сербохорв. «мно̀го», словен. «mnóg, mnóga», чеш., словц. «mnohý, mnoho», польск. «mnogo» – много;

гот. «balwawēsei» – злость, «balwjan» – мучить, исл. «bölva, bölvun» – проклятие при турец. «belâ» – «бич, бедствие» (от праслав. *bъlvanъ / *bal(ъ)vanъ – «болван, идол», – Фасмер).

Как видим:

«Язык готских литературных памятников отличается единообразием, отсутствием синонимичных диалектных форм. В готских текстах наблюдаются незначительные колебания орфографии и фонетики. Можно предположить, что и в разговорном языке (знати, – П.Д.) готов не только первоначально не существовало заметных различий, но и позднее, в эпоху образования вестготского и остготского королевств, расхождения были незначительны. Вместе с тем, письменный готский язык не был простой фиксацией устных норм (славянских, балских и финских наречий, – П.Д.), т. к. отчетливо ощущается книжный характер готских текстов – зависимость готских переводов от греческих и латинских образцов накладывала свой отпечаток на синтаксис и на лексику письменного готского языка... Готская морфология в наиболее чистом виде представляет типы склонения существительных и прилагательных; в парадигме местоимений есть четкие двойственные формы. В системе сильных глаголов сохранился класс редуцирующих глаголов, ступени грамматического чередования еще не затемнены последующими фонетическими изменениями. Наиболее полно даны синтетические формы медиопассива, отсутствуют аналитические формы прошедшего. В фонетике не прошли разного рода перегласовки корневых гласных, не было удвоения согласных, выпадения носовых перед щелевыми и т.д.» («Передвижения германских племен и образование варварских государств. Готский язык», <http://po-teme.com.ua/filologiya/romano-germanskoe-yazykoznanie/968-peredvizheniya-germanskix-plemen-i-obrazovanie-varvarskix-gosudarstv-gotskij-yazyk.html>).

Даже слово. «sauil» (лат. «sol», др.-прусс., лтш. «saule» – солнце) явно позаимствовано

литературным готским новоязом из балтских наречий. Ведь звук «л» отсутствовал и отсутствует и поныне в этом слове как у самих готов и у их потомков (гот. «sunno», укр. «сонце», сербохорв., босн. «sunce», словен. «sonce», макед. «сонце / сонцето», – Фасмер), так и у других славяноязычных античных германцев и у их потомков (ломбард. «suu», д.-в.-н. «sunno / sunna», др.-франк., др.-нем. «sunna», др.-англ., др.-фриз., ср.-н.-н. «sunne», англ., бавар. «sun», фриз. «sinne», люксемб. «sonn», нем. «sonne», цимбр. «zuna», нидерл. «zon / zoon», западнофламанд. «zon», – Фасмер). Очевидно, он отсутствовал уже у праславяноязычных сарматов и юэчжийцев (*сунь, укр. «суниця» – «солнечная ягода, земляника»), у которых это наименование солнца позаимствовали некоторые народы восточной и северной Азии (маньчжур. «сунн; sun», эвенк. «сигун*»; siun», негидал. «siun», ульч. «siu(n)», нанай. «siu / siun», в.-колым., васюган. «su:ŋk», ханты «sunk») и благодаря восприятию суперстрата которых, а также и адстрата индоевропейцев Восточного Туркестана (протохар. *käun, – В.В. Иванов) на угро-самодийских и енисейских субстратах и сложились тюркские наречия (др.-тюрк., ойрат., караханид. «kun», халадж. «kun / kin», тофалар. «кун», др.-уйгур. «kün», кирг., якут., казах. «күн», тувин. «хүн», кр.-татар. «küneş», чагат. «gun», турец. «güneş», азерб. «günəş», – Новиков, «Слово "Солнце" на всех языках мира», <http://www.idiot.vitebsk.net/i43/sun.htm>).

Наличие же звука «л» в слове «солнце» арианских религиозных текстов готов может быть связано с преобладанием древних балтов как в готском союзе племен, возглавлявшихся славяноязычными родами античных германцев, так и в воинских дружинах этого союза.

Так как современные германские языки сформировались лишь в «тёмные века» на разных древних европейских и азийских субстратах благодаря восприятию ими суперстрата славяноязычных античных германцев, то большинство лексики, относимой условно к древнегерманской, следует рассматривать как древнеславянскую. Так, например, слову «князь» (япон. «Kensei» – «княжение, царствование, правление, господство»), сформировавшемуся в результате третьей (прогрессивной) палатизации, по мнению Ш. Ондруша может соответствовать праслав. *kun-ingo- – «торчащий, выдающийся», от «кьпъ», как в польск. устар. «kien» – «пень, колода», словинс. «kno» – «рукоять весла». Да и восточный титул «хан / кхан» может иметь в связи с этим тоже праславянское происхождение. Хотя, конечно же, его происхождение может быть связано и с происхождением титула «каган» (от праслав. *кохань – любимый; ср.-япон. «kōhi», укр. «коханья» – любовь, санскр. «kam» – любить). Или же имеющий дальневосточное ранне-праславянское происхождение титул *коунигъ / князь (ранне-прасл. *kūningŷ > *кьнегъ > *кьнедзь) может даже означать всего лишь правитель страны либо округи – княжества (япон. «kuni / gun», англ. «country», лат. «gentem» – страна; кор. «gun», хинди «kentan», бенг. «Kuāṅṅana», маратхи «Kaṅṅī», англ. «county», ирл. «gcantún», – «кантон, округ») и происходить при этом от праслав. *кьнедзо – гнездо [место сидения управителя / правителя земли – князя]. Ведь и земли как Средней Азии и Украины, так и Чехии, и Палестины назывались ранее соответственно Кангхой / Кангюем / Кангом, Каном (Киев – Кянугардом / Кенугардом – округом гарудов / гардингов = гревтунгов / грутуннов = хорутан) и Ханааном / Кенааном – княжеством.

Суффиксы же «-ing, -ung, -ang» являются исконно ранне-славянскими:

«Суффикс «анг», как известно, характерен для прибалтийских славян...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>).

После преобразования носовых гласных в обычные в украинском и русском языках сохранилось много слов с корнями и суффиксами «-иг(х, к), -уг(х, к), -аг(х, к), -яг(х, к), -ог(х, к)»:

укр. «батіг», «беріг», «біг», «обіг», «поріг», «ріг», «сніг», «стіг», «горіх», «сміх»;

укр. «буг», «луг», «друг», «плуг», «терпуг» – напильник, «лантух» – мешок, «пастух».

Однако же в большинство суффиксов «-ing, -ung, -ang» сохранился носовой звук «н» и утратился окончательный звук «г» (-ін, -ин, -инн, -ан, -ань, -ун) или же заменился звуком «к» (-інк, -инк, -енк(о), -еньк, -оньк, -онк).

5.13 Славяноязычные готы гревтунги (хорутаны) предки не только южных австрийцев и словенцев, а и горидов украинцев

На то, что готы гревтунги /грутунны = хорутаны являются общими предками южных австрийцев, словенцев и украинцев указывает лексическая близость словенского языка как к древнекиевскому (древнерусскому) языку Украины-Руси, так и к современному литературному украинскому языку.

Да и певучесть речи словен подобна певучести речи украинцев и ломбардов:

«Но в целом общаться трудно. Во-первых, произношение. Как и у всех южных славян, оно гортанное (особенно звук «А»); «Ш» и «Ч» тоже не наши. Плюс тональные ударения, делающие язык «певучим». В итоге: когда впервые слышишь издали словенскую речь, кажется, что говорят по-английски... нет, по-итальянски... нет, какие-то знакомые слова слышу: «hvala», «prosim», «dobro»... Если прислушаться (особенно когда словенец говорит медленно, что редкость), то можно что-то понять. Но не больше. А уж они наш русский и вовсе не понимают – в основном из-за произношения, уж очень оно у нас разное, даже для одинаковых или похожих слов... В итоге, помучившись немного в поисках общего языка, говорящие плавно переходят на один из иностранных – английский, немецкий или итальянский, которыми здесь вполне сносно владеют многие. К слову, смотрел по телевизору хорватские и черногорские каналы, общался с сербскими коллегами – понимал больше, чем по-словенски (и по-украински? – П.Д.)... Уезжал я с большим сожалением, несмотря на небольшие неприятности в аэропорту. Сидя в зале ожидания, я грустно оглядывал окружающие «леталище» (укр. «летовище», – П.Д.) горы. Я уже успел полюбить Словению. И надеюсь ещё туда вернуться – с семьёй!» (Алексей Зуев, «Словения», <http://alexzuev.narod.ru/my/Slovenija/Slovenija.htm>).

И всё это вовсе не случайно, судя по многочисленным схождениям топонимов и гидронимов Словении, включая и прилегающие к ней территории, с топонимами и гидронимами Украины, тоже включая сопредельные с ней территории:

Барисловцы / Barislovci – Борислав / Борислав (Львовская обл.)

Белтницы / Beltnici – Белз (Львовская обл.), Бельцы (Молдавия), Бельчин / Більчин (Хмельницкая обл.), Беличи / Біличі (Волинская, Львовская обл.), Белижинцы / Білижинці (Хмельницкая обл.)

Беница / Venica – Беница / Беніца (Беларусь, Минская обл.), Беневка / Бенівка (Киевская обл.)

Бериняк / Berinjak – Борыня / Бориня (Львовской обл.), Бирино / Бирине (Черниговская обл.)

Бистрица / Bistrica – Быстрица / Бистриця (Львовская, Ивано-Франковская обл.), Бистрица (Румыния)

Блуденц / Bludenz (Австрия, Форарльберг) – Блудень / Блудзен (Беларусь, Брестская обл.)

Боровница / Boroвnica – Боровниця (Польша, Люблинское и Подкарпатское воевод.)

Бохинь оз. / Bohinj jezero – Бохня / Bochnia (Польша, Малопольское воеводство), Бохо́ники (Винницкая обл.)

Брегана / Bregana (Хорватия) – Бережанка (Волинская, Тернопольская, Хмельницкая и др. обл.)

Брегенц / Bregenz (Австрия, Форарльберг), Брежице / Brežice – Бригинцы / Бригинці (Черниговская обл.), Бережинцы / Бережинці (Хмельницкая обл.)

Брест / Brest – Брест / Берестя (Беларусь), Берестье / Берестя, Берестечко (Ровненская обл.)

Будигост / Budihost' – Быдгощ / Bydgoszcz (Польша), Будагощ (Беларусь, Витебс. обл.)

Будинцы / Budinci – Буденец / Буденець (Черновицкая обл.)

Буковцы / Bukovci – Буковец / Буковець (Закарпатская, Ивано-Франковская обл.)

Вагна / Wagna (Австрия, Штирия) – Вага (Тернопольская обл.), Вахновка (Винницкая обл.), Вахновцы / Вахновці (Хмельницкая обл.)

Велень / Velenje – Волынь, Вельнь / Волинь (Польша, древний червенский город)

Вена / Vienna {Vi[н]день / Vindobona} (Австрия) – Vi[н]дники (Львовская обл.)

Вена [сербохорватское Беч / Веџ] – Беч / Biecz (Польша, Малопольское воеводство)

Верда / Werda (Австрия, Каринтия) – р. Берда (Запорожская обл.)

Вердич / Verditz (Австрия, Каринтия) – Бердичи / Бердичі (Донецкая обл.), Бердичев / Бердичів (Житомирская обл.)

Гаевцы / Gajevci – Гаевцы (Беларусь, Гродненская), Гаевка / Гаївка (Волинская обл.)

Гай / Gaj – Гай (Беларусь, Минская обл.), Гаї / Gaї (Беларусь, Могилевская обл.), Гаевка / Гаївка (Волинская, Кировоградская, Хмельницкая, Полтавская, Одесская обл.), Гаевцы / Гаївці (Беларусь, Гродненская, Минская обл.)

Галлицин / Gallizien (Австрия, Каринтия) – Галичина [Галиция / Galicja] (Украина, Польша), Галич (Ивано-Франковская, Тернопольская обл.)

Гаранас / Gaganas (Австрия, Штирия), Горанец / Goranec (Хорватия) – Горанцы (Беларусь, Гродненская обл.), Горéничи / Гореничі (Киевская обл.), Горянка (Николаевской обл.), Горенка (Тернопольской обл.)

Голубич / Golubić (Хорватия), Голубичи / Golubici (Сербия) – Голубичи / Голубичі (Черниговская обл.), Голубече / Голубече (Винницкая обл.)

Гомила / Gomila – Гомель / Гоміль [Гомій] (Беларусь)
 Горица / Gorica (Италия), Нова-Горица – Горица (Хмельницкая, Черниговская обл.)
 Горичах / Goritschach (Австрия, Каринтия) – Горичев / Горичів (Волинская обл.)
 Горишница / Gorišnica – Горишние (верхние) Плавни / Горішні Плавні (Полтавск обл.)
 Градишка / Gradiška – Градыск / Градиськ (Волинская обл.), Градижск / Градизьк
 (Полтавской обл.), Городишко / Городисько (Львовская обл.), Городиска[я] / Городиська
 (Ивано-Франковская, Хмельницкая обл.)
 Градишче / Gradišče – Городище (Житомирская обл.)
 Градниц / Gradnitz (Австрия, Каринтия) – Граденицы (Одесская обл.), Городница /
 Городница (Ивано-Франковская, Тернопольская, Волинская, Черкасская обл.)
 Грац / Graz [словен. Градец / Gradec], (Австрия, Штирия) – Града (Тернопольская
 обл.), Градьє / Градя (Волинская обл.), Городец / Городець (Житомирская, Ровненская обл.)
 Грахово / Grahovo – Рахов / Рахів (Закарпатская обл.)
 Грушковец / Gruškovec – Грушковцы / Грушківці (Винницкая, Хмельницкая обл.)
 Гумиш / Gumisch (Австрия, Каринтия) – Гумниска / Гумниська (Львовская,
 Тернопольская обл.), Гуменцы (Волинская, Хмельницкая обл.)
 Добль / Dobl (Австрия, Штирия) – Дубляны / Дубляни (Львовской, Ровенской обл.),
 Дублинки / Дублинки (Житомирская обл.)
 Добра / Dobra (Австрия, Каринтия) – Добрая / Добра (Черкасская обл.)
 Доброва / Dobrova (Австрия, Каринтия) – Добровляны / Добрівляни (Львовской обл.)
 Добровце / Dobrovce – Добровка, Добровец (Румыния), Добровцы (Россия, Липецкая)
 Долина / Dolina (Австрия, Каринтия), Долена / Dolena – Долина (Тернопольской,
 Ивано-Франковской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Донецкой обл.)
 Доленцы / Dolenci – Долинка (Волинская, Винницкая, Запорожская, Одесская обл.)
 Драженцы / Draženci – Дражня Большая / Велика Дражня (Житомирская обл.), Дражня
 (Беларусь, Гомельская, Могилевская обл.), Деражня (Хмельницкая, Сумская, Житомирская
 обл.), Дережичи (Львовская обл.)
 Еловец / Jelovec – Яловец Нижний / Нижній Яловець (Черновицкая обл.), Еловец
 (Беларусь, Могилевская обл.; Россия, Брянская обл.)
 Жерьяв / Žerjav – р. Жерев / Жерів (Житомирская обл.)
 Загорье на Саве / Zagore na Save – Загорье / Загір'я (Львовская, Тернопольская обл.)
 Залужье / Zalužje – Залужье / Залужья (Закарпат., Львовская, Ровенск., Винницк. обл.)
 Зобот [*Суобот] / Soboth (Австрия, Штирия) – Собич / Собич (Сумская обл.), Субич /
 Субіч (Хмельницкая обл.), Субботов (Черкасская обл.), Забодаква (Полтавской обл.)
 Каменица / Kameniца – Каменица / Кам'яниця (Закарпатская, Ровенская обл.)
 Кореняк / Koreňak – Коренное / Корінне (Крым, Луганская обл.)
 Крижанче / Križanče (Хорватия) – Крыжановка / Крижанівка (Винницкая, Одесская)
 Крым / Krim – Крым / Крым
 Крско / Krsko – Крсно / Коросно (Польша, Подкарпатское воеводство)
 Лазница / Laznica – Лозница / Лозниця (Житомирская обл.)
 Лайбниц / Leibnitz (Австрия, Штирия), Лобница / Lobnica – р. Лобница / Лобниця,
 Лобна (Волинская обл.), Лубны / Лубни (Полтавская обл.)

Ланц / Lanz (Австрия) – Ланцевое / Ланцеве (Запорожская обл.)

Леобен / Leoben (Австрия, Штирия) – Любынь / Любинь (Ровненская обл.), Великий Любень / Великий Любинь (Львовская обл.), Лубны / Лубни [Lubin] (Полтавская обл.)

Липа / Lipa, Zlatna lipa (Хорватия) – р. Липа / Липа [Золотая липа], Липа / Липа (Волинская, Ровенская обл.), Липно (Волинская обл.)

Липицах / Lipizach (Австрия, Каринтия) – Липовец (Винницкая обл.), Липецк (Россия)

Лития / Litija – Литин / Литин (Винницкая обл.), Лида (Беларусь, Гродненская обл.)

Лог / Log – Великий лог (Луганская обл.), Каменный лог (Беларусь, Гродненская обл.)

Ложина / Ložina – Лежино (Запорожская обл.)

Локавцы / Lokavci, Lokavec – Лукавцы / Лукавці (Черновицкая обл.)

Луция / Lucija – Луцк / Луцьк (Волинская обл.), Лучин (Житомирская обл.)

Льютонер / Ljutomer – оз. Людомер (Беларусь, Гомельская)

Любляна – Люблин (Польша), Люботын (Харьковская обл.)

Мальниц / Mallnitz (Австрия, Каринтия) – Малиницы / Малиніці (Хмельницкой обл.),
Малин / Малин (Житомирской обл.)

Марковцы / Markovci – Марковцы / Марківці (Хмельниц, Винницк, Черниговск. обл.)

Мигер / Mieger (Австрия, Каринтия) – Мигея [Мигия] / Мигія (Николаевская обл.)

Мирниг / Mirnig (Австрия, Каринтия) – Мирное / Мирне (Киевской, Тернопольской и др. обл.), Мирин / Мирин (Волинская обл.), Мироны / Мирони (Полтавская, Одесская обл.)

Мозирье / Mozirje – Мозырь (Беларусь, Гомельская), Мосыр / Мосир (Волинская обл.)

Мокрец / Mokrec – Мокрец / Мокрець (Волинская, Киевская обл.)

Мура / Mura – р. Мурафа (Винницкая обл.)

Мурау / Murau (Австрия, Каринтия) – Мурава (Беларусь, Брестская обл.)

Неделище / Nedelišće (Хорватия) – Неделище / Неділище (Житомирская обл.)

Обрежье / Obrežje – Побережье (Ивано-Франковская обл.)

Обровац / Obrovac (Хорватия) – Обрывка (Херсонская обл.)

Пак / Pask (Австрия, Каринтия) – Пакуль (Черниговская обл.)

Преслава / Preslava – Берислав (Херсонской обл.), Переяслав-[Хмельницкий] (Киевской обл.), Брацлав (Винницкой обл.), Вроцлав (Польша)

Побрежье / Pobrežje – Побережье / Побережжя (Ивано-Франковская обл.)

Подгорцы / Podgorci – Подгóрцы / Підгірці (Львовская, Киевская обл.)

Подлюбель / Podljubelj – Пидлубы / Підлуби (Львовская, Житомирская обл.)

Подолшева / Podolševa – Подольское / Подільське (Черкасской), Подолье / Поділля

Поленцы / Polenci – Полёнка / Палёнка (Беларусь, Могилевской обл.), Полонка (Волинской обл.), Поланка (Польша, Свентокшистское воеводство)

Поляне – Поляны / Поляни (Львовская, Ровенская, Тернопольская, Хмельницкая обл.)

Велике-Поляне – Велика Поляна / Veľká Poľana (Словакия)

Похорье [Погорье] / Pohorje – Погорье (Беларусь, Гродненская, Брестская обл.)

Равне-на-Корошкем / Ravne-na-Koroškem – Ровно / Рівне, Коростень

Раденци / Radenci – Радошице [Радошиці] / Radoszyce (Польша, Свентокшиское воеводство / Лемкивщина)

Радин / Radin (Австрия, Форарльберг) – Радин (Беларусь, Гомельская), Родинское

(Донецкой обл.)

Раец / Rajec – Рай (Тернопольская обл.), Райки (Хмельницкая, Житомирская, Одесская обл.), Раевка (Житомирская, Днепроовская, Луганская обл.)

Ракитна / Rakitna – Рокитное / Рокитне (Ровенская обл.)

Рибница / Ribnica – Рыбница / Рибниця (Молдавия, Приднестровье), Рыбник / Рибник (Львовская обл.)

Рогашка-Слатина / Rogaška-Slatina, Рогла / Rogla – Рогатин (Ивано-Франк. обл.)

Рогозница / Rogoznica – Рогозка / Рогізка (Винницкая), Рогозник (Польша, Силезия)

Руде / Rude, Руда / Ruda (Италия) – р. Руда (Житомирская, Черниговская, Черкасская, Полтавская обл.), Руде Село (Киевская обл.)

Руден / Ruden (Австрия, Каринтия) – Рудня (Львовская, Волынская, Житомирск. обл.), Руденка (Сумская обл.), Руденька (Житомирская обл.)

Рута / Ruta – оз. Рутка (село Рутка Черновицкая обл.), Рута Дольна (Беларусь)

Саг [Заг] / Saag (Австрия, Каринтия) – Саги (Херсонская обл.)

Самобор / Samobor (Хорватия) – Самбор (Львовской обл.)

Сеянцы / Sejanci – Сеянцы / Сіянці (Ровенской обл.)

Смольник / Smolnik – р. Смолянка (Черниговской, Сумской, Тернопольской обл.), Смолянка (Черниговской, Тернопольской, Одесской обл.), Смольная / Смільна (Львовской обл.), Смоленск (Россия)

Солчава / Solčava – р. Сучава [*Соучава / Сочава] (Черновицк. обл.), Сучава (Румыния)

Средне / Srednje – Среднее / Середне (Закарпатская обл.)

Стара Гора / Stara Gora – Гора Стара (Закарпатская обл.)

Стоговцы / Stogovci – р. Стоговец (Закарпатская обл.), Стоговка (Россия, Смолен. обл.)

Тайнах / Tainach – р. Тайна (Тернопольской обл.)

Тирнау / Thirnau (Германия, Бавария), Тырнау / Tugnau (Австрия, Штирия) – Тернава (Львовская обл.), Тернавка (Львовская, Хмельницкая, Черновицкая обл.), Терновка (Львовская, Винницкая, Житомирская и др. обл.), Тырново (Молдавия, Болгария)

Тотовец / Totovec (Хорватия) – р. Тетынец / Тетинець (Житомирская обл.)

Трбовлье / Trbovlje – Теробовля Теробовль (Тернопольская обл.)

Трговишче / Trgovišče – Торговище (Волынская обл.)

Трновец / Trnovec – Тарновец / Tarnowiec (Польша, Подкарпатское воеводство)

Трновци / Trnovci – Тарновцы / Тарнівці (Закарпатская обл.)

Трояне / Trojane – Трояны (Запорожская обл.)

Тушимля / Tušimlja – р. Тушемля (Россия, Смоленская обл.), Тушемля (Беларусь)

Тустань / Tustan – Тустань (город-крепость, Львовская обл.)

Тухля / Tuhlja – Тухля (Львовская обл.)

Хабер / Haber (Австрия, Каринтия) – Хабарище (Волынская обл.)

Хильм / Hilm (Нижняя Австрия) – Холм / Chełm (Польша, Люблинское воеводство)

Хотиза / Hotiza – Хотивля / Хотівля (Черниговская обл.), Хотин / Хотин (Черновицкая обл.), Хотын / Хотин (Ровенская обл.)

Цветковцы [Кветковцы] / Svetkovci – Цветково / Цвіткове (Черкасская, Днепроовская,

Запорожская обл), Квитковое / Квіткове (Тернопольская, Херсонская обл.)
 Целль / Zell (Австрия, Каринтия) – Целиев (Тернопольская обл.)
 Цирник / Círník – Цир / Цир (Волынская обл.)
 Цлан [*Злын] / Zlan (Австрия, Каринтия) – Злынка / Злинка (Кировоградская обл.)
 Чабак / Čabak – Чабак (Крым)
 Чаковец / Čakovec (Хорватия) – Чаква (Ровенская обл.)
 Чернихайм / Tscherniheim (Австрия, Каринтия) – Чернихов / Чернихів (Львовская, Тернопольская обл.), Чернигов / Чернігів
 Шенковец / Šenkovec (Хорватия) – Шенковица / Шенковиця (Македония)
 Юр'овцы / Juróvci – Юр'овцы (Польша, Белостокское воеводство), Юр'овцы / Юрківці (Хмельницкой, Винницкой, Черновицкой обл.)
 Яворник / Javorník – Яворник (Польша, Подкарпатское воеводство)
 Яворье / Javorje – Яворов / Яворів (Львовская обл.), Яворек / Jaworek (Польша, Малопольське Воеводство)
 Ярки / Jarki – Ярки / Ярки (Черкасская обл.; Россия, Воронежская обл.)

В Словении, юго-восточных регионах Австрии (Каринтии и Штирии) и Нижней Австрии проживают преимущественно альпиниды и динариды. И эти альпиниды норикского типа весьма близки антропологически к горидам, компактно проживающим лишь в Украине и в юго-восточных воеводствах Польши. Альпийская малая раса характеризуется низким и широким лицом, крутым лбом со слабо выраженными надбровными дугами, резкой брахицефалией, тёмной (от каштановой до чёрной) пигментацией волос и радужины глаз. По словам Уильяма Рипли и Карлтона Куна, альпийская раса преобладает в Центральной, Южной и Восточной Европе и некоторых частях Западной и Центральной Азии. У. Рипли утверждал, что альпиниды (потомки славяноязычных античных германцев и их предков сарматов) были выходцами из Азии и распространились на запад вместе с возникновением и расширением сельского хозяйства, которое они укоренили в Европе:

«В днепро-карпатскую группу популяций можно включить украинцев, прикарпатские этнографические группы, словаков, частично чехов. Это довольно темнопигментированное, брахицефальное население, характеризующееся относительно широким лицом... Темнопигментированные и довольно массивные брахицефалы, входящие в днепро-карпатскую группу популяций, в морфологическом отношении весьма сходны с представителями альпийского типа (по У. Рипли) – населением Австрии (потомками гревтунгов / грутуннов = хорутанов, – П.Д.), Швейцарии и, частично, Северной Италии (потомками винулов ломбардов / лангобардов, – П.Д.). Возможно, днепро-карпатская группа популяций представляет собой северо-восточный вариант этой локальной расы...» (Татьяна Алексева, «Этногенез и этническая история восточных славян по данным антропологии», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekssevoy_Vostochnye-slavjane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/43).

К тому же потомки осевших в Норике остготов гревтунгов / грутуннов = хорутанов –

словенцы и австрийцы являются, подобно украинцам и ломбардам, преимущественно высокорослыми и длинноногими.

5.14 Славяноязычие винулов (лангобардов), вандалов и англо

Конечно же, вполне возможно, что и входившие в племенные союзы вандалов и вендов / венедов славяноязычные бораны / ворады – волоты, вельты / вильтины / вилькины = велеты / вильцы = лютичи (лтш. «valoda» – язык; англ. «wail», чеш. «volati», укр. «волати» – «орать, кричать, громко говорить»; др.-киев., ст.-слав. «вельти, вельжа» – велеть; макед. «велат» – «сказать, говорить»; болг. «веля» – говорю) и другие потомки славяноязычных сарматов и аланов-торков имели общих предков не только со *славами / свавами / свебами и тервингами / червянами = сербами, но и с винулами / винулам / винитами лангобардами / *ланговорадами – волохами (волотами – великанами; гот. «bards» – великан), ещё не успевшими германизироваться к моменту своего переселения из Сарматского (Балтийского) Поморья в Паннонию и далее в Италию:

«В 568 г. лангобарды в условиях аварского нашествия вынуждены были оставить Среднедунайские земли. Большими массами они вторглись в Италию. Византия не смогла выдержать напора (славяноязычных, – П.Д.) лангобардских завоевателей, ее владычество рухнуло, и североитальянские земли оказались занятыми переселенцами из Подунавья. В составе лангобардов, как свидетельствуют исторические источники и некоторые археологические данные, были и другие племенные группы, в том числе и (балтоязычные, – П.Д.) славяне. Вероятно, это были и славяне, проживавшие в лангобардском регионе Среднего Подунавья, и соседние племена, увлеченные потоком миграции... На среднем Дунае на ее территорию вторглись большие массы нового населения, и в результате взаимодействия и метисации нескольких племенных групп здесь складывается своеобразная славяно-аварская культура» (Валентин Седов, «Славяне в раннем средневековье», <http://flibusta.site/b/188970/read>; http://prussia.online/Data/Book/sl/slavyane-v-rannem-srednevekovye/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf; http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf);

«Север Лангобардии – Моравия, долины рек Ваг и Грон и даже территории римской провинции Норик к Югу от Дуная – отошли тем народам (нелатинизировавшимся славяноязычным ломбардам и гревтунгам, – П.Д.), которые учёные называют «славянами». Почему эти люди оказались именно здесь?.. Известный медиевист, профессор Манчестерского университета Поль Фуракр полагает, что отношения кочевников и их подданных в данном уголке степной Империи были вполне бесконфликтными: «В VII веке здесь появляется смешанная славяно-аварская материальная культура, которая показывает мирные и гармоничные связи между аварскими воинами и славянскими крестьянами. Считается, что, возможно, по крайней мере некоторые из лидеров славянских племен могли бы стать частью аварской аристократии». Правда, куда при таком раскладе подевались потомки гепидов (славянизированных гелпидов = гельветов – хорватов? – П.Д.) и беглых баваров, профессор из Манчестера не уточняет...» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона»,

http://kdet.ucoz.ru/index/za_karpatskoj_stenoi_prodolzhenie/0-242;

http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcataja_predki_vnutri_kotloviny/0-342);

«Ознакомившись с работой этого английского историка (Т. Шора, – П.Д.), я пришел к одному интересному выводу, в котором нет ничего удивительного. Все эти англ, аксы, юты, геты, готы, даны, фризы, венды, лангобарды, на начальном этапе своей истории – суть, протославяно-русские племена (точнее, славяноязычные античные германцы – потомки сарматов, аланов-торков и других юэчжийцев, – П.Д.). Сегодня считается само собой разумеющимся, что венды-венеды-венеты-вентичи – это вятичи (на самом деле балтоязычные сарматы и балтизировавшиеся скифы, имя которых позже лишь перешло на финноязычных вятичей, – П.Д.) русских летописей. Те же англ – это унгли, или углы и дальше – угличи. Саксы – это саки, пришедшие из Азии, одно из скифских племен. Фризы – это врязи, варяги. И т.п. Ни у кого не может быть сомнений, что предками так называемого англосаксонского народа было большое количество племен, которые позже и получили это обобщенное название. Среди этих племен и многие представители славяно-русских народностей, объединенных именем венедов. Говоря же о лингвистической ситуации Т. Шор, не скрывая влияния венедских (славянских) диалектов на английский, тем не менее, без всяких обоснований, подчеркивает, что влияние его «только в очень ограниченной степени». Упор, который Т.Шор делает на более темную пигментацию некоторых представителей предков англичан, связывая ее с венетами, а в общем случае со славянами, не удивляет...» (Б. Новицкий, «Предисловие переводчика» к кн. Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», www.history-fiction.ru/get-book-file.php?id=2979 , <http://www.klaipeda1945.org/istoriya/proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda/>; <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>).

Возможно также, что и лангобарды – длиннобёрцы, как и ворады (бораны), и велеты (вилькины / вильтины = вильцы / лютичи / *ютичи), и гревтунги / грутунны = хорутаны и черногорцы, и русины (украинцы), и украинские казаки (асы, черкасы) были потомками длинноногих и плечистых великанов ютунгов / витингов = витязезей (берка – «икра ноги»; бёрце / берцо – «берцовая кость»; итал. «arto», эст. «jäse / osa», кит. «huàn zhī», кор. «hwanji» – конечность; болг. «крак», валл. «goes», шорс. «азак», гуджар. «aṅga» – нога; брод – «место возможного пересечения реки по колено или даже по плечи в воде; иран. «bārk», польск. «bark», лат. «brachium», алб. «krah», кит. «jiān», санскр. «aṃsa», готск. «ams», др.-норв. «ass», тохарск. «es / āntse», бенг. «ansa», арм. «us» – плечо; фин. «hartiat» – плечи; укр. «баркан» – «забор не выше плеч человека; гот. «bards» – великан):

«Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности вандалами, теперь же винитами, или винулами, называются (фин. «vanha», эст. «vana», сербохорв. «даван», словен. «dávən» – «давний, древний, очень старый»; вянуть = стареть; беларус. «венджаны» – «копченые, в смысле смуглые, опаленные солнцем, загорелые, увядшие», – П.Д.)... Другая река, т.е. Одра, направляется к северу, пересекает землю винулов, отделяя поморян от вильцев... За медленно текущей Одрой и разными племенами поморян, на западе мы встречаем страну тех винулов, которые

называются доленчанами и ратарями... Таковы эти племена винулов, рассеянные по землям, областям и островам на море. Весь этот народ, преданный идолопоклонству, всегда странствующий и подвижной, промышляющий разбоем, постоянно беспокоит, с одной стороны, данов, с другой – саксов» (Гельмольд, «Славянская хроника», <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegell.htm>);

«Народы 3 – 7 вв, (эпоха великого переселения): винилы-лангобарды (среднее течение Эльбы, до Везера; в Италии в 6 в.) – Славянские народы 8 – 15 вв. (Средние века): винулы, виниты (тождественность вендам-венедом подтверждена Гельмольдом)...» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-7.htm>);

«Первые подробные описания земель ободритов, поморян, вильцев и рюгенских славян восходят уже к XI – XII векам – хроникам Адама Бременского, Гельмольда и Саксона Грамматика. Эти источники полны упоминаний славяно-скандинавских войн, причём преподносят их зачастую очень далеко от «общепринятого» сегодня представления о «непобедимых скандинавских викинггах» постоянно тревожащих мирных континентальных крестьян и горожан. Вопреки этому, они описывают постоянные нападения славянских пиратов на данов, в результате которых последним становилось небезопасно передвигаться в узких проливах своих же собственных земель и островов. Около 1100 года Саксон описывает нападение славянских пиратов на данов между островами Зееланд и Фальстер. Примерно в это же время нападению пиратов между островами Зееланд и Фюн подвергается датский правитель Кнуд. Нередки были и масштабные военные кампании и походы славян в Ютландию, датские острова и Скандинавию» (Андрей Пауль, «Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций», <http://pereformat.ru/2014/03/slavyanskij-sled-v-skandinavii/>; http://loveread.ec/read_book.php?id=54222&p=95);

«Путь продвижения вильцев из польских предгорий Карпат и Силезии вниз по Одере прослеживается в конце VI – начале VII в. по распространению фельдбергской керамики (связанной с южными традициями) и больших племенных городищ. В этих крупных общинных укреплениях, веерообразно распространившихся по Нижнему Одере большими группами, насчитывавшими сотни и тысячи людей, жили первые поколения переселенцев; социальная дифференциация внутри общин, судя по имеющимся данным, была незначительной. Ободритские городища (потомков гуннов-аваров, – П.Д.) имеют совершенно иной облик: небольшие, с мощными укреплениями, они рассчитаны на узкий круг людей, племенную знать и дружины, в то время как основная часть соплеменников жила поблизости на укрепленных предградьях или открытых поселениях. Наряду с балтийскими в IX в. известны (потомки славяноязычных аваров, – П.Д.) ободриты на Дунае, поблизости от Белграда: видимо, именно здесь находилась основная, исходная территория этого племени, откуда часть ободритов (вероятно, после аварского вторжения 568 г. [и разгрома аварского каганата франками, – П.Д.]) переселилась на север, к Балтийскому морю...» (Йоахим Херрман, «Ободриты, лютичи, рюане», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000056/st056.shtml>).

Не исключено, конечно же, и то, что к началу упадка Римской империи некоторые балто- и славяноязычные сарматские племена германизировались в Скандинавии или же, по крайней мере, германизировались их знатные рода. Ведь знать всегда предпочитала максимально дистанцироваться от простонародья и воспитывала своих детей на языках межэтничного общения. И, если знатные рода сарматских племён были в древности ираноязычными, то в аланскую эпоху они могли стать уже протогерманоязычными. Хотя, конечно же, они хорошо владели и языками консолидируемого ими простонародья. Готские и другие восточногерманские изящные говоры, возможно, потому-то и не сохранились, что были всего лишь говорами (арго) немногочисленной сарматской и аланской знати.

5.15 Тёмно-краснокожие предки славян – аланы, античные германцы и гунны

На наличие и у древних славян, как и у их предков – сарматов, аланов и гуннов (жунов), такой же смуглости (темно-красного цвета) кожи, как и у индийцев и у древних персов указывают не только античные, но и восточные авторы:

«Иорнанд сообщает, что лицо гуннов ужасающей черноты; но если принять буквально это свидетельство, то их можно, пожалуй, относить к маврам, арабам, наконец, к цыганам (а известно, что цыгане принадлежат к арийской расе), и т.п. В этом случае мы можем предположить или искусственное чернение своего лица опять с тою же целью придать себе страшный вид, или обычное преувеличение Иорнанда по отношению к ненавистным гуннам. Да славяне, по известию греческих писателей той же эпохи, совсем и не отличались белизною лица. Об этом прямо говорит византийский историк VI века Прокопий; он же замечает, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имели гуннские нравы. Прокопий, между прочим, сообщает известие, что Белые гунны (возможно, потомки динлинов или даже колен израилевых – эфталиты, – П.Д.) имели белую кожу и были отнюдь не безобразны. (De Bello Pers. I, 3.)...» (Дмитрий Иловайский, «Начало Руси // Продолжение того же пересмотра», <http://www.oldru.com/begin/50.htm>; «Гуннский вопрос», <http://www.semargl.me/library/russian-historians/ilovaisky/finding-the-beginning-of-russia/hun-question/#4>);

«О несхожести хазарского (южнославянского, – П.Д.) языка с тюркским, персидским или каким-либо другим известным языком говорят также Бакри, Иакут... «Хазары не походят на тюрок, – пишет Истахри, – они черноволосы, разделяются на два разряда, один (темно-краснолицые славяноязычные ас-сакалиба – черкасы и др., – П.Д.) называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдаёт в чернь (санскр. «hāṭaka», нидерл. «goud», англ. «gold», норв. «gull» – «[червонное] золото»; казах., башк. «кызыл» – красный; лат. «hazel» – «карий, ореховый»; в индийской мифологии красивыми считались не белый и не красный, а темные – карий и чёрный цвета, – П.Д.), они словно какой-либо разряд из Индии. Другой разряд (кавказские племена, – П.Д.) – белые, красивые и совершенные по внешнему виду». Персидская редакция Истахри даёт несколько отличное от арабского

варианта начало: «Хазарские люди (очевидно, бледнолицые, рыжеволосые и голубоглазые потомки усуней и сако-массагетов, а также и кавказцы, – П.Д.) походят на тюрков (потомков динлинов – уйгуров и киргизов, – П.Д.), но они не тюрки», далее идет сокращенное изложение рассказа о делении хазар на два разряда. Ибн Хаукал в издании де Гуге и Крамерса следует за полной редакцией Истахри. Иакут, относя, очевидно, это сообщение к Ибн Фадлану, также повторяет почти слово в слово Истахри. Закарийа Казвини при описании двух разрядов хазар на первое место ставит белый разряд, отличающийся красотой внешнего вида, а на второе место – смуглый (красный) разряд, который и носит наименование кара-хазар (очевидно, славяноязычные темнопигментированные потомки сираков, роксолан, верхних аорсов, да-юэчжи, а также и утигуров, и других кидаритов = кударов = хазаров, – П.Д.). Ибн Ийас кратко разделяет хазар на белых по цвету и смуглых по цвету» (Б.Н. Заходер, «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», Часть II. «Хазары», http://hazaria.ucoz.ru/publ/khazarija/khazarija/khazarija_i_khazary_b_n_zakhoder_chast_2/2-1-0-4; <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0103.htm>);

«О красном цвете Славян упоминают также Масуди, Абу-Амру и Абу-Мансур...» (А.Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/1.htm);

«20. По этой причине цвет жителей Бабиля (Вавилона, – А.Г.) бывает умеренным, тела их крепкими и они предохранены от красноты Рума и Славян, от черноты Хабаши (абиссинцев, – А.Г.) и от толщины Бербера» (Масуди, «Мурудж аз-Захаб ва Ма'адин ал-Джаухар», цит. по А.Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских [с половины VII века до конца X века по Р.Х.]», СПб, 1870, С. 129 – 138, http://idrissi.narod.ru/masudi_sch.htm);

«Славяне – племя красного цвета, имеющее русые (очевидно, тёмно-коричневые; фин. «guskea» – коричневый, – П.Д.) волосы; они граничат со странюю Хазар на вершинах Румских гор. Человека красного цвета называют Славянином (в оригинале – ас-Сакалиба, – П.Д.) по причине подобия его цвету Славян» (Абу-Мансур, ум. в 980г., цит. по Гаркави, 1870, С. 279; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/1.htm);

«...Странно, что жители Богемии смуглые и с темным цветом волос, среди них мало светловолосых» (Ибрагим-ибн-Якуб, цит. по Рихард Хенниг, «Неведомые земли», Том II, гл. 99, <http://annales.info/other/hennig/099.htm>);

«Никаких записей о физическом облике древних венедов, видимо, не сохранилось, но Бедой в Нижней Саксонии были сделаны наблюдения за представителями народа, которые называют себя сербами. Рассмотренный им венедский крестьянин, что он отметил в своей таблице, показал самый высокий показатель почернения среди всех обследованных им в Германии. Эти наблюдения были подтверждены результатами официального этнологического исследование этой страны» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского

народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyetsya.html>).

5.16 Славяне, германцы, галлы и римляне, приносящие дары Оттону III (из Евангелия дат. 990 г.)

(см.: «Западные славяне», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/71361>, http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/52/4_Gift_Bringers_of_Otto_III.jpg).

По утверждениям античных авторов галлы были преимущественно рыжеволосыми и, в отличие от славян, более длительное время проживали в северных широтах, и поэтому их кожа, конечно же, должна была постепенно осветлиться:

«У них золотые пышные кудри и золотая одежда; они сверкают полосатыми плащами; молочные шеи обвиты золотом» (Публий Марон Вергилий, «Энеида», <https://upload.wikimedia.org/wikisource/ru/6/66/Вергилий.Энеида.ВпереводБрюсова%2CСоловьева%2C1933.pdf>);

«Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим, и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил» (Марцеллин Аммиан, «Римская история», <http://litread.info/pages/30632/34695-35735?page=17>).

И их потомки во времена правления Оттона (по утверждениям многих авторов) были тоже преимущественно белы телом и изредка лишь смуглыми подобно и всем другим потомственным индоевропейцам:

«Жители Средиземноморья узнавали кельтов по высокому росту, светлой коже, развитой мускулатуре, голубым глазам и белокурым волосам. Следует отметить, что люди с подобными физическими характеристиками встречались и среди самих средиземноморцев, а в случае с кельтами описания такого типа внешности относились не столько ко всему населению, сколько к наиболее приметным его сословиям – вождям и свободным воинам. Внешность кельтов, обрисованная античными авторами, вполне соответствует стандартам красоты, принятым у островной кельтской знати и воспетым в древнеирландской литературе, так что оставим в стороне современные представления о том, как должны выглядеть истинные кельты, например в Уэльсе или на Гебридских островах, и обратим внимание на эволюцию высокого, светлогокожего и светловолосого генетического типа... В кельтских погребениях, уже известных науке, обнаружены останки носителей гальштатской и латенской культур. Среди них представлены как долихо-, так и брахицефалы. Последние, очевидно, принадлежат к более древнему населению бронзового века, занимавшему североальпийскую зону (но также и принёсшим в Европу кельтскую речь племенам, – П.Д.), в то время как долихоцефалы (есть основания причислить их к аристократическому сословию кельтского общества), очевидно, ведут свое происхождение от обитателей Центральной Европы, мигрировавших к западу. В целом изученный анатомический материал позволяет нарисовать картину, знакомую любому этнологу: современные этнические группы тоже демонстрируют смешение генетических типов и существование физических характеристик, присущих как определенным слоям общества, так и всему населению... В заключение данного параграфа можно привести краткое, но весьма ценное замечание Диодора Сицилийского о том, что подруги галлов не только не уступали своим мужчинам ростом и мощным телосложением, но могли сравниться с ними и отвагой» (Теренс Пауэлл, «Кельты. Воины и маги», http://oldevrasia.ru/library/Terens-Pauell_Kelty--Voiny-i-magi/3);

«Облик кельтских воинов для жителей Южной Европы, очевидно, был незабываемым, благодаря их росту, белой коже, мускулатуре, светлым волосам и голубым глазам. Большинство воинов оставляло свои пышные волосы длинными. В некоторых случаях волосы заплетали так, что они свешивались с одной стороны лба. Сицилийский грек Диодор описывает, как некоторые кельты покрывали свои волосы толстым слоем извести и отбрасывали волосы назад со лба, чтобы создать фантастический эффект, напоминающий летящую белую гриву лошади. Были популярны висячие усы, есть также изображения бородатых воинов» (Пенроз Джейн, «Рим и его враги. Карфагеняне, греки и варвары», <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/penroz-dzhejn/rim-i-ego-vragi-karfagenyane-greki-i-varvari/11>).

Очевидно, в Евангелии в виде тёмнокраснокожих и черноволосых галлов на самом деле изображены романизовавшиеся подобно галлам высокорослые и брахикранные предки французов Нормандии и валлонов Бельгии – гунны-фризы (западные *волоты /

волохи), являвшиеся, как и такие же чёрноволосые *ютичи / лютичи / вильцы, *грут-унны = *хоруты / хорутены / хорутане / коротане = каринты и *гуруты / хурусы / хросы / русы, потомками славяноязычных античных *велетов / вельтов, вильтинов / вилькинов, витунгов / ютунгов / ютиунгов / ютов, гаутов / гётов / ётов и *хорутов / гарудов = гардингов = гревтунгов / грутуннов а, следовательно, и потомками славяноязычных готов, аланов-торков, *утиев / юэчжей и сарматов:

«Французским антропологам, и главным образом Брока, принадлежит честь возбуждения протеста, и протеста весьма необходимого против чересчур далеко идущих претензий филологов. Брока замечает, что «народы часто в течение исторического периода меняли язык, не изменяя по-видимому расы или типа. Бельгийцы, например, говорят неолатинским языком; и однако же изо всех рас, смешавших свою кровь с кровью первоначальных жителей Бельгии, трудно было бы найти расу, оставившую следов менее, чем римский народ». Отсюда он заключает, что «этнологическая ценность сравнительного языковедения весьма мала. И на самом деле, оно скорее всего может привести к заблуждению, чем к чему-либо другому. Но филологические факты и дедукции более бросаются в глаза, чем кропотливые измерения черепов, и вот почему заключения филологов привлекли преувеличенное внимание»... Поразителен пример бельгийцев и голландцев. Линия разделения религий стала политической границей, и в то же время она есть и демаркационная линия рас. Средний кефалический показатель голландцев (потомков незнатных долихокранных родов языгов = усуней и саксов = сако-массагетов – неофризов и неогерманцев, – П.Д.) равен 75,3, то есть почти такой же, как и у шведов и северных германцев; средний показатель бельгийцев (потомков славяноязычных античных германцев – волохов / волотов / велетов / вильцев и аланов-торков, – П.Д.) равен 79, то есть такой же, как у парижан (потомков галлов и аланов-торков, – П.Д.)» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«4. На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: большая часть бельгов (брегов / фригов / фрисов, – П.Д.) – по происхождению германцы (гермные / чермные фризы и другие потомки славяноязычных брахикранных вельтов / волохов / волхвов = велетов / вильцев, – П.Д.), которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся...» (Гай Юлий Цезарь, «Записки о галльской войне», комментарии к кн. 2, <http://www.litmir.me/br/?b=5584&p=8&ShowDeleted=1>; <http://xwap.me/books/8363/Gallskaya-voyna.html?p=13>);

«Уже Круг указал, что под именем волхвов, помещенных рядом с галичанами и римлянами, надо понимать жителей Нормандии – Valland скандинавских источников, а под карлязиями летописи – carlenses, т.е. жителей позднейших Нидерландов [Ph. Krug, «Forschungen in der älteren Geschichte Russlands». St.-Pb., 1848, Th. I, S. 155]... Отдельное

упоминание о волхвах, Valland или Нормандии также попятно для времени, предшествующего завоеванию Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г.» (М.Н. Тихомиров, «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография, Сборник статей, – М.-Л., 1947, – с. 80, <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys05.htm>).

5.17 Краснолицыые князя Древней Руси

Краснолицыими были киевский князь Владимир Красное Солнышко и его сын Ярослав Мудрый:

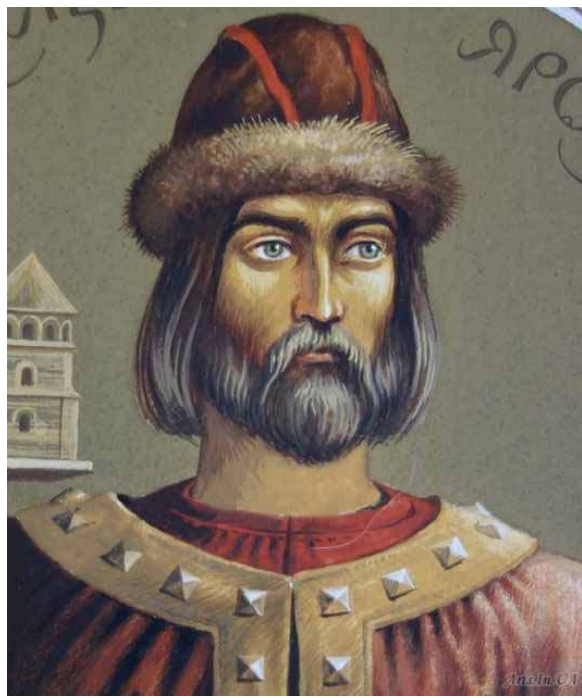

Князь Владимир Святославич http://ikona33.ru/sites/default/files/w_259.jpg;
<http://900igr.net/datai/istorija/Potomki-Rjurika/0002-001-Knjaz-Vladimir-Krasnoe-Solnyshko.jpg>;

Князь Владимир Святой – Красное Солнышко. Икона XV в. (<https://www.pravmir.ru/svyatoj-knyaz-vladimir-zhitie-ikony-molitvy/>; http://www.e-reading.link/illustrations/1032/1032301-i_043.jpg);

Князь Ярослав Мудрый (<http://uateka.com/uk/article/personality/warfare/147>; <https://uamodna.com/articles/velykyy-knyazj-yaroslav-mudryy/>).

Краснолицыми подобно князю Владимиру были и другие родственные ему потомки тёмно-краснокожих русов-торков:

«Летописец описывает Мстислава как «тучного и краснолицего, с большими глазами, храброго в битвах, милосердного и любившего свою дружину, не жалевшего для нее ни денег, ни еды, ни питья». Как правитель Тмутаракани, Мстислав, видимо, носил титул кагана. Интересно отметить, что в «Слове о полку Игореве» черниговского князя Олега, который тоже какое-то время управлял Тмутараканью, также называют каганом (кэхань – «коханный, любимый», – П.Д.). Таким образом, правление Мстислава – это, в определенном смысле, попытка заменить господство на Руси Киева господством Тмутаракани и возродить древнерусский каганат докиевских времен. В тот период, судя по всему, Тмутаракань являлась своего рода духовной столицей Руси...» (Георгий Вернадский, «Киевская Русь», <http://oldru.com/vernadsky/ver02/18.htm>);

«В пользу «юга» говорит титул русского правителя: «хакан-рус». В том же IX в. титул «кагана» привязывается к какой-то группе русов «норманнов». В 839 г. они возвращаются на родину из Константинополя через Франкскую империю, поскольку обычный путь (видимо по Дону) был перерезан очередной волной кочевников с востока. И стремилось посольство, по всей вероятности, именно в Юго-Восточную Прибалтику. Комментатор Адама Бременского заметил по поводу живших здесь русов, что это «Русия-тюрк», а Идриси (<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idrisi/vved1.phtml?id=9446>, «Нузхат Ал-Муштах Фи-Хтирак Ал-Афак») в XII в. находил «русов-тюрк» на Дону. Источником такого уточнения является, очевидно, проживавший в Италии в X в. Иосиппон (Бен Горион). Он включил алан в число тюркских (на самом деле, всего лишь тёмно-краснокожих народов; алб. «terr», перс. «tār», пушту «tor», курманджи «tarî», тадж. «торик», осет. «tar, talyng», ст.-англ. «deorc», англ. «dark», ирланд. «dorcha» – «тёмный, чермный», – П.Д.) народов, видимо, как раз

потому, что они в противостоянии тюркам-хазарам позаимствовали у них титул «кагана» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», <http://www.rulit.me/books/nachalo-rusi-tajny-rozhdeniya-russkogo-naroda-read-195465-136.html>; <http://oldru.com/nachalo/menu.htm>);

«Верховья Северского Донца с городом Донцом и Салтовом были заселены в XII в. русскими и относились, по всей вероятности, к Курскому уделу Северского княжества, так как Всеволод Святославич в 1185 г. собирал «воев» и по Осколу. Приведенная выше поэтическая характеристика курян вполне соответствует тем сведениям, которые собрали о жителях этой страны информаторы Идриси: «Они необычайно воинственны и привыкли никогда не расставаться со своим оружием». Народ «Нивария (Сивария)» – почти несомненно племя «Севера» русской летописи, по имени которого и Донец получил имя Северского. отождествление города Сарада с Салтовским городищем нисколько не противоречит тому, что область Ниварии следует сближать с Северой, так как археологические памятники северян вплотную подходили к городищам салтовской культуры и вся эта область, как Северянская, так и Салтовская (Ясская), носила общее название Северской земли, Северской Украины. В тексте и на карте Идриси страна шести крепостей названа Ниварией, но мы должны учесть особенности арабской графики, различающей звуки «н» и «с» (th) только по количеству диакритических точек: н = i, с = i...» (Борис Рыбаков, «Русские земли по карте Идриси 1154 года», <http://idrisi.narod.ru/ryb1154.htm>). [к осн. тексту]

П.6. Праиндоевропейцы – этнос брахикранных потомков «змей» и «лунной расы»

6.1 Брахицефалия древних славян

Балто- и славяноязычные сарматы (серы = зеруяне / червяне = сербы, дисцы, жуны / ваны = ванандуры / уногундуры / венендеры / венедеры = венеты, янтсай = анты, гунны / оногуры / анклии, юэчжи = утигуры = ясы / асы и др.) были не только темно-красными, но и брахицефальными. Поэтому-то из всех славянофонных народностей этническими потомками темно-красных и брахицефальных древних славян на самом деле являются лишь народности, относящиеся к днепро-карпатской группе популяций (гориды), а также и некоторые другие брахицефальные горцы, относящиеся к альпийскому и к динарскому антропологическим типам:

«Г.Ф. Дебец, связав антропологические данные Д.К. Третьякова с определенными типами погребений, пришел к заключению, что, несмотря на большое сходство всех черепов (типичные европеоиды: покатый лоб и развитые надбровные дуги), можно связать брахи- и

мезокранные (сармато-аланские, – П.Д.) черепа с погребениями катакомбной культуры, а долихокранные (скифские, – П.Д.) – с погребениями ямного типа. Таким образом, различие древнеямных и катакомбных антропологических признаков сводится только к увеличению черепного указателя у людей катакомбной культуры. Г.Ф. Дебец считает, что подобное явление надо связывать с переселением: «является весьма вероятным предположение о том, что катакомбная культура, по крайней мере в известной ее части, является не просто этапом развития общества, но связана с расселением какой-то этнической группы, включавшей в себе брахикранный элемент». Исследованные в небольшом количестве черепа из погребений на Северном Кавказе обращают на себя внимание сравнительно высоким черепным указателем. По всей вероятности, на Северном Кавказе и был тот центр относительной брахикрании, откуда могло проникать население на территорию северопричерноморских степей...» (Татьяна Попова, «К вопросу о происхождении катакомбной культуры», <https://secrethistory.su/950-k-voprosu-o-proishozhdenii-katakombnoy-kultury.html>);

«Последняя по времени и наиболее полная реконструкция этнической истории сармат Украины принадлежит А.В. Симоненко. Он фиксирует на археологическом материале пять волн сарматских миграций на территорию Украины. Первая волна их продвижения в Причерноморье охватывает степную зону между Доном и Днестром. Начальное продвижение сарматов (балтоязычных савроматов = усуней – язаматов, языгов / гудов, роксолан, сираков, взньоуто-венедов и яньцай = антов / ансов, а также и таких же тёмно-краснокожих и брахикранных славяноязычных античных германцев – *тунгуров / тунгров = данкригов / данов = *дунклебов / дулебов; торков-тюрингов / торингов, юэчжи-ингвеонов, аорсов-гермионов, кермихионов-гермионов, тарпетов = тервингов = червян = сербов, хотанцев-гаутов / гётов и других славяноязычных готов, – П.Д.) в северопричерноморские степи автор относит ко II в. до н.э. (хотя о савроматах Геродот сообщает ещё в V в. до н.э., а в IV в. до н.э. в Скандинавии согласно пересказу Пифея Плинием обитало племя *guionibus* / **inguiones*, отождествляемое с брахикранными гаутами / гутонами или же с ингвонами, которые впрочем в то время могли быть и кельтоязычными подобно кимврам и тевтонам, ошибочно относимым к германцам, – П.Д.). Концентрация сарматских погребений II – I в. до н.э. в степях Днепровского Левобережья очерчивает зону их кочевий (а концентрация их погребений в Германии и в Фенноскандии – зону из оседлого расселения, – П.Д.). Второй волной сарматских миграций А.В. Симоненко считает освоение ими правобережных степей в первой половине I в. н.э., освоение Прутско-Днестровского междуречья, появление их в степях на север от дунайского лимеса (а тунгров даже в Бельгии, – П.Д.). Третью волну продвижения исследователь относит ко второй половине I в. н.э., видит в ее носителях выходцев из районов Среднего и Нижнего Дона (очевидно, аланы-торки / аланы-танаиты – славяноязычные хорасмии-гревтунги / грутунны = хорутаны / рутены = хурусы / русы, жуны-вельты / вильтины / вилькины = велеты / вильцы и другие славяноязычные сарматы, – П.Д.). В это время сарматские кочевья распространились на правобережье Среднего Поднепровья. Предположительно сарматы занимали и степи севернее дунайского лимеса. К четвертой волне сарматского продвижения относятся памятники второй половины II в. н.э. в причерноморских степях, связанные с выходцами с Нижней Волги (очевидно, всё же с

выходцами из Сканзы готами, появившимися в Причерноморье около 230 года, – П.Д.). В середине III – первой половине IV в. н.э. в Северном Причерноморье появляется пятая волна сарматских мигрантов, возможно выходцев с Нижнего Дона (и с Северного Кавказа – П.Д.), носителей катакомбного обряда (Симоненко 1998)... К сарматским сериям Украины тематически примыкает группа черепов из могильников Инкерман и Черноречье II – IV веков в Крыму. Появление этих могильников связывают с приходом в Крым аланов в союзе с готами. Именно с аланами связывают погребальную традицию захоронения в катакомбах на этих могильниках, а также в подбоях, (славяноязычным, – П.Д.) германцам же приписывают кремации... Таким образом, подводя итог краткому обзору сарматского материала можно отметить: сарматские группы Украины и близлежащих территорий принадлежали разным племенным объединениям (роксоланы, аорсы, языги, аланы). Для них был характерен различный тип и ориентация погребальных сооружений. Антропологически они не были однородны, но доминирующим у них являлся брахикранный широколицый европеоидный тип с умеренной верхней горизонтальной профилировкой лица... М.М. Герасимова признает существование и широкое распространение длинноголовых и узколицих вариантов среди местного населения Северного Кавказа в доаланское время, во всяком случае для периода сложения и формирования меотской этнической общности (Герасимова 1986)... На сарматских могильниках Украины, хронологически более ранних или синхронных Черняховской культуре, которые связывают с аланами (Усть-Каменка, Черноречье, Инкерман) бытуют, как уже говорилось, другие – брахикранные и широколицые формы. Брахикранные широколицые формы характерны и для населения междуречья Волги и Дона среднесарматского времени, в котором видят аланов. В этой ситуации скорее можно предположить, что мезо-долихокранные относительно узколицие формы на средневековых аланских, салтово-маяцких могильниках были получены по наследству от местного населения: автохтонных групп Северного Кавказа или скифов...» (Татьяна Рудич, «Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии)», <http://vitaantiqua.org.ua/wp-content/uploads/2017/02/07rudychR.pdf>);

«В средние века в Юго-Западной Таврике преобладало население с брахикранным широколицым антропологическим типом, распространившимся здесь после того, как во времена хазарского господства на полуостров пришли ранние болгары. Но вместе с тем, как о том можно судить по письменным источникам и данным лингвистики, в средневековом Крыму присутствовали и отреченные готоаланы. ...К.Ф. Соколова отмечает, что брахикранные узколицие черепа, которые происходят главным образом из склепов Инкерманского и Чернореченского могильников, находят аналогии на Северном Кавказе, что еще раз подтверждает аланское происхождение этих склепов» (И.С. Пиоро, «Крымская Готия» [Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье], <http://qrim.org/?p=33554>);

«Погребальному обряду (брахикранный, – П.Д.) населения «росских» территорий ближе всего зливкинский вариант салтовской культуры. Речь идет о ямных погребениях со следами гробовищ, западной ориентации погребенных, положенных на спину, бедности

инвентаря. Но и здесь необходимы уточнения. Для основной салтовской территории характерны катакомбные погребения, с довольно богатым инвентарем, в частности оружием и снаряжением боевого коня. Нередко умершего хоронили, видимо, с насильственно умерщвленной рабыней (или, как в описании Ибн-Фадлана, добровольно последовавшей за господином одной из его жен или наложниц). В ямных погребениях оружия нет, а сбруя боевого коня встречается редко. Два разных типа погребений в рамках салтовской культуры, очевидно, свидетельствуют о смешанном характере ее населения. На Таврику как будто распространяется только второй вариант. Однако и за этим вариантом просматриваются местные традиции. Так, в Таврике распространен тип могил, выложенных и перекрытых каменными плитами, т.е. тип, «еще античный по происхождению». Ближайшие аналогии ему находятся на северчерноморском побережье Кавказа, в Черкесии, а также на Каменском могильнике на Северском Донце, где, однако, иная ориентировка (южная). Второму погребению салтовской культуры сопутствует преимущественно брахикранный антропологический тип. Д.Л. Талис обоснованно считает важным, что «грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет также антропологический тип погребенных, почти исключительно брахикранный». Брахикрания в данном случае указывает на родство с потомками сарматского (славяноязычного, – П.Д.) населения или болгарами, или теми и другими вместе. Для этого варианта салтовских погребений характерна незначительная монголоидная примесь, которой практически нет в первом (долихокранным) варианте. Но и при сохранении брахикрании монголоидная примесь в крымских погребениях практически не отражается. По-видимому, еще более существенно то, что Брахикрания характерна для населения Западного Крыма. Антропологический же состав населения Восточного Крыма иной. «Сопоставление с краниологическими материалами из восточной части Крыма (Судак, Планерское и Керчь), – замечает Ю.Д. Беневоленская, к которой отсылает и Талис, – свидетельствует о несомненном различии физического облика населения этих районов». Это различие заключается в том, что «в смешанном населении Восточного Крыма существенное значение имеют длинноголовые варианты», хотя «представлены также и брахикефалы, типичные для западных районов Крыма». В более раннее время, в VI – VII вв., удельный вес долихокранный или мезодолихокранный населения был гораздо значительней и принадлежало оно, видимо, к досарматскому или просто несарматскому населению...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа // Сведения о Руси Причерноморской и салтовской Руси», <http://oldrui.com/nachalo/19.htm>);

«Этнология и история упоминает в качестве самых ранних жителей Восточной Германии, народов сарматского или славянского происхождения, то есть, брахицефальных племен... Птолемей, описывая середину второго столетия нашей эры, называет Балтийское (в то время Сарматское, – П.Д.) море Венедским Заливом, а жителей на его берегах венедями (Venedi или Wenedae). Он пишет о них как об одном из самых больших народов Сарматии (самое древнее название населенной славянами страны, которое было заменено на Славония)... Существует еще одно древнее слово, которое использовали англосаксы для обозначения чёрного или коричнево-черного – это «swært». От этого слова могли происходить личные имена Suart и Sueart, которые первоначально могли означать людей

темно-коричневого или смуглого цвета лица. Подобные имена встречаются в записях Книги страшного суда Букингемшира и Лмнкольншира. Они могут быть скандинавского происхождения, так как прозвища Svarti обнаруживается в Северных сагах. Король Норвегии, который умер в 863 году, носил имя Хальфде (Halfden) Черный. Так называемые смуглые жители англо-саксонского периода, вероятно, включали в себя венедов, иммигрантов или потомков людей того же народа, что и предки сорбов (сербов) из Lausatia (Лужица) на границе Саксонии и Пруссии в наши дни. Часть смуглых вендов вполне могла находиться среди смуглых викингов, упомянутых как в ирландских анналах, так и уэльских анналах, и могли быть связана с людьми, которые оставили англо-саксонское имя *Blacmagne-berghe*, встречающееся в одной из хартий, *Blachemenestone* на побережье Кента, и *Blachemanstone* на побережье Дорсета.... Вторжение на Британские острова викингов (брахикранных подобно гуннам фризам и англам, – П.Д.) смуглого или темного цвета лица основывается на исторических доказательствах, которые слишком обстоятельные, чтобы в них сомневаться. В ирландских анналах Черные викинги назывались *Dubh-Ghenti*, или Черные Язычники... (валл. «таугт» – великан тогда как греч. «μαυρός» – «тёмный, чёрный», – П.Д.)...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Для ответа на вопрос о влиянии норманнов на антропологический облик населения Киевской Руси мы располагаем краниологическими данными из Шестовицкого могильника (Зшевич, 1962) и Киевского некрополя (Алексеева, 1969). Череп из Шестовицкого могильника Г.П. Зиневич относит к славянским, однако археологический комплекс дает основание предполагать их германскую принадлежность (Кольчатов, 1971). Краниологическая серия из Шестовиц недостаточно репрезентативна (всего 20 черепов), но все же антропологические ее особенности указывают на связь с норманнами (потомками славяноязычных донских аланов, – П.Д.): относительная низкоголовость и высокоорбитность выражены очень сильно. По другим пропорциям лицевого отдела серия сближается со славянами. Здесь явно наблюдается смешение германских и славянских черт...» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/08.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>);

«Антрополог Ж. Микич показал, что автохтоны на балканской территории были настолько многочисленны в сравнении с пришельцами (как многочисленными брахикранными славянами, так и немногочисленными славянизировавшимися долихокранными блондинами – потомками финноязычных скифов, – П.Д.), что и после переселений с севера здесь преобладал автохтонный брахикранный тип... Очень легко могу представить, что ратники «гото-склавины» принесли со своими мужскими хромосомами уже и прежде присутствовавшие гаплогруппы **I1b*** и **R1a...**» (И. Мужич, «*Sklavi(ni)* – Σκλαβηνοι и формирование хорватского народа на Балканах», <https://cyberleninka.ru/article/n/sklavi-ni-i-formirovanie-horvatskogo-naroda-na-balkanah>; <https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Studia%20Slavica%20et%20Balcanica%20Petro>

[politana%202008-2\(4\).pdf](#));

«Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос; с другой же стороны, необходимо признать, что современное соматологическое строение славян очень сложно, и свидетельствует лишь об общем преобладании темного и брахицефального типа, происхождение которого объяснить трудно. Нельзя считать, что это преобладание было predetermined средой, его также нельзя удовлетворительно объяснить более поздним скрещиванием» (Любор Нидерле, «Славянские древности», Гл. I «Происхождение славян», http://historylib.org/historybooks/Lyubor--Niderle_Slavyanskie-drevnosti/1; http://www.rodnovery.ru/attachments/article/414/Niderle_slavyanskie_drevnosti.pdf);

«...с известным основанием можно говорить о пяти антропологических типах, которые представлены в составе славян и которые отличаются заметной морфологической спецификой. Они образуют компактные ареалы. Это – типы: беломоро-балтийский (название предложено Н.Н. Чебоксаровым), восточноевропейский (И.Е. Деникер), днепро-карпатский и понтийский (В.В. Бунак) и динарский (И.Е. Деникер). Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на несколько меньшего таксономического ранга антропологических типов... В днепро-карпатскую группу популяций можно включить украинцев, прикарпатские этнографические группы, словаков, частично чехов. Это довольно темнопигментированное, брахицефальное население, характеризующееся относительно широким лицом. Краниологические аналогии ему мы находим в населении, оставившем средневековые славянские могильники в Словакии и Бранештский могильник в Молдавии (Сводка данных по западным и южным славянам, см. [Алексеева, 1973; Великанова, 1975]). Темнопигментированные и довольно массивные брахицефалы, входящие в днепро-карпатскую группу популяций, в морфологическом отношении весьма сходны с представителями альпийского типа (по У. Рипли) – населением Австрии (потомки гревтунгов = хорутан, – П.Д), Швейцарии (потомки свебов и аланов-торков, – П.Д) и, частично, Северной Италии (потомки ломбардов / лангобардов, – П.Д). Возможно, днепро-карпатская группа популяций представляет собой северо-восточный вариант этой локальной расы... Краткий обзор антропологического состава славянских народов показывает, что антропологически современные славяне не отличаются единством, более того, они представляют разные ветви европеоидной расы (кроме брахикранных потомственных славян в состав современных славян включают и этнически вовсе не родственные им всего лишь славянофонные мезо- и долихокранные народы, – П.Д.)» (Татьяна Алексеева, «Этногенез и этническая история восточных славян по данным антропологии», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksееvoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/43);

«По антропологическим данным акад. Т.И. Алексеевой, славяне очень неоднородны по краниометрическим и другим морфологическим признакам. По ее мнению, среди славянских народов существует пять антропологических типов, образующих компактные

ареалы. Беломоро-Балтийский тип (термин Н.Н. Чебоксарова) представляют беларусы, поляки и северные группы русских. Восточноевропейский тип (назван И.Е. Деникером) – это остальные территориальные группы русских, часть беларусов. В Днепро-Карпатский тип славян (В.В. Бунак) включают украинцев, словаков, часть чехов, прикарпатские этнические группы. По нашей дендрограмме, в один субкластер входят украинцы и чехи, рядом находятся ветви венгров и молдаван (потомков славяноязычных вестготов тервингов = червян и уличей, – П.Д.)» (Ариадна Назарова, «Генетика и антропология народов Кавказа, и проблема происхождения Европеоидов», <http://srn.su/?p=1083>);

«Т. Алексеева, также присоединяя полоцких кривичей к длинноголовому достаточно широколицему типу, утверждала: «...долихокрания в сочетании с относительной широколицестостью характеризует балтоязычное население средневековья, и, вероятно, генетически этот комплекс не связан со славянами. Территориальное размещение (северная часть зоны расселения славян) также свидетельствует против славянской его принадлежности». В своих последних публикациях Т. Алексеева уже допускает, что носители первых славянских (на самом деле балтских, – П.Д.) культур – пражско-корчакской и пеньковской, вероятно, тоже относились к длинноголовому широколицему типу. Однако наличие на значительной территории этих культур балтской гидронимии и размещение этого типа именно в северной части праславянского пространства, прилегающего к ареалу летто-литовских племен, свидетельствует скорее в пользу более раннего вывода исследовательницы (см. цитату) и позволяет ставить вопрос о выделении балтского антропологического субстрата (и, очевидно, антропологического суперстрата славяноязычных античных германцев, – П.Д.) у носителей первых праславянских археологических культур» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=51>);

«Увеличение ширины лица в славянских группах связывается с зоной Висленско-Днепровского междуречья. Наибольший скуловой диаметр обнаруживается здесь у полоцких кривичей, дреговичей, древлян, тиверцев, киевских полян, мазовшан. Среди соседних неславяноязычных племен только у латгалов лицо широкое (кстати, по сравнению со всеми анализируемыми европейскими группами, отличающимися наибольшими величинами). Увеличение ширины лица в славянских группах наблюдается еще в Моравии, Словакии и среди лужичан... Увеличение массивности лицевого скелета в славянских племенах отмечается на территории Днепро-Висленского междуречья, в ближайшем соседстве с которыми находятся некоторые широколицые и высоколицые группы Прибалтики. Второй очаг относительной массивности лицевого скелета у славян – Моравия, Словакия и Хорватия. Среди соседних неславяноязычных групп ближайшие аналоги обнаруживаются в южногерманских и швейцарских погребениях, а также в галло-римских могильниках эпохи раннего средневековья. ...сопоставление славян (потомков античных славяноязычных германцев и сарматов, – П.Д.) и (средневековых, – П.Д.) германцев, например, по высоте орбиты, ширине носа и высоте лица, по высоте, продольному и поперечному диаметру

череп, показывает у большинства славянских групп (как и у других потомков славяноязычных античных германцев и сарматов – ныне брахикранных и чёрноволосях англичан, норманнов Франции, валлонов Бельгии, швейцарцев, австрийцев, швабов, ломбардов, датчан и западных шведов, – П.Д.) уменьшение абсолютных размеров черепа, высоты и ширины лица, высоты орбиты и увеличение ширины носа... В соотношении с долихокранией широколицесть проявляется в западнославянском населении у вислян и мазовшан, у поморян и полабских лужичан, в восточнославянском – у (северных, – П.Д.) волянян, полоцких, смоленских и тверских кривичей, радимичей и дреговичей. Это, возможно, тот антропологический компонент, который отмечается во всех восточнославянских группах верховьев Днепра, Волги и Оки и удельный вес которого убывает по направлению к восточной зоне обитания славян (см. гл. II). Долихокrania в сочетании с относительной широколицестью характеризует балтоязычное население средневековья, и, по-видимому, генетически этот комплекс не связан со славянами. Территориальная приуроченность (северная часть зоны расселения славян) также свидетельствует против славянской его принадлежности. Таким образом, собственно со славянами следует связать мезокефалию в сочетании с относительно широким лицом, т.е. комплекс признаков, распространенный южнее локализации долихокефального варианта (то есть в горных и гористых регионах Западной Европы и в Украине, – П.Д.)» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/05.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>);

«Особенности кривичей-полочан археологически связаны с культурой ранних длинных курганов Полотчины и атокинским вариантом банцеровской культуры, а этнически – прежде всего с балтским субстратом, и позволяют трактовать сообщение летописи («от них же кривичи») о Полотчине в том плане, что это была базовая территория распространения кривичского этноса. В последнее время, ввиду отсутствия серьезных различий и границ между памятниками типа Банцеровщина – Тушемля и длинными курганами, все отчетливее высказывается мысль о близости или тождестве этих культур. Вещевой комплекс как псковских, так и смоленских длинных курганов, материалы языковедения и антропологии (балтский слой в гидронимии Псковщины, антропологическое единство кривичей и латгалов) дают основания идентифицировать население, оставившее их, с балтами (балтизировавшимися потомками финноязычных долихокранных скифов, – П.Д.). Также весьма показательны наличие гидронимической «оси», соединяющей Латвию с северным Подмосковьем. Достаточно правдоподобно она связывается с «кривичским» течением как этноязычным элементом, который с течением времени «дебалтизировался». Это обстоятельство позволяет отказаться от противопоставления в этническом смысле определений «кривичский» и «балтский», ибо априорная славянскость кривичей просто исчезает, а их славянское слагаемое (безразлично, откуда оно могло происходить) оказывается фикцией...» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=50>);

«Данные, касающиеся широкоголовой славянской расы, связывают их с широкоголовой древней альпийской расой Центрально Европы смуглого типа (то есть расой потомков славяноязычных античных германцев, – П.Д.). Наиболее распространенная среди антропологов теория относительно физического родства славян состоит в том, что они всегда были, как и большинство их сегодня, того же происхождения, что и широкоголовая альпийская раса. Этот древний (пришедший на рубеже эр из высокогорных долин и котловин Северного Китая, – П.Д.) народ иногда называют кельтами, но, возможно, более точным (на самом деле весьма ошибочно, – П.Д.) будет сказать, что это очень древний род, от которого отпочковалась древняя кельтическая раса Британии бронзового века. Это любопытное обстоятельство предстает перед нами при рассмотрении англо-саксонского заселения Англии. Если смуглый вид жителей любой части Англии сегодня связан с сохранением расового вида кельтов Британии бронзового века, и если этот же вид был частично связан с представителями смуглого и широкоголового вида, поселившегося как эмигранты среди светловолосых и длинноголовых тевтонов в других местностях Англии, то этот расовый тип в обоих случаях может быть прослежен от одного и того же отдаленного источника (брахикранного и тёмно-краснокожего праиндоевропейского населения высокогорий Северной Индии и Центральной Азии, – П.Д.)...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Мезокранные, широколицые формы локализуются в Подунавье и граничат с мезокранными более узколицими формами Балканского полуострова. Поскольку мезокrania (постепенно переходящая в брахикранию, – П.Д.) и относительная широколицесть в средние века проявляются только у славян (лужичане, некоторые группы словаков и мораван, древляне, тиверцы и уличи), назовем эту комбинацию собственно славянской, хотя бы в отношении этой конкретной эпохи. Таким образом, известная общность антропологического состава славян в эпоху средневековья дает возможность органичить зону формирования этого этноса, проявление же черт связывающих славян как с балтийскими, так и придунайскими группами свидетельствует о том, что эта зона была ареной взаимодействия населения, относящегося к разным ветвям европеоидной расы... Что касается рассмотрения племен линейноленточной и трипольской культур в качестве предполагаемого предка славян, то в свете имеющихся данных на этот вопрос следует ответить отрицательно. Тем не менее в формировании южных славян (в частности, болгар) вполне вероятно участие через фракийцев узколицих форм, свойственных поздненеолитическому населению культуры Боян, оказавшей влияние на развитие трипольской культуры (Пассек, 1958)» (Татьяна Алексева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/08.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>);

«Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос; с другой же стороны, необходимо признать, что

современное соматологическое строение славян очень сложно и свидетельствует лишь об общем преобладании темного и брахицефального типа, происхождение которого объяснить трудно. Нельзя считать, что это преобладание было predetermined средой, его также нельзя удовлетворительно объяснить более поздним скрещиванием...» (Любор Нидерле, «Славянские древности», http://historylib.org/historybooks/Lyubor--Niderle_Slavyanskie-drevnosti/34; http://www.rodnovery.ru/attachments/article/414/Niderle_slavyanskie_drevnosti.pdf);

«Гориды (англ. Gorids) – антропологический тип европеоидной расы, выделенный шведским антропологом Бертилем Лундманом. В его классификации это восточная ветвь альпийской расы. От западной разновидности альпийской расы отличается более широким разрезом глаз и более резкими чертами лица. Наибольшее распространение этот тип имеет среди украинцев и юго-восточных поляков» («Гориды», <http://www.socionic.ru/index.php/2011-11-12-17-53-40/19917-2011-11-12-19-41-07>);

«По форме головы поляки относятся к брахицефалам, причем галицкие поляки, по видимому, более короткоголовые, чем привислянские, у которых брахицефалы и суббрахицефалы составляют только около 58% (в Галиции – около 80%)» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Поляки», http://gatchina3000.ru/big/081/81496_brockhaus-efron.htm);

«По отношению к южным и западным славянам – сербам, хорватам, словенцам, чехам – известно, что они отличаются высокорослостью, преобладанием темной комплекции (темных волос и глаз) и резко выраженной брахицефалией (показатель ширины головы 86–83); в этих признаках, особенно в высокорослости и широкоголовости, зап. и южн. С. сходны с своими соседями, немцами Тироля, Швейцарии и Баварии, которых иные антропологи относят к «альпийской» или «динарской» расе. Тип этот идет и далее на восток; современные болгары (по исследованиям Бассановича) также отличаются крайней брахицефалией (index 85) и преобладанием темной комплекции при росте выше среднего» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Славяне, антропологический тип», <http://www.bibliotekar.ru/bes/216.htm>);

«Головной указатель 80 отмечен у русских Приокской области, Беломорской зоны, у украинцев крайнего северо-западного угла Черниговщины (Репкинский р-н) и Хотинщины. Величина указателя 81–82 характерна для многих русских групп, для украинцев Нижнеднепровской зоны, ряда районов Беларуси, Северной Польши, Северо-Восточной Болгарии, сербской Краины. Величины 83–84 типичны для населения большей части Украины, Верхней Волги, отчасти Поветлужья, многих районов Чехословакии, Средней и Южной Польши, Северо-Западной Болгарии, частично Югославии (например, Южной Сербии). Наконец, брахицефалия (85) выражена у населения Южной Польши, ряда районов Чехословакии, Украинских Карпат, Хорватии и особенно Черногории, Сербии, Боснии и Герцеговины, где фиксируется еще более высокий указатель (с максимумом 88 и 89 в Черногории)» (В.Д. Дяченко, «Антропологический состав современных славянских

народов», <http://haidamaka.org.ua/0192.html>).

Ввиду высокорослости многих украинцев их можно отнести не только к альпийскому, но и к динарскому антропологическому типу (прутский и нижнеднепровский антропологические типы):

«Согласно взглядам Федора Вовка и его учеников и последователей, для украинского антропологического типа свойственны следующие признаки: высокий рост, длинные ноги, широкие плечи, смуглый цвет лица, темные вьющиеся волосы, круглая голова, продолговатое лицо с высоким и широким лбом, темные глаза, прямой нос, очень развитая вытянутая нижняя часть лица, небольшой рот и малые уши. По Федору Вовку украинское население состоит если не в большинстве, то в очень значительной доле из высокорослых. Обычный рост украинца составляет 1670–1673 мм. Особенно высокий рост имеют кубанские казаки (1701 мм), потомки поселенных здесь в XVIII в. запорожских казаков. Не менее высокий рост имеют гуцулы (1690 мм), а также украинцы южного Подолья, Херсонщины и в частности Катеринославщины, где, как записывает Федор Вовк, рост украинцев превышает даже рост гуцулов. При общем повышении роста украинского населения на Подолье, Киевщине, Полтавщине рост украинской людности, в свою очередь, снижается у бойков, лемков, на Волыни, в северной Черниговщине, на Харьковщине и Воронежщине. Снижение роста на этой территории Ф. Вовк объясняет тем, что «в этих местностях украинское население перемешалось с литовскими, польскими и великорусскими племенами» (учебник Ф. Вовка, с. 16-19)» (Виктор Петров, «Происхождение украинского народа // Антропологические (расовые) особенности украинцев», [http://www.ahmerov.com/book_1196_chapter_8_ANTROPOLOGCHN_\(RASOV\)_OSOBLIVOS_T_UKRANSKOGO_NARODU.html](http://www.ahmerov.com/book_1196_chapter_8_ANTROPOLOGCHN_(RASOV)_OSOBLIVOS_T_UKRANSKOGO_NARODU.html), http://www.ahmerov.com/book_1196.html);

«Днепровский (восточно-альпийский) тип является базовым украинским расовым типом, особенно для центрально-украинской части, связанной с общерусским проектом. «Вторая каноническая переменная отражает разделение русского населения также на две общности, но ориентированные с запада на восток. На западе и юго-западе распространён вариант, для которого типичны сочетание крупной головы, брахикефализации и широкого лица при высоком и широком носе. Эти признаки связывают западных великороссов (очевидно, потомков черкасов и мигрантов из западной Украины – П.Д.) с днепровским типом, характерным для украинцев». Приднепровский тип получил двойную брахикефализацию: от альпийского типа и от балтийского, поэтому его носителям свойственно широкое, нередко круглое лицо. Удельный вес носителей днепровского типа среди русских в широком смысле можно сопоставить с удельным весом лиц украинского или юго-западного происхождения в различных русских общностях. По различным данным их среди русских около 15-20 %, это прежде всего современные смешанные русские популяции крупных городов и приблизительная доля смешанных русско-украинских браков среди двух народов в целом, и соотношение общего числа русских и тех украинцев, которые включены в русский (точнее, российский, – П.Д.) проект. К этому типу помимо украинцев относятся также и большое число великороссов, не входящих в состав украинской народности, из

пограничной зоны или лиц, имевших предков, так или иначе связанных с днепровским ареалом. К российской пограничной зоне, где заметно влияние остальпийского типа, относятся юг Брянской, Орловской, Курской, Воронежской областей, в особенности Белгородская область. Его влияние прослеживается и на население запада Кубани, формировавшееся из малороссийских казаков. «Поднепровский комплекс характеризуется несколько выше среднего длиной тела, брахицефалией, относительно тёмной пигментацией волос и глаз, в общем, средним развитием бороды и несколько ниже среднего ростом волос на груди, довольно широким и невысоким лицом со средней горизонтальной профилировкой. Процент вогнутых спинок носа от 10% до 25%, процент выпуклых спинок несколько меньше, кончик носа горизонтальный или приподнятый». Украинцы или великороссы, относящиеся к приднепровскому типу, могут иметь довольно светлую окраску волос и кожи. На севере Украины и юге РФ и Беларуси днепровский тип смыкается с балтийским. Там же встречаются индивиды с восточно-нордической примесью. Украинец – уроженец севера Киевской или Житомирской областей в антропологическом плане может быть не отличим от западных великороссов и беларусов, имея минимальную примесь альпийской расы. «Судя по антропологическим характеристикам, украинцы входят в днепро-карпатскую группу популяций. Сюда же включаются прикарпатские этнографические группы, словаки и частично чехи, сербы и хорваты, южные, центральные и восточные венгры. Это – довольно высокорослое, тёмнопигментированное, брахицефальное население, характеризующееся относительно широким лицом. Краниологические аналогии ему находим в населении, оставившем средневековые славянские могильники в Словакии и Бранештский могильник в Молдове (сводку данных по восточным, западным и южным славянам эпохи средневековья см.: Алексеева; Великанова). Темнопигментированные и довольно массивные брахицефалы, входящие в днепро-карпатскую группу популяций, в морфологическом отношении весьма сходны с представителями альпийского типа (У. Рипли) – населением Австрии, Швейцарии (германизовавшимися потомками славяноязычных остготов гревтунгов / грутуннов = хорутан, – П.Д.) и частично Северной Италии (латинизовавшимися потомками славяноязычных винулов = ломбардов / лангобардов, – П.Д.). Возможно, днепро-карпатская группа популяций представляет собой северо-восточный вариант этой локальной расы». Принадлежность к альпийской расе роднит украинцев (и связанную с ними группу русских) с большой группой малых европейских народов, живущих в горной зоне по центру континента, а также со специфическими альпийскими подгруппами крупных европейских наций: немцами, французами, итальянцами, которые занимают особое место в этих нациях с точки зрения физического облика. Особость состоит в том, что они занимают как бы антропологическую периферию в европейской части этих наций. Оно не входило в активное этнообразующее ядро. Во Франции это население Центрального массива, которое освоило литературный французский язык сравнительно недавно (потомки славяноязычных аланов-торков, бургундов и других славяноязычных античных германцев, – П.Д.). Происхождение днепровского типа связано с дулебской (в античности с тунгской и *славской / свавской / свебской, – П.Д.) группой племён (дулебы, древяне, поляне, волыняне, бужане), населявших в раннем средневековье правобережье Украины. Ранее эти племена переселились из региона Карпат и из зоны к

северу от Карпат, где обитали непосредственно представители альпийской расы. Со стороны территории нынешней Беларуси и Польши они соприкасались с более северной ветвью славянства – носителями балтийского и восточноевропейского типа. Их смешение и создало днепровский тип. Это собственно представители украинского антропологического типа в наиболее чистом нынешнем виде, если мы исключим из рассмотрения его южную, западную и северо-восточную части. Соприкосновение с балтийским и восточноевропейским типом продолжалось и в последующие века на более восточных территориях, что роднит в антропологическом отношении украинцев с русскими и беларусами. Роднит, но даёт всё же другой тип. Следует также отметить, что в эпоху Киевской Руси дулебские племена не распространялись на левобережье Днепра, где жило население с другим антропологическим типом, в котором преобладали восточноевропейские и, возможно, понтийские черты: северяне, радимичи, донские славяне. И сегодня север Киевской и Черниговской, Сумской областей сохраняет остатки потомков этих типов. Сходный тип представляет и население Волыни, родственной восточноевропейскому. Именно эти племена восточноевропейского расового типа, но с участием полян (славяноязычных аланов-русов Подонья, готов-русов Причерноморья, черных клобуков – торков = таркасов / черкасов, боранов = барангуров / берендеев = варангов / варягов, каваров = ковуев и других славяноязычных карахазар и караболгар, – П.Д.) стали основой Киевской Руси и власти Рюриковичей, её наиболее динамичной и воинственной частью. В опоре на население левобережья Днепра дулебские племена (прежде всего древляне) были покорены и включены в состав данников киевской княжеской династии Рюриковичей. Но при этом население правобережья Днепра сохранило свою культуру и свой расовый тип, который позднее стал ассоциироваться с украинцами. Киев же был промежуточным центром со смешанным населением из соседних племенных групп. Во время монголо-татарского нашествия Левобережье опустело: население погибло или разбежалось на север и запад. Но в целом сохранилось в Полесье. С XV века Левобережье было заселено носителями восточноальпийского типа, где они смешались с остатками домонгольского славянского населения северян («севруки») и мигрантами с севера (либо балтийцами, либо восточноевропейцами). Таким образом, восточнукраинские (долихокранные, – П.Д.) малороссы, а также (мезокефальные, – П.Д.) волыняне и жители киевского и черниговского полесья оказались наиболее близкими в антропологическом отношении к великороссам, хотя и связанными с (более многочисленным брахикранным, – П.Д.), днепровским типом. Именно благодаря послемонгольскому заселению опустевшего Левобережья и юга Правобережья Днепра, днепровский тип сложился окончательно и занял центральное положение на территории нынешней Украины и расселился на территории некоторых юго-западных областей нынешней РФ. Кое-где в смешении участвовали тюркские группы (потомки половцев рязанские и донские казаки, – П.Д.), осевшие на окраинах славянского ареала, а также представители антских групп: уличи, тиверцы – носители понтийского дунайского типа, что придало южное своеобразие многим популяциям днепровского типа, ныне рассматриваемым как «украинец-южанин»...» (С.Д. Баранов, Д.В. Конов, «Русская нация. Современный портрет // Днепровский тип. Антропологические различия русских и украинцев», <http://www.rummuseum.info/node/4924>);

«Все приведенные системы морфофизиологических признаков свидетельствуют о том, что украинцы относятся к типичным представителям большой европеоидной расы. Занимая промежуточное положение между северными и южными европеоидами, они в большей степени тяготеют к последним. Согласно данным соматологии, современной украинской людности вообще свойственны относительно высокий рост, брахицефалия, довольно темный цвет глаз и волос, средняя ширина лица, прямая форма носа, среднее развитие третичного волосяного покрова. Отклонение от этого комплекса признаков наблюдаются в полесской зоне, в Карпатах, Буковине, Нижнем Приднепровье, что позволяет выделить здесь локальные антропологические варианты. Определенные региональные различия зафиксированы и по итогам одонтологических, дерматоглифических и гематологических исследований. Одновременно можно констатировать, что украинцы более однородны в антропологическом плане, чем, скажем, итальянцы или французы. Физические особенности современного населения Украины сформировались на основе морфологических черт летописных славянских племен, обитавших на ее территории в эпоху средневековья: полян, древлян, тиверцев, уличей, северян и, очевидно, белых хорватов, которые в свою очередь унаследовали черты своих предшественников» (Сергей Сегада, «Антропологический состав украинского народа», <http://litopys.org.ua/segeda/se03.htm>);

«...частота **R1a** выявляет сходство украинцев с восточно- и западнославянским населением. Наличие у украинцев гаплогрупп **N3** и **IIa** указывает на генетическое сходство с более северными народами, но частоты этих гаплогрупп у украинцев небольшие (менее 10%). Гаплогруппы **IIb** и **E3b1** выявляют сходство украинцев и балканских популяций. При переходе от отдельных гаплогрупп к обобщенному анализу выявляется относительная генетическая близость всех изученных украинских популяций по маркерам **NR1**, которая особенно четко проявляется на фоне их отличия от других народов Европы. ...по маркерам **NR1** генофонд украинцев составляет часть четко очерченного массива генетически близких популяций, охватывающего западно- и восточнославянские народы (за исключением северных русских и западных чехов). Внутри этого массива, наиболее выражена генетическая близость украинского населения с беларусами, юго-западными русскими и восточными поляками... На фоне генетически однородной по **мтДНК** Европы, украинцы проявляют наибольшее сходство с юго-западными русскими (потомками черкасов и карпатских мигрантов, – П.Д.), поляками, венграми, юго-восточными литовцами. Кроме того, по **мтДНК** ярко проявляется сходство с широчайшим кругом славяно-, балто-, германоязычных народов Европы, в меньшей степени – с финно- и романоязычными народами» (Андрей Пшеничников, автореф. дис. «Структура генофонда украинцев по данным о полиморфизме митохондриальной ДНК и Y хромосомы», <http://branibor.blogspot.com/2013/02/y.html>).

Однако же потомками брахикранных сарматов, да-юэчжи / согдов и алан (серов = сяньби / сербов, чи-ди, жун-ди, гревтунгов / грутуннов = хорутан, тервингов = червян / сербов, гаутов / гётов, оногуров, ультизуров, утигуров, кутригуров, вэньоуто = венендеров, яньцай / антов и др.) являются не только брахикранные славяне, но и некоторые другие

брахикранные и мезобрахикранные (мезокранные) индоевропейцы, а также и многие народы Поволжья, сменившие индоевропейские говоры своих предков на иные:

«Отмечается также открытие большого количества черепов в Бремене того же англосаксонского периода. Средние по длине (мезобрахикранные, – П.Д.) черепа называются батавскими (Batavian) или фризскими. Беда, обобщая материалы этих древних черепов, в связи с информацией, которую они проливают на расовый характер древних англичан, писал, что фризские или так называемые Batavian (Батавские) черепа имеют характеристики, которые похожи на черепа англосаксов. «Типичный англичанин, – писал Беда, – относился к батавскому (Batavian) типу». Мнение столь безупречного антрополога является ценным свидетельством в пользу вывода, что, должно быть, существовала очень значительная примесь фризов (потомков славяноязычных брахикранных вельтов / вилькинов = вильцев / лютичей, – П.Д.) в древнеанглийской расе» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англосаксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Все рассмотренные материалы по краниологии Боспора, Волжской Болгарии и Золотой Орды показали формообразующую роль мезоморфного брахикранный европеоидного компонента в этногенезе тюркоязычных народов Поволжья, начиная с сарматского времени. Выявление генезиса этого компонента выводит нас за рамки настоящей работы, однако надо иметь в виду, что одним из слагающих элементов тюркского этноса, формировавшегося еще в Центральной Азии в среде смешанного населения, был брахикранный европеоидный комплекс, имеющий много общего с сарматским населением Саратовского Заволжья» (М.М. Герасимова, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский, «Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы», <http://imr.kharkov.ua/antropologiya/194-summiruem.html>).

Цвет же кожи был тёмно-красным не только у ютов, эвтионов (Euthiones), гаутов, оногуров, англов, фризов = хросов / русов, средневековых потомственных славян и у их предков античных германцев и сарматов (серов, чи-ди), аланов-торков, кушан (да-юэжжи / *утиев – утигуров) и других европеоидных гуннов (потомков балто- и славяноязычных жунов и кангюйцев), но также и у брахикранных прусов (потомков светло-русых и краснокожих усуней), являвшихся знатными родами балтов.

6.2 Метисные потомки индоевропейцев

Брахикрания, как и тёмно-краснокожесть, праиндоевропейцев, проживавших в высокогорных долинах Центральной и Южной Азии, является твёрдо установленным фактом:

«Тейлор убедительно доказал, что индоевропейцы были брахицефалами, а более поздние исследования, о которых я уже упоминал, только усиливают его выводы. Они, если быть кратким, сводятся к следующему. Европейские брахицефалы разделились на две части: низкорослые и темные с одной стороны, высокие и светловолосые (как темноволосые потомки славяноязычных античных германцев и сарматов, так и светловолосые метисные

потомки балтоязычных савроматов и финноязычных скифов, – П.Д.) – с другой. Обе эти ветви были азиатского происхождения. Первая из них включала в себя предков финнов (точнее финнизированных скифами лопарей / саамов, – П.Д.) и басков, а вторая, которая обосновалась в северной части Центральной Европы, превратилась в индоевропейцев (на самом деле была с глубокой древности индоевропейцами – П.Д.). С другой стороны, длинноголовые жители севера не были изначально индоевропейцами, а стали ими только посредством контактов с брахицефалами. ...большинство антропологов теперь предпочитают считать, что высокие светловолосые брахицефалы, жители берегов Вислы и строители круглых курганов, которые вторглись в Британию, появились в результате смешения между жителями Севера и более темными брахицефалами» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Теория о североευропейской колыбели индоевропейцев», http://historylib.org/historybooks/Gordon-CHayld_Ariytsy--Osnovатели-evropeyskoy-tsivilizatsii/9).

Очевидно, метисными потомками родственных юэчжийцам брахикранных гяньгуней (возможно, потомков бай-ди) и смешавшихся с ними европеоидов динлинов и монголоидов тунгусов были не только балтоязычные брахи- и мезокранные усуньские племена, а также и угро-самодийские как уралоидные долихокранные, так и туранидные брахикранные племена, но даже и большинство эфталитских и киргизских племен:

«...внешний вид выделял их среди всех народов Востока. По описанию соседей они отличались светлыми, часто рыжими волосами, глазами небесно-голубого цвета и настолько бледной кожей, что от южного солнца она казалась красноватой. За свою блондинистость они и получили прозвище «белые гунны». Хотя сейчас это имя никому ничего не говорит, некогда почти вся Азия содрогалась при его упоминании. Как писал один персидский историк того времени: «Даже в мирное время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем, не то что идти на него войной открыто... ..они, кроме того, отличались уникальными брачными обычаями, поскольку практиковали не многоженство, как иные восточные племена, а многомужество и, по свидетельству древних историков, братья имели одну жену» (Игорь Коломийцев, «Тайны Великой Скифии // Странные «белые гунны», http://www.admw.ru/books/Igor-Kolomiytsev_Tayny-Velikoy-Skifi/29);

«...очень удобно объяснить название «белые унны» сопоставлением загадочных эфталитов с народом юечжи, кочевыми арийцами, но это встречает непреодолимое препятствие в свидетельстве Бэйши, где наряду с Йеда-эфталитами упомянуты сами Да-юечжи – индоскифы (сарматы, – П.Д.). К тому же, местное население называлось тохары, и источник отнюдь не отождествляет их с эфталитами – йеда, идань. При этом китайский автор Суй-шу выводит лишь царствующую династию эфталитов от юечжей, а отнюдь не весь народ...» (Лев Гумилёв, «Эфталиты и их соседи в IV в.», <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article30.htm>);

«Наконец бай-ди, т.е. белые ди. До 636 г. до н.э. они жили в Хэси вместе с красными

ди, но в указанный год были выгнаны китайским князем Вын Гуном. О чи-ди (красных ди) мы впоследствии много слышим, но куда же девались белые? Они обнаруживаются, как ни странно, на Памире, в Ишкашине и на склонах Гиндукуша, причем здесь они называются «бади», что местными персоязычными жителями осмысляется как «ветренные», от слова ветер. Нужно ли говорить, что это обычная попытка осмысления чужого слова. Столицей их был впоследствии город Бадиян, и к их числу принадлежали эфталиты; видимо, поэтому их называли «белые хунны». Внешний вид бади вполне соответствует предполагаемому типу ди (лишь типу светловолосых потомков брюнетов бай-ди и смешавшихся с ними блондинов динлинов, – П.Д.): светлые волосы, плотное сложение, голубые глаза. Бади и их южные соседи африди напоминают больше кельтов (очевидно, всё же динлинов и протогерманцев – длинноголовых фракийцев и скифов, а вовсе не краснокожих в древности кельтов, являвшихся подобно чи-ди короткоголовыми, темноволосыми и преимущественно темноглазыми а, следовательно, и вовсе не похожими ни на динлинов, ни на эфталитов, – П.Д.), чем своих соседей афганцев и таджиков...» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов», http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26note_13).

Очевидно, бледнолицые метисы эфталиты (йеда / идань) и усунь, возглавляемые знатными родами темно-красных юэчжей (*утиев / асиан), лишь переняли свои этнонимы у предков как кидаритов (къударов – болгар и хазар), так и тохаров, таджиков, согдийцев и хорезмийцев (хуварезмийцы / хварезмийцы = хвалисы – «говорунь, словаки»; др.-киев. «хорутане» – словенцы; вост. «хурусъ» – «русъ, рутены»; польск. «gwaга» – говор, укр. «гвара» – «львовский говор польского языка»; укр. «хвалько» – хвастун; ст.-слав. «грѣтань», словен. «grtánēs» – гортань), то есть у прабалто-славяноязычных юэчжей (согдов), мужчины воинских сословий которых носили на бритых головах пучок волос:

«Ирано- и тюркоязычные народы этот пучок волос называли кекил, какул, индийцы – шикханда, украинцы – оселедец. Данный атрибут демонстрировал принадлежность его обладателя к воинскому сословию. Так, для индийских воинов-кшатриев, наряду с брахманами, принадлежавшими к высшему слою традиционного индийского общества, была характерна данная прическа. Поэтому их называли шикханди – чубатые. По сведениям, разбросанным в различных источниках, схожую прическу носили вождь гуннов Атилл (V век н.э.), русский князь Святослав (X век н.э.), тюркоязычные кочевники кызылбаши (XVI в.н.э.), черкесские и кабардинские уздени (потомки славяноязычных карахазар – торков = таркасов / черкасов и жанинцев, – П.Д.), запорожские казаки, воинская знать у западных славян и мн. др.... Еще одним элементом в наших построениях является славянская лексема, обнаруживающая с рассматриваемым термином (этнонимом «къуыдар», очевидно соответствующим как осетинам кударцам, так и кидаритам, – П.Д.) формальную и семантическую близость. Это: русск. «кудерь, кудря (ед.ч.), кудри (мн.ч.)»; укр. «кудер (ед.ч.), кудри (мн.ч.)»; болг. «къдър» и сербо-хорватск. «кудар, кудра» в значениях «кудрявый»; польск. «kedzior», чешск. «kudrna», словенск. «koder» в значениях «локон, завиток волос» (груз. «kidurs», гуджар. «gātra», ст.-слав., босн., чеш., сербо-хорв. «ud» – конечность; укр. «кут» – угол, «куток, закуток» – «оконечность, удалённый участок чего-

либо»; термин же «коса» является всего лишь производной лексемой от слова «кудря», а вовсе не тождественным ему подобно тому, как: хазары / козары = кудары, кушиты / касситы = кутии = кадим, а Хазармаветх = Хадрамаут, – П.Д.). Если исходить из предлагаемой нами этимологии, то налицо скифо-славянская изоглосса (лексическое схождение, – П.Д.). Исследовавший проблему подобных лексических схождений В.И. Абаев, отмечал: «По количеству и весу, сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифов (на самом деле балто- и славяноязычных сарматов, – П.Д.) с любым другим европейским языком или языковой группой»... Позволим себе также предположить, что слово «кудрявый» в древнерусском было наполнено иной, чем в современном русском языке, семантикой, и обозначало человека с «кудрей» (хохлом, оселедцем и т.д.) на голове» (Руслан Челахсаев, «К вопросу о происхождении этнонима кудар», http://www.darial-online.ru/2011_3/chelahaev.shtml).

В союз племен да-юэчжи (тохаров, кушан, кидаритов), а позже и в союз массагетских племен входили также и племена очень смуглых (темно-красных подобно индийцам, этрускам, древним критянам, древним персам, древним грекам, сарматам, согдийцам, славянам и эритрейцам) долихокраних сакарауков (сакаравлов). К их этнониму, как и к этнонимам «сакалиба», «шакруша / шакалша / шеклал» и «цаккара / секер / текер» (народов моря), «сикулов» (сицилийцев), «сколотов» (скифов), «секели» (трансильванцев), «эсегель» (племена «эскел / аскль / ишкиль» волжских булгар), близка лексика, соответствующая как вообще всем ярким (насыщенным) оттенкам цвета, так и конкретно оттенкам красного цвета: бенг. «śukla» – «яркий, ясный, чистый, древний»; общеиран. корень «suč-» – «блестеть, сиять, гореть»; греч. «σκούρος», итал. «scuro» – темный (темно-красный); кор. «sukure» – «гнедой, каштановый»; нан. «сахарилā» – «темный, смуглый, загорелый»; якут. «саһархай» – «карий (о глазах), русый (о волосах), желтый»; иврит «заһав» – золотой (цвета червонного золота); англ. «scarlet» – «багровый, багряный»; япон. «sekimen» – краснеть, «ака» и *[s]akaïro – красный; тайский «sākura», индонез. «sakura» – вишнёвый (греч. «βυσσινί / vυssiní» – малиновый, темно-красный); а, возможно, и индонез. «cokelat» – «бурый, коричневый» (шоколадный в индонез. языке имеет другое произношение «chocolate»).

Э.А. Грантовский этимологизирует сакарауков с иранского языка как «saka-gavaka» – быстро продвигающиеся саки. Однако же на украинском языке сакаравлы могут этимологизироваться, как постепенно продвигающиеся (укр. «равлик» – улитка, переносящая за собой свое жилье, родственно лат. «gerege» – ползать). Как видим, «охота к перемене места жительства» была присуща не только пеласгам (*буларгам = пулазгам / пеласгам / пеларгам), но и сакаравлам. Полукочевниками (постепенно перемещающимися с места на место) были и многие другие потомки горцев сарматов и, в том числе, и булгары, и другие славяне. Набиев же сакаравлов предлагает этимологизировать как «саки жнецы»:

«...А слово «Labh» имеет производную «LAVAKA» - жнец (Кочергина Т. 1985)» (Рустам Набиев, «Булгар и Северная Европа», <http://www.islamrt.ru/book/bulgar.pdf>; <https://zapdoc.site/bulgar-i-severnaya-evropa.html>).

Однако же не исключено формирование этнонима «sakaravl» подобно этнониму

«сакартвелы». А именно, образование его вполне возможно и от праиндоевропейской основы, от которой образовались англ. «crawl», дат. «kravle» – «ползать, обходить, карабкаться»; хинди «kṛlyubara» и лат. «coluber» – полоз, нем. «krabbelig» – подвижный; русское «карабкаться». Возможно, сакаравлы, как и дальневосточные мукрины (мохэ / мекрин / бекрин – вакарай), мигрировавшие на запад вместе с сянбийцами (горцами из горного массива Сяньби-шань [Серби-шань – Змеиные горы?]; укр. «шановними» – уважаемыми, япон. «sanbi» – «хвалить, хвала»; кор. «san» и кит. «shānmài» – «гора, горы»; кор. «sanmaeg» - «горный хребет»), тоже обладали мастерством карабкаться (взбираться) и ходить (тадж. «хазидан» – ползать) по горам:

«В источнике XIII в., в Восточном Туркестане зафиксированы «мукри». Рашид-ад-дин сообщает о них следующее: «Племя бекрин, их также называют мекрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры» [Рашид-ад-дин, Т. I, 1952]. Эти мекрины были хорошими ходоками по горам – скалолазами [киачи]. [Это войско] составляло одну войсковую тысячу [хазарэ] [Рашид-ад-дин, «Сборник летописей», Т. I. 1952, С. 70, http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/kniga1/rametext3.html]» (Василий Ушницкий, «Исчезнувшее племя меркитов (мекритов): к вопросу их происхождения и истории», <http://tyrk.ucoz.ru/publ/>; http://tyrk.ucoz.ru/publ/ischeznuvshee_plemja_merkitov_mekritov_k_voprosu_ikh_proiskhozheni_ja_i_istorii/1-1-0-11; <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/5853/24-Ушницкий.pdf>).

Метисными тюркизовавшимися потомками славяноязычных турфанцев и других согдийцев очевидно были и уйгуры. К тому же в токуз-огузские и уйгурские союзы племен возможно входили также и славяноязычные кангюйские и согдийские племена, родственные ушедшим ранее на запад славяноязычным кидаритам (болгаро-хазарским племенам кударам = *гударам / гоудари). На это указывают сохранившиеся в восточных тюркских надписях следы этнонима «хазары»:

«В надписи из Могон шине Усу упоминается об учреждении Елетмиш-Бильге-каганом западной ставки под названием «Касар Кордано», а в Тесинской надписи упоминается также западная летняя ставка Кюль-бег-Бильге-кагана «Касар Коруг». Поскольку «Касар» как топоним существовал уже в середине VIII в., то развивая мысль Т. Сенга о том, что Уйгурский антропоним IX в. «Касар-Тегин» и род «Ко-са» взаимосвязаны, надо отметить, что они также должны быть связаны и с западной ставкой уйгурских каганов, известной под названиями «Касар Кордано» и «Касар Коруг». Учитывая это, трудно не согласиться с П. Голденом, что уйгурские имена, производные от *Qasar, скорее предусматривают наличие соответствующей древнеуйгурской лексемы, чем гипотетическую связь с хазарами. Персонаж уйгуро-сирских исторических преданий «Кадыр Касар» может оказаться реальной персоной, связанной с собственно уйгурской историей родов, и с таким же успехом может быть отражением этнонима «хазар», который был сближен с уйгурским «Касар» и на этом основании зачислен в легендарные предки уйгуров. В любом случае, тот факт, что Терхинская и Тесинская надписи, в отличие от надписи с Могон шине Усу, «присваивают» уйгурам и сирам историю и Тюркского каганата, свидетельствует о достаточно широком понимании термина «мой народ», которое вполне можно сравнить с

исторической памятью современных «постсоветских» стран о СССР...» (О.В. Комар, «Хазары и уйгуры (заметки к «телеской» версии происхождения хазар)», 2008, №1, http://oriental-world.org.ua/?article=nad_2008_1_107&lang=ru; <http://worldoforient.wixsite.com/journal/untitled-c1zlp>);

«Первенствовал в империи двенадцатиплеменный союз тюрков, возглавленный династийным племенем ашина. Вторым по политическому значению в империи был племенной союз токуз-огузов, «девяти огузских (племен)». Количественно токуз-огузы были более многочисленны, чем собственно тюркские племена, но политически менее консолидированы; их объединение, возникшее в начале VII в., возглавляли уйгуры...» (Алекс Грин, «История Востока // Второй Тюркский каганат», http://samlib.ru/a/aleks_grin/istorijawostokawostokwsrednieweka.shtml; http://www.world-history.ru/countries_about/1809.html);

«...нет причин отождествлять древнетюркские toquz oʻuz и uɣur, поскольку как в древнетюркских, так и в китайских источниках они представляют собой две племенные группировки, при том, что вторая входила (по крайней мере, какое-то время) в состав первой, будучи одним из её звеньев...» (Владимир Тишин, «К проблеме соотношения племенных названий уйгур и токуз огуз и их отношения к «девяти фамилиям» китайских источников», <http://www.synologia.ru/authors-94>).

6.3 Культ змеи у индоевропейцев

Балты и славяне, как и другие красноликие потомки длинноногих савроматов и сарматов (турец. «şeremet» – «имеющий легкую, быструю походку», – Макс Фасмер) и таких же тёмно-краснокожих античных германцев, тоже ведь были хорошими ходоками и чрезвычайно выносливыми - и даже в случае своей «змеиной» наготы:

«Они (балтоязычные склавы и анты, – П.Д.) многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, при переходе их из одного места на другое, охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалась, последний потерпел какой-либо ущерб, принимавший его раньше начинает войну против виновного, считая долгом чести отомстить за чужеземца. ... сами они, можно сказать, обнаженные...» (Maur. XI. 4; цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 369 - 375; Псевдо-Маврикий, «Стратегикон», XI. 4: 1 - 2, <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met135/node4.html>, <http://rusladoga.ru/strategikon.htm>).

Возможно, именно из-за умения карабкаться по скалам, подобно змеям по камням, многие горцы, и в том числе, конечно же, индоевропейцы, и отождествляли себя со змеями (санскр. «naga» – не только гора, но и змей). Горцами-змеями, возможно, величали канглов, оногуров, анклиев и англов (тохар. «канк» – камень; лат. «anguis», лит. «angis» – змея), а также *иланов = аланов / *паланов = полян (маньчжур. «alín» – «горный хребет», болг. «планина» – гора, укр. «полонина» – «горная местность / поверхность»; «пльвун» – «плавно

/ медленно перемещающийся грунт»; укр. «плазуни» – пресмыкающиеся; осет. «xelun» – ползать; яван. «ula», эвенк. «кулин», татар. «елан», азерб. «ilan», башкир. «йылан», казах. «жылан» – змея; лит. «zaltys», лтш. «zalktis» – уж). Сами же аланы называли себя ясами / асами и хаз-арами / козарами – змеями / ужами (др.-инд. «ahi-», авест. «aži-», греч. «ἔχις», н.-луж. «huž» – «змея, червь»; словен. «каса», англ. «asp» – «гадюка, змея», греч. «ἀσπίς, -ίδος», укр. «гаспид / аспид» – «змий; злой дух, дьявол»; праслав. *Qzъ / *Qžъ – уж, от которого в числе прочего произошли: др.-киев. «оужь», русск. «уж», укр., белар. «вуж», чешск. «užovka», словенск. «užovka», польск. «wąż» [Фасмер]; тадж. «хазидан» – ползать).

Украинские же казаки (козарлюги) сберегли эти навыки своих героических аланских и германских славяноязычных предков:

«Вроде бы немыслим казак без доброго коня, однако история показала, что в беспокойной своей жизни он не просто адаптировался к новым условиям, но и достигал в этом больших успехов. Так, в кубанском казачестве была одна совершенно особенная военно-профессиональная группа. Об этих воинах слагали песни и легенды, враги называли их «урус-шайтан», а свои – пластунами. Зачастую им приходилось часами неподвижно лежать пластом на земле, слившись с окружающей местностью, и вести наблюдение, откуда и пошло название «пластун». Или называли их так за способ передвижения, ведь украинское слово «пластуваты» означает «ползать на животе»? «Пластун» выводится и из древнеславянского «плазати» (ползать), так что эту боевую традицию создали наши предки, древнеславянские воины, умевшие, по словам византийских и древнерусских летописей, «врага руками поясти». Боевым братством пластуны стали в XVI веке в Запорожской Сечи, среди ее 38 куреней был и Пластуновский. Факт этот удивителен: каждый курень называли в честь атамана-основателя (Ивановский, Сергиевский) или по месторождению его казаков (Уманский, Полтавский), и лишь Пластуновский – по роду деятельности запорожцев, его составлявших. Там, на юго-западной окраине Дикого поля, в днепровских камышах и зарослях, они отслеживали передвижения турок, татар, поляков; переползая, сближались с врагом в бою; были острием казачьей пики, главной силой внезапного удара, проводниками в безбрежной степи; в походе – в передовом разведывательном дозоре, на привале ради сна своих братьев – в засаде боевого охранения, во фронтовой цепи первыми «снимали» хвастливо гарцующего вражьего всадника, т. е. во всех видах боевой службы были на острие события» (Артем Денисов, «Волчья пасть и лисий хвост», <http://zema.su/blog/artem-denisov-plastuny-kazachi-podrazdeleniya-antiterrora>).

Змеями величали себя и предки курдов мидийцы (мадайцы) – мары / марды и маги (зенд. «мара», перс. «mâg», пушту «māg», тадж. «мор», эст. «madu», монг. «могой», калм. «моһа» – змея; арм. «moghes» – ящерица; нем. «made», арм. «ord», азерб. «qurd», кар.-балк. «кьурт» – червь; турец. «kurt» – «червь, волк»):

«Оборонительная стена поперек равнины, выше Сиппара, по замыслу должна была защищать Вавилонию от Мидии. Это заградительное сооружение было построено Навуходоносором II (Набукудурриусур II, 605 – 562 гг. до н.э.), зятем мидийского царя Киаксара, мужем Амитиды, ради которой и были созданы «Висячие сады Семирамиды», впоследствии считавшиеся одним из семи чудес света. Амитиду в Вавилонии любовно

называли «Ша-Маран» – «Царица змей», так как мидийцев древние источники называли еще марами. «Шамаран» впоследствии, трансформировалась в «Шамирам», и из-за схожести фонетического звучания позже стали ее ошибочно отождествлять с ассирийской царицей Шаммурамат, жившей за два столетия до нее» (Лятиф Маммад, «Поход десяти тысяч. Кардухи», http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=23);

«Характерным отличием курдов является положительное отношение к мифическому змею. Среди геометрических изображений животных на срубных сосудах отчетливые изображения змея занимают второе место (после быка) – в работе Е. Ю. Захаровой (1998) зафиксировано 14 знаков на 13 сосудах (быка – 16 на 11). И еще на 5 сосудах змей изображен стилизованно в виде цепочки ромбов с развилкой на конце. Что особенно любопытно – эти изображения сосредоточены в западной части ареала срубной культуры... В пользу положительного отношения к змее у западных иранцев также свидетельствует изображение черной змеи, охраняющей вход на стене святилища курдов возле священного источника» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>, http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«Заканчивая главу о суевериях курдов, я добавлю несколько замечаний о роли в них образа змеи. Это пресмыкающееся занимает определенное место в символике езидов: мы видим изображение змеи у входа в храм шейха Ади. Здесь, по-видимому, сказываются отголоски очень древних представлений. И действительно, змея – предмет хтонического культа – невольно вызывает ассоциации, связанные с религиозно-социальной борьбой эллинистических и азианских концепций в Малой Азии. О ней, в частности, пишет проф. О. Керн; он говорит об интереснейшем процессе взаимопроникновения, в ходе которого греки мало-помалу подчинили своему влиянию патриархальную иерархию языческого пантеона (хтонических богов азианского, или, по выражению Керна, «таврического» матриархата)... В частности, речь идет о целом ряде традиций, связанных с образом змеи, который встречается в армянском, курдском, мидийском и скифском фольклоре. ...по словам Геродота, скифы считали себя потомками Геракла и божества – полуженщины, полужмеи, жившей в устье реки Борисфен... Фрако-фригийский бог Сабазиос, игравший фаллическую роль в дионисийских действиях божественного совокупления, также символизировался в образе змеи, дракона. В особой работе, посвященной Сабазиосу, Марр указывает на существование культа этого бога у армян. Скандинавские эдды рассказывают о мудрых и добродетельных змеях (Ваниры), обитавших на юге той области, где некогда жили многочисленные скифские колдуны Азы» (В. Никитин, «Курды», <http://vkist.ru/b-nikinine-les-kurdes-etude-sociologique-et-historique-paris-1/index26.html>).

Да и савроматам, сарматам (корейск. «salam» – человек), сербам = червьянам = тервингам = тарпетам и германцам, как и родственным курдам керманиям, ведь тоже вполне соответствуют др.-греч. «σαύρα», ион. «σαύρη» – ящерица; др.-греч. «σαλαμάνδρα», япон.

«saramandā» – саламандра; пост.-пра-и.е. *wīrmis, протогерм. *wurmiz, санскр. «kr̥mi», цыган. «кэрмо», перс. «kirm», тадж. «кирм», лит. «kirminas», др.-прусск. «girmis», курманджи «kurmekî», азерб. «qurd», кар.-балк. «кьурт», серб. «црв», латгал. «tuorps», лтш. «tārps» – «червь, змея»; санскрит. «sarpaḥ», эвенк. «сулама* / *салама», итал. «serpe», ломбард., неаполитано-калабр. «servone / serpe / scurzone», окситан. «sèrp», англ. «serpent», фин. «käärme», гот. «waurms», норв. «orm» – змея; праиндоевроп. *serpe-, санскр. «srp», кашмирск. «so.rūph», арм. «soghal», лат. «serpō», алб. «gjarpër / gjarpën», греч. «hepō», осет. «xelun», тадж. «хазидан», курманджи «denet» – ползать.

Очевидно и ядавы (яду = еда = утии = юэчжи), как и их потомки сугуды / согдийцы, гуджары, кудары / кидариты, каджары, козары / хазары, хотанцы, готы (япон. «Hito» – человек), гауты, гуды, гудуски / гудусканы / гачане / гадчане, датчане / даны / дене и другие савроматы и сарматы, также отождествляли себя со змеями и иными земноводными (греч. «φίδι», хорв. «guja» – змея; чеш., слвц., в.-луж. «had», ст.-слав. «гадь», лтш. «odze» – «гад, гадюка»; англ. «adder» – «уж, гадюка»; нем. «made», арм. «ord», турец. «kurt», эст. «uss» – червь; венг. «göte», бенг. «gōdhā», хинди «n'yūṭa» – тритон; индонез. «kadal» – ящерица; каннада «kāda kāvali» – «горячее железо, саламандра»), наделяя не только себя, но и их мудростью и способностью угадывания будущего – «гадания, прорицания» (болг. «юда» – «русалка, волшебница»; авест. «yādu-», хинди «jaadoogar» – «маг, волшебник, колдун»; иран. *yādu-kara-, нов.-перс. «jādūgar» – «едукарь, дока, смышленный человек»):

«Якоб Гримм соединяет имя Irmin со др.-сканд. i;rtungund («большая земля», то есть Земля) или i;rtungandr («большой змей», то есть змея Мидгарда; где «змей» – сканд. orm). Когда святой Барбатус стал епископом Беневенто в Ломбардии в 688 г., он обнаружил, что некоторые из жителей, которые были лангобардами, поклонялись золотой змее и дереву, на которое вешали шкуру диких зверей: «Он запретил этот культ, срубил дерево и расплавил золотую змею, чтобы сделать из нее священный потир». Также на знамени правителя итальянской Кампании изображался змей и их соседи обзывали «змеиными» (Orici). Вандалы поклонялись своему главному божеству в облике летящего дракона. Датчане помещали священного дракона на королевском штандарте. Оттуда он попал во Францию и он был знаком норманнского герцога. Например, один из членов семейства Бертран имел право носить «штандарт с драконом». Вандалы и лангобарды, подобно прочим северным германцам, держали домашних змей. Олаф Магнус сообщает, что змеи считались на крайнем севере Европы духами-хранителями дома («пенатами»); их кормили молоком коровы или овцы вместе с детьми. Они свободно перемещались в жилищах, и причинить им вред считалось самым ужасным проступком [Дин Д.Б. Культ змея / Пер. с англ. // http://samlib.ru/s/shugrina_j_s/europe.shtml]. Видимо, почитание змея (дракона) – это общеиндоевропейская традиция. Можно смело утверждать, что данный мотив единства змея и дерева присутствует в мифологических воззрениях практически у каждого народа Европы и Средиземноморья. На нагруднике и перевязи Агамемнона, вождя ахейцев в троянской войне и царя Аргона, было изображение трехглавой змеи. У его брата Менелая, царя Спарты, был подобный отличительный знак – змея на щите. Спартанцы, как и афиняне, верили в то, что происходили от змей и называли себя orphigen; («рожденные змеей») [Дин Д.Б. Культ змея / Пер. с англ. // http://samlib.ru/s/shugrina_j_s/europe.shtml]. Изображения змей и деревьев

соединены на погребальных памятниках греков и римлян, на монетах Тира и среди фракийских барельефов с изображениями всадника возле дерева или алтаря, на которых находится змей. Также владыками-пророками змей и деревьев назывались кельтские друиды. Европейских сарматов (под которыми, вероятно, следует понимать балтов и славян), средневековые христиане упрекали в нечестивости из-за того, что они поклонялись змеям и деревьям. Немецкие рыцари и монахи, уничтожая языческие рощи пруссов и ливов, находили живущих там в соломе больших змей и сжигали их» (Олег Гуцуляк, «Кто такие германцы? // Единство змеи, дерева и камня», <https://www.proza.ru/2014/07/27/1178>);

«Пары змей есть и в катакомбных погребениях – в погр. 9 кург. 2 у Семеновки и погр. 5 кург. 1 у Сосновки в окрестностях Каменной Могилы на Украине (Михайлов 1990). Это территория ингульской культуры, но погребения отличаются от нее: катакомбы подпрямоугольные и впущены в курганы с северной стороны. В погребении у Семеновки справа у таза покойного лежали скелеты двух желтобрюхих полозов головами к голове человека а хвостами огибая его ступни...» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-4-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf).

Геродот сообщает, что невры за одно поколение до похода Дария (то есть в середине VI века до н.э.) вынуждены были переселиться со своей родины в землю будинов из-за «змей» (возможно, под натиском родственных мидийским племенам «аризантам» северочерноморских племен ализонов / алазонов или даже из-за самой ранней миграции в Восточную Европу балтоязычных савроматов):

«Из подобных прозвищ наконец сделалось более общим ящероглазов *Sauromatōi*, которое стало распространяться на все пространство Европейской Скифии. Римляне, которые во всем были учениками греков, переняли от них и сии бестолковые географические названия. У них ящероглазы, *Sauromato* превратились в *Sarmato* (Тцармато / *Тариматов – темно-краснокожих пришельцев с Черной реки – Тарима, – П.Д.), а вся нынешняя Европейская Россия с частью Пруссии, до реки Вислы и Австрийскими и Турецкими владениями до Дуная Сармацией *Sarmatia*. Это стало входить в употребление только со времени Александра Великого. Итак, название скифов и Скифии стало относиться только к северной части Азии (населенной потомками финноязычных скифов, – П.Д.)...» (Юрий Венелин, «О происхождении славян вообще и россов в особенности», http://annales.info/rus/small/srio156_ven.htm).

Да, и индийцы ведь тоже считают своими предками именно нагов (санскрит «нага», иврит «нахаш» – змея) и поклоняются им до сих пор. Во многих храмах, разбросанных по всей Индии с севера на юг, мы встречаем изображения змеелюдей из рода Нагов (хинди «*nāṅgā*», лит. «*nuoga*», нем. «*nackt*», швед. «*naken*», чеш. «*nahá*» – нагой, то есть не покрытый шерстью):

«На пятый день новой луны месяца шраван (июль – август) в Индии торжественно

отмечают праздник змей – нагапанчами. В этот день никто не работает. Праздновать начинают с первыми лучами солнца. Над главным входом в дом индусы наклеивают изображения рептилий и совершают пуджу – основную форму почитания богов в индуизме. На центральной площади собирается много людей. Гремят трубы и барабаны. Шествие направляется к храму, где совершается ритуальное омовение. Затем пойманных накануне змей выпускают на улицу и во дворы. Их приветствуют, осыпают лепестками цветов, щедро одаривают деньгами и благодарят за спасённый от грызунов урожай. Люди молятся восьми главным нагам и угощают живых змей молоком, топлёным маслом, мёдом, куркумой (жёлтым имбирём) и поджаренным рисом. К их норам ставят цветы олеандра, жасмина и красного лотоса. Отправлением обрядов руководят брахманы» (Валерий Кашин, «Вся правда о культе змеи в Индии», <https://www.nkj.ru/archive/articles/18113/>).

Сакаравлам же соответствует хинди «kōlyubara» и лат. «coluber» – полоз, а кабарам, как и *утиям / юэчжийцам, – медно-красная кобра (египетская богиня Уто / Уаджит – красная кобра; лат. «сиргим», порт. «cobre», норв. «kobber», англ. «corper», лтш. «карага», катал. «соуге» – медный; русск. «каурий», санскр. «гаурá» – «красноватый, рыжий»).

Змеи почитались также и балтами. Пруссам надровам даже соответствует праиндоевроп. *neh'tr- / *nehtr-, лат. «natrix», англ. «næddre / adder», нем. «natara / Natter», валлийск. «neidr», готск. «nadr», др.-норв. «надр», ирл. «nathir / nathair» – «змей, змея», а *живойтам / жемойтам / жемайтам – живойт (лит. «gyvatè» – змея):

«Символом Мирового дерева у балтийских народов считался деревянный столб, подпиравший крышу. Его вершину украшали изображениями небесных божеств: солнца, луны, звезд; подножие – охранявшими его жеребцами и змеями... Обнаруживаемые на балтийской территории камни часто имели насечки с символами солнца и змей, подобные образцы встречаются повсеместно в Северной и Западной Европе начиная с бронзового века и в последующие времена... Безвредная змейка, уж (по-литовски – жалтис), играла важную роль в сексуальной сфере. Считалось добрым знаком, когда уж жил в доме, под кроватью, или в каком-нибудь уголке, или даже на почетном месте у стола. Верили, что он приносит счастье и процветание, усиливая плодородие земли, и способствует деторождению. Встреча с ужом означала свадьбу или прибавление в семействе. В литовском фольклоре жалтис выступает и как посланец богов. Он любим Солнцем, убийство ужа приравнивалось к преступлению. «При виде мертвого ужа и Солнце плачет», – говорится в пословице. Обозначение в литовском «змеи» как «gyvate» (живате) указывает на связи со словами «gyvybe, gyvata» – «жизнь», «жизнеспособность». Другим мистическим, приносящим богатство существом, известным из ранних письменных источников, а также из фольклора, считается Айтварас (летающая змея). Иногда он имеет голову ужа и длинный хвост, который светится, когда Айтварас летит по воздуху» (Мария Гимбутас, «Балты: Люди янтарного моря», Гл. 8 «Древнейшие верования балтов», <http://a-nomalia.narod.ru/CentrBalty/13.htm>);

«Балты, как западные, так и восточные, поклонялись и почитали змей, ужей и ящериц. Само название «кривичи», вероятно, происходит от слова «кривь» – змей, змея. Культовый поклонения змеям в северных землях Беларуси вплоть до XVI в. сохранялся в виде традиции

почитания змея Василиска (ужа, сема или живойта). Об этом подробно писал в книге «Записки о Московии», изданной в Вене в 1549 г., Сигизмунд Герберштейн – посол Австро-Венгрии в Московии в 1517 – 1526 гг. Он также побывал во многих городах и селах ВКЛ. По словам Герберштейна, литвины держали в хатах неизвестных ныне науке черных змей с жирной блестящей кожей и короткими лапами, которые с шипением выползали к поставленной на пол миске молока. Таковую змею, правда, знали греки. Они ее называли базилев (по-русски василиск), что значит царственный, из-за красного гребешка на голове, похожего на корону. Эта змея водилась раньше в Сирии. По греческим описаниям василиска можно сделать вывод, что эта змея все еще попадает в болотистых лесах Новгородщины. Современные свидетели называют эту странную змею свистуном, так как она издает высокое шипение, сравнимое со свистом. Также новгородские охотники и крестьяне говорят, что у змеи имеется красный гребешок и боковые перепонки, с помощью которых она может пролететь десятки метров над землей. Это же отмечали и древние литвины, говоря: «вот прилетит уж». Возможно, из-за всех этих необычных черт для змеи по старинным народным поверьям у василиска были кожистые крылья, змеиный хвост, петушиные лапы и вылуплялся он из яйца петуха. Как пишет Герберштейн, литвины при виде выползающей змеи тихо сидели на лавках, благоговейно наблюдая...» (Михаил Голденков, «Русь. Другая история // Кривичи – не славяне. VIII – X вв.»), http://www.e-reading.ws/chapter.php/1023246/5/Goldenkov_-_Rus._Drugaya_istoriya.html).

Почитаемыми (обожаемыми) змеи были как и у славянизировавшихся балтов, так и у потомственных славян. В гимне 17-ом II-ой мандалы Ригведы, обращенном к Индре, упоминается персонаж по имени Криви. Т.Я. Елизаренкова поясняет, что «Криви (krívi) имя змеевидного демона, побежденного Индрой; в более поздний период название народа, тотемом которого мог считаться Криви:

«...«змеиные» ассоциации с Краковщиной имеются в преданиях по обе стороны Западного Буга. Скорее всего, они отражают некие особенности развитых у местных племен религиозных воззрений. Целый ряд признаков указывает на сохранение особого почитания Велеса-Змея у ляшских племен. Собственное имя Змея «ляхами» не употреблялось, в отличие от большинства славян, что указывает на табуирование. Слово «ящер» – источник имени верховного божества поляков *Yesza*. Праславянская «велесическая» религия подолгу удерживалась на периферии. В Щецине, у поморян, поклонялись Триглаву; на Руси кривичи возводили себя к Криву, антиподу «правого» Перуна. Распространение культа Перуна (как Ковалея-Сварога, врага Трояна-Триглава-Велеса) шло к словенам из антских земель. В этой связи стоит вернуться к племенному названию из сочинения Баварского географа, реконструируемому как **сьгвјане*. Убедительного объяснения этого названия (и позднейшего «Червонная Русь») на праславянской почве не существует. Однако, скорее всего, основа здесь – праславянское слово **сьгвь* – червь (производные слова со значением «красный» едва ли могли дать жизнь племенному названию). «Червь» и «змей» в мифологии – синонимы. Червяне (балтск. Тарпеты / Тервинги; серб. «црв», латгал. «tuorps», лтш. «tārps», – П.Д.) – «племя Червя (Велеса, Змея)...» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков // Анты и дулебы», http://historylib.org/historybooks/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-

«Верования южных славян в самовил и облачных змеев отражают самый ранний пласт наших верований. По крайней мере, их песни выглядят как архаичный аналог некоторых наших сказок и былин более позднего происхождения... Змеи могут одаривать человека. В песне «Благодарная змея», за свое спасение змея дает пастуху дар – дерево, на котором растут монеты. Начало песни похоже на нашу сказку «Мартынка». В песне, змея горит в лесу и обращается к сироте – Георгию: «Поддай, Георгий, свой посох. По посоху поползу я и спасусь от пожара.. Люди представляют для змеев сексуальный интерес, как и вилы. В этом нет ничего удивительного. Змеи и вилы являются первопредками и основателями родов... Песни южных славян говорят нам, что змей может быть и родственником и хранителем родной земли, оказываясь через это божеством и первопредком. В узле, посвященном грозовому мифу мы говорили, что на Руси, Беларуси и в Литве сохраняются следы доброго отношения к дающему богатство змею. Но в поздней русской традиции любовью змеев уже тяготеются. Чтоб змей не летал к женщине и не мучил ее, она втыкает в порог и во все щели избы траву мордвинник, и говорит: «Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распалать, а сердцу моему не тосковать» («Песни южных славян», http://www.slavya.ru/trad/velimir/kpv26_13.htm);

«Индоевропейская мифология знает ряд названий змееобразных чудовищ, относящихся к классу существ нижнего мира, связанных с водой и с хаотическим началом и враждебных человеку. Кроме противника громовержца с названием от корня «uel-», к этому виду существ принадлежат такие, как «Budh»: др.-инд. «Ahi budhnya» (Ахи Будхнья) – «змеи глубин», где «ahi», как и др.-иран. «Aji dahaka» (Ажи-Дахака) – «Змей Огненный», закономерно продолжает индоевропейское *ng^whi – «змеи», встречающееся и в приведённых фрагментах основного мифа; др.-греч. «Πύθων» – «Пифон», серб. «Бадњак» – Бадняк» (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, «Индоевропейская мифология», <http://philologos.narod.ru/myth/indeurmyth.htm>).

6.4 Этимология этнонима сакалиба

К экзоэтнониму «сакалиба», относимому ранее, как к сакараукам, так и к балто-славянам, да и ко многим другим смуглым (темно-красным) народностям савроматского и сарматского происхождения, наиболее близки не только общеиран. корень «suč-» – «блестеть, сиять, гореть», бенг. «śukla» – «яркий, ясный, чистый, древний»; греч. «σκούρος», итал. «scuro» – темный (темно-красный); кор. «sukure» – «гнедой, каштановый»; нан. «сахарилā» – «темный, смуглый, загорелый»; якут. «сахархай» – «карий, русый»; англ. «scarlet» – «багровый, багряный», но также и японские слова *skirubā / «shirubā» – серебряный (возможно, восстановленное в японском языке одно из архаичных названий червонного золота) и «sakuranbo» – вишневый (темный оттенок красного цвета). Последнее хорошо отвечает темно-красному (малиновому, вишневому) цвету кожи как балтоязычных склавинов / скальвов в античности, так и потомков славяноязычных античных германцев –

славян в средневековье.

Возможно, что этот этноним сначала относился к тем сарматским племенам, которые на Дальнем Востоке объединили тунгусо-маньчжурские племена в чжурчженьский союз племен. На Мадагаскаре же подобный этноним «сакалава» относится к группе различных народностей, отличающихся от других мальгашей более темной кожей и некоторыми негроидными чертами (см.: «Сакалава», <http://wiki-linki.ru/Page/1210039>).

Однако позже этноним «сакалиба», всё же, был переосмыслен (возможно, под влиянием переосмысления и санскр. «śukrá [shukra]» – «яркий, блестящий, ясный» в «ясный, светлый»). И стал он применяться уже по отношению не только к осветлившимся по прошествии нескольких веков краснолицым славянам, но и к бледнолицым и рыжебородым енисейским киргизам, и к славянизовавшимся потомкам бледнолицых финноязычных скифов – долихокранным насельникам Салтово-маяцкой АК, отождествляемым ошибочно с потомками аланов и утигуров мезобрахикранными ясами. Именно они то и составили в дальнейшем вместе с такими же рыжебородыми и светловолосыми потомками динлинов и метисных усуней половцами (кыпчаками – куманами) и мещеряками костяк как донского, так и всего восточного российского казачества:

«Как известно, в 11 – 12 вв. в степную зону Восточноевропейской равнины из Южной Сибири продвинулись половцы, прямые потомки сибирских скифов, которых китайцы называли «динлинами». Они уже перешли к тому времени на тюркский язык, но сохраняли «скифский» антропологический облик, и, видимо, обычаи. Половцы, как и их предки динлины, были светловолосыми европеоидами, представителями нордической подрасы, мало чем отличаясь в этом смысле от современных русских (т.е. бледнолицых долихоцефальных великороссов, – П.Д) ...например, в явно половецких поселениях на среднем Дону обнаружена только русская керамика. Этот факт заводит в тупик сторонников устаревших концепций, поскольку единственный правильный вывод из него: «простые половцы» = русские!.. Так, польские историки Мартин Вельский и Матвей Стрыйковский прямо утверждают о РОДСТВЕ ХАЗАР, ПЕЧЕНЕГОВ И ПОЛОВЦЕВ СО СЛАВЯНАМИ» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-6.htm>);

«В доказательство родства русских с усунями китайские авторы дают описание внешности тех и других. Главные признаки при этом – высокий рост, цвет глаз (голубой и зеленый) и волос – желтый и красный (рыжий). Правда, у китайских авторов похожими признаками обладали и соседи усуней, хягасы – енисейские киргизы, предки современных хакасов (и древних половцев тоже, – П.Д). Некоторые авторы видят в хягасах динлинов (на китайском языке слово «динлин» означает «рыжий»), упоминаемый в «Китайских известиях...» народ европейского типа. (Интересно, что хакасами долго правили князья из рода Хыргыс, основанного в VI веке людьми племени Паджо, принесшими с собой письменность. Но словом «паджо» селькупы называли челдонов, то есть русских, поселившихся в Сибири задолго до Ермака!) Вполне европейской внешностью обладали и «бородатые люди» дауры, жившие на берегах Амура и позже переселившиеся в Маньчжурию. А вот китайская характеристика русских (сибиряков) XVII века: «...они люди с

голубыми впалыми глазами, выдающимся носом, желтой (рыжей) курчавой бородой, с длинным телом; много силы, но любят поспать и, когда спят, не сразу просыпаются» (Николай Дорожкин, «Азиаты или европейцы? Китайские историки считают предками русских южносибирский народ усунь», http://www.ng.ru/science/2006-10-11/15_asiaty.html);

«Признаки славянского (в подлиннике саклабского а, поэтому-то, возможно и болгарского и финно-угорского, – П.Д.) происхождения [еще] заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа» (Абу Са'ид Гардизи, «Украшение известий», http://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm);

«Еще известно, что сеяньто (кипчаки, одно из крупнейших телеских племен) были по происхождению союзом двух племен: хуннского (на самом деле, слабо монголоидного динлинского, – П.Д.) племени Яньто и правящего рода Се, который истребил верхушку племени Яньто и захватил власть в племени. Возможно Се – это Серы греческих источников, или те же чи-ди (темно-красные жуны, – П.Д.) китайских источников. Таким образом, можем подвести итог, что основой племен Теле были чи-ди (красные ди) и отдельные хуннские (динлинские, – П.Д.) рода. Телеские племена начали переселяться на запад еще в 5-м веке... В 1054 году кипчаки впервые появились в русских летописях, где фигурируют под названием половцы. Еще в 19 веке была выдвинута идея о том, что слово «половец» происходит от старославянского слова «плава» (солома), отсюда половый (бледный, бледновато-соломенный цвет). Как с иронией писал один из известных историков – «Русские летописцы называли кипчаков бледнолицыми». Другие названия кипчаков – армянский хардиаш, тюркские куман и сары, венгерский палоч, польский плавцы – имеют сходные этимологии и означают светлый, белый и т.д.» (Жаксылык Сабитов, «Арийский след среди тюркоязычных народов», <https://paruskg.info/glavnaya/42203-42203.html>);

«Как установлено, семантика названий кыпчаков в источниках европейских народов связана с особенностями внешнего облика этого народа (рыжий, бледнолицый и т.д.). Это в какой-то степени согласуется со сведениями восточных и западных источников о кыпчаках (и о их потомках – рязанских и донских казаках, – П.Д.), как о рыжеволосом и белокуром народе...» (Мехмет Кылдыроглу, автореф. дис. «Этнополитические связи кыргызов и кыпчаков во второй половине IX – XVI вв.», http://www.kyrgyz.ru/articles/kyrgyz/mehmet_kyldyroglu_etnopoliticheskie_svyazi_kyrgyzov_i_kypchakov_vo_vtoroy_polovine_ix-xvi_vv/).

Очевидно, этнонимом «сакалиба» стали величать в Азии и другие рыжебородые (или даже лишь просто светлокожие и светловолосые) народности, вошедшие позже и в этнос казахов. Половцев (куманов – кипчаков) Чингисхан называл своими рабами. Возможно, что именно с тех пор понятия «раб» и «сакалиба» и стали тождественными. А это значит, что к краснолицим сарматам (серам) и к их потомкам славянам он никакого отношения уже и не имел. Очевидно, рабами-сакалиба, в конце концов, стали называть в Азии лишь тюркизовавшиеся и славянизовавшиеся народности, обладавшие холопским (рабским)

менталитетом. Отождествление же экзоэтнонима «сакалиба», относившегося в поздних восточных источниках лишь к краснобородым, светлокожим и светловолосым народностям, со всеми славянами (а, тем более, и лишь только с ними) является преднамеренной ложью. Она направлена, прежде всего, на то, чтобы и смуглых темноволосых украинцев, а также и таких же южных и западных славян представить в том неприглядном виде, в котором находятся славянизовавшиеся бледнолицые народности России.

Несмотря на хорошо просматривающуюся связь восточного экзоэтнонима «сакалиба» с вишневым (темно-красным) цветом кожи древних славян, не исключены всё же и иные исходные этимологии этого термина. Ведь большинство мужчин праславян подобно индоариям касситам, хазарам и казакам избавлялись и от бороды (словен. «Cosav», турец. и азерб. «sakalsız» – безбородый), и от шевелюры (исл. «skalla» – лысый). И, следовательно, они «скребли» свои волосы, как на лице, так и на других частях кожного покрова головы (хинди «skraira», лат. «scalpo» – «скребу, брею»; лат. «scribe» – писать [укр. «шкрябати» пером]; дат. «skrabe», англ. «scraped» – «соскабливать, сбривать»; исл., норв. «skgara», япон. «sukureiru» – скоблить; индонез. «sukur» – брить). Но и это, конечно же, может быть всего лишь переосмыслением какого-либо эндоэтнонима краснолицых и безбородых предков сарматов. Ведь под влиянием лат. «esclavus» – «слуга, раб» и того, что представители воинского сословия праславян – казаки были «служилыми людьми» во многих государствах, этимологию этнонимов «сакалиба» и «склавины» стали позже связывать даже со словом «раб» (бенг. «cākaḡa» – «зависимый человек, слуга»; новогреч. «σκλάβος» – раб). Возможно также происхождение этого этнонима и от праиндоевроп. основы *skloibhos – хлеб (Этимолог. словарь Фасмера). Оседлые хлеборобы всегда были более беззащитными, нежели кочевники скотоводы, и поэтому-то чаще попадали в какую-либо зависимость, а то и в рабство к пришлым военизированным кочевникам. Очевидно, сами лексемы лат. «esclavus» и новогреч. «σκλάβος», означающие раба, являются лишь переосмыслением лексемы «хлебороб».

6.5 Участие частично тюркизировавшихся потомков славяноязычных сарматов и юэчжи в этногенезе японцев

То, что возможна не только индийская (санскр. «śukrā») и европейская (итал. «scarlet», англ. «scarlet»), но и японская этимология термина «сакалиба» («sakuranbo» – вишневый, «sugureta» – «превосходный, великий») весьма примечательно. Как показал Александр Драгункин, для многих японских слов могут быть восстановлены славянские корни или же установлены ассоциативные связи их со славянскими лексемами (Александр Драгункин, «Происхождение японского языка / Русско-японский учебный этимологический словарь», <https://ygyczasu.wordpress.com/2015/06/22/32fdc0da3e17b098e523/>).

Хотя у японского языка и есть древние общие корни с алтайскими и австронезийскими языками, а также и лексические заимствования, как из этих же языков, так и из китайского (до половины словаря) и из индоевропейских языков (6% слов), происхождение его, всё же, считается неизвестным:

«Утверждается, например, что в середине IV в. н. э. конные воины с севера, которых возглавил Mimaki-Iri-biko, потомок китайских правителей, вторглись в Южную Корею, назвали завоеванную территорию Пэкче (Paekche), тотчас пересекли море и высадились в Цукуси на севере Кюсю. По некоторым данным, Mimaki-Iri-biko учредил корейско-японскую конфедерацию (Kaya-Wa Confederation). Это лицо и этническую группу, которую оно возглавляло, разные авторы относят то к китайскому миру, то к проживавшей севернее маньчжурской общности Руюо (Ryuo), то к подданным корейского государства Когурё. Есть утверждение, что правители Когурё и основанного ими государства Пэкче происходили из «аристократических (славяно-тюркоязычных жуань-жуаньских, – П.Д.) племен Маньчжурии», каковым было Руюо. Считается также, что носители культуры яёи, которая сначала сложилась на юге Кореи, а затем распространилась на южные Японские острова, – состояли из древнекорейского, древнекитайского и хуннского (сюнну) элементов. Однако в связи с первыми двумя представляется странным, что ни у современного японского, ни у древнеяпонского языка не найдено генетической связи с языками названных групп. Было бы вполне понятным, если бы победили языки покоренных племен... Но японский язык не показывает родства ни с айнским, на древнем варианте которого, по идее, говорили эбису / эмиси, ни с малайско-полинезийскими, чьими носителями были кумасо. Относительно хунну трудно сказать что-либо определенное, кроме того, что они не были чистыми монголоидами и включали в свой состав восточных европеоидов типа динлинов. Однако язык хунну неизвестен; пока даже не определено, принадлежал ли он к тюркской группе, монгольским или тунгусо-маньчжурским языкам. В крайнем случае, все же можно было бы предположить, что древнеяпонский язык складывался именно на основе хуннского, но... В 1948 г. на прошедшем в Японии симпозиуме о происхождении японского народа, его культуры и формировании японского государства с новыми тогда материалами выступили специалист по истории Азии Эгами Намио и этнолог Ока Масао. Эгами сообщил свою концепцию, по которой Японские острова в IV в. н.э. были завоеваны континентальными конными воинами, которых возглавлял Mimaki-Iri-biko. Ока Масао выдвинул идею «имперской расы» (очевидно, жуань-жуаней – метисных потомков славяноязычных брахикранных ганьсуйских юэчжей = ганьгуней и других славяноязычных жун-ди, являвшихся знатными аланскими родами полиэтничных славяно-тюркоязычных племен сянби / сонби [сербов / сорбов = сарбатов / сарматов] и киргизов, – П.Д.), сформировавшейся в Маньчжурии на базе смешанного охотничье-пастушеского народа; эта раса стремительно продвинулась через Корейский полуостров в Японию примерно во II – III вв. н.э... Так или иначе, стоит задуматься, почему нация, создавшая сильную империю высочайшей культуры, существующая уже без малого два тысячелетия, оказалась обладателем языка, чье происхождение совершенно неизвестно. Почему японский язык – это ни в малой мере не китайский, не корейский, не тунгусо-маньчжурский, не айнский и не австронезийский, тогда как праяпонцы, протояпонцы и раннеисторические японцы тесно и длительно контактировали с каждым из носителей соответствующих языков, а с двумя из них – айнами и корейцами – непосредственно связан японский этногенез?» (В.Д. Косарев, «Айнская проблема» сегодня: кто такие дзёмонцы и кто такие айны?»),

<http://panda.bg.univ.gda.pl/ICRAP/ru/kosarev12-1.html>);

«Более того, большинство лингвистов склоняется к тому, что в эпоху яёи японский язык только начинает формироваться. Японский лингвист Оно Сусуму полагает, что в Японию японский язык был занесен вообще только после 300 года н.э. О том, что процесс формирования японского языка под влиянием корейских племен (а, возможно, и мигрировавших в Корею славяно-тюркских жуань-жуаньских племен и их славяноязычной юэчжийской знати, – П.Д.) растянулся на длительный период, говорит тот факт, что, несмотря на определенные различия, представители островов Рюкю близки японцам лингвистически, антропологически и этнографически. По данным глоттохронологии, разделение японского и рюкюского языков произошло 1500 лет тому назад, т.е. примерно в 4 веке н.э. Исходя из этого, можно предположить, что в это время на Северном Кюсю появилась большая группа людей, прибывшая с Корейского полуострова и вытеснившая из данного района часть проживавших там людей... Доказывая родство корейского и японского языков, советский лингвист Старостин С.А. выяснил, что праяпонский язык в пределах стословного списка имеет с пратюркским языком 18 совпадающих слов, с прамонгольским – 17, с пратунгусо-маньчжурским – 15, а с австронезийским – всего 6. В то же время праяпонский и среднекорейский языки в пределах 100 слов имеют 25 совпадающих слов. Применяя подобную лексикостатистическую процедуру, Старостин, с одной стороны, развеял теорию австронезийского происхождения японского языка, а с другой заметил, что японский язык примерно равноудален от тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского, но находится явно ближе к корейскому...» (А.Ю. Иванов, «Влияние корейского языка на процесс формирования японского языка», http://www.philology.ru/linguistics4/ivanov_a-00.htm).

Очевидно племена, разговаривавшие на тюркских и других алтайских наречиях, мигрировали на Корейский полуостров и далее на Японский архипелаг вместе со славяно-тюркоязычными потомками сарматов (жунов = дисцев = серов и юэчжей = сугудов / согдов) жуань-жуанями и тунгусо-маньчжурами (сушениями = чосонцами и мохэ / мукринами = бохайцами) уже после распада пратюрко-монголо-маньчжурского языкового единства, если же конечно оно на самом-то деле и было вообще:

«В начале X века юго-западные соседи бохайцев – кочевники кидани создали свое государство – империю Ляо. Это государство вело активную завоевательную политику против соседей. Более 20 лет кидани воевали с Бохаем и только в 926г. им удалось сломить сопротивление. На вновь приобретенных землях Бохая кидани решили создать зависимое марионеточное государство Дундань (в переводе с китайского «Восточное Кидань»). Во главе его был поставлен старший сын киданьского императора, а население страны обложено данью. Бохайцы не смирились с потерей независимости. В том же 926 году они восстали. Восстание было жестоко подавлено. В следующие годы волнения и восстания не утихали. Тогда киданьский император издал указ о переселении непокорных бохайцев на территорию киданьской империи. В результате было насильственно переселено около двух третей всего бохайского населения, а около пятой части бохайцев бежали (вместе со своей жуань-жуаньской знатью, – П.Д.) в Корею» (Александр Ивлев, Николай Крадин, «Гибель

Бохайского государства», <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY/bohai5.htm>).

Вполне возможно, что знатными родами и корейского племени курё (эвенк. «кулин», когурё «куре» – змея; санскр. «kr̥mī», цыган. «кэрмо», перс. «kirm», тадж. «кирм», лит. «kirminas», др.-прусск. «girmis», курманджи «kurmekî», азерб. «qurd», кар.-балк. «кзурт» – «червь, змея»; нем. «kugve» – кривой), участвовавшего во вторжении на Японский архипелаг, были славяно-тюркоязычные «змеиные» (сарматские / сербские / аланские) рода «ползающих» (жуань-жуаней / жужаней). Ведь же кирг. «жылан», азерб. «ilan», башкир. «йылан», татар. «елан», эвенк. *салама / «сулама», санскрит «sagraḥ», маратхи «sagra», итал. «serpe», кит. «шэ» – змея; кит. «жуань» – «медленно ползти, пресмыкаться»; кит. «жуань-жуань», пиньинь «Ruǎnguan / Rúgú» – «извиваясь, корчась»; алб. «gjarpër / gjarpën», греч. «hepō», осет. «xelun», лат. «serpo» – ползать:

«По сообщениям древнекитайских источников, тотемом «восточных инородцев», к которым принадлежало и влиятельное племя курё (когурйд / когурё, – П.Д.), была змея [Фань Вэньлань]. Возможно, этот тотем и был взят племенем в качестве своего названия» (Л.Р. Концевич, «Исторические названия Кореи», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/868619-3-etnonimi-etnonimi-etnoniij-i-etnonimi-etnonimi-akademiya-nauk-sssr-institut-etnolrafii-n-mikluh-mta-klaya-etn.php>);

«...пожалуй, самая оригинальная гипотеза принадлежит перу известного русского этнографа С.М. Широкогорова (нач. 20 в.), считавшего прародиной современных эвенков... восточную часть Китая, а именно – бассейн реки Хуанхэ! По мнению исследователя, зарождение тунгусов как народа шло на этой территории еще в каменном веке, а потом они постепенно расселились с юга на Север и Запад. Позднее на южное происхождение эвенков также указывал М.Г. Левин, ссылаясь на культ змеи у северобайкальских эвенков (как известно, культ змеи был характерен для многих южных культур). Исследователь подчеркивал, что эвенкийские черты можно проследить абсолютно у всех тунгусо-маньчжурских народов – т.е. именно эвенкийская культура является своего рода «красной нитью» во всей тунгусо-маньчжурской (и японской, – П.Д.) культурной традиции!.. Опираясь на археологические материалы, В.П. Алексеев в некотором смысле возвращается к старой точке зрения С.М. Широкогорова о южной прародине тунгусских народов. По его мнению, предки тунгусов были земледельцами, однако в связи с ростом населения они вынуждены были осваивать северные территории и переходить к охотничьему промыслу» (Евгения Воронкова, Сергей Становкин, «Тайна происхождения эвенков», <http://fond-tatiana.ru/histdan>);

«На Востоке культ змей общепризнан. Впрочем, не только там. В мифологии и воззрениях кельтов, например, змея ассоциируется с плодородием и врачеванием, отождествляется с мудростью. Даже с красотой! А в Японии, если мужчина хочет сделать комплимент женщине, то говорит ей: «Дорогая, ты выглядишь, как настоящая змея!»...» (Александр Левит, Наталья Гармаш, «В Японии мужчина, желающий сделать комплимент женщине, говорит: «Ты выглядишь, как настоящая... змея!»...»),

<http://fakty.ua/158230-v-yaponii-muzhchina-zhelayucshij-sdelat-kompliment-zhencshine-govorit-vyglyadish-kak-nastoyacshaya-zmeya>;
http://poingettly.do.am/news/v_japonii_muzhchina_zhelajushhij_sdelat_kompliment_zh/2013-09-23-176).

Вполне возможно, что прамонгольский, пратунгусо-маньчжурский и пратюркский языки сформировались самостоятельно на основе разных субстратов (енисейских, нивхских, юкагирских, тунгусских, угро-самодийских и др.) благодаря восприятию ими одного и того же праславянского суперстрата. И, следовательно, никакого распада алтайского языкового единства на самом-то деле и не было, вопреки тому, как это предполагается без учета существенного влияния на базовую лексику этих алтайских языков праславянского суперстрата и китайских адстратов:

«Первоначально едино воспринимаемая урало-алтайская языковая общность была затем обоснованно расчленена на две самостоятельных языковых семьи: уральскую и алтайскую. По-видимому, ныне назревает подобное типологическое разделение культурно-генетических корней носителей алтайской языковой семьи на две самостоятельные части. Следовательно, гипотетического общего алтайского праязыка, видимо, никогда не существовало. Во всяком случае, первичная обособленность тюркской группы от монголо-тунгусской подтверждается не только историко-лингвистическими, но и, как мы видели, историко-культурными, археологическими данными. Согласно такой системе взглядов, алтайская теория обогащается новым подходом к объяснению единства рассматриваемых ею языков через исторические связи народов, обладавшими этими языками, а алтайская гипотеза их генетического родства, опиравшаяся лишь на лингвистические явления, не только в глазах ряда лингвистов, но уже и в глазах археолога утрачивает общенаучную познавательную ценность... Тюркские языки и культуры, длительная история которых ныне может быть освобождена от гипотезы алтайского прародства, заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий. Напомню, что такие исследования известны старой тюркологии: «Я считаю, – писал, например, Ю. Немец, – что в отношении урало-тюркского языкового родства мы располагаем... явными доказательствами» (1963, с. 127). Ради постижения изначальной истории и отыскания прародины тюркскую языковую семью, как мы видели, следует отчленить от алтайской и, рассматривая самостоятельно, детально заняться лингвистически и археологически той длительной и сложной историей, которая была пройдена наиболее ранними тюркскими народами и их по-настоящему древними и раннесредневековыми потомками. Не выпуская из внимания следов тех реальных процессов, которые на разных этапах сближали их с индоевропейскими, финно-угорскими, древнекитайскими, древнемонгольскими и иными по языку народами. Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. Однако смена ориентиров научных поисков позволяет свести воедино многие весьма существенные, но поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства. Изложенные мною ранее некоторые

аргументы такого рода указывают на западноазиатское происхождение тюркоязычных народов (Кызласов И.Л., 1994; 1996; 1998; 2000, с. 14; 2005; 2007, с. 86-88). Вряд ли случайно это вновь сближает мои позиции со сформировавшимся на иной основе мнением Ю. Немета (1963, с. 127, 128), опубликованном еще в 1934г.» (И.Л. Кызласов, «Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки», <https://nbdrx.ru/pdf/bx0000389.pdf>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/KYZLASOV_Novie_poiski_v_Altaistike.pdf).

Лишь только в этом случае и возможно объяснение существенного отличия японского и корейского языков от маньчжурских языков и лексической близости их не только к славянским и маньчжурским, но и к тюркским языкам, изначально сформировавшимся на основе угро-самодийских:

«Исследования С.А. Старостина по данной тематике в полном виде опубликованы в его книге «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (М., 1991). В ней подробно обоснована точка зрения об алтайском происхождении японского языка. С.А. Старостин также реконструировал праапонскую фонологическую систему впервые в статье «К вопросу о реконструкции японской фонологической системы» в сборнике «Очерки по фонологии восточных языков» (М., 1976), а в книге, выпущенной в 1991г., дал пересмотренный вариант этой реконструкции... Урало-алтайская теория происхождения ДЯЯ (древнего японского языка, – П.Д.), подкрепленная антропологическими и археологическими данными, базируется на большой типологической и материальной общности ДЯЯ с корейским, тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими языками. Это проявляется в наличии многих общих фонетических явлений, в сходном строении предложений и одинаковом порядке их членов, в существовании многих близких грамматических конструкций и во все увеличивающемся количестве обнаруженных общих морфем (в том числе и служебных). Фонетически все эти языки объединяет: полисиллабичность слова, а зачастую и корня (в отличие от синитических, т. е. китайско-тибетских, тайских, вьетнамского с их односложными корнями), отсутствие стечений согласных в начале и исходе слова (в отличие от индоевропейских, нивхского, старотибетского), гармония гласных (в разной степени), отсутствие (в исконных словах) начального *r*-, а в подавляющем большинстве алтайских языков и *l*- (в отличие от синитических, индоевропейских и айну), переход *i* первого слога в *a* (или в другой гласный) под влиянием гласного второго слога (так называемый перелом гласного *i*) и т. п. ... По грамматическому строю (особые срединные и причастные формы, условно-временные и уступительные деепричастия и т. п.) ДЯЯ сближается с алтайскими языками. Всем этим языкам свойственна агглютинативная суффиксация при склонении. Спряжение глаголов в ДЯЯ в основном флективное (т. е. корень глагола без внешней флексии, как правило, не употребляется), хотя некоторые флективные формы могут в свою очередь принимать агглютинативные суффиксы. Глаголы ДЯЯ не имеют личных окончаний, как и глаголы корейского, маньчжурского, халха, т. е. других языков, находящихся на юго-восточной окраине алтайского ареала. И тут, вероятно, сыграл роль субстрат. Усваивая язык пришельцев, аборигены упрощали его грамматику. Факультативность показателей ряда падежей (кроме пространственных), групповая суффиксация также свойственны многим агглютинативным языкам. По лексическому

составу ДЯЯ имеет много сходного с корейским и другими алтайскими языками. Сходны названия частей тела, явлений природы, цветов (черного, белого, красного), ряда животных и растений, орудий и оружия, одежды и способов ее изготовления, названия действий и качеств. С корейским ДЯЯ имеет свыше 300 общих корней, со среднемонгольским – 250. Немало общего обнаружено с древнетюркским, современными тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Есть немало корней, общих и с уральскими (финно-угорскими) языками» (Николай Сыромятников, «Древнеяпонский язык», https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Участник:Hellerick/Сыромятников_Н.А.:_Древнеяпонский_язык);

«Вопрос о родстве алтайских языков, в течение более чем ста лет является предметом живого обсуждения. Точки зрения полярно противоположны, полемика продолжается и в наше время. Сторонники алтайского родства полагают излишним представлять новые доказательства; противники (оппоненты) замкнулись в неуклонном отрицании любых соответствий и допускают только несколько вариантов – «случайное совпадение», «заимствование» и «некорректное сближение». Алтайская языковая общность не получила вплоть до наших дней бесспорного доказательства, как это сделано в отношении индоевропейских языков... В тюркологии производились сравнительные исследования фонетики и морфологии японского и тюркского языков Э.Г. Азербайевым, который рассматривает японо-тюркские взаимосвязи как отношения между двумя самостоятельными ветвями алтайской семьи. К.С. Кадыраджиев считает, что тюркские и японо-корейские языки являются близкородственными. В частности, японский, рюкюсский и корейский языки составляют отдельную подгруппу тюркских языков. По мнению К.С. Кадыраджиева в тюркском и японском языках присутствуют такие специфично тюркские элементы и явления, которые отсутствуют в других алтайских языках и происхождение которых связано с развитием общего пратюркского языка (К.С. Кадыраджиев, «Сравнительно-историческая грамматика японского и тюркских языков», Махачкала, 1999, с.19)» (Н.М. Будаев, «Лексические параллели японского и карачаево-балкарского языков», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-73342.html>);

«Тождество многих черт в материальной, духовной культуре, психологическом характере, антропология языковых сходений японцев и тюрков не простое совпадение, а результат давнего генетического родства» (Н.М. Будаев, «Западные тюрки в странах Востока. Лексические параллели японского и карачаево-балкарского языков» <https://www.rulit.me/books/zapadnye-tyurki-v-stranah-vostoka-leksicheskie-paralleli-yaponskogo-i-karachaevobalkarskogo-yazykov-read-456416-95.html>).

6.6 Славяно-японские лексические схождения

Хотя большинство поздних индоевропейских заимствований (из греческого, латыни, английского и др. языков) фактически и восстанавливают праславянскую лексику, ранее вытесненную из японских наречий китайскими заимствованиями и частично вошедшую

также и в тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, всё же не все выявленные Драгункиным славяно-японские параллели и лексические соответствия являются древними. И, конечно же, не все они могут быть и строго обоснованы. Но уже само чрезвычайное обилие этих параллелей и лексических сходжений является довольно таки знаменательным и позволяющим подтвердить как зарождение праславянских наречий на Дальнем Востоке, так и участие их носителей в формировании не только тюркских и тунгусо-маньчжурских, но и японских наречий:

«Японский ученый Ката Ока, в совершенстве владеющий украинским языком, изучив украинскую культуру, быт, традиции, обычаи и фольклор, выяснил, что они значительно древнее российских и имеют много общих признаков с существующими во многих евразийских народов (сформировавшихся в тесном контакте с сарматскими предками сянби = сербов и украинцев, – П.Д.). В частности, он установил, что в украинских обрядах и обычаях, в японском фольклоре, в индийских Ведах наблюдается общность, присущая архетипическим представлениям евразийцев. Он считает, что украинская культура является центром и корнем восточнославянской культуры» (И.А. Безклубый, И.С. Гриценко, О.О. Шевченко, «История украинского права», <http://coollib.net/b/286110/read>).

И это имеет место, несмотря даже на то, что из-за не точного восстановления в 8-м веке звука «г» (до этого замещавшегося, как правило, звуками «s», «sh», «n» или же «nr») и замены им звука «l» в заимствованных в дописьменную эпоху праславянских словах многие из них весьма сильно преобразились. Наиболее очевидными соответствиями, заметными и без восстановления архаичных форм слов, являются следующие:

«ka» – вопросительная частица (укр. «га?») и русск. «а?»);

«shūi» – «осторожно, внимание» (междометие «чу» – остерегайся; англ. «hark» – «чу, внимай, слушай»; ассоц. с укр. «чуй» – слушай);

др.-япон. «wog» (*bouŋ?) – быть (словен. «bo» – будет; нем. «worden», укр. «було» – было);

др.-япон. «su» (*hu, *ku) – «делать чем-либо или же производить что-либо» (десницей – кудесничать, дланью – кудлатить; мозгом – «кумекать, смекнуть»; от «елда» – «куелдить, елдыжить, мутить, сорить, заводит брань», – Даль; от «обретать» – «кубритать, чесать, искать в голове», – Фасмер; от «воля» – «куволить, успокаивать», – Фасмер; от «лепет» – «кулепетить, лепетать, говорить невнятно», – Фасмер; от «лупить» – «кулупнуть, колупать», – Фасмер; от «нега» – «кунежиться, разнежиться», – Фасмер; от «прать» – *купарати, «купарандаться, купаться, плескаться, барахтаться в воде», – Фасмер; от «пора» – «закупорить, откупорить»; от «бить» – губить, от др.-киев. «вьрати»/«варити» – говорить; кувыркаться от укр. «вир» – пучина; от «таить» – «кутать, укутывать, прятать», – Фасмер; полаб. «keuteit» – делать, чеш. «kutiti», «kutati» – «копошиться, делать втихомолку», – Фасмер; укр. «кувати» – ковать; укр. «кукобити» – лелеять от «кобіта» – «коханая, любимая»; укр. «кімарити», «куняти» – дремать от «марити» – грезить; укр. «гуркотіти» – грохотать от «рокот»; укр. «гупати» – «издавать звук падающего предмета», «гуготіти» – «глухо гудеть», «гутарити» – говорить, «зумовлювати» – обуславливать, «зустрічати» – встречать, «суміщати» – совмещать, «супроводжувати» – сопровождать, «суперечити» –

противоречить; согрешить – «сделать грех», совершить, создать);

др.-япон. «tatak-u» – стучать (ср. русск. «тук-тук»);

др.-япон. «ti» – «тысяча, предельное число» (польск. «tys», чеш. «ti-síc» – тысяча; ст.-слав. «тъма» – предельное число, много);

др.-япон. «putari» – двое (в.-луж. «wutory», ст.-слав. «въторъ» – второй, – Сыромятников);

др.-япон. «itu» (*ritu → *hitu) – пять;

др.-япон. «towo» (когурё «tok», *deka) – десять (греч. «δέκα», лат. «decem»);

«hōritsu» – закон (*rōridsu; ассоц. с «порядок, порода», укр. «рід» – род);

«ōdā» – порядок (русск. «лад, ряд, род», англ. «order», тюркск. «орда»);

«meate» – «цель, назначение» (укр. «мета» – цель);

«mezasu» – «целиться, стремиться» (русск. «метиться», польск. «zmięzać»);

«Sensei» – господин (кор. «Seonsaengnim», др.-киев. «Сеньор», итал. «Signor», франц. «Seigneur» – господин; лат. «senior» – старший; др.-киев. «сень» – «защита, покровительство»);

«Kensei» – «княжение, царствование, правление, господство»;

«shūryō» – конец («чур» – «граница, рубеж, межа»; мера, выделяется на основе слова «чересчур»; см. Потебня, РФВ 3, 192 и сл.; – Фасмер);

«heri» – «край, кромка» (*beri → *peri → heri; ассоц. с «перо», с укр. «беріг» – «берег, край»);

«kairei» – «хребет, ребро» (ассоц. с «край»);

«tsuba» – край (ассоц. с укр. «чуб»);

«ke», «kami» – волосы, др.-япон. «kami» – верх (др.-греч. «κόμη», лат. «capillo» – волосы; коми «чемер», укр. «чуб», «чуприна» – «хохол, оселедец, прядь волос»; др.-греч. «κῆμαρα» – «свод, сводчатая комната»; др.-киев. «комара», «кумпол» – «свод, купол»; укр. «камка» – «женский головной убор», «кабушка» – «макушка головы», «капа» – покрывало);

др.-япон. «kami-re» – «верхове, верхняя часть» (ассоц. с укр. «комір» – «воротник, верхняя планка ярма», «кобри» – «вид козлов на соломенной кровле для защиты от ветра»; «коба» – «капюшон, верхний убор для защиты головы от дождя», «комин» – «верхняя часть дымохода»; с «кумир» – «верховный, вышний, почитаемый»; с «кумирня», «капище» – «языческий храм»);

«kubiwa» – «воротник, ошейник» (укр. «комір», ассоц. с «хомут» и «кайма»);

«kubi» – шея (осет. «k'u-bal» – «шея, голова»; ассоц. с др.-киев. «гъбноути» – «гнуть, кривить»; с лат. «caput», укр. «ковбешка» – голова; с «гибкая», «купол», «холка»);

«kābu» – кривая (кор. «keobeu», ирл. «cam», тагал. «kurba», лат. «curvus», англ. «curve», серб. «цурве»);

др.-япон. «pukurō» – мешок (*архан. «пакуль» – «колпачёк, чехольчик»? – Даль; ассоц. с «пук» – пучок, с укр. «пакут» – связка, «пакунок» – сверток, «пак» – пачка);

«hachimitsu» – «пчелиный сироп, мёд»; «mitsu» – сироп (кит. «mi, mat < *miet» и тохар. В «mit < *miät» – мед);

«hachi» (*bachi), «mitsubachi» – пчела (др.-киев., ст.-слав. «бъчела», лит. «bičių», «bitė»; ассоц. с «букашка»);

«sara», «shāre» – «кушанье, блюдо» (укр. «страва»);
др.-япон. «adi» – вкус (ассоц. с «еда»; др.-исл. «át» – «кушанье, еда»);
«hiai», «hitan» – горе (др.-польск. «gogze»); «hitsūna» – горький (укр. «гіркий»;
образовано, подобно русскому, от «hitan» – горе);
«kajīya», «kaziya» – кузнец = *ку(д)зесник = кудесник (лит. «kalvis», лтш. «kalējs»;
прадравид. *kol – «кузнец, кузница, ковать», каннада «kulume», лит. «kalvė» – ковать; польск.
«kuźnia», укр. «кузня» – кузница; алб. «djathtë», д.-в.-н. «zēšo» – «десница, правая рука»; др.-
инд. «dāksīnas» – «дельный, ловкий, правый, южный»; авест. «dašīna» – правый; каджары –
кузнецы?);
«porite» – всадник (ассоц. с «народ»);
«musha» – воин (ассоц. с «муж» и с «мужеством»);
«migite» – правый (ассоц. с «могучий», «могущий»; нем. «might» – могущество);
«maito» – «мощь, могущество»;
«bujin» – «воин, боец» (ассоц. с «буйный»);
«būyū» – доблесть (ассоц. с буйностью, боевитостью);
«bīto» – бить;
«batoru» – битва (лат. «battuere» – бить, польск. «batalja» – «баталия, битва»);
«utsu» – удар (венг. «ütés»; ассоц. с укр. «тиск» – давление, «утиск» – притеснение);
«herumetto» – шлем (др.-киев. «шелом»);
др.-япон. «сати» – стрела;
«ken» – меч (ассоц. с «кинжал»; укр. «чингáл», карач. «χindžal», груз. «xandžali»);
«meitou» – «знаменитый меч», «именной меч» (ассоц. с «метить», «меченый», «меч»);
«nairu», «nairu» – нож (лтш. «nāzis», чеш. «nůž», эст. «nuga»);
«mesu» – «нож для резки еды» (нидерл. «mes» – нож; ассоц. с «меч»);
«kō būtsu» – «сапоги, высокие боты» (укр. «чоботи»; ср. «копыто» – «высокий под»;
англ. «bottom» – «под, низ, основание»);
«kabu» – «основание, нижний» (араб. «káab» – «пята, пятка»; ассоц. с «каблук» –
«нижняя лука, дуга»; «облук» – «верхняя лука», чеш. «oblouk» – «дуга. арка. Свод»; –
Фасмер);
«hari», «harijō» – игла (укр. «голка»); «го» – роса;
др.-япон. «pit» – мокнуть (др.-инд. «rā:ti» – пьет; ассоц. с укр. «піт» – пот, «пітніти» –
«запотевать, увлажняться»; с «пить», «питать», «пропитывать»);
др.-япон. «tagit-u» – струиться, «tog-u» – точить (праслав. «točiti» – «заставлять
бежать, течь», кауз. от и.-е. *tek, *tekō, *tekti, укр. «текти» – «течь, бежать»);
«ho» – «плавать, парус» («ходить по морю»; асоц. с «холст»);
др.-япон. «ikari» – якорь (индонез. «tjakar» – «лапа с когтями», «djangkar» – якорь);
диал. «vata» – море и диал. рюкю «bata» – залив (кор. «pada»; ассоц. с «падъ», «вода»);
«Wadatsumi» – «Бог моря» (русск. «Водяной»);
др.-япон. «umi» – море, «nami» (*lami) – волны (ассоц. с и.-е. *la:ma – «лужа, болото»
и с греч. «λιμὴν» – «залив, лиман»);
«reiku» – озеро (ассоц. с «река»);
«ji», «jimen» – земля (ст.-слав. «земьнь», др.-киев. «земь», соврем. «наземь, оземь»);

«*niwa*» – «нива, огород, сад»;
 «*daichi*» – «земля, грунт» (ассоц. с «дача», англ. «*datcha*», нем. «*datscha*»);
 «*kami*» – бумага (русс. «камка» – узорчатая ткань);
 «*gyūzu*» – «корона, венец» (ассоц. с «риза» – верхняя одежда священника);
 др.-япон. «*wata*» – «шелковая вата»;
 «*ganban*» – «камень, скала» (айну «*suma*», ст.-слав. «камы» при и.-е. **akmen-*, лит., лтш. «*akmens*»);
 «*hon*» – книга (прасл. **kъniga*; кит. «*kŏüen*» – свиток);
 «*kana*» – «слоговая азбука» (ассоц. с «книга»);
 «*sukūru*» – школа (греч. «*σχολή*»);
 «*chichi*» (*titi*) – молоко, др.-япон. «*ti*» – «кровь, молоко, женская грудь» (ассоц. с укр. «*titi*», «*тиці*» – «титьки, сиськи, молочные железы»; тагал. «*suso*» – груди, «*susuhin*» – сосать);
 «*bādo*» – птица (праслав. **ръta*, укр. «птаха, птаха», в то время, как англ. «*bird*»);
 др.-япон. «*kāgi*» – гусь (чув. «хур», ассоц. с чеш. «*kouga*», польск. «*kuga*» – курица);
 «*gūsu*» – гусь (возможно, заим. англ. «*goose*» при и.-е. **gans*);
 «*kokku*», др.-япон. «*kake*» – петух (укр. «когут», чеш. «*kohout*», англ. «*cock*»);
 «*tsuru*» – журавль (и.-е. **ger(a)*, диал. укр. «журка», в то время, как англ. «*crane*»);
 «*sagi*» (**tsari*) – цапля (укр. «чапля»; др.-чеш. «*šierě*», чеш. *šár* – аист; укр. «чапати́ся» – «брести пошатываясь», «цапати» – хватать);
 «*karasu*» – ворона (др.-киев. «галица», укр. «галиця», блр. «галіца»);
 «*gama*» – жаба (праслав. **gēbā*, др.-прусс. «*gabawo*», тагал. «*kabatsou*»);
 «*hadaka*» – голая (ассоц. с «гадюка»);
 др.-япон. «*kuma*» – медведь (пекчэ «кома»; ассоц. с греч. «*κῶμα*» – «глубокий сон, спячка»; с япон. «*kamin*», русск. «кемарить» – «дремать, спать»; с «команика» – «медвежья ягода, ежевика»);
 др.-япон. «*twoга*» – тигр (ассоц. с «тварь» и с укр. «потвора» – «чудовище, урод»);
 др.-япон. «*usagi*» (**rusagi*) – «русак, заяц»;
 «*yagi*» – коза (греч. «*αἴγα*», нем. «*ziege*» – коза, ассоц. с «агнец», «ягненок»);
 «*gaba*» – мул (ассоц. с «раба» – «рабочая лошадь»);
 «*uma*» (**kuman*) – конь (франц. «*jument*» – кобыла; чеш. «*kůň*», **компъ* от древнего **kobъ*; ср. кобы́ла, комонь, – Фасмер);
 «*buta*» – свинья (укр. «паця», чеш. «*prase*»);
 «*koton*», «*kobuta*» – поросёнок (ассоц. с «кабан»);
 «*kuroten*» – собо́ль (от «*kiгоi*» – черный; ср. русск. «крот»);
 «*bībā*» – бобр (укр. «бібр», нем. «*biber*», англ. «*beaver*»);
 «*risu*» – белка (ассоц. с диал. «лі́сый» – «желтоватый, рыжий»);
 «*kitsune*» – лиса (ассоц. с укр. «киця», «кицуня» – кошечка, ср. англ. «*fox*» – «лиса, кошечка»);
 «*tara*» – треска (ассоц. с «тарань»);
 «*mushi*» – насекомые (ассоц. с «мухи», «мушки», «мошки»);
 «*ka*» – комар;

«sasū» – «жало, жалить» (ассоц. с «оса»);

«shiro», др.-япон. «sigo» – белый (ассоц. с укр. «сірий» – «серый, лишенный цветовых оттенков, бледный, бедный»; «сірома», «сіромаха» – «бедолаха, сирота»; «зірка», «зоря» – звезда);

«akairo» (*sakairo) – красный (ассоц. с «сакалиба» – славянин);

«bugū» – «синий, голубой» (укр. «блакитний», нем. «blau»);

«kuroi» – черный, др.-япон. «kuga» – темный (укр. «карий» – «темно-коричневый», темный; хинди «kāla» – темный);

др.-япон. «dami» – тьма (сербохорв. «тама» – «мрак, туман», «тамна» – темный; др.-инд. «tāmas», лит. «tamsà», укр. «темрява», праслав. *тъма – мрак; ассоц. с авест. «dunman» – туман, с «дымка»; с гуджарати «darhana», хинди «dafana» – захоронение; с беларус. «дамоўка», «дамавіна», укр. «домовина», хинди «tābūta» – гроб);

др.-япон. «yami» – тьма (ассоц. с праслав., чеш. «jáma» – яма; с коми «ямас» – «полоса земли, обнажившаяся при спаде паводка», с санскр. «Jama» – «бог-царь загробного мира Яма»);

«naito» – ночь (ст.-слав. «ношть», болг. «ношта», «греч. «νύχτα», нем. «nacht»);

«nitchū» – «дневное время» (ассоц. с укр. «ніч» – ночь);

«dōri» – «истина, суть, причина, основа» (кор. «doli»; ассоц. с «дол» – низ, «дольный» – земной, укр. «доля» – судьба);

«dōro» – дорога (кор. «dolo» и кит. «dào» – «дорога, путь»; греч. «δρόμος» – дорога; русск. «подражание», «задор»; нем. «drang» – «влечение, стремление»);

«toreiru» – тропа (от «торить» – «прокладывать дорогу, тропу, путь»);

др.-япон. «tōkōrō» – место (ассоц. с «ток» – «место молотьбы», с укр. «довкола» – вокруг);

«giku» – земля (ассоц. с «берег» – берег);

«yōten» – суть;

«sunō» – снег (кельт. *snig-, *snixt, англ. и словен. «snow»; праияпон. *sūnsū-, др.-япон. «suzu-si», индонез. «sejuk» – прохладный);

«kōgi» – лёд (словац. «kга», «кгуha», укр. «крига» – «лёд, льдина»; также ассоц. с «корж», «кора»; кар.-бал. «кърау» – иней);

«shimō» – «иней, мороз» (беларус. «шэрань», лит. «šarma» – иней; ассоц. с авест. «zya^o (zim-), zimō» – мороз и с «зима»);

др.-япон. «kōi/kōju-gu» – мерзнуть (ассоц. с «коченеть»);

др.-япон. «kōg-u», «kōgōg-u» – замерзать (ассоц. с укр. «охолонути» – охладиться);

«kōrudo» – холод (греч. «κρύο», бенг. «kōlḍa», нем. «kälte»);

«shikke» – влага (ассоц. с укр. «сік» – сок);

«mizu», др.-япон. «midu» – вода (ассоц. с «бидон», «бадья», «питье» и с укр. «відро» – ведро);

«kata» – чайник, др.-япон. «kata» – котел, «kamō» (*kann, *kabō) – кувшин (др.-греч. «κάδος», греч. «κατάτα», нем. «kanne»; англ. «can», «canister» – «канистра, жестяная коробка»; греч. «κούπα», болг. «купа» – кубок; хинди «кара», малай. «cawan» – «чаша, кубок», тюрк. «qamıs», др.-киев. «ковьць» – ковш; беларус. «конаўка», «куфаль», укр.

«кухоль» – кружка);

др.-япон. «kumo» – туча (укр. «хмара»); «soga» – небо (ассоц. с укр. «зоря» – заря и с эпитетом неба укр. «зоряне» – звездное);

«san» – солнце (праслав. *sungъ, укр. «сонце, эвенк. «siun / сиун»);

«hi» – день и соотв. ему др.-япон. «ri», праяпон. *rit – солнце (кор. «bich» – свет, др.-кор. «пит» – «цвет, свет [солнца]» ассоц. с беот. «πιτεύω» – орошаю и с др.-инд. «pitús» – питание [светом солнца]);

др.-япон. «nōbo-s-u» – поднимать (ассоц. с «небеса», «небо», «нёбо»);

«subaru» – «стожары – плеяды»;

«nishi» – запад (ассоц. с укр. «ніч» – ночь);

«azuma» – восток (ассир. «asu» – восток; семит. корень «asu» означает восхождение или свет; ассоц. с русск. «ясный» – светлый; с прасл. *jěзь, родственным лит. «ežė» (ežià), диал. «ažià» – «межа, край, граница» и с др.-япон. «aze» – валик [на поле], межа);

«kure» – сумерки (край дневного времени), конец года (край года);

«kuni», «kantoī» – «страна, край» (маньчж. «куруни»; хинди «kinārē», азерб. «kānar» – край; «кан» – название в древности земель в Вост. Европе, в Средней Азии и в Корее);

«kunshu» – «монарх, князь» (прагерм. *kuningaz, д.-в.-н. «kuning», прасл. *кънѣдзь, др.-киев. «конязь», др.-япон. «канки», др.-кор. «ханки»);

«sā» – сударь (индонез. «saudara», алб. «Zotëri»);

«satori» – «просветление, просветленный» (ассоц. с «седой», «сударь», «старый», «старец», «старейшина»);

«shukun» – владыка (хорв. «župan» – «жупан, князь, старейшина»);

«chōrō» – старший (ассоц. с укр. «чоло» – «лоб, чело, начало»; с русск.-цслав. «челеснь» – «высший, главный»; с «начальник»);

«sawagi» – «волнение, беспорядок, шум, возня» (ассоц. с укр. «сварка» – «ссора, размолвка»);

«kōnā» – «кант, угол» (греч. «κωνθός» – «угол глаза»);

«katasumi», «kado» – угол (польск. «kał», укр. «кут»);

«hon» – «тонкий, длинный, негибачаемый предмет» (кор. «ganeun», гуджар. «thīna», польск. «cienki» – «тонкий, худой»; ассоц. с русск. «конец»);

др.-япон. «puto-» – «полный, толстый» («пухлый»; тагал. «puktō», укр. «пухлина» – опухоль);

«debu» – «толстый, тучный» (ст.-слав. «дебель» – «дебелый; ассоц. со ст.-слав. «добль» – «доблий, доблесный» и со словен. «dóbəlj» – «способный, годный»);

«gesuto» – гость;

«umai» – умный;

«umare» – рождаться, др.-япон. «nar-u» – плодоносить (эвенк. «нираи-ла» – родить, «нирэй» – новорожденный; укр. «народжувати» – родить; ассоц. с «народ»);

япон., когурё «na» – народ (ср.-кор. «narah», кор. «nala»; др.-инд. «нарата» – человечество);

«hito» – люди (болг. «хората», лат. «gente»);

др.-япон. «wo-/wo» – «самец, мужчина» (исп. «varón» – «мужчина, самец»; позднелат. «bago» – мужчина; др.-киев. «боран» – «баран, самец овцы»);

«otōsan» (otou-sama), др.-япон. «titi» – отец (укр. «тато»);

др.-япон. «me-/me» – «самка, женщина» (бенг. «mā» – мать; укр. «ненька» – матушка);

«haha», др.-япон. «papa» – «мать, мама» (ассоц. с «папа»);

др.-япон. «di» – бабушка (укр. «дідусь»), «opodi» – дед;

«woba» – бабушка, «oroba» – бабка;

«dōtā» – дочь (ст.-слав. «дышти», укр. «доця», исл. «dóttir»);

«manuke» – «болван, шут» (ассоц. с др.-инд. «mánuṣ», бенг. «mānuṣa» – человек; с арм. «манук», укр. «манюня, малюк» – малыш);

«ko» – «ребенок, сын, маленький, а также последний слог многих японских имен» (санскр. «kama» – маленький; греч. «κύο / κύος», адыг. «къо», санскр. «sūnu», англ. «son», фриз. «soan», нидерл. «zoon», укр. «синку» [зват. падеж], ст.-англ. «king», люксембург. «jong» – «сын, сынок»; укр. суффикс «-ко», аналогично добавляемый к именам малолетних: «Санько, Хведько, Иванко, Андрійко, Панько, Сергійко, Василько, Остапко, Марко, Жадко [от жаден]», а также используемый и в фамилиях для подчеркивания сыновьего родства);

«kodomo» – ребенок и «jidō» – дети (ст.-слав. «чѣдо», др.-польск. «czędo», болг. «чѣдо», укр. «чадо» – «дитя в смысле потомок»; хорв. «dijete», «djeteta» – «дитя в смысле ребенок»);

«jōchi» – детский (польск. «dzieci», хорв. «djecu» – дети; польск. «dziecięcy», хорв. «dječji» – детский);

«jushi» – юноша;

«shōni» – ребенок, «shounen» – «парень, юноша», «seinen» – «юноша, молодежь» (ассоц. с серб. «сон» и нем. «sohn» – сын);

праяпон. *mus – «рождаться, мальчик, девочка» (ассоц. с др.-киев. «мужь», ст.-слав. «мжжъ» – человек, муж);

«musuko» – сын («мужик» [мужи-ко] – незрелый «муж» или же чадо муж. пола, то есть сын; ассоц. со словен. «moški», хорв. «muškarac» – мужчина);

«mago» – внук (возможно, уменьшительное от «муж», ассоц. с «махонький»);

«koi», ср.-япон. «koi», др.-япон. «koi» – любовь (укр. «коханья»; санскр. «kam» – любить);

«kohai» – «младший по положению» (буквально соответствует самому любимому в семье, укр. «коханому»);

«koibito» – «подруга или же, буквально, – возлюбленная более всех других знакомых женщин» (ассоц. с польск. «kobieta» – женщина и с укр. «кобіта» – «молодая женщина», «кукобити» – «лелеять, опекать, заботиться»);

«kumiai» – союз (ассоц. с «кум», «кумовья»);

др.-япон. «kigari» – нелюбовь (ассоц. с «колебанием»; индонез. «kigari» – колебаться, подниматься и опускаться, – Сыромятников);

«kurēdoru», «yurika go» – колыбель (болг. «люлката», макед. «лулка», укр. «люлька»);

«Ōgu» – все (от ст.-укр. «гуре» – много, ассоц. с укр. «гура» – «куча, груда, скопление,

масса, толпа», укр. «гурт» – «группа, компания, толпа, стадо» укр. «юрба» – «гурьба, орава, толпа», «горлати» – «орать, кричать»);

«otoko» – «отрок, парень»;

«on'na» – женщина (итал. «donna», исл. «kona», укр. «жона»; русск. «она»);

«bijin» – «красивая женщина» (ассоц. с «богиня»);

«kireina» – красивая (укр. «красуня» – красавица; ср.: укр. «чарівна» – очаровательная и с кар.-бал. «чырайлы» – красивая);

«kessoku» – единство, «kazoku» – семья (ассоц. с сорани «hoz» – племя, народ; с укр. «господар» – хозяин);

«kaze», др.-япон. «kaza» – ветер (ассоц. с «казак» – вольный как ветер);

«kareshi» – приятель (ассоц. с «кореш», «хороший»);

«songen» – «сан, достоинство»;

«sonchō», «sonkei» – уважение (укр. «шана»);

«sanbi» – «хвалить, хвала» (ассоц. с укр. «шановний» – «уважаемый, преподобный, славетный», а также с этнонимами: «сяньби», «сербы», «сарматы», «славяне»);

«niwa» – сад (ассоц. с «нива»);

«kabocha» – «кабачок, тыква» (турец. «kabak»);

ср.-япон. «кага» – «кора, раковина»;

«keihi» – корица;

«karashi», др.-япон. «karasi» – горчица (беларус. «гарчыца», ассоц. с «корица», «коричневый», «кора», «гореть»);

«kyūgi» – огурец (эст. «kurk», беларус. «гурок», ассоц. с «горький»);

«gugō» – «жар, свет, свечение» (ассоц. с «гореть»);

«mosu» – мох;

др.-япон. «ра» – листва (хинди «pattē»; ассоц. с греч. «πέταλα», англ. «petal», беларус. «пялёстак», укр. «пелюстка» – лепесток; туркм. «ба:г» ‘дерево);

«ha», др.-япон. «ра» – листья (ассоц. с укр. «пагоны» – побеги, «паростки» – ростки, «пелюстки» – лепестки; туркм. «ба:г» – дерево; норв. «bøk», нем. «buche» – бук);

«konpon» – корень;

«shitai», «sitai» – «труп, тело» (укр. «струп», др.-киев. «strupь» – «рана, труп, грех»; русск. «ствол»; греч. «στρῦφνός» – «твердый, жесткий, крепкий»);

«chokku» – чурка;

«tsugi» – дерево (ассоц. с «чурка», «чурбан»);

«sutemu» – «стебель, ствол» (англ. «stem»);

«shiten», «eda», – «ветвь, рукав, отдел»;

«shi» – «конечность, ветка, сук» (тагал. «sanga» – ветвь; ассоц. с «сук»; прасл. *soǰь сближается с лит. «at-šankẽ» – «крюк, выступ на дереве, палка» и с др.-инд. «caṅkús» – «острый колышек, деревянный гвоздь, кол», – Фасмер);

др.-япон. «siba», (*tsiba) – «кусты, веточки кустов, прутья» (русск. «чубук» и «чублук», турец., крым.-тат., уйг., кыпч. «čybyk» – «прут, тонкая палочка, черенок»; ассоц. с болг. «чубер» и с укр. «чебрець» – чабрец);

«ki» – дерево (ассоц. с «кисть», с др.-прус. «kirno» – «куст»);

«asshu» – осень (англ. «ash»);

«obi» – «лента, полоса» (ассоц. с «оборка» – кайма; с «обруч», с «обод»; с укр. «обрій» – горизонт);

др.-япон. «isa-go» – песок [*pisa-go, где: «-go (= kö)» – мелкий предмет, < «Ко» – ребенок, – Сыромятников] (индонез. «pasir», укр. «пісок»; ассоц. с «искра», др.-киев. «искоростень» – песчаный камень, песчанник);

др.-япон. «ро-пō-ро» – пламя (укр. «полум'я»);

«hi», др.-япон. «ri» – «огонь, солнце» (и.-е. *p(h)ū- – дуть; др.-греч. «πῦρ» – «огонь, пламя, горящие угли»; ассоц. с «пыхать», «пыл», «пылать», с укр. «опік» – ожог, «порос» – «раскаленный пепел», «промінь» – луч);

«honō» (*ponō) – огонь (ассоц. с др.-инд. «ghṛnās» – «жара, жар»; с лат. «fornus» – печь; с «горн», «гончар», «гореть» и с укр. «горнутися» – лнуть);

«hachi» – горшок (укр. «горщик»);

«jūshin» – бочка (укр. «діжа»);

«sūto», др.-япон. «susu» – «сажа, копоть» (коми «сусан» – грязнуля, фин. «susi» – уголь; прасл. *sadija, лит. «súodžiai» – «сажа, копоть – то, что осаждено»);

др.-япон. «riku» – ветхий (серб. «оронуо»; ассоц. с укр. «булий» – бывший, «порох» – прах, «брухт» – утиль; с макед. «поранешен», шор. «пурунфу», англ. «former» – прежний; англ. «roog» – плохой; «порочный»);

«waruku» (*baruku) – плохой (др.-киев. «плохъ»);

«baka» – универсальное оскорбление (русск. «бьяка» – «дурное, плохое, плохой человек»);

«hidoi» – «жестокий, ужасный» (укр. «гидота» – гадость, «гидкий» – гадкий);

«gui» – «род (genus), вид, тип»;

«getsu» – «ряд, колонка, столбец»;

др.-япон. «tire» – «множество слоев» (ассоц. со «стопа», с «тип» – «атрибут множества объектов, обладающих неким общим и характерным преимущественно лишь для них свойством»);

«zō» – изображение (укр. «зображення»; ассоц. с польск. «wzór» – узор);

«Sōzō» – создание;

др.-япон. «na» – имя (праслав. *jъmę, *jъmene из *ъnmen-, греч. «νόμα», англ. «name»);

др.-япон. «uti» – внутри (др.-киев. «утроба», чеш. «útroba» – «внутренности, материнское чрево»; прасл. *otroba произведено от *otro – «нутро́, внутрь», – Фасмер);

др.-япон. «kuda» (*gulda) – трубка (маньчж. «гулдури» – труба; ассоц. с укр. «ковтати» – глотать и с в.-луж «hordto» – горло, а также с «кратер», «гортань», «глотка»);

др.-япон. «jugam-» – «быть кривым, изогнутым» (ассоц. с «дуга»);

др.-япон. «kagi» – «крюк, ключ» (индонез. «kokot» – «изогнутый, крюк»; ассоц. с «коготь»);

«kakkoï» – крутой, «hokku» – крюк (укр. «гак» – крюк);

«magegi» – сгибать, др.-япон. «mag-ag» – «гнуть, быть изогнутым» (ассоц. с «магия», «мощь», «могущество» и с «мегера» – «злая жена»);

др.-япон. «*tēgug*» – «вертеться, кружиться» (греч. «*γυρίζω*», др.-греч. «*γυρεῖω*», англ. «*whirl*» – «кружиться, вращаться»; ассоц. с «выкрутиться», «бугор», «вокруг», с др.-инд. «*вакра*» – кривой и с укр. «*викривлятися*» – искривляться);

др.-япон. «*kat-u*» – побеждать (ассоц. с укр. «*катувати*» – «истязать, мучить»);

«*shire*» – «сила, могущество» (праслав. «*sila*» родственно лит. «*siela*» – «душа, дух, чувство» – Фасмер; ассоц. с «чары»);

«*shiretsu*» – «жестокый, свирепый» (укр. «*жорстокий*», кр.-тат. «*sert*»; ассоц. с «сердитый», «сильный»);

«*haji*» – позор («хай, хаять» – позорить; укр. «*ганьба*», «*ганити*»);

«*gōman*» – высокомерие (укр. «*гонор*»; ассоц. и с польск. «*gomon*» – «ссора, шум»);

«*hokogi*» (**rokogi*) – гордость (кр.-тат. «*ğugug*»; чеш. «*hrdý*» – гордый; ассоц. с «покорность»);

др.-япон. «*muqa*» – «скопление чего-либо» (ассоц. с укр. «*мур*» – «стена, ограда», «*мурувати*» – сооружать);

«*muqa*» – деревня (ассоц. с «мир» – сельская община);

«*machi*» (**mati*) – «поселение, город» (ассоц. др.-греч. «*μητρόπολις*» – букв. «материнский город», с «матерый», «матка»);

«*katei*» – «хата, дом»;

«*tobira*» (др.-япон. «*то*») – дверь (каясский «*тор*»; англ. «*door*»);

«*kami*» – бог («кумиры» – языческие боги славян);

«*hosoi*», «*usui*» – тонкий (ассоц. с «узкий»);

«*tōbu*», «*atama*» – голова («темя»; укр. «*тяма*» – «понятливость, ум»; укр. «*притаманність*» – свойственность; атаман – главарь; англ. «*top*» – «верх, вершина»; греч. «*ἄτομο*» – персона);

«*umai*», «*sumāto*» – умный;

«*omoi*» – думаю (ст.-слав. «*оумъ*» – ум);

«*yuume*» – «мечта, сон» (англ. «*dream*»; кар.-бал. «*оюм*» – «мысль, намерение»; ассоц. с «дремать», «ум», с укр. «*дума*»);

«*kamin*» – дремать (укр. «*кімарити*», «*куняти*» – «спать, дремать»);

«*damatte*» – молча (ассоц. с «думать» и с укр. «*тамувати*» – подавлять);

«*sōon*» – шум (др.-япон. «*saba*», ст.-слав. «*шоумъ*», ассоц. с «звон» и с лат. «*sonus*», др.-инд. «*svanās*» – звук);

«*dōbutsu*» – «животное, зверь» (ассоц. с «добыча»);

«*hobobosu*» – уничтожать (ассоц. с «гроб», «угробить», «коробить»);

«*kōsa*» – пересечение (ассоц. с «косой», «коснуться»);

«*hasu*» – косой;

«*higoi*» – широкий (алб. «*gjerë*»; ассоц. с «щирий»);

др.-япон. «*taka*» – высокий, «*takē*» – «гора, высота, рост» (нем. «*dach*» – верх, укр. «*дах*» – крыша, турец. «*dağ*» – гора);

«*higu*» – «гора, холм, горка» (макед. «*хил*», укр. «*гірка*»);

«*kōchi*» – нагорье (ассоц. с «кочка», «куча»);

«*kui*», «*hīru*» – «куча, кипа» (укр. «*купа*»; «*гуком*» – много);

«kofun» – курган (ассоц. с «копна»);
 прааяпон. *kúmpriá, др.-япон. «kub(w)o» – «впадина, углубление, вогнутость» (др.-греч. «καμπύλος» – «согнутый, кривой»; ассоц. с «кумпол» – купол);
 «saka» – склон;
 др.-япон. «pata» – «поле суходольное» (кор. «phat» – поле; и.-е. *pet(h)- – широкий; ассоц. с русск. «падь», «пятно», «пята», «пяточок»);
 др.-япон. «piga» – «ровное место» (греч. «πλάξ», укр. «полонина» – «равнина, горная долина»; франц. «plateau» – «плато, возвышенная равнина»; др.-инд. «práthas» – ширина; ассоц. с укр. «піл» – «припечные дощатые нары», «пеля» – «низина в лесу», «пірий» – пустой; с польск. «biega» – бирка);
 др.-япон. «para», «hara» – «поле, степь» (кор.*pə́r(h)-, тунг.-маньчж. *pāla-n, пратюрк. *ala-n / *ala-ŋ, татар. «алан» – поле; укр. «пара» – «паровое поле»; др.-русс. «поль» – «открытый, свободный, полый»);
 «dēgu», др.-япон. «тани» (*доли) – «дол, долина» («д» → «т», «л» → «н»);
 «mōgi» – «лес, роща»; др.-япон. «mōgi» – роща, «bari» – бор (и.-е. *bhar- – «бор, хвойный лес, роща»);
 «burisu» – блаженство (арм. «bari», др.-киев. «бóлого» – благо);
 «jōbu», др.-япон. «урё» – верх (и.-е. *ureg – сверху; хинди «ūpara» – верх; нем. «ober», англ. «upper», «over» – верхний; ассоц. с индонез. «uar», англ. «varog» – пар и с укр. «випари» – испарения);
 «jōbu», др.-япон. «пōво» – верхний (ассоц. с «нёбо», «небеса»);
 «subarashī» – «великий, большой» (ассоц. с укр. «звеличений» – возвеличенный, с вульг. лат. «superanus» – верховный, с лат. «superans» – «высоко вздымающийся» и «sublime» – возвышенный; со швед. «suverän» – «высочайший, превосходный»);
 др.-япон. «sumera» (*tsumera) – правитель, «samuray» – самурай (вульг. лат. «superanus» – верховный, швед. «suverän» – «высочайший, превосходный»; ассоц. с «кумир», с укр. «смурий» – «мутный, хмурый, мрачный, тёмный», «чуприна» – шевелюра);
 др.-япон. «ро» – «колос, верхушка» (перс. «baḷa» – верх; ирл. «barr» – «верхний, вершина»; русск. «почка», «початок»; хетт. «parku-» – высокий; ассоц. с укр. «паркан» – забор; с «полати» – «спальная лавка»; с лит. «palėrė» – «верхний этаж, чердак»; с польск. «ruřar» – потолок; с др.-киев. «пол» – берег; с русск. «половодье» – «высокая вода»);
 «mitsu» – плотный (ассоц. с укр. «міцний» – «крепкий, прочный»);
 «fugeru» – дрожь (ассоц. с лат. «fugere» – бред; с укр. «фóркати» – «прыскаться, фыркать»; с укр. «бурсуватися», «борхатися» – барахтаться; с «порхать»);
 «dogonuta» – трясина (укр. «драгва» – «дрягва, дрегва»);
 «okoгу» – сердиться (корить, укорять);
 «kageru» – засыхать, др.-япон. «kage» – засыхая (ассоц. с «кора», «корка»);
 «shinu», др.-япон. «sin-u» (*kin-u?) – «умирать, гибнуть» (польск. «копаć», укр. «сконати» – скончаться, умереть; «кануть» – исчезнуть; укр. «кінець» – конец, польск. «zgon» – смерть; укр. «згинув» – погиб, «гину» – погибаю);
 «shibō» – «гибель, смерть»;
 «idō» – двигаться (ассоц. с «иду»);

«i~tsu» – идти;
 «go» – язык (ассоц. с «говор»);
 «hōgen» – «говор, диалект» (ассоц. с укр. «гукати» – звать);
 «tsutaeru» – рассказывать, др.-япон. «katar-u» (*gutar-u) – говорить (*вор. и *тамб. «гугторить», укр. «гутарити»);
 др.-япон. «tausu» – говорить (ст.-слав. «мльвити», польск. «mówić», беларус. «мовіць», укр. «мовити»);
 «кое», др.-япон. «kōwe» – голос (ассоц. с «говорить», «коверкать»);
 др.-япон. «koto» – «старинный музыкальный инструмент» (укр. «кобза», тюрк. «кобуз»);
 «jinsei» – жизнь (и.-е. *gīvotā, тайск. «chīwit», др.-киев., болг. «живот», беларус. «жыщцё», лтш. «dzīvi», лит. «gyvata», «gyvenimo»; «индонез. «jīwa», кор. «yeonghon» – душа);
 «yaku» – печь, «yak-» (др.-япон. «jak-»), «yakedo» – «жечь, гореть» (прасл. *žego, укр. «жегті» – жечь; др.-инд. «jañj» – «светить, гореть»; авест. «dažaiti», алб. «djek» – сжигаю);
 «hiwaina» – гумно (диал. «гувно́», болг. «гүвно»; древнее сложение из *gu- (см. говя́до, говно́) и к. «мять, мну», лит. «minù, minti» – давить [ногами], букв. «место, где скотина мнет, топчет скошенный хлеб», – Фасмер);
 «kibi» – «чумиза, просо»;
 «awa» – просо (ассоц. с беларус. «авёс» и серб. «овас» – овёс);
 «mugi» – пшеница, др.-япон. «mugi» – злаки (маньчж. «мучжи» – пшеница; ассоц. с «мучная»);
 «tokume» – зерно (маньчж. «макта», др.-япон. «tak» – сеять; макед. «маак», венг. «tag» – семена; ассоц. с «мак», «маковка» и со словац. «тока», польск. «mąka» – мука);
 «surudo» – острый (англ. «sharp», нем. «scharf», сол. «сэрби», нан., ульч. «салби»; ассоц. с «серп», «шуруп»);
 «sasu» – «жалить, колоть» (ассоц. с «оса»);
 др.-япон. «sane» – «ядро, косточка» (ассоц. с «семя», «сноп»);
 «suki» – «пахать, лопата, плуг» (ассоц. с «соха»);
 «saku» – «раскалывать, расщеплять» (укр. «розчачнути»; ассоц. с «секти», «секач», «рассекать»);
 «hōgu», др.-япон. «rog-u» – рыть (ассоц. с «бур», «бурить», «порыть» – изрыть, «полоть», «пороть» – вспарывать);
 «рога» – пещера (ассоц. с «пора» – отверстие в поверхности);
 «osu» – жать (гот. «asans», дат. «hoesten» – жатва; ассоц. с «осень» – «пора жатвы»);
 др.-япон. «kusa» – трава (ассоц. с «косить»);
 «kagu», др.-япон. «kag-u» – косить (ассоц. с «корнать» – срезать под корень);
 др.-япон. «m(w)om-», ср.-япон. «móm-» – «мять, жать, комкать» (цслав. «мьнѣ», укр. «мня́ти», соотв. «мну»);
 «kigu», «kigitori», др.-япон. «kig-u» – «кроить, резать» (укр. «краяти»);
 «ūgu» – шерсть (кор. «ul», бенг. «ula», болг. «vŭlna», укр. «вовна», англ. «wool»; ассоц. с «волна»);

«motsure» – «клубок нитей» (кар.-балк. «матау»; ассоц. с «мотать», «моток»);
 «sake», др.-япон. «sakē» – «рисовая водка, ликер, алкоголь» (ассоц. с лат. «sucus» и др.-киев. «сокъ» – сок; с в.-луж., н.-луж. «sok» – чечевица; с малайск. «sago» – саго);
 «ureshii» – «веселый, ура»;
 «kara» – «скорлупа, оболочка» (ассоц. с «кора»);
 «kawa» – «кора, кожа» (турец. «kabuk» – кора; чеш. «kuže» – кожа; ассоц. с лит. «kaĩras», «kaurà» – ковёр; англ. «covering» – покрытие);
 «sukin» – «шкура, кожа»;
 «shibō» – «сало, жир»;
 «kugi» – ноготь (ассоц. с коготь);
 др.-япон. «pitarī» (*pitsarī) – лоб (ассоц. с укр. «пика» – «рожа, лицо»);
 др.-япон. «kap(w)o», ср.-япон. «káfō» – лицо (ассоц. с и.-е. *g'ēbh-, *gēbh- – жабры);
 «chīku» – щека;
 «nōzu» – нос;
 «me», др.-япон. «mē/ma-» – глаз, «mi-gu» – видеть (индонез. «melihat»; ассоц. с укр. «милуватися» – «любоваться, любозреть»; с др.-инд. «māṅīcīṣ», «maṅīcī» – луч, «maṅīcīkā» – «марево, мираж»; с «мигать, мигнуть, подмигивать» – «хлопать веками, жмуриться и тотчас опять открывать глаза»; с «примерно» – «на глазок»; с укр. «мірити» – мерить);
 «shiryoku» – зрение (ассоц. с укр. «зір ока» – зрение глаза);
 «bijon» – «видение, зрение» (словац. «videní» – зрение);
 «chōgyoku» – слух (авест. «sraōša»);
 «sōgyo» – «монах, преподобный» (ассоц. с «жрец», с «зоркий»);
 «shiru» – знать, др.-япон. «sir-u» – «знать, понимать» (< уяснять себе, – Сыромятников), «zigi» – знающий (ассоц. со «жрец» и с укр. «зіркий» – зоркий, «прозрілий» – «прозревший, постигший необходимые воззрения»);
 «kugō» – «боль, мучение» (ассоц. с «кара», с укр. «корчі» – спазм);
 «keiren» – спазм (укр. «корчі», нем. «krampf»);
 «suji» – мышца (ассоц. с укр. «судома» – судорога);
 «se» – задний (ассоц. с «сесть», «седалище»; др.-киев. «задъ» – «спина, зад»);
 «senaka», др.-япон. «se» – спина;
 «heso», др.-япон. «rosō» – пуп (тагал. «pusod»; ассоц. с «пузо»; тагал. «puson» – чресла, поясница);
 др.-япон. «siri» – «зад, жопа» (укр. «срака»);
 др.-япон. «ruj» – вонять, «ruk-u» – дуть (др.-инд. «ри»; ассоц. с «пукать»);
 «kuchi» – рот (ассоц. с «кушать», «кусать»);
 др.-япон. «kur-u» (*kub-u) – есть (укр. «гамати», «гамкати» – кушать, «вгамувати голод» – утолить голод);
 «karada» – тело (ассоц. с «колода»);
 др.-япон. «ragi» (*ralgen) – «нога, голень, конечность» (нанай. «палган» – ступня, эвенк. «халган», сол. «алган» – нога; греч. «παλάμη» – ладонь, д.-в.-н. «folma», др.-инд. «rāñis» – рука; ассоц. с русск. «палец»);
 др.-япон. «kōmuga» – «икры, мышцы голеней» (ассоц. с укр. «гомілка» – голень);

«ashikubi», др.-япон. «asi-kubi» – «лодыжка, щиколотка» (др.-руссск. «щиколка», *щихолка – холка стопы? япон. «ashi» – стопа и «kubi» – шея);

«koshi» – бедро (лат. «соха», ассоц. с «кости»);

«ude» – рука (таг. «dako»; ассоц с др.-киев. «оудъ» – часть [тела], член; с польск. «ud» – ляжка; с «удар»);

др.-япон. «te» – рука (ассоц. с «теребить», «дергать», с укр. «тримати» – держать);

др.-япон. «tōg-u» (*bōg-u?) – беру (в.-луж. «bjeru»; ассоц. с укр. «тримаю» – держу);

др.-япон. «tog-u» (*bog-u?) – «брат, хватать» (ассоц. с укр. «торкати» – «трогать, потрогать», «торкнутися» – коснуться);

др.-япон. «kar-» – «менять, покупать» (нем. «kaufen», укр. «купувати» – покупать происх. от и.-е. *khar-, лат. «сариō, -ere», др.-киев. и укр. «хапати» – «брат, хватать»; тюрк. «qар-» – «хватать, похищать»; таг. «karit» – держание; ассоц. с «охапка», «хобот», «копна», «копить», «накапливать», «скупой»);

«tamotsu» – держать (укр. «тримати»);

«utsu» – удар;

«atsu» – давление (укр. «тиск»; ассоц. с укр. «утиск», «натиск»);

«nigeyo», «nigeru», др.-япон. «nōgagu-gu» – «спасаться бегством, мочь бежать» (ассоц. с «нога»);

«okonau», «okonawa» – «делать, выполнил» (укр. «виконав», «окончил»);

«rishi» – «интерес, процент, выгода» (др.-киев., ст.-слав. «лихва»; ассоц. с «лишний», с укр. «рештки», «залишки» – «излишки, остатки», «речі» – вещи);

«koto» – вещь (исп. «cosa»; ассоц. с «котомка» – «сумка для вещей»);

др.-япон. «tikara» – сила (сербохорв. «jaka», укр. «дужий» – «дюжий, сильный»; ассоц. с «дикарь»);

«fukushū» – месть (ассоц. с «покушение»);

«yoko» – около;

др.-япон. «tōki» – «время, час» (ассоц. с «ток» – течение, с укр. «доки» – пока, «чекати» – ждать, «тікати» – убежать; с эвенк. «тыкин» – теперь, со ст.-слав. «тъгда», болг. «тогава», лит. «tąkart», кит. «dangshi» – тогда; со ст.-слав. «текмо», сербохорв. «тек» – только; с нем. «tag» – день);

«tsuide», «tsugini» – «затем, тогда»;

др.-япон. «tōkō» – вечно (ассоц. с сербохорв. «дуго» – «надолго, на длительный срок»; с беларус. «доўга» – долго);

«taiki» – ждать (сербск.-цслав. «чакати», укр. «чекати»; чеш. «čáka» – ожидание);

«furu», др.-япон. «furu» – старый (ассоц. с укр. «було» – было и с «прежний»);

«nagai» – длинный (санскр. «naga» – «гора, змей», чеш. «nohátá» – длинноногий);

«nise» – «ложный, поддельный» (ассоц с укр. «нісенітниця» – бессмыслица, то есть с тем, что является ложным в виду отсутствия у него смысла);

«zubon» – «штаны, одежда» (ассоц. с «жупан», «зипун»);

др.-япон. «pige» – «плат, платок»;

«pan» – хлеб (лат. «pane», кор. «ppang», кит. «bǐng» – хлеб; укр. «панва» – сковорода, «панійка» – «пампушка, оладья»; русск. «пончик»);

«jagu» (*jabu) – «жбан, кувшин» (зап.-болг. «джибан / джубан»);
 «kuraun» – корона (ассоц. с укр. «курінь», др. монг. «kureуен» – круг);
 «busshitsu» – вещество (ст.-слав. «вѣштъ», гот. «waīhts» – вещь);
 «shio» – соль (укр. «сіль» при лат. «sal»; др.-япон. «sipo» ассоц. с «сыпучая»);
 др.-япон. «sūmī» – «уголь, чернило» (ассоц. со «смола»);
 «jushi» – смола (полабск. «žywica», словац. «živica» – «смола, живица»; кит. «jīāoyóu»,
 лит. «deguto», тагал. «dagta» – «смола, деготь»);
 «anbā» – янтарь (англ. «amber»; ассоц. с арабск. «anbar» – амбра);
 «shirubā», «gin» – серебро (когурё «tʃiɛt»; пэкче «siri» – металл; япон. «suzu», др.-япон.
 «tsudzu» [*tsuru] – олово);
 «gōrudo», «sai» – золото (Силла, Когурё, Пэкче «so»).

Как видим:

«Подобные слова нередки в ДЯЯ, что подтверждает мнение болгарского лингвиста проф. Ст. Младенова о том, что в японском языке имеется не менее ста древних корней, общих с индоевропейскими языками» (Николай Сыромятников, «Древнеяпонский язык», https://books.google.com.ua/books/about/Древнеяпонский_язык.html?id=Zk1kQgAACAAJ&redir_esc=y).

К тому же, многие европеизмы в японском языке всё же ближе к славянской лексике, нежели к английской или же к любой другой индоевропейской. И этому-то вовсе не стоит удивляться. Ведь ещё С.А. Старостин («О доказательстве языкового родства», <http://www.philology.ru/linguistics1/starostin-07.htm>) обнаружил большое количество взаимных совпадений в русском и в родственном японскому эвенкийском языке даже среди слов базисной лексики (пять совпадений в 35-словной и шесть совпадений в 65-словной частях списка С.Е. Яхонтова, то есть 11% совпадений во всем списке базисной лексики Сводеша). Это хорошо согласуется и с мнением Гринберга о родстве японского языка с индоевропейской семьёй языков:

«Он (Вагнер, – П.Д.) также указывает на родство финно-угорских языков с японским, где глагол также отличается сильной номинальностью, из-за чего местоимение, выражающее подлежащее, часто опускается (как и в корейском, монгольском) (Wagner 1959: 147). Дж. Гринберг высказывал мысль о возможном родстве индоевропейской семьи языков с японским в рамках гипотетической евроазиатской семьи (Toyota 2004: 13). Эта теория могла бы пролить свет на природу значительной степени номинальности индоевропейского глагола, о которой было сказано выше. Следует также добавить, что склонность опускать подлежащее, выраженное местоимением, часто коррелирует с многочисленностью безличных конструкций в данном языке. Именно эту характеристику можно наблюдать как в индоевропейских языках, так и в японском» (Евгений Зарецкий, «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazykovyie-71902.html>; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf).

Как и в японском языке, так и в говорах российских поморов «вопросительные предложения содержат постпозитивную частицу, на которую приходится повышение тона: (Ты ко`йдысь пойдё`шь-то? Вы`йдешь ли? Пойдё`шь ли, нет ли?)» («Поморска говоря», <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/04/01/osobennosti-rechevoy-kultury-zhiteley-kraynego-severa-na-primere-dialekta>).

Как и в японском, так и в русском языках используется аналогичный показатель мелкого предмета. Так, если «isi» – камень, то «isa-go» – песок [где -go (= kō) – «мелкий предмет»]. То же самое имеет место и в русском языке: «бутыль – бутылка», «ступа – ступка, стопка», «баня (ванна, сосуд) – банка», «ведро – ведёрко», «ладья – лодка», «плаха – плашка», «колода – колодка», «паля – палка», «вилы – вилка», «ложе – ложка», «нога – ножка», «гулянье – гулянка», «муха – мушка, мошка», «дорога – дорожка», «гора – горка», «туча – тучка». Очевидно, -go (= kō) является индоевропеизмом, так как оно весьма близко к микен. «ko-wo», др.-греч. «κόρος», ион. «κουρος», дор. «κωρος» – «ребенок, мальчик, юноша, сын», греч. «γιο» – сын, санскр. «kana» – маленький.

Как и в украинском языке, в японском языке имеет место не только полногласие, но и «переход «i» первого слога в «a» (или в другой гласный) под влиянием гласного второго слога (так называемый перелом гласного «i»))» (Николай Сыромятников, «Древнеяпонский язык»). Закон же открытых слогов, постепенно переставший действовать в славянских языках, законсервировался в японском языке, очевидно, из-за преобладания открытых слогов как в былом австронезийском субстрате японского языка, так и в многочисленных заимствованиях из китайской лексики:

«Открытые слоги в ДЯЯ – явление не исконное, а вторичное, связанное со смешением языков, устранением стечений согласных под влиянием субстрата» (Н.А. Сыромятников, «Древнеяпонский язык», https://books.google.com.ua/books/about/Древнеяпонский_язык.html?id=Zk1kQgAACAAJ&redir_esc=y).

6.7 Славяно-тунгусо-маньчжурские и славяно-китайские лексические схождения

Очевидно тунгусо-маньчжурское происхождение имеют такие русские, славянские и английские слова как:

- неделя (эвенк. «надалла» – семь дней от «надан» – семь);
- лук (эвенк. «луки» – стрела);
- туча (эвенк. «туксу» – облако, туча);
- утка (эвенк. «отки» – утка-крохаль);
- мерин (эвенк. «мурин» – лошадь, конь);
- колонок (эвенк. «χolongo, solongo, šoiongo», – Фасмер);
- мамонт (эвенк. «ᶇamendi / ᶇāmэндy» – медведь, – Фасмер);
- польск. «tатона» (эвенк. «меменде» – страшилище, чудище);
- сербать (эвенк. «серба» – ши);

головня – обгоревшее бревно (эвенк. «голо»);
 пурга (эвенк. «borga, бурга*»), карельск. «purgi», фин. «purki» – метель, снежная
 вьюга, дождь с сильным и холодным ветром);
 тундра (эвенк. «дуннэ» – земля; «дуннэды» – земляной);
 юг (эвенк. «дюга» – летом; русск. «лето» – диал. олонек. «юг»; «лётний» – диал.
 «южный», «летее» – нареч. «южнее», – Этимолог. словарь Фасмера);
 ныне, нынче (эвенк. «инэңи» – день, «инэңмэн*» – сегодня);
 сапоги (пратунгусо-маньчжур. *sabu – башмак, – Фасмер);
 дыня (маньчжур. «dungga[n]») – арбуз);
 англ. «bear» – медведь (эвенк. «бирин» – медведица);
 англ. «babe» – младенец, ребёнок, дитя (эвенк. «бэ, бэбэ*») – люлька с ребёнком);
 англ. «ten» – десять (эвенк. «дя̄н / дьяан»);
 англ. «saw» – пила, пилить; «shove» – пихать, сунуть, совать, толкать (эвенк. «хувун,
 увун*») – пила).

Многие же эвенкийские слова имеют сарматское (прабалто-славянское)
 происхождение:

«ламуты» – самоназвание эвенков, являвшихся обитателями как прибрежных, так и
 горных узких и длинных долин (прабалт. «lama» – «узкая длинная долина»; лит. «loma» –
 лог; лтш. «lama, lans» – низина; «Лом – «болото», «пойменный луг с кочкарником и
 мелколесьем» [Беларусь, северо-западные обл.]. Лом – «бурелом», «завал поваленного леса»,
 «занос», «затор на реке». Псковское «ломина» – «заросшее и заболоченное место, заваленное
 сучьями» [Мокиенко, 1962]. Сюда же «ломь, ломистое место» – «ветровальные участки
 гарей или прохождение шквалистого ветра»... [сообщение А.Н. Формозова]... Ср. польск.
 «zalomek» – низина... Лома – «низина; узкая, длинная долина; углубление, низкое место на
 лугу»; «самое низкое сырое место на пашне»; «яма, болото»; «пруд в лесу» (литов.); лтш.
 «lama» – то же [Невская, 1977]. М. Фасмер [1967, 2] связывает с болг. «лам» – «яма, ров» [а в
 диал. – «небольшое возвышение»]; латин. «lama» – «лужа, топь, болото». У Л.В. Куркиной
 [1969] читаем о формально-семантическом соответствии рус. «лом» и лтш. «lama» – «лужа,
 болото»...» [Эдуард Мурзаев, «Словарь народных географических терминов»,
<http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000079/st019.shtml>]);

«ламу» – море (и.-е. *la:ma – «лужа, болото»; греч. «λιμνί» – «залив, лиман»);
 «булэ» – болото (слав. «бара», лит. «bala», лат. «palus», ирл. «portach»);
 «сиун / siun» – солнце (укр. «сонце»);
 «сагды» – старый, «сагдагү» – старейшина (прабалто-слав. *su-gūdaī – «очень
 древние»);
 «уту» – старый (лит. «vėtušas», лтш. «vecs» – «старый, престарелый, ветхий», и.-е.
 *цetus-, *цetusо- – «старый, престарелый», лат. «vetus / veteris» – старый);
 «хунат» – девушка (укр. «юначка» – юница);
 «гоко» – крюк (укр. «гак»);
 «камни» – «ущелье, утес» (и.-е. *akmen- и *ak̑men-, напр., лит. «акмиџ», «-eĩs» –
 камень, – Фасмер);

«эмнэ» – «просторный, широкий, обширный» (соответ. укр. «емний» – «емкий, объемный»; ст.-слав. «имѣти», «имамъ», образованным от праслав. *jьmo);

«тыңнэ» – худой (тонкий);

«инии» – иней (иней от др.-инд. «ēpī» – блестящий, – Фасмер);

«дивэ» – «удивляться, дивиться, поражаться»;

«колобо» – «печёный хлеб» (колобок от прасл. *kolo – круг);

«дюмй» – «большой дом» (при «дю» – дом; прасл. *dumь, авест. «dam» – «дом, жильё», – Фасмер);

«гулэ, gule» – «деревянный дом» (лит. «gārdas» – ограда, гот. «gards» – дом, кашуб. «gard», полаб. «gord» – город, – Фасмер);

«бэли» – бледный, белолицый (белый);

«икэгды» – икота (икота);

«корме» – пола (свешивающаяся нижняя оконечная часть) распашной одежды (корма – задняя оконечная часть судна);

«тамнакса» – туман (из прасл. «тьмьпъ» от *тъма – «темень, темнота»; авест. «dunman-» – туман, – Фасмер);

«корб-» – сильно гореть, вспыхнуть (гореть);

«силгивун» – шило (шить);

«пулат» – шаль (плат – платок);

«бёру, боре» – баран (перс. «фарн»)

«сэли» – мамонт (слон);

«карав» – журавль;

«дасин» – крыша, крышка, покрывало; дасивун – крыша (укр. «дах» – крыша);

«хавулан» – болтливый, говорливый (говорун);

«мудурэн», «мудэ*» – хитрый (др.-инд. «mēdhā» – «мудрость, разум, понимание, мысль»; авест. «mazdra-», ст.-слав. «мждръ» – мудрый; русск. «мудреный»);

«буку» – сильный (русс. «могучий»);

«букачан» – «бугор, холм, взгорок, сопка»;

«хактанчан» – хохот;

«хоролиңки» (нивхск. «килкус») – колесо (ассоц. с «горло»);

эвенк., сол., нег., ороц., уд., ульч, орок., ман. «сэлэ» – железо от праслав. *žel-zo, скорее всего, родственно ст.-слав. «желы» – черепаха, польск. «glaz» – камень с общим исходным знач. «камень», – Трубачев;

«сэлли, сэлквун, сэлли, холми», негид. «сэлэза, сэлэсих», ульч., орок. «сэлэсу», нан. «сэлэсу[н]» – «кольчуга, панцирь» [железные] от праслав. *žel-zo;

нан., ульч. «салби» и сол. «сэрби» – острый (нидерл. «scherpe» – острый; др.-в.-нем. «sarf», нем. «scharf», англ. «sharp»; лат. «sarpere» – обрезать; греч. «ἀρτη», осет. «xsyrf», фин. «sirppi», эст. «sirp» – серп).

В эвенкском, как и в большинстве славянских языков (кроме русского), юг отождествляется с полуднем (укр. «південь» – юг), а север с полночью (укр. «північ» – север):

«эвенк. «инэн» – 1) полдень, 2) юг; «тыргакакин» – полуденный; «тыргакакин

дылача» и «тыргаксакин» – юг; «долбоніткі», «долбортыкі» – 1) север, 2) к ночи; «долбогида» – 1) ночная сторона, 2) северная сторона, 3) север».

Во многих индоевропейских языках однокоренными являются слова, соответствующие лесу и горе (санскр., бенг. «агапуа», др.-греч. «ὄλη», болг. «гора» – лес при греч. «ορεινός», англ. «hill» – гора; гилея – влажный тропический лес):

«Праславянское «гора» означает и возвышенность и лес, что делает вероятным предположение о его древнем значении «холм, возвышенность, покрытые лесом» (Федот Филин, «К проблеме происхождения славянских языков», <http://www.philology.ru/linguistics3/filin-72.htm>).

То же самое имеет место и в эвенкском языке: «эвенк. «урэ» – гора, лес на горе; «хүра*» – лес». И, следовательно, не только праиндоевропейцы, но и тунгусо-маньчжуры были горцами.

Набиевым обнаружено большое количество близкой лексики в русском и в маньчжурском языках. Однако же многие заимствования маньчжурским языком из славянской (маньчжур. «djilun» – жалость) и даже из общей индоевропейской лексики он ошибочно рассматривает, как заимствования русским языком маньчжурской лексики:

«1. Присутствие маньчжурских терминов в восточноевропейских языках несомненно. 2. Указанные термины относятся к государствообразующей и другим социальнозначимым сферам. В известных языках финно-угорских народов, покоренных русскими в XI–XVI вв., данные термины не обнаружены. В указанный период эти термины уже существовали в русском языке» (Рустам Набиев, «Булгар и Северная Европа», <http://islamrt.ru/book/bulgar.pdf>; <https://zapdoc.site/bulgar-i-severnaya-evropa.html>).

К тому же к праиндоевропейским и к праславянским словам весьма близки также и многие китайские и корейские слова.

Древнекитайские слова:

«ди» – предки (укр. «діди» – деды);

«бай / бэй» – белый, «байди / бэйди» – «белые предки» (болг. «бял», серб. «бео» – белый, серб. «Београд» – «белый город», англ. «Beowulf», болг. «Бял вълк», серб. «Бео вук» – «Белый волк»);

«чи» – красный, «чиди» – «красные предки» (укр. «червоный» – красный, «чермний» – «тёмно-красный»);

«чэнь» – администраторы (русск. «чиновники» от др.-киев. «чинь» – «порядок, правило, степень, должность, собрание»; укр. «чинити» – «делать, производить, устраивать», «зачинити» – «закрыть [дверь]»).

«ван» – «государь, верховный правитель, господин» имеет сугубо индоевропейское происхождение (микен. «wa-na-ka», фриг. «wanak / wanaktei», греч. «(F)άναξ» / (F)ανακτος» – «правитель, царь, владыка»; хорв. «бан», укр. «пан» – «правитель, господин»; укр. «панувати» – господствовать);

«мандарин» – высокий кит. государственный чин. Через нем. «Mandarin» или др. языки из порт. «mandarim» – то же (сближено с «mandar» – приказывать) от др.-инд. «mantrí»

(mantrín-) – советник, министр; («mántras» – «совет, сентенция», – Фасмер); (возможно, в древности индоевропейская знать в Северном Китае. Исп. «montañés», итал. «montanaro», англ. «mountaineer» – горец; ст.-слав. мъжь (манж), болг. «мъжът», др.-инд. «mánuṣ» – «человек, муж», также авест. «manuš-», гот. «manna», др.-исл. «maðr», – Фасмер); укр. «баня» – «купол, верхушка», «панувати» – господствовать, «панькатися» – нянчиться, «опанувати» – «овладеть, освоить», «вантажити» – «грузить, укладывать, поднимая вверх»; серб. «бандера» – «полос, столб»; хинди «пандит» – «учёный, уважаемый человек»; нем. «Mond» – Луна [высокая, верхняя];

*маньджуры / «маньчжуры» – «верховные чжурчжени (волки)» (курманджи «gûg», тадж. «гург» – волк; перс., укр. «джура» – «товарищ, оруженосец, новопринятый в молодые казаки [волченок]);

«ху» – племена, варвары (гуды, готы от хинди «gōtrā», панджаби «gōtī» – племя; хинди «jāti» – «народ, этнос, раса»; сорани «hoz» – «племя, народ»; лит. «guotas» – «группа, компания, толпа, стадо»);

«тянь» (Tiānkōng) – небо (лит. «dangus»; дунху [пиньинь: Dōnghú – «восточные (небесные) варвары»], тунгусы, тангуты – небесные [горные] племена);

«дэ» – «карма; действительность как воздаяние за деяния и слова» (укр. «дійсність» – «действительность, реальность», «дієслово» – глагол от ст.-слав. «действие» – действие);

«дао» – путь (кор. «dolo», япон. «dōgo», укр. «дорога» – путь; англ. «door» – «дверь, дверца, вход, дом, заслонка, дорога»; бенг. «darajā», лит. «durus», лтш. «durvis», арм. «durry» – дверь).

Современные китайские слова:

«ān» – «седло» от праиндоевроп. *an[o] – наверх;

«zuǒ» и «liú gěi» – «шуя, левая»;

«zhì» – «ранг, звание, чин, классифицировать» (чин, сан);

«zūnyán» – достоинство (укр. «гонор»; сан, чин);

«guānfāng de» – чиновник (укр. «гонор», англ. «honor» – «честь, благородство»; укр. «гонористий» – тщеславный);

«góngyù» – честь (укр. «ранг», англ. «rank» – звание, чин);

«liǎn» – лицо, «liǎnjiá» – щека (др.-киев., ст.-слав. «ланита», словен. «laníta», чеш. «lanitva» – щека из ранне-праслав. *olnita – «изогнутая часть тела», родствен. греч. «ὐλῆνη» – локоть, лат. «ulna» – «локтевая кость», гот. «aleina», д.-в.-н. «elina» – локоть, – Фасмер);

«cè» – «бок, сторона» (ассоц. с серб. «цхеек» – щека, англ. «cheek», нем. «Wange», нидерл. «Wang» – «щека, боковая стенка»);

«hé / é» – челюсть, щека (от праслав. «чело», русск.-цслав. «челеснь» – «высший, главный»);

«fǎ» – волосы (ср. авест. «varəsa-», ср.-перс. «vars»);

«rǔtóu» – сосок (болг. «рът» – пригорок, сербохорв. «рѣт» – «острие, вершина»; др.-киев. и сербск.-цслав. «рътъ» – «острие, клюв»; отсюда и «рот»);

«hóu» – горло (собств. праслав. «къгк»);

«fù / dùzi» – «пузо, живот»;

«tiān» – день;

«duō» – много (польск. «dużo», лтш. «daudz», лит., жемайт. «daug»);
«tuózi» – «куча, груда, глыба» (ассоц. с др.-киев. «туча» – «множество, облако»);
«zhōu» – «лодка, челн» (укр. «човен»);
«dātōng» – кадка (укр. «діжка»; кор. и индонез. «tong», хинди «tañkī», англ. «tank»);
«jìng» – зеркало (укр. «дзеркало», ассоц. с укр. «зіниця» – «зеница, зрачок»);
«bin» – «близ, возле, около» (укр. «біля»);
«zhū / zhūzhu» – паук (ассоц. с «жук», «жужелица, «жужжать»);
«jiāngguǒ» – ягода.

Корейские слова:

ср.-кор. «саль» – жало;
др.-кор. (пэкче) «корань» – тёмно-красный (коричневый);
«поль» – степь (ассоц. с «поле»);
«cheol» – железо (праслав. *žel-zo);
«songkol» (songhyl) – сокол (укр. «сокіл»).

Все это позволяет сделать заключение о довольно длительном и тесном контакте праславян в глубокой древности как с тунгусо-маньчжурскими, так и с китайскими, и с корейскими племенами:

«Факты говорят о том, что почти на пустом месте возникла развитая иероглифическая письменность, по основным своим параметрам сопоставимая с ближневосточной. Если прибавить к этому выводы некоторых лингвистов о параллелях между древнекитайским и индоевропейскими языками и напомнить, что система календарного счисления, включая членение года на 12 месяцев с использованием дополнительных вставных (7 на 19 лет) и применение 60-ричного цикла для исчисления дней, тоже копирует древнеавилонскую (а, возможно, и предшествующую ей древнеиндийскую, – П.Д.), как и система 12 знаков зодиака (в Шан – 12 циклических знаков), то трудно удержаться от предположения, что не одни только боевые колесницы прикатили в Аньян с далекого Запада... Кроме письма и календаря обращает на себя внимание искусство, проявившееся прежде всего в изящной тонкой резьбе, скульптурных изображениях и бронзовом литье. Что касается сосудов из бронзы, то они были известны и в доаньянское время, причем в эрлиганских мастерских их изготавливали с весьма высококачественным орнаментом, хотя и уступающим по изяществу и изысканности орнаменту на аньянских сосудах. Аньянские сосуды из бронзы по сравнению с эрлиганскими – едва ли не вершина возможного, в чем легко убедиться, взглянув на коллекции таких сосудов в музеях или хотя бы просто ознакомившись с соответствующими каталогами. Совершенная форма, включая изделия в виде животных (например, слона), тонко выдержанный стиль орнамента, вычурность резьбы – все это бросается в глаза и свидетельствует о высочайшем искусстве квалифицированных мастеров бронзового литья, которые явно не зря ели свой хлеб. Аньянская круглая каменная скульптура, в том числе из очень твердых пород (мрамора и яшмы), тоже демонстрирует высокое мастерство и развитый художественный вкус, оттачивавшиеся веками. Это же относится к резьбе по дереву и кости, к сосудам из белой глины, к архитектурным украшениям крупных построек и т.п. Не касаясь снова сложной проблемы генезиса высококачественного искусства и совершенного художественного вкуса шанских мастеров, стоило бы подчеркнуть то, что

любому бросается в глаза: аняньский этап цивилизации Шан – не просто заключительная фаза спонтанной эволюции некоей этнической общности, он знаменовал собой резкий скачок в истории Китая. И этот резкий качественный скачок в сфере изящных искусств, письменности и архитектуры означал – независимо от его истоков – кардинальный сдвиг в духовной культуре обитателей протогосударства Шан, в их мировоззрении и менталитете» (Леонид Васильев, «Древний Китай», Том 1. «Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.)», http://historylib.org/historybooks/Vasilev-Leonid-Sergeevich_Drevniy-Kitay--Tom-1--Predystoriya--SHan-In--Zapadnoe-CHzhou--do-VIII-v--do-n--e---/32).

И нельзя, конечно же, исключать и возможность участия сарматских (серских) амазонок, а позже и, вообще, всего плененного европеоидного женского населения в этногенезе как китайцев, так и тунгусо-маньчжурских народностей. На это указывает резкая смена во многих древних захоронениях антропологического облика мужчин с европеоидного на монголоидный при длительном сохранении признаков европеоидности у женщин. Очевидно, большинство мужчин европеоидов вынуждены были бежать на Запад, преследуемые монголоидами, а остальные были поголовно истреблены.

6.8 Славяноязычные юэчжи – элита сяньбийских и тунгусо-маньчжурских племён, мигрировавших в Японию

Возможно также и то, что потомки славяноязычных юэчжи (жуань-жуани и мохэ / мукри / букри = вакараи = вукры) были лишь немногочисленной элитой, как среди сяньбийских / сербийских (во многих китайских источниках сяньби упоминались под именами «Sirbi», «Sirvi», «Sarbi» [Pelliot P. Tokharien et Koutcheen // Journal Asiatique. 1934, I. С. 35]; Сяньби-шань / *Сарби-шань [Змеиные горы] – горы на северо-востоке Китая; хинди «saanp», лат. «serpens» – змея), так и тунгусо-маньчжурских племен, вторгшихся вместе с жуань-жуанями на Японский архипелаг уже после истребления большинства хуннов в Китае:

«Бельц, один из лучших знатоков расологии Японии, бывший личный врач микадо, возводил к юэчжи некоторую «европейскую» примесь среди японцев, особенно среди высших сословий» (Ганс Ф.К. Гюнтер, «Нордическая раса среди индоевропейцев Азии и вопрос о прародине и расовом происхождении индоевропейцев», <http://archive.li/Cn4Ai>; <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/hans-guenther-05.html>).

Передав часть славянской и тюркской лексики населением Кореи и Японии, частично тюркизировавшиеся потомки юэчжи (славяноязычных согдийцев) постепенно растворились (ассимилировались) в них:

«В этой связи еще раз вспомним об изображениях людей, разительно отличающихся от монголоидов, в усыпальницах древнекорейских правителей, о которых сообщала Р.Ш. Джарылгасинова... Так, некий Лю Юань, подняв восстание на территории южных сюнну, т.е. ранее покорившихся Китаю хуннов, учредил княжество «Северное Хань», просуществовавшее с 304 до 318 гг. Его тяжелая кавалерия, закованная в броню, была грозной военной силой, и Северный Китай был покорен, а китайские правители укрылись на

юге, известном в истории как «Восточное Чжинь»... ..но затем сомнительно-хуннская группировка была свергнута, и при этом только в стенах столицы было убито более 200 тыс. хунну, а в 351г. на поле боя полегло еще 30 тыс. хуннских воинов... В III веке до н.э. «племена ди», предки динлинов или ранние динлины (Лев Гумилёв всё же не отождествляет европеоидов «ди» с предками динлинов, – П.Д.), зафиксированы почти в самом центре Китая. Стоит заметить, что «белокурость» динлинов и других подобных типов контактного ареала сильно преувеличена: среди них было много людей рыжих, шатенов, брюнетов, а главными отличиями были европейский разрез глаз и немонголоидная форма носа» (В.Д. Косарев, «Айнская проблема» сегодня: кто такие дзёмонцы и кто такие айны?», <http://panda.bg.univ.gda.pl/ICRAP/ru/kosarev12-1.html>);

«...Словом, одет танцор в типичный костюм когурёсцев того времени. Зато на голове у него причудливый из ткани в красный горох убор, напоминающий тюрбан, необычный для когурёсцев. Еще более неожиданным является лицо танцора, изображенное художником для большей выразительности в профиль – поражает красный цвет кожи лица, а также большой длинный нос, не характерный для монголоидов. Это дает основание одним ученым считать, что изображен танцор в маске, а другим – полагать, что танцор иноземного (жуань-жуаньского – гяньгуньского = ганьсуйского юэчжийского, – П.Д.) происхождения» (Роза Джарылгасинова, «Когюрёские гробницы и их настенная живопись», <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st002.shtml>);

«Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Северный Китай (и позже далее в Японию, – П.Д.), другие – на запад, где они стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа (а возможно, и тунгусские и даже пракорейские племена, – П.Д.), эти авары в 558 – 568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы» (Сергей Кляшторный, «Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени», <https://history.wikireading.ru/226794>);

«...до III – II вв. до н.э. сами когурёсцы обитали вдалеке от моря, в Маньчжурии, к северу и северо-западу от современной Кореи – в верховьях рр. Хуньхэ и Ялу (Амноккан) (современные пров. Ляонин и Гирич, КНР). Продвижение их вглубь полуострова происходит в первой половине I тыс. н.э. (Воробьев М.В., 1994, с. 166, 167, карты 1, 3, 4)» (И.Л. Кызласов, «Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки», <https://nbdx.ru/pdf/bx0000389.pdf>; <http://e-lib.gasu.ru/Drev/archive/02/Drev.pdf>);

«Гипотеза о завоевании Хонсю народом-всадником археологически аргументируется японским исследователем Эгами Намио. В ранний курганный период власть, имела шаманский характер, а затем она приобрела черты воинственности североазиатского типа народов-всадников. Такое существенное различие раннего и позднего курганного периодов могло быть следствием завоевания. Кочевники завоевали Южную Корею и Японию, поэтому японская и континентальная культуры всадников идентичны» («История Японии», Москва,

1988. С.23, <http://ifni.ru/topics/data/japan/japan03.htm>, <https://religionpeace.ru/drevnij/drevnij-mir-yaponiya.html>; «Японские скифы» или культура Ямато, <http://bezogr.ru/ii-harakter-etnos-i-yazik-iii-leksicheskie-sootvetstviya-yapon.html?page=2>);

«В начале 30-х гг. XX вв. в своих лекциях Эгами впервые высказал основные положения, которые легли в основу его гипотезы: именно в начале IV в. н.э. из Северной Азии в Японию через Южную Корею пришел народ «всадников»... В отношении этнической принадлежности «всадников» Эгами Намио высказывал предположения, что они были тунгусского происхождения – пуёской линии, родственные пуё и когурё, а также правящей династии Пэкче» (Дмитрий Суровень, «Развитие Японии в конце IV – начале V вв., <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4833/2/uv-2005-03.pdf>; <http://mynippon.ru/article/13/japan-in-the-end-of-iv-beg-v-century.html>).

Народом «всадников» (праяпон. *самура, хинди «savāra», тадж. «савора», узб. «suvoḡi», франц. «cavalier» – всадник), очевидно, были потомки юэчжи (*ньючжи – «золотые, благородные»; кидан. «ньюгу» – золото) – тюрко-славяноязычные предки знати мохэ (уцзи) и чжурчженей (ньючжэнь):

«Академик В.Е. Ларичев сообщает: «В жертву им (знатным чжурчжэням, – К.П.) приносили любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. И тех и других сжигали, а останки помещали в могилу. Кроме того, для покойника и его загробного путешествия чжурчжэни приносили в жертву свиней и собак, которых также сжигали. Кроме еды, в могилу помещали сосуды с питьем. Весь этот торжественный церемониал носил название «варить кашу для умершего». Здесь прошу читателя обратить внимание на то, что чжурчжэни приготавливали кутью или коливо для проводов покойного, что характерно и для славянских обычаев. О погребальных обрядах чжурчжэней в XI в. также известно следующее: «Если человек умирает, [близкие] разрезают себе кожу на лбу, кровь и слезы [во время оплакивания] смешиваются. Называют это проводы слезами и кровью». Резание рук и лиц являлось одной из составляющих славянского погребального обряда... История Дома Цзинь описана в исторической хронике «Цзинь ши», и она о происхождении чжурчжэней повествует следующее: «Династии Цзинь первоначальное имя ньючжи. Предки ньючжисцев произошли из поколения мохэ, которое прежде называлось уцзи. Владение уцзи (*ути = юэчжи, уги = букри / мукри / мохэ, знатные рода которых бугуры / пугуры / вукры = вакараи были славяноязычными, – П.Д.) в древности составляло страну Сушень (Племенной союз сушэнь, известный по китайским источникам V – IV вв. до н.э., образовался на территории Северной Маньчжурии)» (Константин Пензнев, «Князья Рос: Арийская кровь», http://svitk.ru/004_book_book/6b/1443_penzev-krov.php);

«Владение Уги лежит от Гаогюйли на севере. Иначе называется Мохэ. Каждый город и селение имеют своего старшину, независимого от других. Там люди крепкого сложения, отважны и между восточными иноземцами считаются сильнейшими. Язык их совершенно отличен от других» (Иакинф Бичурин, «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Повествование о восточных иноземцах [Бэйши или Северная

история, гл. 94]», http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0210.shtml;
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_II/text5.htm)

6.9 Приход предков славян в Европу из Северного Китая и Южной Сибири

На приход предков славян в Европу из Северного Китая и Южной Сибири указывают также и результаты, как антропологических, так и археологических исследований:

«Выдающийся русский ученый искал... ответ на жгучий вопрос: каким народам и какой расе принадлежат тысячи древних курганов, разбросанных на просторах Сибири? Ответ Флоринского был четок и однозначен: древнейшее население Сибири принадлежало к арийской расе, а точнее, племенам, ставшим позднее известными истории под именем славян [В.М. Флоринский, «Первобытные Славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии», Томскъ, 1894 г., <http://eknigi.org/istorija/44658-pervobytnye-slavyane-po-pamyatnikam-ix.html>]. Василий Маркович провел гигантскую работу, сравнивая археологические находки раскопанной Шлиманом Трои, адриатических венетов (общеизвестно, что венеты – это славяне, чего не могут отрицать как наши, так и западные историки), а также венетов прибалтийских с находками в севернорусских и южнорусских курганах. Сходство найденных предметов быта, орнаментов, посуды из венетских – точнее, славянских – земель с сибирскими курганными предметами было настолько поразительно, что не оставалось сомнения – речь идет об историческом бытии разных ветвей единого могучего арийского народа – протославян» (Илья Глазунов, «Россия распятая», http://fictionbook.ru/author/glazunov_ilya/rossiya_raspyataya/read_online.html?page=45#part_404_9);

«Среди популярных в научной среде гипотез, как мы видим, нет гипотезы сибирского происхождения славян. Это не понятно. Множественность теорий и не способность ни одной из них быть общепризнанной объясняется нестыковкой данных археологии, языкознания, антропологии, письменных источников. Примирить все эти гипотезы, однако, способна ещё одна теория – теория сибирского происхождения ряда славянских племён» (И.В. Ташкинов, «Сибирь – сакральная прародина славян», <http://www.knt.org.ru/konf-Sakr-dokl-Tashinov-mart-2009.htm>).

6.10 Индия – колыбель цивилизации

Гипотеза сибирского (а, точнее, севернокитайского) происхождения славян хорошо согласуется с теорией индийского происхождения праиндоевропейцев, являвшихся тёмно-краснокожими брахикранными горцами, а не бледнолицыми долихокранными степняками:

«Исходя из ранней датировки Ригvedы (4000 гг. до н.э.) и убедительных доводов в пользу того, что ведические астрономия и геометрия предшествовали астрономии и геометрии других известных цивилизаций древности, некоторые ученые, такие как Н.С. Раджарам, Джордж Фёрштайн, Субхаш Как и Дэвид Фроули, выдвинули смелое предположение, что Индия была «колыбелью цивилизации». Они связывают недавно

открытую раннеевропейскую цивилизацию (которая более чем на тысячу лет предшествовала древнешумерской и древнеегипетской) с волнами переселенцев или изгнанников из Северо-Западной Индии. Более поздние миграции, вызванные либо климатическими переменами, либо военными действиями, должно быть, привели хиттитов в западную Азию, иранцев – в Афганистан и Иран, а многих других в другие части Евразии...» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>);

«Образцы из палеоканалов датировались в Хайдарабаде от 7580 до 7190 гг. до н.э. и в Ганновере от 7545 – 7490 гг. до н.э., а это более чем на 4000 лет старше, чем старейшая из известных городских цивилизаций в Месопотамии. Но это были образцы, взятые около вершины стратиграфического разреза. Поэтому ожидалось, что на более низком уровне возраст находок будет намного старше. Два важных экспоната были добыты на соседнем участке на более низких горизонтах. Это были хорошо сохранившиеся остатки тонкой глиняной посуды и материалы древнего очага. Вместе с ними был также собран местный осадок глины. Возраст всех трех образцов составлял от 16840 до 12000 лет. Самые древние экспонаты керамики (глиняной посуды) дали возраст до 31000 лет. Таким образом, человеческая деятельность на территории Камбейского залива была распространена еще 30000 лет назад, задолго до последнего Ледникового периода (16000 г. до н.э.). Древние народы изготавливали глиняную посуду и первоначально высушивали ее на солнце. Приблизительно 20000 лет назад люди стали обжигать глину и использовать ее как материал для изготовления посуды. А это означает, что жители знали, как добыть и поддерживать огонь. Также им было известно искусство строительства городов и зданий в соответствии с разработанными планами с прямыми улицами. Были обнаружены следы двух крупных поселений, условно названных северная и южная столицы. Возраст северного города моложе, возможно жители основали его после затопления южной столицы. К 11000 г. до н.э. в южной столице просматривается организованная деятельность сообщества, хорошее качество глиняной посуды, большие зернохранилища и др.... Итак, Камбейский залив был предшественником и моделью последующей цивилизации Хараппа, известной историкам. Доисторическая цивилизация Камбей существовала приблизительно с 11000 до 1000 гг. до н.э., и это делает ее самой древней и крупнейшей городской цивилизацией не только в Азии, но и во всем мире. Она на 7500 лет старше самой древней месопотамской городской цивилизации. Однако существуют также свидетельства, указывающие на присутствие людей в этом регионе еще 30000 лет назад, которые сформировали великую и до настоящего времени неизвестную цивилизацию, стертую с лица земли гигантским наводнением, еще раз подтверждая местные и мировые легенды о потопе...» (Б. Бадринараян, «Камбейский залив – колыбель древней цивилизации», http://www.dopotopa.com/bbadrinaryan_kambeyskiy_zaliv_kolybel_drevney_tsivilizatsii.html);

«...есть свидетельства, что народы горных областей Ближнего Востока были индоариями на протяжении всей писаной истории. Арийские касситы Ближнего Востока поклонялись ведическим богам – таким как Сурья и Маруты, а также одному по имени

Хималая. Арийские хиттиты и миттани около 1400 г. до н.э. подписали договор, скрепив его именами Индры, Митры, Варуны и Насатьев. У хиттитов есть трактат о соревновании на колесницах, написанный почти на чистом санскрите. Индоевропейцы древнего Ближнего Востока, таким образом, говорили на индоарийских, а не на индоиранских языках, а потому демонстрируют в том регионе ведическую культуру...» (Девид Фроули, «Миф об арийском вторжении в Индию», <http://www.lomonosov.org/theosophy/fourtheosophy416267.html>; <http://www.ayurtour.ru/articles/india/istoriya/mif-ob-ariyskom-vtorzhenii-v-indiyu-chast-2/>);

«Но к середине 2-го тысячелетия до н.э. в пределах Плодородного Полумесяца появляются правители с арийскими именами, наследовавшие цивилизацию, созданную шумерами и аккадцами. Обстоятельства их появления там не дошли до нас; династия Хаммурапи, которая в конечном итоге объединила Месопотамию под властью Вавилона, была свергнута около 1900 года до н.э., и последовавшие после ее падения события почти не нашли отражения в письменных источниках. Предшественниками арийских завоевателей могли быть касситы, которые основали свою династию в Вавилоне около 1760 года до н.э. Этот народ первоначально обитал к востоку от гор Загроса, откуда они начали проникать в Вавилонию уже во времена Хаммурапи. Но в целом они не были ариями. Хотя они восприняли вавилонский язык и культуру, местные писцы оставили нам записи, в которых содержатся касситские (на самом же деле псевдокасситские, принадлежащие покорённым касситами загросцам, – П.Д.) обозначения таких слов, как «бог», «звезды», «небеса», «ветер», «человек», «нога» и т.д.; ни одно из них не относится к числу индоевропейских. Более того, большинство личных имен этого периода предполагает скорее родство между касситами и малоазийскими народами, обитавшими к северо-западу. Однако в именах их правителей встречаются элементы, напоминающие имена индоиранских божеств – Šurīaš (бог солнца (Сурья); сравните с санскр. Surya), Indaš (сравните с санскр. Indra), Maruttaš (сравните с санскр. Marutah, боги грозы (Маруты) и -bugaš (сравните с иранским словом бага, «бог»). Кроме того, именно касситы первыми на Древнем Востоке стали запрягать лошадей в колесницы, и более позднее вавилонское наименование лошади susu, вероятно, происходит от индоиранской формы asua (санскр. aśva). Вполне вероятно, что вторжение касситов (точнее, покорённых индоевропейцами касситами неиндоевропейских загросских племён, – П.Д.) было вызвано давлением арийских племен, обитавших в горах Ирана, и их предводители и стали теми самыми правителями с арийскими именами. Три столетия спустя, согласно документам из дипломатического архива, найденного в Тель-эль-Амарне, которые проливают свет на события в Западной Азии, арийская династия правила в государстве Митанни, располагавшемся на верхнем Евфрате. Эти правители имели явно арийские имена – Šutarna, Dušratta, Artatama – и поклонялись индоиранским божествам» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н.э.», <http://www.istorya.ru/book/arii/04.php>).

Очевидно праиндоевропейцы всё же были антропологически однородным этносом, на что указывает преимущественная брахикранность хеттов, ионийцев, кельтов, персов, сарматов, согдийцев (юэчжи) и прямых потомков последних – балтов, славян и таджиков,

принципиально не возможная при гипотетическом отсутствии их антропологической однородности в древности.

На то, что этнос темнокожих (темно-красных) и брахикранных прабалто-славян – славяноязычных горцев жунов (дисцев, серов, сарматов, юэчжи и аланов-торков) мог сформироваться вдали от Европы указывают и генетические исследования, подтверждающие, что родиной праиндоевропейцев являлась не Европа, а территории Восточного Ирана, Пакистана и Индии:

«...недавние генетические исследования показали, что индийская гаплогруппа **R1a** имеет более разнообразное повторение в Индии и Иране по сравнению с Европой и Средней Азией, а это означает, что Южная и Передняя Азия могла бы быть источником ее возникновения. Гаплогруппа **R1b**, наиболее распространенная во всей Европе и Западной Евразии, проявляет самое высокое разнообразие в районе Восточной Турции и Западного Ирана. Таким образом, **R1b**, скорее всего, возникла на иранском плато. Более того, **R1b** – также наиболее вероятный кандидат на то, чтобы быть «индоевропейской» гаплогруппой народов «белой расы»... В Бюллетене Индийского Археологического Общества No. 36, 2005–06, стр. 146-154, была напечатана статья «Генетика и дебаты по «арийскому вопросу» Мишеля Данино (Michel Danino). Он писал: «Генетические исследования воссоздают общую историческую картину, в которой отсутствует нашествие в Индию 3500 лет назад «белой расы» или носителей центрально-азиатского генофонда. Предполагаемого арийского вторжения не видно на генетическом уровне, как нет его следов в индийской литературе, в археологических и антропологических исследованиях. Во-вторых, значительное генетическое разнообразие Индии насчитывает не несколько тысячелетий, а более 50 тысяч лет. Некоторые исследователи, такие как Льюис Кинтана-Мурси (Lluís Quintana-Murci), Винсент Макоули (Vincent Macaulay), Стивен Оппенгеймер (Stephen Oppenheimer), Майкл Петрэглиа (Michael Petraglia), в последние несколько лет поддерживают версию о миграции современного человека через Южную Азию 75 тысяч лет назад в другие районы мира. Говоря другими словами, у всех людей, кроме африканцев, есть общие предки из Индостана. Генетика – быстро развивающаяся дисциплина, и результаты исследований, указанные выше, являются, конечно, не последним словом; но они заложили основы для совершенно другой точки зрения об истории индийского населения. И это является самым неожиданным, потому что мы должны оставить в прошлом наши ошибки относительно рас и арийских вторжений. Это расовые ошибки девятнадцатого века. В этом смысле генетика присоединяется к другим дисциплинам, чтобы вместе убрать паутину колониальной историографии, которая продолжает загромаждать наши учебники истории. Те, кто плетет эту паутину по сей день, только задерживают реальную неизбежность» (Петр Олексенко, «Индия – колыбель человечества или перевалочный пункт в развитии цивилизаций?», http://www.dopotopa.com/p_oleksenlo_india_-_kolybel_chelovechestva_pred.html);

«Носители гаплогруппы **R1a1** – древние индийцы. 5. Интерпретация Т. Кивисилда (Эстония), Сенгупты (Индия), Сахо (Индия), С. Шармы (Индия). Эстонский биолог Томас Кивисилд (Toomas Kivisild) показал в своем исследовании в 2003 г. максимальное разнообразие в **R1a1 (M17/M198)** на территории Южной Азии. Кивисилд считал, что

источником гаплогруппы **R1a1** была Южная и Передняя Азия. Это утверждают и индийские исследователи Сенгупта (Sengupta, 2005), Саха (Sahoo, 2006), С. Шарма (2009). Авторы рассчитали «разнообразие» гаплотипов гаплогруппы **R1a1**, и нашли, что оно равно 0.52 в Индии, 0.40 у европейцев и 0.32 в Средней Азии. Как отмечают индийские исследователи, вопрос происхождения гаплогруппы **R1a1** остается не совсем ясным еще и потому, что обнаружено слишком мало носителей родительских гаплогрупп **R***, **R1*** и **R1a***, как и субкладов **R1a1a**, **R1a1b** и **R1a1c**. 6. Интерпретация П. Андерхилла и Ш. Мирабаль (США). Питер Андерхилл (2009), Regueiro (2006), показали, что **R1a** и **R1a1** происходит из южно-азиатских стран. Согласно исследованиям американских генетиков Питера Андерхилла (Peter A. Underhill) и Шейлы Мирабаль (Sheyla Mirabal) из Департамента молекулярной и человеческой генетики и Международного университета в Майами (Флорида) в 2009 г., гаплогруппа **R1a1** является теперь **R1a1a**. Имеется два главных субклада – **R1a1a*** и **R1a1a7**. **R1a1a7** с маркером **M458 (R1a1a1b1a1, – П.Д.)**, – европейский маркер, и его эпицентр – Польша (потомки готов гревтунгов / грутуннов – гориды польской Галиции, – П.Д.). В Европе представлены субклады **R1a1a*** и **R1a1a7 (M458)**, в Южной Азии – **R1a1a***, **R1a1a5 (PK5)** и **R1a1a6 (M434)**. Доля **R1a1a7** в Европе – до 70% гаплогруппы **R1a1** и ее носителями является более 30% населения в основных областях Восточной Европы. По оценкам авторов, возраст восточно-европейского субклада **R1a1a7** составляет 10700 лет, а общий возраст **R1a1a*** в Европе – 11300 лет. Общий возраст **R1a1a*** в Западной Индии – 15800 лет. В связи с этим авторы высказывают предположение о южно-азиатском происхождении данной гаплогруппы. Андерхилл также утверждает, что никаких древних миграций из Восточной Европы в Индию не было, поскольку в Индии отсутствует восточно-европейский субклад **R1a1a7**. По его мнению, речь может идти лишь о древней миграции **R1a1a** из Азии в Европу, а субклад **R1a1a7** возник в Восточной Европе (на самом деле в Северном Китае, – П.Д.) уже после периода появления ариев в Индии (спуска их с высокогорных долин Северной Индии в долину реки Сарасвати, – П.Д.). Работы этих исследователей являются самыми свежими и всеобъемлющими. Они ставят под сомнение исход носителей **R1a1** из Восточной Европы, о котором пишут другие исследователи. Идем дальше. Исследования П. Андерхилла и Ш. Мирабаль показали, что по оценкам всех возрастных вариантов своего происхождения славяне сформировались уже после того, как **R1a1** рассеялся настолько широко, что смог объединить Центральную Европу и Индию. Так что роль славян как распространителей гаплогруппы не объясняет происхождение и расселение **R1a1** в целом. Чем больше данных, тем обоснованней это предположение. Андерхилл и Мирабаль рассчитали время появления **R1a*** и **R1a1** в Индии – соответственно 18478 и 13768 лет, то есть намного раньше, чем появление там индо-арийской языковой семьи. В исследовании высказывается предположение об автохтонности, т.е. местном происхождении северных индийцев и происхождении **R1a1** на Индийском субконтиненте... Таким образом, напрашивается вывод о расселении носителей **R1a1** задолго до начала экспансии «индоевропейцев» или «Ариев», и все это наводит на мысль о связи **R1a1** с ностратической общностью» (Петр Олексенко, «Индия – колыбель человечества или перевалочный пункт в развитии цивилизаций?», – http://www.dopotopa.com/p_oleksenlo_india_-_kolybel_chelovechestva_continuation.html);

«Опубликованные в 2007 году исследования С. Шармы поддерживают индийское происхождение линии **R1a1** среди брахманов. Автор указывает на широко распространённое присутствие **R1a***, наследственной группы, произошедшей от **R1a1**, среди кашмирских брахманов и аборигенов индийского племени сахария (подобно сакалиба – «тёмно-красные, вишнёвые», – П.Д.). Сенгупта утверждает, что «миграции в период раннего голоцена из Северо-Западной Индии (включая долину реки Инд) передали **R1a1-M17** хромосомы как центральноазиатским, так и южноазиатским племенам». О древней миграции населения с Y-гаплогруппой **R1a1a (M17)** из Южной Азии в Европу говорят исследования Питера Андерхилла, что косвенно подтверждает теорию об исходе (брахикранных и тёмно-красных, – П.Д.) предков части современных европейцев (а, следовательно, и украинцев, – П.Д.) из Индии» («Теория исхода из Индии», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/592043>; http://www.bharatiya.ru/istoki/teor_ishod.html);

«Индийские ученые с самого начала указывали, что в Ведах нет упоминаний о какой-то миграции из-за пределов Индии, что все упоминаемые в Ригведе географические особенности характерны для северо-западной части Индии и что не существует никаких археологических свидетельств, которые бы подтверждали теорию арийского вторжения. С другой стороны, в ведической литературе есть упоминания о созвездиях, позволяющие вычислить, когда именно были сделаны данные наблюдения. Однако получаемые даты – 4500 год до н.э. для наблюдения, упомянутого в Ригведе, и 3200 год до н.э. для наблюдения из Шатапатхабрахманы, – представляются чересчур отдаленными, чтобы их можно было принять, особенно если считать (подобно многим ученым XIX века), что миру всего около 6000 лет и что всемирный потоп случился всего 4500 лет назад» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>).

Однако же имеются археологические данные, позволяющие существенно удревить пребывание человека именно на Тибетском плато:

«Международная команда исследователей изучила отпечатки рук и ног человека, найденные в 1998 году в Тибете, и оценила их возраст в 7400 – 12 600 лет. Отпечатки были обнаружены в Гималаях и первоначально считалось, что им около 20 тыс. лет. Результаты были опубликованы в журнале Science. В этот раз для анализа отпечатков ученые использовали датирование уран-торий-свинцовым методом. Также они провели радиоуглеродный анализ останков растений поблизости и использовали метод оптического датирования, позволивший определить возраст кристаллов кварца в осадочных породах слоя, где были обнаружены отпечатки. Генетические исследования показывают, что люди начали селиться в этой местности 8000–8400 лет назад. По более ранним данным считалось, что это произошло около 3600 лет назад. Ранее этот регион был более влажным, что способствовало заселению. Также исследования показывают, что люди жили там на постоянной основе, а не временно. Отпечатки остаются одной из старейших надежно датированных археологических раскопок на Тибетском плато» (Николай Вязов, «Отпечатки рук показали, что люди жили в Тибете уже 8000 лет назад», https://www.gazeta.ru/science/news/2017/01/12/n_9551969.shtml);

<http://24news.com.ua/27827-otpechatki-ruk-pokazali-chto-lyudi-zhili-v-tibete-uzhe-8000-let-nazad/>

).

Очевидно, горцы арии не мигрировали в Индию откуда-то издалека, а всего лишь спустились в долины Сарасвати и Инда с ближайших северо-западных нагорий а, возможно, и постепенно проникли в них из предгорий (товтр), продольных межгорных котловин (дунов) и ущелий между отрогами Гималаев. Конечно же, не исключена и миграция отдельных племен брахикранных ариев, как в долины Сарасвати и Инда, так и в долину Ганга не только из Гиндукуша, но также и из котловин и ущелий южного Тибета:

«Но существует и иная традиция, распространенная у касты кшатриев, или правителей. Именно к ней и обращается Паргитер, хотя он и признает, что дошедшие до нас версии относятся к позднему времени. Изучение генеалогий правителей привело упомянутого автора к заключению, что арии, отождествляемые им с народом айла, или лунной расой, вторглись в Индию скорее ближе к началу, чем к концу 2-го тысячелетия до н.э. и через центральную часть Гималаев, а не через Гиндукуш. По его мнению, их древнейший центр располагался в верховьях Джамны и Ганга, а занятие ими территории Пенджаба и создание Ригведы относится к более позднему периоду и связано с экспансией в западном направлении. Затем, следуя интерпретации Джакоби имен из Митанни, Паргитер предполагает, что эта же самая волна распространилась еще дальше на запад – в Месопотамию» (Гордон Чайлд, «Арийцы. Основатели европейской цивилизации // Вторжение ариев в Индию», <http://www.istorya.ru/book/arii/07.php>);

«Колыбелью их можно считать Центральную Азию – горную страну нынешнего Тибета. Отсюда арийцы (или индоевропейцы) переселились частью в Иран и далее на запад, на Балканский и Италийский полуострова, и дошли до берегов Атлантического океана, Северного и Балтийского морей; частью – в долины Инда и Ганга. По своей культуре прежде других (впрочем, гораздо позже, чем египтяне времен мемфисского периода) выделились племена, занявшие горную страну Иран, и племена, поселившиеся в долине Инда и Ганга. Первые известны под именем арийцев (на самом деле, согласно древним индийским литературным источникам «дасья», что соответствует и самоназванию северных иранцев дахи, – П.Д.); вторые – индийские арийцы, называются индусами» (Карл Фридрих Беккер, «Мифы древнего мира», III. Арийцы, http://www.uhlib.ru/istorija/mify_drevnego_mira/p5.php).

Дорийцы ведь тоже прибыли в Грецию вовсе не из далека:

«Есть все основания полагать, что легендарные дорийцы, или «пришельцы из страны лесов», коим приписывают низвержение стольких династий на Пелопоннесе и на островах, были ни больше, ни меньше как пастухи. История, обновляя свой ход, сделает позднее пастухов Эпира, а еще позже – клефтов Пинда хозяевами Греции. Известен диалог двух пастухов-сфакиотов, глядевших на равнину с Белых гор: «Думаешь, у людей там, внизу, есть душа?» – «Ну, старина, если и да, то она должна быть совсем маленькой – как у птицы» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <http://lib.rus.ec/b/302423/read>, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiny.html).

Да, и по результатам офтальмогеометрических исследований Мулдашева этнос брахикранных праиндоевропейцев сформировался, именно, в Тибете и в горных районах Северной Индии:

«...по данным офтальмогеометрии (а это сухой математический анализ рас мира!) у нас получилось, что человечество возникло на Тибете и распространилось оттуда по земному шару по четырем основным направлениям: путь А: Сибирь – Америка – Новая Зеландия; путь В: Таиланд – Индонезия – Австралия; путь С: Памир – Африка; путь D: Кавказ – Европа – Исландия. В каждом из этих путей миграции человечества из Тибета прослеживалась четкая динамика изменчивости офтальмогеометрических параметров глаз человеческих рас, составленных по принципу степени математического приближения этих параметров к «среднестатистическим глазам» тибетской расы. То есть в каждом из этих путей миграции представители человеческих рас были расположены так, что соседние две расы имели максимальную степень математического приближения офтальмогеометрических параметров друг к другу, а степень математического приближения к глазам тибетской расы убывала по мере удаления от Тибета. ...персидская раса породила арменоидную (армяне). Последние явились родоначальниками динарской расы, к которой ученые относят, прежде всего, южных славян – украинцев, югославов и других. Кроме того, арменоидная раса породила в виде слепого ответвления средиземноморскую расу, включающую в себя, как я думаю, итальянцев, греков, испанцев, румын, грузин, евреев, арабов и частично турок. Динарская раса явилась прародителем альпийской (французы, частично испанцы и итальянцы) и северной (немцы, англичане, голландцы, норвежцы, исландцы, шведы) рас. Этот путь миграции, проходивший по Тянь-Шаню, Кавказу, Европе и Средиземноморью, закончился, видимо, в Исландии... Динарская раса, произошедшая тоже из арменоидной (всё же не из арменоидной, а лишь из палеобрахикранный, – П.Д.) расы, представлена в настоящее время, по мнению ученых, южными славянами (украинцы, болгары, югославы и другие). Но самый многочисленный славянский народ – русские – отличаются по внешности и глазам от типичных представителей динарской расы, например югославов. Кто же они, русские? Я изучал глаза русских и по офтальмогеометрическим признакам могу сказать, что русские, скорее всего, являются продуктом смешения динарской расы с лапенианской и балтийской расами (татарами, коми, финнами, эстонцами и т.п.), то есть с расами, произошедшими из совершенно другого истока человечества – пути миграции А (из Тибета сначала в Сибирь, а позже далее на Урал и в Европу, как ответвление пути А, – П.Д.). Динарская раса породила, по нашей схеме, альпийскую (французы, северные испанцы и др.) и северную (немцы, англичане, шведы и др.) расы. Так что французы, немцы и англичане самыми близкими «братьями по крови» имеют нас – славян. В этой связи Гитлер был не прав, считая славян неполноценной ветвью развития человечества, подлежащей уничтожению, а персов – кровными братьями; и персы и славяне находятся в едином расово-генетическом корне – пути миграции D (в отличие от персов балто-славянам пришлось мигрировать из Тибета на Северный Кавказ и далее в Европу другой ветвью пути D – через Индию и Китай, – П.Д.)» (Эрнст Мулдашев, «От кого мы произошли», http://svitk.ru/004_book_book/4b/1108_muldahev-ot_kogo_mi.php).

Пребывание в Древней Индии брахикранных праиндоевропейцев а, следовательно, и предполагаемых предков славян альпийцев подтверждается и результатами палеоантропологических исследований:

«Изучение погребений в Мохенджо-Даро позволило определить, что в долине Инда существовали самые различные расовые типы: средиземноморский, монголоидный, альпийский, протоавстралоидный. Доминирования типов, свойственных современной дравидийской Индии, не выявлено...» (Иван Ладынин, Борис Ляпустин, Александр Немировский, Михаил Бухарин, «История Древнего Востока», http://www.telenir.net/istorija/istorija_drevnego_vostoka/p7.php).

К тому же, и не все брахикранные предки балто-славян покинули Индию. Их потомки горцы курги и сейчас проживают там:

«У кургов светлая (светло-коричневая, – П.Д.) кожа, прямые волосы, тонкие носы – у многих с горбинкой, узкие губы. Цвет глаз у большинства темный, но не редко встречаются люди с голубыми, серыми и зелеными глазами. Светлоглазого курга от современного европейца отличает иногда только легкая смугловатость кожи. Форма их головы имеет тенденцию к брахикранным, то есть к короткоголовью. Это их в какой-то мере отличает от европеоидного средиземноморского типа, который существует среди населения Южной Индии с древнейших времен...» (Людмила Шапошникова, «Мы – курги» / «Курги – кто они?», <http://lib.icr.su/node/1520>).

В отличие же от горцев кургов, у большинства брахикранных и тёмно-краснокожих индийцев (альпинидов и индо-брахидов) тяга, как к морю, так и к городской жизни, и к интеллектуальной деятельности превозмогла тягу к горному образу жизни. Ими, очевидно, являются потомки древних индийских мореходов, колонизировавших в глубокой древности как Переднюю Азию (Иран, Месопотамию, Ближний Восток и Малую Азию), так и Юго-восточную Европу:

«О ведическом народе обычно думают как о светлокожей расе, похожей на европейцев, и это из-за идеи о борьбе светлых и тёмных, а также из-за того, что ведические народы были представлены как дети света и Солнца. Но идея о войне между светом и тьмой присутствует в большинстве древних культур, включая персидскую и египетскую. Почему же мы не толкуем их писания в смысле войны между светлокожими и темнокожими народами? Это всего лишь поэтическая метафора, а не культурологическое заявление. Кроме того, никаких реальных следов такой расы в Индии не находится. Антропологи заметили, что современное население Гуджарата состоит более или менее из тех же этнических групп, что зафиксированы в Лотхале в 2000 г. до н.э. Аналогично и нынешнее население Пенджаба по их заявлениям этнически является тем же самым, что и население Хараппы и Рупара 4000 лет назад» (Девид Фроули, «Миф об арийском вторжении в Индию», <http://www.lomonosov.org/theosophy/fourtheosophy416267.html>).

6.11 Европейцы – потомки «лунной расы»

«Самые древние легенды из истории Индии упоминают две династии, теперь потерявшиеся во тьме времен; первая была династия царей «солнечной расы», царствовавшая в Айодхье (теперь Уде); вторая, династия «лунной расы», в Праяге (ныне Аллахабад)» (Елена Блаватская, «Разоблаченная Изида», т.2, «Индия – колыбель арийских народов. Темнокожие арийцы», <http://hrist-commun.narod.ru/Indija.htm>).

«Прародителем Лунной династии считается бог луны (отсюда её название) Сома, или Чандра (*Тантра; финик. «Танет» – луна; санскр. «тан» – «распространяться, расширяться, расти вширь, охватывать»; укр. «танути» – «таять, уменьшаться в размерах [до серповидности]», – П.Д.)... Так, потомками Друхью назывались цари Гандхары на севере Индии; ...потомками Яду – племена хайхаев (возможно родственные хайкам – протоармянам, – П.Д.), бходжей, видарбхов, чеди (в Бераре и Декане), а также ядавы – род, в котором, по преданию, родился Кришна и столица которого Дварака (в Гуджерате) погибла вместе с ними незадолго до его смерти, и т. д. Наибольшей славы и могущества достигло, однако, потомство младшего сына Яяти – Пуру, которому отец завещал своё царство. В числе потомков Пуру (пауравов) индийские сказания называют: племена бхаратов (украинцев; хинди «bāhaṅī», др.-греч. «ἄκρος», др.-киев. *оукърь – «внешний, наружный», – П.Д.) и панчалов, упоминаемые ещё в «Ригведе», царей Душьянту, героя легенды о Шакунтале, Бхарату, Куру, Шантану – мужа богини Ганги, наконец, Панду и Дхритараштру, чьи сыновья – пандавы и кауравы...» (П.А. Гринцер, «Лунная династия», Энцикл. «Мифы народов мира», <http://www.mifinarodov.com/l/lunnaya-dinastiya.html>).

У раджпутов и сейчас сохранилось такое династическое деление:

«...раджпуты делятся на более древнюю Лунную (Чандраванша или Чандра-банси), менее древнюю Солнечную (Сурьяванша или Сурадж-банси) и самую молодую Огненную (Агнивванша, Агни-банси или Агни-кула) династии. Лунная династия, произошедшая от ранних ариев, в свою очередь, делится на две линии – Ядавов (в том числе, и вернувшихся в Индию из Китая юэцжи, которых индийцы называли Яду – Ядавами, – П.Д.) и Пауравов (от последних произошла славная династия Матсья). Кшатрийскими царями, правившими на Гангской равнине (то есть за пределами изначальной Арьяварты), были уже представители Солнечной династии, продвигавшиеся на восток от первоначального арийского ареала (хотя правящая семья княжества Мевар в Раджпутане – Сисодия – тоже относилась к «солнечным» раджпутам). Относительно малочисленная Огненная династия происходит от кшатриев, посвящённых в эту варну из среды военной знати автохтонных народов. Существует ещё небольшая четвёртая, неканоническая Змеиная династия (Нагаванша или Нага-банси)» («Население Раджастхана // Раджпуты», <http://radjastan-ru.com/radjput.html>; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1836633>);

«ЯДАВЫ – потомки царя Яду из Лунной династии, основателя рода, давшего название скотоводческому племени, к-рое прославилось благодаря принадлежности к нему

Кришны, жившего в детстве и юности среди пастухов. Столицей ядавов при Кришне была Дварака (Гуджарат), к-рую после его смерти поглотило море вместе со всеми обитателями» («Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь», <http://www.sikhism.ru/slovar-induizm.-dzhaynizm.-sikhizm./induizm-e-ya.html>);

«Раскопки в Двараке привели к открытию поселения, большего по площади, чем Мохенджо-Даро; в этом поселении, которое относится к 1500 гг. до н.э., были найдены архитектурные строения, следы применения железа, а также надписи на письме, промежуточном между хараппским и брахми. Двараку до сих пор связывали с Кришной и концом ведического периода» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>);

«В связи с этим, стоит обратить внимание на три важных момента. Первое. Народные песни на местном диалекте Каччи (Kachchi) упоминают четыре главных города прошлого. Три из них были идентифицированы как Мохенджо-Даро, Хараппа и Долавира (Dholavira). Очевидно, что четвертым, самым большим и самым древним, была столица Камбейского залива. Второе. Работы других исследователей описывают небольшие каменные руины около залива Кууч (Kuutch) у современного города Дварака (Dwaraka) как остатки древнего, легендарного города Дварака – в «Махабхарате» он известен как местожительство бога Кришны. Город, как говорят, был полностью разрушен морем, и это ярко описал Арджуна, главный ученик Кришны. Однако, озадачивает факт местоположения города Дварака. Храму, который мы видим сегодня, едва 900 лет. Данный район представляет собой засушливую область с жесткой водой, лишенную растительности. Кришна должен был содержать огромную армию, животных (слонов, лошадей). Отсутствие деревьев, листвы и пресной воды вызывает сомнение в указанном местоположении древнего легендарного города Дварака. А вот затопленная столица Камбейского залива реально была огромным городом древнего мира на берегу большой полноводной реки, и вокруг было много растительности. Таким образом, столица в Камбейском заливе могла быть «Городом Дварака» времен Махабхараты. Третье. Необходимо также рассмотреть, что случилось после того, когда первая и вторая столицы погрузились под воду. На сегодняшний день найдено около 500 поселений, относящихся к эпохе Хараппы и до нее, и приблизительно 258 из них расположены в Гуджарате в периферийных областях Камбейского залива. Все они моложе, чем южная столица. Исследования колледжа Деккана показали, что река Чатранджи, которая сейчас течет на восток в Камбейский залив, первоначально текла на запад, но изменила свое русло в восточном направлении в результате мощных тектонических изменений земной коры. Древние народы после катастрофы и погружения городов в Камбейском заливе, вероятно, распространились по всему Гуджарату и затем в ближайшие области, чтобы продолжить развитие цивилизации типа Хараппской» (Б. Бадринараян, «Камбейский залив – колыбель древней цивилизации», http://www.dopotopa.com/bbadrinaryan_kambeyskiy_zaliv_kolybel_drevney_tsivilizatsii.html).

Именно древним «родом Луны» являлись и яду / *утии / юэчжи (предки

славяноязычных античных германцев [гаутов, ютов, вельтов, англоv и др.], аланов-торков, утигуров = ясов, кутригуров = уличей и др.):

«В мифах древних насельников Азии Солнце приобретало образ красного / рыжего коня, способного за один день преодолеть на небосклоне огромное пространство от рассвета до заката; луна воспринималась в образе белого коня, проделывающего такой же путь от заката до рассвета. Иероглифы, входящие в состав транскрипции «юэ-чжи», имеют смысловую нагрузку: «род Луны», или «Лунная ветвь» (древняя или же «Лунная» династия, – П.Д.). Поэтому семиплеменность аргиппеев и юэчжи объясняется семиночными фазами лунного месяца, выделенными еще во времена палеолита» (Ю.А. Зуев, «Каганат Се-яньто и кимеки», <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/20Roots/201Seyanto/ZuevSeyantoRu.htm>);

«Обозначением части этого племени в северо-восточном углу Ордоса и к северо-востоку от него было юйчжи (< ngiou-tie < *uti) «род нефрита / яшмы», символа Луны. Эти иероглифические варианты отражают звучание «uti» и содержат информацию о главной этнографической черте самого племени: это «род Луны», т.е. Женщины – Царицы. Встречающееся в источниках название «Юэчжи го» значит не только «государство Юэчжи», но и «Государство Женщины-Царицы», геникократическое государство. В этом свете показательны слова летописца: «Когда царь больших юэчжи был убит хусцами (сюнну, 176г.), царицей стала его супруга. Она покорила Дася (Бактрию) властвовала над ней» (Бань Гу, гл. 61, с. 749)» (Ю.А. Зуев, «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии», http://old.s-yfu.ru/science/aic/mip/genodiagnostika/etnogenez_yakutov/Tyurkologia/Rannie_tyurki/1/; <https://www.rulit.me/author/zuev-yurij-alekseevich/rannie-tyurki-ocherki-istorii-i-ideologii-download-free-458787.html>; <http://www.padaread.com/?book=44931&pg=2>).

Возможно, «Лунной ветвью» – юэчжи (утиями – ядавами) и являлись, прежде всего, предки темно-красных (каурых) балто-славян – кауравы, вынужденные мигрировать из Индии в Тибет и в Китай после своего поражения в величайшем сражении древности, красочно описанном в эпосе «Махабхарата», или же какие-либо другие ядавы, покинувшие свои земли после страшного катаклизма, уничтожившего их столицу Двараку:

«Затем он (Арджуна, – П.Д.) вернулся в Двараку и в тот же день отбыл оттуда во главе каравана, который вез шестнадцать тысяч жен Кришны, а также других жен рода Яду, стариков и детей; и немногие уцелевшие воины Двараки сопровождали его. И когда все они вышли из городских ворот и немного удалились от города, на глазах у них нахлынули на берег воды океана и поглотили покинутую жителями Двараку» («Махабхарата», ч. 12, «Бой на палицах и великий исход Пандавов»,

http://www.centre.smr.ru/win/facts/india/mahabhar/mahabhar_34.htm).

6.12 Возможный исход прабалто-славян из Индостана вследствие катаклизмов

Не исключена, конечно же, и более ранняя миграция прабалто-славян, вызванная катаклизмами в Камбейском заливе и в бассейне реки Сарасвати:

«САРАСВАТИ (Богатая водами) – 1) Название реки и имя персонифицирующей ее богини. С. – некогда мощная река, не уступавшая по размерам Инду, протекавшая через Пенджаб и Раджастхан к морю; ее берега были усеяны поселениями. В кон. харапской эпохи тектонические сдвиги привели к уходу притоков С. в системы др. рек и постепенному пересыханию, к-рое завершилось к середине I тыс. до н.э. С тех пор С. (совр. Сарсути) – небольшая речка, теряющаяся в песках пустыни, но окруженная особым почитанием. «Ригведа» посвящает ей 3 гимна и восхваляет как величайшую из рек, текущую с небес; ее призывают вместе с др. божествами явиться на жертвоприношение. отождествление С. в поздневедийской литературе с богиней свящ. речи Вач обусловлено, возможно, тем, что именно на берегах С. протекал важный этап формирования ведийско-брахманской культуры, причем, как показывают археологич. данные, при контактах с наследниками харапской цивилизации...» («Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь», <http://www.sikhism.ru/slovar-induizm.-dzhaynizm.-sikhizm./induizm-s.html>);

«К тому же, как было недавно установлено при помощи спутниковой фотографии и геологических исследований, Сарасвати, самая великая из рек, известных ригведическим индийцам, вдоль берегов которой они основали многочисленные большие поселения, полностью пересохла к 1900 годам до нашей эры – за четыре века до того, как арии предположительно вторглись в Индию. Вряд ли можно утверждать, что арии строили свои деревни вдоль русла высохшей реки» (Клаус Клостермайер, «Вопросы теории арийского вторжения и пересмотр истории Древней Индии», <http://psylib.ukrweb.net/books/mullm01/txt11.htm>);

«Согласно учёным, занимающимся изучением окружающей среды в доисторические времена, река Сарасвати высохла после того, как по крайней мере два из её притоков, Сатледж и Ямуна, изменили своё русло. «Цепь тектонических событий отвела русло Сатледжа на запад (в Инд), а Ямуну на восток (в Ганг)... этим объясняется исчезновение такой могучей реки как Сарасвати». Процесс завершился около 1750 года до н.э., но начался он гораздо ранее, возможно со смещения пластов и огромного наводнения в период между 1900 и 2100 годами до н.э. П.Х. Франкфорт, используя изображения, полученные с французского спутника SPOT обнаружил, что огромная река Сарасвати существовала в дохарапский период и начала высыхать в середине IV тысячелетия до н.э. Во время харапского периода, сложная сеть ирригационных каналов использовалась только в южной части долины реки Инд. Согласно этим исследованиям, датой составления «Ригведы» можно считать начало IV тысячелетия до н.э.» («Теория исхода из Индии», http://www.bharatiya.ru/istoki/teor_ishod.html);

«Большинство поселений Греции, Анатолии, Леванта, Месопотамии и Индийского субконтинента прекратили свое существование около 2200 года до нашей эры, – подвел итог социальный антрополог Бенни Пейзер. – Многие из них имеют признаки воздействия стихийных бедствий, а другие были поспешно брошены людьми. Имеющиеся данные указывают на внезапные экологические, климатические и социальные потрясения, которые

появились одновременно с изменением уровня морей и озер, повышением сейсмической активности, обширными наводнениями и цунами» (Михаил Герштейн, «Как искали Содом и Гоморру», <http://www.vseprokosmos.ru/arheolog78.html>);

«Вдоль русла Сарасвати было обнаружено 414 археологических мест, тогда как в долине реки Инд – только около сорока. Около 80% обнаруженных мест раскопок датируются IV или III тысячелетием до н.э., из чего можно предположить, что культура в долине реки Сарасвати в это время находилась в периоде своего расцвета. Если принять, что ригведийские гимны были составлены в этот период, то индоарийская миграция логически не могла иметь места, так как индоевропейцы должны были обитать в Индии уже в IV тысячелетии до н.э.» («Сарасвати (река)», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1400651>);

«В «Ригведе» ничего не говорится о серебре. Там упоминается айас (металл или медь / бронза) и чандра или хиранья (золото). Серебро обозначается термином раджатам хираньям, что в буквальном переводе означает «белое золото», и упоминается только в послеригведийских текстах. Принято считать, что серебро начали использовать в IV тысячелетии до н.э. и археологически доказано, что этот металл применялся в Хараппской цивилизации. Хараппская культура не упоминается в «Ригведе». К её характерным чертам можно отнести городскую жизнь, монументальные здания и алтари, построенные из кирпича. Кирпичи не упоминаются в «Ригведе» и слово исутгака (кирпич) впервые встречается только в послеригведийских текстах. Описываемый в «Ригведе» алтарь представляет собой небольшое углубление в земле покрытое травой. Кирпичные алтари типичны для более поздних ведийских текстов. В «Ригведе» ничего не говорится о рисе и хлопке. Встречается сложное слово, которое в более поздних текстах упоминается для обозначения рисовых пирогов, используемых в ведийских яджнах, но само слово «врихи» (рис) не встречается ни разу. Следы использования риса были найдены по крайней мере в трёх местах раскопок Индской цивилизации: Рангпур (2000 год до н. э. – 1500 год до н.э.), Лотхал (около 2000 года до н.э.) и Мохенджо-Даро (около 2500 года до н. э.) Несмотря на огромную роль, которую рис играл в ведийских ритуалах более позднего периода, он даже не упоминается в «Ригведе». Существуют свидетельства того, что хлопок впервые начал культивироваться в период Хараппской цивилизации. Следы его культивации были также найдены во многих местах раскопок, относящихся к более позднему периоду. Понятие «накшатры» развилось около 2400 года до н.э. Накшатры имели важное религиозное значение, однако «Ригведа» ничего не упоминает об этом, из чего можно заключить, что она была составлена до этого периода. В самой поздней, 10-й мандале «Ригведы», упоминаются созвездия, – концепция, которая была известна практически всем древним культурам. Однако там не даётся определения накшатр как «лунных стоянок»... Основываясь на вышеизложенных данных, сторонники теории исхода из Индии полагают, что практически вся «Ригведа» (за исключением нескольких отрывков, добавленных позднее) была составлена в период, предшествовавший Индской цивилизации...» («Теория исхода из Индии», http://www.bharatiya.ru/istoki/teor_ishod.html);

«В течение IV тыс. до н.э., цивилизация на полуострове Индостан эволюционировала в урбаническую Индскую цивилизацию. В этот же период, протоиндоевропейские языки эволюционировали в протоиндоиранский язык (точнее в протоиндо-балто-славянский язык, на основе которого и был сформирован санскрит, – П.Д.). В этот же период индоиранцы, в результате внутренних противостояний и конфликтов, постепенно выделились в отдельную группу и мигрировали на запад в направлении Месопотамии и Персии (где, возможно, обитали пахлавы) и также расселились на части территории Центральной Азии (племена Лунной династии юэчжи – яду, очевидно, мигрировали в Центральную Азию гораздо позже, – П.Д.). Когда миграция подошла к концу, в Индии остались протоиндоарии. В конце зрелого хараппского периода, река Сарасвати начала высыхать и оставшиеся индоарийцы разделились на ряд групп. Одни из них мигрировали в западном направлении и к XV веку до н.э. и стали править хурритским царством Митанни (см. Митаннийский арийский язык), другие – мигрировали на восток и заселили Индо-Гангскую равнину, а некоторые – направились на юг и вошли в контакт с дравидами... Согласно альтернативному объяснению, которое дают сторонники «индийской прародины», Индия изначально была ареалом кентум. Первые мигрировавшие носители индоевропейских диалектов (хеттского, италийского, кельтского и германского) перенесли группу кентум в границы индоевропейского распространения (Европу, Анатолию, Китай). Такие диалекты, как балтийский, фракийский и фригийский, носители которых мигрировали позднее, находились в процессе формирования. Носители славянского, иранского и армянского диалектов мигрировали последними – эти диалекты, вместе с оставшимися на территории индийского субконтинента индоарийскими языками приняли форму сатем. Подобное объяснение согласуется с так называемой «побочной теорией», согласно которой наиболее консервативные языковые формы располагаются на окраинах ареала, а не в его центре... Индоарийские языки являются древнейшим источником топонимов и гидронимов в Северной Индии. Шрикрант Талагери считает это доказательством того, что индоарийцы были самым древним документированным населением региона» («Теория исхода из Индии», <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/592043>);

«Несложный мысленный эксперимент по сравнению наименований кисти руки и чисел пять и десять показал, что эти наименования появились в Европе (на самом деле в Индии, – П.Д.) первыми у прабалтославян: ближе всего эти наименования в польском, верхне- и нижнелужицком, русском, литовском языках и в санскрите... «Пять» восходит к «пясть», «десять» – к «десница», каковых сходств одновременно в других индоевропейских языках вы не найдёте... Такое сходство есть и в некоторых языках других семей. Например, в языке соседней языковой семьи, алтайской (к тому же соседней и географически с прабалто-славяноязычными согдийцами, – П.Д.): по-монгольски «рука / руки» – «гар», по-калмыцки – һар (һ – фрикативное, «придыхательное» «г»), а «десять» на обоих языках – «арвн» – то есть у древних монголов счёт был тоже поначалу с помощью пальцев, но рука называлась иначе (тогда как: норв., дат. «hæl», англ. «heel», лит. «pėntis» – пята, – П.Д.). Пять в этих языках ассоциировано со стопой почему-то: в монгольском «тавхай» – «стопа», «тав (таван)» – «пять»; в бурятском «табгай» – «стопа», «табан» – «пять»; в калмыцком «тавг» –

«стопа», «тавн» – «пять» (но и: на санскр. «pad, pāda» – нога, «pañcan» – пять, и в немецком «Fuß, Bein» – нога, «fünf» – пять, – П.Д.)» (Георгий Тележко, «О прабалтославянской экспансии», <http://www.proza.ru/2011/06/30/98>);

«...предки галлов – кельтов-бриттов – мигрировали в Западную Европу из Закавказья (в киммерийские времена 8 – 7 вв. до н.э.), о чём, помимо прочего, свидетельствует и сохранившийся в звуковом ряде кимрского языка черкесский звук, выражаемый диграфом «ль» в адыгейском и диграфом «ll» в кимрском» (Георгий Тележко, «Предки германцев и их соседей», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/815626.html>).

Очевидно, брахикранные прабалто-славяне покинули Индостан не ранее других индоариев, культурно ассимилировавших и иранизовавших долихокранное не индоевропейское население Ирана и Средней Азии:

«...распад индоиранской общности датируют по-разному. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов относят его ко времени не позднее конца IV тыс. до н.э. [1984, с. 917]. Этим же тысячелетием датируют разделение на индоариев и индоиранцев Р. Гиршман [Ghirshman, 1976, р. 618] и Я.А. Шер, не упоминающий об иранской ветви, а пишущий о разделении на «индоариев и индоиранцев» (? – И.К.) [1997, с. 29]. Э.А. Грантовский относил распад «арийского диалектного единства» к рубежу III–II – началу II тыс. до н.э... Позднее диалектная расчлененность арийцев на индоариев и иранцев определялась рубежом IV – III тыс. до н.э. по анахронистическим индоарийским вкраплениям в хурритских и хеттских текстах XV – XIV вв. до н.э. Проникновение индоариев в Месопотамию и сопредельные области к западу датировалось XVIII – XVII вв. до н.э. [Гиндин, 1992, с. 55]... Примечательно, что сравнительно недавно, используя новые методы исследования, Р. Грей и К. Эткинсон датировали начало распада индоиранской общности около 2600 г. до н.э. [Gray, Atkinson, 2003, р. 437]. Е.А. Хелимский определял время распада индоиранского единства «ранее XVII в. до н.э., т.е. до появления андроновской культуры» [2000, с. 504]... Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что «уже к середине второго тысячелетия до н.э. внутри индоиранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражен в митаннийских арийских языковых фрагментах» [1984, с. 547]. Констатируется наличие «особого митаннийского арийского языка, отличного от древнеиндийского и древнеиранского», что «должно свидетельствовать о раннем начале процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тысячелетия до н.э.» [Там же, с. 863]... По И.М. Дьяконову, глоссы в хеттском «Трактате митаннийца Киккули об уходе за лошадьми» с арийской терминологией являются «окаменелостями, которые... передавали чисто механически», и «живого арийского языка в Митанни к XV в. уже не было» [1970, с. 41]. «Окаменевшими глоссами» называла «митаннийский арийский» и А. Камменхубер [Ковалевская, 2010, с. 32]. Соглашаясь с глоссовым характером индоарийских вкраплений в трактате Киккули, Л.А. Гиндин пишет о раннем историческом появлении «обособленных индоарийцев, возможно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740г.)» [1974, с. 153–154]. Предполагается раннее (рубеж IV – III тыс. до н.э.) обособление индоариев и иранцев и анахронистичность индоарийских вкраплений в хурритских и

хеттских текстах XV – XIV вв. до н.э. [Гиндин, 1992, с. 55]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов называют «митаннийский арийский» «языком живого общения для митаннийцев определенного социального слоя» [1984, с. 547], допуская обособление индоариев с рубежа IV – III тыс. до н.э. [Там же, с. 917]. Л.С. Клейн полагает, что к 1800г. до н.э. индоарийский язык уже существовал, хотя выделился значительно раньше [Кони..., 2010, с. 171]. Вероятно, «митаннийскому арийскому» предшествовал сравнительно длительный период его дивергенции... У касситов в XVII в. до н.э. также имелись индоарийские имена богов [Барроу, 1976, с. 31; Эрман, 1980, с. 197; Елизаренкова, 1989а, с. 430; Bryant, 2001, р. 136; Грантовский, 2007, с. 404; Чайлд, 2009, с. 27]. Касситский бог солнца Surijaāš сравним с ведийским Sūrya, хеттский бог огня Akni – с вед. Agni, а имена царей Передней Азии Aššura и Jamī – с вед. asura и Yamī ([Елизаренкова, 1989а, с. 430]; см. также: [Гиндин, 1972, с. 297–300; Чаттерджи, 1977, с. 60; Эрман, 1980, с. 197; Bryant, 2001, р. 135 и др.; Грантовский, 2007, с. 403–405; Чайлд, 2009, с. 27–29]). Арийское происхождение и ведийские соответствия установлены для десятков личных имен из аккадских и хурритских клинописных источников и из царской переписки. Индоарийская антропонимика в переднеазиатских языках связывается с небольшими привилегированными социальными группами, к XV – XIV вв. до н.э. ассимилированными хурритами [Гиндин, 1972, с. 286–292, 316–317]. Поэтому появление этих индоарийских имен в Митанни восходит к более ранней эпохе... Э. Бенвенист, по видимому, вслед за И.П. Минаевым [1962, с. 10], полагал, что ведийское «dasyu» – дасья (дахи = даи и др. иранизированные племена, – П.Д.) «употреблялось, прежде всего, в отношении иранцев и представляло собой имя, которым этот враждебный индийцам народ называл самого себя... по этой причине оно приобрело коннотацию враждебности и превратилось для индийских ариев в синоним обозначения варварского народа, стоящего на более низкой ступени развития» [1995, с. 211]. С Восточным Ираном и с Северо-Западной Индией связывает местонахождение даса / дасью и С.К. Чаттерджи [1977, с. 52]...» (И.В. Ковтун, «Сейминско-Турбинские древности и индоарии», <https://cyberleninka.ru/article/n/seyminsko-turbinskie-drevnosti-i-indoarii>; http://www.archaeology.ru/Download/Kovtun/Kovtun_2012_Seiminsko_turbinskie.pdf);

«У Тацита (XI, 10) отмечается, что «Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названной рекой (река Эринд или Харинд, впадает в Астрабадский залив Каспийского моря, ныне Каринд – см. указатель к соч. Тацита, т. II. – Б.В.) и рекой Синдом, которая отделяет дагов (саков, – П.Д.) от ариев (сарматов, – П.Д.)». Даже при известных сложностях в отождествлении реки Синда с какой-то из современных рек следует обратить внимание на то, что согласно источнику дахи жили по соседству с ариями. Возможно, эта территория совпадает с местом их расселения в эпоху захвата власти в Парфии (по реке Ох, протекавшей тоже рядом с Арианой). Все это свидетельствует, что и письменные источники не дают основания для вывода о вытеснении дахами массагетов в каком-либо районе Восточного Прикаспия» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности», <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=113>);

«Мифологи, утверждающие, что греческая и индусская мифологии имеют «общее происхождение» и что «Веды представляют собой истинную теогонию арийских народов», встречают две большие трудности. Первая заключается, как мы видели, в том факте, что мифологические имена не совпадают в греческом и латинском языках так же, как и в латинском и кельтском; вторая состоит в том, что хотя сношения между индусами и иранцами были весьма тесны, но мифологические представления, которые предполагаются общими для индусов и греков, не общи грекам и иранцам (всего лишь иранизовавшимся под влиянием гутиев, касситов, фригийцев / мизов = мидийцев / мадаев и персов финно-угорским или же каким-либо иным неиндоевропейским племенам, – П.Д.)» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php).

Возможно, долихокранному населению Ирана, Средней Азии и Южной Сибири немногочисленными индоариями были навязаны вместе с мифологией и культурой также и арийские наречия, а сами иранские языки сформировались на основе преимущественно как неизвестных местных доарийских субстратов (возможно, как эламитских, хурритских и пракартвельских, так и подобных бурушаски сино-кавказских), так и пришлых финно-угорских субстратов (потомков андроновцев и скифов / саков). Тогда распад индо-иранской общности это такой же миф, как и распад мнимой восточнославянской общности на украинцев (потомков славяноязычных сарматов и алан), беларусов (потомков кельтов и балтоязычных савроматов) и русскоязычных россиян (потомков туранцев – финно-угров и тюркоязычных половцев):

«Установленные следствия индоарийско-древнеиранского (протоиндоарийско-протоиранского) языкового взаимодействия отображают культурно-исторические реалии финала III – первых веков II тыс. до н.э. Э.А. Макаев, вслед за А. Мейе полагавший, что протоиндийский и протоиранский языки восходят к близкородственным, но различным индоевропейским диалектам, объяснял их соответствия долгим и тесным географическим и культурным контактированием [1977, с. 31, 36, 45, 46 и др.]. По другой версии, неединообразие позднейшего «общеиранского» состояния своими истоками уходит в индоиранский массив [Эдельман, 1992, с. 49, 53, 55, 64–65 и др.]. Глубочайшие рассогласования протоиранского и протоиндийского лингвистических состояний и несводимость акцентных систем этих языков и др. указывают на изначальную немонолитность индоиранского «единства» [Лелеков, 1988, с. 176]. При этом системные взаимопроникновения трудносочетаемых индоарийских и иранских элементов культуры [Лелеков, 1980, с. 122] отражают полиморфизм сосуществования и дивергенции этого немонолитного и неоднородного диалектного континуума индоиранской общности [Эдельман, 1992, с. 59, 60 и др.]. Культурно-историческая проекция подобного состояния моделирует ситуацию социо- и этнолингвогенеза «со <слипанием> различных и даже разноразных родоплеменных группировок в более крупные объединения при весьма неравномерном, вернее непредсказуемом обмене культурными ценностями и элементами словаря» [Лелеков, 1980, с. 122]» (И.В. Ковтун, «Сейминско-Турбинские древности и индоарии», <http://cyberleninka.ru/article/n/seyminsko-turbinskie-drevnosti-i-indoarii>, http://www.archaeology.ru/Download/Kovtun/Kovtun_2012_Seiminsko_turbinskie.pdf).

Очевидно, брахикранные индоарии (митанийцы, мидийцы), лексика наречий которых стала суперстратом иранских языков, или полностью растворились в возникшем ираноязычном этносе, или же постепенно иранизировались, не смешавшись окончательно с такими же брахикранными эламитами, пракартвелами и другими переднеазиатами (луры, бахтияры, талыши, восточные курды-мусульмане, белуджи и др. брахикранные западные иранцы). Славяноязычных же и индоязычных брахикранных предков таджиков (кушан, яду / иданей, асиев, пасиан, тохар и др. согдийских племен) иранизировали гораздо позже западные иранцы и хорасанцы, навязав им новоперсидский язык фарси вместе с мусульманской религией:

«...процесс становления таджикского общества, по мнению части узбекских историков, происходил, прежде всего, в горных районах Памира и Гиндукуша... В частности, узбекский профессор Гога Хидоятов в реплике по поводу собственной книги «Крушение Саманидов» размещает район проживания людей, называющих себя арийцами, в долинах современного Гиндукуша. Данный факт подтверждался еще в XIX веке британскими исследователями, а сам автор упомянутого сочинения исследовал эти племена во время своего пребывания в северном Пакистане. Подобным образом Хидоятов пытается развеять миф о так называемых «равнинных таджиках»... Здесь уместно упомянуть, что еще академик Василий Бартольд указывал на то, что вытеснение согдийского языка таджикским произошло именно в эпоху Саманидов. В конце советской эпохи академик Мухаммаджон Шукуров предложил теорию «Большого Хорасана» («Хуросони бузург»), которая возвеличивала единое пространство, простиравшееся от Северо-Восточного Ирана до нынешнего Таджикистана, объединенного как раз во времена Саманидов. Как предполагалось, именно эта хорасанская идентификация отделила нынешних таджиков от иранцев. Таджикские историки преподносят Саманидское государство как «высшую точку исламской цивилизации». Именно из империи Саманидов, утверждают они, происходят все культурные обретения Европы раннего Нового времени; кроме того, в свое время это государство считалось самым сильным на планете. В современной таджикской историографии империя Саманидов предстает также образцом государственного управления – как эффективная, стройная и простая государственная структура» («В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими?»),

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-66/4089-v-poiskakh-istorii-tadzhikistana-o-chem.html>).

Но, как бы там ни было, исход прабалто-славян из Индии на север не мог произойти ранее 3100 г. до н.э.: эпохи Кришны и Вьясы и войны, описанной в Махабхарате (письмо, промежуточное между хараппским и брахми), но и не позже 1900г. до н.э. – времени почти полного пересыхания Сарасвати:

«Весьма солидные исследователи (К. Янг, Ж. Дейе, Р. Дайсон, И.Н. Хлопин) связывали расселение иранцев и даже прото-индоиранцев с трансформацией культуры расписной керамики и распространением культур серой керамики в Северо-Восточном Иране и на юге Средней Азии (рис. 3 – 8. – Dyson 1965: 220; Masson and Sarianidi 1972: 97 – 111; Thomas 1982: 64 – 67) или в Западном Иране (Сарианиди 1990). Это рассматривали как

автохтонное развитие, в котором, однако, пришельцы приняли заметное участие (Dyson 1973: 690-691). Серая керамика появляется в Гиссаре в начале III тыс. до н.э. (Гиссар ПА синхронизируется с раннединастическим I Месопотамии, ок. 2900 – 2750) и сменяет расписную керамику к середине тысячелетия (Гиссар ПIV синхронизируется с раннединастическим II – IIIa, ок. 2750 – 2500) (Dyson 1968: 310 – 311). К тому же серая керамика, подражающая своими формами и лощением металлической посуде, распространяется примерно в то же время и в Анатолии, Греции и на Балканах, а еще раньше в культуре Урук в Месопотамии. Это вдохновляет сторонников увязки серой керамики с иранцами (и с мигрировавшими к этому времени из Индии предками и многих других индоевропейцев, – П.Д.): иранцы тут уместны как часть индоевропейцев» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <https://zapdoc.site/drevnie-migracii-i-proishozhdenie-indoevropejskih-narodov.html>; <https://vdocuments.site/-568c4d851a28ab4916a4463d.html>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf).

В виду непрерывности в морфологии хараппского письма, брахми и деванагари ко времени полного пересыхания Сарасвати уже должна была сложиться самая древняя редакция общеиндийского литературного языка – ведический санскрит, к лексике которого весьма близка была не только лексика Авесты, но и лексика прабалто-славянских наречий. Хотя, конечно же, отдельные группы прабалто-славян и других древних индийцев, занимавшихся металлургией, могли и гораздо раньше основать свои колонии в горных районах Северо-Восточного Ирана, Северного Китая и Южной Сибири, и распространять уже и от туда технологию бронзолитейного производства как на Восток, так и на Запад:

«Мною была предложена гипотеза о соотнесении урало-протохарских контактов с распространением в XVI – XV веках до н.э. с юга Западной и Средней Сибири, с предгорьев Алтая и Саян на северо-запад, на Урал и оттуда – по лесной полосе Восточной Европы на запад, по крайней мере, до Оки и Нижегородского Поволжья сейминско-турбинского транскультурного феномена, за которым, по-видимому, стояло расселение по долинам больших рек небольших подвижных и очень активных (даже агрессивных) групп воинов-металлургов, хорошо знакомых с коневодством (см. выразительные изображения домашних лошадей на сейминско-турбинских изделиях) и принесших в лесную зону самую передовую для того времени технологию бронзолитейного производства и активно контактировавших с местными группами [Черных, Кузьминых 1989:266-277]. Одним из компонентов в сложении этого феномена была афанасьевская культура, распространённая в верховьях Оби и Иртыша, но и на Енисее, в Минусинской котловине III тыс. до н.э., с которой можно связывать и происхождение тохаров [Семёнов 1993]» (Владимир Напольских, «Предыстория уральских народов», <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/>; см. также «Введение в историческую уралоисту», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>);

«Археология находит еще один источник воздействия на древнекитайскую цивилизацию. Это Сейминско-Турбинская культура II тыс. до н.э., которая была создана европеоидными выходцами из Сибирского региона. Это были племена не только

металлургов, но и воинов-коневодов. «Характер их оружия и военной организации оказались в середине 2 тыс. до н.э. столь совершенными, что эти люди смогли в очень короткий отрезок времени преодолеть в своих походах-миграциях многие тысячи километров западносибирских лесостепей и тяжелой заболоченной тайги, перевалить Уральские горы и выйти на лесные равнины Восточной Европы». Сейминско-турбинские группы вряд ли были многочисленными. Иначе очень трудно объяснить тот факт, что к настоящему времени сохранилось только немногим более 400 металлических находок, связанных с этим феноменом. Большая часть указанных предметов обнаружена всего лишь в четырех крупных некрополях, три из которых – Сейма, Турбино и Решное – находятся к западу от Урала, а один – Ростовка – к востоку. Отдельные металлические орудия сейминско-турбинских типов находят по бескрайним просторам Евразии – от Монголии до Финляндии и Молдавии. Все эти на удивление малочисленные вещи разбросаны на гигантской площади примерно в 3 млн. кв. км. Судя по всему, бытование сейминско-турбинского феномена было непродолжительным: вряд ли более двух столетий. «Ворвавшись вихрем в море евразийских народов, сейминско-турбинские племена вскоре исчезли. Они были немногочисленны: часть их, видимо, погибла в воинских схватках, часть растворилась в местной этнической среде. Яркая страница истории завершилась, но память об этих народах воинов-металлургов сохранилась. Наверное, все последующее развитие металлургического производства в Северной Евразии в той или иной мере несло на себе печать открытий, сделанных сейминско-турбинскими мастерами...» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rus-obr.ru/idea/1828>).

Именно эти древние колонисты-металлурги, исследовавшие в поисках руд и рынков сбыта своей продукции и более северные районы Сибири, и могли принести в Древнюю Индию сведения, как о северном сиянии, так и о многих других диковинных явлениях:

«...необходимо отметить, что большинство современных исследователей считает металлургические знания древних китайцев заимствованными из Древней Индии. Это касается, прежде всего, технологии тигельной плавки бронзы и железа и способов производства экзотических металлов Древнего Мира и Средневековья – цинка, висмута и сурьмы... Древним центром индийской цивилизации считается территория в верховьях реки Инд. В III тыс. до н.э. здесь жил народ, обладавший письменностью, строивший большие города, умевший обрабатывать металлы и достигший выдающихся успехов в животноводстве. Древние индийцы сумели одомашнить не только лошадей, овец, коз и свиней, но еще и буйволов и слонов. Цивилизация, построенная в Пенджабе (ее называют также цивилизацией Мохенджо-Даро или Хараппской), поддерживала взаимовыгодные торговые связи с жителями древнего Шумера. По мнению некоторых специалистов здесь находился один из первых металлургических центров человечества... Искусство индийских мастеров металлургов было широко известно народам Древнего Мира. У соседей индийцев – персов – существовала поговорка «в Индию сталь возить», близкая по смыслу нашей пословице «ехать в Тулу со своим самоваром». С высочайшим качеством индийского металла смогли познакомиться воины одной из лучших армий латенской эпохи железного века – македонской. Известность получил случай, произошедший в сражении армии

Александра Великого с войсками индийского царя Пора на реке Идасп. Царь Пор, все время находившийся в гуще сражения, в итоге был захвачен в плен, однако на его доспехах победители не смогли обнаружить существенных вмятин или царапин – настолько прочной оказалась сталь, из которой они были сделаны. К началу новой эры индийская сталь была важнейшей статьей импорта и к западу от Индии – в Римской империи, и к востоку – в империи Поднебесной. Однако стоимость ее была чрезвычайно высока: известны случаи, когда за один клинок отдавали нескольких слонов. Неудивительно, что металлургическое ремесло было окружено в Индии ореолом таинственности, а в рассказах об искусстве металлургов правда перемежалась с домыслами. Вот как описывает технологию изготовления меча из «чистого» (высококачественного) железа древнеиндийская поэма: «Когда огонь молнии пронзает землю и проникает в глубь ее, копают по следу молнии и извлекают из земли кусок железа. железо разрубает на куски и нагревают до цвета пылающего угля. Затем его скармливают голодным домашним птицам, которые выделяют его с пометом готовым для изготовления мечей» (П.И. Черноусов, В.М. Мапельман, О.В. Голубев, «Металлургия железа в истории цивилизации», <http://www.markmet.ru/kniga-po-metallurgii/metallurgiya-zheleza-v-istorii-tsivilizatsii>).

6.13 Дравидский суперстрат, индоарийский и тохаро-балто-славянский адстраты в языках финно-угров и самодийцев

С прабалто-славянами ядавами, конечно же, мигрировали на север и пострадавшие вместе с ними от природных катаклизмов и межплеменных распрей как дравидийские племена (этнический суперстрат протофинно-угров и протосамодийцев), так и монголоидные племена предков мунда (прототибетцы), о чем и гласят легенды тибетцев:

«Среди буддистов была в ходу версия о происхождении тибетцев из Индии, родины буддизма. В эпосе «Махабхарата» рассказывается о борьбе двух кланов – Кауравов и Пандавов. Рупати, один из полководцев враждующих сторон, потерпел поражение и с остатками своего войска бежал в Тибет. Потомками этих беглецов, согласно указанной версии, и являются тибетцы» (Е.И. Кычанов, Б.Н. Мельниченко, «История Тибета с древнейших времен до наших дней», <http://lib.druzya.org/history/ost/tibet/.view-kychanov-tibet.txt.full.html>).

Подтверждением этого является и наибольшая близость к дравидийским языкам именно финно-угорских языков:

«Самуэль Крамер, первым из исследователей доказавший существование дошумерского языка в Двуречье, назвал этих древнейших жителей «убайдцами». Теперь есть основания считать загадочных «убайдцев» дравидами. Вернее, считать родственными убайдский и дравидийские языки, ибо с давних пор и лингвисты и антропологи считают непреложной истиной тот факт, что родство языков еще не доказательство родства рас. Индия и ее древнейшая цивилизация дает убедительнейший тому пример. Антропологически дравида родственны племенам мунда-кола, хотя и говорят они на разных языках. Язык создателей Мохенджо-Даро и Хараппы, как показывают результаты дешифровки печатей,

дравидийский; в то же время последние работы антропологов убеждают в том, что облик жителей этих городов стоит ближе к жителям Средиземноморья, чем к дравидам. Черепа убаидцев почти тождественны черепам создателей протоиндийской культуры и по всем признакам включаются в «средиземноморскую подрасу», типичнейшими представителями которой являются обитатели Кавказа. Многие лингвисты находят сходство дравидийских и кавказских языков; в то же время черепа древнейших обитателей долины Нила, бадарийцев, удивительно похожи на черепа дравидов, а французским лингвистом Е. Хомбергером не так давно выдвинута гипотеза о родстве протоегипетского языка с дравидийскими. Но лингвисты считают, что ближе всего к языкам дравидов стоит финно-угорская семья, включающая в себя языки эстонцев, венгров, финнов, марийцев, манси и других народов, антропологически не имеющих ничего общего с дравидами» (Александр Кондратов, «Погибшие цивилизации // Дравиды и убаидцы», https://www.e-reading.club/chapter.php/97379/60/Kondratov_-_Pogibshie_civilizacii.html; http://www.libma.ru/istorija/pogibshie_civilizacii/index.php).

Очевидно, наличие дравидского суперстрата в финно-угорских языках, сформировавшихся в Сибири (в Минусинской котловине и в Горном Алтае), связано с формированием прафинно-угров на основе праюкагино-самодийского этнического субстрата под влиянием дравидских племен, мигрировавших из Индии вместе с прабалто-славянами сначала в Северо-Западный Китай, а затем в Сибирь и в Среднюю Азию. Возможно, это были предки цянов эпохи Шань-Инь и иных дравидийских народностей, входивших наряду с прабалто-славянами в полиэтничные союзы жунских племен фаунов / лэу-фань, баянь / ваянь и др.:

«С.С. Тур, проведя антропологический анализ черепов людей с могильников среднего и нижнего течения р. Катунь, отметила наличие в них уралоидного компонента автохтонного происхождения. Это свидетельствует о том, что сходство черепов пазырыкцев этой части Горного Алтая и современных тюрко-самодийских групп Западной Сибири и кетов базируется на общей генетической основе, истоки которой уходят в неолит-энеолит (Тур, 1999, с. 205)» (П.К. Дашковский, «Погребальный обряд пазырыкской культуры Горного Алтая», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/P_Dashkovskij_Pogreb_obryad_Pazirik.pdf http://www.academia.edu/4308668/P_Dashkovskij_Pogreb_obryad_Pazirik);

«...венгерский учёный П. Хайду по-новому исследовав метод лингвистической палеонтологии, высказал идею о нахождении прародины уральских народов в Западной Сибири... В языках уральско-юкагирской семьи выявлены древние черты, имеющие достаточно убедительные соответствия в дравидийских, алтайских (тюркские, тунгусо-маньчжурские), отдельных палеоазиатских (чукотском, корякском, ительменском) языках. В начале, как отмечают ряд учёных, все уральские народы принадлежали к европеоидной расе, но в последующие тысячелетия (особенно на востоке и юге этого обширного ареала) антропологической тип стал меняться, появились представители монголоидной и дравидоидной семьи. Сходство между уральскими и дравидийскими языками обнаруживается в системе некоторых падежей, имеются общие слова (до 50 слов) и даже

числительные (эстон. «нели» – четыре, эрзян, мокш. – «ниле», манси «неле» – четыре, дравидийское – «налук»...)» (Лев Сазонов, «Ищите и найдете.... О прародине эрзи и мокши», <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=1695&nom11=250>).

В Сибири и в Монголии протоуральцы (прасамодийцы и прафинно-угры) тесно контактировали не только с предками дравидов, но и с прототунгусо-маньчжурами, и с прототохарами (точнее с протопсевдотохарами Синьцзяна):

«По-видимому, второй индоевропейской группой, с которой контактировали уральцы в достаточно древний период, были прототохары – носители группы родственных индоевропейских диалектов, на базе одного из которых, в конце концов, сформировались исторически засвидетельствованные в Синьцзяне в VI – VIII вв. н.э. тохарские (точнее, псевдотохарские, – П.Д.) языки. О возможности выделения тохарских заимствований в уральских языках писали многие авторы [Rédei 1986:24,40-43; Joki 1973:291,316,340; UEW:560-561,750; Janhunen1983; Хелимский 1985], сводку этимологий см. в [Напольских 1994; 1997:153-155; Napolskikh 1995a]. Проблема остаётся пока в стадии разработки, однако в целом можно сделать вывод о наличии некоторого количества прототохарских заимствований в уральских языках, многие из которых являются культурными терминами («металл», «лошадь», «соль», «семь», (?) «мёд»). Фонетический облик этих слов, особенности их значения и распространения в уральских языках позволяют датировать время их распространения интерстадиалом между распадом финно-пермской общности (едва ли раньше середины II тыс. до н.э.) и распадом угорского праязыка (не позднее середины – второй половины I тыс. до н.э.), причём в контакт должны были быть вовлечены практически все уральские группы... Бесспорно наличие значительного числа праязыковых лексических параллелей между уральскими, с одной стороны, и тюркскими, тунгусо-маньчжурскими или монгольскими языками – с другой [Räsänen 1953; Collinder 1965:140-153], практически все исследователи сходятся на том, что между языками обеих семей существуют многочисленные структурные схождения в фонетическом, морфологическом и синтаксическом строе [Porre 1983; Aalto 1969], и эти схождения и параллели должны иметь какое-то историческое объяснение, каковых может быть множество: от общей восточно-ностратической подосновы до древних контактов отдельных групп, причём одно решение не исключает, в принципе, любого другого [Sinor 1988; Róna-Tas 1983]. Принципиальное же значение для рассмотрения проблем уральской предьстории имеет сам факт безусловного наличия древних (на уровне уральского праязыка) связей между уральскими и алтайскими языками (ср. совершенно иную картину уральско-индоевропейских связей), что свидетельствует о близости уральской прародины к районам древнейшей локализации алтайских языков, то есть, так или иначе – к глубинным районам Азии. Сколько-нибудь заметных специальных древних связей между уральскими языками в целом или отдельными их группами с монгольскими, корейским или японским языками не обнаруживается. Из отдельных ветвей «алтайской семьи» с (восточными) уральскими языками находилась в постоянных контактах с глубокой древности тунгусо-маньчжурская. Опираясь на работы Е.А. Хелимского и И. Футаки [Хелимский 1985а; 1983; 1989; Futaky 1983; 1988] можно утверждать, что прауральские диалекты, а затем – уральские языки восточного ареала

(прежде всего – самодийские) находились в непрерывных контактах с тунгусскими (соответственно – пратунгусо-маньчжурским и т.д. вплоть до эвенкийского) языками со времени существования уральского единства и до сего дня» (Владимир Напольских, «Предыстория уральских народов», <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/>; см. также «Введение в историческую уралоистику», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>).

Как видим, арийские суперстраты и адстраты в прафинно-угорских языках были вовсе не иранскими, а прототохарскими, протобалто-славянскими и индоарийскими:

«В финно-угорских языках народов, живущих преимущественно в таёжной зоне Восточной Европы и Западной Сибири, имеется представительный корпус слов, заимствованных из языков их древних степных (точнее, горских, – П.Д.) соседей-ариев (см.: [Штакельберг 1893; Munkácsi 1901; Jakobsohn 1922; Joki 1973; Rédei 1986]). Финно-угорско-арийские контакты восходят как минимум к III тыс. до н. э., когда в ещё нераспавшийся финно-угорский праязык попали арийские слова, отражающие весьма раннее состояние (до перехода ПИЕ *o и *e > ар. *a)... Для иранистики значения этих материалов состоит, в частности, в том, что нередко финно-угорские языки выступают в роли своего рода «холодильника», в котором сохраняются старые формы и значения, давно утраченные в самих иранских языках (ср., например, фонетический облик удм. «suzer» – «младшая сестра» при др.-инд. «svasar» и осет. (ирон.) «хо»))» (Владимир Напольских, «Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии», http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/articles/napolskikh_v_v_kentavr_gandkharva_drakon_medved_k_evolyutsii_odnogo_mifologicheskogo_obraza_v_severn.php).

И к тому же:

«Где бы не размещались древнейшие районы обитания и прародина тунгусо-маньчжуров, локализовать уральско-тунгусские контакты западнее Енисея невозможно. Следовательно, восточный фланг уральской прародины должен был достигать, по крайней мере, Енисея. Причём, по-видимому, речь в данном случае должна идти о территории расселения эндоуральских групп, носителей досамодийских диалектов уральского праязыка, а районы обитания восточных парауральцев могли простираться гораздо далее на восток... Близость некоторых грамматических черт и лексики считавшегося ранее изолированным юкагирского языка, на котором сегодня говорит едва ли более тысячи человек юкагиров, живущих в среднем течении и в низовьях реки Колымы, к уральским языкам достаточно давно обратили на себя внимание исследователей [Collinder 1940; Angere 1956; Tailleur 1959;1963]. Уже в этих работах было представлено достаточно доказательств в пользу отдалённого родства этих двух языковых систем: юкагирский и уральский предложено было рассматривать как две равноправные ветви существовавшего в глубокой древности единого праязыка («урало-юкагирская [гипотеза] не может быть отклонена, если придерживаться методов и достижений сравнительно-исторического языкознания» [Collinder 1965:109]). Окончательное завершение гипотеза юкагиро-уральского родства нашла отражение в

работах И.А. Николаевой, где на основе предварительно проделанной праюкагирской реконструкции была представлена системная реконструкция фонетики праюкагируральского языка, была продемонстрирована общность фонетического строя, базовой лексики, морфологии юкагирского и уральских языков, безусловно свидетельствующие об их древнейшем родстве в пределах (восточно-) ностратической общности, среди языков которой уральский и юкагирский стоят друг к другу ближе всего [Николаева 1988a;1988b]. Наличие в составе юкагиров и уральских народов какого-то древнего общего компонента устанавливается и на основании данных физической антропологии [Козинцев 1988; Козинцев, Моисеев 1995]. Судя по историческим источникам, юкагироязычные группы охотников и рыболовов к XVII веку, а по данным якутского и тунгусского фольклора – и как минимум на несколько веков ранее, были широко расселены на пространствах Северо-Восточной Сибири от низовьев Лены до Анадыря и от среднего течения Колымы до берегов Северного Ледовитого океана, и есть все основания считать юкагиров аборигенами Северо-Восточной Сибири, предки которых жили там, возможно, ещё в неолите [Долгих 1960; Гурвич, Симченко 1980]. На особое место юкагиров среди народов Сибири и вероятное происхождение их от древнейших (по крайней мере неолитических) сибирских популяций указывает и особая архаичность антропологического типа юкагиров на фоне других вариантов байкальской расы [Золотарёва 1968]» (Владимир Напольских, «Предыстория уральских народов», <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/>; см. также «Введение в историческую уралоистику», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>);

«Т.В. Томашевич вычислила градиент распределения частот надглазничных каналов черепа человека [Томашевич 1988]... Оказалось, у саамов, американских индейцев, а также северных монголоидов – якутов, юкагиров, эвенков, чукчей, эскимосов – наиболее высокая частота встречаемости надглазничных каналов. У кетов, юкагиров, русских, манси, осетин, армян частота надглазничных каналов очень близка и варьирует в пределах 30 – 38%, это может быть связано с происхождением данных народов из древней палеоазиатской популяции» (Ариадна Назарова, «Европеоиды в Северной Азии в палеолите», <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeoidy-v-severnoy-azii-v-paleolite#ixzz4LTt6s53o>).

6.14 Антропологическая и этнографическая неоднородность финно-угорских народностей

Наличие тесных контактов прафинно-угров с индоариями, прабалто-славянами, пратохарами и тибетцами подтверждается также как антропологической, так и этнографической неоднородностью самих финно-угорских народностей:

«Расовые типы, представленные у уральских народов, довольно разнообразны: от классических северных европеоидов (атлантико-балтийская раса, распространённая среди прибалтийских финнов и мордвы-эрзи) до классических континентальных монголоидов (расовый тип нганасан – см. ниже), однако в основном уральцы принадлежат к различным вариантам двух расовых типов: к беломоро-балтийской европеоидной расе (большинство прибалтийских финнов, часть мордвы-эрзи, большая часть коми-зырян) и к урало-

лапоноидной расе в её вариантах: уральском (манси, с монголоидной примесью в возрастающем порядке – у (нарымских) селькупов, хантов, ненцев), лапоноидном (саамы), сублапоноидном волго-камском (коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва-мокша) [Алексеев 1969; Марк 1956; 1964; Дрёмов 1985]. Европеоидная принадлежность беломоробалтийской расы и её происхождение у прибалтийских финнов и мордвы в связи с вхождением Прибалтики и Верхнего Поволжья в ареал древнейшего распространения «протоевропейских» типов и с происходившей с конца III тыс. до н.э. миграцией в Прибалтику с юга европеоидных групп (носители культур со шнуровой керамикой и т.д.) индоевропейской, позже – собственно балтской и – с запада, из Скандинавии – германской этноязыковой принадлежности, не вызывают, в общем, сомнений [Марк 1956; Денисова 1974; 1975; 1980; Якимов 1956; Бунак 1965; Bunak 1966]... В последние десятилетия в работах А.Г. Козинцева, базирующихся на новом методе антропологического исследования, анализе швов черепа (этническая краниоскопия, англ. ethnic epigenetics), было продемонстрировано генетическое расовое единство большинства уралоязычных популяций от саамов до ненцев, противостоящих всем остальным популяциям Евразии, кроме юкагиров, которые попадают в «уральский» кластер, и обнаруживающих явное тяготение к северному антропологическому «полюсу», причём максимальный северный индекс показывает опять-таки юкагирская серия [Козинцев 1988:125-129,137,140,144]. Эти выводы были полностью подтверждены недавно и результатами анализа данных традиционной краниологии [Козинцев, Моисеев 1995:87]. Мы, таким образом, имеем сегодня основания, говорить об уральском пранароде не только как об абстрактной общности носителей реконструируемого уральского праязыка, но как об общности, для которой был характерен определённый, отличающий её от других популяций Северной Евразии антропологический тип, то есть – буквально как о народе во плоти и крови. Вторым важнейшим обстоятельством является отнесение к этой же общности предков юкагиров, таким образом, лингвистическая юкагиро-уральская гипотеза обретает право на историческую реальность. Вхождение в «уральский» кластер как наиболее «чистых» урало-лапоноидных групп (саамы и манси), так и байкальских монголоидных (юкагиры, тунгусы) или имеющих в своём составе явную монголоидную примесь (ханты, ненцы), позволяет высказать предположение о том, что «древнеуральский компонент», обеспечивший отслеживаемое единство юкагиро-уральских групп, может быть соотнесён с древнеуральской расой и / или с низколицыми периферийно-монголоидными типами мезо- и неолита Сибири. Хотя приведённые выше факты о миграциях «низколицых монголоидов» и их участии в генезисе населения Восточной Европы указывают скорее на вторую возможность, следует говорить в целом о родственных («перетекающих» друг в друга, имеющих единый ареал формирования в предледниковой области в верхнем палеолите и с самого начала смешивавшихся между собой) северных евразийских вариантах (в терминологии В.В. Бунака), смыкающихся на западе с европеоидами, а на востоке с монголоидами, но в целом образующих особый, восточноевропейско-урало-сибирский очаг расогенеза» (Владимир Напольских, «Предыстория уральских народов», <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/>; см. также «Введение в историческую уралоисторику», <https://coollib.com/b/288533/read>, <http://flibusta.site/b/381071/read>).

Исход темно-краснокожих прабалто-славян и некоторых прафинно-угорских (дравидских) племен именно из Южной Азии подтверждается смуглостью, как потомственных балтов и славян, так и некоторых финно-угорских народностей. Совместность же их прихода не только в Центральную, но и в Среднюю Азию подтверждается палеоантропологическими исследованиями, указывающими на одновременность появления в Южном Приаралье как центральноазиатских брахикранных европеоидов, относимых к памиро-ферганской расе, так и европеоидов с примесью монголоидности:

«В контексте нашей темы, важно подчеркнуть следующие моменты: 1. Монголоидная примесь в составе населения Средней Азии впервые появляется не в тюркское время (Рычков, 1964; Дубова, 1978; Пестряков, 1980) и не в середине (Ходжайов, 1987), а в начале 1 тыс. до н.э. 2. В это же время на территории Южного Приаралья впервые фиксируется комбинация краниологических признаков, напоминающая памиро-ферганскую. В середине 1 тыс. до н.э. на территории Южного Приаралья повсеместно исчезает характерный для классической сакской культуры погребальный обряд, и одновременно наступают довольно резкие изменения в физическом облике населения региона. Процессы межрасового смешения, начавшиеся в раннесакское время, нарастают, но теперь в них участвуют иные антропологические компоненты. Как на Нижней Сырдарье, так и в низовьях Амударьи, антропологическую основу населения составляли европеоиды. В V – III вв. до н.э. монголоидная примесь на черепах встречается лишь эпизодически... К концу 1 тыс. до н.э. большинство коренного хорезмийского населения Южного Приаралья отличалось мезо-брахикранией в сочетании с относительно высоким средней ширины лицом, с некоторой его уплощенностью (Яблонский, Коляков, 1993) – то есть тем комплексом признаков, который уже в достаточной степени напоминает памиро-ферганский...» (Л.Т. Яблонский, «Еще раз к вопросу о формировании расы среднеазиатского междуречья (в свете новых палеоантропологических материалов из Приаралья)», <http://groznijat.tripod.com/casia/jablonskij.html>).

Поэтому-то не исключено и то, что вместе со славяноязычными сарматами и уграми в Поволжье задолго до гуннов пришли и возможно вовсе не родственные савирам тюрко- или тунгусоязычные предки чувашей – слегка монголоидные сувары:

«При этом глоттохронология датирует отделение чувашского языка от остальных тюркских V – III вв. до н.э. Между тем, если бы чувашский язык происходил от языка болгар, то, исходя из возводимости последних, в конечном счёте, к гуннам, можно было бы ожидать совпадения со временем миграции гуннов из Центральной Азии – II в. н.э. Такое несоответствие убедительно объясняется лишь в случае, если мы предположим, что предки чувашей оторвались от остальных тюрков значительно раньше, чем гунны и происходящие от них болгары. Неизвестно, сколько времени им понадобилось для миграции на современные места обитания, но теоретически предлагаемая глоттохронологией датировка отделения даёт им достаточно времени, чтобы войти в контакт с прапермянами и передать им лексические «болгаризмы» даже в случае наиболее ранних предложенных археологами

датировок распада пермского праязыка периодом последних веков до н.э. Наконец, есть ещё один момент, хорошо объясняемый предлагаемой гипотезой. Поскольку болгары до своего переселения на Волгу были типичными кочевниками-скотоводами, закономерным, казалось бы, заимствование от них пермянами в основном скотоводческой лексики. Однако в реальности она в пермских языках в основном иранского происхождения. Зато основная масса «болгаризмов» – это термины земледелия. Данное обстоятельство необъяснимо, если считать источником заимствования кочевников-бугар, но хорошо согласуется с тем фактом, что в этнографической современности чувашаи описываются как «самые ревностные земледельцы» Поволжья. (Характерно при этом, что у казанских татар, напротив, имеются явные следы скотоводческого прошлого.) Если предки чувашей с самого начала были земледельцами, то заимствование из их языка в прапермский в основном земледельческой лексики оказывается закономерным» (Вадим Понарядов, «Проблема датировки распада», <http://www.artlad.ru/magazine/all/2007/4/130/146>; <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=7106&start=75>).

На то, что чувашаи, возможно, являются потомками тюркизировавшихся марийцев и мукри (тунгусов), указывают многие факты и, в том числе, и лингвистические:

«В.Г. Егоров обнаружил в чувашском языке целый ряд слов, принадлежность которых к финно-угорским языкам вряд ли может вызвать какое-либо сомнение. К числу таких слов относится, например, название древнего праздника «калём кун», связанного с поминанием усопших, ср. мордовское «калмо» – «могила», мар. «колем» – «умираю» и т.д. Любопытно также название злого духа «кёлё», имеющего параллели в финском «kilo», «killi», удмуртском «киль», коми «куль» и т.д... Гораздо более значительными в чувашском языке являются следы влияния марийского языка. Попробуем более подробно рассмотреть следы этого влияния. Прежде всего, это влияние выразилось в сильном изменении системы согласных чувашского языка. От марийского языка чувашский язык приобрел характерную фонетическую особенность, выражающуюся в невозможности звонкого начала слова, – ср. татарск. «баш» – «голова», но чувашское «пуш», татарск. «бар» – «есть», «имеется», но чувашское «пур»... В пользу того, что тюркские племена, проникшие на территорию Чувашии, когда-то находились в районе Байкальского озера, говорят некоторые лексические параллели чувашского и тунгусо-маньчжурских языков. Обращает на себя внимание, например, такое слово, как «кил» – «дом», вероятно, существовавшее также в языке хазар, ср. название города Саркел, или Белая Вежа, ср. эвенкийское «gule» – «хижина», слово «кар», означающее в древнечувашском языке населенный пункт или город, например, Шупашкар – Чебоксары. Это слово проникло также и в пермские языки, например, Сыктывкар, Кудымкар и т. д. Марузо в качестве параллели к этому слову приводит гольдское «когге» – «стена»...» (Б.А. Серебренников, «Происхождение чуваш по данным языка», в сб.: «О происхождении чувашского народа», http://suvar.org/books/o_proiskhozhdynii_chuvashskogo_naroda.pdf; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/o_proiskhozhdynii_chuvashskogo_naroda.pdf).

Таким образом, племена, принесшие прафинскую речь в Европу и финнизовавшие

северо-восточных европейских аборигенов, вполне могли мигрировать в неё вместе с индофригийцами паралатами и некоторыми предками современных германцев или же даже ранее их. Не исключено, конечно же, и то, что финноязычными скифами были и андроновцы, мигрировавшие из Восточной Сибири в казахстанские степи и далее вместе с протогерманцами в Европу, а динлинами были родственные им потомки праюкагироязычных афанасьевцев, мигрировавших из монгольских степей или даже из западного Китая в Сибирь, где они и послужили угро-самодийским этническим субстратом (таштыкская АК I в. до н.э. – V в. н.э.) для формирования большинства тюркских племен:

«Что же касается серий, напоминающих «протоевропеоидный» тип, выделенный Дебецем, то факт их численного преобладания в эпоху неолита – бронзы следует признать, но с поправкой, что почти все они географически локализируются в степном поясе Евразии. Впрочем, по мере накопления новых данных, антропологическая гомогенность и этого населения, в том числе андроновского, которое Г.Ф. Дебец считал классическим протоевропеоидным, выглядит сомнительной... Вместе с тем, глобальные выводы Дебеца об историческом взаимодействии европеоидного и монголоидного антропологических пластов остаются непоколебимыми. Он первым обратил внимание на то, что вплоть до эпохи раннего железа ареал европеоидов распространялся далеко на восток, по сравнению с нынешним. Новые материалы лишь уточнили восточную границу этого ареала, доведя ее до центральной части Монголии. Также остается в силе и вывод Дебеца о том, что с древнейших времен монголоидные популяции населяли лесную полосу Сибири. В последнее время в лесостепи Южной Сибири были раскопаны погребения, которые продемонстрировали существование краниологически относительно грацильных, с монголоидной примесью людей, захоронения которых сопровождалась классическим андроновским инвентарем» (Л.Т. Яблонский, ««Палеоантропология СССР» Г.Ф. Дебеца с позиций современной палеоантропологии», http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1996/no4/Yablonskiy_1996_4.pdf; <https://docplayer.ru/59931570-1996-g-eo-4-l-t-yablonskiy.html>);

«Носители «андроновской» культуры близки к «афанасьевцам» – динлинам, но не тождественны с ними. «Очагом формирования «андроновского» подтипа были казахстанские степи, и в Минусинском крае «андроновцы» являются западными (очевидно, как и динлины, западно-китайскими, – П.Д.) пришельцами» (Г.Ф. Дебец, «Палеоантропология СССР», М.-Л., 1948, с. 70). На западе элементы «андроновской» культуры переживают ее минусинский вариант, и поэтому представляется возможным видеть в «андроновцах» древних кипчаков – кюе-ше, народ, несомненно, динлинского происхождения (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Западная Монголия и Урянхайский край», Т. II. Л., 1926, с. 57-59)» (Лев Гумилёв, «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов», http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article26.htm#Article26note_13).

А ведь это значит, что ныне русскоязычное долихокранное население России действительно может рассматривать андроновцев в качестве возможных своих предков. На это указывает и наличие обширных пластов индо-иранской лексики в языках большинства

финноязычных народностей. Реальность такого развития исторических событий не вызывает сомнения, так как и гораздо большие территории были позже славянизированы в течение более короткого срока:

«В облике средневековых восточных славян достаточно отчётливо проступают особенности субстрата (Алексеева, 1971). Так, например, вятичи и северо-восточные кривичи в антропологическом отношении могут рассматриваться как ославяненное узколищее восточнофинское население Волго-Окского междуречья; финский же субстрат, но в широколицем варианте, проявляется в словенах новгородских; поляне по сути дела представляют собой непосредственных потомков черняховцев; балтийский субстрат получил отражение в группах радимичей и дреговичей. Участие всех этих племён в сложении восточнославянских народов бесспорно, следовательно, бесспорно и проявление в последних дославянского субстрата... Украинцы, будучи связаны в своём генезисе со средневековыми тиверцами, уличами и древлянами, включили в свой антропологический состав черты средневропейского субстрата – относительно широколицего, мезокранного, известного по неолитическим племенам культуры колоколовидных кубков и населению 1 тыс. до н.э. левобережья Дуная. В то же время, учитывая их антропологическое сходство с полянами, можно сделать заключение, что в сложении физического облика украинского народа принимали участие, наряду со славянскими элементами, элементы дославянского субстрата, по-видимому, ираноязычного (на самом же деле тоже славяноязычного южносарматского населения, – П.Д.)» (Татьяна Алексеева, «Антропологический состав восточнославянских народов и проблема их происхождения // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии», – М.: Наука, 1974. – С. 69 – 76, <http://blog.i.ua/user/668088/374670/>).

6.15 Свидетельства проживания предков славян в Азии и на Северном Кавказе

Согласно Василию Абаеву слово «медь» (укр. «мідь») происходит от названия страны Мидия (англ. «medes» – мидийцы), в которой добывался куприт. Цвет минерала куприта – красно-бурый; кристаллы кроваво-красные, – отсюда старое название рубиновая медь. Это красноречиво указывает на то, что предки славян до миграции в Европу некоторое время проживали в Средней Азии вблизи мидийских медных рудников:

«Среди известных и локализованных названий западных славянских племен ключевыми выглядят топонимы «доленцы» и «далеминцы» (рядом струпеницы, нишаны, нижицы) (нишады – горные племена, обитавшие в индийских горах Виндхья, – П.Д.). В свете выявленных генетикой и языкознанием иранских корней славянства (и особенными связями названий речек Нис и г. Нисы Парфянского) эти названия можно интерпретировать как указание на Каспийское море, именуемое аль-Хорезми Дейлемским морем (940-е г.г.) [ДРЗИ, 190, 194, Тищенко 2012а, 112-113]. На это же море указывают и соседние с украинцами топонимы доленжане, «wolinianie» – волыняне (Хвалын – Каспий [Тищенко 2012, 111-112]), вероятно, моричане и кашубы [там же, 82-85]. При этом полной аналогией надбужским волынянам является не только топоним «wolinianie», но и факт размещения здесь же города Wolin на острове Wolin, – ср. волыняне и их столица город Волынь на р. Гучва (от Буга, в

650км на восток). О Нисе Парфянской могут напоминать топонимы «niszanie» (около далеминцев!) и «niżuse» (недалеко от рек Nysa Lużycka и Nysa Kłodzka) [Тищенко 2012, 111]» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка», https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf, <http://www.prawda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>);

«Присутствие санскритских слов в русском языке (Даль, Срезневский и др.) заставляет нас думать, что Русы пришли с Востока (Средняя Азия) и составляют с Литовцами ближайшую к Санскриту группу народов. Присутствие слов: шуба, Ирий, абалако (яблоко), горло (Хорлы, они же Герулы), Хорпы, кум или кума, албани (яблоня) и много других как бы указывает путь, пройденный частью Предков. Мы не можем от этих слов отказаться! Ни от «ризы» (Реза), ни от «хатты» (Хеттия). Эти слова нас заставляют признать, что Предки были в Сумерии. «Небо» – имена царей Двуречья (Юрий Миролюбов, «Преистория славяно-русов», т.14, <https://www.rulit.me/books/preistoriya-slavyano-rusov-read-169308-47.html> ; <http://lib.rus.ec/b/177563/read>).

Затем большая часть предков славян длительное время проживала на Северном Кавказе:

«В этой связи знаменательна и показательна необычная для восточнославянской традиции форма теонима – Хурсь, содержащаяся в ряде древнерусских памятников, в том числе некоторых старейших списках Проложного Жития Владимира. Выявляемая с высокой степенью вероятности двойственная огласовка имени восточнославянского солярного божества – Хърсь / Хусрь – фонетически полностью соответствует реконструируемому сармато-аланскому *xors / *xurs – «Солнце-царь». Все сказанное позволяет говорить не просто в общей форме о скифо-сармато-аланских корнях Хорса (и, вероятнее всего, Семаргла), но конкретно о его сармато-аланском источнике. Ведущее место культа «Солнце-царя» в верованиях сармато-аланской отрасли восточных иранцев (на самом же деле, славяноариев, – П.Д.) предопределило его положение в восточнославянском язычестве в качестве одного из наиболее высокочтимых божеств, бога «великого», согласно «Слову о полку Игореве... Однако в течение V ст. в Подольско-Днепровском регионе формируется новая археологическая культура – пеньковская (в основном датируется V – VII вв., в некоторых районах функционировала и позднее), создателями которой являлись потомки местного симбиотического славяно-иранского (на самом деле индо-балтского, – П.Д.) населения черняховского времени анты. Начиная с VI в. (славянизированные готами, – П.Д.) анты-«пеньковцы» широко расселились по Центральной и Юго-Восточной Европе (вместе с носителями пражско-корчакской археологической культуры, ядром формирования которой был Верхнеднепровский регион черняховского времени, образовывавшими метаэтническую общность с самоназванием *slovene) – от Балтики до Среднего Подунавья и Балкан. В дальнейшем в Днепровском левобережье пеньковская культура была в основном перекрыта сначала волынцевской (VII – VIII вв.), а затем роменской археологическими культурами, последняя из которых постепенно трансформировалась в древнерусскую. Что касается более западных территорий, то здесь пеньковская культура постепенно эволюционирует в

сахновскую, перекрываясь культурой VIII – IX вв., которая относится к типу Луки-Райковецкой, и перерастая в древнерусскую. Таким образом, имеются веские основания сделать вывод о том, что потомки симбиотического славяно-иранского (точнее балто-славянского, – П.Д.) населения черняховской культуры, анты, приняли самое активное участие в формировании южной части восточных славян, во многом сложившейся на основе иранского (на самом деле балто-славянского, – П.Д.), сармато-аланского субстрата. Именно этой части древнерусского населения были присущи почитание «Солнце-царя» «великого» Хорса и, вероятно, Семаргла. Поэтому речь не может идти о «чужести», инородности Хорса и Семаргла для восточнославянских дохристианских воззрений. Равно нельзя говорить и об их заимствовании у сармато-алан (фактически то и являвшихся изначальными носителями славянского языка в Европе, – П.Д.). Перед нами ситуация естественного вхождения культов данных божеств в восточнославянское язычество (через механизм ассимиляции иранцев) в качестве его органической составной части» (М.А. Васильев, «Особенности формирования и развития восточнославянского язычества», <http://sadsvt.narod.ru/vas.html>; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/vasil_slavyaz.php).

Однако же, если иранское культурное влияние на самих славян и просматривается хорошо, то, в отличие от индоарийского лексического влияния, иранское лексическое влияние сказалось на славянских языках весьма несущественно и к тому же лишь ареально:

«Отдельную проблему составляют генетические отношения иранских языков со славянскими, о чем существует большая литература. Рассмотрение сходств и различий между иранскими и славянскими языками на разных языковых уровнях – в исторической фонетике и фонологии, морфологии и синтаксисе, некоторых лексических элементах – показывают, что общих материальных инноваций между иранскими и славянскими языками, эксклюзивных для этих языков, минуя общеарийское и индоиранское состояние в истории иранских языков, не прослеживается. Следовательно, нет и доказательств более тесного генетического родства, чем родство, восходящее к состоянию, общему для всей группы «сатэм» индоевропейской языковой семьи. Нет и доказательств вторичного конвергентного «средства» в рамках языкового союза в праязыковом (во всяком случае, для иранских языков) периоде, хотя имеются свидетельства существования в прошлом ареальных конвергентных языковых и этнических союзов, в который входили скифо-сарматские племена и часть славян. Однако это относится к значительно более позднему периоду и охватывает лишь относительно небольшую часть ареалов распространения иранских и славянских языков. Прослеживаются также общие или сходные типологические инновации в иранских и славянских языках, интересные сами по себе, часть из них носит ареальный, контактный характер. Однако для определения степени генетического родства они не показательны (подробнее [Эдельман 2002])» (Д.И. Эдельман, «Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания», <http://www.philology.ru/linguistics4/edelman-09.htm>). [к осн. текстy]

П.7 7.1 Византийцы нарекают их русийа – темно-красные, рудые

Русы (хоразмий-хурусы, готы-тетракситы / готы-руссы, фризы-руссы, аланы-торки / аланы-руссы, поляне-руссы, троксоланы / роксоланы, торки = таркасы / черкасы, бораны / ворады / *волоты = баланджары / берендеи, кавары = ковуи, кутригуры = унгличи / уличи, воляняне, янтсай = анты), как и их потомки гориды украинцы, были длинноногими и тёмно-краснокожими великанами (укр. «велетнями», беларус. «волотами», ст.-киев. «витязями», швед. «jätte») подобно родственным им вельтам = вилькинам / вильтинам = вильцам / велетам = лютичам, ломбардам / лангобардам, гревтунгам / грутуннам = хорутанам (краинцам), тервингам = червянам = сербам, вестготам = датчанам, а также и чёрноволосям брахикранным валлонцам, нормандцам и англичанам (потомкам гуннов-фризов = русов, ютов и англов):

«Длина ноги украинцев превышает этот показатель у поляков и беларусов, а особенно – у россиян. По вычислениям другого антрополога – А. Ивановского, украинцы принадлежат к группе племен с наидлиннейшими ногами. В одной из украинских газет я прочел интервью с балериной М. Плисецкой. На вопрос корреспондента, почему ее московская балетная труппа почти полностью состояла из украинцев (потомков высокорослых и длинноногих гаутов / гётов / ётунгов / ютунгов, гарудов / грутуннов / гревтунгов = хорутов / хорутан и хросов / хурусов / русов, – П.Д.) балерина ответила: «Украинцы имеют очень талантливые ноги». Не знаю, что вложила балерина в понятие «талантливые ноги», но длина ног у артиста балета имеет первостепенное значение. По антропологическим признакам украинцы имеют большее родство с южными и западными славянами (за исключением поляков), чем с великороссами, беларусами, поляками. Исследователи в прошлом относили украинцев к высокорослым народам (франц. «haut», гот. «hauhs», нидерл. «hoog», хинди «uusa», исп. «grande», турец. «jüka», азерб. «hündür, uca, uxaq», кит. «jun, gaogui», кор. «gin», тадж. «баланд», коми-перм. «вылын» – высокий; нем. «hoch» – «высокий, возвышенный, знатный, важный, сильный, большой», нем. «groß» – «высокий, сильный, крупный, большой, классный», нидерл. «gryter, hoger», швед. «högre», тат. «югары» – выше; др.-греч. «ἄκροσ», нем. «höher» – высший; турец. «yüce» – «высший, верховный»; лит. «ūgio» – высокий; норв. «ånd», швед. «Ande», исл. «Andinn», англ. «Genie», «Genius», кит. «Hún», тадж. «Рӯҳ», азерб. «Ruh», башк. «эруах» – «Джинн, Дух», – П.Д.). Россиян, беларусов, поляков – к низкорослым...» (Вячеслав Киричок, «Антропологические различия украинцев и русских», <http://h.ua/story/345760/>; <http://samizdatt.net/index.php?newsid=8281>);

«Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног...»

(Александр Пушкин, «Евгений Онегин», <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=1409>);

«...счастливой находкой оказалось упоминание сирийским автором VI в. Псевдо-Захарией, или Захарией Ритором, компилятором, использовавшим хронику греческого

автора Захарии Митиленского, народа рус... Описание же народа «русов» (визант. «хросов / хрѣсов», вост. «хурусов» при санскр. «guru» – «большой, тяжёлый, грузный»; англ. «gross», нем. «groß», фриз. «grut» – «большой, крупный»; др.-греч. «κολοσσιαῖος», нем. «kolossal» – огромный; англ. «great», укр. «кремезний» – «высокий, большой, огромный, громадный, сильный»; ст.-укр. «груд» – возвышенность; гот. *hroþs, «hrôth», англ. «greatness», нидерл. «grootte», нем. «Größe» – величие; словен. «orjaški», венг. «óriás», фриз. «geus», нидерл. «geus / gous», исл. «gísi», нем. «Riese», маратхи «Rākṣasa», яван. «gaseksa» – «великан, гигант», – П.Д.) как богатырей (исполинов, волотов, пахлаванов, гаргаров, гаргантюа, гулливеров, голиафов, грейтунгов, – П.Д.), которых не носят кони, можно согласовать со сведениями о росте и слабой вооруженности антов (Антей – герой-великан; норв. «ånd», швед. «Ande», исл. «Andinn», англ. «Genie», серб. «џин» – «Джинн, Дух»; вал. «anferth», ст.-нем. «Enz / Anzi», балтийское поморск. «хун», кит. «Jùrén», кор. «geoin», слав. «живан» – великан; нем. «Hüne» – «гигант, богатырь»; франц. «géant», англ. «giant», швед. «jätte», курд. «hût», гуджарати «Jāyaṇṭa» – гигант; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; кор. «gin», лит. «ūgio» – высокий; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; баск. «handi» – большой; кит. «Jù, Jùdà», венг. «hatalmas / *hantalmas» – огромный; эвенк. «эңэсй, хōниң» – богатырь; ст.-слав. «венти» – великий; монг. «өндөр, ариун» – высокий, – П.Д.) у Прокопия и других писателей VI в. [Пигулевская, 1952]...» (В.Я. Петрухин, «Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков», <http://bioraf.ru/petruhin-v-ya-nachalo-etnokuleturnoj-istorii-rusi-9-11-vekov-m.html?page=2>; В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, «Историографический миф: народ рос в Среднем Поднепровье», http://oldeurasia.ru/library/V-YA--Petrukhin--D-S--Raevskiy_Ocherki-istorii-narodov-Rossii-v-drevnosti-i-rannem-Srednevekovye/55);

«В конце V – начале VI в. бесспорными гегемонами ареала, населенного предками славян, являлись антские племена. Анты (славянизированные аланами и гревтунгами / грутуннами = хорутанами балтоязычные верхние аорсы яньцай, – П.Д.) заселяли обширную территорию от Карпат до Днестра, от северных окраин лесостепи до среднего течения рек черноморского бассейна. Выделялось несколько районов компактного расселения антов. Эти районы соответствуют отдельным племенам или племенным группам. Наиболее плотно анты заселяли Поднепровье. Плотнее всего были заняты ими север Прутско-Днестровского междуречья и долины прилегающих левых притоков Днестра (Серет, Збруч). Как уже говорилось, здесь жили хорваты (потомки гепидов / гелбидов, – П.Д.). Второй крупный очаг антского расселения (тиверцы?) располагался южнее, в бассейне Среднего Днестра. Многочисленным было антское население и к западу от Прута, в древней Дакии, где (как и на севере «хорватского» ареала) анты селились совместно или чересполосно со словенами (потомками балтоязычных античных склавинов, – П.Д.). Еще одно большое «гнездовье» антских селищ сложилось по Южному Бугу (Куня и соседние с ней – Голики, Самчинцы, Семенки и др.). Сейчас невозможно отождествить его с каким-либо известным нам позднее племенем или племенным объединением. Из этого района анты продвигались и на север по Бугу, до его верховий (поселения Соколец, Парневка). В Поднепровье северной границей расселения антов первоначально был район Киева. Об этом свидетельствуют и присутствие элементов средне-верхнеднепровской киевской культуры в пеньковских древностях, и следы

поселения на Старокиевской горе. Однако основные районы расселения антов по Днепру, несомненно, располагались южнее. Самое северное из бесспорно антских поселений этого региона – Канев выше впадения Росси. В начале VI в. (славянизированные утигурами = ясами и готами, – П.Д.) анты уже сравнительно плотно заселили оба берега Днепра от впадения Роси до впадений Сулы и Тясмина. При устье Тясмина расположено Пеньковское гнездо селищ, давшее название всей антской археологической культуре (поселения Макаров остров, Молочарня, Луг 1 и 2)... Анты были более многочисленны и лучше организованы. Они без каких-либо конфликтов селились на словенских поселениях или чересполосно с ними. Мирное совместное проживание словен и антов отмечено, прежде всего, на поселениях Буковины и Северной Молдовы (Кодын, Гореча, Каменка). Некоторые из них, как уже говорилось, возникли как словенские еще до прихода антов. В политическом плане более сильные анты, конечно, лидировали в этом симбиозе. Родственные словене не оказали сопротивления антской миграции...» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков // Анты и дулебы», http://oldrushistory.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/19);

«Связь славянских племен древней Германии с заселением Англии подтверждается также сохранившимся в Англии древними обычаями, которые были широко распространены в славянских странах. Это свидетельства фольклора, следы славянского влияния на англосаксонский язык, и некоторые старые топонимы в Англии, особенно те, которые указывают обычно на вендов, или имеют отношение к ругам и вильцам (велетам – потомкам как славяноязычных чёрноволосях великанов вильтинов / вилькинов, так и, возможно, славянизированных ими тёмнорусых вендов и антов, – П.Д.). Большая волна древней славянской миграции была остановлена в Восточной Германии, но меньшие последующие волны продолжали перемещаться на запад, на что указывают отдельные славянские колонии древнего происхождения в Ольденбурге, Ганновере, и Голландии. Те же миграционные потоки в меньшей степени, видимо, распространяются даже в Англию, приводя в нашу страну некоторых славянских поселенцев, вероятно, в союзе с саксами, англами, готами и другими племена, а несколько позже, в союзе с данами. Существование отдельных крупных племен среди венедов является, вероятно, доказательством наличия у них племенных отличий, и альтернативных названий (как самоназваний, так и названий, которыми их называли соседи). Сохранившиеся в настоящее время смуглые венеды в Саксонии, которые называли себя сербами, показывают, что существовало, должно быть, какое-то древнее венедское племя с подобным цветом лица, от которого они произошли (очевидно, античные германцы вельты и тервинги = червяне, – П.Д.). Так как эта страна, издревле заселенная вильцами, включала Бранденбург и район вокруг Берлина, то на западе она влилась в границы древней Саксонии. Существует доказательство, вытекающее из сохранившихся топонимов как внутри, так и возле древней венедской территории, показывающее, что эти вильцы оставили отчетливые следы своего пребывания в Северо-Восточной Германии, например, Wiltschau, Wilschkowitz и Wiltsch – в Силезии; Wilze – возле Познани; Wilsen в земле Мекленбург-Шверин; Wilsdorf под Дрезденом; Wilzken в Восточной Пруссии, и Wilsum в Ганновере...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа»,

<http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Вот как легенда из Поморья описывает исчезновение великанов на острове Узедом: В очень давние времена остров Узедом был населён великанами, которых также называли хунами (гуннами = жунами и ётунгами / ютунгами / витингами = витязями, – П.Д.). Были они огромного роста и исполнены необычайной силой, что с лёгкостью могли швырять самые большие валуны на большие расстояния. Когда один из них умирал, тогда его хоронили в каменном ящике, заваленном огромным числом самых больших камней. Такие гробницы называют могилами хунов (великанов)... Нельзя не заметить, что история исчезновения великанов в Поморье и на Рюгене до боли напоминает реальную историю балтийских славян, так же бывших в этих местах, которых действительно вытеснили-истребили немецкие колонисты. Так же как и сказочные великаны, балтийские славяне были убеждёнными язычниками, и действительно нередко в ходе сопротивления немецкой колонизации и насаждению христианства, рушили первые церкви... Образ великана знаком и остаткам коренного населения Германии – лужицким сербам. Но стоит отметить и большую разницу в восприятии этого образа вендами по сравнению с немцами. Так, в представлении немецких крестьян великаны всегда воспринимаются как чужаки, враждебные крестьянам существа, союз или брак с которыми немыслим. У лужицких сербов же известно предание о великане Спрейнике, от стрелы которого образовался исток реки Spreya – протекающей через многие сербские земли. Великан Спрейник, подобно немецким великанам также выступает как древний создатель ландшафта, но при этом он видится как защитник и покровитель лужицких сербов, научивший их строить крепости и всегда готовый прийти на помощь от врагов. То есть для вендов великан мог рассматриваться как некий легендарный предок и защитник, в отличие от немцев, для которых великаны – чужаки и враги...» («Мегалиты и курганы бронзового века в народных преданиях и легендах», <http://nap1000.livejournal.com/39582.html> ; <https://konung-ogin.livejournal.com/146347.html>);

«В VIII веке велеты были известны как крупная этнополитическая общность (с X в. стали называться лютичи), занимавшая большую территорию между ободритскими землями и Польским Поморьем, и дольше других политий на южнобалтийском побережье, вплоть до второй половины XI века, сохранявшая свою политическую независимость и сопротивлявшаяся христианизации. М.Л. Серяков, ссылаясь на работу А.Н. Веселовского, исследовавшего текст саги о Тидреке Бернском, где действует могущественный правитель обширной страны славян Вильтин, показывает правомерность высказанных ранее предположений, что имя Вильтин как эпоним велетов имеет генетическое родство с велетнями / волотами (великанами, исполинами) в древнерусском языке и, соответственно, с фигурой царя Волота Волотовича из того же древнерусского памятника «Голубиная книга», где Волот является одним из двух главных действующих лиц сакрального диалога о происхождении мироздания...» (Лидия Грот, «Пуп земной и пуп морской в русской традиции», <http://pereformat.ru/2013/10/pup-morskoj/>);

«Большая часть мумий (предков антов и юэчжей таримских жунов, – П.Д.) имеет европейские черты лица и высокий рост. Их возраст колеблется от 4000 до 2000 лет... Самая поздняя Таримская мумия, она датируется примерно 2 веком до н.э. Этот человек в маске имел самый большой рост среди всех мумий Тарима, около 2 метров...»

(«Подборка фотографий знаменитых Таримских мумий из Синьцзяно-Уйгурского района Китая», <http://zona-k45.ru/intresting/3983-mumii-kitaya-17-foto.html>; <https://maximus101.livejournal.com/26356.html>).

Очевидно, потомками славяноязычных брахикранных горцев жунов (гуннов) и юэчжийцев были не только высокорослые русины / русы, фризы = русы, оногуры = англы, кутригуры = унгличи / уличи, велеты / лютичи и скандинавы вилькины / вильтины, но и длиннощие, как «ломаки», брахикранные ломусы (великаны-горцы) ломбарды / лангобарды (лат. «longus» – высокий; нем. «lang» – «долгий, длинный, давний»; укр. «ломус» – «богатырь, силач», гот. «bards» – великан; арм. «bardzunk'» – возвышенность; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»):

«В Венеции, Ломбардии и Эмилии, странах, которые были заняты умбрийцами (и позже ломбардами, – П.Д.), профессор Калори измерил 1106 современных черепов, из которых 963, или 87 на 100, были брахикефалические с показателями выше 80. В Ломбардии и в Эмилии относительное число длинноголовых черепов, с показателями ниже 74, не

достигает даже 1 на 100...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир»,
http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Ломáка, -ки, ж. 1) Дубина, большая палка, сукъ. «Ой у лісі на орісі сухая ломака». Чуб. V. 1178. «Великий як ломака, а дурний як собака». «Не києм – ломакою». 2) О человекъ: «дубина, большого роста»...» (Борис Гринченко, «Словарь украинского языка»,
<http://hrinchenko.com/slovar/znachenie-slova/26781-lomaka.html>);

«Лангобарды, или ломбарды, в начале I века жили по левому берегу нижнего течения Эльбы. В начале V века они передвинулись в бассейн среднего течения Дуная. В 552 году, когда 5500 лангобардов прибыли в Италию в качестве наемной конницы в войско византийского полководца Нарзеса, они, по всей видимости, заметили плодородие местных земель и их плохую защиту. Теснимые аварами, пришедшими в Среднюю Европу с востока в 557 году, лангобарды в 568 году вместе с присоединившимися к ним группами других германских и славянских племен начали вторжение в Италию. И вскоре равнины Северной Италии получили название Ломбардия... Именно армию лангобардов вели Пипин, сын Карла Великого, и Эрик, герцог Фриуля в кампании, которая привела к полному разгрому войск Аварского каганата в Паннонии – войско аваров представляло собой в основном легкую конницу» (А.В. Норман, «Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и Крестовых походов»,
http://www.xliby.ru/istorija/srednevekovi_voin_vooruzhenie_vremen_karla_velikogo_i_krestovyh_pohodov/p3.php);

«Впереди других расположились дикого вида рослые люди с длинными копьями и широкими мечами. Без седел, они крепко сидели на своих сильных лошадях. Их предводитель издали завидел подъезжавшего Цетега и стрелой бросился к нему на своей прекрасной лошади... Цетег подъехал к рядам его воинов. – Кто вы, и кто ваш предводитель? – спросил он. – Мы лангобарды, – ответил один из них. – А наш предводитель – Альбоин, сын нашего короля. Он нанялся к Нарзесу» (Феликс Дан, «Борьба за Рим»,
http://ruslib.do.am/publ/dan_feliks_borba_za_rim_stranica_17/1-1-0-3873).

Грузных и к тому же неповоротливых в своих тяжёлых доспехах длинноногих всадников ломбардов могли называть в соответствии с германским прозвищем «лангобарды» не только «длиннобородыми», но и лантухами (диал. беларус. «лантуг / лантух / лаптух» – «лантух, большой мешок, живот» или же в переносном смысле «неповоротливый толстый человек»). Однако же их изначальным этнонимом а, возможно и самоназванием было «ломбърды» – «ломовые горцы, горцы-богатыри» (укр. «ломус» – «богатырь, силач»; «ломаник» – «ломовой, ломовик, силач»).

Не исключено конечно же и то, что такие же рослые и обладающие богатырским телосложением некоторые племена аваров (вархонитов), которых славяне называли обрами (словац. «obrie», чеш. «obri», польск. «olbrzym» – гигант; нем. «ober» – «верхний, высший, главный, старший»), а восточные народы – уар / вар и хуни (жуны = гунны; кит. «Jù» –

огромный, «jun» – «высокий, красивый, прелестный»), а также и о[н]гор (оногуры; санскр. «gugú» – «большой, грузный»), тоже являлись потомками славяноязычных жунов, юэчжийцев и аланов-торков, известными в Китае как жуань-жуани, и были родственными поморянам велетам / лютичам, варам, варинам, ободритам, англам / *онгорам = онохундурам / оногурам и фризам-хросам и даже могли участвовать в длительном этногенезе последних:

«...имя авар – обров стало именем первобытных великанов в славянском фольклоре; ср. имя алангасаров – великанов в фольклоре народов Поволжья, восходящее к этнонимам аланы и хазары, огузов в Армении и т.п.» (В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье // Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза»,

http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/slav_i_kochevniki.htm).

Очевидно, эти племена аваров (входивших ранее в состав орды жуань-жуаней) общались как на тунгусо-маньчжурских (сяньбийских / сербских) и славянских наречиях своих предков, так и на протогермано-тюркских пиджинах (арго). И вполне возможно, что именно они вместе с родственными им античными германцами гревтунгами / грутуннами = хорутанами и тервингами = червянами = сербами и славянизировали автохтонное население Паннонии, Балкан и Пелопоннеса, ассимилировавшись при этом преимущественно народностями, относящимися сейчас к альпийскому и динарскому антропологическим типам. И, конечно же, сформировавшийся в Северном Китае славянский язык являлся языком межэтнического общения (линга-франка) широких слоёв населения не только Кангюя и позже Хорезма, но и Великой Болгарии, и Хазарского, и Русского, и Аварского каганатов (а протогермано-тюркское же арго торговцев и городского населения вдоль Шёлкового пути было первоначально достоянием лишь знати и её прислуги, включая и придворных ремесленников и охрану торговых караванов):

«Данные археологии, однако, делают очевидными «законные» брачные узы, связующие авар и «славянских жен»: на могильнике Покасенетк с аварскими мужчинами, погребенными по обряду ингумации, хоронили женщин-славянок (?), которых кремировали, а кости складывали в урны Пеньковского облика. Вероятно, авары привели с собой в Паннонию союзников – антов (а также как азово-черноморских готов-русов, так и донских аланов-русов вместе с такими же славяноязычными караболгарами, – П.Д.) из Восточной Европы. Результатом этого симбиоза аваров и славян, по некоторым предположениям (О. Прицак, Г. Лант), были распространение славянского языка как lingua franca и даже консолидация праславянской этнолингвистической общности...» (В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье // Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза», http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/slav_i_kochevniki.htm);

«В связи с этим стоит упомянуть мнение Х. Ланта, который (следуя мысли О. Прицака) выделял роль аваров в формировании лишь ко времени их появления консолидировавшегося праславянского языка, языка, который понимали и на котором говорили на всей территории, заселенной славянами. Лант писал: «Историческое вторжение

степных народов, главным образом аваров, между 500 и 750 гг., создало славянский lingua franca, который распространился по всей славянской территории и даже на новых землях вне ее, стирая особенности старых диалектов и языков. Этот новый, единообразный язык оставался очень стабильным в течение IX века, и до письменной фиксации древнецерковнославянского языка в нем начало формироваться лишь несколько новых изоглоссов». Нужно добавить, что ученый из Гарварда несколько смягчает свое нетривиальное и смелое утверждение в двух примечаниях, указывая, что особенности старых языков (славяноязычных античных германцев, – П.Д.) несомненно сохранялись во многих отдельных ареалах десятилетиями, если не веками. Важно отметить, что ни древнейшие тексты, ни современная диалектология не могут помочь реконструировать ни одно из этих древних различий. Следует также предположить, что единообразие фонологической и грамматической структур, а также и словаря не было абсолютным, однако различия эти были столь незначительны, что их действительно невозможно обнаружить. Лант предположил, что до 750 г. в языке славян не видно вообще никаких диалектных различий в области фонетики, тогда как в морфологии отличия были не большими, чем между древнецерковнославянским и древнерусским...» (Х. Бирнбаум, «СЛАВЯНСКАЯ ПРАРОДИНА: НОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев)», <http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>);

«Авары, бастарны, певкины и финны (как пишут Заккариа Лилио, Иреникус (II, 39), Абрахам Ортелиус в своей «Синонимии» и Меланхтон в комментариях к Тациту) также были славянами. Автор жизнеописаний франкских королей, а именно Пипина, Карла Великого и Людовика, открыто говорит о том, что авары были одного рода со славянами. Упомянутому автору, бывшему (согласно Ортелиусу) монахом-бенедиктинцем и жившему во времена упомянутого Людовика, с которым его связывала тесная дружба, в этом можно безусловно доверять, так как в его время авары еще существовали. Короля своего авары называли каган, или коган, как и славяне болгары» (Мавро Орбини, «Славянское царство // Происхождение славян и распространение их господства», <https://unotices.com/book.php?id=96427&page=18>);

«В начале VII века в широком регионе к Югу от Карпат (в Моравии и в Словакии) археологические данные свидетельствуют о возникновении смешанной славяно-аварской материальной культуры. Предположительно, сложился определённый симбиоз. В частности местная элита в одежде подражала аварской аристократии. Было высказано предположение, что славянские языки (язык) служили лингва-франка в этой этнически смешанной зоне. Данная версия может оказаться одним из ключей к пониманию механизмов распространения славянских диалектов к Югу от Карпат... Согласно апокрифической Жизни святого Панкратия, епископа Таормины, которая была написана неким Евагрием в конце 600-х или начале 700-х годов, упоминается о захвате сицилийскими солдатами группы авар во время грабительского рейда на территории близ Диррахия. Через переводчика пленники рассказали, что они поклоняются огню, воде и их собственным мечам. То, что для общения с пленниками понадобился переводчик, показывает, что язык, на котором они говорили, не был ни греческим, ни латынью. Но что это был за язык? Трудно поверить, что в Таормине в

это время с лёгкостью можно было бы найти человека, который знал бы какой-либо из алтайских языков. Но там определённо были славяне, поскольку Евагрий упоминает их хижины в окрестностях Сиракуз. Переводчик, допрашивавший аварских пленников, мог быть членом славянской общины из местности близ Сиракуз, и если он говорил по-славянски, авары также должны были говорить на этом языке» (Флорин Курта, «The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region», цит. по: Игорь Коломийцев, «В когтях грифона»,

http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcat_pervaja_slavjanskij_ugol_kaganata/0-344);

«Распространение славянского языка могло бы объясняться его использованием в качестве койне Аварского каганата и тех сообществ, которые к нему тяготели. Соответственно, то, что сейчас именуется «общеславянским языком» представляло бы собой часть культурного габитуса задунайской популяции, чьё распространение стало возможным в границах политических структур Аварского каганата (а также и Русского, и Хазарского каганатов, – П.Д.) и Болгарского государства. В контексте языковой проблемы в постримском Иллирике очень важно принять во внимание гетерогенность более общей языковой картины этого периода, которая демонстрирует сложность и нелинейность взаимодействия между такими определениями, как «язык», «культурный габитус», «политическая идентичность» и «этничность». Археология показывает становление в VIII в. между Карпатами, Италией, Черным морем и Балканским полуостровом центральноевропейского культурного «континуума», чье пространство стало политическим контуром Аварского каганата» (Д. Дзино, «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика», <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovitsya-slavyaninom-stanovitsya-horvatom-novye-napravleniya-v-issledovanii-identichnostey-pozdneantichnogo-i>; [https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Studia%20Slavica%20et%20Balcanica%20Petropolitana%202008-2\(4\).pdf](https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Studia%20Slavica%20et%20Balcanica%20Petropolitana%202008-2(4).pdf));

«Когда некоторые из них (ромеев, – П.Д.) пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то, переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами. [Ранее же] ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по сю сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полон и вернулись...»; Комментарии: «Отождествление аваров и славян встречается и у других византийских писателей (например, у Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике). Подобное смешение имело под собой историческое основание: господство аваров (возможно, совместно с аланами-русами и караболгарами, – П.Д.) над славянами в Аварском хаганате, совместные набеги аваров и славян начиная с последней трети VI в. на византийские провинции Балканского полуострова» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей», гл. 29, «О Далмации и соседствующих с нею народах», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text29.phtml);

«Тюркские племена многочисленны, независимы, чуждаются всяких занятий и искусств и не заботятся ни о чем, кроме того, как бы крепче биться с неприятелем. Аварское племя, напротив – трудолюбиво, способно к культуре и развитию и очень опытно в военном деле. Оно управляется одним главой, но повинуется ему со страхом, а не с любовью. Труды и лишения переносит стойко. В минуты опасности переносит жару, холода и прочие невзгоды, хотя ведет пастушеский образ жизни, но весьма любознательно и скрытно» (Маврикий, «Тактика и стратегия», <http://molodezh.mrezha.ru/books/Mavrikiy.txt>);

«...знаменитый аварский «клад» золотых сосудов и других предметов из Надьсентмиклош отражает (как и аналогичный ему Перещепинский) не только византийские и иранские связи авар, но и способность мастеров Аварского каганата создавать собственные мотивы и образы, синтезируя традиции древних цивилизаций. При этом, помимо греческих надписей, на одном сосуде имеется надпись, сделанная греческими буквами, но не на греческом языке: по мнению Е.А Хелимского, язык этот относится к тунгусо-маньчжурским. Аварская культура на Дунае питается византийскими и германскими импульсами (возникает собственный вариант звериного стиля), но воспринимает и традиции славянского населения...» (В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье // Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза», http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/slav_i_kochevniki.htm);

«Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени отер (*утиев = да-юэчжи; лат. «atra», праслав. *[о]тсермь – «тёмный, чёрный»; укр. «готар» – «межа, граница», – П.Д.). Это одно из самых сильных племен в силу своей многочисленности и благодаря военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там, где течет река Тип (Тарим, – П.Д.), которую тюрки обыкновенно называют Черной. ...говорят, среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным» (Феофилакт Симокатта, «История», <http://xwap.me/books/8201/Istoriya.html?p=62>);

«Не отрицая наличия монголоидного (слегка монголоидного тунгусо-маньчжурского, – П.Д.) элемента в составе населения аварского каганата, следует заметить, что эти локальные группы весьма малочисленны и теряются в общей массе европеоидного населения аварского каганата» (Тибор Тот, Берта Фирштейн, «Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы», Л., 1970, http://lvb.lt/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=LABT_VU1&docId=VUB01000444749&fromSitemap=1&afterPDS=true);

«В силу многоплеменности аварского каганата трудно установить их этническое происхождение, тем более, что до сих пор не установлена этническая принадлежность жуань-жуаней, часть которых вошла в состав аварского каганата. Можно указать, что в аварском каганате были тюркоязычные (на самом деле тунгусо-маньчжуроязычные, – П.Д.) племена, славянские, вероятно и угрофинские. Отмечаются и монгольские элементы. Так, например, имя предводителя аваров «Баян» не что иное, как монгольское слово богатый

(точнее, тунгусо-маньчжурское; эвенк. «баян» – богатый, «баянди» – богато, – П.Д.). В племенном названии «вархуниты» (и в славянских «анты, венеты / венеды, галматы / гломачи, велеты / вильцы / лютичи, ободриты / бодричи, кроаты / хорваты, каналиты, верзиты / берзиты, велегезиты, эзериты, драговиты, ваюниты, сагудаты, бугариты / болгары», – П.Д.) окончание «т» одна из монгольских форм множественного числа (однако же окончание «т / д» свойственно не только славянским, но и греко-византийским экзоэтонимам и эндоэтонимам многих других индо-сарматских племен: «бхараты, касситы, эдомиты / идумейцы, несситы / хетты, хурриты / хурри, паралаты / царские скифы, сколоты / скифы, авхаты, миты / митанийцы, миды / мидийцы, согды / согдийцы / юэчжи, кидариты / кудары / хазары, сирматы, сарты / сорта, кельты / галлы, галаты, пагериты, синды, торреты, ворады / бораны, ломбарды, гепиды, хатты / гессы, готы / гуды, гауты, юты, квады» и др., – П.Д.). Возможно, что монгольские (на самом же деле, тунгусо-маньчжурские, – П.Д.) элементы в аварском союзе были принесены жуань-жуанями, монголизм которых в настоящее время более или менее установлен (*жылан-жыланами – метисными потомками славяноязычных и тунгусо-маньчжуроязычных *жыланов / аланов – сяньби / сербов = сарбатов / сарматов, являвшихся предками не только аваров, но и знатных родов племён мохэ – «народавсадника», стоявшего у истоков государств Бохай, Пуйё, Когурё / Курё, Пэкче и позднего этапа культуры Яёи в Японии; праслав. *жылан, белорус. «живойт» – «ящерица василиск»; др.-греч. «σαῦρος» – «ящер, ящерица»; словен. «močerad», арм. «moghes / moğes» – саламандра; лит. «gyvatė», кирг. «жылан», азерб. «ilan», башкир. «йылан», татар. «елан», эвенк. «*салама / сулама», валл. «sarff», санскрит «sarpaḥ», маратхи «sarpa», итал. «serpe», кит. «шэ» – змея; кит. «жуань» – «медленно ползти, пресмыкаться»; кит. «жуань-жуань», пиньинь «Ruǎnruan / Rúgú» – «извиваясь, корчась»; осет. «xelun», лат. «serpo» – ползать; эст. «salvama», лит. «gelti / geluonis», лтш. «dzelonis», болг. «жиля» – жалить; ст.-слав. «жало», кашуб. «žangło», нем. «Zunge» – жало, – П.Д.). Византийские и западноевропейские источники (например Менандр, Павел Диакон) связывают аваров с гуннами (фактически с теми же самыми жуань-жуанями – потомками юэчжи и других славяно- и тунгусо-маньчжуроязычных аланов-жунов / гуннов, – П.Д.), указывая (Менандр) на сходство аваров с гуннами, в обычаях и языке, или на генеалогическую связь аваров с гуннами (Павел Диакон). Поражал византийских историков явно восточный обычай ношения аварами кос (кос – тунгусоязычными, а оселедцев и кос – славяноязычными аварами, – П.Д.)... Их стан, делившийся на девять больших кругов обведённых рвом и насыпями (и подобных сечам украинских казаков, – П.Д.), «занимает обе стороны Дуная, откуда они с лишком 250 лет ужасным образом громили и теснили окрестные народы»... Вся история аваров – история торговой или военной связи их с византийскими провинциями, племенами и народами в области Дуная, где они в значительной степени ассимилировались местным населением...» (А.Н. Бернштам, «Очерк истории гуннов», гл. XII «Аварский каганат», <http://kronk.spb.ru/library/bernsham-an-1951-12.htm>);

«Прически гуннов и болгар отличались между собой тем, что в первом случае волосы подстригались только спереди, а во втором на бритой голове оставался длинный пучок волос в виде запорожского оселедца, в то время как алтайские тюрки, хотя и носили длинные

волосы, в косы их не заплетали и, следовательно (в отличие от тунгусо- и славяноязычных авар, – П.Д.), не могли принадлежать к «косоносцам». Под брьющими же голову следует, скорее всего, понимать туземные племена Северного Кавказа и прилегающих к нему степей, где доминирующим влиянием пользовались все те же болгары до своего переселения на Дунай. М.И. Артамонов полагает, что бритые и стрижка головы у болгар не исключали и тогда наличия у них своеобразной косы – пучка длинных волос на макушке. Поскольку хазары выделились именно из этой гунноболгарской этнической среды, можно предположить, что им был свойствен аналогичный способ ношения волос» (М.В. Талашов, «Наследие древних тюрков в хазарии: миф или реальность», <https://ref.online-books.net.ua/major/271/108983/>);

«Почему славяне столь долго (более двух веков) терпели над собой господство, в общем-то, немногочисленного противника? Отчасти, вероятно, потому, что часть славян была не подданными аварского кагана, а его союзниками. Сказывалась и разница в военных традициях: славяне сражались пешими, почти без оборонительного оружия. Так можно было побеждать византийскую пехоту, но не аваров, привыкших у себя дома к конной войне как в степных, так и в горных условиях – у них были и панцири, и мощные боевые луки, и стремена, позволявшие всадникам успешно применять против пехоты наряду с копьем длинный меч, а позже (с VII в.) и саблю. В итоге славянам пришлось участвовать во всех военных походах аваров, а те без дела не сидели: набеги на Византию, независимых славян, франков стали обычным делом. Во время подобных экспедиций умело сочетались действия аварской конницы и славянской пехоты или речного флота. Своим славянским союзникам авары помогли в 595 г. победить баварцев, нападать на земли вплоть до Адриатики, на Италию. Однако это сотрудничество должно было рано или поздно прекратиться. В 602 г. авары окончательно разгромили антов, но удержать под контролем Причерноморье не смогли...» (Николай Кёррер, «Погибоша аки обре...», <http://his.1september.ru/article.php?ID=200101903>).

Авары (кит. «жуань-жуани / жужани» – ползающие) как и гунны (кит. «жуны» – «высокие, великаны») вели подобно своим предкам серам (кит. «шанам»), сарматам / сарбатам / сербам (кит. «сяньби»), юэчжийцам и аланам полукочевой образ жизни и, возможно, поэтому-то, их и называли ползающими (змеями):

«...по данным Сыма Цяня, шанцы (шаны = *сары / сарматы / сарбаты = сербы = серы = зеруяне / цериваны / червяне = славяне, – П.Д.) за время своего существования меняли местонахождение («столицу») 8 раз до Чэн Тана и еще несколько раз после него. Последним в ряду этих перемещений считается переселение их через Хуанхэ при Пань Гэне (во втором слое «Шуцзина» этому эпизоду посвящена глава «Пань Гэн»)» (Леонид Васильев, «Древний Китай», Том 1. «Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)», http://historylib.org/historybooks/Vasilev-Leonid-Sergeevich_Drevniy-Kitay--Tom-1--Predystoriya--SHan-In--Zapadnoe-CHzhou--do-VIII-v--do-n--e--/25);

«В письменных памятниках древнего Китая (Шуцзин, гл. «Пань Гэн»; Шицзи) можно

найти и еще одно важное в этом плане сообщение о ранней истории Инь. Речь идет о многократном переселении иньцев (*виньцев = вэньоуто = энетов, – П.Д.): до Чэн Тана (за 14 поколений, начиная с легендарного основателя династии Ци) они сменили местожительство восемь раз, после этого – еще пять раз. Столь частая перемена мест свидетельствует о полуседлом характере коллектива, весьма легкого на подъем» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rus-obr.ru/idea/1828>);

«В именах многих гунских племён встречается имя Oungri или Ougri (Венгры), напр., Огор (Ogor), Унигур (Ounigour), Утигур (Outigour), Кутригур (Koutrigour), Сарогур (Sarogour) и др. Основываясь на словах Феофилакта Симокатты, что «Авары по происхождению Гунны», Менадра, который назвал переводчика, участвовавшего в переговорах византийцев с хаканом аварским – «переводчиком с гунского», Кедрина, который сообщил, что Хозрой желал заключить против Византийцев договор с «западными Гуннами, которых также называют Аварами», – Клапрот признал, что Гунны и Авары одно и то же племя... Наконец большую разницу между Хунну и Гуннами видел Клапрот и в обычаях. Так, по рассказам китайских летописцев Хунну жили в войлочных палатках, тогда как западные писатели сообщают, что Гунны (кит. Жуны, – П.Д.) ездили в повозках, запряжённых волами (подобно унно-сарматским предкам украинцев – роксоланам и аланам-торкам, – П.Д.). Это по его мнению «характерное различие». Итак, Клапрот полагал, что Хунну были Турки, с Гуннами ничего общего не имеющие... Далекое не все учёные согласны производить Мадьяров непосредственно от Гуннов. Некоторые видят причину существующих у Венгров преданий о происхождении их от Гуннов, просто в том, что они поселились там же, где некогда жили (славяноязычные, – П.Д.) Гунны, т.е. в Паннонии и в силу этого унаследовали местные предания. Таковы, напр., мнения Уйфальви (*Migrations des peuples touraniens*, стр. 85) и Ам. Тьерри («*Histoire d'Attila*», tome II, p. 360). С. Кассель, исследователь древнейшей истории Мадьяров, тоже не соглашался с этим отождествлением (см. S. Cassel, «*Magyarische Alterthümer*». Berlin, 1848, стр. 1-70)... Рассмотрев взгляды учёных сторонников этой теории и представив разбор их, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теории монголизма. Она отрицает все три положения этой последней: и монголизм Хунну, и монголизм Гуннов, и тожество этих двух народов...» (К.А. Иностранцев, «Хунну и Гунны», <http://kronk.spb.ru/library/inostranzev-ka-1926-3.htm>);

«Предания, подобные зафиксированным сагой о Тидреке Бернском, отражаются и в славянских источниках. В указанной выше «Хронике великопольской» (прим. 72) хунгары и вандалы отождествляются, и Аттила является первым их королем. В саге о Тидреке Бернском «Гуниланд» располагался на запад от Польши, что может указывать и вполне обоснованно на гунов-фризов (потомков вилькинов = велетов = вильцев / лютичей, – П.Д.) побережья Северного моря. Но имеется и группа источников, в которых гунны сближаются со славянами. Название Венгрии – «Хунгария» явилось результатом осмысления династии венгерских королей как преемников Аттилы. В славянской же традиции бытовало представление, что «хунгары» – это славяне, пришедшие из Поморья, от реки Варта или Укра. Отсюда допускалось смешение «укран» с «унгарами». П. Шафарик привел большое

число сведений о смешении славян с гуннами, причем даже в XIX в. немцы именовали «гуннами» (кит. «жунами» – «высокими, великанами», – П.Д.) группу славян, проживавших в Швейцарии. Название «гунов» иногда распространялось на вендов-венедов, «городом гунов» в некоторых сагах именовался знаменитый славянский Волин, располагавшийся у устья Одера...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа // Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем», <http://oldru.com/nachalo/22.htm>);

«Великий российский лингвист Олег Трубочёв пишет о распространении древнейших славянских названий «в Паннонии и Потисье, то есть, по обе стороны Дуная». Он полагал, что «венгры, осваивая свою страну, застали там густое славянское население и славянскую топонимию». Известный венгерский филолог Андраш Золтан, со своей стороны отмечает необычно сильное влияние славянского языка на венгерскую речь. Славизмов там обнаруживается вдвое больше, чем тюркизмов или германизмов. При этом большинство современных лингвистов, начиная с Евгения Хелимского, доказывают, что наивысшее влияние на язык новой волны кочевников оказал «паннонский славянский язык» или «паннонский диалект славянского языка». Проще говоря, венгры, придя в Карпатскую котловину, ассимилировали здешние племена, которые, несомненно, говорили по-славянски» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcataja_predki_vnutri_kotloviny_prodolzhenie/0-343);

«На поздней стадии аварской культуры активно развивались бронзолитейное ремесло и торговля. Создателями этой культуры были не только авары, но и более многочисленные племена, которых им удалось подчинить или включить в конгломерат в качестве союзников. Вещевые инвентари могильников, строение могил и погребальная обрядность, а также антропологические материалы указывают на сильную смешанность населения Аварского государства. Среди тюркоязычного (на самом деле славяноязычного, – П.Д.) населения, по данным погребальных памятников, выделяются авары, кутригуры, болгары, выходцы из Средней Азии и др. Самую же значительную часть населения составляли славяне. Это были потомки антов, как переселившиеся в Среднее Подунавье с гуннской миграционной волной, так и вовлеченные в мощный поток аварского продвижения. О переселении в Среднедунайские земли антов, побежденных кочевыми ордами гуннов и аваров, основываясь на косвенных свидетельствах письменных источников, писали ранее некоторые историки. К настоящему времени археологическими изысканиями накоплено достаточно данных, надежно свидетельствующих о перемещении значительных масс антского населения из Северного Причерноморья на средний Дунай. Одним из ярких показателей антской миграции в Среднедунайский регион являются пальчатые фибулы с маскообразными головками и их дериваты. Они в значительном числе обнаружены на поселениях и в могильниках аварской культуры. О том же говорят находки серебряных зоо- и антропоморфных фигурок, по стилю и художественной манере сопоставимых с подобными предметами из Мартыновского клада Северного Причерноморья... Антское происхождение на поселениях аварской культуры имеют полуземляночные жилища с печами-каменками.

Такие постройки являются характерным этнографическим маркером пеньковской и ипотешти-кын-дештской культур, в то время как славянское (кельто- и балтоязычное склавинское, – П.Д.) население пражско-корчакской культуры Среднедунайского региона возводило полуземлянки, отапливаемые преимущественно очагами. Обряд трупоположения в антской среде является наследием славяноиранского симбиоза (скорее всего следствием восприятия от гревтунгов / грутуннов = хорутан арианских традиций, – П.Д.) позднеримского времени. Нужно полагать, что эта обрядность в условиях тесного контакта с аварами, среди которых были и потомки сарматов, стала доминирующей в Среднем Подунавье и среди антов. В этой связи следует полагать, что какая-то часть широтных ингумаций раннеаварских могильников, преимущественно безынвентарных или малоинвентарных, принадлежит антам... С антской миграцией в Среднедунайский регион связано и распространение в его северо-западной части топонимии, производной от этнонима русь... О значительности славянского населения в Аварском каганате говорят и письменные памятники. Так, в 601 г. во время одного из немногих удачных походов византийская армия пересекла Дунай и разгромила аварское войско, пленив его значительную часть. Среди плененных только пятая часть была аварами, половину составляли славяне, остальные принадлежали к «другим варварам». Под термином авары в византийских источниках нередко скрываются славяне. Константин Багрянородный, рассказывая о северных соседях, проживавших за пределами византийской Далмации, писал: «...славянские безоружные племена, которые называются также аварами...» И далее: «...и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами...» Или: «Засим славяне, они же авары». Отождествление славян с аварами встречается также в труде Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике и других раннесредневековых сочинениях... Славянский этнический компонент доминировал в Паннонии. Археологически он исследовался прежде всего А. Шош и А. Кишем. Несомненно доминирование славянского этноса в численном отношении также на территориях Юго-Западной Словакии, Нижней Австрии (гревтунги = хорутаны, – П.Д.), Сербии, Боснии и Хорватии...» (Валентин Седов, «Славяне. Историко-археологическое исследование // Великая славянская миграция», http://www.razlib.ru/istorija/slavjane_istoriko_arheologicheskoe_issledovanie/p6.php; <http://rubooks.org/book.php?book=4721&page=71>);

«Даже главный апологет «пражан» (носителей пражско-корчаковской культуры, – П.Д.) Игорь Гавритухин не решается объявить об массовых миграциях этого населения на противоположную сторону Дуная. Жалуясь на «археологическую неуловимость» славян на большей части Балканского полуострова, исследователь заявляет буквально следующее: «Хотя в заселении Балкан значительную роль, судя по всему, играли носители ипотештинского сообщества, наверное, были и более северные пришельцы, оставившие сравнительно «чистые памятники» пражской культуры. В свете сказанного вопрос о южных пределах Праги благоразумней оставить открытым». Получается парадоксальнейшая ситуация: «чистых» (в терминологии Гавритухина) пражан на северных берегах Дуная было очень мало, а ещё южнее их присутствие вообще практически не ощущалось. Между тем, византийцы называли склавинами (вост. «саклабами» – «тёмно-красными», – П.Д.) именно

тех людей, кто ещё в первой половине VI века поселился в низовьях великой реки, а в следующем столетии хлынул безудержным потоком на земли Империи. Если это были не пражане, то кто же тогда беспокоил цивилизованных греков?.. Как можно усомниться в том, что у всех славянских племён был один исток? Ведь в раннем Средневековье славяне оказались рассеяны на такой огромной площади, что жители окраин этой необъятной зоны никоим образом не могли поддерживать друг с другом отношения. Обитатели южной части Балканского полуострова, наверняка, никогда даже не слышали о своих собратьях с берегов Эльбы или с Ильмень-озера. Тем не менее, все эти люди говорили на родственных наречиях. Значит, был загадочный этнос (славянизированные сарматы / аланы-торки и их потомки античные германцы, – П.Д.), который умудрился этот уникальный язык по столь гигантским пространствам распространить. А главный парадокс заключался в том, что ещё в предыдущую готто-гуннскую эпоху ни о каких славянах в Европе никто не слышал. Носитель всеобщей речи ровно ничем себя не проявил. И вдруг этот безвестный народ почти мгновенно повсеместно расселился. Только что его нигде не было – и вот он уже повсюду. Ничего подобного история человечества не знала... Многие исследователи обоснованно считают гуннскую речь индоевропейской. Известно, что восточногерманские племена, побывавшие в зависимости от степняков – готы, гепиды, вандалы, герулы – активно заимствовали лексику своих повелителей. Будь грозные кочевники по языку братьями тюрков или монголов, следы алтайского влияния проявились бы в речи многих европейцев. Но этого нет и в помине. Следовательно, гунны, вероятнее всего, говорили на некоем неизвестном (на вполне известном – славянском линга-франко, – П.Д.) индоевропейском наречии, отдалённо родственном индоиранским языкам...» (Игорь Коломийцев, «Славяне: выход из тени», гл. 15 «Прокрустово ложе пражан», http://historylib.org/historybooks/Igor-Kolomyitsev_Slavyane-vykhod-iz-teni/15);

«В 517 году «варвары» вторглись в Македонию и Фессалию, дойдя до Фермопил, то есть до границ Греции. Установлено, что «варвары» на самом деле были болгарами, к которым присоединились славяне (преимущественно славянизировавшиеся кельты, дако-фракийцы и иллирийцы, – П.Д.) и, возможно, (балтоязычные или же уже славянизированные грутуннами = хорутанами, – П.Д.) анты. В конце V и в начале VI веков набеги кочевников на Византию сократились, но во времена правления Юстиниана (527 – 565) угроза вторжения со стороны славян вновь увеличилась. Юстиниан был сильно занят на западе и не смог противостоять захватчикам, обеспечивая должную безопасность северных границ империи. Прокопий сообщает, что «склавины» двинулись из Славинии (так назывались их земли, расположенные к северу от Дуная) на запад. С собой они несли тяжелые щиты, пики, луки и отравленные стрелы. Прокопий сообщает, что у них не было доспехов. В некоторых источниках упоминается, что славянам не нравилось сражаться на открытых равнинах, предпочитая использовать пересеченную местность, прятаться в лесах или укрываться в узких горных проходах, за скалами и деревьями. Они специализировались на неожиданных атаках, прежде всего ночных вылазках. Славяне считались хорошими пловцами и умели прятаться под водой, дыша через длинные камышинки. Еще на родине они научились плавать по рекам. Во время первых набегов славяне, так же как болгары и авары не смогли

покорить укрепленные города. Однако вскоре они научились штурмовать замки и городские стены, используя лестницы и осадные машины. Прокопий описывает жестокость славян (славянизировавшихся в аварском каганате кельтов, дако-фракийцев, иллирийцев и других варваров, – П.Д.) во время их вторжений на территорию римской империи. Если они не хотели обременять себя пленными, то просто сжигали их вместе со скотом и овцами. Некоторых римлян они проткнули острыми кольями или размозжили головы, привязав к столбам.. В Иллирии и Фракии, после одного из вторжений, дороги были заполнены непогребенными трупами. Согласно византийским источникам, славяне обычно описывались как «варвары» и «дикие люди»...» (Мария Гимбутас, «Славяне. Сыны Перуна», <http://metodich.ru/perevod-nauchnoe-redaktirovanie-fedor-kapica-i-tateyana-kolyad/index8.html>);

«В изучении проблемы расселения славян на Балканском полуострове и разработке деталей этого исторического процесса археологическим материалам пока не принадлежит ведущая роль. Это обусловлено, прежде всего, тем, что славяне (аварские славяноязычные племена и славянизированные гревтунгами = хорутанами анты, – П.Д.), продвигаясь вглубь полуострова и оседая более или менее крупными группами в разных его местностях, активно и довольно охотно воспринимали культурные достижения византийских провинций... Расселение славянских племен на Балканах, таким образом, вело к частичному или полному стиранию тех этнографических особенностей, на основании которых археологами выделяются славянские древности начала средневековья... Аварская миграция в Среднедунайские земли, сопровождавшаяся притоком сюда новых масс славянского (антского) населения, и становление Аварского каганата заметно усилили славянскую колонизацию Балканского полуострова, которой сопутствовали аваро-славянские военные походы вглубь Византии... Широкое освоение славянами земель Греции началось в 578-581 гг., когда имели место два мощных военных вторжения аваро-славян. Во время правления императора Ираклия (610 – 641 гг.), как сообщает Исидор, уже вся Греция была оккупирована славянским населением. Причем расселение это было достаточно плотным... Переходя к характеристике археологических материалов, следует сразу подчеркнуть, что на Балканах не следует искать славянскую культуру, полностью идентичную той, которая была свойственна славянскому населению регионов к северу от Дуная. Влияние развитой материальной культуры Византии и местных племен вело, как уже отмечалось, к сглаживанию специфики бытового материала, в особенности это касается орудий труда и керамического материала... Можно вполне уверенно утверждать, что славяне, селившиеся на просторах Балкан и в Греции, хоронили умерших по обряду трупоположения в грунтовых могильниках. Захоронения по обряду кремации, относящиеся к столетиям активного продвижения славян на Балканы, известны преимущественно в северных придунайских землях полуострова. При этом в северо-западной части его, южнее Савы, зафиксирован лишь один могильник с трупосожжением в глиняной урне, напоминающей пражско-корчакскую керамику – в Кашиче около Задара... В западной части Балканского полуострова славянские погребения по обряду трупосожжения почти неизвестны. Вполне очевидно, что расселявшиеся здесь массы славянского (скорее всего лишь славянизировавшегося восточномедиземноморского, – П.Д.) населения уже хоронили умерших по ритуалу

ингумации...» (Валентин Седов, «Раселение славян на Балканском полуострове и Пелопоннесе», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/547637-6-predislovie-eta-kniga-yavlyaetsya-prodolzheniem-moego-issledovaniya-slavyane-drevnosti-izdannogo-1994-kotorom-rass.php>; <http://archive.li/WHF4I>);

«О том, что обряд трупоположения бытовал в антской среде относительно широко, косвенно свидетельствует следующее. Как уже отмечалось, потомки антов из северопричерноморских земель расселились далеко на юго-запад вплоть до Адриатики. И оказывается, что на территории Югославии уже самые ранние славянские погребения совершались по обряду ингумации. Таковы грунтовые могильники Сербии (VII–VIII вв.), Словении (вторая половина VI – VII вв.), Истрии (VII – VIII вв.), Македонии (VII в.) Биритуальные могильники VII – VIII вв., в какой-то мере связанные со славянским населением, есть на территории Болгарии и Румынии. Славянами (как и потомками тунгусо- и славяноязычных сяньби = сербов аварями, – П.Д.) оставлена и какая-то часть захоронений по обряду трупоположения на славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья. Славянские трупосожжения в балкано-дунайском регионе были быстро вытеснены обрядом трупоположения. Этот процесс был обусловлен в различных частях этого обширного ареала разными причинами – взаимодействием славян с иными этносами, распространением христианской религии и изменениями собственно славянских представлений о загробном мире» (Валентин Седов, «Погребальный обряд славян в начале средневековья» / «Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд», <http://ru-mo.ucoz.ru/publ/25-1-0-665>);

«– Между тем, вопрос о том, откуда взялись деревянные гробы у самих аваров, не так однозначен, как полагают некоторые. Дело в том, что подобные конструкции встречались у многих кочевых народов: у хунну и (у предков аваров, – П.Д.) сяньбийцев на Востоке Великой Степи, у гуннов – на её Западе. Кстати, не следует думать, что могилы с лошадьми появились в Европе только благодаря аварам. Ничего подобного. Начиная с гуннской эпохи у многих германских племён в центральной части нашего континента – в области жительства восточных франков, тюрингов, саксов и лангобардов – знатных воинов начинают хоронить вместе с их верными скакунами. Поэтому на территории Лангобардии могилы всадников с лошадьми, очень похожие на аварские, встречаются ещё с V века. Хотя, конечно, с приходом второй волны кочевников их стало намного больше. Иначе говоря, если вы возьмёте в той же Моравии кладбище лангобардского времени, то по обустройству захоронений вы ни за что не отличите его от некрополя аварского периода. Могилы тут практически такие же» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcat_chetvertaja_ehlita_i_sekrety_masterov_prodolzhenie/0-350)

«Лангобардский историк Павел Диакон (720 – ок. 800) сообщает в «Истории Лангобардов», что в 603 году (положительно комплементарные ломбардам, – П.Д.) авары послали славян из Каринтии и Паннонии на помощь лангобардскому королю Агиульфу, чтобы тот смог захватить Кремону, Мантую и другие итальянские города. В 611 году славяне

нанесли поражение римским войскам в Истрии и сильно разорили страну. Спустя год они уже находились у стен Салоны (около современного Сплита), самого большого римского города на Адриатическом побережье. К 614 году он был полностью уничтожен и больше не восстанавливался. В руинах остались и другие крупные поселения – Скардона, Нарона, Рисиний, Доклея, Эпидавр. Спасавшиеся от опустошений беглецы основывали новые города, например Рагузу (совр. Дубровник) и Каттаро (Котор). Только к середине VII века набеги славян прекратились. Краткий комментарий о ходе славянской колонизации можно найти в «Географии Армении» составленной в 670 – 680 годах и приписываемой Моисею Хоренскому (407 – 487) В ней названы двадцать пять славянских племен, живших в Дакии (то есть к северу от Дуная). Позже они пересекли Дунай, покорили земли в Фракии и Македонии и распространились на юг в Ахейю и на восток в Далмацию» (Мария Гимбутас, «Славяне. Сыны Перуна», <http://metodich.ru/perevod-nauchnoe-redaktirovanie-fedor-kapica-i-tateyana-kolyad/index8.html>).

Конечно же, не только вары, варины, ободриты, лютичи, вильтины, ломбарды и авары, но и англы, и юты, и гауты, и фризы-русы, как и все другие потомки прабалто-славяноязычных жунов, дисцев, сарматов, юэчжийцев / согдийцев и аланов-торков (см.: http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/52/4_Gift_Bringers_of_Otto_III.jpg, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/71361>), имели аналогично памиро-ферганцам, индоариям и древним персам очень смуглый (темно-красный, темно-вишнёвый, малиновый, коричневый) цвет кожи:

«...византийцы нарекают их русийа, смысл этого [слова] – темно-красные, рудые» (ал-Мас'уди, середина X в., «Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.», http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ibn_al_Kutyja/text2.phtml?id=12427);

«...Повесть временных лет отмечает, что «Понетское море» «словеть Руское». А.В. Соловьев насчитывает еще 10 источников, которые называют море «русским»... Весьма вероятно, что «Черным» море стало по недоразумению. В действительности оно называлось «Чермным», то есть «Красным» (Тёмно-красным, – П.Д). Так оно именуется еще в русских источниках XVI – XVII вв., и только с XVIII в., когда утратилось древнерусское значение слова, выпала и буква «м», отличавшая два разных цвета. Следовательно, эквивалентом «русскому» в славянском языке было слово «красный» (точнее, тёмно-красный, – П.Д). Замечательным подтверждением такой этимологии является название моря в упомянутой выше саге «Гойдель Глас»: «скифский» период ирландской предыстории протекает у берегов Красного моря (Mara Ruad)» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«...я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее... Затем пришла старая женщина, которую называют ангелом смерти, и выстлала на

скамью все вышеупомянутое; она же управляет шитьем и приготовлением его, она также принимает девушку и я видел ее черною (темно-красною), толстою, с лютым видом...» (Авраам Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», Гл. X «Из «Записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада (писал в 20-х годах X века)», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/10.htm);

«XV. В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσίος (русиос), мы же по их месту жительства зовём «норманнами», так как на тевтонском языке это значит «северные люди» (однако же в оригинале текста «aquilenaes homines» – дословно «водные люди», а вовсе не «северные люди»; лат. «aqua» – вода; каталан. «Aquil·les» – Ахиллес; Ахилл перед проникновением в Троянский эпос был речным или морским богом, – П.Д.)...» (Посол итальянского короля Беренгария в Византию в 949 году Лиутпранд Кремонский, «Книга воздаяния», http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/rametext8.htm).

Здесь явное переосмысление переводчиком «водных людей», которыми были странствовавшие преимущественно верхом на ладьях предки варинов, велетов = вильцев / лютичей, фризов-русов, донских аланов-русов, азово-черноморских готов-русов и других полян-украинцев – варяги (укр. «вершники») = нарцы / нарты = русы, в «северных людей» (др.-киев. *нарваны = норманы от индоевр. слова «нар» – воды, сохранившегося и в вепском языке в виде слова «narvaine / нарва» – «струя, бурное течение, водопад, порог»):

«...др.-исл. «Njordr» [Ньорд] – морской бог, греч. «Νηρέυς» [Нерея] – морской царь, имя осетинских мифологических героев – нартов... др.-инд. «nârâs» – воды, новогреч. «vêro» – вода... лит. «parsas» – «ярость, мужество»...» (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, «Индоевропейская мифология», в кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 1. – С.527-533, <http://philologos.narod.ru/myth/indeurmyth.htm>);

«...родство Ахилла с Аяксом никак нельзя счесть случайностью. Оба они Аякиды, внуки Аяка, оба в родстве с Нереидами. Дед их Аяк был сыном Нереиды Эганы, мужем Нереиды Псамафе и свекром Нереиды Фетиды. Аякиды традиционно роднились с Нереидами – морскими богинями... Для эпического героя характерно, что перед главным подвигом он выдерживает сражение с чудовищем. Но Ахиллу, сыну Нереиды, и чудовище подобрано соответствующее – бог реки Скамандр-Ксанф. Среди последних противников Ахилла оказались также сын наяды Ифитион (XX, 384) и – на первом плане – внук реки Аксия Астеропей (XXI, 157-158). Этим отбором усиленно подчеркивается исконная связь Ахилла с водной стихией» (Л.С. Клейн, «Анатомия «Иллиады» // Ахилл: истоки образа», <http://www.sno.pro1.ru/lib/klein/12.htm>);

«В генеалогии саксонского рода Веттинов, составленной в XIII веке, в связи с событиями конца X – начала XI века упоминаются два маркграфа, управлявших «маркой Верингов». Так называлась именно область обитания варинов. Тождество «варягов» с «варинами» с языковой точки зрения очевидно. У этнонимов один и тот же корень, а

различия в этнообразующих суффиксах обычны для всей этой территории; в кельто-романских языках этноним должен звучать как «варины», в германских – «вэринги», у балтийских славян «варанги», у восточных – «варяги» (и позже «берендеи», у хазарских славян – «барангуры», «беленджеры», у византийцев – «бораны», «ворады», – П.Д.). Достаточно очевидно и значение этнонима. В немецкой литературе давно принята этимология племенного названия «варины» от старого индоевропейского «вар» – море, вода. В сущности, это одно из основных обозначений воды в индоевропейских языках, вариантами которого являются также «мар» или «нар» («варангов» – варягов в Византии иногда звали также «марангами»). И только заведомо тенденциозное желание перенести «вэрингов» в Скандинавию побуждало искать для них какую-то иную этимологию. Варяги, следовательно, – это просто поморяне (или даже речные и морские наездники; укр. «вершник», нидерл. «berijder», лтш. «braucējs», осет. «барæг» – «наездник, всадник», – П.Д.). Поэтому название это всегда распространялось на разные морские народы, и только на морские..» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=9>).

Переосмыслен в «норманны» (северные люди) был и другой западноевропейский экзоэтноним русов (варинов, боранов / ворадов = *барангуров / баланджаров / беленджеров = варягов) и родственных им ломбардов (волохов = волотов – великанов), лютичей (волотов = велетов = вэрингов / варягов) и фризов-русов – «лордманы» (*вордманы), отражавший, как их исполинское телосложение, так и их господство (укр. «володарювання») над другими славянскими племенами:

«Рассказывая о народе ар-рус, ал-Мас'уди, кроме того, писал, что это «многочисленные народы, имеющие, отдельные виды. Среди них есть вид (джинс), называемый Луда'ана. Они – самые многочисленные, посещают для торговли страну ал-Андалус, Румийю (Италию или Рим), ал-Кустантинийю (Византию или Константинополь) и ал-Хазар». В другом сохранившемся сочинении ал-Мас'уди упоминает тот же термин, но еще более искаженный, при рассказе об одной из переправ через Босфор: «Там находится город, принадлежащий византийцам, который называется Мусанна, он преграждает [путь] приходящим в то море кораблям ал-Куд.кана (кудамам = хазарам, – П.Д.) и других видов ар-рус». Еще Д.А. Хвольсон, а затем Й. Маркварт и В.Ф. Минорский предполагали, что эти названия вида (джине) русов, породившие столько разнообразных точек зрения (литовцы, ладожане, лютичи и пр.), являются передачей одного из наименований норманнов – ал-урдуманийя, созвучного западноевропейскому названию норманнов – Lordomani, Logmanes – или даже более близкого к русскому урмане – ал-урмана. Как было показано выше, испано-арабские источники связывали походы на Севилью с именем маджусов-урдуманийя. Бывавший в Испании ал-Мас'уди вполне мог применить его. Хотя местопребывание русов для него – восточноевропейская территория, а его рассказ о набеге русов на Каспий увязывается с политикой молодого Древнерусского государства, ал-Мас'уди определенно мог отождествлять один из видов народа под названием ар-рус и ал-урдуманийя» (Т.М. Калинина, «Арабские учёные о нашествии норманном на Севилью в 844г.», <http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/seville.htm>).

Очевидно, и европейский титул «лорд» является производной формой от соответствующего ему по смыслу прабалто-славянского термина (лит. «valdovas», укр. «володар» – «владыка, властелин, господин, повелитель, хозяин») и возник в результате переосмысления экзоэтнонима «Lordomani» норманнских завоевателей Англии.

К тому же древние индоевропейцы под терминами (греч. «φωτεινός», лат. «clara», англ. «bright», лит. «sviesus», болг. «светъл», словац. «svietivý», хорв. «svijetao», перс. «рухс» – «яркий, блестящий, сияющий, огненный»), которые переводят сейчас на русский язык как «светлый», «белокурый», понимали совершенно иное:

«...древних греков, в отличие от нас, интересовали не колористические нюансы цветовой гаммы, а качество света – блеск, яркость, насыщенность. Так что прилагательное «xantos», например, пассивно переводимое нами как «светлый», «белокурый», в действительности может соотноситься с самыми разными реалиями и в зависимости от обстоятельств оказываться то золотистым, то красным, то даже зеленым. Пурпурный мог быть фиолетовым, красным, зеленым или желтым, так как оценивалась лишь интенсивность света. Микенцы вовсе не были дальтониками, они разделяли около ста пятидесяти цветовых терминов, унаследованных потом греками, на две основные категории: блестящие, сияющие и матовые, тусклые или «мертвые». Для этих людей свет жил и вибрировал, они улавливали его игру и противоборство с тьмой там, где мы видим лишь медленное перемещение теней...» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <http://lib.rus.ec/b/302423/read>, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiiny.html);

«И даже смысл (вернее, один из оттенков смысла) слова «русь» раскрыт Татищевым верно: чермный это красный; в иранской группе языков слово «рухс» (санскр. «rakt`a» – красный, – П.Д.) и его производные имело «огненные» оттенки: светлый, сияющий и т. д.» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-6.htm>).

Осмысление индоиранского «рухс» (rakt`a):

«...как греческого «Χρυσή» (золотой – в смысле красного огненного цвета червонного золота, – П.Д.) представлено еще у греческого писателя Евсевия, умершего в 1-ой половине IV века. Область под таким названием упоминается у него в ряду народов и стран северного Понта и Кавказа: ...«εν πασι τοῖς ἐξ ἀρτικῶ μερῶν τοῦ Πόντου ἔθνεσι, καί ὅλη τῇ Ἀλανία καί Ἀλβανία καί Ὠτηνῆ καί Σαννία καί ἐν Χρυσή...» (возможно, крымский Судак, называвшийся в древности Сугдея – Солдайя – *Золотая, – П.Д.)» (Олег Трубочёв, «К истокам Руси», <http://www.gramota.ru/biblio/research/istoki0/istoki3/>).

Возможно, что русы (хросы / хурусы / уруссы), являясь «золотой молодёжью», и сами себя величали златыми и сиятельными (аккад. «huräsu», финик. «hrs», микен. «ku-ru-so», греч. «χρυσός» [chrysos] – золото; перс. «рухс» – «сияющий, огненный»), подобно, как чжурчженям (кидан. «ньюйчжэнь»), перенявшим у согдийцев мировоззрение и обычаи, так и своим предкам жун-ди (чжоусцам) = согдийцам (кит. «юэчжи» = юйши / юйчжи = *ньюйчжи

– «золотые, благородные»; кидан. «ньюгу» – золото), и сартам (сортам – *золотым; тадж., узб. «зар» – золото), также отождествляемым с согдийцами. К тому же, ведь и Крымская Сугдея = Солдайя вполне сопоставима с русской лексемой «золотая». А это, конечно же, с учётом и многих других фактов, позволяет вполне обоснованно считать длинноногих русов прямыми потомками согдийцев (юэчжи).

В XIX в. была выдвинута гипотеза об этимологии слова «Согд = Сугуд», как производного от общеиранского корня «суѝ-» – «блестеть, сиять, гореть». Поэтому-то возможно и то, что этноним «согдиец» тождественен этнониму «сакалиба». Ведь же, бенг. «śukla» – «яркий, ясный, чистый, древний»; санскр. «śukrá» – «яркий, ясный», «суджата» – «благородный, статный, красивый».

Хотя, конечно же, возможна также и двухкорневая этимология слова «суджата»: и.-е. «su-» – «добро-, благо-»; хинди «jāti» – «род, народ, этнос, раса»; хинди «gōtrā», панджаби «gōtī» – племя; сорани «hoz» – «племя, народ».

И, следовательно, не исключена и правота ал-Мас'уди и Лиутпранда Кремонского в том, что «русийа» (εὔ-χρως, χρῦσός, Χρυσή) – это лишь византийское прозвище тёмно-краснокожих сарматов, согдийцев, алан и варягов-русов (англ. «russet» – красно-коричневый; фин. «guskea» – «коричневый, загорелый, смуглый»), подобное прозвищу чернокожих африканцев «нигер» – «негр, черный».

И, поэтому-то, русы принципиально не могут быть предками ни бледнолицых россиян, ни таких же бледнолицых скандинавов:

«Механизм эволюционной стабилизации уровня меланина, запущенный в обратную сторону, привел к вторичному осветлению кожи в холодных районах планеты, когда вылившийся из Африки (а позже и из Тибетского нагорья, и из Индии, – П.Д.) поток человечества повернул на север. Адаптивность людей к условиям севера сформировалась за счет такого уменьшения количества меланина, при котором поток поглощенных организмом ультрафиолетовых лучей еще обеспечивал синтез витамина D. В результате пигментация кожи у представителей разных народов в целом уменьшается по мере удаления от экваториальной зоны планеты» (Лев Животовский, «Место красит человека», Природа, № 2, 2006 г., http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/JOURNAL/NATURE/02_06/JIVOT.HTM).

Уменьшается же она и по мере снижения высоты проживания в высокогорных районах, так как:

«С увеличением высоты на каждые 1000 м уровень ультрафиолетового излучения возрастает на 10% – 12%» («Ультрафиолетовое излучение», http://www.uvi.terrameteo.ru/uvi_description.php).

Поэтому-то постоянные попытки разыскать в лесах или в степях Северной Европы прародину темно-красных горцев славян («колыбель», в которой в праславянском языке стал действовать закон открытых слогов) являются проявлением не только дичайшего невежества, но и откровенного кощунства. Несмотря на вполне возможное в постготскую эпоху своё германоязычие (что тоже сейчас ставится под большое сомнение), темно-красные русы = хурусы (греч. «χρυσός», аккад. «hurasu и финик. «hrs» – золото), являвшиеся воинским сословием северян – суваров (санскр. «su-varna», «svarna», «суварча» – золото,

«суварчаса» – золотой) и караболгар (темных болгар, от хинди «kālā» и укр. «карий» – темный), совершенно не соответствовали предкам современных германских народов ни по своим обычаям, ни по облику. Они, подобно филистимлянам (пеласгам, тухер) не носили бород (см.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Филистимляне», <http://www.slovoedia.com/10/212/981431.html>) и подобно своим потомкам Пятигорским черкасам, брили волосы не только на лице, но и на голове (рум. «gas», нем. «gasur» – брить, лат. «gasum» – выбритый), оставляя на них лишь усы и прядь волос (укр. «оселедец»):

«На рельефе из могилы фараона Хоремхеба (XIV век до н. э.) изображены попавшие в плен к египтянам митаннийские знатные воины, то есть арии, «марьянну» (Semper 1936: Fig. 1b, 2b). С темени и затылка митаннийца свисают «оселедцы». Прическа с оселедцем – шикхандакой – характерна и для ариев древней Индии. На рельефе из Аладжи-Хююк (тоже XIV век до н. э.) у человека, восходящего по лестнице, также обрита голова, а на темени – длинная косица, оселедец (Ардзинба 1982: 51 – 52). Либо это тоже «марьянну» из того же источника, либо и тут и там хеттские воины. Но такая прическа у хеттов еще где-либо не зафиксирована» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf; <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>);

«Вот что пишет справедливо признаваемый ведущим «антинорманистом» XIX в. С. Гедеонов в своём капитальном труде «Варяги и Русь»: «Длинные волосы были (у германцев и скандинавов – Л.П.) отличительным знаком свободного мужа, бритая голова – клеймом раба. Германские язычники клялись волосами и бородою (Водановой). Скандинавский Один прозывался длиннобородым, Тор – краснобородым. Обритие бороды почиталось у германцев высшим бесчестьем» (Лев Прозоров, «Внешность князя Святослава Игоревича как этноопределяющий признак», <https://www.perunica.ru/sviatoslav/487-xvc.html>);

«Иловайский со ссылкой на перечень болгарских князей и Лиутпранда отмечает обычай брить головы у болгар. Тюркским влиянием это, как мы видели, объясняться не может. На миниатюре Ватиканского менология изображён болгарин с обритыми бородой и головою. Брила головы и бороды польская шляхта. Польско-украинское «кацап» – «как козёл» – отразило отрицательное отношение этой части славянства к бородам поздних москвитов и постпетровских великороссов. У Саксона Грамматика именно по обритой голове опознают славянина в некоем Свено. Моравы брили головы и бороды. Козьма Пражский, описывая знатного чеха времён Болеслава Грозного, отмечает двойной чуб на его бритой голове. «Великая хроника», описывая последнего представителя родовой знати на польском престоле – Котышко, – сменённого выходцами из простонародья, Пястами, говорит, что вся его голова была голой, за исключением одного клочка волос на макушке – полная аналогия со Святославом. Схожая причёска у князя Вацлава на миниатюрах Вольфенбюттельской рукописи. Западные авторы отмечают, что «верховный жрец руян носил длинные волосы и бороду вопреки народному обыкновению». В летописных статьях IX–XI вв. борода упомянута лишь единожды и тоже в приложении к волхвам: «потергаше

брадею». Не были ли бородатые русы арабских источников жрецами? Титмар Мезербургский приписывает ношение чубов воинственному племени лютичей. Любопытно, что если скандинавы рассматривали как позорную черту обритые бороды и волосы, то славяне, в свой черёд, рассматривали как позорный, «бабий» обычай скандинавов носить длинные волосы и заплетать их в косы. Предание, сообщаемое польским хронистом Кадлубеком, говорит, что, по мнению поляков, скандинавов принудили носить «женские» причёски покорившие их славяне (перебравшиеся в горные регионы Скандинавии славяноязычные античные германцы – аланы-торки, вилькины / вильтины = вильцы / лютичи и герулы = гаволяне, – П.Д.), в знак подчинения и позора. Родственные славянам балты тоже не были склонны отпускать волосы и бороды. В литовских легендах рыцари-крестоносцы скандо-германского происхождения носят устойчивый эпитет «бородачи», «бородатые злодеи», что подразумевает безбородость подчёркивавших эту черту сказителей и их слушателей. На средневековых изображениях пруссов видим обритые бороды, длинные усы и коротко остриженные волосы (иногда угадываются чубы). В иконографической традиции Литвы изображение Ягелло (Ягайло) очень походит на князя Святослава. Таков же был и общий облик литовской шляхты того времени. Итак, мы видим, что полярно противоположный скандинавским обычаям и не имеющий аналогий в тюркских облик Святослава вполне укладывался в балто-славянские традиции» (Лев Прозоров, «Кавказский рубеж. На границе с Тьмутараканью»,

http://litrus.net/book/read/110082/Kavkazskij_rubezh_Na_granice_s_Tmutarakanju?p=47);

«Волосы носили, по германскому обычаю, длинные. Эти длинные волосы, распущенные по плечам, были привилегией свободных людей. Считалось унижительным отсутствие волос. (Тонзура была наказанием; о ней упоминает Тацит как об особенности германских законов.) Короткие волосы служили признаком рабства. Отсюда ясно, почему монахи и духовные лица, надевая сутану и принося обет послушания и смирения, стали стричь волосы и выбривать тонзуру. Новая меровингская аристократия строго держалась своей прерогативы – носить распущенные волосы и длинную бороду...» (Ф.П. Комиссаржевский, «История костюма // Одежда германцев. Галлия при Меровингах», http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=201).

То есть бледнолицые германоязычные скандинавы и краснокожие двуязычные (германо- и славяноязычные) русы – определенно разные этносы:

«О том, что русы IX в. были славянами, свидетельствуют восточные авторы. Так, Абдаллах Ибн Хордадбех в сочинении «Книга путей и стран», написанном около 847 г., сообщает: «Что касается русских купцов – а они вид славян – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то отправляются по реке славян, и проезжают проливом столицы Хазар, и десятину с них взимает их (Хазар) правитель». Передавая идентичную информацию, восходящую, как полагают исследователи, к единому источнику, Ибн ал-Факих (30 – 50-е годы IX в.) там, где Ибн Хордадбех говорит о русах, прямо пишет о славянах. Очевидно, что восточные авторы IX в. русами считали

какую-то племенную группу славян Восточной Европы. Впервые этноним русы (Hros) назван в сирийском источнике VI в. – «Церковной истории» Псевдо-Захарии. Будучи сторонником скандинавской атрибуции этого этноса, Маркварт полагал, что это были выходцы из Скандинавии, появившиеся в землях Юго-Восточной Европы уже в это время. А.П. Дьяконов и Н.В. Пигулевская сопоставили русов сирийского источника со славянами-антами, известными по описаниям византийских авторов VI в.90 Б.А. Рыбаков попытался локализовать славян-русов в Среднем Поднепровье, полагая, что их древности характеризуют клады вещей так называемого антского типа. Однако сирийский источник VI в. не сообщает никаких географических координат местожительства русов, поэтому связь их с конкретной территорией, предлагаемая исследователями, остается проблематичной. Х. Ловмянский, признавая этноним Hros / Hrus у Псевдо-Захарии «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорок», считал, что это название попало в труд сирийского автора из армянского источника, где Hros значится в конце списка кавказских народов...» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. // Русы», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/6);

«Русы – народ, [который] сжигает себя, когда умирает, и они сжигают со своими пленниками своих невольниц, для их наивысшего блага, как делают [люди] Индии, люди Ганы, Куги и другие. Часть русов бреет свою бороду, а часть закручивает [бороды] подобно лошадиным гривам, или заплетает. Одежда их – короткие куртки, а одежда хазар, болгар и печенегов – длинные куртки» (Абу-л-Касым ибн Хаукаль, «Книга путей и стран», <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal/text5.phtml?id=9400>);

«...венды-ободриты, первыми из славян начавшие колонизировать новгородско-псковские земли, в «Сказании о грамоте словенской» должны были «прозваться своим именем», т.е. именем «словене», которое они и принесли на берега Волхова. Насколько вся история с приходом Рорика / Рюрика, который вывел своих рустрингенских фризов («русь») с побережья Северного моря и расселил их среди вендов, оказалась чуждой для вендов-колонистов в Приладожье, можно видеть по новгородцам, категорически противопоставлявших «Новгородскую землю» – «Русской земле», воспринимаемой на протяжении XI-XII вв. исключительно как регион Киева-Чернигова-Переяславля Южного или Руского, Об этом почему-то упорно забывают современные норманисты, утверждающие первоначальную «Русь Рюрика» именно в Новгородском регионе и даже измышляя никогда не существовавшую «Верхнюю Русь». Между тем, общеизвестный факт неприятия новгородцами имени «русь» сводит на нет все попытки объяснить происхождение данного этнонима из финского Ruotsi, поскольку он должен был бы обозначать в первую очередь новгородцев. Не случайно еще в 1878 г. А.А. Куник, один из наиболее последовательных «норманистов», признал после критики С.А. Геденовым, что «послужившее к заблуждениям слово Roslag было еще с 1846 г. устранено окончательно» (из аргументов норманизма). Что же касается обилия вокруг Новгорода на Волхове топонимов и гидронимов с основой «рус-», то эти данные могут в лучшем случае свидетельствовать о финноязычной

среде, в которой проходило освоение края славянами, но никак не о самоназвании последних, как то пытаются утверждать современные «младонорманисты»...» (Андрей Никитин, «Основания русской истории // «Повесть временных лет» как исторический источник», <http://library.narod.ru/saga/osnova205.htm>);

«Конунг Гаральд Боевой Зуб умер около 800г. Горм (ирл. «gorm» – тёмный, – П.Д.) стал старшим датским конунгом, унаследовав отцовский престол после Гаральда Гильдетана, а Рюрик получил от Карла Великого Рустрингию в Фрисландии, на которую претендовал и Хальвдан. После этого Горм, похоже, передал прежние владения Рюрика на ободрицкой границе своему старшему сыну Готфреду, а двоюродному брату Хальвдану – часть Ютландии, примыкавшей к Рустрингии (восточной части Фризии от залива Зайдерзе до границ Ютландии), что давало возможность датским конунгам контролировать побережье Северного моря на довольно большом пространстве. Наличие в Ладого значительных фризских материалов и известия саг позволяют допустить, что Хальвдан предпринимал попытки вернуть ее себе. Возможно, это ему периодически удавалось. Эта борьба отображена также в рассказах о военных экспедициях, которые конунг Горм (Змей; пост.-пра-и.е. *wǫ́mis, протогерм. *wurmiz, швед. «orm» – «червь, змей», – П.Д.) посылал на Готланд, в Бьярмию и Герут... Подводя итоги и осознавая необходимость продолжения дискуссии, можно утверждать, что летописный князь Рюрик тождествен Рорику Фризскому. Он, вероятно, был сыном «морского конунга» Хальвдана Старого, родившимся до 810/812г. Длительное время он находился при старшем брате Харальде Клаке, был «морским конунгом» и пиратом, периодически удерживал владения в Ютландии и Фрисландии с центром в Дорестаде, а в 867 – 879 гг. стал конунгом (князем) в Ладого. Во времена князя Рюрика Новгорода еще не существовало. Летописный рассказ позволяет также утверждать, что, будучи ладожским князем, Рюрик пытался расширить контролируемую территорию в глубину континента. Понятно, что, кроме контроля над путями, его интересовали территории, богатые пушным зверьем. Исследователи характеризуют Рюрика как дальновидного и умелого политика, прекрасного организатора морских походов, умевшего использовать все возможности для реализации поставленной задачи. Потомки Рюрика занимали престолы на Руси и в княжествах на ее территории до конца XVI в.» (Леонтий Войтович, «Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам», <http://cyberleninka.ru/article/n/ryurik-i-proishozhdenie-dinastii-ryurikovichey-novye-dopolneniya-k-starym-sporam>);

«Области Северной Германии, покинутые (славяноязычными брахикранными, – П.Д.) готами, вандалами и бургундами, были заняты (такими же, – П.Д.) славянами брахикефалами, которые впоследствии отевтонились. Дания, хотя скандинавская по языку, не сохранила скандинавской крови. Современные датчане принадлежат скорее к кельто-славянскому короткоголовому типу; наверное неизвестно, кельты они или славяне по крови...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«В работах германских филологов и даже у многих негерманских авторов ярко выражена тенденция приписать германское происхождение подавляющему большинству европейских имен только на том основании, что они встречаются на территории, именуемой «Германией». Выше говорилось об иной природе имен винилов, вандалов, ругов и некоторых других племен «венетской» («виндальской») группы. О готах сам Иордан говорит, что имена их по большей части «гуннские». Собственно германские имена распространяются на территории Германии и Скандинавии уже в основном после Великого переселения. Но и в это время, наряду с собственно германскими, в еще большей мере сохраняются имена традиционные. На германской почве они иногда переосмысливались. Чаше же они изменялись под пером позднейших авторов. Ф.И. Моне приводил примеры того, как может быть искажено и переосмыслено содержание слова при переходе его, в частности, из кельтского в германский язык. Так, ясное кельтское *Ricdag* – «хороший вождь», «добрый король» – превратилось на немецкой почве в *Regentag* (соединение слов «дождь» и «день»). Много аналогичных примеров приводит Г. Балов, критикуя германские ономастические труды А. Баха. Гельмольд в XII в. не понимал уже, что означало имя короля данов Горма (899 – 936; Тёмного / Тёмно-красного, – П.Д.). Он его смешивал с немецким *Worm* – «червь» (тогда как лат. «*vermilani*», каталан. «*vermell*», венг. «*vörös*» – красный, – П.Д.), и обыгрывал это объяснение: («ворм, самый жестокий... из червей»). Между тем это кельтское имя, означающее «знатный» (ирл. «*gogm*» – «тёмный, синий», англ. «*gloomy*» – «мрачный, хмурый, тёмный»; очевидно, знатью и у кельтов в древности тоже были преимущественно гормные / гермные / вермные / чермные – «тёмные и тёмно-красные» индо-европейцы, – П.Д.)» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси», http://www.telenir.net/istorija/nachalo_rusi/p7.php);

«В начале мая король, путешествуя на корабле, плыл по Рейну в Майнц. Он отправился во дворец Аахен (июнь) и там провел со своими людьми тайную беседу с Рориком (Рюриком новгородских сказаний, – П.Д.), поручительством заложников, приход которого Господь принял. Падение Дорестада и сокращение торговли могло стать поводом для встречи Рорика и Людовика Немецкого. Какие были приняты решения – остается неизвестным. Но если принять во внимание расчеты и исследования академика Б.А. Рыбакова, то уже в 874 году русы вновь атаковали Константинополь и приняли крещение под впечатлением от чуда о несгораемом Евангелии. История повторилась, как и в 862 году, когда Утрехт был разгромлен, и Рорика обязывали по договору компенсировать убытки местным жителям, поскольку его не было во Фризии. Но в 863 году «одним лишь своим именем и без сражения он заставляет удалиться из устьев Рейна вторгнувшихся туда норманнов». В обоих случаях Рорик возвращается победителем... В европейских документах не имеется даже косвенных сообщений о смерти Рорика. В 878 году, вероятно из-за смерти правителя Фризии, как свидетельствуют хроники, братья Рорика (наблюдатели согласно ленному уложению при фризском правителе Рорике) Гозлен и Гозбэн вернулись в графство Мэн... Этимологические словари Франции сохранили названия хуторов, земель и коммун, производных от имени Рорико, в округе графства Мэн: несколько коммун с названием Рэрик, Рури, кантон Рэри, земли Руари, местность Роричей (*Rorichove-Lieu*) в кантоне Гюинь и пр.

Сама же Фризия только в 882 году обрела нового правителя в лице Годфрида – дальнего родственника Рюрика, но еще некоторое время анналы именуют земли Фризии как «*Roticus habuerat... tennerat*»...» (С.С. Алексахин, «Хроника Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/309986-2-rossiyskaya-akademiya-nauk-muzey-antropologii-etnografii-petra-velikogo-kunstkamera-skandinavskie-chteniya-2010.php>; http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_04.pdf).

К тому же, как известно, германизовавшиеся потомки славяноязычных велетов = вильцев фризы = фризы-русы – это вовсе не потомки тюркоязычных бледнолицых саксов и даже не норманны (исл. «*norðmaður*», дат. «*nordbo*», англ. «*northman*» – северный человек), а согласно утверждению Лиутпранда Кремонского – ньордманны [*aquilenares*] (тевтон. «*aquilenares*» – «водные люди»; др.-исл. «*Njordr*» [Ньорд] – морской бог) или, что то же самое, – нарты (норци, – от др.-инд. «*nârâs*» – воды) северо-кавказских сказаний:

«Отъ сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени же Афетова, нарицаемъи Норци, иже суть Словенъ» («Повесть временных лет», – СПб., Наука, 1999, <http://litopys.org.ua/pvlyar/yar01.htm>);

«Пришельцами с Дона считал Анналист Саксон «нортманнов» [*Monumenta Germaniae historica. Scriptores*] (далее – *MGH SS*). Т. VI. – Hannoverae, 1844. P. 576, 689]» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Таким словом стало «*Northmen*», которое обычно переводят как норманны. Мне же представляется более приемлемым следующий перевод – древние скандинавы. Аналогично, «*noŕse*» (нарты, – П.Д.) – можно переводить традиционно как норвежцы. Хотя более точным будет перевод древние скандинавы, или скандинавы (пришедшие с Дона, – П.Д.)...» (Б. Новицкий, «Предисловие переводчика» к кн. Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Но, удивительная вещь! Наверное, ни в одной стране мира так примитивно не представляют себе начало собственного государства. И не поливают грязью выдающихся деятелей собственной науки и культуры. То есть норманизм – это, во многом, российский феномен, отражение низкого интереса к научному знанию, отсутствия консолидирующих общественных идей, когда по любому мало-мальски значимому вопросу – раскол, разброд и шатания... Норманизм проявлялся в русской интеллектуальной жизни в самых разных формах. Это явление оказывается шире, чем незатейливое утверждение «варяги равно скандинавы». Оно отражало и отражает многие актуальные реалии, от попытки обосновать территориальные претензии к России, когда норманизм только появился на свет, до обоснования господства «немецкой партии» в российских верхах, когда этому противостоял М.В. Ломоносов и первые русские учёные. От идеологической истории советской эпохи, когда норманизм уцелел, прикрываясь марксизмом, до сегодняшнего упадка российской исторической науки, когда норманизм стал претендовать на роль единственно верного

учения. А заодно это явление предоставляет нам увлекательную возможность понаблюдать за различными типажам — за теми, кого принято называть норманистами. Итак, классификация современных норманистов — начнём. Норманисты как таковые не представляют собой какого-то общего тренда. Среди них есть и довольно скучные субъекты, и романтики, и искренние искатели, и вполне сознательные жулики от истории. Но всех их объединяет общий посыл. Для них древнерусские варяги (укр. «вершники» — всадники, — П.Д.) — это викинги и норманны (северные, а не водные люди, — П.Д.), под которыми понимаются скандинавы (обычно шведы, а не славяноязычные донские аланы-торки = аланы-русы, основавшие свои северные княжества первоначально в Суоми, Ливонии и Эстляндии, — П.Д.)...» (кандидат исторических наук Всеволод Меркулов, «Теория несогласных с историей России», <http://pereformat.ru/2014/03/normanskaya-teoriya/>).

Не исключено также и происхождение знатного рода салических франков Меровингов (лат. «salis» — «морское побережье»; франц. «mer» — море) из носившего длинные бороды жреческого рода ньордманнов («брахманов» язаматов). Согласно легендам краснокожих франков основатель их правящей династии Мервей был сыном морского чудовища (морского бога Ньорда = Неря?):

«Рассказы из времен Меровингов» Огюстена Тьерри, знаменитая книга, написанная по лучшим источникам, прежде всего по Григорию Турскому, которая придала лишь искусную литературную огранку их искренности, вот уж более века как близко познакомила нас с неистовством варварского насилия, страшного тем более, что высокий ранг проявлявших его обеспечивал им относительную безнаказанность. Лишь тюремное заключение или убийство могли обуздать остервенение этих франкских королей и королев, знаменитое определение правлению которых дал Фюстель де Куланж: «умеряемый убийством деспотизм» (Ле Гофф Жак, «Цивилизация средневекового Запада», <https://unotices.com/book.php?id=11241&page=10>).

Действительно, византийцы прозвали потомков сарматов, юэчжийцев и аланов-торков — хоразмиев (хурусов), готов тетракситов, аланов-асов (ясов) и античных фрисов русами (хросами) из-за румяного (темно-красного) цвета кожи (др.-греч. «εὔ-χρως», нем. «rosig» — румяный; др.-греч. «χρῦσός» — «червонное золото»; греч. «ρόσιος», лит. «rusvas», серб. «руйан» — «темно-красный, бурый»; лтш. «russys» — кроваво-красный; лат. «russeus / russys», итал. «rosso», рум. «roşu» — красный; англ. «russet» — красно-коричневый; фин. «ruskea», лтш. «rusls» — коричневый). Галльское «roudos» — красный передавалось в разных кельтских языках и диалектах как «guad, guadh, rudd, ruth, ruz». Польск. «rydzy», в.-луж., н.-луж. «ryzu», укр. «русий», словац. «rus», «rosa», «rydzi»; беларус. и серб. «рус», чеш. «rusy», словен. «rus» — «красный, рыжий, коричневый»; исп. «rojez» — «краснота, покраснение»; греч. «ροζ», лат. «rosea» и итал. «rosa» — розовый; лтш. «rūsas» — ржавчина; лат. «rusti», англ., нидерл. «rusty», каннада «raṣṭi» — «ржавый, цвета ржавчины»; бенг. «rōṣṭa», япон. «rōsuto», швед. «rostad», англ. «roasted» — «жареный, обожженный <солнцем>».

Красными — ругами (лат. «rugii») и рутенами (лат. «rutheni», «ruteni»; нем. «ruthenen») их а, возможно, и вообще всех иных славян сарматского происхождения называли и другие

индоевропейцы (рум. «ruginit» – ржавый, франц. «rouge», гуджарати «gātā» и нем. «rot» – красный; франц. «rôti» – «жареный, обожженный <солнцем>»; санскрит «rudhira» – «кровавый, красный», слав. «ruda» – «руда, кровь»; др.-киев. «рудь» – «темно-красный, кроваво-красный»).

Сами же германизовавшиеся в тёмные века скандинавские славяноарии гауты, аланы-торки и русы-торки называли себя *поуранами = боранами, варангами (варягами, баранжарами) – древними (санскр. «pugaana», хинди «pugānē», др.-япон. «pugu», япон. «fugui», исл. «forn» – «старый, древний»; татар. «борынгы» – древний), жителями горных ущелий (греч. «βάραθρο» – «ущелье, овраг»; греч. «φάργγι / farāngi» – «ущелье, каньон, овраг, глотка»; итал. «faringe», англ. «pharynx» – глотка; англ. «barranca» – ущелье; итал. «burgone», исп. «barranco» – лощина) или же просто воинами-защитниками (др.-киев. «бóронь» – «оборона, защита»; санскр. «balin» – воин; д.-в.-н. «bago» – «воинственные / сильные люди»). Это были вовсе не норманны, а воинские сословия или братства варягов / верингов (укр. «вершників» – «водных наездников, всадников»), первоначально дислоцировавшиеся в Крыму и на «Острове Русов», образованном двумя рукавами реки Кубань, впадавшими в Черное (Бонтас) и в Азовское (Майотас) моря:

«Сколько раз летописцам приходилось подвергаться критике и поучениям со стороны не слишком благодарных потомков! Почему это варяги, построив новый город, называют его «Новгород»? Почему они дают название «Белоозеро» городу, воздвигнутому на территории, куда еще и славяне-то не проникали? Почему Изборск, Плесков-Псков – и ни одного «хольма», «бурга», «штадта»? А во времена, когда писал летописец, просто еще и не было этой проблемы. Он рассказал, что приходили варяги «из-за моря», а язык их был понятен и киевлянам...» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X Кн. 2, <http://flibusta.site/b/360577/read>);

«Известная летописная легенда рассказывает, что Древнерусское государство было основано пришельцами из-за моря – «варягами», приглашенными на княжение племенами словен, кривичей, веси, мери и чуди... Пересказанная легенда противоречит другим летописным текстам и внутренне противоречива. Летопись содержит и тексты, в которых «русь» отождествляется с полянами (то есть населением Среднего Поднепровья), а варяжские князья дают славянские названия вновь построенным городам, даже если эти города возникают на неславянской территории (например, Белоозеро)... В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес норманно-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства. На Белое озеро и Верхнюю Волгу, согласно новым представлениям, варяги-норманны проникают примерно на столетие раньше славян (точнее, днепровских славян, – П.Д.)... Снова возникает потребность объяснить, почему на территории, где соприкасаются варяги и угрофинны, распространяется славянский язык, почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований в язычестве Древней Руси, почему так быстро исчезают варяжские имена, причем в княжеской династии раньше, чем у рядовых дружинников. На все эти «почему» норманизм, очевидно, не в состоянии дать ответ. А это

означает, что необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие археологи и отчасти лингвисты признают северогерманскими... Западные пределы расселения варягов летописец ограничивал землями «Агнянской» и «Волошской» («Англо» и «Волотов-фризов», – П.Д.)...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Но вряд ли может быть оспорен главный вывод Васильевского: норманны попадают в Византию позднее варангов, в дружину которых они и вступают. Отсюда следует самое важное: норманны отличаются от варангов (или вэрингов, верингов). Автор Лаксдальской саги мог быть тенденциозным, делая Болли первым норманном, вступившим в дружину варангов. Но он, конечно, исходил из определенных и общеизвестных посылок, разделявших норманнов и варангов. В саге о Вига-Стире аналогичным образом поясняется: «Таков обычай у Верингов и Норманнов, что день они проводят в играх и борьбе». Аналогичное разделение норманнов и верингов Васильевский обнаруживает и на Руси: Вига-Барди (из Гейдарвига-саги) около 1020 г. «прибыл в Гардарики; и сделался там наемником, и был там с Вэрингами». Даже Гаральд Гардар, которому саги предписывают предводительство над варангами и участие в ослеплении императора Михаила V (в сагах ошибочно называется Константин Мономах) в 1042 г., в действительности, как показывает Васильевский, противостоит варангам, а северные поэты с видимым удовольствием сообщают о гибели большого числа варангов... «Внешнее» по отношению к Скандинавии положение «вэрингов» отмечалось и многими норманистами. Но обычно считается, что это название получали норманны, побывавшие в Византии. Васильевский, как было отмечено, доказывал, что и на Руси норманны вступали в ранее здесь существовавшую варяжскую дружину. Примечательно, что во всех германских языках зафиксировано собственное имя Вэринг – Веринг (Waring, Waringa, Warenga, Wiering, Wierenga). У саксов это имя известно с IX в. (830, 860, 900 гг.). Встречается оно там и позднее, причем чаще всего в округе Корвейского монастыря. Примерно в то же время у них получает распространение имя Werin или Wargm, а также Werinza. Очевидно, имена эти однопорядковые, и никакого отношения к Византии они не имели, поскольку в начале IX в. не было ни дружины варангов в Византии, ни даже связей с ней прибалтийских земель. Большое количество аналогичных имен известно у фризов, позднее в Нидерландах, встречается оно и в Англии. Иными словами, это имя получает распространение в тех областях, которые не относятся к собственно норманским. И во всех этих областях и шведы, и другие норманнские народы были известны под своими именами...» (Аполлон Кузьмин, «Древнерусская цивилизация», <http://mreadz.com/read307202/p106>);

«Многочисленные данные, собранные В.Г. Васильевским, позволили ему утверждать, что этникон «тавроскифы» применялся в первых шести веках нашей эры только к обитателям Таврики либо районов, к ней примыкавших. С другой стороны, в более позднее время, со второй половины X в., тавроскифами (гот. «thauris» – великан, – П.Д.) византийские авторы называли приднепровских славян. Таким образом, оба этникона, обозначавшие во второй половине I тысячелетия н. э. приднепровских славян, – «росы» и

«тавроскифы» – связаны с Крымом. Эта связь отчетливо осознавалась современниками. Лев Диакон, рассказывая о военных действиях Святослава в Болгарии, воинов Святослава называет чаще всего тавроскифами или таврами, объясняя, что таково их подлинное имя и что только по-простонародному они именуются росами. Несомненна связь с Крымом в наименовании Генесием одного из подразделений императорской гвардии, относящемся к 854г. «скифы из Таврики», или подобным же оборотом у Кедрина и Зонары: «грубый и дикий скифский народ Рос», который они помещали «у северного Тавра»... Место, где находилось поселение у с. Окуневка, на портоланах называется «Rossofar», т. е. росский маяк. Этот факт может указывать на развитое мореходство обитателей поселения, т. е. росов. А это обстоятельство в свою очередь следует сопоставить с известиями византийских авторов о росах, обитавших у Северного Тавра и совершавших нападения на Константинополь на многочисленных кораблях еще в IX в. Поскольку (потомки славяноязычных готов-тетракситов, – П.Д.) росы обитали там и приходили оттуда, где раньше жили тавры и тавроскифы, на крымских росов и были перенесены эти наименования... А.А. Шахматов склонялся к пониманию корня «рос» в топониме «Rossofar» из итальянского «rossa» – красный (А.А. Шахматов, «Варанголимен и Россофар» // Историко-литературный сборник, С. 181). Этим он, однако, противоречит своему объяснению значения «рос» в топонимах Приазовья и Подонья, где за ними признается реальный этнический смысл. Такому пониманию противоречит еще один термин портоланов на Тарханкутском полуострове – «Варанголимен», т.е. варяжская пристань или озеро... Вопрос о том, почему славяне Приднепровья то ли одновременно с крымскими росами в IX в., то ли позднее, с X в., также стали называться росами или Русью, выходит далеко за пределы стоявших передо мною задач. Как бы этот вопрос не решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны, можно думать, что Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII – IX вв., т.е. росов» (Д.Л. Талис, «Росы в Крыму» // СА, 1974, № 3,

[http://historylib.org/historybooks/Fomin_Varyago-Russkiy-vopros-v-istoriografii/27"\);](http://historylib.org/historybooks/Fomin_Varyago-Russkiy-vopros-v-istoriografii/27)

«Важнейшим европейским источником позволяющим реконструировать этническое взаимодействие славян и степных народов является «История» Льва Диакона. Автор сообщает о посольстве Калокира к тавроскифам с целью заключения с ними союза против болгар. Хотя народы лесостепи называются Львом Диаконем в старой античной традиции скифами, «История» впервые использует данное этническое наименование применительно к русским. М.Я. Сюзюмов подсчитал, что русские названы скифами 63 раза, росами – 24, тавроскифами – 21, таврами – 9 раз. При этом источник неоднократно упоминает о Руси в Крыму и в Приазовье, сообщая о родственности росов к хазарам и другим племенам, обитавших в Приазовье. В ходе переговоров Святослава с Византийским императором в 972 г. последний предложил русскому князю удалиться в «свои области и к Киммерийскому Боспору». Авторы комментариев к источнику полагали, что эта область означала Крым, где русов до конца X в. не было. Следовательно, они ставили под вопрос само существование «Азовской Руси», а перевод А. Попова относительно Руси в Приазовье считали ошибочным.

Но М.Я. Сюзюмов и С.А. Иванов не учитывали, что незадолго до похода на Константинополь Святослав завоевал Подонье и Приазовье. Следует отметить, что в источнике отмечается прибытие византийского посольства во главе с Калакиром к тавроскифам – руси именно в район Босфора, а не в Киев» (Е.И. Дулимов, В.К. Щечоев, «Славяне средневекового Дона», http://historylib.org/historybooks/E-I-Dulimov--V-K-TSechoev_Slavyane-srednevekovogo-Dona/3);

«С ними (Боргарами) граничат Русы. Они (распадаются) на многие племена (касоги / кашаки, бораны / ворады = варязи / варяги, барангуры / беленджеры = веринги / варяги = берендеи, торки = таркасы / черкасы, ковуи = кавары и др. поляне; укр. «кава» – кофе, греч. «кафё» – коричневый, – П.Д.). Они островитяне и обладатели кораблей, могущественны на море и много вращаются на нем. Они граничат с морем Бонтасом, о котором была речь прежде. Они народ языческий (маджуси). Они каждые двести лет приходят в Андалус и приходят они туда из рукава моря Окиануса; но этот рукав не есть тот, при котором стоит медная башня, а рукав, стоящий в соединении с морями Бонтасом и Майотасом» (Ал-Бекри [ум. в 1094 году], <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/pred.htm> ; А. Куник, «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение №2. Спб., 1879, <http://drevlit.ru/docs/russia/X/Bekri/pred.php>);

«Число русов-островитян (тёмно-краснокожих потомков готов-тетрактитов, караболгар и карахазар, – П.Д.) Гардизи определяет в 100 тысяч человек. Конечно, северо-восточная часть кубанской дельты, где лежал остров русов, такое количество населения вместить не могла. Единство археологической культуры средневекового населения, обитавшего как близ устья, так и выше по течению реки, говорит о том, что в дельте располагались морские базы русов, наподобие позднейшего знаменитого оплота запорожских казаков на острове Хортица. Доспехи древнерусских воинов – брони – славились своей прочностью. Кузнецы (ковуи, – П.Д.) делали их из металлических пластин, скрепляемых затем кожаными ремнями. Второй город Рус находился в районе Цемесской бухты. Символично, что город, возникший здесь позднее, получил имя Новороссийск. Восточнее кубанско-черноморских русов жили русы (хурусы = хоразмии, – П.Д.), выступавшие под собственным племенным названием арсиев. Их главный центр древние писатели размещают в районе Дарьяльского ущелья. В земле арсиев находился крупнейший рудник по добыче серебра и свинца. Другие группы русов известны в Абхазии – в районе современного Нового Афона и в Дагестане – на территории современной Аварии. Русы (потомки донских аланов-торков аланы-русы = асы / ясы, – П.Д.), переселившиеся с Кавказа на север, обрели вторую родину в бассейне Северского Донца. Но какая-то часть русов (всё тех же потомков донских аланов-торков, – П.Д.) была известна и в районе сближения Волги и Дона. От этих групп русов остались многочисленные памятники так называемой салтовской археологической культуры (VIII – IX вв.)...» (Виктор Грицков, «Забытая история русов», <http://roksalan.narod.ru/avtors/grickov.htm>);

«Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию (Чигию, – П.Д.) и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, – это Турганирх, Царваганин и другой островок. В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях – другой, на котором во время набегов аланов зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авасгию – вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей», М.: Наука, 1991. С. 175, 177, http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text42.phtml);

«Это была целая своеобразная страна, правда, достаточно обозримая, небольшая по размерам. В частности, интерес представляет точная топографическая деталь, сообщаемая, например, у Ибн Русте, где говорится о русах, живущих на острове длиной в три дня пути. Три дня пути – это расстояние не больше 90–100 км. При взгляде на карту, с учетом элементарной топографической реконструкции (река Кубань до XIX века еще впадала одним рукавом в Черное море, позднее сменив этот рукав на азовское русло), мы отчетливо можем представить себе этот древний островной участок суши, ограниченный старым (черноморским) руслом Кубани (протокой Укрух, – П.Д.), на западе и другим важным ее рукавом – Протокой на востоке (вспомним, что именно там был расположен Копыль = *Utkanda). И длина этого острова как раз примерно будет соответствовать 90–100 км, то есть трехдневному пути по восточным географам. Страна древних русов располагалась в кубанских плавнях, где когда-то были земли античных синдомеотских племен – дандариив и собственно синдов» (Олег Трубочёв, «К истокам Руси», Ч. 3, <http://www.gramota.ru/biblio/research/istoki0/>; <http://gramota.ru/biblio/research/istoki0/istoki3/>);

«Всеслав князь (Гарда-рики – рейха (страны) гарудов = гардингов / асдингов, – П.Д.) людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя (до курусов *гудов-тментракситов / готов-тетракситов курян = кур-асов / хурусов / хросов / русов = черкасов – потомков гарудов = гардингов = гревтунгов / грутуннов, родственных хор-асмиям / хорезмийцам и остроготам грутуннам = хорутанам / каринтийцам, – П.Д.), великому Хорсови волком путь прерыскаше... Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово, лелеют месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия» («Слово о полку Игореве», http://librebook.me/slovo_o_polku_igoreve/vol2/1).

Очевидно, готские красные девы собирали в Тмуторокани (Таматархе / Тамани – Болоте Торков / «тёмном вязком болоте»; укр. *тмань / «твань» – «вязкое болото») руское золото для выкупа из половецкого плена своих суженных – тёмно-краснокожих воинов князя Игоря чёрных клобуков = русов: ковуев = каваров и торков = *торк-асов / таркасов / черкасов (греч. «καφέ», болг. «кафяв», босн. «kafena», макед. «кафена», турец. «kahverengi» – коричневый; укр. «кавовий» – кофейный [коричневый]; лит. «gūdus», лтш. «drūms» – «мрачный, дремучий [тёмный]»; англ. «dark» – «мрачный, смуглый, тёмный, чёрный»; пушту «tor», тадж. «торик», курманджи «taṛi» – тёмный).

Здесь же у Тмутороканя ранее располагалась и ставка правителя утигуров (караболгар) и других славяноязычных темно-краснокожих племен Великой Болгарии Кубрата, которого уже М.Ю. Брайчевский считал хорватом, т. е. славянином, а не тюрком.

Многие черноморские русы, занимавшиеся торговлей, знали несколько языков и, по крайней мере, были двуязычными. Они, подобно франкоязычной российской знати, могли владеть не только языком межэтнического общения (ставшим для них уже родным иранским, германским, тюркским или же каким-либо иным языком), но и славянским языком своих предков. Очевидно, кроме черноморских русов (готов тетракситов) были и донские русы (ясы / аланы-торки) – насельники Салтово-маяцкой АК, являвшиеся правящим и военным сословием караболгар (утигуров – ясов) и северян (населения Волынцевской АК):

«В связи с отмеченным Саксоном Грамматиком рутенским погребальным обрядом, представляют интерес параллели ему на территории Древней Руси. Это именно те погребения в Гнездово, которые Е.А. Шмидт считал литовскими и аналогии которым имеются в срубных погребениях Киевщины. В свете сведений, сообщаемых Саксоном Грамматиком, распространение этого обряда на шведскую Бирку может быть объяснено именно рутенским (и прежде всего велетским, – П.Д.) влиянием, независимо от того, в какой форме это влияние выражалось: культурное влияние, переселение, захват пленных, погребение убитых в сражениях. Погребения с конем (и рабыней) распространены во всех районах, где ищут следы норманов. Не исключено, что во многих случаях обряд действительно связан с варягами, только не с норманами, а с рутенами (и велетами, – П.Д.). В Киеве таким образом погребались представители социальной верхушки, может быть, княжеской династии, хотя в составе дружинных погребений находится ряд существенно различающихся между собой типов. А погребения с конем и рабыней, как отмечалось, были распространены не только у балтийских рутенов, но и в салтовской культуре. И речь может идти именно о русах-тюрк, то есть аланах-роксаланах (троксоланах-торках = таркасах / черкасах, – П.Д.), хотя область Пруссии являлась именно той территорией, где соприкасались и смешивались русы разного происхождения. Исследователи отмечали также сходство некоторых религиозных обрядов у балтийских славян и киевских русов. Так, весьма вероятно влияние балто-славянского язычества на реформу Владимира, осуществленную вскоре после возвращения его «из варяг». Главное божество дружины киевских князей – Перун – в «Слове о полку Игореве» даже не упоминается. Похоже, что он вообще не имел глубоких корней ни у славян, ни у других народов Приднепровья. Зато в Прибалтике роль его была весьма заметной. Имя Перуна отражалось в названии четверга: «Перундан», т. е. «день Перуна». По аналогии с «днем Юпитера» (французское «jeudi») или

«днем грома», по аналогии с немецким *Donnerstag*. Перун в звучании «Перкун» был одним из главных божеств у прибалтийских народов, причем функции его целиком совпадают с аналогичными функциями у славян и руси. В созданном Владимиром пантеоне языческих божеств первое место принадлежало именно Перуну, причем его изображение также было заимствовано у прибалтийских славян: «глава сребрена, а ус злат». Имеются определенные свидетельства и активных связей Руси Приднепровской и Причерноморской. В течение длительного времени обсуждается вопрос о времени появления в Крыму и Подонье славян, и в зависимости от решения этого вопроса ставится и проблема Причерноморской Руси... В литературе неоднократно оценивалось сообщение Льва Диакона, отождествлявшего воинов Святослава с потомками тех росов, которые жили у Киммерийского Боспора. Д.Л. Талис вполне оправданно заключал, что «Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII – IX вв., т.е. росов». Задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить: было ли у греческих авторов основание для отождествления приднепровских и крымских росов? Напомним, что последних они должны были знать особенно хорошо после того, как в IX в. возникает русская епархия. Во времена Льва Диакона христианство все шире распространяется и в Приднепровской Руси, с которой, кстати, на протяжении X в. Византия поддерживала систематические договорные отношения. В этой связи может представлять интерес и то обстоятельство, что в Киевской Руси наследуются некоторые традиции Причерноморской, связанные с распространением христианства. Так, первые сообщения о крещении Руси (при Фотии до 867г. и затем при Василии Македоняnine и патриархе Игнатии) относятся: первое – к Крымско-Тмутараканской области, второе – к русам Болгарского Причерноморья, куда в 70-е гг. X в. Святослав намеревался перенести «центр» Русской земли и где в конце XIV в. митрополит Киприан – болгарин по происхождению – выделял ряд городов в «Списке русских городов ближних и дальних», претендуя на подчинение их единой «Русской» митрополии» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа // Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем», <http://oldru.com/nachalo/22.htm>);

«Также весьма показательным, что Гнёздово – единственное место, где наблюдается большая концентрация «славянских» круглых курганов с трупосжиганием. Это поселение, в жизни которого важное место занимали шведские викинги (потомки донских аланов-торков = русов-тюрок славяноязычные гауты / гёты, – П.Д.), было своеобразным центром формирования «древнерусского» (= «славянского») населения Смоленщины» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=51>);

«Множество данных позволяет утверждать, что южнорусские ясы-аланы в средние века (как и прежде) вовсе не были «дикими кочевниками», но вели оседлый образ жизни; они имели также свои города. Сообщениями о «половецких городах» пестрят русские летописи, тем не менее, существование их некоторые историки отрицают из последних сил. Еще бы: ведь города эти в состав «Киевской Руси» не входили; тогда оказывается, что за пределами

государства, основанного варягами, было вовсе не «Дикое поле», но нечто совсем наоборот... Между тем о южнорусских степных городах говорят достоверные иностранные источники. Арабский автор ал-Идриси (сер. 12 в.) описывал бассейн Дона и Северского Донца так: «ДОЛИНЫ ЭТИХ РЕК ОБИТАЕМЫ НАРОДОМ, НАЗЫВАЕМЫМ НИВАРИЯ, КОТОРЫЙ ВЛАДЕЕТ ШЕСТЬЮ КРЕПОСТЯМИ, НАСТОЛЬКО ХОРОШО УКРЕПЛЕННЫМИ, ЧТО ЖИТЕЛИ НИВАРИИ ВО ВРЕМЯ СВОИХ ОТСТУПЛЕНИЙ СТАНОВЯТСЯ НЕДОСТУПНЫ ВРАГУ. ОНИ НЕОБЫЧАЙНО ВОИНСТВЕННЫ И ПРИВЫКЛИ НИКОГДА НЕ РАССТАВАТЬСЯ С ОРУЖИЕМ». Название страны «Нивария», употребленное Идриси, и связанный с ним этноним «навары» встречается в источниках начиная с 3 – 4 вв. н.э. применительно к населению Северного Причерноморья. Смысл этого названия раскрывается довольно просто: оно образовано от того же древнеарийского корня, что и латинское слово «навигация» и др. «Навары» (*нарвары, – П.Д.) – это «моряки», жители азово-черноморского побережья; нет сомнения, что этим «функциональным» именем древние источники называли все тех же «скифов», «аланов», «руссос», чей флот в 9 – 10-м столетии угрожал Константинополю» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-6.htm>);

«В общем, фактов, свидетельствующих о принадлежности салтовских поселений аланам и в период хазарского господства, и позднее, равно как и о сохранении ими своего (славянского, – П.Д.) языка, так много, что можно лишь недоумевать, почему хазароведы их игнорируют. При этом надо иметь в виду, что строителями городов и создателями высокой культуры, включая письменность, были именно аланы (тёмно-краснокожие и брахикранные аланы-торки / аланы-русы и утигуры = ясы, а вовсе не бледнолицые и долихокранные массагеты = акациры, проживавшие с ними чересполосно, – П.Д.), а не хазары. Другой этнический компонент, представленный брахикранными (круглоголовыми) захоронениями, по Турчанинову, оказался черкесским (на самом же деле не черкесским = адыгским, а славяноязычным черкасским и касожским, соответствующим готам-русам и другим круглоголовым горидам украинцам, а вовсе не мезокранным понтидам адыгам, – П.Д.). В летописи «ясы и касоги» часто идут в паре. Так они упомянуты и в известии о походе Святослава, приведшем к гибели Хазарского каганата: «Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и соступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победи и касоги»... Березовец предполагал, что именно от салтовцев имя «Русь» перешло и на приднепровские славянские племена. За этим предположением следовать нет необходимости, поскольку источникам известны многие «Руси» (более десятка) и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке (сводку этих известий см. в кн. «Откуда есть пошла Русская земля», 1986, кн. 1). Проблема заключается в другом: почему аланов Подонья восточные авторы называли «русами»? И в этой связи встает вопрос о Причерноморской Руси, которую также хазароведы игнорируют. Литература о Причерноморской Руси обширна, и в числе занимавшихся этой темой ученых было много блистательных умов (начиная с Г. Эверса и В.Г. Васильевского). В сущности, и спорили лишь потому, что искали и не находили здесь славянскую Русь. А Русь первоначально всюду была неславянской (а славяноязычной аланской, – П.Д.). О том, что

она была таковой в VIII – IX веках в Крыму, достаточно убедительно показал Д.Л. Талис (статья «Росы в Крыму» в журнале «Советская археология», 1974, № 3, http://historylib.org/historybooks/Fomin_Varyago-Russkiy-vopros-v-istoriografii/27). Талис поддержал идею Березовца и попытался найти доказательства того, что и в Крыму «росами» называли алан. Но археологическая и антропологическая близость просматривается в могильниках юго-западного Крыма и брахикранных захоронениях Подонья. Обычно предполагается, что и тут, и там оставили след жившие здесь ранее болгары (славяноязычные немонголоидные гориды – аланы-торки, являвшиеся основным компонентом всех караболгарских и карахазарских племён, – П.Д.). Но захороненные в могильниках Крыма практически не имели монголоидной примеси (статья Ю.Д. Беневоленской «Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма» в «Материалах и исследованиях по археологии СССР», вып. 168. Л., 1970)...» (Аполлон Кузьмин, «Хазарские страдания», http://www.zlev.ru/39_12.htm).

Именно тёмно-краснокожие и брахикранные салтовцы (потомки да-юэчжи = *утиев – аланы = русы-торки и караболгары утигуры = ясы) и черкасы / циркасы (возможно, не только готы-русы, но и потомки волжско-камских и зауральских троксолан – торки / таркасы, потомки боранов – барангуры = берендеи, касоги, ковуи и другие карахазары / *каракудары = кидариты) были родственны летописным полянам (укр. «поля», болг. «поли», серб. «наполье», хинди «рāга», греч. «лѣрау» – «вне, за пределами»; тадж. «берунй» – внешний; лат. «сісум» – окрестные), так как соответствовали им по многим антропологическим признакам:

«Переселение на Русь славянских и славяноязычных народов Южной Балтики, частью пройдя через Скандинавию, действительно вовлекло в свою орбиту некоторое число скандинавов, что подтверждается данными антропологии. Причем Т.И. Алексеева выделяет лишь один пункт на территории Руси, где отмечается некоторое пребывание норманнов, – Старую Ладугу. Она же констатирует, что антропологические особенности краниологического материала из Шестовиц «указывают на связь с норманнами», и что во всем облике этого населения «наблюдается смешение славянских и германских черт». Вместе с тем в Черниговском некрополе подобные особенности отсутствуют. В данном случае весьма важно отметить, что Алексеева особо подчеркнула, говоря о киевских погребениях с труположением X в., что «ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева», добавив затем, что «оценка суммарной краниологической серии из Киева... показала разительное отличие древних (мезобрахикранных, – П.Д.) киевлян от (долихокранных, – П.Д.) германцев». Как заметил по поводу такого заключения А.Г. Кузьмин, «поражительность» этих результатов, отмечаемая автором, проистекает из ожидания найти в социальных верхах киевского общества значительный германский элемент, а его не оказывается вовсе» (Вячеслав Фомин, «Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу», <https://unotices.com/book.php?id=167801&page=121>);

«Поскольку мезокrania и относительная широколицесть в средние века проявляются

только у славян (лужичане, некоторые группы словаков и мораван, древляне, тиверцы и уличи), назовем эту комбинацию собственно славянской, хотя бы в отношении этой конкретной эпохи... Киевский некрополь дает значительный краниологический материал, но так как он происходит из раскопок, произведенных в прошлом веке, дифференцировать его по обряду погребения (в деревянных гробах, в грунтовых могилах или в срубных гробницах) сейчас невозможно. Поэтому я была вынуждена сопоставить суммарную серию из Киевского некрополя с германцами. Это сопоставление дало поразительные результаты – ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева. Таким образом, следует признать, что в составе дружины киевского князя норманнов было чрезвычайно мало, коль скоро никаких следов их в антропологическом облике населения города не обнаружено. Что касается сельского населения Киевской Руси, то оно также не показывает черт связи со скандинавами, относясь к тому же антропологическому типу, что и городское» (Татьяна Алексеева, «Этногенез восточных славян по данным антропологии», Глава VIII «Некоторые вопросы происхождения славян», https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/08.php; <http://metodich.ru/download/18870.docx>);

«На территории полян, ставших впоследствии антропологической основой украинского народа, в эпоху средневековья обнаруживаются черты ираноязычного (на самом деле, балто-славяноязычного, – П.Д.) населения [скифо-сарматы лесостепи], известного по могильникам алан и некоторой части населения черняховской культуры. В южной части ареала русских [донские, кубанские казаки] и в юго-восточной [части ареала] – украинцев, что явствует из исследования средневекового и современного населения этих территорий, обнаруживаются антропологические черты, восходящие к (балто-славяноязычному, – П.Д.) САВРОМАТО-САРМАТСКОМУ этно-культурному сообществу...» (Татьяна Алексеева, «Восточные славяне. Антропология и этническая история», <http://www.ex.ua/79616510>; <https://archive.org/details/vostSlavyanAntrop/page/n7>);

«Иной вариант средневропейского одонтологического типа представлен популяцией Липовое на территории Украины (см. табл. XII-1). Наравне с умеренной редукцией верхних и нижних моляров, ее характеризует повышенный удельный вес восточных признаков (шестибугорковых нижних моляров – 7%, коленчатой складки метаконида – 14%, дистального гребня тригонида – 7%, варианта 2 med III – 88%). Особенно характерным сочетанием для упомянутого зубного комплекса является крайне низкая частота варианта 2 med II (13%), крайне высокая – варианта 2 med III (88%), вместе с повышенной встречаемостью бугорка tam1 (7%)... Наличие столь своеобразного восточного компонента в составе отдельных славянских популяций можно объяснить взаимоотношением последних с соседними племенами салтово-маяцкой культуры [Кондукторова, Сегеда, 1987, 1990]. В популяции из Липового почти полностью представлен весь одонтологический комплекс последних, например, в Дмитриевской краниологической серии. Этот же одонтологический компонент, лишь с еще более усиленными восточными признаками, выявляется и среди кочевников, оставивших могильник Каменка. Вышеизложенное подтверждается

вычисленными по всему одонтологическому комплексу показателями среднего таксономического расстояния (СТР), которые фиксируют наиболее выраженное сходство популяции Липового с сармато-аланскими племенами и кочевниками (0,50-0,56). Сходные показатели обнаруживаются и между последними и полянской популяцией из Казаровичей (0,42-0,56)» (Р.У. Гравере, «Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseevov_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/23);

«Мужская серия отмечается продольным диаметром средних размеров (178,38) и большим поперечным (145,33 мм) диаметром. В среднем выражены мужские черепа брахикранные (81,36), но имеют довольно большой размах вариаций (73,54-87)... По заключению антропологов, население средневекового Чигирина (славяноязычные украинцы-черкасы, – П.Д.) имело близкое сходство с так называемым кавказско-балканским антропологическим типом. Это высокий рост, широкое, средневысокое лицо, сильно выступающий нос с горбинкой, темные глаза и темные волосы. К этому типу также относятся некоторые народы Северного Кавказа (балкарцы, черкесы и другие). Чигиринская группа населения вообще более похожа на сарматов, захоронение которых исследованы на территории Запорожской и Херсонской областей. Это сходство является даже большим, нежели с населением Центральной Украины, что подтверждается статистическими методами в исследованиях антропологов. Обе группы, Чигиринская и Суботовская, с населением более ранних эпох, обнаруживают наибольшее сходство со сборной группой сарматов Украины: Чигиринская серия (93/94 года) – 0,162, Суботовская – 0,1071 (по Пенроузу). Эти группы тяготеют к древнему населению сарматско-позднесалтовского типа (брахикранные европеоиды с широким несколько сплюснутым в верхней части лицом). Этот тип, кроме украинских степей, с небольшой монголоидной примесью был характерным для некоторых районов Северного Кавказа, для южных болгар, для населения Хазарии, средневековых городов Крыма» (П.А. Горишный, «Казацкое кладбище в Чигирине: погребальный обряд, антропология, археологический материал», http://zhurnal.lib.ru/h/harin_e_a/chigirin.shtml; http://istznu.org/dc/file.php?host_id=1&path=page/issues/26/26/gorishny.pdf);

«В археологическом плане, часть могильников, вошедших в один кластер с Чигирином, относятся к салтово-маяцкой культуре или несут на себе следы значительного влияния последней... Как уже отмечалось, серия мужских черепов из Чигирина морфологически близка сборной серии сарматов Украины. При сопоставлении средних величин нашей группы со средними величинами серий I – II тысячелетий новой эры с помощью популярного в антропологии метода Пенроуза (Penrose L., 1954), (по 14 важнейшим признакам: продольному, поперечному, высотному диаметрам, высоте и ширине лица, орбит, носа, ширине лба, углам горизонтальной профилировки лица, углам наклона лба, общелицевым углам, углам выступания носа, си-мотической высоте и ширине) сборная сарматов Украины оказывается статистически самой близкой чигиринцам. Теоретически можно говорить о их прямой преемственности, хотя хронологический разрыв между сериями

является весьма значительным... Серия из Чигирина проявляет близость и со сборными сериями украинцев, в которых преобладают материалы XIX – XX вв. (Алексеев В.П., 1972), особенно Центральной и Южной Украины...» (Татьяна Рудич, «К вопросу об антропологическом составе населения Украины XVI – XVII вв.», <http://www.kazvolnoe.narod.ru/page357.html>).

Если отдельные когорты полиэтничных герулов, основавших правящие династии в Моравии и в Швеции, в конце-концов, соответственно славянизировались (гаволяне и моравяне) и германизировались (или же стали двуязычными), то знатные рода славяноязычных аланов-торков (аланов-русов и ясов) – донские русы и бораны (*барангуры = варанги = веринги = варяги), а также и родственные им хазарские баранджары (баланджары = беленджеры = берендеи), очевидно, так и остались славяноязычными. Германизировались же под саксонским влиянием, возможно, лишь северные русы – фризы-русы (потомки велетов / лютичей / *ютичей), англы (возможно, родственные оногурам = анклиям и кутригурам = уличам), гауты / гёты и юты (возможно, родственные утигурам). Не исключено, конечно же, и то, что знать большинства славянских племён тоже в то время германизовалась или же латинизировалась (ведь знатные рода большинства народностей и позже старались не только культурно, но и лингвистически выделяться среди подвластного им простонародья). Хотя, скорее всего, большинство представителей германо-сарматской знати свободно владело, как рунической письменностью, так подобно Оттону III, и славянским языком своих предков:

«Но если мы посмотрим на самые архаичные формы Шан-Иньской письменности, то увидим, что они похожи не только на своих отдаленных потомков – китайскую иероглифическую письменность, но и на руническую письменность европейских народов. Напомню, что сходство с руническим письмом имеет и письменность пеласгов, обитавших на противоположном конце Евразии. В наше время большая часть ученых полагает, что руническое письмо имеет довольно позднее происхождение, но если комплексно оценить письменность древности и проанализировать дошедшие до нас памятники, можно сделать смелое предположение, что именно руническое письмо было первоначальным письмом индоевропейцев – ариев и мало изменившись сохранилось у наиболее консервативных народов, в то время как в других цивилизациях руны претерпели трансформацию в различные типы письма от буквенного финикийского, до иероглифического китайского... Знаки гадательных надписей были напоминательными (мнемоническими) и понятийными (идеографическими), т.е. передавали понятия независимо от звучания соответствующего слова». И поэтому, говоря о культуре Шан-Инь, мы не знаем даже действительно ли государство называлось Шан (Сян-би / Сер-би, – П.Д.). Так что, вполне возможно, что Шан-Иньцы (или скорее первое время их аристократия и прослойка ученых людей) говорили отнюдь не на китайском (а на ранне-праславянском, – П.Д.) языке» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rusobr.ru/idea/1828>);

«Открытие памятника рунической эпиграфики заставляет вспомнить о неоднократно

высказываемой гипотезе о соответствии рунического erilaR (т.е. мастер рунического письма) с таинственными герулами-эрулами, участниками морских походов второй половины III в. н.э. Восточные, или, точнее, «меотийские» герулы, становятся известны, прежде всего, в связи с «греческим походом» варваров 268 – 269 гг., начинавшегося с побережья Меотиды, к тому времени снискавшего у современников дурную славу «разбойничьего гнезда». В плане информации, заключенной в письменных источниках, герулы представляются неким образованием, а не племенем в обычном понимании, группой со слабыми родовыми связями, возможно полиэтничной, хотя и с германской подосновой, хранителем древнегерманских традиций, воинской магии и т.п. Скорее всего, это что-то вроде военной касты или союза мужчин-воинов (возможно, временного и не слишком прочного). Это вполне допустимо, если учесть, что в эпоху Великого переселения мастерское владение оружием и удачливость в походе заменяли кровное родство и сглаживали племенные различия. Впрочем, подобные касты обычно изнутри скреплялись магическими обрядами и тайнознаниями, посвящение в которые знаменовало разрыв с прежним племенным коллективом и вступление в воинский союз. Отсюда и «высокомерие» герулов-воинов, отмеченное Иорданом. Частью такого магического ритуала могло быть посвящение в тайны рун и ратного волшебства. В этой связи, нелишне вспомнить и давнишний вопрос о соотношении erilar-aerul-jarl (скандинавского социального термина, близкого, по своей сути, герулам в том виде, в котором они предстают в свете вышесказанного). В этом случае герулы, как сословие воинов, не обязательно должны были составлять моноэтническую группу: наоборот, «герулом» мог стать всякий посвященный, вне зависимости от происхождения» (В.Ю. Юрочкин, «Готы-трапезиты на пограничье Боспора», http://annales.info/blacksea/small/g_trapez.htm);

«Анналы сообщают, что «хотя он и изгнал оттуда князя ободритов Траско, а другого князя, Годелаиба (Годлиба), схваченного при помощи хитрости, вздернул на виселицу и обложил данью две области ободритов, однако потерял лучших и храбрейших своих воинов». Были с Годофридом в вышеупомянутом походе и славяне, называемые вильцами, присоединившиеся к его войску добровольно из-за старинной вражды, которую обычно питали к ободритам. Годофрид же, прежде чем вернуться назад, разрушил находившийся на берегу моря эмпорий, который на языке датчан назывался Рерик. Местных торговцев он насильно вывез для проживания в эмпорий Хедебю. В немецком, датском и норвежском языках Рерик означает «шумный, живой, энергичный», тем самым определяется статус и образ жизни торгового города. В современном русском языке слово «рерик» сохранилось как корень в глаголе «пререкается», то есть практически без смыслового искажения. Немецкие исследователи выводят Рорика (предка рюриковичей Украины-Руси, – П.Д.) именно от рода Годлиба (Годелаиба) Биллунга. Историей Мекленбургского дома активно и успешно занимался проректор мекленбургской гимназии Ф. Томас. В своей работе он использовал манускрипт 1687 года нотариуса мекленбургского придворного суда И.Ф. фон Хемнитца. Согласно этому документу, Рорик был сыном ободритского короля по мекленбургской линии Годлиба Биллунга, убитого в 808 году данами. Теория Ф. Томаса получила развитие в последующих исследованиях по истории Мекленбурга. Сам же Ф. Томас опирался также на

популярный генеалогический справочник И. Хюбнера 1708 года, где Рорик – представитель династической ветви герульских, вандалских и вендских королей. Уже после смерти (1611 год) некоего Клода Дюре (Duret Claude) в 1613 году в Кельне была издана книга об истории языков. В ней Клод Дюре говорит (не без основания), что варяги, от которых происходил Рорик, были вандалы, называемые другими «вендами». Германские генеалогические таблицы представляют ободритского князя Годлиба сыном вождя ободритов Витслава (равноправного союзника Карла Великого), убитого саксами в 795 году. Именно так считали мекленбургские историки Латом и Хемнитц, называя Вицлава 28-м королем вендов и ободритов, который правил в Мекленбурге во времена Карла Великого. Он женился, согласно германским генеалогическим хроникам, на дочери князя Руси и Литвы. Сын от этого брака – принц Годлейб (Godlaibum, или Gutzlaff) – стал отцом Рорика... Вообще, версия о датско-славянском происхождении Рюрика многие спорные места в истории скандинавского элемента призвания варягов и в экспансии южнобалтийских славян в Руси объясняет вполне разумно и гармонизирует версию происхождения Рорика Фрисландского. Если не делать подобного допущения, то ни одна из версий на сегодняшний день не является самодостаточной и не способна выдержать хронологическую проверку и историческую критику» (С.С. Алексахин, «Хроника Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/709028-3-elektronnaya-biblioteka-muzeya-antropologii-etnografii-petra-velikogo-kunstkamera-ran-mae-ran-udk-94-80-39-75.php>; http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_04.pdf);

«Все источники, упоминавшие варягов, будь то саги норманнов, наши летописи, указы императоров Второго Рима или сочинения мусульманских географов, указывают их в ряду НАРОДОВ, говорят про «варяжский язык» и «варяжскую землю» – в то время как до XX века нигде нет словосочетаний типа «язык викингов» или «страна викингов». Летописи: «вои многи, варяги, и русь, и словене, и чудь, и мерю», византийские грамоты: «варанги, россы, сарацины, франки», скандинавские саги: «у норманнов и верингов»... Да, уважаемый читатель, «норманнов и верингов» – это РАЗНЫЕ народы. Местопребывание варягов на южном побережье Балтики (а родственников им ворадов / боранов = барангуров / беленджеро́в = берендеев на черноморском побережье Хазарии, – П.Д.) яснее ясного обозначено целым рядом источников...» (Лев Прозоров, «Кавказский рубеж. На границе с Тмутараканью», http://litrus.net/book/read/110082/Kavkazskij_rubezh_Na_granice_s_Tmutarakanju?p=9);

«Кроме того, «русские» названия Днепровских порогов у знатока истории Восточной Европы Константина Багрянородного имеют явные осетинские (очевидно, всё же хорезмийские славянские, – П.Д.) параллели. Византийский император в одной из глав «Об управлении империей» подробно рассказал о пути киевских русов от Среднего Днепра до Черного моря и остановился на названиях Днепровских порогов, приведя и славянские и русские названия. Долгое время норманисты считали русские имена Днепровских порогов одним из главных своих «столпов»: «русское» здесь явно не славянское, так каким же ему быть, если не скандинавским! Однако из германских языков названия порогов объяснялись только после натяжек и исправлений...» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата //

«Русские» названия днепровских порогов и салтовцы», <http://lib.rus.ec/b/92284/read#t45>, https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/176/Galkina_-_Tainny_Russkogo_kaganata.html).

Очевидно, названия Днепровских порогов приводятся Константином Багрянородным, наряду со словенским (праукраинским) языком, ещё и на хорезмийском словенском языке хорасмиев = хурусов / росов (*индише / архаичном идише), на котором стали общаться и мигрировавшие в Хорезм иранские евреи. На это указывают как одинаковое на обоих языках название первого порога «эссупи» (не спи), так и весьма близкие друг к другу названия пятого порога («варуфорос» на русском и «вулнипраг» на словенском). К тому же к русским (протоукраинским – П.Д.) названиям других порогов можно подобрать славянские соответствия («улворси / *гулворчи» – «гулко ворчащий», «айфор / *гайвор» – укр. «гайвороновий» – грачовый, «геландри» – укр. «галасний, галасливий» – «галдящий, крикливый, шумный», «струкун» – укр. «строкатий» – пёстрый).

Конечно же русы, являвшиеся правящим воинским сословием потомственных славян (славяноязычных сарматов юэчжи = согдийцев и аланов-торков), могли перейти на внутрисословное общение и одним из индоарийских наречий во времена пребывания брахикранных славяноязычных пугуров (пагеритов = бугаритов / бугуров / бухаров = тугуров / тохаров) в составе Кушанской империи. Академик Трубачёв, хотя и связывал реликтовую индоарийскую лексику не с языком пришлых краснокожих (темно-красных) брахикранных русов, а с языками туземцев мезокранных понтидов (синдо-меотов Боспорского царства и Восточного Приазовья, населения низовьев Днепра и Южного Буга), всё же смог аргументировано показать наличие её в этих регионах:

«Сейчас имеется возможность говорить о преемственности местного индоарийского субстрата по его отражениям в местном славянорусском. Вряд ли что-либо подобное оказалось бы возможным, если бы «потомки античного населения» не дожили в той или иной форме до появления в Северном Причерноморье славян. Выборку соответствующих примеров парных отношений «индоарийское реликтовое название» – «славянорусское местное название» я даю по материалам этимологического словаря языковых реликтов Indoarica в Северном Причерноморье, приложенным к моей одноименной монографии (в рукописи). Остается добавить в разъяснение, что под этими индоарийскими реликтами я понимаю остатки особого диалекта или языка праиндийского вида, отличного от иранского скифского или сарматского языка, существовавшего на смежной, а подчас – на той же самой территории. Двадцатилетние мои поиски помогли выявить индоарийскую принадлежность языка синдо-меотов Боспорского царства и Восточного Приазовья, тавров Крыма, населения низовьев Днепра и Южного Буга (большую детализацию опускаю). Итак, примеры преемственного отражения: индоар. *ake-sindu – «близ Синда (= Дона)», «Acesinus» – река близ Перекопа и Сиваша (Плиний), 'Ακεσίνησ, ср. др.-инд. «āké» – вблизи, *sindu – «большая река» (ниже); устойчивый тип обозначения в придонском регионе, сюда же индоар. *au-sili – «у каменной реки» и позднее – «Ar-tana», «Ar-tania» восточных источников, «alla Tana» итальянских источников, буквально – «у Дона, по Дону», русск. «По-донье». *Anta – «крайние, окраинные», «Ανται, Antae, Antes» – народ Юга Украины, ср. др.-инд. «ánta» – край – Украина. *Buga- / *Buja- «изгиб, лука», «Bugés / Bucés» – «Сиваш? Сев.-зап. часть

Азовского моря?» ср. др.-инд. «bhogá» – «изгиб, дуга», др.-киев. «Лукоморье» – «сев.-зап. часть Азовского моря». *Dandaka – камышовая, «Δανδάκη» – местность в Крыму (Птолемей), ср. др.-инд. «Dandaka» – название леса в Индии, «dandana» – «вид тростника», Камышовая бухта в современном Севастополе. *Dandaria – «камышовые арии», «Δανδάριοι» – племя на нижней Кубани (Страбон), «Dandarium» – остров у Днепро-Бугского лимана (Равеннский Аноним)) (Олег Трубачёв, «К истокам Руси», <http://gramota.ru/biblio/research/istoki0/istoki1/>).

Если же потомки славяноязычных велетов фризы-русы усвоили во Фризии балтское наречие прежнего фризского населения, а родственные им лютичи / вильцы-русы усвоили на неманском поморье восточные балтские наречия, то под их влиянием и донские аланы-русы и черноморские готы-русы могли сохранить в своём употреблении и более ранние балтские названия днепровских порогов:

«Выступая с критикой норманнской теории, Н.И. Костомаров утверждал, что изначально «русь» находилась на балтийском поморье в низовье реки Неман, которое называется по-литовски Русь, а в большей части «варяжских» имен «литовское происхождение явно, без всяких натяжек высказывается само собою». К литовскому языку он относил и «росские» названия днепровских порогов. «Росскому» «Аифор», согласно Н.И. Костомарову, соответствует лит. «Aithwaros», а в имени другого порога «Леанти», он видел причастие женского рода от лит. глагола «lieti» – «лить»... В Юго-Восточной Балтии встречаются топонимы, сходные с «росскими» названиями днепровских порогов (табл.). При этом корни *úr-, *gél-, *gil-, *uol-, *várz- / *varz- относятся к числу наиболее распространенных в балтской гидронимии. Соотношение «росских» названий днепровских порогов и балтских топонимов – «Росское» название // Балтский топоним:

Эсупи ('ΕύιοUTCfj) // Esupis;

Улворси (ΟοΧβοροι) // Lielvorzi;

Геландри (reÀavôpi) // Gelañdupis, Gilánde (Gilánda), Gilándis (Gelándis), Gilandvirsi;

Аифор ('Ααφορ) // Aitvaro;

Варуфорос (Βαροιφορος) // Barbas-purvs, Vuor-puors;

Леанди (^εàvxi) // Leykantim;

Струкун (ΖχρουΚουν) // Striukóji...

Следует отметить и ряд структурных параллелей: корень *úr- выступает типично вторым компонентом балтских гидронимов (ср. Эсупи), корни *gél- и *gil – типично первым (ср. Геландри); наличие в балтской топонимике словообразовательной модели апеллятив + суф. -ant- / -and- (ср. Геландри, Леанди)) (Виктор Тарасов, ««Росские» названия днепровских порогов и топонимика Юго-Восточной Балтии»,

<https://cyberleninka.ru/article/n/rosskie-nazvaniya-dneprovskih-porogov-i-toponimika-yugo-vostochnoy-baltii>).

7.2 Преимущественная славяноязычность большинства аланских и юэчжийских племен

Возможна и этническая неоднородность, как аланского (яньцай-кангюйского), так и

юэчжийского (тохаро-кушанского, гунно-болгарского и кударито-хазарского) племенных союзов, очевидно включавших в себя, как ирано-индоязычные, так и балто-славяноязычные сармато-аланские племена, а в некоторые периоды времени – даже и протогерманоязычные сако-массагетские и угрозязычные савирские племена:

«Впервые информация о Кангюе попала в Китай при императоре У-ди (140 – 87 гг. до н.э.). В 138 г. до н.э. на Запад послом был отправлен чиновник Чжан Цянь, посетивший земли Кангюя. Отчет о путешествии Чжан Цяня не сохранился, но сведения из него о Кангюе вошли в «Ши цзи» (Исторические записки) Сыма Цяня (145 – 90 гг. до н.э.), где содержится краткое описание этого владения: «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходствуют с юэчжыцами; имеет до 90 000 войска. Кангюй смежен с Даванью...» [Бичурин Н.Я., 1950, II, с. 150]» (Т.А. Габуев, «О локализации «малых» владений Кангюя», <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/?id=1961>);

«Из сообщения Аммиана с уверенностью можно заключить, что аланы были культурной общностью, состоящей из многих народов, а не просто языковой или «расовой» группой. Только лишь наличие некоторых общих обычаев создавало впечатление сходства у тех, кто наблюдал жизнь алан, и у самих алан тоже. Несмотря на разноплеменный состав алан, Аммиан все же утверждает, что «почти все аланы высокого роста, красивы и светловолосы (в рукописи: «волосы русоватые», – П.Д.)». Далее он замечает, что аланы наводили страх суровостью своего взгляда. Тем не менее, трудно согласиться с утверждением, что все аланы имели общие, при различном происхождении, внешние черты. Этот внешний образ относится, быть может, к «настоящим» аланам или к определенному племени алан, о котором у Аммиана была подробная информация. Более вероятно, однако, что Аммиан в данном случае стремился показать существенное различие между аланами и гуннами. Вначале он отмечает, что аланы и гунны схожи во многом, но затем описывает последних как низкорослых, уродливых и безобразных... Вооружение и военная тактика, другие аспекты аланской общественной жизни придавали одинаковые черты разноплеменному составу аланского общества. Описание решительных действий аланской кавалерии, ее способность биться, отступать, поворачивать обратно и снова сражаться, сделанное Аррианом, подробно освещено Аммианом и более поздними современниками. Аммиан сообщает, что военное искусство алан очень схоже с тактикой гуннов» (Бернард С. Бахрах, «История алан на Западе», http://biblio.darial-online.ru/text/Bahrah/index_rus.shtml);

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения... Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского

Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой... О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (Аммиан Марцеллин, «Римская история», кн. XXXI. [годы 375 – 378]), <http://litlife.club/br/?b=65212&p=141>);

«В.В. Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который «на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточно-иранские племена (на самом деле предки славяноязычных ютов = ётов / гаутов, утигуров и бугаритов / бугуров / пугуров, – П.Д.)». Учитывая, что во II в. до н.э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались «малые юэчжи»), В.В. Иванов допускает «факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточно-иранского (славяноязычного, – П.Д.) компонента этого (юэчжийского, – С.К.) племенного объединения, пользовавшегося, наряду с другими, также этнонимом тохар (славяноязычные гутии = тохары / тугуры = бугуры / пугуры – пагериты = бугариты = болгары, – П.Д.)». Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цагангол (Гобиалтайский аймак), среди наскальных рисунков, помещался комплекс тамговых знаков. Б.И. Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с весьма специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья – с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами. Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II – I вв. до н.э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией. Б.И. Вайнберг именует их «юэчжами дома Чжаову». Именно с этим «домом», согласно китайским источникам, связаны все правящие «дома», созданные юэчжами к северу от Бактрии. Очевидно, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее – в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским тамги которых зафиксированы для III – I вв. до н.э. Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере, в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, «во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских (на самом деле, прабалто-славянских, – П.Д.) племен». Тем самым именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности «пазырыкцев», выдвинутую С.И. Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях. Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их «владельческих домов» во II – I вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжелых военных поражений конца III в. до н.э., юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена (юэчжи) были могущественны

и с презрением относились к сюнну» (С.Г. Кляшторный, «Юэчжи и гунны», <http://lib.icr.su/node/2230>).

К тому же знатные рода и воинские формирования балтоязычных савроматов троксолан / роксолан и верхних аорсов (яньцай = антов), а также славяноязычных сарматов юэчжи и алан-торков, прокладывавшие (торившие) торговые пути в Евразии и оседавшие в течение многих столетий в Средней Азии и в Северном Иране, неизбежно должны были усвоить культуру оседлых народов и, возможно, иранизироваться вследствие длительного проживания там их семей, используя славянский язык лишь в качестве языка межэтнического общения (лингва франка Евразии):

«...уже в VI в. до н.э. доля восточного сырья среди металлических изделий в курганах Сулы и Воркслы составляла 24%, а в V в. до н.э. она возрастает до 36% [Барцева 1981]. Именно в это время в лесостепи произошла общая переориентация в использовании источников сырья, что выразилось в увеличении доли восточного металла [Барцева 1981]. Данное обстоятельство объясняется наличием в VI – V вв. до н.э. торгового пути, проходившего «через земли нескифских племен в область савроматских кочевий» [Барцева 1981; Таиров 2008]. Бассейн р. Сулы и Орская долина, вероятно, являются узловыми станциями этого торгового пути...» (С.Ю. Гуцалов, «Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э.: истоки», <http://rudocs.exdat.com/docs/index-241902.html> ; http://www.archaeology.ru/Download/Sborniki/Rostov_2011_Pogrebalnyi.pdf);

«Из китайских хроник мы знаем о существовании в Средней Азии древних правящих родов, сильнейшие из которых были связаны с Самаркандом, Бухарой и Хорезмом. Эти роды были связаны по происхождению с юэчжи. Некоторые из них насчитывали многие поколения. Так, в 627 г. бухарский владетель Алинга «...о себе представил (китайскому императору), что дом его преемственно царствует в двадцать втором колене», и, следовательно, считая в среднем 20 лет на поколение, его род царствовал не менее 400 лет. Согласно тем же китайским хроникам, «все эти дома называются чжаоу» (танское чтение tsiäu-miu)» (Ольга Смирнова, «Каталог монет с городища Пенджикент», <http://vsemonetki.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st003.shtml>);

«Таким образом, можно прийти к выводу, что тамги группы «юэчжи дома Чжаову» (ещё раз отметим, что мы условно сохраняем за ними это название), встреченные в Юго-Западной Монголии, Средней Азии, Центральном Казахстане и Северном Причерноморье, показывают путь продвижения группы кочевых племён от Монгольского Алтая и Джунгарии через Казахстан и Среднюю Азию в Восточную Европу. Было бы очень заманчиво связать это продвижение племён с широким распространением в последние века до н.э. и особенно первые века н.э. в Средней Азии и сарматских районах курганных захоронений в подбоях с южной ориентировкой погребённого (это районы Западной Ферганы, Согда, Хорезма, Северного Прикаспия и далее на запад. Принадлежность сарматов, как и древних правителей Хорезма, Бухары и Согда, к иранской группе племён не оставляет сомнения в том, что племена группы «юэчжи дома Чжаову» были иранскими (и прабалто-славянскими, – П.Д.).

Цагангольский комплекс тамг, как уже отмечалось, выделяется среди известных материалов из Монголии. Он позволяет выдвинуть очень интересное для истории не только западных районов, но и самой Монголии предположение о наличии в её юго-западных районах во второй половине I тысячелетия до н.э. группы иранских (на самом деле, прабалто-славянских, – П.Д.) племён. Факт этот не должен вызывать удивления, так как анализ языков тохарского и сакско-хотанского, письменные памятники которых найдены в Восточном Туркестане, привёл исследователей к выводу, что они связаны по своему происхождению с восточноевропейским ареалом индоевропейских языков (согласно Иванову 1958; Георгиеву 1958; Порцигу 1964, именно прабалто-славяне, очевидно, и оставили свой суперстрат в тохарских языках, – П.Д.), от которых отделились до V в. до н.э.» (Б.И. Вайнберг, Э.А. Новгородова, «Заметки о знаках и тамгах Монголии», <http://kronk.spb.ru/library/vainberg-novgorodova-1976.htm>);

«По крайней мере, сотрудничество сарматов с рядом германских племён в начале нашей эры археологически подтверждено, о чём говорят и копья «германского типа» с метками, напоминающими сарматские родовые знаки, и «погребальный инвентарь некоторых из могил». Значительно более определённо говорит о сарматском происхождении множества тамг на германских копьях специалист в этой области С.А. Яценко, на работу которого есть ссылка в более поздней статье: Воронятов С.В., Мачинский Д.А. «О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях» // Германия – Сарматия II», <http://www.archaeology.ru/Download/Voroniatov/Voroniatov-Machinski.pdf> : «Теперь такая работа есть и, несомненно, представляет интерес с точки зрения методики, разработанной С.А. Яценко для изучения знаков-тамг. Исследователь в своей статье о парадных германских копьях с сарматскими знаками (Яценко и др., в печати) использует 12 инкрустированных наконечников копий, в основном, пшеворской культуры, на которых выделяет 23 типа сарматских клановых знаков. Рассмотрев изображения на каждом копье отдельно, автор, подводя итоги, делает следующие выводы: 1) несомненно, знаки на копьях являются сарматскими по происхождению; 2) хронологически, в самой Сарматии, большинство из них использовалось в предшествовавший период (с I середины II в. н.э.); 3) они связаны прежде всего с двумя регионами – Западной Украиной и бассейном Нижнего Дона; 4) на копьях сарматские знаки оказались в результате дружественных связей германцев с сарматскими аристократическими кланами и бытовали, в том числе, и после того, как последние физически исчезли в результате кочевнических войн (на самом же деле славяноязычные античные германцы, как и родственные им юэчжийцы, были потомками славяноязычных сарматов, – П.Д.); 5) дружественные связи могли быть закреплены клятвой дружбы или вступлением в брак представителей германской и иранской сторон»...» (Георгий Тележко, «Следы прагерманских миграций», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html?author>);

«Савроматские и раннесарматские (прохоровские) курганы часто являются одномогильными, при этом, не менее 70% савроматских и раннесарматских погребений Волго-Донского региона впущены в насыпи эпохи бронзы. Исходя из относительно

небольшого количества савроматских основных погребений, В.А. Демкин также предположил, что «курганый погребальный обряд применялся лишь для узкого круга социальных групп, а не для савроматского общества в целом»... Кладбища северокавказских алан содержат как подкурганные, так и грунтовые погребения... По-видимому, в курганах не погребалась значительная часть населения; имел место некий посмертный отбор, о критериях которого мы можем только догадываться. Судя по всему, курганная «популяция» является своеобразным портретом определенной части общества, возможно, некоторых составляющих его родов или кланов. Второй вероятностью является погребение в кургане людей, стоящих на достаточно высокой ступени общественной лестницы, ведь курганый способ погребения весьма трудоемок. Впрочем, вторая возможность совершенно не исключает первую, поскольку родство так или иначе было одним из факторов, определявших место индивида в вертикальной (иерархической) структуре социума. Таким образом, при интерпретации погребальных курганых памятников с социальной точки зрения, необходимо осознавать, что мы, скорее всего, имеем дело лишь с сегментом изучаемого сообщества» (Наталья Берсенева, «К вопросу о представительности курганного способа погребения», <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predstavitelnosti-kurgannogo-sposoba-pogrebeniya-po-materialam-sargatskoy-kultury>);

«Следы огненных ритуалов в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья весьма скромны: изредка отмечены обожжённые плашки от перекрытий или закладов, кострища или пятна сажи на дне могил, реже во входных ямах подбоев, древесные угли на дне или в заполнении (иногда с прослойками гари и шлаками). В п. 20 к. 3 («Крестовый») мог. Алитуб был встречен лепной горшок с золой, гальками и кусками песчаника... Сегодня большинство сарматологов являются сторонниками миграционной концепции формирования среднесарматской культуры, которую связывают с аланами письменных источников [Скрипкин 1990, 1992; Сергацков 1999; Глебов 2004; Глухов 2005]» (В.П. Глебов, «Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н.э.», http://www.archaeology.ru/Download/Sborniki/Rostov_2011_Pogrebalnyi.pdf; <http://textarchive.ru/c-1267536-pall.html>).

Поэтому вполне возможно и то, что сначала иранизовавшимися, а позже и германизовавшимися были лишь знатные рода славян (хорасмий-хурусы, готы-русы и фризы-русы), преимущественно практиковавшие захоронения в кургане вместо простонародного трупосожжения. Эти-то знатные рода, возглавлявшие славяноязычные сарматские (германские) и кангюйские (аланские) племена потомков серов (юэчжи и сянби / сербов и других горцев жунов) мигрировали в Восточную Европу за несколько веков до нашей эры. До или же после разгрома остатков Кушанской империи эфталитами (белыми гуннами) вслед за другими славяноязычными жунскими племенами (кангюйскими гуннами) могла уйти на запад вместе с тюркютами, а позже и с некоторыми племенами токуз-огузов (уйгуров) и часть южной кушанской группы юэчжей – кидаритов / *кударов (предков славяноязычных караболгар и карахазар; груз. «kidurs», гуджар. «gātra», ст.-слав., босн., чеш., сербо-хорв. «ud» – конечность; укр. «кут», турец. «köşe» – угол). И вполне возможно,

что именно эти славяноязычные тёмно-краснокожие согдийские племена и могли стать основой этносов, как Великой Болгарии (*къдар / чдар-болгары, оногуры / анклии, утигуры / *утии / *юты = асы / ясы, кутригуры = унличи / уличи, пугуры = пагериты = бугариты и др.), так и многоэтничного Хазарского каганата (бораны = барангуры = беленджеры = варанги / варяги, торки = таркасы / черкасы, касоги = казаки и др.), а то и даже Дании, Норвегии и Юго-западной Швеции (ютунги / юты, гауты / гёты / ёты, *анклии = англы, вуругунды = бургунды, русы-тюрк / хросы-торки, хутталаны = готаланы и другие брахикранные сарматские и аланские племена):

«А теперь еще об одном весьма важном последствии гуннского нашествия. После того как оно переросло в Великое переселение народов, археологически отмечается интересная вещь: мало того, что погибли все ремесленные центры черняховской и пшеворской культур, погибли их крупные поселения. Исчез также весь военно-дружинный компонент в обеих культурах. Кто же остался на территории и черняховской, и пшеворской культур? Похоже, только исконные земледельцы, пахари и скотоводы, крестьяне, одним словом! И хотя мы говорим сейчас о кровавых временах, о массовой гибели людей разных языков, о гибели огромной державы – Западной Римской империи, мы одновременно говорим и о начале царствования славянского языка в Центральной и Восточной Европе! Представляется, что тут мы сталкиваемся с главной славянской загадкой. До рубежа двух эр античные источники – и греческие, и раннеримские – никаких славян вообще не знали (несмотря на то, что славяноязычными были как готы и аланы-торки, так и возможные предки северян гунны-савиры, – П.Д.)» (Алексей Бычков, «Славяне, кто вы и откуда?» в сб. под ред. Анатолия Тараса «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=14>);

«Придунайская Паннония (нынешняя Венгрия) – место, где издавна обосновывались аланы, зачастую попеременно с другими варварскими народами (Jord. Get. 161). Алано-готские связи окрепли в ходе начавшегося в 70-е годы IV в. массового переселения готов и других варваров в пределы Римской империи – Иордан (Get. 140) указывает, что готские вожди Алафей и Сафрак после победы при Адрианополе (378 г.) прибыли для поселения в Паннонию, а по сообщению Марцеллина (XXXI. 12.12-17) в битве они командовали готско-аланской конницей. Объединение Алафея и Сафрака трактуется в современной литературе как «смешанное готско-алано-гуннское формирование». Близ Дуная помещает «готов» (готов) и союзных им алан Авсоний в своей консульской молитве накануне 379 г. (Pres. cons. 1.32). Панегирик Паката около 391 г. называет среди насельников Паннонии готов, гуннов и аланов (Paneg. Ras. 32). Сам Атаульф был, возможно, смешанного «готско-сарматского» происхождения. Неудивительно, что готский вождь мог найти невесту среди аланок (ведь не только жуны = гунны-савиры, но и готы и аланы-токи были испокон веков славяноязычными, как и многие другие брахикранные потомки сарматов, – П.Д.)... В войске Атаульфа источники называют гуннов и готов, но мы с легким сердцем можем предположить, что в нем были и аланы, которые не всегда различались древними авторами среди гуннов или тех же готов. Есть свидетельство Павлина Ноланского (Carm. XXVI. 11.22-27), что в грабивших Италию отрядах Алариха в 409 – 410 гг. были как готы, так и аланы.

Степень близости аланов и готов была такова, что отразилась и в терминологии: Прокопий Кесарийский именует аланов «готским племенем» (Proc., Bell. Vand. I. 3.1)» (С.М. Перевалов, «Вазат, 414 г.: разрыв алано-готского союза», <http://annales.info/evrope/vazat414.rar.htm>);

«Уже к середине VI столетия Иордан выделял «Bulgarum, Antium et Sclavinorum», то есть «Булгарию, Антию и Склавинию» в качестве постоянного варварского объединения. Для Прокопия Кесарийского, писавшего свои книги одновременно с готским епископом, «гунны, склавины и анты» тоже были неким триединым сообществом, враждебным Византии. Причём под гуннами он понимал болгарские племена, прежде всего кутригуров. Приход в Европу аваров ещё более сплотил этот союз, пусть и во главе с новыми кочевниками. По крайней мере, когда Георгий Писида, греческий поэт VII века, описывал врагов Империи, пытавшихся взять штурмом Константинополь в 626 году, он заявлял, что «склавин столкнулся с гунном, а скиф с болгаром». Под «гуннами» и «скифами» в тот момент уже разумелись авары. Даже в лодках-однодревках, при помощи которых недруги пытались захватить с моря столицу ромейского царства, находились, по мнению византийского стихотворца, представители двух разных племён: «полчища склавинов, смешанные с булгарами»... Историки, обнаружив у аваров новых подручных, поспешили поставить знак равенства между причерноморскими кутригурами и внезапно опять возникшими из небытия булгарами. Действительно, разве не логично предположить, что это один и тот же народ, прячущийся под двумя разными именами? К тому же, если первое племя с тех пор навсегда исчезает со страниц исторических сочинений, то второе, напротив, появляется в хрониках всё чаще и чаще. Наряду со склавины и аварами, болгары становятся главными героями византийских летописей начала VII столетия. Порой возникает впечатление, что для несчастных ромеев в царствование Ираклия эти этносы представлялись единым трёхглавым чудовищем, регулярно прилетающим с Севера разорить их земли...» (Игорь Коломийцев, «В коготь грифона», ч. 8 «Булгарский след», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_tridcat_devjataja_krugom_odni_bulgary/0-359);

«Считается, что первые сведения о протобулгарах относятся уже к европейскому периоду их истории. Однако недавно Б. Симеонов выдвинул гипотезу, что этот этноним был известен китайцам задолго до того, правда, в несколько другой форме, что связано с фонетическими трудностями передачи иностранных имён и названий в китайском языке. Современные китайцы называют болгар «ба-го» или «бао-гуо», и Б. Симеонов пришёл к выводу, что в древности слово «булгар» (баргалы = боркании, – П.Д.) должно было звучать «пу-ку» или «бу-гу». Именно такое название племени или группы племён нередко упоминается в китайских источниках в период с 103 года до н.э. по VIII в. н.э. Источники говорят о народе или племени пу-ку / бу-гу, населявшим как западные, так и восточные земли Центральной Азии, земли к северу и северо-западу от Тянь-шаня, Семиречье и западное течение рек Амударья и Сырдарья. Интересно, что один из предводителей племени пу-ку, по имени Софу сулифа Кенан Баин, носит титул сулифа (султан / золтан – червоно-золотой, – П.Д.), который позже засвидетельствован также и у дагестанских протобулгар...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья»,

<http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimiter%20Dimitrov/Dimiter%20Dimitrov.htm>);

«Как сообщает болгарский ученый Петр Добрев, в хорошо известном латинском анонимном хронографе от 345 г. имя древних болгар употребляется для обозначения древних бактрийцев, населявших также территорию вблизи Памира и Хиндукуша. Бактрия на севере граничила с Согдом, и согдийцы северную часть Памира называли Блгар, арабы – Бургар, афганцы – Фалгарили / Палгар [Добрев П., 1999, январь]. Бактрия – один из древнейших центров земледельческой культуры и образования государственности Средней Азии, где рабовладельческое общество существовало уже в I половине I тыс. до н.э. ...во II в. до н.э. Бактрия вместе с Согдом становится центром складывания Кушанского государства, созданного в основном (иранизировавшимися лишь значительно позже, а ранее славяноязычными, – П.Д.) тохарами. По названию основных жителей этот регион начал называться Тохаристаном. В XIV – XV вв. область к югу от Амударьи именовалась Балх – это название города и племени, она составляет первую часть этнонима балх-ар / балхар / болгар...» (М.З. Закиев, «Волжско-булгарское государство и роль Золотой Орды в его падении (и своего тоже)», <http://bulgarizdat.ru/index.php/others-articles/article3-2>);

«В Хутталане кроме Тимлийата и Мунка в средневековых источниках упоминается еще несколько городов. Одним из них был город Фаргар – или Баргар, т.е. Паргар, который находился на расстоянии одного дня пути от города Андиджараг, к югу от реки Ваххаб в местности между реками Ахшу и Баргар. В сочинении «Шахнаме» Фирдоуси топоним «Фаргар», т.е. Паргар, упоминается в связи с событиями, происходившими во времена мифического царя Афрасиаба. С Паргаром отождествляется раннесредневековый город Поли-хо, упомянутый в сочинении Сюань Цзана. Название «Паргар» носили также средневековый город в Усрушане и округ в Южном Тохаристане. Усрушанский Паргар упоминается также в согдийских документах с горы Муг начала VIII в. Это же название согдийскими буквами зафиксировано в надчеканах так называемых «тюрко-согдийских» монет VII в. с именем божества Фарнбаг, найденных на городище Пенджикента. Этимология названия «Паргар» производится от согдийских слов «пар» и «гар», что означает Горная страна. Существует также мнение, что это название происходит от санскритского слова «вихара», означающего буддийский монастырь» (Ш.С. Камалиддинов, «Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв.», http://www.kroraia.com/casia/kamalid/kamal2_8.html);

«Так как «шведский город» Хасли и является исходным пунктом эмиграции, то весьма важно приурочить это указание. Конечно, это название производное от «hassel» (орешина) и встречается во многих местах Швеции: Hassle (Хазария, – П.Д.) или Hassled в лене Скараборга, Hasslö в лене Мальмё, Hasle на Бронхольме, Hässleby в лене Йёнчёпинга, Hässleholm в хераде Västra Göttinge в Сконе, двory Hassle, Hässle и Hässelby на Готланде и др. Но местные названия, образованные от «hasel» (ореховый – коричневый, – П.Д.), распространены и в Германии (хатты / гессы, – П.Д.) и Швейцарии, и поэтому Вюсс

понимает Хасли как «regio avellanorum, alte Bewalding von Haselstauden»...» (Карл Тиандер, «Датско-русские исследования // Швейцарское сказание», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/K_Tiander_Datsko-RU_issledovania.pdf; <http://norse.ulver.com/articles/tiander/index.html>).

На возможность «ираноязычия» некоторых знатных родов праславян (а, точнее, их двуязычия или даже общения славяно-ирано-тюркскими суржиками) указывают также, как близость многих украинских фамилий (Канишко, Канышко, Ганишко, Ганышко, Ханишко, Васишко, Васюшко, Басышко, Кувишко, Кувичко, Кубышко, Кулишко, Гулишко, Клычко) к именам кушанских царей (Канишка, Васишка, Хувишка), так и то, что казаков (касогов) называли кушанк, а наиболее матёрых из них – козарлюгами:

«...лингвистический анализ имени Канишки, равно как и Хувишки и Ваджешки / Васишки, позволяет все-таки связывать этих кушанских царей с Восточным Туркестаном: по заключению В.В. Иванова, среди тех языков, с которыми исторически могли соприкасаться кушаны, суффикс -шк(а) в личных именах характерен лишь для кучинского (иначе – «тохарского Б»), т.е. древнего языка, засвидетельствованного для района восточнотуркестанского города Кучи, (а также и для языка праславян, оставившего в нём свой суперстрат, – П.Д.)...» (Б.Я. Ставиский, «Кушанская бактрия: проблемы истории и культуры», http://www.upelsinka.com/Russian/religion_kushan.htm);

«Константин Багрянородный одну часть жителей Приазовья называет Казахами, а русские летописи Касогами и Касагами или просто Асами и Ясами. У армянских историков Казары и Касоги назывались Кушанк или Кушаки» (Евграф Савельев, «История казачества с древнейших времен до конца XVIII века», <http://passion-don.org/history-2/chapter-5.html>; <https://unotices.com/book.php?id=87455&page=75>). [к осн. тексту]

П.8. Темно-краснокожие и брахикранные жуны, сарматы, юэчжи и аланы – предки балто-славян

8.1 Темно-краснокожие русы и карахазары тоже – предки украинцев

В то же время нет никаких оснований и для каких-либо сомнений в том, что славяноязычные темно-краснокожие русы и карахазары (черкасы и др.) были одними из предков ныне лишь смуглых украинцев:

«Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца» («Текст о руссах из анонимного сочинения «Мадал-ат-таварих» // «Собрание историй» 1126 г.», <http://texts.news/drevnyaya-rus/1126.html>; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/972072>);

«4. В наружном виде: жители Кумиса примерны (превосходны). Дайлемиты имеют красивые бороды и красивые лица; они дородны; Джурджанийцы же худощавы; Табаристанцы весьма красивы и весьма чисты; в Хазарах же есть сходство со Славянами»

(А.Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских // Из «Книги лучшего разделения в познании климатов» Шемсадина Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн-Ахмед, известного под прозвищем Аль-Мукаддеси (писал в 985 – 6 году по Р.Х.)», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/26.htm);

«Замечательно, что в Венгрии существовало предание о том, что русские (хурусы = рутены – рудые / коричневые / тёмно-красные, называвшиеся по-гречески ещё и каварами – бурыми / коричневыми, – П.Д.) пришли к Карпатским горам вместе с венграми под предводительством венгерского вождя Альмы, как пишет это в своей хронике известный нотариус короля Белы. Насколько было древним в Венгрии имя русских, показывает свидетельство 1031 г., по которому сын короля Стефана Венгерского, княживший в Бихарске, назывался русским князем – *dux Ruizogum*» (М.Н. Тихомиров, «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля»» // Советская этнография, Сборник статей, – М.-Л., 1947, – с.80, <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys05.htm>);

«Л.Н. Гумилев склонялся к мнению, что собственно «хазары» были автохтонным народом Северо-Восточного Кавказа, вступившим в «симбиоз» с «тюркской империей» и наследовавшим власть после ее распада. Но никаких «северокавказских» черт в культуре Хазарии нет, да и в среде народов Кавказа воспоминаний об этом государстве не сохранилось (как не сохранилось и самого народа, именуемого «хазарами»). Иные исследователи связывают хазар с Хорезмом – хазары = харазы = харазмии – жители Хорезма. Этноним «хазары-азары-аразы» относится к индоевропейским; он встречается в индийской и переднеазиатской мифологии, а также в донском фольклоре – и соотносится с предками казаков. Миграции из Хорезма и области приаральских степей на Восточно-Европейскую равнину в период «великого переселения» происходили. Вероятно, ХАЗАРЫ были приаральскими скифами-сарматами (потомками славяноязычных чешисцев и юецзы = юечжи, – П.Д.), отступавшими из района ХОРЕЗМА под натиском тюрков. Но это значит, что среднеазиатские хазары ничем в этническом смысле не отличались от восточноевропейских сарматов, русов-аланов, на землю которых ушли под давлением противника. Буквально во всех греческих сообщениях хазары выступают как СКИФЫ. Скифами византийцы называли не только хазар, но и русских... В ПВЛ не только хазары названы скифами, но и южнорусские племена – Великой Скифью. При этом никаких других сведений о происхождении хазар в ПВЛ не приводится; нет данных и об «иноязычии» хазар по отношению к русским. В других летописных источниках скифы прямо названы предками русских и славян. Кто же тогда оказываются загадочные хазары? О родстве русских и хазар свидетельствует арабский источник «Собрание историй» (1126 г.), там приведена такая занимательная легенда: «Рассказывают также, что РУС И ХАЗАР БЫЛИ ОТ ОДНОЙ МАТЕРИ И ОТЦА. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться». В этой легенде изложена идея родства русских и хазар и история происхождения средневекового русского государства из недр Хазарского каганата. Вообще сведений о славянах и русских в Хазарии настолько много, что поразительно, как столь долго их

ухитрялись скрывать... Основное население Каганата состояло из «язычников», в качестве которых современные источники называют только русов и славян. Надо полагать, что и христианская община в Каганате была образована ими же... Масуди сообщает о КРЕЩЕНИИ КАВКАЗСКИХ АЛАНОВ еще в VII в. н.э. Поскольку «русы» и «аланы» в условиях Хазарского каганата – или совсем одно и то же, или названия двух территориальных группировок одного народа, то это известие следует считать одним из самых ранних упоминаний о принятии христианства на Руси. Надо полагать, что к середине X в. православное христианство в Каганате было широко распространено. Большинство русских и славян Хазарии продолжали исповедовать «язычество», то есть древнюю славяно-арийскую религию. Масуди сообщает: «ЧТО КАСАЕТСЯ ЯЗЫЧНИКОВ В ХАЗАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ, ТО СРЕДИ ИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ НАХОДЯТСЯ СЛАВЯНЕ И РУСЫ... ОНИ СЖИГАЮТ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ ВМЕСТЕ С ИХ КОНЯМИ, УТВАРЬЮ И УКРАШЕНИЯМИ. КОГДА УМИРАЕТ МУЖЧИНА, ЕГО ЖЕНУ ЗАЖИВО СЖИГАЮТ ВМЕСТЕ С НИМ... КАК МЫ УПОМИНАЛИ, ТАКОВ ЖЕ ОБЫЧАЙ У ИНДУСОВ» (Минорский). Отметим, что у Масуди описан не просто русско-славянский, но именно «меотский», приазовский обряд. В самом деле, кремация была принята у северных и частично западных славян, но у них не было распространено погребение с конем (поскольку коней у жителей лесной зоны вообще было мало); балтийские моряки-варяги обычно сжигали ладью. С другой стороны, у большинства русов-аланов было принято погребение с конем под курганом, но без кремации. И только у синдов-меотов, обитавших у Азовского моря, погребение с конем иногда сочеталось с кремацией. Пассаж Масуди отсылает прямо к той «Индоарике» у берегов Меотиды, которая «читается» по местным географическим названиям... Русские и славяне составляли основу населения в самом центре Хазарского каганата, в приазовских, донских, кубанских и прикавказских степях. Подтверждение этого факта предоставила археология. Памятники, принадлежавшие восточным славянам раннего Средневековья, обнаружены «в Белой Веже (Саркеле) на Дону, в Тмутаракани на Тамани, в Корчеве (Керчи) в Крыму, на острове Березань, в низовьях Волги». Не «отдельные группы славян», как пытаются выйти из положения сторонники «усеченной» версии русской истории. Этими памятниками отмечена вся территория Хазарии, от Приазовья-Причерноморья до Каспия. Собственно «хазарских» следов, как ни старались, так и не обнаружили. Как и все славяно-русские государства, Хазарский каганат имел федеративную структуру. Отдельные области управлялись автономно, представляя собой почти суверенные «царства». О том, что в состав Каганата входило царство АЛАНОВ, было известно давно. Сторонники «усечения» русской истории не осмеливаются отрицать сам факт, но они чуть ли не с XVIII в. затвердили, что эта хазарская Алания = современной Осетии!..» (Юрий Петухов, Нина Васильева, «Евразийская империя скифов // Русская Хазария», http://www.e-reading.club/chapter.php/1002353/29/Vasileva_Nina_-_Evraziyskaya_imperiya_skifov.html);

«Арабские авторы утверждают, что «вера хазар схожа с верой тюрок», или, как уточняет Гардизи, огузов, однако крайне интересное сообщение Мархонда об обряде кремации у хазар, что «в давние времена» бросали покойников в огонь «под звуки песен и барабанов», заставляет все же предполагать наличие определенных идеологических

расхождений между хазарами и огузами в представлениях о загробном мире. Китайские хроники Чжоушу, Суйшу и Бейшы свидетельствуют, что обряд кремации практиковали в конце VI – в 1-й половине VII в. тюрки (лишь перенявшие этот обряд у славяноязычных сарматов первые поколения тюркютов, – П.Д.), что, по представлениям китайцев и отличало их от предков (бледнолицых долихокранных, – П.Д.) огузов – телеских племен, хоронивших своих мертвых в земле... Апеллируя к истории и Тюркского каганата как собственной государственной истории, уйгурский и уйгуро-сирский авторы Терхинской и Тесинской надписей обвиняли легендарных персонажей «Кадыр Касара и Беди Берсила» в причастности к смутам и гибели каганата. Вынесенный из среды «телеских» племен Западнотюркского каганата, этот пересказ негативно оценивал его раскол и возникновение самостоятельного Хазарского каганата в 630 – 632 гг., отражая на самом деле имперскую идеологию тюрков и выступая скорее дополнительным аргументом в пользу «тюрко-телеской» версии происхождения хазар. Принципиальное отличие последней заключается в признании общества раннего Хазарского каганата изначально двухкомпонентным, сформированным тюркской знатью из окружения кагана из рода Ашина и зависимым от тюрков рядовым (преимущественно тёмно-краснокожим брахикранным, – П.Д.) населением «телеского» (точнее, «псевдотелеского кидаритского», – П.Д.) происхождения и его родовой знатью. Такая «тюрко-телеская» (точнее, «тюрко-славянская», – П.Д.) модель досталась Хазарскому каганату в наследство от I Тюркского и Западнотюркского каганатов. Однако в новом объединении доля этнических тюрков (и до этого не слишком значительная в Западнотюркском каганате) оказалась просто мизерной, что и обусловило постепенное слияние этнонимов «хазары» и «тюрки», с полным вытеснением последнего к концу VIII в.» (О.В. Комар, «Хазары и уйгуры (заметки к «телеской» версии происхождения хазар)», <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/18409/08-Komar.pdf?sequence=1>; <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/18409>);

«Таким образом, к формированию духовной культуры у хазар древние тюрки имеют весьма отдаленное отношение, даже при условии, что какая-то их часть все-таки оказалась на территории Волго-Донья в сер. VII в. вместе с потомками низложенного западнотюркютского кагана из династии Ашина и его ближайшими сторонниками. В любом случае хазары не должны были воспринимать религию тюркютов как нечто инородное и абсолютно им чуждое. Просто их религиозное сознание сложилось задолго до прихода тюркской орды в Европу, независимо от нее и в тесном взаимодействии с ираноязычными племенами Северного Кавказа, в то время как тюркюты претерпевали сильное воздействие китайских традиционных религиозных представлений» (М.В. Талашов, «Наследие древних тюрков в хазарии: миф или реальность», <http://www.km.ru/referats/DA06F9382D5045E1B2B2C3A7B6D9907F>);

«162. Южнорусский переписчик Жития Кирилла, живший в XVII веке, сделал следующий комментарий к сказанию о «Русской грамоте»: «Й не токмо муравляне (т.е. моравы), чехи, козари, карвати, сербы, болгары, ляхи и земля Мунтаньская (южное Прикарпатье), вся Далматия и Диоклития, и волохи быша Русь» (Аполлон Кузьмин,

«Откуда есть пошла Русская земля // Сведения источников о руси и ругах», т.2, М., 1986, <http://allpravda.info/inostrannye-istochniki-o-rusi-i-rugakh-51666.html>);

«Хазарское государство было многоплеменным: в его состав входили болгары, тюрки, славяне, евреи и др. Славян здесь было много (ср. Приазовскую и Причерноморскую Русь, стр. 223). С X в. особенно энергично стали проникать сюда славяне из Киевского государства в связи с победоносными походами на хазар Киевского князя Святослава. К XI в. Саркел стал, во всяком случае, городом с преимущественно славянским населением. Арабский ученый XI в. ал-Бекри (ум. в 1094 г.) пишет, что хазары из-за смешения со славянами говорили по-славянски наравне с другими народами севера, в том числе с печенегами и русами. Константин Багрянородный в своем произведении «De administrando imperio» между прочим пишет о печенегах, что они дают византийским чиновникам клятвы по своим «законам», причем употребляет здесь в греческом тексте чисто славянский термин «(ар.)». Такой же славянский термин «воевода» применялся к вождям мадьярским. По этому поводу византолог Вуру J.B. замечает, что на юге «славянский язык в эту эпоху был вообще своего рода lingua franca для неславянских народов по Дунаю и Днепру». Востоковед акад. Френ относительно истории хазар выразился, что эта история есть часть древней истории Руси, настолько истории этих двух государств переплетаются...» (Борис Греков, «Киевская Русь», <http://www.bibliotekar.ru/rusFroyanov/17.htm>; http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/grekov/0/j24.html);

«И собрал их в былое время некоторый царь, титул которого был Маха, и был он из одного их племени, которое называлось Влйнбаба (Валинана, – П.Д.); и было это племя у них почитаемым. Потом – же разъединилась их речь и прекратился их (государственный) порядок и племена их стали (отдельными государственными) группами и воцарился в каждом их племени царь. И царей их ныне четыре: царь ал-Блгарйн, и Бвйслав (Брйслав), царь Фраги (Праги, – П.Д.) и Бвймы (Бреслау / Вроцлава, – П.Д.) и Кракв-а (Кракова, – П.Д.), и Мшка (Мешко, – П.Д.), царь севера, и Накур на крайнем западе... Замечательно, что жители Бвймы брюнеты и черноволосы и что рыжесть у них редка... И главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними как, например, племена ал-Тршкин и Анклий и Баджанакиа и Русы и Хазары...» (Ал-Бекри, Перевод отрывка 8 по Константинопольской рукописи, <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/text.htm>)

«Ни один из восточных царей в этом регионе не имеет войск, получающих жалованье, кроме хазарского царя. Всякий мусульманин в тех краях называется по имени этих арсия. Русы и сакалибы, которые, как мы уже говорили, язычники. Они также служат в войске царя и являются его слугами... Русы состоят из нескольких племен разного рода. Среди них лудхания (возможно, в соответствии с текстом: ал-лудзгана – *лудзичане / лужичане или же *лудичи / лютичи, а вовсе не урманы / норманны согласно http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril3.phtml?id=1900, – П.Д.) – самое многочисленное племя. С торговыми целями они постоянно посещают Испанию, Рим, Константинополь и Хазарию» (Ал-Масуди, «Золотые копи и россыпи самоцветов», цит. по:

Дуглас Данлоп, «История хазар-иудеев. Религия высших кланов», <http://www.hagahan-lib.ru/library/istoriya-hazar-iudeev-religiya-visshih-klanov8.html>, <http://fb2.online/b/583750/read>);

«Данные арабских авторов о русах и славянах в Хазарии никак нельзя интерпретировать в том смысле, что речь, дескать, идет только о днепровских полянах и северянах, плативших, согласно киевским летописям, «хазарскую дань». Напротив, совершенно очевидно, что русские и славяне составляли основу населения в самом центре Хазарского Каганата, в приазовских, донских, кубанских и прикавказских степях... Как и все славяно-русские государства, Хазарский Каганат имел федеративную структуру. Отдельные области управлялись автономно, представляя собой почти суверенные «царства»... Не приходится сомневаться, что «аланы» предкавказских степей есть не кто иные, как русы-аланы, а кубанские «касаки»... есть просто кубанские казаки. То есть, по крайней мере, две большие автономные области Хазарского каганата, не считая днепро-донских полян и северян, были заселены русскими. Но есть все основания полагать, что славяно-русское население составляло основу вообще во всех областях Каганата. В самом деле, когда арабские войска шли воевать с Хазарией, им приходилось иметь дело, прежде всего, со славянами... Уже говорилось о том, что арабский полководец Нарван, прорвавшийся через Кавказ в 737 г., взял в плен на Дону 20 тысяч славян, а не «простых хазар», как, казалось бы, следовало. Впрочем, это не удивительно, поскольку, по данным Масуди, **ОСНОВУ ВОЙСКА ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ СОСТАВЛЯЛИ ИМЕННО РУСЫ И СЛАВЯНЕ!** Самое интересное, что подтверждение этого факта сохранилось и в русских летописях. Так, Степенная книга (официальный исторический источник Московского царства 16 – 17 вв.!) прямо заявляет, что «ПРИ ИРАКЛИИ ЦАРЕ ХОДИШЕ РУСЬ И НА ЦАРЯ ХОЗДРОЯ ПЕРСЬСКОГО». Речь может идти только о византийско-персидских войнах середины 7 в. н.э.; хорошо известно, что союзником императора Ираклия в этих войнах выступала Хазария, отправившая свою армию в Закавказье и Иран. Выходит, что Степенная книга, повествуя об этих событиях, утверждает, что хазарская армия – это русская армия!.. Еще в 16 – 17 вв. никто не сомневался, что Хазария и есть Русь; именно поэтому в исторических источниках, прешедших тотальную правку уже в пост-петровские времена, в 18-м столетии, почти никаких упоминаний о хазарах нет. Все сообщения о Хазарии оказались столь «неудобными», что их просто устранили...» (Нина Васильева, «Русская Хазария», <http://kladina.narod.ru/vasilyeva2/vasilyeva2.htm>);

«Итак, войско хазар осадило Партаву, требуя, по обычаю варваров, откупа. Вышедший вместе с другими послами или заложниками в лагерь осаждавших армянский летописец сам ходил между остро пахнущими кизяком кострами, слышал разговоры варварских воинов, видел, как они едят и пьют, утирая густые усы. Время во вражеском лагере Моисей провёл с пользой – он записал несколько слов из языка сидевших у костров завоевателей. Историков результаты его любопытства очень удивили – все до одного слова, записанные Моисеем, оказались... славянскими! Так, знатных людей расположившиеся у костров воины называли тиунами – так и четыреста лет спустя, во времена «Русской Правды» Ярослава Мудрого, будут звать княжеских слуг на Руси. Несколько расходятся

учёные в толковании хазарского названия черпака – «чором». Одни видят здесь «череп» – в значении горшка, а не головной кости, естественно... хотя чаши из черепов были ведомы славянам (болгарский князь Крум, например, сделал себе чашу из черепа побеждённого византийского императора Никифора I) и нашли отражение в русских сказках, песнях («из буйной головы ендову скую») и былинах («Коли нет, княже, у тебя пивного котла – так вот тебе Тугаринова буйна голова!»). Другие – шолом, шлем, предполагая, видимо, что бойцы пили из шлемов, которые армянин в полумраке принял за чаши. Но все сходятся на том, что это славянское слово. А мясной жир, которым марали усы ужинавшие у походных огней воины, они называли «сало». И если первые два слова хазары могли позаимствовать у славян – переняли же венгры ещё до поселения на Дунае титул «воевода», – то в заимствование кочевниками-скотоводами у земледельцев названия для сала мне лично верится с трудом. Остаётся предположить, что под стенами Партавы находилась вместе с хазарскими джигитами ватага славянских удальцов. К слову сказать, одно из первых упоминаний славян мы, как ни странно, находим тоже в армянских книгах. Тёзка бытописателя славянских бойцов Хазарии Моисей Хоренаци упомянул в V веке народ скалавацци, в котором ещё Н.М. Карамзин узнал славян – склавинов, как их называли греческие и латинские авторы, сакалиба, как называли их арабы. И не просто славян, а прагосударство «Семь племён», на основе которого Аспарух, вождь кочевых болгар, создал Болгарскую державу. Есть ещё более раннее упоминание – «суовены», обозначенные на карте Птолемея во II веке христианской эры» (Лев Прозоров, «Кавказский рубеж. На границе с Тьмутараканью», http://litrus.net/book/read/110082/Kavkazskij_rubezh_Na_granice_s_Tmutarakanju?p=7).

В этнос карахазар (таркасов = черкасов и других чёрных клобуков) вошли и славяноязычные канглы – печенеги / баджанаки (предки паджо = чалдонов) и славянизовавшиеся гуды / гузы – торки (потомки балтоязычных троксолан / роксолан и именковцев):

«Мудрый Обадия, про которого древние документы говорят, что «он боялся Бога и любил закон», совершил государственный переворот и захватил власть. Он выгнал из страны тюрок, составлявших военное сословие Хазарии. При этом Обадия опирался на отряды наемников – печенегов и гузов. Хазарские тюрки долго воевали с захватчиками, но были разбиты и частью погибли, частью отступили в Венгрию...» (Лев Гумилёв, «От руси до России», <http://bibliotekar.ru/gumilev-lev/6.htm>);

«Еще одним, весьма важным, источником этно-географических представлений в этот период был мамлюкский Египет. У египетских и сирийских канцеляристов и интеллектуалов в XIV в. утверждается термин Джаркас или Джаракиса (ед. ч. Джаркаси). Есть также формы Чаркас или Чаракиса (ед. ч. Чаркаси); Шаркас или Шаракиса (ед. ч. Шаркаси) и менее часто – ал-Джихаркас. Черкесия широко известна как билад ал-Джаркас (билад – равнина) или просто Джаркас. Эпизодически Черкесия фигурирует как джабал ал-Джаркас (джабал – гора). (Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 136)... Знаменитая круглая «Карта мира» (Marramondo) венецианского монаха Фра Мауро, созданная в соавторстве с венецианским

картографом Андреа Бьянко в 1459 г., содержит если не первое, то, во всяком случае, одно из первых указаний о существовании на Северо-Западном Кавказе страны Черкесии (Circassia). Это название нанесено меньшим шрифтом, чем Татария (Tartaria) и отделено от нее рекой. По соседству с Черкесией (славяноязычной Таркасией = Черкасией, – П.Д.), отмечена крупная венецианская колония Тана (Latan)» (Самир Хотко, «Псевдо-касоги Пьянкова», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/S_Hotko_Psevdokasogi.pdf);

«...до наших дней казачьи диалекты изучены мало, а вопрос о языке Кавказских и Казарских Славян все еще находится в стадии предположений. Некоторые исторические данные говорят о том, что этот казачий праязык был родственным языку древне болгарскому и что св. Кирилл, посетив Казарию, ознакомился с ним ближе, а после при переводах пользовался его словами и некоторыми грамматическими формами. Разрешения вопроса следует искать в самых старинных рукописных книгах на древнеславянском языке. К оригинальным выводам пришел, изучая древнеславянский перевод «Истории» Флавия, советский филолог-гебраист Н.А. Мещерский. Он датирует его серединой XI в. и убежден, что «перевод был сделан на юге России, вероятнее всего на юго-востоке, близь Черного моря и Хазарской земли». Там же и в то же время, по его мнению, переведены «Есфирь» и «Иосипон», более поздние исторические сочинения. XI в. – эпоха существования Томаторкани (страны торков; итал. «таркас» – черкас, – П.Д.), края высокой эллинистической культуры. Там мирно проживали местные Кавказские Славяне, Греки и Евреи. Шестидесятые годы этого столетия ознаменованы там постройкой монастыря. Там, действительно, могли переводиться на славянский язык и с греческого («История» Флавия) и с еврейского («Иосипон»). «Безвестный даровитый мастер слова, в совершенстве владея языком подлинника, обладая незаурядным талантом писателя, смог не только исполнить литературную задачу (...), но и создать подлинно художественное произведение» (Мещерский). В более позднем исследовании «Византийско-славянские литературные связи» (Византийский Временник, т. XVII, М. – Л. 1960) тот же автор еще увереннее говорит, что самые ранние переводы на старославянский язык сделаны в Казарии, а потому изобильно проявляют связи с языком Сев. Кавказских и Подонских Славян: «Некоторые языковые особенности указываемых переводных памятников, – говорит он, – как нами отмечалось в ряде работ, также могут быть признаны свидетельствами о связи их с Хазарской землей. Но если в Хазарском каганате иудейство являлось господствующим вероисповеданием, то еще раньше в нем распространилось христианство, оно поддерживалось там в течение последующих периодов тесным общением с Византийской Церковью. Среди христианских подданных Хазарского каганата, несомненно, было очень много славян и едва ли славянский язык не был, в результате этого своеобразия, общим письменным языком для всего населения каганата». Не может быть сомнения и в том, что в интересующее нас время XI в. славянский язык господствовал также в Державе Томаторканской» (А.И. Скрылов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Язык казачий», 1970 г., <http://interpretive.ru/dictionary/405/word/jazyk-kazachii>, <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/ya.htm>).

Да, и германизовавшиеся, возможно, лишь в Тёмные века Средневековья вэринги / варинги / варанги / варяги / варязи = *фрязи / фризы, очевидно, были воинскими и купеческими сословиями или даже знатными родами потомков изначально славяноязычных германо-аланских племен боранов (ворадов, *wordriti / *бордричей / бодричей / ободритов = варнабов = варинов = варов, лом-бардов, борканиев = баргалов / болгаров), родственных карахазарам беленджерам (*барангурам / баранджарам = берендеям) и другим тёмно-краснокожим полянским ([п]аланским = аланским, [б]оранским = *[г]оранским / горийским / орийским) племенам:

«Варинги (Waringis), чье имя ранние авторы соединяли с англами, были жителями юго-западного побережья Балтики. С первого упоминания о них до последнего мы приходим к заключению об их связи с англами, и поскольку эти сообщения имеют разницу в нескольких столетий, мы можем быть уверенными, что эта связь была близкой. Прокопий говорит нам о варинах (Varini), которые обитали на берегах Северного океана, а не только на Рейне, так что, видимо, имела место древняя миграция... Варинги были одним из древних торговых народов Балтики, и торговали с Византией, подымаясь по рекам Славонии в небольших парусных суденышках, и переноса их с одной реки до другой реки. Последнее упоминание о них относится к 1030 году. Древним русам они были известны как варяги (Waringis), страна их как Варягия (Waringia), а море возле нее – как Варяжское Море. В Византии они называли себя варягами. В более поздние столетия они перемешались с норманнами, и это вливание становилось все сильнее и сильнее, пока они не исчезли как отдельная народ. Именно представители этого племени в одиннадцатых и двенадцатых столетиях были наняты для несения военной службы у Византийских Императоров, и были известны в Константинополе как варяжская (Varangian) гвардия. В этом корпусе находились также некоторые древние англичане – обстоятельство, которое указывает на родственную связь. Биллингсы (Billings), как утверждают, были из королевского рода варинов (Waringis), и, вероятно, что среди древних топонимов Англии под этим именем могут быть прослежены некоторые представители этого народа. Западная часть Мекленбурга была давно известна как марка биллингсов. Название Вэринг (Wæring) встречается в скандинавских рунических надписях. Одна из них, найденная в Торвике (Torvic), Hardanger, в Норвегии, гласит: «Læma (или Læda) [Лада! – Б.Н.] Wæringisæa», то есть, «Læma (или Læda) Варяг (Wæring)», как будто предполагалось, что это был памятник тому, кто носил имя Варяг (Waring)... Район, называемый Англен (Anglen), во времена саксов находился на юго-западе Шлезвига (Sleswig), и был ограничен рекой Шлие (Slie), Фьордом Фленсборгер (Flensborger), и линией, проведенной от Флесборгера до Шлезвига. Район этот небольшой, не намного больший, по мнению Латема, графства Рутленд (Rutland). Беда говорит нам, что он обезлюдел из-за эмиграции его жителей. Однако один только этот маленький район, видимо, не мог быть метрополией для широкой эмиграции через Северное море, с оккупацией и завоеванием такой большой страны, как Англия. Конечно, этот Англен из Шлезвига, видимо, представлял собой только часть той страны, из которой прибыли англ. Крайне маловероятно, чтобы такое достаточно сильное население для того, чтобы завоевывать и дать название Англии, и довольно известное для того, чтобы Птолемей отнес его к ведущим народам Германии, жило в столь маленькой области. Следует поэтому заключить, что англ. занимали большую

область, и что во вторжении и заселении Англии их название использовалось как название конфедерации, которая включала варягов (Warings)» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«В X веке на двойное деление ободритов – на собственно ободритов и варов (то есть словен; арм. «baṙ», франц. «parole», гуджар. «varḍa», лтш. «vārds», англ. «word», лат. «verbum» – слово, – П.Д.) – указывает Видукинд Корвейский, то же подтверждает в начале XI века и Титмар Мерзебургский, упоминая «ободритов и варов» как нечто единое... Территории ободритов или варинов с самых ранних времён показывали деление на две или три провинции со своими князьями, традициями (храмы и святыни) и столицами, в результате чего и воспринимались немцами как изначально разные племена. Само название «ободриты» (возможно и от лексемы, близкой по смыслу к англ. «abuttal», «bound» – «граница, межа»; лат. «border» – граница, франц. «bord», русск. «борт» – «край, кромка, граница, поля»; польск. «obwód» – «контур, периферия»; сербохорв. «обод» – «обод, край, периферия», – П.Д.) применялось в узком смысле – к варинам или варам, управлявшим всеми этими землями из крепости Мекленбург, и в широком переносилось на всех славян подчинённых их власти... 1. С начала н.э. и до XII века исторические источники сообщают о проживании на юго-западе Балтики племени варинов. Это имя известно как римским (Плиний, Тацит), так и византийским (Прокопий), франкским (Фредегар, «Правда англов и варинов»), англо-саксонским (Видсид), немецким (Адам, Гельмольд) источникам и многочисленной топонимике. Русским летописям оно могло быть известно в форме «варяги». 2. Форма «ободриты» для обозначения проживающих на юго-западе Балтики славян появляется в конце VIII века во франкских источниках и соседствует с упоминаниями о союзных франкам славянах-ободритах, проживавших на Дунае...» (Андрей Пауль, «Варины, которых называли ободритами», <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/>);

«Согласно Гельмольду, храм Свентовита на острове Рюген почитался всеми славянами, и дары туда отправлялись из всех славянских земель. И чтобы поведение датского христианского короля, посылающего дары туда же, не казалось таким странным, вспомним сказанные за тысячу лет до этого Тацитом слова об англиях (канглах = оногурах = ругах; праиндоевроп. *kant-, санскр. «ánta», лат. «cantus, angulus», ср.-греч. «ὄγγλος / онглос», англ. «angle», арм. «ankun», польск. «róg», чеш. «roh», беларус. «рог, рагавік», – «угол, край»; лат. «regio», лит. «rajonas», араб. «рустак», ср.-перс. «ростаг» – «регион, район, округ, волость», – П.Д.) и варилах (боранах / ворадах = вараджанах = варангах / варягах, барангурах = берендеях = верингах, вольнянах = балынцах, поляках / полонцах, полянах; швед. «bård», англ. «border, verge, fringe», лат. «margo» – край; лит. «briauna» – «край, кромка, грань»; санскр. «vtjána-» – «население, народ, область, граница»; арм. «vaug» – «край, местность»; лат. «oga» – «край, граница», эст. «võgu» – «воротник, кольцо, обод»; польск. «brzeg», укр. «беріг» – «край, берег»; англ. «brim», швед. «brätte» – «поля, краевые зоны»; кирг. «бурч», казах. «бұрыш», узб. «бурчак» – «угол, край», – П.Д.), имевших общее святилище на острове среди моря. По всей видимости, некоторые вещи не способны были изменить ни века, ни

смена имён, ни даже внешнее принятие новой религии. Судьбы тысячелетних соседей связывало что-то гораздо более крепкое, отчётливо просматривающееся, несмотря на все внешние изменения и наслоения...» (Андрей Пауль, «Англы и варины: судьбы двух народов», <http://pereformat.ru/2014/08/varini-anglii/>);

«...«Сага о Тидреке Бернском» сама по себе имеет исключительную ценность, поскольку рассказы о Великом переселении народов сохранились в песнях и пересказах в Южной Германии, где чтили Тидрека-Теодориха в качестве некоего национального героя. Герой саги – остготский король Теодорих (V в.), а в основе важнейших событий саги – постоянная борьба готов и неких «русских» на территории Среднего Подунавья. При этом «русские» в саге – это народ ругов из Ругиланда, государства, созданного в V веке в Подунавье, в бывшей римской провинции Норик. Существенно и то, что знаменитый вождь гуннов Аттила (*Отелло / *Водилла / Водин – Вождь, от «водить» – П.Д.) в саге называется фризским конунгом, а сами гунны (ваны / жуны / жанинцы – горцы, – П.Д.) отождествляются с фризами, племенем, проживавшем на побережье Балтийского моря. Таким образом «Сага о Тидреке Бернском» дает непривычную для русской и европейской науки, интерпретацию происхождения гуннов – в Центральную Европу они пришли с запада, с Балтийского побережья, а вовсе не с востока, и были это именно гунны-фризы. Кстати, и в упомянутой книге Т. Шора отмечается, что Фрисландия называлась и Гуналандией, поскольку именно племя гуннов (унгров = оногуров = англов, – П.Д.) было наиболее значительным во Фрисландии» (Аполлон Кузьмин, «Варяги и Русь. Норманская концепция и её критика», http://www.sweden4rus.nu/lib/istorija/text/varjagi_i_rus);

«В древней Фризии существовали различные племена, а именно: хунсинги (Hunsings), брокмены (Brogmen), хунтанги (Huntanga), и Chaucians или Hocings, и другие. Все эти племена иногда обозначались как фризы, а иногда носили свое собственное или племенное название. Многочисленным народом были Chaucians, и в некотором отношении они могут рассматриваться как отдельный народ, находящийся в тесной связи с фризами, но никогда не в противостоянии... Фундусии (Phundusii), которых также упоминал Птолемей, видимо, были тем же самыми людьми древнего периода, хотя и располагались от них дальше на север. Хунналенд (Hunnaland) и Фрисланд (Friesland) упоминались в числе стран, которые были разорены северными викингами (Norse Vikings)... Название Hun, Hune, или Hunni, в значении гигант преобладало в народной традиции Северной Германии. Гримм утверждал, что особенно это было характерно для доисторической традиции Вестфалии, и она распространялась на запад до деревни Гронингем и до реки Дрент (Drenth) в Голландии. Курганы и дольмены, известные как гигантские холмы и гигантские могилы, также назывались в этих частях Европы хильнебедде (hilnebedde) и хунебедден (hunebedden), где «bed» общее обозначение для «могилы». Некоторыми скандинавскими писателями в северной части Ютландии была обнаружена другая деревня Хунни (Hunni), где сохранилось еще несколько топонимов содержащих слово хюн (Hüne). Так как фризы ранее распространялись намного севернее их нынешних границ в Шлезвиге, наличие этих названий вполне может согласовываться с более поздней связью этого имени с фризами

хунсингами (Hunsings). Это имя вполне определенно является очень древним, возможно, столь же древним, как сами фризы... В провинции Дрент (Drenthe) в Голландии, откуда берет начало река Хунсе (Hunse), еще сохранилось более древнее, чем ранние фризы, население. Эти люди отличаются своим физическим обликом от соседей. Все они (потомки пришедших с востока тёмно-краснокожих велетов / вильцев, – П.Д.) широкоголовые, тогда как натуральные фризы (точнее, ошибочно считающие сейчас себя фризами – потомки саксов неофризы, – П.Д.) – длинноголовые. По внешнему облику они смуглые, тогда как фризы белокожие, и они, должно быть, являются потомками очень древней смуглой расы Европы (очевидно всё же не Европы, а высокогорных районов Центральной Азии, из которых славяноязычные черные жуны – хунсинги пришли в Европу, – П.Д.), сохранившейся с момента, когда их страна была завоевана в отдаленный период людьми готского или германского происхождения. Нам не известны физические характеристики хунсингов (Hunsings) или хунни (Hunni), о которых упоминал Беда, но так как эти смуглые люди Голландии, которые обнаружены на Дренте (Drenthe) и Оверисселе (Overijssel), занимали территорию, которая частично была оккупирована Хунсингами (Hunsings), они могли как-то быть связанными друг с другом» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Для Н.Т. Беляева основанием отождествления «руси» с фризами послужило отсутствие последних в перечне «варяжских народов» (т.е. наемников) ст. 6370/862г., заставив его обратиться к изучению обширного документального материала и к исследованиям своих предшественников событий VIII – IX вв. в северном регионе Европы. Как удалось выяснить историку, богатый и цветущий в то время народ фризов, – народ ремесленников, мореплавателей и купцов, – гораздо теснее, чем с англами и саксами, связанный с вендами-ободритами, с VII по IX в. держал в своих руках основные направления северной и юго-восточной торговли Европы. Эти пути вели по Балтийскому морю, его берегам и островам к Ладогге и далее по Великому Восточному пути в Каспийское море; по Рейну, Эльбе и Одере – на юг по Дунаю до Черного моря и Константинополя. Торговые пути фризов хорошо известны и отмечены многочисленными находками предметов фризского экспорта, в том числе и в раскопках российских археологов. История фризов в первой половине и середине IX в., в особенности фризов округа Рустринген, называвших себя «рос» или «рус», оказалась тесно связана с Рориком / Ререком Ютландским, маркграфом фризским, историю которого я вкратце изложил в очерке о Рорике / Рюрике. Вместе с ним часть фризов была вынуждена покинуть свою родину из-за участившихся нападений викингов и, судя по всему, переселиться к вендам-ободритам, которые сами испытывали жесточайший натиск саксов и франков с одной стороны, и данов, шведов и норвежцев – с другой. Кроме этого к переселению, похоже, вынуждало фризов и затопление их земель в результате развивавшейся в эти столетия трансгрессии Северного моря и мирового океана в целом... Нечто схожее произошло и с этнонимом «словене», первоначально обозначавшем в узком смысле словен моравских, а в более широком – всю совокупность западнославянских племен, в том числе и вендов-ободритов, через которых в ПВЛ была введена фризско-

вендская «русь». Судя по всему, история именно этого полиэтнического образования Среднего Поднепровья с центром в Киеве и стала предметом предшествующих ПВЛ сводов исторических материалов, которые условно можно назвать «Сказанием о первых князьях русских». При этом использование этнонимов убеждает, что уже к середине XI в., если не ранее, старые племенные названия воспринимались в Киеве на Днепре как анахронизмы, благодаря чему лексема «русь» из этнонима превратилась сначала в термин, обозначающий суперэтнос, а затем стала государственным и территориальным понятием, «покрывающим» в Среднем Поднепровье территории Киевского, Черниговского и Переяславльского княжеств как совокупность земель, контролируемых потомками Владимира и Ярослава» (Андрей Никитин, «Основания русской истории // «Повесть временных лет» как исторический источник», <http://library.narod.ru/saga/osnova205.htm>);

«Если рассматривать семантическое (смысловое) значение самой лексемы «рос», то она восходит к названию цветка розы и, соответственно, может обозначать красный («розовый») цвет. В этом значении известно латинское слово «rosa», которое в свою очередь возводят к древнегреческому «ρόδος» (rhodon), далее к древнеперсидскому *wrda- и, исходно, к гипотетическому протоиндоевропейскому (ПИЕ) *wrđhos... Столкнувшись с русами, угры могли перевести их этноним (означающий «красные») на свой язык. Лексика древних угров неизвестна, но в современном венгерском языке имеется слово «vörös» (Вёрёш) – «красный». Возможно, это (или похожее) слово и отразилось в русском языке как «варязи». Вместе с тем, возможен и другой вариант появления слова варяги (от греко-персидского корня «варз» – «красный»): В русском языке, например, имеется название красной краски – «варзия». Первые сведения об этом материале содержатся в «Уставе как поставить варзия» из рукописи XV века. Скорее всего, это слово пришло в русский язык из греческого, как утверждает, например, в рукописи 1593: «Деревцу имя по-гречески варзи, татарски бакан, а русски деревцо». В греческом языке слово «βερτζω» означает розовый цвет. (Лингвисты считают, что это слово является производным от иранского (персидского) «ward» – «роза»). Таким образом, слово варязи («красные»), могло привиться в русском лексиконе как синоним слова русиос («красные») в процессе перевода византийских книг русскими книжниками. Помимо рассмотренных вариантов (венг. «vörös» или греч. «βερτζω») могли существовать и иные пути появления «красного» этнонима варязи. Но, исходя из приведенных соображений, этот термин «варязи» не имеет самостоятельного значения, а появился как синоним или калька этнонима «русиос» в значении «красные» (Андрей Леонов, «Варязи – «красный» народ», <http://megamatrix.ru/varang/warazi.htm>);

«Гораздо определеннее известия о колониях велетов в Голландии. Важно свидетельство знаменитого англо-саксонского писателя (начала VIII в.) Беда Преподобного, который говорит, что (около 700 года) мажордом Пипин назначил св. Виллиброрду местом для епископского престола новообращенной им страны фризов, «свою славную крепость, которая называется у тех народов древним именем Вильтабург, т.е. городом вильтов, а на языке галлов Trajectum (Утрехт)». Кроме того, есть Голландская летопись, которая очень часто упоминает о поселениях славян вильтов (т.е. велетов) между фризами и нижними

саксами в северной Голландии и Гельдрии, и о постройке около Утрехта (Ultrajectum, Trajectum) славянской крепости Вильтенбург. Эта летопись, правда, составлена в XV в. и исполнена всяких баснословных рассказов; но без сомнения, основанием для нее послужили народные предания и поверья, и отчасти древние памятники; к тому же в XV в. велетов давно не существовало, и далеко уже было то время, когда славянские ветви жили в западных краях Европы; значит, Утрехтский летописец не мог прийти к мысли о поселениях велетов близ устьев Рейна, если бы не знал о них по народным преданиям Голландии. Замечательно в его рассказе, что голландские славяне обитают там с самых древних времен и, хоть воинственны, но живут в ладу с окружающими фризами и саксами: эти три народа избирают себе общих вождей, и славянский город Вильтенбург является у них как бы столицей. К несчастью, из невнятного повествования Утрехтского летописца нельзя вывести никаких заключений о делах и судьбе местных славян. Он сообщает нам определенно только два-три события, и то самых бесцветных, именно, что король франкский Дагоберт (в начале VII в.) покорил фризов и славян-вильтов, разрушил Вильтенбург и укрепил город Trajectum (Утрехт); что Пипин Геристальский, полностью подчинив своей власти Славонию (т. е. фризскую) и Голландию, превратил их в область, которая получила название восточной Франции; что св. Виллиброрд (тот самый, о котором приведено выше свидетельство преподобного Беды), освятил церковь «у древнего Славенбурга, что теперь Vloerdingen»; наконец, он уверяет, будто бы св. Бонифаций, знаменитый проповедник христианства в западной Германии, послал (в 702г.) 30 священников и дьяконов в Славию (т.е. землю славян во Фризии) обращать язычников, и потом сам пришел туда, убедил некоторых, но вскоре погиб с товарищами мученической смертью от тамошнего народа» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», http://beta.bookz.ru/authors/aleksandr-gil_ferding/istoria-701/page-5-istoria-701.html);

«Имя Вильтин как эпоним велетов имеет генетическое родство с велетнями / волотами (великанами, исполинами) в древнерусском языке и с названием западнославянского племени велетов, упоминание о которых находим уже у Птолемея: «И снова побережье Океана вдоль Вендского залива последовательно занимают вельты, выше их осии...» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 51). В VIII в. велеты были известны как крупная этнополитическая общность (с X в. стали называться лютичи), занимавшая большую территорию между ободритскими землями и Польским Поморьем и дольше других политий на южнобалтийском побережье, вплоть до второй половины XI в., сохранявшая свою политическую независимость и сопротивлявшаяся христианизации (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 54-56). Венды (потомки вовсе не балтоязычных античных венедов, а славяноязычных античных германцев, – П.Д.) или западные славяне – носители R1a-M458 – есть отдельная, западная ветвь гаплогруппы R1a, начинающаяся, в основном, с Беларуси и Украины (в европейских же регионах России преобладают туранские субклады гаплогруппы R1a: Z92, Z93, Z280, Z2123 и Z2125, принадлежащие долихокранным потомкам как карпатских и днепровских балтов а, тем самым, и финноязычных скифов, так и половцев, – П.Д.), достигающая максимума в Польше и уходящая западнее до центральной Европы. Шор называет вендов среди наиболее ранних

мигрантов, появившихся на Британских островах еще в римское время. Но вендами немецкие источники называли велетов / вильтинов, которые в 560 – 600 гг. поселились во Фризии и возвели там крепость, названную по их имени Вильтабург (Wiltaburg), а местность вокруг крепости – Вильтения (Wiltenia). На галльском языке город назывался Утрехт. (Hampson R.T. An Essay on the Geography of king Alfred the Greate / J. Bosworth (ed.) King Alfred's Anglo – Saxon version of the compendious History of the world by Orosius. L., 1859. P. 41). Расселение вильтинов / велетов во Фризии вновь вызывает в памяти имя фризских королей Радбодов, созвучных княжеским именам вендо-ободритских князей Ратиборов и названию культового центра Ратибора, тождественного названию Ратибор Вологодской области, местоположение которого – неподалеку от Кубенского озера...» (Лидия Грот, «Рогволод и Рогнеда в круговороте политического мифа», <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2014/02/groth-rogvolod.pdf>);

«Еще одно известие о западнославянских переселенцах сохранилось в вологодских преданиях. В древние времена, еще до крещения Руси, говорит одна легенда, возле Вологды и Кубенского озера обитало племя волотов, почитаемое местным населением за богов. Эти волоты легко опознаются как велеты, т.е. лютичи-вильцы, хранители культа Радогоста, весьма популярного божества среди балтийских славян, наряду с арконским Святovitом; вероятно, благодаря религиозному авторитету своего племенного идола велеты и прослыли «богами», иначе говоря, чем-то вроде «божьего народа». Близ Новгорода также находилось Волотово поле – место погребения новгородских витязей...» (Сергей Цветков, «Вендская миграция в Новгородскую землю», «Начало русской истории. С древних времен до княжения Олега», <http://loveread.me/notes.php?id=59726>; <http://sergeytsvetkov.livejournal.com/58411.html>; http://gigas.at.ua/publ/nepoznannoe/vendskaja_migracija_v_novgorodskuju_zemlju/9-1-0-759);

«В своей миграции на восток в более поздние столетия немцы поглотили венедов. Потомки изолированных славянских поселенцев возле Утрехта и в других частях долины Рейна также вскоре были поглощены немцами. Этнологические данные, касающиеся нынешних обитателей этих районов, а также сохранившихся некоторых их древних топонимов, подтверждает мнение ранних летописцев об иммиграции славян в регион, где ныне располагается Голландия... В англо-саксонский период славяне на севере Европы расширились далеко на запад до Эльбы и даже дальше. На восточном берегу этой реки обитали полабские венеды, которые видимо, являлись ветвью вильцев (Wilde или Wiltzi). Имя вильцы происходило от древнеславянского слова волк, wilk, во множественном числе wiltzi, и было дано этому большому племени за их свирепую храбрость. На северо-востоке Германии, около восточной границы их территории все еще сохранилось широко известное название Wolfmark. Этот народ называл себя велатибы (Welatibi), их имя происходило от слова welot, гигант (велетень – по-украински – Б.Н.). Он был известен также как Haefeldan (гаволяне), или люди у Хавела, потому что жили у реки Havel, как отмечал король Альфред. Жители побережья возле Штральзунда, которых называли ругины (Rugini) или (Rugians), о которых писал Беда Достопочтенный как об одном из племен, от которых англосаксы его времени, как известно, получили свое происхождение, видимо, находились в рамках общего

названия – веныды. Так как эти руги были веныдами, то утверждение Беды является прямым свидетельством того, что определенное население Англии в его время, как известно, имели веныдское происхождение. Это свидетельство согласуется с другими свидетельствами, вроде упоминания о людях с веныдскими, или вандалскими именами в Англо-Саксонских хартиях, а также с многочисленными названиями в Англии мест, которые вышли из отдаленной старины, и тождественны старейшим формам таких названий именам жителей веныдского происхождения... Исторически достоверной является миграция вильцев с берегов Балтии и основание колонии на территории вокруг Утрехта. Беда упоминает это в связи с миссией Wilbrod. Он писал: «Почтенный Wilbrod пошел от Фризии до Рима, где Папа Римский дал ему имя Клемент, и послал его назад в его епархии. Пипин отвел ему место для епархии в его знаменитом замке, который, на древнем языке тех людей, называют Вилтабург (Wiltaburg), то есть, город вильцев, но во французском языке Утрехт (Utrecht). Венантиус (Venantius) также писал, что вилеты (Wileti) или вильцы (Wiltz), между 560 – 600 н.э., остановились возле города Утрехта, который от них получил название Вилтабург, а окружающая местность Вилтения (Wiltenia). Такая миграция, возможно, осуществилась путем высадки на берег, некоторые же из этих вильцев, видимо, пошли дальше. Имя первых поселенцев в Уилтшире некоторыми авторами было установлено исходя из миграции вильцев из Вильабурга, и определенным этому подтверждением, видимо, является название Вилсаэтан (Wilsaetan). Ясно, что Уилтшир был заселен во второй половине шестого столетия, и такая миграция могла произойти либо непосредственно из Балтии или с Эльбы, либо из поселений вильцев в Голландии...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Фризы, располагавшиеся на западе и востоке от англов, были ближайшими соседями англов. Вероятно, имело место сближение этих двух народов (античных брахикранных фризов с англами, а сакских предков современных долихокранных фризов с вернувшимися из Англии саксами, – П.Д.) до полной тождественности в расе и происхождении, но никаких доказательств того, чтобы любой фриз, называл себя англom, или наоборот, нет. Третьим народом оба этих народа могут быть названы одним и тем же именем, либо оба могут быть названы саксами. Это соображение важно в отношении использования имен англов и саксов в качестве союзников, а не только племен или народов. Фризы, как из Шлезвига, так и из Голландии, представляют собой древний народ в последней стадии постепенного поглощения более энергичными народами, с которыми они находились в тесном контакте...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«...лингвистический анализ установил фундаментальную связь между английским и фризским языками, которая является самым ранним проверенным фактом английской истории (и конечно же указывает как на то, что современные фризы являются потомками долихокранных античных саксов, так и на то, что не только брахикранные гунны фризы-русы, но вполне возможно и брахикранные оногуры англы были германизовавшимися

потомками аланов велетов / вильцев или же родственников им славяноязычных скандинавов вилькинов / вильтинов а, следовательно, вместе с утигурами = ясами и кутригурами = уличами они были и потомками «одноглазых» аримаспов, – П.Д.). Фризский язык разделяет с английским все наиболее важные фонетические изменения, которые, с одной стороны, отличают английский язык от немецкого, а с другой – от скандинавских языков. Английский и фризский языки – фактически параллельные ветви общей лингвистической семьи, и нет никаких сомнений, что различия между более поздними формами этих языков возникли после периода английской миграции в Британию. Ввиду этой связи становится весьма вероятно, что Frissones Прокопия были фризскими мигрантами с прибрежных земель к западу от нижней Эльбы, потомки которых, объединенные с другими племенами, появляются в позднейших описаниях английских народов под более широким и неопределенным названием саксы...» (Фрэнк Стентон, «Англо-саксонская Англия», http://britanniae.ru/reconstr/frank_stenton/frank_stenton_ASA_01.htm);

«Тесная связь между англо-саксонскими и фризскими языками была показана Халбертсма (Halbertsma) и Сибсом (Siebs) из числа континентальных ученых и филологов нашей страны. Филологические данные дают дополнительные доказательства значительного фризского элемента в англо-саксонском заселении, при сравнении фризского с древнеанглийским или англо-саксонским языком. По этому поводу Свит утверждал, что произношение буквы «а» в двух этих языках почти идентично. Фризские «top» и «noma» меняются на «tan» и «nama» (name)... Эти изменения не встречаются в других родственных языках, и не могут, за исключением случаев самого удивительного совпадения, развиваться независимо в Англии и Фризии. Они, следовательно, уже существовали в англо-фризском языке... По результатам исследований многих археологов, историков, и филологов, как английских, так и скандинавских, мы приходим к выводу, что скандинавы (Northmen) различных племен и народов принимали большее участие в колонизации Англии, чем считалось ранее. Стивенс отмечал еще большее их участие, и его значительная работа на этот счет «Древние северные рунические надписи» подтверждает данные исследования. Он писал: «Англик (упрощенный английский – Б.Н.) Британии был в основном введен норманнами (скандинавами) во втором и последующих столетиях, и наполовину обновлен ими в девятом и десятом веке». Независимо от того, какова была дата их самого древнего поселения, норманны определенно находились как среди поздних предков древних англичан, так и среди ранних...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>).

8.2 Германизация знатных родов тёмно-краснокожих и брахикранных готов

Вполне возможно, что в племенные союзы балтоязычных савроматов (языгов = гудов, троксолан / роксолан) и сарматов (янтсай = антов, вандалов / венделов = венедов), а также славяноязычных юэджей и аланов (гяньгуней = канглов, оногуров = англов, утигуров = ютов,

гаутов / гётов, аланов-торков и жунов / гуннов = унгов = ункаранов) входили и возглавляемые сарматской (аланской) знатью прототюрко-германоязычные кангюйские и аорские племена, и в том числе, и сако-массагеты (мазкуты / маскуты / масгуты), являвшиеся наравне с сарматами предками саксонцев / саксов, и некоторых других в то время уже тюрко-германоязычных или же германизовавшихся значительно позже племен. Тогда и германизация некоторых балтских (савроматских) и славянских (сарматских и аланских) знатных родов могла произойти еще в доскандинавскую эпоху. Вендельская династия в Швеции, от которой вел своё происхождение и королевский дом западных англов, явно была германизовавшейся сарматской:

«Англы, являющиеся племенем скандинавского народа ванир (ваны = жуны / гунны, – П.Д.), входили в число семи племен, занимавших Датский архипелаг, которые поклонялись богине земли Нерте, или «Матери-Земле», чей храм был расположен на одном из датских островов. Другими племенами союза являлись: юты (эвтии, эвтасы), ревдигны, авионы (или еованы, древнескандинавский морской народ), варины (вернасы), свардоны (сварины) и нуитоны (шведское племя). Юты, впервые упоминавшиеся еще Тацитом в его «Германии» как эвдосы (эвтионы), по-видимому, изначально являлись сарматским племенем из южной России, мигрировавшим в Данию и осевшим на полуострове Кимбрик между Зейдер-зе и северной оконечностью полуострова, которому и дали свое имя. Саксы – тевтонское {племя} *Secgas* – произошли от арийского {племени} *Sakyas*, которое мигрировало в Европу из центральной Азии более тысячи лет назад, ответвившись от своего праплемени эзир (асиев / асианов / усуней, – П.Д.), и пришло в Европу во время масштабного переселения народа культуры боевых топоров бронзового века. Саксы принадлежали союзу нескольких тевтонских племен, в состав которого входили чауцы, токсандри (токсоланы / троксоланы / роксоланы, – П.Д.), чамавы и другие, в конечном счете, поглощенные саксами. Саксы вышли из Гольштейна, заняли Саксонию и большую часть внутренней Германии. Англы, юты и саксы мигрировали в Британию в V в., а в X в., объединившись, образовали английский народ... (Так называемые) саксы, под предводительством своего вождя Эллы, разоряли южную Англию, грабя города и захватывая земли, в то время как англы, ведомые Икелем (Иккелем, Хиклем), опустошали северную Англию в эпоху «великого вторжения англосаксов» (477г.). А в Кенте юты, ведомые Эском (Оэриком), действовали против бриттов совместно и с англами и саксами. Юты поселились в Кенте чуть раньше, в 449г., при других обстоятельствах. Элли, предводитель мощного союза многочисленных варварских племен, включавших и гуннов (жунов фризов-руссов, – П.Д.), прибыл в Британию из Германии и высадился на южные берега острова... Элли (Элла) Сассекский и его брат Эльзе (Элеза) Уэссекский были сыновьями либо последнего короля гуннов Эллака [сын Аттилы по прозвищу Бич {Божий}], либо последнего саксонского принца Эсле, брата Эхы, короля Гольштейна, сына Эфы, вождя саксов...» (Дэвид Хьюз, «Англосаксонские бретвальды», http://britanniae.ru/reconstr/asbretwaldas/asbretwaldas_text1.htm);

«Поскольку Тацит сообщает о пребывании англов в Германии, но никак не упоминает ютов, любой пытливый ум мог бы с большей вероятностью, провозгласить англов прародителями ютов. То, что они были родственными народами, вытекает из идентичности

их языка. Кентские юты всегда говорили на таком же хорошем английском, как и мерсийцы и англы Норфолка и Йоркшира...» (Шэрон Тёрнер, «История англо-саксов», кн.2, гл. V, http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_2_05.htm);

«В материковой Швеции этого времени господствовало сожжение. Именно в Венделе раскопками Яльмара Стольпе в 1870-х гг. были открыты первые и наиболее ранние богатые ингумации в ладье мужчин, воинов и вождей с особо богатым инвентарем, оружием, украшениями, пиршественными наборами, инструментами и домашними орудиями, лошадьми и скотом (Stolpe, Arne 1914). «Вендельский стиль» – так стали именовать после этих находок «звериную орнаментику II и III стиля Салина» (Arwidsson 1942)... Сожжения и ингумации под плоскими каменными курганами исследованы в 1953г. М. Стенбергером. Центральной в могильнике была камерная женская могила римского времени, вокруг «родоначальницы» размещены сожжения эпохи викингов. Семь женских погребений в ладье вендельского периода и эпохи викингов находились в могильных ямах, перекрытых глиной, что обеспечило хорошую сохранность дерева и надежную атрибуцию этих захоронений, очень значимых для понимания динамики развития нового погребального обряда... В это время был создан «Беовульф», англосаксонский эпос, связь которого с памятниками круга Саттон-Ху не вызывает сомнений (Bruce-Mitford 1971: 85-98). Содержание эпоса между тем полностью связано со скандинавскими странами, с племенами гаутов и данов, свеев и ютов; здесь упоминается Оттар, конунг из рода Инглингов, похороненный в кургане близ Венделя; повествуется о кровавых межплеменных расправах, о междоусобицах в королевском роде свеев (Беовульф, 2922-3000, 2379-2399)» (Глеб Лебедев, «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси // Вендельский период Швеции (550 – 800)», <http://ulfdalir.ru/literature/200/205>; http://www.xliby.ru/istorija/yepoha_vikingov_v_severnoi_evrope/p3.php; <http://arheologija.ru/vendelskiy-period-shvetsii-550-800/>);

«Погребальные корабли в Саттон-Ху и Снейпе истолковывались в качестве предполагаемой связи между королевским домом восточных англов и вендельской династией в Швеции [Bruce-Mitford]» (Барбара Йорк, «Короли и королевства ранней англосаксонской Англии», http://britanniae.ru/reconstr/barbara/barbara_01.htm);

«В отличие от саксов и ютов англы явно упомянуты Тацитом. В его времена они составляли часть крупного племенного союза, носящего общее название Suevi. Англы вместе с шестью другими малыми народами поклонялись богине Нерте – матери-земле – чье святилище находилось на острове среди океана. Поскольку Тацит, как известно, применяет название Mare Suebicum к Балтийскому морю, его Океан должен, по всей вероятности, быть отождествлен с Северным морем. В любом случае его язык предполагает, что Angli были морским народом. С другой стороны, Птолемей, единственный из других античных писателей, упоминавший Angli, описывает их как обособленное племя, располагавшееся к западу от средней Эльбы. Согласно Птолемию, ряд ученых размещал Angli на севере центральной Германии... Но самое веское свидетельство северного происхождения англов содержится в рассказе о путешествии из Осло-фьорда в Шлезвиг, который король Альфред

разместил в начале своего перевода истории Орозия. После описания рассказчика о том, что в течение двух последних дней путешествия по правому борту лежала Ютландия и многочисленные острова, Альфред вставляет замечание, что на этих островах, до своего прибытия сюда, в эту страну, жили англы... По данным археологических раскопок англских захоронений на британской земле можно говорить о том, что англы были самым северным из трех народов, различаемых Бедой в Англии. Практика (славянской, – П.Д.) кремации, от которой в пятом веке отказались германцы, живущие близ римской границы, широко применялась среди захватчиков-англов в Британии...» (Фрэнк Стентон, «Англо-саксонская Англия», http://britanniae.ru/reconstr/frank_stenton/frank_stenton_ASA_01.htm);

«В качестве другого возможного упоминания ютландских англов конца X века можно назвать сообщение еврейского купца ибн-Якуба. Побывав в восточной Германии и, в частности, на юге Балтики, в землях ободритского короля Накона, он упоминал некий «народ анкулий, один из народов севера», бывший изначально не славянского происхождения (очевидно, всё же изначально славянского – остготского или же аланского, – П.Д.), но к его времени уже перешедший на славянский язык по причине соседства со славянами и смешения с ними. Можно ли представить такую сильно продвинувшуюся славянизацию области Англия в Ютландии? Славянские следы в ютландской Англии, действительно, известны. Славянская керамика в обилии встречается в районе залива Шлей. Находки славянской керамики или её имитаций известны и в более северных ютландских областях – Швансене (нем. Schwansen – часть исторической области Англия, к северу от залива Слей) и собственно Англии (нем. Angeln): из западного и восточного поселений Козель (Kosel), Бинебека (Bienebek), Гаммельбу (Gammelby), Везебю (Weseby) и Остербю (Osterby) и Ризебю (Rieseby) (Unverhau H. Untersuchungen zur historischen Entwicklung des Landes zwischen Schlei und Eider im Mittelalter, Wachholtzverlag, Neumünster, 1990, S. 67-68). На северной границе ютландской Англии, полуострове Гамельгаб, известно два топонима смешанного славяно-датского происхождения: Oster Gurkhøj и Sünder Gorkhye от славянского «горка» (Prinz J. Zur Frage slavischer Orts- und Personennamen auf süddänischen Inseln // Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1967, S. 125). В самой Старой Англии известен топоним Поммербю, каким-то образом связанный с Поморьем и, возможно, указывающий на владения поморских князей (однако, скорее всего, более позднего происхождения). В области Швансен известен топоним Виннемарк (Winnemark), что в переводе означает «славянский [лесной] выруб». Значительное славянское присутствие принимается и в столице Старой Англии – Хайтабу, где найдена не только славянская керамика и украшения, но землянки с характерным для славян положением очага и захоронения. Последних для IX века археологи предполагают около 20% (саксонских и датских при этом по 40%), что, учитывая переселение купцов из Рерика и близость славянской границы, отнюдь не вызывает удивления» (Андрей Пауль, «Англы и варины: судьбы двух народов», <http://pereformat.ru/2014/08/varini-anglii/>);

«Отрывок из Беовульфа дает доказательство применения кремации у англов: «Насыпать холм яркий от похоронных огней на носу мыса, который будет памятью о моих

людях». Язычники англ, как видно из этих открытий и этого отрывка, сжигали своих мертвых, как язычники эстонианцы (Esthonians) делали это в последующий период правления короля Альфреда. Таким образом, среди тевтонов этот обычай, видимо, имел северное происхождение, и принадлежал скорее англам, чем саксам. Из полученных свидетельств очевидно, что кремация практиковалась в Ютландии и в западной части Датских островов во время миграции англов, тогда как погребение в то же время преобладало на Зеландии (остров в Дании) и части острова Фунен. (Складывается впечатление, что англ – это были славянское племя. На это указывает в том числе и способ погребения, и тесная (скорее всего лингвистическая) связь англов с варягами. Недаром некоторые исследователи выводят название англ из угличей, – Б. Новицкий)...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«...«Беовульф» – вот основание для гордости современных англичан! О чем там? Какой-то витязь (или князь?) Беовульф народа геотов, живший в южной Скандинавии, где правит король Хигелак идет спасать датского князя Хродгара от страшного дракона Гренделя (Крендель (?)). Чем же приходится гордиться современным англичанам? Во-первых, само эпическое произведение отношения ни к англам с саксами, ни к Британии в целом не имеет. Во-вторых, написан этот эпос спустя как минимум 5 веков после описываемых событий (X в.) христианским монахом на латинском языке (текст подвергся литературной обработке христианского книжника). В-третьих, кто такой народ геотов из Беовульфа – неизвестно. Некоторые ученые предполагают, что это геты (готы гауты / гёты, – П.Д.), которые обитали на юге Скандинавии. Но их сегодня, скорее, относят к протославянским племенам, но никак не к пресловутым «германцам». В четвертых, имя Беовульф англичане переводят как «Пчела-волк», или «шершень». Хотя пчела по-английски – это «bee (би)», а шершень – это «hornet». Натяжки просто удивительные. В-пятых, если современному англичанину дать текст оригинала, написанный, якобы, на древнеанглийском, то этот текст покажется ему позаковористой даже китайской грамоты. Ни одного знакомого слова. Вот такой юмор. Получается, что «древнеанглийский язык» (7–12 века) это не английский вовсе! Вот, что на этот счет пишет лингвист Сокол-Кутыловский: «В любом случае видно, что на Британских островах нет ни культурной, ни языковой преемственности. Даже язык, который британцы теперь называют «древнеанглийским», они приписали к германским языкам. Украсть чужое украли, но не знают, что с этим краденым делать, – читать-то на нем они не могут!» А вот «Бео-вульф» легко переводится как «белый волк». Так в сербском языке Белград звучит в оригинале как «Бео-град». Но это уже славянский язык, значительный древний пласт которого, как мы отмечали, присутствует в современном английском. На странице 71 имеется одно интересное замечание относительно редкого упоминания имени шведов, что указывает на слабость или даже неразвитость самого шведского государства. Ибо государство геотов – это не государство шведов. А под именем скандинавы могли проходить и праславяне-русы (славяноязычные потомки вельтов вильтины / вилькины – великаны, – П.Д.), что скорее всего...» (Б. Новицкий, «Предисловие переводчика» к кн. Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа»,

<http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Несомненную связь с поселениями велетов в Голландии имели велеты (вильты) английские. Может быть даже, часть славян, приехавших в Голландию, по какому-либо случаю переселилась потом в Англию. Утрехтский летописец повествует, что в века глубокой древности славяне-вильты, изгнанные из Англии, прибыли в Голландию и там основались. Этот рассказ, кажется, намекает на связь велетов голландских с английскими, хотя, очевидно, велеты перешли не из Англии в Голландию, а наоборот. Тот же писатель говорит, что с англами и саксами, которых Генгист и Горса привели в Британию, были также славяне. Это известие довольно вероятно, по соседству западных славянских ветвей с англами и саксами, но нельзя сказать, до какой степени оно достоверно. Во всяком случае, о значительном поселении славян велетского племени на юго-запад от Бристольского канала, свидетельствуют имена, как-то: страна Вильтс, в старину Wiltsoeten, т.е. селение вильтов, город Вильтон, графство Вильтшир и т. д. Впрочем, эти вильты, как и голландские, не имели своей собственной истории: рано утратив славянскую народность, они во всем разделяли судьбу англо-саксонского племени» (Александр Гильфердинг, «История балтийских славян», http://beta.bookz.ru/authors/aleksandr-gil_ferding/istoria-701/page-5-istoria-701.html);

«Сначала прогрессивный англосаксонский крестьянин усваивает минимально необходимый словарный запас чужого языка, жизненно важный при общении с новым начальством, например «beat», что в переводе на русский означает, просто-напросто, «бить» и имеет в современном английском еще и значение «дозор, обход». Т.е. придет дозор и будет «beat» физиономию (прошу прощения за черный юмор). Далее усваиваются и другие жизненно необходимые лексемы: be – быть, nose – нос, goose – гусь, eat – есть, brow – бровь, crook – крюк, cheek – щека, widow – вдова, talk – толковать, beard – борода, stream – стремнина, grab – грабить, deal – дело, pastor – пастух, three – три, guest – гость, dale – дол, долина, stall – стойло. Здесь прошу читателя не обращать внимания на подозрительную похожесть данных английских слов и их русских соответствий. Эти слова могут быть и общеиндоевропейского происхождения, и в том числе, к примеру, латинского (впрочем, я не проверял)» (Константин Пензев, «Арийская теорема / Занимательная лингвистика», http://www.uhlib.ru/istorija/ariiskaja_teorema/p6.php);

«Г-н Кингтон Олифант показал, каким образом датское завоевание имело результатом уничтожение старинных (славянских, – П.Д.) флексиональных изменений в языке англов. Он показал, как, за исключением нескольких форм множественного числа, таких, как «ofen», родительный падеж и множественное число на «es» заменили прежний родительный и множественное на «an» и отделили предлог от глагола. Грамматика была упрощена и стала легче для изучения. Г. Олифант указал также на влияние норманнского завоевания, которое прибавило к английским словам некоторые французские префиксы и суффиксы. Тевтонское завоевание Галлии привело к сходному результату...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php).

Конечно же в племенной союз готов входили не только балтоязычные, но и славяноязычные аланские (юэчжийские и другие сарматские племена), что и отразилось на наличии множества славянизмов и украинизмов, как в скандинавских (готских, англо-фризских, датских, норвежских и шведских), так и в немецких наречиях:

«...скандинавы заимствовали у славян очень важные слова, прямо указывающие, кто их приобщил, например, к торговле: *torg* – «торг», «рынок», «торговая площадь», *besman* – «безмен», *tolk* – «объяснение», «перевод», «переводчик», «толковин», *pitschaft* – «печать», *sobel* – «соболь», *silki* – «шелк», *lodhia* – «ладья», *loka* – «лука», «хомут», *sodull* – «седло» и др. Как подчеркивали в 1986 г. археологи А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов и Г.С. Лебедев, славянские слова в скандинавском охватывают «наиболее полно и представительно – торговую (включая и транспортную) сферу культуры»... И охватывают понятно почему. Беря во внимание тот факт, что слово «*torg*» распространилось по всему скандинавскому Северу, до Дании и Норвегии, «мы должны признать, – заключал в 1912 г. С.Н. Сыромятников, – что люди, приходившие торговать в скандинавские страны и приносившие с собою арабские монеты, были славянами». В 1912 г. Г. Фальк констатировал, что скандинавы заимствовали у южнобалтийских славян «ряд морских терминов», т.е. также у славян они учились морскому искусству, как параллельно с тем у них же учились и ведению торговли» (Вячеслав Фомин, «Голый конунг [Норманизм как диагноз] // Спор о варяжских словах», <https://history.wikireading.ru/229673>);

«...северный язык заимствует из славянского определение поездки за данью – «*rolutasvarf*», от «полюдь». При наличии собственного определения («вейцла») появление славянского термина может говорить только об одном – когда-то по скандинавским землям ездили за данью люди, говорившие по-славянски – что и подтверждают сага о Тидреке и Саксон Грамматик» (Лев Прозоров, «Варяжская Русь. Славянская Атлантида», https://www.e-reading.club/bookreader.php/1003627/Prozorov_Lev_-_Varyazhskaya_Rus._Slavyanskaya_Atlantida.html);

«Сам термин «лодья» является западно-славянским, происходящим вероятно из района междуречья Эльбы и Одера. К VIII веку, когда у балтийских славян фиксируется употребление термина «*lodja*», западные славяне уже освоили технику строительства кораблей с килем, пригодных для плавания в открытом море. В Польше аналогом ему является «*łódź*», в Чехии – «*lod*», в лужицких говорах – «*łódź, łóž*», в полабском – «*lūd'a*». Все это, возможно, указывает на западно-славянские прототипы древнерусских лодий. Заметим, что от славян были заимствованы шведское «*lodja*», датское и норвежское «*lodje*», прибалтийско-немецкое «*lodje*»; норвежское «*gram*», немецкое «*Prahm*» (ср. паром)... Слово «паром» известно в различных транскрипциях в большинстве славянских языков, что позволяет предполагать известность этого типа судов славянам еще до времени их расселения с территории близкой к Центральной Европе» (Анна Молчанова, дисс. «Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье», <http://rodnovery.ucoz.lv/forum/16-42-1>, <http://www.trueforum.ru/topic/41/>).

Все потомки юэчжийцев / *утиев и аланов-торков (античные англ, фризы, юты, гауты / гёты, даны, волоты / волохи = валлоны, ломбарды, свебы = швабы, вельты / вильтины = вильцы / лютичи / *ютичи, гревтунги / грутунны = хорутаны, кутригуры = унгличи / уличи, тибарены = тиверцы) были подобно предкам большинства украинцев не только тёмно-краснокожими и брахикранными, но и чёрноволыми, высокорослыми и длинноногими и, к тому же, разговаривали на наречиях, очевидно, весьма близких к праукраинским готаланским:

«В отношениях между украинским языком и прочими славянскими есть фонетическое соответствие: славянскому [o] соответствует в так называемом новозакрытом слоге (т. е. слоге, ставшем закрытым после падения редуцированных) украинский [i] – рус. «кот», др.-русс., цслав. «котька» (Пов. врем. лет), болг. «кот», сербохорв. стар. «коѣ», чеш., польск., н.-луж. «kot», но укр. «кіт», род. п. «кота». Лингвисты причислили эту корреляцию к «регулярным фонетическим соответствиям» – «фонетическим законам», но мне не удалось найти, почему такая штука произошла именно с украинским языком и только с ним одним... Постепенно складывается картинка, в которой к сарматской генетике (украинцев, – П.Д.) и сарматской фонетике (китайско-жунской фонетике праславянского языка, – П.Д.), присутствие которых в украинской истории замечено, постепенно добавляются следы лексических связей языков славянских племён на территории нынешней Украины со скифско-сарматскими (англо-германо-иранскими) языками. Судя по тому, что особенности типа чередования [i] – [o] и фрикативного «г» затронули из славянских языков только украинский, то можно сказать, что, скорее, скифы/сарматы (частью – будущие англосаксы/германцы) усваивали славянскую лексику на территории Украины, сохраняя родную фонетику, нежели наоборот» (Георгий Тележко, «Следы прагерманских миграций», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html?author>).

Наличие в английском и датском языках праукраинской лексики с фонологией, отражающей переход [o] в [i] в закрытых слогах, указывает на то, что чередования [i] – [o] произошло в праукраинском готаланском языке ещё до того, как славяноязычные англ перебрались из Ютландии на туманный Альбион:

англ. «midge» – «мошка, комар, очень маленькое существо, очень маленькая вещь», дат. «mug», норв. «mygg» – «москит, комар»; укр. «мілкота» – «маленькие, мелкие существа или предметы», «мілина» – мель);

англ. «trifle», дат. «trifli», укр. «дрібниця» – «мелочь, пустяк, безделица, безделушка, ничтожество, небольшой предмет», укр. «дріб» – дробь (при гот. «gadraban» – «выдалбливать, вырубать»), лтш. «drapsnas» – «крошки, кусочки, отходы», – Фасмер);

англ. «jingle», дат., норв., исл. «jingle, jinglen», укр. «дзвін» – «звон, звяканье»;

англ. «ridge» – «хребет, горный хребет, конек, ребро, край, горный кряж», дат. «ryg», исл. «hryggur», ст.-укр. «хрибет» (Жит. 1583), русин. «хрибет», беларус. «хрыбет» – хребет; словен. «hrib», макед. «рид, ридот» – холм; укр. «гриб», словен. «grīb» – гриб (при нем. «Grat» – «гребень, хребет, ребро, кромка, грат, заусеница», гот. «hrot» – крыша, чеш. «hrot» – «вершина, верхушка, кончик»);

англ. «hill» – «склон, холм, возвышенность, гора, горка, возвышение», норв. «hill» – холм; укр. «схил» – склон, «гірка» – горка;

англ. «spit» – штык; англ. «spear», дат., норв. «spyd», нидерл. «spies», укр. «спис» – копье (при ср.-в.-н., ср.-англ. «spale» – «длинный, плоский шест» [Фасмер], нем. «Spucke» – вертел, швед. «spjut» – копье);

англ. «stick» – «палка, палочка, ручка, трость, жезл, посох, колышек, мачта», норв. «stick» – «палка, палочка», ср.-в.-н. «stich» – «укол копьем»; укр. «стіг» – стог (при др.-исл. «stakkr» – «стог сена», «staki» – «шест, копье» [Фасмер]; нем. «Stake» – «шест, кол, столб», дат. «stok», хорв. «štap» – палка; русск. «стакан»);

англ. «stilt» – «стойка, свая, ходуля», дат., норв. «stilte», швед. «stylta» – «свая, ходуля», укр. «стійка» – стойка, «стіл» – стол (при нем. «Stand» – «стойка, положение, пост, состояние, уровень, показание»);

англ. «wit», фриз. «witten», дат. «vide», нем. «wissen», укр. «відати» – «ведать, знать» (при люксемб. «wëssen», от праслав. *vědti);

англ. «witch», польск. «wiedźma», укр. «відьма» – ведьма, англ. «witcher», польск. «wiedźmin», укр. «відьмак» – ведьмак (при Водин / Вотан = Ведьмак – «ведающий / вещей и ведущий»; «веду, весті» связано чередованием с «водити», – Фасмер);

англ. «wind» – «ветер, дыхание, дух, виток, оборот, воздушная струя», дат., норв. «vinden», исл. «vindurinn», укр. «вітер» – ветер (при лат. «ventum, venti», люксемб. «wand», болг. «вятъра» – ветер);

англ. «rise» – «рост, повышение, подъем, начало, увеличение, восход», исл. «rísa», нидерл. «rijzing» – «рост, повышение», укр. «зріст» – рост (при польск. «wzrost», чеш. «růst» – рост, укр. «зростання» – «рост, повышение»);

англ. «white», дат. «hvid», норв. «hvit», исл. «hvítur» – белый, укр. «світлий» – светлый (при гот. «hweits» – белый, польск. «światło», укр. «світло» – свет);

англ., норв. «skin» – «кожа, шкура, оболочка, кожица, обшивка, кожура», укр. «шкірка» – кожица, «шкіра» – кожа (при англ. «scale, squama» – чешуя, др.-прусск. «skārdā», польск. «skóra» – кожа, укр. «скорина, скоринка» – «верхний затвердевший слой чего-нибудь»);

норв., дат. «dyg» – «животное, тварь», укр. «твір» – «произведение, сочинение» (при швед. «djug» – «животное, тварь», англ. «work», нем. «Werk» – «работа, труд, произведение, дело, дела, сочинение», укр. «потурати» – потакать, «потурити» – «выпроводить, выгнать, изгнать», «утворення» – образование, «творіння» – творение, «потвора» – уродина, «тварина» – животное от ст.-слав. «творити» – творить; лит. «tvėrti» – «схватить», лтш. «tverīt» – «хватать, держать», лит. «tvārstyti» – перевязывать, лтш. «tvaŗstīt», – «хватать, ловить», лит. «turėti», лтш. «turēt» – держать, др.-прусск. «turīt» – иметь, – Фасмер);

англ. «kitten, kitty, kit» – котёнок, исл. «kettlingur», укр. «кіт» – кот;

англ. «till» – «до, пока», дат., норв. «till» – до, укр. «тільки» – только;

англ. «stream» – «поток, течь, ручей, струя, течение, река», укр. «стрімкий» – стремительный (при укр. «струм» – ток, «струмок» – ручей);

англ. «pile» – «волос, ворс, кол, паля», др.-англ. «fīl» – пила; укр. «пилка», беларус. «пілка» – «маленькая ручная пила», укр. «пилити» – пилить (возможно, от «пали» –

«большой деревянной палки» избежание омонимии как с «палкой», так и с «палити» – «жечь, курить»);

англ. «bliss» – «нега, блаженство, счастье», укр. «млість» – «нега, томление» (при др.-ирл. «mláith» – «нежный, гладкий, мягкий», греч. «βλάξ» – «вялый, косный, глупый», – Фасмер);

англ. «night», укр. «ніч» – ночь (при дат. «nat», норв. «natt», исл. «nótt»);

англ. «by», укр. «біля» – «близко, возле, около, рядом»;

англ. «with» – «от, с, вместе с, несмотря на», укр. «від» – от;

англ. «bigger», укр. «більший» – больший;

англ. «midst», укр. «між» – «между, среди, посреди».

Как видим, процесс падения редуцированных [ъ] и [ь] в славянских наречиях античных англо- и данов тоже сопровождался переходом в закрытых слогах [o] в [i], а [u] в [э], и причём таких переходов в языке англо- и данов произошло даже больше, чем в более полногласном украинском языке, в большинстве слов которого краткие гласные [ъ] и [ь] перешли в гласные полного образования:

англ. «mirk», др.-исл. «myrk», швед. «mörker», укр. «морок» – мрак (при англ. «murky» темный, мрачный, пасмурный, сомнительный);

англ. «child» – «ребенок, дитя, сын, малыш, младенец, потомок», англ. «children», нидерл. «kinderen» – «дети, ребята», англ. «kiddie» – «деточки», нем. «Kind», люксембург. «Kand», лит. «kūdikis» – «ребенок, дитя», болг. «чедо», др.-польск. «czędo» укр. «чадо» – «ребенок, дитя, сын, потомок» (от ст.-слав. «чѣдо» – «ребенок, дитя», «челядь» – «род, родня, домочадцы, семья»; сербохорв. «чѣдо», чеш. стар. «čad, čád» – «мальчик, юноша», – Фасмер);

англ. «herd», укр. «гурт» – «группа, компания, толпа, стадо»; нем. «Herde», швед., дат. «hjord», исл. «hjörð, hjarðag» – «паства, толпа, гурт, стадо» (от ст.-укр. «гуре» – много, укр. «гура» – «куча, груда, скопление, масса, толпа» при и.е. *оугръ-, др.-греч. «ὄχλος» – «охлос, толпа, большое скопление людей»);

англ. «grid» – «сетка, решетка, энергосистема, модулятор, рашпер», д.-в.-н. «grintil» – «засов, балка, жердь», др.-исл. «grind» – «корма, рама, остов, решетка, ограда», исл. «rist» – «сетка, решетка», дат., норв. «gitter», укр. «грати» – решетка (при н.-луж. «greda», полаб. «gróda» – «насест, садовая грядка», в.-луж. «hrjada» – «балка, грядка», чеш. «hřada» – «балка, жердь; грядка», словц. «hrada», польск. «grzędą» – «жердь, насест, грядка», – Фасмер);

англ. «chill» – «холод, озноб, кокиль, простуда, охлаждение, прохлада», укр. «прохолода» – прохлада (при англ. «cool», норв. «kjølig» – прохладный);

англ. «rib» – «ребро, рубец, острый край», укр. «ребро» – ребро (при лит. «grobas», беларус. «руб» – ребро, от хребет, гребень);

англ. «wield» – «владеть, иметь в руках», укр. «володіти» (от праслав. *voldětī, др.-киев. «володѣти»);

норв., дат. «kilde» – источник, укр. «колодязь» – колодец (при швед. «källa» – источник, гот. *kalding-, ст.-слав. «кладъсь», болг. «кладенец», сербохорв. «кладѣнац», словен. «kladénas» – колодец от праслав.-гот. «kalds» – холодный, – Фасмер).

Возможно, от праславянских (юэчжийских) и древнеукраинских (готаланских) лексем происходят, например, и следующие германские слова:

швед. «konung», норв. «konge», нем. «König» – «король, князь, правитель» от праслав. *kъnędzo – гнездо [место сидения управителя / правителя земли – князя] (прасл. *kъnędзь, как и протогерм. *kuninga-, происходит от ранне-прасл. *kūningŭ > *kъnęgь);

швед. «lodja», датск.-норв. «lodje», ср.-нж.-нем. «loddie, loddige» – «грузовое судно», англ. «boat» от др.-киев. «лодь / лодья» – лодка (прабалто-слав. *oldi-, ст.-лит. «aldija», лит. «valtis»), происходящего от и.е. *aldh- – корыто (укр. «лодва» – доска, «лодя» – мощёное место под колесом водяной мельницы);

швед. «träsk» – «болото, трясина» от слав. «тряска»;

швед. «moln» – облако от праслав. *mъlni – молния;

англ., дат., швед., норв. «gnit / nit», казах., кирг. «нит» – гнида (от праслав. *gnida при лит. *gninda / «glinda»);

норв., датск. «havn», нидерл., англ. «haven» – «убежище, гавань, приют, прибежище» от праслав. *ховань, укр. «схованка, сховище» – «укрытие, убежище» (др.-киев. «ховатиса» – «беречься, держаться», – Фасмер, укр. «ховати», польск. «schować» – «прятать, скрывать» [первоначально во рту, за губу]);

др.-сканд. «tuna» – ограда; др.-англ. «tūn» – «ограда, поле, двор, дом, жилище, село, город», совр. англ. «town» – город от прасл. «tynъ», укр. «тин» – «густые заросли, плетень, изгородь, ограда», происходящего от праслав. «tyti» – «густо расти», – Мартынов;

др.-сканд. «torg», швед. «torg», датск. «torv» – «рынок» от праслав. *търгъ (Фасмер), от которого происходит и слово «отторгать»;

швед., норв. «rad», исл. «göð» – «ряд, шеренга, строка» от ст.-слав. «ръдъ» – «ряд, порядок, строка» (при и.е. *ord-, лат. «ordo» – «ряд, порядок»);

др.-исл. «hamar» – «молот, скала», фриз. «hammer», др.-в.н. «hamar» – молот [каменный] от ст.-слав. «камы» – камень (при и.е. *akmen-, лит. «акмуо» – камень, – Фасмер);

швед. «längd», дат. «længd», исл. «lengd» – «длина, протяжение, продолжительность» из праслав. *дълина (беларус. «далечыня» – «даль, отдалённость, длина»; лтш. «tāle», лит. «tolybė» – даль; праиндоевр. *dluhgho-, санскр. «dīrgha», авест. «darəga» – длинный) ещё в Центральной Азии и возможно при посредстве кит. «changdu» – «длина, протяженность» или же позже в Европе из лат. «long» – «длинный, долго, давно»;

др.-исл. «myrk», др.-норв. «blakk», др.-англ. «blas» – «тёмный, маркий»; гот. «maurgins», д.-в.-н. «morgan» – утро; англ. «mirk», швед. «mörker», укр. «морок», ст.-слав. «мракъ» – мрак; чеш. «mrkat», польск. «mrugać» – «моргать, мерцать, меркнуть»; нем. «welken», лит. «blukti», польск. «blaknąć», укр. «блякнути» – «блекнуть, выцветать»; укр. «марніти» – «становиться неприглядным»; марати – «пачкать, делать тёмным»; «хмара» – облако от праслав. *хмурь < и.е. *smour- соотносительно *смурь – темный, – ЭССРЯ; финик. «kamar» – тёмный; чуваш. «хăмăр» – коричневый; чеч. «комарийн» – малиновый;

др.-исл. «kúla» – «шар, мяч, шишка», норв. «kul» – глыба, укр. «куля» – шар, «гуля» – шишка;

исл. «stynja», дат. «stønner», др.-киев, укр. «стонати» – стонать;
 исл. «sigti» – сито от прасл. *sěkti, укр. «сікти» – сечь;
 швед. «halvö», дат. «halvø» – полуостров от слав. «голова, холм»;
 швед., норв. «hjulet», «hjólíð» – колесо (польск. «koło», словен. «kolo») от праслав. «коло, колода»;
 швед. «varog», норв., дат. «vareg», исл. «vara, vögr» – «товар, изделие» от ст.-слав. «творити» – творить;
 швед. «nöd» – «надо, нужно» (сокращение «надобе», формы дат.-местн. п. сущ. «надоба» – «нужда, потребность», в диалектах известного со значением «нужное время»);
 исл., швед., фриз., англ. «coddle» – кутать;
 швед., норв., дат. «hav» – море от др.-киев. «губа» – «бухта, небольшой морской залив, устье реки»;
 англ. «gob» – «рот, глотка, комок» от праукр. *gouba; укр. «губа», болг. «гъба» – рот; чеш. «huba», стар. «húba», польск. «geba», в.-луж. «huba», н.-луж. «guba» – «рот, морда», – Фасмер;
 фриз. «holle», нидерл. «hoofd», англ., норв. «head» – «голова, глава, предводитель» от слав. «голова»;
 фриз. «toer», англ. «tower» – «башня, вышка, крепость, опора, пилон, оплот» от ст.-слав. «тврѣдь», хорв. «tvrđava», серб. «тврђава», словен. «trdnjava» – «твердь, твердыня, крепость» и родственно серб. «торањ», лат. «turtis», лтш. «tornis» – башня;
 фриз., нидерл., нем. «ei», серб. «јаје», словен. «јајсе», польск. «јајко» – «яичко, яйцо» от праслав. *isto – яйцо при лит. «inkstai» – почки;
 фриз. «bliþe», англ. «blithe» – «веселый, жизнерадостный, беспечный», нидерл. «blif» – «счастливый», англ. «bliss» – «счастье, нега, блаженство» от ст.-слав. «благъ» – «благой, блаженный», – Фасмер; беларус. «балазе» – благо;
 англ. «mercy» – «милость, милосердие, сострадание, пощада, счастье, прощение» от ст.-слав. «миль» или лит. «mielas, mylas» – «милый, любезный»;
 англ. «top» – «верх, вершина, макушка», кирг. «дөбө», казах. «төбе», азерб. «тэрэ», турец. «tere» – «холм, возвышенность, вершина» от ст.-слав. «тѣма» – «темя, макушка»;
 англо-сакс. *hrædas, англ. «ridge» – «хребет, горный хребет, конек, ребро, край, горный кряж» от чеш. «hrot» – «вершина, верхушка, кончик», чеш. «hořejší», болг. «горен» – «верхний, горный» или же от др.-киев.-цслав. «грьда», болг. «гредá» – «гряда, балка», укр. «гряда» – «гряда, грядка»;
 англ. «day», дат., нидерл. «dag», исл. «dagur», нем. «Tag», лит. «dienà», лтш. «diena», др.-прусс. «deinan», др.-инд. «dīnam», хинди «din», кит. «tiān», словен. «dān», серб. «дан» – день (возможно, от прабалто-слав. *diāng);
 англ. «stand», фриз. «stean», нидерл. «staan», нем. «stehen», дат., норв., швед. «stå» – стоять; англ. «stone», швед. «sten», нем. «stein» – камень; дат. «sten» – «камень, скала, утес»; босн. «stijena», серб. «стијена» – «утес, стена» от праслав. *stojati – стоять, – Фасмер (болг. «стане» – вставать; укр. «стан» – состояние; рус. «стан» – стоянка);
 англ. «scaur» – «скала, утес», ср. др.-в.-нем. «scala» – «скорлупа, шелуха» от праслав. *skala, сербохорв. «скала», словенск. «skála» – «скала, щепка» (колоть, скалывать);

Скала – общеславянское слово индоевропейской природы. Восходит к той же основе, что и щель, осколок. Исходное значение – «пропасть, расщелина» (Этимологический словарь Крылова);

англо-сакс. *druguð / «duguð» – «испытанная часть свиты» (нравственность, храбрость, щедрость, богатство) от «друг, дружина»;

англо-сакс. «tergan», англ. «jerk», болг. «дзерга́ць», польск. «dziergać», укр. «де́ргати» – дёргать, – Фасмер;

англ., дат., швед., норв. «gnit / nit», казах., кирг. «нит» – гнида от праслав. *gnida при лит. *gninda / «glinda»;

англ. «need» – «надобность, потребность, нужда, необходимость» от праслав. *doba (первонач. знач. др.-киев. «на добъ» – «вовремя, в добрый час»; укр. «доба», польск. «doba» – «сутки, время»; болг. «дóба» – «время, пора»; чеш. «období» – «сезон, время года, период»; словен. «obdobje», хорв. «gazdoblje» – «период, срок»);

англ. «grumble» – гром (родственно др.-прусс. «grumins» – гром, лит. «gruménti» – греметь, греч. «ἤρομος» – «шум, треск, ржание», «ἤρομαδος» – «скрежет, шум», – Фасмер);

англ. «root», дат., норв. «roten», исл. «rótin», лат. «radix» – корень (возможно, от латыни происходит и слав. *rod – род; словен. «rōd», н.-луж., чеш., словц. «rod», в.-луж., польск. «ród»; связано чередованием гласных с цслав. «редъ», словен. «redíti, redím» – «кормить, растить», – Фасмер);

англ. «stony» – близкий (из одного и того же «корня» – рода), др.-киев. «искрь» – близко, «искрьнь», ст.-слав. «искрь, искрьнь» – ближний, болг. «искрен», сербохорв. «и́скрънь», словен. «ískər, ískrnji» – рядом, «iskrè» – близкий (вероятно, от «ís-» и основы «stony», – Фасмер);

англ. «sheer» – «явный, истинный, чистый», гот. «skeirs» – «явный, ясный» (вероятно, от «s-» и основы «keirs» – корень), польск. «szczery», укр. «щирий» – искренний (польск. «korzeń», макед. «коренот» – корень);

англ. «calash», «carriage» – коляска, каретка от праслав. «коло, колесо»;

англ. «nest» – гнездо от праслав. *кънѣздо, польск. «gniazdo» – гнездо;

англ. «good», нем. «Gut» – «благо, добро, польза»; англ. «kudos», лит. «guðdas», лтш. «gùods» – «честь, слава» от др.-киев. «годъ» – «время, срок», укр. «гóді» – «хватит, кончено», чеш. «hodný» – «пригодный, достойный, способный», укр. «гідність» – «достоинство, честь»;

англ. «sword», фриз. «swurd», нидерл. «zwaard», исл. «sverðid», дат. «sværdet», норв. «sverdet», швед. «svärdet», нем. «Schwert» от праслав. *tverġьdъ – твердь, твердый; польск. «twardy», в.-луж. «twjerdy», блр. «цвѣрды» – твердый;

др.-англ. «mése», др.-сакс. «māki», гот. «mēki», др.-исл. «mækig», фин. «miekkä», эст. «mõõk» – меч от праслав. *meśь, – Фасмер;

др.-англ. «streal» – стрела;

англ. «pale», д.-в.-н. «pfâl», лтш. «pālis», лат. «pālus», укр. «паля» – «кол, свая», родственны исконно слав. словам «пáлка», «пáлица», – Фасмер;

англ. «dream» – «сниться, видеть во сне, грезить, воображать, мечтать» от др.-русс., цслав. «дрѣмати» – дремать;

англ. «first», исл. «fyrsta», дат., норв. «første», швед. «första», фриз. «earste», нидерл.

«eerste», нем. «erste», болг. «първата», макед. «првиот», укр. «перший» – первый; англ. «brink», польск. «brzeg» – «берег, край» от прабалто-слав. *bʔringъ – «вершина, верх, конец, край, берег»;

англ. «twice» – «дважды, вдвое» родственно укр. «двічі» – дважды и «вдвічі» – вдвое;

англ. «friend» – «друг, подруга, приятель, знакомый, товарищ, приятельница» от ст.-слав. «prijeti» – «приятъ / принять»;

англ. «wield», др.-англ. «wealdan», гот. «waldan», лит. «valdyti», эст. «valdama» – «владеть, иметь в руках» от ст.-слав. «влодѣти», босн. «vlastiti», чеш. «vlastnit, ovládat», беларус. «валодаць», укр. «володіти» – «владеть, обладать»;

англ. «bleach» – отбеливать (делать блеклым, белёсым, бледным);

англ. *blaec – тёмный, «black» – чёрный; ниж.-нем. *blāk – копоть; укр. «блак» – «смола, дёготь»; укр. «блякнути, блéкнути», польск. «blaknąć» – «выцветать, блекнуть» от праслав. *blyk- или ст.-слав. «облакъ», диссимилированного из *ob-volkъ – «волоку́, влеку́», – Фасмер;

англ. «gadfly», укр. «гедзь» – «овод, слепень»; англ. «gad», норв. «gand, gann» – «заострённая палка»; гот. «gazds», полаб. «zōdlū» – «жало» [Тележко, Фасмер]; англ. «hit» – «бить, поражать, ударять, удариться, достигать, нападать» от праслав. *žędlo – жало, диссимилированного из *geldlo (укр. «гóді» – «хватит, кончено», «годзити» – «осуждать, порицать»; польск. «godzić», серб. «погодити» – поражать; лтш. «gadīgs» – «способный, почтенный, трезвый», «gadīt» – «попадать, приобретать, находить»; праслав. *gadъ – «гадюка, змея», – Фасмер);

англ. «step» – «шаг, ступень» (от слав. «стопа, ступать»);

англ. «rag» – «острый угол» (возможно, от др.-прусск. «ragis» или от ст.-слав. «рогъ» – рог);

англ. «while» – «промежуток времени», гот. «hweila», д.-в.-н. «hwila» – «время, час, мгновение» (укр. «хвилина» – минута, «хвиля» – «волна, мгновение», – Фасмер);

англ. «swish» – «свист, шелест, шуршание, взмах со свистом, розга», «whistle» – «свист, свисток, глотка, горло, гортань», др.-исл. «hvísla» – «шептать, свистеть, бушевать», исл. «whistling» – свистящий, норв. «svijsj» – «шелест, шуршание», словен. «svíšk» – шипение, польск. «swist», укр. «свист» – свист (от праслав. *gveizd-; польск. «gwizdać», чеш. «hvízdati», словц. «hvízdat'», в.-луж. «hwizdać», н.-луж. «gwizdaś» – свистеть, – Фасмер);

англ. «apple» – яблоко;

англ. «whore» – шлюха, полаб. «chüōre» – «гадкий, грязный» (связано с д.-в.-н. «swētan», укр. «хворіти» – болеть, чеш. «churavý» – «болезненный, хилый», укр. «хворий» – больной, – Фасмер);

англ. «gray, greu» – серый, укр. «грязний» – грязный, словен. «grêz» – «тина, топь» (связано с «груз», «грузнуть / грязнуть», – Фасмер);

англ. «grab» – «захват, рейфер, самосхват, черпак, присвоение, ковш»; «gow» – грести – от праслав. *greby – гребу (укр. «загарбник» – захватчик, «гребля» – плотина, «гребувати» – гнушаться; русск. «грабли, грабитель, гребёнка, гроб, угробить, громить»);

англ. «flesh» – плоть от ст.-слав. «плть» – «кожа, цвет кожи» (подобно слову «плешь»);

англ. «glow» – «гореть, пылать, сиять, сверкать» от ст.-слав. «горѣти, горю, грѣти, грѣю»;

англ. «fall», швед. «falla» – «падать, снижаться» от праслав. *падль – «палый, низкий»;

англ. «sword», швед. «svärd», нем. «Schwert» – «меч, шпага, сабля, палаш, шашка, рапира» от многократного свёртывания (сворачивания) металлической заготовки в процессековки (праслав. *vьrtjō, *vьrtěti; *vьrtō, *versfi; *verteno; *vortь, др.-киев. «воротити», ст.-слав. «вратити» – «вращать, вертеть»; др.-инд. «vārtatē, vartati» – «крутится, катится»);

др.-англ. «slāw, slǣw», англ. «slow» – «медленный, медлительный, неторопливый, постепенный, тихий, вялый», англ. «slack» – «вялый, слабый, несильный, небрежный, медленный, расслабляющий», нем. «schlapp» – «дряблый, вялый, обессиленный», «schlaff» – «вялый, расслабленный, слабый, провисший, ненатянутый, слаботяннутый», др.-киев. «слободный», серб. «слободан» – свободный, болг. «хлѣбав» – слабый от «хлѣбать» – «слабеть, ослабевать, шататься, расшатываться, рассохнуть, стучать, брнчать, от неплотной пригонки вещи»;

англ. «all» – «все, весь, целый, всякий, возможный»; швед. «hela» – «все, весь, целый, в целом»; венг. «tele, teljes» – «целый, полный» от старослав. «цѣль» – целый;

англ. «full», гот. «fulls» – полный от ст.-слав. «плнь»;

англ. «same», дат. «samme» – «тот же самый» от праслав. *sōmos (укр. «са́ме той»; «самотній» – одинокий);

англ. «that», фриз. «dat», исл. «það» – тот;

англ. «may», дат. «må», исл. «má» – может, укр. «має», польск. «ma» – имеет;

англ. «must» (должен, необходи/мость), нем. «müssen, muss», швед. «måste», болг. «мъст», чеш. «mošt, by měl», босн. «мога», словен. «mogaš, mogažo», польск. «musi», укр. «мусить» (должен), нем. «Muss» (необходи/мость);

англ. «love», гот. «lubo» – любовь от ст.-слав. «любы», сербохорв. «лѹби» (укр. «любий» – любимый);

англ., дат. «folk» – люди от др.-русск., ст.-слав. «плѣкъ», болг. «пѣлк» – «народ, толпа».

Не исключено, конечно же, и формирование протогермано-тюркских наречий как арго, на котором сначала общались лишь полиэтничные воинские формирования, осуществляющие охрану торговых караванов вдоль Шёлкового Пути. Как долихокранным сако-массагетским племенам, так и таким же скандинавам и другим бледнолицым североевропейским племенам изначально нередуцированная и флективная протогерманская лексика, очевидно, была навязана именно этими покорившими их воинскими формированиями красноликих и брахикранных славяноязычных сарматов:

«В. Манчак провел количественное сравнение избранных славянских (древнецерковнославянских и среднеболгарских), балтийских (литовских) и германских (готских) текстов из Библии. Подсчет совпадений между лексическими единицами индоевропейского происхождения в этих текстах показал, что таких совпадений между славянским и германским больше, чем между балтийским и германским; отсюда Манчак делает вывод, что славянский праязык был также и географически ближе к германскому, чем

балтийский...» (Х. Бирнбаум, «СЛАВЯНСКАЯ ПРАРОДИНА: НОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев)»,

<http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>).

К тому же стремление к новой агглютинации есть черта германских языков, сближающая их с тюркскими языками как представителями старой агглютинации:

«Германские языки, пока были тюркскими, являлись языками агглютинативными. Однако, как будет показано в следующей части данного исследования, они попали в славянскую языковую среду и постепенно стали языками флектирующими, как это и было характерно для славянских языков. Однако по мере исчезновения славянского субстрата (вернее этнического суперстрата славяноязычных античных германцев, – П.Д.), то есть по мере истребления окружающих славян (на самом деле ассимиляции славяноязычных античных германцев тюркским, финским и другими северно-европейскими субстратами, – П.Д.) или по мере их германизации, внешнее славянское давление на германские языки прекратилось, и они стали стремиться к своему изначальному строю – к агглютинативному, что лингвисты и зафиксировали, назвав это «тенденцией к аналитизму». Понятно, что, если бы лингвисты назвали это явление «тенденцией к агглютинизму», они вынуждены были бы увидеть в качестве неизбежной цели такого развития в тюркские языки как некий идеал; но к этому ни западные, ни советские лингвисты готовы не были. Что же касается германских языков, то, оставаясь в своей основе тюркскими (и финскими– П.Д.), они в силу языковой гибкости (лабильности) на какой-то период могли стать временно флектирующими, однако, как только давление на них исчезло, они постепенно опять вернулись в исходное состояние и стали такими, какими были, – агглютинативными» (Валерий Чудинов, «Вагрия. Варяги Руси Яра: очерк деполитизированной историографии // Свидетельства фонетики и грамматики», <https://history.wikireading.ru/363231>).

Ведь таким же образом и иранский язык был навязан кавказцам осетинам персидским воинским гарнизоном, охранявшим Дарьяльское ущелье:

«Вот что пишут по этому поводу антропологи В.П. Алексеев и Ю.В. Бромлей: «Средневековые аланы отличались от осетин настолько сильно, что разница между ними соответствует разнице между крайними вариантами европеоидной расы»... «Из факта древности и автохтонного формирования кавкасионского типа уже был сделан вывод, что осетины представляют собой потомков местных этнических групп, населявших Центральный Кавказ с глубокой древности. То обстоятельство, что тип этот представлен у народов в основном картвельской, нахской и аваро-андо-дидойской языковых семей, свидетельствует о том, что местные этнические группы говорили на одном из местных кавказских языков. Серьёзные морфологические различия между аланами и современными коренными жителями Осетии, отсутствие специфического сходства между ними и сарматами не дают возможности принять гипотезу, согласно которой предками осетин были ираноязычные народы. Как примирить эти твердо установленные антропологией и не вызывающие сомнений факты с ираноязычностью осетинского народа? Единственное удовлетворительное объяснение заключается в том, что мы допускаем переход предков

осетин с местной кавказской на иранскую речь на каком-то отрезке их истории. Все другие объяснения не выдерживают критики с точки зрения антропологических фактов. Переход предков осетин – местных племен, говоривших на кавказских языках, на иную речь – речь пришлого населения – не единичное событие в истории народов Северного Кавказа. С аналогичным процессом мы сталкиваемся при рассмотрении происхождения балкарцев и карачаевцев – тоже типичных представителей кавкасионского типа...» (В.П. Алексеев, «Историческая антропология и этногенез // Антропологические данные и происхождение осетинского народа»)… К аналогичному выводу на основе анализа объективных генетических данных пришел и генетик И. Насидзе...» (Хусейн Чокаев, «Популяционная генетика о проблеме происхождения осетинского этноса»,

<http://vchechne.ru/archive/index.php/t-3008.html>, <http://galgai.com/forum/archive/index.php/t-790.html>).

И вовсе не бледнолицыми блондинами, а подобно украинцам смуглыми и кареглазыми брюнетами были знатные рода готов:

Поверженный вождь варваров, напольная мозаика VI века в Большом (Святом) дворце в Константинополе, <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/50/250px-Greatpalacemosaic.jpg>;

Реконструкции внешности готов, <https://antropogenez.ru/goty/>;

«Вестготские короли», картина испанского художника Алонсо Кано, XVII век, <http://kustodiev-art.ru/cms.ashx?req=Image&imageid=49fcd204-3f7e-490c-889b-6ec72c4a36cb;>

Король-вестгот Аларик, разграбивший Рим в 410 году, http://www.wikiwand.com/en/Alaric_I, <http://historian-hut-did-you-know.blogspot.com/2017/12/according-to-legend-visigoth-king.html>;
Аларих (Alarico) I – вождь и первый король вестготов в 382–410 годах, https://encrypted-tbn1.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcQ5qhHvOm2vy0QgAn7-pCSj4YkbWmZraZ_pjY1Gu8m3Y0rcOsF;.

476 год. Одоакр низвергает Ромула Августа (<http://argumentua.com/i/026.jpg>).

В отличие как от «белых готов» – везеготов [лат. *Vesegothae*] / гвизиготов [лат. *Guisigothae*] (возможно, финно- и тюркоязычных сако-массагетов визов [лат. *Visi*] / везов [лат. *Vesi*] = гевиссов [лат. *Gewisae* / *Geissi*, англ. *Gewissas*]), так и от свионов [лат. *Suiones*] (возможно, германизовавшихся потомков бастарнов и других кельтскоязычных племён; англ., швед. «*svan*», норв. «*svane*» – лебедь [белый]; дат. «*hvid*», норв. «*hvit*», швед. «*vit*», нем. «*weiß*», серб. «*бео*», турец., кр.-тат. «*beyaz*» – белый; лит. «*šviesus*», ирл. «*fionn*», венг. «*fényes*» – светлый; алб. «*vezullim*» – мерцать) и от других долихокраничных германо- и финноязычных племён Фенноскандии, большинство готских племён было не только тёмно-краснокожими и черноволосыми, но и короткоголовыми:

Теодорих Великий – король остготов, из рода Амалов,
(<http://www.e-reading.link/bookreader.php/1020861/Pfaylshifter - Teodorih Velikiy.html>,
http://100v.com.ua/sites/100v.com.ua/files/imagecache/person_node/teodorih_velikiy.jpg);

Справа на переднем плане изображен черноволосый готский воин со свейской

(праславянской / древнекитайской) прической:

«Готская военная знать могла носить особые прически, напоминающие «свебский узел», в связи с этим гребни обладали и определенной социальной значимостью» (Ирина Зиньковская, «Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья», <https://coollib.com/b/516221/read>);

«В древнем Китае волосы служили не просто украшением внешности, а еще указывали на статус человека. Чаще мужчины носили прически из длинных волос, которые собирались в тугие пучки на темени «цзы». Над лбом, на висках и затылке, волосы очень тщательно приглаживались, а пучок волос закреплялся шпилькой» («Прически древнего Китая», <https://greecehist.ru/drevnij/drevnij-kitaj-pricheski.html>);

«Мужчины в древнем Китае предпочитали носить длинные волосы, которые укладывали в пучки на макушке или на темени. При этом волосы нужно было тщательно приглаживать, чтобы прическа выглядела просто безупречно» («История и традиции прически в Китае» <https://usachi.ru/stil/istoriya-i-traditsii-pricheski-v-kitae/>);

«Ультрасовременно и спортивно выглядит обычный «лошадиный хвост», уложенный в традиционный пучок чонмага» («Чонмаге – модная прическа, пришедшая от древних самураев [древних китайцев и предков большинства славян – свебов / свалов / *славов, – П.Д.]», <https://yaki.me/chonmage-prichyoska-samuraev/>):

«Поселенцы Хэмпшира, которые со временем вместе с соседними графствами стали известны как западные саксы, называли себя не саксами, а гевиссами (Gewissas), и наиболее вероятным значением этого названия является союз, или совместная деятельность в определенных защищенных границах союза. Их позднее имя западные саксы было, по-видимому, географическим названием. Имя саксы без сомнений было удобным для описания племен, которые мигрировали в Англию с северного побережья Германии, простирающегося от устья Рейна до устья Вислы, но между собой эти саксы были, конечно, известны своими племенными именами... Норвежские брюнеты (германизировавшиеся потомки как балтоязычных гудов / языгов, троксолан / роксолан и антов / ансов, так и славяноязычных потомков аланов-торков, гётов / гаутов и вилькинов / вильтинов = вильцев / лютичей, – П.Д.) отличаются от типичных блондинов этой страны двумя особенностями. Во-первых, они широкоголовые, тогда как блондины, составляющие основную массу этого народа, длинноголовые. Арбо ясно показал, что не только более широкоголовые жители этих прибрежных районов являются в целом смуглыми (темными), но среди них широкоголовые люди имеют тенденцию быть более темными, чем другие типы... ...в Норвегии обнаруживаются следы широкоголовой, отличающейся от лопарей смуглой расы, о существовании которой уже упоминалось, и которая описана Рипли как, вероятно, альпийского происхождения. Вполне вероятно, что этот обычай наследования самой старшей дочерью в Норвегии может происходить от этих древних норвежцев и сохранился в своей настоящей форме на территории этой страны» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Люди своеобразного типа живут у Согне-фьорда (Норвегия, – П.Д.): темноволосые мезо- и брахикефалы среднего и низкого роста с «южным» темпераментом в речи и движениях, весьма воинственные. Возможно, в этой замкнутой области в результате отбора (из западной, восточной и нордической составляющих) возник наследуемый комплекс

признаков, а может быть, речь идет о расе неизвестного происхождения...» (Ганс Ф.К. Гюнтер, «Избранные работы по расологии», http://korolev.msk.ru/books/dc/Gunter_works5340.txt).

А именно, брахикранией обладали не только тёмно-краснокожие остготы (гревтуинги / грутунны = хорутаны) и вестготы (тервинги = червяне = сербы), но и светлокожие гелпиды [лат. Gelpidae] / гепиды [лат. Gepidae, греч. Γήλαοες] / гебиды [лат. Gebidae], возможно являвшиеся славянизовавшимися потомками кельтов гельветов и предками белых хорватов, а также и увлечённые ими за собой в Паннонию из Фенноскандии лопари – брахикранные и светлокожие предки вепсов (веси и чуды), захоронения уралоидных потомков которых находят вместе с захоронениями аваров и паннонских славян:

«Элиас Лённрот, побывавший летом в 1842 г. у вепсов Приоятья, пишет, что «люди в этих местах довольно милостивы, сухощаты и стройны». Весьма выразительное описание вепсов оставил В.Н. Майнов, один из первых отечественных исследователей вепсов в конце 1870-х гг. Он опубликовал таблицы измерений и описания 23 приоятских вепсов (из них 5 вепсянок), обследованных им по программе Антропологического парижского общества. Это недостаточно для значительных выводов, но его характеристика вепсов весьма живописна: «Достаточно взглянуть на чудянина, чтобы сразу приметить ту разницу, которой он отличается от своего соседа – русского. Его выдаёт его раскосость, светлоглазость и скуластость; бороды у них окрашены на один или два тона светлее волос. Нос широк и курнос, и сплюснен, с выступающей из-под носа мочкою. Чудяне обладают очень красивыми бровями; они образуют весьма резко очерченную дугу и лишь крайне редко вытянуты в прямую линию. Рот у них мал и красиво очерчен, подбородок несколько остр. Чудяне, в большинстве своем, являются очень коротко и круглоголовыми». ...рост у вепских мужчин составлял 1,69 метра, у женщин – 1,62 метра, оценивая его как выше среднего... У представителей прионежского варианта лапоноидность выражается в относительно чаще встречающемся широком лице и носе, низком переносье, вогнутой спинке носа, эпикантусе (складке у верхнего века, создающей впечатление «монгольских» глаз), более темных глазах, а в некоторых группах и темных волосах... Известный антрополог Г.Ф. Дебец по материалам 1933г., когда вепское население еще не затронуло смешение, все же особо выделял белозерских вепсов как исключительно светлопигментированное население Севера Европы...» (З.И. Строгальщикова, «Вепсы. Очерки истории и культуры», https://studydoc.ru/doc/2237055/vepsy-ocherki-istorii-i-kul_tury);

«В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. В прежнее время, правда, они назывались савроматами и меланхленами. Некоторые называли эти племена гетами. Все эти народы, как было сказано, отличаются друг от друга только именами, но во всем же остальном они сходны. Все они белы телом (очевидно, всё же не все, а лишь потомки сако-массагетов саксы и гевиссы, а также балтизовавшиеся потомки финноязычных скифов, так как потомки савроматов вандалы в то время были ещё темно-краснокожими, а потомки сермендов / сарматов тервинги = червяне = сербы и гревтуинги /

грутунны = хорутане были в то время вообще тёмнокожими – цвета спелой вишни или спелой малины, – П.Д.), имеют русые волосы, рослые и хороши на вид у них одни и те же законы, и исповедуют они одну и ту же веру...» (Прокопий Кесарийский, «Война с вандалами», гл. II, <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framevand11.htm>, <http://www.illuminats.ru/component/content/article/163--ii>);

«Готы обратились в христианство лишь после поселения их в пределах Римской империи, притом они согласились принять только рационалистическую форму христианства, именно арианство, а не католицизм... Население окрестностей Тулузы, бывшей главным центром альбигойцев, более короткоголово, чем какая-нибудь другая часть Южной Франции, а Тулуза была столицей вестготов...» (Исаак Тейлор, «Славяне и арийский мир», http://www.razlib.ru/psihologija/slavjane_i_ariiskii_mir/p2.php);

«Немецкий исследователь Карл Мюлленгоф доказал, что имя «вилькинов» (являвшихся согласно «Тидрек-саге» скандинавами, – П.Д.) и их короля Вилькина происходит от названия племенного союза балтийских славян «вильцев», а исторической основой сюжета о войнах Тидрека с Озантриксом, королем вилькинов, являются столкновения балтийских славян с саксами. Шведский ученый Густав Сторм, развивая взгляды Мюлленгофа, сопоставил отдельные эпизоды саги с известными историческими событиями, связанными с борьбой балтийских славян за свою независимость в X в. (походом германского императора Оттона III на датского короля Гаральда Блотанда и славян 972 г. и восстанием балтийских славян 983 г.)...» (Н.В. Филин, «Об историческом прототипе Ильи Муромца», <http://histline.narod.ru/il03.htm>);

«Тур Хейердал, знаменитый норвежский путешественник и национальный герой, сначала выдвинул предположение, затем стал искать ему подтверждение и, наконец, выдал как научно доказанный факт такую идею – родиной норвежцев (не скандинавов, а именно норвежцев!) является... северное побережье Азовского моря. Доказательство лежало на поверхности и было понятно любому: во введениях к написанным в 1220-е годы своду саг о норвежских конунгах «Круг Земной» и «Младшей Эдде» (памятникам, которые норвежские дети читают в школе, как наши – «Слово о полку Игореве») их автор, Снорри Стурлусон, пишет о том, что Один и другие божества древнескандинавского языческого пантеона на самом деле были вождями народа асов, первоначально обитавшего в «Великой Свитьод», которая располагалась где-то в Азии или в Трое и которую другие сочинения помещают в Северном Причерноморье. Они-то и привели свой народ в Скандинавию. От аса (аланаторка, – П.Д.) Одина и его сына Ингви-Фрейра и произошли (лишь смуглые и брахикранные, – П.Д.) шведы и норвежцы. Для Т. Хейердала было очевидно: прародина асов (и, соответственно, норвежцев) находится там, где сохранилось их исконное название – Азов (турецкий Азак – бывшее поселение караболгар утигуров = ясов = асов, – П.Д.)! Заглядывать в этимологические словари не требовалось, созвучие ас – Азия – Азов говорило само за себя...» (Елена Мельникова, «Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке», <http://www.ulfdalir.ru/literature/735/1953>);

«Теперь посмотрим на Швецию. Там, в отличие от Зеландии была местная королевская власть. Король Гюльфи, согласно преданию, придя в восторг от учения Óдина, пригласил его к себе и предложил распоряжаться, как его душе было угодно. Но когда Óдин умер, то королевская власть перешла к его сыну Ньёрду (Нарту, – П.Д.). Казалось бы, утвердилась линия мигрантов? Давайте разберемся. Во-первых, Ньёрд не был родным сыном Óдина. Ньёрд по происхождению был ван (жуан / жун = гунн / вэньоуто = венендер = венед, – П.Д.), к Óдину он был отправлен как заложник и был им усыновлен. Т.е. он был «юридическим» сыном Óдина, но хромосома юридически не передается. Но мало этого. Ньёрд был женат на дочери местного «великана» Скади – охотнице, бегающей на лыжах и любящей горы больше моря. Для меня это портрет, очень близкий саамским женщинам (великанами в Скандинавии до пришествия вилькинов были вовсе не саамы, а балтоязычные савроматы – гуды = язгы и роксоланы, – П.Д.). Вот сын от этой Скади Фрейр-Ингви и стал родоначальником шведской династии Инглингов. Не Ньёрд, муж Скади, хоть он и «вышел в зятья», а сын Скади. Но что касается Y-хромосомы, то вопрос продолжает оставаться открытым. Если Фрейр-Ингви был биологическим сыном Ньёрда, то он перенёс на Скандинавский полуостров свою ДНК-линию, линию ванов – (савромато-сарматский = балто-славянский, – П.Д.) гаплотип **R1a-M458**? Но если, как в случае со Скьёлдом, имел место сакральный «брак», то Y-хромосома в новой династии Инглингов осталась от автохтонов (от «великанов»), а от мигрантов-ванов (балтоязычных венедов, предводительствуемых потомками тоже великанов – славяноязычных вилькинов / велетов = аланов-торков, – П.Д.) было принесено династийное имя. Что же до асов (очевидно, аланов-торков и юэчжийской по происхождению знати утиев / ясов и усуней, – П.Д.), то они и здесь были больше по идейной части...» (Лидия Грот, «Что считать «тёмными веками» (ответ И.Л. Рожанскому)», <http://pereformat.ru/2014/03/temnye-veka/>);

«Хазарский царь Иосиф, правивший в середине X века, в письме придворному кордовского халифа Абдаррахмана III Хасдаю Ибн-Шафруту пиетал, что хазары вели войну с народом в-н-н-т-р (в другом варианте письма в-н-н-тит), в ходе которой заняли его страну. При этом побежденные вынуждены были перейти большую реку и обосноваться на другом берегу. Знаменитая арабо-персидская книга «Области мира от востока к западу» («Худуд ал-Алем»), созданная в своей основе в первой половине IX в., «помещает» этот народ венендеров (возможно, вэньоуто из Вэньсу, – П.Д.) вблизи Азовского моря на правом берегу Дона, а располагающийся севернее Донецкий кряж там же поименован Венендерскими горами. На этой территории археологами была открыта цепь оборонительных белокаменных крепостей (возможно, царских усуней язаматов или же венендеров, – П.Д.), расположенных вдоль берега реки» (Вадим Кожинов, «Россия. Век XX (1901 – 1939) // Настоящие хазары в период иудейского господства»).

Очевидно, многочисленные чермные (тёмно-краснокожие) балтоязычные и славяноязычные горцы – брюнеты готы = геты (язгы = гуды: смоляне исторической провинции южной Швеции Смóланд [швед. Småland] и другие как балтоязычные гревтунги-

кривичи, так и славяноязычные гревтунги-хорутане, возможно являвшиеся дальними потомками сугудов и хотанцев; хинди «сѳī» – «вершина, гряда»; каннада «Oḍḍina» – «гряда, хребет»; груз. «k'edze» – «горы, гряда»; нем. «Kette» – «гряда, вереница»; кит. «gǔdài» – древность; кор. «godaе», нидерл. «oude» – древний; эвенк. «уту», нидерл. «oud» – старый; санскр. «jātu», арм. «jyut' / dzyut'», лит. «deguto», франц. «goudron», каталан. «quitrà», итал. «catrame», венг. «kátrány», тадж. «қатрон», англ. «cudu / cud» – «смола, живица, дёготь, гудрон»; санскр. «hataka», нидерл. «goud» – золотой; фин. «hohtaa» – сверкать; осет. «кад», англ. «kudos», лит. «guōdas», лтш. «gūods» – «честь, слава»; хинди «āḍara», лтш. «godu», укр. «гідність» – честь), обитали не только на южном, но и на северном побережье Сарматского (Балтийского) моря. Предводительствовали же ими согласно «Тидрек-саге» родственные вильцам = лютичам славяноязычные великаны – вилькины / вильтины. Ансы [лат. Ansi] – готское племя великанов, предки рода Амалов (ст.-нем. «Enz / Anzi» – великан):

«Они (вильцы = лютичи, – П.Д.) отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, [защищающем] послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент [хагана]. А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор, [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию (Гераклею, – П.Д.)» (Феофилакт Симокатта, «История», <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/rametext1.htm>; http://www.adfontes.veles.lv/viz_slav/feofilakt.htm).

Увлёкши за собой и других червоннозолотых балтов – галиндов, голядь, колдов (англ. «gold», эст. «kuld» – [червонное] золото), балтоязычные брахикранные гуды постепенно славянизировались на землях Украины более многочисленными и такими же «древними», черными, высокорослыми и брахикранными горцами – гревтунгами / грутуннами = хорутанами, тервингами = червянами и другими славяноязычными готами и аланамиторками. А именно, брахикранные потомки савроматов усуней (язаматов, языгов = гудов) и западных согдийцев (сугудов = согдов) балтоязычные остготские племена (остроготы), токсоланы / роксоланы (лат. «dexter», ст.-слав. «десънь», лит. «dessine», санскр. «daksa», гот. «tihswa» – «правый, восточный»; лтш. «austrumi», др.-исл. «austr» – восток; праиндоевроп. *austr- – блестящий; общеиран. корень «suč-», др.-иран. «rauxš-», санскр. «гис-», эст. «särama» – «блестеть, сверкать») постепенно ассимилировались вместе с ранее балтизировавшимися долихокранными предками кривичей славяноязычными потомками

сарматов да-юэчжи (сугудов) и аланов-торков – славяноязычными античными германцами (хорасанцами и хоразмиями = хорутанами = хурусами / русами, боранами и другими предками полян; лит. «greta» – «около, возле, рядом»; чеш. «hrot» – «вершина, верхушка, кончик», «hořejší» – «верхний, горный»; лтш. «grēda» – «гряда, хребет»; др.-греч. «γεραιός», «πολιός», нем. «greis», санскр. «pṛāṇa», хинди «pṛācīna» – «старый, древний»; англ. «grey-headed», греч. «παλαιός» – старый; норв., швед. «grå», «grått», англ. «gray» – «серый, седой»; праиндоевроп. *g^hel-, санскр. «hari», лит. «gelta», нем. «glitzern» – сверкать; англ. «glitter», лит. «žèrėjimas» – блеск; перс. «xorâsân / хорасан» – «откуда приходит солнце / восток»; санскр. «pṛiva» – «первый, передний, восточный»), утигурами = ясами и другими бывшими хорасанцами и хорезмийцами (хурусами / русами). Балтоязычные вестготы ассимилировались славяноязычными тервингами (червянами / зеруянами, древлянами, тревунянами, требовлянами и другими сербами / сорбами, являвшимися, как и таджики сорты / сарты, потомками как славяноязычных сяньби, так и славяноязычных согдийцев = сугдов; макед. «сртот» – «гребень, гряда»; ст.-слав. «древльнѣ», удм. «дыр» – «древность, старина»; венг. «deres» – «седой, древний», «derék» – «достойный, славный»; эвенк. «сагды» – старый; прабалто-слав. *su-gūdaì – «очень древние»):

«До недавнего времени принято было отождествлять грейтунгов с остроготами (остготами, – П.Д.). В литературе последних лет снова возродилась дискуссия, начавшаяся еще при Т. Момзене, о том, с какими племенами идентичны грейтунги (гревтунги, – П.Д.) и почему Иордан не применял к остроготам этот этноним. Некоторые исследователи склонны считать, что в III в. грейтунгов нельзя приравнивать к остроготам. Среди материалов письменных источников имеются некоторые свидетельства, которые показывают, что этникон «грейтунги» и «остроготы» не являлись двойными наименованиями одной из ветвей племени готов. Так, даже в конце IV в. в одном из стихотворений Клавдиана называются племена грейтунгов и остроготов рядом как существующее каждое самостоятельно: «Ostrogothis colitur mixtisq̄ue Grutingis Phryx ager...» В. Краузе высказал предположение, что в процессе совместного выступления в походах и войнах III в. эти племена могли смешаться друг с другом и что, возможно, это и дало повод Аммиану Марцеллину идентифицировать их в середине IV в. По мнению Х. Розенфельда, именно из грейтунгов и тервингов, независимо от гуннского нашествия, в Семиградье и пограничной венгерской низменности до Тиссы формируется в III – IV вв. народ, который впоследствии станет известен как остроготы. Косвенным образом на какие-то различия между остроготами и грейтунгами указывают и их передвижения в Северном Причерноморье. В источниках не имеется каких-либо свидетельств об их географическом расположении по отношению друг к другу. Вторжение грейтунгов в III в. в империю шло со стороны Северного Причерноморья. Применение древними авторами данного этникона имеет место при описании событий, происходивших в дунайских провинциях империи. Со значительной долей вероятности можно говорить, что грейтунги размещались ближе к границам империи, чем остроготы, поскольку древние авторы фиксировали поселение на территории империи: сначала их, а уже потом остроготов. Возможно, с передвижением первых связано в 235 г. прекращение чеканки монет в Ольвии и в 238 г. – в Тире. Однако римский гарнизон оставался в Ольвии до 248г. Вероятно, независимо от натиска гуннов грейтунги начали постепенно передвигаться к

Днестру, где и зафиксировал их в середине IV в. Аммиан Марцеллин... В поход 248 г. включились те готы, которые размещались западнее Днестра, т.е. везеготы (бледнолицые визи, на основе наречий которых, возможно, и сформировался литературный готский язык, – П.Д.) и тервинги (славяноязычные тёмно-краснокожие червяне – предки сербов, – П.Д.). Эти племена не идентичны (и отличались друг от друга не только языками, но и как антропологически, так и цветом кожи, – П.Д.). У древних авторов второй половины III – IV в. можно проследить различие между ними, хотя трудно установить, в чем оно состояло. Однако они называют эти племена рядом как существующие самостоятельно. Так, Поллион в биографии императора Клавдия сообщает: «...грутунги, австроготы, тервинги, визи... вступили в римские пределы» (...Gruthungi, Austrogoti, Tervingi, Visi... in Romanorum solum intraverunt). Мамертин в панегирике императору Максимиану прямо заявляет, что тервинги – это «другая часть готов» (Tervingi pars alia Gothorum). В V в. Орозий писал, что «Дакия, где и Готия» (Dacia ubi et Gothia) – и что там живут тайфалы, виктуалы и тервинги (потомки тарпетов и предки сербов червяне – П.Д.)...» (Вера Буданова, «Готы в эпоху Великого переселения народов», <https://coollib.com/b/419898/read>; <http://testlib.meta.ua/book/326804/read/>);

«В 269 г. готы приняли активное участие в новом походе. По характеру и масштабам он отличался от всех предыдущих морских и сухопутных вторжений. Коалиция племен состояла из певкинов, грейтунгов, австроготов, тервингов, визи, гепидов, герулов и каких-то кельтов. Поллион, один из авторов «Истории Августов», сообщает, что эти племена, «охваченные жадной добычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения»...» (В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова, «Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты», <http://flibusta.site/b/493178/read>; <http://www.twirpx.com/file/1272777/>).

На то, что большинство готов было славяноязычными германцами указывает славянское происхождение одного из их предводителей Радагайса (Родогайс, лат. Radagaisus, греч. ΡοδογαίσοϚ), вторгшегося во главе огромного войска в северную Италию в 405 году. Современники нашествия Радагайса (Орозий, Олимпиодор, Августин, Проспер, Галльская хроника 452 года) не называют его этническую принадлежность, но отмечают, что под его началом находились готы:

«Историк XVIII века Э. Гиббон в своей популярной «Истории упадка и падения Римской империи» связывает имя Радагайса с именем одного из славянских богов Радегаста, известного по свидетельствам XI века. В поддержку своей гипотезы Гиббон приводит только фонетическую близость имён. Имена с окончанием на -гаст были хорошо известны в IV–VI вв. и адекватно отображались в источниках. Историк 1-й половины XX века Джон Багнелл Бьюри полагает, что Радагайс привёл соплеменников остготов с берегов Днестра» («Интересные истории об известных личностях...», http://www.people.su/91150_2).

На это же указывает и множество других фактов:

«В отличие от восточных готов (хорватов = гелбидов / гепидов и хорутан =

грутуннов / гревтунгов; хръвт → [hroʊθ] → [hrö:θ]; праиндоевроп. *h'reudh-o'-, *h'reudh-o- – красный; санскр. «gaugá» – красноватый, – П.Д.), произносивших свой этноним «краснящие(ся)» по-готски как [hrö:ðun], западные готы (тервинги / *цервинги / червяне = сарматы = *сербаты / сербы; сьрб → [serv] → [θerv], – П.Д.) постепенно перешли на язык антов и стали произносить этот общеготский (западнославянский, – П.Д.) этноним по-антски (южнославянски), то есть «церьвящие(ся)» (серб. «црвен» – чермный = червонный = красный; праиндоевроп. k^wr̥-mi-, серб. «црв», латгал. «tuorps», лтш. «tārps» – червь, англ. «heart» – черви, – П.Д.). На готском (западнославянском, – П.Д.) языке этот вариант этнонима звучал как [θervin] (ðervin)], поскольку в древнегерманском (западнославянском, – П.Д.) языке аффрикаты «ц» не было и она заменялась межзубным, который в силу особенности древнегерманского языка произносился полузвонко, где-то между [θ] и [ð]... Итак, не легендарное, а историческое государство Рейдготаланд было создано в III веке н.э. причерноморскими готами, называвшими себя [hrö:θ] (прозванные славянизированными ими балтами «ореховыми [укр. «горіховими»], коричневыми, гнедыми» или же кроваво-красными / чермными; праслав. *хрѣда / *хруда, ст.-укр. «руда» – кровь; праслав. *хрѣда, праукр. *грѣйда – «грязь, красная глина»; укр. «крейда», нем. «Kreide» – «белая глина, мел») и известные нам в иноязычной передаче как: hros / hrus, рос / рус, роди, ῥῶς (англ. «gusset», лит. «gusvas», фин. «guskea» – «коричневые, ореховые», – П.Д.). На восточнославянской (поздней славяно-балтской, – П.Д.) почве у [hrö:θ] неизбежно должно было отпасть отсутствующее в древнерусском языке (городском койне, – П.Д.) придыхание [h], а [θ] – перейти аналогично греческому языку в [s]: [hrö:θ] → [rö:s] → рос / рус. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что лингвистически превращение в древнерусском языке этнонима грейтунгов [hrö:θ] в рос / рус вполне закономерно» (Владимир Егоров, «Русь и снова Русь», <http://www.lants.tellur.ru/~vegorov/hraith.htm>, <http://www.ipiran.ru/egorov/hraith.htm>);

«Первая волна, сокрушившая Западную Римскую империю, была не германской, а алано-славянской! Западные славяне-вандалы и (такие же славяноязычные, – П.Д.) сарматы-аланы основали государство в Южной Франции, Испании и затем в Африке... Одоакр, опиравшийся на славянские племена герулов и ругов (плюс, несомненно, сарматов-аланов, поскольку герулы долгое время проживали на Дону, в районе г. Танаиса), лишил власти последнего римского императора в 475г... Начиная с 568 г. в Италии доминировали западные славяне-винилы (лангобарды)... Наконец, знаменитые готы, долго господствовавшие в Италии и Испании, готы, само имя которых превратилось в символ «германства», на самом деле представляли собой сравнительно небольшую элитарную прослойку скандинавского происхождения в раннегосударственном алано-славянском образовании. Дело в том, что археологический след готской империи в Причерноморье – Черняховская культура 3 – 4 вв. дает основание считать, что основную массу оставившего ее населения составляли аланы-сарматы, а также и славяне. Ни археологически, ни антропологически собственно «готская» компонента не прослеживается. Из этого некоторые исследователи делают вывод, что готы – это вообще миф... Но не могут быть совершенным мифом сообщения античных авторов о прибытии готов на трех кораблях с «острова Скандзы», о подчинении на южном берегу

Балтики ругов и венедов, о движении на юг, в Причерноморье в «плодородную страну Ойюм» и т. д.; современным источникам тоже следует доверять. Нет, готы в Причерноморье все же были, но сама трудность обнаружения их следов показывает, что выделить компоненту материальной культуры, подтверждающую иноземное происхождение только правящей элиты, династии, практически невозможно. А ведь именно таким путем хотят доказать «бытие» норманнов в 9 – 10 вв...» (Нина Васильева, «Русь и варяги», <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva4/vasilyeva4-7.htm>);

«Алариху удалось организовать сильное войско готов и алан, с которым Аларих выступил из Паннонии в Италию. В 410 г. они захватили Рим... Норик и Реция были также потеряны для римлян. Эти провинции опустошали герулы, аламанны, тюринги, ругии. Пограничные города подвергались нападениям племен из-за Дуная. Жизнь городов проходила в постоянной тревоге, в лишениях продовольствия, в набегах варварских племен, которые уводили за Дунай множество пленных. Походы Одоакра против ругиев за Дунай в 487 и 488 гг. привели к тому, что ругии были совершенно разбиты. Часть населения Норика была выведена Одоакром в Италию. Римская власть на Дунае была утрачена...» (Ю.К. Колосовская, «Передвижения племен и падение Западной Римской империи», http://kirsoft.com.ru/mir/KSNews_351.htm /; Ю.К. Колосовская, Е.М. Штаерман, «Кризис и гибель античного общества // Передвижения племен и падение Западной Римской империи», http://sno.pro1.ru/lib/istoriya_evropy/25.htm#a3);

«Остроготы (остготы, грейтунги) (лат. ostrogothae, восточные готы), одно из готских племен, завоевавшее Италию и образовавшее на ее территории свое королевство в 493 – 552 годах. В III веке населяли Северное Причерноморье и Крым. Во второй половине IV столетия создали племенной союз во главе с королем Эрманарихом, в который входили другие германские племена (в основном лишь частично германизовавшиеся балты гуды, – П.Д.), а также славяне (гревтунги / грутунны = хорутане, – П.Д.) из Поднепровья (в частности, из окрестностей Киева) и скифо-сарматские племена (точнее, славяноязычные аланы, – П.Д.). В 375 году, когда гунны вторглись в их королевство, король Эрманарих покончил с собой, а остроготы мигрировали на запад. Значительная часть остроготов поселилась в Паннонии (и в Норике, – П.Д.), где они пользовались покровительством Римской империи. В IV веке остроготы, являясь римскими федератами, продвинулись во Фракию и Мезию, а затем, после голодных восстаний против Рима – в Паннонию. В 80-е годы V века среди остроготов назрело новое недовольство. Тогда византийский император Зенон предложил Теодориху возглавить поход в Италию и устранить узурпатора Одоакра, свергнувшего еще в 476 году последнего римского императора Ромула Августула... Остроготы гораздо мягче, в сравнении с другими варварами, отнеслись к землевладельцам, довольствовавшись одной третью земель или только третью доходов с них. Расселение остроготов производилось римскими чиновниками. Римляне Боэций и особенно Кассиодор заняли видное положение в управлении королевством. Даже знаменитый эдикт Теодориха Великого являл собой не запись обычного права, но традиционный римский закон» («Энциклопедия мифологии // Остроготы», <http://godsbay.ru/civilizations/ostrogoty.html>);

«Остроготы Теодориха были полиэтнической армией, состоящей из «готов», которые в свою очередь включали группы амалов, ругиев, вандалов, аланов, герулов, скиров, тюрингов, свевов, сарматов, тайфалов, гепидов и алеманов, – см.: Pohl W. Conceptions of Ethnicity in the Early Medieval Studies // *Archaeologia polona*. Vol. 29. 1991...» (цит. по Андрей Шпирт, «Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего средневековья», <http://www.imomi.unn.ru/wp-content/uploads/2017/docs/Almanac-on-the-history-of-the-Middle-Ages-and-the-Early-Modern-Times-Issue-3-4.pdf>);

«Готы, жившие на южном берегу Балтики, по мнению венского профессора, имели не так много общего с их «тёзками», утвердившимися в Северном Причерноморье, и ещё меньше – с беглецами, пожаловавшими на Апеннины и Пиренеи. Двигаясь всё время на Юг, готы втягивали в свою орбиту огромные массы населения, ранее с ними не знавшегося, они навязывали им собственную программу (*verfassung*). Разумеется, при этом всегда сохранялось ядро традиции, представленное князьями и элитой, главными носителями культурного своеобразия. По мысли Вольфрама, для любого успешного этногенеза в принципе необходимо три обязательных условия: военная победа вождя-основателя; миф об общем происхождении; и уже упоминавшееся *traditionskern* – «ядро традиции» – играющее роль механизма, поддерживающего данный миф, передающего его новым поколениям и тем самым обеспечивающего его жизнестойкость» (Игорь Коломийцев, «В когтях грифона // Ромул и склавини», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_dvadcat_tretja_romul_i_sklaviny/0-327);

«Когда слух о многочисленных победах лангобардов распространился повсюду, Нарзес, императорский секретарь, который в то время управлял Италией и теперь вооружался на войну против Тотилы, короля готов, отправил посольство к Альбоину и просил его, так как он уже и прежде был в союзе с лангобардами, помочь ему в борьбе с готами. Альбоин послал ему тогда отборное войско, чтобы поддержать римлян против готов. Лангобарды, переплыв через Адриатическое море в Италию, соединились с римлянами и начали войну с готами. Победив готов вместе с их королем Тотилой почти до полного их истребления, они вернулись домой победителями, удостоенные богатых даров. И все время, пока лангобарды владели Паннонией (начиная с 550 г., – П.Д.), они помогали римскому государству против их неприятелей... Собираясь в поход на Италию с лангобардами, Альбоин послал за помощью к своим старым друзьям, саксам, желая, чтобы завоевателей такой обширной страны, какой была Италия, было как можно больше. Свыше 20 тысяч саксов, вместе с женами и детьми, поднялись со своих мест, чтобы, по его желанию, отправиться в Италию. Клотарь и Сигиберт, франкские короли, услышав об этом, переселили швабов и другие народы на земли, оставленные саксами...» (Павел Диакон, «История Лангобардов», кн. II, http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frametext2.htm);

«В Великопольской хронике содержится одно важное свидетельство, которое подтверждает слова Нестора о расселении славян (гревтунов / грутуннов = *хорутенов / хорутан = *хорусынов / русинов = хурусов / русов – «доблестных рутенов = русов» и др., –

П.Д.) из Подунавья в Паннонии: «...Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех... В научной литературе наблюдается парадоксальный разброд и шатание в вопросе о том, кого имеет в виду Нестор под волохами. Так под ними видели и фракийские племена, и римлян... Есть и прямое указание летописи на то, что Влохи и есть Лангобарды. «938. Зде столь или маестать цесарский прешель отъ Франковъ или Галловъ, такоже и от Влохъ или Лонгобардовъ до княжать Немецкихъ» (ПСРЛ. т.22 ч. 2). Нашествие волохов не привело к полному вытеснению славян из Паннонии. Они там продолжали жить вместе с волохами (волотами, укр. «велетнями», – П.Д.), т.е. лангобардами. Интересно, что это находит полное подтверждение с археологическим материалом, который приводит Седов В.В. в своей работе «Славяне». Так как лангобарды появились в Паннонии около 526 года н.э., мы имеем и достаточно надежную дату начала расселения славян. Именно эта территория затем упоминается еще раз Нестором в связи с нашествием венгров. Причем венгры изгоняют волохов и селятся вместе со славянами. (898) «И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали воевать с жившими там волохами и славянами. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской» (пер. Лихачева)...» (Алексей Олейниченко, «Великопольская хроника о расселении славян», <http://a-oleynichenko.narod.ru/index/0-40>);

«Таким образом, мы видим, что причиной расселения западных южнобалтийских славян, поляков и восточных славян является нашествие волохов (лангобардов) на территорию Паннонии, где славяне проживали вместе с гепидами. Летописец указывает и причину этого расселения и дает, тем самым, дату начала этого переселения (после 526 года). Таким образом, мы видим, что западные прибалтийские славяне, как и восточные начали свое движение в первой половине VI века. И летописец знает об этих событиях. Вполне возможно, что он знал и о первоначальном месте жительства лангобардов. Тем более, что контакты славян с лангобардами не прерывались в Паннонии вплоть до нашествия венгров. Дело в том, что само нашествие лангобардов не привело к тому, что славяне полностью покинули Паннонию, а за ними и лангобарды. Как свидетельствует летопись, и лангобарды, и какая-то часть славян продолжали жить и контактировать в Паннонии вплоть до нашествия венгров (славяноязычные лангобарды уступили Паннонию славяноязычным аварам = жуаньжуаням / жужаням и переселились в Италию задолго до нашествия венгров, – П.Д.)» (Алексей Олейниченко, «Варяги и Русь», <https://alex-oleyni.livejournal.com/tag/ПВЛ>; «ПВЛ о варягах», <https://alex-oleyni.livejournal.com/24018.html>);

«...вряд ли романцы Италии и остготы (славяноязычные грейтунги = хорутаны, – П.Д.) могли ужиться в одной стране. ...остготы могли бы выжить, если бы находились на окраинах Римского Мира, например в Норике или Реции, которые не имели для Византии такого значения как Италия. Но при этом нужно иметь в виду франкскую экспансию Хлодвига и его потомков (Хлодомира, Хлотаря). Алеманны и баварцы были федератами

франков, а королевства тюрингов и бургундов франки аннексировали. Герулов в Паннонии победили лангобарды, гепидов же погубило переселение аваров в Центральную Европу. Реция и Норик были единственными относительно безопасными регионами для остготов...» (Кривонис, «Остготы. Как они могли избежать гибели?»), <http://historica.ru/index.php?showtopic=11222&mode=threaded&pid=596913>);

«В водной части «Повести временных лет», пытаясь определить место славян в мире, автор ее приводит известную библейскую легенду о Вавилонском столпотворении и разделении языков, в числе которых, по его словам, и «бысть язык словенск, от племени Афетова, нарцы (разночтения: норцы, норицы. – В.К.) еже суть словене»... Принято считать, что, несмотря на введенный летописцем легендарный сюжет, в отрывке сохранилось какое-то смутное воспоминание о действительно имевшем некогда место наименовании славян – нарцы (норцы), восходящем к названию известной придунайской провинции Норик. «Нарцы, – пишет Д.С. Лихачев, – или норики – жители Норика... В VI в. здесь уже жили славяне (славяноязычные остготы гревтунги / грутунны = хорутаны, – П.Д.). Поэтому, очевидно, а может быть и вследствие какого-либо предания норики и были отождествлены на Руси со славянами» (Д.С. Лихачев. Комментарий. – В кн. «Повесть временных лет», т. 2. М., 1950, стр. 213). Второе упоминание о нарцах содержится в «Толковой Палее», в которой против наименования отдельных народов стоят пояснения: «авер – иже суть обези», «руми, иже зовутся греци». Также и «норицы, иже суть словени» (Там же; ср. также стр. 341)...» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян // Обратни бегут от змей», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st004.shtml>);

«Примесь динарской расы сильней всего во всей области баварского диалекта. В южной Баварии и Австрии можно говорить о преобладании динарской (аланской хорутанской, – П.Д.) расы, усиливающейся по мере приближения к юго-восточной границе немецкого языка. Но примесь ее прослеживается и до его западной границы, причем в Восточной Швейцарии, Южном Бадене и Эльзасе опять можно говорить о преобладании динарской расы. За линию Майна на север она не заходит. Примесь крови восточной расы сильней всего в юго-западной Германии; в Шварцвальде, Западной Швейцарии, горных областях Вюртемберга и центральной Баварии эта раса преобладает. Ее более или менее сильные примеси прослеживаются во всей области распространения немецкого языка, сильнее – вдоль границы немецкого и французского языков и в Верхней Силезии... Северная половина Италии это смесь восточной и динарской рас с небольшой нордической и западной примесью... Области, населенные словенцами, хорватами, сербами, черногорцами и албанцами это области наибольшего преобладания динарской расы...» (Ганс Ф.К. Гюнтер, «Избранные работы по расологии», http://korolev.msk.ru/books/dc/Gunter_works5340.txt);

«С точки зрения русского летописца начала XII в., «хорваты белые и сербы и хорутане» входили в один круг древних славянских племен. Но в описываемое время хорваты ближе стояли к хорутанам, чем к сербам. При всем том хорутане еще поддерживали более тесные, чем хорваты, связи с западными славянами. Многие новые явления в культуре

и языке – общие для восточных, западных славян и хорутан... Трех массивам славянского населения – хорутанскому, паннонскому и хорватскому – соответствуют в VIII в. три археологические культуры. При всей языковой и культурной близости хорутан и хорватов их быт и образ жизни несколько отличались. С другой стороны, и в Хорутании, и в Хорватии сильно ощущалось наследие местного населения. И там, и там таким местным населением были иллирийцы и кельты, некогда воспринявшие от римлян романский язык и культуру. К началу VIII в. эти древние жители повсеместно сливаются со славянами, передавая часть своего культурного наследия им. Собственная единая культура Хорутании (Карнтании) сложилась к середине VIII в. Это стало итогом долгого смешения славян, германцев и местных романцев в Восточных Альпах. В итоге славянские племена хорутанского союза расселились от Дуная до Адриатического моря. Основная их часть жила в гигантском треугольнике между границами Баварии, Лангобардского королевства и Аварского каганата. Однако на юге уже в VIII в. хорутане расселялись по Истрии и Фриулю, проникали по Саве в Хорватию. На западе отдельные роды славян оседали в землях Баварии, до окрестностей Зальцбурга и даже западнее. Государственные границы не могли стать преградой для стихийного движения страдавших от малоземелья славян. Славяне-хорутане являлись потомками как славянских переселенцев (остготов гревтунгов / грутуннов, – П.Д.), так и туземного населения. Подчас они и жили на местах, освоенных уже издревле. С другой стороны, родство с другими славянскими племенами ощущалось в культуре и, конечно, составляло немалую важность в самосознании хорутан. Исследователи уже давно обратили внимание на одну разновидность женских украшений славян – височные кольца – как на своеобразный маркер племенной принадлежности. У восточных славян, например, женщины разных племенных союзов носили височные кольца разных типов. У (проживавших ранее по соседству и в государстве остготов на территории Украины, – П.Д.) хорутан и хорватов VIII в. распространен один и тот же тип височных колец – провололочные, с петелькой и крючком или двумя крючками на конце...» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V–VIII веков // Альпийские и паннонские славяне в VIII в.», http://oldevrasia.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/72);

«Экспансия готов распространилась на Крым, Балканы, Галлию и Испанию. К сожалению, этот путь их совершенно не освещен антропологическими источниками. Правда, сразу же надо оговориться, что при всей сложности и многогранности готской истории трудно ожидать, что с готами связаны определенные антропологические черты. Судя по далматинским хроникам, готы могли быть собирательным названием. При описании взятия Солина готами под предводительством Татиллы (III в.) готы одновременно называются и хорватами. В восстании вестготов против Римской империи в 378 г. на Балканах приняли участие рабы и солдаты, дезертировавшие из римской армии. Этническая принадлежность их была, естественно, разнообразна. В то же время они выступали под именем готов. Если все же допустить, что собственно готы были достаточно представительны в конгломерате племен, выступающих под этим названием, и, следовательно, могли сохранить свой антропологический тип, то и в этом случае в распоряжении антропологов будут крайне скудные данные» (Татьяна Алексеева, «Славяне и германцы в свете антропологических

данных», <http://elibrary.com.ua/m/articles/view/СЛАВЯНЕ-И-ГЕРМАНЦЫ-В-СВЕТЕ-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ-ДАННЫХ>; <http://www.drevnosti.org/antropologia/52-statyi/197-2010-01-18-14-25-22>; <https://rossica-antiqua.livejournal.com/173154.html>);

«Согласно Фоме Архидиакону, в Далмацию переселились готы, которых «...и склавинами называют». К. Шегвич, отмечая, что Фома «...зовёт хорватов то готами, то славянами вплоть до эпохи венгерских королей», делал вывод: «Фома называет хорватов готами в этническом значении до XI в., позднее они только «Croati», а когда говорит презрительно, тогда он употребляет слово «Sclavi» (красные, – П.Д.)... К. Шегвич пришел к выводу, что «Libellus Gothorum содержит известия, что хорваты суть этнические готы, пришедшие под предводительством Тотилы и его братьев...»... И из Хроники Фомы Сплитского, и из латинского текста попа Дуклянина следует, что для этих авторов имена Gothi и Sclavi могли быть тождественными понятиями. Это не может быть случайным. Сходство между Дуклянином и Фомой Архидиаконом очень велико, и это может указывать на то, что оба автора использовали одни и те же более ранние источники... Известно, что готы Далмации и Либурнии после падения готской власти в VI в., не ушли из этих пределов, так как их привлёк на свою сторону византийский полководец Константин (по свидетельству Прокопия Кесарийского)... Лингвист Й Вукович обратил внимание на результаты исследований словенского языковеда Ф. Безлая, утверждающего, что одна из волн славянских переселенцев (тёмно-краснокожих славяноязычных античных германцев, – П.Д.) могла прийти ещё во II в. до н.э... Хорваты на территории Крбавы, Лики и Гацки были, согласно Фоме Архидиакону, арианами, что также указывает на тождественность готам или особую к ним близость... Таким образом, современный хорватский народ возник как новая этническая общность на Балканах этническим соединением и социальной интеракцией пришедших с севера воинских контингентов «гото-склавинов» и проживавших здесь различных популяций более многочисленных автохтонов» (И. Мужич, «Sklavi(ni) – Σκλαβῆνοι и формирование хорватского народа на Балканах», <https://cyberleninka.ru/article/n/sklavi-ni-i-formirovanie-horvatskogo-naroda-na-balkanah>; [https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Studia%20Slavica%20et%20Balcanica%20Petropolitana%202008-2\(4\).pdf](https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Studia%20Slavica%20et%20Balcanica%20Petropolitana%202008-2(4).pdf));

«Оба народа очень полюбились один другому, то есть готы, а они же и славяне, и вуглары, а в основном потому, что оба народа были язычниками и был у них тот же самый язык. Вскоре вуглары, теперь будучи уже в безопасности со всех сторон, построили себе хутора и сёла и заселили занятую ими страну аж до наших дней»... Комментарий: «Теперешнее название – Летопись попа Дуклянина – известно с 15-го в. (Туберо), а подробнее с 17-го в. (Лучич). Сам переводчик летописи со славянского языка на латынь в вступлении «Автор к читателю» называет его Записью (книжечкой) готов (Libellus Gothorum), которая на латыни называется Regnum Sclavorum... 25. Отождествление готов со славянами во времена Дуклянина обыкновенное явление. Далматинские латиняне, например, называли тех хорватов, которые боролись за славянскую литургию в церкви, готами. Даже сплитский синод 1060г. утверждал, что глаголица это «готские письмена», что «их изобрёл

какой-то еретик Мефодий»... 28. Сходно с Ш. (Федро Шишичем, – П.Д.) то, что в VI и VII главах сказано про преследования христиан языческими пришлыми славянами (вероятно готами), что является исторической правдой, поэтому Ш. считает, что это взято с какой-то древней рукописи...» («Летопись попа Дуклянина», <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dukljanin/frametext.htm>);

«Ш.4. (7) [И вот] вспыхнула и запылала война между ромеями и персами. А геты или, что то же самое, полчища славян причинили большой вред области Фракии... (14) Итак, не дав отповеди на их дерзость, [Приск] сказал, что война начата против славян: ведь соглашения и договоры с аварами не отменяют войны с гетами (т. е. славянами, – П.Д.)»... Комментарий С.А. Иванова: «Геты – фракийские племена, фигурирующие в источниках, начиная с Геродота. Они обитали между Дунаем и Балканским хребтом. Был ли ФС первым, кто присвоил это имя славянам, неизвестно, ибо мы не знаем, кого подразумевал под «гетами» Марцелин Комит в начале VI в. Обычно же этим архаическим этнонимом ранневизантийские авторы называли готов» (Феофилакт Симокатта, «История», <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/frametext1.htm>);

«Во времена древнейшая и прежде неже еще слава разгласила имя Римлян, не имеюще Готфы Славяне неприятелеи от вне еже битися, воевалися между собою, и вышедше из Скандинавии перваго своего отечества, билися со Улмеругами, и изгнали их от свойственного места, которым завладели под вождением Царя Бетиха; оттуду пошли под вождением Царя Филимира в Скифию имянуемую Овин, потом остановилися при людех Спаллах, одолевше же и сих разделилися Готфы...» (Мауро Орбини, «Славянское царство // О Готфех славянех», http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Mavro_Orbini/text2.phtml?id=10719);

«О древней миграции славян свидетельствует карта современной Европы. Славяне (очевидно, кельты, – П.Д.) в местности между Тренто (Trient) и Венецией были известны как венеты, и отсюда происходит название Венеция или территория вендов. Богемия и Польша, начиная с седьмого столетия, стали организованными государствами славян в верхней части Эльбы и Вислы. Славянские племена на границе или маркленде Моравии сформировали в девятом столетии королевство Моравии. Другие разбросанные племена славян в конце седьмого столетия сформировали королевство Болгария; а на запад от них, также славянские племена образовали королевства Хорватия, Далмация, и Сербия. На севере древние славянские племена Померании, Мекленбурга, Бранденбурга, а также племена, расположенные на берегах Эльбы, включая полабов, ободритов, вильцев, известных ранее как руги, лютичи, и северные Sorabians или сербы, стали постепенно поглощаться немцами, которые в восточном направлении от их древних границ сформировали новые государства. С этого момента они давно считались тевтонцами, и их язык исчез, но славянские названия тем не менее остались. Что касается нас (англичан – Б.Н.), особенно в связи с заселением Англии, и вандалов, то эти люди были славянами, а не тевтонцами или немцами, как иногда считали. Историки, которые утверждают, что славяне отличаются от вандалов только именем, считают вандалов славянами готского происхождения. Важно, также, отметить, что

руги, упомянутые Бедой, это венецкое племя. Славяне сербы, видимо, продвигались на запад от Эльбы, пока они не были остановлены Карлом Великим и его преемниками. Немецкие анналы 782 года 191 нашей эры говорят о том, что сербы тогда обитали между Эльбой и Заале, где до настоящего времени сохраняются топонимы славянского происхождения...» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«Кроме того, в так называемых паннонских житиях сообщается, что славянские святые «первоучители» Кирилл и Мефодий, будучи в 861 году в Готии (т.е. в Крыму, на западной оконечности которого еще в IV в. осели остготы), видели в Херсонесе (т.е. в современном Севастополе) церковные книги (Евангелие и псалтырь), писанные «роуьскими / роушкими» письменами на «роуьском / роушском» же языке, коим, якобы, изъяснялись крымские готы. Общительный «лингвист» Кирилл, как утверждается, вступил в беседу с одним из местных и «понял смысл» его речи. Выходит, готы – это «руссы»? Тем более, что католические епископы Хорватии и Далмации в XI в. называли кириллицу «готским» письмом. Одни ученые отвечают на этот вопрос утвердительно (руническая надпись 9 в. воспеваает Теодориха – потомка готов-грейтунгов – hroeth-tung; hroeth = h'rous = rus), другие полагают, что речь идет о роксоланах (балто-славянах, – П.Д.), т.е. о северных иранцах (аланах), либо о каких-то «азовских русах». Что за «азовские русы», спросите вы? На этот счет имеется гипотеза Георгия Вернадского, согласно которой речь идет о части антов – ираноязычных азовских племенах асов / рухс-асов (светлых асов; точнее балтоязычных огненно-красных асов, – П.Д.), смешавшихся с готами... Наконец, самоназвание племенного союза «сербы» некоторые ученые, ссылаясь на свидетельства Плиния и Тацита, производят от сарматского племени «serboi», первоначально локализуемого в районе Кавказа и Причерноморья... Как сообщает Птолемей, в южной части еще несформировавшегося этноса, т.е. в начале 2 в. н.э., уже фиксируется упомянутый нами выше сармато-славянский племенной союз сербов – самоназвание, которое в сарматской среде могло звучать как «кс-арв-ат», то есть хорваты. Дошедшие до нас греческие надписи Танаиса (2-3 вв. н.э.) содержат наименование «ксоруатос» (хорваты, хорутане = хоросаны = хурусы / русы, – П.Д.)...» (Алексей Алексеев, «Гей, славяне!», http://samlib.ru/a/alekseew_aleksej_alekseewich/25-3.shtml);

«Исключение из ученых славистов в данном случае представляет И.И. Срезневский, который на первом археологическом съезде, происходившем в Москве в 1869 г., предложил некоторые новые соображения о начале славянской азбуки, связав их с известием жития о русских письменах, найденных в Корсуни. Вот сущность его соображений. Он указал, во-первых, на то, что начертание букв или уставное письмо в древнейших славянских рукописях совсем не соответствует греческим рукописям IX – X веков, то есть эпохе, к которой относят изобретение Кирилла; в эту эпоху в греческих рукописях преобладает уже скоропись. Следовательно, буквы, вошедшие в славянскую азбуку, взяты из того греческого письма, которое господствовало в более раннее время, приблизительно в VI – VII веках.

Далее он указывает на господство надстрочных знаков и правильное употребление знаков препинания в греческом письме IX века, чего нет в славянских рукописях. Наконец, он напомнил известие Константинова жития о русских (славянских болгаро-готских, – П.Д.) письменах, найденных в Корсуни, известие, которое, несмотря на многочисленность рукописей, везде читается одинаковым образом. Против готского (псевдоготского – германского, – П.Д.) языка, по его мнению, свидетельствует само житие, которое говорит, что Константин, услышав Русского, должен был только прислушиваться к видоизменениям гласных и согласных и вскоре начал «чести и сказати», то есть читать и объяснять. Это указание, по замечанию г. Срезневского, очень важно, и его «не следует упускать из виду». (См. Труды съезда, т. I, стр. СХV.)» (Дмитрий Иловайский, «Начало Руси», <http://loveread.me/notes.php?id=60339>; <https://www.litmir.me/br/?b=201164&p=80>; http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_nachalo_rusi.html);

«О.Н. Трубачев, детально исследовавший древнюю крымскую топонимику, пришел к заключению, что «географическая номенклатура Крыма готских (германских) следов практически не сохранила» [Трубачев 1999]. И хотя исследователь отметил, что не следует отказываться от дальнейшего продолжения поисков, он подчеркнул, что «рассчитывать в будущем на обнаружение не только скоплений, но даже отдельных ярких германских элементов в пределах Крымской Готии трудно» (Наталья Ганина, автореф. дис. «Готские языковые реликты» <http://www.dissercat.com/content/gotskie-yazykovye-relikty#ixzz5GbBp76sj>)

«Ещё в 16 веке немецкий путешественник барон Бусбек встречал в Константинополе крымских готв (очевидно, потомков вовсе не готв, а западно-германских купцов, осевших в Крыму значительно позже, – П.Д.), не забывших родной язык (некоторые слова крымских готв он записал, составив небольшой словарь). Они сообщили ему о существовании в горном Крыму готских поселениях, которые продолжали сохранять язык, обычаи и воинственность предков... Исключительно интересным фактом является преобладание населения горного Крыма на протяжении многих столетий, отмеченная советским антропологом В.П. Алексеевым (1980, 1989) в ходе изучения мусульманских могильников датированных 18 – 19 вв. «Лицевой скелет умеренно широкий и средней высоты; нос при средней ширине грушевидного отверстия относительно узкий; черепная коробка короткая и низкая, при этом очень широкая, что приводит к резко выраженной брахикрании. Таким образом, наблюдается комплекс признаков, который в различных модификациях распространён в восточных районах расселения представителей европеоидной расы, а с эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья зафиксирован у населения, оставившего могильники в Средней Азии и Поволжье...» («Крымские татары / Этногенез крымцев», <http://www.turlocman.ru/ukraine/1837>);

«Варварам, которые вторглись в Крым с северо-запада, как обычно в таких случаях требовалась земля для расселения и хозяйства. Это находит подтверждение в появлении на территории Крыма после середины III в. н.э. могильников с кремациями (весьма свойственных балтам, славянам и брахикранным германцам сарматского происхождения и

чуждых, как скифам, так и огнепоклонникам иранцам, – П.Д.). С этими варварами обычно связывают датируемый серединой III в. н.э. жестокий разгром позднескифских поселений, жизнь на которых больше не возобновилась...» (Сергей Ярцев, автореф. дис. «Варварский мир Северного Причерноморья второй половины I – третьей четверти IV вв. н.э.», <http://www.dissercat.com/content/varvarskii-mir-severnogo-prichernomorya-vtoroi-poloviny-i-%E2%80%93-tretei-chetverti-iv-vv-ne>);

«В конце первого тысячелетия н.э. вместе с формированием основ городской жизни в регионе наблюдается процесс образования средневековой народности вобравшей в себя разнородные этнические компоненты, распространявшиеся в Крыму как минимум с эпохи великого переселения народов. В значительной мере консолидирующим началом для нового этноса стала христианизация и усвоение общевизантийских культурных основ одним из проявлений, которых и стало появление городских поселений. Обильный материал, полученный в процессе многолетнего исследования погребальных комплексов городских центров региона, позволяет сделать выводы об антропологическом составе их жителей. Внутригрупповое исследование продемонстрировало неоднородность рассматриваемых серий, на межгрупповом уровне между ними была также отмечена заметная вариабельность в рамках выявленных краниокомплексов. При этом в большинстве серий явно преобладает европеоидный умеренно-брахикранный тип, с широкой и относительно низкой черепной коробкой, средневысоким лицом, часто с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, сочетающейся с выступающим среднешироким носом. Внутри серий вариабельность, в основном связана с широтными размерами черепной коробки и пропорциями лицевого отдела. До трети объема отдельных выборок составляют мезокранные и долихокранные формы. Выражено долихокранные черепа немногочисленны, но присутствие их единичных экземпляров, стабильно фиксируется в половине мужских серий. Для них характерно некрупное лицо и относительно низкая черепная коробка. В качестве противоположного комплекса, следует отметить гипербрахикранные черепа с относительно большим высотным диаметром черепной коробки в сочетании с широким и низким лицом. Монголоидный компонент имеет в крымских сериях, незначительное распространение... Данные межгруппового сопоставления серий вполне согласуются с высказывавшемся и ранее мнением о сходстве краниологического типа исследуемого населения Крыма и серий «зливкинского» круга. Определенная специфика морфологии лицевого отдела крымских серий не может нивелировать их близость. Зливкинский антропологический тип принято связывать с ранним болгарским населением, для большинства серий с территории Волжской Болгарии в большей или меньшей мере характерны сходные антропологические комплексы. Такая этническая привязка не противоречит и данным по этнической истории Крыма. Если принять предположение о том, что население морфологически близкое ранним болгарам, генетически восходит к сарматам, то это можно объясняет и близость исследуемого населения причерноморским сарматам рубежа н.э... Брахикранный широколицый европеоидный тип, составлявший основу городского населения горной части Юго-Западного Крыма и Южного берега полуострова широко распространен в составе средневекового населения Юга Восточной Европы. Его

происхождение уходит к рубежу н.э. и вероятно связано с сарматской этнической средой. На протяжении последующего тысячелетия он становится основой формирования антропологического типа многих народов, происхождение которых связано с этно-историческими процессами, происходившими в регионе. В их числе болгары, хазары, и многочисленные группы, расселившиеся в рассматриваемый период в Причерноморье, в Подонье и Поволжье, этническое определение которых проблематично. В этом ряду следует рассматривать и средневековую народность, сформировавшуюся около тысячелетия назад на территории горного Крыма» (Алексей Иванов, авторефер. дис. «Антропологическое исследование населения городов Юго-Западной Таврики X – XV вв.»), <http://www.dissercat.com/content/antropologicheskoe-issledovanie-naseleniya-gorodov-yugo-zapadnoi-tavriki-x-xv-vv>);

«Среди короткоголовых европеоидов можно выделить переднеазиатский и памиро-ферганский варианты, но, в общем, они довольно однородны и входят в состав типа, широко распространенного в Средней Азии и Юго-восточной Европе. Этот короткоголовый европеоидный тип находился здесь уже в значительно более раннее время, восходя к сарматам (Дебец), а в Средней Азии – к уссуням; этот же тип можно проследить здесь и позже в эпоху расцвета Золотой Орды (Трофимова), а в Средней Азии к нему принадлежит и громадная часть современного населения. К этому же типу относится и население Крымского нагорья, так называемые крымские готы (потомки тёмно-краснокожих аланов-торков славяноязычные готы-русы, – П.Д.), из раскопок, датированных X – XI вв. (по неопубликованным материалам Дебеца)» (В.В. Гинзбург, «Антропологические данные по этногенезу хазар», http://nomadica.ru/biblioteka/se_46_2_ginzburg.html);

«Вызвало удивление обнаружение латышского антропологического типа, неожиданно многочисленного (25.00% всей группы) и проявившего определенную локализацию в т.н. «готском» районе (71% между Бахчисараем и Балаклавой). ...южно-азиатские и латышские типы представлены по 31.43% (оба доминантны среди 5.71%). Незначительное представительство иранского, славянского и тюркского узоров... Слишком мало иранского для построения предположения об участии в этногенезе скифо-сармато-аланских (точнее, долихокранных скифских, – П.Д.) народов и немецкого – для построения предположения об участии в этногенезе готских народов. Возможно, этнически крымские готы не были германского происхождения... Быть может, на их месте окажутся балтийские (латышские) народы...» (А.В. Новиков, О.А. Маслова и др., «Генетико-антропологические исследования крымской группы крымских татар», <http://kraevedenie.net/2008/12/09/antropology-qyrymtatar/2/>).

Латышский антропологический тип крымских потомков готов наводит на мысль, что прабалтскими наречиями и могли быть именно праготские наречия, стилизованные под германские наречия лишь в не получившей дальнейшего развития и широкого распространения библейской литературной редакции готского языка. Ведь переводы библейских текстов Вульфила были предназначены для способствования христианизации, прежде всего, германизовавшейся готской знати, а не безграмотного готского

простонародья. К тому же, авторство Вульфилы этих германоязычных библейских текстов оспаривается Алексеем Леонтьевым и многими другими филологами и лингвистами. Возможно, они и вовсе не имеют никакого отношения к языку готам, прямыми потомками которых являются балты и многие славяне. Да, и германская лексика, выявленная в Крыму в XVI веке фламандцем Ожье Бусбеком, ведь более близка вовсе не к готскому языку доросцев (мангупцев), а к нижненемецко-нидерландскому языку более поздних крымских потомков немецких негоциантов.

Известные же нам восточные балтские наречия и языки сложились на кельто-фрако-иллирийском (латгальском) и финском (скифском) субстратах под сильным влиянием этнического суперстрата славяноязычных потомков аланов-торков (русов-турков) и ютов (*ютичей = лютичей / вильцев). У восточных балтов (летувисов и латышей), как и у финно-угров восточной Европы, преобладают мужские Y-хромосомные гаплогруппы **N3** и **R1a1**:

«...нынешнее состояние геногеографии таково, что генетической разницы между угро-финским этносом эстонцев и балтскими этносами литовцев и латышей практически не наблюдается (эстонцы содержат гаплогруппы **N3** даже меньше, чем литовцы и латыши)... В сухом остатке имеем: балтские языки и этнический состав этноса не отличающийся от соседнего угро-финского, то есть такое впечатление, что от балтского первичного этноса сохранился только язык» (М. Терен, «Парадоксы истории (генетика против истории)», <http://narodna.pravda.com.ua/history/49c3486394862/>).

Это указывает на то, что современные летувисы (аукштайты и жмудзины \ жемайты \ самайты = саамы) и латыши являются преимущественно балтоязычными ливами и другими финнами, ставшими разговаривать на балтских (летто-литовских) наречиях в период пребывания в межплеменных союзах с балтами. Они, в отличие от самих балтов, сумели сохранить балтские языки благодаря длительной самоизоляции, позволившей им очень долго оставаться язычниками:

«Начальное ударение есть и в части балтийских языков, прежде всего в латышском, где эта особенность характерна для всех диалектов, и в части литовских диалектов, прежде всего в северных и северо-западных (Гринавецкис 1964). Считается, что оттяжка ударения началась в северо-западных жемайтских говорах и в бассейне реки Муши в аукштайтских говорах. Причем в латышском оттяжка ударения произошла раньше, чем в литовском и началась тоже в северо-западных областях Латвии в Курземе и Видземе (ibid.). Однако считается, что в балтийских языках сдвиг ударения произошел сравнительно поздно, в латышском около X века н. э., а в литовском еще позднее (в XIII веке н.э.– ibid.). Традиционно считается, что оттяжка ударения на первый слог в латышском было следствием влияния одного (ливского) или нескольких финно-угорских языков (литература см., Гринавецкис 1970). Возможно через посредство куршского и земгальского (Гринавецкис 1982). В древнепрусском предполагают наличие свободного ударения. Отсутствие сдвига ударения в самых западных балтийских областях, в частности в древнепрусском и продвижение оттяжки ударения из латышского в литовские диалекты свидетельствует об отсутствии прямой связи между балтийским и германским начальным ударением. Однако можно предположить косвенную связь этих явлений, а именно, влияние сходного субстрата:

в случае с германским таким субстратом мог выступать саамский или саамо-прибалтийско-финский, а возможно, и неизвестный нам язык первой волны финно-угров в северной Европе (см. ниже), а в случае с балтийским, прибалтийско-финские языки... Ряд балтистов не признают возможности прибалтийско-финского влияния на оттяжку ударения в латышском и жемайтском, считая причиной такого сдвига внутренние факторы, в частности редукцию окончаний (Гринавецкис 1964). Однако редукция окончаний могла быть следствием оттяжки ударения на первый слог. Кроме того, о балтийско-прибалтийскофинских языковых связях свидетельствуют не только фонологические, но и многочисленные лексические, фразеологические и семантические параллели (см., напр.: Эндзелин 1951; Sabaliauskas 1963). Данные популяционной генетики также свидетельствуют о возможности финно-угорского влияния. Литовцы и латыши имеет самый большой в Европе процент мужского населения, говорящего не на финно-угорских языках с гаплогруппой **N1c**, которая характерна для народов, говорящих на финно-угорских языках» (доктор филологических наук Юрий Кузьменко, «Ранние германцы и их соседи», http://www.archaeology.ru/Download/Kuzmenko/Kuzmenko_2011_Rannie.pdf; https://iling.spb.ru/pdf/kuzmenko/kuzmenko_2011.pdf).

Венеды же (западные балты – мазуры, галинды, пруссы, ятвяги и др.) вынуждены были славянизироваться или же германизироваться. Постепенному процессу славянизации ятвягов и других западных балтов, а также полоцких кривичей и других днепровских балтов Беларуси / Литвы весьма поспособствовало длительное использование в Великом Княжестве Литовском древнекиевского литературного языка в качестве государственного:

«В XII – XIII веках происходит миграция пруссов и полабских славян (литвинов / лютвинов = лютичей, – П.Д.) на западные и северо-западные белорусские земли – земли ятвягов, которые «были единого народу з литвою и з прусами старыми, з готом пошли». К 1248 году под предводительством прусского короля Миндовга формируется княжество Литовское (Новогрудок, Волковыск, Слоним) со столицей в Новогрудке. «132. В этом же году окрещенные пруссы со своим королем Мендольфом из-за многочисленных тягот, причиненных им крестоносцами, оставив христианскую веру, которую приняли ранее, ушли с некоторыми братьями Ордена крестоносцев к литвинам, смело к ним присоединившись... 133. В этом же году упомянутый Мендольф, собрав множество, до тридцати тысяч, сражающихся: своих пруссов, литвинов и других языческих народов, вторгся в Мазовецкую землю. Там прежде всего он разорил город Плоцк, а затем города и деревни всей Плоцкой земли жестоко опустошил мечом и пожаром, разбоями и грабежом» (Monumenta Poloniae Historica, XII – XIV вв., 132–133)...» («Краткая история Беларуси за последнюю 1000 лет // Миндовг король пруссов и литвинов», <http://history-belarus.by/pages/figures/mindowg.php>);

«Э.А. Вольтер при описании говоров современного ему литовского населения Слонимского уезда подчеркивал его несомненные западнобалтские черты и приходил к заключению, что так называемые литовцы этого участка Верхнего Понеманья не являются собственно летувисами, а по своему происхождению были западные балты». Естественно ожидать, что язык летописных литвинов был близок или даже такой же как и ятвягов, но

никак не мог быть похож на летувисский, так как и ятвяги, и литвины относились к западным балтам, а летувисские племена – аукштайты и жемайты – к восточным, разделение которых произошло еще в I тыс. до н. э. «Язык ятвягов был более близок к прусскому, чем летувисскому. Мало того, согласные «s» и «z» сближают язык ятвягов со славянской языковой группой». Археология отчетливо свидетельствует о тесных культурных контактах славян с западнобалтскими племенами. Нужно полагать, что уже в V – II вв. до н.э. славяне (лютичи = *лютвины / литвины, – П.Д.) находились в тесных контактах с западными балтами» (Виктор Верас, «У истоков исторической правды. Ятвяги и литвины», <http://veras.jivebelarus.net/sodyerzhaniye/yatvyahi-i-litviny>);

«Археологическо-лингвистический анализ разрушает тезис о миграционной волне кривичей с запада вдоль Балтийского моря, а архаические явления в псковских диалектах находят объяснение через балтский (в какой-то степени – через финский) субстрат. Существование определенных характерных черт фонетики в современных белорусских диалектах позволяет определить территории, славянизированные через языковые контакты, а не через миграции – сюда входит весь кривичский ареал в Беларуси, который к тому же оказывается эпицентром возникновения и распространения типичных черт белорусского языка: дзеканья, цеканья, аканья, гэканья и других. Надежно верифицировать допущение об отсутствии значительного влияния славянских миграций на формирование этнического облика кривичей помогают материалы физической антропологии» (Алексей Дермант, «Кривичи», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века», <https://www.litmir.me/br/?b=575111&p=51>);

«Территория длинных курганов совпадает с летописной областью кривичей: «Иже седять на верх Волги и на верх Двины, и на верх Днепра». – То, что эти погребальные памятники имеются вокруг южной части Чудского озера, также не противоречит летописным данным о расселении кривичей – есть сведения, что кривичским городом, расположенным здесь, был Изборск. Но находки, сделанные в длинных курганах, особенно в области Верхнего Поднепровья, говорят не только о славянах, но и о балтах. Здесь имеются в виду многочисленные бронзовые украшения балтийских (латгальских) типов, особенно характерные для длинных курганов на Смоленщине. В результате вопрос о том, кому принадлежали длинные курганы – славянам или балтам, считается в археологии спорным. В этом споре А.А. Спицын несколько раз склонялся то в ту, то в другую сторону. И ныне одни археологи полагают, что длинные курганы насыпаны балтами, другие считают их славянскими древностями. Автор этих строк, а затем и В.В. Седов, в конце 50-х годов заново исследовавшие материалы длинных курганов, рассматривают их как древности летописных кривичей. Понятно, что в землях этой восточнославянской группы, пограничной с литовскими племенами, балтийский субстрат был особенно сильным. Судя по материалам длинных курганов Смоленщины, балтийские элементы сохранялись там вплоть до IX в. Очевидно, правы были те историки XIX в., которые считали кривичей наполовину литовцами. И недаром наименование этой группировки – кривичи – имеет балтийское происхождение. Криве – это имя одного из персонажей литовской языческой мифологии...

Итак, в свете археологических данных становится очевидным, что в течение I тыс. н.э. область Верхнего Поднепровья являлась ареной длительного этнического состязания между местным населением – восточными балтами – и постепенно двигавшимися из Среднего Поднепровья славянами. Победу одержали славянские группировки, достигшие более высокого уровня экономики, культуры и общественных отношений. К исходу I тыс. н.э. процесс ассимиляции верхнеднепровских балтов в основном завершился; они смешались со славянами, утратили свой язык и особенности культуры. Летописцы уже ничего не знали о том, что первыми насельниками Верхнего Поднепровья были балтийские племена. Лишь одна только голядь получила отражение в летописи...» (П.Н. Третьяков, «Славяне и Балты в Верхнем Поднепровье в середине и третьей четверти I тыс. н.э.»), <http://testlib.meta.ua/book/243541/read/>).

Возможность же этого подтверждается также и удивительным сходством многих готских, балтских и славянских слов:

«Считается (кто там считал?), что 25% лексики польского и белорусского языков – балтского происхождения. К тому же поляки, белорусы и словаки «дзekaют», как, якобы, и часть литовцев-аукштайтов («дзуков»). Если побродить по этимологическим словарям, можно обнаружить удивительное сходство многих готских, балтских и славянских слов. Ученые констатируют наличие продолжительных связей между готским, а также балтскими и славянскими языками. При этом исследователи подметили, что, с одной стороны, славянские слова и грамматические формы выглядят как преобразованные балтские, а, с другой стороны, различия, обнаруженные между вымершими западнобалтскими и живыми восточно-балтскими языками, настолько глубоки и древни, что ставят под сомнение их общее происхождение из единого прабалтского языка! Есть лингвисты, допускающие праславянское происхождение пруссов, ятвягов и голяди, «позднее» оторвавшихся от «своих» и сблизившихся с летто-литовской прабалтской племенной группой, в свою очередь, отпочковавшейся от прагерманских соседей...» (Алексей Алексеев, «Гей, славяне!»), http://samlib.ru/a/alekseew_aleksej_alekseewich/25-3.shtml);

«Не балтский язык влиял на славянский, а славянский – на балтский. В процессе «славянизации» местное балтское население (литвины, кривичи и прочие) постепенно усваивало славянскую грамматику, но при этом сохраняло свою лексику и фонетику. В словах менялись суффиксы и окончания, а не корни. Седов совершенно верно отметил: «Беларуский язык сформировался только на той территории Восточной Европы, которая до славянского расселения была занята балтоязычными племенами. Всюду на обширной территории Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья (также Среднего Побужья и Верхнего Понеманья), где в I тыс. до н.э. и в I тыс. н.э. обитали балты, в XIII – XIV вв. сложилась беларуская этническая общность. Исключением является поречье Москвы и районы Верхнего Поволжья. Но здесь балты не были исконными жителями. Эти области долгое время принадлежали финно-уграм, и балтские диалекты здесь, видимо, оказались под сильным воздействием финно-угорского субстрата» (Максим Петров, «Литвины и жамойты», в сб. под ред. Анатолия Тараса, «Предыстория беларусов с древнейших времен до

Конечно же на это указывают и многовековая длительность тесных балто-славянских связей и положительная комплементарность балтов и потомственных славян, имеющих как общее сарматское антропологическое происхождение, так и общую северно-китайскую (таримскую) прародину:

«Ко времени Прокопия Кесарийского социальное, а в какой-то степени, возможно, этническое обособление готской верхушки было уже настолько сильно, что взаимоотношения готов с прочими племенами, населявшими Северное Причерноморье, надо рассматривать преимущественно в классовом аспекте. Сармато-аланская знать охотно объединялась с готской (гудской савроматской, – П.Д.), хотя, возможно, и оказывалась в подчиненном положении. Трудовой же слой готов, естественно, вступал во взаимоотношения и с течением времени слился с таким же слоем остального населения Причерноморья... «Готы» Прокопия обрабатывали землю «своими руками», т. е. не имели ни рабов, ни тем более какого-то слоя зависимых земледельцев в своей среде. Социальной нерасчлененностью «готов» можно объяснить и их неприязнь к замкнутым крепостным сооружениям; в таковых они, во-первых, при их образе жизни не нуждались, а во-вторых, подобные строения были, как правило, одним из следствий и атрибутов сильно развитого общественного неравенства. Патриархальный же уровень южнобережной готской общины ясен из всего, что говорит о них Прокопий, вплоть до замечания об их безграничном гостеприимстве. Убеждает в том и постоянная готовность «готов» сменить орала на мечи...» (О.И. Домбровский, «Крепость в Горзувитах // Загадка страны крымских готов», <http://www.krimoved-library.ru/books/krepost-v-gurzuvitah4.html>);

«...под Готией в IV в. подразумевался не Крым и не Северное Причерноморье, а какой-то район на Балканах севернее Дуная, возможно восточная часть Большой Валахии и Молдова, т.е. те местности к северу от Истра, которые граничили с провинцией Скифией. Император Констанций постоянно приводил в порядок границу именно в этом регионе. Надпись из Троэзма (ныне Иглица в Добрудже) свидетельствует об укреплении «местности на участке границы, где располагались соотечественники готов». Возможно gentiles Gothorum – это определенная часть грейтунгов или тервингов, не связанных с империей договором и представлявших поэтому для нее немалую опасность... Чем ближе подступали готы к границам Римской империи, тем чаще они попадали в зону значительной плотности населения. Население этой зоны, которая была названа римскими писателями *Barbaricum solum*, состояло из дако-фракийских, иллирийских, кельтских, алано-сарматских и славянских племен. Именно потому, что готы были органичной частью этого племенного мира, ничем особенно не выделявшейся, их передвижение на юг к Меотиде и на Балканы не вызвало особого беспокойства. К появлению готов автохтонное население в отличие от империи отнеслось в целом спокойно. Иногда постоянные перемещения и движения приводили к столкновениям (например, со спалами, гепидами), однако они носили локальный характер. В основе этих конфликтов лежало стремление овладеть территорией или теми благами, которые племена получали в различной форме от империи. Утверждение

о том, что продвижение готов с севера на юг сопровождалось истреблением или подчинением встречавшихся на их пути племен, не нашло в письменных источниках ни прямого, ни косвенного подтверждения...» (Вера Буданова, «Готы в эпоху Великого переселения народов», http://historylib.org/historybooks/V-P--Budanova_Goty-v-epokhu-Velikogo-pereseleniya-narodov/9, http://historylib.org/historybooks/V-P--Budanova_Goty-v-epokhu-Velikogo-pereseleniya-narodov/10);

«После гуннского разгрома 375 года (славяно-балтызычные, – П.Д.) готы, интегрированные до того в славянскую или протославянскую черняховскую культуру, уходят на запад (вместе со славяноязычными тервингами = червянами = сербами и гревтунгами / грутуннами = хорутанами, – П.Д.), а из черняховской культуры образуются раннеславянские пражско-корчакская и пеньковская культуры. Что касается культуры колочинской, то она, по мнению В.В. Седова и И.П. Русановой, принадлежит не славянам, а балтам... Более же всего смущает, что по концепции В.В. Седова получается: в течение почти 600 лет, со II в. до н.э. и до конца IV в. н.э., в рамках пшеворской и черняховской культур, славяне (скорее всего, славянизовавшиеся лишь позже балты, – П.Д.) жили в непосредственном соседстве и совместно с (славяноязычными, – П.Д.) германцами, вандалами или лугиями пшеворской культуры, готами и другими германскими (славяноязычными античными германскими, – П.Д.) племенами, представленными черняховской культурой, а наличие в составе последней определенного вельбаркского и, более широко, североевропейского вклада (длинные дома, костяные и железные гребни, некоторые формы керамики и пр.) отрицать не приходится (Щукин 1977; Szczukin 1981). Это длительное совместное проживание должно было бы сказаться и на славянских языках, чего мы не наблюдаем. Определенные славяно-германские языковые контакты фиксируются (Мартынов 1963), но они не столь существенны (в отличие от славяно-балтских, – П.Д.) и могут быть объяснены в ином историческом и языковом контексте (Топоров 1983)... Готы же, безусловно присутствующие в Причерноморье, представлены исключительно, по мысли киевских коллег, памятниками вельбаркской культуры, проникшими на Волынь и в среднее течение Южного Буга. Они, возможно, и играли определенную политическую роль, доминируя над остальным населением черняховской культуры, но были немногочисленны. В целом черняховская культура тоже славянская (точнее, культура славяноязычных античных германцев и алан, а также славянизовавшихся балтов и бастарнов, – П.Д.). После гуннского нашествия в конце IV в. и ухода готов в Подунавье на основе киевской культуры образовалась раннеславянская колочинская и, частично, пеньковская культуры, хотя большую часть последней составили, по В.В. Седову, наследники черняховцев, а на основе верхнеднепровских черняховских памятников, раскопанных В.Д. Бараном, образовалась культура пражско-корчакская...» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php).

Поэтому вполне возможно, что генонимы «гуды / гузы» = готы = геты» (согд. *γut- – расти; арм. «hogh», «getin» – «почва, грунт»; кор. «gadeun» – «сад, огород»; кит. «cǎotàn»,

лтш. «kūdra» – торф), «гревтунги / *грунтунны = хорутаны» (ср.-в.-н. «gruose» – «росток, побег»; польск. «gleba», англ. «ground» – «почва, грунт»; санскр. «karṣ» – пахать; болг. «градина», лат. «hortus» – «сад, огород»; англ. «garden» – «сад, огород, возделывать»), «тервинги = древляне = смоляне» (лит. «dirvos, dirva», кит. «de», «tǔrǎng» – «почва, грунт»; лат. «tellus», ирл. «talamh», брет. «douar», азерб. «torpaq», венг. «talaj» – «земля, грунт, почва»; лат. «terra» – земля; тюрк. «таранчи», турец. «tarımsı» – земледелец; лтш. «druva» – нива; польск. «darn», в.-луж. «dorn», н.-луж. «dern» – дёрн; франц. «tourbe», исп. «turba», лит. «durpės», швед. «torv», эст. «turvas», порт. «turfa» – торф), «сорты = сарты» и «сорбы = сербы» (лат. «solum», англ. «soil», порт. «solo» – «почва, грунт») соответствуют именно балто- и славяноязычным земледельцам предгорий и высокогорных долин – крестьянам = христианам (куруцам, хурусам = русам, хорутанам = гревтунгам; лат. «сгух», лтш. «krusts», англ. «cross» – крест; лат. «crista», башк. «һырт», эст. «hari» – «гребень, хребет, вершина»; санскр. «kṛṣaka» – земледелец; лат. «rustico» – «обработка почвы», чеш. «rašelina» – торф; англ. «rustic» – «крестьянин, деревенский»), а также и их таримским предкам – туранцам (турфанцам и др.).

Не исключено, конечно же, и то, что не только этнонимы гуды / готы и ворады = бораны, но и этнонимы тервинги = червяне = сербы и гревтунги / грутунны = хорутаны означают всего лишь множество или же скопление людей (народ, племя, толпу и др.), а то и просто воинов-крестьян, охрану или же других служилых людей:

гуды / готы (хинди «gōtrā», панджаби «gōtī» – племя; хинди «jāti» – «народ, этнос, раса»; сорани «hoz» – «племя, народ»; лит. «guotas» – «группа, компания, толпа, стадо»);

ворады / бораны (санскр. «vāga» – «сборище, толпа, очередь»; хинди «Bhīṛa» – «толпа, народ»; англ. «brēd» – «племя, поколение, потомство», «phratry» – «фратрия, клан», «party» – «партия, группа, отряд»; кит. «buluo» – племя; лит. «būrys» – «отряд, гурьба, толпа, стая»; др.-киев. «бóронь» – «оборона, защита», санскр. «pāl» - «защищать, охранять»; герм. «guard, ward», укр. «варта» – охрана; санскр. «bala» – «армия, войско», «balin» – воин);

тервинги = червяне = сербы (лат. «tribus» – «племя, компания, множество, масса»; нем. «Trupp» – «группа, отряд»; перс. «turan» – племя; лат. «turba», англ. «drove», нидерл. «troer» – «толпа, банда, гурт, стадо»; лтш. «tārps» – черви; лит. «drausminu» – «сдерживать, наказывать, карать»; словен. «trma» – упорство; лат. «turgim» – башня; русск. «терем», «тюрьма» – помещения для удержания и охраны кого-либо; укр. «тримати, утримувати», лат. «servant» – «держат, удерживать, содержать, хранить»; др.-греч. «θεράπων» – слуга [преимущ. наемный], лат. «servus», англ. «slave» – «ведомый, слуга, раб»);

гревтунги / грутунны = хорутаны (арм., исп. «horda», франц., нидерл. «horde», серб. «хорда» – орда; укр. «гура», англ. «crowd» – «куча, груда, скопление, масса, толпа»; исл. «hjórd», швед., дат. «hjörd», нем. «Herde» – «паства, толпа, гурт, стадо»; лит. «guotas», лат. «grex», англ. «herd», босн. «krda», польск. «hurt», укр. «гурт» – «группа, компания, толпа, стадо»; исп. «greu», лит. «keltuva», словен. «čreda», укр. «череда» – стадо; нем. «Hirt», нидерл. «herder», лит. «kerdžius» – пастух; нан. «гуръ», болг. «хора» – «люди, народ»; ст.-укр. «гуре» – много; укр. «гуртом» – «всеми вместе», «гурток» – «объединение людей для совместной работы или же для совместных занятий»; герм. «guard, ward», франц. «garde» – охрана; лат. «carcer» – «карцер, тюрьма»; англ. «carrу» – «содержать, поддерживать»; исп. «cordón» –

Греции, как в Прологе ноября 30 написано, что между Волотью, или Ловотью, и Днепром есть волок, чрез который Андрей землю перешел, или, вероятнее, что Русь Грецией (Гретией / Гревтунгией = Гардарикою, – П.Д.) разумели» (Василий Татищев, «История Российская», 2 часть, <https://www.litmir.me/br/?b=201010&p=4>; http://russian-history.info/Books/tatischev/02_00.htm);

«От этого города 14 дней ходу под парусами до Острогарда Руси. Столица её – город Киев, соперник Константинопольской державы, прекраснейшее украшение Греции» (Адам Бременский, «Деяния гамбургских архиепископов», II, 18 (22), http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br_5/frametext1.htm);

«Но кроме датского термина «Острогард» Адам использует и другой термин для обозначения Киевской Руси. Как мы уже видели, в разделе II.22, Адам называет Киев, столицей Острогарда и украшением Греции (*Гревтии – земли гревтунгов = хорутан = хурусов = русов, – П.Д.). В разделе II.21 Адам дает очень важное описание земель славян: «Итак, область славян, самая обширная провинция Германии, населена винулами, которых некогда называли вандалами; говорят, что она в 10 раз больше чем сама Саксония; особенно, если считать частью славянской земли Чехию и живущих по ту сторону Одера поляков, ибо ни по наружности, ни по языку они ничем не отличаются... В ширину она [простирается] с юга на север, т.е. от реки Эльбы до Скифского моря. В длину же она, начинаясь, по видимому, в Гамбургском приходе, тянется на восток, включая неисчислимые земли, вплоть до Баварии, Венгрии и Греции... Из описания Адама видно, что к славянским землям, которые у западных хронистов назывались Славией или Склавией, Адам по преимуществу относит только западных южнобалтийских славян и называет их винулами. К ним он готов также отнести чехов и поляков. В соответствии с этим он указывает и границы земли славян: от Эльбы до Скифского (Балтийского моря) и от земель в Нижней Саксонии до Баварии, Венгрии и Греции. Если мы посмотрим на карту Европы, то увидим, что Адам правильно очерчивает границы тех земель, которые он считает славянскими (с включением Чехии и Польши). Под Грецией он имеет в виду как раз Острогард, Киевскую Русь. В данном случае описание Адама достаточно точное. Из него следует, что он не относит Киевскую Русь к славянам (винулам) и не знает ее самоназвания, а пользуется термином «Греция». Адам много раз в тексте «Деяний» называет Киевскую Русь Грецией, что может быть опять же следствием датского влияния. В датских источниках встречается название Киевской Руси «Грецией»... Как видим, название русских «греками» (гревтунгами, – П.Д.) было довольно распространено, и не только Адам Бременский, но и датчане их так называли. Таким образом, во всех 4 книгах у Адама мы встречаем для Киевской Руси либо датское название «Острогард», либо вообще название «Греция» (страна гревтунгов Гревтия, – П.Д.)...» (Алексей Олейниченко, «Русь у Адама Бременского», <http://alex-oleyni.livejournal.com/45703.html>).

В «Этимологическом словаре украинского языка» (голов. ред. О.С. Мельничук, http://litopys.org.ua/djvu/etymolog_slovnyk.htm) родственному этнониму «гревтунги» слову

«гридь» (праукр. *гридинъ – горец?; укр. «гриди» – гряда), означающему нижнюю верхушку княжеской дружины (младшую княжескую дружину, Ушаков, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/782970>), сопоставляется, как близкое к нему по смыслу, др.-греч. слово «χάρις», означающее:

- 1) прелесть, изящество, красота, привлекательность;
- 2) слава;
- 3) благосклонность, любезность, благожелательность, благоволение, расположение, милость;
- 4) благодеяние, милость, услуга, одолжение;
- 5) радость, наслаждение, блаженство;
- 6) почитание, честь, уважение;
- 7) благодарность, признательность;
- 8) награда, вознаграждение;
- 9) благодать;

(Древнегреческо-русский словарь Дворецкого // χάρις, https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/137).

Это слово является весьма близким не только к лат. «gratia» и к авест. «xardnah» – «слава, величие, блеск, сияние, харизма», но и к этнонимам хорезмийцы, хурусы / русы, кроаты = хорваты и грейтунги / гревтунги / грутунны = хорутане. В греческой мифологии «хариты», а в римской «грации» – «прекрасные видом благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни».

К тому же А. Куник:

«...предложил в 1875 г. другое объяснение: он указал на возможность связи имени Русь с эпическим прозвищем готов «Hreidhgotar», для которого он восстанавливает более древнюю форму «Hrôthigutans» («славные готы»). В обсуждение того, каким образом прозвище готов, хотя бы в сокращенной форме, могло перейти к финнам и славянам для обозначения скандинавской династии, он не входит. Мысль Куника развил в новом направлении Будилович, в докладе, читанном на московском археологическом съезде. Он и исторически, и этнологически ставит Р. в связь с готами, а ее имя – с готской основой «hrôth», «слава», пытаюсь, таким образом, заменить «норманнскую» теорию «готской...» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Русь, происхождение имени», <http://www.bibliotekar.ru/ber/286.htm>).

Очевидно, этнонимы жуны = гунны, кидариты = кудары и козары / хазары являлись негреко-латинскими кальками этнонимов балто-славяноязычных горцев юэчжи = согдийцев / су-гузов и их потомков славяноязычных аланов-гребенцов / аланов-торков и балтоязычных вэньоуто = ванандуров / венендеров / венедов (кит. «jün» – «высокий, красивый»; лит. «šukos», кит. «shūzi», эст. «suga» – гребень; маньчжур. «alin», осет. «къæдзæх» – «горный хребет»; алб. «kodër» – холм; лит. «ketega», арм. «katar» – «хребет, гребень, вершина холма»; англ. «head» – «верхушка, глава»; груз. «k'edze» – «горы, гряда»; осет. «къуыдыр», арм.

«kuz» – бугор; праслав. *gozъ / *guzъ, польск. «guz», укр. «гудз» – «бугор, шишка, опухоль»; польск. «atu», серб. «адут», лит. «koziris», болг. «коз» – козырь; хинди «cōṭī» – «верхний, лучший»; кит. «gāodù» – «высота, высочество»; санскр. «udāra» – «возвышенный, благородный, отличный»; каннада, маратхи «udāta» – «возвышенный, величественный»; яфет. «khoda», тат. «хода», шор. «кудай», туркм. «hudaý», каннада «gāḍ», англ. «god», нем. «gott» – «бог, всевышний»; лит. «kuodas» – гребень; кит. «guān, wángguàn», лит. «vainikas», венг. «koszorú» – «венец, корона, диадема»).

Этнонимы же *тиарвинги / тервинги = сербы и тюринги, возможно, являлись первоначально греческой или же латинской калькой этнонима венендеры / венеда (греч. «τιάρρα», лат. «tiāra» – «венец, корона, диадема»; лат. «torus» – «возвышение, выступ»; эст. «turi» – хребет; семит. «tūr, taur, tog», арм. «sar» – гора; хинди «śīras» – «голова, вершина», «śīrṣa» – верхний; др.-перс. «sarem» – глава; бенг. «sarbōssa», хинди «sarvōssa» – высочайший) и лишь позже были переосмыслены.

Однако же не исключено и то, что славяно-угро-финская лексема «древляне = древние» была переосмыслена германизировавшейся балто-славянской знатью в «тервинги = древляне» – «лесные люди» (гот. «triu», англ. «tree», дат. «træ», кр.-тат. «terek», серб. «дрво» – дерево; англ. «derm» лит. «žievė, živelė» – «кожура, корка, кора»; англ. «tag», нидерл., нем. «teer, tag», норв. «tjære», эст. «tõrv» – «смола, дёготь»), а славянизовавшимся балтским простонародьем в «смоляне» (лтш. «daġva», лит. «derva» – смола). И, следовательно, славянские племена смоляне, скорее всего, были славянизовавшимися балтами гудами – чермными (тёмно-красными; тадж. «чарм», каннада «carmada», узб. «терн, тери» – кожа), как смола или же кожа (праиндоевроп. g^wetu-, *gwetu-, полабск. «žywica», словац. «živica», др.-норв. «kváða», кит. «jīāoуóu», санскр. «jatu», лит. «deguto», тагал. «dagta», арм. «dzyut' / jyuť», франц. «goudron», каталан. «quitrà», итал. «catrame», венг. «kátrány», тадж. «қатрон», англ. «cudu / cud», – «смола, живица, дёготь, гудрон»; маратхи «Kātaḍī», арм. «kashi, kaši», лат., исп. «cutis», порт. «cútis», швед. «hud», нидерл. «huid», нем. «Haut», англ. «hide», латгал. «uoda», лтш «āda», лит. «oda», венг. «héj», кит. «gé», др.-прусс. «skārdā», – «кожа, шкура»; лит. «kiautas, skutena» – кожура).

Конечно же, возможно также и то, что «hu- / ху- / гу-» не только в авест. *hu-śraçaḥ – «известный, знаменитый» (букв. «имеющий добрую славу»), но и в словах гутаперча, гуталин, гудрон = *гу-дрон = дърва = derva, а «qu-, ka-» в словах «quitrà», «catrame», «қатрон» = *ка-трон тоже являются лишь усиливающими префиксами, подобными приставке «су-, со-» в словах сударь, лит. «šukos», кит. «shūzi», эст. «suga» – гребень. Тогда, ведь, благородными и чермными «смолянами» в древности вполне могли быть не только согды / су-гуды / *сугдины = судины, русы / ху-русы и рутены = *ху-рутены / хорутане, но также и хазары / козары = *ku-daġva = кидариты.

8.3 Миграция славяноязычных и тюркоязычных аланов на Северный Кавказ и в Европу

Очевидно, в древних германских мифах, запечатлённых в исландских сагах, отразились события, связанные именно с завоеванием славяноязычными аланами-гутиями (*утиями / юэчжийцами = готами) государства прототюрко-германоязычных сако-массагетов и балтоязычных ванов / унов (гуннов / жунов = ванов = вэньоуто = вэньсу; кит. «wángguàn», лит. «vainikas», ст.-слав. «вѣньць», укр. «вінець» – венец; алб. «vendit» – «край, страна»; кит. «wài» – вне, «biān» – «край, граница») – венецов = виндилов / вандалов и яньцай = антов (верхних аорсов; кит. *оньоуто / онсу = ансов; норв. «ånd», швед. «Ande», исл. «Andinn», англ. «Genie», серб. «цин» – «Джинн, Дух»; вал. «anferth», ст.-нем. «Enz / Anzi», балтийское поморск. «хун», кит. «Jùrén», кор. «geoin» – великан; нем. «Hüne» – «гигант, богатырь»; франц. «géant», англ. «giant», швед. «jätte», курд. «hût», гуджарати «Jāyaṇṭa» – гигант; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; кор. «gin», лит. «ūgio» – высокий; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; баск. «handi» – большой; кит. «Jù, Jùdà», венг. «hatalmas / *hantalmas» – огромный; эвенк. «эңэсй, хōниң» – богатырь; монг. «өндөр, ариун» – высокий), известного по китайским хроникам как Яньцай (Яньцзяй = Антсай) и возможно основанного прибывшими сначала в Аньси (Парфию) мигрантами из Вэньсу и Ганьсу (кит. «guān» – «корона, венец»; «huán» – «кольцо, круг»; «kǎn» – «горный хребет») или же из Яньци = Янцы (Карашара):

«...что описание белых гуннов (точнее светло-красных жунов = ванов, – П.Д.) явно представляет племя иранское (на самом деле западно-балтское, – П.Д.) и что в их Кавказском гнезде до сих пор поются песни о богатырях антах и о древнейших незабвенных венедах, оставивших имя свое малому округу Ванадиг за Кубанью на берегах Ухмары (вероятно, из соединения слова «ван» и «адиге»); и, наконец, что «гунн» по закону придыхания, заменяющего умягченную гласную, представляет чисто славянскую форму «юн» (точнее балтскую: лит. «jaunas», лтш. «jaunieši» – «юный, молодой», – П.Д.). После стольких и столь разительных доказательств мы не видим никакой разумной возможности сомневаться в славянстве (в балто-славянстве, – П.Д.) гуннов и приписываем сомнения, существующие до сих пор, только предрассудку, основанному на слепой вере в системы прежних ученых и особенно слишком ограниченному понятию о мировом значении славянского племени, бесспорно, даже в наши дни самой величественной отрасли древнеиранского корня и едва ли не самой многочисленной из всех семей человеческих...» (Алексей Хомяков, «Работы по философии // Место языка славянского в семье индоевропейской», <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/mesto-yazyka-slavyanskogo-v-seme-indoevropеjskoj.htm>; <http://lavka.klikovo.ru/books/45237/45333.html>);

«Мовсес Хоренаци сохранил два рассказа Мар Абаса о событиях на севере Большого Кавказа и о переселении оттуда части булгар в Армению. В первом из них сообщается, что царь Вахаршак созвал жителей Большого Кавказа и просторных долин к северу от него и потребовал от них повиновения и дани, после чего отошел со своими войсками в луговые земли близ пределов Шарая. «Эти земли, – заявляет рассказчик, – в древности назывались

Верхним и Безлесным Басеном, а впоследствии были заселены переселенцами Вхндур Булгара Вунда, по имени которого назван Ванандом». В другом рассказе, посвященном событиям времен царя Аршака, имеется следующее сообщение: «Во время его царствования у края Большого Кавказа произошли волнения в стране булгар, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодородных и хлебородных местах». Переселение части булгар в Армению оставило следы в географических наименованиях. Область к западу от Карса с тех пор стала называться Ванандом, левый приток Аракса – Вананд-чай, а река, известная в скифское время под именем Балан-род, получила название Болгару-чай» (В.Т. Сиротенко, «Письменные свидетельства о булгарах IV – VII вв. в свете современных им исторических событий», http://groznijat.tripod.com/fadlan/v_sirotenko.html);

«Поскольку «ванандар» или «венендр» (vanandur = venendur; венендры = венеды = венеты, – П.Д.) – одно из обозначений болгар, то Вабандар (Ванандар) может означать тот же город, который арабские писатели называли Беленджер или Булкар, т.е. так же, как и страну, в которой он находился. Это, по всей вероятности, тот же город, который в армянских известиях о стране гуннов называется Варачан (Баланджар / Беленджер / Ванандар – город ворадов = боранов / *барангуров = баланджаров = беленджеров = берендеев / *перундеев = верингов [væringjar] / варангов / варягов, – П.Д.)...» (Михаил Артамонов, «История хазар // Война с арабами», <http://gumilevica.kulichki.net/AMI/ami113.htm>);

«Еще одна важная проблема истории раннего средневековья Северного Дагестана – это народ, страна и город именуемые в арабских источниках Беленджер или Баланджар. Впервые этот этноним встречается у арабского историка ат-Табари в связи с событиями 60-ых годов VI-ого века. Сначала он сообщает, что Армения, находившаяся в зависимости от Ирана, подверглась нашествию народов – абхаз, б-ндж-р (банджар), б-л-ндж-р (баанджар) и алан. Позже, между 566 и 571, каган тюрков (тюркютов) Синджибу (джабгу-каган Истеми) победил народы б-ндж-р, б-л-ндж-р и хазар, и те согласились служить ему. А.В. Гадлю пришел к выводу, что название «банджар» относится к огурам, а «баланджар» – это персидско-арабская форма этнонима оногур = утигур (англов, ютов, гаутов / ётов, фризов и яссов, – П.Д.). Помимо информации о народе баланджар-беленджер ат-Табари также сообщает, что «за Дербентом находится целое царство со многими городами, именуемое Беленджер». Согласно этому же автору, арабский полководец Абдурахман ибн Раби'а «углубился на 200 миль в ту страну (Беленджер), обратил многие города к закону Мухаммеда и вернулся в Дербент»... «Эти v-n-nt-rs были многочисленны, также многочисленны как песок в море, но они не смогли противостоять хазарам. Они покинули страну свою и бежали, а хазары гнались за ними и настигли у реки, называемой Дуна (Дунай). И по сей день они проживают вдоль реки Дунай неподалеку от Костандина (Константинополя)». Народ, бежавший от хазар – это, скорее всего, уногундуры-булгары Аспаруха. Название v-n-nt-r – это поздняя форма первоначального W-n-g-d-r- или W-n-g-r. Оно соответствует армянской форме – vh'ndur (Моисей Хоренский) и oghondor («Армянская

география») – этнонима уногундуры-булгары (вэньоуто = венеды, – П.Д.). Также оно производит арабскую форму этнонима булгар – венендеры (Venenders) или нендеры (Nenders). Важно и то, что письмо кагана Иосифа не говорит ничего о завоевании земель булгар, название которых было хорошо известно составителю (булгары, как и хазары с савирами, упоминаются Иосифом среди 10 сыновей мифического предка тюрок по имени Тогарма), а только конкретно о «в-н-нт-рах» (v-n-nt-rs) – уногундурах (реликте мигрировавших ранее в Европу балтоязычных янцай = антов и вэньоуто = венедов или новой волны мигрантов из Ганьсу, Янцы = Карашара и Вэньсу = Онсу = Уч-Турфана, Да-Вани = Парканы = Ферганы, – П.Д.)...» (Д. Димитров, «Протобулгары северного и западного Черноморья»,

<http://www.protobulgarians.com/Russian%20translations/Dimiter%20Dimitrov/Dimiter%20Dimitrov.htm>);

«...поэтическая словесность Индии показывает нам крайний их след на юго-востоке, в теперешнем Кабуле, иначе земле азов и ванов (Аза–Вана–двипа)... Далее на юг греки и римляне сражаются с вендами (славянами, искусными плавать, сражаться на водах, нырять и переправляться через реки, см. Маврикия и Прокопия); на юго-восток, между Днестром и Волгою, китайские летописцы знают, что они поочередно с азами давали название свое всей земле, которая сперва называлась страна Та-Азов (Азов Великий), потом Ан-тсаи или Ан-цаи (Анты), потом А-лан-на, потом Фе-су или Вен-на-ша. Эта страна связывается посредством северного берега Каспия и Арала, на котором живут племеевы сербы и валы (хвалисы наших летописцев, одноплеменники булгарам, давшие название Хвалисскому морю), и карпы, с землею восточною, великих ванов, о которых китайцы оставили нам бесчисленные свидетельства. Заметим, что в мифах Скандинавии славится имя Вала (сына Одина и Ринды, княжны из земли Вендской), мстителя за смерть Бальдера. Хвалисы (предки волян? – П.Д.) не были ли племенем мешаным? Великие ваны, китайские та-ван, столько же известны индустанцам, сколько ваны северные финнам. Книги санскритские, саги их и поэмы наполнены именем этих ваиов. Земля их, Вахни-стан, лежит на севере от Куш-двипы (Кашмира), около скатов Памира, так же как и в показаниях китайцев, и ваны, несколько раз врывавшиеся в Индустан, покорили его при царе своем Кала-Явана, которого Кришна победил только хитростью. И эти ваны, известные грекам под именем венедов, китайцам – под именем вен-на-ша и та-ван, называются в санскритских поэмах ванады. Кажется, и это не миф, а народ...» (Алексей Хомяков, «Работы по философии // Основные законы при изучении древних религий», <http://klikovo.ru/books/45293>; <http://lavka.klikovo.ru/books/45237/45293.html>).

Племенной союз славяноязычных гаутов (гётов) и балтоязычных янцай = антов (ансов), в который, очевидно, входили и предки германоязычных саксов саки, и предки хаттов кадусии и протогерманоязычные рыбоеды маскуты (др.-перс. «masya», маратхи «māsā» – рыба), а также, возможно, и предки герулов меоты гелуры – элуры, родственные предкам иранизовавшимся луристанцев – луров, был вытеснен аланами (ванами) на север, где ранее уже обитали протогерманцы первой волны миграции – авхаты (греч. «αύχην» –

«шея; горло; ущелье, лощина, горный проход»), катиары, гелоны, будины и рыбоеды фиссагеты (англ. «fish», нем. «fisch», швед. «fisk» – рыба). Предводительствуемые Воданом (Одином) потомки прототюрко-германоязычных саков, кадусиев и маскутов ушли на земли будущей Донской Руси (в Великую Свитьод) и далее в Скандинавию (Скандзу):

«Хатты (Chattos, там же; область называлась в ср.-лат. Nassia, ныне – нем. Hessen) – с учётом германского передвижения согласных [k] > [h] и [d] > [t], созвучны Καδοῦσιοι «кадусии». Интересно, что обычаи хаттов и кадусиев сходны, согласно данным Тацита и греческих историков: у обоих народов – выборность вождей, заметный перевес пехоты над конницей, селения в горах. Это серьёзное основание для предположения об их родстве. Ещё известны малоазиатские хатты – древние автохтоны Малой Азии. Возможно, кадусии – это бывшие жители Хаттусы, города, бывшего некогда столицей царства царства Хатти. Но это так, к слову, поскольку тождество кадусиев и малоазиатских хаттов не является необходимым условием замеченной преемственности кадусиев и германских хаттов...» (Георгий Тележко, «О «двойниках» древних германцев», <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/788615.html>);

«Племя гаутов, ведомое легендарным Одином, пришло на Балтику с Дона не позже начала IV в. до н.э., так как древнегреческий мореплаватель Пифей описал в 300 – 330 гг. до н.э. северную страну Ультима Туле (Скандинавию), землю готов, гутонов и ингвеонов (предков англо- и свеонов) на Севере Европы, а также тевтонов, покупающих у них янтарь. «Один» скорее чин, чем имя собственное, так как в XI в., во времена Всеслава Брючиславовича (Чародея), языческий жрец, восставший против христиан Полоцкой Руси, также называл себя Водилой – производное от Водин / Один, что значит «водитель, вождь». Гауты шли с Северного Кавказа, с «земель торков» на север, заселяя земли современных Украины, России и Беларуси – так называемую Холодную, или Великую Швецию, или Свитьод (Улей), а затем северную землю современной Германии. Примечательно, что, перебравшись на Скандинавский полуостров, племя Одина назвало эту страну Малой Швецией (Свитьодом) и Скандией» (Михаил Голденков, «Русь. Другая история», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1023246/4/Goldenkov_-_Rus._Drugaya_istoriya.html, <https://www.litmir.me/br/?b=180967&p=10>);

«Пифей рассказывает о гуттонах, германском народе, живущем при заливе Океана, называемом Ментономон [Metuonidis], в пространстве 6000 стадий; отсюда на день плавания отстоит остров Абал... Этому верил и Тимей, но остров назвал Базилия (у других – Балтия, что кажется справедливее)» (Плиний Старший, «Естественная история», XXXVII, 11, <http://scibook.net/istoriya-rossii/estestvennoy-istorii-pliniya-61086.html>);

«Пифей говорит, что гутоны [guionibus], народ Германии, населяет побережье океана при заливе [aestuarium, также устье реки], называемом Метуонидис [Metuonidis], на протяжении 6 тыс. стадий. Отсюда в дне плавания отстоит остров Абал [Abalum], на берега которого по весне морские волны выбрасывают янтарь, который представляет собой продукт сгустившегося моря. Жители употребляют его вместо топлива и продают ближайшим

тевтонам [teutonis]» (Плиний Старший, «Естественная история // Пифей из Массалии», 37.11, http://oplib.ru/voennoe_delo/view/46427_nashestvie_kimvrov_i_tevtonov_ii_vek_do_n_e);

«Снорри Стурлусон говорит в «Саге Инглинга», что «...страна на восток от Танаиса (Дона) в Азии называлась Asaland или Asaheim, Turkland. А главный город в этой земле назывался Асгард», и что вождём этой страны был сам Один. Асгард в саге Стурласона находится восточнее Танаиса»; «Скальд 13 века Снорри Стурлуссон, собрав древнеисландские саги, описал легендарную историю заселения Скандинавии шведами. Во время расцвета Римской империи на север Европы из «Страны Турков» (Торков – темнокожих, – П.Д.) пришло племя асов, возглавляемое Одним (арм. «vogin», диал. осет. «од», норв. «ånden», исл. «andinn» – дух; лит. «vodimas» – «вожак, коновод»; словен. «vodilni» – ведущий; хорв. «vođa», болг. «водач» – лидер; русск. «вождь», – П.Д.), который вёл свой род от правителей Трои («Младшая Эдда», пролог). Правнук Одина Фроди унаследовал власть в «Стране Готов» (в 13 г. н.э. – Дания) во времена царствования императора Августа (с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э.) и когда родился Христос...). Эти данные позволяют оценить время переселения легендарных асов (предков античных германцев славяноязычных аланов-торков, – П.Д.) на север Европы. Если считать, что Фроди получил власть в 25-летнем возрасте, и положить стандартное время смены поколений в 25 лет, то его прадед Один пришёл к власти в «Стране Турков» (аланов-торков, – П.Д.) в первой половине 1 в. до н.э. и через некоторое время совершил свой поход на север Европы. В это же время у аорсов (по Страбону – просто аорсов, не верхних аорсов) вождём был некто Спадин, имя которого имеет тот же формант, что и имя Один» (Георгий Тележко, «О двойниках древних германцев», <http://www.neizvestniy-geiny.ru/cat/literature/istor/788615.html>);

«Современный итальянский исследователь Франко Кардини, опираясь на «Деяния данов» Саксона Грамматика и «Эдду» Снорри Стурлусона – древнескандинавские памятники – приходит к выводу, что Один обитал на юге России, вблизи Кавказа, откуда он перебрался на север Европы» (Ф. Гутнов, «Аланы в Западной Европе», <http://osetins.com/2007/10/09/alany-v-zapadnoj-evrope.html>);

«Odins-ey означает остров Одина. Один впоследствии отправился в Швецию, построил капище и основал город в Сигтуне. Там же. Время его жизнедеятельности обычно помещают в дохристианскую эру, однако саксонские генеалогии представляют его на 200 или 300 лет моложе. Саксонские хроники, несомненно, заслуживают большего внимания, ибо они намного точнее и аккуратнее северных. К тому же записаны они были намного раньше. Кердик в погодной статье 495 года назван девятым потомком Одина (АСХ, А: Пролог), Ида в статье 547 года – десятым (АСХ, А: 547), Элла в статье 560 года – одиннадцатым (АСХ, А: 560). Если за срок жизни каждого поколения в среднем принять двадцать пять лет, то согласно генеалогии Кердика эпоха Одина должна датироваться 270 годом после Рождества Христова; согласно генеалогии Иды – 290 годом РХ, согласно же Эллы – 285 РХ. Эта датировка саксонских летописцев времени жизни Одина частенько наводила меня на мысль, что известный исход Одина от Черного моря, возможно, не что

иное, как рассмотренное выше (Книга II, гл. IV) смелое путешествие франков (потомков балтоязычных царских усуней язаматов, – П.Д.) от Понта Эвксинского, происходившее между 270 и 280 РХ. То, что Снорри помещает первые завоевания Одина в Саксонию, скорее всего, случайное стечение обстоятельств; ибо франки высадились около Фризии, и незамедлительно после этого море покрылось франкскими и саксонскими пиратами. К тому же Один, как повествуют Северные традиции, бежал от римлян, однако никакого другого бегства, за исключением путешествия франков латинскими источниками зафиксировано не было. Саксонское пиратство демонстрирует, что именно это путешествие франков придало дополнительный импульс северному обществу» (Шэрон Тёрнер, «История англо-саксов» кн. IV гл. I, http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_4_01.htm);

«В описании событий X в. до н.э. говорится, что «на берегах Каспийского моря живут потомки меотийцев. Греки называют их массагетами, или дальними гетами». Сами массагеты называют себя готами – «готаг» (М. Клапрот); «Вандалы (венендеры, – П.Д.) прежде жили около Меотиды. Страдая от голода, они направились к германцам, называемым теперь франками, и к реке Рейну, присоединив к себе готское племя аланов» (Прокопий Кесарийский, «Война с вандалами», кн. 1, III, 1, <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framevand11.htm>);

«Важной является связь готы и вандалов, и должна приниматься во внимание при упоминании любой части Европы, которая была завоевана и колонизирована первым из этих народов, который был более прогрессивный в культуре и ремеслах, чем их союзники. Готы (высокорослые и длинноногие потомки троксолан / роксолан, аланов-торков и других балто-славяноязычных юэчжийцев, – П.Д.), изобрели руны, научили северные народы искусству письма, они были умелыми металлургами и золотых дел мастерами. Вандалы Балтийского побережья, которых они завоевали, были менее цивилизованными, но между ними был заключен продолжительный мир, впоследствии сохранившийся в северной мифологии. Конфликт между *Æsir* и *Vanir* – это северный миф, который, при этнологическом рассмотрении может считаться имеющим отношение к войнам, ведущимся между тевтонскими (на самом деле славяноязычными античными германскими, – П.Д.), и славянскими (на самом деле балтоязычными венедскими, – П.Д.) племенами. И что между готами и вандалами велась подобная война, и результатом ее стал мир и долгий союз. Миф о конфликте между *Æsir* и *Vanir* также завершился длительным миром и обменом заложников между конкурирующими народами. Союз между северными готами и вандалами и их совместные экспедиции могут быть прослежены в англо-саксонской колонизации и в современной топографии Англии. Во многих частях нашей страны готские и венедские топонимы сохранились друг возле друга, бок о бок с готскими и венедскими обычаями. Действительно, в Англии имеются очень заметные доказательства, которые нам дают древние топонимы, что два великих северных народа пятого и шестого веков – готы и вандалы – которые играли такую важную роль в разрушении римской империи и оккупации огромных территорий, принимали участие в захвате и колонизации этой страны. Это доказательство подтверждается сохранившимися среди английских поселенцев обычаям,

некоторые из которых дошли до нашего времени, и из-за их древнего происхождения могут быть прослежены до готов или вандалов. Оба этих северных народа были мореплавателями. В древние времена Балтийское море называлось Венедским морем по имени вандалов, так же как Адриатическое море до сего дня по их имени называется Вендским заливом (Venice). Этот вывод, поэтому, делает неоспоримым тот факт, что под общим именем саксы, англ и юты, во вторжении и колонизации Англии принимали заметное участие готы и вандалы» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«...первоначальным ядром аланов были древние германцы (как протогерманцы саксы, так и предки большинства славяноязычных античных германцев юэчжи-тохары, – П.Д.), обитавшие на территории Кавказской Албании под именем массагетов-маскутов...» («Роль прото-германского фактора при формировании дагестанского этнического поля, и в частности, даргинцев», <http://s54.radikal.ru/i146/0909/fb/ac0a05b8643f.jpg>; <http://dargo.ru/forum/28-326-1>);

«В становлении аланов участвовали два первоначальных компонента – юэчжи-тохары (возможно, балто-славяноязычные брахикранные горцы хайландуры / хауландур'к – «тёмные аланы» (бенг. «Nā'ilyāṇḍāra, гуджар. Nā'ilēṇḍāra – горец): вэньоуто = венендеры = венеды, оногундуры и оногуры из Вэньсу = Онсу и Да-Вани = Парканы = Ферганы; *жунугуры = гунугуры = унугуры из Жунлу, а также утигуры = ясы из Уто и Утан = Утаньцзыли = Утнацзили; боркании (париканы) = баргалы = болгары, возможно, как из *Бърканы = Парканы = Ферганы, так и из Балхары = Балха или же даже из Боло в Бадахшане или в Каршинском оазисе [но, возможно, Боло – это и Балхан в Прикаспии, тождественный Балааму Приска, – А.М. Мандельштам], а также и родственные им пугуры = бухары и пагериты = бугариты из Бугура или же из Пулу = Пули = Пулей; полонцы = поляки, бораны = поляне и варанги = варяги из Полоны = Ферганы; предки чехов из Чэши, а также предки балканских славян «семиродовичей» – брюнеты «бай-ди семи родов» и другие племена из государств Западного Края [Китай], – П.Д.) и усунь-асии (очевидно, как угро-самодийские долихокранные племена, так и балто-славяноязычные брахикранные потомки бай-ди лаоцяны, – П.Д.). Кроме этого, присоединяется к ним и коренное кангюйское население (возможно, славяноязычные гауты, гутоны, оногуры = англ, фризы и другие как германизовавшиеся позже потомки сако-массагетов, так и финнизовавшиеся позже балтоязычные аорсы = эрзяне, – П.Д.). Усуни и юэчжи длительное время бок о бок проживали у границ Китая, но окончательное формирование аланов происходит уже в Кангюе, который Т.А. Габуев называет их колыбелью. Значимую роль в этом процессе, по его мнению, сыграла «национальная идея», объединившая различные кочевнические группировки. Истоки этой идеи он видит в общем их арийском происхождении, нашедшем отражение в их названии, поскольку, по В.И. Абаеву, этноним «аланы» является эквивалентом термина «агуа» – древнего наименования иранских (точнее, персидских, – П.Д.) и арийских народов. Кроме вышеизложенного, в погребальной обрядности и материальном комплексе всех трех этапов сарматской культуры усматривается связь с

центрально-азиатскими древностями... Таким образом, аналогии, которые прослеживаются в материальной культуре и погребальном обряде сарматов начиная со II – I вв. до н.э., указывают на тесные связи с центрально-азиатским и южно-сибирским кочевым миром и являются отражением этнополитических событий, затронувших этот регион еще в III – II вв. до н.э. Видимо, перегруппировка и перемещение больших массивов кочевников на запад привели к культурным и морфологическим изменениям в сарматской среде...» (Мария Балабанова, «О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы», <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tsentralno-aziatskih-svyazyah-v-antropologii-naseleniya-pozdnesarmatskogo-vremeni-vostochnoy-evropy>);

«Об огромном ареале алан, который простирался «от Истра до Ганга» писал Аммиан Марцеллин (XXXI, 2, 16). Тип расселения алан был чересполосный: «между многолюдными и обширными племенами». Как видно из этого пассажа, у Аммиана Марцеллина аланы явно не этноним. Он же специально отмечает и многоплеменной состав алан (XXXI, 2, 13). Таким образом, ко III – IV вв. н.э. формируется аланский союз, который первоначально был организован по типу мужских союзов с резко милитаризованной направленностью, включая иноплеменной состав. А название «аланы» («аланы / асы» – змеи / ужи, – П.Д.) в этот ранний период их истории обозначал название мужского военного союза, воинских дружин, а впоследствии трансформировался в этноним» (Мария Балабанова, «Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным», <http://annales.info/sarmat/small/nav6b.htm>).

8.4 Брахиокранные жуны и юэчжи – основные предки балто-славяноязычных племен

Большими юэчжи (кит. да-юэчжи) в Ферганской долине было основано государство Большая Вань (кит. Да-вань), поставлявшее в Китай превосходных «кровавых аргамаков» (небесных лошадей). Вполне возможно, что как ваны древнегерманских мифов, так и вэньоуто китайских хроник это и есть предки балтоязычных ставанов-славян и венендеров (вандалов, венедов), мигрировавших из Вэньсу и Да-вани сначала в Хорезм, где они были известны как хвалисы, а затем и в Европу:

«...термин «истевоны» (Istaevoines, Istaeones, Iscaevones; к ним относят [балтоязычных, – П.Д.] франков) вначале обозначал не германские (и не славянские, а балтские, – П.Д.) племена, с которыми (славяноязычные античные, – П.Д.) германцы соседствовали на юго-востоке, известные у Птолемея (II в. н.э.) как «ставаны» (Stavanoî), т.е. собственно племена зарубинецкой культуры (памятники типов Лютеж и Картамышево-Терновка) – праславян (точнее славянизированных готами и аланами-торками западных балтов, – П.Д.): «... а ниже венедов – галинды и судины, и ставаны до аланов» (Ptol. Geogr. III, V, 9; где галинды и судины – это последующие приведенные под 1326г. хронистом Тевтонского ордена Петром из Дусбурга балтские Галиндия и Судавия, населенные голядью и ятвягами)... О.Н. Трубочев выводит этноним «ставаны» от индоиранского (аланского) обозначения праславян: др.-инд. «sta'v;na-» или иран., авест. «stavana-» – «хвалимый» (причастие от глагола др.-инд. *stauti,

авест. «staoiti» – «хвалить, славить»; передача славянского *slov;ne «люди (одной) речи» с субституцией st- вместо затруднительной группы sl-) [Трубачев О.Н. Indo-Arica в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999. – С. 116-117]» (Олег Гуцуляк, «Кто такие германцы?», <https://www.proza.ru/2014/07/27/1178>);

«Припомним, что в половине II века по Р.Х. географ Птолемей называет этот край Балтийского моря Венедским заливом, почему можем заключить, что и устья Немана были заселены венедками, то есть балтийскими (балтоязычными, – П.Д.) славянами, о которых под именем ставан на этом же месте упоминает тот же Птолемей. Само слово Неман – славянское слово, которым венды, сюда впервые пришедшие, обозначили здешнее население, что оно язык нем, как они обозначили и самих немцев... Теперь он обращается к востоку и говорит, что от вышеназванных поселений к востоку ниже венедов живут галинды, судины и ставаны до самых алаунов (55 градус широты). Эти имена в полной точности обозначают позднейшие области Галиндию, Судавию, Шаловонию (нем. Schalauer; прусск. Skalavo, Skalwa; лит. Skalviai – скальвы, – П.Д.), как по-литовски именовалась Словония (на самом деле, Скальвония, – П.Д.), которая была расположена по обоим берегам нижнего течения реки Немана, как это показано на картах Меркатора. Таким образом, имя ставаны в полной точности соответствует имени славяне и вместе с тем служит подтверждением правильности Птолемеевых указаний... Правда, что еще в VI веке готский историк Иорнанд (гл. III) говорит, что жители острова Скандии, какие-то светане (вероятно, Птолемеевы ставаны), имевшие превосходных лошадей, перевозили к римлянам сквозь бесчисленные народы собольи меха... Там живут также светане (Suethans, иначе пишется: Suuehans, Subveans – Suobeni, славяне?), о которых мы упомянули и которые, без сомнения, есть Птолемеевы ставане» (И.Е. Забелин, «История русской жизни с древнейших времен», ч.1: «Доисторическое время Руси», http://dugward.ru/library/zabelin/zabelin_istoriya_russkoy_jizni.html#g16);

«Старое название Вены звучит как Виндебона. В I в. н.э. Гай Юлий Цезарь столкнулся в Нормандии (север Галлии) с венедками. Источник сообщает: «Они (эти венеты) были хорошими мореплавателями, имели много кораблей и какое-то время сопротивлялись римским войскам...». Историк Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях гот» пишет: «Между реками Дунаем, Тисой и Олтом лежит Дакия, ...к северу ... на необозримых пространствах расположился многолюдный народ венедов (балтизовавшихся кельто-иллирийцев, – П.Д.). Несмотря на то, что теперь их название меняется соответственно различиям родов, но все же преимущественно они называются склавенами (скальвами, – П.Д.) и антами». Так же он пишет: «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов... Эти (балтоязычные, – П.Д.) венеты происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавинов». В хронике Фредегарда VII в. сказано: «Славянами, называемыми венедками». Ион Боббийский, живший в VII в. в своем описании жития святого Колумбиана говорит: «Пришла ему мысль отправиться к венетам, которые именуются еще славянами». Англосаксонский писатель Алкуин времен Карла Великого писал: «Славян зовем венедками». Немцы всех славян (потомков не только

славянизировавшихся кельто-иллирийцев и финнов, но и свебов / свавов / *славов и других славяноязычных античных германцев, – П.Д.) раньше называли вент, венд. Финны и эстонцы русских (сначала балтизировавшихся и позже славянизировавшихся потомков финноязычных скифов, – П.Д.) до сих пор называют вене. А финское название Ладожского озера звучит как Венееимиере» (Олег Гуцуляк, «Тайна святого Войцеха», <http://www.arthania.ru/content/taina-svyatogo-voitsekha-chast-3>).

На то, что как древние балты (потомки савроматов = усуней), так и древние славяне (потомки сарматов = жунов и алан = юэчжийцев – славяноязычные античные германцы и аланы-торки) пришли вместе со славяноязычными предками своих воинских сословий – русов (фризов = хросов, хоразмиев = хурусов, готов-русов и аланов-русов) в Европу из Северного Китая, указывает наличие множества сходных обычаев у них и у народов Восточной Азии. И в первую очередь, это публичное выражение траура по усопшему царапаньем своего лица (лицедрапием, «кожекроением») и обряд сати – добровольного захоронения жены вместе с усопшим мужем:

«У многих кочевых народов Азии (жуны = гунны, сюнну = хунны, сяньбийцы = серби, тюрки, бохайцы, кидани, чжурчжэни, – П.Д.) существовал также обычай поранения лица, в знак публичного выражения траура по усопшему. По сути, это был более щадящий способ членовредительства, как символического (ритуального) суицида. Но в случае смерти знатных лиц или правителей, скорбящие подданные нередко прибегали к данному обычаю в массовом порядке. Как справедливо предполагает Холмгрен, во второй половине VI в. кочевой обычай поранения лица, в знак траура, был уже интегрирован в китайские идеальные представления о добродетельных вдовах. Согласно «Суй шу»: «Наложница принца Хуа-яна происходила из хэнаньского клана Юань (потомков сяньбийских правителей Северного Вэй, – В.Г.)... Принц отдал ее вождю мятежников, Юань У-да... Она порезала свое лицо... и сказала: «Я не могла умереть раньше, и потому чуть не была обесчещена. Это моя собственная вина». После этого она отказалась есть и умерла». Сразу после гибели в 520г. Тоба И, дяди северовэйского императора, несколько сот успевших вернуться в столичный Лоян некутайцев-северян, узнав о трауре, порезали свои лица. Китайские источники, описывающие похороны знатного тюрка в VI в., упоминают, что скорбящие родственники надрезали себе щеки ножом. Такой же траурный обычай упомянут в житие христианского епископа Израэля, повествующем о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в. По «Тан шу», люди народности тукюэ (тугухунь) при погребении «перед входом в палатку надрезают себе ножом лицо и производят плач; кровь и слезы льются вместе. Так поступают семь раз и оканчивают». Во время позорной капитуляции правителя государства Бохай перед киданьским императором Абаоци (926г.) бохайские сановники также поранили свои лица, в знак высочайшей скорби. У чжурчжэней родственники сопровождали похороны умершего «слезными и кровавыми проводами»: участники погребальной процессии надрезали ножом лоб, и кровь из ран струилась по лицу, смешиваясь со слезами. А первый император чжурчжэней Агуда перед решающим боем с киданями поранил себе лицо, в знак готовности сражаться насмерть. Известно, что и на Кавказе женщины-мусульманки Осетии, по обычаю, расцарапывали свои лица или били себя

ладонями по лицу, в знак скорби по усопшему родственнику. Пожалуй, самым мягким пережитком траурного членовредительства, как символического суицида, выглядит еще один старый обычай осетин, по которому вдова, оплакивая мужа, говорила: «Пусть истрескаюсь я и сгорю!», и при этом отрезала себе косу, которую затем клала в гроб покойного мужа» (В.Ц. Головачев, «Самоубийство как обычай и ритуал в традиционном Китае», <http://suisoc.ucoz.ru/publ/8-1-0-40>);

«Что касается язычников в [хазарском] государстве, то среди разрядов их находятся сакалиба (славяне и другие темно-красные народности, к которым в то время восточные авторы относили и ясов, и болгар и буртасов, – П.Д.) и русы, которые живут на одной стороне этого города (Атил). Они сжигают своих мертвецов вместе с их конями (букв. животными), утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его жену заживо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожженными, чтобы с душами мужей войти в рай. Как мы упоминали, таков же обычай у индусов, но их жены без их согласия не сжигаются с мужьями» (Ал-Масуди, «Мурудж ад-Дзахаб ва Маадин ал-Джавахир», <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met136/node16.html>);

«По словам В.И. Кулакова, «обычай «добровольного» восхождения вдов на погребальный костер воина доживает в Пруссии минимум до середины XIII в.». И, для славян Юго-Запада Балтики мы имеем сообщение источника VIII в. (подчеркну – VIII в.), а именно крестителя Германии Бонифация: «Винеды (т.е. Славяне; и в том числе славянизированные античными германцами потомки балтоязычных Венедов, Прусов и Кельто-Иллирийцев, – П.Д.), народ мерзейший и самый дурной, хранят однако же с такою верностью в супружеском союзе любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается от жизни, и та между ними считается славною, которая своей рукою убьет себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре» (Гильфердинг 1855: 41). Также следует добавить, что для балтийских славян было характерно очень суровое отношение как к детям, так и особенно – к невольникам (Гильфердинг 1855: 43)... Вопрос о парных погребениях и «насильственно умерщвленных женщинах» требует отдельной ремарки. Дело в том, что согласно В.Я. Петрухину, для скандинавов «А. Стальсберг отрицает обычай «сати» – добровольной смерти вдовы на похоронах мужа» (Петрухин 2011: 91). Однако, сама А. Стальсберг писала прямо противоположное: «обряд убийства вдовы (сати) и ее похорон с мужем, кажется, практиковался в Скандинавии в эпоху викингов, так как число парных погребений такое большое, что трудно представить себе, что муж и жена случайно умирали одновременно от болезни и т. п.» (Стальсберг 1998: 283). Но с другой стороны, В.Я. Петрухин прав, подчеркивая высокий социальный статус знатных скандинавских женщин. А на самом деле – явно и не только знатных. Рассматривая конкубинат по исландским сагам, А.А. Сванидзе пришел к выводу, что в случае внебрачного сожительства имело место «мирное», «личное соглашение мужчины и женщины» – без участия родственников. Более того, по сагам мы видим, как мужчина, купив себе рабыню в качестве наложницы, далее просит (!) жену «разрешить ей остаться в доме» (Сванидзе 2011: 393). Таким образом, даже если

действительно в эпоху викингов в Скандинавии имел место обычай «сати», то его возникновение, и сосуществование с привычной традицией высокого статуса женщины – само представляет собой проблему, загадку (если, конечно же, игнорировать балто-славянское сарматское происхождение знати скандинавов, – П.Д.). Причем мне кажется очевидным, что «сати» – явно периферийное для Скандинавии явление (по А. Стальсберг (1998: 282), всего 8,1% погребений в ладье в Скандинавии – парные), и, умерщвлялась, скорее всего, все же не жена, а наложница, и именно рабского происхождения. То есть, это и не совсем «сати» – или совсем не «сати». Далее, если предполагать, что возникает в Скандинавии эта традиция «псевдо-сати» именно в викингской среде, все равно остается вопрос об истоках и причинах ее появления» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны»,

<http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>);

«...совершалась тризна, состоящая из воинских игр и упражнений, кулачного боя и проч., причём была и попойка; печаль выражалась плачем и лицедрием, о чём свидетельствует и арабские писатели Ибн-Даста и Кадлуба... На основании свидетельств греческих и римских писателей можно установить, что среди славян (как среди потомков славяноязычных античных германцев и аланов, так и среди славянизовавшихся днепровских балтов и кельто-иллирийцев, – П.Д.) существовал обычай сожигать мертвецов на костре, при чём жена умершего добровольно обрекала себя на смерть, чтобы быть сожжённой вместе с мужем... Обычай «посмертного венчания» сохранился до нашего времени на Руси. Наконец приведём свидетельство Ибн-Даста, писавшего около 30-х годов 10 столетия. «Когда умирает кто-либо из них (славян), они сожигают труп его... Жены, особенно любившие своих мужей, собственноручно устраивали виселицу над трупом мужа и удавливались. Труп удавившейся бросали в огонь, где он и сгорал... Наконец, кладут в могилу живую и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается, и жена умирает в заключении... Свидетельство Ибн-Даста драгоценно для нас в том отношении, что обычаи, отмеченные им, подтверждаются русскими источниками. Способ выражать скорбь царапаньем ножом рук и лица – это очевидно «кожекроение» и «лицедрием» жития Константина Муромского...» (Н.М. Гальковский, «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Похоронные обряды»,

http://irish-music.narod.ru/religion/christ/h_m_galikovskiy/h_m_galikovskiy-gl1.htm).

В Индии же, в отличие от Древней Руси и Китая, самоповешением жены себя публично не умерщвляли, да и сам обряд сати возродился в ней лишь после завоевания ее кушанами (предполагают, что его занесли в Индию светло-русые и голубоглазые, подобно половцам, эфталиты – белые гунны):

«Монтень, ссылаясь на одного из лучших латинских историков XVI века Озорно, пишет: «В царстве Нарсингском (Нарсингское царство граничило с португальскими владениями в Индии) жены жрецов погребаются заживо вместе со своими умершими мужьями. Всех прочих женщин сжигают живыми на похоронах их мужей, и они умирают не только с поразительной стойкостью, но, как говорят, даже с радостью. А когда предают

сожжению тело их скончавшегося государя, все его жены, наложницы, любимцы и должностные лица всякого звания, а также слуги, образовав большую толпу, с такой охотой собираются у костра, чтобы броситься в него и сгореть вместе со своим властелином, что, надо полагать, у них почитается великой честью сопутствовать ему в смерти»... Обычай, подобный индийскому сати, еще до начала нашего века существовал и в Китае, причем в научной литературе он обозначался тем же индийским словом... Исследователь Д. Дулитл в своей работе, посвященной общественной жизни китайцев, вышедшей в 1867 году, отметил интересную деталь, которую и сегодня трудно объяснить. Дело в том, что китайский обряд сати, в отличие от индийского, никогда не совершался путем саможжения, хотя другие способы, опять же в отличие от индийского обычая, весьма многочисленны... Дулитл пишет, что «обычно в таких случаях в доме вдовы или на улице перед домом воздвигается помост... Когда все готово, она взбирается на табурет и, взявшись за веревку, прочно укрепленную другим концом на возвышенной части помоста или на крыше дома, завязывает ее на шее. Затем она отталкивает табурет и становится, таким образом, своим собственным убийцей»... Девочка из касты браминов в Индии должна выйти замуж только за брамина и обязана была покончить с собой определенным образом, сгорев вместе с телом мужа на ритуальном костре. В Японии мальчик, рожденный самураем, с самого раннего детства знал, что когда вырастет, он обязательно станет самураем и в его жизни может возникнуть ряд ситуаций, когда он должен будет покончить с собой, совершив ритуальный обряд харакири. То же самое знала и его жена, которая в дни больших смут постоянно носила при себе ритуальный меч, которым она должна была перерезать себе горло в том случае, если ее муж совершал харакири. И для того, чтобы она смогла это сделать, девочек, достигших определенного возраста, также специально обучали этому» (Л. Трегубов, Ю. Вагин, «Эстетика самоубийства», <https://www.vuzlib.su/beta3/html/1/26496/26570/>). [к осн. тексту]

II.9. Этимология этнонима хурусы и других родственных ему этнонимов

9.1 Мужские воинские союзы

Для восточного варианта этнонима русов (хурусы, урусы) возможна и иная первичная этимология, переосмысленная из-за темно-красного цвета их кожи лишь гораздо позже. Возможно, термин «хурус» – «урус» первоначально, вообще, не являлся этнонимом и означал лишь «золотую молодёжь», то есть возмужалого, но не женатого юношу (шумер. «гуруш», греч. «курос», др.-киев. «гридь», франц. «гарсон» – «парень, молодец, герой, безбородый воин») подобно и другим аналогичным по смыслу терминам – др.-егип. «тухер» (tjkr = теккары = тевкры, тугуры, тохары, токхары), библ. «бахур» (бхараты, бугуры = пугуры, пагериты), англ. «youth» (ятии = утии = яду = еда = юэчжи), ирл. «óg», «ógra» (праслав. *Qǫgъinъ, др.-киев. «оугры» = угры), праслав. *junъ, ст.-слав. «юнъ», др.-киев. «унъ», укр. «юнак», индонез. «anak», итал. «giovane», нем. «junge», дат. «unge», коми-перм. «зонка» (жуны, др.-киев. «унны» = гунны, лат. «ungari», «ungri» – венгры) и перс. «парн» (парны = парфяне):

«КОНДАКОВ. Термин «парна» употреблен как этнический, но существует мнение

К.В. Тревер, которая приводит его значение половозрастной группы (молодые неженатые юноши до 27 лет, ср. русское «парни»). Именно эти субъекты истории были наиболее легки на подъем, т. е. были основными участниками миграций» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <https://issuu.com/711744/docs/klein>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf; <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-2-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>);

«В настоящее время появляется все больше осторожных замечаний и предположений о том, что у сарматов могли существовать молодежные союзы или другие подобные организации с аналогичными функциями (мужские союзы) [Симоненко А.В. 1993, с. 105; Иштванович Э., Кульчар В.2000; Исаенко А.В. 1993, с. 176-177]» (Е.В. Вдовченков, «Молодежные союзы у сарматов: постановка проблемы», <http://www.academia.edu/1910919/>; <https://refdb.ru/look/3122418.html>; http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-252-4/978-5-88431-252-4_08.pdf);

«Группы воинов-зверей были организованы в некий священный союз, цель которого заключалась в обеспечении своего постоянного восстановления. Их постоянная характерная черта – участие юношей, то есть тех, кого принято включать в разряд, определяемый латинским термином «juvenes». Это слово констатирует не столько возрастную категорию, сколько первое цветение всех жизненных сил. Знаменательно, что речь идет о воинской общине. Ведь «juvenes» – это воины, выдержавшие инициационные испытания, только что взявшие в руки оружие» (Франко Кардини, «Истоки средневекового рыцарства», М.: «Прогресс», 1987, С. 73-74, <http://tagbooks.narod.ru/Knights.htm>);

«Мифология сохранила для нас названия нескольких военных сообществ, этих вооруженных банд, которые, хочешь не хочешь, наводят на мысль о волках-оборотнях и германских берсерках. На Крите, в Этолии и на Эвбее – это куреты, в Беотии – спарты, вышедшие из земли в полном вооружении, флегийцы – «самые воинственные люди своего времени», эгеиды или сыновья Урагана. Члены древнейшего воинственного клана Аттики взяли себе славное прозвище эгикореи (aigikoreis), то есть «служители эгиды» – щита или шкуры с головой Горгоны, которыми Афина и Зевс пользуются, чтобы застрашать или уничтожить врагов. Нет никаких сомнений, что помимо военных хитростей и беспрекословного подчинения вождям молодых людей обучали издавать боевой клич. В этом вопросе герои слыли мастерами. Приняв воображаемый облик львов или волков, они бросались на врага с диким воем» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voyny.html, <http://lib.rus.ec/b/302423/read>);

«В мифологии многих народов волк тесно связан с мужскими военными союзами. Наличие таковых фиксируется у индоевропейцев. Скажем, в германской среде они

(*mannerbunde*) просуществовали до конца эпохи «Великого переселения народов». У древних иранцев они засвидетельствованы еще со времен Заратуштры. Как считает М. Элиаде, упоминание о воинских братствах есть и в ведических текстах, и потому вполне возможно, что они существовали уже в индоиранскую эпоху. Как представитель фауны волк наиболее соответствовал идеальному образу воина... Интересно, что некоторые из лингвистов название одного из сакских племен *saka haumavarka* интерпретируют как «те, кто превращаются в волков (*varka*), в момент экстаза, вызванного сомой (*hauma*)», или же «волки Хаомы». Замечу, что во время своих посвящений алкоголь применяли запорожские казаки, своего рода приемники скифских традиций на территории Северного Причерноморья» (С.Ю. Гуцалов, «Волчье племя», http://www.darial-online.ru/2005_1/gutsalov.shtml).

Очевидно, это связано, прежде всего, с тем, что у славяноязычных сарматов и славяноязычных античных германцев / сермендов, как позже и некоторое время и у их потомков славян и германцев, существовал обычай майората. По этому обычаю почти всё движимое и всё недвижимое имущество наследовал лишь старший в роде или же старший сын, а от всех отроков – младших братьев последнего община фактически отрекалась:

«Майорат – система наследования, при которой имущество переходит нераздельно, в целом своем составе, к одному лицу по принципу старшинства в роде или семье, простого (возраст) или в соединении с моментом близости по степени родства к наследодателю» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь», <http://www.bibliotekar.ru/bem/61.htm>);

«Наконец, интересен и еще один момент, указывающий на определенные параллели между иньскими представлениями и соответствующими явлениями у некоторых индоевропейских племен. Речь идет о системе наследования власти. Известно, что в иньском Китае эта система выглядела весьма запутанно из-за того, что преобладающей формой наследования был переход власти от старшего брата к младшему. Есть серьезные основания считать, что столь специфическая форма наследования – вне зависимости от того, как она произошла и какие родственные связи и традиции сыграли при этом решающую роль, – была специфичной именно для индоевропейцев, во всяком случае хотя бы для части их. Так, специальное изучение клинописных хеттских источников 18 – 17 вв. до н.э. показало, что у хеттов наследование также преимущественно осуществлялось от брата к брату и от дяди к племяннику и что в царском роде хеттов (как это было и в Инь) все братья одного поколения называли друг друга братьями, а представителей восходящего и нисходящего поколений соответственно отцами и сыновьями. Если вспомнить иньские надписи, в которых от имени правящего вана приносились жертвы «отцу» такому-то, «отцу» такому-то и еще «отцу» такому-то одновременно, то сходство хеттской и иньской систем родства и наследования будет вполне убедительным. Добавлю, что не только хетты могут быть привлечены в качестве сравнения по такому интересному признаку как система наследования. Эта традиция чрезвычайно похожа на так называемую «лествичную» систему, принятую в Древней Руси и похоже являвшуюся отголоском каких-то очень древних, систем наследования, которые сохранились в позднейшее время на Руси» (Михаил Диунов, «Расово-познавательная история цивилизаций: Древний Китай», <http://www.rus-obr.ru/idea/1828>);

«Господствующие слои всех индоевропейских народов сохраняли крестьянский менталитет: римские патриции презирали любой труд, не связанный с сельским хозяйством как неблагородный, а спартиаты не могли быть полноправными гражданами без наследственного земельного надела» (Ганс Ф.К. Гюнтер, «Нордическая раса среди индоевропейцев Азии и вопрос о прародине и расовом происхождении индоевропейцев», <https://refdb.ru/look/2652212-pall.html>; <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/hans-guenther-05.html>).

И поэтому-то младшие братья и вынуждены были искать свое счастье на чужбине, объединяясь в ватаги «волков» – добытчиков с другими такими же отроками – отверженными (изгоями). Именно это вместе с неприемлемостью подчинения авторитарной власти и делало праславян, а позже и их потомков славяноязычных античных германцев, чрезвычайно мобильными а, тем самым, весьма и поспособствовало освоению ими просторов Евразии:

«Наряду с Дудоном главным хроникером Нормандии считается Гильом де Жюмиеж (Guillaume de Jumièges, Willelmus Gemmeticensis), живший между 1010 – 80 гг. Пытавшись доказать, что датчане или норманы происходят от готов, Гильом де Жюмиеж продолжает: «Они производят столь многочисленное потомство, что остров их переполнен народом, и поэтому по закону, утвержденному королями, лишнее население должно оставить свои места. Народ этот умножается потому, что предается чрезмерной роскоши и допускает многоженство. Но отец гонит от себя всех прижитых сыновей, кроме одного, которого назначает наследником своих прав»... Отец Бьерна, Лодброк, следуя закону предков, отказал своему сыну в царстве, чтобы он во главе громадного отряда юношей, по указанию жребия, вместе со своим воспитателем Хастингом, чрезвычайно коварным человеком, уехал в чужия края и оружием завоевал себе там местожительство» (Карл Тиандер, «Датско-русские исследования», Выпуск III. – Петроград, 1915, <http://norroen.info/articles/tiander/04.html>).

Нечто подобное происходило ранее и в ахейской Греции:

«На четверть солдаты, на три четверти – бандиты, пираты и авантюристы, по большей части это были бедные аристократы, младшие или незаконнорожденные сыновья, но иногда «героями» становились и свободные молодые граждане, которые, совершив преступление, не могли оставаться в родных местах и бежали, куда глаза глядят. У них не было ни домашнего очага, ни родины. К компании присоединялись вечные бродяги и кочевники – козопасы или волопасы. Таких волонтеров охотно принимали за их силу, выносливость и бесстрашие. Родившись во времена перенаселенности, в тех краях, где все земли и занятия уже поделены, они не могли найти работу, и не желали пропадать. В архивах Пилоса мелькают намеки на безработицу или, по крайней мере, переизбыток рабочей силы» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <http://lib.rus.ec/b/302423/read>, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_voiiny.html).

Да и в более поздние то времена древнегреческая молодежь вынуждена была заняться колонизацией далеких новых земель, иногда вытесняя из них менее развитых туземцев:

«Преимущественное участие молодежи в колониальных предприятиях обуславливалось, в первую очередь ограниченными возможностями землевладения в собственно Греции. Переселенец мог забрать с собой или оставить в отцовском ойкосо движимую часть полагающегося ему клера (*chrēmata*), как можно заключить на основании анализа известного уложения о невапакских колонистах, но земельная часть клера здесь не подразумевается, т. е. экономическая нецелесообразность дробления земельного надела и выступает в данном случае импульсом переселения избыточных наследников (в стк. 29 уложения предусматривается случай, наличия братьев на родине колониста). Молодежь составляла основной контингент ферских переселенцев в североафриканскую Кирену (ML 5.29); ее участие засвидетельствовано и для ряда других колоний (Plut. Mor. 294e; Paus. VIII, 3, 5; Herod. IV, 150, 153; Just. XVIII, 4, 2) (В.П. Яйленко, «Архаическая Греция и Ближний Восток // Древнегреческая колонизация», http://www.sno.pro1.ru/lib/yajlenko_arkhaicheskaya_greziya_i_vostok/5.htm).

Очевидно такое же положение дел было и в глубокой древности. Поэтому-то не только необходимость поиска и освоения новых месторождений металлов, но, очевидно, и перенаселенность долин Сарасвати и Инда вынуждали праиндоевропейскую молодежь постепенно колонизировать Иран, Среднюю Азию, Месопотамию и Малую Азию еще до начала катастрофического пересыхания Сарасвати. Произошедшая же катастрофа привела к более стремительному расселению праиндоевропейцев по всей Евразии.

9.2 Этимология и возможные переосмысления этнонима русы

Санскр. «*vṛkas*», авест. «*vəhrka-* / *varka* / *virka*», лит. «*vilkas*», др.-укр. «*вълкъ*», осет. «*бирагъ*», тюрк. «*бори*» – волк в северно-иранских диалектах благодаря переходу согласной «*в/б*» в «*г*» стало произноситься как *гирка* / *гурд* / *горг* (тадж. «*гург*», курманджи «*gûr*»). Точно также пра-слав. «*брьдо*» (серб. «*брдо*» – «*возвышенность, холм*», укр. «*беріг*» – «*край, берег, возвышенность над водой*»; нем. «*Berg*» – «*груда, гора*»; бровь, бровка) преобразовалось в праукр. **гъруд*, ст.-укр. «*груд*» – «*возвышенность, холм*» (укр. «*груди*» – *грудь*, «*грудя*» – *комья*, «*грудень*» – *декабрь*, «*гурт*» – *группа, громада* – *община*; «*громадний*» – «*огромный, большой*»; чеш. «*hrot*» – «*вершина, верхушка, кончик*», «*hořejší*» – «*верхний, горный*»). У потомков славяноязычных англо-англичан сохранилось родственное ему слово «*hard*» – «*высокий, сильный, жесткий, твёрдый, крайний*» (нем. «*hart*», фриз. «*hurde*» – «*жесткий, твёрдый*», лтш. «*grūts*» – «*жесткий, грубый*»; англ. «*great*» – «*большой, великий, отличный, огромный, прекрасный, сильный*»; гот. «*hardus*» – *сильный*; лат. «*grandis*» – «*великий, величественный*»; франц. «*grand*» – «*высокий, рослый, сильный, огромный, крупный, большой, замечательный*»; гот. **hrotps* / «*hrôth*», англ. «*greatness*», нидерл. «*grootte*» – *величие*; авест. «*Xardnah*» – «*слава, величие, блеск, сияние, харизма*»; гот. **hrotps*, исл. «*Frægð*», англосакс. «*hreid*» – *слава*; др.-англ. **hride* = «*pride*» – «*гордость, гордыня*»).

Именно этому слову соответствует этноним высокорослых остготов гарудов (лат. *Narudes / Arudes / Arachi*; англосакс. *Hrædas*; исл. *Hrǫð*) / гардингов (лат. *Gardiugi / Gardingi*) = хредготов (англосакс. *Hrēðgotum / Hrēðgotan*) / гревтунгов / грейтунгов (лат. *Greutungi / Greuthungi*, англосакс. *Hrædas*, исл. *Hrǫð*) / гротингов (греч. *Γροθίγγοι*) / грутунгов / грутуннов (лат. *Grutunni / Gruthunni*) / гротунов (лат. *Grotuni / Grotoni*, гот. **Hrôthuns*) / грутунцы (лат. *Grutunci*), являвшихся славяноязычными предками не только гаутов / гётов / ютов (шведов Скании и датчан), но и хоротов / хорутан / коротан (австийцев Норика) и русов (высокорослых и длинноногих украинцев) (исл. «*hár*», франц. «*haut*», нидерл. «*hoog*», швед. «*hög*», дат. «*høj*» – высокий; швед. «*höjd*», дат. «*højden*», норв. «*høyde*» – «высота, рост»; фриз. «*grut*», нидерл. «*groot*», нем. «*groß*» – «большой, крупный»). Ведь византийцы русов (англ. «*rise*» – «рост, возвышение, возвышенность, холм») называли хросами / хрёсами (большими и высокими).

Иногда от лексем, относящихся к более общим понятиям, порождаются похожие лексемы, обладающие не только более узким, но и диаметрально противоположным смыслом у этносов с неодинаковой ментальностью (например, тункинское «*göje*», аларское «*goji*», укр. «вродлива» – красивая, а вовсе не уродливая). И, если др.-инд. «*riguṣa*», хинди «*ригу*» (пуруш) – просто человек, то шумер. «*гуруш*», греч. «*курос*» – уже лишь юноша, а марийск. «*суреште*» – наоборот, лишь седой человек. Аналогично и к праслав. лексеме **jupь* (др.-киев. «*унь*», нем. «*junge*», дат. «*unge*», укр. «*юнак*», индонез. «*anak*» – юный) весьма близка индийская лексема «*jūnā*» (маратхи, гуджар. «*jūnā*», яван. «*kupa*», индонез. «*kupo*» – «старый, древний»), обладающая как бы противоположным смыслом. Поэтому-то этнонимам жуны (гунны) вполне могут соответствовать оба смысла – конкретный: «*юные*» и более широкий: «*древние*».

Возможно, конечно же, и то, что этноним «*рус*» (*урус*) постепенно утратил свой прежний смысл, подобно этнонимам «*арий*» (марийск. «*арий*» – «ловкий, смелый, подвижный, живой, расторопный») и «*согдиец*» (санскр. «*суджата*» – «благородный, статный, красивый»; гуджар. «*Śudhdha*», скиф. «*sugda*», – «чистый, святой», – Абаев; если тамил. «*ātiyāṇa*» – «нетронутый, чистый, древний», то эвенк. «*уту*», «*сагды*» – старый, «*сагдагү*» – старейшина). И в результате этого он стал означать любого деятельного, благородного и уважаемого человека (лит. «*ogus*» – достойный, «*gišus*» – деятельный, см. «*рух*» в словаре Фасмера) или же даже мудрого человека (каннада «*ṛṣiya*», хинди «*ṛṣi*», гуджар. «*riṣhi*» – «*риши, мудрый, святой*»):

«Сторонним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись одним общественным слоем, который носил общее название Руси, и, по замечанию восточных писателей X в., занимался исключительно войной и торговлей, не имел ни деревень, ни пашен, т. е. не успел еще сделаться землевладельческим классом...» (Василий Ключевский, «Курс русской истории», лекция X, http://www.xliby.ru/istorija/kurs_russkoi_istorii/p11.php).

Варяги, хурусы = русы = рутены = **рудены*, хорутаны (польск., чеш. «*koryto*» – «*корыто, русло*»; нидерл. «*gracht*» – канал) и готы = геты (арм. «*get*» – река; нидерл. «*goot*», англ. «*rut*», «*gutter*», «*chute*» – жёлоб; англ. «*cut*» – канал), являвшиеся, как и согдийцы, и

хорезмийцы, потомками пришедших из Северного Китая славяноязычных жунов = гянгуней = канглов (тадж. «рӯдхона», арм. «hun» – «канал, русло»), свою торговлю вели, перемещаясь преимущественно на лодках по рекам (авест. «габдаh-», др.-перс. «rautah», ср.-перс. «gōd», позд.-перс. «gūd», согд. «gōt», тадж. «рӯд» – река; Родан = Рона; Рудон = Даугава) или же вдоль их русел, и к тому же предпочитали дислоцироваться на речных островах или же на побережьях рек. Поэтому-то их этнонимы вполне могли первоначально означать и «речные». На эвенкском языке потомков бывших соседей праславян северокитайских тунгусов река не только «бираг» (что весьма близко не только к словам «берег» и «верх», но и к этнонимам «варяги» и «вархониты»), а также и «олус*», «орус*», «урус*» (лит. «gusėti» – течь; лат. «gos» – «влага, роса»; исл. «gás» – канал). И следовательно не исключено, что и у славяноязычных жунов слово «рӯд / урус = рось» было синонимом слова «река» (да и народу «ерос» Захарии Митиленского ведь соответствует слово «ерик» – «протока, старица»):

«На территории Венгрии, в бывшей Паннонии и соседнем Норике, как известно, тоже были зафиксированы территории, топонимы и гидронимы с корнем Ruz- (беларус. «ў рацэ» – «в реке», укр. «в руці» – «в руке», – П.Д.). Это и «Русская марка» (Ruzamarcha), пожалованная Альтхайскому монастырю Людовиком Немецким (843 – 876), и упоминание венгерского герцога Руси в Хильдесхаймских анналах: «Имре, сын короля Иштвана (Stephanus), герцог руси (dux Ruizogum), погиб плачевной смертью, растерзан на охоте вепрем» и ряд других свидетельств. Эта Русь была крещена во времена Генриха II (1002 – 1024), о чем свидетельствует Гонорий Августодунгский... Таким образом, во второй книге «Деяний архиепископов гамбургской церкви» в первой редакции 1076 года, мы не обнаруживаем текстов самого Адама Бременского, который бы Русью (Ruzzia) называл земли восточных славян. Либо имеется в виду какая-то Русь, к которой относится Острогард, либо речь идет о Руси, которую можно пересечь за пять дней в пределах Южной Балтики, либо вообще о территории в Венгрии... Уже давно исследователи обратили внимание на существование так называемой Неманской Руси. Еще Ломоносов в споре с Миллером указывал на Русу, как название устья Немана. Наличие Руси в устье Немана доказывал и Боричевский в 1840 году. С.А. Геденов, приводя большое количество рек с названиями Руса, Рось, Роса, Русь, пишет: «4). Неман-Русь. Название нижнего Немана (правого рукава его) до самого устья; иные называют его также Рось...» (Алексей Олейниченко, «Русь у Адама Бременского», https://www.dropbox.com/s/clrhohqnp00xotn/Русь_у_Адама_Бременского1.doc; <http://alex-oleyni.livejournal.com/45703.html>).

9.3 Возможная тождественность смыслов этнонимов арии, жуны (гунны) и хурусы (русы)

Конечно же, не исключено и то, что произношение этнонима «гревтунги» / «грутунны» = «гаруды» / «хороты» = «хурусы» (оросы, русы) в праславянском языке было иным – *гориды / *гоуруцы (арм. «goğoz» – «гордый, надменный»). И означал этот термин до его переосмысления восточными инородцами всего лишь «горцы» (ст.-укр. «груд» – возвышенность, микен. «o-ge-i» – «в горах»; др.-греч. «орос», чеш. «hoга», польск. «góга», удм. «гурезь», мар. «курук», эвенк. «урэ» – гора; монг. «гувруу», эвенк. «урэгэн» – «горный

хребет»):

«Свидетельством фрикативности праславянского *g является его палатализация в «ж». Иванова (Старославянский язык, с. 87 и др.) предполагает, что палатализация *g > ж происходит через незафиксированное звено *дж, а *g в з – через *дз... Фрикативное произношение «г» сохранялось в церковном чтении до начала XX в., когда в семинариях стали учить читать «г» как [g], видимо, воспринимая старую манеру чтения как провинциальную (украинскую); у старообрядцев такое произношение сохраняется до сегодня (Успенский, 1967а/1997, с. 299-300; Успенский, 1968, с. 40-43; Успенский, 1971, с. 15-16). В XVIII – первой половине XIX в. такое произношение было обязательным в высоком стиле (см. Успенский, 1973а/1996)... Смычный или фрикативный характер звонкого заднеязычного является, по-видимому, одной из древнейших диалектных черт, противопоставлявших северные и южные восточнославянские говоры (Хабургаев, 1980, с. 87). Книжное произношение «г» как фрикативного на южной территории возникло в результате адаптации церковнославянской орфоэпии к фонетике живого языка. Таким образом, на юге Киевской Руси книжное и живое произношение не были противопоставлены по данному признаку. Видимо, уже в древнейший период такое книжное произношение распространилось и на всю остальную территорию Киевской Руси, при этом на севере оно оказывалось противопоставленным живому произношению. По словам А.А. Шахматова, «усваивая себе церковнославянское произношение, новгородское духовенство подражало при этом киевскому» (Шахматов, 1941, с. 91). Таким образом, южнорусская манера чтения воспринималась в северной Руси как специфически книжная» (Б.А. Успенский, «История Русского Литературного Языка (XI-XVII вв.) // Г фрикативное», 2002, web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...; <https://lingvoforum.net/index.php?topic=4620.20:wap2>).

Поэтому-то вполне возможно и то, что китайский экзоэтноним «жуны» (палатализация *g > ж: *гунны – гунны; чамалин. «гъун», лезг. «kuntI», индонез. «gunung» – гора; эвенк. «гуңука̄вэ» – «горный хребет»; афг. «yund.эу» – «возвышение, холм») тождественен эндоэтнониму «гурь» (укр. «горіі», «оріі» – арии; эвенк. «урэгэн» – «горный житель»), первоначально означавшему, как на праугорском, так и на праславянском языках «горцы» (гревтунги / грутунны = хорутаны, утигуры, кутригуры, оногуры, сарагуры и др.), а позже – и просто «громада, толпа, народ, люди» (ст.-укр. «гуре» – много; укр. «гура», англ. «crowd» – «куча, груда, масса, толпа», ст.-укр. «гурмь», укр. «гурба / юрба / юрма» – «куча, громада, община, толпа»; нан. «гурў», болг. «хора», мунда «хороко» – «люди, народ»; кит. «qun», польск. «hurt», укр. «гурт», англ. «herd» – «группа, компания, толпа, стадо»; арм., исп. «horda», франц., нидерл. «horde», серб. «хорда» – орда; беларусск. «чарада», укр. «череда» – «ряд, стадо, табун»; индонез. «orang» – человек; исп. «varón», арм. «агу» – «мужчина, самец»).

Гуннов болгар Иоанн Никиусский называет вовсе не кочевниками, а горцами (Мутаныс – мунтянами; рум. «munte» – «гора, горный хребет»):

«И когда это дело (т.е. об этом деле/событии) было услышано у людей (страны) Бэрантия (Византии), то они говорили: это дело из-за Кытрадыс'а (возможен перевод «о Кытрадыс'е»), главы (предводителя) народа Мутаныс, сына брата отца Квырнаса, который

крестил его в городе Квыстынтыя (Константинополь) и сделал его христианином в его детстве (т.е. в его детские годы), и он вырос во дворце, и было между ним и между старшим Хыркал'ем (Ираклием I) многие любовь и мир, и после смерти Хыркал'я он любил его детей и его жену Мэртина из-за благодеяний, которые он оказал ему» (Ш.Р. Мингазов, «Иоанн Никиусский: последствия ошибочного перевода источника», в сб.: «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации», Москва, ИВ РАН, 26-28.10.2015, http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/Konferenciya_Tezisy_Pismennye_pamyatniki_2015.pdf; www.ivran.ru/f/Konferenciya_Tezisy_Pismennye_pamyatniki_2015.doc).

Если же термин «гунны» в широком смысле означает, подобно термину «арии», всего лишь любых горцев или же жителей предгорий – украинцев (фин. «äägi» – «конец, край», эст. «äärtuslik» – крайний; сарматск. «арии» – «крайние, внешние», – Татищев), то тогда вполне понятно, почему разные античные авторы к гуннам относили не одни и те же племена и народности:

«Стефан Византийский в V в. писал о сапирах / савирах, обитавших на реке Акампис между Колхидой и Персией. «Гунны, как плодovитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений разделены», – писал Иордан о племенах, составлявших ядро гуннской конфедерации. На самом деле численность гуннов в их войсках была мизерной. Основную массу составляли союзники и покоренные племена... Установлено, что Прокопий, Феофан и другие историки называли гуннами на Кавказе и савиров, и аваров, и болгар, а также другие племена. На самом деле савиры (Σαβίωρας) – это народ, родственный по происхождению гуннам, булгарам, хазарам, аварам, мадьярам, альциагирам, гузам, барсилам, оноуграм, беленджерам... Можно полагать, что эти родственные народы понимали речь своих соседей. Однако причислять их к одной языковой группе достаточно опрометчиво. Например, известно, что «язык хазар не похож ни на какой другой известный язык». Также неверно говорить о гуннах как о конгломерате тюркоязычных масс, ибо гунны, как известно, окончательно сложились в Южном Приуралье непосредственно из гуннов и местных угров и сарматов. Следует учитывать мощный пласт иранской культуры у этого народа. М. Алиханов-Аварский, комментатор «Дербенд-наме», полагал: гунн / хун / кхун на языке лаков или кумухов имеет то же значение, что и hun и hune на древнесеверных наречиях немецкого языка, т.е. «высокий», «великан». Авары (обры), по всей вероятности, составляли одно из гуннских племен...» (А.К. Салмин, «Савиры на Кавказе», http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-239-5/978-5-88431-239-5_05.pdf; <https://www.facebook.com/nomadsgreatsteppe/photos/савиры-на-кавказе-часть-вторая-кампании-554-555-годов-тяжеловооружённые-савиры-/815767425214549/>);

«Еще, гунны, которых также зовут аварями, вторглись из Паннонии в Тюрингию и повели отчаянную войну с франками. Королева Брунгильда, вместе со своими внуками Теудепертом и Теудерихом, которые были еще маленькими мальчиками, стала править над Галлией, и гунны, взяв с них деньги, вернулись домой...» (Павел Диакон, «История лангобардов», кн. IV, http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/text4.phtml);

«Через 10 лет, в 225 г., гунны (т.е. те же самые хазары и барсилы) вновь появились в Закавказье, но на этот раз уже в качестве наемников Хосрова в созданной им коалиции против первого сасанидского шаха Ардашира I (Агафангел). Затем на протяжении более 80 лет вторжения с Северного Кавказа не фиксируются в источниках. Вероятно, это было связано с перегруппировкой в среде кочевых племен Восточного Предкавказья и укреплением гуннов на территории Северного Дагестана, с этого времени именовавшегося «землею гуннов», а впоследствии известном в византийских источниках как Берсилия – Барсалия (родина хазар), получившая свое название от этнического имени барсил, игравших в этот промежуток времени, очевидно, главную роль среди племен этого региона» (Юсиф Джафаров, «Гунны и Азербайджан», <http://ebooks.preslib.az/pdfbooks/rubooks/jafarov.pdf>; <https://history.wikireading.ru/384704>);

«В конце IV – V вв. н.э. в Приморском Дагестане появляются катакомбные подкурганые погребения, которые, как предполагается, принадлежали одной из групп гуннов, продвинувшихся в этот регион в конце IV в. Те несколько погребений, как правило, ограбленных, которые удалось выявить археологам, совершенно не сопоставимы количественно с десятками и сотнями тысяч гуннов – воинов, известным нам по письменным источникам, наводнивших Евразию и потрясавших мир на протяжении IV – V вв. (Приск Понийский, Фавст Бузанд, Агафангел, Иордан и др.). Отсутствие в Дагестане обширных гуннских могильников свидетельствует о том, что гунны прошли пределы Дагестана, не останавливаясь там надолго... средневековые авторы постоянно пишут о несуществующих гуннах к северу от Дербента и о «царстве гуннов». С VII в. это «царство» получает название – Жидан» (К.Н. Акопджанова, «Хазарский каганат VII – VIII вв.: история вопроса, проблемы», <http://www.hagahan-lib.ru/library/hazarskiy-kaganat-istoriya-voprosa5.html>).

Тогда аналогично и иранцы, и осетины иронцы, илионцы = троянцы (Ιλος, Ιλιον = хетт. Wiluša), ульме-руги, галматы, галомачи (гломачи) – далеминцы (горные лужичане), гелоны, гилы и галлы, ведь, тоже могут быть просто горцами (санскр. «gīgī», фин. «vuogi» – гора; англ. «hill» – «гора, холм»), а некоторые из них – к тому же еще и островитянами (др.-герм. «holm» – «остров, земля возвышающаяся над водой»). Да и предки то украинцев (русинов, хохлов), отнюдь, не являлись жителями степей или лесистых равнин (греч. «ρίζα» – «подножие горы»; укр. «риса» – «трещина, щель»; санскр. «агга» – вершина; эвенк. «укурӣ» – «возвышенность, холм»; др.-перс., осет. «хох» – гора; осет. «хохаг» – горец; турец. «jükağ», нем. «hoch» – высокий; др.-греч. «ἄκροϛ», нем. «höher» – высший). Возможно, не только из-за проживания в гористых местностях, но и из-за высокого роста хросов / хуросов / русов (нем. «groß» – «высокий, сильный, крупный, большой, классный») и других славян многие историки и отождествляли их с гуннами.

9.4 Значение слова русый

Русское же слово «русый» фактически означает коричневый, бурый (англ. «russet» –

красно-коричневый; марийск. «хёрәш» – светло-коричневый [о волосах], фин. «ruskea» и лтш. «rusls» – коричневый; лит. «rūšvas» – темно-коричневый, «gaĩsva» – красноватый) или же кроваво-красный (образовано из *rudьs, связанного с «рудá, рудый, рдеть», – Этимологический словарь Фасмера; лат. «gussys» – кроваво-красный). Есть волосы светло-русые (светло-каштановые), как у финнов и у балтов, и темно-русые (темно-коричневые), как у белорусских полочан, украинцев, марийцев и коми-зырян:

«Общеиндоевропейский корень «rudh» – «teudh-», «toudh», известный в древних языках (санскр. «rudhiras», греч. «έρυδρός», лат. «rubet», ст.-слав. «рьдръ», «рыжий»), сохранился в основных языках Европы как обозначение красного цвета до настоящего времени (например, франц. «rouge», нем. «rot», англ. «red»). Прилагательное «red» имеет непосредственное отношение к староанглийскому «rēad» (красный), от которого оно и произошло. Хотя русский язык не сохранил индоевропейский корень «rudh» – для обозначения собственно красного цвета, но древнейшие названия красного цвета с этим корнем не утрачены бесследно. Так, в современном русском языке сохранилась группа имен цвета, которыми называют различные оттенки красного или красноватого цвета. Часть из них ещё сохраняет значение красного: «румяный», «рдяный», «рдеть», часть имеет красноватый оттенок «рудой», «рыжий», «редрый». Другие настолько удалились от своего исконного значения, что называют другой цвет, без всякой видимой красноты, например, «русый» [Бахилина, 1975, с. 108] (С.А. Фетисова, В.В. Калинина, «История семантического развития имени цвета красный в английском и русском языках»,

<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-semanticheskogo-razvitiye-imeni-tsveta-krasnyy-v-angliyskom-i-russkom-yazykah>).

Это удаление от исконного своего значения слова «русый» с приданием ему в русском языке нового смысла – «светлый» вместо «огненно красный», соответствующего иранскому «рухс» (санскр. «rakt`a» – красный; марийск. «ракш»: 1. русый [о волосах], 2. гнедой, красновато-рыжий [о масти лошади]), является лишь одним из многочисленных проявлений лицемерия и лжи в русскоязычном примитивном обществе.

К тому же, оно не только порочно, но и абсурдно, так как этноним «роксоланы» (возможно, от др.-греч. «ρόξ» – «щель, узкий проход»; «ράγος» – «щель, трещина») является поздней реинтерпретацией этнонима возможных предков славяноязычных торков – троксолан по Клавдию Птоlemeю (у Плиния – токсоланы). И, очевидно, этот этноним первоначально означал, вовсе, не «огненно-красные аланы», а горцы, обитающие на возвышенностях, в котловинах и в ущельях (др.-греч. «θώρηκος» – выпуклая поверхность; греч. «θώρακα» – грудь; англ. «torus» – возвышение; англ. «trough», нидерл., исл., нем. «trog», швед. «träg», рум. «troasă» – «котловина, впадина, желоб»; маньчж. «alin» – «горный хребет»). Ведь по прибытию роксолан в Европу цвет их кожи был темно-красным и лишь через несколько веков осветлился до ярко-красного.

9.5 Возможная связь многих экзоэтнонимов с краснотой или же со смуглостью кожи их носителей

Смуглыми (темно-красными) были, как все праиндоевропейцы, включая и арийские народы, так и многие другие древние народы. От основы *ouǵ- / *aur- / *ur- / *or- / *ær- / *air- / *ar- / *eir- / *er- / *ir- образовались, лексемы, имеющие какое-либо отношение к разным оттенкам красного цвета:

праиндоевр. *hark – «яркий, огненно-красный, блестящий»;

лат. «aurantium», итал. «arancio», англ. «orange» – оранжевый;

шумер. «ugudu», др.-баск. «urtaida», молд. «арамэ», осет. «æгхуу» – медный;

исл. «eigi» – бронзовый;

лезг. «яру», табасар. «уьру», монг. «улаан» – красный;

баскский «arre» – коричневый;

бенг. «ārakta» – алый, «agūṇa» – «пурпурный, фиолетовый»;

лат. «aureus», баск. «urte», ирл. «órga», алб. «ar, artë», монг. «алтан», хурр. «hiyarohhe»

– золотой (цвета червонного золота);

ирл. «óg», итал. «ого», лат. «ауро», хурр. «hiyari», субар. «arahi / ajarahi» – золото;

итал. «arrugginito», укр. «іржавий» – ржавый;

санскрит «asṛja» – кровавый;

арм. «агунот», тамил. «iratta» – кроваво-красный;

рум. «ars», тамил. «erinta» – «жженный, сожженный <солнцем>»;

лак. «оьру» – бурый;

др.-тюрк., маньчж. «ar» – «рыжий, бурый»;

якут. «араҕас» – «желтый, рыжий, красноватый»;

эритрейский предок Александра Пушкина «арап» – «темный, темно-красный» от греч.

«ερυθρος» – красный;

«эритема» – покраснение;

эст. «ergav» – алый;

алб. «errët», нах. «Iaържа» и тамил. «iṛu!» – тёмный;

нах. «Iaържачу аматехь» – смуглый.

От этой же основы возможно образовались и этнонимы многих краснолицых и смуглых племен, народов и этносов: «ур» и «урук» (шумеры), «урарты», «урусы» (русы у восточных авторов), «аргосцы» и «аркадцы» (пелопоннесские пеласги), древнекипрские «алазийцы», «арии» (aryas, airya, ariya, укр. «орії»), «иранцы» (арьянам, эраншахр), «арахозцы», «аргузай» (скифы у ассирийцев), «аримаспы» (Ἀριμασποί, drim – мифический народ), «армяне» (укр. «вірмени»), «арнауты», «арамейцы», «ары / ари / арины / аряне» (удмурты), мидийские племена «аризанты», северочерноморские племена «ализоны / алазоны», «аланы», осетины «иронцы», «арису / арджаны» (эрзя, чув. «irse»), казах. племя «аргыны» (арикан, аргынот), «эритрейцы» и «эрсий» (русы на ингуш.).

Так что, как видим, не только белобрысые, но и бледнолицые северные народы могут заниматься лишь самообманом, бредя об «арийском» прошлом своих предков.

О том же, что их блондинистые северо-восточные соседи германцы являлись

психически инфантильными а, следовательно, и цивилизационно отсталыми народами, предки французов галлы, очевидно, знали уже в глубокой древности. Валлийские слова: «blentyn» – ребенок и «blant» – дети, весьма красноречиво это подтверждают. Да и сейчас-то настоящие блондинки являются привлекательными для большинства мачо, именно, своей психической инфантильностью (см.: <http://8fm1.ucoz.ru/news/2007-11-17-11>, <http://xpoint.ru/forums/thread/18364.xhtml>).

К тому же и власть имущие предпочитают иметь дело преимущественно лишь с ними:

«В какой-то момент порывисто решила выступить депутат Госдумы и яркая блондинка Кира Лукьянова, член Комитета по экономической политике и предпринимательству. Ее выступление походило на известную речь героини Веры Марецкой в фильме 1939 года «Член правительства»: «...И вот стою я тут перед вами, простая русская баба, мужем битая, кулаками стрелянная...» На Киру Лукьянову мощное впечатление произвело замечание о предпринимателях: «со времен раскулачивания 30-х годов прошлого века ни одна социальная группа не подвергалась столь обширным уголовным репрессиям» – и она заявила, что не может больше терпеть и сама немедленно направляет в Думу свой законопроект об амнистии. Надо освободить всех, кроме осужденных по ст. 159 («мошенничество» – по этой статье сидит большинство предпринимателей, именно по этой статье начали массово шить дела после первого приговора Ходорковскому). Депутат мотивировала: «Потому что сами знаете, кто по этой статье сидит. А это дело политическое, пусть это тандем решает, как решит, так и сделаем». Повисла пауза. В звенящей тишине кто-то тихо подсказал: «Кира, Ходорковский по 159-й уже отсидел, второй приговор у него по ст. 160». – «Да! – сказала депутат, – и по 160-й не отпускать тоже!» Господи, спасибо тебе за блондинок! Но зачем ты избираешь их в депутаты?...» (Ольга Романова, «Человека, прожившего жизнь в России, следовало бы без разговоров помещать в рай», http://www.ukrrudprom.ua/digest/CHeloveka_progivshego_gizn_v_Rossii_sledovalo_bi_bez_razgovorov_pomeshchat_v_ray.html).

Очевидно, самой древней первичной основой, от которой образовались лексемы, имеющие какое-либо отношение к разным оттенкам красного цвета, была все же основа *hwar- / *kaur- (*gaur-) / *kour- / *kur- (*hur-) / *kor- (*hor-) / *kar- (*gar-) / *kir- (*gir-, *цир-) / *ker- (*чер-):

протоиндоевроп. *wrdhos, др.-перс. *wrda-, венг. «vörös» – красный;

перс. «ward» – роза;

русск. «варзия» – «название красной краски»;

греч. «βερτζω» – розовый;

шумер. «urudu», баск. «urraida» – медь;

катал. «coure» – медный;

русск. «каурий», санскр. «gaugá» – «красноватый, рыжий»;

русск. «коричневый»;

чеш. «kouřil» – «копченый, опаленный <солнцем>»;

япон. «kurenai», англ. «crimson», франц. «cramoisi» – «темно-красный, малиновый,

багровый»;

тагал. «kaumanggi» – «бурый, коричневый»;

исп. «carmesí», венг. «karmazsin» – малиновый;

исп. «carmin» – карминный;

арм. «karmir», азерб. «kırmızı» – красный;

укр. «криваво-червоний» – кроваво-красный;

др.-греч. «κελαινός», хинди «kālā», укр. «карий» – тёмный;

индонез. «karatan» – ржавый;

чуваш. «горд, хёрлĕ» – красный, «кёрен» – розовый;

арм. «ц'и-рани» – «ярко-красный, алый»;

чечен. «ц'иенц» – «кروавый, красный цвет»;

ирл. «chogsa» – «фиолетовый, пурпурный»;

греч. «κεράσι», лат. «cerasi», англ. «cherry», тамил. «jetti», бенг. «cēgi», хинди «cēgi kā»,

панджаби «caĩṯ», лтш. «ķirsis» – вишневый;

гуджарати «kīramajī», устар. «чермный» – «багровый, темно-красный, малиновый»;

укр. «червлений» – ярко-красный (тёмно-красный);

тверск. «черемый» – смуглый;

др.-греч. «ἐρύθημα» – «эритема, краснота»;

алб. «cirk» – загар;

эвенк. «чириктэ» – «красная медь».

С этой основой могут быть связаны этнонимы «ворады» = «варяги», «хвалисы» (хорезмийцы), «каринты – хорутане» (грейтунги, словенцы), «ал-урдуманья» = «уруссы» (гаруды = *хуруды / хурусы / хросы / русы), «кауравы», «армяне» (арм. «hauegu», панджаби «Āgamīnī», укр. «вірмени»), «арамеи», «курманджи» (курды), «кармании» (кормании / германии), «германцы», «гирканы / вирканы / вилькины / вильцы = лютичи», «гаргары», «халдеи», «халды», «галаты», «галлы» (кельты), «хурриты», «колобры» (кулбры), «колбяги», «карпы», «кроаты» (хорваты), «циркасы» (черкасы), «керкеты», «кырки», «киргизы» и «кривичи».

Да, и арийские этнонимы и топонимы возможно тоже являются производными, именно, от этой же более древней первичной основы (авест. Naṛōiua-, др.-перс. Naraiva- «Арея» ~ др.-инд. Sarāyu-; авест. Naraḫvaitī-, др.-перс. Narauvati- «Арахозия» ~ др.-инд. «Sārasvatī»).

С сатемными формами этой же основы (лтш. «sārts» – розовый; лит. «sartas» – «гнедой, коричневый»; осет. «сырх / сурх» – красный; греч. «συρικόν» – «сирийский [красный] краситель, сурик»; дат. «sort» – чёрный) могут быть связаны также и этнонимы «шурасены», «сураштрийцы», «серы», «сирийцы», «сираки», «сирматы», «савроматы», «сарбаты» (сарматы / серменды), «сорты» (сарты) и «сорбы» (сербы).

Взаимная близость слов «червяк» и «человек», очевидно, связана с происхождением их (как возможно и слов «чрево» и «чело») от этой же основы. Ведь не только кошенилевые червецы, но и древние славяне были красными (укр. «червоними») подобно своим тёмно-красным (укр. «червленим») предкам – брахикранным сарматам, согдийцам и русам:

«...из языка гуннов (которые сами сарматы по сути) «сарга» и «саргаин» значит

чермный (темно-красный, смуглый, – П.Д.), то же что и русь» (Василий Татищев, «История российская», ч.1, гл.20, <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis020.htm>);

«Еще А.С. Фаминцин указал на то, что в сербском языке слово «руйан» значит «темно-красный, желто-красный». Сходное значение это слово сохраняло и в иных славянских языках, но постепенно оно вытесняется другими синонимами. Греческой средневековой хронографии было известно мнение, что этноним «русский» означает «красный». Лиудпранд прямо говорит, что «это северный народ, который греки по внешнему качеству (a qualitate corporis) называют руссами (rusios), а мы по их местоположению нордманнами...» (Аполлон Кузьмин, «Об этнической природе варягов», <http://ec-dejavu.ru/v/Varag.html>);

«Под защитой Хорса, языческого божества Солнца и войны и верховного бога раннего хорватского пантеона, нация воинов хорватов (ст.-хрв. Hrvuati) путешествует тропею Солнца, отправляясь на рассвете с азиатских просторов на Востоке, к закату Солнца и новой родине, где они найдут дом и примут христианство» (Аваро-хорватская легендарная сага с острова Крк – «На следе солнца – Красные воины из Хорасмии», <https://www.amazon.com/Track-Sun-Red-Warriors-Chorasmia-ebook/dp/B08KHTXMKF>);

«Краснолицые русы сверкали.

Они так сверкали,

как магов сверкают огни»

(Низами Гянджеви, «Искандер-наме»,

<https://www.rulit.me/books/pyat-poem-read-329935-210.html>).

Тёмнокожими себя считали возможно и шумеры, и древние греки, и многие другие народы. Ведь не только этнонимам краснокожих потомков сарматов – антов и венетов и темно-краснокожих потомков аланов и юэчжийцев – аланов-торков / аланов-русов, античных германцев (предков смуглых и брахикранных славян), но и шумер. «эн», микен. «wa-na-ka», греч. «(F)άναξ / (F)ανακτος», фриг. «wanak / wanaktei», тамил. «āṇṭa», кит. «ван», кор. «wang», слав. «бан / пан» – «господин, правитель, царь, владыка», и древнегреческому «άνδρoς» – «человек» соответствуют как кит. «ан», хинди «andhērā» – тёмный, так и беларус. «венджаны» – «копченые, в смысле: опаленные солнцем, загорелые, смуглые».

Темно-краснокожими и длинноногими египтянами, очевидно, родственными не только финикийцам, критянам, антам и юэчжийцам, но и всем другим брахикранным потомкам темно-красных праиндоевропейцев, «человечество делилось на 4 главные расы: красную (рет / ромету – люди – египтяне), желтую (аму – семиты), белую (тегенну – ливийцы) и черную (нехсу – негры)» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Египет», <http://www.vehi.net/brokgauz/all/038/38774.shtml>).

Самые ранние источники относительно внешности египтян присутствовали у греческих историков и философов, таких как Страбон, Диодор Сицилийский и Геродот,

описывающих египтян, как людей с кожей цвета «меланхроя» и шерстистыми волосами. Слово меланхрой может переводиться как смуглый, или как чёрный. Сами древние египтяне называли свою страну не Египтом, а «Kmt» (произносится как «Ке-мет»), что означает «тёмный». Потомки Хама традиционно считались тёмными из-за «проклятья Хама». Гастон Масперо поддерживал данную теорию, отмечая, что: «Библия утверждает, что Мизраим, сын Хама, брат Хуша и Ханаана прибыл из Месопотамии чтобы поселиться со своими детьми на берегу Нила». Изучая архитектуру, керамику и статуи и множество других объектов, Грэфтон Эллиот Смит пришёл к выводу, что первая династия правителей Египта образовалась вследствие вторжения жителей Месопотамии и подчинения себе коренных жителей долины Нила. Одновременно захватчики принесли с собой достижения своей цивилизации, дав толчок зарождению новой цивилизации. Таким образом, на основе слияния как месопотамской, так и индийской (египтяне – «люди кам» – мигранты из индийской Камбоджи) культур и традиций коренных жителей образовалась египетская культура в традиционном понятии:

«Если речь идет о древних египтянах, то сразу вспоминаются фрески, на которых изображены стройные длинноногие и чрезвычайно красивые египетские женщины с ярким макияжем на миндалевидных глазах. Как и сейчас, большие глаза были признаком настоящей женственности. Особое внимание египтянки уделяли красоте волос, ухаживая за прической или пользуясь париками...» («Идеал женщины у древних греков, римлян и египтян», <http://www.historie.ru/news/121-ideal-zhenschiny-u-drevnih-grekov-rimlyan-i-egiptyan.html>);

«Изменения с прединастических времён до современности сводятся лишь к увеличению доли брахикефальных индивидов и, возможно, некоторому относительному сужению лица. Брахикефалия становится заметной во времена фараонов (Massoulard, 1949, p. 425)... Впрочем, население Египта нельзя рассматривать как однородное. Во-первых, всегда имела явная клинальная изменчивость от более негроидного юга до более европеоидного севера. Во-вторых, в расовом отношении могли сильно отличаться правящие слои. Например, в царских погребениях Абидоса отдельные скелеты выглядят гораздо более «индосредиземноморскими» на фоне более «негроидных» общинников... Показательно, что древнеегипетское население оказывается более однородным, чем нубийское. Подробные исследования показали, что генный поток шёл скорее с севера на юг, чем с юга на север (Vuzon, 2004)... Согласно некоторым исследованиям, население Нубии с верхнего палеолита до исторических времён признаётся удивительно однообразным; одновременно на основе определённой краниологической близости утверждается, что происходили неоднократные массовые миграции в Нубию с территории Египта, Магриба, Ближнего Востока, Средней Азии и даже Индии (Pudlo, 1999)» (Станислав Дробышевский, «О расах Древнего Египта и Нубии», <http://antropogenez.ru/zveno-single/302/>).

Возможно поэтому-то этнонимам «копты» (египтяне), «каптары» (критяне), «киприоты» (греч. «Κύπριοι», чеш. «курѓанé»), «субареи» (убейдцы), «хабири», «кабары» и соответствуют лексемы:

греч. «καπνιστό» – «копченый, опаленный <солнцем>»;

лит. «keptas» – «жареный, обожженный <солнцем>»;

лат. «cuprum», порт. «cobre», норв. «kobber», англ. «copper», лтш. «карага» – медный; шумер. «zUbar» – медь, «kUbar» – бронза.

Этнонимы же «финикийцы – пунийцы», «канийцы» (ханаанцы), «ханийцы» (мессопот. «хана»), «кангюйцы», «канглы», «кангары» (печенеги); «гунны» (жуны), «хунны» (хунну = сюнну); «*кумиры = гомеры» (киммерийцы); «сувары», «савиры», «севордик» и «северяне» можно связать с лексемами:

микен. «po-ni-ke-ja» – «яркокрасный, алый, пурпурный»;

др.-греч. «φοῖνιξ, φοινικοί» и греч. «πινσώ» – пунцовый;

лат. «roenus», «runicus», фин. «ripua», эст. «ripape» – «багряный, красный»;

лат. «runicis» – малиновый;

гуджарати «phūnkī» – «копчёный, опаленный <солнцем>»;

хуррит. «kinakh-nu» – красный;

санскр. «k`anaka» – «золото <червонное золото>»;

эвенк. «коңномо, коңнорйн» – черный, «коңномокон» – «темный, смуглый», «коңноргочон» – «загорелый, смуглый»;

монг. «конгур», тунг. «конгоор», тюрк. «конур / коныр» – «тёмный, смуглый, бурый, коричневый»;

турец., азерб. «kanli», якут. «хааннаах», лат. «sanguinum» – кровавый (крово-красный);

хинди «khūnī», бенг. «khunē» – кроваво-красный;

итал. «sangue», фр. «sang», рум. «sange», хинди «khūn», панджаби «hūn», перс. «хун», тадж. «хун», дари «hūn», кит. «хуе» [~ сюе, ~ хуе], алт., башк. «кан» – кровь;

кит. «hóng» (~ хун, ~ hong) – красный;

кор. «hunje», кит. «xūn» – «копчёный, опаленный <солнцем>»;

финик. «катаг» – тёмный;

чеч. «комарийн» – малиновый;

индонез. «sabur» – тусклый;

санскр. «su-varna», «svarna», «суварча» – золото, «суварчас» – золотой;

арм. «севери» – «черный, темнокожий»;

англ. «swart» – «темный, смуглый»;

шум. «urudu», коми «gord», удм. «gord», хант. «werte», венг. «vörös» (из «vorož» / «vorot») – красный;

русск. «сумерки» – «вечерняя темнота».

Очевидно, славяноязычные европеоиды (болгары утигуры – юэчжи), входившие в союз кангюйских (жунских = гуннских) племен, были смуглыми и краснолицыми и, вполне возможно, что именно они вместе со славяноязычными сарматами и аланами, мигрировавшими в Европу ранее, и являлись предками славян.

Не исключено также, что и этнонимы «бхараты», «бугариты» (болгары), «бухарцы», «бухары» (дунайские славяне Бухарского царства в Паннонии), «пугуры» и «вукры»; «бораны» (ворады), «баранжары» (варанги – варяги), «берендеи» (перундеи), «берсилы»

(барсилы, борзи), «боруски», «буртасы» (бродас, бродники), «пружаны» (прусы), «фризы» (русы), «парсы» (персы), «парны» (парфяне); «спалы», «полонцы» (поляки) и «поляне» являются лишь кальками друг с друга и, следовательно, относятся к одному и тому же балто-славяно-индоарийскому суперэтносу красноликих (темно-красных, смуглых) людей. Ведь и им тоже соответствует множество лексем, имеющих какое-либо отношение к разным оттенкам красного цвета:

праиндоевроп. *bher-, санскр. «bhallas», валлийск. «befer», англ. «brūn / brown, bera / bear, beofer / beaver», нем. «brūn / braun», др.-норв. «brúnn» – коричневый;

русск. «багровый», панджаби «bhūgē», хинди «bhūgā» – «бурый, темно-коричневый»;

русск. «бурый» – «кофейный, коричневый, ореховый, смурый; искрасна черноватый»;

русск. «буланный», нем. «braun», венгер. «barna» – «коричневый, бурый»;

маньчж. «фулган» – красный;

тадж. «биринчи», словен. «brona», болг. «бронзов» – бронзовый;

япон. «[v]akaigo» – красный;

турец. «bakır», алб. «bakri», словен. «bakra», серб. «бакар», чуваш. «пăхăр», перс. «birinj», лит. «varis» – медный;

др.-англ. «brand, brond», англ. «brand», др.-сканд. «brandr», др.-в.-нем. «brant», др.-фризск. «brond» – «греть, жечь»;

бенг. «bārna», нидерл. «burn» – гореть;

порт. «bronzado», франц. «bruni» – загорелый;

бенг. «bharjita», «phrā'i» и индонез. «bakar» – «жареный, обожжённый <солнцем>»;

алб. «rjekur» – «запечённый, обпеченный <солнцем>»;

норв. «brente» и бенг. «brōā» – «жженный, обожжённый <солнцем>»;

русск. «палёный», укр. «спалений», эст. «rõlenud», «rõles», фин. «palanut», «poltettu» – «жжённый, сожжённый <солнцем>»;

польск. «palone» – «жареный, обожжённый <солнцем>».

Да и «венедам» то весьма хорошо соответствует беларус. слово «вэнджаны» (польск. «wędzona») – «копченые, опалённые <солнцем>». Им же, аналогично сарматам (сарбатам, сирматам), сербам, русам (хросам, хурусам) и славянам (зеруянам, сериванам) соответствует и название благородного металла: телугу «veṇḍi» – серебро (возможно, в смысле тусклое, потемневшее, или же ранее обозначавшее, как и др.-греч. «χρῦσός», – червонное золото). Смуглыми (укр. «смаглявими»), конечно же, были и смоляне, что и отражено в их этнониме.

9.6 Возможность иных переосмыслений экзоэтнонимов краснокожих народов

Возможность как-то связать с оттенками красного цвета этнонимы красноликих племен и народностей обеспечивала высокую устойчивость этих обычно лишь переосмысленных этнонимов. Сами же красноликие племена интерпретировали эти навязанные им этнонимы, возможно, по-иному или же вообще называли себя другими этнонимами. Ведь вряд ли кто будет идентифицировать себя со своими соплеменниками лишь по цвету кожи:

«Самоназвание, которое они (берберы. – А.М.) чаще всего себе дают, это *amaḏ iḡaḥ*, что значит «люди». Язык же свой они называют людским, в чем не меньше гордости и презрения к неберберам, чем у римлян, которые называли их варварами. И у другого автора: «Самоназвание туарегов – *имохаг* (или *имаджирхен*), что значит «свободные» («независимые»). И в другом месте: «Свободолюбие туарегов, отраженное уже в их самоназвании – «*имохаг*»... напоминает о гарамантах, отстаивавших свою независимость». На самом деле, *imaḏiḡaḥ* – самоназвание берберов (и его варианты у южных берберов – туарегов) – не переводится ни как «люди», ни как «свободные». Термин этот существует не менее 2,5 тысячелетия – он довольно надежно идентифицируется с *Maksyes* Геродота и *Māzikes*, *Mazices* других античных источников и действительно, как предполагает Ю.К. Поплинский, сопоставим с этнонимом «*mšwš*» – «ливиец» египетских текстов XIX и XX династий (второе «š» здесь может передавать «ḥ», как это часто происходит в египетском языке этого периода, т. е. *mšwš* < **mšwḥ*; – ḥ соответствует здесь ливии-берберскому «у»), обозначая одно из ливийских племен и ничего более. Самая правдоподобная этимология для *amaḏiḡ*, мн. ч. *imaḏiḡaḥ*, была предложена Т. Сарнелли: он реконструировал его как прилагательное «красный» с обычным префиксом «*m-*» из общеберберского глагола **i-zway* «быть красным». Название народа по цвету (волос, кожи или традиционной одежды) – явление не уникальное. Развившееся в туарегских диалектах дополнительное значение этого этнонима – «свободные» – указывает не на свободолюбие туарегов или их стремление к независимости от каких-то внешних «угнетателей», а, напротив, на их собственный статус свободных, господ по отношению к зависимым от них этническим группам неевропеидного типа и неберберского происхождения...» (А.Ю. Милитарев, «Гарамантида (африканская Атлантида)», <http://rec.gerodot.ru/livia/sbornik.htm>; «Глазами лингвиста: Гарамантида в контексте североафриканской истории», http://rec.gerodot.ru/livia/07_militarev.htm).

Основа **ag-* соответствует, например, еще и лексике, связанной с высотой, возвышенностью и подчеркивающей, тем самым, верховенство, величие и даже небесное благородство применяющих ее по отношению к себе племен и народностей (греч. «*ίερο*» означает святой, крепкий; итал., исп. «*alto*» – высокий; праславянизм в тюркских языках «*улуғ*» – «великий, большой»; иврит «*эльон*» – «вышний, высший, верховный, верхний»; англ. «*elite*» – «высший, элитный»; бенг. «*baḡa*» – большой; англ. «*large*» – «большой, обширный, благоприятный»; исл. «*hágr*», англ. «*hard*» – высокий; монг. «*орой*», эст. «*hari*», арм. «*veg*», итал. «*vertice*» – вершина; лат. «*vertice*» – верхний; библ. «*Арам*» и монг. «*ариун*» – высокий; библ. «*Арамея*» – «страна высокая», «*агама*» – «поднятие, возвышение»).

Для этнонима **a/āgja-* предполагается возведение к индоевропейской форме **ar-ǵ-o-*, отраженной, по всей вероятности, также в др.-ирл. «*aige*» – «знатный, свободный» и др.-сканд. (рунич.) «*arjōstēr*» – знатнейшие. Лит. «*ogus*» – достойный; дат. «*æge*», «*āra*», швед. «*āran*», турец. «*şeref*» – честь; азерб. «*şərəf*» – «честь, слава». К тому же этот термин используется и для обозначения просто людей (др.-инд. «*vīga-*», авест. «*wīga*» – люди, лат «*vir*» – мужчина):

«Др.-инд. «*agí*» – друг (но и враг, как чужак), по всей видимости, имеет параллели в хетт. «*aga-*» – «товарищ». Для этого слова Семереньи предполагал ближневосточный

источник (ср. угаритским «'aḡj» – «родственник, товарищ»). Между тем, Иллич-Свитыч, опираясь на то, что сама морфология слова не соответствует индоевропейской структуре (начальное «а-» вместо ожидаемого ларингала *He-, наличие двух сонантов подряд), выводил пра-и.-е. *ag-ǵ-o- напрямую из семитских языков (ср. др.-евр. «ḥōḡim» – «знатные, свободнорожденные [укр. *горіі, «оріі» – горцы, – П.Д.]» и др., корень «ḥ-g-r» – освобождать)...» («Религия Древней Индии – брахманизм», <https://megapredmet.ru/2-18528.html>).

Этнонимы темно-красных индоевропейцев, конечно же, могли связываться бледнолицыми народами и не только с темным цветом их кожи, но и, как было уже ранее показано, с проживанием их в гористых местностях: во всхолмленных предгорьях (товтрах), в горных ущельях и долинах, на верховинах и полонинах. Горцами были и все искони (издревле) славяноязычные племена и народности. Эти горцы, подобно, как своим потомкам казакам (кушакам), так и сербам (чеш. «šerpa» – «кушак, пояс»), хорутанам (нем. «gurt», англ. «chord» – «кушак, пояс») и среднеазиатским даям (кит. «dài» – пояс), не только подпоясывались кушаками, но еще и носили черные папахи (шапки, клобуки). И поэтому-то всех их и величали на Руси черными клобуками. Рашид-ад-Дин пишет о событиях 1239 г.:

«Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских (точнее, русов, так как, в отличие от смуглых украинцев, бледнолицые «русские» – потомки вовсе не тёмно-краснокожих русов, а всего лишь бледнолицых рабов и холопов русов, – П.Д.) и народа черных шапок (потомков аланов-русов и готов-русов, – П.Д.)» (Рашид-ад-Дин, «Сборник летописей», Т. II. С. 44-45, http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3/frametext2.html);

«Запорожские казаки имели очень большие четырехугольные шапки, обшитые по краям мехом и сшитые из бархата или другой дорогой материи...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher04.htm>);

«Где в одних летописях говорится о Торках, Берендеях и Печенегах, там в других названы только Черные Клобуки (...). Сие имя было для них общим и дано им, без сомнения, от черных шапок... Сих же Черных Клобуков называли Черкасами (и Таркасами – П.Д.)» (Николай Карамзин, «История государства Российского», 1892, Т. II, гл. VII, прим. 218, <http://www.litmir.me/bd/?b=48791>);

«Итак, Козаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами: Козаки – также. Вспомним Касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Оссетинцы и ныне именуют Черкесов Касахами: столько

обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, назывались Черкасами, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами...» (Николай Карамзин, «История государства Российского», том V, гл. IV, <https://unotices.com/book.php?id=8714&page=51>; <http://www.litmir.me/br/?b=123509&p=205>).

9.7 Поляне, чёрные клобуки (черкасы) и их потомки запорожские казаки – основные предки украинцев

Поляне, которыми очевидно являлись позже и чёрные клобуки, в отличие от покоренных варягами племен, не платили дани варяжским князьям и были наиболее активной составляющей конфедерации племен Киевской Руси. Поэтому-то летописи и называют «Киевскую землю» страной полян:

«Название «Русь» – древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известной уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями» (М.Н. Тихомиров, «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля»» // Советская этнография, Сборник статей, – М.-Л., 1947, – с.80, <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys05.htm>).

Да и позже то казаки-украинцы (черные клобуки, черкасы), в отличие от русинов, населявших княжеские земли, ни от кого ни в какой зависимости не находились и данью (налогами) не облагались:

«Попав в непосредственное соседство с Киевской Русью, Ч.К. заняли положение, известное в истории под термином «федераты». Они участвовали в ее политической жизни и в княжеских междоусобиях, помогали в борьбе со степными кочевниками. По словам Татищева, их пребывание там каждый князь потому «видел за полезнейшее, что в Черных клобуках много было мужей искусных и храбрых, понеже непрестанно себя обороняя или исча прибытка, в войне пребывали». Значение их в политической жизни древней Руси было подобно тому, какое позднее выпало на долю их потомкам, Казакам, в Литве и в России. С крупными и малыми владетелями на Руси Ч.К. заключали договоры в своих собственных интересах и без всякого принуждения с их стороны. Один из многих примеров подобного соглашения приводит Ипатьевская летопись под годом 1159; племенные вожди Берендеев и Торков послали к Мстиславу предложение: «Аще ны хочещи любити, яко же ны есть любил отец твой и по городу ны даси по девшему, то мы на том отступим от Изяслава: Мстислав рад был речи той... и яся им по всю волю их». Они жили в отданных им на кормление городах, между Русами, но основали и несколько своих; Торческ, Саков, Берендичев, Берендеево, Ижеславль, Урнаев и др. Ч.К. получили у Русов наименование по внешнему виду, чёрным войлочным шапкам. Оно возникло в народе, но так же их называли и летописцы. С развитием же русской научной мысли составители летописных сводов не удовлетворились таким примитивным прозвищем и обратили внимание, что эти народы, как выходцы из страны Черкасии, должны называться общим именем Черкасов. Поэтому в Московском летописном своде XV века под годом 1152 поясняется: «Все Черные Клобуки

еже зовутся Черкассы». Несколько позднее такое же пояснение помещено и в Воскресенской летописи. На основании всех этих летописных данных, русский историограф Н.М. Карамзин и делает свой вывод, что имя Казаков древнее Батыева нашествия (1237 г.) и принадлежало Торкам и Берендеям, которые у Русских назывались и Черкасами (гревтунами – боранами = полянами / украинцами; лит. «greta», португал. «сегса», лат., итал. «сірка» – «около, возле, рядом, подле»; санскр. «рагі-», укр. «біля», швед. «kring» – «вокруг, около»; лат. «fere», англ., швед. «сірка» – «около, приблизительно», – П.Д.), т.е. так же как и Казаки в официальных актах» (А.И. Скрылов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Чёрные клобуки», <http://archive.li/LoQ5C>; https://kazak.academic.ru/2371/ЧЁРНЫЕ_КЛОБУКИ; https://vtoraya-literatura.com/pdf/kazachy_slovar-spravochnik_tom3_1970_ocr.pdf);

«Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем... Собственно, так называемые Козаки Запорожские были частью Малороссийских: Сеча их, или земляная крепость ниже Днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых Козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа...» (Николай Карамзин, «История государства Российского», том V, гл. IV, <https://unotices.com/book.php?id=8714&page=51>);

«Одновременно со статьей Бранденбурга вышла статья А.А. Спицына, посвященная этой же группе памятников. Он полагал, что раскопанные Бранденбургом погребения следует связывать с Печенегами, Торками и Берендеями, локализуемыми Русской летописью именно в районе Поросья. Свойственная Спицыну замечательная археологическая интуиция и глубокое знание материала позволили ему верно датировать эти захоронения XI – началом XIII в. После него уже никто не сомневался в принадлежности поросских погребений разноплеменному кочевому населению, объединенному в союз черных Клобуков» (Светлана Плетнева, «Половцы», <http://annales.info/step/pletneva/index.htm>);

«Иные ж мнят о себе быть из народов роксолянских, донцы ж – из черкес (точнее из черкас пятигорских, – П.Д.). Прочие же – от древних неких вольных людей, кои якобы не принадлежали ни к какому владению, и потому мнят о себе все, будто бы они навсегда право имеют в вольности, и ни под чьим точным владением, как только под защитою тех областей, к которым они прикосновены состоят. И для того не почитают себя, чтоб они подлинно были из русских людей или чьи бывшие подданные... Синописис же российский описует их всех из народа роксолянского и по имени первого того народа татар победителя, Касака, касакими или козаками проименовавшимися. Сие именование имела только некоторая часть сарматского, происшедшего от славянского, народа, от коих в роды живших в здешних местах оное осталось. ...как повествует история польская, тогда король их Болеслав

Храбрый и косаков, или, по нынешнему именованию, Козаков под свое правление принял и оными границы княжества Киевского от татар и россиян укреплял» (Александр Ригельман, «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще», <http://litopys.org.ua/rigel/rig02.htm>).

Возможно в этнос украинских казаков-черкасов вошли и славяноязычные бурчевичи, которых подобно торкам некоторые восточные авторы относили к тюрками вовсе не из-за неизвестного им их языка, а всего лишь из-за очень смуглого (тёмно-красного) цвета их кожи (пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный) или же просто из-за принадлежности их к союзу преимущественно тюркоязычных половецких племён:

«В рассказе о походе русских князей в 1195 году летопись донесла до нас названия многих племен и родов, объединенных ханом Канчаком (являвшимся тёзкой ханов Котяна, Кобяка и Кучума: беларус. «ганчак» – гончая; лат. «canis», кит. «qian», нем. «hund», маратхи «kutṛā», панджаби «kuttā», урду «kuta», осет. «куыдз», тадж. «кучук», нижненем. «Köter», венг. «kutya», турец., гагауз. «кӱрек» – собака, – П.Д.) в «Донской союз». Союзниками Канчака были Таксобичи, Колобичи, Етибичи, Тортробичи, Торголове, Улашевичи и Бурчевичи. Некоторые из перечисленных родов неоднократно встречаются на страницах русских летописей. Так, в «Лаврентьевской летописи» названы все племена и кочевья, входившие в объединение Канчака. Среди них обращают на себя внимание Бурчевичи (Бурч, Бурдж). Этот половецкий род известен и под другими названиями – «Бурджоглы», «Бурджиты». Позже Бурчевичи стали одной из самых сильных орд приднепровского объединения. Есть основания полагать, что Бурчевичи – это остатки болгаро-хазар, вошедших в половецкий союз племен. В одной из хроник X века (Географический трактат «Чистых братьев»), содержится общее представление арабов об ойкумене. Там упоминается этноним «Бурджан», как имя одного из подразделений тюрков-булгар (точнее, двуязычных потомков славяноязычных баргал = борканиев / парканиев – ферганцев и аланов-горганцев – гревтунгов / грутуннов = хорутан; венг. «farkas», осет. «бирæгъ», швед. «varg», исл. «vargur», перс. «varka, gorg / гург», серб. «курјак», турец. «kurt», инг. «борз» – волк; др.-русс. «хъртъ», укр. «хорт», лит. «kùrtas», лтш. «kùrts» – «борзая, охотничья собака», – П.Д.). Историк С.А. Плетнева считает, что этноним Бурчевичи происходит от слова «бури, берю» и означает «волк». Бурчевичи кочевали в бассейне Днепра по реке «Волчьей» (калька тюркского гидронима Бури-су, Бори-су)» (Кайрат Бегалин, «Мамлюки / Волчье племя», http://historylib.org/historybooks/Kayrat--Begalin_Mamlyuki/9);

«С.А. Плетнева считает эль-бури-лык объединением Бурчевичей, известных в восточных источниках как Бурджоглу, Бурджиты. Таким образом, Бачман являлся прямым потомком хана Боняка (Бойнак), вождём одной из самых воинственных орд южного объединения половцев. Указанным фактам особый колорит придают сведения Джувайни, где автор отождествляет (очевидно, лишь двуязычных – славяно- и тюркоязычных, – П.Д.) половцев и алан...» (Н. Будаев, «Западные тюрки в странах Востока / Кто такие черкесы», <http://buday.narod.ru/gl6.htm>).

К тому же и этноним «бурчевичи» является вовсе не тюркским, а исконно индоевропейским:

«Китайские источники сохранили одно слово из языка гуннского племени хэлянъ – предков ашина: «фули», тюрк. «bögi» – «волк». Ещё В. Банг заметил, что «слово «bögi» не может быть разъяснено с помощью тюркологических средств». Но уже к этому времени были указаны индо-иранские прототипы древнетюрк. «bögi»: согд. «wuyk», авест. «wəhrka», древнеперс. «vrkàna», хотаносак. «birgga», осетин. (resp. аланское?) «biräj, beräj» (гот. «wulfs», дат. «ulv», швед. «varg», хинди «bhēṛiyā», словен. «volk», – П.Д.). Первый вождь ашина, с именем которого связано, по одной традиции, само образование племени, а по другой – переселение племени из Восточного Туркестана на Алтай, Асянь носил титул шад; титул его сына Туу, также верховного вождя ашина, был ябгу. К настоящему времени иранские этимологические связи обоих титулов достаточно разъяснены. Известны также их юечжийские (кушанские) и эфталитские прототипы: согд. «'xšyd» в первом случае, кушан. (сакс.) «yavuga» (*yam – «предводительствовать, возглавлять») – во втором...» (С.Г. Кляшторный, «Проблемы ранней истории племени түрк (ашина)», <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1965.htm>).

9.8 Тёмно-краснокожие финно-угроязычные и тунгусо-маньчжурорязычные ас-сакалиба

Конечно же, не исключено и то, что сарматами (черемисами, жунами = гуннами) или же даже народом роксолянским (токсоланами Плиния – восточными; тадж. «дуруст», лат. «dexter», санскр. «daksa», лтш. «dekstera», лит. «teisė» – «право, правый, восточный») считали себя также и покинувшие Прикамье (возможно вместе с гузами торками) токсобичи (куны; фриг. «kunes», фриз. «hûn», кит. «quan / gou», кор. «gae», лат. «canis», катал. «gos» – собака). Токсобичи, хотя и вошли в племенной союз половцев, но в отличие от них не являлись бледнолицыми и светловолосыми туранцами, точно также как не являлись ими и славяноязычные паджо (хазарские печенеги кангары – предки не только части казаков, но и чалдонов), и славяноязычные ясы (караболгары утигуры) и другие тёмно-краснокожие балто-славяне и финно-угры (ас-сакалиба):

«Куманы с 1055 г. в древнерусских летописях фигурируют под калькированным именем половец. Судя по всему, термин «половцы» следует толковать в двух значениях: конкретном, обозначающем собственно куманов, и расширительном, распространявшемся на все объединение кипчакских племен. Однако эти значения в летописях не различались. Отсюда возникали известные сложности при интерпретации сведений в письменных (древнерусских) памятниках. Точно также дело стояло со средневековой византийской историографией. В 1078 г. византийцы первыми из своих западных соседей узнали куманов по их подлинному этническому названию и распространили это имя на все тюркские племена Дешт-и Кипчака. Эта традиция в византийской литературе сохранялась вплоть до XIV в.» (Болат Кумекков, «Кипчакское ханство (начало XI – 1219 г.)», http://centralasia.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?action=article&id_razdel=161650&id_article=217067);

«В свете этих данных совершенно иное звучание приобретает известный пассаж Ибн Халдуна (XIV в.) о том, что «Племя Дурут из кипчаков, а племя Токсоба из татар (однако же так стали называться тюркизировавшиеся народы Поволжья лишь после нашествия татаро-монголов, – П.Д.)». Тут, кроме прочего, надо учесть, что племя токсоба (возможно, потомки токсолан / роксолан, – П.Д.) со значением «девятиплеменные» являлось в среде кипчаков одним из элитарных, а его наименование – «тугыз» ~ токс (з), лежащее в основе данного этнонима, совпадает по значению с названием известного еще в период Тюркского каганата татарского племенного объединения «тугыз татар». Еще можно обратить внимание на название г. Тухчина, упоминающегося в 1184 г. на территории Волжской Булгарии недалеко от Биляра («Великого города»), также имеющего, скорее всего, отношение к этому же этнониму (тухч = токс = тукз + ин)» («Факты, указывающие на близкородственную связь или даже на идентичность татар и кыпчаков», <https://www.facebook.com/notes/329389337228894/> ; <http://antimankurt.livejournal.com/1582.html>);

«Мнения о светловолосости и европеоидности кыпчаков, основанные на сомнительных китайских и иных (арабских, грузинских) письменных источниках и авторитетных исследованиях (Л.Н. Гумилев), в настоящее время можно считать неверными. Разумеется, отдельные индивиды (и отдельные племена Рязанщины и Подонья, – П.Д.), из них могли иметь нетипичную для физического облика людей южно сибирской расы с изрядной долей монголоидных черт внешность, но в массе это были люди смуглые, черноволосые и кареглазые, слегка скуластые и узкоглазые с прямыми жесткими волосами, заплетенными в косы (судя по каменным статуям). ...кочевые племена по языку подразделяются на: 1) говорящих на наречиях тюркского языка (15 племен) и 2) двуязычных, говорящих на тюркском языке и имеющие «свои языки» (5 племен или племенных групп)... Конкретных данных по физической антропологии (двуязычных– П.Д.) кунов, по крайней мере, на русском языке, нет. Имеются лишь общие замечания исследователей, неоднократно их видевших (я не из их числа). Например, советского этнолога Б.А. Калоева, изучавших венгерских алан (ясов) и дважды посетившего Венгрию. Он, как и другие исследователи, отметили «особую смуглость кожи, черноглазость и черноволосость, и, очевидно соперничая с подобными чертами цыган, получили прозвище конгур, т. е. «тёмный». Как правило, куны имеют «низкорослое и плотное телосложение» (Калоев, 1993)... Точная дата прибытия этой многочисленной орды (около 80 тыс. чел.) неизвестна, но уже с 1246 года отряды пришельцев принимают участие в походах венгерских королей. В 1254 году, очевидно для упрочения союза, король Бела IV женит своего сына (будущего короля Иштвана V) на дочери одного из ханов (в крещении Эржебет), а в 1260 году Иштван получает титул «повелителя кунов», в 1272 году на престоле его сын Ласло IV Кун. Всё это время куны продолжают вести обычный образ жизни, говорить на своём языке, сохранять свои верования – короля это вероятно не особо беспокоило, пока весть о том, что в католической стране кочуют толпы язычников, не достигла Рима. И в 1279 году в Венгрию из Рима прибывает епископ Филипп де Фермо с указом папы Римского о «куманах». В этом указе, разделённом на 14 статей, содержались требования: запретить брить бороду и голову, а также носить высокие войлочные «кунские» шапки, расселить кунов по отдельным районам,

ограничив размеры их кочёвок, дабы принудить к оседлости, а главное – поскорее провести крещение» (Юрий Евстигнеев, «Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности», <http://flibusta.site/b/319477/read>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Ju_Evstigeneev_Kumani.pdf).

Очевидно низкорослые и тёмно-краснокожие горцы куны (шань-жуны?) были двуязычными потомками тунгусо-маньчжуроязычных мукринов (мохэ), мигрировавших сначала на Дальний Восток из Индии вместе с таким же тёмно-красными прабалто-славяноязычными сураштрами = серами (предками савроматов, савиров / суваров, сарбатов / сарматов, сирматов, сираков, яньцай / антов, токсолан / троксолан / роксолан, торков / таркасов / черкасов и др.) и позже на Северный Кавказ и в Восточную Европу несколькими волнами:

– в конце II в. вместе со славяноязычными сянббийцами (Sirbi / Sirvi / Sarbi = «сербами / сорбами, сортами / сартами» и савирами / суварами = северянами), славяноязычными борканиями (парканами = болгарями), славяноязычными кидаритами (*кударами = хазарами) и другими славяноязычными жунами (гуннами);

– после разгрома орды жуань-жуаней вместе со славяноязычными аварами;

– после разгрома в 926 г. киданями государства мукринов Бохай вместе с кимаками, куманами и кипчаками.

Конечно же, не все тунгусо-маньжурские племена достигли Европы. Многие из них влились не только в европейские, но и в другие азийские этносы, – как в монгольские и финно-угорские, так и в тюркские:

«...беда тюргешей была в отсутствии монолитности: они делились на «желтые» и «черные» роды, всегда соперничавшие друг с другом. «Желтые» тюргеши были потомками племени мукри, пришедших из Уссурийского края в конце II в., преследуя вместе с другими сянббийцами отступавших хуннов. Вековая засуха III в. прижала их к склонам Тянь-Шаня, а наступление на запад остановлено героическими абарами, в VI в. в. вошедшими в Великий тюркский каганат. Когда же каганат распался, мукрины и абары составили новый каганат – тюргеши были степняки, мукрины – горцы. Они постоянно ссорились друг с другом и, в конце концов, разделились: потомки мукринов стали называться киргизами, а потомки абаров – каракалпаками...» (Лев Гумилёв, «Тысячелетие вокруг Каспия», <http://gumilevica.kulichki.net/MAC/mac05a.htm>);

«Интересно, что сами эвенки обозначали себя термином «донки», «дунан», от него ведет происхождение сам термин «тунгус» (А.М. Золотарев), он встречается и у Я.И. Линденау, И.Г. Георги и др. Как одно из самоназваний тунгусов, по Г. Миллеру, он означал «жителя сопок», «жителя тайги» [2005. С. 465]... И.Г. Георги в XVIII в. писал, что «тунгусы называются сами евоенами, потому что праотца их звали Евоеном, также донками, а иногда по примеру многих сибиряков, и просто людьми... Во время российских нападений оказали тунгусы больше мужества, нежели другие сибиряки, и никакое поражение не могло их принудить к оставлению занятых ими под жилища своих мест... В.А. Туголуков самоназвание эвенов связывал с названием племени увань в китайской хронике VII в... По

словам Э.В. Шавкунова, этноним увань встречался в письменных источниках значительно ранее VII в. одновременно с именем сяньби (маньчжур. «Sirbi / Sirvi / Sarbi» – «серы, сербы», – П.Д.). Говоря так, он имеет в виду древних ухау-ней – ветвь дунху, много веков воевавших с хуннами и китайцами. Так, этноним ухауань – в древнекитайском прочтении «овен» или даже «эвен» [Шавкунов, 1968]. В.И. Сосновский высказывал мнение, что название «эвенки» соответствует китайскому этнониму сяньби, сохранившись в кетском языке в виде хевенба. Таким образом, по его мнению, нынешние эвенки – остатки сяньби (тунгусоязычных сорбов / сартов, – П.Д.), в прошлом могущественного народа, составлявшего правящий слой великой державы [Залкинд, 1937. С. 75]. Из имени сяньби выводится также название обширного племенного союза «шивэй». Отсюда выдвигается предположение о тождественности тунгусов с племенами шивэй VII–X вв. в средневековых китайских источниках, занимавшими такую же обширную территорию в Северной Маньчжурии, Приамурье, Восточном Забайкалье и Прибайкалье, Южной Якутии. ...в настоящее время широкое распространение получило мнение об относительно позднем распространении тунгусоязычных племен по Сибири. С точки зрения В.А. Туголукова, опирающегося на фольклорные данные, распространение тунгусов по Сибири связано с уходом чжурчжэней в таежные районы от военных отрядов киданей [1980]. Можно выдвинуть и противоположную версию распространения тунгусских групп. Так, Е.М. Залкинд в племени «больших шивэев», имевших «непонятный язык», видел тунгусов [1937. С. 78]. С территории Южной Якутии «да-шивэй» вышли в VII в., вытеснив из Западного Приамурья монголоязычные племена шивэй, в итоге их территорию заняли тунгусы мохэ [Нестеров, 2001]... Г.М. Василевич этноним эджен связывает с названием народа Уцзи (Удзи / *Ути / Узы, предки которых, очевидно, входили в союз племен, возглавлявшийся славяноязычными *ути / юэчжийцами, – П.Д.), по китайским источникам, обитавшего в V – VI вв. на территории Приамурья. Они были потомками древних сушеней и предшествовали широко известным мохэ. По ее утверждению, этноним эджен~удзин широко встречается среди тунгусо-маньчжурских народностей начиная с VII в. по настоящее время...» (Василий Ушницкий, «Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности», <http://cyberleninka.ru/article/n/tungusskie-rody-yakutii-xvii-v-voprosy-proishozhdeniya-i-etnicheskoy-prinadlezhnosti>);

«Итак, установление на востоке Великой степи господства киданей вызвало новое перемещение кочевых племён, в том числе и кунов. В сообщении Марвази о кунах отмечалось, что «они были христиане-несториане» (Кляшторный, Султанов, 2004, с.133), а в 998 году кидани («китаи») изгнали от своих границ всех несториан (Гумилёв, 2002, с.664), в том числе и кунов. Хотя далеко не все куны были христианами (о том, что они христиане нет сообщений во всех, кроме Марвази, источниках, упоминавших кунов), они были вынуждены бежать, «боясь Кыта-хана» (Марвази). Поселившись на новых, очевидно тесных пастбищах (возможно, в восточных отрогах Тянь-Шаня), куны стали подвергаться набегам новых соседей – племен каи. Особо масштабное нападение на них каи повлекло за собой целую цепь миграций, вроде «малого переселения народов». Начало переселения можно датировать годом последнего упоминания каи и кунов вместе (1029 г.), а его концом – временем встречи

на южной границе Руси князя Всеволода с половцами (сары) хана Болуша (1055г.)» (Юрий Евстигнеев, «Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Ju_Evstigeneev_Kumani.pdf; <https://www.rulit.me/books/kypchaki-polovcy-kumany-i-ih-potomki-k-probleme-etnicheskoj-preemstvennosti-read-285705-51.html>; <http://flibusta.site/b/319477/read>).

Смуглые горцы куны, как и их тунгусо-маньчжурские предки, входившие в жунские (гуннские) и сяньбийские / сербские (сарбатские / сарматские) союзы племен вместе с прабалто-славянскими дискими племенами, имели во многом близкие к балто-славянским нравы и обычаи, являлись положительно комплементарными балто-славянам и, в отличие от бледнолицых туранцев, были такими же вольнолюбивыми как и балто-славяноязычные сарматы. Вот почему древнерусская знать и заключала иногда династические брачные союзы с кунской знатью:

«Половецкие поселения в Беларуси были основаны людьми хана Тегака по приказу князя Даниила Галицкого. Даниил был женат на дочери князя, известного на Руси Мстислава Удатного (т. е. Удачного, а не Удалого как его часто называют в исторических романах), внучке хана Котяна, причём сватом был хан Тегак. Отряд половцев Тегака неоднократно (в 1245, 1249, 1251, 1252, 1253 гг.) упоминается в войсках Даниила Галицкого и его брата Василия Волынского, в княжество которого входила Берестейская земля (ныне Брестская область)... В исполнение требований папы был издан «Манифест» Ласло IV Куна, «короля Венгрии, Кумании и Булгарии» от 1279 года с соответствующими указаниями. Для наблюдения исполнения в кунские племена и их подразделения были направлены «инквизитеры»; знать кунов была приравнена к дворянству и получила земельные наделы, на которых могли жить соплеменники дворянина (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 176–180). Жёсткое исполнение «Манифеста» вызвало в 1280 году восстание, в результате его подавления из 65–85 тысяч кунов осталось 50–60 тысяч, остальные – либо погибли, либо бежали в 1282 году к Ногаю, в Приднестровье, в Добруджу, где возникло куманское княжество Балика (1280–1400 гг.)» (Юрий Евстигнеев, «Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности», <http://flibusta.site/b/319477/read>; http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Ju_Evstigeneev_Kumani.pdf). [к осн. тексту]

II.10. Славяноязычие полян (ясов, касогов, торков, берендеев, черкас) и многих других сармато-аланских и гуннских (жунских) племён

10.1 Кубанские и пятигорские черкасы

Возможно, поляне (ясы, берендеи, касоги, торки, русы и др.), как позже и кубанские, и пятигорские черкасы, были двуязычными и общались не только славянскими наречиями своих предков, но и славяно-германскими, а позже – сменившими их славяно-тюркскими пиджинами. Родным же для них после миграции в Европу из Азии новой волны славяноязычных жунов (гуннов) – кангюйцев и кидаритов (болгар и хазар) постепенно стал славянский язык, долго ещё являвшийся языком межэтнического общения (лингва франка) в

Центральной и Средней Азии наравне с тюркским:

«Славянский язык выполнял для (балто-славяноязычных и германизовавшихся, – П.Д.) русов функцию языка-посредника при торговле. Об этом можно узнать из «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега: «...переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи (хадам)»; «...иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они – христиане, и платят джизью». Из текста следует, что русы владеют славянским языком и пользуются услугами славянских переводчиков, так же как в Константинополе в X в. «толковинами» русским князьям и послам служили «тиверцы». Но из текста не следует, что славянский язык для них родной...» (А.С. Щавелев, «Русы / росы в восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян»,

http://www.academia.edu/3314645/RUS_ROS_IN_EASTERN_EUROPE_INVASION_MODEL_AND_SOME_SPECIFICS_OF_INTEGRATION_IN_THE_EAST_SLAVS_COMMUNITY_second_half_of_the_9th_the_10th_centuries_);

«Славянский язык, ныне искаженно именуемый склавонским (Sclavonica), распространен весьма широко: на нем говорят далматинцы (Dalmatae, Dalmatiner), босняки (Bossnenses, Bossner), хорваты (Chroati, Chrabaten), истрийцы (Istrii, Isterreicher) и далее вдоль Адриатического моря до Фриуля, карны (Carni, Carster), которых венецианцы (НГ и итальянцы (Waelhisch)) называют карсами (Charsi), а также жители Краины (Carniolani, Crainer), каринтийцы (Carinthii, Khaerner) до самой реки Дравы (Dravus, Traa), затем стирийцы (Stirii, Steyrer) (НГ в четырех милях) ниже Граца (Graetz) вдоль Мура (Muer) до Дуная (НГ и далее по Драве и Саве (Saw)), мизийцы (Mysii, Mysy), сербы (Servii) (НГ которых мы теперь обычно именуем Sirven и Raetzen), болгары (Bulgarii) и другие, живущие до самого Константинополя; кроме них чехи (Behemi, Beham), лужичане (Lusacii, Lausitzer), силезцы (Silesii, Schlesier), моравы (Moravi, Marher) и обитатели берегов реки Вага (Vagus, Waag) в Венгерском королевстве, а еще поляки и русские [властвующие над обширными территориями] и черкасы-пятигорцы (Circasi-Quinquemontani, Circassen in fuenff pergen) у Понта и, наконец, остатки вандалов (Vandali, Wenden), живущие кое-где на севере Германии за Эльбой. Все они причисляют себя к славянам, хотя немцы, пользуясь именем одних только вандалов, называют всех, говорящих по-славянски, одинаково вендами (Wenen), виндами (Windi) или виндскими (народами) (Windische) (НГ Этим языком при письме и богослужении пользуются молдаване (Moldauer) и прочие соседние с ними валахи (Wallachen), в просторечии говорящие, однако, на другом языке. Многие утверждают в своих сочинениях, что и у македонцев родным языком был и является до сих пор славянский, который у них называется «Syrvisch»)» (Сигизмунд Герберштейн, «Записки о Московии Сигизмунда, барона, в Герберштейне, Нойперге и Гутенхаге»,

<http://www.vostlit.narod.ru/Texts/rus8/Gerberstein/text1.htm>);

«Ясно, что в Великобритании перед концом римской оккупации существовали большие колонии вандалов, и некоторые из них, возможно, сохранили свои племенные (и антропологические, – П.Д.) черты вплоть до времени саксонского заселения. Ясно, также,

что имело место переселение и во времена Кнута. В этой связи невозможно игнорировать многие свидетельства влияния венедов на английскую расу, которые стали результатом этих последовательных переселений, протянувшихся с римского времени до более позднего англо-саксонского периода. В Англо-саксонской хронике упоминаются Вендлсбири (Wendlesbiri) в Хартфордшире, Венделсклифф (Wendlescliff) в Вустершире, Ваенделскупб (Waendlescumb) в Беркшире, и Венделсоре (Wendlesore), теперь Виндзор, все они, очевидно, названы венедскими поселенцами по имени их народа» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«И главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, как, например, племена ал-Тршкин (очевидно, вопреки Вестбергу, всё же не от древнего «тьюд» – народ: германцы Тевтоны – Тедески, а от др.-киевск., ст.-слав. «творити» – «творить, создавать»; др.-киев. *тъварь (*тъвъбрь), укр. «твір» – «изделие, создание, творение»; согд. «twrk / турк» – «металлург, кузнец?»; укр. «торити» – торить [творить себе путь], «тор» – «проложенная дорога; оживленное место»; лит. «trasa, trekas», англ. «track», тадж. «рох» – «трасса, тракт, путь, дорога»; чеш. «tulák», польск. «tułacz», беларус. «туляга» – «странник, скиталец, бродяга»; венг. «társ», лит. «draūgas» – «спутник, товарищ»; санскр. «śāka» – путник: Троксоланы / Роксоланы – Торки – Циркасы / Черкасы и Тиверцы) и Англий (очевидно, всего лишь родственные Англам потомки Канглов или же Оногуров, – П.Д.), и Баджанакиа (Печенеги = Паджо / Чалдоны, – П.Д.), и Русы, и Хазары... Язык Хазар другой чем языки Тюрков и Персов. Это есть язык, который не согласуется ни с одним языком в мире...» (Ал-Бекри [ум. в 1094 году],

<http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/pred.htm>; А. Куник, «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение №2. Спб., 1879, <http://drevlit.ru/docs/russia/X/Bekri/pred.php>);

«Язык чистых хазар не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов... Хазары не походят на турок. Хазары черноволосы, и их два класса. Одни называются карахазары и они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам, а другие составляют класс белый. Они видный народ по красоте и совершенству, и встречающиеся у нас хазарские рабы из язычников, разрешающих продажу своих детей и захватывающих друг друга в рабство. А что касается хазар иудеев и христиан, находящихся среди них, то они, подобно мусульманам не допускают рабства друг друга» (Ибн-Хаукаль, из «Книги путей и царств». Армения, Арран и Адербейджан. II часть, https://antitopor.com/historical_documents/ibn-haukal.-iz-knigi-putej-i-carstv.-2-ya-chast.html).

Славяноязычными стали и возможные потомки балтоязычных токсолан / троксолан / роксолан торки (лтш. «stūrgalvīgs» – упрямый, «terglis» – «своенравный, сварливый человек», – Фасмер), вошедшие, как в черноключуцкий союз племен Поросья, так и в состав карахазарских племен, ставших известными позже как таркасы / циркасы / чаркасы / черкасы (жители горных котловин; франц. «cirque» – «цирк, котловина»; укр. «чарка» – рюмка,

«чара» – «чаша, котёл»). Хотя вполне возможно и то, что узы торки были потомками небалтизованных восточных роксолан или же других славяноязычных юэчжийских племён. Черкасы (карахазазы и караболгары) включали в себя не только торков = циркас, но и потомков боранов барангуров = беленджеров = берендеев, известных ранее как варанги = варяги, а также и венендеров (венедов), баджанакон (предков также и паджо = чалдонов), ясов (утигуров) и других бывших балто-славяноязычных согдийцев, хорезмийцев, кангюйцев (канглов) и кидаритов (*кударов / козаров / хазаров и болгаров):

«В лето 6660... Изяслав же то слышав, скопя свою дружину поиде, поима с собою Вячеславль полк весь, и все Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы...» (Киевская летопись, 1200 г.; Воскресенская летопись, 16 век; 1856, 56, http://psrl.csu.ru/toms/Tom_08.shtml);

«Пятигорские черкесы (черкасы / чаркасы / таркасы / джаркасы / шаркасы, – П.Д.) редко приходят в долину, так как это горное племя и они называются черкесами пяти гор; если за ними погоня, они отступают в неприступные горы, где дороги очень узки, так что они могут перебить врагов, поднимающихся к ним наверх... Когда хоронят кого-нибудь, то те, кто сопровождает покойника, кричат очень громко, родственники наносят сами себе раны, шатаются, царапают себе лицо и горюют очень долго пока рана не заживет. Жрец произносит несколько слов над могилой... По нижнему течению реки Борисфена (Днепр) в Украине и в окрестностях живут племена, также называемые черкесами (в оригинале, очевидно, черкасами, – П.Д.), они греко-православного вероисповедания, ныне находятся под властью великого султана турецкого. По-моему, неуменье отличить этот народ от черкесов у Каспийского моря является причиной того, что одни говорят, будто все черкесы язычиики, а другие – что все они христиане... Пятигорские черкесы, или черкесы с Пяти гор, граничащие с крымскими татарами, живут в горах. У меня нет никакого доказательства, что они татары. Они белы лицом и телом, это свидетельствует о том, что это люди другой расы... Черкесы, в особенности пятигорские, не хотят, чтобы их считали за татар, живущих в большом количестве вокруг них в этих местах. И по внешности они выглядят не как татары...» (бургомистр Амстердама Николаас Витсен, «Северная и восточная Тартарии», 1640 г., <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Vitsen/otryv3.phtml?id=7072>);

«Сохранилось предание, записанное В.А. Потто, что всю местность и все разливы близ устьев Кубани занимало некогда хегатское племя, ближайшее к владениям крымских татар, а к юго-востоку от них обитали жанинцы – сильный и страшный для соседей народ, выставлявший до 10 тысяч превосходных всадников. Жанинское племя было некогда на Кавказе сильным и могущественным, резко отличавшимся от других черкесских племен своею отвагою, гордостью, духом независимости и пламенным характером. Жанинцы (жанэ, жаней – жуны / гунны, – П.Д.) исповедывали чуть ли не с первых веков нашей эры христианскую веру и говорили на славянском языке. Собственно это были не черкесы, а кубанские «черкасы», древнее и сильное славянское племя, черкасское казачество, о котором будем говорить ниже. Хегатцы и жанинцы в течение нескольких веков с отчаянным упорством отстаивали свою веру и независимость; часть их раньше, в X, XI и XII в.в., переселилась на Днепр, а остальные в конце-концов погибли в неравной борьбе с врагами:

остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумою. Запорожцы на их месте нашли лишь несколько бедных хижин, разбросанных по Кара-Кубанскому острову. О христианстве древних кубанских черкасов свидетельствуют сохранившиеся до ныне многочисленные развалины храмов, чтимых, как святыни, не только нынешними черкесами-христианами, но даже и магометанами... Герберштейн в начале XVI в. и ученый миссионер Крижанич, родом кроат, искрестивший во времена Алексея Михайловича всю Россию и даже побывавший около 15 лет в ссылке в Тобольске, положительно утверждают, в особенности последний, что Кубанские Черкасы – славяне и что богослужение у них совершается на славянском же языке» (Евграф Савельев, «Древняя история казачества», kraeved.opck.org/biblioteka/kazachestvo/.../drevnyaya_istoriya_kazachestva.pdf; «История казачества с древнейших времен до конца XVIII века», <http://passion-don.org/history-1/chapter-9.html>);

«Вот здесь то и начинается самое интересное! Что это за черкесы-пятигоры появляются в списке народов говорящих на славянских языках? Обратите внимание, у Герберштейна написано вначале на латыни (ЧЕРКАСЫ-ПЯТИГОРЫ), а потом по-немецки – ЧЕРКАССЫ – В ПЯТИ ГОРАХ. Причём, как ни читай, а получается ЧЕРКАССЫ (или ЧЕРКАСЫ), но не ЧЕРКЕСЫ! Видимо редколлегия НАУЧНОГО издания решила Герберштейна «подправить», поскольку он не смог учесть грядущих этнических и исторических подтасовок...» (Алексей Евтушенко, «Черкассия – поиски забытой страны», <https://cont.ws/@sugochka/782019>);

«Миссия Кирилла у Черкесов могла быть гораздо успешнее, чем у Каспийских Турок: известно, что христианство потом действительно процветало в Черкесских горах; чему явным свидетельством служат остатки христианских храмов. Кроме Черкесов Кавказских, миссия эта могла быть связана с отношениями к Черкесам Таврическим. Известно, что в VII и VIII веках Хазары были господствующим народом в Крыму, который они завоевали, за исключением только южной его части. Владычество Хазар-Черкесов оставило здесь глубокие следы, особенно в географических названиях. Так, еще в XIII веке Крым назывался у Генуэзцев Газарией, хотя владычество Хазар здесь давно уже перешло в область преданий. Некоторые топографические имена показывают, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизация, но не Турецкая, а собственно Черкесская (славянская черкасская, – П.Д.) – явление совершенно естественное при близких, соседственных отношениях Крыма и Кабарды. Таковы: замок Черкес-Кермен, развалины которого существуют недалеко от Бахчисарая; Черкес-Эли, деревня на реке Альме; Черкес, селение в Евпаторийском уезде, и другие названия разных урочищ, соединенные с именем Черкесов. Что в этих местах жили когда-то Черкесы из племени Хазар-Кабарон, на это указывают и верховья реки Бельбека, именуемые Кабардою» (Дмитрий Иловайский, «Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю // Русская церковь по уставу Льва Философа. – Сказание о хазарской миссии Кирилла и Мефодия и его исторические данные. – Достоверность известия о славянских книгах, найденных в Корсуни», <http://www.oldru.com/begin/33.htm>).

Очевидно этноним торков и других славяноязычных карахазарских племён: «таркасы / черкасы» соседние народы распространили и на предков нынешних адыгейцев, уведённых на север в земли черкасов и на восток в Кабарду своей славяноязычной аланской знатью:

«Когда собираются, при наступлении осени, со своими соучастниками, в набеги князя и дворяне, они говорят, желая утаить смысл своих речей от других, на совершенно своеобразном языке, называемом ими «такобза» (*турфсоба / *даксоба – «восточный, токсоланский, турфанский»; санскр. «daksa», лтш. «dekstera», тадж. «дуруст» – «право, правый, восточный», – П.Д.) и не имеющем никакого сходства с черкесским, но народу не разрешают говорить на этом языке. Из всех авторов только Рейнеггс (Reineggs, II, 248) приводит несколько примеров этого жаргона, который, весьма возможно, представляет какой-нибудь оригинальный язык и доказывает, что в черкесском народе имеются различные элементы и что князя и дворяне – пришельцы, внедрившиеся здесь силой и хитростью (Jean Potocki. Voyage, etc., t. I, 168)» (Фредерик Дюбуа де Монперэ, «История черкесской нации», <http://adygi.ru/index.php?newsid=344>);

«Они сразу определяют по внешнему виду древних черкесов, фамилии которых никогда не смешивались с чужой кровью, и отличают их от фамилий, которые появились здесь позднее. Настоящие, природные черкесы (черкасы, – П.Д.) хорошо сложены, стройные и красивые, имеют выразительное лицо и гордый вид; нечистокровные, напротив, совершенно похожи на татар и в них невозможно обнаружить и намека на дворянскую гордость... Вследствие того, что черкесский язык невозможно передать никаким алфавитом и не может быть ясно и правильно передан посредством какого-либо другого языка, кабардинцы пользуются татарским языком, и пользуются им при письме. Но они имеют секретный или тайный язык (очевидно, южно-славянский карахазарский, – П.Д.), на котором между собой говорят только князя и дворяне, а простой народ не осмеливается говорить на этом языке, даже если и понимает его... Черкесы, или кабардинцы, рассматриваемые в целом, хорошо сложены и сильны, энергичны, неутомимы, активны, горды, хорошо обращаются с оружием как верхом, так и пешими. Они бреют голову и бороду, отпускают длинные усы и тщательно ухаживают за ними. ..Остров Кизил-Таш, образуемый двумя рукавами Кубани, называется сейчас Тамань; Страбон называл его Сиракене (островом сираков = циркасов, – П.Д.)» (Якоб Рейнеггс, «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа», <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Reineggs/text3.htm>);

«Об этническом составе и языке адыгских племен находим также такое сообщение: «У кабардинских князей есть свой особый язык, на котором они говорят только между собой». Кроме адыгского языка, князя и дворяне страны, которые собираются в сентябре вместе со своими приближенными в набеги, пользуются в разговорах между собой совершенно особым языком, который они называют «шакобза» и который не имеет никакого сходства с адыгским. Простому народу говорить на этом языке не разрешается. Это служит для нас доказательством того, что в адыгской нации существуют несколько этнических элементов и что адыгские князя и знать являются пришельцами... Но откуда они пришли?.... Исторические источники намекают на то, что адыгские князя и знать XVI – XVII вв. были

из Хазарского (славяноязычного тёмно-краснокожего, – П.Д.) племени Каваров (Кабаров, Куаров). А теперь об этимологии этнонима «Зихи (Джихи)». Выше в цитате из «ОИКЧ» было написано так: «Древнее наименование «Зихи» еще недавно существовало у грузин в форме «джики» для обозначения абазин и западных черкесов». Допустим. Но как быть со следующими историческими документальными данными относительно этнических терминов «джихи», «зихи»?

1. И.А. Гюльденштедт в XI главе, называемой «О Базии и бацианцах» пишет так: «Чегем по-грузински Джихи! Он занимает целую верхнюю часть горного пространства реки Басхана, Чегема и его ручьев. Кажется, что грузинское имя Джихи происходит от Цихи, области императора Константина; может быть, это остатки того народа, который жил тогда по равнинам и потом поселился в горах». «Карачай, по-абазински. Черкесы называют его Каршага, а грузины Кара-чегеты, также Кара-Джихи».

2. П.Ю. Клапрот сообщает следующее: «Карачаевцы, «черные ручьи», а не «караутцы», называются черкесами «каршага кушха», мингрелами и имеретинцами – карачиоли. Татары называют их кара-черкесы, или «черные черкесы». Грузины средних веков называли также их Кара-Джихи, а их страну Кара-джихетия; так как слова «джихи» и «зихи» являются синонимами и означают черкесов».

3. И.Ф. Бларамберг пишет так: «Джихи или Черигаи (по-черкесски «Чегем кушха») живут в самых высоких снежных горах по берегам Чегема и Шавдана до Баксана на западе».

4. Л. Мровели в книге «Жизнь Картлийских царей» пишет так: «Тогда цари Картли Азорк и Армазел призвали овсов и леков, привели царей Овских, братьев – голиафов по имени Базук и Анбазук с войском овским. И привели они с собой пачаников и джихов».

5. В другом месте И.Ф. Бларамберг пишет, что «данниками Тмутараканского княжества в течение некоторого времени были хазары и зихи (язы)».

Как видите, здесь И.Ф. Бларамберг ставит равенство между зихами и язами (чиги, чики, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зихи> – рубежане, украинцы; англ. «cheek» – «щека, боковая стенка», тат. «чик», карач.-балк. «чек» – «рубеж, край, граница»; праслав. *jěžь считают родственным др.-япон. «aze» – валик [на поле], межа, а также лит. «ežė» (ežià), диал. «ažià» – «межа, край, граница, грядка...»; лтш. «eža» – «грядка, межа», др.-прусск. «asy» – межа, арм. «ezr» – «берег, граница», которые рассматриваются как расширения и.-е. корневого имени *ēǵh-, *eǵh-, – Фасмер; азерб. «чығыр» – тропа, – П.Д.)... А язы (ясы) был тюркоязычным народом (очевидно, всё же славяноязычным народом, мигрировавшим позже на север, – П.Д.) и предками нынешних малкарцев, а не адыгов (ассимилированные половцами кавказцы малкарцы, в отличие от славяноязычных ясов Салтово-Маяцкой АК, вовсе не являются потомками ни язов, ни алан и ни чигов, – П.Д.)... Итак, у выше названных авторов джихами (зихами) названы карачаевцы и чегемцы (на самом деле ушедшие на север славяноязычные чиги, – П.Д.), а не абазини и западные черкесы (адыгейцы)...» (У.З. Байрамуков, «Этимология некоторых топонимов и этнонимов народов Карачаево-Черкесии», <https://archive.fo/mQsQB>; <https://studydoc.ru/doc/3929291/bajramkulov-u.z.-e-timologiya-nekotoryh-toponimov-i>);

«Черкесская знать, т.е. урки-рыцари, составляют самое большее пятую часть, а по

мнению некоторых знающих русских, может быть, только десятую часть многочисленного народа адыгэ... Только эти уорки и еще более знатные представители княжеских домов (пши) могут претендовать с полным правом на далеко распространенную молву о черкесской красоте» (Мориц Вагнер, <http://adygi.ru/index.php?newsid=456>).

10.2 Загадочные чиги

Аланы чиги (чики, зихи, джики) тоже изначально были славяноязычными а, возможно, и родственными фризским и чешским племенам. Адыгейцам (садзам) этноним зихи (джики), как и этноним черкесы, достался всего лишь «по наследству», благодаря тому, что часть объединивших их в союз племен чигов стала знатными родами их предков, а большинство же самих чигов мигрировало в низовья Дона и далее в Западную Европу:

«Среди племен или союзников фризов (русов, – П.Д.) самыми главными были *Chauci* (лат. *Chauci* – чаусы / хавси = лат. *Nauci*, *Chauci*, *Chauques* – *чайки / хауки / хавки / хуги; арм. «*chau*», праслав. **čajьka*, чеш. «*šeјka*», лтш. «*kaija*», эст. «*kajakas*», исп. «*gaviota*», порт. «*gaivota*», франц. «*goéland*» – чайка, – П.Д.) или *Chaucians*. Тацит писал, что они обитали по обе стороны реки Везер. Те, которые обитали между Эльбой и Везером он называл старшими чаусами (*Chauci majores*), а обитавших на запад от Везера, но вверх по реке, младшими чаусами (*Chauci minores*). Он описывал их как самый выдающийся народ. Он писал, что земля от Гессии (*Hessia*) находилась под их властью, и была заселена чаусами (*Chauci*). Он оставил о них два несколько отличающихся сообщения, но считается, что сообщение в его «Германии» было написано позже, чем сообщение в его «Анналах» или «Истории», поэтому возможно, что прежде, чем написать свое более позднее сообщение, он получил возможность узнать о них больше и откорректировал своё раннее утверждение. Он писал, что чаусы (*Chauci*) никогда не начинали войн и не тревожили своих соседей, и они предпочитали поддерживать свое величие на основе законности. Это описание согласуется с характером фризов, и могло также быть применено и к ним... Что касается их альтернативного имени хосинги (*Hosings*), то филологи дают нам несколько примеров эквивалентности древних звуков *ch* и *h* в этих племенных или национальных именах» (Томас Уильям Шор, «Происхождение англо-саксонского народа», <http://universe-tss.su/main/litstr/16067-proishozhdenie-anglo-saksonskogo-naroda-obnovlyaetsya.html>);

«В 28 г. восстало германское племя фризов (север Нидерландов, поныне существующий народ) на территории, захваченной в давние времена, где никто восстания не ожидал. Восстали (славяноязычные античные, – П.Д.) фризы против римского наместника Оленния, замучившего их поборами. Наместник провинции «Нижняя Германия» Апроний подавил восстание с огромными потерями, которые Тиберий скрывал, чтобы не отправлять в Германию новые легионы... Однако фризы успели снести римские крепости на Северном море. Это позволило выйти из подчинения другому приморскому германскому народу – хавкам, жившим на североморском берегу нынешней Германии. Хавки на долблёных из одного бревна лодках («чайках»; курманджи «*qeyik*», турец. «*kaуik*», кит. «*chuán*», укр. «човен», гуджар. «*Нōđī*», фин. «*vene*» – «каюк, лодка», – П.Д.) под покровом тумана стали

нападать на римские прибрежные посёлки и корабли, и беспощадно их грабить. С этим пиратством Империи пришлось мириться ещё очень долго» (Борис Грейншпол, «Упадок во время расцвета», http://www.boris-nuernberg-reisen.de/upadok_wo_wremya_raszweta.htm);

«Но самым интересным для нас народом, на который мы и обратим особое внимание, являются Зихи, жившие на островах в дельте р. Кубани. В латинском тексте в слове «Зиги» стоит буква «зэт», произносимая как «З», в греческом же «дзэта», произносимая как «ДЗ», ввиду чего историки название этого народа переводят разно: Сиги, Зихи и Зиги, Зыхи, Дзыхи, Циги (Штриттер и Герберштейн) и Джиги-Геты. Все это происходит оттого, что как в греческом, так и латинском языке нет соответствующей шипящей буквы для воспроизведения точного названия этого народа, но она есть у нас и эта буква «Ч», а потому название народа Зиги и Дзиги должно быть переведено «Чиги». Чиги, по Страбону, были (подобно родственным им чаусам / хавкам, – П.Д.) отважными мореходцами и пиратами. Греческие историки конца XIII и начала XIV в., Никифор Гигора и Георгий Пахимер, говорят, что Чиги, Геты и Россияне (черкасы-украинцы, – П.Д.), жившие по берегам Азовского и Черного морей, были покорены татарами, служили в татарском войске и возвели могущество их на высочайшую степень славы» (Евграф Савельев, «История казачества с древнейших времен до конца XVIII века», <http://passion-don.org/history-1/chapter-5.html>);

«Вахтанг с отборными всадниками находился позади своего войска, укреплял и воодушевлял воинов. Тяжеловооруженные конники, одолев скалистую дорогу, вступили на равнину... И вступили в Пачаникети (очевидно, в государство кангюйцев савиров, пришедших на Северный Кавказ задолго до родственников им кангаров печенегов, – П.Д.), так как Пачаникети граничила в ту пору с Овсети по ту сторону реки Овсетской, и Джикети была там же. Спустя много времени, турки (торки, – П.Д.) потеснили пачаников и джиков. Пачаники ушли на запад, а джики (потомки славяноязычных аланов чигов, ассимилировавших балтоязычных сираков и ставших знатными родами у абхазоязычных садзов, – П.Д.) осели у пределов Абхазии. Вахтанг разорил Пачаникети и Джикети и на обратном пути вновь подступил к Овсети. Цари овсетские бежали и скрылись в крепостях Кавказа...» (Джуаншер Джуаншериани, историк XI в., «Жизнь Вахтанга Горгасала», (V в.), <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Gorgasal/frametext1.htm>);

«Получается, что наступление новой волны тюркских кочевников застало два таких разных этноса как печенеги и зихи (чиги, – П.Д.) в одном районе, из которого они вынуждены бежать. Таким районом может быть только правобережье Кубани и Восточное Приазовье. Отсюда печенеги (славяноязычные баджанаки = пачинаки, – П.Д.) бегут на запад вплоть до Венгрии, а зихи смещаются в Закубанье» (Самир Хотко, «Садзы – джигеты. Происхождение и историко-культурный портрет абазинского субэтноса», http://apsnyteka.org/1623-khotko_s_stati.html).

Лишь часть славяноязычных чигов ушла вместе с печенегами / пачаниками (родственными славяноязычным чалдонам = паджо) в Паннонию. И, став знатными родами

славянского населения Богемии, чиги очевидно и передали ему самоназвание своих турфанских и сибирских предков «чеши» (чигу / цигу) в виде этнонима «чехи».

Большинство же чигов подобно своим предкам чешисцам, осевшим в Сибири, не решилось отправиться в далёкую миграцию и в свою очередь осело в низовьях Дона:

«В низовьях Дона, в Чигии, проживали славяноязычные чиги, воинственные и хозяйственные. У казаков до наших дней живут пословицы: «Чига остропузая – зеленые кишки», и – «Чига лыко драла, чига лапти плела» («История и традиции казачества», <https://kazachje-bratstvo4.webnode.ru/istoriya-i-traditsii-kazachestva/>).

Действительно, часть предков чигов (чиков), как и славяноязычных бугуров (пугуров) и черкас (циркас), не ушла на Северный Кавказ из Турфана и из Сибири. Племена чиков и кигу (цигу) упоминаются в орхонской надписи вместе с азами и кыргызами. Чики обитали на речках, составляющих истоки Енисея, пугу (бугу) – в низовьях Селенги и Орхона. Вполне возможно, что они, как и чиги (джики) и чехи являлись потомками чешисцев (чеш. «čest» – честь), населявших земли княжества Чеша (Гуши) в Турфанской котловине. Не исключено также и то, что название усуньской столицы Чигу тоже происходит от этнонима «Чеша»:

«В гл. 30, т. IV известного труда Хэ Цю-гао «Шофанбэйчэн» (написан в 1851 г., но опубликован лишь в 1881 г.) содержится «Исследование о племени усунь». Автор в ней развивает точку зрения, высказанную в китайской литературе уже в монгольскую эпоху, о том, что усунь являются предками русских (очевидно предками светловолосых брахикранных балтов, а также долихокранных половцев и финно-угров, – П.Д.)... В «Усуньчжуань» говорится, что Усуньского государства большой Гуньми (князь) правил в городе Чигу. Отстоит [он] от Чаньяня (столицы) на 8900 ли. Населения в нем 120000 [дворов]» (И.В. Кюннер, «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», Гл. II, «Усунь», <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/frameset12.htm>);

«Правление усуньского Большого Гуньми в городе Чигу, от Чан-ань в 8.900 ли» (Иакинф Бичурин, «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0210.shtml);

«Яблоком раздора между усунями и хуннами оказалось княжество Чеша. Небольшое княжество Чеша, расположенное в Турфанской котловине, было тесно связано с хуннами. Для Хунну это было окно в мир, особенно после того, как обособление Усуни отделило Хунну от Кангюя и Согдианы» (Лев Гумилёв, «История народа Хунну», http://society.polbu.ru/gumilev_hunnu/ch38_i.html).

Так что выходцами из Турфанской котловины, возможно, были не только славяноязычные турпей (уйг. «ناپرۇت / Турпан» – Турпан), тиверцы и вэньсу / вэньоуто = венеты = уногундуры (vh'ndur) / венендеры, но и чиги (джики), и чехи (кека).

Предки же адыгов (польск. «ату», серб. «адут», болг. «коз», лит. «koziris» – козырь; венг. «koszorig» – «венец, корона, диадема»), мигрировавшие из Абхазии на север (в сторону

Приазовья), а позже и на восток (в Кабарду) никогда сами себя не называли ни зихами (джиками), ни касогами, ни козарами, ни черкесами:

«Во времена С.-С. Орбелиани под джиками уже не фигурировал весь адыгский или адыго-абазинский массив: так называлось лишь этнотерриториальное объединение джигетов (самоназвание «садз»). Этникон джигет, вполне возможно, имел более сложную природу и являлся двойным этниконом «зихо-гет» (на манер кельтиберов, каталонцев, готаланов, асоаланов и т.д... Для Абхазии и Адыгеи характерно наличие большого числа общих фамилий (Бгажба – Бгажноков, Багба – Багов, Ардзинба – Арdziнов, Чичба – Чич, Чачхалия – Чачух, Чиргба – Чирг и мн. др.). Еще в середине XVII в. часть бжедуггов, согласно Э. Челеби, разговаривала на абхазском языке. Можно предположить абхазское происхождение отдельных шапсугских и абадзехских кланов. Абхазо-адыгское этнолингвистическое сообщество всегда обладало набором необходимых характеристик, той степенью тождества, если угодно, «похожести», которые позволяют определить его как самостоятельный историко-культурный тип. На протяжении длительного периода история абхазов, абазин, убыхов, садзов, адыгов рассматривалась, как правило, изолированно – причем до такой степени, что во многих трудах по адыгам мы не сможем обнаружить ни единого упоминания об абхазо-абазинах, и наоборот... Многие наблюдатели отмечали двуязычие и трехязычие абазин, убыхов, садзов. Лексика садзов, к примеру, уже в XVII в. (по отчету Э. Челеби) едва отличима от адыгской. Более того, тысячи нитей социальных связей (родства, приемного родства, семейные, клановые, феодальные отношения) реально объединяли абхазо-адыгские этносы в единое культурное, и, очень часто, политическое сообщество. Абазинское, абхазское происхождение современных адыгских фамилий – явление массовое, точно также десятки абхазо-абазинских родов ведут свое происхождение от адыгов.» (Самир Хотко, «Адыги и народы Кавказа», http://apsnyteka.org/1623-khotko_s_stati.html);

«На территории Кавминвод известны позднесредневековые курганы, погребенные в которых традиционно сопоставляются с «кабардинцами» (А.Х. Нагоев), что механически воспринимается и другими авторами (А.П. Рунич, М.А. Гуськов, Е.И. Нарожный и др.). Толчком к развитию этого направления в свое время явилась точка зрения авторитетного кавказоведа Л.И. Лаврова, считавшего, что после разгрома Золотой Орды среднеазиатским эмиром Тимуром Северный Кавказ оказался значительно обезлюдившим. Эти демографические изменения и послужили одной из главных причин массового расселения здесь именно кабардинцев. Позднейшие уточнения (Э.В. Ртвеладзе, Р.А. Даутова и др.) коснулись лишь вопроса о времени (более позднем этапе) интересующего нас процесса. Суммируя накопленные данные, в том числе и новые, еще не опубликованные материалы, мы видим необходимым, предпринять некоторые уточнения. Во всех оценках специалистов речь идет о массовом переселении, шедшем с запада Северного Кавказа на восток, где граница обитания мигрантов определяется курганами, примыкающими к р. Сунжа. Вместе с тем, в этногенетических преданиях обитателей Северо-Восточного Кавказа, равно как и в топонимии, речь идет не столько о кабардинцах, сколько о «черкесах» (А. Сулейманов). Аналогичное бросается в глаза и при анализе героического эпоса (В.Б. Виноградов). Любопытно, что и одна из самых поздних вставок в русские летописи (XVI в.) в описания

места убийства М.Я. Тверского близ одного из притоков Сунжи упоминает «Черкесские горы» (В.А. Кучкин, В.Б. Виноградов). Несмотря на этногенетическое родство кабардинцев и современных адыгов, подобная конкретика выглядит вполне определенно. Пытаясь археологически определить время начала освоения Северного Кавказа, А.Х. Нагоев пришел к выводу о том, что артефакты из «кабардинских» курганов не ранее XIV в... Наличие в одном из комплексов Белоречья сразу трех монет, самой поздней из которых является монета Саид-Ахмета (вторая пол. XV в.), заставляет основную массу курганов с р. Белой относить к периоду XV – нач. XVI в. (В.Б. Виноградов, Ф.Б. Нарожная, Е.И. Нарожный), а сам их факт появления в этом микрорегионе расценивать как результат миграционных процессов нач. XVI в., вызванных к жизни активизацией в нач. XVI в. в Приазовье военно-политической активности Крыма, а затем и османов. По всей видимости, эта активность «выдавила» из Приазовья не только ту часть населения, которая оставила курганы на р. Белой, но и вынудила другие этнокультурные группы предков адыгов значительно «подвинуться» вглубь Северного Кавказа, вплоть до берегов Сунжи... ..мы можем констатировать тот факт, что начальный этап расселения предков адыгов на Кавминводах (впрочем, как и на всем Северном Кавказе) видится нам значительно более поздним, чем это казалось прежде» (Е.И. Нарожный, «О пятигорских черкасах, которые совершают богослужение на славянском языке», <http://www.zolka.ru/articles/19-6/200-circasian>).

Да и нынешнее то имя адыге (атыги) потомки абхазов, очевидно, позаимствовали у потомков согдийцев (юечжи = *утиев / яду) – болгар утигуров.

Как видим:

«Наша древняя история пока восстановлена только в схеме и потому не раз представляется в искаженном виде, иногда по неведению, а чаще по национальным соображениям чуждых нам историков. Вместе с тем, непоколебимой остается старая точка зрения, изложенная в этнографическом труде профессора Московского университета Е.Ф. Зябловского (Всеобщая география Российской империи. М. 1807, ч. 3 стр. 16) и в учебнике русской географии К.И. Арсеньева, где казаки указываются в качестве особого славянского народа, занимающего часть России, наряду с господствующими Россиянами и покоренными Поляками» (А.И. Скрялов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Казаки», <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/k.htm>).

10.3 Существенное древнее влияние славянских наречий на кавказские языки

Из-за контактирования в античные времена праславян (сарматов, юэчжийцев и аланов-торков) с кавказскими народами славянские языки все же подверглись некоторому влиянию кавказских языков:

«Г. Вагнер полагал, что в русских дативных конструкциях можно различить влияние кавказских языков (Wagner 1959: 54), ср. груз. «М-šurs» – «Мне завидно», «М-e-lmis» – «Мне больно», «М-šiiis» – Мне хочется есть, «М-rcxuenis» – «Мне стыдно», «М-a-kls» – «Мне не хватает», «М-i-nda» – «Мне хочется», «М-a-xsovs» – «Мне вспоминается» – во всех случаях

употреблён датив (Wagner 1959: 49)» (Евгений Зарецкий, «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazyikovyie-71902.html>; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf).

Но и предки славян балтоязычные сираки и анты (верхние аорсы / *гаворсы / *каварсы = кавары – ковали / кузнецы), а также и славяноязычные потомки юэчжийцев аланы-торки, караболгары (утигуры = ясы), карахазары (пугуры, пагериты, черкасы) и др. тоже ведь оказали существенное влияние на языки северокавказских народов:

«По мнению В.И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы (лексические схождения, – П.Д.), связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов». Например, ос. «*tajan*» примыкает к ст.-слав. «*tajō*», русск. «*таять*», и на индоиранской почве корень **ta-* не распознается. Другой пример: ос. «*taḡxon*» – «обсуждение, судилище» неотделимо от ст.-слав. «*тълкъ*», русск. *толк*, *толковать*. Имеет параллели в литовском, германских, древнеиндийском, хеттском, возможно – этрусском, но иранских соответствий не отмечено. Другое слово, ос. «*kuḡ*», сопоставляется с элементом «*kuḡ*» в русском *курносый*, *кургузый*, *корнать* («*обрезать*»). Слово в ос. «*kuḡ*» – кузнец В.И. Абаев сближает с древнерусским «*кърчии*» (ср. укр. «*криця*» – сталь; *крица* – свежая глыба вываренного из чугуна железа, идущая под огромный водяной молот, для отжимки, проковки и обработки в полосовое и другое железо, – Даль)» (Надежда Николаева, «Индоевропеизация Кавказа по данным лингвистики, археологии», <https://cyberleninka.ru/article/n/indoeuropeizatsiya-kavkaza-po-dannym-lingvistiki-arheologii>; <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/16/image/16-119.pdf>);

«...какого же языка корни профессор Миллер нашел в языке осетинском? При сравнении, даже поверхностном, словаря осетинского с славяно-литовским, латинским, древнеперсидским и санскритским ясно бросается в глаза, что многие корни этого языка по своему значению общи языкам индоевропейским и более всего сходны с персидскими, языка парси, и древнерусскими (славянскими, – П.Д.), так например: *газ* – гусь, *сар* – голова (царь), *мад* – мать, *дуар* – дверь, *аш* – яйцо, *карн* – курица, *аз* – год, *хорь* – хлеб (корь – корка), *манг* – обман, *тарк* – торг, *зимег* – зима, *месть* – мечь, *геди* – гадкий, *раст* – прямой, *хорзи* – хороший, *ней* – нет, *стин* – стоять и т.п.» (Евграф Савельев, «Древняя история казачества», http://loveread.ec/read_book.php?id=9969&p=9);

«Грамматические осетино-славянские изоглоссы (схождения, – П.Д.) выражаются в образовании перфекта с помощью провербов, как в осетинском, так и в славянских языках... Из общих осетино-славянских мифологем исследователями упомянуты аналогии сюжетов о великане Мукара из «Нартского эпоса» и Святогора из славянских былин. Число аналогий может возрасти за счет привлечения параллелей из русских волшебных сказок. Прежде всего, это полное воспроизведение начала первой легенды о Нартах в сказке о Жар-Птице, Иван-царевиче и Сером Волке. В саду Нартов, рассказывают осетинские сказители, росла

яблоня, на которой созревало яблоко, от которого зависела жизнь Нартов, но птица с золотым оперением повадилась воровать это яблоко. Два брата стали сторожить сад и подстрелили птицу. По ее следу они доходят до моря, где живет Владыка вод Донбеттыр. Птица оказывается его дочерью. Один из братьев спускается в царство Донбеттыра и спасает царевну, отдав ей ее оперение. Эта часть легенды составляет несколько измененное содержание второй русской (первично украинской, – П.Д.) народной сказки о Морском царе и Василисе Премудрой, в которой говорится, что Иван-царевич похищает оперение Василисы Премудрой, чтобы заручиться ее поддержкой. Третий сюжет связан с наказом Дзерассы, дочери Донбеттыра, своим сыновьям сторожить ее могилу три дня. За неисполнением наказа последовало рождение Сатаны, волшебного пса и рождение волшебного коня. В русской (на самом деле украинской, – Юрий Винничук, «Как у Украины Колобка поцупили», <http://tsn.ua/analitika/yak-v-ukrayini-kolobka-pocupili.html>) сказке «Сивко-Бурко» волшебный конь является наградой Ивану, младшему сыну, который выполняет наказ отца и сторожит могилу три дня. Четвертый сюжет в «Нартском эпосе» связан с Сосланом, Великим нартом, который доскакивает на своем волшебном коне до летающей башни, где живет Дочь Солнца, и женится на ней. В сказке «Сивко-Бурко» Иван выполняет аналогичную задачу и женится на царевне из башни. Пятый сюжет связан с женитьбой другого Великого нарта, Хамыца, на дочери Донбеттыра, которая вынуждена скрываться в лягушачьей коже, или в черепашьем панцире. Насмешки Сырдона (зависть, злые козни) вынуждают ее покинуть мужа. В русской народной сказке «Царевна-лягушка» завистники сжигают лягушачью кожу царевны, что приводит к дальнейшим злоключениям Ивана-царевича и царевны-лягушки. Шестой сюжет «Нартского эпоса» о волшебном войске, которое выходит или из Черной горы, или из морских глубин, находит отражение в русской сказке, обработанной нашим великим поэтом А.С. Пушкиным, о войске, которое «из вод чредой выходят ясных и с ними дядька их морской». В дополнение к этому уместна цитата В.И. Абаева: «Полное семантическое тождество славянского «Родъ» и осетинского «Naf» позволяет отнести эту пару к скифо-славянским религиозно-типологическим изоглоссам (схождениям, – П.Д.)». Данные археологии, лингвистики (данные картвельских и осетинского языков), мифологии показывают, что в Центральной Европе и на Северном Кавказе в древности проживали племена, родственные по материальной культуре, по языку, имеющие сходные религиозно-мифологические системы» (Надежда Николаева, «Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока», <http://saunje.ge/index.php?id=1856&lang=ru>; <http://www.academia.edu/7022074/> - III - II);

«Согласно В.И. Абаеву, изменение взрывного g, свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный g (h), что фиксируется в ряде славянских языков, обусловлено скифо-сарматским воздействием. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждал, что в формировании юго-восточного славянства (в частности, будущих украинских и южнорусских говоров) должен был участвовать скифо-сарматский субстрат. Сопоставление ареала фрикативного g в славянских языках с регионами, заселенными антами и их прямыми потомками, определенно говорит в

пользу этого положения. В.И. Абаев также допускал, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генитива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским языком в перфектирующей функции превербов. Воздействием иранцев объясняет В.Н. Топоров происхождение беспредложного локатива-датива. Эти фонетические и грамматические особенности в славянском мире являются региональными. Их географическое распространение допускает мысль о зарождении их в антском (на самом деле в болгаро-хазарском, – П.Д.) диалекте праславянского языка. С иранским миром Северного Причерноморья связано и проникновение в славянский языческий пантеон зафиксированных русскими летописями богов Хорса и Симаргла. В.И. Абаев писал об этимологических и семантических параллелях между украинским Вием и иранским богом ветра, войны, мести и смерти (скифский Vauhka-sura), между восточнославянским Родом и осетинским Naf. В славянском этнонимиконе также известны бесспорные иранизмы (на самом деле сарматизмы – праславянизмы, – П.Д.). Таковы, в частности, племенные названия хорватов и сербов» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. // Анты»,

http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/4);

«Важные данные о языковых контактах племен «скифского мира» с предками славян зафиксированы в осетинском языке – наследнике скифо-сарматских диалектов. В осетинском обнаружены характерные сходства с рядом индоевропейских языков Европы – балтийскими, германскими и некоторыми другими. Совпадения со славянским, как отмечает исследовавший эти сходства В.И. Абаев, значительно превосходят сепаратные связи осетинского с любым иным индоевропейским языком. Разные по времени свидетельства лингвистики документируют связи ираноязычного населения южнорусских степей с другими индоевропейскими племенами Европы, и, прежде всего, со славянами, связи, которые отражают широкий спектр материальной и духовной культуры» (Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, «Скифы и славяне: мифологические параллели»,

<http://historylib.org/historybooks/B--A--Timoshchuk-Drevnosti-slavyan-i-Rusi/21>);

«Оказалось, что в осетинском языке содержатся изоглоссы (языковые соответствия), совершенно чуждые «ираноязычному» миру. Связей с такими южными индоевропейскими языками, как греческий и армянский (территориально близких иранскому ареалу!) вообще не выявлено. Зато обнаружались связи осетинского с языками народов северной Европы и Сибири – с германскими, латинским, балтийскими (литовским), древнесибирским языком тохаров и главное, со славянскими! Более того, оказалось, что СВЯЗИ ОСЕТИНСКОГО (предполагаемого реликта СКИФСКОГО ЯЗЫКА) СО СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ НАМНОГО ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ С ЯЗЫКАМИ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ... Итак, осетинский язык обнаруживает следы глубоких связей, прежде всего, со славянскими языками! Собственно, взглянув на современную географическую карту, удивляться этому не стоит: ближайшими соседями осетин являются как раз славяне-русские; но из этого следует очень важный вывод: то же самое было и раньше, в самый период формирования

осетинского языка... (только ранее это были, всё же, не славянизовавшиеся русские, а принесшие славянскую речь из Северо-Восточного Китая сарматские и аланские племена, – П.Д.)» (Юрий Петухов, Нина Васильева, «Великая Скифия», http://admw.ru/books/_N--I--Vasileva--YU--D--Petukhov-Velikaya-Skifiya-protorossiyskaya-imperiya-/13; <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva/chast1.htm>; <http://sventovid.narod.ru/ТХТЗН/SKIF/p02.htm>);

«Научная новизна работы заключается в том, что она дает основания говорить о длительных и интенсивных славяно-нахских связях с древнейших времен. Противоположная точка зрения, согласно которой контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода, нам кажется не убедительной. Исследуемый в нашей работе материал позволяет считать, что основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахских языков заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам, в частности, славянским. Влияние индоевропейской лексики на нахскую было, видимо, не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в процессе формирования словарного состава нахского языка... По геофизическим признакам к территории контактирования следует относить в основном гористую местность (Северный Кавказ, Крым, Карпаты, Балканы)... Некоторые славянские лексемы, традиционно относимые к заимствованиям из «скифского», вероятно, являются заимствованиями из нахских языков... Многие классические иранизмы, на которых основывается вывод об ираноязычности скифов, при ближайшем их рассмотрении таковыми не являются. Например, самое знаменитое в этом смысле иранское слово *danu – «вода, влага», распознаваемое в названиях рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай, представлено не только в индоиранских языках. Оно обнаруживается также в целом ряде других языков: русск. «дно, донья, бездонный, бездна» (не из *dbbno!), др.-греч. «Данай» – персонифицированный образ влаги, бог моря, водоемов и источников, семит. «dnpw» – «низ, низина, бездна моря, море», нахское *дан – влага > *дун > нах. «t1ун» (ср. турец. Тип 'Дон'), «t1уни» – влажный, «t1упуо» – влага и т.д. Гидроним Днепр, на наш взгляд, посредством древнечеченского (древненахского, – П.Д.) языка объясняется куда лучше, чем на материале древнеосетинского. Действительно, название Днепр В.И. Абаев (1949, 154) этимологизирует через староосетинское «дан + апар» – глубокая река, что справедливо критикует О.Н. Трубачёв как тавтологичное (буквально «река водная или вода водная»). По его мнению, «любая иранская этимология не в силах справиться с фонетическими препятствиями» (ЭССЯ, 5, 182). Тогда как на древнечеченском, на наш взгляд, объясняется не только греческая форма Данаприс (< др.-чеч. *дан+апар – водо+сброс, водо+пад), но и др.-русс. «Дъниепрь» (< др.-чеч. диал. *дан+иепар – то же), где [а] – едва различимый на слух краткий гласный, точно соответствующий древнерусскому редуцированному гласному [ъ]. Следовательно, название Днепра скорее обязано своим происхождением не сомнительной глубине, которую на взгляд не определишь, а главной, наиболее впечатляющей особенностью реки, – порогам. Лингвистика, топонимика и этнография свидетельствуют о том, что между Восточным Прикарпатьем, Днепровско-Днестровским бассейном и Северо-Западным Кавказом с давних пор существовали самые тесные и широкие связи (Кобычев, 1973, 93). О

широких связях карпато-дунайского мира с Северным Кавказом пишет В.И. Козенкова. По ее словам, между культурами двух этих регионов так много общего, что эту общность «вряд ли возможно удовлетворительно объяснить только регулярными контактами менового характера. Речь должна идти и о каких-то этнических включениях» (Козенкова, 1980, 34)... В лексико-грамматическом отношении в славяно-нахских изоглоссах (схождениях, – П.Д.) представлено 35 существительных, 18 прилагательных и 26 глаголов... Установлено значительное сходство фонетических систем... Несмотря на то, что глаголы в общетеоретическом плане – одна из наименее проницаемых областей лексики, в славянских и нахских языках нами выявлено около тридцати глагольных изоглосс. Среди них 8 глаголов звучания, 7 глаголов трудовой деятельности, 4 глагола с семантикой горения и 7 «разных» глаголов, главным образом обозначающих движение. Для сравнения можно указать на то, что среди 500 персидских заимствований в лезгинском языке нет ни одного глагола (Эфендиев, 1997)... Количество и качество изоглосс свидетельствует о длительных и интенсивных славяно-нахских связях с древнейших времен. Несостоятельна точка зрения, считающая, что контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода и что все контакты вайнахов с внешним миром происходили непременно через посредство тюрков или алано-осетин... Полученные результаты, безусловно, дают дополнительную аргументацию гипотезы Вацлава Поляка о славянокавказском языковом союзе. Серьезным аргументом в ее пользу является, на наш взгляд, не столько общее количество славяно-нахских словарных сходств, на целый порядок превосходящих рассмотренные В. Поляком сближения, сколько собственно глагольные изоглоссы, которые появляются обычно при смешении языков. Немаловажным обстоятельством в плане сказанного является также совпадение в исследуемых языках некоторых грамматических явлений, таких, как классные определители..., способ выражение глагольного действия..., чередование гласных корня... среди рассмотренной лексики раздела преобладают характеристики гористого ландшафта. Это означает, что зона взаимодействия славянских языков с нахскими, скорее, представляла горную или предгорную местность, чем равнинную. Из регионов, отвечающих таким геофизическим характеристикам, можно назвать Северный Кавказ, Крым, Карпаты и Балканы. Однако наиболее вероятной из всех отмеченных территорий в качестве области вероятного взаимодействия славянских и нахских языков, прежде всего, следует выделить по понятным причинам Северный Кавказ. Такой вывод, на наш взгляд, подкрепляется и отдельными славяно-дагестанскими изоглоссами, такими как: слав. *rosa – даг. *rosa – «роща, лес, дрова», слав. *шк (жир) – даг. *tuk – курдюк; слав. *сегер – даг. *k'arap II *k'егер – кость (Талибов, 1980)...» (Арби Вагапов, дис. «Нахско-славянские лексические изоглоссы»),

http://planetadisser.com/see/dis_222373.html; dl1.lib.ua-ru.net/files/dfd/256/060104043.doc).

Большое множество и грузино-древнеукраинских лексических соответствий (см: «Грузино-древнеукраинские совпадения», <http://ru-etymology.livejournal.com/1281988.html>) тоже указывает на длительное пребывание древних славян на Северном Кавказе. Не исключено, конечно же, и то, что древние славяне снабдили своим суперстратом не только пратохарский, пратюркский и континентальный праиппонский (пуёский) языки, но и язык

адыгов:

«В начале XX в. видный русский лингвист-кавказовед Л.Г. Лопатинский обратил внимание на ряд суффиксов русского языка, совпадающих с соответствующими суффиксами адыго-черкесских языков, например, «ко» в адыгском (и в японском, – П.Д.) «сын» и ряд других (ср. украинские фамилии типа Лысенко, дословно «сын лысого», Ткаченко – «сын ткача», Шевченко – «сын швеца» и т. п.; ср. также топообразования: Киевщина, Полтавщина и другие при адыгском «щы» – «место, округа, стоянка»). Подводя итог своему исследованию, Л.Г. Лопатинский писал: «По моему мнению, между черкесским и русским, и в особенности южнорусским (читай украинским, – В.К.) «ко» существует историческая связь» (Л.Г. Лопатинский, Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование. – В кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 31. Тифлис, 1902, стр. 47). Приведенные лексемы Л.Г. Лопатинский считал заимствованиями из кавказских языков, но, скорее, это проявление влияния древнего общеевропейского (скорее всего, праукраинского черкасского, – П.Д.) языка на кавказские, в данном случае адыгские, языки» (Вениамин Кобычев, «В поисках прародины славян», <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st008.shtml>).

От славяноязычных потомков утигуров и карахазар – черкас и достались «по наследству» адыгам (атыгам) их этнонимы «адыгэ» (иврит «ядуа», шорск. «аттыг», тат. «атаклы» – «знаменитый, славный»; и.-е. **ǵetus-*, **ǵetuso-*, нидерл. «oud» – «старый, престарелый»; кит. «gǔdai» – древность; кор. «godae» – древний; осет. «адаргæ» – старый) и «черкесы» (арм. «tser», «сег» – старый; чеш. «čirý» – «чистый, чистейший»):

«И Плиний (79 г.), и Птолемей (170 г.) упоминают сербов (и родственников им тарпетов = тервингов – червян; латгал. «tuorps», лтш. «tārps» – червь, – П.Д.) возле Меотиды и адыгов-зихов. Получается, что предки украинцев и серболужичан соседствовали 1800 лет тому назад на Азове и за время Великого переселения народов прошли оттуда долгий путь на запад к Сербии и Лужичине, сохранив языковые черты, общие с языком древних соседей – праукраинским» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка», <http://www.pravda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>; https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf).

10.4 Брахиокранные предки украинцев и других потомственных славян – горцы и жители предгорий

Славяноязычные горцы не сразу стали селиться в предоставляемых им городах на землях Руси. В те времена, когда их всех называли полянами и чёрными клобуками, они предпочитали жить за пределами княжеских вотчин и, прежде всего, там, где присутствовали горные ландшафты. Для этого то, как нельзя лучше, и подходили окрестности Роси и Тясмина:

«Видно Медведевку, Тясмин и побережье Днепра, видно купол Мотронинского монастыря над лесами. Местность – маленький Кавказ: горы, овраги, все покрыто лесом... Вся местность действительно напоминает Кавказ в уменьшенном размере. Горы, покрытые

леса, делают на горизонте замечательные узоры, перерезанные глубокими оврагами. На волнистых полях, куда ни глянь – высокие курганы-могилы. Видно, что здесь когда-то «бывали дела» – было кого и прятать» (Юрий Горлис-Горский, «Холодный Яр», https://www.e-reading.club/bookreader.php/1005025/Gorlis-Gorskiy_Yuriy_-_Holodniy_Yar.html)

«Наиболее близким к истине можно было считать основное положение – то, что «древности русов» являются остатками культуры славянских среднеднепровских племен третьей четверти I тыс. н.э. Это более убедительно, чем мысль А.А. Спицына, назвавшего их «древностями антов». Лишь предположительными являются попытки Б.А. Рыбакова охарактеризовать по археологическим данным отдельные племена и их взаимоотношения друг с другом. И уже совсем гипотетичной представляется мысль об особом славянском племени русь и его археологической атрибуции. Летопись нигде не говорит о таком племени, равнозначном полянам, древлянам, северянам, кривичам и др. ...Не было известно ни мест поселения, соответствующих древностям русов, ни могильников, которые дали бы массовый материал, позволяющий составить всестороннюю характеристику культуры. Лишь одно Пастырское городище на р. Сухой Ташлык. притоке Тясмина, раскопанное В.В. Хвойкой на рубеже XIX – XX вв., можно было связать с русами... В бассейне Тясмина, на берегах Днепра и Роси, а также в прилегающем к этой части Среднего Поднепровья поречье Южного Буга было обнаружено множество остатков поселений VI – VIII вв., расположенных в низких местах, нередко на незначительных всхолмлениях в пойме или речных островах. Раскопки показали, что поселения состояли из жилищ-полуземлянок с печами в одном из углов... Форма жилищ, характер могильников, глиняная посуда и другие находки – все это не оставляет никаких сомнений в том, что здесь жили славяне, непосредственные деды и прадеды населения Среднего Поднепровья периода Киевской Руси» (П.Н. Третьяков, «По следам обитателей древнейшей русской земли», в кн.: «У истоков древнерусской народности», МИА, 1970, <https://profilib.org/chtenie/18522/petr-tretyakov-u-istokov-drevnerusskoy-narodnosti-22.php>).

Возможно, что речка Рось и получила свое название из-за проживания в ее окрестности полян-русов. Конечно же, и земля Поросья называлась Оукраиной (находящейся за пределами княжеств Руси суверенной землей), а сами эти суверенные горцы – поляне и чёрные клобуки, вполне естественно, были украинцами, как позже и славяноязычные Кубанские и Пятигорские Черкасы (П.Ч.), опекавшие адыго-абхазские племена Черкесов и Кабардинцев:

«В середине X в. (потомки Гудов, – П.Д.) Гузы подчинили среднеазиатских печенегов и кимакское племя баяндур (очевидно, потомков балтоязычных баянь = вэньсу / вэньоуто = венендеров = венедов, – П.Д.), жившее на берегах Иртыша. На юго-востоке государство гузов граничило с областями Тараза, на реке Талас и Шаша (Ташкент), на юго-западе охватывало часть Усть-Урта, на севере включало бассейн Сары-су, Челкара и Иргиза, вплоть до предгорий Урала. Живший по границе тайги и степи материнский род – огуз, управлялся старейшинами: «Группа родов управлялась советом старейшин, причем председательство переходило от одного родового старейшины к другому по очереди. Только в далеких

походах твердая власть вручалась военному вождю, при выборе которого учитывались способности, а не только старшинство». Это государство находилось в постоянной войне с Хорезмом на юге, с кыпчаками на северо-востоке. В составе (родственных гудам / готам, – П.Д.) гузов были, наряду с потомками (прабалто-славяноязычных, – П.Д.) сарматов и алан, предки угров, осколок среднеазиатских печенегов и, заброшенные тюркютскими бегами на западную границу каганата племена баяут, баяндур (покорены в X в.), кайи – видимо, сянбгийского (древнемонгольского; очевидно, всё же тунгусского и славянского, – П.Д.) происхождения... Л. Гумилев считает что, гузы – наследники древних туранцев, сарматов, и аланов. Начальная фаза этногенеза сарматов такая же, как у хуннов – рубеж IV и III вв. до н.э. Ровесниками этих могучих этносов, как мы уже знаем, были согдийцы, которых китайцы называли юэги, парфяне (Аршакиды) и харазмии (потомки да-юэжи юецзи = хорасмии = хурусы / русы, – П.Д.) у которых начало городской цивилизации датируется IV – III вв. до н.э.» (Баян, «Родословная тюрков и русских», <http://kitap.net.ru/bayan/1.php>; <http://kitap.net.ru/bayan/1-18.php>);

«Итак, оставшиеся в степях после многочисленных погромов печенеги и гузы (торки) вошли в половецкую этническую общность. Однако часть из них, пытаясь сохранить (славянское, – П.Д.) этническое лицо, подкочевала к самым границам Руси – на р. Рось и пошла на службу к русским (киевским) князьям, образовав прекрасный военный заслон от половцев. Земли Поросья были отданы им под пастбища. Территория была небольшой, каждая орда имела собственный надел. Многочисленные могильники, раскопанные в Поросье в конце XIX – начале XX в. Н.Е. Бранденбургом, являются свидетельствами полного освоения этого участка степи кочевниками (точнее, вынужденными кочевать горцами, – П.Д.). Картографирование могильников с различной обрядностью позволило, как нам представляется, наметить участки, занятые ордами, принадлежавшими печенегам и торкам. Помимо них, в качестве вассалов Руси в летописях упоминаются берендеи. Род баяндур (берендеи в русском произношении; темно-краснокожие – медно-бронзовотельные беленджеры / *барангуры = варанги / варяги, этноним которых, возможно, происходит от перс. «birinj»), лит. «varinis» – медный или же тадж. «биринчй» – бронзовый, – П.Д.) известен и у кипчаков, и у гузов. Очевидно, баяндур (родственные боранам = *барангурам = беленджерам бронзоволикие потомки балтоязычных баянь = взньсу / взньоуто = вхндур / ванандур / венендеров = ούενέδοι / венедов, – П.Д.) входили в гузский союз, а после разгрома торков обособились от них и в большом количестве перешли на службу к русскому князю. Их было даже больше, чем торков (таркасов / черкасов, – П.Д.) и печенегов (баджанаков – предков паджо = чалдонов, – П.Д.) вместе взятых. Во всяком случае упоминаются они чаще, а значит политически были много активнее. К середине XII в. все эти вассальные орды объединились в единый союз Черных Клобуков» (Светлана Плетнева, «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей», <https://www.rulit.me/books/kochevniki-srednevekovya-read-155710-26.html>);

«Часть народа известного по русским летописям, как Касоги, Косаги, Касаги и Казягь; проживали у верховьев Кубани севернее Пяти Гор (Бештау), иначе говоря, на юго-восточной

окраине Земли Касак, указанной в персидской географии X в. Гудуд ал Алэм. Русские и Поляки понимали под именем П.Ч. (Пятигорские Черкасы, – П.Д.) не только Адыгейцев и Кабардинцев, но и Казаков, горцев казачьей речи. Австрийский посол в Москву С. Герберштейн писал о них в 1527 г.: «Русские утверждают, что это христиане, что они живут независимо по своим законам, а церковную службу выполняют по греческому обряду на славянском языке, которым они и пользуются главным образом в жизни». Несколько раньше Герберштейна, польский монах Матвей из Мехова указывает около Пятигор Черкасов «русских по языку». В.Н. Татищев в «Истории Российской» (т. I, глава 35) приводит утверждения других польских авторов XVI в.,: что храбрые люди Пятигоры имели тот же язык, что и русские: «Оттуду кимбри вышли, где ныне черкесы и петигоры обитают, и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един». Татищев писал тогда когда Кавказ еще не зависел от России. Из числа П.Ч. татарский баскак Ахмат в 1282 г. принял к себе на службу отряд Казаков, которые после построили город Черкасы на Днепре. Они там были и при Татарах, а после считались Запорожцами. Описание этого события изъято из рукописи перво-начальной Лаврентьевской летописи и в издании 1962 г. сообщается: «Здесь в летописи не достает нескольких листов». Но этот пробел остался в памяти благодаря старинным историкам Болтину и Татищеву, которые, вероятно, эти листы еще в своем распоряжении имели. В Ермолинской летописи, изданной в 1910 г. под годом 1445 сказано: «тое же весны царь Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди и приде к ним две тысячи Казаков». Здесь речь, несомненно, идет о стране Черкасской, потому что в ином случае по правилам древнего слога было бы: «послали в город в Черкасы». По свидетельству польских хроник в середине XVI в. армия В. княжества Литовского пополнилась Пятигорским гвардейским полком. Именно тогда Кавказская Черкасия была окончательно занята Турками; на Дон и Днепр в связи с этим должна была придти новая волна переселенцев, принесшая с собою и Черкасов-мореходов, известных историкам с древних времен. Во всяком случае, далекие морские походы Казаков на Крым и Турцию начались только во второй половине XVI в. Другие же П.Ч. ушли от Бештау глубже в горы, проживали между Кабардинцами и там назывались Казаровцами (Ригельман). Несколько позднее они были принуждены уйти и из гор на Терек и Нижнюю Волгу, где их указывает в 1702 г. карта де Лиля, как Гребенских Казаков. Из них же, по-видимому, состоял позднее Горский каз. полк (после Горско-Моздокский) и Кизляр-Гребенской каз. полк, оба Терского Войска» (А.И. Скрылов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Пятигорские Черкасы», http://mirslovarei.com/content_his/pjatigorskije-cherkasy-34779.html).

Как видим, предки горидов украинцев, как и других потомственных славян (ирл. «sliabh» – «гора, горный»), являлись горцами. Горцами и сейчас являются многие относящиеся к альпийской расе брахикранные потомки полиэтничных сарматов (арм. «sar», бенг. «parbata», кор. «san» и кит. «shānmài» – «гора, горы»; кор. «sanmaeg» - «горный хребет»; бенг. «sarbōssa» и хинди «sarvōssa» – высочайший) и алан (швед. «ås», маньчж. «alin» – «горный хребет»; англ. «arris» – «гребень, кромка, ребро»; греч. «ορεινός» – «гора, горный, гористый»; укр. «горній» – «находящийся над землей»; болг. «хора» - «люди / горцы»), как в Западной, так и в Восточной Европе:

«Те, кого античные авторы называли сарматами и аланами, реально были весьма разнородны в этническом отношении. На Северном Кавказе известны катакомбы и с брахикранными захоронениями (именно круглоголовость характерна для основной массы сарматских племен). Но более важно, что в этом регионе встречается два долихократных узколицых типа: с крупной черепной коробкой и средней шириной лица («каспийский») и средне – или длинноголовый узколицый («понтийский»). Первый тип был больше распространен в восточной части Северного Кавказа и связывается выдающимся антропологом М.М. Герасимовой с аланами (точнее, лишь с входившими в аланский союз племен тюркоязычными сако-массагетами – предками европейских саксов, саксонцев и других долихократных средневековых германцев, – П.Д.). Второй (преимущественно мезократный, – П.Д.) – на западе Центрального Предкавказья, и аналоги ему находятся в «меотских» могильниках. «Понтийский» тип считается «местным», принадлежащим еще ираноязычному («позднескифскому», по мнению М.П. Абрамовой) населению первых веков до н. э. В этой связи по-новому можно взглянуть на особую близость салтовских серий скифским и скифо-сарматским черняховского времени и «полей погребений». Крайне важно также, что понтийский (и, конечно же, и сарматский, – П.Д.) тип черепа распространен был и у салтовских русов, и у соседних с ними славян Среднего Поднепровья (в меньшей степени), и у причерноморских русов в Северо-Восточном Крыму VIII – X вв., которых упоминают византийцы (на самом же деле как салтовские аланы-торки = аланы-русы = ясы, так и причерноморские готы-тетракситы = готы-русы = касоги, являвшиеся потомками славяноязычных жунов и юэчжийцев и предками полян и черкасов, были преимущественно брахикранными горидами, а понтийский тип в регионах проживания русов был свойственен лишь меотскому и метисному скифо-сарматскому населению, – П.Д.)» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата // Катакомбные и ямные захоронения Северного Кавказа III – V в.», https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/110/Galkina_-_Taiiny_Russkogo_kaganata.html#n_366);

«Мне импонирует мнение А.О. Наглера и Л.А. Чипировой о том, что аланы представляли собой некую военизированную группу кочевников, не составлявшую этнического единства (Наглер А.О., Чипирова Л.А., 1985). Эту идею поддержал и развил М.Б. Щукин, а недавно к ней присоединился и А.В. Симоненко, внося свои уточнения (Щукин М.Б., 1992, с. 119-121; 1994. – С. 208, 209; Симоненко А.В., 2003, с. 55-57). Полагаю, что ранние аланы были небольшим, но мощным этнополитическим объединением, пришедшим из глубин Азии, выяснить точно, откуда, сейчас невозможно. Установив господство над частью прежнего населения, ранее входившего в состав аорсов, они составили верхушку нового кочевого объединения, со временем получившего имя алан. При этом они обладали своей собственной элитарной субкультурой, отличительными особенностями которой были перечисленные ранее новации в вещевом материале, и собственной идеологией, частично нашедшей выражение в новом погребальном обряде. Такая картина не является уникальной для древности и средневековья» (И.В. Сергацков, «Проблема становления среднесарматской культуры», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/I_Sergackov_Pr_Sr_sarmat_Kultur.pdf;

Однако же, как и в балтийском регионе, в пределах Подонья, Приазовья, Крыма и Среднего Приднепровья всё же постепенно сформировалась этническая общность преимущественно славяноязычных сармато-аланских племен и балто-славяноязычных готских племен:

«...не только керамический материал, но и формы и конструктивные особенности жилищ, устройство очагов, в особенности наличие открытых очагов, указывают на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с обитателями Подонья и Приазовья. Этот вывод существенно подкрепляется тесной близостью, а во многих случаях и полным единством типа погребальных сооружений и обряда захоронения в грунтовых могильниках степей Крыма и Приазовья, а также некоторых могильников Северного Кавказа. Некоторые особенности погребального обряда и инвентаря (прежде всего наиболее распространенный тип грунтовой могилы) – ямное погребение, западная ориентация погребенных, положенных на спину, наличие следов гробовищ, в ряде случаев смещение костей в кучу, бедность инвентаря, состоящего почти исключительно из горшка с пищей, – ограничивают общность населения Степного Крыма не со всей салтовской культурой, а лишь с ее так называемым зливкинским вариантом. На этот факт указывает и керамика поселений и могильников, имеющая наибольшую близость именно со степным, зливкинским, а не с лесостепным, салтовским вариантом салтовской культуры. Грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет также антропологический тип погребенных, почти исключительно брахикранный» (Д.Л. Талис, «Росы в Крыму» // СА, 1974, № 3, http://historylib.org/historybooks/Fomin_Varyago-Russkiy-vopros-v-istoriografii/27);

«Определенная близость керамики Пастырского городища с салтовской отмечалась многими специалистами. В литературе высказывалось мнение также об антропологической близости салтовцев и полян. Сам по себе этот факт значителен, прежде всего, потому, что салтовцы (о чем будет сказано ниже) во многих источниках назывались «русам», и это явно был один из видов «руси», упоминаемых восточными источниками. Но наблюдения эти вызвали сомнения и возражения: салтовцы ближе к аланскому населению Северного Кавказа. Тем не менее и культурные и этнические контакты между Приднепровьем и салтовцами были, видимо, довольно значительными. В этом плане представило бы определенный интерес уточнение: с какими именно группами салтовцев контактировало население Приднепровья? Дело в том, что к периферии салтовской культуры примыкала и область Приазовской Руси. Выделяя специфическую область «древностей русов», Б.А. Рыбаков подчеркивал их южные, причерноморские связи и не обходил западноевропейские аналоги. «Древности русов, – отмечал он, – это личные уборы воинов и их жен, живших на границе степи и связанных постоянными и прочными связями с боспорскими городами, с южными разноплеменными военными союзами, полем деятельности для которых были степные просторы Причерноморья, Северного Кавказа, долины Дуная, равнины Ломбардии, Средней Франции и Испании. Древности русов (хурусов = хоросан = когошко = хорутан =

грутуннов / гревтунгов, – П.Д.) по своему характеру очень близки к вещам предмеровингского стиля Западной Европы, что объясняется, разумеется, не готским или лангобардским происхождением приднепровских фибул и поясных наборов, а давно доказанным формированием этого стиля в Приднепровье...» (Аполлон Кузьмин, «Начало Руси: Тайны рождения русского народа», http://statehistory.ru/books/Apollon--Kuzmin_Nachalo-Rusi-Tayny-rozhdeniya-russkogo-naroda/13);

«И пшеворская, и зарубинецкая, и черняховская культуры действительно сходны по своей структуре: во всех большие могильники, «поля погребений», захоронения с разнообразным и многочисленным инвентарем, много фибул, обилие лощеной и лощено-хрупчатой керамики. Все эти культуры «фибульные», «мисочные», они и в самом деле составляют единый «культурный мир» (Щукин 1994: 15-26). Только Одер никак не является его западной границей. За ним находится ясторфская культура Германии, тоже относящаяся к этому «миру». И различия памятников пшеворской культуры с расположенными западнее даже менее заметны, чем с (кельто-иллирийскими / бастарнскими, – П.Д.) зарубинецкими и (славянскими германо-аланскими, – П.Д.) черняховскими. Исходя только из сходства культур, славян (славяноязычных античных германцев и аланов-торков, – П.Д.) пришлось бы «расселить» вплоть до Рейна и Южной Скандинавии» (М.Б. Щукин, «Рождение славян», http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php);

«Славянскую или «балтийскую керамику» находят в Сконе повсеместно и в огромных количествах, так что она с большим отрывом преобладает над прочими типами, в том числе и местными скандинавскими, которых, чем дальше на север, встречается всё больше. Как замечает В. Мартенс: «Балтийская керамика известна практически из всех археологически исследованных мест в Сконе: из городов, деревень и других мест находок всей «викингской эпохи» и раннего средневековья. В расположенных вдали от моря поселениях также встречается и более грубый тип керамики очень плохого качества – так называемая местная традиция керамики викингской эпохи». В ещё одном важном датском городе, Лунде, славянская керамика составляет более 90% находок в наиболее древних и до 70% в поздних слоях, а местная «викингская» не встречается и вовсе. Исследователи, однако, связывают её не с импортом из славянских земель, а предполагают изготовление её в Сконе по славянским образцам. Очевидно, что навыки изготовления качественной керамики славянского типа были занесены сюда славянскими поселенцами с юга Балтики, так как именно в Мекленбурге встречаются прототипы находимых в Сконе форм. В качестве такой славянской колонии в Сконе можно назвать островное поселение в Мёллехольмене, наряду соседним поселением Хёкён, являющимися пока что единственными, напрямую связываемыми со славянскими колониями в Сконе. В пользу этого свидетельствует не только само характерное для славян южной Балтики островное расположение поселения, но и сам спектр находок. Вся обнаруженная здесь керамика принадлежала к славянским типам: Випперов (41,9%), Тетеров (14,1%), Вардер (14,1%), Бобцин (15,9%), Менкендорф (11%), Гарц (2,6%) и Фрезендорф (0,4%). Непосредственный импорт археологи связывают лишь с

одним славянским сосудом из Мёллехольмена, отличавшимся отделкой и составом глины, для других же предполагается местное изготовление. Однако сосуды из Мёлленхольмена в то же время несколько отличаются формой краёв от прочих сконских имитаций славянской керамики и ближе к южнобалтийским прототипам, на основании чего принимается, что первые славянские поселенцы привезли с родины славянские сосуды, по примеру которых и стали изготавливать керамику уже в Сконе... Кроме «балтийской» керамики в Швеции нередки и находки керамики из Киевской Руси, по аналогам из северо-западных областей которых в Швеции со временем начали изготавливать дубликаты. Поздний рубеж датировки балтийско-славянской керамики обычно принимается концом 12 века, хотя в некоторых областях Мекленбурга и на острове Рюген её изготавливали ещё и в 13 веке. Находки керамики из Киевской Руси датируют периодом 1000 – 1300 гг.» (Андрей Пауль, «Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций», <http://pereformat.ru/2014/03/slavyanskij-sled-v-skandinavii/>);

«Мы сказали, что название Черных Болгар Русью встречается по преимуществу у арабских писателей X века. Но его можно встретить и у Византийцев. А именно в уставе императора Льва Философа (886 – 911 гг.) «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому», в списке этих церквей находим на 61-м месте церковь Русскую (Rwsia), рядом со следующей за ней церковью Аланскую; а далее, в числе архиепископий, подчиненных Константинопольскому патриарху, находим на 29-м месте Боспор и на 39-м – Метраху (ta Metraca), то есть Таматарху или Тмутракань, рядом с Готией, Сугдией и Фулой (Codini de officiis. Париж, изд. Т. I, стр. 379 и след.). О какой Русской митрополии тут упоминается? Едва ли под ней можно разуместь церковь, собственно Киевскую; скорее можно видеть здесь именно Черную Болгарию или Русь Азовско-Черноморскую. К этой-то Руси, вероятно, и относится известие Фотия о ее обращении в окружном послании 866 год» (Дмитрий Иловайский, «Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю // Русская церковь по уставу Льва Философа. – Сказание о хазарской миссии Кирилла и Мефодия и его исторические данные. – Достоверность известия о славянских книгах, найденных в Корсуни», <http://www.olderu.com/begin/33.htm>);

«...в Крыму, и в черняховских степных памятниках в сармато-аланских погребениях наблюдается исключительное разнообразие как погребальных обрядов (подбой, грунтовые ямы, катакомбы, склепы), так и краниологических серий. Среди последних выделяются две, характерные для сарматов и алан: узколиций брахикранный европеоидный (очевидно, славянский – поляне, северяне, черные болгары = ясы, – П.Д.) и узколиций долихокранный европеоидный (очевидно, финский и германский – скифы и сако-массагеты, – П.Д.), что соответствует данным античных авторов о разнообразии сармато-аланских племен. Интересно, что и те, и другие краниологические серии имеют аналогии на территории Русского каганата в Подонье. Палеоантропологический материал из Маяцкого могильника наиболее близок не северокавказским аланам V – VII вв., а ранней группе могильников Крыма (захоронениям долихократных потомков скифов, – П.Д.) и черняховской культуры (захоронениям долихократных потомков скифов и брахикратных балто-славяноязычных

готов и славяноязычных аланов, – П.Д.). Причем среди погребенных по катакомбному обряду встречаются как долихокраны (в большей степени), так и круглоголовое население без монголоидной примеси. Брахиокранные узколицы черепа (очевидно, потомков юэчжийцев хазарских славян, – П.Д.) находят в аланских могильниках Юго-Западного Крыма и на Северном Кавказе (плитовые могилы в Осетии X – XII вв.). Г.П. Зиневич отмечает также «значительное сходство, достигающее до идентичности... при сопоставлении салтовских долихокранных серий с черепами полей погребений Украины (I – IV вв. – Е.Г.), в частности, с территорией Нижнего и Среднего Поднепровья». До появления сарматов в степях и лесостепях Северного Причерноморья многие века господствовали (финноязычные, – П.Д.) скифы. Согласно античным источникам, как мы видели, роксоланы лишь территориально принадлежали к сарматам. По мнению известного антрополога XX столетия Г.Ф. Дебеца, мезо-долихокранный тип Верхнесалтовского могильника наиболее близок не к аланскому, известному по Северному Кавказу, и не к сарматскому, а к древнему скифскому» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата // Сарматы, аланы, роксоланы, тавроскифы», https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/105/Galkina_-_Tainny_Russkogo_kaganata.html, <https://history.wikireading.ru/276969>).

«В случае с чигиринской серией можно говорить о некоторой уплощенности лица на назомальном уровне и значительной ширине лица. Однако эти признаки не складываются в монголоидный комплекс. Не только вся серия в среднем выражении, но и оба основных компонента, составляющих серию, отличаются сильным выступанием носа, хорошо профилированным переносьем и невысоким лицом. Серия относится к брахиокранному широколицему европеоидному типу. Как уже говорилось, брахиокранный широколицый тип в предыдущие эпохи был характерен для многих народов, населявших степи Европы: сарматов, древних болгар, авар, венгров, основного населения Хазарского каганата. Этот тип, с некоторым уплощением лица на назомальном уровне, в антропологической литературе, как уже говорилось выше, иногда именуется позднесарматским зливкинским типом (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л. Т., 1987, с. 241)... Теоретически своей подосновой чигиринцы могут быть обязаны и существовавшему в Поросье союзу Черных Клобуков (носивших черные папахи, как и их потомки – украинские казаки, – П.Д.). Этот полукочевой союз был образован в XII веке печенегами, торками, берендеями, однако этим, очевидно, не исчерпывался его этнический состав (но, всё же, это были родственные друг другу потомки северокитайских славяноязычных жунов, ди и юэчжей, – П.Д.). Черные Клобуки несли вассальную службу в отношении киевских князей. Такую же службу несли и отряды «диких половцев», которые также могли повлиять на чигиринское население... Серии черепов, интерпретируемые как половцы и печенеги, имеются только для Поволжья. От чигиринской группы и от ее степного компонента их отличает большая уплощенность лица в горизонтальной плоскости и большая высота лица. В средневековом Поросье, возможно, было присутствие и других этнических групп. Так, например, на могильнике Яблунька археологами фиксируются связи с Северным Кавказом (Моця О.П., Покас П.М., 1998, с. 62). Авторы предполагают, что это связано с переселением ясов, плененных в 1029 году сыновьями Владимира Святославича (Никоновская летопись). Если ясы являлись

аланами в широком смысле этого этнонима, то антропологическим обликом население Чигирина может быть обязано и им. Важным в этом плане являются зафиксированные параллели в топонимике Черкащины и Кавказа (Коков Д. Н., 1966)» (Татьяна Рудич, «К вопросу об антропологическом составе населения Украины XVI – XVII вв.», <http://www.kazvolnoe.narod.ru/page357.html>);

«Приднепровский комплекс (или центрально-поднепровский, по Дяченко, 1965) распространен в среднем течении Днепра и по его притокам Десне, Суле, Пслу, Ворскле, Тетереву и Роси, а также по Сейму и в верховьях Северного Донца. Прослеживается он и в верхнем течении Южного Буга, Стири, Горыни, Случа и Збруча. Наиболее характерные представители его – украинцы. Этот комплекс складывается из таких признаков, как высокий рост, брахицефалия, сравнительно темный цвет волос и глаз, относительно широкое лицо, среднее развитие бороды, преимущественно прямая спинка носа. Сходная комбинация признаков известна под названием альпийской расы (Deniker, 1898). За пределами Восточной Европы эта комбинация отмечается на севере Балканского полуострова, в Венгрии, Швейцарии, на юге Германии и на Севере Италии (Сооп, 1935; Попов, 1959). Альпийская раса отличается широким распространением и большим разнообразием. В.В. Бунак предложил помимо собственно альпийской выделить восточноальпийскую, или карпатскую (Bunak, 1932. Neues Material...). Н.Н. Чебоксаров склоняется к мысли о выделении подгруппы (Витос, Марк, Чебоксаров, 1959) в составе атлантико-черноморской группы. Украинцы могут быть отнесены к этой подгруппе. Для русского населения такой тип не характерен (Татьяна Алексеева, «Антропологический облик русского народа» в кн.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук, «Русские», М.: Наука, 1997, с. 57, http://www.booksite.ru/ancient/reader/human_1_04.htm).

10.5 Горная этимология этнонима аланы

Именно во всех перечисленных здесь горных районах как раз и имеют место большие скопления брахикранных сарматских и аланских захоронений. Поэтому весьма вероятно и то, что большинство народностей, относимых к альпийской расе, являются потомками тёмно-краснокожих горцев сарматов и алан:

«...эвенк. ala- 1, alakīt, alan 3; эвен. alʹn- 1, alʹn 3; негидал. alan- 1, alaxīt 3; маньчж. alin 2; чжурчж. ali-in 2; нан. ala 3; удэг. ala 4, где: 1 – «переваливать гору», 2 – гора, 3 – «горный перевал», 4 – лощина, – «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», отв. ред. В.И. Цинциус, <http://www.altaica.ru/tms.htm>, <http://altaica.ru/LIBRARY/TMS/tms1.pdf>)

«Основание для такого утверждения видели в известном сообщении Аммиана Марцеллина об аланах: «Аланы, по-лучившие свое имя от гор, частыми победами мало-помалу покорили под свою власть соседние народы и дали им свое имя, подобно персам». И далее: «Некогда они приняли все одно имя и называются теперь аланами, потому что у всех их одинаковые нравы, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». Из этого сообщения Аммиана Марцеллина возникло мнение, что название аланы означает вообще горцев и в

частности, кавказских горцев. В связи с этим некоторые пытались объяснить происхождение самого термина «алан». Так, Сестренцевич-Богущ под именем «Алан» принимает Алтайский хребет. Нейман производит слово аланы из маньчжурского «alin» – «горный хребет». По утверждению Cahun Leon, на древнетюркском языке аланы означают горцев... А что аланы не утратили своих этнических черт, об этом свидетельствует сам же Аммиан Марцеллин, описывая их внешний вид (высокий рост, красоту, темно-русые волосы и т. д.) и тем самым как бы подчеркивая их этническую индивидуальность...» (З.И. Ванеев, «Средневековая Алания», Гл. 1. «Алано-Осская проблема и средневековая Алания», <http://osetins.com/2008/02/09/print:page,1,srednevekovaja-alanija.-glava-1.-alano.html>).

Да, и Мюлленхофф тоже пришел к выводу о том, что большинство племен, относимых к аланам, ранее проживали в предгорьях, в гористых местностях (товтрах), на полонинах и в горных долинах и, следовательно, являлись не степняками, а горцами:

«К. Мюлленхофф, труды которого заложили основу представлений о ираноязычности скифо-сакских и сармато-аланских племен, изучая этимологию слова «алан» пришел к выводу, что оно происходит от маньчжурского «alin» – горный хребет... В Нижнем Поволжье на основе этнического ядра савроматов складывается раннесарматская культура, представленная мощными племенными союзами аорсов и сираков, а в Южном Приуралье на основе исседонского этнического массива формируется прохоровская культура ранних алан... (...) прослеживается некоторая закономерность в распространении сходных явлений в материальной культуре от Монголии через Среднюю Азию в степи Восточной Европы. Причем хронологически эта культурологическая волна совпадает с продвижением с востока в Среднюю Азию юэчжей, а затем появлением аланов в Северном Причерноморье [Скрипкин, 1990, С. 200-207]... Палеоантропологические материалы из Тувы, Горного Алтая и Западной Монголии позволили с максимальной объективностью подтвердить этнологическую достоверность древних китайских исторических хроник в отношении европеоидного населения Центральной Азии – жунов, юэчжей, усуней и динлинов... К середине II в. до н. э. асо-юэчжийские военные клещи сомкнулись над Средней Азией: была подчинена область государства Кангюй (с которым, вероятно, был заключен военный союз), были завоеваны Согд, Бухара и Хорезм. В ходе этой глобальной военной операции сформировалась единая арийская идеология ираноязычных степняков (на самом деле иранизовавшихся степняков-угров, потомков балтоязычных усуней = асиан: язаматов, языгов и роксолан, а также и потомков славяноязычных горцев жун-ди и юэчжи: античных германцев, караболгар и карахазар, – П.Д.), гордо именовавших себя, вне зависимости от принадлежности к конкретному степному (или же к горному, – П.Д.), племени – «агуана». В скифском (сакском) лексическом море, которое окружало асов, это слово вскоре стало звучать как «alana» – «алан», что позволило аским полководцам сплотить разноплеменный, но пассионарный человеческий конгломерат в жесткий и прочный военно-этнический союз, который со славой продвигался через века и народы под грозным именем великих алан» (Николай Лысенко, автореф. дис. «Асы-Аланы в Центральной Азии: Центрально-азиатский аспект раннего этногенеза алан», <http://www.dissercat.com/content/asy-alany-v-tsentrалnoi-azii-tsentrалnoaziatskii-aspekt-rannego-etnogeneza-allan>).

Этноним аланы часто сближают с этнонимом албаны:

«В тех местах обитают аланы, или альбаны, которые на их собственном языке именуется визами (очевидно, входившие в аланский союз племён тюркоязычные блондины сако-массагеты; алб. «vezullim» – мерцать; нем. «weiß», турец., кр.-тат. «beyaz» – белый, – П.Д.), последние весьма жестокие амброны и рождаются с седыми волосами...» (Адам Бременский, «Деяния епископов Гамбургской церкви», кн. IV, http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br/frameadam_buch4.htm);

«Само имя аланы кавказские получили от европейских. Древние писатели нередко смешивали имя (темно-краснокожих, – П.Д.) алан с именем (бледнолицых, – П.Д.) албан (Моммсен, Римская История, V, 384). А. Марцеллин (XXIII, гл. I) свидетельствует, что в его время албанов и массагетов (финно- и тюркоязычных саксов и визов – предков визиготов = везеготов, – П.Д.) стали называть аланами, отчего и он весь Массагетский восток до Ганга населил аланами. Тот же Марцеллин объясняет, по каким причинам имя аланов распространилось и стало вместо этнографического географическим. Эти аланы, говорит он, своими победами, подобно персам, распространили это имя как благородное на всех соседей. На Кавказе это имя утвердилось по случаю нередких нападений на Закавказские страны, на Мидию и Армению. О таких набегах находим достаточные сведения у Приска, который говорит собственно об унах, но унны (гунны = жуны, – П.Д.) в его время были уже друзьями алан и продолжали их заветное дело. Эти набеги были до того обычны, что Дербентский проход Кавказа носил имя Сарматских ворот» (И.Е. Забелин, «История русской жизни с древнейших времен», ч.1: «Доисторическое время Руси», http://dugward.ru/library/zabelin/zabelin_istoriya_russkoy_jizni.html#g16).

Очевидно, частое сближение этих этнонимов связано не только с их созвучием, но и с преимущественным обитанием в гористых местностях, как аланов, так и агванов (кавказских албанов), называвшихся албанами (горцами) подобно и многим другим горцам:

«Сарматские племена, достигшие Кавказа в IV веке до н.э., и позднее держались исключительно в предгорьях и прилегающих степях. После гуннского вторжения большие группы аланов из степей низовьев Волги, пришедшие в этот регион, разделились на две части: одни осели в предгорьях и слились с сарматскими племенами, появившимися здесь раньше, но большинство углубилось дальше в горы. Они проникли в высокогорные области Центрального Кавказа и заселили области, которые до этого принадлежали народам кобанской культуры железного века» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», http://historylib.org/historybooks/Tadeush-Sulimirskiy_Sarmaty--Drevniy-narod-yuga-Rossii/56; <https://history.wikireading.ru/106502>);

«Н.Я. Марр предполагал, что слово «Албания» обозначает «страна гор». В подтверждение этого предположения указывают на то, что древнее кельтское название Шотландии было «Албания». Кроме того, ссылаются на то, что слово «Альпы» происходит от кельтского «alp, alb» – «гора», «высокий». По словам Аммиана Марцеллина, албаны

«получили свое имя от гор» (Фазил Дашлай, «Это загадочная Албания», <http://www.sarinfo.org/tribune/?i=10-10-11>).

Со славянскими же лексемами «пол» – берег, «планина» – гора и «полонина» – «плоскогорье, слабо всхолмленная горная поверхность», возможно, связаны, как индонез. «*palung*» – котловина, так и наименования некоторых древних государств: «Полона» в Ферганской долине, «Полуник» в Малой Азии (в Древней Армении) и «Полония» – Польша.

10.6 Изгнание из Северного Китая прабалто-славяноязычных европеоидов ди и других жунов

Как видим, не только сарматские, но и аланские горские племена были пришельцами из Северного Китая:

«Во второй половине V века до н.э. в степных районах Южного Урала появился новый расовый элемент – памиро-ферганский тип, присущий Центральной Азии, аналогичный «арменоидному» типу западных антропологов. За период с III века до н.э. до III века н.э. он, как свидетельствуют могильники, распространился от нижней Волги к югу, от Волгограда до Маныча. Позднее, к концу дохристианской эпохи, брахицефальный тип, свойственный лесным зонам Западной Сибири, и монголоидные черты распространились до низовьев Волги. Эти изменения и появление восточных расовых черт на западе, где они до этого не отмечались, отражает процесс перемещения сарматских племен... Прохоровская культура утратила «скифский» характер своих предшественников и приобрела западносибирские (Центральный Казахстан) и центральноазиатские черты, хотя и вобрала в себя многие элементы древней савроматской культуры... К концу IV века до н.э. под ее влиянием оказалась почти вся савроматская территория... Различают две основные группы прохоровской культуры, приблизительно соответствующие делению, существовавшему в савроматской культуре: саратовская группа на нижней Волге и более значимая оренбургская группа в степях Южного Урала и далее на юг. Формирование этих двух групп, очевидно, объясняется включением савроматских элементов, свойственных конкретной местности и в какой-то степени отличавшихся друг от друга. Две эти группы, а также смешанные челябинская и башкирская группы, очевидно, соответствуют различным сарматским народностям. Саратовскую группу отождествляют с роксоланами (троксоланами, возможно являвшихся предками балтоязычных именьковцев, гузов торков, спалов и др. балтов, славянизированных гревтунгами и аланами-торками, – П.Д.), а оренбургскую – с аорсами (балтоязычными верхними аорсами – янтсай = антами и др., – П.Д.)...» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», <https://history.wikireading.ru/106499>, http://historylib.org/historybooks/Tadeush-Sulimirskiy_Sarmaty--Drevniy-narod-yuga-Rossii/19);

«Несколькими веками раньше, в VII – VI веках до н.э., в самом бассейне Хуанхэ китайцы вели борьбу с европеоидными племенами ди (древнее произношение, по Карльгрену, Пулиблэнку и Яхонтову, «дьок» (d'iok), а еще раньше, возможно, «льок»)...» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов»,

http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf;
<http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-9-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>);

«В 1959 году в Известиях Всесоюзного Географического общества СССР (№ 1) Гумилев Л.Н. выпустил статью, в которой на основе данных палеоантропологии и истории провел ревизию гипотезы Грум-Гржимайло. Прочитываем отрывок из нее: «Дебец считает долихоцефальный южносибирский тип, т.е. динлинов, протоевропеоидным, «близким к кроманьонскому», а сходство его с «северным» объясняет конвергенцией. Действительно, тип этот уходит в глубокую древность, предшествуя по времени формированию арийского языкового единства (середина III тысячелетия). Вместе с этим он отмечает европеоидный брахикранный тип, смешанный с монголоидным узколицим типом, причем эта смесь попадает в Сибирь из Китая примерно в XVII в. до н.э. («карасукцы»). В это время китайская история констатирует выселение из Китая на север сторонников низвергнутой династии Ся. В 1764 г. до н.э. царевич Шун Вэй и его спутники поселились с кочевниками и приняли их образ жизни. Легенда подтверждается археологией, но они обе подтверждают гипотезу Грумм-Гржимайло. Очевидно, брахикранный европеоидный тип принесли из Китая ди. Другая разновидность ди – усунь – также короткоголова»... Народ ди соседствовал с китайцами на протяжении многих веков, он делился на множество различных племен. Как предполагал Гумилёв Л.Н., ди в греческих источниках назывался серы (сирматы, сарбаты / сарматы, сираки = зеруяне / червяне = тервинги = сербы, сяньби = сорбы / сербы и др., – П.Д.): «Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: сины и серы. Сины помещены южнее серов... Существенно другое: сины, несомненно, подлинные китайцы империи Цинь, и они не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем сины, и в другой связи: греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н.э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов (цянов) и серов... Впоследствии, когда установилась торговля шелком по Великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам [Лев Гумилёв, «История народа Хунну», <http://gumilevica.kulichki.net/HPH/hph01.htm>]» (Жаксылык Сабитов, «Арийский след среди тюркоязычных народов», http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:687);

«Четыре года грабили жуны (и в том числе и серы = ди[сцы], и сербы / сяньби, и *утии / юэчжи – славяноязычные предки сираков = зеруян = червян = тервингов = сербов, утигуров = ясов, кидаритов = *кодар / хазар и других сарматских, аланских и согдийских горских племен, – П.Д.) беззащитный Китай, пока Вэнь гун, князь удела Цзинь, добивался согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов (предков ванов германских саг и европейских гуннов, – П.Д.) и восстановление порядка. Только в 632г. он изгнал их из столицы и казнил изменника, узурпатора – князя удела Дай. Тогда же циньский Му-гун (659 – 621) уничтожил 12 владений жунов на западе и вернул Китаю земли Чжоу (др.-кит. «чжоу», кит. «yù / go» – «территория, край, регион»; лтш. «vaigs», франц. «joue», англ. «jaw, jowl», лат. «gena», итал. «guancia, gota», турец. «yanak» – «щека / боковая

поверхность»). Однако жуны не были разбиты, и борьба продолжалась до 569 г., когда они заключили мир с уделом Цзинь. В V в. перевес склонился на сторону китайцев. Чжао ван, князь удела Цзинь, завоевал царство икюйских жунов в Шэньси и восточном Ганьсу... Каким образом окончательная победа досталась китайцам, убедительно показано ими самими. Жуны занимали огромную территорию и делились на множество больших и малых племен. «Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться». До тех пор, пока в самом Китае царил феодальный раздробленность, жуны могли иметь частные успехи, но как только владения укрупнились и князья стали царями, централизованная сила победила храбрых жунов. Каменные замки оказались более надежными убежищами, чем горные ущелья» (Лев Гумилёв, «История народа хунну», <http://gumilevica.kulichki.net/HPH/hph03.htm>);

«Вынь Гун, князь удела Цзинь, прогнал Жун-ди, поселившихся в Хэ-си между рек Инь-шуй и Ло-шуй, под названиями Чи-ди и Бай-ди. Му-гун, князь удела Цинь, привлек к себе Ююй, и восемь владений западных даунов добровольно покорились Дому Цинь: по сей причине от Лун на запад находились поколения Гуньчжу, Гуань-жун, Ди-вань, от гор Ци и Лян, от рек Гин-шуй и Ци-шуй на север находились жуны поколений Икюй, Дали, Учжы и Сюйянь; от удела Цзинь на север находились жуны поколений Линьху и Лэуфань; от удела Янь на север находились поколения Дун-ху и Шань-жун. Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться» (Никита Бичурин [Иакинф], «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», Отделение I «Хунну», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_I/text11.htm).

Почти тысячелетие прабалто-славяноязычные горцы (дисцы и другие жуны) являлись, как постоянными поставщиками пассионариев в чжоуский (краянский; др.-кит. «чжоу», кит. «yu / go» – «край, территория, регион») Китай, так и буфером, защищающим жителей равнин Китая от тибетцев и северных степняков. Это обеспечило бурное развитие и многовековое процветание Поднебесной (Чжунчжоу / Юйчжоу – Срединного государства / территории) под скипетром недеспотичной диской династии Чжоу. Изгнание же прабалто-славяноязычных жунов сделало Китай абсолютно беззащитным, и им с тех пор правили непрерывно сменявшие друг друга деспотичные завоеватели (бывшие степняки циньцы, табгачи, сюнну / хунны, кидане, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). Навязанный же ими холопский образ жизни постепенно стал вполне комфортным для населения Китая (как позже и для населения России). Это-то и затормозило цивилизационное развитие китайского общества:

«Согласно теории Шан Яна, все люди одинаковы в своих низких стремлениях и даже ради малой выгоды способны на преступления. Поэтому для наведения в стране порядка необходимы строгие законы и суровые наказания даже за небольшие проступки, что именовалось «искоренением наказаний через наказания». Стройный и цельный план Шан Яна был нацелен, прежде всего, на централизацию управления, рост производства зерна и

увеличение военной мощи государства, провозглашенные «Единым». Все остальные занятия, отвлекающие народ от этого – развлечения, торговля, изучение наук, музыка и т.п. были объявлены «паразитами», способствующими ослаблению, а то и гибели государства и фактически подлежали преследованию. Характерно, что в некоторых списках, перечислявших «паразитов государства», в их число были включены даже почитание предков и человеколюбие. Под руководством Шан Яна государство Цинь превратилось в отлаженную машину, в которой были невозможны преступления и бунты, поскольку такие действия карались беспощадно и, как правило, очень жестоко – тогда в Цинь даже смерть приговоренного через обезглавливание считалась легким видом казни! Изготовление оружия в Цинь стало государственной монополией, нарушение которой каралось смертью. Все вооружение для разрастающейся циньской армии отныне производилось в многочисленных государственных мастерских по единому стандарту и клеймилось по месту изготовления. Для полноты государственного контроля как в армии, так и во всей стране была введена система коллективной ответственности, основанная на делении на пять и десять дворов в мирной жизни и на пятерки и десятки воинов в армии. Это заставляло всех циньцев следить за поведением своих соседей в мирной жизни и соратников в армейском подразделении, в котором они служили. (Этот закон Шан Яна оказал огромное влияние на историю Китая и система «пятерок» и «десяток» (шиу), связывающая взаимной ответственностью, породила в дальнейшем систему круговой поруки в деревне (баоцзячжиду), просуществовавшей в разных вариантах до XX в.) Даже за недонесение о нарушениях закона любой подданный Цинь подлежал смертной казни, тогда как за донесение о нарушении закона циньский подданный награждался рангом знатности как за совершение воинского подвига...» («Социально-экономические реформы в Средних царствах // Древний Китай: Реформы Шан Яна (IV в. до н.э.)», <https://helpiks.org/6-19765.html>; [https://ru.wikipedia.org/wiki/Цинь_\(царство\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Цинь_(царство))).

На то, что диская династия Чжоу была индоевропейского происхождения, указывают, как появление в Китае, именно, вместе с ней колесниц, так и лишь формальность централизованной системы отношений в эпоху её недеспотического правления. Эта система отношений была подобной тем, которые существовали в Древней Греции и в Древнем Киевском государстве. И, поэтому-то, она вполне естественно и должна была привести к распаду недеспотического государства, позволившему образовавшимся суверенным княжествам более стремительно развиваться в конкурентной борьбе друг с другом и позже снова объединиться на более высоком уровне своего развития:

«Началу периода Чуньцю предшествовали события, связанные с ослаблением власти чжоуского вана. Правитель Ю-ван был свергнут представителями чжоуской родовой знати, в том числе и при участии правителей нескольких владений, которые стремились к самостоятельности и полному суверенитету в своих землях. В события были вовлечены степняки-жуны. Новым ваном был назначен старший сын от отстранённой старшей жены (дочери главы жунского рода Шэнь) Пин-ван. Центр власти был перенесен на восток из долины реки Вэйхэ в долину реки Лохэ. Земли в долине Вэйхэ вошли в состав полу-жунского царства Цинь, которое с этого момента начало постепенно усиливаться.

Политическая роль вана Чжоу резко упала. Получив ограниченный удел, дом Чжоу по сути дела превратился в такое же удельное княжество, а ван стал «первым среди равных». Тем не менее, главенство вана сохранялось ещё длительное время, сначала реально, а потом всё более формально. Ваны стремительно теряли остатки реальной власти, их влияние в сакральной сфере таяло, но не так стремительно... Общественная система в Китае времён Чжоу состояла в том, что император (ван) утверждал и назначал удельных правителей (чжухоу), которые получали титул гуна и хоу. Во главе многих удельных владений были поставлены представители младших линий династии Чжоу, в частности, во главе княжеств Лу, Старшая (Малая) Вэй, У, Цай, Цао, Цзинь, Чжэн. Удельными правителями становились также правители отдельных царств, признававших гегемонию вана. Чжухоу обязаны были регулярно являться ко двору и приносить дары, за что получали от вана также богатые подарки. В случае слабости или неадекватности центрального правительства чжухоу переставали являться ко двору. Удельные правители постоянно враждовали друг с другом, завоёвывали соседние княжества, и нередко устраивали в своем владении систему, подобную дому Чжоу. В 403 г. до н.э. правители царств Чжао, Хань, Вэй провозгласили себя ванами, после чего формальная централизованная система отношений нарушилась, с ваном Чжоуского домена вообще перестали считаться... Среди удельных князей в это время стали выделяться гегемоны, которые потом формально утверждались ваном. Гегемоны нередко обладали большей властью и влиянием, чем чжоуский ван...» (Алекс Грин, «Древний Китай», http://samlib.ru/a/aleks_grin/drewnijkitaj-1.shtml; «Период Весны и Осени», <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/340663>);

«Ди принадлежали к числу автохтонов Китая. Они составили даже ядро того народа, который в 1122 г. до Р.Х. овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу (1122 – 225). Следует добавить, что инородцев яо-мяо китайцы считают потомками чжоуцев и что за таких же потомков выдают себя и инородцы вони (потомки ванов германских саг, – П.Д.)...» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Белокурая раса в Средней Азии», http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p31.php, <http://www.litmir.net/br/?b=128057&p=180>).

Очевидно, согдийская (юэчжийская) династия «Дом Чжаову» тоже вела свою родословную именно от диской сиятельной династии Чжоу:

«Мне кажется правильным мнение Томашека, что производство титула «чжаову» (согды / сугуды – сиятельные гуды / утии; общеиран. «suč-» – «сверкать, сиять, блестеть»; иероглиф «чжао» означает «ясно», «проявлять»; кит. «guang» – «зарезо, сияние» – П.Д.) от города того же имени в прежней стране юечжей, в Киляннине, есть «произвольная выдумка», потому что «Исторические записи» и «История Ханей» такого города не знают...» (Н.А. Аристов, «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии», Б.: Илим, 2001, <http://bizdin.kg/static/media/pdf/usuni-kyrgyzy-kara-kyrgyzy.pdf>);

«Дом Чжеу первоначально имел столицу в Бинь-чен у гор Ци-шань. Вынь-ван,

покорив удел Чун, перенес свой Двор из Бинь-чен в Фын – бывшую столицу удела Чун, и назвал сей город Цзун-чжеу. Ву-ван из Фын перенес столицу в Хао. Город Хао лежал в 18-ти ли от Си-ань-фу на северо-запад; Фын находился в 30-ти ли от у. г. Юй-хянь на восток. Хао лежал на восточном берегу реки Хао-шуй, а Фын на западном берегу реки Фын-шуй, и отстояли друг от друга на 25 ли. Хотя Двор имел пребывание в Хао; но как храм предков его находился в Фын, то вел. князь как для жертвоприношения, так и для других важных случаев в том храме, всегда ходил в Фын. Фын-чжеу, название окружного города, находившегося в Ордосе в пределах Заднего Знамени на правом крыле. Основан был в 585 году. От г. Фын-чжеу считалось до Шен-чжеу 530, на юго-запад до Лин-чжеу 900, на юго-восток до Хя-чжеу 750, на северо-запад до г. Хэ-си 80 ли» (Никита Бичурин [Иакинф], «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»,

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_IV/text2.htm);

«Таримские мумии являются непостижимой загадкой древнего мира и одними из наиболее важных археологических находок XX в. Эти на удивление хорошо сохранившиеся человеческие останки были обнаружены в засушливых соляных песках пустыни Такла-Макан, которая является частью Таримского бассейна в Западном Китае. Обнаруженные в тех далеких краях тела датировались большим промежутком времени: 1800 г. до н.э. – 400 г. н. э. Однако больше всего ученых поразило то, что мумии имели черты европеоидной расы. По-видимому, в Западном Китае жили племена, которые таинственным образом исчезли 2000 лет назад... Известно, что на этой территории жили юэчжи (потомки жунов-сарматов и предки согдийцев и славян, – П.Д.), о которых в 645 г. до н.э. упоминает китайский автор Гуань Чжун. Юэчжи поставляли китайцам нефрит, который они добывали в расположенных неподалеку горах Ючжи (провинция Ганьсу). После разрушительных набегов кочевых племен гуннов большая часть юэчжи перебралась в Трансоксиану (часть Средней Азии, охватывающая земли современного Узбекистана и юго-западного Казахстана), а позднее на север Индии, где создали Кушанскую империю. Портреты царей юэчжи на монетах натолкнули некоторых исследователей на мысль о том, что это могли быть люди европеоидного типа» (Б. Хотон, «Загадка таримских мумий», http://paranormal-news.ru/news/zagadka_tarimskikh_mumij/2014-06-23-9255). [к осн. тексту]

II.11. Историческая миссия сарматов и алан

Славяноязычные сарматские племена, контактировавшие с Боспорским царством, переняли от него многие достижения эллинистического мира:

«Тесные отношения с Боспорским царством привели к тому, что сираки (зеруяне / червяне = тервинги = сербы = славяне, – П.Д.) стали самым эллинизированным сарматским народом и одновременно с этим активно способствовали сарматизации Боспорского царства. Действительно, могилы сиракской знати почти ничем не отличаются от погребений боспорской аристократии. Какая-то часть сиракского общества состояла из полукочевников, перемещавшихся с места на место в шатрах и повозках, а другую часть составляли оседлые земледельцы. В долине Кубани было найдено множество их постоянных поселений – как

правило, это были расположенные на возвышенности крепости с глинобитными домиками внутри ограды. Их жители занимались как пахотным земледелием – выращивали пшеницу, овес и просо, – так и скотоводством. Они держали коров, лошадей, овец и свиней, также важную роль в их экономике играла рыбная ловля. Эти поселения были центрами ремесленных промыслов, которые находились под сильным влиянием боспорских мастеров. В обществе существовало четкое сословное разделение, обуславливавшее степень богатства и привилегированности... ..в 107 году до н.э. «рокасы», сарматское племя, предположительно те же роксоланы (троксоланы – возможные предки спалов, борусков, галиндов, голяди и торков, – П.Д.) были среди тех, кто помог Митридату завоевать Боспорское царство. Эта перемена в позиции роксоланов, вероятно, стала следствием поражения, которое нанес им Диофант, после чего они вынуждены были отправлять своих воинов на службу понтийскому царю... В 49 году н.э. Евнон, царь аорсов, живших между Волгой и Доном, был союзником римлян и нового правителя Боспора – Котиса... Несмотря на постепенную сарматизацию, Боспорское царство в период своего возрождения оказывало существенное влияние на соседние сарматские племена и на их культуру» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/T_Sulimitskij_Sarmaty.pdf; http://historylib.org/historybooks/Tadeush-Sulimirskiy_Sarmaty--Drevniy-narod-yuga-Rossii/40; <https://history.wikireading.ru/106501>);

«Историческая миссия роксолан, достойно исполненная этим сарматским народом и в Северном Причерноморье, и у границ римского лимеса на Дунае, заслуживает совершенно иной – гораздо более высокой оценки. В Северном Причерноморье роксоланы стали долговременным, более чем трехсотлетним геополитическим фактором [Максименко. 1998. С. 174, 181]. Культурологическое значение роксоланского племенного союза для степной полосы древней Европы поистине огромно. На основе местной северопонтийской роксоланской культуры при участии новых аланских мигрантов с востока во второй половине II в. н.э. сформировался своеобразный западный вариант позднесарматской культуры [Симоненко. 2000 б. С. 197]. Исторически осязаем и вклад этого народа в этногенетический базис восточных славян (преимущественно украинцев, – П.Д.) [Бзаев. 1995. С. 39-94]» (Николай Лысенко, автореф. дис. «Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э. – II в. н.э.», <http://dis.podelise.ru/text/index-33244.html?page=8>);

«Часть сарматов на Северном Кавказе и Нижнем Дону перешла к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству. Аристократия сираков и аорсов сохраняла кочевой образ жизни, а рядовое население частью жило оседло и занималось земледелием. Близость кочевников к причерноморским и северокавказским городам, подчинение ими оседлых племен тоже способствовали переходу к полукочевому образу жизни, оседанию беднейших степняков на землю. Сарматы осваивали лесостепные области Восточной Европы, предгорную и горную зону Кавказа... Археологами открыты сарматские поселения первых веков новой эры. Раскопаны дома с очагами, найдены ямы-зернохранилища, печи для обжига керамики, железные серпы, детали ткацких станков. Среди оседлых сарматов были

известны кожевники, плотники, медники, кораблестроители и другие ремесленники. Сильное влияние сарматов на Боспорское царство и греческие города Причерноморья часто называют сарматизацией. В ее основе – широкие культурные контакты и поселение сарматов в греческих колониях. В городе Томы, куда был сослан римский поэт Овидий, на рубеже новой эры латынь и греческий уступали место сарматскому (древнеславянскому, – П.Д.) языку... В начале новой эры аорсы, вытесняя роксоланов, освоили междуречье Дона и Днепра и дошли на западе до дельты Дуная. По-видимому, именно аорсы первыми в скифском мире сумели объединить под своей властью огромную территорию от Северного Причерноморья на западе до Аральского моря на востоке, от Поволжья и Южного Приуралья на севере до Кавказа на юге. Экономической основой такого объединения была, несомненно, заинтересованность скифо-сарматских правителей в развитии международной торговли и необходимость контролировать широкую сеть караванных дорог» (М.М. Блиев, Р.С. Бзаров, «История Осетии» // «Сарматские союзы», <http://mozdok.ucoz.ru/index/0-16>; http://www.zaporogom.info/LinjiaPoroga/ZaPorogomSemejnogo/ProisxozhdenieRusichejj/Alanski_jjPeriod; http://iratta.com/materials/sarmaty/55-sarmatskie_sojuzy.html);

«Справедливости ради необходимо отметить, что ряд античных авторов, опиравшихся не на легенды, а посетивших лично места, обжитые аланами еще до гуннского нашествия, отмечали, что они знали не только скотоводство, но имели различные виды пахотных орудий с железными наконечниками и мололи зерно жерновой мельницей с силовой тягой. Знаменитая «мягкая» пшеница, известная еще скифам, возделывалась и сармато-аланами. Она вывозилась даже в Рим, так как хорошо переносила транспортировку. Римский наместник Мезии Тит Плаутий Скльван вывез оттуда большое количество такой пшеницы (Corpus Inscriptionum, XIV, 3608). Приск Панийский, посетивший алан в Венгрии в V веке, отмечал, что «варвары», которых он отличал от «уннов» (т.е. гуннов), переправляли на лодках-однодеревках их гостей; на небольших реках у этих варваров» имелись паромы. Только у них можно было достать просо, ячмень и бобовые, мед, куриное мясо и, по-видимому, «кумал» – квас. Епископ Кирский Феодорит (середине V века н.э.) пишет, что у «савроматов» (так он называл алан) существовали такие ремесленные специальности, как кожевники, медники, плотники и даже кораблестроители («Речь о вере I», MLXXXIII, ВДИ, 1948, 3, с.299). По словам Л.Н. Гумилева, «территория аланов (III – IV вв.н.э.) включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье (заселенное славяноязычными предками тёмно-краснокожих аланов-торков и утигуров = ясов, – П.Д.). Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была продолжением скифской...» («Хунны в Азии и Европе», ВИ, 1989, № 7)...» (А.В. Исаенко, В.Д. Кучиев, «Некоторые проблемы древней истории осетин», <http://iratta.com/stati/2715-nekotorye-problemy-drevnej-istorii-osetin22.html>). [к осн. тексту]

II.12. 12.1 Все потомственные индоевропейцы испокон веков – «украинцы»

Сами же темно-краснокожие индоевропейцы (краяны-арии) и многие другие народы связывали свои этнонимы, конечно же, не с цветом своей кожи и не со своим обитанием

преимущественно в гористых местностях, а со своим стремлением к проживанию на удаленных от авторитарных режимов землях (англ. «area, region», серб. «крайна» – «ареал, регион, рейх, район, [оук]райна, край») а, следовательно, и к суверенитету, а при возможности и к верховенству над другими землями. Поэтому-то в этнонимах многих из них, а также и в названиях их земель и присутствует основа «край», соответствующая возвышенному положению в мировоззрении горских народов и в том числе и индоевропейцев (украинцев = ариев; сарматск. «арии» – «крайние, внешние», – Татищев):

«Этимологию «паштун» дал Моргенштерне (Акта Ориенталия 18, 1940, 138-144), возводивший ее к древнеиранскому *parsavaa-, *pars(u)waana-, что значит «крайний» (гуджар. «pārśva», каннада «pārśvavu», телугу «ōra», «pārśvaṁ» – фланг; лат. «pars», англ. «part» – «часть, доля», лит. «pusiū» – стороны, – П.Д.). Таким же образом этимологизируется и Персия *paarswa- («Parsuash» ассирийцев) закономерно в «paarsa» в древнеперсидском, и Парфия (кит. «Аньси», – П.Д.), *paarthawaa (в юго-западной форме, уже в Бехистунской надписи), которая закономерно развивается в «pa(a)hloo», в среднеиранском парфянском. Эти «крайние» этнонимы и топонимы не должны смущать, если обратить внимание на славянские «Украина» и «Сербская Крайна»...» (комментарий к очерку «Пуштуны», <http://forum-eurasica.ru/index.php?/topic/762-пуштуны-и-афганистан/>).

Украиной (Канааном / Ханааном, Кангхой / Кангюем) – Гандхарой (кит. «jìntóu», санскр. «ánta / antas», англ. «end», дат. «ende», швед. «ända» – «конец, край», нем. «Kante» – «край, угол, грань»; англ. «hand» – «сторона, рука»; санскр. «janha», др.-исланд. «ganga» – «конечность, нога», дат. «hånd», нем. «Hand» – рука = конечность, – П.Д.) и Уддияной / *Гуддияной (санскр. «uttaman» – «высочайше, внешне, крайне», гуджар. «ēja», телугу «eḍḍi» – край; гуджар. «chēḍḍo» – конец; укр. «готар» – «межа, граница», «кут» – угол; др.-киев. «оудь» – «мужской член» = конечность; польск. «ud» – «бедро, ляшка» = конечность, – П.Д.) назывались земли паштунов / пуштунов и других афганцев и северо-западных индийцев также и в древности.

Да и не только Ханаан, но и общепринятое название Египта «Миср» (Мицри) тоже, ведь, – ни что иное, как украинные земли, то есть земли, находящиеся у края Палестины. Аккадское слово «misru» означает «граница», «край, страна, граничная территория» и, очевидно, происходит от праиндоевроп. основы (лат. «medius» – средний; ст.-слав. «межда», словен. «méja», словц. «medza», польск. «miedza», чеш. «mez/meze», в.-луж. «mjeza», н.-луж. «mjaza» – «межа, граница»; укр. «між» – между). Возможно, это название Египта является лишь калькой с касситского его названия и прижилось оно, очевидно, лишь после завоевания Египта потомками касситов гиксосами / heку хасут (хинди «kṣētra» – «край, район, зона, уголок»). Или же вообще оно строго соответствует этнониму входивших в касситский союз племен тёмно-краснокожих мадаев (червян), потомками которых являлись не только мисы (мёзы; лат. «moesi», греч. «μοῖοί»; мезийцы / мизийцы), мушки (фригийцы), матиены, митанийцы, мидийцы (мадаи), но и синайские мадианитяне (нем. «Made» – червь).

Как угличам (уличам), узам («узг», вятск. «узог» – «угол, край», – Фасмер), гагаузам, кутригурам и кутиям (укр. «кут» – угол), так и кангюйцам, канглам (печенегам), оногурам, англам (каннада «aṅśina», телугу «aṅśuku», ст.-англ. «angle» – «край, угол») и их потомкам

англичанам соответствуют слова «край» и «угол».

Курдскому «*mez*» – «граница, рубеж, страна» и английскому «*margin*» – «крайний» соответствуют слова: курд. «марзпанство» и нем. «марка», обозначающие отдельные земли и даже государства (дат. «*Danmark*» – Дания; нем. «*Ostmark*» – название Австрии в конце 30-х и в первой половине 40-х гг. прошлого столетия), а также и указывающее на возможные азийские прародины протогерманцев: Маргиана (др.-перс. Маргуш), Балх (Балхара = Бактрия), Паркана (Фергана), Виркания (Гиркания) и Гурган (Горган, Ургенч). Отсюда же: «маргинал» – человек крайних (чрезмерно завышенных) взглядов; хетт. «*parku-*» – высокий; нем. «*bergbewohner*» – горец, образованное от «*berg*» – гора и восходящее к и.-е. **b^herǵ^h* – «верх, высокий»; средневековое европейское государство Бургундия; англ. мерсийцы, итальянские горцы марсы и, как германские племена марсаки, маркоманы и бургунды, так и болгары уругунды.

Да и сам то этноним «булгары» (париканы = боркании = баргалы), как и этноним «балкарцы» (малгар / малкар / балкар), ведь тоже происходит от и.-е. **b^herǵ^h* а, значит, может интерпретироваться и как верховинцы (горцы; нем., нидерл. «*berg*», ирл. «*barr*» – гора [вершина]), так и «украинные» или же «пограничные» народы (польск. «*brzeg*» и укр. «берег» – край; англ. «*margin*», коми-зырян. «молгон» – «крайний, конечный»):

«Вопрос о взаимоотношениях Хорезма (как и других областей Средней Азии) с древневосточными монархиями доахеменидского времени остается совершенно темным, если не считать того, что Ктесий (Диодор II) в числе якобы подчиненных Нину Ассирийскому народов упоминает «хорамнийцев» ***, у Ст. Византийского *** [после гирканцев, дрангов, дербиков и карманийцев и перед борканиями (париканы) и парфянами], в которых мы весьма вероятно можем видеть искаженное имя хорезмийцев...» (С.П. Толстов, «Древний Хорезм», Гл. I. «Стена в пустыне», <http://kungrad.com/history/khorezm/oldkhorezm/1/>);

«Отмечая, что «историческая судьба «турбаслинцев» остается загадкой», В.А. Иванов ссылается на высказанное Г.Н. Гарустовичем «предположение о том, что «турбаслинцы» были вытеснены уграми-«кушнаренковцами» в горы Южного Урала, где они и стали этническим ядром башкир-бурзян, в этнографической культуре которых отчетливо прослеживаются индоиранские (или же скорее всего балто-славянские, – П.Д.) компоненты. Основанием для подобного предположения явились отдельные находки сосудов турбаслинского типа в некоторых пещерах современного Бурзянского района Республики Башкортостан... Такому предположению не противоречит мнение о происхождении бурзян от приазовских болгар, именуемых бурджанами. Р.Г. Кузеев считал, что бурзяне – болгарское по происхождению племя. При этом «бурджаны и болгары были разными, хотя и родственными этническими образованиями». Бурджаны еще оставались на Сырдарье, в то время как болгары ушли из Азии в Европу. Можно предположить, что бурджанами называлась какая-то часть болгар, оторвавшаяся от их основного массива, либо отставшая, либо, наоборот, опередившая их на пути движения в Европу» (Игорь Антонов, «Р.Г. Кузеев о проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе», <http://vatandash.ru/index.php?article=2200>);

«С этой древнейшей эпохой связано наименование болгар, древнейшим письменным упоминанием которых является сообщение сирийского ученого Маар-Аббаса Котины о том, что 149 – 127 гг. до н.э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар». Его первичная форма сохранилась в этнониме балкар (его собственно тюркский вариант – башкир), а также названии лакского селения Балхар (Балкъар) и имеет показательное в рассматриваемом смысле значение «горец» (ср. общее самоназвание карачаевцев и балкарцев – таулу). Оно представлено также в наименовании народа булканцев из уже упоминавшегося древнего кумыкского героического эпоса «Анжи-наме», посвященном осаде арабами в 714/715 г. средневекового кумыкского города Анжи (нынешнего пригорода Махачкалы), а также Балканских гор (!), проходящих через Болгарию» (Гарун-Рашид Гусейнов, «О древнейших этногенетических взаимосвязях кумыков и карачаево-балкарцев», http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_451.pdf; <http://kumukia.ru/author?q=1394>; <http://kumukia.ru/?id=1394>; http://www.turkist.org/2012/04/blog-post_15.html);

«Морфема «bar» встречается и в числе племен, составлявших болгарский союз (burdjan, barsil, burgan). Надо отметить, что в языкознании давно замечена закономерность постепенной замены фонемы г на l. Отметим, также, что в данном этнониме встречается взаиморотация фонем b – m (на Кавказе у карачаевцев встречается форма «molkar»). Таким образом, для этимологии этнонима «булгар» необходимо исходить из наиболее архаичной формы – barkar (и, возможно, markar). Кроме того, исследователи должны быть готовы ко встрече в источниках лишь с одной этноопределяющей основой bar (mar) в качестве этнонима. Возможен поиск следов древних болгар в культурах, которые представляют племена со следующими именами: баргар, бургун(д), боргут, паргир, пагир... достойна внимания этимология одного из монгольских племен bargut – «окраинные» (Рустам Набиев, «Булгар и Северная Европа», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/718269-4-istoricheskaya-sensaciya-bulgar-severnaya-evropa-drevnie-svyazi-bulgar-and-north-europe-bbk-633-2-ros-tat-udk.php>; <http://www.islamrt.ru/book/bulgar.pdf>; <http://www.new.pdfm.ru/35istoriya/69822-2-bulgar-severnaya-evropa-drevnie-svyazi-bulgar-and-north-europe-bbk-633-2-ros-tat-u.php>).

Обитающими у края чьей-либо земли (в пограничьи), очевидно, были и горцы асы = ясы (швед. «ås» – горный хребет), и языги (праслав. *jěзь считают родственным др.-япон. «aze» – валик [на поле], межа, а также лит. «ežė» (ežià), диал. «ažià» – «межа, край, граница, грядка, мелководье в заливе у берега»; лтш. «eža» – «грядка, межа», др.-прусск. «asy» – межа, арм. «ezg» – «берег, граница», которые рассматриваются как расширения и.-е. корневого имени *ēǵh-, *eǵh-, – Фасмер; япон. «yasei» – «дикий» может рассматриваться и в смысле – «непокоренный, независимый, вольный»; ср. лит. «dỹkas» – «вольный, незанятый, праздный») и балты галаты, галинды, голядь (ассоц. с лит. «galas», лтш. «gals» – конец):

«Считается, что славянское население появилось в бассейне Оки, особенно в ее верховьях, в VIII–IX вв. [Никольская 1981: 12; Седов 1982: 148], встретив здесь племена балтийской принадлежности, возможно, голядь (др.-прусск.), каковое название характеризовало местных балтов тоже как «украинных, окраинных» (лит. «galindai» –

галинды: «galas» – конец)» (Олег Трубачёв, «Из истории лингвистической географии восточнославянского освоения», <http://podelise.ru:81/docs/index-25367583-1.html>).

На Дальнем Востоке «обитающими у края» какого-либо государства и, следовательно, независимыми от него «украинцами» прозывались не только баргуты, но также и меркиты, и пархэ (кит. бохайцы) и чжурчжэни (*гургены / *горганы):

«Этимологические исследования Э.В. Шавкунова показали, что слово «чжурчжэнь» в значении «непокоренный народ», своим происхождением связано с киданями: так они называли не покорившиеся мохэские племена, в том числе хэйшуй мохэ, а также оказавших сопротивление бохайцев. Процесс превращения иноземного прозвища в этноним, начавшись в первой половине X в., окончательно закончился только через 100 лет, в течение которых в письменных источниках фигурировали как бохайцы и хэйшуй мохэ, так и чжурчжэни, иногда применительно к одним и тем же людям (например, в «Корёса»)» (Сергей Нестеров, автореф. дис. «Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья», <http://www.dissercat.com/content/etnokulturnaya-istoriya-narodov-priamurya-v-epokhu-rannego-srednevekovyia>).

Аналогично «украинным» являлось и южнокитайское государство У:

«Японское прочтение иероглифа «У» – курэ, по мнению ученых, происходит от глагола «курэру» – «кончаться», и термин «курэ» должен был означать «страна, где кончается земля / на краю земли» (кит. «У»; япон. «Го / Курэ»; япон. «курэру» – 1) кончаться...; япон. «курэ» – 1) сумерки; 2) конец года; конец сезона. – ЯРУСИ. С. 298; см.: Мори К. Нихон-синси. С. 320)» (Дмитрий Суровень, «Развитие Японии в конце IV – начале V вв.», <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4833/2/uv-2005-03.pdf> ; «О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Ёдзина)», http://e-notabene.ru/hr/article_16206.html).

Являющееся синонимом «курэ» япон. «уūgure» (сумерки) хорошо соответствует находящейся на российском «Крайнем Севере» Югре (вогулам – манси) и находящимся на китайском «Крайнем Западе» югурам (уйгурам). «Украинцами» назывались не только дальневосточные мохэ (мукри / бакрины / вакараи), но и предки, как иракских племен мукри и венгров – мадьяр (mogog = maгуар), так и северокавказских дигорцев (тугуры / бугуры – маджары) и входящих в племя аргын Среднего Жуза казахских маджар (эвенк. «мудагу» – «последний, крайний»; «мудан» – «конец, предел, край»). Возможно, «украинцами» можно рассматривать не только дальневосточных маньчжуров и монголов, но и иракских мангуров и афганских моголов (мухгалов / мугулов). Украинское слово «морок» – мрак, как и русское слово «сумерки» (индонез. «sabung» – «тусклый, неясный») ведь тоже является однокоренным с англ. словом «margin» – «крайний» и, следовательно, родственно и укр. «берег» – край.

Как микенскому «ka-na-to», хинди «kināgē», тадж. «канор», нидерл. «kant», др.-тюрк. «кан / ган», азерб. «kānar», турец. «kenar» – край, так и хинди «kinārā», ирл. «seann», дат. «kant», нем. «kante» – «кант, кайма, край» (кит. «guān», кор. «gwan» – венец; кит. «wàng» – процветающая; кит. «kē», лит. «gūžta», польск. «gniazdo», праслав. *kъnędzo – гнездо [место

сидения конунга / князя – княжество]; лат. «gentem», англ. «country», япон. «kuni / gun», кит. «guó / го», греч. «γῆα / гео» – страна; греч. «κῆνος» – «угол глазной щели»; др.-греч. «γωνία», хинди «कṛṇṇa» – угол; польск. «końca, koniec» – конец; санскр. «anta» – «конец, граница»; др.-в.-нем. «Hansa» – «группа, союз, товарищество, компания»; др.-герм. *kunja – «род, знатное происхождение»; дат. «kong», норв. «konge» – король) соответствует слово «кантон», обозначающее отдельные земли в Швейцарии, Франции, Люксембурге, Башкирии и Татарстане, а также графство Кент (лат. Cantium; земля кантиев) в Великобритании, Ганновер / *Канг-овер (страна аваров?) в Германии / Аскеназе (стране асов?), древнекитайские регионы Ганьсу и Вэньсу, древнее восточное государство Канг / Кангюй = Гунния / *Γωνία (Угол), города Канев и Конотоп в Украине, «Canza / Scanzia / Scansa» – Канси / Скандинавия и её полуостров Skåne / Сконе.

Каннада «alagu» и венгерскому «éle» – край соответствует тюркское слово «эль», означающее земля тюркского народа. К тому же не только англ. «margin», но и хетт. «erha-», лат. «oge», англ. «area», лтш. «âga», эст. «ääg» и монг. «ир» – край (и.-е. *e/orH- – «граница, край»; хетт. «arha-», греч. «όρια» – «граница, область, вовне, прочь», хетт. «arahza» – «вокруг, вне, за пределами», «arahzen-a» – «живущий вокруг, по соседству, за пределами»; лит. «ógas» – «воздух, погода», «iš ógo» – снаружи) ведь тоже соответствуют, как лексемы, связанные с высью (лат. «ogioг, ogĩĩ» – «происхожу, поднимаюсь», греч. «ὄρνυμι» – «поднимаю, двигаю»; русск. «горный» – «находящийся в вышине»; монг. «орой», эст. «hari», арм. «veg» и итал. «vertice» – вершина; укр. «вирій» и русск. «ирей» – «высь, край земли»), так и земли ариев (укр. «оріі» – арии; Иран – «земля арийского народа»):

«29. Аримаспы – одноглазые. Это толкование неправильное послужило басне причиной, ибо в сарматском языке «арии» значит крайний или внешний, «ма» земля или предел, а «спу» что значит, неизвестно. Вотяки, от русских названные от реки Вятки, сами зовутся ари, а предел свой Арима, потому что оный предел был в Европе или в Болгарском владении последний или крайний к горам Рифейским, поскольку и Пермь в то же заключалась, как и Геродот область болгар или аргипеев описывает до гор, выше, н. 26. Клюверий, кн. IV, гл. 17, аримаспеев положил с еседонами близ Дона, а в кн. V, гл. 13, в Арихозии или Кандагаре за Персиею» (В.Н. Татищев, «История российская» ч.1, гл.12 «Сказание Геродота Гелиокарнасского о скифах, сарматах и прочих», <http://www.spsl.nsc.ru/history/tatisch/tatis012.htm>). [к осн. тексту]

12.2 Тожественность концептов «uttama», «ἄκρος» и «оукраина»

От и.-е. *ek^or – «вершина, возвышенность» (с переходом *ek в *uk-, *uc-, *yüs-, *ouk-, *auk-, *aug-, *ak-) во многих языках образуются слова, означающие высший, высочайший, верховный, возвышенный, старший (тох. (б) «auki», «auks», тох. (а) «ok», «уук» – «рост, развитие, старшинство, сильный, победитель»; тамил. «исса» и турец. «yüse» – «высший, верховный»; турец. «yüselik», узб. «буюклик» – величие; азерб. «уса» – высший; япон. «saikō» – наивысший; норв. «juket» – «юкер / джокер» [главный, высший, верховный]; хинди «шусаа», турец. «jükar, jühar», кар.-балк. «ogaar», тат. «jugar*» – высокий; кр.-тат. «ууqarı» – верховный; араб. «akbar» – «очень возвышенный, великий»; нем. «Hügel» – «бугор, холм»;

япон. «ōkina» – великий, «ōkii» – «большой, крупный»; азерб. «уекэ», тюрк. «бакур», «пакор» – «большой, великий»; гот. «aukan», лит. «áugu», «áugti», лтш. «aũgu», «aũgt», швед. «ōka» – расти; нидерл. «kruin», англ. «асте», япон. «соки», кар.-бал. «чокъ», «чукуй» – вершина; хинди «исса», азерб. «yüksäk», санскр. «агра» – «вершина, острие»; каннада «агра» – верх; лат. «augustus», лит. «aukšćiausio», диал. греч. «ákpo» – высокий; бенг. «исcatā», лит. «ugis, aukštis» – высота; татар. «югары» – старший; англ. «huge» – огромный; япон. «shūgi» – «вершина, кончик»; эвенк. «уги» – верх, «угӯ» – верхний, «укурӣ» – «возвышенность, холм»; (и.-е. термины, заимствованные у сарматов); *вукры / букри / мукри» и «вакараи» – возможно родственные украинцам позднесарматские жители (кит. «жуань-жуани» – ползающие) дальневосточного государства Бохай; праслав. *uklēja, лит. «aukšlė» – «уклейка, верховодка»).

Как видим, не только чермные гауты / гёты, готы, гуды и ярко-красные галинды, голядь (санскр. «jati», арм. «andzu» – человек; греч. «άτομα», лат., итал. «gente», хант. «ханты», япон. «hito / *pito», гот. «Þiuda», лит. «tauta», ср.-чеш. «l'udie», словен. «ljudje», нем. «leute» – люди; санскр. «hāṭaka», нидерл. «goud», англ. «gold», норв. «gull» – золото; лит. «galas», лтш. «gals» – «конец, край»; др.-прусск. «gallū», лит. «galva» – «голова / глава»), но и такие же благородные и червоннокожие античные аукштайты (лит. «auksas» – «[червонное] золото») возможно в древности были главными – верховными у восточных балтов – летто-литовских племен (подобно верховенству золота среди всех благородных металлов). К тому же и по одонтологическим признакам их предки были наиболее близки к северо-восточным предкам украинцев – киево-черниговским полянам и троксоланам / роксоланам:

«...среднеевропейский одонтологический тип был представлен и среди киевских и черниговских полян. Наибольшее сходство они обнаруживают с аукштайтами V–VII вв. (очевидно, всё же с мезобрахикранными славяноязычными готами или же балтоязычными гудами, лингво-культурно ассимилировавшими в VIII–XI в.в. более многочисленных финноязычных ливов – этнических предков нынешних долихокранных аукштайтов, – П.Д.) (СТР=0.27)...» (Р.У. Гравере, «Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов», в кн.: «Восточные славяне. Антропология и этническая история», http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/23);

«Если далее учесть, что сама С.Л. Санкина показала особую близость славян ЮгоЗапада Балтики к германскому комплексу (Санкина 2000: 53-56), то в свете южнобалтийской гипотезы закономерен вопрос: а насколько серии с территории Руси, демонстрирующие «германский комплекс» – скандинавские? Кстати, на это уже обратили внимание ранее и другие исследователи: «почему «скандинавам» Северо-Запада и Белозерья ближе всего не скандинавы Швеции или Норвегии (что было бы логично!), а раннесредневековое население Германии VI – VIII вв.?» (Балановская и др. 2011: 53). То есть, и в данном случае «скандинавскость» на поверку адресует нас к Юго-Западу Балтики. Стоит учесть также, что «германский комплекс» демонстрируют и некоторые прибалтийско-финские народы: «выражено «германские» значения индексов показывают кольские и финские саамы и, также прибалтийскофинская группа ливов X – XII вв. ... Сходство

(долихокранных, – П.Д.) ливов с германцами более полное...» (Санкина 1998: 236)» (Алексей Романчук, «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», [http://www.academia.edu/4935497/Романчук_А._А._2013._Варяго-Русский_вопрос_в_современной_дискуссии_взгляд_со_стороны_полная_версия_](http://www.academia.edu/4935497/Романчук_А._А._2013._Варяго-Русский_вопрос_в_современной_дискуссии_взгляд_со_стороны_полная_версия_.). В Вестни к КИГИТ 36 6 73-131; <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf>).

Как полноценная и довольно многочисленная этническая община финноязычные ливы сохранялись до XII века, после чего началась их постепенная лингво-культурная ассимиляция различными балтийскими племенами, при непосредственном участии которых на основе ливов и сформировались современные аукштайты и латгалы:

«В VI – XI вв. на территории Литвы начали преобладать аукштайты. По словам Г. Чесниса, аукштайты и латгалы формировались на основе пришлого генофонда, а курши и пруссы были остатками оседлого балтийского населения, которых оттеснили к морю... В средние века жители Литвы были более гомогенны, чем население Латвии. Однако до сих пор сохранились небольшие различия между жемайтами, аукштайтами и беларусами» (Эгле Дигрите, «Предки литовцев – скандинавы, а беларусы – братья», <https://ru.delfi.lt/news/live/predki-litovcev-skandinavyy-a-belorusy-bratya.d?id=20648335>);

«Данные палеоантропологии свидетельствуют, что население, оставившее в Литве каменно-земляные курганы конца IV – V вв., было неоднородным в племенном отношении – мужчины и женщины принадлежали к различным антропологическим типам. Мужской части населения свойственна узколицесть и грацильность, их антропологический тип сопоставим с краниологическим строением раннесредневековых ятвягов Сувалкии (и ливов, – П.Д.). Женщины принадлежали к умеренно массивному широколицему типу. Очевидно, основу мужского населения составляли пришлые ятвяги (или же ливы, – П.Д.), которые и принесли в Юго-Восточную Литву курганный обряд. Эти мужчины вступали в брачные связи с женщинами иного происхождения. Последние, судя по браслетообразным височным кольцам, были родственны славянской (готской или же, что более вероятно, балтской гудской, – П.Д.) части носителей тушемлинской культуры. К сожалению, из-за широкого распространения обряда трупосожжения как в Литве (и в раннем железном веке, и в VI – XII вв.), так и в тушемлинской культуре на основе антропологических материалов решить вопрос о происхождении женского населения, погребенного в каменных курганах Юго-Восточной Литвы, пока не представляется возможным. В VI в. эти области Литвы были затронуты новой волной миграции, которая привела к становлению культуры восточнолитовских курганов. Последняя уже достаточно определенно связывается с летописной Литвой. Население, оставившее в этом регионе каменные и каменно-земляные курганы конца IV – V в., очевидно растворилось в новой этнической среде. Обычай ношения браслетообразных височных колец здесь в VI в. исчезает» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование / Тушемлинская культура», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/9).

Весьма примечательна древнегреческая лексема «ἄκρος», являющаяся концептом (многозначным понятием), во многом соответствующим, как санскр. «uttama» – «высший, лучший, знаменитейший» («uttamaṇ» – «высочайше, внешне, крайне») и англ. «utter» – «полный, абсолютный, совершенный, крайний» («utmost» – «предельный, крайний, наивысший, величайший, самый отдаленный»), так и понятиям «Оукрайна» (высшая, величайшая и превосходная земля) и «Уддия́на» (санскр. «udḍīyana» – «взлёт, подъём вверх»):

- 1) высший, верхний;
- 2) наружный, поверхностный;
- 3) крайний;
- 4) наилучший, превосходный, отличный (Древнегреческо-русский словарь Дворецкого // ἄκρος, https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/4).

В Древней Греции, как и в догетманской Украине-Руси, никогда не было централизованного государства и поэтому все эти смыслы лексемы «ἄκρος» хорошо соответствуют многим греческим полисам:

«Вновь образовавшиеся вследствие переворотов и передвижений мелкие независимые государства и города по причине различия естественных условий, в которых им приходилось жить, развивались весьма различно и никогда не соединялись в одно большое государственное тело. Вследствие врожденного эллинам стремления к обособленности и самой природы страны каждая, даже самая незначительная, община стремилась организовать в самостоятельное целое, и грек называл своим отечеством (πατρίς) только свое маленькое государство и хотел оставаться гражданином лишь своего родного города. Однако, несмотря на эту раздробленность, на разнообразие местных устройств и расселение на большом пространстве по колониям, греки уже стали сознавать свое национальное единство и называли себя Ἕλληνες в противоположность всем иноязычным народам, которых они называли βαρβαροί. Это сознание основывалось на единстве религии и языка, на сходстве основных черт характера, на общности исторических воспоминаний, и с особенною силою поддерживалось общими религиозными учреждениями, к числу которых принадлежат оракулы (в особенности дельфийский) и общественные игры, а также амфикионии, сблизившие соседние племена посредством общности религиозных интересов» (В.В. Латышев, «Очерк греческих древностей», <http://centant.spbu.ru/sno/lib/lat/1/1-3.htm>).

Но лучше всего, конечно же, все эти смыслы лексемы «ἄκρος» соответствуют пеласгийской Аркадии, являвшейся, по мнению литераторов средневековья, райской и счастливой страной, населенной горцами (др.-греч. «ἀκρολοφίτης»).

Рассмотрим концепт «ἄκρος» по каждому его понятию применительно к Украине:

1) «Высший, верхний»:

Действительно, «Оукраиной» (Верховной) первоначально назывались лишь земли северян (суваров – верховных), являвшихся потомками антов (тамил. «āṇṭa» – правитель,

«āṅṭakai» – рыцарь):

«Что касается северян, то следы развитой потестарной (раннеполитической) организации у них есть, но, судя по всему, она была иноэтничной. Это так называемая волынцевская культура, которая как бы накладывается сверху на роменско-борщевскую в виде административных центров, культурно изолированных от окрестного населения. Волынцевцы принадлежали к степному (точнее, к подгорному венендерскому / венедерскому / венедскому, – П.Д.) культурному кругу, представленному, главным образом, салтовской культурой, характерной для хазар, болгар, мадьяр и северных алан (предположительно русов). Следы присутствия салтовцев обнаружены и в области полян на Среднем Днепре (с начала VIII века) и на Оке в области вятичей (IX век). В целом салтовская культура маркирует владения Хазарского каганата – крупнейшего политического образования в регионе» (Максим Александров, «О русской истории», <http://exitum.org/book/o-russkoj-istorii/full/>);

«М.И. Артамонов отмечал, что арабы называли болгар венедерами (венедами, – П.Д.) или нендерами, и считал, со ссылкой на заключения П.К. Коковцова, что изначальной формой была W-n-gur [Артамонов, 1962]» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности», <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=128>).

Ипатьевская летопись (1187) впервые употребляет слово «оукраина» в отношении населенного преимущественно северянами Переяславского княжества:

«...и плакашася по немь вси Переаѣславци. бѣ бо любя дружиноу. и злата не сбирашеть. имѣниа не щадашеть. но даѣшеть дружинѣ. бѣ бо князь добръ. и крѣпокъ на рати. и моужьствомъ крѣпкомъ показася. и всакими добродѣтелми наполненъ. W нем же Оукраина много постана» («Изборник», <http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat28.htm#lyst230>).

Позже «Оукраинами» стали называть земли не только северян (суваров – верховных и благородных подобно золоту; санскр. «su-varna», «svarna» – золото; гот. «sweirei» – «слава, честь»), но и других украинских (украинских; кр.-тат. «уицаг» – верховный) племен, князья которых хотя и признавали верховенство киевского князя над собою, но, не являясь его подданными, проводили самостоятельную политику и обладали в своих землях верховной властью, то есть суверенитетом (от образованного из вульг.лат. «superanus» французского «souverain» – верховный; греч. «ὐπεράνω» – выше). После же распада бывшей конфедерации они стали не связанными системой иерархических отношений (отношениями вассалитета) суверенными землями – «оукраинами» (украинами) в более широком смысле (землями, независимыми от какой-либо конкретной державы):

«Были теж на том сейму з многих и далеких земель, то есть от царя турецкого, от князя московского Ивана Василевича, от Максимилиана, цесаря хрестиянского, от кроля шведского; всих тых было з розных украин послов двадцать» (Федор Филиппович, «Баркулабовская летопись» // «Крыніца: Полное собрание русских летописей», Т.32, М., 1975, С. 174-192, <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov11.htm>).

Как видим, верховными (суверенными) племенами на землях Русского каганата (Изначальной Руси) сначала были вовсе не поляне, предпочитавшие вольный образ жизни подчинению какой-либо авторитарной власти, а именно севрюки – северяне (укр. «сіверці»): гунны-савиры (арм. «севордик», араб. «сийавурдийа») / сувары (греч. «υπεράνω» – выше; вульг.лат. «superganus», франц. «souverain» – верховный; гот. «sweigei» – «слава, честь»; индонез. «sabug» – тусклый; арм. «севери» – «черный, темнокожий»; осет. «saw» – черный; исл. «svört» – «черный, смуглый»; англ. «swart» – «темный, смуглый»; санскр. «su-varna», «svarna», «суварча» – золото, «суварчаса» – золотой; сийавурдийа).

Близкие к их этнониму лексемы: хинди «savāga», тадж. «савора», узб. «suvori», итал. «cavalcatore», франц., англ. «cavalier», исп. «caballero», нидерл. «berijder», лтш. «braucējs», осет. «барæг» – «всадник, кавалерист» имеют такое же происхождение (и.-е. *uperg – сверху > *b^herǵ^h – «высь, гора»), как и др.-укр. *баръгъ (варяг) > укр. «вершник» – «возвысившийся, перемещающийся верхом на лошади или же на лодке» (прабалто-славянское и праиранское *bāg – «ездить верхом», – Грантовский; укр. «бараліжний» – «бездействующий,двигающийся не самостоятельно [верхом на чем-либо]»; «баробаїтися» – двигаться [верхом на чем-либо]; ср. со «свергнуть»; гот. «bards», укр. «вергела» – «верзила, великан»; лит. «briauna» – «край, ребро», польск. «brzeg», болг. «бряг», укр. «берег» – «берег, край», англ. «verge» – «грань, край», арм. «вердж/verj» – «конец, край»; авест. «barəzah-», нем. «berg» – «гора, высота»; венг. «bégs» – «верх, вершина»; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»):

«Есть также целая группа этнонимов типа сабуры, савиры, сувары и других подобных, с которыми Шафарик связывал еще и название славянского племени северян. Указанные этнонимы встречаются в различной форме за пределами Европы, в частности, в хантыйский языке, так что не является исключено, что сюда же можно отнести также давний топоним Сибирь. Однако происхождение этих этнонимов можно связывать и с распространенным иранским suwar, sawog «всадник», на что уже указывал Н.И. Егоров (1987)» (Валентин Стецюк, «Германские племена в Восточной Европе в эпоху бронзы», <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic.html>).

В племенной союз северян, очевидно, входили и бродас = бродники (отдалённые потомки, прежде всего, ворадов = варягов = русов, а так же, как насельников Салтово-Маяцкой АК, так и именьковцев и даже буртасов (бурягов?) [«ходящие по воде», – И.А. Аверин, «Бродники: миф и реальность» // Казаки России, – М.: 1993]), и вытесненные кочевниками на север славяноязычные племена караболгар (утигуры – ясы), и потомки других насельников Салтово-Маяцкой АК. Именно их земли, расположенные на левобережьи Днепра, восточные авторы и величали Русью (Русией-турк) задолго до узурпации власти в Киеве Рюриковичами. Хотя эта Изначальная Русь и противопоставлялась правобережным славянским (точнее, словенским) племенам, восточные авторы сакалибами (саклабами) называли и караболгар (утигуров = ясов), и карахазар (касогов и торков = таркасов / черкасов – тёмных асов / черных касогов), и даже волжских (серебряных) булгар и буртасов (бурых асов?), то есть всех красноликих (темно-краснокожих) потомков сарматов,

согдийцев (юэчжией) и хорезмийцев (хорасмиев = хурусов / русов):

«Буртасы (Burdas – украинцы; лат. «border», франц. «bord» – край, – П.Д.). § 1. Земля Буртасов (родственных роксоланам балтоязычных потомков именьковцев, – П.Д.) лежит между Хозарской и Болгарской землями, на расстоянии пятнадцати дневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю Хозар и выставляют в поле 10,000 всадников. § 2. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрах. Настоящим образом подчиняются они царю Хозар. § 3. Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На Болгар и Печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Вера их похожа на веру Гузов. Собою они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого, или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику... Одни из Буртасов сожигают покойников, другие хоронят... Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще...» (Хвольсон, «Извлечения из книги ЭЛЬ-А'ЛАК ЭН-НАФИСА АБУ-АЛИ АХМЕДА БЕН-ОМАР ИБН-ДАСТА», ГЛАВА ВТОРАЯ, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text2.htm);

«Г.Е. Афанасьев локализует страну буртасов в границах лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры, т.е. в бассейне Среднего Дона. Исследователь указывает на «возможные варианты перевода этнонима «буртас» сложносоставным словом «бурт / фурт-ас», означающим название аланских племен Северного Кавказа – асов, которые в середине VIII века мигрировали в лесостепную зону бассейна Среднего Дона». Однако в начале X века, когда лесостепные памятники салтово-маяцкой культуры прекратили существование, «какая-то часть буртасов продвинулась на территорию мордвы и мещеры на Средней Волге, где их упоминают источники вплоть до XVII века». ...письменные источники ничего не сообщают о родстве мадьяр и буртасов. Напротив, «описание как мадьяр, так и буртас вполне очевидно свидетельствует о совершенно разных народах»... Гипотеза о связи буртасов с носителями авиловского типа памятников опирается на сведения ал-Истахри и Ибн-Хаукала о том, что буртасы граничат с хазарами, «и они (буртасы. – И.А.) – народ, расстилающийся по долине Итиля». Б.А. Рыбаков по данным поволжских маршрутов IX–X веков локализует землю буртасов вверх по Волге от района современной Дубовки (выше Волгограда) до района Увека или устья реки Мечетки. Точно так же буртасы локализованы на карте ал-Идриси (XII век). Получается, что на этой территории до 30-х годов IX века должны были обитать и венгры, однако о них нет никаких подобных сведений. Прародину венгров источники помещают в лесостепном Приуралье, но буртасы там не находились... А.Х. Халиков связывал с буртасами «выявленные в пензенском крае памятники типа Армиевского курганно-грунтового могильника», датируемого IX – X веками. Древнебулгарская и древневенгерская принадлежность могильника исключается. А.Х. Халиков предполагал, «что истоки погребального обряда, материальной культуры, а, следовательно, и этноса племен, оставивших памятники типа Армиевского КГМ, т.е. буртасов, уходят корнями в Приуралье и ближайшие районы западной части Средней Азии,

Южного Приуралья», населенные гузами... Гипотеза о связи буртасов с гузами (балтоязычными или же в то время уже славянизировавшимися гудами торками, – П.Д.) опирается не только на археологические параллели, но и на письменные источники. По утверждению таких источников IX – X веков, как Ибн Русте, Гардизи, «Худуд ал-алам», Бакри, вера буртасов походит на веру гузов. Поскольку речь идет о духовной культуре, это сходство нельзя объяснить простым заимствованием. Очевидно, оно объясняется этногенетическим родством. А у Марвази имеется прямое указание на то, что буртасы являются одним из племен гузов... По мнению Р.Г. Кузеева, «начальная история буртасов связана с аланской ираноязычной (на самом же деле, балто-славяноязычной, – П.Д.) этнолингвистической общностью»...» (Игорь Антонов, «Древние угры в этногенезе башкир и других народов Урало-Поволжья», <http://vatandash.ru/index.php?article=1693>).

Русами / хурусами (хорасмиями / хорезмийцами / хвалиссами – славяноязычными юецзи) и боранами = ворадами (в Западной Европе позже – баронами и лордами), возможно, величали не только рослых и длинноногих тёмно-краснокожих потомков славяноязычных знатных согдийцев (юэчжийцев) – поздних хорезмийцев / хорасмиев = хурусов / русов (юецзийцев), но и славянизировавшихся потомков балтоязычных савроматов – роксолан и балтоязычных сарматов (*тариматов) – верхних аорсов = яньцай = антов и даже кангюйцев (канглов = оногуров / анклиев и англов), являвшихся надплеменными знатными родами (сословием) союзов славянских и славянизировавшихся племен:

«Хорасмии – народ, населявший в древности страну Хорасмию, по течению Аму- и Сырдарьи, по всей вероятности, на месте теперешней Хивы. Страна славилась плодородием, а народ – могуществом. По словам царя Х. Фаросшана, явившегося к Александру Македонскому с заявлением покорности, власть Х. простиралась до берегов Черного моря. По мнению новейших исследователей, Х. принадлежали к арийскому племени (точнее, к балтоязычным сарматским племенам – аорсам, покорившим и частично ассимилировавшим древних хорезмийцев – иранизировавшихся дахов и других потомков финноязычных скифов, а позже – и к славяноязычным аланским племенам, покорившим самих аорсов, включая и яньцай = антов, – П.Д.) и исповедовали маздеизм. Сведения о них содержатся в «Хронологии восточных народов» арабского писателя Эль-Бируни (англ. перевод Ed. Sachau). Ср. статью Лерха в «Русск. Обзрении» 1873 г.» (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, «Энциклопедический словарь // Хорасмии, <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1959101.html>);

«Государство Кангюй некоторые исследователи отождествляют с Хорезмом, Эта точка зрения возникла потому, что китайские источники вплоть до раннего средневековья не знают Хорезма, известного из древнеперсидских и античных источников. Возможно, что «Кангюй» китайских хроник – это название племен, кочевавших к северо-востоку от Хорезма... После македонского завоевания Средней Азии Хорезм остался здесь единственным независимым государством. В нём искали опоры освободительные движения, происходившие в среднеазиатских сатрапиях царства Селевкидов. Так, в период отпадения Парфии на Хорезм ориентировались Аршакиды. Ещё в первой половине II в. до н.э. начинается наступление Хорезма на эллинистическую Бактрию. Около 170 г. до н.э. Хорезм

завоёвывает Согдиану (населённую славяноязычными потомками да-юэчжи, – П.Д.), а несколько позже – не входивший в состав Бактрии Чач, иначе Шаш (Ташкентский оазис). Во второй половине Пв. Хорезмийское государство граничило на юге с Парфией и Тохаристаном, на юго-востоке – с Ферганой, на востоке – с кочевьями усуней. На севере и на западе жили различные кочевые племена, частично зависимые от Хорезма. После падения Греко-Бактрийского царства хорезмийские цари (из юэчжийского дома Чжаову, – П.Д.) склонны были считать себя наследниками эллинистических царей Бактрии...» (Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт, И. Лурье, М. Полтавский, «Всемирная история // Племена и народы Центральной Азии// Хорезм Энциклопедия, 1956, <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st062.shtml>);

«Согдийское наречие как литературный язык было вытеснено персидским; поэты, жившие в X в. при дворе Саманидов в Бухаре, принадлежат к числу создателей новоперсидской литературы. Хорезмийцы еще в XI в. продолжали говорить и писать на своем (славянском, – П.Д.) наречии, непонятном для остальных иранцев и исчезнувшем, по-видимому, только под влиянием постепенного отуречения Хорезма» (Василий Бартольд, «Общие работы по истории средней Азии работы по истории Кавказа и восточной Европы // История культурной жизни Туркестана», <http://www.history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya%20kavkaza&author=bartold-vv&book=1963&page=85>).

Русами / хурсами = хорасмиями / хвалисами, очевидно, были и воинские сословия как потомков троксолан / роксолан, янтсай / яньцай = антов и аланов-торков – торков / таркасов / черкасов и, конечно же, и других потомков аланов и юэчжийцев – гуннов-фризов, англов и анклиев (оногуров = ангуариев), гётов / гаутов, ютов, варов, варинов, так и, очевидно, потомков кутригуров = угличей, утигуров = ясов, жуань-жуаней = аваров и других полян – аланских, караболгарских, карахазарских и гунно-савирских славяноязычных племен:

«Перещепинцы (древние насельники Полтавщины, Подонья и Приднепровья – полукочевники троксоланы, яньцай = анты, гунны-савиры = протосеверяне и другие древние поляне, – П.Д.) одним боком были похожи на аваров, другим – на болгар. Но это ещё не всё. Бросается в глаза родство этих кочевников с поздними гуннами (утигурами и кутригурами, – П.Д.). Алексей Комар выделяет ближайшую аналогию Вознесенке – комплекс из урочища Макартет, Запорожской области, датированный V веком. Вот как описывает украинский археолог данные древности: «остатки сожжения сбри, сёдел, стрел и двух котлов, сложенных в небольшой ямке, в которую были вогнаны три меча. Поразительное сходство обряда с вознесенским, несмотря на солидную хронологическую разницу, позволяет поднять вопрос о сходстве идеологических представлений этих двух групп населения и даже об их этнической близости». – Невероятно! Совпало даже количество клинков, вонзённых в одну яму. Причём географически два схожих памятника находятся по соседству, в какой-то сотне километров друг от друга. – Зато по времени между ними серьёзный разрыв. По мнению Комара, в балке Макартет свой поминальный храм соорудили поздние гунны, изгнанные

германцами из Карпатской котловины. Они недолго задержались в этих местах и вскоре ушли дальше на Восток. Через два столетия носители подобной традиции появились на Днестре вновь. Только возглавлял их теперь человек, во всём похожий на могущественного аварского кагана... – Но если это были действительно авары, а не тюрки, то в археологическом плане они могли не слишком отличаться от беглецов первой волны. В таком случае нам не остаётся ничего другого, как признать кочевников, оставивших древности типа Сёгвар-Оромдюлё, кочевыми племенами Восточной Европы, покорившимися аварам ещё в степях Северного Кавказа и Причерноморья. Разумеется, ими были не только кутригуры, но и все прочие обитатели региона: аланы, утигуры, залы, савиры и иже с ними. Одним словом – потомки свирепых орд, объединённых в своё время Атиллой» (Игорь Коломийцев, «В коготь грифона», ч. 8 «Булгарский след», http://kdet.ucoz.ru/index/glava_sorok_tretja_zakonnyj_naslednik_bajana_prodolzhenie/0-368);

«Катакомба представляет собой погребение с входной ямой и камерой; те же конструктивные элементы представлены и в подбойном погребении, но расположены по-другому. Эта параллель, конечно, общего порядка, но крайне неожиданную струю в этот вопрос вносят материалы аварского могильника Сёгвар-Оромдюлё, в котором представлены катакомбные, подбойные и ямные погребения, ориентированные, преимущественно, на северо-восток. Ямные и подбойные погребения с северо-восточной ориентировкой часто сопровождалась шкурой коня, ориентированной в ту же сторону, расположенной от человека на ступеньке подбоя или выше – на перекрытии ямы. Совпадение с перещепинской может быть и случайным, поскольку не исключено, что это просто отклонение от обычной для части аварских могильников северной ориентации, но близость к рядовым погребениям перещепинской культуры всё же очевидна...» (Алексей Комар, «К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов», в сб.: «Степи Европы в эпоху средневековья», т. 2, <http://www.istmira.com/istsrvk/stepi-evropy-v-epoxu-srednevekovya-tom-2/page/12/>);

«В связи с предложенной локализацией массагетов, дербиков (дирбеев / дербиев – возможных предков тервингов = червян = сербиев / сербов, – П.Д.) и апасиаков, базирующейся на сопоставлении данных письменных источников и археологических материалов, полученных в последние десятилетия, должно быть отвергнуто мнение В. Тарна и С.П. Толстова о «вхождении» хорасмиев (или хорезмийцев) в «комплекс массагетских племен» (или «состав массагетских народов», см. [Толстое, 1948]). Материалы из левобережного Хорезма не подтверждают этого. Характерные каменные склепы массагетских племен (очевидно, вовсе не долихокраних массагетов, а брахикраних потомков дербиков или да-юэчжи – хорасмиев-юецзи, – П.Д.) четко фиксируются только у границ Хорезмского оазиса (на западе – на возвышенностях Тарым-кая и Зенги-баба, на северо-западе – у Айбугира и, возможно, на Устюрте)» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности», <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=114>);

«На юге постоянно существовала потребность в более основательном объединении перед лицом накатывавшихся с востока степных орд. На севере потребность в большем объединении стимулировалась более нарастающими внутренними противоречиями (в частности, межплеменными конфликтами разноэтнических племен). Так или иначе, к середине IX века государственность не была достроена «доверху». И сверху на нее легла сила внешняя, в разное время пришедшая из Прибалтики, из Подунавья, возможно, и из Причерноморья и Прикарпатья. Оценить этот факт весьма непросто. Дело в том, что лимит времени для строительства государства «снизу» был уже исчерпан во всех случаях (потомственные славяне, вообще, не склонны были подчиняться авторитарной власти и, поэтому-то, никогда и не стремились к созданию каких-либо государств, – П.Д.). Угроза нарастала и с юга (хазары, степь), и с севера – кровожадные норманны. Русы, несомненно, защитили восточнославянские, угро-финские и балтские племена и от того, и от другого. (Прибалтика с IX века прочно входит в состав нового государства). Не вмешивались русы и во внутреннюю жизнь племен, ограничиваясь весьма скромной (по европейским масштабам крайне скромной) данью. Огромные просторы и практическая недоступность многих территорий делали новую власть склонной к партнерству, а не подавлению покоренных. Это было, несомненно, самое гуманное общество в тогдашнем мире и Валентин Иванов хорошо это почувствовал, сопоставляя Русь и с Востоком, и с Западом. Но это было общество, где Власть и Земля были разделены. Земля была представлена, в основном, славянами и ассимилированными ими племенами, а Власть принадлежала «роду Русскому», куда хотя путь и не был закрыт выходцам из иных племен, но где господствовали иные ценности... К XII веку наметился в целом перевес Земли. Всюду активизируется вече и институт посадничества, княжеская власть в большей или меньшей степени подчиняется Земле. Славянское начало стало превалировать и в менталитете...» (Аполлон Кузьмин, «Истоки русского национального характера», http://www.zlev.ru/51_4.htm).

Вполне возможно, что этноним «поляне» первоначально был лишь калькой с этнонима «сувары / савиры» (северяне), а самые древние поляне (спалы; др.-греч. «πολιός» – «старый, древний», греч. «παλαιός» – старый) являлись лишь одним из субэтносов северян. Ведь и ст.-слав. «поль» означает «берег» а, следовательно, и возвышенное (верховное) положение (перс. «bāḷa», тадж. «боло» – верх; ирл. «bagh» – «верхний, вершина»; хетт. «ragku» – высокий; польск. «pułar» – потолок; индон. «relana», греч. «σπάλα» – «седло, седловина»). Позже полянами (украинцами) стали называть и многие другие юго-восточные славянские племена. Поэтому-то, и не исключено, что оукраинами называли ранее также и возвышенные места (возвышенности, верховины, холмистые местности, предгорья – товтры):

«...изначальная Украина, которая лежит под тем же небом, что и Полтавская губерния, имеет с ней много одинаковых природных явлений. Однако форма поверхности земли значительно отличается. Если Полтава представляется как единая необозримая равнина, то Украина – очень холмистая местность...; холмистая местность... простирается между средним течением Сожа и Донцом и средним Доном..., а [изначальная] Украина (Северская земля, – П.Д.) является приблизительным центром... этой холмистой

местности... За четко очерченной природой межей начинается старая Украина между городами Полтава и Харьков...» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt).

2) «Наружный (внешний), поверхностный, отдельный»:

Украинцы (цслав. «укромь» – отдельно, «укромьнь» – крайний; укр. «окремиий» – отдельный), как и их предки (юэчжийцы, аланы, гревтунги, бораны, анты, поляне, русы, черкасы и др.), не терпели насилия авторитарной власти и, поэтому-то, действительно предпочитали селиться на свободных внешних землях, то есть за пределами (вне) государственных образований:

«[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии (то есть из Руси Полян; серб. «спольни», тадж. «берунй» – внешний; серб. «наполье», хинди «рāга», греч. «πέραιν» – «вне, за пределами», – П.Д.) в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда [Новгорода], в котором сидел Святослав [Сфендослав], сын Ингора [Игоря], архонта Росии, а другие из крепости Милински [Смоленска], из Телиуцы [Любеча], Чернигоги [Чернигова] и из Вусеграда [Вышгорода]. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава [Киева], называемой Самватас...» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей», гл. 9, http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/frametext9.htm);

«Воистину, то, что содержит эта шестая секция [шестого климата] из [описания] моря ан-Нитаси (Понта – Чёрного моря, – П.Д.) – это [одна] сторона тех стран, что на этом море. Она включает также часть земли ал-Куманиййа, страну ар-Русиййа внешнюю (Припонтийскую Русь – Украину, – П.Д.), [некоторую] часть страны ал-Булгариййа, часть страны Басджирт, страны ал-Лан, земли ал-Хазар и ее городов и рек... Русов два вида. Один их вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте (руссы-хорасмии и руссы-торки = таркасы [лат. Tarcazi] / черкасы, – П.Д.). А другой их вид (карпатские гревтунги = хорутаны = рутены / русины, – П.Д.) – это те, которые живут по соседству со страной Ункариййа (Венгрией, – П.Д.) и Макадуниййа (Македонией, – П.Д.). И они сейчас, в то время, когда мы составляем эту книгу, уже победили бургасов, болгар и ал-хазар. И не осталось там, кроме них, никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле. ...От города Салав [Переяслава] до города Кукийана [Куйаба / Киева] из земли Булгар (земли Чёрных Булгар – Северщины, – П.Д.) 8 переходов, а Куйаба – город турок (аланов-торков и других полян – тёмнокожих предков украинцев; пушту «tor», тадж. «торик», курманджи «tarî», англ. «dark» – тёмный, – П.Д.), называемых Руса» (Ал-Идриси, «Отрада страстно желающего пересечь мир», VI климат, 6-я секция, <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idrisi/frametext8.htm>);

«В тексте у Идриси в качестве одной из «Русий» имеется в виду Киевское государство. Описание его городов: Киева, Смоленска, Канева и других – находится в 5-й секции VI климата. А вот на карте и в приведенной 6-й секции восточнославянские земли находятся вне классификации русов. Да и расположены эти русы (хорасмии = хурусы /

хросы, – П.Д.) восточнее городов Поднепровья, известных Идриси по рассказам современников (XIIв.). Русов и на карте, и в тексте два вида: Русийа-тюрк, иначе «внешняя Русийа» (великая «ружная Сарматия» – *Гревтия / Гретия = Гардарика = Оукраина, – П.Д.), которой и принадлежат города Кукийнана, Салав и Арса, и «другой их род» – это те, что по соседству с Венгрией и Македонией («ружная Германия» – Гревтунгия / Грутунния = Хорутания = Рутения – П.Д.). Этот «другой род» Идриси называет «наиболее отдаленной Русийей». О двух видах русов говорит в восточной литературе только ал-Идриси. Это свидетельствует о его стремлении создать непротиворечивую картину из сведений о разнородных племенах русов, данные о которых он почерпнул из различных источников. В данном случае он разделяет Русию-Тюрк (страну тёмно-краснокожих полян-торков, – П.Д.), располагавшуюся на пространстве от Русской реки, где на карте обозначены города русов, до Атила, и Прикарпатскую Русь (страну тёмно-краснокожих зеруян = червян-торков, – П.Д.)...» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата», <http://iknigi.net/avtor-elena-galkina/4143-russkiy-kaganat-bez-hazar-i-normannov-elena-galkina/read/page-10.html>; <https://www.rulit.me/books/tajny-russkogo-kaganata-read-51427-31.html>);

«Вольтер был очарован самим названием «Украина». В этой работе («История Карла XII», – П.Д.) он написал: «Украина всегда жаждала воли – Украина всегда стремится к свободе, желает свободы, воли, всегда вдохновлена к свободе. Вот где живет тайна и внутренняя привлекательность этого названия для души украинской нации и каждого из ее верных сынов. Она обращается к совести. Это божественная внутренняя сила души нации, бессмертно живущая и в ее национальном имени: Украина. Украинский народ, Украинцы, и это имя потому такое родное, привлекательное и дорогое Украинскому народу, и поэтому такое ненавистное поработителям, врагам свободы, жизни и развития нации»...» (Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt);

«В своем этимологическом словаре серболужицких языков Х. Шустер-Шевць считает «wukraj» Lehnübersetzung, то есть калькой с нем. «Aussland» (букв. «заграничная земля»), так же, как и «tukraj» – Inland, «vótcny kraj» – Vaterland [Schuster-Šewc, 661]; важно, что только здесь эти названия системно противопоставлены» (Константин Тищенко, «Правда о происхождении украинского языка», <http://www.pravda-tv.ru/2013/09/20/27145/istoriya-proishozhdeniya-ukrainskogo-yazy-ka-versiya>, https://i.tyzhden.ua/content/photoalbum/2012/10_12/04/tyshenko/tyshenko.pdf);

«Вернадский пишет, что название «анты» – аланского происхождения, потому что в осетинском языке слово «anda» значит «вне», слово «andag» значит «внешнее», а в санскрите «anta» значит «конец», «граница». «На этом основании, – утверждает Вернадский, – антов (а, возможно, и энетов, и венедов и волян; дат. «udvendig», хорв. «vanjski», эст. «väline» – внешний, – П.Д.), можно было бы рассматривать как «внешние» или пограничные племена...» (Комментарии к «Гетике» Иордана,

Действительно: «andag» – «внешние», т.е. «окраинные жители» (Ольрик, Шмидт, Вернадский), относящие себя к внешнему миру. Внешними (наружными) были и племена юэчжи (*утии / ятии / яду / еда / идани) и их потомки утигуры (исл. «ut», «úti», гот. «ut», англ. «out» – «там, вне, за пределами, наружный, крайний»; бенг. «ati», норв. «ute», швед. «utom», осет. «æддейæ», япон. «soto», болг. «отвън» – вне; русский префикс «от» тоже обладает таким же смыслом: «на отшибе», отрог, отпрянуть, отложиться; осет. «æддаг» – внешний; гуджар. «ēja», телугу «eḍj» – край; гуджар. «āḍa» – боковой; «chēḍō» – конец; груз. «k'utch'e», укр. «кут» – угол; венг. «otthon» – «угол, дом») и, в том числе, и просвещенные (верховные) юэчжи – вэньоуто, и их потомки верхние (внешние) аорсы, отождествляемые с балтоязычными яньтсай = антами и с балто-славяноязычными венедями / вандалами (кит. «вэнь» – «просвещенный, цивилизованный», «ван» – «верховный правитель, государь»; праиндоевроп. *[v]an[o] – вверх; ст.-слав. «венти» – великий; нидерл. «van» – «из, от»; словен. «ven», хорв. «van» – «из, вне»; чеш. «vnější, venkovní», хорв. «vanjski», беларус. «вонкі» – внешний; русск. «вон» – наружу; «венец» – «внешняя часть зубчатого колеса или чего-либо другого»; «вено» – «отторгаемая часть состояния или имущества, плата за что-либо, выкуп за невесту»; польск. «wianek» – венюк; нов.-в.-н. «winden» – вить, «Wand» – стена; лат. «vanus» – пустой).

И, если верхние аорсы – яньцай / *антсай были федератами (внешними) Кангюя / Канга = Гуннии (праиндоевроп. *kant-, др.-греч. «γωνία», ирл. «cúinne», франц. «coin», катал. «cantó», арм. «ankun», лат. «angulus», англ. «angle» – угол; англ. «cone», исп. «cono», лит. «kūgis», нем. «Kegel» – конус; др.-греч. «γῆ, γαίᾱς», кит. «го» – «земля, страна, край»; кит. «zhōng», кор. «jonglyo», хинди «ant», маратхи «anta», тадж. «анчоми», польск. «końca» – «конец, край»; нем. «Kante» – «край, угол, грань»; санскр. «janha», др.-исланд. «ganga» – «конечность, нога»; укр. «гандрабатий» – «высокий, длиннотелый, неуклюжий»; англ. «gang» – «банда, шайка, группа, артель, компания, орава») и позже Хорезма, то их потомки савроматы анты (одни из предков горидов украинцев и многих других длинноногих народностей и племен) стали федератами, а позже и правящим сословием Боспорского царства.

Внешними (приграничными, украинными) конечно же были, как бхараты и тохары = бугуры / пугуры = пагериты (хинди, панджаби «bāhaḡī», маратхи «bāhēraṣī» – внешний; турец. «böğür» – «бок, фланг»), фризы / фаризи (Parisi), пруссы (*пруссаны – пружаны) и персы (санскр. «рагі-» – «вокруг, кругом»; др.-греч. «περὶον» – «конец, край, перо»; греч. «πέρας» – «конец, край»; лат. «foras» – «из, наружу», «foris» – вне; гуджар. «pārśva», каннада «pārśvavu», телугу «pārśvaṁ» – «фланг, бок, крыло»), так и усуни (асманы), и потомки утигуров асы = ясы (нем. «aus» – «из, вне»; «äußere» – наружный), а также и арии (и.-е. *e/ogH- – «граница, край»; хетт. «arha-», греч. «όρια» – «граница, область, вовне, прочь», хетт. «araha» – «вокруг, вне, за пределами», «arahzen-a» – «живущий вокруг, по соседству, за пределами»; др.-греч. «ἄρουρα» – «страна, край», «ἀρχή» – «край, конец, предел»; хетт. «erha-», лат. «ore», англ. «agea», лтш. «āga», эст. «ääg», монг. «ир» – край; лат. «oga» – «регион, край, берег»; башк. «урын» – «район, угол, положение, арена»; осет. «арæн» – «граница, межа,

рубеж»; арм. «artak'in», лтш. «āgējs» – внешний; лит. «óras» – «воздух, погода», «iš óro» – снаружи; малайск. «orang» – человек), и аланы (вал. «allanol» – внешний), и бораны / ворады (греч. «πέραν» – «вне, за пределами»; тадж. «беруна» – внешний; англ. «border, brink», хинди «barhata», исл. «barmug», лит. «briauna» – край; бенг. «grānta» – «край, грань, кромка»; албан. «rpanë» – «около, возле, рядом»), и гревтунги (лит. «greta» – «около, возле, рядом»; укр. «кордон» – граница), и черкасы / циркасы (лат., итал. «circa» – «около, возле, рядом, подле»; швед. «cirka» – «вокруг, около»; исп. «cerca» – «околица, недалеко»; арм. «yerkaunk'ov» – рядом), и жуны / гунны, жанинцы (кит. «jin» – «рядом, выпитывать»; фриз. «njonken», кирг. «жанында», турец. «yanında» – «рядом, около»; лит. «šonas», нидерл. «zij», фриз. «kant», турец. «yan» – «бок, сторона»; исп. «junto» – «вместе, воедино») и англы мерсийцы (ст.-англ. «mierse» – «приграничный народ»; курдск. «mez» – «граница, рубеж, страна»; ср.др.-исл. «mork» – «пограничная область»; др.-шв. «mark» – «граница, лес»; лат. «margo», исп. «margen», англ. «margin» – край; португ. «margem» – «берег, грань»; польск. «brzeg», укр. «берег» – «берег, край»; ст.-слав. «межда», чеш. «mez», польск. «miedza» – межа):

«Если полагаться на археологические свидетельства, то по численности язычники-мерсийцы весьма сильно уступали своим юго-восточным соседям-язычникам – срединным англам. Между тем, мощь и влияние их королей становятся понятны, поскольку, как утверждает их генеалогия, они вели свой род от людей, которые перед миграцией в Британию правили всем народом англов. Племенное имя Mierse, от которого произошло созвучное территориальное название «Мерсия», означает «приграничный народ» (англы = угличы = украинцы, – П.Д.). В седьмом веке мерсийцы предстают народом, состоящим из 12000 семей и занимающим всю территорию от низовий Трента до лесов западного Мидлендса. Очевидно, что имя, которым первоначально называли лишь ту часть переселенцев, которая находилась в постоянном боевом соприкосновении с бриттами, впоследствии было заимствованно всем остальным народом... Приграничье, от которого мерсийцы приняли свое имя, возможно, представляло собой пояс нагорья, соединяющий холмы Кэннок Чейз с Арденским лесом...» (Фрэнк Стентон, «Англо-саксонская Англия», http://britanniae.ru/reconstr/frank_stenton/frank_stenton_ASA_02.htm).

И, конечно же, не исключено и то, что до переосмысления византийцами эндэтнонимов красноликих потомков сарматов и согдийцев «внешними» – украинцами были и лужичи (макед. «луѓе», хинди «loog», гуджар. «lōkō», панжжаби «lōka» – люди), и угличы, и руги / роги / рогасы, и руяны, и русины / рутены, и русы (рустии, визант. «хрось», вост. «урусы, уруситы, хурусы», кит. «олосы, лоча»). Ведь: др.-киев. «лука» – изгиб; укр. «лука́» – «мыс, образуемый рекой», «заливной луг»; укр. «ріг» – «рог, угол»; укр. «наріжний» – краеугольный; др.-киев. «ружь» – «внешность, наружность, образ»; «рожа» – лицо; «ружний», «наружний» – внешний; курманджи «gû», тадж. «рӯй» – «щека, рожа, лик»; нем. «raus, heraus» – наружу; каталан. «gacó» – угол; малайск. «gusuk» – фланг; маори «rohe» – «граница, пограничный»; укр. «грань» – «угол, край, грань»; нем. «rain», эст. «raja» – «граница, межа, рубеж»; япон. «гуѳузи» – «венец, корона»; лат. «regio», лит. «rajonas», араб. «рустак», ср.-перс. «ростаг» – «регион, район, округ, волость»; швед. «Roslagen» – название прибрежных (и, следовательно, ружных / наружных) районов провинции Уппланд в Швеции;

каннада «horage», фин. «ulos» – «из, наружу»; венг. «üres» – пустой; исл. «rúst» – опустошённый:

«Существует мнение, что первоначальное родовое имя древних русов (ху-русов = хоразмиев – потомков славяноязычных юэчжей, – П.Д.) звучало «рузи» или «ружи». При этом представляется логичным, что мягкий звук «с» появился под влиянием славянских (очевидно, всё же балтских, – П.Д.) языков, а исконный «русский» (то есть славянский сарматский / аланский, – П.Д.) вариант звучал, приблизительно, «Ружь» или «Рузь» (укр. «ріг» – «рог, угол»; «на розі вулиць» – «на углу улиц»; «наріжний» – краеугольный; «порожній» – пустой; др.-киев. «ружь» – «внешность, наружность, образ»; «рожа» – лицо; «ружний», «наружний» – внешний, – П.Д.). Русы начали контактировать со славяноязычным (тогда ещё балтоязычным и финноязычным, – П.Д.) населением на Балтике не ранее VI – VII веков. До этого времени (да и после, в неславянских источниках) русов называли rugi и ruteni (rutini). А.В. Назаренко в своё время проанализировал группу из пяти этноконов, оканчивающихся на -gozi из «Баварского географа» и признал, что Ruzzi – это «одно из древнейших упоминаний имени «русь». Получается, что руги – это название русов в германских (и в средневековых западнославянских языках потомков античных германцев, – П.Д.), где слог «gi» традиционно заменяет произносимое сочетание «жи». Отсюда также вендское название острова Rujan (нем. Рюген), то есть «Ружан». Рутены (rutini, ruteni, rutheni) – латинизированный вариант написания имени русов, употребляемый через слог «ti» (te, the), читаемый как «ци». Это название является самым близким латинским искажением имени «русина» (ruszeni), которое доносят до нас летописи и «Русская Правда». По сей день на Западе карпатских русинов называют рутенами, а Карпатскую Русь – Рутенией... Приведённые лингвистические факты свидетельствуют о том, что германские и латинские хронисты воспринимали на слух имя «руссы» (рузи, ружи) и «русина», записывая его в соответствии с грамматическими правилами своего языка, то есть «руги» или «рутены»... Профессор А.Г. Кузьмин первым осмыслил этимологическое родство имени «Русь» и производных от него (руги, роги, рузы, руцы, рутены), сделав вывод, что русы разных областей Европы оказываются родственниками. А название зависело от диалектических различий, появившихся в результате длительного изолированного друг от друга проживания» (В.И. Меркулов, «Историческое единство Руси», <http://wordweb.ru/2014/11/17/print:page,1,istoricheskoe-edinstvo-rusi.html>).

Уже задолго до возникновения киевского и других княжеств Русью назывались не подвластные хазарскому кагану внешние земли, которые позже будут называться Великим Лугом (нидерл. «leeg», «loos», эст. «lage» – «пустой, свободный»), Диким Полем, Украиной и Слобожанщиной, то есть «ничейными» землями, население которых не является подданными каких-либо правителей (свободным, независимым от них):

«...особенно интересно отметить появление в тексте ПВЛ параллельных «Руси» лексем с тем же содержанием – «Русская земля» и «земля Русская», – получающих широкое распространение в последующем летописании вплоть до ограничения хоронима «Русь» сферой действия литературной традиции. Лексема «земля Русская» впервые использована в ст. 6463/955 г. («аще Богъ въсхощеть помиловати роду моего и земли Рускые» [Ип., 52]), и

позднее, в ст. 6488/980 г. («и осквернися требами земля Руская» [Ип., 67]), но в том и в другом случае, как показывает благочестивый контекст, перед нами следы позднейшей авторской (редакторской?) работы, такой же, как в ст. 6534 и 6542 г. Действительно первым (хронологически) использованием этой лексемы следует считать ст. 6569/1061 г., сообщающую, что «придоша половци первое на Руськую землю воевать» [Ип., 152], после чего мы находим ее в ст. 6576/1068, 6579/1071, 6586/1078, 6597/1089, 6598/1090 г., тогда как начиная со ст. 6601/1093 г. она оказывается уже единственно употребляемой» (Андрей Никитин, «Основания русской истории», <http://litrus.net/book/read/124139?p=31>).

В русском языке имеется аналогичное понятие – «поля» (серб. «наполе», хинди «рāга», греч. «πέραιν» – «вне, за пределами»; тадж. «беруна», «берунӣ» – внешний; англ. «bare», укр. «порожній», русск. «полюй», эст. «paljas» – пустой). Оно означает краевые наружные участки, находящиеся за пределом чего-нибудь (например, облегающей голову части шляпы или зоны записей на листе тетради). Означало оно ранее и неподвластные князьям украинные земли, находящиеся у края принадлежащих им территорий. Поэтому-то и этноним «поляне», подобно этнониму «бораны», является тождественным этнонимам «анты», «венеды», «юэчжи» (еда, утии, асы), «утигуры» (ясы), «кутургуры» (*унгличи / уличи) и «украинцы». И, являясь обобщающим понятием, он относился в древности ко всем пограничным славяноязычным племенам, которые, хотя и не пожелали отказаться от своего суверенитета и стать подданными князей, однако же активно участвовали в жизнедеятельности Киевского и других княжеств в качестве их федератов:

«В славянской фольклорной традиции «полянин» (или «поляница») – воин-одиночка, чужеземец, но свободно общающийся со славянами (древлянами, бужанами и другими словенскими племенами, – П.Д.), живущий на ничейной земле... Этноним «поляне» появлялся на границах словенского ареала с другими славянскими (в широком смысле) группами населения – с (ранее балтоязычными, – П.Д.) антами на Среднем Днепре, с (ранее тоже балтоязычными, – П.Д.) венедями на Висле. Таким образом, можно вывести, что «полянин» – представитель славяноязычного, но не словенского племени. Для дулеба VI в. это, в первую очередь, ант (а также алан, гот и др. поляне-русы, – П.Д.)» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков // Анты и дулебы», М.: Вече, 2009 г., http://www.historylib.org/historybooks/Sergey-Alekseev_Slavjanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/19);

«Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя» («Повесть Временных Лет», <http://old-russian.chat.ru/01povest.htm>).

Действительно, как балтоязычные гуды / языги, троксоланы / роксоланы (гуды / узы = торки) и яньцай / янтсай = анты, так и славяноязычные потомки юэчжей / *утиев аланы-торки = готы (утигуры = ясы, гревтунги / грутунны = хорутане, готы-русы, аланы-торки / аланы-русы, гёты / гауты, юты, *ютичи / лютичи / велеты / вильцы), юецзи (хвалиссы / хорезмийцы / хорасмии = хурусы / русы), смешавшись как с меотами эрулами / герулами,

торретами и керкетами, так и с сирматами, сираками и тарпетами (зеруянами = червянами / тервингами = сербами), и стали родоначальниками многих славяноязычных народностей, относимых словенами (славянофонными потомками дулебов волянянами и древлянами) к славяноязычным полянам-украинцам и являвшихся федератами киевского и других княжеств. Это, прежде всего, потомки ворадов / боранов = *барангуров (словаков; нидерл. «woord», дат., англ. «word», нем. «wort» – слово; ст.-слав. «варити» – «говорить, ворчать»; герм. «guard, ward», укр. «варта» – охрана; протоиндоевроп. *wrdhos, др.-перс. *wrda-, венг. «vörös» – красный, греч. «βερτζω» – розовый, перс. «ward» – роза, русск. «варзия» – «название красной краски»; ассоц. с и.-е. *b[h](e)rǵ[h], исп. «borde», хинди «barhata», лит. «briauna», исл. «brún», «barmug», польск. «brzeg», укр. «берег» – край; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора»; хинди «rigānā» – старый) буртасы = бродас = бродники, варанги = варяги и родственные, как им, так и кавказским баранджерам / беренджерам / баланджарам / беленджерам (ассоц. с тадж. «баланд» – «высокий, верхний»; хорв., босн. «brdo», серб. «брдо» – «холм, гора») берендеи = перундеи, а также герулы (хоралы – горцы), карахазары (циркасы / черкасы), ковуи / коуи (касоги = кассаки / кашгары?) и другие высокорослые горцы – карахазары и чёрные клобуки, являвшиеся, как и зеруяне / червяне (склавины средневековья), потомками славяноязычных сираков, тарпетов = тервингов = червян = сербов и других сарматов, а также аланов-торков, утигуров и других согдийцев (да-юэчжи / больших юэчжи, тохаров – пугуров, кушан – кушаков = касогов, кидаритов / кударитов = *гузар / хазар, юецзи = хвалисов / хорезмийцев):

«Как следует из рассказа Константина Багрянородного, архонт Херсонеса Фарнак, по окончании неудачной для Боспора войны (после 328г.), переселил в сопредельные с Херсонесом районы часть боспорского войска, в числе которых были, надо полагать, и представители «воинства Меотиды» – герулы. Со второй четверти IV в. на Боспоре и в Юго-Западном Крыму распространяются во многом сходные могильники. Это близкородственное боспоро-аланско-герульское население, размещенное на границах Херсонеса и Боспора и стало, на мой взгляд, залогом стабильной ситуации в Таврике, вплоть до гуннского вторжения. Расселение на границах варваров в это время находилось в русле политики Константина Великого, основные черты которой копировались и на окраинных землях, и в этом нет ничего удивительного. Потомки этих двух групп населения, как представляется, стали основой для формирования исторических готов страны Дори (в Юго-западном Крыму) и готов-трапезитов (готов-русов, – П.Д.) – в Восточном. Вопрос о соотношении прежних герулов и последующих «готов» в принципе разрешим: сам Иордан причисляет герулов к «готскому народу», а если так, то в представлениях византийцев сопоставление тех и других вообще могло казаться естественным. Не исключено, что здесь сказалась и христианизация боспорских (славяноязычных, – П.Д.) германцев в связи с «реанимацией» Готской епархии. Действительно, утратив свою сущность, герулы, став федератами Боспора и Херсонеса, всего лишь «компонентом населения», собственно «герулами» в старом значении быть перестали. Сохранив память о своей первоначальной германской подоснове (а многие из них или их «предков» действительно могли быть выходцами из остготского мира), герулы этого времени уже всецело ассоциировали себя с готами, имя которых, в какой-то степени, стало теперь уже, особенно у византийцев, нарицательным, как бы синонимом федераты, без

особого разбора их действительного этнического состава» (В.Ю. Юрочкин, «Готы-трапезиты на пограничье Боспора», http://annales.info/blacksea/small/g_trapez.htm);

«Шопен пишет, что о народе Герулах в «Славянской Хронике» есть слова (стр. 35, часть IV), из которых видно, что Верле был построен Герулами (Хоралами). В другом месте своего труда Шопен говорит также, что город Воллин был построен Герулами. По-русски название «Воллин» может иметь значение «Волянь», что доказывало бы пребывание Герулов (Хоралов) в свое время на Воляни. Это подтверждается в письме Богдана Хмельницкого, где он указывает на Герулов (Хор[a]лов) как на один из народов, бывших предком украинского народа. Однако сам украинский народ есть Киевская Русь, оставшаяся без князей...» (Юрий Миролюбов, «Материалы к истории крайне-западных славян», <https://www.rulit.me/books/materialy-k-istorii-krajne-zapadnyh-slavyan-read-169309-2.html>; <https://history.wikireading.ru/299976>; http://slava.ho.ua/pdf/miro_zapad.pdf);

«Так, объяснение Адама о тождественности мекленбургских славян винулам и вандалам Гельмольд (1-2) перенимает, дополняя уже своими подробностями, в частности тем, что племя гаволян – это племя герулов. Последующее описание Юмны (2-19 у Адама) Гельмольд также перенимает, дополняя сообщением, что руины этого города сохраняются ещё в его время. Из чего можно сделать вывод, что Гельмольд не просто цитировал отрывки Адама 2-18 и 2-19, но и задумывался над соответствием этих описаний реалиям второй половины XII века и исправлял или дополнял то, что считал нужным...» (Андрей Пауль, «Варины, которых называли ободритами», <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/>);

«Страна, горы и реки в районе Терека, где вначале проживали Беренджеры, носили их имя. Иногда в источниках оно заменяется названием Басилы, в котором не трудно узнать Базилеев древности. В стране Беренджер христианство господствовало уже в VIIв. По Плинию там же когда-то жили Удзы (Готы / Гуды = Узы, – П.Д.). Все они могли быть и Туранцы и Кавказские Славяне и туранославянской смесью. Но в годы 721 – 37 Арабы уничтожали их во множестве, топили в реках или просто убивали. Части же их удалось скрыться на север. Во всяком случае, Ибн Фадлан в 922 г. видел в Камском Булгаре пять тысяч Баранджеров, а персидские географы того же столетия знали христиан В.Н.НД.Р. на Верхнем Дону, южнее Окских Угро – Финнов, Маджар. Как они попали на Дон, рассказывает Константин Багрянородный. Ему они были известны под общим с Торками именем Узов (см. УЗЫ). В 948 году он писал: «Пятьдесят лет назад, так называемые Узы договорились с Казарами; сообщая с ними побили Печенегов в сражении и изгнали их из их собственной страны, которую так называемые Узы занимают до сих пор». О том, где до этого времени жили Печенеги, Татищев говорит: «Оные прежде жили между Дона и Волги, до Яика, а последи до Дуная распространился». Это же подтверждает и археология. Следовательно, после изгнания Печенегов и до прихода в наши степи Половцев (1060 год) Ч.К., Торки и Берендеи, проживали между Верхним Доном и Волгой и ниже по Дону, где персидская география (Гудуд ал Алэм) указывает В.Н.НД.Р., два племени Б. Радас (Бродников) и Казарских Печенегов. Все эти выходцы с Кавказа, несомненно, находились и в

державе Томаторканской, где составляли кадры касажской и хазарской дружины Мстислава Храброго. После же того, как Половцы заняли наши степи, они ушли от них на запад и оказались при границах Киевской Руси. После этого Ч.К. почти два века находились в состоянии непримиримой вражды и непрерывной войны с Половцами. Поэтому видеть между ними какие-либо родственные связи немыслимо. В.Н. Татищев, ранний русский историк, составил подробный летописный свод, для которого имел возможность использовать и списки, после бесследно исчезнувшие из архивов. В летописях, по его словам, «их историки разно имянуют, яко торки, печенеги, козары, черники, клобуки и берендеи, мню, что разные смешаны были» (История Российская, т. 1, примечание к главе 26). «И было их войско немалое, иногда козарами прозванное, иногда же поршане или поросяне от реки» (там же том II, примечание к гл. 5-й и 6-й). «Они их разно именовали. Видно ж, что в одном месте у одного торки или козары, у другого берендеи, у третьего черные клобуки» (там же том IV, примечание к главе 11). Наряду с туранскими именами их вождей: Моначкж, Сатмаз, Каракозь, Мнюз, Карас, Кокей, в летописях обнаруживаются и имена со звучанием алан – скандинавским: Чекоман, Тошман, Кульдьяр, Кондудый, Тудор. Вообще, Ч.К. стали народом, пережившим основательную метисацию. По данным археологии: «Торки, прошедшие по южнорусским степям, были настолько смешаны с другими народами и, в частности, с Печенегами, что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным» (С.А. Плетнева, МИА 62, стр. 165)...» (А.И. Скрылов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Черные Клобуки», 1970 г., https://kazak.academic.ru/2371/ЧЁРНЫЕ_КЛОБУКИ; <http://www.moi-slovari.ru/slovari/cossack/1881640.php>; <http://interpretive.ru/termin/chyornye-klobuki.html>; <http://www.zaporogom.info/LinijaPoroga/ZaPorogomSemejnogo/ProisxozhdenieRusichejj/TjurkiKazaki>);

«В «Сказаниях еврейских писателей о хазарах и Хазарии» в издании А.Я. Гаркави и у выдающегося русского семитолога П.К. Коковцова в «Еврейско-Хазарской переписке X в.», в «Кембриджском документе» приводятся интересные сведения о славянах в составе каганата. В частности, перечисляя племена, подвластные этому государству, царь Иосиф перечислил вятичей и северян, которые находились, в том числе, и на Дону. Южнее указанных племен по источнику X в. обитали славуины. Если вятичи, северяне и славуины платили Каганату дань, то о русах – служилом сословии, – этого не говорится. О славянах, входивших в состав Хазарии, сообщает еврейский источник Иосиппон (сочинение неизвестного средневекового автора под псевдонимом Иосиф бен Горион)... Таким образом, в восточных источниках подробно отражены этнокультурные процессы и особенности социально-экономического развития славян в Хазарии, неоднократно отмечается их присутствие на берегах крупных рек региона, в том числе и на Дону. Большинство упоминаний о славянах-русах в регионе относится к периоду VIII – XI в.в. Западные (европейские) письменные источники также позволяют реконструировать историю славян Азово-Донского региона. Российские ученые XIX – XX в.в. неоднократно опирались на европейских средневековых авторов, однако интерпретация иногда давалась вольно. В частности, основываясь на сообщения И.И. Срезневского о древнерусских надписях VI в. в Крыму, Д.И. Иловайский предположил существование в Подонье-Приазовье «Черноморской

Руси». Автор широко использовал письменные источники, приводил их детальный, в том числе текстовый анализ. Многие историки в своих исследованиях опираются на серьезную базу источников, использованную Д.И. Иловайским в «Разыскания о начале Руси». Однако надо иметь в виду, что большинство источников, использованных автором локализируются Причерноморьем и Таманским Приазовьем» (Е.И. Дулимов, В.К. Цечоев, «Славяне средневекового Дона», http://historylib.org/historybooks/E-I-Dulimov--V-K-TSechoev_Slavyane-srednevekovogo-Dona/3).

Полями и ополями (укр. «спалені, опалені» – опалённые [солнцем]) были и тёмно-краснокожие (тусклые) балтизировавшиеся спалы – потомки первой волны миграции в Европу славяноязычных юэчжийцев *торкалан / *троксолан / токсолан (пушту «tor», тадж. «торик», курманджи «tarî», англ. «dark» – тёмный; англ «tarnish», швед. «tråkig» – тусклый), экзоэтноним которых лишь после того, как их кожа постепенно (от поколения к поколению) осветлилась до ярко-красного цвета, и стал более известным как роксоланы / рокасы (серб. «црвен», латгал. *tsorkons / «sorkons», лтш. «sarkans», санскр. «rakt`а» – красный; перс. «рухс» – «сияющий, огненно-красный»; марийск. «ракш» – «русый, гнедой = коричневый, красновато-рыжий»):

«Одно из племен прохоровской культуры, вероятно ветвь роксоланов, повернуло на север и оказалось в южной части Киевской области. Они подчинили себе население плодородной сельскохозяйственной территории и обосновались там по меньшей мере на четыре века. По-видимому, их можно отождествить со спалами (возможно, родственными галиндам, хайландурам [хайландур'к] и торкам, – П.Д.) – сарматским племенем, упоминаемым Плинием, а также Иорданом» (Тадеуш Сулимирский, «Сарматы. Древний народ юга России», <https://7lafa.com/book.php?id=87274&page=21>; <https://history.wikireading.ru/106500>; http://loveread.ec/read_book.php?id=75672&p=26);

«В прохоровской культуре с традицией юечжи могут быть соотнесены подбойные и, возможно, катакомбные погребения и некоторые типы оружия (железные стрелы с длинными черешками); остальные элементы этой культуры связаны непосредственно с Приуральем [Мошкова, 1974]. В Приуралье юечжи (балтизировавшиеся предки троксолан / роксолан и аланорсов, – П.Д.) вошли в состав вновь образовавшегося союза кочевых племен, которых исследователи считают аорсами [Мошкова, 1974] (точнее, верхними аорсами – яньцай = антами, – П.Д.)» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности», <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=120> – <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg-bi&book=1999&page=123>);

«...исторические свидетельства фиксируют этноним росов как минимум с VI века, причем именно этноним, поскольку почти во всех приведенных сообщениях речь идет не о стране или государстве, а лишь о народе, именуемом как hros (hrus), росы (руссы), роди (гаруды [лат. Harudes / Arudes / Arachi], гардинги [лат. Gardiugi / Gardingi], хредготы

[англосакс. Hreðgotum / Hreðgotan], гревтунги / грейтунги [лат. Greutungi / Greuthungi, англосакс. Hrádas], гротинги [греч. Γροθίγγοι / Ηρόθίγγοι] / грутунги / грутунны [лат. Grutunni / Gruthunni] / гротуны [лат. Grotuni / Grotoni, гот. *Hrôthuns] / грутунцы [лат. Grutunci] = хороты / хорутане / рузары [баварский географ Ruzzi], араб. ал-урдуманья, вост. хурусы / урусы, визант. хрёсы / хросы = русы; англ. «guards», хинди «gaard», турец. «gard», чеш. «garda», ирл. «gardai», венг. «gárdisták», фин. «kaarti», алб. «goje» – «гвардия, охрана»; др.-сканд. «gríði, gríðmaðr» – «товарищ, телохранитель», – П.Д.). Народ этот, живущий на «острове росов», но в то же время где-то у Крыма (Кавказа), а также в Северном Причерноморье, награждается следующими характеристиками: варварский, жестокий и кочующий; отважный и победоносный, совершающий свои набеги только на кораблях; купеческий, не брезгующий работоторговлей; не именитый, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства. Иногда характеристики выглядят противоречиво, например, у росов нет селений и недвижимого имущества, но при этом есть много городов. И нигде, может быть, кроме «Персидского анонима» с его «народом страны», ни слова о стране, государстве росов! Неужели этот народ, награжденный столь яркими, хотя и противоречивыми характеристиками, не имел своего государства? Оказывается, имел, но в далеком прошлом. Более того, государство сего необычного народа могло в период расцвета считаться великой державой, с которой считался сам заносчивый Рим. Но никто из процитированных выше свидетелей, включая самого раннего из них, Псевдо-Захарию, этого государства уже не застал... Существование государства росов или, точнее, их предков в первой половине первого тысячелетия нашей эры не сомнительные домыслы, не фантазии, а факт широко известный, засвидетельствованный множеством документов, надежно доказанный археологически, но почему-то упорно игнорируемый в контексте происхождения Руси. Речь идет о готском причерноморском государстве III – IV веков, а также черняховской археологической культуре, в настоящее время связываемой с готами большинством археологов. Непросто очертить границы этого государства. Единственный готский историк Иордан, труды которого дошли до нашего времени, утверждал, что императору готов Германариху подчинялись племена, как известные по нашим летописям, так и прочие неведомые. В целом, по Иордану, империя Германариха простиралась от Балтийского до Черного моря с севера на юг и от Вислы и Дуная до Дона с запада на восток... Восстановление в правах оригинального этнонима /hrö:θ/ производит форменную метаморфозу: невнятные «корчеватели леса» Тацита превращаются в известных грейтунгов, эпическое Рейд-море оказывается реальным Черным (прежде Чермным / Русским морем, – П.Д.), а мифический Рейдготаланд (занимавший «весь материк») – вполне исторической империей Германариха, державой причерноморских готов, народа всадников и мореходов» (Владимир Егоров, «Русь и снова Русь», <http://www.ipiran.ru/egorov/hraith.htm>);

«В 8 веке король франков Карл Великий завоевал эти земли (Норик / Хорутанию, – П.Д.) обратно, и включил в состав своего государства. После этого земля Нижней Австрии в ряде западноевропейских письменных документов 8 – 11 веков называлась Рузарамарка (земля Руссов). Археологи установили, что этими Рузарами – Руссами являлись люди Аварской археологической культуры, хоронившие своих умерших по сарматскому обряду, и

далее их прямые потомки в лице Дунайской дружинной культуры. Характерно, что после того, как Карл Великий завоевал Нижнюю Австрию и выгнал оттуда людей Аварской культуры, то одновременно на земли нынешней Чехии и Польши прибывают Хорваты со своей правящей династией Крока, и называют себя выходцами из Хорутании (а на земли бывшего Рейдготаланда в Поднепровье прибывают поляне-русы, – П.Д.). Государственность Польши и Чехии, как и государственность Иллирийских славян была тесно связана с людьми Аварской Культуры, а значит с потомками Роксалан. В этом смысле средневековые польские историки правы, когда называли свою государственность продолжением государственности Европейской Сарматии – Роксалании. Одна из исторических земель Польши называлась древним именем Куявия, по названию (в античности балтоязычного, – П.Д.) сарматского племени. Куявы, безусловно, являлись составной частью сармат Роксалан. Столица Руси город Киев одного корня и происхождения с названием этого сарматского племени. Легендарный Кий имел типично сарматское имя, а значит, принадлежал Роксаланам и соответственно входил в число военной знати восточных славян под названием Анты. Некоторые исследователи предполагают, что русский летописный Кий является реальным Антским князем, известным в Византийской империи как Хильбудий, который в качестве военного наемника дослужился до военного правителя провинции Фракия. Анты имели свое довольно мощное государственное образование с наследственной политической властью, и вели организованные войны со своими соседями по реке Дунай с восточными германцами Гепидами и Лангобардами. В средневековых хрониках (Лангобардские анналы) государственность Антов названа Антаибом» (Александр Чуприна, «Предыстория Древней Руси // О переселениях и делах славянских» Глава V. Часть 2, <http://predistoriya-drevney-rusi.ru/o-pereseleniyax-slavyanskix/o-pereseleniyax-i-delax-slavyanskix-glava-v-chast-2/>);

«Киевский митрополит Петр Могила называет Киевскую православную церковь «Церковь Роксоланская». Митрополит Петр Могила в своей летописи говорит: «Православныя Роксолань». То же выражение применяли и в государственных выражениях светской власти. Богдан Хмельницкий в переговорах со Швецией через посла Веллинга отстаивал перед Шведским королем за государственных казаков «права на всю Украину, или Роксоланию, где была греческая вера и язык (их) существует до Вислы». Гетман Выговский в 1657 году, продолжая те же переговоры, добивался признания права «на всю Украину, или Роксоланию». В Бендерской конституции гетмана Филиппа Орлика (1711 года) Роксоланы упоминаются как (славянизированные гревтунгами / грутуннами = хорутанами, – П.Д.) предки Украинцев. Поляк Я. Смолинский описывает посольство Хмельницкого в 1648 году под Замостьем и говорит о «знатном Роксоланине». Севастьян Сакович (1543 – 1602 гг.) написал поэму «Роксолания» и т.д. Итак, ясно, что «Роксоланами» называли южных Русов. Конечно, их так бы не называли, если бы не было для этого никакого основания. Однако в науке идентичность Русов и Роксолан «не доказана»? Она «не доказана» и потому еще, что тогда надо отбросить «норманизм», а этого никто не мог сделать. Однако Роксоланы боролись против Германреха (350 – 375 годы) под началом своего князя Болемира. Имя это, как и имя Божа, славянское» (Юрий Миролюбов, «Преистория славяно-русов», т.14, <https://www.rulit.me/books/preistoriya-slavyano-rusov-read-169308-22.html>; <https://www.e->

«Новое объяснение слова «хайландуры» дает Б. Улубабян, полагая, что «хайландуры» (хайлан-dur'k – «тёмные аланы»; пушту «tor», тадж. «торик», ст.-англ. «deorc», англ. «dark» – тёмный; эвенк. «халан, калан» – «клан, род, племя», ирл. «cland, clan» – «потомство, род, клан»; перс. «калантар» – «старший, большой», – П.Д.) кельтское слово и означает (как и галлы, гальча, галичане, галинды, – П.Д.) житель гор – highiandeur (хинди «haelaindar», бенг. «hā'ilyāṅḍāra, гуджар. hā'ilēṅḍāra – горец), как все еще называют себя жители горных районов Шотландии Hailand, как объясняет Б. Улубабян, страна гор, гористая местность (гот. «hallus» – скалы, лат. «celsus» – «возвышающийся, высокий», «collis» – холм; маньчж. «alin», эст. «turi» – «горный хребет»; англ. «torus» – возвышение; фин. «tunturi», саам. к. «tundar», «tuoddar», семит. «tūr, taur, tor», арм. «sar» – гора, – П.Д.)...» (коммент. к кн.: Мовсес Каганкатвацци, «История страны Алуанк», <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Kalank/primtext11.phtml>);

«Европейские источники позволяют лишь, в общем, охарактеризовать исторические аспекты связанные с интересующей нас темой. Наиболее ранний памятник европейской «космографии» относится, предположительно, к началу VIII в. и принадлежит перу анонимного Равенского географа. «Космография» описывает продвижение славян в Скифии на Восток. В реконструкции текста Э. Шведера и переводе А.В. Подосинова славяне локализируются в VIII в. на верхнем Дону с роксоланами (троксоланами – возможными предками торков, – П.Д.), аланами в регионе, называемом Сарматскими горами (верховье Дона), между Новинетуном (?) и Мурсианским озером (Азовское море?). Интересны также «Вертинские анналы», сообщавшие о прибытии к императору Людовику I из Византии посольства. В составе посольства были представители народа «Рос» (Rhos), которых отправил «царь их по имени Хакан» (Chacanus). В историографии укоренилась традиция соотносить «царя по имени Хакан» с русским князем при хазарском влиянии на древних русов. Однако из источника не ясно, какой из «царей» направил эту миссию – русский князь (каган) или хазарский, которому в первой половине IX в. были подвластны славяно-русские племена. Другие источники говорят о донских славянах подробнее. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» дает немало сведений, в общем, говорящих о славянах. Так автор сообщает о «внешней Руси». С точки зрения В.В. Мавродина «Русь внешняя, в отличие от «внутренней Руси» – Киева, Чернигова и Переяславля, – представляла земли подвластных киевским князьям славянских племен. Сообщения о «внешней Руси» очень важны, так как прямо говорится о значительной части славяно-русского этноса вне пределов Древнерусского государства» (Е.И. Дулимов, В.К. Цечоев, «Славяне средневекового Дона», http://historylib.org/historybooks/E-I-Dulimov--V-K-TSechoev_Slavyane-srednevekovogo-Dona/3).

Полянами были и славяноязычные донские аланы-торки / аланы-русы и черноморские готы-русы, более известные как готы-трапезиты и готы-тетракситы, а также и родственные им гузы = гуды / готы торки = таркасы / черкасы – очевидно, вернувшиеся, к языку своих

праславяноязычных предков потомки балтизировавшихся тёмно-краснокожих юэчжийцев *троксолан / токсолан / роксолан, являвшиеся последней волной миграции славяноязычных да-юэчжийцев из Азии в Европу. Конечно же, не исключено и то, что они даже были полиэтничным союзом таких же тёмно-краснокожих славяноязычных и славянизированных племён:

«Между тем племя, нас теперь интересующее, переходит Дунай еще в 1064 году и все-таки под своим собственным именем узов. Об этом нам сообщают два автора – Атталиота и Скилица, оба писавшие в XI веке... Атталиота был участником в деятельности императора Романа и потому заслуживает полного нашего доверия. В своей истории он постоянно отличает куман от узов. О переправе последних чрез Дунай мы находим у него подробный рассказ, как они переправлялись, как разбили болгар и греков и разграбили весь Иллирик до Фессалоники и даже до Эллады. Но зима доконала их. Часть их приняла византийское подданство. «Те, которые пришли, – говорит Атталиота, – к римскому императору, взявши государственную землю в Македонии, стали на сторону римлян и по сию пору пребывают союзниками их... и были удостоены сенаторских и сиятельных достоинств». Это место особенно важно для нашего вопроса. Выражение «по сию пору» показывает, что писавший сам знает эти поселения узов, что они существовали в его время. Кроме того, Атталиота мог лично знать некоторых узов, облеченных сенаторским званием, служивших в византийской армии. Участник походов Романа, он должен был близко быть знакомым с представителями этого племени. Следовательно, наш писатель имел полную возможность различить (славяноязычных предков македонцев, – П.Д.) узов от других тюркских племен, печенегов, половцев... Переходя затем к сведениям, которые приводит Анна Комнина, мы видим у нее полное подтверждение нашего мнения. Она рассказывает о событиях царствования своего отца, когда кумане – половцы принимают деятельное участие в судьбах Византии. Говоря о борьбе императора Алексея с куманами и печенегами, она указывает, что в войсках ее отца были узы, отличая, таким образом, последних от первых; рассказывая о борьбе печенегов с куманами, о том, что последние заняли болото Озолимну, Анна дает нам знать, что это имя произошло от народа узов, некогда здесь останавливавшегося лагерем. Нам не важен филологический домысел писательницы, а факт признания ею узов за отдельный народ. Ценность известий Анны увеличивается еще потому, что она, несомненно воспользовалась рассказами своего отца, что видно из мелких подробностей в описаниях битв, действий императора. А никто уже не может отрицать, что Алексей сознательно отличал узов от команов: первые были в его войске, а со вторыми он вел борьбу и принимал их посольства. Приведем здесь два западноевропейские известия из времени крестовых походов, которые подкрепляют сказанное выше. Именно, по Раймунду де Ажилю, крестоносцы застали в Диррахииуме в 1096 году служивших в войске Алексея: гузов, фанаков (печенегов) и команов; по другому автору, там находились в 1110 году туркопулы (торки-аланы, – П.Д.), команиты и пиценарии. Очевидно, писано это по рассказам очевидцев, а посему заслуживает быть принятым в число доказательств» (Петро Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIII вв.», <https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>; http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf);

«Ибн Мисхвейх (1030 г.) пишет, что тюрки (гузы) напали на Хазарию в 965 г. Совпадение даты этого нападения с разгромом Хазарии Святославом давно уже дало повод полагать, что или тюрки (на самом деле тёмно-краснокожие славяноязычные аланы-торки и славянизированные потомки балтоязычных гудов троксолан / роксолан – гузы торки = таркасы / черкасы, – П.Д.) в этом известии поставлены ошибочно вместо Руси, или, что нападения тех и других были согласованы между собой. Весьма вероятно, что прав Вестберг, полагая, что Святослав подбил гузов (славяноязычных узов торков, а отнюдь не тюрков; кит. «chuse» – «превосходный, замечательный»; ирл. «uasal», арм. «azniv», осет. «уæздан», кавк. «уздень» – «благородный, дворянин»; осет. «кад», англ. «kudos», лит. «guõdas», лтш. «gùods» – «честь, слава»; хинди «āḍara», лтш. «godu», укр. «гідність» – честь, – П.Д.) на войну с хазарами, обещав им часть добычи... По всей вероятности, с уходом Святослава именно языческие гузы хозяйничали в завоеванных с их помощью хазарских владениях. Поэтому некоторые арабские авторы и выставляют только гузов в качестве врагов хазар, вовсе не упоминая Русь. Именно поэтому хазары и просили у Хорезма помощи не против Руси, а против гузов... «Иде Володимер на Болгары с Добрыней уем своим в лодях, а торки берегом приведе на коних; и победи Болгары» [Повесть временных лет, I, с. 59]. Особо следует отметить, что Владимир действовал по примеру своего отца в союзе с гузами, по всей вероятности, продолжавшем существовать со времени Святослава» (Михаил Артамонов, «История хазар», <http://gumilevica.kulichki.net/AMI/ami124.htm>);

«Мы приводили уже раньше сообщение Константина Багрянородного, что (возможно, родственные троксоланам / роксоланам славянизированные, – П.Д.) узы в IX веке жили еще за Яиком, в Азии, затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой. Писатель X века Аль-Масуди находит их уже на правой стороне Дона, который отделяет от них Хазарию. Географические сведения русских о Поволжье и Подонье в X веке были довольно значительны, благодаря походам на восток Святослава и его предшественников. В раздаче уделов Владимиром Святым упоминается уже Тмутаракань, на восточном берегу Керченского пролива. Какой же народ знает наша летопись в степях около Дона в X веке? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 году Владимир Святой, когда шел на волжских болгар. Что (славяноязычное, – П.Д.) племя торков действительно жило у Дона, доказывается тем обстоятельством, что его остатки в первой четверти XII столетия ведут на берегах этой реки отчаянную борьбу с половцами. Затем Константин Багрянородный в одном месте делает весьма важное сообщение. «Должно знать, – находим у него, – что в то время, когда печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них по своей воле и по взаимному соглашению остались там и стали жить вместе с так называемыми узами и до сих пор находятся между ними»... Это известие указывает на дружественное совместное сожитие, а никак не на кочевание только в одних и тех же местностях. Эта небольшая горсть оставшихся печенегов могла быть отличена от узов только благодаря сохранению своей национальной одежды, как поучает сына наш император-писатель. Перечитайте теперь все наши летописи и убедитесь, что печенегов среди половцев не было...» (Петро Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до нашествия

татар. История южно-русских степей IX – XIII вв.», <https://profilib.net/chtenie/97626/petr-golubovskiy-pechenegi-torki-i-polovtsy.php>;
http://history.org.ua/LiberUA/PTPIst_1884/PTPIst_1884.pdf);

«Огузское государство отличалось разнородностью этнического состава, процесс же консолидации огузов в народность не получил своего завершения. Государство огузов, подобно другим раннефеодальным политическим объединениям, не было монолитным. Ал-Идриси свидетельствует о наличии у огузов нескольких «царей» или «князей»... В 965 г. между огузским джабгу и киевским князем Святославом был заключен военный союз, направленный против хазар. Его результатом явился разгром Хазарского каганата. Военно-политический союз Киевской Руси с огузами обуславливался общностью их политических и торгово-экономических интересов. Древнерусское государство, соперничавшее с Хазарией, нуждалось в союзнике; в свою очередь, феодализирующаяся кочевая знать огузов испытывала острую нужду в пастбищах для своих стад, в донских и черноморских степях, куда преграждала путь Хазария. Большую притягательную силу для огузов представляли и важнейшие магистрали, соединяющие Европу с Азией и пролегавшие через Поволжье, Мангышлак, Устюрт. В контроле над этими торговыми коммуникациями было заинтересовано и древнерусское государство. Разгром Хазарии открывал русским купцам доступ к богатым рынкам стран Востока. Все это определило курс внешнеполитической ориентации огузских джабгу на союз с русскими князьями... Русские летописи свидетельствуют, что в 985 г. князь Владимир в союзе с торками (огузами) двинулся в поход на болгар. Княжеское войско плыло в ладьях по Волге или Каме, а торки ехали по берегу на своих боевых конях» (А.Н. Нусулбеков, «История Казахской ССР. С древнейших времён до наших дней», Т. 1, <http://www.litmir.me/br/?b=249131&p=90>);

«Торки – крупное скифское (точнее, славяноязычное сарматское, – П.Д.) племя, туранское по происхождению. Оно вошло в состав казачьей народности и его основное скифское имя Коссака или Кассака распространилось на племена Казарских Славян. Их частное племенное название Тореты стало известно на Кавказе очень рано. В I – II в.в. Торетов знают географы Плиний Ст. и Птоломей; они указаны в титуле боспорского царя Аспурга, как его подданные. Археология датирует их погребения с конем еще более ранним временем. С 5 века эти погребения исчезают на Сев. Кавказе и появляются в Заволжье; с X в. они переходят на Дон, Донец и распространяются дальше на Запад в бассейн Нижнего Днепра. Так прослеживаются пути Торков до того времени, когда о них узнают русские летописцы» (А.И. Скрялов, Г.В. Губарев, «Казачий исторический словарь-справочник» // «Торки», 1970 г., <https://kazak.academic.ru/2076/ТОРКИ>; <http://interpretive.ru/termin/torki.html>);

«Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет царь Аванджа, имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов; он воюет с Румом, Ифранджем, Нукабардом и с другими народами, но войны эти нерешительны. Затем с этим славянским

царем граничит царь Турка (русов-торков / таркасов / черкасов, – П.Д.). Это племя красивейшее из Славян лицом, большее них числом и храбрейшее из них силой» (А.Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских // Из сочинений Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейна, известного под прозвищем Аль-Масуди (писал от 20 или 30 до 50-х годов X века по Р. Х.)»,

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/11.htm).

Как видим, в широком смысле к полянам относились не только потомки боранов / ворадов варяги (*барангуры / беренджеры = берендеи / баяндуры), но и многие другие готские, аланские, караболгарские и карахазарские славянские племена, являвшиеся потомками балто- и славяноязычных горцев: савроматов, сарматов, согдийцев (юэчжи) и хорезмийцев (юецзи = хорасмиев = хурусов / русов):

«Академик В.В. Бартольд (1869 – 1930), которому принадлежат капитальные труды и очерки по истории Хорезма, считал, что к названию Гургандж восходит старейшее (I в. до н.э.) китайское обозначение Хорезма – Юегянь, или Юецзянь, встречаемое в «Истории старших Хань»...» (М.А. Мамедов, Р.Г. Мурадов, «Средневековые письменные источники о древнем Ургенче», <http://kungrad.com/history/khorezm/ur1/>);

«Археологический материал, таким образом, не дает оснований считать, что (славяноязычные, – П.Д.) юечжи ассимилировались в среде хорезмийцев (это наименование можно прилагать к двум более ранним группам местного населения, которые совместно проживали в оазисе низовьев Амударьи до появления здесь племен юечжей). За долгое время пребывания в левобережном Хорезме (с рубежа IV–III вв. до н.э. до V в. н.э.) они тоже «получили право» называться хорезмийцами (хорасмиями = хурусами / русами, – П.Д.), хотя и сохранили свою самобытность (стали лишь федератами Хорезма – полянами / украинцами = внешними, – П.Д.). С этой юечжийской группой населения мы можем связывать и происхождение правящей династии Хорезма, чеканившей монету с конца I тыс. до н.э. [Вайнберг, 1977]. В монографии по нумизматике Хорезма я детально проанализировала все доступные в то время источники (нумизматика, тамги, письменные свидетельства), поэтому здесь я не буду повторять аргументацию, а изложу лишь основные выводы исследования. Династия Хорезма, чеканившая монету, происходила из кочевого племени, принимавшего участие в разгроме Греко-Бактрийского царства. Сопоставление тамг на монетах позволило предположительно выделить особую юечжийскую группу (условное ее название «юечжи дома Чжаову»), которая осталась в Средней Азии после ухода основной массы кочевников за Амударью и с которой, вероятно, связаны и некоторые местные династии более позднего времени (Соغد, Бухара, Хорезм и др.). Сопоставление тамг на монетах с широким кругом подобных знаков, известных на территории от Западной Монголии до Причерноморья [Вайнберг, Новгородова, 1976], позволило сделать вывод о том, что тамги распространялись с востока с (аланскими, – П.Д.) племенами, которые в широком смысле слова можно назвать «сарматскими» (ср. идею о восточных сарматах у А.М.Мандельштама [Мандельштам, 1978])...» (Б.И. Вайнберг, «Этнография Турана в древности»,

<http://bookshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=vaynberg->

К археологическим материалам юэчжей / *утиев / гутиев = готов близки археологические материалы не только утигуров и славяноязычных германцев ютов, но и других славяноязычных тёмно-краснокожих алано-германцев, включая готов и славяноязычные болгаро-хазарские племена юга Украины и Северного Кавказа, потомки которых назывались позже в киевских летописях полянами:

«Собственно киевская культура (как балтизировавшихся и позже славянизировавшихся потомков финноязычных скифов – долихокранных кривичей, так и балто-славяноязычных потомков роксолан и верхних аорсов – брахикранных спалов / споров, барсиллов = борусков = боранов, янтсай / антов и других полян, – П.Д.) охватывает Среднее Поднепровье по обоим берегам его вплоть до устья Березины, Среднее и Нижнее Подесенье, весь бассейн Сейма, на юге простирается вплоть до устья Роси и среднего течения Псла и Сулы (Терпиловский, Абашина 1992; Терпиловский 1994: 75), а на востоке достигает Курска, верховьев Северского Донца и даже Дона. Значительная часть этой же территории в то же самое время (III – IV вв.) занята и памятниками черняховской культуры (античных полян – славяноязычных алано-германцев и славяноязычных гуннов-савиров [жунов-северян], – П.Д.), охватывающей более широкий ареал приблизительно от Клуза в Румынии до Курска, а на Правобережье Днепра от линии Луцк-Киев вплоть до побережья Черного моря. В зоне пересечения этих культур на Левобережье наблюдается, однако, весьма любопытное явление: они сосуществуют, имеют некоторые контакты, на киевских памятниках есть иногда примесь черняховской гончарной керамики, а на черняховских – лепной киевской, но слияния не происходит, поскольку каждая из культур занимает свою экологическую нишу. Черняховские тяготеют к черноземам, а большинство киевских располагается на песчаных дюнах в поймах рек. Я имел возможность наблюдать это явление в совместных разведках с Е.А. Горюновым в бассейне Псла. Иногда поселения расположены практически по соседству, но топография различна. Способы ведения сельского хозяйства и использования угодий у носителей этих культур были различны, и они могли сосуществовать, не очень мешая друг другу. Есть, впрочем, и исключения, отношения носителей двух культур не всегда складывались однозначно. Например, на поселении Глеваха под Киевом слой киевской культуры перекрыт черняховско-вельбаркским, первые, вероятно, были вытеснены вторыми. Наблюдается и общий процесс некоторого сдвига населения в северном направлении (Терпиловский 1989). Происходило все где-то в пределах III – IV века, для более точной датировки пока маловато данных. Не исключено, что это связано с описанными Иорданом действиями (предводителя предков полян-украинцев и хорутан – гревтунгов / грутуннов, – П.Д.) Германариха против (балтоязычных, – П.Д.) венетов... Еще один элемент, объединяющий киевскую культуру с памятниками глубинки лесной зоны, – пряслица с большим отверстием, отсутствующие в черняховской культуре и в древностях Центральной Европы. Можно было бы вспомнить здесь еще и железные булавки типа «пастушеского посоха», и некоторые другие элементы. Думается, северное (финнское, – П.Д.) направление связей киевской культуры просто еще недостаточно изучено, никто пока не задавался целью сделать это целенаправленно. Больше уделялось внимания южным

элементам на северных памятниках (Третьяков 1966; Митрофанов 1978; Фурасьев 1993)» (М.Б. Шукин, «Рождение славян», http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf; https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schuk_rogdslav.php);

«В настоящее время не вызывает сомнений факт участия сарматского населения II – III вв. н.э. в сложении югозападного региона Черняховской культуры. Этому способствовал постепенный переход сарматов к оседлости, что привело к появлению у них поселений, подобных черняховским [Рикман, 1975, с. 319], к усилению контактов и связей сарматов и оседлого, жившего рядом с ними земледельческого населения. Показательны наличие сходных черт в погребальном обряде (славяноязычных гревтунгов и родственных им славяноязычных аланов, – П.Д.) – существование одинаковых по форме и устройству могильных ям с уступами (заплечиками и подбоями – Переяслав-Хмельницкий и др.); распространение гробов и колод и северная ориентировка погребенных, характерные для поздних сарматов и ранних черняховцев; положение рук на тазе и груди; наличие скорченных скелетов (Черняхов, Касаново и др.). На поселении Леськи и в Масловском Черняховском могильнике обнаружены сарматские зеркала. К сарматским элементам погребального ритуала в Черняховских могилах следует также отнести красную краску, следы бараньего мяса, остатки лошадиной туши, ножи и т. д. Данные антропологии, полученные при исследовании юго-западных ареалов Черняховской культуры [Рикман, 1975, с. 321], свидетельствуют, что наряду с гетским антропологическим типом (мезодолихокраны) встречается и сарматский (брахикранный) тип. Естественно, что в других Черняховских ареалах величина сарматского этнического типа среди материалов Черняховских могильников могла быть менее ощутимой или же вовсе отсутствовать [Кондукторова, 1979, с. 67], как, например, на Нижнем Днепре. Но в других Черняховских областях она выступает вполне определенно, как и вклад сарматской культуры в создание черняховской культуры в целом [Баран, 1981, с. 154, 161]» (В.Д. Баран, Е.В. Максимов, А.Т. Смиленко и др., «Этнокультурная карта на территории Украинской ССР в I тыс. н.э.», http://istoriofil.org.ua/load/knigi_po_istorii/arkheologija/ehtnokulturnaja_karta_na_territorii_ukrainskoj_ssr_v_i_tys_n_eh/21-1-0-3896, <http://www.istmira.ru/istros/etnokulturnaya-karta-na-territorii-ukrainskoy-ssr/page/4/>);

«Представление о варяжском происхождении Русского государства все еще держится на догадках о вековой отсталости Восточной Европы от Запада. Между тем уже в период господства готов в III – IV вв. среди славян выделились отдельные князья. Славянские (балтоязычные, – П.Д.) племена стали объединяться для общей борьбы с готами, и предание сохранило нам имя одного из таких князей – Божа. Готский король «двинул боевую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами». Современная историческая наука признала неоспоримым фактом, что под именем антов в ранних византийских источниках выступают (балтоязычные, – П.Д.) предки восточных славян. Поэтому академик Б. Д. Греков вполне

основательно отмечает «факт объединения огромной массы (балтоязычных, – П.Д.) славян под единой властью (славяноязычных готов и аланов-торков, – П.Д.) даже в IV в.» (М.Н. Тихомиров, «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография, Сборник статей, – М.-Л., 1947, – с.80, <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys05.htm>);

«Представляет интерес вопрос, чем объясняется, что многие народы, такие, как готы, гунны, авары, печенеги, половцы, проживавшие здесь веками, не оставили после себя почти никаких следов. От (литературного, – П.Д.) языка готов, например, не осталось ни одного названия, ни одного слова в языке местных народов... (очевидно, из-за славяноязычия простонародья большинства из этих древних народов, – П.Д.)» (Николай Мохов, «Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века)», https://books.google.com.ua/books/about/Очерки_истории_молдав.html?id=1CUtDwAAQBAJ&redir_esc=y <http://sulyak.ru/index.php?newsid=55>).

Следует отметить, что в отличие от простонародья, знатные рода полян уже в древности стали часто предпочитать характерному для праиндо-европейцев трупосожжению трупоположение, альтернативное торжественной кремации русов и варягов в ладье. Вот почему археологам так сложно идентифицировать с полянами раскапываемые ими древние поселения на Украине.

Словенами же, очевидно, назывались славянизовавшиеся племена и народности, а также и разноэтничные территориальные общности, ставшие сначала использовать славянскую речь для межэтнического общения, а затем перешедшие и на общение лишь ею и, тем самым, ставшие славянофонными:

«Традиционно филологи (В.В. Иванов, В.Н. Топоров) выделяют противопоставление: «словене – немцы», т.е. «владеющие членораздельной речью, языком, словом – немые» («Истоки славян», <http://osoznanie.org/1964-istoki-slavyan.html>).

Например, новгородские словене, как и балтоязычные долихокранные кривичи, являются потомками западных финнов (чудь, весь и др.):

«Ещё в начале 20 века Е.М. Чепуровский на основании исследования географического распределения головного указателя, цвета глаз и волос у 1000 человек из различных губерний Европейской части России и украинцев Волыни пришёл к выводу, что один из антропологических типов русского, а именно восточный великорус, является потомком ассимилированных финнов. Он же установил, что антропологический тип новгородцев соответствует типу западных финнов (финноязычных скифов, – П.Д.)» (Евгений Зарецкий, «Колонизация территории России и её языковые последствия // Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты», <http://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/kolonizatsiya-territorii-rossii-yazykovyie-71902.html>; http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf);

«Черепка из древнерусских некрополей XI – первой половины XIII в. на территории Русского Северо-Запада отличаются долихокранной (то есть не брахикранной в отличие от

потомственных славян, – П.Д.) мозговой коробкой и резкой профилировкой лица. ... можно предположить, что славянское влияние распространялось на более восточные территории медленно и постепенно, причем речь могла идти в основном о продвижении культуры и языка...» (Серафима Санкина, «Происхождение антропологических особенностей населения новгородской земли древнерусского времени (XI – XIII вв.)», http://www.academia.edu/4972953/_X-XIII_);

«Антропологические исследования действительно говорят о значительной неоднородности обитателей Новгородской земли первой половины II тыс. н. э. У древнерусского населения этой области, как правило, отмечаются черты, характерные для различных групп финнов и балтов (данные краниометрии: [Хартанович, Чистов, 1984; Алексеева, 1990; Санкина, 2000]; краниоскопии: [Томашевич, 1989]; одонтологии: [Гравере, 1990]). Наибольшей проблемой оказалось выявление на антропологическом материале компонента, который можно было бы связать собственно со славянами... Раннее население Пскова демонстрирует сходство с эстами XI – XII вв. Общность антропологического варианта могла сложиться в результате территориальной близости Псковской земли и Эстонии. Ранние эсты довольно сильно отличаются от населения Эстонии эпохи позднего средневековья и более похожи на ранних балтов. Среди соответствий группам из Конезерья, Славенки, Раглиц Б и позднего Пскова присутствуют серии либо прибалтийско-финские, либо с сильной финской примесью. Население Славенки сходно с латышами Яункандавы, вероятными потомками ливов, и с поздними группами Ижорского плато, имеющими водский субстрат. Как уже упоминалось, в серии были обнаружены черепа ярко выраженного «лапоноидного» облика. Хотя эта серия в целом отличается от саамских, она все-таки ближе к ним, чем любая другая из привлеченных для анализа... Ранние новгородские группы тяготеют к балтскому полюсу, поздние – к финскому. Эти тенденции особенно существенны с учетом того, что и те, и другие далеко не однородны по своему составу. Примечательно, что синхронные первым кривичи имеют чрезвычайно ярко выраженные «финские» особенности. От них отличается полоцкая группа, которую считают балтской по происхождению [Денисова, 1990]. Действительно, судя по результатам анализа, она тяготеет к балтам, но гораздо менее отчетливо, чем ранние серии Новгородской земли... Возможно, древнерусское население унаследовало антропологические черты от проживавших здесь балтов. Примечательно, что из 14 восточнославянских групп X – XIII вв. с других территорий сходство с балтами обнаруживают лишь три... На межгрупповом уровне различие между ранним (XI – XIII вв.) и поздним (конца XIII – начала XX в.) населением Новгородской земли выразилось в том, что первое сходно с балтами X–XVIII вв., а второе – с различными группами финнов того же времени» (Серафима Санкина, «Этническая история средневекового населения новгородской земли по данным антропологии // Сопоставление групп населения Северо-Восточной Европы», <http://www.a-nevsky.ru/library/etnicheskaya-istoriya-srednevekovogo-naseleniya-novgorodskoy-zemli6.html>; «Динамика средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии», <http://www.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2009/382/13.pdf>).

3) «Крайний»:

Украина является и крайней восточноевропейской страной (алб. «vendit» – «край, страна»), не противопоставляющей себя Европе:

«Украинскую нацию можно использовать против москвинов, эта нация вполне интеллигентная, культурная, в противоположность русским (то есть москвинам), которые являются азиатскими варварами, не додерживаются слов и договоров и уничтожают свободы...» (доклад известного французского министра иностранных дел Вержена королю, 1760г., цит. по: П.П. Брицкий, П.А. Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинском народе в XVII – XIX столетиях», <http://archive.li/a7H34>; https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt);

«Горе стране, находящейся вне европейской системы!» (Александр Пушкин, «О втором томе «Истории русского народа» Полевого», http://ocls.kyivlibs.org.ua/pushkin/pushkin_pss/pushkin/01text/07criticism/02misc/1029.htm; <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1029.htm>).

Восточнее Украины уже простирается евразийский варварский мир, не приемлющий европейских ценностей и поэтому-то любимыми способами стремящийся максимально изолироваться от внешнего цивилизованного мира:

«Даже странно, что в России так грязно живут. Это не объяснить отсутствием денег. Помыть пол можно и совсем безденежному человеку. Но полы грязные, обои засранные. На люстре висят штаны. Холодильник лежит боком на полу. Все потолки залиты. Одни – желтые, другие – черные. Если черные, это плохо, значит балки гнилые. Даже непонятно, почему уж так засрано. Правда, есть дома, где почище. И думаешь: вот ведь суетятся, пыль вытирают. Но не с уважением. А так – между прочим. Все-таки самое главное русское слово – грязь. В России все грязное: машины, помыслы, девушки, цветы, поля, весна. О грязной весне писал Пушкин, а потом задумался и не напечатал, постеснялся. А, может быть, если бы напечатал, получилась бы другая, чистая Россия, кто знает...» (Виктор Ерофеев, «Энциклопедия русской души // Грязь», http://lib.ru/EROFEEW_WI/encyclopedia.txt);

«Я до сих пор умалчивал о России намеренно, т.к. здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску, жителей русских городов. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и «Европой». Для нас русская душа – за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью – остается чем-то непостижимым... Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе.

Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими» (Освальд Шпенглер, «Пруссачество и социализм», М.: Праксис, 2002, с. 147-148, <https://www.litmir.me/br/?b=269290&p=31>);

«Густав Дицель в книге «Германия и западная цивилизация» (1852), как и большинство его современников, задается вопросом: куда шагает Европа – навстречу смерти или новой жизни. Дальнейшая судьба Европы, считает Дицель, напрямую зависит от единства немецкой нации; если Германия не найдет в себе сил для объединения, это откроет путь для российской гегемонии в Европе, что равносильно катастрофе, так как у русских «от природы отсутствует способность к развитию», посему они не в состоянии «принять культуру из рук гибнущих народов и усвоить ее». Русские – это «полудикий народ», «лишенный нравственности». Немецкая ментальность, воплощающая принцип индивидуализма, принципиально противостоит русской, «поглощающей» всякую индивидуальность. Все попытки личностного развития сводятся на нет коммунизмом, лежащим в основе русской жизни. Первым революционером в России был Петр I. Если современные русские революционеры возьмут его в пример, произойдет нечто гораздо худшее, чем в конце XVIII века во Франции. Между тем в России, этой азиатской стране, каждый человек потенциальный революционер, поскольку других способов для выражения протеста у него нет. Российская революция увенчается «абсолютным деспотизмом», поэтому революционная Россия представляет для Европы гораздо большую опасность, нежели Россия дворянская» (Дитер Гро, «Россия глазами Европы», цит. по реферату Б. Горохова, http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevropy_2011-09-28.htm; <http://www.strana-oz.ru/2007/5/rossiya-glazami-evropy>);

«Как это ни странно, но именно теперь, когда правительство России прилагает все усилия к тому, чтобы привить России мировоззрение, созданное типичными представителями европейского духа, и перестроить согласно созданным европейскими публицистами теориям, именно теперь, несмотря на это, стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России-Евразии более чем когда-либо выступает наружу. Проступает наружу, «прет из всех щелей», несмотря на всю интернационалистическую и противонационалистическую декорацию, несмотря на все претензии последнего крика «общечеловеческой» (сиречь европейской) цивилизации. Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана... Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется... Будущая Россия-Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях. Конечно, невозможно предсказывать, какова будет эта государственность и эта культура. Но наследие Чингисхана, в свое время подхваченное допетровской Москвой, неизбежно находится при России, определяя не только ее прошлое, но и ее будущее, делая до некоторой степени возможным и предсказание. В международных

сношениях будущая Россия, сознательная хранительница наследия Чингисхана, не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации. Памятуя уроки прошлого, она будет следить за развитием европейской материальной техники, усваивать из этой техники то, что ей необходимо, но всячески будет ограждать себя от усвоения европейских идей, европейского мирозерцания и духа европейской культуры...» (Николай Трубецкой, «Наследие Чингисхана», http://www.e-reading.ws/chapter.php/1018007/41/Trubeckoy_-_Nasledie_Chingishana.html);

«Сегодня трудно сказать, как сложатся судьбы России в XXI веке, однако можно вполне определенно утверждать, что, несмотря на значительное сокращение ее территории и населения, крах коммунистической идеи, которая была центральной для СССР, и полное отсутствие ее адекватного субститута, Россия сохранила свою «евразийскость». Ее по-прежнему не считают естественной составной частью Европы ни сами россияне, ни европейцы; система же российской государственной власти и инструменты, с помощью которых эта власть намерена достичь своих целей, мало изменились по сравнению с прежними – будь то российскими или советскими. Современная Россия, как и Соединенные Штаты, – но в отличие от европейских стран – не позиционирует себя в качестве «одного из многих» государств современного мира и менее всего стремится к «нормальности» в европейском ее понимании. К каким последствиям приведет это в наступившем столетии, трудно пока даже предположить» (В. Иноземцев, «Потерянное десятилетие», <https://freedocs.xyz/pdf-341966045>; <http://msps.su/files/2013/01/INOZEMCEV-1.pdf>);

«Современное состояние российского общества демонстрирует явные признаки преодоления болезни европейничанья, укрепления национального сознания, особой русской, евразийской идентичности, претендующей на самобытное политическое и культурное развитие страны. Результаты социологических опросов подтверждают существенное ослабление европоцентристских тенденций в политических и социокультурных устремлениях современных россиян. Так, опрос общественного мнения, проведенный независимым российским центром Юрия Левады, показал, что 75% опрошенных россиян считают Россию «евразийским государством с особым путём развития», и лишь 10% думают, что она «часть Запада, призванная к сближению с Европой и Соединёнными Штатами». По мнению почти половины (45%) опрошенных, Европейский Союз угрожает финансовой и экономической независимости России, стремится навязать ей чуждую культуру и является угрозой её политической независимости [Пфафф Уильям, «Глубокая враждебность России», Газета «The International Herald Tribune» (США), 06.03.2007] (Наталья Лантух, «Европейничанье как «детская болезнь» русского общества», <http://www.ruscrimea.ru/news.php?point=2176>);

«Россия – странное государство: это страна всевозможных экспериментов – общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго. Залог ли это будущей самобытности, которая не успела еще отыскать своей точки

опоры, или доказательство неспособности установиться на чем-либо определенном или твердом, и судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой? Избави Бог!» (Александр Никитенко, «Дневник», СС в 3 т., Т. 3, 29 декабря 1867 г., http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0050.shtml);

«Почему России так уж необходимо самоопределиться по поводу Европы и своей европейской традиции? Прежде всего потому, что никак иначе России, похоже, не вырваться из заколдованного круга повторяющихся национальных катастроф, вызванных как её «выпадениями» из Европы, так и возвращениями в неё. Тем более, что темп колебаний этого исторического маятника нарастает буквально на наших глазах. Вот смотрите. Полтора столетия прошло между первым её «выпадением» в XVI веке и возвращением в XVIII. История говорит нам, что и то, и другое одинаково воспринималось современниками как национальная катастрофа. Да и мудрено ли, если за каждый из взмахов этого рокового маятника страна расплатилась жизнью каждого десятого? Но то ли еще предстояло ей в будущем! В прошлом веке уже вдвое меньше времени понадобилось этому страшному маятнику, чтобы одним взмахом сокрушить «белую» империю царей, а вторым «красную» империю генсеков. Две катастрофы в одном столетии! Подумайте, переживет ли Россия еще один взмах своего маятника?... Вот почему только воссоединение с Европой, со «второй матерью нашей», по выражению Достоевского, способно принципиально изменить этот чреватый повторяющимися катастрофами баланс между двумя непримиримыми традициями. Короче, покуда Россия не самоопределится по отношению к Европе – и своей европейской традиции, – она никогда не избавится от угрозы новой национальной катастрофы» (Александр Янов, «Идейная война», http://sbiblio.com/biblio/archive/janov_id/; «Альтернатива воссоединению с Европой – китайское иго», http://rospil.ru/state/state_2/state-22.htm);

«Три эпохи, через которые прошла Россия (третья близится к завершению) за последние более чем три столетия, представляют собой последовательную смену смыслообразующих принципов, реализация которых в действительности составила особенности каждой из них. Имперская Россия создавалась, жила и развивалась под знаком идеи славы, величия державы. Советская страна возникла и держалась идеей власти, притом власти в ее чистом виде – диктатуры. Постсоветская Россия – это так очевидно – уродливое порождение одной, но пламенной страсти – жажды денег, богатства, основным источником которого является воровство и насилие... Три периода выбранной Россией судьбы – это три витка скручивающейся логарифмической спирали с шагом, равным трем. Внутренняя структура каждого витка подобна остальным и потому между ними происходят постоянные смысловые переключки, в чем можно легко убедиться, проведя сравнительный анализ периодов. Хотя последний виток еще не завершился, но спираль времени дает возможность заглянуть одним глазком в наше общее будущее, которое резонирует с соответствующими секторами прошлых периодов...» (В.И. Ковалёв, «Россия: три искушения», <http://www.hegel.ru/russia.html>);

«Именно поэтому русская история сочетает и периодически повторяет попытки

закрыться от мировой истории в своем архаическом, плохо структурированном, доцивилизационном, псевдосамодостаточном панцире. Но неизменно начинает задыхаться, ощущает свою неполноценность, отсталость, захудалость, историческую обреченность, затхлость и тупиковость; после чего неохотно и медленно пытается опять вписаться в мировую историю. Робко приоткрывается, оглядывается, ужасается увеличившимся цивилизационным отставанием (Пригов называл это «мерцанием»), удивляется произошедшим (за время ее отсутствия) изменениям и новшествам. Также робко начинает приспособливать эти новшества из набора поверхностной (чисто технической), чисто подражательной модернизации для своего употребления, погружается в пучину самобичевания и комфорта, восхищается вновь открытым миром чужой цивилизации. Но каждый раз открывается только для того, чтобы перенять приметы и достижения цивилизационного успеха, делает попытки вписаться в соревнование культур, быстро ощущает невозможность конкурировать на равных, начинает обижаться, искать оправдания и способы дистанцирования от мирового социального пространства. И всегда находит причины для того, чтобы в очередной раз объявить о своей самодостаточности, о своих символических преимуществах, которые не могут быть конвертированы в нечто общезначимое и поэтому конкурентоспособное. А потом опять закрывается, сохраняя в неизменности свое фундаментальное архаическое состояние, которое так и остается почти нетрансформируемым в рамках очередного контакта с миром» (Михаил Берг, «Русская культура как приговор», <http://rufabula.com/articles/2014/04/14/russian-culture-as-adjudication> , <https://alterfrendlenta.livejournal.com/467522.html>; «Борьба с безродным космополитизмом», <http://www.kasparov.ru/material.php?id=54625ED275DC5>);

«Россия – страна без веры, без традиций, без культуры и умения работать. Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему – русская литература. Ее славянское государство поочередно создавалось скандинавами, византийцами, татарами, немцами и евреями – и поочередно уничтожало своих создателей. Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего» (Андрей Амальрик, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», 1969, <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>);

«Главное впечатление – Россия впала в «дурную бесконечность». Это, по-видимому, и есть ее «особый путь». Во всей ее мучительной истории тупо и механистично повторяются одни и те же циклы. Короткие «оживления», «оттепели» сменяются долгими мрачными периодами реакции, когда главным содержанием народной жизни становится ее, этой жизни, угнетательство и удушение. На ошибках никто не может и не хочет учиться. Современное русское общество топчется на месте, гниет и воспаляется. Но со свинцовым упрямством не желает посмотреть на само себя, собраться и подняться хотя бы на одну ступенечку. Россия не желает вернуться в бытие, предпочитая дурманить себя обновленными, до боли знакомыми прогнившими мифами» (Андрей Гаврилов, «В современной России как бы нет

мысли, нет идеи. Царство пустоты», <http://ehorussia.com/new/node/13095>).

4) «Наилучший, превосходный, отличный (отменный, уютный, укромный)»:

Конечно же, Украина всегда была благодатной, превосходной и отличной страной высоких и превосходных людей:

«Мы заметили, что большая часть царских домов (кабаков) около Воронежа заселена была черкасами (украинцами, – П.Д.). Люди эти очень опрятны и так же опрятно содержат и свои дома, вообще нрава они веселого и живут весьма приятно, забавляясь всегда игрою на скрипке и других струнных инструментах. Такие музыканты встречались нам во всех домах его величества до самого поместья, или замка, князя Александра. Они тотчас же начинают свои музыку, как только кто-нибудь приедет к ним, и продают тут же мед и водку; между ними есть и женщины, оказывающие проезжим разные услуги. Одежда у них особенная, вовсе не похожая на русскую, в особенности одежда женщин. Обыкновенное платье женщин составляет рубашка, подвязанная поясом, вокруг которого пришивается полосатая ткань, висящая до самых ступней ног вроде юбки. Вокруг головы у них повязан белый платок, и часть подбородка у них также повязана. Один конец сказанного платка изящно как-то повязан на одной стороне головы, а другие концы его бывают особенным образом распущены...» (Корнелий де Бруин, «Путешествия в Московию», <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Bruin/frametext4.htm>);

«Черкесы называются турками (на самом деле, вовсе не турками, а торками – потомками тёмно-краснокожих аланов-торков, готов-торков и троксолан / роксолан; итал. «таркас» – черкас, – П.Д.)... Черкесы красивые и хорошо сложенные люди. Мужчины сильны телом, смуглы и немного широки лицом, имеют длинные темные, как смоль, волосы и выбривают ото лба через всю голову полосу шириной в палец, не оставляя ни тоненькой заплетенной косички на темени... Они очень хорошие наездники; летом они живут в лесах, в маленьких палатках, между тем как их семьи живут в настоящих деревянных домах и наблюдают за хозяйством. Они любят веселиться, играют на скрипке и других струнных инструментах, чем развлекают чужеземцев, особенно москвитов, и пьют при этом водку и мед... Они очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куют и изготавливают из него всякого рода орудия. Знатные женщины вышивают золотом и серебром чепраки, колчаны, повязки или носовые платки... Своим умершим они ставят надгробный памятник в виде колонны или пестрых досок, украшенных резьбой, и стараются, чтобы такой дом был гораздо роскошнее, чем их жилые дома, которые только сплетены из ветвей и внутри обмазаны глиной. Они царапают свою грудь и руки так, что из них течет кровь. Оплакивание покойника продолжается до тех пор, пока не заживут раны: если траур должен еще продолжаться, полузажившие раны опять расправляются (этот обычай испокон веков был присущ балто-славянам и их жунским предкам дисцам, – П.Д.)...» (Энгельберт Кемпфер, 1651 – 1716 гг., «Новейшие государства... // О черкесии...», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1680-1700/Kaempfer_Engelbert/text1.htm)

«Живу я на берегу Псла... Просторно до такой степени, что мне кажется, что за свои

сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца. Хозяева мои оказались очень милыми и гостеприимными людьми. Семья, достойная изучения... Третья дочь, кончившая курсы в Бестужевке... – мускулистая, загорелая, горластая. Хохочет так, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя в усадьбе на свой счет школу и учит хохлят басням Крылова в малороссийском переводе. Ездит на могилу Шевченко, как турок в Мекку... Я сижу у открытого окна и слушаю, как в старом, заброшенном саду кричат соловьи, кукушка и удода. Мне слышно, как мимо нашей двери проезжают к реке хохлята верхом на лошадях и как ржут жеребята. Солнце печет... Был я в Лебедине, в Галиче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах. Что за места!... Проехал я 400 верст, ночевал в десяти местах... Кроме природы, довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и сыт. Об антагонизме между пейзанами (франц. «paysan» – «крестьянин, селянин», – П.Д.) и панами нет и помину... Народ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Мужики здесь не продают ни масла, ни молока, ни яиц, а едят все сами – признак хороший. Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной... Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудесная музыка слышалась в вечерней тишине и как густо пахло свежим сеном! То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплое вечернее небо, на речки и лужицы, отражающие в себе томный, грустный закат... Всё, что я видел, слышал, так пленительно и ново... Тихие, благоухающие от свежего сена ночи, звуки далекой, далекой хохлацкой скрипки, вечерний блеск рек и прудов, хохлы, девки – все это так же широколиственно, как хохлацкая зелень и поместиться в коротком письме не сумеет... ..В той комнате, где я спал, между окном и ставней соловей свил себе гнездо, и при мне вывелись из яиц маленькие соловейчики...» (Антон Чехов об Украине. Из писем Лейкину, Суворину, Плещееву и Щеглову, <https://onoff49.livejournal.com/544885.html>; Том 20. Письма 1887 – 1888, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1571&page=108>, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1571&page=109>, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1571&page=104>, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1571&page=112>, <http://book-online.com.ua/read.php?book=1571&page=113>; см. также Иван Бунин, «О Чехове», Ч. 2. Глава IV, <http://bunin-lit.ru/bunin/vospominaniya/bunin-o-chehove/2-glava-iv.htm>);

«Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком великороссом и хохлом. Наши мужики – народ, по большей части, изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду. И места за Курском начинаются тоже веселые: равнины полей уходят в такую даль, о которой жители средних и северных губерний даже понятия не имеют. И даль эта так живописно скрашивается синюющими курганами и силуэтами стройных тополей на хуторах» (Иван Бунин, 1898 г., рассказ «Казацким ходом», <https://unotices.com/book.php?id=113830&page=100>; <https://www.rulit.me/books/tom-2-proizvedeniya-1887-1909-read-244587-101.html>);

«Говоря об отваге казаков, не лишним будет сказать также о том, каковы их нравы и занятия. Известно, что среди этого народа встречаются вообще люди опытные во всех ремеслах, необходимых в человеческой жизни, как то: плотники, умеющие строить как дома, так и суда, экипажные мастера, кузнецы, оружейники, кожевники, шорники, сапожники, бочары, портные и т.д. Они очень искусны в приготовлении селитры, которая в изобилии добывается в этом крае; из нее они делают превосходный порох; женщины у них занимаются пряжею льна и шерсти, из которых они выделывают полотна и ткани для своего употребления. Все они хорошо умеют возделывать землю, сеять, жать, печь хлеб, готовить различные сорта мяса, варить пиво, делать медь, брагу, курить водку и пр... Они смыслены и проницательны, остроумны и щедры, не стремятся сделаться богачами, но больше всего дорожат своею свободою, без которой они не могли бы жить; это главная причина, почему они столь склонны к бунтам и восстаниям против местных вельмож, лишь только почувствуют притеснения последних, так что редко проходит более 7 или 8 лет без того, чтобы они не восставали против вельмож. Впрочем, это люди вероломные и коварные, которым ни в чем нельзя доверяться. Они чрезвычайно крепкого телосложения, легко переносят холод и зной, голод и жажду; неутомимы на войне, мужественны, смелы и часто столь дерзки, что не дорожат своею жизнью. Больше всего они обнаруживают ловкости и стойкости в сражении, когда находятся в таборе, т. е. под прикрытием возов (ибо они очень метко стреляют из ружей, которые составляют их обычное оружие), и при обороне укреплений; недурны они и на море, но верхом на лошадях они не настолько искусны... Казаки высоки ростом, сильны и проворны; они любят хорошо одеваться, что особенно заметно, когда им удастся пограбить соседей; в другое же время они носят одежду довольно скромную. Они пользуются от природы прекрасным здоровьем... Казаки редко умирают от какой-либо болезни, разве только в глубокой старости; большинство умирает во время войн, слагая головы на поле брани...» (Гильом Левассер-де-Боплан, «Описание Украины», <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text1.phtml?id=189>);

«В эту ночь мы спали на берегу реки в совершенном довольстве и спокойствии, ибо с той минуты, как мы завидели Печерский монастырь, блестевший в отдалении своими куполами, и как только коснулось нас благоухание этих цветущих земель, наши души вострепетали от радости и ликования, сердца наши раскрылись, и мы изливались в благодарениях Господу Богу. В течение этих двух лет в Московии замок висел на наших сердцах, а ум был до крайности стеснен и подавлен, ибо в той стране никто не может чувствовать себя сколько-нибудь свободным или довольным, кроме разве коренных жителей, но всякий, подобно нам, хотя бы он сделался властителем всей страны, никогда не перестанет смущаться духом и тревожиться сердцем. Напротив, страна казаков была для нас как бы ваша собственная страна, а ее обитатели были нам добрыми приятелями и людьми вроде нас самих» (Павел Алеппский, «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке», 1654 г., http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Makarij_2/text122.phtml?id=8176);

«Мы встретили вереницы украинцев, отличающихся на любой взгляд от других жителей России. Это очень благородная раса. Они выглядят крепче и лучше москалей и превышают их во всем, где только может один класс людей превышать другой. Они чище, усерднее, гостеприимнее, набожнее и менее суеверны. Дома в Украине чистые и белые, как в Уэльсе – путешественнику кажется, что он перенесся в Голландию или в Норвегию. Народ в Украине напоминает горцев (верховинцев) из Шотландии ... За столом украинского селянина большая чистота, чем за столом у московского князя...» (Профессор минералогии Кембриджского университета Эдвард Даниэль Кларк, «Путешествие в Россию, Крым и Турцию», Лондон, 1812г, цит. по: Владимир Сичинский, «Чужеземцы об Украине», <http://zounb.zp.ua/resource/scarbnicya/chuzhinci/indexf.html>; <http://ukrlife.org/main/prosvita/sichinsky.html>);

«Блюда, на которых его царскому величеству подносят кушанья, золотые и серебряные, но так грязны, что едва можно узнать, сколь драгоценный металл покрывает нечистота... Прежде одевались они так, как татары, после их платье было более изящно, по образцу польскому, теперь же одежда москвитян схожа с угорской... Весьма важное подкрепление царских военных сил составляют казаки; поэтому москвитяне, боясь, чтобы они не передались полякам и своим отпадением не лишили бы московские войска главной силы, заискивают в них ежегодными награждениями и стараются удержать в верности льстивыми обещаниями. Это потому, что казаки (украинцы, – П.Д.) народ могущественный и превосходят москвитян храбростью и знанием военного искусства» (Иоганн-Георг Корб, «Дневник путешествия в Московское государство», <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb/text6.phtml?id=741>);

«Во всех случаях, каким бы простым и бедным дом ни был, [украинцы] непременно заботятся обо всех мелочах. Каждые восемь или четырнадцать дней дом белят внутри и снаружи свежим раствором извести и глины. Везде это хлопоты хозяйки, которая к этому подходит с голландской пунктуальностью. Такое постоянное освежение стен является одновременно и самым надежным способом, чтобы бороться с надоедливыми домашними насекомыми, которыми кишит в блочных домах великороссов. В Малороссии в бедной крестьянской избе можно спокойно положить голову на подушку, и близости кучера не надо бояться, тогда, как великоросс, кажется, считает домашние и нательные насекомые святыми и необходимыми в повседневной жизни... Обустройством и покроем большинства одежды малоросс скорее приближается к другим западным славян, чем к великороссам. Тогда, как великоросс со всех сторон придает большое значение внешнему блеску, но при этом не занимается чистотой, то малоросс в это время одевается более опрятно и очень скромно...» (Blasius J.H. [Йоган Генрих Блазиус], «Reise in Europaishcen Russland in den Jahren», цит. по: Петр Брицкий, Петр Бочан, «Немцы, французы и англичане об Украине и украинский народ в XVII – XIX столетиях», [https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt](https://archive.org/stream/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX/pro_Ukrainu_u_XVII-XIX_djvu.txt));

«Украина является важнейшей провинцией России, так что, сравнивая ее с другими

провинциями Русского государства, можно сказать, что она занимает среди них такое же место, как Прованс во Франции. Ее южное положение, изобилие плодов на полях и в садах и являющаяся естественным результатом этого привольная жизнь ее веселых жителей заметно выделяет ее из других провинций Русского государства. На этой земле все поет, танцует и играет, и самым распространенным инструментом в ней является бандура. На ней искусные украинцы играют прекрасные польские и украинские танцы и сопровождают своим многим, поистине прелестным, песням. Так как многие молодые люди на Украине отдают не мало прилежания этому инструменту, то там исстари наблюдается изобилие бандуристов. Раньше они в большом количестве прибывали в Москву и Петербург, где поступали домашними музыкантами или бандуристами в дома именитых господ, и должны были петь и играть за столом и, кроме того, обучать на этом инструменте тех из крепостных слуг, которые обнаруживали способности к музыке. Эти украинские бандуристы – большею частью веселый, проворный народ, который имеет способности к шутливости, поют свои песни очень живо и выразительно, со свойственными им ужимками и гримасами. Многих и лучших из них я знал, часто наблюдая, как они тут же, в комнате, одновременно с пением и играми, также очень хорошо плясали украинские танцы...» (Якоб Штелин, «Известия о музыке в России», <http://podelise.ru/docs/20260/index-17182-1.html>);

«Настоящий малороссийский тип лица, нравов, обычаев и образа жизни сохранился почти исключительно в хуторах. Там можно было найти истинно гомерическую [т.е. первобытную] простоту нравов: добродушие, честность и то бескорыстное гостеприимство, которым по справедливости всегда славились малороссияне. Воровство, обман, московская удаль, надувательство были у них вещами неслыханными. Москаль, по их понятию, все это вмещавший в себе, был словом ругательным. Эти добрые хуторяне, в своей патриархальной простоте незнакомые с цивилизованными пороками, уверенные в своих требованиях, жили бы совершенно счастливо, владея прекраснейшею в мире землею и платя небольшой оброк помещику, если бы их не притесняли богатые мещане... Это были малороссияне старого закала, в которых еще не угас дух прежних украинцев. Честные и добродушные, они не имели ничего общего с испорченной средой мещанского и ремесленного сословия. Главное занятие их составляло земледелие... Малороссияне, по крайней мере, тогда выказывали гораздо больше склонности к учению, чем великороссы, и неудивительно, если Малороссия была, до соединения с Россией, образованнее, чем теперь. В мое время в каждом порядочном селе были школы, содержимые преимущественно духовенством – всего чаще дьячками... Кто знает, как малороссияне привязаны к родному пепелищу, как тоскуют, расставаясь со своим ясным, теплым небом и благодатными полями, как неохотно братаются с москалями, тот вполне поймет, что значила для моих родителей неожиданная роковая ссылка – эта разлука с родиною, с природою, приветливо отвечавшею на их беззаветную любовь... Данцевские жители были казенные малороссияне, или так называемые войсковые обыватели. Они в полной чистоте сохраняли малороссийский тип и сравнительно с помещичьими крестьянами благоденствовали. Но зато они пребывали в полном невежестве. У них не было школ. «Письменные люди» почитались между ними за редкость. Не проникли к ним никакие затеи новейшей цивилизации. Они отличались непочтой простотой и чистотой нравов. О

ворах и пьяницах там знали только понаслышке. Ссоры и драки если и происходили, о них стыдились говорить...» (Александр Никитенко, «Моя повесть о самом себе», СС в 3 т., Т. 1, http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_1.htm);

«Сей малороссийский народ и зело умен, и зело лукав. Он яко пчела любодельна дает российскому государству и лучший мед умственный, и лучший воск для свечи российского просвещения, но у него есть и жало. Доколе россияне будут любить и уважать его, не посягая на свободу и язык, дотоле он будет волом подъяремным и светочью российского царства; но коль скоро посягнут на его свободу и язык, то из него вырастут драконовы зубы, и российское царство останется не в авантаже (у «разбитого корыта», – П.Д.)» (Петр Первый в кн: Даниил Мордовцев, «Тень Ирода [Идеалисты и реалисты]», http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_l/text_0760.shtml);

«Этот народ сражается за свободу, не жалея жизни, он бьется и за свое благо и привилегии. Это признал Петр в манифесте, адресованном украинцам 6 ноября 1708 г., в таких выражениях: «Нет другой нации на земле, которая могла бы похвастаться, что пользуется большими полезными привилегиями, утвержденными на свободе и присущими ей и ее стране, чем жители Малороссии под нашим милостивым скипетром. Мы желаем, приказываем и устанавливаем нынешним манифестом, чтобы никто под страхом навлечь на себя нашу немилость, не покушался требовать от них больше одной копейки с головы для нашей казны. В случае нарушения закона мы обещаем им нашу помощь...» Когда-то все жители Малороссии пользовались наибольшей свободой. Если кому-то не нравилась жизнь на земле одного господина, он оставлял ее и переходил на землю другого. Указом императрицы Екатерины II это было запрещено. Теперь, когда кто-нибудь недоволен своим господином, он может пожаловаться на него судье. К несчастью для этого крестьянина, процесс тянется без конца или же его, наконец, отсылают к его господину, добавив к этому суду несколько ударов кием...» (Жан-Бенуа Шерер, «Летопись Малороссии, или история казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии», <http://litopys.org.ua/scherer/sher02.htm>);

«Малоросс, даже став дворянином, никогда так резко не порывает с народом, как русский. Он любит отчизну, свой язык, предания о казачестве и гетманах. Независимость свою, дикую и воинственную, но республиканскую и демократическую, Украина отстаивала на протяжении веков, вплоть до Петра I. Малороссы, терзаемые поляками, турками и москалями, втянутые в вечную войну с крымскими татарами, никогда не складывали оружия. Добровольно присоединившись к Великороссии, Малороссия выговорила себе значительные права. Царь Алексей поклялся их соблюдать. Петр I, под предлогом измены Мазепы, оставил одну лишь тень от этих привилегий. Елизавета и Екатерина ввели там крепостное право. Несчастливая страна протестовала, но могла ли она устоять перед этой роковой лавиной, катившейся с севера до Черного моря и покрывавшей все, что носило русское имя, одинаковым ледяным саваном рабства? Украина претерпевает судьбу Новгорода и Пскова, хотя и намного позже; но одно столетие крепостного состояния не могло уничтожить все,

что было независимого и поэтического в этом славном народе. Там наблюдается более самобытное развитие, там ярче местный колорит, чем у нас, где вся народная жизнь, без различия, втиснута в жалкую форменную одежду. Люди у нас рождаются, чтобы склонить голову перед несправедливым роком, и умирают бесследно, предоставляя своим детям начать сначала ту же безнадежную жизнь. Наш народ не знает своей истории, тогда как в Малороссии каждая деревушка имеет свое предание. Русский народ помнит лишь о Пугачеве и 1812 году» (Александр Герцен, «Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года», http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0320.shtml);

«Я опять почувствовал себя одиноким со всей своей молодостью среди всего того весеннего, что окружало меня, испытал какую-то горечь, разочарование. Но вместе с тем я как будто сказал себе: «Ну, что ж, тем лучше для меня, я теперь уже совсем свободен в той чудесной стране, которая только что открылась мне...» Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. В современности был великий и богатый край, красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего красивого и опрятного, – наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского. А там, в древности, была колыбель его, были Святополки и Игори, печенег и половцы, – меня даже одни эти слова очаровывали, – потом века казацких битв с турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонские... «Слово о Полку Игореве» сводило меня с ума...» (Иван Бунин, «Жизнь Арсеньева», <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00054901184773069974/page/11/>);

«Относительно национального характера местной элиты и особо тесных и «мягких» (неантагонистических) отношений ее с остальным населением можно снова процитировать «Описания Харьковского наместничества» (официальный документ на имя Екатерины II): «Дух европейской людскости, отчужденный азиатской дикости, питает внутренние чувства каким-то услаждением, дух любочестия, превратясь в наследственное качество жителей, предупреждает рабские низриновения и поползновения, послушен гласу властей самопреклонно без рабства. Дух общего соревнования препинает стези (преграждает путь) деспотизма и монополии. Третий, или нижний, род жителей возникает подражательными умоначертаниями ко второму, или среднему роду, а сей к первому, или высшему. Государственный поселянин уподобляется образом жизни, елико может, жителю городскому, не подл, не презрен и в скудности, городской житель, священник приходской, приказный служитель и мещанин, не устранившись от поселянина, прикосновенны другою рукою дворянину – уподобляются ему образом мыслей, воспитанием, обхождением, пищею, одеянием, жилыми покоями и пр. Все три степени один другому уподобляются, а не равняются. В существе равновесия существует необуреваемая тишина, в разнообразии в степенях рождается житейская приятность» (Игорь Рассоха, «Народы, опередившие свое время, и общества, выпавшие из истории», http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rass33vrem.html);

«Верст за 30 до Харькова я увидел Малороссию, хотя еще и перемешанную с грязным

москальством. Избы хохлов похожи на домики фермеров – чистота и красивость неописанные. Вообрази, что малороссийский борщ есть не что иное, как зеленый суп (только с курицею или бараниною и заправленный салом), а о борще с сосисками и ветчиною хохлы и понятия не имеют. Суп этот они готовят превкусно и донельзя чисто. И это мужики! Другие лица, смотрят иначе. Дети очень милы, тогда как на русских смотреть нельзя – хуже и гаже свиней» (Виссарион Белинский, ПСС Том XII, 1956, «Письма 1841–1848», Письмо М.В. Белинской, Харьков, 1846, 14 июня, http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3900.shtml);

«Сами по себе украинцы более практичные, нежели русские, они умеет хорошо работать (...). Они производят вещи, которыми могут зарабатывать себе на жизнь. Русские же намного меньше верят в успех и менее осмотрительны в плане безопасности, причем касается это не только интеллигенции. Еще в советские времена понять, перешел ты границу между Украиной и Россией, можно было по еде: на Украине она была намного лучше...» (Андреас Брайтенштайн, «Виктор Ерофеев: «Путин хотел всю Украину»...», <http://acusticsystems.ru/news/viktor-erofeev-obvinil-zapad-v-nereshitelnosti-s-ukrainoi-i-v-metafizicheskom-pe.php>; <http://4vlada.net/v-mire/neue-zuercher-zeitung-putin-khotel-vsyu-ukrainu-pisatel-viktor-erofeev>; <https://newsland.com/community/5652/content/viktor-erofeev-putin-khotel-vsiu-ukrainu/3592253>);

«Я считаю, что украинская нация уже имеет свою идентичность. Я бы ее определил так: «ленивый гедонизм». Это умение получать удовольствие от жизни, умение работать, традиционные фольклорные ценности, особое отношение к семье (не случайно так важны понятия «кум» и «кума»). Но сейчас, когда происходит русское вторжение, перед лицом общего противника происходит, конечно, объединение страны и государства. Очень не хотелось бы, чтобы (именно, – П.Д.) на фундаменте ненависти к внешнему врагу строилась новая украинская нация, но, видно, так история распорядилась» (Виктор Ерофеев, из интер. кор. «Deutsche Welle» Анастасии Буцко: «Как вернуть России Аляску и где конец Путина», <https://korrespondent.net/showbiz/3321708-vyktor-erofeev-kak-vernut-rossyy-aliasku-y-hde-konets-putyna>).

Каждый украинец, в отличие от русскоязычного людишки, не мыслил себя в отрыве от окружающей его природы и ощущал себя ответственным за всё происходящее вокруг землянином и гражданином, а вовсе не алчным потребителем природных благ и не безучастным созерцателем происходящего – обывателем:

«Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ – все дышетъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора...» (Николай Костомаров, «Двѣ русскія народности», <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos38.htm>);

«Малороссия была органически-политическим телом, где всякая отдельная личность сознавала себя, жила и дышала в стихии своего общественного существования и потому знала хорошо дела своей родины, столь близкие к ее сердцу и душе. Народная поэзия Малороссии была верным зеркалом ее исторической жизни, и как много поэзии в этой поэзии!» (Виссарион Белинский, «Статьи о народной поэзии», http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml; <https://www.litres.ru/vissarion-belinskiy/stati-o-narodnoy-poezii/chitat-onlayn/page-12/>).

Очевидно, поэтому-то в украинской ЯКМ и отсутствовало изначально такое понятие как «обыватель», введенное в украинский язык в виде русизма «обыватель» лишь после порабощения Украины Россией.

Если же сравнивать современные восточнославянские народности с греческими античными то, конечно же, патриархальные россияне более близки к спартам (дорийцам), а украинцы – к афинянам (пеласгам и ионийцам):

«Колыбелью европейской цивилизации стала Древняя Греция, а у древних греков было два противоборствующих полиса – Спарта и Афины. Милитаризованная Спарта крепилась «вертикалью власти» и жесточайшим порядком, а демократические Афины – свободомыслием. В конечном счете, Спарта пала, а с Афинами связан знаменитый «золотой век» торжества человеческой мудрости, философии и культуры. Так вот, я открыл, что в Спарте не было не только спартофобов – критиков и сатириков, – но даже писателей и поэтов, а вот культура демократических полисов древней Греции, можно сказать, крепко «настояна» на критике, сатирах и мениппеях. Потому-то тусклое солнце Спарты закатилось, а яркое солнце Афин осветило всю Западную Европу...» (Игорь Гарин, «Разные виды патриотизма», <https://www.proza.ru/2015/04/15/1570>);

«У дорийцев замечается жесткость нравов, господство аристократии и консерватизм, тогда как ионийцы обнаруживают более мягкий характер, стремление к новизне, в разносторонней деятельности и свободному развитию при господстве народного правления, которое в ионийских государствах обыкновенно скоро вытесняло аристократию. Самое наречие, на котором говорили ионийцы, отличается от дорического большею мягкостью и гибкостью, полнотою и разнообразием форм. Дорийский архитектурный стиль характеризуется прочностью, благородной простотой и гармоническим сочетанием частей, а ионийский – светлую грациозностью и большим разнообразием украшений. Дорийской музыке приписывается серьезность, достоинство и способность успокаивать страсти и внушать мужество, в противоположность мягкости и легкости ионийской музыки. В дорийской поэзии преобладает некоторое практическое направление, между тем как ионийское племя воплощало в поэтических образах высшие общие идеи. Одним словом, во всех проявлениях жизни замечается различие между этими двумя племенами, главными представителями которых были лакедемоняне и афиняне» (В.В. Латышев, «Очерк греческих древностей», <http://centant.spbu.ru/sno/lib/lat/1/1-3.htm>);

«Еще одно: у нас почти не лечат стариков. Ей семьдесят лет, чего вы хотите? Того же,

чего и для двадцатипятилетней. Вспомнил трясущуюся старушку в магазине. Кряхтя, она выбирала кусочки сыра, маслица, колбаски, как говорят, половчее, то есть подешевле. За ней собралась очередь, и продавщица, молодая белая баба, с чувством сказала: «Я вот до такого точно не доживу!». Старушка вдруг подняла голову и твердо произнесла: «Доживете. И очень скоро». В Спарте с немощными обходились еще рациональнее – что осталось от Спарты, кроме нескольких анекдотов? Создается впечатление, что мы экономим какие-то ресурсы, усилия для лечения молодых, это неверно. Старика пытаются лечить, если он социально значимый (отец начальника электросетей, мать замглавы администрации)...» (Максим Осипов, «В родном краю», <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14-pr.html>);

«Припоминая теперь эти деревенские сцены, я опять целиком переношусь в то отдаленное время, когда и на мою долю выпадали минуты полного, беззаботного счастья. Читая теперь, на расстоянии многих лет, «Одиссею», я мысленно живу с моими милыми хуторянами. В них есть, по крайней мере, во времена моего детства были, черты, тождественные с первобытной простотой и неиспорченностью героев Гомера. Мне понятнее, ближе становятся образы Эвмена, старого Лаэрта, Телемаха, старушки няни, когда я смотрю на них сквозь нравы и обычаи моих родных малороссиян. Это славянское племя, как и большинство одноплеменников его, не смогло или не сумело воздать себе независимого существования, хотя и стремилось к тому сильно, по крайней мере, во времена Хмельницкого. Но в них больше, чем в северных славянах, сохранились коренные славянские свойства – любовь к природе и мирные нравы семейно-земледельческого быта. Они именно те поляне, которых так привлекательно описывает Нестор» (Александр Никитенко, «Моя повесть о самом себе», СС в 3 т., Т. 1, http://belousenko.imwerden.de/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_1.htm);

«Письменная история застаёт славян с четко действующей организацией управления. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что к IX веку славянские «племена», «земли», «княжения» занимали огромные территории, превышавшие земли большинства европейских королевств. В сущности, это были государства афинского типа. Во всех них существовала уже обособившаяся от общества, но еще не оторвавшаяся от него окончательно княжеская власть. Повесть временных лет сохранила некоторые данные об организации управления в древлянской земле. Во главе стоит князь, и княжеская власть является здесь давней, традиционной. Во всяком случае, древлянские послы, пришедшие к Ольге, противопоставляют «добрых» древлянских князей «русскому» князю Игорю как правителей, озабоченных не просто сбором дани, а и процветанием земли. Древляне возделывают нивы, пасут стада, а «держат землю», то есть управляют ею, «лучшие люди», которые, однако, за подтверждением прав должны обращаться к «земле». В конечном счете именно «земля» и направляет их в качестве послов к Ольге... Сведения о Киеве конца X века уточняют типичную картину. Население города и, видимо, также и сельской округи делилось на десятки, сотни, иногда также полусотни и полутысячи. В городе вершиной такой администрации был тысяцкий. Но существовал здесь и совет старейшин – «старцы градские», которые осуществляли руководство народным собранием – вече, а также следили

за выполнением принятых решений... В летописи, как было сказано, соединены разные представления о начале Руси. Один из древнейших летописцев поставил в начале своего труда три вопроса: «Откуда пошла Русская земля», «кто в Киеве нача першее княжити» и «откуда Русская земля стала есть». Ответ прежде всего на эти вопросы и надо искать в тексте. Он и действительно есть в летописи: русь – это поляне, некогда они, как и другие славяне, вышли из Норика – римской провинции на Правобережье Дуная. Первыми князьями в Киеве были Кий и его братья, после чего «род их» княжил у полян-руси. Летописец не знал точно, когда все это было, хотя до него дошли предания о дунайских походах Кия, о приеме его неким византийским «царем». Не знал он и о том, почему полян стали называть русью. Но он настойчиво подчеркивал, что «поляне, яже ныне зовомая русь» – племя славянское, что вместе с другими славянскими племенами оно получило начала христианства еще в Норике от апостола Павла (или даже ранее на Северном Кавказе, где полян называли нарцами = нартами, – П.Д.)» (Аполлон Кузьмин, «Откуда есть пошла Русская земля», Век VI – X, Кн. 2, <https://www.litmir.me/br/?b=61381&p=5>);

«Историки давно заметили, что в письменных восточнославянских источниках район Среднего Поднепровья противопоставляется другим восточнославянским землям как «Русская земля» (Насонов). Это доказывает, что именно Среднее Поднепровье было центром миграций восточных славян и именно здесь сформировался восточнославянский язык. Как полагают и лингвисты (Топоров, Трубачев), и археологи (Седов 1982), основной поток славянской колонизации направлялся на север по течению Днепра, причем раньше всего были освоены области на восток от Днепра. Тут доля балтийских названий существенно ниже. Области западнее Днепра осваивались славянами медленнее. Наиболее ранние курганы славян на север от Припяти датируются IX в. (Седов 1982)» (Андрей Алексаха, «Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция», https://alexakha.ucoz.com/aleksakha-proiskhozhdenie_slavjan.pdf);

«Бесценным материалом для исследования образа национального чувства в украинском и русском языках выступают слова с суффиксами субъективной эмоциональной оценки, практически отсутствующие в китайском и лишь частично имеющиеся в английском языке. Сопоставительный анализ украинских и русских концептов субъективной оценки продемонстрировал глубокую лексическую разработанность и большой экспрессивно-словообразовательный потенциал при образовании деминутивных уменьшительно-ласкательных форм существительных, прилагательных и наречий в украинском языке по сравнению с русским; объяснение почему, как представляется, следует искать в особенностях эмоционально-чувственного характера «украинской души», кордоцентричности (от лат. «cordis» – сердце, – П.Д.) украинской психической структуры. Самым ярким проявлением украинского лиризма и сентиментальности в языке, на наш взгляд, следует признать наличие уникальных глагольных и местоименных уменьшительно-ласкательных форм, аналогов которым не существует в близкородственном русском языке: глагол: «їсточки, їстоньки; питоньки, питочки; спатоньки, спаточки, спатусі, спатуні; гулятоньки, гуляточки» и т.д.. Среди местоименных и наречных форм выделяются

следующие эмотивы безэквивалентного характера, как: «самісінький, саменький; ніякісінький, ніякенький; нічогісінько; тутечки, осьдечки, ондечки; тамечки». Характерным для украинского языка является наличие ласкательных форм даже у слов общенегативной семантики («воріженьки»)» (Ирина Голубовская, автореф. дис. «Этноспецифические константы языкового сознания», <http://dissertation.com.ua/node/684661>). [[к осн. тексту](#)]

12.3 Украинцы – обитатели благодатной земли Украина

Хотя часть дунайских славян (бухары = пугуры = вукры и дулебы) и мигрировала на Волынь и в древлянскую землю из Бухарского царства (из Западной Паннонии со стольным градом Кёве – дунайским Киевом), вряд ли название благодатной земли Украина происходит от этнонима паннонских славян:

«И при всём том Волынь и Подолье рисуются в эпосе каким-то тридевятым царством с явными чертами иного мира (чего нет в облике всех перечисленных стран Средней Европы). Рядом с Подольем или вместо него иногда возникает «царство Бухарское» во главе с «королём Бухарским» или «Бухарь-царём». Как убедительно показал М.М. Плисецкий, под этим топонимом следует понимать славянский край к западу от Карпат, упоминаемый в венгерских документах в XI веке. Впрочем, былины вообще не знают венгров, угров, мадьяр, а Бухарское, то есть Бихарское «царство» всегда рассматривают как никому не подвластную державу. Таким образом, нужно говорить о временах не позднее конца IX – начала X века, когда венгры поселились на Дунае, – ещё одна веха, указывающая в долетописную древность. Всё это заставляет с удвоенным вниманием отнестись к сообщениям, что в былинах иногда «Дунай течёт под Киевом», что Дюк Степанович плывёт по Дунаю к Киеву (Кёве, Ковелю – поселению ковуев / ковалей / кузнецов, – П.Д.), что Илья Муромец кидает в Дунай «пенья-коренья» с родительской пашни, а дочь Соловья-разбойника оказывается перевозчицей на Дунае» (Лев Прозоров, «Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен», Яуза, Эксмо; М.; 2006, <http://flibusta.site/b/224005/read>; <http://sv-scena.ru/Buki/Vryemyena-russkikh-bogatyrveyi-Po-stranitsam-bylin-v-glubij-vryemyon.html>);

«Имя Ильи-Илиаса из Руси встречается в южно-немецкой поэме ломбардского цикла «Ортнит», записанной в первой половине XIII в. и северогерманской саге о Тидреке (Дитрихе) Бернском, записанной в Норвегии в середине XIII в. Время действия саги относится ее автором к эпохе Великого переселения народов (IV – VI вв.). Союзники и главные герои саги – Тидрек Бернский и Аттила, король Гунналанда, имеют известных исторических прототипов – основателя остготского королевства Теодориха из рода амалов (ум. в 526г.) и правителя гуннов Аттилу, жившего в V в. н.э... Имя Ильи из Руси встречается также в южно-немецкой поэме Ортнит, записанной в начале XIII в., а значит было известно «немецким людям» еще в XI или XII в., еще до начала пограничных столкновений русских и немцев в Прибалтике. Трудно поверить в то, что современные для автора саги действия ордена меченосцев в Прибалтике могли стать основой для формирования важнейшего сюжета саги о древних временах, Тидреке и Аттиле, внести столь заметные изменения в мифоисторическую картину северо-германского эпоса, изобретя сюжет о крушении Русской

империи, якобы существовавшей в эпоху Владимира и Илиаса из Руси... Представления о «Русской империи» были очевидно во многом основаны на смешении политической географии Руси X – XI в. и Великой Моравии IX в. Так «Хроника всего света» Мартина Бельского и Хронограф Западнорусской редакции наоборот сообщают о Моравской империи, включавшей в IX в. земли русского государства: «Святоплуг, моравский король ... в то время держал русские земли». Чешская хроника Пулкавы конца XIV в. включает в состав Моравии времен Святополка «Полонию и Русию». А.Г. Кузьмин обратил в свое время внимание на то, что русскими книжниками моравские князья воспринимались как одни из русских. Русский список XVII в. Пространного жития Кирилла Философа списанный с сербского списка, хранившегося в монастыре на Афоне, содержит своеобразную титулатуру моравских князей: «Ростислав бо и Святополк князь Моравский и Туровский и всей России»...» (Н.В. Филин, «Об историческом прототипе Ильи Муромца», <http://histline.narod.ru/il03.htm>);

«В районе Юго-Западной Польши и Центральной Чехословакии имеется очень много городков с тем же названием – Киев.

1. Город Киёв (именно так через Ё) в Южной Моравии недалеко от Брно, известен с 1126 года.

2. Гмина Киево Королевское в нижнем Повисленье, в которую, в том числе, входят населенные пункты Киево Королевское и Киево Шляхетское, известна с 1220 гг.

3. Деревня Киево в Великой Польше, упоминается в Великопольской хронике среди событий 1270 года.

4. Городок Киево в Хорватии в Динарских горах, известен с 1315 года, свое название получил от старохорватского слова «кий» (палка) из-за соседства с пиком соответствующей формы.

5. Населенный пункт Киевице в Северной Моравии близ Остравы.

Кроме этих наиболее крупных городов имеются целые серии городов со схожими именами – 6 Кујов, 3 Кује и еще Кујисе, в Чехии, в Польше 8 Киево, 2 Киевице 3 Кіје 4 Кіјани, Кіјанка, Кіјани, Кіјасzkowiec, Кіјасzkowo, и 2 Кіјова в Словакии. Кроме этого россыпь «новых городов» тянется от Балтийского моря до Черного вдоль всего дунайского пути. Здесь же мы найдем Ростов / Росток, бесконечное количество «Вышгородов», «Вышеградов», «Чернграды». Немало насчитывается и «Переяславлей», протянувшихся по Дунаю, начало которым дает знаменитый болгарский Переяславль / Преслав. Какой конкретно из упомянутых «Киевов» можно считать столицей, неясно. Ну пусть это пока будет город Киёв, располагающийся и поныне недалеко от Брно. Хотя есть вероятность что оригинален именно Кёве располагавшийся в месте впадения Моравы в Дунай...» (Bskamalov, «Где находилась Киевская Русь?», <https://bskamalov.livejournal.com/12424.html>; <https://www.liveinternet.ru/users/majorlis/page9.shtml>).

Конечно же, Украина вряд ли имеет непосредственное отношение и к племени вкранов, обитавших ранее по лону реки Вкра:

«...автор «Великой хроники о Польше, Руси и их соседях» сообщает, что угры – это

славянское племя вкранов» (Н.В. Филин, «Об историческом прототипе Ильи Муромца», <http://histline.narod.ru/il03.htm>).

И, тем более, весьма сомнительным является какое-либо её отношение и к немецкому Уккермарку:

«Укра́не, укрәне, украны – западнославянское племя, поселившееся в VI веке на востоке современной германской федеральной земли Бранденбург. Земли, некогда принадлежавшие украинам, сегодня называются Уккермарк» («Украине», <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1154892>). [к осн. тексту]

12.4 Украинцы – горцы, верховинцы, верховные

И это ведь значит, что этноним «оукры / укры», означающий, подобно этнонимам «угры», «югуры» и «уйгуры» не только крайние (греч. «ἄκρο» – конец), но еще и верховные (др.-греч. «ἄκρος» – «крайний, внешний, высший, верхний, верховный», кр.-тат. «ууцаг» – верховный), и высокие (хинди «уусаа», лит. «aukštas», турец. «jükar, jühar, yüksek», кар.-балк. «огааг», татар. «jugar* / югары», узб. «ууцоги», нем. «höher» – «высокий, высший»), и превосходные, успешные (др.-греч. «ἄκρος» – превосходный, азерб. «uğur» – «успех, удача, фарт»), фактически является всего лишь калькой с этнонимов «арии» (укр. «орії / горії» = «горнії» – «горние, горцы, верховинцы, верховные»; сарматск. «арии» – «крайние, внешние», – Татищев) и «анты» (др.-греч. «ἀνώτερος» – высший; валл. «anterth» – «пик, высотка»; монг. «өндөр» – высокий).

И, поэтому-то, украинцы, конечно же, – граждане «Верховной и Успешной Страны» – Украины. Ведь как нынешние, так и прежние формы её названия: «Ус-гания», «Uk-gania» и «*Ouck-gand / Оук-райна» (новогреч. «Ουκ-ρανία») являются сложными (двухкорневыми) словами подобно английскому топониму Окленд (ст.-англ. «Auck-land» – «верховная / высокая земля»; лит. «aukštas» – высокая). И, следовательно, они подобно слову «Ок-руг» могут быть интерпретированы как «Верховный / Великий край, район, регион» (англ. «ageo», лат. «regio», лит. «гајоно», араб. «рустак», ср.-перс. «ростаг» – «ареал, регион, район, округ»; фриз. «lân», англ., нем., швед. «land» – страна; укр. «лан» – «поле, надел земли»; нем. «reich» – государство; лат. «ога» – «регион, край, берег»; англ. «agris» – «ребро, гребень, кромка, острый угол»; осет. «арæн», нем. «gain», эст. «гаја» – «граница, межа, рубеж»; нем. «gand» – край; япон. «гуйзу» – «венец, корона»).

Слова же «край» и «крайний» (нидерл. «kruin» – вершина; лат. «согона, согопат» – «крона, корона, венец») образовались, очевидно, от праиндоевропейской основы *ekʰr – «вершина, возвышенность» или же непосредственно от украинской основы *оукрай в результате утраты начального гласного *е или же позже дифтонга «оу» (переосмысления его в приставку) подобно тому, как от праиндоевр. *црег – сверху (нем. «ober», англ. «upper», «over» – верхний) образовались ирл. «barr», лит. «viršis» и арм. «vegev» – верхний и, конечно же, и русское «верх». Возможно, такая же судьба постигла и япон. «уйуге» – сумерки, из которого образовалось синонимичное ему «куге». Не исключено конечно же, что утрата начального гласного произошла в прабалто-славянских наречиях сарматских племен (лит.

«kraštas» – край), суперстрат которых ощущается не только в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, но и в индонезийском, тагальском, корейском и японском языках.

Очевидно, предками смуглых, длинноногих и высокорослых украинцев могли быть тёмно-краснокожие и высокорослые древние народы, этнонимы которых позже (в средневековье) лишь позаимствовали другие и в том числе и современные низкорослые народы:

*утии / *[г]нюйчжи / юэчжи = юецзи = *хурусы / хорасмии (др.-греч. *Χορασμιάη*, узб. *Хоразмиylar*) = кабары / кавары / ховары / калисии (араб. «кабир» – «большой, великий»; чеш. «*hnědý*», укр. «гнідий», греч. «*καφέ*», болг. «кафяв», босн. «*kafena*», макед. «кафена», турец. «*kahverengi*», чуваш. «хăмăр» – коричневый; укр. «кавовий» – кофейный [коричневый]; чеч. «комарийн» – малиновый; финик. «*katag*» – тёмный; галис. «*kobge*», исп. «*sobge*», норв. «*kobber*», каннада «*kāraḡ*», лтш. «*karaga*», франц. «*cuivre*» – медный; кидан. «нюйгу» – золото);

утигуры = юты / ютунги = ётунги / ёты / гауты (санскр. «*uttama*» – «высший, лучший, знаменитейший», «*uttaman*» – «высочайше, внешне, крайне»; индонез. «*atas*» – выше; кит. «*jù, jùdà*» – огромный; швед. «*jätte*», гуджарати «*jāyaṅṅa*» – гигант; франц. «*haut*» – «высший, высокий, громкий»; курд. «*hût*» – гигант; венг. «*hatalmas*» – огромный; вал. «*oed*», ст.-слав. «ветьхъ», иврит «ватик», эвенк. «уту» – старый; иврит «атик», яван. «*jadul*», нидерл. «*oud*» – древний; тамил. «*ātiyaṅṅa*» – «нетронутый, чистый, древний»);

жуны / гунны / хоны / ваны = джунгары / хунгары = ункараны = украине (нем. *Ucrani / Vucrani*) / укры (нем. *Uchri*) = вэньоото = венендуры / венедеры / венды / вандалы = вондобарды (лат. *Vondobardi*) / ломбарды / лангобарды = канглы / *ганглы = оногуры / анклии = англы = *унгличи / угличи (евр.-хазар. *Uglisnus*) / уличи (арм. Улахи – валахи) = украинцы (кит. «*jun*» – «высокий, красивый, прелестный»; эвенк. «хōниң» – богатырь; азерб. «*hündür*» – высокий; нем. «*Hüne*» – «гигант, богатырь»; лакск. «гунн / хун / кхун» – «высокий, великан»; баск. «*handi*» – большой; гот. «*bards*» – великан; ст.-слав. «венти» – великий; англ. «*huge*» – огромный; др.-греч. «ἄκροσ» – «высший, верхний, наружный, поверхностный, крайний, наилучший, превосходный, отличный»; новогреч. «ἄκρο», хинди «*шисаа*», турец. «*jükar, jühar*», кар.-балк. «*ogaar*», татар. «*jugar**» – высокий; кр.-тат. «*ууqarḡ*» – верховный; татар. «югары» – старший; санскр. «*agra*» – «вершина, острие»; каннада «*agra*» – верх; эвенк. «уги» – верх, «угӯ» – верхний, «укурӣ» – «возвышенность, холм»; эст. «*vanem*», фин. «*vanhempi*» – старший; хинди «*khūṇī*», бенг. «*khunē*» – кроваво-красный; ст.-англ. «*angul*» – «угол, край»; Ункурийа – Венгрия);

альтцигиры / ультинзуры / ультизуры [лат. *Ultinzures*, греч. *Ουλτιζουροι*] = ультины / = уличи (лат. *Unlizi*, арм. Улахи = *Влахи) = валахи (укр. Волохи) / *волоты / велетове / велатаби / велетабы (лат. *Weletabi*, нем. *Uueletabi / Uuelletabi / Uelatabi / Uuelezabi*) = вильтины / вилькины / вильцы (нем. *Wilde*) (укр. «великий» – большой, «волот» – великан; лат. «*alta, altus*» – высокий; англ. «*eldest*» – «самый старший»; нем. «*alt*», англ. «*auld, old*» – старый; англ. «*ultra*» – крайний; раннее праслав. **uld*, монг. «ард» / *нард – «люд, народ»; ирл. «*ór*», итал. «*oro*», лат. «*augo*», хурр. «*hiyari*», субар. «*arahi / ajarahi*», узб. «*oltin*», турец. «*altın*», крым.-тат., карач.-балк., казах., татар., киргиз. «алтын», монг. «алт» – золото);

кауравы (санскр. «*kuṛu*») = *гургэни / чжурчжэни / чжуличжэнь / нюйчжэнь =

гурганчи (узб. Gurganchi) / горганцы = гордии = кордуэнцы / кордийцы = кардуши / кардухи = гаруды (лат. Harudes / Arudes / Arachi; англосакс. Hrædas; исл. Hrǫð) / гардинги (лат. Gardiugi / Gardingi) = хредготы (англосакс. Hreðgotum / Hreðgotan) / гревтунги / грейтунги (лат. Greutungī / Greuthungi, англосакс. Hrædas, исл. Hrǫð) / гротинги (греч. Γροθίγγοι) / грутунги / грутунны (лат. Grutunni / Gruthunni) / гротуны (лат. Grotuni / Grotoni, гот. *Hrôthuns) / грутунцы (лат. Grutunci) = хоригти [лат. Horigti], *хрутунны / хороты / хорутаны / коротане = рутены (укр. «громада, гурт» – «множество людей», «громадний» – «огромный, большой», перс. «гурд» – герой; лат. «cardinālis» – «главный, основной»; рум. «gorgan» – курган; укр. «горган» – «верховина, вершина, хребет»; укр. «горголя» – «очень высокий (длинноногий) человек, верховина»; лит., лтш. «garkājains» – длинноногий; англ. «gargantuan», франц. «gargantuesque» – гигантский; греч. Геракл, лат. Геркулес, франц. Гаргантюа – великаны; праукр. *гъруд, ст.-укр. «груд» – «возвышенность, горб, холм»; чеч. «куорта», туш. «корт», груз. «корти», «карти», «курти» – «голова, вершина, макушка»; чеш. «hrot» – «вершина, верхушка, кончик», «hořejší» – «верхний, горный»; алб. «kreu» – «голова, глава, руководитель»; фриз. «grut» – «большой, крупный»; англ. «great» – «большой, великий, отличный, огромный, прекрасный, сильный»; лат. «fortis», гот. «hardus» – сильный; исл. «hát» – высокий; англ. «hard» – «высокий, сильный, жесткий, твёрдый, крайний»; нем. «hart», фриз. «hurde» – «жесткий, твёрдый», лтш. «grūts» – «жесткий, грубый»; лат. «grandis» – «великий, величественный»; укр. «кремезный» – «высокий, громадний, крепкий, сильный»; франц. «grand» – «высокий, рослый, сильный, огромный, крупный, большой, замечательный»; гот. *hrotps / «hrôth», англ. «greatness», нидерл. «grootte» – величие; авест. «Xardnah» – «слава, величие, блеск, сияние, харизма»; гот. *hrotps, исл. «Frægð», англосакс. «hreid» – слава; др.-англ. *hride = «pride» – «гордость, гордыня»; тадж. «гург», курманджи «gûg» [каурий, коричневый], кор. *hneugdae / «neugdae» [гнедой] – волк [корейские и маньчжурские волки являются гнедыми – золотистыми, красновато-рыжими]; кидан. *гньюгу / «ньюгу» [гнедое], япон. «gōrudo», иврит «charutz», англ. «gold», эст. «kuld» – золото [червоное]; шум. «ugudu», коми «gord», удм. «gord», франц. «gouge», нем. «got», ст.-англ. «gēad» – «рудой, красный»; укр. «горіховий» – ореховый [коричневый]; санскр. «kr̥ṣṇa» – «темный, черный»);

хорасмии = *хурусы / урусы = хрёсы (hrö:θ, hrö:s) / хросы / росы / рось (др.-греч. Ρωσ) / русы (баварский географ Ruzzi) / рузары / русины (санскр. «gigú» – «большой, тяжёлый, грузный»; англ. «gross», нем. «groß» – «высокий, сильный, крупный, большой, классный»; нем. «Größe» – величие; аккад. «hurāsu», финик. «hrs», микен. «ku-gu-so», греч. «χρυσος» [chrysos] – золото; др.-греч. «χρῦσός / χρσός» – «червонное золото»; др.-греч. «εὔ-χρως», нем. «rosig» – румяный; греч. «ρούσιος», лит. «gusvas», серб. «руйан» – «темно-красный, бурый»; лат. «gusseus / gussys», итал. «grosso», рум. «гошу» – красный; лтш. «gussys» – кроваво-красный; англ. «gusset», лтш. «gūsgans», лит. «gusvas» – красно-коричневый; фин. «guskea», лтш. «gusls» – коричневый; курманджи «geş» – черный). [[к осн. тексту](#)]

12.5 Возможные этимологии этнонимов анты, венеды, таджики и дулебы

Верховными (украинцами) величались и предки северян (а также гревтунгов /

грутуннов = хорутан, хорасмиев = хурусов / русов и некоторых других славянских племен) высокорослые анты (от праиндоевроп. *an[o] – наверх а, возможно, и от др.-греч. «άνώτερος» – высший или же «άνθος» – 1) росток..., 4) цвет, отборная часть, краса..., 6) блеск, яркость, сверкание, 7) высшая степень, верх; «ἀγαθός» – ...3) доблестный, храбрый, 4) благородный, знатный (Древнегреческо-русский словарь Дворецкого //:

ἀγαθός, https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/0;

άνθος, https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/11;

άνώτερος, https://wiki.lingvoforum.net/wiki/index.php/Книги/Древнегреческо-русский_словарь_Дворецкого/13).

Да и этнонимы то высокорослых потомков готов гревтунгов / грутуннов = хорутан = хрёсов / хросов / русов = ругов ведь тоже связаны с ростом: (ср.-в.-н. «gruose» – «росток, побег»; санскр. «guh» – «подниматься, расти»).

Антам соответствует также греч. «εντονη» – сильный; санскрит. «anta» – конец; кит. «àn / ань», хинди «andhērā» – тёмный; тамил. «anti» – сумерки; бенг. «Āṅṅi» – кольцо; валл. «anterth» – «пик, высотка»; монг. «өндөр» – высокий. Турец. «anter» – вишня, ассоциируется же с антами не только на основании их высокорослости – вышины, но и по вишневому цвету их кожи.

Несмотря на то, что янтсай = анты (норв. «ånd», швед. «Ande», исл. «Andinn», англ. «Genie», «Genius», кит. «Hún», тадж. «Рӯҳ», азерб. «Ruh», башк. «эруах» – «Джинн, Дух»; праиндоевроп. *h:en-, *hen-, санскр. «ānas», готск. «uzanan, andi», ирл. «anál /anál», греч. «anemos», лат. «animus», старосл. «vonja», валлийск. «anysbryd», др.-норв. «anda, Qnd», англ. «eðian/–, ðþian/–», валлийск. «eneid», авест. «āntya», лит. «anuoti», арм. «hov», алб. «ajë / ãj», оск. «anatum», тохарск. «āñcām / āñme» – дух) являлись балтоязычными сарматами (у которых славяноязычными были лишь сословия юэчжийских торговцев и ремесленников), большинство специалистов ошибочно придерживается иранской этимологии их этнонима:

«Артамонов, дотошный и опытный исследователь, заметил и другое. На Северском Донце некоторые поселения салтовцев располагались там, где раньше жили славянские племена пеньковской культуры, известные византийцам VI – VII вв. как анты. Само название «анты» не славянское, а иранское (авест. «āntya» – дух, – П.Д.). Среди пеньковских древностей особенно выделяется Пастырское городище в бассейне притока Днепра – реки Тясмин. Это было поселение ремесленников – гончаров, причем не славян, а потомков кочевых сармато-аланских племен (это-то и были балто- и славяноязычные потомки горцев антов, троксолан и аланов-торков = хайландуров – «тёмных алан», вынужденных перейти к полукочевому образу жизни в эпоху переселения народов, – П.Д.)» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата», <https://unotices.com/book.php?id=171185&page=33>; https://www.e-reading.club/chapter.php/13162/54/Galkina_-_Taiiny_Russkogo_kaganata.html; <http://litlife.club/br/?b=266758&p=33>; http://mishka-oz.ru/download/docs_11691);

«Пеньковская культура определенно не похожа на пражскую. «Это проявляется в

характере домостроительства, составе украшений и в керамическом комплексе. Пеньковская и корчакская (т.е. пражская – А.А.) посуда совершенно не похожи одна на другую» (Русанова). Мы отмечали выше, что пеньковская культура, по мнению археологов, сформировалась на основе киевской, которая, как мы выяснили, была культурой западных балтов. Чрезвычайно важно, что лингвисты обнаружили западнобалтийские заимствования, имеющиеся только в болгарском языке и которых нет в других славянских языках. Следовательно, предки болгар имели когда-то тесные контакты с западными балтами, уже после того, как выделились из общеславянской общности. Кроме того, на Балканах обнаружены спорадические западнобалтийские топонимы. (Duridanov). Переселение славян (славянизировавшихся кельто-фракийцев, – П.Д.) на Балканы происходило именно из районов правобережья нижнего Дуная, где найдены пеньковские и пражско-корчакские памятники и о которых письменные источники сообщают как о месте совместного проживания антов и славян. Кроме того, как уже отмечалось выше, балтийские гидронимы в бассейне Роси и Южного Буга, то есть в ареале пеньковской культуры, могут быть объяснены только балтийской атрибуцией пеньковцев. Для любой другой, из ближайших предшествующих культур, такая атрибуция исключена. Все эти факты дают достаточные основания для вывода о том, что анты-пеньковцы говорили на западнобалтийском языке... Кроме того, лингвисты утверждают, что западнобалтийские языки наиболее близки к славянскому. Пеньковцы же, судя по всему, говорили на каком-то западнобалтийском языке, причем мы знаем из этой подгруппы только прусский язык, язык же пеньковцев, учитывая географическое положение, мог быть еще ближе к славянскому (точнее, к балтскому склавинскому, – П.Д.). Для византийцев близкие друг другу языки антов и славян, могли показаться диалектами одного языка, тем более что в это время ассимиляция антов славянами (на самом деле славяноязычными готами, – П.Д.) уже началась» (Андрей Алексаха, «Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция», https://alexakha.ucoz.com/aleksakha-proiskhozhdenie_slavjan.pdf);

«Сам этноним «анты» также имеет скифо-сарматское начало. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной, – писал в этой связи Ф.П. Филин, – является гипотеза об иранском происхождении слова «анты»: древн. индийское «antas» – «конец, край», «anteas» – «находящийся на краю», осетин. «att'iyuа» – «задний, позади». Эту точку зрения разделяют многие ученые, в том числе О.Н. Трубочёв. То есть, анты – окраинные жители (точнее «украинные жители», то есть жители, находящиеся вне каких-либо земель, но все же «у края» их, – П.Д.). И действительно они заселяли юго-восточную окраинную территорию славянского мира и в римское время и в начале средневековой поры. Полное семантическое соответствие при этом наблюдается с названием области Украины, откуда современный этноним «украинцы». Антами рассматриваемую группу славян (точнее, славянизированных позже готами балтов, – П.Д.), по-видимому, называли скифо-сарматы Северного Причерноморья (анты – кит. «янтсай / яньцай» собственно то и являлись балтоязычными сарматами, – П.Д.)» (Валентин Седов, «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. // Анты», http://historylib.org/historybooks/Valentin-Sedov_Drevnerusskaya-narodnost--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/4).

Не исключена, конечно же, и греческая этимология этнонима «анты»:

– «верховные, высшие» (др.-греч. «ἄνθος» – «верх, росток»; «ἀνώτερος» – высший);

– «благородные, знатные, доблестные, сияющие, восточные» (др.-греч. «ἄνθος» – «блеск, яркость, сверкание, высшая степень, отборная часть, цветок, краса»; др.-греч. «ἀνθηλός», ион. «ἀντήλιος» – «восточный, сияющий как солнце»; др.-греч. «ἀγαθός» – «доблестный, храбрый, благородный, знатный»);

– «поднимающиеся [на холмы, в горы], восходящие» (др.-греч. «ἄνοδος» – «поднятие, восхождение», «путь наверх»).

Однако, так как китайцы знали антов как яньцай (антсай), то, очевидно, этноним «анты» является всё же эндоэтнонимом. Ведь китайская лексема «ван» (кор. «wang», микен. «wa-na-ka», фриг. «wanak», «wanaktei», греч. «(F)άναξ», «(F)ανακτος») – «правитель, царь, владыка» (подобно тамил. «āṇṭa» – правитель, «āṇṭakai» – рыцарь) имеет индоевропейское происхождение (от праиндоевроп. *an[o] – наверх), и впервые в Китае она, очевидно, стала использоваться именно праславяноязычными серами (шанами) государства Шан и позже жунами (жун-ди, чи-ди) государства Чжоу и славяноязычными юэчжийцами дома Чжаову. В южнославянских языках она сохранилась в виде титула верховного правителя «бан», а в польском и в украинском языках в виде лексемы «пан», как означающей повелителя (господина), так и служащей для вежливого обращения к кому-либо:

«Бан (начальник) – южнославянское произношение слова пан, «господин», употреблялось в значении начальника области. Название это встречается в последнем значении уже у Константина Порфирородного, когда он говорит о Хорватии; в XII веке столетии банами назывались начальники следующих областей: Хорватии, Боснии, Славонии, Пожежского округа, побережья Рамы, Срема и Албании. В Хорватии термин бан после присоединения к Венгрии в начале XII века на правах личной унии стал обозначать назначаемого королём правителя, осуществлявшего в Хорватии автономную власть. Хорватский бан имел большие права: в государственных актах его имя писалось после имени короля, и он имел те же привилегии, что и палатин в Венгрии» («Титулы // Бан», <http://baronss.ru/publ/5-1-0-199>).

Поэтому-то анты (др.-укр. *ванты = вандалы / венеты / венгры, оногуры / анклии / англы / канглы, *унгличи = уличи / ультины / ультизуры / *анцигиры / альцигиры = улахи / волохи / волоты / велеты / вельты / вильтины / вилькины = вильцы / *улютичи / лютичи = гутии / *утии / юэчжи / юечжи / юецзи / утигуры = *ютичи / юты / ютунги / ётунги / гёты / гауты, гаруды / гардинги = гревтунги / грутунны = хорутане / хоруты) это и есть верхние / верховные аорсы (царские сарматы / серменды = германцы). Следы лексемы *an(o) сохранились в украинском и в других языках (укр. «баня» – «купол, верхушка», «панувати» – господствовать, «панькатися» – нянчиться, «опанувати» – «овладеть, освоить», «вантажити» – «грузить, укладывать, поднимая вверх»; «бентежити» – будоражить; серб. «бандера» – «полос, столб»; хинди «пандит», кит. «мандарин» – «учёный, уважаемый человек»; франц. «avantage» – «авантаж, выгода, привлекательность, преимущество, благоприятное положение», нем. «Hand» – рука [верхняя конечность], кит. «ān», кор. «anjang», лит.

«antiklina» – седло; кит. «ānbù», «ānzi», «ān tì» – седловина; санскрит. «anta» – конец; ст.-англ. «angul» – «угол, край», англ. «end» – «конец, край», башк. «шаңдак» – венец; «панты» – «рога оленей», кит. «jīān, jīānzi», эст. «ots», башк. «ос» – «кончик, тонкий конец»; лит. «ežė», диал. «ažià» – «межа, край, граница»; лтш. «eža» – «грядка, межа», др.-прусск. «asy» – межа; кит. «jun» – «высокий, красивый, прелестный»; ст.-слав. «венти» – великий; др.-греч. «ἀνώτερος» – высший, монг. «өндөр, ариун», лат. «alta, altus» – высокий, франц. «haut» – «высокий, высший, громкий», англ. «hard» – «высокий, сильный, твёрдый, хесткий»; кит. «Jù, Jùdà», венг. «hatalmas / *hantalmas» – огромный; франц. «géant», англ. «giant», швед. «jätte», курд. «hût», гуджарати «Jāyaṅṅa» – гигант; баск. «handi» – большой; эвенк. «эңэси, хōниң» – богатырь).

Очевидно, веныды / венеты это вовсе не просто этноним, а топоним, означавший внешних для горцев племен, поселения которых располагались венцом вокруг гор и даже вдали от них. Ведь венеты известны с глубокой древности во всех регионах Европы и даже в Северном Китае (вэньоуто / веньсу). В античности венедами называли балтов, а в средневековье как спустившихся с гор на побережье Балтийского моря славяноязычных германцев (виндов), так и славянизировавшихся балтов Восточной Европы (винов).

Возможно, веныды (внешние) первоначально были верховными среди балтских и западных балто-славянофонных племен (ст.-слав. «вѣнць» – «венец, вершина» [ср. «венец творения»]; Венус = Венера – «латинская богиня красоты»; индонез. «puncak» – «пик, вершина»; кр.-тат. «бунчук» – «древко, увенчанное шаром, полумесяцем или пучком волос конской гривы, – символ власти»; «венчик» – «ободок, кант вокруг верхнего края сосуда»; эст. «vanem», фин. «vanhempi» – старший; фин. «vintti», швед. «vind», «vindsvåning» – чердак), а вандалы (лит. «vainikas», лтш. «vainags», кит. «wángguàn» – «корона, венец»; Ванадис – «скандинавская богиня красоты»; авх. «ande» – «муж, человек»; гот. «bandwa» – «знамя, высоко поднятый знак») и ханты (хандэ, кантэк) – соответственно среди восточных античных германцев и угроязычных вогулов.

Не исключено и то, что этнонимы «таджики» (тадж. «точик») и «тадзанс» являются лишь кальками с этнонима «венеты» (хинди «tāja», перс. «taj», тадж. «точ», турец. «taç», арм. «t'ag», лтш. «dañdzis», лат. «diade» – «венец, диадема, корона»):

«В последнее время всячески стараются усмотреть в хузварешском слове «тазик», соответствующем персидскому «тази», синоним слова «таджик», хотя нет никаких оснований предполагать, что слово «тадж» со всеми его производными, такими, как «таджик» (венчик), «тадждар» (имеющий венец) и «таджвер» (венценосец), менее древнее, чем слова «тази», «таз», «тазьане» и др.» (Н.В. Ханыков, «Записки по этнографии Персии», http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1840-1860/Hanykov_etnogr_Persii/text2.phtml).

А это значит, что славяноязычные вэньоуто – верховные утии (да-юэчжи = царские юечжи) были родственными не только венендерам, венедам и антам (вантам), но и тадзанс, и таджикам (монг. «дээд» – «верхний, верховный»; венг. «tetőtér» – чердак; кит. «tóu», итал. «testa», франц. «tête», арм. «pet», англ. «head», норв. «hode» – «голова, глава»; укр. «ватажок» – главарь; лат. «dux», итал. «duce», эст. «juht» – «лидер, глава, верховный предводитель,

вождь, государь»; польск. «teczą», в.-луж. «tušel», н.-луж. «tusa», укр. «райдуга» – радуга; др.-прусск., лит. «dangùs» – небо; лат. «tegō» – покрывать, «toga» – тога; ДаджьБог – Всевышний [Бог неба]; «Тадж Махал» – «Венец Моголов»).

Участие же в этногенезе таджиков «акающих» балтоязычных савроматов (предков балтов), конечно же, исключено, так как таджикские наречия подобно украинским являются «окающими», а не «акающими». Однако же не исключено то, что под этнонимом «тадзанс» Иордана собственно и «скрываются» славяноязычные *дудлебы / дулебы или же сяньби = сербы:

«После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», <https://www.rulit.me/books/iordan-getica-read-122018-10.html>; <https://www.litmir.me/br/?b=102649&p=25>);

«Но где же славяне, вправе спросить читатель, разве в списке Иордана их нет вовсе? Есть. Это тадзаны (возможно тунгры = дудлебы / дулебы, а также *славы / свавы / свебы, тервинги = червяне / зеруяне = сербы = сяньби, гревтунги / грутунны = хорутаны и др., – П.Д.). Имя, которое не известно ни летописцам, ни поздним историкам...» (Владимир Щербаков, «Века трояновы» / «Встречи с Богоматерью», <https://www.rulit.me/books/veka-troyanovy-read-102964-9.html>; <https://www.litmir.me/br/?b=38389&p=111>).

С другой стороны предки таджиков = тадзанс – жуны веньоуто и сяньби, как и все праиндоевропейцы, проживали в горных ущельях и в холмистых предгорьях – товтрах (*toutr, толтры, татры). Следовательно, их этноним, подобно этнонимам «таты», «татары» и «дулебы» (дудлебы, тадзанс), первоначально мог означать и, как жителей верховин (франц. «tête» – верх; англ. «top» – вершина; кит. «tóulǐng», эвенк. «дил», каннада «tale» – «глава, голова»; каз., башк. «тау» – гора; беларус. «драсён», башк., карач.-балк. «таулы», тур. «dağlı», узб. «tog'lik» – горец), так и жителей предгорий:

«...исследователи выводят происхождение этого слова (татары, – П.Д.) от «горного жителя», где «тат» имеет значение горы, а «ар» – «жителя, человека». (Сухарев А.А. Казанские татары. СПб, 1904, с.22)...» (Ж. Саяр, «Происхождение названия татары», <http://tatars.narod.ru/history/mg03022000.html>);

«Вариативность дулебы / дудлебы является частным проявлением фонетических различий -dl/l- и -tl/l- в западнославянских и восточнославянских языках. Сравните.: радло/рало, мыдло / мыло, сидло / шило, Подлясье / Полесье. Нетрудно заметить, что глаголы орать, шить, мыть в корневой части слова содержат звук [t]. Имена существительные образованы с помощью суффикса -l(o)-. Из этого следует, что консонатные группы -dl-, -tl-, сохранившиеся в западнославянских языках являются первичными. В то же время в

восточнославянских и южнославянских языках звуки [d] и [t] в консонатных группах -dl-, -tl- редуцировались. А значит, западнославянская форма дудлебы древнее восточнославянской дудлебы. ...топоним *Daud(e)laib в процессе монофтонгизации общеславянского языка превратился в Дудльб...» (В. Овчарёв, «Происхождение дудлебов», <http://samlib.ru/c/chingachguk/dulebi.shtml>).

Возможно и праиндоевропейское *teutiH, означавшее «народ», «племя» (эвенк. «тэгэ̄» – народ; лит. «tauta», гот. «Þiuda», ср.-чеш. «l'udie» – люди) и послужившее основой также и для этнонимов «тевтоны», «дойч» («deutsche» – немец) и «dutchman» – голландец, всё же имело первоначальный смысл – «жители гор и предгорий» (ср.: «товтры»; франц. «tertre» – «бугор, холмик, пригорок»; кит. «tóu» – голова; турец. «dağ» – гора; венг. «tető» – «верх, верхушка»; франц. «tête», нем. «dach» – верх; укр. «дах» – крыша; япон. «taka» – высокий).

Не исключено, конечно же, и преобразование в этноним дудлебы (*дунглебы / дуглебы) этнонима «тунгры» = *тунглебы / дунклебы (ст.-англ. «dun, duning» – «черный, тёмно-коричневый», нем., швед. «dunkel», нидерл. «donker» – тёмный; кор. «dunhan», турец. «donuk», карач.-балк. «тунакы», англ. «dingy», лит. «dulvas», фриз. «dull» – тусклый; норв. «tungsindig» – мрачный) или даже этнонима «дагоры» (тагоры, тохары, тугуры, бугуры, пугуры). [[к осн. тексту](#)]

12.6 Возможные этимологии этнонима северяне

Не только верховными, но возможно и солнечными величали вдревности себя и сами северяне (потомки насельников Волынцевской и Роменской АК):

«Именно в Нижнем Посулье в результате смешения (балтоязычных, – П.Д.) антов с местными (славяноязычными, – П.Д.) аланами в начале VI в. сложилось антское племя северов. Это было именно небольшое племя, еще не продвинувшееся в глубь будущей Северной земли. Основная ее территория была пока занята аланскими предками севруков и акацирами. Но возникновение племени северов следует все же относить ко времени, предшествующему миграции антов в придунайские области в первой половине VI в. Имя северов в VII – VIII вв. отмечено среди дунайских славян. В контактной зоне между антами и акацирами возник и славянский этноним «хозирцы» (славяноязычные венендеры = хазары / *кудары = кидариты, – П.Д.), упоминаемый Баварским географом. Произойти это могло так же еще в начале VI в. Можно еще сопоставить упоминаемых тем же автором славян Zabrozi с названием другого гуннского (славяноязычного жунского, – П.Д.), племени – савир» (Сергей Алексеев, «Славянская Европа V – VIII веков», М.: Вече, http://www.historylib.org/historybooks/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/10).

Этноним «северяне», как и эвенк. «сувэрэ̄» – вершина, тагал. «suwerte» – «удача, фарт», швед. «suverän» – высочайший, англ. «sovereign» – «суверенный, верховный, независимый, державный, полновластный, наивысший», англ. «several» – «отдельный, особый», франц. «severe» – «сильный, суровый, жесткий, тяжелый», укр. «суворий» –

суровый, и лат. «separat», франц. «séparé» – «сепаратный, отдельный, одиночный» происходит от праславянской (сарматской) основы *сувэръ, восходящей к праиндоевр. *[s]uper – сверху и преобразовавшейся в ст.-слав. и в др.-киев. языках в «сѣверь». Следовательно, лексема «сѣверь», первоначально означавшая «сверху», была переосмыслена в «север» на основании того, что вода течет сверху вниз, а верховья основных рек у восточных славян, как и у индийцев находились на севере (санскрит. «uttara» – «верхний, северный, левый, задний, превосходящий, лучший»; «uttama» – высший). Возможно, что это произошло и не без влияния лит. «šiaurė» – север.

Очевидно, северяне, как и их доблестные и благородные предки балтоязычные анты (кит. «яньцзяй / яньцай» = антсай) и именьковцы (населники Именьковской АК, упоминаемые в арабских сочинениях как ал-Тршкин, С-л-виюн и ас-сакалиба), были потомками и троксолан / роксолан, возможно, и принесших первыми славянскую речь в Европу из Северного Китая, и балтоязычных царских (высочайших, верховных) савроматов (сирматов) – «верхних (верховных) аорсов» (потомков насельников прохоровской АК) и даже славяноязычных солнцепоклонников хварезмийцев / хорезмийцев (греч. «χωριστός» – отдельный) – жунов-сабиоров / гуннов-савиоров = суваров (ведич. «suvar = *xuwag, др.-инд. «svag», авест. «hvar» – солнце):

«В отношении племени С-л-виюн, считающегося «несомненно, той частью славян, которая и согласно Повести временных лет платила дань хазарам», тоже не все ясно, даже если предположить тождество с-л-виюн и славян. В письме Иосифа этот народ локализуется в Поволжье. Кажется, славян на Волге в I тысячелетии н. э. быть не могло. Действительно, именно так считалось совсем недавно. Но последние исследования Среднего Поволжья показали, что в V – VII вв. там существовала именьковская археологическая культура, носители которой были славянами (точнее, как балто-, так и славяноязычными ас-сакалибами – тёмно-вишнёвыми, – П.Д.). В конце VII в. большая часть именьковцев покинула Поволжье (и славянизировалась в Подонье аланами-торками и караболгарами утигурами / ясами, – П.Д.), но некоторые остались и слились с населением Волжской Булгарии. Именно из-за этих славян Волга в арабских сочинениях о событиях VII в. называется «Славянской рекой», а Ибн Фадлан присваивает булгарину Алмушу титул «царя Славян (буквально, тёмно-вишнёвых, – П.Д.)»...» (Елена Галкина, «Тайны Русского каганата», <https://www.litmir.me/br/?b=266758&p=36>; <http://litlife.club/br/?b=266758&p=36>; http://loveread.ec/read_book.php?id=74170&p=43);

«СЕВЕРЫ – общее название Славян (темно-краснокожих гунов-савиоров, – П.Д.), проживавших в начале новой эры на Сев. Кавказе. Географы двух первых веков по Р. Хр., Плиний Старший и Птоломей, помещают их среди Меотов, т.е. в Приазовье. При этом первый пишет их имя – Сервии (сербии = сербы = сянби, – П.Д.), а второй – Савары. Через пять веков аноним Равенский называет реку Дон «родиной Суаров». Чешский профессор Л. Нидерле считает, что все эти имена потом слились в одном более позднем – Северяне. Он думает, что «именно они основали все славянские колонии, которые уже в шестом веке упоминаются на Донце и на Дону, а в арабских источниках IX и X веков на Дону, Волге и Северном Кавказе». В примечаниях он добавляет: «Северяне упоминаются не только в X

веке Константином Багрянородным под именем Северии и в письме Иосифа Хазарского под именем Савар, Север, но, очевидно, еще раньше географом Баварским (Sebbigozi), затем анонимом Равенским (patria Suaricum на Дону) и Птоломеем, Savaroi, которого ближе всего к ним подходят» (Л. Нидерле. Славянские древности, М. 1956). Все эти изменяющиеся в веках названия в основе своей, вероятно, имеют римское *separare* (так же как английское *sever*) со значением «отделять», «отделиться». Тот же смысл придает им в VI в. Прокопий Кесарийский, уже при греческом звучании – «Споры» со значением «рассеянные» и это роднит их со славянским – «бродячий», «бродяги». Очевидно Кавказские и Подонские Славяне приобрели общее прозвище Северы от Римлян во время их господства на Сев. Кавказе (I – III вв. по Р. Хр.). В конце четвертого века Гунны прихватили с собой и часть Кавказских Славян, которые принесли свое имя С. и на Дунай. Большая же их часть осталась на старых местах и оказалась в границах возникшего там государства Казара. В X в. о них, как о Славянах, вспоминают Арабы Масуди и Ал Бекри, но и до этого времени их можно узнать в Сакалибах других арабских авторов. Масуди говорил, что многочисленные славянские племена издревле заселяли берега Дона. Его слова подтверждаются более ранним свидетельством другого Ара-ба-Ибн Хор-дабе, который еще в середине IX века называл Волгу и Дон славянскими реками. Л. Нидерле ссылается на анонимный источник X в., по которому и Азовское море называлось славянским. Вероятно, на основании этих свидетельств, пополненных греческими данными, в Российских Четьи Минеях говорится, что «Козары, коих Греки Козарами, Римляне же Газарами, называли, был народ скифский языка славянского, страна же их была близ Меотического озера» (Ригельман). Гребенские Казаки помнили еще в XVIII столетии, что их раньше называли Казаровцами (у него же в Летописном повествовании о Малой России). Оставаясь в Подонье и в Приазовье под властью казарского хакана, степные Славяне прошли многовековые процессы смешивания и метисации с другими народами. При этом они не только сохранили свой древний славянский язык, но и распространили его и на соседей. Ал Бекри писал, что Казары (кудары / кодары = *готары = котраги = венеды – внешние, ружные, украинцы; венг. «koszori», – венец; укр. «готар» – «граница, межа», «кут» – угол; кант, контур – «внешнее очертание», – П.Д.), смешавшись со Славянами, стали говорить на их языке «наравне с другими народами севера». После гибели Казарского царства (965), остатки его славянского населения вошли в состав державы Томаторканской и в дальнейшем упоминаются в русских летописях и актах, как Бродники, Пятигорцы, Черкасы, Козары, Сара Азманы (потомки аланов-ясов Сары Османы, – П.Д.), а иногда и как Северюки (в актах XVI в.). Известно, что все эти прозвища принадлежали казачьим предкам» («Казачий словарь-справочник», – Сан. Ансельмо, Калифорния, США, Составитель словаря Г.В. Губарев, редактор – издатель А.И. Скрылов. 1966 – 1970, http://vtoraya-literatura.com/pdf/gubarev_kniga_o_kazakakh_1957_ocr.pdf, <http://enc-dic.com/cossack/Sever-865.html>);

«Греч. ασφολοι Р. Дженкинз оставляет без перевода. «По всей вероятности, это имя связано с этниконом саби́ров и означает «непоколебимые сабарты»» (MABF. 43.1.). Применение этникона к ма́дярам – свидетельство о раннем этапе ма́дярско-хазарских отношений, поскольку са́бирами называли и хазар (Ligeti L. A magyar. 345.1.; Nemeth Gy.

honfoglalo. 192.1.; Bartha A. A magyar. 519.1.; Erdelyi I. ? magyar. 25-26.1.). Этнокон «сабарты» («саварты») иногда отождествляют с арабским «ас-савардийа» у Балазури, арабского историка второй половины IX в. (ум. около 892 г.): ZA.I. S. 220-221, 233-234), с этниконом армянских источников «севордик» (народ VIII в. на р. Куре), а также с латинским антропонимом «Зуард» Венгерского Анонима (SRA. I. P. 41, 75, 77, 78, 80, 90, 92, 93) и автора XIII в. Шимона Кезаи (Ibid. P. 160, 167)» (Комментарий к: Константин Багрянородный, «Об управлении империей // О родословной народа турок и о том, откуда они происходят», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397);

«Историю лесостепных северян мы можем углубить до VI – VII вв. Здесь, на границе со степью, перед нами уже вырисовываются предки отважных курян, «сведомых кметей, под шелома възлелеяных, конец копья въскормленных». Северяне в V – VI вв., в эпоху сложения единой археологической культуры между Днестром и Доном, входили в состав Русской земли, составляя ее восточную половину, и в этом смысле северяне должны быть причислены к воинственному народу «рос». Очевидно, не случайно арабский географ Идриси (1154 г.) назвал Северский Донец «рекой Русией». Сложение Северского племенного союза можно относить к значительной древности. Из состава северян выделялись бродники, оказавшиеся на юге в таком значительном количестве, что их и там, далеко от своей родины, называли в VI в. северянами. В VI – VII вв. северские бродники жили в низовьях Дуная, откуда их в 689г. Аспарух переселил южнее Том и Преславы. Часть северян была переселена вверх по Дунаю к Видину – Бдыну (ныне столица Австрии Вена, – П.Д.). Следует отметить, что именно в районе доаспаруховского поселения дунайских северян позднейшая традиция указывала русские города. «А се имена градем всем русским, далним и ближним: на Дунае Видицов... Мдин... об ону страну Дуная Трънов, а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килия, на устье Дуная Новое Село, Аколятря, на море Карна, Каварна...». Курск, верховья Северского Донца и его притоков, Орел – вот восточная часть Русской земли V – VII вв., отмеченная интенсивной исторической жизнью, усиленным выделением рядовых воинов, погребенных с серебряными вещами местной и иноземной работы, и богатых князей, владевших золотыми сокровищами, полученными во время походов на юг. Установление в V в. значительного единства между Северной землей и Средним Приднепровьем явилось, очевидно, результатом создания мощного племенного союза лесостепных племен под главенством Руси» (Борис Рыбаков, «Великое расселение славян», https://www.e-reading.club/chapter.php/1035928/6/Rybakov_-_Kievskaya_Rus_i_russkie_knyazhestva_XII_-XIII_vv.html);

«А.Л. Никитыным достаточно убедительно, на наш взгляд, показано, что изначальным местом русской вольницы был Тмутаракан. Он был. «свободным городом» росов, городом изгоев, подчиняющимся праву сильного, напоминающим более поздний Берлад на Дунае. Он же указал на существование на Дунае его двойника, современного Тутракана, выше которого по течению этой исконно славянской реки (а вовсе не Дона) отыскиваются следы «Дунайской Руси» с городами Русе, Новгард, уже существовавших в X – XI вв. н.э.» Небезынтересно отметить и то, что уже в X – XI вв. в Венгрии существовал титул «герцог

русов», который носил наследник престола и которому была подчинена область, населенная древними русами. Подобное возможно только в том случае, если среди населения Венгрии существовал значительный массив союзных русов / русинов. Именно его существование и объясняет последующие вмешательства венгерских королей в княжеско-династические дела Галицкой Руси, в частности во время Данила Галицкого и его предшественников. Небезынтересно в этой связи отметить два момента. Первый сводится к тому, что древние греки рассматривали алазон / алан бродягами, т.е. ведущими преимущественно бродячий, подвижный образ жизни. Другой сводится к существованию в рассматриваемый период (IX-XII вв. н.э.) в Дунайско-Днепровском регионе, в частности в Попрутье, множества яских / русских поселений, топонимические следы которых сохранились и поныне: это и Яский торг / Яссы, и села Яска, Дигоры в Поднестровье и мн. др. (Владимир Кожухар, «Русь, которая была: истоки, генезис, миграция», <http://www.kaliningrad.wie.su/WiE-en/soderzhanie.pdf>). [[к осн. тексту](#)]

П.13. И ведь же не только индоевропейцы были «украинцами»

И действительно:

«Пермяцкое «р ää гта» – однозначашее с зырянским «syгі à, syгја» – украинца; следовательно, пермяки и зыряне – слова однозначашие» (Брокгауз и Ефрон, «Большой энциклопедический словарь», http://gatchina3000.ru/big/042/42573_brockhaus-efron.htm).

Как видим, и пермяки, и зыряне, подобно античным сирматам, сиракам, циркасам (черкасам), зеруянам / червянам (славянам) и сянби = сербам, тоже являются «украинцами» а, следовательно, и верховными (морд. «sir-a» – «край, сторона»; фин. «syгjä» и эст. «serv» – край; бенг. «sarbōssa», хинди «sargvōssa» – высочайший; хинди «śira» – «голова, глава, руководитель», «śiras» – «голова, вершина», «śīrṣa» – верхний; др.-перс. «saigi» – власть, «sagem» – глава, «ser», «sir» – лев, «sra» – «сильный, могущественный»; бенг. «sērā», телугу «sarigā», япон. «saigyō», эвенк. «аяргү*» – лучший; санскр. «śira» – длинный).

Манси называют коми «saran», а ханты – «saranjah» (Макс Фасмер), то есть фактически сарматами – серебряными (золотыми) болгарями. «Саран на кичку!» – клич разбойников при штурме купеческих лодок. «Кичка – 1. Праздничный головной убор замужней женщины, старинный или местный. В почтенной кичке, в шушуне, Москва – премилая старушка. Пушкин. 2. Передняя часть, нос речного судна, «сарынь на кичку!». 3. Название различных предметов, являющихся верхушкой или выдающейся вперед, частью чего-н., напр. темени, верхней части хомута, дымовой трубы и пр. (Толковый словарь Ушакова). По смыслу этот клич означает: «Голытьба – на нос корабля!» Эта команда служит для того, чтобы отделить работный люд от стрельцов, которых порубят в битве удалые молодцы (казаки).

Однако же здесь «саран / сарынь», очевидно, означает вовсе не сарматская, а весьма расплодившаяся подобно саранче половецкая беднота (укр. «сарана» – саранча). Ведь этноним сарматы в то время был уже архаизмом, а самоназванием половцев (кипчаков) как раз то и было «шары / сары» – желтые (золотые):

«Лишь через призму веков видно, как та (Москва, – П.Д.) по примеру Запада искусно разлагала Степь, ее последние островки – и ей это сходило с рук. Степняки ничего не замечали. Возможно, сказывалось, что московскую политику все-таки вели переселенцы из Великой Степи, ставшие новыми русскими. Возможно, причина в другом... Но в 1570 году Иван Грозный подбил Сарык-Азмана (атамана небольшого донского юрта) на то, чтобы тот грабил польские и ногайские караваны. И атаман за деньги начал грабить. Дон тогда отчаянно бедствовал... Так несправедным делом и сманили казаков. Стали их приручать кнутом да пряником. «Пряники» выдавали через Сарык-Азмана, а кнут – через ногайских ханов. Москва прикармливала донских кипчаков щедрыми подачками, точно как в свое время поступали римляне и греки с воинами Атиллы (с тюрками-федератами). История повторилась вновь. Все было до обидного просто и дешево, но политика велась с очень дальним прицелом: и вновь кипчаки были нужны в качестве «пушечного мяса»...» (Мурад Аджи, «Дешт-и-Кипчак – страна незнаемая?» / «Европа, тюрки, Великая Степь», http://www.pseudology.org/tatary/Kipchaky_Epilog.htm);

«Огромная доля успехов русского народа, залог его роста и величия состояли всегда в его исключительной пластичности и терпимости. Это позволяло ему впитывать в себя, использовать и перерабатывать не только многие культурные вклады других народов, но и сами эти народы. Не подлежит никакому сомнению, что варяги, сыгравшие выдающуюся роль в сложении русской государственности и давшие русскому народу его имя (Русь), были норманнами, скандинавами (потомками мигрировавших из Подонья в Южную Прибалтику и в Фенноскандию славяноязычных аланов-торков = аланов-русов, – П.Д.). Все русские князья IX – X вв. были норманнами, носили шведские и датские имена, а уже через три поколения они ославянились. В лесной полосе между Балтикой и степью жило множество финно-угорских народностей – меря, весь, мурома, мещера и т. д., на территории нынешней Московской области – литовское племя голядь. Где они все? А никуда не девались. Нынче это все русские. Русские забытого финно-угорского и литовского происхождения. В русский народ влилось огромное количество татар, печенегов, половцев, торков, берендеев и других кочевников, осевших и ославянившихся. А сколько влилось и ассимилировалось поляков, немцев, грузин, армян! Ныне совершенно невозможно установить, в ком больше чисто русской (полянкой готаланской, – П.Д.) крови, а в ком больше всяких примесей... Русификация была и насильственной. Но успех русификации был не в силе, а в том, что русские принимали инородцев в свою среду, не изолировали их, не отвергали и предлагали приобщиться к более привлекательному (для психически инфантильных туранцев, – П.Д.) образу жизни. Делали этот (холопский, – П.Д.) образ жизни более привлекательным» (Лев Клейн, «Диагноз. Рак», <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/9/kl12.html>).

Этнониму «зыряне», как и этнониму «зеруяне» (zeriuane / zetivani / червяне – сербы / славяне) соответствуют коми-зыр. «зарния» – золотистый, коми-перм. «зарния», осет. «заэрин», венг. «[s]arany» – золотой (цвета червонного золота – темно-красный). Наименование же золота, означающее блестящий и благородный (высший, верховный) метал, во многих языках распространилось и на серебро (и.-е. *hark, валл. «agian», греч.

«ἀργυρος», лат. «argentum», япон. «shirubā», готт. «silubr» – серебро). Поэтому-то этноним темно-красных (цвета червонного золота; лтш. «sārts» – розовый; лит. «sartas» – «гнедой, коричневый»; осет. «сырх / сурх» – красный; дат. «sort» – чёрный) волжских болгар стали интерпретировать иначе – «серебряные болгары» (чуваш. «нухрат пӑлхӑр», производят от арабского «нухрат» – серебро).

А вот, потомки сирматов царские рода чжурчженей все же, продолжали связывать себя, подобно зырянам и голяди (возможно, античным колдам = голдам, голтескифам), не с серебром, а с золотом. Чжурчжэни именовали свою династию Цзинь (чжурчж. «Цзирь» – Золотая; звук «р» в китайском языке заменяется, как правило, звуком «н»). Китайский историк Цзи Ши полагает, что «ньюйчжэнь» (чжурчжэни) – это не самоназвание народа, а киданьское слово, происходящее от киданьского «ньюйгу» (золото).

Этнонимы же «коми» и «кумык» являются всего лишь тюркскими кальками соответственно с этнонимов «саран» и «[с]арияк» – «сирак». Казах. «куьміс», узб. «kumush», кар.-балк. «кюмюш», кр.-тат. «kümüş», турец. и азерб. «gümüş» – серебро, очевидно, произошли от пратюрк. и чуваш. «хӓмӓр» – коричневый <темно-красный>, восходящего к финик. «камаг» – тёмный <темно-красный>, или же от хурритской основы чеч. «комарийн» – малиновый, и поэтому-то, как и хинди «cāmḍī», обозначали они первоначально не серебро, а другой благородный металл – червонное золото.

Возможно, поэтому же и называл Константин Багрянородный «Золотым» (Χρυσὸς Λευόμενος – «называемым золотом») северо-западное побережье Черного моря, населенное сираками (зеруянами / червянами – славянами) и русами. Очевидно, не спроста и монгольское государство Поволжья получило наименование Золотая орда. Ведь многие народы Поволжья имеют древние этнонимы, связанные не только с древностью, но и с золотом: чуваш. «сувары» (санскр. «su-varṇa», «суварча», маратхи «suvarṇa» – золото), коми-зыряне (коми-перм. «зарния», осет. «зӕрин» – золотой) и угры = огуры (англ. «ochre» – «золото, охра, бледный коричневато-желтый цвет»).

Возможно, свободолюбивые предки некоторых финно-угорских народностей действительно покинули Индостан вместе с предками европейцев из-за произошедших там катаклизмов:

«П.П. Чубинский утверждал: «Пермяки охотно сменяют места поселений. Некоторые пермяки сменяют места поселения по два и по три раза в продолжение жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10». О «расходчивости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве», от которой «происходили полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту», писал в «Истории России» С.М. Соловьев... Кроме того, менталитет коми крестьянина (как и севернорусского) был менталитетом лично свободного человека, не прикрепленного к земле крепостным правом» (Игорь Жеребцов, «Тысячелетие народа Коми: человек и климат», <http://www.programma.x-pdf.ru/16istoriya/554726-4-il-zherebcov-beznoova-vishnyakova-ignatova-rozhkin-fauzer-shabaev-pervobitnih-stoyanok-gorodam-ocherki-istorii-zaseleni.php> , <https://docplayer.ru/25910845-Istoricheskaya-demografiya-moskva-syktvykar-2008.html>; И.Л.Жеребцов, А.Ф.Сметанин, «Коми край: очерки о десяти веках истории», <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2016/02/komi-kraj-ocherki-o-desjati-vekah-istorii.pdf>);

«В лексике имеются индоиранские, иранские и болгарские, карело-вепсские, ханты-мансийские, ненецкие, славяно-русские заимствования. На давние традиции скотоводства у коми указывают языковые данные, ряд его терминов в коми языке относится к древнеиранским (на самом деле к индоарийским, – П.Д.) заимствованиям» (Николай Конаков, «Мифология коми» / «Коми-зыряне», <http://www.komisc.ru/illi/folk/myth/25.htm>; <https://www.booksite.ru/fulltext/finnougor/text.pdf>).

«У древних коми существовал заимствованный у иранцев термин «неббг», означающий письмо, книгу. Стипа Г. пришёл к выводу, что буквы древнепермского алфавита Стефана Пермского имеют аналогии с ирано-язычными знаками» (Станислав Максимов, «Промышленное освоение Коми края», http://maxi4.narod.ru/01_history/02.htm);

«...в языке зырян, которые живут на огромном расстоянии от Индии, присутствует слово «сар», которое на зырянском языке означает море, что соответственно ближе всего только к санскритским и пенджабским словам «saras» – «водоем, озеро» и «sar» – «озеро, пруд»; любимый же напиток зырян это сурь (Брокгауз и Эфрон), что родственно санскритскому «сура»; у Брокгауза и Эфрона упоминается, что «Зырянские поселения расположены исключительно по берегам рек». Происхождение русского слова «чаруса», «чурас», означающего небольшое но глубокое озеро, считается неизвестным, хотя скорее всего оно связано с санскритским «saras» (озеро). ...в санскрите и языке хинди слово «sura» означает хмельную жидкость, а «sura-jivin» означает винокур, или живущий виноделием; у коми-зырян домашнее пиво называется сур...» (Сергей Дарда, «Пояс мира», <http://www.beltofpeace.com/16-1.html>).

Как видим, «украинцами» (верховными, старшими) в древности называли не только индоевропейские племена и народности, но и не входящие в союзы племен или же в государства а, следовательно, и не зависимые от них, любые другие племена и народности. Украинцами назывались и тунгусские племена. В архивном деле, касающемся Нерчинской приказной избы, имеется следующая запись:

«...теленбинские оленные тунгусы украинского роду...». В этой связи весьма интересным представляется существование среди олекминских тунгусов рода Вакарай, получившего наименование Украинского. Предполагается, что начало роду Вакарай дали меркиты, вступившие в контакт с эвенками: «Поэтому интересно, что род увакасилы или вокарай в составе забайкальских эвенков Г.М. Василевич и В.А. Туголуков связывали с мекритами или меркитами. Среди тунгусов восточного побережья Байкала встречается Вакарайский род, включавший как коневодов, так и оленеводов [Туголуков, 1980. С. 162]. У эвенков можно встретить предания о борьбе с народом железных богатырей «бекри» у которых и кони были закованы в железо. Они потерпели поражение и были ассимилированы тунгусами-эвенками [Туголуков, 1985. С. 190] (Василий Ушницкий, «Исчезнувшее племя меркитов (мекритов): к вопросу их происхождения и истории», <http://tyrk.ucoz.ru/publ/>; http://tyrk.ucoz.ru/publ/ischeznuvshee_plemja_merkitov_mekritov_k_voprosu_ikh_proiskhozheni

Очевидно, вакараями (верховными) у чжурчженьских племен, как и вукрами (уграми) у паннонских славян, было воинское сословие, представители которого позже стали знатью у покоренных племен:

«В Великом Княжестве Литовском по Окольскому (Simon Okolski. Orbis Polonus. Krakow, 1642. Т.3 стр. 306-310) герб Вукры, (польск. Wukry) принадлежал роду, объединившему несколько фамилий: Mokosiej-Denisko, Mokosiej, Mokosiej-Bakowieckie, Mokosiej-Gorajskie, Mokosiej-Nowosielskie, Mokosiej-Szybińskie. Там же у Окольского описание герба и легенда, возводящая этот род к потомкам младшего сына Атиллы, насколько ей можно доверять судить не берусь. Хотя по утверждению польских историков старинный род Мокосеев-Денисков живший на Волыни упоминается в польских хрониках в 1068 году, в этом году Болеслав II Смелый пожаловал грамоту владельцу крепости Кременец «Мокосею из рода Денисков» (документального свидетельства ни в хрониках, ни летописях найти не удалось). Из литературы упоминается, что дарственная грамота хранилась до начала XVI века на Волыни в имении потомков Мокосеев-Денисовичей Береги возле Кременца» (Игорь Шибек, http://redbow.ru/gostevaya_kniga?p=1).

Задолго до прихода в Паннонию мадьяр (magyar; турец. «тағғуғ» – «гордый, высокомерный»; др.-япон. «tag-ag» – «гнутья, быть изогнутым»; мари «мугыр» – изгиб; эст. «tügar», лтш. «байгурс», укр. «бугір», «пагорок» – «бугор, холм, возвышенность») величали уграми (вукрами, пугурами, бухарами, бугаритами – «верховными, старшими»; тат. «югары» – старший) и всё её славянское население:

«...если прибавить к Славянии, как того хотят некоторые, угров, так как они не отличаются от них ни по внешнему виду, ни по языку, то пределы земли, занимаемой славянским народом, так расширятся, что почти невозможно будет ее описать» (Гельмольд, «Славянская хроника», 1125 – 1177 г.г., <http://www.jarilo.ru/narod/germany/sh1.html>).

Возможно, в Европе (и в Повести Временных Лет) черными уграми называли не бледнолицых угрозных мадьяр (белых угров), а темно-красных (подобно всем другим исконным славянам) славяноязычных болгар («бухаров – вукров»; макед. «бугари», «бугарите» – болгары), мигрировавших после распада Великой Болгарии хана Кубрата в Паннонию и в Македонию (в составе союза племен орды Кубера), а также и насельников земель салтово-маяцкой АК славяноязычных красноликих караболгар – бугуров (греч. «пугуров»):

«А посемя придоша угре бѣлии и наслѣдиша землю словѣньскую, прогнавше волохы, иже бѣша приялѣ землю словенъску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрьскаго... По сихъ бо придоша Печенизѣ; и паки идоша Угри Чернии мимо Киевѣ, послѣ же при Ользѣ» (Повесть Временных Лет, «Изборник», <http://litopys.org.ua/pvlyar/yar01.htm>).

Как видим, в отличие от своей немногочисленной тюркутской знати, большинство

болгар разговаривало не на тюркских, а на славянских языках. Варяги выманили киевских князей, назвавшись их одноплеменниками – рода угорского гостями, убили их и узурпировали власть в Киеве:

«И неким дружине своей повеле изыти на брег, сказав им дела тайная, а сам творяшеся болезнуа, и ляже в лодии. И посла ко Асколду и Диру, глаголя: Гость есмь Подугорский и иду в Греки от Олга князя и Игоря княжича, и ныне в болезни есмь, и имам много великаго и драгаго бисера и всякого узорочиа. Еще же имам и усты ко устом речи глаголати ваша к вам; да без коснения приидите к нам. Пришедшим же им скоро в мале зело дружине, и в лодию влезшим видети болнаго гостя и рече им: Аз есмь Олег князь, а се есть Рюриков Игорь княжичь. И в той час убиша Асколда и Дира...» (Я.С. Лурье, «История России в летописании и восприятии Нового Времени»,

<http://www.russiancity.ru/books/b75.htm>);

«И посла Олегъ ко Асколду и Дирови, глаголя сице, яко «гость есмь Подоугорский, идемъ въ Греки отъ Олга князя и отъ Игоря княжича, да приидете к намъ с родомъ своимъ» (Летопись, <http://www.newchron.narod.ru/texts/tip.htm>). [к осн. тексту]

П.14. 14.1 Несклонность славян к подчинению а, следовательно, и к созданию централизованных государств и империй

Так как потомственные славяне не были склонны подчиняться какой-либо власти, то подобно своим предкам северокитайским дисцам («ди») и родственным им длинноногим пеласгам (греч. «πελαργός» - аист) никогда и не стремились создавать собственные государства, проживая, как правило, за пределами государственных образований или же на внутренних землях, обладавших суверенитетом. Они занимались преимущественно подсечным земледелием и скотоводством и, поэтому, вели полукочевой образ жизни. Непривязанность к конкретной местности позволяла им предпочесть миграцию на новые земли покорности кому-нибудь. Поэтому-то, подобно пеласгам (брахицефалам Крита и Киклад - предкам носителей археологической культуры колоколовидных кубков), освоившим многие речные и горные котловины вдоль морских побережий Европы, их предки славяноарии «ди», известные в разные периоды времени как серы, сарматы, аланы, юэчжи («жун-ди» = яду = *утии, утигуры = ясы), и освоили в течение нескольких веков многие речные и горные котловины Азии до того, как прибыли из неё в Европу:

«Что «ди» не были склонны к подчинению, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно из того, что они без колебания бросали свою поработенную родину и расходились – одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития. Так они, с течением веков, добрались с одной стороны до бассейна Брампутры, Иравадди и Салуэна, с другой до Алтая и южной Сибири (и, в конце-концов, и до Европы, - П.Д.)» (Г.Е. Грумм-Гржимайло, «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?»),

<https://www.rulit.me/books/russkaya-rasovaya-teoriya-do-1917-goda-tom-2-read-63974-176.html>;

<https://unotices.com/book.php?id=73290&page=176>; <http://indbooks.in/mirror1.ru/?p=512351>).

Как бораны (поляне) – защитники (от др.-киев. «бóронь» – «оборона, защита» и санскр. «pāl» – «защищать, охранять»), так и позже черкасы и другие казаки, являвшиеся потомками воинского сословия славяноариев, считали своим долгом защищать родственных себе земледельцев. Они подобно пеласгам аркадийцам – защитникам (от др.-греч. «ἀρκέω / ἄρκεσις / ἀρκή» – защита и ἀρκτήρ – защитник) нанимались на военную службу в государства, в которых проживали славянизированные земледельцы, а наиболее пассионарные из них входили в элиты многих государств. Большинство же из них проживали со своими семьями у края этих государств на многочисленных свободных землях – в слободах-украинах, в «канах» (греч. «κανός» – пустой и, в том числе, и в смысле «слободный» – «свободный от авторитарной власти») и никому не позволяли захватывать и колонизировать эти земли.

Этнически родственные друг другу воинственные поселенцы всех этих оукраин, находившихся за пределами централизованных государств а, следовательно, вовсе и не являвшихся окраинами последних, консолидировали постепенно в единый народ и близких к себе по языку и культуре «гречкосеев» русинов и фактически сформировали «первобытную» республику Украину, показав все ее население:

«Число оных Козаков никто исчислить не мог, да и сами подлинного числа знать не могли, но только и знали, что сколько их конных, столько и пеших к делу быть должно, ибо сколько в околичных местах людей находиться будет, столько и Козаков у себя считали. К собранию ж сил их только бы повестку сделать, чтоб в полки собирались, то тотчас, сколько потребно, воинство собиралось; не было нужды с трудностью собирать, так, как в иных войсках бывает, и не имелось надобности великого найму обещать; лишь бы только старший слово сказал, тотчас войска, как травы, будет. Как в одно время на вопрос турецкому султану, когда желал ведать количество сил их, отвечали, что «у нас, де, людей, что лоза, то козак, а где крак или байрак, то по сту и по двести Козаков тамо, и все те на войне храбры», и притом приписали, что «козаки богатство вельми мают, хитрость и храбрость довольно знают»...» (Александр Ригельман, «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще», <http://litopys.org.ua/rigel/rig03.htm>);

«Нет ничего более сообразного со славянским характером, чем положение Украины или Малороссии со времен Киевского периода до Петра I. Это была казачья и земледельческая республика с военным устройством, на основах демократических и коммунистических. Республика без централизации, без сильного правительства, управляемая обычаями, не подчинявшаяся ни московскому царю, ни королю польскому. В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности, от десятника до гетмана, были выборными. Заметьте, республика эта просуществовала с XIII века до XVIII, беспрестанно обороняясь от великороссов, поляков, литовцев, турок и крымских татар» (Александр Герцен, «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону, письмо первое, 1858», т. XII, 1957, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/russie-vieux-monde/russie-vieux-monde-staryj-mir-i-rossiya.htm>).

Некоторые же завистливые русскоязычные россияне так до сих пор и не прекращают

своих попыток отождествить Украину с российской окраиной, тем самым, продолжая переосмысливать и извращать лексику своего языка.

14.2 Украинцы – бережане

Не исключено и то, что украинцами ранее назывались и прибрежные земли (земли у края воды). Ведь славяне, как и многие другие индоевропейцы, предпочитали селиться вблизи рек и морей. Польское «brzeg», укр. «беріг» – «берег, край». Аналогично и англ. «marge» – «берег, край». Синонимом слова «берег» слово «край» является и в русском языке (см. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/8329/бeрeг).

Большинство славяноязычных племён, относимых обобщенно к полянам, конечно же, тоже были бережанами. Их поселения не занимали большой территории, так как они обитали лишь вдоль берегов Днепра и его притоков. На церковнославянском и старославянском языках слово «поль» означает «сторона, берег»:

«Он пол» – «противоположный берег» («Краткий церковнославянский словарь», <https://slovar.cc/rel/cerkov/2320831.html>; «Словарь архаизмов русского языка», https://archaisms.academic.ru/2396/он_пол);

«...загадка «полян», упоминаемых за пределами этого панегирика, как можно охарактеризовать «легенду о полянах», помещенную в недатированной части ПВЛ, в собственно летописце сводится к тому, что ими «обладает» Олег (ст. 6393/885г.), их теперь называют «русью» (ст. 6406/898 г.), и хотя они называются «полянами», но говорят на словенском языке (там же), их взял с собой Олег под стены Константинополя (ст. 6415/907 г.), их берет в поход Игорь (ст. 6452/944 г.), после чего они навсегда исчезают со страниц ПВЛ... (вместо них упоминаются позже конкретные названия славяноязычных аланских, караболгарских, карахазарских, хорезмийских и гузских племён, – П.Д.)... Подтверждение их чужеродности славянскому миру (точнее славянизировавшимся днепровским балтам, – П.Д.) проявилась лишь однажды в пояснении «краеведа», что «аще и поляне звахуся, но словенская речь бе; полянми же прозвашася, занеже в поле седяху, а языкъ словенскыи бе имь единъ» [Ип., 20]. Всё это заставляет предположить, что истинное происхождение киевлян для автора первой половины XII в. оставалось неизвестным, и этот пробел в истории был им восполнен путем адаптации текстов, способных ввести киевлян (потомков готов-грейтунгов?), во-первых, в семью славянских народов через «полян-ляхов», и, во-вторых, подвести их к главному событию их действительной истории – превращению «словен» (потомков славяноязычных грейтунгов / грутуннов = хорутан, черноморских готов-тетракситов = хросов, донских аланов-торков = ясов и хорасмиев = хурусов, – П.Д.) в «русь» («а словенскъ языкъ и рускыи один: отъ варягъ бо прозвашася русью, а первее беша словене» [Ип., 20])» (Андрей Никитин, «Основания русской истории // «Повесть временных лет» как исторический источник», <http://library.narod.ru/saga/osnova205.htm>).

Точно так же, как и во всех индоевропейских языках потомков горцев, в славянских

языках слову «поля», означающему находящиеся за пределом чего-либо краевые внешние участки, соответствует слово «пол», означающее берег и любое другое возвышенное место или же высокий объект (полка; хетт. «paku-» – высокий; укр. «паркан» – забор; укр. «пiл» – «полати, спальная лавка»; болг. «плевник», лит. «palèrè» – «верхний этаж, чердак»; польск. «płafar» – потолок; русск. «половодье», нем. «hochwasser» – «высокая вода»; перс. «bāla» – верх; ирл. «bag» – «верхний, вершина»). И лишь только в русском языке слово «пол» (укр. «пiдлога») означает вовсе не возвышенное а, наоборот, самое низкое место в комнате. Это весьма красноречиво указывает на то, что те, кто себя называет русскими, конечно же, не являются потомственными индоевропейцами.

Литовское слово «rakrantė» означает берег, побережье. Возможно, и слово «оукраина», как и слово «бережина», тоже может рассматриваться синонимом слова «берег». В самых ранних летописях украинцами называли земли Приднепровья. Противопоставлялись друг другу Киевская оукраина (бережина) и Переяславская оукраина (бережина), то есть правобережье и левобережье Днепра. Ипатьевская летопись (1213) о левобережьи Западного Буга:

«Данило ... с братом забрал Берестий, и Угровск, и Верещин, и Столпье, и Комов, и всю оукраину».

Аналогично от германского «marge» – берег произошло и название немецких земель «mark». Брежанами / бережанами были фрисы / фризы, прусы и бриги / фригийцы:

«На сегодняшний день нет окончательной теории о происхождении племенного имени Bryges. В 1844 году Герман Мюллер предположил, что название может быть связано с тем же индоевропейским корнем, что и в немецком «berg» (горы) и славянских языках «берег» (холма, склоны, горы), т. е. фактически индоевропейское *b^herǵ^h. В таком случае, племенное имя «Bryges» имело бы сходство с западноевропейскими племенными названиями, таких как кельтские бриганты и германские бургунды, и семантически мотивировалось бы некоторыми аспектами значения слова высокий, возвышенный, благородный, знаменитый» (см.: «Бриги» (греч. «Βρύγοι» или «Βρίγες»), <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бриги>). [к осн. тексту]

П.15. 15.1 Праиндоевропейцы и опекаемые ими инородцы

Использование индокитайской пятитонной гаммы в великорусских народных песнях, а также и близость финно-угорских языков к тунгусо-маньчжурским языкам позволяют предположить, что вместе с мигрировавшими из Индии предками прабалто-славян проникли в Северный Китай из Северо-восточной Индии, Южного Китая и Индокитая предки не только тунгусо-маньчжуров, но и финно-угров:

«Мяо-яо, так же как и родственные им ицзу, являются потомками древнего народа который китайские источники обозначали как мань-и, или «южные варвары». Наряду с юэ, мань-и составляли самую заметную группу населения Южного Китая в I тысячелетии до Р. Х. При этом, жителей Чу китайские авторы тоже относили к мань-и, полагая их родственными народами. Да и сами чуссы именовали себя мань-и (как, например У-ван, правитель Чу: «я принадлежу к варварам мань и и») (Сыма Цянь 1987: 184)... Мань-и создали

еще ряд государств, располагавшихся в целом западнее Чу. Из них наибольший интерес представляют собой царства Ба и Шу, и возникшее позже на их основе Дянь. Население этих царств, очевидно, также включало индоевропейский компонент (см. Итс 1976: 10)...» (Алексей Романчук, «Предания клана Шоу Дао и происхождение даосизма (II)», http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Romanchuk_Daoizam.pdf; <http://forum.bolesmir.ru/viewtopic.php?f=14&t=213>).

Воинское сословие прабалто-славян могло удовлетворять все свои потребности лишь за счет ограбления враждебных племен или же за счет обложения умеренной данью низших сословий. Но и племена инородцев, не способных самим себя защитить от врагов, тоже предпочитали уплачивать дань и, конечно же, были вынуждены мигрировать вместе с защищающими и опекающими их племенами прабалто-славян. Поэтому-то вполне возможно, что и предки тунгусо-маньчжуров и смуглых финно-угров (венгров, вогулов – хантов и манси, черемисов – марийцев, зырян и др.) опекались предками славяноариев (краснокожих дисцев) уже в глубокой древности (аналогично отсталым неарийским индийским народностям, относимым к шудрам и опекавшимся высшими варнами индоариев).

Тем самым, вскрываются и глубокие исторические корни, как призвания варягов новгородскими словенами, так и наличия холопского менталитета у ранее финно-угроязычного и тюркоязычного, а ныне русскоязычного населения, обладающего алтайскими мужскими генетическими Y-гаплогруппами R1a1 и N1c:

«...мордва – 39,1% **R1a**, марийцы – 47,7% R1a... Тюркские народы – южные алтайцы 53,1% **R1a1**, северные алтайцы – 38%... кыргызы – 63,5%, татары – 34,1%... с максимальной частотой гаплогруппа N1c встречается у тюркоязычных якутов (86%) и монголоязычных бурятов из Монголии (52%)» (Рахметолла Байтасов, «Тагарская культура: древние тюрки», <http://www.mesoeurasia.org/archives/10555>; «Происхождение тюрков по данным генетики, лингвистики и палеоантропологии», http://www.academia.edu/2920002/O_происхождении_тюрков_по_данным_генетики_лингвистики_и_палеоантропологии);

«...русские дальше от «братьев»-славян и близки к соседям – эстонцам, финнам, марийцам, коми... Да и казанские татары с чувашами – тоже суть финно-угры в основе своей. А пришлые... Много ли их пришло? Теории о многотысячных переселениях народов не более чем сказки. Да, приходили из Руси князья, при них были дружины – когда 100 мечей, когда, максимум, тысяча-две. Это если брать малонаселенную Восточно-Европейскую равнину. Другое дело, что они захватывали власть, навязывали новый язык, веру, деньги, потом и общее название захваченной территории...» (Директор Института общей генетики РАН Николай Яновский, цит. по: «Мнение РАН. Русские и татары = финно-угры», http://merjamaa.ru/news/mnenie_ran_russkie_i_tatary_finno_ugry/2011-06-07-264);

«Генетическое исследование уральских популяций, относящихся к финно-угорским этническим группам, позволило увидеть то, что можно было предполагать, – наличие

значительной доли Y-хромосом, несущих Ц-аллель (20 – 50 процентов всех Y-хромосом). Но, пожалуй, наиболее неожиданный факт состоял в том, что доля этой хромосомы у якутов оказалась необычно высока – около 80 процентов! Это означало, что где-то в основании всей ветви исследованных финно-угорских народов (коми, мари, мордва, удмурты, часть чувашей), а также якутов и бурят был один человек, внёсший значительный генетический вклад в современный генетический фонд этих народов. Этот необычный на первый взгляд вывод подтверждается и анализом микросателлитных маркёров Y-хромосом, содержащих Ц-аллель... Ещё один сюрприз принесло исследование Y-хромосом русских. Мы обнаружили Y-хромосому с Ц-аллелем у 17 процентов мужчин, считающих себя этническими русскими и имеющими типично русские фамилии. Эта доля лишь немногим меньше, чем у проживающих на территории России мари, мордвы, коми, удмуртов и чувашей, и их наборы микросателлитных маркёров оказались также похожими. Примерно 15 миллионов русских, каждый шестой мужчина, являются прямыми потомками по отцовской линии одного человека» (Олег Евграфов, «Прародитель» полутора миллионов русских жил 2,5 тысячи лет назад. Кто он был?», http://wsyakawasyachina.narod.ru/biology/ancient_russian.html);

Ещё большим сюрпризом является и обнаружение гаплогруппы **N1c1** у большинства потомков гедиминовичей и московских рюриковичей:

«Рюриковичи **N1c1** принадлежат к особому субкладу этой гаплогруппы – **N1c1d1**, определяемому наличием SNP-маркёра **L550 (N-L550)**. В свою очередь этот субклад разбивается на две ветви, названные нами скандинавской и южно-балтийской. Представители первой ветви в основном проживают на территории Норвегии, Швеции и Финляндии. Представители второй в Латвии, Литве, Северной Польше и Беларуси. Разделение этих ветвей произошло где-то в районе Смоленска около 3500 лет назад в процессе миграции с территории Поволжья. На территории России и Финляндии проживают представители различных субкладов и ветвей гаплогруппы **N1c1**, но гаплотипы всех протестированных потомков Рюриковичей **N1c1** относятся к т.н. «скандинавской» ветви... Все протестированные Рюриковичи **N1c1**, за исключением Мышецкого, являются явными генетическими родственниками, на это указывает незначительное количество мутаций между гаплотипами и определенные значения маркеров. Всех Рюриковичей **N1c1**, за исключением Мышецкого, объединяет значение маркера **DYF395S1 = 15 18**. У большинства представителей гаплогруппы **N1c1** имеется другое значение **DYF395S1 = 15 17**. С нашей точки зрения, важным является значение маркера **DYS449**, у Гагариных, Хилкова, Ржевского **DYS449 = 29**, у Путятин **DYS449 = 30**, у Шаховского, Кропоткина, Пузыны и Массальского **DYS449 = 28**, у Вадбольского и Лобанова-Ростовского **DYS449 = 27**. Предковое значение **DYS449**, характерное для близких и более удаленных к гаплотипам Рюриковичей **N1c1** гаплотипов, прежде всего скандинавских и британских равно **28**... Наиболее выверенная родословная, вызывающая доверие у многих исследователей, присутствует у Гагариных, Кропоткиных, Вадбольских, Шаховских, Лобановых-Ростовских, Ржевских, Мосальских. Официальный статус эти родословные получили еще в 1555 г. в Государевом Родословце. Данные из Государева Родословца были представлены в Бархатной книге («Родословная книга князей и дворян российских и выезжих»). Родословные Пузын, Мышецких, а также

Путятиных в Бархатной книге не представлены. Согласно официальной родословной общим предком Гагариных, Хилковых, Лобановых-Ростовских, Ржевских, Шаховских, Кропоткиных и Путятиных является Владимир II Мономах (1053 – 1125), общим предком Гагариных, Хилковых и Лобановых-Ростовских – Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо (1154 – 1212), общим предком Ржевских, Шаховских, Кропоткиных и Путятиных – Мстислав I, великий князь Киевский (1075 – 1132), общим предком Ржевских и Шаховских – Давыд Ростиславич (1140 – 1197), кн. Смоленский...» (Владимир Волков, «Все ли рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований», <http://haplogroup.narod.ru/rurik.html>).

Сословная структура общества у горцев праиндоевропейцев и опекание ими менее воинственных племен равнин имели место уже в глубокой древности. Пеласги, тевкры и ахейцы, имевшие подобную варновой и кастовой структуру общества, очевидно, были одними из первых арийских (горских) народностей, мигрировавших из Индии в Иран и далее в Европу:

«Иранские, в особенности скифские, переселения могут служить хорошим примером дальних миграций индоевропейцев на запад по восточному пути. Именно такой путь предполагается для более раннего времени для западных индоевропейских языков – кельто-италийских, иллирийских, германских, балто-славянских. Все эти языки обнаруживают ряд изоглосс (лексических сходжений, – П.Д.), общих с тохарским, что весьма трудно объяснить без допущения совместных миграций этих языков с тохарским. Тохары (и сарматы балто-славяне, – П.Д.) из Центральной Азии направляются на Восток (первые китайские заимствования из тохарского датируются 3 в. до н.э.). Остальные западные языки направляются через Центральную Азию в западном направлении в Европу. Этим объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими (*mog-k- – конь в германском и кельтском). При таком допущении понятны и многочисленные индо-иранско-кельто-италийские изоглоссы...» (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, «Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка», <http://www.philology.ru/linguistics3/gamkrelidze-ivanov-72a.htm>);

«Древние афиняне, считавшие себя местными жителями (вернее, потомками пеласгов), как пишет Аристотель, разделялись на четыре касты (жрецы, воины, ремесленники, земледельцы), по числу времен года. Каждая из них, в свою очередь, подразделялась еще на три ветки, чтобы в целом составить двенадцать, по числу месяцев в году, и эти группы назывались, соответственно, триттиями и фратриями. Так мистико-религиозные соображения накладывались на эллинскую иерархию, имевшую три функциональных класса (наследие трех сыновей Эллина – Дора, Ксута и Эола)... Лишь после XII века дорийцы, завоеватели Западной Греции, большей части Пелопоннеса и нескольких островов, наряду со своим диалектом навязуют покоренным землям и социальное разделение на три класса. А до тех пор, помимо деления по признакам пола и возраста, существовало от двенадцати до четырнадцати социальных групп, в зависимости от региона

(и это, разумеется, не считая деклассированных элементов)...» (Поль Фор, «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», <https://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-grecii-vo-vremena-troyanskoj-vojny-read-206795-20.html>, http://www.uhlib.ru/istorija/povsednevnyaja_zhizn_grecii_vo_vremena_trojanskoj_vojny/p2.php, http://www.e-reading-lib.org/djvureader.php/141024/57/For_-_Povsednevnyaya_zhizn%27_Grecii_vo_vremena_Troyanskoi_vojny.html).

15.2 Древние цяны эпохи Шан-Инь – возможные предки как тунгусо-маньчжурских и некоторых финно-угорских племён, так и малых юэчжи

Известно, что дисцы использовали в качестве добровольных рабов преимущественно горцев цянов (кянов; кит. «кǎп» – «горный хребет»), которые к тибетоязычным западным цянам поздних китайских хроник никакого отношения, очевидно, не имели и, поэтому-то, вполне могли быть предками как тунгусо-маньчжурских, так и некоторых финно-угорских племён:

«Д.Е. Куликов, который считает древних цянов эпохи Шан-Инь и западных цянов двумя разными этносами, понимает под западными цянами времен династии Хань (II в. до н.э. – II в. н.э.) «многочисленные ветви кочевых тибетцев», происходивших от смешения в V в. до н.э. местных цинхайских племен и мигрантов из Северо-Западного Китая [Д.Е. Куликов, «К вопросу об истории древних цянов», 2001, с. 50]. Были ли западные цяны тибетцами-кочевниками, это еще большой вопрос, хотя именно китайская традиция увязывает и происхождение тибетцев, и заселение Тибетского нагорья с уходом части западных цянов на Тибетское плато... Как полагает Даньчжу Аньбэнь, Тибет был заселен уже 50 тыс. лет назад и цяны, часть которых в V в. пришла на территорию Тибетского нагорья, никак не могли быть предками тибетцев. Он идет дальше, и, по его заключению, не тибетцы произошли от цянов, а цяны произошли от тибетцев. Хотя древние насельники Тибетского плато могли и покинуть его, все-таки в свете современных знаний происхождение цянов от предков тибетцев представляется маловероятным. Население Тибета возникло автохтонно, но никто не отрицает принадлежность тибетского языка к тибето-бирманской группе, входящей в более обширную семью языков синетических» (Е.И. Кычанов, Б.Н. Мельниченко, «История Тибета с древнейших времен до наших дней», <http://lib.druzya.org/history/ost/tibet/.view-kychanov-tibet.txt.full.html>).

На возможность этого указывает и наличие не только нивхского, но и финно-угорского субстратов в тохарских языках населения Северо-Западного Китая при большей близости самих этих языков именно к балто-славянским и германским языкам, а не к индо-иранским:

«Первоначально тохарские языки были отнесены к языкам *centum* и поставлены рядом с западными индоевропейскими. Ныне в них открыто больше признаков группы *satem*, чем группы *centum*... По своему положению в распаде индоевропейской общности, определяемому грамматическими и лексическими изоглоссами (van Windekens 1976; Adams 1984), тохары близки к балто-славянским и германским языкам (Иванов 1958; Георгиев

1958а; Порциг 1964)... Георгиев даже объединяет их с балто-славянско-германской подгруппой в одну северную (в прошлом севернокитайскую, – П.Д.) группу индоевропейских языков (Георгиев 1958б: 277 – 282)... Проиллюстрировать всё это можно совпадениями в основной лексике: тохарские (привожу без различия А и В): тасаг «мать» (ср. «матери»), ргасаг «брат» (эти лексемы близки также к латинским и греческим), wu «два», tri «три», štwer «четыре» (ср. «четверо»), pāñ «пять» (др.-киев. «пять»), parve «первый», mīsa «мясо», lap «голова» (ср. «лоб»), ak «глаз» (ср. «око»), walke «долгий» (ср. «велик»), śana «жена», reki «речь», spām «спать», smī «улыбаться» (ср. «смеяться») и др. С литовским и индийским схоже тохарское tano «зерно» (в литовском, хеттском и древнеиндийском «дуона, данаш, дхана-» означает хлеб). С германскими (и частично латинскими) схожи тохарские расer «отец» (лат. pater, нем. vater), okt «восемь» (лат. okto, нем. acht), kam «зуб» (нем. kamm «гребень»), kñuk «шея» (др.-герм. knock, англ. neck, нем. neck) и др. С греческими схожи kukāle «колесо» (греч. κύκλος), rog «огонь» (греч. πυρ) и др... Еще более вероятно такое предположение относительно современных открытий в Синьцзяне (чемурчекская культура), где обнаружены поразительные аналогии мегалитическим западноевропейским культурам энеолита (Ковалев 2005)» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-9-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoeuropeyskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf);

«О достаточно древних параллелях к таким фольклорным (по истокам) построениям в славянских традициях говорит тохарский Б поэтический текст Джатакамалы 352а 2–3202, где в 2 строках соединяются 4 подобные уменьшительные формы: «kokalyiśkam yākwaskam» – «повозочки (и) лошадки», «śāsūśkam pñaiyyiśkam» – «сынков ноженьки» (все 4 формы образованы от слов индоевропейского происхождения и могли бы быть древними, хотя это не обязательно; подчеркнутые мной уменьшительные тохарские суффиксы типологически, а возможно и генетически, сходны со славянскими». Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что тохарский язык в ИЕ семье наиболее близок славянским и балтийским, а скорее всего, если говорить прямо, он имеет общие с ними корни» (Константин Пензев, «Арийская теорема / Занимательная лингвистика», http://www.uhlib.ru/istorija/ariiskaja_teorema/p6.php).

Не исключено, конечно же, и то, что субстратами пратохарских наречий являлись не только предки финно-угров и тунгусо-маньчжур, но и предки тибетцев и нивхов:

«В 2000 г. вышла книга «Историческая фонетика тохарских языков» (Бурлак 2000). В ней по сохранившимся словам обоих языков реконструируется предковый для них прототохарский, а уж он сопоставляется с праиндоевропейским. Из сопоставления его с праиндоевропейским выясняется, что выделение прототохарского из праиндоевропейского сопровождалось рядом существенных преобразований (Бурлак 2000: 180 – 181). Вся система согласных перестроена, ларингальные и гуттуральные различия исчезли, в большинство сочетаний согласных вставлены разделительные гласные (действие закона открытых слогов, как и в праславянском языке, – П.Д.) и т.д. Это приводит к выводу об огромной роли

субстрата, более того – к идее, что прототохарский язык – это пришлый индоевропейский язык, усвоенный местным неиндоевропейским населением, говорившим на языке, не имевшем ни скоплений согласных, ни разнообразия гуттуральных и ларингальных. Анализ прототохарской фонетики не позволил автору сближать этот субстрат с угорским языком. Неясно, где проходило усвоение индоевропейского языка иным населением – уже в местах обнаружения тохарских языков или где-то поближе к праиндоевропейскому. Возможно, есть надежда идентифицировать субстрат по неиндоевропейскому местоимению первого лица в тох. А nāṣ (м. р.) и ṅuk (ж. р.), тох. В ṅaś (м. р.) и ṅís (ж. р.). По любезной подсказке В. Кулешова, единственный территориально близкий язык, в котором есть похожее местоимение, это нивхский – с местоим. перв. лица nuí. В нивхском также есть термин для колеса kukuš, который можно связать с тохарским kukāle «колесо» (ср. греч. куκλος). Судя по топонимике, нивхи в прошлом населяли большую территорию на Дальнем Востоке – Приамурье и Сахалин и вполне могли быть тем этносом, который послужил субстратом для тохарского. Но какое-то внедрение пришлых индоевропейских групп необходимо предположить и обнаружить в области, где происходил переход от субстратного языка к индоевропейскому... Культурные и религиозные термины, заимствованные из тохарских (псевдотохарских, – П.Д.) языков в общетюркском и китайском и относящиеся к домостроению, колесничному делу и хозяйству, выдают влияние тохарского языка на Востоке. По мысли Ковалева, скорее всего, тохары – это юэджи (возможно, псевдотохары – лишь малые юэджи, так как большие юэджи – тохары = тугуры = бугуры – пагериты были предками славяноязычных тёмно-краснокожих аланов-торков, караболгар = утигуров, карахазар = черкасов = касогов = казаков, – П.Д.)...» (Лев Клейн, «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», <http://www.libed.ru/knigi-nauka/799709-9-1-kleyn-drevnie-migracii-proishozhdenie-indoevropeskih-narodov-sankt-peterburg-2007-oglavlenie-predislovie-vv.php>; http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf).

Очевидно, носителями индоевропейского суперстрата не только в континентальном прапюнкском (прапуёском), но и пратохарских языках малых юэджи являлись именно праславяноязычные дисцы и жуны, так как ни в прабалтских, ни протогерманских наречиях закон открытых слогов в те времена не действовал:

«Б.В. Горнунг ...решительно отрицает возможность отнесения «протославянских» диалектов к «северо-западной» зоне индоевропейских диалектов вместе с «протобалтийскими» и «протогерманскими», которые, по мнению Б.В. Горнунга, искони входили в эту «зону». «Протославянские» же диалекты исконно связаны с индоевропейской «юго-восточной зоной» (т.е. языковыми предками греков, армян, индоиранцев, тохар и так называемых «анатолийцев»). Б.В. Горнунг категорически отрицает не только гипотезу об исконном «балто-славянском» единстве, но даже исконность «балтийской» группы, так как считает, что языковые предки пруссов (являвшихся, в отличие от тёмно-краснокожих античных германцев, светло-краснокожими подобно балтоязычным склавинам и антам, – П.Д.), ятвягов и голяди входили в состав «праславянского» единства на наиболее раннем его этапе... Если прямые связи между древними германцами (точнее, протогерманцами, – П.Д.) и балтийцами оказываются несомненными, то, «судя по данным языка, непосредственный

контакт (предков современных, – П.Д.) германцев со славянами (славяноязычными античными германцами, – П.Д.) был установлен очень поздно, может быть, не раньше начала нашего летоисчисления... Первые достоверные лексические заимствования в общеславянском языке из германского датируются первыми веками н.э. Славяно-восточно-германские контакты начинаются в Привисленье, куда продвинулись славянские племена (*славы / свавы / свебы, сербы = зеруяне / червяне = тервинги, хорутане = грутунны / гревтунги и др., – П.Д.). Предполагается также относительно кратковременное готское воздействие в среднем Поднепровье и Поднестровье. Западно-балтийские племена в отличие от славян (точнее славянизировавшихся днепровских балтов и финнов, – П.Д.), издревле соприкасались с (античными славяноязычными, – П.Д.) германцами в низовьях Вислы и других районах южно-блтийского побережья... Если основываться только на топонимических данных, то получится, что для славян вообще нигде не найдется места, поскольку нет областей с несомненной сплошной славянской гидронимией (как это уже давно отмечалось разными исследователями)» (Федот Филин, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектический очерк», <http://army.lv/ru/Iz-knigi-F.P.-Filina-Proishozhdenie-russkogo-ukrainskogo-i-beloruskogo-yazikov.../488/189>). [к осн. тексту]

П.16. Перечень иллюстраций

1. Казак запорожский, картина подписана 1690 г. (836)
2. Сергей Васильковский (1854 – 1917). «Тип запорожца», «Пушкарь времен гетмана Мазепы» (836)
3. Иконописец Андрей Рублев (837)
4. Преподобный Сергей Радонежский (837)
5. Симеон Полоцкий (838)
6. Святитель Макарий, митрополит Московский (1523 – 1526) (838)
7. «Рельеф «Штурм крепости» из раскопок холма Аладжа-Хююк. XIII в. до н.э. «Музей Анатолийских цивилизаций», Анкара» (1370)
8. Длиннокосые хетские воины (1371)
9. Лицевые урны (1623, 1624)
10. Расселение племён в Сердинной Азии около VII в. до н.э. (1668)
11. Государство Шан-Инь (1674)
12. Карта 8. Племена ди в VII – VI вв. до н.э. (1676)
13. Распространение жунских племён (серов) (1678)
14. Махабхарата – героический индийский эпос (1728)
15. Битва темно-краснокожих Кауравов и Пандавов на поле Курукшетра. Иллюстрация к рукописи Магабхараты XVIII(?) века (1729)
16. Воины персидской родовой гвардии (VI век до н.э.), цветные изразцы из г. Сузы (1729)
17. Темно-краснокожая роксолана [сарматка] (Михаил Большаков, «Следы предков») (1730)
18. Китайское посольство Чжан Цяня к юэцжи в 126 году до н.э., пещеры Могао, настенная роспись (1730)
19. Битва египтян с хеттами при Кадеше в 1274 году до н.э., папирус (1731)

20. «Боксеры» и «Рыболов», Кнос (Крит), фрески (раскопки Акротири) (1731)
21. Гробница Жоглеров, Тарквиния (Этрурия) (1732)
22. Корабль минойской эпохи, фреска (1732)
23. Колесничий и воин в шлемах из кабаньих клыков (XIII в. до н.э.), реконструкция фрески из Пилоса (1733)
24. Греческий воин (IV в. до н.э.), фреска (1733)
25. Фрески из «Гробницы ныряльщика» (480–470 гг. до н. э.), Пестум, Италия (1734)
26. Реконструкции внешности готов (1734)
27. Темно-краснокожая аланка [роксолана] (Михаил Большаков, «Следы предков» (1750)
28. Знатный вандал на мозаике конца V века. Британский музей (1751)
29. Фракийская женщина убивает варяга. Миниатюра из хроники Иоанна Скилицы. XII – XIII века (1752)
30. География гаплогруппы **R-M458** Y-хромосомы в Европе (1771)
31. География гаплогруппы **R-M558** Y-хромосомы в Европе (1773)
32. Генетическое родство украинок с жительницами соседних с Украиной регионов Европы по частотам гаплогрупп мтДНК (1774)
33. Меровинг Хлодвиг I, король франков (481/482 – 511) (1781)
34. Меровинг Дагоберт I, король франков (629 – 639) (1782)
35. Карл Великий, император Запада (800 – 814) (1782)
36. Жан-Луи Безар – Лотарь I, король Срединного королевства (843 – 855) (1783)
37. Основатель английской королевской династии Плантагенетов Генрих I (1786)
38. Эдуард Первый Длинноногий. Король Англии (1787)
39. «Королевская Семья» Великобритании (1787)
40. «Меган Маркл и принц Гарри» (1788)
41. «Мария София Фредерика Дагмар российская императрица» (1788–1789)
42. «Императрица Екатерина II Алексеевна (Великая)» (1789)
43. «Ретроспектива: свадьба кронпринцессы Мэри и датского кронпринца Фредерика» (1790)
44. «Александра Люксембургская, принцесса Люксембурга» (1790)
45. Длинноногая дочь поэта Байрона графиня Ада Лавлейс (1791)
46. Королева Адельгейда и король Оттон I Великий, король Германии (936 – 973), император Священной Римской империи (962 – 973) (1791)
47. Оттон I в «Хронике саксов и Тюрингов» (ок. 1530/1535), Веймар, изображение работы Лукаса Кранаха Старшего (1792)
48. Славяне, германцы, галлы и римляне, приносящие дары Оттону III (из Евангелия дат. 990 г.) (1827)
49. Князь Владимир Святославич (1830)
50. Князь Владимир Святой – Красное Солнышко. Икона XV в. (1830)
51. Князь Ярослав Мудрый (1831)
52. «Подборка фотографий знаменитых Таримских мумий из Синьцзяно-Уйгурского района Китая» (1929)
53. Поверженный вождь варваров, напольная мозаика VI века в Большом (Святом) дворце в Константинополе (2011)

54. Реконструкции внешности готов (2012)
55. «Вестготские короли», картина испанского художника Алонсо Кано, XVII век (2012)
56. Король-вестгот Аларик, разграбивший Рим в 410 году (2012)
57. 476 год. Одоакр низвергает Ромула Августула (2013)
58. Теодорих Великий – король остготов, из рода Амалов (2013)
59. Черноволосый готский воин со свебской (древнекитайской) прической (2014)
60. История и традиции прически в Китае (2014)
61. Ультрасовременно и спортивно выглядит обычный «лошадиный хвост» (2015)